

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ СXXXVII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СXXXVII.

1914

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Зртелевъ, 13
1914

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

ЮЛЬ 1914 г.

	СТРАН.
I. На родной почвѣ. (Романъ). Часть вторая. I—VI. (Продолженіе). М. Г. Веселковой-Гильштетъ	5
II. Записки графа И. П. Игнатъева . (Окончаніе).	54
III. На кумысѣ. (Очеркъ). И. И. Соколова	94
IV. Русскій народный гимнъ. Барона К. К. Штакельберга	115
V. Ужасы города. (Изъ повседневныхъ исторій). (Продолженіе). В. В. Уманова-Каплуновскаго	132
VI. Оживающіе идеалы и типы. (Памяти В. Г. Авсѣенка). А. И. Фаресова	145
Иллюстрація: Василій Григорьевичъ Авсѣенко .	
VII. 200-лѣтіе Гангутской побѣды. А. И. Лебедева	170
Иллюстраціи: 1) Планъ сраженія при Ганге-Уддѣ.—2) Экспликація плана сраженія.—3) Типы современныхъ судовъ.	
VIII. «Король рюмъ». (Д. Д. Минаевъ и его литературная дѣятельность). I—IV. Н. А. Державина	182
Иллюстраціи: 1) Дмитрій Дмитриевичъ Минаевъ .—2) Минаевская улица въ Симбарскѣ.	
IX. Домъ науки имени П. И. Макушина въ Томскѣ. К. С.	217
Иллюстраціи: 1) «Домъ науки» имени П. И. Макушина въ Томскѣ.—2) Петръ Ивановичъ Макушинъ .	
X. Ек. Ив. Зарина-Новикова. Ф. Н.	225
Иллюстрація: Е. И. Зарина-Новикова .	
XI. Ревнитель просвѣщенія. (Памяти П. Г. Шелапутина). Князя Б. А. Щетинина	230
Иллюстрація: П. Г. Шелапутинъ .	
XII. Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы). XXXVI—XXXIX. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго	233
Иллюстрація: Группа участниковъ корейской экспедиціи.	
XIII. По Швеціи и Норвегіи. (Примѣрный маршрутъ). С. Арсенъева	272
Иллюстраціи: 1) Шхеры.—2) Стокгольмская пристань.—3) Видъ Стокгольма.—4) Водопадъ Тролльгетта.—5) Водопадъ Тролльгетта.—6) Корабль викинговъ.—7) Озеро между Dalen и Odda.—8) Въ окрестностяхъ Стокгольма.	
XIV. Изъ записной книжки историка. (Восточная война 1853—1856 г.г. и книга о ней А. М. Заюнчковскаго). Е. С. Шуми-горскаго	296
XV. Новости археологіи. А. А. Миронова	304

XVI. Критика и библиографія. 314

- 1) Mémoires du roi Stanislas Auguste Poniatowsky. (Воспоминанія короля Станислава-Августа Понятовскаго). Т. I. Спб. 1914. п. Майнова.—
- 2) Графъ Павелъ Шереметевъ. Владимиръ Петровичъ Шереметевъ. 1668—1737. Съ 18 фототипіями, 5 цинкографіями и двумя родословными таблицами. Москва. Б. Модзалевскаго.—
- 3) Академикъ Е. Е. Голубинскій. О реформѣ въ бытѣ русской церкви. Сборникъ статей. М. 1913. с.—
- 4) Г. А. Скворцовъ. Патриархъ Адрианъ. Его жизнь и труды въ связи съ состояніемъ русской церкви въ последнее десятилѣтіе XVII вѣка. Казань. 1913. н. Г. Высоцкаго.—
- 5) В. Н. Вочкаревъ. Московское государство XV—XVII вѣковъ. По сказаніямъ современниковъ-иностранцевъ. Спб. 1914. м.—
- 6) Адольфъ Михаэлисъ. Художественно-археологическія открытія за сто лѣтъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей профессора Вл. К. Мальмберга. Москва. 1913. л. л.—
- 7) В. Герьс. Западное монашество и папство. Москва. 1913. п. б.—
- 8) Леонидъ Семеновъ. Лермонтовъ и Левъ Толстой. Къ столѣтію со дня рожденія Лермонтова. Москва. 1914. в. кн.—
- 9) В. Рошинъ. То, чего не было. Романъ. Москва. 1914. А. Фаресова.—
- 10) Генриэтта Карграмъ. Ковташдзуйская республика. Спб. 1914. в. Грибовскаго.—
- 11) В. В. Врусанія. Доктора и пациенты. Типы врачей въ художественной литературѣ. Литературно-общественныя параллели. Спб. в. б.—
- 12) «Первая экскурсія въ Италію съ маршрутомъ на 28 дней, записью практическихъ свѣдѣній и дорожнымъ словаремъ». В. М. С—ва. Спб. 1914. н. лнд.—
- 13) В. А. Верещагинъ. Памяти прошлаго. Статьи и замѣтки. Спб. 1914. Николая Энгельгардта.—
- 14) Культурныя сокровища Россіи. Вып. V. Ю. и З. Шамуріны. Москва въ ея старинѣ.— Вып. VIII. О. О. Горноватъ. Дворцы и церкви юга. Москва. 1914. р—с.—
- 15) Борисъ Горовскій (В. К. Подгурскій). Забытыя русскія земли. Чукотскій полуостровъ и Камчатка. Путевые очерки. Изданіе В. А. Суворина. Библиотека «Вечерняго Времени». Спб. 1914.—
- В. М. Зензиновъ. Старинные русскіе люди у Холоднаго океана. Русское Устье Якутской области, Верхоянскаго уѣзда. Съ предисловіемъ В. В. Богданова. Москва. 1914. м—о.—
- 16) П. Н. Симанскій. Суворовскій отдѣлъ библиотеки П. Н. Симанскаго. Спб. 1913. в. А. Алексѣева.—
- 17) «Свѣтильникъ». Религіозное искусство въ прошломъ и настоящемъ. Ежемѣсячный журналъ. Москва. 1913. Д. Бочнова.

XVII. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника». 337

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи. 340

- 1) Смерть герцогини Орлеанской.—
- 2) Опустъ Контъ вблизи.—
- 3) Предтечи Рихарда Вагнера.—
- 4) Эмигрантъ-оригиналъ.—
- 5) Выдержки изъ дневника графа Аппоньи.—
- 6) Биографія Парнелли.—
- 7) Французская біографія И. А. Гончарова.

XIX. Смѣсь. 357

- 1) Открытіе памятника великому князю Михайлу Николаевичу.—
- 2) Открытіе памятника А. Т. Волотову.—
- 3) Празднованіе 500-лѣтія Павло-Обнорскаго монастыря.—
- 4) 50-лѣтній юбилей Н. Г. Мартынова.—
- 5) Пятидесятилѣтіе литературной и научной дѣятельности А. Н. Витмера.—
- 6) Гдѣ жили въ Москвѣ знаменитые люди.—
- 7) Столѣтіе духовной семинаріи.—
- 8) Конкурсъ на составленіе историческаго очерка.—
- 9) Отъ правленія драматическихъ и музыкальныхъ писателей.

XX. Некрологи. 362

- 1) Алексій, экзархъ Грузіи.—
- 2) Артемъ, А. Р.—
- 3) Вильсоны, И. И.—
- 4) Гордѣвъ, П. А.—
- 5) Колодѣвъ, И. Х.—
- 6) Микулина, Е. А.—
- 7) Навроцкій, А. А.—
- 8) Нордманъ-Съверова, Н. Б.—
- 9) Сараджевъ, А. И.—
- 10) Святополькъ-Мирскій, П. Д., князь.

Приложенія: 1) Портретъ генераль-адмирала графа Апраксина.—2) Вождь (Кровавая комедія недавнихъ дней). Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ Влк-Ториновича. (Окончаніе).—3) Пятая груба. Историческій романъ Поля Бертрама. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. I—II.

Генералъ-Адмиралъ Графъ Апраксинъ

ГЕНЕРАЛЪ-АДМИРАЛЪ ГРАФЪ АПРАКСИНЪ

НА РОДНОЙ ПОЧВѢ ¹⁾,

(Романъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Я вижу со скамейки рожь,
Луга и пыльную дорогу.
А сердце,—ты не даромъ бьешь
Сегодня странную тревогу:

Что если «онъ» ужъ здѣсь теперь?..
Меня потребуетъ мамаша,
И я войду смущенно въ дверь,
И «онъ» мнѣ тихо скажетъ: «Маша.»

(«Въ зной» М. К.)

БЫЛО 31-е мая 1903 года.

Маруся привстала на постели и взглянула на свои дѣтскіе часы съ эмалью.

— Пять часовъ! Пора вставать.

Мать мирно спала на старинной деревянной кровати у противоположной стѣны. На выпѣтшей, когда-то синей шторѣ вырисовывались свѣтлыя пятна, но они были тусклы и, значить, день, несмотря на роскошный закатъ наканунѣ, всталъ пасмурный.

Дѣвушка накинула капоть и подошла къ туалету, гдѣ въ полукруглой рамѣ, въ вѣнкѣ вырѣзанныхъ изъ краснаго дерева розъ отразилось въ помутнѣвшемъ отъ сырости стеклѣ ея заспанное лицо.

«Фу, какой я уродъ!» подумала она, взглядываясь въ полутьмѣ въ нѣсколько вспухшій носъ и вѣки.

Безшумно намочила она въ треснувшемъ рукомойникѣ полотенце, обтерла лицо и руки, сполоснула зубы и, кое-какъ свернувъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстникъ», т. СXXXVI, стр. 769.

узломъ вьющіеся бѣлокुरые волосы, вышла въ залу. Дверь слегка скрипнула. Маруся осторожно потянула за приколоченную вмѣсто испорченной ручки веревочку обѣ облупившіеся створки, прикрыла ихъ и, осторожно ступая, чтобы не разбудить матери, прошла въ сосѣдную прихожую, откуда тянуло самоварнымъ чадомъ. На крыльцѣ клубились цѣлыя облака бѣлаго ѣдкаго дыма и закусаи глаза.

— Господи, дѣдуся! Какъ ты опять начадишь!

— Ничего, матушка! Зато сколько хламу пожегъ, почитай, всю прошлогоднюю щепу гнилую истребилъ, а то она безъ конца бы валялась. Хочешь чайку? я третью чашку пью.

Маруся поцѣловала дѣда въ небритую щеку.

— Налей, пожалуй А только мнѣ, въ сущности, некогда... Я за цвѣтами пойду, и ты безъ меня больныхъ принимай сегодня...

— Иди, иди, матушка! Я тебя не держу... А чайку все-таки выпей, на пустой желудокъ бродить не годится.

Онъ налилъ ей чай, а самъ, дуя на блюде, устремилъ на дворъ зоркіе старческіе глаза.

Каждое утро на этомъ крыльцѣ происходило чаепитіе. Огромный старый самоваръ урчалъ и дымилъ на всю округу. Неопытный прохожій готовъ былъ бы бѣжать къ понамарю и требовать, чтобы онъ ударилъ въ набатъ, въ увѣренности, что горитъ барскій домъ, но Игнатій Львовичъ, не смущаясь, сыпалъ въ трубу изъ стоявшей рядомъ корзины чурки, еловыя шишки, щепу и даже обломокъ ножки отъ развалившагося стула или ручку отъ кресла, проповѣдуя очищеніе древняго жилища отъ ненужной завали. Высокое колѣно водосточной трубы замѣняло ему самоварную, и онъ любовался, какъ сильная тяга разносила дымъ по двору, и мухи и комары отлетали подальше отъ сизыхъ клубовъ.

— Ну что, какъ мама?

— Спитъ отлично... сегодня не бредила.

— Чудесно! а ты вотъ передъ цвѣтами къ Листовкѣ загляни, какой она мамѣ подарокъ заготовила на рожденъе.

— Телку? да?

— Нѣтъ, матушка, бычка... Вскормимъ,—черезъ годъ за семьдесятъ пять рублей продамъ. На племя съ руками оторвутъ. А отъ Красотки все еще толку нѣтъ, не отелилась... Стой! стой!..—заоралъ онъ сердито на проходившаго батрака:—ну, куда ты опять хомутъ тащишь?

Маруся, не дожидаясь разрѣшенія вопроса о хомутѣ, помчалась въ коровникъ. Въ полутьмѣ, среди высоко набросаннаго сѣна и соломы огромная, бѣлая, съ мелкими, похожими на листья, рыжими пятнами корова облизывала бѣлоснѣжнаго теленка съ красной звѣздочкой на лбу. Онъ еще поматывался на высокихъ ножкахъ

и вдругъ, уставившись на Марусю, замычалъ. Мать понюхала ея пустыя руки и загородила ей доступъ къ дѣтищу.

— Тпрусь-тпрусанька... не бойся, Листовушка! Покажи мнѣ сынка... Ахъ ты глупенькій!.. и какой хорошенькій, и какъ я рада, что тебя не убьютъ... Какъ хорошо было бы, если бы васъ никогда не убивали...

Она поправила сѣно и, перегнувшись черезъ перегородку, погладила корову, а потомъ вышла. Изъ молочной виднѣлась юбка Кирилловны и гудѣлъ сепараторъ. Маруся только что хотѣла свернуть въ садъ, какъ ее окликнулъ дребезжащій старушечій голосъ:

— Встала? Чего жъ не зайдешь? Посмотри, какъ люди работаютъ. Тебѣ все скокъ да скокъ, куда спѣшишь?

Маруся вошла въ прохладное помѣщеніе, гдѣ на мѣстахъ отвалившейся штукатурки сѣрѣли клѣтки старой дранки, и поглядѣла, какъ изъ-подъ жужжащей центрофуги отдѣлялась маслянистая масса сливокъ и сбѣгало въ ведро синее снятое молоко.

— Дай, я поверчу, Кирилловна! Ты устала!—предложила она, замѣтивъ, что шестерня работаетъ неровно.

— Не устала, а въ кухню надо, крендель мѣсить... Устала, ничуть и не думала!—ворчала она, идя по двору мелкой частой походкой, скрюченная и сгорбленная отъ вѣчной работы, зорко всматриваясь во всѣхъ и во все.

Уже восьмой годъ колычевское хозяйство вернулось въ ея властныя руки. Въ домѣ былъ и свой мужчина съ мужскимъ умомъ, но дѣла въ старой вотчинѣ шли не на прибыль и украшеніе, а на убытокъ и разруху, точно оба они, беззавѣтно любившіе молодыхъ хозяекъ старые люди, причиняли имъ каждой новой мѣрою и шагомъ одни изъяны. Вмѣстѣ имъ было уже за полтора ста лѣтъ, но они были такъ еще крѣпки, такъ привычны къ труду, что отстраняли отъ него тѣхъ, кому были бы и понятнѣе и болѣе подъ силу странныя новшества современныхъ требованій.

— Все скокъ да скокъ,—продолжала бурчать Кирилловна, мѣся тѣсто:—ни тебѣ стготовить, ни хозяйствомъ заняться, одни цвѣточки да ленточки, ничѣмъ отъ себя не призаймется.

Но относительно Маруси это было вѣрно лишь потому, что довольно было дѣвушкѣ предложить услуги, какъ всегда готовъ былъ одинъ отвѣтъ: «Ты только напутаешь и все кверху ногами сдѣлаешь!»

А между тѣмъ каждое поручаемое ей дѣло она исполняла аккуратно и охотно. Вотъ и сейчасъ подъ ея сильной молодою рукой молоко быстро отцѣживалось и сепараторъ заливался, какъ гудокъ на заводѣ. Ноги въ старыхъ туфляхъ озябли, и дѣвушка поджала ихъ на перекладину табуретки. Обувь—это было самое уязвимое мѣсто ея туалета. На дорогую денегъ не хватало, а дешевая такъ и горѣла. Нарядовъ тоже не было, или, пожалуй, они-то и были, а

обиходнаго платья было мало. Отъ вышедшей замужъ Симы Маруся научилась шить и теперь обшивала весь домъ, передѣлывая по модѣ для матери и себя чьи-то залежавшіяся въ сундукахъ кладовой юбки и платья необъятной ширины. И блузки, и юбки выходили кокетливыми и удивительно гармонировали со старымъ домомъ.

Дѣвушка съ любопытствомъ оглядывалась на свое отраженіе въ потускнѣвшихъ зеркалахъ и не узнавала себя. Ей казалось, что оттуда глядитъ какая-то другая барышня, носившая когда-то и этотъ шумящій гродетуръ, и блестящій барезъ, и выпитый воротникъ. Она жила здѣсь другою, веселой жизнью. Она ѣздила на балы къ сосѣдямъ, которыхъ было много, много вокругъ, и каталась верхомъ на томъ самомъ сѣдлѣ, которое истлѣло на сѣновалѣ, забытое кѣмъ-то когда-то... За нею ухаживали мужчины не въ современныхъ сюртукахъ и тужуркахъ, а въ камзолахъ и сюитахъ съ перехваченными таліями, съ буффами на плечахъ и въ мундирахъ съ подпиравшими подбородокъ шитыми воротниками. Они говорили ей изысканныя рѣчи и утонченные комплименты на безукоризненномъ французскомъ языкѣ.

Эта дѣвушка была ей такъ близка, такъ понятна, что Маруся постоянно думала о ней, и въ данную минуту ей казалось, что она стоитъ тутъ въ молочной и глядитъ на ея самодѣльные туфли и жалѣеть ее... И Марусѣ тоже жаль себя. Ей двадцать одинъ годъ, но ея молодость проходитъ такъ тихо, такъ однообразно!

Въ Горскѣ они перестали жить, и ее отдали въ гимназію въ Москвѣ. Тамъ было весело и хорошо. Но вотъ уже четыре года, какъ она окончила курсъ. Неужели четыре года? А тогда на актѣ ей казалось, что уже на слѣдующую зиму, когда ей минетъ восемнадцать лѣтъ, вся ихъ жизнь переѣмнится, что они будутъ жить въ Колычевѣ въ довольствѣ и даже роскоши, не считая копѣекъ, не боясь приближенія зимы, требующей все большаго запаса дровъ для житья въ кое-какъ починаемомъ домѣ, не страшась вопроса о наймѣ лишняго батрака или работницы въ помощь дряхлѣющей Кирилловнѣ...

Молоко было отцѣжено. Маруся вытерла тряпкой столъ и опустила въ лаханъ съ водою отвинченныя части сепаратора. Ея руки работали быстро и точно, она не суетилась и не дѣлала ни одного лишняго движенія. Когда машинка была разобрана, она сперва отнесла сливки въ погребъ, а затѣмъ, далеко отставивъ лѣвую руку, потащила и ведро съ молокомъ, но уже съ крыльца гремѣлъ голосъ дѣда:

— Это еще что такое? Не хватало, чтобы ты сама ведра таскала! Грушка!.. Агра-фе-на!.. А-гра-фе-на!.. Чортъ ее дери!.. Куда она опять запропастилась?.. Муська, брось сейчасъ... Надорвешься... Я тебѣ говорю,—надорвешься!

Но внучка на ходу весело показала ему бѣлые зубы и ямки на раскраснѣвшемся лицѣ и скрылась въ черной пасти погреба. Ей вдругъ вспомнилось далекое весеннее утро за границей, и Бертель, и Мартель въ саду съ такими же ведрами, и какъ она завидовала имъ изъ окна, твердя про Титикаху и Попокатепетель.

Справившись съ молокомъ, она вернулась къ сепаратору и начала начисто перетирать его и свинчивать. Старикъ стоялъ у входа и грозилъ ей костьюлемъ:

— Что ты съ ума спятила? Что ты дѣвка молочная, что ли? Барышня—и ведра таскаешь? Безъ тебя не справились бы?

— Не бранись, пожалуйста! Дай мнѣ хоть одно дѣло сдѣлать.

— Не твое дѣло... Тебя оно не касается!

— Нѣтъ, мое! По твоему же приказу я сливками опиваюсь... Ну, а теперь до свиданія! Бѣгу за цвѣтами, а то мама встанетъ, а крендель еще не убраннѣмъ останется...

Она скинула тутъ же въ молочной туфли и босикомъ помчалась въ садъ.

Сирень чуть зацвѣтала. На лужайкахъ изъ травы умильно вылядывали фіалки и розовыя дрема, а желто-золотистые бубенчики, опоздавшіе изъ-за холодной весны, казалось, звенѣли, разливая въ воздухѣ нѣжное, похожее на жасминъ, благоуханіе. Утро было теплое, сѣренькое, но перламутровое. Сквозь дымку на небѣ сквозили и жилки синевы, и розовые отсвѣты облаковъ, озаренныхъ невидимымъ пока солнцемъ. Изъ гущи аллеи неслись птичьи пѣсни. Маруся привычнымъ ухомъ улавливала отдѣльные голоса и въ общемъ хорѣ различала и смѣлую гамму зяблика, съ тремя замедленными нотками на концѣ, и коротенькое скрипучее колѣбно чижка, и теньканье пѣночекъ, и нѣжную флейту малиновки, и мечта тельныя трели горихвостокъ, и красивыя яркія фуги дроздовъ, сливавшіяся въ цѣлыя симфоніи. Благодаря дѣду, она знала всѣхъ птицъ, она умѣла издали опредѣлить, чье гнѣздо виситъ на вѣткѣ, какъ изящный клубокъ тонкихъ травинокъ, чье прячется въ расщепѣ двухъ сучковъ, чье, невидимое для всякаго непосвященнаго глаза, ютится въ дуплѣ старой березы или липы съ едва замѣтнымъ на стволѣ влетомъ. Дѣдъ часто бродилъ по лужайкамъ и собиралъ цѣлебныя травы, уча внучку: «Вотъ это *lutragia*, а по народному — плакунъ-трава. Это *aconitus napellus* — прикръшъ; это *anemone pulsatilla*—нечуй-вѣтеръ...» И съ каждымъ годомъ внучка все тѣснѣе сживалась душою съ деревьями и цвѣтами, съ насѣкомыми и птицами, и глядѣла на колычевскій паркъ раскрытыми глазами, читая каждую страничку созданной въ немъ Богомъ книгъ чудесъ.

Но сегодня она думала о той дѣвушкѣ, которая жила тутъ же. Ходила ли она по этому лужку? Рвала ли эти весенніе цвѣты, или предпочитала тѣ, что росли тогда на куртинахъ въ цвѣтникахъ?..

Говорятъ, будто сама она похожа на свою бабушку Софью Романовну... Ее звали дома Зосей. Она остановилась и крикнула: «Зося!»—Никто не отозвался, только вблизи закуковала кукушка.

— Сколько лѣтъ жить мнѣ, кукушечка?—крикнула она снова.

На мигъ кукушка смолкла, видно, снялась съ вѣтки и, перелетѣвъ, стала издали куковать безъ конца.

— Довольно! довольно!—разсмѣялась Маруся.—Этакъ я еще Кирилловну догоню!

Нѣтъ, старости не надо, а счастья—короткаго и полнаго... а потому умереть, лежать въ гробу въ бѣломъ платьѣ, усыпанномъ цвѣтами, и улыбаться...

Отъ движенія свернутые въ узелъ волосы рассыпались по плечамъ. Трава и воздухъ были влажны отъ росы, и пряди стали виться все круче, обрамляя лицо цѣлымъ вѣнкомъ кудрей. На губахъ то появлялась, то исчезала улыбка, а каріе глаза смотрѣли вдумчиво и нѣжно.

Вѣтеръ проснулся, пробѣжалъ по травѣ, и каждый стебелекъ дрогнулъ, зашевелились листки былиннокъ, поклонились головки цвѣтовъ. Онъ вспорхнулъ выше,—и зашуршала вѣковая сѣнь, качнулись молодыя вѣтки, цѣлуясь съ сосѣдними, зашумѣли верхнія, и по всему зеленому морю вершинъ пробѣжали трепетныя волны.

Это тоже цѣлая симфонія, и въ ней Маруся тоже привычнымъ обостреннымъ слухомъ различаетъ отдѣльные шумы. Мягко и шелковисто лепечуть ясени, липы, рябины и ракиты; съ чуть слышнымъ присвистомъ шелестятъ клены, тополя и березы; вязы и дубы ропщутъ жестко и повелительно. Вотъ зашумѣла, какъ далекое море, одинокая верхушка сосны. Но все это лишь аккомпанементъ къ трелямъ, выбиваемымъ чуткими листьями осины. Они бьются на тонкихъ черенкахъ, дробно переливаясь отъ подножья до вершины, и ихъ немолчный трепетъ кажется слитымъ изъ отдѣльно падающихъ капель.

— Точно дождь!—Маруся закрываетъ глаза.—Нѣтъ! это не дождь, это фонтаны. Ясно, совершенно ясно!

Плещетъ вода, падаютъ струи, разбиваясь о края мраморныхъ чашъ... и видится опять залитый цвѣтомъ розовый рай. Стоять въ заколдованныхъ позахъ мраморные боги. Изъ бѣлыхъ вазъ пальмы протягиваютъ къ синему небу зеленыя перья... Сердце дрогнуло... Опять?..

Опять она думаетъ о немъ, о томъ раѣ, который видѣла когда-то очарованными дѣтскими глазами? Такъ бы и взяла и, махнувъ волшебнымъ жезломъ, перенесла его сюда... И разбѣжались бы бѣлые боги по древнимъ аллеямъ, попрятались по зеленымъ нишамъ кустовъ и стали бы на стражу за спинками узорныхъ скамей, чтобы слушать тайны людскаго сердца и нашептывать грезы о счастьѣ...

Маруся зажмурила вѣки, и, когда снова открыла ихъ, туманъ разорвался, между его лоскутами засинѣло лѣтнее небо и брызнуло побѣдное, золотое солнце погожаго дня.

«Неужели и этотъ день не принесетъ ни развлеченія, ни удовлетворенія? Неужели и сегодня не случится ничего необыкновеннаго? Не прїѣдетъ откуда-нибудь кто-нибудь свѣжій и интересный? Не скажетъ: «Пойдемте въ садъ! погуляемъ!.. Расскажите мнѣ, что вы думаете, чѣмъ живетъ ваша душа? Что бы вы сдѣлали, чтобы люди кругомъ были довольны судьбою, чтобы не было сегодня къ вечеру пьяныхъ пѣсень на селѣ, подбитыхъ глазъ и свернутыхъ рукъ, чтобы этотъ чудный Божій день ознаменовался чѣмъ-нибудь особеннымъ и закончился алымъ закатомъ, озарившимъ чье-нибудь великое рѣшеніе, кѣмъ-нибудь совершенный подвигъ?»

И Маруся въ умѣ отвѣчала: «Я не знаю, какъ это сдѣлать! Научите меня...»

Прїѣхавшій останется и будетъ руководить ею, и все измѣнится: мужики будутъ снова работать на себя, а не на Михалку; избы будутъ отколочены и перекрыты заново; на селѣ, вмѣсто далеко слышнаго въ пасмурную погоду тошнаго запаха съ винокурни, запахнетъ свѣже вынеченнымъ хлѣбомъ; всѣ будутъ хорошо одѣты и обуты,—она взглянула на свои босыя ноги,—и мать ея будетъ всегда здорова и весела, и дѣдъ перестанетъ кричать и сердиться, и домъ будетъ отдѣланъ красиво и нарядно, и не надо будетъ думать, можно или нельзя купить новое стекло на лампу, и зажигать ее у себя въ угловой, когда придетъ охота читать или писать.

Гдѣ-то въ глубинѣ ея «я» запѣлъ знакомый мотивъ, и, откликаясь на тайныя мысли, стали въ отвѣтъ складываться и слова:

Тихій садъ. Цвѣты, алѣя,
Расцвѣли кругомъ.
Манитъ старая аллея,—
Держитъ старый домъ.
А мнѣ хочется простора,
Счастья!.. Счастья тамъ,—
Гдѣ предѣла нѣтъ для взора,
Но предѣлъ мечтамъ.
Знаю,—тамъ святое дѣло
Ждетъ меня давно...
Я бы птицей полетѣла,—
Заперто окно!..

«Фу, какъ глупо!.. Это фальшь... Я никуда бы не улетѣла, потому что мнѣ было бы слишкомъ жаль маму, дѣдусю, Кирилловну и Колычево... Мы не можемъ жить другъ безъ друга!..»

Съ цѣлой охапкой цвѣтовъ вернулась она изъ сада и стала вязать букеты.

День прошел, и ничего не случилось. Все вышло по программѣ.

Крендель удался. Мать крѣпко поцѣловала свою «модистку» за блузку изъ чуть-чуть выпцвѣтшаго фуляра, обрѣтеннаго на днѣ заграничнаго баула, и обновила ее къ заказной обѣднѣ.

Послѣ молебна съ многолѣтнемъ вернулись домой. Къ завтраку пришелъ отецъ Сила, огрубѣвшій за эти девять лѣтъ, съ матушкой, которая изъ подростка успѣла превратиться въ пятипудовую попадю-насѣдку, съ цѣлымъ выводкомъ дочекъ-погодковъ въ одинаковыхъ розовыхъ платьяхъ съ синими лентами. Подали кулебяку съ вязигой и домашнія наливки, а потомъ горячій шоколадъ съ густой бѣлой пѣной и шафранный душистый крендель, убранный цвѣтами.

Старшая изъ дѣвочекъ, вытеревъ жирныя губы, сѣла за рояль и, спотыкаясь черезъ каждыя четыре ноты, пробарабанила «Горныя вершины»; средняя сказала наизусть «Стрекозу и муравья», а три младшія подъ аккомпанементъ матери проплясали подобіе русской. Ихъ одѣлили сладостями, и, упоенная успѣхами своихъ отпрысковъ, мамаша стала собираться восвояси, крѣпко чмокая любезныхъ хозяекъ «за хлѣбъ, за соль, за ласковый пріемъ», и вдругъ ахнула.

— Ахъ, Господи! а я вамъ новостей-то напихъ не рассказала, — заторопилась она:—во-первыхъ, новаго земскаго къ намъ назначаютъ, говорятъ, очень знатнаго роду, а, во-вторыхъ, къ Михайлѣ Демьяновичу вечеръ сынъ прикатилъ... Вернули изъ Архангельской-то губерніи, четыре года отсидѣлъ! И по дѣломъ! Учиться отпустили, а онъ бунтовать вздумалъ!

Хозяева сдѣлали каменные лица. Отецъ Сила въ упоръ уставился на жену, и та подъ этимъ взглядомъ только сообразила, что вторая новость колычевскихъ обитателей интересовать не можетъ. Чтобы поправиться, она снова перешла къ первой и затарантила:

— А какъ фамилія новому земскому, и не знаю, Фетинья Поликарповна не разобрала, да и Михайла Демьяновичъ тоже...— она опять осѣклась и еще разъ ахнула.—Ахъ Господи!.. И Лампуша тоже нынче сюда будетъ. Иванъ Матвѣевичъ ждетъ не дождется.

— Лампуша!—весело отозвалась Маруся.

Это была сестра конторщика съ Евграфовки и ея товарка по гимназіи. Съ самаго выпуска онѣ не видались, потому что Лампуша зимой состояла сельской учительницей, а на лѣто брала мѣсто въ отъѣздъ, чтобы заработать денегъ для поступленія на высшіе курсы. Теперь въ виду провѣрочныхъ экзаменовъ она ѣхала къ брату и думала здѣсь подготовиться посерьезнѣе.

Семья священника отбыла. И Елизавета Ивановна, и Маруся остались въ нарядныхъ платьяхъ, но никто больше не пріѣхалъ, И хотя за обѣдомъ и была фаршированная индѣйка, и мороженое, и подали домашнюю шипучку, каждый бокалъ которой Игнатій

Львовичъ пилъ, приговаривая: «За здоровье новорожденной, ура-а!» но съ каждой новой минутой становилось все тягостнѣе и скучнѣе. и чего-то ожидавшее сердце тщетно прислушивалось...

Никто не шелъ, никто не помнилъ, никто не зналъ, что сегодня торжественный день въ старой усадьбѣ, что за парадно убраннымъ цвѣтами столомъ сидитъ, разглядывая тюльпаны стариннаго саксонскаго сервиза, дѣвушка въ бѣломъ гренадиновомъ платьѣ съ голубыми атласными полосками, съ тончайшимъ кружевомъ malines у шеи и рукъ, и ждетъ, и ея душа созрѣла для счастья и открыта ему навстрѣчу.

Пусть у нея некрасивый носъ и нѣсколько крупный ротъ, но зато цвѣтъ ея кожи не уступитъ фарфору, волосы выбиваются золотистыми завитками изъ прически, а глаза каріе, почти черные. Они умѣютъ и улыбаться, и глядѣть то ласково, то гнѣвно... Ея талія тонка, походка граціозна, а руки и ноги,—Маруся взглянула на кончикъ выставившейся желтой ботинки,—почти дѣтскій номеръ—одиннадцатый...

Никто не шелъ, никто не ѣхалъ...

Вечеромъ, когда закатилось солнце, она сидѣла на ступенькахъ крыльца. Опять на ней былъ ея капотикъ и вязанья крючкомъ бумажныя туфли, съ веревочными подошвами. Она глядѣла на просѣку старой березовой полувырубленной рощи и на огненную черточку зари въ ней, а сердце давилъ камень не сбывавшейся надежды и обманувшейся мечты, но оно все еще пыталось прислушиваться...

Въ отвѣтъ съ деревенской улицы доносилась только гармоника, да пьяный голосъ оралъ неразборчивую, тягучую пѣсню, прерываемую руганью и хохотомъ другихъ не менѣе пьяныхъ и хриплыхъ голосовъ.

II.

Это—прошлое, что было,
Это—то, чѣмъ ты живешь.
Здѣсь—дорога, тамъ—могила,
Къ ней и ты, какъ всѣ, придешь.

Въ прошломъ—были пѣсни, сказки;
Нынѣ—царствуютъ мечты.
На дорогѣ—чи-то ласки,
Тотъ, кого полюбишь ты...

(«Листы пожелтѣлые. М. К.»)

Ивановъ день былъ не за горами, но погода испортилась, и уже третью недѣлю лили дожди.

Игнатій Львовичъ ничего пока противъ нихъ не имѣлъ.

— Лейтесь, голубчики, лейтесь! А какъ сѣнокосъ подойдетъ, извольте и повоздержаться. Довольно съ меня и прошлогодняго убытка. Сколько пудовъ сгноили!

Онъ пыхтѣлъ дешевой, вонючей сигарой, и еще усерднѣе пыхтѣлъ и чадилъ его самоваръ, посылая подъ дождь клубы сразу осѣдаващаго дыма. По размытому двору со слѣдами людскихъ по-

дошвъ и копытъ лошадей и скота стояли огромныя лужи. На черномъ крыльцѣ съ порога кухни Кирилловна кормила куръ и цыплятъ, хохлившихся отъ холода.

— Ну, что, боярышня, каковы дѣла? — крикнулъ ей старикъ.

— Какъ сажа бѣла! Еще одна сдохла. Знать бы, вчера бы прирѣзала.

— Это больную-то?

— А что съ того? Все равно, съѣли бы... Арефьево наслѣдье! Загадилъ курятникъ, не тѣмъ будь помянуть, царство ему небесное. Новый бы пора... А то какъ ни майся, ни опрыскивай, все какая-нибудь щелочка съ нечистью останется. Не ѣшь, не спишь, ходишь, кормишь, а онѣ, знай себѣ, дохнуть!—продолжала она ворчать, и ея ворчанье сливалось съ шумомъ дождя и съ плескомъ стекавшей изъ трубъ воды, наводя тоску и уныніе.

Изъ гостиной слышались заглушенныя дверями гаммы. Маруся засѣла за экзерсировку. За эти дождливыя дни она передѣлала всю домашнюю работу, перечинила носки дѣду и бѣлье, перечитала свои любимыя книги и теперь, чтобы хоть чѣмъ-нибудь убить время, принялась за музыку. Она уже давно брала уроки у матери, но таланта отъ нея не унаслѣдовала.

Рядомъ въ спальнѣ, погруженная въ чтеніе Владимира Соловьева, сидѣла та, вздрагивая и дергая ртомъ отъ невѣрной ноты или сбившаго такта. Немзыкальность дочери ее очень огорчала, и она никакъ не понимала, чтобы послѣ семи лѣтъ одаренная рѣдкою памятью въ наукахъ дѣвочка не могла играть наизусть безъ ошибокъ ни одной пьески. Но у Маруси эти ошибки были именно слѣдствіемъ сознанія, что ее «слушаютъ»... Наединѣ, убѣжденная, что никого по близости нѣтъ, она могла бы и играть, и пѣть, но чуть слышались чьи-нибудь шаги, она конфузилась.

«Избытокъ самолюбія!» рѣшала, пожимая плечами, Елизавета Ивановна.

На дворѣ показалась укутанная въ мокрую рогожу фигура. Это былъ Андрюшка, исполнявшій въ усадьбѣ обязанности казачка и кучера. Маруся, увидавъ въ окно его пирамидальную фигуру, скомкала гамму и бросилась въ кухню.

Быль вторникъ и въ корзины съ провизіей, принесенной изъ лавки Ивана Кузьмича, лежала и почта, т. е. нумеръ «Нивы» и пачка газетъ. Писемъ почти не получалось,—не отъ кого,—но на этотъ разъ ихъ оказалось цѣлыхъ два, и оба на имя дѣда. Одинъ конвертъ былъ казенный, конечно, по дѣлу о плотинѣ, — а другой...

Маруся вспыхнула. Рука была ей слишкомъ знакома. Когда-то и она получала надписанные этимъ почеркомъ конверты.

— Неужели «она» смѣетъ писать дѣдусѣ? О чемъ?

Конечно, ничего пріятнаго въ письмѣ быть не могло. Не лучше ли бросить сейчасъ подѣ плитку, чтобы дѣдѣ не прочелъ, что тамъ написано, но уже, стуча костылемъ, входилъ Игнатій Львовичъ.

— Это что? Тебѣ?

— Нѣтъ!

— Дай-ка сюда! А?!

Онъ взглянулъ на штемпель и вспыхнулъ. Трясущимися пальцами спряталъ онъ оба конверта въ карманъ пиджака и, забравъ газеты, зашаркалъ въ свой кабинетъ, бывшій сперва кабинетомъ Семена Михайловича Сотова, а потомъ молодого Яшнева.

Маруся присѣла къ окну въ столовой и стала разрѣзывать «Ниву», но рука у нея тоже тряслась, и она ничего не видѣла изъ тѣхъ картинокъ, на которыя смотрѣла потемнѣвшими еще больше глазами.

Снова зашаркали шаги и застучалъ костыль.

Дѣдѣ подошелъ къ внучкѣ и положилъ ей на плечо смуглую мохнатую руку съ налитыми и рѣзко выступавшими бугорками жилъ.

— Что я получилъ письмо—ты видѣла, и отъ кого, конечно, догадалась. Но что въ немъ написано,—я тебѣ не скажу. А мать чтобы объ этомъ ничего никогда не узнала. Для нея это была просто медицинская реклама. Поняла?..

Маруся кивнула головою и заглянула въ горѣвшіе угольками глаза подѣ лысымъ лбомъ. Дѣдѣ судорожно притянулъ ее къ себѣ, и дѣвушкѣ почудилось, будто онъ всхлипнулъ. Но уже онъ улыбался и, снявъ очки, протиралъ ихъ синія стекла.

— А чтобы тебѣ не скучно было,—продолжалъ онъ:—я велѣлъ Андрюшкѣ съѣздить за твоей Люстрой. Напиши-ка ей пару словъ!

Маруся невольно улыбнулась. Скромная Лампуша, или «Лампочка», по кличкѣ дѣда, превратилась уже въ цѣлую люстру. Отчасти это было вѣрно. Когда она пришла впервые по пріѣздѣ, и подружки, чуть не задушивъ другъ друга въ объятіяхъ, засѣли въ угольной, то оттуда сперва слышались рѣчи вполголоса, потомъ бесѣда все оживлялась и началъ раздаваться веселый дѣвичій смѣхъ. Къ обѣду барышни появились съ такими сіяющими лицами, что, несмотря на лившій дождь, коричневые покоробленные стѣны съ темными гравюрами точно озарились лучами, и Елизавета Ивановна, не говоря уже о дѣдѣ, стала тоже шутить и смѣяться и, слушая ихъ болтовню о гимназій, пустилась рассказывать о своихъ продѣлкахъ въ далекое институтское время.

Отвѣтнаго визита Лампуша, конечно, не дождалась, и теперь Маруся была даже огорошена предложеніемъ дѣда послать за нею, такъ какъ никакихъ сношеній съ винокуреннымъ заводомъ у усадьбы не бывало. Тѣмъ горячѣе чмокнула она старика.

Пріѣхала закутанная въ старый резиновый плащъ дѣвушка, съ тонкими, но безцвѣтными чертами, худенькая, высокая. Всѣ вышли на крыльцо встрѣчать ее, а Маруся бросилась ей на шею.

— Пусти, пусти! ты вся перемажешься. Посмотри, что за грязь! И плащъ-то тутъ на крыльцѣ оставлю, чтобы прихожей не испачкать.

Она скинула свою покрывку и осталась въ черной юбкѣ и сѣрой блузкѣ и еще словно выпцѣла. Тѣмъ страннѣе поражалъ ея удивительно звучный голосъ и ясный выговоръ. Точно всякая буква отчеканивалась въ воздухѣ и собесѣдникъ не только слушалъ, но и читалъ каждое слово ея плавно округленной рѣчи.

Давъ пріятельницѣ напиться чаю, Маруся увела ее къ себѣ въ угольную, гдѣ стояла мягкая мебель изъ мезонина и куда Елизавета Ивановна заглядывала неохотно. Оставшись наединѣ, обѣ дѣвушки забрались съ ногами на диванчикъ, но противъ всякаго ожиданія бесѣда ихъ сегодня не налаживалась. Лампуша была словно занята какими-то мыслями.

Послѣ двухъ-трехъ разспросовъ о ея житѣй-бытѣй она вдругъ обернулась къ подругѣ и сказала:

— Знаешь, я все это время очень много думала о тебѣ и о твоей жизни здѣсь и пришла къ выводу, что эта жизнь вовсе не по тебѣ и надо измѣнить ее въ корень.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Это, душа моя, не жизнь, а прозябаніе.

Маруся склонила голову и водила пальцемъ по выпцѣтшему васильку на обивкѣ. Она ни однимъ намекомъ не высказала Лампушѣ своей неудовлетворенности въ прошлый разъ, да и сегодня вовсе не собиралась жаловаться.

— Почему?.. Я несчастной себя нисколько не чувствую?

— Не чувствуешь себя несчастной въ плѣну?

— Какъ въ плѣну?

— Да такъ! Тебя держать взаперти и даже ко мнѣ не пускаютъ.

— Не не пускаютъ, а я сама не иду.

— Почему?

— Господи! да какъ же я могу итти къ тебѣ въ Евграфовку? Неужели ты не понимаешь, ну... что я прямо на эту землю ступить не могу?

— Нѣтъ, не понимаю... Мнѣ кажется, земля тутъ ни при чемъ, а ты просто не отдаешь себѣ отчета въ своихъ взглядахъ, которые вовсе не твои, а искусственно привиты тебѣ, и портишь ими свою жизнь. Ну, скажи по совѣсти,—развѣ ты о такой мертвечинѣ мечтала въ гимназіи? Помнишь, какъ въ послѣднемъ классѣ ты непремѣнно хотѣла поступить на медицинскіе курсы, какъ только тебѣ минетъ двадцать одинъ годъ? Ты увѣряла, что чувствуешь призваніе къ медицинѣ, и что же? Готова ты къ экзаменамъ?..

Идешь на курсы? Конечно, нѣтъ!.. И это очень жаль... Мы еще вчера о тебѣ говорили и очень тебя жалѣли и, если хочешь, осуждали...

— Съ кѣмъ это говорили?

— Съ человѣкомъ, котораго ты, увы, считаешь своимъ врагомъ.

— Кто это?—удивилась Маруся.

— Данила Михайловичъ. Онъ зашелъ вчера къ брату, они вѣдь и раньше до его ссылки очень дружили. Ну вотъ, разговорились и тебя вспомнили, такъ, къ слову. Онъ говорилъ, сколько даромъ нынче людскихъ силъ пропадаетъ, сколько хорошаго можно было бы сдѣлать, не будь наше время такимъ пустоцвѣтнымъ среди молодежи!

— Значить, и я пустоцвѣтъ?—вспыхнула Маруся.

— А то нѣтъ? Неужели подобное прозябаніе дѣвушки столь одаренной, поражавшей учителей своими исключительными способностями, можно назвать жизнью полезной? Кому, кромѣ твоихъ стариковъ, нужна ты теперь? Кто отъ тебя видитъ хоть каплю пользы? Что ты на пріемъ больныхъ подаешь бинты да инструменты? Такъ для этого не надо было ни алгебры, ни физики изучать!

Маруся, задѣтая за живое, даже губу задорно вскинула:

— Прости, пожалуйста, но мое прозябаніе, какъ выражается, повидимому, прежде всего Данила Михайловичъ, а за нимъ и ты, никому не принося пользы, никому и не вредить, а вотъ его благородное существованіе на средства кулака-папашы и принадлежность къ непустоцвѣтной молодежи врядъ ли особенно полезны, недаромъ онъ четыре года въ ссылкѣ пробылъ!

— И ты это ему ставишь въ укоръ?

— Въ укоръ?—Маруся дѣлanno размѣялась:—ей-ей, ни укорять ни восхвалять его у меня и въ мысляхъ не было. Мнѣ такъ до него все равно, какъ... какъ...

— До прошлогодняго снѣга?—подказала Лампуша.

— Гораздо меньше! Снѣгъ вонъ, по отзывамъ дѣда, землю поитъ, а до твоего Данилы...

— Онъ вовсе не мой!—пожала плечами подруга.—И ты придаешь разговору слишкомъ много остроты.

— Можетъ быть, вотъ поэтому-то я во имя нашей дружбы и прошу тебя, избавь меня разъ навсегда отъ разговоровъ объ Евграфовыхъ...

— Напрасно! Данила Евграфовъ настолько выдающійся чело-вѣкъ, что о немъ не говорить нельзя... Это величайшее счастье здѣсь, въ безпросвѣтной глуши, среди заплѣсневѣлаго болота, безъ всякой общественности встрѣтить такой недюжинный обликъ. Чего, чего онъ не знаетъ! Кажется, нѣтъ вещи на свѣтѣ, нѣтъ та-

кого вопроса въ жизни, о которыхъ онъ бы не размышлялъ и не имѣлъ своего собственнаго сужденія и взгляда. Слушаешь его и дивишься. Другой бы за эти четыре года, проведенныхъ на забытой Богомъ и людьми окраинѣ, среди полудикарей, говорить бы по-человѣчески разучился, пьяницей бы вернулся, а онъ только усмѣхается и утверждаетъ: кромѣ благодарности, ничего не вынесъ, потому на практикѣ постигъ, почему въ наши дни ни одинъ честный и уважающій себя русскій интеллигентъ не можетъ не примкнуть къ протестамъ противъ нашей погрязшей въ абсолютизмъ бюрократіи...

— Ну, вотъ,—надменно отвѣтила Маруся:—пусть онъ эту свою интеллигентность и честность и докажетъ на дѣлѣ и убѣдитъ своего папеньку, во-первыхъ, вернуть намъ обманомъ отнятый у насъ клинъ, потому что какъ никакъ, а мы все убѣждены, что покойный Арефій былъ имъ подпоенъ, и если и подписалъ бумагу на мельницу, то вовсе не для продажи, а только для аренды, а, во-вторыхъ, бросить подавать на насъ жалобы въ судъ изъ-за могилъ. Тогда и я буду имѣть возможность перестать быть пустоцвѣтомъ и поступлю на медицинскіе курсы. А ѣхать теперь въ Петербургъ безъ гроша въ карманѣ—не могу... Голодать мнѣ не дадутъ, а содержать меня тамъ моимъ не подъ силу... Ихъ эти судебныя разбирательства въ конецъ разорили. Ну, а теперь бросимъ этотъ разговоръ и поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

Но ни о чемъ другомъ говорить не хотѣлось. Между тѣмъ небо свѣтлѣло. Поднялся вѣтеръ и погналъ застоявшіяся тучи на западъ. Дождь пересталъ. Съ омытыхъ листьевъ лѣниво стекали послѣднія капли. Лампуша стала собираться домой.

— Я провожу тебя,—вызвалась Маруся.

Онѣ вышли черезъ террасу въ аллею и пошли рядомъ, скользя по размытому трехнедѣльными дождями грунту. Обѣ думали другъ про друга, что жизнь за эти четыре года далеко отвела ихъ въ разныя стороны, и онѣ, можетъ быть, напрасно обрадовались новой встрѣчѣ и возобновленію школьной дружбы.

Враждебное отношеніе Маруси къ человѣку, окруженному въ глазахъ Лампуши ореоломъ подвига, человѣку передовому и, несомнѣнно, честному, возмущало сельскую учительницу. Она рвалась къ свѣту, къ знанію. Ея доля просвѣтительницы дѣтей въ убогой деревенской школѣ казалась ей слишкомъ ничтожной. Хотѣлось возвысить свой красивый голосъ, чтобы его слышали не чумазы Васятки и Оенюшки, твердить не бэ-а—ба, и не «Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда», а, напротивъ, взять на свои узкія, худыя плечи именно этотъ трудъ и заботу о другихъ, подобно ей нищихъ свѣта истины, и имъ проповѣдывать: «Вотъ какъ надо жить! вотъ чему учиться! вотъ чѣмъ служить родинѣ! Долой богатство, долой права наслѣдій! Все равны, все братья, все одинаково свободны въ выборѣ дѣла и поятій о долгѣ и чести!»

Все, что она вчера слышала отъ Данилы Михайловича, его горячія рѣчи о сатрапствѣ исправника, подѣ чьимъ надзоромъ онъ жилъ четыре года, о взяткахъ полиціи, о безобразіяхъ чиновничества, смотрѣвшаго на порученное ему дѣло, какъ на скучное пристаиванье назойливыхъ обывателей, и погруженнаго въ желѣзку и девятый валъ, гдѣ проигрывались казенныя деньги, пополняемыя на случай ревизіи ловкими комбинаціями ихъ супругъ, спаиванье инородцевъ русскою водкой и хвастовство этимъ акцизныхъ,—все это хотѣлось ей повѣдать Марусѣ. Она охотно откликнулась и радостно пріѣхала на ея приглашеніе въ надеждѣ поговорить по душѣ, и вдругъ вмѣсто того...

Она искоса окинула взглядомъ Марусю. «На медицинскіе курсы денегъ нѣтъ, а на финтифлюшки и наряды, чтобъ даже дома трепать кружева и шелковыя блузки и юбки—сколько угодно...» Ей захотѣлось сказать что-нибудь особенно обидное...

— Ну, что жъ, много у тебя жениховъ?—спросила она.

Маруся улыбнулась.

— Милліонъ!

— Вотъ какъ! Что же изъ сосѣдей кто, или московскіе?

— Всякіе.

— А кто именно?

Маруся разсмѣялась.

— Секретъ!

— Серьезно?—допытывала Лампуша, огорошенная естественностью отвѣтовъ и смѣха.

— Совершенно серьезно... но, конечно, не милліонъ... а нѣсколько, на выборъ.

— Какъ такъ. Мнѣ говорили, ты никуда не ѣздишь и у васъ никто не бываетъ?

— Тебѣ говорили?—чуткое ухо Маруси уловило враждебную ноту.

— Но я тебѣ открою свою тайну,—я съ ними въ письменныхъ сношеніяхъ, только ты не смѣй о томъ болтать.

Лампуша даже воздухъ вобрала въ себя, точно захлебнувшись отъ любопытства.

— И мать твоя и дѣдушка ничего объ этомъ не знаютъ?

— Ничегошеньки!

— Однако!—она окинула пріятельницу недоумѣвающимъ взглядомъ, но въ немъ было уже не презрѣніе, а безотчетная зависть соперницы-дѣвственницы, инстинктивно жаждущей успѣха у мужчинъ, отъ которыхъ, несмотря на всю ея самостоятельность въ жизни, все-таки всецѣло зависитъ дать ей возможность создать свою собственную семью и очагъ.—И тебѣ не совѣстно передъ своими? Тебѣ довѣряютъ, а ты ихъ обманываешь?

— Что дѣлать! до поры до времени такъ надо!—пожала плечамъ Маруся.

Онѣ дошли до лазейки. Небо окончательно прояснилось. Изъ послѣднихъ убѣгавшихъ направо тучъ вырывались все настойчивѣе горячіе лучи солнца.

— Какъ славно!.. А, Лампуша? посмотри, какая красота!

Высоко поднявшаяся за дожди рожь стряхивала на вѣтру приминавшую ее влагу и перекатывалась тяжелыми волнами. Вдали серебрилась полноводная излучина Оболони въ каймѣ пышныхъ кустовъ ивняка. Направо березовая роща бросала голубыя тѣни на дорогу, гдѣ въ глубокихъ колеяхъ играли золотыя блестки солнца. И вдругъ изъ-за пригорка на эту дорогу свернулъ тарантасъ съ кучеромъ въ поношенномъ армякѣ и двумя сѣдоками. На одномъ изъ нихъ ярко краснѣлъ околышъ дворянской фуражки, на другомъ фуражка была тоже форменная, но какая—было не разобрать.

— Кто это?—спросила Маруся.

— Не знаю!—отвѣтила Лампуша.—Можетъ быть, женихи твои?..

Маруся такъ и сѣла на мокрый валъ, заливаясь отъ хохота.

— Ну, чего ты хохочешь? До свиданья! мнѣ домой пора...

— Постой! Ха-ха-ха!..— смѣялась та.— Давай, рассмотримъ моихъ жениховъ. Погоди, если понравится, я тебѣ уступлю одного. Кого хочешь? Вонъ этого толстаго, съ сѣдыми баками, или того?..

Ея зоркіе глаза разглядывали мужчинъ, но на такомъ разстояніи черты сливались, и было не разобрать, молодъ или старъ второй. Тарантасъ, позвякивая бубенцами, скрылся за поворотомъ.

— Это къ вамъ...—рѣшила Лампуша.

Маруся покачала головою.

— Нѣтъ! слышишь, ѣдутъ, не останавливаясь. Вѣрнѣе—къ вамъ, или просто мимо.

— Можетъ быть, какой-нибудь ревизоръ акцизный на заводъ? Прощай!

— До свиданья...

Онѣ разстались.

«А вѣдь Лампуша и впрямь повѣрила мнѣ!» улыбнулась Маруся ей вслѣдъ.

III.

Ни облачка на тверди чистой.
Погасли звѣзды въ вышинѣ,
И только блескъ одной, лучистой,
Дрожить на водной пеленѣ.
И шепчуть вѣтерки, играя,
И тихо вторить имъ камышъ:

«Свѣтила скрылись въ двери рая,
Зачѣмъ же ты одна горишь?»
— Я вѣсть несу о счастьѣ новомъ,—
Въ отвѣтъ имъ держить рѣчь звѣзда,
— Вѣнокъ изъ розъ съ вѣнкомъ лавровымъ
Сплетется вскорѣ навсегда.

«Листы пожелтѣлые». (М. К.).

Граммофонъ шипѣлъ и точно выплевывалъ изъ огромнаго расписнаго, малиноваго съ золотомъ рупора звуки цыганскихъ романсовъ, оперныхъ арій и увертюръ, которые раскатывались по

обширной залѣ-столовой въ лѣтнемъ обиталищѣ Михайлы Демьяныча на забаву гостей.

Быль уже двѣнадцатый часъ ночи и шло разливанное море. Налицо была вся мѣстная мужская интеллигенція: сидѣлецъ изъ винной лавки, замѣнившей кабакъ на плотинѣ, Иринархъ Меркурьевичъ Пяткинъ, акцизный чиновникъ при спиртоочистительномъ заводѣ Евгенийъ Ѳедоровичъ Большаковъ, ректификаторъ съ воспаленными отъ вѣчнаго дурмана глазами Кондратій Любимовичъ Гуцинъ, отецъ Сила, докторъ Савва Григорьевичъ, двое видѣнныхъ барышнями проѣзжихъ и отецъ и сынъ Евграфовы. Дьяконъ о. Ѳеоктистъ былъ тоже тутъ, но не сидѣлъ за общимъ столомъ, а стоялъ у граммофона, мѣняя пластинки и подливая себѣ изъ отдѣльной бутылки «рюмашки» коньяка, которыя выпивалъ мелкими глоточками въ тактъ движущемуся рычагу съ тонкой иглою.

Пиръ происходилъ какъ разъ въ честь пріѣзжихъ; изъ нихъ тотъ, котораго барышни не разглядѣли, оказался новымъ земскимъ начальникомъ, а потому всѣ и откликнулись дружно на приглашеніе и явились къ вечернему столу въ Евграфовку, хотя въ обычное время другъ друга не особенно жаловали, потому что, по выраженію Саввы Григорьевича, «навязли другъ у друга въ зубахъ, какъ резиновая жвачка».

Когда истощился запасъ пластинокъ и о. Ѳеоктистъ хриплой октавой возвѣстилъ:

— И конецъ... Благословите, отцы, начать сызначала?

Евгеній Ѳедоровичъ Большаковъ отвѣтилъ:

— Отдохните маленько! Я думаю, и граммофонъ охрипъ, и уши устали. Довольно машины! послушаемъ лучше голосъ людской. Поговоримъ да побесѣдуемъ...

— И попьемъ!—прибавилъ Михайла Демьянычъ, подливая своимъ сосѣдямъ и особенно щедро новому земскому.

— Что жъ... я отъ питья не прочь! никогда не прочь!—отвѣчалъ тотъ, опрокидывая себѣ въ ротъ большую рюмку:—я на то слишкомъ русскій человѣкъ и нахожу, что пить мы только одни и умѣемъ... Вотъ раздаются голоса, что правительство себя уронило, вводя монополію, а я нахожу, что ему за то и хвала! Русская водка—единственная въ мірѣ, и съ ней никакіе виски, шнапсы, мадеры и хереса сравняться не могутъ... Всякіе ликеры и шампаней, поддѣлать можно, а нашу водку — атанде!.. Водка это наша національная гордость, и черезъ то, что ее министръ опекаетъ, совѣсть каждаго пьющаго чиста, какъ сама она, матушка, слезинка прозрачно-хрустальная. Потому, коли скажемъ, меня ли, или кого другого кто попрекнетъ: бездѣльникъ, пьяница, на что ты живешь на свѣтѣ? каждый изъ насъ отвѣтитъ въ правѣ: «Пьяница, да! но не безъ дѣла и не безъ пользы на свѣтѣ живу, а до-

ходы казны множу, и чѣмъ больше пью, тѣмъ больше по мѣрѣ силъ и способностей Россіи служу».

— Вѣрно!—хлопнулъ кулакомъ по столу хозяинъ.

— И если бы то дѣло неправое было, да развѣ шли бы въ акдизъ люди университетскіе?.. Развѣ платили бы чиновникамъ по питейной части такіе оклады, о которыхъ по другимъ министерствамъ и мечтать не осмѣливаются? Развѣ воздвигались бы въ столицахъ да и во многихъ другихъ мѣстахъ такіе чертоги для храненія сотенъ тысячъ ведеръ этой драгоцѣнной хлѣбной слезы?.. Вѣдь повѣрить трудно, глядя на башню въ трехъэтажный домъ вышиною да добрыхъ саженъ восемь въ поперечникѣ, что вся она до самой крышки, наглухо заклепанной, сплошь спиртомъ, самымъ что ни на есть крѣпкимъ, до краевъ налитая, не одна на всю Россію имѣется, а что ихъ сотни цѣлыя министерскими чинами охраняются?.. Вѣдь если бы сразу да все содержимое изъ нихъ вылить—вѣдь это... вѣдь это... вышло бы цѣлое море...

— Которое пьяному по колѣно,—договорилъ молодой Евграфовъ громко и отчетливо.

— Ха-ха-ха!.. Го-го-го!..—загоготали собесѣдники,

Данила Михайловичъ отодвинулъ свой стулъ и открылъ дверь на террасу. Въ душную атмосферу переполненной винными парами комнаты влилась прохладная струя ночныхъ благоуханій. Но ароматы табака, левкоевъ, резеды и жасмина растаяли безслѣдно, никого не отрезвивъ... Одинъ молодой хозяинъ прошелъ между рабатками, обогнулъ домъ и, прислонясь подъ окномъ материнской комнаты, прислушался съ минутку. Сквозь штору, озаренную изнутри лампадкой, ничего не было видно. Не слышно было ни движенія, ни кашля. Онъ поднялся къ себѣ на вышку.

А тѣмъ временемъ земскій начальникъ провозгласилъ краснорѣчивый тостъ «за радѣтеля пользы русской, нашего хлѣбосольнаго хозяина Михаила Демьяновича и за присныхъ его».

— За нашего новаго земскаго начальника и да служить ему тоже вѣрой и правдой! Ура!..—отвѣтилъ радѣтель.

Всѣ, зашумѣвъ отодвигаемыми стульями, потянулись чокаться...

— Что жъ, и надѣюсь служить вѣрой-правдой... Вы не глядите, что я въ компаніи весель и пить умѣю. У меня дружба дружбой, а служба службой! Я и въ полку всѣ уставы на зубокъ зналъ и теперь данное намъ положеніе не хуже вызубрилъ. У меня комаръ носа не подточить... Я военные завѣты помню, что добро казенное ни въ огнѣ горѣть, ни въ водѣ тонуть не смѣетъ и, клянусь,—онъ тоже кулакомъ ударилъ по столу,—у меня ни одной копейки недоимочныхъ не будетъ!

Михайла Демьяновичъ былъ въ упоеніи. Именно такого земскаго онъ и желалъ... Дружбой заручиться, чтобы по службѣ онъ

не отказался быть ему посредникомъ съ крестьянами на сходѣ, когда черезъ два года истечетъ арендный срокъ на ихъ землю. «Не захотѣли тогда, черти, на одиннадцатъ лѣтъ, какъ раньше, контрактъ писать, едва на семь уломали, такъ погодите теперь, съ помощью Петра Андреевича согну васъ!..»

Дѣловыя темы разговора быстро изсякли, и бесѣда сама собою, какъ и всегда во всякой мужской компаніи, съѣхала на анекдоты. Каждый спѣшилъ рассказать свой, но анекдоты гостя были такъ разнузданно-забористы, что Иринархъ Пяткинъ руками махалъ и уже, не въ силахъ смѣяться, только стоналъ жалобно и тонко, моля:

— Ой, батюшки, ой, отцы родные!..

Зато іерихонской трубою гремяла октава о. Феокиста...

— Го-го-го!..—гоготалъ и Савва Григорьевичъ...

Михайла Демьянычъ, только что откашлявшись отъ своего пароксизма смѣха, обвелъ глазами столъ и замѣтилъ пустующее мѣсто сына. Онъ поманилъ пальцемъ малаго въ ситцевой рубахѣ, принесшаго новый ящикъ пива, и шепнулъ ему:

— Слышь! разыщи молодого барина! Скажи, я, моль, велю имъ поскорѣе сюда приходите!

Малый исчезъ, и черезъ нѣсколько времени вернулся съ отвѣтомъ, что Данила Михайловичъ почиваютъ...

— Убирайся и разбуди! Слышишь, чтобы сейчасъ шли.

Но и вторично слуга явился съ тѣмъ, что «они на стукъ не отвѣчаютъ, не иначе, какъ ихъ сморило и спять-съ!»

— Сморило!—просилъ хозяинъ:—съ квасу нешто? Болванъ!

Последній анекдотъ земскаго начальника настолько вышелъ циничнымъ, что все притихли. Второй гость, сидѣвшій почти молча, старикъ съ сѣдыми, какъ свѣтъ, подусниками на красномъ лицѣ, даже дернулъ рассказчика за рукавъ и проговорилъ:

— Vous vous oubliez... ¹⁾

— Чего тамъ убили? Мы все безъ таблѣ...—и онъ собирался рассказать еще новый, какъ вдругъ въ наступившую въ залъ минутную тишину изъ сосѣдняго коридора ворвался кашель, громкій, рвущій за душу, надрывающій большую грудь.

О. Сила опомнился первый.

— Пора, господа, и честь знать. Какъ никакъ, а хозяйка въ домѣ больная, и мы ее своими разговорами за полночь сна и покоя лишили.

— Вѣрно, вѣрно!—подхватилъ и Савва Григорьевичъ.—Пора на бочокъ...

— Эхъ, полно, господа!—возразилъ хозяинъ.—Она у меня который годъ въ такомъ положеніи. Коль обращать на ея кашель вни-

¹⁾ Вы забываетесь.

маніе, такъ и жить бы по-человѣчески нельзя... Да она сама, вишь, не любить народъ собою стѣснять... Оставайтесь... выпьемъ еще... еще бутылочку раздавимъ...

Но, слушая этотъ затяжной, душадій, не смолкавшій пароксизмъ, всѣ стали откланиваться и понемногу разошлись. Михайла Демьяновичъ самъ отвелъ гостей въ приготовленные для ночлега комнаты, а затѣмъ, несмотря на предразсвѣтныи часъ, грузно ступая на посахъ, подошелъ къ двери сына на вышкѣ.

— Данька!

— А?..—отозвался заспанный голосъ.

— Это я...пусти!.. Мнѣ слово тебѣ сказать надо.

Данила впустилъ отца и снова натянулъ на себя одѣяло.

— Ты чего, подлець, къ ужину не сошелъ, когда я дважды посылалъ за тобою?

— А что мнѣ тамъ дѣлать? Вы знаете, я хмельного не пью.

— Тебя никто и не нудилъ, кажется, пить.

— Я и другихъ, которые пьютъ, тоже не люблю... Надоѣло я и ушелъ...

— Надоѣло! подумаешь, какой принцъ-королевичъ...

— Да, надоѣло! вѣдь это девятая попойка со времени моего возвращенія... Съ меня довольно!

— А ты что же, счетъ имъ вести собираешься? Живо собьешься!..

Онъ фыркнулъ. Его руки чесались. Такъ бы взялъ сына, да и оттрепалъ его, какъ бывало въ дѣтствѣ, за вихры... Но эти вихры давно разрослись въ густую гриву и обрамляли надменное мужское лицо съ бородой и холодными сѣрыми глазами, тоже съ ненавистью глядѣвшими на него самого.

— Ну, что ремонтъ?—процѣдилъ, сдерживая себя, старикъ.

— Двигается!—отвѣтилъ тоже спокойно Данила.—А, впрочемъ, я послѣ обѣда тамъ не былъ.

— Гдѣ же ты былъ?—побагровѣлъ Михайла Демьяновичъ.

— Работалъ.

— Работалъ!—передразнилъ отецъ.—Работа, подумаешь, кисти мазать. Вотъ отберу да сожгу всю мазию твою... Скажи на милость, затѣмъ я тебѣ, бунтарю, сюда ѣхать дозволилъ, чтобы ты дороги да дерева старья мазюкалъ?

— Я не къ вамъ, а къ матери больной приѣхалъ, и сразу сказалъ вамъ, что помогать народъ спаивать не стану. А до моей живописи вамъ дѣла нѣтъ. Четыре года ею кормился и впредь не помру.

— Иродъ анаемскій! живопись... Я те на мазию нешто по семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ пять лѣтъ подъ рядъ въ Питеръ посылалъ? А что толку? Что изъ учебы твоей вышло? Что нагайкой на улицѣ отдрали? Да?

Данила привсталъ на кровати и оправилъ разстегнувшуюся на груди рубаху.

— Уходите!—пробормоталъ онъ.—Вы не въ себѣ. Не раздражайтесь сами и не раздражайте меня... Я вдвое сильнѣе васъ.

Онъ всталъ во весь свой могучій ростъ и, открывъ дверь, держалъ ее настежь высоко поднятой рукою. Михайла Демьяновичъ такъ и покачнулся. Закутанный по поясъ въ простыню, сынъ показался ему огромной каріатидой, что когда-то въ его дѣтствѣ въ сгорѣвшемъ домѣ, сложивъ надъ головою руки, легко держали узорную баллюстраду бѣлой бальной залы. Онъ что-то буркнулъ себѣ подъ носъ и вышелъ. Задвижка щелкнула изнутри. Грузный шагъ старика закрипѣлъ по лѣсенкѣ и смолкъ за стеклянной дверью перехода.

Данило снова легъ на кровать. Изъ камышей черезъ раскрытое окно доносилась предразсвѣтная пѣсня варакушки, безъ конца повторявшей перенятое у соловья колѣно, на которое тотъ глухо откликнулся изъ чащи колычевскаго парка. Небо свѣтлѣло, на востокѣ занималась заря и глядѣла яркая звѣзда. Всмотриваясь въ нее, Данило задумался...

Разговоръ съ отцомъ взволновалъ его... Напрасно,—не стоит! Его не передѣлать... Мать жаль, а отца?.. Если онъ боялся его въ дѣтствѣ, избѣгалъ въ юности, то теперь ненавидѣлъ страстно и сознательно. Сперва по пережитку предразсудковъ онъ упрекалъ себя въ этой ненависти, но теперь никакіе предразсудки не могли бы заставить его подойти и поцѣловать старика, отвѣтить ласково, какъ невольно отвѣчалось матери. И, живя четвертую недѣлю въ отцовскомъ домѣ, онъ ѣлъ и пилъ только, чтобы не голодать, потому что зналъ,—каждый проглоченный имъ кусокъ даетъ поводъ отцу попрекнуть его дармоѣдствомъ.

Михайла Демьяновичъ не прощалъ сыну исторіи на Казанской площади, гдѣ Данила, закрывая своей мощной фигурой товарища, помогъ ему проникнуть внутрь и скрыться въ алтарѣ собора, а самъ попалъ подъ нещадные удары нагаекъ казаковъ. Въ числѣ прочихъ, оказавшихъ особое сопротивление, онъ былъ высланъ и провелъ въ сѣверной глуши четыре года. Объ окончаніи экзаменовъ больше не возникало и рѣчи. На что? Дипломъ—вывѣска, ярлыкъ ненужный. Да и техникумъ не только у отца, а гдѣ бы то ни было, онъ никогда не будетъ...

Ему живо нарисовалась картина перваго посѣщенія сталелитейнаго завода подъ Петербургомъ,—завѣшанныя кожами лица, красныя, обожженные до сырого мяса лица людей въ парусиновыхъ штанахъ и курткахъ, вытягивавшихъ мягкую еще болванку въ двѣ тысячи пудовъ; огромныя на другихъ, какъ зонты, желѣзныя шляпы для защиты отъ капель блестящей лавы, каскадомъ спадавшей въ ковшъ на лафетѣ, и высокій кранъ, легче чайной чашки

подававший его для развѣсной плавки надъ головами этихъ людей, безстрашныхъ и закаленныхъ въ работѣ... А они, студенты, робко жались въ стороны и не смѣли сознаться другъ другу, что ни за какія деньги не пошли бы подъ ежеминутно грозившіе сорваться тросы, не стали бы вытягивать раскаленную болванку гидравлическимъ прессомъ, не выдержали бы и четверти часа тамъ, гдѣ эти люди за какой-нибудь цѣлковый-полтора въ день выдерживали всю жизнь свою жарившую ихъ заживо каторжную работу.

Въ теоріи на бумагѣ его даже плѣняли гармонически составленные чертежи, гдѣ каждая насѣчка на самомъ незначительномъ винтикѣ была рассчитана и размѣрена; его занимали сложныя до головоломности вычисленія, построенныя на высшихъ законахъ динамики и математики, и радовала художественно-виртуозная логичность выводовъ и сложныя комбинаціи новыхъ и новыхъ усовершенствованій. Но едва дѣло доходило до практики, и онъ попадалъ на фабрику, гдѣ эти машины не изъ картона и дерева, а изъ громахалющей стали и желѣза оглушали и крутились въ непрерывномъ, одуряюще однообразномъ движеніи, гдѣ напряженныя и прокоптѣвшія, не отмывавшіяся уже никакими снадобьями человѣческія руки выполняли тѣ движенія, которыя такъ красиво и стройно слагались въ цифры и знаки на калькѣ проектовъ, ему дѣлалось больно, страшно и хотѣлось остановить рычаги и приводы и молить пощады у нихъ и прощенья у рабочихъ за измощенныя лица, за чахлые мускулы, за сгорбленный станъ...

А еще и всего ужаснѣе была мысль, что заслуженныя этой вѣчной каторгой копейки пойдутъ въ уплату за отраву, сто тысячъ ведеръ которой и его родной отецъ вливаетъ ежегодно въ пабухающія каждый день къ вечеру жилы и въ нихъ разжижается и закипаетъ ядомъ блѣдную кровь, чтобы доводить до озвѣрѣлости и преступленій отцовъ и мужей, чтобы вырывать у женъ и дѣтей вопли отчаянья и проклятій... О, пусть эти проклятія вернуться къ отравителямъ...

Нѣтъ! техникомъ онъ быть не можетъ, онъ это давно рѣшилъ...

Онъ поднялъ снова голову и взглянулъ въ окно. Небо было почти свѣтлымъ. По голубоватому фону пронеслись легкія розоватыя облачка. Еще горѣла звѣзда, и держалась послѣдняя тѣнь почной окраски на сѣверѣ, но уже справа чувствовались отдаленные отсвѣты семицвѣтнаго аккорда солнечнаго спектра, «отзвуки солнца», какъ называлъ ихъ Данила. Онъ наскоро одѣлся и подкатилъ мольбертъ къ окну... Неудержимо захотѣлось нанести на свѣжій холстъ на подрамникѣ утреннее небо съ тонущей въ облакахъ одинокой звѣздой. Они съ каждымъ мгновеніемъ разгорались все ярче, но звѣзда не сдавалась и ныряла въ просвѣтахъ огненныхъ кружевъ, какъ блестка, и по мѣрѣ того, какъ они крас-

нѣли, она изъ золотой становилась изумрудною. Данила съ восторгомъ вглядывался въ эту борьбу свѣтовъ, и кисть его быстро и увѣренно набрасывала мазокъ за мазкомъ.

Отецъ, заводъ, все пережитое отошло куда-то. Оно было незначительно, несущественно, о немъ не стоило помнить и думать. Да и какъ думать, если есть рядомъ такая красота, такое величiе, такая сила, какъ это лѣтнее утро, этотъ зеленовато-серебристый отблескъ ночи въ борьбѣ съ алымъ золотомъ восхода?

Онъ на секунду залюбовался наброскомъ, чуть-чуть подправилъ кайму тучки, но когда снова перевелъ глаза на небо, кисть опустилась. Облака потухли, и между ними погасла и звѣзда. Изъ-за чернѣвшаго за Оболонью лѣса, сквозь зубцы и купы вершинъ мелькали, переливаясь и играя, яркіе лучи... Широкіе снопы огнистыхъ стрѣлъ протянулись отъ нихъ кверху. Небо посинѣло. Заря погасла, и все выше и выше выросталъ огненный полукругъ. Блескомъ и радостью озарилась поля и сѣрая распаханная, какъ скрижали, земля за рѣкою. Зажглась и заискрилась водная лента Оболони, и словно улыбнулись ей песчанья отмели и густыя стѣны пивняка. Залетали ласточки. Зачиркали по небу черные стрижи. Все ближе и громче мычало стадо, и подъ самымъ окномъ глубоко внизу послышалось мелкое топанье и блеяніе овецъ. Гдѣ-то въ домѣ стукнуло окно. Всклинула и хлопнулась дверь въ ледникъ. Жизнь началась и... послышался кашель, знакомый, хватающій за сердце припадокъ затяжного кашля...

Мать проснулась. У Данилы дрогнули губы. Мать... ее онъ любилъ. Ради нея онъ пріѣхалъ въ Евграфовку, потому что чуялъ, недолго ей жить. И она знала объ этомъ. Она именно и звала его, чтобы хоть на тѣ мѣсяцы, недѣли или дни, что ей суждено промаяться, имѣть его около себя, его, своего любимчика Данюшу.

Онъ вдохнулъ начинавшій теплѣть воздухъ. Сколько же ей отмѣрено жизни? Сколько надо еще ему терпѣнія, чтобы выносить адъ, именуемый роднымъ кровомъ? А что если этотъ припадокъ одинъ изъ послѣднихъ уже? если больное сердце, надорванное вѣчной заботой, вѣчными оскорбленіями самодура и развратника-мужа, не выдержитъ слѣдующаго?

Онъ откатилъ мольбертъ въ уголъ, спряталъ палитру и осторожно спустился по скрипучей лѣсенкѣ. Въ залѣ еще не было убрано. На столѣ стояла батарея допитыхъ бутылокъ и грязныхъ стакановъ. Скатерть, залитая виномъ и пивомъ, распространяла тошный запахъ. Рупоръ граммофона стоялъ не завѣшанный, словно разинутая, окровавленная пасть. Стулья загромождали проходъ. Вездѣ валялись окурки и спички. Изъ сосѣднихъ комнатъ слышался храпъ. Данила распахнулъ окна и прошелъ на цыпочкахъ въ коридоръ. У крайней двери, откуда раздавался кашель, онъ постукался.

— Вой-ой-ой-ди-те!.. Да-ню-ша?.. ты?..

Блѣдная, худая, съ обтянутыми скулами и лоснящимся лбомъ, сидѣла Авдотья Тарасовна въ креслѣ, обложенномъ подушками. Кровати она боялась. Ей казалось, что она непременно умретъ, если ляжетъ, и она спала сидя, съ высоко поднятыми острыми колѣнями на придвинутомъ стулѣ. Ноги затекали, но «протянуть ихъ» значило умереть. А умирать ей не хотѣлось.

— Какъ почивали, мамаша?—спросилъ Данило, цѣлуя восковую руку.

— Плохо... больно горланили рядомъ... Ты чего же проститься не зашелъ?

— Я рано къ себѣ ушелъ.

— Не ужиналъ?

— Ужиналъ, но пить не оставался... Я попоекъ не люблю.

— Голубчикъ ты мой, хорошій, и не люби. Къ добру не приводятъ. А отецъ не осерчалъ развѣ, что ты ушелъ?

— Пусть его серчаетъ, все равно пить не заставитъ.

Она ласково гладила его замазанную краскою руку и кротко улыбалась, не сводя любовнаго взгляда съ его лица.

— А все-таки мнѣ такъ больно, что вы съ отцомъ не ладите! Вѣдь нельзя, онъ отецъ твой,—ты молокососъ передъ нимъ. Меня ради пожалѣй и его... Онъ обиженъ.

— Чѣмъ же это?

— Ты сторонишься его, волкомъ глядишь.

Данила вздохнулъ.

— Не его сторонюсь, а его компаніи собутыльной.

— А ремонтъ?

— Онъ и на это пожаловаться успѣлъ? Я былъ на заводѣ, смотрѣлъ, какъ машину ставили. Чего жъ ему еще?

— Онъ говоритъ, что ты время на свои картины убиваешь... серчаетъ...

— Не его дѣло... Мнѣ деньги нужны; я ихъ за картины получу, а у него не спрошу.

— Возьми у меня... Теперь можно... Охъ, зналъ бы ты, Даниюшка, какъ у меня сердце болѣло, что ты тамъ въ опалѣ безъ денегъ сидишь, голодаешь, быть можетъ, холодаешь... кусокъ въ горло не шелъ!.. такъ бы все съ себя сняла да тебѣ бы послала. Спасибо зятю Аполлону Платоновичу... онъ тайкомъ посылалъ... отъ Татьяны. Та вѣдь все около отца увивалась... Дочь мнѣ, а все не ты...

Она вдругъ притянула его и, обнявъ за шею, зашептала на ухо:

— А еще у меня желаньице одно, къ тебѣ просьба... Данюша!.. Жениться бы тебѣ... авось ты посчастливѣе сестры своей будешь. Тебя, быть можетъ, Богъ дѣтми благословитъ!.. Хоть бы одного внуученочка передъ смертью понянчить... У Тани вонъ что ни годъ, то либо выкидышь, либо мертвенькій... А у меня душа ласки

дѣтской просить. Голубчикъ мой, нудить тебя не желаю, а я все время жену тебѣ подходящую присматривала. Вонъ у головы дочка, Глашенька... и невѣста богатая, и всѣмъ взяла... Данюшка, женись! Умру спокойнѣе. Думать не хочу, кто послѣ смерти моей тутъ хозяйничать станетъ... Чать, самъ знаешь, что говорить, а женишься, авось молодой постѣсняется!..

Утомленная длинной рѣчью, она снова раскашлялась. Сынъ бережно отклонилъ ее на подушки и беспомощно оглядывался, ища лекарство.

Дверь отворилась. Вошла сдобная женщина, у которой только рысьи бѣгающіе глазки да все еще острый кончикъ носа напоминали былую Фетишу.

— Ахъ, матушка! ахъ, болѣзная! Испить?.. аль капелекъ? Нѣтъ... облаточку?—она разыскала коробку и налила воды.— Иду мимо, думала, спите. А сыночекъ тутъ, значить, у мамашки? Что жъ, и дѣло! Сыну за матерью ухаживать и Богъ повелѣлъ, а особливо за такою, что чуть въ гробъ за него не легла.

Данила повелъ плечомъ. «Вѣрно, въ скважину дверную подслушивала?» но онъ промолчалъ.

— А вы еще кофейку не пили? Хотите, сюды подамъ?—лебезила Фетиша, чуя, что такую угодливостью сыну лучше всякой лести ублажаетъ больную мать, да и заручиться въ виду близкой ея смерти симпатіей молодого хозяина тоже безвыгодно...

IV.

Въ оврагѣ сумрачномъ и низкомъ,
Куда забыли люди ходъ,
Шурша надъ сѣрымъ обелискомъ,
Сплелись дубы въ зеленый сводъ.

Подножье камня мхомъ одѣто.
Стоитъ онъ много, много лѣтъ,
А въ честь кого? зачѣмъ?—Отвѣта
Въ истертыхъ старыхъ буквахъ нѣтъ.

(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

Когда черезъ часъ Данила выходилъ изъ коридора, съ террасы слышался чей-то голосъ, говорившій:

— Нѣтъ-съ, мой батюшка! Пожалуй, лучше вамъ моей смерти дожидаться. Жаль продавать все, а тамъ пусть наслѣдники распоряжаются, и хотя кости мои не разъ, быть можетъ, съ хрустомъ въ землѣ проданной повернутся, но ни встать, ни помѣшать ужъ не смогу. А ждать вамъ, вѣроятно, и недолго,—вѣдь мнѣ восьмой десятокъ на исходѣ.

Данила остановился. Итти мимо террасы не хотѣлось, его не могли не увидать оттуда. Дѣйствительно, уже раздался окрикъ въ двери:

— Данька!

Данила нахмурился, одернулъ блузу и вошелъ.

Краснолицый пріѣзжій старикъ любезно осклабился, и Данилѣ невольно бросились въ глаза его крупные фальшивые зубы, казавшіеся особенно бѣлыми и блестящими на апоплектическомъ цвѣтѣ кожи, а также какъ мягко и свободно облеталъ его барскую фигуру стариннаго нѣсколько покроя сюртука, очевидно, отъ заграничнаго портного.

— Встали, молодой человекъ?—освѣдомился онъ, протягивая руку съ перетнемъ.—А мы вотъ съ папенькой съ утра о дѣлахъ. Да вотъ, къ сожалѣнію, не совсѣмъ сходимся...

Данило вопросительно заглянулъ ему въ лицо.

— Я папашиныхъ дѣлъ не касаюсь.

— А!.. а я полагалъ, что, какъ водится, глава фирмы наследника съ юности во всѣ тонкости посвящаетъ... Или вы... призванія къ агрономіи не чувствуете?

— Онъ у меня техникъ!—хвастливо отвѣтилъ Михайла Демьяновичъ.

— Тѣмъ лучше! При вашемъ дѣлѣ свой техникъ кладь! Это сто процентовъ экономіи. Вы гдѣ же кончили?

— Нигдѣ!

— Пока...—послѣшилъ прибавить Михайла Демьяновичъ.— Тутъ зацѣпочка вышла,—подъ надзоръ за вмѣшательство въ полицейскіе порядки взяла. Поневолю не кончилъ. Ну, да осенью, авось, право на обратное возвращеніе въ анститутъ выхлопочемъ. Надо Петра Андреевича задобрить... Пусть передъ властями заступится. Авось земскаго послушаютъ... Ты,—обратился онъ къ сыну,—пойди потихонечку, послушай у двери, можетъ, его высокородіе проснулись, можетъ, имъ что требуется,—побриться тамъ, аль помыться... предложи... Они у меня въ кабинетѣ почевать изволятъ.

Данило вспыхнулъ и, потряхнувъ волнистой гривую, нажалъ пуговку звонка.

— Сходи въ кабинетъ,—приказалъ онъ вошедшему полузаспанному парню, все въ той же измятой рубахѣ:—и узнай, не надо ли умывальникъ подать, да сифонъ или квасу, или чего тамъ съ похмелья спросить...

Онъ слегка кивнулъ головою обонмъ старпкамъ и спустился по ступенькамъ въ цвѣтникъ. Михайла Демьяновичъ даже чаемъ поперхнулся.

— Да, батюшка,—покачалъ головою его собесѣдникъ:—съ нынѣшней молодежью, видно, вездѣ разговаривать умѣючи надо! Я думалъ, это у насъ въ дворянскомъ быту они удила закусывать выучились, а н у васъ не лучше.

Михайла Демьяновичъ побагровѣлъ. Подчеркиванье его недворянства всегда его больно задѣвало, и онъ ехидно усмѣхнулся.

— Нонеча оно по дворянству и понятно,—нонѣ баринъ голъ, какъ соколъ, такъ въ отцѣ сынкамъ да дочкамъ какая и корысть... А вотъ что и при капиталахъ молокососы хорохорятся,—это ужъ изъ рукъ вонъ пошло. Ну, да до поры до времени. Какъ скручу хорошенько, такъ откуда и вѣжливости научится... Такъ, значить, вы усадьбы относительно все еще въ сумлѣннѣи?

— Право, не знаю... Дайте сроку, я сразу рѣшительно не въ силахъ.

— Срокъ дамъ, да только дивлюсь: тридцать лѣтъ у себя не бывали, а теперь вдругъ разставаться съ домомъ жалко стало. Коли ужъ такъ жаль, такъ мы и другое имѣннице приглядимъ. Миѣ тоже еще два года сроку...

Побагровѣтъ пришла очередь краснолицому старику.

— Позвольте, но противъ продажи остальной земли я не протестую. Наоборотъ, я очень радъ уступить ее вамъ.

— Да, но меня-то она безъ усадьбы не устраиваетъ. Миѣ именно усадьба важна... усадьба стараго плана, не нынѣшними мѣрами мѣренная и не нынѣшними архитекторами строенная въ египетскихъ тамъ, али нѣмецкихъ вкусахъ, а по-екатеринински. Ваша миѣ какъ разъ подходящая казалася. Ну, а коль она непродажная, и въ иныхъ мѣстахъ поищемъ. Вонъ и Карауловка что-то въ банкѣ хлопать zaczynaеть...

Какъ-то особенно надулись барскія щеки, такъ что подусники приняли почти горизонтальное положеніе, и съ нескрываемымъ презрѣніемъ окинулъ ихъ обладатель грузную фигуру хозяина. Но тотъ ничуть не смутился и прибавилъ:

— Васъ, быть можетъ, ваше превосходительство, такое желаніе мое удивляетъ? Что дѣлать,—каждому овощу, знаете, вѣдь, свое время! Въ былые годы въ такихъ хоромахъ вельможи барствовали, ну-съ, а нынѣ нашъ чередъ. И, повѣрьте, я не хуже вашего и въ фарфорахъ и въ хрусталахъ разберусь, и цѣну коврамъ и небели старинной знаю. Сызмала на бугрѣ въ паркѣ Колычевскомъ всему научился. И ужъ само собою въ моихъ бы рукахъ самъ этотъ паркъ чудесный дремучимъ сухостоемъ не сталъ бы. Я вонъ и покойничка-то, что подъ вязомъ схороненъ, помню,—даромъ, что миѣ пятый годокъ шелъ, какъ онъ померъ. Я, извольте видѣть, одинъ и за могилую его сколько лѣтъ ходилъ, по завѣщанію дѣдушки... Отняли отъ меня могилы-то, да не однѣ барскія, а и благодѣтели, прадѣдушки моего собственнаго, чать, его помните? Ну, да пушай! И что рѣшетки, мною для огражденія поставленныя, и памятникъ съ могилы Арсенія Михайловича господина Колычева сняли,—тоже пушай, ихнее дѣло, а вотъ что съ собаками туда гуляютъ и псовъ на могилку прадѣда моего допускають,—этого я не потерплю...

— То есть какъ же такъ!..

— Да такъ-съ... самъ сквозь заборъ видалъ, какъ могилу, мнѣ родственную, песь, простите, опачкаль, да еще, задними ногами брыкаючи, всю рѣшетку землею засыпаль. Это кощунствомъ называется... Песь животное поганое, ему на кладбищахъ не мѣсто. Это у дворянъ водится, что имъ иная собака человекѣка милѣе, а у насъ—каждому скоту свое мѣсто. Иной дворянинъ, бывало, и жизни безъ борзыхъ не понималь, такъ такому и въ гробу лестно, коли песь его могилу попачкаеть, а у насъ родительское мѣсто упокоенія—святое мѣсто, скинія завѣта... Да-съ! И если я еще разъ такое святотатство увижу—въ судъ подамъ.

— И вы думаете, вашей жалобѣ дадутъ ходъ?

— А то нѣтъ? Всякой жалобѣ ходъ дается, на то и судъ!

— Подите! если изъ-за каждой собаки суду разбираться, такъ никакихъ перьевъ и чернилъ не хватить... Впрочемъ, у каждого своя манера забавляться... Итакъ, васъ Новое только усадьбой и привлекаеть?

— Да, только усадьбой.

— Такъ какъ же вы ее облюбовали,—у меня вонъ въ паркѣ памятники любимымъ выжлецамъ и сукамъ изъ охоты моей стоятъ, и обелискъ въ оврагѣ отцомъ коню воздвигнуть? Вамъ чуднымъ кажется, что мы собакъ людямъ предпочитали, а что же дѣлать, если собака благороднѣе и безкорыстнѣе человекѣка бываетъ?.. Эй, любезный!—крикнулъ онъ проходившему мальчику въ смятой рубахѣ,—вели-ка закладывать моему кучеру да разбуди господина земскаго...

— Какъ?—спохватился Евграфовъ,—развѣ Петръ Андреевичъ тоже вмѣстѣ съ вами тронутся? Я думаль, они еще погостятъ у насъ?

— Не думаю, а, впрочемъ, его дѣло!

Онъ вынулъ портсигаръ и спустился съ террасы, а Евграфовъ пошелъ въ опочивальню дорогого гостя...

Обойдя цвѣтникъ и садъ, краснолицый старикъ боковою дорожкой вошелъ во дворъ, гдѣ въ глубинѣ курилась дымогарная труба и извозчики нагружали синія съ красными днищами бочки на огромныя подводы. Акцизный въ тужуркѣ и высокихъ сапогахъ и съ накладною въ рукѣ провѣрялъ пломбы. Они обмѣнялись поклонами.

Не желая мѣшать, старикъ отошелъ къ забору, который какъ разъ глубоко выступаль во дворъ, опоясывая огромный и густой вязъ, и вдругъ что-то вспомнилъ и началъ соображать. О чьей же это собакѣ шла давеча рѣчь? Черезъ минуту подводы съѣхали со двора, и акцизный подошелъ тоже къ забору.

— Скажите, пожалуйста,—обратился къ нему старикъ:—вы не знаете, что это дерево растеть не на могилѣ?

— Именно,—отвѣтилъ любезно чиновникъ:—яблоко раздора сосѣдей!.. Недавно нашъ хозяинъ въ послѣдней инстанціи дѣло

проигралъ, а то еще мѣсяца два назадъ вязъ этотъ по нашу сторону росъ... а вонъ и рѣшетка, и памятникъ, ему возвращенные, стоятъ.—Онъ указалъ на поваленныя у самага забора части мону-мента.—Только нашъ клянется, что назадъ кулигу отбереть... Теперь къ собакѣмъ придирается.

— Да развѣ въ Колычевѣ живетъ кто-нибудь?

— Какъ же! Сама Елизавета Ивановна Колычева съ дочерью...

— Колычева?.. Елизавета Ивановна?.. развѣ она не заму-жемъ?..

— Простите, конечно, не Колычева, а Яшнева... Это мы ихъ тутъ все по старой памяти Колычевыми зовемъ... И старикъ-тестъ тоже съ нею... докторъ старый... все еще лечитъ, и, пожа-луй, получше нашего.

— Игнатій Львовичъ?! Богъ мой, Богъ мой!.. и Елизавета Ивановна?.. Я вѣдь ее на рукахъ носилъ... И проѣхалъ мимо, и не зналъ... Кучеръ у меня вѣдь нездѣшній, онъ никого не знаетъ... Grand merci за сообщеніе... Подумайте... здѣсь... а я-то чуть, не повидавшись, не укатилъ...

Пока запрягали, онъ спрашивалъ акцизнаго о Колычевѣ и его обитателяхъ, а тамъ и не подозрѣвали, что въ Евграфовкѣ говорятъ о нихъ, и жизнь на старомъ дворѣ текла по обычному.

У крыльца толпились мужики, пришедшіе столковаться еще въ послѣдній разъ о сѣнокосяхъ, въ надеждѣ отторговать отъ стараго Яшнева хоть по лишней копенкѣ въ исполу, и бабы съ больными ребятами. Маруси не было... Вчера она гуляла до поздняго вечера, а сегодня исчезла съ утра, и бинты и лекарство подавала босоногая Грушка, тыча въ руки барину коробку порошковъ вмѣсто банки съ мазью и пилюли вмѣсто градусника.

— Растяпа!—бранился Игнатій Львовичъ:—вотъ смажу тебѣ іудомъ носъ, чтобы не совала его, куда не надо...

И жалѣлъ и досадовалъ на Марусино отсутствіе, сразу находя ей и извиненіе.

«Погодѣ обрадовалась, еще бы, три недѣли отсидѣвши».

Маруся, дѣйствительно, обрадовалась погодѣ и пошла въ гротъ къ фавну.

— Здравствуй!—крикнула она.

— Здравствуй!—отвѣтили изъ-подъ арки...

— Не скучно было?

— Скучно было?!..

— А теперь ты мнѣ ужасно радъ?

— Ужасно радъ!

— Милый фавнъ, я люблю тебя!

— Люблю тебя!—отвѣтилъ и козлорогій божокъ.

Маруся весело размѣялась и послала ему воздушный поцѣлуй. Въ разговоряхъ съ эхомъ она давно изошрилась, подбирая фразы

такъ, чтобы въ послѣднихъ повторяемыхъ имъ четырехъ слогахъ получать осмысленный, желаемый отвѣтъ...

— Ты мнѣ пой, а я буду писать, выйдетъ цѣлая поэма...

— Я поэма!..—крикнулъ фавнъ...

— Ты не поэма, а комедія...

Дѣвушка сѣла на узорную скамью и стала записывать то, что сложилось въ душѣ за эти недѣли подъ шумъ сбѣгавшаго съ крыши дождя, подъ гаммы и экзерсисы на старомъ роялѣ, подъ стукъ швейной машины. Это были образы давно прошедшаго, происходившаго не здѣсь, а въ такомъ же старомъ паркѣ, на вершинѣ одной изъ горъ, вокругъ нѣмецкаго города, гдѣ она выросла.

И паркъ, и окруженный имъ загородный дворецъ принадлежали возлюбленной давно умершаго короля... Кто была эта тоже давно спавшая въ могилѣ возлюбленная,—Маруся такъ и не узнала, потому что, услыхавъ даваемые затверженнымъ языкомъ объясненія сторожа, и мать, и бабушка послѣшили увести дѣвочку, но слова стараго придворнаго лакея запали въ душу.

Долгіе годы хранились они въ ея тайникѣ, но пробилъ часъ. Почему заработала фантазія? Почему пробудилось именно это дѣтское впечатлѣніе? Почему въ ненастный день въ глухой русской усадьбѣ воскресъ образъ нѣмецкаго короля, создавшаго рай для своей возлюбленной?.. И словно оно было здѣсь рядомъ, нарисовалось вдругъ до мельчайшихъ подробностей сказочно прекрасное жилище среди темнаго лѣса на верхушкѣ горы. Маруся совершенно ясно видѣла и глубокое, обитое парчою кресло у окна, и за стеклами игру еловыхъ вѣтвей... Она видѣла и картины съ деревянными неестественными лицами, и пестрыя окна галереи, и обшитую рѣзнымъ дубомъ столовую, и желѣзныя точеныя скобы угольнаго буфета, и рыцарей и ландскнехтовъ на огромныхъ пивныхъ кружкахъ съ готическими, неразборчивыми надписями...

Ей рисовалась дѣвушка, сперва одиноко жившая въ лѣсу со старухой бабушкой. Старуха собираетъ травы и варитъ лекарства и зелья... За ними по глухимъ тропинкамъ изъ глубокой долины снизу приходятъ люди, но ей къ нимъ ходу нѣтъ,—бабушка не пускаетъ.

Я зовуся Повиликой
И, какъ розовый व्यюнокъ,
Изъ травы душистой, дикой
Завиваю свой вѣнокъ!

поетъ дѣвушка, а сердце рвется куда-то... Она проситъ погадать ей, и бабушка, гадая, пророчить, что на дорогѣ тотъ, кого внучка полюбитъ.

Вечеромъ заблудившійся на охотѣ король находитъ на ночь пріютъ въ избушкѣ. Его не узнали, и Повилика откровенно болтаетъ

съ нимъ. Ея простота и чистота ударяють короля по сердцу. За стѣною засыпающая старуха бредить:

Гдѣ есть король—есть и палачъ...
Литавры заглушаютъ плачь.
Греми же, музыка, звончѣй,
Чтобъ не быть слышенъ стонъ ничей!

Пораженный король даетъ въ душѣ обѣтъ, что отнынѣ это невѣрно. Онъ отрекается навѣки отъ казней и умоляетъ дѣвушку ѣхать съ нимъ. Она отказывается. Она не можетъ бросить бабушку, и онъ уѣзжаетъ съ разыскавшимъ его ловчимъ.

Король несчастенъ. На много его старшая жена и живущая съ ними старая королева-тетка его не понимаютъ. Это ихъ навѣтами и желаніями богатѣетъ палачъ. Но и палачъ несчастенъ тоже. Злой человѣкъ отнялъ отъ него счастье,—соблазнилъ его жену Бергу и увезъ съ маленькой Мартой. Куда?.. Никто не зналъ. Бывшій кузнецъ сталъ палачомъ. Онъ съ радостью пытается людей, тянетъ желѣзными клещами жилы и вбиваетъ въ тѣло желѣзные гвозди.

Съ возвращеніемъ короля настаетъ конецъ его богатству. Казни и пытки отмѣняются. Всѣ поражены. Даже самыя тяжелыя преступленія караются только тюрьмою, но и туда чья-то невидимая рука шлетъ подаенія и смягчаетъ души закоренѣлыхъ злодѣевъ теплою заботою объ ихъ осиротѣлыхъ семьяхъ.

Общій говоръ при дворѣ: «Короля околдовали! За нимъ надо учредить тайный надзоръ, такъ какъ онъ съ нѣкоторыхъ поръ часто и неизвѣстно куда отлучается. Нельзя только миловать, иначе исчезнетъ въ народѣ страхъ передъ властью и произойдетъ возмущеніе».

Ловчій, тоже влюбленный въ Повилику, спѣшитъ на конѣ въ загородный замокъ среди вѣкового еловаго лѣса, гдѣ, окруженная роскошью, живетъ возлюбленная короля, чтобы предупредить о заговорѣ, но какъ на грѣхъ старуха ушла въ избушку за улетѣвшей туда обратно ручною совой, и сыщики застаютъ ее на мѣстѣ преступленія: она окружена травами, нечистыми животными, ее давно считаютъ колдуньей. Это она околдовала короля и познакомила его со своей внучкой!..

Обѣихъ хватаютъ и волокутъ на судъ. Народъ возмущенъ и требуетъ казни. Приговоръ вынесенъ,—старуха должна быть сожжена на кострѣ, а молодая колесована. Остается подписать приговоръ, но у короля перо падаетъ изъ рукъ. Королева-тетка, вспоминая древній обычай неграмотныхъ временъ, вкладываетъ ему въ руку бѣлый платокъ и машетъ имъ изъ окна.

Палачъ, не взглянувъ на молодую, поджигаетъ дрова и съ костра несется:

Гдѣ есть король—есть и палачъ...

Но когда онъ подходитъ къ Повиликѣ, у него вырывается такой крикъ ужаса и радости, что толпа замираетъ.

Я не могу,—говоритъ онъ,—довольно крови,
Въ ней захлебнется родъ людской!
Пусть лучше будетъ наготовѣ
Во взглядѣ каждомъ, въ каждомъ словѣ:
«Прости!» съ протянутой рукой.
И я, и я, палачъ жестокий,
Казнившій всѣхъ, кого лишь могъ,
Молю теперь съ тоской глубокой
Пощады дочкѣ свѣтлоокой:
Простите ту, что Богъ сберегъ!..

Рѣшмы, образы тѣснились. Отдѣльныя строфы и сценки сами складывались и просились на бумагу. Карандашъ скользилъ, и тетрадка, считая изъ листовъ почтовой бумаги, заполнялась. Всякое представленіе о настоящемъ, о разоренности и бѣдности исчезло. Не было ни близкихъ, ни Евграфовыхъ, ни Лампуши, а только люди въ средневѣковыхъ одеждахъ. Дѣвушка въ серебряномъ глазетѣ, сидя на парчевомъ креслѣ у окна, нѣжно расправляла кудри любимаго человѣка и умоляла не злоупотреблять данной королямъ отъ Бога властью. Слышался ея мягкій и его взволнованный голоса, диктовавшіе сами стихи. Въ ладъ имъ звенѣла струя фонтана и тихо плескалась черезъ край разбитой раковины. А на сердцѣ было и мучительно-больно, и блаженно-сладко...

Только когда сломался карандашъ, Маруся очнулась. Солнце ушло на ту сторону грота. Она взглянула на эмалевые часики.

— Боже мой!.. уже третій часъ... Я опять опоздала...

Она сунула тетрадь въ карманъ, подошла къ фавну, подставила обѣ пригоршни подъ струю, напилась чистой, удивительно пріятной на вкусъ воды и стала выбираться изъ лабиринта.

— Слава Богу!.. я хорошо поработала сегодня. Только странно, я собиралась писать поэму, а выходитъ драма... Точно это фавнъ непременно хочетъ, чтобы его маска служила символомъ моему первому большому произведенію...—думала она, идя по французскому саду легкимъ и все ускоряющимся шагомъ.

V.

Сердце—алтарь,	Разобьешь ты его,—
Гдѣ пылаетъ огнемъ всепрощенье.	Но и въ каждой крупницѣ ничтожной
Какъ ты больно по немъ ни ударь,	Будетъ жить лишь одно божество:
Не раздастся тамъ отклика «мщенье»!	Ты—кумиръ безсердечный, безбожный.

(«Листы пожелтѣлые,» М. К.)

Когда Маруся свернула на поперечную липовую аллею, пересѣкавшую главную, къ ней съ перекрестка донеслись голоса.

«Кто это?»

Забывъ видѣнныхъ вчера проѣзжихъ, она ломала себѣ голову. Навстрѣчу между матерью и дѣдомъ шли двое мужчинъ.

Одинъ изъ нихъ былъ старикъ съ громаднымъ животомъ и бѣлыми, словно приклеенными къ отвислымъ щекамъ подусниками, другой, много моложе, тоже казался обрюзгшимъ, хотя и красивымъ.

Они остановились и стояли теперь бокомъ и еще не видѣли ея. Маруся совершенно произвольно оправила платьѣ и завитки на лбу. Ея походка стала еще легче, движенія еще граціознѣе. Она шла, и солнечныя пятна ложились бликами на ея платьѣ и на свѣтловолосую головку.

— А вотъ и Маруся!—сказалъ дѣдъ.

Толстый старикъ обернулся и замеръ очарованный.

Къ нему изъ глубины хорошо знакомой аллеи шло видѣніе давнихъ лѣтъ—образъ обожаемой когда-то женщины, которую потомъ...

— Данила Даниловичъ Софроновъ!—выговорили сочныя губы. Каблуки щелкнули.

«Господи! еще Данила... везетъ на нихъ!» мелькнуло у присѣвшей передъ старикомъ дѣвушки.

— Петръ Андреевичъ Нерадовъ!—отрекомендовался второй.—Вашъ новый земскій начальникъ!

Маруся тревожно взглянула на мать и дѣда. Дѣдъ отвѣтилъ ей строгимъ взглядомъ поверхъ очковъ. У матери дрогнулъ уголокъ рта.

— Какъ похожа! какъ удивительно похожа!—бурчалъ между тѣмъ краснолицый старикъ.—*Mademoiselle vous tenez beaucoup de votre grand'mère!* ¹⁾

— *De la mère de maman. N'est ce pas?* ²⁾—отвѣтила Маруся, подавляя любопытство и тревогу, вызванныя именемъ Нерадова.

«Петръ Андреевичъ, значить, сынъ Андрея Петровича. Микинъ отецъ... онъ вѣдь Михаилъ Петровичъ... мужъ той... какъ онъ сюда попалъ.. Неужели!.. Не можетъ быть... Какъ это странно!» вертѣлось у нея, пока Софроновъ сыпалъ французскими комплиментами, съ какимъ-то ему самому удивительнымъ чувствомъ разглядывая ея.

«Та и не та!—думалъ онъ.—Манеры, фигура, цвѣтъ волосъ и лица, голосъ. Но профиль прямо-таки некрасивъ... *en face* она лучше... носъ другой и окраска глазъ... Но какъ похожа... именно на ту, на прежнюю...»

Изъ далекаго далека выплылъ зимній ландшафтъ запорошеннаго снѣгомъ жнивья и обликъ рыдавшей у него на плечѣ женщины по разбитомъ лошадыю мужѣ. Сердце екнуло. А память сразу

¹⁾ У васъ очень много общаго съ вашей бабушкой!

²⁾ Съ маминой матерью? Не правда ли?

безопасно нарисовала ту же женщину, но со взбитыми кудрями, съ полными слезъ васильковыми глазами на подкрашенномъ лицѣ, кающуюся у его ногъ въ совершенной надѣ родною дочерью непоправимой подлости.

Со стономъ втянулъ онъ воздухъ въ богатырскую грудь.

Маруся подняла на него удивленные глаза.

— Pardon, mademoiselle! mais il y a des rémémiscences, qui après tant et tant d'années ne revivent que pour séduire encore une dernière fois le coeur et l'imagination et pour vous rappeler les calamités de votre jeunesse et vos 75 ans vécus ¹⁾.

Маруся улыбнулась.

«Онъ намекаетъ на свою несчастную, вѣрно, любовь къ бабушкѣ. Это одинъ изъ ея поклонниковъ... Боже, какъ интересно!»

Въ столовой былъ накрытъ обѣдъ. На парадномъ столѣ съ саксонскими тарелками и пожелтѣвшими отъ лежанья въ сундукѣ камчатными салфетками красовалась бутылка водки, графинъ съ наливкой и кувшинъ домашнего смородиннаго кваса.

Нерадовъ, который былъ уже на взводѣ, выпивъ «посошокъ» у Евграфова, окинулъ столъ испытующимъ окомъ.

«Только?» сказалъ этотъ перехваченный Марусею взглядъ, но она не поняла его.

Сидя напротивъ матери, она искоса слѣдила за гостями и старалась найти въ Нерадовѣ сходство съ Андреемъ Петровичемъ или Микой. Старика напоминала, пожалуй, улыбка, но сыну, если Мика былъ его сынъ, онъ ничего рѣшительно не передалъ. По крайней мѣрѣ, Маруся тщетно пыталась вызвать въ памяти по этому обрюзгшему лицу съ краснымъ кончикомъ орлиного носа лицо товарища дѣтства, и залитые кровью, каріе, отливавшіе желтизною глаза ничуть не напоминали темно-синіе, казавшіеся почти черными отъ густыхъ рѣсницъ глаза ея дѣтскаго кавалера.

Игнатій Львовичъ налилъ себѣ и гостямъ рюмки. Нерадовъ сразу повеселѣлъ и жадно выпилъ свою. Его глаза заиграли и, не дожидаясь приглашенія, онъ налилъ себѣ еще. Взглядъ его встрѣтился съ Марусинимъ и остановился на дѣвушкѣ, точно онъ только сейчасъ замѣтилъ ее.

— Ваше здоровье!—онъ протянулъ ей, расплескивая на скатерть, свою рюмку.—По-зволь-те! Такъ нельзя!.. Я хочу выпить за ваше здоровье, а у васъ рюмка пустая!

— Я не пью вина,—отвѣтила дѣвушка.

— Вина и не надо, а водочки... потому мы въ Россіи и пить должны. За границей женщины могутъ не пить, тамъ питье дѣло

¹⁾ Извините, барышня! Но есть воспоминанія, которая послѣ столькихъ и столькихъ лѣтъ оживаютъ лишь для того, чтобы еще въ послѣдній разъ соблазнить сердце и воображеніе и напомнить злослѣвія молодости и стукнувшія 75 лѣтъ!..

частнаго обогащенія, а въ Россіи каждый порядочный гражданинъ, будь то мужчина или женщина, все одинаково, —всякій обязанъ пить, дабы поддерживать бюджетъ государства... О!.. русское правительство—самое мудрое на свѣтѣ. Въ русскомъ государствѣ даже порокъ на пользу, и лишнихъ людей нѣтъ. Самый отчаянный пропойца и тотъ даетъ доходъ... Выпьемте за мудрость и хозяйственность правительства! Позвольте, я налью вамъ!

— Извините,—возразила мягко Елизавета Ивановна:—но моя дочка ничего спиртнаго не пьетъ. Если хотите чокнуться съ нею, налейте ей квасу.

— *A vos services, madame!* ¹⁾—щелкнулъ подъ столомъ каблуками Нерадовъ и налилъ Марусѣ пѣнящагося кваса, чуть не опрокинувъ на Софронова весь кувшинъ:—повинуюсь, потому что самъ въ строгости воспитанъ. И хотя мой *feu-rara* ²⁾ и лишилъ меня наслѣдства, но память его неизмѣнно и свято почитаю и пью за нее...

Онъ снова выпилъ, а Маруся не удержалась и спросила:

— Развѣ вашъ отецъ умеръ? Давно?

— Вотъ уже годъ скоро.—Трясушіяся руки потянулись и придвинули къ себѣ графинъ съ наливкой, потому что водка была прикончена.—Теперь я вотъ у него на хлѣбахъ изъ милости!!.—указаль онъ на пріятеля.—Онъ меня пріютить и мѣсто схлопталъ...

— Полно тебѣ!—остановилъ Софроновъ, но Нерадовъ не слушалъ и продолжалъ, отирая слезящіеся глаза, пить рюмку за рюмкой.

— *Ah oui, mesdames, hélas!*.. миллионера сынъ—въ земскихъ начальникахъ. И радъ, клянусь вамъ, радъ... *après des millions...* ³⁾ потому что иначе издыхай подъ заборомъ... Но ха-ха-ха!.. и у не лишенныхъ наслѣдства... тоже фь... ю... ю!.. Я хотѣлъ протестовать противъ несправедливости завѣщателя, а, оказывается, моего рара, Андрея Петровича Не-ра-до-ва, и хоронить не на что было.

Онъ налилъ себѣ уже пивной стаканъ наливки и выпилъ залпомъ.

— Какъ такъ?—удивился насторожившійся Игнатій Львовичъ:—неужто вашъ батюшка совсѣмъ разорился?

— Въ пухъ и до тла... на лѣсныхъ концессіяхъ тамъ на Востокѣ. Ха-ха-ха!.. Да развѣ вамъ про то неизвѣстно?.. *Tiens* ⁴⁾, я думалъ мы даже съ вами въ негласномъ родствѣ состоимъ, сосчитаться хотѣлъ, въ какомъ колѣнѣ приходимся? Потому эхъ-супруга моя,—

¹⁾ Къ вашимъ услугамъ, сударыня...

²⁾ Покойный отецъ...

³⁾ Послѣ миллионъ...

⁴⁾ Постоите!

Софроновъ тщетно дергалъ его за рукавъ:—въ гражданскомъ бракѣ съ какимъ-то Яшневымъ живеть... Ха-ха-ха!.. Развода у меня просила... а я не даль... На что мнѣ разводъ?.. Это не родственникъ вамъ? Нѣтъ, конечно!.. Просто сов-паденіе, не филиновъ крушеніе... а сов-паденіе... Ха-ха-ха!.. Это не мое-съ... Это бонмо сенатора Барковского... Я такихъ не умѣю... мои проще... Напримѣръ...

Но примѣръ приведенъ не былъ. Графинъ былъ пустъ. Хозяева сидѣли молча, опутивъ глаза въ тарелки. Нерадовъ обвелъ столъ вопросительнымъ взглядомъ.

— Tiens!.. f-i-fi, n-i-ni!.. C'est fini... Mais ce qui est fini doit être... re-commencé!.. Не въ два слова comment c'est, черезъ с'e-s-t, которое кадетъ одинъ, ей-Богу, прочелъ «сѣсть», а отъ глагола commencer... сирѣчь по-русски:

Это пѣсня безъ конца,
Начинай съ начала!
Лавровъ ждешь ты для вѣнца?
Лавры—въ щи, тебѣ—мочала...

Онъ снова расхохотался. Игнатій Львовичъ поморщился, но тѣмъ не менѣе велѣлъ наполнить графинъ. Нерадовъ разсыпался въ благодарностяхъ, но Софроновъ окинулъ его свирѣпымъ взглядомъ и сказалъ сквозъ зубы:

— Кушай, пожалуйста, а не пей. Сегодня возвращеніе домой предстоитъ, а на завтра ты волостныхъ чуть не со всего уѣзда звалъ, такъ еще обдумать надо, о чемъ съ ними говорить станешь.

И, обернувшись къ Елизаветѣ Ивановнѣ, старикъ галантно началъ вспоминать, какъ она вмѣстѣ съ кормилицей гостила у него въ Новомъ послѣ паденія ея отца съ лошади.

— О, неужели! а я и не знала объ этомъ!—отвѣтила съ улыбкой Яшнева.

Маруся вздохнула... Слава Богу! Мать мастерски владѣла собою, и намеки на Алексѣя и Ольгу даже не вызвали обычной ей судороги въ лицѣ.

— Представьте себѣ, вчера утромъ отодвинули диванъ въ бильярдной и нашли завалившуюся игрушку... костяное кольцо съ серебряной погремушкой, не иначе—какъ ваше. Кромѣ васъ, другихъ дѣтей въ Новомъ никогда не гостило...—разсказывалъ Софроновъ.

Нерадовъ пилъ и пилъ. Его глаза становились все желтѣе, зрачки расширеннѣе и взгляды, бросаемые на Марусю, все безцеремоннѣе. Онъ мысленно раздѣвалъ ее, скользя съ нѣжной, полу-

¹⁾ «Позвольте! ф-и-фи, н-и-ни! значить фини, конечно... Но что конечно, должно быть вновь начато».

открытой отложнымъ стариннымъ, вышитымъ воротникомъ шею на молодой бюстъ, разстегивая пуговицы и развязывая тесемки. Дѣвушка инстинктивно повернула къ нему голову, взглянула на него въ упоръ и покраснѣла такъ, что даже ея изогнутая красивымъ поставомъ головы шея вся заалѣла. Съ тревогой перевела она глаза на дѣда. Тотъ перехватилъ этотъ жалобный, молящій о защитѣ взглядъ.

— Пойди-ка да приготовь на террасѣ намъ кофе,—сказалъ онъ внучкѣ.

— Вотъ что, сударь мой,—обратился онъ къ гостю, едва сдерживая себя по выходѣ Маруси:—не обезсудьте! Но каждый предлагаетъ гостю лучшее, что есть въ домѣ. И я предложу вамъ лучшее, чѣмъ въ данную минуту располагаю, опытъ стараго врача,—у васъ вонъ глаза желтѣютъ отъ питья, будьте осторожны, плохо кончите, коли не бросите. Мнѣ наливки не жаль...

— Да ея больше и нѣтъ!—выставилась изъ коридора голова Кирилловны.

Игнатій Львовичъ махнулъ старухѣ рукою. Голова скрылась, но за дверью голосъ ворчалъ:

— Прости Господи!.. почитай цѣлую четверть!.. Я думала, до новыхъ ягодъ хватить...

Какъ ни былъ пьянъ Пепка, но онъ смутился и сталъ ковырять вилкой пирожное.

Софроновъ осклабился.

— Эхъ вы, новые! видно, что не Пиваткины ученики, оттого и мѣры не знаете!..

— Пиваткины ученики?—переспросилъ Игнатій Львовичъ...

— Ну, да!.. ресторатора Пивато изъ Петербурга, вѣдь онъ въ Тамбовѣ карьеру началъ. Мы, полковая молодежь, туда за ремонтомъ наѣзжали и у него и кутили... Pardon! можетъ быть, это не интересно,—я могу и не рассказывать.

— Нѣтъ, наоборотъ! очень интересно!—заявила Елизавета Ивановна, все больше и больше чувствовавшая симпатію къ этому старому знакомому ея родителей.

— Ну, такъ вотъ, онъ насъ и воспитывалъ, вести себя училъ. Это онъ тогда первый въ провинціи ресторанъ на заграничный ладъ открылъ. Нарочно французенку за буфетъ посадилъ: вы, говорить, русскіе пить не умѣете; напьетесь и сейчасъ зеркала бьете... а если за буфетомъ вамъ ручки дамскія порцію нальютъ, тогда вы и стыдъ вспомните. И вѣрно. Кутили мы у него, но границы не переступали. Чуть кто-нибудь до мѣры дошелъ—ни за что рюмки налить m-me Louison не позволить. На бильярдѣ тоже проиграешься, или въ банкъ казенныя ремонтныя спустать начнешь—не позволить. Въ долгъ давалъ... не одного маменькинаго сынка отъ пули спасалъ, конечно, не въ убытокъ себѣ и слово взявъ,

что дальше играть не будетъ. А ужъ кухню такую держалъ, что дворянство обѣды ему тысячные заказывало и отъ него гастрономіи училось.

Маруся послала кофе въ столовую и слухала Софронова изъ залы. Ей онъ очень нравился и манерами и старомоднымъ, но все-таки щеголеватымъ видомъ, и разговоромъ.

— *Tempi passati!*—какъ разъ вздохнулъ онъ:—у Пиватки мы и съ Андреемъ Петровичемъ Нерадовымъ познакомились, онъ, вѣдь, гусаромъ, какъ и я, былъ сперва, потомъ вдругъ въ либералы записался, мундиръ послѣ Севастополя снялъ и по эмансипаціи въ посредники собрался... да съ губернаторомъ не поладилъ... Тогда онъ совсѣмъ юнцомъ былъ и страшный игрокъ. Засѣли это мы съ нимъ въ отдѣльномъ кабинетѣ у Пиватки и заложили банкъ. Сперва везло мнѣ, а потомъ счастье перешло къ Нерадову, и я не только всѣ бывшія со мною деньги, но и тройку свою проигралъ, съ упряжью и коляской вдобавокъ и съ кучеромъ на придачу. И такъ это тогда просто было. Выхожу на утро, кричу: «Сергѣй, подавай!..» Подкатываетъ, я и говорю ему: «А знаешь, я тебя вѣдь въ карты Андрею Петровичу Нерадову продулъ...» «Ваша воля!—отвѣчаетъ Сергѣй:—а только напрасно рано встать изъ-за игры изволили, долше бы ужъ поиграли!..» «Зачѣмъ?» «А затѣмъ,—говоритъ,—что же семью дѣлать-то? Чать, все же люди, а не выжлецы. Поиграйте-ка еще, можетъ, и меня, и лошадей отыграете, а то и Анютку мою, и парнишекъ моихъ обоихъ продуйте, мнѣ не такъ обидно будетъ». Подумалъ я, а Андрей Петровичъ расхохотался. «А что жъ, говорить, дѣло!» Сѣли. Я новую талію загнулъ, да Сергѣя и коляску съ лошадьми и отыгралъ!..

Маруся не вѣрила своимъ ушамъ. Такъ вотъ что это за баринъ! Этотъ галантный кавалеръ говорилъ о проигрышѣ въ карты живыхъ людей такъ же просто, какъ если бы дѣло шло о курахъ и бычкахъ, судьба которыхъ въ минуты раздумья приводила ее къ убѣжденію, что деревенское хозяйство вещь жестокая, и ей до слезъ бывало жалъ, когда уводили со двора выкормленнаго теленка или сажали въ корзины птицу, отправляемую на базаръ,—а тутъ люди... люди людей продавали и продували пріятелямъ? Что же это такое?..

Сразу послѣ кофе гости уѣхали. Пенку усадили съ помощью кучера въ старый, выдавшій виды тарантасъ, и отдохнувшая пара разномастныхъ лошадей выѣхала, позванивая бубенцами, за облупленные столбы усадьбы.

Игнатій Львовичъ сплюнулъ.

— Чортъ знаетъ, что такое! Ну, какъ тутъ не стать бунтаремъ, если на должности земскихъ начальниковъ подобные типы идутъ. Какой это мужику примѣръ и какое у него будетъ правосудіе? Основанное на винныхъ парахъ, что ли?

— Да, вы правы!—отвѣтила его сноха:—онъ отвратителенъ, но... кто или что его сдѣлало такимъ?.. А Софроновъ очень, очень милъ. Точно прошлаго, и даже не XIX, а XVIII вѣка.

Маруся поцѣловала её и тревожно заглянула въ лицо. Но оно было спокойно.

«Неужели маму не взволновала встрѣча съ мужемъ той и все, что она узнала о разореніи?»—вслухъ она сказала:

— А мнѣ Софроновъ сперва тоже понравился, а потомъ, когда я услышала изъ залы его рассказъ о Сергѣѣ-кучерѣ, сразу и понравился,—онъ типъ крѣпостника...

Потомъ всѣ трое разошлись по своимъ угламъ, и никто не обмолвился ни словомъ о томъ, зачѣмъ сцѣпленіе звеньевъ жизни вытаскило изъ ея глубинъ человѣка, связаннаго съ ними общими жгучими интересами и бросило его имъ на дорогу?

Но зато Кирилловна до пѣтуховъ ворочалась въ своихъ перинахъ, ворча на ненасытную глотку Нерадова.

«Бабѣ простой тяжело, а извольте барыни за пьяницей вѣковать! И гдѣ-то она, голубушка,—думала она объ Ольгѣ, вполне извиняя ея уходъ отъ такого мужа и увлеченіе Яшневымъ:—можетъ, и мается, и кается... Можетъ, и дѣтки отъ нашего-то есть, внуки дѣду... а мы ихъ и знать не знаемъ и никогда не увидаемъ!.. Эхъ, грѣхи все кругомъ... безпутье одно».

О сватовствѣ Алексѣя Игнатьевича къ Елизаветѣ Ивановнѣ она такъ ничего и не знала, а потому отношеніе ея господъ къ обѣжавшей четѣ казалось ей иногда безразсудно-строгимъ.

«Помирились бы!.. Всѣмъ легче бы стало!»

Маруся, несмотря на впечатлѣнія, пережитыя за день, быстро на этотъ разъ уснула, хотя передъ сномъ ее досадовала мысль, что она не спросила у Нерадова ни слова о Микѣ. Что съ нимъ? Гдѣ онъ, если дѣдъ разорился? Но какъ спросить было у этого пьяницы? Боже мой! неужели онъ, правда, Микинъ отецъ?.. Сонъ слетѣлъ такъ незамѣтно, что и ея досада на себя, и эти вопросы потонули въ безднѣ, а на смѣну пришли грезы, ничего съ ними общаго не имѣвшія.

Зато мать ея не ложилась до утра.

Въ образной мерпали лампадки и пахло іерусалимскимъ деревомъ и ладаномъ, какъ при покойницѣ тетѣ Сашѣ, но молитвы были другія. То, что шептали губы стоявшей на истертomъ коврѣ женщины, были даже не молитвы... Это были безъ счета повторяемыя два звука: за что?.. за что?..

Забутый, казалось, заглушенный твердою волей порывъ человѣческой страсти проснулся, и стояло неимоверныхъ усилій не крикнуть во весь голосъ: «Верните мнѣ его! Цѣною всей моей жизни верните, хоть на одинъ день, на одинъ часъ!..» Она забыла, что ей сорокъ одинъ годъ... Ея руки впивались все крѣпче одна въ

другую, такъ что бѣлѣли ногти и косточки суставовъ, а губы, сухія и трепетно раскрытыя, твердили: «За что?.. За что я не жила?.. не знала счастья. За что?.. За что женщинѣ, доведшей уже одного мужа до пьянства,—что въ порокѣ Нерадова была виновата Ольга, очевидно,—за что ей судьба даетъ и другого?.. За что отнять онъ отъ нея, Елизаветы Яшневой, готовой душу положить за него? За что?.. Болѣзнь Маруси, удержавшая ее отъ поѣздки въ Петербургъ?.. Отказъ продать Колычево... Жестокія совпаденія... совъ-паденія... паденія-совъ... Старья, избитыя до оскомины шутки!.. Какъ пошлѣ Нерадовъ! Какъ гадокъ! Неужели подъ вліяніемъ Ольги и Алексѣй сталъ такимъ же... За что?.. За что?..»

Въ отвѣтъ только мерцали лампадки, играя на вѣнчикахъ и ризахъ, обрамлявшихъ строгіе коричневые лики. Руки угодниковъ, со сложенными для крестнаго знаменія перстами, казалось, не благословляли, а угрожали, запрещая думать о близнецѣ-братѣ мужа.

И всѣхъ строже былъ тотъ женскій ликъ, который предшествовалъ ей къ аналою. Жемчужнаго вѣнка на немъ уже не было, но на оплечьяхъ еще горѣли вдѣланныя чьи-то брильянтовыя серьги. Чьи это слезы? Какой предшественницы ея? Слезы благодарности? Умилостивленія. Утолилась ли истрадавшаяся душа передъ этими громадными, съ открытыми вѣками очами и маленькимъ, сжатымъ нѣмымъ ртомъ?

Ни слова въ отвѣтъ?!

И вдругъ ярко, какъ зарница, сверкнула мысль: они разорены... быть можетъ, ра-зо-шлись!.. и онъ, какъ блудный сынъ, вернется назадъ?.. Вѣдь тотъ, пьяница, не далъ развода... Онъ свободенъ?..

«О Боже! Ты совершаешь чудеса!.. Верни его мнѣ... Верни его... моего... Твоего раба Алексѣя!..»

Рядомъ, за глухую стѣной съ задѣланной въ кабинетъ дверью, послышался кашель. Свекоръ женщины, молившейся о возвращеніи его сына, перечитывалъ полученное наканунѣ письмо.

Тоже вертѣлось: «совъ-паденіе... паденіе-совъ». Да, совпаденіе, странное въ жизни, желающей иногда доказать, что создаваемые ею положенія еще сложнѣе, еще хитрѣе, чѣмъ придумываемыя въ книгахъ. Письмо и на другой же день появленіе пьянаго предшественника его сына! Параличъ... безвыходное положеніе?.. Сколько же надо?.. «Чѣмъ и какъ можете, все, самую бездѣлицу приму съ благодарностью...»

«Но взять-то эту самую бездѣлицу откуда? Изъ пенсіи грошовой?.. У Лизы?»

Имѣніе заложено. Вся полученная ссуда ухлопана на хозяйство да на судебныя издержки по дѣлу съ клиномъ... Доходовъ удивительно много! Которую зиму не на что Муську хоть на мѣсяцъ въ Москву зимою снарядить, чтобъ повеселилась да людей погля-

дѣла! Есть еще пока незаложенное серебро да брильянты, по и тѣ на храненіи въ ломбардѣ... На черный день и въ приданое Марусѣ берегутся... Неужели ихъ взять да тѣмъ отдать, что счастье ея же матери разрушили?..—онъ вздохнулъ.

«Какъ бы еще самое-то появленіе этого субъекта сегодня на ней снова скверно не отозвалось. Воображаю, что она тамъ передумаетъ да перестрадаетъ за ночь. Замужъ уговорить ее надо было, во что бы то ни стало... Уговоришь!..»

Когда онъ, по вторичному настоянію старухи Шемаевой, лѣтъ восемь назадъ о Степанѣ заикнулся, Лизанька въ себя отъ этой дерзости прійти не могла, и тутъ же разъ навсегда Марусѣ запрещеніе вышло къ Шемаевымъ въ гости ходить, а потомъ и со свекра слово взято было никогда впредь о замужествѣ не заикаться.

«Не обо мнѣ, а о Марусѣ думать надо... Я отжила»...

Отжила?.. Для него, какъ для опытнаго врача, не могло быть сомнѣній, что ея вынужденное вдовство и воздержаніе въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ послѣ шести недѣль супружества должны отзываться на нервахъ, и онъ удивлялся не разъ ея желѣзной силѣ воли и крѣпкому организму.

«Другая давно бы въ сумасшедшій домъ угодила. Недаромъ и бровями и всѣмъ обликомъ въ покойника Арсенія Михайловича вышла», думалъ Игнатій Львовичъ, живо рисуя себѣ старика Колычева, схороненнаго подъ вязомъ и цѣлыхъ сорокъ три года соблюдавшаго вѣрность невѣстѣ... «Атавизмъ...»

VI.

Утро... Какъ холодны росы!
Какъ небеса далеки!
Клоняты подь острыя косы
Стебель зеленый цвѣтки.

Скошены всѣ... Умирая,
Тихо, покорно лежать.
Къ нивамъ безвѣтнаго рая
Вздохомъ плыветъ аромать.

(«Листы пожелтѣлые». М. К.)

Погода исправилась, и сѣнокосъ шелъ полнымъ ходомъ. Дѣдъ, радуясь хорошимъ травамъ, былъ возбужденъ и никому спуску не давалъ. Марусѣ наравнѣ съ другими пришлось немало поработать граблями. Усталость ей даже мѣшала спать по ночамъ, и во время этой бессонницы тѣмъ усерднѣе работала мысль и пѣла душа.

Дѣвушка давно не бывала въ гротѣ и съ каждымъ днемъ ее все сильнѣе тянуло туда, чтобы записать то, что сложилось за эти дни въ умѣ.

Ея драма была закончена въ общихъ чертахъ, оставались кое-какія передѣлки и подробности.

Наконецъ въ первое іюльское воскресенье старикъ далъ передышку, и Маруся, разодѣтая въ праздничное гренадиновое

платье и желтыя туфли, отправилась къ фавну и вытащила завѣтную тетрадь.

Когда все было написано, она задумалась... Надо было бы написать и посвященіе... Кому же?.. Конечно, этому милому фонтану, такъ вдохновлявшему ее своимъ журчаньемъ, и она быстро приписала на поляхъ сверху это посвященіе и стала вполголоса читать всю свою сказку съ начала.

Это была ея первая большая вещь, и то, что въ умѣ казалось шероховатымъ, на бумагѣ выходило лучше... Каждая подробность рисовалась такъ ярко, точно Маруся видѣла эти картины уже дѣйствительно когда-нибудь на сценѣ...

На сценѣ?.. Боже мой, неужели же никогда, никогда не удастся ей видѣть свою вещь въ театрѣ, разыгранную настоящими артистами, которые бы поняли все, что она вкладывала въ сердце, въ душу и въ уста Повилики и ея короля?.. Но какъ этого добиться? Кому и куда посылать? Въ какую-нибудь газету? въ «Ниву»? Вѣдь тамъ есть всякіе писатели. Они, навѣрно, отзовутся, оцѣнятъ ея «Повилику» и помогутъ провести на сцену, потому что и имъ захочется увидѣть ее въ хорошемъ исполненіи... Какое это будетъ счастье! Будутъ спрашивать: кто авторъ? Какая трогательная вещь! Люди будутъ плакать и долго помнить и повторять:

Пусть вѣчно будетъ наготовѣ
Во всякомъ взглядѣ, въ каждомъ словѣ
«Прости!» съ протянутой рукой!..

Не станетъ вражды, и всѣ простятъ другъ друга, и жить будетъ легче. Но она не подпишется. Пусть никто, никто не знаетъ, что авторъ—она. При отсылкѣ рукописи она такъ и напишетъ: «М. г. если вы найдете это произведеніе достойнымъ сцены, то возьмите на себя хлопоты и половину гонорара, а остальное внесите на бѣдныхъ».

Денегъ?.. О, нѣтъ... Деньги за это?.. да вѣдь это оскверненіе... Это значило бы продать часть себя, свое лучшее я... Это были бы Іудины деньги... Взять ихъ не себѣ, но для бѣдныхъ, несчастныхъ, для тѣхъ, чьи отцы и братья сидятъ по тюрьмамъ, какъ сидѣлъ ея отецъ... Это надо сдѣлать непременно, и завтра же она переписшетъ рукопись чернилами и пошлетъ въ редакцію «Нивы» подъ буквами М. К. «Марія Колычева», чтобы никто не догадался...

«Пусть дадутъ отвѣтъ въ почтовомъ ящикѣ... Вѣдь я одна тогда знать буду, если отвѣтятъ—не годится...»

Она свернула тетрадь въ трубку и сунула въ карманъ. Потомъ подошла и поцѣловала фавна въ холодный, увѣнчанный виноградомъ лобъ.

«Спасибо тебѣ... Скажи, вѣдь ты доволенъ? да?.. Хорошо?»

На площадкѣ передъ гротомъ она остановилась и повторила: «да? хорошо?» И эхо отвѣтило: «да! хорошо!..»

Дѣвушка, улыбающаяся, счастливая, протянула впередъ широко раскрытыя руки, готовая въ радостномъ приливѣ обнять весь міръ...

«Хорошо!.. хорошо!.. какая радость... Какое блаженство... Неужели это я написала?.. Вдругъ это мнѣ только кажется, что хорошо, и не только не хорошо, но очень и очень слабо?.. Не лучше ли передъ тѣмъ, чтобы послать въ «Ниву», прочесть кому-нибудь? Кому?.. Дѣду?.. Матери?.. Избави Богъ!»

Лампушѣ?.. Ни за что... Еще въ гимназiи она, узнавъ о ея дѣтскихъ виршахъ, называла ее «риемоплеткой» Богъ съ нею! она вонъ и въ Колычевѣ уже двѣ недѣли не бывала... она ровно ничего въ поэзи не понимаетъ и считаетъ ее ерундой.

«Но неужели «Повилика» ерунда и изъ «Нивы» приплюютъ отвѣтъ: «къ печати не годится»?.. Неужели Богъ пошлетъ мнѣ такое горе?»

Маруся закрыла лицо руками. Сквозь пальцы закапали горячія слезы.

«Я плачу?.. фу, какое ребячество! Будь, что будетъ!»

Она перекрестилась и вытерла глаза.

Тропинка, выведившая въ аллею, показалась ей тѣсной и мрачной. Сердце звало на просторъ. Маруся свернула къ лазейкѣ и вышла на дорогу въ поле. Въ поясъ ей поклонилась, переливаясь плавными волнами, рожь. Васильки промелькнули въ густой зелени. Высоко подъ облаками парилъ ястребъ. Было тихо, той полдневной, полевою тишиной, когда кажется, что слышно, какъ растеть трава, какъ осыпается подъ лапками мыши земля, какъ звенять въ воздухѣ крылья бабочекъ. И вдругъ въ этой тишинѣ раздался слабый, какъ будто изъ-подъ земли идущій стонъ.

Маруся поблѣднѣла. Стонъ ребенка, или кого-то маленькаго, безпомощнаго, едва живого. Она прислушалась... вотъ снова.. слѣва... Она повернула къ Евграфовкѣ. Стонъ сталъ ближе.. яснѣе... Онъ шелъ изо рва подъ боярышникомъ.

Дѣвушка осторожно спустилась въ канаву и, храбро отстраняя стебли жгучей крапивы, нащупала между ними что-то мохнатое. Это былъ щенокъ, совсѣмъ еще слѣпой, заброшенный для уничтоженія. Рядомъ лежали еще три, но мертвые, а этотъ еще шевелился.

— Бѣдняжка... крохотка!—шептала Маруся, вытирая его платкомъ:—хоть бы убили сразу, а то бросили, чтобы такъ мучиться... Возьму и выкормлю его... Попрошу дѣда научить... Вѣдь и дѣтей безъ матери выкармливаютъ.

Она завернула его въ огромный листъ нагрѣтаго солнцемъ лопуха и бѣгомъ пустилась домой, едва удерживая слезы.

— Боже мой! что это?—встрѣтила ее Кирилловна:—опять песь какой-то?.. Мало своихъ двухъ, что ты еще вышвырковъ подбираешь? Платье-то и башмаки на что похожи!

Но Маруся даже и вниманія на нее не обратила и ворвалась къ дѣду, разбирававшему на окнѣ сушеные пучки травъ.

— Вотъ, дѣдуся, я нашла въ канавѣ щенка, научи, какъ его выкормить. Пожалуйста! Смотри, какой онъ хорошенькій! жаленькій!

Но тутъ неожиданно вошла сама Елизавета Ивановна. Видъ замореннаго, едва шевелящагося существа разжалобилъ ее. Со времени визита Софронова она опять была въ какомъ-то размягченномъ состояннн... Ей невольно вспомнились ея дѣтскіе годы, когда она сама такъ любила возиться со щенятами Кары, и она и найденыша взяла немедленно, къ удивленію Маруси, подъ свое покровительство. Его устроили въ корзиночкѣ, обложивъ старымъ пуховымъ платкомъ, и стали кормить съ тряпочки, обмакивая уголокъ въ разведенное сахарною водою теплое молоко.

Убѣдившись, что сдѣлано все для спасенія щенка, Маруся хватилась рукописи—ея въ карманѣ не было. Очевидно, она ее обронила, вынувъ платокъ, чтобы вытереть щенка.

Маруся даже поблѣднѣла съ тревоги.

— Что съ тобою?—спросила мать.

— Я... потеряла платокъ,—вывернулась дочь:—я сбѣгаю, пишу его.

— Погоди, успѣешь. Сперва пообѣдаемъ, а то все перестоить.

Пришлось покориться, но едва проглоченъ былъ послѣдній кусокъ, дѣвушка снялась съ мѣста и побѣжала старой дорогой обратно ко рву. Нигдѣ не было и слѣда завѣтной тетрадки, только такъ же недвижно лежали, уткнувшись мордочками въ землю, мертвые кутки. Маруся обыскала всѣ рытвины на дорогѣ, разыскала кустъ лопуха, откуда сорвала листь,—тетрадь исчезла.

Она вся похолодѣла... Положимъ, возобновить текстъ было не очень трудно,—она вѣдь помнила его наизусть, но волновало—кто нашель ея рукопись? Въ чьи руки попало ея произведение?.. Вѣдь оно было подписано ея именемъ... Она попробовала тамъ внизу подъ послѣдними словами поставить сперва: «Марія Яшнева», потомъ «Марія Колючева», чтобы сравнить, которая подпись красивѣе...

Боже, Боже мой, что жъ это такое?

По этой дорогѣ ходили рѣдко, а ѣздили и того рѣже, развѣ изъ Евграфовки въ сосѣднюю деревню Метелицы. Если поднѣлъ неграмотный мужикъ—горе невелико,—онъ разорветъ ея «По-вилику» на цыгарки, а если кто-нибудь изъ служащихъ въ экономіи! Начнутъ читать, можетъ быть, и вслухъ... смѣяться... передадутъ Данилкѣ... Лампушѣ... Развѣ обратиться къ Лампушѣ

и черезъ нее разузнать, не нашелъ ли кто тетради?.. Но тогда придется сознаться и раскрыть свое авторство, и снова, какъ тогда въ гимназiи, выдержать ехидное замѣчанiе, или прямо обидную насмѣшку... Нѣтъ!... это будетъ невыносимо...

Она посидѣла въ гротѣ и, безнадежно обыскавъ и тутъ всѣ закоулки, побрела домой.

— Ну, что, нашелся платокъ?—крикнула ей съ террасы мать.

— Нѣтъ!

— И немудрено, потому что вотъ онъ: я его нашла на твоей же постели... А ценушка премилый... сосеть отлично... Я увѣрена, что мы его выходимъ. Какъ бы назвать его?..

— Не знаю.

— Что съ тобой? Ты здорова?..

Было такъ просто рассказать матери о своей потерѣ и съ нею посоветоваться, но Маруся не могла заставить себя быть съ ней откровенной. Было ли это остаткомъ ея дѣтскаго страха, или же пугаль и подавлялъ авторитетъ умственнаго и нравственнаго превосходства, но у дѣвушки буквально не поворачивался языкъ сознаться. Она была увѣрена, что мать улыбнется знакомой, холодно-презрительной усмѣшкой и скажетъ: «Охота тебѣ бумагу марать!»

Маруся проглотила слезы и, чтобы не выдать ихъ, нагнулась надъ мирно спавшимъ въ корзинѣ щенкомъ.

— Да, здорова... Только мнѣ ужасно и тѣхъ, мертвыхъ, жаль... Они тоже такiе хорошенькiе.

— Посмотри, какъ онъ пестро окрашенъ—въ три цвѣта... Какъ бы назвать его?.. Бигаро?..

— Лучше по-нѣмецки—Бунтъ...

— Отлично... Это короче и похоже на русскiй бунтъ...

Ночь Маруся спала плохо и едва встала, когда на утро ее подняли на сѣнокосъ.

Прошло еще цѣлыхъ три томительныхъ знойныхъ дня. Наконецъ послѣднiй стогъ былъ навить и прикрытъ рогожами, и она, передавъ грабли Грушкѣ, пошла въ гротъ.

«Обыщу еще разъ ровъ... Вѣрно, я просто плохо искала... Платокъ я вынула во рву, тетрадка была свернута въ трубку и укатилась въ сторону, ее и найти-то никто не могъ».

Она пошла не черезъ садъ, а обходомъ съ луговъ ко рву. Оттуда тянуло смраднымъ духомъ падали, но Маруся, забравъ дыханiе, смѣло опустилась въ крапиву, все еще примятую отъ ея прежнихъ поисковъ, и окаменѣла. Мириады бѣлыхъ червей копошились надъ трупами щенятъ, то ползая по нимъ, то снова падая на землю, и въ тишинѣ было даже слышно ихъ шуршанье. Но она все-таки пересилила себя, прижала ко рту платокъ и обыскала ровъ, напрасно—тетради рѣшительно нигдѣ не было. Ей дѣлалось

дурно, но она снова превозмогла себя и систематично обшарила выбоины у лопуха и боярышникъ у лазейки, и по знакомой дорогѣ направилась въ гротъ. Но едва ступила на площадку, ей навстрѣчу изъ-подъ туфовой арки вышла высокая фигура въ синей блузѣ.

— Наконецъ-то!.. Я тутъ четвертый день васъ караулю, чтобы вручить вамъ вашу рукопись... Вотъ получите... Долгъ платежомъ красенъ!..

Маруся обмерла. Данилу она еще за этотъ его прїѣздъ ни разу не видала, но тотчасъ же, конечно, узнала. До его ссылки они встрѣчались каждыя каникулы раза два-три въ лѣто, но при встрѣчахъ даже не кланялись. Она дѣлала видъ, будто не знаетъ его вовсе, онъ дерзко въ упоръ глядѣлъ на нее и усмѣхался. Но она невольно изъ года въ годъ обращала вниманіе на происходившую въ его наружности перемѣну, хотя онъ носилъ все тѣ же длинные, слегка волнистые кудри, сперва у него явились усы, а теперь его блѣдное съ веснушками лицо обрамляла большая борода.

Онъ протянулъ ей свертокъ, но она не въ силахъ была стоять и запаталась.

— Да что съ вами?.. Или я такъ напугалъ васъ?..

Его рука невольно протянулась, чтобы поддержать ее, но Маруся отклонилась; сдѣлавъ надъ собою усиліе, она вошла въ гротъ и по стѣнкѣ добралась до фонтана... Глотокъ воды привелъ ее окончательно въ себя. Она вытерла губы и взяла свертокъ.

— Мерсі... Это ничего... мнѣ было нехорошо, потому что я видѣла сейчасъ, какъ черви уничтожаютъ трупы щенковъ... тамъ во рву... Это вы тамъ нашли?..

— Нѣтъ, на дорогѣ, еще въ воскресенье...

— Благодарю васъ... Я очень рада, что тетрадь нашлась, я боялась, что ее подняли...

— И уничтожили?

— Нѣтъ... я не этого боялась... Я только не хотѣла, чтобы ее читали, а особенно вслухъ другимъ.

— Не беспокойтесь! Если у меня не хватило характера преодолѣть собственное любопытство, то, повѣрьте, хватило благоразумія и,—онъ остановился,—честности, что ли, не дѣлиться чужою собственностью съ посторонними... Ну-съ, а теперь имѣю честь кланяться!

Онъ приподнял мягкую, широкополую шляпу и повернулся.

Маруся одну минуту стояла въ нерѣшительности.

— Постойте!—остановила она его.—Мнѣ хочется спросить васъ: почему вы ждали меня именно здѣсь? Почему вы рѣшили, что я непременно должна зайти сюда?

Онъ усмѣхнулся.

— Прежде всего, по ассоціаціи идей: я, какъ вы, можетъ быть, изволите помнить, самъ любилъ заниматься въ этомъ гротѣ, а затѣмъ, прочтя посвященіе за вашей подписью:

Спасибо, Фавнъ! ты благосклоненъ былъ ко мнѣ.
Ты принялъ трудъ мой подъ свою охрану!
Спасибо гроту и фонтану
За пѣснь, пропѣтую о старинѣ!..

я рѣшилъ, что вы не можете не побывать здѣсь вновь... хотя... — онъ оборвалъ.

— Хотя?.. что хотя?..—спросила Маруся, ошеломленная тѣмъ, что слышитъ отъ другого написанные ею стихи.

— Вѣдь я не имѣлъ права на это... послѣ вашего письма тогда.

Она подняла на него глаза и сказала серьезно:

— Тѣмъ болѣе я благодарна вамъ... А также и за то... особенно за то, что вы никому не говорили объ этихъ стихахъ... А потомъ и за то еще... что вы запомнили ихъ...

— Немудрено!—отвѣтилъ онъ, прищуриваясь:—они мнѣ очень понравились.

Марусю обдало варомъ. Какъ ни хотѣлось знать ей мнѣніе перваго своего читателя, но у нея не хватило бы духа спросить объ этомъ Данилку, а онъ продолжалъ:

— У васъ очень гладкіе стихи! обыкновенно переводныя вещи выходятъ куда тяжелѣе.

— Переводныя? Какъ такъ?

— Ну, да! вѣдь эта драма, очевидно, переводъ съ нѣмецкаго?

— Вещь вся моя.

— И сюжетъ, и тема?

— Да!

— Тѣмъ больше вамъ чести... Потому что именно темой она меня и захватила. О стихахъ я судья плохой. Конечно, опытный критикъ, можетъ быть, и разнесъ бы ихъ, хотя... мнѣ они очень нравятся, а за идею—честь вамъ и хвала!

Маруся окончательно разругалась и расхрабрилась. Никогда, никогда не предполагала она, что разговоръ о своемъ произведеніи доставляетъ такое удовольствіе!

— Ну, а позвольте спросить, что же вы намѣрены дальше дѣлать?.. Думаете ли напечатать вашу драму?

— Я хотѣла обратиться въ «Ниву», просить, чтобы тамъ напечатали, а потомъ похлопотали бы провести на сцену.

Данило весело разсмѣялся...

— Полноте! нашли благодѣтелей! Кто же это станетъ распинаться за чужое произведеніе, да еще совершенно неизвѣстнаго автора, какъ бы талантливъ онъ ни былъ? Еще большой вопросъ,

примуть ли и въ «Ниву»? У васъ и тема и выраженія весьма сомнительныя въ смыслѣ благонадежности. Того и гляди, обвинять въ политической пропагандѣ. Времена теперь снова, охъ, какія строгія... Убийства Боголѣпова и Сипягина опять подтянули цензуру и заставили насторожиться... Лучше повремените.

— Какъ такъ? Какая же у меня пропаганда?

— Да самая тема ваша. Вѣдь вы же явно пропагандируете отмѣну смертной казни. Это послѣ суда надъ Балмашевымъ?.. У васъ есть такія выраженія, что васъ по 129-ой статьѣ къ отвѣту поставятъ, и никогда вашей пьесы не только на сцену, но и въ печать не пропустятъ.

Маруся опустила голову. Слезы у нея были близки къ горлу, а онъ смотрѣлъ на нее и точно читалъ въ ея душѣ.

— Но вы не огорчайтесь! Вы все-таки написали, по-моему, замѣчательную вещь. И, повѣрьте мнѣ,—будетъ время, когда она увидитъ свѣтъ, а пока не складывайте рукъ и пишите дальше. Вѣроятно, это не первая ваша вещь?

— Нѣтъ, не первая... Я давно пишу, съ дѣтства, но до сихъ поръ такой большой мнѣ написать не удавалось.

— И вы нигдѣ не печатались?

— Нѣтъ!..

— А надо бы!..—онъ взглянулъ на часы.—Ну, мнѣ пора! Прощайте и всего добраго.

Маруся вздохнула.

— И мнѣ пора! Спасибо еще разъ... и знаете... если вы хотите... если вы попрежнему цѣните этотъ гротъ, я очень прошу, забудьте мою глупую ребяческую выходку и заходите въ него по старому. Здѣсь рѣшительно никто не бываетъ, и я тоже не буду мѣшать вамъ.

Онъ, улыбаясь, глядѣлъ на нее сверху внизъ.

— Благодарю васъ, но тѣмъ, чѣмъ я занимаюсь теперь, тутъ заниматься нѣсколько затруднительно.

— Чѣмъ же это?

— Все тѣмъ же... и знаете ли, если мы ужъ заговорили о прошломъ, то въ этихъ занятіяхъ виною отчасти и наша встрѣча тутъ девять лѣтъ назадъ... Помните, вамъ понравились мои рисунки?.. Теперь я готовлюсь въ академію и работаю съ натуры. Во всякомъ случаѣ, спасибо на добромъ словѣ!

Онъ приподнялъ шляпу и вышелъ вмѣстѣ съ Марусей изъ лабиринта. Данила свернулъ къ лазейкѣ, она налѣво въ аллею, но оба прислушивались къ шагамъ другого и думали втайнѣ:

«Неужели это въ послѣдній разъ!..»

Маруся шла точно во свѣ. Теперь, когда окончательно смолкли шаги молодого художника, она снова вызывала его фигуру въ

памяти и голосъ, говорившій: «Вы написали, по-моему, удивительную вещь!»

«И что онъ нашелъ замѣчательнаго въ моей «Повиликѣ»?» Она улыбалась и одно было только досадно, что это говорилъ сынъ Михалки... Конечно, его сынъ... и все-таки... его тонъ былъ такимъ авторитетнымъ... Онъ, значить, призналъ ея талантливость... Неужели, та-лант-ли-вость... Боже! какое счастье! какъ чудно жить на свѣтѣ!..

М. Веселкова-Кильштетъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ГРАФА Н. П. ИГНАТЬЕВА ¹⁾.

ВРЕЗЪ дней десять послѣ подписанія лондонскаго протокола, подписаннаго графомъ Шуваловымъ вмѣстѣ съ представителями другихъ пяти державъ, Порто его отвергнула, разобравъ въ циркулярѣ, адресованномъ ко всѣмъ посламъ своимъ при европейскихъ дворахъ, критически, по пунктамъ, содержаніе его, не допуская вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи и указывая на обоюдное немедленное разоруженіе, одновременно въ Россіи и въ Турціи, какъ на единственное вѣрное средство предотвратить опасности, угрожающія сохраненію всеобщаго мира.

Подстрекательства иностранныхъ агентовъ завели Порту такъ далеко, что вопросъ не могъ быть разрѣшенъ иначе, какъ войною. Нелидовъ, остававшійся въ Константинополѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ, телеграфировалъ въ Вѣну, для передачи мнѣ, при моемъ проѣздѣ, что переговоры съ черногорцами плохо подвигаются, что мало надежды на окончательное соглашеніе, что турецкая пресса возбуждаетъ умы, что вездѣ появляются наклеенныя на стѣнахъ объявленія, требующія отказа черногорцамъ и возвращенія во власть Мидхада ²⁾.

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXVI, стр. 825.

²⁾ Нафанатизированная и подстрекаемая противъ насъ иностранными агентами мусульманская чернь и учащаяся молодежь (софты) приобрѣли тогда несвойственное складу турецкаго правленія значеніе въ Константинополѣ. Это было предвидѣнное мною слѣдствіе вмѣшательства графа Андрáши въ герцеговинское возстаніе, изложенія Мидхада-паши и затѣмъ султана и прекращенія отношеній, существовавшихъ между Портою и русскимъ посольствомъ до 1875 года. Авт.

Общее впечатлѣніе, что война неизбѣжна и что внутренній кризисъ близокъ ¹⁾). При такихъ обстоятельствахъ трудно достигнуть отправленія къ намъ чрезвычайнаго посла, мысль о которомъ продолжаетъ существовать, но для осуществленія ея турки ожидаютъ конца переговоровъ между кабинетами». Мысль эта была внушена мною туркамъ при закрытіи константинопольской конференціи и нашему посольству слѣдовало ее поддержать энергичнѣе и настойчивѣе, какъ единственное средство для предотвращения войны. Очевидно, что лондонскіе переговоры и протоколъ убѣдили Порту въ возможности избѣгнуть униженія предъ Россією и, рассчитывая на поддержку Англій и на отсутствіе искренности въ отношеніи къ намъ другихъ соучастниковъ конференціи, посчитаться съ нами на равной ногѣ.

Былъ оставленъ мною въ Константинополѣ тайный агентъ, состоявшій въ сношеніи съ членами правительства, съ представителями «Юной Турціи» и съ венгерскимъ дѣятелемъ, явившимся тогда въ Турцію, Клапкою ²⁾). Этотъ агентъ, коему я поручилъ стараться подвинуть турокъ къ мирному исходу и къ отправленію для этой цѣли чрезвычайнаго посла, сообщалъ мнѣ до половины марта благоприятныя извѣстія. Такъ, 4-го марта онъ писалъ мнѣ, что три важнѣйшія личности Порты, пользовавшіяся въ это время вліяніемъ на султана, Ахметъ-Вефикъ, Савфетъ ³⁾ и Садыкъ-паша желаютъ избѣгнуть войны мирнымъ, непосредственнымъ соглашеніемъ съ Россією. «Генераль Клапка ⁴⁾ написалъ во вторникъ весьма интересный мемуаръ по поводу нынѣшняго положенія, направленный противъ политики Англій и «Юной Турціи». Выставляя въ немъ могущество Россіи и недостаточность средствъ защиты Турціи, онъ указываетъ на необходимость прежде, чѣмъ взяться за оружіе, имѣть непосредственное объ-

¹⁾ Ожидали третьяго низложенія султана и воцаренія новаго повелителя правовѣрныхъ.
Авт.

²⁾ Георгій Клапка, извѣстный генераль венгерской революціи, родился въ Темешварѣ въ 1820 году, служилъ въ австрійскихъ и венгерскихъ войскахъ и былъ уже въ отставкѣ, когда вспыхнулъ венгерскій мятежъ, въ которомъ ему пришлось сыграть выдающуюся роль начальника побѣдоносныхъ венгерскихъ войскъ. Когда вся Венгрія была побѣждена, Клапка продолжалъ еще защищать городъ Коморнъ, пока не добился почетной капитуляціи 27-го сентября 1849 года. Впослѣдствіи Клапка жилъ въ изгнаніи, сначала въ Лондонѣ, потомъ въ Швейцаріи, гдѣ онъ въ 1855 году получилъ право гражданства. Дальнѣйшая его дѣятельность была хоть и беспокойная, но мало значительная.
А. Б.

³⁾ Первый былъ впослѣдствіи верховнымъ визиремъ, а второй первымъ уполномоченнымъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора. А въ это время Ахметъ-Вефикъ былъ предсѣдателемъ турецкой палаты депутатовъ, созванной на основаніи мидхадовской конституціи.
Авт.

⁴⁾ Убѣжденный доводами агента объ опасности, грозящихъ Турціи и даже Венгріи, если русскія войска займутъ побѣдоносно Балканскій полуостровъ.
Авт.

ясненіе съ русскимъ императоромъ. По его мнѣнію, султанъ могъ бы, узнавъ, что императоръ всероссійскій поѣдетъ на югъ Россіи для смотра войскъ, выѣхать, въ свою очередь, въ Шумлу, подъ тѣмъ же предлогомъ, и оттуда отправить для привѣтствія императора особаго посла съ предложеніемъ личнаго свиданія на какомънибудь пунктѣ. Бude же поѣздка не состоится, султанъ могъ бы отправить посла прямо въ Петербургъ. Мемуаръ объясняетъ, что подобная попытка нисколько не уронила бы достоинство падишаха и дала бы новое доказательство его искренняго желанія сохранить миръ. Въ среду 1-го (13-го) марта мемуаръ Клапки, одобренный Саидомъ, былъ послѣднимъ врученъ султану въ турецкомъ переводѣ. Абдуль-Гамидъ нашель эту мысль отличною и въ тотъ же день принялъ генерала Клапку. Посовѣтовавшись затѣмъ съ Савфетомъ и Ахметъ-Вефикомъ, рѣшено, что въ тронной рѣчи, которую султанъ произнесетъ при открытіи палаты ¹⁾, Абдуль-Гамидъ извѣститъ представителей народа, что, сдѣлавъ всѣ нужныя приготовленія для отчаянной защиты въ случаѣ войны и доказавъ Европѣ силу имперіи, онъ намѣренъ, зная миролюбивыя чувства русскаго императора, сдѣлать послѣднюю попытку для предупрежденія бѣдствій войны: предложить императору Александру II свиданіе или отправить въ Петербургъ заслуживающаго полнаго довѣрія посла ²⁾ для непосредственныхъ объясненій по затронутымъ вопросамъ. Въ рѣчи, которую произнесетъ при этомъ же случаѣ Ахметъ-Вефикъ-Эффенди, онъ также распространится насчетъ цѣлесообразности этой попытки.

«Между тѣмъ агенты наши чрезъ своихъ вліятельныхъ турецкихъ друзей готовятъ общественное мнѣніе въ Стамбулѣ къ вѣроятію мирнаго исхода, благодаря инициативѣ самого султана.

«Махмудъ-Дамадъ, Редифъ и Омеръ-Февзи ³⁾ совершенно поте-

¹⁾ Депутаты были созваны, но формальное открытіе еще откладывалось, пока назначенный султаномъ предсѣдатель—Ахметъ-Вефикъ не составитъ проекта устава и разныхъ недостававшихъ въ конституціи узаконеній. Депутатовъ предсѣдатель долженъ былъ готовить и обучать. Съ легкой руки Мидхада и англичанъ султана принуждали продѣлать всю конституціонную комедію, къ которой онъ тотчасъ и получилъ отвращеніе. Авт.

²⁾ Предполагалось отправить Мехмедъ-Рущди-пашу—бывшаго верховнымъ вѣрнемъ неоднократно и пользовавшагося большимъ авторитетомъ между турками. Авт.

³⁾ Всѣ три принадлежали къ партіи, намъ враждебной. Махмудъ былъ въ родственныхъ отношеніяхъ (по женѣ) съ султаномъ, занималъ мѣсто министра торговли и коммерческихъ судовъ и злоупотреблялъ имъ въ денежныхъ дѣлахъ, что повело къ столкновенію съ русскимъ посольствомъ по дѣламъ русскихъ подданныхъ и къ обвиненію его неправильныхъ и корыстныхъ дѣйствій русскимъ посломъ. Онъ принадлежалъ къ партіи Мидхада и былъ всегда въ головѣ самыхъ ярыхъ патріотовъ мусульманъ, противникомъ европейскаго вѣшателства. Редифъ былъ военнымъ министромъ при сверженіи Абдуль-Азиса и однимъ изъ главнѣйшихъ заговорщиковъ. Омеръ-Февзи выказывалъ себя всегда сторонникомъ Англіи и Австро-Венгріи. Авт.

ряли свое вліяніе во дворцѣ. Послѣдній уже лишился своего поста (министра полиціи) и назначенъ вали (генераль-губернаторомъ) въ Конію; первые два не сегодня—завтра будутъ удалены; это болѣе чѣмъ вѣроятно».

Къ сожалѣнію, было слишкомъ много заинтересованныхъ лицъ довести кризисъ до войны и предупредить мирное разрѣшеніе затрудненій. Подстрекательства иностранцевъ и совѣты англійскаго посольства успѣшно противодѣйствовали слабымъ усиліямъ оставшихся послѣ моего выѣзда изъ Константинополя агентовъ.

Нелидовъ писалъ мнѣ 29-го марта:

«Я рѣшительно не вижу возможности выйти безъ войны изъ настоящаго положенія. Я уже не говорю о внутреннихъ соображеніяхъ, которыя мы должны принять во вниманіе ¹⁾. Но здѣсь на мѣстѣ все такъ развалилось около насъ, мы до того ненавидимы, заподозрѣны и изолированы, что веденіе дѣлъ съ Портою становится совершенно невозможнымъ».

При такихъ обстоятельствахъ было послано Нелидову канцлеромъ первоначально телеграфическое приказаніе, какъ только всѣ коллеги его получатъ тождественныя инструкціи, передать Портѣ безотлагательно протоколъ ²⁾ и декларацію нашего посла въ Лондонѣ, а потомъ, по полученіи въ Петербургѣ отрицательнаго отзыва турецкаго правительства, государь императоръ повелѣлъ Нелидову со всѣмъ посольствомъ и консулами выѣхать изъ Константинополя 12-го апрѣля, заявивъ Портѣ о прекращеніи сношеній и передавъ дѣла русскихъ подданныхъ германскому посольству.

Войскамъ было повелѣно приготовиться перейти въ тотъ день границу турецкую. Мнѣ было приказано находиться въ царскомъ поѣздѣ, при отправленіи государя въ Кишиневъ, куда мы прибыли 11-го. Его величество осматривалъ на пути войска, шедшія въ Турцію, а 12-го на смотру войскъ дѣйствующей арміи въ Кишиневѣ былъ объявленъ манифестъ о войнѣ съ Турціею.

¹⁾ Нелидовъ принадлежалъ къ числу лицъ, желавшихъ войны и полагавшихъ, что она необходима по состоянію умовъ въ Россіи и направленію тогдашней молодежи. Авт.

²⁾ Графъ Шуваловъ всѣми возможными средствами старался поселить и распространить убѣжденіе въ Европѣ, что русскій посоль въ Константинополь хлопочетъ лишь объ одномъ—о войнѣ съ Турціею и одинъ служить помѣхою благополучному и мирному устройству дѣлъ въ Европѣ. Игнатьевъ, молъ, какъ панславистъ и варваръ, ищетъ лишь борьбы, столкновеній и замѣшательства, а графъ Шуваловъ, европейски образованный человекъ, протівится панславистамъ, терпѣть не можетъ славянъ и восточнаго вопроса и стремится постоянно къ улаженію всѣхъ затрудненій и къ водворенію мира, находясь такимъ образомъ въ постоянномъ противорѣчій и антагонизмѣ съ Игнатьевымъ. Графъ Шуваловъ успѣлъ увѣрить въ этомъ и англичанъ и князя Бисмарка, всѣхъ нѣмцевъ и австро-венгровъ. А между тѣмъ факты свидѣтельствуютъ противное. Никто болѣе Игнатьева не употребилъ усилій, чтобы открыть глаза императорскому правительству и предупредить войну. Она была объявлена вслѣдствіе протокола, подписаннаго графомъ Шуваловымъ. Авт.

Напомнивъ о живомъ и постоянномъ участіи, принимаемомъ въ положеніи, христіанскаго населенія Турціи его величествомъ и всѣмъ русскимъ народомъ, государь упомянулъ въ манифестѣ о своемъ желаніи и усиліяхъ улучшить участь жителей Босніи, Герцеговины и Болгаріи дипломатическими переговорами съ Портою, въ согласіи съ другими европейскими державами, отказъ Турціи принять рѣшенія константинопольской конференціи и наконецъ послѣднюю попытку избѣгнуть войны—подписаніе всѣми державами протокола, въ которомъ были указаны самыя умѣренныя границы нашихъ требованій. Порта, отказавшись принять единогласныя, самыя снисходительныя требованія христіанской Европы, принудила его величество, по чувству справедливости и собственнаго достоинства, прибѣгнуть къ оружію.

Войска въ этотъ же день перешли границу, какъ со стороны Румыніи, такъ и Кавказа. Го сударь вернулся чрезъ Кіевъ въ Москву и Петербургъ, а мнѣ разрѣшилъ отдохнуть при семействѣ, проживавшемъ въ Кіевѣ. Въ Москву меня не взяли.

Очевидно было, что съ русской точки зрѣнія желательны были самыя рѣшительныя и быстрыя дѣйствія нашихъ войскъ, которыя не дали бы туркамъ опомниться, доставили бы намъ блистательные результаты и воспрепятствовали бы Европѣ вмѣшаться иначе, какъ для понужденія Порты заключить какъ можно скорѣе миръ.

А между тѣмъ нашъ посолъ въ Лондонѣ графъ Шуваловъ прибылъ въ Петербургъ и употребилъ всевозможныя старанія, чтобы стѣснить сферу нашихъ военныхъ дѣйствій, ограничить театръ войны и поддержать въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ стремленіе довольствоваться полумѣрами на Балканскомъ полуостровѣ, удовлетворить «Европу» и предоставить кабинетамъ опредѣлить конференціею или конгрессомъ, окончательныя послѣдствія предпринятой нами войны. Благодаря представленіямъ и настоянію нашего посла въ Лондонѣ, императорское правительство не дало Великобританіи случая себя связать по рукамъ и по ногамъ, разрѣшивъ графу Шувалову заявить по возвращеніи въ Лондонъ графу Дерби (6-го мая), что Болгарія, которую мы шли освобождать, будетъ ограничена на югѣ Балканскимъ хребтомъ, потерявъ такимъ образомъ изъ виду исходную точку неистовствъ, совершенныхъ въ южной Болгаріи мусульманами и вызывавшихъ предложенія Дерби созвать конференцію, рѣшенія константинопольской конференціи и карту, сообщенную Портѣ европейскими представителями, наконецъ европейскій ультиматумъ, поданный ими Портѣ наканунѣ выѣзда пословъ всѣхъ державъ изъ Константинополя. Но что еще было неосторожнѣе и еще менѣе сообразно какъ съ достоинствомъ Россіи, такъ и съ прямыми цѣлями войны—это обязательство ограниченія театра военныхъ дѣйствій. Забывая, что, стѣсняя предприимчивость нашихъ войскъ, мы ставимъ себя въ самыя не-

выгодныя условія неравной борьбы и рискуемъ лишить русскую армію многихъ преимуществъ свободы дѣйствій и выбора операціонныхъ линій, неожиданности для противника при распространеніи предпріятій нашихъ на большемъ пространствѣ, принужденія турокъ разбрасывать свои силы и уменьшаемъ значительно нравственныя средства и силу наступленія, графъ Шуваловъ и поддавшійся ему канцлеръ увлекли было императорское правительство въ обязательство предъ Англіею не переступать Балканы ¹⁾ и не пользоваться свободно всѣми тѣми средствами достиженія побѣды, которыя мы могли извлечь изъ диверсіи и содѣйствія всего немусульманскаго населенія Балканскаго полуострова. Хотя инструкціи графа Шувалова, имъ исходатайствованныя въ Петербургѣ, были измѣнены впоследствии въ Плоэшти по прибытіи моемъ въ главную квартиру; но содержаніе первоначальныхъ инструкцій посла было уже извѣстно англійскому правительству, а предупредительный и нерѣшительный нашъ образъ дѣйствій въ Лондонѣ далъ поводъ Великобританіи обвинять насъ впоследствии въ вѣроломствѣ и заявить намъ въ концѣ мая, что наше нападеніе на Константинополь, Дарданеллы, Египеть, Суэць и Персидскій заливъ будутъ сочтены ею за прямое нарушеніе британскихъ интересовъ.

Пока я проживалъ въ деревнѣ съ своимъ семействомъ, я получилъ два письма на французскомъ языкѣ отъ Нелидова, управляющаго дипломатическою канцеляріею при великомъ князѣ главнокомандующемъ,—долго не двигавшемся съ мѣста, оставаясь въ Кишиневѣ,—бросающія странное освѣщеніе на образъ мыслей и настроеніе главной квартиры послѣ объявленія войны, когда каждый день, потерянный въ бездѣйствіи, уменьшалъ возможность быстрого окончанія войны и увеличивалъ средства противниковъ.

Первое письмо отъ 27-го апрѣля изъ Кишинева слѣдующее:

«Пишу къ вамъ эти строки по приказанію великаго князя, чтобы попросить васъ ходатайствовать передъ сильными міра сего ²⁾ въ пользу энергическаго и рѣшительнаго образа дѣйствія. Оказывается, что въ Петербургѣ снова преобладаетъ мирное настроеніе ³⁾

¹⁾ Точно такъ же, какъ передъ хивинскою экспедиціею генераль-адъютанта Кауфмана нашъ лондонскій посолъ хотѣлъ, чтобы мы обязались не брать гор. Хивы и дать обѣщаніе въ этомъ смыслѣ англійскому правительству. Авт.

²⁾ Кто могъ быть сильнымъ и вліятельнымъ и отъ кого могло наиболѣе зависѣть энергическое и разумное веденіе войны, нежели отъ главнокомандующаго дѣйствующей арміи, перешедшей границу, съ минуты объявленія войны 12-го апрѣля? Не князю же Горчакову и дипломатамъ рѣшать способъ нанесенія наибольшаго вреда туркамъ и веденія войны. При томъ, что же я могъ предпринять, будучи въ деревнѣ, отстраненный отъ всякаго участія въ военныхъ и дипломатическихъ обсужденіяхъ? Авт.

³⁾ Вслѣдствіе посѣщенія графа Шувалова и привезенныхъ имъ изъ Англіи и Германіи свѣдѣній. Авт.

и что мы спасаемся, основываясь на прошломъ, что будутъ снова искать мирнаго разрѣшенія ¹⁾).

«Государь высказалъ лично Катарджи ²⁾, что Сербія произнесетъ свой собственный смертный приговоръ, оставаясь въ бездѣятельности въ продолженіе войны. Отправка въ Сербію князя Имеретинскаго была рѣшена, и Катарджи увѣрялъ, что вы ему говорили, что милліонъ рублей, просимый княземъ Миланомъ для возобновленія военныхъ дѣйствій Сербіи, будетъ ему данъ ³⁾. А между тѣмъ великій князь получилъ сегодня телеграмму канцлера, что, по высочайшему повелѣнію, онъ предписалъ Карцеву ⁴⁾ объявить князю Милану, чтобы онъ принялъ собственными средствами ⁵⁾ оборонительныя мѣры ⁶⁾ и избѣгалъ подъ личною своею отвѣтственностью всякаго нападенія или вызывающаго дѣйствія. Одновременно Карцева вызываютъ, что требовалъ великій князь ⁷⁾, но еще никѣмъ не замѣщаютъ,—что дастъ поводъ сербамъ, а можетъ быть, и туркамъ, предположить, что мы бросаемъ княжество. Если это лишь военная хитрость, имѣющая цѣлью не раздражать Европу и приостановить наступленіе сербовъ до того времени, когда мы перейдемъ Дунай, то тѣмъ лучше; но слѣдовало бы дать сербамъ и время и средства для приготовленія къ открытію военныхъ дѣйствій; но если это означаетъ совершенное отреченіе отъ ихъ содѣйствія, то намъ (отсюда) кажется это прискорбнымъ и весьма неутѣшительнымъ для будущности нашего наступленія,

¹⁾ Когда можно и должно было не ввязываться въ войну, тогда князь Горчаковъ былъ воинственъ и заключилъ договоръ съ Австро-Венгріею въ виду распадѣнія Турціи, а когда война была объявлена, не хотѣлъ употреблять должныхъ энергическихъ средствъ для обезпеченія побѣды намъ, стараясь сузить и уменьшить наши способы дѣйствій, локализовать войну, обративъ ее, въ угоду Европѣ, въ какую-то военную демонстрацію. Можно ли было ожидать успѣха при такомъ веденіи дѣлъ?
Авт.

²⁾ Въ Кишиневѣ, послѣ объявленія войны, въ бытность мою при его величествѣ Катарджи былъ присланъ привѣтствовать государя и состоять при дѣйствующей арміи. Онъ родственникъ Милана и состоялъ на военной сербской службѣ. Авт.

³⁾ Такъ какъ Сербія была истощена войною и должна была пополнить свои военные запасы для успѣшнаго возобновленія военныхъ дѣйствій одновременно съ переходомъ нашихъ войскъ черезъ Дунай,—что создало бы полезную диверсію и отвлекло часть войскъ Османъ-наши,—то предполагалось дать сербскому правительству милліонъ рублей, съ тѣмъ, что израсходованіе ихъ будетъ производиться подъ наблюдениемъ императорскаго комиссара, который и будетъ руководить княземъ Миланомъ. Обязанность эту хотѣли возложить на князя Имеретинскаго, находившагося въ свитѣ государя и при дѣйствующей арміи. Авт.

⁴⁾ Нашему генеральному консулу въ Бѣлградѣ. Авт.

⁵⁾ Т.-е. не считывая на нашу помощь—денежную или военную. Авт.

⁶⁾ На случай вторженія турецкихъ регулярныхъ или иррегулярныхъ войскъ. Авт.

⁷⁾ Наши добровольцы и въ послѣднее время наши военные, командированные въ Сербію, постоянно жаловались на Карцева, на недостатокъ его содѣйствія. Главная квартира и Нелидовъ были тоже имъ недовольны. Авт.

которое мы должны бы выполнить безъ всякихъ постороннихъ соображеній, т.-е. употребляя всѣ нужныя средства для достиженія успѣха. Мы, разумѣется, находимся въ неизвѣстности тѣхъ соображеній, которыя могутъ доставить въ Петербургѣ преобладаніе политикѣ воздержанія, и вотъ почему великій князь просить васъ употребить ваше стараніе, чтобы второстепенныя опасенія и нерѣшительность, внушаемая изъ Лондона или Вѣны¹⁾, не причинили бы остановки въ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ, начатыхъ подъ самыми счастливыми предзнаменованіями, и не портгли конечный результатъ, которому, казалось бы, слѣдовало стараться придать, согласно нашимъ интересамъ, возможно наиболѣе рѣшительный характеръ.

«Другая причина нашего безпокойства—это телеграмма Гирса, сообщающая, что турки упали духомъ²⁾ и сдѣлали предложенія Франціи содѣйствовать мирному исходу³⁾, на основаніи территориальныхъ уступокъ въ Азіи⁴⁾ и вассальной автономіи Болгаріи. Мы имѣемъ основаніе опасаться, что у насъ захотятъ прекратить войну и удовлетвориться полумѣрою. *Le vin est tiré, il faut le boire* (начатое дѣло надо кончить), а армія жаждетъ сразиться. Какіе бы ни были политическіе успѣхи, пріобрѣтенные нашею военною демонстраціею, Бисмаркъ правъ, когда говорилъ, что намъ нужны лавры побѣдныя⁵⁾. Въ противномъ случаѣ—мы будемъ ворчать⁶⁾...

¹⁾ Т.-е. чрезъ Шувалова или Новикова, нашихъ пословъ въ Лондонѣ и Вѣнѣ, которые постоянно старались тормозить энергическія мѣропріятія въ смыслъ русскихъ исключительныхъ интересовъ и внушать императорскому правительству мысли, преобладавшія въ правительствахъ, при которыхъ они были аккредитованы. Авт.

²⁾ Вотъ откуда проискаетъ легкомысленное заключеніе, которое противорѣчило совершенно моему воззрѣнію, что открывшаяся кампанія будетъ простою военною прогулкою и окончится весьма быстро предложеніемъ турокъ непосредственно государю перемирія и мира. Авт.

³⁾ Весьма прискорбно, что, понадѣявшись на нашихъ союзниковъ, на договоръ нашъ съ Австріею и на быстрые и блестящіе результаты военныхъ дѣйствій, не дано было хода этому выгодному предложенію. Очевидно, что не только Берлинъ и Вѣна, но и Лондонъ употребили всевозможныя старанія, чтобы отклонить посредничество Франціи. Вотъ еще одинъ изъ отрицательныхъ результатовъ вѣры въ тройственный союзъ. Авт.

⁴⁾ Батумъ, Ардаганъ и измѣненіе границы Карскаго пашалыка, согласно тому, что было указываемо мною въ Константинополѣ, во время конференціи. Авт.

⁵⁾ Полагая, что лавры легко и обильно добудутся, главная квартира была очень тогда воинственна. Совершенно обратное расположеніе преобладало въ дни неудачъ подъ Плевною и въ особенности послѣ преодоленія всѣхъ трудностей, въ Адрианополѣ, когда нужно было сохранить хотя сотую долю кишиневскаго пыла, чтобы достигнуть самыхъ блестящихъ и полезныхъ результатовъ. Тогда главная квартира и болѣе всѣхъ Нелидовъ и начальникъ штаба генералъ Непокойчицкій жаждали прекращенія военныхъ дѣйствій, опасались осложненій и слишкомъ большихъ требованій нашихъ и торопились наслаждаться благами мира и бездѣйствія. Авт.

⁶⁾ Только статскій человѣкъ могъ такъ выразиться объ арміи. Авт.

«Мы наканунѣ нашего перемѣщенія. Великій князь перѣзжаетъ въ воскресенье 1-го мая въ Бухарестъ, съ самою ограниченою свитою. Я нахожусь въ ея составѣ. Главная квартира выходитъ изъ Кишинева въ Плоэшти около 9-го мая. Нѣтъ надобности мнѣ вамъ говорить, что у насъ будутъ интересные совѣщанія и переговоры, но я опасаясь встрѣтить и затрудненія со стороны румынъ. Братьяно пріѣзжалъ сюда, чтобы начать свои разсужденія и старался ввести свои взгляды въ наши планы. Ему твердо объявили наши желанія. Намѣрены ¹⁾ повторить ихъ князю Карлу въ самой любезной формѣ. Полагаю, что онъ удовольствуется, но правительственные румыны способны показаться несоговорчивыми, мы же не расположены уступать. Мы хотимъ сверхъ того ²⁾ сговориться съ ними касательно совокупнаго дѣйствія за Дунаемъ. Со стороны румынъ это ставится въ зависимость отъ условій политическаго свойства, которыя мы желаемъ отклонить. Все это заключается въ двухъ депешахъ ³⁾, посылаемыхъ мною сегодня канцлеру. Но положеніе трудное, и я выбился физически изъ силъ, не говоря уже объ усталости нравственной, доходящей до чрезвычайности. Лишь бы силы вынесли» ⁴⁾.

Я тотчасъ же отвѣтилъ Нелидову, что энергическій способъ дѣйствій зависитъ отъ самого великаго князя, что главнокомандующій *не долженъ ни много говорить, ни писать и сообщать въ Петербургъ лишь совершившіеся факты. Я лично, въ трудныхъ обстоятельствахъ, всегда руководствовался этимъ правиломъ. Надо уметь брать на свою ответственность, когда великое дѣло поручено* ⁵⁾. Что касается до милліона рублей, упоминаемаго Катарджи,

¹⁾ Т.-е. великій князь располагалъ.

Авт.

²⁾ Т.-е. сверхъ требованій, касавшихся содѣйствія мѣстныхъ властей прохожденію нашихъ войскъ чрезъ Румынію и устройства тыльнаго управленія и снабженія.

Авт.

³⁾ Которыя мнѣ никогда не были показаны.

Авт.

⁴⁾ Еще главная квартира не двинулась съ мѣста, еще не было полныхъ двухъ недѣль, что Нелидовъ исполнять свои обязанности, еще походъ не начался, — а онъ уже изнывалъ и силами и духомъ. Что можно было ожидать отъ такого дряблага совѣтника, въ трудныхъ обстоятельствахъ и при необходимости энергическаго дѣйствія, упорной работы?

Авт.

⁵⁾ Многое въ «Запискахъ Н. П. Игнатьева», для знавшихъ его лично, подтверждаютъ то впечатлѣніе, которое получалось изъ личнаго соприкосновенія съ этимъ вполне «живымъ» русскимъ человѣкомъ: въ немъ была сила самороднаго творчества. Изъ брызговъ его блестящаго ума получалась, даже помимо всякаго намѣренія съ его стороны, цѣлая доктрина практическаго искусства дипломатіи. Онъ былъ одновременно, самъ того не замѣчая, *творецъ и учитель*. Съ этой точки зрѣнія представляется весьма заманчивымъ собрать и, такъ сказать, сконцентрировать крупницы его поученій, дабы эта премудрость перешла къ слѣдующимъ болѣе даровитымъ поколѣніямъ, способнымъ пойти по его указаніямъ. Сдѣлаемъ такую попытку, руководясь надеждой, что не всегда въ нашемъ отечествѣ будутъ преобладать въ области дипломатической

то я ему вовсе не говорилъ, что ему дадутъ еще миллионъ рублей, а напомнилъ, что Сербіи данъ былъ уже миллионъ рублей, и совѣтовалъ заслужить своими дѣйствіями все, что для Сербскаго княжества уже принесено нами жертвъ и будетъ еще сдѣлано нами. Вообще относительно Бѣлграда великій князь не долженъ забывать, что направленіе сербскихъ дѣлъ вполнѣ отъ него теперь зависить, разъ что государь (въ Кишиневѣ при объявленіи войны) его уполномочилъ находиться въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Сербією и посовѣтовалъ, — въ отвѣтъ на письмо, привезенное въ Кишиневъ Катарджи, — князю Милану руководствоваться указаніями главно-

дѣтельности одни только *кустарные* способы; но что настанетъ время, когда въ почетѣ будутъ и творчество, и мысль, и высшее искусство.]

Изъ сличенія отмѣченнаго здѣсь мѣста и ряда другихъ выдержекъ, указанныхъ ниже въ «Запискахъ Игнатьева», получается рядъ положительныхъ правилъ, которыми Н. П. Игнатьевъ придавалъ громадное значеніе и въ которыхъ кроется, съ одной стороны, секретъ его поразительныхъ успѣховъ всюду, гдѣ только бездарныя высокопоставленныя лица не связывали его по рукамъ и ногамъ, съ другой — тотъ глубокий антагонизмъ, который существовалъ между нимъ и весьма вліятельными въ петербургскихъ сферахъ сановниками.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ основныхъ правилъ:

1. Многогѣчивость и многописаніе (въ сторону Петербурга) есть источникъ слабости для крупнаго дѣятеля, облеченнаго властью. Поэтому главнокомандующему надо дѣлать, а не говорить, — смѣло создавать фактическое положеніе, а не пускаться въ безконечныя разсужденія. *«Надо уметь брать на свою отвѣтственность, когда великое дѣло поручено».*

2. Въ осуществленіи *плана войны* возникаетъ вопросъ: наступать ли медлительно, вѣчно связывая армию, передъ самымъ дѣйствіемъ, — надеждой на одобреніе со стороны другихъ державъ; ограничивая ея поле брани *заботливостью о локализаци* (!!) бѣдствій войны; давъ обѣщаніе, «что мы не перейдемъ Балканы»? Нѣтъ, — говоритъ Игнатьевъ: — «снелъзья итти на войну, давъ себѣ предварительно связать одну руку и ногу». Надо — «двинуть быстро всю важную силу за Балканы», — «итти прямо на Адрианополь, затѣмъ «на Галлиполи», «на Константинополь, всюду попутно «уничтожая турецкіе корпуса».

Самое отношеніе постороннихъ державъ будетъ различное, смотря по тому, будемъ ли мы дѣйствовать рѣшительно; или колебаться.

3. Весьма важно *воздержаніе отъ вредныхъ и преждевременныхъ «перемирій»*, яко бы внушенныхъ филантропическими соображеніями. Нѣтъ ничего страшнѣе, какъ связываніе рукъ дѣйствующей арміи изъ-за гуманитарныхъ соображеній, когда *цѣль* еще не достигнута. Близорукій видитъ тутъ сбереженіе человѣческой крови; дальновидный скажетъ, что это — преступленіе противъ собтвеннаго народа, кровь котораго прольется потомъ въ еще большемъ количествѣ, если *несвоевременное* перемиріе подсѣкло его усилія къ достиженію близкой цѣли.

Замѣчательно во всей техникѣ Игнатьевской работы къ подготовкѣ состоявшася 9-го января 1878 года адрианопольскаго перемирія, съ какою энергією онъ настаивалъ въ высшихъ сферахъ на томъ, чтобы наши военныя власти не соглашались даже начинать переговоры, пока не будутъ приняты со стороны непріятеля нѣкоторыя необходимыя (минимальныя) начала и пока не будутъ заняты опредѣленные территориальные пункты.

Нельзя не замѣтить, что эта работа Игнатьева въ Порадимѣ (ноябрь 1877 г.) была тѣсно связана съ послѣдовавшей затѣмъ дѣятельностью по заключенію Санъ-Стефанскаго договора, который никогда не могъ бы быть заключенъ и принять тур-

командующаго. Затѣмъ я пустился въ разсужденія относительно способа веденія войны и указывалъ на необходимость, какъ только мы перейдемъ въ достаточномъ числѣ рѣку Дунай, *двинуть быстро*, не теряя времени, кавалерію, болгарское ополченіе и передовыя войска арміи за *Балканы*, захватить Казанлыкъ, Ямбольскую вѣтвь желѣзной дороги и итти прямо на *Адріанополь*, не давая времени турецкому главнокомандующему сосредоточить тамъ свою армію и притянуть войска (Сулейманъ-паша) изъ Герцеговины и Албаніи. Разъ, что мы овладѣемъ Адріанополемъ, надо направить одну часть арміи на *Галлиполи*, а другую *прямо на Константинополь*¹⁾, чтобы овладѣть этими проходами прежде, нежели англи-

ками въ такой близкій срокъ (19-го февраля) и съ такимъ полнымъ повиновеніемъ, если бы не были проведены до переговоровъ вышеуказанныя начала.

4. *Использованіе людей, знающихъ мѣстныхъ условія*, было неустаннымъ руководящимъ правиломъ въ дѣятельности Игнатьева. До составленія прокламаціи къ болгарамъ онъ считаетъ нужнымъ справиться у этихъ мѣстныхъ людей: «до какихъ именно пунктовъ на югъ въ сторонѣ Салоникъ, Каваллы и Константинополя доходятъ болгарскія поселенія—прежде, нежели манифестомъ «обязываться всѣхъ ихъ освободить». Такой методъ этнографическаго реализма далъ Н. П. Игнатьеву возможность достигнуть посредствомъ Санъ-Стефанскаго договора наиболѣе правильнаго размежеванія народностей на такой почвѣ, гдѣ литература и наука продолжали еще долгое время биться въ безконечныхъ противорѣчійхъ, отчасти потому, что у многихъ людей «изъ-за деревьевъ не видно лѣса». Эта практическая способность Игнатьева къ разрубанію гордіевыхъ узловъ придавала особенное значеніе Санъ-Стефанскому договору. Отмѣненный (съ формальной стороны) Берлинскимъ,—Санъ-Стефанскій договоръ по этой причинѣ идейно переживетъ поколѣнія, тогда какъ Берлинскій договоръ—уже нынѣ представляетъ собою лишь зловѣщую руину

5. *«Россія имѣетъ историческую цѣль на Балканскомъ полуостровѣ»*, и ее наша дипломатія не въ правѣ терять изъ виду. Между тѣмъ, мы не только теряемъ постоянно эту цѣль изъ виду,—но «измѣняемъ свои воззрѣнія подъ впечатлѣніемъ минуты» и вслѣдствіе личныхъ настроеній. Характерно, что Н. П. Игнатьевъ именно эту мысль доложилъ во всей полнотѣ императору Александру II тотчасъ по прибытіи своемъ въ Порадимъ, въ главную квартиру (въ концѣ ноября 1877 года). Царь-Освободитель, очевидно, одобрилъ эту идею, такъ какъ усиленіе вліянія Игнатьева послѣдовало въ ближайшее время послѣ Порадима, и плодомъ этого проникновенія упомянутой идеей явилась, дѣйствительно, великая «историческая» страница для Россіи.

6. *«Миръ во что бы то ни стало»*, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя мѣста изъ «Записокъ Игнатьева», былъ уже тогда излюбленной темой петербургскихъ надеждъ. Въ наши дни нерѣдко можно было слышать апологію этого *духовнаго некроза* нашихъ вышнихъ сферъ: намъ говорили съ разныхъ сторонъ, что «побѣжденной» Россіи эта пигмейская идея вполнѣ по-плечу. Но теперь изъ Игнатьевскихъ записокъ видно, что и *побѣжденной* Россіи навязывали въ концѣ 1877 года тотъ же кладбищенскій лейтмотивъ. Но и оцѣнку его Н. П. Игнатьевъ далъ ясную и опредѣлительную, на аудіенціи у Александра II. Онъ сказалъ: «Петербургъ жаждетъ возвращенія вашего величества и заключенія какого бы то ни было мира; тогда какъ *вся Россія* желаетъ также скорѣйшаго возвращенія государя, но *надѣется, что заключенный миръ будетъ соответствовать принесеннымъ жертвамъ и покоиться на прочномъ основаніи*. (См. въ «Запискахъ»—ниже). А. Б.

¹⁾ См. примѣчаніе 5 на стр. 6200.

чане успѣютъ проникнуть въ Босфоръ со своимъ десантомъ изъ Мальты, которымъ пугаль Петербургъ графъ Шуваловъ.

Нелидовъ отвѣчалъ мнѣ изъ Плоэшти 15-го мая: «Я только что началъ писать вамъ длинное письмо, когда получилъ вашу телеграмму, извѣщающую меня о вашемъ прїѣздѣ къ намъ въ понедѣльникъ 23-го мая. А потому я располагаю словесно Вамъ передать все то, что я долженъ былъ вамъ сообщить. Но я не могу отложить изъясненіе признательности моей за ваше любезное и интересное письмо отъ 29-го апрѣля. Я его прочелъ великому князю, который согласился съ большею частью вашихъ замѣчаній. Но сербское дѣло получило, какъ вы, можетъ быть, уже знаете¹⁾, совершенно иное направленіе. Положительнымъ образомъ остановили тамъ одушевленіе, начинавшее тамъ проявляться, и, какъ, по полученнымъ точнымъ свѣдѣніямъ, желаніе дѣйствовать было болѣе или менѣе искусственно возбуждено, а наступательныя средства княжества ничтожны, я не скрою отъ васъ, что я радуюсь бездѣйствію Сербіи. Съ другой стороны, предстояла опасность бросить вызовъ Австріи и хотя наша конвенція (съ этою державою) не препятствуетъ движенію сербовъ за Дунаемъ, положеніе въ Венгріи становилось критическимъ, и вѣнское правительство было бы непременно вовлечено въ враждебное намъ дѣйствіе²⁾, если бы проявить возбужденіе умовъ въ Сербіи, поддержанное нашими агентами и направляемое русскимъ генераломъ.

«Что касается Румыніи, то совершенно иное дѣло. Они (не очень расположены воевать и) просятъ, для открытія военныхъ дѣйствій, и денегъ, и ручательствъ, и обѣщаній въ будущемъ. Но такъ какъ ихъ содѣйствіе, во всякомъ случаѣ, было бы запоздалымъ и недѣйствительнымъ, намъ казалось предпочтительнымъ оставить ихъ спокойными, предоставляя имъ начать дѣйствовать, если они захотятъ и какъ они вздумаютъ. Я увѣренъ, что они выступятъ—но лишь тогда, когда мы уже перейдемъ за Балканы; мы зато не предрѣшимъ будущихъ результатовъ своими обѣщаніями. Надо сознаться, впрочемъ, что Румынію очень трудно удовлетворить. Мы должны сохранить прямое сообщеніе съ Болгаріею; наши военные

¹⁾ Министерство иностранныхъ дѣлъ тщательно скрывало отъ меня все происшедшее и касающееся Восточнаго вопроса и войны до тѣхъ поръ, пока его величество лично не приказывалъ поставить меня въ извѣстность какого-либо спеціальнаго дѣла.

Авт.

²⁾ Хорошъ союзникъ, для котораго мы столько жертвовали съ 1875 года, благодаря которому мы ввязались въ войну и полагаются даже на благорасположенное безучастіе котораго мы не могли, несмотря на только что заключенную конвенцію для этого спеціальнаго случая. Нелидовъ слѣпо держался за соглашеніе съ Австро-Венгріею съ самаго возникновенія герцеговинскаго вопроса и много повредило въ главной квартирѣ во время моихъ отсутствій. Тутъ увлеченіе австрійскою точкою зрѣнія заставляло его впасть въ совершенное противорѣчіе съ письмомъ, написаннымъ мнѣ за двѣ недѣли, по желанію великаго князя.

Авт.

противятся, чтобы имъ отдали крѣпости, и требуютъ, чтобы онѣ были уничтожены. Съ другой стороны, румыны не хотятъ присоединять къ себѣ славянъ, а острова Дельты (дунайскаго устья), безъ Добруджи и Бессарабіи, были бы для нихъ ничтожными отдѣльными клочками ¹⁾ Въ настоящую минуту они зарятся на треугольникъ, составленный Дунаемъ, рѣкою Ломомъ и сербскою границею, обитаемый значительнымъ румынскимъ населеніемъ ²⁾. Но это слишкомъ недостаточно ³⁾. Что насъ тревожитъ здѣсь въ настоящую минуту, это англійскія предложенія, поддержанныя Шуваловымъ, клонящіяся къ тому, чтобы насъ ввести въ обманъ, остановить наши арміи или ограничить театръ нашихъ будущихъ успѣховъ въ Болгаріи. Мы радуемся вашему прибытію, чтобы противодѣйствовать этому прискорбному направленію, какъ я лично вообще радуюсь, что вы скоро будете здѣсь...»

8-го мая графъ Адлербергъ телеграфировалъ кievскому генералъ-губернатору князю Дондукову-Корсакову для передачи мнѣ въ деревню, что я назначенъ, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ генералъ-адъютантовъ «состоять при государѣ императорѣ во время предстоящаго пребыванія его величества въ дѣйствующей арміи, куда мнѣ слѣдуетъ прибыть къ 24-му маю, имѣя съ собою верховыхъ лошадей и собственный обозъ».

Я наскоро снаряжился и явился въ Плоэшти 23-го мая, а на другой день прибыли мои верховыя и упряжныя лошади со всѣми походными принадлежностями. Изъ дипломата я преобразился въ военнаго, состоящаго въ свитѣ, безъ опредѣленныхъ занятій, кромѣ очереднаго дежурства при государѣ, безъ вліянія, отвѣтственности и значенія. Единовѣрцы наши, западные дипломаты и славяне, никакъ этого понять не хотѣли и продолжали обращаться ко мнѣ, что ставило меня нерѣдко въ большое затрудненіе и въ фальшивое положеніе. Получаемыя такимъ образомъ свѣдѣнія, я,—не имѣя средствъ провѣрить и извлечь изъ нихъ пользу для службы,—передавалъ въ главную квартиру, князю Горчакову, военному министру или князю Черкасскому, смотря по роду дошедшихъ до меня извѣстій. Но, къ сожалѣнію, я скоро убѣдился, что главная квартира, руководствуясь предвзятыми мыслями и самолюбіемъ, не извлекала желаемой мною и должной пользы изъ свѣдѣній и указаній, получаемыхъ при моемъ посредствѣ. А потому послѣ пере-

¹⁾ Торгъ съ румынами, въ маѣ мѣсяцѣ, могъ лишь породить между нами недоразумѣнія. Кто уполномочивалъ Нелидова предлагать румынамъ присоединеніе славянскаго населенія, дунайскіе острова или болгарскія крѣпости? Авт.

²⁾ Смѣсь болгарскаго населенія съ сербами и румынами, но часть сихъ послѣднихъ обогарилась и не желала вовсе отдѣлиться отъ Болгаріи. Авт.

³⁾ Замѣчательно, что даже подобную уступку, т. е. отрѣзку отъ Болгаріи, Нелидовъ все еще считалъ недостаточною для вознагражденія румынъ. Главная квартира расщедрилась прежде начала войны. Авт.

правы чрезъ Дунайъ я пересталъ навязываться и терпѣливо, но не безъ горести, ожидалъ царскаго призыва на болѣе дѣятельную и соотвѣтственную моимъ мѣстнымъ свѣдѣніямъ и опыту, пріобрѣтенному на Востокѣ, службу. Мнѣ не разъ хотѣлось вызваться на командованіе корпусомъ или передовымъ отрядомъ, но на сдѣланные намеки мнѣ всякій разъ давали замѣтить, что государь держитъ меня при себѣ на случай переговоровъ съ Турками, что мнѣ будетъ поручено заключеніе мира и что при томъ мнѣ неловко поручить вести въ огонь войска, тогда какъ я уже 22 года не былъ при войскахъ и не командовалъ частью. При такихъ отъѣвахъ меня еще стѣсняло съ юношества усвоенное правило ни на что не напрашиваться самому, принимаясь за ретивое исполненіе того долга, который будетъ мнѣ ниспосланъ свыше. Касательно переговоровъ съ турками тогда существовало въ главной квартирѣ странное предположеніе, что султанъ воспользуется переходомъ нашимъ за Балканы ¹⁾ или потомъ паденіемъ Плевны и движеніемъ нашихъ войскъ къ Софіи, чтобы просить мира. Я не переставалъ повторять государю и лицамъ, спрашивавшимъ моего мнѣнія, что пока мы не подойдемъ къ Адрианополю и не возьмемъ этого города, интриги англичанъ не дозволятъ султану и тѣмъ изъ благомыслящихъ турокъ, которые сознаютъ необходимость мира, отказаться отъ сопротивленія и вступить искренно въ переговоры съ нами; когда же мы перейдемъ за Адрианополь—съ турками можно будетъ сдѣлать все, что угодно ²⁾. Всего однажды былъ я призванъ участвовать въ

¹⁾ Это предположеніе, впрочемъ, едва не оправдалось: напуганный движеніемъ отряда генерала Гурка въ іюнѣ за Балканы и предполагая, что это лишь авангардъ главной арміи, направляющійся прямо на Адрианополь, смущенный появленіемъ въ Стамбулѣ мусульманскихъ бѣженцевъ изъ долины рѣки Тунджи, изъ-подъ Филиппополя и Адрианополя, а также отсутствіемъ достаточныхъ войскъ для прикрытія Константинополя, такъ какъ войска Сулейманъ-паши, стягиваемыя съ черногогорскаго театра войны, еще не прибыли въ Деде-Агачъ и не успѣли сосредоточиться у Адрианополя, султанъ отправилъ Реуфъ-пашу, тогдашняго морскаго министра и пользовавшагося его особеннымъ довѣріемъ,—въ качествѣ противника Мидхада, Вефика и Сулеймана, участвовавшихъ въ заговорѣ противъ Абдуль-Азиса,—навстрѣчу русскимъ войскамъ, уполномочивъ его, если нельзя будетъ остановить наступленіе къ Адрианополю, просить у генерала Гурка пріостановки военныхъ дѣйствій и перемирія. Султанъ предполагалъ прибыть въ Адрианополь и просить личнаго свиданія съ государемъ для прекращенія войны и заключенія мира. Реуфъ-паша подтвердилъ мнѣ всѣ эти свѣдѣнія, когда ѣхалъ со мною изъ Одессы въ Петербургъ, и потомъ лично самому государю. Благоприятное намъ расположеніе въ Стамбулѣ тотчасъ круто измѣнилось, когда Реуфъ-паша, сдѣлавъ рекогносцировку, удостовѣрился, что передъ отступавшими турецкими войсками находится лишь одна кавалерія, два-три батальона русскихъ стрѣлковъ и болгарская милиція, а войска Сулеймана, высадившись въ Деде-Агачъ, стали собираться къ мѣсту дѣйствій. Авт.

²⁾ Къ сожалѣнію, мы успѣли заключить перемиріе въ Адрианополѣ, начавъ переговоры еще въ Казанлыкъ, и дали возможность английской эскадрѣ пройти къ Константинополю ранѣе насъ. Авт.

совѣтъ, собиравшемся у государя въ Плоэшти, вскорѣ послѣ прибытія его величества въ главную квартиру. Передъ тѣмъ мнѣ дали на прочтеніе манифестъ государя къ болгарамъ, составленный княземъ Черкасскимъ совмѣстно съ барономъ Жомини, какъ представителемъ министра иностранныхъ дѣлъ, и уже отпечатанный для раздачи населенію послѣ ожидавшагося перехода чрезъ рѣку Дунай. На совѣтъ участвовали, кромѣ государя наслѣдника и главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича, канцлеръ князь Горчаковъ, генераль-адъютантъ Непокойчицкій, князь Черкасскій ¹⁾. Не касаясь всего происходившаго на совѣтъ, отмѣчу лишь мое личное въ немъ участіе. Исполняя желаніе великаго князя, я выставилъ невозможность—разъ что война начата—подчинять военныя дѣйствія разнымъ дипломатическимъ соображеніямъ другихъ иностранныхъ державъ и въ особенности опредѣлять заранѣе размѣры того пространства театра войны, которое можетъ быть занято нашими войсками, какъ *пытается это сдѣлать Англія. «Итти на войну, давъ себѣ предварительно связать одну руку и ногу,—безсмысленно, и я считаю неслыханною дерзостью со стороны великобританскаго правительства осмѣливаться сдѣлать намъ предложеніе, чтобы мы не переходили Балканы»* ²⁾. Отъ султана, или, лучше сказать, отъ его европейскихъ совѣтниковъ зависитъ продолжительность войны. Если Англія желаетъ, чтобы мы не переходили Балканскій хребетъ, пусть она отступится отъ турокъ, заявитъ это султану и энергично требуетъ въ Константинополѣ, чтобы просили у насъ мира и прекращенія военныхъ дѣй-

¹⁾ Князь Владимиръ Александровичъ Черкасскій родился въ 1824 году, въ Тульской губерніи. Уже съ университетской скамьи заинтересовавшись аграрнымъ вопросомъ, онъ въ концѣ царствованія Николая I сдѣлалъ собственный опытъ освобожденія его же крѣпостныхъ крестьянъ. Въ 50-хъ годахъ князь Черкасскій сблизился съ кружкомъ московскихъ славянофиловъ, обратившихъ тогда все свое вниманіе на разработку основаній крестьянской реформы. Въ 1857 году Черкасскій представилъ правительству свой трудъ «О лучшихъ средствахъ къ постепенному исходу изъ крѣпостного состоянія». Непосредственное участіе въ трудахъ по освобожденію крестьянъ Черкасскій принялъ сначала какъ членъ тульскаго губернскаго комитета, а затѣмъ въ качествѣ члена-эксперта въ комиссіи для составленія положенія о крестьянахъ, на ряду съ Ю. О. Самаринимъ (1858—1861 гг.). Когда затѣмъ было поручено Н. А. Милютину приступить къ аграрному устройству польскаго края послѣ мятежа, Милютинъ пригласилъ къ себѣ въ помощники князя Черкаскаго; дѣятельность Черкаскаго въ Варшавѣ продолжалась до 1866 года. Въ 1868 году Черкасскій принялъ постъ московскаго городского головы, но оставилъ эту должность въ 1870 году послѣ поданной имъ на высочайшее имя замѣчательной, по самостоятельности духа, записки, въ которой онъ подчеркивалъ необходимость свободы слова и гармонію народнаго самосознанія, какъ опору верховной власти. Когда наши войска заняли Болгарію въ 1877 году, князь Черкасскій былъ призванъ къ устройству гражданской части въ новоосвобожденной области. Онъ умеръ отъ чрезмѣрныхъ трудовъ своихъ въ день подписанія Санъ-Стефанскаго договора, 19-го февраля 1878 года.

А. Б.

²⁾ См. примѣчаніе 5 на стр. 62.

ствій, на условіяхъ, которыя мы предъявимъ». Я выставилъ существенную разницу не только между воззваніемъ нашимъ къ болгарамъ и сообщеніемъ, сдѣланнымъ графомъ Шуваловымъ лорду Дерби, но даже несомвѣстимость обѣщаній Англій, исходятаивствованныхъ нашимъ посломъ, съ протоколами константинопольской конференціи, на которой Салисбюри, точно какъ и всѣ другіе уполномоченные, рѣшительно и твердо отвергли предложеніе турецкихъ уполномоченныхъ ограничить Болгарію на югѣ Балканами и потребовали, чтобы южная Болгарія, гдѣ именно и происходили неистовства мусульманъ въ 1876 году, была поставлена въ равныя условія съ сѣверной. Великобританія не можетъ отказаться отъ подписи своего уполномоченнаго подъ ультиматумомъ конференціи¹⁾.

Послѣ протоколовъ конференціи и въ особенности царскихъ словъ воззванія, обѣщающихъ освобожденіе отъ турецкаго ига всѣмъ болгарамъ,—немыслимо заявить дополнительно населенію, что по волѣ Англій мы должны взять назадъ обѣщаніе государя и пожертвовать южною Болгаріею и Македоніею. Я не скрылъ ни отъ государя, ни отъ главнокомандующаго, ни отъ князя Черкаскаго, что «нахожу редакцію воззванія нѣсколько неосторожною и идущею даже далѣе, нежели требованія мои въ константинопольской конференціи. Мнѣ кажется, что мы взваливаемъ на себя непосильную, весьма трудную и щекотливую задачу освобожденія всѣхъ болгаръ безъ исключенія. *Не мѣшало бы прежде составленія такой прокламаціи справиться у людей, знающихъ мѣстныя условія* ²⁾: до какихъ именно пунктовъ на югъ къ сторонѣ Салоникъ, Каваллы и Константинополя доходятъ болгарскія поселенія, прежде, нежели обязываться всѣхъ ихъ освободить отъ турецкаго управленія³⁾. Во всякомъ случаѣ Россіи, взявшей за оружіе для освобожденія своихъ братьевъ, нельзя предоставить имъ менѣе по собственному произволу, нежели было потребовано въ ихъ пользу единогласно всею Европою, на конференціи, прежде войны». Съ горячо поддержан-

¹⁾ Леди Салисбюри написала графинѣ Игнатъевой,— очевидно, для сообщенія мужу послѣдней при началѣ войны: «n'attaquez pas Constantinople ni l'Egypte et tout ira bien, mais soyez sages jusqu'au bout». Авт.

²⁾ См. примѣчаніе 5 на стр. 62.

³⁾ Князьямъ Горчакову и Черкасскому я замѣтилъ, что, къ сожалѣнію, воззваніе это къ болгарамъ напоминаетъ нѣсколько изреченіе Наполеона, объявившаго, при началѣ войны въ Италіи въ 1859 году, что онъ намѣренъ освободить Италію отъ Альпъ до Адриатики и пришедшаго къ рѣшенію оставить дѣло, имъ предпринятое, не доконченнымъ. «Душевно желаю, чтобы это не повторилось съ нами,—добавилъ я.—Но, съ другой стороны, если мы, послѣ всѣхъ жертвъ, принесенныхъ Россіею, и прибытія въ главную квартиру арміи государя со своими сыновьями согласимся ограничить освобожденіе болгаръ лишь до Балканъ, бросивъ истерзанную южную Болгарію на произволъ турокъ, въ угоду Англій и Австрій, Россіи будетъ нанесено непоправимое нравственное пораженіе, неудовольствіе общественнаго мнѣнія усилится, и лучше было бы государю не пріѣзжать въ армію. Авт.

нымъ княземъ Черкасскимъ и военнымъ министромъ мнѣніемъ моимъ, высказаннымъ на совѣтѣ, всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ канцлера, и государь императоръ вполнѣ согласились, и его величество, несмотря на нѣкоторыя возраженія князя Горчакова, приказалъ тотчасъ извѣстить нашего посла въ Лондонѣ объ измѣненіи исходатайствованныхъ имъ въ Петербургѣ, передъ отъѣздомъ государя въ армію, инструкцій.

Главный поводъ къ собранію совѣта былъ пріѣздъ въ Плошти князя Милана съ первымъ министромъ своимъ Ристичемъ; они предполагали возобновить совмѣстно съ нами военныя дѣйствія и просили для сего денежнаго содѣйствія. Какъ князь Миланъ, такъ и Ристичъ обратились ко мнѣ съ просьбою поддержать ихъ ходатайство предъ государемъ. Я имъ отвѣтилъ, что понимаю вполнѣ необходимость для Сербіи загладить неудачи своей прошлогодней кампаніи, начатой такъ несвоевременно и противно не только видамъ Россіи, но и интересамъ сербскаго племени, ибо это лишь доставило случай Австро-Венгріи заявить свои притязанія касательно Босніи, а Турціи усилить до чрезвычайности свои вооруженія и приготовиться къ войнѣ съ нами. Сербы выразили признаніе, что княжество и князь Миланъ потеряютъ всякое значеніе среди сербскаго населенія, если останутся безучастными въ то время, когда русскія войска съ одной стороны, а черногорцы съ другой—будутъ вести рѣшающую борьбу съ Турціею, а потому они желали бы, получивъ субсидію, условиться съ главною квартирою о времени открытія ими военныхъ дѣйствій и объ общемъ планѣ кампаніи. Князь Карлъ, узнавъ о намѣреніяхъ своего сосѣда, почувствовалъ какъ бы неловкость оставаться безучастнымъ зрителемъ прохожденія нашихъ войскъ и заявилъ намѣреніе, по провозглашеніи независимости Румыніи, перейти за рѣку Дунай и напасть на Виддинъ. Князь Горчаковъ, опасаясь неудовольствія Австро-Венгріи и дипломатическихъ осложненій, противился и тому и другому, полагая несравненно лучшимъ ограничиться наступленіемъ русскихъ войскъ и болгарской милиціи, безъ участія румынъ. Вмѣшательство Сербіи въ борьбу онъ совѣтовалъ отложить въ угоду графу Андраши. Я былъ противнаго мнѣнія, доказывая, что намъ выгодно воспользоваться возможностью сербской и румынской диверсіи для отвлеченія части турецкихъ силъ и для облегченія быстрого наступленія русскихъ войскъ ¹⁾). При этомъ я

¹⁾ Сербы и румыны, убѣдительно прося разрѣшеніе атаковать Османъ-пашу съ двухъ разныхъ сторонъ, доставили бы ему достаточно заботъ и воспрепятствовали бы выйти во флангъ войскамъ нашимъ, двигающимся къ Балканамъ. Желаніе угодить графу Андраши побудило канцлера воспрепятствовать своевременному участію сербовъ и румынъ въ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Князь Миланъ послѣ плевненскихъ неудачъ нашихъ сказалъ нашему агенту въ Бѣлградѣ, что «главный виновникъ всего происшедшаго не кто другой, какъ князь Горчаковъ, полагавшій угодливостью Австро-Венгріи снискать ея искреннее содѣйствіе»

Авт.

совѣтоваль воспользоваться рвеніемъ князя Карла и тщеславнымъ желаніемъ румынской арміи перейти первой за рѣку Дунай, предсказывая, что предпріятіе это не только отвлечетъ часть войскъ Османъ-паши, но и облегчитъ намъ возвращеніе отторгнутой у насъ въ 1856 году части Бессарабіи. «Турки,—сказаль я,—вѣроятно, побьютъ нашихъ союзниковъ или поставятъ ихъ въ критическое положеніе; тогда мы придемъ имъ на выручку, спасемъ ихъ армію и можемъ потребовать, въ вознагражденіе, ту принадлежавшую Россіи часть Бессарабіи, которая населена преимущественно русскими и болгарами. Иначе, т. е. безъ явной услуги, нами оказанной Румыніи ¹⁾, будетъ неловко отбирать территорію у нашихъ союзниковъ по окончаніи войны и очень затруднительно ихъ территоріально удовлетворить, безъ ущерба нашимъ собственнымъ интересамъ». Князь Горчаковъ назвалъ мое разсужденіе «маккіавеллическимъ» и сильно воспротивился принятію предложенія тотчасъ же спустить на турокъ и сербовъ и румынъ. Рѣшено на совѣтѣ было, не отклоняя предложенія Румыніи и Сербовъ, чтобы не раздражать ихъ, въ то же время не поощрять ихъ начинать самостоятельныя военныя дѣйствія, а относительно Сербіи лишь исподволь подготовить вступленіе ея войскъ въ турецкіе предѣлы, поддерживая сношеніе главной квартиры съ княземъ Миланомъ посредствомъ откомандированнаго генерала, который будетъ снабженъ главнокомандующимъ особымъ полномочіемъ.

Не разъ впослѣдствіи пришлось жалѣть, что въ угоду графу Андраши мы не извлекли, по милости князя Горчакова и Австро-Венгріи, изъ Румыніи и изъ Сербіи, при началѣ войны, всю ту пользу, которую могли бы ²⁾.

Я оставался въ главной квартирѣ до первыхъ чиселъ сентября. Нравственныя страданія, при видѣ плохого и неумѣлаго веденія нашихъ дѣлъ, тяжелое чувство бесполезности, на которую меня обрекли въ главной квартирѣ, и захваченная въ половинѣ іюня мѣстная лихорадка привели меня въ такое болѣзненное состояніе, что С. П. Боткинъ потребоваль моего временнаго удаленія въ

¹⁾ А тѣмъ болѣе, если помощь Румыніи намъ потребовалась и мы призвали ихъ войска, чтобы насъ выручить изъ бѣды, какъ это случилось подъ Шлевною и что тогда никакъ не могло казаться возможнымъ.
Авт.

²⁾ Я выражалъ сожалѣніе князю Горчакову, что министерство иностранныхъ дѣлъ не поощрило грековъ произвести диверсію (какъ русскій посоль совѣтоваль грекамъ, при проѣздѣ своемъ изъ Константинополя чрезъ Аѣны въ началѣ 1877 года) поддержаніемъ возстанія въ Эпирѣ, Фессаліи и на островахъ. Я находилъ это необходимымъ преимущественно для того, чтобы создать общность борьбы съ турками и интересовъ между греками и славянами Балканскаго полуострова, предсказывая, что если первые послѣдуютъ руководству Англіи и не примутъ участія въ общей борьбѣ христіанъ съ мусульманами, то враждебность грековъ къ славянамъ и Россіи—ихъ покровительницѣ—проявится послѣ войны и создастъ намъ затрудненія на Востокѣ.
Авт.

Россію. Его величество отпустилъ меня до выздоровленія или востребованія въ деревню, къ моему семейству.

Такъ какъ меня ни до чего не допускали и ничего не давали дѣлать ни въ военномъ ни въ политическомъ отношеніи, то мое пребываніе въ Болгаріи было совершенно бесполезно ¹⁾.

XIII.

Въ половинѣ ноября я былъ вытребованъ, по высочайшему повелѣнію, телеграммою военного министра въ главную квартиру. Я тотчасъ 16-го ноября отправился туда и по пути видѣлся съ канцлеромъ и барономъ Жомини, остававшимися все время безвыѣздно въ Бухарестѣ. Отъ нихъ узналъ я, что въ мое отсутствіе, вслѣдствіе записки, поданной чрезъ главнокомандующаго государю Нелидовымъ, было составлено сообщеніе австро-венгерскому правительству, посылаемое чрезъ Новикова, вслѣдствіе свѣдѣній, доставленныхъ изъ Вѣны возвратившимся въ дѣйствующую армію военнымъ агентомъ австрійскимъ флигель-адъютантомъ Франца-Иосифа Бертольсхеймомъ ²⁾. Познакомившись съ содержаніемъ инструкцій нашему послу въ Вѣнѣ, я сдѣлалъ много критическихъ замѣчаній канцлеру и барону Жомини, отозвавшись, что хотя содержаніе не противорѣчитъ въ общихъ чертахъ мнѣнію моему, которое, естественно, извѣстно было давнишнему сотруднику моему Нелидову, но въ изложеніи сдѣланы существенныя упущенія въ подробностяхъ, могущія повредить преслѣдуемой нами цѣли,

¹⁾ Меня не только не допускали до военныхъ совѣщаній, но ни о чемъ и не спрашивали. Безпечность главной квартиры простиралась до того, что, простоявъ бездѣятельно въ Кишиневѣ съ ноября до мая, а затѣмъ нѣсколько недѣль въ Плоэшти, не озаботились о собраніи надлежащихъ и точныхъ свѣдѣній о вооруженныхъ силахъ и средствахъ на предстоящемъ театрѣ военныхъ дѣйствій и ссылались на данныя якобы посольства, относящіяся до весны 1876 года, потерявъ изъ виду осеннія донесенія того же посольства, свѣдѣнія нашихъ военныхъ агентовъ, бывшихъ въ Турціи, и даже изданную главнымъ штабомъ въ 1874 году книгу «Вооруженныя силы Турціи». Посольство константинопольское доставило въ октябрѣ 1876 года точныя свѣдѣнія о заказахъ, сдѣланныхъ Портою: патроновъ и оружія въ Америкѣ, а снарядовъ въ Магдебургѣ, на лѣто 1877 года. Мы имѣли полную возможность предупредить зимнюю кампанію (зима 1876—1877 года была несравненно умѣреннѣе, нежели въ 1877—1878 году), прибытіе вооруженія, патроновъ и снарядовъ, а равно сосредоточеніе на Балканскомъ полуостровѣ войскъ изъ Багдада, Сиріи и Египта. Но по настоящему совѣту генерала Коцебу остались ожидать окончанія турецкихъ оборонительныхъ приготовленій. Авт.

²⁾ Чрезвычайно ловкій и способный офицеръ Бертольсхеймъ вкрадся, къ сожалѣнію, въ довѣренность многихъ высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургѣ и умѣлъ подладиться и къ нашимъ военнымъ, въ особенности въ главной квартирѣ, что дало ему возможность близко узнать всѣ наши слабости, легкомысліе и непредусмотрительность, господствовавшія при веденіи кампаніи, и доставлять графу Андраши свѣдѣнія, способствовавшія успѣху его двуличной политики, направленной во вредъ Россіи. Авт.

дурно повліять на отношенія наши къ Австро-Венгріи и отразиться на окончательномъ результатѣ войны нашей. Осуждая вообще такого рода сообщенія вѣнскому кабинету, считаемя мною во всякомъ случаѣ преждевременными и не могущими принести ничего другого, кромѣ вреда, я выразилъ опасеніе, что послѣднія инструкціи, только что посланныя въ Вѣну, внесутъ еще болѣе темноты и сбивчивости отношенія и въ восточный вопросъ. Выраженныя мнѣнія и пожеланія наши касательно устройства восточныхъ дѣлъ дадутъ лишь поводъ Австро-Венгріи считать ихъ за принятія нами предъ ними обязательства и стѣснять насъ въ будущихъ мирныхъ переговорахъ, ибо если обстоятельства вынудятъ что-либо измѣнить изъ прежде заявленнаго, то графъ Андраши не преминетъ считать это за уклоненіе отъ условленнаго между нами. Такой способъ дѣйствій въ отношеніи къ вѣнскому правительству невыгоденъ, крайне стѣснителенъ и представляетъ опасности, которыя можно было бы и слѣдовало бы избѣгнуть тѣмъ болѣе, что ничто не могло насъ принудить къ преждевременнымъ объясненіямъ. Князь Горчаковъ остался очень недоволенъ моимъ критическимъ отношеніемъ къ установившимся сношеніямъ нашимъ къ Австро-Венгріи, а въ особенности еще тѣмъ, что я, хотя весьма осторожно, выразилъ мысль, что лучше было бы употребить ему его продолжительное пребываніе въ Бухарестѣ на подготовку воссоединенія къ намъ Бессарабіи и на заключеніе оборонительнаго и наступательнаго договора съ Румыніею, который пригодится намъ, а равно и князю, послѣ войны еще болѣе, нежели въ теченіе ея. При томъ, когда князь Горчаковъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ убѣжденъ, что затрудненій никакихъ не будетъ для обмѣна Бессарабіи на Добруджу, я замѣтилъ ему, что не слѣдуетъ терять изъ виду, что по рѣшенію константинопольской конференціи, основанномъ на моемъ требованіи, Добруджа входила въ составъ Болгаріи. Отзывы канцлера произвели на меня весьма тяжелое и непріятное впечатлѣніе. Онъ относился ко всему съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, предоставляя дѣла своему обычному, случайному теченію; не хотѣлъ ничего ни дѣлать, ни предпринимать, говоря, что «все это ему крайне надоѣло», и придавая всему исключительно личный и экономическій характеръ. Ясно было, что въ такихъ рукахъ всѣ интересы Россіи рискуютъ быть не огражденными или пожертвованными и въ особенности при такихъ беззащитныхъ, безсовѣстныхъ и предпримчивыхъ союзникахъ, какъ графъ Андраши и Братъяно ¹⁾).

¹⁾ Румынскій государственный дѣятель Іоаннъ Братъяно родился въ 1822 году и получилъ воспитаніе въ Парижѣ. Въ 1848 году, послѣ неуспѣха румынской революціи, онъ бѣжалъ во Францію; вернувшись въ 1857 году, онъ содѣйствовалъ воссоединенію Молдавіи и Валахіи подъ властью Кузы. Въ 1866 году, уже во время правленія Карла I, Братъяно, сталъ вліятельнымъ вождемъ либеральной партіи и достигъ въ первый разъ министерскаго портфеля въ 1867 году. Затѣмъ онъ сталъ интриговать

Изъ Бухареста я выѣхалъ рано утромъ 22-го ноября и 24-го на разсвѣтѣ добрался до главной квартиры государя, расположенной въ болгарскомъ селеніи Порадимѣ. Въ день разбитія Османъ-паши (28-го) и взятія Плевны я былъ дежурнымъ при государѣ императорѣ, а 1-го декабря былъ позванъ на совѣтъ, собранный у государя, по случаю предстоящаго отъѣзда его величества и необходимости дать главнокомандующему полномочія и инструкціи на случай прошенія Турками мира. Передъ тѣмъ, 24-го ноября, принятый государемъ въ его рабочемъ кабинетѣ, на разспросы его величества, что я замѣтилъ по пути и въ разговорѣ съ канцлеромъ, я не скрылъ отъ государя грустнаго впечатлѣнія, на меня произведеннаго безучастностью канцлера и его апатическою бездѣятельностью въ Бухарестѣ. Всѣ замѣчанія, которыя были сдѣланы мною канцлеру относительно неумѣстности и неудовлетворительности нашихъ преждевременныхъ откровенностей относительно австро-венгерскаго правительства и необходимости воспользоваться настоящимъ положеніемъ дѣлъ, чтобы заключить съ Румыніею договоръ, который бы поставилъ княжество въ будущемъ въ зависимость отъ насъ и обезпечилъ бы намъ сообщенія съ имѣющею быть созданною нами Болгаріею, были представлены мною государю съ полнѣйшею искренностью. Я не скрылъ отъ его величества, что главнѣйшая слабая сторона политики, преслѣдуемой нами нынѣ, заключается въ томъ, что мы, подъ впечатлѣніемъ минуты и личныхъ впечатлѣній, измѣняемъ свои воззрѣнія, теряя зачастую изъ виду историческую цѣль Россіи на Балканскомъ полуостровѣ ¹⁾, беремъ относительно иностранцевъ—и преимущественно Австро-Венгеріи—совершенно напрасно стѣснительныя и даже вредныя обязательства, связывающія не иностранные кабинеты, а исключительно насъ, и недостаточно сохраняемъ за собою свободу дѣйствій и рѣшеній. Когда государь спросилъ о вынесенномъ мною изъ Петербурга и Россіи впечатлѣніи, я отвѣтилъ государю, что Петербургъ собственно жаждетъ скорѣйшаго возвращенія его величества и заключенія какого бы то ни было мира; тогда какъ вся Россія, слѣдя съ живѣйшимъ трепетомъ за переживаемымъ здѣсь, желаетъ также скорѣйшаго возвращенія лично государя въ предѣлы имперіи, но надѣется, что заключенный миръ будетъ соотвѣтствовать принесеннымъ жертвамъ и покоится на прочномъ основаніи ²⁾.

противъ князя Карла и въ августѣ 1870 года былъ въ составѣ временнаго республиканскаго правленія въ Плоштахъ, вмѣстѣ съ Гикой и Голеско. Послѣ подавленія этой вѣспышки Братіано временно отказался отъ политической роли. Однако въ 1876 году онъ уже былъ во главѣ румынскаго министерства и, помирившись вполне съ принцемъ Карломъ, довелъ до провозглашенія его королемъ. А. Б.

¹⁾ См. примѣчаніе 5 на стр. 62.

²⁾ См. примѣчаніе 5 на стр. 62.

Такъ какъ было рѣшено безповоротно, тотчасъ послѣ взятія Плевны, общее движеніе нашей арміи за Балканы ¹⁾, и главная квартира, въ особенности управляющей дипломатическою канцеляріею и, какъ кажется, лично великій князь Николай Николаевичъ желали получить, по случаю отъѣзда государя изъ арміи, полномочіе на веденіе переговоровъ съ турками и на заключеніе мира, то государь, призвавъ 1-го декабря главнокомандующаго, графа Адлерберга, военного министра, Непокойчицкаго, генераль-адъютанта Обручева, меня и Нелидова, хотѣлъ обсудить, что предпринять, если турки будутъ просить мира: заключать ли перемиріе и какія именно полномочія должны быть даны на случай мирныхъ переговоровъ главнокомандующему? Въ противность мнѣнію нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ, я доказывалъ, что взятіе нами Плевны и арміи Османъ-паши еще не рѣшитъ вопроса о мирѣ, и повторилъ то, что утверждалъ уже неоднократно: *что пока побѣдоносныя войска наши не дойдутъ до Адрианополя, искренняго предложенія прекратитъ войну на такихъ условіяхъ, которыя мы могли бы принять и которыя соотвѣтствовали бы принесеннымъ нами жертвамъ, Порта не сдѣлаетъ. Надо остерегаться обманныхъ предложеній перемирія и прекращенія военныхъ дѣйствій и, по моему мнѣнію, стремительно, неудержимо идти впередъ, къ Галлиполи и Босфору, уничтожая по пути турецкіе корпусы* ²⁾. Я напомнилъ государю, что разрывъ послѣдовалъ между нами и Турціею по поводу непринятія сею послѣднею европейскаго ультиматума константинопольской конференціи и лондонскаго протокола. Слѣдовательно, оба эти международные акта должны служить точкою отправленія нашихъ мирныхъ переговоровъ съ турками. Лучшее всего и правильнѣе было бы вести ихъ съ Портою въ самомъ Константинополѣ, взявъ за исходную точку то, на чемъ покончена была конференція, и добавляя то, что требовать мы пріобрѣли несомнѣнное право разгромленіемъ турецкихъ полчищъ и сломленіемъ силы сопротивленія Порты. Хотя главнокомандующему и въ особенности Нелидову было крайне неприятно, но я доказалъ, что государь изъ Петербурга можетъ дать своевременно надлежащее направленіе мирнымъ переговорамъ, когда возникнутъ

¹⁾ Несмотря на всѣ военные промахи главной квартиры, движеніе генерала Гурка за Балканы въ іюнѣ увѣнчалось бы успѣхомъ и привело бы, вѣроятно, къ раннему заключенію мира, если бы онъ прибылъ къ Ески-Загры десятью днями ранѣе и былъ поддержанъ хотя двумя или тремя пѣхотными дивизіями. Не надо терять изъ виду, что движеніе его къ Адрианополю было остановлено лишь прибытіемъ изъ Черногоріи, Герцеговины и Албаніи (на пароходахъ и по желѣзной дорогѣ изъ Деде-Агача) войскъ Сулейманъ-паши. Въ Константинополѣ распространилась такая паника, что Реуфъ-паша былъ посланъ султаномъ съ полномочіемъ остановить дальнѣйшее наступленіе Гурка предложеніемъ *перемирія* и прекращенія военныхъ дѣйствій. Авт.

²⁾ См. примѣчаніе на 5 стр. 62.

серьезныя для нихъ основанія, что особеннаго спѣха въ этомъ дѣлѣ быть не можетъ, что *соглашаться слишкомъ легко на перемиріе нѣтъ надобности* и что, при шаткости Порты и зависимости ея нынѣ отъ иностранныхъ кабинетовъ, преимущественно отъ Англіи, мы не можемъ и не должны соглашаться *даже на простую приостановку военныхъ дѣйствій иначе*, какъ если турецкое правительство приметъ извѣстныя *обязательства предъ Россією*, обеспечивающія намъ главнѣйшіе результаты войны. Подробности условій могутъ быть разработаны впоследствии особымъ уполномоченнымъ, назначеннымъ государемъ. А потому казалось бы совершенно достаточнымъ для руководства главнокомандующаго, *чтобы его величество соизволилъ указать точнымъ образомъ тѣ основанія, которыя Порта должна непременно принять прежде, нежели наши военачальники будутъ имѣть право согласиться на приостановку военныхъ дѣйствій* ¹⁾. Въ другихъ, дипломатическихъ полномочіяхъ главнокомандующій, по моему мнѣнію, не нуждается. Если Турки будутъ просить прекращенія войны, имъ должны быть предъявлены предварительныя мирныя основанія, по принятіи которыхъ султаномъ главнокомандующій можетъ, если считаетъ это удобнымъ и благопріятнымъ съ военной точки зрѣнія, приостановить военныя дѣйствія, вытребовавъ отъ турокъ всѣ нужныя матеріальныя гарантіи на случай возобновленія борьбы, и тогда настанетъ время преподать высочайшія указанія относительно способа и мѣста веденія мирныхъ переговоровъ, если таковые признаны будутъ соответствующими выгодамъ и достоинству Россіи. *Государь одобрилъ это мнѣніе*, отвергнувъ предложеніе болѣе обширныхъ дипломатическихъ полномочій главнокомандующему и *повелѣлъ мнѣ редактировать тѣ «основанія условія мира»*, содержаніе которыхъ я изложилъ его величеству словесно. Вотъ буквальный переводъ написаннаго мною на французскомъ языкѣ въ приемной комнатѣ его величества, на собственной почтовой бумагѣ государя ²⁾:

«Если турки будутъ просить на нашихъ аванпостахъ перемирія или мира, его императорское высочество главнокомандующій обязанъ приказать отвѣтить, что военныя дѣйствія не могутъ быть приостановлены, развѣ что его величество султанъ приметъ слѣдующія основанія:

«1) Болгарія въ границахъ мѣстности, гдѣ большинство населенія принадлежитъ болгарской народности, и ни въ какомъ случаѣ въ болѣе стѣсненномъ очертаніи, нежели определенное

¹⁾ См. примѣчаніе на 5 стр. 62.

²⁾ Я былъ помѣщенъ въ деревнѣ Порадимѣ въ болгарской землянкѣ, довольно далеко отъ дома, занимаемаго его величествомъ, и государь приказалъ кончить эту работу тотчасъ, не выходя отъ него: я написалъ черновую, прочелъ ее государю и, по одобреніи текста, переписалъ собственноручно, оставивъ этотъ экземпляръ у государя. Авт.

константинопольскою конференцію, будетъ преобразована въ самоуправляющееся княжество, платящее дань Портѣ, съ народнымъ христіанскимъ правительствомъ и земскими войсками. Оттоманскія войска не будутъ уже имѣть пребыванія въ Болгаріи (за исключеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, которые будутъ опредѣлены по взаимному соглашенію) ¹⁾.

«2) Независимость Черногоріи признается султаномъ, который уступаетъ князю Николаю земельное пространство, вполне соответствующее захваченному черногорцами силою оружія. Окончательная граница будетъ опредѣлена впоследствии.

«3) Независимость Румыніи и Сербіи признается. Территориальное вознагражденіе будетъ дано первой и исправленіе границы второй ²⁾.

«4) Босніи и Герцеговинѣ будетъ дано автономное управленіе, съ достаточными гарантіями онаго. Въ томъ же духѣ будутъ введены реформы въ другихъ христіанскихъ областяхъ Турціи.

«5) Порта обязывается вполне вознаградить, деньгами или земельными уступками, Россію за всѣ издержки войны и жертвы, которыя она принуждена была принести. Его величество султанъ стоворится съ его величествомъ императоромъ для огражденія правъ и нуждъ Россіи, какъ прибрежнаго государства ³⁾, въ проливахъ Босфорскомъ и Дарданельскомъ.

«6) Въ доказательство простого принятія, безъ всякаго измѣненія, этихъ существенныхъ основаній оттоманскіе уполномо-

¹⁾ Тогда еще ни одна крѣпость въ Болгаріи, за исключеніемъ стариннаго Никополя, не была взята нами или очищена турками и государю казалось сомнительнымъ, чтобы возможно было вывести совершенно изъ Болгаріи всѣ турецкіе гарнизоны изъ тѣхъ крѣпостей, которыя не будутъ нами захвачены во время войны. Въ минуту передачи туркамъ нашихъ требованій главнокомандующій уже имѣлъ полную возможность въ точности указать, какіе именно пункты намъ нужны. Авт.

²⁾ Когда этотъ проектъ писался, Сербія еще не принимала дѣятельнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, тогда какъ румыны вмѣстѣ съ нами взяли Плевну. При томъ, хотя и предполагалось увеличить по возможности Сербію въ сторону Старой Сербіи, но имѣлось въ виду, что Австро-Венгрія крайне ревниво относится къ каждому увеличенію территоріи Сербскаго княжества, и потому было рѣшено на совѣтѣ упомянуть, въ первоначальныхъ требованіяхъ нашихъ туркамъ, лишь объ измѣненіи границъ, разсчитывая на растяжимость этого выраженія въ примѣненіи. Жаль, что чрезъ полтора мѣсяца, когда сербы продвинулись въ турецкіе предѣлы и взяли Нишъ, главнокомандующій не измѣнилъ этого выраженія, соответственно измѣнившемуся положенію на театрѣ войны и не спросилъ, по крайней мѣрѣ, о томъ въ Петербургѣ. Авт.

³⁾ На Черномъ морѣ. Такимъ образомъ, права Россіи приравнивались къ правамъ самой Турціи въ проливахъ, при исключеніи всѣхъ другихъ европейскихъ державъ, не могущихъ считаться прибрежными къ Черному морю. Россія приобрѣтала преимущественное положеніе въ проливахъ, соответствующее положенію самой Турціи, т. е. ея военный флотъ, вмѣстѣ съ турецкимъ, имѣлъ исключительное право плаванія въ проливахъ. Авт.

ченныя безотлагательно явятся въ Одессу или Севастополь ¹⁾, чтобы непосредственно ²⁾ договориться съ русскими уполномоченными касательно предварительныхъ мирныхъ условий.

Какъ только принятіе его величествомъ султаномъ этихъ предварительныхъ основныхъ условий будетъ официально сообщено главнокомандующимъ императорскихъ армій ³⁾, перемирныя конвенціи должны будутъ быть договорены на обоихъ театрахъ войны и военныя дѣйствія могутъ быть временно приостановлены. Обоимъ главнокомандующимъ предоставляется дополнить шесть вышеозначенныхъ пунктовъ ⁴⁾ требованіемъ оставленія турками извѣстныхъ стратегическихъ пунктовъ и сдачи нѣкоторыхъ крѣпостей, въ видѣ матеріальнаго обезпеченія искренняго принятія Портою нашихъ основныхъ условий перемирія и вступленія своего на путь мирныхъ переговоровъ».

Слѣдовательно, по мысли моей, войскамъ нашимъ необходимо было безостановочно наступать; приостановить наше движеніе къ Босфору можно было не иначе, какъ по принятіи самимъ султаномъ, а не только командующими турецкими войсками пашами или присланными изъ Стамбула особыми уполномоченными, шести пунктовъ, заключающихъ основныя условия для временнаго лишь приостановленія нашихъ войскъ и начатія переговоровъ въ двухъ главныхъ квартирахъ—кавказской (великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ) и дунайской (великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ) о заключеніи перемирій, въ условия которыхъ могло войти дополнительно все то, что главнокомандующіе, т. е. военные авторитеты, могли найти въ данную минуту необходимымъ для окончательнаго обезпеченія дальнѣйшихъ своихъ предпріятій въ случаѣ возможнаго возобновленія военныхъ дѣйствій и об-

¹⁾ Такъ какъ канцлеръ не желалъ предоставить мнѣ заключить мирный договоръ съ турками, а настаивалъ предъ государемъ на необходимости, чтобы его, князя Горчакова, подпись была на трактатѣ, то я предложилъ выбрать Одессу или Севастополь, какъ пункты, куда можетъ доѣхать канцлеръ спокойно, въ вагонѣ желѣзной дороги. Моремъ, по Черному морю, онъ рѣшительно отказывался переѣхать въ Константинополь. Авт.

²⁾ Слово «непосредственно» было введено въ редакцію для отстраненія всякаго попользованія турокъ и Австріи вмѣшать Великобританію или другія державы въ наши договорные переговоры съ Портою, въ качествѣ посредниковъ и т. п. Авт.

³⁾ Я считалъ необходимымъ для лучшаго огражденія нашихъ интересовъ и военныхъ условий, чтобы главнокомандующій кавказскою арміею самостоятельно заключилъ перемирныя условия, тогда какъ впослѣдствіи великій князь Николай Николаевичъ присвоилъ себѣ одному право заключить перемиріе общее для азиатской и европейской армій, что породило нѣкоторыя неудобства и упущенія. Кавказцы, вѣроятно, потребовали бы, какъ я предполагалъ, сверхъ Эрзерума, сдачи Батума, какъ залога мира. Авт.

⁴⁾ Слѣдовательно, главнокомандующій кавказскою арміею имѣлъ полную возможность, по мысли моей, вытребовать дополнительно сдачу Батума, какъ условіе для приостановки своего наступательнаго движенія въ Анатолиі, Авт.

шаго результата войны. Затѣмъ уже должны были начаться непосредственные переговоры между уполномоченными Россіи и Турціи о предварительномъ мирномъ договорѣ. Докладывая государю о предположеніяхъ моихъ, я выставилъ на видѣ, что въ числѣ условій, которыя надо будетъ помѣстить въ нашемъ договорѣ съ Портою, будутъ неизбѣжно такія, которыя, какъ вопросъ о проливахъ¹⁾ и т. п., имѣютъ характеръ общеевропейскій, или же которыми нѣкоторые кабинеты захотятъ придать такое значеніе, чтобы вмѣшаться въ наши переговоры, а между тѣмъ пройти ихъ молчаніемъ, или оставить не рѣшенными, или же, наконецъ, просто не воспользоваться рѣдкимъ благопріятнымъ случаемъ для ихъ разрѣшенія въ русскомъ смыслѣ—невозможно²⁾. При томъ мы связаны нѣкоторымъ соглашеніемъ съ Австро-Венгеріею и переговорами съ Ве-

1) Я представлялъ государю, что такъ какъ для Россіи всего важнѣе, въ восточномъ вопросѣ, приобрести возможность *закрѣпить* проливы для иностранныхъ военныхъ флотовъ и открыть для себя доступъ въ Средиземное море, то желательно было бы, если нельзя его рѣшить радикально въ нашу пользу, то приблизиться хотя къ желаемому разрѣшенію. Необходимо установить, что выходъ изъ внутренняго моря, каковымъ представляется для насъ Черное море, не можетъ быть приравненъ къ праву входа въ него судовъ не прибрежныхъ государствъ. Въ виду опасенія, что Англія захочетъ имѣть военно-морскую станцію на Черномъ морѣ (Трапезундъ, Синопъ), въ случаѣ открытія послѣ войны проливовъ для военныхъ судовъ, необходимо обязать Порту ни въ какомъ случаѣ не допускать какихъ-либо станцій европейскихъ судовъ и ограничить въ проливахъ число могущихъ находиться судовъ не прибрежныхъ государствъ.

Авт.

2) Вѣрно опредѣляетъ Н. П. Игнатьевъ существенные элементы вопроса о проливахъ съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) достигается полное осуществленіе русскихъ интересовъ, если дать нашему военному флоту свободный выходъ въ Средиземное море въ связи съ совершеннымъ воспрещеніемъ доступа въ Черное море военнымъ флотамъ другихъ державъ; 2) при невозможности полного достиженія сказанной цѣли, главное—закрѣпить проливы для иностранныхъ военныхъ флотовъ и принять мѣры къ тому, чтобы Турція ни подъ какимъ видомъ не разрѣшала иностраннымъ державамъ имѣть какія-либо, даже временныя—морскія станціи на Черномъ морѣ.

Такое построеніе цѣликомъ содержится въ мѣткой формулѣ Игнатьева: *«выходъ изъ внутренняго моря (каковымъ представляется для насъ Черное море)—не можетъ быть приравненъ къ праву входа въ него судовъ не прибрежныхъ государствъ»*. Между тѣмъ эта истина не была въ должной мѣрѣ усвоена позднѣйшими русскими дипломатами, благодаря чему мы могли узнать изъ газетъ, что свободный проходъ русскаго флота черезъ проливы на условіяхъ *полнаго равноправія* съ европейскими державами—выставленъ былъ какъ русскій интересъ и притомъ настолько цѣнный интересъ, что ради достиженія онаго были сданы нами безъ сопротивленія—весьма высокія, хотя и не матеріальныя блага. Вспомнимъ свиданіе А. П. Извольскаго съ графомъ Эрен-телемъ въ Бухлау въ 1908 году и печальный финалъ босно-герцеговинскаго анекдотическаго кризиса! Ложно поставленной цѣли въ проливахъ мы все-таки не достигли, а русскій престижъ потерпѣлъ тогда тяжкій, трудно поправимый уронъ.

Вотъ что значить, въ трудное переживаемое время, по дипломатическому океану, усѣянному рифами и мелями, плавать безъ звѣздъ на небѣ, безъ компаса и безъ мореплавательской карты, пренебрегая даже традиціями, оставленными намъ старыми лодчанами, каковымъ былъ Игнатьевъ!

А. Б.

ликобританію, а потому, чтобы отстранить всѣ неудобныя послѣдствія оныхъ и оградить имѣющее быть пріобрѣтеннымъ отъ Порты отъ посягательствъ иностранныхъ кабинетовъ и избѣгнуть европейскаго конгресса, въ которомъ враждебное намъ направленіе можетъ взять верхъ, всего удобнѣе и логичнѣе было бы намъ возобновить константинопольскія конференціи, прерванныя лишь отъказомъ Порты на европейскую программу. Спротивленіе нынѣ сломлено нашими войсками, мусульманскій элементъ въ Болгаріи укрошенъ и обезоруженъ, крѣпости будутъ сданы, и границы, назначенныя для Болгаріи конференціею, будутъ приняты Портою передъ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій. А потому ничто не препятствуетъ намъ пригласить державы къ возобновленію занятій прерванной въ январѣ мѣсяцѣ конференціи. Я могъ бы высадиться изъ Одессы въ Буюкъ-Дере и въ качествѣ прежняго уполномоченнаго и *doyen* дипломатическаго корпуса пригласить Порту и моихъ коллегъ на возобновленіе совѣщаній. Занявъ господствующее положеніе вокругъ Константинополя, мы легко довели бы конференціи эти до желаемаго результата и заключенія съ Портою окончательнаго мирнаго договора, заявивъ, что войска наши приступятъ къ очищенію Турціи и возвращенію въ свои предѣлы не иначе, какъ послѣ ратификаціи договора, обезпечивающаго миръ на Балканскомъ полуостровѣ.

Государь замѣтилъ мнѣ, что князь Горчаковъ никогда не согласится на подобную программу, считая свое личное участіе совершенно необходимымъ, и его величество, не желая «огорчить» стараго канцлера, считаетъ, что его авторитетъ необходимъ для договора такой важности и имѣющаго общеевропейское значеніе. При невозможности пріѣзда князя Горчакова въ Константинополь я предложилъ устроить съѣздъ уполномоченныхъ Россіи и Турціи въ Одессѣ или Севастополѣ и, наконецъ, продолжая преслѣдовать мысль о продолженіи константинопольской конференціи, отпереться отъ которой державы, и въ особенности Англія, предложившая оную осенью 1876 года, не имѣли ни права, ни повода, я изложилъ слѣдующее соображеніе: я могъ бы начать конференцію въ Константинополѣ, а затѣмъ, воспользовавшись первымъ благопріятнымъ предлогомъ (заявленіемъ одного изъ европейскихъ представителей о неудобствѣ совѣщаній, разсуждающихъ, такъ сказать, подъ русскими пушками и штыками и т. п.), чтобы предложить перенести конференцію въ ближайшій, удобный портовый городъ—Одессу или Севастополь, съ тѣмъ, что тогда я обращусь во второго уполномоченнаго, а князь Горчаковъ пріѣдетъ для того, чтобы взять мѣсто перваго уполномоченнаго Россіи. Хотя его величество отозвался одобрително объ этой мысли, но не рѣшилъ окончательно вопроса о возобновленіи конференціи константинопольской и объ личномъ участіи князя Горчакова въ переговорахъ, *а повелѣлъ*

мнѣ возвращаться въ Россію и дозволилъ остаться съ семьей въ Кіевѣ, впредь до востребованія ¹⁾).

Отпуская меня, его величество сказалъ мнѣ, что возьметъ канцлера изъ Бухареста въ свой поѣздъ и дорогою съ нимъ обсудитъ окончательное рѣшеніе касательно способа мирныхъ переговоровъ; что, во всякомъ случаѣ, я долженъ принять въ нихъ главнѣйшее участіе и что по телеграфу я буду извѣщенъ, когда наступитъ минута для моего пріѣзда въ Одессу и отправленія далѣе въ Константинополь. Мой проектъ предварительныхъ условій, которыя должны были быть предъявлены туркамъ, былъ показанъ его величествомъ главнокомандующему съ объясненіемъ, что это выражаетъ личное мнѣніе государя, но что, впрочемъ, его высочество получить формальную инструкцію чрезъ канцлера, вслѣдъ за симъ.

Дѣйствительно, предметъ этотъ былъ обсужденъ между государемъ и канцлеромъ, предложившимъ лишь самыя незначительныя редакціонныя измѣненія, но выключившимъ вполнѣдствіи статью о переговорахъ въ Одессѣ или Севастополѣ и замѣнившимъ оную обязательствомъ для турокъ вести переговоры въ главной квартирѣ дунайской дѣйствующей арміи, что измѣняло совершенно тотъ европейскій характеръ мирныхъ нашихъ переговоровъ, который я желалъ имъ придать для предупрежденія европейскаго, позднѣйшаго вмѣшательства и предлога къ созванію конференціи, и облегчало, напротивъ, требованіе нашихъ противниковъ послѣдующаго пересмотра «Европою» нашего договора съ турками.

Только что успѣлъ я добраться до Кіева, при затрудненіяхъ, представлявшихся тогда безпорядкомъ на румынскихъ дорогахъ, снѣжными заносами и непомѣрнымъ скопленіемъ поѣздовъ на станціяхъ, какъ получилъ двѣ телеграммы отъ военнаго министра и графа Адлерберга, сообщавшія мнѣ высочайшее повелѣніе немедленно прибыть въ Петербургъ.

Тотчасъ по представленіи моему государю военный министръ поручилъ мнѣ составить проектъ инструкціи для главнокомандующаго на случай предложенія турокъ остановить военныя дѣйствія и приступить къ мирнымъ переговорамъ. Я составилъ проектъ письма военнаго министра, который и былъ переданъ въ главный

¹⁾ Весьма характерны эти постоянныя колебанія, свидѣтельствующія о той неумѣрной борьбѣ, которая происходила въ придворныхъ сферахъ вокругъ имени Игнатьева. Александръ II временами сильно проникался сочувствіемъ къ Игнатьеву и желаніемъ дать, наконецъ, доступъ къ дѣламъ, безъ постоянныхъ препонъ, этому выдающемуся и умному человѣку; но въ слѣдующій моментъ брала верхъ волна обратныхъ вліяній, такъ что въ разгаръ событій—тому, котораго слѣдовало поставить во главѣ вѣдомства, то разрѣшали пребывать въ главной квартирѣ, то предлагали «отдохнуть въ имѣніи Кіевской губерніи», когда его кипучая натура и глубокое знаніе дѣла и людей на Ближнемъ Востокѣ настоятельно указывали необходимость его руководящей роли.

штабъ для отправленія къ обоимъ главнокомандующимъ съ фельдъегерями 19-го декабря. Повторяя то, что было изложено въ запискѣ моей, представленной государю въ Порадимѣ и послужившей высочайше утвержденною инструкцію главнокомандующему, я развилъ нѣсколько предстоявшій образъ дѣйствій, именно съ цѣлью предупредить (что, къ сожалѣнію, случилось тѣмъ не менѣе, т. е. самовольные, преждевременные переговоры одного изъ главнокомандующихъ). Вотъ содержаніе этого проекта:

«Развитіе военныхъ дѣйствій, нынѣ происходящее на обоихъ театрахъ войны, можетъ, наконецъ, образумить Порту и вынудить султана прислать въ дѣйствующую армію довѣренное лицо, съ предложеніемъ остановить наступленіе русскихъ войскъ для начатія мирныхъ переговоровъ.

«Въ виду этой случайности государь императоръ повелѣтъ соизволилъ, какъ вашему императорскому высочеству благоугодно будетъ усмотрѣть изъ прилагаемой при семъ высочайше утвержденной инструкціи, чтобы главнокомандующіе обѣихъ армій отвѣчали на всякое подобное предложеніе турецкихъ военачальниковъ, что ихъ императорскія высочества не уполномочены вести переговоры о мирѣ и могутъ пріостановить военныя дѣйствія и согласиться на заключеніе формальнаго перемирія лишь тогда, когда получаютъ отъ верховнаго визиря офиціальное письменное удостовѣреніе о согласіи оттоманскаго правительства принять предварительныя условія, изложенныя въ помянутой инструкціи.

«Усвоеніе Портою требуемыхъ нами уступокъ должно послужить исходною точкою будущихъ мирныхъ переговоровъ, имѣющихъ быть въ Одессѣ или Севастополѣ, гдѣ и будутъ выработаны предварительныя условія мира (*préliminaires de paix*).

«Отвѣтъ Порты долженъ быть составленъ ясно и положительно, такъ, чтобы не могло представиться сомнѣнія касательно ея рѣшенія приступить къ мирнымъ переговорамъ.

«При существующей въ Константинополѣ анархіи, возбужденныхъ страстяхъ и ослабленіи власти султана, прекращеніе военныхъ дѣйствій безъ достиженія матеріальной гарантіи въ томъ, что Порта безповоротно вступила на мирный путь, не только не ускорило бы желаемой нами развязки, но, напротивъ, усложнило бы и затянуло бы дѣло. Пользуясь пріостановкою военныхъ дѣйствій, Порта, руководствуемая своими совѣтниками, могла бы собрать и вооружить новыя массы войскъ, усилить укрѣпленія и даже, вывѣдавъ наши намѣренія и возбудивъ посредствомъ предъявленныхъ нами условій общественное противъ насъ мнѣніе въ Европѣ, пріобрѣсти себѣ союзниковъ.

«Посему необходимо, чтобы ваше императорское высочество, согласно послѣднему параграфу инструкціи и въ дополненіе изложенныхъ въ ней условій, выговорили по возможности въ видѣ ма-

теріальної гарантії оставлені турецькими військами важних стратегічних позицій і нужніших із не взятих нами крѣпостей (двох на Дунаї і Эрзерума в Анатоліи).

«Выборъ этихъ позицій и крѣпостей долженъ быть сообразованъ съ положеніемъ, въ которомъ застигли турецкія предложенія обѣ арміи, и долженъ имѣть въ виду, чтобы туркамъ при не состоявшихся переговорахъ, или разрывѣ оныхъ, было трудно возобновить военныя дѣйствія съ надеждою на успѣхъ. Явное облегченіе нашей военной задачи, очевидно, повліяетъ на стоворчивость Порты и даже на миролюбивое расположеніе державъ, ей потворствующихъ; послѣднія могутъ убояться, поддерживая упорство Оттоманской имперіи, подвергнуть ее неминуемой опасности при возобновленіи военныхъ операцій.

«Въ настоящую минуту нельзя указать положительно на то, что наиболѣе полезно и возможно будетъ требовать отъ Порты въ этомъ отношеніи. Ограничиваясь указаніемъ главнокомандующимъ той цѣли, которая имѣется въ виду, государь императоръ полагается вполнѣ на благоразумную осторожность и предусмотрительность ихъ императорскихъ высочествъ ¹⁾.

«Такимъ образомъ, если явится въ дѣйствующую армію парламентаръ и потребуетъ свиданія для паши, уполномоченнаго вести переговоры о мирѣ, то его императорскому величеству угодно, чтобы наша этотъ былъ допущенъ въ главную квартиру по удостовѣреніи на аванпостахъ, что онъ дѣйствительно уполномоченъ на сей предметъ.

«Турецкому довѣренному лицу долженъ быть предъявленъ отъ имени его императорскаго высочества главнокомандующаго текстъ препровождаемой высочайше утвержденной инструкціи, за исключеніемъ послѣдняго параграфа; взамѣнъ онаго слѣдуетъ указать на тѣ крѣпости, которыя должны быть оставлены турками, и на тѣ позиціи, которыя необходимо и возможно было бы намъ занять для обезпеченія положенія нашихъ войскъ и для облегченія ихъ задачи въ случаѣ внезапнаго перерыва переговоровъ.

«Если бы паша, явившійся въ главную квартиру, былъ снабженъ достаточными полномочіями для принятія нашихъ предложеній, то слѣдуетъ тутъ же составить формальный протоколъ, удостовѣряющій въ томъ, что Порта усваиваетъ себѣ нашу программу, и, донеся объ этомъ его императорскому величеству, немедленно поставляетъ въ извѣстность главнокомандующаго кавказскою дѣйствующею арміею. Въ такомъ случаѣ государь императоръ уполномо-

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ выработанной Игнатьевымъ инструкціи видно примѣненіе уже отмѣченной нами основной его мысли, что *исполнителю надо всегда предоставлять извѣстную инициативу и просторъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, примѣняя къ обстоятельствамъ.*

чиваетъ ваше императорское высочество назначить отъ себя довѣренныхъ лицъ для немедленнаго заключенія военной конвенціи о перемиріи (convention d'armistice), прекративъ временно военныя дѣйствія послѣ занятія тѣхъ мѣстъ, уступка которыхъ требовалась отъ турокъ.

«Но едва ли возможно предположить, что такого рода полномочіе будетъ дано султаномъ кому-либо изъ нашей или даже министровъ, и всего вѣроятнѣе, что турецкій уполномоченный сошлетя на неожиданность нашихъ требованій и на неудовлетворительность своихъ инструкцій. Въ этомъ случаѣ ему можетъ быть выдана копія съ предъявленныхъ нами требованій, причемъ слѣдуетъ опредѣлить, по взаимному соглашенію, краткій по возможности срокъ для доставленія письменнаго отвѣта въ заранѣе назначенный пунктъ и предупредить турецкое довѣренное лицо, что военныя дѣйствія не будутъ приостановлены, пока не получитя удовлетворительный отзывъ Порты. Желательно, чтобы немедленно послѣ отъѣзда изъ главной квартиры турецкаго уполномоченнаго были усилены военныя операціи для распространенія паники въ Константинополь.

«Въ случаѣ совершеннаго несогласія Порты принять наши условія или же радикальнаго измѣненія (ею) нашей программы, неизбѣжно долженъ послѣдовать отрицательный отвѣтъ вашего императорскаго высочества, съ выраженіемъ сожалѣнія о не удавшейся попыткѣ возстановить миръ и съ возложеніемъ на оттоманское правительство отвѣтственности за продолженіе кровопролитія.

«Но всего вѣроятнѣе, что Porta, избѣгая рѣшительнаго отказа, дастъ уклончивый отвѣтъ, стараясь уменьшить тягость нашихъ условій и сдѣлать различныя къ нимъ оговорки. Въ такомъ случаѣ государю императору благоугодно, чтобы ваше императорское высочество отвѣчали турецкому довѣренному лицу, что хотя вы и не уполномочены принимать подобныя неудовлетворительныя отзывы и оговорки и соглашаться на перемиріе на другихъ условіяхъ, нежели тѣ, которыя уже предъявлены, но вы, не прекращая военныхъ дѣйствій, берете на свою личную отвѣтственность повергнуть предложенія турокъ къ стопамъ его императорскаго величества. При этомъ слѣдуетъ условиться съ турецкимъ уполномоченнымъ, что въ случаѣ какого-либо отзыва съ нашей стороны или полученія дополнительной инструкціи изъ Петербурга онъ будетъ предупрежденъ о томъ въ извѣстномъ мѣстѣ и вызванъ, въ случаѣ надобности, въ главную квартиру дѣйствующей арміи.

«Само собою разумѣется, что и подобный исходъ долженъ также вызвать съ нашей стороны усиленіе военныхъ дѣйствій, съ цѣлью склонять Порту къ миролюбію и къ большей податливости.

«Доводя по высочайшему повелѣнію о вышеизложенномъ до свѣдѣнія вашего императорскаго высочества, считаю долгомъ предупредить, что дальнѣйшія указанія государя императора будутъ сообразоваться съ развитіемъ настоящихъ обстоятельствъ».

XIV.

8-го января я былъ призванъ вечеромъ къ государю, вмѣстѣ съ канцлеромъ и военнымъ министромъ, и его величество сообщилъ намъ полученныя имъ изъ дѣйствующихъ армій свѣдѣнія о побѣдоносномъ шествіи нашихъ войскъ въ Турціи. Онъ мнѣ сказалъ со слезами на глазахъ: «*Tout parait marcher actuellement—selon vos désirs—nous nous rapprochons de Constantinople. Dieu m'est témoin que je ne voulais pas de guerre aussi formidable. Je ne désirais qu'une juste satisfaction accordée à la Russie et une amélioration réelle de la situation des chrétiens en Turquie. Je déplore tant de sang versé. Ce sont les Anglais qui en sont responsables devant l'histoire. Leurs conseils perfides ont ruiné le malheureux Sultan et m'ont forcé d'aller plus loin que j'en avais l'intention* ¹⁾».

Обсуждали полученныя извѣстія, и возбудился вопросъ: что теперь дѣлать и не нужно ли дать указанія главнокомандующему? Пришли къ убѣжденію, что послѣдними инструкціями, на случай мирныхъ предложеній, все выяснено и ничего не оставалось прибавить. Я позволилъ себѣ замѣтить, что теперь слѣдуетъ удвоить энергію и дѣятельность, наступая безостановочно со всѣхъ сторонъ къ Константинополю.

9-го января я снова былъ призванъ къ государю вечеромъ въ кабинетъ вмѣстѣ съ военнымъ министромъ и княземъ Горчаковымъ. Тутъ мнѣ въ первый разъ государь сказалъ, что раздѣляетъ мнѣніе военнаго министра и князя Горчакова, желающихъ моего немедленнаго отъѣзда въ главную квартиру великаго князя Николая Николаевича, изъ опасенія, что произойдутъ недоразумѣнія и будутъ сдѣланы непоправимые промахи при переговорахъ съ турецкими уполномоченными, которые явились въ нашъ передовой отрядъ и отправляются въ Казанлыкъ ²⁾. Я старался доказать безо-

¹⁾ Меня такъ поразило христіанское смиреніе и восторженное настроеніе императора, что я былъ глубоко тронутъ и записалъ эти слова, по возвращеніи домой. Авт.

²⁾ О прибытіи турецкихъ уполномоченныхъ для переговоровъ о перемиріи въ Казанлыкъ и о ходѣ этихъ переговоровъ мы находимъ любопытныя подробности въ болгарской брошюрѣ *Димитрія Йоцова*—«Санъ-Стефанска България» (Софія, 1908 г. стр. 13 и слѣд.)—Делегаты Намыкъ-паша и Серверъ-паша прибыли въ Казанлыкъ 7-го января 1878 г. и были тотчасъ приняты Нелидовымъ, явившимся съ привѣтствіемъ отъ имени великаго князя Николая Николаевича, главнокомандующаго на европейскомъ театрѣ войны. Турецкіе вельможи пріѣхали съ пышною свитою, множествомъ прислуги и поваровъ, съ утварью, даже громадными столами и готовою провизіею, предполагая задавать русскимъ большіе обѣды, въ надеждѣ «желудочно» предрасположить ихъ до начала переговоровъ и облегчить условія, которыя придется принять Турціи. 8-го января Николай Николаевичъ принялъ турецкихъ делегатовъ съ военными почестями, явившись во главѣ своего штаба. Онъ началъ съ того, что разъяснилъ турецкимъ делегатамъ, что «недоразумѣнія между Россіею и Турціею съются и разжи-

лезность моего отправленія тѣмъ, что, пока я доѣду въ Адрианополь, куда, вѣроятно, перейдетъ главная квартира, пройдетъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, десять-двѣнадцать дней и что, слѣдовательно, я опоздаю; что, какъ военный, находясь въ главной квартирѣ, я обязанъ буду во всемъ подчиняться главнокомандующему и вліянію его штаба, что крайне свяжетъ мои дѣйствія, какъ

гаются *общими врагами* (т. е. Англію). Они васъ подняли войною противъ Россіи. Но вы должны довѣриться русскому императору, и тогда увидите, что насъ уже никто не заставитъ ссориться».

«— Чувствуемъ,—отвѣтили турецкіе делегаты,—какую великую ошибку мы сдѣлали, когда пошли на эту войну; но теперь мы желаемъ заключить долготѣннй миръ. Будьте великодушны къ побѣжденной Турціи!»

Узнавъ отъ главнокомандующаго, что пріостановленіе военныхъ дѣйствій не можетъ имѣть мѣста, пока не будутъ приняты прелиминарныя мирныя положенія, делегаты, скрѣпя сердце, стали слушать, по пунктамъ, тотъ проектъ, который былъ выработанъ Н. П. Игнатьевымъ въ Порадимѣ. Читалъ эти пункты А. И. Нелидовъ. Въ заключеніе сказано было, что «турецкая армія должна очистить крѣпости Виддинъ, Русчукъ и Силистрію».

Турецкіе делегаты были потрясены.

«— Вы требуете разрушенія нашей имперіи!» воскликнулъ Серверъ-паша :

«— Напротивъ,—отвѣтилъ Николай Николаевичъ:—это поведетъ къ спасенію Турціи! Принявъ эти условія, вы положите основанія для здоровыхъ будущихъ отношеній между Россіею и Турціею».

«При этомъ дали понять еще разъ туркамъ, что движеніе русскихъ войскъ не будетъ пріостановлено до тѣхъ поръ, пока эти условія не будутъ подписаны». (Тамъ же, стр. 15).

Делегаты попросили срокъ въ 24 часа на размышленіе.

Черезъ нѣсколько часовъ получено было извѣстіе о томъ, что генералъ Струковъ занялъ Адрианополь. Это событіе произвело сильное впечатлѣніе на делегатовъ, и они заявили, что готовы принять предложенныя имъ условія, кромѣ автономнаго выдѣленія Болгаріи. Переговоры были временно прерваны.

12-го января главнокомандующій выступилъ изъ Казанлыка и 14-го вступилъ въ Адрианополь.

17-го января Намыкъ-паша получилъ подробныя инструкціи изъ Константинополя. По его просьбѣ назначена была ему новая аудіенція у великаго князя на 18-е января. Прибывшіе турецкіе делегаты имѣли совершенно подавленный видъ.

«— Что вы намъ скажете?» спросилъ Николай Николаевичъ.

«— Ваше высочество,—отвѣтилъ Намыкъ-паша взволнованнымъ голосомъ:—мы получили теперь наставленіе отъ султана, которая сводятся къ слѣдующему: вы побѣдители, а Турція погибла!»

«— Нѣтъ, она спасена!—воскликнулъ Николай Николаевичъ.—Вы избѣгли великой катастрофы, такъ какъ наши передовые посты стоятъ у самыхъ стѣнъ вашей столицы».

Еще сутки продолжалось окончательное редактированіе какъ предварительныхъ мирныхъ пунктовъ, такъ и военной временной конвенціи. Подписаніе состоялось 19-го января.

«Болгарія родилась!» воскликнулъ А. И. Нелидовъ, когда послѣднія подписи были даны... Когда Намыкъ-паша и Серверъ-паша покинули «конакъ» (т. е. зданіе присутственныхъ мѣстъ, гдѣ состоялся актъ перемирія), на нихъ нагрянули со всѣхъ сторонъ корреспонденты европейскихъ газетъ. Тогда старый турецкій государственный дѣятель Намыкъ-паша, обращаясь къ корреспонденту «Times», сказалъ: «Вы, англичане, причина всѣхъ нашихъ несчастій: вы насъ давели до этой крайности»—(См. тотъ же болгарскій источникъ, стр. 21).

уполномоченнаго и отношенія къ туркамъ, и, наконецъ, что, находясь при главной квартирѣ, я лишень буду возможности войти надлежащимъ образомъ въ сношенія съ константинопольскимъ дипломатическимъ корпусомъ и вліять на Порту, слѣдя за интригами и кознями нашихъ противниковъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и равно во всѣхъ другихъ, было бы выгоднѣе мнѣ прямо отправиться на пароходѣ въ Бургась, оттуда войти въ сношеніе съ главною квартирою арміи и съ Портою и, при первой возможности, высадиться въ Буюкъ-Дере, гдѣ и начать переговоры съ турецкимъ правительствомъ, на томъ основаніи, какъ изложено было мною его величеству еще въ Порадимѣ подъ Плевною, т. е. съ цѣлью возобновленія конференціи въ Константинополѣ, для избѣжанія неблагоприятной намъ иной конференціи или даже конгресса ¹⁾. Князь Горчаковъ опровергалъ это мнѣніе, утверждая, что необходимо мнѣ отправиться въ армію и вести переговоры исключительно съ турками въ главной квартирѣ. Будучи увѣренъ въ содѣйствіи князя Бисмарка и графа Андраши, онъ нисколько не боится конференціи, собранной гдѣ-нибудь въ Европѣ, для обсужденія вопросовъ, имѣющихъ общее международное значеніе, и не сомнѣвается, что все, что будетъ рѣшено между Россією и Турцією, не подвергнется чувствительному для насъ измѣненію. На этомъ пунктѣ наши мнѣнія совершенно разошлись.

Затѣмъ возбужденъ былъ снова вопросъ: что теперь дѣлать въ виду блестящихъ военныхъ результатовъ и вѣроятнаго подхода нашихъ войскъ къ Константинополю? Я настаивалъ на немедленномъ занятіи Булаирскихъ линій, Галлиполи и высотъ, господствующихъ надъ Константинополемъ и Босфоромъ. Канцлеръ, не оспаривая послѣдняго, указывалъ на то, что его величество обѣщался Англіи не касаться собственно Константинополя и что графъ Шуваловъ настаиваетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, чтобы наши войска не брали Галлиполи, такъ какъ между нимъ и лордомъ Дерби (министромъ иностранныхъ дѣлъ) состоялось соглашеніе, по которому Англія не введетъ своей броненосной эскадры въ Дарданеллы, если мы не пойдемъ въ Галлиполи, и, напротивъ того,

¹⁾ Н. П. Игнатьевъ предвидѣлъ неминуемое перерѣшеніе на Берлинскомъ конгрессѣ, всего того, что было положено Россією и Турцією въ Санъ-Стефанскій договоръ. Придуманное имъ противодѣйствіе было правильно по идеѣ: дѣйствительно, возобновивъ константинопольскую конференцію на началахъ, уже одобренныхъ державами, но уже теперь въ связи съ предварительными мирными положеніями, мы сохраняли почву подъ ногами и до извѣстной степени связывали недоброжелательство нѣкоторыхъ державъ. Однако окончательной гарантіи не могли дать такіа чисто вѣншія мѣропріятія. Наша судьба должна была совершиться и намъ было не миновать постыднаго судбища въ Берлинѣ, коль скоро продолжалась на верхахъ та пагубная система, которая состояла въ томъ, чтобы начатое сильной рукою и задуманное свѣтлымъ умомъ давать на довершеніе, или, вѣрнѣе, на искаженіе—старчески дрожащимъ рукамъ и ребячески мыслящимъ мозгамъ...

А. Б.

вступить въ проливы, какъ только мы займемъ этотъ городъ. Я доказывалъ, что Англія насъ обманетъ, что полагаться на слова Дерби непредусмотрительно, ибо министръ можетъ быть смѣненъ и его преемникъ не обратитъ никакого вниманія на подобное обязательство, а между тѣмъ мы не займемъ необходимаго для насъ пункта и лишимся возможности не допустить англичанъ хозяйничать въ Константинополѣ и держать свою эскадру въ Мраморномъ морѣ¹⁾. Такъ какъ канцлеръ не поддавался, несмотря на поддержку моего мнѣнія военнымъ министромъ, а государь затруднялся не поддержать обѣщанія, даннаго англійскому министру его лондонскимъ посломъ, то я, наконецъ, предложилъ занять отрядомъ генераль-адъютанта Гурка, шедшимъ тогда къ Галлиполи, по крайней мѣрѣ Булаирскій укрѣпленный лагерь. Слово, данное нашимъ посломъ, было бы буквально соблюдено, а между тѣмъ мы, въ сущности, господствовали бы надъ Галлиполи и Дарданеллами и могли бы изъ Булаира тотчасъ же ихъ захватить, если бы англійская эскадра пробралась въ Мраморное море, вопреки обѣщаніямъ лорда Дерби.

Движеніе нашихъ войскъ къ Босфору и занятіе ими командующихъ высотъ надъ Константинополемъ было, по моему мнѣнію, совершенно необходимо въ виду представившейся теперь возможности болѣе радикальнаго и болѣе сообразнаго съ принесенными нами жертвами и ожиданіями всей Россіи рѣшенія восточнаго вопроса, нежели казалось достижимымъ полтора мѣсяца тому назадъ, подъ Плевною. А между тѣмъ безразсудно ити къ Босфору, оста-

¹⁾ Н. П. Игнатьевъ справедливо опасался ограниченія свободы дѣйствій Россіи вслѣдствіе такихъ не поддающихся дипломатическихъ факторовъ, какъ «данное честное слово», безъ документальнаго опредѣленія того, чѣмъ оно обусловлено и при какихъ обстоятельствахъ оно могло быть сказано. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о соглашеніяхъ съ государствомъ самаго сильнаго типа парламентаризма, отъ монарха коего было бы немисливо получить такое «честное слово» въ пользу Россіи. Достоинно вниманія, что представители такихъ «конституціонно-связанныхъ» государствъ и монарховъ Запада, состоя при русскомъ дворѣ, быстро подмѣтили—съ одной стороны рыцарское отношеніе русскихъ государей къ разъ данному слову, съ другой стороны—пагубную склонность покрывать такимъ «словомъ», иногда даннымъ съ глазу на глазъ, такія важныя государственныя обстоятельства, которыя *безусловно* требовали бы иной письменной, обстоятельной формулировки. Подмѣтивъ эту особенность русской жизни въ высшихъ сферахъ, иноземные представители издавна научились ею пользоваться, иногда съ неподражаемою ловкостью. Когда случалось, что эта ловкость доходила до характера западни для высокихъ особъ и приводила ко вреду Россіи, роль такихъ проворливыхъ русскихъ государственныхъ людей, какъ Н. П. Игнатьевъ, достигала, въ своей затруднительности, до тяжкаго трагизма. Но нравамъ того времени, строгое стояніе на стражѣ русскихъ интересовъ могло ставиться въ вину и казаться неумѣстнымъ и тягостнымъ. Даже осторожно выраженное, въ условномъ стилѣ славословія и оиміама, но «*cum grano salis*», оно вело навѣрняка къ тому, чтобы многочисленнымъ врагамъ крупнаго человѣка облегчить задачу разрушенія и подтачиванія корней его будущей карьеры.

А. Б.

вляя открытымъ правый флангъ и сообщеніе съ Адрианополемъ и Болгаріею для непріятеля, который высаждался бы въ Галлиполи и, собравъ въ Булаирскомъ укрѣпленномъ лагерѣ остатки арміи Сулеймана и проч., перешелъ бы въ наступленіе. Слѣдовательно, по моему мнѣнію, необходимо занять и Булаиръ и высоты Босфорскія прежде, нежели приступить къ дѣйствительнымъ переговорамъ о мирѣ. Передъ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій надо захватить какъ можно болѣе территоріальнаго пространства Турціи и всѣ важные стратегическіе пункты, могущіе намъ обезпечить господствующее положеніе въ Константинополѣ и на проливахъ. Тогда только легко будетъ сговориться съ Турками, парализовать козни противниковъ и сторговаться съ Англіею. Въ отвѣтъ князю Горчакову, который постоянно указывалъ на необходимость избѣгнуть повода къ столкновенію съ Англіею и потому не занимать Галлиполи,—согласно обѣщанію графа Шувалова,—ни Константинополя,—согласно слову, данному государемъ Лофтусу ¹⁾, я отвѣчалъ, что самое вѣрное средство избѣгнуть войны съ Великобританіею это овладѣть такими матеріальными гарантіями, которыя выказали бы Англіи бесполезность и безцѣльность ссоры съ нами; при томъ обстоятельства значительно измѣнились со времени разговора государя въ Крыму съ Лофтусомъ; мы тогда шли въ согласіи съ Англіею на конференціи, а теперь, если Англія станетъ грозить (какъ указываетъ графъ Шуваловъ) своимъ флотомъ и матеріальнымъ вмѣшательствомъ въ нашу распрю съ Турціею, то мы не обязаны беречь и уважать англійскіе интересы, а должны заботиться исключительно о нашихъ собственныхъ. Сверхъ того въ самомъ Константинополѣ могутъ возникнуть, внезапно, такія новыя обстоятельства, которыя независимо отъ нашего намѣренія и желанія вынудятъ насъ безотлагательно принять энергическія мѣры, для предупрежденія самыхъ опасныхъ послѣдствій, и ввести наши войска въ Константинополь. Такъ, напримѣръ, султанъ можетъ испугаться и бѣжать въ Бруссу, покинувъ свою столицу на произволь мусульманской черни и фанатиковъ, могутъ произойти безпорядки, бунтъ, кровопролитіе, избіеніе христіанъ, рѣзня на ули-

¹⁾ Для болѣе точнаго выясненія того, что разумѣеть здѣсь Н. П. Игнатъевъ, когда онъ говоритъ о «словѣ, данномъ государемъ Лофтусу», слѣдуетъ обратиться къ тексту дипломатической депеши, отправленной своему правительству великобританскимъ посломъ при русскомъ дворѣ, лордомъ Августомъ Лофтусомъ 2-го ноября 1876 года изъ Крыма. Въ текстѣ этой депеши сказано, что во время аудіенціи въ Ливадіи Александръ II далъ ему, Лофтусу, «свое самое торжественное честное слово», что онъ не намѣренъ брать Константинополь, и что если необходимость вынудитъ его занять часть Болгаріи, то это будетъ лишь на время и т. д.

«Sa Majesté a donné sa parole d'honneur sacrée, de la manière la plus grave et la plus solennelle, qu'elle n'avait aucune intention de prendre Constantinople» etc... Ср. «Annuaire Diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1877» St. Pétersbourg. 1877, стр. 233. А. Б.

цахъ, и члены дипломатическаго корпуса, пребывающіе въ Константинополь, могутъ подвергнуться личной опасности и т. д. Русская армія, стоящая въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Стамбула и Перы, нравственно обязана будетъ, передъ судомъ исторіи и человѣчества, принять безотлагательно мѣры для огражденія безопасности и защиты христіанъ и дипломатовъ или для водворенія порядка и поддержанія фактическаго правительства, въ отсутствіе султана. Канцлеръ прервалъ меня замѣчаніемъ, что онъ ясно видитъ макіавеллическое желаніе мое, находясь въ Буюкь-Дере, подготовить такого рода обстоятельства, что, при давнишнихъ сношеніяхъ моихъ съ жителями, будетъ мнѣ не трудно; но что такое событіе можетъ вовлечь насъ въ значительныя затрудненія. Онъ указалъ, что при вступленіи нашихъ войскъ въ Константинополь мы должны ожидать немедленнаго прибытія англійской эскадры съ десантомъ и обязаны будемъ непрекословно, въ силу уговора нашего съ Вѣною, отдать Боснію и Герцеговину Австро-Венгріи. Я выразилъ негодованіе при мысли отдать Австро-Венгріи бѣдныхъ герцеговинцевъ, поднявшихъ первыми оружіе для пріобрѣтенія независимости чрезъ присоединеніе къ Черногоріи, и замѣтилъ, что Австрія своимъ поведеніемъ относительно насъ и нашихъ единовѣрцевъ въ продолженіе всего кризиса не заслужила никакого вознагражденія. Если бы она вошла вмѣстѣ съ нами въ Боснію и оттянула на себя часть турецкихъ войскъ—дѣло другое. Теперь же въ высшей степени возмутительно доставить ей даромъ, безъ участія ея въ войнѣ и безъ затраты ею денегъ и пролитія крови двѣ богатѣйшія области. Государь прервалъ эти разсужденія строгимъ замѣчаніемъ, что это къ дѣлу не идетъ и не о томъ у насъ теперь рѣчь.

Послѣ споровъ между военнымъ министромъ и мною, съ одной стороны, и княземъ Горчаковымъ, съ другой—его величество принялъ предложенное мною рѣшеніе, поддержанное графомъ Милютинымъ: телеграфировать главнокомандующему, что государь повелѣтъ соизволилъ занять Булаирскія линіи, не входя въ Галлиполи. Итти безостановочно до высотъ Босфора, отнюдь не заключая перемирія до моего прибытія въ главную квартиру. Не входитъ въ самый городъ Константинополь, развѣ что случится слѣдующее: или султанъ уѣдетъ въ Бруссу, перенеся туда правительство, или произойдутъ безпорядки въ городѣ, рѣзня христіанъ и т. п., или же, наконецъ, кому-либо изъ членовъ дипломатическаго корпуса будетъ угрожать личная опасность. Въ такихъ случаяхъ составить протоколъ, выясняющій, что не по нашему произволу, но по такимъ-то причинамъ мы входимъ въ Константинополь для поддержанія порядка и огражденія безопасности жителей. Если бы англійская эскадра подступила одновременно съ нами къ Стамбулу, то главнокомандующему слѣдуетъ отправить къ адмиралу од-

ного изъ состоящихъ при немъ генераловъ, чтобы предложить миролюбивое совмѣстное занятіе турецкой столицы, съ предоставленіемъ азіатскаго берега (Скутари) англійскому десанту, а нашимъ войскамъ—остальной части Стамбула, Перы и Галаты.

По повелѣнію государя я составилъ въ этомъ смыслѣ проектъ телеграммы къ главнокомандующему, одобренный канцлеромъ и военнымъ министромъ, и отдалъ его сему послѣднему. Сколько мнѣ извѣстно, проектъ телеграммы былъ нѣсколько измѣненъ въ редакціи, но сущность осталась прежняя, и отправленъ, 11-го или 12-го января; къ великому князю Николаю Николаевичу, съ добавленіемъ рукою его величества, что всѣ переговоры поручаются мнѣ, что я отправляюсь немедленно въ главную квартиру и что дальнѣйшія дѣйствія должны быть соображены съ ходомъ моихъ будущихъ переговоровъ ¹⁾. Явившись утромъ на другой день, 10-го, къ государю, по вызову дежурнаго фельдъегеря, присланнаго его величествомъ, я получилъ окончательное приказаніе немедленно отправляться за Балканы, въ армію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и указаніе, что по предложенію канцлера, одобренному въ этотъ день ²⁾, я долженъ былъ ѣхать не на пароходѣ, какъ предполагалъ, а на Бухарестъ, гдѣ и вручить князю Карлу собственноручное письмо государя съ извѣщеніемъ о предстоящемъ воссоединеніи отошедшей отъ Россіи въ 1856 году части Бессарабіи. Я пришелъ въ ужасъ при мысли, что это побочное порученіе ³⁾ замедлитъ еще мое прибытіе въ армію, тогда какъ всякій часъ становился дорогимъ. Государь добродушно вѣрилъ канцлеру «*que c'est une affaire de pure formalité et de courtoisie*», что мнѣ не придется терять времени въ переговорахъ съ румынскимъ правительствомъ, а потому успокаивалъ меня, говоря, что мнѣ и не слѣдуетъ оставаться въ Бухарестѣ болѣе двухъ дней и ждать какого-либо отвѣта князя Карла, сообщивъ ему просто безповоротное рѣшеніе государя.

¹⁾ Узнавъ объ этомъ прибавленіи, я осмѣлился доложить государю на другой же день, 10-го, что я опасаюсь, что это испортитъ дѣло: главная квартира смутится скорымъ моимъ прибытіемъ и поторопится, пожалуй, заключить перемиріе, чтобы покончить съ турками переговоры на основаніи прежней инструкціи до моего пріѣзда. Государь отвѣтилъ: «этого быть не можетъ, потому что противорѣчило бы повелѣнію, мною посланному. Не могу же я не предупредить брата Николая, что ты къ нему скоро явишься». Къ сожалѣнію, опасенія мои сбылись, и воля государя не была исполнена.

Авт.

²⁾ Это былъ докладной день министра иностранныхъ дѣлъ.

Авт.

³⁾ Представленное государю канцлеромъ, подъ видомъ экономіи и избѣжанія отъ правленія въ Румынію особаго лица, но въ дѣйствительности съ цѣлью поставить меня въ ложное положеніе съ самаго начала моей командировки и попытаться взвалить на меня собственную ошибку князя Горчакова, увѣрявшаго его величество, что возвращеніе Бессарабіи не встрѣтитъ затрудненій, и ничего не сдѣлавшаго во время своего продолжительнаго пребыванія въ Бухарестѣ для подготовленія благопріятной почвы.

Авт.

Доложивъ государю, что я готовъ тотчасъ же отправиться по назначенію, я попросилъ у его величества разрѣшенія предварительно составить наскоро подробный проектъ будущаго договора съ турками, въ виду предвидимыхъ мною со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ недоразумѣній, затрудненій и интригъ. «Горькій опытъ научилъ меня сознавать, что на поддержку никого другого, кромѣ вашего величества, рассчитывать не могу, борясь за интересы Россіи, ибо отъ министерства я могу ожидать только поощренія, наговоровъ, интригъ и противодѣйствія. Ради успѣха дѣла и для огражденія интересовъ, мнѣ вѣранныхъ, необходимо, чтобы я могъ представить вамъ проектъ договора, который бы, по разсмотрѣніи его здѣсь, въ высочайшемъ присутствіи, канцлеромъ, его товарищемъ и его совѣтниками, послужилъ бы мнѣ инструкціею и предупредилъ бы напрасную и затруднительную нынѣ переписку между нами во время переговоровъ съ турками».

Государь одобрилъ эту мысль, но выразилъ сомнѣніе, что я успѣю заготовить подробный проектъ въ такое короткое время, при желаніи его величества, чтобы я выѣхалъ изъ Петербурга чрезъ день, т. е. 12-го. Я обѣщался исполнить и при этомъ изложилъ основанія двухъ проектовъ договора: одного болѣе радикальнаго, со включеніемъ вопроса о присоединеніи острова Крита, части Эпира и Фессалии къ Греціи, распространеніемъ Сербіи и Черногоріи въ Старой Сербіи, со включеніемъ въ ихъ предѣлы Призрена и Ипека, а также наиболѣе выгоднаго рѣшенія вопроса о проливахъ съ предоставленіемъ Россіи равноправности съ Турціею, въ качествѣ прибрежнаго государства, и исключеніемъ морскихъ державъ на прежнемъ основаніи. Другой проектъ—болѣе умѣренный, осуществленный большею частью въ Санъ-Стефано. Государь отвергнулъ первый и сказалъ мнѣ, что считаетъ основанія второго достаточными при настоящихъ обстоятельствахъ.

Вечеромъ я получилъ записку отъ канцлера, чтобы я находился съ проектомъ у государя въ одиннадцать часовъ утра. Въ приемной его величества были князь Горчаковъ, баронъ Жomini, товарищъ министра Н. К. Гирсъ и С. С. Гамбургеръ. Позвавъ всѣхъ насъ въ свой кабинетъ, государь приказалъ мнѣ прочесть проектъ договора съ объясненіемъ всѣхъ статей его. Лишь одна изъ нихъ, касающаяся вознагражденія судамъ, потерпѣвшимъ въ рѣкѣ Дунаѣ, подвергнута была нѣкоторому редакціонному измѣненію вслѣдствіе замѣчанія, сдѣланнаго Н. К. Гирсомъ. Все остальное было вполне одобрено. Проектъ этотъ долженъ былъ служить мнѣ инструкціею въ переговорахъ съ Турками.

Относительно Румыніи канцлеръ снабдилъ меня особою письменною инструкціею.

13-го января я выѣхалъ вечеромъ изъ Петербурга и былъ задерживаемъ снѣжными заносами по пути. Лишь 18-го утромъ я переѣхалъ границу и 19-го прибылъ въ Бухарестъ. Переговоры мои съ румынами и турками изложены въ особой запискѣ.

19-го января подписано было, къ сожалѣнію, перемиріе въ Адрианополѣ и проведена демаркаціонная линія, положившая предѣлъ наступленію нашихъ войскъ къ Шумлѣ, къ Булаиру и къ Босфору. Положеніе дѣлъ сразу измѣнилось.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

НА КУМЫСѢ.

(Очеркъ).

I.

ВЪ ТРОСТНИКАХЪ озера гудѣлъ вѣтеръ среди зеленыхъ камышей. Темныя верхушки «рогозъ», словно султаны на казацкихъ шапкахъ, медленно качались надъ мелкими волнами. Озеро лежало въ небольшой котловинѣ, напоминающей огромное блюдечко съ ровными краями; за этими краями шла степь безбрежная, ровная, какъ ладонь, изрѣдка прерываемая такими же озерами въ видѣ блюдечекъ, переполненныхъ водой, то прѣсной, то соленой, то горько-соленой, неудобной для питья. Степь была покрыта мелкой травой, мѣстами среди нея чернѣли плѣшины оголенной земли съ бѣлымъ налетомъ соли. Трава была отчасти выжжена солнцемъ, отчасти выбита пасущимся стадомъ киргизскаго скота...

Около прѣснаго озера Байкуля расположился аулъ станомъ на лѣтнее пастбище (джейлау). Еще издали запахъ гари и всевозможныхъ отбросовъ, человѣческихъ и животныхъ, давалъ знать о мѣстопребываніи степныхъ кочевниковъ. Вѣтеръ, главный властелинъ степи, далеко гналъ этотъ запахъ. Около темныхъ войлочныхъ юртъ копошилось населеніе аула, преимущественно мужское, большое и малое. Женщины-киргизки, въ бѣлыхъ покрывалахъ на головѣ, безъ стѣсненія открывавшія свои смуглыя, загорѣлыя лица

съ узкими глазами, то и дѣло шмыгали изъ одной юрты въ другую. Голые киргизята бѣгали за ними и катались по черной землѣ. Грязный, словно общипанный, облѣзлый верблюдъ лежалъ на землѣ и лѣниво поворачивалъ свою безобразную голову. Взрослые киргизы возились съ лошадьми; нѣкоторые изъ нихъ, накинувъ недоуздокъ, быстро вскакивали на спину лошади и, промчавшись вихремъ по степи, опять возвращались къ своимъ юртамъ. Населеніе кого-то и чего-то ждало. Мужчины, болѣе молодые, подходили къ сѣдобородымъ старикамъ (аксакаламъ) и быстро говорили на своемъ нарѣчїи, напоминаящемъ татарскій языкъ. Среди ихъ порывистой крикливой рѣчи часто упоминалось слово «тюра»¹⁾. Говорившіе бойко и оживленно размахивали руками и показывали на востокъ, въ сторону большого сибирскаго города. Недалеко отъ озера пролетала дорога, если можно назвать дорогой тропу въ степи, наѣзженную верховыми кочевниками, то и дѣло спующими по степямъ. Степь, несмотря на свое видимое безлюдье, имѣла свой телеграфъ, но безъ проволокъ и столбовъ,—«живой» телеграфъ «языка». Всякіе событія и случаи изъ жизни кочевниковъ распространялись по степи съ удивительной быстротою съ помощью постоянно передвигавшихся всадниковъ между аулами, разбросанными по степи. Безъ всякихъ дорогъ и географическихъ картъ эти всадники знали мѣстность великолѣпно, всѣ озера окрестныя и стоянки ауловъ были имъ доподлинно извѣстны, а такъ какъ болѣе сѣверные аулы примыкали къ казацкой станицѣ Веселой, расположенной на большомъ трактѣ, идущемъ отъ Омска, черезъ Петропавловскъ на Челябинскъ вблизи желѣзной дороги, проведенной вдоль «горькой линїи», то вѣсти изъ города, имѣющія отношенія къ киргизскому населенію и затрагивающія ихъ интересы, распространялись тѣмъ же путемъ по ауламъ безъ замедленія.

Въ данное время обсуждалось важное дѣло. Степной телеграфъ принесъ извѣстіе, переполошившее весь аулъ. До нынѣшней весны онъ мирно перекочевывалъ, по примѣру прочихъ ауловъ и по обычаямъ кочевниковъ, съ зимнихъ стойбищъ, или «кстау», на лѣтнее— джейлау, причемъ по мѣрѣ того, какъ лошади и бараны выѣдали траву, аулъ передвигался южнѣе и южнѣе, осенью и къ началу зимы аулъ вмѣстѣ со всѣмъ населеніемъ и скарбомъ опять возвращался къ зимовкамъ. Главною же лѣтнею стоянкою былъ берегъ Байкульскаго озера, здѣсь и трава росла получше, и вода была хороша, а главное—мѣсто было привольное. Между тѣмъ весной наѣхали землемѣры изъ областного города и начали снимать окрестную степь, понимали рабочихъ, все больше изъ станичныхъ казаковъ, и пошла гулять цѣпь по степи... Къ чему это дѣло ведется, киргизы знали, а если не знали, то догадывались. Въ сосѣдней

¹⁾ Тюра—чиновникъ, господинъ.

волости также сначала ходили землемѣры («капитаны»—какъ ихъ звали киргизы), а потомъ пріѣхалъ «полковникъ», ихъ начальникъ «земляной», и нарѣзалъ тамъ участки. Сначала киргизы не понимали, въ чемъ дѣло, ихъ голова прикладывалъ печати къ какимъ-то бумагамъ, ихъ опрашивали, сколько душъ да скотины, а потомъ, какъ снѣгъ на голову, явились «русаки»-новоселы и стали строить избы изъ глины да изъ жердей (лѣса настоящаго не было) и завладѣли хорошимъ большимъ озеромъ съ вкусной прѣсной водой. «Неужели и наше Байкульское озеро достанется русскимъ?»—всполошились теперь киргизы Дурсановскаго аула. Всѣ мужчины, и старые и молодые, окружили стараго почтаря Сарсымбаю, пріѣхавшаго изъ столицы и взбаламутившаго своими рѣчами весь аулъ. Сарсымбай сообщилъ жителямъ аула, что «тюра пулковникъ» уже выѣхалъ изъ города и скоро пріѣдетъ въ аулъ: жить будетъ онъ здѣсь въ «джуртѣ» (юртѣ), и поэтому голова послалъ для него лучшую юрту, которую везутъ въ арбѣ; къ вечеру, какъ только солнышко сядетъ, земляной «пулковникъ» прикатитъ на тройкѣ въ своемъ тарантасѣ, а тарантасъ у него хорошей, со стеклами отъ пыли, какъ и подобаеть «пулковнику». И все это говорилъ Сарсымбай важно и вразумительно, какъ настоящій «аксакаль»¹⁾. А аксакаль вообще не долженъ врать и тѣмъ болѣе не можетъ говорить неправду передъ обществомъ, потому что имѣетъ сѣдую бороду и бѣлыя волосы на головѣ.

Рѣчь Сарсымбаю и всѣ подробности о «пулковникѣ» аульскіе жители сначала слушали, разиня рты, какъ будто ихъ всѣхъ сразу треснули по бритымъ затылкамъ, а потомъ всѣ сразу загалдѣли. «Баранъ рѣзать надо... кумысъ давать надо...—слышалось въ толпѣ.

На горизонтѣ появилась черная точка. Степь подобна морю... всякій новый предметъ, будь это всадникъ, или арба, или повозка, появляется, какъ судно на морѣ, въ видѣ точки, показывающейся на линіи сліянія воды съ небомъ. Затѣмъ эта точка растетъ и увеличивается, принимая ту или другую опредѣленную форму. Бываютъ, конечно, и обманы—«миражи» въ степи. И озера мерещутся, и дворцы, и мечети, но киргиза этими штукаами не удивишь, онъ ихъ знаетъ.

Тутъ же показался настоящій предметъ. Толпа замѣтила и притихла. И вотъ по стени раздался сначала тихій скрипучій, жалобный звукъ, сначала чуть слышный, а затѣмъ все болѣе ясный и сильный. Ъхала арба-одноколка, запряженная быкомъ, и везла юрту, сложенную въ видѣ длинной лодки, на арбѣ сидѣлъ киргизъ и тянулъ заунывную грустную пѣсню; пѣсня смолкала, и слышалось жалобное тягучее скрипѣнье огромныхъ деревянныхъ колесъ арбы,

¹⁾ «Аксакаль»—по-киргизски—бѣлобородый.

колесъ безъ спиць, похожихъ на мельничные жернова. Ничѣмъ не смазанныя, эти уродливыя и громоздкія колеса отчаянно скрипѣли, заглушая всѣ звуки степи и даже вѣтеръ, гудѣвшій въ камышахъ озера.

Юрта пріѣхала, ее поставили для тюры всѣмъ обществомъ. Голова волости (старшина) не пожалѣлъ отпустить бухарскихъ и тюменскихъ ковровъ, чтобы украсить ее внутренность, благо этого добра у него много въ запасѣ для пріѣзжихъ знатныхъ лицъ. Все произошло такъ, какъ сказали Сарсымбай. Къ вечеру пріѣхалъ тюра, еще молодой «пулковникъ» въ межевой формѣ, въ большой повозкѣ, запряженной тройкой киргизскихъ лошадей. Лошади, не привыкшія къ упряжи, лѣзли въ разныя стороны, подгоняемая бичомъ ямщика-киргиза. На облучкѣ тарантаса рядомъ съ ямщикомъ сидѣлъ молодой линейный казакъ въ качествѣ «вѣстового» изъ ближней станицы. Фамилія тюры была Ивановъ. Казака звали Александромъ.

II.

Утромъ казакъ Александръ сидѣлъ около юрты «пулковника», завѣшенной ковромъ вмѣсто двери, и чистилъ пашку. Къ нему крадущейся походкой, безшумно ступая своими мягкими ичигами, подошелъ Сарсымбай. Онъ постоялъ молча, пристально всматриваясь хитрыми маленькими глазами и поглаживая жидкую бороду. Потомъ онъ заговорилъ:

— Хурошь казакъ... джаксы казакъ. Чего сашку чистишь, и такъ блеститъ, какъ жарь...

— Вотъ и чищу, чтобъ лучше блестѣла,—угрюмо отвѣтилъ Александръ, натирая рукоятку пашки мелкимъ кирпичомъ.

— Баба (жена) есть?—спросилъ Сарсымбай, немного помолчавъ.

— Пока нѣтъ... Вотъ моя жена,—и Александръ указалъ на пашку...—А у тебя есть?

— Два баба у меня, старый и молодой...

— Вишь ты ить ¹⁾, а еще старикъ...

И Александръ разсмѣялся, прибавивъ крѣпкое слово, а Сарсымбай показалъ зубы, осклабясь.

— Чего смѣешься? Законъ велить...

— Ну и законъ.

Они помолчали. Александръ досталъ бумажку, свернулъ крючокъ, насыпалъ махорки изъ кисета и чиркнулъ спичку о сапогъ.

— Пулковникъ спитъ?—хитро прищуриваясь, спросилъ Сарсымбай.

¹⁾ «Ить»—песъ.

«Истор. вѣстн.», июль 1914 г., т. сxxxvii.

— Знамо, спить. Это только нашъ братъ привыкъ глаза проди-
рать, когда черти еще на кулачкахъ дерутся...

— Го-го-го... Кулачкахъ дерутся. Веселый казакъ... А звать
какъ бачка твой?

— Люди зовутъ Александромъ, Краснопятова Ивана сына.

— Знаемъ, знаемъ Ивана, хурошъ челоуѣкъ-казакъ. А пулков-
никъ добрый? Камысъ (кумысъ) пьеть, баранъ любить?

— Пьеть, пьеть, тащи кумысу больше. И я выпью, и барана
съѣдимъ. Баринъ добрый, заплатитъ за все...

— Зачѣмъ платитъ? Деньга не надо. Камысъ у киргизъ кепъ
(много). Кобыла мало-мало есть и камысъ будетъ. Камысъ какъ
вода. Вода мало пьемъ, а камысъ лучше вода. Вотъ я почтарь, тур-
сукъ со мной, вотъ...—и Сарсымбаи снялъ съ пояса кожаный мѣ-
шокъ, имѣвшій видъ огромной круглой фляги, заткнутой тряпицей,
и подалъ Александру.

— Кушай, здоровъ будь.

Тотъ съ жадностью припалъ къ отверстию турсука, наполнив-
наго кумысомъ, и пилъ, пока лицо не побагровѣло.

— Пей, пей. Еще... не жалко...

— Ухъ, усталъ, довольно...—глубоко вздохнувъ, сказалъ Але-
ксандръ и отдалъ турсукъ Сарсымбаю.

— Александръ, Александръ, хурошъ казакъ... скажи,—вкрад-
чиво заговорилъ Сарсымбаи:—пулковникъ участка здѣсь будетъ на-
рѣзать? Здѣсь у Байкуля? Новосель будетъ пускать?

— А я почемъ знаю.

— Баранъ рѣзать будемъ, невѣста искать будемъ, одинъ, два,
десять баранъ рѣзать будемъ. Отцу пошлемъ. Скажи, Александръ
будетъ участка здѣсь?

— Отойди ты отъ меня, сатана, ничего я не знаю. Такъ мнѣ ба-
ринъ и скажетъ.

— Отецъ у озера стоялъ, дѣдъ у Байкуля стоялъ, джаксы озеро,
жалко озера... новосель придетъ, озеро возьметъ. Гдѣ питаться бу-
демъ?

Въ юртѣ слышались шорохъ и зѣвокъ.

— Александръ, тащи воду умыться,—раздался голосъ изъ
юрты.—Сапоги живо.

Александръ бросился въ юрту.

Ауль раздѣлялся на двѣ части. Одна изъ нихъ, въ которой
была поставлена юрта для земельного начальника Иванова, со-
стояла изъ юртъ бѣдныхъ киргизовъ, связанныхъ между собою род-
ственными узами и владѣвшихъ сравнительно небольшимъ коли-
чествомъ лошадей, барановъ и верблюдовъ. Эта часть аула коче-
вала въ данное время на западномъ берегу широкаго озера Байкуля.

Она составляла часть главнаго аула, расположеннаго на восточномъ берегу того же озера. Тамъ стояла роскошная юрта съ золочеными «уками» ¹⁾, покрытая дорогими ташкентскими и бухарскими коврами, принадлежавшая богатѣйшему въ округѣ султану Дурсану. Онъ не занималъ никакой опредѣленной должности въ волости, но по своему богатству и могуществу былъ вершителемъ ея дѣлъ. Волостной голова Нурушбай былъ покорнымъ исполнителемъ воли Дурсана. Неисчислимыя стада барановъ, кобылицъ и жеребцовъ, немалое количество верблюдовъ принадлежали Дурсану; ихъ пастба занимала цѣлыя сотни десятинъ джейлау по степи. Множество бѣднаго киргизскаго люда состояло на службѣ у Дурсана въ видѣ приказчиковъ, пастуховъ, погонщиковъ и просто прихлебателей, каковыхъ много среди киргизовъ, обладающихъ немалой долею арабской лѣности и наклонности къ бездѣльничанью. Вся эта дружина, готовая броситься въ огонь и въ воду по мановенію Дурсана, размѣщалась въ грязныхъ юртахъ вокругъ его богатой и огромной юрты, раздѣленной на нѣсколько отдѣленій шелковыми занавѣсами, гдѣ стояли сундуки съ серебряной посудой и всякимъ добромъ; въ близъ стоящихъ женскихъ юртахъ помѣщались его жены и дѣти. Это былъ настоящій дворъ владѣтельнаго киргизскаго князя съ придворною челядью и со всеми признаками арабской роскоши, приспособленной къ кочевой жизни. Какъ вольный сынъ степи, Дурсанъ любилъ кочевую жизнь. Получивъ нѣкоторое образованіе и большой капиталъ отъ отца, онъ искуссился цивилизаціей, побывалъ въ Петербургѣ и Москвѣ и, не удовлетворившись этимъ, объѣздилъ главные города Европы. Но, несмотря на эти искусы, кочевникъ вольной степи одержалъ въ немъ верхъ надъ цивилизованнымъ человѣкомъ. Степь, его послушные соплеменники, громады стада, а главное просторъ и свобода, дающая возможность волю разгуляться и жить по-своему, руководясь собственной фантазіей и прирожденнымъ инстинктомъ, были ему милѣ всего на свѣтѣ. Зиму онъ проводилъ въ разбѣздахъ по разнымъ городамъ, останавливаясь временно въ своемъ домѣ-зимовкѣ, окруженномъ грязными низменными землянками и избушками своей челяди. Лѣтомъ же онъ кочевалъ по степи. Любимымъ его стойбищемъ были берега озера Байкуля, гдѣ трава росла густая и гдѣ птицы на самомъ озерѣ въ камышахъ и около въ ложбинахъ было множество. Дурсанъ, какъ всякій кочевникъ, былъ страстнымъ охотникомъ. Большіе орлы (беркуты) сидѣли у него на цѣпяхъ въ юртахъ для крупной птицы, зайцевъ и лисицъ, соколы и ястреба для мелкой дичи воспитывались для охоты на перепеловъ и другую полевою дичь. Были у него свои доѣзжачіе джигиты и просто охотники.

¹⁾ «Уки»—деревянная части юрты, одѣланныя изъ камыша.

Дурсанъ, несмотря на свое богатство, волновался не менѣе прочихъ киргизовъ по поводу прибытія землемѣровъ въ сосѣдніе аулы. Для его громаднѣхъ стадъ въ нѣсколько тысячъ головъ нужны были обширныя пространства лѣтнихъ пастбищъ. Онъ зналъ, какъ болѣе образованный человекъ, что эта земля, которою онъ и его одноаульцы пользуются, не закрѣплена за ними никакими документами, что казна ее можетъ взять для своихъ цѣлей. Онъ это понималъ, а потому пріѣздъ земельного начальника, грозившій близкой возможностью потери этой земли, къ которой онъ привыкъ, на которой онъ выросъ,—лишилъ его обычнаго спокойствія.

Дурсанъ позвалъ къ себѣ Сарсымбаю. Сарсымбай, хотя официально числился почтаремъ, но на самомъ дѣлѣ на него были возложены болѣе трудныя и сложныя обязанности. Онъ долженъ былъ слѣдить за дѣятельностью землемѣровъ, расселившихся по сосѣднимъ ауламъ, а теперь съ пріѣздомъ «тюры» онъ обязанъ былъ наблюдать за нимъ и плоды своихъ наблюденій сообщать Дурсану, своему могущественному покровителю. Для хитраго и вкрадчиваго Сарсымбаю такая обязанность вполне подходила.

Изогнувшись въ три погибели, Сарсымбай вошелъ въ юрту Дурсана. Тотъ сидѣлъ на хозяйскомъ мѣстѣ противъ «есыка» (входной двери), поджавъ ноги на бухарскомъ коврѣ, обложенный шелковыми подушками. Передъ нимъ стоялъ низенькій столикъ съ чашкой кумыса, въ которую прислуживающій киргизъ то и дѣло подливалъ изъ большой чаши ковшомъ. Отъ выпитаго кумыса бѣлое полное лицо Дурсана лоснилось и покрылось румянцемъ. Темныя лица сидѣвшихъ около него бievъ казались еще темнѣе въ сравненіи съ бѣлизной его кожи. Только узкіе прорѣзы глазъ Дурсана указывали на его монгольское происхожденіе; черты лица были правильны и скорѣе напоминали породистаго европейца, нежели азіата. Красная феска, надѣтая на коротко остриженную голову вмѣсто «аракчина», придавала Дурсану сходство со знатнымъ туркомъ.

— Саломъ алейкомъ (здравствуй), мудрый Дурсанъ,—сказалъ по-киргизски почтарь съ глубокимъ поклономъ, останавливаясь у двери.—Зачѣмъ позвалъ бѣднаго Сарсымбаю?

— Алейкомъ саломъ, Сарсымбай. Налей ему кумысу, Джамбаръ,—приказалъ Дурсанъ, кивнувъ головой прислуживающему киргизу.

Тотъ поднесъ Сарсымбаю большую деревянную чашку, которую онъ выпилъ, не стывая отъ губъ.

— Теиръ ждалгасенъ, джаксы булада! (очень благодаренъ, спасибо, довольно),—сказалъ Сарсымбай, громко рыгнувъ въ знакъ удовольствія отъ выпитой порціи отличнаго дурсановскаго кумыса.—Джаксы камысъ,—добавилъ онъ, утирая подоломъ бешмета свои сѣдые усы и бороду.

— Тюра пріѣхалъ? Видѣлъ его?

— Да, господинъ.

— Кто съ нимъ?

— Казакъ.

— Юрту хорошую дали? Доволенъ онъ?

— Джаксы юрта.

— Кумысѣ, баранъ есть?

— Все есть, господинъ.

— Джамбаръ, прикажи наполнить сабу лучшимъ кумысомъ отъ шестидесяти моихъ первыхъ кобылицъ и передай Сарсымбаю для тюры, а ты, Сарсымбай, скажи тюрѣ, что я хочу къ нему прійти въ гости, надо о многомъ переговорить,—сказаль Дурсанъ, взглянувъ въ сторону бievъ, которые въ знакъ согласія склонили головы.

Черезъ часъ Сарсымбай съ помощью киргиза «джетака» ¹⁾ вта-скиваль огромную сабу съ кумысомъ въ юрту Иванова къ удивленію послѣдняго и къ большому удовольствію Александра, имѣвшаго уже понятіе о назначеніи и содержаніи этой своеобразной посуды.

— Дурсанъ велѣлъ кланяться твоему благородію,—низко, склоняясь, сказаль Сарсымбай:—кумысѣ шлетъ, здоровья желаетъ, быть гостемъ твоимъ хочетъ. Будешь его ждать? Какой отвѣтъ посылать будешь? Джаксы человекъ, онъ сильный человекъ, султанъ нашъ.

— Ждать его особенно не буду—равнодушно отозвался Ивановъ:—а когда придетъ, приму, какъ гостя. За кумысѣ его благодарю, чаемъ его угощу. Сколько денегъ слѣдуетъ за кумысѣ?

— Что ты, что ты, ваше благородіе!—замахаль Сарсымбай въ ужасѣ руками.—Деньги не надо, онъ самъ деньги дастъ. У Дурсана кепъ деньга...

— Ну, съ этимъ, любезный, проваливай,—насупился Ивановъ.—Александръ, давай-ка, испробуемъ кумысу.

Проба оказалась удовлетворительной. Кумысѣ Дурсана въ сравненіи съ кумысомъ бѣдныхъ киргизовъ былъ какъ сливки по густотѣ и качеству. Закусивъ дымящимся кускомъ свѣжей баранины, Ивановъ заснулъ на кошмѣ. Заснулъ у сабы Александръ, утомившись мѣшать огромной мутовкой и наливать изъ сабы напитокъ въ чашки. Въ юртѣ было прохладно и манило ко сну послѣ кумыса. Сарсымбай тихонько вышелъ, чтобъ не разбудить тюру. На обратномъ пути къ Дурсану онъ, улыбаясь въ бороду, шепталъ: «джаксы тюра, джаксы!»

III.

Подъ вечеръ, когда легкій прохладный вѣтерокъ колыхаль полузасохшую траву, охлаждая накаленную за день землю, Ивановъ сидѣлъ за столомъ на складномъ стулѣ и пилъ чай. Въ юрту

¹⁾ Джетаки—полурабы у богатыхъ киргизовъ, составляющіе ихъ свиту, живущіе на ихъ счетъ и исполняющіе разныя мелкія порученія.

вошелъ Дурсанъ въ сопровожденіи Сарсымбае, который по знаку Дурсана тотчасъ же вышелъ.

— Какъ здоровье? Хорошо ли чувствуете себя?—освѣдомился Дурсанъ, пожимая по-европейски руку Иванову и усаживаясь на поданный Александромъ стулъ.

— Ничего, спасибо, здоровъ.

— Степь наша нравится вамъ?—спросилъ заискивающе Дурсанъ, произнося слова съ особымъ удареніемъ на киргизскій ладъ.

— Да, вольный воздухъ, ширь, просторъ, баранина, хорошій кумысъ, за который вамъ весьма благодаренъ...

— Кумысъ это пустякъ, глупости, ничего не стоитъ—скота у меня довольно. А вотъ какъ дальше жить будемъ, со стадами нашими гдѣ кочевать будемъ!—съ легкимъ вздохомъ замѣтилъ Дурсанъ и уставилъ свои острые темные глаза на Иванова. Тотъ пожалъ плечами.

— Вамъ много земли надо для пастбища?

— Много. Однѣхъ лошадей до двухсотъ головъ, а барановъ и сосчитать трудно. Травы много надо.

Наступило молчаніе. Дурсанъ барабанилъ выхоленными бѣлыми пальцами по столу.

— Здѣсь участокъ на озерѣ Байкуль будетъ для новоселовъ?

— Можетъ быть.

— Все для нихъ, для крестьянъ, а киргизамъ куда дѣться? И они слуги бѣлаго царя...

— Видите ли... я самъ вполне раздѣляю ваше неприятное положеніе при образованіи участковъ въ Степной области. Но что дѣлать? По закону новоселы-крестьяне получаютъ по пятнадцати десятинъ на душу въ Сибири изъ свободныхъ казенныхъ земель. Ваша земля, на которой вы кочуете, тоже числится казенной; вы ею пользуетесь по праву давности и установившагося обычая, но вѣдь особыхъ документовъ у васъ на нее нѣтъ?

— Есть какая-то старая грамота царя Михаила...

— Мы ее разсмотримъ, хотя такія грамоты у многихъ киргизовъ были, что не мѣшало казнѣ отобрать у нихъ лишнія земли.

— Какія же лишнія! у насъ лишней земли нѣтъ, намъ нужна вся степь... для пастбы, для кочевья.

— Это невозможно...

— Народъ киргизскій погибнетъ, умретъ безъ барановъ, безъ кумыса, безъ степи...

— А развѣ киргизы не могутъ заняться хлѣбопашествомъ?

Дурсанъ отрицательно покачалъ головой.

— Землю пахать—въ кстау ¹⁾ надо жить, навозъ копить, земля здѣсь плоха, безъ навозу родить не можетъ, а киргизъ кстау

¹⁾ «Кстау»—зимовка.

не любить, онъ зимой только тамъ въ морозъ живетъ, ему душно, жарко, скверно въ кстау. Киргизъ свободу, вольный воздухъ любить. Въ кстау онъ замретъ, задохнется лѣтомъ. Нельзя оленя запереть въ конюшню, олень въ конюшнѣ издохнетъ. Также и киргизъ...

— Однакоже, иные изъ киргизовъ пахутъ землю,—возразилъ Ивановъ.

— Мало, мало. Это такъ... не настоящіе,—махнулъ Дурсанъ рукой.—Хлѣбъ у казаковъ мы покупаемъ, мѣняемъ на кумысь, на барановъ, лошадей. Вотъ казаки тѣ для пашни подходящій народъ, они изъ крестьянъ, и то больше любятъ ямщину гонять, народъ бѣлый, лѣнивый, чистый народъ. Ихъ правительство любить, земли много даетъ имъ.

— Что за много? По тридцати десятинъ на душу, такъ вѣдь этого вамъ не хватитъ при вашихъ стадахъ?

— Мало...

— Какъ же быть-то, любезный Дурсанъ?

— Не знаю... Вамъ лучше знать, все дѣло въ вашихъ рукахъ. Вамъ власть дана. Захотите—и всѣ киргизы будутъ довольны.

Хитро подмигнувъ глазомъ, Дурсанъ помолчалъ.

— Общество аула проситъ васъ,—началь онъ затѣмъ рѣшительно,—не дѣлать здѣсь участка, не давать озера Байкуля новоселамъ. Общество будетъ вамъ очень благодарно, если уѣдете отсюда, если поселенія здѣсь не будетъ.

Онъ дружески хлопнулъ по колѣну Иванова.

— Выше меня есть люди,—холодно сказалъ Ивановъ.—Я не сдѣлаю, другой сдѣлаетъ.

— Нельзя развѣ такъ, чтобы и выше васъ никто не дѣлалъ участка на Байкулѣ?

— Не знаю... Ничего не знаю. Я еще только пріѣхалъ, не успѣлъ ознакомиться съ мѣстностью. Сейчасъ ничего не могу сказать.

— Подождемъ мало-мало. Поживите у насъ. Хорошо здѣсь. Только земля плоха,—спохватившись, добавилъ Дурсанъ.

— Развѣ?—прищуривая глаза, спросилъ Ивановъ.

— Плоха, плоха! Крестьянамъ плохо здѣсь будетъ, ни лѣсу, ничего нѣтъ. Россійскіе любятъ лѣсъ, а здѣсь, видите, кругомъ пусто, трава, степь...

— Но и въ Европейской Россіи крестьяне живутъ не въ однихъ лѣсахъ, живутъ и въ степяхъ,—возразилъ Ивановъ.

— Въ степяхъ, да не въ такихъ...

Дѣловой разговоръ кончился. Дурсанъ пилъ чай, говорилъ мало и неохотно отвѣчалъ на разспросы Иванова о большихъ городахъ и столицахъ, въ которыхъ онъ побывалъ. Больше кряхтѣлъ, чѣмъ говорилъ, почесывая коротко стриженную голову подъ феской. Видно было, что въ головѣ его крѣпко засѣла мысль отклонить

образование участка на Байкулѣ и сохранить всю окрестную степь для своихъ стадъ, а также для аула, работавшаго на него. Онъ морщился и фыркалъ, недовольный неподатливостью земельного начальника. Блуждающій взглядъ его упалъ на ружья, висѣвшія въ юртѣ вмѣстѣ съ охотничьими принадлежностями.

— Охотитесь? Ружья хороши?—И онъ, отстранивъ долистый стаканъ, подошелъ къ ружьямъ, чтобы ближе рассмотреть ихъ. Ивановъ снялъ со стѣны лучшее заграничное ружье и сталъ хвалить его качества. Дурсанъ слушалъ его разсѣянно и изъ приличія кивалъ головой.

— Киргизъ стрѣлять не любитъ, есть охотники, но мало,—сказалъ Дурсанъ.—У насъ охота старинная—съ птицами, орлами, ястребами. На коняхъ охотиться лучше и за дичью, и за зайцами. Лисицы иногда попадаются.

— Это интересно,—оживленно замѣтилъ Ивановъ:—вы держите такую охоту?

— Есть мало-мало. На дняхъ свободны будете?

— Пожалуй...

— Къ намъ въ гости пріѣзжайте, въ мою джурту. Устроимъ охоту. Пожалуйста!—и, подавъ руку на прощанье, Дурсанъ вышелъ.

Цѣлую недѣлю послѣ посѣщенія Дурсана Ивановъ объѣзжалъ землемѣровъ, топографовъ, находившихся въ его распоряженіи и занимавшихся съемкой степи съ цѣлью опредѣленія степныхъ пространствъ. Въ этомъ году съемка велась по ауламъ. Задача состояла въ томъ, чтобы установить дѣйствительныя границы пользованія киргизами лѣтними степными пастбищами. Аулы были расположены на мѣстахъ главныхъ кочевокъ, около озеръ, на разстояніи десятковъ верстъ одинъ отъ другого. Дорогъ между ними почти не было, если не считать нѣсколькихъ тропинокъ, проложенныхъ джигитами (всадниками), снующими изъ одного аула въ другой. Приходилось ѣздить въ повозкѣ безъ дороги. При этихъ поѣздкахъ Иванова окружала цѣлая свита всадниковъ.

У киргизовъ много свободнаго времени, они рады каждому лишнему случаю, чтобы попировать на чужой счетъ и поѣсть барановъ, будь это свадьба, похороны, праздникъ или, наконецъ, пріѣздъ какого-нибудь начальника.

Словно рой шмелей, они, начиная съ перваго аула, окружили повозку туры и, съ любопытствомъ заглядывая внутрь, сопровождали ее. Встрѣчные отдѣльные джигиты присоединялись къ нимъ сначала изъ любопытства, разспрашивая на своемъ горланномъ говорѣ, кто ѣдетъ и по какому дѣлу, а потомъ, почувявъ угощеніе, сопровождали десяткіи верстъ по ауламъ. Вся эта орава всадниковъ ѣла барановъ, которыхъ рѣзали по случаю такого торжественнаго пріѣзда въ значительномъ количествѣ, выпивала море кумыса; нѣ-

которые всадники, до отвала наугощавшіеся, оставались на мѣстѣ другіе скакали до слѣдующаго аула. Этому постепенному увеличенію конвоя способствовало присутствіе волостного головы, толстаго молчаливаго киргиза, величественнаго въ кругу своихъ, но смиренно сгибавшагося подъ взглядомъ тюры.

Лошади перепрягались и замѣнялись новыми каждыя пять верстѣ. Эти большею частью низкорослыя лошаденки, обыкновенно привыкшія пробѣгать цѣлыя десятки верстѣ подъ сѣдломъ безъ утомленія, теперъ, запряженныя подъ тяжелую повозку, совершенно обезсилѣвали на пятой верстѣ. Онѣ тяжело дышали, взмыленная шерсть ихъ стояла дыбомъ. Киргизы, державшіе готовыхъ лошадей «подъ тюру» по указанію распорядительнаго Сарсымбае, скакавшаго впереди на своей кобылѣ, въ мѣстахъ перепряжки съ ужасомъ смотрѣли на тарантасъ и, выпрягши взмыленныхъ лошадей, трогали повозку, покачивая головами, и восклицали: «ой, бой!»

У землемѣровъ-топографовъ получились огромныя цифры лѣтняго пользованія пастбищами каждаго аула. На незначительное населеніе въ нѣсколько десятковъ душъ мужского пола приходились десятки тысячъ десятинъ на ауль. Когда Ивановъ удивленно говорилъ выборнымъ киргизамъ, какимъ приблизительно количествомъ земли они пользуются, тѣ недовѣрчиво мотали головами.

— Степь киргизамъ Богъ далъ,—смущенно оправдывались они:—Аллахъ степь мѣрять, Магометъ считалъ землю, дарилъ киргизамъ... Людямъ мѣрять нельзя... Грѣхъ. Земля Аллаха... Лишняго ничего нѣтъ... Дѣды, прадѣды жили, стада кормили, лишняго никому не давали...

Какъ Ивановъ ихъ ни убѣждалъ, что это не только Божья земля, но и казенная и дана имъ во временное пользованіе, что киргизы, какъ собственники, на нее правъ не имѣютъ и что въ случаѣ нужды для устройства другихъ русскихъ подданныхъ, имѣющихъ недостатокъ въ землѣ, казна можетъ у киргизовъ взять лишнія пространства, они стояли на своемъ.

— Мѣрять земля грѣхъ, Аллахъ подарилъ... Киргизъ баранъ, лошадей пасеть... Человѣкъ земля не можетъ взять... Степь возмуть, киргизу смерть...

Ивановъ написалъ обо всемъ послѣ объѣзда въ высшую инстанцію и сталъ ждать разрѣшенія затруднительныхъ вопросовъ свыше. А пока пилъ кумысъ и ѣлъ баранину.

IV.

Въ день, назначенный Дурсаномъ для охоты въ честь Иванова, къ озеру Байкулю съѣхались изъ окрестныхъ ауловъ бѣи и знатные киргизы, удалая молодежь на лучшихъ коняхъ, не упускавшая случая при болѣе или менѣе значительныхъ сборищахъ помѣряться

силами, а главное конями въ дикой и лихой «байгѣ»¹⁾). Живописная кучка такихъ лихихъ джигитовъ, гарцуя на породистыхъ киргизскихъ лошадяхъ около огромной юрты Дурсана, оживила и безъ того пестрое населеніе аула, увеличенное въ этотъ день прибывшими въ этотъ день гостями изъ степи. На солнцѣ ярко блестѣли серебряныя и мѣдныя украшенія лошадиной сбруи, блистали мишурой разноцвѣтныя тюбетейки (аракчины), лихо надвинутыя на бритыя головы, и серебро на поясахъ, которыми были перетянуты пестрые халаты франтоватыхъ джигитовъ. Ивановъ пріѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи Александра и Сарсымбая. Дурсанъ, согласно обычаю, встрѣтилъ гостя на порогѣ юрты, старшій бій поддержалъ стремя и узду въ ту минуту, когда «тюра» соскакивалъ съ коня. Дурсанъ повелъ гостя на почетное мѣсто, устроенное въ глубинѣ юрты и состоявшее изъ низкаго золоченаго стула, обложеннаго пестрыми шелковыми подушками. Самъ хозяинъ помѣстился рядомъ съ нимъ, остальные гости разсѣлись на огромномъ коврѣ по старшинству полукругомъ; въ серединѣ этого полукруга стоялъ огромный чанъ съ кумысомъ; возлѣ него стояли два киргиза съ черпалами въ рукѣ, наблюдавшіе за тѣмъ, чтобы чаши гостей не были пустыми. Когда гости размѣстились, въ дверь юрты, какъ тѣни, крадучись, стали понемногу входить джетакы, они смиренно размѣщались въ лѣвой сторонѣ юрты, гдѣ сидѣлъ на цѣпи громадный беркутъ, шелкавшій клювомъ и вращавшій злыми, налитыми кровью глазами...

Спросивъ по обычаю о здоровьи гостя, Дурсанъ подаль знакъ, съ лѣвой стороны раздвинулись шелковыя занавѣси, и передъ гостями появилась молоденькая красавица-киргизка съ тонкими чертами лица, бархатными глубокими глазами и нѣжнымъ цвѣтомъ кожи, въ роскошномъ нарядѣ со множествомъ бусъ и украшеній на тонкой изящной шеѣ. Она держала въ рукахъ серебряный вызолоченный подносъ съ двумя большими серебряными кубками. Тихій гулъ восторга присутствовавшихъ привѣтствовалъ это волшебное видѣнье.

— Моя дочь, Сузге, — съ гордостью сказала Дурсанъ, кивнувъ головой.

Красавица приблизилась съ поклономъ и вся зардѣлась, опуская длинныя черныя рѣсницы подъ пристальнымъ взглядомъ Иванова, взявшаго почетный кубокъ съ подноса, наполненный самымъ крѣпкимъ и жирнымъ кумысомъ.

— Невѣста? — спросилъ онъ Дурсана.

— Да, по обычаю нашему каждой дѣвушкѣ находятъ жениха еще съ дѣтства, въ возрастѣ 3—5 лѣтъ.

— Вы любите своего жениха? — спросилъ Ивановъ смутившуюся дѣвушку.

¹⁾ «Байгой» называются призовые скачки на киргизскихъ лошадяхъ.

— Должна любить,—сказалъ за нее отецъ, моргнувъ бровью, и пояснилъ:—она по-русски не говоритъ.

Затѣмъ по знаку отца Сузге, зардѣвшисъ, какъ роза, исчезла за шелковыми занавѣсами.

— А женихъ вашей дочери здѣсь?—полюбопытствовалъ Ивановъ.

— Свадьба ея не скоро, а по нашему обычаю женихъ не долженъ видѣть невесты до дня «коль-статаръ» (держаніе руки) ¹⁾ послѣ уплаты калыма...

¹⁾ Свадьба киргизовъ слагается изъ слѣдующихъ моментовъ: сговора и поѣздки родителей, посѣщенія женихомъ невесты, поѣздки невесты къ жениху и молитвы муллы. Послѣ того, какъ состоялся неофициальный сговоръ, отецъ жениха съ богатыми и наиболѣе родовитыми родственниками ѣдетъ къ родителямъ невесты. Гости предоставляются заботамъ женщинъ-родственницъ невесты, которыя угощаютъ и ходятъ за пріѣхавшими; послѣдніе должны «откупиться» отъ нихъ подарками; если этого не бываетъ, то гостямъ грозятъ насмѣшки и издѣвательства: ихъ женщины насильно одѣваютъ въ женское платье, купаютъ со всей одеждой въ водѣ, бреютъ усы и бороду, запрягаютъ въ телгу, и все это продлывается на глазахъ всего аула. Отецъ невесты угощаетъ прибывшихъ самымъ вкуснымъ блюдомъ—«куюръ-бауръ» (лучшія части конины, курдючное сало и печень,—все подъ соусомъ изъ «курта» (бараньяго сыра) «суздукомъ»), съѣсть это блюдо—значитъ завязать первый брачный узелъ.

Послѣ этого визита отецъ и родственники невесты ѣдутъ къ отцу жениха за получениемъ калыма или его большей части. Пріѣздъ сопровождается гулянкой. Женихъ посылаетъ при ихъ отъѣздѣ въ аулъ невесты «улетры»—конины или другое мясо въ подарокъ женщинамъ аула.

Послѣ сговора и уплаты калыма женихъ получаетъ право посѣщать невесту. Эти посѣщенія имѣютъ существенное значеніе, являясь преддверіемъ брака. Въ случаѣ смерти жениха или невесты послѣ того, какъ они видѣлись неоднократно, возвращается не весь калымъ, а только часть его, тогда какъ до свиданія удерживается незначительная часть. Свиданія эти должны имѣть невинный характеръ. Первое посѣщеніе женихъ дѣлаетъ съ массой подарковъ и въ сопровожденіи своихъ друзей. Въ юртѣ отца невесты происходитъ гулянье; невеста уходитъ, чтобы избѣжать встрѣчи, въ юрту ближайшаго родственника. Ночью товарищи жениха и подкупленные женщины аула являются къ родственнику, гдѣ во время пиროванья стараются похитить невесту. Происходитъ борьба двухъ партій—невестиною и жениховой, послѣдняя почти всегда побѣждаетъ и невесту на коврѣ переносятъ въ юрту отца (это называется «кызъ-кашаръ»—бѣгство дѣвы). Здѣсь ее посѣщаетъ женихъ, причемъ свиданіе ограничивается разговоромъ и держаніемъ руки черезъ рѣшетку юрты и называется «коль-статаръ». Женщинъ, устроившихъ свиданіе, женихъ даритъ.

На слѣдующій день женихъ дѣлаетъ официальное посѣщеніе невесты; при этомъ онъ долженъ откупиться отъ различныхъ родственницъ невесты, преграждающихъ ему путь; эти подарки извѣстны подъ именемъ «кемпъ-ульде». При входѣ жениха на очагъ льютъ масло; женихъ дѣлаетъ родителямъ невесты три поклона на одномъ колѣнѣ («тянемъ»). Невѣста обыкновенно сидитъ за чіевой перегородкой (влѣво), куда и пропускается женихъ; это посѣщеніе невесты составляетъ главный моментъ свадьбы; называется оно «корпе кіймыль датаръ». Всѣ посѣщенія и пріѣзды жениха сопровождаются взиманіемъ съ него подарковъ. Черезъ нѣкоторый періодъ времени (около года) женихъ пріѣзжаетъ за невестой. Онъ привозитъ остальную часть калыма и скотъ въ даръ («той малъ») въ возмѣщеніе расходовъ, вызванныхъ свадьбой; кромѣ того, привозятся кошмы на юрту, которая ставится при его пріѣздѣ особо; здѣсь происходитъ обрядъ вѣнчанія: надъ чашкой съ водой, куда спущена монета, мулла читаетъ на арабскомъ языкѣ молитву, затѣмъ спрашиваетъ молодыхъ о согласіи, даетъ пить имъ

Дверь распахнулась, и въ юрту внесли огромный котелъ съ дымящимся мясомъ свѣже заколотого барана. Взоры присутствовавшихъ гостей и джетаковъ съ жадностью обратились на любимое блюдо. Киргизъ, исполнявшій обязанности распорядителя пиршества, выложилъ изъ котла почки, которыя считаются киргизами особенно лакомымъ кушаньемъ, и положилъ ихъ на серебряное блюдо, которое держалъ другой киргизъ. Затѣмъ онъ съ поклономъ поднесъ блюдо съ почками Дурсану и поставилъ на столъ. Дурсанъ кривымъ острымъ ножомъ разрѣзалъ почки на мелкіе кусочки (каурдакъ) и, предварительно умывъ руки, сталъ бросать эти кусочки въ тарелку Иванова, обходясь при этомъ безъ ножа и вилки. Ивановъ посмотрѣлъ подозрительно на выхоленныя руки Дурсана и удивленно на него взглянулъ.

— Это нашъ обычай—«бишь барманъ»¹⁾, для почетнаго гостя лучшее мясо... Кушай каурдакъ... вкусно...

И, набросавъ гостю полтарелки, онъ самъ началъ ѣсть руками.

За каурдакомъ подали шлавъ изъ курицы и Иванову положили вилку, ножикъ и ложку—все изъ серебра въ знакъ почтенія къ гостю. Ъда, разумѣется, запивалась въ изобиліи кумысомъ. За шлавомъ послѣдовали грудинка и жирныя части барана. Дурсанъ, какъ и всѣ остальные киргизы, ѣлъ молча и громко чавкая. Когда Ивановъ съѣлъ свою порцію барана, Дурсанъ указалъ на куски жира, оставшіеся на тарелкѣ, и поманилъ рукой ютившихся у входа въ юрту джетаковъ.

— Дайте имъ съ руки жиръ...

— Какъ?

— Съ ладони своей... для нихъ это особая честь. Вы у насъ самый почетный гость.

Ивановъ протянулъ руку съ кускомъ жира, и ближайшіе джетаки взяли прямо въ свои рты куски, лизнувъ по-собачьи руку Иванова.

— Джаксы булата, тюра, теиръ джалгасенъ (спасибо, довольно), говорилъ каждый изъ нихъ, проглатывая жиръ и низко кланаясь. Одинъ изъ нихъ прибавилъ еще что-то по-киргизски.

— Что они говорятъ?—спросилъ Ивановъ.

— Джетакъ отъ лица своихъ товарищей благодаритъ васъ за

воду, а затѣмъ и всѣмъ присутствующимъ, монету же оставляетъ себѣ. Затѣмъ начинается гулянье, игры, скачки.

Большая часть браковъ совершается въ возрастѣ 14—18 лѣтъ для невѣсты и 18—20 лѣтъ для жениха; бывають и старые женихи семидесятилѣтняго возраста. Хотя мусульманскій законъ разрѣшаетъ киргизамъ многоженство, послѣднее не распространено, такъ какъ требуетъ большихъ расходовъ и подъ силу только богатымъ, большая часть киргизовъ имѣетъ двухъ женъ (старую и молодую). (См. «Киргизскій край», т. XVIII, изд. Девриена, гл. 5). Авт.

¹⁾ «Бишь барманъ»—передача пищи пятью пальцами и ладонью.

честь, оказанную имъ за «бишь барманъ», и просить на будущее время не забыть ихъ своими милостями, оставить степь для ихъ покровителей, полномочныхъ киргизовъ. Сами они—бѣдный народъ, пасутъ стада своихъ хозяевъ...

— Да, видите ли,—сказалъ Ивановъ:—я вѣдь пока ничего обѣщать не могу. Не отъ меня одного это зависитъ. Я жду указаній и отвѣта, какъ поступить, нужно ли образовывать участокъ, или нѣтъ.

— Вы написали начальству, что намъ нужна степь, что въ аулѣ много скота?—спрашивалъ Дурсанъ, подливая кумысу.

— Написалъ... Все описалъ подробно.

Дурсанъ началъ объяснять бѣямъ и старѣйшинамъ аула по киргизски слова Иванова.

— А когда придетъ бумага къ тебѣ о нашемъ озерѣ?—спросилъ его бѣлый, какъ лунь, аксакаль, сидѣвшій неподалеку отъ Дурсана.

— Не знаю. Думаю, скоро. А, можетъ быть, и само начальство прѣдетъ осмотрѣть.

— Начальство большое, важное?

Ивановъ затруднился точнымъ отвѣтомъ и огранчился общими замѣчаніями.

— Ой, бой,—вздыхнулъ аксакаль:—много начальства на землѣ. Вездѣ начальство. Какъ жить бѣдному человѣку? Трудно жить киргизамъ...

Кумысь дѣйствовали на Иванова, а мягкія подушки, которыми былъ обложенъ его низкій стулъ, манили къ дремотѣ. Его глаза слипались.

— Можетъ быть, отдохнуть надо?—спросилъ Дурсанъ, внимательно вглядываясь на него.

Ивановъ кивнулъ головой.

— Минуточку передъ охотой не мѣшало бы.

— Ладно.

И по знаку султана всѣ вышли изъ юрты, чтобы не мѣшать сну тюрты.

Когда Ивановъ послѣ крѣпкаго сна вышелъ изъ юрты, ему былъ подведенъ лучший изъ коней Дурсана, рослый дорогой аргамакъ, покрытый серебряной сбруей и дорогимъ чепракомъ. Около него скопились джигиты и ловчіе на коняхъ, у cadaго изъ ловчихъ по правую руку была надѣта рукавица, и на ней, вцѣпившись когтями, сидѣлъ соколъ или ястребъ съ колпачкомъ на головѣ, надвинутымъ на глаза. Птицы были выучены и знали свое дѣло. Онѣ, какъ каменные изваянія, неподвижно сидѣли на рукавицахъ, несмотря на движенія ловчихъ, кони подъ которыми били въ нетерпѣніи копытами. Самъ Дурсанъ не поѣхалъ, а послалъ своего сына Гассана, еще юношу, очень похожаго на сестру. Гассанъ не говорилъ

по-русски и объяснялся съ Ивановымъ черезъ переводчика и знаками, прикладывая руку ко лбу при каждомъ обращеніи, въ знакъ почтенія и любезности. Всадники тронулись и помчались съ Ивановымъ и Гассаномъ по степи за ловчими, указывавшими мѣста охоты. Около ложбины съ кустарниками и высокой травой остановились. Гассанъ подаль Иванову рукавицу и посадилъ болѣе крупнаго сокола на его руку. Въ этомъ мѣстѣ сидѣли перепела. Ловчій объяснилъ, что надо вскинуть рукой въ рукавицѣ въ ту минуту, когда Ивановъ замѣтитъ вспорхнувшего изъ травы перепела. Лошади пошли шагомъ среди густой травы. Первый перепелъ вспорхнулъ изъ-подъ ногъ Гассанова коня и полетѣлъ на Иванова. Тотъ поднялъ руку съ рукавицей, соколъ, съ котораго предварительно былъ снятъ колпачокъ, вздрогнулъ, расправилъ крылья, стрѣлой взвился на высоту и оттуда камнемъ упалъ на летѣвшаго перепела. Поймавъ его въ воздухѣ, соколъ вцѣпился въ перепела когтями. Тотъ судорожно затрепыхался и жалобно пискнулъ. Хищникъ и жертва упали вмѣстѣ въ траву. Къ нимъ подскочилъ Гассанъ съ ловчимъ, быстро спрыгнулъ съ лошади и отнял перепела, полуклеваннаго соколомъ. Вынувъ изъ-за пояса тонкій острый ножъ, Гассанъ ловкимъ движеніемъ расширилъ ранку, сдѣланную клювомъ сокола въ головѣ перепела и, вычистивъ мозгъ и давъ его соколу, положилъ перепела въ сумку ловчаго. Съѣвъ лакомое блюдо, соколъ возвратился къ своей рукавицѣ.

Охота продолжалась. Перепела то и дѣло вспархивали изъ-подъ копытъ лошадей то одного, то другого всадника, соколы и ястреба взлетали ввысь, ловили перепеловъ, которые затѣмъ попадали въ сумки ловчихъ, а ученые птицы, сдѣлавъ свое дѣло, садились на свои мѣста, то есть на рукавицы охотниковъ. Когда охота кончилась и кожаныя сумы ловчихъ наполнились дичью, на птицъ были вновь надѣты колпачки, и онѣ замерли на рукавицахъ, принявъ видъ каменныхъ изваяній.

Охота закончилась байгой, безъ которой ни одно торжественное событіе въ киргизской жизни не обходится. Въ байгѣ принялъ участіе и Ивановъ на дурсановскомъ аргамакѣ. Дистанція была назначена приблизительно въ двѣ версты до аула. Ставъ рядомъ съ джигитами, онъ по знаку судьи помчался вихремъ по степи къ указанному мѣсту. Аргамакъ его не выдалъ, и онъ прискакалъ голова въ голову съ двумя лучшими джигитами къ аулу.

— Джаксы, тюра, джаксы,—говорилъ съ радостной улыбкой Сарсымбай, словно выросшій изъ-подъ земли у морды храпѣвшаго аргамака, съ котораго слѣзалъ Ивановъ.

— Хорошъ джигитъ тюра. Джаксы,—повторяли вышедшіе изъ юрты навстрѣчу вмѣстѣ съ Дурсаномъ бѣи.

И эта похвала льстила Иванову, проникавшемуся привычками и обычаями степной жизни.

Въ юртѣ снова появилось дымящееся мясо нарочно для охотниковъ свѣже зарѣзаннаго барана. Полился кумысъ...

Вечеръ надвигался быстро, какъ это бываетъ въ степи, гдѣ сразу темнѣетъ. Въ юртѣ стало темно и душно. Открыли туюндукъ (верхнюю часть юрты, замѣняющую окно и трубу для выхода дыма), въ очагѣ затеплился огонь. Появились «окынъ» и «оленгчи» (гусярь и кобзарь), безъ которыхъ не обходится ни одно пиршество.

У одного изъ нихъ была большая треугольная балалайка съ тремя струнами, у другого кабызъ (продолговато-круглая балалайка съ колышкомъ внизу). По знаку Дурсана «оленгчи» настроилъ кабызъ въ ладъ съ балалайкой, по струнамъ которой «окынъ» ударилъ всей рукой. Грустной мелодіей потянулась тягучая киргизская пѣсня, заунывная, безнадежная, тоскливая, какъ степь, и, какъ степь, безбрежная...

V.

Жаркіе лѣтніе дни кончались. Въ степномъ воздухѣ не было уже тѣхъ знойныхъ теченій, которыя раньше обдавали жаромъ, словно изъ раскаленной печи. Къ вечеру чувствовался холодокъ. Ночью же наступала настоящая стужа, проникавшая въ юрту, несмотря на кошмы. Ивановъ, ложась въ свою походную постель, дрожалъ отъ холода и закутывался съ головой въ мѣховое одѣяло. Александръ свертывался калачомъ подъ тулупомъ въ углу юрты.

— Скоро ли, баринъ, въ станицу поѣдемъ?—спрашивалъ онъ, ворочаясь съ боку-на-бокъ.—Замерзнешь тутъ въ степи.

— Скоро, братъ, скоро... Что соскучился по своимъ Матренамъ да Акулинамъ?—шутливо спрашивалъ Ивановъ, привыкшій къ грубоватому тону казака, смотрѣвшаго волчонкомъ, но весьма исполнительнаго и аккуратнаго вѣстового и слуги.

— И то соскучился малость.

— Спи-ка лучше.

— Студено, баринъ. Не развести ли огонь въ очагѣ?

— Разведи, пожалуй, только туюндукъ не забудь открыть, а то отъ дыма задохнешься.

Александръ сѣлъ на корточки и, набросавъ хворосту, зажегъ огонь, открывъ туюндукъ съ помощью особаго шнура.

— Вотъ и повеселѣй стало. А что, ваше высокоблагородіе, скоро придетъ «гумага» насчетъ озера Байкуля?

— Вѣроятно, на этихъ дняхъ.

— А что же, баринъ, неужели казна отдастъ всю степь киргизамъ? За какія такія заслуги? Вонъ наши казаки военную службу несутъ, сызмалѣтства приучаются, въ школѣ учатся. Въ прежнее время, какъ сказываютъ старики, русскую землю казаки ограждали отъ этой самой киргизской орды. Лѣтъ полтора ста тому назадъ, го-

ворять, въ Петропавловскѣ крѣпость была. И за всё заслуги казаковъ надѣлили по 30 десятинъ, а теперича киргизы владѣютъ сотнями и тысячами десятинъ. Почему это такъ?

— Да вѣдь они пользуются этой землей только для пастбища, а продать ее не могутъ...

— Не очень-то такъже продашь и нашъ надѣлъ. Кто хлѣбопашество имѣеть, тому надѣла этого мало. А киргизы въ степи какъ цари. Приѣдешь къ нимъ покупать лошадей либо кожи, или скотъ, они тебѣ обдерутъ, какъ липку. Да и въ коняхъ у насъ бываетъ отъ нихъ обида...

— Какая же?

— Барантуютъ! Какъ пропалъ конь у кого изъ казаковъ, ищи его въ ордѣ, ужъ навѣрняка какой-нибудь узкоглазый укралъ да и угналъ въ степь. Ищи въ полѣ вѣтра.

— А это часто бываетъ?

— Часто не часто, а бываетъ. Лонись ¹⁾ по злобѣ угнали у нашего казака Игнатова цѣлый конекъ добрыхъ лошадей, на ярмаркѣ конской лошади и нашлись.

— А вора нашли?

— Какъ его найдешь, когда черезъ десять рукъ кони ужъ прошли. Догадываются, а развѣ докажешь?

— А переселенцы російскіе млѣе вамъ киргизовъ? Не ссоритесь съ ними?

— Чего съ ними ссориться! Они намъ не мѣшаютъ. Смѣху только съ ними, долгогривыми, много бываетъ. Особенно хохлы больно чудные. Бычники!

— Это что такое?

— А они на быкахъ пашутъ, мы ихъ бычниками прозвали, больно ужъ съ ними трудно разговаривать. Народъ безтолковый, неграмотный. Трудно съ нимъ дѣло вести.

— Поди, надуваете ихъ тоже. Казаки вѣдь народъ аховый.

— Да, ужъ маху не даютъ наши старики прожженные...

— Значить, вамъ отъ новоселовъ барышъ бываетъ, вы имъ рады?

— Какъ же, баринъ, не барышъ... Приѣдутъ они изъ Россіи на новый участокъ—ни скота у нихъ нѣтъ, ни сбруи, ни хлѣба. Тоже избы надо строить, лѣсъ хотя и полагается имъ изъ казны, да вѣдь гдѣ его, лѣсу, взять въ степи. Ну, казачкѣ ихъ и ссужаютъ то хлѣбомъ, то тесомъ, то крушой или картошкой...

— Что жъ, если при Байкулѣ нарѣжемъ участокъ, казаки довольны будутъ?

— Само собой. Отъ орды подальше,—кони цѣлѣе.

Вскорѣ разговоръ затихъ, и въ юртѣ раздалось мѣрное похрапываніе барина и слуги.

¹⁾ «Лонись»—въ прошломъ году.

Утромъ трава была покрыта инеемъ. Этотъ иней проникъ и въ юрту, гдѣ поломъ служила земля, только на половину прикрытая коврами. За благодарѣтельнымъ самоваромъ Ивановъ отогрѣвался отъ ночной стужи. Въ юрту вошелъ Сарсымбай съ озабоченнымъ лицомъ съ сумкой черезъ плечо.

— Пакетъ пришелъ изъ города твоему благородію, важный пакетъ съ большой печатью,—сказалъ онъ и, кряхтя, сталъ доставать изъ сумы драгоценную ношу.

Сарсымбай угадалъ. Дѣйствительно, въ пакетѣ оказалась важная бумага для киргизовъ. Иванову предписывалось проектировать участокъ для переселенцевъ на озерѣ Байкулѣ, оставивъ «по возможности» нѣкоторую часть степи окрестной для киргизскихъ пастбищъ Дурсановскаго аула. Сравнительно съ казацкими надѣлами, не говоря уже о крестьянскихъ, оставляемое за исключеніемъ излишнихъ земель для киргизовъ количество земли было значительнымъ, но... трудно было удовлетворить кочевниковъ, не привыкшихъ къ какимъ бы то ни было надѣламъ. Ивановъ рѣшилъ не держать болѣе въ неизвѣстности киргизовъ Дурсановскаго аула относительно дальнѣйшей судьбы ихъ родного озера и приказалъ собрать биевъ и выборныхъ для объявленія бумаги, тѣмъ болѣе, что съемка топографовъ приходила къ концу. Дурсанъ тотчасъ же узналъ о полученіи давно ожидаемаго пакета и явился въ юрту Иванова вмѣстѣ со старѣйшими біями, чтобы узнать рѣшеніе. Остальные выборные толпились у самой юрты.

Когда Ивановъ прочелъ официальное распоряженіе, наступила тишина. Аксакалы стояли съ опущенными головами. Ихъ загорѣлыя лица, обрамленныя бѣлыми бородами, еще болѣе потемнѣли.

— Чѣмъ питаться будемъ? Куда скотъ дѣвать? Шабашъ Байкуль. Русаки возьмутъ озеро, рыба ловить не дадутъ... Какъ жить станемъ? Помирать надо,—воскликали они наперебой.

Ивановъ развелъ руками, пряча бумагу. Киргизы смотрѣли съ недовѣріемъ, исподлобья, и эти взгляды полны были и упрека, и мольбы, и сомнѣнія. Дурсанъ что-то сказалъ по-киргизски выборнымъ старикамъ, и они молча, какъ подкошенные горемъ, вышли изъ юрты. Дурсанъ подошелъ къ Иванову и тихо, но многозначительно сказалъ, смотря ему въ глаза:

— А бумагу измѣнить нельзя?

— Какъ?

— Иначе сдѣлать... Оставить озеро киргизамъ... Упросить начальство?

— Какъ это можно!

— А если киргизы не дадутъ землемѣрамъ съ цѣпью ходить, отнимать будутъ цѣпь, земли своей не дадутъ?

— Ну, что жъ хорошаго изъ этого не выйдетъ? Пришлютъ казаковъ, насильно отмежутъ участокъ, когда комиссія его утвердить.

— А комиссію просить можно? Хлопотать? Когда она будетъ? Гдѣ?

— Петропавловскѣ осенью...

— Надо хлопотать,—твердо сказалъ Дурсанъ.—Не то худо киргизамъ будетъ, аулу худо будетъ... мнѣ худо... всѣмъ худо... Прощай... До свиданія. Въ Петропавловскѣ увидимся...

И онъ, нахмуривъ брови, подалъ руку Иванову и съ озабоченнымъ видомъ, широко шагая, вышелъ изъ юрты...

На слѣдующее утро Ивановъ вышелъ въ степь и ахнулъ. Въмѣсто аула было пустое пространство, покрытое навозомъ отъ скота, на выжженной и истоптанной землѣ тлѣли угли отъ бывшихъ очаговъ, валялись тряпки, щепы и всякій мусоръ, напоминавшій о копошившихся здѣсь людяхъ.

На противоположномъ берегу тоже ничего не было видно, ни огромной дурсановской юрты, ни болѣе мелкихъ юртъ его свиты и домочадцевъ.

— Ушли, ваше благородіе,—пояснилъ стоявшій у двери юрты Александръ.

— Куда? Когда?

— Ночью сегодня, въ степь, кочевать. Князь ихній разсердился; тоже снялся съ озера. Теперь, баринъ, прощай кумысъ, прощай баранина. Понюхать не дадутъ... видно, и намъ пришло время въ станицу перебираться.

— А Сарсымбай гдѣ?

— Тамъ вонъ. Одинъ бѣдняга сидитъ и горюетъ. Въ залогъ его оставили,—и Александръ показалъ рукой въ сторону озера.

На самомъ берегу озера Байкуля на пригоркѣ сидѣлъ Сарсымбай и горько плакалъ, нагнувшись надъ водой, плескавшейся въ зеленыхъ камышахъ. Вѣтеръ гудѣлъ вокругъ и разносилъ его громкія неутѣшныя рыданія по широкой вольной степи...

Петръ Соколовъ.

РУССКІЙ НАРОДНЫЙ ГИМНЪ.

ДЕСЯТАГО января сего года минуло ровно 80 лѣтъ со дня перваго публичнаго исполненія въ Петербургѣ въ Александринскомъ театрѣ нашего народнаго гимна. Пользуюсь этимъ событіемъ, чтобы осуществить мое намѣреніе, высказанное въ моей статьѣ «Объ авторѣ нашего народнаго гимна», напечатанной 4-го іюня 1910 года въ № 12294 газеты «Новое Время», сообщить добытыя мною свѣдѣнія относительно возбужденныхъ въ «Русской Музыкальной Газетѣ» и въ другихъ печатныхъ органахъ вопросовъ о времени перваго исполненія гимна, его темпѣ, переложеніи его и, наконецъ, біографическихъ свѣдѣній объ А. Θ. Львовѣ.

Въ 1910 году я былъ назначенъ предѣвателемъ высочайше утвержденной комиссіи по улучшенію музыкальнаго дѣла въ арміи и флотѣ. Приступивъ къ исполненію возложенныхъ на нее задачъ, ввѣренная мнѣ комиссія не могла не обратить вниманія на то состояніе, въ которомъ находится въ нашихъ войскахъ вопросъ о народномъ гимнѣ. Казалось бы, должны быть установлены—одна тональность, однородная гармонизація и одинаковый темпъ, обязательные для всей Россіи, какъ для симфоническихъ оркестровъ, такъ и для вокальныхъ и военныхъ хоровъ, и на случай совмѣстнаго исполненія. Въ дѣйствительности же гимнъ исполняется у насъ съ большими отступленіями отъ подлинника.

Изъ партитуръ, присланныхъ въ комиссію отъ всѣхъ войсковыхъ частей нашей арміи и флота, оказывается, что гимнъ исполняется въ трехъ различныхъ тональностяхъ: F, Es и As-dur, не говоря уже о разницѣ въ темпѣ, который зависитъ отъ личнаго вкуса капельмейстера. 15-го іюля 1888 года, при торжественномъ молебнѣ и парадѣ въ высочайшемъ присутствіи по случаю 900-лѣтней годовщины крещенія Руси, у Александровской колонны, я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ два полковыхъ музыкантскихъ хора, стоя другъ противъ друга въ 6—10 шагахъ, исполняли одновременно гимнъ въ разныхъ темпахъ.

При болѣе подробномъ разсмотрѣніи партитуръ гимна войсковыхъ частей и при сравненіи таковыхъ съ находящимися въ продажѣ печатными изданіями, а равно съ подлинниками композитора, хранящимися въ музеѣ придворнаго оркестра, оказались: 1) отступленія отъ подлинника какъ въ гармонизаціи, такъ и въ мелодіи, 2) не соответствующее намѣреніямъ композитора обозначеніе динамическихъ знаковъ, 3) исполненіе гимна въ разныхъ тональностяхъ, 4) разнообразіе въ указаніяхъ темпа въ различныхъ печатныхъ изданіяхъ, вышедшихъ со времени сочиненія гимна, то есть съ 1834 года, и 5) отсутствіе officialнаго постановленія относительно исполненія этого гимна частными оркестрами и вокальными хорами.

Что касается гармонизаціи, то существующія изданія различаются въ ходѣ басовъ въ третьемъ тактѣ второго колѣна гимна и въ голосоведеніи партіи сопрано въ четвертомъ тактѣ того же колѣна. Это измѣненіе верхняго голоса иногда такъ значительно, что я, услышавъ какъ-то исполненіе гимна въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ, пропѣтаго нижними чинами, могъ догадаться, что это нашъ народный гимнъ только по словамъ, которыя до меня долетали,—до того была искажена мелодія гимна.

Во всѣхъ симфоническихъ оркестрахъ обыкновенно принята тональность F-dur, установленная самимъ авторомъ; въ войскахъ же нашей арміи, какъ уже было сказано, гимнъ исполняется въ трехъ различныхъ тональностяхъ. Кѣмъ и когда введены эти тональности—не удалось установить; по слухамъ, тональность As-dur установлена въ гвардіи въ 70-хъ годахъ. Но поползновеніе на измѣненіе тональности гимна замѣтно гораздо раньше. Такъ, напримѣръ, въ «Военномъ-Музыкальномъ Альбомѣ», посвященномъ войскамъ арміи въ 1845 году, капельмейстеромъ гвардейскаго корпуса Гаазе гимнъ помѣщенъ въ тонѣ G-dur. Это повышеніе тональности трудно понять, такъ какъ нормальный камертонъ еще не былъ тогда утвержденъ, дѣйствовавшій же въ то время у насъ въ Россіи былъ выше современнаго. Первая попытка установить темпъ гимна была сдѣлана вскорѣ по сочиненіи его, а именно въ началѣ 1834 года командиръ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса предписалъ капельмейстеру того же корпуса Гаазе собрать музыкантскіе

военные хоры и, какъ было сказано, «уравнять такту», то есть установить темпъ для гимна. Къ сожалѣнiю, не осталось слѣдовъ, какой именно темпъ былъ тогда установленъ. Можно предположить, что темпъ $\text{♩} = 104$, обозначенный капельмейстеромъ Гаазе на партитурѣ гимна, напечатанной имъ въ изданномъ въ 1845 году альбомѣ для военныхъ хоровъ, именно тотъ, который былъ имъ установленъ въ 1834 году, когда были собраны въ манежѣ музыканты гвардейскихъ полковъ. Вообще, мнѣ кажется, что самъ авторъ колебался вначалѣ въ отношенiи темпа, такъ какъ въ рукописныхъ и печатныхъ экземплярахъ, появившихся во время его жизни, темпъ обозначенъ разнo, напримѣръ:

1) въ рукописномъ экземплярѣ, поднесенномъ государю императору и хранящемся въ музеѣ придворнаго оркестра, на всѣхъ четырехъ партитурахъ обозначено *Moderato alla breve*;

2) рукописная партитура для симфоническаго оркестра съ хоромъ и соло тенора, одинаковая съ находящеюся въ предыдущемъ экземплярѣ, находится въ придворной пѣвческой капеллѣ;

3) «Пѣснь русскихъ» для хора и фортепiано, С.-Петербургъ, литографiя П. Резелiуса, хранится въ музеѣ придворнаго оркестра;

4) «Молитва русскаго народа» съ портретами Жуковскаго и Львова и съ ихъ автографами, *Allegro risoluto* $\text{♩} = 138$;

5) «Боже, царя храни», для фортепiано въ четыре руки, С.-Петербургъ, литографiя Ершова (въ музеѣ придворнаго оркестра), *Allegro maestoso ma non troppo presto* $\text{♩} = 138$;

6) русскій народный гимнъ «Боже, царя храни», двѣ партитуры для пѣхотной и егерской музыки; литографiя Берендгофа (въ музеѣ придворнаго оркестра), *Allegro maestoso* $\text{♩} = 93$;

7) гимнъ «Боже, царя храни» для войскъ Россiйской армии, литографiя департамента военныхъ поселенiй 1834 года (въ придворной пѣвческой капеллѣ), *Maestoso alla breve*;

8) «Боже, царя храни»; пѣснь русскихъ для четырехъ голосовъ съ переложенiемъ на фортепiано, съ русскимъ и нѣмецкимъ текстами, гравировано и печатано у Ершова (въ музеѣ придворнаго оркестра), умѣренно;

9) «Пѣснь русскихъ»—«*Volkslied der Russen*», «*Hymne russe*», Берлинъ, Шлезингеръ, переложенiе въ четыре руки и для пѣнiя соло съ фортепiано (въ придворной пѣвческой капеллѣ). Для пѣнiя обозначено—умѣренно.

10) «Военно-Музыкальный Альбомъ, посвященный войскамъ росiйской армии, изданный капельмейстеромъ гвардейскаго корпуса Гаазе, Петербургъ, 1845 года (въ редакцiи «Русской Музыкальной Газеты»). Первымъ номеромъ въ этомъ альбомѣ налитографированъ гимнъ, съ обозначенiемъ *andante* $\text{♩} = 104$;

11) наконецъ, въ музеѣ придворнаго оркестра находится автографъ гимна, присланный Львовымъ при письмѣ 9-го апрѣля 1845 г.

своему бывшему товарищу по институту путей сообщенія и по службѣ, отставному майору Облову. Это—партитура для трехъ женскихъ и одного мужского голосовъ и малаго домашняго оркестра: флейта, кларнетъ, двѣ скрипки, виолончель или басъ. Въ заглавіи обозначено: «Moderato ma con fuoco» (или по-русски, не скоро, да здорово). Небезынтересно ознакомиться съ тѣмъ мѣстомъ этого письма, въ которомъ Львовъ дѣлаетъ указанія относительно характера исполненія гимна. Вотъ что онъ, между прочимъ, пишетъ:

«Исполняя желаніе твое, любезнѣйшій Дмитрій Ивановичъ, посылаю тебѣ «Боже, царя храни», написанный на квартетъ.—Тутъ и голоса,—ежели вы вздумаете всѣ вмѣстѣ воспѣть молитву за царя. Только, смотрите, никакихъ нѣжностей и слабостей не надо: русскіе должны пѣть пѣсню царскую съ силою, съ огнемъ, прямо;—нечего стыдиться. Одно только окончаніе, начиная отъ такты, означенной знакомъ § и до конца должно играть и пѣть съ постепеннымъ уменьшеніемъ силы и до piano. Прочее все рѣзко и сильно».

Съ этимъ послѣднимъ указаніемъ автора согласиться нельзя. Если исполнять пѣсню царскую съ силою, съ огнемъ, то кончатъ исполненіе гимна, какъ разъ на слова «Боже, царя храни», уменьшая силу, противорѣчить первоначальному указанію, данному авторомъ. Вотъ отчего въ придворномъ и въ нѣкоторыхъ другихъ оркестрахъ принято на четвертомъ тактѣ второго колѣна дѣлать *decrecendo* и затѣмъ заключительные четыре такта на слова «Боже, царя храни», начавъ piano, исполнять съ возрастающею силою—до *forte*.

По вопросу объ отсутствіи официальныхъ постановленій о нашемъ гимнѣ имѣются слѣдующія историческія данныя.

До 1816 года въ Россіи не существовало какой-либо музыкальной пьесы, исполняемой въ качествѣ народнаго гимна. Лишь въ упомянутомъ году великій князь Константинъ Павловичъ для встрѣчи императора Александра I въ Варшавѣ приказалъ войскамъ играть англійскій національный гимнъ.

Впослѣдствіи высочайше было повелѣно военнымъ хорамъ для встрѣчи государя императора всегда играть этотъ гимнъ, текстъ къ которому былъ сочиненъ извѣстнымъ поэтомъ Жуковскимъ и начинался тѣми же словами «Боже, царя храни». Точной даты этого высочайшаго повелѣнія не удалось установить, такъ какъ въ полномъ собраніи законовъ оно не находится.

17 лѣтъ спустя, именно въ 1833 году, какъ извѣстно, императору Николаю I благоугодно было утвердить гимномъ новое произведеніе, сочиненное А. Э. Львовымъ, по порученію его величества, со словами того же Жуковскаго, исполняемое и по сіе время.

О высочайшемъ утвержденіи этого гимна мы читаемъ въ отношеніи великаго князя Михаила Павловича отъ 31-го декабря

1833 года за № 2344 на имя военного министра слѣдующее (дѣло окружнаго штаба 1834 г., 5-й. отд., № 15):

«Государю императору благоугодно было изъявить соизволеніе, чтобы на парадахъ, смотрахъ, разводахъ и прочихъ случаяхъ вмѣсто употребляемаго нынѣ гимна, взятаго съ національнаго англійскаго «Боже, царя храни», играли музыканты вновь сочиненную на сей гимнъ музыку адъютантомъ генераль-адъютанта графа Бенкендорфа штабсъ-капитаномъ Львовымъ. О таковой монаршей волѣ объявивъ по высочайше ввѣренному мнѣ корпусу, имѣю честь увѣдомить и ваше сіятельство». Въ приказѣ по отдѣльному гвардейскому корпусу это высочайшее повелѣніе было объявлено 31-го декабря того же года за № 188, безъ упоминанія имени автора. 5-го января 1834 года за № 76 военный министръ сообщаетъ великому князю о томъ, что государя императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ означенный гимнъ ввести во всей арміи, и проситъ доставить ему экземпляръ нотъ этого гимна. По предписанію великаго князя Михаила Павловича, бывшаго въ то время командиромъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, было предписано капельмейстеру этого корпуса Гаазе оркестровать гимнъ, который и былъ препровожденъ въ томъ же мѣсяцѣ военному министру, но опять же безъ обозначенія имени автора. Судя по черновику, находящемуся въ приведенномъ выше дѣлѣ, предполагалось содержаніе отношенія великаго князя объявить цѣликомъ по гвардейскому корпусу, но чьей-то рукой зачеркнуть конецъ, такъ что приказъ по отдѣльному гвардейскому корпусу за № 188 кончается словами: «вновь сочиненную на сей гимнъ музыку», безъ наименованія автора. Нельзя не обратить вниманія, что въ приведенномъ отношеніи за № 2344 вкралась ошибка относительно чина Львова. Изъ послужнаго списка Львова видно, что онъ въ концѣ 1833 года былъ ротмистромъ. Это подтверждается письмомъ министра императорскаго двора отъ 7-го января 1834 года за № 74 графу Бенкендорфу, шефу жандармовъ (дѣло по описи 9—104 № 155 главнаго архива министерства императорскаго двора), нижеслѣдующаго содержанія:

«Государь императоръ соизволилъ пожаловать адъютанту вашего сіятельства ротмистру Львову золотую, украшенную брилліантами табакерку въ подарокъ за сочиненную имъ музыку гимна «Боже, царя храни». Препровождая сію табакерку, прошу васъ, ваше сіятельство, доставить оную господину Львову и о полученіи меня увѣдомить». Въ статьѣ Жерве («Русскій Инвалидъ» 16-го января 1904 года, № 12) отношеніе великаго князя не приведено. Этимъ объясняется заявленіе, сдѣланное въ «Русской Музыкальной Газетѣ» 1904, года № 8, на стр. 203, будто имя Львова ни разу не упоминается. Оно не было упомянуто только въ приказѣ по отдѣльному гвардейскому корпусу и въ приказѣ военного министра по войскамъ.

Но какъ бы тамъ ни было, о вышеприведенномъ высочайшемъ повелѣніи въ полномъ собраніи законовъ никакихъ указаній не имѣется, какъ равно и о томъ, что новый гимнъ долженъ быть принятъ не только войсками, но для всей имперіи.

На представленный по этому поводу всеподданнѣйшій докладъ воспослѣдовало высочайшее повелѣніе: для окончательнаго выясненія единообразнаго исполненія гимна во всей Россіи, въ отношеніи мелодіи, голосоведенія, темпа и динамическихъ знаковъ, пригласить въ предсѣдательствуемую мною комиссію слѣдующихъ лицъ: статсъ-секретаря Его Императорскаго Величества А. С. Танѣва, инженеръ-генерала, заслуженнаго профессора Ц. А. Кюи, начальника придворной пѣвческой капеллы свиты его императорскаго величества генераль-майора графа А. Д. Шереметева, директора петербургской консерваторіи А. К. Глазунова, заслуженнаго профессора той же консерваторіи Н. Э. Соловьева, профессоровъ: А. К. Лядова, С. М. Ляпунова и А. Н. Соколова, заслуженнаго капельмейстера Э. Ф. Направника и музыкальнаго критика газеты «Новое Время» М. М. Иванова. На комиссію повелѣно возложить: сличеніе подлинниковъ гимна А. Э. Львова, опредѣленіе темпа и динамическихъ знаковъ и выработку нормальныхъ партитуръ для струннаго оркестра, для мужского четырехъ- и трехголоснаго и женскаго или дѣтскаго трехголосныхъ хоровъ и для военныхъ хоровъ по намѣченному предсѣдательствуемой мною комиссіей составамъ. Результатъ рѣшенія комиссіи, съ приложеніемъ упомянутыхъ партитуръ, представить Его Императорскому Величеству на утвержденіе и въ случаѣ одобренія объявить въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства.

Такимъ образомъ, это высочайшее повелѣніе, имѣющее цѣлью упорядочить вопросъ о нашемъ народномъ гимнѣ и привести его къ однообразному исполненію, совпало съ 80-лѣтіемъ юбилея его существованія.

Переходя затѣмъ къ перечисленію первыхъ исполненій гимна въ Москвѣ и Петербургѣ, я не могу не обратить вниманія на ошибки, вкравшіяся въ этомъ отношеніи въ «Русской Музыкальной Газетѣ». Въ № 8 за 1904 годъ на страницѣ 203 значится, что уже ранѣе, а именно 27-го декабря 1833 года, народный гимнъ исполнялся военными хорами. Это, вѣроятно, опечатка, такъ какъ двумя строчками ниже сказано: «наконецъ, 25-го декабря 1833 года «Боже, царя храни» были играны во всѣхъ залахъ дворца. Затѣмъ, въ выпискѣ на этой страницѣ мы читаемъ: «симфоническими оркестрами гимнъ былъ ранѣе того исполненъ два раза: первый разъ въ концѣ августа или сентября 1833 года въ высочайшемъ присутствіи и во второй разъ—6-го декабря 1833 года въ Большомъ театрѣ въ Москвѣ. Въ этомъ отношеніи Е. Н. Львова, мачеха композитора, изъ записокъ которой взяты эти даты, ошибается. Та же ошибка повторяется и на страницѣ 1174 этой газеты въ № 51—52 1908 года.

Вотъ сроки первыхъ исполненій сочиненія Львова:

А. Подъ названіемъ «Русская народная пѣсня»: 1) 23-го ноября 1833 года въ Петербургѣ, въ высочайшемъ присутствіи, въ придворной пѣвческой капеллѣ, 2) 11-го декабря 1833 года публично въ Москвѣ въ Большомъ театрѣ; 3) 25-го декабря 1833 года на парадѣ въ залахъ Зимняго дворца.

Б. Подъ названіемъ гимна «Боже, царя храни»: 4) 10-го января 1834 года въ Петербургѣ въ первый разъ публично, въ Александринскомъ театрѣ.

Первое и третье исполненіе подтверждается надписью на рукописномъ экземплярѣ гимна, поднесенномъ Государю Императору 20-го декабря 1908 года внукомъ автора, капитаномъ А. Ф. Львовымъ и переданномъ по высочайшему повелѣнію въ музей придворнаго оркестра. Этотъ экземпляръ состоитъ изъ тетради, переплетенной въ зеленую кожаную обложку, формата обыкновеннаго листа нотной бумаги, и включаетъ рукописныя партитуры:

1) Для духового оркестра, 2) для мѣднаго ора и 3) для большого симфоническаго оркестра, съ теноровымъ соло и съ четырехголоснымъ смѣшаннымъ хоромъ—и 4) для малаго симфоническаго оркестра съ четырехголоснымъ смѣшаннымъ хоромъ. Снаружи обложки вытиснено золотыми буквами:

«БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ».

Слова В. А. Жуковскаго.

Музыка А. Ѳ. Львова.

25 декабря 1833 года.

На внутренней сторонѣ обложки приклеенъ окаймленный золотымъ бордюромъ рисунокъ красками герба Львовыхъ, съ надписью «Боже, царя храни». Надъ этимъ гербомъ собственноручная надпись Львова: «Пѣснь сія въ первый разъ была исполнена въ высочайшемъ присутствіи въ Придворной Пѣвческой Капелли 23-го ноября 1833 года. Соло пѣлъ теноръ Капелли Евсеѣвъ, хоръ Придворныхъ Пѣвчихъ и музыканты Гвардейскихъ полковъ и театральные (ореографія подлинника).

Затѣмъ, на первой страницѣ приклеенъ окаймленный золотымъ бордюромъ листочекъ, на которомъ написаны слова гимна и отмѣтка: «Стихи сіи писаны собственноручною рукою В. А. Жуковскаго. А. Ѳ. Львовъ». Надъ этимъ листочкомъ рукою Львова написано: «Пѣснь сія публично въ первый разъ была играна во дворцѣ 25-го декабря 1833 года, въ день Рождества Христова, въ которой празднуется избавленіе церкви и державы отъ нашествія галловъ».

Всѣ листы этой тетради скрѣплены подписью: Алексѣй Львовъ.

Первое и третье исполненіе подтверждается еще припискою, сдѣланною А. Θ. Львовымъ на экземплярѣ печатнаго изданія «Молитва русскаго народа», находящемся въ собственной Его Императорскаго Величества библіотекѣ въ Зимнемъ дворцѣ (№ 1691, шк. 4, полка 3, кн. 54). Изъ этой приписки мы, между прочимъ, узнаемъ, что 25-го декабря «Боже, царя храни» было исполнено во время духовной процессіи при окропленіи знаменъ войскъ. Тутъ же приложена копія съ письма на французскомъ языкѣ графа Бенкендорфа, приведеннаго въ «Русской [Музыкальной Газетѣ]» (1904. года 22-го февраля, № 8, на стр. 203).

Второе исполненіе подтверждается афишею дирекціи императорскихъ театровъ отъ 11-го декабря 1833 года и письмомъ отъ 12-го декабря М. Н. Загоскина, бывшаго тогда директоромъ московскихъ театровъ. Оба документа были уже приведены полностью въ докладѣ, сдѣланномъ въ Русскомъ собраніи 21-го декабря 1907 г. В. П. Погожевымъ, подъ заглавіемъ: «О силѣ пѣсни», и напечатанномъ отдѣльною брошюркою въ типографіи петербургскаго градоначальника въ 1908 году, а равно и въ газетѣ «Новое Время» 11-го декабря 1908 года, за № 11765, въ статьѣ профессора Н. Соловьева «Къ семидесятипятилѣтію народнаго гимна А. Θ. Львова».

Къ свѣдѣніямъ, приведеннымъ Н. Θ. Соловьевымъ объ этомъ представленіи, нужно прибавить еще слѣдующее заявленіе газеты «Молва»: «Съ ранняго утра всѣ билеты были расхвачены, приливъ желающихъ былъ неимовѣрный, такъ что дирекція нашлась принужденною, для удовлетворенія несмѣтной толпы опоздавшихъ въ то же время объявить повтореніе пѣсни къ будущему четвергу».

Это и было исполнено, какъ видно изъ объявленнаго 12-го декабря 1833 года въ газетѣ «Молва», за № 148, на стр. 589, и «Московскія Вѣдомости», на стр. 4467: «Императорскій московскій театръ. Въ Большомъ театрѣ въ четвергъ 14-го декабря въ счетъ абонементна императорскими російскими актерами представлено будетъ: «Дезертеръ», или «Тоска по отчизнѣ», водевилъ въ одномъ дѣйствіи; французскими актерами: «Прима Донна» («La Prima Donna»), водевилъ въ одномъ дѣйствіи. Въ заключеніе спектакля данъ будетъ: «Праздникъ въ лагерѣ», военно-разнохарактерный дивертиссементъ, въ коемъ г. Вантышевъ будетъ пѣть во второй разъ народную русскую пѣсню съ хоромъ «Боже, царя храни», слова В. А. Жуковскаго, музыка г. Львова; сверхъ оркестровъ императорскаго московскаго театра будутъ участвовать въ семь представленій полковыя музыки».

Въ доказательство ошибочности показанія въ запискахъ Н. Е. Львовой о первомъ представленіи гимна считаю нужнымъ здѣсь упомянуть, что изъ объявленій въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», за № 97, на 6-е декабря 1833 года (стр. 4375), видно, что въ Большомъ

театрѣ не въ счетъ абонемента въ этотъ день было представлено «Ломоносовъ или рекрутъ-стихотворецъ», опера-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, «Король и пастухъ», водевиль въ одномъ дѣйствіи, «Переходъ російскихъ войскъ черезъ Балканскія горы», современное представленіе въ одномъ дѣйствіи, а въ Маломъ театрѣ было обыкновенное французское представленіе.

О первомъ исполненіи «Боже, царя храни» въ Москвѣ 11-го декабря 1833 года свидѣтельствуесть самъ А. О. въ упомянутомъ выше экземплярѣ изданія, находящемся въ собственной Его Императорскаго Величества библиотекѣ. На этомъ экземплярѣ собственно-ручно Львовымъ приписано слѣдующее:

«Публично первый разъ «Боже, царя храни» былъ исполненъ: въ Москвѣ, 11-го декабря 1833 года на сцѣнѣ Большого театра».

«(Подробности сего исполненія можно видѣть изъ прилагаемыхъ при семъ: 1) выписки изъ письма инспектора репертуара московскихъ театровъ и 2) выписки изъ журнала «Молвы» 1833 года, № 148).

«Въ Петербургѣ, 25-го декабря 1833 года во время духовной процессіи при окропленіи Знаменъ войскъ расположенныхъ по всѣмъ заламъ Зимняго дворца и собирающихся ежегодно въ этотъ день къ молебствію по случаю избавленія Отечества отъ нашествія двенадцати языковъ.

«(Присемъ прилагается копія собственно-ручнаго письма генераль-адъютанта графа Бенкендорфа по сему случаю).

«Послѣсего Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ, впредь Гимнъ сей постоянно исполнять вмѣсто Англійской музыки «God save the King»; а въ 1846 году повелѣлъ внести потомственно въ гербъ Львова «Боже, царя храни».

Считаю нужнымъ здѣсь обратить вниманіе, что въ брошюрахъ А. А. Берса «А. О. Львовъ, какъ музыкантъ и композиторъ», 1900 г., стр. 5, а равно Н. О. Соловьева и А. Преображенскаго «А. О. Львовъ, его гимнъ и дѣятельность», стр. 11, годъ 1847 приведенъ неправильно по поводу пожалованія надписи на гербѣ. Неправильность эта подтверждается вышеприведенною припискою Львова, а также его автобіографіей «Артистическая жизнь моя до пятидесяти шести лѣтъ». Тамъ на стр. 24, говоря объ исполненіи гимна 3—5-го декабря 1833 года, онъ пишетъ: «Пятнадцать лѣтъ послѣ сего государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы въ гербѣ нашемъ отъ рода Федора Львова, т. е. моего отца, былъ помѣщенъ девизъ: «Боже, царя храни».

Статья журнала «Молва», о которой упоминаеть Львовъ, была почти полностью приведена въ газетѣ «Новое Время» 11-го декабря 1908 года въ статьѣ профессора Соловьева и въ газетѣ «Русскій Инвалидъ» того же года, за № 269, въ статьѣ Жерве. Что же касается писемъ инспектора репертуара А. Веретовскаго (компо-

зителя оперы «Аскольдова Могилла» 1799—1862 года) и графа Бенкендорфа, то они не были до сихъ поръ опубликованы. Вотъ ихъ содержаніе:

Письмо Верстовскаго:

«Душа полна восторга! въ ушахъ гремитъ еще отголосокъ 400 человѣкъ музыкантовъ и пѣвцовъ. Не могу пересказать Вамъ и сотой доли того эффекта, которому причиной Вашъ молебный Гимнъ «Боже, царя храни». Сію минуту слышалъ его въ Театрѣ и желалъ бы, чтобы сіе небольшое, но прекраснѣйшее сочиненіе было исполнено и у насъ въ Столицѣ съ такимъ же уваженіемъ, какъ въ нашей Бѣлокаменной Старушкѣ, имѣющей гораздо менѣе средствъ.

«Съ чего начну: Получивъ партитци, я собралъ все, что только могло играть и пѣть,—всю труппу—актеровъ—всѣхъ хористовъ,—Всю Театральную Школу—взялъ лучшую полковую музыку Учебнаго Карабинернаго полка (которая не уступитъ Гвардейской): и какъ честный артистъ увѣряю Васъ, что слезы душевнаго восторга были невольныя свидѣтели глубоко тронутаго сердца.—Славно! Славно! такихъ минутъ не много бываетъ въ жизни. При семь на сцѣнѣ представлена была приличная интермедія подъ названіемъ: «Праздникъ въ лагерѣ», и вы представить не можете, что здѣлалось съ нашими зрителями въ Большомъ Театрѣ;—все что небыло въ немъ съ первымъ ударомъ встало. Какъ бы очарованные волшебнымъ небывалымъ эффектомъ.

«Первый разъ проиграли Гимнъ весь три оркестра, потомъ нашъ первый теноръ Бантышевъ Славно пропѣлъ оный съ Театральнымъ оркестромъ, потомъ хоры съ тремя оркестрами—однимъ словомъ диво не бывалое въ Москвѣ! и вотъ чѣмъ наша Москва теплѣе Сѣверной Столицы».

«При семь посылаю выписку изъ журнала «Молва», № 148, съ описаніемъ бывшаго спектакля. Подписаль: А. Верстовскій».

Письмо, писанное на французскомъ языкѣ графомъ Бенкендорфомъ отъ 25-го декабря 1833 года:

«Мой милый другъ, исполняли ваше прекрасное сочиненіе. Нельзя было болѣе достойнымъ образомъ выпустить его въ свѣтъ, какъ выбрать настоящій день славы и счастья для христіанства и Россіи.

«Государь—въ восхищеніи отъ этой пьесы. Онъ поручилъ мнѣ передать вамъ, что принцъ Оранскій настолько ею очарованъ, что проситъ васъ принести ему музыку со словами лично, такъ какъ онъ «желаетъ познакомиться съ вами».

Четвертое исполненіе, т. е. первое публичное въ Петербургѣ, подтверждается слѣдующею афишею императорскихъ театровъ, до сихъ поръ нигдѣ не упомянутою.

1834 г.

На Александринскомъ театрѣ.

Сегодня въ среду 10 генваря, Россійскими Придворными Актерами
представлены будутъ:

ИВАНЪ СУСАНИНЪ,

опера въ двухъ дѣйствіяхъ, съ хорами, соч. Князя А. А. Шаховскаго;
музыка соч. г. Кавоса.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Сусанинъ, крестьянинъ Романовыхъ . . .	<i>Г-нъ Петровъ.</i>
Алексѣй } дѣти его	<i>Г-жа Марсель.</i>
Маша }	<i>Г-жа Шелихова б.</i>
Матвѣй, женихъ Маши	<i>Г-нъ Шемаевъ.</i>
Начальникъ русской дружины	<i>Г-нъ Радинъ.</i>
Эссауль Заруцкаго отряда	<i>Г-нъ Байковъ.</i>
Крестьянинъ	<i>Г-нъ Тереховъ.</i>

Русскіе воины, воины Заруцкаго отряда, крестьяне и крестьянки.

Въ концѣ оперы будетъ пѣтъ новый гимнъ: «Боже, Царя храни»; съ вновь сочиненною музыкою и съ хорами; въ коихъ будутъ участвовать всѣ Артисты Россійской оперной труппы и полковые музыканты.

ДИВЕРТИСЕМЕНТЬ.

Въ которомъ танцовать будутъ: (восп.) г-жи Шлефохтъ и Данилова pas de deux; г-нъ Фредерикъ и г-жа Алексисъ pas de deux; г-нъ Алексисъ, г-жи Бернтранъ-Антрюксъ и Телешова, г-нъ Латукъ и г-жа Тейсардъ pas de chawl.

Порядокъ спектакля:

1. ИВАНЪ СУСАНИНЪ.—2. ДИВЕРТИСЕМЕНТЬ.

Начало въ 7 часовъ.

Цѣна полныхъ ложъ—обыкновенная; за мѣста же въ ложахъ по купонамъ полагается:

3-го яруса	по 5 руб. съ персоны.
4-го »	» 3 » » »
Тожъ литерная	» 4 » » »

Серебро принимается по курсу 3 руб. 60 коп.

На экземплярахъ афиши этой, хранящейся въ общемъ архивѣ министерства императорскаго двора (по описи 874—2123, дѣло № 2007, 1834 года), приписано внизу: «Самойлову слѣдуетъ заплатить, онъ пѣлъ соло «Боже, царя храни» (Василій Михайловичъ Самойловъ, родоначальникъ извѣстной артистической у насъ семьи, теноръ императорской оперы въ Петербургѣ, родился въ 1782 году и умеръ въ 1839 году).

Объ этомъ первомъ представленіи въ Петербургѣ было, кромѣ того, объявлено въ прибавленіи къ № 7 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» отъ 10-го января 1834 года и въ газетѣ «Русскій Инвалидъ» того же числа.

Знаменательно то обстоятельство, что о первомъ исполненіи гимна въ Александринскомъ театрѣ въ Петербургѣ ни въ одной изъ издаваемыхъ тогда въ Петербургѣ газетъ не появилось статьи или хотя бы небольшой замѣтки. Даже А. Θ. Львовъ въ своихъ запискахъ или припискахъ на изданіяхъ ничего не говоритъ объ этомъ исполненіи. Такъ что невольно приходится согласиться со словами автора статьи въ газетѣ «Молва»: Только Москва умѣла почтить всю важность появленія новой мелодіи для выраженія чувства, которое въ сердцахъ русскихъ никогда не состарится».

Кромѣ упомянутаго исполненія въ театрѣ, гимнъ исполнялся въ Петербургѣ въ то время и въ концертахъ, такъ, напримѣръ:

1) 17-го марта 1834 года въ залѣ дома г-жи Энгельгардтъ, какъ заключительный номеръ на концертѣ филармоническаго общества. Въ исполненіи принимали участіе придворные пѣвчіе, большой оркестръ и хоръ военныхъ музыкантовъ. Соло пѣли придворные пѣвчіе: Евсѣевъ, Заставскій и Михайловскій («Сѣверная Пчела», 16-го марта 1834 г., № 60); затѣмъ,

2) 13-го апрѣля 1834 года въ томъ же залѣ, на концертѣ женскаго патріотическаго общества.

Считаю нелишнимъ привести полностью описаніе этого концерта, помѣщенное въ «Сѣверной Пчелѣ» 16-го апрѣля 1834 года въ № 86. Оно знакомитъ насъ съ тѣмъ восторженнымъ настроеніемъ, которое возбуждало въ публикѣ вновь появившееся сочиненіе Львова, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ интересныя свѣдѣнія о томъ, кѣмъ и какъ давались восемьдесятъ лѣтъ назадъ концерты и какъ составлялись о нихъ отчеты. Участіе въ публичномъ концертѣ такого числа лицъ изъ высшаго петербургскаго общества едва ли возможно въ настоящее время. Вотъ содержаніе этой статьи:

«Музыкальные вечера нынѣшняго Великаго поста, богатые, изящные, разнообразныя, заключены и увѣнчаны концертомъ, какой, смѣло можемъ сказать, едва ли въ другой столицѣ Европы можетъ найти себѣ подражаніе. Онъ былъ данъ женскимъ патріотическимъ обществомъ,

въ пользу содержимыхъ имъ частныхъ школъ, и исполненъ не артистами, а любителями музыки. Многочисленное общество лучшаго круга столицы наполняло, въ точномъ смыслѣ этого слова, просторную залу. Дамы были въ самыхъ блистательныхъ нарядахъ. Въ императорской ложѣ изволила быть государыня императрица; государь императоръ въ залѣ, посреди прочихъ зрителей. Лишь только августѣйшіе посѣтители вступили въ залу, оркестръ грянулъ величественную увертюру Спонтиніевоу Олимпіи. Первою за тѣмъ пьесою былъ концертъ Маурера, разогранный мастерски Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Львовымъ (на скрипкѣ) и графомъ Матвѣемъ Юрьевичемъ Вельгорскимъ на виолончелѣ. Ѳ. М. Толстой, графъ Гритти и князь Г. П. Волконскій пропѣли въ совершенствѣ прекрасное тріо Риччи изъ комической оперы: «Chiara di Rosenberg»,—перенесли насъ слухомъ подъ итальянское небо, туда, гдѣ, цвѣтутъ лимоны, гдѣ на лонѣ вѣчно-юной природы возлелѣяны всѣ искусства, услаждающія труженическую жизнь человѣка! Дѣвица В. И. Кроткова съ удивительнымъ искусствомъ, чистотою и пріятностію играла на фортепіанѣ вариациі Герца, извѣстныя здѣшной публикѣ по игрѣ первыхъ виртуозовъ, и тѣмъ болѣе затруднительныя для пріобрѣтенія полнаго успѣха, которымъ была увѣнчана юная любительница. Послѣ сего артисты на эстрадѣ посторонились, и выступилъ рядъ молодыхъ дамъ и дѣвицъ въ бѣлой одеждѣ, за ними другой рядъ любителей пѣнія; они исполнили очень хорошо прелестный хоръ изъ «Фенеллы». Громкія рукоплесканія наградили и искусство ихъ, и побѣду, одержанную чувствомъ благотворительности надъ скромностію, свойственною юнымъ любительницамъ. Вторая часть открылась увертюрою «Фра-Діаволо». Графъ Матвѣй Юрьевичъ Вельгорскій, со всегдашнимъ своимъ искусствомъ и успѣхомъ, разыгралъ на виолончелѣ тему и вариациі, сочиненныя братомъ его графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ. Любители музыки и придворные пѣвчіе исполнили, съ неслыханною здѣсь чистотою и пріятностію, прекрасный хоръ Россини изъ «Comte Ory». Засимъ послѣдовала фантазія на русскія пѣсни, сочиненная и сыгранная Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Львовымъ. Сія пьеса принята была публикою съ изъявленіемъ искренняго удовольствія. Русскія пѣсни, звуки, встрѣтившіе насъ въ колыбели, провождающіе насъ въ жизни, на чужбинѣ извлекающіе у насъ слезы умиленія, переданы были симъ почтеннымъ любителемъ, и въ самыхъ смѣлыхъ прихотливыхъ вариацияхъ, безъ малѣйшаго измѣненія ихъ характера. Мы слышали въ звукахъ волшебной скрипки Львова, какъ русскій пѣвецъ заливается протяжными тонами, какъ переходитъ отъ унынія къ отрадной веселости. И притомъ, въ собственномъ исполненіи, въ механизмѣ игры, какая вѣрность, чистота, легкость, нѣжность, пріятность, сила! Это любитель музыки, безъ всякаго сомнѣнія по признанію всѣхъ его совмѣстниковъ, первый у насъ виртуозъ на скрипкѣ. Концертъ былъ заключенъ гимномъ «Боже, царя храни!» исполненнымъ тѣми же любителями и любительницами. Пѣніе ихъ, звучное, чистое, гармоническое, одушевленное присутствіемъ того, кто былъ его предметомъ, кому сіи чистые голоса отъ искреннихъ сердецъ выражали любовь и вѣрность Россіи, принято было всѣми присутствовавшими съ единокласснымъ и единогласнымъ восторгомъ. Надлежало повторить гимнъ, и чувства всей публики излились при семъ случаѣ громогласными восклицаніями.

Прелестные звуки умолкли, блистательное собраніе разсѣялось, великолѣпное освѣщеніе потухло; но зерно, брошенное въ землю, прозябаетъ и приноситъ плоды. Бѣдныя сироты, лишенныя средствъ къ физическому и нравственному существованію, нынѣ приарѣнныя, воспитанныя, осчастливленныя, будутъ въ теченіе всей жизни благословлять тѣхъ,

которые наслажденіе изящными искусствами превратили въ прекраснѣйшее средство исполнять первый долгъ христіанской любви—благотворить сирымъ и бѣднымъ.

Газета приводитъ тутъ же списокъ лицъ, участвовавшихъ въ хорѣ.

Княгини: Е. П. Бѣлосельская, А. Г. Лобанова; княжны: Л. И. Борятинская, П. П. Вяземская, О. П. Голицына, К. А. Лобанова; графини: А. А. Бенкендорфъ, И. П. Зубова, Н. А. Сологубъ; баронессы: Будбергъ, О. Ѳ. Мейсндорфъ, К. Н. Меллеръ-Закомельская, А. П. Фридриксъ; г-жи: А. А. Александрова, Л. С. Волкова, М. и Н. Ѳ. Львовы, М. Н. Новосильцева, А. А. Оленина, М. Ю. Рубини, Н. А. Соловова, К. А. Сухозанетъ, А. С. Уварова, А. С. Шереметева.

Князья: Г. П. Волконскій, Г. Е. Г. Гагарины, В. Ѳ. Одоевскій; графы: Михаилъ и Матвѣй Юрьевичи Вѣльгорскіе, А. Н. Сологубъ; баронъ А. К. Иксуль; гг.: С. С. Волковъ, Г. Гукъ, Н. И. Ершовъ, А. А. Ниротморцевъ, Н. Ѳ. Ремеръ, А. Е. Рихтеръ, И. и Ѳ. М. Толстые, В. А. Хвоцинскій, Е. А. Чельшевъ, М. Л. Яковлевъ и гг. придворные пѣвчіе.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что разбираемое нами сочиненіе Львова до 1-го января 1834 года исполнялось подъ названіемъ «пѣсни», и что 31-го декабря 1833 года нужно считать днемъ официальнаго признанія этого сочиненія—«Русскимъ гимномъ».

Что касается вопроса, кто переложилъ для военной музыки народный гимнъ, упомянутого въ «Русской Музыкальной Газетѣ» 1914 года, № 8, на стр. 202, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что оркестровалъ его капельмейстеръ Гаазе, такъ какъ предписаніемъ 10-го января 1834 года, за № 195, ему было приказано «положить гимнъ на ноты». Изъ перечисленныхъ выше партитуръ № 1, писанная въ 1833 г., № 7, изданная въ 1834 г., представляющія одинаковую оркестровку, вѣроятно, есть тѣ, которыя онъ написалъ вслѣдствіе полученнаго предписанія. Партитура № 10, годъ изданія которой неизвѣстенъ, отличается отъ предыдущихъ, какъ по составу инструментовъ, такъ и по оркестровкѣ. Номеръ же 10-й, единственная, въ которой сказано: *arrangée par Haase*, какъ изданная въ 1845 году, одиннадцать лѣтъ спустя, вслѣдствіе другого состава инструментовъ и другой тональности, оркестрована, конечно, иначе. Она написана въ тонѣ C-dur, тогда какъ Львовъ сочинилъ гимнъ въ F-dur, въ каковомъ тонѣ написаны и напечатаны всѣ предыдущія партитуры. Это повышеніе тональности трудно понять, такъ какъ тогда не было еще утвержденного «нормальнаго» камертона, а дѣйствовавшій въ то время у насъ былъ выше современнаго.

Переходя къ даннымъ, касающимся біографіи А. О. Львова и его музыкальной дѣятельности, я обращаю вниманіе на ошибочное обозначеніе мѣста и года его рожденія въ «Русской Музыкальной Газетѣ» 1903 года, № 52, на стр. 1313, въ брошюрѣ священника Лисицына и въ брошюрѣ 1908 г. Соловьева и Преображенскаго, Львовъ родился не въ Дерптѣ (Юрьевъ) и не въ 1798 г., а въ Ревелѣ 25-го мая 1799 года, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ въ своей автобіографіи «Артистическая жизнь моя до 56-ти лѣтъ», писанной имъ 8-го августа 1855 года въ Царскомъ Селѣ и хранящейся въ придворной пѣвческой капеллѣ. Сынъ дворянина Московской губерніи Фёдора Петровича Львова, бывшего директора придворной пѣвческой капеллы, Алексѣй Фёдоровичъ въ 1814 году поступилъ воспитанникомъ въ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія. Въ 1816 г., въ мартѣ, имѣя отъ роду семнадцать лѣтъ, произведенъ въ прапорщики и въ томъ же году, въ октябрѣ въ подпоручики, съ оставленіемъ въ томъ же институтѣ. Въ 1818 году произведенъ въ поручики корпуса инженеровъ путей сообщенія, съ откомандированіемъ къ работамъ военныхъ поселеній. Въ 1821 г. произведенъ въ капитаны, въ 1823 году назначенъ старшимъ адъютантомъ въ штабѣ военныхъ поселеній; въ 1826 году, по домашнимъ обстоятельствамъ, уволенъ въ отставку; въ томъ же году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, опредѣленъ въ корпусъ жандармовъ, капитаномъ, съ назначеніемъ старшимъ адъютантомъ въ штабѣ корпуса. Въ 1827 г. переведенъ за отличіе тѣмъ же чиномъ лейбъ-гвардіи въ жандармскій полкуэскадронъ; въ 1833 году переведенъ въ Кавалергардскій ея величества полкъ ротмистромъ; въ апрѣлѣ 1834 г. назначенъ флигель-адъютантомъ къ его императорскому величеству; въ 1836 г. произведенъ въ полковники; въ томъ же году, въ декабрѣ, назначенъ директоромъ придворной пѣвческой капеллы; въ 1839 году назначенъ состоять при шефѣ жандармовъ, управляющимъ дѣлами императорской главной квартиры и собственнаго его величества конвоя, съ оставленіемъ въ должности секретаря канцеляріи шефа жандармовъ. Въ 1842 г. отъ послѣдней должности уволенъ; въ 1843 г. произведенъ въ генераль-майоры съ назначеніемъ въ свиту его императорскаго величества. Въ 1853 году военный министръ (генераль-адъютантъ князь Долгорукій) сообщилъ командующему императорской главной квартирой (генераль-адъютантъ графъ Орловъ) о намѣреніи императора Николая I произвести Львова къ 6-му декабря въ тайные совѣтники. Въ отвѣтъ графъ Орловъ собственноручно приписалъ: «Осмѣливаюсь присовокупить къ милости его величества, чтобы по производствѣ въ тайные совѣтники генералу Львову было бы испрошено съ причисленіемъ къ высочайшему двору въ званіи гофмейстера». Ходатайство это получило высочайшее одобреніе. Получивъ первую награду, а именно орденъ св. Анны 3-й степени въ 1820 году, Львовъ былъ

«истор. вѣстн.», июль 1914 г., т. сxxxvii.

9

награжденъ вѣвъ порядка постепенности всѣми орденами до ордена св. Владимира 2-й степени. Кромѣ того, за участіе въ сраженіи при крѣпости Шумлѣ 8, 9 и 16 іюля, а также при осадѣ и взятіи крѣпости Варны 27-го сентября 1822 года награжденъ бантомъ къ ордену св. Владимира 4-й ст. и орденомъ св. Анны 2-й степени. Въ 1842 году, за 25-лѣтнее служеніе въ офицерскихъ чинахъ, какъ участвовавшій въ сраженіяхъ, получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Этотъ случай полученія Георгія въ настоящее время отмѣненъ. Въ 1823 и въ 1825 гг. Львовъ награжденъ по брильянтовому перстню и въ 1839 году землею. Въ 1843 и 1848 гг. пожаловано по брильянтовой табакеркѣ; изъ нихъ вторая за приведеніе въ порядокъ и переложеніе на четырехголосную гармонію всѣхъ напѣвовъ, употребляемыхъ въ Россіи и церквахъ высочайшаго двора. За эту работу, исполненную по высочайшему порученію, императоръ Николай I пожаловалъ ему, кромѣ того, свой портретъ, а почетные московскіе, петербургскіе и шуйскіе граждане поднесли ему серебряныя вазы. Въ 1852 году цесаревна пожаловала Львову двѣ фарфоровыя вазы за переложеніе церковной музыки для школъ дѣвицъ духовнаго званія. Наконецъ, въ 1859 году онъ награжденъ Владимиромъ 2-й степени. Кромѣ орденовъ, у Львова было: дворянская медаль 1812 года, медаль въ память турецкой кампаніи 1828—1829 гг. и безпорочный знакъ тридцатилѣтней службы. Изъ иностранныхъ орденовъ ему были пожалованы въ разное время: кавалерскій крестъ Шведскаго меча, съ брильянтами, прусскіе ордена: св. Іоанна Іерусалимскаго и Краснаго Орла 3-й степени, австрійскій—св. Леопольда, баварскій—св. Михаила командорскій крестъ, Вюртембергской Короны командорскій крестъ, саксенъ-веймарскій Бѣлаго Сокола 2-й степени и персидскій орденъ Льва и Солнца 2-й степени съ брильянтами.

Какъ адъютантъ шефа жандармовъ, Львовъ сопровождалъ его при высочайшихъ путешествіяхъ. Такъ, въ 1829 году онъ принималъ участіе въ двукратномъ путешествіи императора Николая I черезъ Черное море первый разъ—подъ Шумлу и во второй разъ—изъ-подъ Варны—въ Одессу. Въ 1829 г.—въ путешествіи въ Варшаву по случаю священнаго коронованія императора Николая I и императрицы Александры Ѳеодоровны, а затѣмъ оттуда въ Берлинъ, обратно въ Варшаву, въ Тульчинъ, Кіевъ. Въ 1830 г. при путешествіи государя императора въ Варшаву по случаю открытія брусшаго тамъ сейма; въ 1833 г. при путешествіи въ Австрію и Пруссію; въ 1834 г.—въ Москву, Калугу, Ярославль, Нижній-Новгородъ, Владимиръ; въ 1835 году въ путешествіи въ гор. Калишъ по случаю бывшихъ тамъ маневровъ русскихъ и прусскихъ войскъ; въ томъ же году во время путешествія въ Москву, въ губерніи Нижегородскую, Казанскую, Симбирскую, Пензенскую и въ 1837 г. въ гор. Вознесенскъ Херсонской губерніи, по случаю бывшаго тамъ

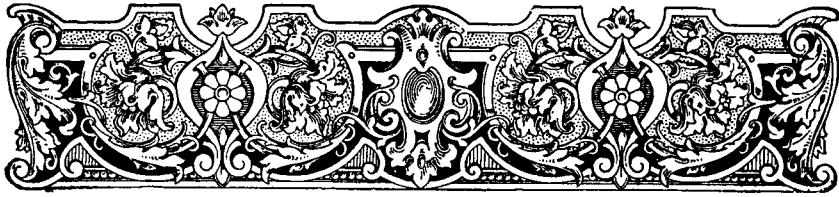
высочайшаго смотра кавалеріи и другихъ войскъ; оттуда черезъ Черное море—въ Керчь и моремъ въ Грузію, Кавказскую область, землю войска Донского, Воронежъ и Москву. Въ 1838 г. въ Берлинъ, оттуда въ Стокгольмъ, Варшаву, Фюрстенштейнъ, Дрезденъ, Теплицъ, Крейтъ, Мюнхенъ, Люксембургъ, Саксенъ-Веймаръ, Магдебургъ, Потсдамъ и Берлинъ; изъ Штеттина—моремъ и сухимъ путемъ въ Петербургъ. Въ 1839 г. находился при генераль-адъютантѣ графѣ Орловѣ во время высочайшаго путешествія въ село Бородино по случаю открытія тамъ памятника Отечественной войны 1812 г. По этому случаю Львовъ сочинилъ маршъ, который въ настоящее время принять какъ встрѣчный полковой маршъ въ 68 лейбъ-пѣхотномъ Бородинскомъ императора Александра III полку. Въ 1849 году, въ мартѣ и апрѣлѣ, Львовъ находился въ Москвѣ по случаю открытія тамъ вновь сооруженнаго кремлевскаго дворца, а въ 1851 году командированъ въ Москву для провѣрки синодальнаго хора и приготовленія онаго по случаю высочайшаго тамъ присутствія, а потомъ въ ближайшія малороссійскія губерніи, для набора въ придворную пѣвческую капеллу пѣвчихъ. Львовъ вышелъ въ отставку въ 1861 году и скончался 16 декабря 1870 г. въ своемъ имѣніи въ Ковенской губерніи. Жена его, Прасковья Аггеевна (урожд. Абаза) была причислена въ 1852 г. въ число дамъ малаго креста ордена св. великомученицы Екатерины. У нихъ было трое дѣтей: сынъ Ѳедоръ, родившійся въ 1842 году, дочь Прасковья, родившаяся въ 1844 году, въ замужествѣ Ваксель, и Александръ, родившаяся въ 1846 году.

Сынъ Львова, Ѳедоръ, служилъ въ лейбъ-гвардіи Конномъ полку до чина ротмистра. Одинъ изъ его сыновей, поднесшій Государю Императору манускриптъ гимна и любезно предоставившій въ мое распоряженіе документы и рукописи своего дѣда, служить въ настоящее время въ 1-мъ желѣзнодорожномъ полку.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть, что А. Ѳ. Львовъ былъ избранъ: почетнымъ общникомъ императорской академіи художествъ и почетнымъ членомъ петербургскаго филармоническаго общества и академіи пѣнія, академіи въ Лондонѣ, академіи св. Цециліи въ Римѣ, академіи и музыкальнаго общества въ Вѣнѣ, академіи художествъ и академіи пѣнія въ Берлинѣ, академіи въ Роттердамѣ, музыкальнаго общества въ Саксоніи и филармоническаго общества во Флоренціи. Наконецъ, академія во Флоренціи поднесла ему дипломъ академика и профессора класса дирижеровъ вокальныхъ хоровъ.

Баронъ К. К. Штакельбергъ.

УЖАСЫ ГОРОДА ¹⁾,

(Изъ повседневныхъ исторій).

Очерки.

I.

На разныхъ языкахъ.

8.

ВЪ ПРОСТОРНОЙ дачѣ купчихи Сѣриковой—темно.

Окна, выходящія къ заливу, открыты настежь.

Опять наступило тепло.

Изъ сада доносится при малѣйшемъ вѣтрѣ смѣшанный сладкій запахъ левкоевъ, геліотроповъ, резеды.

Дворня, пользуясь отсутствіемъ хозяйки, сидитъ за воротами: кучеръ Степанъ, лакей Василій, горничная Оеклуша, кухарка Домна, судомойка Ульяна и дворникъ Касьянъ.

Тутъ же и подгорничная изъ сосѣдней дачи Мотя. Ведутся тихіе разговоры.

Степанъ, затыгиваясь папироской и сплевывая, дѣлаетъ глубокомысленное замѣчаніе:

— Ежели саякъ и такъ мозгами раскинуть,—вся эта выдумка къ одному, значить, ведетъ: лишь бы вамъ до баръ доскрестись... а ваша Осиповна, какъ я на нее погляжу,—себѣ на умѣ баба. Ну, что ей зря наши запахи нюхать!.. Шалишь, братъ! Это она неспроста затѣяла!.. Не тѣ ноне времена... а вы размякли.

¹⁾ Продолженіе «Историч. Вѣстн.», т. СXXXVI, стр. 927.

— Ничего, дяденька, не размякли,—вмѣшалась бойкая, востроглазая, смазливая Мотя:—вонъ губернантка наша (на что учена!) и та къ Осиповнѣ хаживала... У нихъ тамъ, за границей, все такъ.

— Толкуй!—недовѣрчиво протянулъ Степанъ и опять сплунуль.

Василій какъ бы не слушалъ, все напѣвалъ что-нибудь.

«Какъ тебѣ не стыдно,—
Панталоны видно...
Ахъ, барыня, барыня!..»

Поетъ Василій, а Ѳеклуша втихомолку что-то ему нашептываетъ, и на его самодовольномъ лицѣ играетъ забавная усмѣшка.

Его взгляды, медленно ползучій, какъ сытый жукъ, скользить по ея миловидному, тонкому профилю деревенской камен.

— Текъ-съ!—насмѣшливо произнесъ онъ, обрывая пѣсню:—нужно съ бацу,—отпусти дескать, барыня-сударыня, на содружничанье, а то расчотъ подавай... Хочу съ образованными погулять, не все же по кухнямъ таскаться! Какой-такой законъ есть—по воскреснымъ днямъ не отпускать людей!..» И отпустить, ей-Богу...

Ѳеклуша засмѣялась.

— И вы, Василь Семенычъ, пойдете?

— И мы... обязательно... Никакъ и вы, Домна Сидорна, съ Касьяномъ нагрянете къ госпожѣ Новицкой?—подшучиваетъ лакей, незамѣтно притягивая Ѳеклушу за талию, и опять начинаетъ мурлыкать себѣ подъ носъ:

«Саша, барыня моя,
Не гнѣвайся на меня,
Что я не былъ у тебя...»

— Эхъ, какъ славно цвѣточками понесло!—проговорила Мотя и вздохнула:—такъ давайте уговоримся на завтра? Ладно? У Осиповны будетъ учитель по книжкѣ читать.

— Книжекъ, что ль, не видала, дура?—огрызнулся Степанъ, все не выпуская папироски, которая дымилась уже у самыхъ его губъ, полуприкрытыхъ черными усами, грубо покрашенными такъ же, какъ волосы и борода.

Сѣрикова требовала отъ кучеровъ тучности и темной масти. И то, и другое достигалось искусственными мѣрами.

— Осиповна—умственная барыня, бытность нашу крестьянскую понимаетъ,—вставилъ словцо Касьянъ, видимо, не сочувствуя замѣчаніямъ Степана.

— Не чета Сѣрихѣ,—ядовито отозвалась судомойка:—а, вѣдь, наша-то ползеть по аллеякѣ... Серчать всенепремѣнно будетъ... Пойдемъ ужъ отъ грѣха!

— Сиди, говорю тебѣ! Тихоня какая... Пушай ее ползеть, хошъ лопнетъ... Жалко тебѣ?—ворчитъ кухарка:—мнѣ чего бояться?

Свое сдѣлала и сижу... Не шкура барабанная, не продаюсь... Въ саду, значить, не гуляй; купальня есть, а ты не смѣй полоскаться, за воротами, значить, не сиди... Дудки! Ей, вишь, немоготу у открытаго окна стоять, въ ухо надуеть, а мы—стой и въ стужу, и въ вѣтеръ... Ладно ужъ!.. Деньги въ чулки прячеть, скареда.. Я кухарничаю, почитай, четвертый десятокъ, а только (вотъ крестъ святой!)и сберегла-то себѣ что на «умирало»—аршинъ колленкору да туфли...

Василій не слушаеть болтовни, подпѣваеть, словно не видитъ, что Евдокія Парамоновна уже совсѣмъ близко отъ дачи:

«Вѣтеръ носится по полюшку,
Да поетъ про волюшку.
Не пора ль и намъ вставать
Да свободу добывать!..»

Послѣднюю фразу онъ выкрикнулъ намѣренно громко и сталъ насвистывать.

Степанъ почтительно поднялся, за нимъ Ульяна.

Остальные продолжали сидѣть, дѣлая видъ, что не замѣчаютъ Сѣриковой.

— Что поразсаживались? Завалинку устроили? Моя дача— не ночлежка, не перекусочная... А ты чего горланишь пѣтухомъ; бездѣльникъ, лоботрясъ, какъ пастухъ на выгонѣ? Тебѣ только свиней пасти. Какую еще тебѣ свободу добывать? Желаеть съ урядникомъ познакомиться? Это можно... сдѣлай милость, — какъ фейерверкъ, рассыпалась купчиха и остановилась возлѣ садовой калитки въ грозной позѣ укротительницы:—нельзя ни шагу изъ дома сдѣлать...

Неохотно поднялись.

Оеклуша пряталась за спину Василія, который страшно егозилъ.

Мотя отворачивалась и краснѣла.

Только Домна и Касьянъ не спускали съ хозяйки явно недоброжелательныхъ взглядовъ.

Степанъ посматривалъ на всю дворню съ видомъ превосходства.

Судомойка раболѣпно покачивала головой.

Тутъ кухарка не сдержалась.

— Отъ роду по ночлежкамъ не шлялась, съ вами тамъ не встрѣчалась,—довольно внушительно заявила она, зная, что Сѣриковой трудно будетъ съ нею разстаться.

— Ну, ну, чтобъ ни единого слова!.. Не забываться!.. Побывала у выскочки Новицкой и вообразила... Та же деревня, что и раньше была, еще хуже...

— А по мнѣ все одинъ чортъ, что деревня, что городъ,—какъ ножомъ отрѣзалъ Касьянъ и кашлянулъ.

— Эге, да вы въ самомъ дѣлѣ напшигованы саломъ!.. Ни ногой больше въ этотъ разбойничій вертепъ, а то всѣхъ выброшу на улицу!.. Помирайте тогда съ голоду. Поняли?—кричала Сѣрикова, приходя вдругъ въ ту ярость, во время которой она комкала слова, кипѣла, брызгала слюной и рѣшительно ничего не понимала, что ей говорятъ—хорошее или дурное.

Самую простую фразу она принимала за оскорбительный намекъ.

— Ужотка!—неопредѣленно протянула Домна, но въ этомъ восклицаніи прозвучала какая-то неясная угроза и насмѣшка.

— Спрячь подальше свою «ужотку»! Предъ барыней стоишь, старая дура,—неожиданно вмѣшался Степанъ и потрясъ кулакомъ.

— Тоже помалкивай! Родную дочку ухалясталь, душегубъ... Не съ чего, значить, куражиться!.. Крашенная твоя морда,—огрызнулась кухарка, и пошла перебранка.

Евдокія Парамоновна поспѣшила улетучиться, такъ какъ на берегу и изъ сосѣднихъ дачъ начали собираться любопытные.

— Своихъ продаешь,—укоризненно обратился Касьянъ къ Степану.

Но тотъ и слушать не желалъ, пренебрежительно плюнулъ и молча пошелъ вслѣдъ за хозяйкой, которая передъ уходомъ сдѣлала ему какой-то знакъ.

«Наушничать будетъ», у всѣхъ, повидимому, мелькнула одна и та же мысль, и всѣмъ стало не по себѣ.

Ульяна поглядѣла по сторонамъ, съежилась и шмыгнула въ калитку.

«Ябеда!»—подумала кухарка и язвительно подмигнула Касьяну.

— А на содружничанье пойдѣмъ, Домна Сидорна!—весело, какъ ни въ чемъ не бывало, вскричалъ Василій и затянулъ:

«Скажи, скажи, воробышекъ,
Какъ дѣвицы ходять?
Онѣ этакъ и вотъ этакъ,
Туды глядь, сюды глядь...»

— Развеселый вы, право, Василь Семеньчъ!—прижималась къ нему и щебетала Ѳеклуша.

А Мотѣ было грустно.

— Какъ славно цвѣточки пахнуть... И съ моря такъ тепло,—задумчиво промолвила она и вздохнула.

— Ѳеклушка, что же ты ротъ разинула?.. А самоваръ? Ничего не приготовлено. Дармофды!—вылетѣлъ изъ окна гнѣвный окрикъ Сѣриковой и сразу нарушилъ тишину лѣтняго вечера.

Закать уже давно потухъ.

На блѣдносинемъ небѣ показались звѣзды, а у самаго предѣла, гдѣ воздухъ, море и небосклонъ сливались въ одну неподвижную линію, выглядывалъ большой, красный ликъ насмѣшливой луны.

— У людей—гуленки, а мы все — «подай» да «помой»!—вырвалось у Оеклуши, и, какъ вихрь, она рванулась со скамейки и помчалась въ комнаты.

Голосъ Василія еще дразнилъ ее издали:

«Не велятъ Машѣ на улицу ходить,
Не велятъ Машѣ молодчика любить»...

9.

«Бросая подь перо эти строки, руководствуюсь одной симпатіей. Съ *содружествомъ* на этотъ разокъ поостерегитесь! Что вамъ въ имени моемъ? А потому не подписываюсь...»

Повертѣла Анна Осиповна анонимную записку, посмѣялась съ Варей и кинула въ пепельницу.

У Новицкой радостное настроеніе: съ каждымъ воскресеньемъ въ «Отраду» прибывало все больше и больше народу. Правда, нѣкоторые не возвращались (или самимъ не нравилось, или «господа не пускали»), но зато появлялись и новые.

Были сочувствующіе и среди дачниковъ. Завязывались отношенія.

Конецъ іюля. День прохладный, пасмурный.

Въ «Отрадѣ» боялись дождя, чтобы не помѣщала лекціи Лѣша-чихина, появившагося въ Скатахъ еще наканунѣ, проѣздомъ изъ-за границы.

Однако облака раздавались; выглянуло солнце, и паркъ принялъ прежній видъ, вселяющій бодрость и веселость.

Привѣтливо глядѣлъ маленькій прудъ; манили вдаль усыпанные пескомъ дорожки; переливался въ лучахъ стеклянный шаръ голу-бятни.

Къ началу лекціи собралась разношерстная толпа.

Вотъ Грунинъ съ художникомъ; промелькнулъ рѣзко очерченный профиль Левенштейна; разгуливала артистка Цесарская подь руку съ пріѣхавшимъ красавцемъ-теноромъ; показались Бѣлогри-ровы съ длиннымъ хвостомъ молодежи во главѣ съ поэтомъ Тюльпановымъ (местъ мужу за его зрительное увлеченіе тремя купальщицами) и много другихъ мѣстныхъ и чужихъ «интеллигентовъ»; но всѣ они терялись, конечно, въ пестрой волнѣ прислуги и крестьянъ пришлыхъ и постоянныхъ жителей дачнаго уголка Скатовъ и близлежащей деревни Зудиловки. Еще ни разу не замѣчалось такого на-плыва публики.

— «Потребитель—ничто, но онъ долженъ быть всѣмъ!» Этими словами аббата Сіэйса мы и начнемъ нашу бесѣду, уважае-

мое собраніе. Узнавъ о вашей «копейкѣ», я охотно откликнулся на гостепріимный зовъ глубокочтимой Анны Іосифовны — друга коопераціи... Что тамъ пусть ни говорятъ оппоненты, а деревенскія потребительныя общества вносятъ улучшеніе качества продуктовъ и понижаютъ цѣны, которыя предписываетъ лавочникъ. Теперь такихъ обществъ въ Россіи около трехъ съ половиной тысячъ... Ваши воскресныя «содружества» лишь однимъ бокомъ примыкаютъ къ этимъ обществамъ...

И ораторъ углублялся, строилъ періоды, сооружалъ рядъ зданій изъ словъ, образовъ, сравненій...

Онъ былъ живой, какъ ртуть, и постоянно вертѣлся, раскачивалъ, размахивалъ руками, поправлялъ очки, снималъ и надѣвалъ шляпу, ежеминутно вытирая съ лица фуляровымъ платкомъ обильно струившійся потъ.

Докторъ Левенштейнъ, наблюдавшій за его фізіономіей, изборожденной у висковъ вспухшими зигзагами синѣющихъ жилокъ, подумалъ: «О, артеріосклерозъ..» и грустно вздохнулъ, причемъ машинально провелъ пальцами у себя по виску.

А Лѣшачихинъ, вопреки этому выводу, съ прежней легкостью танцевалъ на мѣстѣ и разматывалъ клубокъ своихъ кооперативныхъ познаній.

Онъ упомянулъ и о кооперативномъ поселкѣ въ Дончестерѣ, и о первой кооперативной табачной фабрикѣ въ Варшавѣ, и о миланской гостиницѣ, и о товариществѣ чернокожихъ въ Африкѣ, и о лигѣ покупателей въ Нью-Йоркѣ, подчеркнувъ, что женщины болѣе свѣдуши въ товарахъ, чѣмъ мужчины, даже не забылъ упомянуть о томъ, что заграничные университеты раздаютъ докторскіе дипломы выдающимся кооператорамъ — теоретикамъ и практикамъ.

Въ концѣ концовъ Лѣшачихинъ попросилъ разрѣшенія «высокаго собранія» послать привѣтственную телеграмму въ Лондонъ и Цюрихъ правленіямъ «международнаго кооперативнаго альянса» и молчаніе аудиторіи принялъ за единодушный знакъ согласія.

Ожидаемыхъ имъ бурныхъ аплодисментовъ не послѣдовало; это нѣсколько охладило воодушевленіе лектора.

По лицу Новицкой-Безперчей не трудно было догадаться, что она разочарована.

Увидѣвъ Варю, шепнула ей:

— Развѣ это для простаго народа! Я стала считать иностранныя слова и сбилась... Цѣлый ворохъ! Какая-то ходячая энциклопедія!..

— Онъ забылъ, для кого читаетъ,—отвѣчала племянница:— увидѣлъ двѣ-три панамы и вспомнилъ Европу.

Беллетристъ довольно громко спорилъ съ незнакомой домою:

— У профессора черезчуръ мускулистый мозгъ... Лекція прошла на двадцать пять рублей, а нужно было прочесть на копейку... Ха-ха-ха... Вѣдь, тутъ прямо трагедія! Вы вникаете въ мою мысль?

Я дальше вижу и высказываюсь символами, и вы не понимаете же этого буквально, не правда ли?

Какъ всегда, Грунинъ рисовался и съ болѣзненной мнительностью зорко слѣдилъ за сосѣдями, стараясь привлечь всеобщее вниманіе.

Увидѣвъ поэта, онъ крикнулъ ему съ преувеличенной дѣланностью:

— Вашъ «гимнъ содружества» какъ разъ по нынѣшней лекціи... Вы не сердитесь? Не стойте!.. Я настроенъ превосходно. Обиліе сюжетовъ.

Вѣлогривова тотчасъ же пристала къ студенту, прося продекларировать стихи, и, уединившись съ нимъ въ аллеѣ, кокетливо наклоняла голову и напряженно слушала, стараясь выразить глазами искреннее восхищеніе.

Поваръ Спиридонъ Прохватиловъ добродушно посмѣивался:

— Наварлыжился учитель. Такъ и чешетъ! А спроси-ка у него, что баеетъ, и самъ не понимаетъ... Впусти болтовня... Языкъ безъ костей-то. Намъ бы не по-господскому...

Какой-то дачникъ, не бывавшій раньше у Новицкой, познакомился съ ней, о чемъ-то тихо переговорилъ и затѣмъ, обращаясь къ кучкѣ народа, гдѣ преобладали деревенскія дѣвушки и парни, попросилъ выслушать его.

Кружокъ любопытныхъ сейчасъ же разросся.

— Никакъ утрешній баринъ!..—сказалъ кто-то:—мы съ нимъ походя бобы разводили.

— Друзья! Нужно сплотиться, вѣрять въ себя и отбросить всѣ мечты о наживѣ. Анна Осиповна даетъ вамъ примѣръ этому. Воспитывайте каждый въ себѣ человѣка, а звѣриное все—къ чорту. Такъ-то!... Мойте руки, лицо, купайтесь, берегите душу живу, и вы побѣдите. Грязь всему виною. Да здравствуетъ «содружество»! Въ немъ—вся сила. Чѣмъ наше сознаніе религіознѣй, чище, свѣтлѣе, глубже,—тѣмъ борьба съ насиліемъ и гнетомъ всякихъ барышниковъ легче. Къ чему намъ заграница, о которой говоритъ господинъ профессоръ! Мы по-своему проживемъ... Ура!

Слова дачника были покрыты криками «браво!»

Лѣшачихинъ, стоявшій въ сторонѣ, загадочно улыбнулся, очевидно, не одобряя дилетантовъ.

Грунинъ съ мефистофельской улыбкой щипалъ жидкую бородку.

— Порывъ непосредственности... Это иногда бываетъ ничего, если въ гомеопатическихъ дозахъ,—обратился онъ къ Цесарской, когда теноръ закуривалъ сигару, и артистка расхоталась, хотя, можетъ быть, и не отъ его замѣчанія.

Съ площадки доносились шумные голоса дѣтвора, игравшей въ «гусей», въ «горѣлки», въ «городки».

Василій, объявъ Оеклушу, увлекалъ ее подальше отъ людей, гдѣ заманчиво темнѣли кусты сирени.

Вдругъ произошло что-то совершенно непредусмотрѣнное Анною Осиповною.

Раздвигая локтями толпу, пробирался урядникъ; за нимъ слѣдоваль становой приставъ; далѣе—купчиха Сѣрикова съ кучеромъ и судомойкой; за ними—Глафира Андреевна; шествіе замыкали супруги Степановы.

— Я покажу ей, выскочкѣ, какъ возмущать...—начала было кричать Евдокія Парамоновна.

На полуфразѣ становой ее остановилъ:

— Руководствуйтесь моими наставленіями, а въ случаѣ иного прочаго...—и онъ неопредѣленно развелъ руками, вытягивая лицо и усиленно моргая.

Подойдя къ хозяйкѣ, онъ вѣжливо приложилъ загорѣлую ладонь къ козырьку фуражки защитнаго цвѣта и, сразу придавая хриплому голосу офиціальныи тонъ, отчеканилъ:

— Имѣете, сударыня, разрѣшеніе на настоящее собраніе? Именины изволите справлять или поминки по новопреставленномъ родственникѣ?

— Хороши поминки! Народъ развращаетъ, вотъ что!—опять закричала Сѣрикова.

— Я уже просилъ васъ руководствоваться моими наставленіями. Любезновъ, водвори порядокъ!

Урядникъ приблизился къ купчихѣ и покрутилъ усы; стараясь въ одно и то же время быть строгимъ и снисходительнымъ, онъ угрожалъ и въ глубинѣ хитрыхъ зрачковъ какъ бы извинялся за угрозу. Усмѣшка, сквозившая изъ-подъ рыжихъ усовъ, краснорѣчиво успокаивала:

«Я не трону... Это все для виду»...

Понюшкинъ (становой приставъ) не любилъ никакихъ демонстрацій и съ неудовольствіемъ еще разъ посмотрѣлъ на Сѣрикову, а потомъ продолжалъ прерванный дѣловой разговоръ.

Ссориться съ дачниками, особенно зажиточными, не входило въ его планы.

Новицкая молчала. Она поблѣднѣла и въ волненіи кусала губы.

Варя пыталась ее утѣшить и что-то передавала ей на ухо.

Но Анна Осиповна не поддавалась уговору, оставаясь нѣкоторое время погруженной въ тревожныя думы.

— Добились-таки своего... У меня теперь надолго трещина въ душѣ,—вполголоса отвѣчала она племянницѣ и затѣмъ, дѣлая надъ собой явное усиліе, прибавила такъ громко, чтобы ко всѣмъ донеслось:—а развѣ нужно чье-то разрѣшеніе? иначе нельзя сообразить у себя гостей? Полноте, такъ ли это? Вѣдь, тутъ не городъ... Я люблю общество и позволила всѣмъ желающимъ пользоваться

моимъ паркомъ... Это все—мои гости... Не хотите ли чаю за копейку? Будьте, какъ дома, господа... Къ вашему исправнику я завтра же отправлюсь и все объясню.

Понюшкинъ и Любезновъ удивленно переглянулись.

— Да мы собственно только для порядку...—запинаясь, процѣдилъ становой приставъ, придавая лицу возможную мягкость:—копеечка, конечно, найдется и отвѣдать чайку, съ вашего соизволенія, негрѣшно... Любезновъ, и ты можешь,—тутъ же поощрительно добавилъ онъ тономъ ласковаго начальника.

— Я такъ и знала, что выскочка сумѣетъ на кривыхъ объѣхать! Хоть кого пошли къ ней—объегорить,—горячилась Сѣрикова, обращаясь къ Степановымъ и къ Глафирѣ Андреевиѣ:—видите—и къ исправнику подмажется... Ну, чего глазѣте? Пейте чай, за всѣхъ плачу,—тутъ же накинулась на кучера и судомойку и опустила руку въ бисерный ридикюль.

Сверкали брильянты; глаза кололи, какъ булавки; щеки пылали красными пятнами.

— Я сама—прямикъ и всегда иду на проломъ... Не выгорѣло—эка важность!.. Противъ рожна не полѣзу... Но выскочкѣ я это припомню! Всю прислугу мою возмutilа... Степанъ и Ульяна одни и остались въ неприкосновенности да и то потому, что дураки набитые, должна сознаться,—дѣлилась она впечатлѣнїями съ Бѣлогривовымъ, когда уходила изъ парка.

Торжественно несли знамя «содружества». Толпа направлялась по длинной аллеѣ къ улицѣ.

Полицейскіе чины смущенно шли въ хвостѣ и старались не встрѣчаться взглядами съ Евдокіей Парамоновной.

«Песчаная душа! Такъ и рассыпается»,—подумала купчиха, когда увидѣла Понюшкина, вѣжливо козырявшаго Новицкой.

Новицкая-Безперчая старалась быть веселой, но на сердцѣ у нея бушевала буря. Она чувствовала, что это—последнее собранье и «содружеству» пришелъ конецъ. Въ заступничество исправника, разумѣется, не вѣрила.

«Не лучше ли самой прекратить, не дожидаясь особаго приглашенія? Исправникъ, конечно, не разрѣшитъ... — пробѣгали у нея тревожныя мысли:—значить все по-иному надо... Не такъ задумано... Есть какая-то ошибка... Увлеклась частностями, а что-то главное забыла... лишь враговъ создала и всѣхъ поперессорила... Брошу и уѣду отсюда, чтобы никого не видѣть... Противно! Буффъ изъ серьезнаго дѣла... Моя вина,—моя!.. не сумѣла»...

Въ это время Грунинъ выходилъ изъ парка подъ руку съ Борщовымъ.

— Знаете, наша Новицкая—умная баба... Я положительно начинаю ее уважать... Соединяетъ несоединимое. Копейка представителя полицейской власти это, вѣдь,—символь!.. Его голосъ

сперва напоминалъ мнѣ карканье ворона среди великолѣпной музыки, но потомъ и онъ запѣлъ по-соловьиному. Въ партійное содружество, безъ сомнѣнiя, — настоящая сила, если за него возьмется мужчина...

Борщовъ уже пересталъ его слушать, отдаваясь своимъ художественнымъ замысламъ, а беллетристъ не умолкалъ, изошряясь въ парадоксахъ, и ждалъ возраженiй.

Передъ писаньемъ онъ обыкновенно долженъ былъ развивать зародившiяся мысли въ свободной бесѣдѣ и прiятельскомъ спорѣ. Такой разговоръ давалъ пищу его остроумiю и наводилъ на новыя размышленiя; но молчанье художника расхолаживало, и Грунинъ, наконецъ, оборвалъ нить разсужденiй.

Привольный кругозоръ игралъ закатными красками.

Спокойная гладь залива настраивала на тихiя грезы, отгоняя докучныя заботы пасмурнаго дня.

Не было и слѣда облаковъ.

— Чудный вечеръ! — прошепталъ Борщовъ, вдыхая запахъ моря.

— Чудный... — какъ эхо, повторилъ Грунинъ.

И двѣ непохожiя души на мигъ слились въ одномъ очарованiи.

10.

Доценко ѣхалъ на дачу къ Раисѣ Степановнѣ съ двойнымъ чувствомъ: и хотѣлъ повидаться (письмо отъ нея дышало удивительной добротой, такъ что онъ даже прослезился, когда прочиталъ его), и боялся этого свиданiя, такъ какъ отлично зналъ, что возвратъ къ прошлому — невозможенъ.

Въ сущности, онъ не понималъ даже, зачѣмъ она вызываетъ къ себѣ послѣ всего, что было...

На обломкахъ стараго онъ зажилъ новой жизнью съ тою же самою, которая разрушила его прежнее счастье.

Эта странная связь, затягивающая путы все крѣпче и крѣпче, всѣмъ казалась дикой, необъяснимой.

— Какъ, она отравила вашу кровь и вы способны ее любить! — говорили ему близкiе.

Онъ только печально улыбался.

— Она не виновата... То забыто... Она стала иной, переродилась, и мы полюбили другъ друга. Это — главное для радости. Остальное — мишура, предрасудки... Господь съ ними!

И когда пришло письмо отъ жены и онъ рѣшилъ ѣхать къ ней, Еленская сказала ему тихимъ, ровнымъ голосомъ, слегка поблѣднѣвъ:

— Знай, если останешься у нея, я, не задумываясь, покончу съ собой. Я уже не могу, не въ силахъ вернуться туда, откуда ты меня вытащилъ.

И Доценко вѣрилъ, что въ этихъ словахъ не было ни капли лжи.

Онъ подходилъ теперь къ дачѣ, ожидая съ минуты на минуту, что увидитъ Раису,—когда-то нѣжно-любимую, чудную Раю, а въ ушахъ все еще раздавалось: «покончу съ собой», и вспоминались глаза, скорбно-просящiе и полные тайнаго ужаса.

Когда, наконецъ, встрѣтились, оба не выдержали и заплакали, какъ плачуть у безвременной, свѣжей могилы.

Онъ, вообще рѣдко плачущій, какъ-то глухо, смѣшно всхлипывалъ; она—беззвучно, искренно, вся отдаваясь порыву воскресшаго горя и отчаянья.

Кулиничъ отсутствовалъ.

Онъ умѣлъ отрѣшаться отъ самолюбія и глубоко скрывать собственные обиды.

Нѣсколько часовъ пролетѣли; наступила минута, когда невольно должно было сорваться съ языка давно назрѣвавшее слово.

И это слово исходило отъ нея.

— Я мучилась, что была жестока съ тобой, и рѣшила... вернуться къ тебѣ... Богъ намъ обоимъ послалъ испытанье... Мы выдержали его.

Она довѣрчиво посмотрѣла на мужа и увидѣла осунувшееся, тусклое лицо, которое еще совсѣмъ недавно казалось свѣтлымъ и радостнымъ, и вдругъ сдѣлалось у нея на душѣ такъ жутко, что застучало въ вискахъ и сердце замерло, предчувствуя бѣду.

Онъ не успѣлъ отвѣтить, а она уже знала всѣ его будущія слова и сама поспѣшила прибавить:

— Поступай, какъ тебѣ лучше,—какъ тебѣ лучше... Не надо жертвъ. И такъ довольно ихъ было! Лучше разомъ...

Все, что онъ затѣмъ говорилъ, было совершенно ненужнымъ, лишнимъ, а онъ все-таки почему-то говорилъ и думалъ, что такъ хорошо, нужно и что это облегчитъ ихъ разлуку.

— Я былъ спокоенъ за тебя... я думалъ, ты полюбила Мihu, и благодарилъ судьбу. Онъ—хорошій человекъ; достойный... Я тоже устроился, какъ могъ, и, не скрою отъ тебя, привязался къ своей Серафимѣ. Все это время мы жили душа въ душу. Добросовѣстно ли будетъ, если я нынче разстануть съ ней? Ахъ, вернуться на прежнюю дорогу она не захочетъ... Она прямо сказала, что сейчасъ же покончить съ собой. Такой исходъ былъ бы для меня страшнымъ ударомъ... Прогнать ее—все равно, что отнять у нищаго корку хлѣба. Ты безъ меня жила, проживешь и опять... Будемъ друзьями... Странно какъ-то, но вотъ разговариваю съ тобой, а между нами какая-то чужая тѣнь, и нѣтъ мнѣ свободы... Не то говорю, что надо... Не сердись, милая моя старушка...

Раиса не перебивала, можетъ быть, даже не вслушивалась. Сидѣла, точно окаменѣвшая.

Нити, вначалѣ какъ будто незримо скрѣплявшія ее съ Веніаминомъ, сразу порвались. Осталась враждебная отчужденность и вспыхнуло желаніе—поскорѣе разстаться.

Что-то новое, незнакомое, выросло и заслонило ее отъ всего прежняго.

Веніаминъ ушелъ съ тайнымъ безпокойствомъ, словно перекопфуженный, но въ душѣ, однако, довольный, и немедленно послалъ телеграмму Еленской, состоящую изъ одного слова:

«Возвращаюсь».

Тѣмъ временемъ Раиса Степановна переживала нѣсколько самыхъ противоположныхъ настроеній.

Явилась даже мысль—поѣхать велѣдъ за мужемъ, найти разлучницу и облить ее сѣрной кислотой, обезобразить, въ отместку за все пережитое въ эти послѣдніе годы, за разбитое счастье; но эта мѣра тотчасъ же была забыта, какъ несообразная и нелѣпая.

«Только въ безумной головѣ рождаются подобныя мысли», сказала она самой себѣ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ отчетливѣй созрѣвало рѣшеніе.

Припомнились слова, слышанныя во снѣ, когда была больна:

«Несчастливая, зачѣмъ ты покидаешь насъ? Развѣ тебѣ еще не надоѣло горе...?»

— Охъ, какъ надоѣло!—громко воскликнула Раиса и въ испугѣ оглянулась, не слышитъ ли кто.

Нѣтъ, все было пусто въ этой великолѣпной, но скучной дачѣ, и сонное озеро опять таинственно притягивало и звало:

— Иди, иди!..

Когда возвратился Кулиничъ, она старалась быть нѣжной съ нимъ и доброй.

О мужѣ не говорили, какъ по безмолвному уговору.

Ночью ярко свѣтила луна, и озеро переливалось, искрилось, расточало чары своей загадочной власти и красоты.

Раиса внезапно проснулась, осмотрѣлась, беззвучно встала съ постели и въ свѣтломъ пеньюарѣ, какъ призракъ, скользнула на веранду, спустилась въ садъ, прошла по твердому, сырому гравию и приблизилась къ любимой скамейкѣ на бѣлой пристани.

Не было гуляющихъ; но въ ушахъ у нея звенѣли чьи-то голоса, поднимались какіе-то звуки... Изъ озера неся, какъ слабое дуновение, неясный, едва уловимый вздохъ... Чувствовалась кипучая жизнь тамъ, въ глубинѣ водъ.

Неизвѣстный, сидѣвшій у окна дачи и любовавшійся луннымъ пейзажемъ, видѣлъ, какъ внезапно мелькнуло что-то бѣлоснѣжное, въ родѣ громадной птицы съ распростертыми крыльями, и скрылось въ озерѣ.

Потомъ онъ рѣшилъ, что это ему лишь померещилось.

На слѣдующій день большой переполохъ стоялъ въ Скатахъ.

Вѣсть о повой жертвѣ соннаго озера разнеслась съ быстротой молніи по всей округѣ (озеро ежегодно кого-нибудь похищало). Говорили, что оно требуетъ дани и неуклонно беретъ ее самымъ неожиданнымъ образомъ.

Вспоминали изящную, грустную даму, постоянно сидѣвшую на пристани, и думали, что у нея закружилась голова.

На берегу устроилось настоящее гулянье изъ любопытныхъ.

Мрачно расхаживалъ урядникъ и поглаживалъ богатырскіе рыжіе усы.

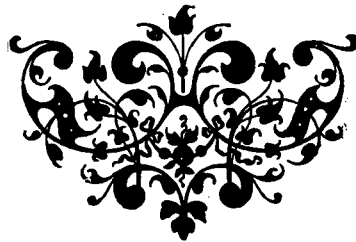
Новицкая-Безперчая приходила поклониться усоншей и послѣ выноса говорила племянницѣ, разстроенная и задумчивая:

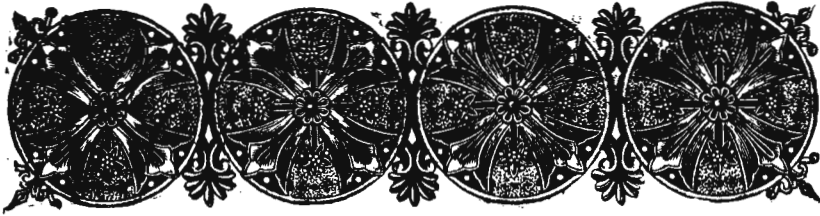
— Мнѣ сейчасъ взбрела на умъ несчастная Люси. Помнишь, я тебѣ рассказывала? И собачка, и ея хозяйка одинаково погибли. Какая судьба! Жалко бѣдную Раису. Все городъ виноватъ. Онъ ее и погубилъ. Слабенькая была, не выдержала натиска его желѣзныхъ лапъ. Повѣрь! А я тутъ съ «содружествомъ» возилась, думала перестраивать жизнь... Куда тамъ! Трехжильной надо быть, чтобъ устоять, право. Сплотиться и тогда воевать, не иначе... во всеоружіи... Эхъ, эхъ!

Разочарованная Анна Осиповна укладывалась, собираясь переѣзжать съ дачи.

В. Умановъ-Каплуновскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ)

ОТЖИВАЮЩЕ ИДЕАЛЫ И ТИПЫ.

(Памяти В. Г. Авсѣенка).

I.

Литературные типы: прожигатели жизни изъ аристократіи, дѣловые аристократы и барствующіе разночинцы (tiers-état).

ОДОВЩИНА смерти Василя Григорьевича Авсѣенка (29-го іюля 1913 года) и недавній выходъ въ свѣтъ «Полнаго собранія» его сочиненій въ двѣнадцать томахъ, изданныхъ фирмою А. Ф. Марксъ, даютъ вполне законный поводъ говорить объ усопшемъ писателѣ и указать ему мѣсто въ русской литературѣ. До сихъ поръ его литературная фізіономія освѣщена критикой не вполне безпристрастно, и пора исправить ея ошибки.

Я не буду въ этой статьѣ повторять біографическія о немъ данныя, которыя имѣются въ любомъ словарѣ. Несомнѣнно одно, что Василій Григорьевичъ былъ всесторонне образованнымъ человѣкомъ, занималъ одно время въ кievскомъ университетѣ кафедру по новой исторіи, редактировалъ нѣсколько газетъ, числился членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и напечаталъ массу научныхъ, публицистическихъ и беллетристическихъ трудовъ.

Какъ ни разнообразна его жизнь, мы все-таки остановимся на одной ея литературной сторонѣ. При оцѣнкѣ литературной дѣятельности В. Г. Авсѣенка всегда брали его спорныя мысли о на-

родѣ, театрѣ, народнической литературѣ или малохудожественные типы въ томъ или другомъ его романѣ. Между тѣмъ необходимо обратить вниманіе по преимуществу на то, что было цѣннаго въ его произведеніяхъ, типичнаго для русской жизни, чему онъ служилъ ревностно и что оставило замѣтный слѣдъ въ области литературы. Такими произведеніями являются у него романы: «Скрежетъ зубовный» (т. I) и «Злой духъ» (тт. II—III).

Заглавія сами по себѣ не играютъ роли въ характеристикѣ писателя, но нельзя не чувствовать, что «Скрежетъ зубовный» исходитъ не отъ добраго духа и что, въ свою очередь, «Злой духъ» познается въ обществѣ «скрежетомъ зубовнымъ». Оба романа не только заглавіями, но и содержаніемъ сходны. Сходство ихъ отражается и на другихъ произведеніяхъ Авсеенка. Тѣ же прожигатели жизни изъ аристократіи, тѣ же аристократическіе дѣльцы и честолюбцы, тѣ же представители разжирѣвшей и онаглѣвшей буржуазіи встрѣчаются въ произведеніяхъ и «Изъ-за благъ земныхъ» (т. IV), и на «Млечномъ пути» (т. V), и «На распутьи» (т. VI), и въ «Женщинахъ» (т. т. VII и VIII), и въ «Лгунахъ» (т. IX), и въ послѣднихъ томахъ «Былое» (т. XI) и «Силуэты» (т. XII). Авсеенко угадывалъ злобу дня по преимуществу въ облѣнившихся аристократическихъ семьяхъ, въ которыхъ, по его словамъ, нѣтъ ни одной вещи, принадлежащей тому, на чье имя взята квартира; гдѣ все великолѣпіе оплачено за первую треть случайно попавшимися въ руку чужими деньгами; гдѣ кареты и рысаки взяты напрокатъ изъ Ямской; а роскошная мебель пріобрѣтена въ рассрочку, подъ сомнительною гарантіею титула или общественнаго положенія...

Авантюризмъ этого типа всего ярче проявляется у Коко Луховецкаго, когда тотъ спрашиваетъ отца, почему, имѣя семью, у него нѣтъ никакихъ доходовъ.

— Потому что семья приноситъ доходъ только у мужиковъ,—возразилъ сердито отецъ:—а въ нашемъ кругу такъ бываетъ только у большихъ счастливецъ, или у большихъ мерзавцевъ.

«Большіе мерзавцы» изъ аристократіи преобладаютъ въ романахъ г. Авсеенка. Это они у него озабочены вопросами, кого пригласить къ обѣду, у кого купить стильную мебель, какая портниха для жены и даже дантистъ «моднѣе»; въ какомъ часу у Бореля переписать вексель, а то и поддѣлать на немъ подпись, «сохраняя при всѣхъ обстоятельствахъ точку зрѣнія человѣка, возвращающагося въ свѣтъ».

Эта «точка зрѣнія» въ томъ, чтобы безъ труда обезпечить будущность семьи игрою въ счастливые фанты. Одинъ на женины деньги ищетъ счастья на скачкахъ, другой—завѣдуетъ кассой ссудо-сберегательнаго товарищества и играетъ въ карты; третій, какъ Ретвиановъ (въ «Зломъ духѣ»), прикидывается въ финансовомъ мірѣ разорившимся культуртрегеромъ и, благодаря связямъ и родству,

увѣренъ, что казна не допуститъ его застрѣлиться и скупитъ по высокой оцѣнкѣ никому не нужныя его болота. Всѣ вѣрятъ въ «фартъ», случайное счастье, гораздо болѣе, чѣмъ въ личное достоинство и трудолюбіе человѣка. Гадаютъ у «Дамы изъ Фивъ», на какую лошадь играть, какъ приворожить «Ивана-царевича» или поймать «Жарь-птицу», какъ снестись съ загробнымъ міромъ, чтобы духъ указалъ на залежи радія и т. д. Фортуна, съ повязкой на глазахъ, имѣетъ множество поклонниковъ среди «аристократовъ духа». Они презираютъ труженниковъ, величая ихъ «рабочими клячами» и отказывая имъ въ тонкости чувствъ.

За послѣдніе годы русское общество въ уголовныхъ процессахъ города Петербурга и Варшавы видѣло въ необыкновенномъ изобиліи аристократическихъ празднолюбцевъ. Авсѣенко преслѣдуетъ этотъ типъ суровыми обвиненіями, увѣряя, что всѣ они принадлежатъ къ разряду тѣхъ взысканныхъ, самолюбивыхъ и самоувѣренныхъ ничтожностей, которыя считаютъ присутствіе въ человѣкѣ внутреннего значенія чѣмъ-то въ родѣ личной для себя обиды, а официальное его положеніе совершенно достаточнымъ для оцѣнки человѣка.

Кромѣ бездѣльныхъ авантюристовъ на свѣтскихъ балахъ и прожигателей жизни (Коко Луховецкій, князь Анатолий Ладожскій, Поль Грабенъ и т. д.), у Авсѣенка выведены и дѣловые аристократы уже иной марки.

Дѣльцы изъ аристократіи не видятъ полноты жизни въ бесѣдахъ о томъ, кто кого побилъ въ модномъ ресторанѣ, но зато у нихъ на первомъ планѣ интересъ карьеры: у кого больше связей, интригъ и отношеній; кто безъ дарованія и гражданскаго чувства, сталъ нужнымъ въ бюрократическихъ сферахъ для всѣхъ человѣкомъ. Генераль Беклищевъ излагаетъ передъ Лариссой цѣлую философію о мудрости свѣтской жизни, приучая ее играть въ ней роль и интриговать людей, нужныхъ для его карьеры.

— Увѣряю,—говоритъ онъ ей:—что каждый министръ гораздо меньше зависитъ отъ своихъ взглядовъ и убѣжденій, чѣмъ отъ тысячи совершенно праздныхъ, повидимому, людей, составляющихъ свѣтъ. И вотъ поэтому роль въ свѣтѣ въ сущности гораздо важнѣе непосредственной официальной роли. Это до такой степени вѣрно, что если бы кто-нибудь мнѣ сказалъ, что вотъ этотъ сегодняшній балъ, на которомъ танцуютъ и говорятъ другъ другу любезности, имѣетъ политическое значеніе, я не удивился бы и не сталъ бы спорить.

Насыщая умъ Лариссы софизмами объ ея «неофициальной роли въ обществѣ», Беклищевъ внушилъ ей, что они—русскіе Бисмарки и «что-то дѣлаютъ, пока другіе мечтаютъ и пятятся отъ жизни».

Практицизмъ властолюбца побѣдилъ бывшую мечтательницу. Она въ восторгѣ отъ людей, у которыхъ больше матеріальной дѣло-

витости, умѣнья приладиться къ дѣлу и въ этомъ проявить настоящій умъ человѣка. Уже позднѣе, по свидѣтельству Авсѣенка, она разглядѣла въ нихъ то, что «они никогда никого на свѣтѣ не уважаютъ и не считаютъ за порядочнаго человѣка; что у нихъ такая точка зрѣнія, что какъ будто даже странно было бы, если бы люди не были такъ гадки». Очень поздно она почувствовала въ нихъ какъ бы новыхъ «Азефовъ», то есть увидѣла, какъ, добившись власти, ея герои не пользуются ею для прогрессивныхъ цѣлей, а цинично измѣняютъ имъ.

Для достиженія власти и значенія Беклищевъ—кандидатъ въ министры—готовъ мириться съ ухаживаніемъ Ретвизанова за Лариссой, надѣясь черезъ него разомъ достигнуть того, на что обыкновенно нужны десятки лѣтъ.

Въ этомъ духѣ воспитанъ и равный ему генералъ Пахтаевъ, съ порывами къ свободѣ и лучшей жизни, послѣ разлуки съ бездушною женой.

Но порывы къ свободѣ въ объятыхъ любовницы продолжаются, однако, не долго у людей карьернаго воспитанія. Генералъ Пахтаевъ остался вѣренъ себѣ, вернувшись въ концѣ концовъ къ законной женѣ, съ большими связями, деньгами и вліятельными родственниками... Здѣсь всѣ люди «своего круга», съ опредѣленнымъ положеніемъ въ свѣтѣ, и генералу Пахтаеву неприлична была свободная связь съ любящей женщиной, когда законная жена не даетъ ни развода, ни денегъ. Здѣсь всѣ люди съ вѣсомъ, и въ ихъ обществѣ нѣтъ людей «неопредѣленнаго положенія». Здѣсь, говоритъ Авсѣенко, «одинъ занимаетъ видное офиціальное положеніе; другой обладаетъ милліономъ; третій, хотя ничего не имѣетъ, но можетъ участвовать въ партіи виста по какой угодно цѣнѣ; четвертый бываетъ у князя N. и ѣздитъ верхомъ съ турецкимъ посланникомъ; пятый хлопочетъ о концессіи на желѣзную дорогу изъ Ташкента въ Калькуту; шестой можетъ, не вставая изъ-за рояля, сыграть всѣ до одной рапсодіи Листа и т. д.».

Конечно, такое отрицательное отношеніе Авсѣенка къ руководящимъ классамъ довольно односторонне. Крайне странно, поэтому, читать въ «Дневникѣ» Достоевскаго за 1876 года, № 4, на страницѣ 126 о томъ, что «г. Авсѣенко изображаетъ собою писателя, потерявшагося въ обожаніи высшаго свѣта». Мы видимъ, что «Авсѣенковское общество» изъ аристократіи описано имъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, не только безъ «обожанія», но прямо озлобленно. Въ дѣйствительности, среди русской аристократіи было множество независимыхъ фамилій, свободныхъ отъ развращающаго вліянія современнаго наемничества. Они культивировали изъ поколѣнія въ поколѣніе и личное свое достоинство, и критическое отношеніе къ окружающему, и преданность отечеству въ широкомъ смыслѣ этого слова, и любовь къ наукѣ и къ литературѣ,

и къ театру, и даже къ крѣпостному народу, какъ мы видимъ на Новиковѣ, Радищевѣ, Пушкинѣ, Чаадаевѣ, Герценѣ, декабристахъ Л. Толстомъ и позднѣйшихъ «кающихся дворянахъ».

Даже въ крымскую кампанію русское дворянство умѣло защищать родину... Банкротомъ было наше интенданство, а не духовныя силы страны. Передовое сословіе выдвинуло замѣчательныхъ защитниковъ Севастополя и аболиціонистовъ закрѣпощеннаго народа... Авсѣенко впалъ въ ошибку многихъ писателей, не умѣющихъ найти въ цѣлой странѣ положительнаго типа людей ни въ верхнихъ слояхъ населенія, ни въ нижнихъ. Его творчество сосредоточено на отрицательныхъ величинахъ. Отъ этого упрека не свободенъ даже болѣе даровитый Ант. П. Чеховъ съ репертуаромъ пьяницъ, лѣнтяевъ, мечтателей, неврастениковъ и самоубійць. До Гоголя—они бы имѣли значеніе для насъ «мертвыхъ душъ», но теперь яркіе очерки и картинки Чехова являются перепѣвами обычныхъ и знакомыхъ явленій, имѣющихъ только нарицательное значеніе. Среди нихъ теперь уже не можетъ быть типа съ собственнымъ именемъ и нынѣ всякихъ «Ивановыхъ» уже смѣшить серьезныхъ и занятыхъ людей. Когда играли въ Лондонѣ «Три сестры», то весь театръ хохоталъ тамъ, гдѣ русская публика плачетъ. Энергичнымъ и подвижнымъ англичанамъ было смѣшно, что почти въ подмосковной усадьбѣ праздные и лѣнливые люди мечтаютъ о Москвѣ и никакъ не могутъ добраться до нея; что, проживая безвыѣздно въ усадьбѣ и умѣя только проживать ея «Вишневые сады», русскіе люди ничему другому не научились ни въ семьѣ, ни въ школѣ, ни среди трудолюбиваго народа. Это типично, но слишкомъ старо и для Россіи.

Это вѣдь отрицательная сторона исключительно «лишнихъ людей» въ Россіи среди одного изнѣженнаго дворянства, достаточно изблеченныхъ у Авдѣева, Гончарова и Тургенева. Мощь страны въ ея всесословности и всенародности, которой не только Авсѣенко, но и Чеховъ не чувствовали. А если писатель не подошелъ близко къ силамъ страны и не видѣлъ, что въ Россіи онѣ только связаны либо крѣпостнымъ правомъ, либо отсутствіемъ конституціонныхъ гарантій, то онъ никогда не будетъ классическимъ писателемъ, какимъ бы талантомъ изобразительности ни обладалъ.

Въ томъ же отрицательномъ направленіи выведены у Авсѣенка и разночинцы и безчинцы, умѣющие держать носъ по вѣтру. Эта новоиспеченная аристократія изъ «Голи» (см. романъ подъ этимъ заглавіемъ у А. К. Шеллера) состоитъ изъ обойденныхъ плебеевъ, тайно страдающихъ по мѣрѣ успѣховъ въ жизни либо незаконнорожденностью и забитостью въ ранніе годы у алкоголика отца, либо преступностью и судимостью послѣдняго, либо собственнымъ челоуѣконенавистничествомъ и т. д. Они наверстываютъ утраченныя радости въ зрѣломъ возрастѣ, обгоняютъ чистокровную аристократію «На распутыи», «Изъ-за земныхъ благъ» и, добравшись до слад-

каго пирога, захватываютъ мѣста за трапезой по сосѣдству съ Луховецкими, Ладожскими, Беклищевыми и Ретвизановыми. Общій столъ сближаетъ и природныхъ и случайныхъ «побѣдителей», попадающихъ, однако, нерѣдко и на скамью подсудимыхъ. Но, оправданные рѣчами блестящихъ адвокатовъ, они еще сильнѣй братаются между собою и давятъ собою меньшую братію. Аристократія съ низовъ, безъ породы и воспитанія, считаетъ одинъ успѣхъ жизни—мѣриломъ нравственности и ума. вмѣсто правилъ и совѣсти пропагандируется «техника жизни» и ея безотвѣтственность.

Люди старой культуры нерѣдко знали «дворянское слово», личную независимость въ «дворянскихъ гнѣздахъ» и идеализацію власти (Беклищевы), а гг. Безбѣдные и Каричи—боготворятъ однѣ деньги... Культъ власти уже не плѣняетъ собою практическихъ и матеріальныхъ людей нашего времени. Съ меньшими хлопотами и рискомъ они захватываютъ первыя мѣста съ апломбомъ богатыхъ мошенниковъ. Биржевые тузы хорошо знаютъ денежную среду и отсутствіе въ ней общественной совѣсти. Со своими милліонами Каричъ очень быстро реабилитируется въ глазахъ плутократіи и вновь надуетъ «свѣтъ». Устроивъ акціонерное общество и поднявъ искусственно цѣны на бумаги, онъ потихоньку продаетъ свои акціи и умываетъ руки послѣ того, какъ цѣны на бумаги падаютъ и прочіе пайщики разорены. Теперь ту же роль онъ играетъ на биржѣ, какъ «подниматель» цѣнныхъ бумагъ.

Это представитель крупнаго капитала, около котораго застрѣливаются довѣрчивые акціонеры и продаются за хорошее приданое бездушнымъ женщинамъ либеральные присяжные повѣренныя а la Безбѣдный. Послѣдній—типичнѣйшій представитель развращающаго наемничества, несмотря, яко бы, на свободную профессію адвоката. Это онъ за крупный кушъ обѣлялъ въ судѣ Карича и продалъ свое сердце его дочери Аннетъ. Это онъ усыпляетъ софизмами честную Липочку Ипатову о томъ, что трудно провести черту между честнымъ человѣкомъ и мошенникомъ, и что репутація людей большею частью дѣло случая. «Если бы Каричъ не попался, никто бы не считалъ его плутомъ».

— Прежніе романтики,—говоритъ онъ,—писали стишки къ лунѣ да волочились за кислосладкими барышнями, а теперешніе бредятъ общественными подвигами, и вмѣсто барышень влюбляются въ сельскихъ учительницъ и въ акушеровъ. По-моему, всѣмъ имъ одна цѣна—грошъ. Потому что романтизмъ—вотъ это-то и есть главная черта стараго поколѣнія. Я нынѣшняго человѣка понимаю именно въ томъ смыслѣ, что онъ прежде всего совершенно матеріальный человѣкъ и смотритъ на все въ мірѣ съ самой практической стороны. Вотъ въ этомъ-то и есть наша сила. А романтизмъ, въ какой бы формѣ ни выразился, больше ничего, какъ золотуха.

Склонивъ Липочку Ипатову на грѣхъ и таская ее по моднымъ ре-

сторанамъ и заграничнымъ курортамъ, онъ хвастливо называетъ свою жизнь «конкурсомъ съ преміей». Не признавая для себя затруднительныхъ положеній на этомъ конкурсѣ, онъ внушаетъ и Липочкѣ не стѣсняться страданіями другихъ людей (ея отца), не стѣсняться своей свободой и помнить, что ея тѣло принадлежитъ ей одной и что только она одна въ правѣ распоряжаться имъ, какъ ей угодно... Раздражая ея кровь постояннымъ призывомъ побѣдить буржуазную дѣйствительность, если не хочешь, чтобы она побѣдила тебя; внося въ женское воображеніе обрывки знанія и убѣдивъ дѣвушку въ томъ, что только ея жизнь и счастье драгоценны въ этомъ мѣрѣ, блестящій адвокат Безбѣдный разукрасилъ свою жертву софизмами и парадоксами, «какъ цвѣтами», и превратилъ ее «въ какую-то падаль» для хищныхъ животныхъ.

Это и была одна изъ его «премій» на конкурсѣ жизни, пока миліонщица Аннетъ Каричъ сама не потянулась къ нему за такой же живой преміей.

Такимъ образомъ, и среди «третьяго сословія» у Авсѣенка не нашлось своего «Базарова», честнаго труженика, реалиста, предтечи болѣе широкихъ идеаловъ, чѣмъ культъ власти или денегъ.

Имѣется у него слабый намекъ на положительный типъ въ средѣ нашихъ общественныхъ силъ, но и этотъ типъ вымученный. О немъ авторъ устами Андрея Грабена говоритъ брошенной Липочкѣ Ицатовой, что его сразу-то не найдешь и что плакать не надо, если въ первый разъ обманешься...

— Чего это сразу не найдешь?—спросила Липочка.

— Человѣка, настоящаго человѣка, какого вамъ надо.

— Но развѣ его ищутъ?—возразила Липочка

— А главное,—продолжалъ, не отвѣчая на ея замѣчаніе, Андрей:—главное, когда увидятъ, что ошиблись, отстать не умѣютъ. Вотъ это ужъ очень дурно, это значить за грошъ пропадать.

А если не хочешь пропадать, то надо «не горѣть на потухшихъ головешкахъ», а выработать себѣ «серьезный и злой взглядъ на эту жизнь». Надо эту жизнь ненавидѣть, но чтобы эта ненависть составляла одну изъ радостей нашей жизни

Типъ человѣколюбца въ дѣятельномъ пессимизмѣ разработанъ у писателя очень слабо. Между тѣмъ, дѣйствительно, этотъ типъ очень сильный и очень распространенъ въ современной жизни, Онъ очень сроденъ тѣмъ проповѣдникамъ, которые, обличая порядки и современниковъ, воспитываютъ опору жизни въ собственномъ настроеніи духа, въ своей работоспособности, въ своихъ мечтахъ и стремленіяхъ въ тому, что не можетъ измѣнить человѣку... Это міровые интересы, наука, искусство, героизмъ, самопожертвованіе, умѣнье быть счастливымъ—безъ счастья, умѣнье находить самымъ цѣннымъ въ жизни—наши планы и творчество, не отрекаясь отъ нихъ ради женщины, денегъ, власти и почета .. Умѣнье

не растрчивать свою душу по мелочамъ даетъ ей свободу, самоуваженіе и силу перенести измѣну любимаго человѣка, разореніе и клевету... Этотъ типъ людей исполненъ возвышающаго счастья, которому нѣтъ ни начала, ни конца. Но до него надо дорасти, а Авсѣнко смутно чувствовалъ образъ новаго человѣка. Указавъ на него едва замѣтно, онъ пошелъ далѣе къ своимъ отрицательнымъ типамъ.

II.

Нигилистическіе типы.

Въ дальнѣйшемъ творествѣ Авсѣнка слѣдуетъ отмѣтить изображеніе имъ нигилистическихъ типовъ, но уже съ меньшей силой и талантливостью. Его нигилисты очерчены имъ слабо и, видимо, знакомы ему по наслышкѣ. Они у него взяты изъ вторыхъ рукъ, частью фальшивыми, частью оклеветанными, частью несчастными и самоубійцами. По своей безцвѣтности и ничтожному значенію въ свѣтѣ, они скорѣе отѣняютъ собою представителей сильной власти (Беклищевы, Пахтасвы) и крупнаго капитала (Каричи и Безбѣдные). Авсѣнко не могъ вывести ихъ такъ же безпристрастно, какъ вывелъ представителей «старого режима». Ему недоставало здѣсь «живыхъ наблюдений» и собственнаго предчувствія новаго порядка вещей. Доля правды была въ его жалкихъ «отбросахъ жалкой интеллигенціи», но онъ забывалъ, что въ Россіи существовала и не жалкая интеллигенція (Герцены, Чернышевскіе, Л. Толстой, земскіе дѣятели, представители профессуры, новаго суда и т. д.). А между тѣмъ у Авсѣнка революціонеръ Стышичъ не жалокъ, а прямо глупъ и наглъ.

Липочка Ипатова, встрѣтившись съ подругой по гимназіи и проведя у ней вечерокъ среди ея знакомыхъ, была поражена безцеремоннымъ визитомъ въ ней на другой день Стышича. Онъ предложилъ ей исполнять разныя порученія революціоннаго комитета и, въ случаѣ отказа, пригрозилъ мстью своихъ единомышленниковъ.

Выдумка о насильственномъ вербованіи членовъ въ нелегальныя партіи и угрозы за отказъ очень часто повторяется, но для нея нѣтъ никакихъ основаній. Изъ политическихъ процессовъ извѣстно, что среди бунтарскихъ партій преобладаютъ добровольцы на самыя отчаянныя предпріятія. Здѣсь никто никого не шантажировалъ и не запугивалъ.

На вопросъ предсѣдателя суда Желябову о томъ, какъ и чѣмъ онъ склонился въ короткое время на революціонный путь юнаго Рысакова, Желябовъ отвѣчалъ: «Я ему давалъ читать «Московскія Вѣдомости»... Никакихъ другихъ средствъ для вербовки членовъ у революціонеровъ не имѣется. Фанатизированныя партіи преувеличенно считаютъ свои силы, преувеличенно умаляютъ могущее»

ство правительственной власти, но никогда они не вербовали себѣ случайныхъ людей насильственно и запугиваніемъ. Это и рискованно и не представлялось къ тому никакой надобности.

Еще болѣе глупымъ наглецомъ оказался другой революціонеръ Баламутовъ. Тотъ пришелъ къ Липочкѣ и прямо спросилъ ее:

Василій Григорьевичъ авсѣнко.

— Ну, а насчетъ физической любви вы какихъ придерживаетесь мнѣній?

У Липочки просто руки опустились.

— Подите вонъ!—крикнула она и даже топнула ногою.

Этотъ пассажъ болѣе приличенъ аристократамъ Коко Луховецкому, Роро Ретвизанову и даже милліонщину Каричу, но у нигилистовъ, благодаря ихъ молодости и скромному воспитанію, лю-

бовныя похождения никогда не были безстыжными и откровенно циничными. Несчастій въ любовныхъ исторіяхъ молодежи—сколько угодно, но происхождение ихъ совсѣмъ иное и публичной развращенности онѣ лишены. Устами Баламутовыхъ Авсѣенко прямо клевететь на нигилистовъ, какъ и многіе другіе писатели съ такими же взглядами на жизнь молодежи. Послѣдняя, правда, не умѣетъ по-семейному устраиваться, потому что вообще надо много мудрости и опыта, чтобы жить совмѣстно двумъ характерамъ и соблюдать въ домѣ, по словамъ поэта, «тишину и ласковый обычай». Во-вторыхъ—молодые люди не придають значенія «прошлому», не вслѣдствіе цинизма, а просто по честному заблужденію въ томъ, что прошлое принадлежитъ тому лицу, кто его имѣетъ, и что никто другой не смѣетъ быть ему судьей. Между тѣмъ и прошлое, и настоящее, и будущее всегда живутъ въ любящемъ сердцѣ. Природа Адама возмущается и страдаетъ ревностью къ прошлому женщины, въ которомъ у нея имѣются сладостныя воспоминанія, сравненія и собственное униженіе. Современный Адамъ, вопреки разсудка, переживаетъ вновь страданія отвергнутой первенцемъ и брошенной имъ женщины. Онъ хотѣлъ бы лелѣять и уважать безмятежно эту женщину, но опытъ говорить ему, что «прошлое женщины» — плохой прецедентъ и для будущаго. Черезъ много лѣтъ женщина съ воспоминаніями приведетъ къ мужу взрослую дочь, о которой послѣдній и понятія не имѣлъ; а если не дочь, то какого-нибудь «розоваго негодая», какъ въ драмѣ Л. Андреева «Дни нашей жизни». Однимъ словомъ, много существуетъ причинъ, разлагающихъ современную семью молодежи, но только не цинизмъ Баламутовыхъ. Даже за послѣдніе годы половой вопросъ циниченъ только въ произведеніяхъ упадочной литературы, а жизнь молодежи болѣе несчастна, чѣмъ развращена. Но Авсѣенко иначе думалъ о молодежи нигилистическаго типа. Среди нея у него нѣтъ даже увлекающихся медоломовъ вродѣ адвоката Безбѣднаго, но одни грязные развратники, безъ чувственной поэзіи и воображенія.

Эмигрировавъ въ Женеву, Володя Ладожскій былъ тотчасъ атакованъ женами эмигрантовъ. Онѣ признаются ему въ томъ, что у нихъ мужъ—дуракъ... «Завалится послѣ обѣда дрыхнуть, а тутъ и безъ того скучища смертная... Хорошо еще, что вы пріѣхали, будете со мной сидѣть, или я буду приходить къ вамъ». Разумѣется, все это клевета, если это обобщеніе; а если случайность—то не типично.

Упрощенность половыхъ отношеній никогда не была характерной чертой русской молодежи, у которой для опоэтизированія чувствъ достаточно ея молодости и неопытности. Даже «Заложники жизни» поплѣютъ по глупости, а не по разврату. Совсѣмъ другое дѣло у людей власти и капитала... Здѣсь возможно закупить душу неопытной дѣвушки протекціей, денежной помощью, заманчи-

вой и обеспеченной свободой. У молодежи завязываются преждевременные романы, потому что молодежь живет изолированно отъ остального общества. Ея герои—скучные и матеріально безпомощные—сближаются между собою, не зная ничего возвышеннаго и изящнаго въ области романа. Но они не гордятся фізіологической любовью и честь дѣвушки не считаютъ «преміей» за свои подвиги... Это уже философія пресыщеннаго буржуа, а не нигилиста—скорѣе аскета и ригориста въ жизни. Тотъ же Володя Ладожскій, чувствуя охлажденіе къ себѣ любимой дѣвушки и замѣтивъ, что русскій народъ «безнадежно чуждъ революціи», не хочетъ жить и предпочитаетъ самоубійство... Это уже не премія на конкурсѣ жизни, а честный расчетъ съ нею честнаго человѣка, побѣжденнаго, а не побѣдителя...

Такимъ образомъ Авсѣенко постоянно впадалъ въ грубыя ошибки въ своихъ характеристикахъ молодежи, которая одна боролась съ тѣмъ самымъ режимомъ, представителей котораго авторъ талантливо поносилъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ.

Авсѣенко видѣлъ только отрицательныя стороны въ современныхъ ему движеніяхъ русской интеллигенціи. Онъ былъ ея врагомъ, и за это на него сыпались обвиненія въ обскурантизмѣ. Между тѣмъ, на ряду съ ошибочными сужденіями, у него были и добросовѣстные указанія, когда онъ говорилъ революціонерамъ: «Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такихъ невинныхъ фанатиковъ, какъ на Руси. Вотъ вы носитесь со своимъ народомъ, а вѣдь сами не знаете, что въ случаѣ революціи, то есть настоящей, пугачевской революціи, какая только и можетъ у насъ быть, народъ васъ непременно повѣситъ».

Это предсказаніе сбылось въ 1905—1906 годахъ, когда народъ жегъ усадьбы радикальныхъ помѣщиковъ такъ же, какъ и всякую другую барскую усадьбу.

Соціалъ-демократъ Ив. Коноваловъ въ своей книгѣ «Очерки современной деревни» свидѣтельствуетъ, что аграрныя волненія были порождены экономическимъ гнетомъ и что отдѣльныхъ лицъ для крестьянъ не существовало, а существовалъ классъ помѣщиковъ, и крестьяне вели борьбу лишь постольку, поскольку они помѣщики.

Насилій надъ личностью помѣщиковъ—за небольшими исключеніями—не было вовсе... Жгли имѣнія, развозили хлѣбъ, но людей не трогали...

Авторъ, заплатившій жизнью (самоубійствомъ) послѣ горестнаго разочарованія въ русской революціи, свидѣтельствуетъ, что борьба заставила старыхъ владѣльцевъ бѣжать изъ деревни, ликвидируя насиженныя гнѣзда. Но въ силу какихъ-то странныхъ причинъ земля выскользнула снова изъ рукъ крестьянской бѣдности и попала въ цѣпкія кулацкія лапы... Тѣ—зажиточные крестьяне—и раньше жили хорошо. Во время крестьянскихъ движеній они

не пожертвовали и миллионной частью силъ, затраченныхъ бѣднотой, и тѣмъ не менѣе земля, главный предметъ, изъ-за котораго велась борьба,—попала имъ... Поэтому теперь къ озлобленности противъ класса присоединилась ненависть къ отдѣльнымъ лицамъ. Движеніе не дало крестьянамъ ничего, экономическое положеніе большинства даже ухудшилось, а при усмирении каждый помѣщикъ проявлялъ себя съ особой жестокостью. Все это породило глубокую личную ненависть, скрытую до времени и готовую проявиться при всякомъ удобномъ случаѣ.

Словомъ, то, что говорить теперь социаль-демократъ и революціонеръ, Авсѣенко писалъ значительно ранѣе и былъ за это поносимъ, какъ обскурантъ.

Не менѣе были полезны и другія обличенія Авсѣенка. Его возмущали и хлестаковщина, и «Нечаевскій катехизисъ» (цѣль оправдываетъ средства), породившій Дегаевыхъ и Азефовъ.

Революціонный самообманъ, несомнѣнно, гнѣзвился въ температурахъ русскихъ фанатиковъ, когда тѣ въ 70-хъ годахъ проповѣдывали, что революція должна быть сдѣлана юной интеллигенціей при помощи народа, что Сантъ-Стефанскій миръ отданъ въ кассационную инстанцію европейскаго концерта въ Берлинѣ и «національное чувство оскорблено больше, чѣмъ во времена тильзитскаго свиданія, и это оскорбленіе почувствовано всюду, о немъ кричатъ въ гостиныхъ и кабакахъ. А тутъ неурожай, какая-то новая чума, жукъ, пожары: цѣлые города горять. Неоплатный дефицитъ, бумажный рубль, доведенный до полтинника, паника не только на биржѣ, но въ каждой лавкѣ, въ каждомъ хозяйствѣ. И вы думаете, что можно безнаказанно пропускать такіе моменты?»

Эти рѣчи г. Стышича, совершенно въ духѣ «Большой Лизы», по выраженію Татьяны Пассекъ о Бакунинѣ, конечно, не оправдывались дѣйствительностью. Народъ относился самымъ безпечнымъ образомъ къ тому, что дѣлалось въ Берлинѣ, и къ «бумажному рублю» дома, а военная среда — еще менѣе интересовалась политикой. Ошибка вожаковъ революціоннаго движенія—Герцена, Лаврова, Драгомирова, Бакунина, Ткачева и другихъ—была видна не только Ив. С. Тургеневу, но и Авсѣенку, неоднократно указывавшему на Пилу и Сысойку («Подлиповцы» Рѣшетникова), какъ на символъ народныхъ массъ, совершенно не подготовленныхъ къ возстанію на вооруженныя и послушныя начальства войска.

Критика Авсѣенка въ этомъ направленіи не могла быть вредной. Но идеализмъ молодежи былъ настолько силенъ въ отношеніи своего могущества и безсилія правительственной власти, что всякія возраженія опытныхъ людей встрѣчаемы были всегда враждебно.

Авсѣенку пришлось на себѣ испытать участь всѣхъ борцовъ, осмѣливающихся итти противъ господствующихъ въ обществѣ теченій. Похвалъ себѣ онъ не слышалъ при жизни, а поношеній было

достаточно. Между тѣмъ онъ былъ совершенно правъ, если думать, что въ бумажной и словесной революціи выигрывало только одно. Правительство, убѣждаясь, что отъ прокламацій, революціонныхъ пѣсень, панихидъ, прекращенія лекцій и разговоровъ среди учащейся молодежи ничто не измѣнится въ порядкѣ, управляемомъ электричествомъ, пулеметами, аэропланами, крупными окладами и «положеніемъ въ обществѣ» тѣхъ же нигилистовъ.

III.

Женскіе типы.

Литературное дарованіе Авсѣенка также интересно и въ изображеніи женскихъ типовъ. Но и женщины его такъ же порочны, какъ и мужчины. Каждая изъ его аристократокъ—строгая легитимистка, а у себя дома «пошлѣйшая кислятина, вѣчно брюзжащая по поводу вѣтренности мужа и дѣлающая видъ, будто погружена въ воспитаніе дѣтей, то есть въ прививку имъ всяческой умственной и нравственной хворости и пошлости».

Узнавъ, что генераль Пахтаевъ имѣетъ любовницу, его жена хочетъ развестись съ нимъ; свѣтскія дамы утѣшаютъ ее тѣмъ, что прежде всего необходимо сохранить прежній train при всѣхъ условіяхъ семейной жизни.

— Надо иначе дѣйствовать! За тобой развѣ никто не ухаживаетъ?

Генеральша возмущена благоразуміемъ свѣтской родни, но отъ чопорной скуки въ ея гостиной, отъ зависти и ревности генераль Пахтаевъ спасается и отдыхаетъ у Полины Луховецкой.

Здѣсь, свидѣтельствуетъ авторъ, собирались только хорошенькія, молодыя, веселыя дамы, принадлежавшія къ весьма многочисленному нынче въ Петербургѣ кругу, который образовалъ середину между свѣтомъ и полусвѣтомъ и, требуя наружнаго уваженія къ себѣ, остается очень равнодушенъ къ тому, что говорится о немъ за глаза.

Авсѣенко прекрасно знаетъ эту «середину между свѣтомъ и полусвѣтомъ». Женщины, въ духѣ Полины Луховецкой, очень распространены и для мужчинъ онѣ очень портативны. Стремясь вырваться изъ-подъ семейнаго гнета отца, онѣ выходятъ замужъ за перваго на нихъ претендента, измѣняютъ ему всегда съ умными и образованными любителями утѣшать чужихъ женъ, артистически умѣютъ «благородиться» безъ драмъ и сплетенъ въ моменты разставанія со своими «Людovicками» и т. д. Онѣ, видимо, часто занимали нашего романиста, и не безъ основанія онъ удѣляетъ имъ много мѣста въ своихъ рассказахъ и повѣстяхъ. Цѣлыхъ два тома у него (т. т. VII и VIII) посвящены «Женщинамъ», но не тѣмъ жизнеспособнымъ и облагороженнымъ страданіями горюинямъ, которыя

выведены подъ тѣмъ же заглавіемъ у Вас. Ив. Немировича-Данченка. У Авсѣенка женщины болѣе прозаическаго типа. Кромѣ деспотическихъ мужеѣдокъ (г-жа Пахтаева) и портативныхъ красавицъ (Полина Луховецкая), большинство его женщинъ—хитрыя и лукавыя хищницы. «Замужество Риты» исполнено коварной ловли себѣ мужа какими бы то ни было средствами. «Свадебное путешествіе» совершаетъ молодая жена съ счастливымъ мужемъ, пока послѣдній за этотъ короткій періодъ времени не разочаровался въ женѣ, искавшей только удобнаго и мирящагося съ женской наглостью и эгоизмомъ мужа. Не менѣе дышитъ жизненной правдой героиня разсказа «Молодо—зелено», когда чужая жена ищетъ въ своемъ героѣ удобнаго любовника и влечется къ нему чисто физическимъ чувствомъ, а онъ, по молодости лѣтъ, воображаетъ, что она любитъ его сердечно, пойдетъ съ нимъ на новую жизнь и оставитъ мужа. Еще болѣе практицизмомъ щеголяетъ «Барышня Сусанна»—сельская учительница изъ дочерей желѣзнодорожнаго сторожа, очень рано принявшаяся выбиваться изъ темной среды, женивъ на себѣ инженера ради высокаго его положенія въ свѣтѣ.

Этотъ умный и трудолюбивый типъ барышни, рвущейся изъ голи къ широкой и свѣтской жизни, очень новъ въ русской жизни. Авсѣенко оцѣнилъ его правильно и, не умаляя его достоинствъ, безжалостно вскрылъ карьерную душу пролетарокъ. Эти дѣвицы, дѣйствительно, могутъ быть и очень образованными, но по жизни и настроенію своему онѣ тѣ же просвѣщенные эгоистки, образованныя міроѣдки, какъ и Безбѣдный и Каричъ. Кулаки въ юбкахъ, окончившіе всякіе курсы, конечно, хуже мало подготовленныхъ къ жизни тургеневскихъ барышень. Эти послѣднія, безъ Рудиныхъ и Инсаровыхъ, остаются кисейными барышнями, но въ обоихъ случаяхъ онѣ послѣдовательны и честны. А просвѣщенная эгоистка зачислится революціонеркой, но это не помѣшаетъ ей выйти замужъ за лицеиста... Числясь революціонеркой, она охотно беретъ наслѣдство изъ конфискованныхъ земель польскихъ повстанцевъ въ пользу русскихъ чиновниковъ и т. д. Типъ «Барышни Сусанны» очень знаменателенъ, но Авсѣенко посвятилъ ему небольшой разсказъ, а онъ требуетъ значительно большаго вниманія.

Такимъ образомъ, Авсѣенко очень невысокаго мнѣнія о русской женщинѣ, особенно послѣдней формациі. Если есть среди нихъ симпатичный типъ, то скорѣе несчастный, чѣмъ положительный. Это его благородныя и настрадавшіяся «неудачницы». Идеалистки въ молодости, съ богато-одаренной душой, онѣ принимаютъ мужчинъ не такими, какими они есть, но всегда опозитизированными. По ихъ мнѣнію, эти мужчины неспособны разрушить женское очарованіе и мечту о семейной жизни ни легкомысленнымъ кокетствомъ съ другой женщиной, ни грубымъ увлеченіемъ ею.

Онѣ понимаютъ любовь съ сознаниемъ отвѣтственности за

каждый свой шагъ и мысль. Въ этой отвѣтственности—залогъ того, что люди будутъ лучше, когда любовь станетъ взаимной. Пока люди не знакомы и никто изъ нихъ не жилъ за двоихъ, они были свободны, но теперь онъ или она будутъ страдать за дурное дѣло или дурную мысль въ каждомъ изъ нихъ. Честная любовь всегда съ сознаниемъ отвѣтственности... Если любишь, то хочешь не огорчать другого своимъ поведеніемъ и будешь слѣдить за собою усиленнѣе.

Нигилистъ Нестужевъ въ «Зломъ духѣ», любя Лариссу, вздумалъ всего «четверть часа» пофлиртовать, такъ сказать, «изъ деликатности» съ Клеопатрой Михайловной Хвоцевой, и онъ потерялъ свою невѣсту, почувшшую въ немъ легкомысленную натуру. Человѣкъ, у котораго слабъ мотивъ къ отвѣтственности за каждый свой шагъ и слово, не можетъ быть нравственнымъ и не дастъ женщинѣ счастья.

Разочаровавшись въ Нестужевѣ, Ларисса Волчекъ-Соколинская увлекается платонически Зимовьевымъ, но, понявъ, что ея чувство къ нему было дружбой, а не любовью, она переноситъ свое увлеченіе къ Жебровскому. Вѣроятно, и тотъ не выдержалъ бы ея строгаго идеализма, но онъ былъ убитъ на дуэли.

Потрясенная горемъ, она примиряется съ жизнью; хочетъ быть какъ всѣ, убѣждаетъ себя въ томъ, что идеалы только на словахъ, а изъ людей самый дѣльный и умный около нея—это генераль Беклицевъ.

Она выходитъ за него замужъ, но тотчасъ же разочаровывается, въ его превосходительствѣ, видя, что ему и его «дѣловымъ» людямъ, съ интригами и связями, недостаетъ серьезнаго ума и гражданскаго чувства; что имъ недостаетъ личныхъ качествъ, которыми большинство порядочныхъ людей выдвигаются въ жизни и что даже у нихъ нѣтъ простаго чувства своего достоинства, что они лакеи въ душѣ, лакеи часто безъ необходимости, по убѣжденію, изъ любви къ искусству...

Правда, женщины, какъ Ларисса, умѣютъ болѣе критиковать другихъ, чѣмъ подавать собою примѣръ. Разочаровавшись въ карьерной морали своего мужа и достаточно опошлившись, какъ героиня въ тургеневскомъ «Дымѣ», генеральша Ирина, Ларисса Беклицева будетъ платонически презирать аристократію, издѣваться надъ нею и глядѣть озлобленно на весь міръ, ничѣмъ не будучи сама лучше его.

Изъ ея устъ постоянно раздаются желчныя обвиненія равныхъ ей женщинъ.

— Мы,—кричитъ она,—заняты интересами честолюбія, того спеціальнаго честолюбія, которое развивается только на петербургской почвѣ, только въ извѣстномъ кругу. Это такъ обыкновенно. У всѣхъ этихъ дамъ такіе же мужья, и имъ очень нравится ихъ честолюбіе, ихъ виды на министерскій портфель, ихъ интересы производствъ, перемѣщеній, подготовленныхъ за спиной опаль и вне-

запныхъ возвышеній. Онѣ сами считаются рангами и шансами своихъ мужей. Мужъ—это дѣло, форма, легальная и разумная проза жизни, а для потребностей сердца и воображенія существуютъ привилегированные кавалерійскіе полки и аристократическія канцеляріи.

Такимъ образомъ, положительнаго типа среди женской пестряди Авсѣенко намъ не далъ, какъ не далъ и Чеховъ, несмотря на обиліе своихъ «Чайкъ» и «Сестеръ». Женщинъ, на которыхъ отдыхаетъ нашъ взоръ, слѣдуетъ искать изъ живыхъ писателей у Вас. Ив. Немировича-Данченка—«Наши женщины», «Боевая Голгова», «Вѣчная память» и т. д.

IV.

Публицистика о народѣ, театрѣ, высшей школѣ, гласномъ судѣ и газетчикахъ.

Было бы, однако, очень ошибочно заключить о демократическихъ симпатіяхъ В. Г. Авсѣенка изъ того, что онъ описывалъ по преимуществу отрицательныя стороны аристократіи и нашей буржуазіи. Не меньшими недостатками Авсѣенко надѣляется и нашъ русскій народъ.

Полемизируя съ Ѳ. М. Достоевскимъ противъ восхищенія русскимъ народомъ, Авсѣенка не отрицаетъ за народомъ «способность къ историческому призванію», но въ то же время онъ не видитъ въ немъ активныхъ и свѣтлыхъ идеаловъ (см. «Русскій Вѣстникъ», за 1876 годъ, № 3). Въ этомъ отзывѣ противорѣчіе весьма устранимо. Мы всѣ помнимъ на тему о силѣ и убожествѣ русскаго народа чудные стихи у Некрасова и Тютчева. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что народъ великъ, когда ему давали жить самостоятельно и когда на его терпѣніи, самопожертвованіи и героизмѣ создавалась самостоятельность Россіи. Но тотъ же народъ будетъ пассивенъ или маклачествовать, какъ только никому не будетъ надобности въ его даровитости и его обратятъ въ одну изъ оброчныхъ статей.

Достоевскій не понималъ этихъ двухъ судебъ въ исторіи русскаго народа и въ своемъ «Дневникѣ» (1876 г., № 4) едва ли справедливо распиналъ Авсѣенка за приведенное выше мнѣніе. Множество фактовъ изъ современной жизни народа оправдываютъ пессимизмъ Авсѣенка.

Когда Ор. Ѳед. Миллеръ вздумалъ отыскивать въ «Подлиповцахъ» Рѣшетникова «присутствіе свѣтлаго человѣческаго начала», то Авсѣенко выходилъ изъ себя. Онъ обрушился на гуманнаго профессора за то, что тотъ не замѣчаетъ чисто животной степени развитія въ «подлиповцахъ», когда тѣ кладутъ въ теплую печь избывшихъ дѣтей и рады, что вывалившіеся изъ печи камни убили малютокъ и стало меньше голодныхъ ртовъ; когда самая выдающаяся между «подлиповцами» личность, Пила, не сознаетъ, что такое

«дочь», а его сыновья—что такое «отець» и т. д. Такая личность изъ народа не представляла для Авсѣенка нравственнаго интереса, и онъ не могъ возвеличивать ее. Онъ горячо протестовалъ противъ идеализаціи въ народнической литературѣ придавленнаго и одичалаго мужика.

Нападая на г.г. Рѣшетникова, Левитова, Нефедова, Златовратскаго, Засодимскаго и т. д., Авсѣенко постоянно указывалъ на скудный репертуаръ народнической литературы, на недостатокъ талантности въ ея работникахъ и на низкій уровень развитія нашихъ «Подлиповцевъ». Но, ненавидя народничество въ литературѣ изъ побужденій, нисколько не противныхъ прогрессу, онъ переноситъ ту же ненависть, безъ всякихъ разумныхъ основаній, и на театръ Гоголя и Островскаго, восклицая: «Міръ чиновниковъ оказался, вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, не вполне доступенъ для театральнаго сатиры; но зато съ тѣмъ большимъ усердіемъ и пристраціемъ устремилась наша комедія въ міръ замоскворѣцкаго и апраксинскаго купечества, въ міръ странницъ и свахъ, пьяныхъ приказныхъ, бурмистровъ, причетниковъ, питерщиковъ. Задача комедіи сузилась непостижимымъ образомъ до копированія пьянаго или безграмотнаго жаргона, воспроизведенія дикихъ ухватокъ, грубыхъ и оскорбительныхъ для человѣческаго чувства типовъ и характеровъ. На сценѣ безраздѣльно воцарился жанръ, не тотъ теплый, веселый, буржуазный жанръ, который порою такъ плѣнителенъ на французской сценѣ, а жанръ грубый, нечистоплотный и отталкивающий. Нѣкоторые писатели, какъ, напримѣръ, Островскій, внесли въ эту литературу много таланта, сердца и юмора, но въ общемъ театръ нашъ пришелъ къ крайнему пониженію внутренняго уровня и весьма скоро оказалось, что ему нечего сказать образованной части общества».

Эстетизмъ и европеизмъ Авсѣенка сыграли съ нимъ здѣсь очень скверную шутку, подсказавъ ему буржуазные мысли и вкусы именно той самой среды, которую онъ всегда бичевалъ въ своихъ романахъ. За эту непослѣдовательность онъ и былъ вполне справедливо высѣченъ Ѳ. М. Достоевскимъ, который съ благороднымъ негодованіемъ писалъ ему:

«Итакъ, Островскій понизилъ уровень сцены, Островскій ничего не сказалъ «образованной части общества». Стало быть, не-образованное общество восхищалось Островскимъ въ театрѣ и зачитывалось его произведеніями? О да, образованное общество, видите ли, ѣздило тогда въ Михайловскій театръ, гдѣ былъ тотъ «теплый, веселый, буржуазный жанръ, который порою такъ плѣнителенъ на французской сценѣ». А Любимъ Торцовъ «грубъ, нечистоплотенъ». Про какое же это образованное общество говоритъ г. Авсѣенко, любопытно бы узнать. Грязь не въ Любимѣ Торцовѣ: «онъ душою чистъ», а грязь именно, можетъ быть, тамъ, гдѣ царствуетъ

этотъ «теплый, буржуазный жанръ, который порою такъ плѣнителенъ на французской сценѣ». И что за мысль, что художественность исключаетъ внутреннее содержаніе? Напротивъ, даетъ его въ высшей степени».

Вообще слѣдуетъ признать, что Авсѣенко нерѣдко сыпалъ безъ разбору обвиненія на текущую около него дѣйствительность. Подъ этими обвиненіями страдали и хорошія начала нашей послѣ-реформенной жизни. По поводу автономнаго строя въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ онъ злобно иронизируетъ надъ тѣмъ, что двери университетовъ откроются настежь для всѣхъ ищущихъ высшаго образованія; что прежняя іезуитская дисциплина, душившая развитіе ребенка, будетъ изгнана изъ школы и ее замѣнитъ духъ гуманности и свободы; что школа получитъ самоуправленіе, учителя вмѣстѣ съ родителями учениковъ будутъ выбирать директора и инспектора, что обществу будетъ предоставлено громадное участіе въ учебной жизни и т. д.

Ничего дурного въ этомъ нѣтъ и надо только жалѣть, что общество до сихъ поръ индифферентно относится къ судьбѣ своихъ дѣтей и мало пользуется въ настоящее время правами родительскихъ комитетовъ, часто не давая на общихъ собраніяхъ даже необходимаго для нихъ кворума. Не менѣе парадоксальны и прямо фальшивы укоры Авсѣенка по адресу состязательнаго процесса гласнаго суда. Онъ преднамѣренно избѣгаетъ говорить объ его преимуществахъ передъ упраздненными уголовными палатами съ ихъ формальными уликами и подкупностью. Онъ отмѣчаетъ въ новыхъ судахъ случаи того, когда свидѣтели, вмѣсто показанія о подложномъ векселѣ, говорятъ пикантныя подробности о любовницѣ подсудимаго, для которой былъ поддѣланъ вексель, или когда судъ, вмѣсто обвиненія векселедателя, обращается въ судъ надъ свидѣтелями и даже просто надъ постороннимъ человѣкомъ, имя котораго упомянуто въ процессѣ.

Конечно, Авсѣенко отлично понималъ, что нельзя смѣшивать сущность новаго суда съ безтактностью его предѣдателя, допустившаго разнуздаться сторонамъ суда насчетъ постороннихъ лицъ, но Авсѣенку надо было «лягнуть» молодую Россію и въ стѣнахъ судебныхъ учреждений, и въ литературѣ. Онъ полагаетъ, что и его корреспондентъ Миловановъ нуженъ для характеристики новой литературы. Встрѣтивъ въ вагонѣ желѣзной дороги помѣщика, Миловановъ прямо заявляетъ ему, что онъ привыкъ «выщупать провинціального обывателя со всѣхъ сторонъ».

Можно допустить, что провинціальный обыватель растеряется передъ признаніемъ интервьюера въ такой нахальной формѣ, но нельзя допустить, чтобы Авсѣенко не зналъ вообще жалкую роль корреспондента въ провинціи. Между тѣмъ, Милованова всѣ тузы губернскаго города трепещутъ и встрѣчаютъ на вокзалахъ желѣз-

ной дороги болѣе почетно, чѣмъ кіевская администрація встрѣтила предсѣдателя государственной думы М. В. Родзянко, на открытіи памятника П. А. Столыпина.

Едва корреспондентъ вышелъ изъ вагона, какъ услышалъ голосъ сбоку:

— Позвольте имѣть честь представиться, полицеймейстеръ Жолтышевъ. Извѣщенъ былъ о вашемъ приѣздѣ и счелъ долгомъ встрѣтить, чтобы не случилось какихъ-нибудь затрудненій въ незнакомомъ городѣ,—отрапортовалъ онъ, искательно впиваясь глазами въ Милованова.

Въ этомъ описаніи встрѣчъ провинціальной властью журналиста—явный шаржъ, непростительный для Авсѣнка, хорошо знающаго положеніе литератора въ русскомъ обществѣ.

Нехороша также и постоянная клевета Авсѣнка на газетную братію, которая у него хвастается тѣмъ, что въ каждомъ театрѣ ей можно безнаказанно самодурить... «Вчера,—говоритъ Миловановъ,—приѣзжаю я съ дамами въ нѣкоторое увеселительное мѣсто, вдругъ въ кассѣ говорятъ: ложи нѣтъ. Меня, знаете, такъ и взорвало. Какъ, говорю, нѣтъ!—да вы забыли, что я въ четырехъ газетахъ пишу. Подать сюда содержателя. Ну, разумѣется, и досталось же ему... Не то что я самъ, а дамы мои такими словечками расплевались, что даже лакеи вонъ повыскачили. Потѣха! Зато, я вамъ скажу, намъ такой ужинъ былъ предложенъ, однѣхъ устриць сотню съѣли. Шампанское по всей комнатѣ разлили, мокро даже ступить было».

Здѣсь уже нѣтъ слова правды... А беллетристу слѣдовало бы знать чувство мѣры и не обобщать въ лубочныхъ краскахъ скандальныя исторіи репортажа уличной прессы. Конечно, въ семьѣ не безъ уroda, но Авсѣнко могъ бы найти и другихъ лицъ въ газетномъ мірѣ. Онъ могъ бы найти здѣсь много порядочности и много горя...

Между тѣмъ у Авсѣнка что ни газетчикъ, то наглець или плутъ. Въ дѣйствительности же Авсѣнко прекрасно зналъ безправное положеніе работниковъ въ прессѣ, ихъ зависимость отъ кулака-издателя, не связаннаго съ сотрудниками ни опредѣленнымъ часомъ пріема для личныхъ объясненій съ редакторомъ, ни обязательствомъ о размѣрѣ гонорара, ни сроками печатанія статьи, ни ея размѣромъ и т. д. вмѣстѣ съ тѣмъ Авсѣнко также освѣдомленъ о томъ, что газетчики обязаны присутствовать въ разныхъ ученыхъ обществахъ, быть на высотѣ докладовъ и преній, чтобы дать вѣрный о нихъ отчетъ, обязаны интервьюировать общественныхъ дѣятелей, не исказить точный смыслъ бесѣды и сдать статью въ тотъ же день въ наборъ... Невидимая работа мелкаго газетнаго сотрудника требуетъ обширной освѣдомленности и нерѣдко критическаго отношенія къ тому, что онъ слышалъ и видѣлъ. Но похвалу себѣ этотъ

безыменный и неутомимый труженикъ, часто хорошо воспитанный, рѣдко видитъ даже въ кабинетѣ редактора, имѣющаго въ запасѣ списокъ лицъ для состава двухъ-трехъ новыхъ редакцій сотрудниковъ, если старые запротестуютъ противъ его произвола и литературнаго невѣжества. За малымъ исключеніемъ, газетный міръ полонъ трагическихъ типовъ, и Авсѣенко хорошо это зналъ, будучи неоднократно самъ редакторомъ («С.-Петербургскія Вѣдомости») и сотрудникомъ многихъ газетъ. Но значеніе въ общественной жизни «шестой державы» точно раздражало Авсѣенко, и онъ съ трудомъ переносилъ въ ней чужое благородство. «За кулисами печати» найдется (см. статьи объ этомъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» А. Е. Кауфмана) много матеріала для негодованія на газетный и литературный міръ, но этого добра найдется «за кулисами» всякой профессіи. А открытая, поносимая г. Авсѣенкомъ жизнь честнаго газетнаго работника заслуживаетъ уваженія къ его работоспособности, безкорыстію, готовности во всякое время исполнить порученіе редактора, сопряженное и съ расходами, и нерѣдко съ опасностями, до которыхъ гг. редакторамъ нѣтъ никакого дѣла. За счетъ недоспанныхъ ночей тружениковъ печати наживаются г.г. издатели, они же гордятся популярностью своего изданія, его честью и славой... А газетные труженики его остаются безъ хлѣба и имени, нерѣдко подъ градомъ инсинуацій болѣе счастливаго товарища по перу.

V.

Заключительное слово.

Въ заключительномъ словѣ объ Авсѣенкѣ невольно хочется сказать, что онъ могъ бы выбрать изъ всего имъ написаннаго тѣ произведенія, въ которыхъ наиболѣе сконцентрированы и наиболѣе типичны его наблюденія. вмѣсто двѣнадцати томовъ онъ легко могъ выпустить только избранныя сочиненія. Читатель ничего не потерялъ бы изъ его богатаго опыта и чувствовалъ бы сильнѣе особенности его таланта и характеры его героевъ. Послѣдніе были бы болѣе индивидуальны въ галереѣ его портретовъ. Это какъ у крупныхъ поэтовъ. Когда Лермонтовъ говоритъ о себѣ въ пессимистическомъ тонѣ: «Выхожу одинъ я на дорогу»,—то этого настроенія онъ уже не повторяетъ въ другихъ стихахъ; когда его «коварный демонъ—духъ изгнанья» соблазняетъ Тамару, то поэтъ въ другихъ стихотвореніяхъ уже не допускаетъ его вновь грѣшить съ особами прекраснаго пола. Добродѣтельные «ангелы» съ «пѣснями небесъ»—также единственны среди его небесныхъ созданій.

Между тѣмъ у второстепенныхъ поэтовъ образы и чувства повторяются въ ихъ многотомныхъ произведеніяхъ. Въ то время, какъ тургеневскіе типы: Рудинъ, Базаровъ и Инсаровъ—вопло-

щаютъ слово, трудолюбіе и героизмъ русскихъ людей, гончаровскіе Обломовы, Райскіе и Марки Волоховы—стоятъ, какъ верстовые столбы, на пути русскаго прогресса,—у Авсе́енка, въ многочисленныхъ его разсказахъ и романахъ фигурируютъ только подъ разными именами одинъ и тотъ же типъ, одни и тѣ же моменты общественной жизни... Правда, они очень значительны и вполне достойны художественнаго пера, но не слѣдовало постоянно варьировать и разжижать ихъ.

Благодаря этому, многіе критики умаляли художественное и общественное значеніе Авсе́енка. Помню, одинъ изъ нихъ укорилъ меня за книгу о Шеллерѣ, попутно упоминая объ Авсе́енкѣ.

— Это вы одинъ придаете значеніе А. К. Шеллеру... Онъ со всѣмъ не художникъ. Это тотъ же Авсе́енко... Щедринъ говорилъ о нихъ, что они все одинъ и тотъ же романъ пишутъ... Всю жизнь одинъ и тотъ же романъ, а потомъ его же переписываютъ съ другого конца. Шиворотъ навыворотъ перевертываютъ свои же романы, безъ наблюденій, съ разсужденіями о папашѣ и мамашѣ... Въ «Новомъ Времени» Петерсонъ совершенно правъ, доказывая, что у насъ и декаденты появились благодаря Шеллеровской школѣ писателей, какъ протестъ противъ ихъ манеры писать все одного и того же папу, маму и учителя... ¹⁾

Несомнѣнно, эти упреки односторонни. Аристократія и обуржуазившійся разночинецъ, подъ перомъ Авсе́енка, воспроизведены съ чувствомъ горячаго противъ нихъ протеста, и публика должна быть признательна ему. Это вовсе не такъ маловажно, особенно въ наше время, когда современные романы и повѣсти лишены всякаго общественнаго значенія. Однообразіе въ творчествѣ Авсе́енка, разумѣется, существуетъ. Оно чувствовалось всегда еще и потому, что одновременно съ Авсе́енкомъ изъ той же оперы писали П. Д. Боборыкинъ («Солидные добродѣтели» и «Дѣльцы»), А. К. Шеллеръ— («Семья Муратовыхъ», «Голь») и т. д. Та же среда, съ тѣмъ же разорившимся дворянствомъ и разбогатѣвшимъ мѣщанствомъ—воспроизводима была со всѣхъ сторонъ въ русской литературѣ. Вслѣдствіе этого собственные герои Авсе́енка терялись въ толпѣ героевъ чужого творчества. Кромѣ того, Авсе́енко жилъ среди

¹⁾ Разумѣется, въ этомъ отзывѣ о Шеллерѣ много преувеличенія. И папаша, и мамаша—тема очень богатая для беллетриста. Она болѣе плодотворна, чѣмъ «Ревность» г. Арцыбашева и другія половыя проблемы современной беллетристики. Кромѣ того, въ произведеніяхъ А. К. Шеллера воспроизведены идеализмъ шестидесятыхъ годовъ («Гнилыя болота», «Жизнь Шупова», «Господа Обиновы»), критика и провѣрка пятихъ годовъ («Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ»), индифферентизмъ переходной эпохи («Паденіе»), ренегатство («Ртищевъ»), оскуднѣніе дворянъ въ семьѣ Муратовыхъ («Старая гнѣзда», «Алчущіе», «Хлѣба и зрѣлицъ» и т. д.), торжественная буржуазія («Голь») и т. д. Общественная жизнь въ разные ея моменты нашла въ Шеллерѣ богатое отраженіе. Этимъ я и руководился въ книгѣ о немъ.

А. Ф.—въ.

корифеевъ литературы. Рядъ выдающихся именъ, какъ Достоевскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Л. Толстой и т. д., были его современниками и они заслоняли собою его собственное значеніе въ русской литературѣ. На безлюдьи—легко быть «знаменитостью», но пока у насъ жили на литературной нивѣ корифеи, до тѣхъ поръ требовалось, чтобы талантъ и содержательность одухотворяли другъ друга; чтобы искусство и общественность были неразлучны въ произведеніяхъ писателей. Въ настоящее же время цѣнять въ писателѣ по преимуществу его талантливость, независимо отъ направленія и содержательности. Между тѣмъ литераторы давно овладѣли пушкинской формой и пишутъ даже пошлость пушкинскимъ стихомъ. Всѣ хорошо пишутъ, не заботясь о томъ, чтобы литература служила извѣстнымъ цѣлямъ и чтобы писателю не было безразлично, кто ее составляетъ. Чѣмъ талантливѣе писатель, тѣмъ хуже, если въ немъ нѣтъ общественныхъ чувствъ и сознанія того, во имя чего онъ работаетъ и съ кѣмъ работаетъ. Безчувственные и безкровные писатели—эти жрецы безпринципности—представляютъ упадокъ литературы... «Важно, чтò въ книгѣ, а не самая книга», говорилъ Лѣсковъ.

Авсѣенко всегда старался отвѣтить этимъ требованіямъ, хотя талантъ его былъ холодный и разсудочный. Онъ, правда, очень напоминаетъ, по техникѣ письма, перо А. К. Шеллера. Тотъ же избытокъ знанія и проповѣдничества, которыми авторъ комментируетъ свои образы. Можетъ быть, безъ публицистики эти образы производили бы болѣе сильное впечатлѣніе. Художественность въ томъ и заключается, чтобы она усиливала въ произведеніи его внутреннее содержаніе. Но Авсѣенко былъ беллетристъ съ дидактическимъ направленіемъ, и всѣ его романы проникнуты имъ. Каждый герой снабженъ рекомендаціей автора, и эти рекомендаціи, эти комментаріи къ образамъ такъ значительны, что они сами по себѣ требовали новаго романа, новаго дѣйствія и новой работы. Авторъ избѣгалъ этого и портилъ великолѣпіе выведенныхъ имъ образовъ.

Что же касается содержательности его произведеній, то она исчерпывалась культомъ власти и денегъ, далеко немаловажнымъ въ русской жизни. Авсѣенка хватило на изображеніе аристократовъ, биржевиковъ и «жалкой интеллигенціи», а новыхъ людей изъ рабочаго класса, представителей сельскохозяйственнаго быта временъ С. Ю. Витте, избирательную борьбу, обновленный строй Россіи, социализмъ, христіанство, черносотенство и т. д. романистъ чувствовалъ и понималъ только въ маленькихъ передовицахъ «Петербургской Газеты». Крупнаго онъ уже ничего не создалъ поверхъ карьернаго и кутящаго Петербурга. Этимъ самоограниченіемъ онъ отодвинулъ себя изъ первыхъ рядовъ русскихъ писателей, которые, къ тому же, заслоняли его не только художественностью, но и всесторонней отзывчивостью на русскую дѣйствительность. Я уже не говорю о корифеяхъ, но и самоучки Писемскій и Лѣсковъ,

и гусарь Вс. Крестовскій были богаче содержаніемъ и знаніемъ русскаго быта, несмотря на то, что В. Г. Авсе́нко занималъ кае́дру по исторіи и очень гордился своей научной подготовкой къ литературному поприщу. Онъ примкнулъ невольно къ сонму писателей меньшаго калибра, какъ Б. Маркевичъ, К. Головинъ-Орловскій и Голицынъ-Муравлинъ.

Слова нѣтъ, что Авсе́нко былъ талантливѣе и образованнѣе множества литераторовъ, но общее его вліяніе на общество уменьшается однообразіемъ его типовъ изъ жизни вымирающей аристократіи и торжествующей буржуазіи. Герои изъ этой оперы устарѣли. Они слишкомъ много пользовались вниманіемъ писателей, и пора послѣднимъ заняться другими сторонами человѣческой жизни.

На сцену исторической жизни выступаютъ новые дѣятели изъ иныхъ сферъ, съ новымъ «томленьемъ духа» и образомъ жизни. Нужна и литература, отражающая ихъ въ художественные перлы. Нужна и новая критика, умѣющая чувствовать идеалы будущаго. Какъ бы ни были художественны изъ старой обывательской оперы ея персонажи, они опоздали и слишкомъ всѣмъ знакомы. Буржуазный прогрессъ, съ деморализаціей аристократизма и онаглѣніемъ мѣщанства, достаточно исчерпанъ и изученъ. Пора обновить репертуаръ беллетристики и перестать писателямъ подражать другъ другу въ области половыхъ вопросовъ и сословныхъ предрасудковъ.

Между тѣмъ всѣ писатели новой школы повторяются. Они даже не безталанны, но было бы смѣшно говорить, что общество будетъ развивать на нихъ свой художественный вкусъ, воспитывать политическое міросозерцаніе, изучать бытъ и переживать чувства нормальныхъ людей. Еще рискованнѣе имъ рѣшать злободневныя задачи, требующія и пракческаго знанія жизни, и научнаго ознакомленія съ политико-экономическими вопросами. А если имъ мало знакома исторія «первоначальнаго накопленія» богатствъ путемъ завоеванія и рабства, захватомъ изъ общественныхъ земель лѣсныхъ и пасбищныхъ пространствъ, съ изгнаніемъ на новыя мѣста крестьянъ, разрушеніе «карликовой собственности» мелкаго землевладѣльца и ремесленника съ развитіемъ крупной промышленности, позднѣйшій ростъ капитала путемъ присвоенія предпринимателями «прибавочной стоимости», расхищеніе ими же источниковъ народнаго богатства въ монопольномъ пользованіи, то гораздо лучше писателю оставаться вѣрнымъ старымъ типамъ и темамъ стараго быта, какъ дѣлалъ Авсе́нко. Когда критика въ свое время указывала ему на быстрое рожденіе новыхъ типовъ въ жизни, на быструю ихъ смѣну, какъ на признакъ того, «что мы безостановочно развиваемся» (по словамъ идеалиста Ор. Миллера), то Авсе́нко эту точку зрѣнія рѣшительно отвергалъ и старонился отъ изученія новой жизни. Его могли радовать только результаты развитія, а не самый процессъ. Ему нисколько не улыбаются новые

типы, и онъ съ горечью восклицалъ: «если мы спросимъ, какіе это новые типы, быстрое народженіе которыхъ на мѣсто старыхъ торжествуетъ современная критика, вопросъ представится нѣсколько въ иномъ свѣтѣ. Можетъ явиться сомнѣніе, дѣйствительно ли новые положительные типы, въ родѣ Пилы или Бабурина, смѣнившіе, напримѣръ, нѣкоторые старые типы въ повѣсти «Капитанская Дочка»,—дѣйствительно ли они «показываютъ, что мы безостановочно развиваемся». Если—скажемъ мы—это и такъ, оно все-таки не могло бы мѣшать Авсѣнку самому развиваться, а не стоять на одномъ мѣстѣ. Онъ могъ бы работать надъ новыми типами и быть къ нимъ справедливымъ, а онъ, между тѣмъ, возненавидѣлъ ихъ и окаррикурировалъ. Онъ остался вѣренъ изображенію однѣхъ отрицательныхъ сторонъ русской аристократіи и буржуазіи. Это его литературный конекъ, и въ этомъ его заслуга передъ обществомъ, но здѣсь же и его односторонность.

Въ то время, когда Авсѣнко писалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова статью «Принципы и тенденція», еще не существовало въ литературѣ ни декадентовъ, ни символистовъ, ни «дерзающихъ» поэтовъ, ни футуристовъ и т. п. озорниковъ. Но Авсѣнко предчувствовалъ ихъ всѣхъ, если могъ писать слѣдующія слова: «Мы увидимъ, что литература наша, стоявшая еще не такъ давно впереди нашего общественнаго развитія, въ послѣднее время, понижаясь все болѣе и болѣе въ своемъ уровнѣ, утратила прежнее значеніе и не оказываетъ на общество никакого образовательнаго дѣйствія. Мы увидимъ, что хотя она дѣйствительно представляетъ «быстрое народженіе новыхъ типовъ на смѣну старыхъ», но что положительное содержаніе этихъ типовъ постепенно понижается, свидѣтельствуя тѣмъ о пониженіи какъ литературныхъ, такъ и общественныхъ идеаловъ. Недовольная скудостью общественнаго содержанія, какую она видѣла въ произведеніяхъ старыхъ писателей, критика наша предала глумленію и осмѣянію всю художественную литературу и обратилась къ новой беллетристикѣ съ требованіемъ соціальныхъ, гуманныхъ, гражданскихъ и прочихъ «идей»; но мы должны сознаться, что, утративъ въ поэзіи и художественности, такъ называемая новая литература ничего не выиграла и въ области «идей», напротивъ, гуманныя и общественныя идеи ея гораздо мельче и сомнительнѣе, чѣмъ у старыхъ писателей».

Такимъ образомъ, для Авсѣнка не было новостью требованіе отъ художника и политическаго кругозора. Онъ видѣлъ, что этому требованію вполне отвѣчали одновременно жившіе съ нимъ корифеи нашей литературы, но самъ онъ среди нихъ потерялся...

Все-таки въ одной изъ моихъ съ нимъ бесѣдъ онъ не безъ основаній сказалъ о себѣ самомъ:

— Когда утилитаризмъ въ литературѣ служилъ мелкимъ интересамъ общества и принижалъ этимъ искусство, я былъ противъ

него и числился въ лагерѣ обличителей. Когда крайности нигилизма бросались въ глаза, я защищалъ отъ нихъ основы быта и искусства; когда консерваторы перестали говорить по-человѣчески и заржали по-лошадиному, я писалъ противъ нихъ во имя той же культуры и прогресса. Ни тѣ, ни другіе не хотятъ признать меня тѣмъ, чѣмъ я чувствую себя въ литературѣ. Я вовсе не сторонникъ чистаго искусства и очень проникнуть общественностью... Да и едва ли можно быть писателемъ только въ области личнаго таланта и психологій людей. Базировать все-таки придется на фактахъ изъ политической и общественной жизни. Я очень цѣню искусство, но мнѣ дорога и общественность въ немъ. Но она должна быть непременно культурной. Односторонняя общественность принижаетъ талантъ. Я никогда не стану считать историческій прогрессъ ошибочнымъ путемъ; никогда не перестану цѣнить его культуру; всегда буду считать утопіи вредными, какъ и реакціи «темныхъ мужей».

Такимъ образомъ, выдающейся чертой своихъ произведеній В. Г. Авсе́нко считалъ, очевидно, защиту имъ культуры и прогресса въ государствѣ съ сильнымъ развитіемъ власти и капитала. А между тѣмъ, мѣриломъ прогрессивности писателя служатъ интересы всесловности, а не исключительности. Мы старались выяснить, въ какой мѣрѣ произведенія Авсе́нко отвѣчали этому требованію.

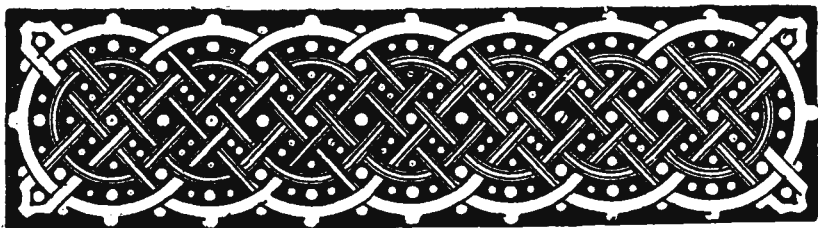
Несомнѣнно, что онъ симпатизировалъ чисто сословному прогрессу, но онъ не былъ слѣпъ къ его представителямъ и всю жизнь боролся съ ихъ умственнымъ убожествомъ и бездушіемъ.

Будучи въ хорѣ именитыхъ сверстниковъ на цѣлую голову ниже ихъ, онъ умѣлъ не портить хора, когда здѣсь пѣли ту же панихиду о разоренной и бездѣтельной аристократіи, не умѣвшей опереться на народъ противъ угнетателей и уступившей первыя мѣста въ государственной и общественной жизни Россіи невоспитанному и хищному хаму.

На этой почвѣ произведенія Авсе́нко имѣютъ историческую цѣнность. Съ этой точки зрѣнія онъ оставилъ наследство болѣе крупное, чѣмъ произведенія многихъ позднѣйшихъ писателей, витающихъ въ сферахъ «извращеній» и общественнаго индифференцизма.

А. Фаресовъ.

200-ЛѢТІЕ ГАНГУТСКОЙ ПОБѢДЫ.

ДВАДЦАТЬ седьмого іюля 1914 года исполняется двѣсти лѣтъ первой русской морской побѣды. Этотъ день празднуется во флотѣ каждый годъ. Суда производятъ установленный салютъ и расцвѣчиваются флагами. Начало Гангутскому празднику положилъ самъ Петръ, который въ 1715 году торжественно отпраздновалъ первую годовщину и указомъ своимъ установилъ этотъ праздникъ на будущее время. Въ этомъ году предполагаются большія торжества и гребныя гонки на рейдѣ Гангута, слѣшно реставрируютъ памятникъ въ память убитыхъ въ этомъ бою, поставленный (въ 1871 г.) на мѣстѣ сраженія на одномъ изъ шхерныхъ островковъ Гангута, тамъ же устраиваютъ пристань и въ честь двухсотлѣтія будутъ розданы, по положенію, медали съ изображеніемъ плана сраженія. Рядъ торжествъ предполагено устроить и въ Петербургѣ.

Но прежде, чѣмъ переходить къ разбору плана кампаніи 1714 г. и описанію Гангутской побѣды, посмотримъ, какъ закончилась предыдущая кампанія и что къ тому времени составляло предметъ главныхъ заботъ и усилій Петра.

1713 годъ явился самымъ блестящимъ для насъ періодомъ Великой Сѣверной войны, какъ для флота, такъ и для сухопутной

арміи, а именно: удачный походъ въ Финляндію, взятіе Гельсингфорса, Борго и Або, побѣда графа Апраксина надъ главными силами шведскаго главнокомандующаго генерала Любекера и надъ смѣннвшимъ его затѣмъ генераломъ Армфельтомъ у Тавастгуса, а также побѣды въ южной арміи, въ Помераніи, подъ начальствомъ Меншикова, и занятіе, совмѣстно съ саксонцами, Штеттина, — все это придадо силы и увѣренность Петру, что именно теперь-то и настало наконецъ время нанести Швеціи окончательное пораженіе, завладѣть не только Финскимъ заливомъ, но и Балтійскимъ моремъ, занять всю Финляндію и, двинувшись на Стокгольмъ, заставить шведовъ подписать нужный для насъ миръ.

Если теперь, спустя двѣсти лѣтъ, окинуть бѣгло весь періодъ, предшествовавшій Гангутской побѣдѣ, и постараться уяснить себѣ планы и расчеты Петра, то невольно возникнетъ чувство восхищенія передъ его гениемъ, какъ величайшаго военнаго полководца, дипломата и государя.

Начиная съ 1695 года, Россія непрерывно вела войны: два Азовскихъ похода, военныя операціи стадвадцатитысячнаго корпуса на Днѣпрѣ (кн. Я. Долгорукій и Мазепа), вторая турецкая война (Прутскій походъ), Великая Сѣверная, чрезвычайно напряженное судостроительство по всей Россіи, оборудованіе Архангельска, созданіе цѣлаго ряда новыхъ крѣпостей, — все это въ конецъ разорило и безъ того опустошенную за предыдущія царствованія казну. При этомъ нельзя забывать, что Петру приходилось всюду поспѣвать самому и около него было слишкомъ мало людей, кто бы могъ облегчить его дѣятельность и кому бы Петръ могъ передать хотя бы исполненіе своихъ предначертаній.

Въ то же время союзники Петра (Данія и Польша) постоянно оставляли его, заботясь сначала только о своихъ выгодахъ, а потомъ, когда увидѣли чрезвычайные успѣхи надъ шведами, то стали бояться роста его могущества.

Такъ, напримѣръ, лѣтомъ 1713 года, подготовляясь къ рѣшительному удару слѣдующаго года, въ письмѣ къ своему послу въ Копенгагенѣ кн. В. Л. Долгорукому Петръ приказалъ «спросить совѣта короля: что дѣлать весной?» — наводя на то, чтобы датчане (союзники) сами предложили бы прислать свой флотъ на соединеніе съ нашимъ для прикрытія высадки на шведскій берегъ и для возможной блокады Стокгольма. — «Но сего отнюдь самъ имъ не зачинай, дабы ихъ тѣмъ не вздорожить»¹⁾, то есть не заставить слишкомъ высоко цѣнить свое содѣйствіе. Но ни переговорами Долгорукова, ни усиліями специально командированнаго въ Данію съ этой же цѣлью генераль-адъютанта Ягужинскаго Петру не удалось склонить къ своему плану датскаго короля. Онъ отвѣ-

¹⁾ «Очерки русской морской исторіи», ч. I, стр. 244. Спб. Изд. 1875 г.

тиль отказомъ. Петръ понялъ истинную причину и рѣшилъ довести свой планъ до конца, рассчитывая только на свои силы. Еще напряженнѣе стали работать на нашихъ верфяхъ въ Олонецкѣ, Петербургѣ и въ Архангельскѣ и даже въ Англии были куплены шесть кораблей ¹⁾.

Итакъ, Петръ не переставалъ напряженно слѣдить за общимъ ходомъ развитія военныхъ дѣйствій и лѣтомъ еще приказалъ Апраксину, готовясь къ кампаніи будущаго (1714 г), внимательно осмотрѣть всѣ мѣста финляндскаго побережья отъ Поэ-кирки, Тверминэ, Гангутъ, Юнгфоръ-зундъ и до Або, и составить имъ подробную карту съ обозначеніемъ глубины и ширины фарватеровъ. Эта работа была поручена капитанъ-поручику Ливе-Доусу. Кромѣ того, всѣ проходы, ведущіе съ моря въ шхеры, велѣно сдѣлать недоступными для корабельнаго флота и приступить къ работамъ съ осени, а гдѣ помѣшаетъ присутствіе непріятеля, успѣть сдѣлать сіе въ продолженіе зимы, прорубая ледъ ²⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ приказалъ подыскать лодмановъ, которые бы знали шхеры Ботническаго залива и путь къ Стокгольму. Работы эти закончить къ началу февраля, когда и донести ему обо всемъ въ подробности, дабы флотъ успѣлъ двинуться съ самаго начала навигаціи, сейчасъ же слѣдомъ за льдомъ, чтобы успѣть подойти раньше появленія шведскаго корабельнаго флота возможно ближе къ Або.

20-го мая, по полученіи извѣстія, что шхеры очистились ото льда, весь нашъ флотъ вышелъ изъ Котлина въ Бьерке. Галерный флотъ подъ командой адмирала графа Апраксина состоялъ изъ 99 галеръ и скампавей ³⁾ и громаднаго числа провіантскихъ транспортовъ, съ посаженнымъ на нихъ 24-тысячнымъ десантомъ; корабельный флотъ—изъ 18 судовъ, подъ командой царственнаго шаутбенахта (контръ-адмирала) Петра Михайлова ⁴⁾.

По прибытіи судовъ въ Бьерке, на военномъ совѣтѣ у Апра-

¹⁾ Приобрѣтеніе 50-пушечнаго корабля въ Англии съ полнымъ вооруженіемъ обходилось въ 60 тысячъ рублей на наши деньги, но уплачивать и ихъ было крайне затруднительно, такъ какъ наши векселя за границей держались очень низко. Для уплаты за эти корабли Петръ былъ вынужденъ согласиться на очень невыгодный для насъ заемъ у голландскихъ купцовъ, потребовавшихъ въ обезпеченіе займа отдать имъ по дешевой цѣнѣ торговлю въ Архангельскѣ хлѣбомъ, смолой и рыбамиъ клеємъ, что составляло тогда исключительную привилегію казны (Матеріалы, отд. I, № 497).

²⁾ Матеріалы, отд. I, №№ 691, 692.

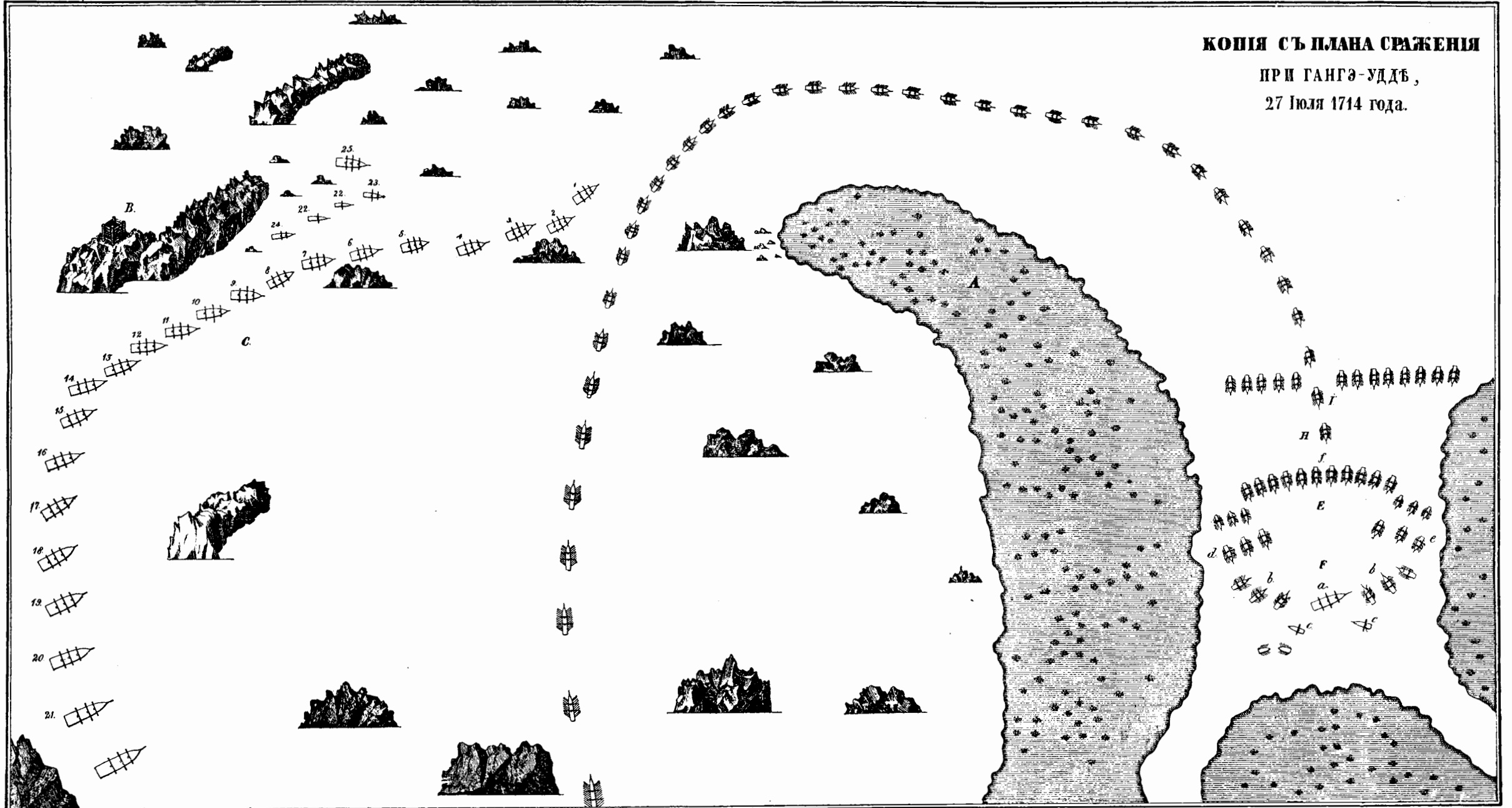
³⁾ «Галеры» и «скампавей»—небольшія суда, которыя могли ходить и подъ парусами и подъ веслами, преимущественно въ шхерахъ, имѣя углубленіе не болѣе 4—5 фут. Галеры имѣли по 72 весла и вмѣщали до 300 человекъ команды, а скампавей—36 весель и 150 человекъ команды (Матеріалы, отд. I, № 792).

⁴⁾ Подъ этимъ именемъ государь ѣздилъ въ Англию и Голландію и подъ нимъ же проходилъ свою военную службу по арміи и флоту. Въ приказахъ о назначеніи и производствѣхъ его всегда титуловали этимъ именемъ.

КОПИЯ СЪ ПЛАНА СРАЖЕНИЯ

ПРИ ГАНГЭ-УДДЪ,

27 ЮЛЯ 1714 года.

ПЛАНЪ СРАЖЕНИЯ ПРИ ГАНГЭ-УДДЪ.

А. Урочище Гангс-удде.

В. Баканъ (или знакъ) потому корабли въ сію пристань входятъ

С. Шведскій флотъ

<i>Корабли</i>	<i>Командующіе Офицеры:</i>	<i>Пушки</i>
1. <i>Волгастъ</i>	<i>Капитанъ Питеръ Ивсъ</i>	24.
2. <i>Анхлалъ</i>	<i>Капитанъ Фонстауменъ</i>	30.
3. <i>Готенбургъ</i>		52.
4. <i>Фениксъ</i>	<i>Капитанъ Дитолаторъ</i>	32.
5. <i>Помернъ</i>	<i>Капитанъ Сунс</i>	56.
6. <i>Фалкенъ</i>		30.
7. <i>Лифландъ</i>	<i>Капитанъ Христофоръ Гронтъ</i>	54.
8. <i>Ребелъ</i>	<i>Капитанъ Анкарфельдъ</i>	36.
9. <i>Содерманландъ</i>	<i>Капитанъ Корингъ</i>	58.
10. <i>Готландъ</i>	<i>Капитанъ Жустерна</i>	52.
11. <i>Вахтмейстеръ</i>	<i>Капитанъ Граанъ</i>	50.
12. <i>Вестерманландъ</i>	<i>Капитанъ Гусманъ</i>	66.
13. <i>Бременъ</i>	<i>Адмиралъ Ватранъ</i>	64.
14. <i>Принцъ Карлъ Фридрихъ</i>	<i>Шаутбенахтъ Анкаритернъ</i>	76.
15. <i>Шоненъ</i>	<i>Командоръ Кронъ</i>	66.
16. <i>Стокгольмъ</i>	<i>Капитанъ Оберсъ</i>	64.
17. <i>Фридрихъ Амалиа</i>	<i>Капитанъ Пальерсъ</i>	66.
18. <i>Верденъ</i>	<i>Капитанъ Груббъ</i>	58.
19. <i>Галандъ</i>	<i>Капитанъ Графъ Силденбургъ</i>	52.
20. <i>Эландъ</i>	<i>Вице-Адмиралъ Милль</i>	58.
21. <i>Рига</i>	<i>Капитанъ Смитъ</i>	56.
22. <i>Два бомбардирскіе Стрѣльбы да Везувій,</i>		
23. <i>Э. Я.</i>		18.
24. <i>Полуксъ</i>		16.
25. <i>Брандеръ</i>		4.

*Д. Россійскій галерный флотъ, скъзъ непріятельскій флотъ
пробивающійся.*

Е. Атака на эскадру Шаутбенахта Эреншельда.

Ф. Непріятельская эскадра.

а) Шаутбенахтъ Шведскій.

б) Гилеры Шведскія.

с) Шхерботы Шведскіе.

д) Генералъ Вейде и Капитанъ Командоръ Зиаевигъ.

е) Бригадиръ Волковъ и Капитанъ Дельмановъ.

ф) Бригадиръ Лефортъ и Капитанъ де Жилмонъ

II. Шаутбенахтъ отъ кораблей.

*Г. Генералъ Адмиралъ Апраксинъ, съ корабѣтилито и
артигердією.*

Экспликація плана сраженія.

ксина было рѣшено: корабельному флоту, подъ командой Петра, итти въ Ревель для соединенія съ ревельскими судами, пришедшими изъ Архангельска и купленными за границей—всего въ числѣ 8 кораблей, а галерной флотиліи пробираться шхерами до Або, если на пути не задержитъ непріятель. Придя въ Або, снабдить продовольствіемъ войска князя Голицына, возвращающіяся туда послѣ удачной побѣды надъ шведами близъ города Вазы, затѣмъ итти къ Аланду и на шведскую сторону, но «въ землю непріятельскую не гораздо въ даль заходить, а, пройдя Аландъ и сыскавъ фарватеръ къ Стокгольму, въ удобномъ мѣстѣ крѣпость ставить»¹⁾.

31-го мая Петръ разстался съ Апраксинымъ и самъ съ корабельнымъ флотомъ перешелъ на южный берегъ Финскаго залива, направляясь въ Ревель, куда къ этому же дню выѣхала берегомъ и государыня.

Тѣмъ временемъ Апраксинъ со всѣми галерами, пробираясь шхерами вдоль сѣвернаго побережья Финскаго залива, зашелъ въ Гельсингфорсъ, выгрузилъ часть провіанта на берегъ, произвелъ починку зимовавшихъ тамъ судовъ, двинулся дальше вдоль берега шхерами, по назначенію къ Або, и 29-го іюня прибылъ къ Тверминэ²⁾. Дальше итти было нельзя, такъ какъ у мыса Гангутъ стоялъ сильный шведскій флотъ подъ флагомъ адмирала Ватранга изъ 16 большихъ кораблей, 2 бригаantinъ, 2 бомбардирскихъ судовъ и 8 галеръ. Оконечность Гангута не прикрыта шхерами и глубина у самаго мыса довольно значительная. При первой же попыткѣ прорваться на наши галеры обрушился бы весь шведскій флотъ. Отказаться же отъ движенія дальше значило предоставить войска князя Голицына, терпѣвшія крайній недостатокъ въ провіантѣ, голодовкѣ. Апраксинъ, не рѣшаясь предпринять что-нибудь самъ, отправилъ въ Ревель Петру донесеніе и просилъ произвести диверсію корабельнымъ флотомъ для отвлеченія шведовъ отъ Гангута.

На военномъ совѣтѣ въ Ревелѣ Петръ рѣшилъ не дѣлать диверсіи въ виду относительной слабости нашихъ судовъ какъ въ артиллеріи, такъ и по скорости хода, а самъ 20-го іюля прибылъ въ Тверминэ.

Ознакомившись съ положеніемъ, Петръ принялъ смѣлый планъ: перетащить галеры волокомъ черезъ Гангутскій полуостровъ немного сѣвернѣе Тверминэ (ширина перешейка 1170 сажень), что сравнительно легко было исполнить при наличіи многочисленнаго

¹⁾ Журналъ Петра Великаго. I, стр. 399. Матеріалы отд. I, = 804.

²⁾ Тверминэ—удобная бухта на восточномъ берегу Гангутскаго полуострова. Бухта эта закрыта съ моря шхерами, не позволяющими корабельному (глубокоосидающимъ судамъ) флоту подойти къ ней.

дессанта, находившагося на галерахъ. Но Ватрангъ узналъ о планѣ Петра отъ рыбаковъ, видѣвшихъ приготовленія къ установкѣ помоста и катковъ.

Желая воспрепятствовать этому плану, Ватрангъ послалъ отрядъ изъ 1 фрегата, 6 галеръ и 3 шхерботовъ подъ командой контръ-адмирала Эреншельда въ шхеры къ западному побережью Гангутскаго полуострова, къ мѣсту предположеннаго волока, для уничтоженія по очереди появляющихся галеръ, и въ то же время главныя свои Силы (14 кораблей) подъ флагомъ вице-адмирала Лилли отодвинулъ мористѣе, желая отрѣзать проходъ нашихъ галеръ среди восточныхъ группъ разбросанныхъ тутъ островковъ.

Необходимо замѣтить, что нашъ галерный флота стоялъ здѣсь въ бездѣйствіи почти мѣсяць: съ 29-го іюня, и не могъ даже сдѣлать попытки прорваться, настолько важный пунктъ въ стратегическомъ отношеніи занималъ Ватрангъ.

Совершенно случайно 25-го іюля ночью самъ Петръ находился на сторожевомъ посту для наблюденія за шведами, когда Лилли поднялъ паруса на своемъ отрядѣ и сталъ отходить въ юго-восточномъ направленіи. Предполагая, что Лилли уходитъ въ крейсерство къ Ревелю и рассчитывая, что значительно ослабленный Ватрангъ не будетъ въ состояніи уничтожить всю нашу галерную флотилію, Петръ сейчасъ же отмѣнилъ свой первоначальный планъ волока и приказалъ сдѣлать немедленную попытку прорваться передовому отряду нашихъ галеръ вокругъ Гангутскаго полуострова.

На разсвѣтѣ 26-го іюля первыя двадцать галеръ, подъ командой капитана-командора Змаевича, снялись съ якоря и пошли шхерами. Погода вполне благопріятствовала намъ. На морѣ держался полнѣйшій штиль, что очень облегчало, съ одной стороны, скорость передвиженія гребныхъ судовъ (галеръ), а съ другой стороны—не позволяло тяжелому шведскому корабельному флоту подойти къ намъ. Замѣтивъ наше движеніе, Ватрангъ открылъ беспорядочную стрѣльбу по нашимъ галерамъ и сталъ буксироваться шлюпками, торопясь сблизиться, но отрядъ Змаевича успѣлъ обогнуть мысъ Гангутъ и успѣшили укрыться въ шхеры, расположенныя вдоль западнаго побережья Гангута, гдѣ и заперъ, въ свою очередь, болѣе слабый отрядъ Эреншельда, поджидая прибытія остальныхъ нашихъ галеръ.

Окрыленный неожиданнымъ успѣхомъ, Петръ выслалъ вслѣдъ за Змаевичемъ еще 15 галеръ, подъ начальствомъ бригадира Лефорта, которымъ также благополучно удалось проскочить. Распорядившись, чтобы и всѣ остальные галеры, подъ начальствомъ Апраксина, сдѣлали попытку прорваться въ слѣдующую ночь, самъ Петръ сухимъ путемъ перешелъ къ западному берегу Гангутскаго полуострова. Между тѣмъ Ватрангъ понялъ свою ошибку

и, желая не допустить къ прорыву наши главные силы, снова подозвалъ къ себѣ Лилли и заблаговременно сталъ со всѣми судами именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ прорвались Змаевичъ и Лефорть.

Съ разсвѣтомъ Апраксинъ увидѣлъ, что впереди стоитъ уже весь шведскій флотъ. Погода все еще благопріятствовала намъ. Сознавая, что прорваться теперь съ 65 галерами этимъ фарватеромъ ему не удастся, Апраксинъ рискнулъ измѣнить маршрутъ и сдѣлать попытку проскочить вдоль самаго берега полуострова, держась возможно ближе къ мысу.

Какъ на парадѣ, прослѣдовали мимо шведовъ наши галеры, одна за другой, а непріятельскій огонь по отдаленности не причинилъ имъ никакого вреда. Единственнымъ трофеемъ шведовъ была одна скампавея, которая сѣла на мель. Ватрангъ захватилъ ее вмѣстѣ съ частью экипажа, не успѣвшаго спрыгнуть въ воду. Въ 9 часовъ 30 минутъ утра послѣднія галеры Апраксина обогнули мысъ и присоединились къ передовымъ отрядамъ.

Петръ предложилъ Эреншельду сдаться, но получилъ отказъ. Въ два часа дня 27-го іюля начался жаркій бой, продолжавшійся до пяти часовъ дня.

Въ этомъ дѣлѣ могли принять участіе только передовыя наши галеры, но прежде, чѣмъ побѣдить непріятеля, имъ пришлось вынести на себѣ всю силу непріятельскаго огня изъ орудій значительно большаго калибра, чѣмъ имѣлись на нашихъ галерахъ. Два раза подъ градомъ ядеръ и картечи передовыя галеры, предводительствуемыя самимъ Петромъ, лично участвовавшимъ въ дѣлѣ, бросались въ атаку на непріятеля, стремясь схватиться на abordажъ, но оба раза были отбиты съ жестокимъ урокомъ. Съ третьей атакой удалось наконецъ сцѣпиться и захватить непріятеля. Эреншельдъ, раненый въ ногу и руку, пытался скрыться на шлюпкѣ на берегъ, но былъ захваченъ въ плѣнъ. Петръ, цѣнившій и уважавшій всегда храбрость, поцѣловалъ своего достойнаго плѣнника, самъ заботился о немъ, и въ послѣдствіи, во время пребыванія Эреншельда въ Петербургѣ, оказывалъ ему всяческое вниманіе и заботливость.

Черезъ два дня Петръ писалъ Меншикову: «И такъ жестоко чинено абординваніе, что нѣсколько человѣкъ отъ шведскихъ пушекъ не ядрами и картечами, но духомъ пороховымъ разорвало».

Но съ пораженіемъ и захватомъ отряда Эреншельда еще далеко не исчерпывалось все затруднительное положеніе нашей галерной флотиліи. Петръ отлично понималъ, что Ватрангъ можетъ запереть насъ и въ этихъ шхерахъ, и даже поставить весь нашъ флотъ въ положеніе Эреншельда. Поэтому сейчасъ же по окончаніи боя, посоветовавшись съ Апраксинымъ, онъ приказалъ двигаться дальше къ Або, скрываясь по возможности въ шхерахъ.

Но опасенія оказались напрасными. Узнавъ о пораженіи Эреншельда, Ватрангъ снялся съ якоря и ушелъ къ Аландскимъ островѣмъ и шведскому берегу, не дожидаясь даже выхода нашихъ судовъ изъ Гангутскихъ шхеръ.

Воспользовавшись свободнымъ моремъ, Апраксинъ отправилъ плѣнные суда къ Котлину подъ командой Сиверса, а самъ съ Петромъ на галерахъ прошелъ въ Або, снабдилъ ждавшій его корпусъ Голицына провіантомъ и спѣшно двинулся къ Аландскимъ шхерамъ, для занятія которыхъ онъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго сопротивленія,—Ватрангъ уже ушелъ оттуда къ Стокгольму. Испуганное на-

Типы современныхъ судовъ.

селеніе, бросивъ свои дома и скоть, бѣжало вглубь страны и къ столицѣ.

Пополнивъ свои запасы и удачно захвативъ нѣсколько шведскихъ купеческихъ судовъ, Апраксинъ предпринялъ обходъ Ботническаго залива.

Вообще осеннее плаваніе въ Ботническомъ заливѣ крайне затруднительно изъ-за частыхъ бурь и множества подводныхъ камней, разбросанныхъ по шхерамъ, а галерной флотиліи именно и нужно было держаться ближе къ берегу, чтобы имѣть возможность время отъ времени высылать десантные отряды на развѣдки ¹⁾.

За эту навигацію погибло отъ штормовъ около десяти нашихъ галеръ и утонуло свыше четырехсотъ человѣкъ команды.

Эти развѣдочные отряды производили страшныя опустошенія. И хотя, напримѣръ, экспедиція Головина къ Умео въ матеріальномъ отношеніи принесла только убытокъ,—все-таки она имѣла

¹⁾ Въ составѣ десанта находились: кавалерія и нѣсколько сотенъ казаковъ.

важное политическое значеніе: она внушила и распространила страхъ до самаго Стокгольма ¹⁾, населеніе котораго уже было напугаю занятіемъ Аландскихъ шхеръ настолько, что шведы даже стали поспѣшно возводить укрѣпленія вокругъ Стокгольма и шведскій дворъ готовился къ выѣзду изъ столицы ²⁾. Къ 30-му октября Апраксинъ со всѣми галерами (въ числѣ 88) вернулся для зимовки въ городъ Ништадтъ ³⁾, гдѣ окончательно укрѣпился, установилъ береговыя батареи, и къ началу зимы самъ вернулся въ Петербургъ.

Значительно раньше его (еще 15-го августа) Петръ отъ Аландскихъ шхеръ на нѣсколькихъ галерахъ, везя съ собой плѣнныхъ шведовъ и Эреншельда, отправился въ Петербургъ для торжественнаго вступленія въ столицу послѣ одержанной побѣды.

На пути, въ Гельсингфорсѣ, его встрѣтилъ нашъ корабельный флотъ, нарочно вышедшій изъ Ревеля. Петръ перешелъ на корабль «Св. Екатерина» и отправился во главѣ всего флота къ Котлину. Около Бьерке пришлось вынести страшный штормъ, во время котораго пострадало нѣсколько нашихъ кораблей; но, благодаря опытности и распорядительности Петра, намъ удалось все-таки зайти въ Котлинъ, захватить дождавшіяся тамъ шведскія суда и войти въ Петербургъ. 9-го сентября взятыя суда были торжественно введены въ Неву.

Шествіе остановилось передъ сенатомъ на Троицкой площади, около Петропавловской крѣпости. На пути слѣдованія были воздвигнуты триумфальныя ворота съ разными символическими картинами; на одной былъ нарисованъ орелъ, напавшій на слона. Надпись на этой картинѣ гласила: «орелъ не мухъ ловить», указывая на названіе взятаго шведскаго фрегата подъ флагомъ Эреншельда «Элефантъ» ⁴⁾. Въ процессіи Петръ скромно занималъ мѣсто командира Преображенскаго полка. Въ сенатѣ онъ представилъ князю

¹⁾ Но не только объ этой осенней экспедиціи Апраксина и въ частности о походѣ отряда генералъ-майора Головина къ Умео сохранились ужасныя подробности дикой расправы казаковъ съ мирнымъ населеніемъ страны. Шведскій историкъ Nordberg (т. III, стр. 141—144 и 147), отдавая справедливость снисходительному и заботливому управленію самаго Голицына, отзывается весьма неодобрительно о разсылаемыхъ имъ партіяхъ казаковъ, которые наводили ужасъ на жителей своими звѣрскими поступками. Такъ, наприимѣръ, они привязывали захваченныхъ крестьянъ къ деревьямъ и душили дымомъ, живыхъ бросали въ огонь и заколачивали палками до смерти. Молва о нихъ распространилась по всей Швеціи и впоследствии, при появленіи нашихъ отрядовъ на шведскомъ берегу, повела къ тому, что жители, не дожидаясь прихода русскихъ, при первыхъ слухахъ бросали селенія и спѣшили спасаться бѣгствомъ. (Оч. Р. М. И., ч. I., стр. 250, 251).

²⁾ Оч. Русск. М. Ист., ч. I, стр. 270.

³⁾ Ништадтъ находится на восточномъ берегу Ботническаго залива, немного сѣвернѣе Або.

⁴⁾ Оч. Русск. Морск. Ист., ч. I, стр. 267.

кесарю¹⁾ донесеніе о побѣдѣ и письмо Апраксина, послѣ чего Петръ, имѣя уже по арміи чинъ полнаго генерала (за Полтаву), былъ призведенъ по флоту въ вице-адмирала. Торжества продолжались нѣсколько дней.

Побѣда при Гангутѣ имѣла весьма важное значеніе, и въ томъ, что Петръ цѣнилъ ее наравнѣ съ Полтавской, сказалась не только душа настоящаго моряка, какимъ былъ Петръ. Въ этой побѣдѣ онъ увидѣлъ, что весь планъ, такъ тонко рассчитанный имъ, оказался совершенно правильнымъ и при томъ еще единственно возможнымъ для окончательной побѣды надъ шведами, а вся кампанія этого года явилась самымъ строгимъ испытаніемъ молодой еще мощи русскаго флота.

«Объявляемъ вамъ,—писалъ царь къ Меншикову на третій день послѣ сраженія,—коимъ образомъ всемогущій Господь Богъ Россію прославить изволилъ, ибо по много дарованнымъ побѣдамъ на землѣ, нынѣ и на морѣ вѣнчати благоволилъ . . . и какъ у насъ въ сію войну много, не только генераловъ, но и фельдмаршаловъ брато, а флагмановъ ни одинаго; и тако, сею, мню николи у насъ бывшею викторіею, васъ поздравляемъ»²⁾.

Въ дѣйствительности эта побѣда не была первой. Нѣсколько побѣдъ было одержано и въ Финскомъ заливѣ, и въ Балтійскомъ морѣ, и на Невѣ,—геройствомъ своимъ даже превосходившихъ Гангутскую побѣду. Но подъ Гангутомъ былъ взятъ не только отрядъ Эреншельда,—молчаливое отступленіе Ватранга съ главными силами свидѣтельствовало о большемъ!

Дѣло въ томъ, что съ самаго начала Сѣверной войны Петръ понималъ всѣ выгоды, предоставляемыя географическимъ положеніемъ мѣстности Балтійскаго театра и въ особенности сѣвернаго побережья Финскаго залива,—понялъ сразу то, что въ теченіе болѣе ста лѣтъ владѣнія не могли уяснить себѣ шведы.

Финляндія являлась житницей для всей Швеціи, представлявшей изъ себя могущественнѣйшую какъ по территоріи, такъ и по количеству постояннаго войска державу. Но вся Финляндія со стороны Финскаго и Ботническаго заливовъ изрѣзана шхерами, плаваніе въ которыхъ доступно только мелкосидящимъ судамъ³⁾ и въ высшей степени стѣснено для корабельнаго флота, который могъ пользоваться только нѣкоторыми гаванями (Бьерке, Гельсингфорсъ, Борго, Або). Основываясь на этомъ, Петръ предпринимаетъ

¹⁾ Князь кесарь—Ромодановскій. Во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ Ромодановскій исполнялъ роль государя, и Петръ въ письмахъ къ нему всегда называлъ его вашимъ величествомъ, подписываясь самъ своимъ чиномъ по арміи или флоту.

²⁾ Московск. архивъ мин. иностр. дѣлъ (дѣла к.г. Меншикова 1712 г., № 5).

³⁾ Наши галеры имѣли углубленіе не болѣе 4—5 футовъ.

съ самаго начала войны (1700 г.) усиленную постройку именно галеръ. Сначала на рѣкахъ Сяси, Свири, Лугѣ и Волховѣ, потомъ на озерахъ Чудскомъ, Онежскомъ, Ладожскомъ строятся струги, по типу очень близкіе къ галерамъ; затѣмъ начинается постройка галеръ и полугалеръ, въ особенности сосредоточенная на олонецкой верфи. Эта продуманная постепенность распоряженій Петра представляется для современнаго военнаго историка въ высшей степени гармоничной.

Когда число нашихъ галеръ достигаетъ внушительной цифры, Петръ предпринимаетъ походъ въ Финляндію 1712 года,—неудачный только потому, что наша флотилія опоздала выйти изъ Котлина, чтобы пройти въ шхеры, и была отрѣзана отъ финляндскаго побережья сильнѣйшимъ шведскимъ флотомъ.

Эта неудача или, вѣрнѣе, ошибка еще разъ показала Петру всю важность именно галернаго флота ¹⁾, такъ какъ безъ подвоза провіанта и боевыхъ припасовъ сухопутная армія не могла успѣшно дѣйствовать на берегу. И какъ бы триумфальнымъ завершеніемъ его тактической проницательности явилась кампанія 1713 года,—вѣрнѣе сказать, его побѣдное шествіе.

Только къ этому времени шведы замѣтили свою ошибку и тоже стали строить галеры, но они не были такъ подготовлены; Карлъ XII все еще находился въ Турціи, а въ шведской столицѣ были совершенно сбиты неудачами на всѣхъ театрахъ и обезсилены въ матеріальномъ отношеніи. Потому къ кампаніи 1714 года они смогли выставить ничтожное число своихъ галеръ противъ нашей грандіозной и опытной уже флотиліи.

Одной изъ главныхъ задачъ Великой Сѣверной войны было занятіе Финляндіи. Предыдущая кампанія 1713 г., давшая намъ, благодаря совмѣстнымъ дѣйствіямъ арміи и галернаго флота, три важнѣйшіе пункта Финскаго побережья: Борго, Гельсингфорсъ и Або,—все еще не укрѣпила въ Петрѣ сознанія того, что вся Финляндія уже занята нами. Правда, Петръ считалъ Або самымъ важнымъ пунктомъ на балтійскомъ театрѣ. «Понеже,—писалъ онъ,—сентенція нашего дѣла состоитъ въ томъ, чтобы сіе княжество (Финляндію) отъ непріятели отлучить, и не точію отлучить, но и укореняся по возможности въ ономъ и изъ онаго далѣе непріятелю досаждать, для чего удобнѣе всѣхъ мѣстъ представляется городъ Абовъ» ²⁾. И вмѣстѣ съ тѣмъ день взятія Або (28-го августа 1713 г.) прошелъ безъ всякихъ торжествъ. И даже больше,—занявъ почти

¹⁾ Идею о галерномъ флотѣ Петръ заимствовалъ до нѣкоторой степени отъ итальянскаго флота и для оборудованія и обученія команды Петръ выписалъ, черезъ нашего посла въ Константинополь Толстого, изъ Венеціи моряка графа Боциса, котораго и назначилъ шаутбенахтомъ галернаго флота. Подъ наблюденіемъ Боциса было построено въ Олонцѣ большинство нашихъ галеръ.

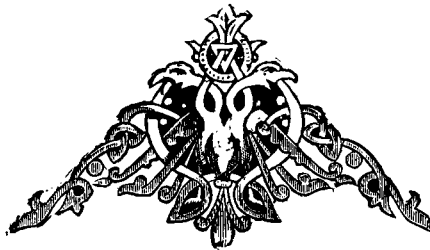
²⁾ Оч. Русск. Морск. Ист., ч. I, стр. 228.

безъ боя Або и забравъ оставшіеся тамъ непріятельскіе пушки и запасы, черезъ три дня мы отступили снова, не сдѣлавъ даже попытки къ сохраненію его за собой и укрѣпленію ¹⁾).

Дѣйствительно, Або имѣлъ весьма важное значеніе по своему стратегическому положенію, но, благодаря тому, что за нами еще не было обезпечено побережье между Або и Гельсингфорсомъ, онъ являлся для насъ отрѣзаннымъ пунктомъ и могъ очень легко быть снова занятымъ шведами, въ особенности благодаря тому, что Аландскія шхеры были мѣстомъ постояннаго базированія шведскаго флота.

Со времени Гангутской побѣды шведы окончательно лишились всѣхъ опорныхъ пунктовъ на побережьи Финскаго залива и вынуждены были допустить насъ даже до свободнаго занятія Аландскихъ шхеръ и всего Ботническаго залива,—вотъ почему Петръ такъ радовался этой побѣдѣ, и только съ этой точки зрѣнія можно и нужно дѣйствительно сопоставить значеніе Гангутской побѣды наравнѣ съ Полтавской.

Алексѣй Лебедевъ.

¹⁾ При выходѣ изъ Або Петръ приказалъ вывезти хранившуюся тамъ роскошную библіотеку мѣстнаго университета.

„КОРОЛЬ РИОМЫ“.

(Д. Д. Минаевъ и его литературная дѣятельность).

По поводу 25-лѣтія со дня его смерти 1889 г.—10 іюля—1914 г.

ВЪ ИСТОРИИ литературы нѣтъ темъ маловажныхъ и незначительныхъ, ибо то, что сегодня въ ней кажется не заслуживающимъ вниманія, завтра, наоборотъ, можетъ приобрѣсти огромную цѣнность. Мнѣніе, что «литературу дѣлаютъ» только писатели первой величины, давно уже устарѣло. Въ исторіи развитія русскаго художественнаго слова важны не только писатели первостепенные, но и такіе, которые написали! всего на всего нѣсколько стихотвореній или рассказовъ, какъ одинаково способствовавшіе развитію художественнаго языка и умноженію идейныхъ цѣнностей родного народа. Въ исторіи русской (да и вообще всякой) литературы нѣтъ скачковъ и не можетъ быть. Въ ней все идетъ путемъ постепеннаго развитія, и такія снѣговья вершины литературно-художественнаго слова, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, Толстой, Чеховъ, немислимы, вслѣдствіе этого, на плоской поверхности: онѣ неизбежно должны быть связаны другъ съ другомъ цѣлымъ рядомъ предгорій, горныхъ переходовъ, спусковъ и подъёмовъ. Такими промежуточными звеньями въ горной цѣпи снѣговыхъ вершинъ литературнаго творчества являются писатели и поэты болѣе мелкаго удѣльнаго вѣса, на долю которыхъ выпало быть или предтечами, или послѣдователями литературныхъ Мессій. Сравнительно еще недавно критика и исторія литературы обхо-

дила ихъ пренебрежительнымъ молчаніемъ, а теперь уже никто не думаетъ отрицать цѣлесообразность и пользу тщательнаго изученія ихъ жизни и творчества.

Къ числу такихъ, несправедливо обойденныхъ критикой и исторіей литературы писателей принадлежитъ и тотъ, чьей памяти посвящены эти строки. Я говорю о Дмитріи Дмитриевичѣ Минаевѣ, знаменитомъ «королѣ риомы», до сихъ поръ не превзойденномъ никѣмъ въ искусствѣ версификаціи. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія имя его гремѣло по всей Россіи, его стихотворенія, эпиграммы и экспромты передавались изъ устъ въ уста, переписывались и заучивались наизусть. Несмотря на то, что изъ всѣхъ видовъ литературной дѣятельности покойный «король риомы» выбралъ самую неблагодарную, самую недолговѣчную работу поэта-сатирика, отражающаго въ своихъ произведеніяхъ явленія текущаго момента,—такъ называемую «злобу дня»,—имя его до сихъ поръ хорошо, хотя и односторонне, извѣстно читающимъ кругамъ русскаго общества, и едва ли найдется въ средѣ любителей русскаго художественнаго слова человѣкъ, который не зналъ бы наизусть одну-двѣ его эпиграммы или одинъ его экспромтъ. Къ сожалѣнію, несмотря на значительный промежутокъ времени, отдѣляющій насъ отъ года смерти Минаева, до сихъ поръ еще нѣтъ болѣе или менѣе обстоятельнаго очерка его жизни и его литературной дѣятельности.

Настоящая статья имѣетъ цѣлью, хотя бы отчасти, пополнить этотъ существенный пробѣлъ въ исторіи русскаго литератора.

I.

Скудость биографическихъ свѣдѣній о Минаевѣ.—Краткая исторія рода Минаевыхъ.—Родители поэта.—Семейная атмосфера.—Г. Н. Потанинъ, первый учитель Д. Д. Минаева.—Примѣрный урокъ.—«Канальская арифметика».—Минаевъ въ роли критика своего отца.—Въ гимназіи и въ Дворянскомъ полку.

Когда я собиралъ матеріалы для настоящей статьи въ императорской публичной библиотекѣ, меня поразило слѣдующее обстоятельство. Я не нашелъ ни одного журнала, ни одной газеты,—даже изъ самой глухой провинціи,—которые такъ или иначе не отозвались бы на извѣстіе о смерти Д. Д. Минаева, настигшей его въ затеряншемся на берегу Волги Симбирскѣ. Очевидно, покойный поэтъ былъ хорошо извѣстенъ русской читающей публикѣ, произведенія его имѣли широкое распространеніе въ Россіи и интересъ къ нимъ и къ ихъ автору проявляли не только единомышленники поэта, но и люди, убѣжденія которыхъ были діаметрально противоположны его взглядамъ и сужденіямъ. Но я невольно обратилъ вниманіе и на то, что столичная и провинціальная пресса отнеслись къ покойному поэту неодинаково: въ то время, какъ про-

винціальныя газеты, и въ особенности газеты родного Д. Д. Минаеву Поволжья, помѣстили послѣ его смерти обширные некрологи и рядъ цѣнныхъ для біографіи поэта статей, характеризующихъ Д. Д., какъ поэта и человѣка,—столичныя газеты почтили своего покойнаго собрата и неутомимаго поборника свѣтлыхъ идей 60-хъ годовъ напечатаніемъ жиденскихъ некрологовъ, съ неправильными къ тому же датами и фактами, и нѣсколькихъ анекдотовъ, изъ которыхъ можно узнать, что покойный былъ неисправимый весельчакъ, остроумный каламбуристъ, интересный собесѣдникъ, незаурядный любитель выпить и поѣсть и... только ¹⁾. Оставляя въ сторонѣ объясненіе такого отношенія столичной прессы къ памяти Д. Д. Минаева, біографъ его долженъ сказать, что, благодаря этому обстоятельству, біографическія свѣдѣнія о жизни покойнаго поэта въ Петербургѣ, когда его литературная слава достигла своего апогея,—скудны и отрывочны, тогда какъ первые годы его жизни и послѣдній пріѣздъ его на родину, въ Симбирскъ, освѣщены провинціальною печатью въ достаточной мѣрѣ подробно и послѣдовательно. Недостаточность свѣдѣній о петербургскомъ періодѣ жизни поэта мнѣ удалось отчасти пополнить путемъ переписки и личныхъ разговоровъ съ лицами, близко знавшими Дмитрія Дмитриевича при жизни, и, тѣмъ не менѣе, многія обстоятельства жизни поэта въ Петербургѣ остаются еще не выясненными.

Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію біографическихъ свѣдѣній о Минаевѣ, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о его родѣ. Родъ Минаевыхъ не отличается большой стариной, и въ настоящее время мужская линия его уже прекратилась. Свѣдѣнія о родѣ Минаевыхъ, сохранившіяся въ Симбирскѣ, не идутъ выше дѣда покойнаго поэта-сатирика, стараго екатерининскаго ветерана, проживавшаго въ Симбирскѣ въ отставкѣ. По собраннымъ мною даннымъ, дѣдъ Дмитрія Дмитриевича—Иванъ Матвѣевичъ—былъ бѣдный симбирскій дворянинъ, служилъ секретаремъ въ дворянскомъ депутатскомъ собраніи и, будучи любимцемъ извѣстнаго въ свое время въ Симбирскѣ губернскаго предводителя дворянства, кн. М. П. Баратаева, увѣковѣченнаго И. А. Гончаровымъ въ «Воспоминаніяхъ»,—жилъ безбѣдно. Жена его, Ирина Ивановна, была дочь купца Карташова, богатаго симбирскаго садовода. Отъ этого брака родился отецъ поэта-сатирика, Дмитрій Ивановичъ, тоже поэтъ. Онъ былъ женатъ на симбирской дворянкѣ, Елизаветѣ Вакховнѣ Зимнинской, дочери Вакха Борисовича Зимнинскаго, изъ древней дворянской фамилии. У нихъ были дѣти: Дмитрій, Елиза-

¹⁾ Исключеніе составило только «Новое Время», помѣстившее обширный фельетонъ В. П. Буренина, посвященный покойному «королю рюмы». Всѣ цитаты съ указаніемъ имени В. П. Буренина будутъ приводиться мною ниже изъ этого фельетона,
Н. Д.

вета и Вячеславъ. Послѣдній былъ очень болѣзненный и умеръ вскорѣ по окончаніи симбирской гимназіи. Сестра Дмитрія Дмитриевича, Елизавета Дмитриевна, была замужемъ за Николаемъ Евстафьевичемъ Симаковымъ, извѣстнымъ художникомъ-акварелистомъ, авторомъ книгъ «Искусство Средней Азіи» и «Русскій орнаментъ въ старинныхъ образцахъ» (ум. въ 1886 году). Самъ Дмитрій Дмитриевичъ былъ женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Поповой, изъ состоятельной помѣщичьей семьи, родомъ изъ Курской губерніи. У нихъ было пятеро дѣтей: Дмитрій, Екатерина, Варвара, Ростиславъ и Борисъ. Всѣ они померли. Въ настоящее время единственнымъ представителемъ рода Минаевыхъ является дочь Екатерины Дмитриевны Минаевой (по мужу Отто), внучка поэта-сатирика, Екатерина Павловна Отто.

Отецъ Дмитрія Дмитриевича, Дмитрій Ивановичъ Минаевъ, былъ для своего времени, а тѣмъ болѣе для провинціи того времени, личностью исключительною. Окончивъ симбирскую гимназію, онъ поступилъ на военную службу и большую часть жизни провелъ въ разъѣздахъ, лишь время отъ времени «осаживаясь» въ своемъ родовомъ домѣ въ Симбирскѣ. Постоянные переѣзды съ мѣста на мѣсто, встрѣчи съ разными людьми различныхъ положеній и неустанное чтеніе развили у него наблюдательность, умѣнье схватывать въ людяхъ самое характерное и навыкъ правильно излагать свои мысли. Въ тѣ времена рѣдкій изъ образованныхъ людей не пробовалъ «грѣшнить» стихами или прозой. Поэтому немудрено, что Д. И. Минаевъ попытался испробовать свои силы на литературномъ поприщѣ. Опытъ оказался удачнымъ: по крайней мѣрѣ, критика замѣтила его произведенія и нашла въ нихъ «искры рѣзкаго таланта, который со временемъ можетъ развиться пышнымъ цвѣтомъ и красоваться на нераскошныхъ поляхъ нашей литературы»¹⁾. Даже Бѣлинскій, —самъ великій Бѣлинскій,—нашелъ въ первыхъ напечатанныхъ стихотвореніяхъ Д. И. Минаева «если не талантъ, то что-то похожее на талантъ, борющійся съ фразерствомъ», а въ одномъ изъ стихотвореній:—«Ивановъ цвѣтъ»—«рѣшительный талантъ, хотя еще и не совсѣмъ овладѣвшій собою». Успѣхъ первыхъ опытовъ побудилъ Д. И. Минаева къ продолженію литературныхъ занятій, но дальнѣйшіе его труды проходили по большей части не замѣченными критикой, и только стихотворный переводъ его «Слова о полку Игоревѣ» привлекъ къ нему опять вниманіе публики и вызвалъ похвалы большинства тогдашнихъ журналовъ. Бѣлинскій на этотъ разъ отнесся не такъ благосклонно къ труду ободреннаго имъ поэта и назвалъ его произведеніе «довольно бойкими стихами», прибавивъ къ этому, «что они еще

¹⁾ «Отечественныя Записки», 1839 г., т. III, отд. VII, стр. 3.

столько же фразисты, сколько и восторженны, и что въ нихъ больше риторики, нежели поэзіи».

У себя на родинѣ, въ Симбирскѣ Д. И. Минаевъ пользовался общей любовью, какъ радушный хозяинъ-хлѣбосоль, и общимъ почетомъ, какъ литераторъ. Вотъ, на примѣръ, рассказъ извѣстнаго впоследствии журналиста Гавр. Ник. Потанина объ отношеніи его къ произведеніямъ Д. И. Минаева: «Съ почтеннымъ и весьма замѣчательнымъ въ свое время отцомъ Минаева (тоже поэтомъ) я былъ знакомъ почти съ дѣтства. Какъ пылкій гимназистъ, я любилъ его стихи и съ особеннымъ увлеченіемъ читалъ его величавыя поэмы «Потопъ» и «Моисей». Помню, съ какимъ стараніемъ переписывалъ ихъ набѣло, когда они готовились къ печати; помню, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ ихъ выхода въ печати и, наконецъ, еще ярче я помню тотъ моментъ, когда веселый Минаевъ подалъ мнѣ книгу «Библиотеки» Сенковского, раскрылъ страницу и молча указалъ, гдѣ они были напечатаны. Я пришелъ въ такой восторгъ, что въ эту минуту забылъ всѣ общественныя приличія и бросился моего полковника цѣловать...¹⁾».

Если ко всему сказанному мнѣ о Д. И. Минаевѣ прибавить, что онъ страстно любилъ книги и картины, самъ былъ недурнымъ художникомъ, хорошо и увлекательно говорилъ и тонко чувствовалъ красоты природы, то главныя черты его духовнаго облика будутъ исчерпаны вполне. На книги и картины Д. И. Минаевъ не жалѣлъ средствъ. Нерѣдко ради пріобрѣтенія ихъ онъ отказывалъ себѣ въ необходимомъ. Любя, какъ всякій истый волжанинъ, родную Волгу—источникъ своихъ вдохновеній, онъ при своихъ скудныхъ средствахъ заказалъ извѣстнѣйшему тогда пейзажисту Лагорио двѣ большія и дорогія картины со своей любимицы и берегъ ихъ, какъ зѣницу ока. Похоронить себя онъ завѣщалъ не въ дворянской усыпальницѣ—Покровскомъ монастырѣ, а на берегу Волги, на старомъ заброшенномъ Духовскомъ кладбищѣ, затопяемомъ весеннимъ половодьемъ. Своихъ дѣтей Минаевъ любилъ горячо и звалъ ихъ не иначе, какъ «мои красныя дѣтки».

Не менѣе привлекательными чертами обрисована въ воспоминаніяхъ современниковъ и мать будущаго поэта-сатирика. По словамъ Г. Н. Потанина, Елизавета Вакховна была «женщина высокообразованная по тому времени». Она прекрасно знала иностранные языки и прочла много серьезныхъ ученыхъ книгъ. Говорила пространно и цвѣтисто, причемъ «складъ ея рѣчи все-таки былъ милъ». вмѣстѣ съ преподавателемъ симбирской гимназіи Н. А. Гончаровымъ—братомъ творца «Обломова»—она была первымъ по-

¹⁾ Изъ рѣчи Г. Н. Потанина на могилѣ Д. Д. Минаева при открытіи на ней памятника 21 іюня 1899 г. Рѣчь эта напечатана въ «Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1899 г. (№ 47). Всѣ послѣдующія цитаты съ указаніемъ имени Г. Н. Потанина взяты также изъ нея, Н. Д.

мощникомъ своему мужу въ его переводахъ съ иностранныхъ языковъ. Кромѣ того, она прекрасно знала хозяйство и превосходно выполняла всѣ изящныя женскія работы. Она была брюнетка, хороша собой, и маленькій Митя былъ удивительно похожъ на мать: «красавецъ-ребенокъ», говорить про него Г. Н. Потанинъ.

Будущій знаменитый «король риёмы» родился въ Симбирскѣ 21 октября 1835 года, то есть за четыре года до того, какъ его отецъ началъ печататься, а потому можно предположить, что онъ съ самаго ранняго возраста жилъ въ атмосферѣ литературно-художественныхъ интересовъ отца и матери. Г. Н. Потанинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Д. Д. Минаевѣ даетъ представленіе о семейной обстановкѣ, окружавшей будущаго поэта въ дѣтствѣ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Родной домъ Дмитрія Дмитріевича былъ обставленъ хорошо. Отецъ его былъ не только поэтъ, но и истинный художникъ въ душѣ: у него было много хорошихъ картинъ, большею частью того волшебнаго, мистическаго міра, который былъ тогда въ ходу. Помню русалокъ, пляшущихъ въ Днѣпрѣ около луннаго луча, блуждающіе огни на болотѣ, Иванову ночь съ цвѣтомъ папоротника и особенно тотъ замѣчательный транспарантъ, который отецъ Мити готовилъ къ нашему большому празднику, къ открытію памятника Карамзину, въ 44 году. Эта большая картина тогда сильно занимала полковника: онъ самъ ее сочинялъ и самъ выполнялъ. На переднемъ планѣ былъ изображенъ лѣтописецъ Несторъ, поднимающій темную, густую занавѣсъ и показывающій въ яркомъ свѣтѣ нашу родную Русь. «Это—нашъ Карамзинъ»,—объяснилъ мнѣ Дмитрій Ивановичъ, указывая на Нестора. А маленькій Митя все это видѣлъ, слышалъ и неутомимо за всѣмъ слѣдилъ. Понятно безъ словъ, какое сильное впечатлѣніе съ самаго младенчества производили на чуткаго ребенка всѣ эти картины, стихи, книги и горячія объясненія родного отца!»

Чтенію и письму будущій поэтъ выучился довольно рано у своего отца. Дальнѣйшее же первоначальное образованіе вмѣстѣ со своей сестрой-погодкомъ продолжалъ подъ руководствомъ Г. Н. Потанина, бывшаго въ то время воспитанникомъ старшихъ классовъ симбирской гимназіи. Гавріилъ Никитичъ Потанинъ (род. 1823 г., ум. 1910 г.) сотрудничалъ впослѣдствіи въ некрасовскомъ «Современникѣ», гдѣ напечаталъ романъ «Старое старится, молодое растетъ», за который современная ему критика назвала его «русскимъ Диккенсомъ», а потомъ въ «Русскомъ Словѣ» и «Бесѣдѣ»¹⁾. Приблизительно въ то же время, когда онъ сталъ обучать «Митю Минаева», онъ давалъ уроки дѣтямъ сестры И. А. Гончарова, А. А.

¹⁾ Постояннымъ читателямъ «Историческаго Вѣстника» имя Г. Н. Потанина знакомо по его статьѣ: «Воспоминанія объ И. А. Гончаровѣ» («Ист. Вѣстн.», 1903 г., кн. 4, стр. 99—125). Болѣе подробныя свѣдѣнія о Г. Н. Потанинѣ можно найти въ статьѣ И. П. Ювачева, помѣщенной въ «Ист. Вѣстн.» за 1911 г. Н. Д.

Кирмаловой, которыя, по мѣстному преданію, послужили творцу «Обрыва» прототипами Вѣры и Марейныки.

Въ воспоминаніяхъ Г. Н. Потанина сохранилось нѣсколько сценокъ, ярко рисующихъ характеръ ученическихъ занятій Мишаева-ребенка. Вотъ, на примѣръ, одна сценка, по которой можно судить о характерѣ будущаго поэта-сатирика въ дѣтствѣ и о томъ, что наиболѣе привлекало его въ наукахъ. «Митя былъ любимецъ маменьки,—говоритъ Г. Н. Потанинъ,—балованное дитяtko, самый неуемный шалунъ и... отчаянный школяръ. Часто среди самаго занимательнаго урока онъ вдругъ неожиданно выкинетъ такой фарсъ: толкнетъ ногой подъ столомъ сестренку, съ удивленіемъ посмотреть на меня и еще смѣло спроситъ: «Что это, господинъ учитель, Лиза совсѣмъ не даетъ мнѣ заниматься?!» А милая Лиза въ это время водить пальчикомъ по азбукѣ и вычитываетъ свои трехсложныя слова: «чер-вя-ки, му-щи-ны, жу-рав-ли, гу-са-ры», или скромно улыбнется и тихо скажетъ: «Митя, не шали!» Но, несмотря на всѣ такія выходки, Митя былъ забавный, привлекательный, или, лучше сказать, «обаятельный» мальчикъ, такъ что я невольно поддавался его очарованію, много прощалъ и, въ концѣ концовъ, ученика моего страстно полюбилъ. Къ тому же онъ былъ еще не по лѣтамъ уменъ, смѣтливъ и тактиченъ. Если онъ видѣлъ, что учитель сердитъ и, пожалуй, будетъ жаловаться отцу,—онъ удивительно ловко умѣлъ уладить это дѣло.—«А вы напрасно на меня сердитесь,—начинаетъ онъ ласково.—Что же я сдѣлалъ? Я никого не обидѣлъ; просто—пошалилъ».—«Да какъ же «просто»? Развѣ можно шалить въ классѣ? Вы знаете, что такое—классъ?»—И учитель начинаетъ пѣтушиться, какъ обыкновенно пѣтушатся всѣ учителя, объясняя святость класса, величіе какого-нибудь *gerundium*, греческихъ аористовъ и т. д. Митя все это слушаетъ и даже согласится съ учителемъ, но въ концѣ прибавитъ оправданіе свое: «Знаю все это, знаю, господинъ учитель, что въ классѣ шалить нельзя, да вѣдь я... не вытерпѣлъ!» И въ то же время сдѣлаетъ такую умиленную рожницу, что мнѣ остается только отвернуться, улыбнуться и замолчать. И при этомъ онъ, вѣрно, любилъ своего строгаго учителя: никогда не встрѣчалъ онъ меня съ той кислой миной, какъ обыкновенно встрѣчаютъ дѣти своихъ учителей, которые ежедневно такъ назойливо надоѣдаютъ имъ, какъ горькая рѣдька. Всегда веселый и живой, онъ рѣзво бѣжитъ за сестрой въ дѣтскую и громко кричитъ: «Иди, Лиза: учитель пришелъ!» Выходитъ скромная Лиза, дѣлаетъ реверансъ и благочинно садится за урокъ, а Митя, какъ ртуть, начинаетъ болтать свои исторіи—священную, російскую, естественную, или заведетъ длинную бесѣду со мной, и, если попадется предметъ живой, который особенно заинтересуетъ его, тогда ужъ вопросамъ Мити не было конца...

«Были у него свои излюбленные предметы: зналъ онъ много стиховъ, чутко ихъ понималъ и временами силится такъ же тор-

жественно читать ихъ, какъ читаль его отецъ; любилъ онъ до страсти,—не знаю, почему,—миѳологію и зналь почти всѣхъ греческихъ боговъ... Но былъ у Мити одинъ и нелюбимый предметъ: канальская ариѳметика никакъ не давалась намъ съ Митей; такъ и по личику его всегда было видно, что онъ хочеть сказать: «Да что пустое читать, когда здѣсь нѣтъ ни яблоковъ, ни орѣховъ, ни конфетъ?» Да, и вообще говоря, нашъ курсъ ученія съ Митей былъ вольнолюбивый курсъ: отецъ, какъ поэтъ, не взыскиваль строго успѣхи и неуспѣхи съ сына, а маменька сильно боялась, чтобъ учитель не замучилъ уроками ея любимца. Такъ и учились мы, точно гуляли»...

Нерѣдко случалось, что и весь урокъ Г. Н. Потанина съ дѣтьми Д. И. Минаева «проскакиваль мимо». Въ то время Минаевъ-отецъ занятъ былъ переводомъ «Слова о полку Игоревѣ», лучшаго своего произведенія, благодаря которому онъ навсегда вошелъ въ пантеонъ русской литературы. «Случалось частенько,—говорить Г. Н. Потанинъ,—что онъ встрѣчалъ меня на крыльцѣ, веселый и довольный: это значить, онъ въ это утро перевелъ что-нибудь удачно. И вотъ въ это время онъ совсѣмъ забываетъ, что я, прозаикъ, пришелъ учить его дѣтей, торжественно и почти повелительно говорить: «Садитесь и слушайте!» И тутъ же беретъ со стола исписанные листы и начинаетъ «безконечно» читать свои стихи. Читаль онъ громко, торжественно, баритономъ, какъ у насъ тогда читаль только одинъ Гнѣдичъ свою «Иліаду». А Митя, вмѣсто противной ариѳметики, тутъ же прижметъ къ отцу, сидить, слушаетъ, часто въ восторгѣ кричить: «Хорошо!» или, указывая въ бумагу отцу, прибавить: «А это мѣсто, папа, очень хорошо!» Этотъ рассказъ Г. Н. Потанина показываетъ, что у будущаго «короля риомы» очень рано образовалось тонкое пониманіе красотъ поэзіи тѣмъ болѣе, что въ поэмѣ Минаева-отца встрѣчаются мѣста, дѣйствительно обвѣянные поэзіей, проникнутой духомъ стародавняго былиннаго эпоса. Вотъ, напримѣръ, стихотворная фантазія забытаго переводчика «Слова о полку Игоревѣ», написанная на слова первой русской поэмы: «Соловіи веселыми пѣснями свѣтъ повѣдаютъ»:

Вотъ межъ чащею, подъ ракитникомъ
 Луговой пѣвецъ просыпается:
 Шелкнулъ, свистнулъ, рассыпался,
 Разошелся по воздуху
 Серебристыми звеньями,
 Загремѣлъ перекатами,
 Застоналъ перекликами,
 Разлился звонкимъ голосомъ
 По всему по поднебесью.
 Его слушала, зарумянившись
 Подъ фатой своей, браной золотомъ,
 Съ неба синяго заря майская.

Г. Н. Потанинъ занимался съ «Митей Минаевымъ» года три или четыре и, по собственному признанію, «съ горькой слезой» разстался со своимъ ученикомъ, когда кончилъ курсъ въ гимназіи и былъ опредѣленъ на службу въ Самару.

Въ 1847 году Д. И. Минаевъ былъ прикомандированъ къ провіантскому департаменту, а въ апрѣлѣ того же года назначенъ смотрителемъ измайловскаго провіантскаго магазина въ Петербургѣ, куда онъ и переселился съ семействомъ, въ томъ числѣ и съ одиннадцатилѣтнимъ Митей. Получивъ необходимую домашнюю подготовку, будущій поэтъ-сатирикъ былъ опредѣленъ родителями въ Дворянскій полкъ—военно-учебное заведеніе, существовавшее съ 1807 по 1859 годъ для дворянъ, желавшихъ поступить на военную службу. По всей вѣроятности, онъ обучался здѣсь «чему-нибудь и какъ-нибудь», потому что поверхностность полученнаго имъ образованія сильно вредила впоследствии его произведеніямъ со стороны ихъ внутренняго содержанія, и только природный умъ и необыкновенное писательское чутье выручали его и наводили на правильный путь. Вообще же о пребываніи Минаева въ полку извѣстно только то, что здѣсь онъ впервые началъ «сочинять стихи», но эти первые опыты минаевской музыки не дошли до насъ, а потому о нихъ говорить не приходится.

Пробывъ въ Дворянскомъ полку опредѣленное число лѣтъ, Минаевъ былъ выпущенъ оттуда въ 1852 году, съ чиномъ XIV класса.

II.

На службѣ.—Производство «за хорошій почеркъ».—Первые шаги на литературномъ поприщѣ.—«Искра» В. С. Курочкина и Н. А. Степанова.—Ея значеніе и популярность.—Д. Д. Минаевъ—сотрудникъ «Искры».—Первая книга: «Перепѣвы, стих. Обличительнаго поэта».—Отзывъ о ней Н. А. Добролюбова.—«Исайя живъ, и живъ Іеремія»—Разсказъ Г. Н. Потанина о встрѣчѣ съ Минаевымъ.—«Максимъ Максимичь» и «Печоринъ» 60-хъ годовъ.

Въ то время неслужащій дворянинъ былъ чѣмъ-то вродѣ бѣлаго ворона, и Минаевъ не составилъ исключенія среди своего сословія: онъ поступилъ на службу. По всей вѣроятности, на выборъ Минаевымъ рода службы немалое вліяніе оказало вліяніе приближающейся новой эпохи, когда лучшая часть русскаго общества охвачена была страстнымъ желаніемъ «работать на пользу общую»,—эпохи, которую впоследствии одинъ изъ историковъ русской литературы весьма мѣтко назвалъ «медовымъ мѣсяцемъ русскаго прогресса»: по крайней мѣрѣ, окончивъ военно-учебное заведеніе, Минаевъ поступилъ почему-то не на военную, а на гражданскую службу. Однако на службѣ Минаевъ пробылъ всего на всего около пяти лѣтъ. Его кипучая, не мирившаяся ни съ какими ограничивающими ее рамками натура не смогла вынести однообразія размѣ-

ренно-монотонной жизни чиновника: прослуживъ около двухъ лѣтъ въ симбирской казенной палатѣ, Минаевъ вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ, гдѣ вскорѣ поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ земскій отдѣлъ по крестьянскому вопросу, въ которомъ пробылъ до половины 1857 года. Выйдя

Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ.

въ этомъ году въ отставку, онъ окончательно поселился въ Петербургѣ и посвятилъ себя исключительно литературной дѣятельности.

По словамъ Е. А. Минаевой, ея супругъ во время службы въ Петербургѣ получилъ производство въ слѣдующій чинъ внѣ очереди за... хорошій почеркъ, что давало Дмитрію Дмитріевичу право шутя говорить своимъ коллегамъ, что онъ получилъ чинъ не за выслугу лѣтъ и не за чиновничьи добродѣтели—«умѣренность и аккуратность»,—а за... дѣйствительныя заслуги.

Можно думать, что, плохо обеспеченный матеріально, Минаевъ бросивъ службу, первое время значительно нуждался, такъ какъ

началъ литературную работу въ такихъ сравнительно скромныхъ изданіяхъ, какъ «Иллюстрація», «Русскій Міръ», «Сынъ Отечества» и «Общезанимательный Вѣстникъ». Но его недюжинный талантъ, блестящій стихъ, необыкновенная отзывчивость на злобы текущаго дня очень скоро выдвинули его изъ ряда скромныхъ незамѣтныхъ «начинающихъ» и сдѣлали его имя однимъ изъ популярнѣйшихъ. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то, что, когда черезъ годъ послѣ того, какъ Минаевъ бросилъ службу, В. С. Курочкинъ сталъ издавать популярнѣйшій изъ журналовъ 60-хъ гг.—«Искру», Минаевъ былъ приглашенъ въ составъ сотрудниковъ ея однимъ изъ первыхъ. Такъ какъ литературная дѣятельность Минаева, какъ поэта-сатирика, наиболѣе тѣсно связана съ этимъ журналомъ, то о немъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

«Искра» появилась въ 1859 году и, благодаря своему беспощадно-обличительному направленію, сразу заняла едва ли не самое видное мѣсто въ текущей журналистикѣ и сыграла историческую роль въ движеніи нашего прогресса. Создателями ея были: талантливый переводчикъ Беранже Василій Степановичъ Курочкинъ и Николай Александровичъ Степановъ, рисовавшій ранѣе карикатуры для альбома Беггрова и пробовавшій издавать карикатурные листки «Наши Знакомые». Эти талантливые люди сумѣли сгруппировать вокругъ себя даровитыхъ веселыхъ сотрудниковъ, и журналъ сразу поразилъ тогдашнее общество блескомъ остроумія, безконечнымъ весельемъ и смѣлостью. Въ журналѣ принимали участіе: П. И. Вейнбергъ, Д. Д. Минаевъ, Л. А. Мей, А. М. Жемчужниковъ, П. В. Шумахеръ, В. П. Буренинъ, И. В. Омудевскій (Федоровъ), Н. А. Лейкинъ, Г. И. Успенскій, а для приданія ему характера серьезнаго органа время отъ времени печаталъ свои фельетоны извѣстный критикъ того времени, сотрудникъ «Современника», Г. З. Елисеевъ.

Характеръ «Искры» былъ ярко обличительный. Объектомъ нападокъ являлись чиновники-взяточники, откупщики, казнокрады, затѣмъ сатира направлялась на современные литературныя явленія и, наконецъ, на злобы дня. «Не прошло двухъ-трехъ лѣтъ послѣ начала изданія,—говоритъ покойный А. М. Скабичевскій,—какъ «Искра» была въ числѣ первыхъ органовъ прессы въ Россіи. Она расходилась по всѣмъ городамъ, число подписчиковъ «Искры» въ счастливую пору ея существованія превышало 10.000; кромѣ того, при каждомъ обличеніи провинціального скандала масса экземпляровъ выписывалась городомъ, въ которомъ происходилъ скандалъ. «Искра» сдѣлалась грозой для всѣхъ, у кого совѣсть была нечиста, и «попасть въ «Искру», «упечь въ «Искру»—были самыми обыденными выраженіями въ жизни шестидесятыхъ годовъ. Не было ни одного крупнаго или мелкаго безобразія общественной или литературной жизни, которое не имѣло бы мѣста на страни-

пахъ «Искры» въ игривыхъ, полныхъ необузданнаго остроумія куплетахъ, пародіяхъ или въ прозѣ, исполненной убійственныхъ сарказмовъ; не существовало такой пошлости, которая не была бы представлена во всемъ безобразіи, и не было такого подлеца, который не увидалъ бы въ одинъ прекрасный день своей фізіономіи въ ряду карикатуръ «Искры» съ полной подписью всѣхъ нравственныхъ качествъ»...

Насколько велика была популярность «Искры» въ различныхъ слояхъ общества, можно отчасти судить по стихотворенію «Прогрессъ», напечатанному въ журналѣ Блокка «Гудокъ», въ которомъ погибающій,—за недостаткомъ средствъ и, какъ потомъ объяснилъ издатель, «за негодностью своихъ сотрудниковъ»,—журналъ весело отмѣтилъ внезапный успѣхъ только что основанной «Искры». Вотъ это стихотвореніе:

Кухаркѣ баринъ приказалъ,
 Чтобъ кушать подала скорѣй,—
 Кухарка кушать не несетъ:
 Читаетъ гдѣ-то «Искру».

Тогда мальчишку онъ послалъ,
 Чтобы кухарку онъ позвалъ,—
 Кухарка кушать не несетъ,
 Ее мальчишка не зоветъ:
 Читаетъ вмѣстѣ «Искру».

Лакею баринъ приказалъ,
 Чтобъ, гдѣ они, тотчасъ узналъ,—
 Кухарка кушать не несетъ,
 Ее мальчишка не зоветъ,
 Лакей на нихъ и не глядитъ:
 Читаетъ вмѣстѣ «Искру».

Вотъ баринъ кучера послалъ,
 Чтобъ всѣхъ троихъ онъ оттащаль,—
 Кухарка кушать не несетъ,
 Ее мальчишка не зоветъ,
 Лакей и ухомъ не ведетъ,
 Забылся кучеръ—ихъ не бьетъ:
 Читаетъ вмѣстѣ «Искру».

Вотъ баринъ чорта къ нимъ послалъ,
 Чтобы хоть онъ ихъ всѣхъ побралъ,—
 Кухарка кушать не несетъ,
 Ее мальчишка не зоветъ,
 Лакей и ухомъ не ведетъ,
 Забылся кучеръ—ихъ не бьетъ,
 И даже чортъ-то не беретъ:
 Читаетъ вмѣстѣ «Искру».

Отправился и баринъ самъ
 Въ трактиръ, чтобъ пообѣдать тамъ,—
 Кухарка кушать не несетъ,
 Ее мальчишка не зоветъ,
 Лакей и ухомъ не ведетъ,

Забылся кучеръ—ихъ не бьетъ,
И даже чортъ-то не беретъ.
Самъ баринъ и не ѣстъ, не пьетъ:
Какъ всѣ,—читаетъ «Искру».

Самыя талантливыя, остроумныя и безпощадно-злыя строки въ «Искрѣ» принадлежали самому издателю, который трудился неутомимо: писалъ куплеты, пародіи, передовыя и обличительныя статьи, изобрѣталъ карикатуры для исполненія ихъ художниками и такъ далѣе. Наиболѣе талантливымъ соперникомъ его на поприщѣ легкой сатиры являлся Д. Д. Минаевъ. Не было ни одного факта общественно-литературной жизни, котораго бы онъ не зафиксировалъ на страницахъ «Искры» въ своихъ виртуозныхъ по структурѣ и версификаціи стихотвореніяхъ. Отсутствие пока даже всякой попытки изданія полного собранія юмористическихъ стихотвореній Минаева, отражающихъ почти всѣ безъ исключенія явленія литературнаго и общественнаго дня съ 1858 по конецъ восьмидесятыхъ годовъ,—представляетъ достойный сожалѣнія фактъ.

Литературная дѣятельность молодого поэта-сатирика была такъ плодотворна, что въ томъ же 1859 году онъ имѣлъ уже возможность выпустить первый томикъ своихъ стихотвореній. Самое названіе этой первой книги Минаева—«Переѣзды, стихотворенія Обличительнаго поэта»—показываетъ, что большую часть ея составляли пародіи на современныхъ поэтовъ. Дѣйствительно, въ «Переѣздахъ» Минаевъ собралъ свои печатавшіяся въ различныхъ журналахъ пародіи: и на обвѣянный духомъ античной Эллады стихотворенія Щербины, и на его «Пѣсни о природѣ», и на «Еврейскія мелодіи» Мея, и на философскія стихотворенія-размышленія Огарева, и на римскіе очерки Майкова. Но больше всего удѣлено было Минаевымъ вниманія въ этой книгѣ Фету—этому тонкому, проникновенному лирику, такъ некстати зарекомендовавшему себя въ «медовый мѣсяцъ русскаго прогресса» завзятымъ крѣпостникомъ. Вотъ одна изъ многочисленныхъ пародій Минаева на Фета, въ которой онъ остроумно соединилъ полныя красоты строфы изъ извѣстнаго стихотворенія Фета съ изображеніемъ его крѣпостническаго сredo:

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало,
 Что Семень работникъ съ Фетомъ
 Не поладилъ, какъ бывало...
Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся, каждой вѣткой,
 Что ехидно улыбнулся
 Мнѣ мой кучеръ за бесѣдкой...
Разсказать, что съ той же страстью,
Какъ вчера, пришелъ я снова,
 Что хозяйственною властью
 Закрѣпить готовъ я слово...

Разсказать, что отовсюду
 На меня весельемъ вѣтъ,
 Если въ кухнѣ бить посуду
 Судомойка не посмѣтъ....

Критика встрѣтила первую книгу Минаева въ общемъ тепло и радушно. Одинъ только Добролюбовъ, разсматривавшій всѣ произведенія съ точки зрѣнія ихъ общественной полезности, отнесся къ ней довольно сдержанно, посвятивъ ей тѣмъ не менѣе обширную рецензію ¹⁾. Отмѣчая, что за послѣднее время пародія стала излюбленной формой литературной сатиры, строгій критикъ-пуританинъ высказывалъ, между прочимъ, въ рецензіи о «Перепѣвахъ» мысли, съ которыми едва ли согласятся теперь даже самые рьяные общественники изъ россійскихъ Аристарховъ. «Мы читали много пародій,—писалъ по поводу «Перепѣвовъ» Добролюбовъ,—въ которыхъ, вмѣсто возвышенныхъ предметовъ, трактуемыхъ поэтомъ, представляются предметы житейскіе, и затѣмъ идетъ весьма близкое подражаніе. Напримѣръ, вмѣсто «Цвѣтокъ засохшій, безуханный», читаемъ: «ременный кнутъ безуханный»; вмѣсто «Скажи мнѣ, вѣтка Палестины»,—«Скажи мнѣ, ветхая бумажка» и затѣмъ пародія перебираетъ, что могло случиться съ кнутомъ и съ сивенькой бумажкой, въ чьихъ рукахъ они были, кого сѣкъ кнутъ и какія гадости покупались бумажкой. Это, конечно, забавно само по себѣ и въ то же время справедливо опошляетъ тѣ quasi-высокія, а въ самомъ дѣлѣ ребяческія и смѣшныя мечты, которыя посвящены поэтами цвѣтку безуханному и вѣткѣ. Но подобнаго рода пародіи хороши именно только тогда, когда онѣ, во-первыхъ, обращены на стихотвореніе, имѣющее большую извѣстность, и, во-вторыхъ, когда само содержаніе пародіи забавно. Если же авторъ пародіи выбираетъ себѣ на жертву какое-нибудь изъ незначительныхъ произведеній незначительнаго поэта и основываетъ весь смыслъ своей пародіи на незначительной утрировкѣ мысли подлинника, то мы не понимаемъ цѣли и смысла подобной работы». А такъ какъ незначительными поэтами, по мнѣнію Добролюбова, были всѣ «жрецы чистаго искусства», чуждые бряцанія на лирѣ общественныхъ мотивовъ, а «Перепѣвы» какъ разъ пародировали преимущественно именно этихъ «жрецовъ»,—то Добролюбовъ совершенно не видѣлъ никакого значенія въ пародіяхъ «Перепѣвовъ». «Мѣсяца три тому назадъ,—писалъ онъ въ рецензіи,—въ нѣсколькихъ журналахъ разомъ появились «весенніе звуки», «весеннія ночи» и «весеннія мечты», кажется. Все это было очень тепло, живописно, мило, словомъ—художественно; но мы нѣсколько разъ заставляли чтеніе этихъ стиховъ у нашихъ

¹⁾ «Современникъ» 1860 г., кн. 8. Въ сойкинскомъ изданіи соч. Н. А. Добролюбова (СПб. 1912),—т. 3, стр. 283—290.

знакомыхъ, сопровождаемое такимъ смѣхомъ, съ какимъ едва ли прочтутся «Перепѣвы» Обличительнаго поэта». Короче говоря, по мнѣнію Добролюбова, Обличительному поэту не стоило писать пародій на стихотворенія поклонниковъ «искусства для искусства», которыя сами по себѣ въ «медовый мѣсяць русскаго прогресса» вызывали къ себѣ отношеніе читающей публики, какъ къ пародіямъ.

Большая же часть тогдашнихъ критиковъ отнеслась къ первой книгѣ Минаева, какъ я уже сказалъ, тепло и радушно, посвятивъ ей привѣтливныя, а иногда и восторженныя рецензіи. «Взглянули мы на эту аккуратненькую, свѣтло-зеленую книжку, — писалъ, напримѣръ, рецензентъ «Свѣточа», — пробѣжали нѣсколько листовъ и невольно воскликнули вмѣстѣ съ г. Бенедиктовымъ:

«Исайя живъ, и живъ Іеремія»

«Да, да! Это вѣрно, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, точно: они здравствуютъ въ настоящее время. Но гдѣ они? Кто они? Кого разумѣлъ г. Бенедиктовъ подъ этими именами? Мы касательно сего предмета думаемъ такъ: гг. Пр. Преображенскій, Конрадъ Лиліеншвагеръ, М. Розенгеймъ, Амосъ Шишкинъ, Гейне изъ Тамбова и, наконецъ, Обличительный поэтъ ¹⁾—эти перлы современной сатирической поэзіи—могутъ по преимуществу, прежде всего, достойнѣе всего назваться подобными именами.

«Вѣрно понятый духъ и тонъ пародируемыхъ вещей, игривость и остроуміе составляютъ отличительныя достоинства пародій Обличительнаго поэта, которыя поэтому и названы весьма удачно «Перепѣвами». Жаль только, что онѣ не могутъ имѣть огромнаго успѣха въ массахъ публики: «Перепѣвы» имѣютъ свою прелесть только въ глазахъ людей близкихъ къ литературѣ и диллетантовъ ея ²⁾».

Ободренный успѣхомъ, пылкій и увлекающійся Минаевъ съ головой отдался захватившей его волнѣ общественнаго подъема въ свѣтлые годы эпохи великихъ реформъ и мужественно выносилъ острые терніи и шипы первыхъ шаговъ cadaго начинающаго литературнаго работника. О нѣкоторыхъ чертахъ духовнаго облика и внѣшнихъ условіяхъ жизни Минаева въ это время можно судить по слѣдующему разсказу о немъ Г. Н. Потанина, встрѣтившагося со своимъ бывшимъ ученикомъ—«безцѣннымъ Митей»—въ Петербургѣ, въ 1859 году. «Моего безцѣннаго Митю я совсѣмъ не узналъ, — говоритъ Г. Н. Потанинъ:—Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ былъ совершенно иной, *новый* человекъ. Странное

¹⁾ За исключеніемъ М. Розенгейма, остальные—псевдонимы: Н. С. Курочкина, Н. А. Добролюбова, П. И. Вейнберга и Д. Д. Минаева. Н. Д.

²⁾ «Свѣточъ», 1860 г., кн. II.

и непонятное вѣяніе шестидесятихъ годовъ, когда Богъ, семья и правительство считались чѣмъ-то ненужнымъ, наука звалась «ерундой», а мазанный дегтемъ сапогъ ставился выше Дрезденской Мадонны и Аполлона Бельведерскаго—это странное вѣяніе, какъ чума, заразило молодого Минаева и искалѣчило его... ¹⁾ Нашель я Дмитрія Дмитріевича въ особомъ отъ Петербурга городѣ, извѣстной Знаменской гостиницѣ, гдѣ, говорятъ, помѣщается до 11,000 квартирантовъ; поднялся по 24-й лѣстницѣ на третій или четвертый этажъ; отыскалъ въ темныхъ коридорахъ 263-й номеръ и встрѣтилъ моего Митю съ молодой женой. Дмитрій Дмитріевичъ въ этомъ году только что женился. Попрежнему, какъ стараго знакомаго, онъ встрѣтилъ меня радушно и просилъ «бывать», какъ говорятъ въ Петербургѣ. Но я тутъ же замѣтилъ, что Митя мой не тотъ: мгновенно мелькнула въ умѣ встрѣча Максима Максимовича съ Печоринимъ. Въ рѣчи его уже не было и помину о дорогомъ и родномъ бредѣ, который занималъ его отца... Мы «поболтали»—по-петербургски. На вопросъ, какъ живу, я отвѣтилъ: «по старому»,—и онъ такъ взглянулъ на меня, какъ будто хотѣлъ сказать: «Ну, вы съ отцомъ моимъ—старые: вамъ не понять, что мы поняли здѣсь! Пора вамъ втроемъ, и съ Кукольниковъ вашимъ, въ могилу!»—Понятно, что такой взглядъ сына на отца не могъ нравиться мнѣ, я и, горячо желавшій этой встрѣчи съ моимъ ученикомъ, послѣ перваго же свиданья съ нимъ остылъ, а когда черезъ годъ или два Митя мой написалъ и прочиталъ мнѣ какую-то повѣсть, гдѣ я въ карикатурѣ узналъ его родную мать, я совсѣмъ пересталъ у него «бывать». Это (разумѣется: повѣсть. Н. Д.) сильно возмутило тогда его отца.

III.

Интенсивная литературная дѣятельность.—Сатирическій журналъ «Гудокъ» подъ редакціей Д. Д. Минаева.—Злополучная виньетка.—«Губернская фотографія».—Періодъ наибольшей извѣстности Минаева.—Плодovitость его музы.—Отдѣльные изданія.—Псевдонимы.—Д. В. Минаевъ въ роли И. А. Хлестакова.—Потеря либеральной репутаціи.—Переходъ въ мелкую прессу.—Безпорядочная жизнь и невзгоды.

Начиная съ 1860 года, Д. Д. Минаевъ работаетъ особенно интенсивно: продолжаетъ писать сатирическія и юмористическія стихотворенія въ «Искрѣ» и другихъ журналахъ, много переводитъ изъ иностранныхъ авторовъ, ведетъ ежемѣсячныя обзорѣнія общественной жизни въ толстыхъ журналахъ, а въ 1862 году даже редактируетъ сатирическій журналъ «Гудокъ».

¹⁾ Повидимому, краски въ этомъ разсказѣ Г. Н. Потанина нѣсколько сгущены, такъ какъ изъ слѣдующей главы будетъ видно, что Д. Д. Минаевъ не раздѣлялъ крайнихъ взглядовъ своего времени.

«Гудокъ» во вторичномъ изданіи явился какъ бы приложеніемъ къ газетѣ «Русскій Міръ» Героглифова, по тѣмъ не менѣе былъ вполнѣ самостоятельнымъ журналомъ. Приглашенный въ «Гудокъ» редакторомъ, Д. Д. Минаевъ по договору съ Героглифовымъ былъ совершенно самостоятельнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и сумѣлъ сразу обратить вниманіе публики умѣлымъ подборомъ сотрудниковъ и прогрессивнымъ направленіемъ журнала. Литературная сторона дѣла была обставлена блестяще. Главнымъ сотрудникомъ журнала явился, разумѣется, самъ Д. Д. Минаевъ, писавшій въ «Гудкѣ» подъ всевозможными псевдонимами. Кромѣ него, въ журналѣ принимали участіе П. И. Вейнбергъ, В. С. Курочкинъ, Л. А. Мей, а также С. Н. Терпигоревъ, который подъ своимъ псевдонимомъ «Сергѣя Атавы» велъ провинціальный отдѣлъ. Тамбовская губернія, изъ которой былъ родомъ С. Н. Терпигоревъ, съ жаднымъ любопытствомъ и трепетомъ слѣдила за нумерами «Гудка». Хорошо была обставлена по тому времени и художественная часть журнала. Общее вниманіе литературнаго міра привлекла появившаяся въ одномъ изъ первыхъ номеровъ «Гудка» карикатура «Походъ на подписчиковъ», на которой были изображены всѣ петербургскіе тогдашніе издатели, предводительствуемые «Гудкомъ» въ видѣ благороднаго и неустрашимаго гидальго, Донъ-Кихота Ламанчскаго, возсѣдающаго на Россинантѣ съ крючкомъ вмѣсто копья въ одной рукѣ и со знаменемъ, на которомъ красуется девизъ «Не въ бровь, а прямо въ глазъ»,—въ другой. За нимъ выступаютъ петербургскіе редакторы: А. Ѳ. Писемскій съ тяжелой артиллеріей—«Взбаламученнымъ моремъ» («Библіотека для Чтенія»), В. С. Курочкинъ («Искра»), Н. А. Некрасовъ («Современникъ»), замаскированный Г. Е. Благосвѣтловъ («Русское Слово»), «Модный магазинъ» въ видѣ маркитантки, торгующей иностранными винами, А. А. Краевскій («Отечественныя Записки»), А. В. Старчевскій («Сынъ Отечества») и друг. Большою же частью карикатуры «Гудка» болѣе характерны своими подписями, чѣмъ рисункомъ. Представлена, на примѣръ, группа: волкъ, дерущій овцу. Передъ ней разговариваютъ двое: «Я удивляюсь, Павелъ Николаевичъ, какъ это позволили поставить эту группу на публичную выставку?»—«Отчего же? Это волкъ теребить овцу».—«Толкуй ты! Это карикатура на чиновниковъ». Или на другомъ рисункѣ изображенъ господинъ, напоминающій лицомъ Валуева, тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ; передъ нимъ—тѣнь въ саванѣ и подъ рисункомъ подпись: «Либераль, сдѣлавшійся министромъ»: «Я—либераль. Но можетъ ли либераль быть министромъ? Вотъ въ чемъ вопросъ!»—«Изъ либераловъ дѣлаются министрами. Но бывають ли изъ министровъ либералы? Вотъ въ чемъ вопросъ!» По тому времени, когда обличеніе могло сыпать свои молніи на откупщиковъ, чиновниковъ, становыхъ, но не выше, подобныя подписи

являлись неслыханной смѣлостью, и «Гудокъ» умеръ неестественной смертью: онъ былъ прекращенъ силой.

Говорятъ, что поводомъ къ закрытію «Гудка» послужила виньетка его, сочиненная Д. Д. Минаевымъ. Эта виньетка изображала толпу. Надъ ней стоитъ человѣкъ со знаменемъ, на которомъ написано: «Уничтоженіе крѣпостного права». Часть толпы ликуетъ, другіе же въ бессильной злобѣ сжали кулаки; палачъ стоитъ въ недоумѣніи; откупщикъ поспѣшно доѣдаетъ жирный кусъ; военное лицо оперлось о могучую спину жирнаго священника; тутъ же катится жизнь безпечальныхъ «господъ» съ флиртомъ, выпивкой, празднымъ времяпровожденіемъ, а въ сторонѣ отъ нея чиновное лицо въ форменномъ фракѣ тѣшится пусканіемъ мыльныхъ музрей... Но что въ этой виньеткѣ было смѣлаго и поражающаго— это портретъ знаменитаго редактора-издателя «Колокола», А. И. Герцена, изображеннаго въ человѣкѣ со знаменемъ. По настоянію цензуры, пятый номеръ «Гудка» появился уже безъ виньетки, но журналъ успѣлъ вполне охарактеризовать свое крайнее направленіе, и ему дали только закончить годъ, а затѣмъ прекратили навсегда.

Къ первой же половинѣ шестидесятыхъ годовъ относится появленіе злой, безпощадной сатиры Минаева на симбирское общество, подъ названіемъ «Губернская фотографія». Сатира эта, которой самъ Минаевъ не придавалъ серьезнаго значенія, сыграла въ послѣдствіи въ его жизни большую роль. Вотъ краткая исторія появленія этой поэмы-сатиры на свѣтъ ¹⁾. Въ Петербургъ пріѣхалъ хорошій знакомый Минаева, симбирскій присяжный повѣренный, Н. М. Соколовскій. Встрѣтившись съ Минаевымъ и подивившись его неожиданнымъ успѣхамъ въ области обличительной сатиры, Соколовскій спросилъ его, почему онъ не пишетъ почти ничего про провинцію—этотъ сущій кладъ для поэта-сатирика—и въ частности про Симбирскъ, свой родной городъ, въ которомъ подъ его «обломовщиной» таится масса всякой нечисти и всякихъ безобразій. Минаевъ взялъ листъ бумаги, сѣлъ за столъ и попросилъ Соколовскаго дѣлать краткія характеристики симбирскихъ обывателей съ подробнымъ перечисленіемъ ихъ нравственныхъ качествъ. Соколовскій исполнилъ просьбу своего друга, и работа закипѣла. Два вечера продолжалось писаніе поэмы, прерывавшееся дружнымъ смѣхомъ, когда Минаеву въ двухъ-трехъ строкахъ удавалось дать вѣрный и полный портретъ представителя симбирскаго общества, и восклицаніями Соколовскаго о томъ, какой фуроръ произведетъ стихотвореніе Минаева въ Симбирскѣ. Возвращаясь изъ Петербурга домой, Соколовскій захватилъ съ собою

¹⁾ Эту исторію возникновенія «Губернской фотографіи» рассказывала Е. А. Минаева.

Н. Д.

рукопись, на которую Минаевъ смотрѣлъ, какъ на шалость пера и только. Въ Симбирскѣ же появленіе «Губернской фотографіи» произвело впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. «Вскорѣ весь Симбирскъ,—пишетъ современникъ,—вся губернія читала и декламировала твореніе Минаева. Стихи вызвали дѣлую бурю негодованій, начиная съ его отца, но, тѣмъ не менѣе, они заучивались наизусть взрослыми и дѣтьми—отъ мала до велика. Въ нихъ задѣты были всѣ сословія, начиная съ архіерея, продолжая дворяниномъ, бюрократомъ, купцомъ и кончая мелкимъ чиновникомъ. Всѣ лица были названы собственными именами, аллегоріи—никакой, и это особенно возбуждало интересъ къ этимъ стихамъ. Многіе стали извѣстны только благодаря этому произведенію. На нихъ указывали, что называется, пальцами¹⁾... Сатира Минаева сильно оскорбила общество; въ свою очередь, и общество жестоко отомстило Минаеву. По возвращеніи на родину изъ Петербурга, его приняли крайне холодно и враждебно, и, когда онъ умеръ, никто не хотѣлъ проводить его на кладбище...»²⁾.

Между тѣмъ литературно-журнальная дѣятельность Минаева шла своимъ чередомъ. Начавъ печататься въ мелкихъ петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ, Минаевъ съ поступленіемъ въ составъ сотрудниковъ курочкинской «Искры» быстро составилъ себѣ громкое литературное имя, и въ концѣ шестидесятыхъ или въ началѣ семидесятыхъ годовъ не было уже ни одного крупнаго столичнаго журнала или газеты, въ которыхъ бы онъ не участвовалъ: въ однихъ онъ печаталъ сатирическія и юмористическія стихотворенія, въ другихъ—переводы изъ иностранныхъ писателей, въ третьихъ—повѣсти въ стихахъ и поэмы, въ четвертыхъ—вель еженедѣльные и ежемѣсячныя обозрѣнія и т. д. Вотъ краткій перечень періодическихъ изданій, въ которыхъ намъ удалось установить фактъ сотрудничества покойнаго «короля риэмы»: «Иллюстрація», «Русскій Міръ», «Сынъ Отечества», «Общезанимательный Вѣстникъ», «Искра», «Русское Слово» (съ 1861 по 1864 гг.), «Русскій Вѣстникъ», «Модный Магазинъ», «Будильникъ», «Свѣточъ», «Время», «Современникъ» (съ 1861 по 1866 гг.), «Дѣло», «Отечественныя Записки», «Московскій Телеграфъ», «Русская Мысль», «Историческій Вѣстникъ», «Биржевыя Вѣдомости», «Молва», «Гудокъ», «Развлеченіе», «Одесскій Листокъ» и «Петербургская Газета» (въ послѣдніе годы жизни).

Насколько была плодотворна минаевская муза, можно судить по слѣдующему списку его оригинальныхъ и переводныхъ трудовъ, печатавшихся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ: поэмы

¹⁾ «Губернская фотографія» опубликована въ печати только въ прошломъ году А. С. Пругавинымъ, помѣстившимъ ее въ февральской книгѣ «Новой Жизни». Н. Д.

²⁾ «Симб. Губ. Вѣд.» 1899 г., № 45, ст. Н. Никольскаго.

Байрона: «Донъ-Жуанъ» («Современникъ», 1865 и 1866 гг.), «Чайльдъ-Гарольдъ» («Русское Слово», 1864 г., кн. 1, 3, 5 и 10), «Бешпо» («Современникъ», 1863 г., кн. 8), «Манфредъ» («Русское Слово», 1863 г., кн. 4), «Тьма» («Русскій Миръ», 1860 г., № 75), «Кайнъ», «Божественная комедія» Данте, «Дѣды» Мицкевича, «Потошь» Альфреда де-Виньи («Отечественныя Записки», 1869 г., кн. 12), «Фаустъ» Марло («Дѣло», 1870 г., кн. 5), «Ученыя женщины» Мольера («Вѣстникъ Европы», 1874 г., кн. 12) «Рюи-Блазъ» Гюго («Дѣло», 1868 г., кн. 2), «Эрнани» Гюго («Дѣло», 1869 г., кн. 3), «Освобожденный Прометей» Шелли («Дѣло», 1873 г., кн. 1, 4 и 6), «Разоренное гнѣздо», оригинальная комедія («Вѣстникъ Европы», 1874 г.), «Либераль», оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ («Отечественныя Записки», 1870 г., кн. 12), «Сфинксъ», оригинальная поэма («Отечественныя Записки», 1868 г., кн. 8), «Кассиръ», оригинальная комедія (въ сотрудничествѣ съ С. Н. Худековымъ), «Проказы чорта на желѣзной дорогѣ», оригинальная сатирическая поэма, «Демонъ» оригинальная сатирическая поэма, «Людоѣды, или люди шестидесятыхъ годовъ», романъ въ стихахъ, «Евгеній Онѣгинъ нашего времени», романъ въ стихахъ и много друг. Этотъ далеко неполный списокъ трудовъ Д. Д. Минаева обнимаетъ собою только наиболѣе крупныя произведенія покойнаго «короля риемы». Что же касается его мелкихъ поэмъ и сатиръ, а тѣмъ болѣе мелкихъ его стихотвореній, то одинъ перечень ихъ заголовковъ займетъ нѣсколько десятковъ страницъ.

Довольно значительную часть своихъ произведеній Д. Д. Минаевъ выпустилъ въ свѣтъ отдѣльными изданіями въ видѣ сборниковъ, число которыхъ достигаетъ двадцати пяти. Такъ какъ собранія сочиненій Д. Д. Минаева до сихъ поръ еще не существуетъ, то я считаю необходимымъ перечислить отдѣльныя изданія его и по возможности всѣ, чтобы, въ случаѣ надобности, облегчить трудъ издателя. Вотъ они: 1) «Перегибы», стихотворенія Обличительнаго поэта, Спб., 1859 г.; 2) В. Г. Вѣлинскій, біографическій очеркъ Д. Свіяжскаго, Спб., 1860 г.¹⁾; 3) «Проказы черта на желѣзной дорогѣ», юмористическая поэма, Спб., 1862 г.; 4) Думы и пѣсни Д. Д. Минаева и юмористическія стихотворенія Обличительнаго поэта, двѣ части, Спб., 1863—1864 гг.; 5) «Евгеній Онѣгинъ нашего времени», романъ въ стихахъ, сокращенный и исправленный по статьямъ новыхъ лжереалистовъ Темнымъ человѣкомъ, Спб., 1863 г. (второе и третье изданіе вышли въ 1868 и 1877 гг.); 6) «Здравія желаю», стихотворенія отставнаго майора М. Бурбонова, Спб. 1867 г.; 7) «Въ сумеркахъ», сатиры и пѣсни, Спб., 1868 г.; 8) «На перепутьи», пѣсни и поэмы (съ приложеніемъ комедіи «Ли-

¹⁾ Этотъ трудъ Д. Д. Минаева явился, если не ошибаюсь, первымъ опытомъ біографіи нашего гениальнаго критика.
Н. Д.

бераль»), Спб., 1871 г.; 9) «Божественная комедія» Данте, три части, Спб., 1874—1879 гг.; 10) «Разоренное гнѣздо», комедія. Пѣсни и сатиры, Спб., 1876 г.; 11) Думы, пѣсни и юмористическія стихотворенія Обличительнаго поэта и Темнаго человѣка», Спб., 1878 г.; 12) Пѣсни и сатиры, Спб., 1878 г.; 12) «Демонъ», сатирическая поэма, и «Сказки», Спб., 1880 г.; 13) «Чѣмъ хата богата», пѣсни и риѣмы, Спб., 1880 г.; 14) «Аргусъ», юмористическій альбомъ, Спб., 1880 г.; 15) «Людоѣды, или люди шестидесятыхъ годовъ», сатирическая поэма, Спб., 1881 г. (два изданія); 16) «Дѣдушкины вечера», русскія сказки въ стихахъ для дѣтей, Спб., 1881 г.; 17) «Теплое гнѣздышко», стихотворенія съ рисунками для дѣтей, Спб., 1882 г.; 18) «Новыя новинки-сказки да картинки», стихотворенія для дѣтей, Спб., 1882 г.; 19) «Не въ бровь, а въ глазъ», эпиграммы, Спб., 1883 г.; 20) «Вѣмъ сестрамъ по серьгамъ», эпиграммы, Спб., 1883 г.; 21) «Кассиръ», комедія (въ сотрудничествѣ съ С. Н. Худековымъ), Спб., 1883 г. и 22) «Шутникъ», рассказъ въ стихахъ, приложеніе къ журналу «Лучъ», 1889 г. (посмертное изданіе).

Большая часть стихотвореній, обзорѣній, фельетоновъ, рассказовъ, шаржей и эпиграммъ не вошла въ эти сборники и осталась разбросанною по многочисленнымъ журналамъ и газетамъ, въ которыхъ работала Минаевъ. Разыскивать ихъ—напрасный трудъ, такъ какъ часто, оставшись недовольнымъ сработанными насѣхъ вещами, покойный поэтъ скрывалъ свое авторство подъ случайными псевдонимами, которыхъ у него было многое множество. Наиболѣе извѣстными псевдонимами Минаева являлись: «Обличительный поэтъ», «Майоръ Бурбоновъ», «Дм. Свіяжскій», «Литературное домино», «Общій другъ», «Темный человѣкъ» («Русское Слово») «Анонимъ» («Дѣло») и «М. Д.» («Молва»).

Насколько популярны были эти псевдонимы не только въ столицахъ, но и въ провинціи, можетъ показать слѣдующій случай, рассказанный въ періодической печати послѣ смерти Минаева. Бѣжалъ Минаевъ на пароходѣ по Волгѣ. Заговорилъ съ нимъ одинъ изъ пассажировъ. Узнавъ, что передъ нимъ писатель, пассажиръ, большой любитель литературы вообще и поэзіи въ особенности, пришелъ въ благоговѣйный восторгъ.—«Хорошо теперь стишки пишутъ,—расчувствовался онъ:—жаль только, что все псевдонимы пошли: не знаешь, кто такой. Вамъ-то, конечно, извѣстно. Вотъ, хоть бы «Темный человѣкъ»: вѣроятно, какой-нибудь извѣстный поэтъ?»—«Это—я.»—«Вы-съ?! Позвольте пожать вашу руку... Чрезвычайно радъ... Люблю... Съ наслажденіемъ читаю... А то еще есть «Майоръ Бурбоновъ»...—«И это—я». Пассажиръ нѣсколько смутился.—«Вотъ какъ? Скажите! И такъ и этакъ, значить. Сегодня «Темный человѣкъ», а завтра «Майоръ Бурбоновъ»... Для разнообразія! Хе-хе-хе! Недавно тоже объявился «Общій другъ» какой-то...—«Опять-таки я»...—«Да-а-а! Вы подумайте!»—

протянулъ недовѣрчиво пассажиръ и, повидимому, оскорбленный въ лучшихъ своихъ чувствахъ, всталъ и поспѣшно ушелъ: по всей вѣроятности, онъ принялъ «многоликаго» поэта за блаженной памяти И. А. Хлестакова.

Съ конца семидесятыхъ годовъ Минаевъ, какъ писатель, быстро пошелъ на убыль. Главной причиной этого является потеря Минаевымъ устойчивости въ вліятельныхъ литературныхъ кругахъ. Будучи либераломъ по своимъ убѣжденіямъ, Минаевъ никогда не могъ раздѣлять крайніе взгляды радикаловъ, разбившихся къ тому же на множество кружковъ и партій, предпочитая оставаться самимъ собой, чѣмъ итти на поводу у партійныхъ вожаковъ. Оставаясь самимъ собой, Минаевъ считалъ себя въ правѣ высмѣивать въ своихъ злыхъ эпиграммахъ и расколъ въ либеральной партіи и тѣ крайности идеологіи шестидесятыхъ годовъ, которыя особенно ярко выявились въ статьяхъ увлекшагося до самозабвенія Писарева. Поэтому, когда отъ чрезмѣрнаго усердія къ объявленному Писаревымъ разрушенію авторитетовъ Лермонтовъ былъ низведенъ до «пошляка», а Пушкинъ названъ «поэтомъ побрякушекъ», Минаевъ ополчился противъ подобнаго кощунства и написалъ остроумную сатиру-пародію «Евгеній Онѣгинъ нашего времени, романъ въ стихахъ, сокращенный и исправленный по статьямъ новѣйшихъ лжереалистовъ»,—одну изъ удачнѣйшихъ своихъ юмористическихъ вещей. Эта сатира была прямо-таки подвигомъ со стороны Минаева, ибо въ то время («Евгеній Онѣгинъ» Минаева появился въ 1863 году) дозволялось разрушать всякіе авторитеты и изрекать, что «сапоги—выше Шекспира», но отнюдь не дозволялось касаться такихъ современныхъ кумировъ, какимъ былъ Писаревъ. Какъ извѣстно, позже самъ Писаревъ отрекся отъ своихъ рѣзкихъ и несправедливыхъ статей о Пушкинѣ, но во время появленія сатиры-пародіи Минаева его эстетическія воззрѣнія были возведены на степень закона, и оспариваніе ихъ въ извѣстныхъ кружкахъ могло стоить потери либеральной репутаціи, что и случилось съ Минаевымъ. Въ то время еще не существовало «безпартійныхъ прогрессистовъ», къ которымъ, внѣ всякаго сомнѣнія, принадлежалъ Минаевъ, а потому радикальная критика объявила его ренегатомъ, перебѣжчикомъ и безпринципнымъ человѣкомъ, который ради краснаго словца не жалѣетъ и родного отца. Кажется, изъ-за «Евгенія Онѣгина нашего времени» Минаевъ принужденъ былъ разойтись съ кружкомъ благосвѣтловскаго «Русскаго Слова», которое, послѣ курочкинской «Искры», было главной ареной его обличительной музыки.

Разрывъ Минаева съ «Русскимъ Словомъ» произошелъ въ 1863 г., а въ слѣдующемъ году начался упадокъ «Искры», съ которой имя Д. Д. Минаева наиболѣе тѣсно связано. Въ этомъ году министерство внутреннихъ дѣлъ предложило избрать другого редактора,

и вмѣсто В. С. Курочкина появилась подпись его брата Владимира, а вмѣстѣ съ этимъ изъ состава редакціи вышелъ и Н. А. Степановъ. Журналъ началъ падать, хотя и сохранялъ еще свою былую окраску. Держался онъ до 1873 года и въ этомъ году прекратилъ свое существованіе на тридцать девятомъ номерѣ, подъ редакціей А. С. Афанасьева-Чужбинскаго. Еще раньше (въ 1866 году) былъ прекращенъ некрасовскій «Современникъ». Такимъ образомъ, Минаевъ къ серединѣ семидесятыхъ годовъ потерялъ наиболѣе содѣйствовавшіе его извѣстности журналы и, вслѣдствіе скудости своихъ матеріальныхъ средствъ, вынужденъ былъ отдаться мелкой (хорошо оплачивающейся) газетной работѣ, а потому и былъ какъ бы въ тѣни. За послѣднія пятнадцать лѣтъ Минаевъ работалъ преимущественно въ «Петербургской Газетѣ», помѣщая здѣсь еженедѣльные фельетоны въ стихахъ подъ названіемъ «На часахъ» и за подписью «Майоръ Бурбоновъ», а также мелкія вещицы подъ обобщающими заголовками «Старческія пѣсни» и «Маленькія осы» подъ псевдонимами «Майоръ Бурбоновъ» и «Общій другъ».

Журнальныя непріятности сильно отразились на характерѣ литературной работы Минаева, тѣмъ болѣе, что наступало новое время, а вмѣстѣ съ нимъ и новые люди и новыя пѣсни, чуждые тѣхъ идей, которыя Минаевъ охранялъ до конца дней своихъ, стоя «на часахъ». «Въ послѣдніе годы онъ писалъ мало,—говоритъ В. П. Буренинъ,—и его юмористическія стихотворенія и фельетоны далеко не отличались тѣмъ блескомъ и живостью, какіе ихъ авторъ обнаруживалъ въ началѣ своей литературной дѣятельности. Минаевъ допѣвалъ свои пѣсни съ видимымъ утомленіемъ и ослабленіемъ: онъ какъ будто чувствовалъ, что пора этихъ пѣсенъ миновала, ему какъ будто было неловко пѣть эти пѣсни среди хора новыхъ и новѣйшихъ птицъ, усердно чирикавшихъ вялые мотивы о веснѣ, любви и своихъ золотушныхъ страданіяхъ и томленіяхъ»¹⁾.

Была и другая причина того, что Минаевъ, блестяще начавшій свою литературную карьеру, не оправдалъ въ полной мѣрѣ возлагавшихся на него надеждъ и не оставилъ крупнаго слѣда въ литературѣ, на что ему давали право его природныя способности. Нуждаясь постоянно въ деньгахъ, обремененный семействомъ и несчастливый въ семейной жизни, онъ принужденъ былъ, что называется, размѣняться на мелочи, чѣмъ, разумѣется, пользовались всякіе издатели и эксплуатировали его самымъ безпощаднымъ образомъ. У Минаева почти вплоть до смерти было горе. Оно лежало, какъ я уже сказалъ, въ условіяхъ его семейной жизни и отравляло ему существованіе. Сейчасъ не наступило еще время выяснить детально эти условія, а потому приходится только ска-

¹⁾ «Новое Время», 1889 г., № 4803.

зять, что, благодаря ихъ гнету, Минаевъ положительно по недѣлямъ и мѣсяцамъ исчезалъ изъ дома, топя свое горе въ винѣ, что очень скоро перешло въ тотъ роковой недугъ, которымъ страдало и страдаетъ столько русскихъ талантовъ. Писать приходилось урывками, кое-какъ, нерѣдко на оборотахъ ресторанныхъ счетовъ и обѣденныхъ карточекъ, ни на чемъ не останавливаясь вдумчиво и продолжительно и какъ бы скользя бѣглымъ взглядомъ по явленіямъ литературы и жизни, а потому его красивыя и виртуозныя по формѣ произведенія послѣднихъ лѣтъ лишены, по большей части, внутренней глубины и силы.

Вызванная семейными неурядицами беспорядочная жизнь и пагубная привычка Минаева обусловили возникновеніе у него того недуга, который черезъ нѣсколько лѣтъ свелъ его въ преждевременную могилу. Первое время онъ не обращалъ вниманія на развивающуюся болѣзнь и не измѣнялъ образа жизни, но когда здоровье его окончательно пошатнулось, врачи уговорили поэта заняться болѣзнью посерьезнѣе. Минаевъ послушался и уѣхалъ въ... Винницу, какъ онъ объяснялъ, потому, что названіе этого отнюдь не курортнаго города пріятно ласкало его слухъ. Здѣсь онъ сѣлъ на діету, питаясь почти исключительно козьимъ молокомъ. Съ этой цѣлью Минаевъ приобрѣлъ козу и чуть ли не самъ ее доилъ. Свою козу онъ называлъ «спасительницей» и посвящалъ ей нѣжныя мадригалы.

Черезъ нѣсколько времени Минаевъ значительно поправился и вернулся опять въ Петербургъ, гдѣ опять съ головой окунулся въ жизнь литературной богемы, въ жизнь, въ которой поклоненіе Бахусу было возведено въ культъ. Дни и ночи просиживалъ Д. Д. Минаевъ то въ литературскомъ кабацкѣ, окрещенномъ имъ «Капернаумомъ» и болѣе популярномъ нынѣ подъ названіемъ «Давыдки», то въ приказничьемъ клубѣ, благо клубъ помѣщался въ томъ же домѣ, гдѣ и типографія «Петербургской Газеты», такъ что Д. Д. Минаевъ могъ непосредственно сноситься со своей газетой. Конечно, такая жизнь быстро ухудшила состояніе здоровья поэта и безконечно увеличила его мрачное настроеніе, не покидавшее его въ послѣдніе годы жизни въ Петербургѣ. Такая перемѣна съ поэтомъ была очень замѣтна. Изъ удивительнаго собесѣдника, необыкновенно остроумнаго, находчиваго, вносившаго всюду, гдѣ онъ появлялся, оживленіе, Дмитрій Дмитриевичъ превратился въ молчаливаго пессимиста и былъ неузнаваемъ. Раздражительность его стала прямо-таки болѣзненной и нажила ему подъ конецъ жизни много новыхъ враговъ.

Разъ, напримѣръ, въ приказничьемъ клубѣ къ Дмитрію Дмитриевичу подошелъ тогда начинавшій, а нынѣ очень извѣстный издатель. Издатель обратился къ Минаеву: «Дмитрій Дмитриевичъ, почему вы не дадите одно изъ вашихъ произведеній въ мою

газету?»—«Двѣсти рублей авансомъ!»—«Нѣтъ, Дмитрій Дмитриевичъ, вы сначала напишите стихи и сдайте, а потомъ сейчасъ же получите деньги. Я уже опытный издатель...» Минаевъ мгновенно вскипѣлъ: «Издатель? Какой же вы—издатель, когда вы издаете только отвратительный запахъ!» Издатель ступешевался, но съ тѣхъ поръ въ эту редакцію Минаевъ доступа не имѣлъ.

Кажется, къ этому же времени относится извѣстная желчная эпиграмма Минаева, по которой можно судить отчасти, чѣмъ питался источникъ раздражительности поэта:

Ты истину мнѣ горькую сказала
И все-таки прими за это благодарность:
На мелочи талантъ я размѣнялъ,
А ты попрежнему все крупная бездарность.

Однако Минаевъ умѣлъ сдерживаться, если ему отвѣчали такъ же остроумно. Нынѣ тоже покойный малоизвѣстный поэтъ -юмористъ, В. В. Жуковъ, сказалъ какъ-то въ компаніи Минаева: «А меня сегодня съ Д. Д. вмѣстѣ напечатали». На эти безобидныя слова Минаевъ безпричинно разсердился и разразился слѣдующимъ экспромтомъ:

Ой, врите, только осторожно:
Мощна моя большая длань.
Въ одну телѣгу впрячь не можно
Осла и трепетную лань.

«— Дмитрій Дмитриевичъ,—сказалъ находчивый Жуковъ:— за что же вы меня ланью-то обругали?»—Минаевъ расхохотался заключилъ Жуковъ въ свои объятія и до самой смерти оставался его вѣрнымъ другомъ.

IV.

Двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности.—Перемена внѣшнихъ условій жизни.—Разсказъ о Минаевѣ послѣднихъ лѣтъ Н. К. Михайловскаго.—Переѣздъ въ Симбирскъ.—Обреченный на одиночество.—Разсказъ А. А. Коринфскаго о встрѣчахъ съ Минаевымъ.—Лебединыя пѣсни.—Свиданія «короля риѣмы» со своимъ учителемъ.—«Миролюбивыя бесѣды въ молчанку».—Смерть М. Е. Салтыкова и ея роковое вліяніе на болѣзнь Минаева.—Смерть.—Тяжелыя утраты 1889 года.—Печальныя похороны.—«Схоронили—позабыли».—Примиреніе симбирскаго общества... съ тѣнью Минаева.

1883 годъ нѣсколько разсѣялъ мрачное настроеніе Д. Д. Минаева. Въ этомъ году, по настоянію друзей и почитателей таланта, онъ отпраздновалъ двадцатипятилѣтіе своей литературной дѣятельности. Юбилей вышелъ довольно помпезнымъ: были депутаціи, читались адреса и привѣтствія, говорились рѣчи. Тяготившій Минаева призракъ кажущейся бесполезности и бесплодности его литературной работы нѣсколько потускнѣлъ и ступешевался въ

приподнятомъ настроеніи юбилейныхъ торжествъ. Между многими привѣтствіями, присланными юбиляру, выдѣлился слѣдующій экспромтъ, прочитанный на юбилейномъ обѣдѣ:

Кто на Руси—гроза хлыщей и шелопаевъ,
Судебныхъ болтуновъ и думскихъ попугаевъ,
Всѣхъ званій хищниковъ, лгуновъ и негодяевъ,
Родныхъ Китъ Китычей, безжалостныхъ хозяевъ,—
Владѣльцевъ лавочекъ, подваловъ и сараевъ,—
Плутовъ, которые, все честное облаивъ,
Кадяť тугой мошнѣ, предъ властію растаявъ?
Кого бояться такъ и сельскій Разуваевъ
И самобытный сбродъ Батыевъ и Мамаевъ,
Грабителей казны и земскихъ караваевъ,
Ханжей, доносчиковъ, шпионовъ, разгильдяевъ?..
Кто—«онъ»? Сатирикъ нашъ талантливый—Минаевъ!

Между тѣмъ, семейныя условія, о которыхъ я упоминалъ мелькомъ въ предыдущей главѣ, приняли настолько невыносимый характеръ, что Минаевъ предпочелъ разрубить этотъ Гордіевъ узелъ, чѣмъ все болѣе и болѣе запутываться въ его тенетахъ: онъ разошелся со своей женой. Разрывъ этотъ и послѣдовавшіа за нимъ встрѣча и сближеніе Д. Д. Минаева съ Екатериной Николаевной Худыковской, умной и интеллигентной женщиной, вдовой симбирскаго доктора, совершенно измѣнили условія его жизни и его духовный обликъ. Вотъ какъ описываетъ Н. К. Михайловскій перемѣну Минаева въ послѣдніе годы его жизни. «Лѣтъ, должно быть, за пять до его смерти,—говоритъ покойный критикъ,—послѣ долгаго перерыва я случайно столкнулся съ нимъ въ Москвѣ, въ вокзалѣ Николаевской дороги. Онъ былъ съ какою-то незнакомою мнѣ дамой. Первымъ моимъ движеніемъ (при воспоминаніи о первыхъ встрѣчахъ) было уклониться отъ встрѣчи, но онъ увидѣлъ меня, и намъ пришлось даже ѣхать въ одномъ купе: онъ ѣхалъ въ Петербургъ, я—по дорогѣ въ Петербургъ. Съ первыхъ же словъ, которыми мы обмѣнялись, я почувствовалъ, что это не тотъ Минаевъ, что онъ точно вымытъ или «выстиранъ», какъ выразился ѣхавшій съ нами же Г. И. Успенскій. Перемѣна была необыкновенно рѣзкая, я такой больше не видалъ, и ключъ къ ней оказался очень простой: измѣненіе условій семейной жизни. Послѣ этой поѣздки я довольно близко сошелся съ Минаевымъ, бывалъ у него, одно время мы даже жили стѣна объ стѣну, и я имѣлъ много случаевъ убѣдиться, какая благородная душа, какое нѣжное сердце систематически въ теченіе многихъ лѣтъ заливались виномъ. Я тщетно искалъ хоть слѣдовъ того грубаго, разнузданнаго человѣка, который былъ мнѣ такъ антипатиченъ въ началѣ нашего знакомства. Пить попрежнему онъ пересталъ, но иногда, чрезвычайно рѣдко, ему случалось, по старой памяти и попавъ въ старую обстановку,

выпить лишнее; однако и тутъ душа его оставалась просвѣтленной и умягченной, и прежній Минаевъ былъ емъ порось. О, если бы женщины,—заключаетъ Михайловскій,—всегда могли соображать, какой свѣтъ, но зато и какой мракъ могутъ онѣ вносить въ жизнь чело-вѣка, и, можетъ быть, въ особенности русскаго писателя» ¹⁾).

Несмотря на измѣненіе семейныхъ условій къ лучшему, болѣзнь Минаева медленно, но неуклонно прогрессировала. Онъ началъ лечиться серьезно, ѣздилъ въ Крымъ и на воды, но болѣзнь медленно уступала леченію. Минаевъ рѣшилъ отдохнуть отъ сутолоки и тревожной столичной жизни и найти «тихую пристань» у себя на родинѣ, въ Симбирскѣ.

Пріѣхалъ онъ въ Симбирскъ лѣтомъ 1887 года, купилъ себѣ маленькій домикъ на одной изъ самыхъ захолустныхъ улицъ города и зажилъ уединенно, въ обществѣ любимой женщины-друга, окруженный книгами и тетрадами, коротая дни за работой у своего письменнаго стола. Симбирское общество встрѣтило своего талантливаго земляка холодно и даже враждебно, несмотря на почти двадцатилѣтній промежутокъ, отдѣлявшій послѣдній пріѣздъ Минаева въ Симбирскъ отъ времени написанія имъ «Губернской фотографіи», такъ сильно взволновавшей когда-то симбирскій «свѣтъ». Симбирское общество, оскорбленное жестокой правдой, вылившейся изъ-подъ пера талантливаго сатирика, словно мстило за это оскорбленіе и совершенно игнорировало знаменитаго поэта, который всю свою жизнь работалъ для русскаго общества, живо откликался на самые жгучіе вопросы современности и, удрученный тяжелой болѣзнью, не переставалъ твердить: «наше общество... наша молодежь»,—точно онъ весь принадлежалъ «нашему обществу», точно въ душѣ его не было уголка «своему». Несмотря на то, что онъ жилъ въ Симбирскѣ съ 1887 года, никто изъ симбирскаго общества не позаботился свести съ нимъ знакомства, не только въ интересахъ того, что обыкновенно должно связывать интеллигенцію, но и въ смыслѣ простаго знакомства. Поэтъ-сатирикъ глубоко скорбѣлъ, что, будучи больнымъ, совершенно безпомощнымъ чело-вѣкомъ, доживаетъ послѣдніе дни свои совершенно одинокимъ, покинутымъ, забытымъ и долженъ переживать передъ смертью мучительную тоску одиночества, носить въ душѣ горькое сознаніе, что тѣ, для кого онъ всю свою жизнь работалъ, убивалъ силы, покинули его въ горькій часъ, точно онъ сталъ ненуженъ имъ, бесполезенъ, какъ вымокшая и выжатая корка лимона.

Вынужденное одиночество сильно тяготило Минаева, любившаго поговорить и поспорить, и онъ всѣми силами старался сойтись съ людьми, съ которыми можно было бы отвести, что называется, душу. Это можно видѣть изъ разсказа извѣстнаго современнаго

¹⁾ «Литературныя воспоминанія и современная смута», Спб., 1900 г., ч. I, стр. 49.

поэта, А. А. Коринфскаго, только что выступившаго въ то время на литературномъ поприщѣ. Онъ познакомился съ маститымъ поэтомъ-сатирикомъ незадолго до его смерти, придя къ нему по личному дѣлу. Къ неожиданной радости юнаго поэта Минаевъ изъявилъ полную готовность исполнить его просьбу. «Я хотѣлъ было уже откланяться,—разсказываетъ А. А. Коринфскій ¹⁾,—и уже началъ было извиняться за безпокойство, какъ вдругъ почувствовалъ на себѣ пристальный пытливый взглядъ Дмитрія Дмитриевича. «Ну, что,—спросилъ вдругъ Д. Д.,—слѣдите послѣднее время за журналистикой? Читали послѣднее «Письмо съ дороги» Успенскаго въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»? Я поспѣшилъ отвѣтить... Заговорили о новѣйшихъ представителяхъ изящной литературы: Короленкѣ, Чеховѣ, Фофановѣ и др. Мой собесѣдникъ оказался почитателемъ таланта автора «Очерковъ сибирскаго туриста», порицалъ Чехова за растянутость «Степи», восторгаясь, впрочемъ, нѣкоторыми отдѣльными мѣстами ея, говорилъ, что Фофановъ при всемъ своемъ оригинальномъ дарованіи далеко не пойдетъ, такъ какъ тратитъ слишкомъ много силъ и чувства на воспѣваніе чахлои столичной природы и уже и теперь начинаетъ забираться въ дебри поэтическихъ сантиментальностей. Явился на сцену старый, но вѣчно-новый вопросъ о молодомъ поколѣніи, и оказалось, что старецъ-поэтъ, жившій до конца дней своихъ традиціями шестидесятыхъ годовъ, глубоко интересовался тѣмъ, чѣмъ живетъ теперь молодая подрастающая Россія, что волнуетъ ее, чему собирается она служить и служить въ данное время и т. д. Узнавъ, что и у насъ, въ нашемъ глухомъ медвѣжьемъ углу есть небольшая хотя, но довольно сплоченная кучка интеллигенціи,—не той интеллигенціи, которую принято узнавать по платью и по выговору, а интеллигенціи настоящей, въ лучшемъ значеніи этого слова,—что кучка эта всѣми силами стремится къ самообразованію, выписываетъ въ складчину журналы, читаетъ и обсуждаетъ ихъ отъ корки до корки, споритъ о «матеріяхъ важныхъ» и т. д.,—узнавъ объ этомъ, Дмитрій Дмитриевичъ пришелъ въ восторженное состояніе, взволнованно заходилъ по комнатѣ, жестикулируя и осыпая меня цѣлыми потоками своего неподдѣльнаго юмора... При прощаніи Дмитрій Дмитриевичъ заявилъ о желаніи познакомиться съ той кучкой симбирской интеллигенціи, о которой я говорилъ ему, но, къ сожалѣнію, этому не суждено было осуществиться:... помѣшала болѣзнь почтеннаго поэта, день ото дня принимавшая все болѣе и болѣе серьезный оборотъ».

Вскорѣ А. А. Коринфскій уѣхалъ на время въ Петербургъ, а, вернувшись изъ него, поспѣшилъ навѣстить маститаго поэта. «На

¹⁾ «Казанскій Биржевой Листокъ», 1889 г., № 156, фельетонъ - низъ: «Памяти Д. Д. Минаева».

«истор. вѣстн.», июль 1914 г., т. сxxxvii.

этотъ разъ онъ встрѣтилъ меня, какъ уже давно знакомаго, заинтересовался моими петербургскими впечатлѣніями, внимательно входилъ во всѣ мелочи, спрашивалъ о своихъ столичныхъ друзьяхъ и знакомыхъ, но о своей симбирской жизни молчалъ и на мои вопросы о ней отвѣчалъ какъ-то уклончиво. Очевидно, жизнь нашего губернскаго болота далеко не удовлетворяла его. «Жизни, жизни мало у васъ въ провинціи», съ грустной усмѣшкой проговорилъ наконецъ онъ. Я сталъ было увѣрять Дмитрія Дмитриевича, что Симбирскъ еще не можетъ итти за мѣрило провинціальной жизни, но, зная по своему личному опыту всю прелесть этой жизни, поспѣшилъ согласиться, что жизни и вездѣ въ провинціи не ахти какъ много... Зашла рѣчь о только что вышедшихъ сборникахъ «Памяти Гаршина». Дмитрій Дмитриевичъ кстати прочелъ свое помѣщенное въ одномъ изъ нихъ стихотвореніе «Каменотесъ» и сразу заговорилъ о помѣщенныхъ въ томъ же сборникѣ рассказахъ Короленка и Чехова: — «За «Припадокъ» Чехову простить можно многое, — и «Огни», и многое, многое... Вотъ это—вещь, стоящая вниманія. Далекое всѣмъ прежнимъ его рассказамъ до этого», — сказалъ Дмитрій Дмитриевичъ. Съ Гаршинскихъ сборниковъ рѣчь перешла на самого Гаршина, и долго-долго, безъ умолку лилась плавная рѣчь старика, пересыпанная то и дѣло цвѣтами свойственнаго только одному ему юмора... На слѣдующій день я опять былъ у Дмитрія Дмитриевича, принесъ ему (по его желанію) цѣлую кипу провинціальныхъ поволжскихъ газетъ, просидѣлъ у него опять-таки довольно долго, поговорилъ о провинціальной печати и ушелъ, снабженный книжкой стихотвореній гостепріимнаго поэта.

Минаевъ пріѣхалъ въ Симбирскъ отдохнуть и, какъ онъ выразился, «полечиться воздухомъ родины». Но ни воздухъ родины, ни аккуратное леченіе, ни покойная правильная жизнь — ничто не въ состояніи было поправить его здоровья: тяжелая болѣзнь—водянка вслѣдствіе Брайтова воспаления почекъ—медленно подтачивала его силы; медленно угасалъ гремѣвшій еще недавно на всю Россію «король риемы» и, угасая, скорбѣлъ, что не можетъ работать съ прежней энергіей. Онъ никакъ не допускалъ мысли о близкой смерти, старался поддерживать бодрость духа, работалъ, когда становилось легче, искалъ возможности и случая сойтись съ мѣстной интеллигенціей, но новые припадки болѣзни снова отрывали его отъ работы, и желаніе сойтись съ симбирской интеллигенціей оставалось только желаніемъ.

Тяжелые припадки болѣзни заставили Минаева прекратить регулярную литературную работу мѣсяца за три до смерти: по крайней мѣрѣ за эти мѣсяцы онъ ничего не печаталъ ни въ журналахъ, ни въ «Петербургской Газетѣ», гдѣ онъ вель еженедѣльный общественно-литературный фельетонъ. Кажется, «лебединой пѣсню» его явились переведенныя имъ эпиграммы Марціала. Ми-

наевъ переслалъ ихъ зимой передъ своей смертью въ Петербургъ пріятелю и тоже литератору А. В. Эвальду для напечатанія ихъ въ одномъ изъ столичныхъ журналовъ. По словамъ Эвальда, онъ ихъ не получалъ, и такимъ образомъ судьба ихъ неизвѣстна. Незадолго до того времени, какъ Минаеву пришлось лечь въ постель въ послѣдній разъ, онъ, по словамъ А. А. Коринфскаго, задумалъ писать воспоминанія о быломъ, о встрѣчахъ и знакомствѣ съ замѣчательными личностями и т. п., но этой мечтѣ его не суждено было осуществиться.

Передъ самою смертью Минаева вновь начала мучить мысль, что онъ зарылъ свой большой недюжинный талантъ въ землю.

Минаевская улица въ Симбирскѣ.

По крайней мѣрѣ, это утверждаетъ Г. Н. Потанинъ. «... Душный воздухъ родины не могъ помочь Минаеву,—говоритъ онъ:—потому что онъ былъ одинъ здѣсь и всею «чужой». Послѣ широкаго пира жизни, послѣ эфемерной славы, которую онъ заживо погребалъ, и послѣ измѣны продажныхъ петербургскихъ друзей онъ вдругъ почувствовалъ здѣсь всю бездну пустого прожитого и весь ужасъ грознаго будущаго, начиная съ мертвой жизни убогаго городка. И, вѣрно, страшно стало ему одному, онъ вспомнилъ меня, да и духовная связь, которой крѣпко были связаны мы когда-то, не могла порваться въ такой душѣ, какъ Митя мой. Полуживой, задохшійся отъ водянки, онъ—не знаю какъ—поднялся на третій этажъ, въ квартиру дочери моей, узналъ, гдѣ я, и въ тотъ же день прибрелъ ко мнѣ. Свиданіе наше было тепло и задушевно: онъ

просилъ меня не просто «бывать», а «чаще больного навѣщать и побесѣдовать», какъ онъ выразился. Но судите: какая живая бесѣда могла быть между нами, полумертвыми стариками, и еще такими людьми, которые всю жизнь шли по разнымъ дорогамъ и разошлись такъ далеко?.. Минаевъ, какъ «новый человѣкъ», былъ великій спорщикъ и мастеръ доказывать парадоксами свои жиденькія истины, а я, человѣкъ стараго порядка, былъ убѣжденъ, что на землѣ одна только непреложная истина: «умрешь, меньше врешь», и потому я не любилъ нашихъ любимыхъ споровъ «о предметахъ важныхъ», которые ничего не доказываютъ... А здѣсь я и спорить не могъ, потому что больной отъ каждаго слова раздражался, а я каждымъ противнымъ словомъ отравлялъ (его настроеніе). Вотъ почему наши миролюбивыя бесѣды были больше «въ молчанку»: сойдемся, обйдемся, посидимъ, помолчимъ и скажемъ: «до свиданья», слѣпо вѣруя, что это печальное свиданье настанетъ завтра»...

Начиная съ Пасхи 1889 года, болѣзнь Минаева пошла впередъ со зловѣщей быстротой: онъ то по цѣлымъ недѣлямъ лежалъ въ постели, то начиналъ немного ходить по комнатамъ съ тѣмъ, чтобы опять слечь. Недѣли за три передъ смертью онъ слегъ и больше, какъ одинъ-два раза, не вставалъ. По словамъ А. А. Коринфскаго и симбирскаго корреспондента «Самарской Газеты», на роковой исходъ его недуга сильно повліяло прочитанное имъ въ одной провинціальной газетѣ извѣстіе о смерти «великаго сатирика земли русской» М. Е. Салтыкова-Щедрина, передъ талантомъ котораго «король риѣмы» преклонялся. Предвидя, что извѣстіе о смерти Салтыкова сильно опечалитъ отъ души любившаго его Минаева, ухаживавшая за больнымъ поэтомъ Е. Н. Худыковская всѣми силами старалась скрыть отъ него это извѣстіе. «Но можно ли было достигъ этимъ желательныхъ результатовъ, когда въ теченіе цѣлаго мѣсяца во всѣхъ газетахъ только и писалось, что о Щедринѣ, — говоритъ А. А. Коринфскій. — Прочитавъ въ какой-то газетѣ некрологъ гениальнаго сатирика, Дмитрій Дмитриевичъ до такой степени взволновался, что упалъ въ обморокъ, и къ вечеру того же дня болѣзнь его приняла такой серьезный оборотъ, что пришлось послать за священникомъ, такъ какъ больной пожелалъ исповѣдываться и приобщаться. «Я умру непременно сегодня!» сказалъ онъ, но на другой же день былъ уже далекъ отъ этой мысли и вѣрилъ, какъ и прежде, въ выздоровленіе. Дѣйствительно, болѣзнь какъ бы стала ослабѣвать, такъ что черезъ нѣсколько дней Дмитрій Дмитриевичъ попрежнему былъ бодръ, веселъ и уже сидѣлъ возлѣ своихъ тетрадей. Опять все мало-по-малу вошло было въ свою колею. По совѣту мѣстныхъ врачей больной уже собрался ѣхать на югъ, но воспользоваться этимъ ему не удалось: смерть положила конецъ всему...»

Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ умеръ въ Симбирскѣ 10-го іюля 1889 года, рано утромъ ¹⁾. Этотъ годъ былъ особенно тяжелъ для русской литературы: въ этомъ году, кромѣ Д. Д. Минаева, скончались М. Е. Салтыковъ, Н. Д. Хвощинская-Заюнчковская (В. Крестовскій—псевдонимъ), О. Э. Миллеръ, Н. В. Успенскій и Н. Г. Чернышевскій. Въ этомъ печальномъ мартирологѣ, послѣ громкихъ именъ М. Е. Салтыкова и Н. Г. Чернышевскаго, имя покойнаго «короля риёмы» занимаетъ, по-моему, первое мѣсто.

Хоронили Минаева въ среду 12-го іюля. Печальны были похороны поэта-сатирика, имя котораго гремѣло по всей родной и всегда близкой его честному и доброму сердцу странѣ. Подробное описаніе этихъ похоронъ сдѣлано было въ свое время въ одной маленькой провинціальной газеткѣ А. А. Коринѣскимъ и вскорѣ обошло многія провинціальныя газеты и въ особенности газеты родного покойному «королю риёмы» Поволжья. Я позволю себѣ привести это описаніе цѣликомъ: «Человѣкъ семь-восемь лѣтъ, столько же нищихъ-оборванцевъ, нѣсколько извозчиковъ, двѣ-три старушонки, знакомыхъ покойному, и... больше—къ стыду симбирскихъ обывателей—никого,—говоритъ А. А. Коринѣскій, описывая выносъ тѣла покойнаго поэта-сатирика.—Вошли мы въ переднюю. Тамъ—никого, кромѣ кухарки и дѣвочки-служанки съ заплаканными глазами. Изъ слѣдующей комнатки доносится густой голосъ читальщика. Вышла растерянная, съ опухшими отъ слезъ глазами, дама, Е. Н. Худыковская, другъ покойнаго. Въ кабинетѣ Дмитрія Дмитріевича, служившемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и залой, въ переднемъ углу, на подмосткахъ стоялъ гробъ, а въ немъ подъ старымъ парчевымъ покровомъ—мертвое, почернѣвшее и почти разложившееся тѣло, по лицу котораго трудно и даже невозможно узнать того, кто звался когда-то Д. Д. Минаевымъ и каралъ своимъ звучнымъ, словно по рецепту незабвеннаго Некрасова отточеннымъ, стихомъ все пустое, рутинное, гнетущее, кто умѣлъ однимъ ласковымъ, отъ души сказаннымъ словомъ ободрить упавшаго духомъ человѣка... Церковный причтъ, пѣвчіе изъ «половинкинскаго» хора, три (вмѣстѣ со мной и моимъ пріятелемъ) человѣка почитателей покойнаго, двѣ-три старушки, Е. Н. Худыковская и кучка описаннаго выше оборваннаго люда—вотъ всѣ, шедшіе за гробомъ дорогаго всей читающей Россіи покойника... Поставили гробъ на похоронныя дроги, поплелись, едва передвигая ноги, клячи въ пополахъ, поплелась кучка оборванцевъ, истерично рыдая, побѣжала, спотыкаясь и сама не помня себя отъ

¹⁾ До сихъ поръ дата дня смерти Д. Д. Минаева во всѣхъ біографическихъ замѣткахъ о немъ указывается неправильная (10-е іюня). Настоящую дату мнѣ удалось установить путемъ справки въ метрическихъ книгахъ «о умершихъ» въ Богоявленской (Іоанно-Предтеченской) церкви гор. Симбирска. Н. Д.

горя, Е. Н., а сзади всёхъ, угрюмо понуря головы, съ растерянными и какъ бы сконфуженными чѣмъ-то лицами пошли почитатели покойнаго (счетомъ, какъ я уже говорилъ, трое)... Поистинѣ—«печальная» процессія...—«Изъ какихъ — покойникъ-то?» обратился ко мнѣ сѣренько одѣтый прохожій. Я растерянно взглянулъ на спрашивавшаго и не отвѣтилъ ни слова.—«Сочинитель!» удовлетворилъ кто-то изъ провожавшихъ любопытство прохожаго.—«Какъ звать-то?»—«Минаевъ... Дмитрій Дмитриевичъ Минаевъ... Стихи сочинялъ...»—«А-а! Ну, царство ему небесное!»—набожно перекрестился прохожій и пошелъ своей дорогой... Отпѣли покойника подъ мрачными сводами Иоанно-Предтеченской приходской церкви, опять поставили гробъ на катафалкъ, и процессія, даже еще уменьшившаяся числомъ, двинулась подъ палящими лучами июльскаго солнышка по словно вымершимъ, захолустнымъ улицамъ города по направленію къ полузаброшенному Сошественскому кладбищу, гдѣ на берегу Волги, подъ навѣсомъ столѣтнихъ липъ схороненъ былъ около тринадцати лѣтъ назадъ отецъ Дмитрія Дмитриевича. Это убогое кладбище было выбрано мѣстомъ вѣчнаго успокоенія Дмитрія Дмитриевича по собственному его желанію... Медленно подвигалась печальная процессія... Но вотъ и кладбище, окаймленное съ одной стороны поемными лугами и безпредѣльной гладью могучей рѣки, а съ другой—цѣлой массой яблоневыхъ садовъ, сбѣгающихъ по отлогому скату пятиверстной горы отъ самаго Вѣнца. Гробъ сняли съ катафалка и опустили въ глубокую, узкую могилу.—«Узка могила-то!» флегматично замѣчаетъ одинъ изъ могильщиковъ и, спрыгнувъ въ нее, ставши на крышку гроба, начинаетъ обрывать «берега»... Наконецъ все исправлено... Комы глины и земли застучали о крышку гроба, раздалась истерическія рыданія Е. Н. Худыковской, дружно заработали лопаты могильщиковъ, и черезъ нѣсколько мгновеній надъ могилой Дмитрія Дмитриевича уже возвышался небольшой холмикъ... «Кабы въ Питерѣ умеръ покойникъ-то,—прошамкала одна изъ старушекъ, знакомыхъ Е. Н. Худыковской,—не такъ бы было все, а здѣсь что? Грѣхи одни да и только! Хуже, чѣмъ простого человѣка...»—«Ничего ему «тамъ» не надо!» отвѣтила ей другая. Екатерина Николаевна, всхлипывая, пошла отъ могилы. Наконецъ всё разошлись и разъѣхались. Не было рѣчей надъ могилой почившаго поэта: некому было говорить ихъ да и не передъ кѣмъ! ¹⁾

Петербургъ, въ которомъ прожилъ большую часть своей жизни Минаевъ, очень скудно реагировалъ на извѣстіе о его смерти, о чемъ я уже говорилъ въ началѣ первой главы настоящаго очерка. Первую панихиду о покойномъ поэтѣ-сатирикѣ здѣсь собрались

¹⁾ «Казанскій Биржевой Листокъ» 1889 г., № 155, ст. А. А. Корняфекаго: «Похоны Д. Д. Минаева».

служить, спустя болѣе чѣмъ три мѣсяца послѣ его смерти. Она была отслужена въ Казанскомъ соборѣ 26-го октября, въ день великомученика Дмитрія Солунскаго, имя котораго носилъ покойный Минаевъ. «Крупный представитель литературной богемы,— писали по этому поводу въ «Новостяхъ»,—имѣвшій многочисленныхъ друзей и поклонниковъ, умеръ, какъ извѣстно, вдали отъ своихъ литературныхъ сотоварищей, въ значительной мѣрѣ позабытый и покинутый всѣми. Сегодняшняя панихида по когда-то много обѣщавшемъ поэтѣ еще лишній разъ доказала, какъ непрочны и неискренни чувства якобы друзей и поклонниковъ, въ кругу которыхъ Д. Д. Минаевъ вращался въ послѣдніе годы жизни... Кромѣ вдовы и нѣсколькихъ нелитературныхъ знакомыхъ покойнаго, на панихидѣ присутствовало не болѣе пяти литераторовъ и журналистовъ, безпокойно озиравшихся по сторонамъ въ ожиданіи другихъ сотоварищей»... ¹⁾ Сердечнѣе былъ помянуть покойный «король риѣмы» въ родномъ ему Дворянскомъ полку. 14-го марта 1890 года, т. е. спустя болѣе полгода со дня смерти Минаева, въ восемьдесятъ третью годовщину учрежденія Дворянскаго полка состоялся традиціонный торжественный обѣдъ, устроенный бывшими воспитанниками полка. На этомъ обѣдѣ М. И. Семевскій произнесъ задушевную рѣчь, посвященную памяти покойнаго поэта-сатирика, охарактеризовавъ его, какъ писателя и человѣка, и прочелъ, какъ образчикъ минаевской музыки, прекрасное стихотвореніе Минаева «Смѣхъ», а Р. В. Шпицбергъ дополнилъ характеристику Минаева прочтеніемъ его шутивлаго фельетона и его куплетовъ, посвященныхъ Дворянскому полку ²⁾).

Гораздо теплѣе и сердечнѣе, чѣмъ въ столицѣ, былъ помянуть Дмитрій Дмитриевичъ въ провинціи (о чемъ я уже говорилъ въ началѣ первой главы), и только родной ему Симбирскъ обошелъ его смерть обиднымъ равнодушіемъ; не желая даже проводить прахъ поэта-земляка до кладбища. Примиреніе Симбирска съ Д. Д. Минаевымъ послѣдовало только спустя десять лѣтъ со дня смерти поэта. Въ концѣ іюня 1899 года на могилѣ Минаева былъ открытъ надгробный памятникъ, сооруженный по инициативѣ симбирскаго губернатора В. Н. Акинфіева на средства, собранныя по подпискѣ среди симбирскаго общества. «Дѣти» позабыли обиду, невольно причиненную покойнымъ сатирикомъ ихъ «отцамъ», и торжественно отпраздновали открытіе памятника. Когда окончились официальные торжества и панихида на могилѣ автора «Губернской фотографіи», присутствовавшіе на торжествѣ стали было расходиться, но вдругъ изъ толпы выдѣлился согбенный и убѣленный сѣдинами старецъ и, ставъ на одну изъ ступеней па-

¹⁾ «Новости» 1889 г., № 296, отд. «Хроника».

²⁾ «Русская Старина» 1890 г., кн. 4, стр. 241—243.

мятника, попросилъ слова. Публика снова обнажила головы и, сомкнувшись въ тѣсную толпу, превратилась во вниманіе. Старецъ этотъ былъ учитель «Мити» Минаева» литераторъ Г. Н. Потанинъ. Въ длинной, связной, безъ всякихъ риторическихъ прикрасъ рѣчи Г. Н. Потанинъ разсказалъ объ отцѣ и сынѣ Минаевыхъ,—о томъ, что было много лѣтъ тому назадъ ¹⁾. По временамъ онъ останавливался отъ душившихъ его слезъ. Когда онъ кончилъ свою рѣчь и сошелъ со ступеней памятника, воодушевленная его словами публика окружила старика и въ восторгѣ жала ему руки и благодарила его... ²⁾. Такъ состоялось примиреніе Симбирска съ покойнымъ королемъ риемы».

Года за два до этого примиренія симбирскаго общества съ тѣнью «короля риемы», по ходатайству городской думы, Солдатская улица, на которой жилъ и умеръ въ Симбирскѣ Д. Д. Минаевъ, была переименована въ Минаевскую, подъ какимъ названіемъ она существуетъ и въ настоящее время.

Н. А. Державинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Отрывки изъ этой рѣчи, представляющей цѣнный вкладъ въ крайне скудную литературу о Минаевѣ, неоднократно приводились мною выше. Н. Д.

²⁾ «Симб. Губ. Вѣд.», 1899 г., № 45.

ДОМЪ НАУКИ ИМЕНИ П. И. МАКУШИНА ВЪ ТОМСКѢ.

ЕДАВНО въ газетахъ появилось сообщеніе, что министр народнаго просвѣщенія не разрѣшилъ функционировать открытому по частной инициативѣ и на частныя средства просвѣдительному учрежденію—томскому «Дому науки» имени Петра Ивановича Макушина. Въ настоящей замѣткѣ мы хотимъ познакомить читателей съ исторіей возникновенія томскаго «Дома науки», съ его задачами и цѣлями и съ личностью его создателя, вложившаго въ это дѣло свои познанія, энергію и капиталъ.

Пріѣхавъ въ 1866 году съ Урала въ глухую Сибирь, П. И. Макушинъ съ головой окунулся въ общественную работу. Поступивъ сперва на мѣсто смотрителя томскаго духовнаго училища, онъ скоро убѣдился, что на казенной службѣ слишкомъ мало простора, гдѣ бы можно было приложить свои силы. Покинувъ службу, П. И. Макушинъ основываетъ въ Томскѣ первый книжный магазинъ и за сорокъ лѣтъ не одинъ миллионъ книгъ изъ этого магазина расходится по глухимъ угламъ дикой, темной Сибири. Но этой работы было недостаточно для П. И., и онъ съ небольшими перерывами въ теченіе почти сорока лѣтъ работаетъ въ качествѣ гласнаго томской городской думы, обращая всѣ свои силы на борьбу съ народной тьмой и на заботы по улучшенію и упроченію народнаго образованія въ Томскѣ.

Особенно цѣнна услуга, принесенная П. И. Макушинымъ Томску основаніемъ въ 1882 году общества попеченія о начальномъ образованіи съ девизомъ: «Ни одного неграмотнаго». Чтобы оцѣнить зна-

ченіе этого учрежденія, достаточно сказать, что за время его существованія черезъ его руки прошло болѣе 200.000 рублей на просвѣщеніе народной массы въ Сибири. По стараніямъ и инициативѣ того же П. И. Макушина открыта первая въ Сибири бесплатная библіотека и музей прикладныхъ знаній при названномъ обществѣ. Онъ же привлекъ вниманіе С. С. Балгусова къ дѣлу общественной благотворительности, который и построилъ бесплатную библіотеку. Затѣмъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ работаль П. И. Макушинъ въ качествѣ предсѣдателя училищной комиссіи, но все это, повидимому, не совсѣмъ удовлетворило широкій размахъ и энергію этого крупнаго дѣятеля на невоздѣланной, нивѣ народнаго просвѣщенія. Подъемъ общественнаго самосознанія, всколыхнутый волной освободительнаго движенія, наводитъ его на новую мысль: основать въ Томскѣ народный университетъ.

29-го апрѣля 1905 года П. И. Макушинъ подаетъ въ томскую городскую думу заявленіе, гдѣ пишетъ: «Болѣя душой о слабомъ распространеніи въ Сибири научныхъ знаній и желая по мѣрѣ силъ содѣйствовать просвѣтлѣнію дорогой Сибири, я назадь тому три года остановился на мысли положить основаніе къ устройству въ гор. Томскѣ «народнаго университета». Отчислая въ теченіе предыдущихъ трехъ лѣтъ для этой цѣли нѣкоторый процентъ изъ своихъ средствъ, онъ предлагаль думѣ 10,000 рублей, рассчитывая вмѣстѣ съ тѣмъ и на дополнительныя общественныя пожертвованія. Кромѣ того, каковъ бы ни былъ размѣръ этихъ пожертвованій, П. И. Макушинъ рѣшилъ свои взносы продолжать до тѣхъ поръ, пока его личный капиталъ вмѣстѣ съ процентами не дойдетъ до 100.000 р. Принявъ съ благодарностью даръ П. И. Макушина, дума постановила ассигновать для этой цѣли и изъ городскихъ средствъ ежегодно по 3.000 рублей, начиная съ 1906 года вплоть до открытія университета. Откликнулось на призывъ П. И. Макушина и сибирское общество, но крупныхъ пожертвованій не было, хотя къ началу 1909 года капиталъ народнаго университета достигъ уже цифры въ 46.946 рублей.

Однако такой медленный ростъ капитала безпокоилъ П. И. Макушина, ибо можно было опасаться не только за скорость, но и за солидность и серьезность осуществленія задуманнаго народнаго университета, и вотъ 31-го декабря 1909 года П. И. подаетъ новое заявленіе томской городской думѣ, въ которомъ говорить:

«Желая доставить проектируемому просвѣтительному учрежденію всѣ удобства, соединенныя съ помѣщеніемъ его въ зданіи, специально для него приспособленномъ, а равно и упрочить навсегда самое его существованіе, я имѣю честь заявить городской думѣ о своемъ желаніи пожертвовать въ ея распоряженіе въ ближайшія пять лѣтъ на указанный предметъ сто тысячъ рублей на слѣдующихъ условіяхъ: 1) городская дума должна отвести подъ проектируемое зданіе достаточно обширный

участокъ земли, чтобы въ будущемъ была возможность расширить народный университетъ постройкою новыхъ добавочныхъ зданій. 2) Выстроенное зданіе, составляя собственность томскаго городского общественаго управленія, должно на вѣчныя времена служить помѣщеніемъ: а) для народнаго университета и всѣхъ его отдѣленій и научныхъ кабинетовъ, какіе со временемъ могутъ при немъ образоваться; б) для совѣта общества содѣйствія устройству сельскихъ бесплатныхъ библиотекъ въ Томской губерніи; в) для совѣтовъ и правленій всѣхъ другихъ мѣстныхъ ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ и г) для засѣданій и занятій народныхъ учителей Сибири во время ихъ съездовъ. 3) Городская дума должна образовать изъ гражданъ города особый строительный комитетъ подъ предсѣдательствомъ брата моего Алексѣя Ивановича Макушина для

«Домъ науки» имени П. И. Макушина въ Томскѣ.

выработки плана и смѣты проектируемаго зданія, а затѣмъ и для наблюденія за постройкой онаго. 4) Содержаніе зданія, страхование отъ огня и ремонтъ его должны производиться изъ средствъ народнаго университета. 5) Страхование зданія отъ огня производится изъ указанныхъ средствъ городской управы. Въ случаѣ, если вышеозначенное зданіе или часть его будетъ истреблена пожаромъ и сгорѣвшее окажется не застрахованнымъ, то сгорѣвшее имущество возобновляется за счетъ городской кассы. 6) Выстроенное на жертвуемые мною средства зданіе должно навсегда именоваться «имени Петра Макушина Домъ Науки».

«Сибирскіе народные учителя и учительницы, пріѣзжая въ Томскъ, имѣютъ право бесплатнаго посѣщенія всѣхъ лекцій въ народномъ университетѣ и всѣхъ его кабинетовъ. Этимъ правомъ постоянно и навсегда пользуются всѣ учащіе въ начальныхъ школахъ гор. Томска. Въ лѣтнія каникулы совѣтомъ университета устраиваются для учителей и учительницъ народныхъ сибирскихъ школъ бесплатные курсы, если на слушаніе таковыхъ выразятъ желаніе не менѣе ста человекъ изъ учителей и учительницъ народныхъ школъ».

«Въ случаѣ принятія городской думою моего настоящаго предложенія я обязуюсь на подготовительныя работы и заготовку матеріаловъ теперь же внести въ городскую кассу двадцать пять тысячъ рублей, какъ мой первый взносъ на постройку вышеозначеннаго «дома науки», съ условіемъ, чтобы этотъ и послѣдующіе мои, а въ случаѣ моей смерти взносы моихъ наслѣдниковъ на означенный предметъ, впредь до расходованія ихъ согласно назначенія, обращались въ городскомъ хозяйствѣ изъ 6⁰/₀ годовыхъ, какъ обращается и основной капиталъ народнаго университета, согласно постановленія думы отъ 4-го мая 1905 года».

На засѣданіи 7-го января 1910 года дума единогласно и съ благодарностью приняла новый даръ жертвователя, согласилась съ его условіями и постановила отвести для постройки участокъ земли въ 3.867 кв. саж. на Соляной площади, что на Воскресенской горѣ, избравъ для выработки плана и смѣтъ и для наблюденія надъ работами особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ брата жертвователя А. И. Макушина. 9-го октября 1910 года было получено официально утвержденное постановленіе думы объ отводѣ земли для университета, а 18-го декабря комитетъ и приглашенные въ качествѣ жюри нѣсколько мѣстныхъ архитекторовъ подробно обсудили представленные на конкурсъ проекты и единогласно удостоили первой преміи проектъ подъ девизомъ «Свѣтъ» (авторъ А. Д. Крячковъ); по этому проекту и рѣшено было строить зданіе. Зданіе, трехъэтажное съ полуподваломъ, имѣетъ восемь аудиторій въ сложности, при соблюденіи нормы на 960 слушателей, семь кабинетовъ, комнаты для директора, для канцеляріи, для лекторовъ и для библіотеки. Постройка началась въ концѣ марта мѣсяца 1911 года. Перваго мая состоялась закладка.

Къ концу сентября часть зданія была почти готова, и въ «Домъ науки» переселились первые жильцы: сначала въ одну изъ комнатъ для просвѣтительныхъ обществъ перенесло свое имущество фотографическое общество, а затѣмъ переѣхали и общеобразовательные курсы.

Въ полдень 7-го октября состоялось торжество освященія «Дома науки». Здѣсь были представители городского духовенства во главѣ съ архіепископомъ томскимъ и алтайскимъ Макаріемъ, представители губернской администраціи вмѣстѣ съ томскимъ вице-губернаторомъ, чины министерства народнаго просвѣщенія и военнаго, члены культурно - просвѣтительныхъ и общественныхъ организацій, профессора томскаго университета и технологическаго института, адвокаты, общественные дѣятели, гласные городской думы во главѣ съ городскимъ головой, представители столичной и мѣстной печати и многіе другіе, всего до тысячи человекъ. Послѣ торжественнаго молебствія преосвященный Макарій обратился къ присутствовавшимъ съ краткимъ словомъ, въ которомъ, между прочимъ, высказалъ надежду, что «Домъ науки» не будетъ мѣстомъ

Петръ Ивановичъ Макушинъ.

для распространенія «масонской» западно-европейской «лже-науки». Затѣмъ начались рѣчи; изъ которыхъ приведемъ рѣчь самого П. И. Макушина, гдѣ онъ выясняетъ задачи народнаго университета, его цѣли и характеръ. Онъ говорилъ:

«Народное образованіе и народное богатство тѣсно связаны между собою. Несомнѣнно и для всякаго понятно, что кто вооруженъ знаніемъ и опытомъ, кто получилъ большее образованіе, кто развитѣ умственно, тотъ имѣетъ возможность примѣнить свои силы и свои средства и болѣе экономно и болѣе продуктивно. Подтвержденіемъ этой истины служить

наша родина. При массѣ естественныхъ богатствъ она бѣдна. Нелицеприятная статистика констатируетъ слѣдующіе печальные факты: въ то время, какъ десятина земли въ среднемъ даетъ въ Бельгіи 176 пудовъ пшеницы, въ Англіи 178, въ Германіи 137, въ Россіи даетъ только 54 пуда. Та же статистика показываетъ, что среднее потребленіе хлѣба на каждого человѣка въ годъ равняется: въ Бельгіи 20 пудамъ, во Франціи 16 п. 9 фунт., въ земледѣльческой Россіи 13 пуд. 16 фунт. Потребленіе нѣкоторыхъ изъ обычныхъ, повседневныхъ предметовъ роскоши, показывающее достатокъ населенія, выражается въ такихъ размѣрахъ: сахара расходуется въ годъ на человѣка: въ Бельгіи 37 фунт., въ Англіи 2 пуда 15 фунт., въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ 2 пуда 6 фунт., во Франціи 37 фунт., въ Россіи 17 фунт. Потребленіе чая и кофе: въ Бельгіи на одного человѣка 10¹/₂ фунт., въ Англіи 7¹/₂ фунт., въ Нидерландахъ 22 фунта, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ 12 фунт., въ Россіи 67 золотниковъ... Такія же неутѣшительныя цифры даетъ статистика и по нашей промышленности.

«Мы несомнѣнно бѣдны. Причина этого печальнаго положенія нашей родины—ея невѣжество: 80% ея населенія совершенно неграмотно, 8¹/₂ милліоновъ дѣтей школьнаго возраста остаются даже безъ начальной школы, въ среднихъ школахъ находится одинъ изъ 413, а въ высшихъ одинъ изъ 3.500 жителей. Для полноты картины прибавимъ, что полный курсъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній проходитъ только половина изъ этихъ счастливцевъ.

«Кромѣ матеріальнаго богатства и благосостоянія, обусловливаемыхъ степенью народнаго образованія, есть еще болѣе цѣнное благосостояніе моральное, состоящее въ широкомъ развитіи среди всѣхъ классовъ общества гуманности, живого и бодрого стремленія къ возможному достиженію высокихъ идеаловъ законности, всеобщаго братства и равенства. Но и это благосостояніе достижимо также только при культурномъ развитіи, по возможности, всѣхъ членовъ общества.

«Нужно ли говорить, что мы бѣдны и морально?»

«И для поднятія нашего матеріальнаго благосостоянія, и для завоеванія и широкаго развитія моральнаго необходимо нужно, чтобы образованіе широкой волной прокатилось по нашей родинѣ, достигло самыхъ глухихъ угловъ и напоило всѣхъ жаждущихъ знанія. Нашъ знаменитый сибирякъ Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ выразилъ свои мечты объ этомъ такъ: пусть будетъ начальная школа въ каждой деревнѣ, младшіе классы средней школы въ каждомъ селѣ, старшіе—въ каждомъ городѣ, а то или другое высшее учебное заведеніе—въ каждомъ губернскомъ городѣ.

«Если бы эти слова не были мечтой, а воплотились въ дѣйствительность, мы быстро разбогатѣли бы и матеріально, и морально. Но, къ сожалѣнію, слова Дмитрія Ивановича осуществимы только въ весьма далекомъ будущемъ, а въ настоящее время мы вынуждены на всю громадную Россію съ населеніемъ въ 160 милліоновъ довольствоваться 50-ю высшими заведеніями, сосредоточенными главнымъ образомъ въ нашихъ столицахъ, 1.400 среднихъ школъ и ста тысячами низшихъ школъ. Неудивительно, что подавляющее большинство населенія Россіи погружено во тьму невѣжества, и наша родина на картѣ просвѣщенія Европы представляетъ, къ великому нашему огорченію и стыду, большое черное пятно.

«Кто изъ насъ искренно желаетъ блага своей родинѣ, долженъ искать выхода изъ такого положенія, долженъ всѣми мѣрами содѣйствовать пробужденію въ общественномъ сознаніи необходимости осуществленія мечты Дмитрія Ивановича, а пока она осуществится, обязанъ, при не-

достаткѣ нашихъ учебныхъ заведеній, искать иные пути къ просвѣщенію народныхъ массъ.

Пути къ распространенію образованія въ массахъ лучшей частью нашего общества уже указаны, и по нимъ съ шестидесятыхъ годовъ миноваго столѣтія уже катится въ народъ живая вода знанія. Разумѣю воскресныя школы, бібліотеки, народныя чтенія, повторительные курсы и лекціи. Но это, къ великому сожалѣнію, не рѣчки, даже не ручейки, а едва замѣтныя струйки, да и тѣ струятся пока только въ большихъ центрахъ нашего обширнаго отечества, часто прерываемыя на своемъ теченіи камнями невѣжества и разнымъ мусоромъ, въ изобиліи усѣявшимъ наши пути къ просвѣщенію.

Такой струйкой, хотѣлось бы сказать—ручейкомъ, проводящимъ живую воду знанія въ массу населенія прежде всего гор. Томска, а затѣмъ и другихъ болѣе населенныхъ центровъ Сибири, имѣетъ быть и проектируемый въ Томскѣ народный университетъ, зданіе для котораго мы освятили сейчасъ молитвою къ Царю свѣта.

По мысли учредителей, университетъ долженъ служить широкому распространенію общаго и въ частности высшаго научнаго образованія и привлеченію симпатій населенія къ наукѣ и знанію. Проектируемый университетъ, кромѣ академическаго отдѣленія, преслѣдующаго цѣли систематическаго высшаго образованія, будетъ имѣть научно-популярное отдѣленіе, которое служило бы подготовительною школою для лицъ, желающихъ получить образованіе на академическомъ отдѣленіи, но не обладающихъ къ тому достаточною подготовкою. Въ задачи этого отдѣленія должно входить сообщеніе, въ объемѣ программъ средней школы, научныхъ знаній лицамъ, которыя, по недостатку средствъ, времени и по другимъ обстоятельствамъ, не имѣли возможности въ годы юности получить среднее образованіе. Всѣ мы знаемъ, что изъ поступающихъ въ наши гимназіи, реальныя училища, семинаріи и другія среднія учебныя заведенія кончаетъ курсъ только половина, а другая половина, въ силу разныхъ зависящихъ и не зависящихъ отъ нея причинъ, рассыпается изъ учебныхъ заведеній на длинной, часто тернистой дорогѣ отъ перваго до послѣдняго курса... Несомнѣнно, значительная часть этой второй половины «неудачниковъ», богатая лицами незаурядныхъ дарованій, можетъ и желаетъ учиться.

Народный университетъ имѣетъ въ виду обслуживать просвѣдительныя нужды по преимуществу пасынковъ русскаго просвѣщенія, т. е. обездоленные въ культурномъ отношеніи слои общества. Онъ идетъ навстрѣчу всѣмъ, въ комъ есть серьезное стремленіе къ знанію, но кто лишенъ возможности проходить регулярную школу, одинаково предлагая духовную трапезу для званыхъ и незваныхъ. «Научная трапеза знаній,—говоритъ извѣстный дѣятель по народному образованію профессоръ Сыромятниковъ,—открыта въ народномъ университетѣ для всѣхъ безъ всякихъ сословныхъ, имущественныхъ и иныхъ ограниченій, всѣ, кто желаетъ вкусить отъ нея, могутъ приходить и брать то, что имъ нужно, и что они могутъ взять въ мѣру своего пониманія, силъ и времени. Для однихъ все, что они услышатъ въ народномъ университетѣ, будетъ новостью, совершеннымъ откровеніемъ, для другихъ только пополненіемъ пробѣловъ полученнаго ранѣе образованія, для третьихъ лекціи народнаго университета сыграютъ роль важнаго подспорья въ ихъ самообразовательной работѣ, наконецъ, четвертымъ онѣ дадутъ возможность удовлетворять своимъ интересамъ въ какой-нибудь спеціальной области знаній. Народный университетъ дѣлаетъ возможнымъ пользоваться при занятіяхъ руководствомъ просвѣщенныхъ спеціалистовъ той или иной отрасли знанія, живымъ обменомъ съ ними мыслей, и университетъ, хорошо

оборудованный учебными пособіями и научными кабинетами и библіотекою, создать прекрасныя условія для самообразованія и научных работъ.

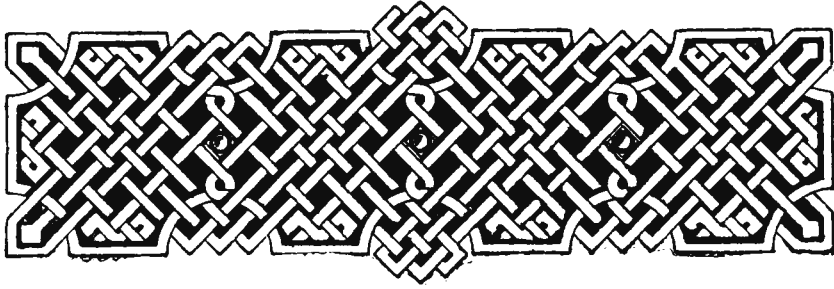
«Народный университетъ не имѣетъ въ виду отбивать людей отъ профессиональнаго ихъ дѣла, отъ службы, отъ ремесла, чтобы всѣхъ превращать въ своего рода бакалавровъ. Важно, что люди промышленнаго и всякаго иного труда или административнаго дѣла, какъ граждане, имѣютъ такое же право и запросы на благо науки, гуманности, словесности, какъ люди такъ называемыхъ либеральныхъ профессій. Экономическое или административное дѣло ничѣмъ не хуже дѣла судьи, доктора, учителя и, оставаясь вѣрными своему дѣлу, они должны имѣть возможность такъ же, какъ и ихъ собратья, образовать свою «святая святыхъ», отдыхать душою и искать крѣпости въ житейской борьбѣ въ томъ высокомъ и благородномъ, что даетъ наука и литература.

«Учиться можно и должно всю жизнь отъ юности до старости. Поистинѣ счастливы тѣ, въ комъ сохраняется эта жажда знанія. Задача народнаго университета поддерживать и раздуть этотъ священный, животворящій огонекъ.

«Мы всѣ собрались здѣсь подъ знаменемъ идеи широкаго всеобщаго распространенія свѣта и знанія. Унесемъ же отсюда горячее сочувствіе къ этой идеѣ и въ частности дѣятельное и живое сочувствіе къ возникающему въ нашемъ городѣ народному университету и постараемся зажечь это сочувствіе въ сердцахъ нашихъ знакомыхъ, отсутствующихъ здѣсь. Это будетъ актомъ проявленія нашей любви къ родинѣ, актомъ Христовой братской любви къ сидящимъ во тьмѣ».

Послѣ этой рѣчи было произнесено еще много другихъ и началось чтеніе длиннаго ряда привѣтствій, адресовъ, телеграммъ, писемъ и проч. отъ многихъ представителей духовенства, администраціи, отъ различныхъ общественныхъ, научныхъ и просвѣтительныхъ учреждений, отъ профессоровъ, адвокатовъ, учебныхъ заведеній, представителей печати, мѣстныхъ общественно-просвѣтительныхъ кружковъ и обществъ и т. п. Чувствовалось большое общественное воодушевленіе, всѣми сознавались важность и величіе переживаемаго момента и всѣ были преисполнены самыми лучшими надеждами и благодарностью къ создателю этого «Дома науки». Но, какъ уже сказано выше, въ настоящее время министромъ народнаго просвѣщенія «Домъ науки» въ Томскѣ признанъ «нецѣлесообразнымъ и нежелательнымъ», и дѣятельность уже почти оборудованнаго учрежденія съ роскошнымъ зданіемъ, снимокъ съ котораго здѣсь воспроизводится, огромными аудиторіями, кабинетами, библіотекой пресѣчена до лучшихъ временъ. Въ рѣшеніи представителя высшаго отечественнаго просвѣщенія передъ обывателями раскрывается любопытная и знаменательная страничка изъ переживаемаго нынѣ нами, которую мы въ назиданіе потомству и регистрируемъ здѣсь охотно, какъ страницу «борьбы противъ развитія просвѣщенія» въ нашемъ отечествѣ въ началѣ XX вѣка.

Н. С.

ЕЖ. ИВ. ЗАРИНА-НОВИКОВА.

ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ году исполняется пятидесятилѣтїе литературной дѣятельности талантливой романистки-бытописательницы Екатерины Ивановны Зариной-Новиковой, автора извѣстныхъ разсказовъ изъ временъ «бурныхъ дней Кавказа» и романовъ изъ эпохи крѣпостного права, изъ жизни старыхъ дворянскихъ гнѣздъ.

Писательница родилась въ 1837 году и по своему рожденію принадлежитъ къ старинному и, въ свое время, чрезвычайно богатому дворянскому роду Новиковыхъ. Ея отецъ съ сестрой (впослѣдствіи вышедшей замужъ за Слѣпцова) унаслѣдовали двѣ тысячи пятьсотъ душъ крестьянъ родового имѣнія въ Сердобскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи.

Бурная молодость ея отца, Ивана Даниловича Новикова, вызвала ссылку его на Кавказъ, гдѣ вскорѣ онъ отличился въ дѣлахъ съ горцами и получилъ почетное назначеніе въ крѣпость Анапу помощникомъ коменданта крѣпости, или, какъ тогда называли, плацъ-майоромъ. Комендантомъ крѣпости былъ въ то время извѣстный графъ Цукато. Тамъ Новиковъ и женился на красавицѣ-грузинкѣ стариннаго рода.

Среди постоянныхъ тревогъ боевой жизни крѣпости, окруженной немирными племенами горцевъ, нѣжный умъ ребенка воспринималъ картины дикой и живописной жизни, гениально воспѣтой Пушкинымъ и Лермонтовымъ. Эти картины навсегда запечатлѣ-

«Истор. вѣстн.», июль 1914 г., т. сxxxvii.

15

лись въ душѣ ребенка и впослѣдствіи нашли свое выраженіе въ колоритныхъ разсказахъ, живописующихъ эту безпокойную и героическую жизнь.

Въ семьѣ Новиковыхъ свято хранились воспоминанія о посѣщеніи ихъ Лермонтовымъ, когда онъ десятилѣтнимъ мальчикомъ со своей бабушкой Арсеневой провелъ у нихъ нѣсколько дней. У матери писательницы сохранилось о немъ воспоминаніе, какъ о рѣзвомъ мальчикѣ, который, къ ужасу бабушки, Арсеневой, вѣчно скрывался изъ глазъ, и то лазилъ на вышку, съ которой сторожили и днемъ и ночью непріятеля или ждали возвращенія экспедиціи, то дразнилъ любимую козочку Новиковыхъ.

Значительно позднѣе въ крѣпости у Новиковыхъ побывалъ и декабристъ, извѣстный поэтъ князь Одоевскій, кому Лермонтовъ посвятилъ возвышенныя и трогательныя строки:

Я зналъ его,—мы странствовали съ нимъ,
Въ горахъ Кавказа и тоску изгнанья
Дѣлили дружно..- и т. д..

Въ такой обстановкѣ писательница провела раннее дѣтство. Дѣти подрастали ¹⁾. Надо было думать объ ихъ воспитаніи, и полковникъ Новиковъ рѣшилъ выйти въ отставку и ѣхать въ Россію. Отправилъ семью въ свое имѣніе, а самъ остался ликвидировать свои дѣла въ Анапѣ, гдѣ у него тоже было уже большое хозяйство—земли и виноградники.

Въ роскошномъ барскомъ помѣстьи (еще не раздѣленномъ) впечатлительный ребенокъ лицомъ къ лицу столкнулся съ тогдашней помѣщичьей жизнью, съ ея темными сторонами насилія и произвола и своеобразной поэзіей.

Дѣла отца на Кавказѣ затянулись, и будущая писательница была отправлена въ Пензу, въ дворянскій пансіонъ. Но тутъ семью Новиковыхъ постигла катастрофа. Иванъ Даниловичъ Новиковъ во время парада упалъ съ лошади и сломалъ ногу. Онъ долго лежалъ въ лазаретѣ и, поправившись, снова на парадъ, опять упалъ и сломалъ вновь ту же ногу. Это было почти наканунѣ его отъѣзда въ Россію. Вторичное паденіе вызвало гангрену, и онъ умеръ. Съ его смертью исчезли и бывшія при немъ деньги и семейные документы...

А съ этими документами исчезли и права на наслѣдство. Между тѣмъ, Новикова проводила вакаціонное время у своей

¹⁾ Изъ многочисленной семьи Новиковыхъ братъ писательницы полковникъ Новиковъ впослѣдствіи былъ комендантомъ въ Карійскомъ золотоносномъ округѣ, гдѣ, между прочимъ, въ кругъ его вѣдѣнія входила и мѣстная каторжная тюрьма. О немъ упоминаетъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи Кеннагъ. А в т.

тетки Слѣпцовой, и яснѣе и глубже понимала окружающую жизнь.

Кончивъ съ отличіемъ дворянскій пансіонъ, Новикова съ матерью поселилась въ Пензѣ. Братья и сестры были опредѣлены въ корпуса и институты. Отъ огромнаго состоянія мужа его вдова располагала едва сотней душъ, которыхъ и поспѣшила отпустить на волю. Вскорѣ по окончаніи института, едва шестнадцати лѣтъ,

Е. И. Зарина-Новикова.

Новикова вышла замужъ за девятнадцатилѣтняго В. П. Зарина пензенскаго помѣщика.

Когда началась крымская кампанія, В. П. Заринъ пошелъ ополченцемъ, въ качествѣ адъютанта у своего дяди полкового командира Попова. Исполняя подъ Севастополемъ возложенное на него полковымъ командиромъ порученіе по сдачѣ денегъ, онъ былъ убитъ на дорогѣ разбойниками и ограбленъ. Въ роцѣ, гдѣ онъ былъ убитъ, нашли только, кромѣ его обезображеннаго трупа, съ переломанными руками и ногами и петлей на шеѣ, обручальное кольцо и нѣсколько писемъ его молодой жены... Письма и кольцо были доставлены вдовѣ...

Это былъ тяжелый періодъ въ жизни писательницы. Черезъ нѣсколько лѣтъ она снова вышла замужъ за Ею. Ѳед. Зарина, очень дальняго родственника ея покойнаго мужа.

Дѣятельность Ею. Ѳед. Зарина въ Пензѣ, упоминаемая, между прочимъ, Лѣсковымъ, и его борьба съ мѣстной администраціей кончились тѣмъ, что Зарину пришлось тайно бѣжать изъ Пензы въ Петербургъ; благодаря его разоблаченіямъ, была назначена въ концѣ концовъ сенаторская ревизія Пензенской губерніи, печально кончившаяся для высшей администраціи края.

По приѣздѣ въ Петербургъ, въ 1859 году, Заринъ близко сошелся съ литературными кружками и сталъ постояннымъ сотрудникомъ «Библіотеки для чтенія», а потомъ соредакторомъ «Отечественныхъ Записокъ». Имя Зарина, какъ художественнаго критика, выступавшаго противъ «разрушителей эстетики»—Писарева, Зайцева и др., публициста, поэта и переводчика Байрона, хорошо извѣстно въ литературѣ. Къ этому времени относится и начало литературной дѣятельности г-жи Зариной-Новиковой.

Въ эту эпоху обычными гостями въ домѣ Зариныхъ были Лѣсковъ, Щегловъ, Писемскій, Соловьевъ, Вейнбергъ, Дудышкинъ, Крестовскій и др.

Теперь, между прочимъ, возбудился вопросъ о «Петербургскихъ Трущобахъ». Но въ эпоху писанія этого романа Крестовскій, бывая постояннымъ посѣтителемъ Зариныхъ, дѣлился съ ними непосредственно своими переживаніями и тѣми матеріалами, которые онъ получалъ, изслѣдуя «дно» столицы, переряженный посѣщая и знаменитый «Малинникъ», и «Вяземскую Лавру»

Первая вещь Новиковой «Питомцы» была съ большимъ сочувствіемъ встрѣчена въ «Современникѣ» Щедрина и Некрасова. Оба они въ письмѣ привѣтствовали автора. Появленіе «Питомцевъ» въ «Современникѣ» вызвало сенсацію въ литературныхъ и общественныхъ кругахъ и нѣкоторый переполохъ въ административныхъ сферахъ.

Вопросъ, затронутый писательницей въ своей повѣсти, вопросъ, не потерявшій своей остроты до настоящаго времени, касался положенія питомцевъ воспитательнаго дома, которыхъ это учрежденіе отправляетъ на воспитаніе въ окрестныя деревни. Тяжелая, полная униженій и лишеній, жизнь этихъ несчастныхъ дѣтей впервые нашла свое выраженіе въ литературѣ. Вниманіе и сочувствіе общества были возбуждены. Многіе богатые люди заинтересовались судьбой безыменныхъ дѣтей, и, можетъ быть, не одна судьба устроена, благодаря талантливой повѣсти. Откликнулась на жгучій вопросъ и администрація и тоже кое-что сдѣлала...

Съ этихъ поръ литературная дѣятельность г-жи Зариной-Новиковой идетъ уже непрерывно. Писательница принимаетъ дѣятельное участіе въ газетѣ «Русь» (Баженова), затѣмъ въ

«Семьѣ и Школѣ» и др., а впоследствии сотрудничаетъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обзорѣннѣ» (Шеллера), «Звѣздѣ» (Сойкина) «Трудѣ» (Быкова), «Нивѣ», «Родинѣ», «Русской Старинѣ», «Всемирной Иллюстраціи», «Паломникѣ», «Природа и Люди»; въ журналахъ для дѣтей и юношества: «Всходахъ», «Игрушечкѣ» и друг.

Ея рассказы и романы выдерживаютъ рядъ изданій, особенно кавказскіе рассказы и большой романъ изъ эпохи крѣпостного права «Николай Бронскій».

Если въ кавказскихъ рассказахъ ярко и колоритно отразилась дикая и живописная жизнь Кавказа, среди которой протекло раннее дѣтство писательницы, то въ романѣ «Николай Бронскій», имѣющемъ автобіографическія черты, широко развернулась картина крѣпостной жизни родового гнѣзда. Старая помѣщица, окруженная приживалками и богомолками, добрая, но безсильная передъ своимъ любимцемъ-сыномъ, крѣпостникомъ и насильникомъ, погибшая жизнь крѣпостного таланта-скрипача, произволъ и насиліе, доведшіе въ концѣ концовъ богатаго помѣщика до суда и острога,—все это дышитъ истинной правдой жизни, потому что это есть сама жизнь, видѣнная и перечувствованная авторомъ.

Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ писательницей въ провинціи, дали ей матеріалъ для очерковъ провинціальной жизни и значительнаго романа «Неприступная». Выросшая въ старинной помѣщицкѣй семьѣ, глубоко проникнутая старыми завѣтами, писательница, уже въ преклонныхъ годахъ совершила рядъ поѣздокъ къ роднымъ святынямъ, талантливо рассказанныхъ ею на страницахъ «Паломника».

Г-жа Зарина-Новикова выступала и какъ драматургъ. Ея пьеса изъ эпохи крѣпостного права «Загубленная жизнь» съ успѣхомъ шла въ провинціи, а въ минувшемъ году съ такимъ же успѣхомъ исполнялась въ Павловскомъ народномъ домѣ ея пьеса «Въ угарѣ».

Отличительной чертой творчества писательницы является яркая изобразительность, живое воображеніе и неизмѣнная любовь къ людямъ, особенно «униженнымъ и оскорбленнымъ». И затѣмъ еще цѣнная черта—авторъ пишетъ только то, что непосредственно видѣлъ или перечувствовалъ.

Несмотря на свой преклонный возрастъ, маститая писательница еще продолжаетъ работать съ прежней энергіей.

Ф. Н.

РЕВНИТЕЛЬ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(Памяти П. Г. Шелапутина).

ВЪ ЛИЦѢ скончавшагося 23-го мая с. г. во Фрейбургѣ Павла Григорьевича Шелапутина Москва потеряла одного изъ лучшихъ и достойнѣйшихъ своихъ гражданъ, чье имя давно было извѣстно всей образованной Россіи, пламеннаго патріота, беззавѣтно любившаго родину, ревновавшаго о ея славѣ и щедрыми пожертвованіями на великое дѣло народнаго просвѣщенія оставившаго по себѣ прочную, неизгладимую память.

Биографическія свѣдѣнія о П. Г. Шелапутинѣ, къ сожалѣнію, очень скудны. Родился онъ въ 1847 г. и, будучи самъ православнымъ, происходилъ изъ древняго старообрядческаго рода, нѣкогда игравшаго въ Москвѣ видную роль. Одинъ изъ Шелапутиныхъ во время нашествія Наполеона былъ московскимъ городскимъ головою и оказалъ городу такія важныя услуги, что въ послѣдствіи, при императорѣ Николаѣ I, былъ возведенъ въ дворянское достоинство. Впрочемъ, Павелъ Григорьевичъ не унаслѣдовалъ этого званія, такъ какъ происходилъ изъ боковой линіи. Образование онъ получилъ домашнее. Лѣтъ около сорока назадъ учредилъ въ компаніи съ нѣсколькими московскими капиталистами товарищество Балашинской мануфактуры, гдѣ въ настоящее время работаетъ до трехъ тысячъ человѣкъ и имѣется годовой оборотъ почти въ восемь милліоновъ рублей.

Повидимому, Павелъ Григорьевичъ ничѣмъ не выдѣлился и оставался въ полной неизвѣстности до 1893 года, когда онъ неожиданно выступилъ на арену общественно-благотворительной

дѣятельности, заявивъ въ московскую городскую управу о своемъ желаніи арендовать на Дѣвичьемъ полѣ землю и построить на ней «гинекологическій институтъ для врачей» имени покойной своей матери Анны Шелапутиной. И вотъ непосредственно вслѣдъ за учрежденіемъ этого института, которымъ восполнялся отнынѣ крупный пробѣлъ въ организациі клинической подготовки врачей-акушеровъ при московскомъ университетѣ, института, вызвавшего самыя горячія, восторженныя похвалы со стороны представителей европейской науки, съѣхавшихся на международный съѣздъ врачей въ Москвѣ, института, который иностранные спеціалисты единодушно привѣтствовали тогда въ своихъ рѣчахъ и докладахъ, какъ «первое образцовое учрежденіе въ Европѣ»,—возникаетъ рядъ учебныхъ заведеній, сооруженныхъ на средства П. Г. Шелапутина. Въ 1901 году была открыта гимназія имени покойнаго сына его Григорія, а въ 1903 году—три ремесленныхъ училища (два мужскихъ и одно женское) имени того же лица. Въ томъ же 1903 г. Пав. Григ. пожертвовалъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи Фили около девятисотъ квадратныхъ сажень земли для постройки двухкласснаго министерскаго училища имени тайнаго совѣтника Н. П. Боголѣпова. Въ 1908 году Павелъ Григорьевичъ заявилъ о своемъ желаніи соорудить рядомъ съ гимназіей имени Григорія Шелапутина реальное училище въ память другого своего покойнаго сына—Анатолія Шелапутина—и педагогическій институтъ, который долженъ былъ носить имя самого жертвователя. Въ настоящее время обширное пространство Дѣвичьяго поля сплошь занято грандіозными сооружениями П. Г. Шелапутина, увѣковѣчившими собой славное имя этого на рѣдкость щедрого благотворителя, неустанно приносившаго жертвы на пользу родного просвѣщенія и не перестававшего творить добро людямъ,—и явно и тайно,—буквально до гробовой доски. Такъ, незадолго до своей кончины онъ пожертвовалъ свыше полумилліона рублей на устройство женской учительской семинаріи и сорокъ тысячъ на организацию опытовъ леченія радиемъ при гинекологическомъ институтѣ. А еще ранѣе имъ былъ организованъ великолѣпный залъ въ музеѣ изящныхъ искусствъ имени императора Александра III при московскомъ университетѣ, уступлена была тому же университету большая полоса земли для меридиана астрологической обсерваторіи, устроенъ домъ призрѣнія для престарѣлыхъ сидѣлокъ, служителей и служительницъ клиникъ, богадѣльня для вдовъ приказчиковъ, домъ дешевыхъ квартиръ императорскаго человѣколюбиваго общества, превосходно оборудованныя больницы для фабричныхъ рабочихъ и т. д.

Трудно, даже почти невозможно перечислить всѣ тѣ пожертвованія, которыя были сдѣланы покойнымъ въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій; еще труднѣе указать, какая сумма была имъ израсходована на благотворительныя дѣла,—не менѣе, во

всякомъ случаѣ, трехъ съ половиной или четырехъ милліоновъ рублей.

За выдающуюся благотворительную дѣятельность Павелъ Григорьевичъ неоднократно удостоивался монаршихъ милостей. Такъ, онъ награжденъ былъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, «помимо младшихъ чиновъ и не въ примѣръ другимъ», какъ сказано въ его служебномъ формулярѣ, орденами св. Владимира третьей и св. Станислава первой степени, и, наконецъ, именнымъ высочайшимъ указомъ, даннымъ 10-го января 1911 года правительствующему сенату, возведенъ былъ въ «потомственное дворянское Россійской имперіи достоинство».

Но далекій отъ честолюбивыхъ помысловъ, скромный, замкнутый въ себѣ и даже нѣсколько застѣнчивый въ обществѣ, Павелъ Григорьевичъ, въ сущности, былъ глубоко равнодушенъ ко всякаго рода внѣшнимъ отличіямъ и наградамъ. «Лучшая, самая высокая для меня награда,—говорилъ онъ иногда въ тѣсномъ пріятельскомъ кругу,—это признаніе, что я честно исполняю долгъ свой передъ родиной».

И это не было фразой въ устахъ покойнаго. Онъ дѣйствительно былъ такимъ человѣкомъ, послушнымъ лишь велѣніямъ долга и своей безукоризненно чистой, кристальной совѣсти, къ голосу которой онъ внимательно прислушивался всю жизнь и которая ни разу не обманула его. Къ тому же это былъ человѣкъ глубоко религіозный, весь проникнутый любовью къ Богу, надеждой на Его милосердіе и вѣрой въ личное безсмертіе. Религіозная настроенность помогала ему съ удивительной легкостью переносить какіе угодно удары судьбы, не падая духомъ. А судьба, точно нарочно, посылала ему одно испытаніе за другимъ. Достаточно сказать, что онъ потерялъ всѣхъ трехъ своихъ сыновей, умершихъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Смерть старшаго сына Бориса, упавшая, какъ громъ небесный, на его сѣдую голову всего годъ тому назадъ, какъ-то сразу надломила его богатырское здоровье и неожиданно свела его въ преждевременную могилу. Кажется, впервые на шестьдесятъ седьмомъ году жизни П. Г. Шелапутинъ, никогда ничѣмъ не лечившійся, съ нескрываемою ироніей относившійся къ врачамъ и, по видимому, считавшій панацеей отъ всѣхъ болѣзней красное вино, которое онъ очень любилъ и пилъ, какъ воду,—долженъ былъ прибѣгнуть въ врачебной помощи. И первый же блинъ, какъ говорится, вышелъ комомъ. Ни продолжительное леченіе дома, ни за границей,—сначала въ Санъ-Ремо, а потомъ во фрейбургской санаторіи, гдѣ больного пользовали радіемъ,—ничто уже не могло помочь, и Павелъ Григорьевичъ скончался въ страшныхъ мученіяхъ отъ ракообразной опухоли въ мозгу...

Если окинуть взглядомъ всю общественно-благотворительную дѣятельность П. Г. Шелапутина, то нельзя прежде всего не заду-

маться надъ вопросомъ, какимъ образомъ этотъ человѣкъ, получившій лишь скромное «домашнее образованіе», могъ такъ тонко понимать наиболѣе ощутительныя нужды русскаго просвѣщенія

П. Г. Шелапутинъ.

и стремиться къ ихъ удовлетворенію съ такой обдуманностью и съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла, точно какимъ-то внутреннимъ чутьемъ онъ угадывалъ назрѣвшую въ данный моментъ потребность въ томъ или иномъ просвѣтительномъ учрежденіи и спѣшилъ ее удовлетворить. Такъ, въ Москвѣ существовало нѣсколь-

ко гимназій, но онъ выстроилъ въ память сына своего Григорія такую, зданіе которой являлось среди нихъ образцомъ въ санитарномъ отношеніи; при этомъ онъ позаботился, чтобы въ гимназіи цѣлый отдѣльный этажъ былъ отведенъ для интерната, что опять-таки весьма важно, такъ какъ большинство нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній не имѣетъ пансіоновъ, а между тѣмъ потребность въ нихъ чрезвычайно велика, ибо очень многіе родители, отдающіе своихъ дѣтей въ гимназію, принуждены жить вдали отъ культурныхъ центровъ.

Гимназія имени Григорія Шелапутина, во главѣ которой стоитъ талантливый педагогъ-администраторъ Д. Н. Корольковъ, дѣйствительно, можетъ считаться образцовой. Когдаходишь въ нее, прямо поражаешься чистотой и порядкомъ, царящими здѣсь рѣшительно всюду, начиная съ вестюбля и кончая уборными. Всѣ классы размѣщены по одну сторону двухъ обширныхъ просторныхъ коридоровъ перваго и втораго этажа зданія гимназіи: четыре младшихъ внизу и четыре старшихъ наверху. Просторъ, масса свѣта, благодаря цѣлой стѣнѣ оконъ—отличительная черта всѣхъ классовъ. Особенно много свѣта въ коридорахъ всѣхъ трехъ этажей (самый верхній отведенъ подъ пансіонъ), которые своими окнами обращены къ югу. Всюду—и въ коридорахъ, и въ классахъ разставлены цвѣты. На стѣнахъ тѣхъ и другихъ развѣшаны картины культурно-историческаго содержанія. Благодаря прямолинейности постройки, безъ угловъ, все на виду; нѣтъ мѣста ни для сора, ни даже для пыли, что весьма важно въ гигиеническомъ отношеніи. Въ классахъ обращаетъ на себя вниманіе устройство ученическихъ партъ. Онѣ очень удобны; не сжаты въ длину; спинки отдѣльныя для каждаго изъ двухъ учениковъ. Ящики для книгъ не имѣютъ глухой стѣны съ передней стороны, такъ что книги, вещи, даже руки ученика, если онѣ будутъ запрятаны въ ящикъ, всегда на виду. Между прочимъ, интересная подробность: въ каждомъ классѣ, во-первыхъ, имѣются большіе, круглые стѣнные часы, при наличности которыхъ ученикамъ нѣтъ надобности ни вытаскивать собственные часы изъ кармана, ни выбѣгать изъ класса для того, чтобы узнать, сколько осталось времени до конца урока,—во-вторыхъ, въ углу около двери непремѣнно стоитъ корзина для бумаги и всякаго сора. Воспитатели и самъ директоръ гимназіи строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы нигдѣ не валялось ни клочка бумаги, ни малѣйшей соринки,—всякіе ненужные отбросы, случайно оказавшіеся на полу, должны немедленно убираться въ корзину самими учениками. Привычка къ чистотѣ и опрятности культивируется здѣсь до такой степени, что ни одинъ ученикъ не позволить себѣ, напримѣръ, очинить карандашъ на партѣ, а, получивъ разрѣшеніе сойти съ мѣста, направится къ корзинѣ и надъ ней аккуратнѣйшимъ образомъ очинить карандашъ.

Въ пансіонѣ тотъ же самый просторъ, такая же масса свѣту и воздуха, какъ и въ гимназіи. Вездѣ развѣшаны картины, на подоконникахъ цвѣты. Куда ни посмотрите, всюду благолѣпіе и благоустройство, и рѣшительно на всемъ лежитъ печать заботливости и горячей любви къ педагогическому дѣлу почтеннаго директора гимназіи Д. Н. Королькова.

Обращаясь къ другимъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ, созданнымъ П. Г. Шелатутинымъ, нельзя не отмѣтить, что всѣ они возникали какъ нельзя болѣе своевременно, вполне отвѣчая назрѣвшимъ потребностямъ населенія Москвы. Такъ, ремесленные училища шли навстрѣчу весьма острой нуждѣ въ профессиональномъ образованіи, которая, естественно, должна была особенно ощущаться въ Москвѣ, самомъ крупномъ центрѣ русской промышленности. Реальное училище также восполняло весьма ощутительный недостатокъ въ такого рода учебныхъ заведеніяхъ, ибо ихъ было всего два въ Москвѣ, причемъ второе существовало лишь съ 1906 года и не имѣло еще полного числа классовъ.

Но во главѣ всѣхъ созданныхъ П. Г. Шелатутовымъ просвѣтительныхъ учреждений, несомнѣнно, долженъ быть поставленъ педагогическій институтъ, которымъ открывается, быть можетъ, новая блестящая эра въ развитіи у насъ въ Россіи средняго образованія.

Основная идея этого института—планомѣрное подготовленіе учителей средней школы. Занятія въ институтѣ, куда могутъ поступать только лица мужского пола, получившія высшее образованіе, должны, съ одной стороны, углубить познанія будущихъ учителей по избранной каждымъ изъ нихъ спеціальности, а съ другой—доставить имъ педагогическія знанія и умѣнія. Для осуществленія, главнымъ образомъ, этой послѣдней задачи слушатели института получаютъ свободный доступъ въ смежныя съ нимъ гимназіи и реальное училище, гдѣ они практически знакомятся съ постановкой обученія и воспитанія, съ приемами преподаванія и проч. Само собою разумѣется, что они безпрепятственно могутъ пользоваться всѣми учебно-вспомогательными установленіями гимназіи и реальнаго училища, гдѣ ведутся практическія занятія съ учениками по физикѣ, химіи, географіи, исторіи; могутъ, кромѣ того, посѣщать гимназическій пансіонъ, гдѣ они дежурятъ обыкновенно по одной недѣлѣ и затѣмъ представляютъ подробный письменный отчетъ съ критической оцѣнкой всего того, что было ими замѣчено во время дежурства.

Таковъ въ краткихъ чертахъ характеръ этого педагогическаго института съ двухлѣтнимъ курсомъ—единственнаго пока въ Россіи учебнаго заведенія, даващаго уже нѣсколько десятковъ вполне опытныхъ преподавателей, отсутствіе которыхъ за послѣдніе годы все болѣе и болѣе ощущалось въ нашей средней школѣ.

Когда П. Г. Шеллапутинъ щедрой рукой жертвовалъ на народное образованіе свои милліоны, то онъ поистинѣ воздвигалъ себѣ при жизни нерукотворный памятникъ,—въ особенности, если принять во вниманіе, что, въ сущности, вѣдь онъ далеко не всегда жертвовалъ отъ избытка средствъ, что, наоборотъ, весьма часто въ интересахъ осуществленія того или иного благотворительнаго предпріятія ему приходилось прямо-таки урѣзывать свой личный бюджетъ или, попросту говоря, сокращать «домашніе расходы». На такой героизмъ едва ли былъ бы способенъ какой-нибудь другой милліонеръ, даже болѣе крупнаго калибра, чѣмъ Шеллапутинъ. Впрочемъ П. Г. и стоялъ въ купеческомъ мірѣ совершенно особнякомъ: среди купечества это былъ «бѣлый воронъ». Въ то время, какъ «ихъ степенства», разные Губонины и Карзинкины, сверху внизъ смотрѣли на людей науки и при случаѣ готовы были даже слегка третировать ихъ, вполне искренно считая ихъ за болтуновъ и «стрикулистовъ», П. Г. всей душой тяготѣлъ къ наукѣ, къ просвѣщенію, съ уваженіемъ относился ко всѣмъ образованнымъ людямъ и любилъ вращаться въ профессорскихъ кругахъ, гдѣ у него установились тѣсныя дружескія связи съ такими, на примѣръ, лицами, какъ В. О. Снегиревъ, Н. А. Звѣревъ, А. М. Ждановъ и многіе другіе. Купецъ по происхожденію, онъ ничего общаго не имѣлъ съ купеческой средой, которой чуждался, и не мудрено, что московскіе «толстосумы», въ чьихъ глазахъ онъ былъ не то смѣшнымъ чудакомъ, не то злостнымъ ренегатомъ, платили ему за это глубокимъ равнодушіемъ, почти граничащимъ съ враждою. Даже смерть не примирила ихъ съ нимъ, и почтенные «отцы города» по вопросу объ увѣковѣченіи памяти покойнаго, къ стыду своему, до сихъ поръ еще безмолвствуютъ. Въ личной жизни П. Г. былъ очень несчастенъ. Не говоря уже о потерѣ всѣхъ трехъ сыновей въ цвѣтущемъ возрастѣ, особенно послѣдняго изъ нихъ, Бориса, который оставался единственной его надеждой и утѣшеніемъ на закатѣ дней, П. Г. всегда чувствовалъ себя какимъ-то заброшеннымъ и одинокимъ. «У меня нѣтъ друзей», частенько говаривалъ старикъ съ сокрушеннымъ вздохомъ, и это было горькой правдой. Вѣдь какъ никакъ—все же онъ отсталъ отъ одного берега и не совсѣмъ присталъ къ другому: «свой» поневолѣ отвернулся отъ него, ибо внутренняя, органическая связь съ ними была имъ самымъ безнадежно порвана, а «чужіе», хотя и милые его сердцу, не могли при всемъ желаніи дружить съ нимъ «по-настоящему» въ виду полученнаго имъ... «домашняго образованія». А между тѣмъ, обладая громаднымъ природнымъ умомъ, способностью къ самоанализу, богатымъ житейскимъ опытомъ и великолѣпнымъ знаніемъ людей, П. Г. отлично понималъ свою роль въ обществѣ и, конечно, всего менѣе могъ заблуждаться относительно истинной подоплеку того или иного отношенія къ нему со стороны окружающихъ... И не въ этомъ ли, можетъ быть, заключается секретъ душевнаго одиночества, которое онъ испытывалъ?

Какъ человѣкъ, П. Г. Шелапутинъ производилъ на всѣхъ, кто имѣлъ случай съ нимъ познакомиться, чарующее впечатлѣнiе, не смотря на то, что онъ былъ вообще скупъ на слова и болѣе думалъ, чѣмъ говорилъ. Зато все, что слетало съ его языка, было вѣско, остроумно, значительно. Великолѣпно зная людей, онъ умѣлъ каждого охарактеризовать какимъ-нибудь мѣткимъ словечкомъ, въ которомъ ярко выявлялась вся внутренняя сущность даннаго лица. «Скажетъ, точно сургучомъ припечатаетъ»,—недаромъ говорили о немъ въ подобныхъ случаяхъ.

Это былъ настоящій русскій самородокъ, фигура цѣльная, точно высѣченная изъ одного куска драгоцѣннаго мрамора. Грузный тѣломъ, нѣсколько суровый на видъ, угрюмый, вѣчно внутри себя на чемъ-то сосредоточенный, П. Г. могъ, пожалуй, и не понравиться съ перваго взгляда, но стоило только съ нимъ заговорить, какъ онъ сейчасъ же покорялъ и очаровывалъ всякаго,—и необыкновенной гибкостью ума, и рѣдкой независимостью взглядовъ, ибо это былъ такой человѣкъ, который никогда не бралъ напрокатъ чужихъ мнѣнiй, какъ бы они ни были авторитетны.

Образъ жизни П. Г. вель удивительно простой: вставалъ рано, ѣлъ умѣренно и скромно (пилъ, какъ я сказалъ выше, только одно красное вино), не позволялъ себѣ никакой роскоши, никакихъ излишествъ. Но работалъ чрезвычайно много, добывая въ потѣ лица тѣ самые милліоны, которые шли потомъ цѣликомъ на дѣла благотворенiя. Работая на пользу ближнихъ, П. Г. положительно забывалъ о самомъ себѣ, о своихъ личныхъ потребностяхъ и всячески старался сокращать расходы, которые казались ему лишними или чрезмѣрными.

Огромную, по истинѣ невознаградимую утрату понесла Москва въ лицѣ скончавшагося П. Г. Шелапутина, такъ какъ есть полное основанiе предполагать, что, если бъ онъ пожилъ еще хотя бы нѣсколько лѣтъ, москвичи увидѣли бы цѣлый рядъ новыхъ просвѣтительныхъ учрежденiй, на которыхъ горѣло бы золотыми буквами имя этого славнаго гражданина, одного изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ сыновъ своей родины.

Князь Б. А. Щетининъ.

ПРОЛОГЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ ¹⁾.

XXXVI.

ЫШЕ БЫЛО сказано, что осенью 1902 года японское правительство, черезъ своего посланника въ Петербургѣ, сдѣлало русскому правительству новыя предложенія по корейскимъ дѣламъ, расширенныя по сравненію съ предложеніями, сдѣланными въ Петербургѣ маркизомъ Ито.

По возвращеніи въ Петербургъ министръ финансовъ счелъ своимъ долгомъ, въ ноябрѣ 1902 года, высказать министру иностранныхъ дѣлъ свое глубокое убѣжденіе въ необходимости, съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, скорѣйшаго заключенія съ японскимъ правительствомъ соглашенія по корейскимъ дѣламъ. Приводимъ это письмо С. Ю. Витте отъ 28-го ноября полностью:

«Милостивый государь,

«Графъ Владимиръ Николаевичъ.

«Письмомъ отъ 27-го сего ноября № 1209 ваше сіятельство сообщили мнѣ содержаніе тѣхъ частныхъ довѣрительныхъ переговоровъ, которые вы имѣли съ маркизомъ Ито относительно возможнаго соглашенія Россіи съ Японіей. вмѣстѣ съ тѣмъ вы изволили пре-

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXVI, стр. 1029.

проводить при означенномъ письмѣ на мое заключеніе проектированный названнымъ японскимъ сановникомъ текстъ подобнаго соглашенія и тѣ измѣненія и дополненія, которыя вы, съ своей стороны, находите необходимымъ внести въ этомъ текстѣ.

«Вслѣдствіе сего имѣю честь сообщить вашему сіятельству, что при настоящемъ положеніи дѣлъ вопросу о соглашеніи съ Японіей я придаю первостепенное значеніе и считаю такое соглашеніе для насъ не только желательнымъ, но на ближайшіе годы, до полного окончанія постройки дороги, большаго заселенія восточныхъ окраинъ, организациі Заамурскаго округа и полного оборудованія Квантуна, даже существенно необходимымъ. По моему глубокому убѣжденію, до тѣхъ поръ, пока мирнымъ путемъ, на почвѣ взаимныхъ уступокъ, мы не устранимъ существующихъ у насъ съ Японіей недоразумѣній по корейскимъ дѣламъ, мы не только будемъ находиться подъ постояннымъ опасеніемъ вооруженнаго столкновенія съ этою державою, но не въ состояніи будемъ даже установить на прочныхъ основаніяхъ наши отношенія съ Китаемъ, который въ видахъ осложненій съ нами станетъ неизбежно искать поддержки противъ насъ въ Японіи подобно тому, какъ искалъ у насъ помощи и содѣйствія противъ послѣдней во время войны своей съ нею. Между тѣмъ вооруженная борьба съ Японіей въ ближайшіе годы была бы для насъ большимъ бѣдствіемъ. Я не сомнѣваюсь, что изъ этой борьбы Россія вышла бы побѣдительницей¹⁾, но побѣда досталась бы цѣною большихъ жертвъ и тяжело отразилась бы на экономическомъ положеніи страны. Кромѣ того, и это главное, въ глазахъ русскаго общества война съ Японіей изъ-за обладанія далекой Кореей вызоветъ лишь отрицательное къ себѣ отношеніе, а на почвѣ скрытаго неудовольствія могутъ сильно обостриться тѣ нежелательныя тревожныя явленія нашей внутренней общественной жизни, которыя и нынѣ въ мирное время даютъ себя чувствовать.

«Я далеко отъ мысли, что проектированное соглашеніе можетъ быть куплено нами лишь цѣною полной уступки Кореи, и въ данное время объ этомъ нѣтъ и не можетъ быть рѣчи, но дабы характеризовать то значеніе, которое я придаю при настоящихъ обстоятельствахъ нашимъ мирнымъ отношеніямъ къ Японіи и возможности благодаря имъ твердо стать въ Сѣверномъ Китаѣ, я долгомъ считаю высказать, что, по моему мнѣнію, въ крайнемъ случаѣ можно было бы даже и совершенно поступиться Кореею, если, конечно, Японія, со своей стороны, признаетъ преимущественныя права Россіи во всѣхъ прилегающихъ къ русской границѣ областяхъ Китайской имперіи и обяжется не препятствовать соотвѣтствующей свободѣ дѣйствій ея въ означенныхъ областяхъ. Лично для меня нѣтъ сомнѣній, что изъ двухъ золъ—вооруженнаго столкновенія съ Японіей и полной

¹⁾ Увы! предсказанія эти не сбылись.

уступки ей Корей—послѣднее наименьшее. Нельзя забывать, что война съ Японіей будетъ не только тяжела сама по себѣ, но и поставитъ насъ въ трудное положеніе въ отношеніи другихъ державъ. Послѣднія, прекрасно понимая всю опасность для насъ войны на два фронта, станутъ смѣлѣе и смѣлѣе ставить свои требованія, заявлять такія притязанія, о которыхъ никогда не осмѣлились бы думать, если бы у Россіи не были связаны руки вооруженной борьбой на Дальнемъ Востокѣ. Необходимо также помнить, что въ случаѣ войны съ Японіей все китайское населеніе, окружающее Манчжурскую дорогу, и даже само китайское правительство не останутся лишь зрителями происходящаго, а навѣрно причинятъ намъ много безпокойства.

«Наоборотъ, поступаясь Кореей, мы въ корнѣ устранимъ предметъ постоянныхъ недоразумѣній съ Японіей и изъ врага, вѣчно грозящаго нападеніемъ, превратимъ ее, если не въ союзника, то въ сосѣда, стремящагося сохранить добрыя съ нами отношенія изъ опасенія вновь лишиться съ такимъ трудомъ пріобрѣтенной территоріи. Несомнѣнно также, что громадныя затраты, необходимыя на устройство новыхъ владѣній, на ихъ охрану и на организацію въ нихъ управленія, тяжело отразятся на финансовомъ положеніи Японіи, и безъ того не блестящемъ, и въ значительной мѣрѣ ее обезсилитъ. Между Россіей и мало доступной для насъ теперь съ моря Японіей создастся новая сухопутная граница. Съ этой стороны мы постоянно будемъ угрожать Японіи, а въ будущемъ, когда вполнѣ закончится постройка дороги и утвердится наше положеніе на сѣверѣ Китая,—можемъ даже и вновь овладѣть Корей, если обстоятельства того потребуютъ.

«Въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ забывать, что не разъ уже Японія владѣла Кореей и не разъ вынуждена была уходить оттуда.

«Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ обсужденію проектируемаго соглашенія, я, конечно, не могу не высказать, что въ интересахъ Россіи представлялось бы весьма желательнымъ склонить къ настоящему соглашенію съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыя предложены вашимъ сіятельствомъ. Но долгомъ считаю замѣтить, что поправки, внесенныя §§ 2 и 3, вызываютъ слѣдующее существенное опасеніе. Въ проектѣ маркиза Ито обязательство не пользоваться корейскою территоріею и корейскимъ побережьемъ для стратегическихъ цѣлей предполагается обоюднымъ; въ новой редакціи оно обращается въ одностороннюю обязанность Японіи; объ Россіи текстъ измѣненныхъ статей умалчиваетъ, открывая, слѣдовательно, ей въ указанномъ отношеніи полную свободу дѣйствій. Весьма сомнительно, чтобы такая постановка соглашенія, едва ли даже по существу справедливая, была принята японскимъ правительствомъ, ибо изъ самаго письма вашего сіятельства видно, что и по заявленію маркиза Ито правительство это «согласно дать священ-

ное обѣщаніе никогда не укрѣплять портовъ южной Кореи и никогда не угрожать морскимъ сообщеніямъ Владивостока съ корейскимъ побережьемъ лишь подъ условіемъ отказа императорскаго правительства отъ существующаго у русскихъ моряковъ стремленія овладѣть портомъ въ Корей и устроить тамъ военно-морскую базу».

«Между тѣмъ, по соображеніямъ, подробно выше изложеннымъ съ моей точки зрѣнія, для насъ въ высшей степени важно нынѣ же склонить Японію къ заключенію съ нами соглашенія по корейскимъ дѣламъ, а для этого необходимо изложить проектъ сего соглашенія возможно объективно, сдѣлать его отвѣчающимъ обоюднымъ интересамъ. Мнѣ кажется, что въ данное время это особенно важно въ тѣхъ видахъ, дабы маркизъ Ито въ настоящей поѣздкѣ своей по Западной Европѣ не стремился къ заключенію неблагопріятныхъ для насъ договоровъ съ другими державами и не поддавался какому-либо направленнымъ противъ насъ обѣщаніямъ съ ихъ стороны.

«Исходя изъ приведенныхъ соображеній, я полагаю бы оставить пунктъ второй и третій безъ измѣненій, исключивъ лишь изъ пункта второго послѣднія слова «другъ противъ друга», дабы устранить для Японіи возможность возводить на корейской территоріи укрѣпленія, ссылаясь, что укрѣпленія эти возводятся не противъ Россіи а для защиты отъ какой-либо третьей державы.

«Съ этимъ измѣненіемъ предложенная маркизомъ Ито редакція пунктовъ второго и третьяго, по моему мнѣнію, не представляетъ никакихъ существенныхъ неудобствъ въ смыслѣ надлежащаго огражденія нашихъ интересовъ, особенно въ виду тѣхъ дополненій, которыя внесены нами въ пунктъ четвертый. Противъ проектированной вами редакціи этого послѣдняго пункта, а равно пунктовъ пятого и шестого, я, съ своей стороны, замѣчаній не имѣю.

«Примите, милостивый государь, увѣреніе въ отличномъ уваженіи и пр.

(подписано) С. Витте».

Вскорѣ послѣ этого вопросъ о соглашеніи съ Японіей по корейскимъ дѣламъ, на основаніяхъ, предложенныхъ правительствомъ микадо осенью 1902 года, былъ подвергнутъ всестороннему обсужденію сначала (11-го января 1903 года) въ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ министра иностранныхъ дѣлъ, изъ нашихъ посланниковъ въ Токио, Пекинѣ и Сеулѣ и нѣкоторыхъ чиновъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ въ особомъ совѣщаніи изъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и военнаго и управляющаго морскимъ министерствомъ, при участіи тѣхъ же представителей Россіи на Дальнемъ Востокѣ.

Въ первомъ изъ этихъ совѣщаній наши представители въ Токио и Сеулѣ сначала высказались противъ того, чтобы Японіи были

сдѣланы нами уступки на Корейскомъ полуостровѣ, но, по всестороннему обсужденіи вопроса въ связи съ общимъ положеніемъ дѣла на Дальнемъ Востокѣ, совѣщаніе въ концѣ концовъ все же остановилось на заключеніи о желательности для насъ соглашения съ Японіей—при условіи, что соглашение это явится подтвержденіемъ и развитіемъ ранѣе заключенныхъ договоровъ по корейскимъ дѣламъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣщаніе признало, что за основаніе русской политики въ Корее долженъ быть принятъ принципъ цѣлости и неприкосновенности этой имперіи, и что уступки, которыя, во вниманіе къ политическимъ условіямъ, могли бы быть сдѣланы Россіей Японіи, ни въ чемъ не должны предрѣшать по существу рѣшенія корейскаго вопроса.

Во второмъ совѣщаніи, состоявшемся 25-го января 1903 года, министръ финансовъ высказался за желательность установленія съ Японіей извѣстнаго *modus vivendi*, что облегчило бы достиженіе общаго успокоенія, столь важнаго для русскихъ экономическихъ интересовъ, и способствовало бы укрѣпленію нашего могущества на Дальнемъ Востокѣ. С. Ю. Витте указалъ при этомъ на значительное количество времени, которое потребуется для полнаго оборудованія Китайской Восточной желѣзной дороги и ея охранной стражи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказалъ, что представляется полная возможность прійти къ соглашенію съ Японією, такъ какъ нѣтъ основанія предполагать, что Японія будетъ настаивать на своихъ первоначальныхъ, чрезмѣрныхъ требованіяхъ, предъявленныхъ черезъ японскаго посланника въ Петербургѣ.

Къ взгляду министра финансовъ присоединился и военный министръ Куропаткинъ, обратившій вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе совѣщанія на то, что уже одно предположеніе о возможности ожидать ухудшенія въ отношеніяхъ нашихъ къ Японіи вызываетъ въ военномъ министерствѣ напряженную дѣятельность, связанную съ весьма нежелательными матеріальными жертвами для казны.

Управляющій морскимъ министерствомъ Тыртовъ, хотя и согласился съ доводами, высказанными министрами финансовъ и военнымъ, однако счелъ долгомъ указать на вызывающій образъ дѣйствій японцевъ по отношенію къ нашему флоту, и потому находилъ, что для сохраненія достоинства и престижа русскаго флота на Дальнемъ Востокѣ мы должны при заключеніи соглашения съ Японією остерегаться дѣлать ей слишкомъ большія уступки.

Посланникъ нашъ въ Токио баронъ Розенъ заявилъ, что онъ вполне присоединяется къ единогласно признаваемой необходимости для насъ въ теченіе ряда лѣтъ избѣгать всякаго риска вооруженнаго столкновенія съ Японією и находитъ поэтому необходимымъ избѣгать всякихъ вызывающихъ дѣйствій въ Корее, несомнѣнно, толкуемыхъ въ Японіи въ самомъ отрицательномъ для насъ смыслѣ. Не высказавъ опредѣленнаго взгляда о томъ, на какихъ основаніяхъ

представлялось бы возможнымъ прийти къ соглашенію съ Японіею, онъ указалъ лишь, что, по его мнѣнію, наиболѣе настоятельною потребностью нашей политики по отношенію къ Японіи представляется: 1) установленіе твердой программы политики нашей въ Корей и 2) полное единство образа дѣйствій всѣхъ вѣдомствъ и ихъ мѣстныхъ представителей и агентовъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Ламздорфъ отмѣтилъ полное единомысліе во взглядахъ членовъ совѣщанія о желательности прийти съ Японіею къ соглашенію. Съ своей стороны, онъ замѣтилъ, что, несмотря на чрезмѣрность притязаній японскаго правительства, проявившуюся въ требованіяхъ, предъявленныхъ японскимъ посланникомъ въ Петербургъ, въ предложеніяхъ Японіи можно, однако, отыскать почву для соглашенія съ нею.

Такимъ образомъ, совѣщаніе 25-го января 1903 года съ полнымъ единодушіемъ высказалось за желательность заключенія съ Японіею соглашенія по корейскимъ дѣламъ, находя при этомъ, что предложенный японскимъ правительствомъ проектъ договора хотя и не можетъ быть принятъ цѣликомъ, но во всякомъ случаѣ представляетъ собою подходящую почву для дальнѣйшихъ переговоровъ. Однако, во избѣжаніе предположенія о существованіи у русскаго правительства особо настоятельнаго желанія прийти съ Японіею къ предлагаемому соглашенію, совѣщаніемъ, согласно съ предложеніемъ министра иностранныхъ дѣлъ, было признано предпочтительнымъ, чтобы русское правительство пока воздерживалось отъ начатыхъ японскимъ посланникомъ переговоровъ, предоставляя почву возобновленія ихъ самому японскому правительству.

XXXVII.

Между тѣмъ какъ Японія дѣлала попытки къ обезпеченію своихъ интересовъ въ Корей путемъ полюбовнаго соглашенія съ Россіей,—въ нѣкоторыхъ близкихъ къ русскому правительству сферахъ успѣла упрочиться мысль о желательности и возможности для Россіи рѣшить корейскій вопросъ, совершенно не считаясь съ Японіей, и уже дѣятельно принимались мѣры къ осуществленію этой мысли.

Существомъ корейскаго вопроса для Россіи сначала признавалось полученіе ею въ свое распоряженіе на Корейскомъ полуостровѣ одной изъ удобныхъ, открытыхъ въ теченіе всего года бухтъ, могущей служить надежной базой для русскаго флота на Дальнемъ Востокѣ. Необходимость пріисканія такой базы стала серьезно озабочивать русское правительство еще со времени японско-китайской войны 1894 года, когда съ особенною силою дали себя почувствовать всѣ неудобства неимѣнія у насъ на Дальнемъ Востокѣ открытаго въ теченіе всего года порта. Въ 1895 году ки-

тайское правительство открыло для нашихъ судовъ цзяо-чжоускую бухту, но, въ виду отдаленности этой бухты отъ Владивостока и отрѣзанности ея отъ Россіи, она не была признана нашимъ морскимъ вѣдомствомъ пригодною для устройства въ ней необходимой базы. Затѣмъ вопросъ о выборѣ такой базы поставленъ на очередь въ концѣ 1897 г. послѣ захвата Германіей цзяо-чжоуской бухты и разрѣшился подписаніемъ 15-го марта 1898 года, какъ уже въ свое время было сказано, договора, по которому китайское правительство уступило Россіи Квантунскую область съ Портъ-Артуромъ и Да-лянь-ванемъ въ арендное пользованіе, срокомъ на двадцать пять лѣтъ.

Благодаря приобрѣтенію Портъ-Артура, Россія, дѣйствительно, получила въ водахъ Дальняго Востока портъ, открытый въ теченіе цѣлаго года, однако и этотъ портъ, въ виду небольшихъ его размѣровъ и расположенія на сѣверной оконечности Желтаго моря, вдали отъ открытаго океана, представлялъ собою малоудобную базу для нашей эскадры. Поэтому и послѣ занятія Квантунской области морское министерство продолжало признавать необходимымъ для Россіи приобрѣсти тѣмъ или инымъ путемъ одинъ изъ портовъ Кореи, гдѣ, въ особенности на южномъ побережьи, имѣется рядъ превосходныхъ естественныхъ гаваней. Но выполненіе этого предположенія представлялось теперь еще болѣе затруднительнымъ, чѣмъ прежде, ибо въ связи съ занятіемъ нами Портъ-Артура вліяніе Россіи въ Корейскій полуостровъ сильно пошатнулось. Для устраненія возможности столкновенія съ Японіей изъ-за Кореи—въ то время, когда захватъ Портъ-Артура и безъ того грозилъ обостреніемъ отношеній къ Англіи, русское правительство, въ мартѣ 1898 года, удалило изъ Кореи своихъ военныхъ инструкторовъ и финансоваго совѣтника, а въ апрѣлѣ того же года заключило съ Японіей договоръ, по которому въ значительной степени связало себѣ свободу дѣйствій на Корейскомъ полуостровѣ, въ то же время открывъ этотъ полуостровъ для экономической торговой дѣятельности японцевъ.

Тогда-то и явилась мысль—въ видахъ установленія противовѣса японцамъ и по возможности немедленнаго возврата Россіи прежняго ея вліянія въ Корейскій полуостровъ—попытаются сосредоточить здѣсь въ русскихъ рукахъ достаточно крупныя матеріальныя интересы, которые, не налагая на русское правительство никакихъ международныхъ обязательствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ давали бы возможность во всякое время, по мѣрѣ политической надобности, вмѣшиваться въ корейскія дѣла, оказывая давленіе на Корею и Японію, подъ предлогомъ защиты крупныхъ матеріальныхъ интересовъ своихъ подданныхъ. Основой для созданія такихъ интересовъ должны были послужить лѣсные и горныя богатства сѣверной Кореи и въ частности концессія, выданная въ 1896 г. корейскимъ правительствомъ

владивостокскому купцу Бринеру, на основаніи которой Бринеръ приобрѣлъ право эксплуатаціи казенныхъ лѣсовъ на корейской сторонѣ пограничныхъ рѣкъ Тумэнь-ула и Ялуцзянъ и на островахъ Дажелетъ. Срокъ начала работъ въ бассейнѣ Тумэнь-ула и на Дажелетѣ былъ назначенъ въ одинъ годъ отъ выдачи концессіи, а въ бассейнѣ Ялуцзяна въ пять лѣтъ. Въ случаѣ пропуска этихъ сроковъ концессія теряла свою силу. Въ распоряженіе корейскаго правительства предоставлялась четверть участія въ предпріятіи, взаменъ чего концессіонеръ освобождался отъ всякихъ пошлинъ за пользованіе лѣсомъ и вывозъ его за границу. Бринеру предоставлялось право передать концессію любому русскому благонадежному лицу.

Эта концессія Бринера была куплена на имя бывшаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Корей дѣйствительнаго статскаго совѣтника Матюнина и директора-распорядителя Невскаго судостроительнаго завода М. О. Альберта.

Главнымъ же сторонникомъ мысли объ активной политикѣ въ Корей явился отставной дѣйствительный статскій совѣтникъ А. М. Безобразовъ, дотолѣ мало извѣстный и не имѣвшій никакого отношенія къ дѣламъ Дальняго Востока, дѣйствовавшій въ этомъ вопросѣ по программѣ, выработанной В. М. Вонлярлярскимъ, извѣстнымъ грюндеромъ и дѣльцомъ съ большими связями въ Петербургѣ по своей прежней службѣ въ гвардіи.

Сторонники новой политики сначала неоднократно пытались, путемъ личныхъ переговоровъ, повліять на министра финансовъ въ томъ смыслѣ, чтобы онъ принялъ задуманное предпріятіе подъ свое покровительство, и чтобы организація послѣдняго состоялась при матеріальной поддержкѣ казны. Но министръ финансовъ, въ виду непрочности въ то время нашего положенія въ Манчжуріи, считалъ осуществленіе этого дѣла безусловно несвоевременнымъ и могущимъ повести къ самымъ нежелательнымъ недоразумѣніямъ съ Японіей, крайне ревниво относящейся ко всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ Корейскому полуострову. Поэтому С. Ю. Витте считалъ долгомъ отнестись безусловно отрицательно не только къ участію государственнаго казначейства въ проектировавшемся предпріятіи, но и вообще къ осуществленію послѣдняго хотя бы и безъ помощи казны. Столь же отрицательно отнеслись къ этому предположенію и другіе министры, имѣвшіе отношеніе къ этому дѣлу, отказываясь вступить въ какія-либо сношенія съ Безобразовымъ.

При такомъ положеніи вещей, первые шаги къ осуществленію задуманнаго плана дѣйствій въ Корей были предприняты заинтересованными лицами не только безъ всякаго содѣйствія и участія министровъ, но и въ полномъ секретѣ отъ нихъ, а въ особенности по секрету отъ министра финансовъ.

Для обозрѣнія лѣсныхъ и горныхъ богатствъ сѣвера Кореи и съ цѣлью опредѣленія, насколько можно было бы воспользоваться ими для учрежденія устойчиваго торговаго дѣла, въ страну эту въ концѣ 1898 г. была отправлена особая экспедиція, во главѣ съ штабсъ-ротмистромъ Звегинцевымъ, въ составѣ подполковника барона Корфа, инженеровъ Михайловскаго, Сафонова и Кишенскаго, статск. совѣтн. Тихонова, надв. сов. Юденича и дворянина С. Н. Сыромятникова (онъ же Сигма, тогдашній публицистъ «Новаго Времени»). Кромѣ того, для объединенія работъ членовъ экспедиціи на Дальнемъ Востокѣ былъ командированъ тайный совѣтникъ Непорожневъ, который, однако, въ самой экспедиціи по Корейскому участію не принималъ. Помимо основной своей задачи, экспедиціи не возбранялось попутно собирать всевозможные матеріалы, могущіе служить для уясненія географіи страны и бытовыхъ особенностей населенія. Лица, взявшія на себя всѣ заботы по снаряженію и отправленію экспедиціи, подали членамъ послѣдней совѣтъ вообще возможно шире смотрѣть на свою задачу. Этотъ совѣтъ, какъ докладывалъ въ свое время въ своемъ отчетѣ штабсъ-ротмистръ Звегинцевъ, послужилъ путеводною нитью въ развитіи плана работъ участниковъ экспедиціи. Послѣдняя продолжалась около двухъ мѣсяцевъ, при чемъ участники ея пересѣкли сѣверную Корею по нѣсколькимъ дорогамъ на пространствѣ между Красносельскимъ постомъ, Цзиннампо и Гензаномъ, послѣ чего вернулась въ Россію.

Тѣмъ временемъ Непорожневъ, находившійся въ Сеулѣ, сдѣлалъ попытку къ полученію въ русскія руки обширной горно-промышленной концессіи въ Корейскомъ дворѣ, вступивъ въ переговоры съ корейскимъ дворомъ относительно предоставленія ему, Непорожневу, организаціи управленія землями и угодьями, составляющими личную собственность корейскаго императора и включавшими въ себя мѣсторожденія ископаемыхъ богатствъ въ сорока двухъ уѣздахъ Корейской имперіи. Императоръ и министры двора и иностранныхъ дѣлъ отнеслись сочувственно къ мысли Непорожнева, но, въ виду угрожающихъ демонстрацій со стороны враждебныхъ Россіи элементовъ населенія столицы, проектъ договора не получилъ ни скрѣпы министровъ, ни утвержденія императора, и послѣдній лишь спустя годъ, письмомъ на имя нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, обязался по окончаніи безпорядковъ въ столицѣ вновь приступить къ обсужденію и рѣшенію вопроса.

Между тѣмъ въ концѣ 1899 года корейское министерство двора вошло въ переговоры съ американскимъ предпринимателемъ Хэнтонъ о заключеніи черезъ его посредство займа въ 5 милліоновъ іенъ подъ обезпеченіе тѣхъ же мѣсторожденій, на которыя имѣлъ въ виду получить концессію Непорожневъ. Сдѣлка эта, однако, не состоялась—за несогласіемъ корейскаго министерства

иностранныхъ дѣлъ, признававшего за Непорожневымъ право первенства на эту концессию. Этимъ обстоятельствомъ рѣшено было тогда воспользоваться для закрѣпленія концессіи за нами и Матюнину было поручено доложить дѣло министру финансовъ.

Предположеніе, доложенное министру финансовъ Матюпинымъ, заключалось въ томъ, чтобы русское правительство оказало Корейскому содѣйствію къ заключенію необходимаго займа, при условіи, чтобы въ обезпеченіе этого займа были полностью включены тѣ мѣсторожденія, на которыя предполагалъ получить концессию въ 1898 г. Непорожневъ. Постановленіе договора отъ 28-го мая 1896 года между Россіей и Японіею, лишающее русское правительство права принимать на себя, безъ соглашенія съ Японіей, устройства займа для Кореи, по мнѣнію Матюнина, не могло служить препятствіемъ къ заключенію этой сдѣлки, такъ какъ замаскировать участіе въ ней русскаго правительства, конечно, не представлялось бы затруднительнымъ.

Министръ финансовъ 5-го ноября 1899 года изложилъ слѣдующій свой взглядъ по поводу этого предположенія: «Предлагаемое въ обезпеченіе проектируемаго займа право разработки рудниковъ и копей едва ли можно признать вполне достаточной гарантіей исправнаго поступленія процентовъ и погашенія по займу. Не говоря уже о томъ, что, согласно заявленію самого Матюнина, цѣнность этого залога не провѣрена специалистами и потому не установлена сколько-нибудь точнымъ образомъ,—нельзя, при существующихъ въ Корейскихъ порядкахъ, имѣть твердую увѣренность въ безпрепятственномъ осуществленіи предоставляемой концессіи. Въ виду этого есть полное основаніе сомнѣваться въ возможности полученія отъ разработки рудныхъ богатствъ доходовъ, необходимыхъ для пополненія платежей по займу, предположенному на довольно значительную сумму (около пяти милліоновъ рублей). Рассчитывать же на исправность корейскаго правительства въ выполненіи условій займа, независимо отъ предлагаемой имъ гарантіи, крайне трудно, какъ то показываютъ примѣры заключенныхъ у насъ однородныхъ займовъ восточныхъ государствъ. Эксплоатація задуманнаго предпріятія потребовала бы, конечно, не малаго количества капиталовъ, которые, такимъ образомъ, были бы отвлечены отъ нашей промышленности. Но, какъ извѣстно, и внутри имперіи ощущается недостатокъ въ средствахъ на устройство и расширеніе промышленныхъ дѣлъ въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ это было бы желательно для надлежащаго использованія нашихъ природныхъ богатствъ. Равнымъ образомъ и пріисканіе умѣлыхъ руководителей и опытнаго служебнаго персонала для образующихся у насъ предпріятій встрѣчаетъ вообще существенныя затрудненія. Соображенія эти, получающія особенное значеніе съ промышленнымъ развитіемъ Сибири, побуждаютъ, казалось

бы, воздержаться отъ поощренія предпріятія, намѣченнаго за предѣлами имперіи. Участіе русскаго правительства въ испрошеніи Непорожневымъ концессіи въ Кореѣ было бы, несомнѣнно, истолковано, какъ активное вмѣшательство наше въ дѣла этого государства. Подобные толки могли бы повлечь за собой рядъ нежелательныхъ недоразумѣній съ другими державами, которыя даже трудно предвидѣть во всемъ ихъ объемѣ». По всемъ изложеннымъ соображеніямъ министръ финансовъ высказался противъ всякаго участія казны въ осуществленіи предполагавшагося корейскимъ правительствомъ займа, и это мнѣніе министра финансовъ было принято.

Потерявъ надежду на полученіе въ Кореѣ горнопромышленной концессіи, сторонники активной политики въ Кореѣ, и въ числѣ ихъ въ особенности Вонлярлярскій и Безобразовъ, рѣшили во что бы то ни стало воспользоваться лѣснымъ дѣломъ, купленнымъ у Бринера, а именно они рѣшили учредить особое частное общество, которое, благодаря эксплуатаціи лѣсныхъ богатствъ въ огромной области отъ устья Ялу до устья Ту-мэнь-улы, могло бы, во-первыхъ, служить удобнымъ средствомъ для вмѣшательства русскаго правительства въ корейскія дѣла, когда это будетъ признано нужнымъ, и, кромѣ того, имѣло бы возможность фактически овладѣть означенною областью и «образовать заслонъ между нами и начавшими водворяться въ южной Кореѣ японцами». Предполагалось, что при посредствѣ проектируемаго общества окажется возможнымъ принять мѣры къ защитѣ пограничной линіи между Манчжуріей и Кореей отъ наступленія японцевъ и корейцевъ, сосредоточивъ на берегахъ р. Ялу военный отрядъ, замаскированный подъ видомъ лѣсной охранной стражи.

Общество это, долженствовавшее именоваться «восточно-азиатской промышленной компаніей», предполагалось организовать на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ. Права учредителей компаніи должны были принадлежать группѣ государственныхъ дѣятелей и представителей аристократіи. Капиталь предполагалось размѣстить среди учредителей и нѣсколькихъ другихъ надежныхъ лицъ изъ аристократіи и практическихъ дѣятелей на торгово-промышленномъ поприщѣ. Первоначальный взносъ по паямъ предполагалось ограничить одною пятою основнаго капитала, т.-е. всего лишь 400,000 рублей. Съ этой сравнительно ничтожной суммой общество, задачи котораго были поставлены весьма широко, и должно было приступить къ своимъ операціямъ. Завѣдываніе организаціей общества было возложено на Безобразова. Финансовая сторона предпріятія была представлена инициаторами дѣла въ самыхъ розовыхъ краскахъ, ими высказывалась увѣренность въ возможности реализовать отъ этого предпріятія въ самомъ непродолжительномъ времени громадныя барыши.

Весною 1900 года выработанный учредителями уставъ компаніи былъ внесенъ на разсмотрѣніе комитета министровъ. Въ виду вспыхнувшей въ это время въ Китаѣ боксерской смуты разсмотрѣніе устава было отложено, но лишь только смута улеглась, уставъ компаніи былъ разсмотрѣнъ и 29-го іюня 1901 года утвержденъ.

По уставу, учредителями компаніи выступали не дѣйствительные ея учредители изъ сановныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, а кандидатъ правъ фонъ-Крузе и коммерціи совѣтникъ Альбертъ. Цѣлью учрежденія компаніи была выставлена эксплуатація лѣсовъ въ Приморской области, а также устройство и эксплуатація всякаго рода торговыхъ и промышленныхъ предпріятій на Дальнемъ Востокаѣ. Въ отношеніи размѣра капитала, количества паевъ и сроковъ взносовъ по нимъ устанавливался порядокъ, совершенно тождественный съ тѣмъ, который былъ предусмотрѣнъ въ запискѣ Безобразова.

Добившись, такимъ образомъ, осуществленія своей идеи объ образованіи общества, имѣвшаго служить на границѣ Кореи заслономъ между нами и японцами и проводникомъ русскаго вліянія, учредители восточно-азиатской промышленной компаніи, однако, повидимому, не имѣли возможности приступить къ фактическому осуществленію этой идеи. По уставу компаніи, послѣдняя имѣла право открыть свои дѣйствія лишь послѣ взноса участниками ея двадцати процентовъ стоимости паевъ (что составило бы не болѣе четырехсотъ тысячъ рублей), при чемъ удостовѣреніе о взносѣ этой суммы должно было быть представлено министру финансовъ не позднѣе шестимѣсячнаго срока со дня распубликованія устава во всеобщее свѣдѣніе. Но требованіе это не было выполнено, а потому компанія фактически должна была считаться не состоявшеюся.

Однако обстоятельство это отнюдь не указывало на то, что лица, являвшіяся негласными учредителями восточно-азиатской компаніи, отказались отъ своей идеи. Напротивъ, лица эти не только принимали мѣры къ тому, чтобы сохранить уже пріобрѣтенныя въ Корейѣ концессионныя права, но и продолжали стремиться къ полученію новыхъ концессій какъ въ Корейѣ, такъ и въ Манчжуріи, имѣя въ виду вернуться при первой возможности къ учрежденію предполагаемаго общества. Главнымъ агентомъ ихъ въ этомъ дѣлѣ является Матюнинъ.

По условіямъ концессіи, пріобрѣтенной отъ Бринера на имя Матюнина и Альберта, къ эксплуатаціи лѣсовъ на корейскомъ берегу рѣки Ялу надлежало приступить не позднѣе 28-го августа 1901 года подъ опасеніемъ потери правъ на концессию. Такъ какъ условіе это не было выполнено концессионерами, то Матюнинъ представилъ корейскому правительству ходатайство объ установленіи для начала работъ новаго срока. Въ этомъ дѣлѣ Матюнину была оказана самая энергичная поддержка и, несмотря на сильное

противодѣйствіе со стороны официальнаго корейскаго міра и на опубликованіе въ мѣстныхъ газетахъ воззваній, которыми всѣ истинные корейскіе патріоты приглашались произвести на сеульское правительство давленіе не въ пользу Матюнина,—нашему повѣренному въ Сеулѣ, послѣ усиленныхъ настояній, удалось все-таки добиться продленія вышеозначеннаго срока, а вмѣстѣ съ тѣмъ и силы всей концессіи до 31-го декабря 1903 года.

Затѣмъ въ началѣ 1902 г. нашему дипломатическому агенту въ Мукденѣ было поручено немедленно войти въ переговоры съ мѣстными китайскими властями о выдачѣ Матюнину концессіи на эксплуатацію лѣсовъ на всемъ правомъ китайскомъ берегу той же рѣки Ялу. Переговоры эти, однако, увѣнчались меньшимъ успѣхомъ. Несмотря на самыя рѣшительныя настоянія, китайское правительство уклонилось отъ выдачи просимой концессіи, указывая, что лѣсорубное дѣло на правой сторонѣ Ялу уже вполне организовано. Повѣренному Матюнина, Львову, въ концѣ 1902 г. удалось черезъ посредство китайца заручиться отъ мукденскаго цзянь-цзюня лишь порубочными свидѣтельствами, общими для всѣхъ китайскихъ подданныхъ, на производство въ теченіе года на не занятыхъ уже другими участкахъ по Ялу рубки лѣса съ уплатою установленныхъ китайскими властями сборовъ. Тѣмъ не менѣе рѣшено было немедленно воспользоваться хотя бы этимъ, весьма ограниченнымъ правомъ—въ надеждѣ, что впоследствии окажется возможнымъ расширить его. Въ декабрѣ 1902 года на берега Ялу была отправлена, подъ начальствомъ русско-подданнаго еврея Скидельскаго, партія, числомъ около восьмидесяти человекъ, состоявшая на половину изъ русскихъ и на половину изъ китайскихъ подданныхъ, во главѣ съ бывшимъ хунхузомъ Чжанъ-чжанъ-юанемъ.

Признавалось также желательнымъ заручиться отъ корейскаго правительства положительнымъ подтвержденіемъ правъ первенства Непорожнева на всѣ мѣсторожденія ископаемыхъ богатствъ, принадлежавшія корейскому двору. По представленіи объ этомъ ходатайства Матюнинымъ, немедленно было дано надлежащее предписаніе нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Сеулѣ. По тому же дѣлу хлопоталъ въ Сеулѣ также и агентъ Матюнина баронъ Гинцбургъ, отправившійся туда осенью 1902 года. Однако, какъ хлопоты послѣдняго, такъ и настоянія повѣреннаго въ дѣлахъ предъ корейскимъ правительствомъ въ концѣ концовъ остались, повидимому, безрезультатными.

XXXVIII.

Съ осени 1902 года агенты инициаторовъ восточно-азиатской промышленной компаніи стали энергично проявлять свою дѣятельность на Дальнемъ Востоку; они въ Петербургъ посылали весьма благоприятныя донесенія о ходѣ начатаго ими дѣла.

Надо думать, что подъ вліяніемъ этихъ донесеній въ Петербургѣ сочли моментъ благопріятнымъ для того, чтобы энергично приступить къ осуществленію проекта объ упроченіи нашего положенія въ сѣверной Корей и прилегающихъ округахъ Манчжуріи и въ видахъ образованія «заслона» отъ возможнаго движенія на сѣверъ японцевъ. Для содѣйствія окончательному оформленію лѣснаго дѣла на Ялуцзянѣ и выясненія на мѣстѣ положенія дѣлъ на Дальній Востокъ командированъ былъ въ ноябрѣ 1902 года Безобразовъ. Вопросъ объ этой командировкѣ былъ рѣшенъ, повидимому, во время отсутствія изъ Петербурга С. Ю. Витте, совершавшаго какъ разъ въ то время свою поѣздку на Дальній Востокъ.

Безобразовъ прибылъ на Дальній Востокъ въ началѣ января 1903 года и провелъ здѣсь болѣе двухъ мѣсяцевъ, причемъ главными мѣстами его пребыванія были Портъ-Артуръ и Мукденъ. Въ Портъ-Артурѣ Безобразову переведено было 2 милліона рублей и онъ былъ рекомендованъ особому вниманію главнаго начальника края, адмирала Алексѣева.

Въ Мукденѣ Безобразовъ имѣлъ неоднократныя свиданія по лѣсному и другимъ дѣламъ съ мѣстнымъ цзянъ-цзюнемъ и другими китайскими властями. При этихъ свиданіяхъ онъ заявлялъ послѣднимъ, что онъ является представителемъ весьма крупнаго русскаго общества, въ которомъ участвуютъ самые высокопоставленные люди въ Россіи, и совершенно ясно намекалъ на сильное покровительство, которымъ пользуется это общество. Естественно, что при такихъ условіяхъ китайскія власти стали съ большою подозрительностью смотрѣть на предпріятія, служившія предметомъ ихъ переговоровъ съ Безобразовымъ. Въ результатѣ, для оформленія дѣла эксплоатаціи лѣсныхъ богатствъ на китайскомъ берегу Ялуцзяна Безобразову не удалось въ Мукденѣ сдѣлать ни одного шага впередъ, и права на эту эксплоатацію продолжали основываться на порубочныхъ свидѣтельствахъ, выданныхъ цзянъ-цзюнемъ на годичный срокъ.

Безобразовъ, вѣроятно, сознавалъ всю непрочность юридической силы порубочныхъ свидѣтельствъ. Онъ понималъ, что подобныя свидѣтельства, выданныя цзянъ-цзюнемъ, едва ли могутъ быть названы концессією, и потому находилъ необходимымъ утвержденіе ихъ въ Пекинѣ. Съ этою цѣлью онъ образовалъ, черезъ нѣсколькихъ китайскихъ посредниковъ; подставную китайскую компанію, которая и предприняла ходатайство передъ пекинскими властями о дарованіи ей, въ компаніи съ русскими, монопольнаго права на разработку лѣсныхъ богатствъ на Ялуцзянѣ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ. Безобразовъ предполагалъ также и лично посѣтить Пекинъ для переговоровъ съ тамошнимъ представителемъ министерства финансовъ Покотилковымъ по вопросу объ оформленіи интересовавшаго его дѣла. Однако, прибывъ въ Портъ-Артуръ, Безобра-

зовъ заболѣлъ и долженъ былъ отказаться отъ поѣздки въ Пекинъ. Тогда представитель министерства финансовъ былъ вызванъ изъ Пекина въ Портъ-Артуръ для свиданія съ Безобразовымъ. Еще до его прибытія въ Портъ-Артуръ Безобразовъ имѣлъ продолжительныя бесѣды съ мѣстными представителями министерства финансовъ. Всѣмъ этимъ лицамъ, а равно инженерамъ по сооруженію Китайской Восточной желѣзной дороги было предписано представить Безобразову самыя подробныя объясненія по всѣмъ могущимъ его интересовать вопросамъ, въ видахъ выясненія ему взглядовъ и политики министерства финансовъ на Дальнемъ Востокѣ. Всѣ эти лица имѣли въ разное время продолжительныя бесѣды съ Безобразовымъ, прилагая старанія, дабы изложить ему свои взгляды на дѣло. Задача эта представлялась, однако, далеко не легкою, такъ какъ Безобразовъ пользовался свиданіями съ названными лицами, главнымъ образомъ, для изложенія своихъ взглядовъ, не давая своимъ собесѣдникамъ возможности высказаться.

Впечатлѣнія, вынесенныя разными лицами изъ бесѣдъ съ Безобразовымъ, представлялись вполне тождественными, такъ какъ онъ не уставалъ бесконечно повторять одно и то же. Начиналъ онъ съ того, что ошеломлялъ собесѣдниковъ изложеніемъ своихъ взглядовъ по всевозможнымъ, самымъ разнороднымъ вопросамъ, причемъ весьма подробно останавливался на вопросахъ военной тактики, морской техники, общей политики и т. д., поражая своихъ собесѣдниковъ разносторонностью своихъ познаній. Переходя къ вопросамъ мѣстнаго интереса, Безобразовъ излагалъ подробно всю исторію того, какъ онъ началъ интересоваться вопросомъ о Дальнемъ Востокѣ, рѣзко критиковалъ все то, что было сдѣлано до сего времени во всѣхъ областяхъ нашей дѣятельности въ этомъ краѣ. Затѣмъ онъ приступалъ къ развитію своихъ плановъ, осуществленіе которыхъ онъ признавалъ существенно необходимымъ для обезпеченія нашихъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ. Больше всего его занимали вопросы чисто военнаго характера. Онъ признавалъ необходимымъ усилить наше положеніе въ южной Манчжуріи и, въ частности, гарнизонъ Портъ-Артура. Настаивалъ онъ также на усиленіи нашей тихоокеанской эскадры. Въ бесѣдахъ своихъ Безобразовъ неоднократно указывалъ на то, что признавалъ необходимымъ настаивать на осуществленіи своихъ проектовъ въ этомъ отношеніи и ставилъ себѣ въ заслугу, что ему удалось добиться исполненія того, о чемъ давно, но тщетно хлопоталъ адмиралъ Алексѣевъ. Въ связи съ этимъ Безобразовъ очень пространно развивалъ свои взгляды на необходимость организовать заслонъ отъ Кореи и Японіи по Ялуцзяну. Въ этихъ видахъ онъ проектировалъ немедленно же расположить сильный отрядъ вдоль по теченію Ялуцзяна съ центромъ въ Фынъ-хуанъ-чэнѣ. Отрядъ этотъ долженъ былъ быть замаскированъ подъ видомъ стражи, охраняющей лѣс-

Группа участников корейской экспедиции. (X) А. М. Безобразовъ.

На знамени обозначено: Южная Манчжурия.

ные промыслы по теченію Ялу. Для ближайшаго выясненія положенія предполагалось въ самомъ непродолжительномъ будущемъ командировать на устье Ялу особую экспедицію съ подполковникомъ Мадритовымъ во главѣ¹⁾. Настаивая на неотложности снаряженія подобной экспедиціи, Безобразовъ указывалъ на полученные будто бы въ Портъ-Артурѣ свѣдѣнія о томъ, что на корейскомъ берегу Ялу имѣются уже японскіе отряды и что по самой рѣкѣ ходятъ вооруженные японскіе катера. Свѣдѣнія эти оказались неосновательными, но сообщеніе ихъ возымѣло должное дѣйствіе въ смыслѣ выясненія настоятельной будто бы необходимости принять съ нашей стороны рѣшительныя мѣры въ отношеніи мѣстностей, прилегающихъ къ Ялуцзяну.

Въ бесѣдахъ своихъ съ Безобразовымъ агенты министерства финансовъ указывали ему на отсутствіе какихъ-либо положительныхъ данныхъ о наличности у японцевъ агрессивныхъ замысловъ и убѣждали его въ крайней опасности столь явно обнаруживать наступательную политику съ нашей стороны, въ виду того возбуждающаго вліянія, которое подобный образъ дѣйствій будетъ, несомнѣнно, имѣть на японцевъ. Агенты министерства финансовъ обращали вниманіе Безобразова на ту громадную отвѣтственность, которую онъ беретъ на себя, муссируя такимъ образомъ дѣла на корейской границѣ. На это Безобразовъ отвѣчалъ, что вполне сознаетъ всю важность дѣла, тѣмъ не менѣе вопросъ о посылкѣ экспедиціи былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Экспедиція эта въ мартѣ отправилась на Ялу, подъ начальствомъ подполковника генеральнаго штаба Мадритова.

Не менѣе военной интересовался Безобразовъ и нашею морскою частью въ Портъ-Артурѣ. Онъ высказывался въ смыслѣ увеличенія нашей эскадры посылкой изъ Балтійскаго моря новыхъ судовъ. Въ Портъ-Артурѣ онъ особенно заинтересовался производствомъ на мѣстѣ сборки миноносцевъ подъ наблюденіемъ инженера Невскаго судостроительнаго завода Гиппіуса. Въ бесѣдахъ своихъ съ разными лицами онъ указывалъ на необходимость доставленія въ Портъ-Артуръ подводныхъ лодокъ, заявляя, что приложить старанія, чтобы достать хотя бы пару такихъ лодокъ изъ Франціи, куда онъ предполагаетъ поѣхать тотчасъ же по возвращеніи съ Дальняго Востока.

Весьма большой интересъ выказалъ Безобразовъ къ угольному вопросу, признавая необходимымъ приступить немедленно къ эксплуатаціи, въ широкихъ размѣрахъ, фушунскаго каменно-

¹⁾ Мы воспроизводимъ группу участниковъ «корейской экспедиціи», изъ обозрѣнія которой можно получить ясное представленіе о ея «мирномъ» характерѣ. Съ правой стороны сидитъ самъ Безобразовъ, а въ лѣвомъ развѣвается знамя съ буквами Ю. М., т. е. Южная Манчжурія.

угольного мѣсторожденія близъ Мукдена, съ проведеніемъ вѣтки отъ этихъ копей къ магистрали. Концессія на эту залежь была отдана китайскими властями, по частямъ, двумъ китайскимъ подданнымъ. Съ однимъ изъ послѣднихъ вступило въ компанію манчжурское горнопромышленное товарищество, учрежденное для удержанія въ русскихъ рукахъ промышленныхъ концессій въ Манчжуріи, полученныхъ здѣсь русскими подданными, а равно для испрошенія у китайскаго правительства новыхъ концессій и организаціи эксплуатаціи послѣднихъ. Съ другимъ китайцемъ вошли въ компанію русскіе подданные Рубиновъ и Тифонтай. Безобразовъ обратился къ послѣднимъ, и они уступили ему свои права на мѣсторожденіе, съ условіемъ единовременной уплаты и довольно крупнаго участія въ доходахъ отъ разработки залежей. Затѣмъ Безобразовъ немедленно приступилъ къ занятію на мѣсторожденіи возможно большей площади земли и къ заселенію этой территоріи запасными нижними чинами. При этомъ, согласно выраженію мѣстнаго представителя манчжурскаго горнопромышленнаго товарищества, онъ очень мало заботился о правовой сторонѣ дѣла, по видимому, слѣдуя правилу «*beati possidentes*». Между прочимъ, онъ возбудилъ споръ о правахъ названнаго товарищества на одинъ изъ участковъ мѣсторожденія, но споръ этотъ былъ рѣшенъ мѣстными китайскими властями въ пользу товарищества. Тѣмъ не менѣе Безобразовъ разсчитывалъ, пользуясь своими связями въ Петербургѣ, добиться уступки манчжурскимъ горнопромышленнымъ товариществомъ не только этого участка, но и вообще своихъ правъ на фушунское мѣсторожденіе и объединить такимъ образомъ все это дѣло въ однѣхъ рукахъ.

На ряду съ разрѣшеніемъ вопроса о снабженіи углемъ желѣзной дороги и эскадры Безобразовъ видѣлъ въ концессіи на эксплуатацію каменнаго угля въ Фушунѣ путь къ расширенію района нашего военнаго вліянія въ Манчжуріи, такъ какъ копи и вѣтка къ нимъ должны были бы, конечно, охраняться военными отрядами. Подобное распространеніе нашего военнаго вліянія въ южной Манчжуріи Безобразовъ признавалъ вообще одною изъ главныхъ нашихъ задачъ, и для осуществленія этой цѣли имъ самимъ и его агентами были возбуждены также передъ мукденскимъ цзяньцзюнемъ ходатайства о концессіи на устройство электрическаго освѣщенія и сооруженіе электрическихъ трамваевъ въ предѣлахъ Мукденской провинціи. По словамъ Безобразова, осуществленіе этихъ предпріятій имѣло цѣлью заручиться лишь предложомъ, дабы ввести наши отряды, по возможности, повсемѣстно и какъ можно дальше вглубь южной Манчжуріи.

Находя неудовлетворительно постановку дѣла нашей прессы на Дальнемъ Востокѣ и признавая необходимымъ основать особую газету на англійскомъ языкѣ для противодѣйствія вліянію англо-

китайской печати, Безобразовъ выдалъ денежную субсидію, въ размѣрѣ 35.000 рублей, издателю портъ-артурской газеты «Новый Край».

Наконецъ, Безобразовъ обращалъ особое вниманіе на отношенія, существовавшія между различными мѣстными представителями Россіи. Онъ неоднократно высказывалъ, что причиною нашихъ неудачъ въ Манчжуріи является рознь, существующая между дѣйствующими здѣсь чинами различныхъ вѣдомствъ. Съ своей стороны, Безобразовъ главнымъ образомъ поддерживалъ военнаго комиссара въ Мукденѣ полковника Квѣцинскаго, оказывая покровительство его проектамъ. Между прочимъ, имъ было «пожертвовано» 40.000 рублей на устройство проектированной военнымъ комиссаромъ въ Мукденѣ больницы, а также сдѣланы значительныя пожертвованія на сооруженіе въ Мукденѣ православнаго храма.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что дѣятельность Безобразова за время двухмѣсячнаго пребыванія его на Дальнемъ Востокѣ носила, такъ сказать, универсальный характеръ. Относился онъ ко всему преимущественно критически, не одобряя въ общемъ ни военныхъ, ни моряковъ, ни дипломатовъ, ни агентовъ министерства финансовъ. Все, по его мнѣнію, требовало коренного переустройства. Въ бесѣдахъ своихъ съ мѣстными дѣятелями Безобразовъ открыто заявлялъ о высокомъ покровительствѣ, которымъ онъ пользуется, и по всѣмъ вопросамъ сносился прямо съ Петербургомъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя, по его мнѣнію, надлежало предпринять въ томъ или другомъ направленіи. Мѣстные дѣятели имѣли возможность неоднократно убѣждаться, что представленія Безобразова пользовались самымъ большимъ вниманіемъ въ Петербургѣ, ибо многія изъ его ходатайствъ получали немедленно удовлетвореніе. Присутствіе Безобразова въ Портъ-Артурѣ создало, благодаря этому, совершенно своеобразное положеніе, выразившееся, главнымъ образомъ, въ томъ, что во время пребыванія его въ Портъ-Артурѣ никто не зналъ, кто собственно является начальникомъ, кого нужно слушаться и къ кому обращаться за указаніями. Что касается отношеній адмирала Алексѣева къ Безобразову, то въ отношеніяхъ этихъ выступаютъ два рѣзко отличающихся другъ отъ друга періода, а именно: первый періодъ—отъ приѣзда Безобразова въ Портъ-Артуръ въ январѣ 1903 года до среднихъ чиселъ марта того же года, когда адмиралъ Алексѣевъ по внѣшности всячески ухаживалъ за Безобразовымъ, а заочно относился къ нему критически, второй періодъ—отъ среднихъ чиселъ марта 1903 года, когда адмиралъ Алексѣевъ пошелъ вполнѣ заодно съ Безобразовымъ въ осуществленіи его замысловъ относительно Кореи и Манчжуріи. Въ первый изъ этихъ періодовъ адмиралъ Алексѣевъ высказывалъ многимъ лицамъ, что присутствіе Безобразова въ Портъ-Артурѣ

крайне его тяготить, такъ какъ онъ вмѣшивается рѣшительно во все и утомляетъ его своими безконечными разглагольствованіями. Онъ заявлялъ также, что не раздѣляетъ взглядовъ Безобразова на многіе вопросы, и призналъ, между прочимъ, необходимымъ довести до свѣдѣнія министра иностранныхъ дѣлъ о готовившейся Безобразовымъ отправкѣ на Ялуцзянъ партіи лѣсной стражи, предвидя, что мѣра эта приведетъ къ нежелательнымъ недоразумѣніямъ. Въ среднихъ числахъ февраля въ бесѣдѣ съ агентомъ министерства финансовъ онъ подробно распространился о несерьезности, по его мнѣнію, Безобразова, въ отношеніи котораго онъ, къ сожалѣнію, связанъ, видимо, желая, чтобъ объ этомъ его заявленіи сообщено было министру финансовъ. 28-го февраля онъ замѣтилъ другому представителю министерства финансовъ, что крайне опасается, какъ бы слишкомъ произвольное хозяйничанье Безобразова на границѣ Кореи не вызвало опасныхъ осложненій, и поручилъ ему телеграфировать объ этомъ его опасеніи министру финансовъ. Наконецъ, 2-го марта одинъ изъ строителей Китайской Восточной желѣзной дороги донесъ министру финансовъ, что адмиралъ Алексѣевъ предостерегалъ его противъ участія въ дѣлахъ Безобразова, выразивъ вмѣстѣ съ тѣмъ свое крайнее неудовольствіе этими дѣлами. 12-го марта министръ финансовъ телеграфировалъ адмиралу Алексѣеву, что ему надлежало бы съ полною откровенностью и беззамедлительно подробно сообщить въ Петербургъ свое мнѣніе о Безобразовѣ и его начинаніяхъ. Кромѣ того, онъ просилъ адмирала Ломена, состоявшаго въ дружескихъ отношеніяхъ съ адмираломъ Алексѣевымъ, телеграфировать послѣднему въ томъ же смыслѣ, что и было исполнено адмираломъ Ломеномъ, весьма критически относившимся къ дѣятельности Безобразова. Подъ вліяніемъ телеграммы министра финансовъ, Алексѣевъ дѣйствительно сначала было рѣшился составить донесеніе въ этомъ смыслѣ и даже поручилъ составленіе его агенту министерства финансовъ, но когда проектъ этого письма 15-го марта былъ ему представленъ онъ оставилъ его у себя, а передалъ для отправленія министру финансовъ лишь краткую телеграмму съ выраженіемъ благодарности за лестное мнѣніе, высказанное имъ объ Алексѣевѣ вѣ телеграммѣ отъ 12-го марта. На телеграмму же Ломена Алексѣевъ отвѣтилъ депешей крайне уклончиваго содержанія. Можно думать, что рѣшительнымъ обстоятельствомъ, вызвавшимъ коренную перемѣну въ отношеніяхъ адмирала Алексѣева къ Безобразову, явилось назначеніе адмирала Авелана на постъ управляющаго морскимъ министерствомъ, послѣдовавшее послѣ кончины адмирала Тыртова. Извѣстіе объ этомъ назначеніи, состоявшемся 10-го марта, было, конечно, немедленно сообщено въ Портъ-Артуръ по телеграфу, и, слѣдовательно, адмиралъ Алексѣевъ узналъ о немъ около среднихъ чиселъ марта, т. е. именно тогда, когда онъ перешелъ на

«истор. вѣстн.», июль 1914 г., т. сxxxvii.

сторону Безобразова. Осенью 1902 года Алексѣевъ говорилъ о своемъ желаніи занять постъ управляющаго морскимъ министерствомъ, и онъ, несомнѣнно, имѣлъ основаніе рассчитывать на исполненіе этого желанія какъ по своей морской службѣ, такъ и въ особенности въ виду милостиваго къ нему расположенія сильныхъ міра сего. Безобразовъ, повидимому, предложилъ адмиралу Алексѣеву устроить его назначеніе на постъ намѣстника на Дальнемъ Востокѣ. По крайней мѣрѣ, по возвращеніи въ Петербургъ, Безобразовъ тотчасъ же сталъ говорить о предстоящемъ учрежденіи намѣстничества и о предоставленіи этого поста адмиралу Алексѣеву. До назначенія адмирала Авелана это предложеніе Безобразова могло казаться Алексѣеву менѣе привлекательнымъ. Но когда надежда его занять постъ управляющаго морскимъ министерствомъ не осуществилась, и онъ увидѣлъ, что ему приходится оставаться на Дальнемъ Востокѣ, то, повидимому, рѣшилъ сдѣлать все возможное, чтобы при помощи Безобразова добиться назначенія въ намѣстники, а для этого нужно было сдѣлаться вѣрнымъ исполнителемъ политическихъ плановъ Безобразова и его единомышленниковъ.

19-го марта Безобразовъ выѣхалъ изъ Портъ-Артура въ Петербургъ въ предоставленномъ ему обычномъ экстренномъ поѣздѣ. Проѣздомъ черезъ Харбинъ Безобразовъ имѣлъ свиданіе съ инженерами по сооруженію Китайской Восточной желѣзной дороги. Бесѣды его съ этими лицами отличались большою откровенностью. Онъ изложилъ имъ совершенно открыто программу своей будущей дѣятельности, сложившуюся у него послѣ двухмѣсячнаго пребыванія на Дальнемъ Востокѣ.

При свиданіи съ Безобразовымъ инженеры указывали на необходимость поддержанія строго легальныхъ отношеній къ китайскому народонаселенію и администраціи, благодаря которымъ обезпечивалась успѣшность строительства. Замѣчаніе это вызвало, однако, оживленныя возраженія со стороны Безобразова. Признавая обязательность и пользу доброжелательныхъ, легальныхъ отношеній къ населенію, онъ утверждалъ, что отношенія къ администраціи теперь должны быть измѣнены кореннымъ образомъ. Такъ какъ, по его мнѣнію, Пекинъ, а вслѣдъ за нимъ и провинціальныя власти относятся теперь къ Россіи прямо враждебно, то было бы ошибкою продолжать заботу о поддержаніи дружественныхъ и правомѣрныхъ отношеній. Напротивъ, слѣдуетъ пользоваться всякою возможностью, чтобы поставить китайскихъ чиновниковъ въ затруднительное положеніе. Наилучшимъ къ этому средствомъ онъ признавалъ поддержаніе связей съ хунхузами. Должно быть установлено соглашеніе, въ силу котораго прилегающая къ дорогѣ полоса, шириною въ 50 верстъ, объявляется для нихъ запретною, но за хунхузами сохраняется право свободно оперировать на всей осталь-

ной площади трех провинцій. Вообще онъ признавалъ хунхузозъ за представителямъ оппозиціи, которая, въ нашихъ интересахъ, должна быть поддерживаема нами. Независимо этого, слѣдуетъ настойчиво требовать отъ китайскихъ чиновниковъ неотложнаго утвержденія концессій и всякихъ проектовъ, исходящихъ отъ русскихъ подданныхъ, въ случаѣ же отказа надлежитъ приступать къ исполненію, игнорируя протестъ чиновниковъ ¹⁾. Только такимъ способомъ можно, по его мнѣнію, положить конецъ опаснымъ для насъ надеждамъ и расчетамъ китайцевъ на излишнюю уступчивость, до сихъ поръ всегда нами проявлявшуюся въ китайскихъ дѣлахъ. Образчикъ особо вредной уступчивости Безобразовъ усматривалъ въ заключеніи послѣдней конвенціи о срокахъ эвакуаціи Манчжуріи. По его свѣдѣніямъ, конвенція была заключена въ тотъ моментъ, когда въ Японіи повсюду происходили анти-русскія демонстраціи. Поэтому китайцами и японцами она принята за доказательство нашей слабости. Разсчитывая на нашу уступчивость, Китай можетъ въ будущемъ пойти на самыя рискованныя демонстраціи, изъ которыхъ не окажется иного выхода, кромѣ войны. Это послѣднее соображеніе Безобразова поддерживалъ присутствовавшій при разговорѣ генераль-майоръ Вогакъ (нашъ военный агентъ въ Пекинѣ), который вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ въ Петербургъ, по слухамъ, приглашенный имъ на должность главноуправляющаго всѣми предпріятіями. Неоднократныя попытки инженеровъ поставить Безобразова въ курсъ дѣйствительнаго положенія дѣла, исключаящаго возможность практическаго примѣненія его странной системы, остались безрезультатны, такъ какъ въ намѣренія Безобразова вовсе не входило ознакомленіе съ ихъ взглядами и мнѣніями.

XXXIX.

Такова картина развертыванія дальневосточнаго вопроса, согласно имѣющимъ въ нашемъ распоряженіи архивнымъ офиціознымъ матеріаламъ. Въ нихъ конспективно и объективно изложена суть дѣла, но, кромѣ этихъ офиціозныхъ матеріаловъ, у насъ имѣются и матеріалы частныя, гдѣ дано широкое мѣсто описанію закулисной стороны дѣла и разныхъ многозначительныхъ деталей, которыя чрезвычайно рельефно отгѣняютъ всю дальне-

¹⁾ Съ какою крайней непринужденностью смотрѣлъ Безобразовъ вообще на обязанность русскаго правительства исполнять свои обязательства передъ другими державами, видно изъ записки его отъ 20 іюля 1903 г., гдѣ онъ рѣшился высказать дословно слѣдующее: «Что же касается до договоровъ и трактатовъ, то они не должны быть для насъ препятствіемъ при выполненіи нами нашей исторической задачи на Дальнемъ Востока. Не слѣдуетъ останавливаться при достиженіи назрѣвшей и ясно сознаваемой государственной потребности предъ этими случайными формами текущаго политическаго дѣлопроизводства».

восточную авантюру со стороны своего рода новаго правительства въ лицѣ небольшой группы частныхъ лицъ, создававшихъ на берегу Тихаго океана свою политику, шедшую въ разрѣзъ съ политической официальной, правительственной. Къ числу такихъ матеріаловъ относятся, между прочимъ, и тѣ №№ 14—21 газеты «Владивостокъ» за 1905 г., гдѣ въ рядѣ статей подъ наименованіемъ «Таинственное предпріятіе. По поводу открытаго письма статсъ-секретарю Безобразову»,—нѣкто, скрывшійся за псевдонимомъ *Немо*, повѣствуетъ о дѣятельности А. М. Безобразова и К^о на Дальнемъ Востокѣ. Эти статьи, нынѣ совершенно забытыя, а для столичныхъ и вообще для массы русскихъ читателей, вѣроятно, и совсѣмъ невѣдомыя, мы для иллюстраціи тогдашняго смутнаго времени здѣсь воспроизводимъ въ возможной полнотѣ¹⁾.

«Еще до китайскихъ волненій владивостокскимъ купцомъ Ю. И. Бринеромъ какимъ-то образомъ была получена отъ корейскаго правительства концессія на рубку лѣса въ области рѣки Ялу и ея притоковъ—повѣствуетъ *Немо*.—Въ этой концессіи, между другими параграфами, былъ параграфъ, опредѣлявшій срокъ начала рубки лѣса, т. е. условіе, не выполнивъ котораго владѣлецъ концессіи лишается на нее права и концессія теряетъ свою силу. Что помѣшало г. Бринеру осуществить лѣсное дѣло въ широкихъ размѣрахъ—неизвѣстно, но только концессія не была использована. Въ концессіи былъ и еще параграфъ, который гласилъ, что «безъ согласія корейскаго правительства концессія не можетъ быть передана другому лицу». Но, тѣмъ не менѣе, на смѣну г. Бринера явился новый владѣлецъ ея въ лицѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Матюнина, жившаго въ Петербургѣ.

«Съ перваго взгляда кажется довольно страннымъ такая передача лицу, живущему за десятки тысячъ верстъ отъ береговъ рѣки Ялу. Однако фактъ подтвержденъ согласіемъ корейскаго императора, заключавшимся въ первомъ параграфѣ концессіи новаго владѣльца г. Матюнина. Но извѣстно, что вслѣдствіе вспыхнувшихъ «внезапно» китайскихъ беспорядковъ къ эксплуатаціи лѣсовъ приступлено не было и концессія утратила свое значеніе. И только послѣ китайской кампаніи право на концессію было возобновлено срокомъ на двадцать лѣтъ, какъ говорилось въ концессіи, «съ согласія корейскаго императора».

«Въ концессіи не было параграфовъ, вполне гарантирующихъ обѣ стороны, а скорѣе вся концессія была обузой для корейскаго правительства, несмотря на то, что корейскій императоръ, самъ заинтересованный въ постановкѣ лѣснаго хозяйства по образцу

¹⁾ Не можемъ не отмѣтить, что статьи г. *Немо* написаны очень шероховато и тяжело, почему мы и вынуждены были сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя стилистическія поправки.

европейскому, участвовалъ въ извѣстной долѣ дохода съ этого предпріятія, и, какъ гарантія, императору было уплачено 15.000 руб. серебромъ уже «лѣсопромышленнымъ товариществомъ», учрежденнымъ А. М. Безобразовымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что прежде, чѣмъ организовать какое-либо предпріятіе, должна существовать цѣль или идея, и, судя по роли, какую игралъ въ этомъ дѣлѣ г. Безобразовъ, идея принадлежитъ ему.

«Какъ извѣстно, въ Кореѣ не было раньше законовъ о рубкѣ лѣсовъ, какіе существуютъ у насъ; само правительство лѣснымъ хозяйствомъ не занималось, но и не запрещало кому-либо заниматься имъ. Такимъ образомъ, кто гдѣ взмахнулъ топоромъ, тотъ и дѣлался полнымъ хозяиномъ срубленнаго. Рубили корейцы, рубили японцы, рубили китайцы, англичане и даже русскіе (своихъ лѣсовъ намъ, видно, было мало!) И, конечно, такое положеніе вещей не могло сохранить лѣса отъ полнаго уничтоженія его хищниками, если не повсемѣстно, то по крайней мѣрѣ въ районѣ рѣкъ и ихъ притоковъ, какъ болѣе удобныхъ и, пожалуй, единственныхъ путей сплава срубленнаго лѣса на рынки. Когда-то берега рѣки Ялу изобиловали дѣвственными лѣсами и корейцы были единственными эксплуататорами ихъ. Торговля же лѣсомъ давала имъ весьма значительный заработокъ, наполняя рынки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лѣса было очень мало, или онъ стоилъ слишкомъ дорого. Появленіе хищниковъ повело къ полному уничтоженію лѣсовъ въ этомъ районѣ и создало конкуренцію въ торговлѣ лѣсомъ и до того бѣднымъ корейцамъ. Такъ были уничтожены лѣса по нижнему теченію рѣки Ялу, и только кое-гдѣ попадались клочки случайно сохранившагося лѣса, да и то близъ селеній. Въ верховья и по притокамъ хотя и былъ лѣсъ еще не истребленный, но сплавъ его оказывался слишкомъ затруднительнымъ, въ виду исключительнаго свойства рѣкъ въ Кореѣ: горныхъ и при томъ мелководныхъ. Дѣло дошло до того, что самый богатый районъ рѣки Ялу очутился безъ лѣса и на пространствѣ многихъ верстъ, мѣстами далеко отъ береговъ вглубь, лѣсъ сталъ цѣниться чуть ли не на вѣсь золота! Обѣднѣли отъ этого и корейцы, обѣднѣлъ и лѣсной рынокъ.

«Вотъ приблизительно то положеніе, при которомъ была получена концессія г. Матюнинымъ, переданная впоследствии организованному г. Безобразовымъ «русскому лѣсопромышленному товариществу».

Идея заключалась въ томъ, чтобы при помощи концессіи выжить хищниковъ, внушить довѣріе къ себѣ со стороны обѣднѣвшихъ корейцевъ, заинтересовать корейское правительство въ постановкѣ лѣсного хозяйства и тѣмъ создать прочное положеніе интересовъ въ Кореѣ, для чего товарищество обязалось имѣть своихъ ученыхъ лѣсоводовъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, у которыхъ могли бы учиться и корейцы, и поставленные

для сего корейскимъ правительствомъ молодые люди, рабочіе же и мастеровые должны были быть преимущественно корейцы. За это корейское правительство дало нѣкоторыя льготы товариществу: весь срубленный лѣсъ дѣлается собственностью предпріятія; инструменты и матеріалы, а также продукты, оказавшіеся нужными компаніи, ввозятся беспошлинно и также дозволяется беспошлинный вывозъ лѣса. Для постройки завода и другихъ службъ отчуждена была въ устьяхъ рѣки Ялу часть берега, гдѣ могли бы селиться русскіе люди, имѣющіе непосредственное отношеніе къ компаніи.

«Однако для исполненія всѣхъ параграфовъ концессіи компаніей были назначены корейскіе чиновники, которые должны были слѣдить за законными дѣйствіями компаніи и должны были жить, гдѣ имъ заблагоразсудится. Главная контора должна была быть во Владивостокѣ, но впослѣдствіи за отдаленностью этого порта открыта въ Портъ-Артурѣ подъ названіемъ: «Главная контора русскаго лѣсопромышленнаго товарищества на Дальнемъ Востокѣ»; правленіе же находилось въ Петербургѣ и состояло изъ пайщиковъ этого предпріятія во главѣ съ г. Безобразовымъ. Какъ великъ былъ складочный капиталъ—сказать такъ же трудно, какъ и указать всѣхъ пайщиковъ, такъ какъ это держалось въ строгой тайнѣ. Только можно указать на болѣе извѣстныхъ лицъ: князь Козловскій и Вонлярлярскій¹⁾. Судя же по дѣламъ и широкимъ замысламъ компаніи, складочный капиталъ былъ не менѣе трехъ милліоновъ рублей. Хотя эти компаніоны активнаго участія въ дѣлахъ не принимали, а пріѣзжали только посмотреть на свое «дѣтище», тѣмъ не менѣе нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ осуществленіи идеи и знаніи «нашихъ тайныхъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ» они причастны такъ же, какъ статсъ-секретарь Безобразовъ и Матюнинъ.

«Организація дѣла на мѣстѣ въ Корей была поручена знатоку этого края—подполковнику генеральнаго штаба А. С. Мадритову, который былъ и уполномоченнымъ товариществомъ, а проводникомъ идеи г. Безобразова былъ егермейстеръ И. П. Балашевъ, который и былъ довѣреннымъ. Какъ видно, всѣ эти дѣятели далеки отъ всякихъ понятій въ коммерческомъ дѣлѣ, а между прочимъ А. С. Мадритовъ пользовался неограниченными дѣйствіями: въ его распоряженіи были деньги и было дѣло. Въ сношеніяхъ съ властями Кореи и Китая онъ безусловно принесъ неоцѣнимую пользу товариществу. Всегда подвижной и всего болѣе заинтересованный этимъ дѣломъ, онъ, на примѣръ, для того, чтобы снестись съ кѣмъ-нибудь изъ китайскихъ властей, въ сопровожденіи 3—5 человекъ конвойныхъ

¹⁾ Изъ дальнѣйшаго нашего повѣствованія читатели болѣе подробно будутъ освѣдомлены о составѣ пайщиковъ товарищества вообще и объ организаціи комитета въ Петербургѣ.

совершалъ путешествія по дебрямъ и пустынямъ, не слѣзая съ лошади въ продолженіе сутокъ, и всегда предпринятыя имъ шаги не оставались безплодными. Его знали всѣ корейскія и китайскія власти того района, а въ деревняхъ его встрѣчали чуть не съ царскими почестями. Достаточно будетъ сказать, что въ Лаоянѣ въ честь его названа улица—«Мадритовская»; его знали также хунхузы, которые трепетали, заслыша, что Мадритовъ ѣдетъ, и при встрѣчахъ съ нимъ падали ницъ. Во время китайскихъ безпорядковъ одинъ изъ предводителей хунхузовъ полковникъ Линчи, наводившій панику на сѣверо-восточную часть Китая, грабя и разрушая деревни, завоевалъ себѣ громкую извѣстность, такъ что за поимку этого хунхуза китайское правительство обѣщало дать 4,000 ланъ, т. е. «за его голову». Заслыша это, полковникъ Линчи обратился къ А. С. Мадритову, чтобы тотъ взялъ его подъ свое покровительство и тѣмъ спасъ его жизнь. Мадритовъ, видя въ немъ нужнаго человѣка для содѣйствія болѣе успѣшному дѣлу товарищества, принялъ его въ качествѣ переводчика на службу въ товарищество съ жалованіемъ въ 500 рублей въ мѣсяцъ. Надо сказать, что Линчи боготворилъ Мадритова и считалъ его всесильнымъ. Каждое слово, каждый намекъ исполнялись Линчи безпрекословно и даже съ большею энергіею, лишь бы угодить патрону. Онъ имѣлъ визитныя карточки, на которыхъ съ одной стороны была написана его фамилія по-китайски, съ другой—по-русски. Если вамъ съ нимъ пришлось познакомиться, то Линчи непременно давалъ вамъ свою карточку. Это значило, что онъ васъ уважаетъ и что съ этой карточкой вы можете быть спокойнымъ, такъ какъ ни одинъ хунхузъ васъ не тронетъ, если узнаетъ, что вы знакомы съ полковникомъ Линчи.

«Въ лицѣ Линчи г. Мадритовъ имѣлъ послушное орудіе, а Линчи былъ повелителемъ не только хунхузовъ, но и всѣхъ китайцевъ, которые хорошо знали «дѣятельность» его. По одному зову онъ могъ собрать тысячную шайку и стереть съ лица земли не одну деревню. Въ его распоряженіи была не одна тысяча, а весь тотъ районъ, наполненный хунхузами, подчинялся его малѣйшему капризу. Настолько онъ внушалъ страхъ, что въ этомъ случаѣ не могъ быть не полезнымъ Мадритову, сумѣвшему извлечь изъ него пользу, и, дрожа за свою шкуру, Линчи сумѣлъ оправдать себя въ минуты трудныя, когда Мадритову приходилось обращаться за помощью къ Линчи.

«Обращеніе Мадритова съ Линчи было самое жестокое, и замѣчательно, что Линчи совсѣмъ не обижался на это; очевидно, такое обращеніе не вызывало въ немъ чувства самолюбія, и онъ переносилъ всѣ обиды, не исключая и рукоприкладства, которое, къ слову сказать, Мадритовъ практиковалъ въ широкихъ размѣрахъ и при томъ не только по отношенію къ Линчи, но даже и къ китайскимъ маленькимъ властямъ. Такое отношеніе, конечно,

нельзя назвать гуманнымъ, но Мадритовъ изъ двухъ золъ выбралъ одно: или его требованія будутъ удовлетворены, или дать острастку но послѣдняя всегда сопровождалась затѣмъ какимъ-либо цѣннымъ подаркомъ въ родѣ портсигара, часовъ и проч. Такимъ образомъ самолюбіе «пострадавшихъ» отъ рукоприкладства было удовлетворено. Что же касается Линчи, то вполнѣ естественно, что жестокая расправа у Линчи, какъ разбойника, была въ крови и не вызывала по этому поводу удивленія и протестовъ.

«1-го января 1903 года была открыта въ Портъ-Артурѣ главная контора, такъ сказать, звено, соединяющее дѣло съ правленіемъ въ Петербургѣ. Для этой цѣли статсъ-секретарь Безобразовъ пріѣзжалъ въ Портъ-Артуръ, гдѣ происходили совѣщанія, конечно, тайныя, причемъ было подчеркнута, что лишь бы достигнуть цѣли, а затрудненій въ деньгахъ не будетъ. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ, Безобразовъ уѣхалъ въ Петербургъ, оставивъ за себя егермейстера Балашева, а веденіе дѣлъ и организацію возложилъ всецѣло на Мадритова.

«Если смотрѣть на дѣло съ коммерческой точки зрѣнія, то нельзя не признать, что ни тотъ, ни другой не обладали этими познаніями, что они и сами сознавали. Тяжелая задача при отсутствіи специальныхъ познаній не могла быть выполнена безъ затрудненій съ самаго начала даже удовлетворительно. Это предвидѣлъ самъ Безобразовъ и далъ имъ въ совѣтники нѣкоего Абрама Животовскаго (еврея), сумѣвшаго за время пребыванія Безобразова въ Портъ-Артурѣ втереть ему очки. Этотъ «совѣтникъ» никогда не давалъ совѣтовъ не въ свою пользу и, чтобы не повредить своимъ интересамъ, только слегка знакомилъ какъ Балашева, такъ и Мадритова съ тѣмъ или инымъ коммерческимъ вопросомъ, да и то только тогда, когда его мнѣніе было необходимымъ. Исполненіе же предначертаній Мадритова по дѣламъ лѣснымъ было поручено также еврею, нѣкому Моисею Скидельскому, который, отчасти зная лѣсной промыселъ, занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ на р. Ялу и считался пионеромъ, успѣвъ прибрать къ своимъ рукамъ все лѣсное предпріятіе. Оба эти «нужные люди» хотя особаго значенія не имѣютъ, но, набивая туго свои карманы, отчасти парализовали успѣхъ дѣла на Ялу и тѣмъ самымъ создавали всевозможныя затрудненія добиться до вѣрія къ компаніи корейцевъ и привлечь ихъ на свою сторону. Въ этомъ безусловно ошибка Безобразова и Мадритова, посадившихъ на доходныя мѣста евреевъ. Одинъ изъ видныхъ дѣятелей, а также и представителей отъ компаніи былъ небезызвѣстный Гинцбургъ.

«Первымъ дѣломъ Балашева и Мадритова было тщательное ознакомленіе съ положеніемъ лѣснаго дѣла на р. Ялу. Такъ какъ р. Ялу представляла изъ себя довольно серьезное препятствіе для сообщенія одного берега съ другимъ, въ виду ея ширины и довольно

быстрога теченія, то понадобилось завести тамъ какія-нибудь суда. Были приобрѣтены катера отъ морского пароходства Китайско-Восточной ж. д. и независимо отъ сего Балашевъ ходатайствовалъ въ одномъ изъ министерствъ о безвозмездной передачѣ катеровъ, почему-то оказавшихся ненужными на р. Сунгари въ Харбинѣ. На передачу этихъ катеровъ послѣдовало разрѣшеніе безпрепятственно! Немного кажется страннымъ такая безвозмездная передача частному (?) предпріятію; ясно, что если бы у такой компаніи не было какого-либо согласія въ политическихъ взглядахъ съ государственными людьми, то съ какой бы стати казенное имущество было передано! Вѣдь это абсурдъ, граничащій съ непонятными явленіями нашего министерства—или, сказать проще, канцелярщины, къ волокитѣ которой мы такъ привыкли!.. Изъ этого сразу можно заключить, что подъ личиною частной компаніи таились тѣ интересы, которые привели насъ къ печальной развязкѣ съ Японіей. Такимъ образомъ, замѣтно сочувствіе идеѣ Безобразова нашихъ высшихъ государственныхъ учреждений, изъ чего выходитъ, что участіе ихъ и освѣдомленность въ замыслахъ этого предпріятія—дѣлають его фиктивнымъ, а отчасти и официальнымъ, что не вызывало сомнѣній не только у торговаго или промышленнаго міра, но и у японцевъ, которые обратили серьезное вниманіе на это и стали слѣдить. Конечно, можетъ быть, японцы и не знали о содѣйствіи нашего министерства, но веденіе дѣлъ такими лицами, какъ егермейстеръ Балашевъ и подполковникъ Мадритовъ, ясно говорило, что эта компанія не есть частное предпріятіе для коммерческой цѣли, а не что иное, какъ заслонъ, за которымъ скрываются государственные интересы.

«Съ передачей катеровъ компанія сдѣлалась владѣлицей небольшой флотилии, что для рѣки Ялу было вполне достаточно, такъ какъ большимъ пароходамъ тамъ было очень неудобно въ виду мелководности; пароходы эти могли заходить въ бухту только во время прилива, да и то становились на якорь въ десяти миляхъ отъ берега. Кромѣ катеровъ, компаніей былъ заказанъ большой грузовой пароходъ на судостроительной верфи завода Бойдъ и компаніи въ Шанхаѣ. При постройкѣ парохода были предъявлены требованія большой грузоподъемности и самой наименьшей осадки, такъ какъ пароходъ этотъ предназначался для перевозки съ лѣсопильнаго завода лѣса; но заводъ Бойдъ отказался въ послѣдствіи отъ выполненія такихъ требованій, находя ихъ невозможными. Однако компанія ничего не имѣла противъ приобрѣтенія судовъ, но такихъ подходящихъ не оказывалось.

«Вотъ что было первыми шагами Мадритова и Балашева. Шаги эти были вполне понятны, ибо поддерживать сообщеніе съ мѣстомъ, гдѣ образовался уже поселокъ, было необходимо. Образование поселка было дѣломъ гораздо ранѣшимъ того времени, нежели про

это знают. Поселокъ будто самъ собою выросъ и состоялъ первоначально изъ корейскихъ фанзъ, построенныхъ изъ циновокъ (родъ рогожи). Но этотъ поселокъ носилъ характеръ отнюдь не официальный, и со стороны корейскаго правительства и самихъ корейцевъ не разъ выражалось неудовольствіе по поводу захвата русскими корейской территоріи. Тѣмъ не менѣе, поселокъ росъ, какъ по количеству построекъ, такъ и по населенію. Земля же подъ постройки была приобрѣтена на имя корейца Паха и находилась въ округѣ Ионампо близъ Татунгоу. Устройство поселка въ этомъ мѣстѣ было тѣмъ болѣе удобно, что, во-первыхъ, въ устьѣ самомъ, а, во-вторыхъ, при помощи катеровъ можно было установить блокаду для конфискаціи сплавляемаго сюда плотами лѣса корейцами и китайцами. Для охраны поселка и своего предпріятія была въ Портъ-Артурѣ сформирована охранная стража изъ запасныхъ въ количествѣ тридцати человѣкъ и отправлена на Ялу въ партикулярномъ платѣ. Вооруженіе состояло изъ трехлинейныхъ винтовокъ. Какъ только установилось сообщеніе поселка съ Портъ-Артуромъ, немедленно были отправлены туда пакгаузы для постройки лѣсопильнаго завода, а также техники, механики, рабочіе и мастеровые, которыми приступлено было какъ къ постройкѣ завода, такъ и службъ. Завѣдываніе всѣми дѣлами на Ялу и охранной стражей было поручено штабсъ-капитану Бодиско, офицеру 1-го В. С. с. полка, взявшаго для этой цѣли изъ полка отпускъ. Нельзя скрыть этого, что въ частномъ предпріятіи служили офицеры, носили свою форму и это было извѣстно всѣмъ. Вотъ это еще болѣе бросалось въ глаза и возмущало японцевъ. Прибытіе партіи охранной стражи, надо замѣтить, служившей у компаніи по найму, подъ командой офицера и быстрый ростъ поселка заставили японскаго посланника въ Сеулѣ обратить на это вниманіе корейскаго министра иностранныхъ дѣлъ, который яко бы сдѣлалъ распоряженіе воспрепятствовать русскимъ къ дальнѣйшему захвату территоріи. Это было приблизительно въ серединѣ мая 1903 года.

«Такимъ образомъ, первые шаги, предпринятые японскимъ посланникомъ противъ перехода *русскими войсками* р. Ялу, были первымъ камнемъ преткновенія для Безобразовской концессіи. Съ этого момента и начинаются натянутыя отношенія между русскимъ посланникомъ г. Павловымъ и японскимъ посланникомъ г. Гайяши.

«Было ли движеніе нашихъ войскъ къ Антунгу (Шахедзы), занимавшихъ небольшими отрядами Фын-ху-ан-ченъ и другія китайскія селенія, или нѣтъ, но, по всей вѣроятности, прибытіе охранной стражи въ партикулярномъ платѣ подъ командою штабсъ-капитана Бодиско къ р. Ялу и переправа ея въ Ионампо было принято за движеніе *нашихъ войскъ*, какъ демонстрація противъ упрямства корейскаго министра иностранныхъ дѣлъ, съ цѣлью заставить признать лѣсную концессію.

«Тѣмъ временемъ уже началась постройка завода и службъ. Потребовалось увеличеніе охранной стражи и рабочихъ. Прибытіе на Ялу новой охранной стражи, служебнаго персонала съ семьями и рабочихъ-китайцевъ снова заставило говорить о себѣ въ корейскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и вызвало новое требованіе японскаго посланника г. Гайяши о непризнаніи этой концессіи, грозя разрывомъ дипломатическихъ сношеній. Это и есть самое тревожное время въ исторіи Безобразовской концессіи, натянувшее струну между Японіей и Россіей. Однако это мало беспокоило Мадритова и Балашева, а, наоборотъ, какъ бы въ пику требованіямъ японскаго посланника, Мадритовъ приказалъ начать рубку лѣса въ округѣ Ионампо и, независимо отъ сего, была отправлена вверхъ по р. Ялу экспедиція для изысканій удобныхъ мѣстъ для порубокъ подъ руководствомъ ученаго лѣсовода, приглашеннаго Безобразовымъ изъ Петербурга. Экспедицію сопровождалъ небольшой отрядъ охранной стражи, а повозки, взятыя съ собою, заключали въ себѣ провіантъ и всѣ нужные инструменты и приборы, включая фотографическій аппаратъ...

«Въ виду того, что поселокъ очень быстро разрастался и рубка лѣса была уже начата, то потребовался усиленный надзоръ и охрана, а такъ какъ набрать стражу изъ однихъ русскихъ было трудно, то въ качествѣ охранниковъ были приняты китайцы въ количествѣ около пятидесяти человѣкъ. Вся стража составляла около 350 человѣкъ и поступила подъ общее непосредственное командованіе специально для этой цѣли назначеннаго офицера, капитана Василевскаго, а Бодиско принялъ на себя завѣдываніе всей мѣстностью, занятой поселкомъ. Поселокъ этотъ, по инициативѣ Балашева, былъ названъ «Николаевскій», гдѣ было открыто «отдѣленіе товарищества на Ялу», которымъ завѣдывалъ Бодиско. Для непосредственной связи ялускаго отдѣленія съ Портъ-Артуромъ начали строить телеграфную линію отъ Ычжу до Ионампо, которая была немедленно разрушена корейцами, но вновь возстановлена русскими. Балашевъ по этому поводу рвалъ и металъ, находя дѣйствія корейцевъ незаконными. Мадритовъ сейчасъ же уѣхалъ къ нѣкоторымъ корейскимъ властямъ, и, конечно, «улаживалъ» дѣло благопріятно. Чтобы перекинуть линію сообщенія черезъ Ялу, то для этого былъ выписанъ подводный кабель изъ Америки, соединившій потомъ Ионампо съ Шахедзы. Охрана всей этой линіи лежала на обязанности капитана Василевскаго, который игралъ роль и полицеймейстера Николаевскаго поселка. Съ тѣхъ поръ телеграфное сообщеніе съ главною конторою на Артурѣ, гдѣ имѣлся кабинетъ тайныхъ совѣщаній, было фактически возстановлено.

«Бодиско въ это время велъ переговоры съ корейскими чиновниками относительно подписанія дополнительнаго договора къ лѣсной концессіи и Балашевъ бомбардировалъ Бодиско телеграммами.

Всѣ же свѣдѣнія о ходѣ дѣла на Ялу и вообще компаніи съ лихорадочной поспѣшностью комбинировались въ одну общую компанію, которая шифромъ (частная компанія!) передавалась въ Петербургъ. Это были цѣлые трактаты, которые заключали въ себѣ весь цимесъ дѣла и политическія соображенія Балашева, заканчивающіяся авторитетными требованіями о принятіи тѣхъ или иныхъ мѣропріятій «для пользы дѣла и достиженія цѣли», мѣропріятій, исходящихъ изъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ черезъ посредство посланника г. Павлова въ Сеулѣ или посланника въ Пекинѣ г. Лессара. Всѣ требованія и политическія намѣренія г. Балашева носили слишкомъ воинственный характеръ и никогда ни въ чемъ не было уступокъ. Балашевъ и слышать не хотѣлъ, если его желанія не были удовлетворены, иначе онъ считалъ это вреднымъ для интересовъ нашихъ въ Корей и Манчжуріи. Кромѣ ялускаго отдѣленія, были открыты отдѣленія и склады въ другихъ мѣстахъ. Отдѣленіемъ въ Сеулѣ завѣдывалъ Гинцбургъ. Дѣятельность его состояла въ томъ, чтобы быть въ непосредственной связи съ посланникомъ г. Павловымъ и поддерживать интересы компаніи, а также тщательно слѣдить за дѣйствіями японскаго посланника г. Гайяши и корейскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Дабы присутствіе Гинсбурга носило характеръ болѣе опредѣленный, то онъ завязалъ сношенія съ корейцами по покупкѣ извѣстныхъ своими свойствами корней «ревеня» и «жень-шеня».

«Другое отдѣленіе было открыто въ Тун-хун-сянѣ, которымъ завѣдывалъ опять же офицеръ, штабъ-капитанъ Гаганидзе, имѣвшій охранной стражи около тридцати человекъ. Пунктъ былъ отдаленный отъ удобныхъ путей сообщенія, и, несмотря на это, тамъ былъ устроенъ складъ лѣса, который поставлялся подрядчиками-китайцами къ извѣстнымъ срокамъ по договорамъ. Лѣсъ поставлялся преимущественно годный для шпаль и телеграфныхъ столбовъ. Ближайшимъ сообщеніемъ было съ отдѣленіемъ на Ялу, но неудобнымъ въ томъ отношеніи, что исключительно по горнымъ тропамъ въ мѣстности, кишасей хунхузами, и поэтому доставка почты производилась при помощи китайцевъ за условленную плату и въ рѣдкихъ случаяхъ курьерами охранной стражи. Другое сообщеніе было съ Мукденомъ; какъ болѣе отдаленное, нежели съ Ялу, и по ужасному состоянію дороги оно было затруднительно для сообщенія съ нимъ. Провіантъ и необходимые матеріалы для постройки зданій перевозились на китайскихъ арбахъ въ сопровожденіи охраны. Планъ построекъ напоминалъ небольшую желѣзнодорожную станцію со всѣми приспособленіями и, если сопоставить всѣ начинанія здѣсь, то мы придемъ къ выводу, что черезъ этотъ пунктъ предполагалось провести желѣзную дорогу.

«Слѣдовательно, въ главный планъ Безобразовской идеи это безусловно входило, иначе бы въ этомъ неудобномъ пунктѣ открывать

отдѣленіе и тѣмъ болѣе устраивать складъ шпаль и телеграфныхъ столбовъ не имѣло бы смысла.

«Въ Мукденѣ было тоже отдѣленіе немалой важности, ибо компаніей были тамъ устроены: электрическая станція, выстроенная извѣстнымъ китайскимъ капиталистомъ Тифонтаемъ, но не дававшая настоящаго свѣта, хотя и предполагалось освѣщать городъ и «ослѣплять» китайцевъ. Была также и православная церковь и при ней русско-китайская школа, которой завѣдывалъ священникъ. Весь обиходъ какъ церкви, такъ и школы приобрѣтался по рецептамъ священника же. Во что обошлась электрическая станція, церковь и школа—сказать трудно, но во всякомъ случаѣ не дешево».

«Мукденскому отдѣленію было подотчетно отдѣленіе въ Фушунѣ. Это въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находятся фушунскія каменноугольныя копи, которыми пользовалась наша армія во время зимовки на Шахэ и которыя были впоследствии обильно политы кровью нашихъ братьевъ. Копи эта компанія приобрѣла отъ отставнаго казачьяго полковника и Тифонтая за 50.000 рублей. Сдѣланныя изысканія показали залежи хорошаго и въ большомъ количествѣ угля, способнаго конкурировать съ углемъ японскимъ, которымъ, къ слову сказать, снабжался нашъ флотъ. Прекрасная мысль вытѣснить изъ употребленія во флотѣ японскій уголь, къ несчастію, не осуществилась на самомъ дѣлѣ, причиной чего служилъ особый взглядъ Балашева на это дѣло. Увлечшись политическими соображеніями на Ялу, онъ главное вниманіе обратилъ на лѣсной промыселъ, безцѣльно затрачивая огромныя суммы денегъ, какъ въ бездонную пропасть, а фушунскія каменноугольныя копи страдали, не принося никакой пользы. Завѣдывалъ мукденскимъ и фушунскимъ отдѣленіями одинъ поручикъ, еще совсѣмъ молодой, и гдѣ ужъ тамъ до какихъ-либо знаній въ дѣлѣ, если это былъ человѣкъ, сформированный на почвѣ дисциплины, который только и занимался, что издавалъ приказы подвѣдомственной ему охранной стражѣ въ обоихъ отдѣленіяхъ. Между тѣмъ Безобразовымъ изъ Петербурга былъ присланъ спеціально для каменноугольныхъ копей инженеръ Лоренцони и вмѣстѣ того, чтобы посадить его сразу на свое дѣло и ускорить добываніе угля, ему поручили развѣдочную партію для отысканія золотиносныхъ росыпей на Квантунскомъ полуостровѣ. Правда, развѣдки его не были безплодны: имъ открыты золотыя росыпи и залежи свинца близъ Полундяна, но все это для компаніи не имѣло никакого значенія, ибо по заявленнымъ площадямъ хотя она и становилась владѣлицей этихъ богатствъ, но чтобы извлечь изъ этого какую-либо пользу, предпринято компаніею ничего не было. Очевидно, Балашевъ, поглощенный всецѣло политическими соображеніями, забылъ самое дѣло, которое, несомнѣнно, принесло бы пользу въ свое время тѣмъ же интересамъ, которые такъ усердно защищалъ Балашевъ. Тѣмъ болѣе, что испы-

таніе фушунскаго угля дало блестящіе результаты въ сравненіи съ углемъ японскаго происхожденія; и какъ бы сочувствуя идеальной мысли изъять изъ употребленія во флотъ японскій уголь, намѣстникъ предоставилъ компаніи льготный провозъ въ Артуръ по желѣзной дорогѣ фушунскаго угля, но... и это не было принято во вниманіе Балашевымъ, отодвинувшимъ дѣло съ углемъ на задній планъ.

«Слѣдующее отдѣленіе было открыто въ Инкоу, гдѣ имѣлось нѣсколько катеровъ, занимавшихся исключительно перевозкою пассажировъ за весьма дешевую плату, создавая конкуренцію въ этомъ китайцамъ. Однажды для изслѣдованія судоходства рѣки Ляохэ была послана на одномъ изъ катеровъ экспедиція, которая пробралась почти къ Телину и тамъ застряла, благодаря мелководью рѣки, оказавшейся не вполне судоходной. Экспедиція эта, натерпѣвшись всевозможныхъ лишеній, съ большимъ трудомъ вернулась назадъ, потративъ на это не мало времени. Послѣ этого выяснились всѣ неудобства заводить здѣсь рѣчное судоходство и попытка осталась безуспѣшной. Кромѣ этого незначительнаго, не дававшего никакихъ барышей перевозочнаго пассажирскаго средства, былъ устроенъ складъ лѣса, на которомъ, по совѣсти сказать, не было ни одного бревна, ни одной щепки, но онъ былъ устроенъ для ожидавшагося долгое время привоза лѣса съ лѣсопилки на рѣку Ялу, но... и этому не суждено было осуществиться. Такъ какъ торговля въ Инкоу была въ рукахъ преимущественно иностранцевъ, а русская не только не расширялась, а, наоборотъ, вытѣснялась, то компаніей предполагалось открыть торговлю краснымъ товаромъ и опять же не съ цѣлью барышей, а чтобы, продавая по той цѣнѣ, во что обошелся товаръ самой компаніи, вытѣснить торговлю японцевъ, наполнившихъ рынки своими дешевыми и неважнаго качества товарами. Предполагалось открыть магазины въ разныхъ пунктахъ, гдѣ только была расширена торговля японцевъ, и такимъ образомъ парализовать ее. Насколько бы это оправдалось на дѣлѣ — неизвѣстно, такъ какъ, несмотря на выписанный уже въ то время товаръ изъ Россіи на 40.000 рублей, торговля не была открыта, а впоследствии компанія не знала, что съ этимъ товаромъ дѣлать, ибо опытъ показалъ, что русскіе ситцы и прочее не въ модѣ у традиціонныхъ китайцевъ, которые предпочитаютъ имъ товары японскіе, какъ выдѣланные въ духѣ восточномъ. Всѣми дѣлами компаніи въ Инкоу и соблюденіемъ ея интересовъ завѣдывалъ генераль-майоръ Кондратовичъ, бывший градоначальникъ гор. Инкоу. Дѣятельность Кондратовича не давала никакихъ опредѣленныхъ результатовъ; да и не было такого дѣла, которое кого-либо заинтересовало, если не считать пустыхъ лѣсныхъ складовъ да старыхъ, мало способныхъ къ службѣ катеровъ. Поэтому инкоуское отдѣленіе и не имѣло особаго значенія въ дѣлахъ компаніи.

«На ряду съ такимъ малополезнымъ отдѣленіемъ были открыты лѣсные склады въ Циндао, въ Талиенванѣ и Портъ-Артурѣ, которые тоже пустовали лѣсными матеріалами.

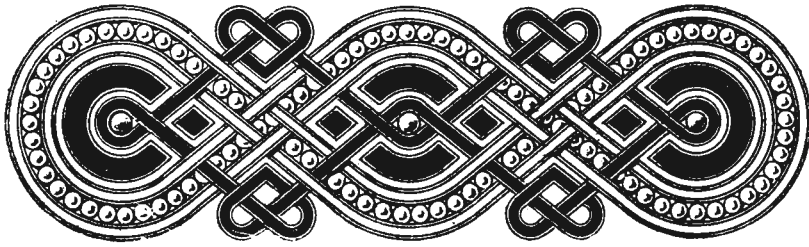
«Изъ описанія всѣхъ моментовъ изъ жизни предпріятія выходитъ, что компанія, имѣя широкіе замыслы, бралась за все, но ни одно дѣло не было доведено до конца, несмотря на потраченныя ею громадныя суммы денегъ. Даже не было видно, чтобы предполагалось возратить потраченныя деньги путемъ правильной постановки коммерческаго предпріятія. Единственную надежду возлагали на дѣло лѣсное, которое могло хотя бы и безъ барышей оправдать свои расходы. Концессія не имѣла должнаго значенія въ глазахъ корейцевъ, иначе сказать, они ее не признавали, и Мадритовъ рѣшилъ монополизировать лѣсное дѣло на Ялу скупкою всего лѣса изъ рукъ корейцевъ, китайцевъ и другихъ лѣсопромышленниковъ. Но и это впоследствии оказалось неосуществимымъ за неимѣніемъ на такой рискъ достаточныхъ средствъ. По этому поводу г. Мадритовъ представлялъ свои соображенія г. Безобразову и настаивалъ на увеличеніи средствъ компаніи, что Безобразовъ и обѣщаль исполнить.

«Что же дѣлалось на Ялу? На Ялу было не совсѣмъ благополучно. Несмотря на имѣвшіяся по концессіи права рубить лѣсъ въ округѣ Юнампо только русскимъ, корейцы, китайцы и японцы исправнымъ образомъ рубили и сплавляли лѣсъ къ устью Ялу, грузили на шаланды и увозили на рынки. Такой порядокъ подрывалъ основное значеніе концессіи и требовалъ мѣръ, которыя пресѣкли бы это зло. Рѣшенныя въ «тайномъ совѣтѣ» Балашевымъ и Мадритовымъ мѣры заключались въ слѣдующемъ: установить «блокаду» устья рѣки и конфисковать сплавляемый лѣсъ, платя сплавщикамъ только за срубъ его по 25 коп. за кубическій футъ. Для этой цѣли послужили катера, которые ходили на развѣдки вверхъ по рѣкѣ и тамъ уже ловили «нарушителей правъ концессіи».

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПО ШВЕЦИИ И НОРВЕГИИ.

(Примѣрный маршрутъ).

ВАЖНООБРАЗІЕ скандинавской природы, полной то плѣнительной граціи, нѣжной и ласкающей, то могущественной красоты, грозной и неприступной, воистину очаровательно.

Прозрачныя, какъ свѣтлыя души, безчисленныя и непохожія другъ на друга озера, необозримая пустыня мелко искрошенной земли среди моря—шхеры; чудесь полныя фіорды, омывающіе печальныя и безжизненныя горныя дебри; дикія живописныя альпійскія возвышенности и долины; наконецъ долгая зимняя ночь съ великолѣпнымъ сѣвернымъ сіяніемъ и безконечный лѣтній день съ полунощнымъ солнцемъ—все своеобразно и интересно, все влечетъ въ этотъ орѣхъ-двойчатку Скандинавію съ двумя родными между собой странами, Швеціей и Норвегіей, сотни и тысячи туристовъ всѣхъ національностей.

Сюда стремятся не только въ поискахъ пріятнаго, здороваго и неутомительнаго путешествія, не только отдыхать, развлекаться, успокаивать усталые нервы, но и поучаться, наблюдая величественныя явленія жизни земного шара.

Тайна волшебной прелести многихъ картинъ природы Скандинавіи заключается именно въ томъ, что онѣ въ краткомъ видѣ и въ нѣсколько часовъ даютъ возможность прослѣдить всѣ стадіи эволюціи земли.

Каждый фіордъ записываетъ на каменныхъ своихъ стѣнахъ, какъ какой-нибудь метеорологическій и геологическій аппаратъ, всѣ фазисы лѣтописи земного шара. Каждый ледяной потокъ, еще существующій, или ложе исчезнувшаго расскажетъ вамъ не только исторію переменъ климата, но даже тотъ планъ, по которому созидались материки. Здѣсь, среди величія пустыннаго уединенія, покинувъ обыденныя думы, невольно стремишься вникнуть во всѣ подробности былыхъ эпохъ существованія земли и теперешней психозаической эпохи, видѣвшей первые шаги человѣка по пути подчиненія имъ себѣ природы, видѣвшей великій ледниковый періодъ, переходное время отъ вѣка исполинскихъ животныхъ къ вѣку человѣка, т. е. важнѣйшій и интереснѣйшій моментъ въ исто-

Ш х е р ы.

ріи земного шара. Здѣсь же въ созерцаніи прошедшихъ стадій развитія отдыхаешь и оправляешься отъ вѣчно напряженнаго стремленія къ высшимъ ступенямъ культурной лѣстницы, погружаешься въ какое-то цѣлительное забытье и черпаешь новыя силы, нераздѣльно сливаясь съ природой.

Богатство историческихъ воспоминаній, непосредственное содѣйствіе вмѣстѣ съ удобствомъ и сравнительною дешевизною сообщенія, наконецъ все возрастающія дѣловыя сношенія Швеціи и Норвегіи съ нашей родиной ¹⁾ должны привлекать и привлекаютъ сюда массу земляковъ.

¹⁾ Въ текущемъ году открывается балтійская выставка, устраиваемая Швеціей, въ третьемъ по величинѣ своемъ городѣ Мальмѣ. Эта выставка должна объять собою всѣ произведенія искусства и промышленности прилегающихъ къ Балтійскому морю странъ: Россіи, Швеціи, Даніи и Германіи.

А в т.

«истор. вѣстн.», июль 1914 г., т. сxxxvii.

Но и нашимъ вниманіемъ къ себѣ Скандинавія прежде всего обязана тому чрезвычайному изобилію разнообразнѣйшихъ впечатлѣній, которыя получаемъ здѣсь на каждомъ шагу. Тутъ и Швейцарія и Кавказъ, но гораздо диче Швейцаріи, зеленѣе и свѣжѣе, чѣмъ на Кавказѣ. Въ Швейцаріи нѣтъ одного элемента, придающаго необыкновенную красоту ландшафту: нѣтъ моря. Въ Норвегіи горами съ дикими и мрачными ущельями, снѣжными вершинами, висящими ледяными потоками и высокими водопадами придаетъ невыразимое величіе море, омывающее красиво и глубоко изрытые безчисленными фіордами берега. Прелестные виды Норвегіи съ хорошо обработанными полями, съ веселыми усадьбами чередуются съ пустынными дремучими лѣсами, которые, въ свою очередь, смѣняются большими пространствами совершенно безплодной земли, то загроможденной утесами и камнями, то покрытой безконечными болотами. А тамъ на очереди снова мирные и благоденствующіе пейзажи, плодородныя поля, снова смѣющиеся, полные идиллической очаровательности берега озеръ или моря.

Посѣщеніе Скандинавіи давно уже начало входитъ въ моду. Виды Швейцаріи и Италіи давно пріѣлись и не удовлетворяютъ уже тѣхъ, кто ищетъ болѣе сильныхъ впечатлѣній, сведенныхъ почти на нѣтъ въ Западной Европѣ прикосновеніемъ къ природѣ рукъ человѣка. Здѣсь все еще дѣвственно-невинно, свято, все еще полно самыхъ фантастическихъ сагъ ¹⁾.

Швеція справедливо носитъ названіе царства воды и гранита. Только Финляндія, страна тысячъ озеръ, можетъ превзойти ее въ этомъ отношеніи. Въ Зѣдерманландѣ существуетъ даже поговорка: «когда Богъ отдѣлялъ сушу отъ воды, онъ забылъ о Зѣдерманландѣ».

Балтійскіе берега Швеціи точно такъ же, какъ и сосѣдней Финляндіи, представляютъ собою одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ и поучительныхъ образчиковъ постепеннаго подъема материка надъ моремъ. На весьма любопытное это явленіе обращено было вниманіе еще въ XVIII столѣтіи извѣстнымъ изобрѣтателемъ стоградуснаго термометра шведскимъ ученымъ Цельзіемъ, который вмѣстѣ съ другимъ своимъ столь же знаменитымъ натуралистомъ Линнеемъ сталъ производить наблюденія и опыты надъ этимъ таинственнымъ явленіемъ земли и опусканіемъ моря. Мнѣніе Цельзія объ опусканіи моря было объявлено богословами возмутительною нечестивою ересью, и эту ересь торжественно осудили въ лицѣ духовнаго и городского сословія два парламента. Цельзіи съ Линнеемъ не оставляли своихъ наблюденій и въ 1731 году вырѣзали близъ города Gefle у самаго уровня моря на скалѣ замѣтку, которая черезъ тринадцать лѣтъ поднялась на восемнадцать сантиметровъ. Позд-

¹⁾ Древнихъ сказаній, героическихъ разказовъ съ божествами и сверхъестественными силами, непосредственно участвующими въ человѣческихъ дѣлахъ. Авт.

нѣйшіе ученые убѣдились, что не море опускается, а поднимается, напротивъ, земля. Такое же явленіе подъема материка надъ моремъ можно наблюдать на сѣверныхъ берегахъ Россіи и Сибири, а также и на полярныхъ побережьяхъ Америки.

Обиліе воды, слѣдовательно, служить доказательствомъ того, что южная часть Скандинавіи не особенно давно (конечно, съ геологической точки зрѣнія) вынырнула изъ глубины океана.

Не задаваясь обширной цѣлью, я хотѣлъ бы предложить лишь примѣрный, въ интересахъ русскихъ туристовъ, которые пожелали бы посѣтить Скандинавскій полуостровъ, кратковременный маршрутъ,

Стокгольмская пристань.

который по возможности захватывалъ бы самыя красивыя мѣста, всѣ достопримѣчательности и все разнообразіе природы этихъ странъ.

Сообщеніе между столицами Россіи и Швеціи совершается по двумъ линіямъ. Одна пригодна тѣмъ, кто предпочитаетъ путешествіе на пароходѣ по открытому морю, и другая, желѣзнодорожная, для лицъ, не выносящихъ морской качки. Первая: С.-Петербургъ—Гельсингфорсъ—Ганге ¹⁾—Стокгольмъ и вторая: С.-Петербургъ—Выборгъ—Або—Стокгольмъ. Отъ Або до Стокгольма пароходъ идетъ почти все время между островами и шхерами и менѣе чѣмъ

¹⁾ Популярный курортъ съ открытымъ моремъ, сосновымъ лѣсомъ, бѣлымъ песчанымъ берегомъ. Въ немъ возвращаютъ заграничныя паспорта, отбираемые на пристани въ Петербургѣ.

въ два часа минуетъ открытое, такъ называемое «Аландское море», отдѣляющее финляндскій архипелагъ отъ шведскаго.

Шхеры, какъ я уже говорилъ,—совсѣмъ особенный мѣръ, лабиринтъ безчисленныхъ, разбросанныхъ какъ бы случайно, то гуще, то рѣже, высокихъ и низкихъ, большихъ и малыхъ гранитныхъ острововъ, отрѣзанныхъ отъ материка (отсюда и самое названіе: skärg—рѣзать). Одни изъ нихъ—лишь утесы и скалы, еле выглядывающіе изъ-подъ лижущей ихъ воды, другіе—красивые холмы со свѣжей зеленью и густыми деревьями, третьи—уже довольно высокіе лѣсистые острова, унизанные рыбацкими домиками, а иногда и кокетливыми дачками. И всѣ они представляютъ очень много разнообразія, каждый отличается какою-нибудь особенностью, каждый имѣетъ свою собственную фizioномію. Маленькія вершины ихъ, которыя издали съ моря кажутся совершенно голыми и утомительно однообразными, вблизи и при внимательномъ осмотрѣ оказываются совершенно различными, какъ разные варианты одной и той же монеты, раскрывающей свои тайны собирателю коллекцій.

Всюду бѣлыя сигнальныя будочки и камни съ условными знаками на гранитныхъ скалахъ, а въ водѣ медленно колышутся, словно живые, бѣло-красныя полавки, обозначающіе фарватерь.

Вотъ здѣсь-то ландшафтъ и возвращаетъ насъ къ тѣмъ давнимъ временамъ, когда земля была подъ водою и надъ ея поверхностью едва начали подниматься вершины горъ. Въ этомъ царствѣ какъ будто какая-то игра природы въ безпорядкѣ соединила представителей всѣхъ геологическихъ періодовъ. Подъ водой среди водорослей ледниковаго періода плаваютъ рыбы первичной эпохи съ самой старой среди нихъ, сельдью. На шхерахъ растутъ папоротники и плауны каменноугольнаго періода. Дальше, по направленію къ матеріку, на большихъ островахъ встрѣчаются хвойныя растенія и пресмыкающіяся вторичной эпохи, еще глубже внутрь—лиственные деревья и млекопитающія третичной эпохи. И всюду яхточки студентовъ съ гирляндю цвѣтовъ на борту, съ десятками молоденькихъ дѣвушекъ, представителей уже исторической эпохи. Эти представители, радостные и веселые, кажется, нисколько не смущаются видимымъ безпорядкомъ.

Вотъ мы и потерялись среди этого лабиринта острововъ, ѣхать уже некуда: мы упираемся въ отвѣсную скалу. Но скала неожиданно для насъ раздвигается, и пароходъ снова выноситъ насъ на широкое водное раздолье или въ узкій и длинный проливъ. Берега его все время мѣняютъ свой обликъ. Наконецъ на горизонтѣ показывается грозная, свинцово-сѣрая равнина моря съ несущимися на ней бѣлыми барашками расходившихся волнъ. Мы покидаемъ послѣдній островокъ, почти голый, съ двумя-тремя уродливыми елями, темнокрасная масса котораго въ кипящихъ бѣлыхъ волнахъ

походить на рубинъ въ серебряной волнообразной оправѣ, и выѣзжаемъ въ открытое море. Огромная его поверхность утомляла бы нашъ взоръ, если бы не буи, на якоряхъ у рифовъ, которые разнообразяютъ видъ своими красными верхушками.

Чѣмъ ближе къ материку, тѣмъ больше хорошенькихъ лѣсистыхъ острововъ и высокихъ скалистыхъ утесовъ и чѣмъ дальше къ морю, тѣмъ рѣже, ниже, голѣе дѣлаются шхеры, прилегаютъ въ уровень съ моремъ, и, наконецъ, чуть замѣтными каменистыми плитами слабо желтѣютъ изъ-подъ легкаго налета волнъ, обтачивающихъ и слизывающихъ ихъ вѣковѣчными своими всплесками.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ открытаго Аландскаго моря мы уже въ Стокгольмѣ и подплываемъ почти къ самому королев-

Видъ Стокгольма.

скому дворцу, подъ окнами котораго можетъ пройти въ полномъ порядкѣ весь шведскій военный флотъ.

Сѣверная Венеція, какъ часто называютъ Стокгольмъ, представляютъ собою огромный бассейнъ, въ который вливаютъ свои воды съ одной стороны озеро Меларъ, съ другой—Балтійское море. Онъ построенъ на нѣсколькихъ скалистыхъ островахъ, соединенныхъ между собою прекрасными мостами, перекинутыми черезъ заливы и протоки.

Мостъ *Norrbro* соединяетъ островъ *Staden* съ сѣвернымъ кварталомъ. Подъ мостъ въ прекрасный ресторанъ и садъ *Strömparterre* ведутъ съ моста двѣ большія удобныя лѣстницы. За мостомъ видна верхняя часть фасада риксдага (шведскаго парламента). Вправо лежитъ площадь Густава-Адольфа съ новымъ зданіемъ

оперы на громадномъ гранитномъ пьедесталѣ, съ высокою гранитной террасой, увѣнчанной растущими въ кадкахъ алоэ и юкками.

Достойны посѣщенія національный музей (National Museum) съ тремя колоссальными мраморными статуями сѣверныхъ боговъ Одина, Тора и Вальдера и съ прекрасными картинами Cederström, Forsberg, Zorn, Liliefors и многихъ другихъ знаменитыхъ шведскихъ художниковъ, далѣе—сѣверный музей (Nordiska Museum), гдѣ покажутъ вамъ, между прочимъ, прострѣленную шляпу Карла XII, рукавицы и рубашку его въ крови. Очень интересны меблированныя комнаты съ полнымъ наборомъ всѣхъ хозяйственныхъ принадлежностей разныхъ вѣковъ и разныхъ областей Швеціи. Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить также біологическій музей, Svensk-Raportikon, наконецъ Riddarholms-Курганъ—монастырскую церковь францисканскихъ монаховъ, а теперь усыпальницу шведскихъ королей. Куда вы ни взглянете въ этомъ храмѣ, всюду саркофаги изъ гранита и краснаго порфира, знамена, оружіе, военные трофеи, всюду воспоминанье о битвахъ и славѣ шведскаго оружія. Надъ крышей церкви поднимается стройная чугунная башня, самая высокая во всей Швеціи.

Уже въ Стокгольмѣ поразительная чистота, удобство, обдуманность, приличіе заставляютъ васъ невольно относиться съ большимъ почтеніемъ къ сумѣвшему покорить вездѣ себѣ суровую природу и относящемуся съ такимъ уваженіемъ ко всякой обязанности и всякому дѣлу народу. Ни одного извозчика и масса автомобилей, но еще больше пароходовъ, яхтъ, моторныхъ лодокъ, что носятся по всѣмъ направленіямъ, пересѣкаютъ дорогу, обгоняютъ другъ друга, на мгновенье пристають къ берегу и летятъ дальше, описывая кривыя линіи вокругъ дремлющихъ на якоряхъ военныхъ судовъ и большихъ пароходовъ. Тамъ и здѣсь черные и бѣлые лебеди, облюбовавшіе Стокгольмъ, какъ Венецію голуби (св. Маркъ), Смирну—коршуны, Парижъ—воробы. Маленькій пароходъ направляется въ Djurgården (Юргоренъ). Djurgården для Стокгольма то же, что для Вѣны—Пратеръ, для Рима—вилла Боргезе, для Парижа—Булонскій лѣсъ и для Петербурга—Стрѣлка. Самая интересная часть его «Сканзенъ»—оригинальнѣйшій музей скандинавскаго быта на открытомъ воздухѣ. Гуляя по Сканзену, вы совершаете своего рода путешествіе по всѣмъ областямъ Швеціи, знакомитесь съ народнымъ бытомъ ея, одеждами, промыслами и т. д., такъ полно и осязательно, какъ не познакомить васъ никакое описаніе и никакая картина. Здѣсь вы найдете крестьянскіе дворы и дома со всею хозяйственною обстановкою, съ телѣгами, плугами-хлѣвами, амбарами, а въ домахъ комнаты съ безчисленнымъ множествомъ всякихъ домашнихъ вещей, работъ, орудій и посуды. Тутъ и хижина лѣсоруба, землянка угольщика, деревенская гостиница, барскій домъ и цѣлая семья лопарей съ дѣтишками, оленями,

собакамп, санями, лыжами. Все подлинное, выхваченное изъ живой дѣйствительности. По сторонамъ дороги торчатъ старинные межевые камни, стоячія плиты съ руническими надписями ¹⁾, тоже собранными изъ разныхъ далекихъ захолустьевъ Швеціи.

Не менѣе знаменитъ и посѣщаемъ Нѣга—паркъ съ мшистыми утесами, обрывами, съ молчаливымъ темнымъ трехъ или четырехвѣковымъ лѣсомъ и съ дорогами, заваленными упавшими деревьями. Особенность Стокгольма—непосредственная близость дворцовъ и скаль, культуры и пустыни. Окрестности, которыми славится

Водопадъ Трольгетта.

Стокгольмъ,—тѣ же острова, раздѣленные широкими каналами, похожими на проливы.

По пути проѣзжаемъ наиболѣе населенный изъ такихъ острововъ—Vaxholm. Вы ѣдете узкимъ, но очень глубокимъ проливомъ между этимъ островомъ и крѣпостью того же названья, которая преграждаетъ своими голыми скалами, стѣнами и башнями путь къ шведской столицѣ. Черныя жерла пушекъ глядятъ изъ этихъ романическихъ средневѣковыхъ стѣнъ, забравшихся на крутые утесы. Напротивъ крѣпости цѣлый хорошенькій городокъ.

Въ полтора часа ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Стокгольма—лежитъ университетскій городокъ Упсала (другой университетъ въ Лундѣ). Весь городъ носитъ отпечатокъ университетскаго и сту-

¹⁾ «Руны» или таинства, древнія буквы, напоминавшія собою латинскія, измѣненныя примѣнительно къ матеріалу, на которомъ писались, напримѣръ, въ письмѣ по дереву всѣ вертикальныя линіи были замѣнены наклонными. А в т.

денческаго быта. Здѣсь же и памятникъ уроженцу Упсалы— знаменитому натуралисту Линнею.

Прощаясь съ Стокгольмомъ, чтобы отправиться по озерамъ и Готскому каналу въ Норвегію, слѣдуетъ взобраться на элеваторъ Katarina-Hissen, съ котораго раскрывается превосходная картина: весь городъ точно плыветъ на морѣ, вы видите и Меларъ, и Балтійское море, и всѣ семь острововъ, на которыхъ расположена столица Швеціи.

Озеро Меларъ—самое красивое изъ всѣхъ озеръ Швеціи. Плы- вешь и не знаешь, что это озеро. Лабиринты воды и скаль, каналовъ и острововъ. Бухты глубоко врѣзываются въ землю, разнообразнѣйшіе по величинѣ и характеру острова идутъ одинъ сейчасъ же за другимъ, какъ бы сплошной массой, часто принимая характеръ материка. Это озеро можно принять гдѣ за рѣку, гдѣ за заливъ, гдѣ и за каналъ.

Моторныя лодки, яхты, корабли и пароходы появляются на мигъ, чтобы снова исчезнуть между каменными группами.

Въ городѣ Мемъ начинается каналъ, идущій поперекъ всей южной Швеціи. Тутъ и первый шлюзъ, въ стѣнѣ котораго вдѣлана мраморная доска съ надписью: «Если Богъ не помогаетъ строителямъ, напрасно стараются они». Съ устройствомъ этого канала было много хлопотъ и возни. Шведы давно начали думать о прямомъ сообщеніи между Каттегатомъ и Балтійскимъ моремъ. Начали рыть каналъ въ 1516 году, но не довели до конца, снова принялись при Юганнѣ III въ 1584 году и опять не окончили. Казался недоступнымъ падающій съ высоты чуть не сорокъ метровъ Тролльгеттанскій водопадъ. Инженеръ Польгемъ представилъ Карлу XII смѣлый проектъ, по которому онъ брался въ пять лѣтъ вырыть каналъ въ гранитной скаль, уничтожить посредствомъ плотинъ Тролльгеттанскій водопадъ и устроить сообщеніе съ помощью шлюзовъ. Въ 1718 г. контрактъ былъ подписанъ, но въ томъ же году Карлъ XII былъ убитъ. Въ 1748 году инженеръ Польгемъ принялся снова за дѣло—шлюзы были окончены, но... плотина прорвалась, и всѣ плоды работъ были уничтожены. Во главѣ постройки тогда сталъ графъ Платенъ, родомъ изъ Помераніи. Онъ мальчикомъ поступилъ въ Швецію на морскую службу, въ войнѣ 1788 года былъ раненъ и взятъ нами въ плѣнъ; какъ плѣнникъ, онъ проживалъ до конца войны во Владимирѣ. По возвращеніи графъ Платенъ очень успѣшно продолжалъ карьеру морского офицера, такъ что даже въ 1827 г. получилъ предложеніе сдѣлаться регентомъ Норвегіи. Графъ Платенъ умеръ въ 1829 году и не видалъ окончанія работъ. Недалеко отъ Моталы, города на Готскомъ каналѣ у озера Веттерна, стоитъ каменная глыба съ надписью «Platen's Graf»—его могила. Въ 1813 г. былъ открытъ первый шлюзъ. Теперь уже финансовыя затрудненія и противодѣйствія нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ часто за-

медляютъ ходъ работъ. Наконецъ шведскій инженеръ Нильсъ Эриксоуъ замѣняетъ нѣкоторыя прежнія сооруженія большимъ каналомъ съ одинадцатью шлюзами и такимъ образомъ только въ 1832 году работы заканчиваются. Всего Готскій каналъ имѣетъ на протяженіи 80 миль 58 шлюзовъ, 24 тоннеля, 6 плотинъ, 29 мостовъ.

Итакъ, въ Мемѣ мы видимъ первый шлюзъ—разрѣшеніе вопроса, какъ поднять пароходъ на высоту. Когда пароходъ подходитъ къ первому шлюзу, вода въ послѣднемъ должна быть на одной высотѣ съ фарватеромъ (въ данномъ случаѣ съ уровнемъ озера Меларъ). Далѣе пароходъ входитъ въ шлюзъ, за нимъ запираютъ ворота, въ

Водопадъ Троллягетта.

воротахъ же передъ нимъ отпираютъ дверцы, черезъ которыя вода съ силою низвергается въ шлюзъ, пока уровеньъ воды второго и перваго шлюза не сравняются, затѣмъ открываютъ ворота второго шлюза, въ который и вступаетъ пароходъ. Снова за пароходомъ закрываютъ ворота и т. д. Говорятъ, графъ Платенъ на отказъ владѣльцевъ земель, черезъ которыя пролегаетъ каналъ, продать ему эти мѣста (отчужденія земель по закону тогда еще не существовало) послалъ своего уполномоченнаго уговорить ихъ.

— Вы вѣдь хорошо знаете, что это мѣсто выше того,—начиналъ послѣдній?

— Да.

— Ну, такъ видѣли ли вы когда-нибудь, чтобъ вода текла вверхъ?

— Конечно, нѣтъ.

— А развѣ видѣлъ кто-нибудь изъ васъ, чтобы корабль плыль безъ воды? Слѣдовательно, можно заключить, что затѣявшій это дѣло человекъ не въ своемъ умѣ: продавайте землю, получайте деньги. Когда же выяснится, что вся эта выдумка—одно безуміе, получите ее обратно.

Уже съ города Мемъ каналъ идетъ выше окрестной мѣстности. Впечатлѣніе получается удивительно странное, какъ будто мы и пароходъ двигаемся по шоссе среди расположенныхъ ниже насъ полей и лѣсовъ. Каналъ полонъ воды до верха; его выложенные камнемъ берега едва выступаютъ надъ поверхностью.

До самаго города Моталы мы уже не выѣзжаемъ изъ тѣни деревьевъ: ясени, липы, вязы, клены, березки, рябины вездѣ осѣняютъ зеленые берега канала; въ иныхъ мѣстахъ пароходъ цѣлые часы идетъ молодыми рощами, изъ которыхъ привѣтливо смотрятъ на насъ хорошенькіе домики. Когда зажгли прожекторъ, окрестность приняла неопредѣленно таинственную фізіономію. Надъ нами едва не сплелись вѣтви деревьевъ, застывшихъ какъ въ сказкѣ по мановенію волшебнаго жезла. Они опрокинулись и повторились вмѣстѣ съ горами и всѣмъ берегомъ въ зеркалѣ разрисованнаго разноцвѣтными пятнами канала.

Плавное движеніе парохода, безъ качки и шума, среди не прерывающагося стараго лѣса и зеленыхъ равнинъ, по узкой водяной дорожкѣ, такъ близко ко всѣмъ подробностямъ домашней жизни поселенцевъ, провожающихъ насъ группами на велосипедахъ, ожидающихъ у остановокъ, у шлюзовъ и на перекидныхъ черезъ каналъ мостикахъ, совершенно не похоже на обыкновенное плаваніе парохода по большимъ рѣкамъ, морямъ и озерамъ.

Пройдя озеро Роксенъ, снова входимъ въ каналъ. Около Борга на протяженіи 2.375 метр. находятся пятнадцать шлюзовъ, на прохожденіе ихъ пароходу требуется около двухъ часовъ. Этимъ временемъ обыкновенно пользуются, чтобы посѣтить недалеко лежащій отъ канала старинный монастырь Врета (постройка его началась въ 1127 г., закончена въ 1162 г., но въ серединѣ XIII вѣка церковь сгорѣла до основанія; нынѣшняя колокольня возведена въ 1675 г.).

Городъ Мотала, у озера Веттерна, славится желѣзными издѣліями и машинами. Заводы получаютъ заказы и изъ Россіи. Шведскіе желѣзные матеріалы по качеству выше англійскихъ и бельгійскихъ, такъ какъ шведская желѣзная руда почти вовсе не содержитъ сѣры и фосфора, поэтому желѣзо не такъ хрупко и ломко, какъ англійское или нѣмецкое.

Веттернъ одно изъ величайшихъ озеръ Европы, имѣетъ 128 килом. длины, 30 килом. ширины и наибольшую глубину 119 метр. Замерзаетъ оно не болѣе двухъ разъ въ десять лѣтъ, постоянно волнуется. Иногда небо чисто, атмосфера ясна, все пророчитъ прекрасную

прогулку, а озеро вдругъ безъ всякаго вѣтра начинается колебаться, являются бурунчики, и наконецъ разыгрывается настоящій штормъ, особенно неприятный въ виду предстоящаго обѣда: качка дѣлаетъ свое, одинъ за другимъ убѣгаютъ изъ-за стола, спасаясь въ свои каюты.

Веттернъ имѣетъ массу самыхъ фантастическихъ преданій. Между прочимъ, глубина его долго оставалась неизвѣстною, и крестьяне на вопросъ, какъ глубоко озеро, отвѣчали, что будто бы разъ на такой вопросъ отвѣтило само озеро: «Ты хочешь знать мою глубину? измѣрь мою длину!»

Нѣкоторые пароходы заходятъ въ Wadsten, старинный городъ, отстроенный вновь въ XIV вѣкѣ, получившій городскія привилегіи еще отъ королевы Маргариты въ 1400 году. На мѣстѣ стараго монастыря, основаннаго св. Бригитой ¹⁾, главнаго монастыря ордена Сальватора, и отчасти изъ остатковъ его построены теперь домъ для умалишенныхъ. Въ саду при немъ, говорятъ, и теперь сохранились впервые посаженные въ Швецію бергамоты.

Дворецъ-замокъ построенъ въ 1545 году Густавомъ I. Онъ праздновалъ здѣсь свою свадьбу съ Катериной Стенбокъ. Изъ оконъ этого замка въ припадкѣ безумія выбросился сынъ Густава I—Магнусъ, чтобы «поймать выходящую изъ водъ женщину».

Въ 1501 году былъ здѣсь риксдагъ, лишившій трона датскаго короля Ганса и избравшій регентомъ Густава Вазу въ борьбѣ за свободу противъ Христіана Тирана.

У входа въ новую вѣтвь Готскаго канала, на противоположномъ берегу озера Веттерна, стоитъ сильная, устроенная по всѣмъ правиламъ современной фортификаціи крѣпость Карлсборгъ, прежде крѣпость Венесъ, получившая настоящее названіе съ 1832 года послѣ посѣщенія ея Карломъ.

Карлсборгъ—не Вадстена: ничто не напоминаетъ средніе вѣка, нѣтъ ни замка, ни башенъ, только убранные газономъ зеленые валы, деревья, масса зелени, лишь кое-гдѣ выглядываютъ черныя жерла пушекъ.

Проѣхавъ Венернъ, самое большое послѣ Каспія, Ладожскаго и Онежскаго озера въ Европѣ, и спустя нѣсколько часовъ ѣзды снова по Готскому каналу, мы попадаемъ въ городъ Тролльгеттанъ.

Онъ имѣетъ рядъ огромныхъ заводовъ, изготовляющихъ двигатели, машины, локомотивы, жернова. Всѣ эти заводы питаются Тролльгеттанскимъ водопадомъ, позволяющимъ отводить совсѣмъ незамѣтную часть на приводы и вертѣтъ съ ихъ помощью безчисленныя машины. Этотъ водопадъ лучшее украшеніе Швеции: никакая картина не передастъ всей прелести этого каскада, низвергающа-

¹⁾ Умершей въ 1373 г. и канонизированной въ 1393 г. Останки ея сохранились въ ракъ, въ монастырской церкви. Авт.

гося съ высоты чуть ли не сорока метровъ на протяженіи около 2 кил. пятью послѣдовательными скатами (Гулле, Топпе, Стамперстремъ, Голветесъ, Фалленъ и Готтбергъ-Штреммъ). Здѣсь прежде всего поражаетъ та масса воды, что съ оглушительнымъ шумомъ и ревомъ бѣшено низвергается съ уступа на уступъ.

Тролльгетта—значить ужасъ чародѣевъ, подъ крики ихъ любили скрепивать свои мечи сыновья Одина ¹⁾. «Рѣка здѣсь,—пишетъ одинъ извѣстный путешественникъ и географъ,—чуть тѣснится между двумя гранитными скалами. Она загромождена еще по срединѣ огромнымъ, обросшимъ елями, гранитнымъ утесомъ. Массы водъ такъ стремительно напираютъ сверху, что имъ нѣтъ никакой возможности умѣститься въ тѣсномъ раздвоенномъ руслѣ, и онѣ громоздятъ валъ на валъ, съ бѣшенымъ ревомъ и гуломъ перекатываются черезъ головы другъ друга и всѣ вмѣстѣ съ оглушающимъ громомъ обрушиваются внизъ, въ клокочущую бездну, ударяются тамъ со всего размаха о залитыя водою скалы, отлетаютъ отъ нихъ, словно пораженные ужасомъ, взлетаютъ вверхъ, сталкиваются съ низвергающимися сверху новыми массами, выбрасываютъ высоко и далеко во всѣ стороны столбы водяной пыли и всплываютъ неистовые водовороты бѣлою, какъ сливки, пѣною».

Можно подумать, что міръ разрушается, что природа привѣтствуетъ наступленіе новаго хаоса.

Не скоро оторвешься отъ этой поразительной картины. Когда долго стоишь, начинаешь думать, что и самъ принимаешь участіе въ этой безостановочной скачкѣ, въ этихъ головокружительныхъ водоворотахъ.

Около моста короля Оскара королевскій гротъ (Kungsgrottan). Онъ образовался оттого, что силою воды былъ сброшенъ въ углубленіе горы болѣе твердый камень, который подъ постояннымъ напоромъ потока и высверлил этотъ исполинскій горшокъ. Камень этотъ покрытъ многими высѣченными надписями, принадлежащими высокопоставленнымъ посѣтителемъ. Здѣсь видимъ подпись короля Оскар II и; между прочимъ, Ле-Дюка, получившаго въ 1846 году порученіе добыть въ Финляндіи мраморъ для гробницы Наполеона I. На снимкѣ—правый берегъ рѣки, громадная, покрытая лѣсомъ, отвѣсная скала.

¹⁾ Одинъ—старшій и высшій богъ сѣвера. Изображаютъ его высокимъ одноглазымъ старцемъ съ длинной бородой. Въ рукахъ всегда попадающее въ цѣль копьё, на пальцѣ чудесное кольцо, отдѣляющее въ девятую ночь отъ себя восемь такихъ же колецъ; на плечахъ по ворону. Эти вороны облетаютъ весь міръ, затѣмъ докладываютъ Одину обо всемъ видѣнномъ. Торъ, богъ грома и молніи, сынъ Одина и Юрды (земли), обладалъ громовымъ, всегда попадающимъ и возвращающимся обратно молотомъ, а также поясомъ силы и желѣзными перчатками. Бальдеръ, сынъ Одина и Фригги, былъ убитъ однимъ изъ великановъ, хитростью пробравшимся въ чудный чертогъ боговъ Валгаллу и прикованнымъ въ наказаніе за это къ скалѣ. А в т.

Нѣкоторыя части водопада носятъ очень красивыя названія (адскій водопадъ, мостъ вздоховъ, островъ блаженства, серебряный ручей, дорога смерти).

Чтобы пройти всѣ одиннадцать здѣшнихъ шлюзовъ, пароходу требуется около двухъ часовъ времени, достаточныхъ, чтобы осмотрѣть водопадъ. Лучше, однако, остановиться здѣсь на нѣсколько часовъ, чтобы вполне насладиться этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ.

Въ Христианію можно попасть отсюда по желѣзной дорогѣ, но можно заночевать и на слѣдующій день пароходомъ продолжать путь по Готскому каналу до Гетеборга.

Корабль викинговъ.

Гетеборгъ—второй по величинѣ городъ Швеціи, важный мануфактурный и торговый центръ, промежуточная станція между Копенгагеномъ и Христианіей. Этотъ городъ основанъ при Густавѣ-Адольфѣ голландскими купцами, мечтавшими, какъ и Карлъ XI и Карлъ XII, о пути въ Индію и Персію черезъ Россію и Кавказъ. Здѣсь по время господства континентальной системы складывалась англійская контрабанда. Здѣсь же подготовлялись и организовались нѣсколько знаменитыхъ полярныхъ экспедицій Норденшильда.

Гетеборгскія шхеры отличаются отъ стокгольмскихъ и носятъ болѣе дикій и пустынный характеръ: растительность бѣднѣе, море—грозное и суровое, со свирѣпыми частыми бурями. Однако болѣе соленая и прозрачная вода, мягкій, даже до глубокой осени, воздухъ и живописныя очертанія здѣшнихъ горъ очень повліяли на распространеніе здѣсь разныхъ курортовъ.

Ни одинъ народъ Европы, исключая грековъ, пожалуй, не имѣлъ такого славнаго героическаго прошлаго, какъ предки скандинавовъ—викинги, норманны. Они были грозой всего материка, колоніи ихъ разсыпаны были отъ центральной Россіи до береговъ Англій и Португаліи. Поселенія ихъ существовали даже на берегахъ Гренландіи. Тысячу лѣтъ назадъ стали бороздить Сѣверное море ладьи и корабли викинговъ и норманновъ, дѣлавшихъ открытія за открытіями. Они открыли и Шпицбергенъ, и Новую Землю, и Гренландію, и даже Америку за пять-шесть вѣковъ до Христофора Колумба (1492 г.), и только за недостаткомъ научнаго образованія эти открытія ихъ не стали общимъ достояніемъ.

Въ новое время Норвегія дала намъ славныхъ писателей (Ибсенъ, Бьернсонъ и друг.), великихъ математиковъ (Генрихъ Абель, Софусъ Ли), филологовъ (Софусъ Вигге) и знаменитыхъ полярныхъ изслѣдователей и путешественниковъ (Фритъофъ Нансенъ, Отто Свердрупъ, Роальдъ Амундсенъ).

Христіанія, главный городъ и столица Норвегіи, чрезвычайно красиво расположенъ въ глубинѣ фіорда. Окруженный съ трехъ сторонъ, какъ амфитеатромъ, дѣбно холмовъ и горъ, покрытыхъ лѣсомъ и хорошенькими виллами, онъ очень напоминаетъ собою Геную или Неаполь. Всѣ почти общественныя и государственныя зданія его сосредоточены на одной главной улицѣ Карла-Юганна, которая кончается дворцомъ, построеннымъ на народныя средства этому первому королю Норвегіи.

Недалеко отъ дворца лежитъ рядъ университетскихъ построекъ. За университетомъ (въ которомъ, кстати сказать, ученіе даровое, на счетъ государства, какъ и во всѣхъ государственныхъ школахъ Норвегіи), въ саду хранятся два большихъ судна викинговъ, одинъ изъ Gokstad (150 кил. отъ Христіаніи), другой изъ Osberg. Суда эти были вырыты въ 1800 году, относятъ ихъ къ 800 году, слѣдовательно, пролежали онѣ въ землѣ около 1000 лѣтъ. Оба приспособлены какъ для весель, такъ и парусовъ, длина одного изъ нихъ 20,1 метра и ширина 5,1 метра. Оба послужили могилами какимъ-нибудь знатнымъ викингамъ, погребеннымъ въ нихъ вмѣстѣ съ доспѣхами, лошадыю и собаками.

Противъ университета Національный театръ, а передъ нимъ двѣ статуи Ибсену и Бьернсону, воздвигнутыя имъ еще при ихъ жизни. Наконецъ здѣсь же и стортингъ, самый демократическій парламентъ въ Европѣ. Зданіе это построено въ суровомъ и мрачномъ вкусѣ средневѣковой Скандинавіи, имѣетъ форму круглой башни со стеклянной крышей въ центрѣ.

Не знаю, какъ теперь, но до времени уничтоженія уни, продолжавшейся отъ 1814 до 1905 года, засѣданія въ стортингѣ носили характеръ простой дружеской бесѣды хорошихъ и близкихъ знакомыхъ, говорили сидя, безъ всякихъ ораторскихъ эффектовъ

и приемовъ, никто никогда не перебивалъ, очередное слово не представлялось заранее президентомъ, а само собою переходило отъ одного къ другому.

Король не можетъ болѣе двухъ разъ наложить veto на постановленіе стортинга, и законъ вступаетъ въ силу. Въ Норвегии совершенно не существуетъ различія передъ закономъ по сословіямъ, точно такъ же, какъ въ ней фактически не существуетъ дворянства, уничтожены всѣ его льготы, а также майораты (слѣдовательно, нѣтъ и поземельной аристократіи), и конституція поэтому вполне демократическая.

Привлекательная окрестность Христианіи представляетъ собою массу покрытыхъ густымъ лѣсомъ возвышенностей, съ которыхъ открывается дивный видъ, въ особенности къ вечеру. Передъ вами чудная, весьма оживленная даль фіорда, уходящая въ море, ближе самая плодородная и красивая долина Норвегии, и у самыхъ ногъ—городъ, море крышъ и тысячи огней. Такой видъ, напр., открывается съ Хольменколлена, гдѣ ежегодно бываетъ знаменитое состязаніе на лыжахъ—самый большой праздникъ въ странѣ,

Слѣдуетъ посѣтить также островъ Bygdö (четверть часа на трамваѣ) съ богатыми историческими коллекціями—подобіе стокгольмскаго Skansen.

Чтобы познакомиться съ сердцемъ Норвегии Телемаркеномъ, отправляются по желѣзной дорогѣ изъ Христианіи въ Skien (Шёнъ), хорошенькій живописный городокъ съ нѣсколькими водопадами, большой торгово-фабричный пунктъ и родину Ибсена.

Сейчасъ же за Христианіей природа принимаетъ дикій и величественный характеръ. Передъ вами длинная гряда холмовъ и горъ съ разнообразными вершинами смѣняется глубоко сидящими долинами съ деревьями, селами и городами (Drammen, Larvik), и изрѣдка открывается все тотъ же уходящій въ даль фіордъ.

Отъ Skien до Dalen ходятъ пароходы черезъ самое обширное въ Телемаркенѣ озеро Nordsjö, по каналу Bandak и озеро Bandaksvand. Весь этотъ путь по тремъ озерамъ Nordsjö, Kvitesidvand и Bandak въ высшей степени живописенъ и интересенъ. Озера соединены между собою шлюзами, пробитыми въ скалахъ, рядомъ съ бѣшеными водопадами. Самое красивое изъ трехъ озеръ Bandak; оно очень напоминаетъ западные фіорды своими высокими скалами, окружающими его съ обѣихъ сторонъ.

Норвежскіе шлюзы грандіознѣе шведскихъ: круто, отвѣсно стоятъ черныя стѣны, спирая узкій каналъ, и вамъ кажется иногда, будто вы въ угольной шахтѣ или закопченной дымомъ кузницѣ.

Проводятъ ночь въ Dalen и рано утромъ слѣдующаго дня выѣзжаютъ на лошадяхъ въ Odda.

Поѣздка изъ Христианіи въ Bergen беретъ пять дней.

Первый день пароходомъ—Christiania—Skien—Dalen.

Второй день лошадьми—Dalen—Haukelid (58 кил.—7—8 час.).

Эта дорога, по обширнымъ лѣсистымъ равнинамъ, вдоль озера Børte, Grunde, Tveit и провинціи Vinje даетъ очень вѣрное представление о природѣ Телемаркена. Между горъ тянется равнина, окаймленная горами и покрытая густымъ сосновымъ лѣсомъ. Вдали вьется шоссеяная дорожка бѣлой полосой. Прозрачный воздухъ доносить къ вамъ на высоту смягченными и ясными дальніе удары лошадиныхъ копытъ, стукъ колеса, шумъ потока, падающаго въ озеро.

Третій день лошадьми—Haukelid—Röldal (75 кил.—10 час.).

Въ этомъ перегонѣ горный переходъ (1,123 метр.). Здѣсь природа печальнѣе, зато открывается восхитительная панорама съ высокими горами.

Четвертый день лошадьми—Röldal—Odda (45 кил.—6 час.).

Здѣсь дорога сперва поднимается большими зигзагами въ дикую страну Seljestad, откуда открывается великолѣпная панорама: видны громадныя скалы на Folgefond (1.650 метр.), потомъ дорога спускается въ одну изъ самыхъ хорошихъ западныхъ долинъ. Близъ Odda проѣзжаете подъ самымъ водопадомъ Laatefos, бросающимъ прямо на васъ свою ледяную пыль; налѣво виденъ одинъ изъ безчисленныхъ въ Норвегіи ледниковъ—Buarbrae.

Огромныя снѣговыя поля и могучіе глетчеры питають всю массу водъ, которую видитъ здѣсь путешественникъ. Юстедальское снѣговое поле занимаетъ площадь болѣе 800 кв. верстъ.

Глетчеръ Svartisen покрываетъ площадь около 1,500 кв. верстъ и лежитъ въ видѣ шапки на цѣлой группѣ горныхъ великановъ болѣе версты вышиною. Интересно подняться на какой-нибудь ледникъ. Buarbrae, что у Odda, спускается, какъ и всѣ ледники Норвегіи, очень низко и не представляетъ большого затрудненія въ подъемѣ на него.

Ледникъ образуетъ причудливыя ледяныя глыбы и множество большихъ и малыхъ трещинъ, очень опасныхъ для туристовъ, когда онѣ бывають покрыты сверху небольшимъ слоемъ снѣга. Ледникъ полонъ жизни; онъ ни минуты не находится въ покоѣ, безпрестанно слышится скрипъ и трескъ льдинъ, либо паденіе валуновъ и легкій шумъ сползающаго снѣга. На ледъ попадаютъ обломки горныхъ породъ, эти обломки ползутъ вмѣстѣ со льдомъ, потомъ скатываются и образуютъ цѣлыя гряды камней—морены, которыя дѣлятся на боковыя—изъ обломковъ камней, скатывающихся съ боковъ глетчера, срединныя—при слияніи двухъ глетчеровъ, внутреннія—изъ камней, попадающихъ въ трещины, и поддонныя, которыя превращаються отъ тренія въ тонкую нѣжную пыль. Холмы, окружающіе ледникъ, обтачиваються и полируются. Очень интересны образующіеся подъ обломками горныхъ породъ ледниковыя столы. Эти обломки, какъ плохіе проводники тепла,

предохраняють лёдъ отъ солнечнаго нагрѣва. Интересны также и ледниковые колодези—глубокіе цилиндры, которые образуются подъ маленькими камнями, сильно нагрѣвающимися солнечными лучами и сохраняющими это тепло долгое время. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть и о глубокихъ эрозіонныхъ каменныхъ котлахъ, образовавшихся оттого, что вода тающаго льда, скатываясь съ поверхности ледника, черезъ его трещины, повергала находившіеся внизу каменные обломки въ ротационное движеніе. Такой естественно образовавшійся промывной котель носить названіе ледниковой мельницы.

Многіе ледники Норвегіи отступаютъ теперь больше нормы, равной приблизительно тридцати годамъ. Наступаютъ ледники

Озеро между Dalen и Odda.

тогда, когда выпадаетъ столько снѣга, что не успѣваетъ стаять за лѣто. И чѣмъ больше выпадаетъ снѣга, чѣмъ больше, слѣдовательно, давящая сверху на ледники масса, тѣмъ менѣе треніе ледника о дно и тѣмъ, слѣдовательно, скорѣе онъ начинаетъ течь. Падающій на горы снѣгъ подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей уплотняется и переходитъ въ фирновый зернистый снѣгъ, послѣдній же подъ вліяніемъ послѣдовательнаго таянія, смерзанія и уплотненія (режеляціи) даетъ богатый воздушными пузырьками фирновый лёдъ, который, уплотняясь далѣе, переходитъ въ лёдъ ледниковый.

Всѣ фіорды Норвегіи, разнообразны въ отношеніи величины, формы и вида, обязаны своимъ происхожденіемъ движенію ледниковыхъ массъ. То перпендикулярныя къ морю, то покатые, узкіе, но глубокіе, то просторныя, то бурныя, какъ океанъ, то спокой-

ные, какъ озеро, они гораздо красивѣе, разнообразнѣе и достигаютъ большихъ размѣровъ, чѣмъ фіорды Исландіи или Шотландіи. Въ нѣсколько сотъ сажень скалы вздымаются по обѣимъ сторонамъ норвежскаго фіорда, какъ бы готовы захватить судно въ свои каменные объятія. Пароходъ, плывущій среди такихъ отвѣсныхъ скалъ, превращающихъ кое-гдѣ фіордъ въ настоящій коридоръ, кажется сверху маленькимъ насѣкомымъ, скользящимъ по дну глубокаго колодца.

По Гардангеръ-фіорду изъ Odde вы плывете къ самому значительному послѣ Христіаніи городу Норвегіи Бергену.

Особенность западной Норвегіи—частые дожди и облачное небо. Въ Бергенѣ изъ трехъ дней всегда два дождливыхъ. По рассказамъ, одинъ голландскій капитанъ, восемь лѣтъ подъ рядъ ѣздившій въ Бергенъ, пріѣхалъ въ него девятый разъ и не узналъ города, такъ какъ никогда не видалъ его залитымъ солнечнымъ свѣтомъ. Капитанъ этотъ даже поколотилъ въ бѣшенствѣ лоцмана, думая, что тотъ завезъ его не туда.

Лежитъ Бергенъ въ глубинѣ залива, въ центрѣ самыхъ большихъ и красивыхъ фіордовъ и служитъ складочнымъ мѣстомъ для разнообразной рыбы, которую въ изобиліи ловятъ вдоль всѣхъ береговъ Норвегіи.

Рыбная ловля—главное занятіе жителей Норвегіи. Рыба, которую она заполняетъ рынки даже Австраліи и Америки, одинъ изъ главныхъ предметовъ вывоза.

Главные обитатели моря—сельдь и треска представляютъ громадный источникъ дохода. Эта рыба ловится цѣлыми миллиардами, миллиардами погибаетъ отъ хищныхъ птицъ и рыбъ (трески, дельфиновъ) и снова высыпаетъ въ такомъ же громадномъ изобиліи.

Между Бергеномъ и Тромзе много попадается налимовъ и килекъ. Близъ Бергена вылавливаютъ также много макрелей. Не менѣе развита въ Норвегіи ловля омаровъ и краббовъ, сильно также развитъ промыселъ на акулъ и самая любимая охота норвежцевъ за китами.

Въ 1445 году нѣмецкіе ганзейскіе города учредили въ Бергенѣ одну изъ своихъ четырехъ конторъ, которая забрала въ свои руки всю торговлю Норвегіи ¹⁾. Воспоминаніе о ганзейской старинѣ теперь быстро исчезаетъ, остался ганзейскій музей да почти разрушенная знаменитая Нѣмецкая набережная, гдѣ въ стародавнія времена жили нѣмецкіе купцы. Болѣе двухсотъ лѣтъ норвежцы страдали отъ ихъ обмановъ и алчности. Ганза играла очень крупную роль. Въ сѣверной Европѣ она достигла большого политическаго значенія, помогла даже Густаву Вазѣ захватить шведскій престолъ.

¹⁾ Конторы были въ Новгородѣ, Бергенѣ, Брюгге и Лондонѣ.

Въ 1558 году терпѣніе норвежцевъ, стонавшихъ подъ игомъ «конторскихъ», истощилось, и они прогнали иноземцевъ. Густавъ Ваза заявлялъ: «нельзя болѣе терпѣть, чтобы Любекъ обхс-

Въ окрестностяхъ Стокгольма.

дился съ тремя великими царствами, какъ съ мелочнымъ товаромъ». Онъ же сокрушилъ владычество Ганзы въ Швеціи.

Въ ганзейскомъ музеѣ, что на Нѣмецкой набережной, можно найти старинный ганзейскій договоръ, съ изложеніемъ уголовныхъ преступленій и штрафовъ. Купцы ганзейскихъ конторъ
19*

должны быть холостыми. контрактъ съ купцомъ тотчасъ же разрывался, какъ только послѣдній женился. Ганза хорошо сознавала, что брачныя связи съ туземными женщинами тотчасъ же выдали бы все купеческія тайны. Если находили у купца наверху, гдѣ онъ обыкновенно имѣлъ помѣщеніе, дѣвушку, то послѣднюю тащили топить, если только купецъ, желая ее спасти, не выставлялъ напешшимъ очень большую порцію пива. Ганза очень много удѣляла пивоваренному промыслу, пиво было однимъ изъ предметовъ ея вывоза, и хмель разводился чуть не подѣ каждымъ ганзейскимъ городомъ.

Сосуды для пива и водки очень были похожи на галоши. Въ ганзейскомъ музеѣ вы, между прочимъ, найдете окно изъ конторки для наблюдений, не пьютъ ли приказчики и ученики пиво или водку. Покажутъ вамъ здѣсь и кнутъ изъ воловьихъ жилъ съ узломъ въ концѣ и съ вбитыми въ него острыми гвоздями. Такимъ кнутомъ били провинившихся учениковъ.

Въ Бергенѣ прекрасный театръ и одинъ изъ лучшихъ музеевъ съ чудными экземплярами, касающимися физическихъ и естественныхъ наукъ, а также исторіи и культуры Норвегіи. Консерваторомъ этого музея по приглашенію директора его Даніельсона былъ одно время знаменитый Фритъофъ Хансенъ. Бергенъ отнесся очень холодно и недовѣрчиво къ предпринимаемой тогда и удачно исполненной экспедиціи Хансена въ Гренландію. «Въ іюнѣ мѣсяцѣ сего года имѣетъ быть дано консерваторомъ Хансеномъ представленіе—бѣгъ на лыжахъ со скачками на материковомъ льду Гренландіи. Мѣста для публики въ трещинахъ. Обратныхъ билетовъ можно не брать»—писалъ бергенскій листокъ.

Отрадно было найти въ музеѣ, между прочимъ, складной серебряный попугайъ, съ надписью по-русски: «нашему другу Оле-Булю отъ студ. М. унив. 1866 года». Буль—знаменитый въ свое время скрипачъ-виртуозъ, родился въ Бергенѣ въ 1810 году и умеръ въ 1880 году.

Изъ Бергена, по желѣзной дорогѣ, черезъ мѣста, очень напоминающія Ривьеру, послѣдовательно вдоль фіорда, черезъ множество туннелей, черезъ стройные лѣса, надъ очень глубокими пропастями, наконецъ, по высокой горной странѣ (1,300 метр.), можно вернуться въ Христианію.

Чтобы вполне познакомиться съ Норвегіей, необходимо повидать Sogne-фіордъ и Geiranger-фіордъ и заглянуть въ область арктическую ¹⁾, полунощнаго солнца. Для этой цѣли лучше всего

¹⁾ Арктическій поясъ обнимаетъ все земли и моря отъ сѣвернаго пояса до сѣвернаго полярнаго круга (по 66²/₃° сѣв. шир.), антарктическій—отъ южнаго полюса до 66²/₃° южн. шир. Первымъ на порогъ арктическаго пояса вступилъ отважный астрономъ и географъ Питей, современникъ Александра Великаго. А в т.

избрать слѣдующій маршрутъ. Bergen—по жел. дор.—Vossevangen—лошадьми (лучше пѣшкомъ) черезъ Stalheim—Gudvangen—пароходомъ по N g  и Sogne-фjордамъ черезъ Balholmen—Viek-Vadheim—лошадьми—Sandene пароходомъ къ озерамъ Loen и Olde-Vand (интересно проѣхать на пароходѣ вдоль этихъ озеръ)—Visn s черезъ Stryn-Sandvik—лошадьми—Grjotlien и Marok пароходомъ по Geiranger-фjордъ и др.—Aalesund пароходомъ—Molde и Trondhjem ¹⁾).

Въ Неродаль (между Vossevangen и Gudvangen) горы сдвигаются, лѣсовъ становится меньше, обломки скалъ преграждаютъ дорогу. Передъ вами мертвая скалистая пустыня, уголокъ умершей планеты. Дорога вьется зигзагами по крутизнамъ. Вы спускаетесь, боясь ежеминутно слетѣть въ такую глубокую пропасть, что голова кружится отъ взгляда въ нее. N g -фjордъ, родная дочь и южная вѣтвь фjорда Sogne,—дикій и замкнутый коридоръ. Съ высотъ ниспадающіе каскады обращаются въ паръ и не достигаютъ воды. Характерная черта Sogne-фjорда со всѣми вѣтками—его величіе. Здѣсь, между двумя стѣнами обнаженныхъ грозныхъ скалъ, вы чувствуете себя, какъ въ тюрьмѣ, вамъ не хватаетъ воздуха.

Большое ярко-синее озеро Лоень окружено со всѣхъ сторонъ великолѣпными ледниками. Висящія по склонамъ горъ ледяныя массы, кажется вамъ, вотъ-вотъ готовы сорваться и полетѣть въ озеро.

Гейрангеръ-фjордъ—достойный соперникъ Sogne-фjорда, также протекаетъ въ страшной пропасти между горами. Со всѣхъ сторонъ бѣшено падаютъ внизъ шумные потоки и между ними—самый знаменитый водопадъ «Семи сестеръ» (Syu S stre). До самаго Трондъема ландшафты, одинъ другого лучше, смѣняются словно въ волшебной панорамѣ.

Третій по величинѣ городъ Трондъемъ основанъ Олафомъ I въ 996 году, на мѣстѣ древняго Нидароса, въ которомъ былъ храмъ Одину и Тору. Съ 1814 года служитъ мѣстомъ коронаванія норвежскихъ королей. Перестроенный въ 1160—88 годахъ, а теперь значительно расширенный, соборъ его стоитъ здѣсь во всемъ средневѣковомъ величіи. Здѣсь же самое большое деревянное зданіе въ Европѣ—нарядный деревянный дворецъ въ стилѣ рококо.

Климатъ Трондъема такой же, какъ и въ Дрезденѣ, прямымъ свидѣтельствомъ чего являются растущія здѣсь липы. Въ окрестностяхъ богатѣйшая растительность. Фjордъ Трондъема никогда не замерзаетъ. Такимъ исключительнымъ климатомъ (на югѣ въ за-

¹⁾ Желающимъ повидать Geiranger-фjордъ и вернуться можно предложить слѣдующій маршрутъ: Visn s пароходомъ, Faleide—лошадьми, черезъ Hornindal—Hellesylt—пароходомъ по Geiranger—Marok—лошадьми, Otta—жел. дор.—Христианія.
А в т.

щищенныхъ мѣстахъ созрѣваютъ даже виноградъ и абрикосы) Норвегія обязана Гольфштрему—потоку грѣтой экваторіальной воды, который, омывъ западный берегъ Ирландіи и достигнувъ затѣмъ Исландіи, поворачиваетъ направо, стремясь къ берегамъ Норвегіи. Здѣсь онъ направляется къ сѣверу и въ окрестностяхъ Нордкапа раздваивается: одна часть идетъ къ сѣверу и достигаетъ Шпицбергена, другая же, придерживаясь сѣверныхъ береговъ Норвегіи и Россіи, теряется затѣмъ въ водахъ Ледовитаго океана. По срединѣ глубоко вдающагося въ материкъ фіорда Трондъема лежитъ маленькій островокъ Munkholmen съ крѣпостью (прежде монастыремъ), въ которой русскіе поморы, въ видѣ наказанія за малѣйшее уклоненіе отъ бывшихъ драконовскихъ норвежскихъ постановленій относительно русскихъ, высиживали иногда по десяти и по пятнадцати лѣтъ, исполняя каторжныя работы. Сюда же былъ заключенъ графъ Грифенфельдъ, по рожденію Петръ Шумахеръ, министръ и совѣтникъ короля, сломившій гордость и уничтожившій преимущества дворянъ, обвиненный въ измѣнѣ, приговоренный къ смертной казни и помилованный для вѣчной каторги въ узкой темницѣ этой крѣпости, гдѣ просидѣлъ двадцать два года и сошелъ съ ума.

Изъ Трондъема можно вернуться по желѣзной дорогѣ въ Стокгольмъ или же сѣсть на одинъ изъ спеціальныхъ пароходовъ, идущихъ къ Нордкапу, плыть черезъ Гаммерфестъ, Тромзе, Вадзе и Вардэ въ нашъ Архангельскъ.

Тромзе—получилъ названіе сѣвернаго Парижа изъ-за той кипучей дѣятельности, которая царитъ въ его водахъ, а также и по тому значенію, которое онъ имѣетъ для арктическихъ странъ, какъ передовой постъ Европы по направленію къ сѣверному полюсу.

Гаммерфестъ, самый сѣверный городъ міра, центръ сѣверной норвежской торговли съ Россіей. Въ немъ поставлена колонна въ память измѣренія меридіана русскими и норвежскими геометрами.

Городами Вадзе и Вардэ (Васинъ и Варгаевъ) кончается норвежское побережье.

Сейчасъ же за полярнымъ кругомъ поражаютъ васъ три картины: величественная масса Свартизенскаго ледника, Лофодены—гористые острова, поднимающіеся какъ бы прямо изъ морской глубины, и, наконецъ, пожравшій столько жертвъ, знаменитый водоворотъ Малыштремъ. Этотъ водоворотъ происходитъ вслѣдствіе встрѣчи двухъ морскихъ теченій. Самый страшный водопадъ по своему величію не можетъ сравниться съ этимъ дивнымъ явленіемъ природы. Вода докручивается до глубины нѣсколькихъ десятковъ сажень, откуда выбрасываетъ рыбъ, морскихъ животныхъ, а иногда и обломки попавшихъ въ него кораблей. Однако большую часть сутокъ онъ спокоенъ и за часъ-два до прилива его можно пере-

ѣзжать совершенно безопасно. Переваливъ за полярный кругъ, мы вступаемъ въ область, гдѣ солнце не сходитъ съ горизонта цѣлыя сутки въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ дольше). Съ девяти часовъ вечера яркое и свѣтлое, позволяющее, однако, смотрѣть на свой лучезарный дискъ, солнце плыветъ низко надъ горизонтомъ почти до полуночи, когда оно снова начинаетъ подниматься по отлогой дугѣ, направляясь къ югу.

Долго любишься имъ, но потомъ начинаешь утомляться, искать тѣни или искусственнаго мрака, такъ какъ привыкшій къ смѣни свѣта и темноты организмъ нашъ, постоянно возбуждаемый этимъ свѣтомъ, хочетъ и не можетъ успокоиться въ освѣжающемъ благотворномъ снѣ. Такой долгій полярный день неблагоприятно отзывается даже на туземцахъ, ожидающихъ часто съ нетерпѣніемъ долгой полярной ночи съ ея чудными сѣверными сіяніями.

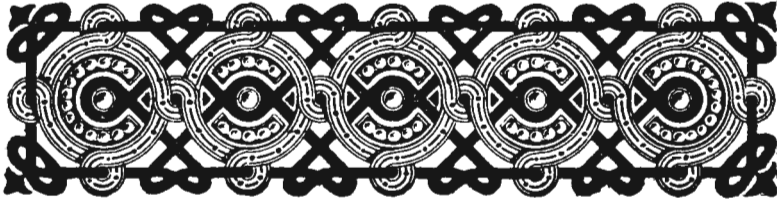
Если бы русскому путешественнику или просто располагающему свободнымъ временемъ обывателю вздумалось проѣхать по Швеціи и Норвегін по указанному маршруту, то вся разнохарактерная и своеобразная Скандинавія пройдетъ передъ его глазами съ дивной ея красотой, а также честнымъ и стойкимъ трудолюбивымъ народомъ. Каждый вершокъ удобной земли отвоеванъ здѣсь у горъ, и поля съ поспѣвающей жатвою разбросаны всюду, гдѣ только можно, красивыми золотистыми пятнами. Отличныя дороги, многочисленные каналы свидѣтельствуютъ о той же неутомимости и трудолюбіи.

Неизгладимое чувство восторга и наслажденія испытываешь здѣсь отъ постоянно мѣняющейся панорамы. Чудный горный воздухъ льетъ въ усталую душу бодрость и успокоенье.

Смѣло можно сказать, что познакомиться съ этой страной и народомъ—значитъ полюбить ихъ.

С. Арсеньевъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА.

Восточная война 1853—1856 г.г. и книга о ней А. М. Заіончковскаго.

РЕДИ военныхъ испытаній, которымъ подвергалась Россія въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ, Восточная война 1853—1856 г.г., безспорно, занимаетъ первое мѣсто. На насъ ополчилась половина всей Европы, тогда какъ другая половина заняла по отношенію къ намъ явно враждебное положеніе. Палъ Севастополь, уничтоженъ былъ русскій черноморскій флотъ, и военныя неудачи, въ связи съ мирными наклонностями императора Александра II и ближайшихъ его совѣтниковъ, привели Россію къ Парижскому миру, по которому Россія отказалась отъ преобладающаго своего значенія на Ближнемъ Востокѣ и потеряла первенствующее мѣсто въ сонмѣ европейскихъ державъ. Это былъ результатъ, неожиданный даже для враговъ Россіи, боявшихся ея военной мощи и колоссальныхъ средствъ и вдругъ открывшихъ, что она не что иное, какъ «колось на глиняныхъ ногахъ»; это былъ результатъ, глубоко оскорбившій національную гордость русскаго народа и наложившій печальную тѣнь на все царствованіе Александра II, даже на смыслъ и значеніе его культурныхъ реформъ, хотя Царю-Освободителю пришлось только ликвидировать войну, не имѣя начатую, и ошибки, не имѣя совершенныя. Ибо даже спасительныя лекарства, данныя не во-время и при плохомъ самочувствіи больного, не производятъ должнаго дѣйствія и иногда служатъ къ осложненію болѣзни... Естественно поэтому, что на изученіе причинъ неудачнаго исхода Восточной войны въ Россіи обратили особое вниманіе не одни военные историки, но и широкіе общественные круги,

которымъ, конечно, ясно было, вопреки утвердившемуся на Западѣ мнѣнію, что фундаментъ Россіи далеко не глиняный. Объ этомъ свидѣтельствовали героизмъ русскихъ людей, проявленный ими при оборонѣ того же Севастополя. Но современникамъ севастопольской страды невозможно было уяснить себѣ причины ея во всей ихъ грозной и поучительной совокупности. Кромѣ цензурныхъ условий, налагавшихъ печать молчанія на уста, самая близость описываемыхъ событій лишала современниковъ возможности оцѣнить эти причины съ широкой исторической точки зрѣнія, дать событіямъ должное мѣсто въ исторической перспективѣ: чтобы лучше осмотрѣть картину, всегда нужно отойти отъ нея на нѣкоторое разстояніе. Даже фактическая сторона исторіи Восточной войны не была еще достаточно разработана, а многіе матеріалы для нея долгое время по разнымъ соображеніямъ считались секретными. Переписка императора Николая Павловича съ австрійскимъ императоромъ Францемъ-Иосифомъ до сихъ поръ еще не подлежитъ опубликованію, а дневникъ главнаго дѣятеля войны князя А. С. Меншикова остается въ рукописи!.. Наконецъ, въ высшихъ правительственныхъ кругахъ живы были еще традиціи николаевской эпохи въ военномъ и дипломатическихъ отношеніяхъ и касаться ихъ было по меньшей мѣрѣ неудобно. Какъ извѣстно, плацпарадъ и преданія Священнаго союза окончательно похоронены были лишь при императорѣ Александрѣ III.

Что же привело Россію къ пораженію въ войнѣ 1853—1856 гг.?

Мы не будемъ говорить здѣсь о печальномъ положеніи внутренней жизни въ Россіи въ царствованіе императора Николая Павловича, которое, конечно, было главной причиной неготовности Россіи къ поднятой борьбѣ съ Европой. Остановимся преимущественно на причинахъ дипломатическаго и военнаго характера. Причины эти заключаются въ совершенномъ несоотвѣтствіи средствъ для войны съ ея прямою цѣлью—упроченія національныхъ интересовъ Россіи на Ближнемъ Востокѣ, въ предѣлахъ Турецкой имперіи, и выясненію ихъ посвящены поучительныя и краснорѣчивыя страницы въ недавно вышедшемъ второмъ томѣ прекраснаго труда А. М. Заіончковскаго «Восточная война 1853—1856 гг.».

Въ дипломатическомъ отношеніи Восточная война являлась совершеннымъ отрицаніемъ полувѣковой виѣшней политики императоровъ Александра I и Николая I. Всѣ усилія Россіи въ теченіе всей первой половины XIX вѣка направлены были не къ достиженію національныхъ задачъ, а къ утвержденію принциповъ порядка и законности въ Европѣ, потрясенныхъ французской революціей 1789 года. Въ борьбѣ Франціи съ Германіей Россія рѣшительно приняла сторону Германіи и, совмѣстно съ нею, сокрушила владычество Наполеона, усиливъ въ цѣляхъ противодѣйствія Франціи Австрію и Пруссію. Съ этими державами заключила

она Священный союзъ, въ нихъ она видѣла своихъ искреннихъ и преданныхъ друзей, обязанныхъ ей вѣчною благодарностью. Правда, во Франціи опять начались волненія: въ 1830 г. вспыхнула июльская революція, возведшая на французскій тронъ Орлеанскую линію Бурбоновъ, а въ 1848 г. февральская, установившая сначала республику, а затѣмъ имперію въ лицѣ Наполеона III. Но на Рейнѣ было все спокойно: Австріи и Пруссіи было объявлено, что Россія поддержитъ ихъ всею силою своего оружія. Тщетно король французскій Людовикъ-Филиппъ, воцарившійся въ 1830 г., искалъ дружбы императора Николая, опираясь во многихъ случаяхъ на тождество русскихъ и французскихъ интересовъ: всѣ его домогательства отклоняемы были съ обиднымъ невниманіемъ. Мѣру своего неблаговоленія къ Людовику-Филиппу Россія довела до самозабвенія въ 1840—1841 г., когда Франція, озабоченная поддержаніемъ своего вліянія въ Египтѣ, въ противовѣсъ Англій, охранявшей неприкосновенность Турціи, обратилась къ императору Николаю съ предложеніемъ вступить въ соглашеніе съ нею по дѣламъ Ближняго Востока. Императоръ не только отвергъ предложеніе Франціи, но, принявъ сторону Англій, вступилъ лондонскимъ протоколомъ 1840 года въ концертъ Англій, Австріи и Пруссіи по дѣламъ Ближняго Востока, отказавшись отъ исконнаго права Россіи самостоятельно опредѣлять свои отношенія къ Турціи. Тогда вынуждена была, вопреки своимъ интересамъ, приступить къ этому концерту и Франція. Такимъ образомъ, самъ русскій императоръ положилъ начало европейской коалиціи противъ себя, сдѣлавъ фактической руководительницей этой коалиціи Англію. Николай I не хотѣлъ видѣть и того, что союзники его, Австрія и Пруссія, не менѣе, чѣмъ Англія, довольны этимъ актомъ русской политики, въ особенности Австрія, боявшаяся вліянія Россіи на единовѣрныхъ ей балканскихъ славянъ. Чтобы успокоить Австрію и Пруссію въ этомъ отношеніи, императоръ неоднократно завѣрялъ ихъ, и справедливо, что онъ менѣе всего думаетъ объ освобожденіи славянъ, и что онъ врагъ панславистскихъ идей. Когда, послѣ февральской революціи, въ Германіи въ 1848 г. возникли беспорядки и началось конституціонное движеніе, Россія приняла энергическія мѣры для ихъ подавленія: она ввела двухсоттысячную армію въ Венгрію для подавленія возстанія и тѣмъ спасла Австрію отъ разрушенія и грозила войной Пруссіи, если она сдѣлаетъ дальнѣйшія уступки либераламъ. Болѣе того, она своимъ вмѣшательствомъ предотвратила разрывъ между Австріей и Пруссіей, возникшій на почвѣ германскихъ дѣлъ, объявивъ Пруссіи, что, въ случаѣ войны, она приметъ сторону Австріи. Дѣйствіями этими Россія показала всей Европѣ, что на Австрію она смотритъ, какъ на искренняго своего союзника, и что въ цѣляхъ и намѣреніяхъ петербургскаго и вѣнскаго кабине-

товъ существуетъ полное единомысліе. Въ своемъ ослѣпленіи императоръ Николай выражалъ даже членамъ дипломатическаго корпуса въ Петербургѣ мысль, что «для Австріи хорошо все, что хорошо для Россіи». Въ противовѣсъ этому заявленію, австрійскій министръ Шварценбергъ тогда же счелъ возможнымъ успокоить враговъ Россіи знаменательными и пророческими словами: «Австрія удивитъ міръ своею неблагодарностію». Но, прежде этого, она удивила міръ своимъ коварствомъ.

Декабрьскимъ переворотомъ 1851 года принцъ Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ возложилъ на себя императорскую корону своего великаго дяди. О своемъ вступленіи на престолъ онъ поспѣшилъ увѣдомить европейскіе дворы. Но признанъ онъ былъ ими не сразу. Въ глазахъ императора Николая постановленія печальной для Россіи памяти Вѣнскаго конгресса, исключившаго фамилію Бонапартовъ отъ права наслѣдованія французскаго престола, сохраняли свое значеніе и силу, и поэтому возникъ вопросъ о законности избранія Наполеона III и о самомъ наименованіи его «Третьимъ», такъ какъ сынъ Наполеона I, герцогъ Рейхштадтскій, былъ Наполеономъ II только для кучки бонапартистовъ. Но послѣ переговоровъ съ Англіей, Австріей и Пруссіей, заинтересованныхъ въ поддержаніи добрыхъ отношеній съ Франціей, императоръ Николай убѣдился въ невозможности сохранить архаичныя постановленія Вѣнскаго конгресса и, желая поддержать хотя ихъ декорумъ, предложилъ своимъ союзникамъ именовать новаго императора французовъ въ письменныхъ сношеніяхъ не «*mon frère*», какъ это принято между коронованными особами, а проще: «*mon bon ami*». Союзники согласились на это, но когда русскій посоль въ Парижѣ представилъ Наполеону письмо императора Николая съ этимъ обращеніемъ, то съ удивленіемъ узналъ, что австрійское письмо къ Наполеону давало ему названіе «*mon frère*». Примѣру Австріи послѣдовала и Пруссія. Вѣроломство Австріи возбудило негодованіе императора Николая, что онъ и выразилъ австрійскому послу, но онъ не подозрѣвалъ еще всего значенія ея предательства, объясняя себѣ происшедшее недоразумѣніемъ. Попрежнему считая себя главою монархической Европы, а Австрію и Пруссію своими вѣрными союзниками, Николай I продолжалъ именовать Наполеона «*mon bon ami*». Новый императоръ французовъ затаилъ въ себѣ неудовольствіе, заявивъ даже, что онъ радъ видѣть въ императорѣ «добраго друга», а не фальшиваго «брата», и выразилъ надежду, что Россія и Франція въ европейскихъ дѣлахъ будутъ идти рука объ руку. Для Наполеона было важно содѣйствіе Россіи, чтобы укрѣпить свой тронъ, и союзъ съ ней былъ для него предпочтительнѣе, чѣмъ «противоестественный» союзъ съ Англіей, который она ему предлагала. Холодные отношенія императора Николая и уклончивый отвѣтъ его на сдѣ-

ланныя ему предложенія заставили Наполеона броситься въ объятія Англій.

Императоръ Николай Павловичъ съ дѣтства расположенъ былъ къ Англій и англичанамъ, будучи воспитанъ своею любимой няней-англичанкой въ уваженіи къ ея родинѣ. Двукратное путешествіе въ Англію укрѣпило въ немъ это чувство. Но, какъ самодержецъ, онъ не хотѣлъ понять политической жизни Англій и придавалъ несоотвѣтственную важность словамъ и заявленіямъ королевы Викторіи и ея отвѣтственныхъ предъ парламентомъ министровъ. «Мой императоръ—не дипломатъ», говорилъ про русскаго государя его канцлеръ графъ Нессельроде, и дѣйствительно откровенные, прямодушные разговоры императора Николая, его предположенія о возможномъ раздѣлѣ Турціи по соглашенію съ Англіей приводили въ смущеніе англійскихъ министровъ, строго различавшихъ частную бесѣду отъ официальныхъ, обязательныхъ заявленій. Понятны рождавшіяся отъ того недоразумѣнія. Въ словахъ императора-самодержца они видѣли прямую угрозу существованію Турціи, на которую они смотрѣли, какъ на оплотъ противъ русскаго вліянія на Востокѣ, противъ проникновенія русскаго черноморскаго флота въ Средиземное море, а въ своихъ собственныхъ полусочувственныхъ, почтительныхъ репликахъ — ничего, кромѣ обыкновенной салонной бесѣды. Къ императору всероссійскому они не могли питать довѣрія, вслѣдствіе естественнаго въ то время антагонизма въ интересахъ Англій и Россіи. Между тѣмъ, изъ бесѣдъ своихъ съ англійскими государственными людьми императоръ Николай вынесъ опредѣленное впечатлѣніе, что не Англія будетъ противиться его планамъ противъ Турціи. Въ этомъ впечатлѣніи укрѣпляли его и донесенія русскаго посланника въ Лондонѣ барона Бруннова, тонко понимавшаго политическую конъюнктуру, но считавшаго необходимымъ примѣняться въ своихъ донесеніяхъ къ образу мыслей и характеру симпатій своего властнаго, не терпѣвшаго противорѣчій государя. Быть можетъ, скажемъ въ оправданіе нашему дипломату, онъ не предвидѣлъ самой возможности того оборота, какой внезапно приняли событія, и въ англійскихъ симпатіяхъ государя усматривалъ залогъ постоянныхъ дружескихъ отношеній между Россіей и Англіей.

Вотъ въ краткихъ чертахъ положеніе, въ которомъ находилась Россія по отношенію къ европейскимъ державамъ предъ Восточной войною: союзъ съ Австріей и Пруссіей, которыя, однако, тяготились русскою опекой и готовились измѣнить ей при первомъ удобномъ случаѣ, дружба съ Англіей, оберегавшей Босфоръ и Средиземное море и съ боязнью смотрѣвшей на усиленіе черноморскаго флота, и недоброжелательство къ Франціи, напрасно добивавшейся при всѣхъ смѣнахъ правленій дружбы съ Россіей и въ концѣ концовъ вынужденной заключить съ Англіей союзъ, который

самъ императоръ Николай называлъ «противоестественнымъ». Эти отношенія продолжались цѣлыя двадцать пять лѣтъ и сдѣлались катехизисомъ несельеровской дипломатіи, но они опредѣлялись, какъ это вполне подтверждается книгой А. М. Заіончковскаго, лишь отказомъ Россіи отъ національной политики. Война съ Турціей 1828—1829 гг. завѣщана была императору Николаю предыдущимъ царствованіемъ и кончилась безъ вмѣшательства Европы лишь благодаря содѣйствію Франціи, гдѣ царствовалъ еще представитель старой линіи Бурбоновъ, Карль X, старательно поддерживавшій добрыя отношенія къ императору Николаю; иначе и тогда наши «союзники» заявили бы объ истинныхъ своихъ чувствахъ къ Россіи. Наскучивъ долгою войною съ Турціей, императоръ Николай уже готовъ былъ принять посредничество Пруссіи, когда блестящая побѣда при Кулевчѣ и взятіе Адрианополя заставили турокъ просить Дибича объ открытіи мирныхъ переговоровъ. Прусское посредничество опоздало, но при заключеніи окончательнаго мирнаго договора принесло плоды не въ русскую пользу.

При такихъ условіяхъ само собою рѣшается вопросъ, соответствовало ли созданное императоромъ Николаемъ международное положеніе Россіи предпринятой имъ Восточной войнѣ. Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ Россія дружила съ своими врагами, отталкивала отъ себя политическихъ друзей и направляла ихъ во враждебный лагерь. Читая дипломатическіе акты за николаевское царствованіе, невольно протираешь себѣ глаза, когда на нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаешь подписи русскихъ дипломатовъ вмѣсто подписей Меттерниха и Пальмерстона. И Николай I, подобно Александру I, увидѣлъ въ самомъ концѣ своего царствованія необходимость вступить на путь національной политики, но трагизмъ ихъ положенія заключался именно въ томъ, что это вступленіе противорѣчило всей предыдущей ихъ дѣятельности въ международныхъ отношеніяхъ, въ томъ, что они натолкнулись на препятствія, созданныя ихъ собственными руками. Сознаніе этой основной ошибки пришло, однако, къ императору Николаю не сразу, а лишь постепенно, по мѣрѣ развертыванія событій, и официально выразилось въ признаніи «подлости» и «неблагодарности» Австріи, тогда какъ Австрія оставалась всегда державой, охраняющей свои австрійскіе интересы, а измѣнилась лишь политическая система самого императора Николая въ непріятномъ для Австріи смыслѣ. Въ этомъ трагическомъ положеніи, въ борьбѣ съ дѣломъ собственныхъ рукъ, императоръ Николай потерялъ присущую ему самоувѣренность и въ попыткахъ примирить старый свой образъ мыслей съ новыми политическими комбинаціями, нежданно для него обнаружившимися во всей своей неприглядной наготѣ, обнаружилъ нерѣшительность, неспособность порвать со старыми связями и энергически итти по новому имъ избранному пути...

Исторія переговоровъ Россіи съ европейскими державами предъ началомъ Восточной войны много разъ излагалась въ европейской литературѣ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Но, какъ это ни странно, они получили наиболѣе вѣрное и безпристрастное освѣщеніе въ сжатой характеристикѣ не русскаго, а французскаго историка, знаменитаго Гизо, интимнаго друга не менѣе знаменитой въ дипломатической исторіи княгини Д. Х. Ливень. Характеристику эту Гизо сдѣлалъ въ письмѣ къ неизвѣстному русскому отъ 3-го ноября 1853 года, сохранившемся въ копіи, сдѣланной рукою императора Александра II и находящейся въ Собственной Его Величества библіотекѣ.

«Я рѣшаюсь вѣрить,—писалъ Гизо:—что вашъ государь не желаетъ войны... Если бы вы твердо рѣшились довести дѣло до конца и опрокинуть Оттоманскую имперію, чтобы захватить львиную долю, то я понялъ бы упорство и не нашель бы что сказать, кромѣ того что для такого удара выбрать не подходящій моментъ. Но я убѣжденъ, что вы не желаете нанести этотъ ударъ, и потому мнѣ непонятно, почему вы не торопитесь покончить съ настоящимъ положеніемъ. Отъ этого вы можете только потерять. Вы уже кое-что потеряли. Вы потеряли вашъ характеръ всеобщаго миротворца и верховнаго охранителя европейскаго порядка, вы вызвали недовѣріе другихъ державъ, вы отдѣлились отъ Англіи, вы ее толкнули въ союзъ съ Франціей, вы поставили вашего важнѣйшаго союзника Австрію въ самое опасное положеніе. Вы сдѣлали еще нѣчто большее: вы дали Турціи случай войти въ разрядъ защищаемыхъ европейскимъ международнымъ правомъ державъ. Допустите, что во мнѣ говоритъ злопамятство, но вы совершили вашу крупнѣйшую ошибку въ 1840 году. Вы, чтобы изолировать и ослабить правительство короля Луи-Филиппа, оставили вашу традиціонную политику сносятся съ Турціей непосредственно, безъ соглашенія съ другими. Вы сами завели дѣло въ Лондонѣ и трактатомъ 15-го іюля 1840 года вы его сдѣлали общимъ дѣломъ Европы. Въ слѣдующемъ году вы принуждены были сдѣлать еще шагъ по этому пути, и съ вашего согласія конвенція о проливахъ 13-го іюля 1841 года подтвердила вмѣшательство въ турецкія дѣла европейскаго концерта. Я думаю, что это не всегда вамъ удобно, и вы должны бы поспѣшить возобновить ваши непосредственныя сношенія съ Турціей. Споръ о Святыхъ мѣстахъ доставилъ вамъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ удобный къ тому случай. Послѣ маленькой неудачи вы достигли успѣха. Вы устроили дѣло, какъ было вамъ угодно, не поссорившись съ Франціей и при одобреніи Англіи. Почему вы на этомъ не остановились? Все, что сдѣлано было вами послѣ, было неудачно. Вы имѣли видъ, какъ бы вы желали большаго, чѣмъ говорили сами; вы не дѣлали того, что хотѣли; вы зашли вскорѣ далѣе, чѣмъ желали; вы соединили всю Европу противъ

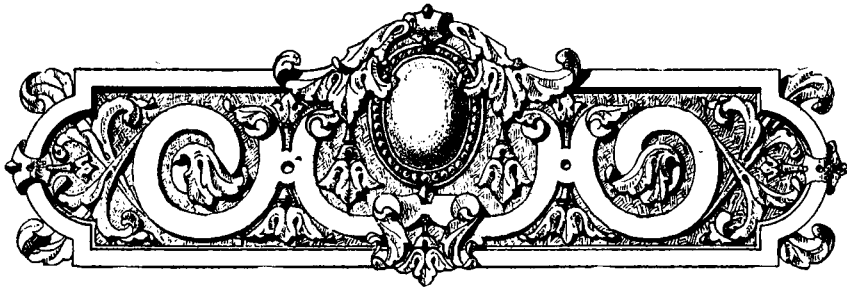
васъ и толкнули Турцію въ объятія Европы. Зачѣмъ? Я еще разъ не понимаю. Я бы понялъ, если бы видѣлъ въ васъ рѣшимость поставить крупную и послѣднюю ставку и, несмотря на рискъ, захватить Константинополь. Но такъ какъ я ея не вижу, то продолжаю думать, что для васъ важно лишь достигнуть скорого окончанія положенія, которое имѣетъ троякія послѣдствія: оно изолируетъ васъ въ Европѣ, оно соединяетъ Европу противъ васъ, оно все болѣе и болѣе ставитъ Турцію подъ охрану европейскаго концерта. Вы можете сойти съ дурного пути, хотя и не безъ нѣкоторой временной непріятности, но также и безъ особо серьезнаго вреда для вашей національной политики и для ея будущаго. Географія и естественная исторія даютъ вамъ въ турецкомъ вопросѣ силу и преимущества, которыхъ ничто не можетъ у васъ похитить. Зачѣмъ призывать на себя бурю, когда достаточно предоставить течь водѣ?»

Императоръ Николай стоялъ предъ дилеммой или, признавъ неудобство момента, сдѣлать уступки, но тѣмъ самымъ осудить свою политику и создать новую политическую систему, или итти на борьбу, но и въ этомъ случаѣ порвать фатальнымъ образомъ со старыми друзьями, даже «итти въ Константинополь чрезъ Вѣну», какъ совѣтовалъ ему, если вѣрить преданію, князь Паскевичъ. Государь не могъ рѣшиться ни на то, ни на другое. Началась война, не имѣвшая смысла ни для Россіи, ни для Европы, и по неопредѣленности цѣли, и по отсутствію разумныхъ къ ней повелѣній. Къ сожалѣнію, нерѣшимость императора отразилась и на военныхъ дѣйствіяхъ.

Е. Шумигорскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НОВОСТИ АРХЕОЛОГИИ.

Выставка въ императорской археологической комиссiи, удостоенная высочайшаго посѣщенiя.—Итоги ученой дѣятельности императорскаго петербургскаго археологическаго института и императорскаго русскаго военно-историческаго общества.—Къ постройкѣ собственнаго зданiя русскаго археологическаго института въ Константинополь.—Вопросъ о реставраціи Ферапонтова монастыря.

ВЕСНА — періодъ подведенiя итоговъ годичной дѣятельности общественныхъ учреждений, ихъ офиціальнiй смотръ. Выставки и годовыя общiя собранiя даютъ общую рельефную картину дѣятельности каждаго учрежденiя, движенiя его впередъ, успѣховъ и неизбѣжныхъ въ большомъ дѣлѣ неудачъ и промаховъ. Выступили весной съ изложенiемъ результатовъ своихъ работъ и наши историко-археологическія учрежденiя. Съ отраднымъ чувствомъ наблюдая тотъ быстрый и несомнѣнный успѣхъ, которымъ сопровождается въ теченiе ряда лѣтъ, благодаря самоотверженнымъ трудамъ русскихъ археологовъ и любителей старины, научно-археологическая дѣятельность въ нашемъ отечествѣ, приступаемъ мы къ краткому обзору этой дѣятельности.

Ежегоднымъ выдающимся событiемъ археологической жизни Россiи служить, несомнѣнно, устраиваемая императорскою археологическою комиссiею въ залахъ, занимаемыхъ комиссiею въ Зимнемъ дворцѣ, выставка археологическихъ находокъ, достаивае-

мая каждый разъ высочайшимъ посѣщеніемъ Государя Императора. Предметами выставки пополняются, по ея окончаніи, наша художественно-археологическая сокровищница—императорскій Эрмитажъ и другіе музеи.

«Гвоздемъ» выставки текущаго года была богатая коллекція находокъ, о которыхъ мы говорили уже въ минувшемъ году на страницахъ «Историческаго Вѣстника», изъ кургана Солоха, сдѣланныхъ проф. Н. И. Веселовскимъ, старшимъ членомъ императорской археологической комиссіи. Но и помимо этой коллекціи выставка текущаго года комиссіи представляла крупный научно-археологическій интересъ.

Значительную коллекцію находокъ дали раскопки въ Ольвіи, неизмѣнно и съ успѣхомъ продолжаемая членомъ комиссіи и секретаремъ императорскаго русскаго археологическаго общества проф. Б. Ф. Фармаковскимъ. Среди коллекцій сѣвернаго района, систематизированныхъ членомъ комиссіи А. А. Спицынымъ, находятся старѣйшія изъ находокъ—мамонтвый молотокъ и копье, обнаруженные при костякѣ въ Могилевской губерніи. Въ изобиліи—финскіе предметы, относящіеся къ древней костяной культурѣ (каменные копья, костяныя остроги и стрѣлы), добытыя со дна озеръ Аятскаго и Шигирскаго въ Зауральѣ. Въ Елабужскомъ уѣздѣ Вятской губерніи открытъ и служилъ украшеніемъ выставки кладъ древностей камскихъ финновъ VI—VII вѣковъ, въ видѣ огромныхъ застежекъ, круглыхъ бляхъ и римскаго бронзоваго ковша. Многочисленныя коллекціи вещей чудскихъ типовъ VIII—XIII вѣковъ нашей эры, въ большинствѣ изъ с. Пятигоръ, Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи. Среди этихъ вещей заслуживали вниманія серебряное блюдо съ византійскими клеймами, серебряный кладъ въ видѣ массивнаго китайскаго ящика съ буквами, монетныя гривны черниговскаго типа и пластинки отъ разрѣзанныхъ на части чашекъ. Лучшая изъ вещей этого типа серебряное блюдо съ изображеніемъ птицъ въ клеймахъ, найденное въ Соликамскомъ уѣздѣ той же Пермской губерніи. О минувшихъ дняхъ жизни прибалтійскихъ финновъ свидѣтельствовали значительный кладъ западно-европейскихъ монетъ XI вѣка и рядъ серебряныхъ вещицъ, а также кладъ вещицъ XIV—XV вѣковъ, въ видѣ пышнаго ожерелья изъ бусъ и круглыхъ подвѣсокъ и широкой нагрудной пряжки (находки въ Эстляндской губерніи). Среди немногочисленныхъ литовскихъ древностей рѣдкіе экземпляры изъ камня и кости собраны на одномъ изъ ковенскихъ городищъ. Любопытною находкою являлся на выставкѣ найденный въ Архангельской губерніи инструментъ, въ которомъ можно видѣть казенный спиртомѣръ прежняго времени.

Изъ находокъ юга Россіи—вещи Юстиніановскаго и болѣе поздняго періода далъ могильникъ Черноморскаго побережья, гдѣ от-
«Истор. вѣстн.», июль 1914 г., т. сxxxvii. 20

крыть, между прочимъ, рѣдкій деформированный черепъ (раскопки В. В. Саханева близъ Геленджика) въ Терской области (близъ Налчика) и въ Харьковской губерніи (раскопки В. В. Бабенка въ Салтахъ). Красовались на выставкѣ вещи изъ огромнаго клада диргемовъ (свыше двухъ тысячъ восьмисотъ экземпляровъ), найденнаго въ Кіевѣ, въ усадьбѣ проф. Сикорскаго, а также интересный кладъ серебряной посуды середины XVIII вѣка, открытый близъ слободы Богоявленской, Ростовскаго уѣзда, изъ четырехъ ковшей и шести стопокъ иностранной работы. На одномъ изъ ковшей надпись владѣльца В. О. Вердеревскаго. Изъ Подольской губерніи выставленъ былъ кладъ серебряныхъ вещей той же эпохи (XVII вѣка) польскаго происхожденія.

Раскопки В. Н. Глазова и П. С. Рыкова близъ села Гочева, Обоянскаго уѣзда Курской губерніи, подарили выставку многочисленными предметами XI—XII вѣка сѣверянскихъ типовъ, въ видѣ висячихъ колець, шейныхъ гривень, подвѣсокъ, браслетовъ и прочее.

Изъ древнѣйшихъ экземпляровъ посуды обращали вниманіе рыбныя блюда (VI вѣка) изъ Тамани и два блюда такого же назначенія изъ Керчи.

Богато представленъ былъ на выставкѣ отдѣлъ архитектурныхъ чертежей древней Десятинной церкви въ Кіевѣ, Бахчисарайскаго чворца и проч.

26-го февраля выставка удостоена была посѣщеніемъ Его Императорскаго Величества Государя Императора съ великими княжнами Ольгой Николаевной и Татьяной Николаевной, прибывшими въ комиссію въ третьемъ часу пополудни въ сопровожденіи дворцоваго коменданта свиты генерала-майора Воейкова и лицъ свиты. Незадолго до пріѣзда Государя Императора прибыли ихъ императорскія высочества великая княгиня Ксенія Александровна и великій князь Александръ Михайловичъ и временно управляющій министерствомъ императорскаго двора шталмейстеръ графъ Ниродъ.

Предварительно Государемъ Императоромъ осмотрѣны были древности Ольвіи, результаты раскопокъ Б. В. Фармаковскаго, затѣмъ—случайныя находки въ Херсонской губерніи, вещи изъ найденнаго въ минувшемъ году Полтавскаго клада, нынѣ пріобрѣтенныя комиссіею, кладъ, открытый въ Кіевской губ., и древности изъ Керчи и Таманскаго полуострова, находки изъ Ярославской и Эстляндской губерній, чертежи раскопокъ комиссіи у Десятинной церкви и въ усадьбѣ князей Трубецкихъ въ Кіевѣ, чертежи бахчисарайскаго дворца, рисунки съ древностей, найденныхъ въ курганѣ Солоха и выполненныхъ художникомъ М. В. Фармаковскимъ. По окончаніи осмотра выставки председатель комиссіи членъ государственнаго совѣта гофмейстеръ графъ А. А. Бобринской и

товарищъ предсѣдателя академикъ тайный совѣтникъ В. В. Латышевъ удостоились поднести Государю Императору послѣднія изданія комиссіи, а членъ комиссіи проф. М. И. Ростовцовъ имѣлъ счастье представить свой трудъ о декоративной живописи въ южно-русскихъ гробницахъ. Выразивъ предсѣдателю комиссіи и ея членамъ свое удовольствіе, Государь Императоръ съ августѣйшими дочерьми отбылъ, по словамъ газетъ, въ четвертомъ часу пополудни изъ Зимняго дворца, прослѣдовавъ въ Царское Село.

9-го мая состоялся торжественный актъ въ императорскомъ петербургскомъ археологическомъ институтѣ. Актный залъ былъ переполненъ. Каедрa утопала въ живыхъ цвѣтахъ. Въ числѣ почетныхъ гостей присутствовали: преосвященный Анастасій, епископъ ямбургскій, ректоръ петербургской духовной академіи, проф. Н. И. Веселовскій, проф. С. М. Середонинъ, представители губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, находившіеся въ то время въ Петербургѣ по случаю происходившаго 5-го—8-го мая съѣзда архивныхъ дѣятелей. Директоръ института проф. тайный совѣтникъ Н. В. Покровский прочелъ отчетъ о состояніи и дѣятельности института за 1913—1914 учебный годъ. Годъ этотъ является знаменательнымъ въ жизни института. 30 января 1914 г. съ Высочайшаго соизволенія институтъ принять подъ августѣйшее покровительство его императорскаго высочества великаго князя Петра Николаевича. Въ число почетныхъ членовъ института избраны: графъ Улисъ-де-Нунціо, извѣстный своими трудами въ области римской и восточной археологіи и древне-славянской литературы, И. Я. Спрогисъ, архиваріусъ виленскаго центрального архива древнихъ актовыхъ книгъ,—во вниманіе къ пятидесятилѣтію служебной и научной дѣятельности, высокопреосвященный Арсеній, архіепископъ новгородскій и старорусскій, преосвященный Анастасій, епископъ ямбургскій, ректоръ петербургской духовной академіи, князь М. С. Путятинъ и князь А. А. Ширинскій-Шихматовъ. Всѣхъ почетныхъ членовъ къ концу отчетнаго года было 76, дѣйствительныхъ—564 и сотрудниковъ—565. Лекціи читались пятнадцатью преподавателями, включая необязательные предметы: новгородскія древности (лекторъ П. А. Гусевъ), обзоръ памятниковъ византийской архитектуры (К. К. Романовъ), исторію славянскаго русскаго гѣснотворчества (Н. И. Приваловъ) и геральдику (В. К. Лукомскій). Окончило курсъ въ отчетномъ году 55 лицъ, 19 удостоены званія дѣйствительныхъ членовъ, 18—званія сотрудниковъ института. 18—получаютъ дипломы на званіе дѣйствительныхъ членовъ лишь по представленіи удостовѣреній объ окончаніи курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. За научные труды избраны въ сотрудники института: протоіерей Кокординъ въ Новгородѣ и

В. С. Арсеньевъ, предсѣдатель тульской ученой архивной комиссіи. Число слушателей института достигло въ истекшемъ году 533 человѣкъ. Средства института къ началу года составляли 34,242 руб. 5 коп., поступило въ теченіе года 35,638 руб. 17 коп., израсходовано 32.360 руб. 26 коп. Оставалось на 1-ое января 1914 г. 37,519 р. 96 к. Кромѣ лекцій, занятія слушателей заключались въ непосредственномъ ознакомленіи съ памятниками археологіи и археографіи, въ обзорѣнні архивовъ и музеевъ и въ самостоятельныхъ ученыхъ работахъ; нѣкоторыя изъ этихъ работъ доложены были на вечернихъ собраніяхъ профессоровъ, членовъ и слушателей. Библіотека института обогатилась 91 названіемъ книгъ въ 264 томахъ. Всего въ библіотекѣ состоитъ 18,522 тома. Въ музей института постушили каменный наконечникъ копья изъ городища у деревни Овсянкино, Вельскаго уѣзда Вологодской губерніи, серебряный тѣльный крестикъ XVII вѣка, два бронзовыхъ браслета и шейная гривна и бронзовая медаль въ память тифлискаго археологическаго съѣзда. На одномъ изъ собраній института прочитанъ докладъ предсѣдателемъ императорской археологической комиссіи графомъ А. А. Бобринскимъ о выдающемся за послѣднее время археологическомъ открытіи проф. Н. И. Веселовскаго. Актъ закончился рѣчью преподавателя С. М. Гольдштейна на тему «Вопросы государственной (земской) обороны въ великомъ княжествѣ Литовскомъ по Литовскому статуту».

Въ историческую литературу институтъ внесъ въ истекшемъ академическомъ году цѣнный вкладъ, закончивъ печатаніе юбилейнаго изданія по случаю трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Въ изданіе это вошли 32 древнія царскія грамоты, начиная съ грамотъ царя Михаила Ѳеодоровича и кончая грамотами царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, изъ нихъ 12 грамотъ изданы фототипіею почти въ натуральную величину, съ транскрипціею и объяснительнымъ текстомъ почетнаго члена института И. И. Мѣщанинова. Среди этихъ грамотъ, по мнѣнію специалистовъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія вотчинныя грамоты, пожалованныя царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Максиму Литвинову 7121 г., дьяку Колачеву (7127 г.) и Богданову Шипилову, за ихъ вѣрную службу, за то, что въ нужное время за вѣру христіанскую и за святыхъ Божіи церкви, за государя и за всѣхъ православныхъ христіанъ стояли твердо и мужественно безъ всякаго колебанія противъ враговъ Владислава Жигимонтова сына и гетмана Хоткѣва, противъ польскихъ, литовскихъ и нѣмецкихъ людей, которые хотѣли взять и разорить Московское государство, осквернить церкви Божіи, погрязнуть истинную православную вѣру, а учинить свою латинскую вѣру, а они, русскіе люди, памятуя нашу православную вѣру и крестное цѣлованіе и будучи въ осадѣ въ Москвѣ вмѣстѣ съ великимъ государемъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ,

крѣпко стояли за православную вѣру и въ бояхъ и приступахъ бились крѣпко и мужественно, не щадя своей головы и не поддаваясь воровской прелести королевича и смутѣ. За это государь жалуетъ вѣрныхъ русскихъ людей вотчинами, чтобы дѣти ихъ, внуки и правнуки вспоминали вѣрную службу своего предка и крѣпко стояли за православную вѣру и отечество. Наибольшая часть изданныхъ институтомъ грамотъ, оригиналы которыхъ хранятся въ историческомъ архивѣ института, даны были монастырямъ, выдающимся по своему историческому значенію—Троице-Сергіеву, Новоспасскому, Богоявленскому въ Москвѣ, Ипатьевскому въ Костромѣ, Боголюбскому во Владимирѣ и друг. и три грамоты русскимъ іерархамъ—Никону, митрополиту новгородскому, Варлааму, митрополиту ростовскому и ярославскому, и патріарху Іоакиму. Грамоты эти представляютъ крупное значеніе для характеристики хозяйственного и юридическаго быта русскихъ монастырей и іерарховъ. Благодаря золотымъ и акварельнымъ украшеніямъ заставокъ и прописныхъ буквъ или «богословіи» въ царскомъ титулѣ «Божіею милостію», грамоты интересны не только по своему содержанію, но и со стороны художественной и палеографической. Вторую часть юбилейнаго сборника составляетъ текстъ родословца. На заглавномъ листѣ рукописи написано «Святѣйшаго Государя Филарета Никитича Патріарха всея Россіи родословная келейная книга Россійскихъ Государей, меншихъ князей и знатнаго шляхетства». Рукопись является копіей, написанной, какъ видно по водянымъ знакамъ бумаги, около 1780 г. съ древнѣйшаго утраченнаго оригинала, принадлежавшаго отцу перваго изъ государей царствующаго дома Романовыхъ патріарху Филарету Никитичу. Родословець, благодаря оригинальнымъ особенностямъ, даетъ болѣе ясное и опредѣленное освѣщеніе вопросу о родословіи бояръ Романовыхъ.

Говоря о дѣятельности института за послѣдній годъ, нельзя не отмѣтить значительнаго усиленія женскаго элемента среди наиболѣе активно работающей части членовъ и слушателей института. Такъ, въ истекшемъ году съ учеными докладами на собраніяхъ института выступали: М. А. Трунова—«Ярославскій Толгекій монастырь», Л. Н. Погожева—«Село Микулино-Городище и его древній соборъ», «Церковь Бѣлая Троица въ Твери» и Е. Р. Иванайненъ «Первые Ростиславовичи и сказаніе о Василькѣ».

Годовымъ общимъ собраніемъ членовъ военно-историческаго общества 25-го апрѣля подведены итоги своей ученой и практической дѣятельности въ области популяризаціи военно-историческихъ знаній среди русскаго общества. Общество это, состоящее подъ высокимъ покровительствомъ Государя Императора и при

неизмѣнно напряженной работѣ совѣта, разрядовъ и провинціальныхъ отдѣловъ, поразительно быстро и успѣшно и разносторонне развиваетъ свою полезную дѣятельность. Число членовъ быстро прогрессируетъ (за 1913 г. прибавилось новыхъ 145 членовъ). Открываются и намѣчаются новыя провинціальные отдѣлы общества въ Вильнѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и Тифлисѣ. Изъ оглашеннаго на общемъ собраніи секретаремъ общества отчета о дѣятельности общества за 1913 годъ, шестой въ жизни общества, видно, что, кромѣ распространенія военно-историческихъ знаній, общество ставитъ себѣ и другую высокую цѣль: воспитанія въ войскахъ и населеніи традицій доблестныхъ арміи и флота и увѣковѣченія высокиихъ подвиговъ русской военной силы и ея героевъ.

Дважды осчастливлено было общество въ минувшемъ году высокомиловитивыми телеграммами своего Августѣйшаго покровителя. На выраженіе всеподданнѣйшихъ чувствъ членовъ общества по случаю трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ высокомиловитивый отвѣтъ заключалъ слѣдующія знаменательныя слова: «Благодарю императорское военно-историческое общество за его откликъ на пережитое событіе. Внимательно слѣжу за развитіемъ его полезной дѣятельности. Николай». Къ депутаціи московскаго отдѣла, имѣвшей счастье поднести своему Августѣйшему почетному предсѣдателю общества изданныя отдѣломъ труды, Его Величество обратился съ слѣдующими высокомиловитивыми словами: «Благодарю васъ за книгу. Внимательно слѣжу за дѣятельностью военно-историческаго общества и люблю его труды».

Общество принимало въ 1913 году участіе въ чествованіи слѣдующихъ юбилеевъ и событій историческаго значенія: освященія памятника-храма, сооруженнаго на полѣ Лейпцигской битвы народовъ, освященія памятника генералиссимусу князю Суворову въ Рымникѣ, освященія часовни въ память столѣтія Фридрихсгамскаго мирнаго договора въ Гельсингфорсѣ, открытія въ Ташкентѣ памятника строителю Средне-Азіатской желѣзной дороги генералу Анненкову, столѣтія газеты «Русскій Инвалидъ», пятидесятилѣтія московскаго публичнаго Румянцовскаго музея, тридцатилѣтія ученой дѣятельности проф. Н. И. Веселовскаго, тридцатилѣтія литературно-научной дѣятельности Д. И. Эварницкаго и двадцатипятилѣтія ученой дѣятельности секретаря общества генерала-майора Д. П. Струкова.

Выдающимся событіемъ въ жизни общества за минувшій годъ была, во-первыхъ, высокая милость, дарованная обществу Государемъ Императоромъ 4-го іюля 1913 года, а именно—установленіе нагруднаго знака для членовъ общества за ихъ историческіе труды. Знакъ двухъ степеней—золотой и серебряный. Золотой знакъ дается за особо выдающіеся труды по обществу и носитя на правой сторонѣ груди, серебряный—выдается дѣйствительнымъ чле-

намъ, пробывшимъ въ этомъ званiи не менѣе трехъ лѣтъ, при личности печатныхъ трудовъ по военной исторiи. Во-вторыхъ, исключительнымъ событiемъ въ исторiю общества войдетъ фактъ вниманiя къ нуждамъ общества со стороны дѣйствительнаго члена общества полковника Н. П. Волинскаго, оставившаго по завѣщанiю въ собственность общества капиталъ въ сто тысячъ рублей въ четырехпроцентной рентѣ съ тѣмъ, чтобы проценты съ означеннаго капитала были употребляемы исключительно на ежегодную выдачу въ видѣ премii имени завѣщателя по конкурсу за лучшее военно-историческое сочиненiе и на изданiе военно-историческихъ работъ. Общество состояло къ 1914 г. изъ 5 почетныхъ членовъ, 930 дѣйствительныхъ и 1997 членовъ-сотрудниковъ.

Специально археологическiе вопросы сосредоточивались въ разрядѣ военной археологiи и археографiи.

Казанскимъ отдѣломъ общества обслѣдовано поле Куликовской битвы.

Общество оказывало широкое содѣйствiе членамъ въ ихъ историко-археологическихъ работахъ, такъ, между прочимъ, выданы полномочiя на изслѣдованiе Гремячей башни въ Псковѣ академику Биркенбергу и на разысканiе мѣста битвы при р. Калкѣ г. Валицкому. Въ заботы общества входили вопросы и по сооруженiю и охранѣ нѣкоторыхъ историческихъ памятниковъ. Средства общества на 1-ое января 1914 г. заключаются въ суммѣ 14.848 руб. 15 коп. Субсидiя обществу со стороны правительства равняется нынѣ суммѣ въ 15.000 руб. Разрядъ военной археологiи и археографiи, состоящiй подъ предсѣдательствомъ проф. Н. И. Веселовскаго, имѣлъ въ теченiе года наибольшее (восемь) число засѣданiй.

Изъ событiй русской археологической жизни за предѣлами нашего отечества отмѣтимъ назрѣвшiй и клонящiйся къ разрѣшенiю вопросъ о постройкѣ собственнаго зданiя русскаго археологическаго института въ Константинополѣ.

Давно уже институтъ этотъ, заброшенный въ чужой, враждебной странѣ, испытываетъ за неимѣнiемъ собственнаго помѣщенiя, неудобства, крайне неблагопрiятно отражающiяся на его научной дѣятельности и на тѣхъ государственныхъ интересахъ первостепенной важности, которые имѣлись въ виду при учрежденiи института. По уставу институтъ обязанъ служить центромъ для научныхъ занятiй ученыхъ, командируемыхъ въ Константинополь или приѣзжающихъ туда по собственному почину, для чего предоставляетъ въ ихъ пользованiе свои библiотеку и научныя пособiя. Между тѣмъ, нанимаемое помѣщенiе ни по размѣрамъ своимъ, ни въ противопожарномъ отношенiи не приспособлено къ храненiю цѣнныхъ книжныхъ собранiй и коллекцiй. Библiотека состоитъ

нынѣ изъ 21,000 томовъ книгъ и рукописей, а музей изъ свыше 8,000 предметовъ; значительную часть этихъ сокровищъ пришлось перенести въ зданіе посольства и такимъ образомъ изъять изъ пользованія. Не располагаетъ институтъ помѣщеніями и для читальнаго зала и для публичныхъ засѣданій. Между тѣмъ, по мѣрѣ своего развитія институтъ сталъ приобрѣтать характеръ международнаго учрежденія, въ составъ его вошли иностранные, преимущественно южно-славянскіе и греческіе ученые, на ряду съ этимъ изъ года въ годъ увеличивается число лицъ, желающихъ заниматься въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ института и принимать участіе въ его научныхъ собраніяхъ.

Въ виду полной невозможности найти въ Константинополѣ другое наемное помѣщеніе, единственнымъ цѣлесообразнымъ съ точки интересовъ казны способомъ обезпеченія нуждъ института была бы постройка для него собственнаго зданія. Зданіе по проекту должно состоять изъ двухъ корпусовъ; въ одномъ изъ нихъ будутъ музей, библіотека, архивъ и читальня, рассчитанная на сто человѣкъ, залъ засѣданій, служебный кабинетъ директора, складъ изданій, фотографическая лабораторія со складомъ негативовъ, чертежная; во второмъ корпусѣ проектируется помѣстить квартиры для директора и служащихъ, жилыя комнаты для пріѣзжающихъ въ Константинополь командированныхъ туда ученыхъ и помѣщенія для прислуги. По самому минимальному расчету стоимость постройки составитъ до 200,000 руб., а соответствующаго участка земли около 70,000 рублей.

Создавшееся на Ближнемъ Востокѣ политическое положеніе, настойчиво требующее усиленія вліянія Россіи на Балканахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигаетъ необходимость приступить въ возможно скорѣйшемъ времени къ осуществленію проектируемой постройки и ходатайствовать въ этихъ видахъ объ отпускѣ необходимыхъ на постройку суммъ, не дожидаясь утвержденія строительныхъ плановъ и смѣтъ. Поэтому, согласно всецѣло поддерживаемому императорскимъ русскимъ посольствомъ ходатайству директора русскаго археологическаго института въ Константинополѣ, министерство народнаго просвѣщенія испрашиваетъ нынѣ же въ законодательномъ порядкѣ разрѣшеніе на отпускъ по смѣтѣ министерства на 1915 г. до 70,000 руб. на приобрѣтеніе участка земли для постройки зданія института и 90,000 руб. въ счетъ суммъ на постройку зданія. Со стороны министерства финансовъ, по словамъ «Правительственнаго Вѣстника» и государственнаго контроля, препятствій къ ассигновкѣ не встрѣчается. Законопроектъ уже разработанъ и вносится на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій.

Не мѣшало бы, думается, министерству народнаго просвѣщенія подумать и о ближайшихъ къ нему археологическихъ институ-

тахъ въ Петербургѣ и Москвѣ, также не имѣющихъ собственныхъ помѣщеній.

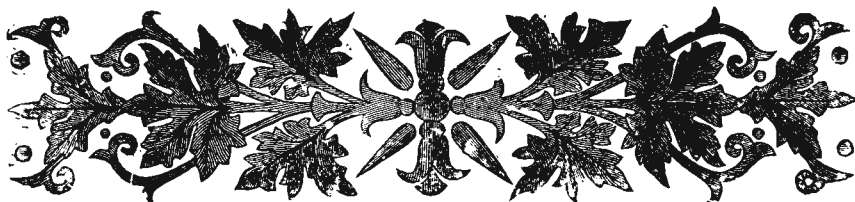
Общее оживленіе въ области археологическихъ изысканій не могло не отразиться и на реставраціонной дѣятельности. Любопытно и бережно, памятуя неисправимыя ошибки недавняго прошлаго, приступаютъ наши археологическія учрежденія къ возстановленію разрушающихся и гибнущихъ на нашихъ глазахъ памятниковъ старины церковнаго и гражданскаго зодчества.

Кромѣ императорской археологической комиссіи, дѣятельность которой въ этомъ отношеніи приняла систематическій характеръ, повседневная пресса отмѣчаетъ рядъ предпринятыхъ реставрацій.

Такъ, между прочимъ, предпринято обновленіе Оерапонтова монастыря, древнія постройки котораго занимаютъ среди памятниковъ древне-русскаго искусства исключительное положеніе. Строенія состоятъ изъ соборнаго храма Рождества Богородицы (1488—1495 гг.), теплой церкви-трапезной и пристройки къ главному храму (1542 г.), придѣла во имя преподобнаго Мартиніана, гдѣ покоятся его мощи (половина XVII вѣка), а также уцѣлѣвшихъ древнихъ монастырскихъ построекъ (въ томъ числѣ шатровыхъ башенъ). Въ этихъ постройкахъ сохранились замѣчательныя фрески работы одного изъ извѣстныхъ художниковъ древней Руси—Діонисія—и его сыновей—Ѳеодосія и Владимира, бывшихъ родоначальниками цѣлаго ряда другихъ художниковъ. Произведенія Діонисія, въ древности цѣнившіяся такъ же высоко, какъ и произведенія знаменитаго Андрея Рублева, почти всѣ погибли и сохранились только въ описываемомъ Оерапонтовомъ монастырѣ. Общество защиты русской художественной старины обратило вниманіе на печальное состояніе этого высокохудожественнаго памятника русскаго искусства, образовавъ особый комитетъ по возстановленію Оерапонтова монастыря. Всероссийскій сборъ по церквамъ съ благословенія святѣйшаго синода далъ на этотъ предметъ до 25,000 руб. Подведенъ на эти суммы новый фундаментъ подъ всѣ зданія, укрѣпленъ полъ, деревянныя балки замѣнены желѣзными. За израсходованіемъ, однако, собранныхъ средствъ дальнѣйшія работы прекращены, для доведенія ихъ до конца требуется еще до 35,000 руб. По словамъ газетъ, оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода возбуждено въ установленномъ порядкѣ ходатайство объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства необходимой суммы на окончаніе реставраціи.

А. Мионовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Mémoires du roi Stanislas Auguste Poniatowsky. T. I. St. Petersburg. 1914. Prix 11 mark. (Воспоминанія короля Станислава-Августа Понятовскаго Спб. 1914. Т. I). Стр. 720. Ц. 5 руб. или 11 марокъ.

ВОЗВЕДЕННЫЙ содѣйствіемъ императрицы Екатерины II на польскій престоль, Станиславъ-Августъ Понятовскій, ею же впоследствии лишенный онаго при третьемъ раздѣлѣ Польскаго королевства, оканчивалъ свои дни въ Петербургѣ въ Мраморномъ дворцѣ, куда былъ приглашенъ императоромъ Павломъ въ 1799 году. Бывшій король, родившійся въ Волчинѣ, въ Брестъ-Литовскомъ воеводствѣ, 17-го января 1732 года, скончался на берегахъ Невы 1-го (12) февраля 1798 года, занимаясь окончаніемъ и приведеніемъ въ порядокъ своихъ воспоминаній, которыя онъ началъ составлять только съ 1771 г. Всѣ эти бумаги короля, писанныя рукою одного изъ его секретарей Христіана Фриза, были тогда же описаны, опечатаны и помѣщены на храненіе въ государственный архивъ, въ которомъ безмятежно хранились до 1907 г., когда по представленію директора государственнаго и петербургскаго главнаго архива С. М. Горяинова, состоялось, въ установленномъ порядкѣ, 17-го іюля высочайшее соизволеніе на напечатаніе этихъ воспоминаній, причемъ императорская академія наукъ приняла на себя расходы по этому изданію, возложивъ главное наблюденіе за онымъ на одного изъ ея членовъ, извѣстнаго ученаго А. С. Лаппо-Данилевскаго. При его содѣйствіи изданъ С. М. Горяиновымъ обширный первый томъ воспоминаній Понятовскаго, содержащій въ себѣ первыя четыре части рукописи, относящіяся первая—къ юности Понятовскаго и совершеннымъ имъ разновременно путешествіямъ въ Вѣну, Лондонъ, Парижъ и также

первой поѣздкѣ въ Петербургъ въ 1755 году. Вторая часть посвящена описанію пребыванія его въ Петербургѣ съ дипломатическимъ порученіемъ и окончательнаго его отъѣзда изъ столицы въ 1758 году. Третья часть говоритъ о различныхъ событіяхъ, предшествовавшихъ его избранію на польскій престолъ въ 1764 году послѣ кончины короля Августа III 30-го сентября 1763 года. Четвертая относится до первыхъ годовъ его царствованія и заканчивается подробнымъ описаніемъ произведеннаго 3-го ноября 1771 года покушенія на жизнь короля въ самой Варшавѣ.

Въ небольшой замѣткѣ, не имѣя возможности подробнѣе ознакомить читателей съ живымъ изложеніемъ воспоминаній, избилующихъ множествомъ характеристикъ самыхъ разнообразныхъ лицъ, съ которыми Понятовскій встрѣчался въ жизни, обратимъ особенное вниманіе читателей на слѣдующее. Онъ началъ свои путешествія въ 1748 году, имѣя шестнадцать лѣтъ, и, посѣтивъ различныя государства Европы, прибылъ въ Берлинъ, гдѣ очень подружился съ Карломъ Генбюри Вильямсомъ, бывшимъ въ то время англійскимъ представителемъ при дворѣ Фридриха II. Позднѣе Вильямсъ, проѣздомъ чрезъ Варшаву, взялъ съ Понятовскаго, съ согласія его родителей, обѣщаніе, что онъ непременно поѣдетъ съ нимъ въ Россію, если только Вильямсъ соберется туда направиться (стр. 145).

Назначенный немного позднѣе посланникомъ въ Петербургъ, Вильямсъ напомнилъ Понятовскому о данномъ имъ обѣщаніи, и послѣдній не замедлилъ прибыть въ Петербургъ въ концѣ іюня 1755 года. Не останавливаясь на общаемыхъ имъ любопытныхъ свѣдѣніяхъ о российскомъ дворѣ и его главныхъ дѣйствующихъ лицахъ того времени, напомнимъ читателямъ, что двадцатидвухлѣтній еще неопытный юноша, читавшій молодой очаровательной двадцатипятилѣтней супругѣ Петра III такое произведеніе, какъ «Орлеанская дѣвственница» Вольтера, скоро увлекся ею и «посвятилъ ей свое существованіе гораздо болѣе искренно, нежели это говорятъ обыкновенно другіе, находящіеся въ томъ же положеніи» (стр. 157). Тѣмъ не менѣе, увлекаясь красотою Екатерины, Понятовскій не престоупалъ воли родителей своихъ и, получивъ отъ нихъ извѣстіе о ихъ желаніи, чтобы онъ избирался въ нунци (т. е.—депутаты по-нашему) на предстоящій сеймъ, немедленно покинулъ сѣверную Армиду, которая тоже соглашалась на его отъѣздъ, надѣясь, однако, не только обезпечить себѣ его возвращеніе, но и доставить ему и болѣе прочное положеніе въ Петербургѣ и болѣе удобное для ихъ взаимныхъ встрѣчъ (стр. 180). Въ концѣ 1756 г. Понятовскій былъ уже въ Варшавѣ (стр. 185), а затѣмъ уже 3-го января 1757 г. прибылъ опять въ Петербургъ въ качествѣ посланника отъ электора саксонскаго и говорилъ рѣчь императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ (188). Понятовскій пробылъ этотъ разъ въ Петербургѣ до іюля 1758 года. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ подробно говоритъ объ отношеніяхъ своихъ къ супругѣ наслѣдника русскаго престола, сдѣлавшихся скоро извѣстными не только многимъ придворнымъ лицамъ, но, повидимому, и самому Петру III (въ свою очередь, увлекавшемуся тогда Елиз. Ром. Воронцовою), особенно послѣ довольно неудачнаго приключенія въ Ораніенбаумѣ 6-го іюля, подробно описаннаго самимъ Понятовскимъ на стр. 326—331. Хотя это приключеніе и окончилось, повидимому, благополучно,

по Понятовскій замѣтилъ, какъ онъ самъ выражается, что дѣло не ладно и надо уѣзжать. Онъ дѣйствительно немедленно разстался и съ Петербургомъ и съ предметомъ своей страсти и былъ уже въ августѣ 1758 г. въ Варшавѣ, посѣтивъ прежде своихъ родителей. Его стали сватать на дочери палатина Вольнскаго Оссолинскаго, красивѣйшей особѣ Польши, но онъ рѣшительно отказался, находясь подъ обаяніемъ Екатерины, которую желалъ вновь посѣтить и съ которою въ продолженіе около двухъ лѣтъ состоялъ въ перепискѣ сперва при содѣйствіи графа И. И. Шувалова (конечно, съ вѣдома императрицы Елизаветы Петровны), а потомъ барона Остена (датскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ), а также австрійскаго посланника въ Петербургѣ Мерси д'Аржанто, чрезъ котораго было доставлено Понятовскому между прочимъ и обширное письмо императрицы Екатерины II отъ августа 1762, занимающее восемь печатныхъ страницъ (376—384). Въ этомъ письмѣ, убѣждая Понятовскаго отказаться отъ его намѣренія пріѣхать въ Петербургъ, новая русская императрица подробно описываетъ рядъ событій, доставившихъ ей престолъ всероссійскій, и высказываетъ, что дальнѣйшая переписка ея съ нимъ сопряжена съ множествомъ неудобствъ, что она должна соблюдать двадцать тысячъ осмотрительностей и не имѣетъ времени писать вредныя записочки, но сдѣлаетъ все для него и для его семейства. «Знайте,—говоритъ императрица въ самомъ заключеніи письма,—что все свершилось изъ принципа ненависти къ иностранцамъ, каковымъ считали и Петра III. Прощайте, на свѣтѣ бываютъ странныя положенія».

Понятовскій пытался продолжать переписку чрезъ Мерси д'Аржанто, но императрица настоятельно просила его писать ей возможно менѣе или скорѣе вовсе не писать безъ нужды и повторяла, что она рискуетъ подвергнуться самымъ крайнимъ опасностямъ съ разныхъ сторонъ, если онъ появится въ Россіи, что они оба рискуютъ быть убитыми въ такомъ случаѣ (стр. 393). Понятовскій, несмотря на все это, зимою 1763—1764 года два раза писалъ Екатеринѣ II: «не дѣлайте меня королемъ, но призовите меня въ себѣ»¹⁾ (395). На дѣлѣ же свершилось совсѣмъ обратное: Понятовскому удалось свидѣться съ Екатериною только чрезъ четверть вѣка въ Каневѣ во время извѣстнаго путешествія императрицы на югъ Россіи въ 1787 году. Королемъ же польскимъ онъ былъ избранъ очень скоро. Послѣ кончины польскаго короля Августъ III 30-го сентября 1763 года состоялся въ Варшавѣ избирательный сеймъ въ 1764 году, на которомъ стольникъ литовскій Станиславъ-Августъ Понятовскій былъ избранъ королемъ польскимъ 5.584 лицами, участвовавшими на сеймѣ.

Предоставляя читателямъ непосредственно самимъ ознакомиться съ любопытными свѣдѣніями, встрѣчающимися въ воспоминаніяхъ короля о внутреннихъ дѣлахъ Польскаго королевства за время съ 1764 г. по 1772 годъ, позволимъ себѣ въ заключеніе нашей замѣтки сообщить небольшой фактъ, рисующій личность новаго короля. Въ Польшѣ скоро явилась множество недовольныхъ королемъ, рѣшившихъ его убить или похитить. Дѣйствительно, 3-го ноября

¹⁾ Въ это время Екатерина II и Понятовскій переписывались уже при посредствѣ лорда Стормонта, англійскаго посланника при петербургскомъ дворѣ.

1771 г. въ самой Варшавѣ вечеромъ при возвращеніи короля отъ его дяди, князя Чарторижскаго, въ каретѣ съ очень небольшою свитою, толпою злоумышленниковъ на него было произведено нападеніе, причемъ выстрѣлами многія лица королевскаго поѣзда были убиты или ранены, а король, вышедшій изъ кареты, былъ схваченъ и силою повлеченъ на окраину города. При этомъ злоумышленники наносили королю сабельные удары и не разъ спрашивали одного изъ своихъ, по имени Кузьму, ими руководившаго, не пора ли прикончить короля, но послѣдній отвѣчалъ имъ постоянно: «пождитѣ», и направлялся далѣе въ деревнѣ Бураково. Король самъ указалъ, что въ этой деревнѣ стоятъ русскія войска, и тогда они всѣ свернули къ рѣкѣ Вислѣ въ лѣсу у Бѣлянѣ. Король изнемогъ, не въ силахъ былъ идти далѣе и принужденъ былъ остановиться для отдыха со своими похитителями. Тѣмъ временемъ подошелъ одинъ изъ отрядовъ, разосланныхъ во всѣ стороны искать короля, и захватилъ какъ его, такъ и его похитителей. Возникло, конечно, уголовное дѣло, всѣ участники въ похищеніи короля, а также упомянутый Кузьма были преданы суду. И что же, самъ король въ засѣданіи высшаго суда 2-го августа 1773 г. произнесъ прекрасную рѣчь въ защиту Кузьмы (она приведена на стр. 692, 699), и судъ, состоявшій изъ высшихъ чиновъ королевства, приговоривъ трехъ лицъ къ смертной казни, постановилъ, принявъ во вниманіе заступничество короля, выслать Кузьму на всю его жизнь изъ предѣловъ королевства. Подобными примѣрами исторіи не изобилуетъ, сколько извѣстно.

Съ нетерпѣніемъ ожидая послѣдующихъ томовъ «Воспоминаній короля Станислава-Августа», при которыхъ будетъ, конечно, приложенъ алфавитный указатель именъ и фамилій, въ изобиліи встрѣчающихся въ «Воспоминаніяхъ», а быть можетъ, и портретъ короля, не можемъ не поблагодарить г. С. М. Горяинова за изданный первый томъ «Воспоминаній» и въ особенности за стремленіе дѣлать достояніемъ читающей публикѣ различныя сокровища, хранящіяся въ архивѣ. Нельзя не пожелать, чтобы этому примѣру послѣдовали и другіе начальники архивовъ, тѣмъ болѣе, что печатаніе подобныхъ документовъ является вѣрнѣйшимъ средствомъ ихъ сохраненія.

П. Майковъ.

Графъ Павелъ Шереметевъ. Владимиръ Петровичъ Шереметевъ. 1668—1737. Съ 18 фототипіями, 5 цинкографіями и двумя родословными таблицами. Москва. Два тома. 558+76+16+55 стр. и двѣ родословныя таблицы въ картонажѣ. Цѣна 5 р.

Прекрасную книгу издалъ графъ П. С. Шереметевъ, и нельзя не поблагодарить его за нее; и тема, и ея обработка вполне достойны одна другой, дѣлая честь изслѣдователю и ставя его въ ряды нашихъ видныхъ исторіографовъ. Владимиръ Петровичъ Шереметевъ,— братъ извѣстнаго Петрова сподвижника, родоначальника графской вѣтви рода Шереметевыхъ фельдмаршала графа Бориса Петровича,—до сихъ поръ не имѣлъ даже краткой біографіи¹⁾. «Въ исторической литературѣ имя его мало извѣстно;

¹⁾ Въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ» его біографія изложена въ 29 строкахъ, со ссылками всего на два источника.

упоминается онъ въ путешествіи брата, графа Бориса Петровича, въ Римъ и на Мальту, описанъ у Гордона, мелькаетъ въ дневникъ Марковича, упоминается вскользь въ общихъ сочиненіяхъ, напр., у Соловьева или въ военныхъ сочиненіяхъ, напр., Масловскаго, но часто смѣшиваемый съ другими сородичами и совершенно не ясный», говоритъ авторъ. А между тѣмъ, «отрокъ въ дни царя Алексѣя Михайловича, комнатный стольникъ царь Θεодора и затѣмъ царя Іоанна, избранный посолъ царевны Софьи; потѣшный, воевода, полковникъ и бригадиръ Петра Великаго; генераль-майоръ Екатерины I, генераль-лейтенантъ Петра II, генераль-аншефъ при Аннѣ, онъ пережилъ семь царствованій. Младшій и любимый братъ фельдмаршала Шереметева, онъ принадлежалъ, какъ и послѣдній, одновременно и старой, и новой Руси». Неудивительно, поэтому, что графъ П. С. Шереметевъ заинтересовался личностью своего родича и пожелалъ сдѣлать попытку нарисовать его образъ,—благо розыски, произведенные имъ въ архивахъ государственномъ, министра иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, Лефортовскомъ и адмиралтейства, а также семейные архивы и печатные источники дали ему къ тому полную возможность. Правда, авторъ сѣтуетъ на недостаточность данныхъ для лучшаго освѣщенія нѣкоторыхъ вопросовъ біографіи, тѣмъ не менѣе то, что сдѣлано имъ, подчасъ съ искусствомъ мозаиста, вполне подтверждаетъ его слова о томъ, что В. П. Шереметевъ «можетъ занять вниманіе историковъ и любителей старины», и что «отдѣльные черты его жизни, разрозненные и разсыпанные по документамъ, будучи соединены, являютъ личность не совсѣмъ заурядную, обладавшую заслугами боевыми и государственными, принадлежащую къ интереснѣйшей эпохѣ, когда, мужая съ геніемъ Петра, возрождалась Россія».

Книга состоитъ изъ XV главъ и разнообразныхъ приложений, извлеченныхъ большею частью изъ архивовъ министерства юстиціи, государственнаго, Лефортовскаго и родовыхъ, а также изъ обширнаго (50 стр.) введенія, въ которомъ авторъ даетъ «въ сжатомъ видѣ очеркъ жизни В. П. Шереметева, облегчая знакомство съ содержаніемъ книги»; это введеніе въ то же время является и послѣсловіемъ, такъ какъ въ него введены тѣ новыя данныя, которыя нашлись послѣ окончанія печатанія книги. Указатели именъ личныхъ и географическихъ, составленные со всевозможною тщательностью, очень облегчаютъ пользованіе книгою, а 24 рисунка (въ прекраснѣйшихъ фототипіяхъ П. П. Павлова)—портреты В. П. Шереметева, царевны Софьи (съ любопытнаго оригинала, находящагося въ Версалѣ), Петра III, видовъ Венеціи и другихъ мѣстностей, плановъ, автографовъ и п. п., очень украшаютъ книгу, изданную съ рѣдкимъ изяществомъ и вкусомъ, на прекрасной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ и вообще съ искусствомъ, дѣлающимъ честь московской синодальной типографіи.

Мѣстами книга нѣсколько перегружена сырыми документами, но, во-первыхъ, самъ авторъ чувствовалъ это, слѣдовательно, не подлежитъ упреку, а, во-вторыхъ, должно согласиться съ нимъ, что это обиліе искупается, съ одной стороны, возможностью лучше почувствовать «вѣяніе времени», а съ другой, цѣнностью самыхъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ малодоступныхъ источниковъ и освѣщающихъ событія, еще мало обследованныя въ литературѣ. Исслѣдованіе свое авторъ посвятилъ «памяти участника кавказскихъ войнъ и главно-

начальствующаго на Кавказѣ, великаго любителя исторіи и книгъ, Сергѣя Алексѣевича Шереметева», прямого потомка В. П. Шереметева, «воевашиаго Сѣверный Дагестанъ въ 1720 годахъ».

На отдѣльныхъ таблицахъ, приложенныхъ къ книгѣ, даны: 1) «Родословная Владимира Петровича Шереметева и его потомства» и 2) «Таблица родства современныхъ Шереметевыхъ и браковъ въ предѣлахъ рода» (начиная съ боярина и оружейника Петра Васильевича Большаго Шереметева.

Б. Модзалевскій.

Академикъ Е. Е. Голубинскій. О реформѣ въ бытѣ русской церкви. Сборникъ статей. М. 1913. Стр. X+130. Ц. 1 руб.

Академикъ и профессоръ Е. Е. Голубинскій (скончался 7-го января 1912 г.) былъ крупнымъ отечественнымъ ученымъ, труды котораго по исторіи русской церкви составили, можно сказать, цѣлую эпоху въ области научной у насъ разработки этого предмета. Сила покойнаго ученаго заключалась и въ томъ, что онъ былъ хорошимъ знатокомъ византійской церковной исторіи и свои научные сужденія и выводы изъ исторіи отечественной церкви высказывалъ и обосновывалъ и при свѣтѣ византологіи. Въ послѣднемъ отношеніи Е. Е. Голубинскій представлялъ рѣдкое и счастливое у насъ исключеніе, которое, къ сожалѣнію, неприменимо къ другимъ историкамъ русской церкви, боящимся византизма, какъ жупела, и не понимающимъ ни идеологіи его, ни историческаго развитія. Созидая свои историческіе, всѣмъ извѣстные труды при яркомъ научномъ свѣтѣ византизма, Е. Е. Голубинскій умѣлъ сказать свое слово и по каноническимъ вопросамъ, которые въ послѣднее время получили у насъ почти всеобщій интересъ, въ связи съ преобразовательнымъ движеніемъ въ области русской церковной жизни. Отмѣченный сборникъ статей Е. Е., изданный С. А. Вѣлюковымъ, имѣетъ прямое отношеніе къ этому движенію и заслуживаетъ вниманія интересующихся современными церковными вопросами.

Въ предисловіи къ сборнику (стр. III—X) С. А. Вѣлюковъ разъясняетъ происхожденіе помѣщенныхъ здѣсь статей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о профессорѣ Голубинскомъ автобіографическаго значенія. Оказывается, что этотъ многоученый мужъ былъ проникнутъ горячею любовью къ церкви и искреннимъ желаніемъ ей блага и свои статьи по вопросамъ реформы написалъ по мотивамъ этой любви.

Что касается статей, въ числѣ шести, то онѣ имѣютъ разное значеніе.

Въ первой статьѣ, подъ заглавіемъ «Благія желанія (via desideria) относительно русской церкви» (стр. 1—36), написанной еще въ 1881 году, начертывается «то лучшее состояніе, въ которомъ желательно было бы видѣть русскую церковь въ отношеніи къ ея пастырству или правительству, или, иначе, въ которомъ желательно было видѣть пастырство или правительство нашей церкви» (стр. 2). Пастырство же или духовное начальство въ нашей церкви раздѣляется на три инстанціи: приходское духовенство, епархіальное управленіе и святѣйшій синодъ. Примѣнительно къ этимъ инстанціямъ и высказываются въ статьѣ «благія желанія» относительно, прежде всего, приходскаго духовенства, его

обязанности учить народъ вѣрѣ и нравственности, церковнаго проповѣдничества, устройства церковныхъ попечительствъ, церковнаго богослуженія, вознагражденія священниковъ; затѣмъ рѣчь идетъ о епархіальномъ управленіи, — о соборности въ церковномъ управленіи, реформѣ консисторіи и обширности епархій. Статья осталась неоконченной, и о святѣйшемъ синодѣ въ ней нѣтъ рѣчи.

Затѣмъ помѣщена «Повѣсть о хорошемъ человѣкѣ» (стр. 37—62), гдѣ разсказывается объ одномъ благотворителѣ, щедро жертвовавшемъ на нужды крестьянъ, церкви, общества, подъ вліяніемъ нравственнаго воздѣйствія подвижника отца Макарія. «Замѣчанія на статью Тихомирова «Каноническое достоинство реформы Петра Великаго» (стр. 63—84) представляютъ жестокое бичеваніе профессора П. В. Тихомирова, который, по авторитетному сужденію Е. Е. Голубинскаго, «совершенно не знаетъ дѣла, о которомъ говоритъ».

Въ статьѣ «Желательно ли упраздненіе святѣйшаго синода и возстановленіе патріаршества» (стр. 85—91) Е. Е. Голубинскій высказываетъ положительный отвѣтъ на первый вопросъ и отрицательный — на второй.

Далѣе въ статьѣ «Русская церковь въ отношеніи къ желаемымъ въ ней реформамъ» (стр. 93—101) идетъ рѣчь объ управленіи, богослуженіи и домашнемъ нравственно-назидательномъ чтеніи народа, образованіи и пастырствѣ священниковъ, о приходахъ, монастыряхъ и миссіонерствѣ и другихъ вопросахъ.

Наконецъ, въ статьѣ «Къ вопросу о церковной реформѣ» (стр. 102—130) Е. Е. Голубинскій болѣе подробно и полно высказываетъ свои сужденія относительно реформы церковнаго управленія, положенія приходскаго духовенства и преобразованія приходовъ, богослуженія и монастыря.

Въ сборникѣ статей Е. Е. Голубинскаго, относящихся къ реформѣ быта русской церкви, содержится много вѣрныхъ и хорошихъ сужденій. Такъ, нельзя не привѣтствовать пожеланій автора относительно увеличенія числа епархій въ русской церкви и сокращенія нынѣ громаднхъ ихъ предѣловъ до возможнаго минимума, о низведеніи архіереевъ съ той высоты величія, на которой они теперь пребываютъ, и объ освобожденіи ихъ отъ «болѣзни жестокой славы», о которой говоритъ Регламентъ, о реформѣ прихода и улучшеніи быта духовенства, о благоустройствѣ русскаго монастыря примѣнительно къ требованіямъ общежительнаго устава. А затѣмъ, отвергнувъ въ болѣе ранней статьѣ желательность возстановленія патріаршества, академикъ Е. Е. Голубинскій потомъ отказался отъ этого воззрѣнія и въ послѣднихъ своихъ статьяхъ говоритъ такъ: «Возстановить патріаршество, но при непремѣнномъ условіи, что патріархъ будетъ управлять церковью съ коллегіей архіереевъ» и пр. (стр. 99). И съ этимъ нельзя не согласиться, потому что о папизмѣ русскаго патріарха никто и не помышляетъ, а рѣчь идетъ именно объ органическомъ сочетаніи въ обновленномъ церковномъ управленіи началъ единоличнаго — патріаршаго и соборнаго — коллегіальнаго. Но съ нѣкоторыми сужденіями автора нельзя согласиться. Напримѣръ, Е. Е. пишетъ относительно приходскаго духовенства и монастыря: «перемѣнить одежду (старыя однорядки) и голову стричь» (стр. 98). «остричь монаховъ» (стр. 99)...

Да и самъ почтенный и многоуважаемый авторъ не вѣрилъ въ исполненіе всѣхъ реформаторскихъ своихъ пожеланій и написалъ слѣдующіе «стихи на (свою) записку» о церковныхъ реформахъ:

«Старикъ ты старый, о мечтатель,
А что навралъ ты, мой Создатель!
Твои реформы не зряшны,
Но черезчуръ онѣ смѣшны.
Ты въ простотѣ души желалъ бы,
Чтобъ руки на себя поднялъ бы
Россійскій нашъ архіерей:
Весьма жъ наивенъ ты, ей-ей!» (стр. 128).

Однакоже, нѣтъ основанія отчаиваться. Вѣдь дѣло, хотя и медленно, движется впередъ. Правда, одинъ благопріятный моментъ миновалъ—это время наивысшаго подъема общественнаго вниманія къ церковной реформѣ, когда работало (1906 г.) «предсоборное присутствіе» при святѣйшемъ синодѣ. И теперь работаетъ «предсоборное совѣщаніе». Но вѣдь не отъ этого совѣщанія зависитъ созваніе церковнаго собора. Когда же, наконецъ, соборъ устроятъ, то при помощи уже подготовленныхъ матеріаловъ возможно будетъ рѣшить на помѣстномъ соборѣ русской церкви нѣкоторые изъ тѣхъ не разрѣшенныхъ вопросовъ, по поводу которыхъ незабвенный Е. Е. Голубинскій высказалъ рядъ правильныхъ своихъ «*ria desideria*».

Да будетъ такъ въ новомъ лѣтѣ нашей церковно-исторической жизни!
С.

Г. А. Скворцовъ. Патриархъ Адріанъ. Его жизнь и труды въ связи съ состояніемъ русской церкви въ послѣднее десятилѣтіе XVII вѣка. Казань. 1913. Цѣна 2 руб.

Жизнь и дѣятельность патриарха Адріана давно нуждались въ серьезномъ и обстоятельномъ изслѣдованіи. Г. Скворцовъ своей книгой, очевидно, и стремится восполнить этотъ пробѣлъ въ церковно-исторической литературѣ.

О патриархѣ Адріанѣ доселѣ имѣлись три небольшихъ работы: Н. А. А.—въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей русскіихъ» за 1848 г., № 8; А. Правдина—въ «Духовной Бесѣдѣ» за 1872 г., №№ 42—44, и С. Г. Рункевича—въ его книгѣ «Архіереи петровской эпохи въ ихъ перепискѣ съ Петромъ Великимъ».

Можно было бы ожидать, что г. Скворцовъ въ своей работѣ дастъ изслѣдованіе, вполне исчерпывающее вопросъ о жизни и трудахъ патриарха Адріана. Задача автора была вполне опредѣлена, проста и ясна. Предъ г. Скворцовымъ не вставало никакихъ непреодолимыхъ препятствій. Все то, что было извѣстно о патриархѣ Адріанѣ до него, ему слѣдовало только провѣрить, углубить, дополнить.

И, несмотря на эту сравнительную легкость задачи, авторъ выполнилъ ее не совсемъ удовлетворительно. О книгѣ г. Скворцова поэтому можно было бы не говорить совсемъ. Но для того, чтобы она не могла ввести въ заблужде-

ніе лицъ, интересующихся этой эпохой, на ней все же стоит остановить вниманіе, хотя бы и небольшое.

Книга начинается предувѣдомленіемъ: «отъ автора». Чѣмъ-то дѣтскимъ вѣетъ отъ этихъ страницъ. Авторъ перечисляетъ источники и пособія (или, по его терминологіи, «матеріалы»), которыми онъ пользовался при работѣ. Почти всѣ они оказываются печатными. Изъ рукописныхъ «матеріаловъ» въ его распоряженіи было только четыре источника, между прочимъ рукописный отчетъ профессорскаго стипендіата казанской духовной академіи Н. Н. Писарева о занятіяхъ послѣдняго въ московскихъ архивахъ въ 1901—1902 гг., хранящійся въ дѣлахъ совѣта академіи. Этотъ отчетъ для г. Скворцова оказался вполне достаточнымъ для того, чтобы познакомиться съ нужными для него Матеріалами, хранящимися въ такихъ учрежденіяхъ, какъ московскій архивъ министерства юстиціи, архивъ императорскаго двора и Оружейной палаты. Источникъ если не сомнительный, то во всякомъ случаѣ не совсѣмъ обычный...

Свою задачу самъ авторъ понимаетъ болѣе чѣмъ просто. Онъ имѣетъ въ виду «дать широкое обобщеніе многихъ историческихъ данныхъ, порознь разсыпанныхъ въ печатной литературѣ, но не переработанныхъ и не объединенныхъ въ научномъ синтезѣ, не поставленныхъ во внутреннюю зависимость въ одномъ специальномъ литературно-обработанномъ произведеніи». Для ученаго изслѣдованія этого какъ будто мало. Авторъ обязанъ былъ обслѣдовать не только то, что давала ему печатная литература, но и рукописные историческіе документы, разбросанные по разнымъ архивнымъ хранилищамъ. Можетъ быть, авторъ думаетъ, что такихъ документовъ нѣтъ. Въ такомъ случаѣ онъ ошибается. Мы, напримѣръ, можемъ указать ему цѣлую серію документовъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи и имѣющихъ непосредственное отношеніе къ предмету его работы. Въ этихъ документахъ есть указанія, восполняющія біографическія свѣдѣнія о патріархѣ Адріанѣ и характеризующія его, какъ епархіальнаго управителя; напримѣръ, есть основанія думать, что патріархъ Адріанъ до монашества былъ простымъ посадскимъ человѣкомъ, занимавшимся выдѣлкой кожъ; сохранились его челобитныя съ заступничествомъ объ обиженныхъ и учтенныхъ. Мы думаемъ, что если бы авторъ побывалъ въ московскихъ архивахъ, онъ многое въ своей книгѣ зачеркнулъ бы, многое представилъ бы въ иномъ освѣщеніи и многое дополнилъ бы.

Самое изслѣдованіе г. Скворцова состоитъ изъ девяти главъ. Въ первой главѣ авторъ говоритъ объ Адріанѣ до патріаршества и затѣмъ излагаетъ исторію его избранія на патріаршую кафедру. Вторая глава посвящена вопросу объ отношеніяхъ царя Петра къ патріарху Адріану. Въ третьей главѣ дѣлается обзоръ церковнаго управленія при патріархѣ Адріанѣ. Въ четвертой главѣ изслѣдуется вопросъ объ отношеніяхъ патріарха Адріана къ юго-западной русской церкви. Пятая глава трактуетъ вопросъ объ епархіальномъ управленіи при патріархѣ Адріанѣ. Въ шестой главѣ дается картина религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества въ концѣ XVII вѣка. Въ седьмой главѣ говорится о состояніи церковнаго просвѣщенія при патріархѣ Адріанѣ. Въ

восьмой главѣ излагаются обстоятельства кончины и погребенія патриарха Адріана. И, наконецъ, девятая глава посвящена общей характеристикѣ патриарха Адріана.

Какъ видно, авторъ затронулъ въ своей книгѣ всѣ стороны дѣятельности патриарха Адріана. И если бы онъ выполнилъ свою задачу такъ, какъ слѣдовало бы это сдѣлать, то его работа была бы весьма интереснымъ изслѣдованіемъ. Но въ своемъ настоящемъ видѣ трудъ г. Скворцова оставляетъ желать много лучшаго.

Н. Г. Высокій.

В. Н. Бочкаревъ. Московское государство XV—XVII вѣковъ. По сказаніямъ современниковъ-иностранцевъ. Спб. 1914. Стр. 144. Книгоиздательство «Энергія». Цѣна 90 коп.

Книга открывается небольшою статьей автора «Сказанія иностранцевъ о Россіи XV—XVII вѣковъ, какъ историческій источникъ». Главнымъ матеріаломъ для ея составленія послужила г. Бочкареву старая студенческая работа В. О. Ключевского (1865 г.) «Сказанія иностранцевъ о Россіи». Авторъ не знаетъ, повидимому, даже работы Л. П. Руцинскаго о религіозномъ бытѣ нашихъ предковъ въ XVI и XVII вѣкахъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей,—работы также очень давней (1871 г.). За этой вводной статьей слѣдуетъ текстъ иностранныхъ извѣстій, напечатанный почему-то петитомъ. Текстъ этотъ распределенъ по рубрикамъ, какъ, напримѣръ: «Территорія и населеніе», «Экономическій строй», «Словный строй», «Государственный строй» и т. д. Выдержки изъ иностранцевъ размѣщены по этимъ рубрикамъ въ послѣдовательномъ порядкѣ одна за другой, безъ разграниченія по эпохамъ, такъ что за извѣстіями XV вѣка зачастую слѣдуютъ сообщенія изъ XVII столѣтія. Текстъ извѣстій взятъ изъ существующихъ уже переводовъ, причѣмъ Олеарій и Корбъ цитуются по устарѣлымъ трудамъ Барсова и Женева и Семева, и не снабженъ никакими примѣчаніями. Такъ, на послѣдней (144-й) страницѣ выдержка изъ Корба начинается такъ: «Сегодня обнаружилось въ русскомъ обществѣ смягченіе нравовъ». Когда было это «сегодня», котораго числа или въ которомъ году, читатель изъ книги г. Бочкарева не узнаетъ. Въ общемъ затрудняемся сказать, какому классу читателей можетъ принести пользу настоящая книга.

М.

Адольфъ Михаэлисъ. Художественно-археологическія открытія за сто лѣтъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей профессора Вл. К. Мальмберга. Изданіе императорскаго московскаго археологическаго института имени императора Николая II. Москва. 1913. Стр. II+IV+403. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Покойному нынѣ профессору страсбургскаго университета Ад. Михаэлису пришла счастливая мысль познакомить сперва своихъ слушателей, а затѣмъ и широкіе круги образованной публики съ тѣми блестящими и огромными успѣхами, которыхъ достигла въ области изученія древнихъ народовъ за миновавшее столѣтіе археологическая наука, или, какъ образно выражается авторъ,

21*

«археологія заступа». Послѣ краткаго введенія о положеніи науки античнаго искусства къ концу XVIII вѣка Михаэлисъ въ живомъ и увлекательномъ разсказѣ сообщаетъ, какъ правительства и отдѣльныя лица, не щадя ни средствъ, ни времени, ни огромныхъ трудовъ, работали и работаютъ надъ открытіемъ изъ нѣдръ земли древнихъ памятниковъ. Конечно, наиболѣе подробно разсмотрѣлъ авторъ германскія раскопки и изслѣдованія, но, какъ скромно оговаривается онъ самъ, это произошло оттого, что въ данномъ случаѣ у него было гораздо болѣе источниковъ. Въ обширной заключительной главѣ Михаэлисъ дѣлаетъ интересные выводы касательно того, въ какой значительной мѣрѣ художественно-археологическія открытія повліяли на теоретическое развитіе науки классической археологіи и какой огромный переворотъ произвели они въ нашей оцѣнкѣ античныхъ памятниковъ. Книга Михаэлиса, появившаяся и въ англійскомъ переводѣ, можетъ заинтересовать всякаго образованнаго чело­вѣка, которому не чужды успѣхи, постепенно достигаемые наукою. Тѣмъ болѣе пріятно поэтому отмѣтить, что и переводъ настоящаго сочиненія исполненъ въ общемъ весьма старательно. Жаль только, что переводъ, какъ, впрочемъ, и оригиналъ, не снабженъ иллюстраціями. Разумѣется, въ Германіи, гдѣ имѣется масса общедоступныхъ художественныхъ атласовъ по классической древности, этотъ недостатокъ ощутимъ гораздо менѣе. Л. Л.

В. Герье. Западное монашество и папство. Москва. 1913. Стр. 334. Ц. 2 руб.

Нашъ маститый историкъ В. И. Герье продолжаетъ изданіе своихъ трудовъ. Отъ блаженнаго Августина онъ перешелъ къ монаху св. Бернарду, служившему папству, и къ одному изъ самыхъ выдающихся папъ средневѣковья Иннокентію III. Книга посвящена очень интересной эпохѣ, не потерявшей значеніе для современности. Римская церковь переживала противорѣчіе. Съ одной стороны аскетизмъ, отказъ отъ мірскихъ благъ, съ другой—свѣтская власть. Аскетъ становился папой, вождемъ міра. Чѣмъ болѣе римской церкви удавалось становиться Божьимъ царствомъ на землѣ, тѣмъ болѣе она сама преображалась въ земное царство и удалялась отъ своего духовнаго призванія и отъ служенія идеальному Божьему царству. Этотъ антагонизмъ, психологическій и историческій, составляетъ сущность средневѣковой исторіи и обусловливаетъ собой вѣчный интересъ, ей присущій. Но такимъ культурно-историческимъ интересомъ, по словамъ В. И. Герье, не исчерпывается значеніе его темы. Изученіе средневѣковаго, т. е. церковнаго, періода въ жизни Западной Европы имѣетъ для насъ не только теоретическій, но и практический интересъ. Въмѣстѣ съ окончательнымъ отчужденіемъ Восточной имперіи отъ Запада, православія отъ католицизма, возникло то, что теперь называютъ проблемою Востока и Запада, т. е. исканіе путей для соединенія или примиренія ихъ, такъ какъ принципъ единства заложенъ въ самой основѣ христіанской вѣры. Эта проблема, столько разъ возбуждавшаяся и обсуждавшаяся, пріобрѣла въ послѣднее время для многихъ новый интересъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ появившихся въ послѣдніе два года изысканій въ русской лите-

ратурѣ. Авторъ придерживается того мнѣнія, что оба историческіе процесса, какъ восточно-европейскій, такъ и западно-европейскій, существенно важны для интересовъ общечеловѣческаго развитія и что необходимо позаботиться о томъ, чтобы Востокъ братски послужилъ Западу, а Западъ Востоку.

Книга В. И. Герье написана по обыкновенію яснымъ и красивымъ слогомъ и читается очень легко.

П. В.

Леонидъ Семеновъ. Лермонтовъ и Левъ Толстой. Къ столѣтію со дня рожденія Лермонтова. Москва. 1914. Стр. 463. Ц. 1 р. 50 к.

Задача автора—дать сравнительную характеристику творчества Лермонтова и Льва Толстого постольку, поскольку «Лермонтовъ оказалъ на Толстого сильное и длительное вліяніе» и постольку «Лермонтовъ и Толстой,—идеть ли рѣчь объ ихъ личности или ихъ созданіяхъ,—имѣютъ глубокое внутреннее сродство».

Къ сожалѣнію, г. Семеновъ только поставилъ три вопроса, но не разрѣшилъ ихъ, ибо съ самаго начала пошелъ неправильнымъ въ методологическомъ отношеніи путемъ. Указавъ на стр. 49—50 и на стр. 73—74 своей книги, что Толстой въ число авторовъ; оказавшихъ на него «очень большое» вліяніе, ставитъ Лермонтова и что Лермонтова «онъ, конечно, долженъ былъ хорошо знать» Л. Семеновъ ограничивается этимъ, въ сущности, голословнымъ утвержденіемъ. А то, какъ, когда, гдѣ, какія произведенія Лермонтова читалъ Толстой, какъ относился онъ къ поэту въ разные періоды своей долгой жизни, что говорятъ по этому поводу біографы, остается почти неизвѣстнымъ. Это первая методологическая ошибка, результатомъ которой являются всѣ тѣ условности и оговорки, въ родѣ «безъ сомнѣнія», «вѣроятно», «быть можетъ», которыя авторъ ставитъ тамъ, гдѣ ихъ не должно быть и въ поминѣ, и которыя совершенно неумѣстны въ ученой, т. е. точной работѣ. Второю методологическою ошибкою намъ представляется то, что авторъ книги, изслѣдуя творчество двухъ корифеевъ русской литературы, т. е., другими словами, ихъ произведенія и прежде всего приемы работы, сюжеты, типы и т. п., обращаетъ вниманіе скорѣе на социальныя и философскіе вопросы (любовь, война, смерть и т. п.), чѣмъ на историко-литературныя. Результатомъ является рядъ параллелей, очень иногда интересныхъ, но нисколько не доказывающихъ вліянія Лермонтова на Толстого. Выходитъ, пожалуй, такъ: «онъ любилъ сигары, а я музыку». И это послѣднее находитъ себѣ подтвержденіе въ такихъ, на примѣръ, главахъ, какъ «Ангель», «Богоборчество; осужденіе ханжества», «Любовь къ лошадямъ и быстрой ѣздѣ».

По вопросу о глубокомъ внутреннемъ сродствѣ Толстого и Лермонтова авторъ, на нашъ взглядъ, тоже совершаетъ ошибку. Лермонтовъ умеръ 27-ми лѣтъ отъ роду, Толстой—82-хъ. Лермонтовъ былъ на 14 лѣтъ старше Толстого. Если до 27 лѣтъ и можно сравнивать обоихъ писателей и находить между ними общее потому, что, несомнѣнно, русская жизнь и въ 1841, 1853 и въ 1855 годахъ была почти все тою же медленно и неизмѣнно текущею жизнью, то, съ другой стороны, утверждать, что мотивы «Пророка» Лермонтова и бѣгство Л. Толстого изъ Ясной Поляны передъ смертію сходны между собою, или что между

гражданскими похоронами Толстого и отказом священников служить панихиду по убитомъ Лермонтовѣ есть «общее», «фатальное совпаденіе біографическихъ фактовъ», можно только по недоразумѣнію. Больше того, авторъ готовъ считать Лермонтова чуть не пацифистомъ въ духѣ Толстого послѣднихъ лѣтъ, но не значить ли это пытаться дать слишкомъ упрощенную характеристику поэта?

Авторъ очень много знаетъ о Лермонтовѣ и собралъ обширный матеріалъ во вопросу о конгеніальности обоихъ титановъ русской литературы. Но масса ссылокъ, цитаций, отступленій въ сторону создаютъ впечатлѣніе незаконченности, незавершенности работы. По обилію матеріала, книга Л. Семенова можетъ, однако, весьма пригодиться. Къ сожалѣнію, называя массу именъ, авторъ не потрудился приложить указатель, что затрудняетъ пользованіе его трудомъ.

В. Бн.

**В. Ропшинъ. То, чего не было. Романъ. Москва. 1914. Стр. 407.
Цѣна 2 руб.**

Означенный романъ принадлежитъ перу русскаго эмигранта, скрывшагося подъ псевдонимомъ Ропшина. Вопреки своему заглавію, романъ трактуется какъ разъ то, что было за послѣдніе годы въ Россіи, а именно: революціонное возстаніе въ Москвѣ, битвы рабочихъ на баррикадахъ съ семеновцами, ограбленіе въ Петербургѣ почты, убійство военнаго прокурора и цѣлый рядъ другихъ партійныхъ выступленій съ экспроприаціями, убійствами шпіоновъ и провокаторовъ. Это именно то, чѣмъ полна исторія русскаго террора, и это сообщаетъ роману г. Ропшина значительный интересъ. Правда, его произведеніе по исполненію напоминаетъ не романъ въ художественныхъ образахъ, а скорѣе хронику политическихъ событій въ интересномъ разсказѣ. Судьба трехъ братьевъ Болотовыхъ чисто повѣствовательная. Обобщающихъ типовъ и фигуръ нѣтъ въ романѣ.

Болѣе видный герой романа, Андрей Болотовъ, въ исторіи террора напоминаетъ русскаго Фауста, сначала дѣлающаго исторію, а потомъ уже размышляющаго и кающагося. Всѣ болотовскія муки и разочарованія въ исторической силѣ личности и партій основаны исключительно на кругломъ незнаніи Россіи и борющихся въ ней реальныхъ силъ. Тѣмъ не менѣе борцы-идеалисты съ преувеличеннымъ представленіемъ о своемъ могуществѣ и ничтожествѣ враговъ очень распространены въ русской жизни. Въ обстановкѣ террора они очень интересны, и, кромѣ того, напоминаютъ русскому обществу о томъ, что эти новые идеалисты не Маниловы и не филистеры, много полезнѣе, чѣмъ глумиться надъ ихъ судьбой.

Другой Болотовъ, Миша, гимназистъ, убитый на баррикадѣ, былъ бы тоже не уравновѣшеннымъ типомъ, но никогда—буржумъ. Третій братъ, Александръ Болотовъ, заслуженный морякъ и впоследствии террористъ, застрѣливается во время своего ареста, также разочарованный въ конспиративныхъ сходкахъ, комитетахъ, союзахъ, организаціяхъ, рабочихъ группахъ и студенческихъ кружкахъ, всегда погибающихъ отъ Азэфовъ въ самый разгаръ своей

дѣятельности. Какъ прежде на военной службѣ Александръ Болотовъ чувствовалъ разладъ министерскихъ циркуляровъ съ дѣйствительной жизнью, такъ теперь въ революціонной своей дѣятельности онъ чувствовалъ тотъ же разладъ между страшнымъ терроромъ на бумагѣ и дѣйствительностью.

Кромѣ центральныхъ лицъ, братьевъ Болотовыхъ, въ романѣ много другихъ не менѣе интересныхъ представителей революціи. Одни изъ нихъ исповѣдуютъ принципъ того, что во имя народа все дозволено и нѣтъ беззаконія; что возможно грабить купцовъ, жечь помѣщиковъ, экспроприровать въ пользу народа имущество частныхъ лицъ и т. д. Другіе дѣятели террора придумываютъ себѣ какое-то новое командованіе надъ людьми, начальство и подчиненныхъ, солдатъ и генераловъ. Одни идутъ съ бомбою въ рукахъ умирать, а члены комитета за границей, спокойные за свою безопасность, скрестивъ руки, благословляютъ первыхъ. Не менѣе интересны террористы, ожесточенные неравной борьбой, обязавшіеся убить и умереть, безъ всякихъ внутреннихъ вопросовъ и колебаній. Критическая оцѣнка русскаго террора, данная Ропшинымъ, заключаетъ въ себѣ много скорби и правды. Описательныя картины баррикаднаго боя, дѣятельности провокаторовъ и т. д. также превосходны.

Въ лицѣ одного изъ героевъ авторъ заканчиваетъ свое позднѣйшее исповѣданіе въ духѣ Тушина въ романѣ «Обрывъ» или Соломина въ «Нови». Авторъ «увидѣлъ Русь необозримыхъ, распаханыхъ, орошенныхъ потомъ полей, заводовъ, фабрикъ и мастерскихъ, Русь не студентовъ, не офицеровъ, не программъ, не собраній, не комитетовъ и не праздную, легкоязычную и празднословную Русь, а Русь пахарей и жнецовъ, трудовую, непобѣдимую, великую Русь... Онъ понялъ, что ни министры, ни комитеты не властны измѣнить ходъ событій, какъ не властны матросы успокоить бушующій океанъ. И онъ почувствовалъ, какъ на днѣ утомленной души чистымъ пламенемъ снова вспыхнула вѣра, вѣра въ народъ, въ дѣло освобожденія, въ обновленный, на любви построенный міръ».

Мистическое преклоненіе передъ народомъ г. Ропшина можетъ, однако, такъ же уклонить дѣятеля отъ истинныхъ интересовъ народа, какъ и партійная дѣятельность безъ народа. Въ обоихъ случаяхъ нужна социальнo-критическая оцѣнка фактовъ, и г. Ропшинъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи блестящую попытку изъ сферы русской революціи за послѣдніе годы.

А. Фаресовъ.

Генріэтта Каргрэмъ. Кокташджуйская республика. Спб. 1914 г. Стр.160 Ц. 1 р.

Г. Каргрэмъ не новичокъ въ области изящной литературы. Ея перу принадлежитъ рядъ талантливыхъ очерковъ изъ военнаго быта, печатавшихся въ пятидесятыхъ годахъ въ «Книжкахъ Недѣли» и затѣмъ вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ. Настоящая книжка въ извѣстной мѣрѣ тоже обладаетъ бытовымъ характеромъ, но на исторической подкладкѣ. Авторъ даетъ рядъ художественныхъ картинъ тѣхъ общественныхъ и настроеній и явленій, которыя наступили послѣ объявленія великаго манифеста 17-го октября 1905 г. Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ городовъ среднеазиатскихъ владѣній, управле-

емых военной властью, однако рѣшительно теряющей всякую почву под ногами съ момента объявленія «свободы». Картинки общаго смятенія администраціи и растерянности населенія схвачены очень мѣтко. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это своеобразный бытовой историческій матеріалъ, способный уяснить внутреннюю сторону достопамятной эпохи. Мы не будемъ входить въ оцѣнку художественныхъ достоинствъ книжки; во всякомъ случаѣ они несомнѣны, хотя очерки, начатыя въ юмористически-реальномъ тонѣ, оканчиваются настроеніемъ поэмы. Центральной фигурой окончанія очерковъ является революционеръ-мечтатель, еврей, которому грезится возможность основанія израильскаго царства въ русскихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ. Этимъ мечтамъ полагаетъ конецъ пріѣздъ русскаго генерала «съ ясными синими глазами», не останавливающегося ни передъ какой мѣрой для возстановленія порядка. Съ пріѣздомъ этого генерала возвращаются на мѣсто всѣ городскія и окружныя власти, покинувшія свои посты въ отвѣтственную и рѣшительную минуту народнаго волненія. Изображенія этихъ властей однѣ изъ самыхъ удачныхъ страницъ книги. Это все знакомые типы: люди сильные въ годы подавленности и слабые въ минуту возбужденія общественныхъ силъ. Во всякомъ случаѣ произведеніе г. Каргрэмъ заставляеть читателя задуматься о многомъ.

В. Грибовскій.

В. В. Брусянинъ. Доктора и паціенты. Типы врачей въ художественной литературѣ. Литературно-общественныя параллели. Спб. Стр. 275. Цѣна 1 р.

Почтенному автору пришла мысль собрать за послѣдніе годы художественную литературу, въ которой живописуются врачи не съ обывательской точки зрѣнія, а на основаніи произведеній беллетристики. Художественная литература, претворяя врачей въ типы, раскрываетъ передъ нами психологію доктора, какъ самаго обыкновеннаго человѣка, съ присущими ему достоинствами и слабостями.

Не совсѣмъ понимая основную идею, вызвавшую появленіе на свѣтъ выше-сказанной книги (врачъ прежде всего человѣкъ и, конечно, все человѣческое ему не чуждо), мы вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ уяснить себѣ, думалъ ли авторъ изобразить душу и психологію только русскихъ врачей, или же, приводя тутъ же характеристики ихъ въ произведеніяхъ польскихъ, норвежскихъ, нѣмецкихъ, бельгійскихъ и французскихъ писателей, желалъ намъ показать сродство вообще этого типа людей?

В. В. Брусянинъ, повидимому, безусловно вѣритъ и въ хорошее и въ дурное, напечатанное съ 1908—1913 годъ во всѣхъ нашихъ періодическихъ журналахъ, гдѣ героями являются врачи.

Этимъ объясняется, почему онъ съ слишкомъ большимъ жаромъ разбираетъ всѣ эти произведенія (нѣкоторыя изъ нихъ носятъ на себѣ печать несомнѣннаго измышленія), какъ будто бы имѣетъ дѣло съ правдивымъ человѣческимъ документомъ.

Такое отношеніе едва ли можетъ помочь вопросу, интересующему автора, уже по одному тому, что, въ угоду личнымъ взглядамъ писателя, объективность,

столь необходимая при разборах вопросов души, отодвигается имъ на задній планъ.

Въ заключеніе нельзя не привѣтствовать въ особенности ту главу, гдѣ говорится о запискахъ земскаго врача Э. Я. Заленскаго. Это дѣйствительно документъ исторической важности и печальная страница изъ исторіи народной жизни.

В. В—овъ.

Первая экскурсія въ Италію съ маршрутомъ на 28 дней, записью практическихъ свѣдѣній и дорожнымъ словаремъ. В. М. С—ва. Спб. 1914.

Автору пришла счастливая мысль предложить вниманію русскимъ экскурсантовъ первый опытъ «маршрутнаго путеводителя по Италиі». Самымъ цѣннымъ въ настоящемъ путеводителѣ служить его приспособленность для русскаго экскурсанта, не владѣющаго итальянскимъ языкомъ. Затѣмъ къ достоинствамъ книги относятся своеобразная схема маршрутнаго дня, раздѣленнаго на три части: утро, день и вечеръ. Авторъ книги помогаетъ читателю быстро ориентироваться и разобраться въ безчисленныхъ сокровищахъ и разнородныхъ памятникахъ искусства Италиі и разграничиваетъ главное отъ второстепеннаго. Попутно обращается вниманіе экскурсанта на идейную сторону художественныхъ произведеній и дается живая характеристика всего выдающагося. Языкъ путеводителя отличается образностью. Совершенною новинкою является приложеніе къ тексту «Путеводителя» наглядныхъ «таблицъ» осмотровъ и экскурсій. Систематизація автора облегчаетъ обзоръ дворцовъ Большаго Канала въ Венеціи, изученіе древняго Форума и Палаatina въ Римѣ, храма св. Петра и другихъ древнихъ римскихъ церквей, а также осмотръ картинныхъ галлерей въ академіи художествъ во Флоренціи. Въ концѣ книги приложено нѣсколько упрощенныхъ «схематическихъ плановъ». Кромѣ того, авторомъ даны цѣнныя практическія свѣдѣнія, касающіяся подъѣздныхъ путей въ Италиі, приблизительной путевой смѣты, указанія относительно итальянскихъ отелей и пансіоновъ, ресторановъ, почты, телеграфа, банковъ, магазиновъ, врачей, курортовъ и русскихъ консульствъ въ маршрутныхъ городахъ. Приложенный къ «Путеводителю» разговорный русско-итальянскій словарь умѣло приспособленъ ко всемъ нуждамъ экскурсанта. Авторъ не только идейный поклонникъ Италиі, но и знатокъ ея, идущій личнымъ опытомъ навстрѣчу назрѣвшей нуждѣ въ такого рода «Путеводителѣ». Удачнымъ дополненіемъ этой книги служатъ только что выпущенныя тѣмъ же авторомъ книги: «Въ странѣ художественныхъ настроеній (Письма экскурсанта изъ Италиі)», выпускъ первый—Венеціа и выпускъ второй—Падуя и Болонья. Всѣ три книги органически связаны между собою изображеніемъ «маршрутной карты Италиі». Въ книжкахъ о Венеціи, Падуѣ и Болоньѣ дается подробное и точное описаніе этихъ художественныхъ центровъ Италиі въ связи съ обзоромъ разнородныхъ памятниковъ искусства. Детальный разборъ болѣе замѣчательныхъ древнихъ памятниковъ, какъ, напримѣръ, мозаикъ храма св. Марка въ Венеціи, дворца Дожей тамъ же, знаменитыхъ фресокъ Джотто въ церкви Мадонна дель-Арена въ Падуѣ и много друг., дается въ по-

пулярномъ изложеніи. Въ личныхъ впечатлѣніяхъ автора приводится не сухой перечень видѣннаго, а рядъ прочувствованныхъ впечатлѣній. Письма В. М. С—ва читаются съ не ослабѣвающимъ вниманіемъ. **Н. Ляд.**

В. А. Верещагинъ. Памяти прошлаго. Статьи и замѣтки. Спб. 1914. Стр. 211. Цѣна 5 рублей.

Книга издана великолѣпно, на толстой желтоватой бумагѣ и украшена изящными заставками, узорными буквами, виньетками, наконецъ, внѣ текста помѣщено на листахъ пятьдесятъ пять иллюстрацій, которыя воспроизводятъ рѣдкіе, старинные портреты, литографіи, акварели, старинные рисунки модъ, гравюры, даютъ изящныя фотографіи вещей, художественной старины. Что касается текста, то онъ составленъ изъ статей и замѣтокъ, которыя преимущественно печатались въ журналѣ «Старые Годы». Это небольшія, но съ любовью и знаніемъ старины написанныя монографіи и замѣтки любителя-дилеттанта о разныхъ мелочахъ прошлаго, въ которыхъ оно иногда отразилось и живетъ сильнѣе, чѣмъ въ крупномъ.

Мелочи стариннаго быта дышатъ такой свѣтлой поэзіей... темное прошлаго забыто. Но... пришлось и его живучесть подтвердить почтенному антикварію. Да, великолѣпно было старое дворянское гнѣздо—имѣніе Зубриловка, на Хопрѣ съ роскошнымъ каменнымъ домомъ, церковью, паркомъ, цвѣтниками, оранжереями... Паркъ—дубовый лѣсъ на семидесяти пяти десятинахъ. Въ домѣ—портретная галерея предковъ, коллекція фарфора... Но пришелъ и на Зубриловку, какъ и на многія старинныя усадьбы, «разоренный годъ». Погромъ въ 1905 году оставилъ отъ дома однѣ почернѣлыя развалины... «Встала дѣва Обида!» Отозвалось въ народномъ сердцѣ то, что нѣкогда въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ истекшаго столѣтія заставляло дворянскую молодежь уходить изъ этихъ парковъ, дворцовъ, порывая съ прошлымъ, гдѣ эстетика отлично мирилась съ крѣпостнымъ правомъ и подъ сіяющей внѣшностью лились рабы слезы... Любите прекрасную старину. Но если эта старина въ произведеніяхъ художественныхъ быта лишь послужитъ украшеніемъ новыхъ дворцовъ новыхъ богачей буржуазіи, если «эстетизмъ» принесетъ съ собою эгоизмъ изнѣженности и роскоши, оправданіе язвъ капитализма, то самая красота затмится и чувство красоты перейдетъ въ мертвое коллекціонерство...

Николай Энгельгардтъ.

- Ю. и З. Шамурины. Москва въ ея старинѣ. Изданіе т-ва «Образованіе». Культурныя сокровища Россіи. Выпускъ V. Москва. 1913. Стр. 80. Ц. 2 р. 20 к.**
Ө. Ө. Горностаевъ. Дворцы и церкви юга. Изд. т-ва «Образованіе». Культурныя сокровища Россіи. Выпускъ VIII. Москва. 1914. Стр. 92. Ц. 2 р. 20 к.

Московское книгоиздательство «Образованіе» предприняло цѣлую серію монографій подъ общимъ, довольно громкимъ заглавіемъ «Культурныя сокровища Россіи». Побудила къ этому книгоиздательство та любовь къ старинѣ, которая чувствуется въ послѣднее время среди всѣхъ слоевъ читающихъ;

должно быть, описанія старинныхъ памятниковъ расходятся лучше всего остального книжнаго товара,—и этимъ объясняется обиліе подобныхъ изданій. «Культурныя сокровища Россіи», очевидно, рассчитаны на широкую публику и далеки отъ самостоятельной археологической вдумчивой работы. Самъ размѣръ изданія, объемъ статей, составленныхъ для него, говоритъ о поверхностной, чисто дилеттантской цѣли авторовъ. Въ популяризаціи и общедоступности описаній старыхъ зданій, представляющихъ интересъ съ археологической стороны, ничего дурного нѣтъ,—и мы готовы привѣтствовать подобныя начинанія. Только свѣдѣнія, что даютъ «Сокровища», уже слишкомъ поверхностны и сжаты. Въ четвертомъ выпускѣ, напримѣръ, имѣются описанія трехъ волжскихъ городовъ: Казани, Нижняго Новгорода и Костромы,—и все это втиснуто въ пространство семидесяти девяти страницъ!

Два выпуска, о которыхъ мы говоримъ теперь, «Москва въ ея старинѣ» и «Дворцы и церкви юга», тоже носятъ болѣе громкое названіе, чѣмъ даютъ соотвѣтствующій матеріалъ, хотя отчасти исчерпывающій разрѣшеніе той задачи, что поставлена на титулѣ книгъ. Да развѣ можно объять безконечное разнообразіе реликвій московскаго стараго зодчества и домашняго уклада, которымъ изобилуетъ наша восточная столица, на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ? «Церкви и дворцы юга»—превосходная задача,—но опять же она разрѣшается только небольшою случайною коллекціей описаній нѣкоторыхъ дворцовъ и церквей.

Самое лучшее въ изданіи товарищества «Образованія»—это рисунки. Воспроизведенія фотографическихъ снимковъ такъ называемой тинто-гравюрой иногда превосходны, а въ общемъ хороши. Только изображенія московскихъ памятниковъ зодчества много страдаютъ отъ сѣти телефонныхъ проводовъ и отъ тѣхъ виснувшихъ проволокъ для трамваевъ, что избородили воздухъ по всѣмъ направленіямъ. Когда фотографъ изолируетъ зданіе отъ современныхъ изощреній культуры, оно является характернымъ. Какъ только черныя черты нитей перерѣзаютъ поперекъ постройку, такъ и кажется, что вы смотрите черезъ чердачное окно, гдѣ паутина заткала все вокругъ и мѣшаетъ впечатлѣнію, которое вы хотите получить. Какъ, напримѣръ, мѣшаютъ онѣ въ превосходно взятой перспективѣ южной стѣны Кремля, съ Беклемишевской башней на первомъ планѣ! Какъ противны трамвайные столбы на великолѣпномъ фонѣ Василя Блаженнаго!

Гораздо поэтичнѣе и художественнѣе изображенія дворцовъ и церквей нашего юга въ весьмомъ выпускѣ изданія. Особенно хороши виды Ляличей—имѣнія Завадовскихъ въ Суражскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи. Завадовскій былъ одинъ изъ фаворитовъ Екатерины и въ концѣ семидесятыхъ годовъ XVIII вѣка, передъ появленіемъ Зорича, игралъ нѣкоторую роль при дворѣ. Къ эпохѣ охлажденія къ нему императрицы слѣдуетъ отнести и постройку очаровательнаго дворца среди убогихъ селъ и деревень. Дворецъ этотъ былъ однимъ изъ чудесъ великаго царствованія. Залы, будуары, гостиныя, лѣстницы, колоннады, стѣнная роспись—способны увлечь и поразить зрителя и теперь, когда все зданіе представляетъ собою полную картину разрушенія:

Удивительно скоро, въ столѣтіе съ небольшимъ, ухитрились разрушить

дивную постройку. Завадовскій продалъ Ляличи Энгельгардту. Энгельгардтъ продалъ барону Черкасову. Затѣмъ покатились Ляличи по той наклонной плоскости, по какой уничтожилось большинство барскихъ гнѣздъ: хозяевами имѣнья явились помѣщикъ Атрыганьевъ, потомъ купецъ Самыковъ; а въ концѣ концовъ весь домъ перешелъ во владѣнье гомельскихъ евреевъ, которые подумываютъ о томъ, какъ бы передѣлать остатки палаццо въ фабричное зданіе. Все, что можно было вывезти цѣннаго изъ зданія, уже вывезено. Посѣтители безнаказанно выламываютъ цѣлые куски восхитительныхъ орнаментовъ...

Интересны постройки и другого черниговскаго имѣнья—Романовки, гдѣ находится одинъ изъ превосходныхъ памятниковъ «русскаго ампира»—церковь Покрова Богородицы; иконостасъ весь исполненъ Боровиковскимъ, со всею прелестью и тонкостью его манеры. Но и тутъ время наложило свою печать на эти творенія искусства. Всѣ образа Боровиковскаго писаны на холстѣ, наклеенномъ на доски. Живопись разрушается съ каждымъ годомъ,—и недалеко то время, когда она исчезнетъ совершенно...

Восьмой выпускъ «Сокровищъ»—лучшій и по тексту и по рисункамъ.

P—s.

Борисъ Горовскій (Б. К. Подгурскій). Забытыя русскія земли. Чукотскій полуостровъ и Камчатка. Путевые очерки. Изданіе Б. А. Суворина. Библиотека «Вечерняго времени». Спб. 1914. Стр. VIII+122. Ц. 2 р.

В. М. Зензиновъ. Старинные русскіе люди у Холоднаго океана. Русское Устье Януктской области, Верхоянскаго уѣзда. Съ предисловіемъ В. В. Богданова. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1914. Стр. 133. Ц. 75 к.

Еще Пушкинъ съ горечью упрекалъ насъ въ лѣни и нелюбопытствѣ; много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но отмѣченные поэтомъ эти два недостатка, кажется, стали весьма немаловажными чертами нашего характера. Сколько совершенно неизвѣстнаго намъ непочатаго богатства таитъ наша обширная родина, какое великое поле для труда представляютъ наши окраины, а у насъ голодаетъ не только темный невѣжественный народъ, но и образованные люди, такъ называемый «интеллигентный» пролетаріатъ, которому недостаетъ лишь любопытства, настойчивости, инициативы, любви къ труду и... хотя бы нѣкоторой поддержки правительства. Изъ далеко не обстоятельнаго знакомства съ названными окраинами, вызваннаго бѣглыми путевыми очерками г. Горовскаго, съ досадой и горечью видишь, что сдѣлали изъ уступленной нами «за ненадобностью» Аляски американцы и что творится на почти однородныхъ ей Камчаткѣ и Чукотскомъ полуостровѣ. Богатый край, имѣющій золото, графитъ, каменный уголь (послѣдняго нѣтъ на Аляскѣ), массу пушнаго звѣря, драгоценныхъ котиковъ, огромнѣйшія рыбныя богатства, водяного звѣря, китовъ, моржей и пр., совершенно не использованъ русскими; дикари-туземцы работаютъ самымъ примитивнымъ образомъ и поработены предприимчивыми американцами; японцы и американцы хищническимъ путемъ грабятъ и уничтожаютъ богатства страны; русскіе, отчасти по неладнымъ мѣстнымъ узаконеніямъ, отчасти по своей халатности и отсутствію инициативы и трудоспособности, очень мало

дѣлають для изученія края, обработки его и дѣйствительнаго культурнаго подчиненія.

Въ живой формѣ, доступной самому неподготовленному читателю, знакомить г. Горовскій съ этими «Забытыми русскими землями», рассказываетъ о тамошнихъ условіяхъ жизни, климатѣ, туземцахъ, администраціи, природныхъ богатствахъ, дѣлаетъ часто очень нелестныя для насъ параллели съ американской Аляской, указываетъ недостатки во всемъ укладѣ нашего хозяйства и жизни въ этомъ неизслѣдованномъ, заброшенномъ краѣ и старается обратить на него вниманіе нашего общества; онъ рѣзко подчеркиваетъ необходимость скорого и обстоятельнаго изученія этихъ окраинъ, которыя таятъ въ себѣ запасы неисчислимыхъ богатствъ и на которыя уже давно обращены завистливыя взоры нашихъ сосѣдей—американцевъ и японцевъ. «Мы сдѣлаемъ непоправимую ошибку,—говоритъ г. Горовскій въ концѣ своей книги,—если не обратимъ теперь же самаго серьезнаго вниманія на свои сѣверо-восточныя владѣнія, вниманія не только правительства, но и всего общества. Если развалъ, который тамъ теперь царитъ, будетъ такъ же прогрессивно итти впередъ, Америка и Японія окончательно вытѣснятъ насъ изъ Камчатки и Чукотскаго полуострова и овладѣютъ колоссальными богатствами, которыя мы упустимъ только благодаря нашей традиціонной нерадивости и халатности». Пожелаемъ, чтобы интересная, живая книжка г. Горовскаго встрѣтила вдумчивыхъ читателей среди русскаго общества и обратила ихъ вниманіе на печальное положеніе заброшенныхъ далекихъ окраинъ русскаго сѣверо-востока.

Книга В. М. Зензинова тоже посвящена сѣверо-востоку Россіи—именно Русскому Устью Верхоянскаго округа Якутской области. Въ качествѣ административно-ссылнаго авторъ прожилъ почти годъ на этомъ мѣстѣ, крайнемъ предѣлѣ человѣческаго жительства вообще, дальше котораго идутъ ледяныя пустыни океана. И здѣсь автору пришлось столкнуться съ людьми, которые по своему укладу жизни, развитію, вѣрованію и воззрѣніямъ совершенно одинаковы съ русскими людьми, жившими вѣка 3—3½ назадъ. Спасаясь отъ государственныхъ тягостей при Грозномъ или Алексѣѣ Михайловичѣ, предки жителей Русскаго Устья пришли въ этотъ край, обосновались въ немъ, и по ихъ старымъ обычаямъ до сихъ поръ живетъ ихъ потомство, сохранивъ много любопытнѣйшихъ чертъ стариннаго русскаго чловѣка. Въ предисловіи редакторъ «Этнографическаго Обозрѣнія» г. Богдановъ такъ говоритъ о нихъ: «археологъ считалъ бы для себя величайшимъ счастьемъ, если бы, раскопавъ могилу XVI или XVII вѣка, онъ могъ хоть сколько-нибудь правдиво облечь вырытый имъ скелетъ въ надлежащія одежды жизни, дать ему душу, услышать его рѣчь. Древнихъ людей въ Русскомъ Устьѣ ему откапывать не надо. Передъ нимъ въ Русскомъ Устьѣ эти древніе люди какъ бы и не умирали. Здѣсь о нихъ и ихъ древности ему не приходится судить по ихъ костяку. Они сами—живая старина». Сообщивъ въ началѣ книги о прошломъ Русскаго Устья и давъ географическій обзоръ этой мѣстности, авторъ знакомитъ читателей съ хозяйствомъ, промыслами и домашнимъ бытомъ этихъ «старинныхъ людей», съ нравами, обычаями, вѣрованіями, обрядами, пѣснями, особенностями языка и пр. Очень интересны записанныя г. Зензиновымъ нѣкоторыя сказки и

пѣсни обитателей Русскаго Устья. Съ удивленіемъ услышалъ здѣсь авторъ вариантъ пушкинской пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, сильно искаженный, но складъ и размѣръ котораго вполнѣ совпадаютъ съ записью Пушкина.

Обѣ книги, и г. Горовскаго, и г. Зензинова, украшены многочисленными оригинальными фотографическими снимками и снабжены картами описываемыхъ мѣстностей.

М—о.

П. Н. Симанскій. Суворовскій отдѣлъ бібліотеки П. Н. Симанскаго. Спб. 8°. 1913. Стр. 112.

Нельзя сказать, чтобы у насъ не было специальныхъ указателей литературы о Суворовѣ, начиная со статьи извѣстнаго библиографа Г. Н. Геннади «Иностранныя сочиненія о Суворовѣ», помѣщенной въ первомъ номерѣ «Военнаго Журнала» за 1857 годъ и вышедшей потомъ отдѣльнымъ оттискомъ въ двадцать одну страницу, составляющимъ теперь большую библиографическую рѣдкость.

Списокъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій о Суворовѣ, спустя только сорокъ два года послѣ Геннади, далъ М. И. Полянскій въ приложеніяхъ къ «Памятной книжкѣ Новгородской губерніи за 1899—1902 годы». Въ 1903 году выпустилъ свой «Краткій обзоръ Суворовской литературы, русской, французской и нѣмецкой по 1903 годъ» покойный А. Θ. Петрушевскій, авторъ самой полной до сихъ поръ монографіи о Суворовѣ. Итого, въ продолженіе ста тринадцати лѣтъ, протекшихъ со дня кончины генералиссимуса, вышло только три труда, посвященныхъ обзору и перечисленію литературы о немъ.

Нельзя сказать, чтобы это было много...

Въ теченіе десяти лѣтъ со дня появленія «Краткаго обзора» Петрушевскаго литература о нашемъ величайшемъ полководцѣ значительно возросла. Кромѣ того, предыдущіе труды о немъ библиографическаго характера были далеко не чужды пропусковъ, неточностей и ошибокъ. Назрѣла нужда въ новомъ указателѣ, а его все не было. Пополнить этотъ пробѣлъ въ литературѣ о Суворовѣ выпало на долю извѣстному военному писателю, П. Н. Симанскому, владѣльцу лучшаго въ Россіи собранія книгъ о Суворовѣ. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ г. Симанскій тщательно, не жалѣя средствъ, собираетъ все имѣющее какое-либо отношеніе къ имени нашего славнаго вождя, не брезгая ничѣмъ, даже программами спектаклей и публичныхъ чтеній. Въ концѣ концовъ получилось весьма солидное количество книгъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, въ томъ числѣ даже на эстонскомъ языкѣ. Если читатель встрѣтитъ пробѣлы и въ трудѣ г. Симанскаго, онъ долженъ помнить, что авторомъ описано только то, что имѣется въ его собраніи. *Desiderata* есть и у него, и онъ перечисляетъ ихъ въ обзорѣ Суворовской литературы, предпосланномъ имъ описанію самыхъ книгъ.

Позволяемъ себѣ сдѣлать почтенному автору слѣдующія указанія. Стр. 28 №№ 85 и 86. Едва ли это первое и второе изданіе, судя по внѣшнему виду. По крайней мѣрѣ, въ 1902 году вышли экземпляры съ разными обложками. На одной изображенъ Суворовъ и плѣнный Пугачевъ, на другой—Суворовъ, сидящій на деревѣ. Вдали—рѣка (Дунай?), на берегу—казачій пикетъ. Текстъ одинъ и тотъ же, а главное—одинаковая цензурная помѣтка—5 ноября 1901 г.

Даже бумага одинаковая. Видимо, это не что иное, какъ Titel-Ausgabe. Стр. 47. № 187. Ода — «усерднѣйшее приношеніе» дворянъ Могульскихъ, фурьеровъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, обучавшихся въ бѣлгородской семинаріи. Сомнительно поэтому, чтобы авторомъ оды былъ протоіерей І. Злотницкій. Мѣсто печати не указано, заглавія «Ода» тоже нѣтъ. Стр. 51. № 209. Два разныхъ изданія. Второе носить заглавіе: «Der Todten Tanz bei Ismael. Geschichte einer Bluthhochzeit nebst dem Leben des Bräutigams». Mit einem Kupfer. St. Petersburg. 1803. 12°. 371 S. Мѣсто печати этого пасквиля—къ тому же неостроумнаго—на Суворова, разумѣется, вымыслено. Стр. 77. № 356. Слѣдовало бы оговорить, что единственный извѣстный до сихъ поръ портретъ В. И. Суворова принадлежитъ въ настоящее время В. А. Алексѣеву, а не Н. И. Путилову, давно умершему. Стр. 102. № 488. Автобіографія Суворова, 1790 года, помѣщена въ «Сѣверномъ Архивѣ» на страницахъ: 147—168, 211—223 и 297—317.

Описаніе книгъ выполнено съ необыкновенною любовью къ дѣлу, компетентностью и добросовѣстностью, которыя сдѣлали бы честь и любому заправскому библиографу.

Остается пожелать, чтобы дальнѣйшіе выпуски, о которыхъ говорить авторъ въ своемъ трудѣ, не замедлили выходомъ въ свѣтъ.

В. А. Алексѣевъ.

«Свѣтильникъ». Религіозное искусство въ прошломъ и настоящемъ. Ежемѣсячный журналъ. Редакторъ-издатель В. И. Оловянишниковъ. Москва. 1913.

«Богословіе и искусство. Церковная археологія. Церковное искусство: зодчество, живопись, ваяніе, иконографія, музыка и декоративное искусство. Памятники древняго и современнаго церковнаго искусства. Хроника церковной жизни. Библиографія. Иллюстраціи: картины, оригинальные рисунки, проекты и фотографіи». Такова интересная программа новаго «научно-популярнаго и художественнаго журнала по вопросамъ религіознаго искусства».

Даже мало знакомымъ съ нашей великолѣпной церковной стариной во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, съ ея значеніемъ и вѣковыми вліяніями на укладъ нашей жизни безусловно слѣдуетъ привѣтствовать появленіе спеціальнаго церковнаго археологическаго изданія, посвященнаго идеѣ возрожденія русскаго религіознаго искусства,—изданія, которое, безъ сомнѣнія, должно дать толчокъ и болѣе интенсивному, планомѣрному и непрерывному изученію этого искусства. Скорбя душою за положеніе дѣла церковной археологіи, В. И. Оловянишниковъ считаетъ прямо-таки необходимымъ пробужденіе въ обществѣ и народѣ интереса къ забытой художественной церковной старинѣ, а съ ней и ко всему русскому, національному въ виду того, что возрожденіе національнаго искусства повлечетъ за собою подъемъ и національнаго чувства страны и народнаго творчества.

Конечно, задача «Свѣтильника» не изъ легкихъ, и даже весьма трудная, но, пожелавъ ему полнаго успѣха на его только что начавшемся жизненномъ пути, скажемъ, что она со временемъ можетъ быть выполнена, тѣмъ болѣе,

то и самъ г. Оловянишниковъ вѣрить еще, что онъ не останется одинокимъ въ своемъ начинаніи, а его «трудъ встрѣтитъ сочувствіе во всѣхъ слояхъ нашего общества, такъ какъ... Святая Русь еще жива не только въ своемъ древнемъ названіи».

Обращаясь къ содержанию уже вышедшихъ номеровъ «Свѣтильника», дабы не увеличивать размѣра замѣтки, ограничимся лишь перечнемъ печатнаго матеріала. Такъ, въ первомъ номерѣ, кромѣ программной «Отъ редакціи», помѣщены статьи общаго характера: епископа Никона—«Мой привѣтъ «Свѣтильнику», профессора Н. В. Покровскаго—«Новое церковное искусство и церковная старина». Болѣе спеціальнаго характера имѣютъ статьи: В. К. Трутовскаго—«Патріархъ Филаретъ Никитичъ и нѣкоторыя памятныя его въ Москвѣ» (№ 1), Е. В. Барсова—«Два памятника, связанные съ именемъ патріарха Гермогена» (№ 2) и «Христіанская поэзія и искусство въ связи съ новозавѣтными апокрифами» (№ 3), Н. И. Троицкаго—«Икона «Раздѣлимыя Пресвятой Богородицы» (№ 2) и С. Писарева—«Двѣ вышитыя плащаницы Псково-Печерскаго монастыря» (№ 3). Въ томъ же № 3 напечатана статья А. К.—«Вѣрно-подданническая грамота російскаго дворянства», поднесенная въ серебряномъ ларцѣ Государю Императору въ Москвѣ 25-го мая, во время юбилейныхъ празднествъ по случаю трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ. Очень хороши статьи-миніатюры Е. Поселянина (Погожева): «Одинъ изъ русскихъ строителей» (памяти патріарха Гермогена)—(№ 2) и «Нарушенныя святыни» (№ 3). Кромѣ того, въ каждомъ № имѣется «хроника», а въ № 3 и «библиографія».

Изъ сравнительной массы иллюстрацій заслуживаютъ вниманія проекты и эскизы, имѣющіе даже практическое значеніе: эскизъ профессора В. М. Васнецова для иконы святого Алексія, митрополита московскаго (№ 1), рисунки его императорскаго высочества Петра Николаевича—проекты лампадъ и хоругви,—богадѣльни при храмѣ (№ 1) и дарохранительницы (№ 3), художника С. И. Вашкова—проектъ церковно-приходской школы въ Костромѣ въ память трехсотлѣтія дома Романовыхъ.

Съ внѣшней стороны изданіе безукоризненно: отличная бумага, красивый стильный шрифтъ, изящно исполненныя иллюстраціи въ текстѣ и таблицахъ (нѣкоторыя въ краскахъ), при недорогой годовой подписной платѣ въ шесть рублей, ставить «Свѣтильникъ» на одно изъ первыхъ мѣстъ среди нашихъ многочисленныхъ періодическихъ художественныхъ изданій.

Д. Бочковъ.

Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили съ 15 мая
по 15 іюня для отзыва слѣдующія книги.

Петръ Масловъ. Капитализмъ. Часть I. Наемный трудъ и заработная плата. Изданіе «Жизнь и Знаніе». Спб. 1914. Стр. XIV+357. Ц. 2 р.

Н. Ѡ. Арепьевъ. Географія въ средней школѣ и школьная экскурсія съ проектомъ устава общества организаціи экскурсій. Спб. 1914. Стр. 16. Цѣна не обозначена.

Н. Ф. Арепьевъ. Островъ Вормсъ и его шведское населеніе. Спб. 1914. Стр. 19. Цѣна не обозначена.

Означенная работа г. Арепьева представляетъ собою оттискъ изъ «Трудовъ общества землеустройства при Императорскомъ университетѣ», т. III.

А. Н. Аванасьевъ. Народныя русскія легенды. Подъ редакціей П. И. Кочергина, съ приложеніемъ портрета и воспоминаній А. Н. Аванасьева и двухъ статей А. Н. Пыпина. Издательство «Молодая Сила». Казань. 1914. Стр. CXXVIII+228. Ц. 2 р.

Б. Кушнеръ. Семафоры. Стихи. Предисловіе автора. Москва. 1914. Стр. 44. Ц. 50 к.

М. В. Бречневичъ. О нѣкоторыхъ современныхъ трудностяхъ въ области историческаго изученія. Казань. 1914. Стр. 16. Ц. 15 к.

В. С. Нривенко. Мой дорожникъ. Спб. 1914. Стр. 343. Ц. 1 р. 50 к.

Лѣтніе общеобразовательные курсы, устроенные кievскимъ Фребелевскимъ обществомъ для народныхъ учителей въ Кіевѣ въ 1911 и 1912 гг. Спб. 1913. Стр. 71. Цѣна не обозначена.

«истор. вѣстн.», июль 1914 г., т. сxxxvii.

Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Т. XVII. Вып. I. Н.-Новгородъ. 1914. Стр. 108. Цѣна не обозначена.

Фантомъ (Г. Т. Сѣверцевъ). По старинному «Заморскому» пути и сѣвернымъ гнѣздамъ. Путевыя замѣтки по Сѣверу, вострѣчи, итоги и впечатлѣнія. Спб. 1914. Стр. 258. Ц. 1 р.

Записки о новооткрытыхъ въ предмѣстіи гор. Кіева «Звѣринцѣ» древнихъ иноческихъ пещерахъ. Кіевъ. 1914. Стр. 15. Ц. 15 к.

Опись документовъ и дѣлъ историческаго архива. Вып. I. Дѣла «сенатскія». Составилъ А. А. Герасимовъ. Саратовская губернская ученая архивная комиссія. Саратовъ. 1914. Стр. X+427. Ц. 3 р.

Въ настоящую книгу вошло 3825 дѣлъ съ 1770 г. по 1808 г. Къ книгѣ приложены личный, географическій и предметный указатели.

И. М. Волковъ. Законы вавилонскаго царя Хаммураби. Вып. I. культурно-историческихъ памятниковъ древняго Востока. Подъ общей редакціей проф. Б. А. Тураева. Москва. 1914. Стр. IV+80. Ц. 70 к.

С. Эсадзе. Покореніе Западнаго Кавказа и окончаніе кавказской войны. Историческій очеркъ Кавказско-горской войны въ Закубанскомъ краѣ и Черноморскомъ побережьи. Тифлисъ. 1914. Стр. 182. Цѣна не обозначена.

Отечественная война 1812 года. Отдѣлъ I. Переписка русскихъ правитель-

твенныхъ лицъ и учреждений. Т. XXI. Боевые дѣйствія въ 1812 г. (Декабрь мѣсяцъ). Спб. 1914. Стр. VI+543. Цѣна не обозначена. Изданіе главнаго управленія генеральнаго штаба. Матеріалы военно-ученаго архива.

«**Руконогъ**». Книгоиздательство «Центрифуга». Москва. 1914. Стр. 46. Ц. 50 к.

Отчетъ о состояніи С.-петербургской гимназіи наслѣдника цесаревича и великаго князя Алексѣя Николаевича за 1912—1913 учебный годъ. Спб. 1914. Стр. 218. Цѣна не обозначена.

Семень Ѳомиинъ. Пѣсни радости и печали. Съ предисловіемъ Н. А. Рубакина. Изданіе Суриковского литературно-музыкальнаго кружка въ Москвѣ. Москва. 1914. Стр. VI+43. Ц. 25 к.

Среди многочисленныхъ крикливыхъ и манерныхъ стиховъ современныхъ поэтовъ небольшая скромная книжка поэта-рабочаго С. Ѳомина должна привлечь вниманіе любителей настоящей поэзіи своего искренностью и задушевностью, стремленіемъ къ волю, къ красотѣ и чуткой, особенно нѣжной и тихой любовью къ родной природѣ, описанія которой особенно удаются автору. Къ книгѣ приложена его біографія, составленная Н. Рубакинымъ.

«**Энергія**». Сборникъ третій. Кн-во «Энергія». Спб. 1914. Стр. 380. Ц. 1 р. 50 к.

И. М. Катаевъ. Дореформенная бюрократія по запискамъ, мемуарамъ и литературѣ. Культурно-историческая бібліотека подъ редакціей исторической комиссіи учебн. отд. Ю-ва распр. техн. знаній. Кн-во «Энергія». Спб. 1914. Стр. 180. Ц. 1 р. 10 к.

Е. А. Мязговскій. Исторія черноморскаго флота. 1696—1912. Изданіе комиссіи по завѣдыванію капиталомъ имени графа С. А. Строганова. Спб. 1914. Стр. 113. Цѣна не обозначена.

Книжка г. Мязговскаго даетъ въ популярной сжатой формѣ исторію черноморскаго флота, начиная съ его основанія Петромъ Великимъ до нашихъ дней. Легко написанная и украшенная многочисленными иллюстраціями, эта книга будетъ бесполезна въ ученическихъ бібліотекахъ военно-учебныхъ заведеній.

Н. П. Черепнинъ. Императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ. Историческій очеркъ. 1764—1914. Т. I. Спб. 1914. Стр. VIII+620+XI. Цѣна не обозначена.

Систематическая роспись книгъ, брошюръ, атласовъ и картъ по всѣмъ от-

раслямъ исключительно морского дѣла Изъ собранія книгоиздателя Н. Г. Маргынова, составленная имъ самимъ. Спб. 1914. Стр. 52. Цѣна не обозначена.

«**Сибирскій Студентъ**». № 1. Ежемѣсячный журналъ. Томскъ. 1914. стр. 180. Ц. 25 к.

И. Н. Григорьевъ. Судъ во Франціи при старомъ порядкѣ по наказамъ третьяго сословія Санскаго бальяжа. Подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. П. Н. Ардашева. Кіевъ. 1914. Стр. VI+115. Ц. 70 к.

Проф. Ю. Кулаковскій. Прошлое Тавриды. Краткій историческій очеркъ. Изданіе второе, пересмотрѣнное. Кіевъ. 1914. Стр. IV+154. Ц. 1 р.

Въ родномъ мірѣ. Хрестоматія-пособіе при обученіи русскому языку. Часть I. Для младшихъ классовъ средн.-учебн. зав. и город. 4-кл. учил. Изд. 3. Стр. XII+342. Ч. II. Изд. II. Стр. XV+426. Ц. 1 р. 20 к.—Ч. III. Стр. XV+594. Ц. 1 р. 50 к.—Ч. IV. Для средн. классовъ средн. учебн. завед. Стр. XV+715. Ц. 2 р. 15 к. Изданіе «Петербургскаго учебнаго магазина». Спб. 1912—1914. Составили Н. В. Пуцило и М. М. Лебедкина.

В. Н. Лукомскій. Родословіе дворянъ Митусовыхъ. Изданіе С. Н. Митусова. Спб. 1914. Стр. 133. Ц. 3 р.

Сибирская церковная старина. Вып. I. Подъ ред. А. Ѳ. Жукова. Сибирскъ. 1914. Стр. 72. Цѣна не обозначена.

Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Издано подъ редакціей дѣйств. членовъ комиссіи И. Ф. Павловскаго, А. Ф. Мальцева и Л. В. Падалки. Вып. 11-й. Полтава. 1914. Стр. VII+321. Ц. 75 к.

А. И. Боргманъ. Отечественная исторія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1914. Стр. 168. Ц. 75 к.

Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Туркестанскаго кружка любителей археологій. (11 дек. 1913 г.—1 апр. 1914 г.). Ташкентъ. 1914. Стр. 62. Ц. 1 р.

Отчетъ о временныхъ педагогическихъ курсахъ, по правиламъ 5 авг. 1875 г., бывшихъ въ Томскѣ для учителей и учительницъ сельскихъ начальныхъ училищъ Томскаго уѣзда съ 15-го іюня по 20-е іюля 1913 года. Томскъ. 1914. Стр. 264. Цѣна не обозначена.

С. Чижовъ. Русскія бумажныя полнцѣнные деньги и первые кредитные билеты. Съ 12 цвѣтными таблицами. Москва. 1914. Стр. 38. Цѣна не обозначена.

Лѣтопись вечернихъ высшихъ жен-

скихъ курсовъ, учрежденныхъ въ Кіевѣ А. В. Жекулиной. Кіевъ. 1914. Стр. 89. Ц. 70 к.

С. Юшневичъ. Распадъ. Кн-во «Жизнь и знаніе». Спб. 1914. Стр. 303. Ц. 1 р.

М. Горькій. Городокъ Окуровъ. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Спб. 1914. Стр. 199. Ц. 1 р.

С. Фарфоровскій. Лабораторный методъ преподаванія исторіи. Изданія журнала «Домашнее и школьное обученіе». Варшава. 1914. Стр. 16. Цѣна не обозначена.

А. М. Евлаховъ. Реализмъ или ирреализмъ? Очерки по теоріи художественнаго творчества. Т. I. Варшава. 1914. Стр. 492. Ц. 2 р. 50 к.

Софокль. Эдипъ-царь. Трагедія. Переводъ В. А. Алексѣева. Изд. 3-е т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». «Дешевая бібліотека». Спб. 1914. Стр. XXXIX+67. Ц. 10 к.

Выходящій уже третьимъ общедоступнымъ изданіемъ переводъ трагедіи Софокла является хорошимъ пособіемъ для изучающихъ древне-греческую литературу. обстоятельное введеніе и примѣчанія обнаруживаютъ въ переводчикѣ В. А. Алексѣевѣ солидное знаніе предмета и облегчаютъ читателю болѣе отчетливое воспринятіе трагедій.

Г. Г. Тумимъ. Уроки развитія рѣчи. Методическая хрестоматія (Примѣрные уроки, планы и конспекты). Вып. I. Спб. 1914. Стр. 104. Ц. 50 к.

Е. И. Игнатьевъ. Въ царствѣ смекалки или ариметика для всѣхъ. Книга для семьи и школы. Книга первая. Изданіе 4-е, пересмотрѣнное. Спб. 1914. Стр. VI+275. Ц. 1 р. 50 к.

Свящ. Д. Островскій. Выговская пустынь и ея значеніе въ исторіи старообрядческаго раскола. Петрозаводскъ. 1914. Стр. 137. Ц. 1 р. 25 к.

В. Дембовецкій. Волокна и ткани. Стихотворенія. Изданіе Н. М. Ничъ. Феодосія. 1914. Стр. 223. Ц. 1 р.

М. Г. Попруменко. Указатель статей, помѣщенныхъ въ I—XXX томахъ записокъ императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей. Одесса. 1914. Стр. 63. Цѣна не обозначена.

М. Ю. Лермонтовъ. Біографическій очеркъ и 25 избранныхъ стихотвореній. Г. Изяславль. 1914. Стр. 63. Ц. 30 к.

П. Жуковскій. Исторія и слово. Возрожденіе прошлаго при языкознаніи. Переяславль долтавскій. 1914. Стр. 41. Ц. 40 к.

Брошюра г. П. Жуковскаго имѣетъ свою цѣль при помощи разбора словъ, выраженій, пословиць, географическихъ названій возсоздать прошлое. Привлеченіе языковѣднѣи къ исторіи, конечно, много помогаетъ послѣдней. Авторъ собралъ довольно большой запасъ словъ и выраженій, которыми и пользуется въ своей работѣ, хорошо знакомъ съ литературой по разсматриваемому имъ предмету, и его брошюра принесетъ большую пользу особенно преподавателямъ исторіи.

Военная энциклопедія. Томы XXX и XXXI. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1914. Стр. 161—320; 1—161. Цѣна не обозначена.

А. А. Папковъ. Правда о церковномъ преобразованіи Петра Великаго. Спб. 1914. Стр. 36. Ц. 30 к.

Басни Крылова. Полное собраніе. Съ біографіей и примѣчаніями. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время», изд. 11-е. «Дешевая бібліотека». Спб. 1914. Стр. LXII+302. Ц. 15 к.

Л. М. де-Рибасъ. Библиографическіе матеріалы по исторіи Новороссіи. Указатель статей, замѣтокъ и разныхъ матеріаловъ помѣщенныхъ въ «календаряхъ», «Новорос. календарѣ», «Памятной книжкѣ», «Адресъ-календарѣ одесскаго градоначальства» и въ «Трудахъ одес. статист. комитета» съ 1832—1914 годъ. Одесса. 1914. Стр. 25 к. Цѣна не обозначена.

Свящ. І. Жиловъ. Православный христіанскій катехизисъ въ звукахъ поэзіи. Ч. I. Введеніе въ катехизисъ и вѣра. Юрьевъ. 1914. Стр. XXXVIII+256. Ц. 1 р. 50 к.

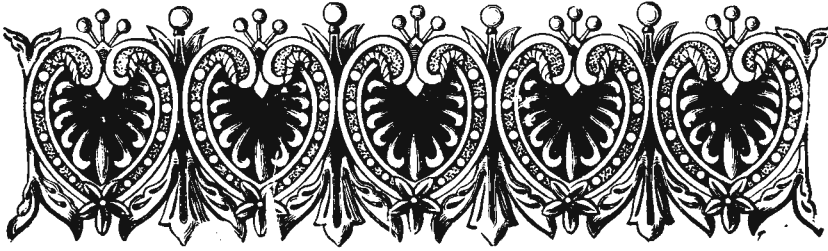
И. В. Аверинцевъ. Ткачество. Руководство для учебно-ткацкихъ мастерскихъ и для самообразованія. Съ 262 рис. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1914. Стр. 178. Ц. 1 р. 75 к.

Письма Н. П. Ломакина консулу Ф. А. Бакунину. (О средне-азиатскихъ дѣлахъ). 1874—1878. Съ примѣчаніями В. А. Алексѣева. Спб. 1914. Стр. 26. Цѣна не обозначена.

Л. Ждановъ. Грозное время. Романъ-хроника. Собр. соч. т. X. Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова. Спб. 1914. Стр. 420. Ц. 2 р.

Свящ. А. Полѣвтовъ. Историческая записка о состояніи тотемскаго духовнаго училища за послѣднее 25-лѣтіе. (1890—1915). Вологда. 1914. Стр. 58. Цѣна не обозначена.

Свящ. А. Полѣвтовъ. На современныя темы. Вологда. 1914. Стр. 62. Ц. 50 к.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ

СМЕРТЬ герцогини Орлеанской ¹⁾.—Высокое происхождение этой женщины сулило ей блестящую, беззаботную будущность. Но въ дѣйствительности ея судьба была полна превратностей и бурь. Единственная дочь герцога Пантьевра, Луиза-Марія-Аделаида родилась въ 1753 году въ Парижѣ. Шестнадцати лѣтъ она вышла замужъ за Луи-Филиппа Орлеанскаго, тогда еще герцога Шартрскаго. Ея мужъ имѣлъ при французскомъ дворѣ сильнаго врага въ лицѣ королевы Маріи-Антуанетты. До революціи его мщеніе ограничивалось лишь распространеніемъ, наперекоръ Маріи-Антуанеттѣ, вкуса ко всему англійскому и ко всякимъ новшествамъ. Но съ приближеніемъ революціи его непрязненное чувство приняло болѣе опредѣленную форму, и онъ открыто покровительствовалъ революціонерамъ. Въ садахъ его Пале-Рояля собирались заговорщики. Дворъ обвинялъ его также въ событіяхъ 5-го и 6-го октября.

Открыто объявивъ себя революціонеромъ, герцогъ отказался отъ всѣхъ своихъ привилегій. Въ конвентѣ онъ принадлежалъ къ крайнимъ лѣвымъ и хлопоталъ себѣ отъ парижской коммуны другую фамилію. Его стали называть Филиппъ-Эгалите, т. е. равный со всѣми. Но хотя онъ и подалъ голосъ за смерть короля, революціонеры не особенно ему довѣряли. Онъ былъ ближайшимъ наследникомъ французскаго престола, но кончилось тѣмъ, что онъ сложилъ свою голову на эшафотѣ въ тотъ же день, когда явился предъ трибуналомъ,

Судьба герцога, конечно, отразилась на жизни его жены. Сама герцогиня была по свидѣтельству ея современниковъ, очень добра, великодушна и отзыв-

¹⁾ La mort de la duchesse d'Orléans-Panthièvre. Par André Maricourt. «Revue hebdomadaire». Janvier 1914.

чива. Благодаря привлекательнымъ чертамъ своего характера, она сумѣла завоевать симпатію у всѣхъ партій, и потому ей не пришлось эмигрировать.

Въ 1793 году ее заключили было въ Люксембургскую тюрьму, но послѣ 9-го термидора она была освобождена и покинула родину. Въ 1797 г. послѣ фруктидора ее приговорили къ изгнанію, и она удалилась въ Испанію, гдѣ оставалась до 1808 года. Потомъ она жила въ Палермо и на островѣ Миноркѣ.

Пребываніе герцогини въ тюрьмѣ нравственно вознаградило ее. Не избалованная съ молодости счастьемъ любви, она нашла тамъ вѣрнаго друга. Это былъ товарищъ по несчастью, бывшій членъ конвента Рузэ, впоследствии графъ Фольмонъ. Эта случайная встрѣча связала ихъ на всю жизнь. Они перенесли вмѣстѣ тюремное заключеніе, а также изгнаніе въ Испанію.

Современники считали Рузэ сердечнымъ и справедливымъ. Вѣроятно, эти качества побѣдили герцогиню, и она питала къ Фольмону самыя нѣжныя чувства. Къ тому же ея молодые годы прошли, и передъ нею уже открывалась безотрадная старость. Любовью и привязанностью она не была избалована. Немудрено, что она страстно схватилась за эту запоздавшую привязанность. Рузэ сдѣлался главноуправляющимъ всѣхъ ея дѣлъ.

Но призракъ счастья не долго баловалъ герцогиню; ее ожидало новое испытаніе: 21-го ноября 1820 года графъ Фольмонъ скончался. Горе герцогини было безгранично. Быть можетъ, это былъ суррогатъ счастья, но онъ согрѣвалъ ей сердце и память о немъ навсегда осталась въ ея душѣ. До послѣдняго момента жизни герцогиня не забывала Фольмона и, зная нерасположеніе къ нему ея родныхъ, опасалась, что они выбросятъ его прахъ изъ своего семейнаго склепа. Поэтому она заблаговременно сдѣлала оговорку въ своемъ духовномъ завѣщаніи. «Я желаю,—писала она въ немъ:—чтобы всегда относились съ почтеніемъ къ праху моего канцлера, графа Фольмона».

Впоследствии, когда часовню передѣлывали, ея сынъ король Луи-Филиппъ исполнилъ это желаніе, однако гробъ Фольмона отнесли подальше отъ ея гробницы.

Герцогиня не долго пережила своего друга. Перенесенныя волненія и тюремное заключеніе не прошли для ея здоровья безслѣдно. Въ тотъ же мѣсяцъ, когда умеръ Фольмонъ, съ нею произошелъ въ сущности ничтожный случай, который остался бы безъ послѣдствій у человѣка со здоровымъ организмомъ. Однажды въ Иври она приказала подать ей книгу, и слуга нечаянно толкнулъ ее угломъ этой книги въ грудь. Она вскричала отъ боли. Впоследствии она говорила, что сразу почувствовала, точно острый ножъ перерѣзалъ ей грудь. Видя, что слуга растерялся и стоитъ молча со слезами на глазахъ, она принялась успокаивать его.

Прошло нѣсколько недѣль, и герцогиня стала жаловаться на колотье въ груди. Однако, несмотря на боль, она отказалась отъ врачебной помощи, но въ концѣ концовъ ей пришлось обратиться къ докторамъ. Были вызваны всѣ парижскія медицинскія знаменитости. Онѣ нашли у больной опухоль, но никакъ не могли прійти къ соглашенію относительно способа леченія. Одни находили ея положеніе неопаснымъ; другіе объявили, что операція—необходима.

Герцогиня отказалась от операціи и тѣмъ обрекла себя на мучительныя страданія.

Она переносила ихъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и рѣшимостью. Въ январѣ ей сдѣлалось очень худо, и она говорила: «Мнѣ очень плохо, но меня увѣряютъ, что такъ должно быть въ моемъ положеніи». Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ болѣзнь усиливалась, но у больной не вырвалось ни одной жалобы. Привычка молча страдать съ юныхъ лѣтъ выработала въ ней терпѣніе.

Въ маѣ герцогиня почувствовала приближеніе смерти. Съ этого момента всѣ ея мысли занимала судьба дѣтей, слугъ и друзей. Она обдумывала свое духовное завѣщаніе и цѣлую недѣлю была занята его составленіемъ. Покончивъ съ завѣщаніемъ, она причастилась и пожелала видѣть своихъ дѣтей и внучатъ.

По временамъ страданія затихали, и умъ ея прояснялся. День и ночь возлѣ больной находилась герцогиня Бурбонская. 20-го мая папскій нунцій, котораго она очень любила, соборовалъ ее. Днемъ, собравъ силы, она привстала и, указывая на свои чудные волосы, которыми всѣ любовались, произнесла:

— Обрѣжьте ихъ! Я хочу раздать ихъ всѣмъ, кто меня любить.

Между тѣмъ болѣзнь ухудшалась. Къ раковой опухоли прибавились частичный параличъ и грудная водянка. 21-го мая ее посѣтили герцогиня Беррійская, графъ Артуа, герцогъ Ангулемскій и герцогъ Бурбонскій. Боль и слабость были настолько сильны, что она не въ силахъ была разговаривать, а только прошептала нѣсколько словъ. Герцога Ангулемскаго она взяла за руку, поцѣловала ее и прижала къ сердцу. Въ четыре часа вечера 29-го іюня она скончалась на шестьдесятъ девятомъ году жизни.

— О г ю с т ь К о н т ь в б л и з и ¹⁾.—Въ «La Revue» напечатаны воспоминанія о творцѣ позитивизма Огюстѣ Контѣ, принадлежащія перу его ученика Адольфа д'Ассіе. Умершій въ 1889 году Адольфъ д'Ассіе въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія игралъ во французской умственной и политической жизни довольно видную роль. Онъ былъ яркимъ республиканцемъ по убѣжденіямъ и протестовалъ противъ государственнаго переворота, совершеннаго Наполеономъ III. Его перу принадлежитъ нѣсколько дѣльныхъ статей по философіи, политической экономіи, исторіи и археологіи. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ былъ довольно близокъ въ Контю, навѣщалъ его и имѣлъ не разъ случай видѣть его запросто, въ домашней обстановкѣ.

«Въ концѣ 1850 года,—разсказываетъ д'Ассіе,—однажды я направился къ Огюсту Контю на квартиру. Онъ жилъ тогда въ улицѣ Monsieur-le-Prince и занималъ квартиру въ первомъ этажѣ. Меня встрѣтила старая хромая служанка и тотчасъ же ввела въ кабинетъ. Проходя черезъ переднюю, я замѣтилъ довольно большіе мѣдные вѣсы, прекрасно вычищенные и блестящіе. Сначала я думалъ, что хозяинъ употребляетъ эти вѣсы для какихъ-нибудь химическихъ или физическихъ опытовъ. Но для этого вѣсы были слишкомъ велики. Эти напоминали собою тѣ, которые употребляются въ булочныхъ и мясныхъ. Впослѣдствіи я узналъ отъ Литтре, что эти вѣсы служили Контю для отмѣриванія себѣ пищевыхъ продуктовъ».

¹⁾ «La Revue», Mai 1914.

Посѣтитель былъ пораженъ простотою обстановки, среди которой жилъ философъ.

«Контъ былъ въ халатѣ и сидѣлъ около камина на плетеномъ креслѣ. По обѣимъ сторонамъ камина стояли двѣ свѣчи, освѣщавшія комнату. Около одной изъ нихъ лежала книга Томы Кемпійскаго «О подражаніи Иисусу Христу»—любимое чтеніе философа».

Послѣ этого визита между д'Ассіе и Контъ завязались сношенія, продолжавшіяся потомъ много лѣтъ. Д'Ассіе часто заходилъ по вечерамъ къ Контъ побесѣдовать и всегда заставлялъ его на томъ же самомъ мѣстѣ около камина.

«Онъ терпѣть не могъ метафизиковъ,—продолжаетъ авторъ воспоминаній,—которыхъ считалъ микрокефалами».

— Запомните разъ навсегда,—говаривалъ Контъ своему собесѣднику:—что метафизики вмѣстѣ съ богословами составили заговоръ противъ человѣческаго разума. Но богословы все-таки лучше метафизиковъ. Я далъ Ганнибалову клятву бороться противъ нихъ.

Богослововъ онъ обыкновенно не затрагивалъ, ибо чувствовалъ инстинктивно въ нихъ союзниковъ: какъ и онъ, богословы проповѣдывали религію и мораль. Однажды онъ въ моемъ присутствіи обмолвился словомъ «Провидѣніе».

— Какъ же вы говорили, что не признаете никакого Провидѣнія?—спросилъ я его.

— Не удивляйтесь,—отвѣчалъ онъ, не смущаясь:—я имѣлъ въ виду человѣческое провидѣніе.

Его слова, однако, нисколько меня не убѣдили. Смыслъ фразы, имъ сказанной, показывалъ, что онъ употребилъ это слово въ его обычномъ значеніи.

Контъ любилъ разсуждать о политикѣ, но понималъ ее какъ социальную механику. Борьба партій за преобладаніе въ палатѣ выводила его изъ себя.

— Пусть вручаютъ власть хоть самому дьяволу, только бы избавили насъ отъ этихъ крикуновъ,—говаривалъ онъ.

Къ перевороту 2-го декабря онъ отнесся сдержанно. Конечно, ни рѣзня на бульварахъ, ни послѣдовавшія потомъ ссылки онъ одобрять не могъ, но установившійся режимъ его удовлетворилъ. Диктатура была для него формой власти, наиболѣе обезпечивающей социальный порядокъ. Онъ восхвалялъ Юлія Цезаря за то, что тотъ уничтожилъ республику, и впослѣдствіи примирился съ Бонапартомъ именно потому, что 18-го брюмера тотъ сумѣлъ захватить съ свои руки диктатуру. Любимцемъ его былъ императоръ Николай Павловичъ. Онъ считалъ его своимъ единомышленникомъ, посылалъ ему не мало писемъ, на которыя, однако, не получалъ никакого отвѣта.

Въ обращеніи Конта видны были странности его характера. Считая себя непогрѣшимымъ, онъ не допускалъ никакихъ возраженій и говорилъ иногда такія нелѣпыя вещи, что всѣ невольно начинали улыбаться. Нужно было видѣть, какъ онъ съ самымъ серьезнымъ видомъ говорилъ о томъ, что намѣренъ просить у правительства разрѣшенія отпраздновать въ Пантеонѣ праздникъ Верховнаго Существа!

Самой выдающейся чертой характера Конта было тщеславіе. Онъ мнилъ себя первымъ ученымъ въ мірѣ и считался только съ Литтре. Нелѣпости и злоб-

ныя выходки мало-по-малу оттолкнули отъ него всѣхъ его учениковъ, и онъ жилъ въ одиночествѣ.

Впослѣдствіи онъ поссорился со своей женой и съ Литтре, несмотря на то, что безъ него онъ умеръ бы съ голоду послѣ того, какъ у него отняли кафедру въ политехнической школѣ.

До объявленія имперіи Контъ каждую весну читалъ публичныя лекціи о позитивизмѣ. По распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ ему отводилась для этого одна изъ залъ Пале-Рояля, который онъ всегда называлъ прежнимъ его названіемъ Пале-Кардиналь. Въ залѣ могло помѣститься слушателей не болѣе сотни, но она всегда была далеко не полна. Несмотря на свое слабое здоровье, Контъ обладалъ большимъ ораторскимъ жаромъ и выносливостью. Ему случалось говорить иногда по пяти часовъ кряду, и онъ прерывалъ свою рѣчь только для того, чтобы выпить немного сахарной воды.

— Я чувствую себя усталымъ, когда возвращаюсь домой; но послѣ хорошей ночи готовъ говорить опять,—отвѣчалъ онъ своимъ друзьямъ, спрашивавшимъ его, откуда онъ беретъ силы для своихъ рѣчей.

Влюбленный въ математическія формулы, Контъ иногда казался совершенно бездушнымъ. Такъ, на одной изъ своихъ публичныхъ лекцій, говоря о воспитаніи дѣтей, онъ совѣтовалъ родителямъ прежде всего добиваться отъ нихъ послушанія, бить и даже убивать ихъ, если они не будутъ слушаться. Врывъ негодованія былъ отвѣтомъ на эту выходку.

«Послѣдній разъ,—говоритъ авторъ воспоминаній,—я видѣлъ его вскорѣ послѣ переворота 2-го декабря. Я спросилъ его, что онъ думаетъ объ этомъ событіи. Вмѣсто всякаго отвѣта онъ вынулъ изъ своего портфеля клочокъ бумаги, на которой имъ были собственноручно написаны три философскихъ изреченія его собственнаго изобрѣтенія. Первое изъ нихъ гласило: «Изъ республиканской формулы вычеркни слово «Равенство». Это было самое значительное изъ всѣхъ трехъ изреченій».

— Предтечи Рихарда Вагнера.—Въ исторіи музыкальнаго искусства въ настоящее время главное мѣсто занимаетъ Рихардъ Вагнеръ. Заслуженные имъ лавры возбуждаютъ въ музыкальной Италіи и зависть, и досаду. Создатель самой великой реформы въ области лирической сцены подарилъ вмѣстѣ съ тѣмъ своей родинѣ національную оперу. Такимъ образомъ, за нимъ двѣ заслуги—реформатора и патріота. Не отрицая этихъ заслугъ и преклоняясь предъ гениемъ Вагнера, итальянецъ Танкредъ Мантовани доказываетъ, однако, что у Вагнера были предтечи и именно въ Италіи. На страницахъ «Nuova Antologia» онъ перечисляетъ итальянскихъ композиторовъ, воодушевлявшихся тѣмъ же самымъ идеаломъ, что и Вагнеръ, за цѣлые два вѣка съ половиной до появленія этого нѣмецкаго музыканта.

Это были Каччини, Пери, Эмилио Кавальери. Конечно, неопытность и простота технической стороны этихъ первыхъ опытовъ драматической музыки даютъ недостаточно ясное понятіе о тѣсномъ соотношеніи между первобытной мелодрамой и вновь зарождающейся оперой. Но если въ области чисто технической и практической это соотвѣтствие видно не вполне ясно, то въ теоретической оно очевидно. Въ «Музыкѣ будущаго» и «Оперѣ и драмѣ» Вагнера и «Представленіи

Души и Тѣла» перваго отца мелодрамы Кавальери высказаны тождественныя мысли и требованія.

Первый опытъ новаго рода музыки былъ произведенъ въ Римѣ. Въ январѣ 1600 года была исполнена въ новомъ стилѣ ораторія, или, точнѣе, мелодрама. Она вызвала всеобщій восторгъ своею своеобразною красотой.

Въ сентябрѣ того же года къ этой мелодрамѣ появились уже печатный текстъ и ноты. Въ особомъ предисловіи Кавальери говоритъ между прочимъ, что такого рода музыка могла бы производить различные эффекты: изображать жалость, жестокость, смѣхъ, слезы и тому подобныя чувства. Для этого необходимы только прекрасный голосъ и хорошая дикція. При пѣніи требовалось усиливать и понижать голосъ и особенно хорошо произносить слова, сопровождая ихъ движеніями рукъ и подходящими жестами, что очень помогаетъ производить впечатлѣніе. Новыя требованія предъявлялись и къ инструментамъ: они должны красиво звучать, и численность ихъ должна быть въ соотвѣтствіи съ величиною зала, вмѣщавшаго не свыше тысячи человекъ. При болѣе обширномъ залѣ,—говоритъ Кавальери,—невозможно, чтобы всѣ слышали каждое слово, и пѣвцамъ пришлось бы насиловать свой голосъ, а это уменьшаетъ эффектъ.

Итальянскій новаторъ требовалъ, чтобы инструменты звучали прямо со сцены или, вѣрнѣе, изъ-подъ сцены. Кроме того, музыкальныя представленія, растянутыя болѣе, чѣмъ на два часа, должны раздѣляться на акты. Кавальери касается и костюмовъ персонажей, которые должны быть одѣты «разнообразно и красиво». Для оживленія дѣйствія онъ совѣтовалъ переходить отъ одного эффекта къ противоположному: отъ грустнаго къ веселому, отъ жестокаго къ нѣжному и т. д., а также пѣть въ два и болѣе голоса—теноромъ, басомъ, контральто и цѣлымъ хоромъ. Болѣе всего Кавальери избѣгалъ однообразія и скуки. Сама поэма не должна превышать семисотъ стиховъ, отличаться легкостью разсказа и отсутствіемъ длинныхъ діалоговъ.

Далѣе Кавальери требовалъ, чтобы пѣвецъ былъ не только виртуозомъ съ хорошимъ голосомъ, но и отличнымъ актеромъ. Онъ долженъ умѣть выразительно произносить слова и для усиленія впечатлѣнія прибѣгать къ жестамъ.

Однимъ словомъ, итальянскій новаторъ требовалъ того же, что потомъ черезъ 250 лѣтъ проповѣдывалъ нѣмецкій гениальный реформаторъ.

Въ концѣ 1600 года проводилъ тѣ же идеи другой итальянецъ Джуліо Каччини. Это былъ настоящій отецъ новаго стиля пѣнія. Къ своему музыкальному труду онъ приложилъ предисловіе, гдѣ изложилъ сущность этого стиля.

Въ слѣдующемъ году Каччини выразилъ свою мысль о новой музыкѣ въ другомъ своемъ трудѣ о музыкѣ: «Предисловіе къ новой музыкѣ». Здѣсь онъ заявилъ, что онъ желаетъ придерживаться манеры, которую одобряли еще Платонъ и другіе философы, утверждавшіе, что музыка не что иное, какъ языкъ ритма и чувства.

Наконецъ, третій итальянецъ, Марко Гальяно, въ посвященіи къ своему музыкальному произведенію «Дафна» еще яснѣе высказываетъ ту же мысль. По его словамъ, новая мелодрама является объединеніемъ словъ, жестовъ, стиля, риемы, человѣческаго голоса и инструментовъ. Немалая доля успѣха, прибавляетъ онъ, создается и перспективной живописью и костюмировкой.

Такимъ образомъ, неразрывное единеніе искусствъ, гармоническаго и пластическаго, синтезъ греческой трагедіи, которая вполнѣнствіи должна была сдѣлаться основой вагнеровской реформы, уже было провозглашено первыми итальянскими отцами мелодрамы.

Радикальную эволюцію въ направленіи мелодрамы произвелъ К. Монтеверди. Онъ вдохнулъ въ нее жизнь, порывы страсти, вложилъ въ персонажей чувства и заставилъ ихъ жить на сценѣ. Монтеверди создалъ «человѣческую музыку», способную передать въ совершенствѣ и въ стилѣ, наиболѣе подходящемъ къ лирической драмѣ, сокровенныя движенія души.

Однако чрезъ короткій промежутокъ времени теорія тѣснаго единенія между словами и музыкою замѣнилась господствомъ вокальной виртуозности. Мелодраму XVII вѣка замѣнила опера. Сначала появилась серія произведеній Алесандро Скарлатти. Затѣмъ къ нимъ примкнула опера-буффъ, которую создала богатая фантазія композиторовъ неаполитанской школы. Въ теченіе почти двухъ вѣковъ Италіи было обеспечено музыкальное первенство на всѣхъ европейскихъ сценахъ.

Но эпоха великолѣвія и вмѣстѣ съ тѣмъ упадка отозвалась и на музыкѣ. Мелодія уступила мѣсто аріи безъ всякаго лирическаго и драматическаго содержанія. Въ угоду вкусу публики и тщеславію пѣвцовъ пожертвована была и драма, и характеры, и единство мысли.

Какъ ни старались Джіамбаттиста Люлли и Филиппо Рамо вернуть на французской сценѣ оперу къ единству и величію классическихъ образцовъ, всѣ ихъ старанія были тщетны. Легкіе мелодисты, среди которыхъ былъ изящный Николо Пиччини, одерживали верхъ.

Въ это время завязалась борьба между Пиччини и нѣмецкимъ композиторомъ Глюкомъ. Послѣдній склонялся къ реформѣ. Онъ особенно рѣзко выступилъ противъ итальянцевъ въ предисловіи къ оперѣ «Альцестъ». На сторонѣ Глюка стоялъ Руссо; Пиччини встрѣтилъ поддержку со стороны Даламбера. Въ 1777 году Глюкъ поставилъ свою оперу «Армида». На это выступленіе Пиччини отвѣтилъ чрезъ годъ постановкой «Роланда». На слѣдующій годъ Глюкъ выступилъ съ «Ифигеніей въ Тавридѣ», и побѣда оказалась на его сторонѣ.

То было крупнымъ событіемъ въ исторіи музыкальнаго искусства. Оно имѣло большое вліяніе на новаторскую оперу Вагнера и особенно на музыкальную выразительность въ лирической драмѣ.

Въ заключеніе своей статьи Мантовани говоритъ, что непосредственнымъ предтечей Вагнера является ближайшій къ нашему времени великій итальянскій мыслитель, патріотъ и революціонеръ Джузеппе Маццини. Оба революціонера въ политикѣ и въ музыкѣ преслѣдовали одну и ту же идею. Маццини, обладавшій душою артиста, высказалъ въ своей «Философіи музыки» много идей, которыя были общи ему съ Вагнеромъ. Эту «Философію» музыки онъ окончилъ въ декабрѣ 1835 года и напечаталъ въ періодическомъ литературномъ журналѣ «Italiano», короткое время выходившемъ въ Парижѣ. Здѣсь Маццини высказалъ свою мысль о будущей музыкальной драмѣ. Въ то время еще не было рѣчи о «музыкальной драмѣ». Говорили объ оперѣ, мелодрамѣ,

и Мадчини первый назвалъ новый жанръ музыки «музыкальной драмой». Онъ утверждалъ, что придетъ время, когда музыка и другія искусства составятъ одну группу, вѣрнѣе одну семью.

— Эмигрантъ-оригиналь ¹⁾. — Про одного мелкаго французскаго дворянина, застигнутаго въ своемъ замкѣ великой революціей, рассказываютъ, что, не желая подвергать себя опасности, онъ рѣшилъ запереться въ своей спальнѣ и просидѣть въ ней все время, пока не утихнутъ ужасы народнаго возстанія. Съ героическимъ упорствомъ онъ привелъ свое рѣшеніе въ исполненіе и просидѣлъ взаперти нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ этотъ чудакъ нашель способъ эмигрировать изъ отечества, не покидая его территоріи.

Рядомъ съ нимъ приходится поставить другаго чудака, созданнаго революціей, но отличавшагося другаго рода причудами. Чудакъ этотъ именовался шевалье де-ла-Токнэ. Бретонецъ родомъ, онъ тринадцати лѣтъ отъ роду поступилъ пажомъ къ брату короля, Monsieur, какъ его тогда называли. Черезъ три года онъ перешель на службу въ одинъ изъ полковъ, стоявшихъ въ Мецѣ, въ 1791 году эмигрировалъ изъ Франціи и предѣлалъ походъ съ принцемъ Конде, у котораго, по его словамъ, «хватило бы офицеровъ на сто тысячъ солдатъ, но солдатъ не находилось даже для пятидесяти офицеровъ». Къ цѣли похода онъ былъ, впрочемъ, совершенно равнодушенъ и лишь десять лѣтъ спустя понялъ, что онъ участвовалъ въ войнѣ, двигаясь вмѣстѣ съ общимъ потокомъ, ухаживая за своей лошадыю и нерѣдко ночуя подъ открытымъ небомъ.

Вскорѣ, однако, онъ сталъ подозрѣвать, что армія Конде идетъ не впередъ, а назадъ, а когда она была распущена, сообразилъ окончательно, что дѣло проиграно. Вмѣстѣ съ тѣмъ у шевелье де-Токнэ оказалось достаточно досуга для размышленій, результатомъ которыхъ было рѣшеніе бросить служеніе дѣлу, которое вовсе не внушало ему энтузіазма. Ему казалось, что всѣ эти республиканцы, пруссаки, австрійцы, роялисты поступаютъ довольно глупо, истребляя другъ друга и не находя никакого исхода изъ этой рѣзни. У него были небольшія деньги, при помощи которыхъ онъ удалился въ Голландію, рассчитывая оттуда переправиться въ Англію и здѣсь выждать окончанія бурныхъ событій.

Лондонъ въ это время былъ наводненъ эмигрантами, изъ которыхъ каждый носился съ какимъ-нибудь химерическимъ планомъ возстановленія Бурбоновъ. Не имѣя особой склонности вмѣшиваться въ политику и питая настоящую страсть къ передвиженіямъ и путешествіямъ, де-Токнэ рѣшилъ идти, куда глаза глядятъ, и странствовать до тѣхъ поръ, пока всѣ эти короли не придутъ къ какому-нибудь соглашенію и онъ не получитъ возможности вернуться въ родную страну.

Отправляясь въ путешествіе, онъ счелъ необходимымъ прежде всего по возможности освободить себя отъ всякаго багажа. Съ другой стороны, ему хотѣлось, если представится случай, побывать и въ «лучшемъ обществѣ», куда надо являться въ соотвѣтствующемъ костюмѣ. Чтобы разрѣшить эту противоположную задачу, де-Токнэ прежде всего заказалъ себѣ особый костюмъ, снабженный

¹⁾ Bibliothèque universelle et Revue suisse. Mai.

шестью карманами. Въ одинъ изъ нихъ онъ сунулъ женскую перчатку, наполненную пудрой, въ другой несессерь, въ третій шелковые чулки, въ четвертый шелковыя панталоны, настолько тонкія, что ихъ можно было свернуть въ трубку, два послѣдніе кармана были нагружены сорочками, галстуками и платками. Шествуя по дорогѣ, онъ связываетъ эти свои пожитки въ узелъ, который надѣваетъ на палку. Внутри этой палки вдѣлана шпага, а на краю—дождевой зонтикъ. Приближаясь къ городу, онъ разговываетъ принадлежности своего туалета по карманамъ и беззаботно гуляетъ по улицамъ съ палкой подъ мышкой, заложивъ руки за спину. Если его приглашаютъ куда-нибудь, онъ моментально совершаетъ свой туалетъ и является нанудренный, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ.

Запасшись установленнымъ паспортомъ, де-Токнэ въ 1793 г. отправляется изъ Лондона въ Виндзоръ. Онъ не знаетъ ни одного слова по-английски, но въ глубинѣ одного изъ его кармановъ лежитъ словарь наиболѣе употребительныхъ словъ и оборотовъ. Впрочемъ, онъ скоро замѣчаетъ, что достаточно нѣкотораго запаса отборныхъ ругательствъ, чтобы смирять хозяевъ встрѣчныхъ гостиницъ. Изъ Виндзора онъ идетъ въ Оксфордъ, а оттуда проникаетъ въ Батъ, Бристоль, Бирмингамъ. Изъ Бирмингама его путь лежитъ въ Шотландію. Онъ въ восторгѣ отъ этой страны легендъ, но фонды его истощились и путешествіе приходится прервать. Не долго думая, онъ останавливается въ Единбургѣ и составляетъ интереснѣйшее описаніе своего путешествія, которое отправляетъ одному знакомому издателю. Ресурсы поправляются, и де-Токнэ возвращается изъ Шотландіи въ Лондонъ. Тутъ его встрѣчаютъ опять тѣ же эмигранты, которые на этотъ разъ кажутся ему еще скучнѣе и назойливѣе. Онъ снова отправляется въ путь, на этотъ разъ въ Ирландію. Въ Дублинѣ онъ пишетъ второй томъ своихъ дорожныхъ впечатлѣній, который тутъ же переводится на англійскій языкъ и издается. Пополнивъ свой кошелекъ, де-Токнэ переправляется въ Шотландію, а оттуда въ Швецію и направляется сначала въ Готенборгъ, а затѣмъ и въ Стокгольмъ. Среди зимы онъ ѣдетъ въ самую глубь страны, проходитъ по замерзшимъ озерамъ, углубляется въ Далекарлію.

Стужа заставляетъ его дрожать въ его черезчуръ легкомъ костюмѣ. Нерѣдко ночью смѣлый туристъ просыпается полузамерзшимъ, но, постоявъ передъ каминомъ часъ-другой, снова отогрѣвается и возвращается къ жизни. И стужа не мѣшаетъ ему проникнуть даже въ предѣлы Лапландіи.

Пока де-Токнэ путешествуетъ, охраняемый своей палкой-зонтикомъ-шпагой, народы продолжаютъ терзать другъ друга, правительства падаютъ, эшафоты дѣйствуютъ, люди борются, составляютъ заговоры, разоряются, обогащаются. А онъ смотритъ на какую-нибудь деревенскую свадьбу, проводитъ вечеръ въ театрѣ или катается на лыжахъ, изучаетъ скандинавскія древности и братается съ полудикимъ лапландцемъ. Шествуя по странамъ, дальше всего стоящимъ отъ шумныхъ событій той эпохи, онъ лишь изрѣдка заглядываетъ въ газету, въ которой онъ, очевидно, едва ли что-нибудь понимаетъ: такъ быстро мѣнялось тогда лицо земли.

За восемь лѣтъ, проведенныхъ въ непрерывномъ хожденіи, де-Токнэ не по-

силъ другого оружія, кромѣ стараго пистолета, у котораго была сломана спускная пружина и недоставало курка. Пуль и пороха для такого оружія не требовалось. Въ критическихъ случаяхъ отважный пѣшеходъ выхватывалъ изъ кармана это страшное оружіе и принималъ столь грозную позу, что всѣмъ приходилось держать съ нимъ ухо остро. Были, конечно, во время этихъ безконечныхъ странствованій приключенія и другого рода. Такъ, въ одинъ прекрасный вечеръ послѣ длиннаго дневного перехода де-Токнэ входитъ въ какую-то гостиницу и проситъ дать ему возможность переночевать. Его ведутъ въ какую-то комнату съ двумя кроватями, причемъ хозяинъ предупреждаетъ новаго постояльца, что одна изъ нихъ уже занята madame. Галантный французъ быстро раздѣвается, закутывается въ одѣяло, но никакъ не можетъ заснуть: его волнуетъ близость madame. Не будучи въ силахъ преодолѣть себя, де-Токнэ вступаетъ съ сосѣдкой въ разговоръ. «Вы, конечно, замужемъ?» начинаетъ онъ свои расспросы. «Да». — «А сколько у васъ дѣтей?» — «Двое». — «Сколько лѣтъ младшему ребенку?» — «Тридцать два». Эти слова дѣйствуютъ на него, какъ хорошая доза морфія. Онъ поворачивается на бокъ и засыпаетъ сномъ праведника.

Де-Токнэ не ошибся въ своихъ расчетахъ на то, что «въ концѣ концовъ все уладится». Раскрывъ однажды газету, онъ вычиталъ, что генералъ Бонапартъ, сдѣлавшійся консуломъ, разрѣшилъ эмигрантамъ вернуться во Францію. Онъ живо собирается въ путь и шагаетъ уже не къ сѣверу, а въ свою родную Бретань, чтобы уже не покидать ея болѣе. При возвращеніи Бурбоновъ де-Токнэ, въ воздаяніе прежнихъ заслугъ, получаетъ крестъ св. Людовика, о которомъ онъ давно уже мечталъ, и мирно доживаетъ свой вѣкъ въ родномъ городѣ Нантѣ.

— Выдержки изъ дневника графа Аппоньи ¹⁾. — «Revue des deux mondes» продолжаетъ печатать выдержки изъ дневника графа Аппоньи. Въ майской книжкѣ онѣ обнимаютъ 1836 г. Авторъ-дипломатъ и здѣсь отводитъ значительное мѣсто княгинѣ Ливенъ и относится къ ней довольно критически. Въ одной изъ его фразъ можно уловить причину такого отношенія: княгиня Ливенъ питала самыя анти-австрійскія чувства.

Онъ рисуеъ ея довольно односторонней собесѣдницей, которая говоритъ только о политикѣ. Когда у нея истощался матеріалъ для политической бесѣды, она не знала, о чемъ говорить.

Однажды въ Валансѣ, гдѣ собралось небольшое общество, она истощила весь свой запасъ политическихъ новостей, а новыхъ еще не получила и потому не знала, куда дѣваться отъ скуки. Герцогиня Дино всѣми силами старалась оживить общество, но и у нея политическихъ новинокъ не оказалось. Приглашенные мужчины, среди которыхъ былъ и графъ Аппоньи, еще не пріѣхали. Письма тоже еще не были получены. Княгиня Ливенъ попыталась выйти изъ скучной атмосферы, но напрасно. Раздосадованная этой неудачей, она удалилась въ свои покои, ссылаясь на необходимость написать письмо графинѣ

¹⁾ La ville et la cour sous le regne de Louis-Philippe. Extraits du journal du comte R. Apponyi.

Аппоньи. На другой день она потребовала отъ дворецкаго, чтобы ей перемѣнили помѣщеніе. Въ этихъ аппартаментахъ ее будто бы беспокоилъ запахъ краски. Напрасно дворецкій увѣрялъ ее, что ихъ не красили уже четырнадцать лѣтъ. Княгиня не вѣрила этому. Тогда онъ предложилъ ей комнаты, гдѣ жили испанскіе инфанты во время своего пребыванія въ Валансѣ.

Она перебралась туда. Но не прошло и двухъ дней, какъ съ ея стороны раздались жалобы на неудобство помѣщенія. Она требовала аппартаменты, гдѣ стѣны были бы тоньше, иначе у нея дѣлался сплинъ. Тогда ей предложили комнаты самой герцогини Валансѣ, которая уѣхала на время въ Парижъ.

По словамъ венгерскаго дипломата, княгиня Ливенъ отличалась пытливымъ умомъ. Хотя она никогда ничего не читала, даже газетъ, но обладала въ совершенствѣ талантомъ вывѣдывать и знала рѣшительно все, что дѣлается въ политическомъ и свѣтскомъ мірѣ. Однажды Аппоньи сдѣлалъ ей визитъ, и она попросила его сопровождать ее съ пѣмянницей въ Булонскій лѣсъ. Очевидно, ей хотѣлось собрать свѣдѣнія о парижскомъ обществѣ. Дорогою она узнала все, что ей требовалось, и сдѣлала вмѣстѣ съ Аппоньи нѣсколько визитовъ.

Боязнь одиночества, особенно въ сумерки, заставляла княгиню постоянно искать общества. Иначе она хандрила, впадала въ меланхолію и плакала. По этой причинѣ она нерѣдко являлась на обѣды и завтраки позже назначеннаго часа; даже на утренніе концерты она опаздывала и являлась иногда къ самому концу.

На одномъ обѣдѣ у леди Гренвилль собрались сливки парижскаго общества. Тутъ были и обѣ представительницы великосвѣтскаго остроумія, виконтесса де-Ноайль и маркиза Жюмильякъ. Обѣ парижанки оживляли своимъ остроуміемъ общество, но княгиня Ливенъ отнеслась къ нимъ недружелюбно. Она какъ будто ожидала съ ихъ стороны нападенія и приготавливалась къ самозащитѣ. По мѣрѣ того, какъ слуги докладывали о прибытіи новыхъ гостей, княгиня становилась все болѣе и болѣе рѣзкой. Такое поведеніе смутило обѣихъ парижанокъ, и онѣ перешли на другой конецъ стола, увлекая за собою всѣхъ мужчинъ. Это задѣло за живое княгиню Ливенъ. Она почувствовала себя оскорбленной и тотчасъ же послѣ обѣда уѣхала домой.

Въ салонѣ княгини собирались представители новаго правительства и его оппозиціи—карлистовъ. Главнымъ оракуломъ этого салона былъ Талейранъ.

Всѣхъ занималъ планъ союза Франціи съ Россіей при помощи брака герцога Орлеанскаго съ одной изъ русскихъ великихъ княженъ. Луи-Филиппъ и министры были убѣждены, что герцогъ Орлеанскій когда-нибудь вступитъ на французскій престолъ. Но они также понимали, что вступить на тронъ гораздо легче, чѣмъ удержаться на немъ. Его царствованіе обезпечивалось только миромъ, внутреннимъ порядкомъ и благоденствіемъ страны. А все это могъ доставить только союзъ съ правительствомъ самымъ устойчивымъ и наиболее заинтересованнымъ въ поддержаніи status quo. Надо доказать французскому народу, что систему іюльскаго правительства Европа не только терпитъ, но даже одобряетъ. Для этого требовалось какое-нибудь явное доказательство такого настроенія Европы. Этимъ доказательствомъ могъ быть бракъ герцога

Орлеанскаго съ принцессой одной изъ трехъ могущественныхъ державъ: Австріи, Россіи или Пруссіи.

Княгиня Ливенъ предвидѣла, какъ трудно исполнить этотъ планъ, но тѣмъ не менѣе намекнула Талейрану, что его осуществленіе возможно. Она обѣщала уладить дѣло въ случаѣ, если Австрія попытается создать какія-либо затрудненія къ выполнению этого плана.

По словамъ Аппоньи, княгиня Ливенъ хотѣла замѣнить Нессельроде своимъ братомъ, графомъ Бенкендорфомъ. По этому случаю между ними велась дѣятельная переписка, и графъ показывалъ ей письма императору. Въ свою очередь, княгиня Ливенъ сообщала эту переписку Тьеру, который приводилъ изъ нея выдержки королю.

Проектъ брака герцога Орлеанскаго съ какою-либо изъ принцессъ одной изъ названныхъ трехъ державъ въ особенности занималъ королеву. Въ материнскомъ ослѣпленіи она была убѣждена, что ея сынъ способенъ плѣнить всякаго съ перваго взгляда. Поэтому она не хотѣла откладывать въ долгій ящикъ его визитъ въ Пруссію и Австрію.

Наконецъ все было устроено для этой поѣздки, и герцогъ Орлеанскій съ своимъ братомъ, герцогомъ Немурскимъ, отправились въ Берлинъ и Вѣну. Послѣдній тоже былъ не прочь вступить въ бракъ съ одной изъ австрійскихъ принцессъ.

Эта поѣздка и радушный приѣмъ были громовымъ ударомъ для карлистовъ говорить Аппоньи. Они составили планъ похищенія герцога Бордоскаго въ Прагъ съ цѣлью отправить его въ Россію для вступленія на русскую военную службу.

Хотя этотъ планъ карлистовъ и не удался, однако онъ сильно встревожилъ Тьера. Онъ поднялъ тревогу, разослалъ повсюду телеграммы и обратился за помощью къ посланникамъ всѣхъ державъ.

Вопросъ о бракѣ герцога все еще оставался не рѣшеннымъ. Королевская семья была убѣждена, что все зависитъ отъ Меттерниха и потому слѣдуетъ обратиться къ нему. Конечно, всѣ были увѣрены, что Австрія потребуетъ кое-какихъ гарантій въ будущемъ.

Тѣмъ временемъ настроеніе княгини Ливенъ становилось все хуже. Она сдѣлалась черезчуръ требовательна. Если се не посѣщали ежедневно, то она плакала и осыпала всѣхъ упреками.

Вспоминая о второмъ покушеніи на жизнь короля Луи-Филиппа, Аппоньи передаетъ всѣ подробности этого событія. Алибо, совсѣмъ еще молодой чело-вѣкъ, въ моментъ ареста выхватилъ кинжалъ съ намѣреніемъ убить себя. Полицейскій назвалъ его трусомъ. «Трусъ не искалъ бы смерти», воскликнулъ онъ.

Онъ стрѣлялъ мѣтко, но пуля пролетѣла на два пальца надъ головою короля и застряла въ кузовѣ экипажа. Неожиданность нападенія парализовала силу впечатлѣнія, и въ первый моментъ королева и принцесса Аделаида не могли дать себѣ отчета въ томъ, что произошло. Король самъ объяснилъ имъ, что въ него стрѣляли.

Авторъ подробно рассказываетъ о своемъ пребываніи въ Лондонѣ. Между прочимъ, ему пришлось разъ обѣдать у герцога Девонширскаго. Тутъ онъ

познакомился со многими аристократками. Онъ произвели на него пріятное впечатлѣніе своею красотою, любезностью и образованіемъ. Послѣ обѣда въ 9½ часовъ дамы вышли изъ-за стола, а мужчинамъ подали кофе, а чрезъ два часа чай. Все время придворная капелла исполняла произведенія итальянскихъ композиторовъ, но общество, не обращая вниманія на музыку, все время болтало. Гостямъ приходилось даже кричать, разговаривая съ глухимъ герцогомъ.

Герцогъ и его сестра были ярые виги—болѣе изъ тщеславія, замѣчаетъ Аппоньи, что не мѣшало имъ пользоваться всѣми своими привилегіями. Герцогъ не обладалъ даромъ слова, поэтому онъ завоевалъ себѣ популярность ногами, отплясывая на балахъ прачекъ съ дамами самыхъ низшихъ классовъ общества. Его сестра также до утра танцевала съ различными фабрикантами и адвокатами изъ Дерби.

На одномъ изъ такихъ баловъ побывалъ и графъ Аппоньи. Этотъ пиръ устроила старшая прачка герцога и въ 12 часовъ ночи прислала ему приглашительный билетъ. Графъ Аппоньи сначала не хотѣлъ идти, но потомъ раздумалъ и отправился. Пройдя дворомъ, онъ спустился въ подвалъ и сводчатыми коридорами достигъ большой комнаты. Она освѣщалась четырьмя свѣчами и совершенно утопала въ облакахъ табачнаго дыма. Воздухъ былъ отравленъ запахомъ водки и человѣческаго пота. вмѣсто скамеекъ были положены доски, на которыхъ сидѣлъ между гостями и герцогъ.

Въ знакъ почетнаго отличія герцогу и дипломату были поданы двѣ чашки горячаго пива, смѣшаннаго съ яйцами и можжевелевой водкой. Когда музыка смолкла, то одинъ изъ присутствовавшихъ, слуга герцога, вскочилъ на столъ и произнесъ рѣчь отъ имени всего общества. Послѣ этого раздался громъ рукоплесканій, и герцогъ со слезами вполголоса произнесъ: «Какъ они добры ко мнѣ». Въ заключеніе онъ протанцевалъ съ женою своего кучера и удалился съ бала вмѣстѣ съ графомъ Аппоньи подъ громъ рукоплесканій. Было четыре часа утра.

— Біографія Парнелля.—Въ Лондонѣ у Касселя вышла въ двухъ томахъ любопытная біографія извѣстнаго политическаго дѣятеля, стоявшаго въ восьмидесятихъ годахъ во главѣ ирландскихъ націоналистовъ, Чарльза Стюарта Парнелля. Авторомъ этой книги, возбудившей въ Англій общіе толки, является вдова Парнелля, женщина, съ которой онъ долго находился въ связи и которая вышла замужъ за «некоронованнаго короля Ирландіи» всего за пять мѣсяцевъ до его смерти. Сначала она была въ замужествѣ съ капитаномъ О'Ши, ирландцемъ по происхожденію и ярымъ поклонникомъ Парнелля по своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Бракъ этой богато одаренной женщины съ посредственнымъ капитаномъ былъ не изъ счастливыхъ. Капитанъ О'Ши оказался довольно легкомысленнымъ въ денежныхъ дѣлахъ и по этой причинѣ долженъ былъ даже оставить военную службу. Такъ какъ онъ происходилъ изъ очень вліятельной въ Ирландіи семьи, то ему удалось получить мѣсто въ парламентѣ и съ этого момента онъ всецѣло посвятилъ себя политической дѣятельности. Въ качествѣ жены политическаго дѣятеля, мистриссъ О'Ши рѣшила открыть салонъ, въ который собрала выдающихся

членовъ ирландской партіи. Такимъ образомъ произошло знакомство красивой жены капитана съ главой ирландскихъ гомрулеровъ. Въ 1880 году она пригласила Парнелля къ себѣ на обѣдъ, но ея письмо осталось безъ отвѣта. Не отказываясь отъ мысли привлечь въ свой салонъ тогдашнюю знаменитость, госпожа О'Ши отправилась вмѣстѣ съ своей сестрой въ приемную палаты общины. Парнелль вышелъ къ ней тотчасъ же. «Въ приемную вышелъ высокій статный господинъ, очень худой и блѣдный, какъ полотно,—разсказываетъ мистриссъ Парнелль. — Онъ улыбнулся мнѣ и посмотрѣлъ на меня такими сверкающими глазами, что я сразу поняла, что этотъ человѣкъ не таковъ, какъ всѣ другіе. Садясь въ экипажъ, я уронила розу, которая была прикрѣплена къ моему платью. Онъ поднялъ ее и прикрѣпилъ къ себѣ въ петлицу. Эту розу я нашла много лѣтъ спустя на моемъ кувертѣ, ее же я положила съ нимъ въ гробъ».

За этимъ первымъ знакомствомъ послѣдовала продолжительная переписка. Письма сначала начинаются обычнымъ обращеніемъ «My dear Lady», но уже съ октября 1880 и обращеніе и тонъ писемъ Парнелля носятъ совершенно интимный характеръ.

Въ это время супруги О'Ши жили въ своемъ имѣніи Эльтгамъ, гдѣ Парнелль нерѣдко гостилъ у нихъ особенно въ то время, когда самъ О'Ши по дѣламъ надолго уѣзжалъ въ Лондонъ. Вскорѣ, однако, онъ догадался о характерѣ отношеній между его женой и Парнеллемъ. Въ іюль 1881 года онъ однажды вернулся домой совершенно неожиданно. Парнелля въ домѣ не оказалось, зато въ передней висѣлъ его плащъ. Капитанъ вызвалъ Парнелля на дуэль, но до поединка дѣло не дошло.

Мистриссъ Парнелль разсказываетъ исторію своихъ отношеній къ своему будущему мужу совершенно откровенно. «16-го февраля 1882 года у меня родился ребенокъ. Я была очень больна, но радостное чувство, что этотъ ребенокъ отъ Парнелля, помогло мнѣ преодолѣть физическія страданія». Этотъ ребенокъ вскорѣ, впрочемъ, умеръ. Въ то же время былъ выпущенъ на честное слово изъ тюрьмы и Парнелль, заключенный туда за политическое преступленіе. Какъ это ни странно, между Парнеллемъ и капитаномъ О'Ши опять возобновились дружескія отношенія. Парнелль пріѣхалъ въ Эльтгамъ, чтобъ въ первый и послѣдній разъ взглянуть на своего только что умершаго ребенка. Пока мать въ первомъ этапѣ оплакивала своего умершаго ребенка, мужчины до глубокой ночи сидѣли наверху въ гостиной и говорили не о трагедіи ихъ жизни, а о своихъ партійныхъ дѣлахъ и гомрулѣ. Капитанъ О'Ши утратилъ свою былую популярность и теперь настойчиво требовалъ помощи отъ Парнелля, надѣясь, что онъ проведетъ его въ палату общины.

Конецъ этой любовной исторіи, длившейся около десяти лѣтъ, сплетается съ политической исторіей Англии. Въ 1889 году произошли убійства въ Фениксъ-паркѣ, которые надолго отсрочили торжество ирландскаго націонализма. Была назначена особая «Парнеллевская» комиссія. Одновременно былъ начатъ капитаномъ О'Ши и бракоразводный процессъ противъ своей жены. Англійское общественное мнѣніе, вообще очень строгое къ людямъ, занимающимъ видные посты, особенно строго къ политическимъ и парламентскимъ дѣятелямъ.

Англичане полагають, что если общественный дѣятель позволилъ себѣ открыто незаконно сожителствовать съ чужой женой, то нравственный уровень такого дѣятеля не высокъ и, несмотря на всѣ свои таланты, онъ долженъ сойти съ общественной арены. Съ этой точки зрѣнія отнеслись и къ Парнеллю, и политическая роль этого «некоронованнаго короля Ирландіи» была кончена навсегда.

Къ довершенію его несчастья, онъ умеръ черезъ полгода послѣ того, какъ получилъ возможность назвать любимую женщину своей законной женой. Онъ никогда, однако, не раскаивался въ томъ, что принесъ въ жертву своей любви и свое общественное положеніе и свою политическую карьеру, и еще на смертномъ одрѣ благословлялъ ту, которая сумѣла его понять и привязать.

— Французская біографія И. А. Гончарова.—Новое доказательство интереса къ Россіи во Франціи даетъ намъ трудъ французскаго ученаго Андрэ Мазона, написавшаго біографическое изслѣдованіе о Гончаровѣ.

Эту книгу слѣдуетъ отмѣтить, какъ серьезное и всестороннее изслѣдованіе жизни нашего великаго писателя. Въ трудѣ Андрэ Мазона ярко выступаетъ обликъ Гончарова со всѣми оттѣнками его характера въ разные эпохи жизни. Авторъ даетъ анализъ произведенія Гончарова въ связи съ личностью писателя, такъ что читателю становится ясной духовная связь писателя съ его героями и дѣлается понятнымъ, что изъ-подъ его пера должны были выйти именно такіа, а не другія произведенія.

Андрэ Мазонъ говоритъ, для поясненія своей точки зрѣнія, что въ творествѣ самого писателя выясняются тѣ тайны души, которыхъ не угадаешь въ сѣрой полосѣ его долгой однообразной жизни, большая часть которой была отдана службѣ; это однообразіе было лишь слегка нарушено его кругосвѣтнымъ путешествіемъ. За сдержанной и корректной личиной чиновника изслѣдованіе его творчества открываетъ намъ затаенныя личныя свойства человѣка, его темпераментъ, думы и чувства, предрасудки и завѣтныя мечты. Мы узнаемъ, чѣмъ онъ былъ и чѣмъ стремился стать, мы раскрываемъ картину той среды, въ которой онъ сложился, сохранивъ навсегда ея отпечатокъ. Широкая и подробная картина, развертываемая передъ нашими глазами творчествомъ писателя, дополнить рѣдкія біографическія свѣдѣнія о немъ, не противорѣчая имъ. Французскій біографъ вполне достигъ своей цѣли; книга его читается съ громаднымъ интересомъ. Онъ даетъ намъ обликъ Гончарова съ наследственными свойствами того высшаго класса населенія, въ которомъ родился писатель; въ этой средѣ юморъ, наблюдательность и здравый смыслъ писателя нашли пищу для своего развитія, соединяясь съ широкой объективностью и непреодолимой тѣнью той же среды; мы слѣдимъ за постепеннымъ созрѣваніемъ его міровоззрѣнія,—все это вѣрно понято и изображено Андрэ Мазономъ, начиная съ семейнаго гнѣзда въ тихомъ уголкѣ мирнаго Сибирска, продолжалъ черезъ годы университетскаго развитія, эпоху созданія «Обломова» и «Обрыва» и вплоть до начала конца, когда Гончаровъ медленно угасалъ въ своей квартирѣ на Моховой улицѣ.

Мазонъ пользовался и богатымъ матеріаломъ для составленія своей книги. Онъ, видимо, хорошо знакомъ съ русской литературой и отлично, до тонкостей,

знаетъ русскій языкъ; къ біографіи приложенъ цѣлый рядъ документовъ на русскомъ языкѣ, касающихся цензурской дѣятельности Гончарова; умѣло составленныя примѣчанія разъясняютъ для французскаго читателя жизнь и бытъ русскаго общества шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ.

Къ одному изъ немалыхъ достоинствъ книги надо отнести еще ту объективность, съ которой авторъ разбираетъ типы чуждаго ему народа. Онъ видитъ героевъ Гончарова со стороны и анализируетъ ихъ съ точки зрѣнія общечеловѣческой, оставаясь западнымъ человѣкомъ по отношенію къ Россіи.

Особенно глубоко онъ понялъ и проанализировалъ Обломова, видя въ немъ не только русскаго барина, съ типичной для Россіи «обломовщиной», но общечеловѣчскій типъ «лежебоки», яркаго представителя тѣхъ мечтаній о беззаботной жизни въ оазисѣ абсолютнаго покоя, которыя каждый безпристрастный наблюдатель найдетъ въ своей собственной душѣ.

«Обломовъ типъ народный; болѣзнь, которую онъ страдаетъ, русская болѣзнь, въ этомъ нельзя сомнѣваться, хотя бы обративъ вниманіе на количество русскихъ словъ, обозначающихъ людей, страдающихъ ею: увалень, лежебока, байбакъ... Въ самомъ дѣлѣ, идетъ ли рѣчь о мужикѣ, про него говорится: «что ты спишь, мужичокъ»; о чиновникѣ—его называютъ халатнымъ; барина, живущаго праздно, зовутъ «настоящимъ обломовцемъ». Всюду мы видимъ, что апатичныхъ людей въ Россіи—легіонъ; многіе писатели замѣчали это до Гончарова, но ни одному не удалось въ своемъ наброскѣ изобразить типъ во всей его полнотѣ. Но Обломовъ также типъ общечеловѣчскій, и каждый правдивый читатель, закрывая книгу, вспомнитъ слова Добролюбова, что во всякомъ человѣкѣ есть нѣкоторая доза «обломовщины». Какъ бы онъ ни былъ активенъ, онъ вспомнитъ, что и ему, хотя бы мимолетно, мечталось о легкой и безпечной жизни русскаго помѣщика, что и ему приходилъ соблазнъ уединиться въ какую-нибудь знакомую или воображаемую «Обломовку», словомъ, что и въ немъ есть инстинктъ жить въ укромномъ уголочкѣ, тотъ инстинктъ, который въ душѣ Ильи Ильича расцвѣлъ въ ущербъ всему остальному и благодаря которому его можно назвать общечеловѣчскимъ типомъ».

Аналитическая оцѣнка Гончарова проведена въ особенности въ главахъ, названныхъ «Идеи», «Писатель», «Постороннія вліянія». Особенно привлекаетъ наше вниманіе первая изъ этихъ главъ, а именно та, въ которой изложены идеи и принципы Гончарова. Здѣсь собраны воедино всѣ мысли и тенденціи, отмѣченныя Мазономъ во время послѣдовательнаго анализа романовъ Гончарова.

Сначала разбирается отношеніе Гончарова къ вопросамъ вѣчности и религіи. Затѣмъ на очереди любовь и женскіе образы въ романахъ Гончарова. Но центральное мѣсто занимаетъ изложеніе доктрины, выведенной, быть можетъ, немного искусственно, изъ всего его творчества. Носителями ея являются послѣдовательно три человѣка: Адуевъ, Штольцъ и Тушинъ. Это все «люди будущеца», труженики, антитеза лежебокъ и романтиковъ. Впрочемъ, едва ли можно ихъ относить всѣхъ къ одной группѣ. Штольцъ и Тушинъ настоящіе работники и живые люди, а дядюшка Адуевъ—эгоистъ и сухой аферистъ; онъ только тѣмъ примыкаетъ къ нимъ, что его безкрылая иронія клеймитъ карикатурный романтизмъ племянника, аналогично тому, какъ энергія и здравый смыслъ

Штольца и Тушина подчеркивают лѣнь и бесполезность Обломова и Райскаго; но этой аналогіей ограничивается все сходство. Однако Мазонъ, увлеченный симметричностью построения, захотѣлъ увидѣть и въ дядюшкѣ Адуевѣ такого же человѣка будущаго и черноземную силу.

«Мы находимъ во всѣхъ романахъ Гончарова принципъ производительной дѣятельности, но онъ постепенно утоньшается и очищается. Петръ Адуевъ защищаетъ его сильно, но нѣсколько цинично и эгоистично: въ «Обыкновенной исторіи» онъ еще вступаетъ въ борьбу съ сентиментальностью и туманнымъ честолюбіемъ юности; но мы догадываемся, несмотря на пессимистическую развязку, что принципъ этотъ одержалъ въ душѣ автора побѣду, горестную, но рѣшительную. «Обломовъ» подтверждаетъ это предположеніе. Въ немъ дѣятельный человѣкъ предлагается читателю въ примѣръ безъ всякаго оттѣнка ироніи или горечи. Правда, это уже не карьеристъ-чиновникъ, ставшій крупнымъ промышленникомъ, не сухое сердце и узкій умъ, довольный собой, своимъ чиномъ и успѣхомъ своихъ предпріятій, но «человѣкъ», завоевавшій свое независимое положеніе, даровитый и просвѣщенный, гордый безъ чванства, дѣятель, понимающій радость труда и покой богатой внутренней жизни».

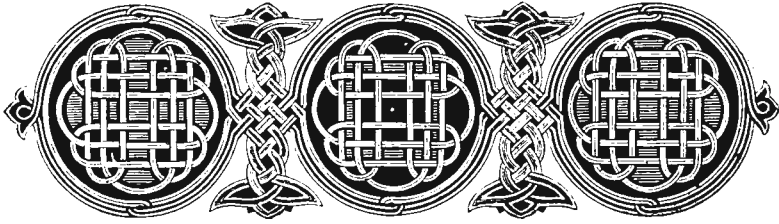
«Наконецъ въ «Обрывѣ» мы встрѣчаемъ еще неясный и немного искусственный обликъ человѣка будущаго, работника-колониста Тушина; среди своихъ рабочихъ онъ первый и самый сильный, но умъ его открытъ для новыхъ мыслей, онъ знаетъ заботы о справедливости и прогрессѣ. Итакъ, бюрократъ уступилъ мѣсто дѣльцу, умному и культурному, а этотъ, въ свою очередь, ступшевыается передъ пионеромъ-степнякомъ».

Въ послѣднихъ главахъ разбирается художественная сторона въ творчествѣ Гончарова. А. Мазонъ здѣсь наиболѣе глубоко подошелъ къ пониманію души писателя, выяснивъ, насколько онъ достигъ познанія самого себя, а черезъ это и силы творчества. Гончаровъ постоянно наблюдалъ за самимъ собою, отмѣчая путь собственнаго развитія, задаваясь вопросомъ, могъ ли бы онъ прожить свою жизнь иначе. Изъ этого чрезвычайнаго самоанализа выросло его глубокое творчество.

Мы ограничимся выше приведенными выдержками, изъ которыхъ уже видно, что книга А. Мазона не можетъ пройти не замѣченной. Она не только даетъ намъ пониманіе нашего великаго писателя, но объясняетъ одновременно то духовное теченіе, изъ котораго вышелъ Гончаровъ.

Трудъ А. Мазона является цѣннымъ приобрѣтеніемъ, какъ для французовъ, получившихъ превосходное литературное руководство къ познанію Россіи, такъ и для насъ, русскихъ, рѣдко умѣющихъ цѣнить во всей полнотѣ представителей нашего собственнаго народнаго творчества.

С М Ъ С Ъ.

ОТКРЫТІЕ памятника великому князю Михаилу Николаевичу.

10-го іюня въ Старомъ Петергофѣ состоялось открытіе памятника шефу лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго полка великому князю Михаилу Николаевичу. На торжество прибыли ихъ императорскія высочества великіе князья Николай Николаевичъ и Сергій Михайловичъ, помощникъ августѣйшаго главнокомандующаго войсками генераль-отъ-артиллеріи фанъ-деръ-Флитъ и много другихъ представителей военнаго и административнаго міра. Въ исходѣ 11 часа утра изволилъ прибыть Государь Императоръ. Принявъ рапортъ командира полка, Его Величество изволилъ обходить фронтъ полка; затѣмъ Государь Императоръ направился къ мѣсту, приготовленному для богослуженія. Шесть полковыхъ штандартовъ съ церемоніей были вынесены передъ аналой, и протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства Шавельскій соборнѣ съ полковымъ духовенствомъ совершилъ богослуженіе на открытіе памятника. При возгласеніи «Вѣчная память» спала пелена, скрывавшая памятникъ, и конно-гренадеры взяли на караулъ. Послѣ царскаго многолѣтія монументъ былъ окропленъ св. водой. По окончаніи богослуженія лейбъ-гвардіи конно-гренадерскій полкъ прошелъ церемониальнымъ маршемъ, удостоившись царскаго спасибо. Послѣ этого Государь Императоръ изволилъ обратиться къ офицерамъ и благодарилъ ихъ за блестящій парадъ, а нижнимъ чинамъ за молодецкій смотръ сказалъ спасибо. Осмотрѣвъ памятникъ, Государь Императоръ, въ сопровожденіи великихъ князей, лицъ свиты и полкового начальства прослѣдовалъ въ офицерское собраніе, гдѣ посѣтилъ историческій музей и занесъ свое имя въ книгу почетныхъ посѣтителей. Открытый памятникъ въ Возѣ почивающему великому князю Михаилу Николаевичу сооруженъ на средства офицеровъ лейбъ-гвар-

дѣн конно-гренадерскаго полка и прежде служившихъ въ немъ. Памятникъ былъ заложенъ 17-го августа 1913 года, въ день столѣтней годовщины Кульмскаго боя. Памятникъ сооруженъ по проекту скульптора подполковника Самонова—автора памятника генералу Скобелеву въ Москвѣ. Отливка памятника и обработка гранитнаго пьедестала была исполнена заводомъ Морана въ Петербургѣ. Всѣми работами по сооруженію памятника завѣдывали полковникъ Эгерштрѣмъ и поручикъ Вороновичъ, которымъ написана розданная присутствовавшимъ на завтракѣ памятка о жизни великаго князя Михаила Николаевича и о сооруженіи памятника.

Открытие памятника А. Т. Болотову. На могилѣ извѣстнаго исторіографа XVIII вѣка А. Т. Болотова, въ селѣ Русятинѣ Алексинскаго уѣзда, состоялось 9-го іюня освещеніе памятника, возобновленнаго на средства потомковъ Долинино-Иванскихъ и Болотова. На торжествѣ освященія присутствовали тульскій губернаторъ, потомки Болотова, представители губернской архивной комиссіи, во главѣ съ предсѣдателемъ, мѣстное дворянство и окрестные крестьяне. Отъ архивной комиссіи, дворянства и духовенства были возложены на памятникъ вѣнки.

Празднованіе 500-лѣтія Павло-Обнорскаго монастыря. Состоявшееся 8-го іюня празднованіе 500-лѣтія основанія Павло-Обнорскаго мужскаго монастыря въ Грязовецкомъ уѣздѣ ознаменовалось торжественными богослуженіями, совершенными преосвященнымъ Антоніемъ, епископомъ вельскимъ, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. На торжествахъ присутствовали мѣстный землевладѣлецъ статсъ-секретарь Рухловъ съ семьей, вологодскій губернаторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Лопухинъ, представители дворянства, земства и города. Наплывъ богомольцевъ былъ громаднѣйшій. Монастырь предоставилъ паломникамъ бесплатно бараки, хлѣбъ и кипятокъ. Ко дню празднованія 500-лѣтія монастыремъ получена лампада, пожертвованная отъ имени и на средства ихъ императорскихъ высочествъ наслѣдника цесаревича и августѣйшихъ дочерей Ихъ Величествъ къ надгробной рацѣ преподобнаго Павла Обнорскаго чудотворца.

50-лѣтній юбилей Н. Г. Мартынова. 30-го іюня исполнился рѣдкій литературный юбилей извѣстнаго книгопродавца и библіографа Николая Гавриловича Мартынова. Еще въ 1864 г. 30-го іюня онъ помѣстилъ въ журналѣ «Книжный Вѣстникъ» подъ редакціей Сенковского свою первую статью «О неудобствахъ книжнаго дѣла въ Россіи» (эти неудобства мы испытываемъ и теперь) и составилъ систематическій каталогъ русскихъ книгъ, изданный книгопродавцемъ Я. А. Исаковымъ, у котораго онъ служилъ приказчикомъ. Этотъ каталогъ послужилъ первымъ основнымъ матеріаломъ для серьезнаго труда В. И. Межова, изданнаго А. Ф. Базуновымъ въ 1869 году. Затѣмъ въ теченіе истекшихъ 50 лѣтъ Н. Г. Мартыновъ написалъ цѣлый рядъ статей по различнымъ вопросамъ книготорговаго дѣла, кредита подъ книги и библіографіи; составилъ статистическія таблицы русскаго книгоиздательства; редактировалъ журналы «Книжная Биржа», «Книжный Вѣстникъ», и нынѣ 30-го іюня 1914 года его литературной и библіографической дѣятельности минуло 50 лѣтъ. Н. Г. Мартыновъ занимается книготорговлей съ 14-го января 1857 года и теперь продолжа-

ѣть работать, въ мартѣ 1914 года былъ прочитанъ его докладъ въ библиографическомъ обществѣ при императорскомъ московскомъ университетѣ «О научномъ значеніи и практической пользѣ составленія, печатанія и распространенія библиографическихъ монографій по разнымъ отраслямъ наукъ». Юбиляру 71 годъ, Въ особенности Н. Г. Мартышовъ оказалъ большую услугу своими библиографическими разысканіями въ области морского дѣла, помѣщаемыя имъ библиографическія монографіи въ журналѣ морского министерства «Записки по гидрографіи» заслуживаютъ большого вниманія.

Пятидесятилѣтіе литературной и научной дѣятельности А. Н. Витмера. 25-го іюня исполнился полувѣковой юбилей литературной и научной дѣятельности профессора и сотрудника «Историческаго Вѣстника» Александра Николаевича Витмера. Юбиларъ родился въ 1839 году; окончилъ курсъ академіи генеральнаго штаба въ 1861 году. Въ слѣдующемъ же 1862 году онъ подалъ диссертацию на конкурсъ, объявленный академіей для занятія каѳедры военной исторіи. Диссертация была на тему: «Вліяніе французскихъ военныхъ учрежденій на ходъ революціонныхъ войнъ и кампанія 1800 года Бонапарта въ Италіи до сраженія при Маренго». Признанная по конкурсу лучшей, диссертация эта была напечатана въ маѣ 1864 года, а 25-го іюня того же года А. Н. Витмеръ былъ назначенъ адъюнкть-профессоромъ академіи генеральнаго штаба. Вслѣдъ за назначеніемъ адъюнкть-профессоромъ А. Н. Витмеръ раздѣлилъ академическую каѳедру по военной исторіи пополамъ съ назначеннымъ нѣсколько ранѣе А. С. Станкевичемъ. Въ 1869 году, послѣ ухода изъ академіи М. И. Драгомирова, А. Н. занялъ его каѳедру по тактикѣ и военному искусству. Въ томъ же году онъ былъ посланъ за границу для знакомства съ французской и прусской арміями и, по возвращеніи, въ двухъ публичныхъ сообщеніяхъ, сравнивая обѣ арміи, А. Н. Витмеръ высказалъ непоколебимое убѣжденіе, совершенно противорѣчившее тогдашнимъ докладамъ всѣхъ нашихъ военныхъ агентоувъ,—о томъ, что при встрѣчѣ съ пруссаками французы будутъ «обречены на катастрофу». Въ началѣ апрѣля 1878 года юбиларъ, въ виду надвигавшейся опасности войны съ Англіей, былъ назначенъ на очень отвѣтственную должность начальника штаба береговой и морской обороны Свеаборга. Интересныя воспоминанія объ этой службѣ въ Свеаборгѣ напечатаны имъ въ «Морскомъ Сборникѣ» (1914 г. №№ 5 и 6). По заключеніи мира А. Н. Витмеръ вышелъ по болѣзни въ отставку и, поселясь въ Ялтѣ, занялся хозяйственной дѣятельностью и общественной—въ качествѣ городского и земскаго гласнаго, почетнаго мирового судьи и въ теченіе пяти лѣтъ предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей. Литературную дѣятельность юбиларъ началъ, если не считать мелкихъ статей, еще въ 1862 году выполненіемъ указанной выше диссертации, которая была напечатана и вышла отдѣльнымъ изданіемъ лишь въ 1864 году. Этотъ годъ юбиларъ и считаетъ началомъ своей литературной и научной дѣятельности. А. Н. Витмеръ писалъ много въ разныхъ изданіяхъ по общественнымъ и военнымъ вопросамъ, особенно же по вопросамъ военно-историческимъ, о крѣпостяхъ, о флотѣ и пр. Такъ, онъ работалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», въ «Русской Старинѣ» и «Военно-Историческомъ Сборникѣ», въ «Новомъ Времени», гдѣ печатались и печатаются отрывки изъ его обширныхъ мемуаровъ. Кромѣ того, юбиларъ написалъ нѣсколько рассказовъ и три пьесы, изъ кото-

рыхъ одна, «Акростихъ», имѣла большой успѣхъ. Отдѣльнымъ изданіями вышли слѣдующія его работы: упомянутая выше диссертация, переводъ вмѣстѣ съ А. Е. Станкевичемъ солиднаго труда профессора Виго Руссильона «Вооруженныя силы Америки» съ примѣчаніями и дополненіями переводчиковъ, пьеса «Акростихъ», «Скобелевъ и его юность», «Задачи русскаго военнаго флота», «Н. В. Левицкій» и «1812 годъ въ «Войнѣ и Мирѣ» (по поводу историческихъ указаній четвертаго тома «Войны и Мира» Л. Н. Толстого).

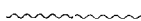
Гдѣ жили въ Москвѣ знаменитые люди. Московскій гласный Н. А. Шамина внесъ въ управу справку о домѣ, гдѣ жилъ извѣстный историкъ и публицистъ М. П. Погодинъ, бывший гласнымъ думы въ теченіе двухъ четырехлѣтій. Домъ этотъ находится въ Погодинскомъ переулкѣ (д. Воронежъ) и принадлежитъ вдовѣ сына Погодина. Въ немъ часто гостилъ у Погодина Гоголь, живя тамъ цѣлыми мѣсяцами. Переписка Гоголя съ Погодинымъ хранится въ музеѣ Бахрушина. Вмѣстѣ съ тѣмъ Н. А. Шаминамъ составленъ списокъ тѣхъ домовъ, гдѣ жили въ Москвѣ другіе выдающіеся люди. Такъ, Бѣлинскій жилъ на Остоженкѣ, въ Савеловскомъ переулкѣ, въ домѣ Ефремова, историкъ Соловьевъ на Остоженкѣ, въ домѣ коммерческаго училища; Островскій родился на Малой Ордынкѣ, въ Галиновскомъ переулкѣ, въ домѣ церкви Покрова въ Галинкахъ, жилъ на Волхонкѣ, въ домѣ кн. Голицына, а передъ смертью—въ гостиницѣ «Дрезденъ», на Тверской. Лермонтовъ родился въ домѣ Артемьева, у Красныхъ воротъ. Пушкинъ—на Нѣмецкой улицѣ, въ домѣ бывш. Скворцова, нынѣ Ананьева (мѣстѣ это оспаривается), Фонвизинъ—на Нѣмецкой улицѣ, въ Денисовскомъ переулкѣ, Достоевскій—въ домѣ Марьянской больницы, на Божедомкѣ. Пироговъ жилъ въ домѣ Грязнова, въ Сыромятникахъ; А. С. Хомяковъ жилъ и умеръ въ домѣ Карпова, на Ордынкѣ, Гоголь—въ домѣ гр. Шереметева, на Никитскомъ бульварѣ; Погодинъ умеръ на Тверской, въ домѣ Бахрушина, Писемскій умеръ въ Борисоглѣбскомъ переулкѣ, въ домѣ Свинына; Грибоѣдовъ жилъ въ дѣтствѣ въ домѣ Ускова, по Новинскому бульвару, Карамзинъ жилъ въ Маломъ Знаменскомъ переулкѣ, въ домѣ кн. Долгорукова, кн. П. А. Вяземскій жилъ въ томъ же домѣ. А. В. Суворовъ—въ домѣ Гагмана, на Большой Никитской, кн. Д. А. Пожарскій—на Большой Лубянкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ третьей гимназіи. Тургеневъ при своихъ поѣздкахъ въ Москву останавливался на Пречистенкѣ, въ домѣ удѣльнаго вѣдомства. Л. Н. Толстой жилъ въ разное время: на Плющихѣ, въ домѣ № 11, на Большой Дмитровкѣ, въ домѣ Вострякова, въ Денежномъ переулкѣ, въ домѣ кн. Волконскаго, въ Газетномъ переулкѣ, въ домѣ Шаблыкина, и, наконецъ, въ своемъ домѣ, въ Хамовническомъ переулкѣ. Актеръ Щепкинъ жилъ въ домѣ Величкина, въ Большомъ Спасскомъ переулкѣ, умеръ въ домѣ Огнева, на Третьей Мѣщанской. И. С. Аксаковъ умеръ въ домѣ кн. Голицына, на Волхонкѣ. Гончаровъ жилъ въ домѣ коммерческаго училища, на Остоженкѣ, Чеховъ—въ домѣ Корнѣева, на Кудринской-Садовой, и въ «Большой Московской» гостиницѣ, Т. Н. Грановскій—въ пансіонѣ Кистера; Муромцевъ живъ въ Скатертномъ переулкѣ (домъ № 22).

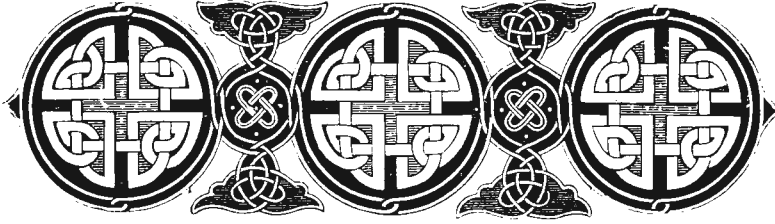
Столѣтіе духовной семинаріи. Юбилейная коммиссія по организаціи празднованія столѣтія московской духовной семинаріи обращается къ бывшимъ воспитанникамъ семинаріи о содѣйствіи изданію исторіи семинаріи за 100 лѣтъ

ся существованія. Комиссія проситъ присылать ей всѣ матеріалы, относящіяся къ исторіи семинаріи, — воспоминанія, дневники, альбомы, автобіографіи, портреты бывшихъ воспитанниковъ, ихъ записки, рукописи и т. д. Всѣ матеріалы просятъ направлять профессору института инженеровъ путей сообщенія, председателю комиссіи Н. Г. Попову.

Конкурсъ на составленіе историческаго очерка. По инициативѣ попечителя кіевскаго учебнаго округа объявленъ конкурсъ на составленіе очерка, посвященнаго подвигу Кочубея и Искры. По условіямъ конкурса очеркъ долженъ быть размѣромъ около полутора печатнаго листа и излагать подвигъ Кочубея и Искры въ общедоступной формѣ. Въ очеркѣ должна быть освѣщена эпоха присоединенія Малороссіи при Хмѣльницкомъ и тяготѣніе ея населенія къ Москвѣ. Должна быть выяснена родственная и духовная связь рода Кочубеевъ и Искръ съ дѣятелями эпохи Хмѣльницкаго и его сподвижниковъ и вкратцѣ очерчены сепаратистскія стремленія Мазепы, не находившія сочувствія въ населеніи. Также должно быть указано на попытки Кочубея и Искры освѣдомить Петра о дѣйствіяхъ Мазепы и на то, что семейное недоразумѣніе между Кочубеемъ и Мазепою изъ-за Матрены Кочубей было незначительнымъ поводомъ въ враждѣ между ними. Необходимо выяснитъ причины недовѣрія Петра къ сообщеніямъ объ измѣнѣ Мазепы, объясняемаго вліяніемъ царедворцевъ, съ которыми Мазепа поддерживалъ близкія отношенія, упомянуть о роли Любви Кочубей, дѣятельно поддерживавшей дѣло своего мужа, и очертить крушеніе политики Мазепы и торжество идеи единства русскаго народа. Рукописи должны быть доставлены въ управленіе кіевскаго учебнаго округа не позже 15-го іюля 1914 года. На рукописи долженъ стоять девизъ и къ ней долженъ быть приложенъ запечатанный конвертъ съ девизомъ, заключающимъ и имя автора. Всѣ рукописи будутъ рассмотрѣны жюри изъ специалистовъ, которое выберетъ лучший очеркъ, авторъ котораго получитъ премію въ 300 руб. Премированный очеркъ поступаетъ въ собственность управленія кіевскаго учебнаго округа.

Отъ правленія драматическихъ и музыкальныхъ писателей. Союзомъ драматическихъ и музыкальныхъ писателей объявляется десятый конкурсъ имени А. Н. Островскаго. Пьесы на конкурсъ должны быть представлены не позже 1-го октября сего года по адресу: Петербургъ, правленіе союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей. Присужденіе по конкурсу состоитъ не позже 31-го декабря сего года. На конкурсъ допускаются лишь оригинальныя пьесы на рускомъ языкѣ, не менѣе чѣмъ въ трехъ актахъ (или соотвѣтственной продолжительности исполненія), еще нигдѣ не игранныя, притомъ не отпечатанныя, не отлитографированныя и вообще не выпущенныя въ свѣтъ. За пьесу, вполнѣ удовлетворяющую литературнымъ и сценическимъ требованіямъ, присуждается премія въ 600 руб. Премія присуждается не иначе, какъ полностью. При отсутствіи въ конкурсѣ пьесы, удовлетворяющей вышесказаннымъ требованіямъ, премія не присуждается. Подробныя условія конкурса высылаются по первому требованію изъ канцеляріи союза. Быть членами жюри десятаго конкурса изъявили согласіе: В. А. Горинъ-Горяиновъ, И. Н. Лодыженскій, И. Н. Потапенко, Е. Н. Рощина-Инсарова, Э. А. Старкъ (Зигфридъ), Н. А. Тэффи (Бучинская), бар. Р. А. Унгернъ.

НЕКРОЛОГИ.

ЛЕКСІЙ, экзархъ Грузіи. Высокопреосвященный Алексій, мѣнѣе года занимавшій кафедру экзарха Грузіи и скончавшійся утромъ 20-го мая въ Тифлисъ, принадлежалъ къ заслуженнымъ архипастырямъ православной церкви. Почившій, въ мѣрѣ Алексій Васильевичъ Молчановъ, по происхожденію—сынъ сельскаго священника, родился въ 1853 году въ Сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губерніи и воспитывался въ вятской духовной семинаріи. По окончаніи семинарскаго курса въ первомъ разрядѣ (1876 г.), онъ служилъ въ должностяхъ псаломщика, учителя начальной земской школы и завѣдующаго двухкласснымъ министерскимъ кукарскимъ сельскимъ училищемъ. Спустя семь лѣтъ, его, уже семейнаго, приняли въ студенты казанской духовной академіи (1883 г.), рукоположили въ санъ діакона, а съ 1885 года—во священники къ академической церкви. Выпущенный изъ академіи кандидатомъ (1887 г.), покойный занялъ мѣсто законоучителя въ третьей казанской гимназіи, защитилъ диссертацию на степень магистра богословія (19-го мая 1888 г.) и перешелъ на должность законоучителя въ первую казанскую гимназію (съ 1-го января 1895 г.). Смерть жены побудила его принять монашество (4-го сентября 1899 г.), послѣ чего онъ состоялъ въ санѣ архимандрита ректоромъ казанской семинаріи, а съ 27-го іюля 1900 года переведенъ въ ректоры казанской духовной академіи и хиротонисанъ во епископа чистопольскаго, викарія казанской епархіи. Черезъ пять лѣтъ академической службы ему пришлось послѣдовательно быть епископомъ таврическимъ (1905—1910 гг.), псковскимъ (1910—1912 гг.), тобольскимъ (1912—1913 гг.) и, наконецъ, экзархомъ Грузіи (съ 4-го октября 1913 г.). Покойному архипастырю принадлежали слѣдующіе труды: «Святѣйшій Кипріанъ Кареагенскій и его ученіе о церкви»—магистерская диссертация,

удостоенная Макаріевской преміи (Казань, 1888 г.), «О необходимости религиознаго знанія». («Православный Собесѣдникъ», 1888 г., ч. III), «Бытъ первенствующихъ христіанъ въ вѣкъ апостольскій» (приложеніе къ журналу «Паломникъ» за 1888 г.), «Значеніе христіанскаго храма въ дѣлѣ воспитанія и образованія юношества» (Казань, 1891 г.), «Христіанскій взглядъ на бѣдствія и несчастія жизни» (Казань, 1891 г.), «Событіе воскресенія Иисуса Христа, апологетическій этюдъ въ публичномъ чтеніи» (Казань, 1892 г.), «Слова» и «Поученія»—въ «Извѣстіяхъ по казанской епархіи» и въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ тѣхъ губерній, гдѣ почившій экзархъ совершалъ свое святительское служеніе. (Некрологъ его: «Моск. Вѣд.», 1914, № 117).

† **Артемь, А. Р.** Умеръ актеръ Художественнаго театра Александръ Родіоновичъ Артемьевъ, по сценѣ Артемь. Онъ началъ играть въ любительскихъ спектакляхъ комедійныя характерныя роли, бывши въ Москвѣ учителемъ чистописанія, а когда образовалось «общество искусства и литературы» и въ немъ любительская труппа (1888), онъ вошелъ въ ея составъ и сыгралъ Счастливецва въ «Лѣсъ» съ Станиславскимъ, игравшимъ Несчастливцева. Съ тѣхъ поръ его жизнь была связана съ знаменитою труппою общества искусства и литературы, и онъ шелъ вмѣстѣ съ ней по пути ея. Въ 1898 году, 17-го октября, участвовалъ въ первомъ спектаклѣ Общедоступно-Художественнаго театра въ трагедіи «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ». Потомъ сыгралъ немало ролей, между которыми роли Чебутыкина въ «Трехъ сестрахъ» и Фирса въ «Вишневомъ саду» были имъ созданы, то есть стали такими, что для людей, ихъ видѣвшихъ въ его исполненіи, они умерли вмѣстѣ съ нимъ. Послѣдняя крупная роль у А. Р. Артема была въ «Нахлѣбникахъ». Рассказываютъ, что когда онъ изучалъ ее, то былъ въ ней не увѣренъ и только тогда, когда, прочитавши ее своимъ домашнимъ, заставилъ ихъ плакать, сталъ бодрѣе. На первомъ же спектаклѣ въ сценѣ пріѣзда молодыхъ господъ въ усадьбу, когда стоялъ въ толпѣ, то самъ не замѣчалъ, что по лицу у него текли слезы. Исключительная искренность—не напоказъ и безъ чувствительности—составляла основу его очень русской душевной игры. Она была всегда скромна, но всегда исполнена сокровеннаго восторга, безъ котораго нѣтъ настоящаго художества: радостью жить и творить. Къ жизни и театру у А. Р. Артема въ послѣдніе годы, когда подошла старость, проявилась особо обостренная жадная любовь. Онъ такъ захворалъ, что слегъ въ постель, недавно, нынѣшней весною; до того же былъ слабъ и почти не игралъ; но думалъ, что поправится. И даже, заболѣвши, вѣрилъ, что сможетъ пріѣхать къ театру въ Петербургъ. Умеръ онъ 73 лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: «Рѣчь», № 132).

† **Вильсонъ, И. И.** 14-го іюня скончался въ имѣніи Лучицахъ Минской губерніи сенаторъ Иванъ Ивановичъ Вильсонъ. Покойный родился въ 1836 году, окончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ и служилъ затѣмъ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ 1861 году онъ былъ командированъ за границу для изученія производившихся въ то время народныхъ переписей въ Англіи и Франціи. Отчеты его послужили основаніемъ для разработки вопроса о переписяхъ въ Россіи и для производства первыхъ опытовъ однодневныхъ переписей въ Петербургѣ. Затѣмъ И. И. былъ младшимъ редакторомъ статистическаго отдѣла въ центральномъ статистическомъ комитетѣ, съ 1865 года служилъ въ

министерствъ государственныхъ имуществъ, занимая различныя должности. Въ 1873 году онъ принималъ участіе въ трудахъ комиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности Россіи. Одновременно покойный принималъ близкое участіе въ трудахъ императорскаго географическаго общества, въ 1874—76 гг. былъ секретаремъ этого общества, въ продолженіе 12 лѣтъ предсѣдателемъ отдѣленія статистики общества. Въ 1871 году общество присудило ему Константиновскую медаль за его трудъ «Объясненія къ хозяйственно-статистическому атласу Европейской Россіи». Изъ другихъ его печатныхъ работъ извѣстны «Статистическое изслѣдованіе о пожарахъ въ Россіи», «Выкупные за земли платежи крестьянъ за 1862—76 гг.». «Статистическое обзорѣніе русскаго государственнаго бюджета за 1875—1884 гг.». И. И. принималъ также участіе въ качествѣ официальнаго русскаго делегата въ сессіяхъ международнаго статистическаго конгресса во Флоренціи и Вудапештѣ, былъ генеральнымъ секретаремъ конгресса на его сессіи въ Петербургѣ. Съ 1885 года онъ состоялъ почетнымъ членомъ международнаго статистическаго института, въ 1894—96 гг. былъ членомъ главной переписной комиссіи по организаціи первой всеобщей переписи въ Россіи и предсѣдателемъ комиссіи по производству этой переписи въ Петербургѣ. Съ 1878 года И. И. занималъ должность помощника статсъ-секретаря и съ 1881 года статсъ-секретаря департамента государственной экономіи государственнаго совѣта, въ 1892 году былъ назначенъ сенаторомъ. Присутствуя въ первомъ департаментѣ, онъ былъ одновременно членомъ особаго при государственномъ совѣтѣ присутствія для предварительнаго разсмотрѣнія жалобъ на опредѣленія департаментовъ сената. Затѣмъ И. И. принималъ участіе въ соединенномъ присутствіи перваго и гражданскаго кассационнаго департаментовъ для пересмотра судебныхъ рѣшеній губернскихъ присутствій и соединеннаго присутствія перваго и кассационныхъ департаментовъ. Въ послѣдніе годы присутствовалъ въ первомъ общемъ собраніи сената. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914, № 13742).

† **Гордѣвъ, П. А.** 18-го мая въ Харьковѣ, на Холодной горѣ, въ своемъ домѣ скончался заслуженный профессоръ харьковскаго ветеринарнаго института дѣйствительный статскій совѣтникъ П. А. Гордѣвъ. Покойный въ 1879 году совѣтомъ харьковскаго ветеринарнаго института избранъ по конкурсу экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ частной патологіи, зоотерапевтической клиники и эпизоотологіи названнаго института. П. А. Гордѣвъ имѣлъ около 35 самостоятельныхъ научныхъ трудовъ въ видѣ руководствъ и статей въ разнообразныхъ русскихъ и иностранныхъ журналахъ, около 25 переводныхъ руководствъ и статей. Затѣмъ изъ лабораторій П. А.—фармакологической при медико-хирургической академіи и терапевтической при мѣстномъ ветеринарномъ институтѣ,—вышло и опубликовано 15 научныхъ работъ его учениковъ, часть которыхъ являлась диссертациями на степень магистра ветеринарныхъ наукъ. Въ 1876 году послѣ смерти своего учителя, профессора І. В. Забѣлина, П. А. былъ утвержденъ отвѣтственнымъ редакторомъ издававшагося Забѣлинымъ журнала «Современный лечебникъ» Съ 1882 г. въ Харьковѣ П. А. предпринялъ изданіе собственнаго частнаго, несубсидируемаго журнала научной и клинической зоолятріи подъ названіемъ «Ветеринарный Вѣстникъ» и продолжалъ изданіе его

съ рѣдкой энергіей и самоотверженіемъ 10 лѣтъ, затрачивая массу времени и труда. Помимо своей ученой, преподавательской и литературной дѣятельности, П. А. никогда не чуждался и общественной ветеринарно-практической дѣятельности и неоднократно принималъ участіе въ дѣлѣ прекращенія эпизоотій и въ разрѣшеніи предъявляемыхъ жизнью научно-практическихъ вопросовъ. 37 лѣтъ П. А. прослужилъ на профессорскомъ ветеринарномъ поприщѣ и осенью 1909 года вышелъ въ отставку. П. А. состоялъ въ разное время гласнымъ харьковской уѣздной и губернской земскихъ управъ и харьковской городской думы. (Некрологъ его: «Южный Край», 1914, № 12060).

† **Колодѣвъ, И. Х.** 19-го мая въ Новоборисовѣ, Минской губерніи, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался одинъ изъ видныхъ русскихъ дѣятелей въ Сѣверо-Западномъ краѣ, камергеръ Иванъ Хрисановичъ Колодѣвъ, помимо своей общественной дѣятельности извѣстный въ широкихъ кругахъ, какъ ревнитель и выдающійся знатокъ эпохи Отечественнѣй войны и владѣлецъ обширной библіотеки, посвященной 1812 году. Сынъ севастопольскаго ветерана и сподвижника графа М. Н. Муравьева-Вилenskaго въ эпоху послѣдней польской смуты, И. Х. большую часть своей жизни провелъ въ унаслѣдованномъ отъ отца имѣніи Борисовскаго уѣзда Минской губерніи, которое благодаря удивительной своей энергіи и работоспособности значительно расширилъ, и вкорѣ сдѣлался однимъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ и первыхъ пионеровъ русской культуры въ краѣ. Послѣднія 20 лѣтъ жизни провелъ онъ въ одномъ изъ своихъ имѣній, посадѣ Новоборисовѣ, обширномъ промышленномъ центрѣ (11 фабрикъ и заводовъ), созданномъ и вызванномъ къ жизни его трудами и по его инициативѣ. Здѣсь, на берегахъ Березины, въ своей усадьбѣ Упыревичи, расположенной въ нѣсколькихъ верстахъ отъ исторической переправы Наполеона, И. Х. впервые заинтересовался исторіей этихъ мѣстъ. Съ свойственной ему энергіей и настойчивостью онъ сталъ изучать мѣстность, собралъ, не щадя средствъ, огромную литературу по этому вопросу и впервые установилъ точное мѣсто исторической переправы Великой арміи. По инициативѣ и на его средства близъ деревни Студянки сооружены имъ два обелиска-памятника на мѣстахъ постройки двухъ мостовъ, по которымъ переправлялась армія Наполеона. Но достойнымъ памятникомъ заслугъ покойнаго въ глазахъ признательнаго потомства должна являться его богатѣйшая (несомнѣнно, первая въ Европѣ по количеству книгъ и рукописей) библіотека по 1812 году—знаменитое «Новоборисовское собраніе Колодѣва», пожертвованное имъ московскому музею Отечественной войны. Покойный былъ членомъ-учредителемъ императорскаго военно-историческаго общества, почетнымъ членомъ витебской ученой архивной комиссіи, почетнымъ мировымъ судьей Борисовскаго уѣзда и къ юбилейному 1912 году былъ пожалованъ званіемъ камергера высочайшаго двора. Тяжкая болѣзнь, окончательно надорвавшая силы покойнаго, не дала ему возможности закончить предпринятый имъ крайне цѣнный библіографическій трудъ по описанію его богатаго книгохранилища, первый выпускъ котораго подъ заглавіемъ: «Каталогъ русскихъ книгъ по исторіи Отечественной войны библіотеки И. Х. Колодѣва. Отдѣлъ военный», вышелъ въ Минскѣ въ 1912 году. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914, № 13717).

† **Микулина, Е. А.** 3-го июня въ Кишиневѣ скончалась писательница Евгенія Александровна Микулина. Покойная родилась 28-го октября 1865 года. Родителями ея были Вятской губерніи первой гильдіи купецъ Александръ Ивановичъ Батуевъ и его жена Евдокія Ивановна, рожденная Стахѣва. Отецъ Евд. Пв., Иванъ Ивановичъ Стахѣвъ, извѣстный въ свое время елабужскій богачъ, построившій въ городѣ Елабугѣ роскошное зданіе реального училища и много жертвовавшій на монастыри и церкви Аѳона и Россіи, былъ воспѣтъ покойнымъ Мельниковымъ-Печерскимъ въ его произведеніи «На горахъ», а Евд. Ив. фигурировала тамъ же въ видѣ симпатичной его дочери, Дуни. Печерскій называетъ ихъ Смолокуровыми. Евгенія Александровна Микулина окончила казанскую гимназію и съ ранней юности пристрастилась къ писанію стиховъ. Когда мѣстная молодежь устраивала литературныя развлечения, никто не могъ написать такихъ красивыхъ и остроумныхъ стихотвореній, какъ покойная Е. А. Въ болѣе зрѣлыхъ годахъ она, не оставяя своей любимой поэзіи, писала много и прозой, сотрудничала въ казанскихъ газетахъ, печатая въ фельетонахъ переводы съ французскаго разныхъ новостей, рассказовъ и романовъ. Ея произведенія, предназначенныя для дѣтей, какъ-то: «Липочка и Катя», «О собакахъ» и др., печатались въ петербургскомъ дѣтскомъ журналѣ «Всходы». Посмертная повѣсть ея «Страшное дѣло» появится въ будущемъ году на страницахъ «Историческаго Вѣстника».

† **Навроцкій, А. А.** Въ Петербургѣ 28-го мая скончался одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ писателей Александръ Александровичъ Навроцкій. Этотъ авторъ лишь отчасти былъ знакомъ русскимъ читателямъ подъ своимъ собственнымъ именемъ и своею настоящею фамиліей: состоя на военной службѣ и занимая довольно высокій постъ, онъ часто скрывалъ свою личность, подписывая подъ своими трудами разные псевдонимы, изъ которыхъ наиболѣе видѣлся: «Н. А. Вроцкій». Покойный, по происхожденію дворянинъ, родился въ 1839 году и учился сначала во второмъ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ въ военно-юридической академіи. По окончаніи академическаго курса онъ долго слѣдовалъ по военно-судебному вѣдомству и съ 1891 года вышелъ въ отставку, имѣя чинъ генераль-лейтенанта. Уже съ 1860 года А. А. Навроцкій началъ свою литературную дѣятельность, печатая стихотворенія на «стародавнія темы русскаго быта». Изъ нихъ особенно сдѣлались популярными извѣстная пѣсня «Есть на Волгѣ утесъ» (изъ жизни Стеньки Разина) и «Мать и сынъ» (изъ дѣятельности Юанна Грознаго). Всѣ эти поэтическіе отголоски о русской старинѣ покойный впослѣдствіи соединилъ въ слѣдующіе сборники: «Картины минувшаго» (Спб., 1881 г.), «Свѣточи Русской земли» (Спб., 1896 г.) и «Сказанія минувшаго» (Спб., 1897—1898 гг., двѣ книги; второе изданіе: Спб., 1906 г.). Одновременно со стихотвореніями покойный писатель появлялся со своими беллетристическими произведеніями. Къ нимъ относятся большой романъ «Семейство Тарскихъ» (М. 1869 г.), рядъ очерковъ и рассказовъ, которые потомъ вышли отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: «Волны жизни» (Спб., 1894 г.). Наконецъ, А. А. Навроцкій извѣстенъ и какъ драматургъ, бравшій свои сюжеты преимущественно изъ русской исторіи. Изъ пьесъ его особенно замѣчательны: драматическая хроника «Стенька Разинъ» («Вѣстникъ Европы» 1871 г., кн. 5), три историческія драмы въ стихахъ,

напечатанныя въ собственномъ журналѣ «Русская Рѣчь», издававшемся имъ въ 1879—1882 годахъ: «Послѣдняя Русь» (1879 г., кн. 2), «Крещеніе Литвы» (1879 г., кн. 9) и «Иезуиты въ Литвѣ» (1880 г., кн. 9), двѣ большія историческія пьесы: «Осада Ростова» («Русскій Вѣстникъ» 1906 г., кн. 5 и 6) и «Ермакъ», изъ которыхъ послѣднія два года тому назадъ была удостоена первой преміи Вучины отъ новороссійскаго университета. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1914, № 126).

† **Нордманъ-Сѣверова, Н. Б.** Въ Локарно, въ Швейцаріи, скончалась Наталія Борисовна Нордманъ-Сѣверова, извѣстная писательница-пропагандистка широкаго демократизма и оздоровленія жизни. Опрощеніе жизни въ ея внѣшнихъ формахъ и человѣческихъ отношеніяхъ было главной идеей творчества Н. Б. Съ неумолимой прямолинейностью она доказывала въ цѣломъ рядѣ своихъ сочиненій необходимость раскрѣпощенія прислуги, отказа отъ вычурныхъ модъ и капризовъ современнаго свѣтскаго вкуса. Проповѣдь Н. Б., встрѣчавшая значительное сопротивленіе въ обществѣ, въ то же время обезоруживала ея противниковъ: Н. В. стоически послѣдовательно проводила въ личной жизни созданную ею программу. Разъ высказавъ убѣжденіе о пользѣ вегетаріанскаго режима, Н. Б. ни разу не отступала отъ него и заставляла подчиняться ему каждаго, переступавшаго порогъ ея дома. Точно такъ же она поступала и въ отношеніи прислуги: каждое воскресенье ея прислуга входила въ кругъ ея гостей, принимая участіе въ общей бесѣдѣ и занимая мѣсто за общимъ столомъ, наравнѣ съ другими приглашенными. Въ послѣднее время Н. Б. дѣятельно работала надъ упрощеніемъ русскаго алфавита и правописанія: она упразднила цѣлый рядъ буквъ—ѣ, э и др. и доказывала необходимость слѣдовать въ написаніи словъ звукамъ разговорной рѣчи. Дѣятельность покойной, отмѣченная многими увлеченіями и крайностями въ ея теоріяхъ, прервалась совершенно неожиданно для всѣхъ знавшихъ ее; Н. Б. была еще далеко не старой женщиной, и при ея дѣятельномъ характерѣ отъ нея можно было бы ожидать еще болѣе широкой проповѣди ея своеобразнаго демократизма, причудливо сочетавшагося съ аристократическимъ происхожденіемъ. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1914 г., № 13745).

† **Сараджевъ, А. И.** Грузинское общество понесло чувствительную утрату. Въ Тифлисѣ скончался неумолимый общественный дѣятель, изслѣдователь грузинской старины Александръ Ивановичъ Сараджевъ. Покойный родился въ 1851 году въ Тифлисѣ. По окончаніи гимназіи поступилъ на юридическій факультетъ университета св. Владимира, откуда вскорѣ перешелъ въ женеvскій университетъ, гдѣ и закончилъ образованіе. Съ молодыхъ лѣтъ покойный проявилъ дѣятельный интересъ къ изученію родной литературы, и плодомъ этого изученія явились его историко-литературныя работы, среди которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ цѣнное изслѣдованіе о геніальной поэмѣ Шоты изъ Рустава «Витязь въ барсовой кожѣ». А. И. въ то же время принималъ участіе въ повременной грузинской печати и руководилъ газетой «Иверія» послѣ того, какъ отъ нея отошелъ ея основатель, поэтъ князь И. Г. Чавчавадзе. Послѣднимъ дѣломъ покойнаго было созданіе «грузинскаго общества исторіи и этнографіи», которое можетъ быть названо его дѣтищемъ. (Некрологъ его: «День», 1914 г., № 154).

† **Святополкъ-Мирскій, П. Д., князь.** Скончавшійся 16-го мая генераль-адъютантъ князь Петръ Дмитріевичъ Святополкъ-Мирскій былъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ съ августа 1904 года министромъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ былъ призванъ на этотъ высокій постъ вскорѣ послѣ убійства В. К. Плеве. Съ его управленіемъ министерствомъ совпали съезды городскихъ и земскихъ дѣятелей и начало разгара освободительной смуты съ движеніемъ рабочихъ массъ по инициативѣ Гапона къ Зимнему дворцу. Покойный былъ убѣжденнымъ сторонникомъ умиротворенія въ области внутренней политики и широкой самодѣятельности земскихъ и городскихъ учреждений. Въ то же время ему были чужды властность и стремленіе дѣйствовать силой противъ революціоннаго броженія. 18 января 1905 г. князь Святополкъ-Мирскій оставилъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Покойный потомокъ древне-шляхетскаго и княжескаго рода, литовскаго происхожденія. Его мать была грузинка, до замужества княжна Орбеліани. Грамота на княжеское достоинство была дапа его отцу, славному участнику русско-турецкой войны 1877—1878 гг. въ 1875 г. въ подкрѣпленіе его правъ на этотъ титулъ, утраченныхъ во время польскаго возстанія въ 1831 году. Князь П. Д. родился въ 1857 году, и по окончаніи курса въ пажескомъ его величества корпусѣ началъ службу въ лейбъ-гвардіи Гусарскомъ полку. Въ составѣ полка онъ участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ, находился во многихъ бояхъ съ турками и былъ награжденъ за боевыя заслуги орденами св. Анны третьей степени и св. Владимира четвертой степени—оба съ мечами. По окончаніи войны онъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба и по окончаніи въ ней курса занималъ штабныя должности, состоялъ для порученій при штабахъ 7-го и 10-го армейскихъ корпусовъ и былъ начальникомъ штаба 3-й гренадерской дивизіи. Въ 1890 г. П. Д. былъ избранъ харьковскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, въ 1895 году назначенъ пензенскимъ губернаторомъ, черезъ два года—екатеринославскимъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ А. Д. Сипягинъ пригласилъ покойнаго на постъ своего товарища по управленію министерствомъ. П. Д. былъ товарищемъ министра съ 1900 года болѣе двухъ лѣтъ и одновременно состоялъ командиромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Затѣмъ съ 1902 по 1904 гг. былъ виленскимъ, ковенскимъ и гродненскимъ генераль-губернаторомъ. По оставленіи министерства покойный числился въ спискахъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Послѣдняя награда—орденъ св. Владимира второй степени—получена имъ въ 1910 году. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914 г., № 13713).

Мотель. А черезъ что пропалъ Зяма? Упалъ и разорвался на штатки вмѣстѣ съ снарядомъ. Я не люблю этихъ новенькихъ штукъ.

Нелли (*съ легкой улыбкой*). Онѣ не новенькія. Это еще Кибальчичъ придумалъ, товарищъ.

Мотель. Какой Кибальчичъ? Я его не знаю. (*Помолчавъ*). Все-таки, не люблю.

Нелли (*тихо*). Товарищъ, вы участвуете? Александръ Львовичъ не говорилъ когда?

Мотель (*оглянувшись на дверь*), Думаю, сегодня. Александръ Львовичъ приказалъ мнѣ прійти къ пяти часамъ сюда въ этомъ же костюмѣ. Вѣрно, пошлетъ и меня.

Нелли (*задумчиво*). Вамъ не страшно, Мотель?

Мотель (*пожавъ плечами*). А что изъ того, чи страшно, чи не страшно? Пошлютъ,—значить надо итти. Развѣ меня спросать?

Нелли (*спохватывается*). Товарищъ, вы останетесь здѣсь, или должны итти?

Мотель. Нѣтъ, я пойду. Мнѣ надо предупредить еще Пиню и Игната. (*Прощается. Уходя*). Да, вамъ нельзя никуда отлучаться, товарищъ. Такъ приказалъ Александръ Львовичъ.

Нелли киваетъ головой и садится на прежнее мѣсто. Мотель выходитъ. Нелли сидитъ нѣсколько минутъ неподвижно, потомъ встаетъ и нервно прохаживается по комнатѣ.

Нелли (*въ задумчивости*). Да, значить сегодня... Какъ много крови, какъ много... Ахъ, голова! Какъ это несносно!

Проводитъ рукой по лбу. Дверь безъ стука открывается. Нелли испуганно бросается къ столу, гдѣ револьверъ.

Виленкинъ (*въ форменной тужуркѣ инженера путей сообщенія быстро входитъ въ комнату*). Здравствуй, Елена!

Нелли (*радостно поворачивается къ нему*). Александръ, какъ ты испугалъ меня! Зачѣмъходишь безъ пароля?

Виленкинъ (*съ улыбкой*). Пора тебѣ знать, что я ничего не боюсь. Все благополучно? Мотель былъ?

Нелли. Да. (*Указываетъ глазами на стѣну, гдѣ спрятаны снаряды. Съ ласковымъ укоромъ*). Александръ, ты даже не поздоровался со мной...

Виленкинъ (*равнодушно*). Ахъ, да.

Разсѣянно цѣлуетъ ее въ лобъ. Нелли крѣпко прижимается къ нему, хочетъ поцѣловать его въ губы.

Виленкинъ (*отстраняя ее*). Некогда нѣжничать, Елена. (*Отходитъ къ столу*). Я рѣшилъ сегодня. Понимаешь?

«истор. вѣстн.», июнь 1914 г. т. сxxxvi.

Нелли (*со вздохомъ, грустно*). Я знаю. (*Съ укоромъ*). Я почти не вижу тебя. Ты цѣлую недѣлю не былъ у меня, Александръ. Если бы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело въ этомъ одиночествѣ! Съ тѣхъ поръ, какъ я стала хозяйкой конспиративной квартиры, и ты живешь гдѣ-то на другомъ концѣ города, я почти не вижу тебя...

Виленкинъ (*сухо*). Ты меня удивляешь. Тебѣ должно быть извѣстно, что наша работа требуетъ полнаго отрѣшенія отъ этой буржуазной ерунды—поцѣлуевъ, нѣжностей и т. д. (*Съ усмѣшкой*). Не двуспальную же кровать поставить въ конспиративной боевой дружинѣ!

Нелли (*съ тоской*). Какъ ты рѣзокъ, Александръ! Пойми же, я люблю тебя, кромѣ тебя, у меня никого нѣтъ... Я все отдала тебѣ и самую жизнь положу по первому твоему требованію. Но удѣли же мнѣ хотя немного теплой ласки! Прежде ты любилъ меня, ласкалъ...

Едва сдерживая слезы, отходить въ сторону.

Виленкинъ (*смягчаясь, подходитъ къ ней и цѣлуетъ ее въ шею*). Ну, глупенькая! Зачѣмъ нервничать? Я все прежній, но дѣло наше требуетъ въ данный моментъ слишкомъ много отъ насъ, и на время мы должны отрѣшиться отъ всего. (*Гладитъ Нелли рукою по волосамъ. Нелли горячо цѣлуетъ его*). Я цѣню твою любовь, но знай (*съ наивомъ*): наше великое дѣло выше всего!

Нелли (*со вздохомъ*). Да, я знаю.

Виленкинъ (*отходитъ къ столу, садится. Серьезно*). А теперь слушай. Генераль-губернаторъ будетъ устраненъ сегодня. Центральный комитетъ одобрилъ мое рѣшеніе. Актъ принимается за счетъ партіи.

Нелли (*тоскливо*). Мнѣ страшно, милый! Опять этотъ ужасъ... (*Нервно вздрагиваетъ*). Ты знаешь, послѣ Севастополя я не могу прійти въ себя. Такъ много лишнихъ, невинныхъ. И этотъ бѣдный Сергѣй... Онъ такой былъ тихій, грустный всегда...

Виленкинъ (*пристально глядя на нее, сурово*). Стыдись, товарищъ! Жертвы всегда будутъ, съ этимъ не считается нельзя. А Сергѣй погибъ смертью героя...

Нелли (*задумчиво*). Товарищъ Пиня говорилъ, что видѣлъ, какъ его схватили. Онъ былъ раненъ взрывомъ, не могъ защищаться. Пиня говорилъ, что онъ плакалъ...

Виленкинъ (*рѣзко*). Пинхусъ дуракъ! Если онъ будетъ болтать тебѣ всякій вздоръ, то (*угрожающе*) ему не поздоровится!

Стучитъ ладонью по столу.

Нелли (*испуганно*). Не сердись, милый! (*Подходитъ къ нему, ласкается*). И не обижай Пиню. Онъ такой славный.

Виленкинъ. Дуракъ. Слезливая баба. Стыдно имѣть такую рвань въ боевой организаціи.

Нелли. Нѣтъ, нѣтъ, милый! Онъ храбрый, Пиня, только душа у него мягкая.

Виленкинъ (*сумрачно*). Почему это онъ разоткровенничался съ тобой?

Нелли. Я ждала васъ на конспиративной, какъ обычно. А когда вы все ушли, Пиня остался. Ему жаль было Сергѣя... (*Задумчиво*). Александръ, ты не знаешь, Сергѣй очень волновался передъ казнью?

Виленкинъ (*недовольно*). Оставь эти разговоры, Елена. Право, не время! (*Освобождается отъ нея, встаетъ*). Слушай мои инструкціи. Метальщиками я назначилъ Пинхуса, Мотеля и Лію. Игнатъ, Сарра, Николай и Абрамъ будутъ стоять на сигналѣ. Ты останешься здѣсь.

Нелли (*съ легкимъ вздохомъ*). Значить, я могу не ходить... туда?

Виленкинъ (*сухо*). Нѣтъ, ты сейчасъ пойдешь. Платье готово къ примѣркѣ? Эта старая нѣмецкая дура слишкомъ аккуратна, а твоя неавка въ назначенный срокъ можетъ вызвать нежелательныя осложненія.

Нелли (*опустивъ глаза, тихо*). Я сдѣлаю, какъ ты хочешь, Александръ. Но (*запинается*) мнѣ тяжело ходить туда. Понимаешь, тяжело. Когда я вхожу въ этотъ домъ, у меня дѣлается холодно на душѣ.

Виленкинъ (*насмѣшливо*). Вздоръ, Елена! Ты нервничаешь. (*Смотритъ на часы*). Однако поторопись. Кстати, если окажется возможнымъ, постарайся узнать у гувернантки, не отложилъ ли генераль свой выѣздъ сегодня. (*Съ усмѣшкой*). Лишняя провѣрка никогда не бываетъ излишней.

Нелли (*вздвигнувъ*). Хорошо.

Хочетъ что-то сказать, потомъ поворачивается и уходитъ въ сосѣдную комнату. Оттуда слышно, какъ шуршитъ складываемая матерія.

Виленкинъ (*снова смотритъ на часы*). Поторопись, Елена. Я подожду тебя здѣсь.

Нелли (*входитъ съ большой картонной коробкой въ рукахъ, надѣваетъ пальто, набрасываетъ на голову кружевной платокъ*). Я готова, милый.

Подходитъ къ Виленкину, хочетъ поцѣловать его. Онъ незамѣтно отстраняется.

Виленкинъ (*нетерпѣливо*). Не теряй времени, Елена.

Нелли съ укоромъ смотритъ на него и выходитъ.

Виленкинъ (*прохаживается по комнатѣ, смотритъ въ окно, потомъ заглядываетъ въ спальню. Съ легкимъ зѣвкомъ*). Кислая она

стала. (*Морщится*). Терпѣть не могу этого. Какъ онѣ, однако, скоро выдыхаются!

Стукъ въ дверь. Онъ настораживается.

Голосъ (*за дверью*). Семнадцать и три.

Виленкинъ. Войди, Лія. Можно.

Лія (*быстро входитъ въ комнату. Одѣта изящно, на голову модная шляпа*). Александръ, я только что встрѣтила (*съ короткимъ смѣхомъ*) твою красавицу. Она, кажется, не обратила на меня вниманія.

Виленкинъ (*спокойно*). Тѣмъ лучше. (*Улыбается*). А ты все еще ревнуешь, Ліечка?

Садится. Онъ обнимаетъ ее и цѣлуетъ.

Лія (*вспыхиваетъ*). Оставь насмѣшки! Я ея терпѣть не могу. Конечно, меня особенно не радуетъ твое прошлое съ ней.

Виленкинъ (*ласкаетъ ее*). Ухъ, какія мы ревнивыя! То-то и дѣло, прелесть моя, что прошлое. Настоящее твое, наше съ тобой! (*Увлекается*). И будущее также наше, Лія...

Цѣлуетъ ее. Она страстно отвѣчаетъ на ласки.

Лія (*тихо*). Будущее... Кто знаетъ будущее? Ты сегодня назначилъ меня. А вдругъ...

Вздрагиваетъ.

Виленкинъ (*увѣренно*). Ничего. Будь спокойна. Я знаю, что дѣлаю.

Лія (*задумчиво*). А вдругъ... (*Опускаетъ голову. Съ порывомъ*). Впрочемъ, что я! Ну, умру, ну, повѣсятъ. Все равно. Я люблю тебя...

Виленкинъ (*прерываетъ ее поцѣлуемъ*). Оставь это. Все будетъ хорошо. (*Тихо*). Имѣй въ виду, что тамъ, гдѣ ты станешь, онъ едва ли проѣдетъ. По моимъ свѣдѣніямъ, онъ долженъ нарваться на Пинхуса или Мотеля. Будь только осторожна съ снарядомъ.

Лія (*благодарно*). Милый...

Прижимается къ нему. Онъ обнимаетъ ее, цѣлуетъ въ губы, шею. Потомъ внезапно отстраняется.

Виленкинъ. Довольно. Не надо. Могутъ войти.

Лія (*указываетъ глазами на дверь въ соседнюю комнату. Тихо*). Милый... Туда...

Виленкинъ (*рѣшительно*). Нѣтъ, нѣтъ. Послѣ.

Стукъ въ дверь и условный пароль. Виленкинъ и Лія быстро отстраняются. Онъ поспѣшно отходитъ къ столу.

Виленкинъ (*рѣзко*). Двадцать и одинъ.

Входитъ Игнатъ. Онъ въ черной рубахѣ и разстегнутомъ пальто. Видъ мастерового, лицо суровое и рѣшительное.

Виленкинъ (*холодно*). Все исполнено, товарищъ?

Игнатъ (*твердо*). Да. На сигналъ уже стоять. И провѣрка дала хорошій результатъ. (*Слегка киваетъ головой Ли и садится*). Мотель и Пиня сейчасъ придутъ. Я думаю, пора и намъ на мѣста, Александръ Львовичъ.

Виленкинъ (*сухо*). Я просилъ бы не указывать мнѣ, товарищъ. (*Барабанитъ пальцами по столу*). Вы также останетесь здѣсь съ товарищемъ Еленой. (*Пауза*). Марья Матвѣевна придетъ? Вы сказали ей?

Игнатъ (*угрюмо*). Сказалъ. (*Закуриваетъ*). Николай и Абрамъ уже выѣхали. Они со своими экипажами будутъ стоять на углу Широкой и Вознесенской.

Виленкинъ (*разсѣянно*). Да, да. (*Смотритъ на часы*). Однако, Елена запоздала. (*Къ Ли*). Вы не видѣли, товарищъ, она шла или ѣхала?

Лія. Садилась на извозчика.

Стукъ въ дверь, условный пароль.

Виленкинъ. Двадцать и одинъ.

Входятъ Мотель, Пиня, Марья Матвѣевна и двое членовъ комитета. Пиня одѣтъ въ ученическое платье, маленькій, съ большой головой на тонкой шеѣ и грустными глазами. Марья Матвѣевна въ черномъ платьѣ, въ пенснэ, съ большимъ ридикюлемъ въ рукахъ. Имѣетъ видъ акушерки. Движенія порывисты, говорить рѣзко. Всѣ почтительно здороваются съ Виленкинымъ.

Марья Матвѣевна. Я видѣла Елену. Она вошла въ генераль-губернаторскій домъ съ главнаго подъѣзда. Швейцаръ ее пропустилъ. (*Усмѣхается*). Даже раскланялся привѣтливо.

Виленкинъ (*сухо*). Отлично. Значить, все благополучно. (*Встаетъ и прохаживается по комнатѣ. Останавливаясь, сурово*). Итакъ, товарищи, сегодня свершится. Я увѣренъ, что всѣ вы окажетесь достойными выпавшей на вашу долю великой задачи. Я только долженъ сказать вамъ...

Дверь быстро открывается. Входитъ Елена. Она сильно взволнована.

Виленкинъ (*недовольно*). Товарищъ, дѣлаю вамъ замѣчаніе. Входить безъ пароля въ такую минуту преступно. Помните это.

Нелли (*смущенно*). Простите, Александръ Львовичъ...

Виленкинъ (*сухо*). Вы узнали что-нибудь?

Нелли (*нервно, сбрасывая пальто*). Да, да. Гувернантка сказала, что онъ ѣдетъ... (*Вздвoгнувъ*). Вѣроятно, съ обѣими дѣвочками...

Виленкинъ (*спокойно*). Отлично. Значитъ, товарищи, пора на мѣста.

Нелли (*взволнованно*). Простите, Александръ Львовичъ... Быть можетъ... Быть можетъ, вы отложите исполненіе?

Виленкинъ (*гнѣвно*). Вы съ ума сошли, Елена! Что за нелѣпый вопросъ? Отложить дѣло, налаженное съ такими трудностями?

Нелли (*еще болѣе волнуясь*). Это... это ужасно... Обѣ дѣвочки неминуемо погибнуть... Послѣ Севастополя...

Съ трудомъ удерживаетъ слезы и закусываетъ губы.

Пиня (*тихо*). Извините меня, но я тоже думаю, что лучше отложить. Не надо трогать дѣтей. У насъ, евреевъ, самый большой грѣхъ, если кто обидитъ ребенка...

Виленкинъ (*гнѣвно*). Молчать! Что это еще за разсужденія? (*Подходить къ нему вплотную*). Я прошу помнитъ, товарищъ Пинхусъ, что вы говорите съ членомъ центрального комитета. Вами я вообще недоволенъ за послѣднее время. Прошу запомнить и это.

Марья Матвѣвна (*злобно*). Они-то очень жалѣютъ нашихъ дѣтей!

Лія (*съ ироніей посмотрѣвъ на Нелли*). Товарищъ Елена, у васъ слишкомъ расшатаны нервы. Вамъ не мѣшало бы укрѣпить ихъ немного.

Нелли (*взволнованно*). Господа, поймите, это ужасная, ненужная жестокость! Поймите, эти дѣтскіе трупики губятъ насъ въ глазахъ всей Россіи...

Пиня и **Игнатъ** (*вмѣстѣ*). Вѣрно. Это вредитъ нашимъ задачамъ.

Виленкинъ (*внѣ себя*). Замолчать! Товарищъ Елена, я приказываю вамъ молчать! Вы нарушаете партійную дисциплину! Пинхусъ, я предупреждаю васъ вторично!

Нелли отходитъ въ уголь и садится. Пиня съезживается. Игнатъ, вздвoгнувъ, опускаетъ глаза. Молчаніе.

Виленкинъ (*рѣшительно*). Я обсудилъ и взвѣсилъ всѣ моменты, товарищи. Ваше выступленіе неразумно. Центральный комитетъ имѣлъ все въ виду, но директивъ о пріостановленіи актовъ изъ-за (*съ усмѣшкой*) какихъ-то щенковъ, отпрысковъ нашей бюрократіи, не нашель нужнымъ дать. (*Постепенно увлекаясь*). Наконецъ, прошу не забывать, какъ относятся къ намъ тѣ, чьи дѣти вызываютъ

у нѣкоторыхъ изъ васъ преступную жалость! Развѣ наши дѣти, развѣ дѣти народа значать что-нибудь въ ихъ глазахъ?

Игнатъ (*сквозь зубы*). Вѣрно, товарищъ!

Марья Матвѣвна (*угрюмо*). Яблочко не падаетъ далеко отъ яблони.

Виленкинъ (*продолжаетъ*). Война не знаетъ жалости и нелѣпаго состраданія, товарищи. Мы можемъ и должны жалѣть только нашу родину, на счастье которой мы кладемъ собственныя жизни. (*Къ Нелли*). Товарищъ Елена, помните это и знайте, что вы великое преступленіе совершаете вашимъ неумѣстнымъ вмѣшательствомъ, могущимъ поколебать душу борцовъ за народное дѣло. Да будетъ вамъ стыдно за ваше малодушіе!

Нелли (*смущенно*). Да... Вы правы... Но я...

Виленкинъ (*горячо*). Стыдно! Стыдно колебаться! (*Общее движеніе*). Тяжкое время, кровавое время. Но... (*Выпрямляется во весь ростъ. Торжественно*) оно приходитъ къ концу. Уже блеститъ заря свободы...

Общее восторженное одобреніе.

Виленкинъ (*серьезно*). Вниманіе, товарищи. (*Смотритъ на часы*). Пора итти. Помните, я буду съ вами.

Нелли достаетъ снаряды, Пиня, Мотель и Лія берутъ ихъ. Мотель укладываетъ свой снарядъ въ корзину съ зеленью. Лія въ ридикюль. Пиня осторожно прячетъ снарядъ на груди во внутреннемъ карманѣ пальто. Молчаніе.

Нелли (*звенящимъ голосомъ*). За наше дѣло, товарищи!

Всѣ цѣлуются между собою. Пиня, Мотель, Игнатъ, оба члена комитета, Лія и Виленкинъ по одиночкѣ выходятъ.

Нелли (*бросается вслѣдъ за Виленкинымъ*). Александръ... Береги себя...

Виленкинъ (*оборачиваясь*). Больше спокойствія, товарищъ Елена.

Марья Матвѣвна (*участливо*). Вы, Елена, стали очень нервничать. Это нехорошо.

Нелли (*съ тоской*). Мнѣ тяжело. Такъ тяжело!

Садится къ столу и опускаетъ голову на руки.

Марья Матвѣвна. Надо быть спокойнѣй. Въ нашемъ дѣлѣ спокойствіе прежде всего. (*Закуриваетъ*).

Нелли. Я не знаю, что со мной. (*Задумчиво*). Мнѣ начинаетъ казаться, что мы идемъ по ложному пути, Марья Матвѣвна.

Марья Матвѣвна (*строго*). Глупости. Стыдитесь.

Нелли (*съ нервнымъ смѣхомъ*). Конечно, вы правы. Александръ Львовичъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ. Но временами на меня находить что-то странное. Трудно и объяснить. Особенно послѣ... Севастополя...

Марья Матвѣвна (*недовольно*). Что же собственно?

Нелли (*сконфуженно*). Милая Марья Матвѣвна... Мнѣ стыдно признаться, но иногда меня начинаетъ мучить совѣсть. Да, совѣсть. Мнѣ все кажется, что эти... (*вздрагиваетъ*) эти люди словно стоятъ возлѣ меня.

Марья Матвѣвна. Глупо, Елена.

Нелли (*тоскливо*). Сегодня случайно я увидѣла генерала. Онъ прошелъ по коридору мимо комнаты нѣмки. Я невольно посмотрѣла на него. У него было такое ласковое, мягкое лицо... За нимъ бѣжали обѣ дѣвочки. Чистенькія, въ бѣленькихъ платьицахъ, съ завитыми локонами... И что-то щебетали ему...

Марья Матвѣвна (*вздвигнувъ*). Перестаньте, Елена. Мы не можемъ входить въ это. (*Нервно встаетъ и снова садится. Овладевъ собой, сурово*). Не забывайте, что такое представляетъ собою этотъ господинъ съ ласковымъ лицомъ...

Нелли (*со вздохомъ*). Да, да. Голова безумно болить.

Марья Матвѣвна. У васъ развилось малокровіе.

Нелли. Нѣтъ. Это отъ паровъ динамита. У меня долго хранился динамитъ подъ кроватью.

Марья Матвѣвна. Ничего, обойдется.—(*Смотритъ на часы*). Однако, скоро онъ поѣдетъ.

Нелли (*задрожавъ*). Скоро... Боже, какъ Александръ тамъ?..

Закрываетъ лицо руками. Дверь безъ стука открывается. Обѣ женщины вскакиваютъ. Входятъ Виленкинъ и Лія.

Виленкинъ (*взволнованно*). Товарищъ Лія не можетъ стоять на посту. Тамъ прошелъ шпикъ, знающій ее въ лицо. Все можетъ рухнуть.

Марья Матвѣвна (*испууженно*). Что же дѣлать? Онъ скоро поѣдетъ...

Виленкинъ (*рѣшительно*). Товарищъ Елена, на вашу долю выпадаетъ честь стать на отвѣтственный постъ. Вы замѣните Лію.

Нелли (*вся дрожа*). Ты этого требуешь?

Виленкинъ (*мягко и въ то же время настойчиво*). Да, Елена. Вы войдете сейчасъ со мною. Я самъ поставлю васъ на мѣсто. Имѣйте въ виду, что генералъ, вѣроятно, поѣдетъ мимо васъ. Онъ измѣнилъ маршрутъ. (*Испытующе смотритъ на нее. Съ легкой улыбкой*). И вамъ везетъ. Дѣтей онъ оставилъ дома.

Нелли (*дрожащимъ голосомъ*). Я иду, Александръ. (*Тихо*). По цѣлуй меня... (*Онъ отрицательно качаетъ головой*). (*Нервно*). И иду! (*Тихо*) Ты не хочешь?

Виленкинъ (*внушительно*). Не время. Поспѣшите. (*Къ Ліи*). Товарищъ, передайте вашъ ридикюль.

Лія молча передаетъ ридикюль Нелли. Последняя беретъ его, какъ автоматъ.

Виленкинъ (*серьезно*). Соблюдайте осторожность, Елена. Бросать надо плавнымъ движеніемъ, какъ можно выше поднимая руку. (*Показываетъ*). Вотъ такъ.

Стукъ въ дверь, взволнованный голосъ Игната: «Семнадцать и три».

Виленкинъ. Двадцать и одинъ. Войдите, Игнатъ!

Игнатъ (*вбѣгаетъ въ комнату, запыхавшись*). Съ сигнала передають, что генераль сейчасъ выѣдетъ. Маршрутъ по Большой улицѣ. Проѣдетъ близко около конспиративной. Скорѣе, товарищи!

Виленкинъ (*торопливо*). Да, да. Скорѣе идемъ, Елена, помните, отъ васъ зависитъ все!

Быстро выходятъ. Пауза.

Лія (*нервно*). Скоро разрѣшится. Я страшно волнуюсь.

Марья Матвѣвна. Вамъ-то чего волноваться, Лія? Сюда не придутъ. Мы въ безопасности.

Лія (*тоскливо*). Я знаю. Эта квартира чистая. Но мнѣ страшно за него.

Марья Матвѣвна (*внимательно взглянувъ на нее*). Вы, кажется, немного равнодушны къ Александру Львовичу?

Лія (*вспыхнувъ*). Нѣтъ, но онъ такой чудный!

Марья Матвѣвна (*съ легкой улыбкой*). Не конфузьтесь, милая. Это такъ понятно. (*Задумчиво*). Да, не часто встрѣчаются такіе люди, какъ нашъ Александръ Львовичъ.

Лія (*порывисто*). Я его безумно люблю... (*Спохватившись*). Конечно, не какъ мужчину, а какъ борца, какъ вождя народнаго. Какой онъ чудный, смѣлый!

Марья Матвѣвна. Товарищъ Елена, вѣроятно, вполне раздѣляетъ ваше мнѣніе.

Лія (*закусивъ губу, презрительно*). Я не знаю, что думаетъ товарищъ Елена. Я ее не люблю. Она вѣчно какая-то кислая. Впрочемъ, между ними, кажется, все уже кончено.

Марья Матвѣвна (*рѣзко*). Право, это для меня безразлично. (*Нервно ходитъ по комнатѣ, покусывая ногти. Раздумчиво*). Лошади у него хорошія. (*Съ усмѣшкой*). Еще бы! Живо доѣдетъ.

Лія (*вздвогнувъ*). Да, это недалеко. (*Съ восхищеніемъ*). Но подумайте, какая организація у Александра Львовича! Ничего не упущено! Все предусмотрено. И какое наблюденіе!

Марья Матвѣвна (*наставительно*). Иначе нельзя.

Лія (*сдвинувъ брови*). Только бы эта... Елена не растерялась. Она, вѣдь, въ первый разъ.

Марья Матвѣвна (*сухо*). Не растеряется. А вторично рѣдко кому приходится бросать снарядъ, товарищъ Лія.

Стукъ въ дверь, условный пароль.

Марья Матвѣвна. Двадцать и одинъ.

Игнатъ и Сарра вбѣгаютъ въ комнату.

Сарра (*взволнованно*). Выѣхалъ. Всѣ на мѣстахъ. Проѣдетъ мимо товарища Елены. Какъ страшно!

Вздрагивая, бѣгаетъ по комнатѣ.

Игнатъ (*сверкая глазами*). Наступилъ часъ расплаты! Довольно теперь, ваше высокопревосходительство!

Марья Матвѣвна (*смотритъ на часы*). Черезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ проѣхать мимо Елены. (*Волнуясь*). Снарядъ въ исправности, Игнатъ?

Игнатъ (*увѣренно*). Работа Янкелевича. Все дѣло въ товарищѣ Еленѣ.

Сарра (*нервно*). Да, да.

Всѣ то ходятъ взволнованно по комнатѣ, то присаживаются, чутко прислушиваясь. Молчаніе.

Лія (*сдавленнымъ голосомъ*). Боже, какъ это томительно! Неужели... провалъ?

Игнатъ (*сурово*). Вздоръ говорите, товарищъ!!

Нѣсколько минутъ проходитъ въ напряженномъ молчаніи.

Сарра (*почти молитвенно*). Боже, скорѣе бы!

За сценой издалека доносится глухой, но страшный ударъ. Гдѣ-то вблизи со звономъ посыпались оконныя стекла. Мгновеніе молчанія, потомъ слышенъ многоголосный шумъ, звуки отдаленной бѣготни, свистки полицейскихъ. Всѣ вскакиваютъ, дрожа.

Игнатъ (*изступленно*). Свершилось!

Хочетъ броситься къ выходнымъ дверямъ.

Марья Матвѣвна (*испуганно*). Куда, сумасшедшій? Оставайтесь здѣсь!

Удерживаетъ его.

Игнатъ. Э, пустите! Я не могу оставаться! Я пойду!

Марья Матвѣевна и Сарра. Вы сошли съ ума! Забыли приказаніе Александра Львовича?

Игнатъ (*опомнившись*). Да... (*Мечется по комнатѣ*). Скорѣе бы знать! Жива ли Елена?

За сценой тотъ же отдаленный спутанный шумъ, все усиливающийся. Гдѣ-то вдали раздается одиночный выстрѣлъ.

Лія (*хватается руками за сердце*). Стрѣляютъ... Что бы это могло быть? Боже мой...

Падаетъ въ волненіи на кушетку.

Игнатъ (*продолжаетъ метаться по комнатѣ*). Возможно, что задержали кого-нибудь изъ нашихъ... А-а, чортъ!

Дверь раскрывается, вбѣгаетъ Виленкинъ. Онъ страшно взволнованъ. За нимъ слѣдомъ въ комнату вбѣгаетъ Елена. Видъ у нея полу-безумный. Кофточка разорвана, руки черны, волосы растрепаны. По щекамъ бѣжитъ узенькая струйка крови. Всѣ бросаются къ нимъ.

Виленкинъ. Товарищи, свершилось. На мѣстѣ.

Лія (*бросается къ нему. Съ истерическимъ крикомъ*). Ты живъ, ты живъ, Александръ...

Виленкинъ (*отстраняя ее*). Мы едва ушли. Она (*показываетъ глазами на Елену*) совсѣмъ потеряла голову, и ее чуть-чуть не схватили. Я не знаю, какъ мнѣ удалось увезти ее. (*Всѣ суетятся по комнатѣ. Рѣшительно*). Расходиться по одиночкѣ. Не медлить. Игнатъ, ты увезешь Елену.

Всѣ суетятся по комнатѣ.

Нелли (*все время стоитъ на мѣстѣ, вся дрожа и оглядываясь блуждающимъ взоромъ. Потомъ вдругъ съ ужасомъ протираетъ руки. Какъ безумная*). Боже, Боже... Я видѣла его глаза... Глаза здѣсь, глаза!

Отшатывается назадъ и закрываетъ лицо руками. Всѣ бросаются къ ней.

З а н а в ѣ с ѣ .

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та же комната. Нелли сидитъ на прежнемъ мѣстѣ у стола. У нея истомленный видъ. На лѣвомъ вискѣ, спускаясь на щеку, наклеена полоска чернаго пластыря, закрывающая полученную при взрывѣ ранку. Въ рукахъ у Нелли письмо, на которое она смотритъ задумчивымъ взглядомъ.

Нелли (*читаетъ*). «Больше писать не могу. Да и зачѣмъ? Все равно, всего не выскажешь,—того, что сожгло душу, омертвило ее и обратило въ пепель. Прощайте, Нелли, моя Нелли. Я такъ называю васъ потому, что въ эту страшную минуту въ душѣ моей горитъ все то же безпредѣльное чувство любви къ вамъ, и мнѣ хочется говорить съ вами ласково-ласково. Я не сержусь на васъ, милая моя дѣвочка, нѣтъ уже и испытаннаго огня жгучей страшной обиды. Смерть все смягчаетъ, все освѣщаетъ такъ мягко, и передъ лицомъ ея я вижу васъ такую, какъ зналъ раньше,—кроткою, ясною, свѣтлою... Развѣ вы тогда бросали мнѣ въ лицо страшныя оскорбленія? О, нѣтъ! Это кричало *что-то другое*, хотя и властно захватившее васъ, но чужое и чуждое вамъ. Я ухожу изъ жизни съ большимъ горемъ, большой обидой, но не вы причинили ее. Это то, *отъ чего кровавыми слезами плачутъ многіе и многіе въ наши дни*. Сильные останутся, переживутъ. Раньше и я былъ сильнымъ, теперь нѣтъ. Чувствую, нѣтъ у меня силъ, нѣтъ возможности пережить эту кровавую полосу... Милая моя дѣвочка, пусть сохранить васъ Богъ! Пусть оградитъ Онъ васъ, и дастъ вамъ много-много силы, чтобы вы пережили... Помните, я ни въ чемъ не виноватъ передъ вами, и не меньшей, чѣмъ вы, любовью любилъ страдалицу-родину... Прощайте... Помолитесь обо мнѣ, если сохранились у васъ остатки хорошей дѣтской вѣры. А когда будетъ вамъ очень тяжело на душѣ,—вспомните меня. Незримо я подойду къ вамъ, и вамъ станетъ легче»... (*Опускаетъ голову и задумывается. Тихо*). Бѣдный, бѣдный Игорь.. Какъ онъ любилъ меня... (*Проводитъ рукою по глазамъ. Съ нервнымъ смѣшкомъ*). Какъ это странно... теперь я такъ часто стала

думать о немъ. Вотъ, читаю его письмо, точно хочу почерпнуть въ немъ бодрость или утѣшеніе. Прости меня, Игорь! (*Вздрагиваетъ*). Боже, опять этотъ взглядъ... Какой ужасъ... (*Закрываетъ лицо руками*). Неужели... Игорь былъ правъ? Боже...

Пиня (*осторожно входитъ*). Къ вамъ можно, товарищъ Елена?

Нелли (*радостно*). Здравствуйте, милый Пиня! Спасибо, что навѣстили меня. Ну, что слышно?

Пиня (*сконфуженно здороваается и садится въ сторонѣ*). Пока ничего, товарищъ. Только жаль, что мы все сидимъ здѣсь. По городу производится масса обысковъ, я боюсь, какъ бы не наткнулись на насъ.

Нелли. Да, я знаю. Но такъ хочеть Александръ Львовичъ. Онъ говоритъ, что уѣзжать еще не время.

Пиня (*задумчиво*). Тяжелая наша жизнь, товарищъ Елена. Вотъ и вамъ пришлось стать со снарядомъ. (*Глядя на нее съ восхищеніемъ*). Какая вы сильная!

Нелли (*вздвигнувъ*). Не говорите такъ, Пиня. Это такой ужасъ...

Пиня. Было страшно?

Нелли (*порывисто*). Нѣтъ, страха не было. Былъ ужасъ, понимаете, ужасъ. Когда я подняла руку со снарядомъ... карета ѣхала быстро, но мнѣ показалось, что она стоитъ... Я подняла руку, и въ этотъ моментъ мои глаза встрѣтились съ его глазами... (*Продолжаетъ вздрагивать, хватаятъ Пиню за руку*). Какой ужасъ! Онъ видѣлъ меня. Какъ онъ посмотрѣлъ... Знаете, у него были свѣтлые-свѣтлые глаза, и въ нихъ отразилось что-то такое, чего я вамъ передать не могу...

Пиня. Онъ испугался? Это былъ страхъ?

Нелли. Нѣтъ, нѣтъ, Пиня. Это было что-то жуткое... Какой-то ласковый укоръ, что ли... Я словно прочла въ его глазахъ: «не вѣдаешь, что творишь»... (*Вздрагиваетъ. Пауза*). Эти глаза всегда передо мной. Мнѣ кажется, что они смотрятъ на меня изъ всѣхъ угловъ...

Пиня (*задумчиво*). Когда человѣкъ умираетъ, то его душа смотритъ изъ глазъ. Это страшно.

Нелли. Пиня, вѣдь, и вы убивали? Почему и вы пошли съ нами, такой тихій, кроткій?

Пиня. Нѣтъ, я не убивалъ. Я жилъ на конспиративной, тамъ были снаряды. Когда къ намъ пришли, я не защищался. Стрѣлялъ мой товарищъ, ранилъ жандарма. За это насъ обоихъ приговорили къ повѣшенію.

Нервно поводитъ плечами.

Нелли. Бѣдный Пиня!

Пиня (*задумчиво*). Передъ арестомъ меня долго били. Потомъ топтали ногами. Я не знаю, какъ они не убили меня. И все время плевали мнѣ въ лицо. (*Задумывается. Молчаніе*). Впрочемъ, меня

много били въ моей жизни. Когда я былъ мальчикомъ, мой отецъ отдалъ меня въ обученіе къ сапожнику. Тамъ меня били всѣ, кто хотѣлъ и чѣмъ попало. А чаще всего шпандыремъ. Это очень больно, товарищъ Елена, когда бьютъ шпандыремъ.

Нелли. Злые люди, Пиня.

Пиня (*убѣжденно*). Нѣтъ, они не злые. Они несчастные. Вы знаете, товарищъ Елена, всѣ люди несчастные. Потому они такъ и злы. (*Задумывается*). Я много думалъ, съ дѣтства думалъ, когда еще былъ неграмотнымъ мальчикомъ и учился у сапожника. Еврейская голова всегда думаетъ, ей нельзя не думать. И вы знаете, почему это? Если бы мы, евреи, не думали всѣ, то насъ давно уже не было бы на землѣ. Намъ надо думать. (*Пауза*). Вы знаете нашъ талмудъ, товарищъ? Нѣтъ?

Нелли (*удивленно*). Что вы вспомнили талмудъ, Пиня? Это религіозная книга евреевъ. Я не могу знать ея.

Пиня. Религіозная? Нѣтъ, не только религіозная. Тамъ все есть, съ чѣмъ приходится сталкиваться въ жизни. Это мозгъ всего многострадальнаго еврейскаго народа. Это очень умная книга, большая книга. (*Съ улыбкой*). Вотъ, мнѣ пришло въ голову: какъ начинается учиться еврейскій мальчикъ и какъ всякій другой. Знаете, что прежде всего учить еврейскій мальчикъ? Первую книгу талмуда, которая называется «мицѣ»,—то есть «важное». И первый вопросъ, первая задача: «Двое нашли одну вещь. Кому она принадлежитъ?» Это очень умно, товарищъ Елена. Еврейскій мальчикъ (*улыбается*) начинается не съ кота-мурлыки, а сразу съ вопроса жизни.

Нелли (*со вздохомъ*). А знаете, милый Пиня. Ни одна книга не можетъ научить жизни. Жизнь сама по себѣ, а книги—сами по себѣ.

Пиня. Это вѣрно. Но все-таки книги свѣтятъ людямъ. Что бы мы дѣлали безъ нихъ? Я еще мальчикомъ рѣшилъ, что всѣ люди несчастны, но не зналъ, отчего. Потомъ сталъ читать, много читалъ. И увидѣлъ, что я правъ: всѣ, дѣйствительно, несчастны въ жизни. А затѣмъ мнѣ пришло въ голову, что все это отъ уклада жизни. И когда я сталъ социалистомъ, мнѣ стало свѣтлѣе жить.

Нелли (*тихо*). Вы счастливый, Пиня. Вы вѣрите.

Пиня (*задумчиво*). Да, вѣрю. Мнѣ только больно, что мы должны итти такимъ страшнымъ путемъ. А какъ намъ итти иначе? Люди привыкли къ своей жизни, они намъ не вѣрятъ. И силой не дадутъ намъ строить жизнь иначе...

Нелли. Да, вы счастливый, Пиня.

Пиня (*молча смотритъ на нее, вздыхаетъ. Участливо*). Мнѣ жаль васъ, товарищъ Елена. Вы хорошая.

Нелли (*дрогнувшимъ голосомъ*). Нечего жалѣть, Пиня! (*Внезапно оборачивается къ нему. Смущенно*). Пиня, мы съ вами дружны. Вы отвѣтите мнѣ прямо на одинъ вопросъ?

Пиня (*также смутившись*). Отвѣчу.

Нелли (*въ волненіи прошла по комнатѣ, потомъ близко подошла къ нему. Тихо*). Скажите, милый Пиня, вы... вамъ ничего не говорила Лія? Или Александръ Львовичъ?

Пиня (*опуская глаза*). Я не понимаю васъ. Нѣтъ, ничего.

Нелли (*нервно сжимаетъ ему руку*). Пиня, милый, скажите... Правда ли, что онъ любить Лію? Когда мы прибѣжали сюда... (*вздрагиваетъ*) то мнѣ показалось, что она бросилась къ нему и что-то закричала ему... Такое, какъ женщина, которая любитъ.

Пиня (*очень смущенно*). Я не знаю, товарищъ Елена.

Нелли (*съ тоской*). Нѣтъ, вы знаете! Скажите, я хочу знать!

Пиня (*кусаетъ губы. Рѣшительно*). Хорошо. Я скажу. Они живутъ теперь вмѣстѣ. Многіе въ организаціи знаютъ это.

Нелли (*покачнулася, какъ отъ удара. Опустилась на мѣсто, закрыла лицо руками. Тихо, съ рыданіемъ*). А, значить, такъ... Значить, такъ...

Пиня (*испуганно*). Ой, зачѣмъ такъ горевать? Видите, мнѣ нужно было молчать...

Нелли (*плачетъ*). Боже мой, Боже мой...

Пиня (*все болѣе волнуясь*). Успокойтесь, товарищъ Елена. (*Съ испугомъ*). И ради Бога не говорите ему. Успокойтесь!

Хочетъ уйти, растерянно оглядывается.

Нелли (*открываетъ лицо. Сдерживаясь, съ нервнымъ смѣшкомъ*). Да, конечно, конечно. (*Вытираетъ глаза*). Я ничего не скажу ему, Пиня. Что же дѣлать? Все-таки лучше знать.

Пиня (*смущенно*). Я уйду.

Нелли (*крѣпко жметъ его руку*). Спасибо, милый Пиня. (*Голосъ ея дрожитъ, но она старается говорить спокойно*). Темно жить, Пиня!

Пиня. Я уйду.

Нелли. Идите, милый.

Пиня уходитъ. Нелли нѣсколько мгновений стоитъ неподвижно, потомъ падаетъ на мѣсто и рыдаетъ.

Нелли (*сквозь слезы*). Какъ темно... за что же это, за что?

Входитъ Виленкинъ. Одѣтъ въ дорожное пальто и сюртукъ. Видя плачущую Нелли, хмурить брови.

Нелли (*вскакиваетъ и поспѣшно отираетъ глаза. Пытаясь улыбиться*). А, это вы, Александръ Львовичъ...

Виленкинъ (*беретъ ее за руку, пристально смотритъ на нее*). Что съ тобой, Елена? Что случилось? Почему слезы?

Нелли (*борясь съ собой*). Ничего. Нервы.

Виленкинъ (*выпуская ея руку*). Стыдись, Елена. Надо быть бодрѣе. (*Оглядывается комнату. Замѣтивъ на столѣ письмо, беретъ его. Удивленно*). Это что? (*Нелли дѣлаетъ движеніе, чтобы отобрать письмо. Виленкинъ, отстраняя ее, строго*). Нѣтъ, подожди! (*Смотритъ на письмо. Поднимая брови*). Почеркъ Артемьева? Не ожидаешь. (*Съ насмѣшкой*). Посланіе съ того свѣта, милая Елена?

Нелли (*нервно*). Оставьте это письмо. Александръ Львовичъ. Оно адресовано ко мнѣ. Это старое письмо.

Виленкинъ (*насмѣшливо*). Вотъ какъ? Секретъ? Ну, извини. Секретовъ не полагается. (*Стоя, пробѣгаетъ письмо. Нелли съ минуту смотритъ на него, потомъ отходитъ и садится въ сторонѣ на кушетку. Читаетъ*). «... Если бы вы могли сейчасъ заглянуть въ душу мою, милая моя дѣвочка, то вамъ стало бы понятнымъ, какъ велико чувство любви моей къ вамъ...» (*Саркастически*). Страшно трогательно! (*Небрежно бросаетъ письмо. Къ Нелли*). Скажи, пожалуйста, откуда это у тебя? Ты мнѣ ничего не сказала раньше.

Садится у стола и спокойно закуриваетъ.

Нелли (*не глядя на него, тихо*). Письмо было доставлено мнѣ въ тюрьму послѣ самоубійства. Игорь убилъ себя ночью послѣ перваго моего допроса.

Виленкинъ (*насмѣшливо*). Игорь! Какъ нѣжно звучитъ это въ твоихъ устахъ, Елена!

Нелли. Александръ Львовичъ, помните, вы тогда сказали мнѣ передъ допросомъ, что это Артемьевъ направилъ на насъ жандармовъ. Вы сказали правду, или просто хотѣли уязвить меня за мое прежнее знакомство съ нимъ?

Виленкинъ (*насмѣшливо*). Ого, милая Елена. Это знакомство сказывается. Ты чинишь мнѣ допросъ? (*Сухо*). Имѣй въ виду, я на вѣтеръ ничего не говорю.

Нелли (*упавшимъ голосомъ*). Не смѣйтесь, Александръ Львовичъ. Этотъ человѣкъ любилъ меня.

Виленкинъ (*недовольно*). Я не понимаю тебя. Что за нелѣпая нѣжности? Любилъ, любилъ! (*Съ усмѣшкой указывая на письмо*). И страшно трогательно эту любовь расписалъ. Ты даже хранишь нѣжное посланіе, какъ реликвію. Точно институтка. (*Рѣзко тѣняя тонъ*). Однако, довольно шутить. Что съ тобой? Что это за тонъ, настроеніе? Почему слезы?

Встаетъ и подходитъ къ Нелли.

Нелли (*послѣ паузы, тихо*). Александръ Львовичъ, почему вы не хотите быть со мной откровеннымъ? Зачѣмъ лгать?

Виленкинъ (*дрогнувъ встѣмъ тѣломъ*). Въ чемъ дѣло? Я не понимаю тебя...

Быстро оглядывается.

Нелли (*съ горечью*). Не понимаете? (*Пристально смотритъ на него*). Александръ, ты очень любишь ее?

Виленкинъ (*облегченно*). Елена, стыдись! Опять ревность! (*Хочетъ обнять ее*).

Нелли (*уклоняясь*). Нѣтъ, не ревность. (*Съ грустью*). Александръ, ты знаешь, какъ безгранично я люблю тебя. Для тебя я бросила все, понимаешь, все, я пошла и готова всюду итти за тобой. Но мнѣ въ тысячу разъ легче знать отъ тебя, что ты пересталъ любить меня, чѣмъ узнавать это стороной... (*Закрываетъ лицо руками. Сквозь слезы*). Вѣдь, кромѣ тебя, у меня никого и ничего нѣтъ... Ничего...

Виленкинъ (*гнѣвно*). Опять эти бабьи сплетни! Кто это тебѣ болтаетъ всякій вздоръ! Это, наконецъ, непристойно! И тебѣ стыдно, Елена. Да, стыдно! Ты ведешь себя, какъ буржуйка...

Нелли (*покачивая головой*). Зачѣмъ отрицать? Я знаю все. Вѣдь ты живешь съ ней.

Виленкинъ (*кричитъ*). Прошу тебя объясниться прямѣе! Кого ты имѣешь въ виду? Это невыносимо!

Рѣзко отходитъ отъ нея.

Нелли (*тоскливо*). Мнѣ больно слышать это, Александръ. Ты знаешь, о комъ идетъ рѣчь. Наконецъ, я сама видѣла, какъ бросилась къ тебѣ Лія здѣсь, въ этой комнатѣ...

Виленкинъ (*наружно спокойно, пожимая плечами*). Какой вздоръ. Если товарищъ Лія живетъ въ одной квартирѣ со мной, то отсюда едва ли слѣдуетъ, чтобы она жила со мной. (*Смѣется*). Ахъ, милая Елена! Какъ вы органически не можете подняться выше привитыхъ вамъ съ дѣтства предрасудковъ, мелочности, дикой ревности... (*Быстро*). Ты знаешь, мнѣ пришло въ голову, что въ тебѣ заговорило просто нехорошее чувство собственности. Да. Ты готова смотрѣть на меня, какъ на свою собственность. Недурно для социаль-революціонерки.

Усмѣхается.

Нелли. Александръ, ты или насмѣхаешься, или уклоняешься отъ отвѣта. (*Быстро встаетъ, кладетъ ему руки на плечо. Дрожащимъ голосомъ*). Скажи правду! Я умоляю тебя... Мнѣ будетъ много легче... Я сумѣю побороть себя... Но только не лги,—всѣмъ, что дорого и свято для тебя, закливаю тебя,—не лги. Вѣдь, ты же честный, свѣтлый! Кому же, какъ не тебѣ, всегда и во всемъ говорить правду? Скажи!

Прижимается къ нему и рыдаетъ.

Виленкинъ (*досадливо, слегка отстраняя ее*). Ахъ, Елена, я скажу тебѣ правду: какъ надоѣли мнѣ эти сцены! (*Рѣзко*). Да, надоѣли. Мало того, онѣ просто смѣшны. (*Дѣлаетъ гнѣвный жестъ*). У меня голова трещитъ отъ заботы, живемъ мы, какъ на вулканѣ, а тутъ

истор. вѣстн., июль 1914 г., т. сxxxvii.

5

вѣчно этотъ безтолковый бабій вздоръ. Чортъ знаетъ что! Я тебѣ долженъ сказать, что я органически не выношу никакихъ правъ на себя. Понимаешь это? И если ты дорожишь моею любовью, тебѣ слѣдовало бы быть болѣе сдержанной.

Нелли (*сквозь слезы, угнетенно*). Какъ ты со мной говоришь, Александръ...

Виленкинъ (*досадливо*). Оставь этотъ слезливый тонъ. (*Сурово*). Теперь онъ какъ нельзя болѣе некстати. Я пришелъ къ тебѣ все не для того, чтобы нести любовный вздоръ. Наше дѣло находится сейчасъ въ очень тяжеломъ состояніи.

Нелли (*какъ въ забытѣ*). Да, наше дѣло...

Виленкинъ (*жестко*). Я получилъ свѣдѣнія о могущемъ прозойти провалѣ. Понимаешь?

Нелли (*опомнившись, со страхомъ*). Что ты говоришь? Мы открыты?

Виленкинъ (*уклончиво*). Все возможно. (*Шагаетъ по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы пальто. Останавливаясь, глухо*). Я опасаюсь, Елена, что... (*медлитъ*) среди насъ есть предатель.

Нелли (*въ ужасѣ*). Богъ мой! Это невозможно! (*Растерянно смотритъ на него. Съ мольбой*). Не можетъ быть, Александръ! Насъ такъ немного. Все такіе вѣрные люди, такіе честные... Какъ же быть теперь?

Виленкинъ (*пожимая плечами*). Вѣрные! Честные! Ты слишкомъ довѣрчива, Елена. (*Помолчавъ, не глядя на нее*). Сегодня здѣсь соберутся члены комитета. Надо обсудить вопросъ.

Нелли (*растерянно*). Да, да... Какъ это ужасно, Александръ, если они напали на слѣдъ...

Виленкинъ (*жестко*). Да, не вкусно. (*Выразительно проводитъ рукой по шевъ*). Пахнетъ военно-полевымъ судомъ.

Нелли (*бросается къ нему и охватываетъ его руками. Съ ужасомъ*). Нѣтъ, нѣтъ! Не говори такъ... Только не ты! Господи, неужели могутъ посягнуть на тебя... Александръ, свѣтлый мой, не рискуй... Уѣзжай, сейчасъ, скорѣе... Мы сами выпутаемся какъ-нибудь!

Виленкинъ (*отводя глаза, сдержанно*). Ты знаешь, я къ этому всегда готовъ. (*Гордо*). Позорная въ ихъ глазахъ смерть—въ моихъ вѣнецъ мученика. Я съ радостью умру за наше дѣло!

Нелли (*рыдая, обнимаетъ его*). Нѣтъ, нѣтъ! Лучше я... Умереть тебѣ?! Боже, нѣтъ, нѣтъ!..

Виленкинъ (*ласково цѣлуетъ ее*). Такою я тебя люблю, Елена. Ты видишь, какъ я далека сейчасъ отъ того, что тебя мучило. И какъ ничтожно оно въ сравненіи съ тѣмъ, что грозитъ всѣмъ намъ!

Нелли (*горячо*). Да, да. Я безразсудна. Прости меня!

Прижимается къ нему и цѣлуетъ его. Рѣзкій стукъ въ дверь. Вбѣгаетъ Зельманъ. Блѣдный, растерянный, лицо искажено.

Виленкинъ и **Нелли**. Товарищъ, что такое?

Зельманъ (*задыхаясь*). Полный провалъ! Какъ они могли узнать, какъ могли? (*Хватается за голову*). Вездѣ у нашихъ обыски. Почти всѣ участники арестовагы...

Нелли. Какъ, какъ? Уже арестованы? (*Дрожитъ*). Боже, да что же это?

Виленкинъ (*сурово*). Тише, товарищъ Елена. Рассказывайте, Зельманъ, толковѣе.

Зельманъ (*заикаясь*). У меня мыслей нѣтъ въ головѣ. Они взяли нашу главную типографію. Василій и Абрамъ арестованы. У нихъ найдены привязныя бороды, отобраны письма...

Нелли. Боже мой!

Зельманъ. Мотель также арестованъ. Онъ стрѣлялъ. Его ранили и увезли въ тюрьму.

Виленкинъ (*кусая губы*). Однако. Это очень серьезно.

Ходить по комнатѣ.

Зельманъ. Я побѣждалъ предупредить Пиню, но у него на квартирѣ идетъ обыскъ. А тамъ спрятаны снаряды...

Нелли (*кричитъ въ ужасъ*). Гдѣ Пиня? Онъ недавно былъ здѣсь! (*Мечется по комнатѣ, хватается пальто*). Я пойду... Его надо найти, предупредить его...

Бросается къ дверямъ.

Виленкинъ (*удерживая ее*). Ни съ мѣста, товарищъ Елена! (*Ръзко*). Потрудитесь повиноваться. Это безцѣльная попытка. Вы можете только сами провалиться. Васъ арестуютъ и обнаружатъ наше послѣднее убѣжище.

Нелли (*безпомощно*). Что же дѣлать... Надо же спасти Пиню...

Виленкинъ (*вскрикивая*). Успокойтесь, говорю вамъ! Возьмите себя въ руки! Дѣло не шуточное!

Нелли, шатаясь, уходитъ въ сосѣдную комнату.

Виленкинъ. Зельманъ, вы останетесь здѣсь. Я кооптирую васъ во временные члены комитета дружины. Здѣсь состоится засѣданіе. Вы примете въ немъ участіе.

Зельманъ (*почтительно*). Я постараюсь оправдать ваше довѣріе, Александръ Львовичъ.

Марья Матвѣевна (*вбѣгаетъ. Она растеряна, лицо заплакано*). Вы знаете, вы знаете? Мы погибли...

Виленкинъ (*холоднымъ тономъ*). Больше хладнокровія. Нельзя терять голову. (*Внушительно*). Какія вѣсти?

Марья Матвѣевна (*падаетъ на кушетку. Съ плачемъ*). Сплошной ужасъ! Сарра арестована. Пиню только что арестовали на улицѣ...

б*

Нелли (*вбѣгаетъ съ крикомъ*) Какъ! и Пиню? Бѣдный мой Пиня! Александръ, что же это?

Истериически плачетъ.

Марья Матвѣвна. Пиня погибъ. У него на квартирѣ снаряды и планъ всего предпріятія. Даже чертежъ генераль-губернаторскаго дома...

Зельманъ (*глухо*). Если военно-полевой судъ, то ночью ихъ уже не будетъ въ живыхъ. Пини и Мотеля.

Нелли (*кричитъ*). Боже, что же это? Ихъ убьютъ сегодня... Пиня недавно былъ здѣсь... Онъ такой тихій, бѣдный...

Падаетъ въ истерическомъ припадкѣ.

Виленкинъ (*выходя изъ себя*). Помогите ей! Дайте воды! Чортъ знаетъ что...

Всѣ суетятся возлѣ Нелли, разстегиваютъ ей кофточку, обрызгиваютъ водой.

Виленкинъ (*внушительно*). Елена, надо успокоиться! Такъ нельзя. (*Кричитъ*). Нельзя!

Нелли (*стихаетъ. Вся дрожа*). Прости. Я не знаю, что дѣлается со мной...

Въ дверь стучать. Всѣ замираютъ въ страхѣ.

Виленкинъ (*опуская руку въ карманъ*). Войдите.

Входятъ пять членовъ комитета. У всѣхъ озабоченныя лица. Молча, видимо, сильно взволнованные, здороваются съ присутствующими.

Виленкинъ (*торжественно*). Всѣ въ сборѣ? Теперь заprite двери на ключъ. Закройте ставни.

Зельманъ и Марья Матвѣвна исполняютъ приказаніе. Въ комнатѣ становится темно, и Зельманъ зажигаетъ лампу. Всѣ садятся. Нелли лежитъ на кушеткѣ, закрывъ лицо руками. Плечи ея вздрагиваютъ. Виленкинъ крупными шагами ходитъ взадъ и впередъ, морща лобъ.

Членъ комитета. Александръ Львовичъ, у васъ, вѣроятно, имѣются свѣдѣнія о провалѣ организаціи. Свѣдѣнія мѣстнаго комитета очень скудны. Однако возникаетъ подозрѣніе, что совершилось гнусное предательство.

Общее движеніе.

Виленкинъ (*серьезно, почти торжественно*). Къ величайшему нашему горю, товарищи и братья, это правда. Среди насъ есть

предатель. (*У всѣхъ вырывается короткий крикъ. Виленкинъ пристально смотритъ на окружающихъ*). Да. Я уже получилъ отъ центрального комитета прямые указанія.

Членъ комитета (*вскакивая въ бѣшенствѣ*). Имя! Требуемъ имя! Партийный судъ!

Стучить кулакомъ по столу.

Виленкинъ (*грустно*). Повремените, товарищи. (*Проводитъ рукою по лбу*). Это такой безграничный ужасъ, которому нѣтъ названія. Но имя провокатора пока неизвѣстно центральному комитету. Мнѣ поручено выяснитъ это во что бы то ни стало здѣсь, на мѣстѣ. Этимъ и задерживается мой отъѣздъ отсюда, хотя я имѣю отвѣтственное порученіе на западѣ.

Нелли (*порывисто бросается къ нему*). Александръ, я умоляю тебя... Уѣзжай! Сейчасъ уѣзжай...

Виленкинъ (*торжественно*). Елена, оставьте это. Я не могу уйти, оставивъ спяющихъ со мною святою кровью борцовъ. Я останусь здѣсь до конца.

Общее одобреніе. Марья Матвѣвна горячо жметъ руки Виленкину.

Виленкинъ. Вниманіе, товарищи. Я сказалъ, что мы должны выяснитъ вопросъ о предателѣ. Надо серьезно подумать прежде, чѣмъ назвать его имя. (*Пауза. Въ задумчивости*). Въ детали покушенія были посвящены строго опредѣленные лица. Значитъ, если детали эти стали извѣстны жандармамъ, то...

Членъ комитета. ...Вѣрно, товарищъ! Даже комитетъ не зналъ деталей. Значитъ, кто-нибудь изъ принимавшихъ личное участіе.

Зельманъ (*мечется по комнатѣ*). Но кто, кто? (*Сжимаетъ кулаки, съ ненавистью*). О, мы узнаемъ, кто!

Виленкинъ (*кивая головой*). Совершенно вѣрно. Я понимаю, мы рискуемъ головой, не уѣзжая отсюда, но если мы не выяснимъ имя предателя теперь же, то будетъ поздно.

Голоса. Вѣрно! Правильно!

Виленкинъ (*какъ бы раздумывая*). Надо перебрать всѣхъ. Организаторомъ акта былъ я. (*Гордо, съ вызовомъ*). Товарищи, я прошу высказаться. Нѣтъ ли у кого какихъ-либо, хотя самыхъ ничтожныхъ подозрѣній въ моей (*съ удареніемъ*) — причастности къ гнуснѣйшему изъ преступленій?

Обводитъ всѣхъ взглядомъ.

Всѣ (*съ негодованіемъ*). Товарищъ, что вы?

Нелли (*вскакиваетъ съ мѣста*). Кто посмѣетъ?

Виленкинъ. Я зналъ это. Благодарю. Однако, дальше. (*Помол-*

чавъ). Кромѣ меня (съ удареніемъ), детальнѣйше была посвящена въ все товарищъ Елена.

Нелли коротко и испуганно вскрикиваетъ, схватившись за грудь. Тяжелое молчаніе. Всѣ упорно смотрятъ на Нелли.

Виленкинъ (*поспѣшно*). Господа, ради Бога. Не дѣлайте поспѣшныхъ заключеній...

Марья Матвѣевна (*глухо*). Я не буду дѣлать никакихъ заключеній, но должна напомнить, какъ товарищъ Елена пыталась отговорить насъ въ послѣдній моментъ...

Нелли (*вскакивая*). Такъ это я? Я? (*Задыхается*). Какъ вы смѣете! (*Дрожитъ*). Александръ, скажи же имъ!

Протягиваетъ къ нему руки.

Виленкинъ (*сурово, не глядя на нее*). Сядьте, товарищъ Елена. Васъ никто не обвиняетъ. Но мы обязаны взвѣснить все.

Нелли, какъ потерянная, смотритъ вокругъ себя и, пошатываясь, опускается возлѣ письменнаго стола. На нее всѣ бросаютъ угрюмые взгляды.

Членъ комитета (*рѣшительно*). Обижаться и кричать нечего. Я такъ и долженъ сказать, что поведеніе товарища Елены и мнѣ показались тогда страннымъ.

Марья Матвѣевна (*рѣзко*). Болѣе, чѣмъ страннымъ! Особенно, если знать, что она мнѣ говорила, когда я осталась съ ней наединѣ. Да!

Встаетъ взволнованная.

Виленкинъ (*спокойно*). Что вамъ говорила тогда она, товарищъ?

Нелли въ ужасѣ смотритъ на всѣхъ, и, видя устремленные на нее взоры, какъ-то съезживается и начинаетъ беззвучно рыдать.

Марья Матвѣевна (*размахивая руками*). Она сказала мнѣ, что не вѣрить въ наше дѣло! Да! Говорила, что мы идемъ по ложному пути, передавала свои личныя впечатлѣнія относительно генерала... И встрѣчи ихъ!

Виленкинъ (*удивленно*). Встрѣчи? Вы не ошиблись, товарищъ?

Марья Матвѣевна (*кричитъ*). Она видѣла его, когда онъ шелъ по коридору, и потомъ восторгалась его лицомъ! Да, да, такъ она говорила, но мы не знаемъ, ограничилась ли она только тѣмъ, что видѣла генерала?

Всѣ (*угрожающе поднимаются съ мѣстъ*). О-о, да, да.

Виленкинъ (*серьезно*). Товарищъ Елена, отвѣтите прямо на этотъ вопросъ.

Нелли (*дрожа, поднимается съ мѣста и протягиваетъ впередъ руки. Дрожащимъ голосомъ*). Боже, да что это... Александръ, что это... (*Шатается*).

Членъ комитета (*грубо хватая ее за руку*). Съ вами не шутятъ, сударыня! Отвѣчайте на вопросъ!

Нелли (*вдругъ рѣзко вырываетъ руку и выпрямляется. Гнѣвно*). Прочь! Какъ вы смѣете? Это ложь, наглая ложь! Слышите?

Марья Матвѣевна. Потихе, сударыня!

Нелли. Это безуміе! Вы готовы обвинить меня... Но, вѣдь, если бы я... (*Задыхается*).

Членъ комитета (*насмѣшливо*). Что-съ? Договаривайте.

Нелли (*кричитъ*). Да если бы я была предателемъ, я предупредила бы его, понимаете? А я сама убила. (*Вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ. Со стономъ*). О, опять эти глаза, эти глаза...

Безильно опускается на стулъ и закрываетъ лицо руками. Всѣ смущены. Пауза.

Марья Матвѣевна (*сконфуженно*). Да, конечно. (*Къ Нелли*). Я, можетъ быть, неправильно поняла тогда ваши слова...

Зельманъ (*нервно*). Все надо выяснить, все!

Виленкинъ (*серьезно*). Именно, все. Мы васъ не обвиняемъ и даже не подозрѣваемъ, товарищъ Елена, но на репутаціи члена боевой дружины не должно оставаться ни одного, хотя бы самага ничтожнаго пятна. Поэтому и я спрошу васъ: если у васъ возникли сомнѣнія въ правотѣ нашего дѣла, то не возникало ли у васъ мысли о вредѣ его? Или необходимости бороться съ нимъ активнымъ путемъ?

Нелли (*съ отчаяніемъ*). Вы это говорите? Вы?

Виленкинъ (*не глядя ее*). Я исполняю мой долгъ передъ товарищами и партіей, Елена, и въ этомъ отношеніи всѣ равны предомной. Да, я спрашиваю васъ, тѣмъ болѣе, что вы и мнѣ самому неоднократно высказывали свои сомнѣнія и непонятныя сожалѣнія по поводу возможныхъ невинныхъ жертвъ, какъ вы изволили выражаться.

Голоса. Ага! Да, да. Пусть отвѣтитъ.

Нелли. Я не знаю, что вы хотите отъ меня? (*Истерически*). Развѣ я не доказала, что я всегда шла съ вами на все? Нѣтъ? Чего же вы хотите, чего?

Внезапный стукъ въ дверь. Всѣ вскакиваютъ, растерянно оглядываясь. Одинъ Виленкинъ сохраняетъ спокойствіе и рѣшительно шагаетъ къ двери.

Виленкинъ (*рѣзко*). Кто тамъ?

Голосъ за дверью. Я, Игнатъ. Отворите скорѣй.

Зельманъ (*бросается къ двери. Облегченно*). Сейчасъ, сейчасъ

(*Вынимаетъ изъ кармана ключъ, отпираетъ замокъ*). Вы кстати подоспѣли, товарищъ.

Игнатъ (*рѣшительно входитъ. Видъ у него необычный, лицо суровое и озбоченное*). Да, кстати. Отойдите, товарищъ. (*Запираетъ дверь, вынимаетъ и прячетъ ключъ. Обращаясь къ присутствующимъ*). Да, я пришелъ кстати и во-время. Недоумьное молчаніе. Игнатъ пристально смотритъ на Виленкина). Радъ застать васъ здѣсь, г. Виленкинъ!

Общее изумленіе.

Виленкинъ (*страшно поблѣднѣвъ и метнувшись въ сторону*). Что за тонъ, товарищъ Игнатъ? (*Пытаясь усмѣхнуться*). Вы, вѣроятно, пьяны? (*Повышая голосъ*). Прошу помнить, я не давалъ вамъ права такъ говорить со мной. Вы забываете, что передъ вами начальникъ и членъ центрального комитета!

Игнатъ (*сдвинувъ брови, смотритъ на него въ упоръ, потомъ подходитъ и говоритъ раздѣльно, съ трудно подавляемой ненавистью*). Членъ центрального комитета? (*Съ бѣшенствомъ*). Не смѣтъ называть меня товарищемъ! Не смѣтъ!

Виленкинъ (*отшатнулся, растерянно*). Что съ нимъ? Онъ сошелъ съ ума!

Зельманъ и Членъ комитета. Объяснитесь, товарищъ!

Всѣ, взволнованные, окружаютъ ихъ.

Игнатъ (*рѣзко бросаетъ въ лицо Виленкину*). Товарищи, я заявляю, что г. Виленкинъ—предатель и провокаторъ. Слышите?

Крикъ ужаса. Голоса: «Онъ сошелъ съ ума». Виленкинъ, дрожа, оглядывается. Нелли бросается къ нему.

Виленкинъ (*кричитъ*). Сумасшедшій! Наглая ложь! Товарищи, я приказываю вамъ связать его!

Нелли (*въ изступленіи къ Игнату*). Что вы смѣли сказать? Клеветникъ!

Игнатъ (*повышая голосъ*). Клеветникъ? Сумасшедшій? Нѣтъ, на этомъ не отыграетесь! Товарищи, я получилъ сегодня объ этомъ телеграмму центрального комитета, какъ старшій въ организаціи. Вотъ она!

Бросаетъ на столъ телеграмму. Членъ комитета молча читаетъ ее. Виленкинъ оглядывается, какъ загнанный звѣрь.

Членъ комитета (*вслухъ*). Правда.

Крики ярости.

Виленкинъ. Ложь, ложь! Телеграмма подложная!

Игнатъ (*съ хриплымъ смѣхомъ*). Еще минуточку, товарищи. Сегодня мнѣ удалось получить и документъ. (*Порывисто вынимаетъ какое-то письмо*). Вотъ его подлинное письмо къ начальнику охраннаго отдѣленія. Вотъ!

Виленкинъ (*внезапно выхватываетъ револьверъ и направляетъ на Игната*). Дорогу!

Хочетъ броситься къ дверямъ. Членъ комитета сзади выхватываетъ у него изъ рукъ револьверъ, остальные загораживаютъ ему путь къ выходу.

Зельманъ (*истерически*). Такъ вотъ кто предатель! Вотъ кто... О, проклятіе!

Нелли (*какъ безумная, съ широко открытыми глазами идетъ къ Виленкину*). Погодите... Погодите... Что это... (*Смотритъ на него*). А, вотъ что... Вотъ что... Вотъ кто ты... Такъ вотъ каково воплощеніе идеи, которую мы считали святой... (*Дико вскрикиваетъ, бросается къ столу и хватается револьверъ*). Такъ вотъ за кѣмъ я шла! А-а!

Всѣ. Смерть предателю! Стрѣляйте, Елена!

Игнатъ (*скрестивъ руки и съ ненавистью глядя на Виленкина*). Нѣ-ѣтъ, не уйдете теперь, г. Виленкинъ. Сейчасъ все будетъ кончено. Скажите, за сколько серебрянниковъ вы продавали товарищей? А?

Нелли (*поднимаетъ револьверъ, съ безумнымъ смѣхомъ*). Это— мое солнце! Моя любовь! Моя вѣра!..

Виленкинъ (*падаетъ на колѣни и протягиваетъ руки*). Именемъ всего святого... Елена, именемъ моей и твоей любви! Товарищи, минуточку! Выслушайте меня...

Игнатъ (*бѣшено*). Молчи, негодяй! Стрѣляйте, Елена, или я убью его! Надо спѣшить. Возможно, что онъ завелъ насъ въ ловушку!

Виленкинъ (*дрожжа и отворачиваясь*). Товарищи, я невиновенъ! Я долженъ былъ имѣть сношенія съ охраннымъ отдѣленіемъ, чтобы знать все. Клянусь всѣмъ святымъ, я служилъ только революціи!

Нелли (*вздвигнувъ, опускаетъ револьверъ*). Ты говоришь правду?

Игнатъ и другіе (*яростно*). Ложь! Ложь!

Стукъ въ дверь и сильный ударъ. Дверь шатается. Голоса: «Отвори!» Общая растерянность. Крики: «Измѣна, спасайтесь!» Часть бросается къ окну, срываетъ ставни, но стекла со звономъ разбиваются, и въ окна просовываются дула винтовокъ съ прижатыми штыками. Еще нѣсколько мгновений суматохи, и дверь слетаетъ съ петель. Въ комнату врывается толпа жандармовъ и полицейскихъ. Впереди жандармскій офицеръ съ револьверомъ въ рукѣ.

ПОЛЬ БЕРТРАМЪ.

ПЯТАЯ ТРУБА

«Пятый ангелъ вострубилъ, и
я увидѣлъ звѣзду, падшую съ не-
ба на землю, и данъ былъ ей ключъ
отъ кладезя бездны. Она отворила
кладезь бездны...

Апокалипс., гл. 9, ст. 1—2.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. Б. МИХАЙЛОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

ПЯТАЯ ТРУБА.

(Историческій романъ).

ГЛАВА I.

Таверна «Чернаго Орла».

ТАВЕРНУ «Чернаго Орла» въ Констанцѣ никакъ нельзя было назвать элегантнѣмъ мѣстомъ. Находилась она въ узкомъ темномъ переулкѣ, на дно котораго солнце не заглядывало никогда, ни зимой, ни лѣтомъ. Въ самой тавернѣ было еще мрачнѣе, чѣмъ на улицѣ. Входить въ нее надо было черезъ низкую готическую арку по избитымъ скользкимъ ступенямъ. Пройдя общую залу, бывшую въ дѣйствительности погребомъ съ темнымъ низкимъ потолкомъ и плохо вымощенными полами, на которыхъ вдоль стѣнъ стояли бочки, посѣтитель попадалъ по другой лѣстницѣ, которая на этотъ разъ шла вверхъ, а не внизъ, въ отдѣльную комнату, предназначенную для болѣе важныхъ гостей. Впрочемъ, эта вторая комната была немногимъ лучше, чѣмъ первая. Полъ въ ней былъ деревянный, что было большимъ комфортомъ для ревматиковъ, которыхъ онъ предохранялъ отъ сырости. Съ небольшого двора черезъ низкое, рѣшетчатое окно въ комнату падалъ слабый отблескъ свѣта, не всегда, впрочемъ, а лишь въ тѣ рѣдкіе дни, когда зимой выпадалъ свѣжій свѣгъ, а лѣтомъ солнышко нѣсколько дольше задерживалось на дворикѣ. Посѣтители, впрочемъ, довольствовались и этимъ теплымъ падавшимъ на полъ отраже-

ніемъ, прерываемымъ темными, колеблющимися тѣнями отъ оконной рѣшетки и игрой свѣта въ стоявшихъ на столѣ зеленыхъ стаканяхъ. Свѣту было довольно, чтобы можно было пить и ѣсть, но совершенно недостаточно, чтобы читать трактаты, которыми магистръ Янъ Гуссъ и его ученики наводнили имперію и которые, несмотря на костры, проникали всюду, къ великому смущенію папы и всего духовенства.

Свѣта здѣсь было немного. Но добрые обыватели города Констанца въ 1418 году не были особенно требовательны на этотъ счетъ, хорошо зная, что на свѣтъ бесполезно требовать больше, чѣмъ вамъ удѣлено—свѣта ли, или справедливости, или благочестія.

Къ тому же человѣкъ ѣсть спокойнѣе, когда онъ не видитъ всего. Поэтому таверна «Чернаго Орла», несмотря на свои грязныя и мрачныя комнаты, не имѣла недостатка въ посѣтителяхъ. Не мѣшали этому и простыя масляныя лампы, которыя горѣли съ утра до ночи въ теченіе трехсотъ дней въ году, закапчивая потолокъ.

Вино въ этой тавернѣ было лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ городѣ. Если принять во вниманіе, что шелъ уже четвертый годъ съ тѣхъ поръ, какъ собрался въ Констанцѣ великій церковный соборъ, и что запасы въ гостиницахъ почти у всѣхъ истощились, то въ этомъ была не малая заслуга таверны «Чернаго Орла», и не было ничего удивительнаго, что въ ея закопченныхъ подвалахъ собиралось теперь лучшее общество. Кромѣ того, ея хозяинъ, мастеръ Шраммъ, умѣлъ услужить своимъ гостямъ, а когда ему случалось слышать какую-нибудь глупость или что-нибудь неумѣстное, старался незамѣтно уйти и забывалъ слышанное.

Вотъ почему городской совѣтникъ Ранненбергъ бесѣдовалъ въ тавернѣ, ничего не опасаясь.

— Я слышалъ, что вчера его святѣйшество сообщилъ собору каноны относительно реформы церкви и образа жизни духовенства, которые онъ намѣренъ обнародовать. Надѣюсь, что этого будетъ довольно. Въ противномъ случаѣ, народъ будетъ недоволенъ.

— Да, конечно,—согласился съ нимъ одинъ изъ собутыльниковъ.—Не знаетъ ли кто-нибудь содержанія этихъ канонныхъ?

— Я слышалъ, какъ ихъ читали вчера. Но моя латынь, какъ вамъ извѣстно, сильно хромаетъ. Но бургомистръ, конечно, объ этомъ знаетъ.

— Конечно,—съ достоинствомъ отвѣтилъ бургомистръ Мангольтъ.—У меня есть даже списокъ съ нихъ.

Собесѣдники зашумѣли.

— Нельзя ли прочесть!—кричало нѣсколько голосовъ.

— Хорошо,—важно отвѣтилъ бургомистръ.—Господинъ секретарь, подойдите сюда и прочтите вотъ эту бумагу. Нѣкоторыя, наиболѣе важныя мѣста нужно перевести для тѣхъ, кто слабъ въ латыни.

Завистливые люди утверждали, что въ числѣ этихъ людей былъ и самъ бургомистръ, но, быть можетъ, это была и неправда.

Городской секретарь, высокій человекъ лѣтъ тридцати пяти, съ темнымъ строгимъ лицомъ, всталъ изъ-за стола и выступилъ впередъ. Взявъ бумагу отъ своего начальства, онъ подошелъ къ окну и сталъ читать первый пунктъ предлагаемой папой реформы, касающійся освобожденія отъ налоговъ. Папа обязывался впредь не дѣлать этого. Потомъ онъ перешелъ ко второму пункту, которымъ устанавливался новый порядокъ утвержденія союзовъ, корпорацій и т. п.

Все слушали молча. Лишь изрѣдка у кого-нибудь вырывалось замѣчаніе:

— Все—внутреннія дѣла церкви. Не подѣлили добычи! Насъ это не касается. Пропустите это и переходите къ главному.

— Все должно быть по порядку,—строго замѣтилъ Мангольтъ.— Это очень важно, хотя насъ, дѣйствительно, и не касается.

Секретарь прочелъ третій пунктъ, касающійся доходовъ отъ вакантныхъ кафедръ, потомъ четвертый насчетъ симоніи. Всякій обвиненный въ симоніи тѣмъ самымъ извержется изъ своего сана, будетъ ли то простой священникъ, или епископъ, или даже кардиналь.

— Это хорошо. Но всего этого мало,—возразилъ опять предыдущій ораторъ.—Если въ симоніи провинится самъ папа, кто же тогда будетъ судить его?

— Этого канонъ не разъясняетъ,—басомъ отвѣтилъ секретарь.

— Тутъ еще много пунктовъ. Продолжайте, продолжайте, г. секретарь!—вскричалъ бургомистръ.

Дальше шло о десятинахъ.

— Все о деньгахъ!—проворчалъ опять тотъ же недовольный ораторъ. Чтобы подкрѣпить свое негодованіе, онъ разомъ опорожнилъ свой стаканъ и со стукомъ поставилъ его на столъ.

— Деньги—вещь необходимая, г. Вальтеръ. Безъ денегъ нельзя выпить и вина.

Кое-кто засмѣялся. Секретарь невозмутимо продолжалъ чтеніе.

— Пунктъ седьмой. О жизни и нравственныхъ качествахъ духовенства.

Слушатели насторожились.

— Наконецъ-то его святѣйшество дошелъ до дѣла,—проворчалъ Ранненбергъ.—Посмотримъ, что онъ скажетъ.

Пунктъ седьмой былъ очень длиненъ и кончался такими словами: «Мы порицаемъ и запрещаемъ всякія неправильности въ одеждѣ и въ покроѣ рукавовъ. И нарушители этого будутъ считаться преступившими каноны. Они будутъ отставляемы отъ должности на мѣсяць, а ихъ доходы за это время будутъ передаваться въ церковно-строительный капиталъ».

Секретарь кончилъ чтеніе.

— Ну, о рукавахъ не стоило говорить,—замѣтилъ кто-то.—
Читайте дальше. Переходите же къ самому главному.

— Канонъ на этомъ и оканчивается,—невозмутимо отвѣчалъ секретарь.

Всѣ взглянули на него съ изумленіемъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? Неужели это они называютъ реформой церкви? А какъ же съ октябрьскимъ декретомъ?

— Здѣсь приложено объявленіе отъ бывшаго предсѣдателя собора, кардинала остійскаго, въ которомъ сказано, что декретъ исполнѣнъ, т. е. въ достаточной мѣрѣ исполненъ. Всѣ остальные вопросы предоставляется рѣшить при помощи подробныхъ конкордатовъ между его святѣйшествомъ и отдѣльными народами.

— Слышите, при помощи конкордатовъ!—воскликнулъ Мангольтъ.—Старые каноны, стало быть, еще въ силѣ.

— Пункты конкордатовъ тутъ перечислены, но между ними нѣтъ того, который относится къ нравственности духовенства.

Поднялся общій шумъ.

— Намъ нужна реформа,—кричало нѣсколько голосовъ сразу.—
Реформа! А ея и нѣтъ!

— Если бъ я былъ членомъ собора, я постыдился бы показываться на улицахъ,—пылко сказалъ Ранненбергъ.—Три года они толкутся на одномъ мѣстѣ! Три года—и никакой реформы!

— Вы забываете о рукавахъ, мастеръ Ранненбергъ, о безнравственномъ покроѣ рукавовъ, безпрестанно оскорбляющемъ глаза вѣрующихъ. Можетъ быть, реформа коснется и брюкъ.

— Конечно, все это очень важно. Теперь они будутъ развращать семьи людей въ короткихъ рукавахъ, а не въ длинныхъ, что будетъ правильнѣе. Чортъ бы побралъ всѣ эти рукава, папу, соборъ и всѣхъ,—гнѣвно закончилъ онъ, плюнувъ на полъ.

— Помилуй, Боже,—возразилъ бургомистръ.

— Онъ правъ!—закричали другіе.

Взгляды народа во многомъ уже успѣли измѣниться. Прошло время Григорія VII, когда чернь, подстрекаемая папскимъ престоломъ и жаждою грабежа, громила дома женатыхъ священниковъ и заставляла ихъ отпускать ихъ женъ. Теперь уже никто не хотѣлъ возстановлять такимъ путемъ чистоту нравовъ духовенства. Въ сосѣдней Швейцаріи прихожане не принимали священника, если онъ не былъ женатъ или не имѣлъ постоянной любовницы. Мятежный духъ чувствовался всюду. Кое-гдѣ въ имперіи уже раздавались слова о томъ, что нужно бить священниковъ.

Бургомистръ въ смущеніи оглядывался вокругъ себя.

— Правильно ли вы перевели документъ, г. секретарь?—спросилъ онъ наконецъ.—Мнѣ казалось, что тамъ было другое, когда мнѣ его читалъ кардиналъ вчера вечеромъ?

— Ваша честь можете легко сами провѣрить, если вы потрудитесь подойти къ окну.

Поколебавшись съ минуту, Мангольтъ приблизился къ окну, но безнадежный взглядъ, который онъ бросилъ на бумагу, убѣдилъ присутствовавшихъ, что онъ понималъ въ латинскомъ языкѣ столько же, сколько и въ греческомъ.

— Повидимому, вы правы,—произнесъ онъ и направился къ своему стулу.—Впрочемъ, свѣту здѣсь такъ мало, что трудно разобратъ, что написано.

— Нельзя ли принести для его чести свѣчу?—спросилъ совѣтникъ Шварцъ стоявшаго по другую сторону стола хозяина таверны.

Мангольтъ искоса взглянулъ на говорившаго.

— Не стоитъ,—промолвилъ онъ.—Я не сомнѣваюсь, что переводъ вѣренъ. Но дѣло не въ текстѣ, а въ томъ, какъ онъ истолкованъ. Духъ...

— Духъ!—съ пренебреженіемъ прервалъ Ранненбергъ.—Очень имъ нуженъ этотъ духъ! Имъ нужна плоть, а не духъ!

— Не всѣ же такъ плохи, г. Ранненбергъ. Подобныя огульныя обвиненія всегда попадаютъ мимо цѣли.

— Огульныя обвиненія!—возразилъ Ранненбергъ полуудивленно, полураздраженно.—Много ли найдется среди нихъ такихъ, которые ведутъ чистую жизнь. Ихъ можно перечесть по пальцамъ. И изъ ихъ-то рукъ мы получаемъ причастіе! Не много же пользы могутъ они намъ принести!

— Я боюсь, что вы предубѣждены противъ нихъ,—важно замѣтилъ бургомистръ.—Я знаю, что вы недолюбливаете прелата, который помѣстился у васъ въ домѣ. Но я полагаю, что вы можете быть вполне увѣрены во фрау Маріи: она женщина умная и добродѣтельная.

— О, еще бы!—подтвердилъ Ранненбергъ, хотя въ его тонѣ и не слышно было особой убѣжденности.—Но я говорю не о себѣ, а о всемъ христіанскомъ мірѣ. Развѣ вы забыли, что было и что случается и теперь каждый день. То, что прежде ограничивалось мелкими домашними скандалами и переносилось, теперь стало несноснымъ съ тѣхъ поръ, какъ у насъ явились два папы съ двумя дворами и въ нашемъ городѣ завелись всѣ грѣхи Содомы и Гоморры. У меня прежде волосы становились дыбомъ отъ того, что мнѣ приходилось слышать о папѣ Іоаннѣ и римскомъ дворѣ. Я не хотѣлъ этому вѣрить. Но теперь все это подтверждается воочию. Если бы они какъ-нибудь скрывали про себя свои пороки и ограничивались веселыми дѣвицами, то, право, никто не сталъ бы и протестовать. Но вѣдь они развращаютъ честныхъ женщинъ. А что мы можемъ сдѣлать противъ нихъ? Ничего. Если васъ обидѣлъ свѣтскій чловѣкъ, вы можете подать на него въ судъ. А если судъ не въ состояніи

разобрать дѣло, можете убить обидчика. А попробуйте выступить съ обвиненіемъ противъ нихъ! Вамъ придется идти въ духовный судъ, который никогда не осудитъ своихъ. Иначе судьямъ надо было бы прежде всего произнести приговоръ самимъ себѣ. А попробуйте сами расправиться съ клирикомъ! Если вы убьете свѣтскаго человѣка, то, будь онъ хоть графъ, вамъ стоитъ перебраться черезъ границу, и вы въ безопасности. Но попробуйте тронуть тонзуру—и васъ будутъ преслѣдовать по всему христіанскому міру, пока вы не погибнете. Пауль Ингельфингеръ умеръ жестокою смертью только за то, что рассказалъ о своемъ позорѣ. Вся ихъ жизнь—одно распутство и вымогательство!—воскрикнулъ Ранненбергъ, ударяя рукою объ столъ.

— Неосторожныя слова, любезный Ранненбергъ, очень неосторожныя. Дай Богъ, чтобы они не вышли за эти стѣны. Что касается меня, то и мнѣ разъ или два случалось въ пылу спора сказать необдуманное слово. Но не будемъ забывать, что церкви должно быть обезпечено свободное отправленіе ея дѣйствій, иначе вѣдь можетъ случиться, что какой-нибудь ревностный священникъ, отказавшійся отпустить грѣхи свѣтскому человѣку, долженъ будетъ вымалывать у него пощаду.

— Почему имъ не позволяютъ жениться?—спросилъ кто-то.

— Соборъ, какъ я слышалъ, не видитъ въ этомъ необходимости,—наивно отвѣтилъ бургомистръ.

Дочь хозяина, стоявшая за буфетомъ, такъ и прыснула со смѣху.

— Марта,—строго обратился къ ней отецъ:—пойди-ка, посмотри, не поджарилось ли мясо для его чести. У тебя должны быть другія дѣла, чѣмъ торчать здѣсь и подслушивать.

Глаза Шрамма хорошо различали въ полутьмѣ, и онъ видѣлъ по лицу бургомистра, что тотъ не замѣтилъ, въ какой онъ попалъ просакъ.

— Скверная дѣвчонка,—продолжалъ ворчать хозяинъ, когда дочь уже ушла.—Вѣчно подслушиваетъ и смѣется, гдѣ и смѣяться то не надъ чѣмъ.

— Не сердись, Шраммъ,—съ важностью замѣтилъ бургомистръ.—Дѣвицы всѣ таковы.

Потомъ онъ обвелъ присутствующихъ взглядомъ и продолжалъ:

— Конечно, все можно перетолковать въ дурную сторону, если имѣешь къ этому склонность. Безбрачіе всегда было основнымъ правиломъ церкви, и она не можетъ отъ него отказаться.

— Ни то, ни другое не вѣрно,—послышался низкій голосъ секретаря, который все еще стоялъ у окна, держа въ рукахъ пергаментъ. Онъ стоялъ въ тѣни, но случайный лучъ мигающей лампы, боровшійся съ тусклымъ свѣтомъ, упалъ на его лицо, освѣтивъ его широкій, смѣлый лобъ и поблескивавшіе глаза.

у Бургомистръ круто повернулся къ нему.

— Какъ такъ?—спросилъ онъ.

— Ранѣ канона Сириціуса, появившагося въ 385 году послѣ Рождества Христова, не было никакихъ канонѣвъ, требовавшихъ безбрачія. До этого времени бракъ разрѣшался священнослужителямъ всѣхъ степеней.

— Ты съ ума сошелъ, или ты пьянъ?

— Церковь не разъ осуждала то, что прежде защищала, и наоборотъ. Вотъ и теперь она не позволяетъ мірянамъ пріобщаться отъ чаши, а вѣдъ однажды папа Левъ Великій даже отлучилъ тѣхъ, кто это дѣлалъ,—невозмутимо продолжалъ секретарь.—Только въ одномъ церковь оставалась всегда неизмѣнной.

— Въ чемъ же это?

— Въ стремленіи захватить власть.

— Ты зачитался, господинъ секретарь, и у тебя, очевидно, умъ зашелъ за разумъ. Вспомни лучше о Гусѣ и занимайся своимъ дѣломъ. Иначе это кончится плохо для тебя. Что касается безбрачія, то тутъ дѣло ясное, и твоя начитанность тутъ ни при чемъ. Господь нашъ самъ сказалъ, что лучше быть холостымъ. Холостыми были и апостолы.

— Господь говорилъ различно. Если бы его слова имѣли такое значеніе, то развѣ женились бы апостолъ Петръ и другіе?

Бургомистръ испуганно посмотрѣлъ на смѣлаго оратора и, подумавъ минуту, тихо сказалъ:

— Я не могу спорить объ этомъ. Да едва ли это и причислуется намъ. Вѣдъ очень легко истолковать святое писаніе вкривь и вкось. Берегитесь, господинъ секретарь. Если церковь неправильно толковала его въ теченіе дѣлхъ четырнадцать вѣковъ, то гдѣ же все это время былъ Святой Духъ?

— Ну, этого я, конечно, не могу вамъ сказать.

— Ага, не можете!—съ торжествомъ вскричалъ Мангольтъ.— Вотъ что значитъ подходить къ такимъ вопросамъ безъ достаточнаго уваженія.

Секретарь молчалъ. Лампа продолжала вспыхивать и мигать, и въ сумракѣ нельзя было разглядѣть выраженіе его лица.

— Какъ бы то ни было, мы должны настаивать на разрѣшеніи священникамъ вступать въ бракъ,—сердито промолвилъ кто-то изъ присутствующихъ.

Гордый своей только что одержанной побѣдой, бургомистръ выпрямился.

— Пора, наконецъ, смотрѣть на такія вещи спокойно и безъ раздраженія, какъ подобаеетъ совѣтникамъ города, которому выпало на долю предоставить въ своихъ стѣнахъ гостепрѣимство одному изъ самыхъ большихъ соборовъ,—сказалъ онъ:—какъ подобаеетъ

зрѣлымъ людямъ, передъ глазами которыхъ происходятъ великія историческія событія.

Онъ говорилъ витіевато, словно повторялъ заученную роль.

— Мы не должны обращать вниманія на наши маленькія не-пріятности. Я уже объяснялъ вамъ, почему нужно сохранить привилегіи церкви. Хотя нѣкоторые священники и оказываются людьми недостойными, однако самый ихъ санъ такъ священенъ, что необходимо его охранять. Самъ Господь, взирающій съ небесъ на церковь, не допуститъ, чтобы такіе люди получили преобладаніе.

Съ минутой всѣ молчали.

— Прекрасная рѣчь,—прервалъ тишину совѣтникъ Шварцъ, дѣлая большой глотокъ изъ своего стакана.—Прекрасная рѣчь.

Мангольтъ былъ польщенъ..

— Я думалъ объ этомъ,—отвѣчалъ онъ тономъ человѣка, который умѣетъ быть скромнымъ, но въ то же время знаетъ себѣ цѣну.— Мы должны усвоить себѣ широкій взглядъ, какой дается самоотверженіемъ и вѣрой. Книжная мудрость тутъ не годится,—до бавилъ онъ, бросивъ взглядъ въ сторону секретаря.—Мы прежде всего должны думать о правахъ церкви, а потомъ ужъ о своихъ собственныхъ.

— Прекрасная рѣчь,—повторилъ Шварцъ, слова отхлебывая изъ стакана.—Самъ кардиналъ Бранкаччо не нашелъ бы, что въ ней поправить.

Мангольтъ быстро взглянулъ на своего собесѣдника, но тотъ опустилъ свои глаза прямо въ стаканъ. Очевидно, это было чувствительное мѣсто для бургомистра.

— Что вы хотите этимъ сказать, г. Шварцъ?—спросилъ онъ.

— Я?—невинно переспросилъ тотъ.—То, что вы сказали прекрасную рѣчь. Она еще лучше той, которую вы сказали, когда сожигали учителя и въ которой вы объясняли намъ, что нѣкоторыя изъ его положеній совершенно правильны, въ родѣ того, напримѣръ, что священники такіе же люди, какъ и всѣ другіе, и имѣютъ право взять себѣ жену, какъ и всѣ прочіе, а за воровство, убійство и насиліе должны быть заключены въ тюрьму, тоже какъ всѣ прочіе. Много хорошихъ словъ вы тогда сказали. Не такихъ, разумѣется, какъ теперь, но вѣдь тогда вы еще не были такъ близко знакомы съ кардиналомъ Бранкаччо. Великое дѣло, когда всегда можешь посоветоваться съ такимъ свѣтильникомъ церкви. Немалое удобство, когда знаешь, что кардиналъ ведетъ твою жену по стези добродѣтели и святости, когда тебя нѣтъ дома.

Лица нѣкоторыхъ собесѣдниковъ расплылись въ широкую улыбку. Другіе, чтобы скрыть смѣхъ, уткнулись въ свои стаканы. Репутація кардинала была не такова, чтобы похвалы Шварца могли къ нему относиться. Онъ былъ умный человѣкъ, но его вниманіе было устремлено всегда на грѣшную плоть, а не на душу. Карди-

наль жилъ въ домѣ бургомистра, у котораго была молодая и красивая жена. Люди непочтительные говорили про нее многое такое, что не стоило повторять.

Мангольтъ вспыхнулъ.

— Что вы хотите сказать, мастеръ Шварцъ?—еще разъ строго спросилъ онъ.

— Я?—переспросилъ Шварцъ съ такимъ же невиннымъ видомъ, какъ и прежде.—Я стараюсь слѣдовать вашему примѣру и сказать такую же прекрасную рѣчь. Если это мнѣ не удалось, то прошу извиненія: мнѣ недостаетъ вашего таланта. Впрочемъ, такъ и надо, чтобы первый гражданинъ города превосходилъ всѣхъ другихъ. Вотъ и все.

У мастера Шварца былъ острый языкъ, и люди боялись его въ городскомъ совѣтѣ и внѣ его. Но въ данный моментъ бургомистръ почувствовалъ, что онъ не можетъ ему спустить, что что-то надо сдѣлать для спасенія своей чести.

— Очень радъ это слышать,—рѣзко сказалъ онъ.—Но для того, чтобы предупредить недоразумѣнія, я съ презрѣніемъ отвергаю всякіе намеки, оскорбительные для моей чести. Кардиналь Бранкаччо никогда бы не посмѣлъ оскорбить кого-либо изъ магистрат-города Констанца, да я и не позволилъ бы этого. Замѣьте это, мастеръ Шварцъ.

И онъ ударилъ кулакомъ по столу.

— А если бы онъ посмѣлъ, что бы вы тогда сдѣлали?—спокойно спросилъ Шварцъ.

— Что бы я сдѣлалъ?

Несмотря на весь свой гнѣвъ, бургомистръ растерялся.

— Что бы я сдѣлалъ?—повторилъ онъ безпомощно.

— Да, что бы вы сдѣлали?—настаивалъ Шварцъ.

Мангольтъ съ трудомъ овладѣлъ собою.

— Я не допускаю даже возможности чего-нибудь подобнаго!—съ негодованіемъ закричалъ онъ, опять ударяя кулакомъ по столу, отчего запрыгали всѣ стаканы.—Одно такое предположеніе—уже оскорбительно для меня, для моей жены и для кардинала. Я не желаю болѣе говорить объ этомъ.

Шварцъ пожалъ плечами.

— Какъ вамъ угодно. Только, изволите видѣть, подобныя вещи иногда случаются. Отецъ Марквардъ сыгралъ такую штуку и со мной. Моя жена уже умерла, и мнѣ нечего скрывать эту исторію, тѣмъ болѣе, что она всѣмъ извѣстна и о ней знаютъ даже ребята. Сначала я тоже смотрѣлъ на такое предположеніе, какъ на оскорбленіе, однако оно оправдалось.

— Кардиналь Бранкаччо—не отецъ Марквардъ. Тутъ совсѣмъ другое дѣло,—строго сказалъ бургомистръ.—Я не хочу сказать что-

либо дурное о вашей женѣ, ибо она уже умерла. Но, можетъ быть, вамъ слѣдовало бы лучше вести ее, мастеръ Шварцъ.

— Совершенно вѣрно. Но я полагалъ, что сдѣлалъ для нея все, что нужно. Когда я убѣдился въ моей ошибкѣ, было уже поздно. Я принялся бить ее, но мало-по-малу это мнѣ надоѣло, и я оставилъ ее въ покоѣ. Она увѣряла, что отецъ Марквардъ околдовалъ ее и она не можетъ жить безъ него. Могу добавить, что съ нимъ я обошелся не такъ, какъ бы слѣдовало. Что бы вы посоветовали сдѣлать въ этомъ случаѣ, господинъ бургомистръ?

Бургомистръ былъ застигнутъ врасплохъ этимъ неожиданнымъ обращеніемъ къ нему.

— Вамъ слѣдовало бы пожаловаться на него епископу,—промолвилъ онъ, послѣ нѣкотораго колебанія.

Всѣ глаза были устремлены на него. Онъ чувствовалъ, что ему нужно что-то сказать.

— Безъ сомнѣнія, его надо было наказать за тѣ пустяки, которые онъ отнял отъ меня, и самому попасть въ черный списокъ у епископа. Предположимъ даже, что епископъ смѣстилъ бы его. Ему не стоило бы большого труда добыть отъ папы грамоту, восстанавливающую его во всѣхъ его правахъ—для этого у него было довольно денегъ. Сослались бы на *ergoem simplicitatis*, какъ было въ дѣлѣ отца Гильмериха, одурачившаго Эльзу Вильгерингъ мнимымъ бракомъ. Такимъ образомъ, епископъ не могъ бы помочь мнѣ. Не найдется ли у васъ другого совѣта, получше этого?

Бургомистръ успѣлъ обдумать нужный отвѣтъ.

— Каждый человѣкъ самъ долженъ знать, что дѣлать въ подобномъ случаѣ.

— Я всегда самъ такъ думалъ. Мнѣ надоѣло колотить жену, да и ни къ чему это не приводило. Она твердила, что ненавидитъ Маркварда, но не можетъ сопротивляться ему. Можетъ быть, онъ запугалъ ее адскимъ огнемъ или чѣмъ-нибудь другимъ. Она была хрупкимъ и боязливымъ созданіемъ, и я общалъ ея матери обращаться съ нею ласково. Къ тому же, несмотря ни на что, я все еще любилъ ее. Поэтому я въ одинъ прекрасный день пригласилъ святого отца къ себѣ въ комнату и предложилъ ему денегъ вмѣсто моей жены. Я зналъ, что онъ падокъ на деньги, и рассчитывалъ купить у него свою собственную жену. Но достопочтенный отецъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Онъ, повидимому, по-своему любилъ Герту и рассчитывалъ и безъ того получить мои денежки. Моя жена, завѣдовавшая въ это время моими дѣлами, уже не могла дать мнѣ удовлетворительнаго отчета о томъ, куда она дѣвала часть средствъ. Какъ бы ни было, отецъ Марквардъ отказался отъ моего предложенія. Тогда я пригрозилъ ему переломать ребра, но онъ только расхохотался. Если бы я это сдѣлалъ, онъ не замедлилъ бы объявить меня и жену еретиками. Я видѣлъ, какъ ихъ однажды

жгли въ Страсбургѣ, и понималъ, что это могло значить. Если бы что-нибудь съ нимъ случилось, говорилъ Марквардъ, у него въ столѣ лежали уже соотвѣтственныя письма, которыя нужно было отправить по назначенію. Его братъ—секретарь епископа, какъ вы знаете. Уѣхать куда-нибудь было нельзя. Здоровье моей жены было плохо, стояла зима, дороги были не безопасны, и, что было хуже всего, у меня не было свободныхъ денегъ. Я могъ бы платить Маркварду ренту, но я не могъ сразу собрать большую сумму. Вспоминая о еретикахъ, которыхъ сожгли въ Страсбургѣ, я взялъ отца Маркварда за руку, отвелъ въ комнату моей жены и просилъ его быть, какъ дома. Конечно, вы никогда не перенесли бы такого оскорбленія,—прибавилъ онъ, вдругъ обращаясь къ бургомистру и сверкая на него глазами.—Позвольте мнѣ спросить васъ, что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

Бургомистръ смутился.

— Я?—переспросилъ онъ.

— Да, вы?—продолжалъ Шварцъ, не сводя съ него глазъ.

Мангольтъ съезжился подъ этимъ взглядомъ.

— Не могу вамъ ничего сказать въ эту минуту. Я думаю, что все зависитъ отъ момента, какъ человѣкъ станетъ дѣйствовать,—возразилъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ.

— Ну, посмотримъ, что вы сдѣлаете, когда наступитъ ваша чередъ,—рѣзко отвѣчалъ Шварцъ и повернулся къ своему стакану.

Нѣкоторое время всѣ молчали. Бургомистру давно уже подали котлету, но у него, повидимому, уже пропала аппетитъ.

— Котлета для вашей милости остынетъ,—почтительно замѣтилъ хозяинъ таверны.

— Кушайте, бургомистръ, кушайте,—мрачно промолвилъ Шварцъ.—Вамъ еще не приходится дѣлить мясо съ другими.

Бургомистръ принялся медленно ѣсть, но это, видимо, не доставляло ему удовольствія. Черезъ минуту онъ положилъ ножъ обратно и поднялъ глаза.

— Это не то мясо, которое подавалось прежде, мастеръ Шраммъ,—съ неудовольствіемъ сказалъ онъ.

— Дѣйствительно, ваше милость, не прежнее,—почтительно отвѣчалъ тотъ.—Я самъ ходилъ за нимъ къ мяснику, стараясь угодить вашей милости. Но мастеръ Якобъ сказалъ мнѣ, что не можетъ уже давать мнѣ прежняго, такъ какъ долженъ поставлять его достопочтенному отцу Ардиджелли, которому оно очень понравилось.

Шварцъ громко расхохотался.

— Ну, теперъ и мясо отнято. Питайтесь хлѣбомъ, бургомистръ, и пейте воду: этого-то они не захотятъ отнимать у васъ.

— Но это мясо вовсе не дурно,—пытался возражать хозяинъ.—

Поближе къ косточкѣ оно очень нѣжно и вкусно. Если ваша милость захотите попробовать, вы сами убѣдитесь въ этомъ.

Мангольтъ, которому не хотѣлось пререкаться со Шварцемъ, послѣдовалъ его совѣту.

— Вы правы, Шраммъ,—промолвилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.—Это не такъ плохо. Я не въ претензіи на его преподабіе.

— Великолѣпно!—вскричалъ Шварцъ.—Теперь и мясо стало хорошо. Стало быть, нечего и думать о вашихъ планахъ обратиться къ папѣ и собору и подать имъ списокъ нашихъ бѣдъ, подкрѣпленный недавними фактами. Это было бы внушительно. Цѣлая процессія мужей, оскорбленныхъ этими святыми отцами, и женъ и дѣвицъ, обезчещенныхъ ими же. Но теперь, очевидно, ничего изъ этого не выйдетъ. И мясо стало недурно, и кардиналь Бранкаччо оказался десьма добродѣтельнымъ прелатомъ.

Бургомистръ наконецъ не выдержалъ.

— Вашъ языкъ черезчуръ много болтаетъ, мастеръ Шварцъ!—сердито вскричалъ онъ.—Вы того и гляди наживете себѣ большихъ непріятностей.

— Да? Я уже нажилъ себѣ непріятностей достаточно и не думаю, чтобы со мной могло произойти что-нибудь еще болѣе худшее.

— Не будьте такъ самоувѣрены. Папа и соборъ сдѣлаютъ все, что возможно, для исправленія духовенства, но они, несомнѣнно, не оставятъ безъ наказанія заявленія и дѣйствія, въ которыхъ чувствуется ересь и бунтъ противъ установленныхъ канонѡвъ. Король, какъ говорятъ, уже изъявилъ на это свое согласіе. Инквизицію возстанавливать, разумѣется, не будутъ, но у нихъ найдется и безъ нея достаточно средствъ для того, чтобы обнаружить тѣхъ, у кого въ сердцѣ гнѣздятся мятежныя желанія. Ужъ если сожгли самого Гусса, который явился сюда, имѣя ручательство въ своей безопасности отъ самого императора, то съ людьми поменьше Гусса церемониться, конечно, не стануть. Еще сегодня утромъ кардиналь Бранкаччо просилъ меня присматривать за членами городского совѣта и, если явится надобность, доложить ему.

Эти слова поразили, какъ громомъ, присутствовавшихъ. Лица тѣхъ, кто болѣе или менѣе одобрялъ рѣзкія выходки Шварца, теперь стали серьезны. Всѣ старались поскорѣе дать имъ другое выраженіе. Опять на міръ упала тѣнь власти церкви, той власти, которая тысячу лѣтъ тяготѣла надъ христіанскимъ міромъ и которая, какъ многіе вѣрили въ глубинѣ души, наконецъ должна была исчезнуть.

Всѣхъ охватилъ страхъ, страхъ передъ запертой дверью и безмолвной, непроницаемой стѣной, страхъ передъ своимъ сосѣдомъ, своей женой и дѣтьми, страхъ передъ неуловимой, но страшной опасностью, которая выглядывала изъ-за каждаго необдуманнаго слова, изъ-за женской красоты, изъ-за туго набитаго кошелька.

Замѣтивъ дѣйствіе своихъ словъ, бургомистръ поглядѣлъ кругомъ.

— Миѣ кажется, я ничего не сказалъ противъ церкви,—началъ послѣ многозначительнаго молчанія Ранненбергъ, который первый началъ разговоръ.—Я только выразилъ сожалѣніе по поводу непорядковъ, которые всеѣмъ извѣстны—даже собору, и высказалъ свое мнѣніе о мѣрахъ, которыя могли бы исправить ихъ.

— Но вѣдь вы не какой-нибудь прелать, засѣдающій на соборѣ и подающій тамъ свой голосъ,—не безъ лукавства прервалъ его Шварцъ.—Вы вѣдь говорили, что причастіе, будучи въ рукахъ дурныхъ священниковъ, не дѣйствительно, а это уже ересь Виклефа, за которую людей жгли.

Ранненбергъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Я никогда этого не говорилъ, —громко возразилъ онъ.— Я только сказалъ... когда меня спросили, какой результатъ...

Онъ тщательно старался подыскать слова, которыя могли бы опровергнуть то, что онъ говорилъ четверть часа тому назадъ съ полнымъ убѣжденіемъ.

Кровь бросилась ему въ голову, и онъ остановился въ смущеніи. Все смотрѣли на него.

— Вы не должны были говорить такъ!—кричалъ опять Шварцъ— Вы должны были вѣрить въ то, что вамъ говорятъ священники, и исполнять то, что они приказываютъ. Когда они требуютъ у васъ ваши деньги, вы должны отдавать ихъ. Когда они пожелаютъ имѣть около себя вашихъ женъ и дочерей, вы не должны препятствовать имъ въ этомъ. Иначе нашъ бургомистръ донесетъ на васъ кардиналу Бранкаччо, кардиналу папѣ, а папа прикажетъ сжечь васъ живьемъ.

— Надѣюсь, бургомистръ,—сказалъ одинъ изъ присутствовавшихъ:—вы не придаете серьезнаго значенія тому, что вы только что сказали?

— Напротивъ, — отвѣчалъ Монгольтъ, замѣтившій эффектъ, который произвели его слова.

— Вы, стало быть, хотите сказать, что вы будете доносить на вашихъ друзей и братьевъ, доносить о рѣчахъ, которыя говорятся въ минуту откровенности, когда люди сидятъ за стаканами?

— Особенной охоты къ этому у меня нѣтъ, если только вы не будете меня вынуждать къ этому. Но защита вѣры должна перевѣшивать все соображенія.

— Но кто же говорилъ противъ вѣры? Я не говорилъ противъ нея ни слова.

— И я не говорилъ.

— Я тоже не говорилъ. Мы всеѣмъ добрые католики,—кричали всеѣ наперерывъ.

— Неправда!—закричалъ Шварцъ въ лицо тому изъ собесѣд-

никовъ, который громче и настойчивѣе другихъ завѣрялъ, что онъ ничего не говорилъ противъ вѣры.—Недавно еще вы говорили, что вы не вѣрите въ обязанность повиноваться папѣ.

— Какое же это имѣетъ отношеніе къ вѣрѣ?

— Вы еще спрашиваете? Да это самая душа ея! Господь основалъ свою церковь на св. Петрѣ и далъ ему и его преемникамъ власть надъ всемъ, что находится на землѣ. Преемникъ св. Петра есть папа. Кто не повинуется ему, тотъ, стало быть, не повинуется самому Богу.

— Но я не вижу...

— Спросите бургомистра.

— Въ томъ, что говорилъ Шварцъ, есть много...

— Слышите! Бургомистръ, передъ вами человѣкъ, на котораго слѣдуетъ донести, какъ на еретика. Онъ отрицаетъ власть папы.

— Что вы! Что вы! Пропади вы съ вашимъ языкомъ!—свирѣпо возразилъ задѣтый собесѣдникъ.—Я никогда ничего подобнаго не говорилъ.

— Кто же это былъ? Кто-то говорилъ. И даже въ этой самой комнатѣ, я отлично помню.

— Не я,—клялся тотъ.—По всей вѣроятности, вы же сами это и говорили, чортъ возьми.

— Развѣ я говорилъ что-нибудь подобное, бургомистръ?

Мангольтъ почувствовалъ, что онъ вдругъ приобрѣлъ новую и гораздо большую, чѣмъ прежде, власть. Ему нравилось играть роль судьи, и онъ медленно и торжественно промолвилъ:

— Охотно сознаюсь, что, насколько я знаю, я этого не слыхалъ, по крайней мѣрѣ въ этихъ самыхъ выраженіяхъ. Хотя, помнится, кто-то дѣйствительно говорилъ нѣчто подобное. Но...

— Слышите,—перебилъ бургомистра Шварцъ.—Кто-то говорилъ. Кто же это былъ?

— Не я!—яростно вскричалъ человѣкъ, на котораго падало подозрѣніе.

— Но кто же въ такомъ случаѣ?

— Не знаю. Ей-Богу, не знаю.

Намѣренно или случайно, онъ посмотрѣлъ на своего сосѣда справа. У того, вѣроятно, совѣсть была не совсѣмъ чиста. Онъ разсердился.

— Что вы такъ на меня смотрите?—грубо спросилъ онъ.—Ужъ не хотите ли вы сказать, что это былъ я?

— Полагаю, что вы сами должны знать это,—отвѣчалъ тотъ, пожимая плечами и радуясь, что ему удалось выйти изъ неловкаго положенія.

— Вотъ какъ! Ну, я васъ выучу, какъ обвинять людей! Вы должны будете взять эти слова назадъ,—закричалъ тотъ, хватаясь рукой за ножъ.

Всѣ повскакали съ своихъ мѣсть. Въ одну минуту поднялись крикъ и суматоха. Только одинъ секретарь стоялъ неподвижно у окна. На губахъ его играла неприятная улыбка. Никому и въ голову не пришло повернуть обвиненіе противъ него, хотя изъ всего того, что онъ говорилъ раньше, убѣжденія его были ясны.

Хозяинъ, все время почтительно прислушивавшійся къ разговору, какъ и подобаеть хозяину, сидящему среди людей высшаго общества, рѣшилъ, что теперь время вмѣшаться и ему. Ему всегда удавалось выбрать самое время—не слишкомъ рано и не слишкомъ поздно. Онъ быстро схватилъ кувшинъ съ виномъ, стоявшій сзади него на буфетѣ, и со стаканомъ въ рукѣ смѣло бросился между двумя врагами.

— Прощу извиненія за то, что я такъ небрежно исполняю свою обязанность,—сказалъ онъ лѣвому собесѣднику, наполняя его стаканъ, который какъ разъ оказался пустымъ. —Его милость бросилъ свой взглядъ на меня, а не на васъ, господинъ совѣтникъ,—объяснилъ онъ разъяренному врагу справа.—Ваша милость, очевидно, не такъ поняли это.

Человѣкъ, котораго хозяинъ назвалъ совѣтникомъ, былъ имъ въ прошломъ году. Но ему понравилось, что его продолжаютъ величать такъ, ибо онъ почерпалъ въ этомъ увѣренность въ своемъ переизбраніи.

— Если это такъ, то такъ и нужно было сказать,—проворчалъ онъ, видимо, успокаиваясь.

— Да вы не дали мнѣ времени,—сердито отвѣчалъ другой.

Миръ не замедлилъ бы водвориться среди собесѣдниковъ, если бъ не Шварцъ, которому нравилось устраивать стычки.

— У васъ у всѣхъ совѣсть не чиста,—началъ онъ опять.—Опускайтесь скорѣе на колѣни передъ констанцкимъ бургомистромъ Каспаромъ Мангольтомъ, временно исправляющимъ обязанности инквизитора, просите у него прощенія и умоляйте его, чтобы онъ пощадилъ вашу жалкую жизнь. Или еще лучше, идите во власяницахъ, посылавъ главу пепломъ, къ его женѣ и умоляйте ее, чтобы она заступилась за васъ передъ достопочтеннѣйшимъ кардиналомъ Томазо Бранкаччо. Это гораздо лучше обезопаситъ васъ.

Шварцъ привыкъ господствовать надъ ними, и теперь ни у кого не хватило духа спорить съ нимъ. Но бургомистръ, чувствуя, что дѣло идетъ о его чести, и сознавая, какую власть дали ему его слова, не преминулъ ею воспользоваться.

— Я научу васъ относиться съ уваженіемъ и къ моему сану и къ моей семьѣ, мастеръ Шварцъ!—рѣзко крикнулъ онъ.—Вы не должны думать, что вы можете безнаказанно дѣлать то, что не смѣютъ дѣлать другіе. Всѣ отлично знаютъ, что вы были въ сношеніяхъ съ учениками Гусса въ то время, когда его сожгли, или до этого. Еще недавно до свѣдѣнія моего дошло, что вы имѣете обще-

ніе съ подозрительными людьми и что въ вашемъ домѣ ведутся мятежные разговоры. Я предостерегаю васъ, мастеръ Шварцъ, что если вы не измѣните своего образа дѣйствій, то я буду вынужденъ сообщить о васъ подлежащимъ властямъ. Вы, конечно, знаете, что самое меньшее, что съ вами сдѣлаютъ,—это присудятъ васъ къ наказанію, которое вы едва ли желаете для себя.

Теперь струсилъ и Шварцъ. Онъ понялъ, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ. Буря, которую онъ вызвалъ, разразилась надъ его собственной головой. Правда, онъ былъ слишкомъ уменъ и прекрасно понималъ, что едва ли соборъ, осудившій на сожженіе такихъ людей, какъ Гуссъ и Иеронимъ Пражскій, захочетъ наканунѣ своего закрытія сжечь такого незначительнаго человѣка, какъ онъ. Но онъ понималъ также, что судъ епископа, а потомъ, можетъ быть, и самого папы, не преминетъ взять съ него хорошей штрафъ, сообразно его состоянію. А дѣла Шварца шли въ гору со времени смерти его жены, когда, наконецъ, онъ избавился отъ вымогательствъ отца Маркварда. Шварцъ былъ слишкомъ практичный человѣкъ и не сталъ бы рисковать своимъ состояніемъ ради защиты своихъ убѣжденій или ради удовольствія подразнить бургомистра Мангольта. Поэтому, онъ быстро измѣнилъ манеру держать себя.

Поднявшись съ своего стула, онъ подошелъ къ бургомистру и, взявъ его за жирный подбородокъ, сказалъ:

— Послушайте, дорогой мой, вѣдь вы не будете слишкомъ строги къ намъ? Вѣдь мы всѣ ваши дѣти и любимъ васъ, хотя иногда, можетъ быть, и сердимъ васъ. Простите насъ, какъ отецъ прощаетъ своихъ дѣтей. Вы вѣдь знаете, языкъ мой—врагъ мой, и что я не всегда понимаю то, что говорю. Во всемъ этомъ виноватъ Шраммъ,—прибавилъ онъ, сердито поворачиваясь къ трактирщику.—Зачѣмъ ты, плуть, далъ намъ такого крѣпкаго вина. Дай намъ полегче; съ водой или сидромъ, какое вашъ братъ обыкновенно подаетъ гостямъ. Принеси кувшинъ самага лучшаго для его милости.

Трактирщикъ улыбнулся. Раздраженное выраженіе лица смѣнилось у бургомистра важнымъ и строгимъ.

— Ну, вотъ,—продолжалъ Шварцъ,—мы здѣсь всѣ раскаиваемся, какъ только можемъ, и стараемся вернуть ваше расположеніе. Намъ вѣдь и въ голову не приходило сказать что-нибудь такое, чего не слѣдовало. Не такъ ли?

— Конечно, разумѣется,—подтвердили другіе.

— Ну, вотъ видите. Неужели вы будете еще упрямятся, бургомистръ?

— Я очень радъ, что вы, наконецъ, поняли свое положеніе, мастеръ Шварцъ,—съ достоинствомъ заговорилъ бургомистръ.— Конечно, у меня не было желанія доносить о томъ, что не говорилось серьезно. Но я предостерегаю васъ. Будьте осторожны и не заставляйте меня дѣйствовать противъ моихъ убѣжденій.

— Ваша милость въ самомъ дѣлѣ намѣреваетесь ввести въ нашей средѣ свѣтскую инквизицію, и превратить перваго сацовника города въ орудіе церкви?—вдругъ раздался низкій голосъ городского секретаря. Этотъ голосъ попрежнему звучалъ спокойно, но рѣзалъ, какъ ножъ.

Мангольтъ встрепенулся и покраснѣлъ. Всѣ взгляды были обращены на него. Секретарь стоялъ такъ спокойно во время ссоры, что всѣ даже забыли о его присутствіи.

— Занимайтесь лучше своимъ дѣломъ. Я лучше васъ знаю, что мнѣ дѣлать. Если я буду докладывать о нечестивыхъ мнѣніяхъ, то я исполню только то, что долженъ сдѣлать всякій христіанинъ. Нашъ первый долгъ—служить церкви и вѣрѣ.

— Однако не такъ давно въ этой самой комнатѣ кто-то сказалъ:—если не ошибаюсь вы, ваша милость, что нашъ первый долгъ служить Господу Богу.

Въ тишинѣ, охватившей компанію, эти слова прозвучали какъ-то торжественно и грозно. Всѣ глядѣли на безстрашнаго оратора.

Сначала Мангольтъ не нашелся, что отвѣтить.

— Какъ же мы можемъ исполнить нашъ долгъ по отношенію къ Господу Богу, если мы не будемъ повиноваться церкви и защищать правую вѣру?—сказалъ онъ наконецъ.—Развѣ мы не получили Его обѣщаній насчетъ церкви? Отвѣчайте же, господинъ секретарь, желающій поучать другихъ.

— По временамъ церковь дѣйствуетъ такъ, какъ будто она получила совсѣмъ другое обѣщаніе.

— Такъ иногда можетъ казаться. Но развѣ мы, свѣтскіе люди, можемъ разсуждать о дѣлахъ духовныхъ? Развѣ мы можемъ отпускать сами себѣ грѣхи и умиловлять гнѣвъ Господень? Когда вы будете умирать, то сами обрадуетесь священнику, который можетъ примирить васъ съ Богомъ и отогнать дьявола. Ибо нѣтъ червя, который не умеръ бы, а огонь, ждущій насъ, огонь неугасимый!

И онъ самъ содрогнулся, воображая то, о чемъ говорилъ.

Одинъ или два изъ собесѣдниковъ перекрестились.

— Бургомистръ правъ. Никто не знаетъ, что насъ ждетъ. Однажды, года два тому назадъ, я слушалъ какъ-то проповѣдь магистра Гусса и мнѣ казалось хорошо все, что онъ говорилъ. Но ночью я видѣлъ страшный сонъ. Мнѣ приснилось, будто злая крыса пожираетъ всѣ мои припасы.

— Я тоже видѣлъ странный сонъ,—тихо прибавилъ третій.— Будемъ осторожны. Бургомистръ правъ.

— Конечно,—промолвилъ Шварцъ.—Итакъ, предоставимъ ему заботу о нашемъ городѣ, а заботу о нашихъ душахъ священникамъ. А сами будутъ веселиться и избѣгать волненій.

Онъ подошелъ къ дочери трактирщика, которая, несмотря на

приказаніе отца, опять тихонько прокралась въ комнату и стояла, слушая, у буфета. Въ пылу спора никто и не замѣтилъ ея присутствія. Подойдя къ ней, Шварцъ обнялъ ее за талію и сказалъ:

— Вотъ хорошенькая дѣвица, которая такъ и ждетъ поцѣлуя. Будемъ брать хорошее вездѣ, гдѣ оно попадается.

И онъ сталъ цѣловать дѣвушку, которая со смѣхомъ старалась отбиться отъ Шварца, впрочемъ, не особенно сильно.

— Не бойся ничего, красотка,—говорилъ Шварцъ.—Твой отецъ человѣкъ умный и, когда нужно, умѣетъ ничего не замѣчать.

— Я увѣренъ, что вы говорите это въ хорошемъ смыслѣ, совѣтникъ Шварцъ,—съ улыбкой промолвилъ трактирщикъ.

— Конечно. Я никогда не поступлю съ ней, какъ какой-нибудь капелланъ. А? Капелланъ или красивый новый августинецъ?

— Фи,—протестовала дѣвушка:—вы становитесь грубы, мастеръ Шварцъ.

Вмѣсто отвѣта Шварцъ закрутился съ нею въ танцѣ, а затѣмъ громко расцѣловалъ ее.

Всѣ смѣялись. Въ послѣдній годъ засѣданій собора всѣ старались веселиться, какъ только можно, и не легко можно было смутить чѣмъ-нибудь не только мужчинъ, но и женщинъ.

Не смѣялся только одинъ человѣкъ. Онъ медленно отошелъ на другой конецъ комнаты, взялъ фонарь, стоявшій на лавкѣ, и осторожно зажечь его. Затѣмъ онъ надѣлъ свой плащъ, нахлобучилъ на голову мѣховую шапку, взялъ фонарь и, не говоря ни слова, пошелъ къ двери.

Всѣ смотрѣли на него.

— Не сошли ли вы съ ума, секретаріусъ? Вѣдь вы идете на улицу съ фонаремъ среди бѣла дня? Или, можетъ быть, винцо дядя Шрамма дѣлаетъ такія чудеса, что вы уже больше не различаете дня отъ ночи?

— Я отправляюсь искать человѣка,—коротко отвѣтилъ секретарь. Не промолвивъ болѣе ни слова, онъ повернулся, открылъ дверь и вышелъ.

Компанія была поражена. Всѣ смотрѣли на дверь, черезъ которую вышелъ секретарь, и молчали. Наконецъ кто-то спросилъ:

— Что за чертовщину онъ несъ?

— Мнѣ кажется, дѣло просто,—отвѣчала Шварцъ съ гримасой.

— Ужъ не хотѣлъ ли онъ сказать, что мы не люди?

— Похоже на то,—продолжалъ Шварцъ такимъ тономъ, какъ будто это предположеніе его радовало.—Это свидѣтельствуетъ о недостаткѣ уваженія къ вамъ, бургомистръ. Надо держать его строже.

— Я сумѣю это сдѣлать, если понадобится,—съ достоинствомъ отвѣчала бургомистръ.—Но вы увѣрены, что таково было значеніе его словъ?

— Боюсь, что это такъ. Мастеръ Штейнъ—ученый человѣкъ и бывалъ во Франціи. Говорятъ, даже дальше, хотя онъ не подтверждаетъ этого. Безъ сомнѣнія, онъ читалъ про греческаго философа Діогена, который по какимъ-то непонятнымъ причинамъ поссорился съ своими согражданами. Въ одинъ прекрасный день онъ за часъ до полудня вышелъ на улицу съ фонаремъ, говоря, что дневного свѣта недостаточно, чтобы найти въ Аѣинахъ человѣка. Впрочемъ, соотвѣтствующее греческое слово имѣетъ болѣе высокое, болѣе совершенное значеніе, чѣмъ наше слово «человѣкъ».

— Откуда вы все это знаете?—подозрительно спросилъ бургомистръ.—Насколько я знаю, вы вѣдь не изъ ученыхъ?

— О, нѣтъ,—скромно согласился мастеръ Шварцъ.—Но, какъ вамъ извѣстно, въ моемъ домѣ долго жилъ достопочтенный и ученый грекъ, отецъ Хризолорасъ—да упокойтъ Господь его душу. По вечерамъ онъ не гнушался бесѣдовать со мной и между прочимъ рассказывалъ мнѣ исторію о Діогенѣ.

— Какъ бы тамъ ни было, это, несомнѣнно, оскорбительно для насъ!—воскликнулъ совѣтникъ Гриммъ.

— Но вѣдь сравненіе насъ съ аѣинянами должно быть лестно для насъ, —возразилъ Вейнлинъ, кроткій человѣкъ, больше всего заботившійся о томъ, чтобы сохранить миръ.—Я слышалъ, что это былъ большой и знаменитый городъ.

— Онъ оскорбилъ весь совѣтъ,—продолжалъ тотъ изъ собесѣдниковъ, который впервые поднялъ это обвиненіе.

На Вейнлина никто не обращалъ вниманія. Онъ былъ незначительный человѣкъ, и въ городской совѣтъ его избрали только потому, что съ незапамятныхъ временъ его предки сидѣли тамъ.

— Онъ не имѣетъ никакого права оскорблять насъ! Чортъ его возьми! Иду искать человѣка! Чортъ бы побралъ его глупость. Удивляюсь, какъ вы миритесь съ этимъ, бургомистръ!—сердито кричалъ Гриммъ.

— Я еще поговорю съ нимъ и, если нужно будемъ, заставлю его раскаяться.

— Это уже не въ первый разъ онъ позволяетъ себѣ такія вольности съ нами. Кто онъ такой, хотѣлъ бы я знать. Имя его не возбуждаетъ подозрѣній, но Штейны есть и въ Лауфенбургѣ, и въ швейцарскихъ кантонахъ. Онъ никогда не говоритъ о своей семьѣ. Его мать—здѣшняя, а, кромѣ этого, мы ничего не знаемъ. Въ одинъ прекрасный день они появились здѣсь, никто не знаетъ откуда. Благодаря вашему вліянію, онъ получилъ мѣсто городского секретаря, которое не слѣдовало бы предоставлять не здѣшнему уроженцу, а тѣмъ болѣе человѣку, о прошломъ котораго мы не имѣемъ полныхъ свѣдѣній.

Гриммъ имѣлъ деньги и пользовался въ городѣ вліяніемъ. Поэтому онъ считалъ себя въ правѣ критиковать дѣйствія бургомистра.

Но и бургомистръ, въ свою очередь, заговорилъ самымъ авторитетнымъ тономъ:

— Онъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ своему дѣлу. Кто можетъ это отрицать?

— Да. Онъ ученъ, и даже очень ученъ. Но...

— Я знаю, что дѣлаю, совѣтникъ Гриммъ. Позвольте, кромѣ того, сказать вамъ, что императоръ былъ чрезвычайно доволенъ его назначеніемъ.

Легкая усмѣшка пробѣжала по двумъ-тремъ лицамъ, но до того слабая, что бургомистръ Мангольтъ и не замѣтилъ ея.

— Разъ я нахожу, что онъ пригоденъ для своей службы, никто не имѣетъ права жаловаться на это назначеніе, — обрѣзалъ онъ своего собесѣдника. — Мало ли что! Я могу даже отдать свою дочь за него замужъ, слышите, совѣтникъ Гриммъ! Впрочемъ, будьте спокойны. Если я найду, что онъ держитъ себя неуважительно относительно совѣта или меня, я сумѣю призвать его къ отвѣту, закончилъ бургомистръ, дѣлая рукой широкій жестъ.

— И отлично сдѣлаете, — поддакнулъ ему Шварцъ. — Вспомните о высокомъ положеніи, которое вы занимаете и которое стало еще болѣе высокимъ благодаря вашему характеру и чувству долга. Не забывайте же объ этомъ.

— Не забуду, мастеръ Шварцъ, не забуду.

ГЛАВА II.

Во градѣ святѣйшаго собора.

Разставшись съ членами совѣта, секретарь спустился въ нижнюю комнату и прошелъ ее спокойнымъ, размѣреннымъ шагомъ. Горькая, насмѣшливая улыбка скользила на его губахъ. Посѣтители таверны, сидѣвшіе въ общей комнатѣ, видѣли, какъ онъ вышелъ за дверь, продолжая держать въ рукѣ фонарь, какъ будто была ночь. Если бъ это былъ кто-нибудь другой, не миновать бы десятка-другого грубыхъ насмѣшекъ. Но бюргеры не рѣшались на это — вѣдь онъ былъ изъ другой, внутренней комнаты, изъ привилегированной касты городского совѣта. Кромѣ того, въ немъ самомъ было что-то такое, что внушало уваженіе бюргерамъ. За большимъ столомъ въ самомъ центрѣ сидѣло съ полдюжины наемныхъ солдатъ, принадлежавшихъ къ эскورتу кардинала и принца. Эти люди не боялись ни Бога, ни дьявола, а не только какого-нибудь бюргера, хотя бы онъ занималъ въ городѣ самый высокій постъ. Одинъ изъ нихъ повернулся въ ту сторону, куда вышелъ секретарь, и открылъ было ротъ. Но другіе бросили на него такой взглядъ, что насмѣшка застряла у него въ горлѣ. Онъ повернулся къ своимъ товарищамъ и заговорилъ съ ними вполголоса.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЮНѢ 1914 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 6-й.

Богословіе.

КОРНИЦЕЛЬ, К. И ДР. Христіанство въ освѣщеніи протестантскихъ теологовъ. Сборникъ статей. Спб. 1914. Ц. 1 р.	возникнов. библ. пророчествъ. М. 1914 г. Ц. 1 р. 75 к.
МОРОЗОВЪ, Н. Пророки. Исторія	СПАССКИИ, А., [проф. Исторія догматическихкихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ. Т. I. Сергіевъ Посадъ. 1914. Ц. 4 р.

Философія, психологія, логика.

БУТМИ, Н. Каббала, ереси и тайныя общества. Спб. 1914. Ц. 1 р.	ЛИПМАНЪ, О. Очеркъ психологія для педагоговъ. Спб. 1914. Ц. 45 к.
ВЕГА. Апокрифическая сказанія о Христв. IV. Книга младенчества. Спб. 1914. Ц. 1 р.	НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ. Сборникъ подъ редакціей Н. Лосского и Э. Радлова. № 16. Спб. 1914. Ц. 80 к.
ВЪРЬВСКІЙ, Г. Математическая психологія. Николаевъ. 1914. Ц. 35 к.	ОРИУ, М., проф. I. Идеи Дюги. II. Два реализма. Ярославль. 1914. Ц. 65 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

АФАНАСЬЕВЪ, А. Народныя русскія легенды. Казань. 1914. Ц. 2 р.	ТУРЧИНОВИЧЪ. «Энеида» Виргилія. Историко-литературный очеркъ. Спб. 1914. Ц. 40 к.
БРУСЯНИНЪ, В. Доктора и пациенты. Типы врачей въ художественной литературѣ. Спб. 1914 г. Ц. 1 р.	КЛИМЕНТОВЪ, А. Романтизмъ и декадентство. Одесса. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
ГИНКЕНЪ, А. О чтеніи и книгахъ. В. III. Спб. 1914. Ц. 80 к.	

«ИСТЕР. ЪВСТН.», ПОЛЬ 1914 г., т. СХХХVII.

¹/₂24

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- АВЕРЬЯНОВЪ, Е. Принцъ Форкъ де-Форкосъ. Сказка въ стихахъ. Спб. 1914. Ц. 50 к.
- АШУКИНЪ, Н. Осенній цвѣтникъ. Стихотворенія. М. 1914. Ц. 50 к.
- БЕНЕДИКТЪ (Н. ЮРИНЪ). Дѣвичій романъ. Спб. 1914. Ц. 30 к.
- БИБИКЪ, А. Къ широкой дорогѣ. Романъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- БОГОЛЮБОВА, О. Стихи. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- БРЕШКО-БРЕШКОВСКИЙ, Н. Въ потемкахъ жизни. Романъ. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- БРОДСКИЙ, П. Домъ напротивъ. Уголовный романъ. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- «БРОДЯЧАЯ СОБАКА». Сборникъ, посвященный Т. П. Карсавиной. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- БЪЛЪЯЕВСКАЯ, О. Золотой поясокъ. Стихи. М. 1914. Ц. 50 к., въ наклѣ 65 к.
- ВЫСПЯНСКИЙ, С. Мемагръ и Аталанта. Трагедія. Спб. Ц. 90 к.
- ГАЙДЕБУРОВЪ, В. Красные маки. Стихотворенія. Спб. 1914. Ц. 35 к.
- Цвѣты надъ обрывомъ. Книга стиховъ. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- ГЕЛЛЕНСЪ, Ф. Антологія. Рассказы и притчи. М. 1914. Ц. 1 р.
- ГЕОНЪ. Между прочимъ. Сто стихотвореній. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- ГОРОДЕЦКИЙ, С. Цвѣтущій посохъ. Стихи. Ц. 1 р.
- ГОТЬЕ, Т. Эмали и намен. Стихи. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- ЖЕДЕНОВЪ, Н. Тайна крови. Историческая повѣсть. Спб. 1914. Ц. 20 к.
- ЖЕРОМСКИЙ, С. Исторія грѣха. Романъ. Спб. Ц. 2 р. 25 к.
- Свѣтлый лучъ. Романъ. Спб. Ц. 1 р.
- Ариманъ мститъ. Спб. Ц. 80 к.
- КНЯЖНИНЪ, Я. Вадимъ Новгородскій. Трагедія. М. 1914. Ц. 1 р.
- КАЗМИНЪ-ВЬЮГОВЪ, Н. Рожокъ пастьуха. Рассказы. М. 1914. Ц. 1 р., въ наклѣ 1 р. 15 к.
- ЛЮБИМОВЪ, Л., инж. Изъ жизни инженера путей сообщенія. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- МЕЙ, Л. Избранныя стихотворенія съ очеркомъ жизни и дѣятельности поэта. Нижній-Новгородъ. Ц. 20 к.
- МЕТЕРЛИНГЪ, М. Смерть. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- ОРДЫНЦЕВЪ-КОСТРИЦКИЙ, М. Королева земли Франкской. Историческій романъ. Спб. 1914. Ц. 2 р.
- ПОДЪЯЧЕВЪ, С. Забытые и др. рассказы. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- СОЛОВЬЕВА, П. (ALLEGRO). Вечеръ. Стихи. Спб. 1914. Ц. 50 к.
- СВЪБЕРЯНИНЪ, И. Златолира. Поэзы. Кн. 2. М. 1914. Ц. 1 р.
- ТРИ РЕФЕРАТА ИЛИ СОНЪ СТАЖЬЕРА. Драматическій шаржъ. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- ТРУБЕЦКАЯ, М., кн. Маки. Стихотворенія. Полтава. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- ЦАЛИКОВЪ, А. Въ горахъ Кавказа. Очерки и легенды. М. 1914. Ц. 75 к.
- ЧАПЫГИНЪ, А. Бѣлый свитъ. Повѣсти и рассказы. Т. II. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- ШЕВЧЕНКО, Т. Полное собраніе сочиненій. Екатеринбургъ. 1914. Ц. въ перепл. 3 р.

Исторія, біографія и археологія.

- АКТЫ И ДОКУМЕНТЫ, относящіяся къ исторіи Спб. городского управленія и города С.-Петербурга въ эпоху Отечественной войны. Т. I. Спб. 1914. Ц. 5 р.
- АТЛАСЪ, Д. Памяти профессора-друга. (Изъ воспоминаній о А. А. Павловскомъ). Одесса. 1914. Ц. 40 к.
- БОБКОВЪ, В. Каталогъ русскихъ монетъ золотыхъ, платиновыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ, чеканныхъ съ 1699 по 1914 гг. Спб. 1914. Ц. 2 р.
- ВОЛКОВЪ, И. Замоны вавилонскаго царя Хаммураби. М. 1914. Ц. 70 к.
- ГУСЕВЪ, П. Новгородскій дѣтинецъ по изображенію на иконѣ Михайловской церкви. Спб. 1913. Ц. 1 р.
- Три новгородскія уничтоженныя церкви. Спб. 1914. Ц. 30 к.
- ДЕ-РОШЕФОРЪ, М., графиня. Анна Ярославна, французская королева. Историч. очеркъ. Спб. Ц. 10 к.
- ЖИЗНЬ ВИТОРИО АЛЬФИЕРИ ИЗЪ АСТИ, рассказанная имъ самимъ. М. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
- ИВАНОВЪ, П. Пермская веревная книга 1751 г. (Къ вопросу о крестьянскомъ податномъ обложеніи въ XVIII в.—по новымъ архивнымъ даннымъ). М. 1913. Ц. 1 р.
- КОВАЛЕВСКИЙ, М. Древній Востокъ и первобытная Греція. Казань. 1914. Ц. 70 к.
- ЛУКОМСКИЙ, Г. Волинская старина. Кіевъ. 1913. Ц. 8 р.
- ЛЮБОВИЧЪ, Н., проф. Иностранные историческія институты въ Римѣ. Варшава. 1914. Ц. 25 к.
- Нѣсколько документовъ по исторіи реформации въ Литвѣ изъ Ватиканской бібліотеки. Варшава. 1914. Ц. 15 к.
- ПЕРЕТЦЪ, В., проф. Изъ лекцій по исторіи древне-русской литературы. Ч. I. Древнѣйшій періодъ (XI—XIII вв.). Кіевъ. 1914. Ц. 2 р. 75 к.
- ПОЛОНСКАЯ, Н. Историко-культурный атласъ по русской исторіи съ объяснительнымъ текстомъ. В. III. Кіевъ. 1914. Ц. 2 р.
- ЧЕБЫШЕВЪ, А. Драма въ Мангеймѣ (Къ біографіи Копебу). М. 1913. Ц. 40 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- АЛЕКСѢЕВЪ, А. Положеніе о землеустройствѣ. Новочеркасск. 1914. Ц. 60 к.
- БРАНДЕСЪ, Г. Что такое національное чувство. Рѣчь къ молодежи. Нижній-Новгородъ. Ц. 10 к.
- БРЮННЕЛЛИ, П. «Частный повѣренный». Полный курсъ для подготовки къ экзамену на частнаго повѣреннаго. Спб. 1914. Ц. 1 р. 75 к.
- ВИТТЕРСЪ, Г. Денежный рынокъ. Одесса. 1914. Ц. 2 р.
- ВИТТЕ, С., графъ. По поводу непрелож-

- ности законовъ государственной жизни. Спб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
- ВОБЛЫЙ, К., проф. Отходъ на заработки въ Германию и Русско-Германскій торговый договоръ. Киевъ. 1914. Ц. 25 к.
- ГИМПЕЛЬСОНЪ, Я. Законы о евреяхъ. Систематическій обзоръ дѣйствующихъ законоположеній о евреяхъ. Ч. I. Спб. 1914. Ц. 3 р.
- ГОРБУНОВЪ, А. Основы гражданской свободы въ Англии. М. 1914. Ц. 50 к.
- ДОВНАРЪ-ЗАПОЛЬСКІЙ, М., проф. Русскій вывозъ и мировой рынокъ. Киевъ. 1914. Ц. 70 к.
- ЗАЛОГЪ ИМУЩЕСТВА. Права и обязанности залогодержателей и залогодагелей. Спб. 1914. Ц. 50 к.
- ЗАМЫСЛОВСКІЙ, Г. «Умученные отъ жидовъ». Саратское дѣло. Спб. 1914. Ц. 30 к.
- КАВЕЛИНЪ, С. Межеваніе и землеустройство. М. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
- КЛЯЧКО, В. Законъ о вознагражденіи пострадавшихъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ служащихъ, мастеровыхъ и рабочихъ на жел. дор. Ростовъ-на-Дону. 1914. Ц. 10 к.
- Общій уставъ російскихъ жел. дор. (дополненіе ко второму изданію общаго устава). Ростовъ-на-Дону. 1914. Ц. 40 к.
- КОПЕ, А. Дѣлопроизводство въ губернскихъ тюремныхъ исповѣдяхъ по исполненію судебныхъ приговоровъ. Спб. 1914. Ц. 60 к.
- ЛИТГАУЭРЪ, Я., инж.-тех. Новые законы о фабрикахъ, заводахъ и о паровыхъ котлахъ. Кременчугъ. 1914. Ц. 1 р.
- МАКСИМОВЪ, В., и ВЯЗЕМСКІЙ, В. Упрощенный приемъ исчисленія ожидаемыхъ результатовъ вновь проектируемыхъ жел.-дор. вѣтвей и магистралей. Спб. 1914. Ц. 30 к.
- МАСЛОВЪ, П. Капитализмъ. Ч. I. Наемный трудъ и заработная плата. Спб. 1914. Ц. 2 р.
- МИТИЛИНО, М. Право застройки. Опытъ цивилистическаго изслѣдованія института. Киевъ. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
- НИКОЛЬСКІЙ, Б. Меліоративный кредитъ въ Россіи. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ЭКОНОМИКЪ. Сборникъ подъ редакціей проф. М. Туганъ-Барановскаго. № 4. Спб. 1914. Ц. 80 к.
- ОВСЯННИКОВЪ, В. Очерки дѣйствующаго права. Одесса. 1914. Ц. въ перепл. 1 р. 20 к.
- ПУРИШКЕВИЧЪ, В. Матеріалы по вопросу о разложеніи современнаго русскаго университета. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- РАБИНОВИЧЪ, И. Общій уставъ російскихъ жел. дор. по разъясненіямъ гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената и его отдѣленій. Спб. 1914. Ц. въ переплѣтѣ 3 р. 50 к.
- СВИСТУНОВЪ, Я. Добровольная оставовка при покушеніи. Спб. 1914. Ц. 75 к.
- ТРЕЛИЦЫНЪ, И., проф. Гражданское право губерній царства Польскаго и русское въ связи съ проектомъ гражданскаго уложенія. Общая часть обязательственнаго права. Варшава. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
- ТЭЙЛОРЪ, Ф. Усовершенствованная система сдѣльной платы. Спб. 1914. Ц. 1 р. 30 к.
- ЩЕПКИНЪ, Е. Созвѣздіе бездѣль и растраты. Житковъ-Ягненко-Ярошенко. Одесса. 1914. Ц. 20 к.
- ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ ВЪ ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ. Сборникъ статей подъ редакціей А. И. Ярошевича. Киевъ. 1913. Ц. 1 р.

Искусство.

- БАЛЛОДЪ, Ф. Египетское искусство времени Аменофиса IV. М. 1914. Ц. 60 к.
- КЕЛЛЕРМАНЪ, Б. Сасса-ио-ясса! Японскіе танцы. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- РОВИНСКІЙ, Д. Полное собраніе гравюръ Рембрандта со всѣми разнищами въ отпечаткахъ. Спб. 1914. Ц. 25 р.
- СОЛОМИНЪ, Г. Джіотто Дибондоне. Эпоха ранняго ренессанса. Спб. Ц. 2 р. 50 к.
- СВРОВА, В. Свровы, Александръ Николаевичъ и Валентинъ Александровичъ. Спб. 1914. Ц. 2 р. 25 к., въ переплѣтѣ 3 р.
- ФУКЪСЪ, Э. Иллюстрированная исторія эротическаго искусства. М. 1914. Ц. въ переплѣтѣ 10 р. 50 к.

Естествознаніе и математика.

- ВАСНЕЦОВЪ, М. Солнечное затменіе 8 августа 1914 г. М. 1914. Ц. 35 к.
- ДЕМЧИНСКІЙ, Н. Погода весны 1914 г. мартъ, апрѣль, май, июнь. М. Ц. 25 к.
- КАЙГОРОДОВЪ, Д., проф. Наши лѣтніе цвѣты. Популярныя очерки. Серия II. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- ЛИЧКОВЪ, Б. Границы познанія въ естественныхъ наукахъ. Киевъ. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ БІОЛОГИИ. Сборникъ подъ редакціей проф. В. Вагнера. № 5. Спб. 1914. Ц. 80 к.
- ПЕТРОВИЧЪ, С. проф. Курсъ теоретической механики. Ч. IV. Динамика твердаго тѣла. Спб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
- РОСТОВЦЕВЪ, С. Органическая химія. М. 1914. Ц. 60 к.
- СВЯТСКІЙ, Д. Предстоящее полное затменіе солнца 8 августа 1914 года. Спб. 1914. Ц. 15 к.
- ХОЛОДКОВСКІЙ, Н., проф. Учебникъ зоологій и сравнительной анатоміи для высшихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1914. Ц. 6 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- БЕНЗИНЪ, В. Изъ Туркестанской поѣдки. Спб. 1913. Ц. 30 к.
- ГОРОВСКІЙ, Б. (В. К. ПОДГУРСКІЙ). Забытыя русскія земли. Чукотскій полуостровъ и Камчатка. Путевые очерки. Спб. 1914. Ц. 2 р.
- КРИВЕНКО, В. Мой дорожникъ. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ЭКСКУРСІЯ НА УРАЛЬ. Сборникъ статей учениковъ и преподават. Харьковск. коммерческаго училища, подъ ред. В. Е. Геркевича. Харьковъ. 1914. Ц. 90 к.

Языковѣдніе.

КОСТЫЛЕВЪ, В. Русско-японскій словарь разговорнаго языка. Спб. 1914. Ц. 3 р.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- ЖУРАВЛЕВЪ, Б., инж.-техн. Два мѣ-
нія по вопросу о происхожденіи нефти.
Ростовъ-на-Дону. 1914. Ц. 50 к.
— Значеніе Д. И. Менделѣева въ дѣлѣ
русской нефтяной промышленности. Рос-
товъ-на-Дону. Ц. 50 к.
КЕЧЕДЖИ-ШАПОВАЛОВЪ, М. Гор-
ное дѣло и обрабатывающая промышлен-
ность въ Россіи. Спб. 1914. Ц. 75 к.
КИНДЪ, В. Очеркъ нѣкоторыхъ рус-
скихъ мѣсторожденій нефти, каменнаго
угля, асфальта и естественнаго газа. Спб.
1913. Ц. 50 к.
КОПЕЛЮВИЧЪ, Я. Судходство въ
сѣверной и сѣверо-восточной части Каспія.
Тормозы развитія новаго нефтянаго района
на Уралѣ. Спб. 1914. Ц. 50 к.
КРОТКОВЪ, Н. Русская мануфактура
и ея конкуренты на китайскомъ рынкѣ.
Спб. 1914. Ц. 1 р.
ТОЛЛИ, С. Вывозъ продуктовъ птице-
водства изъ района Юго-Западныхъ желѣз-
ныхъ дорогъ за границу. Кіевъ. 1914.
Ц. 25 к.
УМАНОВЪ, Е. Долгосрочное храненіе
хлѣбныхъ грузовъ на станціяхъ Юго-Запад-
ныхъ желѣзныхъ дорогъ. Кіевъ. 1914.
Ц. 30 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- АЛТУНДЖИ, П. Какъ уменьшить рас-
ходъ по электрическому освѣщенію. Рос-
товъ-на-Дону. 1914. Ц. 40 к.
ВИРНИЦКІЙ, В., шт.-кап. Проекцион-
ное черченіе. Вильна. 1914. Ц. 85 к.
ГРАСГОФЪ, И. и ЛЕШЕРЪ, Ф. Ретушь
для фотографіи. Обработка негативовъ и
позитивовъ и отдѣлка фотографіи раскра-
шиваніемъ акварельными и масляными
красками. Спб. Ц. 50 к.
ДАВИДЪ, Л. Спутникъ фотографа.
Практическое руководство для любителей
и практиковъ. Спб. 1913. Ц. 1 р.
ЕВДОКИМОВЪ, Б. Какъ исправить
испорченный негативъ. Ошибки и неудачи
къ негативномъ процессѣ, ихъ причины
и способы устраненія. Спб. 1914. Ц. 50 к.
ПЕТРОВЪ, М. Работы изъ проволоки
Спб. 1914. Ц. 20 к.
ТИЛЛЕ, Е. Альбомъ рисунковъ для вы-
жиганія «Былины». Художественное вы-
жиганіе по дереву, кожѣ, папкѣ, тканямъ
и т. п. Мотивы изъ былинь о русскихъ
богатыряхъ. Спб. 1914. Ц. 60 к.
ФЕДОРОВЪ, П. Переплетчикъ-люби-
тель. Спб. 1914. Ц. 30 к.
ЧУКМАСОВЪ, Д. Практическое руко-
водство по мыловаренію. Приготовленіе
обыкновенныхъ сортовъ мыла. Спб. 1914.
Ц. 40 к.
ШМИНКЕ, Н. Домашнее пивовареніе.
Домашнее приготовленіе различныхъ сор-
товъ пива. Спб. 1914. Ц. 30 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- БЛУМЕНАУ, Е., д-р-мед. Что важно
знать пѣвцу, чтобы сохранить здоровье
голоса. Спб. 1914. Ц. 1 р.
ЕЖЕГОДНЫЙ ОБЗОРЪ русской лите-
ратуры по психіатріи и неврологіи за
1913 г. М. 1914. Ц. 1 р.
КАЦЪ, Р. Уходъ въ школѣ за глазами
учащихся. Спб. 1914. Ц. 30 к.
МНАЦАКАНОВЪ, И., д-р. Курортъ
Желѣзноводскъ. М. 1914. Ц. 40 к.
НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ МЕДИЦИНѢ. Сбор-
никъ подъ редакціей проф. А. Левина, № 3.
Спб. 1914. Ц. 80 к.
СПУТНИКЪ ВРАЧА-ПРАКТИКА. Кар-
манная справочная книжка. Спб. 1914.
Ц. 1 р.

Военное и морское дѣло.

ФОНЪ-ТЕТТАУ, баронъ. Куропаткинъ и его помощники. Ч. 2-я. Отъ Лаояна до
Мурдена. Спб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- БОГОЛЮБОВЪ, А. Нужно ли препода-
ваніе «русскаго языка и словесности»,
какъ особаго предмета, въ средней школѣ.
Казань. 1914. Ц. 20 к.
— Объ изученіи литературныхъ язы-
ковъ. Казань. 1914. Ц. 15 к.
БОРГМАНЪ, А. Отечественная исторія
для младшихъ классовъ среднихъ учеб-
ныхъ заведеній. Спб. 1914. Ц. 75 к.
БРОДСКІЙ, Н., МЕНДЕЛЬСОНЪ, Н.
и СИДОРОВЪ, Н. Историко-литературная
хрестоматія. Ч. I. Устная народная сло-
весность. М. 1914. Ц. 80 к.
ВИНТЕРГАЛЬТЕРЪ, А. Практическій
курсъ природовѣднія. Ч. II. Книга для
преподавателя. М. 1914. Ц. 50 к.
ВИШЕРЪ, Р., проф. Древняя Европа
и Востокъ. Учебникъ для младшихъ клас-
совъ гимназій, М. 1914. Ц. 80 к.
ДОМА, ВЪ ШКОЛѢ, ВЪ ЛѢСУ, ВЪ

- ПОЛЪ. Переводъ съ англійскаго «Листовъ по изученію природы», издаваемыхъ американскимъ Корнельскимъ университетомъ для начальныхъ школъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- ЗАПОРОЖЦЕВЪ, С. Руководство по естествовѣдѣнію. Составлено примѣнит. къ прогр. женск. гимназій и низшихъ клас. мужск. гимн. и реальн. училищъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 70 к.
- ЛАЙ, В. Школа дѣйствія. Реформа школы сообразно требованіямъ природы и культуры. Спб. 1914. Ц. 1 р. 20 к.
- ЛАНГВАГЕНЪ, В. Географическая хрестоматія. Рассказы для чтенія въ школѣ и дома. Ч. I. Спб. 1914. Ц. 60 к.
- МИХАЙЛОВЪ, И. Чтеніе плановъ и географическихъ картъ. Спб. 1914. Ц. 40 к.
- НЕЧАЕВЪ, А. Тетрадь для самостоятельныхъ работъ по географіи. Курсъ въ европейскихъ странъ. Спб. 1914. Ц. 35 к.
- ПАВЛОВСКІЙ, В. Методика русскаго языка. Ч. I. Спб. 1914. Ц. 75 к.
- РАУДЭ, Ф. Таблица для повторенія синтаксиса сложнаго предложенія. Кіевъ. Ц. 5 к.
- РЮЛЬМАНЪ, П. Преподаваніе гражданствовѣдѣнія во Франціи. М. 1914. Ц. 60 к.
- СТРАТОНОВЪ, В. Космографія. Учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній. М. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- ХИТЬКОВЪ, Н. Школьный музей. Его значеніе и организація. Кіевъ. 1913. Ц. 75 к.
- ЧИСТЯКОВЪ, В. Древняя Греція (системат. учебникъ). М. 1914. Ц. 1 р. 40 к.
- ШАРВИНЪ, В., проф. Введеніе въ химию. Кратній курсъ неорганической химіи для учебныхъ заведеній и самообразованія. М. 1914. Ц. 3 р.

Книги для дѣтей и юношества.

- РУДНЕВЪ, М. Школьные пѣсни. Кіевъ. 1914. Ц. 50 к.
- СОЛОВЬЕВА, П. (ALLEGRO). Головоломка. Ребусы, шарady и загадки. М. 1914. Ц. 50 к., въ папкѣ 65 к.
- СОЛОВЬЕВА, П. и МАНАСЕИНА, Н. Родные завѣты. М. 1914. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.
- ТОМПСОНЪ-СЕТОНЪ, Э. Животныя-герои. Спб. 1914. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Спортъ, охота и игры.

- ГДАНСКІЙ, Л. Парусное плаваніе. Плаваніе подъ парусами. Руководство къ изученію управленія небольшими парусными судами и лодками для начинающихъ любителей паруснаго спорта. Спб. 1914. Ц. 60 к.
- ГОНЧАРОВЪ, А. Краткій учебникъ шахматной игры. Спб. 1914. Ц. 2 р.
- ЕРОФЬЕВЪ, П. Велосипедъ и велосипедный спортъ. Спб. Ц. 20 к.
- ЕРОФЬЕВЪ, Б. Лаунъ-теннисъ. Спб. Ц. 15 к.
- Футболъ и ватеръ-поло. Спб. Ц. 15 к.
- ПФЕЙФЕРЪ, К. Хоккей и бенди. Новыя игры на открытомъ воздухѣ. Спб. 1914. Ц. 15 к.
- УКТОНЪ, Р. Школа плаванія. Спб. Ц. 15 к.

Справочныя книги.

- «АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ». Общая роспись начальствующихъ и прочихъ должностныхъ лицъ по всѣмъ управленіямъ въ Россійской Имперіи на 1913 г. Ч. I и II. Спб. 1913. Ц. 3 р. 50 к.
- КАРЕЛИНЪ, Путеводитель по Финляндіи. Спб. 1914. Ц. въ переплетѣ 80 к.
- МОСКВИЧЪ, Г. Путеводитель по Кавказу. Спб. 1914. Ц. 2 р. 25 к.
- ФОРТУНАТО, И. Вспомогательныя таблицы для расчета больничнаго пособія заболѣвшимъ участникамъ больничныхъ кассъ. Спб. 1914. Ц. 50 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступила въ продажу новая книга

Б. Б. Глинскаго

„Среди литераторовъ и ученыхъ“

Биографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія,
встрѣчи. Съ 31 портретомъ.

Цѣна 3 рубля.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ

М. Г. ВЕСЕЛКОВОЙ-КИЛЬШТЕТЬ

„КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА“.

РОМАНЪ.

Цѣна, 2 руб. 50 коп.

„ПѢСНИ ЗАБЫТОЙ УСАДЬБЫ“.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 1 рубль.

„СТИХИ и ПЬЕСЫ“.

Цѣна 2 рубля

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ва А. С. Суворина—, „Новое Время“

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ (1861-1881 гг.)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

Въ этой книгѣ изложены историческія событія въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и вплоть до мученической кончины Императора Александра II. Въ первой части авторъ слѣдитъ за рожденіемъ оппозиціи внутренней политикѣ правительства и по преимуществу сосредоточиваетъ свое вниманіе на борьбѣ либеральныхъ общественныхъ элементовъ съ консервативными тенденціями правящихъ сферъ. Событія революціоннаго порядка отмѣчаются, какъ явленія единичныя, безъ поддержки ихъ значительнымъ количествомъ соучастниковъ. Во второй части передъ читателями развертывается дѣятельность «землевольческихъ» и «народовольческихъ» группъ, и на сцену выступаютъ фанатизированные террористы, жертвою преслѣдованія со стороны которыхъ является Царь-Освободитель. Обѣ части книги обильно иллюстрированы портретами русскихъ государственныхъ, общественныхъ и революціонныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка.

ТОГО ЖЕ АВТОРА продается книга:

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ

(1612-1861 гг.).

Историческіе очерки

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Цѣна 3 р. 50 коп.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

НОВАЯ КНИГА

Борьба за Вѣру

ИСТОРИКО-БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ

И

ОБЗОРЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ПО

СТАРООБРЯДЧЕСТВУ И СЕКТАНТСТВУ

ВЪ ЕГО ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОМЪ РАЗВИТІИ

съ приложеніемъ статей закона и Высочайшихъ указовъ

В. И. Ясевичъ-Бородаевская

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕНЪ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, ЧЛЕНЪ-СОТРУДНИКЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕНЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

съ (4-мя фотографическими таблицами).

Цѣна 4 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени»:

Петербургъ, Невскій пр., 40, домъ Армянской церкви. Тел. 459-26, 2) Вознесенскій пр., д. 36. Тел. 559—02. 3) Пет. ст., Большой пр. д. 69-А. Тел. 77—61, **Москва**, Неглинный проѣздъ, уголъ Кузнецкаго Моста, д. Шориной. **Харьковъ**. 1) Екатеринославская ул., д. Иванова, 2) Николаевская пл. д., 4, Азовско-Донскаго Банка. **Одесса**, Дерибасовская, д. 33, уголъ Преображенской. **Саратовъ**, Московская, д. Пассажъ. **Ростовъ на Дону**, Садовая, д. 96.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

АВГУСТЪ 1914 г.

	СТРАН.
Россія и славянство. Д. Н. Вергуна.	I—VII
Историческая лѣтопись.	VIII—XXVI
I. На родной почвѣ. (Романъ). Часть вторая. VII—XII. (Продолженіе). М. Г. Веселковой-Кильштетъ.	369
II. Изъ воспоминаній стараго эриванца. (1832—1839 гг.). А. Ф. Рукевича.	414
III. Завѣтное словечко. (Московская быль). В. П. Авенариуса.	429
IV. А. С. Суворинъ и основаніе театра литературно-артистическаго кружка. (Страничка изъ воспоминаній «Минувшее»). Е. П. Карпова.	449
Иллюстрація: Н. Д. Красовъ въ пьесѣ «Ганнеле».	
V. «Соціалистъ». (Изъ дѣйствительной жизни). Н. А. Когляревскаго.	471
VI. «Король рѣмьы». (Д. Д. Минаевъ и его литературная дѣятельность). (Окончаніе). Н. Д. Державина.	477
Иллюстраціи: 1)—Д. Д. Минаевъ въ гробу.— 2) Могила Д. Д. Минаева въ Симбирскѣ.	
VII. Ужасы города. (Изъ повседневныхъ исторій). II. (Продолженіе). В. В. Уманова-Каплуновскаго.	518
VIII. Мусульманскій Лютеръ. Н. Д. Ѳедотова.	527
Иллюстрація: Муса Вигіевъ.	
IX. Воспоминанія и дневники русскихъ женщинъ. Е. Щепкиной.	536
X. Послѣдній петрашевецъ. А. С. Панкратова.	556
Иллюстрація: Н. С. Кашкинъ.	
XI. Пулковская обсерваторія. (Очеркъ). Н. С. Павловскаго.	567
Иллюстраціи: 1) В. Я. Струве, первый директоръ Пулковской обсерваторіи.—2) Общій видъ главнаго зданія Пулковской обсерваторіи съ юга.—3) Академикъ О. А. Ваклундъ, нынѣшній директоръ Пулковской обсерваторіи.—4) Башня 30-дюймоваго большаго рефрактора Пулковской обсерваторіи и зданіе астрономической лабораторіи.	
XII. Князь В. П. Мещерскій. (Некрологъ). Б. Г.	583
Иллюстрація: Князь В. П. Мещерскій.	
XIII. Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы). XL—XLIII. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго.	598
XIV. У могилъ двухъ поэтовъ. А. И. Фирсова.	635
Иллюстрація: Памятникъ поэту Никитину.	
XV. Два монастыря Псковской земли. (Впечатлѣнія зимней поѣздки). В. Н. Каякина.	640
Иллюстраціи: 1) Церковь Успенія въ Псково-Печерскомъ монастырѣ.—2) Псково-Печерскій монастырь съ главною церковью Успенія.—3) Вышній Святгорскій монастырь, нынѣ архіерейское домоуправленіе. На правой сторонѣ церковь Рождества Пресвятой Богородицы XIII—XIV стол.	

(См. слѣд. стран.).

- XVI. Изъ записной книжки историка. (Восточная война 1853—1856 гг. и книга А. М. Заюнчковскаго.—Борьба славянства съ германизмомъ: война Австріи съ Сербіей). **Е. С. Шумигорскаго.** 656
- XVII. Иностранцы о Россіи. 667
- XVIII. Критика и библиографія. 675
- 1) «Атласъ Азіатской Россіи». «Азіатская Россія» Томъ первый. «Люди и природа за Ураломъ». Томъ второй. «Земля и хозяйство». Спб. 1914.— п. Кримица.—2) Биографическій очеркъ генералъ-фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича Волконскаго (1776—1852 гг.). Съ портретомъ и двумя снимками. Спб. 1914. г. Гарскаго.—3) В. Л. Снегиревъ. Архивное законодательство при Петрѣ Великомъ. Очеркъ по исторіи архивнаго дѣла въ Россіи. М. 1913. В. Ар—та.—4) Опись дѣлъ архива государственнаго совѣта.—Томъ восьмой. Дѣла государственнаго совѣта съ 1871 по 1876 г. Спб. 1913.—Томъ десятый. Дѣла государственнаго совѣта съ 1883 по 1888 г. Спб. 1913.—Томъ пятнадцатый. Дѣла секретнаго комитета и главныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу и объ устройствѣ сельскаго состоянія съ 1857 по 1882 г. Спб. 1911.—Томъ шестнадцатый. Дѣла государственнаго совѣта и государственной канцеляріи съ 1807 по 1910 г. Спб. 1912.—Томъ двадцатый. Дѣла собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по дѣламъ царства Польскаго съ 1826 по 1835 г. Спб. 1911. Rustia.—5) Воронежская старина. Вып. двѣнадцатый. Воронежъ. 1913. м. м. м.—6) W. Neumann. Aus alter Zeit. Kunst und kulturgeschichtliche Miszellen aus Liv-Est-und Kurland. А. Мальмгрена.—7) Эдуардъ Фуксъ. Иллюстрированная исторія нравовъ. Т. III. Вуржуазный вѣкъ. Переводъ В. М. Фриче. М. 1913. м.—8) Джордано Вруно. Изгнаніе торжествующаго звѣря. Переводъ и примѣчанія Алексѣя Золотарева. 1914. л. Марсавина.—9) Ю. Н. Щербачевъ. Пріятели Пушкина — Михаилъ Андреевичъ Щербининъ и Петръ Павловичъ Каверинъ. Москва. 1913. Сергѣя фонъ-Штейна.—10) «Русскій Вибліофилъ», журналъ историко-литературный и библиографическій. Вып. I—VIII. 1913. А. М—на.
- XIX. Новости исторіи. Обзорѣніе журналовъ. **А. А. Измайлова.** . 691
- XX. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника». 700
- XXI. Заграничныя историческія новости и мелочи. 702
- 1) Кое-что о Вѣнскомъ конгрессѣ.—2) Изъ воспоминаній о сентябрьскихъ убійствахъ.—3) Возвращеніе m-me де-Сталь во Францію.—4) Изъ біографіи Вальзака.—5) Гдѣ находилась древняя Атлантида.—6) Изъ воспоминаній жены дипломата.—7) Скачки въ царствованіе Людовика XVI. 8) Секретный дневникъ Луизы Мартенъ
- XXII. Смѣсь. 724
- 1) Оживленіе историко-археологическаго интереса въ Курскомъ краѣ.—2) Двадцатипятилѣтній юбилей проф. Н. Н. Глубоковского.—3) Пятидесятилѣтіе новороссійскаго университета.—4) Отъ Высочайшаго учрежденнаго комитета по сбору пожертвованій на сооруженіе памятника въ Божѣ почившему великому князю Константину Николаевичу.
- XXIII. Некрологи. 730
- 1) Архіепископъ Николай.—2) Архіепископъ Стефанъ.—3) Ильяшевичъ, Л. В.—4) Кауляницкій, Э., профессоръ—5) Россовъ Н. Д.,—6) Синцовъ, И. Ѡ., проф.—7) Череванскій, В. П.

Приложенія: 1) Портретъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича.—2) Пятая труба. Историческій романъ Поля Бертрама. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. III—IV. (Продолженіе).

РОССІЯ И СЛАВЯНСТВО.

ИСТОРИЧЕСКІЙ часъ славянства пробилъ! Неожиданно и незамѣтно судьбѣ было угодно поставить на вѣсы исторіи всю нашу племенную проблему.

Вопросъ поставленъ не только о правѣ Россіи на покровительство освобожденныхъ ею единокровныхъ и единовѣрныхъ балканскихъ славянъ, но и о сохраненіи ею мѣста въ сонмѣ независимыхъ великихъ державъ.

Объявленіе войны Россіи со стороны Германіи и Австро-Венгріи—это начало всемірной расовой борьбы, какой еще не видѣлъ свѣтъ. Пангерманизмъ желаетъ свести счеты съ идеями панславизма. Онъ пытается отстоять сомнительныя притязанія свои на гегемонію во всемъ человѣчествѣ.

Идея объединенія славянъ на свободныхъ союзныхъ началахъ является единственною серьезною преградой торжественному шествію пангерманизма по всему земному шару. Это послѣдній оплотъ *расоваго равновѣсія* во всемъ человѣчествѣ. Это вѣрнѣйшій залогъ свободы не только Россіи и славянства, но и залогъ защиты восточныхъ народовъ отъ хищнической эксплуатаціи западно-европейскимъ и американскимъ капитализмомъ и охраны Европы—отъ воинственныхъ набѣговъ азіатскихъ массъ.

Славяне безъ Россіи не могли бы существовать, такъ какъ ихъ давно задавила бы германская волна, какъ она залила уже прибалтійскихъ, полабскихъ и часть славянъ подунайскихъ (въ верхнемъ теченіи этой бывшей главной артеріи славянства). И Россія безъ западныхъ и южныхъ славянъ гораздо труднѣе было бы выдержать германскій натискъ на Востокъ. Сознаніе славянской

взаимности это плод не только племенных чувствъ, но и глубоко понятыхъ обоюдныхъ реальныхъ интересовъ.

Нарушеніе равновѣсія въ человѣчествѣ нападеніемъ Германіи на Россію было сознано и въ Западной Европѣ и отсюда выступленіе Великобританіи.

Весь нынѣшній укладъ на земномъ шарѣ поставленъ теперь на карту!

Славяне, занявъ самое безпокойное мѣсто на огромномъ европейско-азиатскомъ материкѣ, Сарматскую и Дунайскую равнины, путемъ чрезвычайныхъ усилій сохраняли свое «мѣсто подъ солнцемъ». Непрерывные набѣги германскихъ племенъ съ сѣвера, кельтскихъ—съ запада, монгольскихъ съ востока и Германскихъ съ юга были ими съ кровавыми жертвами отбиты. Они, правда, не сохранили всѣхъ занятыхъ ими изначала земель—современное прусское могущество и выросло на кладбищѣ прибалтійскихъ славянъ,—но, принужденные постоянно отбиваться отъ чужого натиска, раздвигали, съ цѣлью облегченія самообороны и сохраненія ядра, постепенно рубежи своей земли, впитывая въ себя незамѣтно множество народностей всѣхъ племенъ.

Вслѣдствіе этого современное славянство представляетъ собою, по разнообразію органически растворенныхъ въ немъ народовъ, такой слитный типъ, какому нѣтъ равнаго въ Европѣ и подобіе котораго можно найти только въ типѣ современнаго американца.

Къ основному славянскому началу—мирному трудолюбію и уживчивости—привилось въ теченіе вѣковъ начало варяжское—германской предпріимчивости, затѣмъ начало византійской этичности (вслѣдствіе принятія тремя четвертями всего племени православія изъ Царьграда), римской юридичности въ эпоху новѣйшихъ преобразованій, наконецъ, и начало монгольское—міровой всеобъемлемости.

Только благодаря созданію такого слитнаго культурно-историческаго типа славянство могло распахать подъ земледѣльческую культуру такую огромную площадь на европейско-азиатскомъ материкѣ, какъ пространство отъ Гамбурга (въ X вѣкѣ славянскаго «Богбора») и Венеціи съ одной и до Владивостока и Сахалина съ другой стороны. Отъ 10-го и до 180 меридіана восточнаго полушарія и отъ 40 параллели до 80-ой сѣвернаго полушарія земли въ топооро- и гидрографическихъ названіяхъ находятся живые свидѣтели колоссальной славянской культурной работы.

И въ настоящее время всѣ плоды этой работы поставлены на карту войны. Размахъ славянъ, распространявшихся, какъ всякій живучій организмъ, по направленію наименьшаго сопротивленія на азиатскій Востокъ и терявшихъ постепенно земли на европейскомъ Западѣ, далъ имъ возможность найдаться теперь, сравнительно съ другими расами, въ лучшихъ условіяхъ относительно количества земли. Это-то и является настоящей причиной новѣйшаго германскаго набѣга на нашу землю, предпринятаго по мановенію императора Вильгельма II.

Распространяясь на восток, славяне теряли плодородныя, впервые ими распаханныя земли на побережьи Балтійскомъ, гдѣ ими созданъ въ VII вѣкѣ цвѣтущій Ганзейскій (Ганза-Уза) союзъ городовъ, и занимали нелюдимыя и полудикія страны кочевниковъ сѣверной Азии. Здѣсь имъ снова приходилось производить самую трудную работу «пала», корчеванія и распашки для приготовления цѣлины подъ земледѣльческую культуру.

Вотъ отчего нѣмцы, улучшая производительность распаханныхъ славянами земель, защищенные славянами отъ нашествія азіатскихъ ордъ, достигли такого благополучія. Славяне же, изнывая въ вѣчной борьбѣ съ кочевниками и малопроизводительной первобытной работѣ, понижѣ находятся въ сравнительно худшихъ политическихъ и экономическихъ условіяхъ.

Гипнозъ занятаго пространства заставляеть многихъ славянъ забыть то, что они потеряли въ пользу нѣмцевъ на западѣ, гдѣ обѣ вышнія нѣмецкія столицы созданы на славянскихъ костяхъ.

Со времени организаціи нѣмцевъ въ устроенное государство Карломъ Великимъ, славяне въ продолженіе одного тысячелѣтія потеряли въ пользу нѣмцевъ площадь земли въ 8000 квадратныхъ миль съ 40 милліонами пышнѣшаго населенія. Въ среднемъ славяне уступали ежегодно по 8 квадратныхъ миль нѣмцамъ. За послѣднее столѣтіе, «вѣкъ пара и электричества», потери эти до такой степени возросли, что, по вычисленіямъ пангерманскихъ политиковъ (Ленча, Реймерса), полное онѣмеченіе германскихъ и австрійскихъ славянъ могло быть достигнуто въ два вѣка, а онѣмеченіе Россіи—столѣтія черезъ три!

Вотъ что окрыляло нѣмцевъ на предпринятую теперь борьбу со славянствомъ. Вотъ что укрѣпляло ихъ увѣренность въ низкомъ уровнѣ нашей расы. Славяне это—«навозный народъ» (Dunger-Volk), по выраженію Карла-Ленча, наземъ для нѣмецкой культуры.

Успѣхи германизаціи познанскихъ поляковъ, полный политическій разбродъ австрійскихъ славянъ, быстрыя завоеванія нѣмецкой колонизаціи въ Россіи, виды которой усугублены, благодаря принятому въ іюлѣ прошлаго года берлинскимъ рейхстагомъ закону о двойномъ подданствѣ,—вотъ что толкнуло ихъ на эту «предупредительную» войну.

Императоръ Вильгельмъ II позавидовалъ лаврамъ Наполеона I.

— Въ 1912 году я буду сидѣть въ Москвѣ, и никто меня оттуда не выбѣтъ!—долженъ былъ сказать онъ еще въ 1902 г. въ ахенскомъ офицерскомъ собраніи.

— Сначала тихою, сокровенною работою подготовимъ мы почву, затѣмъ выступимъ какъ избранное орудіе Божія Промысла!—вѣщаль онъ въ своей рѣчи въ честь дѣда своего, возобновителя Германской имперіи, Вильгельма I «Великаго». (Penzler, Die Reden Kaiser Wilhelms II, стр. 240. Изданіе Reclam).

Эти рѣчи доказываютъ, что мысль о нашествіи на Россію у германскаго императора зрѣла давно. «Тихою, сокровенною работою» подготовлялъ онъ поч-

вудля нашествія на Россію. Какой прекрасный комментарий къ тѣмъ событіямъ, которымъ все русское общество искало объясненій наканунѣ войны!

Эти безпричинныя рабочія забастовки, эти истребленія «самозажигающимися» пожарами русскихъ лѣсовъ, это отравленіе какимъ-то порошкомъ на пастбищахъ скота въ разныхъ мѣстахъ Россіи—все это теперь объясняется наполеоновскими приѣмами германскаго императора. Но Вильгельмъ II превзошелъ даже Наполеона. Тотъ орудовалъ только фальшивыми ассигнаціями, которыя въ изобиліи расточалъ русскимъ измѣнникамъ въ 1812 году. Вильгельмъ II пошелъ дальше. Кромѣ фальшивыхъ ассигнацій, пачка которыхъ возвращена на дняхъ изъ одной изъ покаявшихся рабочихъ организацій, онъ пустилъ въ ходъ и поджигательство, и отравленіе скота для уменьшенія средствъ прокормленія русской арміи и вызова недовольства и бунтовъ среди крестьянства.

Таковы методы борьбы императора Вильгельма, который пытался занять мѣсто и въ качествѣ поэта, и въ качествѣ музыканта, и въ качествѣ художника на общечеловѣческомъ Парнасѣ.

Этотъ всесторонній «геній» оказался не только фальшивомонетчикомъ, но и тайнымъ поджигателемъ.

Однако Вильгельмъ II плохо, вѣроятно, изучалъ русскую исторію. Если бы онъ вдумчивѣе отнесся къ великой «учительницѣ жизни», онъ бы замѣтилъ, что въ началѣ каждаго столѣтія Россія выдерживаетъ натискъ съ Запада и всегда съ успѣхомъ отражаетъ его.

Онъ вспомнилъ бы Ледовое побоище въ началѣ XIII вѣка, когда святой князь Александръ Невскій съ кличемъ: «Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ», разбилъ огромныя полчища крестоносцевъ подъ предводительствомъ «Биргера Свейскаго». Три вѣка подъ рядъ продолжалась борьба съ Тевтонскимъ орденомъ, пока соединенные славяне, русскіе, поляки и чехи, не разгромили тевтонскаго засилья подъ Зеленымъ Лѣсомъ (Грюнвальдомъ) въ 1410 году.

Даже послѣ этой побѣды, достигнутой смоленскими и черниговскими полками, Русское государство не было избавлено отъ нашествія съ Запада.

Въ 1511 г. въ битвѣ подъ Оршей царь Василій III отстаивалъ противъ Литвы свои права на принятый титулъ «государь всея Руси».

Столѣтіе спустя, вслѣдствіе прекращенія дома Рюрика и вслѣдствіе самозванческой разрухи, польскій король Сигизмундъ и его сынъ Владиславъ Ваза дѣйствительно завоевали Москву. Но не долго удалось имъ владѣть ею. Избраніе новой династіи Романовыхъ положило конецъ чужимъ притязаніямъ.

Съ тѣхъ поръ Россія буквально каждое столѣтіе переживала въ самомъ началѣ вѣка иноплеменное нашествіе. Въ 1709 году западная культура сразилась съ восточной подъ знаменемъ короля Карла XII шведскаго. Полтавская побѣда родила русско-славянскій империализмъ.

Тщетно пытались сломить его французы въ 1812 году, хотя имъ и удалось даже завоевать Москву, и затѣмъ въ крымскую кампанію англичане, когда ими была устроена коалиція всей Европы противъ Россіи.

Россія выдержала съ честью и достоинствомъ всѣ эти натиски и съ Божіей помощью выдержитъ ихъ и сейчасъ, когда опять гротмейстеръ Тевтонскаго ордена, опоясавшій себя «великимъ мечомъ» въ Маріенбургѣ еще въ 1904 г., повелъ свои полчища противъ нашего отечества.

Новая «отечественная» война началась, и начало ея ознаменовалось такими взрывами патриотизма во всѣхъ слояхъ населенія, такимъ тѣснымъ единеніемъ престола и народа, что уже въ этомъ одномъ можно усматривать залогъ грядущихъ побѣдъ надъ хищническимъ врагомъ.

Два міровоззрѣнія столкнулись сейчасъ. Нѣмцы идутъ на насъ съ дерзкимъ кличемъ Бисмарка: «Сила выше права». Россія и славянство даютъ нѣмцамъ отпоръ, руководствуясь девизомъ св. Александра Невскаго: «Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ», и евангельскимъ изреченіемъ: «Блаженны кроткіе, ибо они унаслѣдуютъ землю!»

И вспоминаются поневолѣ слова Ѳ. И. Тютчева, сказанныя по поводу Берлинскаго конгресса:

Единство—возвѣстилъ оракулъ нашихъ дней—
 Быть можетъ спаяно желѣзомъ лишь и кровью.
 Но мы попробуемъ спаять его любовью,
 А тамъ посмотримъ, что прочнѣй...

Противъ нашего славянскаго племенного единства, на алтарь котораго Россія принесла въ продолженіе послѣднихъ трехъ столѣтій столько крови своихъ сыновъ, возстали нѣмцы. Они отрицаютъ право за Россіей на покровительство единоплеменнымъ братьямъ на Балканахъ, хотя братьямъ этимъ свобода была дарована цѣною неисчислимыхъ русскихъ жертвъ.

— Вы ихъ освободили отъ турецкаго ига для насъ, для нашей эксплуатаціи, а не для васъ,—заявляютъ тевтоны. Недалекія битвы дадутъ отвѣтъ на то, какова сила правды этихъ заявленій.

Австро-Венгрія и Германія распредѣлили въ Конопитскомъ замкѣ свои роли въ покореніи славянъ. Первой предоставлены славяне балканскіе, второй славяне сѣверные.

Въ начавшихся сраженіяхъ будетъ рѣшенъ цѣлый рядъ вопросовъ, волновавшихъ предыдущія славянскія поколѣнія. Однимъ изъ главныхъ вопросовъ для Россіи является: 1) завершеніе собиранія русскихъ земель, 2) вопросъ объ австрославизмѣ и, наконецъ, 3) такъ называемый «восточный вопросъ», т. е. рѣшеніе задачи о владѣніи проливами и свободномъ выходѣ въ Средиземное море.

Завершеніемъ возсоединенія всѣхъ русскихъ земель во-едино будутъ разрѣшены эти вопросы. Присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ вочинъ святого Владимира, Руси Червонной, Карпатской—утвердитъ на долгія вѣка верховодящую роль Россіи въ славянствѣ, оспариваемую теперь Австріей и

Германіей. Еще въ «Словѣ о полку Игоревѣ» превосходно выражена мысль о значеніи Карпатской Руси для всего русскаго народа. «Кто сидитъ на Карпатахъ, тотъ замыкаетъ устья Дуная и распоряжается проливами».

Возсоединеніе Прикарпатской Руси диктуется поэтому вовсе не какими-нибудь корыстными цѣлями, а цѣлями этическими и стратегическими, цѣлями самообороны. Въ Галиціи былъ созданъ главный операціонный базисъ противъ Россіи. Тамъ свили себѣ гнѣздо не только польскіе «ягеллоновцы», мечтающіе объ воскресеніи, съ нѣмецкой помощью, исторической Рѣчи Посполитой со включеніемъ въ нее всей Бѣло- и Малороссіи. Тамъ дало буйные всходы сѣмя «мазепинства», созданное для расчлененія единого и цѣльнаго русскаго народа, для раздѣленія его на двѣ, а, можетъ быть, и на три отдѣльныхъ части.

Австрійскій имперіализмъ или «австрославизмъ», созданный убитымъ въ Сараевѣ эрцгерцогомъ Францемъ-Фердинандомъ, и былъ главнымъ образомъ построенъ на «ягеллонствѣ» и «мазепинствѣ». Нанося удары этимъ двумъ врагамъ, Россія обезпечить себѣ свое національное единство и спокойное обладаніе проливами.

Всякое промедленіе въ занятіи Галиціи можетъ пагубно отразиться на всей кампаніи. Во-первыхъ, во всей Австро-Венгріи могутъ быть перерѣзаны все славянскіе дѣятели, руссофильство которыхъ не составляетъ тайны. Германцы разстрѣляли въ Мецѣ предсѣдателя общества «Помни о Франціи», австрійцы могутъ такъ же расправиться со всеми предсѣдателями разныхъ славянскихъ обществъ и организацій, и русскія войска нашли бы послѣ побѣды уже не живыхъ людей, а цѣлыя горы труповъ.

Начавшаяся война—это борьба на жизнь и на смерть за расовое преобладаніе славянства или германизма въ Европѣ. Съ нѣмецкой стороны война эта ведется съ жестокостью, напоминающей тевтонскіе ужасы франко-прусской войны, описанные Мопасаномъ и Зола.

Въ естественной тревогѣ за судьбу зарубежныхъ братьевъ, ждущихъ наступленія Россіи, пора обратиться къ русскому орлу съ тѣмъ, чтобы онъ вспомнилъ свой «удѣлъ высокій».

Славянскій орелъ,
Воспрявній орелъ,
Когда же распустишь ты крылья?
Скорѣе, чтобъ врагъ кончину обрѣлъ,
Исчезъ бы виновникъ засилья.

Взгляни ты вокругъ,
На западъ, на югъ,
Утроится прежняя сила,
Восторгъ исцѣлитъ раздумья недугъ,
Расправитъ злѣхшія крыла.

Вотъ гребни Карпатъ,
Гдѣ стая орлятъ
Зовесть, расклевая оковы.
Ужели тебѣ, задумчивый братъ,
Не слышны ихъ смѣлые зовы?

Изъ дальнихъ Судетъ
Бодрящій привѣтъ
Тебѣ Сокола посылають,
Созрѣли они и въ братскій совѣтъ
Скорѣе сомкнуться желаютъ.

Съ Динарскихъ вершинъ,
Съ Балканскихъ стремнинъ,
Дымящихся братскою кровью,
Съ Триглава зубцовъ и Савскихъ долинъ
Къ тебѣ всѣ несутся съ любовью.

И даже въ Познань
Ревнивую взглянь,
И тамъ недовольны судьбою,
Взываютъ къ тебѣ: Родимый, воспрянь,
А бѣлый орелъ за тобою.

Оконченъ расколъ,
Славянскій орелъ,
Пари въ поднебесье смѣлѣе!
Все выше впередъ, твой жребій расцвѣлъ,
И цѣль озарилась ясне.

Лети же, лети,
Въ небесномъ пути
Взмахни огненными крылами,
Дай веѣмъ ты народамъ свободу найти
И миръ водвори межъ странами.

Дм. Вергунъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

В ТЕКУЩАГО нумера «Историческаго Вѣстника» мы открываемъ лѣтопись историческихъ событій, которая грозно надвинулась на народы европейскаго материка, обративъ послѣдній въ сплошной вооруженный лагерь, гдѣ люди, племена и народы бросились въ пучину братоубійственной войны. Нашей отчизнѣ выпадаетъ на долю играть въ этихъ событiяхъ первенствующую роль, какъ первой и самой могущественной въ семьѣ славянскихъ державъ, принимающей на свою грудь всю силу натиска германскихъ народовъ.

Задача настоящей лѣтописи запечатлѣть на ея скрижали весь ходъ событiй съ ихъ отправного момента, откуда фактически и началось ихъ развертыванiе, т. е. съ австро-сербскаго конфликта, искусственно созданнаго въ тайныхъ цѣляхъ порабоженiя всего славянства воинствующимъ Нибелунгомъ. Какъ всякую лѣтопись, мы будемъ вести ее объективно и фактически, регистрируя событiя въ хронологическомъ порядкѣ и официальной достовѣрности. Эта регистрацiя, сдѣланная съ возможной полнотой, не сомнѣваемся, принесетъ со временемъ читателямъ и нашей исторической наукѣ пользу, не давая возможности улетучиться изъ памяти поколѣнiй всему ходу событiй въ его погѣдовательномъ порядкѣ.

Когда и чѣмъ закончится настоящая лѣтопись—не будемъ загадывать, будемъ лишь твердо помнить золотыя и незабвенныя слова нашего монарха: «Я не заключу мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непрiятельскiй воинъ не уйдетъ съ земли

нашей». Это историческая заключительная формула всѣхъ русскихъ войнъ, когда нашему народу предстояло стать грудью передъ напоромъ враговъ-иноплеменниковъ за цѣлость и міродержавство родины. Такъ было въ 1612, 1812 годахъ, такъ будетъ и днесь. Тяжкія испытанія, быть можетъ, приготавливаетъ намъ судьба, но надо памятовать, что великому народу ниспосылаются и великія испытанія. Часть ихъ пробилъ, и Россія, грозная и единая, подымется во весь свой могучій ростъ на самозащиту и защиту всѣхъ славянъ, безъ различія племенъ и исповѣданій. Всѣмъ грозитъ опасность и, сознавая таковую въ ея неподкрашенной истинѣ, Россійская держава, «стальной щитиною сверкая», принимаетъ на себя священную и отвѣтственную задачу подавить ее. Какъ и какими неисповѣдимыми судьбами, въ союзъ съ какими друзьями и союзниками будетъ она ратоборствовать, поскольку послѣдніе понесутъ вкупѣ съ нею историческую тяготу и что испытаютъ они на пути этой ноши,—будетъ въ нашу лѣтопись занесено. Такимъ образомъ, послѣдняя выходитъ за предѣлы русской исторіи и обращается въ лѣтопись европейскихъ событій, лѣтопись борьбы за историческое существованіе всего славянства и даже Европы, той Европы, которая только желаетъ въ мирѣ и покоѣ развивать свои производительныя и культурныя силы, но которая оказалась остановленной на этомъ пути завоевательными инстинктами германскаго племени и его верховнаго вождя, воплощающаго въ своей особѣ идею воинствующаго пангерманизма съ высоко поднятымъ надъ челоуѣчествомъ мечомъ. Мы твердо вѣруемъ и исповѣдуемъ, что «подъявшій мечъ отъ меча погибаетъ». Да будетъ такъ.

15-го іюня въ Сараевѣ выстрѣлами изъ револьвера, произведенными сербомъ Гаврилой Принципомъ, были убиты наслѣдникъ австро-венгерскаго престола эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ и его супруга.

10-го іюля австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ передалъ сербскому правительству ультиматумъ по поводу убійства въ Сараевѣ, отвѣтъ на который долженъ послѣдовать черезъ 48 часовъ, т. е. не позже шести часовъ вечера 12-го іюля. Если же въ указанный срокъ, какъ сказано было въ ультиматумѣ, не послѣдуетъ удовлетворительнаго отвѣта Сербіи на всѣ требованія Австро-Венгрии, то австрійскому посланнику предписано выѣхать изъ Бѣлграда.

Содержаніе австрійскаго ультиматума слѣдующее:

Сербія признала, что права ея не были затронуты совершившимся фактомъ, созданнымъ въ Босніи и Герцеговинѣ, и что, слѣдовательно, она будетъ сообразоваться съ тѣми рѣшеніями, которыя будутъ приняты державами по отношенію къ статьѣ 25 Берлинскаго трактата. Подчиняясь совѣтамъ великихъ державъ, Сербіи обязалась впредь отказаться отъ того положенія протеста и оппозиціи, по вопросу объ анексіи, которое она занимала съ прошлой осени, и обязалась, кромѣ того, измѣнить курсъ

своей настоящей политики по отношению къ Австро-Венгрии, чтобы впредь поддерживать съ названной державой добрососѣдскія отношенія. Между тѣмъ исторія послѣднихъ лѣтъ и въ частности прискорбное событіе 15-го іюня доказали существованіе въ Сербіи революціоннаго движенія, имѣющаго цѣлью отторгнуть отъ австро-венгерской монархіи нѣкоторыя части ея территоріи. Движеніе это, зародившееся на глазахъ у сербскаго правительства, въ концѣ концовъ дошло до того, что стало проявляться за предѣлами территоріи королевства въ актахъ терроризма, въ серіи покушеній и въ убійствахъ. Королевское сербское правительство не только не выполнило формальныхъ обязательствъ, заключающихся въ деклараціи 18 (31) марта 1909 г., но даже не приняло никакихъ мѣръ, чтобы подавить это движеніе. Оно допускало преступную дѣятельность различныхъ обществъ и организацій, направленную противъ монархіи, распушенный тонъ печати, прославленіе виновниковъ покушенія, участіе офицеровъ и чиновниковъ въ революціонныхъ выступленіяхъ, вредную пропаганду въ учебныхъ заведеніяхъ, наконецъ оно допускаетъ всѣ манифестаціи, которыя могли возбудить въ сербскомъ населеніи ненависть къ монархіи и презрѣніе къ ея установленіямъ. Эта преступная терпимость королевскаго сербскаго правительства не прекратилась даже въ моментъ, когда событія 15-го прошлаго іюня показали всему міру ея прискорбныя послѣдствія. Изъ показаній и признаній виновниковъ преступнаго покушенія 15-го іюня явствуетъ, что сараевское убійство было подготовлено въ Бѣлградѣ, что оружіе и взрывчатая вѣщества, которыми были снабжены убійцы, были доставлены имъ сербскими офицерами и чиновниками, входящими въ составъ народной обороны, и что наконецъ переѣздъ преступниковъ съ оружіемъ въ Боснію былъ организованъ и осуществленъ начальствующими лицами сербской пограничной службы.

Указанные результаты разслѣдованія не позволяютъ австро-венгерскому правительству сохранять далѣе то выжидательное и терпѣливое положеніе, которое оно занимало въ теченіе ряда лѣтъ по отношенію къ дѣйствіямъ, намѣчавшимся въ Бѣлградѣ и пропагандировавшимся оттуда въ предѣлахъ территоріи монархіи. Эти результаты, напротивъ, возлагаютъ на него обязанность положить конецъ пропагандѣ, являющейся постоянной угрозой для спокойствія монархіи. Для достиженія этой цѣли австро-венгерское правительство находится вынужденнымъ просить сербское правительство официально заявить, что оно осуждаетъ пропаганду, направленную противъ Австро-Венгерской монархіи, т. е. всю совокупность тенденцій, входящихъ въ составъ этой пропаганды, и что оно обязуется принять всѣ мѣры для подавленія этой преступной и террористической пропаганды. Дабы придать особо торжественный характеръ этому обязательству, королевское сербское правительство опубликуетъ на первой страницѣ officialнаго органа отъ 26 (13) іюля нижеслѣдующее заявленіе:

«Королевское сербское правительство осуждаетъ пропаганду, направленную противъ Австро-Венгрии, т. е. совокупность тенденцій, имѣющихъ конечной цѣлью отторженіе отъ Австро-Венгерской монархіи частей ея территоріи, и искренно сожалѣетъ о прискорбныхъ послѣдствіяхъ этихъ преступныхъ дѣйствій. Королевское правительство сожалѣетъ, что сербскіе офицеры и чиновники сербскіе участвовали въ вышеупомянутой пропагандѣ и скомпрометтировали такимъ образомъ тѣ добрососѣдскія отношенія, поддерживать которыя королевское правительство торжественно обязалось въ своей деклараціи отъ 18-го марта 1909 года. Королевское правительство, порицая также дѣйствія населенія нѣкоторой части Австро-Венгрии, считаетъ своимъ долгомъ формально предупредить офицеровъ и чиновниковъ и все населеніе королевства, что отнынѣ оно будетъ принимать самыя суровыя мѣры противъ лицъ, виновныхъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ, которыя правительство всѣми силами будетъ предупреждать и подавлять».

Это заявленіе будетъ немедленно объявлено войскамъ приказомъ его величества короля по арміи и будетъ опубликовано въ officialномъ военномъ органѣ.

Королевское правительство, кромѣ того, обязуется 1) не допускать никакихъ публикацій, возбуждающихъ ненависть и презрѣніе къ монархіи и проникнутыхъ общей тенденціей, направленной противъ ея территоріальной неприкосновенности.

Король сербскій Петръ I.

2) Немедленно закрыть общество, называемое «Народная одбрана», конфисковать все средства пропаганды этого общества и принять те же меры против других обществ и учреждений в Сербии, занимающихся пропагандой против Австро-Венгерской монархии. Королевское правительство примет необходимые меры, чтобы воспрепятствовать образованию вновь таких обществ.

3) Незамедлительно исключить из действующих в Сербии программ учебных заведений как в отношении личного состава учащихся, так и в отношении спо-

собою обученія все то, что служить или могло бы служить къ распространенію пропаганды противъ Австро-Венгрии.

4) Удалить съ военной и административной службы вообще всѣхъ офицеровъ и должностныхъ лицъ, виновныхъ по отношенію къ Австро-Венгерской монархіи, имена которыхъ австро-венгерское правительство оставляетъ за собою право сообщить сербскому правительству вмѣстѣ съ указаніемъ совершенныхъ ими дѣяній.

5) Допустить сотрудничество въ Сербіи австро-венгерскихъ органовъ въ дѣлѣ подавленія революціоннаго движенія, направленнаго противъ территоріальной неприкосновенности монархіи.

6) Произвести судебное разслѣдованіе противъ участниковъ заговора 15-го іюня, находящихся на сербской территоріи, причемъ лица, командированныя австро-венгерскимъ правительствомъ, примуть участіе въ розыскахъ, вызываемыхъ этимъ разслѣдованіемъ.

7) Срочно арестовать коменданта Воя-Танкесича, пѣкаго Милана Дигановича, чиновника сербской государственной службы, скомпрометированнаго результатами сараевского разслѣдованія.

8) Принять дѣйствительныя мѣры къ воспрепятствованію оказанія содѣйствія сербскими властями въ незаконной торговлѣ оружіемъ и взрывчатыми веществами черезъ границу и уволить и подвергнуть также суровому наказанію чиновъ пограничной службы въ Шабацѣ и Лозницѣ, виновныхъ въ томъ, что оказали содѣйствіе руководителямъ сараевского покушенія, облегчивъ имъ переѣздъ черезъ границу.

9) Дать австро-венгерскому правительству объясненіе по поводу совершенно не могущихъ быть оправданными заявленій высшихъ сербскихъ чиновъ какъ въ Сербіи, такъ и за границей, которые, несмотря на занимаемое ими офиціальное положеніе, позволили себѣ послѣ покушенія 15-го іюля высказываться въ интервью во враждебномъ по отношенію къ Австро-Венгерской монархіи тонѣ.

10) Безъ замедленія увѣдомить австро-венгерское правительство объ осуществленіи указанныхъ въ предыдущихъ пунктахъ мѣръ. Австро-венгерское правительство ожидаетъ отвѣта королевскаго правительства до 6 часовъ вечера въ субботу, 12 (25) текущаго мѣсяца. Мемуаръ, содержащій результаты сараевского слѣдствія, въ части, касающейся должностныхъ лицъ, упомянутыхъ въ пунктахъ 7 и 8, приложенъ къ этой нотѣ и гласить: «Судебное разслѣдованіе, произведенное сараевскимъ судомъ по дѣлу Гаврилы Принципа и соучастниковъ главнаго убійцы по поводу преступленія, совершеннаго ими 15 минувшаго іюня, до настоящаго времени установило нижеслѣдующія обстоятельства: 1) что заговоръ, имѣвшій цѣлью убійство эрцгерцога Франца-Фердинанда во время его пребыванія въ Сараевѣ, былъ организованъ въ Бѣлградѣ Гаврилою Принципомъ, Неделькою Габриновичемъ, нѣкіимъ Миланомъ Цыгановичемъ и Трифкою Грабецомъ при содѣйствіи коменданта Воя-Танкесича; 2) что шесть бомбъ и четыре браунинга съ припасами, при помощи которыхъ злоумышленники совершили покушеніе, были переданы въ Бѣлградѣ Принципу, Габриновичу и Грабецу нѣкіимъ Миланомъ Цыгановичемъ и комендантомъ Воей-Танкесичемъ; 3) что бомбы эти являются ручными гранатами изъ сербскихъ военныхъ складовъ Крагуеваца; 4) что въ цѣляхъ обезпеченія успѣшности покушенія Цыгановичъ обучилъ Принципа, Габриновича и Грабеца способу пользованія гранатами и въ лѣсу близъ стрѣльбища Топшибира обучалъ Принципа и Грабеца стрѣльбѣ изъ револьвера; 5) что для предоставленія Принципу, Габриновичу и Грабецу возможности переѣзда черезъ границу Босніи и Герцеговины и тайнаго ввоза туда ихъ оружія Цыгановичемъ была организована система тайной перевозки. Согласно этой организаціи ввозъ въ Боснію и Герцеговину злоумышленниками ихъ оружія былъ произведенъ пограничными начальниками въ Шабацѣ (Радой Поповичемъ) и въ Лозницѣ, равно какъ таможеннымъ чиновникомъ Рудивой Грбичемъ въ Лозницѣ при содѣйствіи разныхъ частныхъ лицъ».

12-го же іюля въ офиціальному отдѣлѣ «Русскаго Инвалида» было опубликовано слѣдующее сообщеніе:

Сербскій престолонаслѣдникъ Александръ.

«Правительство весьма озабочено наступившими событиями и посылкой Австро-Венгріей ультиматума Сербіи. Правительство зорко слѣдитъ за развитіемъ сербско-австрійскаго столкновенія, къ которому Россія не можетъ оставаться равнодушной»

Въ тотъ же день въ газетахъ объявлено заявленіе русскаго правительства по поводу вышеприведеннаго австрійскаго ультиматума:

«Русское правительство поручило своему повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ обратиться къ австрійскому правительству съ предложеніемъ продлить срокъ ультиматума, чтобы русское правительство имѣло возможность ознакомиться съ заключающимся въ немъ слѣдственнымъ матеріаломъ. Австрійскій посоль въ Петербургѣ ознакомилъ наше дипломатическое вѣдомство съ содержаніемъ ультиматума только сегодня около 10 часовъ утра, между тѣмъ какъ срокъ ультиматума истекаетъ завтра въ 6 часовъ вечера.

«Затѣмъ, въ заявленіи русскаго правительства обращается вниманіе на то, что указанія перваго пункта ультиматума на обязательства, данныя якобы Австро-Венгріи Сербіей о поддержаніи добрососѣдскихъ отношеній—неправильны, такъ какъ Сербія декларацией отъ 18-го марта 1909 года относительно Боснии и Герцеговины обязалась не передъ Австріей, а передъ Европой.

«Настоящее заявленіе русскаго правительства предложено будетъ поддерживать всѣмъ великимъ державамъ, а также и Румыніи».

Сербскій министр-президентъ Пашичъ прибылъ за нѣсколько минутъ до шести часовъ вечера въ австрійскую миссію въ Бѣлградѣ и далъ отвѣтъ на ноту австро-венгерскаго правительства, признанный послѣднимъ неудовлетворительнымъ. Австрійскій посланникъ баронъ Гизль сообщилъ затѣмъ Пашичу о прекращеніи дипломатическихъ сношеній между Австро-Венгрією и Сербіей и въ 6 часовъ 20 минутъ вечера выѣхалъ съ чинами миссіи изъ Бѣлграда.

Сербское же правительство уже заранѣе, въ 3 часа пополудни, отдало распоряженіе объ общей мобилизаціи есей арміи. Дворъ и правительство стали покидать столицу.

Въ то же время русскій повѣренный въ дѣлахъ князь Кудашевъ получилъ по телеграфу отъ графа Верхтольда отрицательный отвѣтъ на наше предложеніе продлить срокъ отвѣта Сербіи на австрійскую ноту.

12-го іюля, около часу дня, въ Красномъ Селѣ состоялось особое экстренное совѣщаніе. Русское правительство ясно сознавало, что австрійскій ультиматумъ направленъ не столько противъ Сербіи, сколько противъ Россіи, и что отвѣтъ на него придется намъ давать не только дипломатическими нотами, но и дѣйствіями. Поэтому на особомъ совѣщаніи, на которомъ присутствовали предсѣдатель совѣта министровъ И. Л. Горемыкинъ, министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ, военный министръ В. А. Сухомлиновъ, морской министръ И. К. Григоровичъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ, были подвергнуты обсужденію наиболѣе важныя детали дальнѣйшаго плана дѣйствій русскаго правительства на случай возможныхъ осложненій на почвѣ австро-сербскаго конфликта.

Хотя до самой ночи на 13-е іюля никакихъ извѣстій о началѣ войны получено не было, тѣмъ не менѣе въ кругахъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ создавшееся положеніе признавалось безнадежнымъ и здѣсь съ минуты на минуту ждали телеграммъ о началѣ военныхъ дѣйствій.

Это выжидательное настроеніе передалось и населенію Петербурга, на которое сильное впечатлѣніе произвело экстренное производство въ офицеры пажей

Король черногорскій Николаѣй.

и юнкеровъ, окончившихъ въ текущемъ году курсъ военно-учебныхъ заведеній, но не отбывшихъ еще полностью лагернаго сбора.

13-го іюля въ Австріи былъ изданъ приказъ о частичной мобилизаціи и ночью опубликованнымъ правительственнымъ сообщеніемъ въ Вѣнѣ временно были отмѣнены конституціонныя гарантіи и закрыты сессіи рейхстага и сеймовъ.

Въ Вѣнѣ происходили большія манифестаціи населенія въ связи съ извѣстіемъ о разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Сербіей.

Сербское же правительство въ это время опубликовало указъ о всеобщей мобилизаціи и созвало экстраординарное засѣданіе скупщины въ городѣ Нишѣ.

Населеніе Петербурга и всей Россіи съ напряженнымъ интересомъ ждало извѣстій о событіяхъ въ Сербіи и всеобщее сочувствіе къ славянамъ выразилось въ рядѣ грандіозныхъ манифестацій по адресу Сербіи, происходившихъ въ Петербургѣ съ утра до глубокой ночи. Передъ сербской миссіей собралась толпа, къ которой сербскій посланникъ Спалайковичъ обратился съ рѣчью. Были попытки враждебныхъ демонстрацій передъ австрійскимъ и германскимъ посольствами, но эти попытки были остановлены полиціей. Такого рода демонстраціи, поднимаясь въ своей интенсивности все выше и выше, происходили и въ послѣдующіе дни, причемъ объектомъ восторженныхъ манифестацій были посольства, кромѣ сербскаго, и тройственнаго согласія, а также русское военное министерство и всѣ встрѣчавшіяся на улицѣ воинскія части и отдѣльные представители арміи и флота.

14-го іюля въ газетахъ былъ опубликованъ отвѣтъ, врученный сербскимъ Министромъ-президентомъ австро-венгерскому посланнику въ Вѣлградѣ, который гласить:

Королевское сербское правительство получило сообщеніе императорскаго и королевскаго правительства отъ 10-го сего мѣсяца и убѣждено, что его отвѣтъ устранить всякое недоразумѣніе, угрожающее испортить добрососѣдскія отношенія между Австро-Венгерскою монархіей и королевствомъ Сербскимъ.

Королевское правительство сознаетъ, что протесты, заявленные какъ съ трибуны скупщины, такъ и въ сообщеніяхъ и дѣйствіяхъ отвѣтственныхъ представителей государства, протесты, которымъ былъ положенъ конецъ деклараціей сербскаго правительства отъ 18-го марта 1909 года, не возобновлялись по отношенію къ великой сосѣдней монархіи ни при какихъ случаяхъ и что съ того времени, какъ со стороны смѣнявшихся королевскихъ правительствъ, такъ и со стороны ихъ органовъ не было сдѣлано никакой попытки, имѣвшей цѣлью измѣнить какъ политическое, такъ и юридическое положеніе вещей, созданное въ Босніи и Герцеговинѣ.

Королевское правительство констатируетъ, что въ этомъ отношеніи императорскимъ и королевскимъ правительствомъ не было сдѣлано никакихъ представленій, за исключеніемъ лишь представленія относительно одной учебной книги, на которое императорское и королевское правительство получило совершенно удовлетворительное объясненіе.

Сербія неоднократно давала доказательства своей миролюбивой и умѣренной политики въ теченіе балканскаго кризиса и лишь благодаря Сербіи и той жертвѣ, которую она принесла, исключительно въ интересахъ европейскаго мира, этотъ миръ былъ сохраненъ.

На королевское правительство не можетъ быть возложена отвѣтственность за манифестаціи частнаго характера, каковыми являются статьи въ газетахъ и мирная работа обществъ—манифестаціи, которыя разсматриваются почти во всѣхъ странахъ, какъ нѣчто обыкновенное и которыя, въ видѣ общаго правила, стоятъ внѣ официальнаго контроля, тѣмъ болѣе, что королевское правительство во время разрѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ, возникшихъ между Сербіей и Австро-Венгріей, проявило чрезвычайную предупредительность и достигло, благодаря этому, разрѣшенія большинства этихъ вопросовъ на пользу развитія обѣихъ сосѣднихъ странъ.

Вслѣдствіе этого, для королевскаго правительства явились тягостной неожиданностью утвержденія, будто лица изъ Сербскаго королевства участвовали въ подготовкѣ покушенія, совершеннаго въ Сараевѣ.

Черногорскій престолонаслѣдникъ Данило.

Правительство ожидало, что оно будетъ приглашено къ участию въ разслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ, касающихся этого преступленія, и было готово доказать дѣйствіями полную свою корректность въ дѣлѣ преслѣдованія всѣхъ лицъ, относительно коихъ ему были бы сдѣланы соответствующія сообщенія.

Слѣдуя, такимъ образомъ, желанію императорскаго и королевскаго правительства, королевское правительство изъявляетъ готовность предать суду всякаго сербскаго

«истор. вѣстн.», августъ 1914 г., т. сxxxvii.

II

подданного, не взирая на его положеніе и рангъ, въ соучастіи котораго въ сараевскомъ преступленіи ему были бы предъявлены доказательства.

Въ частности, оно обязывается опубликовать на первой страницѣ официального органа отъ 13-го (26-го) іюля нижеслѣдующее заявленіе:

«Королевское сербское правительство осуждаетъ всякую пропаганду, направленную противъ Австро-Венгріи, то есть всю совокупность тенденцій, стремящихся въ конечной цѣли къ отторженію отъ Австро-Венгерской монархіи входящихъ въ ея составъ территорій, и некрещено сожалѣетъ о прискорбныхъ послѣдствіяхъ этихъ преступныхъ дѣйствій.

«Королевское правительство сожалѣетъ, что нѣкоторые сербскіе офицеры и чиновники участвовали, согласно сообщенію императорскаго и королевскаго правительства, въ вышеупомянутой пропагандѣ, и, такимъ образомъ, скомпрометтировали тѣ добрососѣдскія отношенія, поддерживать которыя королевское правительство торжественно обязалось своей декларацией отъ 18-го (31-го) марта 1909 года.

«Правительство, которое порицаетъ и отрекается отъ всякой идеи или попытки вмѣшательства въ судьбы жителей какой бы то ни было части Австро-Венгріи, считаетъ своимъ долгомъ формально предупредить офицеровъ, чиновниковъ и все населеніе королевства, что отнынѣ оно будетъ примѣнять самыя суровыя мѣры противъ лицъ, виновныхъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ, къ предотвращенію и подавленію которыхъ сербское правительство приложить все усилія».

Заявленіе это будетъ объявлено сербской арміи приказомъ, даннымъ отъ имени его величества короля его королевскимъ высочествомъ наслѣднымъ королевичемъ Александромъ и будетъ опубликовано въ ближайшемъ номерѣ официального военного органа.

Королевское правительство обязывается, кромѣ того, внести въ первый же нормальный созывъ скупщины въ законъ о печати постановленіе, согласно которому возбужденіе ненависти и презрѣнія въ Австро-Венгерской монархіи, а равно все публикати, общая тенденція которыхъ была бы направлена противъ территоріальной неприкосновенности Австро-Венгріи, будутъ подвергаться самымъ суровымъ карамъ.

Правительство обязуется 1) при предстоящемъ въ близкомъ будущемъ пересмотрѣ конституціи внести въ ст. 22 конституціи измѣненія, предоставляющія возможность конфискаціи вышеупомянутыхъ печатныхъ произведеній, что нынѣ, согласно точному смыслу ст. 22 конституціи, не представляется возможнымъ.

2) Правительство не имѣетъ никакихъ доказательствъ, и нота императорскаго и королевскаго правительства ему ихъ не доставляетъ, въ томъ, что общество «Народна Одбрана» и другія подобныя общества совершили до настоящаго времени какое-либо преступное дѣяніе этого рода въ лицѣ кого-либо изъ своихъ членовъ.

Тѣмъ не менѣе королевское правительство соглашается на просьбу императорскаго и королевскаго правительства и закроетъ какъ общество «Народна Одбрана», такъ и всякое другое общество, которое стало бы дѣйствовать противъ Австро-Венгріи.

3) Королевское сербское правительство обязуется безотлагательно устранить изъ народнаго образованія Сербіи все, что служить или могло бы служить къ распространенію пропаганды противъ Австро-Венгріи, какъ только императорское и королевское правительство сообщитъ ему факты и доказательства существованія этой пропаганды.

4) Королевское правительство равнымъ образомъ изъявляетъ согласіе удалить съ сербской службы лицъ, виновность коихъ въ дѣяніяхъ, направленныхъ противъ территоріальной неприкосновенности Австро-Венгерской монархіи, будетъ доказана судебнымъ разслѣдованіемъ.

Правительство ожидаетъ, что императорское и королевское правительство сообщитъ ему дополнително имена этихъ офицеровъ и чиновниковъ, равно свѣдѣнія о совершенныхъ ими дѣяніяхъ, въ цѣляхъ производства вышеуказаннаго разслѣдованія.

5) Королевское правительство, съ своей стороны, должно признаться, что оно не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ смыслѣ и значеніи просьбы императорскаго и королев-

скаго правительства о томъ, чтобы Сербія обязалась допустить на своей территоріи сотрудничество органовъ императорскаго и королевскаго правительства, но заявляетъ, что оно допуститъ сотрудничество, соответствующее нормамъ международного права и уголовного судопроизводства, равно какъ добрососѣдскимъ отношеніямъ между обоими государствами.

6) Королевское правительство, разумѣется, считаетъ своей обязанностью произвести разслѣдованіе относительно дѣйствій тѣхъ лицъ, которыя могли бы быть замѣшаны въ заговорѣ 15-го іюня и находящихся на территоріи королевства, что касается участія въ этомъ разслѣдованіи агентовъ австро-венгерскихъ властей, которые были бы откомандированы съ этой цѣлью императорскимъ правительствомъ, то королевское правительство не можетъ на это согласиться, такъ какъ это было бы нарушеніемъ конституціи и закона объ уголовномъ судопроизводствѣ.

Однако въ конкретныхъ случаяхъ сообщенія о результатахъ упомянутого слѣдствія могли бы быть дѣлаемы австро-венгерскимъ органамъ.

7) Королевское правительство распорядилось въ самый день врученія ему ноты принять мѣры къ аресту коменданта Войслава Танкесича; что же касается Милана Цыгановича, подданнаго Австро-Венгерской монархіи и состоявшаго до 15-го іюня кандидатомъ на должность въ управленіи желѣзныхъ дорогъ, то онъ еще не могъ быть допрошенъ.

Королевское правительство обращается къ императорскому и королевскому правительству съ просьбой сообразованія сообщить въ обычной формѣ и въ возможно непродолжительномъ времени предположенія виновности, равно какъ доказательствъ виновности, если таковыя имѣются, добытыя до настоящаго времени въ Сараевѣ слѣдствіемъ, для производства дополнительнаго разслѣдованія.

8) Сербское правительство усилить и расширить мѣры, принятыя въ цѣляхъ воспрепятствованія незаконнаго торго оружіемъ и взрывчатыми веществами черезъ границу. Само собой разумѣется, правительство немедленно распорядится производствомъ разслѣдованія и сурово покараетъ должностныхъ лицъ пограничной службы на линіи Шабацъ—Лозница, нарушившихъ свой долгъ и допустившихъ переѣздъ черезъ границу виновниковъ сараевского преступленія.

9) Королевское правительство охотно дастъ объясненіе по поводу заявленій его должностныхъ лицъ, какъ въ Сербіи, такъ и за границей, сдѣланныхъ послѣ покушенія въ интервью и носившихъ, согласно утвержденію императорскаго и королевскаго правительства, враждебный по отношенію къ монархіи характеръ, какъ только императорское и королевское правительство сообщитъ ему инкриминируемыя выдержки изъ этихъ заявленій и докажетъ, что заявленія эти были дѣйствительно сдѣланы должностными лицами; съ своей стороны, королевское правительство также озаботится полученіемъ доказательствъ этого факта.

10) Королевское правительство увѣдомитъ императорское и королевское правительство о приведеніи въ исполненіе указанныхъ въ предшествующихъ пунктахъ мѣропріятій, поскольку это не сдѣлано уже настоящей нотой, немедленно по восполненіи распоряженія и осуществленія каждой изъ этихъ мѣръ.

Въ случаѣ, если бы императорское и королевское правительство не было удовлетворено настоящимъ отвѣтомъ, королевское сербское правительство, признавая отвѣчающимъ общимъ интересамъ не спѣшить съ разрѣшеніемъ настоящаго вопроса, готово, какъ всегда, пойти на мирное соглашеніе или путемъ передачи этого вопроса на рѣшеніе гаагскаго международного трибунала или великихъ державъ, участвовавшихъ въ выработкѣ деклараціи, сдѣланной сербскимъ правительствомъ 18-го (31-го) марта 1909 года.

Австрійское правительство въ спеціальному сообщеніи указало, что сербская нота неискренна, имѣетъ цѣлью вызвать ложное впечатлѣніе и, какъ уже сказано, неприемлема для Австріи. Въ Вѣнѣ возобновились патриотическія демонстраціи. Вблизи Тумесь-Кубина на Дунаѣ произошло столкновение между

австрійскими и сербскими войсками. Началась общая мобилизація въ Черногоріи. Великобританское правительство поручило посламъ въ Парижъ, Берлигъ и Римъ возбудить вопросъ о посредничествѣ Германіи, Франціи, Италіи и Великобританіи въ возникшемъ австро-сербскомъ спорѣ. Новымъ официальнымъ приказомъ адмиралтейства въ Англіи резервныя команды, принятыя на суда второго резервнаго флота для королевскаго смотра, оставлены были на судахъ.

15-го іюля Австрія объявила сербамъ войну. Въ экстренномъ выпускѣ официальнаго австро-венгерскаго органа было опубликовано нижеслѣдующее объявленіе войны:

«Такъ какъ королевское сербское правительство не отвѣтило удовлетворительнымъ образомъ на ноту, переданную ему австро-венгерскимъ посланникомъ въ Бѣлградѣ 10-го (23-го) іюля 1914 г., императорское и королевское правительство вынуждено само выступить на защиту своихъ правъ и интересовъ и обратиться съ этой цѣлью къ силѣ оружія. Австро-Венгрія считаетъ себя съ настоящаго момента на положеніи войны съ Сербіей».

Послѣ оповѣщенія о разрывѣ дипломатическихъ сношеній и по врученіи паспортовъ сербскій посланникъ въ Вѣнѣ Іовановичъ выѣхалъ въ Бѣлградъ. Охрану сербскихъ подданныхъ въ Австро-Венгріи взяло на себя русское посольство. Австрійцы завладѣли близъ Орсовы двумя сербскими пассажирскими пароходами и подняли на нихъ австрійскій флагъ. А сербы взорвали мостъ между Бѣлградомъ и Землинномъ и стали сосредоточивать значительныя войска у Смедерева, близъ Дуная.

16-го іюля началась бомбардировка Бѣлграда. Императоръ Францъ-Іосифъ издалъ манифестъ къ своимъ народамъ съ сообщеніемъ о войнѣ. Австро-венгерское министерство иностранныхъ дѣлъ сообщило иностраннымъ посольствамъ и миссіямъ о состоявшемся формальномъ объявленіи Сербіи войны.

16-го іюля въ Россіи именованнымъ Высочайшимъ указомъ правительствующему сенату была объявлена мобилизація, восторженно встрѣченная всѣмъ населеніемъ и проходящая въ образцовомъ порядкѣ и съ большимъ успѣхомъ. Эта русская мобилизація сильно встревожила Германію. 18-го іюля указомъ германскаго императора вся имперія, за исключеніемъ Баваріи, была объявлена на военномъ положеніи и былъ принятъ рядъ мѣръ на случай войны. Въ то же время наши союзники, Франція и Англія, особенно первая, выразили намъ свое сочувствіе, солидарность въ интересахъ, и печать ихъ подчеркивала двусмысленность поведенія германской дипломатіи.

17-го іюля бомбардировка Бѣлграда продолжалась и происходили стычки австрійскихъ войскъ съ сербскими, которыя успѣшно препятствовали первымъ перейти Саву между Землинномъ и Бѣлградомъ.

18-го іюля бомбардировка не укрѣпленнаго беззащитнаго Бѣлграда продолжалась непрерывно осадными орудіями. Австрійскія войска медленно двигались впередъ.

Съ 18-го іюля Петербургъ былъ объявленъ на военномъ положеніи, какъ и цѣлый рядъ другихъ мѣстностей Россіи.

Въ ночь съ 18-го на 19-ое іюля германскій посоль гр. Пурталесъ пріѣхалъ къ министру иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонову и сообщилъ отъ имени своего

Верховный главнокомандующий русскими военными силами
его императорское высочество великий князь
Николай Николаевичъ.

правительства, что Германия, обезпосенная объявленной въ Россіи всеобщей мобилизаціей, обращается съ просьбой къ русскому правительству пріостановить эту мобилизацію не поздиѣе, какъ черезъ двѣнадцать часовъ, въ противномъ случаѣ Германия также будетъ вынуждена приступить къ мобилизаціи своей арміи.

Предложеніе это было отвергнуто, и германскій посоль передаль С. Д. Сазонову вербальную ноту съ объявленіемъ намъ войны.

По распоряженію С. Д. Сазонова, канцелярія министерства иностранныхъ дѣлъ немедленно же вечеромъ 19-го іюля приступила къ срочному изготовленію документовъ, необходимыхъ для врученія германскому послу и чинамъ посольства, отъѣздъ которыхъ за границу состоялся рано утромъ 20-го іюля.

20-го іюля въ Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ три съ половиною часа дня было торжественное молебствіе въ присутствіи членовъ Императорской фамиліи, членовъ государственнаго совѣта, министровъ, сенаторовъ, предсѣдателя государственной думы, чиновъ, имѣющихъ пріѣздъ ко двору, иностранныхъ пословъ, дипломатическаго корпуса, представителей арміи и флота и др., и объявленъ слѣдующій манифестъ о войнѣ, прочитанный въ церкви духовникомъ Ихъ Величествъ о. Васильевымъ:

**БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,**

**Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь
Польскій, Великій Князь Финляндскій,
и прочая, и прочая, и прочая.**

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ:

Слѣдуя историческимъ своимъ завѣтамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови со славянскими народами, никогда не взидала на ихъ судьбу безучастно. Съ полнымъ единодушіемъ и особою силою пробудились братскія чувства русскаго народа къ славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австро-Венгрія предъявила Сербіи завѣдомо неприемлемыя для державнаго государства требованія.

Презрѣвъ уступчивый и миролюбивый отвѣтъ сербскаго правительства, отвергнувъ доброжелательное посредничество Россіи, Австрія поспѣшно перешла въ вооруженное нападеніе, открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда.

Вынужденные, въ силу создавшихся условій, принять необходимыя мѣры предосторожности, МЫ повелѣли привести армію и флотъ на военное положеніе, но, дорожа кровью и достояніемъ НАШИХЪ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ.

Среди дружественныхъ сношеній, союзная Австріи Германія, вопреки НАШИМЪ надеждамъ на вѣковое доброе сосѣдство и не внемля завѣренію НАШЕМУ, что принятая мѣры отнюдь не имѣютъ враждебныхъ ей цѣлей, стала домогаться немедленной ихъ отмѣны и, встрѣтивъ отказъ въ этомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну.

Нынѣ предстоить уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную НАМЪ страну, но оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди великихъ державъ. МЫ непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно стануть всѣ вѣрные НАШИ подданные.

Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе ЦАРЯ съ ЕГО народомъ и да отразитъ Россія, поднявшаяся, какъ одинъ человекъ, дерзкій натискъ врага.

Съ глубокою вѣрою въ правоту НАШЕГО дѣла и смиреннымъ упованіемъ на Всемогущій Промыселъ, МЫ молитвенно призываемъ на Святую Русь и доблестныя войска НАШИ Божіе благословеніе.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ двадцатый день іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же НАШЕГО въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

НИКОЛАЙ».

По окончаніи богослуженія Государь Императоръ обратился къ присутствовавшимъ со слѣдующими словами:

Съ спокойствіемъ и достоинствомъ встрѣтила наша великая матушка-Русь извѣстіе объ объявленіи намъ войны.

Убѣжденъ, что съ такимъ же чувствомъ спокойствія мы доведемъ войну, какая бы она ни была, до конца.

Я здѣсь торжественно заявляю, что не заключу мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли нашей».

Потрясающее, громopodobное «ура» охватило залъ.

Государь продолжалъ:

И къ вамъ, собраннымъ здѣсь представителямъ дорогихъ мнѣ войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа, и въ вашемъ лицѣ обращаюсь ко всей единой, единодушной, крѣпкой, какъ стѣна гранитная, арміи Моей и благословляю ее на трудъ ратный».

При послѣднихъ словахъ Государя всѣ военные опустились на колѣни, и затѣмъ снова ура, восторженное, оглушительное, отъ переполненнаго сердца стояло въ залѣ минутъ десять. Глубоко запали всѣмъ въ душу царскія слова, до слезъ тронули они русскія сердца, не передать охватившаго всѣхъ волненія и этого невыразимаго «ура». Государь милостиво кланялся, и затѣмъ царское шествіе направилось во внутренніе покои. Весь залъ хоромъ пропѣлъ «Боже, Царя храни». Проходя черезъ запасныя половины дворца, Ихъ Величества прошли на средній балконъ, выходящій на Дворцовую площадь, гдѣ многотысячныя, наполнившія почти всю площадь толпы народа встрѣтили появленіе Государя, Государыни и ихъ августѣйшихъ дочерей своимъ восторженнымъ «ура».

По всей Россіи въ эти дни происходили грандіозныя манифестаціи, особенно же многолюдно было шествіе по Петербургу съ флагами, портретами Государя и пр., продолжавшееся до ночи.

20-го іюля былъ опубликованъ высочайшій именной указъ сенату о возобновленіи занятій Государственнаго Совѣта и Государственной Думы 26-го іюля и слѣдующій именной высочайшій указъ о главнокомандующемъ нашими военными силами:

«1914 года іюля 20-го. «Не признавая возможнымъ, по причинамъ общегосударственнаго характера, стать теперь же во главѣ нашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, предназначенныхъ для военныхъ дѣйствій, признали мы за благо всемилостивѣйше повелѣть нашему генераль-адъютанту, главнокомандующему войсками гвардіи и петербургскаго военного округа, генералу-отъ-кавалеріи его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу быть верховнымъ главнокомандующимъ».

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Въ Петергофѣ.

20-го іюля 1914 года.

Скрѣпить: военный министръ, генераль-адъютантъ *Сухомятниковъ*.

Въ тотъ же день, 20-го іюля, состоялось засѣданіе св. синода, посвященное обсужденію церковныхъ мѣропріятій по поводу начатія военныхъ дѣйствій. Были приняты постановленія: 1) о порядкѣ прочтенія манифеста и повсемѣстномъ служеніи молебствія о дарованіи всероссійскому воинству побѣды, 2) о различныхъ способахъ обезпеченія приходами семей лицъ, призванныхъ въ ряды войскъ, и 3) о прочтеніи въ церквахъ слѣдующаго посланія св. синода къ чадамъ православной церкви:

Святѣйшій правительствующій всероссійскій синодъ чадамъ православной російской церкви.

Всемогушему Богу, въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Его, угодно было ниспослать Отечеству нашему новую годину тяжкаго испытанія.

Вѣрный завѣтамъ Христа Спасителя о братской любви и жизни въ мирѣ со всѣми народами земными, народъ русскій, въ теченіе своей многовѣковой исторіи, неизмѣнно стремился къ мирному прохожденію своего жпзненнаго пути. Но вмѣстѣ съ тѣмъ народъ русскій всегда считалъ своею священною обязанностью защищать слабыхъ и угнетенныхъ меньшихъ братій родныхъ по вѣрѣ и по племени, памятуя слово Господа: «Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя».

Нынѣ Россія неожиданно вовлечена въ брань съ врагами. Предстоитъ защищать не только братій нашихъ по вѣрѣ, но и постоять за славу нашего Царя, за честь и величіе родины.

Воины русскіе. Грядите съ Богомъ на поле брани. Да увѣнчаетъ Господь оружіе ваше побѣдою. Явите врагамъ нашимъ воинскую доблесть, искони присущую русскому воину. Грядите съ глубокою вѣрою въ то святое дѣло, которому служите. Вѣра—оружіе непобѣдимое. Бодро идите въ бой: знайте, что святая церковь Христова непрестанно будетъ молиться ко Господу, да сохранитъ Онъ васъ невредимыми подъ кровомъ Своимъ и да даруетъ вѣнецъ вѣчнаго царствія тѣмъ, коимъ суждено будетъ пасть въ славномъ бою.

Братіе и сестры о Христѣ. Мужайтесь, будьте тверды въ вѣрѣ, будьте всѣ едино. Въ великій часъ, наставшій для нашей родины, станьте, какъ одинъ человѣкъ, съ

готовностью принести всѣ жертвы, какія потребуеъ отъ васъ защита вѣры и родины. Возгрѣйте пламень любви, углубите источникъ милосердія къ женамъ и дѣтямъ братій нашихъ, на полѣ брани сущихъ.

Архипастыри и пастыри церкви русской. Въ наступившее тяжелое время испытанія ободрите паству вашу, укрѣпляйте ее въ вѣрѣ православной, охраняйте отъ всякихъ соблазновъ, исправляйте жизнь ея по заповѣдямъ Божиимъ, поддерживайте въ народѣ любовь къ церкви и родинѣ. Сугубо творите молитвы, моленія, прошенія за вся человѣки, въ бѣдахъ войны сущія.

Всѣ же мы вмѣстѣ едиными усты и единымъ сердцемъ будемъ непрестанно молиться Господу Разумовъ, да исполнитъ Онъ силу и премудрость Самодержавному Царю нашему, да укрѣпитъ Онъ воиновъ нашихъ въ непоколебимомъ мужествѣ.

Будемъ молиться ко Господу Милосердія, да подастъ единовѣрнымъ собратіямъ нашимъ духъ вѣры, терпѣнія и благоразумія для перенесенія новой тяжелой години испытанія, ихъ обышедшаго, и да избавитъ ихъ отъ скорбей и угнетенія.

Будемъ молиться Творцу и Подателю всяческихъ, Царю царствующихъ и Господу господствующихъ, да даруеъ Онъ намъ и союзникамъ нашимъ побѣду надъ врагами, да прекратитъ Онъ Своею всемогущею силою начавшую великую брань и распрю народовъ, да вразумитъ враговъ нашихъ и всѣхъ ненавидящихъ насъ, да ниспошлетъ землѣ нашей скорый миръ и благоденствіе, во еже возможи намъ благодарнымъ сердцемъ, во умиленіи непрестанно славить Пресвятое Имя Его нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Смиранный Сергій, архіепископъ финляндскій и Выборгскій.

Смиранный Никонъ, архіепископъ бывшій вологодскій и тотемскій.

Смиранный Серафимъ, архіепископъ иркутскій и верхоленскій.

Смиранный Владимиръ, архіепископъ донскій и новочеркасскій.

По окончаніи засѣданія въ церкви св. синода было совершено архіепископомъ донскимъ Владимиромъ молебствіе о дарованіи всероссійскому воинству побѣды въ присутствіи всѣхъ пребывающихъ въ Петербургѣ членовъ св. синода, оберъ-прокуро ра ст.-секр. В. К. Саблера и чиновъ канцеляріи синода. Въ своемъ опредѣленіи въ связи съ высочайшимъ манифестомъ св. синодъ между прочимъ постановилъ: призвать монастыри, церкви и православную паству къ пожертвованіямъ на врачеваніе раненыхъ и больныхъ воиновъ и на вспомошествованіе семействамъ лицъ, призванныхъ на войну; во всѣхъ церквахъ установить особыя кружки для сбора пожертвованій въ пользу Краснаго Креста и семействъ, пострадавшихъ отъ войны; призвать монастыри, общины и всѣ духовныя учрежденія къ отводу и приготовленію всѣхъ свободныхъ и могущихъ быть свободными помѣщеній подъ госпитали для раненыхъ и больныхъ воиновъ и къ содѣйствію поддержанію сихъ госпиталей на все время надобности въ нихъ; призвать все православное духовенство въ своихъ поученіяхъ располагать свою паству къ содѣйствію всѣми мѣрами и способами успѣху войны и облегченію участи такъ или иначе отъ нея потерпѣвшихъ; призвать всѣхъ православныхъ людей безъ различія званія, положенія, возраста и пола въ настоящій часъ испытанія для нашей родины оставить взаимныя несогласія, ссоры, распри и обиды и крѣпкой стѣной сплотиться у Царскаго престола и по Царскому зову охотно и бодро итти на защиту отечества всѣми способами и мѣрами, какими кому предназначено и указано, не щадя, по примѣру славныхъ своихъ предковъ, своихъ силъ, достоянія и даже жизни, памятуя, что позоръ и гибель падутъ на главу лѣннихъ, своекорыстныхъ и предателей, а тѣмъ, кои принесутъ свои достоянія и свою жизнь на алтарь отече-

ства, уготована вѣчная слава въ роды родовъ. Въ другомъ своемъ опредѣленіи св. синодъ призываетъ епархіальныхъ преосвященныхъ сдѣлать распоряженіе о немедленномъ образованіи въ каждомъ приходѣ особыхъ попечительныхъ совѣтовъ о семьяхъ лицъ, находящихся въ войскахъ.

21-го іюля было чрезвычайное засѣданіе правительствующаго сената, на которомъ Сенатъ, заслушавъ Высочайшій манифестъ объ объявленіи военныхъ дѣйствій, постановилъ поднести Его Императорскому Величеству нижеслѣдующій всеподданнѣйшій адресъ.

Ваше Императорское Величество.

Какъ и встарь, не за мірскія выгоды, велѣніемъ своего Государя, ополчилась нынѣ на врага Россійская держава.

Вновь льется кровь нашихъ единовѣрныхъ братьевъ, и дерзкій вызовъ брошенъ всему славянству.

Исторія скажетъ свое слово о неоцѣнимыхъ трудахъ Державнаго родителя вашего и Вашихъ, Государь, на дѣло мира.

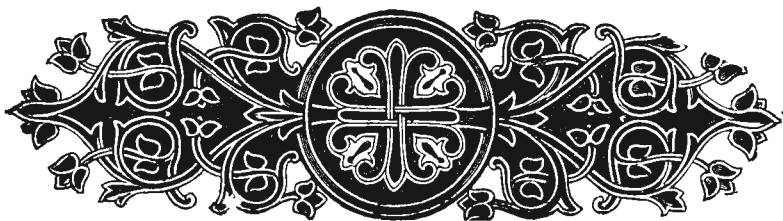
Но есть предѣлъ: Россія не уклонится отъ священной цѣли, ей Божественнымъ Промысломъ поставленной.

Какъ въ былые годы, при вѣнценосныхъ предкахъ Вашего Величества, съ мечомъ въ рукахъ, съ вѣрою въ сердцѣ, станетъ Святая Русь на защиту исконыхъ своихъ завѣтовъ.

Вознесъ къ Престолу Всевышняго горячія мольбы о здравіи и благоденствіи Вашего Императорскаго Величества и Августѣйшей Семьи Вашей и о дарованіи славной побѣды руссійскому воинству, правительствующій сенатъ, по заслушаніи въ чрезвычайномъ засѣданіи Высочайшаго манифеста объ объявленіи военныхъ дѣйствій, всеподданнѣйше повергаетъ къ стопамъ Вашимъ, Великій Государь и Самодержецъ Всероссійскій, выраженіе безграничной любви къ Священной Особѣ Вашей и готовности къ всемирнымъ жертвамъ на благо Россіи.

На этомъ мы прерываемъ пока нашу лѣтопись до слѣдующей книжки и, хотя въ повседневной печати встрѣчаются свѣдѣнія какъ о событіяхъ на театрахъ военныхъ дѣйствій, такъ и о переговорахъ между державами, международныхъ отношеніяхъ, мобилизаціяхъ въ разныхъ странахъ и проявленіяхъ здѣсь тѣхъ или иныхъ народныхъ чувствъ, мы за неимѣніемъ ко всему этому официальныхъ подтвержденій воздерживаемся пока отъ ихъ исторической регистраціи.

НА РОДНОЙ ПОЧВѢ ¹⁾,

(Романъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VII.

Лѣсъ прозрачный тихъ, нарядень...
Мягокъ мохъ вокругъ...
Отдохнемъ же и присядемъ
Рядышкомъ, мой другъ.

(«Листы пожелѣвые.» М. К.)

А ДРУГОЙ день въ Колычево пришла Лампуша и много говорила объ Евграфовыхъ.

— Кажется, еще никогда не бывало такой игры природы—буквально ни одной общей черты у сына съ отцомъ—ни въ лицѣ, ни въ фигурѣ, тѣмъ болѣе въ нравственномъ обликѣ.

Маруся изображала каменное равнодушіе, а сама жадно ловила всякое слово.

— Данила Михайловичъ даже на работу больше не ходитъ. Такъ и заявилъ: «не хочу помогать въ такомъ отвратительномъ способѣ обогащенія; это и не обогащеніе, а попросту—нажива!» У нихъ на дняхъ такая перепалка опять произошла, что къ намъ во флигель слышно было. Старикъ все мечтаетъ водочный заводъ поставить и собственные ликеры, имъ изобрѣтенные, пригото-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХVII, стр. 5.
«Истор. вѣстн.», августъ 1914 г., т. СХХХVII.

влять, а сынъ и кричалъ: «Перестраивайте винокурню вашу дьявольскую на что угодно—я на своей спинѣ вамъ кирпичи таскать стану, а сатанѣ ликерному я не слуга и не пособникъ, пусть моя математика при мнѣ лучше останется!..» Онъ съ той поры цѣлыми днями пропадаетъ, все рисуешь...

— Рисуешь? — подняла брови Маруся.—Онъ умѣетъ рисовать?

— Божественно, и не только рисовать, а и писать масляными красками. Я какъ-то съ нимъ на этюды ходила. Онъ перелѣсокъ осиновый, не доходя Метелиць, облюбовалъ, тамъ работаетъ. Ужасно интересно смотрѣть! Только, увы, некогда. Ужъ половина іюля почти, а я еще и геометріи, и алгебры не открывала, теперь за нихъ засяду. Я оттого и пришла, чтобы сказать тебѣ, а то ты мое отсутствіе еще Богъ вѣсть какъ истолкуешь.

Она собралась восвояси, Маруся проводила ее до лазейки. На минуту явилась мысль свернуть на межу и дойти до осинника у Метелиць, но благоразуміе взяло верхъ...

«Точно гимназистка, что за учителемъ бѣгаетъ», подумала она и вернулась домой.

Но прошелъ еще день,—она не вытерпѣла и пошла по дорогѣ въ лѣсъ. На полпути, какъ только издали показались крыши деревушки, словно сѣрыя шапки поганокъ, осѣвшія къ землѣ, ей опять стало неловко. Итти въ осинникъ безъ цѣли казалось черезчуръ глупо. Она постояла, посмотрѣла на лѣсокъ, весь переливавшійся рябью на голубомъ фонѣ неба отъ набѣжавшаго вѣтерка, и опять повернула обратно.

«Встрѣчу, онъ расскажетъ Лампушѣ гдѣ, и та сейчасъ дотается, что это я къ свѣдѣнію слова ея приняла».

Ей стало ужасно скучно, и она, дойдя до лазейки, вдругъ вспомнила о мертвыхъ щенкахъ. Дѣдъ ей третьяго дня еще говорилъ, что теперь ихъ уже, вѣроятно, въ землю закопали жуки-могильщики, и она пошла посмотреть, такъ ли это. Крапива была совершенно смята, и мѣсто отыскать было нетрудно, но щенковъ не только уже не было, а даже кругомъ была плотно и ровно утрамбована земля.

«Врядъ ли это работа дѣдусиныхъ жуковъ!» подумала дѣвушка.

— Здравствуйте!—раздался надъ нею голосъ Данилы:—я такъ и зналъ, что васъ сюда потянетъ.

— Почему?—спросила Маруся, громаднымъ усиліемъ воли подавляя радость отъ столь неожиданной встрѣчи.

— Да потому, что человѣка неудержимо тянетъ еще разъ взглянуть на то, что слишкомъ отталкивающе поражаетъ его. Отсюда любопытство взглянуть на покойника и возвращеніе преступника къ мѣсту совершеннаго имъ злодѣянія.

— Но я за собою злодѣянiя не знаю, развѣ что одного изъ этихъ щенятъ мнѣ спасти удалось.

— Васъ тянулъ къ себѣ процессъ разложенiя... Но я зарыль кутьковъ, и отнынѣ онъ происходитъ незримо... А вы гуляли?.. Я видѣлъ васъ черезъ рожь. Мы шли параллельно, но вы не замѣтили меня. Вы не за грибами ходили?

— А развѣ есть уже грибы?

— Да вотъ, взгляните! Я цѣлыхъ два нашель въ осинової рошѣ.

— Надо будетъ пойти и мнѣ.

Они кивнули другъ другу и разошлись, даже не подавъ руки.

Маруся опять нарочно выждала два дня, а на третiй пошла съ кузовомъ въ перелѣсокъ, но Данилу нашла не сразу. Онъ сидѣлъ совсѣмъ въ другой сторонѣ, чѣмъ она думала. Зато онъ сейчасъ же ее замѣтилъ и обернулся на хрусть ея шаговъ.

«Пришла-таки!»

Женщинъ онъ давно пересталъ дичиться. Петербургъ и студенчество его развратили. Но у него все-таки не было привычки раздѣвать каждую. Его паденiя были рѣдкими и всякiй разъ оставляли слѣдъ глубокаго омерзѣнiя и къ себѣ, и къ факту. Напротивъ, радовала каждая дѣвушка, державшаяся просто, но съ достоинствомъ, и восхищали тѣ, чей духъ преобладалъ надъ физическимъ я. Онъ и Лампушу цѣнилъ высоко за ея одухотворенность, но когда прочелъ Марусину «Повилику», «барышня съ традицiями», какъ онъ величалъ ее иронически за глаза, показала ему еще болѣе интересной, и онъ сталъ понемногу выспрашивать о ней подругу и искать встрѣчи съ нею.

— Ну, что, много грибовъ?—крикнулъ онъ ей черезъ перелѣсокъ.

Маруся вздрогнула, хотя и знала, что онъ гдѣ-нибудь тутъ.—

— Такъ себѣ!

— Пожалуйста сюда! Здѣсь чудесно. И тѣнь, и пень! Видите, я отъ васъ риёмовать научился.

Онъ говорилъ съ колычевской барышней, какъ съ давно знакомой, а они разговаривали всего пятый разъ въ жизни. Но, живя бокъ-о-бокъ каждое лѣто, они отлично знали другъ друга, потому что многое передавалось изъ дома въ домъ. И теперь отъ Лампуши Маруся знала, что сынъ ухаживаетъ за больной матерью, а отъ доктора, что дни ея сочтены. А онъ зналъ, что новый земскiй начальникъ мужъ той дамы, которая прiѣхала съ ними изъ-за границы и бѣжала потомъ съ Алексѣемъ Игнатьевичемъ, и что въ домѣ колычевскомъ никогда не произносятся больше имена ихъ, потому что «старикъ,—по словамъ Фетиши,—до смерти хотѣлось обвинчать сноху и со вторымъ сыномъ на зазоръ всѣмъ честнымъ людямъ христiанскимъ».

— Хорошо?—спросилъ Данила, когда Маруся, расправивъ платье, устроилась на пнѣ.

— Отлично!.. Что это вы рисуете?

— Не рисую, а пишу... красками не рисуютъ,—ими пишутъ, какъ вы перомъ... Ну, что, много написали новаго?

— Ровно ни строчки.

— Мало. Почему такъ?

— Не пишется. Изсякло вдохновеніе.

— А вы долго писали вашу «Повилику»?

— Нѣтъ... но она у меня долго слагалась... Стихи складываются у меня всегда сперва въ умѣ... Я ихъ записываю почти готовыми...

— Что же, они нравятся и вашимъ роднымъ?

— Они ровно о нихъ ничего не знаютъ, да и никто не знаетъ, кромѣ васъ.

— Такъ... А почему же вы не посвящаете никого въ свою тайну?

Маруся опустила глаза.

— А вы сразу сознались и показали кому-нибудь ваши рисунки?

— Сразу не сразу, а показаль поневолѣ, когда поступилъ въ школу.

— Въ школу?

— Ну да, въ частную рисовальную школу тамъ, въ Петербургѣ, къ одному художнику, гдѣ готовятся желающіе итти дальше въ академію, и, сознаюсь, такъ увлекся ею, что не только пропускалъ лекціи, но и закладывалъ экзамены.

— Закладывали экзамены? Какъ такъ?

— Да... это такое специальное выраженіе, вѣрнѣе, откладывалъ, но столь часто и надолго, что теперь...—онъ махнулъ весело рукою,—Богъ съ ними! Это закладъ пропачій. Слишкомъ на немъ процентовъ многоросло... А все-таки вы мнѣ не отвѣтили, почему вы не откровенны со своими?

— Какъ не откровенна? Кромѣ стиховъ, другихъ тайнъ отъ нихъ у меня нѣтъ!

— Ну... а наши встрѣчи съ вами?

— Но вѣдь онѣ—логическое слѣдствіе тѣхъ же стиховъ!

— Значить, какъ водится: коготокъ завязъ—всей птичкѣ пропачь? Одна неправда влечетъ за собой другую!

Маруся нахмурилась. Она шла въ осинникъ вовсе не для того, чтобы выслушивать нотации. Ей захотѣлось сказать и ему непріятное.

— Ну, а вы сами очень откровенны со своими?

— Съ отцомъ—да! съ матерью—нѣтъ!

— Какъ такъ? я слышала, наоборотъ, что вы ее-то очень и любите и ухаживаете за нею?

Она осѣклась, понявъ, что головою выдаетъ себя и свой интересъ къ Евграфовкѣ, а онъ безжалостно подхватилъ это признаніе.

— Вотъ такъ исторія!.. А я и не подозрѣвалъ, что въ Колычевѣ произносятся когда-нибудь наши имена! Ну-съ, если вы знаете, что я такъ люблю маменьку, то, вѣрно, и поймете, что не могу съ ней быть откровеннымъ, чтобы не тревожить ее. Съ отцомъ же церемониться нечего, и ему я рѣжу всю правду въ глаза.

Его верхняя губа презрительно вздернулась, и дрогнувшая въ рукѣ кисть шлепнула невѣрный мазокъ.

— Эхъ, чортъ! опять!..—оборвалъ онъ себя и, подчищая краску, прибавилъ:—Простите грубое выраженіе, но я слишкомъ волнуясь, когда пишу!

— Я вамъ мѣшаю?—Маруся встала и оправила платье:—да мнѣ и то пора. До-свиданья!

— Одну минуточку! мнѣ тоже пора. Пойдемте вмѣстѣ, намъ по дорогѣ.

— Я хотѣла еще поискать грибовъ,—холодно отвѣтила она.

— Искать не стоитъ!.. Я до васъ эту сторону обошелъ, и вотъ они, ваши грибы.

Онъ развязалъ лежавшій рядомъ платокъ и высыпалъ ей въ кузовъ цѣлую кучку слегка почернѣвшихъ снизу подосиновиковъ.

— Зачѣмъ?—остановила она.

— Затѣмъ, что мнѣ они ни къ чему, а вы ихъ, навѣрно, и безъ меня сумѣли бы найти. Ну-съ, а теперь пожалуйте въ путь-дорогу!

Онъ быстро собралъ свой ящикъ, двинулъ этуъ плотнѣе въ крышку и уложилъ палитру и кисти.

Они пошли рядомъ. Маруся старалась казаться надменной, а онъ искоса съ усмѣшкой наблюдалъ ее.

Нѣсколько времени они шли молча. Данила сорвалъ колосъ и помахивалъ имъ по воздуху, она смотрѣла въ сторону. Вдругъ онъ далеко отшвырнулъ колосъ и, повернувшись къ ней, весело разсмѣялся.

— Ха-ха-ха!.. знаете, а въ сущности мы съ вами напрасно столько лѣтъ кочевряжились.

— Кочевряжились?! Это еще что за слово?—вспыхнула Маруся.

— Неблагозвучное, но весьма точное, иначе говоря—артачилились, упрямилились, ломались, разыгрывая враждебно другъ противъ друга настроенныхъ людей. Если хотите, я сознаюсь первый,—вы всегда втайнѣ интересовали меня, съ первой же встрѣчи нашей. Тогда вы жестоко меня изобидѣли, задѣвъ за живое презрѣнъемъ къ моему отцу, но съ годами я понялъ васъ, и мнѣ очень нравились и ваша прямота, и то, что у васъ дѣло отъ слова не ухо

дило. Я тоже всегда имѣлъ о васъ довольно точныя свѣдѣнія, если желаете знать. Мнѣ въ тѣ годы не разъ приходило въ голову найти случай и возобновить наше знакомство, хотя вы и были еще подросткомъ, но пугало, какъ взглянуть на это ваши родные... Я вѣдь слишкомъ хорошо понимаю, что поступки моего отца не могутъ не вызывать негодованія у васъ, но могу увѣрить въ одномъ: ни мать, ни я никогда ему не сочувствовали и находили его отношеніе къ вамъ несправедливымъ и недобросовѣстнымъ...

Маруся была поражена. Она никакъ не ожидала такой откровенности.

— Вы правы,—тихо отвѣтила она:—вашъ отецъ, а черезъ него и вы симпатіей въ Колычевѣ не пользуетесь. Противъ Авдотьи Тарасовны никто изъ насъ ничего не имѣетъ, но обоихъ васъ мы винимъ въ присвоеніи обманомъ нашей старой мельницы и плотины... Вѣдь Арефій передъ смертью клялся, что Зюкинъ подсунулъ ему запродажную, вмѣсто условленной передаточной, и мы ему вѣримъ.

— И я вѣрю,—выговорилъ черезъ мѣнуту Данила,—и прошу вѣрить и тому, что если когда-нибудь Еыграфовка станетъ моею, вы этотъ несчастный клинъ получите обратно... Эхъ, что тутъ говорить! Все тогда будетъ по иному,—камня на камень отъ кабацкаго царства не останется. Вы не знаете, что я выношу, глядя на нагруженные спиртомъ подводы, отправляющіяся съ нашего двора! Я знаю, что каждая капля отольется горькими невѣдомыми намъ слезами... О, какъ я ненавижу эту усадьбу отца!.. Недаромъ я мальчишкой ревѣлъ, когда вырубали подъ нее садъ... Мнѣ каждаго дерева поваленнаго, что брата родного, жаль было... И покойница бабушка моя тоже плакала... Да, проклятый часъ былъ, въ который отецъ дѣло свое задумалъ. И знаете, если бы не мать, я съ радостью поджегъ бы собственноручно эту мерзость... Пусть бы все кругомъ взорвало, всю эту механику. Хоть одной лабораторіей русскаго позора и народнаго разоренія меньше бы стало!

Маруся съ откровенной радостью слушала его.

— Да, я васъ понимаю... Какъ ни тяжело намъ подчасъ, но я согласна лучше стать нищей, чѣмъ поправить дѣла винокуреннымъ заводомъ, какъ нѣкоторые совѣтуютъ. Да и мама, и дѣдъ совершенно того же мнѣнія!..

Данила злобно засмѣялся.

— Конечно... Но воображаю, какъ бы обрадовался такому повороту отецъ... Онъ бы никогда не допустилъ подобной конкуренціи.

Они дошли до лазейки.

— Ну, прощайте, спасибо за компанію!—остановился Данила.

— До свиданья!—невольно вырвалось у Маруси. Она протянула ему руку и съ удивленіемъ почувствовала, что и у него рука была мягкая и узкая—рука художника. Онъ переспросилъ:

— До свиданья? Значить, если бы мнѣ еще захотѣлось повидать васъ, вы бы не отказали?

— Нѣтъ! напротивъ, я очень охотно поговорила бы еще съ вами.

— Въ самомъ дѣлѣ?—Онъ весело улынулся, помялся немного и сказалъ:—Видите ли, у меня есть большая просьба къ вамъ?

— Какая?

— Согласитесь позировать мнѣ! Мнѣ необходима ваша фигура для одной давно задуманной картины.

— Хорошо! но гдѣ же вы будете писать меня?

— У грота. Я васъ попрошу только, если у васъ есть бѣлое платье, надѣть его.

— Съ удовольствіемъ. Когда же мнѣ прійти?..

— Въ воскресенье.

— Отлично... Я приду... А что это за картина?

— Я потомъ расскажу вамъ. Значить, въ воскресенье, сразу послѣ вашего обѣда, въ третьемъ часу? До свиданья!

Они разстались.

Марусю дома опять встрѣтила воркотня Кирилловны.

— Совсѣмъ отъ рукъ, мать моя, отбилась! Бѣлье принять пора, чинки цѣлый ворохъ, а ты гуляешь. И гдѣ была? Ужь ее и кликали, и аукали, а отъ нея ни гугу въ отвѣтъ.

— Не ворчи! вотъ тебѣ грибы. Видишь, на цѣлый ужинъ хватить.

— А все же не дѣло изъ дома, не сказавшись, убѣгать. Барышня, а не мѣщанская дѣвица... Исчезла и пропала. Только башмаки треплешь.

Маруся вздохнула и пошла разбирать бѣлье. Цѣлый вечеръ прошелъ въ штопаньѣ и чинкѣ, и она была даже рада работѣ. Иголка всегда успокоительно дѣйствовала ей на нервы, но въ тактъ ей она повторяла свой разговоръ и весело улыбалась при мысли, что съ нея будутъ писать картину. Радовало ее и то, что онъ осуждаетъ своего отца. Значить, онъ другой...

За ужиномъ всѣ стали восхищаться жареными въ сметанѣ подосиповиками, и ей захотѣлось просто и откровенно рассказать, откуда они, но дѣдъ какъ разъ ругнулъ Михалку за вытащенную на кулигѣ доску изъ забора и Маруся прикусила языкъ. Врядъ ли дружба ея съ Данилой пришлась бы по сердцу въ сѣромъ колычевскомъ домѣ.

Черезъ день пріѣхалъ опять Софроновъ.

Старый жуиръ явился на этотъ разъ расфранченнымъ и надушеннымъ *calcobrino*'мъ, и экипажъ былъ вполнѣ барскимъ, съ

казачкомъ въ слегка потертой ливреѣ. Онъ громко шлепнулъ подошвами о землю, спрыгнувъ съ козелъ, чтобы почтительно поддержать подъ локотокъ слѣзавшее съ подножки превосходительство.

Дамамъ были вручены букеты изъ розъ, а Марусѣ сверхъ того и конфеты отъ Эйнема. Елизавета Ивановна получила дѣтскую погремушку, которой несказанно обрадовалась. На нее отъ этого колечка съ серебрянымъ колокольчикомъ пахнуло чѣмъ-то неизъяснимо теплымъ и дорогимъ, и она съ влажными глазами благодарила Софронию. Данила Даниловичъ и самъ былъ умиленъ.

— Не благодарите... вы не знаете, какую роль сыграли вы въ моей жизни и тогда, и сейчасъ. Благодаря вотъ этому колечку, я понялъ, что пока живъ, Новаго не продамъ ни за что и никому на свѣтѣ...—Онъ украдкой взглянулъ на Марусю.—А теперь я ко всѣмъ вамъ обращаюсь съ великой просьбой. Не откажите мнѣ побывать у меня и навѣститъ въ старомъ гнѣздѣ.

— Съ большимъ удовольствіемъ!—отозвалась Елизавета Ивановна.—Мнѣ самой будетъ очень пріятно повидать тѣ стѣны, гдѣ я жила у васъ съ отцомъ и матерью. Когда прикажете?

Маруся вспыхнула.

«Только бы не въ воскресенье!» мелькнуло у нея...

— Вотъ и отлично,—я буду ждать васъ въ воскресенье къ двумъ часамъ...

Сердце упало. А картина и обѣщаніе Данилѣ позировать?..

«Противный стариканъ!..»

А «противный стариканъ», идя съ ней по аллеѣ, уносился мечтами опять въ далекое, сорокъ лѣтъ назадъ отошедшее.

— Да, какъ все это было недавно, и все-таки давно!.. Вы, mademoiselle Marie, меня не можете понять... Вы такъ молоды... а я... гляжу на васъ и думаю... изо всѣхъ, кто помнитъ то, что вы мнѣ напоминаете, живы лишь двое—вашъ дѣдъ и я... и больше никого, съ кѣмъ можно говорить по душѣ... У васъ нѣтъ растерянныхъ по дорогѣ въ жизни мечтаній, чувствъ... нѣтъ утраченныхъ друзей, которые, можетъ быть, и живые, но гдѣ они—кто отвѣтить!

Марусю вдругъ осянило... Мать и дѣдъ остались на террасѣ... Нерадовъ живетъ у него... Неужели онъ не говорилъ ничего ему о Микѣ?.. Но спросить о молодомъ человѣкѣ,—вѣдь Микѣ теперь уже двадцать два года,—показалось неловко, и она сказала:

— Вы ошибаетесь, и у меня есть утраченные друзья... и я именно хочу спросить васъ, что вашъ пріятель м-г Нерадовъ не говорилъ вамъ ничего о Сѣвскихъ, его родственникахъ, тоже живущихъ за границей, гдѣ жилъ его покойный отецъ. Мы были очень дружны съ Катей Сѣвской и даже переписывались, но... потому эта переписка оборвалась... Вы не знаете, что съ нею?

Софроновъ надулъ щеки и отвѣтилъ не сразу...

— Я могу дать вамъ свѣдѣнія и безъ Нерадова. Сѣвскій двоюродный братъ моей покойной жены, но мы давно забыли другъ друга, такъ какъ и женатъ-то я былъ всего полгода и въ самой ранней молодости. Но въ третьемъ годѣ мы встрѣтились въ Карлсбадѣ... Ваша Катя... ушла изъ дома и, говорятъ, поступила въ балетъ... На мать это подѣйствовало такъ, что у нея сдѣлался параличъ... Я видѣлъ ее въ креслѣ... она прокляла свою дочь.

— За что же?

— Помилуйте... Сѣвская въ трико на сценѣ?..

— О, она и въ дѣтствѣ мечтала стать балериной, да и я съ нею.

— Но не стали?!

— Случая не было!—пожала плечами Маруся, тѣшась изумленно-разочарованнымъ видомъ старика...

«Авось, я его такъ обозлю, что онъ откажется отъ удовольствія видѣть меня въ Новомъ!»

Софроновъ дѣйствительно опѣшилъ.

— Mademoiselle Marie, вы шутите?

— Ничуть!.. Почему, если Господь одарилъ ее талантомъ, она должна была отказываться отъ него? Вѣдь балетъ существуетъ даже въ императорскихъ театрахъ... да и въ крѣпостное время, я слышала, многіе помѣщики держали его у себя... Неужели, если это было такъ стыдно и грѣшно, они бы дѣлали это?..

— Да, но вѣдь тамъ участвовали простыя крестьянки, а не барышни...

— А не все ли равно?.. Дѣло не въ сословіи, а въ человѣкѣ...

Софроновъ только руками развелъ.

«Нѣтъ, она не въ бабушку... Она очень рѣзка... Либералка какая-то! немудрено,—дочь нигилиста...»

Но, несмотря на свое разочарованіе, онъ остался до вечера въ Колычевѣ. Маруся старалась держаться поодаль и, сидя на террасѣ, помогала матери разливать чай, а оба старика спустились въ вечернюю аллею и, углубившись въ нее, вели какіе-то разговоры...

При отъѣздѣ Софроновъ настоятельно подтвердилъ свое приглашеніе и даже подчеркнул:

— Надѣюсь, и m-lle Marie окажетъ мнѣ честь и побываетъ въ Новомъ...

— Неужели мнѣ тоже надо ѣхать?—спросила она дѣда, когда отъѣхала коляска съ казачкомъ, и мать ея со вздохомъ и мечтательной улыбкой вошла въ домъ.

— А то какъ же?—отвѣтилъ Игнатій Львовичъ, усаживаясь на любимомъ крылечкѣ.

— Да мнѣ вовсе не хочется!

— Мало ли чего... Велитъ мать, и поѣдешь!..—отвѣтилъ старикъ и вдругъ стукнулъ съ досадой о полъ костьюлемъ.

— Что съ тобой, дѣдуся? Чего ты злишься? Неужели у меня не смѣетъ быть собственныхъ мнѣній и желаній?

— Смѣетъ, матушка, смѣетъ... Злюсь не на тебя, а на судьбу...

— На чью судьбу?..

— Мало ли на чью. Не твое дѣло... не приставай!..

Онъ всталъ и ушелъ къ себѣ, но Маруся изъ-за стѣны слышала, какъ онъ возился въ своемъ пропахшемъ травами кабинетѣ и каплялъ.

«Онъ, навѣрно, тоже въ аллеѣ выпросилъ Софронова о дядѣ Лешѣ и о той и теперь не можетъ успокоиться...—догадывалась она.—А о Микѣ?»

Если Катя теперь балерина, то Мика, вѣроятно, офицеръ. Она старалась, засыпая черезъ полчаса, нарисовать себѣ его въ мундирѣ съ эполетами, но ничего не выходило. вмѣсто него гарцовалъ Софроновъ и подгонялъ кнутомъ цѣлую толпу одѣтыхъ въ балетныя короткія тюники дѣвушекъ.

VIII.

Но не идетъ на подвигъ бранный
Никто изъ княжого дворца,—
Давно и мечъ и щитъ чеканный
Исчезли съ древняго крыльца.

И лишь надъ сѣрымъ обелискомъ
Лепечуть старыя дубы
О чемъ-то имъ родномъ и близкомъ,
Но стертомъ волею судьбы.

(«Листы пожелтѣлыя.» М. К.)

Маруся, собравшись съ духомъ, рѣшила попробовать все-таки получить отъ матери разрѣшеніе остаться дома, но выслушала, наоборотъ, категорическое приказаніе приготовить свое бѣлое платье.

Тогда она ухватилась за послѣднюю соломинку.

— Мамочка... но вѣдь у Софронова живетъ Нерадовъ... пли ты забыла?..

— Нѣтъ,—отвѣтила Яшнева, гордо выпрямляясь:—не забыла. И тѣмъ болѣе поѣду сама и тебя возьму, чтобы не давать пищи сплетнямъ и пересудамъ. Пусть знаютъ, что хотя онъ и супругъ Ольги Львовны, я этому никакого значенія не придаю.

Дочь ея даже опѣшила. Елизавета Ивановна впервые заговорила объ Ольгѣ, хотя Маруся разумѣла вовсе не ее.

— Мамочка... но вѣдь онъ... пьетъ...

— Успокойся! Данила Даниловичъ именно говорилъ дѣду, что онъ это время совершенно бросилъ пить.

Приходилось не только покориться, но и спѣшно приготовляться, такъ какъ выѣздъ колычевскихъ помѣщиковъ въ гости былъ цѣлымъ событіемъ. Всѣ сбились съ ногъ. Игнатій Львовичъ самъ скребъ и чистилъ свой тронутый молю сюртукъ, закрашивая чернилами бѣлѣвшую сквозь дырочки сукна подкладку. Маруся мастерила ему новый галстукъ изъ старинной шелковой матеріи, хотя онъ и протестовалъ противъ нѣкоторой его цвѣтистости. Сиреневая, сдѣланная къ рожденію матери блузка была еще вполне свѣжа, но бѣлое вышитое платье пришлось разглаживать самой, чтобы его не испортили неопытныя руки Грушки. Нажимая утюгомъ цвѣточки и фестоны, колычевская барышня ломала голову, какъ бы уведомить сына владѣльца Евграфовки, что она завтра въ гродѣ быть не можетъ. Цѣлый день ее требовали то туда, то сюда, и нельзя было урвать ни минутки.

«Пойду къ обѣднѣ, увижу Лампушу и ей скажу, что никакъ нельзя было отдѣлаться отъ дурацкой поѣздки къ «крѣпостнику», а она, навѣрно, рада будетъ поораторствовать на его счетъ».

Но у обѣдни на другое утро ни Лампуши и никого вообще изъ Евграфовки не было.

Отъѣздъ былъ назначенъ въ одиннадцать часовъ, но когда Маруся вернулась изъ церкви, она застала въ домѣ суматоху и дѣда, ругавшагося на весь дворъ. Оказалось, что парадная сбруя тоже требовала ремонта, но ее впередъ осмотрѣть не догадались, а теперь чинили наскоро бечевками, и къ довершенію бѣды захромала лѣвая пристяжная, такъ что пришлось посылать за лошадью къ отцу Силѣ.

Воспользовавшись задержкой, Маруся ускользнула изъ дому и бѣгомъ пустилась въ лабиринтъ. На пескѣ площадки она крупными буквами написала: «Прошу извинить, быть не могу, должна ѣхать съ нашими въ Новое. М. Я.»

— Гдѣ ты опять пропадала?— встрѣтила ее на террасѣ мать.

— Я хотѣла нарвать себѣ какихъ-нибудь цвѣтовъ на букетъ къ поясу,— солгала Маруся, вся красная отъ бѣга:— да ничего нѣтъ.

— И безъ нихъ отлично!— отвѣтила Елизавета Ивановна, оправляя на дочери голубой кушакъ «гейшей», завязанный сзади.

Вошелъ Игнатій Львовичъ; онъ теребилъ давившій ему шею крахмальный воротникъ и распространялъ легкій запахъ камфары. Маруся сбѣгала за духами и spraysнула его...

— Ахъ, какіе вы у меня парадные!— захлопала она въ ладоши, оглядывая обоихъ.

Старыя липы зашелестѣли. Все это было уже однажды. На той же террасѣ въ томъ же вышитомъ платьѣ дѣвушка охорашивала мать и старика въ сюртукѣ, такъ же пахло духами, и юное сердце билось, ожидая въ близкомъ будущемъ чего-то очень, очень хорошаго.

Когда наконецъ коляска тронулась и покатила по мягкой дорогѣ вдоль просѣки, старыя уцѣлѣвшія отъ порубки березы ласково качали верхушками и махали зелеными вѣтками вслѣдъ допотопной колымагѣ съ расхлябанными втулками и гайками и вспоминали ее свѣжей и модной, подъ синей эмалью вѣнскаго лака, съ золочеными завитушками вокругъ давно истершихся гербовъ.

Черезъ два часа гайки и втулки гремѣли на запущенномъ парадномъ дворѣ, подкатывая къ высокому перрону съ обросшими мхомъ каменными перилами. Въ распахнутыхъ стеклянныхъ дверяхъ, улыбаясь ослѣпительно бѣлыми зубами и крутя бѣлые подушники, стоялъ хозяинъ. Казачокъ подскочилъ и помогъ старику Яшневу открыть западавшую распатанную дверцу.

Какъ только Марусинъ башмакъ коснулся первой гранитной ступеньки, она вдругъ почувствовала себя, какъ во снѣ. Ея острый, все замѣчающій взоръ подернулся дымкой. Облупленные колонны, отбитая штукатурка на фронтонѣ и на завиткахъ кашителей для нея не существовали. Красота линий и замысла строителя превозмогла надъ изъянами. Величественность кругозора, открывавшагося съ крыльца высоко поднятаго надъ окрестностью барскаго жилища, ударила по нервамъ, и кровь въ голубой сѣти жилъ застучала частыми молоточками.

Данила Даниловичъ предложилъ дамамъ пройти въ отведенную имъ комнату, чтобы оправиться съ дороги. Черезъ большія прохладныя сѣни, мимо краснаго изгиба дубовой лѣстницы съ изогнутыми массивными перилами Маруся вслѣдъ за матерью вступила въ сплошь затянутую ситцемъ комнату. Даже потолокъ былъ собранъ лучами, а изъ центральной розетки спускалась на потемнѣвшихъ отъ времени бронзовыхъ цѣпяхъ бѣлая матовая чаша вельезы. Пахло пылью и остатками какихъ-то удушливыхъ, не вывѣтренныхъ временемъ куреній. Подъ балдахиномъ стояла огромная кровать. Въ простѣнкѣ цѣльное, тусклое отъ сырости зеркало съ фарфоровыми бра по бокамъ отразило ихъ фигуры; въ окна былъ виденъ подновленный ради ихъ приѣзда цвѣтникъ со свѣже насаженными левкоями и флоксами, взамѣнъ давно вымерзшихъ и вымершихъ розъ, а за нимъ обширная, террасами сбѣгавшая къ рѣкѣ поляна, окаймленная громадными осокорями и серебристыми ивами.

Когда казачокъ распахнулъ передъ ними двери столовой, у Маруси опять занялся духъ. Въ длинной залѣ со сводчатымъ потолкомъ и хорами, съ извѣденными молью коврами по стѣнамъ, гдѣ были изображены охотничьи сцены, стоялъ накрытый на пять приборовъ огромный овальный столъ. Казалось, нужно было имѣть необычную силу, чтобы отодвинуть каждый изъ обитыхъ выцвѣтшей тканью стульевъ, но едва Маруся коснулась спинки своего, онъ плавно откатился.

— Что же Петра Андреевича не звали?—спросилъ казачка хозяинъ.

«Петра Андреевича?.. какой тутъ Петръ Андреевичъ?» подумала Маруся.

Дверь отворилась. Вошелъ щегольски, хотя и нѣсколько по домашнему одѣтый красивый мужчина съ яркимъ левкоемъ въ петлицѣ.

— Кто это?..

Нерадовъ изысканно поклонился и даже поцѣловалъ руку у Елизаветы Ивановны. Маруся глазамъ не вѣрила. Это былъ совсѣмъ не тотъ пьяный и отвратительный человѣкъ, такъ гадко смотрѣвшій на нее тогда въ Колычевѣ. Пропала отвислость щекъ и желтизна воспаленныхъ глазъ. Теперь дѣйствительно иногда мелькало сходство съ Микоемъ. На Марусю онъ почти не обращалъ вниманія и дѣловито бесѣдовалъ съ Игнатіемъ Львовичемъ о Колычевѣ и о тяжбѣ съ Михалкой. Самъ онъ жаловался на массу оставшихся ему отъ его предшественника дѣлъ. Онъ не притронулся къ водкѣ и отказался даже отъ вина, которое, завернувъ въ салфетку, предлагалъ изъ-за плеча каждому все тотъ же казачокъ.

— Дай квасу,—сказалъ Нерадовъ и, утоливъ жажду, продолжалъ:—Нельзя такъ, рѣшительно нельзя! Вѣдь не даромъ же получаешь жалованье. Служить такъ служить! Кто говоритъ, что удовольствие прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ! Но если иначе нельзя? И наконецъ, никто и не велитъ дѣйствовать безъ снисхожденія, но надо знать, когда и съ кѣмъ!

Послѣ обѣда Софроновъ предложилъ обойти домъ. Елизавета Ивановна такъ и просіяла. Старикъ опять принялся за рассказы, съ умиленіемъ вспоминая тѣ полтора мѣсяца, которые семья Колычевыхъ прогостила у него.

Игнатій Львовичъ тоже оживился. Только и слышалось: «А помните...» и оба старика наперебой воскрешали въ памяти разныя подробности. По ниточкѣ, по бисеринкѣ вырисовывался узоръ давно прошедшаго на фонѣ покинутаго, стоявшаго тридцать лѣтъ заколоченнымъ дома.

Но Маруся не интересовалась этими рассказами. Ея мысль была поглощена не мелочами обыденной жизни ея родственниковъ,—ряды запущенныхъ, кое-какъ подметенныхъ ради сегодняшняго посѣщенія покоевъ, лѣпка потолковъ и карнизовъ, портреты въ блестящихъ мундирахъ и муаровыхъ камзолахъ, многочисленная, но очень цѣнная и красивая, хотя и пострадавшая, мебель очаровали ее. Вѣяло старой, навѣки отошедшей жизнью, полной невозвратнаго романтизма и художественной красоты. Неужели для простыхъ смертныхъ были построены эти хоромы?

Ей казалось, что въ высокихъ покояхъ, гдѣ теперь такъ гулко раздавались ихъ шаги, будя молчаливыя стѣны, гдѣ на давно

не натертый штучный паркетъ ложились косыми параллелограммами отсвѣты оконъ, прежде собирались вельможи, вершители славныхъ екатерининскихъ дѣлъ. И, словно въ отвѣтъ ей, шедшій съ нею рядомъ Нерадовъ остановился передъ портретомъ кавалера съ золотою звѣздой на груди бархатнаго шитаго кафтана и сказалъ:

— Это Мамоновъ... кисть Лампи... Онъ былъ такъ очарованъ Новымъ, что хотѣлъ непременно купить его для приѣма въ этомъ домѣ, строенномъ по проекту Растрелли, благоволившей къ нему Великой Екатерины, но, увы! его звѣзда быстро закатилась, и покупка Новаго такъ и не состоялась.

— Какъ и теперь!—весело сказала Маруся.—Я такъ рада, что м-г Софроновъ отказался отъ мысли продавать этотъ дивный домъ въ руки кулака Евграфова... Миѣ было бы слишкомъ обидно за всѣ эти старыя вещи...

Нерадовъ пожалъ плечами.

— Я думаю, вещамъ совершенно безразлично, въ чьемъ онѣ владѣніи...

Они догнали остальныхъ въ бильярдной, около величиною съ цѣлую лужайку зеленого стола съ приподнятыми краями.

— Вы очень любили,—говорилъ Софроновъ Елизаветѣ Ивановнѣ:—чтобы васъ сажали на бильярдъ. Мы, бывало, съ Прасковьей притащимъ сюда вашу клееночку, во избѣжаніе грѣха, и усадимъ васъ тутъ съ игрушками. Помню, какъ вы всѣхъ порадовали, когда вдругъ ухватились ручками за борть и попробовали точно встать на ножки.

Мать и дѣдъ засмѣялись, а Маруся подумала: что же тутъ особеннаго? Она оглядѣлась. Комната была сплошь выложена художественной выпуклой рѣзбою изъ бѣлаго полированного дуба. Вдоль одной изъ поперечныхъ стѣнъ во всю ея длину тянулся на подіумѣ обитый старымъ сафьяномъ широкій диванъ, а въ противоположной былъ вдѣланъ колоссальный каминъ. Въ широкое жерло топки можно было смѣло въѣхать на тройкѣ. Сверху спустились вдѣланныя въ желѣзную балку точеныя бронзовыя кольца.

— Къ чему они?—спросила Маруся.

Ей показалось, что къ нимъ привѣшивались вертела съ тушами затравленныхъ оленей или кабановъ на ужинъ убившихъ ихъ охотниковъ.

— А это чтобы держаться, пока грѣшься у огня! Вотъ такъ!

Нерадовъ ухватился за кольцо и началъ граціозно раскачиваться.

— Въ Англіи такіе каминныя вещь довольно обыкновенная. Да и въ Германіи тоже. У моего отца на его виллѣ былъ такой же. Сынъ, когда пріѣзжалъ сюда, даже удивился, рисунокъ колець былъ точь-въ-точь, какъ этотъ.

— Вашъ сынъ?—встрепенулась Маруся:—Мика? Онъ былъ здѣсь? Когда же?

— Какъ разъ какъ мы поѣхали въ Евграфовку. Мы съ нимъ развѣхались и нашли его здѣсь, вернувшись изъ Колычева. А вы развѣ его знаете?.. Ну, да, конечно!.. Вѣдь Данила Даниловичъ говорилъ, что вы были дружны съ моей племянницей Катюшей Сѣвской... Теперь я соображаю... Такъ, такъ! Странно, сынъ не намекнулъ ни словомъ, что знаетъ васъ...

— А что онъ дѣлаетъ теперь?

— Онъ— морякъ и ушелъ въ плаваніе.

— Онъ раньше хотѣлъ быть офицеромъ, кирасиромъ, помнится...

— Нѣтъ, онъ пошелъ въ морскую службу!

Нерадовъ задумчиво продолжалъ раскачиваться, а Марусѣ показалось, что въ каминѣ пылаютъ дрова... Это ударилъ лучъ солнца и обжегъ ея зардѣвшіяся щеки, или волна горячей крови прилила къ сердцу? Мика, Мика Нерадовъ былъ тутъ, въ какихъ-нибудь двадцати верстахъ отъ нея, въ то время, какъ его отецъ такъ некрасиво велъ себя въ ихъ домѣ и такъ гадко смотрѣлъ на нее!..

Но отчего же Мика не пріѣхалъ въ Колычево?.. Какъ же могъ онъ пріѣхать? Вѣдь онъ же не могъ не знать, что его мать бѣжала съ ея дядей... ему было неловко!..

Мечты и видѣнія прошлаго отлетѣли. Портреты вдругъ стали нѣмыми и скверно написанными. Бальная зала по сосѣдству съ бильярдной показалась грязной и пустою. На хорахъ, какъ выщеленные зубы, бѣлѣли перила баллюстрады съ поломанными точеными столбиками. Паутина... плѣсень... затхлый воздухъ...

— Маруся, гдѣ же ты?—окликнулъ ее изъ смежной галереи дѣдъ.—Мы идемъ въ театръ.

Широкая яма сараевиднаго помѣщенія открылась подъ ногами, заваленная досками, скамьями, нагроможденными другъ на друга стульями... Разорванные холсты скрученныхъ декораций пестрыми и грязными лохмотьями свисали съ шестовъ. Сцена была на половину скрыта оборванной, болтавшеюся ключьями занавѣсью.

— Здѣсь давались оперы, комедіи,—говорилъ Софроновъ.

— И балеты?—вырвалось у Маруси.

— Да, и балеты...—вспыхнулъ онъ:—но не въ мое время. Я не держалъ ни актеровъ, ни балеринъ, ни музыкантовъ... Это остатки XVIII вѣка. Въ мое время оркестръ былъ только у Караулова...

— Помню, помню!—подхватилъ Яшневъ:—онъ и въ Колычевѣ игрывалъ не разъ... Его всюду нарасхватъ брали...

— Брр!.. однакожъ и сыро тутъ! пойдемте лучше въ садъ!—предложилъ Нерадовъ:—тамъ не мало интереснаго.

— Погоди, я еще хочу показать Елизаветѣ Ивановнѣ тѣ комнаты, гдѣ жили ея родители.

Поднялись и снова спустились по лѣстницѣ. По коридору отворяются двери, но комнаты пусты. Только въ одной изъ нихъ стоитъ низкая и широкая кровать съ драконами на спинкѣ.

— Здѣсь жила ваша мать,—вздыхая, произноситъ Софроновъ:— прежде это была моя спальня, теперь мы живемъ съ Петрушей во флигелѣ. Тамъ уютнѣе. Здѣсь черезчуръ безлюдно...

Марусѣ втайнѣ надѣялась, что и ихъ пригласятъ во флигель, что въ комнатѣ Нерадова ей удастся увидѣть портретъ Мики, который такъ и не выходитъ у нея изъ головы, но они уже стоятъ на широкомъ балконѣ съ такой же каменной и обросшей мхомъ и лишаями баллюстрадой, какъ на перронѣ параднаго вѣзда.

— Прошу обратить вниманіе на планъ этого парка. По странной случайности, онъ точное воспроизведеніе одного изъ царскихъ подъ Петербургомъ, хотя и разбитъ много раньше.

Широкая поляна была окаймлена двумя каналами, затянутыми ряской и болотными лиліями и выводящими къ рѣкѣ. Направо и налево отъ обоихъ были разбросаны боскеты на пригоркахъ, зеленныя лужайки, полуразрушенные храмы любви и дружбы, идиллическія хижины изъ березовыхъ стволовъ, увѣнчанныхъ соломёнными крышами. Къ каналамъ вели подгнившія, бѣлыя когда-то, ступени лѣстницъ съ пристанями на концѣ. У одной была причалена старая лодка.

— Не хотите ли покататься?—предложилъ Софроновъ.

Но Яшневы отказались и пошли направо, къ оврагу среди двухъ пригорковъ, гдѣ стояли разбросанные невысокіе обелиски и усѣченные пирамидки.

— Заграй... 1857 г.—прочла Маруся.—Кто это?

— Это сынъ Пульки и Поражая,—отвѣтилъ Софроновъ.— Сбѣсился, къ сожалѣнію! Четырехъ человекъ и двадцать борзыхъ перекусалъ. Пришлось застрѣлить собственноручно и его, и остальныхъ. Думалъ, что послѣ того никогда и охоты держать ужъ не стану.

— А люди?—спросила Маруся.

— Какіе люди?

— Да тѣ, которыхъ онъ перекусалъ!

— Конечно, умерли. Тогда, увы, Пастера еще не было.

— Въ страшныхъ мученіяхъ? Да?—у Маруси даже ноздри раздулись.

— Вѣроятно... Мнѣ не доносили... А вотъ тутъ,—продолжалъ Софроновъ, оглябая пригорокъ:—стоитъ обелискъ, воздвигнутый дѣдомъ своему коню.

Подъ навѣсомъ дубовъ и елей, на грудѣ мшистыхъ камней высился среди оврага гранитный обточенный столбъ съ высѣченной надписью: «Іюня 19-го дня МDCXVI года. Казбекъ. До сви-

данья, товарищ! Подъ Краснымъ спасшій мнѣ жизнь въ бою, прійми сей камень въ дань мою!..»

— Это былъ бѣлый безъ отмѣтины полуарабъ, онъ ходилъ подъ дѣдомъ еще въ Бородинскомъ бою. Раненый въ шею подъ Краснымъ, онъ вынесъ дѣда изъ самаго пыла сраженія. Дѣдъ лично перевязалъ его и отправилъ сюда на покой съ георгиевской лентой, вплетенной въ чолку. Каждую недѣлю во время дальнѣйшаго похода въ Европу ему доносили о состояннн его любимаго коня. Казбекъ дождался возвращенія дѣда и околѣлъ при немъ. Хоронили его съ военными почестями, осѣдланнаго и взнузданнаго, подъ оружейные залпы.

Марусины ноздри раздуваются еще шире.

— Вы вѣдь тоже были гусаромъ, и тоже участвовали въ войнѣ?

— Гусаромъ былъ, но въ войнѣ не участвовалъ... Я вышелъ изъ полка, не понюхавъ пороха...

— А!.. отчего же... я бы никогда не вышла... если бы я носила мундиръ, я бы непременно пошла на войну... а носить его только въ мирное время или не итти на войну, когда идутъ другіе... это... было бы мнѣ оскорбительнымъ.

Елизавета Ивановна строго оглядѣла дочь, Нерадовъ усмѣхнулся. Ему давно ясно, что эта бѣлокурая барышня ко многому здѣсь относится критически. Ему это добродѣтельное тріо начинается не на шутку надоѣдать, и теперь такъ и подмываетъ желаніе выкинуть что-нибудь позабавнѣе. Гм...

— Пойдемте,—говоритъ онъ Марусѣ:—я покажу вамъ тоже нѣчто замѣчательное.

Онъ отстаетъ съ нею отъ остальныхъ и сворачиваетъ въ сторону. Маруся этому даже рада и собирается снова навести разговоръ на Мику и попросить показать его карточку, но вдругъ черезъ нѣсколько шаговъ ей дѣлается страшно. Они одни, кругомъ ни звука. Дорожка становится все круче, кусты все глуше.

— Куда ведете вы меня?

— Здѣсь есть любопытная картина въ одномъ павильонѣ. Я замѣтилъ, что вы любительница живописи, и хочу показать вамъ ее.

— Какая картина?

— Сейчасъ увидите.

Изъ чащи выглядываетъ крыша довольно хорошо сохранившагося домика. Нерадовъ отворяетъ дверь и пропускаетъ впередъ Марусю. Во всю стѣну передъ нею картина—вода, зелень и на ея темномъ фонѣ рѣзко выступаютъ фигуры совершенно обнаженной женщины и лебедя въ странныхъ позахъ...

— Это Леда,—говоритъ очень спокойно Нерадовъ:—и Юпитеръ въ образѣ лебедя... Здѣсь въ этомъ павильонѣ совершалось посвященіе крѣпостныхъ красавицъ въ одалиски гарема, а самъ онъ помѣщался во флигелѣ, гдѣ мы живемъ теперь...

Марусѣ почти дурно. Она круто поворачивается и выбѣгаетъ на воздухъ.

— Ау!..—кричитъ она.

Никто не откликается. Нерадовъ идетъ за нею и напѣваетъ:

И сталъ къ ней лебедь подплывать,
Который былъ моимъ па-па-а-шей!..

Дѣвушка хочетъ обернуться и дать ему пощечину, но въ то же время такъ страшно и стыдно, и гадко, что она опять кричитъ не своимъ голосомъ: ау! и бѣжитъ бѣгомъ съ пригорка...

Мать, дѣдъ, Софроновъ ждутъ ее на перекресткѣ.

— Что съ тобою?

— Ничего... я испугалась... думала, что заблудилась...

Она беретъ подъ руку дѣда и шепчетъ ему:

— Дѣдуся, довольно!.. я не могу больше... поѣдемъ домой!..

Софроновъ предлагаетъ осмотрѣть бывший фазанникъ, псарню; говорить о бывшихъ охотахъ, о невозвратныхъ картинахъ псовыхъ забавъ со стальми пѣгихъ гончихъ и выжлятниками въ красныхъ кафтанахъ, предлагаетъ пройти въ конюшни съ мѣдными кольцами и мраморными яслями,—Игнатій Львовичъ отказывается.

— Пора домой!

Но на балконѣ сервированъ чай. Приходится остаться. Елизавета Ивановна, по просьбѣ Данилы Даниловича, садится хозяйничать, а Марусю бьетъ мелкая дрожь. На счастье еще Нерадовъ ушелъ къ себѣ... Наконецъ, наконецъ подана коляска.

— Милости просимъ къ намъ!—говорятъ наперебой Яшневы, прощаясь съ любезнымъ хозяиномъ, презентующимъ опять на прощаніе дамамъ букеты.—И Петра Андреевича прихватите!—прибавляетъ Елизавета Ивановна.

Софроновъ обращается къ Марусѣ и спрашиваетъ, какъ ей понравилось Новое.

— Ужасно!..—отвѣчаетъ, силясь улыбнуться, та.

Колымага трогается и спускается, гремя и дребезжа, подъ гору. Въ дверяхъ флигеля показывается Нерадовъ и машетъ платкомъ. Игнатій Львовичъ складываетъ ладони рупоромъ и кричитъ:

— Милости просимъ въ Кольчево!..

— Quelle cocuée! ¹⁾—говоритъ, потягиваясь, Петръ Андреевичъ, идя навстрѣчу Софронову.—Удивительныя кикиморы! Настоящая sainte province ²⁾ и одѣты... одинъ галстукъ на старикѣ чего стоитъ. Я его чуть на фасонъ не попросилъ. Вотъ бы въ Лондонъ на образецъ послать! Точно изъ юбки скроенъ... Тоже и тамап,—святоша, видать, до гадости. Я увѣренъ, она нагаръ съ лампадъ

¹⁾ Какое наказанье.

²⁾ Святая провинція.

ѣсть, чтобы не осквернять ихъ ножницами. Дочка—туда-сюда... Знаешь, а я ей Леду-то показалъ!

— Ты бы ее еще во флигель сводилъ!

— И про флигель сообщилъ.

— Vous êtes fou! ¹⁾

— Ничего не фу! Отлично поняла, въ чемъ дѣло, хотя въ первую минуту думалъ—истерику задасть. А потомъ глаза такъ и заметали огоньки. Смерть люблю невинность искушать и наблюдать, какъ житейское откровеніе на нихъ дѣйствуетъ. Иная въ слезы, иная въ гнѣвъ, третья равнодушіе изобразить пытается, хотя сама сквозь землю провалиться готова, ну, а есть и такія, что и дѣйствительно ровно ничего не понимаютъ... тѣ пикантнѣе всего...

— Cessez!.. vous m'êtes odieux! ²⁾—буркнулъ Софоновъ.

— Ужинать подано!..—возвѣстилъ казачокъ.

XI.

И пока тамъ известковый
Первый слой бѣлѣлъ и сохъ,
Изъ груди за новымъ новымъ
Вырывался сладкій вздохъ.

Онъ въ волненіи глубокомъ
Счастье творчества постигъ
И духовнымъ видитъ окомъ
Чудный, нѣжный женскій ликъ.

(«Вогомавъ.» М. К.)

Синяя коляска катилась, мягко укачивая старыми рессорами сѣдоковъ. И Елизавета Ивановна, и ея свекоръ, оба были въ восторгѣ отъ посѣщенія Новаго. Маруся откинулась въ уголь и съ закрытыми глазами слушала ихъ разговоръ.

На нее напала какая-то необыкновенная вялость. Не хотѣлось ни говорить, ни шевелиться.

— Ты спишь?—спросилъ дѣдъ.

— Пусть ее спить! Набѣгалась и нахлопоталась,—тихо сказала мать и осторожно прикрыла ее повыше старымъ пледомъ.

Сама она тоже откинулась въ уголь и съ мечтательной улыбкой слѣдила за мелькавшими стѣнами высокой ржи.

Вѣроятно, за эти сорокъ лѣтъ ничего кругомъ не измѣнилось. Тѣ же распахивались поля, нарѣзанныя межами на длинныя, точно безконечныя полосы, такъ же курчавились кусты по ложбинкамъ вдоль высохшихъ къ июлю рѣчекъ, такъ же грозили ежечаснымъ крушеніемъ перекинутые черезъ нихъ шаткіе мосточки, такъ же обгоняли проѣзжихъ черные грачи и бѣлогрудыя съ красными шей-

¹⁾ Ты съ ума спятилъ.

²⁾ Довольно... вы мнѣ противны.

ками ласточки. И небо было все то же бездонное и угасающее надъ головою по мѣрѣ того, какъ росъ и скатывался направо красный солнечный мячъ.

Но почему-то казалось, что сорокъ лѣтъ назадъ въ такой вечеръ дышалось привольнѣе, что онъ долженъ былъ возвѣщать наступленіе ничѣмъ невозмутимой ночи съ убаюкивающими сновидѣніями, которыя развѣтъ непременно окропленное алмазной росой утро и приведетъ съ собою новый беззаботно ликующій день.

Маруся вдругъ встрепенулась.

— Надѣюсь, что больше въ Новое мы не поѣдемъ?

— Не знаю!—отвѣчала мать:—а тебѣ развѣ тамъ не понравилось?

— Не особенно, я ждала большаго.

— Чего же еще? кажется, достаточныя хоромы!

— Даже сверхдостаточныя, а потому для частнаго человѣка нелѣпыя. Хотѣлось бы мнѣ посмотреѣть, а какъ тамъ помѣщались псаи? Я увѣрена, что борзымъ было куда лучше, чѣмъ тѣмъ, кто за ними ходилъ.

Дѣдъ исподлобья взглянулъ на внучку.

— Я думаю, и твоему Бунтику лучше, чѣмъ большинству ребятъ въ Колычевѣ. Въ чужомъ глазу сучокъ мы видимъ...

— Ну ужъ, дѣдуся, извини! Если бы Бунтикъ кого перекусаль, я бы знала, какъ кто умираль и страдалъ, я бы мѣста найти себѣ не могла, а не отдѣлывалась бы тѣмъ, что тогда не было еще Пастера... О, я сегодня многое, многое поняла, и очень сожалѣю теперь, что это имѣніе не перейдетъ къ Михалкѣ, онъ былъ бы тамъ весьма ко двору.

— Расписалась и печать приложила!—поддразнилъ дѣдъ.

— Что это ты поняла?—спросила мать.

— Что вашъ очаровательный Софроновъ узкій эгоистъ и до мозга костей крѣпостникъ, что если бы онъ только могъ, онъ сейчасъ же вернулъ тѣ времена, гдѣ торговали людьми и травили ихъ борзыми. Онъ мнѣ отвратителенъ прямо до тошноты.

Елизавета Ивановна удивленно оглядѣла дочь.

— Ты меня сегодня прямо поражаешь! Что это за тонъ? Что за выраженія? Не тебѣ судить семидесятипятилѣтняго старика. Тебя лично онъ ничѣмъ не задѣлъ, напротивъ, меня трогала его предупредительность къ тебѣ и къ намъ, и я обижена, что ты не понимаешь, какой дисгармоніей звучать твои разглагольствованія. Кажется, ты давно могла убѣдиться, что я себя развлеченіями не балую. Ты видѣла, что поѣздка эта доставила мнѣ огромное удовольствіе, а ты считаешь особенно пріятной обязанностью ни за что, ни про что ругать въ моемъ присутствіи человѣка, дорогаго мнѣ по связи съ прошлымъ, съ моими покойными родителями, которые, кажется, находятся въ нѣкоторомъ родствѣ и съ тобою... Я думала, ты все-таки сердечнѣе.

Маруся притихла и до крыльца Колычева больше не открыла рта.

Отбѣзжая отъ Новаго, она рѣшила, что передъ сномъ съ глазу на глазъ съ матерью расскажетъ ей о выходкѣ Нерадова, но холодный подѣлуй и ледяное «покойной ночи» къ откровенностямъ не располагали.

«Еще, пожалуй, меня же обвинять, зачѣмъ пошла съ нимъ вдвоемъ, а если я скажу, что хотѣла разспросить хорошенько о Микѣ,—упрекнуть, что выказываю неприличный интересъ къ молодому человѣку. Вѣдь и тогда за границей мама его недолюбливала. Нѣтъ, ужъ лучше промолчу. Дѣдусъ говорить тоже нельзя, онъ такой горячій, еще, пожалуй, на дуэль вызоветъ этого пошляка... Неужели Мика похожъ на него?»

Елизавета Ивановна и на другой день была холодна съ дочерью, и Маруся, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, скрылась изъ дома. Надѣтъ бѣлое платье она, во избѣжаніе разспросовъ, не рискнула, но захватила съ собой старый кисейный шарфъ, чтобы задрапироваться въ него поживописиѣ поверхъ простой бѣленькой блузки.

— Ну, вотъ и спасибо!—встрѣтилъ ее Данила:—я такъ и зналъ, что вы не обманете.

Маруся извинилась за свой туалетъ, но онъ, устанавливая въ тѣни мольбертъ со свѣже натянутымъ на подрамникъ холстомъ, отвѣтилъ:

— Это мнѣ все равно! я буду писать васъ только по поясъ. Но прошу, распустите волосы или причешитесь какъ-нибудь неприужденнѣе.

Онъ вытащилъ изъ грота столъ, положилъ на него принесенную съ собою доску и придвинулъ къ выходу скамью. Маруся вынула всѣ шпильки, и ея волнистыя пряди разбѣжались по плечамъ.

— Отлично!—оглянулся Данила.—Теперь садитесь на скамью, руки положите на доску... вотъ вамъ книга... вы ее только что читали и на минутку оторвались, и смотрите вонъ на ту вѣтку, за нею утренняя звѣзда... Такъ, сидите смирно... Освѣщеніе немного ярко, но мы его смягчимъ. Пожалуйте вашъ шарфъ сюда.

Онъ перекинулъ его съ верхушки ближайшей акаціи и, взобравшись на гротъ, укрѣпилъ надъ аркой. Свѣтъ упалъ на лицо дѣвушки словно черезъ дымку тумана.

— Отлично... теперь поставьте локти на доску, сложите руки и обопритесь на нихъ подбородкомъ... Такъ... голову слегка правѣе... не такъ напряженно... Мы будемъ съ вами разговаривать... но все-таки мнѣ бы хотѣлось заставить думать васъ о чемъ-нибудь очень васъ интересующемъ... о вашей «Поваликѣ», скажемъ.

Онъ перекинулъ одну изъ ея прядей на грудь и началъ углемъ намѣчать контуры на холстѣ.

— А какъ будетъ называться ваша картина?

— Я еще не рѣшилъ. Моя идея: утренняя звѣзда—утро природы, дѣвушка—утро жизни; книга—утро мысли. Звѣзда погаснетъ, но вычитанная и воспринятая юной дѣвушкой мысль разгорится въ жизни, какъ солнце, и обдастъ все живое тепломъ и свѣтомъ.

— Но... я боюсь, что моя особа не соотвѣтствуетъ вашей прекрасной идеѣ.

— Напротивъ, мнѣ именно рисовались ваши черты и фигура, когда я думалъ объ этой картинѣ. Я очень радъ, что вы согласились позировать. Я не долго буду мучить васъ... всего три-четыре сеанса... отдѣлывать я буду дома.

Онъ быстро заработалъ кистью, а Маруся старалась глядѣть на указанную вѣтку, иногда переводя невольно глаза и на художника. Данила былъ поглощенъ работой, и лицо его теперь было очень оживленно. Впервые бросилась въ глаза Марусѣ его улыбка. Она сильно красила его.

«У Толстого вѣдь сказано, что если улыбка красить лицо, то оно дѣйствительно прекрасно», подумала она, и вспомнилась гадкая улыбка Нерадова и павильонъ съ Ледой. Неужели и эта Леда тоже списана съ кого-нибудь?

— Скажите, можно написать картину такъ, изъ головы, или надо непременно, чтобы кто-нибудь позировалъ?

— Конечно, можно. Но все-таки для большей жизненности лучше умѣть подыскивать модели, или, какъ говорятъ художники, натуры.

Марусѣ неловко было спросить, неужели и обнаженное тѣло пишется съ натуры, и вдругъ онъ самъ прибавилъ:

— Сперва въ школахъ учатъ писать съ гипса, но я началъ прямо съ живого человѣка. Это былъ старикъ, и я до сихъ поръ помню его жилистые синеватые ноги, поразившія меня почти полнымъ отсутствіемъ икръ. Я прежде всего думалъ, что отъ модели требуются классическія формы, но увы! въ жизни безупречныхъ линій нѣтъ, и для созданія идеальной красоты требуется жертвовать истиной, а кистью и карандашомъ поправлять природу. Нашъ профессоръ увѣрялъ, что какъ ни безобразны подчасъ недостатки человѣческаго тѣла, но въ нихъ есть красота своеобразности, и что только тотъ, кто изучаетъ ихъ добросовѣстно, можетъ создать достаточно правдивую картину толпы, особенно въ смыслѣ движенія. Увы!.. моя мечта создать такую жизненную толпу обошлась очень дорого!..

— Какъ такъ?

— А такъ... вы, конечно слышали, что я провелъ въ ссылкѣ цѣлыхъ четыре года въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ?

— Да!

— Ну вотъ, а попалъ я туда жертвой своей наблюдательности. Только вслѣдствіе моего непремѣннаго желанія понаблюдать

оживленіе народное, хотя это и была толпа довольно однородная, студенты, курсистки. Но меня интересовали лица, лица и жесты, полные движенія, и я вглядывался въ загоравшіеся огоньками возбужденные глаза, въ широко открывавшіяся и яростно что-то выкрикивающія губы ораторовъ, въ торжествующіе, восторженные взгляды и радостныя и негодующія улыбки слушателей. А тамъ налетѣла новая толпа всадниковъ, и сквозь рукава шинелей ясно вырисовывались напряженные мускулы рукъ, то рвущихъ поводьями рты лошадямъ, то занесенныхъ съ нагайками, а на лицахъ тоже выраженія чисто звѣрской злобы и безотчетной удалы и какого-то особаго сознанія собственной силы и правоты, и обреченности преслѣдуемыхъ. Но тутъ изъ простаго наблюдателя я быстро превратился въ лицо дѣйствующее, а потомъ и страдательное, такъ какъ ухватился за одну изъ этихъ ногаекъ и вырвалъ ее изъ рукъ владѣльца, за что и подвергся неожиданному натиску и жестокому избіенію сперва, а потомъ и аресту...

— Вы, говорятъ, зато успѣли помочь скрыться одному изъ товарищей?

— Не знаю... кажется... дѣло не въ томъ... Но я гляжу на этотъ моментъ именно какъ на вмѣшательство судьбы. Видите ли, теперь о возвратѣ въ технологи у меня и рѣчи не возникаетъ. Я исключенъ безъ права возвращенія и потому какъ никакъ—дорога у меня одна—школа рисованія пока, ну, а выйдетъ какой-нибудь манифестъ—попаду и въ академію... Относительно четырехъ лѣтъ моей ссылки я тоже не горюю. И мѣстность, и люди, и костюмы—все было новое, невиданное и въ высшей степени интересное. Только глаза имѣть надо было. И опять-таки не будь я столь наблюдателемъ, я, можетъ быть, и отдѣлался бы много дешевле, да, на мой грѣхъ, расположеніе бровей у допрашивавшаго меня жандармскаго полковника было диковинное, и, не играй такъ свѣтъ и тѣни на его аксельбантахъ, я, вѣроятно, тоже отвѣчалъ бы болѣе впопадъ. Но я залюбовался этой игрой и заинтересовался во время допроса этими точно молью изъѣденными бровями, съ упрямо торчавшими впередъ отдѣльно уцѣлѣвшими волосками и несъ, конечно, странную чепуху, чѣмъ окончательно вывелъ изъ себя его высокородіе.

— А развѣ въ ссылкѣ не было вовсе тяжело вамъ?

— Въ смыслѣ нравственномъ—не особенно, именно благодаря рисованію, ну, а въ физическомъ... приходилось существовать на казенный фондъ, потому что домашняя субсидія была отпомъ совершенно прекращена... Росъ же я все-таки маменькинымъ сыночкомъ, ну, а на девять копеекъ не очень раскутишься... Первое время гвоздила меня ужасно вѣчная неувѣренность, что во всякую минуту, подъ предлогомъ обыска, можетъ ввалиться въ мою убогую конуру урядникъ и запретить даже выходить на улицу или велѣтъ тушить огонь въ семь часовъ вечера... Однажды

это и случилось, и онъ, найдя у меня эскизы на бумагѣ, прибрѣтенной, благодаря экономіи на кускѣ хлѣба, отправилъ ихъ съ триумфомъ къ исправнику и тѣмъ оказалъ мнѣ неожиданную услугу. Сей уѣздный сатрапъ и вершитель моей судьбы оказался прирожденнымъ меценатомъ и сперва потребовалъ, чтобы я нарисовалъ его собственный портретъ, гдѣ я и изобразилъ его чуть не полнымъ генераломъ, а потомъ и его супруги съ лѣвой стороны... а тамъ и пошло, и пошло. Я вскорѣ сталъ моднымъ живописцемъ бо-монда города Загонска и могъ рисовать и писать красками, и пользоваться гостепріимствомъ у моихъ заказчиковъ, и не отказывать себѣ и въ улучшеніи домашняго обихода, пока не истекъ срокъ моего наказанія и не вызвала меня къ себѣ больная мать. Ну-съ, вотъ вамъ полная моя біографія и даже психологія. Теперь поговоримъ о васъ. Какъ провели вы вчера время въ Новомъ?

Маруся рассказала о своихъ впечатлѣніяхъ, о красотѣ дома и парка, и, къ своему удивленію, даже о павильонѣ Леды, умолчавъ, однако, о Нерадовѣ.

— Гм... павильонъ, вѣрно, интересный и разрисованъ, конечно, какимъ-нибудь крѣпостнымъ Рафаэлемъ. Въ этихъ старыхъ барскихъ гнѣздахъ должны встрѣчаться удивительныя произведенія иногда весьма талантливыхъ, но, увы, и безвѣстныхъ, и непризнанныхъ художниковъ. Я часто мечталъ порыскать да поискать ихъ, а потомъ составить изъ нихъ своеобразный музей и назвать его «Свобода духа въ тѣлѣ раба».

— Если бы вы знали, какъ вчерашняя поѣздка меня взволновала, какъ многое я поняла, о чемъ имѣла смутное представленіе... и какъ мнѣ совѣстно, что и я внучка людей, владѣвшихъ другими людьми, можетъ быть, угнетавшихъ ихъ,—тихо сказала Маруся.

Данила отложилъ палитру и кисть.

— Но вы тоже дочь и человѣка другихъ воззрѣній. Хотя я,—простите,—и не вполнѣ сочувствую его образу дѣйствій. Мнѣ обидно всякое покушеніе на жизнь другихъ. Я не былъ бы поэтому никогда въ силахъ,—стать анархистомъ.

— Я тоже,—отвѣтила Маруся.—Но я часто и много думаю о прежней жизни здѣсь въ Колычевѣ, и мнѣ все почему-то кажется—если теперь у насъ плохи дѣла, то виновать не дѣдъ и не мать, а тѣ, которые были до нихъ и не сумѣли устроить такъ, чтобы и работавшимъ на нихъ вѣкъ мужикамъ было бы тоже хорошо и легко, и это возмездіе. Вы знаете, я чувствую себя также виноватой передъ ними, но ничего сама не дѣлаю, чтобы исправить свою вину. Я какъ-то сказала объ этомъ дѣду, а онъ отвѣтилъ: «Самое и для нихъ и для тебя будетъ полезное,—выбей ты эту вину изъ своей головы и живи попросту...» Я понимаю, онъ боится, чтобы по наслѣдству мнѣ не передались идеи отца... Напрасно: ни готовить, ни бросать бомбы я бы не могла.

Она встала и заглянула на холстъ. Видимо, она была очень разочарована творчествомъ своего портретиста,—неужели она похожа на эту синеватую съ коричневыми пятнами лепешку?

Данила усмѣхнулся:

— Ну что, хорошо?

— Не... не особенно!

— Подождите, пока судить рано.

Они разстались, пожавъ другъ другу руки.

Х.

Небеса отъ насъ далеки,
Звѣздамъ къ намъ не долетѣть,
И, въ страданьяхъ одиноки,
Люди учатся терпѣть.

(«Звѣзды». М. К.)

Сеансы продолжались, и съ каждымъ разомъ молодые люди все ближе чувствовали себя другъ къ другу.

Маруся держала себя совершенно просто и свободно. По просьбѣ Данилы, она декламировала свои стихи, изъ которыхъ онъ попросилъ многіе переписать для него.

— Для чего?

— Такъ, надо!—отвѣтилъ онъ, рѣшивъ тайкомъ и сюрпризомъ для нея послать ихъ въ какую-нибудь газету.

Маруся обѣщала и по этому поводу заговорила о Катѣ Сѣвской, а потомъ и о Софроновѣ и Нерадовѣ. Къ своему удивленію, она даже рассказала о гаремѣ во флигелѣ.

Данила усмѣхнулся.

— Что жъ, въ тѣ времена вещь самая обыкновенная... Дѣвичья честь была въ глазахъ барина дорога лишь у его собственныхъ дочерей и сестеръ, а къ остальнымъ, и тѣмъ паче находившимся отъ нихъ въ крѣпостной зависимости, мѣрка прилагалась обратно пропорціально собственному влеченію.

Маруся вспыхнула и почувствовала себя неловко.

«Никакъ я забываюсь,—говорю о такихъ вещахъ съ молодымъ человѣкомъ... что бы сказала мама?»

Это «что бы сказала мама?» приходило ей все чаще на умъ. Она отгоняла его отъ себя, извиняя свою скрытность тѣмъ, что долгъ платежомъ красенъ и не могла же она отказать Данилѣ въ его просьбѣ позировать, если онъ не только вернулъ ей «Повилику», но даже никому ее не выдалъ? Да и отказать отъ портрета было бы обидно. Кто знаетъ, можетъ прійти день, когда и дѣдъ, и мать только поблагодарятъ ее за ея настоящую уступчивость талантливому художнику, потому что съ каждымъ сеансомъ сходство увеличивалось, и Маруся, радостно вспыхивая, думала про себя:

«Неужели я действительно такая?»

Ея лицо, съ задумчиво поднятыми глазами, нравилось ей, какъ бывало въ дѣтствѣ, когда она распускала волосы и прикалывала старый бантъ изъ пожертвованной бабушкою ленты, и портретъ напоминалъ ей снова головку въ гостиной у Сѣвскихъ.

Черты были какъ и въ жизни неправильны, но Данила уловилъ ихъ игру и красивымъ поворотомъ головы сумѣлъ скрыть недостатки. Теперь онъ уже дописывалъ сложенные у подбородка руки, на которыя она опиралась, словно только что оторвавшись отъ книги. Остальныя детали онъ собирался докончить дома. Было очень душно, и онъ часто отрывался.

— Сегодня Ильинская пятница,—замѣтилъ онъ, вытирая лобъ:— какъ бы не было грозы.

— Не предвидится, кажется, небо ясное,—отвѣтила Маруся.

— Отсюда не видать горизонта, а тамъ, можетъ быть, и тучи уже скопляются. Это какъ и въ жизни: чувствуешь себя хорошо и беззаботно, а бѣда уже подкрадывается.

— Ну, такъ что же,—весело отвѣтила дѣвушка:—отчего же не пользоваться минутами счастья, разъ на душѣ хорошо и радостно? Вѣдь тогда никогда жить спокойно нельзя, если вѣчно бояться, не грозить ли что-нибудь?

— Вѣрно... да вѣдь и я не нытикъ и терпѣть нытья не могу. Мнѣ, да и вамъ также, ныть—преступно. Намъ дано высшее счастье на свѣтѣ...

— Какое?— у Маруси даже духъ захватило.

— Да искусство... Вѣдь вотъ сейчасъ... Развѣ не блаженство эти часы, гдѣ кисть послушно воплощаетъ давно лелѣянную мысль? Вѣдь это же творчество... Творить по замыслу... это проявленіе божественности человѣческаго духа, какъ признакъ его происхожденія отъ Бога, и творчество есть тоже божественный признакъ и самого Бога... Помните: «Вѣрую во единого Бога Отца Вседержителя Творца...» И человѣкъ—художникъ, музыкантъ, поэтъ—они близки къ источнику божественности въ минуты творчества... Это высшее благо, доступное людямъ... Это блаженство въ земной жизни—творить по собственному замыслу, по образу желанному и подобію избранному... И, какъ всякое блаженство, оно достигается и великими муками... Развѣ вы не испытали этого?..

Маруся медленно кивнула головою.

Еще бы! развѣ не были блаженны, мучительно хороши и до слезъ блаженны минуты, когда ея мысль тоже воплощалась въ образы, а образы въ слова, слагавшіяся въ стихи? Развѣ не блаженство было до жуткости ясно слышать голоса Повилики и короля и рисовать себѣ до мельчайшихъ подробностей ихъ движенія и выраженія лицъ и ихъ окружавшіе предметы?..

— Вѣрно... вѣрно!.. вѣдь и змѣй, искушая, говорилъ: вы будете,

какъ боги... вы будете понимать, творя, что хорошо и дурно... Но отчего же никогда сама не знаешь навѣрно, хорошо или дурно, что создано мною?

— Оттого,—отвѣтилъ Данила,—что когда кончается порывъ вдохновенія, гаснетъ свѣтъ божественности человѣка и изъ охватившей душу тьмы выползаютъ черныя сомнѣнія, которыя мутятъ умъ и колеблютъ вѣру. Вдохновеніе отъ Бога, сомнѣніе—отъ...

Онъ не договорилъ. Надъ ихъ головами неожиданно перекатилась громовая волна.

— Вотъ видите, Ильинская пятница даетъ себя знать. Того и гляди, грянетъ ливень. Пора кончать.

Тучи дѣйствительно набѣжали. По только что темно-синему небу надъ гротомъ мчались легкіе сѣрые клочья облаковъ. Деревья оцѣпенѣли. Акаціи стояли недвижно сжатымъ кольцомъ. Стало еще душнѣе. Точно весь накопившійся за эти часы зной осѣлъ на площадкѣ. Сверкнула молнія, и ударилъ громъ еще ближе, еще раскатистѣе.

— Какъ бы не вымокнуть,—сказалъ Данила.—Знаете, я лучше пока приберу свое хозяйство.

Онъ началъ спѣшно укладывать палитру и краски и откатилъ мольбертъ съ портретомъ поглубже въ гротъ, но едва они попрощались и Маруся собралась уйти, какъ забарабанилъ крупный дождь и обрушился настоящей водяной стѣною на полукруглѣ площадки. Данила схватилъ ее за руку и увлекъ обратно.

— Нельзя... переждемте... тутъ безопасно. Я не разъ пережи далъ здѣсь грозу...

Тьма дѣлалась все чернѣе. Сквозь занавѣсъ дождя сверкала то голубыми, то оранжевыми вспышками молнія, и громъ сливался въ сплошной грохочущій гулъ. Яркіе отблески озаряли на мгновенье всю внутренность грота до задней, одѣтой зеленымъ мхомъ стѣнки. Фавнъ весело и широко улыбался въ отвѣтъ грознымъ лучамъ и потоками выплевывалъ воду, плескавшую черезъ края раковины на полъ. Лужи становились съ каждымъ мгномъ все полнѣе и наконецъ слились въ сплошное озеро, подступая къ ногамъ.

— Встаньте на скамью,—посоветовалъ Данило и помогъ Марусѣ взобраться, удержавъ ея руку въ своей.

— Я боюсь, что наши беспокоятся обо мнѣ... Надо было сразу бѣжать мнѣ домой.

— Напротивъ, это было бы большимъ рискомъ. Подъ деревьями всегда опасно въ грозу. Можетъ каждую минуту ударить молнія.

И словно въ подтвержденіе раздался такой оглушительный ударъ, что Маруся покачнулась и чуть не упала. Данила усадилъ ее на столъ, а она закрыла лицо руками и инстинктивно прижа-

лась къ его плечу, чтобы не видать ослѣпляющаго блеска, на минуту зажегшагося въ гротѣ. Онъ замеръ.

Прошло нѣсколько мгновений, минутъ или часовъ,—никто изъ нихъ сказать бы не могъ. Дождь сталъ утихать. Удары становились рѣже, вспышка слабѣе. Маруся открыла глаза и въ ужасѣ отшатнулась.

— Господи!.. Что это?

Она въ объятіяхъ молодого человѣка? Какой стыдъ!..

— Господи! что вы должны подумать обо мнѣ? Бога ради, извините... Я себя не помнила со страха,—выговорила она, оправляя волосы и чуть не плача.

Онъ стоялъ возлѣ и улыбался дѣтски-сконфуженно.

— Напротивъ... я былъ такъ счастливъ!..—Вся его увѣренность, весь проповѣдническій тонъ пропали.—Вы ничего худого не сдѣлали... вы не думайте... Я самъ испугался... Ударъ былъ такой страшный... Я тоже увѣренъ, что онъ натворилъ бѣды... Вотъ и дождь перестаетъ... Сейчасъ и итти можно будетъ. Я тоже безпокоюсь. Такая жуть напала на меня. Я за мать боюсь...

— Да, да!..—пробормотала Маруся и хотѣла прибавить: «вѣдь и бабушка умерла въ такую же грозу», но во время удержалась и заглянула на площадку,—тамъ стояло цѣлое море.

— Какъ вы пойдете?—спросилъ Данила:—вы насквозь промочите ноги.

— Ничего... идите... Я пережду немного... Но погодите... что это?.. Господи!.. никакъ набатъ?

Дѣйствительно, въ утихавшій шумъ дождя врывался цѣлый хаосъ какихъ-то звуковъ и частые характерные удары набата.

— Это загорѣлось отъ молніи... Гдѣ?

— Идите!.. идите!.. Я сейчасъ...

— Нѣтъ, пойдѣте вмѣстѣ... Я вынесу васъ отсюда на дорогу!..

— Нѣтъ, Бога ради, не надо... Бѣгите!.. я потомъ сниму башмаки и чулки, я привыкла ходить босикомъ, а теперь надо скорѣе узнать, гдѣ пожаръ... Идите и крикните мнѣ сюда, гдѣ горитъ.

Онъ скрылся въ акаціяхъ. Она стала разуваться.

— За-водъ го-ритъ!..—донесся до нея голосъ Данилы.

Не дожидаясь Маруси, молодой Евграфовъ бросился къ дому.

Выйдя изъ лабиринта, Маруся оглянулась въ сторону собственной усадьбы. Тамъ было, вѣроятно, все благополучно. Никакихъ тревожныхъ шумовъ не долетало.

«Слава Богу, не у насъ!» перекрестилась она.

Какъ ни боялась Маруся нападковъ на свое продолжительное отсутствіе, но любопытство взяло верхъ надъ страхомъ, и съ чулками и башмаками въ рукахъ она, высоко подобравъ платье, бросилась черезъ олешникъ къ забору.

Изъ-подъ навѣса вѣтвей выбивались клубы дыма и, словно космы чей-то чудовищной гривы, вились по вѣтру по направленію кулиги. За стѣнами амбаровъ и сараевъ слышался хаосъ звуковъ, — ревѣли быки и коровы, голосили бабы, орали мужики... Трещали балки и лязгали срываемые листы желѣзныхъ крышъ. Струи насосовъ оглушительно шипѣли и взвивались бѣлымъ паромъ изъ пламени. Маруся кое-какъ обулась и взобралась на валь за заборомъ, откуда открывались все владѣнія Евграфовыхъ. Направо въ глубинѣ черезъ дорогу былъ виденъ домъ съ цвѣтникомъ, налѣво хозяйственные постройки, длинной улицей примыкавшія къ заводу и экономіи. Вѣтеръ былъ какъ разъ въ ихъ сторону, и языки пламени, словно шала и дразня, перебѣгали по стрѣхѣ ближайшей къ скотному двору крыши, соединенной съ заводомъ воздушнымъ жолобомъ на высокихъ козлахъ, по которому стекала въ коровникъ барда. Уже загорѣлось первое колѣно его. Изъ сараевъ, выбиваясь изъ силъ, люди тащили на цѣпяхъ упрямо упиравшихся быковъ, а женщины, голоса и причитая, выгоняли скотину. Тутъ толпились рѣшительно все, кого знала Маруся. Металась, какъ угорѣлая, Фетиша, носилась горничная, сидя на землѣ, раскачивалась изъ стороны въ сторону опалѣлая и подвыпившая кухарка.. На секунду промелькнула фигура конторщика, брата Лампуши. Старикъ Евграфовъ кружился съ ведрами въ обѣихъ рукахъ, а голосъ управляющаго оралъ, покрывая гулъ и свистъ пожара:

— Руби желоба!

Съ топоромъ въ рукахъ бросился къ подпоркамъ молодой Евграфовъ. Онѣ рухнули. Маруся вскрикнула. Ей показалось, что онѣ придавили Данилу... Но онъ уже былъ снова на ногахъ и бросился рубить слѣдующія.

Маруся оглянулась въ сторону дома. Тамъ было все тихо. Очевидно, онъ былъ совершенно пустъ, потому что все были на пожарѣ.

Что должна была испытывать въ эти минуты мать Данилы, очевидно, брошенная близкими? Вдругъ ей какъ разъ въ эту минуту нужна немедленная помощь?..

Не спрашивая, хорошо или дурно, не помня себя, Маруся спустилась съ вала и перепрыгнула черезъ ровъ. Въ первый разъ въ жизни скрипнула за нею калитка евграфовскаго сада. Она перебѣжала черезъ него и мимо клумбъ съ пестрыми шарами, въ которыхъ теперь отражались красные отсвѣты пожара, поднялась по ступенькамъ террасы съ разноцвѣтными стеклами. Толкнула дверь. Очутилась въ залѣ. Куда же итти?.. Изъ коридора справа раздался кашель и слабый голосъ:

— Фе-ти-ша!..

Маруся пошла на него. Въ открытую настежь въ глубинѣ дверь она увидала высоко поднятыя, укрытыя одѣяломъ колѣни и сперва

приняла ихъ за самое больную. Та повернула голову. Широко и испуганно открылись недоумѣвающіе глаза.

— Не бойтесь... это я... Маруся Яшнева,—заговорила дѣвушка:—всѣ ваши тамъ на заводѣ... они заняты... я пришла узнать, не надо ли вамъ чего-нибудь... Я знала, что вы больны... я была рядомъ... я пока останусь съ вами... посижу у васъ...—шептала она, сама тоже испугавшись своей рѣшимости и задыхаясь въ спертomъ воздухѣ.

Авдотья Тарасовна слабо улыбнулась.

— Спасибо!.. Что... тамъ... какъ?..

— Не знаю... Ахъ, Господи, чѣмъ я могу помочь вамъ? Скажите!

— Ничего...—просипѣла больная.—Что тамъ горить?.. Заводъ?.. Да?.. скажите...

— Кажется... я хорошенько не знаю.

— Божій гнѣвъ... Божій гнѣвъ!..—шептали узкія блѣдныя губы.—Богъ огнемъ своимъ спалилъ... Даня уговаривалъ... слушать не хотѣлъ... Богъ вмѣшался... довольно отравлять... Господи... Господи... слава Тебѣ!.. Идите, милушка!—обратилась она черезъ минуту къ Марусѣ:—спасибо!.. я и одна полежу... я привыкла... Развѣ испить подайте... А за меня не бойтесь... не привыкать... вонъ стаканъ на комодѣ...

Маруся подала стаканъ и, подсунувъ руку подъ подушку, приподняла голову больной. Та сдѣлала нѣсколько глотковъ и тихо погладила руку дѣвушки.

— Идите, милушка... еще, не дай Богъ, на кого... нарветесь... Обидять... идите... и дай вамъ Господь... всего... въ жизни... Спасибо...

Маруся вышла, но оглянулась еще разъ.

— Вы, правда, не бойтесь?

Авдотья Тарасовна покачала головою.

Тою же дорогой черезъ террасу и цвѣтникъ вышла Маруся изъ сада и снова скрипнула ей уже по знакомому захлопнувшаяся калитка. Пожаръ все еще не унимался. Ей неодолимо захотѣлось поближе взглянуть на него, и она, перейдя дорогу, пошла между амбаровъ ко двору, какъ вдругъ чуть не лбами столкнулась съ Лампушей, нагруженной узлами, мокрой и всклокоченной, какъ окаченая водою курица...

— Ты тутъ...—удивилась та.—Вотъ кстати... Я къ вамъ бѣгу... Только по дорогѣ хотѣла конторскія книги къ Данилѣ Михайловичу забросить... Бери вотъ этотъ узелъ... Это все наше съ братомъ добро... остальное сгорѣло... Господи! какой это ужасъ! Цѣлый адъ...

— Какъ?.. значить, и контора...

— Все, все... всѣ квартиры и казармы... Одинъ заводъ уцѣлѣлъ... Не дай Богъ, если не отстоятъ... Вѣдь складъ со спиртомъ

рядомъ... хоть и за капитальной стѣною... Загорится,—вся Евграфовка взлетитъ... И то чудо, что пока цѣлы... Въ трубу ударило... Какъ на грѣхъ, проволоки отъ громоотвода вчера срѣзали изъ-за ремонта ослы-маляры... Ѳедоръ Ивановичъ проворонилъ... Охъ, бѣгу... что-то будетъ... Двухъ рабочихъ крышей придавило... Страсть одна...

— Пойдемъ къ намъ!

— Съ ума ты сошла? Что я брата тутъ оставляю? Да и Данилѣ Михайловичу мало ли какъ пригодиться могу... Онъ молодецъ... а старикъ ровно свихнулся... мечется безъ толку и ведра пустяга таскаетъ... Да и немудрено... Ну, я бѣгу... а ты узель-то не растеряй... больше ничего нѣтъ...

Маруся направилась въ старую усадьбу, радуясь, что хоть Лампушинъ узель поможетъ ей оправдаться въ исчезновеніи изъ дома. Встрѣча превозшла всѣ опасенія. Дѣдъ забилъ цѣлую дробь костьюлемъ. У Кирилловны горло даже перехватило. Мать, заплаканная и гнѣвная, повернула ей спину и не пожелала слушать никакихъ оправданій.

— Это изъ рукъ вонъ такъ пропадать!—ораль Игнатій Львовичъ.—Это верхъ эгоизма... Никакого ни до кого изъ насъ тебѣ дѣла нѣтъ... Куда ты провалилась? Отвѣчай!

— Чѣмъ браниться, лучше запри къ себѣ этотъ узель,—тутъ все достояніе Тереховыхъ,—сунула внучка ему узель въ руки.—Контора и всѣ службы сгорѣли...

— Такъ ты на пожарѣ была?

— Ну, разумѣется!—раздался изъ-за двери голосъ матери.—Какъ и въ дѣтствѣ—воплощенное любопытство!

— А что же...правду говорятъ, вся Евграфовка до тла сгорѣла?—не утерпѣла Кирилловна.

— Домъ цѣлъ, а заводъ не знаю, я до него не дошла... Это по дорогѣ мнѣ Лампуша дала...—отвѣтила Маруся.

— Божій гнѣвъ!.. Божій гнѣвъ!..—прошамкала старуха и злобно добавила:—вотъ тебѣ и богатство!

XI.

Солнце за море садится,
И оттуда къ берегамъ
Золоченый путь змѣится
По бѣгущимъ вдаль волнамъ.
Видишь, какъ стремятся лодки
Вдоль по этому пути?..

Это къ счастью путь короткий.
Надо смѣло имъ итти,
Чтобъ успѣть въ вѣнцѣ заката
Лучъ послѣдній ухватить
И изъ пойманнаго злата
Выпрясть огненную нить.

(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

Заводъ отстояли.

Какъ ни велики были прочіе убытки, но Евграфовка осталась на прежнемъ мѣстѣ и на воздухъ не взлетѣла.

У Михайлы Демьяновича все, конечно, было хорошо застраховано, и слетѣвшіеся агенты должны были констатировать отсутствіе поджога. Пожаръ произошелъ отъ удара молніи. О надрѣзанныхъ проволокахъ даже и вопроса не возникало, онѣ были въ порядкѣ при осмотрѣ, и это было главное. Кто и когда ихъ поправилъ, никто не зналъ, да и сказать бы не сумѣлъ—были онѣ надрѣзаны, или это лишь люди болтали.

Загорѣлось тоже не рядомъ съ дымогарной трубою, а по свидѣтельству кое-кого около вяза на кулигѣ, и заборъ, отдѣлявшій могилы, сгорѣлъ цѣликомъ. Старый вязъ тоже пострадалъ и протягивалъ къ Евграфовкѣ опаленные сучья, но сторона, обращенная къ Колычеву, осталась не тронутой и попрежнему шелестѣла темно-зеленою сѣнью надъ намогильными и тоже уцѣлѣвшими крестами. Это всѣмъ казалось очень страннымъ и вѣщимъ предзнаменованіемъ.

«Не къ добру!» думалъ каждый, но никто не высказывался въ присутствіи хозяина. И онъ самъ чувствовалъ, что не къ добру. Не даромъ онъ такъ за могилы держался... Вотъ отняли—и началось... А чѣмъ кончится?..

«Отвоюю... не я буду, если не отвоюю назадъ!—зlobствовалъ онъ.—Подавишься теперь, старый чортъ, попляшете, собачьи дочки... Съ сумою побѣжите, а кулига будетъ опять моя!»

Пока еще некогда было думать о способахъ провести слово въ дѣло.

На пожарищѣ шла спѣшная уборка и расчистка. Въ домѣ толклись всякіе по дѣламъ съѣхавшіеся люди—акцизные и слѣдственные власти и агенты, и не было ни одного свободного уголка, потому что приходилось размѣщать и погорѣвшихъ служащихъ. Рабочіе ночевали въ селѣ, у кого попало, а Лампуша и семья акцизнаго Большакова нашли пріютъ въ самой усадьбѣ у Яшневыхъ.

Варвара Павловна Большакова, живя цѣлый годъ рядомъ, только теперь узнала ихъ поближе и была очарована и старымъ врачомъ, и его снохою, и Кирилловной, а главное Марусей. Никакой гордости, все такъ радушно и просто, хотя очень и очень не роскошно. Ея дѣти, два мальчугана и дѣвочка, тоже быстро освоились и бѣгали повсюду за Марусей.

Къ удивленію всѣхъ, дѣтишки были очень блѣдныя.

— Да,—разсказывала мать:—мнѣ съ ними чистое наказаніе. Вѣдь сказать—не повѣрятъ, а живемъ мы точно въ крѣпости. Дѣтямъ гулять негдѣ. Ни деревца, ни цвѣточка около нашего дома. Михайла Демьяновичъ во всемъ, гдѣ можетъ, урѣзываетъ насъ. Когда мужа сюда назначили, я такъ обрадовалась. Думала, деревня, просторъ, дѣти на чистомъ воздухѣ поправятся, а на дѣлѣ вышло совсѣмъ по другому. Сперва, какъ мы пріѣхали, за нами тутъ всѣ

ухаживали, а самъ хозяинъ больше всѣхъ. Надѣялся, видно, что мужъ ему потачки всякія дѣлать будетъ, ну, а какъ убѣдился, что его не подкупишь и онъ своей присягѣ не измѣнникъ, сталъ тѣнить. Разъ даже ко мнѣ явился, я думала такъ, въ гости, а онъ вдругъ говорить: «Вы бы, сударыня, какъ-нибудь супруга допросили, пусть онъ самъ укажетъ, какою мѣрою я удовлетворить его могу». И ничего не поняла сперва, а потомъ, какъ смекнула, на полъ передъ нимъ плюнула и на дверь указала.

— Жаль, что только на полъ, а не въ фізіономію!—вздохнулъ Игнатій Львовичъ.

— И того довольно... И такъ ужъ житья иногда нѣтъ... Подъ нашей квартирой сарай нарочно устроилъ, чтобы полъ холоднѣе сталъ, гудокъ подъ самыя окна къ намъ перевелъ, собачью будку у крыльца поставилъ и такого пса посадилъ, что дѣти мимо ходить боятся. Куръ пробовала я завести—ничего не вышло,дохнуть да и все тутъ. А къ молоку у насъ у всѣхъ отвращеніе изъ-за запаха—пахнетъ бардою до тошноты...

— Господи, да вы бы къ намъ присылали, да и дѣтей отчего не пускаете въ нашъ садъ? Пусть бы себѣ гуляли...

Варвара Павловна усмѣхнулась.

— Не разсердитесь... а боялась я васъ... Много ужъ разнаго слышалась... Хотя Савва Григорьевичъ да и отецъ Сила съ ма-тушкою другое говорили... А боялась тоже и изъ-за Евграфова, думала, еще хуже дѣло испорчу... Теперь самъ Богъ меня сюда привелъ... Дѣваться-то вѣдь иначе некуда было... Да авось мужа куда-нибудь переведутъ! А то и жалованье хорошее, и квартира полагается, а хуже каторги... Иной разъ я плачу, зачѣмъ онъ въ акцизъ пошелъ... Вѣдь онъ университетскій у меня... Мало ли ка-кую дорогу избрать могъ, а вотъ жалованьемъ выгоднымъ соблаз-нился и какъ никакъ все-таки пагубѣ народной служить...

Елизавета Ивановна погладила ея руку.

— Не ради же пагубы онъ въ акцизъ пошелъ?.. Вѣдь не на то же монополію вводили... лучше сдѣлать думали...

— Знаю, что лучше думали, да выходитъ-то еще хуже. Сами знаете, что за пьянство, какой разоръ да развратъ кругомъ... Дѣ-тей отъ полу чуть видно, а такъ и бѣгутъ съ бутылками на плотину въ лавку. Я какъ-то гулять со своими пошла, перешли черезъ плотину въ поле, видимъ, у межи четверо ребятковъ, старшей дѣвочкѣ лѣтъ восемь, не больше, а въ рукахъ у нея мерзавчикъ. Сама пьетъ и всѣмъ по очереди пробовать даетъ, даже самой маленькой, что у нея на рукахъ. Я въ ужасѣ говорю: «Дѣти, что вы дѣлаете! вѣдь это грѣхъ». А она мнѣ такъ нахально отвѣчаетъ: «Проходи, те-пенька! не на твои деньги купили». Вѣдь это же ужасъ одинъ! Право, раньше этого не было и дѣтямъ изъ кабака водки не про-давали...

— Тоже бывало,—возразилъ Игнатій Львовичъ:—а, конечно, грустно около такого дѣла жизнь проживать...

Лампуша въ этихъ бесѣдахъ участія не принимала. Она, поселившись въ угольной, долбила и зубрила день и ночь. Но и сю поневолѣ пришлось заняться, потому что всѣ ея вещи сгорѣли, и у нея оставалось только то, въ чемъ она выскочила. Теперь она щеголяла въ вещахъ Елизаветы Ивановны, и Маруся перешивала ихъ на нее.

Въ этихъ заботахъ и хлопотахъ мелькали дни. Погода стояла дождливая, и гулять не удавалось, а въ гротѣ стоялъ еще не оконченный портретъ. Неужели ихъ сеансы никогда не возобновятся?

Именины ея хотя и прошли люднѣе обыкновеннаго, благодаря присутствію въ домѣ постояльцевъ и пріѣзду Софронова, но дождь лилъ какъ изъ ведра и было такъ тоскливо, что хотѣть плачь.

Только къ первому Спасу уѣхали Большаковы, перекочевавъ на всю зиму до постройки новаго флигеля въ отремонтированную избу на селѣ, и Маруся вздохнула полной грудью:

— Наконецъ-то!..

Убѣдившись, что въ домѣ всѣ заняты своимъ дѣломъ, она направилась въ лабиринтъ. Ей казалось, что Данила непременно тамъ и ждетъ ее. Знаетъ ли онъ, что она была у его матери, а если знаетъ, то какъ относится къ этому? Чѣмъ объясняетъ этотъ ей самой непонятный теперь порывъ?

Она не дошла и до половины французскаго сада, какъ уже онъ попался ей навстрѣчу.

— Слава Богу! я боялся, что и сегодня васъ не дождусь!—проговорилъ онъ и крѣпко сжалъ ей пальцы.

— Я боялась итти сюда, чтобы дѣти Большаковыхъ за мною не увязались,—отвѣтила она и радостно оглянула его.

Онъ былъ совершенно другой... вмѣсто блузы—синій пиджакъ, нѣсколько мѣшковатый... манишка... галстукъ... Лицо точно осунулось, глаза стали еще больше и глядятъ такъ кротко, почти нѣжно. Рука все еще сжимаетъ ея руку, и онъ ведетъ ее, точно въ полонезѣ, по дорожкѣ къ лабиринту и тутъ только отпускаетъ, потому что по тропинкѣ черезъ акаціи вдвоемъ рядомъ не пройти.

Наконецъ они у грота. Въ глубинѣ едва видно бѣлѣть раковина съ маской, а у входа, обрамленный дикимъ хмелемъ и перьями папоротника, стоитъ на мольбертѣ совершенно законченный портретъ.

— Неужели это я?.. Мнѣ кажется, вы слишкомъ польстили мнѣ,—вырвалось у Маруси при взглядѣ на фигуру дѣвушки, эффектно оттѣненную зеленью.

— Нѣтъ, копія всегда слабѣ оригинала!—отвѣтилъ онъ.—Я не льстилъ... Я писалъ такъ, какъ вижу, какъ чувствую и понимаю васъ... Послушайте, я не ораторъ и не человѣкъ гостиныхъ... но я

не могъ дожидаться этой минуты, чтобы высказать вамъ, какъ безконечно вы тронули меня... Я не умѣю выразить, что со мңою сталося, когда мать рассказала мнѣ, что вы приходили къ ней... Сперва я подумалъ,—это бредъ... Это потому, что она испугалась пожара, или, можетъ быть, дѣйствительно видѣла васъ во снѣ, но потомъ и Евлампія Матвѣевна говорила, что столкнулась съ вами у нашего дома... Значить, вы и въ самомъ дѣлѣ были у матушки? Да?..

— Да! я сама не знаю, почему вдругъ рѣшилась пойти... Въ такую точно грозу умерла бабушка за границей, и я испугалась за Авдотью Тарасовну. Я видѣла, что всѣ на пожарѣ, и подумала, что ей жутко и тяжело одной, и пошла... Мнѣ кажется, въ такія минуты все дѣлается совершенно просто, само собою... что-то вдругъ исчезаетъ, и нѣтъ больше никакихъ условностей...

— Люди становятся сами собою,—досказалъ онъ:—вы правы... Великое несчастье, что такія минуты проходятъ такъ быстро, и мы дѣлаемся опять рабами условностей:.. О, если бы ихъ можно было откинуть навсегда!..

— Почему же нѣтъ?

Она сказала это, не придавая особаго смысла, но онъ взволнованно подхватилъ:

— Откинуть всѣ условности... вы это разрѣшаете?.. Да?.. значить, и мнѣ разрѣшаете?

Маруся затаила дыханіе.

«Что же это такое? Онъ говоритъ такъ странно?.. смотреть такъ странно... Онъ скажетъ сейчасъ что-то особенное... то, что связываетъ мужчину и дѣвушку... Хочу ли я этого?.. Неужели онъ... Неужели я люблю его... именно его?»

А онъ уже говорилъ, сказалъ:

— Люблю давно... съ перваго раза полюбилъ, когда увидалъ вотъ здѣсь на этой самой скамейкѣ... и любилъ и не смѣлъ... мечталъ и не позволялъ себѣ мечтать... Зналъ вѣдь, кто я, чей сынъ, чей правнукъ, и кто вы—чья дочь, чья внучка... Барышня,—а я потомокъ раба и сынъ предателя и кулака... сутяги... разорителя... Все, все зналъ и не могъ... Мечталъ и думалъ: есть же случайности? есть справедливость... Мечталъ прославиться и стать достойнымъ... Не равняться, нѣтъ!.. а склоняться и молиться, и какъ милости просить: не гоните отъ себя!.. дайте минуту счастья, а взамѣнъ возьмите всю мою жизнь...

Маруся столько разъ мечтала услышать когда-нибудь эти слова. Ей казалось, что они должны непременно великимъ блаженствомъ отозваться въ ея собственной душѣ,—но блаженства не было. Сердце не было къ нимъ равнодушно, о нѣтъ! Оно билось такъ громко, что ей казалось, будто оно заглушаетъ даже эти слова, и хотѣлось плакать, и было жаль, безгранично жаль человѣка,

который «любилъ и не смѣлъ, мечталъ и не смѣлъ мечтать о минутѣ счастья съ нею»... Она сама этого не чувствовала, но...

Она протянула ему обѣ руки. Онъ схватилъ ихъ, закинулъ ихъ себѣ на плечи и, чуть не словивъ ея тонкій станъ, поднялъ ее отъ земли и впился губами въ ея только что улыбнувшійся ротъ.

— Моя... моя...

— Пустите... Бога ради, пустите!..

Она забилась и, выскользнувъ изъ его вдругъ ослабшихъ рукъ, чуть не упала, но удержалась на ногахъ.

— Зачѣмъ? зачѣмъ вы дѣлаете это... цѣлуете?.. Бога ради,— выговорила она сквозь слезы:—вѣдь... Ну, какъ я буду теперь смотрѣть въ глаза нашимъ?.. Мать... дѣдь... Подумайте о нихъ?.

Онъ стоялъ, сконфуженно втягивая голову въ плечи, и глядѣлъ въ землю.

— Простите... я... виноватъ... Я очумѣлъ съ радости... Но вы... вы сами протянули мнѣ руки!..

— Такъ не затѣмъ же, чтобы вы воображали меня своею добычею?

Онъ взглянулъ на нее исподлобья. На карихъ глазахъ сверкали слезинки. Ей было обидно и стыдно, и жаль, что то, что должно было быть такъ хорошо и радостно, такъ нѣжно и поэтично, прошло некрасиво, грубо, ну... совсѣмъ, совсѣмъ не такъ, какъ она всю жизнь рисовала себѣ.

Но вѣдь слово было сказано... Неужели она связана теперь, навсегда связана этой грубой ласкою мужчины? Она съ нимъ цѣловалась... Она цѣловалась съ мужчиной... Она—возлюбленная?.. невѣста?.. Чья?.. Данилы Михайловича Евграфова?..

Сердце сжалось. Она закрыла ладонями точно обожженное стыдомъ лицо.

— Бога ради! вы плачете? Простите меня!.. Забудьте, что я сказалъ. Простите мою необузданность, мою мужицкую манеру!.. Я, ей-Богу, не хотѣлъ обидѣть васъ и заставить плакать. Я вѣдь знаю, что я не стою васъ и что мы неровня... Бога ради, я уйду... я уйду... я больше никогда на глаза не попадусь вамъ... Охъ, Господи, что же я надѣлалъ?

Его тонъ былъ такой огорченный, голосъ такой искренній. Маруся открыла лицо и вытерла глаза... Ей опять стало его жаль...

— Нѣтъ, не уходите... постоитъ! Я не сержусь на васъ. Я просто испугалась и растерялась. Я сама взволнована и не знаю, какъ намъ быть. Я боюсь, что мои родные не согласятся... Ваша мать— другое дѣло. Но отецъ... Хотя вы и не любите его,—но онъ все-таки... вы все же его сынъ... И я боюсь, что ни дѣдь, ни мама не захотятъ видѣть его... Они не позволятъ мнѣ выйти за васъ!.. а я... я противъ нихъ никогда не пойду. Какъ это ни странно... Ни за что, ни за что...

— Но вѣдь вамъ и не придется встрѣчаться съ отцомъ. Я рѣшительно разорву съ нимъ навсегда. Я остаюсь тутъ, только покуда мать жива. И въ технологи не пойду. Я уже говорилъ вамъ, что у меня есть одна дорога—академія. И я добьюсь извѣстности, и не только ея, но и славы... Я не прошу вашей руки сейчасъ. Я и права еще на это не имѣю, но умоляю,—позвольте въ будущемъ считать васъ моею... Я очень васъ понимаю... и знаю, что вы противъ родныхъ итти не захотите... Но когда мое имя будетъ достаточнымъ, чтобы не стыдиться, что оно перешло ко мнѣ отъ человѣка не только низкаго по рожденію, но и...—и онъ махнулъ рукою.—Богъ съ нимъ... Только общайте... дайте эту увѣренность... а я даю слово, что разобью всѣ пути условностей, всѣ предубѣжденія противъ меня... Я заработаю васъ!

Маруся полегчало на душѣ. Объясненіе съ родными, тяжелое и неминуемое, откладывалось на неопредѣленный срокъ. Это отличный выходъ. Онъ отлично придумалъ... Умница!.. Она улыбнулась и послѣ небольшого раздумья отвѣтила:

— Конечно... такъ я согласна... Такъ самое лучшее... Все равно, сразу жениться бы мы не могли... и я буду васъ ждать, и сама совершенствоваться... Можетъ быть, и мнѣ удастся составить себѣ имя?— Она сбросила послѣдній остатокъ грусти и задорно прибавила:— Вдругъ когда-нибудь въ газетахъ напечатаютъ: знаменитый художникъ Евграфовъ женится на поэтессѣ М. Колычевой... Развѣ это невозможно?

«Знаменитый художникъ» чуть снова не потерялъ самообладанія, но «поэтесса» протянула ему руку и важно промолвила:

— Вотъ вамъ моя рука для закрѣпленія нашего сговора... Можете поцѣловать...

Онъ нѣжно и бережно цѣловалъ ея руку. Она гладила его волосы.

— Ну, а теперь до свиданья. Не провожайте меня. Вѣдь у насъ Лампуша.

Возвращаясь по старому саду, Маруся улыбалась:

«Я невѣста!.. я невѣста!..»

Словно подслѣповатые старческіе глаза, глядѣли въ аллею окна сѣраго дома сквозь туманъ, поднимавшійся отъ напоенной дождемъ земли. Изъ открытой на террасу двери лились звуки Мендельсоновскаго свадебнаго марша. Молодая улыбка стала еще шаловливѣе. Поднявъ правой рукою слегка намокшее въ лабиринтѣ платье, Маруся протянула лѣвую воображаемому кавалеру и торжественнымъ шагомъ пошла къ дому.

— Что съ тобою?.. Чего ты ломаешься?—раздалось изъ-за сѣти хмеля.—Подожди меня, пойдемъ, еще немножко погуляемъ. Я только что хотѣла итти тебя разыскивать. Надо промяться, а то у меня спина сломится отъ сидѣнья.

Маруся дождалась подруги и вдругъ къ ся удивленію крѣпко поцѣловала ее.

— Что ты точно съ цѣпи сорвалась?.. Пляшешь... лижешься...

— Вообрази себѣ, подь этотъ маршъ...

— Какой маршъ?

— Да свадебный, что мама играетъ, я вообразила себя счастливой невѣстой.

— И иду съ воображасмымъ женихомъ къ воображаемому вѣнцу...—докончила Лампуша:—довольно дурацкое воображеніе, надо отдать ему справедливость... Или... одинъ изъ твоихъ жениховъ уже и въ самомъ дѣлѣ посватался къ тебѣ? Ужь не красномордый ли Софроновъ?

— А вотъ и не онъ! а другой, помоложе...—не удержалась она поддразнить Лампушу.

— Удивительно... у тебя только женихи на умѣ. Это все оттого, что ты ничѣмъ серьезнымъ не займешься,—отвѣтила та брезгливо.— А ужь гдѣ и заниматься, какъ не въ твоей угольной... Я на твоёмъ мѣстѣ не то что на медицинскіе курсы, а на доктора медицины за эти годы тутъ подготовиться бы успѣла... Пока ты шлялась, брать забѣгаль, говорилъ, что съ завтрашняго дня стройка новая пойдетъ. Хоть бы ему квартиру-то прибавили. Да небойсь, Михайла Демьянычъ отъ своей сударной не откажется.

— Отъ какой сударной?..

Лампуша усмѣхнулась.

— Столько лѣтъ рядомъ живешь, а о еврафовской сударной не слыхала? Да рядомъ съ конторой, чтобы ему сударокъ своихъ принимать, у него комната такая.

«Павильонъ Леды»—мелькнуло у Маруси.

— Не въ домѣ же ему ихъ принимать,—все-таки зазорно на глазахъ у жены. У него она такъ шикарно отдѣлана была, вся нынче заново шатромъ такимъ изъ ситца розоваго затянута.

«Какъ въ Новомъ»...—мелькнуло снова.

— Тутъ въ Петровкѣ, когда Татьяна Михайловна приѣзжала, такъ въ его отсутствіе мы съ нею вмѣстѣ заходили. Та такъ и ахнула: я, говорить, и во снѣ такой роскоши не видала... Для дочери отецъ каждый грошъ разсчитываетъ, а ради бабы разориться готовъ... Знаешь, кто у него теперь въ сударкахъ?

— Нѣтъ... откуда же мнѣ знать!

— Анютка Тихонова... я какъ-то на нихъ въ рошѣ нарвалась... Сидятъ подь кустикомъ и воркуютъ. Я, конечно, ай-да въ сторону.

— Господи... Анютка?.. Да вѣдь она замужемъ!.. Что бы сказалъ покойникъ Агаѳонъ.

— Что же, что замужемъ,—мужъ въ солдатахъ, почему же ей не погулять? Молодухѣ тоже жить хочется, а Михайла Демьяновичъ къ своимъ сударкамъ таровать... Я вонъ знаю, что Домна ему свою

Ксюшку навязывала, да она не по вкусу нашему арбузь-пашѣ, ему ступки не нравятся, стройшенькихъ подавай... А Агаонъ, поди, ужъ спилъ...

— Лампуша... что за цинизмъ!..

— Ну, ты недотыка-царевна. Цинизмъ, а сама съ удовольствіемъ слушаешь. Нечего святошей прикидываться. Гляди жизни въ глаза.

Марусѣ вдругъ представилось, что бы сказалъ Данило, слушая ихъ разговоръ? Она поставила его рядомъ съ его отцомъ... Неужели онъ дѣйствительно его сынъ? Такая разница?!

Онѣ дошли до пруда и свернули на кулигу. Заборъ еще не былъ вновь забранъ. Изъ-за вяза виднѣлся дворъ, откуда тянуло смрадомъ обугленного пожарища, расчищенного подъ новую стройку. Двигались люди и доносились голоса. Обѣ дѣвушки задумчиво поглядѣли на вѣковое дерево, словно отвернувшееся отъ мѣста, куда ударилъ Божій гнѣвъ.

— Да!—вдругъ вымолвила Лампуша, точно читая мысли подруги:—когда подумаешь—отецъ съ сыномъ, и ничего общаго. Одному впору бы въ Содомѣ жить, а другой... Хотѣла бы я видѣть ту, которой могъ бы увлечься Данила Михайловичъ... Чего ты руку выдернула?..

— Надоѣло говорить все про Евграфова!.. Поговоримъ о чемъ-нибудь иномъ...—сказала, отвертываясь, заалѣвшая Маруся.

Но Лампуша надулась и во весь обратный путь не проронила ни слова.

ХІІ.

Ты мнѣ улыбкою отвѣтилъ,
И стало на душѣ тепло,
А мѣсяцъ выплылъ, властно-свѣтель,
И заглянулъ къ намъ за стекло.
Кто третій здѣсь?.. Чей это профиль
Отбросилъ черный силуэтъ

И на стѣнѣ, какъ Мефистофель,
Смѣется молча мнѣ въ отвѣтъ.
Мелькаютъ тѣни,—точно руки
Прядутъ таинственную нить,
Чтобъ паутиной зла и муки
Мечты о счастьѣ задуть.

(«Листы пожелтѣлые». М. К.)

Въ теченіе всего августа продолжались ремонтъ и стройка въ Евграфовкѣ, и дробный стукъ топоровъ гулко раздавался по окрестности, долетая въ колычевскую усадьбу, заглушаемый деревьями и кустами сада.

Тѣмъ временемъ въ гротѣ происходили свиданія жениха съ невестой.

Данила приходилъ туда отъ матери, отпускаяшей его отъ себя только вечеромъ, въ предзакатные часы, когда на площадкѣ уже лежали длинныя тѣни и фавнъ таинственно выглядывалъ изъ своего убѣжища.

Онъ приносилъ книги новѣйшихъ авторовъ, о которыхъ впервые услышала отъ него дѣвушка.

Она проглатывала эти книги въ его отсутствіе и говорила съ нимъ о прочитанномъ, а онъ излагалъ свои взгляды и мало-помалу обращалъ ее въ свою вѣру. И если эта вѣра не была атеизмомъ ея отца, если она не проповѣдывала террора, то все же тѣ устои, которые воздвигала въ умѣ и сердцѣ дочери Елизавета Ивановича, съ каждымъ свиданіемъ начинали расшатываться все сильнѣе.

— Вы знаете,—говорилъ Данила:—за что я такъ люблю свою школу? За то, что она была идеаломъ социализма, идеаломъ свободы, равенства и братства. Здѣсь не было ни эллина, ни іудея. Здѣсь не спрашивали, кто ты? чей сынъ? богатъ или бѣденъ? Здѣсь генеральскій отпрыскъ сидѣлъ съ племянникомъ дворника, а рядомъ родовитая баронесса не брезговала совѣтомъ бывшего кантониста, потому что онъ былъ талантливѣе ея. Здѣсь въ тѣсной передней дочь банкира вѣшала свою модную плюшевую жакетку на одинъ гвоздь съ подбитымъ рыбьимъ мѣхомъ пальто бѣдняка. Здѣсь не стыдились заявлять, что въ перерывъ будутъ пить паевой чай, а закусывать булкой болѣе богатаго товарища, потому что само собою разумѣлось, что тому кусокъ въ ротъ не пойдетъ, если онъ не подѣлится имъ съ Ванькой Чухинымъ, который обѣдаетъ всего два раза въ недѣлю, когда ходитъ на урокъ за четвертакъ къ сыну богатаго лабазника. Здѣсь изъ души рвалось «ура!» когда этотъ самый Ванька съ волненіемъ объявлялъ, что получилъ отъ своего лабазника заказъ за двѣ синенькихъ написать вывѣску на новую мелочную, и съ тѣмъ же восторгомъ привѣтствовались и товарищи, переходившіе по конкурсу съ другими школами въ обѣтованную землю—академію. Искусство всѣхъ равняло и спаивало насъ такимъ крѣпкимъ товариществомъ, о которомъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ даже понятія не имѣютъ. Я приносилъ въ жертву школѣ лекціи въ технологическомъ и благополучно застрялъ на третьемъ курсѣ изъ-за живописи. Но я безсиленъ противъ нея... или, вѣрнѣе, я ею силенъ, потому что, вѣрю, она, мнѣ дастъ все, что есть лучшаго въ жизни,—она дастъ мнѣ васъ!

Маруся сидѣла, печально опустивъ голову.

— Да, хорошо, когда можно жить, какъ хочется... О, какъ я завидую вамъ и Лампушѣ! Вы оба идете своимъ путемъ, преодолевая всѣ затрудненія, не боясь никого и ничего. А я?.. Если бъ вы знали, какъ еще въ коричневомъ полудлинномъ гимназическомъ платьицѣ я мечтала, что поступлю на медицинскіе курсы! Вѣдь я и теперь помогаю дѣду на перевязкахъ, потому что къ нему по старой памяти идутъ лечиться охотнѣе, чѣмъ въ больницу. Я рѣшительно унаслѣдовала отъ него и отъ отца склонность къ врачебному искусству, я не боюсь ни крови, ни ранъ... Но — развѣ меня отпустить одну. А ѣхать всѣмъ—денегъ нѣтъ!

— Да, страшно жаль! А подумайте, какъ бы чудесно было, — вы медичка я, — ученикъ академіи; оба, какъ вѣтеръ, свободны, безъ родственныхъ сковывающихъ узъ и глазъ... Какой необъятный кругозоръ открылся бы намъ съ вами! Сколько новыхъ мыслей зародилось бы у насъ... сколько наблюдений, сколько темъ для будущихъ произведеній слова и кисти. Нѣтъ!.. Ваши родные не смѣютъ быть эгоистами!

— Эгоистами?.. — упрекнула Маруся.

— Да, конечно... Во имя чего должны вы жить въ Колычевѣ, отрѣзанной отъ міра, не видя и не слыша ничего свѣжаго?.. О, я сузу по себѣ... Четыре года я жилъ, не смѣя двинуться съ мѣста, и если бы не мои краски, не знаю, хватило бы у меня силы не скрутить веревки и не удавиться!

— Что за ужасъ! Можно ли говорить такія вещи?

— Говорить — отчего же, особенно какъ о дѣлѣ прошломъ, а вотъ думать — не надо.

Онъ невольно поцѣловалъ ее... Она не отстранилась на этотъ разъ, а сама прижалась головой къ его плечу.

— Если бы я могла, если бы у меня хватило духа, — я бы сказала о насъ дѣдушѣ... Онъ бы еще понялъ... но мама — никогда...

— Почему?

— Потому что она никогда сама не была молода...

Данила разсмѣялся.

— Развѣ?..

— Скажите, — продолжала Маруся: — въ 21 годъ человекъ совсѣмъ совершеннолѣтній? Онъ имѣетъ право никому не давать отчета въ своихъ поступкахъ?

— Да!

— Значитъ, если бы я вдругъ рѣшилась уѣхать въ Петербургъ, меня бы не смѣли держать?

— Юридически — нѣтъ, а фактически — да.

— Какъ такъ «фактически»?

— Да потому, что вы не могли бы сами уѣхать, разъ ваши родные противъ... Вѣдь въ судъ вы бы на нихъ жаловаться не пошли? Вотъ Евлампія Матвѣевна, та бы въ судъ подала, удержи ее кто отъ курсовъ...

— Значитъ, меня вы считаете безхарактерной?..

— Не безхарактерной, — тепло улыбнулся онъ: — а великодушной и очень жалостливой, и у васъ не хватило бы не характера, а сердца!..

— Ма-ру-ся!.. — раздался издали голосъ.

— Стойте... не шевелитесь... Это дѣдъ... Дайте мнѣ выбраться поскорѣ сперва... А то онъ еще сюда придетъ... онъ ходъ знаетъ...

Онъ наскоро поцѣловаль ей руку и раздвинуль кусты. Въ сопровожденіи щенка дѣвушка скрылась за ними. Данила стояль не двигаясь, слушая, какъ хрустѣли ея шаги.

— Такъ и зналь, что ты въ своей норѣ!.. И что же ты можешь дѣлать тамъ до такого часа?—раздался неподалеку въ лабиринтѣ голось старика.

— Не сердись, дѣдуся, я замечталась.

— О комъ?

— О Петербургѣ!—донесся весело Марусинъ отвѣтъ.—Пойдемъ! Правда, какъ поздно! Я и не замѣтила!..

Они удалялись. Голоса звучали все глуше и слова неразборчивѣе.

Данила все еще боялся шевельнуться. Только, когда давно смолкъ уже послѣдній шорохъ, онъ рѣшился тронуться съ мѣста.

Пробираясь между папоротниками, онъ думаль о Марусѣ и черезъ рукавъ ощущаль тепло ея прислонившейся головки.

«Милая... милая... дорогая моя ласточка въ неволѣ... Вырвать бы ее, выпустить на свободу, дать расправить крылья, дать ухнуть жизнью... Взять сейчасъ... Сейчасъ, вмѣсто того, чтобы итти домой, пойти туда къ нимъ и сказать ея матери: вспомните, что и вы были молоды, что и вы любили когда-то и вышли сами замужъ по любви. Не повезло вамъ въ жизни, но почему же должно не повезти и вашей дочери? Мы оба съ ней любимъ другъ друга,—дайте же намъ возможность устроить нашу жизнь по молодому и новому. Развѣ я виноватъ, что сыномъ прихожусь человѣку, разрушившему ваше счастье? Виновата развѣ Маруся, что вы возненавидѣли ея отца за совершенное имъ? За что мы должны искупать вину насъ зачавшихъ?»

Онъ подумаль о своей матери, жаждавшей видѣть его женатымъ, и о томъ, что послѣ посѣщенія Маруси она бы, вѣрно, обрадовалась, узнавъ о ихъ жениховствѣ...

«Приду домой и все расскажу ей, пусть она благословить меня!»

Онъ вздохнулъ и; прибавивъ шагу, дошелъ до вала и только что собирався перепрыгнуть черезъ ровъ, какъ мимо по дорогѣ прошли, обнявшись, двое... Данила узналь широкую спину отца, но лица женщины не разглядѣль. Въ гнѣвномъ порывѣ, не отдавая себѣ отчета, онъ крикнуль вслѣдъ:

— Хоть бы умирающей постыдились!

Оба обернулись. Соскользнувшій кружевной шарфъ открыль лицо молодой бабы, и Данила даже вздрогнулъ: это была та, которую дѣвочкой онъ несъ когда-то на рукахъ, отъ прикосновенія къ тѣлу которой впервые забушевала его юная кровь. Ее онъ видѣль всегда передъ собою, лаская другихъ въ минуты паденій. Она тоже

обомлѣла, словно смутилась сперва, но потомъ задорно закинула голову и сказала насмѣшливо тѣмъ ему памятнымъ еще говоркомъ:

— Аль завидно стало? На чужой каравай рта не разѣвай! Ишь праведникъ выискался! Самъ по чужимъ садамъ хоронится, а людемъ по дорогѣ прогуляться нельзя... Журавель колодезный!..

— Да-да!—просипѣлъ Михалъ Демьяновичъ:—скажи, пожалуйста, откуда это ты явился? Чего это сюда повадился? Ужъ мнѣ и то доносили, что ты чуть не кажинный день къ сосѣдямъ залѣзаешь. За людьми дозоры чинишь, а самъ чортъ знаетъ, съ кѣмъ путаешься.

— Еще бы!—подхватила Анютка:—съ юности хахалемъ былъ. За мною въ лѣсу тогда; я во какая была,—она показала на аршинъ отъ земли,—съ поцѣлуями погнался, я еще, убѣгаяючи, ногу сломала. Намъ потомъ изъ-за него чуть ворота дегтемъ не вымазали... А самъ другихъ срамить берется... Ну, прощевайте, Михайла Демьянычъ! я и одна доберусь, спасибо вамъ! А то еще не вѣсть что наплетутъ на насъ съ вами! Идите лучше съ сыночкомъ любезнымъ...

Она вильнула платьемъ и, проходя мимо Данилы, презрительно улыбулась. Обдавъ его взглядомъ своихъ красивыхъ огнистыхъ глазъ, она выкатила впередъ стройную молодую грудь, обтянутую шелковой лоснящейся блузкой, и плавной походкой направилась въ Метелицы.

Отецъ и сынъ остались съ глазу на глазъ. Старикъ сопѣлъ и фыркалъ, какъ остановленный на разбѣгѣ жеребецъ. Данила смотрѣлъ подъ ноги. Обоимъ было неловко. Слова Анютки были такъ нахально лживы, что даже не стоило опровергать ихъ, и сыну было теперь досадно, зачѣмъ онъ не сдержался и не далъ пройти отцу со своей сударкой. Въ сущности, какое ему до нихъ дѣло и не все ли равно ему, сколько ихъ у отца насчитывается?..

Онъ повернулся на каблукахъ и направился къ дому.

— Постой, голубчикъ!—раздался окрикъ.—Оно и кстати, что мы встрѣтились. Поговорить мнѣ все съ тобою не приходится, такъ послушай сейчасъ. Ты что же вообще о себѣ думаешь? Али въ Питеръ и впрямь хлопотать не собираешься, что ничего объ этомъ не слыхать?

— Пока нѣтъ, не собираюсь.

— Почему такъ?

— Мать бросать не хочу; пока она жива, я отсюда не тронусь.

— Значить, техническій твой по боку... довольно ученъ?.. Такъ-съ... Дальше что же?.. Аль ты и взаправду думаешь, что я даромъ тебя пять лѣтъ въ Питерѣ коштовалъ?.. И мнѣ, сына-техника имѣя, снова прикажешь чужого на заводъ подряжать?

— Мы съ вами уже не разъ объ этомъ говорили,—глухо, едва сдерживаясь, отвѣтилъ Данила:—къ чему еще ворошить тѣ же вопросы?

— Къ тому, что срокъ подходитъ заводъ пущать и послѣ убытковъ отъ пожара мнѣ тратиться на лишняго человѣка неохота. У меня бѣшеныхъ денегъ нѣтъ! Потому, если ты дѣйствительно въ Питерь не поѣдешь, то самъ замѣсто техника останешься, а я даромъ кормить взрослога балбеса не стану, такъ и знай! Либо работай, либо убирайся на всѣ четыре стороны... Вотъ тебѣ и весь сказъ! Я для него ночей не спалъ, тридцать лѣтъ, какъ волъ, надрывался, а онъ даромъ хлѣбъ жуеть.... Неужто тебѣ, негодяй стоеросовый, до сей поры не въ догадку, что себя же ты обкрадываешь, лодыря гоняючи? Для кого жъ я вѣкъ трудился, какъ не для тебя? Для Таньки нешто и ея уродовъ мертвенькихъ? Кому все предназначалъ? Кого въ мысляхъ носилъ? И ты, щенокъ, мнѣ въ отвѣтъ зубы скалишь да укусить норовишь? Въ дѣла, тебя не касающіяся, носъ суешь, а свое дѣлать отказываешься? Въ послѣдній это разъ говорю съ тобой! И если ты мнѣ завтра повинной не принесешь,—повторяю, убирайся изъ дома моего... Прокляну!.. Мать умреть—на другой женюсь. Другія дѣти пойдутъ, имъ все достанется, а тебѣ ни шиша. Такъ и знай!

Данила поднялъ голову:

— Повинной отъ меня вы ни завтра; ни послѣзавтра и никогда не дождетесь. Я вамъ давно, съ перваго моего года въ технологическомъ говорилъ:—я никогда на вашихъ заводахъ служить вамъ не буду, пока вы ихъ не перестроите на что-нибудь менѣ вредное для народа. А потому напрямикъ вамъ говорю: пока жива мать, я изъ Евграфовки не ворохнусь. Тѣмъ я не ваше, а материнское, она вамъ въ домъ капиталъ первая принесла. Вы его умножили, во сколько разъ—меня ничуть не интересуетъ, но что мой кусокъ хлѣба съ ея двѣнадцати тысячъ сполна оплачивается, для этого математикомъ быть не надо... Если же вы осмѣлитесь до ея кончины безобразія въ домѣ учинять и попойки устраивать, да любовницъ на ея глазахъ миловать, а меня отъ нея умирающей гнать, то я на васъ управу и судъ найду!..

— Что? что? Ты мнѣ судомъ грозилъ? Такъ знай: я на тебя раньше жалобу подамъ, да! Пусть доишутся, куда ты нонѣ весь мѣсяцъ шлялся, чего въ этомъ саду проклятомъ хоронился! Самъ бунтарь, такъ и по слѣду бунтарскому пошелъ... Думаешь, разъ въ подвалѣ обыскивали и ничего не нашли, такъ и второй разъ концы схоронить удасть? Думаешь, я не смекнулъ, съ кѣмъ ты тамъ хороводишься? Меня въ бабники записалъ, а самъ къ юбкѣ дѣвчонкиной пришить? Все мнѣ, батюшка, извѣстно. Доподлинно все знаю! Попробуй перечить... Я тебя на чистую воду съ нею-то выведу... Дорожка-то въ Колычевѣ къ бунтовщицымъ дѣламъ подвальныймъ задолго до васъ проторена... Подожди у меня!..

Онъ еще разъ погрозилъ сыну кулакомъ и скрылся въ цвѣтникѣ, гдѣ среди осеннихъ помятыхъ клумбъ горѣли на зеркальныхъ

шарахъ отвѣты огромнаго выплывавшаго изъ-за построекъ мѣсяца.

Данила не шевелился...

— Что же это такое?.. Ихъ выслѣдили... Кто?.. Ну, конечно, Фетишка... Но при чемъ же тутъ подвалъ?..

Онъ терялся въ догадкахъ, а на душѣ было очень скверно и боязно за Марусю...

М. Веселкова-Кильштетъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО ЭРИВАНЦА.

(1832—1839 гг.)

НОГІЕ на Кавказѣ до сихъ поръ еще помнятъ моего отца, Аполлинарія Ѳомича Рукевича, служившаго здѣсь въ войскахъ непрерывно отъ начала тридцатыхъ до конца восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія и умершаго въ чинѣ генераль-лейтенанта болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ.

По настоянію близкихъ лицъ, онъ началъ писать свои воспоминанія объ этой героической эпохѣ, но, къ сожалѣнію, не докончилъ ихъ. Однако почти законченный періодъ пребыванія солдатомъ представляетъ нѣкоторый историческій интересъ, главнымъ образомъ съ бытовой стороны. Мнѣ онъ завѣщаль редактировать и издать ихъ, «если кто поинтересуется давнимъ прошлымъ стараго инвалида».

Редакціонная моя работа заключалась лишь въ сглаживаніи шероховатостей, неизбѣжныхъ при черновыхъ наброскахъ, и въ очень немногихъ добавленіяхъ, почерпнутыхъ изъ дальнѣйшихъ отрывочныхъ замѣтокъ отца или извѣстныхъ въ нашей семьѣ по его рассказамъ. Впрочемъ, эти добавленія не касаются сущности описываемыхъ событій, а лишь дополняютъ ихъ.

Михаилъ Рукевичъ.

I.

Нашъ родъ.—Переѣздъ семьи на Волинь.—Мое участіе въ польскомъ возстаніи.—1831 годъ.—Панъ пробощъ.—13-е іюня.—Критическій моментъ.—Плѣнъ.—Полевой судъ.—Помилованіе.—Ссылка на Кавказъ.—Походъ черезъ Россію.—На Дону.—Дарьяльское ущелье.—Градѣозный обвалъ.—Приходъ въ Тифлисъ.—Мое назначеніе въ Эриванскій карабинерный полкъ.

Родъ нашъ принадлежалъ къ литовскому дворянству Гродненской губерніи, гдѣ нѣкогда мой прадѣдъ былъ «кастеляномъ», т. е. губернаторомъ. Одинъ изъ моихъ дядей, Михаилъ Рукевичъ, былъ по политическимъ дѣламъ сосланъ въ Сибирь и сидѣлъ въ томъ же казематѣ, въ которомъ былъ потомъ заключенъ декабристъ баронъ Розень (см. его записки). Впрочемъ, нужно сознаться, что я никогда не интересовался своей генеалогіей.

Матушка моя, необычайно кроткая женщина, изъ литовскаго рода Адамовичей (Лидскаго уѣзда), была очень хорошо образована и даже знала медицину. У одного изъ моихъ старшихъ братьевъ должны храниться латинскія медицинскія книги съ собственноручными помѣтками нашей матушки. Кромѣ того, она хорошо знала новые языки и свои знанія передала намъ, сыновьямъ. Я пятнадцати лѣтъ уже свободно говорилъ по-французски, по-нѣмецки и, что считалось рѣдкостью въ то время, по-русски. Знаніе русскаго мнѣ впоследствии очень пригодилось, но два первыхъ языка при отсутствіи практики я забылъ довольно скоро.

Семья наша, когда-то довольно богатая, въ періодъ наполеоновскихъ войнъ разорилась, и отцу моему, майору польскихъ войскъ, пришлось бросить службу и перекочевать на Волинь, гдѣ на приданое жены онъ предпринялъ разнаго рода операціи съ конскими заводами. Окончательный крахъ довершился послѣ одного пожара, уничтожившаго всѣ конюшни и лучшихъ матокъ. Матушка безропотно перенесла ударъ, но онъ же ее и подкосилъ: скоро она скончалась на моихъ рукахъ. Отецъ, опредѣливъ двухъ старшихъ сыновей на русскую государственную службу ¹⁾, поселился со мной, младшимъ сыномъ, въ с. Сельцѣ Ковельскаго повѣта, завѣдуя имѣніемъ дальняго своего родственника помѣщика Закашевскаго.

Въ то время на политическомъ горизонтѣ начали скопляться грозныя тучи. Готовясь къ университетскому экзамену, я невольно прислушивался къ тому, что дѣлалось вокругъ, а тамъ шло броженіе, глухое, скрытое; готовилось возстаніе, которому отецъ со-

¹⁾ Старшій братъ, Эмилианъ, служилъ гдѣ-то въ Житомирѣ, а средній, Эдмундъ, былъ офицеромъ въ 51-мъ егерскомъ пѣхотномъ полку; впоследствии онъ перевелся въ лѣсное вѣдомство и служилъ въ Воронежѣ, гдѣ и умеръ недавно.

вершено не сочувствовалъ и, чтобы не вовлечь меня во грѣхъ, отправилъ меня въ концѣ 1830 года въ Краковъ, гдѣ я и поступилъ сначала въ частный пансіонъ, а затѣмъ и въ университетъ. Но, повидимому, нельзя было уйти отъ своей судьбы. На лѣто 1831 года я пріѣхалъ на каникулы домой и отдалъ дань общему увлеченію. Въ то время главныя силы Дверницкаго, уже разбитыя, переместились въ Австрію, но на Волыни броженіе продолжалось и въ разныхъ мѣстахъ формировались банды. Тайно отъ отца я примкнулъ къ одной изъ нихъ, принялъ торжественную клятву на вѣрность польскому дѣлу и записался въ летучій партизанскій отрядъ, который собирался по извѣстнымъ сигналамъ и послѣ набѣга распускался по домамъ.

Главнымъ нашимъ вдохновителемъ былъ панъ пробощъ Геронимъ, настоятель іезуитскаго костела, кажется, въ самомъ Ковелѣ. Это былъ типичнѣйшій представитель іезуитовъ, умѣвшій ладить съ русскими властями, у которыхъ даже считался образцомъ благонамѣренности, и въ то же время формировавшій революціонныя банды. Вкрадчивый, наружно ласковый, обходительный, особенно съ женщинами, онъ обладалъ желѣзною волею и неотразимо вліялъ на толпу. Его проповѣди, которыя онъ говорилъ только тогда, когда былъ увѣренъ въ отсутствіи соглядатаевъ, воспламеняли слушателей до экстаза, до истерикъ... Я самъ плакалъ не разъ и въ такія минуты почиталъ бы за счастье пожертвовать жизнью за родину, которую искренно считалъ угнетенною ненавистными москалями. Я совершенно забывалъ, что мнѣ много разъ говорилъ отецъ и съ чѣмъ я всегда совершенно соглашался. А онъ мнѣ высказывалъ свой взглядъ, что готовящееся возстаніе не есть народное, а чисто магнатское и больше всего ксендзовское, что въ исторіяхъ Польши и Литвы простому народу и шляхтѣ всегда приходилось играть роль «быдла» и что во всемъ прошломъ, о которомъ такъ увлекательно пишутъ историки и которое воспѣваютъ поэты, собственно простому народу и недалеко отъ него ушедшей шляхтѣ положительно ничѣмъ хорошимъ нельзя помянуть своихъ пановъ и магнатовъ... Собственно только съ водвореніемъ въ край русской власти простой народъ начинаетъ чувствовать свои чело, вѣческія права. А вѣдь это быдло убѣждали бороться за «очаги», которыхъ у него не было, за «вольность», которая была только у пановъ, за вѣру, на которую никто не покушался... Наконецъ, это было «польское» возстаніе, а не «литовское». Отецъ всегда считалъ себя кровнымъ литвиномъ, а Литва, какъ онъ говорилъ, если начать разбираться въ исторіи, гораздо ближе по происхожденію, по языку да и по прошлой религіи къ Россіи, чѣмъ къ Польшѣ...

Все это я и тогда сознавалъ и все-таки не могъ противостоять общему увлеченію, когда новая революціонная волна докатилась до Волыни. Но развѣ послушаніе голосу благоразумія свойственно

молодости?.. Возможно ли пятнадцатилѣтнему юношѣ устоять противъ искушенія участвовать въ героическомъ бою слабыхъ противъ сильнаго?.. Если бы я удержался отъ участія, какими бы глазами я потомъ смотрѣлъ на моихъ сверстниковъ, уходящихъ въ бой, и особенно на «паненекъ», фанатизированныхъ ксендзами гораздо болѣе мужчинъ? О, въ этомъ случаѣ ксендзы знали, какъ слѣдовало взяться за дѣло... Для достиженія своихъ цѣлей они всегда вліяютъ сначала на женщинъ, зная, что мы, мужчины, всегда были и всегда будемъ послушными рабами прекрасной половины рода человѣческаго...

Въ концѣ мая 1831 года отецъ, вполне спокойный за меня, уѣхалъ по дѣламъ въ Кіевъ, а я отдался весь новому теченію и поступилъ какъ сказалъ выше, въ одну изъ партизанскихъ партій.

Помню хорошо мой первый выѣздъ. Однажды я проснулся отъ конскаго топота. Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ нѣсколькихъ скачущихъ всадниковъ, а на колокольнѣ костела развѣвающійся бѣложелтый флагъ. Это былъ нашъ условный сигналъ, по которому мы собирались къ опредѣленному пункту возлѣ часовни, у перекрестка двухъ лѣсныхъ дорогъ. Съ бьющимся сердцемъ я началъ спѣшно облачаться въ «повстанскую униформу», которую создала наша фантазія и которая отнюдь не была обязательна. Она состояла изъ голубого сукна рейтузъ, куртки, расшитой по-гусарски шнурами, доломана, опущеннаго мѣхомъ, съ откидными рукавами, а затѣмъ, конечно, шпоръ на ботфортахъ и сабли; голову прикрывала конфедератка, надѣвавшаяся на бекрень. Вооруженіе, кромѣ обязательной сабли, могло состоять изъ чего угодно—пистолетовъ, ружей охотничьихъ, бельгійскихъ штуцеровъ и даже, въ крайности, изъ пикъ... Ружье отца было попорчено и чинилось въ кузницѣ, такъ что я выѣхалъ на первый разъ только съ турецкой кривой саблей. Лошадь была почти обязательна, ибо скорость передвиженій составляла одно изъ главныхъ свойствъ нашего партизанскаго отряда. Пока я одѣвался, Станиславъ, нашъ единственный слуга, нашъ поваръ, камердинеръ и конюхъ одновременно, осѣдлалъ мнѣ Маю, сѣрую кобылицу кровей завода Сангушки, уцѣлѣвшую отъ прежней отцовской конюшни. Черезъ нѣсколько минутъ я скакалъ на сборный пунктъ и мнѣ казалось, что всѣ на меня смотрятъ съ восхищеніемъ, какъ на героя...

Почти всѣ уже находились въ сборѣ. Многихъ я зналъ, но были и новые для меня, пріѣзжіе изъ дальнихъ окрестностей; были тутъ и юнцы, подобные мнѣ, были и сѣдовласые старцы, но всѣхъ насъ уравнивала общая идея. Многіе не могли устоять отъ искушенія шикнуть костюмами, у иныхъ расшитыми золотомъ еще болѣе театрально, чѣмъ у меня.

Въ сторонѣ держалась одна группа, громко о чемъ-то спорившая: это претенденты на начальниковъ предлагали свои планы боевыхъ

дѣйствій. Но вотъ изъ лѣсу показалась каруца, которою правилъ самъ панъ пробощъ. Его встрѣтили радостнымъ гуломъ привѣтствій и тотчасъ же окружили. Я не могъ пробраться въ середину и только слышалъ отдѣльно долетавшія слова. Нѣсколько разъ его прерывали криками «вивать!... да здравствуетъ Польша!» Отецъ Геронимъ сообщалъ слухи объ успѣхахъ польскаго оружія, о побѣдахъ надъ москалями и о необходимости и съ нашей стороны поддержать общее дѣло... Затѣмъ онъ отдалъ нѣсколько приказаній, принятыхъ безпрекословно, роздалъ ближайшимъ благословенія и уѣхалъ такъ же тихо, какъ и пріѣхалъ.

Послѣ этого впередъ выѣхалъ молодецватый на видъ бывшій кавалеристъ, одинъ изъ родственниковъ пана Закашевскаго (фамилія его я не помню). Пріосанившись, онъ расправилъ длинные свои усы съ подусниками, привсталъ на стременахъ и густымъ басомъ сказалъ: «Ясновельможные напы!... Съ нами Богъ! За дорогую отчизну... за вѣру нашу... за попоранную вольность нашу положимъ жизнь и достояніе наше... Да благословитъ насъ Пресвятая Матерь Божья!.. Съ нами Богъ!..»

Единодушный крикъ сочувствія покрылъ эти слова, и мы въ восторженномъ экстазѣ потрясали саблями... Не только мы, юнцы, но все до послѣдняго были объаты въ этотъ моментъ лучшими героическими чувствами и горячимъ желаніемъ принести себя всего въ жертву отечеству... Я не думаю, чтобы въ жизни часто повторялись подобныя душевныя настроенія..

На первый разъ намъ, большію частью не знавшимъ совершенно строя, показали нѣкоторыя кавалерійскія перестроенія, примѣрныя атаки и, наконецъ, сабельную рубку, но какъ я ни былъ героически настроенъ, помню отлично, что, несясь на конѣ къ дереву рубить для упражненія вѣтку, я мысленно молилъ, чтобы мнѣ не пришлось ничего другого сносить саблей, кромѣ этой вѣтки...

Завершили мы нашъ первый сборъ веселымъ походомъ къ недалекому, верстахъ въ пяти, фольварку, дабы истребить тамъ складъ русскаго сѣна, заготовленнаго комиссаріатскими чиновниками. Но, подойдя къ мѣсту, мы издали замѣтили нѣсколько эскадроновъ уланъ, разбиравшихъ на выюки сѣно. Прикрытые лѣсной опушкой, мы остановились и выжидали, когда фуражиры уйдутъ, но однѣ части смѣнялись свѣжими и, казалось, имъ не будетъ конца. Нашъ командиръ тогда рѣшилъ благоразумно отойти незамѣтно назадъ и распустить насъ по домамъ.

Собирались мы еще нѣсколько разъ для упражненій и рекогносцировокъ, причемъ остатки сѣна мы таки сожгли, затѣмъ совершили набѣгъ на какую-то почтовую станцію, гдѣ забрали всѣхъ лошадей. Собственно же военныхъ дѣйствій пока еще не было.

Въ первыхъ числахъ іюня я получилъ отъ отца письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня о своемъ пріѣздѣ числа пятнадцатаго.

Вмѣстѣ съ этимъ онъ въ сильныхъ краскахъ описывалъ неудачи польскихъ войскъ и предсказывалъ полное крушеніе революціи. Письмо заканчивалось мольбой не увлекаться проповѣдями фанатиковъ и помнить наши прежнія бесѣды. Но совѣты эти запоздали. Со все́мъ пыломъ увлекающагося юноши я отдался революціи и въ случаѣ пріѣзда отца рѣшилъ уйти изъ дому и поселиться у кого-нибудь изъ товарищей.

Но вотъ наступило роковое для меня 13-е іюня. Увѣдомленный еще наканунѣ о сборѣ, я всталъ чуть свѣтъ, но у меня все что-то не клеилось: то въ темнотѣ не могъ высѣчь огня (тогда еще спичекъ не было), то путалъ части костюма, кое-что надѣлъ наизнанку, а это, по нашимъ домашнимъ примѣтамъ, служило признакомъ несомнѣнной неудачи; наконецъ, въ довершеніе бѣды, Мая раскобалась. Стасъ началъ меня уговаривать не ѣздить сегодня, но какъ я могъ отказаться отъ участія, когда меня предувѣдомили, что на этотъ разъ будетъ дѣйствительная «баталія»! Отказаться отъ нея значило въ моихъ глазахъ измѣнить самому дѣлу... Я строго приказалъ Стасю отыскать жида-ковалю и притащить его живымъ или мертвымъ. Жидъ былъ отысканъ, но онъ не хотѣлъ такъ рано вставать или, кажется, день былъ субботній. Пришлось итти мнѣ самому и не совсѣмъ вѣжливо принудить жида подковать Маю.

Солнце ужъ взошло, когда я прискакалъ на сборный пунктъ, но тамъ никого не было. Руководясь гдѣ слѣдами по мокрой росистой травѣ, гдѣ разспросами, я проскакалъ верстъ пятнадцать и ужъ началъ терять всякую надежду найти своихъ, какъ вдругъ до меня донеслись боевые крики, затѣмъ выстрѣлы... Съ сильно бьющимся сердцемъ я помчался на звуки боя и наконецъ увидѣлъ картину, повергшую меня въ отчаяніе,—все было кончено безъ моего участія!.. Отрядъ нашъ атаковалъ транспортъ оружія, боевыхъ припасовъ и обмундированія. Прикрытіе состояло всего лишь изъ нѣсколькихъ старыхъ инвалидовъ, числомъ не болѣе пяти-шести человекъ, которые даже не сопротивлялись и сейчасъ стояли себѣ мирно въ сторонѣ и покуривали трубочки... Потомъ я узналъ, что пылкая молодежь хотѣла было расправиться съ этими инвалидами, но, по счастью, нашлись болѣе благоразумные, которые удержали юнцовъ отъ безцѣльнаго звѣрства и даже не позволили вязать «плѣнныхъ». Слышанные мною выстрѣлы были направлены въ единственнаго верхового казака, который, однако, успѣлъ безвредно ускакать.

Медлить было нельзя, возы завернули, и мы тронулись въ путь. Инвалидовъ же отпустили на всѣ четыре стороны. Дальше произошло что-то непонятное... Мы двигались безпорядочной гурьбой, безъ соблюденія какихъ-либо мѣръ военныхъ предосторожностей, такъ какъ ниоткуда не ждали нападенія, какъ вдругъ, словно изъ-подъ земли, появились довскіе казаки, мигомъ насъ окружившіе со всѣхъ сторонъ... Съ пиками наперевѣсь, съ дикимъ гиканьемъ

понеслись они на насъ... Передо мной кто-то со стономъ упалъ, сзади меня тоже раздался крикъ... Чувство самообороны заставило меня выхватить саблю, но въ ту же минуту она у меня вылетѣла изъ рукъ, вышибленная пикой, а самъ я получилъ сильный ударъ въ бокъ и упалъ съ лошади... Еще моментъ, и я былъ бы пронзенъ насквозь... Уже я видѣлъ конецъ направленной на меня пики и сталъ мысленно прощаться съ отцомъ, съ братьями... но вдругъ услышалъ: «Не замай ее, Гаврилычъ! Это дѣвка, живьемъ возьмемъ...»

И я спасся, благодаря ходившей тогда легендѣ объ амазонкахъ среди повстанцевъ, моему крайне моложавому виду и длиннымъ, по краковской студенческой тогдашней модѣ, волосамъ, выбивавшимся изъ-подъ конфедератки. Но въ то же время у меня мелькнуло, что какъ только казаки убѣдятся въ своей ошибкѣ, они расправятся со мной. И мною овладѣло такое чувство безразличія къ жизни, что мнѣ захотѣлось скорѣйшаго конца. Я вскочилъ на ноги и по-русски крикнулъ казакамъ: «Я такой же мужчина, какъ и вы!.. Колите же меня!..»

Казаки на минуту оторопѣли, но тутъ одинъ урядникъ сказалъ: — Ишь ты, прыткій какой!.. Приколотъ-то мы тебя всегда успѣемъ, а теперь мы тебя къ есаулу сведемъ. Можетъ, ты перебѣжчикъ какой?.. Вяжи его, братцы!..

Мнѣ скрутили ремнями руки у локтей и повели... Уходя, я оглянулся и увидѣлъ нѣсколько труповъ, надъ которыми возились другіе казаки, снимая съ нихъ доспѣхи... Это были мои послѣднія болѣе или менѣе связныя воспоминанія, ибо послѣ этого я впалъ въ какое-то странное состояніе апатіи, и все дальнѣйшее мелькаетъ у меня смутными, неясными образами, какъ давній, почти забытый сонъ... Вѣроятно, я перенесъ первую горячку, какъ результатъ испытанныхъ потрясеній, потому что совершенно не помню перваго времени заключенія, первыхъ допросовъ и даже полевого суда надо мной. Но, сознаюсь, если бы я и помнилъ, то миновалъ бы эти воспоминанія, вѣроятно, очень тягостныя.

Однако не могу не остановиться на одномъ обстоятельстве, имѣвшемъ для меня большое воспитательное значеніе. Какъ въ дымкѣ, мнѣ грезится сарай, я лежу на соломѣ и чье-то лицо склонилось надо мной, кто-то мочитъ мою горячую голову холодной водой... Видится мнѣ ермолка, пейсы, веснушчатое лицо... Потомъ мнѣ отецъ сказалъ, что то былъ еврей, приговоренный за доставку оружія повстанцамъ къ повѣшенію. Онъ ухаживалъ за мной во все время нашего совмѣстнаго заключенія, сберегъ и передалъ отцу моему натѣльный образокъ, благословеніе матери, и ея же обручальное кольцо.

Изъ захваченныхъ моихъ товарищей никто не обратилъ на меня вниманія, этотъ же еврей, самъ стоявшій передъ лицомъ смерти, принялъ во мнѣ братское участіе, а вѣдь его во всякое другое время

я назваль бы не иначе, какъ «нархатый». Эта незлобивость покорила меня. Я тогда же даль объѣтъ никогда не относиться съ предубѣжденіемъ къ евреямъ и вообще къ какой бы то ни было національности... Мнѣ кажется, я сдержалъ свое слово...

Насъ «погнали» въ Брестъ-Литовскъ, и здѣсь меня судила военно-полевая комиссія при 24-й пѣхотной дивизіи и приговорила къ смертной казни черезъ разстрѣляніе... Приговоръ этотъ, представленный на конфирмацію командующаго войсками округа, командира 6-го армейскаго корпуса барона Розена, былъ отмѣненъ, и я присужденъ лишь къ ссылке безъ лишенія дворянства на Кавказъ рядовымъ въ одинъ изъ полковъ, «впредь до отличной выслуги, но не иначе, какъ за военныя отличія противу непріятеля» ¹⁾).

Отецъ, возвратившійся домой въ день моего плѣненія, поднялъ на ноги все, что могло содѣйствовать облегченію моей участи. Смягчить, однако, судей онъ не могъ, но зато вызвалъ участіе барона Розена, который отнесся снисходительно къ поступку юноши. Не даромъ это далось отцу. Онъ заболѣлъ и сталъ съ этого дня хирѣть.

Прежде, чѣмъ выступить на Кавказъ, мнѣ пришлось протомиться въ Брестъ-Литовскѣ около года,—самое ужасное время въ моей жизни, о которомъ не хочется и вспоминать...

Ко мнѣ нѣсколько разъ пріѣзжали братья, насколько могли, облегчили мое положеніе, выхлопотавъ мнѣ нѣкоторую свободу, благодаря которой я могъ кое-чѣмъ заняться—давать уроки, переписывать бумаги, но все же было очень тяжело, главнымъ образомъ вслѣдствіе произвола разныхъ лицъ, которыя вѣдали нами. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ плѣнныхъ просилъ, молилъ, подавалъ прошенія, но такъ и не могъ добиться разрѣшенія съѣздить куда-то дня на два; тогда онъ бѣжалъ и насъ всѣхъ тотчасъ же заперли въ казематы, а осужденнымъ въ солдаты брили полголовы отъ лба до затылка, какъ брили ихъ тогда рекрутамъ. Немногихъ одѣли въ короткія шинели съ брюками сѣраго сукна, напоминавшія арестантскую одежду, только безъ бубноваго туза на спинѣ. Въ довершеніе позора, за нѣсколько дней до выхода партіи насъ заковали въ кандалы, и когда, даже теперь, спустя много десятковъ лѣтъ, я слышу бряцаніе желѣзныхъ цѣпей, меня охватываетъ жут-

¹⁾ Архивъ кавк. военнаго округа. Дѣло штаба кавказскаго отдѣльнаго корпуса № 107.471 за 1836 годъ, по части польской: «О производствѣ рядового изъ дворянъ Аполлинарія Рукевича по высочайшему соизволенію въ унтеръ-офицеры». Въ этомъ дѣлѣ есть копія конфирмаціи о помилованіи отца, подписанная барономъ Розеномъ 23-го іюня 1831 года въ Брестъ-Литовскѣ. Всѣ свои довольно многочисленныя награды отецъ получилъ только за военныя отличія, за исключеніемъ унтеръ-офицерскаго званія, о чемъ будетъ сказано дальше. Штрафъ этотъ очень долго тяготѣлъ надъ отцомъ. Послѣ Кюрюкъ-Даринскаго сраженія онъ былъ снятъ, но все же и въ 1871 году, когда отецъ, бывшій въ то время уже полковымъ командиромъ, хотѣлъ отвезти меня въ московскую гимназію, ему пришлось просить разрѣшеніе на вѣздѣ въ столицу. М. Р.—ъ,

кая дрожь, больно и обидно становится за пережитое... Кому это было нужно?.. Для назиданія другимъ?.. Но вѣдь и такъ нашу кару (заключеніе и ссылку) можно было считать достаточно суровой... Я увѣренъ, что если бы оставался въ краѣ гуманный баронъ Розень, надъ нами бы не издѣвались такъ, но его къ этому времени перевели на Кавказъ командующимъ войсками.

5-го іюля отецъ кое-какъ приплелся на этапъ проститься со мною. Сдерживая рыданія, онъ благословилъ меня, сунулъ въ руку кисеть съ пятью полуимперіалами, но, когда услышалъ лязгъ монхъ кандаловъ, не выдержалъ и упалъ на руки сопровождавшаго его Стася...

Это было наше послѣднее свиданіе. Отецъ разошелся съ Закашевскимъ, котораго считалъ главнымъ виновникомъ моего совращенія, ликвидировалъ затѣмъ всѣ свои дѣла, поселился гдѣ-то въ глуши и года черезъ два умеръ... Бѣдный отецъ!.. Тяжка была его жизнь, полная разныхъ мытарствъ, грустна его одинокая кончина!

Мы выступили подъ усиленнымъ конвоемъ. Кандалы, стража, — все это, конечно, на насъ дѣйствовало очень удручающе, но, когда мы вышли изъ «Царства», цѣпи съ насъ неожиданно сняли. Даже самый конвой постепенно сокращался и дошелъ до одного унтеръ-офицера съ нѣсколькими рядовыми, которые даже ружья свои складывали на повозки. Мы же не разбѣгались, сознавая, что если кто-нибудь изъ насъ бѣжитъ или вообще чѣмъ-нибудь нарушитъ установленный порядокъ, то это очень тяжело отзовется на всѣхъ остальныхъ. Этимъ мы завоевали себѣ большую дозу свободы. Полагавшійся при насъ офицеръ сопровождалъ этапъ лишь нѣсколько переходовъ, но когда увидѣлъ, что дѣло наладилось, уѣхалъ куда-то и нагналъ нашу партію за два перехода до Ростова.

Выступая съ мѣста нашего отправленія, мы всѣ полагали, что пройдемъ по Россіи словно сквозь строй общаго недоброжелательства и даже ненависти. Такъ по крайней мѣрѣ намъ о Россіи внушали наши главные наставники, ксендзы. Каково же было наше удивленіе, когда мы повсюду, гдѣ бы мы ни проходили, видѣли самое сердечное участіе и желаніе оказать посильную помощь. Въ то же время мы ясно видѣли, что это не было тупымъ непониманіемъ произошедшихъ событій или протестомъ противъ правительственныхъ мѣръ, потому что всѣ русскіе отлично сознавали, что мы «бунтовщики», справедливо наказанные за неповиновеніе, но вслѣдствіе нескончаемой доброты русской природы насъ жалѣли, какъ всегда жалѣютъ «несчастненькихъ».

Но больше всего насъ поразила Донская область. Вотъ, думали мы, вступая въ нее, родина тѣхъ, которыхъ мы считали исчадіями ада. И мы замкнулись, шли суровыми, смотрѣли непривѣтливо исподлобья. Подошли мы какъ-то часовъ около двѣнадцати къ

небольшому выселку и остановились возлѣ крайней хаты. Нѣкоторые изъ насъ, не желая даже пользоваться тѣнью, расположились на самомъ солнцепекѣ. Я не былъ такъ щепетливъ и съ конвоирами усѣлся на завалинкѣ. Черезъ нѣкоторое время изъ хаты вышла опрятно одѣтая старушка; разузнавъ отъ конвойныхъ, кто мы такіе, она тотчасъ пошла обратно и черезъ нѣкоторое время вынесла съ молодухой пироговъ, караваевъ хлѣба, творогу, арбузовъ и всякой другой деревенской снѣди... Конвойные очень охотно принялись за ѣду, а мы, хотя и голодные, хотѣли выдержать характеръ и на радужное приглашеніе сумрачно смотрѣли въ сторону. Старушка была, видимо, сконфужена.

— Али вы брезгаете, миленькіе мои?—сказала она.—Ужъ не наши ли головорѣзы досадили вамъ?.. Да вы ужъ простите имъ, потому ихъ такое казацкое дѣло... Поди, и вы ихъ не миловали?.. Дѣло, значитъ, обоюдное, военное... Теперь же скоро на миръ пойдетъ. Зачѣмъ же Бога гнѣвить и зло помнить?..

Большая часть нашихъ поняла мысль благоразумной дончихи. Одинъ изъ товарищей тогда сказалъ по-польски:

— А вѣдь она, чортъ возьми, права... Чѣмъ она виновата и зачѣмъ ее обижать?

При этомъ я невольно подумалъ, что у насъ на Вислѣ, навѣрное, никто изъ русскихъ не получилъ бы добровольно даннаго кусочка...

И ледъ растаялъ. Ночлегъ предполагался нѣсколько далѣе, но старшой нашъ нашелъ возможнымъ немного нарушить маршрутъ, и мы кончили день въ большой дружбѣ не только съ этой милой старушкой, но и со всѣмъ выселкомъ, сбѣжавшимся смотрѣть, какъ «гонять полячковъ»... Никакой платы никто отъ насъ не пожелалъ брать, и на другой день мы выступили, снабженные курами, утками, караваями хлѣба, фруктами и необыкновенно вкусными коржиками на меду.

Почему-то старушка особенно жалѣла меня, говоря:

— Ишь-ты!.. Такой молодой и попался. Некому было тебя отстегать хорошенько... Туда же воинъ!.. Ну, на, ѣшь вареники, а это возьми завтра съ собою на дорогу... Да ты бы старшого попросилъ подневать тутъ. Я бы тебя подкормила ледяцаго...

И это говорилось на родинѣ тѣхъ, одно имя которыхъ считалось у насъ, да и на всемъ Западѣ, пугаломъ. Въ концѣ концовъ, если у насъ и было въ душѣ враждебное чувство, оно значительно улеглось за эти два-три мѣсяца похода по Россіи, а у нѣкоторыхъ, болѣе отзывчивыхъ на ласку, какимъ былъ, напримѣръ, я, сердце совсѣмъ отошло. Я даже подъ конецъ сталъ мириться съ своею участью. А когда впервые, вѣроятно, за Невинномысской станицей, далеко вправо въ розовой дымкѣ восхода показался величавый двуглавый Эльборусъ, а затѣмъ постепенно начали развѣртываться

невиданныя дотолѣ великолѣпныя панорамы горныхъ пейзажей, я даже былъ радъ тому, что случай меня бросилъ на этотъ путь приключеній... На будущее я сталъ взирать съ тѣмъ интересомъ, съ какимъ иногда готовишься читать завѣдомо любопытную книгу... А раньше какъ все было безпросвѣтно, мрачно...

Этотъ душевный переворотъ особенно усилился во мнѣ, когда мы вступили въ сказочное Дарьяльское ущелье за Владикавказомъ. Въ то время поэтическія легенды, которыя повѣдали міру наши поэты, не были еще намъ извѣстны, но и мы, простые смертные, чувствовали все величіе дивныхъ картинъ... Сердце сжималось, глядя на громады, грозно висѣвшія надъ головами и готовые, казалось, ежеминутно свалиться и раздавить насъ, мурашекъ, копошившихся гдѣ-то тамъ внизу... И какъ передъ этимъ могучимъ величіемъ были ничтожны всѣ мы со всѣми нашими волненіями, страстями, ненавистью... А тутъ, какъ будто нарочно, сама природа захотѣла показать намъ всю свою мощь... Это случилось въ началѣ августа, приблизительно числа десятого, когда наша окаязія подошла къ Ларсу, станціи Военно-Грузинской дороги.

Перегона за три до Владикавказа мы вступили въ сферу дѣйствій горцевъ и вошли въ составъ колонны подъ прикрытіемъ отряда изъ трехъ родовъ оружія. Съ нами двигалась почта, военные обозы, проѣзжающіе... это-то и называлось «оказіей»,—французское слово, принявшее на Кавказѣ полныя права гражданства. Теперь, конечно, трудно себѣ представить подобнаго рода путешествіе, но въ то время это былъ обычный способъ передвиженія по опаснымъ отъ непріятели мѣстамъ. Кругомъ отряда выслались разѣзды отъ кавалеріи или дозоры отъ пѣхоты, иногда даже арьергарды, двигались съ привалами, дневками, ночевками, словомъ,—какъ обычно совершаются передвиженія въ условіяхъ военнаго времени. Во Владикавказѣ къ намъ еще подбавились проѣзжающіе, съ которыми многіе изъ насъ свели знакомства. Мнѣ повезло. Проходя какъ-то на привалѣ вдоль колонны, я вдругъ услышалъ неистовую ругань по французски. Кричалъ какой-то господинъ съ бритымъ, какъ у актера, лицомъ.

— Негодяи!.. Разбойники!.. Вѣдь это же грабежъ!.. Я буду жаловаться консулу, посланнику... Будь проклята эта дикая страна, гдѣ никто не понимаетъ человѣческаго языка...

Его спутница, дама въ фургонообразной шляпѣ, закутанная отъ пыли въ густую вуаль, тщетно старалась успокоить взволнованнаго господина, а возчики, мѣстные осетины, и солдаты обступили кругомъ и, не понимая, въ чемъ дѣло, весело пересмѣивались между собой...

Присутствіе дамы, въ которой я по неуловимымъ признакамъ угадалъ и молоденькую и хорошенькую, заставило меня принять участіе въ дѣлѣ, оказавшемся въ концѣ концовъ сущими пустяками,

способными взволновать только мелочного француза, полагающего, что, разъ онъ принадлежитъ къ «великой націи», все должно преклоняться передъ его требованіями... Французъ ѣхалъ въ Тифлисъ открывать большую гостиницу и, кажется, потомъ состоялъ метрдоцелемъ у князя Барятинскаго; а спутница его ѣхала на мѣсто гувернантки къ какому-то грузинскому князю. Узнавъ, что я пострадалъ за участіе въ польскомъ возстаніи, она наивно воскликнула: «Вѣдь Франція и Польша сосѣдки,—мы компатріоты!..» И это послужило достаточнымъ предлогомъ для нашего знакомства.

Тихая, однообразная ѣзда шагомъ скоро надоѣла французенкѣ. Она вышла изъ экипажа, и мы пошли впередъ, тѣмъ болѣе, что колонна вся растянулась по ущелью: нѣкоторыя повозки задержались велѣдствіе поломки колесъ по трудной, очень неровной дорогѣ, а другія ушли впередъ. Прикрытіе тоже раздѣлилось.

Разговорчивая французенка сначала все ахала при видѣ грозныхъ красотъ Дарьяла, но потомъ вспомнила свои Альпы и стала увѣрять, что ихъ Монбланъ значительно выше и вообще первая гора въ мірѣ.

За однимъ поворотомъ дороги ущелье какъ-то сразу расширилось, и вдали на сѣромъ фонѣ скалъ уже заблѣзли станціонныя постройки. Мы усѣлись на придорожные камни и любовались развернувшейся передъ нами картиной, которая и сейчасъ рисуется передо мной, словно недавно видѣнная...

Воздухъ былъ чистъ, какъ онъ можетъ быть только въ горахъ, и свѣтлоголубое небо ярко сіяло на потолкѣ въ промежуткѣ между горными стѣнами, словно своды гигантскаго храма... Слѣва въ тѣневой еще сторонѣ подымались вертикально вверхъ темныя скалы, а справа, будто для контраста, на невысокихъ террасахъ мягко переливались зеленые, красные, лиловые тона лѣсовъ и гдѣ-то вверху ярко блѣлъ не то участокъ снѣжнаго хребта, не то облако, прилѣпившееся къ скалѣ... Все это представляло такую гармонию красокъ, что у насъ затаилось дыханіе и мы молча сидѣли, не шевелясь...

Въ этотъ моментъ произошло что-то страшное... Откуда-то издали послышались раскаты отдаленнаго грома, но небо было ясно, безоблачно. Гулъ усиливался, земля начала дрожать, и мною, не говоря ужъ о моей спутницѣ, овладѣлъ тотъ паническій ужасъ, который всегда чувствуютъ люди при грозныхъ явленіяхъ природы. Спутница моя вскочила...

— Что это?.. Изверженіе?.. Землетрясеніе?..

Но я самъ не могъ объяснить, въ чемъ дѣло. Бѣжать?.. Но куда?.. Вездѣ стояли эти ужасныя грозныя скалы, готовые опрокинуться... А гулъ все росъ, дрожаніе почвы увеличивалось, что-то роковое приближалось...

— Это свѣтопреставленіе!..—въ безуміи твердила моя спутница и жалась ко мнѣ.

И, дѣйствительно, тамъ впереди творился адъ... Въ узкой щели между горами подымался клубами не то дымъ, не то пыль коричневаго или желтаго цвѣта, и оттуда-то неслись эти угрожающіе звуки, словно начинающееся изверженіе вулкана... Но наконецъ я догадался, въ чемъ дѣло. Очевидно, гдѣ-то впереди происходилъ земляной обвалъ, такъ часто случающійся въ этихъ горныхъ мѣстностяхъ. Понемногу громовые раскаты начали смолкать и наконецъ совсѣмъ стихли. Я объяснилъ, въ чемъ дѣло, и моя легкомысленная спутница быстро перешла отъ полнаго отчаянія въ безмѣрной радости, особенно когда къ намъ подошли спутники, рассказавшіе намъ, что въ узкой части ущелья отъ сотрясенія съ обѣихъ сторонъ сыпались крупные камни. Слѣдуетъ отнести къ величайшему счастью нашему, что никто при этомъ не пострадалъ.

Направляясь далѣе къ станціи, мы замѣтили какую-то необычайную тишину и ужъ потомъ разглядѣли, что Терекъ, наполнявшій все Дарьяльское ущелье своимъ шумомъ, теперь стихъ и началъ на нашихъ глазахъ мелѣть, а затѣмъ обнажилось дно, показались камни, и вода осталась только въ лужицахъ. Очень было любопытно бѣгать по руслу, гдѣ только что кипѣлъ съ сокрушительной силой потокъ, но было трудно удержаться на камняхъ, покрытыхъ еще влажнымъ зеленоватымъ налетомъ ила. Подвигаясь далѣе, мы увидѣли нѣсколькихъ осетинъ, бѣгавшихъ босикомъ съ засученными выше колѣнъ штанами вдоль русла и ловившихъ что-то. Оказалось туземцы, ловили форель и усачей, забившихся подъ камень. Какова же была плавательная сила этой рыбы, если она могла удержаться въ стремительномъ потокѣ Терека?..

На станціи мы узнали подробности. Это былъ не земляной, а ледяной обвалъ. Выпадающій на склонахъ Казбека снѣгъ образуетъ ледники, которые текутъ по опредѣленнымъ направленіямъ, но таяніе льда и снѣга меньше, чѣмъ ихъ прибыль, и годами, десятилетиями лѣтъ тамъ накапливаются такія массы, что ихъ не могутъ вмѣстить ледники; онѣ срываются со склоновъ, перелетаютъ съ разбѣга черезъ кряжъ, отдѣляющій ледники отъ Дарьяльскаго ущелья, и обрушиваются внизъ. Такіе обвалы, по словамъ жителей, повторяются черезъ промежутки въ тридцать-сорокъ лѣтъ, но вотъ уже прошло послѣ этого болѣе пятидесяти лѣтъ и я не слышалъ, чтобы тамъ произошло что-нибудь подобное ¹⁾.

¹⁾ По мнѣнію нѣкоторыхъ кавказскихъ инженеровъ пут. сооб., хорошо знающихъ геологическое строеніе Военно-Грузинской дороги (Статковскаго, Загу и др.), подобныя грандіозныя обвалы возможны и предупредить ихъ никакъ нельзя. Они даже желательны, такъ какъ разгружаютъ скопляющіяся массы снѣга. Прекращеніе подобныхъ обваловъ грозитъ возможностью сдвига цѣлага кряжа или даже опрокидываніемъ его въ Дарьяльское ущелье.

Подъ этимъ Ларсомъ мы простояли дней десять въ ожиданіи расчистки; наши войска, да и мы сами отъ скуки принимали въ этихъ работахъ участіе. Въ первое время всё высказывали опасеніе, какъ бы запруженный Терекъ не образовалъ съ той стороны озера, которое, прорвавшись черезъ ледяную плотину, не затопило бы все ущелье; но, по счастью, воды Терека пробуравили себѣ туннель по старому руслу и скоро потекли обычнымъ путемъ.

Но что это былъ за грандіозный обвалъ!.. Вообразите себѣ ущелье, шириною отъ ста до двухсотъ сажень, заваленное снѣгомъ, глыбами льда и оторванными скалами на высоту сажень пятидесяти и протяженіемъ болѣе семи верстъ!.. Сколько это составляло миллиардовъ пудовъ?.. Страшно подумать, что эта масса могла обрушиться на насъ, выступи мы изъ Владикавказа днемъ раньше.

Все это время я состоялъ неотступнымъ кавалеромъ *m-lie Ernestine*, за которой, впрочемъ, ухаживали и другіе, но я имѣлъ большее преимущество передъ другими въ нѣкоторомъ знаніи французскаго языка. Конечно, черезъ нѣсколько дней я не преминулъ объясниться въ страстной любви, но французенка, несмотря на свою молодость, выказала большую жизненную опытность.

— Потомъ, потомъ, мой мальчикъ... Ты мнѣ нравишься, но я хочу сначала *faire fortune*, а затѣмъ уже думать объ удовольствіяхъ. Вѣдь мы съ тобой, конечно, встрѣтимся, и ты тогда будешь моимъ маленькимъ другомъ... *Bien?*..

А я молодой, еще далеко неиспорченный, ничего въ сущности не желалъ, какъ только маленькаго кокетства, самое большое поѣдуя. Подобный же откровенный цинизмъ меня сильно охладилъ.

Недѣли черезъ полторы мы перешли заваль по разработанной поверху дорогѣ и затѣмъ уже двигались безпрепятственно. Кажется, въ Цалканахъ нѣкоторые пассажиры отдѣлились отъ казны и поѣхали впередъ. Тутъ же я разстался со своими французами. Много лѣтъ спустя, когда я достигъ нѣкотораго положенія, въ женѣ одного изъ подчиненныхъ мнѣ офицеровъ я съ нѣкоторой грустью узналъ мою бывшую спутницу *m-lie Эрнестинь*. Но увы, вмѣсто нѣкогда граціозной дѣвушки, порхавшей по скаламъ и весело щетававшей, я увидѣлъ разжирѣвшую, судя по красному носу, сильно выпивавшую тетеху, на которую штабъ-квартирная жизнь, очевидно, наложила свою тяжелую печать... Она меня не узнала, а я не имѣлъ духу напомнить ей ея обѣщаніе относительно дружбы...

Насколько мнѣ помнится, числа 29-го августа, въ пыльный, душный вечеръ подошли мы къ Тифлису, некрасиво, непривѣтно раскинувшемуся по склонамъ горъ, мѣстами лишь покрытыхъ порыжѣвшими отъ солнца деревьями. Мы остановились за городомъ на Верѣ, въ какихъ-то глинобитныхъ казармахъ. Въ ожиданіи смотра насъ не отпускали въ городъ, и мы отъ нечего дѣлать толклись по окрестностямъ, заходя въ сады, гдѣ радушные грузины насъ

закармливали до отвала персиками, виноградомъ, инжиромъ. Многие изъ насъ, набросившіеся на невиданные фрукты, жестоко поплатились за свою жадность дизентеріей.

Черезъ нѣсколько дней насъ всѣхъ повели въ штабъ округа, построили во дворѣ, и здѣсь какой-то суровый на видъ генераль вышелъ къ намъ, поздоровался и началъ обходить ряды, пытливо осматривая каждого, при этомъ мы должны были говорить наши фамиліи. Ходившій за генераломъ адъютантъ записывалъ что-то въ книжечку. Потомъ насъ распредѣлили по полкамъ, и мы разбрелись въ разныя стороны.

По какой-то особой милости меня назначили въ Эриванскій карабинерный полкъ, теперь именующійся 13-мъ лейбъ-Эриванскимъ гренадерскимъ полкомъ. Онъ стоялъ, какъ и теперь, на Манглисѣ, въ шестидесяти верстахъ отъ Тифлиса.

Оглянувшись на то далекое прошлое, я могу только сказать, что мнѣ выпало на долю особое счастье начать службу и провести большую ея часть въ этомъ исключительно хорошемъ полку. Пришелъ я юношей, чуть что не ребенкомъ, очутился въ совершенно новой средѣ, осужденный тянуть неопредѣленное число лѣтъ солдатскую лямку, въ то время очень тяжелую... Одинокій, безъ всякихъ средствъ, я тѣмъ не менѣе не чувствовалъ тоскливаго одиночества и отчужденія, потому что какъ въ солдатской, такъ и въ офицерской средѣ не встрѣтилъ гнета, не видѣлъ пренебреженія, а, напротивъ, повсюду встрѣчалъ сердечное участіе... Чужіе люди пріютили меня, согрѣли меня, облегчили разлуку съ родными, даже замѣнили ихъ, и я приобрѣлъ вторую родину... Съ Эриванскимъ полкомъ у меня связаны лучшіе моменты жизни, память о лучшихъ друзьяхъ, о первыхъ служебныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ не протекціей, а добытыхъ потомъ походовъ и кровью боевъ...

Привѣтъ же тебѣ, мой дорогой Эриванскій полкъ, отъ стараго твоего питомца, хранящаго въ сердцѣ своемъ благодарную память о прожитыхъ съ тобою годахъ и дорожащаго тѣми славными традиціями, которыя связывали насъ всѣхъ, отъ солдата до командира включительно, въ одну крѣпкую, дружную семью! Храните же и вы, молодые эриванцы, эти завѣты, обязывавшіе насъ, стариковъ, служить не изъ корысти, не за страхъ, а за совѣсть...

А. Ф. Рукевичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАВѢТНОЕ СЛОВЕЧКО.

(Московская быль).

I.

В ПЯТНИЦУ на Сырной недѣлѣ 1850 года извѣстный старовѣръ-милліонщикъ Степанъ Ильичъ Липинъ вернулся съ Рогожскаго кладбища къ себѣ на Воздвиженку въ одиннадцатомъ часу ночи: передъ Великимъ постомъ, до покаянія въ грѣхахъ вольныхъ и невольныхъ, онъ имѣлъ обыкновеніе одѣлать отъ щедротъ своихъ вещевымъ и кормовымъ довольствіемъ всѣхъ престарѣлыхъ и страждущихъ въ кладбищенскихъ богадѣленныхъ палатахъ и ребятишекъ въ тамошнемъ сиротскомъ домѣ.

Старикъ Терентьичъ, принимавшій съ него въ прихожей тысячную, чернобурыхъ лисицъ шубу, доложилъ, что «самоварчикъ третій разъ уже вскипѣлъ».

— Не требуется! — отмахнулся Степанъ Ильичъ: — на Рогожскомъ почествовали.

— Да какъ имъ тебя, батюшка, не чествовать! Тобой только живутъ и дышать. Такого ревнителя древляго благочестія съ фонаремъ поискать.

— «Блажени милостивіи, — сказано: — яко ти помиловани будутъ». А что, Любуша моя, я чай, и спать завалилась?

— Никакъ нѣтъ. Пріятелька Глафира Семсевна, вишь, засидѣлась; книжицу вмѣстѣ читають.

— Божественную?

— Не иначе.

— Въ родителя пошла.

И Степанъ Ильичъ прошелъ къ дочери. Подружки, дѣйствительно, сидѣли надъ «книжицей», но не надъ «божественной». При входѣ старика обѣ ахнули, но спрятать книгу не успѣли. Отобравъ ее, онъ съ изумленіемъ и негодованіемъ прочиталъ на обложкѣ: «Мартинъ Найденышъ. Романъ Эжена Сю. Переводъ съ французскаго».

— Съ нами крестная сила! Мірская ересь, да еще съ французскаго.

— Это я, я одна виновата!—повинилась молоденькая гостя.— Но мы уже не дѣти, Степанъ Ильичъ; а Сю нынче всѣ читаютъ...

— Кто всѣ? Отщепенцы отъ истинной вѣры. Баламутка ты, Глаша; грому на тебя пѣть! Вотъ погоди, какъ скажу твоей теткѣ...

— Бога ради, Степанъ Ильичъ, ничего не говорите! И безъ того ей нынче отъ блиновъ неможется...

— Ну, такъ забирай своего Сю—не Сю, а тѣфу! и чтобы напередъ въ домъ у насъ его и духу не было.

Тутъ оказалось, что прислуга, проводившая гостью къ Липинымъ, отпросилась къ сестрѣ.

— Это я ее отпустила, батюшка,—объяснила, въ свою очередь, Любуша.—Я думала, что Никита, какъ вернется съ тобой съ Рогожскаго, отвезетъ Глашу.

— Думала, думала!—проворчалъ отецъ, проводя ласковой рукой по головкѣ своей любимицы:—а того не подумала, что лошади туда и обратно пятнадцать верстъ отмахали. Архиповна!

Архиповна, въ качествѣ старой няни хозяйской дочки, занимала каморку рядомъ и не замедлила слѣзть съ своей лежанки.

— Заспалася, старая? На морозъ очухаешься. Собирайся-ка, да живо!

— Куда, батюшка?

— А вотъ Глашу на извозцѣ домой предоставишь. Только чуръ, не мимо театровъ, а объѣздомъ, Кузнецкимъ мостомъ.

— Да что тамъ, батюшка, у кіатровъ, смѣю спросить?

— Столпотвореніе вавилонское: отъ каретъ да возковъ проѣзду нѣтъ; у актерскаго же крыльца Большого театра чернымъ-черно: провожать, знать, кого будутъ.

— Я знаю кого,—сказала Глаша:—на театрѣ большущая афиша: «Эсмеральда. Прощальный бенефисъ Фанни Эльснеръ». Значить, ее и провожаютъ.

— Ну, ну, ну! Сама еще, чего добраго, пошла бы на игрище бѣсовское.

— Съ Любушей пошла бы. Только вы ее вѣдь не пустили бы!

— Шути, шути, да не перешучивай.

— Но къ намъ-то, Степанъ Ильичъ, послѣзавтра, въ прощальное воскресенье, вы ее все-таки пустите?

— А изъ постороннихъ у васъ еще кто будетъ?

— Никого, окромѣ своихъ.

— Ладно. Смотри же, Архиповна, какъ сказано, объѣздомъ.

И, благословивъ на ночь дочку, а подружкѣ ея сунувъ въ губы руку, старикъ удалился, вполнѣ, конечно, полагаясь на старушку, всегда въ точности исполнявшую его приказы.

— А я вотъ нарочно поѣду мимо театра!—шепнула Глаша Любушѣ.—Авось увижу, какъ будутъ сажать въ карету эту Эльснеръ.

— Да что она только актерствуетъ или поетъ тоже?

Глаша прыснула со смѣху.

— Поеть... ногами! Первая вѣдь въ мірѣ балетчица. Неужели ты еще не слышала?

— Ахъ, душечка, кабы и мнѣ на нее взглянуть!

— За чѣмъ же дѣло стало? Архиповна! У Любуши отъ печки, голова страхъ какъ разболѣлась.

— Владычица небесная! Капусты кочанной къ головкѣ приложимъ...

— Нѣтъ, всего лучше ей на свѣжій воздухъ. Вмѣстѣ меня и проводите.

— Что ты, милая! Какъ родитель-то провѣдаетъ...

— Ничего не провѣдаетъ: спать вѣдь пошелъ.

— Да втроемъ на извозчикѣ намъ и не умѣститься.

Тутъ сама Любуша обняла старушку.

— Ну, нянечка! Туда пройдемъ пѣшкомъ...

— Охъ ты, моя ласанька! Отказать-то тебѣ силъ нѣту.

II.

На улицѣ старушка едва поспѣвала за двумя вѣтреницами. Вотъ и Кузнецкій мостъ. Вдругъ тѣ завернули за уголъ на Петровку къ театрамъ.

— Куда? куда?

Будто не слыша, тѣ даже не оглянулись и прибавили только шагу.

На Театральной площади развѣздъ послѣ бенефиснаго спектакля былъ въ полномъ разгарѣ.

— А гдѣ же актерское крыльцо?

— Да вонъ, надо быть.

И, рискуя попасть подъ колеса и копыта, подружки рука объ руку перебѣжали къ боковому крыльцу Большого театра, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, «чернымъ-черно» скучились поклонники бенефи-

ціантки, все больше изъ учащейся молодежи. Здѣсь шель оживлен-
ный говоръ:

— За мѣсто въ проходѣ разбойникъ-капельдинеръ съ меня
вѣдь пять цѣлковыхъ слушилъ!

— Недорого. За кресла платили и по сту рублей.

— А Москва-то наша себя какъ показала: вѣнокъ изъ живыхъ
бѣлыхъ камелій сажень въ діаметрѣ, а по серединѣ надпись «Москва»
изъ красныхъ камелій!

— Ну, Фаничкѣ, я думаю, дороже нашъ серебряный самоваръ
съ рисунками изъ «Эмеральды»: будетъ чай попивать, про Москву
вспоминать.

— Да московскимъ калачикомъ закусывать!

— Изъ папье-маше? ха-ха-ха!

— Да что въ калачѣ-то: браслетъ съ драгоценными камнями!

— Зато вѣдь и сама-то брильянтъ чистѣйшей воды. Что за гра-
ція и пластика! что за мимика!

— Но она, говорятъ, дочь простой вѣнской прачки?

— Да, и камердинера композитора Гайдна. Вначалѣ, впрочемъ,
была только фигуранткой съ платой по тридцати крейцеровъ за вы-
ходъ. Но разъ какъ-то передъ самымъ спектаклемъ захворала при-
ма-балерина-итальянка Директоръ гуда-сюда, волосы на себѣ
рветъ: хоть отмѣнный спектакль! Вдругъ выступаетъ Фаничка:
«Я знаю эту роль, герръ директоръ».—«Всю роль?»—«Всю; дома
всѣ па разучила».—«Ну, съ Богомъ!» И что жъ? Протанцовала еще
лучше итальянки!

— Прирожденный талантъ! феномень! А когда она уѣзжаетъ,
господа?

— Въ чистый понедѣльникъ.

— Такъ не проводить ли за заставу?

— Обязательно! Триумфъ такъ триумфъ!

Въ это время обѣ половинки двери подъ навѣсомъ крыльца рас-
пахнулись, и оберегавшій входъ кварталный засуетился:

— Подайтесь назадъ, господа! пропустите карету къ подѣзду!

Карета подкатила. Изъ-подъ навѣса выпорхнула воздушная
фигурка съ сіяющимъ въ кисейномъ облакѣ личикомъ, а за нею
показался исполинскаго роста полковникъ.

— Ура!—пронеслось кругомъ.—Выпрячь лошадей! На себѣ
повеземъ!

Но подъ напоромъ надвинувшейся пылкой молодежи лошади
шарахнулись въ сторону. Усѣвшаяся уже въ карету балерина
взвизгнула, а занесшій туда же ногу великанъ-полковникъ гаркнулъ
громовымъ басомъ:

— Что за беспорядокъ, господа! И чего вы-то смотрите, г. квар-
тальный?

— Ничего не подѣлаешь, ваше сіятельство... Назадъ, господа, назадъ! Лошади молодыя, горячія,—разобьютъ васъ до смерти.

— А г. Хлоповъ гдѣ же?—продолжалъ гремѣть полковникъ.

— Здѣсь, ваше сіятельство; вѣнокъ задержалъ,—отозвался изъ дверей господинъ въ цилиндрѣ, за которымъ нѣсколько капельдинеровъ несли колоссальныхъ размѣровъ вѣнокъ изъ камелій, очевидно, тотъ самый, о которомъ сейчасъ была рѣчь.

— Да не въ карету же его къ намъ, чортъ побори!

Отдавъ приказаніе капельдинерамъ сложить вѣнокъ на особаго извозчика и доставить въ Дрезденскую гостиницу, г. Хлоповъ, оказавшійся потомъ чиновникомъ генераль-губернаторской канцеляріи и вновь назначеннымъ редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей», вскарабкался къ кучеру на козлы.

— Пошелъ!

Кучерь дернулъ вожжами, лошади рванулись впередъ, и окружающая волна людей отхлынула вонъ. Этимъ «девятымъ валомъ» едва не захлестнуло Архиповну, которая сейчасъ только добралась до своихъ барышень. Она свалилась въ снѣгъ и была бы, пожалуй, затоптана, не огради ее молодой гвардейскій офицеръ.

— Не напирайте, господа, задавите старуху.

Спутникъ же офицера, студентъ, помогъ ей встать, стряхнулъ съ ея салона снѣгъ и спросилъ, не ушиблась ли.

— Ничего, родимый, всѣ кости, кажись, цѣлы...—отвѣчала Архиповна.—Да никакъ ты и человѣкъ-то знакомый? Самъ Богъ тебя послалъ!

Тутъ и Глаша узнала студента.

— Сергѣй Павлычъ!

— А! Графира Семеновна? Вы были тоже въ балетѣ?

— Боже, упаси! Мы съ Любушей и ея няней только мимоходомъ... Онѣ провожаютъ меня домой.

— Такъ вы на Покровку? Значить, намъ по пути. Одлѣхъ васъ, того гляди, еще задавятъ.

Новаго натиска со стороны «эльснеристовъ» опасаться было, впрочемъ, уже нечего: всѣ они почти поголовно ринулись вдогонку за умчавшейся каретой къ Дрезденской гостиницѣ, въ чаяніи получить цвѣтокъ или хоть бутончикъ отъ ея бенефиснаго вѣнка.

III.

Пошли попарно: впереди обѣ барышни, за ними оба кавалера; въ хвостѣ поплелась старушка-няня, не совсѣмъ еще почувствовавшаяся отъ перенесеннаго потрясенія.

Студентъ, Сергѣй Павловичъ Матюшинъ, успѣлъ уже шепнуть гвардейцу, что готовить въ коммерческое училище братишку Гла-

фиры Семеновны Кудряшевой, а подруга ея—богатѣйшая невѣста: единственная дочь и наслѣдница купца Липина, многократнаго милліонера, послѣ чего обратился къ барышнямъ:

— Позвольте представить вамъ моего родственника, Александра Петровича Льговскаго; прибылъ онъ нарочно изъ Петербурга на бенефисъ Фанни Эльснеръ, съ которою давно знакомъ.

— Не вѣрьте ему!—возразилъ Льговскій:—познакомился я съ нею только здѣсь, въ Москвѣ, на блинахъ у графини Ростопчиной; а Сергѣй Павлычъ имѣетъ отъ нея и башмачокъ.

— Которыхъ она раздала уже сто паръ другимъ.

— Вы оба, видно, отъ нея безъ ума,—сказала Глаша.

— Да кто отъ нея съ ума не сойдетъ?

«Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружить,
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летить,
Летить, какъ пухъ отъ устъ Эола,
То стань советъ, то разовѣть,
И быстрой ножкой ножку бѣтъ».

— Даже стихи на нее сочинили!

— Къ сожалѣнію, Пушкинъ сочинилъ ихъ еще задолго до меня. Но разговаривать вамъ такъ черезъ плечо совѣмъ неудобно. Я пойду съ вами, Глафира Семеновна, а ты, Александръ, иди ужъ съ Любовью Степановной.

Такъ Любуша неожиданно очутилась рядомъ съ петербургскимъ гвардейцемъ. Онъ началъ разговоръ съ графини Ростопчиной, у которой бывалъ еще въ Петербургѣ. Три года назадъ она напечатала въ «Сѣверной Пчелѣ» балладу «Насильный бракъ», гдѣ подъ видомъ стараго барона и его молодой жены представила Россію и Польшу. Цензура не давала ей уже покою, и она переселилась въ Москву, гдѣ въ домѣ у нея по субботамъ собираются съ тѣхъ поръ лучшіе московскіе литераторы и актеры.

Разсказывая это, Льговскій вынулъ портсигаръ и закурилъ папирску, какъ вдругъ замѣтилъ, что барышня откинулась назадъ головкой.

— Вы не выносите табачнаго дыма?—спросилъ онъ.

— Не то чтобы; но... я вѣдь старовѣрка, раскольникъ.

— Такъ я не буду курить.

И онъ бросилъ вонъ папирску.

«Какой милый!» подумала она и озарила его благодарнымъ взглядомъ.

«Какой славный взглядъ!» подумалъ онъ, а вслухъ промолвилъ:

— Не потому ли вы и въ театръ не ходите?

— Потому. Грѣшно.

— Чѣмъ грѣшно? Ну, положимъ, балетъ—феерія; но драматическій театръ даетъ жизнь, какъ она есть...

— А все же грѣховное лицедѣйство...

— Полноте! Вы говорите это съ чужихъ словъ. Мы, православные, ходимъ же въ театръ; а чѣмъ же ваша старая вѣра разнится отъ нашей?

— Чѣмъ?.. Старая вѣра—и поповщина и безпоповщина—отвергаетъ всѣ новшества патріарха Никона въ церковныхъ обрядахъ. Безпоповщина не признаетъ и священства...

— Но вы-то признаете?

— Таинства церковныя надо же кому-нибудь совершать? Когда попы дониконовскаго ставленья всѣ перемерли, мы, поповщиныцы, поневолѣ стали принимать и поповъ новаго ставленья.

— Стало быть, признаете и таинство брака?

— Еще бы.

— И съ православными?

— Ай, нѣтъ! Отецъ меня за православнаго ни за что бы не выдалъ.

— А если бы вы полюбили православнаго?

— Православнаго я никогда не полюблю: всѣ они пьютъ вино...

— Да что же въ этомъ дурного, если не напиваться? Впрочемъ, въ крайнемъ случаѣ я готовъ былъ бы отказаться и отъ вина, и отъ куренья.

— Что значить «въ крайнемъ случаѣ»?

— Если бы, на примѣръ, любимая дѣвушка того потребовала.

Разговоръ принялъ такой оборотъ, что Любуша нашла нужнымъ окликнуть подружку:

— Глаша!

— Что, душечка?

— Отсюда къ тебѣ уже близко: мы дойдемъ и безъ кавалеровъ.

— А тебѣ твой уже надоѣлъ?

— Успокойтесь,—сказалъ Львовскій:—меня вы больше не увидите; въ понедѣльникъ я уѣзжаю опять въ Петербургъ.

— Да вѣдь до понедѣльника еще два вечера,—сказалъ Матиюшинъ.

— Къ сожалѣнію, у меня оба заняты: завтра я опять у Ростопчиной: молодой драматургъ Островскій долженъ читать свою новую пьесу «Банкротъ»...

— Какой вы счастливецъ!—воскликнула Глаша.—Знаете что? Приходите-ка къ намъ вмѣстѣ съ Сергѣемъ Павлычемъ въ воскресенье; расскажете намъ про завтрашній вечеръ. Только приходите тоже вечеромъ; будетъ и Любуша.

— Охотно бы пришелъ; но въ воскресенье я въ оперѣ...

— Да билетъ у васъ вѣдь еще не взять?

— Взять два дня назадъ.

— Такъ сдайте его въ кассу. Оперъ вы, вѣрно, ужъ всякихъ на-слушались? Приходите! Попроси и ты, Любуша.

— Приходите...—тихонько подала тутъ голосъ и Любуша.

— А сами вы, Любовь Степановна, навѣрное будете?

— Буду.

— Такъ и я буду.

— А вотъ я и дома,—сказала Глаша.—Значить, до свиданья, господа, до воскресенья. Да не позже половины девятого; слышите?

— Что съ тобой, Александръ?—спросилъ Матюшинъ, когда Глаша скрылась въ домѣ, а Любуша съ няней укатила на извозчикѣ; гвардеецъ же все еще стоялъ въ раздумьи, не трогаясь съ мѣста.

— Да вотъ все размышляю: бросить курить или нѣтъ?

— Что за вздоръ!

— Вздоръ или нѣтъ—покажетъ воскресенье.

IV.

Вотъ и воскресенье—для кого «прощеное», а для кого и «прощальное».

Къ назначенному для гостей сроку въ столовой Кудряшевыхъ столъ былъ уставленъ всякой всячиной соленой, копченой и печеной; а по серединѣ стола красовался пышный кондитерскій фруктовый пирогъ. Кромѣ своихъ: тетки Софьи Антоновны, племянницы Глаши, двухъ племянниковъ, десятилѣтняго Степы (крестника Степана Ильича) и четырехлѣтняго Миши, да приживалки Фелицаты Никаноровны, были налицо только двѣ гостьи: Любуша Лишина и неизмѣнная въ воскресные дни кума хозяйки Перпетуя Мироновна (фамиліи ни ей, ни Фелицатѣ Никаноровнѣ, повидимому, не полагалось).

Вотъ стѣнные часы съ кукушкой пробили и прокуковали девять разъ, а гостей все еще не было.

— Да, можетъ, ихъ вовсе и не будетъ, забыли вертопрахи про насъ!—замѣтила Перпетуя Мироновна, ходившая вокругъ стола, облизываясь на разставленные тамъ яства.

— Тѣмъ больше для насъ самихъ останется,—философски отозвалась со своего кресла толстуха-хозяйка.—Фелицата! смотри-ка, смотри, что мальчики дѣлаютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, племянники, до сихъ поръ только любовавшіеся сладкимъ пирогомъ, не выдержали наконецъ искушенія: младшій, взобравшись на стулъ, ощупывалъ всѣ фрукты на пирогѣ и обсыпалъ себѣ затѣмъ пальчики; а старшій, болѣе рѣшительный, выколупалъ изъ середки пирога самый крупный абрикосъ.

Фелицата Никаноровна принадлежала къ числу тѣхъ безличныхъ существъ, которыя своего мнѣнія въ домѣ не имѣютъ, молча

дѣлають только свое дѣло, но этимъ самымъ, подобно старинной мебели, придаютъ дому извѣстную уютность.

Она бережно сняла лакомку Мишу со стула и, не пытаясь отнять у Степы его добычу, съ которою тотъ отбѣжалъ уже въ сторону, очень искусно разрѣзала пирогъ, чтобы скрыть дефектъ.

Въ это время обѣ дѣвицы, стоявшія, обнявшись, у окошка, отпрянули назадъ, и Глаша крикнула:

— Они!

— Мареуша! Мареуша!—заголосили тутъ хоромъ всѣ, кромѣ Любуши:—скорѣй иди, отпирай дверь!

Любуша же, прижавъ руку къ сердцу, шептала подружкѣ:

— Ахъ, какъ бьется сердце!

Минуту спустя вошли Матюшинъ и Льговскій.

Когда Глаша представила гвардейца теткѣ, неожиданно выступили впередъ младшій членъ семейства:

— Я—Миша.

— Ты—Миша?—переспросилъ Льговскій:—ишь ты, какой бутузъ!

Поднявъ малыша на воздухъ, онъ посадилъ его себѣ на плечи и галопомъ поскакалъ вокругъ стола. Въ первый моментъ Миша былъ совершенно озадаченъ; но когда услышалъ общій смѣхъ, онъ залился еще звонче другихъ и весело заболталъ ногами.

— Ну, а теперь слѣзай-ка внизъ,—сказала Глаша:—надо покормить твоего коня.

— Конь сытъ еще отъ обѣда,—извинился Льговскій, спуская своего сѣдока на полъ.

— Противъ сытости не споримъ, а безчестья на хозяекъ не кладутъ.

И съ истинно московскимъ хлѣбосолецствомъ она накладывала обоимъ гостямъ на тарелку и копченаго сижка, и балычка, и осетринки заливной, и икорки зернистой, и груздочковъ, и рыжичковъ, и ватрушечекъ, и картофельныхъ оладей съ грибной подливкой. Когда тутъ Мареуша внесла еще полную миску съ дымящимися варениками, Льговскій схватился за горло.

— Увольте! ей-Богу же, неумоготу...

— Ну, такъ хоть фруктоваго пирога...

— И пирога не могу.

Тутъ за него великодушно вступилась кумушка Перпетуя Мироновна:

— Чтобы вамъ не такъ ужъ стыдно было, я вотъ этотъ кусочекъ скушаю дома на ваше здоровье, а этотъ на свое.

И, доставъ изъ кармана носовой платокъ, она завернула въ него оба куска.

Между тѣмъ Миша полѣзъ уже на колѣни къ молодому петербургскому гостю и игралъ его аксельбантами.

— Что это, дядя, у тебя за висюльки?

— Это? Аксельбанты.

— А что они означаютъ, эти ваши аксельбанты?—полюбопытствовала, въ свою очередь, Перпетуя Мироновна.

— Означаютъ, что я состою адъютантомъ при великомъ князѣ наслѣдникѣ.

Она руками всплеснула.

— При самомъ наслѣдникѣ! Такъ вы, значить, и при дворѣ бываете?

— А то какъ же.

— И на балахъ придворныхъ танцуете?

— Случается.

— То-то у васъ такая танцевальная фигура! А какіе, скажите-ка, у придворныхъ дамъ на балахъ наряды? Мы-то, дуры московскія, ничевошенько про то вѣдь не знаемъ, не вѣдаемъ.

— Ну, пошла, поѣхала!—шепнула въ отчаяніи Глаша сидѣвшему рядомъ съ нею студенту:—теперь она не дастъ ему уже вздохнуть, и мы ничего такъ и не узнаемъ про вчерашнее чтеніе у графини Ростопчиной.

— А мы ее сейчасъ выкуримъ,—отвѣчалъ Матюшинъ.—Она гдѣ живетъ-то?

— На Собачьей площадкѣ.

— Въ чьемъ домѣ?

— Въ домѣ Сидоркина.

— А окна ея куда выходятъ: на улицу?

— На улицу два окошка, у самыхъ воротъ

— И живетъ она одна?

— Одна—даже прислуги не держитъ.

— А что, почтеннѣйшая Перпетуя Мироновна,—обратился шутникъ къ старой болтунѣ:—вы мужа своего всегда дома оставляете?

Та съ недоумѣніемъ и даже какъ будто обидясь, оглядѣла вопрошающаго.

— Какого мужа? Я еще дѣвица!

— Мужчина, однако, все-таки квартируетъ съ вами?

— Со мной мужчина? Вы смѣтаете надо мною.

— Но позвольте, вѣдь живете вы гдѣ? на Собачьей площадкѣ?

— На Собачьей.

— Въ домѣ Сидоркина?

— Сидоркина.

— И два окна ваши на улицу у самыхъ воротъ?

— Ну да.

— Такъ кто же ходилъ у васъ тамъ со свѣчой по комнатѣ?

— Когда?

— Да вотъ давеча, когда мы мимо проѣзжали. Здоровенный такой, бородатый, Пугачевъ, да и только!

— А двое другихъ съ улицы еще подглядывали,—добавилъ отъ себя Льговскій, смекнувшій, что въ виду у его пріятеля:—время то праздничное!

Одураченная сорвалась изъ-за стола.

— Ахти, смерть моя!

И, ни съ кѣмъ уже не простившись, такъ стремительно бросилась къ выходу, что завернутые въ платкѣ куски кондитерскаго пирога съ колѣнъ ея разсыпались по полу.

— Вѣдь такъ и повѣрила!—расхохоталась Глаша и вся остальная молодежь за нею.

— Ничего этого развѣ и не было?—сообразила тутъ и тетка.—Грѣховодники вы, грѣховодники! Даже чаю не дали напитокъ! У меня отъ жалости индо подъ ложечкой засосало.

— Не отъ жалости, тетушка,—возразила Глаша:—а отъ давишныхъ блиновъ да теперь отъ варениковъ.

— Ну, ну! Много ли я и поѣла-то? О-охъ, не могу...

— А Миша слушаетъ да ѣсть!—замѣтилъ, смѣясь, Льговскій.

Мальчуганъ, подобравъ съ полу разсыпанные кусочки пирога, уплеталъ ихъ за обѣ щеки.

— Выплюнь, дружокъ, выплюнь!—сказала тетка.—Возьми себѣ съ блюда цѣльный кусокъ и кушай на здоровье. А что же самоваръ-то, Фелицата?

Подали самоваръ; приживалка стала заваривать чай. Но хозяйка, стоная, грузно уже поднялась.

— Прошу прощенья, господа, я пойду, лягу... О-охъ! Да и Мишѣ бы пора. Фелицата! уложи-ка младенца. А чаю мнѣ принеси чашечку въ спальню.

— Ну, Александръ Петровичъ, теперь дѣло за вами,—сказала Глаша:—мы всѣ тутъ сидимъ уже какъ на иголкахъ. Было вчера чтеніе?

— Было, да вѣдь какое!

Машинально Льговскій вынулъ при этомъ изъ кармана свою серебряную папиросницу. Но глаза его встрѣтились съ глазами Любуши, и папиросница исчезла опять въ карманѣ.

— Итакъ...—началъ онъ.

V.

Наканунѣ у графини Ростопчиной весь вечеръ, оказалось, былъ посвященъ пьесѣ начинающаго драматурга Островскаго «Банкротъ», переименованной имъ впоследствии въ «Свои люди—сочтемся». Читалъ ее самъ авторъ и читалъ безподобно. Льговскій, одаренный счастливой памятью и умѣньемъ «выразительнаго чтенія», передавалъ теперь съ такимъ совершенствомъ явленіе за явленіемъ, дѣйствіе за дѣйствіемъ, что слушатели его, затаивъ

дыханье, боялись пропустить хоть одно слово. Разъ только Глаша шепнула подружкѣ:

— А вѣдь эта Липочка совѣмъ какъ ты да я!

Но получила въ отвѣтъ:

— Что ты! не дай Богъ!

Разсказчикъ же, замѣчая производимое имъ впечатлѣніе, все болѣе одушевлялся. Любуша, разгорѣвшаяся до ушей, не сводила съ него очарованныхъ глазъ и, взглядывая на нее, онъ чувствовалъ, что между ними обонми установился уже какъ бы магнетическій токъ, что эта наивная дикарка дѣлается ему все ближе и милѣе. Окончивъ свой разсказъ, онъ обратился уже прямо къ ней съ вопросомъ:

— Ну, что, вѣдь хорошо?

— Ужъ такъ хорошо... но и ужасно!

— И тѣмъ ужаснѣй, что это—горькая правда: таково все наше русское купечество!

— Не все, нѣтъ, не все. У насъ, старообрядцевъ, такихъ ужасовъ быть не можетъ.

— Глаша!—донесся въ это время откуда-то дѣтскій голосъ.

Глаша выбѣжала вонъ, но тотчасъ же опять возвратилась.

— Александръ Петровичъ! а вѣдь Миша-то нашъ никакъ не можетъ заснуть, пока не простится съ дядей съ аксельбантами.

— И то вѣдь мы съ нимъ, кажется, не простились.

— Такъ не пройдетъ ли вы къ нему въ дѣтскую?

— Глаша! Глаша!—долетѣлъ тутъ еще жалобнѣе женскій старческій голосъ.

— Ахъ ты, Господи! вотъ и тетушка зоветъ. Не разорваться же мнѣ! Фелицата Никаноровна, проводите ужъ вы Александра Петровича къ Мишѣ.

Приживалка, занятая только что полосканьемъ стакановъ и чашекъ, растерялась.

— Да какъ же мнѣ съ мокрыми-то руками?

— Я провожу васъ къ Мишѣ,—неожиданно вызвалась вдругъ Любуша и, сама точно испугавшись своей рѣшимости, поспѣшила выскользнуть изъ комнаты.

Львовскій послѣдовалъ за нею, но, очутившись въ темномъ коридорѣ, въ нерѣшительности остановился. Мягкая дѣвичья рука взяла его за руку и повлекла за собой.

Дѣтская была освѣщена только лампадкой передъ образомъ въ углу. Оба подошли къ Мишиной кроваткѣ.

— Вотъ я привела къ тебѣ дядю проститься,—сказала Любуша.—А ты уже помолился?

— Помолился. Но Боженька, боюсь, не разслышалъ...

— Почему?

— Потому я молился тихо, про себя.

— Дурачокъ ты мой! Боженъка слышитъ одинаково и тихую молитву, и громкій хоръ пѣвчихъ. Ну, простись же съ дядей.

Миша вскочилъ на кроваткѣ и, обхвативъ шею «дяди», звонко его чмокнулъ, послѣ чего потянулся къ «тетѣ» и повторилъ съ нею то же.

— А теперь вы оба тоже попрощайтесь,—сказалъ онъ.—Вѣдь прощальное воскресенье.

Тѣ смущенно переглянулись.

— Ну, что же вы?

Точно непроизвольно, оба наклонились другъ къ другу. Но въ послѣдній мигъ Любуша откинулась назадъ—и была такова!

— Тетя! тетя Люба!—закричалъ Миша.

— Попрощался—и будетъ,—сказалъ Льговскій, накрывая его одѣяльцемъ.

Въ коридорѣ было такъ темно, что нашему гвардейцу пришлось двигаться впередъ ощупью. Вдругъ легкій шорохъ. Въ объятіяхъ у него молодой дѣвичій станъ, на губахъ—горячій поцѣлуй.

— Милый! милый!

И ея уже нѣтъ. Онъ одинъ. Ужъ не почудилось ли ему все это?

Въ столовой онъ засталъ только Фелицату Никаноровну, Степу да Матюшина.

Тутъ вышла изъ комнаты тетки и Глаша.

— А гдѣ же Любуша? Она прошла вѣдь въ дѣтскую съ вами, Александръ Петровичъ?

— Да, но осталась еще тамъ,—отвѣчалъ Льговскій.

— Что жъ это она?.. Пойду, посмотрю.

Минуту спустя Глаша опять возвратилась.

— Представьте себѣ: вѣдь она уже уѣхала!

— Какъ уѣхала?

— Да такъ: прошла прямо въ кухню къ своей нянѣ Архиповнѣ и чернымъ ходомъ вышла, ни съ кѣмъ даже не простившись.

— Что жъ, и намъ пора, Сергѣй,—сказалъ Льговскій.

И, наскоро откланявшись, пріятели вышли на улицу.

— Ну, что, братъ?—сказалъ Матюшинъ.—Эти старообрядцы, какъ видишь, народъ хорошій, прегостепріимный. Одно нехорошо: что не позволяютъ курить у себя. Дай-ка-съ папироску.

Льговскій подаль ему свою папиросницу.

— Можешь и совѣмъ себѣ оставить.

— Т. е. какъ совѣмъ? Всю папиросницу?

— Ну, да. Вѣдь она тебѣ, кажется, нравится?

— И очень.

— Такъ возьми ее въ презентъ. Я говорилъ уже тебѣ, что сегодня долженъ рѣшиться вопросъ: бросить ли мнѣ курить, или нѣтъ?

— Что за чудо! Неужели эта Любуша успѣла такъ обворозить тебя? Что было у васъ съ нею?

— Что было—тебя не касается. Скажу только, что всё наши свѣтскія куклы въ сравненіи съ нею—искусственные цвѣты безъ аромата; она же—свѣжій полевой цвѣтокъ...

— И ты готовъ даже сочетаться съ нею законнымъ бракомъ? Но вы видѣлись всего второй разъ въ жизни?

— Это, братъ, нѣчто стихійное. Ромео и Джульета съ перваго же взгляда безумно полюбили другъ друга.

— «Нѣтъ повѣсти печальнѣе на свѣтѣ,
Какъ повѣсть о Ромео и Джульетѣ».

— Отецъ, повѣрь мнѣ, ни за что не выдастъ ее за тебя, православнаго, да еще военнаго.

— А вотъ увидимъ.

VI.

За свое «благодѣтельное усердіе» родитель Любуши заслужилъ уже медали всѣхъ степеней, отъ малой серебряной на станиславовской лентѣ до большой золотой на андреевской включительно. Ближайшимъ вождельніемъ его былъ хотя бы петличный орденъ—какъ первая ступень къ дворянству. Когда поэтому въ чистый понедѣльникъ Терентьичъ подалъ ему визитную карточку съ надписью: «Александръ Петровичъ Льговскій, адъютантъ его императорскаго высочества великаго князя наслѣдника», у Степана Ильича тотчасъ мелькнуло на умѣ: «Ужъ не орденъ ли?»

— Проси,—сказалъ онъ и сталъ въ подобающую позу.

Со своей стороны Льговскій, переступая порогъ будущаго тестя, не могъ отогнать мысли: «А что, какъ все-таки откажетъ?» Но молодая самонадѣянность взяла верхъ, и онъ вошелъ съ высоко поднятой головой и брякая саблей. Съ чувствомъ собственного достоинства хозяинъ пододвинулъ ему кресло:

— Прошу садиться. Вы ко мнѣ отъ его императорскаго высочества наслѣдника?

— Н-нѣтъ, я лично отъ себя.

Степанъ Ильичъ пріосанился и сдвинулъ брови.

— Та-а-акъ-съ. Чѣмъ могу служить?

— Извольте видѣть... Вчера вечеромъ у Кудряшевыхъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ вашей дочерью...

— Для нашей дочери отъ знакомства съ господами офицерами, простите, никакого удовольствія быть не можетъ!

— Вы ошибаетесь: у нея тоже заговорило ретивое...

— Чего-о-о-съ?

Грозно сверкнувъ очами, старикъ разомъ приподнялся съ кресла, заставивъ этимъ гостя сдѣлать то же.

— Да вамъ, государь милостивый, отъ меня что нужно-то?

— Не трата лишнихъ словъ,—позвольте просить руки вашей дочери.

— Ну, это ужъ оставьте! Вы, можетъ, не знаете, что мы—люди старой вѣры?..

— Знаю, но и старовѣры, случается, выдаютъ своихъ дочерей за православныхъ.

— Но не за убійць.

Несмотря на свое возбужденное состояніе, Льговскій не могъ не улыбнуться.

— Какой же я убійца? Помилуйте!

— Въ заповѣди Господней сказано: «Не убій». А ваше ремесло убивать людей.

— На войнѣ, да: защищать свою родину, рискуя и собственной жизнью,—высокая даже доблесть. Впрочемъ, что до меня, то, будучи адъютантомъ при наслѣдникѣ престола, я едва ли когда попаду въ сраженіе.

— Такъ и доблести воинской у васъ никакой нѣту. Что васъ прельстило въ купеческой дочкѣ? Вѣстимо, ея приданое. А есть еще заповѣдь: «Не пожелай дому ближняго твоего...»

— О приданомъ, Степанъ Ильичъ, я вамъ не заикнулся. Будь ваша дочь здѣсь, она бы вамъ подтвердила, что оба мы крѣпко уже полюбили другъ друга.

— Я здѣсь!—прозвенѣлъ вдругъ дрожащій третій голосъ,

На порогѣ стояла сама Любуша съ умоляющимъ видомъ и вся зардѣвшая до корней волосъ.

Шибко осерчалъ старикъ и ногами затопалъ.

— Ахъ ты, безстыжая! Очумѣла, аль съ ума спятила? Пошла вонъ и ни шагу изъ своей горницы!

— Батюшка... дорогой батюшка...

Отецъ схватилъ ее за плечи и вытолкалъ вонъ за дверь. Онъ до того разволновался, что, казалось, вотъ-вотъ кондрашка его хватить.

— А она все-таки будетъ моей!—заявилъ Льговскій.

— Ни во вѣкъ!

— А я вамъ говорю, что будетъ! На то у меня есть завѣтное словечко.

— Какое словечко?

— То самое, которымъ мы, военные, штурмуемъ самую неприступную крѣпость; оно же открываетъ намъ всякую дверь; откроетъ и вашу.

— Да какое же то словечко?

— Въ свое время узнаете. А до тѣхъ поръ—имѣю честь кланяться и пожелать вамъ и дочери вашей всего лучшаго.

Когда Степанъ Ильичъ нѣсколько поостылъ, то послалъ за мѣстнымъ квартальнымъ надзирателемъ, который, благодаря щедрымъ «праздничнымъ», былъ всегда въ его услугахъ.

— Что прикажете, ваше степенство?

— Вотъ что, любезнѣйшій: пріѣхалъ сюда изъ Питера (чтобъ ему пусто было!) нѣкій офицеръ Льговскій, Александръ Петровичъ...

— Льговскій? Въ моемъ участкѣ такового не значится.

— Такъ твое, сударь, дѣло—разыскать. Да вызнай, смотри, про него всю подноготную: какъ ведетъ себя, съ кѣмъ вѣдается...

— Слушаю-съ. Что будетъ въ силѣ возможности...

— Про силу возможности ты мнѣ не толкуй! Чтобы къ вечеру мнѣ было доложено. Понялъ?

— Понялъ-съ. Не премину-съ.

И точно, тѣмъ же вечеромъ квартальный явился съ докладомъ, что капитанъ гвардіи Александръ Петровичъ Льговскій, прописанный въ такомъ-то участкѣ, во второмъ часу дня отбылъ въ малъ-постѣ въ Санктъ-Петербургъ одновременно съ танцовщицей Фанни Эльснеръ, которую нѣсколько каретъ и саней провожало за заставу.

Степанъ Ильичъ плюнулъ и перекрестился.

«Скатертью дорога! Два сапога—пара. Но что онъ болталъ такое про завѣтное словечко?»

И вспомнилась старику слышанная имъ какъ-то еще въ дѣтствѣ сказка изъ «Тысячи и одной ночи» про «Али-Бабу и сорокъ разбойниковъ», гдѣ словечко «сезамъ» открывало потайную дверь въ подземелье съ несчетными сокровищами.

«Да нѣтъ, никакого такого словечка у него быть не можетъ!»

VII.

Недѣля шла за недѣлей, Великій постъ былъ на исходѣ, а капитанъ гвардіи Льговскій какъ въ воду канулъ. Забылъ отецъ Любуши и про его «завѣтное словечко».

Тутъ однажды утромъ, когда Степанъ Ильичъ, украшенный всѣми своими регаліями, садился въ карету, чтобы осчастливить опять своимъ посѣщеніемъ призрѣваемыхъ на Рогожскомъ кладбищѣ, передъ нимъ предсталъ курьеръ самого генераль-губернатора графа Закревскаго.

— Его сіятельство требуютъ къ себѣ вашу милость.

— Графъ Арсеній Андреевичъ? Что ему отъ меня?

— Не могу знать. Можетъ, доброхотное приношеніе...

— Гм...

«Ну, что жъ, за этимъ мы не стоимъ; а орденокъ-то, ваше сіятельство, пожалуйте!» подумалъ про себѣ Степанъ Ильичъ и приказалъ кучеру везти себя къ генераль-губернатору.

Въ пріемной дежурный чиновникъ, которому онъ назвался, любезно осклабился.

— Минуточку вамъ все-таки придется пообождать. Присядьте.

Онъ указаль на свободный стулъ около двухъ какихъ-то косматыхъ субъектовъ.

«Надо быть, изъ шелкоперовъ», сообразиль Степанъ Ильичъ.

Тѣ бесѣдовали межъ собой вполголоса, но, сидя около, онъ могъ слышать весь разговоръ.

— Хомяковъ вѣдь тоже отчаянный патріотъ,—говориль одинъ:— а потому графъ былъ съ нимъ всегда отмѣнно милъ до нѣкотораго анекдота.

— Анекдота не вымышленнаго, а достовѣрнаго?

— Чего ужъ достовѣрнѣй: рассказываль мнѣ самъ Хомяковъ. Закревскій вѣдь старый служака: воеваль и со шведами, и съ Наполеономъ, былъ затѣмъ финляндскимъ генераль-губернаторомъ...

— А потомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, но въ 31-мъ году долженъ былъ выйти въ отставку?

— Вотъ-вотъ, и поселился въ своей подмосковной. Разъ какъ-то зазваль онъ къ себѣ туда пообѣдать Хомякова. Былъ приглашенъ и какой-то ветеранъ-генераль, совершенная уже руина. Послѣ обѣда старца взяли подъ руки и увели спать. «Движущійся вѣдь трупъ, а туда же на службу просится!—замѣтилъ ему вслѣдъ Закревскій.— Что вы на это скажете?» Тутъ милѣйшаго нашего Алексѣя Степановича дернула нелегкая провести аналогію между тѣмъ ветераномъ и двумя заслуженными каретными буцефалами его матери, которыхъ, какъ пенсіонеровъ, кормили въ уваженіе къ ихъ прежней службѣ. «Но стоило только при нихъ вывезти карету,—говориль Хомяковъ:—какъ оба тотчасъ же подходили и лѣзли въ дышло. Такъ вотъ и старые служаки, по привычкѣ, въ запряжку просятся». Промолчалъ Закревскій, но съ того самаго дня пересталь уже приглашать къ себѣ Алексѣя Степановича. И что же? Прошло семнадцать лѣтъ, опростался постъ московскаго генераль-губернатора, и графъ нашъ самъ тоже полѣзь опять въ запряжку!

И рассказчикъ и его собесѣдникъ размѣялись,—размѣялись такъ непринужденно, что обратили на себя общес вниманіе. Степанъ Ильичъ одинъ лишь поняль ихъ веселость, но сохраниль серьезную мину.

Въ это время изъ генераль-губернаторскаго кабинета вышелъ дежурный чиновникъ и сдѣлаль ему знакъ рукой:

— Пожалуйте; его сіятельство просить.

Графъ Арсеній Андреевичъ приняль его стоя и свысока только головой кивнулъ:

— Здравствуйте. Какъ живете-можете?

— Кряхти живемъ, ваше сіятельство, пока Богъ грѣхамъ тер-

пить,—отвѣчалъ Степанъ Ильичъ, а самъ, при видѣ бравой военной выправки графа, невольно подумалъ:

«Нѣтъ, ты не отставная каретная кляча, а не старѣющій боевой конь».

— Вызвалъ я васъ вотъ за чѣмъ,—заговорилъ Закревскій:— у васъ есть вѣдь дочь—невѣста?

— Есть, ваше сіятельство. Самъ Господь Богъ сказалъ: «Не хорошо быть человѣку одному». Но осмѣлюсь спросить...

Графъ мановеніемъ руки остановилъ его на полудфразѣ.

— Государь наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ милостиво соизволилъ изъявить согласіе быть посаженнымъ отцомъ жениха, а мнѣ поручилъ отъ своего имени благословить молодыхъ иконой.

Степанъ Ильичъ какъ съ облаковъ упалъ.

— Простите, ваше сіятельство. Женихъ для дочки, не скрою, имѣется уже у меня на примѣтѣ изъ «вѣрныхъ» людей въ Гуслицахъ...

— Въ Гуслицахъ?—удивился генераль-губернаторъ.

— Точно такъ; но у меня съ нимъ не все еще слажено.

— Да вѣдь вотъ же ея женихъ!

Тутъ только, глянувъ по указанному направленію, Степанъ Ильичъ замѣтилъ стоявшаго въ сторонкѣ молодого гвардейца съ аксельбантами.

«Онъ!»

— Этотъ господинъ, ваше сіятельство, точно, сватался къ моей дочери. На красный цвѣтокъ летитъ и мотылекъ. Но выдать мое дѣтище за военнаго вѣра моя запрещаетъ.

— Ну, нѣтъ, батюшка! Разъ великій князь выразилъ свою волю, чтобы я благословилъ его адъютанта съ нею, то такъ тому и быть.

— Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Да коли я-то, ея родитель, на то не согласенъ...

— Не согласиться, разумѣется, въ вашей власти. Но въ моей власти выслать васъ въ двадцать четыре часа изъ Москвы съ запрещеніемъ вѣзда въ обѣ столицы. Даю вамъ десять минутъ на размышленіе; пока я приму другихъ просителей.

И, взглянувъ на каминные часы, показывавшіе безъ десяти минутъ десять, графъ вышелъ вонъ въ приѣмную.

«Онъ не отступитъ отъ своего рѣшенія, это какъ пить дать,—размышлялъ про себя Степанъ Ильичъ.—А выплетъ меня вонъ,—по всему міру въ трубы затрубятъ, и кредитъ мой ухнетъ, а ужъ стыдъ какой!»

Минутная стрѣлка на каминныхъ часахъ, между тѣмъ, двигалась съ бѣшеной быстротой.

«А молодчикъ, хошь бы что, молчитъ себѣ, знай, воды въ ротъ набралъ!»

Еще минута прошла, другая, третья.

Не выдержавъ старикъ, рѣзко обернулся къ гвардейцу:

— Да что вы, сударь мой, онѣмѣли? Что вы тамъ въ Питерѣ нагородили про насъ великому князю?

— Я, Степанъ Ильичъ, отвѣчалъ только на вопросъ его императорскаго высочества, веселился ли я въ Москвѣ. «Веселился,—говорю,—и невѣсту себѣ высмотрѣлъ».—«Вотъ какъ! Кто жъ она такая?»—«А дочь старообрядца-милліонера Липина».—«Ну, что жъ, старообрядцы, въ сущности, тѣ же православные, а про этого Липина я тоже много ужъ слышалъ: извѣстный благотворитель».

Степанъ Ильичъ встрепенулся.

— Такъ великій князь и сказалъ?

— Такъ и сказалъ. «Только старикъ,—говорю,—камень, еще не сдастся».—«Такъ какъ же быть-то?»—«Если бѣ ваше императорское высочество осчастливили меня быть моимъ посаженнымъ отцомъ»...—«Изволь. Только самъ я ѣхать въ Москву не могу. Закревскій меня замѣнитъ».

— И какъ у васъ духу хватило!—вскричалъ Степанъ Ильичъ.

— А завѣтное словечко меня подзадорило...

Тутъ каминные часы начали бить, и въ комнату вошелъ опять Закревскій.

— Ну, что, г. Липинъ, одумались?

Глубоко вздохнулъ Степанъ Ильичъ, вздохнулъ и крякнулъ.

— Одумался, ваше сіятельство; благословляйте!

А Любуша стояла дома у окошка. Какъ увидѣла, кто за отцомъ выѣзжаетъ изъ кареты, такъ и бросилась навстрѣчу въ прихожую.

— Меня-то оставь ужъ въ покоѣ!—отбивался старикъ, когда она повисла у него на шеѣ.—Вотъ съ кѣмъ цѣлуйся-милуйся. На Красную горку вѣнчаесться.

Когда же тѣ нацѣловались-намиловались, онъ обратился къ жениху:

— Ну, а теперь, дорогой зятекъ, скажи-ка мнѣ, повѣдай: какое такое у тебя завѣтное словечко?

— Что открыло мнѣ дверь къ вамъ? Вы сами его, навѣрно, не разъ уже слышали...

— Ну?

— «Ура!»

— Эвона! Такъ ты, какъ человѣкъ военный, шелъ просто на «уру»? Ну, что жъ, твоя взяла. Лишь бы бракъ вашъ былъ счастливый...

Бракъ оказался, дѣйствительно, счастливымъ. Глядя на молодыхъ, а потомъ и на ихъ дѣтокъ, Степанъ Ильичъ понемногу утѣшился: не самъ онъ, такъ дочка хоть стала дворянкой, а внучата и родились-то заправскими дворянчиками. Одно только его возму-

щало: что въ будуарѣ у дочери на видномъ мѣстѣ висѣлъ портретъ «балетчицы» Фанни Эльснеръ, да не поясной, а во весь ростъ, въ коротенькой юбочкѣ и въ рискованной позѣ. Не забылъ знаменитой прима-балерины до конца жизни, надо думать, и эфемерный редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» Хлоповъ: за свое увлеченіе бѣдняга заплатился своихъ редакторствомъ, которое затѣмъ на долгіе годы перешло въ руки Каткова, никогда не возсѣдавшего на козлахъ у прима-балеринъ.

В. П. Авенариусъ.

А. С. СУВОРИНЪ И ОСНОВАНІЕ ТЕАТРА ЛИТЕРАТУРНО-АРТИСТИЧЕСКАГО КРУЖКА.

Странички изъ воспоминаній «Минувшее».

I.

Пьеса «Ганнеле» въ Панаевскомъ театрѣ.—А. С. Суворинъ и его участіе въ постановкѣ пьесы.—П. П. Гнѣдичъ и П. Д. Ленскій.—Артистка Озерова.—Слухи объ основаніи театра кружка и о приглашеніи режиссеромъ Фадѣева.—Визитъ ко мнѣ П. П. Гнѣдича.—Первое знакомство съ А. С. Суворинымъ.—Мой проектъ контракта съ дирекціей.—Нежеланіе А. С. Суворина подписать условіе.—А. П. Коломнинъ.—Засѣданіе дирекціи у А. С. Суворина.

ВЕСНОЙ 1895 года молодой, недавно основанный литературно-артистическій кружокъ задумалъ поставить на сценѣ переведенную В. П. Буренинымъ, пьесу Герберта Гауптмана—«Ганнеле».

Кому принадлежала инициатива постановки, я не знаю.

Предсѣдателемъ кружка былъ въ это время, если не ошибаюсь, П. П. Гнѣдичъ. Членами дирекціи—А. С. Суворинъ, А. Н. Бѣжецкій (Масловъ), А. П. Коломнинъ, А. Р. Кугель, Н. О. Холева и П. Д. Ленскій.

Арендовавъ на нѣсколько спектаклей Панаевскій театръ, кружокъ пригласилъ режиссеромъ для постановки пьесы артиста Александринскаго театра П. Д. Ленскаго. П. П. Гнѣдичу была поручена художественная, монтировочная часть спектакля. П. Д. Ленскій, опытный актеръ, собралъ труппу изъ второстепенныхъ артистовъ импера-

торскихъ театровъ и безработныхъ актеровъ петербургскихъ клубныхъ сценъ, пригласивъ ихъ играть на разовыхъ.

Начались репетиціи.

Благодаря замѣткамъ въ газетахъ, слухамъ въ театральныхъ кружкахъ и въ обществѣ о запрещеніи цензурой «Ганнеле», постановка пьесы тогда еще малозвѣстнаго въ Россіи Гауптмана возбудила большой интересъ.

Въ театральномъ мірѣ раньше, чѣмъ «Ганнеле» увидѣла свѣтъ рамы, уже жестоко критиковали пьесу, находя ее несценичной, мрачной, тяжелой, плохо построенной, виѣ правилъ архитектоники, неинтересной по сюжету.

Актеры острили, что появилось новое амплуа—«дѣвочки», что «литераторы промѣняли журналистику на режиссерство», что они сбиваютъ съ толку участвующихъ въ пьесѣ актеровъ, уча ихъ, какъ надо играть и читать стихи... Разсказывали курьезы, происходившіе будто бы на репетиціяхъ, подемпивались надъ артистами, занятыми въ пьесѣ, которые съ восторгомъ отзывались о «Ганнеле» и о большомъ талантѣ Гауптмана.

Вокругъ пьесы создавался шумъ.

Первое представленіе ожидалось съ большимъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ.

Встрѣтивъ какъ-то Павла Дмитріевича за кулисами Александринскаго театра, я спросилъ его о «Ганнеле».

— Талантливо написано, но это не пьеса... Картинки изъ дѣтской жизни...—отвѣтилъ мнѣ Ленскій.

— А какъ идутъ репетиціи?

— Ничего... идутъ себѣ... Трудно сладить пьесу... Актеры съ бору да съ сосенки... Общаго тона не могу добиться... Пьеса написана не въ обычныхъ актерскихъ тонахъ... Да и режиссеровъ у насъ ужъ очень много...—сказалъ онъ, вздохнувъ.—Всѣ показываютъ актерамъ, какъ играть... Разъясняютъ роли, даютъ совѣты, какъ читать стихи... Сбиваютъ ихъ, да и мнѣ-то мѣшаютъ... А что подѣлаешь?—директора... Къ тому же, литераторы—люди образованные, интеллигентные... Правду надо сказать, много интереснаго, умнаго говорятъ... Одна бѣда—техники нашего актерскаго дѣла не знаютъ... Алексѣй Сергѣевичъ почти на каждой репетиціи самъ бываетъ... Загорѣлся старикъ... Волнуется, горячится, во все входитъ... Все близко къ сердцу принимаетъ... Сердится, когда что не такъ, не по его дѣлается... Трудно съ нимъ работать, но интересно...

За кулисами Александринскаго театра много ходило сплетенъ и анекдотовъ о столкновеніяхъ и горячихъ пререканіяхъ А. С. Суворина съ П. П. Гнѣдичемъ, П. Д. Ленскимъ и съ актерами.

Одинъ изъ эпизодовъ, разсказанный мнѣ А. П. Коломиннымъ, особенно рѣзко запечатлѣлся у меня въ памяти.

Идетъ четвертая или пятая репетиція.

Сцена скупо освѣщена, какъ обыкновенно, двумя щитками съ десяткомъ лампочекъ. Зрительный залъ тонетъ во тьмѣ. У суфлерской будки сидитъ П. Д. Ленскій, ведущій репетицію. Озерова, изображающая Ганнеле, лежитъ на постели и бредитъ:

— «Ангелы... ангелы!..»

На сцену выходятъ три артистки, играющія ангеловъ, и крадутся къ постели Ганнеле.

— Что вы дѣлаете?!..—остапавливаетъ ихъ Ленскій.—Какъ вы идете... Словно воровать пришли... Развѣ такъ ангелы ходятъ... Ангелы ходятъ вотъ какъ...

Ленскій, шагая медленно по сценѣ, показываетъ актрисамъ, какъ ходятъ ангелы.

— Позвольте, собственно говоря, Павелъ Дмитриевичъ!—раздается изъ темноты партера громкій, недовольный голосъ Суворина:—скажите, пожалуйста, гдѣ вы видѣли, какъ ангелы ходятъ?..

Общій хохотъ.

Сконфуженный и раздосадованный, Ленскій садится на свое режиссерское мѣсто. Ганнеле-Озерова, вмѣстѣ съ ангелами, помираетъ отъ смѣха. А. С. Суворинъ покидаетъ театръ, сердито ворча:

— А я думаю, что ангелы, собственно говоря, совсѣмъ не такъ ходятъ, какъ Ленскій.

Первое представленіе «Ганнеле» имѣло большой успѣхъ.

Оригинальный, красивый и наивно-трогательный сюжетъ пьесы захватывалъ публику.

Нервная, проникновенная игра артистки Озеровой, какъ нельзя болѣе подходящей по своимъ внѣшнимъ даннымъ къ роли забитой, несчастной дѣвочки Ганнеле, производила на зрителей неотразимое впечатлѣніе.

Учителя Готвальда игралъ, если не ошибаюсь, В. И. Петровъ, хорошо декламируя стихи, каменщика Маттерна, отца Ганнеле,—провинціальный, опытный артистъ Тихомировъ. Поставлена пьеса была прилично, насколько это возможно при слѣшно собранной, случайной труппѣ и съ малымъ количествомъ репетицій. Хромали кое-гдѣ свѣтовые эффекты, неудачно была написана декорація рая, но въ общемъ спектакль производилъ сильное впечатлѣніе. Несмотря на весеннее время, на «мертвый сезонъ», публика наполняла театръ сверху донизу.

Всѣ представленія были переполнены.

Кружокъ получилъ за десять спектаклей «Ганнеле» чистой прибыли болѣе семи тысячъ.

А. С. Суворинъ, какъ юноша, радовался успѣху пьесы, увлекался игрой Озеровой и восторженно отзывался объ ея талантѣ.

Успѣхъ «Ганнеле» навелъ дирекцію литературно-артистическаго кружка на мысль основать постоянный театръ.

А. С. Суворинъ жадно ухватился за мысль создать театр кружка и энергично принялся за ея осуществленіе.

Была избрана дирекція театра: А. С. Суворинъ—предсѣдатель, П. П. Гнѣдичъ—завѣдующій художественной, монтажной частью, Н. О. Холева—казначей и А. П. Коломнинъ—завѣдующій хозяйственной частью.

Въ газетахъ появилось извѣстіе, что кружокъ снялъ на зимній сезонъ Малый театръ, пригласилъ режиссеромъ извѣстнаго провинціального артиста Оадѣва и формируетъ труппу.

Петербургскій театральный мірокъ волновался и сплетничалъ, предрекая новому предпріятію полный провалъ.

Въ концѣ мая ко мнѣ, неожиданно-негаданно, пріѣхалъ П. П. Гнѣдичъ, съ которымъ я встрѣчался раза два въ Александринскомъ театрѣ, но близко не былъ знакомъ.

— Я къ вамъ по дѣлу отъ Алексѣя Сергѣевича Суворина,—началъ Петръ Петровичъ.—Вы знаете, кружокъ рѣшилъ основать свой театръ. Условіе съ владѣльцемъ Малаго театра, графомъ Апраксинымъ, уже заключено. Суворинъ хочетъ переговорить съ вами, не возьмете ли вы на себя режиссерство въ нашемъ театрѣ?

Я, признаюсь, былъ немало удивленъ предложеніемъ Петра Петровича. До этого времени я режиссировалъ въ Невскомъ обществѣ народныхъ развлеченій, на окраинѣ Петербурга, и никакъ не думалъ, что моя скромная режиссерская дѣятельность въ рабочихъ кварталахъ обратитъ на себя чье бы то ни было вниманіе.

Съ Суворинымъ лично я не былъ знакомъ. Я зналъ его только, какъ автора пьесъ и, главнымъ образомъ, какъ журналиста, издателя «Новаго Времени», гдѣ меня не разъ жестоко критиковали, какъ драматурга. Совмѣстной работы съ Суворинымъ я, откровенно говоря, боялся. Наши общественные взгляды были весьма различны. Все это я, не обинуясь, высказалъ Петру Петровичу.

П. П. Гнѣдичъ увѣрялъ меня, что театръ будетъ чуждъ какихъ бы то ни было тенденцій, политическихъ направленій.

— Кружокъ задался цѣлью основать театръ, отвѣчающій художественнымъ запросамъ публики... Съ хорошей труппой и новымъ, интереснымъ репертуаромъ... Никакой тенденціозности, никакой политики въ немъ не должно быть и, надѣюсь, не будетъ...—говорилъ П. П. Гнѣдичъ.

Меня манила работа режиссера въ большомъ столичномъ театрѣ, съ «хорошей труппой, съ литературнымъ, художественнымъ репертуаромъ», съ возможностью, не стѣняясь средствами, прочно поставить дѣло.

Я просилъ Петра Петровича дать мнѣ на размышленіе одинъ день. Онъ, видимо, неохотно согласился, сказавъ, что времени до начала сезона осталось мало, и кружокъ дорожитъ буквально каждымъ часомъ.

Мы условились съ Гнѣдичемъ, что онъ заѣдетъ ко мнѣ завтра, въ два часа, и если я рѣшу вопросъ въ положительномъ смыслѣ, мы вмѣстѣ отправимся къ Суворину.

Я, подумавъ, рѣшилъ начать переговоры съ Сувориннымъ, поставить свои условія и, если онъ согласится съ ними, принять режиссерство.

Мой первый визитъ къ А. С. Суворину необычайно ярко запечатлѣлся у меня въ памяти со всѣми подробностями.

Когда мы съ Петромъ Петровичемъ вошли въ роскошный кабинетъ Суворина, онъ сидѣлъ у письменнаго стола и, обернувшись, пристально посмотрѣлъ на меня поверхъ очковъ.

Гнѣдичъ отрекомендовалъ меня.

Суворинъ привсталъ, протянулъ мнѣ руку и что-то невнятно пробормоталъ, не переставая внимательно разглядывать меня.

Мы сѣли.

— Я переговорилъ съ Евтихіемъ Павловичемъ, онъ готовъ быть у насъ режиссеромъ,—сказалъ Гнѣдичъ.

— Ну, что же, я очень радъ...—отвѣтилъ Алексѣй Сергѣевичъ тономъ, въ которомъ не было ни радости, ни привѣта.

Настушила неловкая пауза.

Суворинъ сидѣлъ, опутивъ глаза и поглаживая бороду, видимо, чѣмъ-то недовольный.

— Принципіально я ничего не имѣю противъ режиссированія въ театрѣ кружка, но хотѣлъ бы выяснитъ условія работы и характеръ репертуара?..—прервалъ я молчаніе.

— Я, собственно говоря, не понимаю, какія условія? Вы будете ставить пьесы и получать за это вознагражденіе... Вотъ, собственно говоря, и всѣ условія.

— Да, но какія пьесы?..

— Какія пьесы... Да я и самъ еще не знаю, какія у насъ будутъ пьесы.

— У насъ намѣчена постановка «Орлеанской дѣвы» Шиллера,—замѣтилъ Петръ Петровичъ.

— Во всякомъ случаѣ, я могу взяться за это дѣло при условіи, если репертуаръ театра будетъ вполнѣ литературный... Если мнѣ, какъ режиссеру, будетъ предоставленъ голосъ въ репертуарномъ комитетѣ при рѣшеніи вопросовъ о постановкѣ пьесъ... Полная самостоятельность въ режиссерской работѣ...

— Я знаю литературныя пьесы только Шекспира, Шиллера...—уже недовольнымъ тономъ проворчалъ Суворинъ, кусая бороду.

— Я не о нихъ говорю... Это гениальныя пьесы... Но, я думаю, и у другихъ авторовъ есть пьесы, вѣрно отражающія жизнь и написанныя литературнымъ языкомъ... Ихъ я и называю литературными.

— Да... Ну, я ихъ, собственно говоря, не знаю...—вспылилъ Алексѣй Сергѣевичъ и, быстро вставъ, зашагалъ по кабинету.—

И что такое, позвольте, режиссерская самостоятельность?.. Вы хотите властвовать въ театрѣ!..

— Только режиссировать на сценѣ...

— Ну, да... На сценѣ... И никто не смѣетъ, помимо васъ, тамъ распоряжаться... Не можетъ поправить актера, указать ему ошибки.

— Отчего же... Только всѣ указанія должны идти черезъ режиссера... Если всѣ будутъ распоряжаться на сценѣ, никакого толку не будетъ... Да и дисциплины также... А на сценѣ она, по моему мнѣнію, необходима.

— Я, собственно говоря, этого не понимаю... Какая дисциплина? Какія такія условія?.. Никакихъ условій я не приму... И вообще я лучше уйду изъ директоро́въ театра,—вотъ и все...

— Зачѣмъ же вамъ, Алексѣй Сергѣевичъ, уходить... Проще это сдѣлать мнѣ,—сказалъ я, вставая.—Вы пригласили меня для переговоровъ... Мы не сошлись во взглядахъ на задачи театра, на способъ работы... Я не могу и не хочу ставить что попало и для кого попало... Вы пригласите другого режиссера...

— Нѣтъ, позвольте, что же вы говорите... «для кого попало и что попало»... Я также этого не хочу...

— А мнѣ пора,—прервалъ наши пререканія Петръ Петровичъ, посмотрѣвъ на часы.—Я уже и такъ опоздалъ...

— До свиданья, Алексѣй Сергѣевичъ,—сказалъ я, рѣшивъ уйти вмѣстѣ съ Гнѣдичемъ.

— Вы, вѣдь, никуда не спѣшите?..—остановилъ меня Суворинъ.—Мы съ вами, собственно говоря, ни о чемъ не поговорили... Надо же намъ до чего-нибудь договориться...

Я остался, хотя былъ убѣжденъ, что мы съ Суворинымъ ни до чего «не договоримся».

— Собственно говоря, вы правы...—уже менѣе суровымъ тономъ началъ Суворинъ, когда мы остались вдвоемъ.—Открывать театръ, чтобы ставить тамъ г . . . но собачье, конечно, не стоитъ... Только гдѣ вы найдете эти «литературныя» пьесы, о которыхъ вы говорите? И кому онѣ нужны?.. Пойдетъ ли публика ихъ смотрѣть?..

— А если литературныхъ пьесъ нѣтъ, и публика ихъ не хочетъ смотрѣть, тогда и театръ открывать не стоитъ,—возразилъ я. По моему мнѣнію, и пьесы хорошія есть... И публика, жаждущая хорошихъ пьесъ, есть... И актеры хорошіе есть... Надо только ихъ найти... Вѣдь, ходила же публика смотрѣть «Ганнеле»... И на другія найдутся любопытные,—повѣрьте.

Заговоривъ о театрѣ, я увлекся. Совершенно забылъ о томъ, что я пріѣхалъ «заниматься въ режиссеры», забылъ, что передо мной «пригласившій меня для переговоровъ» Суворинъ, съ которымъ мы только что разошлись во взглядахъ. Говорилъ просто съ человекомъ о дѣлѣ, мнѣ близкомъ, дорогомъ, хорошо знакомомъ, въ гро-

мадность нравственнаго и умственнаго значенія котораго для развитія массъ я глубоко вѣрилъ.

Говорилъ искренно, горячо, убѣжденно.

Алексѣй Сергѣевичъ мало-по-малу совершенно преобразился. Глаза заблестѣли. Голосъ зазвучалъ молодо и энергично. Куда дѣвалась его подозрительность, холодная сдержанность. Онъ воодушевился, съ жаромъ заговорилъ о задачахъ театра вообще и возникающаго театра въ частности. Почти во всемъ главномъ онъ соглашался со мной, приводилъ много примѣровъ изъ своей практики драматурга и рецензента, высказывалъ дѣльные, глубокія мысли о театрѣ, тонкія замѣчанія объ актерахъ, о публикѣ, объ отношеніи печати къ театру.

И когда я уходилъ послѣ двухчасоваго разговора съ нимъ, Алексѣй Сергѣевичъ, провожая меня до передней, пожимая руку, сказалъ:

— Поступайте къ намъ, голубчикъ... Я вижу, что съ вами я могу работать въ театрѣ...

Утромъ на другой день я получилъ письмо отъ Н. О. Холева, директора-казначея будущаго театра, съ просьбой «пожаловать къ нему для окончательнаго выясненія условій съ дирекціей».

Составивъ письменный договоръ, гдѣ подробно обусловилъ мои права и обязанности режиссера, я отправился въ назначенный часъ къ Холевѣ.

Н. О. Холева, талантливый адвокатъ, былъ въ то время въ зенитѣ своей славы. Успѣхъ, очевидно, вскружилъ ему голову. Онъ держалъ себя самоувѣренно и даже запосчиво.

Горничная, доложивъ обо мнѣ, вернулась съ отвѣтомъ: «баринъ занятъ и проситъ зайти въ другое время».

— Скажи своему барину,—отвѣтилъ я громкимъ голосомъ:— что я тоже занятъ и прошу его прійти ко мнѣ, когда онъ будетъ свободенъ...

Я уже былъ на лѣстницѣ, когда поспѣшно вышелъ туда сконфуженный Холева.

— Простите, пожалуйста, горничная перепутала вашу фамилію... Прошу васъ войти,—пригласилъ онъ, протягивая мнѣ руку.

Мы вошли въ кабинетъ, изящно, но солидно обставленный, съ тяжелой кожаной мебелью, со шкалами богато переплетенныхъ книгъ, съ этажерками, гдѣ въ строгомъ порядкѣ лежали кнпы дѣлъ, съ портретами, въ дорогихъ рамахъ, ученыхъ, юристовъ, писателей, красавицъ-артистокъ... Кабинетъ моднаго адвоката и любителя изящнаго.

— Алексѣй Сергѣевичъ просилъ меня,—началъ дѣловымъ тономъ адвоката Холева,—заключить съ вами условіе... Долженъ вамъ сказать, что дирекція ассигновала на жалованье режиссера двѣсти рублей въ мѣсяць... Если васъ это устраиваетъ, то...

— Меня это устраиваетъ,—отвѣтилъ я:—но устраиваютъ ли дирекцію мои условія?.. На соблюденіи ихъ я категорически настаиваю... Отъ согласія дирекціи зависитъ мое поступленіе въ вашъ театръ режиссеромъ...

Я подалъ Холевѣ написанный мною проектъ контракта.

Условія мои заключались въ слѣдующемъ:

1) Участіе съ правомъ голоса въ репертуарномъ комитетѣ театра.

2) Полная самостоятельность при постановкѣ на сценѣ пьесъ и распределеніи ролей между актерами.

3) Предоставленіе мнѣ, какъ режиссеру, права, по моему усмотрѣнію, нанимать и увольнять рабочихъ на сценѣ: плотниковъ, техниковъ, бутафоровъ, портныхъ, парикмахеровъ и друг.

4) Установленіе правилъ порядка для служащихъ на сценѣ, какъ артистовъ, такъ и рабочихъ.

Холева внимательно прочелъ проектъ контракта и, подумавъ, сказалъ:

— Я, видите ли, не уполномоченъ дирекціей рѣшать этотъ вопросъ окончательно... Я долженъ представить ваши условія на обсужденіе дирекціи театра... и, если она согласится...

— Тогда, будьте добры, сообщите мнѣ, какое рѣшеніе приметъ дирекція... До свиданья.

Мы разстались.

Вечеромъ, или, вѣрнѣе сказать, почью, часовъ около двѣнадцати, того же дня, я получилъ записку отъ Холевы съ приложеніемъ написаннаго рукою Суворина слѣдующаго условія: «Поступая режиссеромъ въ театръ литературно-артистическаго кружка, я получаю отъ дирекціи за свой трудъ двѣсти рублей въ мѣсяцъ».

Съ посылнымъ, принесшимъ мнѣ записку отъ Холевы, я отвѣтилъ, что въ заключеніи прилагаемаго условія не нуждаюсь, ибо не сомнѣваюсь, что дирекція мнѣ будетъ платить за мою работу жалованье. Для меня важно принятіе дирекціей моихъ условій, безъ чего я не могу взяться за режиссерство въ театрѣ кружка. Вложивъ вмѣстѣ съ моимъ письмомъ условіе, написанное Суворинымъ, въ конвертъ, я отправилъ его не подписаннымъ обратно Холевѣ.

Утромъ ко мнѣ пріѣхалъ А. П. Коломнинъ.

Спокойный, корректный Алексѣй Петровичъ съ перваго же раза произвелъ на меня хорошес впечатлѣніе. Онъ сообщилъ мнѣ, что на засѣданіи дирекціи большинство высказалось за принятіе моихъ условій, но Алексѣй Сергѣевичъ, какъ предсѣдатель театральной дирекціи, не хочетъ подписывать формальнаго контракта, будучи вообще противникомъ всякихъ письменныхъ условій.

— Я самъ не охотникъ до формальныхъ контрактовъ,—отвѣтилъ я Коломнину,—и, признаюсь, былъ крайне удивленъ, полу-

Н. Д. Красовъ въ пьесѣ «Ганнеле».

чивъ отъ Холевы написанное Суворинимъ условіе. Оно меня не только удивило, но прямо возмутило...

— Самое лучшее, если мы не будемъ подписывать никакихъ условій,—предложилъ Алексѣй Петровичъ.—Приходите сегодня въ три часа къ Суворину... Тамъ соберется наша дирекція... И мы порѣшимъ все на словахъ... Не настаивайте на подписаніи, Евтихій Павловичъ... Увѣряю васъ, что ваши права нарушены не будутъ... Я вамъ ручаюсь за то, что мѣшать вашей режиссерской работѣ никто изъ директоровъ не будетъ. Суворинъ горячо любитъ театръ, увлеченъ имъ теперь до нельзя, но ему некогда имъ заниматься... Онъ ревнивый человѣкъ, но съ нимъ можно работать... Увѣряю васъ... Я хорошо знаю Алексѣя Сергѣевича... Повѣрьте мнѣ... Приходите въ три... надо кончать...

Въ три часа у Суворина я засталъ А. П. Коломнина, П. П. Гнѣдича и Н. О. Холеву.

Алексѣй Сергѣевичъ встрѣтилъ меня привѣтливо и первый заговорилъ:

— Я не подписалъ вашего контракта, хотя въ общемъ согласенъ съ нимъ... но, собственно говоря, я никогда ни съ кѣмъ не заключалъ письменныхъ условій... Да и какія могутъ быть условія съ подписями между литераторами... Не пристало это намъ съ вами... Да, собственно говоря, они никого и не гарантируютъ... Хотя мнѣ васъ рекомендовалъ Николай Федоровичъ Сазоновъ, но, вѣдь, я васъ, какъ режиссера, совѣмъ не знаю... Вотъ поработаемъ вмѣстѣ, узнаемъ другъ друга...

— Я не стою за подписаніе вами условія. Ни васъ, ни себя я не хочу связывать... Мнѣ важно только принципиальное согласіе дирекціи на мои предложенія... И, главное, на признаніе за мной права голоса при обсужденіи репертуара,—отвѣтилъ я.

— Ну, конечно, голубчикъ... Само собой, мы сообща все будемъ рѣшать...

— Вопросъ, значить, можно считать оконченнымъ?—спросилъ Холева.

— Ну, конечно, Николай Осиповичъ... Я, собственно говоря, очень радъ.

Петръ Петровичъ поднялъ вопросъ о репертуарѣ, сказавъ, что надо заблаговременно позаботиться о заказѣ декорацій, мебели, бутафоріи и костюмовъ.

— Мы предполагали поставить «Орлеанскую дѣву»... Постановка эта требуетъ много времени и сложной работы... Надо теперь же, не откладывая, рѣшить, будемъ ли мы ее ставить, или нѣтъ?

Единогласно было рѣшено ставить «Орлеанскую дѣву» и немедленно приступить къ монтировкѣ трагедіи.

Алексѣй Сергѣевичъ предложилъ возбудить въ драматической

цензурѣ ходатайство о разрѣшеніи къ представленію въ театрѣ литературно-артистическаго кружка «Власти Тьмы» Л. Толстого.

Заговоривъ о «Власти тьмы», Суворинъ внезапно загорѣлся. Онъ началъ подробно рассказывать о постановкѣ пьесы въ любительскомъ спектаклѣ Приселковыхъ.

— У Приселковыхъ, собственно говоря, хорошо она была исполнена, но можно поставить ее лучше... Надо теперь же возбудить вопросъ въ цензурѣ... Я самъ поѣду къ начальнику печати... Если разрѣшать,—мы обезпечены успѣхомъ сезона,—закончилъ онъ.

— «Ганнеле» можно поставить, она еще дастъ нѣсколько сборовъ,—предложилъ А. П. Коломнинъ.

Съ нимъ всѣ согласились.

Алексѣй Сергѣевичъ настаивалъ, чтобы написана была новая декорация послѣдней картины.

Я сказалъ, какъ представляю себѣ эту картину.

Петръ Петровичъ взялся сдѣлать эскизъ декорации.

Заговорили о томъ, какой пьесой открыть театръ.

Послѣ долгихъ пререканій и горячихъ споровъ, дирекція согласилась съ моимъ предложеніемъ начать сезонъ пьесой Островскаго—«Гроза».

Заботы о формированіи труппы были возложены на А. С. Суворина, совмѣстно со мной.

— Приходите, голубчикъ, ко мнѣ отъ часа до двухъ ночи... Поговоримъ о труппѣ, о репертуарѣ... Въ это время намъ никто мѣшать не будетъ...—сказалъ мнѣ на прощанье Алексѣй Сергѣевичъ.

II.

Ночныя засѣданія у А. С. Суворина.—Бесѣды о репертуарѣ и о труппѣ.—Приглашеніе артистовъ.—Наши поиски за «талантами».—Поѣздки съ А. С. Суворинимъ по садамъ и по дачнымъ театрамъ.—Орленевъ и Домашева.—Пасхалова и Яворская.—Поѣздка Суворина въ Москву.—Н. Д. Красовъ и А. П. Никитина.—Засѣданіе дирекціи передъ отъѣздомъ Суворина за границу.—Мое предложеніе не ставить въ нашемъ театрѣ пьесъ директоровъ и режиссера.—Полная довѣренность мнѣ составлять труппу и организовать все дѣло.—Отъѣздъ А. С. Суворина.

Намѣченный репертуаръ театра кружка меня вполне удовлетворялъ.

«Если «Власть тьмы» нельзя будетъ поставить, благодаря цензурѣ, то все же въ репертуарѣ остаются такія пьесы, какъ «Гроза» Островскаго, «Орлеанская дѣва» Шиллера и «Ганнеле» Гауптмана. На первое время этихъ пьесъ будетъ довольно, а въ дальнѣйшемъ пьесы найдутся»,—думалъ я.

Очень труднымъ представлялся мнѣ вопросъ о формированіи труппы.

Артистическія силы провинціи я въ то время хорошо зналъ. Будь дѣло зимой или, по крайней мѣрѣ, Великимъ постомъ, можно бы собрать прекрасную труппу, но лѣтомъ всѣ выдающіеся артистки и артисты были уже законтрактованы. На всякій случай, я составилъ списокъ актеровъ, пригодныхъ для нашего театра. Въ крайнемъ случаѣ, можно будетъ предложить дирекціи заплатить за нихъ неустойки.

Въ моемъ, довольно обширномъ, списокѣ стояли имена: Романовской, Кудриной, Стрепетовой, Коммиссаржевской, Мартыновой, Рыбчинской, Анненской, Домашевой, Холмской, П. К. Красовскаго, Каширина, Сашина, Анчарова-Эльстонъ, Орленева, Бравича, Ге, Инсарова-Рощина, Киселевскаго, Недѣлина, Чужбинова и многихъ другихъ.

Обратившись въ бюро Разсохиной, я просилъ выслать мнѣ списокъ свободныхъ отъ ангажемента артистовъ и сообщить свѣдѣнія о томъ, гдѣ служатъ намѣченныя въ моемъ списокѣ лица?

Бюро Разсохиной быстро исполнило порученіе.

Въ списокѣ свободныхъ артистовъ было около ста фамилій, но среди нихъ я нашелъ только три-четыре интересныхъ для нашего дѣла: П. К. Красовскій, Анчаровъ-Эльстонъ, Стрепетова и Холмская. Остальные были тѣ, что въ оперѣ именуется—неизвѣстными.

Около двухъ часовъ ночи отправляюсь, со спискомъ въ портфель, къ А. С. Суворину.

— Ну, что, голубчикъ?.. Какъ дѣла?.. Нашли кого-нибудь?—торопливо спрашиваетъ онъ меня.

— Кой-кто есть... Давайте, Алексѣй Сергѣевичъ, все по порядку...—отвѣтилъ я, вынимая списокъ.

— По порядку, такъ по порядку...—согласился онъ, садясь въ кресло.

Мы просмотрѣли весь списокъ. Я давалъ подробныя характеристики актеровъ. Суворинъ съ большимъ вниманіемъ меня слушалъ. Онъ мало зналъ провинціальныя силы... Изъ всего списка знакомы ему были только Стрепетова, Инсаровъ-Рощинъ, Киселевскій.

Времени терять было нельзя, а потому я предложилъ Алексѣю Сергѣевичу немедля вступить въ переговоры съ намѣченными нами артистами: Коммиссаржевской, Романовской, Холмской, Красовскимъ, Анчаровымъ-Эльстономъ.

Такъ какъ Домашева и Орленевъ играли въ то время въ Озеркахъ, Алексѣй Сергѣевичъ рѣшилъ завтра же вмѣстѣ со мной отправиться въ озерковскій театръ смотрѣть ихъ.

«Ночныя бдѣнія» бывали у насъ съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ раза три-четыре въ недѣлю.

Мы обмѣнивались мнѣніями о прочитанныхъ пьесахъ, объ актерахъ, о постановкѣ пьесъ, о декораціяхъ. Матеріальной, хозяй-

ственной стороны дѣла мы почти никогда не касались. Объ этомъ я разговаривалъ съ А. П. Коломнинимъ и Н. О. Холевой.

Въ одно изъ «засѣданій» Суворинъ спросилъ меня, какъ я смотрю на артистку императорскихъ театровъ Пасхалову, которая заявила ему о желаніи служить въ театрѣ кружка. Я, конечно, ничего противъ Пасхаловой не имѣлъ, считая ее одной изъ способныхъ молодыхъ артистокъ Александринскаго театра.

— Яворская тоже хочетъ служить у насъ... Я съ ней еще весной говорилъ о нашемъ театрѣ... И мы съ ней почти покончили... Я думаю, что мы, собственно говоря, соберемъ недурную труппу... Безъ актеровъ театръ не мыслимъ... Актеръ въ театрѣ—все... Я помню старика Садовскаго, Мартынова, Васильева. Что это были за артисты!..

Суворинъ часто увлекался воспоминаніями о бывшихъ талантахъ русской сцены и съ восторгомъ рассказывалъ объ игрѣ ихъ въ тѣхъ или другихъ роляхъ, о пьесахъ, въ которыхъ они выступали.

— Теперь такихъ талантовъ нѣтъ,—говорилъ онъ.—Изъ глупыхъ, ходульныхъ ролей въ водевиляхъ, въ мелодрамахъ они создавали живые, трогательные образы... А, впрочемъ, я люблю, собственно говоря, мелодраму... Знаешь, что чепуха, а трогательно.. Добродѣтель торжествуетъ, пороки наказаны... уходишь изъ театра удовлетворенный. Я, собственно говоря, вообще люблю, когда пьеса кончается благополучно... Замѣтьте, у Островскаго большинство пьесъ кончается свадьбой. Въ жизни это не веегда такъ случается, такъ хоть на сценѣ посмотрѣть пріятно... Я даже думаю, не поставить ли намъ хорошую мелодраму, Евтихій Павловичъ?..

Я протестовалъ самымъ энергичнымъ образомъ, говоря, что время мелодрамъ прошло, что и актеры разучились ихъ играть...

— Можетъ быть, вы и правы, Евтихій Павловичъ...—согласился Алексѣй Сергѣевичъ.—Но публика любитъ мелодрамы...

— Какая публика... Всякая есть публика...

И мы вступали въ длинные горячіе споры о задачахъ театра, о публикѣ, о репертуарѣ, о пьесахъ, объ исполненіи актерами ролей. Алексѣй Сергѣевичъ былъ страстный, искусный спорщикъ. Какъ всѣ люди темперамента, онъ былъ крайне пристрастный человекъ.

Отдавая долгъ большому таланту А. Н. Островскаго, онъ не любилъ многихъ его пьесъ. Ибсена онъ тоже не особенно жаловалъ.

— Умный очень писатель... И пьесы его очень умныя... но не драматургъ. Страсти въ немъ нѣтъ... Холодно все это, разумно очень...—говорилъ онъ объ Ибсенѣ.

Я былъ всегда горячій поклонникъ Островскаго и увлекался Ибсеномъ. На почвѣ этихъ разногласій у насъ загорались безконечные споры.

Помню, прочелъ я пьесу Гауптмана «Одинокіе люди». Она мнѣ понравилась. Я принесъ ее Алексѣю Сергѣевичу, просилъ прочесть,

рекомендуя внести ее въ репертуаръ. Суворину пьеса показалась неинтересной. И какъ я ни убѣждалъ его, сколько ни спорилъ, онъ ни за что не хотѣлъ внести въ репертуаръ театра «Одинокихъ людей», находя пьесу блѣдной, резонерской, утверждая, что она никакого успѣха въ Россіи имѣть не будетъ. Такъ она и не пошла у насъ.

Какъ только въ газетахъ появилось извѣстіе, что кружокъ открываетъ театръ и я приглашенъ режиссеромъ, къ Суворину и ко мнѣ потянулись авторы и актеры. Въ день поступало по три-четыре пьесы. Актеровъ и въ особенности актрисъ съ предложеніемъ своихъ услугъ перебывало у меня безконечное количество.

Алексѣй Сергѣевичъ самъ рѣдко принималъ актеровъ, отсылая ихъ ко мнѣ.

Съ авторами онъ вступалъ въ переговоры, читалъ пьесы, давалъ совѣты и указанія, какъ надо передѣлать или исправить пьесу. Мало-мальски интересныя пьесы Суворинъ передавалъ мнѣ на прочтеніе и спрашивалъ о нихъ мое мнѣніе.

По лѣтнимъ театрамъ «въ поискахъ за талантами» мы обыкновенно ѣздили вмѣстѣ съ нимъ.

Увидавъ въ Озеркахъ Орленева и Домашеву, въ пустынной комедіи (если не ошибаюсь, «Подъ душистою вѣткой сирени»), А. С. Суворинъ пришелъ въ восторгъ. Онъ сейчасъ же послѣ спектакля просилъ меня вступить съ ними въ переговоры. На мое замѣчаніе, что они служатъ у Корша, онъ сказалъ:

— Мы заплатимъ за нихъ неустойку... Такихъ актеровъ упустить нельзя, голубчикъ... Это таланты... Переговорите съ ними и постарайтесь, чтобы они были у насъ въ труппѣ.

Другія наши «смотрины» актеровъ были не изъ удачныхъ.

Посѣтили мы Измайловскій садъ (теперешній «Лѣтній Буфѣ»), гдѣ провинціальная актриса С—ая играла, какъ она сама выражалась, «опрошенную Медею», Петергофъ, театръ «Невскаго общества» и много другихъ.

Посмотрѣвъ два-три акта, Суворинъ, разочарованный, уѣзжалъ домой, ворча, что намъ не собрать хорошую труппу, что талантливыхъ людей совсѣмъ нѣтъ...

Мною были разсланы десятки писемъ и телеграммъ съ приглашеніями актерамъ.

Отвѣты получались медленно.

Алексѣя Сергѣевича это досадовало. Его брало нетерпѣніе. Опъ каждый разъ, какъ я приходилъ, встрѣчалъ меня вопросомъ:— ну что, есть отъ кого-нибудь извѣстіе?

Мой отрицательный отвѣтъ всегда приводилъ его въ раздраженіе.

— Знаете что, Евтихій Павловичъ, я завтра поѣду въ Москву къ Разсохиной... Какъ вы думаете?—сказалъ онъ мнѣ однажды.

— Что же, поѣзжайте... Можетъ быть, кого-нибудь тамъ найдете,—согласился я.

Черезъ два дня Суворинъ уже вернулся изъ Москвы, пригласивъ, черезъ бюро Разсохиной, А. П. Никитину и Н. Д. Красова.

Я получилъ телеграммы отъ Анчарова-Эльстона и П. К. Красовскаго съ согласіемъ служить въ труппѣ и отъ В. О. Коммиссаржевской письмо, въ которомъ она благодарила за приглашеніе и сообщила, что, къ сожалѣнію, не можетъ принять ангажемента, такъ какъ заключила уже контрактъ съ Незлобинымъ въ Вильну.

Нельзя себѣ представить, до чего раздражали и огорчали Алексѣя Сергѣевича отказы актеровъ и до чего радовался и ликовалъ онъ при удачахъ.

Не разъ мнѣ приходилось убѣждать его, что отчаиваться нѣтъ никакихъ основаній, что у насъ уже есть ядро труппы, съ которымъ мы не пропадемъ, а остальныхъ подобрать нетрудно.

Суворинъ, повидимому, успокаивался. Но рано утромъ на другой день я уже получалъ отъ него записку съ вопросомъ: не получилъ ли я отвѣта отъ того-то или той-то?..

Къ концу мая въ труппу уже вступили: Пасхалова, Яворская, Домашева, Никитина, П. К. Красовскій, Анчаровъ-Эльстонъ, Орленевъ и Красовъ. Со многими приглашенными артистами мною еще велась переписка.

Нервный и нетерпѣливый, Алексѣй Сергѣевичъ возмущался, что формированіе труппы идетъ, по его мнѣнію, медленно, и просилъ меня всѣ сношенія съ актерами вести телеграфомъ.

Онъ весь «ушелъ въ театръ», жилъ только мыслью о театрѣ, ни о чемъ другомъ, кромѣ театра, актерехъ, пьесахъ, не говорилъ.

Сотрудники «Новаго Времени» ворчали, что Суворинъ совсѣмъ забросилъ газету, душилъ ихъ разговорами о театрѣ, объ актерехъ, о пьесахъ и слышать не хочетъ о редакціонныхъ дѣлахъ.

Волнуясь, горячась и спѣша, онъ въ сильной степени растрепалъ свои нервы.

На засѣданіяхъ театральной дирекціи онъ раздражался по всякимъ пустякамъ, придавая имъ болѣе важное значеніе, чѣмъ они имѣли. Всѣхъ торопиль, подгонялъ, писалъ мнѣ и директорамъ письма, сердился, упрекалъ въ недостаткѣ энергіи.

Благодаря нервности А. С. Суворина, иногда происходили на засѣданіяхъ курьезныя сцены.

Какъ-то, говоря о бутафоріи для «Орлеанской дѣвы», П. П. Гнѣдичъ замѣтилъ, что надо заказать орифламу.

Алексѣй Сергѣевичъ, будучи въ нервномъ настроеніи, разразился по этому поводу грозной филиппикой.

— Вотъ всегда такъ у насъ дѣлается!.. «Нужно заказать»... а, собственно говоря, ничего не заказано... Такъ невозможно... А потомъ—ставить пьесу,—того пѣтъ, другого пѣтъ!.. Спѣшно... кос-

какъ... чортъ знаетъ что!.. Вы, Петръ Петровичъ, пожалуйста, голубчикъ, сейчасъ же закажите орифламу... Это необходимо теперь же сдѣлать...

Петръ Петровичъ поспѣшилъ успокоить Суворина.

Когда Гнѣдичъ ушелъ, Алексѣй Сергѣевичъ еще долго не могъ успокоиться, озабоченный заказомъ орифламы. Онъ негодовалъ, волновался, бранился и, наконецъ, остановившись передо мной, спросилъ:

— Да что такое, позвольте, эта орифлама, Евтихій Павловичъ?

— Это знамя съ нарисованной на немъ Богородицей, которое носила Орлеанская дѣва...

— Такъ, вѣдь, это сущая чепуха!..—расхохотался Суворинъ.— Это знамя можно въ одинъ день сдѣлать... Петръ Петровичъ давно ужъ мнѣ твердитъ: «орифлама, орифлама!..» Я думалъ и въ самомъ дѣлѣ...—успокоившись, съ добродушной улыбкой сказалъ Суворинъ.

Июнь подходилъ къ концу.

Алексѣй Сергѣевичъ сидѣлъ въ Петербургѣ, занимался театральными дѣлами, откладывая со дня на день свой отъѣздъ за границу. А. П. Коломнинъ, любившій старика, уговаривалъ его бросить на время дѣла и ѣхать отдохнуть, предоставивъ директорамъ и мнѣ заниматься театромъ.

— Дѣйствительно, голубчикъ, я усталъ, да и Петербургъ лѣтомъ, собственно говоря, мнѣ противенъ...—отвѣчалъ обыкновенно Суворинъ и, тѣмъ не менѣе, оставался въ своей роскошной, огромной пустой квартирѣ одинъ съ преданнымъ ему человѣкомъ Василюемъ.

Нѣсколько разъ укладывались чемоданы и даже брались билеты, но отъѣздъ все откладывался.

Наконецъ Алексѣю Петровичу удалось-таки уговорить Суворина уѣхать.

Передъ отъѣздомъ было назначено засѣданіе дирекціи. Говорили снова и снова о репертуарѣ.

Отвѣта изъ цензуры на ходатайство кружка о разрѣшеніи «Власти тьмы» получено не было. А между тѣмъ въ газетахъ появилось извѣстіе, что «Власть тьмы» будетъ разрѣшена только для императорскихъ театровъ и пойдетъ въ бенефисъ Н. В. Васильевой.

Мы приуныли. Алексѣй Сергѣевичъ, узнавъ объ этомъ, страшно заволновался. Онъ рѣшилъ снова отложить отъѣздъ, чтобы лично просить начальника печати о разрѣшеніи пьесы для театра кружка. Коломнинъ и Холева взяли хлопоты на себя и успокоили этимъ Суворина.

Въ этомъ засѣданіи я, между прочимъ, внесъ предложеніе, чтобы въ театрѣ кружка въ теченіе, по крайней мѣрѣ, перваго сезона не шли пьесы директоровъ и режиссера. Предложеніе мое было принято.

Разсмотрѣвъ представленный мною проектъ условія съ артистами, дирекція, внеся поправки, приняла его, уполномочивъ меня отъ имени режиссера театра приглашать артистовъ, декораторовъ, рабочихъ на сценѣ и заключать съ ними контракты.

Вся организаціонная работа по составленію труппы и рабочихъ на сценѣ была всецѣло поручена мнѣ. П. П. Гнѣдичъ взялъ на себя подготовку монтажной части дѣла по декораціямъ, костюмамъ и бутафоріи.

Вечеромъ А. С. Суворинъ уѣхалъ, прося меня сообщать ему все касающееся театра и присылать на прочтеніе пьесы, которыя я найду достойными вниманія.

III.

Работа по подготовкѣ сезона.—Чтеніе пьесъ.—Переговоры съ артистами и заключеніе съ ними условій.—М. А. Михайловъ.—Первая считка «Грозы».—Начало рещтцій.—Отношеніе ко мнѣ А. П. Коломина и Н. О. Холевы.—Тайные враги.—Письма Суворина.—Моя телеграмма.—Первый спектакль 17-го сентября.—Письмо Суворина.—Отношеніе ко мнѣ труппы.

Съ отъездомъ Алексѣя Сергѣевича за границу трудъ прочтенія пьесъ, переговоры съ авторами и артистами, рабочими, плотниками, бутафорами, техниками легъ всецѣло на меня. Съ утра до вечера у меня въ квартирѣ толкался народъ. Вечеромъ я дѣлалъ монтажки и *mise en scene*, читалъ пьесы, желая поскорѣе дать отвѣтъ нетерпѣливымъ авторамъ.

При заключеніи контрактовъ я предварительно сообщалъ дирекціи о приглашеніи мною такого-то артиста и цифру его жалованія. По полученіи согласія дирекціи, я подписывалъ съ ними условія.

Формированіе труппы шло довольно успѣшно.

Труппа была уже почти собрана, когда въ одно прекрасное утро ко мнѣ въ кабинетъ вошелъ уже немолодой, средняго роста робкій человекъ съ выразительнымъ, бритымъ лицомъ, съ выцвѣтшими сѣрыми, умными глазами и крупнымъ носомъ.

Одѣтый въ короткое, потертое, старенькое пальто горохового цвѣта, вылинявшее на плечахъ и обтерханная, свѣтлыя брюки, онъ неловко, конфузливо поклонился, шаркнулъ ножкой и подаль мнѣ дрожащими руками письмо.

Я пригласилъ его сѣсть.

«Рекомендую вамъ, Евтихій Павловичъ, способнаго провинціального артиста Михаила Адольфовича Михайлова»...—писалъ мнѣ мой старый знакомый, режиссеръ Павелъ Петровичъ Ивановскій.

До этого дня я никогда не слыхалъ объ актерѣ Михайловѣ, а потому сталъ подробно разспрашивать его: гдѣ онъ служилъ, какое его амплуа, какія роли онъ игралъ и давно ли онъ на сценѣ?..

Робкимъ, тихимъ голосомъ Михайловъ разсказалъ мнѣ свое *cursiculum vitae*.

Его настоящая фамилія Дмоховскій. Онъ дворянинъ, помѣщикъ Харьковской губерніи. Имѣлъ большое состояніе, но былъ разоренъ въ конецъ послѣ ареста брата, осужденнаго по политическому дѣлу въ каторгу. Самъ былъ арестованъ, но скоро освобожденъ. Продалъ послѣднія крохи изъ имѣнія и пошелъ въ актеры, такъ какъ раньше съ успѣхомъ игралъ въ любительскихъ спектакляхъ. Служилъ въ Харьковѣ у Андреева-Бурлака, въ Курскѣ и еще гдѣ-то на югѣ. Игралъ вначалѣ вторья, а потомъ и первыя роли характерныхъ комиковъ и резонеровъ. А теперь вотъ на зиму свободенъ...

— Вашъ братъ—Левъ Дмоховскій?—спросилъ я его.

— Да, Левушка... Левъ...

— Я зналъ вашего брата еще до его ареста... И потомъ сидѣлъ съ нимъ въ тюрьмѣ въ Красноярскѣ... И сестру вашу зналъ, что добровольно пошла за братомъ въ Сибирь...—сказалъ я.

Никогда не забуду выраженія лица Михайлова, когда онъ услышалъ о моемъ знакомствѣ съ его братомъ.

Весь онъ просіялъ, на глазахъ показались слезы.

— Вотъ какъ!.. Вы знали Левушку?.. и сестру?.. Братъ умеръ въ тюрьмѣ, въ Иркутскѣ...—проговорилъ онъ, заикаясь, и замолкъ на полусловѣ.

— Намъ нуженъ въ труппу комикъ...—сказалъ я, чтобы переменить разговоръ, сильно взволновавшій Михайлова.—Я возьму васъ... Рекомендаціи Ивановскаго я довѣряю...

— Благодарю, благодарю...—горячо отвѣтилъ онъ, крѣпко пожимая мою руку.

— Какія же ваши условія?

— Полтораэта... дадите?..—неувѣренно произнесъ Михайловъ, смотря на меня умоляющимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, Михаилъ Адольфовичъ... Вѣдь вы хотите занимать роли перваго комика и резонера... Вамъ необходимо будетъ обзавестись приличнымъ платьемъ... Да и жизнь въ Петербургѣ значительно дороже, чѣмъ въ провинціи... Меньше двухсотъ рублей на первое время я вамъ не могу дать... а тамъ посмотримъ...—отвѣтилъ я.

Михайловъ, видимо, былъ сердечно тронутъ и горячо благодарилъ меня.

Наступилъ августъ.

Близилось время открытія сезона. Приглашенный мною художникъ И. А. Суворовъ, подѣ наблюдениемъ П. П. Гнѣдича, приступилъ къ работамъ декораціи «Грозы».

Нѣкій Г—ій (бывшій соарендаторъ Малаго театра) предложилъ дирекціи взять напрокатъ его театральное имущество: декораціи, костюмы и буафорію.

Дирекція, совмѣстно со мной, осмотрѣла подробно все «имущество».

Оно состояло изъ старыхъ, использованныхъ оперныхъ и опереточныхъ декораций: неправдоподобныхъ пейзажей, нигдѣ не виданныхъ залъ, улицъ фантастическихъ городовъ, театральныхъ нарочныхъ хижинъ, гдѣ могли обитать только опереточные бѣдняки; изъ костюмовъ, истрепанныхъ и непригодныхъ для драмы; изъ арсенала деревяннаго оружія, поломанной мебели и аляповатыхъ статуй и вазъ...

П. П. Гнѣдичъ и я высказались рѣшительно противъ аренды этого никуда непригоднаго хлама, но дирекція принуждена была взять напрокатъ это имущество за какую-то ничтожную плату.

Такъ какъ Суворовъ не могъ одинъ оборудовать декорациями театръ, въ которомъ, кромѣ названнаго хлама, ничего не было, П. П. Гнѣдичъ заказалъ часть работъ декораторамъ императорскихъ театровъ. Съ братьями Лейфертъ было заключено условіе на поставку бутафоріи и костюмовъ, по рисункамъ, доставляемымъ П. П. Гнѣдичемъ.

Освѣщеніе сцены Малаго театра было самое примитивное. О радикальномъ переустройствѣ его нельзя было и думать. Пришлось ограничиться только незначительными поправками и пріобрѣтеніемъ необходимыхъ принадлежностей, какъ-то: рефлѣкторовъ, луны, комплектомъ разноцвѣтныхъ лампочекъ и т. п.

А. С. Суворинъ, узнавъ изъ моего письма о неудовлетворительности освѣщенія на сценѣ, пріобрѣлъ за границей прекрасный фонарь для свѣтовыхъ эффектовъ, изображенія на сценѣ тучъ, дождя, снѣга, молній и т. п.

Передѣланная когда-то, по указаніямъ М. В. Лентовскаго, сцена была недурно оборудована, но неудобна, вслѣдствіе непропорціональности размѣровъ. Ея глубина почти равнялась ширинѣ. Проходы за кулисами были узки, что представляло большое неудобство при постановкѣ такъ называемыхъ обстановочныхъ пьесъ. Весь театръ былъ загрязненъ, благодаря неряшливому отношенію арендаторовъ. На сценѣ люки не дѣйствовали, подъемы декораций производились «вручную», софиты—на бечевкахъ, въ трюмѣ—складъ всякаго ненужнаго хлама: сломанныхъ площадокъ, лѣстницъ, декоративнаго хлама и воровъ мусора. Надо было много энергіи и настойчивости, чтобы очистить эти Авгіевы конюшни и привести сцену въ порядокъ и зрительный залъ въ приличный видъ.

Въ продолженіе августѣ мѣсяца мнѣ приходилось каждый день бывать въ Маломъ театрѣ, наблюдая за ремонтомъ и работой въ декоративномъ залѣ.

Наконецъ работы по ремонту и очисткѣ театра были окончены. Труппа сформирована, рабочіе всѣ наняты. Труппа состояла изъ 45 артистокъ и артистовъ. Въ ея составѣ были такія выдающіяся силы, какъ Пасхалова, Яворская, Холмская, Глама-Мещерская, Домашева, Никитина, Каратыгина, П. К. Красовскій, Орленевъ.

Михайловъ, Анчаровъ-Эльстонъ, Вастуновъ. Режиссерское управленіе состояло изъ меня и моего помощника Мировича. Стоимость всей труппы, вмѣстѣ съ режиссеромъ, не превышала восьми тысячъ рублей въ мѣсяць.

Настало время приступить къ репетиціямъ.

Помню, какъ сильно я волновался, идя на первую считку «Грозы».

Большинство изъ исполнителей были артисты, мнѣ мало знакомые, набранные изъ провинціи, съ разныхъ сторонъ обширной Россіи.

Распредѣлять роли пришлось по чутью и догадкѣ, по заявленнымъ актерами амплуа и по внѣшнимъ даннымъ. Многіе изъ участвующихъ въ пьесѣ раньше играли въ «Грозѣ» не тѣ роли, которыя я назначилъ имъ, другіе считали роли не ихъ ампуа.

Орленевъ съ боязнью отнесся къ роли Тихона.

— Никогда не игралъ я этихъ ролей,—боюсь, Евтихій Павловичъ, не совладаю.

Какъ истинный артистъ, онъ строго относился къ самому себѣ и съ глубокимъ уваженіемъ къ искусству.

— Попробуемъ, Павелъ Николаевичъ... Посмотримъ на репетиціяхъ... Не выйдетъ роль, я васъ насильно не заставлю играть,—убѣждалъ я его.

Роли въ «Грозѣ» были распредѣлены такъ: Дикой—Марковскій, Борисъ—Красовъ, Кабаниха—Чижевская, Тихонъ—Орленевъ, Катерина—Холмская, Варвара—Никитина, Кудряшъ—Черновъ 2-й, Шапкинь—Богатиловъ, Ѳеклуша—Каратыгина, Глаша—Ланская, полусумасшедшая барыня—Зиновьева.

Сказавъ нѣсколько словъ о художественныхъ задачахъ возникающаго театра, о необходимости дружной, совмѣстной работы, я попросилъ артистовъ приступить къ считкѣ пьесы.

Роли были провѣрены моимъ помощникомъ Мировичемъ до считки, а потому я просилъ артистовъ читать въ полный тонъ, давая интонаціи. Мнѣ необходимо было узнать, какъ артисты понимаютъ роли и какими тонами передаютъ ихъ.

Большинство участвующихъ читало удовлетворительно, но у многихъ слышались рутинныя, театральныя интонаціи, заимствованныя отъ прежнихъ исполнителей «Грозы», и обрисовка характеровъ дѣйствующихъ въ драмѣ лицъ носила шаблонный, традиціонный приѣмъ. Объ общемъ тонѣ исполненія на первой считкѣ нельзя было судить.

Мнѣ пришлось подробно развить артистамъ мой взглядъ на драму Островскаго, на среду, гдѣ произошла драма, на время, когда она происходила, на психологическое развитіе драмы, обрисовать характеры и переживанія дѣйствующихъ въ «Грозѣ» лицъ, какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ, иллюстрируя мои слова чтеніемъ изъ драмы.

Мнѣ хотѣлось услышать мнѣнія актеровъ о полученныхъ имъ роляхъ. Я просилъ ихъ высказаться по поводу моихъ взглядовъ.

Большинство молчало, но П. Н. Орленевъ, М. А. Михайловъ и З. В. Холмская довольно подробно изложили свои взгляды на характеръ ихъ ролей.

Приступили къ репетиціямъ.

Я весь отдался театру.

Труппа относилась къ дѣлу съ любовью и тщательностью необычайной. Репетиціи проходили оживленно, дружно. Видно было, что всѣхъ захватила работа.

Кромѣ «Грозы», мы до открытія спектаклей репетировали «Нору» Ибсена, «Трудовой хлѣбъ» Островскаго, гдѣ роль Карпѣлова неподражаемо игралъ П. К. Красовскій, талантливый провинціальный актеръ, и «Ганнеле» съ новыми исполнителями, за исключеніемъ Тихомирова, за которымъ осталась роль каменщика Маттерна. «Ганнеле» въ очередь играли Домашева и Надеждина.

На репетиціяхъ, продолжавшихся ежедневно отъ 10 до 4 час. дня и отъ 6 до 12 час. ночи, почти всегда присутствовали А. П. Колонинъ и Н. О. Холева. Часто бывалъ П. П. Гиѣдичъ, занятый работами по декоративной и бутафорской части.

Генеральная репетиція «Грозы» принесла мнѣ много неприяностей. Декораціи оказались недописанными. Костюмы, доставленны Лейфертомъ, изъ рукъ вонъ плохіе.

Я волновался до отчаянія.

Суворовъ увѣрялъ меня, что къ спектаклю всѣ декораціи будутъ готовы, Лейфертъ обѣщалъ вновь подобрать костюмы, по моимъ указаніямъ. Но эти увѣренія мало меня успокаивали.

Правда, я придавалъ главное значеніе внутреннему содержанію пьесы, игрѣ актеровъ, но и внѣшняя сторона постановки меня весьма озабочивала.

17-го сентября состоялось открытіе сезона въ театрѣ литературно-артистическаго кружка.

«Гроза» прошла съ приличнымъ ансамблемъ, имѣя успѣхъ у публики. Несмотря на вполнѣ понятную робость и волненіе, артисты играли стройно, заражая публику своими переживаніями. Особенно выдѣлялись своимъ исполненіемъ З. В. Холмская, А. П. Никитина, П. Н. Орленевъ и М. А. Михайловъ, выдвинувшій на первый планъ второстепенную роль Кулигина.

Пресса въ общемъ отнеслась одобрительно къ спектаклю, за исключеніемъ «Новаго Времени», помѣстившаго строгую рецензію, и А. Р. Кугеля, съ яростью напавшаго на З. В. Холмскую за ея исполненіе роли Катерины.

А. С. Суворинъ, живя за границей, велъ дѣятельную переписку съ директорами, нѣкоторыми изъ артистовъ: Пасхаловой, Яворской,

и со мной, интересуясь, очевидно, до мельчайшихъ подробностей всѣмъ, что происходило въ театрѣ.

Первыя письма ко мнѣ Алексѣя Сергѣевича носили дружелюбный характеръ, но затѣмъ стали суше. Я почувствовалъ въ его отношеніяхъ ко мнѣ раздраженность и недовѣріе.

Вскорѣ послѣ открытія театра, я получилъ отъ него письмо о постановкѣ «Грозы», въ которомъ онъ, судя, вѣроятно, по рецензіи «Новаго Времени», критикуетъ заглазно мою постановку и описываетъ планъ постановки пьесы, какъ она рисуется ему.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ онъ телеграфируетъ мнѣ: «Что хорошо за Невской заставой, то не годится въ нашемъ театрѣ».

На это я отвѣтилъ Суворину телеграммой:—«Хорошее вездѣ хорошо. Издалека судить трудно. Приѣзжайте, посмотрите сами».

Послѣ этой телеграммы переписка наша съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ прекратилась.

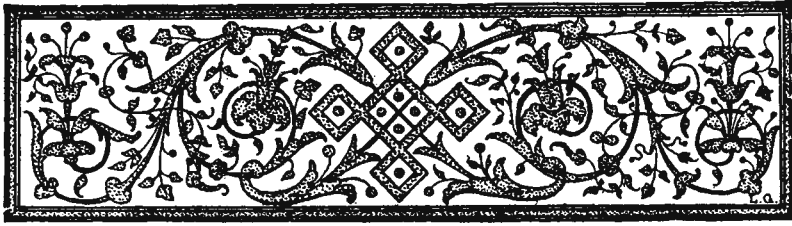
Изъ послѣднихъ писемъ Суворина я понялъ, что кому-то было необходимо поссорить меня съ нимъ, вызвать въ немъ недовѣрчивое и недоброжелательное чувство ко мнѣ. Кому это нужно было, я до сихъ поръ не знаю. Занятый съ утра до глубокой ночи работой въ театрѣ, я мало интересовался интригами. Я былъ увѣренъ, что Суворинъ, приѣхавъ изъ-за границы, самъ увидитъ мою работу, мое отношеніе къ дѣлу, измѣнитъ свой взглядъ на меня, какъ режиссера. Въ этихъ мысляхъ меня очень поддерживали Н. О. Холева и Алексѣй Петровичъ Коломнинъ, относившійся ко мнѣ съ трогательной любовью, доходящей до нѣжности.

Благодаря доброму отношенію ко мнѣ директоровъ и дружно сплотившейся вокругъ меня труппѣ, довѣрявшей мнѣ, какъ режиссеру и человѣку, я могъ, несмотря на закулисныя интриги и вліянія, свободно работать въ томъ направленіи, какое считалъ необходимымъ для правильнаго развитія молодого театра.

Евтихій Карповъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

„СОЦІАЛИСТЪ“.

(Изъ дѣйствительной жизни)

ВЪДОМЪ съ кресломъ полицеймейстера въ театрѣ областного города В помѣщается кресло литературнаго агента, что ясно обозначено на мѣдной досочкѣ, прибитой къ спинкѣ кресла. Мѣсто это рѣдко бывало занятымъ.

Его обладатель почтенный Н. Ф. Г скоро пресыщался представленіями драматической труппы, угощавшей ежегодно однѣми и тѣми же пьесами, причемъ нельзя было сказать, чтобы составъ труппы представлялъ собою что-нибудь интересное. Рѣдко въ числѣ первыхъ актеровъ и актрисъ выдѣлялись лица, которыхъ безъ натяжки можно было бы назвать артистами.

По обязанностямъ службы, а больше по привычкѣ, я былъ однимъ изъ завсегдатаевъ.

Публика, посѣщающая театръ, за рѣдкимъ исключеніемъ, обыкновенно бывала та же. Годами я присмотрѣлся къ ней и зналъ почти всѣхъ, особенно посѣтителей ложъ и первыхъ рядовъ.

На масленицу даются обыкновенно самыя избитыя пьесы, но съ громкими названіями, которыя и привлекаютъ праздничную публику. «Мать-преступница», «Трильби», «Кинъ или геній и безгугство», «Измаиль» и т. п. проходятъ съ большимъ успѣхомъ. Послѣ нихъ ставятъ еще и водевилъ съ пѣніемъ или дивертисментъ, а всего шесть-семь дѣйствій, что очень соблазняетъ отвѣдавшую блиновъ публику.

Въ интересахъ порядка приходится ходить на эти представленія, о чемъ усердно просятъ сами антрепренеры, въ видахъ воздѣйствія на праздничную публику.

Въ началѣ масленицы 1905 года, присутствуя на одномъ изъ спектаклей съ кричащимъ названіемъ, я невольно обратилъ вниманіе на моего сосѣда, помѣстившагося рядомъ со мной, на креслѣ литературнаго агента. Это былъ паренекъ лѣтъ шестнадцати-семнадцати. Блондинъ, тщедушнаго сложенія. Длинные волосы, зачесанные назадъ, казались сильно смазанными, вѣрнѣе всего, деревяннымъ масломъ. Юный пушокъ покрывалъ его блѣдное лицо; усы еще не пробивались; глаза сѣрые и какіе-то стоячіе. Одѣтъ онъ былъ въ черный длиннополый сюртукъ, безъ сомнѣнія, съ чужого плеча и очень сквернаго покроя, въ высокіе сапоги съ бураками, очень недавно начищенные; на шеѣ былъ сѣрый фланелевый шарфъ; признаковъ бѣлья не было замѣтно. Онъ, видимо, чувствовалъ себя какъ-то неловко. Въ рукахъ у него была толстая палка. Небольшой узелокъ съ книгами въ цвѣтномъ платочкѣ лежалъ подлѣ него. Наружность этого парня и его манеры показывали, что онъ во всякомъ случаѣ сѣлъ не на свое мѣсто, забравшись въ первый рядъ.

На сцену онъ глядѣлъ пристально, впиваясь взглядомъ въ дѣйствующихъ лицъ, и лицо его реагировало на содержаніе ролей.

Замѣтно было, что ему некуда дѣвать руки; онъ держалъ ихъ какъ-то странно, все время мѣняя ихъ положеніе. Палку онъ помѣстилъ между ногъ, а узелокъ положилъ рядомъ съ собою, на свободное мѣсто. На сосѣдей онъ не обращалъ никакого вниманія, и даже проходившіе мимо него не вызывали его любопытства. Онъ былъ всецѣло поглощенъ сценой. Когда ему что-нибудь казалось смѣшнымъ, онъ издавалъ короткое и громкое ржаніе и наклонялся всемъ корпусомъ впередъ. Станнымъ казалось, когда на патетическихъ мѣстахъ онъ смѣялся тѣмъ же несдержаннымъ смѣхомъ.

По окончаніи перваго дѣйствія онъ остался на мѣстѣ. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ обратили на него вниманіе и разспрашивали меня, что это за субъектъ. Капельдинеръ вмѣшался въ разговоръ и пожаловался мнѣ, что, несмотря на его требованіе, господинъ этотъ не отдалъ ему своей палки и узелка и сѣлъ не на свое мѣсто. Я приказалъ капельдинеру повторить его требованіе и взять у него палку, если онъ не хромоу.

Во второмъ дѣйствіи паренекъ уже сидѣлъ черезъ кресло отъ меня, на своемъ мѣстѣ, переложивъ на пустующее мѣсто свой узелокъ. Съ палкой онъ рѣшился разстаться.

Не дѣлая ничего особеннаго, онъ, однако, обратилъ на себя вниманіе публики, и нѣкоторые заглядывали на него съ замѣтнымъ любопытствомъ.

Въ слѣдующемъ антрактѣ паренекъ вышелъ въ коридоръ, захвативъ съ собою узелокъ, и прогуливался. Теперь ужъ всѣ обратили на него свое вниманіе и приставали ко мнѣ съ нескончаемыми вопросами. Видимо, паренекъ былъ пріѣзжій и, конечно, никѣмъ не былъ бы замѣченъ, если бы не забрался въ первый рядъ. Пройдя нѣсколько разъ по узкому коридору, онъ казался всѣмъ очень смѣшнымъ, что происходило отъ неумѣнія его расходиться со встрѣчными. Заглянувъ въ фойе и какъ бы не рѣшаясь войти, онъ повернулъ круто обратно и уѣлся на свое мѣсто.

Дежурный по театру приставъ тоже обратилъ на него вниманіе и даже, какъ оказалось потомъ, приказалъ прослѣдить за нимъ послѣ окончанія представленія.

Паренекъ, несмотря на порядочный морозъ, пришелъ безъ верхняго платья. Послѣ театра онъ прошелъ въ одну изъ второклассныхъ гостиницъ, гдѣ занималъ номеръ, какъ значилось: «проѣздомъ, кіевскій гражданинъ Асивонскій».

Приблизительно черезъ недѣлю ко мнѣ въ кабинетъ при полицейскомъ управленіи пришелъ курьеръ изъ камеры прокурора съ письмомъ отъ одного изъ товарищей прокурора г. Г . . . На визитной карточкѣ была изложена просьба гуманно обойтись съ юношей, видимо, сбитымъ съ толку, причемъ по моему адресу былъ какой-то комплиментъ. Я не могъ понять сразу, въ чемъ дѣло и о какомъ юношѣ идетъ рѣчь. Курьеръ объяснилъ, что онъ привелъ съ собою молодого человѣка, котораго товарищъ прокурора просилъ задержать при полиціи. Я приказалъ впустить ко мнѣ приведеннаго. Каково было мое удивленіе, когда я сразу узналъ въ немъ моего сосѣда по креслу въ театрѣ.

На немъ былъ тотъ же сюртукъ и тѣ же сапоги, но еще болѣе грязные, чѣмъ тогда въ театрѣ. На шеѣ у него былъ вязанный шерстяной шарфъ, а въ рукахъ черная фетровая шляпа съ отогнутыми внизъ полями. Видъ онъ имѣлъ вызывающій и надменный.

— Въ чемъ дѣло, за что арестованъ?—спросилъ я его.

Онъ молчалъ.

— Это ты былъ на прошлой недѣлѣ въ театрѣ и сидѣлъ въ первомъ ряду?—спросилъ я.

— Во-первыхъ, не «ты», а «вы»,—рѣзко отвѣчалъ онъ.—Я!..

— Виноватъ!—сказалъ я:—позвольте узнать вашу фамилію и по какому дѣлу препровождены ко мнѣ?

— Мое дѣло извѣстно прокурору, я политическій!

— Ну, однако, знать-то мнѣ надо, кто вы и откуда пріѣхали.

— Не намѣренъ удовлетворять вашего любопытства.

— Но ваша фамилія?

— Асивонскій.

— Здѣсь за Асивонскаго есть переписка и вещественныя доказательства, — доложилъ мнѣ мой помощникъ, и черезъ нѣсколько минутъ подалъ и то, и другое.

Въ донесеніи старшины села Т . . . на имя прокурора говорилось, что явившійся въ сельское правленіе и назвавшій себя кievскимъ гражданиномъ Петръ Асивонскій, шестнадцати лѣтъ, именуетъ себя «соціалистомъ». Онъ требовалъ отъ старшины отвода ему квартиры и земскихъ лошадей для переѣзда въ сосѣднее селеніе. Денегъ при немъ, равно и вида на жительство не оказалось, а отобранныя вещи, при особомъ спискѣ, препровождены въ городское полицейское управленіе.

— Недурно! — сказалъ я. — Для какой же цѣли вамъ вздумалось разѣзжать по селеніямъ туземцевъ?

— Я по соціальному вопросу!

— Да какой тамъ соціальнѣй вопросъ, вѣдь они слова по-русски не понимаютъ, какъ же бы вы могли говорить?

Онъ молчалъ.

— А скажите, пожалуйста, сколько же денегъ было у васъ въ карманѣ, когда вы брали билетъ въ первый разъ; изъ города, какъ видно, вы выѣхали безъ денегъ?..

— Позвольте мнѣ не отвѣчать на подобные вопросы! — надменно заявилъ парень.

— Слушай! — сказалъ я: — ты лучше брось дурака валять, иначе сейчасъ же отправлю тебя на пожарный дворъ.

На пожарномъ дворѣ находилась кордегардія. Больше я ничего этимъ не хотѣлъ сказать.

Что уже ему показалось, не знаю, но совершенно неожиданно для меня онъ вдругъ повалился на ноги и умоляющимъ голосомъ началъ просить прощенія.

— Ваше высокоблагородіе, господинъ полицеймейстеръ, простите ради Бога, я все скажу, все расскажу. Меня товарищъ прокурора научилъ что я могу отказаться и не отвѣчать на то, чего не желаю объяснить.

— Хорошо, встань и рассказывай!..

— Я, ваше высокородіе, сынъ священника, учусь въ кievской семинаріи. Отецъ прислалъ мнѣ двадцать три рубля заплатить за квартиру и столъ, а я, по совѣту товарищей, рѣшилъ ѣхать сюда на Кавказъ, чтобы ознакомить жителей съ соціальными вопросами.

— А самъ ты гдѣ ознакомился съ этими вопросами?

Онъ иронически улыбнулся, отпаливъ самоувѣренно.

— Кто же этого не знаетъ!..

— Однако, все-таки? Преподають у васъ въ бурсѣ развѣ?

— Нѣтъ! товарищи на сходкахъ.

Я сталъ разсматривать списокъ и вещи, у него отобранныя въ селеніи и пересланныя, какъ вещественное доказательство.

Довольно толстая книжка, часть первая—Бокль, фотографическій аппарат «кодакъ», стоящій рублей пять, пачка пластинокъ къ нему, револьверъ Лефеше, страшно старый и заржавленный, въ бумажки завернуты и привязаны къ нему пять патроновъ, свинець которыхъ отъ времени покрылся бѣлой корой, и тетрадка, предназначенная, видимо, для записи его дѣятельности, но пока въ ней былъ записанъ только дорожный расходъ: билетъ 11 руб. 20 к., чай и булки 8 к., колбаса 12 к., хлѣбъ 4 к. и т. д., въ концѣ записано: театръ 2 р. 10 к., билетъ до ст. Бесланъ 22 коп.

— Зачѣмъ же тебѣ револьверъ понадобился?—спросилъ я струхнувшаго соціалиста.

— Какъ же, здѣсь, говорить, опасно!

— Что же тебя, что ли, украдутъ. Что у тебя брать-то, кромѣ этого же револьвера?..

— Обидѣть могутъ,—отвѣчалъ онъ.

— За что же тебя обижать?.. Вѣдь ты хотѣлъ только знакомить туземцевъ съ соціальными идеями. Интересно, какъ же ты думалъ это дѣлать, развѣ не зналъ, что туземцы не говорятъ по-русски. Гдѣ же ты рассчитывалъ собирать ихъ?

— Я думалъ, что старшина и писарь будутъ собирать народъ на сходку... я бы сходу сказалъ, что нужно... Меня увѣрили, что въ каждомъ селеніи мнѣ должны давать квартиру и лошадей для дальнѣйшаго переѣзда... но въ этомъ селеніи, я забылъ, какъ его, да Т—номъ мнѣ не только отказали въ сборѣ схода, квартирѣ и лошадяхъ, но арестовали, составили протоколъ и три дня голоднымъ держали въ страшно холодной арестантской.

— А шуба или пальто есть у тебя?—спросилъ я.

— Нѣтъ, теперь нѣту. Мое пальто хозяинъ гостиницы здѣсь въ городѣ оставилъ у себя, пока я не заплачу ему денегъ за номеръ и обѣды.

— А ты много остался долженъ?

— Два рубля съ чѣмъ-то.

— Такъ ты это безъ пальто, въ одномъ сюртукѣ сидѣлъ въ арестантской?

— Мнѣ тамъ какой-то туземецъ далъ шубу, только она очень мало грѣла, вся рваная.

— А когда же ты ѣлъ?

— Мнѣ въ пути по желѣзной дорогѣ какой-то пассажиръ далъ хлѣба, а больше я ничего не ѣлъ.

Какъ разъ въ это время мнѣ доложили, что отъ товарища прескурора принесли арестованному обѣдъ. Невыразимая радость просіяла на лицѣ соціалиста.

— Позвольте мнѣ, ваше высокоблагородіе господинъ полицеймейстеръ, пойти поѣсть, я потомъ все расскажу подробно.

Вечеромъ я пришелъ съ цѣлью разспросить «соціалиста».

Онъ встрѣтилъ меня радостно и очень довѣрчиво посвятилъ меня въ исторію своей поѣздки и семейнаго положенія.

Оказалось, что у его отца, бѣднаго священника одного изъ захолустныхъ сель Каневского уѣзда Кіевской губерніи, кромѣ него, еще три сына и всѣ учатся. Въ семинаріи онъ приходящимъ. За квартиру и столъ отецъ платитъ по четырнадцать рублей въ мѣсяць. Остальныя деньги были присланы на платье и на учебники.

На послѣдней сходкѣ товарищи порѣшили итти въ народъ. Говорили, что на Кавказѣ агитаторовъ принимаютъ охотно, кормятъ, поятъ и возятъ изъ селенія въ селеніе. Нужно только добраться туда, а тамъ беспокоиться нечего, проживешь отлично...

Единственнымъ изъ числа товарищей счастливецемъ, имѣвшимъ возможность доѣхать до Кавказа, оказался онъ. Долго не думая, онъ собрался въ путь и, по совѣту знавшихъ Кавказъ, направился въ осетинскія селенія. Онъ такъ жестоко ошибся въ своихъ расчетахъ и казался до того жалкимъ и растеряннымъ, что я рѣшилъ поскорѣе вывести его изъ затруднительнаго положенія.

На телеграмму, посланную мною ректору семинаріи, я на слѣдующій день получилъ отвѣтъ, удостовѣряющій его личность; а отецъ отвѣтилъ, что выслалъ деньги на обратную дорогу.

— О чемъ же собственно ты хотѣлъ проповѣдывать туземцамъ?— спросилъ я Асивонскаго передъ отъѣздомъ.

— О свободѣ, равенствѣ и братствѣ!—отвѣчалъ онъ.

— Ну, а револьверъ-то зачѣмъ же тебѣ былъ нуженъ; сколько ты за него заплатилъ и гдѣ ты его купилъ?

— Мнѣ его продалъ знакомый еврей въ Кіевѣ за 3 р. 50 к.; онъ увѣрялъ, что револьверъ отличный. Товарищи говорили, что здѣсь опасно, что всѣ ходятъ съ оружіемъ.

— А ты пробовалъ стрѣлять изъ него?—спросилъ я.

— Нѣтъ, я хотѣлъ попробовать въ степи гдѣ-нибудь, да еще негдѣ было.

— Ну, счастье твое, что не попробовалъ, этими пулями нельзя стрѣлять, да онъ, кромѣ того, такъ заржавѣлъ, что, навѣрное бы, его разорвало.

— Слава тебѣ Господи!—сказалъ соціалистъ и глубоко вздохнулъ, какъ бы испытывая облегченіе. Не нужно мнѣ его, вы мнѣ его не отдавайте!

Въ тотъ же день я отправилъ «соціалиста» домой, приказавъ купить ему билетъ до Кіева. Гуманный товарищъ прокурора далъ денегъ на билетъ и на дорогу, въ ожиданіи возврата ихъ мною.

Вотъ какого рода типами, между прочимъ, пополнялись кадры нашихъ революціонеровъ въ «освободительную» эпоху 1905 года.

Н. А. Котляревскій.

„КОРОЛЬ РИМЫ“¹⁾.

(Д. Д. Минаевъ и его литературная дѣятельность).

По поводу 25-лѣтія со дня его смерти 1889 г.—10 іюля—1914.

V.

Нѣкоторыя черты изъ жизни Минаева—писателя и человѣка.—Необыкновенный даръ версификаціи.—Стихи «отъ Александринки до Адмиралтейства».—Блестящія импровизаціи съ римами, «свободными даже до разврата».—Рима къ слову «окунь».—Недостаточность образованія.—Нѣсколько словъ о «писательскомъ недугѣ» шестидесятихъ годовъ и его причинахъ.—О минаевской «петеримости» и врагахъ.—Необыкновенное чутье въ распознаваніи «литературныхъ» людей.—Несправедливая характеристика Минаева, какъ человѣка.

МИТРИЙ Дмитріевичъ Минаевъ былъ явленіемъ исключительнымъ среди русскихъ поэтовъ: едва ли среди нихъ найдется, кто написалъ бы такое же поразительное количество стиховъ, какъ онъ. «Съ самаго начала своей дѣятельности,—писалъ послѣ смерти Минаева В. П. Буренинъ,—онъ по преимуществу писалъ стихи. Даже прозаическіе фельетоны, которые онъ ежемѣсячно помѣщалъ въ «Русскомъ Словѣ» благосвѣтловской редакціи, онъ на половину перемѣшивалъ со стихами. Изъ его римованныхъ строчекъ, если собрать ихъ всѣ, наберутся, вѣроятно, томы. Даже у Виктора Гюго, прожившаго восемьдесятъ лѣтъ и представляющаго феноменъ по стихотворческой плодовитости,—даже у Виктора Гюго едва ли наберется столько римованныхъ строчекъ? Конечно, одна стихотворческая плодовитость сама по себѣ еще ни-

¹⁾ Окончаніе «Истор. Вѣстн.», т. СXXXVII, стр. 182.

чего не значить и отнюдь не свидѣтельствуешь о замѣчательности таланта; но, во всякомъ случаѣ, такая плодовитость, если она далеко выходитъ за обычный уровень, представляетъ нѣчто въ своемъ родѣ примѣчательное. Особенно удивительной является эта плодовитость у Минаева, который по натурѣ отнюдь не былъ прилежнымъ литературнымъ труженикомъ, а, напротивъ, скорѣе принадлежалъ къ типу «праздныхъ гулякъ», писалъ порывами, запоемъ, писалъ по большей части наскоро, импровизируя въ первомъ возбужденіи. Его стихотворческая плодовитость происходила не изъ труженическаго прилежанія, которымъ, къ ужасу читателей, бывають столь часто надѣлены посредственности и бездарности, а изъ другого источника: у него былъ несомнѣнный талантъ къ легкому стихотворчеству, если не къ поэтическому творчеству... Какъ бы ни цѣнили Минаева, но у него нельзя отнять таланта, благодаря которому онъ, несмотря на небрежность и торопливость своихъ работъ, всегда блисталъ въ нихъ необыкновенной техникой, бойкостью, легкостью и ловкостью стиха и своеобразными приемами...»

Даромъ версификаціи Минаевъ обладалъ въ изумительной степени, и изъ русскихъ поэтовъ ни до, ни послѣ него не найдете ни одного, который посоперничалъ бы съ нимъ въ этой области. О необыкновенной способности Минаева владѣть приемомъ существуетъ много рассказовъ, которые иногда настолько необычны, что ихъ можно бы счесть за плоды досужей фантазіи, если бы они не были зафиксированы въ прессѣ лицами, близко знавшими покойнаго «короля приема». Вотъ нѣсколько подобныхъ рассказовъ:

Гуляя однажды съ извѣстнымъ артистомъ И. П. Киселевскимъ по Невскому, Минаевъ обратился къ своему спутнику съ какой-то просьбой.

— Говори стихи отъ Александринки до Адмиралтейства, только безъ передышки,—тогда исполню!—отвѣтилъ Киселевскій.

И Минаевъ тутъ же «на ходу» сочинилъ длиннѣйшее стихотвореніе съ прелестными «минаевскими» приемами и декламировалъ его вплоть до Адмиралтейства ¹⁾.

Въ другой разъ Д. Д. Минаевъ и основатели «Искры»; В. С. Курочкинъ и Н. А. Степановъ, собрались въ ресторанѣ Бореля. Во время обѣда является корректоръ и заявляетъ, что номеръ «Искры» въ этотъ день выйти изъ печати не можетъ, такъ какъ остается незаполненное мѣсто. Тогда Степановъ обращается къ Минаеву и спрашиваетъ: не можетъ ли онъ пособить горю и сейчасъ же написать что-нибудь. Минаевъ съ пресерьезной миной спрашиваетъ: «На сколько прикажете?»— «Да рублей на пять, не

¹⁾ «Театръ и Искусство», 1903 г., № 25, стр. 487.

больше». Минаевъ требуетъ бумаги, садится за столъ и черезъ нѣсколько минутъ конецъ номера готовъ.

Литераторъ А. В. Эвальдъ послалъ разъ Минаеву приглашеніе на завтракъ, написанное стихами. Минаевъ не замедлилъ прислать съ посылнымъ слѣдующій отвѣтъ, изобилующій удивительными «минаевскими» рѣмами:

Я къ Аркадію Васильичу
 Порывался много разъ,
 Но—«пока я васъ не вылечу,
 Не пущу изъ дому васъ»,—
 Такъ сказалъ мнѣ докторъ въ среду,
 Лишь лафить позволивъ пить,
 И велѣлъ компрессы спереду
 Отъ катара мнѣ посить...
 Ноги, руки—точно всѣ во льду,
 Голова же горяча,—
 Такъ могу ли ѣхать къ Эвальду
 И послушаться врача?
 Не вините же Минаева,
 Какъ супругъ, такъ и жена,
 Порѣшивши, что вина его—
 Поправимая вина...

Кто-то изъ литераторовъ, говоря про удивительную легкость версификаціи Минаева, выразился, что его рѣмы свободны даже... до разврата. Ясное дѣло, что надъ стихотвореніями, въ родѣ только что приведеннаго, Минаевъ и не задумывался. Тотъ же Эвальдъ передаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» такой случай.

Академикъ М. О. Микѣшинъ нарисовалъ виньетку для «Всеобщей Газеты», которую въ то время редактировалъ Эвальдъ. На этой виньеткѣ былъ изображенъ печатный станокъ древней формы и около него нѣсколько гномовъ: одинъ, лежа на полу, рисуетъ, другой, приставивъ палецъ ко лбу, пишетъ, третій печатаетъ, а остальные читаютъ уже напечатанное.

Эвальдъ свезъ этотъ рисунокъ Минаеву и попросилъ его написать къ нему подходящее стихотвореніе. Онъ поглядѣлъ внимательно на рисунокъ, подумалъ немного, а потомъ, взявъ перо, съ одного почерка, безъ остановокъ и помарокъ написалъ слѣдующее:

То явно, то исподтишка
 Бранять станокъ печатный всюду,
 А безъ печатнаго станка
 Грозитъ смертельная тоска
 Всему читающему люду.

Работая въ послѣдніе годы своей петербургской жизни въ «Петербургской Газетѣ», Минаевъ появлялся въ редакціи ея, что называется, «метеоромъ» и, схвативъ на лету двѣ-три темы, тутъ же

на конторкѣ быстро, въ нѣсколько минутъ набрасывалъ блестящій фельетонъ, въ которомъ никогда не было ни одной помарки.

Между прочимъ, Минаевъ не любилъ такъ называемыхъ глагольныхъ риѣмъ.

— Развѣ это стихи?—говорилъ онъ:—да я берусь три тысячи стиховъ въ умѣ написать съ этими риѣмами: смотрѣть—глядѣть, стоять—лежать. Въ этомъ отношеніи русскій языкъ—самый благодарный для стихотворцевъ: стоитъ только прибрать 200—300 глагольныхъ риѣмъ, и валяй цѣлую поэму въ часъ.

Одно время,—впрочемъ, очень недолго,—былъ у Минаева опасный соперникъ по части богатства риѣмъ. Это былъ покойный Жулевъ, писавшій подъ псевдонимами «Скорбный поэтъ», «Дебютантъ» и друг. Минаевъ и Жулевъ были большими друзьями и большую часть дня проводили вмѣстѣ въ маленькомъ ресторанѣ на Владимирской улицѣ, гдѣ во время оно собирались почти всѣ петербургскіе литераторы, не исключая даже Ѳ. М. Достоевскаго. Ресторанъ этотъ Минаевъ прозвалъ «Назаретомъ», на основаніи евангельскаго реченія: «Изъ Назарета можетъ ли что добро быти». Здѣсь Минаевъ проводилъ всѣ свои досуги и сюда приходили всѣ, кто желалъ его видѣть. Какъ-то, сидя въ «Назаретѣ», Минаевъ поспорилъ съ Жулевымъ, кто подберетъ скорѣе риѣму къ слову «окунь». Жулевъ долго подбиралъ риѣму, но безуспѣшно. Наканунѣ того дня они оба ѣздили верхомъ въ Южки на чухонскихъ клячахъ и тамъ изрядно кутнули. На обратномъ пути Минаевъ всю дорогу острилъ и шутилъ, а Жулевъ, сидя на лошади, «клевалъ носомъ».—«Что, братъ, трудно дается риѣма,—спрашиваетъ его Минаевъ:—видно со вчерашняго дня еще хмель въ головѣ?»—«А что такое вчера было?»—«Ахъ, ты, Жулька, Жулька,—дразнилъ его Минаевъ.—Забылъ, что съ нами вчера было! Вспомни только:

Верхомъ мы ѣздили далеко
И всю дорогу шли конь-о-конь,
Я говорливъ былъ, какъ сорока,
А ты былъ, Жулька, нѣмъ, какъ окунь.

Въ области легкаго стихотворчества Минаевъ до конца дней своихъ остался неподражаемымъ и всегда разнообразнымъ и интереснымъ. Что же касается серьезнаго творчества, то, по словамъ В. П. Буренина, «Минаевъ, несмотря на свой талантъ, очень скоро какъ будто остановился на одномъ мѣстѣ, впалъ въ однообразіе и формы и содержанія. У него не было серьезной подготовки къ дѣятельности настоящаго сатирика-юмориста, не было надлежащаго образованія и развитія. Увлечшись дешевыми лаврами журнальной обличительности и обладая вообще натурою крайне беззаботною, онъ не трудился подкрѣплять свой талантъ серьезнымъ ученіемъ. Покойный В. С. Курочкинъ часто повторялъ о немъ

известное изречение: «Минаевъ слишкомъ много пишетъ, ему пора бы что-нибудь и почитать». Но чтение Минаева, какъ кажется, ограничивалось только тогдашней журналистикою, да и то беллетристическаго и фельетоннаго ея отдѣловъ...» Помимо того, что эти слова В. П. Буренина нѣсколько не вяжутся съ приведеннымъ въ предыдущей главѣ рассказомъ А. А. Коринфскаго, изъ котораго видно, что покойный поэтъ-сатирикъ до конца дней своихъ слѣдилъ за публицистикою и живо интересовался общественными настроеніями,—намъ кажется, что маститый критикъ ошибся, говоря, что Минаевъ не подкрѣплялъ ученіемъ свой талантъ, благо-

Д. Д. Минаевъ въ гробу.

даря беззаботности своей натуры, и, пожалуй, болѣе вѣроятной причиной упадка минаевского творчества слѣдуетъ признать не индивидуальныя особенности душевнаго склада поэта-сатирика, а значительное вліяніе «переломной» эпохи шестидесятыхъ годовъ.

«Дмитрій Дмитріевичъ былъ истинное дѣтище шестидесятыхъ годовъ,—говоритъ про него одинъ изъ біографовъ ¹⁾.—Отличаясь

¹⁾ Говоря здѣсь и въ другихъ мѣстахъ настоящей статьи о «біографіи» Минаева, я разумѣю подъ этимъ словомъ авторовъ тѣхъ коротенькихъ статей и замѣтокъ, которыми, къ сожалѣнію, исчерпывается вся литература о покойномъ «королѣ риомы». Насколько мнѣ известно, настоящая статья является первымъ опытомъ біографіи, или точнѣе—первымъ опытомъ сводки матеріаловъ для біографіи покойнаго поэта-сатирика.

Н. Д.

«Истор. вѣстн.», августъ 1914 г., т. сxxxvii.

8

безкорыстно-честными убѣжденіями и высокими увлеченіями, люди шестидесятыхъ годовъ, при всемъ своемъ горячемъ энтузіазмѣ... отличались крайней практичностью. Тургеневскія «дѣти» въ большинствѣ случаевъ были дѣтьми и въ практической жизни. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и Д. Д. Минаевъ. Съ неподкупнымъ рыцарствомъ отдаваясь служенію идеямъ и увлеченіямъ времени, онъ, будучи идеалистомъ по душѣ, при первой неудачѣ, при всякой невзгодѣ, принималъ все близко къ сердцу, терялъ всю свою энергію, всю силу въ разладицѣ теоретическихъ началъ съ дѣйствительностью и, какъ человѣкъ безъ воли, впадалъ въ мрачное состояніе, потопляя горести жизни въ «зеленѣ-винѣ»...

Изъ біографіи Минаева мы знаемъ, что особенно чувствительной для него «разладицей теоретическихъ началъ съ дѣйствительностью» были семейныя неурядицы, заставлявшія его въ буквальномъ смыслѣ бѣгать изъ дома и топить горе въ «зеленѣ-винѣ». Но справедливость требуетъ сказать, что немаловажной причиной безпорядочной жизни Минаева, имѣвшей гибельное вліяніе на его творчество, служили и сами «теоретическія начала» эпохи шестидесятыхъ годовъ безъ всякаго разлада ихъ съ «дѣйствительностью». «Все изящное, аристократическое, носившее отпечатокъ барства казалось несомвѣстимымъ съ чувствами гражданина,—пишетъ бытописатель той эпохи.—Эмансипированный «мужикъ» сталъ излюбленнымъ культамъ, которому поклонялись и подражали. Тогда вошли въ моду и пресловутыя красныя рубахи, и смазные сапоги, столь часто инкриминированныя въ дальнѣйшихъ судьбахъ русской интеллигенціи. Тогда же вошли въ моду quasi-народныя пѣсни вмѣстѣ съ ультра-демократической сивухой, выражавшей, въ свою очередь, тоже какой-то протестъ. Пьянство «домертва», мрачное, необузданное, эпидемическое, охватило тогдашнюю писательскую семью, и многіе изъ лучшихъ ея представителей стали жертвами губительнаго порока. Рѣшетниковъ, Помяловскій, Мей, Ап. Григорьевъ, одинъ за другимъ преждевременно сходили въ могилу, и старожилы передаютъ почти невѣроятныя подробности объ ихъ непрерывныхъ оргіяхъ»¹⁾. Лицо, близко знавшее условія семейной жизни Минаева, передавало пишущему эти строки нѣкоторыя подробности о сценахъ, происходившихъ на «четвергахъ» въ домѣ Минаева, которыя, какъ нельзя яснѣе, подтверждаютъ только что приведенныя слова, но не могутъ быть оглашены въ печати цѣликомъ. На минаевскіе «четверги» собиралось «все, то было краснаго» въ Петербургѣ въ то время,—весь цвѣтъ перовой, либеральной журналистики. Сначала шло все тихо, гладко, но завершилось регулярно скандаломъ и непристойностями. Достаточно сказать, что «цвѣтъ журналистики», статьями котораго

¹⁾ «День», 1889 г., № 402, ст. А. Кареница: «Памяти Минаева».

зачитывалась, восхищалась и бредила лучшая часть русскаго общества, уходя домой въ самомъ непрезентабельномъ видѣ, нерѣдко находилъ удовольствіе въ томъ, что «орошалъ» лѣстничные ковры ¹⁾).

Минаевъ былъ въ значительной степени подверженъ недугу писательской семьи той эпохи, «по по своему темпераменту и природной веселости,—говорить про него современникъ,—онъ скорѣе подходилъ къ типу добраго бурша, неисправимаго искателя приключеній, головорѣза и шалуна во вкусъ «Искры» ²⁾).

Вызванная семейными неурядицами безпорядочная жизнь поглощала у Минаева массу денегъ, и онъ постоянно нуждался въ нихъ, чѣмъ, разумѣется, пользовались различные издатели, которые, по словамъ А. В. Эвальда, эксплуатировали Минаева самымъ беспощаднымъ образомъ. Минаевъ, естественно, «размѣнивался на мелочи», чтобы кое-какъ сводить концы съ концами, и работалъ въ массѣ періодическихъ изданій, если только характеръ ихъ не противорѣчилъ его взглядамъ и убѣжденіямъ. Въ этомъ отношеніи Минаевъ былъ чрезчуръ щепетилень, и поэтому совершенно голословно утвержденіе одного изъ біографовъ Минаева, который, говоря объ убѣжденіяхъ «короля рѣмы», пишетъ: «Поэтъ совершенно искренно считалъ себя либераломъ, но на самомъ дѣлѣ врядъ ли его можно считать таковымъ: не жалѣя ради краснаго словца и родного отца, Дмитрій Дмитриевичъ щепкалъ своимъ сатирическимъ бичомъ и враговъ, и друзей, и вотъ эта-то неразборчивость сдѣлала его фигуру въ смыслѣ убѣжденій очень неопредѣленной» ³⁾. Несправедливость этого утвержденія очевидна при свѣтѣ слѣдующаго факта, сообщеннаго въ печати А. В. Эвальдомъ. Въ 1888 году небольшая группа журналистовъ задумала предпринять изданіе большой газеты. Къ товариществу журналистовъ хотѣлъ примкнуть также одинъ типографъ. По этому поводу А. В. Эвальдъ написалъ Минаеву, жившему въ то время уже въ Симбирскѣ, письмо, на которое вскорѣ получилъ отвѣтъ, наглядно характеризующій стойкость убѣжденій покойнаго поэта-сатирика и его отношеніе къ издателямъ-эксплоататорамъ.

«Любезный другъ!—писалъ Минаевъ.—Видно, житейскій опытъ тебя мало проучилъ, и ты еще вѣришь пѣнію сиренъ съ издательскими лапами. Чего можно ждать отъ П. и его изданій? Какія у него права на веденіе большой газеты? Гдѣ возможность конкурировать съ «Новостями» и «Новымъ Временемъ». Все это—я къ тому, что положительно не вѣрю въ успѣхъ предпріятія, но отъ сотрудничества подъ твоимъ редакторствомъ, разумѣется, не отказываюсь, если при этомъ будетъ подходящій и симпатичный кружокъ сотрудниковъ. Такъ, напримѣръ, съ Н я никогда не желалъ бы работать въ одномъ изданіи. Въ журна-

¹⁾ Со словъ Е. А. Минаевой.

Н. Д.

²⁾ «День», 1889 г., № 402, ст. А. Каренина.

³⁾ «Книжный Миръ», 1910 г., № 35, ст. Р. Ч. «Король рѣмы».

листикъ мой порокъ—нетерпимость, а ты, кажется, не страдаешь этимъ порокомъ, судя по компании, въ которой собирался работать. Но о подробностяхъ говорить пока нечего, такъ какъ ваше дѣло—еще дѣло, на водѣ вилами написанное... Перечисливъ далѣе то, что онъ желалъ бы вести въ журналѣ, и обозначивъ точно размѣръ желаемого имъ гонорара, Минаевъ продолжаетъ: «...А посулами жалованья меня, братъ, не заманишь. Сколько разъ разные П. сулили мнѣ и жалованье и разныя прибавки, и всѣ надували, не исключая К. Б. и Бл—ва. Не вѣрь ты и самъ новому или проектированному антрепренеру и вообще не увлекайся: *не наше время* теперь, мой милый. Во всякомъ случаѣ, однако, желаю тебѣ полной удачи и братски обнимаю тебя...»

Комментируя это письмо, А. В. Эвальдъ высказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Это бы еще не бѣда, что онъ не сливался съ нашими литературными кружками и держался особнякомъ. Но онъ нажилъ себѣ немало враговъ своимъ острымъ и ядовитымъ языкомъ, преслѣдуя неустанно тѣхъ изъ литературныхъ наѣздниковъ, которые, почти не умѣя держать пера въ рукахъ, пользовались литературой, какъ средствомъ для устройства своихъ мелкихъ дѣлишекъ. Я знаю одного изъ такихъ quasi-литераторовъ, который не разъ приходилъ въ отчаяніе отъ направленныхъ на него нападокъ Минаева, то появлявшихся въ печати, то разносимыхъ устно по редакціямъ услужливыми пріятелями. «Я только тогда и вздохну свободно, когда эта собака-Минаевъ околѣетъ!» Онъ дожилъ до этого счастливаго дня, и его дѣла пошли блистательно»¹⁾.

Приведа эти слова А. В. Эвальда, нельзя не упомянуть кстати о томъ, что Минаевъ обладалъ удивительнымъ чутьемъ въ распознаваніи литературныхъ людей. Однажды у Н. А. Степанова, къ которому онъ пришелъ въ гости, Минаеву пришлось познакомиться съ новымъ сотрудникомъ «Будильника». Минаевъ взглянулъ на новичка и, отозвавъ Степанова въ сторону, сказалъ: «Развѣ это литераторъ? Это какой-то кварталный!» Кажется, съ тѣхъ именно поръ слово «квартальный» получило права гражданства въ литературѣ. А вотъ еще одинъ bon mot Минаева, также по адресу своего литературнаго собрата. Кто-то спросилъ Минаева о поэтѣ Л., который по происхожденію былъ французъ: «Вы знаете, Дмитрій Дмитриевичъ, лирика Л.?»—«Какъ же!—отвѣтилъ Минаевъ:—онъ настоящій французъ, и потому—не просто лирикъ, а де-Лирикъ». Острота Минаева будетъ понятна, если сказать, что Л. питалъ, какъ большая часть литераторовъ той эпохи, большое пристрастіе къ вину и даже страдалъ разъ delirium tremens (бѣлая горячка).

Писать о Минаевѣ, какъ человѣкѣ, можно, кажется, безъ конца! Каждая встрѣча съ нимъ давала массу интереснаго матеріала. Онъ

¹⁾ Настоящая цитата и предыдущія сообщенія изъ жизни Минаева, въ которыхъ упоминается имя А. В. Эвальда, почерпнуты мною изъ «Воспоминаній» послѣдняго, печатавшихся въ «Ист. Вѣстн.» (1896 г., кн. 12, стр. 734—737). Н. Д.

постоянно остриль, говорилъ экспромты и... горе тому, кто попадалъ ему на зубокъ. Огромная часть этихъ экспромтовъ не записана и пропала. Много записано, но или не извѣстно въ большой печати, или, по разнымъ причинамъ, не увидѣло свѣта. Часть экспромтовъ Минаева будетъ сообщена ниже при обзорѣ его литературной дѣятельности.

Внѣшностью Д. Д. Минаевъ напоминалъ многимъ Байрона. Особенно лицомъ и головой. Такой же огромный черепъ съ кудрявой шевелюрой, такія же мягкія черты лица, дышащія благородствомъ, съ примѣсю великорусскаго удалства, присущаго почти всѣмъ волжскимъ жителямъ ¹⁾). Въ обращеніи съ людьми онъ былъ иногда рѣзокъ, но эта рѣзкость смягчалась «минаевскимъ» добродушнымъ юморомъ и сарказмомъ. Къ женщинамъ же Минаевъ относился всегда съ необыкновенной деликатностью и никогда не забывалъ этого утонченнаго обращенія съ «beau sexe», даже когда бывалъ въ беззастѣнливомъ настроеніи. Онъ пользовался въ ихъ средѣ постояннымъ успѣхомъ.

Въ заключеніе біографической части настоящей статьи считаю необходимымъ указать на ту несправедливую оцѣнку личности Минаева, какъ человѣка, которая, благодаря нѣсколькимъ отрывочнымъ случайнымъ замѣткамъ о немъ, подхваченнымъ торопливой прессой, вылилась въ стереотипъ и въ этомъ видѣ употребляется въ печати всякій разъ, когда заходитъ рѣчь о Минаевѣ. Что такое Минаевъ? Отвѣтъ, по большей части, одинъ: острякъ, каламбуристъ, неисправимый весельчакъ и прожигатель жизни, незаурядный любитель «выпить и закусить» и... только. Долженъ сознаться, что, передавая біографическія свѣдѣнія о покойномъ «королѣ риёмы», я намѣренно злоупотреблялъ цитатами и указаніями источниковъ, надѣясь «свидѣтельскими показаніями» опровергнуть тотъ фальшивый стереотипъ, которымъ вотъ уже въ теченіе четверти вѣка оцѣнивается Минаевъ, какъ человѣкъ. Разумѣется, я не могу судить о томъ, насколько удалось мнѣ разрѣшить эту задачу, но думаю, что извлеченныя мною изъ книгъ, журналовъ и газетъ «свидѣтельскія показанія» о семейной драмѣ Минаева, заставившей его, по отзыву Михайловскаго, систематически въ теченіе многихъ лѣтъ заливать виномъ «благородную душу» и «нѣжное сердце», о его тоскѣ по размѣнянномъ на мелочи талантѣ, о его стойкости въ убѣжденіяхъ и литературной честности, о его любви къ будущей Россіи—молодежи— и, наконецъ, о его трогательномъ благоговѣніи къ такимъ «рыцарямъ безъ страха и упрека», какимъ былъ М. Е. Салтыковъ-Щедринъ,—думаю, что все это значительно измѣняетъ, если не сводитъ на нѣтъ, несправедливую характеристику «короля риёмы», которою надѣлили его наши россійскіе Аристархи.

¹⁾ «Огонекъ», 1904 г., № 26. стр. 202,

VI.

«Медовый мѣсяць русскаго прогресса».—«Обличительное» направленіе русской литературы въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія.—Минаевъ—одинъ изъ ревностѣйшихъ адептовъ этого направленія.—«Смѣхъ».—Заколдованный кругъ «дозволенныхъ начальствомъ» мишеней осмѣянія.—«Кумушка».—«Не по конямъ, а по оглоблямъ».—Минаевъ и Аскоченскій.—Сатиры на злобы дня.—Эпиграммы.—Сатиры второго періода литературной дѣятельности.—Недовольство Минаева своими сатирами.—«Полуслова—все жъ лучше вѣчнаго молчанья».

Злополучная крымская война только что окончилась... Старые общественные устои оказались частью потрясенными, частью разрушенными. Отреченіе отъ прошлаго стало девизомъ всей мыслящей Россіи той эпохи и единодушное «впередъ» было тѣмъ словомъ, которое постоянно повторялось и на высотѣ трона и у его подножія. Все напоминавшее старый режимъ предавалось безпощадному глумленію и немилосердно преслѣдовалось въ печати.

Д. Д. Минаевъ выступилъ на литературное поприще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, какъ разъ въ самый разгаръ нашего возрожденія, «пущаго прогресса» и либерализма, въ періодъ полного господства такъ называемой обличительной литературы. «Тогда и отъ поэзіи требовалось по преимуществу обличительное и гражданское направленіе. Надъ эстетиками, надъ служителями чистаго искусства» не только глумились,—что было бы понятно, потому что эти господа подъ видомъ «чистаго искусства» занимались великими пустяками,—но несчастныхъ эстетиковъ тогда просто бичевали и гнали, точно преступниковъ. Усердіе въ бичеваніи эстетики и чистаго искусства простиралось до того, что съ Пушкина срывали ореолъ гениальнаго поэта и его многостороннюю и глубокую поэзію унижали до степени «альбомныхъ побрякушекъ». Считали значительнѣе, интереснѣе, содержательнѣе и полезнѣе поэзіи Пушкина не только стихи Некрасова, но даже обличительно-гражданскія упражненія Бенедиктова и Розенгейма. Учителя словесности въ качествѣ «образцовыхъ» перловъ самой содержательной и самой прогрессивной поэзіи декламировали ученикамъ въ классахъ розенгеймовскій «Плачь откупщика», начинавшійся такими чудесными стихами:

Исполнился духъ мой тоски и печали:
 Отцы мои, нѣтъ ли рѣки?
 Въ семнадцати селахъ ужъ пить перестали,—
 Хоть вовсе закрой кабаки!

Таковыми словами характеризуетъ настроеніе въ литературныхъ кругахъ во время выступленія Минаева на литературное поприще одинъ изъ бытописателей той эпохи. Немудрено, что подъ такими вліяніями Минаевъ, будучи тогда юношей, сразу и безповоротно

отдалъ свой талантъ на служеніе журнально-обличительному дѣлу? Уже самый псевдонимъ, который выбралъ себѣ молодой поэтъ, свидѣтельствовалъ о томъ, какія задачи онъ себѣ ставитъ: Минаевъ подписывался подъ своими юмористическими стихотвореніями «Обличительный поэтъ». Впрочемъ, впоследствии онъ смѣялся надъ тѣми «гражданскими воплями» обличительныхъ стихотворцевъ, успѣхъ которыхъ указалъ ему первоначальный путь, такъ какъ, по словамъ В. П. Буренина, псевдонимъ «Майоръ Бурбоновъ» взять Минаевымъ въ качествѣ пародіи на напыщенно-величавый и уныло-серьезный складъ обличительной поэзіи Розентейма.

Самъ Минаевъ орудіемъ обличенія избралъ ѣдкій, безпощадный смѣхъ сатиры и эпиграммы. Въ борьбѣ со зломъ онъ отводилъ бичующему неподкупному смѣху одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ, что впоследствии выразилъ въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній, подъ названіемъ «Смѣхъ». Вотъ это стихотвореніе:

Всегда неподкупенъ, великъ
И страшенъ для всѣхъ безъ различья,
Смѣхъ честный—живой проводникъ
Прогресса, любви и величья.
Наивно-прямой, какъ дитя,
Какъ мать—многолюбящій, нѣжный,
Онъ мудрости учитъ, шутя,
Смягчаетъ удѣлъ безнадежный.
Струясь, какъ по камнямъ вода,
Какъ чистый фонтанъ водоема,
Торжественный смѣхъ иногда
Доходитъ до грохота грома,
Сливаясь въ густыхъ облакахъ
Въ немолчное, грозное эхо,
И тотъ, кто забылъ всякій страхъ,
Дрожалъ отъ подобнаго смѣха.
Смирная рыданья порывъ
И гордую скорбь гражданина
Подъ маской шута затаивъ,
Запирявавъ подъ плащъ арлекина,—
Стремленіе къ лучшей судьбѣ
Родитъ онъ въ груди всего міра
И съ гидрой пороковъ въ борьбѣ
Сверкаетъ и бьетъ, какъ сѣкира;
Онъ сонную мысль шевелитъ
И будитъ во мракѣ глубокомъ...
Плясалъ вокругъ ковчега Давидъ,
Но былъ и царемъ и пророкомъ.

Минаевъ со всѣмъ пыломъ молодости бросился въ водоворотъ журнально-обличительной дѣятельности, съ цѣлью карать грѣхи и истреблять неправду во всѣхъ ея проявленіяхъ, но на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности ему пришлось значительно остынуть. Несмотря на то, что покаяніе, явившееся результатомъ не-

удачной крымской кампаніи, охватило всё слои русскаго общества, и герценовскій рѣзко-обличительный «Колоколъ» съ одинаковымъ покаяннымъ чувствомъ читался и во дворцѣ и въ скромной комнатѣ студента,—русская обличительная литература не могла метать свои громы и молніи выше откупщиковъ, чиновниковъ-взяточниковъ и станovýchъ. Минаеву много пришлось претерпѣть отъ цензуры за то, что онъ пытался выйти изъ этого заколдованнаго круга «дозволенныхъ начальствомъ» мишеней обличительныхъ громовъ и молній, и многія его вещи, вслѣдствіе этого, могли появиться въ печати только спустя нѣсколько лѣтъ, когда интересъ къ осмѣяннымъ въ нихъ лицамъ и явленіямъ исчезалъ совершенно. Вотъ, на примѣръ, одно изъ невиннѣйшихъ на современный взглядъ стихотвореній Минаева, которое могло появиться въ печати только въ 1906 году ¹⁾, несмотря на то, что написано такимъ «эзоповскимъ» языкомъ, въ которомъ безъ предварительныхъ или сопутствующихъ объясненій, при всемъ желаніи, нельзя усмотрѣть ничего крамольнаго. Стихотвореніе это называется «Кумушка» и состоитъ изъ слѣдующихъ четырехъ строфъ:

— Эхъ, не плачь, кума!
Значить, дѣло земское!..
— Знаю и сама,
Да, вѣдь, сердце женское:
Врозь съ нимъ—нѣтъ житья...
— Не вернешь, Кондратьевна!
Вышла, вишь, статья:
Гнать, и гнать, и гнать его ²⁾.
Знай: вездѣ бѣднякъ
(Въ умныхъ книгахъ значится!)
До могилы такъ
Все съ бѣдой маячится;
Мать на свѣтъ родить,—
Нечѣмъ воспитать его,
И судьба спѣшитъ
Гнать, и гнать, и гнать его.
Бѣдняки снесутъ—
Сладко ли, не сладко ли—
Все: по шеѣ ль быють,
Лупятъ подъ лопатку ли ³⁾.
Сирому сна нѣтъ,
Давить зло, какъ тать, его,
И одинъ—отвѣтъ:
Гнать, и гнать, и гнать его.

¹⁾ Во «Всемирномъ Вѣстникѣ» (февраль, стр. 78).

²⁾ Игнатъева. Гр. Н. П. Игнатъевъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія былъ петербургскимъ генераломъ-губернаторомъ.

³⁾ А. В. Паткуль въ то же время былъ петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ.

Могилa Д. Д. Минаева въ Симбирскѣ.

Разъ уйдешь отъ зла,
 Слово жизнь и ладится;
 Глядь, изъ-за угла
 Слова горе крадется.
 Такъ не плачь, кума,
 Позабудь, Кондратьевна:
 Нужно изъ ума
 Гнать, и гнать, и гнать его.

Соль этой невинной «сатиры» заключается въ томъ, что въ ней въ замаскированномъ видѣ упоминаются фамилии лицъ, занимавшихъ довольно высокія должности въ административной іерархіи, и этого было достаточно строгому цензору того времени, чтобы перечеркнуть стихотвореніе Минаева краснымъ карандашомъ.

Разумѣется, при такомъ положеніи вещей, Минаеву и вообще всѣмъ «обличителямъ» того времени приходилось, волей-неволей, ударять бичомъ свой сатиры «не по конямъ, а по оглоблямъ». По словамъ В. П. Буренина, Минаевъ «тратилъ свой талантъ чрезвычайно нерасчетливо, обличая непрерывно, въ массѣ стихотворныхъ строчекъ такія явленія, мелкость и незначительность которыхъ не стоила даже эпиграммы. Напримѣръ, сколько сочинилъ Минаевъ стиховъ на Аскоченскаго?! Онъ преслѣдовалъ безъ устали, съ ожесточеніемъ этого журнальнаго ханжу и фарисея шестидесятихъ годовъ. А, между тѣмъ, что такое былъ Аскоченскій? Издатель мелкой и жалкой газетки, очень мало распространенной въ читающей публикѣ. Чтобы опредѣлить мѣру значенія Аскоченскаго, о немъ можно сказать такъ: князь Мещерскій — гигантъ обскурантизма, ханжества и фарисейства въ сравненіи съ покойнымъ издателемъ «Домашней Бесѣды». Но Минаевъ тратилъ на него порохъ своего обличительнаго стихотворчества въ продолженіе многихъ лѣтъ, такъ что наконецъ обличеніями Аскоченскаго набилъ оскомину читателямъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ прибавить, что необычайное усердіе въ сраженіи съ Аскоченскимъ обнаруживалъ не одинъ Минаевъ, но и В. С. Курочкинъ, и вся тогдашняя «Искра». Кружокъ стихотворцевъ и сатириковъ, группировавшійся въ этомъ журналѣ, воображалъ, что на спинѣ издателя «Домашней Бесѣды» избиваются принципы партіи обскурантизма. А за Аскоченскимъ не стояло никакой партіи, и онъ былъ добровольцемъ ханжества и дикихъ отсталыхъ идей...»

Вполнѣ понятно, что удары бичомъ сатиры «не по конямъ, а по оглоблямъ» не удовлетворяли Минаева, и онъ, отодвинувъ политическую сатиру на второй планъ, направилъ обличительныя стрѣлы своей музы на явленія общественной и литературно-художественной жизни, откликаясь рѣшительно на всѣ «злобы дня», даже на мелкія. Приведу наудачу одну изъ сатиръ Минаева этого рода.

Когда въ Соляномъ Городкѣ впервые начались чтенія для народа, и организаторы чтеній, не сообразуясь съ уровнемъ знаній аудиторіи, стали вначалѣ «отучать» публику отъ посѣщеній городка слишкомъ непопулярнымъ изложеніемъ читаемыхъ предметовъ, Минаевъ немедленно отозвался въ «Искрѣ» стихотвореніемъ-сатирой, въ которомъ отъ лица фабричнаго рабочаго говорить:

... Что и какъ читали,—
 Хоть нацлюй мнѣ въ бороду,
 Мы не понимали...
 Слухъ прошелъ по городу,
 Будто эти сходки
 Посѣщать намъ—выгода,
 Что они отъ водки
 Насъ отучать въ три года;
 А народъ фабричный
 Думаетъ по-своему:
 Къ книгамъ непривычный
 (Въ книгахъ все темно ему),
 Съ толку сбился просто
 И, струхнувши знанія,
 Пьетъ до издыханія,
 Только вспомнить зданіе
 У Цѣпного моста.
 Посудите сами:
 Знать на кой намъ лѣшаго
 Про кита съ усами,
 Если ты не ѣшь его?
 Лучше помогли бы
 (Вотъ что всѣхъ измучило!),
 Чтобъ отъ сгнившей рыбы
 Брюха намъ не пучило;
 Чтобы помнилъ Бога
 Нашъ торговецъ, строго
 Надо остеречь его...
 О китахъ же много
 Толковать намъ нечего,
 А не то, вѣдь, просто
 Зло беретъ; заранѣе
 Выпить есть желаніе,
 Лишь увидишь зданіе
 У Цѣпного моста.
 Помню также чтеніе...
 Словно щи ѣлъ безъ соли,
 Думать безъ смущенія
 Не могу о Весселѣ ¹⁾...
 Былъ какъ бы въ колодецѣ
 Иль въ лѣсной берлогѣ я:
 «Принципъ», «Песталоцци»,
 «Шульштейнъ», «педагогія»,

¹⁾ Ник. Христіан. Вессель, извѣстный педагогъ, авторъ «Опытной психологіи» (по Бенеке) и друг. Былъ однимъ изъ лекторовъ на чтеніяхъ въ Соляномъ Городкѣ.

И слова инья
 Сыпались намъ на шею,—
 Шли мы, какъ шальные,
 Всей артелью нашею,
 Такъ что до погоста,
 Какъ про наказаніе,
 Нашъ братъ въ назиданіе
 Будеть помнить зданіе
 У Цѣпного моста.

На явленія литературнаго міра Минаевъ отзывался, кромѣ массы сатиръ и юмористическихъ стихотвореній, цѣлымъ дождемъ остроумныхъ и язвительныхъ эпиграммъ. Много эпиграммъ посвящено имъ также художникамъ, артистамъ и общественнымъ дѣятелямъ.

Когда П. И. Вейнбергъ получилъ по службѣ переводъ въ Западный край, Минаевъ посвятилъ ему слѣдующую эпиграмму:

Какъ переводчикъ, въ жизни славу
 Онъ приобрѣлъ не первый годъ,
 Но самый лучший «переводъ»
 Его—изъ Питера въ Варшаву.

А вотъ и другая эпиграмма на ту же тему:

Онъ зналъ, что онъ былъ правъ, такъ поступая:
 Онъ постоянно «западникомъ» былъ,
 А потому, себѣ не измѣняя,
 Онъ въ «Западномъ краю» и мѣсто получилъ.

Всѣ дутыя знаменитости, создававшія себѣ извѣстность рекламой и избиравшія искусство или общественную дѣятельность не цѣлью, а только средствомъ для достиженія своихъ честолюбивыхъ и корыстныхъ мечтаній, постоянно имѣли въ Минаевѣ злѣйшаго врага, всегда готоваго облить ихъ ядомъ презрительнаго стиха. Извѣстному адвокату того времени О. поэтъ-сатирикъ посвятилъ слѣдующія язвительныя строки:

Между тобой и Робеспьеромъ
 Есть сходства общаго черты:
 Служа ораторовъ примѣромъ,
 Онъ адвокатъ былъ, какъ и ты;
 Какъ ты, былъ въ обществѣ прославленъ...
 Одна лишь разница съ тобой:
 Онъ гильотиной обезглавленъ,
 Ты обезглавленъ былъ судьбой.

Неизвѣстной «литературной шавкѣ» Минаевъ далъ остроумное и характерное опредѣленіе:

Извѣденъ молью самолюбя,
 Походитъ онъ на старый мѣхъ:
 Не холодитъ, не согрѣваетъ,
 А только пачкать можетъ всѣхъ.

Не менѣе остроумна эпиграмма Минаева на одного скульптора:

Художникъ смѣлый нашъ, Орфей въ карикатурѣ!
Таланта твоего нельзя не оцѣнить:
Ты камни заставляешь говорить...
О собственномъ безсиліи въ скульптурѣ.

Знакомый Минаеву «любитель сценическаго искусства» получилъ отъ него такой «комплиментъ»:

«Служителемъ искусства» постоянно
Ты, милый мой, привыкъ себя считать.
Что ты «служитель»—это мнѣ не странно,
Но объ искусствѣ-то зачѣмъ упоминать?

А вотъ «эпитафія» бездарному артисту, вылившаяся изъ-подъ пера Минаева, какъ всегда, кратко и язвительно.

Мертвъ и зарыть... Но все жъ нельзя, однако,
Передъ его могилою сказать,
Что, даже отправляясь въ царство мрака,
Рѣшился свой талантъ онъ въ землю зарывать

Въ послѣдніе годы жизни Минаева сатиры его начали носить иной характеръ, чѣмъ раньше. Въ то время, какъ сатиры, написанныя Минаевымъ въ первую половину его литературной дѣятельности, полны вѣры въ прогрессъ, роль сатиръ второго періода стала заключаться въ той мысли, что какъ ни много было шума и гаму, какъ ни кричали о неустанномъ движеніи впередъ, о прогрессѣ, необходимости существенныхъ измѣненій,—всѣ эти призывные крики не мѣшали людямъ топтаться на одномъ мѣстѣ; измѣненія были чисто-призрачными, а старо-русская дореформенная жизнь, измѣнивъ личину, осталась по своему внутреннему содержаниюю тою же самою.

Въ заключеніе бѣгло и краткаго очерка журнально-сатирической дѣятельности Минаева нельзя не замѣтить, что «король риэмы», несмотря на успѣхъ своихъ обличительныхъ стихотвореній въ читающихъ массахъ, былъ недоволенъ ими. Онъ чувствовалъ, что невозможность говорить обо всемъ смѣло и прямо, безъ эзоповской прикровенности смысла написаннаго, сводитъ почти на нѣтъ значеніе его обличительной дѣятельности и расхолаживаетъ его рвеніе работать на пользу общественную. Единственнымъ утѣшеніемъ поэта въ данномъ случаѣ было сознаніе, что онъ не молчитъ, «когда кругомъ звучатъ рыданья», и не мирится съ тяжелой дѣйствительностью. Отголосокъ подобнаго взгляда Минаева на свою обличительную дѣятельность можно уловить въ слѣдующемъ его стихотвореніи, являющемся какъ бы эпиграфомъ къ очерку литературной дѣятельности поэта-сатирика.

Обучена въ хорошей школѣ,
 Ты, муза бѣдная моя!
 Отъ свѣта съ тайнымъ чувствомъ боли
 Желанья жгучія тая,
 Ты изломала бичъ сатиры
 И сходишь такъ въ мѣръ грустный нашъ:
 Въ одной рукѣ—обломокъ лиръ,
 Въ другой же... красный карандашъ.
 Ты тихо пѣсни мнѣ диктуешь,
 То негодуя, то любя,
 И вдругъ, прервавъ сама себя,
 Свой каждый стихъ процензуруешь,
 И, дрогнувъ порванной струной,
 Твой голосъ слухъ на мигъ встревожить,
 Но только смѣхъ одинъ больной
 Наружу вырвется, быть можетъ...
 Къ чему жъ намъ пѣть? И я едва
 Разлышалъ, затаивъ дышанье,
 Ея отвѣтъ: «Полуслова—
 Все жъ лучше вѣчнаго молчанья!»

VII.

Минаевъ, какъ лирикъ.—Лирика Минаева звучитъ въ унисонъ съ идейнымъ содержаниемъ творчества Надсона, Гаршина и другихъ пѣвцовъ «эпохи безвременья» 70—80-хъ гг.—Призывъ къ борьбѣ съ «царствующимъ зломъ».—Мысль о бесплодности борьбы со зломъ:—«Вѣчная невѣста», «Дикіе сны». — «Страданія — стихія человѣка».—Призывъ жить «днемъ настоящимъ, днемъ текущимъ».—«Послѣдняя иронія».—Комедія «Разоренное гнѣздо».—Опрометчивый академикъ и его отзывъ о пьесѣ «рыцаря свистопляски».—Нѣсколько мѣткихъ фразъ изъ нея.—Комедія «Либераль».

Большое сатирическое дарованіе и прямо-таки поразительный версификаторъ, Д. Д. Минаевъ былъ не менѣе яркомъ, какъ лирикъ. Увлеченный водоворотомъ обличительной поэзіи, онъ въ началѣ своей литературной дѣятельности мало обращалъ вниманія на этотъ родъ поэзіи и только въ семидесятыхъ годахъ, когда радужныя мечты русской интеллигенціи, навѣянные «эпохой великихъ реформъ», оказались въ значительной мѣрѣ пустоцвѣтомъ,—обращается къ нему. Въ лирикѣ Минаева, особенно позднѣйшаго періода его литературной дѣятельности, есть очень много общаго съ основнымъ тономъ меланхолическаго творчества Надсона, отразившаго главнѣйшіе мотивы разочарованій и надеждъ, навѣянныхъ торжествомъ пореформенной буржуазной цивилизаціи. Подобно Надсону, защищая интересы всякаго честнаго труда,—особенно интеллигентнаго,—Минаевъ становится въ рѣзкій антагонизмъ съ міромъ «наживы и торгашей», съ «дѣтьми тупого довольства и сна», причѣмъ особенно нападаетъ на фарисейскую игру буржуазіи трескучими и надутыми фразами. Живо и глубоко чувствуя одуряющую ложь пошлой буржуазной жизни, постигнувъ всю грязь

сплетень, тщеславія, зависти и злости, весь давящій и обезличивающій гнетъ деспотизма, Минаевъ изображаетъ печальную дѣйствительность во всей ея безобразной наготѣ, не жалѣя ни красокъ, ни тонкаго анализа. Особенно возстаетъ онъ противъ инертности и индифферентизма русскаго общества, засасывающихъ его со временъ чуть ли не Гостомысла и до сихъ поръ. «Что за бури!»—воскликаетъ Минаевъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, призывая на борьбу со зломъ:

Не онѣ страшны,—страшна
Пылкой огненной натурѣ
Лишь нѣмая тишина
Да затишье празднои скуки
Безъ борьбы и безъ труда,
Гдѣ опущенныя руки
Лѣнь сковала навсегда.

Борьба со зломъ—вотъ единственно честная и единственно полезная задача всякаго человѣка и въ особенности пѣвца-художника, и поэтому, обращаясь къ послѣднему, Минаевъ говоритъ:

Пѣвецъ! Когда желаешь ты
Народной памяти въ отчизнѣ,
Пой въ этой жизни не цвѣты,
Но пой о томъ, что темно въ жизни.
Счастливымъ быть не всякій могъ,
Но въ каждомъ сердцѣ человѣка
Найдется темный уголокъ,
Гдѣ затаились слезы вѣка...

Въ другомъ стихотвореніи поэтъ не менѣе ярко развиваетъ ту же мысль,—что въ обличеніи зла и борьбѣ съ нимъ заключается миссія пѣвца:

Поэтъ! не для пѣсенъ «къ природѣ»
Тебя человѣчество ждетъ.
Иди ты смиренно въ народъ,
Когда жъ попадутся въ народѣ
Льстецы, шарлатаны, ханжи,—
Обличи ихъ во лжи!
Иди, укажи ты вельможѣ,
Какъ ползаетъ нищій въ пыли;
Скажи филантропамъ земли,
Что рѣчи ихъ—съ дѣломъ не схожи,
А крикнуть тебѣ: «докажи!»—
Обличи ихъ во лжи! и т. д.

Подобно Надсону, Минаевъ, съ одной стороны, любитъ останавливаться на мечтахъ о грядущемъ царствѣ любви, готовъ вѣрить, что «настанетъ пора,—и погибнетъ Вааль, и вернется на землю любовь», сознаетъ, что онъ отвѣтственъ за чужія страданія и потому долженъ всѣми силами бороться съ игомъ «царюющаго зла»,—

но, съ другой стороны, часто впадаетъ въ раздумье, и тогда его лира начинаетъ звучать въ унисонъ съ основнымъ тономъ творчества Гаршина, твердившаго о необходимости борьбы со зломъ и пришедшаго,—напримѣръ, въ «Attalea princeps»,—къ ужасной мысли о бесплодности этой борьбы. Въ такія минуты Минаевъ готовъ вѣрить, что гнетъ деспотизма и вообще всего «царюющаго зла» вѣчно будетъ тяготѣть надъ землей, и людскія мечты о грядущемъ царствѣ любви, красоты, правды и свободы такъ и останутся мечтами. Отголосокъ подобнаго настроенія поэта можно видѣть въ его прекрасномъ, гармонически-цѣльномъ стихотвореніи «Вѣчная невѣста»:

Молода, безсмертна, какъ природа,—
 Какъ невѣста, сходитъ въ міръ свобода;
 Передъ ней, благоговѣнно-тихъ,
 Міръ склонялся, какъ женихъ,
 И не разъ межъ нихъ—землѣ казалось—
 Обрученія тайна совершалась,
 И въ виду священныхъ, вѣчныхъ узъ
 Близокъ былъ божественный союзъ.
 На челѣ богини новобрачной
 Былъ покровъ таинственно-прозрачный,—
 Но при видѣ брачнаго вѣнца
 Жизнь сбѣгала съ гордаго лица,
 И, съ себя роняя покрывало,
 Каждый разъ невѣста исчезала...
 И донинѣ сходитъ въ міръ она,
 Цѣломудріемъ своимъ защищена,
 Оставаясь вѣчно для вселенной
 Недоступной, чистой и нетлѣнной.

Вполнѣ естественно, что при мысли о бесплодности борьбы со зломъ у поэта являлось убѣжденіе въ томъ, что его прежнія мечты о грядущемъ царствѣ любви—только «дикіе сны». «Я уснулъ,—писаль онъ въ минуты такого унынія,—и въ какомъ-то безумномъ бреду мнѣ приснился волшебный, невиданный свѣтъ: будто въ дивномъ саду по цвѣтамъ я иду, и безсмертныя птицы поютъ мнѣ привѣтъ, и киваютъ цвѣты мнѣ головками вслѣдъ. Вотъ селенія людей: лица—кровь съ молокомъ, я не встрѣтилъ убогой избы ни одной, съ нищетой селянинъ лишь по сказкамъ знакомъ... Что за дикіе сны снятся людямъ весной!.. Изъ-за рощъ поднимались, росли города. Пышной роскоши въ нихъ не найти и слѣдовъ, и порокъ и нужда не свивали гнѣзда, подъ тяжелымъ ярмомъ непосильныхъ трудовъ, въ самыхъ дальнихъ и темныхъ углахъ городовъ. О свободѣ гражданской, о братской любви споровъ нѣтъ тамъ, какъ здѣсь на планетѣ земной, но свобода и братство у всѣхъ есть въ крови... Что за дикіе сны могутъ сниться весной!.. Не мрачатъ чистыхъ душъ преступленія тьмы, и желѣзныя цѣпи для ногъ и для рукъ,

эшафотъ и тюрьма—для людского ума тамъ еще непонятный, неслыханный звукъ. Рѣча, странныя мнѣ, раздаются вокругъ: какъ про звѣрскій разбой, о войнѣ говорятъ, и нигдѣ, пронсясь надъ счастливой землей, я нигдѣ не видалъ ни штыковъ, ни солдатъ... Что за дикіе сны могутъ сниться весной!.. Это вѣчное счастье въ волшебной странѣ, вѣчный блескъ незакатнаго дня въ заколдованномъ снѣ были тягостны мнѣ, и въ бреду безконечно смущали меня. Грѣшный міръ нашъ земной, міръ печали и слезъ, такъ сжился, такъ сроднился со мной, что шепталъ я невольно, очнувшись отъ грезъ: «Что за дикіе сны прилетаютъ весной!..» («Дикіе сны»).

Тѣ же минуты грустнаго унынія, навѣяннаго мыслью о бесплодности борьбы со зломъ, заставляютъ поэта думать, что жизнь не имѣетъ ни смысла, ни цѣли, и въ ней вѣчно,—изначала и до конца время,—будутъ смѣяться, не осиливая другъ друга, свѣтъ и тьма. Въ стихотвореніи «Пропавшему безъ вѣсти», напоминающемъ по основной мысли надсоновскую «Жизнь» («Мѣняя каждый мигъ свой образъ прихотливый»), Минаевъ пишетъ:

Ты вчера еще былъ съ нами
Въ цвѣтѣ силъ, надеждъ и лѣтъ,
А сегодня, другъ нашъ бѣдный,
Отъ тебя простылъ и слѣдъ.
Такъ на свѣтѣ все ведется:
Нынче—солнце, завтра—тьма,
То согрѣветъ душу счастье,
То бѣда сведетъ съ ума;
То мелькнетъ свободы призракъ
И—глядишь—уже исчезъ,
То на небѣ ангелъ плачетъ,
То въ аду хохочетъ бѣсъ...

И этотъ заколдованный кругъ, въ который попало по волѣ судьбы челоуѣчество, заставляетъ поэта утверждать, что

Страданія—стихія челоуѣка.
Съ рожденія страдать мы начинаемъ,
Страдаемъ, ненавида и кляня,
Да и любя, не менѣе страдаемъ;
Страдаемъ за другихъ и за себя,
Затаивая горькія рыданья,
И даже смѣхъ людской,—прислушайтесь къ нему!—
Есть только продолженіе страданья.

Утвердившись въ этой мысли, Минаевъ, какъ и Надсонъ, послѣдовательно подходитъ къ выводу, что жизнь людская подвержена только одному закону—«закону мгновенья», а, слѣдовательно, и счастье людское—только въ «мгновеньи прекрасномъ», и по-этому, обращаясь къ другу, говоритъ съ глубокимъ неподдѣльнымъ пессимизмомъ:

«Истор. вѣстн.», августъ 1914 г., т. сxxxvii.

9

О, не смотри, мой другъ, впередъ:
 Тамъ все темно, тамъ безотраднo;
 Насъ впереди страданье ждетъ,
 Чтобъ сердце грызть и мучить жадно!
 О, не гляди, мой другъ, назадъ,
 Не вспоминай того, что было:
 Тамъ рядъ могилъ, тамъ слѣдъ утратъ,
 Тамъ все мертво, что прежде жило!
 Нѣтъ, будемъ жить послѣднимъ днемъ,
 Днемъ настоящимъ, днемъ текущимъ,
 И не вспомняемъ, не вздохнемъ
 Ни о быломъ, ни о грядущемъ.
 Лучъ свѣта дорогъ въ царствѣ тьмы....
 Повѣрь: подобно многимъ людямъ,
 О томъ, какъ нынче любимъ мы,—
 Мы завтра, можетъ быть, забудемъ.
 Начнемъ же жить, любить, пока
 Короткимъ счастьемъ полны оба,
 А тамъ опять придетъ тоска,
 И одиночество, и злоба...

Безмысленность окружающей жизни и невзгоды личного характера не даютъ, однако, поэту забыться «короткимъ счастьемъ» и настойчиво обращаютъ его вниманіе на печальную дѣйствительность, еще болѣе усугубляя его пессимизмъ и душевный надрывъ, и приводятъ къ горькимъ сѣтованіямъ:

Въ могилу рано. Жажда жизни
 Еще, какъ въ юности, сильна,
 Хотя ведетъ меня она
 Отъ укоризны къ укоризнѣ,
 Къ печальнымъ жалобамъ о томъ,
 Что потерялъ неосторожно,
 Что прежде было такъ возможно
 И оказалось глупымъ сномъ.
 Смѣясь безсильно надъ судьбою,
 Надъ всѣмъ, что дорого для всѣхъ,—
 Мнѣ даже сталъ противенъ смѣхъ,
 Смѣхъ жалкій надъ самимъ собою.

При такомъ сугубо-пессимистическомъ настроеніи поэта-сатирика даже самыя простыя, самыя обыденныя явленія, преломляясь въ его мрачно настроенной душѣ, приобрѣтаютъ особый, зловѣщепронический смыслъ. Въ стихотвореніи «Послѣдняя иронія» поэтъ, описывая похороны своего собрата, говоритъ:

У свѣжей насыпи кургана
 Мы собрались... Снѣга кругомъ,
 И блѣдно-розовымъ пятномъ
 Смотрѣло солнце изъ тумана...
 Въ могильный склепъ мы гробъ снесли
 И, по обычаю, въ печали,
 На крышку гроба набросали
 По горсти глины и земли.

Пока могила зарывалась,—
 Бѣднякъ! я думалъ о тебѣ:
 Въ твоей нерадостной судьбѣ
 Насмѣшка горькая сказалась
 И проклиная, и боясь
 Тебя при жизни, съ наглою ложью,
 Вслѣдъ за тобой съ трусливой дрожью
 Клеветники бросали грязь;
 Еще не стихла волчья злоба
 Твоихъ враговъ, какъ ты угасъ,—
 И вотъ друзья тебѣ сейчасъ
 Бросали грязь на крышку гроба.
 Но ты ужъ спишь! Спать мертвымъ спомъ
 Кладбища снѣжная поляна,
 И смотреть солнце изъ тумана
 Въ мѣръ блѣдно-розовымъ пятномъ.

Даже по этому краткому и бѣглому обзору содержания минаевской лирики можно судить, что въ ней, какъ и въ творествѣ Надсона, Гаршина и друг., отразилась цѣлая полоса русской общественной жизни, и въ частности—тотъ уголокъ ея, «гдѣ затаились слезы вѣка», а потому, подобно перечисленнымъ творцамъ русскаго художественнаго слова, покойный «король рюмы» достоинъ лучшей участи, чѣмъ та, которая постигла его самого и его поэтическое творчество, «прочно» забытое русской читающей публикой.

Мало извѣстный, какъ лирикъ, Минаевъ славился въ свое время, какъ талантливый драматургъ. Изъ его комедій наибольшей извѣстностью пользовалась комедія подъ названіемъ «Разоренное гнѣздо» или «Спѣтая пѣсня», удостоенная академіей наукъ первой преміи на семнадцатомъ присужденіи наградъ имени гр. Уварова, въ 1874 году. «Полученіе этой преміи Минаевымъ,—говоритъ В. П. Буренинъ,—приключилось такимъ образомъ. Комедія была представлена безъ имени автора. Ее дали на просмотръ одному старому академику, помнившему еще времена Грибоѣдова. Академикъ, прельстившись стихами пьесы, представлявшими отличное подражаніе грибоѣдовскимъ, высказался за выдачу преміи. Конечно, если бы академической синедріонъ зналъ, что пьеса принадлежитъ одному изъ «рыцарей свистопляски», какъ прозвалъ Погодинъ юмористическихъ поэтовъ «Искры» и «Современника», то премія никогда не была бы дана (Минаеву). Говорятъ, что послѣ этого случая уваровская премія за драматическія сочиненія была отмѣнена тѣми, кто имѣлъ на это право, и получила другое значеніе».

«Старымъ академикомъ, помнившимъ еще времена Грибоѣдова», былъ извѣстный писатель и общественный дѣятель А. В. Никитенко, авторъ популярныхъ «Записокъ» и «Дневника». Въ своемъ отзывѣ о комедіи Минаева А. В. Никитенко писалъ, между прочимъ: «Авторъ смѣлою рукою вскрываетъ покровы съ самыхъ раз-

пообразныхъ симптомовъ нравственной несостоятельности и беспорядка, разлада нравовъ, понятій и положеній съ тѣмъ, что должно служить опорой общества и обезпеченіемъ его прогресса,—разлада, созданнаго ходомъ не установившейся искусственной образованности... Автору нечего было много заботиться о выборѣ матеріаловъ для задуманнаго имъ содержанія: они были налицо передъ его глазами. Тутъ есть и безнравственность модныхъ женщинъ, извиняющихъ свое дурное поведеніе неудачнымъ бракомъ, тутъ есть матеріализмъ, превращающій чувственныя наслажденія въ основной догматъ жизни, тутъ добываніе разныхъ преимуществъ и выгодъ по службѣ безъ всякихъ заслугъ и уваженія къ общественнымъ интересамъ, тутъ хилый индифферентизмъ и безучастіе ко всѣмъ общепольнымъ дѣламъ, ко всѣмъ высшимъ задачамъ жизни, влѣдствіе не осуществившихся идеаловъ юности и утопическихъ теорій, тутъ пошлая и мелкая игра самолюбія у людей, считающихъ себя передовыми умами, одержимыхъ духомъ нетерпимости и неуваженія къ умственному достоинству, мнѣніямъ и трудамъ другихъ,—у людей, замѣняющихъ правдивую и честную оцѣнку ихъ школьническимъ глумленіемъ, которое выдается за остроуміе; но тутъ также есть благородная и просвѣщенная готовность жить и дѣйствовать для общества въ духѣ его новыхъ потребностей, стремленій и интересовъ,—готовность, преграждаемая сторонниками противоположныхъ мнѣній и клеветою,—словомъ, тутъ есть все, чего бы не должно быть въ обществѣ и чего, казалось бы, можно избѣгать, но что не избѣгается въ текущемъ ходѣ дѣлъ человѣческихъ... Въ нелогичности всего, что происходитъ между людьми изображаемаго авторомъ момента, чувствуешь присутствіе какой-то неотразимой исторической логики вещей и утѣшаешься мыслью, что все это наносное, несущественное, временное, что оно пройдетъ и настанетъ лучшая пора жизни, обновленной и вызрѣвшей въ тревогахъ и броженіи перерождающейся общественности. Авторъ ясно выражаетъ эту мысль въ словахъ Балкашина на вопросъ его жены: гдѣ же люди?

Быть можетъ (отвѣчаетъ онъ), въ колыбели...
 У нихъ еще нѣтъ силъ, но племя ихъ растеть;
 Другое поколѣніе придетъ
 Къ завѣтной и желанной нашей цѣли.
 Вотъ будущее чье! И тамъ, гдѣ видимъ мы
 Глубокій мракъ, которымъ жизнь гнетется,
 Тамъ солнце лучезарное зажжется
 Для поколѣній новыхъ въ царствѣ тьмы
 И ихъ зальетъ потокомъ свѣта.
 Да, будущее ихъ, а наша пѣсня спѣта.

Насколько извѣстно, «Спѣтая пѣсня» не увидѣла огней рампы, въ виду чересчуръ либеральныхъ мыслей, высказанныхъ въ ней

авторомъ. Въ настоящее время «Спѣтая пѣсня», изображающая настроенія общественнаго момента, давно канувшаго въ Лету, не возбудитъ со стороны своего внутренняго содержанія такого интереса въ читающей публикѣ, какой она имѣла во время своего появленія на свѣтъ, но, написанная блестящимъ, красивымъ языкомъ, свойственнымъ одному только Минаеву, она до сихъ поръ читается легко и съ интересомъ. Если бы она была болѣе популярна въ средѣ читающей публики, чѣмъ это наблюдается теперь, то можно съ увѣренностью сказать, что многія фразы изъ нея, подобно реченіямъ изъ «Горя отъ ума», давно бы сдѣлались пословицами и поговорками. Беру наудачу нѣсколько подобныхъ фразъ: «Нынче брань—похвальный аттестатъ для всякой личности, изъ ряда выходящей», «Портретъ хорошъ, когда хоть нѣсколько съ оригиналомъ схожъ», «Надежды прежде подавалъ, теперь же подаетъ платки своей супругѣ», «Въ природѣ на умы большая нынче скупость», «Тѣ, у которыхъ шея коротка, и жить должны на свѣтѣ покороче», «Хоть разорвись на нѣсколько частей и нѣсколько участковъ», «Ораторы съ кафедръ, Сократы въ кабинетѣ, а передъ дѣвочкой теряются, какъ дѣти», «Я отъ всѣхъ болѣзней средство знаю: отъ радости я пью, а съ горя—запиваю», «Да нынче жить безъ денегъ—просто дерзость», «Умный зритель все жъ лучше, чѣмъ плохой актеръ», «У христіанъ—всѣ люди братья, у старыхъ дѣвъ всѣ люди—женихи», «Битые прислуги—до сихъ поръ у насъ вопросъ нѣсколько не избитый», «Пуще брани боюся похвалы одной людской: услышу и ужъ думаю заранѣ: не сдѣлалъ ли я пакости какой?», «Вѣдь за свои я денежки шумлю», «Да, пожинать плоды своихъ заботъ, работать съ пользой, съ толкомъ намъ пріятно, но проливать безъ всякой пользы потъ, ей-Богу, только неопратно...» Подобными фразами минаевская «Спѣтая пѣсня», что называется, кишмя-кишитъ.

Изъ пьесъ Минаева, ставившихся на сценѣ, наибольшимъ успѣхомъ пользовалась комедія «Либераль», выдержавшая рядъ представленій на сценѣ Александринскаго театра. Въ ней выдѣлялись исполненіемъ ролей Сосницкій и Монаховъ.

VIII.

Переводные труды Минаева.—Иностранные авторы, произведенія которыхъ переводилъ Минаевъ.—Достоинства и недостатки переводовъ Минаева.—Отзывъ о нихъ В. П. Буренина.—Чѣмъ цѣнны переводы Минаева въ настоящее время.—Минаевъ, какъ беллетристъ.—Невозможность установить автентичность многихъ трудовъ Минаева.

Большой цѣнности вкладъ въ сокровищницу русскаго художественнаго слова сдѣлалъ Д. Д. Минаевъ своими многочисленными переводами изъ иностранныхъ авторовъ. Зная одинъ только фран-

пузскій языкъ, Минаевъ дѣлалъ переводы изъ самыхъ разнообразныхъ авторовъ: и французскихъ, и англійскихъ, и нѣмецкихъ, и итальянскихъ, и польскихъ, и южно-славянскихъ, и американскихъ, и латинскихъ. Изъ французскихъ авторовъ онъ переводилъ Альфреда де-Виньи, Альфреда де-Мюссе, Виктора Гюго, Барбье, Густава Надо, Дюпона, Мольера; изъ англійскихъ—Марло, Бернса, Фелиціи Гименсъ, Корнуэля, Андерсона, Байрона, Томаса Гуда, Шелли; изъ нѣмецкихъ—Гейне, Гёте, Лессинга; изъ итальянскихъ—Данте, Леонарди; изъ польскихъ—Сырокомлю, Кондратовича, Мицкевича; изъ южно-славянскихъ—Гавличека; изъ американскихъ—Лонгфелло и, наконецъ, изъ латинскихъ—Ювенала и Марціала.

Дѣлалъ Минаевъ переводы изъ этихъ авторовъ слѣдующимъ образомъ. Онъ отдавалъ переводчику и переводчицѣ какую-нибудь поэму или стихотвореніе иностраннаго поэта и поручалъ сдѣлать буквальный подстрочный переводъ всѣхъ стиховъ поэмы, а затѣмъ уже, сообразуясь съ метрикой подлинника, составлялъ стихотворный переводъ пьесы. Такъ онъ перевелъ «Донъ-Жуана» и «Чайльдъ-Гарольда», такъ онъ переводилъ пьесы и другихъ иностранныхъ авторовъ.

Разумѣется, при такой системѣ переводовъ нѣкоторые изъ нихъ не отличались точностью передачи подлинника, а нѣкоторые были прямо-таки неудачны. Однако, по отзывамъ компетентныхъ лицъ, если переводы Минаева и не отличаются особенной близостью къ буквѣ подлинниковъ, то этотъ недостатокъ ихъ выкупается вполне блестящимъ стихомъ, заставляющимъ часто забывать невѣрность перевода. Такъ, напримѣръ, О. Э. Миллеръ въ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій о Байронѣ, которыя онъ читалъ весной 1873 года въ залѣ петербургской городской думы, характеризуя Байрона, какъ поэта, прочелъ извѣстное «Прощаніе Чайльдъ-Гарольда» въ переводѣ Д. Д. Минаева, при чемъ сказалъ, что изъ многихъ печатныхъ русскихъ переводовъ этого стихотворенія онъ выбралъ переводъ Минаева потому, что онъ всего болѣе напоминаетъ подлинникъ, благодаря художественности формы и блеску стиха ¹⁾. Не менѣе благоприятный отзывъ о переводныхъ трудахъ Минаева даетъ В. П. Буренинъ. «Между его переводными работами,—пишетъ онъ,—нѣтъ вещей, переведенныхъ дурно. Онъ, по большей части, переводилъ гладко и по внѣшности иногда даже блестяще. Но ему рѣдко удавалось схватить «духъ» переводимаго автора, внутренней складъ поэзіи оригинала: это происходило не отъ недостатка таланта, а отъ того, что покойный не зналъ языка поэтовъ, которыхъ онъ переводилъ, и обыкновенно перекладывалъ въ стихи подстрочные прозаическіе переводы. Другое обстоятельство, мѣшавшее ему въ переводныхъ

¹⁾ «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», Н. В. Гербеля, Спб., 1873 г., стр. 599.

работахъ достигнуть надлежащаго совершенства,—это ихъ слѣпшность. Минаевъ переводилъ почти всегда на срокъ, не по собственному выбору для перевода тѣхъ пьесъ и тѣхъ поэтовъ, которые ему были особенно по душѣ, а по выбору редакторовъ журналовъ, заказывавшихъ ему переводъ. Трудно представить себѣ, какіе удивительные фокусы при такой работѣ случалось дѣлать Минаеву. Онъ, напримѣръ, едва ли даже умѣя читать по-англійски, перевелъ всего байроновскаго «Донъ-Жуана» безъ отдыха, поставляя *еже-мѣсячно по главѣ* своего перевода въ «Современникъ». Правда, этотъ переводъ очень неудовлетворителенъ, исполненъ ошибокъ, неточенъ, вообще представляетъ крайне блѣдную и небрежную копію великаго оригинала. Но все же такіе нѣкоторые октавы переданы удачно, въ общемъ, стихъ перевода легокъ и гладокъ. Сдѣлать такой огромный трудъ, при такихъ условіяхъ срочности и скорости этого труда, могъ только стихотворецъ, обладавшій недюжиннымъ талантомъ. Замѣчательно, что, при своемъ незнаніи языковъ, Минаевъ перевелъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ нашихъ стихотворцевъ, и притомъ изъ всевозможныхъ поэтовъ: и латинскихъ, и англійскихъ, и нѣмецкихъ, и итальянскихъ, и французскихъ. Минаева упрекали именно за то, что онъ переводитъ не съ подлинниковъ, а перекладываетъ въ стихи чужіе подстрочные переводы. Но этотъ упрекъ съ нимъ могутъ отчасти раздѣлить многіе переводчики, и между ними даже очень крупныя поэты. Развѣ Жуковский не переводилъ Одиссею, не зная по-гречески, съ подстрочнаго нѣмецкаго перевода? Развѣ Островскій не переводилъ итальянскихъ комедій точно такимъ же образомъ, едва ли умѣя даже порядочно читать по-итальянски? Развѣ онъ же не переводилъ пьесъ Сервантеса, совѣмъ не зная языка, какъ большинство русскихъ переводчиковъ, «переводящихъ» испанскихъ драматурговъ «съ пятницкаго», то есть съ прозаическихъ переводовъ, сдѣланныхъ когда-то г. Пятницкимъ? Развѣ Кетчеръ ¹⁾, прославившійся переводомъ всего Шекспира, сдѣлалъ это съ подлинника, а не съ нѣмецкаго и французскаго? Минаевъ, по крайней мѣрѣ, никого не увѣрялъ, что онъ переводитъ съ подлинниковъ...

Ко всему сказанному В. П. Буренинымъ про переводные труды Д. Д. Минаева слѣдуетъ прибавить, что покойный «король риѣмы», печатавъ сначала свои переводы въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, издавалъ ихъ потомъ отдѣльными книгами или отдавалъ для помѣщенія въ «собраніяхъ сочиненій» иностранныхъ авторовъ, предварительно исправивъ ихъ недостатки согласно указаніямъ компетентныхъ лицъ. Такъ, напримѣръ, въ гербелевскомъ изданіи «Сочиненій лорда Байрона» всѣ минаевскіе переводы напечатаны «въ значительно исправленномъ видѣ».

¹⁾ Тотъ самый, про котораго И. С. Тургеневъ сказалъ, что «перепѣръ онъ намъ Шекспира на языкъ родныхъ осинъ». Н. Д.

Заслуга Д. Д. Минаева, какъ переводчика, заключается въ томъ, что онъ первый познакомилъ русскую читающую публику со многими произведеніями иностранной литературы, и, вѣроятно, пройдетъ еще много лѣтъ, пока издатели иностранныхъ авторовъ не перестанутъ пользоваться переводами покойнаго «короля рѣмы». Достаточно сказать, что въ послѣднемъ изданіи полнаго собранія сочиненій Генриха Гейне (А. Ф. Маркса, подъ редакціей П. В. Быкова, Спб., 1904 г.) помѣщено въ переводѣ Д. Д. Минаева свыше 75 пьесъ.

Владѣя легко и ловко стихотворной формой, Минаевъ, повидимому, не долюбивалъ форму прозаическую и обращался къ ней крайне рѣдко: по крайней мѣрѣ, въ настоящее время извѣстны только двѣ его повѣсти, которыя обѣ были напечатаны въ московскихъ изданіяхъ: одна въ «Русскомъ Вѣстникѣ» М. П. Леонтьева и М. Н. Каткова, а другая—въ «Русской Рѣчи», которую издавала въ Москвѣ графиня Саліасъ. Въ обѣихъ повѣстяхъ Минаева героями были гувернантки, и меньшая по объему повѣсть, напечатанная въ журналѣ графини Саліасъ, такъ и называлась: «Гувернантка». Въ этихъ повѣстяхъ редакторы напечатавшихъ ихъ изданій находили большія литературныя достоинства (иначе бы онѣ ихъ, конечно, не напечатали), но въ публикѣ обѣ повѣсти Минаева прошли незамѣченными. Онѣ были написаны живо и хорошимъ литературнымъ языкомъ, но сюжетъ ихъ былъ малоинтересенъ, а выведенныя въ нихъ лица отчасти стереотипны. Можно предполагать, что Минаевъ мало занимался беллетристикой едва ли не потому, что эти извѣстные намъ опыты въ этомъ родѣ его не обрадовали. Но, кромѣ того, не надо забывать, что у Минаева была такая масса псевдонимовъ, что многія его произведенія, въ томъ числѣ, можетъ быть, и беллетристическія,—навсегда остались неизвѣстными.

IX.

Экспромты Д. Д. Минаева.—Сторублевый билетикъ.—Харчи журнала «Дѣло».—«Сдержанное Слово».—Правда-матка «Сына Отечества».—«Зеленое» и «острое» «Зеленаго острова».—Пав. Вас. Васильевъ 2-й, Вас. Вас. Самойловъ и Ив. Вас. Грозный.—Необходимость внесенія корректива въ «Коварство и любовь».—Картонные генералы.—Обиженный артистъ.—Дважды убитый Пушкинъ.—Соперникъ Пушкина.—Убіица Каина.—П. Д. Боборыкинъ и подкинутый «Ребенокъ».—Плохіе хозяева изъ академіи наукъ.—«Эпитафія».—Русскій Тамберликъ.—«Дорогая столица».—Радикаль и професоры.—Отзывъ В. В. Чуйко объ экспромтахъ Минаева и опроверженіе его.—Наказъ годовому.—Счастливый судья.—Разница между поэтомъ и прозаикомъ.—Видные люди.—Комплиментъ русскаго поэта.—Благодарный нѣмецъ.—Похороны купца.—Вѣчныя «двойни».—Въ невѣняемомъ состояніи.—Расточительность поэта и благо-разуміе официанта.

Минаевъ-писатель скоро забылся читающей публикой, въ виду отсутствія въ продажѣ собранія его сочиненій, но Минаевъ-острякъ, Минаевъ-каламбуристъ, необыкновенно находчивый и мѣткій

жонглеръ риемы, всегда готовый брызнуть цѣлымъ фонтаномъ стихотворныхъ экспромтовъ, надолго, если не навсегда, останется въ исторіи русской юмористики.

Экспромтъ, сочиненный экспромтомъ, а не за двѣ недѣли (какъ это практикуется довольно часто), цѣнится очень высоко на стихотворной биржѣ. Тутъ нуженъ природный талантъ и «необыкновенная легкость въ мысляхъ». Такою «легкостью», кромѣ Минаева, обладали Н. О. Щербина, Л. А. Мей, П. В. Шумахеръ, П. А. Каратыгинъ, П. И. и П. П. Вейнберги, Г. А. Лишинъ, М. В. Шевляковъ и друг., но среди нихъ Минаевъ, какъ экспромтистъ, занимаетъ, безусловно, первое мѣсто.

Экспромтовъ на всѣ случаи общественной, литературно-художественной и просто частной жизни у Минаева было великое множество. Къ сожалѣнію, изъ нихъ сохранилась лишь незначительная часть. Большинство же ихъ Минаевъ унесъ съ собой въ могилу. Здѣсь я привожу наиболѣе удачные изъ его экспромтовъ, печатавшихся послѣ смерти Минаева въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и теперь мало извѣстныхъ читающей публикѣ.

Въ издававшейся В. А. Полетикою газетѣ «Молва» Минаевъ нѣсколько лѣтъ къ ряду писалъ фельетоны въ стихахъ, подъ заглавіемъ «Чѣмъ хата богата». Разъ въ мѣсяцъ Полетика устраивалъ редакціонные обѣды, на которыхъ присутствовалъ и Минаевъ, отличавшійся на этихъ обѣдахъ веселостью и остроуміемъ. Получивъ однажды, отъ Полетики 100 рублей авансомъ, Минаевъ опоздалъ на очередной обѣдъ и пришелъ, когда всѣ уже вставали изъ-за стола. Его встрѣтили вопросомъ, почему онъ опоздалъ. Въмѣсто отвѣта Минаевъ сказалъ:

Пусть вамъ отвѣтитъ самъ Полетика,
Онъ скажетъ вамъ, что здѣсь вина его:
Отъ сторублеваго билетика
Дыханье сперло у Минаева.

Одно время Минаевъ работалъ въ журналѣ «Дѣло», издававшемся тогда Г. Е. Благосвѣтловымъ. Случилось какъ-то, что онъ въ это время захворалъ и въ три недѣли страшно похудѣлъ. Кто-то изъ пріятелей, увидя его въ такомъ видѣ, удивился: «Дружище Митя, что ты, братъ, какъ похудѣлъ?» Минаевъ пресерьезно отвѣтилъ ему:

Отъ харчей журнала «Дѣло»
И не такъ спадешь, братъ, съ тѣла.

Издатели ежемѣсячнаго журнала «Слово» называли свое дѣтище органомъ умѣренности и аккуратности. Когда вышла въ свѣтъ первая книжка его, въ редакціи былъ устроенъ обѣдъ, на которомъ присутствовалъ и Минаевъ.

— Ну, какъ вамъ нравится новинка?—спросили его.
 — Ничего, — отвѣтилъ онъ: — издатели — молодцы: сдержали слово...

Ихъ поведеніе образцово:
 Какъ представители умѣреннаго взгляда,
 Они намъ дали «Слово»,
 Но «сдерживать» его, конечно бы, не надо.

Издатель газеты «Сынъ Отечества», г. Успенскій, предпочиталъ не тратить на сотрудниковъ, а пичкать свой органъ вырѣзками изъ другихъ газетъ. Это служило, конечно, поводомъ для насмѣшекъ надъ нимъ всей остальной прессы... Однажды кто-то въ присутствіи Минаева замѣтилъ:

— Въ сегодняшнемъ «Сынѣ Отечества» есть дѣльная статейка: въ ней такъ и рѣжутъ правду-матку по поводу земства...

— То есть вы хотите сказать «вырѣзываютъ», — поправилъ собесѣдника Минаевъ.

— То есть, какъ «вырѣзываютъ», — удивился тотъ.

— Да, вѣдь, «Сынъ Отечества», — продолжалъ Минаевъ, — органъ извѣстный:

Въ немъ своего, положимъ, очень мало,
 Онъ новизной читателя не нѣжитъ,
 Но «Сынъ Отечества» всѣмъ правду-матку «рѣжетъ»
 Посредствомъ... ножницъ и крахмала.

Въ пору процвѣтанія оперетки на сценѣ Александринскаго театра Минаевъ смотрѣлъ первое представленіе «Зеленаго острова», переведеннаго В. С. Курочкинымъ. Въ тотъ день онъ обѣдалъ у кого-то изъ пріятелей на Васильевскомъ островѣ и въ театръ пришелъ прямо съ обѣда. Послѣ спектакля кто-то спросилъ его:

— Ну, какъ вамъ понравился «Зеленый островъ»?

Минаевъ отвѣтилъ:

Хоть не близка была дорога,
 Но шель смотрѣть я пьесу съ острова...
 Скажу: «зеленаго» въ ней много,
 Но очень, очень мало «остраго».

На сценѣ Александринскаго театра шла съ большимъ успѣхомъ «Смерть Іоанна Грознаго» А. К. Толстого. Роль Грознаго въ началѣ игралъ покойный Вас. Вас. Самойловъ, затѣмъ она была передана Пав. Вас. Васильеву 2-му. Послѣ одного изъ представленій этой пьесы Минаевъ обратился къ одному театральному рецензенту со слѣдующимъ вопросомъ:

Къ тебѣ обращаюсь съ мольбою я слезной:
Скажи ты мнѣ чистосердечно, на что ихъ игра вся похожа,
Я Павла Васильича вижу, Василья Васильича тоже,
Но гдѣ же Иванъ-то Васильевичъ Грозный? ¹⁾.

Однажды Минаевъ смотрѣлъ въ одномъ изъ клубовъ спектакль. Давали «Коварство и любовь». Актеръ, игравшій Фердинанда, былъ, что называется, изъ рукъ вонъ плохъ. Въ самыхъ патетическихкихъ мѣстахъ его роли публика хохотала до упаду. Минаевъ страшно злился и все повторялъ:

— Это—нахальство! Не умѣетъ ходить по сценѣ и берется за такія отвѣтственныя роли!

— Погоди, онъ будетъ за это наказанъ!—утѣшилъ Минаева сидѣвшій рядомъ пріятель.

— Чѣмъ?

— Да, вѣдь, онъ же въ послѣднемъ дѣйствиіи отравится!..

— Жаль, что не въ первомъ,—замѣтилъ Минаевъ и добавилъ:

Знай Шиллеръ о подобномъ фактѣ,
Что актеръ этотъ такъ пошелъ,
Онъ бы сразу въ первомъ актѣ
Фердинанда укокошилъ...

Комедія Минаева «Либераль» поставлена была въ началѣ 70-хъ годовъ на Александринской сценѣ. Главную роль въ ней исполнялъ артистъ Монаховъ. Минаевъ познакомился съ нимъ на первой репетиціи и въ первый же день знакомства сталъ съ нимъ на дружескую ногу. Въ день генеральной репетиціи «Либерала» Минаевъ съ Монаховымъ «закатили» съ утра въ «Назаретъ». Оба они изрядно выпили и совершенно забыли о репетиціи. Вдругъ вбѣгаетъ въ ресторанаъ одинъ изъ капельдинеровъ Александринскаго театра и обращается къ Монахову:

— Ваше благородіе, пожалуйте на репетицію! Генералы изволятъ сердиться...

— Какіе генералы?—спросилъ Монаховъ.

— Господинъ начальникъ репертуарной части и господинъ режиссеръ.

— Какіе же они—генералы?

— Да мы ихъ всё такъ называемъ, и они очинно этимъ довольны-сь,—отвѣтилъ капельдинеръ.

¹⁾ Интересно сопоставить съ этимъ экспромтомъ слѣдующую эпиграмму Щербина на ту же тему:

Талантливыхъ нашихъ актеровъ, навѣрное, тѣмъ не обижу,
Когда бы имъ правду въ глаза я сказалъ,
Что Павла Васильича видѣлъ, Василья Васильича вижу,
Иванъ жъ Васильича я не видалъ...

Минаевъ сталъ передъ нимъ въ позу и продекламировалъ:

Скажи своимъ картоннымъ генераламъ,
 Что всѣ они—прямые узурпаторы;
 Не хочеть быть Монаховъ «Либераломъ»,
 Онъ записался въ консерваторы.

У извѣстнаго въ свое время артиста Любскаго вышелъ съ «картонными генералами» конфликтъ. По этому поводу Минаевъ сказалъ слѣдующій экспромтъ:

Нынче Любскаго Анатолія
 Въ храмъ Таліи ждуть гоненія,
 А онъ сѣтуеть: «А на то ли я
 Созданъ небомъ былъ съ даромъ генія».

Въ петербургскомъ клубѣ художниковъ былъ устроенъ «Пушкинскій вечеръ», на которомъ присутствовалъ и Минаевъ. Вечеръ былъ неудовлетворителенъ и по программѣ и по исполненію. Ужиная послѣ вечера со старшинами клуба, Минаевъ сказалъ экспромтомъ слѣдующій каламбуръ:

Великій Пушкинъ! Самъ Зевесъ
 Къ тебѣ благоволилъ едва ли:
 Сперва убилъ тебя Дантесъ,
 Потомъ здѣсь въ клубѣ доканали.

Какъ разъ въ то время, какъ Минаевъ говорилъ этотъ экспромтъ, мимо ужинающихъ проходилъ старшина Зубаревъ, отличавшійся необыкновенно высокимъ ростомъ, и «король рѣмы» проговорилъ ему вслѣдъ:

Скажу, лафитомъ подогрѣтъ,
 Не убоясь свистковъ и рева:
 Великій Пушкинъ былъ поэтъ,
 Но все жъ «не выше» Зубарева.

А вотъ нѣсколько экспромтовъ Минаева на литературныя злобы дня.

Въ началѣ 80-хъ годовъ нѣкто Барышевъ перевелъ байроновскаго «Каина». Минаевъ, будучи въ гостяхъ у одного изъ литературныхъ пріятелей, увидѣлъ эту книгу и, пробѣжавъ ее, поморщился и положилъ ее на мѣсто.

— Что? Не понравился переводъ?—спросилъ Минаева пріятель.

— Да,—отвѣтилъ Минаевъ.—Переводчику можно смѣло сказать:

Барышевъ! ты отомстилъ:
 Каинъ нераскаянно
 Брата Авеля убилъ,
 Ты жъ ухлопалъ «Каина».

П. Д. Боборыкинъ читаль лекціи объ искусствѣ и нѣсколько своихъ пьесъ поставиль на казенной сценѣ, изъ которыхъ одна драма «Ребенокъ» долгое время не сходила съ репертуара. Сопоставивъ эти два обстоятельства, Минаевъ шутливо утверждалъ, что у П. Д.— «незаконная связь» съ искусствомъ. На вопросъ: почему?—Минаевъ сказалъ:

Онъ въ клубѣ лекціи читаль
Глубокомысленно и тонко,
А «связь» съ искусствомъ доказаль,
Въ театрѣ подкинувши «Ребенка».

Получивъ 500 рублей Уваровской преміи за «Разоренное гнѣздо» и «вспрыснувъ» ихъ въ кругу товарищей-литераторовъ въ «Назаретѣ», Минаевъ вдругъ расхохотался и сказалъ:

Да, въ академіи наукъ
Плохи хозяйева, ей-ей:
За «Разоренное гнѣздо»
Вдругъ дали мнѣ пятьсотъ рублей.

Умеръ поэтъ М. Ходили слухи, что его сразила бѣлая горячка. Дѣйствительно, послѣдніе годы онъ безмѣрно много пилъ и доходилъ до галлюцинацій. Когда вѣсть объ его смерти достигла кружка литераторовъ, засѣдавшихъ въ «Назаретѣ», Минаевъ, присутствовавшій на товарищеской вечеринкѣ, сейчасъ же составилъ «эни-тафію»:

Онъ былъ великій человекъ,
Его мы спичемъ удостоимъ;
Онъ удивлялъ насъ цѣлый вѣкъ
Своимъ талантомъ и... запоемъ.
Толпа! Прости ему грѣхи
И грязью памятникъ не пачкай:
Писаль онъ бѣлые стихи
И умеръ бѣлою горячкой.

Въ одномъ тѣсномъ кружкѣ литераторовъ стало извѣстно, что нѣкто изъ ихъ среды поступилъ измѣннически съ другимъ, сдѣлавъ на него негласный доносъ.

— Кто бы могъ подумать,—замѣтилъ по этому поводу С. Н. Терпигоревъ,—что N рѣшится на такую подлость! И вѣдь онъ обладалъ недюжинными способностями, подавалъ такія большія надежды...

— Эхъ, братецъ!—возразилъ ему Минаевъ,—

Нельзя довѣряться надеждѣ,
Она ужасно часто лжетъ:
Онъ подавалъ надежды прежде,
Теперь доносы подаетъ.

Вскорѣ послѣ этого Минаевъ во главѣ веселой компаніи сидѣлъ въ «Коммерческомъ» ресторанѣ въ Толмазовомъ переулкѣ. Рѣчь

шла объ итальянскомъ пѣвцѣ Тамберликѣ. Въ это время къ столу подошелъ Н., и разговоръ самъ собою прекратился. Минаевъ, немного захмелѣвшій, увидѣлъ Н. и, указывая на него, сказалъ:

— Вотъ нашъ отечественный Тамберликъ! Чѣмъ онъ хуже Тамберлика итальянскаго?

— Я—Тамберликъ?—удивился тотъ.—Почему?

— А то какъ же!—отвѣтилъ поэтъ:

Я не гожусь, конечно, въ судьи,
Но не смущень твоимъ вопросомъ:
Пусть Тамберликъ беретъ до грудью,
А ты, мой другъ, берешь до носомъ.

Несмотря на то, что Минаевъ въ поясненіе своего экспромта указалъ рукой на носъ, Н. понялъ ѣдкую соль остроты и послѣшилъ ретироваться.

Минаевъ пришелъ однажды въ гости къ своему хорошему знакомому, который на словахъ былъ самымъ крайнимъ радикаломъ и «отрицателемъ». Замѣтивъ въ переднемъ углу вмѣстѣ съ образами просфоры, Минаевъ остановился, какъ бы въ изумленіи, и съ комическимъ выраженіемъ ужаса на лицѣ продекламировалъ:

Ужель еще намъ мало
Дожить до той поры,
Что въ домѣ радикала
Мы видимъ просфоры?

Дѣло было въ Москвѣ... Въ 1884 году Минаевъ, проѣзжая черезъ бѣлокаменную на югъ,—кажется, въ Ялту,—остановился въ ней на три дня. Проводить его на вокзалъ Московско-Курской желѣзной дороги собрался кружокъ друзей-литераторовъ. И вотъ Минаевъ, стоя уже въ вагонѣ у окна, обратился къ провожавшимъ его и произнесъ:

Москва—столица дорогая,—
Ты въ этомъ правъ, славянофиль:
Въ гостиницѣ втридорога я
За трое сутокъ заплатилъ.

Изъ обстоятельствъ, при которыхъ были сказаны Минаевымъ приведенные здѣсь экспромты, можно видѣть, что они дѣйствительно, были экспромтами, а не заготовлялись заранее, какъ это нерѣдко практикуется. Тѣмъ не менѣе вскорѣ послѣ смерти Минаева В. В. Чуйко помѣстилъ въ «Одесскомъ Листкѣ» статью, въ которой, развѣнчивая покойнаго «короля риомы», какъ сатирика, лирика и переводчика, посягнувъ на славу Минаева и какъ экспромтиста. По словамъ Чуйко, «слава Минаева, какъ экспромтиста, въ значительной степени преувеличена: всѣ его наиболѣе извѣстные экспром-

ты были имъ, обыкновенно, приготовляемы заранѣе: онъ ихъ заучиваль и потомъ, при случаѣ, произносилъ ¹⁾). Отзывъ Чуйко объ экспромтахъ, совершенно голословный и ничѣмъ не обоснованный, встрѣтилъ единодушныя возраженія, какъ въ столичной прессѣ, такъ и въ провинціальной. Такъ, напримѣръ, доселѣ здравствующій А. В. Кругловъ на страницахъ «Дня» говорилъ, что Чуйко несправедливо отнесся къ памяти Минаева, «отнимая отъ него даже всѣмъ извѣстную способность щеголять экспромтами», и увѣряль, что «самъ былъ свидѣтелемъ множества такихъ экспромтовъ, какіе сочинить заранѣе было нельзя» ²⁾). А одна изъ провинціальныхъ газетъ, приведя отзывъ Чуйко о Минаевѣ, какъ экспромтистѣ, ехидно съязвила: «Все это, быть можетъ, и такъ, но Минаевъ во всякомъ случаѣ имѣль уже то достоинство, что обладалъ несомнѣннымъ остроуміемъ, чего,—увы!—лишенъ нынѣ нами цитируемый критикъ» ³⁾).

Приводимые ниже экспромты Минаева, какъ нельзя лучше, опровергаютъ несправедливыя слова Чуйко о покойномъ «королѣ риемы».

Минаевъ шелъ однажды по Николаевской улицѣ и вдругъ увидѣль, что около одного подъѣзда собралась толпа народа. Подойдя ближе, онъ замѣтилъ въ этой толпѣ О. М. Достоевскаго. Страшно взволнованный творецъ «Преступленія и наказанія» о чемъ-то говорилъ съ городовымъ, придерживавшимъ за шиворотъ какого-то человѣка, повидимому, мастерового.

— Что такое съ вами произошло, Федоръ Михайловичъ?—спросилъ Минаевъ у Достоевскаго.

— Ахъ, это вы, Дмитрій Дмитриевичъ!—обернулся къ нему взволнованный Достоевскій.—Представьте, иду я по дорогѣ и вдругъ слышу крикъ: «прочь съ дороги!» Не успѣль я опомниться, какъ этотъ самый мастеровой такъ ударилъ меня по затылку, что я съ ногъ свалился. Теперь я приказаль задержать его и отправить въ участокъ.

Минаевъ, выслушавъ рѣчь творца «Преступленія и наказанія», обратился къ городовому и продекламировалъ:

Да, на это преступленіе
Обрати-ка, братъ, вниманіе:
За такое преступленіе
Дай ему и наказаніе.

Дѣло о нанесеніи побоевъ Достоевскому разбиралось потомъ по мѣсту происшествія у мирового судьи 13-го участка А. И. Трофимова, большого остряка и балагура. Послушать это дѣло явился въ

¹⁾ «Одесскій Листокъ», 1889 г., № 191, ст. В. Чуйко: «Д. Д. Минаевъ».

²⁾ «День», 1889 г., № 426, фельетонъ А. Круглова: «Факты и мысли, XXV».

³⁾ Самарская Газета, 1889 г., № 164, отд.: «Плоды журнальной нивы».

камеру и Минаевъ. Былъ на судѣ въ качествѣ потерпѣвшаго и Достоевскій. Когда дѣло окончилось, А. И. Трофимовъ проводилъ Достоевскаго до выходныхъ дверей и выразился такъ:

— Я очень счастливъ, что, хотя по должности мирового судьи, имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ самымъ выдающимся корифеемъ русской литературы...

По уходѣ Достоевскаго, Минаевъ, бывший въ дружескихъ отношеніяхъ съ Трофимовымъ, сказалъ:

О! изъ судей столицы Невской
Счастливѣй всѣхъ ты, безъ сомнѣнія,
Коль отъ тебя самъ Достоевскій
Ждалъ справедливаго рѣшенія...

Минаевъ посѣтилъ однажды вмѣстѣ съ писателемъ-этнографомъ С. В. Максимовымъ загородный увеселительный садъ «Ливадію», гдѣ публику угощали разнообразнымъ дивертисментомъ. Минаевъ все время усердно аплодировалъ худенькой француженкѣ, распѣвавшей разудалыя французскія шансонетки, а Максимовъ не менѣе усердно аплодировалъ дородной русской пѣвицѣ, распѣвавшей русскія народныя пѣсни.

— Скажите, пожалуйста, Дмитрій Дмитриевичъ,—обратился кто-то шутливо къ Минаеву,—чѣмъ это объясняется такое разногласіе во вкусахъ у васъ съ Максимовымъ? Вы—такіе друзья, а между тѣмъ онъ аплодируетъ дебелой русской пѣвицѣ, а вы усердно хлопаете тощей француженкѣ...

Не долго думая, Минаевъ отвѣтилъ:

Межъ нами—разница извѣстная,
Про это знаютъ небеса:
Поэты любятъ безтѣлесное,
Прозаикъ любить тѣлеса.

Минаевъ встрѣтилъ двухъ своихъ пріятелей, долгое время скитавшихся безъ мѣста.

— Ну, что?—спрашиваетъ онъ ихъ,—какъ дѣла?

— Да все попрежнему,—отвѣчаетъ одинъ:—второй годъ все «завтраками» кормятъ, все общаются... «Мы васъ будемъ имѣть въ виду»—вотъ самая утѣшительная фраза, которою меня угощаютъ въ разныхъ департаментахъ и банкахъ.

— Ну, а ты?—обратился Минаевъ къ другому.

— То же самое... Мнѣ все говорятъ: «Мы васъ не упустимъ изъ виду»...

— Однако, «видные» же вы люди,—разсмѣялся Минаевъ и поклонился:

Счастливей васъ я въ мірѣ не найду,
Васъ не даетъ никто въ обиду:
Одинъ всегда «имѣется въ виду»,
Другого «не теряютъ съ виду»...

Отправляясь въ 1887 году на Кавказъ лечиться, Минаевъ заѣхалъ по пути къ одному знакомому провинціалу. У того былъ въ то время въ гостяхъ какой-то господинъ, долго жившій въ Парижѣ. Въ присутствіи Минаева онъ распространился о томъ, что русскіе поэты не умѣютъ создавать въ стихахъ такія любезности по адресу дамъ, какъ французы.

— Нѣтъ,—замѣтилъ Минаевъ:—и русскіе умѣютъ, но только отъ ихъ комплиментовъ «не пахнетъ потомъ».

— Такъ вотъ, Дмитрій Дмитриевичъ, скажите что-нибудь по адресу дамъ,—обратился къ нему хозяинъ.

Минаевъ оглянулся и, видя, что хозяйка отправляетъ въ ротъ карамельку, продекламировалъ:

Супруга ваша—идеаль,
Супруга ваша—совершенство:
Къ ней въ ротикъ леденецъ попалъ
И началъ таять отъ блаженства.

Знакомый Минаева, извѣстный виноторговецъ, пѣмецъ по происхожденію, серьезно заболѣлъ. Доктора отказались уже лечить его, и только знаменитый С. П. Боткинъ поставилъ его на ноги. Когда виноторговецъ совершенно выздоровѣлъ, онъ устроилъ у себя званый обѣдъ, на который былъ приглашенъ и Минаевъ. Во время самаго разгара обѣда Минаевъ налилъ рюмку водки и, подавая ее хозяину, въ продолженіе всего обѣда восхвалявшему необыкновенное искусство Боткина, сказалъ:

За здоровье Боткина,
Пѣмецъ, рюмку водки на!

Хоропили богатаго, сильно кутившаго въ оны времена купца Силу Яковлевича Н. Погребальное шествіе тихо подвигалось по Разстанной улицѣ. Прахъ купца несли на рукахъ его приказчики. Кто-то обратился къ присутствовавшему на похоронахъ Минаеву и съ грустью произнесъ:

— Сила-то Яковлевичъ. Добѣгался... теперъ шабашъ... домой понесли!

Минаевъ улыбнулся и сказалъ:

— Ему не привыкать стать,—

Таковъ уже законъ,
Давно извѣстный Силѣ:
Изъ дома бѣгалъ онъ,
А въ домъ его носили.

Купца, этого дѣйствительно, очень часто послѣ пооекъ вносили въ квартиру на рукахъ; такъ онъ напивался.

Другъ и пріятель Минаева, Т., настолько любилъ совершать возліянія Бахусу, что у него постоянно, какъ говорится, въ глазахъ двоилось. Однажды утромъ, находясь еще подъ хмелькомъ послѣ вчерашняго ужина, онъ пришелъ къ Минаеву и говорить:

— Поздравь меня... у меня жена родила...

— Сына?

— Нѣтъ.

— Дочку?

— Нѣтъ, поднимай выше!

— Да кого же, наконецъ?

— Двойню.

— Двойню?—удивился Минаевъ:—

Сердцемъ ноя и скорбѣя,
Можно удивиться:
Даже въ этомъ у тебя,
Милый мой, двоится...

Наконецъ, приведу послѣдній экспромтъ, показывающій, что покойный «король риѣмы» не терялъ способности версификаціи даже въ тѣхъ состояніяхъ, которыя близки къ невмѣняемости.

Однажды, случайно разыскавъ, пріятели вытащили Минаева изъ какого-то невозможнаго вертепа, гдѣ онъ угощался въ компаніи какихъ-то новыхъ знакомыхъ и въ полубезчувственномъ состояніи привезли домой.

— И гдѣ это его такъ угораздило?—сказалъ кто-то изъ его домочадцевъ, не ожидая услышать отъ поэта и одного членораздѣльнаго слова, но, къ удивленію всѣхъ, Минаевъ приподнялся-таки на диванѣ и, хотя съ трудомъ, но довольно отчетливо продекламировалъ:

Въ ресторанѣ ѣлъ супъ, сидя я,
(Супъ былъ сладокъ, какъ субсидія),
Но нашла такая манія,
И.... лежу вотъ на диванѣ. я

Минаевъ никогда не записывалъ своихъ экспромтовъ и сейчасъ же послѣ того, какъ говорилъ ихъ, забывалъ. Записывали ихъ его друзья литераторы, а иногда и лица, не имѣющія ничего общаго съ литературой. Такъ, напримѣръ, въ «Назаретѣ» былъ официантъ, который всегда записывалъ на стѣнѣ ресторана всѣ экспромты, сказанные Минаевымъ ¹⁾. Благодаря ему, нѣкоторые изъ минаевскихъ экспромтовъ и сохранились, будучи послѣ смерти «короля риѣмы» преданы тисненію литераторами, посѣтителями этого кабачка.

¹⁾ «Новости», 1889 г., № 189, отд.: «О чемъ говорятъ».

X.

Нѣсколько заключительныхъ словъ.—Несправедливо забытый.—Случайное представлеіе о Минаевѣ у читающей публики и даже у критиковъ.—Необходимость изданія собранія его сочиненій.

Съ Минаевымъ случилось то, что случается у насъ съ писателями очень часто: его забыли совершенно, какъ писателя, сохранивъ смутное представлеіе о немъ, какъ человѣкъ «прохладной» жизни, весельчакъ и балагуръ. Въ значительной степени повинны въ этомъ наши отечественные Аристархи, которые не замѣтили, что покойный «король риемы» не только сверкалъ блестящимъ каскадомъ фейерверочныхъ искръ версификаціи, но и горѣлъ настоящимъ огнемъ поэзіи, точно такъ же, какъ за грубоватой, нерѣдко неряшливой фигурой представителя литературной богемы просматрѣли они большое человѣческое, пламенное и любвеобильное сердце, затаившее въ себѣ «слезы вѣка».

Стоить просматрѣть труды современныхъ критиковъ и историковъ литературы, въ которыхъ отводится Минаеву по нѣсколько строкъ, чтобы убѣдиться, что характеристика его, иногда въ буквально тождественныхъ выраженіяхъ, кочуетъ изъ книги въ книгу, не провѣряемая и не подкрѣпляемая доказательствами, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была пущена въ оборотъ критиками, современниками «короля риемы», вродѣ далеко не безпристрастнаго В. В. Чуйко. Иногда же, читая отзывы современныхъ намъ критиковъ о Минаевѣ, приходится прямо-таки убѣждаться, что они имѣютъ о немъ самое смутное представлеіе, мѣшая его нерѣдко съ отцомъ, Д. И. Минаевымъ. Такъ, напримѣръ, въ юбилейномъ изданіи собранія сочиненій Бѣлинскаго, выпущенномъ въ свѣтъ подъ редакціей извѣстнаго современнаго критика г. Иванова-Разумника, находится слѣдующее любопытное подтвержденіе высказанной мною мысли. Въ статьѣ «Взглядъ на русскую литературу 1846 года», послѣ словъ Бѣлинскаго: «мы назвали стихи г. Минаева бойкими; прибавимъ къ этому, что они еще столько же фразисты, сколько и восторженны, и что въ нихъ больше риторики, нежели поэзіи»—Ивановъ-Разумникъ дѣлаетъ подстрочное примѣчаніе, въ которомъ говоритъ: «Проницательная характеристика Д. Минаева, довольно извѣстнаго вполсѣдствіи версификатора»¹⁾. Если принять во вниманіе, что Д. И. Минаевъ, къ «Слову о полкѣ Игоревѣ» котораго относятся указанныя слова Бѣлинскаго, послѣ этой поэмы напеча-

¹⁾ Библіотека русскихъ критиковъ. I. Собр. соч. В. Г. Бѣлинскаго, подъ редакціей Иванова-Разумника, юбилейное изданіе А. С. Панафидиной Спб., 1911 г., т. 3, стр. 772.

талъ только двѣ книжки, прошедшія не замѣченными критикой, да и вообще-то онъ не славился, какъ версификаторъ, — то, повидимому, примѣчаніе Иванова-Разумника относится всецѣло къ Дм. Дм. Минаеву. А о Минаевѣ-сынѣ Бѣлинскій не могъ писать по той простой причинѣ, что «король рѣшмы» выступилъ на литературномъ поприщѣ, спустя около десяти лѣтъ послѣ смерти гениальнаго критика...

Такое невѣдѣніе современныхъ критиковъ отчасти понятно: тѣ сборники стихотвореній, которые были выпущены въ свѣтъ самимъ Дм. Дм. Минаевымъ, давно уже разошлись, а многіе изъ нихъ сдѣлались даже библиографическими рѣдкостями, такъ что провѣрка характеристики Минаева, какъ писателя, сопряжена съ большими трудностями и потребовала бы у отважившагося на этотъ «подвигъ» критика массу времени.

Можетъ быть, наступившее двадцатипятилѣтіе со дня смерти Дм. Дм. Минаева возбудитъ интересъ къ его творчеству и послужитъ поводомъ къ изданію собранія его сочиненій, которое, внѣ всякаго сомнѣнія, заставитъ нашихъ критиковъ пересмотрѣть «дѣло о покойномъ поэтѣ Дм. Дм. Минаевѣ, признанномъ только «версификаторомъ», и оцѣнить творчество покойнаго поэта по дѣйствительному номиналу, а не на основаніи однѣхъ только краткихъ замѣтокъ, появившихся въ печати послѣ его смерти, когда еще не было точно опредѣлено литературное наслѣдство, оставленное покойнымъ «королемъ рѣшмы». Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что Минаевъ былъ не только поэтомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, а и журналистомъ-ремесленникомъ, обязаннымъ составлять, если не ежедневно, то, по крайней мѣрѣ, еженедѣльно, опредѣленное количество рѣшмованныхъ строчекъ. Можно ли, учитывая это обстоятельство, принимать въ расчетъ при оцѣнкѣ собственно поэтическаго дарованія Минаева все написанное имъ и подъ итожной чертой оцѣнки подписывать: «только версификаторъ»? Разумѣется, нѣтъ, и изданіе собранія сочиненій Минаева доказало бы, по нашему мнѣнію, всю справедливость выказаннаго нами.

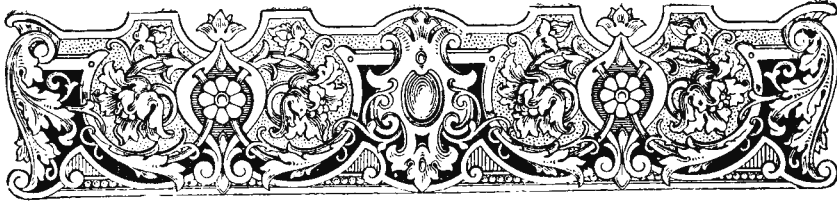
О необходимости изданія собранія сочиненій Минаева ровно 25 лѣтъ тому назадъ писалъ В. П. Буренинъ. «Минаевъ написалъ такъ много стиховъ, — говорилъ онъ: — что изданіе полнаго собранія сочиненій его было бы рискованною попыткой: большинство его пѣсенъ напечатаны на случаи и на лица, которыхъ теперь никто не помнитъ. Безъ комментаріевъ такіе стихи едва ли будутъ понятны. Но сдѣлать выборъ лучшихъ вещей изъ произведеній Минаева слѣдовало бы: у него наберется тома на два очень интересныхъ и живыхъ пьесъ. Издать эти пьесы необходимо, хотя бы для того, чтобы современные читатели увидѣли, насколько

поэзія покойнаго выше и по техникѣ и по содержанію золотушной поэзіи современныхъ рифмоплетовъ, воображающихъ о себѣ, что они возродили «чистое искусство, осмѣянное и униженное юмористами 60-хъ годовъ».

Въ настоящее время, при «татарскомъ нашествіи» на русскую поэзію «бурлюкающихъ» младенцевъ отъ акамеизма, футуризма и прочихъ «измовъ», подъ этими словами, написанными 25 лѣтъ тому назадъ, слѣдуетъ подписаться обѣими руками.

Н. Державинъ.

УЖАСЫ ГОРОДА ¹⁾.

(Изъ повседневныхъ исторій).

II.

Молодые сны.

1.

ОДЗОРОВЪ ѣхалъ изъ дому почти съ пустыми карманами.

Остановившись на день въ Москвѣ, чтобы побывать въ Третьяковской галереѣ, онъ не могъ себѣ отказать въ удовольствіи позавтракать у Тѣстова, предварительно произведя подробный подсчетъ имѣющейся наличности.

«Ну, и ладно!.. Ограничусь завтракомъ, а обѣдъ можно и по боку... Рубль за номеръ, двугривенный на чай, извозчикъ...»

Разсужденія привели его къ невеселымъ выводамъ.

Онъ былъ молодецъ (ему только что исполнилось двадцать), здоровъ, довольно красивъ, незауряденъ, имѣлъ на плечахъ голову, способную размышлять, обладалъ склонностью къ писательству. Сдѣлаться литераторомъ стало для него вопросомъ «быть или не быть».

Главное, онъ вѣрилъ въ свои силы и шелъ напроломъ, слушаясь голоса сердца.

¹⁾ Продолженіе «Истор. Вѣст.», т. СXXXVII, стр. 132.

Подзоровъ скоро забылъ о безденежѣ.

Осмотрѣвъ съ легкомысліемъ юноши, рѣдко попадавшего въ храмъ искусства, безконечные ряды комнатъ, увѣшанныхъ картинами самымъ разнородныхъ направленій, онъ ощутилъ опять голодъ.

Тѣстовскій завтракъ вызывалъ пріятныя воспоминанія о томъ, чего уже нельзя было повторить, и экономическія соображенія снова разстроили Подзорова.

«Лучше поскорѣй въ Питерь, и примусь за работу...»

Въ туманной, холодной столицѣ, страшной своей неизвѣстностью, онъ мечталъ осуществить завѣтныя грезы, расширить кругозоръ новыми встрѣчами и знакомствами и, отдавшись бурному валу, плыть въ непредѣльную даль, куда принесетъ теченіе.

Въ уѣздномъ захолустѣ, пріютившемъ людей съ отсталыми, узкими понятіями о жизни и пошлыми, часто низменными вкусами,—крылатой мечтѣ Подзорова негдѣ было развернуться (такъ онъ думалъ). Даже губернской городъ, можетъ быть, важный въ торговомъ отношеніи, казался не больше, какъ громадной, южной деревней, занятой только наживой и сплетнями.

И его притягивалъ къ себѣ какой-то неотразимый, властный зовъ, которому не подчиниться онъ былъ не въ силахъ, и въ этомъ зовѣ звучало всегда одно и то же настойчивое, полное таинственной заманчивости: «Петербургъ... Петербургъ...»

Молодость склонна вѣрить въ лучшее.

Подзоровъ съ грустью дотащился до гостиницы и, собравъ пожитки, отправился на вокзалъ, усѣлся въ вагонъ и сталъ наблюдать изъ окна.

Поѣздъ медленно двинулся. Паровозъ запыхтѣлъ, сначала какъ бы нехотя, потомъ выпустилъ кверху черный дымъ, а книзу бѣлый, словно принимая оборонительное положеніе, и покатился впередъ, вздыхая и охая.

Подзоровъ живо задремалъ, и ему грезились яркіе сны.

2.

Онъ дешево устроился на Пушкинской въ скромныхъ меблированныхъ комнатахъ со столомъ и къ вечеру (въ день пріѣзда въ Петербургъ) чувствовалъ себя уже совершенно свободнымъ и независимымъ гражданиномъ, не связаннымъ никакими условными обязательствами.

Онъ зналъ одинъ долгъ—передъ своей совѣстью; все прочее не имѣло для него цѣны.

«Нужно работать, чтобъ ѣсть, ѣсть—чтобы работать... но не просто работать, а созидать, творить, словомъ, оставить послѣ себя какой-нибудь слѣдъ... Смѣло, чортъ возьми, но такъ должно быть!»—

мысленно философствоваль Подзоровъ, идя по Невскому, залптому свѣтомъ электрическихъ фонарей.

Быль конецъ сентября 1904 года.

Погода стояла ровная, пріятная, располагающая къ прогулкамъ.

Онъ съ любопытствомъ неопытнаго провинціала смотрѣлъ по сторонамъ. Его все занимало, радовало: и разукрашенные витрины магазиновъ, и фасады зданій, и снующая взадь и впередъ праздная и дѣловая толпа.

«Сколько матеріала для наблюденій!.. Садись и пиши. Живая панорама...»

И онъ досыта насыщался этими пестрыми, минутными впечатлѣніями. Его притягивала незнакомая людская волна, приливающая и отливающая, точно у морского берега.

Вотъ на думской вышкѣ пробило девять, и показная роскошь начала тускнѣть; быстро потухали огни; окна теряли привлекательность; лишь фруктовыя да булочные и колбасныя еще продолжали сверкать, увлекая прохожихъ соблазнами чревоугодія.

Едва примолкъ Невскій, не прошло и получаса, какъ Подзоровъ примѣтилъ, что тамъ, вдали, происходитъ что-то необыкновенное. Пульсъ притихшей, безконечно-длинной улицы съ порѣдѣвшей публикой опять забился неровными, лихорадочными скачками.

Отъ Морской до Полицейскаго моста по направленію къ Малой Конюшенной, все ближе и ближе къ Подзорову, бѣжали изо всѣхъ силъ, кто какъ могъ, перебѣгали на другую сторону проспекта, садились на первыхъ попавшихся извозчиковъ или заворачивали за уголъ, исчезая въ подворотняхъ, «убогія и нарядныя» женщины и дѣвушки, инья еще почти подростки.

Нѣкоторыя изъ нихъ растерянно мчались мимо Подзорова, скрываясь отъ какого-то невѣдомаго, но страшнаго врага, присутствіе котораго было, очевидно, замѣчено ими.

Въ этомъ стремительномъ бѣгѣ чувствовался стихійный порывъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, животный страхъ обойденнаго звѣрка, почувшаго предательскую засаду.

Подзоровъ обернулся.

Сзади дѣлалось то же самое, и оттуда неслись вразсыпную, гонимыя все тѣмъ же загадочнымъ призракомъ какого-то ужаса.

Большинство изъ проходившихъ мужчинъ оставались безучастными зрителями этой уличной драмы; кое-кто даже посмѣивался, пуская громкія замѣчанія:

— Ату, ату! Ночной перелетъ... Улетаютъ птички въ теплые края.

Смѣялись.

— Богатый вылетъ! Вонъ, смотри, сѣренькую уже поймали.

— Вишь, бабочки-касаточки! Ну-ка, Иванъ Кирилловичъ, причаливай, пока не поздно! Лафа да и только...

Петропутьи пока житейскіми соблазнами, съ мыслями свѣжими и цѣломудренными, чуждый понятія о произволѣ, Подзоровъ былъ смущенъ странной картиной петербургской жизни, но еще не вполне понималъ, въ чемъ дѣло.

Надъ его ухомъ раздался умоляющій, сдавленный шопотъ:

— Слушайте, проводите-ка немножечко... Я не для того, а такъ... Горбунъ сейчасъ прицѣпится, — и два красивыхъ глаза съ дрожащимъ блескомъ глядѣли на него не то съ вызовомъ, не то съ покорностью.

Гибкая, прямая, тонкая, съ слегка выдающимся подбородкомъ, незнакомка почти внезапно овладѣла его настроеніемъ, и онъ, любящій находить въ живыхъ глазахъ сходство съ типами, увѣковѣченными на полотнахъ извѣстныхъ художниковъ (большею частью по изображеніямъ иллюстрированныхъ журналовъ знакомился съ ними Подзоровъ), назвалъ ее въ душѣ «джибсоновской дѣвушкой».

Молодой человѣкъ не сопротивлялся.

Неожиданная встрѣча доставила ему видимое удовольствіе, тѣмъ болѣе, что вызвана была необходимостью спасти отъ преслѣдователя.

На Невскомъ, между тѣмъ, уже велась настоящая облава. Бѣгущихъ перехватывали какія-то таинственныя личности, одѣтыя по одинаковому образцу, въ темныя пальто съ цвѣтными платками вокругъ шеи и въ котелки. Имъ помогали дворники и городовые.

Инымъ удавалось вырваться; другія попадали въ ловушку. Крики, взвизгиванія, свистки, чей-то раскатистый, нелѣпый хохотъ, все это сливалось въ гаммѣ тревожныхъ, волнующихъ, ударяющихъ по нервамъ звуковъ.

Гончія и борзья въ человѣческомъ образѣ жадно бросались вдогонку. Недоставало лишь охотничьихъ роговъ, чтобъ окончательно завершить своеобразную ночную травлю беззащитныхъ и, притомъ, слабѣйшихъ, служащихъ жертвами общей разнузданности.

Гуляющіе изъ «чистыхъ» спѣшили поживѣй стусеваться, чтобы не попасть въ непріятную исторію, слѣдуя пословицѣ: «Своя рубашка ближе къ тѣлу».

Невскій опять на половину опустѣлъ.

3.

— Какъ васъ зовутъ?—застѣнчиво спросилъ Подзоровъ у спутницы, когда прошелъ съ ней нѣсколько шаговъ.

— Глаша... А васъ?

Такъ какъ онъ обратился къ ней на *вы*, она стала вдругъ сдержанной, посматривая на него съ недоумѣніемъ.

— Подзоровъ, Борисъ Андреевичъ. Отчего это у васъ такія строгости? И такъ—каждый вечеръ? Я лучше и выходить не буду на Невскій... непріятно.

Она опять удивилась, что онъ назвалъ ей свое полное имя («не побоялся, значить... отнесся по-человѣчески»).

Тамъ, въ «прежней» жизни, такъ всегда бываетъ, но въ «этой», когда она переступила порогъ врачебно-полицейскаго комитета и вышла съ патентомъ на право торговли красотой и здоровьемъ, такіе случаи начали повторяться какъ-то рѣже и рѣже.

— О, съ нашей сестрой не церемонничаютъ! Все хотятъ поймать, у кого нѣтъ «бланка»... Да и ходить нигдѣ нельзя. Мы словно и не люди. Вездѣ воспрещается... И тамъ не сиди, и туда не ходи. Отовсюду гонять. Ну, поймають разъ-другой, и на высылку изъ города. Вы, должно быть, не здѣшній? ничего не знаете...

Сказала и усмѣхнулась, показывая ровные, бѣлые зубы, потомъ вдругъ сразу какъ-то потускнѣла и прижалась къ Подзорову.

— Вотъ онъ идетъ... Не убережешься съ нимъ...

— Кто такой?

— Да Синеоковъ, надзиратель. Придирается ко мнѣ. Обѣщался выслать изъ Петербурга, если не полюблю его... А какъ этакаго полюбить! Горбатый, рябой, пучеглазый... Мы такъ и зовемъ его «пучеглазый чортъ». Вамъ, кажется, неловко, что я съ вами? Тогда скажите...

Горбунь съ неприятнымъ, тяжелымъ взглядомъ выпуклыхъ, масляныхъ зрачковъ вкрадчиво подбирался къ Глашѣ.

Еще минута, и онъ дернулъ бы ее за мѣховую кофточку; но дѣвушка отскочила, хватая подъ руку Подзорова.

— Это не поможетъ... Все равно я васъ арестую,—раздался хриплый, угрожающій тенорокъ смотрителя:—вы не смѣете шляться по Невскому проспекту и приставать къ мужчинамъ. Правила имѣете? Вы только что пристали къ господину... я видѣлъ. Ступайте за мной безъ разговоровъ!

И старикъ грубо потянулъ ее къ себѣ.

Подзоровъ легко вспыхивалъ, какъ спичка, и тогда уже не владелъ собою.

— Вы, милостивый государь, тоже не имѣете права трогать мою даму и вы мнѣ за это отвѣтите, если не оставите насъ въ покоѣ. Это моя... двоюродная сестра. Я—приѣзжій, провинціалъ и вашихъ порядковъ не усвоилъ пока. Я недавно здѣсь и, конечно, не дамъ въ обиду сестру... Слышите? Я—Подзоровъ, понимаете ли, Подзоровъ! Я самъ пойду съ вами въ участокъ, если нужно... Да, наконецъ, убирайтесь вы къ лѣшему и лучше не трогайте меня! Коротко и ясно...

Отпоръ былъ слишкомъ горячій и стремительный, и Синеоковъ, повидимому, растерялся.

Онъ что-то пробормоталъ въ отвѣтъ, какъ будто угрозу, но Глаша и ея новый молодой другъ не слушали и свернули за уголъ къ канавѣ, гдѣ стоялъ свободный извозчикъ.

— Я васъ теперь не могу оставить одну... Проводить бы васъ не мѣшало...

— Поѣдемъ ко мнѣ, Боря. Здѣсь недалеко, на Фонарномъ.

И они отправились.

«Боря» эхомъ отозвалось въ его душѣ, и теплая волна охватила его, закружила и понесла...

4.

Небольшая комната, уютно обставленная, была и гостиной, и спальней. Лампа подъ стекляннымъ абажуромъ, блѣдно-розовымъ, бросала мягкіе тона, располагая къ мирной бесѣдѣ, къ задушевнымъ признаніямъ.

«Сюжетъ для беллетристическаго очерка... Но зачѣмъ, въ сущности, я сюда попалъ? Смѣю ли отнимать у нея время? Защитилъ на улицѣ отъ проходимца и довольно, а визитъ—это уже изъ другой оперы... Надо уйти... Неужели она считаетъ меня за богатаго и надѣется?..»

Думаль, но не уходиль.

Прислуга принесла чай.

«Джибсоновская» дѣвушка все сильнѣй и сильнѣй притягивала его къ себѣ, и ему захотѣлось еще посидѣть у нея, поболтать.

«Мы оба—одинокіи, а одиночество сближаетъ».

Словно капля огня упала къ нему въ сердце и начала жечь.

— Какъ же это случилось, что вы пошли по такой торной дорогѣ?—спросилъ Подзоровъ, дѣлая усилія, чтобъ овладѣть собой.

Глаша сидѣла поодаль на диванѣ и рассказывала безъ умолку, а онъ внимательно слушалъ, изрѣдка подавая реплики. Тихая музыка ея словъ очаровывала его и подымала нервы. Увлекаясь, Глаша переходила на *ты*, но потомъ, какъ бы опомнившись, сконфуженно улыбалась и вновь говорила *вы*.

— Да такъ и случилось. Я, вѣдь, мѣтила въ барышни, въ пансіонъ ходила,—съ горькой ироніей прибавила она:—изъ третьяго класса меня взяли... денегъ не хватало на плату... Ну, отдали въ мастерскую, къ мадамъ... Со студентомъ познакомилась, съ технологомъ, затѣмъ съ офицеромъ... влюбилась... Такъ и пошла съ горки катиться... и никто не догадывался до поры—до времени. Да вотъ и вышло... За нами, видно, стали слѣдить... Какъ-то иду я съ подругой, съ Катей... Да вы что же смотрите-то, Боря, а чаю не пьете? Пей, голубчикъ, наливавай еще, да и мнѣ за компанію... Ну-съ, идемъ это мы, а къ намъ два субъекта, заговариваютъ... Мы сообразили, бѣгомъ, а они—за нами... Мы по черной лѣстницѣ до второго этажа. Сыщики догоняютъ, и дворникъ туда же, кричатъ. Я растерялась. Меня, конечно, поймали, а Катька-то слуду, должно, съ перепугу, какъ заоретъ: «Караулъ! Спасите!» да такъ въ окошко съ площадки и кинулась.

— Убилась?—воскликнулъ въ ужасѣ Подзоровъ и опечалился.

— А то нѣтъ? Убилась... два дня промучилась, бѣдняжка,—хребеть поломала... Я послѣ узнала про это. Мнѣ и прійти въ себя не дали, за шиворотъ и въ участокъ на ночевку, а на другой день—въ «комитетъ». Заступиться некому было.—«Да, вѣдь, я—портниха!»—говорю я, а они: «Знаемъ, какая портниха! Гулящая и баста...» Вручили «бланкъ». У дверей уже подкарауливала толстая «хозяйка», предложила и комнату на семь на готовомъ, и наряды... Шустрая, лиса! Я не поддаюсь, устояла... Кое-какъ перебиваюсь. Вотъ года два живу (а то и съ половиной) на собственныхъ хлѣбахъ. Авось и выбьюсь какъ-нибудь на волюшку...

Вѣяли благородной изысканностью нѣжные контуры ея тонкаго лица и пріятный, ласкающій говоръ безъ малѣйшей грубости и рѣзкости, такъ часто приобретаемыхъ благодаря безсоннымъ ночамъ среди постоянныхъ кутежей и нездороваго разгула. И манеры были скромныя, не вызывающія, полныя достоинства... Платье не бросалось въ глаза, изящно отгѣняя красивую стройную фигуру.

Суровая дѣйствительность настоящаго точно отступала назадъ передъ иллюзіей давно прошедшаго, воскресающаго въ воображеніи Подзорова.

Падшая Глаша блѣднѣла, исчезала; вырасталъ образъ невинной Глаши—полуревенка, гимназистки.

И ему сдѣлалось жалко этой иллюзіи, разрушенной вдругъ воспоминаніемъ о технологѣ и объ офицерѣ,—жалко до боли...

5.

Громкій, дребезжащій звонокъ.

— Навѣрно, Соня, подруга,—объясняетъ Глаша, и въ ея взорѣ изъ-подъ густыхъ рѣсницъ свѣтится безпокойство.

Молчаливый, странный гость, непохожій на обыкновенныхъ гостей, смущаетъ ее, и она не знаетъ, какъ себя вести съ нимъ. Женское чутье подсказываетъ ей, что она ему нравится, да и онъ ей по душѣ; но въ немъ есть что-то строгое, при всей его добротѣ, и она не дерзаетъ на первый шагъ къ сближенію. Глаша не понимаетъ Подзорова, не умѣетъ пока объяснить себѣ его поведенія и, пользуясь звонкомъ, выбѣгаетъ въ коридоръ.

Ему также неловко; его тоже что-то смущаетъ, тяготитъ и волнуетъ... Двадцатилѣтній юноша, онъ до сихъ поръ держался вдалекѣ отъ женщинъ. У него издавна составился на этотъ вопросъ опредѣленный взглядъ. Онъ понималъ сближеніе только на почвѣ глубокой сердечной привязанности, а такъ какъ жизнь не сталкивала его лицомъ къ лицу съ той, которая задѣла бы его спящіи струны,—онъ и не искалъ минутной, чувственной любви.

Примѣры друзей не разжигали его, и физиологическая сторона страсти безъ духовнаго сродства душъ скорѣй отталкивала его чѣмъ привлекала.

Въ коридорѣ громко разговаривали.

Подзоровъ слышалъ почти все, отъ слова до слова.

— У тебя гость? Спроваживай! Петя пріѣхалъ изъ Москвы съ товарищемъ. У Пети я, а у товарища никого знакомыхъ,—кричала Соня, и ея сочный, слегка грубоватый голосъ сразу нарушилъ элегическую тишину Глашиной комнаты (гдѣ ожидалъ Подзоровъ), внося въ нее отзвукъ шумной, веселой улицы.

Нельзя было разобрать отвѣта Глаши, но зато мужской окрикъ властно покрылъ всѣ голоса:

— Еще чего! Къ кои-то вѣки встрѣчаемся и вдругъ на-те... Махнемъ въ «Самаркандъ»... Лихачи у подъѣзда. Вотъ-съ рекомендую пріятеля. Любите и жалуйте. Стало, поѣдемъ? Цыганъ позову.

Глаша снова что-то неясно пробормотала.

— Да не куражся, пожалуйста!—опять вмѣшалась Соня, очевидно, въ сердцахъ:—я сама ему скажу.

— Сказала нѣтъ—и нѣтъ,—какъ ножомъ отрѣзала Глаша уже съ явнымъ раздраженіемъ, и въ ея фразѣ прозвучала металлическая нотка.

— Одно слово—дура... Тьфу! Счастья своего не понимаетъ. Не желаетъ и не нужно.

— Не принуждаемъ-съ... Вольному—воля, спасенному—рай, бѣшенному—поле, чорту—болото. Въ Питерѣ много вашей сестры,—возразилъ, повидимому, отвергнутый, стараясь не падать духомъ, хотя и обидѣлся.

— Ничего, я за Олей съѣзжу, можно и Настю прихватить, а вы подождите у воротъ,—быстро рѣшила Соня.

И подгулявшая компанія двинулась къ выходу.

Съ лѣстницы еще доносились хохотъ Пети и взвизгиванія его временной подруги.

6.

«Что же мнѣ теперь дѣлать,—что дѣлать?»—пробѣгали мысли въ головѣ Подзорова, и онъ поминутно прикладывалъ холодные пальцы къ горячимъ вискамъ, къ которымъ такъ и прилиwała кровь, такъ и стучала, словно пытаясь прорвать преграду.

«Я отнял у нея заработокъ... Денегъ хоть мало, а надо съ нею подѣлиться и уйти. Еще не начиналъ работать, а рубли такъ и летятъ! Мотъ! Ахъ, какая неловкость и какъ досадно! Никогда не бывалъ въ такомъ дурацкомъ положеніи... Уйти, уйти!..»

Глаша не сейчасъ вернулась. Прошло съ четверть часа.

Она застала его стоящимъ у окна въ раздумьи, съ шапкой въ рукѣ.

Глаша переодѣлась; она была въ шелковой блузѣ съ открытыми рукавами, и отъ нея пахло какой-то душистой смѣсью.

— Ужъ не уходитъ ли собрался?—промолвила она, вскидывая красивые, каріе глаза съ изогнутыми кверху длинными рѣсницами, и между бровями легла у нея морщинка:—вотъ придумаль!.. Ты не обидѣлся ли на Соньку? Пустяки!.. Она всегда такая шалая, когда выпьетъ.

И, подойдя вплотную, Глаша заглянула въ лицо Подзорова, вдругъ обняла его за шею и усмѣхнулась.

Онъ не находилъ словъ, какъ ей выразить свои сомнѣнія и тревоги, и она вновь обратилась къ нему, но теперь болѣе мягко, точно смутно понимая причину его волненія:

— Ой, какой хмурый! Не надо, Боря... Пойдемъ, сядемъ на диванчикъ... Тѣснѣй—дружнѣй... Ну, будь же папшкой, улыбнись!

И усадила его, потомъ стала медленно перебирать волосы, цѣловать съ томительными разстановками, а онъ все молчалъ, и подавленный, и счастливый, и сконфуженный.

Хотѣлъ бороться, но не хватало силъ, будто иная, болѣе могучая власть подчиняла своей волѣ.

Капля огня, запавшая въ сердце, глубже и глубже разѣдала его, и Подзорову казалось, что эта жуткая пытка доставляетъ ему скорѣй блаженство, чѣмъ страданіе.

А Глаша сильнѣе прижималась и шептала, прислоняя губы къ его пылающему рту:

— Ты совсѣмъ глупенькій мальчикъ и ты мнѣ очень нравишься... Зачѣмъ у тебя кошелекъ въ рукахъ? Оставь суматошиться и спрячь свои деньги... Я разсержусь, ей-Богу... Выдумки какія! Съ тобой я забыла, кто—я, а ты мнѣ вдругъ деньги тычешь... Боря, ты совсѣмъ глупенькій мальчикъ...

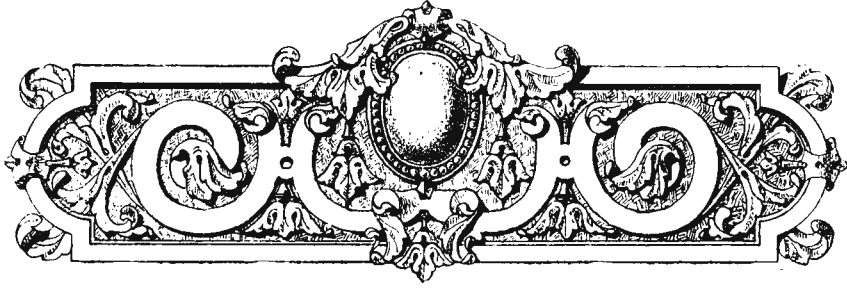
Подзорову мерещилось, что онъ падаетъ въ огненную пучину. Глашѣ смутно грезилось, что она подымается и воскресаетъ.

И невѣдомо откуда налетѣвшее счастье ослѣпило ихъ.

В. Умановъ-Каплуновскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МУСУЛЬМАНСКІЙ ЛЮТЕРЪ.

МЕНЕМЪ западнаго реформатора прогрессивная часть русскаго и зарубежнаго мусульманскаго общества называетъ татарскаго богослова и философа Мусу Бигіева. Въ его напумѣвшихъ на весь міръ ислама сочиненіяхъ видятъ вѣрное выраженіе идеаловъ мусульманской прогрессивной мысли, его выставляютъ, какъ дѣятеля, которому суждено пробудить спящихъ правовѣрныхъ отъ вѣкового сна. Наше время отличается чувствительнымъ повышеніемъ пульса мусульманской жизни, попыткой направить психологію народовъ, исповѣдующихъ исламъ, по новому руслу, въ сторону новаго, модернизованнаго міровоззрѣнія. Естественно, что пропаганда новыхъ идей наталкивается на препятствія, на сильную еще консервативную группу, и въ результатѣ— въ мусульманской духовной жизни наблюдается крайне интенсивная борьба двухъ теченій.

Прогрессивное теченіе родилось отчасти подъ давленіемъ все увеличивающагося въ мусульманствѣ вліянія европейской культуры. Мухамеданскіе мыслители не могли не видѣть паденія политической и духовной мощи ислама, и причину этого упадка усмотрѣли во внутренней духовной организаціи своего народа. Невозможность самостоятельнаго толкованія текстовъ Корана по той причинѣ, что богословіе и юриспруденція втиснуты въ неподвиж-

ныя рамки четырехъ рутинныхъ богословско-юридическихъ школъ древнихъ высшихъ имамовъ, лишаютъ, по мнѣнію прогрессивно настроенныхъ ученыхъ, современное мусульманство возможности выработать новыя формы жизни, пріобщаться къ европейской культурѣ.

Выходовъ изъ такого положенія два: отвергнуть авторитетъ ислама и искать новыя начала, опирающіяся на другіе авторитеты, или же усомниться въ непогрѣшимости общепризнанныхъ толкованій Корана и придать священнымъ текстамъ толкованіе, которое можно было бы приспособить къ требованіямъ европейской культуры.

Первый выходъ, равносильный измѣнѣ исламу, вызвалъ бы пагубное для дѣла сопротивленіе массъ. Поэтому сторонники новаго теченія избрали второй выходъ, какъ ведущій болѣе вѣрнымъ путемъ къ намѣченной цѣли.

Муса Бигіевъ идетъ по второму пути. Не онъ первый поднималъ знамя борьбы за обновленіе мусульманства, но никто до него не шелъ по этому пути такими бодрыми, смѣлыми, безстрашными шагами. Подобно Лютеру, Муса Бигіевъ смѣло ополчился на высшіе мусульманскіе авторитеты—на древнихъ ортодоксальныхъ толкователей Корана и на верховнаго носителя ихъ завѣтовъ—на шейхъ-уль-исламатъ (машійхатъ), на мусульманское «папство». Подобно Лютеру, онъ обвиняетъ первосвященниковъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ, въ зазорной жизни и торжественно заявляетъ, что шейхъ-уль-исламатъ, утратившій истинный духъ ислама въ его первобытной формѣ, виновникъ мусульманской косности, паденія мощи ислама.

Муса Бигіевъ Эфенди родился въ 1875 году въ Ростовѣ-на-Дону. Отецъ его учился въ медресѣ, готовился къ духовному званію, но муллою не сдѣлался, а занимался коммерческими дѣлами—подрядами на желѣзной дорогѣ. Впрочемъ, на склонѣ лѣтъ, по настоянію единовѣрцевъ, онъ принялъ духовный санъ и нѣкоторое время былъ муллою въ Ростовѣ.

Первоначальное образованіе Муса Бигіевъ получилъ въ медресѣ Бахчисарая, а затѣмъ въ медресѣ Казани, гдѣ и окончилъ курсъ.

Съ дѣтства онъ чувствовалъ влеченіе къ математикѣ и съ этой цѣлью, вернувшись изъ Казани въ Ростовъ, по личному, сознательному побужденію поступилъ въ реальное училище, въ которомъ оставался до окончанія курса.

На ряду съ занятіями математикой юноша глубоко интересовался мусульманской исторіей и правомъ, тѣсно связанными съ религіей.

Но уже съ юношескихъ лѣтъ духовные и умственные запросы Бигіева не находили удовлетворительнаго отвѣта въ мусульманской схоластической учености, и онъ пытается самостоятельно

изучать волнующіе его вопросы. Эта неудовлетворенность красной нитью проходит во всей дѣятельности татарскаго ученаго.

Онъ ѣздитъ изъ одного пункта мусульманства въ другой съ цѣлью найти школу, ученыхъ, отъ которыхъ можно было бы на-

Муса Бигіевъ.

учиться; но вездѣ его разочаровываютъ узкая постановка учебнаго дѣла и схоластичность.

По окончаніи курса въ реальномъ училищѣ онъ отправился въ Бухару, пробовалъ учиться въ тамошнихъ медресахъ, но скорѣе покинулъ ихъ, разочарованный скудостью познаній, которыя онѣ могли дать его пытливому уму.

«истор. вѣстн.», августъ 1914 г., т. сxxxvii.

Его поражало, что, учась въ медресѣ по тридцати лѣтъ, бухарскіе богословы все же остаются нерѣдко невѣждами даже въ знакомствѣ съ шаріатомъ. Поэтому онъ занимался въ Бухарѣ нѣсколько лѣтъ самостоятельно и съ отдѣльными учеными, напимѣръ, съ математикомъ и астрономомъ Мирь-Шәрифомъ. Онъ изучалъ на арабскомъ языкѣ математику Эвклида, Пифагора и Архимеда, философію Платона и Аристотеля, а изъ позднѣйшихъ философовъ—Декарта и Бэкона. Параллельно съ изученіемъ древней математики онъ штудировалъ математику по новымъ учебникамъ на русскомъ языкѣ, переводя ихъ и для своего учителя Мирь-Шәрифа. Конечно, на ряду съ увлеченіемъ математикой не забывались шаріатъ, древніе имамы. Тамъ же Бигіевъ изучалъ арабскую медицину.

Жажда математическихъ знаній заставила Бигіева вернуться около 1896 года въ Россію. Здѣсь онъ хотѣлъ поступить въ университетъ и подавалъ въ этомъ смыслѣ прошеніе министру Делянову, но, какъ реалистъ, принять не былъ.

Испытавъ неудачу на родинѣ, онъ поѣхалъ въ Константинополь и поступилъ въ тамошнюю инженерную школу. Но рутинная, средневѣковая постановка преподаванія въ этомъ училищѣ не удовлетворила пытливаго юношу, и онъ уѣхалъ въ Каиръ.

Съ этого времени онъ посвятилъ себя исключительно богословскимъ и правовымъ вопросамъ мусульманства. Извѣрившись въ мусульманскихъ школахъ, онъ занимался, большею частью, самостоятельно или съ отдѣльными лицами.

Пробывъ въ Каирѣ нѣсколько мѣсяцевъ, Бигіевъ, по долгу правовѣрнаго, отправился въ Мекку и Медину, гдѣ прожилъ около двухъ лѣтъ. Здѣсь онъ усердно штудировалъ толкованіе Корана «Тафсиръ» и изреченія Мухаммеда «Харисъ».

Изъ Аравіи онъ отправился въ Индію, развѣзжалъ по разнымъ пунктамъ съ цѣлью найти интереснаго ученаго, интересныя школы и памятники мусульманства. Но вездѣ его встрѣчало разочарованіе.

Послѣ трехмѣсячнаго путешествія по Индіи Бигіевъ опять поѣхалъ въ Каиръ, гдѣ прожилъ два съ половиною года, изучая арабскую литературу и право («Фикхъ») — самостоятельно и подъ руководствомъ ученыхъ—Мухаммедъ-Абдула и Мухаммедъ-Бахита.

Изъ Египта въ концѣ 1904 года онъ вернулся въ Россію и съ тѣхъ поръ живетъ въ ней безвыѣздно, преимущественно въ Петербургѣ.

Полтора года слушалъ лекціи на юридическомъ факультетѣ университета, но когда начались забастовки, университетъ оставилъ.

Въ 1906 году вышелъ въ свѣтъ первый трудъ Бигіева «Исторія Корана» на арабскомъ языкѣ. Въ настоящее время насчитывается до двадцати пяти трудовъ Бигіева на арабскомъ и турецкомъ языкахъ; изъ нихъ самый большой—«Сборникъ хадисовъ» (изреченій Мухаммеда).

Въ 1906 году Бигіевъ женился, но въ настоящее время семья—жена и пятеро дѣтей—живетъ отдѣльно отъ него, въ Чистополѣ Казанской губерніи.

Самъ онъ живетъ въ маленькой квартиркѣ, скромно и одиноко. Небольшая, безъ всякаго убранства комната его вся завалена огромными фоліантами, книгами и рукописями на арабскомъ, турецкомъ и персидскомъ языкахъ. Есть немало и русскихъ книгъ.

Бигіевъ до сихъ поръ не порываетъ связи съ математикой и близкими къ ней науками, въ особенности съ астрономіей: онъ состоитъ членомъ русскаго астрономическаго общества.

Бигіевъ нигдѣ никогда не служилъ, не занимался никакимъ инымъ трудомъ, кромѣ литературнаго. Во время его путешествій сначала ему помогала немного мать (отецъ, прежде богатый, умеръ бѣднякомъ), а потомъ онъ жилъ литературной работой. Въ настоящее время онъ открылъ типографію, чтобы имѣть возможность самому издавать свои работы, особенно переводъ на татарскій языкъ Корана, надъ которымъ онъ теперь работаетъ.

Когда его четыре книги—«Доказательства милосердія Аллаха» (Рахмэтъ-и-илахіэ бюрханлары), «Взглядъ на вѣрованіе людей въ божество» (Инсанларын акыдэи-илахіэлэринэ биръ назаръ), «Постъ въ длинные дни» (Узунъ гюнлэрдэ руза) и «Основы права» (Каваиди-фикхіэ)—появились на константинопольскомъ рынкѣ, шейхъ-уль-исламатъ объявилъ эти книги еретическими, противными догматамъ ислама и предложилъ министру внутреннихъ дѣлъ изъять ихъ изъ обращенія (газета «Танингъ» № 1563).

Однако нынѣшнее турецкое правительство, открыто сочувствующее новымъ идеямъ, не пошло навстрѣчу пожеланіямъ шейхъ-уль-исламата, и «преступныя» книги до сихъ поръ свободно продаются въ Стамбулѣ ¹⁾.

Въ письмѣ къ Бигіеву одинъ константинопольскій книготорговецъ свидѣтельствуетъ, что наибольшей популярностью книги пользуются среди студентовъ-богослововъ.

Такимъ образомъ, вся прогрессивная Турція во главѣ съ правительствомъ за «ересь» Бигіева.

Распоряженіе шейхъ-уль-исламата вызвало со стороны автора рѣзкую критику какъ прошлыхъ, такъ и настоящихъ дѣйствій верховнаго духовнаго учрежденія ислама. Когда Бигіевъ узналъ, что книги имѣютъ хорошій сбытъ въ Турціи, несмотря на запрещеніе шейхъ-уль-исламата, онъ напечаталъ въ газетѣ «Вакътъ» (№ 1219) громовую статью, которая въ глазахъ ортодоксальнаго мусульманина звучитъ несомнѣнной ересью.

¹⁾ Впрочемъ, гостившій недавно въ Россіи Махмудъ Эсадъ Эфенди, членъ машихата, извинялся передъ Бигіевымъ за наложенное на его книги запрещеніе. Вѣроятно, духовная власть побоялась открыто выступать противъ популярнаго въ прогрессивномъ обществѣ мыслителя.

«Студенты-богословы,—говорится въ статьѣ,—намѣренно игнорируютъ духовныя распоряженія и убѣждены въ томъ, что можно не подчиняться распоряженіямъ шейхъ-уль-исламата. Что это значитъ? Не является ли это признакомъ духовной анархіи на ряду съ анархіей политической? Что стало съ уваженіемъ къ закону, что стало со святостью шаріата?»

И авторъ приходитъ къ выводу, что вина въ неуваженіи къ закону лежитъ не на студентахъ и книготорговцахъ, а на самой исторіи шейхъ-уль-исламата и на самихъ шейхъ-уль-исламахъ. Въ каждой интригѣ, въ каждомъ предательствѣ, которыя привели государство къ упадку, зачинщиками были, по мнѣнію автора, шейхъ-уль-исламы, казаскеры (высшее духовенство) и другія духовныя лица.

Далѣе Муса Бигіевъ упрекаетъ шейхъ-уль-исламовъ въ искаженіи смысла шаріата съ цѣлью угодить султанамъ, вродѣ Абдуль-Гамида, въ изданіи фетвъ, по которымъ убивались неугодные правительству, но полезныя родинѣ лица, въ казнокрадствѣ, въ пьянствѣ и развратѣ, въ систематическомъ сопротивленіи всемъ прогрессивнымъ реформамъ.

Не отрицая въ принципѣ шейхъ-уль-исламата, какъ полезное и необходимое духовное учрежденіе, Муса Бигіевъ считаетъ теперешнюю организацію этого учрежденія обветшалой и вредной для ислама.

Въ книгѣ «Постъ въ длинные дни» авторъ касается вопроса о томъ, обязаны ли мусульмане сѣверныхъ странъ поститься, когда мѣсяць Рамазанъ совпадаетъ съ бѣлыми ночами. По правиламъ въ этомъ мѣсяцѣ полагается воздержаніе отъ пищи отъ утренняго разсвѣта до захода солнца, что для сѣверныхъ странъ въ маѣ и іюнѣ равносильно почти полному голоданію.

Этотъ вопросъ лишь канва для разсужденій автора, и интересъ книги не въ постѣ мѣсяца Рамазанъ. Шумный успѣхъ книгѣ создало то, что въ ней красной нитью проводится мысль о заблужденіяхъ улемовъ (ученыхъ) въ толкованіи Корана, о пагубныхъ для мусульманскаго міра извращеніяхъ смысла ученія Магомета.

Въ каждой фразѣ книги чувствуется искренняя религіозность автора, глубокое уваженіе къ основамъ своей религіи.

«Коранъ,—говоритъ онъ,—будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать человѣческій міръ. Основой и руководителемъ мыслей, вѣрованій, дѣйствій и движеній мусульманъ будетъ Коранъ».

Вся бѣда, думаетъ Бигіевъ, въ томъ, что современное мусульманство по винѣ невѣжественныхъ и фанатичныхъ толкователей уклонилося отъ истиннаго, спасительнаго духа ислама и живетъ суевѣріемъ, предрасудками, которыя считаются за велѣнія пророка.

Фанатики-улемы, по мнѣнію автора, религіозное смиреніе толковали, какъ слабость, и этимъ повели мусульманъ по пути несчастья, бѣдности, рабства. Инертность они украсили выраженіями въ родѣ «подчиненія Божіимъ рѣшеніямъ» и указали на нее, какъ на основу вѣры. Свободу мысли и даже самую мысль они называли безвѣріемъ. Они запретили правовѣрнымъ наслаждаться музыкой, заниматься всѣми другими искусствами, лишая этимъ сердца изящныхъ чувствъ и ведя ихъ къ низкимъ чувствамъ и инстинктамъ.

Убѣжденный рационалистъ, мусульманскій реформаторъ находитъ, что Коранъ не запрещаетъ правовѣрнымъ идти по пути прогресса, присоединиться къ завоеваніямъ европейцевъ въ области наукъ и искусствъ.

«Самой главной моей цѣлью,—заключаетъ авторъ свои разсужденія,—является очищеніе мусульманства отъ невѣжественной схоластики, возвышеніе священнаго шаріата надъ всѣми ученіями и предостереженіе правовѣрныхъ отъ забвенія Корана».

Если исламъ очистится отъ суевѣрія и предразсудковъ буквоѣдовъ-улемовъ, то Муса Бигіевъ сулитъ ему великую будущность, равной которой, пожалуй, нѣтъ ни у одного народа. О будущей миссіи ислама у татарскаго философа есть увлекательная книга «Нѣсколько вопросовъ на судъ народа» (Халкъ назарына биръ ниджэ мэсэлэ).

Разумѣется, всякое предсказаніе о судьбѣ народа—условно, и на попытку «мусульманскаго Лютера» слѣдуетъ смотрѣть лишь, какъ на характеристику взглядовъ автора и окружающаго его общества. Въ этомъ смыслѣ русская публика найдетъ въ книгѣ много интереснаго. Съ Мусой Бигіевымъ намъ слѣдуетъ познакомиться. Насколько это крупная теперь величина въ мусульманствѣ, можно судить по тому, что единственный серьезный русскій органъ, посвященный мусульманству, «Міръ Ислама», издаваемый обществомъ востоковѣдѣнія, въ каждомъ номерѣ посвящаетъ много мѣста этому мыслителю.

Муса Бигіевъ отмѣчаетъ въ своемъ сочиненіи, что социальное положеніе современнаго человѣчества безусловно лучше положенія людей минувшихъ вѣковъ. Въ будущемъ можно ожидать еще большаго улучшенія, и оно осуществится, по увѣренію автора, «если и не подъ именемъ мусульманства, то, по крайней мѣрѣ, силою мусульманства».

Вотъ какъ дерзновенно предопредѣляетъ реформаторъ судьбу своего народа, какъ глубоки его упованія на мощь и величіе ислама.

Эту самонадѣянную надежду авторъ основываетъ на чистотѣ нравовъ мусульманъ, на совершенствѣ ихъ брачныхъ нормъ, на правильности ихъ узаконеній.

Пока магометане лишены наукъ и искусствъ, отмѣчаетъ Бигіевъ,—но у нихъ здоровое тѣло и духъ, живое сердце. Нужно только отрѣшиться отъ вѣковыхъ предразсудковъ, вредныхъ наслоений, и тогда легко будетъ взять отъ Европы все, что она имѣетъ лучшаго, прекраснаго.

И тогда, обладая могучимъ орудіемъ—культурой, мусульманство побѣдитъ міръ: не войной, не насиліемъ, а нравственнымъ вліяніемъ и численностью.

Авторъ убѣжденно призываетъ соплеменниковъ итти въ европейскіе школы, университеты, совершенствовать свой соціальный и политическій строй. Къ этому движенію онъ привлекаетъ и женщину.

Закрѣпленіе женщины, ея унижительное соціальное положеніе въ мусульманствѣ Бигіевъ считаетъ вѣковымъ предразсудкомъ, пагубнымъ слѣдствіемъ все тѣхъ же ложныхъ толкованій Корана.

«Представляется,—говоритъ онъ:—будто Аллахъ собралъ всѣ хорошія качества націи и изъ нихъ создалъ женщину. Если женщина несчастна,—нація въ униженіи. Если женщина стоитъ на низкомъ уровнѣ,—нація бессильна».

Авторъ противъ традиціоннаго «покрывала для лица», противъ недопущенія женщинъ къ общественной жизни и наукѣ, но онъ хочетъ, чтобы, идя по пути прогресса наравнѣ съ мужчинами, мусульманка не усваивала дурныхъ навыковъ европейской женщины.

«Я не могу,—говоритъ онъ:—смотрѣть одобрительно на соціальное положеніе женщины въ современной цивилизаціи, на слишкомъ частое фигурированіе ея на собраніяхъ, балахъ, балетахъ, фарсахъ, маскарадахъ, на танцевальныхъ вечерахъ, но, я, конечно, одобряю, какъ явленіе въ высшей степени полезное, присутствіе женщины съ открытымъ лицомъ въ школахъ, университетахъ, храмахъ науки, общественныхъ собраніяхъ и т. д.».

Такіе передовые взгляды Бигіева на женскій вопросъ въ мусульманствѣ вызываютъ сочувствіе со стороны прогрессивныхъ, освободившихся отъ вредныхъ предразсудковъ мусульманокъ. Принадлежащая къ числу этихъ женщинъ египетская принцесса, дочь принца Хуссейнъ-Камиль-паши, прислала недавно Бигіеву свой трудъ о четырехъ мусульманскихъ женщинахъ, сыгравшихъ видную историческую и политическую роль. При трудѣ было приложено письмо, въ которомъ принцесса благодаритъ Бигіева за его дѣятельность и выражаетъ полное сочувствіе его идеямъ.

Свою книгу авторъ заканчиваетъ гордымъ заявленіемъ, что «когда разумъ познаетъ истину, когда цивилизація будетъ основана на началахъ общей пользы и справедливости, тогда начнется господство мусульманства».

Смѣлыя мысли, искренность, прекрасный увлекательный языкъ сочиненій Мусы Бигіева, выгодно отличающійся отъ схоластиче-

скаго языка другихъ богослововъ ислама, гордый и самонадѣянный взглядъ на будущее своего народа, соотвѣтствіе идей автора съ упованіями всего прогрессивнаго мусульманства—вотъ причина необычайной популярности и успѣха Мусы Бигіева.

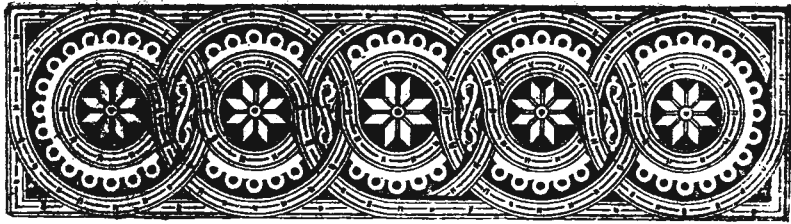
Завидный успѣхъ съ одной стороны и ожесточенныя нападкы съ другой—со стороны духовенства, консервативной печати (въ Росіи, напр., оренбургскаго журнала «Динъ-вэ-Ма'ышатъ») и консервативнаго общества—создали то, что до сихъ поръ неизвѣстнаго русскаго татарина одни называютъ «мусульманскимъ Лютеромъ», другіе «еретикомъ».

Книги его читаются нарасхватъ и становятся предметомъ ожесточенныхъ и оживленныхъ споровъ, вокругъ его имени создается религіозное движеніе. Константинопольскій шейхъ-уль-исламатъ тревожно зашевелился, почувявъ опасность.

Ужъ въ самомъ дѣлѣ не суждено ли Мусѣ Бигіеву сыграть роль «мусульманскаго Лютера», вложить крупный вкладъ въ исторію мусульманства?

Н. Федотовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ И ДНЕВНИКИ РУССКИХЪ ЖЕНЩИНЪ ¹⁾.

А ПОСЛѢДНІЕ годы женскимъ воспоминаніямъ и дневникамъ очень посчастливилось: ихъ тщательно издають и вновь переиздаютъ печатавшіеся ранѣе, снабжаютъ примѣчаніями и биографическими очерками. Они весьма различны по характеру изложенія, по положенію и личнымъ особенностямъ мемуаристокъ, по всѣмъ они, даже независимо отъ значительности описываемыхъ событий и бытовыхъ явленій, важны и интересны и для изслѣдователей русской старины и для читателей. Цѣнность историческихъ документовъ интимнаго характера, дневниковъ, воспоминаній, писемъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что они служатъ отраженіемъ духовной жизни, процесса мышленія, взглядовъ и убѣжденій, всей психологій людей былыхъ временъ; предлагаемые документы интересны еще и тѣмъ, что являются продуктомъ умственной работы, наблюдений и переживаній женщинъ,—сознательнаго отношенія къ жизни и ея явленіямъ представительницъ той части общества, о которыхъ другіе историческіе матеріалы, общаго и офіціального характера, говорятъ сравнительно немного. Они часто вскрываютъ стороны жизни, которыхъ не касались другіе современники, съ особыми отгѣнками рисуютъ ея проявленія и даютъ особенно важный незамѣнимый матеріалъ для наблюденія за духовнымъ ростомъ женской личности.

¹⁾ Читано въ историческомъ обществѣ при сиб. университетѣ 19 марта 1914 г

Записки книгини Наталін Долгоруковой (р. 1714 г., ум. 1771 г.), издававшіяся не разъ съ 1810 г., использованныя историками и вдохновлявшія поэтовъ, появились вновь въ двухъ изданіяхъ. Первое дешевое выпущено Н. Усовымъ въ 1912 году съ нѣсколькими наивными правоучительными цѣлями, какъ завѣтъ мудрыхъ предковъ нынѣшнему поколѣнію; оно воспроизведено по старымъ изданіямъ, снабжено примѣчаніями и популярнымъ біографическимъ очеркомъ. Въ 1913 году общество любителей древней письменности роскошно напечатало подлинный текстъ драгоценнаго фамиліаго документа «Своеручныя записки кн. Н. Б. Долгорукой, дочери г. фельдмаршала гр. Б. П. Шереметева», съ сохраненіемъ правописанія подлинника, безъ примѣчаній и предисловія. Наталья Борисовна—одна изъ первыхъ русскихъ женщинъ, получившихъ европейское воспитаніе, была истинной аристократкой въ лучшемъ смыслѣ слова; рыцарское: «Fais ce que dois, advienne que pourra» могло быть ея девизомъ. Ея личность и записки могутъ служить опроверженіемъ темной славы поведенія женщинъ высшаго класса ея времени. Круглая спрота съ четырнадцать лѣтъ, она сократила свои выѣзды, соблюдая честь своего имени. «Тогда очень соблюдали честь,—пишетъ она:—въ свѣтѣ очень примѣчали поступки знатныхъ или молодыхъ дѣвушекъ... Я свою молодость плѣнила разумомъ, удержала на время свои желанія въ разсужденіи о томъ, что еще будетъ время къ моему удовольствію, заранѣе приучала себя къ скукѣ». Страстная единственная любовь къ фавориту и будущему шурина Петра II, кн. И. А. Долгорукому, сильно развитое чувство чести и нравственнаго долга сдѣлались содержаніемъ всей ея жизни. Съ воцареніемъ Анны Іоанновны родные требовали, чтобы она отказала жениху, которому грозила бѣдственная участь падшихъ фаворитовъ. Но дочь боярина Шереметева, презиравшаго фаворитизмъ въ лицѣ Меншикова, назвала эти увѣщанія «безсовѣстными». «Честна ли эта совѣсть, когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостью за него шла, а когда сталъ несчастливъ, отказать ему?» И Наталья Борисовна ушла за нимъ въ страшную ссылку. Она писала свои записки въ 1767 году въ Кіевѣ уже монахиней, передъ принятіемъ схимы, исполняя желаніе дѣтей, и успѣла довести ихъ только до пріѣзда въ Березовъ. А въ душѣ ея еще горѣло глубокое чувство къ погибшему мужу, и, лаская маленькаго внука, будущаго писателя, она шептала ему: «Ванюшка, чье ты имя носишь?» Нравственный обликъ мемуаристки, его духовная красота придаютъ особый поэтический колоритъ ея описаніямъ; искренни и естественны ея горе и ужасъ передъ смертю юнаго императора, передъ церемоніаломъ его погребенія, напоминая о громадномъ значеніи событія, грозившаго неисчислимыми послѣдствіями для Россіи. Глубоко трогательно описаніе ея печальнаго вѣнчанія въ усадьбѣ Долгорукихъ, куда никто изъ ея семьи не поѣхалъ, боясь опалы.

Слѣдуя хронологическому порядку, перейду къ воспомина- ніямъ Анны Евдокимовны Лабзиной¹⁾ (р. 1758 г., ум. 1828 г.), этой трогательной русской Гризельды, если только романтическое про- званіе подходит къ женщинѣ съ такимъ энергичнымъ мужествен- нымъ лицомъ, съ выраженіемъ даже нѣсколько надменнымъ, если судить по ея прекрасному бюсту. Лабзина пока едва ли не един- ственная русская мемуаристка, оставившая воспоминанія о жизни и впечатлѣніяхъ тринадцатилѣтней замужней женщины, пре- красное дополненіе къ лучшимъ описаніямъ уродливыхъ сторонъ стариннаго брака въ запискахъ Болотова. На протяженіи ста лѣтъ среди трехъ поколѣній Болотовъ отмѣчалъ брачные союзы, заключаемые ради близости деревенекъ, иза-за пророческихъ сновъ, гаданій и по другимъ страннымъ комбинаціямъ. Его отецъ, онъ самъ, писатель подъ тридцать лѣтъ, его дѣти, вступая въ бракъ, соблюдали порядки временъ теремовъ и фаты. Женѣ Бо- лотова было тоже едва тринадцать лѣтъ, когда ее вѣнчали. Пи- сатель волновался, страдалъ душевно передъ очевиднымъ безсмы- сліемъ такого начала семейной жизни; однако уже дѣдомъ могъ только плакать надъ участью своихъ младшихъ дочерей, отъ горь- каго сознанія своего безсилія въ борьбѣ съ устойчивыми поряд- ками семейнаго уклада жизни. Очень трогательна у него сцена рукобитья отца съ дочерью въ знакъ того, что она своею волею идетъ замужъ за непріятнаго всей ея семьѣ человѣка и не будетъ пенять на отца.

Мудрено ли поэтому, что больная, беспомощная вдова Яко- влева, замѣчательная благотворительница, оказалась немилости- вой къ тринадцатилѣтней дочери, поспѣшивъ пристроить ее, оше- ломленную и запуганную, за незнакомаго ей претендента. При всей обычности явленія, такая доля особенно тяжело отозвалась на мемуаристкѣ, наградивъ ее, мужемъ вольтерьянцемъ-сенсуа- листомъ, который открыто мучилъ и унижалъ ребенка-жену передъ другими сожительницами; съ особымъ наслажденіемъ онъ дѣлалъ ее свидѣтельницей отвратительныхъ сценъ распутства; запиралъ, въ полосѣ буйнаго разгула, билъ ее раздѣтую выгонялъ изъ дому.

Анна Евдокимовна успѣла получить дома суровое спартан- ское воспитаніе, закалившее ея здоровье и волю. Глубоко-рели- гioзная и гордо-нравственная, она выносила обращеніе разврат- ника безъ жалобъ, какъ нравственный долгъ; признавала, что Карамышевъ все-таки любилъ и цѣнилъ ее по-своему. Ни въ пер- вомъ, ни во второмъ бракѣ она не допускала возможности дурно отзываться о мужѣ; но это не помѣшало ей послѣ смерти первого

¹⁾ «Воспоминанія А. Е. Лабзиной». 1914 г. Книгоизд. «Огни». Впервые печата- лись въ «Русской Старинѣ», 1903 г.

мужа увѣковѣчить его въ своихъ запискахъ въ довольно непривлекательномъ видѣ.

Ученый, талантливый специалистъ, умный дѣлецъ и труженикъ, горновѣдъ Карамышевъ—интересный представитель того типа русскихъ западниковъ, которые, овладѣвъ за границей солидными знаніями и дѣловой техникой, совсѣмъ не справились съ соціальной и этической сторонами европейской культуры; въ его личной жизни царилъ полная распущенность рядомъ съ непониманіемъ человѣческаго достоинства ни въ себѣ, ни въ ближнихъ. Въ его поведеніи не было выдержки; онъ то скрываетъ свои похождения, то наказываетъ жену циничной откровенностью, внушаетъ ей, что чувства свободны, требуетъ, чтобы она слѣдовала его примѣру и выбирала любовниковъ. Начальники и энергичные люди могли припугнуть Карамышева, сдерживать его, но не надолго. Богатые бары подобнаго воспитанія и душевнаго склада часто не обзаводились законными семьями, довольствуясь крѣпостными и случайными связями; таковы братья Яковлевы съ отцомъ Герцена.

Очень интересна дружба шестнадцатилѣтней Карамышевой за время ея перваго пребыванія въ Петербургѣ съ супругами Херасковыми, которые ею очень заинтересовались; они направили ее на путь самообразованія въ духѣ той рационалистической морали XVIII вѣка, какую проводилъ Херасковъ въ своихъ журналахъ ранѣ увлеченія масонствомъ. Этотъ писатель, извѣстный покровитель молодежи, такъ серьезно взялся за воспитаніе молодой женщины, что оно стало ей въ тягость.—хоть покидай друзей,—говоритъ она въ воспоминаніяхъ. Вѣроятно, тутъ проявилась та безпощадная требовательная строгость, съ которой старшіе находили тогда нужнымъ обращаться съ младшими. Сама мемуаристка, въ свою очередь, не мало мучила своихъ воспитанницъ такими же правоучительными пріемами.

Лабзина писала свои воспоминанія лѣтъ пятидесяти, уже страстной масонкой, и на нихъ отразился колоритъ христіанско-мистическихъ воззрѣній, но сохранилась и примѣсь рационалистической морали болѣе ранней поры. Съ горячимъ пѣтетомъ къ памяти матери она рисуетъ ея подвиги милосердія въ тюрьмахъ надъ заключенными, ея уходъ за больными, заботу о бѣднякахъ, все то, чему она сама подражала, живя въ Сибири; это подвиги Юліаніи Лазаревской, но безъ ея задушевной непосредственности.

Твердый нравственный закалъ Анны Евдокимовны далъ ей силы не поддаваться вліянію Карамышева, а природный умъ и тактъ помогли, укрѣпившись на позиціи кроткаго претерпѣванія и непротивленія злу, привлекать общія симпатіи, находить всюду друзей и благодѣтелей; одинъ изъ нихъ такъ плѣнился ея умной выдержкой, что подарилъ ей домъ съ садомъ.

Послѣ смерти Карамышева много испытывавшая жена вольтерьянца стала счастливой въ любви женой молодого, по уже виднаго масона Лабзина, и духовныя силы ея расцвѣли; Анна Евдокимовна сумѣла сдѣлаться своего рода общественной дѣятельницей своего времени. Начитанная и ранѣе въ масонской литературѣ, способная, всегда энергичная, она оказала большія услуги организаціи ложи мужа «Умирающій Сфинксъ», усердно помогала ему въ изданіи «Сіонскаго Вѣстника» и получила большое вліяніе и вѣсь среди масонскихъ кружковъ. Приложенный къ «Воспоминаніямъ» ея «Дневникъ» за 1818 г. касается внутренней жизни масонскаго кружка передъ закрытіемъ ложъ. Въ немъ отражаются волненія и скорбь Лабзиной въ виду броженія среди братьевъ ея ложи и ихъ разлада съ вождемъ, ея мужемъ; въ мемуаристкѣ чувствуется личность болѣе сильная и твердая, съ большимъ вліяніемъ, чѣмъ ея болѣзненный и нетактичный мужъ.

Анна Евдокимовна поглощена работой и надъ своимъ внутреннимъ міромъ и надъ умиротвореніемъ заблуждающихся, по ея мнѣнію, братьевъ. Ея положеніе почетно и значительно, но матеріальныя и кружковыя заботы одолѣваютъ ее. Исключительный почетъ—допущеніе ея, женщины, на масонскія собранія—порождалъ, повидимому, раздраженіе среди другихъ женщинъ, близкихъ къ масонамъ, прежде всего въ умной, способной А. П. Хвостовой, видной сотрудницѣ карамзинскихъ журналовъ, чьи статьи переводились даже на иностранныя яки. И Лабзина, по временамъ, рѣзко отзывалась о хитрости и притворствѣ женщинъ, въ минуты раздраженія не щадя и себя въ своей разсчитанной тактичности.

Ссылка Лабзиныхъ въ Симбирскую губернію и послѣдніе годы жизни Анны Евдокимовны описаны ея воспитанницей Лайкевичъ («Русская Старина» 1905 г.).

Сабанѣва, Екатерина Алексѣевна (р. 1829 г., ум. 1889 г.), писала свои «Воспоминанія о быломъ» ¹⁾ подъ старость, по семейнымъ преданіямъ, письмамъ родственниковъ и разсказамъ своей матери, урожденной княжны Оболенской, и довела свою семейную хронику только до замужества послѣдней около 1827 г. Записки мемуаристки о своей собственной жизни, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не найдены. Воспоминанія составлены хорошо, вполнѣ литературно, мѣстами даже художественно написаны и даютъ прекрасный матеріалъ для историческаго чтенія. Иныя сценки изъ жизни дворянскихъ семей двадцатыхъ годовъ XIX вѣка по своей яркости напоминаютъ страницы изъ первыхъ главъ «Войны и Мира» Толстого. Послѣ введенія, касающагося историческаго прошлаго

¹⁾ Книгоизд. «Огни» 1914 г. Ранѣе въ «Истор. Вѣстн.» 1900 г.

Калужской губерніи, Сабалѣва сообщаетъ почти «апокрифическій разсказъ» о предкахъ XVIII вѣка; среди нихъ выдѣляется прадедъ Прончищевъ, жестокій помѣщикъ, тиранъ семьи и крѣпостныхъ, доведшій свою жену до сумасшествія, а рядомъ съ нимъ интересна его младшая дочь, бойкая и смѣлая, даже съ отцомъ, дѣвица, пожертвовавшая свою молодость уходу за матерью, позже создавшая себѣ очень почетное положеніе въ Москвѣ, какъ воспитательница своихъ племянниковъ, князей Несвицкихъ.

Далѣе она мастерски очерчиваетъ цѣлую галерею силуэтовъ очень характерныхъ для того времени лицъ отъ представителей московской знати до крѣпостной прислуги, рисуетъ картинки семейныхъ отношеній, воспитанія, свѣтскихъ пріемовъ, волновавшихъ всю Москву баловъ. Тутъ и Прасковья Юрьевна Кологривова (Татьяна Юрьевна у Грибоѣдова), которая за вольное обращеніе дала пощечину самому Потемкину. Очень выпукло вырисовывается *grande-tante* мемуаристки, тонкая, мягко выдержанная на этикетѣ фрейлина Кашкина, по придворному чину лицо очень важное въ Москвѣ, воспитательница дѣтей вдовца кн. Оболенскаго. Записки вводятъ читателя въ интимную жизнь добродной дворянской семьи стараго уклада съ выдающимся по нравственнымъ качествамъ отцомъ; и все-таки эта семья воспитываетъ удивительные контрасты: старшій сынъ—грубый, жестокій крѣпостникъ, котораго отецъ стыдился; этотъ человекъ старины, нашелъ подходящую жену въ богачкѣ, воспитанной въ глухой провинціи, удивившей Москву привычками боярышни XVII вѣка, огромной свитой мамушекъ, карлицъ, казачковъ и гайдуковъ въ русскихъ допетровскихъ нарядахъ, которая шествовала за ней въ пріемныя знати и выстраивалась передъ повелительницей. Слѣдующая дочь, по мужу Леонтьева, знатокъ иностранной литературы, такъ владѣла тремя языками, что въ домѣ обходились безъ лексикона, сама могла учить дѣтей, читала отцовъ церкви, соблюдала всѣ посты, а въ деревнѣ собственноручно прививала оспу, выхаживала больныхъ крестьянъ и почиталась всей округой. Средній братъ, видный декабристъ кн. Евгенийъ Петровичъ Оболенскій, уже захваченъ политическими ученіями и новыми идеями вѣка. Вся семья, отецъ, родные горячо любили его; для всѣхъ онъ былъ совѣтникомъ и авторитетомъ. Сестры повѣряли ему свои сердечныя тайны, какъ матери. Родные и близкіе семьи поручали его опекѣ юныхъ офицеровъ, отсылаемыхъ на службу въ Петербургъ. Вся семья живо чувствовала его горе, когда онъ счелъ долгомъ выйти на дуэль вмѣсто одного изъ этихъ юнцовъ, единственнаго сына матери, и имѣлъ несчастье убить противника. Это страшно потрясло Евгения Петровича; даже среди веселаго общества онъ вдругъ терялся, притихалъ и сидѣлъ въ оцѣпенѣннй, подъ давленіемъ тяжкаго кошмара.

Однако эта выдающаяся личность обрисована въ воспомина- нійхъ сквозь какую-то дымку; о кн. Евгеніи рассказано, сравни- тельно, немного. О событіи 14-го декабря, о судѣ надъ любимымъ родственникомъ записки совсѣмъ умалчиваютъ. Мать Сабанѣ- вой не любила говорить объ этихъ событіяхъ; ей было тяжело вспоминать ихъ. Эта скупость свѣдѣній отчасти понятна: многія дворянскія семьи того времени или не разбирались въ значеніи событія или не рѣшались выразить сочувствія роднымъ дека- бристамъ; оно явилось бы не только осужденіемъ правящихъ лицъ, но такъ или иначе—самого строя жизни того времени; а сама ме- муаристка не скрываетъ своихъ симпатій къ доброй старинѣ. Между тѣмъ милый старый князь почти замкнулся въ своихъ покояхъ. Сестры-княжны нравственно выросли и даже постарѣли за тяжелый годъ. Пошатнулось служебное положеніе младшихъ братьевъ, а съ нимъ и финансы семьи. Сестры приняли у отца счета, книги и всю дѣловую переписку по имѣніямъ. Образъ лю- бимаго брата-каторжника въ кандалахъ тревожилъ всѣхъ; но темпъ свѣтской жизни ни на іоту не измѣнился. Тетка-фрейлина не позволяла отказываться ни отъ одного приглашенія. Еще по- давленныя своей семейной драмой, княжны выполняли, какъ службу, свои свѣтскія обязанности, до истомы и притупленія разѣзжали по баламъ и спектаклямъ... «И все дѣло по дѣлу, и все, какъ слѣдуетъ», заканчиваетъ Сабанѣва красивую картинку про- щанья съ семьей и отъѣзда своей матери новобрачной.

Это тяжелое переживаніе трагическаго событія, самопожертво- ванія брата и гибели обаятельной личности среди обычнаго те- ченія домашней и общественной жизни—«по порядку и по хоро- шему» придаетъ особый интересъ послѣдней главѣ книги Сабанѣвой. То же самое происходило тогда во многихъ дворянскихъ семьяхъ.

Передъ нами «Записки» ¹⁾ кн. Маріи Волконской (р. около 1806 г., ум. 1863 г.), драгоценный памятникъ огромнаго пово- рота въ политическомъ сознаніи русскаго общества. «Твой высо- кій станъ встаетъ предо мной, какъ высокая мысль... Я слышала твои пѣсни; онѣ еще звучатъ, онѣ никогда не смолкнутъ, ибо твои рѣчи, твоя молодость, твой взоръ имѣютъ звуки, раздающіеся въ будущемъ». Такъ напутствовала отъѣзжающую въ Сибирь род- ственницу поэтесса Зинаида Волконская, и ея пророчество сбы- лось: люди будущаго все съ большимъ и большимъ вниманіемъ прислушиваются къ голосу жены декабриста; прекрасное, недавно вышедшее съ біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Щеголе- вымъ, изданіе записокъ уже разошлось; готовится новое, гдѣ

¹⁾ Книгоизд. «Прометей» 1914 г. Было два изданія кн. М. Р. Волконскаго 1904 и 1906 годовъ.

впервые появятся письма Волконской къ женамъ и певѣстамъ узниковъ съ призывомъ ѣхать къ нимъ въ Сибирь. Читая небольшую книжку, сожалѣешь, что такъ немного осталось отъ переживаній и воспоминаній удивительной женщины; но понятна и эта краткость, горделивая сдержанность въ памятникѣ, предназначенномъ для дѣтей; она придаетъ ея рѣчи особую внушительность, усиливаетъ впечатлѣніе. И дивуешься, какой силой интуиціи въ женщинѣ, выросшей на далекой окраинѣ Европы, съ такой ясной простотой воплощалась идея—сила ея вѣка, когда эти идеи едва зарождались въ ея культурныхъ центрахъ? Только послѣ переворота во Франціи 1830 года сень-симонистки начали свою пропаганду о высшемъ назначеніи женщинъ и, заразивъ сию болѣе умѣренные круги, учили вмѣстѣ съ ними, что женщины, и достигнувъ равноправія, останутся лучшими вдохновительницами борющихся, утѣшительницами скорбящихъ, униженныхъ и страдающихъ; онѣ отмѣнять жестокія кары, помогутъ улучшить жизнь трудящихся, устранять ужасы бѣдности, поведутъ людей къ общему братству. Съ менѣе героическими, но болѣе реальными, живыми чертами женскій идеалъ отразился въ литературныхъ типахъ, особенно въ «Консуэло» Ж. Зандъ, чаровницы, которая всѣхъ вдохновляетъ и просвѣщаетъ вокругъ себя. Такими «Консуэло» *avant la lettre* явились сѣверянки съ болѣе сложной и богатой психологіей,—жены декабристовъ съ Маріей Волконской во главѣ.

Она первая изъ нашихъ мемуаристокъ оставила воспоминанія съ политическими настроеніями; ни Наталья Долгорукая, ни честолюбивая участница переворота 1762 года кн. Дашкова не проявляли ихъ. Сочувствіемъ къ идеаламъ декабристовъ, благоговѣніемъ къ ихъ самопожертвованію проникнуты страницы ея записокъ, и горделиво звучатъ ея слова, что декабристы первые проявили чистый, безкорыстный патріотизмъ, тогда какъ рапѣе участники дворцовыхъ заговоровъ извлекали изъ нихъ только личную выгоду.

Рецензентъ «Современника» отрицаетъ у Волконской сочувствіе къ политическому движенію; она будто бы понимала только этическую сторону личнаго подвига декабристовъ и имъ восторгалась. Но въ ея время въ социальномъ-политическихъ ученіяхъ вообще, а въ дѣятельности декабристовъ особенно этическіе факторы играли большую роль, и нельзя выдѣлять ихъ по современному въ особую категорію міропониманія. Понятно поэтому, что, благодаря неправильной точкѣ зрѣнія, рецензентъ вынужденъ считать загадочной психологію княгини.

Мы всѣ—дѣти 1812 г. и привыкли жертвовать всѣмъ для родины,—говорили декабристы. Такой же дочерью великой эпохи выросла и Волконская; она не только человекъ семейнаго долга,

она съ удивительной чуткостью постигла, что такое служеніе идеѣ, борьба за право, за право личности на свою долю свободы и счастья. Въ своемъ порывѣ къ служенію и борьбѣ она оторвалась отъ современной жизни, чтобы «жить въ мірѣ, созданномъ ею самой», какъ проникновенно замѣтилъ юноша Веневитиновъ. Въ этомъ мірѣ она находила силы для освобожденія жертвъ несчастнаго порядка и героевъ самопожертвованія. Ярки и глубоко прочувствованы ея описанія проводовъ Корниловича, заботъ о Сухиновѣ, который вопреки волѣ товарищей, готовилъ возстаніе каторжанъ и кончилъ самоубійствомъ. «Мужъ велѣлъ мнѣ пойти къ нимъ, помочь имъ, постараться успокоить Сухинова», поясняетъ она свое вмѣшательство въ отношенія людей, связанныхъ клятвой политическаго заговора. Ужасна картина казни каторжанъ и колѣнопреклоненія коменданта на ихъ могилахъ, и молодо-радостно ея восторженное участіе въ бурномъ ликованіи декабристовъ при извѣстіи объ іюльской революціи, изумившемъ ничего не понимавшихъ часовыхъ. «Но вѣдь это понятно: они ничего не смыслили въ политикѣ», писала Волконская.

Всегда на сторожѣ, какъ на службѣ, одѣтая, какъ столичная дама («мы не должны смѣть распускаться», внушала она другимъ женамъ), княгиня готова встрѣтить любого начальника, защищать, внушать, наставлять, требовать. Надменная съ высшими чинами, она бросается на колѣни передъ мужемъ и его товарищами, когда нужно напомнить о «гордомъ терпѣніи».

Ее глубоко трогала участь уголовныхъ каторжниковъ; она подолгу сидѣла близъ ихъ тюрьмы, бесѣдуя и занимая героевъ «Мертваго дома». Особенно запомнила она разбойника Орлова, никогда не обижавшаго бѣдняковъ, пѣвца, устранявшаго тюремный хоръ. Въ рассказѣ дѣтямъ Волконская подчеркиваетъ, сколько человечности видѣла она въ этихъ разбойникахъ, которыхъ начальники рисовали ей дикими звѣрями. По праздникамъ она собирала деревенскихъ дѣтей, занимала ихъ, даже увлекала рассказами изъ священной исторіи.

Передъ тѣмъ, кто любитъ задумываться надъ вопросомъ о жепскомъ творчествѣ, его характерѣ и свойствахъ, долженъ возникнуть образъ княгини Волконской, чей «высокій станъ вставалъ, какъ высокая мысль», чьи духовныя силы сумѣли создавать собѣ новый міръ отношеній и дѣятельности. Обреченныхъ на гибель въ полномъ забвеніи она вновь связывала съ міромъ живыхъ—и укрѣпляла въ сознаніи и отношеніяхъ людей то, что было намѣчено въ политическомъ движеніи (хотя на словахъ она какъ будто считала его преждевременнымъ).

Повторяю, «Записки» Волконской изданы очень хорошо, и читающая публика тотчасъ оцѣнила ихъ; но сама мемуаристка все еще остается «женой» декабриста; между тѣмъ такая личность и

сама по себѣ должна считаться выдающеюся представительницей своего времени, какъ и большинство ея подругъ по несчастью. Всестороннее освѣщеніе этой группы женщинъ очень бы выиграло, если бы изслѣдовать ихъ психологію въ связи съ общей эволюціей женской личности въ Россіи и съ зарожденіемъ женскаго движенія на Западѣ.

Теперь слѣдовало бы поговорить о письмахъ сестеръ Бакуниныхъ, которыя уже нѣсколько лѣтъ печатаются въ «Русской Мысли» въ статьяхъ А. Корнилова «Семейство Бакуниныхъ», но, къ сожалѣнію, изданіе еще далеко не кончено; въ виду важности этихъ писемъ для исторіи русскаго общества тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ я позволю себѣ все-таки привести изъ нихъ нѣкоторые отрывки.

Подъ вліяніемъ брата Михаила Бакунина, яраго гегельянца, друга Бѣлинскаго и Станкевича, четыре сестры прониклись возвышающими личность человѣка нравственными принципами нѣмецкой философіи, сознательно освѣщая и укрѣпляя ими свою глубокую религіозность. Атмосфера утонченной духовности сообщала особую притягательную силу ихъ обществу; сестрами увлекались всѣ друзья брата, начиная съ Бѣлинскаго. У Бакуниныхъ уже началась борьба со старыми порядками семейной жизни, съ устарѣвшими взглядами на женщину.

«Я предвижу,—пишетъ старшая сестра въ 1833 году:—что намъ придется много бороться. Мнѣнія нашихъ родителей часто расходятся съ нашими. Мы должны взаимно поддерживать другъ друга въ этомъ столкновеніи нашихъ взглядовъ, нашей религіи съ родительской властью».

Единственная замужняя сестра очень тяготится своимъ положеніемъ. «Я не могу принять мнѣнія, которое предписываетъ женѣ жертвовать для счастья мужа и своими вкусами, и своими взглядами, и всѣмъ, что есть ея нравственная жизнь и ея физическое существованіе. Это мнѣніе слишкомъ противорѣчитъ моимъ принципамъ и самой религіи, какъ я ее понимаю».

Когда Бѣлинскій возмущался, зачѣмъ сестры не довольствуются жизнью чувствомъ, а жаждутъ знанія, работы мысли, одна изъ Бакуниныхъ писала ему: «Душно, тяжело стало мнѣ, когда я прочла границы, опредѣленія, въ которыя вы заключаете женщины. Развѣ мы не свободныя существа, развѣ мы не достойны къ соединенію, слитію съ вѣчнымъ духомъ, развѣ мы должны умирать, страдать всю жизнь нашу?..» Среди добродетельныхъ семей, чью мирную жизнь «по хорошему и по дѣлу» красиво описывала Е. Сабанѣева, уже въ тридцатыхъ годахъ зарождается протестъ личности противъ гнета бытовыхъ условій и привычекъ, намѣчался новый типъ женщинъ «молодой Россіи». И не романы Ж. Зандъ породили этотъ духъ, а болѣе сложныя причины, коренившіяся въ глубинахъ самого русскаго общества.

Два дневника съ конца сороковыхъ годовъ до середины пятидесятихъ принадлежатъ прозелиткамъ политической и литературной группы славянофиловъ. Обѣ мемуаристки очень любопытны, какъ живыя свидѣтельства того, какъ политическіе споры будили умы и приучали интересоваться общественными и политическими вопросами, и въ частности—какія настроенія національная исключительность славянофильства порождала въ душахъ новичковъ, не подготовленныхъ къ самостоятельной умственной жизни послѣдователей ихъ ученія.

«Дневникъ» ¹⁾ Поповой занимаетъ особое мѣсто въ мемуарной литературѣ уже по низкому положенію автора на социальной лѣстницѣ. Елизавета Ивановна Попова (род. въ концѣ XVIII в., ум. 1876 г.) одинокая дѣвица лѣтъ пятидесяти, дочь купца-книгопродавца Попова, главы фирмы Люби, Гарихъ и Поповъ, арендовавшей типографію московскаго университета послѣ Новикова. Она—бѣдная разночинка, существовавшая на сто съ небольшимъ рублей годового дохода, немного прирабатывая уроками. Съ матерью она жила въ семьяхъ Юшковыхъ и Елагиныхъ; но всегда самолюбиво охраняла свою независимость, отгораживаясь отъ всякаго намека на положеніе приживалки. При отцѣ и среди просвѣщенной родни Жуковскаго она приобрѣла нѣкоторую начитанность, литературный вкусъ, научилась хорошо владѣть русскою рѣчью. Она любила людей, горѣла желаніемъ быть полезной и обладала громаднмъ знакомствомъ; она знала всю литературную Москву и значительную часть обывательской. «Дневникъ» свой она вела исключительно для себя, записывала, что «душу волнуетъ и сердце живитъ», и потому сообщаетъ читателю только то изъ наблюденій и новостей текущей жизни, что лично задѣвало или занимало ее самое. Болѣе интересна и цѣнна первая половина дневника за 1847—49 гг., когда Попова жила интересами литературныхъ друзей, гоненіями на славянофиловъ, «истинныхъ сыновъ отечества». Съ 1849 года она постепенно погружается въ интимныя заботы о судьбѣ родныхъ и близкихъ друзей.

Начало дневника застаётъ Попову страстной прозелиткой славянофильства, безутѣшной послѣ ранней кончины дѣятельнаго патріота Валуева, своего божка, который оживилъ ея одинокое существованіе, давъ работу въ своихъ изданіяхъ, еще подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ недавней смерти поэта Языкова. Она вся горитъ заботой о близкихъ сердцу людяхъ, о патріотахъ отечеству, обо всемъ, что, по ея мнѣнію, важно для родины и ея славы. Она пишетъ пламенные письма братьямъ Языкова, чтобы побудить ихъ къ изданію того, что задумано покойнымъ, и, какъ истая москвичка старыхъ временъ, ссылается на пророческіе сны и таин-

¹⁾ «Дневникъ Елизаветы Ивановны Поповой». Книгоизд. «Огни» 1911 г.

ственные указанія иного міра. Ее тревожить участь В. Панова, друга Валуева, семисотлѣтній юбилей Москвы, арестъ диссертациі К. С. Аксакова (при этомъ извѣстїи она шатается отъ волненія и негодованія, и ее уводятъ подъ руку).

Его диспутъ она буквально переживаетъ съ необыкновенной остротой ощущеній. Съ трепетомъ шла она поздравлять Аксаковыхъ, но самъ «Константинъ Великій вошелъ со свѣтлымъ и спокойнымъ лицомъ», и страстная прозелитка благоговѣйно и радостно созерцала пророка славянофильства. Въ его матери она видѣла римлянку, готовую на всѣ жертвы отечеству.

Одинокая женщина, по своему времени развитая, крѣпко замкнулась въ кругъ славянофильскаго патріотизма; здѣсь въ годы дневника весь ея міръ, ея религія, ея семья. Рѣзки и послѣдствія узкаго прозелитизма: добрѣйшая, сердечнѣйшая женщина именуется Петербургъ проклятымъ, а нѣмцевъ объявляетъ чѣмъ-то въ родѣ собакъ, особенно презирая ихъ подлѣйшую половину—нѣмокъ. Сообразно съ этимъ Западъ для нея не существуетъ; въ ея записяхъ нѣтъ и намека на событія 1848—49 гг., какъ будто она ничего не слыхала о нихъ.

Вращаясь среди московскихъ литераторовъ и барскихъ гостиныхъ, Елизавета Ивановна иной разъ не стѣснялась проявлять свою прямоту до рѣзкости, даже дерзости. Западнику Грановскому она крикнула «дуракъ» чуть не въ лицо. Любопытная черта нашего общества старыхъ временъ: среди чопорности, манерности, сословнаго чванства смѣлая дерзость легко могла разсчитывать на успѣхъ. Купечество и мѣщанство выслушивали все, что угодно отъ блаженныхъ и юродивыхъ; въ высшемъ слоѣ цѣнили дворянскую смѣлость и эксцентричность; на нихъ устанавливалась слава дамъ, въ родѣ М. Д. Офросимовой, дѣвицы въ родѣ «стрѣлы-барышни» изъ записокъ Свербеева.

Удивительно добрая, Попова вся жила для другихъ, всѣмъ всюду помогала, хлопотала о нуждающихся, ухитрялась раздавать ничтожныя средства, которыя имѣла; у состоятельныхъ людей она ухаживала за больными, утѣшала страдающихъ. Но самолюбивыя сомнѣнія, наличные и ожидаемые уколы волновали старую дѣвицу; вся ея душа неслась навстрѣчу интеллигентнымъ людямъ, которыхъ она почитала. Въ общемъ въ литературномъ кругу къ ней относились съ уваженіемъ и вниманіемъ; Пановы, Свербеевы, Мойеръ, ихъ родня и друзья, младшіе члены семей Елагинныхъ и прочей родни Жуковскаго навѣщали ее. Попова вела большую переписку; но она всегда боялась, отвѣтять ли ей, маленькому человѣку, дружескимъ словомъ на ея сердечный порывъ, не останется ли безъ пожатія ея протянутая рука. И тутъ ей досаждали женщины, эти хранительницы семейныхъ связей и обывательскихъ привычекъ, эти власти гостиныхъ. Елизавета Ивановна

часто рѣзко отзывалась о нихъ: женщины фальшивы, мелочны и пусты; доставалось даже А. П. Елагиной и А. Кирѣевской. Видно, немало кололи ее, зачѣмъ со своими заботами о близкихъ сердцу врывается въ чужіе родственные круги, въ судьбы не родныхъ ей лицъ. Одну красавицу Е. А. Свербееву ставила она очень высоко и поклонялась ей до обожанія. Не хотѣла она замѣчать сильнаго вліянія женщинъ въ литературномъ кругѣ, того, что изданіе для юношества, къ которому приспособилъ ее Валуевъ, было имъ основано подъ вліяніемъ писательницы А. Зонтагъ.

Наблюденія и свидѣтельства Поповой касаются только внутренняго быта московскаго общества сороковыхъ годовъ, сообщаютъ черты и краски для дополненія біографій извѣстныхъ лицъ ея круга. Въ дневникѣ не найдемъ извѣстій о крупныхъ историческихъ событіяхъ, ни яркихъ характеристикъ, но онъ хорошо написанъ, дышитъ правдивой искренностью и читается съ интересомъ. Онъ очень выигрываетъ въ пріятномъ для любителя книги изданіи, внимательномъ, любовномъ, съ прекраснымъ введеніемъ ¹⁾ кн. Н. Голицына.

Далеко не такъ удачно изданіе «Дневника» ¹⁾ Вѣры Сергѣевны Аксаковой (род. 1819 г., ум. 1864 г.), особенно въ виду исторической цѣнности его содержанія. Предисловіе къ нему кратко, скомкано и очень мало даетъ. Приложенный отрывокъ изъ воспоминаній племянницы автора слишкомъ усердно увѣряетъ, что старики одинаково относились къ своимъ дѣтямъ, чего нельзя заключить ни изъ самого дневника, ни изъ другихъ свидѣтельствъ. Дневникъ съ перерывомъ недѣль на пять велся всего въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ, съ 14-го ноября 1854 г. по 16-е октября 1855 г., немного не совпадая съ одиннадцатимѣсячной осадой Севастополя. Появленіе его вызвано внутренней потребностью взволнованной патріотки въ сознательномъ переживаніи несчастій родины, отчасти, можетъ быть, и вліяніемъ политическихъ писемъ Погодина, въ свою очередь, вызванныхъ горячими письмами къ нему гр. А. Блудовой.

Дневникъ сразу вводитъ читателя въ одну изъ главныхъ лабораторій политической и литературной мысли Россіи того времени. Въ великолѣпномъ Абрамцевѣ, близъ древнихъ храмовъ Хотькова и Троицкой лавры, среди чуднаго подмосковнаго пейзажа съ трепетомъ и волненіемъ переживаютъ члены славянофильской семьи событія восточной войны; произносятъ приговоры надъ измѣнившими народу правящими лицами тономъ безхитростно-вѣрующаго древняго лѣтописца; негодуютъ на молчаливую приниженность запуганнаго общества; въ это же время они съ любовью гото-

¹⁾ «Дневникъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой». Книгоизд. «Огни» 1913 г. Неполно въ «Минувшихъ Годяхъ» 1908 г.

вятся къ празднованію столѣтія московскаго университета; собираютъ и пересматриваютъ труды и біографическій матеріалъ недавно умершаго Гоголя и вспоминаютъ эту сложную, удивительную натуру «святого человѣка» съ тѣмъ благоговѣніемъ, съ какимъ черезъ тридцать лѣтъ слѣдующее поколѣніе людей ихъ толка говорило о Достоевскомъ; а самъ отецъ, вдохновляемый напряженной работой мысли молодежи, заканчиваетъ свою знаменитую «Семейную хронику». Изъ обѣихъ столицъ извѣстные и неизвѣстные современники пріѣзжаютъ провѣрять среди уважаемой семьи свои мнѣнія и впечатлѣнія, сообщаютъ, какъ Ю. Самаринъ, свои программы реформъ. «Намъ нужно вернуться въ Москву, — говорило одно изъ второстепенныхъ лицъ женскаго персонала дома:—а то мы слишкомъ занимаемъ своимъ картиннымъ удаленіемъ».

Но изъ кого состоитъ знаменитая семья? Вѣра Сергѣевна всегда говоритъ: «мы, мы читали, мы говорили, мы ждали». Повидимому, эти «мы»—всего трое: пророкъ дома—Константинъ Великій, его ближайшая ученица и послѣдовательница—старшая сестра Вѣра, и отецъ, обожаемый сыномъ, но человѣкъ совершенно иного склада; прочіе члены семьи голько вращались вокругъ этого центра, пріобщались къ нему. Между развитіемъ Вѣры Сергѣевны, подруги дѣтства Константина, и другихъ сестеръ большая разница. На диспутѣ брата одна изъ младшихъ сестеръ удивила Е. И. Попову своей наивной увѣренностью, что брату предстоитъ только прочесть что-нибудь изъ своей книги, такъ слабо касалась ее умственная жизнь старшихъ. Большія дарованія, напряженная работа надъ основными положеніями ученія на высотахъ философской мысли, нравственныя силы брата подчиняли семейныхъ его авторитету, добровольно и поневолѣ, сознательно и безсознательно. Не безъ его вліянія проскользнуло, какъ темный мазокъ на свѣтломъ фонѣ смиренія и почтенія къ мнѣнію массъ, наивно самоувѣренное утвержденіе сестры: «жизнь для насъ всѣхъ имѣетъ строгое, важное значеніе; всѣмъ намъ она является, какъ трудный подвигъ»... Ни одна наша мемуаристка не покушалась на подобное заявленіе, даже если жизнь ея была подвигомъ. Нужна большая увѣренность въ исключительной важности своей позиціи и святости своихъ доктринъ, чтобы сказать эти слова въ пору народной тяготы.

Сама мемуаристка, «моя умница—Вѣра», по нѣжному отзыву отца, отличалась выдающимся развитіемъ для женщины того времени и серьезнымъ направленіемъ ума; пылкая, увлекающаяся до экзальтаціи, она имѣла склонность къ мистицизму, даже философіи; внутренне «горѣла вѣрой и любовью къ Богу», что сильно отразилось въ дневникѣ. Она увлекалась доктринами брата и Хомякова до крайности, до презрительнаго отношенія къ другимъ мнѣ-

ніямъ; въ своемъ увлеченіи она мало цѣнила здравья, мѣткія сужденія отца, при всей любви къ нему.

Тихое общеніе семьи нарушалось появленіемъ въ домѣ брата Ивана Сергѣевича, хотя онъ въ основѣ и раздѣлялъ убѣжденія старшаго. Но звуки его голоса съ выраженіемъ его личныхъ мнѣній уже тревожили сестру: «какъ бы чего не вышло?» Константинъ очень добръ къ брату, оживленно бесѣдуетъ, но сестра боится за его спокойствіе; дивится, какъ можетъ Иванъ слегка выговаривать ему, зачѣмъ онъ осуждаетъ всякаго, кто хвалитъ Петербургъ, напоминаетъ, что въ Россіи массы людей не знаютъ ни московской, ни петербургской культуры, а мечутся въ поискахъ какого-нибудь просвѣта; что прежде всего нужно подумать, какъ вывести ихъ изъ тьмы. Оба старшіе видятъ въ его сужденіяхъ много легкомыслія; «и для него, и для насъ лучше быть врозь», пишетъ сестра.

О западникахъ, съ которыми Константинъ и, особенно, отецъ все-таки встрѣчались и бесѣдовали, Вѣра Сергѣевна не говоритъ. Тургеневъ съ перваго взгляда внушилъ ей отвращеніе; это безнравственный человѣкъ, живущій земными ощущеніями, совершенно не понимая духовной стороны предметовъ, рѣшила она, и не интересуется его мнѣніями, даже, когда самъ Константинъ къ нимъ прислушивается. «Говорятъ, Тургеневъ говорилъ очень умно», кратко замѣчаетъ она, переходя къ пересказу своей бесѣды съ Хомяковымъ.

Послѣ кончины императора Николая I характеръ записей въ дневникѣ нѣсколько измѣняется. На первыхъ семидесяти страницахъ выдвигаются роль и вліяніе семьи, вниманіе общества къ Аксаковымъ, ихъ дѣятельность; послѣ великаго событія Вѣра Сергѣевна погружается въ подробный анализъ политическихъ событій, положенія европейскихъ государствъ, внутренняго движенія въ Россіи, народныхъ толковъ, слуховъ и дѣлаетъ это съ увлеченіемъ и вдумчиво, давая большой матеріалъ для изученія эпохи. Одна изъ самыхъ любопытныхъ страницъ—это ея грустное раздумье, почему ни Погодинъ, уже извѣстный двору, ни Константинъ не поѣхали въ Петербургъ, чтобы высказать правительству свои мнѣнія о нуждахъ Россіи. Первый подчинился своимъ мистическимъ наитіямъ, которыя въ это смутное время толкнули его къ занятію лѣтописями; Константинъ же не ѣдетъ—самъ не знаетъ почему. «Если бы мы были въ Москвѣ, мы непременно уговорили бы ихъ съѣздить»... Кто «мы» въ данномъ случаѣ—непонятно; можетъ быть, женская половина семьи. Но видно, не легко кабинетнымъ ученымъ лично вмѣшиваться въ реальную политику, когда громко звучалъ «шагъ исторіи», какъ раньше иронизировалъ К. Аксаковъ. Только его записки и адресъ Хомякова читались и комментировались въ петербургскихъ сферахъ.

Соотношеніе силъ въ семьѣ темного заколебалось; вліяніе брата на время потусклило, сестра же какъ бы выросла и стала самостоятельнѣй среди броженія. Константинъ переживалъ и испытывалъ то же недоумѣніе и смятеніе, какъ и другіе, предавался мистическимъ настроеніямъ среди ожиданій и догадокъ. «Мира не будетъ: если онъ (Александръ II) согласится, то *судьба* его отстранить. Какимъ образомъ, я не знаю, но это такъ будетъ». Сестра только подчеркиваетъ курсивомъ слово *судьба* и не высказывается относительно этой темной фразы. Видно, Хомяковъ былъ правъ, говоря, что Николай I умеръ слишкомъ рано для славянофиловъ; эта смерть застала ихъ врасплохъ, не подготовленными къ крутому социально-психологическому кризису.

А Вѣра Сергѣевна, жившая чувствомъ и вѣрой, вся горѣла волненіемъ, мысли ея развивались живѣй, шире; она возбуждала даже неудовольствіе близкихъ своимъ безотрадно-мрачнымъ взглядомъ на положеніе Россіи, которое теперь, по ея мнѣнію, можетъ измѣнить одно тяжелое внутреннее потрясеніе. Свой оскорбленный патріотизмъ она старалась успокоить доводами, что Франція и Англія пострадали больше Россіи и приходятъ въ упадокъ и внутреннее разложеніе. Дневникъ прерывается вскорѣ послѣ перѣзда въ Москву.

Изданіе Н. П. Вишнякова «Свѣдѣнія о купеческомъ родѣ Вишняковыхъ» въ трехъ выпускахъ закончено въ 1913 году объемистой книгой «Анна Ивановна Волкова (урожденная Вишнякова). Воспоминанія, дневникъ и статьи», подъ редакціей Вѣтринскаго (Чешихина), съ интереснымъ біографическимъ очеркомъ. Семейная хроника купеческаго рода—явленіе не совсѣмъ обычное въ нашей мемуарной литературѣ. Вишняковъ исполнилъ свою задачу очень тщательно, съ любовью, далъ довольно яркую картину жизни хорошей московской купеческой семьи первой половины XIX в., съ нѣкоторыми новыми чертами для характеристики ея среды сравнительно съ нашимъ обычнымъ представленіемъ о герояхъ Островскаго. Всѣ члены семьи носили европейское платьѣ, женщины слѣдили за модами; одна сестра дѣда, по мужу Алексѣева, прабабка артиста Станиславскаго, носила платокъ-модочку. Съ двадцатыхъ годовъ женщины являлись культурнымъ элементомъ въ семьѣ. Еще бабка увлекалась карамзинской литературой и даже стараго мужа приучала переписывать поэмы и стихи, играла на клавикордахъ, но въ этомъ и заключалась вся культура до шестидесятыхъ годовъ. Общественной жизни въ этой средѣ не существовало, общественныхъ вопросовъ боялись, какъ огня. Рѣдко, рѣдко кто-нибудь сообщитъ новость изъ газеты. «Подальше-то здоровѣе... А все-то у насъ благополучно»—было общимъ убѣжденіемъ.

Къ рукописнымъ матеріаламъ Волковой родня и редакторъ отнесли очень разборчиво, издали, повидимому, немногіе отрывки изъ раннихъ воспоминаній и очень немногое изъ дневниковъ, особенно за послѣднее десятилѣтіе ея жизни, отъ студенческаго движенія 1899 г., за годы стачекъ, забастовокъ, событій 1905 г.—1906 г. По словамъ редактора, эти матеріалы не имѣютъ значенія свидѣтельства очевидца, а съ другой стороны еще не настало время для исторіи грознаго десятилѣтія.

Анна Ивановна родилась въ 1847 году и пережила на себѣ всю громадную эволюцію культуры московскаго купечества во второй половинѣ прошлаго вѣка. Лучшія воспоминанія ея дѣтства—мать, хорошенькая, изящная женщина, увлекавшаяся литературой сороковыхъ годовъ, оперой, театромъ, но она рано умерла, оставивъ бойкой шаловливой дѣвчкѣ свою живость ума, впечатлительность, страсть къ чтенію. Отецъ былъ человекъ неумный, некультурный и несдержанный; онъ билъ и сѣкъ дѣтей, особенно дочь; онъ любилъ нескладныя, бессмысленныя шутки, издѣвательство надъ низшими.

Почувшившись немного въ пансіонѣ, Анна Ивановна вышла изъ него со страстью къ чтенію и литературнымъ упражненіямъ, сама научилась хорошо писать. Ея первыя воспоминанія обработаны ею (вѣроятно, позже) отрывками въ родѣ стихотвореній въ прозѣ, напоминающихъ по слогу модернистовъ. Въ 1863 г. ее показывали жениху, и тутъ мы возвращаемся въ XVIII в., къ временамъ женитьбы Болотова. Произошла выводка лошади; оказалась по статьямъ годной,—пишетъ Волкова.—Для формы спросили дѣвушку; она отвѣтила, что женихъ нравится, такъ какъ жаждала спастись отъ сѣченія, оскорбленій и мачехи. Вотъ маленькій отрывокъ воспоминаній: «Въ домѣ суета. Въ комнатахъ сундуки, стулья, диваны покрыты платями, мѣхами. Шелкъ, бархатъ, кружева. Розовыя, голубыя ленты тянутся по полу; братъ, невѣста, подруги завязываютъ лентами бѣлье; кладутъ по старинному повѣрью въ сундуки рубли и крендели. Все готово. «Въ ноги кланяйся отцу, благодари!» шепчетъ мачеха. «Въ ноги, въ ноги», вторитъ мачехи родня. «Нѣтъ», невѣста со слезами говоритъ. «Книгъ начиталась, гордыня», отецъ сурово дочери сказалъ. Брань, упреки полились. Плачетъ невѣста. Мачеха злобно на дѣвушку смотритъ».

О послѣдующихъ годахъ узнаемъ изъ позднѣйшихъ воспоминаній. Анна Ивановна пыталась наивно-искренно сблизиться духовно съ мужемъ, но съ бранью высмѣивалась. До тридцати лѣтъ тянулись годы непрерывныхъ болѣзней, тяжелаго материнства, физическихъ и нравственныхъ страданій, постоянного мучительнаго недоумѣнія—что такое жизнь? Можно ли такъ жить? Какъ воспитывать дѣтей среди возмутительныхъ противорѣчій? Дома не съ кѣмъ было совѣтоваться; ближайшее лицо—мужъ—корень

всѣхъ противорѣчій. У Анны Ивановны хватило силы воли выйти побѣдительницей изъ испытанія; хотя съ болѣзнью сердца и разбитыми нервами, она отвоевала себѣ особую самостоятельную жизнь. Пройдя сквозь личную драму, она выросла въ «повую женщину», по модному термину нашихъ дней. Эта драма натолкнула ее на размышленія о зависимости женщинъ, побудила зачитываться Миллемъ, обширной литературой по женскому вопросу и сдѣлала ее страстной феминисткой. Другимъ острымъ для нея вопросомъ было воспитаніе.

Женскому вопросу она посвятила свои первые литературные опыты. Съ 1883 г. Анна Ивановна—фактический редакторъ-издатель хорошаго, дѣльнаго для своего времени ежемѣсячника «Другъ женщинъ» (сентиментальное заглавіе изобрѣла первая издательница). Благодаря энергій и любви къ дѣлу, она привлекла къ нему выдающіяся литературныя силы: Гольцева, Златовратскаго, Дмитріеву, Горбунову и друг. и оставила во всѣхъ сотрудникахъ добрыя воспоминанія. Журналь имѣлъ большой моральный успѣхъ. Но небольшія тогда личныя средства Волковой не выдержали перерасходовъ, и она въ 1885 г. прекратила изданіе.

Лишенная постоянной напряженной заботы, Анна Ивановна взялась за дневникъ, но вела его съ большими перерывами; писала для себя, небрежно, тяжелымъ книжнымъ слогомъ, и въ общемъ дневникъ, вѣрнѣе то, что изъ него напечатано, не увлекаетъ въ чтеніи. Кромѣ тоски душевно одинокой женщины, grübelein, личныхъ обидъ и горести, въ немъ много размышленій о статьяхъ и газетныхъ извѣстіяхъ; честныхъ, трогательно-либеральныхъ разсужденій, но нѣтъ яркихъ наблюденій. Можно подумать, что у Волковой не было настоящей искры для такихъ работъ. «Откуда же черпать идеальныя примѣры, какъ не изъ книгъ?» пишетъ она, изрѣдка возвращаясь къ излюбленному идеалу своей юности, къ маркизу Поза. Въ психологіи Анны Ивановны ярко сказывалось свойственной пореформенному московскому купечеству ея времени тяготѣніе къ интеллигенціи, къ кружкамъ художниковъ и писателей. Иной разъ она безъ критики руководится сомнительными авторитетами, въ родѣ Скабичевскаго, увлекается общими мѣстами журналистики восьмидесятыхъ годовъ. Но при всемъ уваженіи къ интеллигенціи Волкова смѣлая и горячая патріотка Замоскворѣчья и Китай-города, защитница огромнаго общественнаго значенія купческаго класса; она очень не одобряетъ Боборыкина за односторонность его типовъ и раздражается негодованіемъ на грубый сатирический выпадъ какого-то критика («Коленкорова литература») по поводу литературныхъ опытовъ одного изъ Морозовыхъ.

Мѣстами въ дневникѣ мелькаютъ интересныя замѣтки о подробностяхъ обывательской жизни, о сношеніяхъ съ полиціей и заку-

лисной борьбѣ съ ея мѣрами, о купеческихъ правахъ конца XIX в., когда еще случалось, что дочерей учили напоказъ, чтобы захватить непременно образованнаго жениха, о молодыхъ самодурахъ, которые наказывали женъ, не выходявшихъ изъ синяковъ. Нерѣдко Волкова скорбитъ о маломъ развитіи женщинъ ея среды, неспособныхъ понимать требованія современнаго воспитанія. Очень волнуетъ ее жалкая участь дѣтей низшаго класса, особенно жертвъ ремесленнаго ученичества; и подъ старость она мечтаетъ о журналѣ «Другъ Дѣтей».

Съ половины девяностыхъ годовъ ее занимаютъ стачки и забастовки—«великое пробужденіе рабочихъ». Въ эту пору мужа Волковой разбилъ параличъ, и она сдѣлалась *самой* въ домѣ и дѣлѣ, старшей представительницей банкирской фирмы. Она говорила о стачкахъ, по свидѣтельству біографа, какъ человекъ, органически связанный съ промышленнымъ міромъ; самый интересъ промышленности,—пишетъ она,—требуешь духовнаго и матеріальнаго подъема рабочихъ, и это надо сознать какъ можно скорѣй,—но тутъ многоочіе и большой пропускъ текста. Также прерываются и извѣстія о движеніи студентовъ въ 1899 г., едва Волкова начала рассказывать, какъ быстро, на пространствѣ 2—3 дней на ея глазахъ мѣнялись фізіономіи начальниковъ и нѣкоторыхъ профессоровъ.

И все-таки не яркій, съ большими пропусками дневникъ рисуетъ Волкову очень цѣльнымъ человекомъ, съ довольно сложной психологіей, съ чуткой совѣстью и пытливымъ умомъ, съ горячей преданностью міру общественныхъ и нравственныхъ интересовъ. Но не въ немъ ея сила, а вотъ въ чемъ: къ книгѣ приложенъ библіографическій указатель ея трудовъ на двадцати трехъ страницахъ. Оказывается, что банкирша была цѣнной сотрудницей маленькихъ журнальчиковъ идейнаго направленія, издающихся безъ капитала, кустарнымъ способомъ, въ родѣ «Ремесленной Газеты», «Для народнаго учителя», «Женскій Вѣстникъ» и мн. друг. Ея статьи помѣщали и «Русскія Вѣдомости» и солидный «Вѣстникъ Воспитанія», но Волкова была скромна, стѣснялась недо статковъ своего образованія,—не искала лестнаго общенія со знаменитостями большихъ редакцій и шла своей маленькой тропочкой. Она написала 486 статей и статейекъ, причемъ подъ однимъ заглавіемъ попадаютъ очередные обзоры въ двѣнадцать нумерахъ журнала. Даже въ такіе годы, какъ 1900, когда за болѣзнь мужа у нея было столько дѣла, что она дивилась крѣпости своихъ большихъ плечъ, она написала 55 статей. Послѣднія работы печатались, когда она умирала отъ мучительной болѣзни сердца въ концѣ 1910 года.

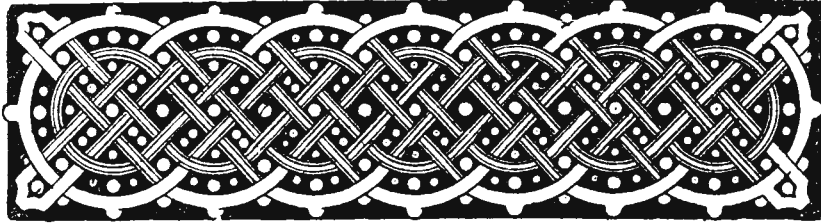
Такъ думали и дѣйствовали на протяженіи почти двухъ столѣтій наши мемуаристки, болѣе и менѣе выдающіяся представи-

тельницы того или другого умственнаго теченія своего времени. Мемуаристки XVIII вѣка руководились религіознымъ чувствомъ, безропотно несли принятый на себя или навязанный другими долгъ; но Лабзина въ началѣ XIX вѣка выступила уже вліятельнымъ дѣятелемъ среди своего круга. Женщины слѣдующаго поколѣнія выдѣляютъ уже борцовъ за права личности, за свободу и даже за права женщинъ свободно пользоваться своими духовными силами.

Объ славянофилки своимъ религіознымъ міровоззрѣніемъ напоминаютъ женщинъ старыхъ временъ, но горячимъ интересомъ къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ, а В. Аксакова и пытливой работой ума, умѣньемъ разбираться въ сложныхъ и запутанныхъ событіяхъ современности и онѣ стояли на высотѣ интеллектуальной жизни эпохи. Последняя мемуаристка—Волкова—любопытная представительница новѣйшаго феминизма, и оставленные ею матеріалы въ цѣломъ сдѣлаются достояніемъ будущихъ историковъ русскаго общества на рубежѣ двухъ столѣтій.

Е. Щепкина.

ПОСЛѢДНІЙ ПЕТРАШЕВЕЦЪ.

МУ 86 ЛѢТЪ—этому послѣднему оставшемуся въ живыхъ петрашеvcу. Онъ плохо видитъ, мало двигается. Его голова, надъ которой 64 года тому назадъ на Семеновскомъ плацу была сломана шпага, теперь бѣла, какъ снѣгъ. Но память,—эта награда природы старику за здоровую жизнь,—память его свѣжа, и рассказъ о давно минувшемъ полонѣ интересныхъ историческихъ подробностей.

Онъ живой родникъ воспоминаній. Достаточно въ его присутствіи уронить одно слово, назвать одну какую-нибудь старинную дворянскую фамилію, которая въ нашемъ сознаніи уже отзывается пустымъ мертвымъ звукомъ,—въ его головѣ поднимается цѣлый рой живыхъ образовъ и картинъ. Бибиковы, Бахметьевы, Оболенскіе, Волконскіе, Толстые, Румянцовы, Пуцины, Неклюдовы... Встаютъ изъ гробовъ покойники, одѣваются въ плоть и кровь своихъ достоинствъ, живутъ, двигаются, повелѣваютъ, любятъ, сѣкутъ крѣпостныхъ, ухаживаютъ за красивыми женщинами. Но вотъ смолкъ старикъ отъ усталости, и блѣдныя тѣни невозвратно прошедшаго грустно укладываются въ свои гробницы, а за окномъ стучитъ современная жизнь. И какая она некрасивая, холодная—эта наша трезвая современная жизнь—безъ мечтательно-розоваго флера далекихъ воспоминаній!..

Въ большой комнатѣ по стѣнамъ дома «послѣдняго петрашевца» висятъ «отцы и дѣды». На диванѣ, въ двухъ ящикахъ, въ безо-

рядкѣ лежать груды писемъ. Миѣ видны желтые листики старой бумаги.

— Тутъ письма за всю мою жизнь. Разобрать не могу...

— Почему же?

— Некогда. Всю жизнь было некогда. А теперь и вижу плохо...

— Чьи же это письма?

— Тутъ и Льва Николаевича Толстого, и переписка моихъ бабушекъ въ 1812 году, когда Наполеонъ заставилъ ихъ выѣхать изъ московскаго дома: одну въ Кострому, а другую въ Рязань. Письма Пушкина, Достоевскаго, дѣятелей освобожденія крестьянъ...

И старикъ опять унесся въ воспоминанія...

Николай Сергѣевичъ Кашкинъ—коренной калужскій помѣщикъ. Его имѣніе граничитъ съ Оптиной пустынью. Управление своимъ хозяйствомъ взяло у него всю жизнь. Еще въ Москву и Петербургъ онъ наѣзжалъ, а за границей и на нашихъ курортахъ такъ и не побывалъ.

— И не хотѣлось никогда. Дома дѣла было много.

Онъ съ головы до ногъ земець, проникнутый прогрессивными идеями 60-хъ годовъ. Участвовалъ въ комитетѣ по освобожденію крестьянъ. Когда я уходилъ изъ его дома, старикъ куда-то спѣшилъ. Судорожной, слабой походкой направлялся онъ къ вѣшалкѣ.

— На земское собраніе ѣду. Вотъ уже 46 годъ присутствую.

Онъ—безсмѣнный гласный Козельскаго уѣзда съ учрежденія земства.

«Земскій часовой».

Былъ когда-то уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Затѣмъ около 40 лѣтъ служилъ въ калужскомъ судѣ въ должности члена и товарища предсѣдателя. Когда ему предлагали болѣе высокіе посты по суду, онъ отказывался: не хотѣлось разставаться съ Калугой.

Но все это было «потомъ». А въ ранніе годы Н. С. Кашкинъ отдалъ безумную дань молодости: былъ «фурьеристъ», мечталъ о фаланстерахъ и за увлеченіе этой утопией былъ приговоренъ, какъ онъ выражается,—«только къ смертной казни».

Онъ былъ блестящій молодой человекъ высшаго петербургскаго общества. Право на такое положеніе ему дала его знатность. Теперь родъ Кашкиныхъ расплылся, а послѣ смерти Николая Сергѣевича и совсѣмъ потускнѣеть. Но прежде Кашкины роднились съ Бахметьевыми, потомками боярина Ртищева. Одинъ изъ Кашкиныхъ былъ «птенець гнѣзда Петрова», былъ посланъ за границу учиться. Его сынъ—прадѣдъ Николая Сергѣевича—былъ намѣстникомъ Тульской и Калужской губерній. Дѣдъ былъ московскимъ сенаторомъ. Братъ дѣда, Дмитрій Кашкинъ, былъ даже «поэтомъ».

— Николай Энгельгардтъ,—разсказывалъ мнѣ старикъ,—написалъ въ «Новомъ Времени» нелестную памятку о братѣ моего дѣда. Онъ описывалъ, что рылся гдѣ-то въ библиотекѣ и рядомъ съ Дер-

жавиннымъ увидаль поэзію моего дѣда, прочиталь и ужаснулся, — какая это была бездарность. Это вѣрно. Поэзія дѣда была его барской болѣзнью. Но Энгельгардтъ, можетъ быть, не знаетъ, что эта поэтическая бездарность вмѣстѣ съ Суворовымъ перешла Альпы и на знаменитомъ Чортовомъ мосту дралась, какъ левъ, во главѣ своихъ егерей. За этотъ бой дѣду дали чинъ генерала и Анну. Послѣ войны онъ не сошелся со своимъ начальствомъ, вышелъ въ отставку и уже старикомъ, живя въ своей деревнѣ, занялся поэзіей. Описываль суворовскіе походы, воспѣль французскую войну, при чемъ въ своихъ стихахъ выражался, на примѣръ, такъ: «Они (французы) ѣли трупы, какъ калачи». Всѣ бѣгали отъ его стиховъ, а онъ любилъ читать ихъ вслухъ и былъ очень доволенъ, когда его слушали. Однажды, при посредствѣ моего дѣда, онъ познакомился съ сенаторомъ Дмитріевымъ, который потомъ былъ министромъ юстиціи, и уговорилъ прослушать его стихи. Мнѣ описывали, какъ подѣхала къ дому дѣда-поэта карета, и онъ бережно началъ выносить груды своей поэзіи, чтобы везти ихъ къ Дмитріеву. Дмитріевъ его прослушалъ и будто бы сказалъ:

— Мужской риемой писать просто, а ты попробуй женской.

Что это за мужская и женская риема, Николай Сергѣевичъ не помнить. Но знаетъ, что суворовскій герой послѣ этихъ словъ заперся въ своей деревнѣ, два года никуда не выѣзжалъ и передѣлалъ всѣ свои стихи на «женскую риему».

Отецъ Николая Сергѣевича былъ офицеръ гвардейскаго полка. Его не миновала декабристская волна. Видимо, политическія увлеченія—въ крови Кашкиныхъ. Но отдѣлался онъ сравнительно легко. Его другъ Пущинъ былъ отправленъ на каторгу, а ему почему-то вмѣнили въ вину только «недонесеніе» и ограничились четырехмѣсячнымъ заключеніемъ въ крѣпости и отправленіемъ на службу въ Архангельскъ. Когда срокъ ссылки кончился, онъ переѣхалъ въ свою калужскую деревню. Но ему долго не разрѣшали вѣздъ въ столицу, такъ что Николай Кашкинъ родился и выросъ въ деревнѣ.

Но образованіе молодой Кашкинъ получилъ въ Петербургѣ. Учился въ лицей, когда это учебное заведеніе еще находилось въ Царскомъ Селѣ. При немъ лицей перевели въ Петербургъ, и послѣдніе четыре класса онъ прошелъ въ столицѣ. Когда кончилъ, поступилъ въ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Ему предстояла блестящая дипломатическая карьера. Кашкину не было 20 лѣтъ, когда ему предложили мѣсто секретаря посольства въ Бразиліи. Но тогда желѣзныхъ дорогъ не было, къ родителямъ за совѣтомъ и проститься нужно было ѣхать очень долго, а безъ совѣта и прощанія онъ ѣхать не хотѣлъ. Кончилось тѣмъ, что онъ отказался отъ Бразиліи, и этотъ отказъ рѣшилъ его судьбу, круто повернувъ жизнь.

Въ 1848 году юный Кашкинъ близко сошелся съ Ахшарумовымъ обоими Дебу, Европеусомъ, Спѣшневимъ. Это была молодежь, изподъ гнета николаевскаго времени усвоившая идеалы французскаго утопическаго социализма, отъ рабства и косности мечтавшая перебросить Россію прямо къ социалистическимъ учрежденіямъ. Раздѣляя эти идеи или, по крайней мѣрѣ, думая, что раздѣляя, и Кашкинъ, отдававшійся всему горячо, съ жаромъ.

— Вы были знакомы съ Петрашевскимъ?—спросилъ я его.

— Представьте себѣ, почти нѣтъ. Я встрѣтился съ нимъ на обѣдѣ у Нагорнаго (Европеуса) 7-го апрѣля 1848 года въ первый разъ. Обѣдъ былъ въ день рожденія Фурье, по подпискѣ. Петрашевскій звалъ меня къ себѣ, и я на другой день былъ у него. Вотъ и всѣ мои встрѣчи съ нимъ. Не былъ я знакомъ и съ Достоевскимъ, и Плещевымъ, и съ очень многими изъ петрашевцевъ. Когда насъ поставили на Семеновскомъ плацу, я многихъ увидаль въ первый разъ.

Слѣдственная комиссія аттестовала Кашкина передъ судомъ, какъ человѣка высшаго общества и «чрезвычайно свободныхъ мнѣній». На вечерахъ, которые онъ устраивалъ у себя и на которыхъ бывали нѣкоторые изъ петрашевцевъ, Кашкинъ,—какъ сообщалъ Липранди,—«читалъ рѣчь въ преступныхъ выраженіяхъ противъ Бога и общественнаго устройства, приводилъ мнѣнія атеистовъ, очевидно, раздѣляя ихъ, участвовалъ въ учрежденіи либеральной бібліотеки». Въ одномъ изъ писемъ онъ обнаруживалъ невѣріе словами: «Богъ, если Ты существуешь, помоги мнѣ!»

Но атеизмъ и фурьеризмъ двадцатилѣтняго Кашкина были, конечно, очень не глубоки. Европеусъ выражалъ свое сожалѣніе о Кашкинѣ.

— Кашкина мнѣ жаль болѣе, чѣмъ самого себя,—говорилъ онъ:—я, по крайней мѣрѣ, дѣйствовалъ сознательно, онъ рѣшительно не понималъ того, что дѣлалъ.

На допросахъ Кашкинъ чистосердечно и со слезами рассказалъ обо всемъ. «Раскался, — сказано въ докладѣ генераль-аудиторіата императору Николаю,—и обратился къ религіознымъ чувствамъ». И все-таки приговоръ аудиторіата былъ такой:

«Титулярнаго совѣтника Кашкина подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ».

Николаевскіе законы не дѣлали различія между твердымъ убѣжденіемъ и мальчишескимъ увлеченіемъ.

Н. С. Кашкинъ прекрасно помнитъ многія подробности страшнаго 1849 года. Арестованъ онъ былъ необычно. Къ нему явился офицеръ и сказалъ:

— Его сіятельство шефъ графъ Орловъ хочетъ съ вами говорить.

Кашкинъ надѣлъ вицъ-мундиръ и поѣхалъ. Но его привезли въ Петропавловскую крѣпость. За всѣ восемь мѣсяцевъ предваритель-

наго заключенія онъ не получалъ никакихъ вѣстей изъ внѣшняго міра, не видалъ лица родныхъ. Солдатъ приносилъ ему пищу, офицеръ стоялъ на караулѣ около его камеры. Ни одного слова тюремщики не сказали съ арестантомъ.

— Но вотъ однажды,—разсказываетъ Кашкинъ,—это было уже на четвертомъ мѣсяцѣ заключенія,—я услышалъ сто одинъ выстрѣлъ зъ крѣпости. Какая-то общерусская радость,—подумалъ я и обратился къ сторожившему меня офицеру.

— Я знаю, что вамъ нельзя со мной говорить, но теперь, въ день всероссійской радости, я прошу васъ сказать мнѣ, какая радость въ Россіи?

Тотъ сначала не соглашался сказать, но я продолжалъ умолять. Тогда онъ коротко отвѣтилъ:

— Гергей положили оружіе.

— А намъ какое до этого дѣло?—удивился я.

— Да, вѣдь, къ погамъ Россіи,—сказалъ офицеръ.

— Какъ же попало туда наше войско?

— Очень просто: Россія провела венгерскую кампанію.

А мы сидѣли и ничего не знали. Когда насъ взяли, ни о какой венгерской кампаніи и рѣчи не было.

Хорошо помнить Кашкинъ и то утро 22-го декабря 1849 года, когда его везли на казнь.

Часовъ въ пять отворилась дверь каземата.

— Пожалуйте,—пригласили его.

Куда повезутъ,—не сказали. Кашкинъ надѣлъ свой виць-мундиръ, въ которомъ былъ арестованъ. Въ карету съ нимъ сѣлъ солдатъ, а сзади слѣдовалъ жандармъ верхомъ. Хотя было раннее утро, но масса народа шла по направленію ихъ пути. Случилось такъ, что Кашкина везли по той улицѣ, на которой была квартира его отца. Поровнявшись съ домомъ, онъ выглянулъ и увидалъ отца и братьевъ въ окнѣ выступа дома, а около подъѣзда стояли запряженные сани, въ которыхъ сидѣла мать. Онъ инстинктивно потянулся, чтобы открыть оконце кареты, но солдатъ сурово сказалъ:

— Нельзя.

Онъ видѣлъ только, что мать поѣхала за нимъ. Семеновскій плацъ обступили тысячи народа. Петрашевцевъ поставили кругомъ на подмосткахъ и надѣли саваны.

Баронъ Корфъ, передавая въ «Русской Старинѣ» свои впечатлѣнія о 22-мъ декабрѣ, писалъ: «Слезы юнаго Кашкина тронули всѣхъ»...

Но продолжимъ разсказъ самого Кашкина:

— Аудиторъ обошелъ всѣхъ приговоренныхъ и каждому прочиталъ формулу обвиненія и наказанія. Направо отъ меня стоялъ неизвѣстный мнѣ человѣкъ. Аудиторъ назвалъ его Плещеевымъ. Я въ первый разъ увидалъ поэта А. Н. Плещеева. Помню, какъ аудиторъ прочелъ мнѣ:

«За участіе въ преступныхъ замыслахъ къ произведенію переворота въ общественномъ бытѣ Россіи, съ примѣненіемъ къ оному безначалія, за учрежденіе у себя на квартирѣ для этой цѣли собра-

Н. С. Кашкинъ.

ніа и произнесеніе преступныхъ рѣчей противъ религіи и общественнаго устройства подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ».

Когда онъ отошелъ отъ Кашкина къ Головинскому, Плещеевъ обернулся и спросилъ Кашкина:

«истор. вѣстн.», августъ 1914 г., т. сxxxvii.

13

— Такъ это вы Кашкинъ? Какъ вы сюда попали?

Передъ тѣмъ, какъ петрашевцевъ арестовали, вышла въ свѣтъ маленькая книжечка стиховъ Плещеева, и молодежь съ удовольствіемъ заучивала его прекрасное стихотвореніе, начинающееся словами: «Впередъ, безъ страха и сомнѣнья», гдѣ слова: «подъ знаменемъ науки» рифмовались съ выраженіемъ: «Дадимъ другъ другу руки». Въ тонѣ этого стихотворенія Кашкинъ и отвѣтилъ автору его. Сказалъ что-то въ родѣ того, что «здѣсь мы подъ однимъ знаменемъ науки, и намъ остается протянуть другъ другу руки»...

Потомъ священникъ наскоро, спѣша, сказалъ проповѣдь. «Оброцы грѣховъ есть смерть,—сказалъ апостолъ Павелъ»,—запомнилъ я его слова. Затѣмъ трафаретное: «Если раскаетесь, то наслѣдуете жизнь вѣчную». Сунулъ всѣмъ крестъ для цѣлованія, и сейчасъ же троихъ—Петрашевскаго и, кажется, Момбелли и одного изъ Дебу—отвезли на разстрѣлъ, накинувъ веревки на шею. Около Кашкина стояли знакомыя ему лица петербургской высшей администраціи; стоялъ, между прочимъ, тогдашній оберъ-полицеймейстеръ. Когда Кашкина только что поставили на плацу, онъ просилъ полицеймейстера:

— Тутъ въ толпѣ мать, успокойте ее хоть сколько-нибудь, скажите, что я здоровъ.

А когда повели Петрашевскаго къ разстрѣлу, онъ обратился къ нему:

— Кому я могу передать мою послѣднюю просьбу дать мнѣ приготовиться къ смерти?

Онъ разумѣлъ исповѣдь и причастіе. Генералъ отвѣтилъ:

— Государь былъ такъ милостивъ, что даровалъ вамъ всѣмъ жизнь.

И пожалъ мнѣ руку.

Сказалъ онъ эти слова громко, и мы, стоящіе около оберъ-полицеймейстера, за минуту до официального объявленія намъ воли царя знали уже радостное содержаніе ея.

Генераль-аудиторъ опредѣлили:

«Во вниманіе къ весьма молодымъ лѣтамъ Кашкина, лишить его всѣхъ правъ состоянія и сослать на житіе Архангельской губерніи въ городъ Холмогоры, подъ строгій полицейскій надзоръ.

Но рукой государя на этомъ заключеніи было написано:

«Рядовымъ въ кавказскіе линейные батальоны».

Кашкинъ, попалъ въ Бѣлорѣченскую крѣпость. Былъ самый разгаръ борьбы съ черкесами. Подъ пулями черкесовъ строилась крѣпость и мостъ черезъ рѣку Бѣлую.

Когда Николай Сергѣевичъ передавалъ о томъ, какъ онъ въ Петропавловской крѣпости узналъ о венгерской кампаніи, то кстати рассказалъ и о другомъ подобномъ же случаѣ изъ своей жизни:

— Почту и провизію мы въ Бѣлорѣченской крѣпости получали два раза въ мѣсяцъ. Приходилъ къ намъ военный отрядъ и привозилъ. Но однажды три мѣсяца мы жили совершенно отрѣзанными отъ міра, — отрядъ не показывался. Бѣли одни уже сухари и не знали ничего, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Но вотъ однажды мы замѣтили за Бѣлой, на черкесской сторонѣ, человѣка въ европейскомъ костюмѣ. Онъ смотрѣлъ на насъ съ горы въ подзорную трубку. Англичанинъ, — опредѣлили мы его по виду. Но откуда онъ появился? Наконецъ отрядъ пришелъ и положилъ конецъ нашимъ недомѣніямъ. Пока мы сидѣли въ крѣпости, произошла высадка союзныхъ войскъ въ Крыму, и крымская кампанія была въ самомъ разгарѣ. Наши войска были стянуты къ Черному морю и о нашей крѣпости забыли.

Въ Бѣлорѣченской Кашкинъ заболѣлъ лихорадкой и пріѣхалъ лечиться въ Желѣзноводскъ. Здѣсь онъ познакомился съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, который тоже пріѣзжалъ сюда брать ванны. Они сошлись на «ты».

— Толстой показался намъ тогда не особенно даровитымъ молодымъ человѣкомъ, — рассказывалъ Кашкинъ.

Ихъ обоихъ въ одинъ и тотъ же годъ произвели въ офицеры. Князь Барятинскій выхлопоталъ Кашкину права состоянія, отнятыя у него по дѣлу Петрашевскаго.

Года черезъ два Толстой и Кашкинъ, уже въ отставкѣ, встрѣтились въ Москвѣ. Къ этому періоду относятся интересныя воспоминанія Кашкина. Видимо, это была свѣтлая пора его жизни. Послѣ Петропавловской крѣпости, пережитаго на Семеновскомъ плацу ужаса, тяжелой работы рядового линейнаго батальона, кавказской лихорадки, онъ какъ бы воскресъ изъ мертвыхъ и, молодой, жизнерадостный, пользовался жизнью во всей ея полнотѣ. Вращался онъ попрежнему въ высшемъ московскомъ обществѣ, гдѣ и встрѣчался постоянно съ Львомъ Николаевичемъ.

— Я помню, мы часто съ нимъ бывали на балахъ. Ему очень нравилась баронесса Менгденъ, красивая, молодая, интересная жепщина, а мнѣ — Нелли Волконская... Наши дамы уѣзжали съ баловъ обычно до ужина, мы ихъ провожали, а затѣмъ отправлялись ужинать къ Дюссо. Это бывало часто. Толстой въ «Декабристахъ» описываетъ именно тотъ кабинетъ у Дюссо, въ которомъ мы любили ужинать. Уже значительно позже, когда Толстой разорвалъ связь съ свѣтской жизнью, въ одномъ письмѣ къ Льву Николаевичу я между прочимъ спрашивалъ его:

— Когда мы теперь увидимся?

А онъ шутя отвѣтилъ:

— У Дюссо мы теперь съ тобой не встрѣтимся. Нужно назначить свиданіе гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ...

Николай Сергѣевичъ много рассказывалъ о баронессѣ Менгденъ и Нелли Волконской.

Баронесса умерла недавно. Она была урожденной Бибиковой. Ея первый мужъ былъ князь Оболенскій, блестящій гвардейскій офицеръ. Она вышла за него замужъ противъ воли родителей. За это ее лишили приданого. Оболенскій, [какъ человѣкъ небогатый, долженъ былъ выйти въ отставку и жить съ женой въ своей тульской деревнѣ. Здѣсь произошла драма.

Въ домѣ Оболенскихъ за повара служилъ мальчишка-поваренокъ, отданный когда-то своимъ бариномъ «для науки» на кухню Англійскаго клуба, но удаленный оттуда за какія-то провинности. Неизвѣстно, что заставило его совершить преступленіе, только онъ однажды всадилъ кухонный ножъ въ животъ князя Оболенскаго. Княгиня спаслась случайно. Она обыкновенно заказывала меню, но такъ какъ въ то время носила ребенка подъ сердцемъ, то мужъ пошелъ вмѣсто нея къ повару, и тотъ убилъ его: можетъ быть, если бы вышла къ озвѣрѣлому человѣку княгиня, то была бы убита она.

Вскорѣ на вдовѣ женился тульскій губернаторъ баронъ Менгденъ. Отъ брака съ княземъ Оболенскимъ родился князь Д. Д. Оболенскій, теперешній помѣщикъ Тульской губерніи.

Нелли Волконская—дочь декабриста князя Волконскаго. Губернаторъ Восточной Сибири Корсаковъ, преемникъ Муравьева-Амурскаго, назвалъ какую-то рѣчку въ Сибири ея именемъ. Это была обаятельная женщина. Первый бракъ ея былъ неудаченъ. Она вышла за чиновника Муравьева-Амурскаго Молчанова, который былъ послѣ отданъ подъ судъ. Потомъ она была замужемъ за Кочубеемъ, а послѣ его смерти—за Рахмановымъ.

Нелли Волконская и теперь жива. Живетъ въ Римѣ, разбитая параличомъ. Передаютъ, что черные глаза ея напоминаютъ и сейчасъ о былыхъ красотѣ и обаяніи.

Меня интересовалъ вопросъ объ общеніи между Толстымъ и Кашкинымъ. Оказывается, Кашкинъ за всю свою долгую жизнь не собрался въ Ясную Поляну, хотя все время жилъ отъ нея въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ ѣзды. Лишь однажды онъ посѣтилъ Толстого въ Москвѣ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и орловскимъ губернаторомъ Боборыкинымъ, товарищемъ Толстого по полку. Сынъ Кашкина, теперь уже умершій, тогда только что вернулся изъ Сибири, гдѣ изучалъ тюрьмы и условія поселенія. Толстой очень долго и подробно спрашивалъ его о тюрьмахъ. Было это незадолго до выхода въ свѣтъ «Воскресенія». Вѣроятно, великому писателю рассказъ Кашкина послужилъ, между прочимъ, матеріаломъ для романа.

И еще одинъ разъ товарищи, Толстой и Кашкинъ, вспомнили другъ о другѣ. Это было по такому поводу. Сынъ декабриста Пущина, орловскій помѣщикъ Пущинъ, поссорился съ своими крестьянами и

навлекъ на нихъ гнѣвъ тамошней администраціи. Былъ посланъ отрядъ войска и произведена экзекуція. Губернаторъ Неклюдовъ въ это время сидѣлъ на балконѣ дома Пущина и мирно бесѣдовалъ съ хозяиномъ. Объ этой расправѣ узналъ Л. Н. Толстой и опубликовалъ за границей письмо. Кашкинъ передаетъ, что это письмо вызвало слѣдствіе, послѣ котораго Неклюдовъ долженъ былъ уйти со службы. Такъ какъ молва въ этомъ дѣлѣ ставила на одну доску Неклюдова и Пущина, а Пущину это не нравилось, то онъ разослалъ письма, въ которыхъ увѣрялъ, что онъ во всей этой исторіи ни при чемъ, что экзекуція была предпринята исключительно самимъ Неклюдовымъ вопреки его желанію. Но Кашкинъ зналъ о «мирной бесѣдѣ» Неклюдова и Пущина на балконѣ и написалъ Пущину, приходившемуся ему дальнимъ родственникомъ, рѣзкое письмо, а копію письма послалъ Толстому. Кашкинъ напомнилъ Пущину, что онъ—сынъ декабриста, что помѣщики обязаны просвѣщать своихъ крестьянъ, а не пороть, и т. д. Толстой отвѣтилъ Кашкину, что онъ слишкомъ сильно нападаетъ на Пущина, что, можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ не такъ виноватъ.

Выйдя въ отставку, Н. С. Кашкинъ поселился въ своей калужской деревнѣ.

Иногда Кашкинъ наѣзжалъ въ Петербургъ и Москву. Послѣ возвращенія Ѳ. М. Достоевскаго изъ ссылки онъ близко познакомился съ писателемъ и его семьей. Всю жизнь былъ съ нимъ въ общеніи. Кашкинъ припоминаетъ, что въ послѣдній разъ онъ видѣлъ Достоевскаго въ Петербургѣ больнымъ, въ эпоху войны 1877 года. Когда онъ пришелъ къ нимъ, жена Достоевскаго говорила, что вчера у нихъ на квартирѣ было засѣданіе Славянскаго общества, и Ѳ. М. такъ взволновался, что съ нимъ случился его обычный припадокъ. Но, несмотря на болѣзнь, Достоевскій вышелъ къ нему, съ увлеченіемъ развивалъ предъ нимъ планы славянофильской политики и увѣренно говорилъ, что война, заставившая славянство сплотиться во имя великой идеи, уничтожить нашу внутреннюю смуту. По какому-то поводу здѣсь же они коснулись имени Толстого, и Достоевскій сказалъ Кашкину слѣдующее:

— Во всѣ времена, во всей міровой литературѣ не было таланта больше, чѣмъ Толстой. Но не люблю я его,—гордый онъ...

Однородное съ этимъ мнѣніе имѣлъ и Толстой о Достоевскомъ.

Ѳ. А. Страховъ рассказывалъ мнѣ слѣдующее. Онъ гулялъ однажды съ Львомъ Николаевичемъ по московскому Кремлю, и Толстой по какому-то поводу заговорилъ о Достоевскомъ:

— Знаете, Ѳедоръ Алексѣевичъ,—сказалъ онъ:—а Достоевскій, вѣдь, не религіозенъ!?

— Какъ такъ?—удивился парадоксу Страховъ.

— Да такъ вотъ,—отвѣтилъ Толстой. И ничего болѣе не сказалъ.

Хотя Кашкинъ былъ фюреристъ по недоразумѣнью, «по молодости», но общія гуманныя идеи ему не только не были чужды, но онъ пронесъ ихъ черезъ всю свою долгую жизнь и никогда не измѣнили имъ.

При освобожденіи крестьянъ онъ былъ дѣятельнымъ членомъ губернскаго комитета по освобожденію. Затѣмъ ушелъ съ головой въ земство и судъ.

Одинъ калужскій присяжный повѣренный, видѣвшій Николая Сергѣевича на посту товарища предсѣдателя окружнаго суда, передавалъ мнѣ свои впечатлѣнія.

— Это былъ прекрасный предсѣдатель, съ тактомъ и безпристрастіемъ. Онъ умѣлъ говорить умныя, толковыя резюмэ.

Въ земствѣ Кашкинъ былъ всегда противникомъ розги. Протоколы земскихъ собраній съ 1861 года до послѣдняго времени могутъ рассказать, что Николай Сергѣевичъ нѣсколько разъ поднималъ вопросъ ходатайствовать объ окончательной отмѣнѣ позорнаго наказанія. И калужское земство по его инициативѣ ходатайствовало.

Не такъ давно, въ 1904 году, когда Государь Императоръ былъ въ Калугѣ на проходахъ мѣстныхъ войскъ на Дальній Востокъ, Кашкинъ, какъ старѣйшій дворянинъ, отъ имени калужскаго дворянства выразилъ вѣрноподданническую благодарность Государю за отмѣну тѣлеснаго наказанія.

Николай Сергѣевичъ всегда выступалъ съ либеральными проектами и пожеланіями. Онъ ратовалъ не за конституцію и не намекалъ на «увѣнчаніе зданія»,—это не входило въ планъ его общественной дѣятельности, но стоялъ на стражѣ крестьянскихъ правъ и интересовъ.

Въ своемъ Козельскомъ уѣздѣ Кашкинъ пользовался любовью и уваженіемъ крестьянъ, какъ добрый человекъ и прекрасный хозяинъ. Но это, впрочемъ, не предохранило его отъ поджоговъ во время аграрныхъ волненій.

Я спросилъ Николая Сергѣевича, какой онъ партіи. Почтенный либераль старой формации отвѣчилъ:

— Никакой. Я земецъ и только. Это моя партія. Отъ всѣхъ нынѣшнихъ партій я держусь вдалекѣ. Поздно мнѣ...

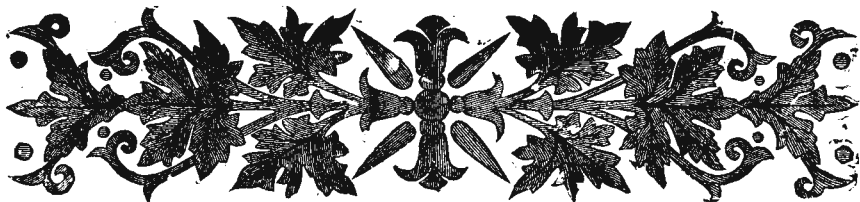
Какъ жаль, что Николай Сергѣевичъ не писалъ своихъ записокъ.

— Некогда было, да и зачѣмъ?—говорилъ онъ.

Ко всемъ прочимъ положительнымъ качествамъ «послѣдняго петрашевца» присоединяется скромность и даже застѣнчивость.

А. Панкратовъ.

ЮБИЛЕЙ ПУЛКОВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ.

Очеркъ.

ВЪДЬМОГО августа 1914 года Николаевская главная астрономическая обсерваторія въ Пулковѣ празднуетъ семидесятипятилѣтній юбилей своего существованія. Обсерваторія расположена въ тринадцати верстахъ къ югу отъ Петербурга на Пулковской горѣ. Это мѣсто было указано самимъ ея державнымъ основателемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1832 году, когда вопросъ о переносѣ за городъ академической обсерваторіи явился назрѣвшимъ, такъ какъ, съ одной стороны, само положеніе обсерваторіи среди шума и пыли города было неудобно, а съ другой—ея помѣщеніе оказалось тѣснымъ и не могло вмѣстить всѣхъ новыхъ инструментовъ, необходимыхъ для всестороннихъ астрономическихъ наблюденій, которыя со временъ Петра Великаго, основаннаго въ 1725 году первую въ Россіи астрономическую обсерваторію, сдѣлали крупныя успѣхи. Правда, эта первая обсерваторія, открытая вмѣстѣ съ академіей наукъ, въ 1747 году сторѣла, послѣ чего обсерваторія была вновь отстроена и сохранилась еще по настоящее время, въ видѣ восьмиугольной башни надъ зданіемъ академіи наукъ. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ XVIII столѣтія директоръ обсерваторіи Гришовъ разрабатывалъ планъ ея переноса за городъ, но преждевременная смерть Гришова не дала осуществиться этому проекту, какъ не удалось осуществиться проекту сооруженія обсерваторіи въ Царскомъ Селѣ, выработанному слѣдующимъ директоромъ Разумовскимъ, вслѣдствіе смерти императрицы Екатерины II. Какъ будто бы сама судьба откладывала переносъ обсерваторіи за городъ до того времени, когда за него

взялся бы крупный научный авторитетъ, каковымъ и явился В. Я. Струве, которому Пулковская обсерваторія многимиъ обязана, какъ въ научномъ, такъ и въ административномъ отношеніи.

Отправившись въ 1830 году по высочайшему повелѣнію за границу для ознакомленія съ устройствомъ лучшихъ иностранныхъ обсерваторій, В. Я. Струве посѣтилъ также наиболѣе крупныя оптическія и механическія мастерскія, тщательно опредѣляя достоинства и недостатки изготовляемыхъ ими инструментовъ, такъ что, вернувшись въ Россію, В. Я. Струве зналъ, кому какіе надо поручить заказы; кромѣ того, во время пребыванія за границей В. Я. Струве установилъ дружескія отношенія со многими выдающимися иностранными учеными, которые не только совѣтомъ, но и дѣломъ помогли Струве въ его трудной задачѣ, слѣдя на мѣстахъ за изготовляемыми инструментами.

Ко времени возвращенія Струве изъ-за границы по высочайшему повелѣнію академіей наукъ была избрана подъ предсѣдательствомъ адмирала Грейга специальная коммиссія, въ которую вошли: непремѣнный секретарь академіи П. Н. Фусъ и, какъ астрономическій авторитетъ, В. Я. Струве. Послѣ выбора мѣста, удачно указаннаго императоромъ Николаемъ I, и высочайшаго одобренія проекта обсерваторіи, составленнаго академикомъ А. П. Брюловымъ, 21-го іюня 1835 года состоялась закладка новой обсерваторіи, а 19-го іюня 1838 года былъ утвержденъ уставъ обсерваторіи, въ которомъ во второмъ параграфѣ указано, что цѣль созданія обсерваторіи состоитъ:

а) въ производствѣ постоянныхъ и сколько можно совершеннѣйшихъ наблюденій, клонящихся къ преуспѣянію астрономіи.

б) для производства соотвѣствующихъ наблюденій, необходимыхъ для географическихъ предпріятій въ имперіи, и для совершаемыхъ ученыхъ путешествій;

в) сверхъ того, она должна всѣми мѣрами содѣйствовать усовершенствованію практической астрономіи въ приспособленіяхъ ея къ географіи и мореходству и доставлять случай къ практическимъ упражненіямъ въ географическомъ опредѣленіи мѣста. Кромѣ того, на главную обсерваторію, какъ на центральное учрежденіе, возлагается обязанность руководить работами прочихъ обсерваторій, являясь какъ бы связующимъ звеномъ между ними.

Такимъ образомъ, въ обязанности обсерваторіи входили не только научныя цѣли, но и чисто практическія и учебныя, что на первыхъ порахъ, какъ увидимъ, сильно мѣшало научнымъ занятіямъ обсерваторіи.

Торжественное открытіе обсерваторіи состоялось 7-го августа 1839 года. Въ день открытія штатъ обсерваторіи состоялъ изъ четырехъ астрономовъ: директора В. Я. Струве и трехъ его помощниковъ Е. Фуса, О. В. Струве и Е. Саблера, механика и смотрителя.

Уже въ первые годы, когда обсерваторія еще стремилась почти исключительно къ выполнению строго научныхъ задачъ, этотъ личный составъ едва могъ выполнять аккуратно всѣ лежавшія на немъ обязанности. Но недостатокъ личнаго состава особенно сильно сталъ ощущаться, когда обсерваторія была вынуждена большую

В. Я. Струве, первый директоръ Пулковской обсерваторіи

часть своихъ силъ употреблять для географическихъ и учебныхъ занятій, которыя привлекали къ себѣ астрономовъ еще по чисто матеріальнымъ соображеніямъ, такъ какъ содержаніе астрономовъ было крайне ничтожное, почему имъ по уставу предоставлялось право одновременно съ должностью при обсерваторіи занимать еще другія ученые мѣста и получать соотвѣтствующее этимъ мѣстамъ содержаніе. Уже въ 1850 году директоръ обсерваторіи В. Я.

Струве предвидѣлъ ту опасность, которая угрожала научнымъ работамъ обсерваторіи отъ занятой астрономовъ практической дѣятельностью, и понималъ, что устранить эту опасность можно единственно увеличеніемъ содержанія астрономамъ. Но его хлопоты въ данномъ направленіи долгое время не имѣли желаемого успѣха, пока въ концѣ 1856 года великій князь Константинъ Николаевичъ не принялъ участія и не исходатайствовалъ у государя императора значительное увеличеніе средствъ обсерваторіи, что и послѣдовало въ концѣ 1857 года, сперва съ участіемъ поровну трехъ министерствъ: военнаго, морского и народнаго просвѣщенія, а потомъ съ учрежденіемъ новаго устава обсерваторіи эта сумма, по примѣру первоначальной, была включена въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія.

Кромѣ того, въ скоромъ времени, благодаря быстрому развитію дѣятельности обсерваторіи, личный составъ ея оказался недостаточнымъ для аккуратнаго выполненія возлагавшихся на его обязанностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ и способъ управленія обсерваторіей, подчиненной по первоначальному уставу во всѣхъ отношеніяхъ академіи наукъ и управлявшейся по правиламъ, изданнымъ для музеевъ, кабинетовъ и другихъ учреждений, принадлежащихъ академіи, оказался неудобнымъ, съ одной стороны, вслѣдствіе удаленія обсерваторіи отъ Петербурга, а съ другой—вслѣдствіе сложности дѣлопроизводства въ академіи, что крайне стѣсняло сношеніе обсерваторіи съ различными научными учрежденіями какъ въ Россіи, такъ и за границей и требовало болѣе самостоятельнаго положенія обсерваторіи.

Все это вмѣстѣ взятое и побудило директора обсерваторіи В. Я. Струве по порученію президента академіи наукъ графа Блудова приняться за разработку новаго устава обсерваторіи еще въ 1850 году, но такъ какъ въ это время Струве былъ очень занятъ своими научными работами, то разработка новаго устава подвигалась впередъ очень медленно, къ тому же въ 1858 году Струве сильно заболѣлъ. Только въ 1860 году, когда было признано необходимымъ болѣе не медлить съ этимъ дѣломъ, проектъ этого устава былъ внесенъ въ академію наукъ и послѣ измѣненія въ нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ былъ представленъ въ 1861 году министерству народнаго просвѣщенія для внесенія въ государственный совѣтъ и, благодаря покровительству великаго князя Константина Николаевича, былъ вскорѣ разсмотрѣнъ въ государственномъ совѣтѣ и послѣ нѣкоторыхъ мелкихъ измѣненій получилъ высочайшее утвержденіе 14-го августа 1862 года.

По новому уставу Пулковская обсерваторія въ административномъ отношеніи была подчинена министру народнаго просвѣщенія, къ которому директоръ непосредственно обращался за рѣшеніемъ тѣхъ или иныхъ вопросовъ; въ научномъ же

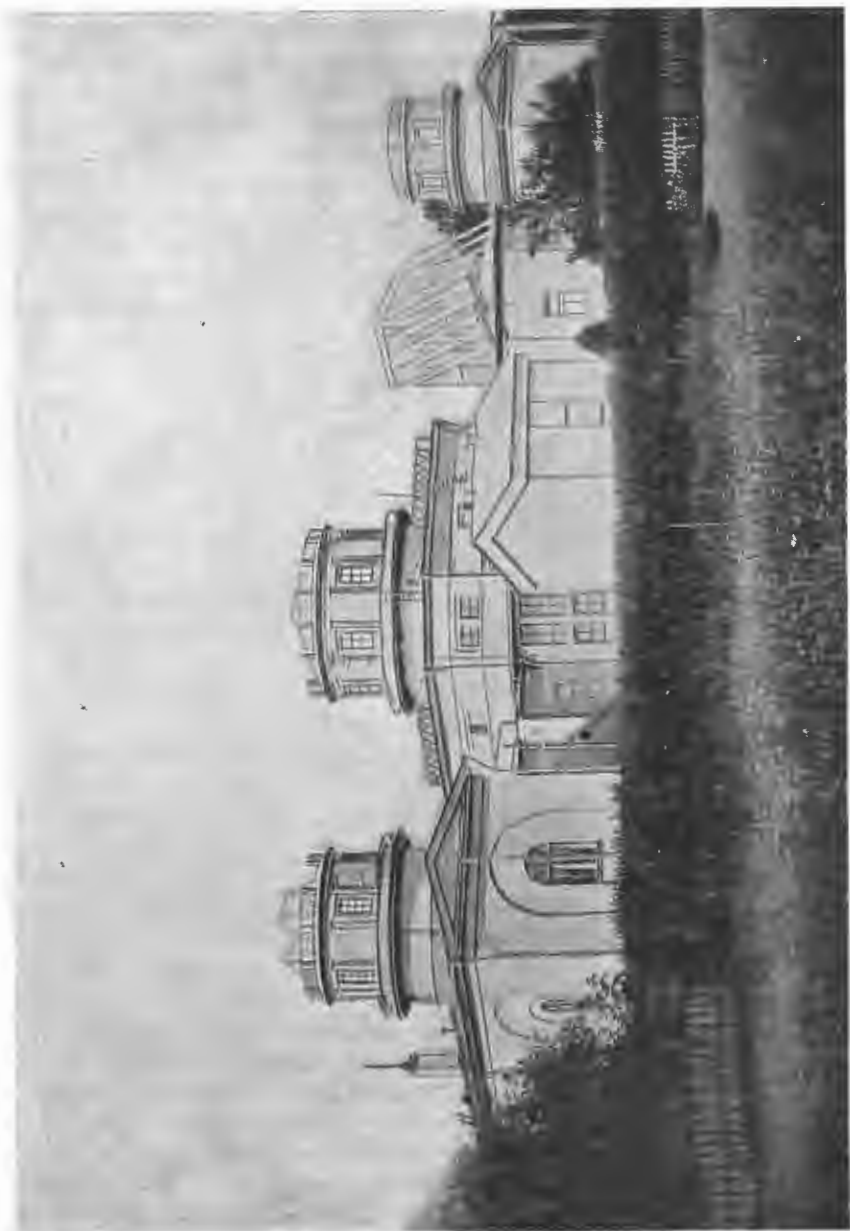
отношеніи дѣятельность обсерваторіи была самостоятельна, а для сохраненія связи съ академіей наукъ, что было важно какъ для обсерваторіи, такъ и для академіи, послѣдней было предоставлено право выбирать директора обсерваторіи изъ своихъ членовъ и имѣть рѣшающій голосъ при назначеніи старшихъ астрономовъ обсерваторіи. Для наблюденія за научной дѣятельностью обсерваторіи по мысли Веселовскаго былъ учрежденъ особый комитетъ обсерваторіи по примѣру Board of Visitors, существующей уже полтора ста лѣтъ при Гринвичской обсерваторіи и много содѣйствовавшей ея извѣстнымъ научнымъ трудамъ. Комитетъ Пулковской обсерваторіи ежегодно избирается также академіей наукъ и состоитъ главнымъ образомъ изъ представителей чистой науки. Разъ въ годъ комитетъ посѣщаетъ обсерваторію и повѣряетъ отчетъ директора о дѣятельности обсерваторіи за истекшій годъ. По новому уставу штатъ обсерваторіи былъ увеличенъ до девяти астрономовъ и состоитъ изъ директора, вице-директора, трехъ старшихъ астрономовъ, двухъ адъюнктовъ-астрономовъ, двухъ вычислителей, механика, врача, смотрителя и письмоводителя. Директоръ руководитъ всѣми работами обсерваторіи, хотя въ практикѣ Пулковской обсерваторіи принято, что относительно важнѣйшихъ вопросовъ директоръ совѣщается со старшими астрономами обсерваторіи. Что касается научной дѣятельности обсерваторіи, то въ астрономіи она была обращена главнымъ образомъ къ вопросамъ звѣздной астрономіи, хотя при случаѣ производились изслѣдованія и другихъ вопросовъ современной астрономіи.

Объ астрономическихъ работахъ обсерваторіи мы скажемъ ниже при описаніи самой обсерваторіи и ея инструментовъ, тутъ же мы укажемъ лишь, что обсерваторія снаряжала цѣлый рядъ научныхъ экспедицій для наблюденія полныхъ солнечныхъ затменій, а также для наблюденія прохожденія Венеры по диску солнца. Что касается до географическо-геодезической дѣятельности обсерваторіи, то она проявилась въ двухъ, хотя и не строго отдѣльныхъ, но тѣмъ не менѣе различныхъ по существу направленіяхъ. Съ одной стороны, обсерваторія стремилась распространять познанія въ области геодезіи и математической географіи посредствомъ ученыхъ изслѣдованій и специально снаряжаемыхъ экспедицій, съ другой—помогала совѣтомъ и участіемъ въ изслѣдованіяхъ, предпринимаемыхъ въ этихъ областяхъ другими государственными учрежденіями и отдѣльными учеными. Изъ предпріятій, исполненныхъ самой обсерваторіей, безспорно, самымъ крупнымъ и важнымъ является русско-скандинавское градусное измѣреніе дуги меридіана. Эта работа, начатая В. Я. Струве и Теннеромъ еще въ 1816 году въ прибалтійскихъ и литовскихъ губерніяхъ, получила грандіозный размѣръ съ 1844 года, когда въ немъ приняла широкое участіе Пулковская обсерваторія, снарядившая для этой цѣли въ періодъ съ 1844 по

1855 годъ восемь большихъ экспедицій (не считая мелкихъ). Правда, въ этомъ предпріятіи участвовали геодезисты Норвегіи и Швеціи, работавшіе между Торнео (сѣверъ Финляндіи) и Ледовитымъ океаномъ. Въ 1856 году полевая работа была окончена на всемъ протяженіи отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана до береговъ Дуная. Кромѣ того, начиная съ 1847 года обсерваторія снаряжала цѣлый рядъ экспедицій для географическаго опредѣленія положенія разныхъ населенныхъ пунктовъ Россіи, а также для опредѣленія высоты ихъ надъ уровнемъ моря.

Наконецъ, учебная дѣятельность обсерваторіи выразилась, главнымъ образомъ, въ подготовкѣ по астрономіи молодыхъ ученыхъ, которые послѣ прохожденія теоретическаго курса въ университетахъ получали въ обсерваторіи подъ руководствомъ опытныхъ астрономовъ практическую подготовку, необходимую для ихъ дальнѣйшей научной дѣятельности. Особенно широко распахнулись двери обсерваторіи для молодыхъ ученыхъ, когда въ управленіе обсерваторіей вступилъ извѣстный русскій ученый академикъ Бредихинъ. Кромѣ подготовки молодыхъ астрономовъ, Пулковская обсерваторія въ теченіе семидесяти пяти лѣтъ обучала молодыхъ офицеровъ академіи генеральнаго штаба практической астрономіи въ примѣненіи ея къ географіи и высшей геодезіи и тѣмъ самымъ снабжала государство руководителями и исполнителями обширныхъ геодезическо-географическихъ работъ, почему, начиная съ середины шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, обсерваторія перестала посылать своихъ астрономовъ съ географическими экспедиціями. Въ 1856 году военная академія генеральнаго штаба построила даже въ паркѣ обсерваторіи свою спеціальную обсерваторію для занятій въ ней офицеровъ.

Однако вліяніе Пулковской обсерваторіи, какъ главнаго научно-астрономическаго учрежденія, распространялось далеко за стѣны обсерваторіи по всей Россіи, благодаря той помощи, которую она оказывала разнымъ университетскимъ обсерваторіямъ, какъ дѣломъ, такъ и совѣтомъ. Мало того, даже за границей Пулковская обсерваторія пользовалась крупнымъ вліяніемъ, на что хотя бы указываетъ тотъ фактъ, что въ 1857 году по просьбѣ португальскаго правительства обсерваторія, въ лицѣ тогдашняго ея директора В. Я. Струве, принимала дѣятельное участіе при сооруженіи королевской обсерваторіи въ Лиссабонѣ и первымъ директоромъ этой обсерваторіи былъ назначенъ ученикъ Пулковской обсерваторіи г. Оомъ. Мало того, цѣлый рядъ знаменитыхъ иностранныхъ ученыхъ—Скиапарелли, Ауверсъ и др.—начали свою научную дѣятельность въ Пулковѣ. Недаромъ знаменитый директоръ Гринвичской обсерваторіи Эйри сказалъ, что «въ Пулковѣ обязанъ побывать каждый астрономъ, который хочетъ стоять на высотѣ своего званія».

Общий видъ главнаго зданія Пулковской обсерватории съ юга.

Немаловажную роль Пулковская обсерваторія сыграла въ дѣлѣ объединенія астрономовъ различныхъ странъ. При ея ближайшемъ участіи возникло въ 1863 году знаменитое международное астрономическое общество, первымъ предсѣдателемъ котораго былъ директоръ Пулковской обсерваторіи О. В. Струве.

Своимъ фасадомъ обсерваторія обращена на сѣверъ въ сторону Петербурга. По массивнымъ гранитнымъ ступенямъ входите въ круглый залъ, въ южной нишѣ котораго стоитъ большой бюстъ державнаго основателя обсерваторіи Николая Павловича, а по краямъ висятъ портреты государей. Тутъ вы видите нѣсколько точныхъ астрономическихъ часовъ, временемъ которыхъ пользуются астрономы при всѣхъ своихъ наблюденіяхъ. Кромѣ того, въ подвалѣ подъ заломъ, гдѣ температура въ теченіе года постоянна, находятся въ герметически закупоренныхъ стеклянныхъ цилиндрахъ часы Рифлера и Тиде, имѣющіе наивысшую точность хода. По краямъ зала за колоннами, образующими какъ бы особую галерею, находятся въ золоченыхъ рамкахъ портреты знаменитыхъ астрономовъ, изъ которыхъ многіе писаны знаменитыми художниками. Тутъ имѣется свыше сорока портретовъ какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ ученыхъ.

Изъ круглаго центрального зала ведутъ двери въ залы съ люками (прорѣзами) въ потолкахъ и стѣнахъ. Тутъ установлены современные измѣрительные инструменты. Залы сдѣланы изъ легкихъ досокъ, чтобы температура при наблюденіяхъ у инструментовъ быстро уравновѣшивалась съ температурой внѣшняго воздуха, для чего, кромѣ того, еще за нѣсколько часовъ до наблюденій открываются люки-прорѣзы, а чтобы въ это время случайныя перемѣны погоды не испортили инструмента, его помѣщаютъ подъ особый предохранительный домикъ изъ краснаго дерева, который во время наблюденій легко откатывается по рельсамъ въ сторону.

Въ восточномъ залѣ на массивныхъ гранитныхъ столбахъ, покоящихся на фундаментѣ, вкопанномъ въ землю на глубину шести сажень, установленъ точный измѣрительный инструментъ современной астрономіи, большой шестидюймовый меридіанный кругъ, изготовленный мастерскими братьевъ Репсольдъ въ Гамбургѣ.

При помощи этого инструмента было съ поразительной точностью опредѣлено положеніе на небѣ наиболѣе яркихъ звѣздъ отъ первой до седьмой величины, вошедшихъ въ Пулковскій каталогъ вмѣстѣ съ четырьмястами другихъ звѣздъ, обладающихъ быстрымъ собственнымъ движеніемъ. Этимъ же инструментомъ опредѣлялось положеніе на небѣ двойныхъ звѣздъ для знаменитаго пулковскаго каталога, въ который вошло триста двойныхъ звѣздъ, открытыхъ В. Я. Струве еще въ дерптской обсерваторіи, и пятьсотъ, открытыхъ О. В. Струве въ Пулковѣ при помощи пятнадцатидюймаго рефрактора.

Въ южной залѣ обсерваторіи находится пассажный инструментъ на первомъ вертикалѣ. Съ этимъ инструментомъ В. Я. Струве съ 1840 по 1842 годъ опредѣлялъ величину абберации, а въ 1875 году эту же работу повѣрилъ Нюрень, и полученные результаты названными астрономами считались въ свое время наиболѣе точными. Теперь этотъ инструментъ скорѣе историческій реликвій обсерва-

Академикъ О. А. Баклундъ, нынѣшній директоръ Пулковской обсерваторіи.

торіи, чѣмъ рабочая единица, потому что послѣднее время въ немъ подмѣченъ рядъ ошибокъ, не поддающихся учету.

Въ двухъ западныхъ залахъ обсерваторіи установлены пассажный инструментъ и вертикальный кругъ Эртеля. Главной задачей пассажнаго инструмента и вертикальнаго круга является составленіе фундаментальнаго пулковскаго каталога всѣхъ неподвижныхъ звѣздъ отъ первой до четвертой величины, расположенныхъ на небѣ между сѣвернымъ полюсомъ и пятнадцатью градусами южнаго склоненія. Эти каталоги, составляющіеся черезъ каждыя

двадцать лѣтъ, имѣются для 1845, 1865, 1885 и 1905 годовъ. Со временемъ они позволяютъ судить о медленныхъ перемѣщеніяхъ звѣздъ по небу.

Кромѣ того, съ пассажнымъ инструментомъ постоянно производится опредѣленіе времени для поправки хода часовъ, а при помощи вертикальнаго круга измѣряется паралаксъ (разстояніе отъ насъ) звѣздъ, а также величина абераціи.

Въ западной же части обсерваторіи рядомъ съ заломъ вертикальнаго круга Эртеля находится комната, гдѣ помѣщаются часы Мустона. Эти часы соединены электрическими проводами съ слѣдующими петербургскими часами, находящимися въ главной телеграфной конторѣ, кабинетѣ коменданта Петропавловской крѣпости и въ публичной библиотекѣ. Пулковскимъ временемъ живетъ не только Петербургъ, но и вся Россія, такъ какъ часы петербургской главной телеграфной конторы автоматически разъ въ день передаютъ это время во всѣ концы Россіи въ телеграфныя конторы. Что касается хорошо извѣстнаго петербуржцамъ полуденнаго выстрѣла съ Петропавловской крѣпости, то онъ производится электрическимъ контактомъ отъ часовъ, находящихся въ кабинетѣ коменданта крѣпости.

Надъ центральнымъ заломъ въ восьмиугольной галереѣ находится астрономическая библиотека, заключающая въ себѣ свыше пятидесяти тысячъ названій. Основаніемъ библиотеки послужили библиотека астронома Ольберга, бѣлый бюстъ котораго находится при входѣ въ первой комнатѣ. Среди крупныхъ астрономическихъ сочиненій въ библиотекѣ находятся цѣнные уники, относящіяся къ XV столѣтію. Укажемъ здѣсь эфемериду Стефлера (1531 года), на которой рукой перваго директора обсерваторіи В. Я. Струве написано: «Здѣсь рукописныя замѣтки и выводы рукой Коперника». Книга подарена обсерваторіи въ 1844 году директоромъ казанской обсерваторіи Симоновымъ.

Въ особомъ шкапу хранятся рукописи Кеплера, сохранившіяся въ количествѣ двадцати двухъ томовъ, изъ которыхъ въ Пулковѣ не хватаетъ лишь шестого, седьмого и восьмого томовъ, хранящихся въ Вѣнѣ. При рукописяхъ находится составленная пулковскимъ астрономомъ Линдеманомъ историческая справка объ исторіи рукописи слѣдующаго содержанія:

«Послѣ смерти Кеплера (15-го ноября 1630 года) всѣ его бумаги остались въ рукахъ мужа его дочери Bartsch, участвовавшаго въ послѣднихъ работахъ Кеплера и впослѣдствіи издавшаго нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, «О прохожденіи Меркурія и Венеры по диску солнца». Затѣмъ сынъ Кеплера, врачъ Людвигъ Кеплеръ, увезъ эти рукописи въ Кенигсбергъ и продалъ ихъ Гевелію въ Данцигерѣ, отъ котораго онѣ перешли по наслѣдству къ Ланге, мужу дочери Гевелія. Во время пожара въ домѣ Гевелія въ 1679 году

Башня 30-дюймового большого рефрактора Пулковской обсерватории
и здание астрофизической лаборатории.

рукописи всецѣло были спасены, нисколько не пострадавъ. Ланге продалъ ихъ за 100 флориновъ Hansch, получившему затѣмъ отъ австрійскаго императора Карла VII 4.000 флориновъ на ихъ изданіе. Но онъ издалъ только одинъ печатный томъ въ 1718 году, содержащій латинскую переписку Кеплера, по тѣмъ тремъ или четыремъ томамъ рукописей, которые остались въ Вѣнѣ.

У Гевелія было двадцать девять тетрадей этихъ рукописей. Онъ переплелъ ихъ (неизвѣстно всѣ ли) въ нынѣшніе двадцать два тома въ бѣлый пергаментъ съ римскою нумераціей томовъ и соответствующею буквою надписи: «M. A. N. U. S. C. K. E. P. L. E. R. I. A. N. O. R. U. M.», вытисненными золотомъ на корешкахъ. Сверху, т. е. на передней крышкѣ, вытиснены также золотомъ «Deo et publico» и на задней D. M. G. H. 1712 (инициалы имени Гантчи).

Онъ же, вѣроятно, сложилъ въ папку съ краснымъ ярлыкомъ «Kerpleriana» и остальные, менѣе цѣнные листки и записки.

Впрочемъ, уже у Гевелія были, кажется, не всѣ рукописи Кеплера. Такъ, у него не было «Synopsis vitae parentis»—рукописи Людвига Кеплера, но Hansch пользовался ею для своей vita Kerleri, составляющей введеніе въ его книгу.

Нуждаясь въ деньгахъ, Hansch заложилъ 18 томовъ и папку рукописей во Франкфуртѣ на Майнѣ за 828 флориновъ въ 1721 году. Въ 1769 году онѣ были въ рукахъ вдовы Frummeri во Франкфуртѣ на Майнѣ, которая просила за нихъ 1.000 талеровъ.

Тогда нашелъ ихъ у нея Murr, извѣстный собиратель цѣнныхъ рукописей, и предложилъ ихъ купить императрицѣ Екатеринѣ II черезъ Stahlin и обоихъ братьевъ Эллеровъ. Екатерина II приобрѣла ихъ въ июнѣ 1774 года и подарила ихъ академіи наукъ, откуда онѣ переданы впослѣдствіи Пулковской обсерваторіи (18 томовъ и одна папка съ рукописями).

Въ обсерваторіи хранятся также три тома рукописей Региомонтана, переданные обсерваторіи московскимъ университетомъ. Правда, эти рукописи представляютъ скорѣе интересъ для литературно-историческихъ изслѣдованій.

Наконецъ, въ библіотекѣ хранятся двѣ старинныя персидскія рукописи, найденныя послѣ завоеванія Самарканда въ одной изъ мѣстныхъ мечетей. Рукописи содержатъ, между прочимъ, старѣйшіе списки извѣстнаго подъ именемъ «Erochae celebriores», сочиненія могущественнаго въ началѣ XV столѣтія властелина тѣхъ странъ Улуга-Бега, а также составленнаго имъ самимъ и его помощниками каталога звѣздъ. По мнѣнію специалистовъ, эти рукописи являются копіями, списанными съ оригинала, вѣроятно, въ первыя десятилѣтія по его составленіи.

Надъ круглымъ заломъ находится большая башня съ пятнадцатидюймовымъ рефракторомъ, установленнымъ при открытіи обсерваторіи и бывшимъ въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ самымъ боль-

шимъ и сильнымъ телескопомъ не только въ Пулковѣ, но и во всемъ мірѣ.

Въ 1879 году установка рефрактора заново была передѣлана Ренсольдомъ, замѣнившимъ гранитный столбъ чугунной колонною и выточившимъ новыя оси съ болѣе точно раздѣленными кругами. При помощи этого инструмента В. Я. и О. В. Струве составили свои знаменитые каталоги двойныхъ звѣздъ, а въ 1851 году В. Я. Струве открылъ темное кольцо около Сатурна.

Кромѣ того, могучимъ глазомъ этого телескопа пулковскіе астрономы пользовались для наблюдений надъ поверхностями большихъ планетъ, солнца, кометъ, туманностей, звѣздныхъ скопленій и т. д.

Послѣ осмотра рефрактора посѣтителей въ хорошую погоду выводятъ на балконъ, окружающій башню рефрактора. Отсюда съ высоты болѣе сорока сажень (надъ уровнемъ моря) открывается красивый видъ на село Пулково, Царское Село, Петербургъ и на прямое, какъ стрѣла, Московское шоссе.

Къ востоку и западу отъ большой башни находятся надъ главнымъ зданіемъ обсерваторіи еще двѣ башни, на которыхъ установлены астрографы—приборы для фотографированія неба.

Въ западной башнѣ находится большой «нормальный» астрографъ, установленный въ 1891 году, а въ восточной короткофокусный астрографъ Цейсса—щедрый даръ обсерваторіи ея бывшаго директора Бредихина, полученный обсерваторіей въ 1904 году, по случайному совпаденію въ день смерти жертвователя.

Оставляя въ сторонѣ цѣлый рядъ мелкихъ инструментовъ, расположенныхъ въ маленькихъ башняхъ, раскиданныхъ на территоріи обсерваторіи, мы переходимъ къ большой башнѣ съ огромнымъ тридцатидюймовымъ рефракторомъ, расположенной къ югу отъ главнаго зданія обсерваторіи.

Сооруженіе этого гигантскаго телескопа явилось исполненіемъ воли державнаго основателя обсерваторіи императора Николая I, чтобы Пулковская обсерваторія не только при основаніи ея должна быть снабжена совершеннѣйшими инструментами для исполненія намѣченныхъ тогда ей цѣлей, но и въ будущемъ должна остаться на той же высотѣ. Поэтому, когда за границей, главнымъ образомъ въ Америкѣ, стали появляться телескопы большихъ размѣровъ, чѣмъ пятнадцатидюймовый пулковскій, директоръ обсерваторіи О. В. Струве представилъ 20-го мая 1878 года въ комитетъ обсерваторіи проектъ сооруженія телескопа большихъ размѣровъ, чѣмъ двадцатшести-дюймовый вашингтонскій.

Въ мартѣ 1879 года проектъ получилъ высочайшее утвержденіе.

Послѣ всесторонняго обсужденія, въ которомъ принимали участіе не только русскіе, но и наиболѣе знаменитые иностранные ученые, рѣшено было строить тридцатидюймовый рефракторъ.

Первоначально думали заказать объективъ и установку для этого телескопа въ Европѣ, но когда европейскіе оптики, не рѣчаясь въ успѣхъ этого «смѣлаго предпріятія», предложили невыгодныя обсерваторіи условія, пришлось по совѣту профессора Ньюкомба заказать объективъ въ Америкѣ у Альвана Кларка, который согласился шлифовать объективъ такихъ размѣровъ, если будутъ доставлены подходящіе стеклянные диски флинтгласа (тяжелое стекло) и кронгласа. Эти стеклянные диски были доставлены Кларку изъ знаменитой французской мастерской Фейля близъ Парижа въ 1880 и 1881 годахъ, а 1-го января 1883 года директоръ Пулковской обсерваторіи О. В. Струве получилъ отъ Кларка телеграмму съ извѣщеніемъ объ изготовленіи объектива. 15-го іюня 1884 года объективъ на пароходѣ прибылъ въ Кронштадтъ и на другой день на паровомъ катерѣ доставленъ въ Петергофъ, откуда по мягкимъ грунтовымъ дорогамъ былъ доставленъ въ Пулково 16-го іюня утромъ. Изготовленіе такого объектива обошлось въ восемьдесятъ тысячъ рублей, а общая стоимость всего сооруженія вмѣстѣ съ оправой, установкой и башней около 330 тысячъ рублей. Установка инструмента, сдѣланная Репсольдомъ, и башня, сооруженная по проекту инженеръ-генерала Г. Е. Паукера, по своимъ точности и легкости не оставляли желать ничего лучшаго и для своего времени были чудомъ техники.

Открытіе этого гигантскаго рефрактора состоялось 15-го іюня 1885 года въ высочайшемъ присутствіи.

Памятникомъ этого торжества служатъ два кедр, растущіе по обѣимъ сторонамъ каменнаго крыльца при входѣ въ башню, посаженные императоромъ Александромъ III и его августѣйшими дѣтьми: нынѣ царствующимъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ и въ Бозѣ почивающимъ великимъ княземъ Георгіемъ Александровичемъ.

Въ окружающей башню тридцатидюймоваго рефрактора галереѣ находится музей обсерваторіи съ коллекціями старинныхъ астрономическихъ инструментовъ. Пулковская коллекція представляетъ наглядную картину постепеннаго развитія астрономической техники съ начала XVIII столѣтія, начиная съ ряда переносныхъ квадрантовъ, принадлежащихъ эпохѣ Петра Великаго и служившихъ для географическо-геодезическихъ работъ, которыя преобразователь Россіи началъ производить въ своей странѣ. Вслѣдствіе пожара въ 1747 году первой академической обсерваторіи коллекція имѣетъ полный видъ лишь съ середины XVIII столѣтія. Особенно богато обставлена коллекція эпохи императрицы Екатерины II тѣми инструментами, которыми снабжены были многочисленныя экспедиціи для наблюденія прохожденія Венеры въ 1761 и 1769 годахъ, снаряженные по волѣ императрицы. Изъ отдѣль-

ныхъ предметовъ музея укажемъ лишь на зеркало къ большому Гершелевскому телескопу, подаренное англійскимъ королемъ Георгомъ III императрицѣ Екатеринѣ II. Вообще въ музеѣ хранитѣя свыше сотни различныхъ трубъ и приборовъ. Послѣднее время тутъ же установленъ аппаратъ для приѣма сигналовъ международнаго времени по радіотелеграфу съ Эйфелевой башни.

Къ другимъ, болѣе позднимъ, крупнымъ сооруженіямъ обсерваторіи принадлежитъ большое зданіе астрофизической лабораторіи, сооруженное въ 1886 году и расположенное нѣсколько восточнѣе башни тридцатидюймоваго рефрактора. Приобрѣтеніе обсерваторіей тридцатидюймоваго рефрактора, бывшаго въ теченіе многихъ лѣтъ величайшимъ въ мірѣ и сооруженіе прекрасно оборудованной астрофизической лабораторіи дали возможность нарождавшейся тогда астрофизикѣ стать твердой ногой въ Пулковѣ, о чемъ свидѣтельствуеъ цѣлый рядъ интересныхъ работъ и открытій, сдѣланныхъ въ теченіе послѣдней четверти вѣка пулковскими астрофизиками, главнымъ образомъ академикомъ А. А. Бѣлопольскимъ при помощи большого тридцатидюймоваго рефрактора.

Изъ другихъ учреждений при обсерваторіи отмѣтимъ механическую мастерскую, которая, поправляя и изготовляя по указанію пулковскихъ астрономовъ инструменты, не уступающіе по точности лучшимъ иностраннымъ, немало способствовала въ теченіе семидесяти пяти лѣтъ успѣшнымъ работамъ обсерваторіи. Точность пулковскихъ наблюденій уже издавна оцѣнена учеными всего свѣта и доставила обсерваторіи всемірную извѣстность и безсмертіе не только въ лѣтописяхъ астрономіи, но и вообще чело-вѣческой культуры.

Въ теченіе семидесяти пяти лѣтъ дѣятельность обсерваторіи все расширялась и расширялась и недавно обсерваторія была осчастливлена монаршей милостью. 12-го іюня 1912 года удостоился высочайшаго утвержденія одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственной думой законъ объ учрежденіи двухъ новыхъ отдѣленій Николаевской главной астрономической обсерваторіи въ городѣ Николаевѣ (Херсонской губерніи) и въ мѣстечкѣ Симензѣ (Крымъ). На ежегодное содержаніе обоихъ отдѣленій будетъ отпущаться 35.700 рублей, а на первоначальное оборудованіе и устройство ассигновано до 310.000 рублей.

Такимъ образомъ, воля августѣйшаго основателя обсерваторіи императора Николая Павловича, чтобы Пулковская обсерваторія не только при основаніи была снабжена совершеннѣйшими инструментами, но и впослѣдствіи должна оставаться на той же высотѣ, неукоснительно исполнялась монархами. И настоящій очеркъ смѣло можно кончить словами перваго директора обсерваторіи В. Я. Струве: «Пулковская обсерваторія есть осуществленіе ясно

сознанной научной идеи, въ такомъ совершенствѣ, какое только было возможно при неограниченныхъ средствахъ, дарованныхъ высокимъ ея основателемъ». На этой же высотѣ обсерваторія находится и въ настоящее время, но кругъ ея дѣятельности за семьдесятъ пять лѣтъ много расширился и можно смѣло сказать, что нѣтъ не только въ Россіи, но и вообще на земномъ шарѣ другой такой богато оборудованной обсерваторіи, какъ наша Пулковская.

Н. Павловскій.

КНЯЗЬ В. П. МЕЩЕРСКИЙ.

(Некрологъ).

ОШЕЛЪ съ жизненной арены талантливый и видный представитель отечественной печати: 10-го іюля на 75 году жизни опочилъ послѣ кратковременной тяжелой болѣзни издатель «Гражданина», кн. В. П. Мещерскій, столько лѣтъ стоявшій на виду нашей литературы, ведшій за свое политическое сѣдо упорныя войны съ противниками его убѣжденій и личныхъ симпатій справа и слѣва, имѣвшій въ нѣкоторые періоды нашей государственной и общественной жизни несомнѣнное вліяніе на извилины ея хода, создававшій въ свѣтскихъ и бюрократическихъ кругахъ тѣ или иныя репутаціи и своимъ личнымъ вліяніемъ на власть имущихъ оказывавшій поддержку единомышленникамъ и тѣмъ, кто къ нему обращался за протекціей, когда онъ считалъ оказаніе такой согласной съ своими личными видами.

Кн. Мещерскій занималъ въ нашей жизни изолированное и оригинальное положеніе: не состоя на дѣйствительной государственной службѣ, онъ, однако, какъ представитель родовитой семьи, какъ человекъ съ большими связями въ высшихъ сферахъ, считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться во всѣ явленія государственной жизни и порою добиваться принятія здѣсь именно тѣхъ рѣшеній, которыя созрѣли въ типѣ его кабинета въ знаменитомъ тупикѣ Гродненскаго переулка, гдѣ помѣщалась его квартира и редакція «Гражданина». Не то, чтобы онъ имѣлъ, подобно, напримѣръ, Каткову, вліяніе на самый ходъ нашихъ внутреннихъ дѣлъ—для этого у него не хва-

тало широты политической мысли, сектантской убѣжденности и упорства, государственной прямолинейности, но его вліяніе въ большинствѣ случаевъ сводилось именно къ созданію репутацій и рекомендаціи на тѣ или иныя государственныя должности любезныхъ его сердцу личностей. Когда въ мірѣ бюрократическомъ очищались видныя вакансіи и изъ-за кулисъ нашей общестственности выглядывали разные претенденты, то кн. Мещерскій умѣлъ ловко однихъ возвеличить, другихъ уронить во мнѣніи власть имущихъ. Особенно опасенъ былъ онъ для тѣхъ, кого по тѣмъ или инымъ соображеніямъ онъ хотѣлъ или могъ уронить. Пользуясь исключительнымъ правомъ свободы сужденій въ своихъ писаніяхъ, онъ, не стѣняясь какими-либо требованіями этики, церемонности, политичности, бросалъ опаснымъ камнемъ въ непріятное или не заслужившее его довѣрія лицо, и ударъ, имъ нанесенный, могъ иногда дѣйствительно оказаться опаснымъ. Въ этомъ отношеніи главная опасность заключалась въ вопросѣ о политической благонадежности и политическомъ соотвѣтствіи того или другого лица опредѣленному моменту въ ходѣ нашей внутренней политики. Поэтому «дальновидные» и покладистые люди, ставя свои кандидатуры на тѣ или иные посты или занимая уже эти посты, но добываясь опредѣленныхъ вліяній въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей, спѣшили на поклонъ къ именитому публицисту въ его политическій салонъ и старались здѣсь заручиться необходимымъ имъ содѣйствіемъ. На протяженіи болѣе тридцати лѣтъ нашей исторической жизни мы видимъ почти постоянно мелькающую фигуру издателя «Гражданина» около тѣхъ или иныхъ постовъ, министерскихъ кресель, губернаторскихъ должностей и вообще на разныхъ высшихъ ступеняхъ бюрократической іерархіи, фигуру хлопочущую, рекомендующую, шумящую, порою весело, порою злобно смѣющуюся. Это мельканіе иногда бывало очень интенсивно и «плодотворно» результатами, иногда его тѣнь куда-то исчезала съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ выступить изъ временнаго забвенія съ еще большею яркостью. Нѣкоторые моменты въ эпоху 80-хъ годовъ при императорѣ Александрѣ III, особенно въ періодъ всесильнаго триумvirата—Каткова, Побѣдоносцева и гр. Д. Толстого, коихъ онъ былъ единомышленникомъ,—нѣкоторые моменты въ началѣ 90-хъ годовъ и наконецъ въ наши дни,—вотъ болѣе или менѣе хронологически тѣ страницы жизни, которыя въ житейскомъ формулярѣ кн. Владимира Петровича были отмѣчены особенно сильнымъ расцвѣтомъ его вліянія. Имена гр. Лорисъ-Меликова, Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградскаго, министра путей сообщенія покойнаго Кривошеина, Т. Филиппова, В. К. Плеве, С. Ю. Витте и мн. др., могутъ обильно встрѣтиться на разныхъ страницахъ біографіи кн. Мещерскаго, какъ равно и ихъ самихъ.

Характеризуя именно съ этой стороны роль сіятельнаго публи-

циста въ нашей жизни за послѣднія 10—15 лѣтъ и значеніе его «политическаго салона», «Вечернее Время» (№ 812) пишетъ слѣдующее:

«Кто изъ вліятельныхъ петербургскихъ чиновниковъ, министровъ и придворныхъ не знаетъ «Гродненскаго тупика». Князь Владимиръ Петровичъ Мещерскій любилъ принимать у себя въ этомъ оригинальномъ особнякѣ, въ своемъ большомъ кабинетѣ, полномъ историческихъ воспоминаній царствованія императора Александра III. Большой столъ былъ заваленъ письмами, документами съ личными помѣтками князя его характернымъ, такъ трудно разборчивымъ почеркомъ... Князь, обыкновенно сумрачный, оживлялся, когда къ нему пріѣзжали потолковать о политикѣ. Несмотря на свой преклонный возрастъ, постоянныя недомоганія, князь Мещерскій былъ удивительно трудолюбивый человекъ и съ математической пунктуальностью онъ ежедневно записывалъ въ свой дневникъ все интересное въ области внутренней и внѣшней политики.

«Его особенно интересовала внутренняя политика Россіи. Онъ признавалъ себя авторитетомъ, съ которымъ вотъ уже долгіе годы считались наши высшія сферы.

«Князь Мещерскій любилъ поспорить, и хотя быстро раздражался, но такъ же быстро и отходилъ. Онъ былъ въ постоянныхъ заботахъ, такъ какъ въ дни его вліянія къ нему приходила цѣлая масса людей со всевозможными просьбами, жалобами, и многія даже очень вліятельныя лица добивались его протекціи.

«Князь выслушивалъ всякаго съ большимъ вниманіемъ. Лишь иногда на его оригинальномъ лицѣ появлялась ироническая улыбка. Онъ рѣдко общалъ, но для людей, къ которымъ питалъ симпатіи, князь дѣлалъ очень многое, и не мудрено, что въ концѣ концовъ «Гродненскій тупикъ» сталъ центромъ, куда пріѣзжали сановники и чиновники, жаждущіе административной карьеры.

«Въ теченіе долгой жизни князя были тяжелые дни, когда его вліяніе пресѣкалось. Въ это время «Гродненскій тупикъ» вдругъ пустѣлъ и многіе завсегдатаи, постоянные винтеры князя, подъ тѣми или другими предлогами отсутствовали. Князь съ удивительнымъ хладнокровіемъ переносилъ немилость; ни въ одномъ своемъ движеніи не обнаруживалъ ни нервнаго безпокойства, ни заботы о будущемъ. Онъ прекрасно зналъ тотъ міръ, въ которомъ ему приходилось вращаться съ юныхъ лѣтъ, а потому онъ былъ совершенно спокоенъ, что настанетъ день, когда вліяніе его возстановится въ прежней силѣ...

«Послѣдніе годы это вліяніе возвратилось, и въ «Гродненскомъ тупикѣ» было большое оживленіе. Часы князя брались нарасхватъ; къ нему ѣздили министры, послы и вліятельныя придворныя лица. Нѣкоторые губернаторы сдѣлали блестящую карьеру, только благодаря покойному, который въ нужный моментъ умѣлъ сказать «вѣщее» слово. Это вліяніе держалось уже много лѣтъ. Близкіе къ

покойному люди рассказывали, что даже назначеніе Плева, который былъ завсегдаемъ этого своеобразнаго салона, состоялось не безъ участія покойнаго. Задолго до назначенія вліятельный статсъ-секретарь по финляндскимъ дѣламъ участилъ свои визиты къ издателю «Гражданина» и подолгу просиживалъ съ нимъ въ саду дачи въ Царскомъ Селѣ... Когда Плева сталъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, онъ продолжалъ, хотя и не такъ часто, свои визиты къ престарѣлому русскому публицисту.

«Авторитетный министр, не допускавшій никакихъ возраженій въ проведеніи своей политической программы, однако считался съ мнѣніями князя, хотя между ними часто происходили весьма неприятнаго свойства разговоры. Мещерскій не хотѣлъ выпускать изъ сферы своего вліянія министра, но Плева былъ не такой человѣкъ, который могъ переносить уроки даже князя Мещерскаго. Мало-помалу друзья охладѣвали другъ къ другу, и среди завсегдаевъ «Гродненскаго тупика» пошли разговоры о томъ, что звѣзда Плева постепенно меркнетъ. Министръ былъ прекрасно освѣдомленъ о происшедшей перемѣнѣ въ настроеніи князя; въ одинъ прекрасный день онъ рѣшился на большой шагъ, желая этимъ заручиться содѣйствіемъ вліятельнаго издателя «Гражданина». Онъ предложилъ князю постъ министра народнаго просвѣщенія.

«Покойный никогда не хотѣлъ официальныхъ постовъ, и это предложеніе совершенно не увлекало его. Наоборотъ, оно произвело на него тяжелое впечатлѣніе, и разнь между нимъ и Плева усилилась. Всѣ ихъ недоумѣнія, какъ рассказывали, происходили на чисто принципиальной точкѣ зрѣнія. Мещерскій, принадлежа по своимъ политическимъ взглядамъ къ партіи правыхъ, по своему характеру не допускалъ тѣхъ способовъ воздѣйствія, къ которымъ охотно прибѣгалъ вліятельный глава министерства внутреннихъ дѣлъ. Съ другой стороны, князь хорошо зналъ, что Плева старался нанести ударъ его вліянію въ высшихъ кругахъ.

«Убійство Плева повергло, однако, издателя «Гражданина» въ большую грусть. Онъ прекрасно сознавалъ и понималъ, что съ уходомъ съ политической арены министра открывается новая страница русской исторіи. И въ этотъ періодъ времени князь, обыкновенно удивительно спокойный и уравновѣшенный, проявлялъ немалую нервность.

«Въ тѣ дни онъ велъ дружбу съ С. Ю. Витте, который очень часто посѣщалъ «Гродненскій тупикъ». Долгіе часы проводилъ князь въ обществѣ этого государственнаго дѣятеля, съ которымъ онъ былъ друженъ еще со времени назначенія С. Ю. Витте министромъ путей сообщенія. Событія, предшествовавшія назначенію С. Ю. Витте предсѣдателемъ совѣта министровъ, глубоко волновали престарѣлаго князя.

«Когда графъ былъ назначенъ главою правительства, въ «Гродненскомъ тупикѣ» были очень довольны. Первое время правленія графа Витте князь часто посѣщаль главу правительства и имѣль на него безусловное вліяніе. Во всякомъ случаѣ, графъ считался съ издателемъ «Гражданина». Затѣмъ, по какимъ-то причинамъ, произошло охлажденіе, и имя графа Витте стало глубоко ненавистнымъ князю Мещерскому.

«Покойный П. А. Столыпинъ не любилъ издателя «Гражданина», и въ періодъ правленія его князь переживаль часы глубокаго одиночества. Его салонъ опустѣль и снова заговорили о томъ, что и въ высшихъ кругахъ разочаровались въ издатель «Гражданина».

«Послѣднее время звѣзда князя сіяла особенно ярко. За долгіе годы не было такого оживленія въ «Гродненскомъ тупикѣ». Н. А. Маклаковъ и многіе другіе министры были завсегдатаями салона издателя «Гражданина», который имѣль несомнѣнное вліяніе на ходъ внутренней нашей политики.

«Несмотря на тяжелую болѣзнь, князь Мещерскій до послѣднихъ дней продолжалъ свою нервную работу. Еще на дняхъ въ Царскомъ Селѣ у него были его друзья, и у изголовья умирающаго издателя «Гражданина» происходили важныя бесѣды въ связи съ настоящими событіями».

Въ некрологѣ кн. В. П. Мещерскаго, напечатанномъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 161), мы находимъ о почившемъ слѣдующія фактическія свѣдѣнія:

«Потомокъ старинной княжеской фамиліи—по отцу, внукъ исторіографа Карамзина—по матери, покойный родился 14-го января 1839 года въ Петербургѣ и, послѣ хорошей домашней подготовки, воспитывался въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, гдѣ закончилъ курсъ съ чиномъ 9-го класса въ 1857 году. И высокое общественное положеніе, и блестящее воспитаніе въ привилегированномъ учебномъ заведеніи, и близость къ великосвѣтскому кругу, а также ко двору,—все это сулило ему въ будущемъ блестящую карьеру. Однако, на самомъ дѣлѣ, весьма кратковременною оказалась его служебная дѣятельность. Шесть лѣтъ, по окончаніи курса, онъ состояль по судебному вѣдомству, сначала полицейскимъ стряпчимъ, а потомъ уѣзднымъ судьей (1857—1863 гг.); затѣмъ семь лѣтъ, по его собственнымъ словамъ, «скитался по Россіи чиновникомъ особыхъ порученій министерства внутреннихъ дѣлъ», пока министр Тимашевъ не отчислиль его «за несогласныя со взглядами министерства политическія убѣжденія»; наконецъ, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, покойный состояль при немъ до дня смерти, имѣя званіе камергера.

«Гораздо болѣе продолжительною оказалась литературная и журнальная дѣятельность князя В. П. Мещерскаго. Онъ впервые выступилъ со своими публицистическими статьями въ 1860 году

на листахъ «Сѣверной Пчелы», продолжалъ сотрудничать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Инвалидѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ», пока съ 1872 года не предпринялъ изданіе собственной газеты «Гражданинъ», сначала еженедѣльной, затѣмъ выходившей два раза въ недѣлю и, наконецъ, ежедневной, съ программой строго консервативнаго органа, при чемъ одно время (1881 г.), кромѣ того, издавалъ журналы «Добро» и «Дружескія Рѣчи». Какъ на страницахъ «Гражданина», такъ и отдѣльными книгами покойный напечаталъ большое количество беллетристическихъ сочиненій и даже драматическихъ пьесъ. Изъ этихъ произведеній особенно извѣстны: «Тавриада», современная поэма (Спб. 1863 г.), «Очерки общественной жизни въ Россіи» (Спб. 1868 г.), «Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ», фантастическій романъ (Спб. 1873 г.), «Женщины петербургскаго большого свѣта», романъ (Спб. 1874 г.), «Лордъ-апостоль», повѣсть (Спб. 1876 г.), «Хочу быть русскою», романъ (Спб. 1877 г.), «Графъ Обезьяниковъ» (Спб. 1879 г.), «Ужасная ночь», повѣсть (Спб. 1881 г.), «Реалисты большого свѣта», повѣсть (Спб. 1883 г.), «Недоразумѣніе», романъ («Гражданинъ» 1884 г., кн. 2, 3, 4, 6—8), «Болѣзни сердца», комедія (Спб. 1886 г.), «Курсистка», повѣсть (Спб. 1886 г.), «Милліонъ», комедія (Спб. 1887 г.), «Издадека», комедія (Спб. 1888 г.), «Тайны современнаго Петербурга», «Мужчины петербургскаго большого свѣта» (Спб. 1897 г.) и др.

«Наконецъ, кромѣ отдѣльнаго изданія своихъ публицистическихъ статей, напимѣръ, «Рѣчи консерватора» (Спб. 1876 г., два выпуска), «Что намъ нужно?» (Спб. 1880 г.), «Въ улику времени» (Спб. 1881 г.) и т. п., князь В. П. Мещерскій еще при жизни обнародовалъ собственные мемуары, обнимавшіе его жизнь въ теченіе сорока пяти лѣтъ (1850—1894 гг.), подъ заглавіемъ: «Мои воспоминанія» (Спб. 1897—1912 гг., три части).

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что о кн. Мещерскомъ, какъ чиновникѣ, не приходится распространяться. Чиновничество дало ему возможность близко познать всѣ тайники бюрократическаго міра, понаблести провинціальную Россію, которую онъ по разнымъ даваемымъ ему порученіямъ извѣздилъ достаточно, стоявъ близко къ вершителямъ эпохи великихъ реформъ и съ самыхъ молодыхъ лѣтъ своей сознательной жизни ставъ принципиально въ оппозицію ко всему тому, откуда вѣяло эмансипаціонной свободой на русскую жизнь. Онъ какъ бы съ юныхъ лѣтъ кристаллизовался въ своихъ «николаевскихъ» симпатіяхъ, и любезный ему періодъ царствованія императора Николая I явился для него отправною точкою взглядовъ на всѣ остальные эпохи русской жизни, которыя онъ затѣмъ безпрестанно судилъ и рядилъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, какъ публицистическихъ, такъ и беллетристическихъ. Но блестящая чиновная карьера, переливавшаяся на гори-

Князь В. П. Мещерскій.

зонтъ его жизни яркими радужными лучами, не прельстила его, и, несмотря на все несочувствіе къ намѣченному имъ пути жизни со стороны сильныхъ міра сего, онъ своротилъ все-таки на тотъ путь жизни, гдѣ на верстовомъ столбѣ, этотъ путь открывающемъ, стояла надпись «Русская литература». Въ своихъ очень интересныхъ вос-

поминаніяхъ, обнимающихъ періодъ времени съ 1850 по 1894 г., онъ даетъ слѣдующій разсказъ, какъ онъ промѣнялъ карьеру царедворца на писательскую карьеру.

«Я думаю, что, когда я умру, даже мои враги должны будутъ вмѣнить мнѣ въ патріотическую заслугу тотъ моментъ моей жизни, когда я пренебрегъ всѣми благами и прелестями міра сего и, вмѣсто улыбавшейся мнѣ тогда болѣе, чѣмъ кому-либо изъ сверстниковъ, карьеры служебной, предпочелъ не только неблагодарный, но тернистый, даже страдальческій путь, и предпочелъ сознательно и хладнокровно.

«Въ тонѣ, которымъ государь (Александръ II) спросилъ: «Ты идешь въ писаки?»—я услышалъ не только отсутствіе чего-либо похощаго на поощреніе, но отголосокъ насмѣшливаго пренебреженія и, во всякомъ случаѣ, полного признанія ненужности того дѣла, которому я рѣшился посвятить мою жизнь.

«Я сознавалъ, что вступалъ на путь, который, по сложившимся о немъ въ верхахъ понятіямъ, считался чѣмъ-то непризнаннымъ, чѣмъ-то неопрытнымъ и къ моему положенію не подходящимъ. При дворѣ держалось предубѣжденіе противъ всѣхъ, кто пишетъ, и, во всякомъ случаѣ, между моимъ признаніемъ, что, вступая въ журналистику съ охранительными боевыми задачами, я считаю себя одинаковымъ слугою моего государя, какъ любой служащій и дѣлающій карьеру въ департаментѣ, и тѣмъ отношеніемъ къ печати, какое имѣлось при дворѣ, была цѣлая бездна».

Извѣстный князь Вяземскій угрожалъ кн. Мещерскому, что онъ начнетъ свою карьеру публициста «прогулкой сквозь строй». Тютчевъ сказалъ ему, что ему простятъ все, но не простятъ, что онъ—князь Мещерскій. Но Мещерскій былъ твердъ въ рѣшеніи. Какой-то фабрикантъ далъ ему первыя 6.000 рублей на начало дѣла.

По свидѣтельству «Русскаго Слова» (№ 158), литературно-публицистическая карьера кн. Мещерскаго сложилась такъ:

«По великому недоразумѣнію, въ редакторы молодого, еще неизвѣстнаго изданія попалъ молодой Градовскій, всю жизнь потомъ отрещивавшійся отъ такого сближенія именъ.

«Въ первый годъ у «Гражданина» было около 1,800 подписчиковъ. Общественное мнѣніе съ первыхъ шаговъ кн. Мещерскаго разошлось съ нимъ. Мещерскій не угодилъ никому. Къ первымъ же шагамъ Мещерскаго относится его фраза, что къ либеральнымъ реформамъ необходимо «поставить точку». Въ придворныхъ сферахъ, по крайней мѣрѣ по словамъ самого князя, «Гражданинъ» имѣлъ скорѣе неуспѣхъ. Въ 1872 году точка была уже поставлена. Но одновременно былъ поставленъ крестъ и на самомъ Мещерскомъ, и на его «Гражданинѣ». Отъ него отшатнулись. Мещерскаго сразу сопрячислили къ именамъ Магницкаго, Фотія, Аскоченскаго, Бурачка. Но Мещерскій былъ изъ тѣхъ людей, которыхъ только под-

задориваетъ антагонизмъ. Не десять, не двадцать, не тридцать лѣтъ, а цѣлые полвѣка онъ имѣлъ «своеобразную смѣлость» стоять одиноко, имѣя противъ себя всю Россію. Онъ имѣлъ странное упрямство отстаивать необходимость «точки» даже тогда, когда о реформахъ забыли. Его все еще пугалъ призракъ реформъ.

«Совсѣмъ исключительное положеніе Мещерскаго закрѣпило за его статьями совсѣмъ исключительный интересъ. По своему положенію и связяхъ при дворѣ и въ свѣтѣ, онъ не только могъ знать о планахъ, назначеніяхъ и событіяхъ, значительныхъ для Россіи, но могъ и писать объ этомъ, не рискуя въ тѣ невозможныя времена, когда тысяча съ лишнимъ циркуляровъ главнаго управленія по дѣламъ печати ограждала эти свѣдѣнія отъ глазъ и ушей общества.

«Невозбранно, бесплатно Мещерскій цѣлый рядъ десятилѣтій пользовался никому недоступной монополіей. До 1905 года вся повременная печать волей-неволей вынуждена была рекламировать «Гражданинъ», перепечатывая изъ него свѣдѣнія, которыхъ инымъ путемъ невозможно было провести. Совершенно съ обратнаго конца «Гражданинъ» подошелъ къ позиціи герценовскаго «Колокола». Только отсюда можно было знать, что министерское кресло шатается подъ Лорисъ-Меликовымъ, что Плеве привезъ ему уничтожающій его манифестъ, что въ Царскомъ уже сказано: «Барановъ начинаетъ дурить».

«Зато съ первыхъ же вѣяній свободы печати «Гражданинъ» потерялъ всякую занимательность. Для журнала Мещерскаго настало время такого явнаго пренебреженія, что онъ счелъ невозможнымъ продолжать дѣло. На нѣкоторое время «Гражданинъ» закрылся. Нужно было пройти нѣсколькимъ годамъ, нужно было прійти новымъ субсидіямъ, чтобы онъ снова воскресъ, чтобы его слова, опять въ силу тѣхъ же связей князя, стали перепечатывать. Мещерскій жилъ и умеръ, какъ заклятый врагъ прогрессивной печати. Въ памятные октябрьскіе дни онъ подсказалъ въ одномъ изъ фельетоновъ знаменитое выраженіе, прославившее Трепова, о томъ, что не нужно жалѣть патроновъ. Въ педагогикѣ онъ отстаивалъ позицію сторонниковъ той розги, которую онъ засталъ самъ въ приготовительныхъ классахъ правовѣднія. И онъ настойчиво проводилъ въ теоріи, что для «кухаркиныхъ сыновей» не нужно гимназическаго образованія.

«Проживъ огромный вѣкъ въ работѣ съ перомъ въ рукахъ, Мещерскій остался типичнымъ дворяниномъ стараго пошиба, съ вѣрой въ голубую кровь, бѣлую кость и необходимость такихъ подраздѣленій человѣчества на вѣчныя вѣка».

Другая газета—«Южный Край» (№ 12155)—даетъ на своихъ столбцахъ слѣдующій «политическій» портретъ издателя «Гражданина», портретъ, не лишенный разнообразія красокъ.

«Кто онъ, каковы были его идеалы, думы, какія мечты онъ лелѣялъ, какіе горизонты, дали, перспективы рисовались взору этого человѣка?..»—спрашиваетъ газета.

«Пародируя поэта, все міросозерцаніе умершаго князя Мещерскаго можно было бы формулировать словами:

«Дней николаевскихъ прекрасное начало»...

«Времена Николая I, вотъ идеаль, вотъ мечта талантливаго реакціонера.

«Онъ выступилъ въ литературѣ еще въ 60-хъ годахъ. Дѣятельность его, слѣдовательно, началась въ то время, когда вводились великія реформы, главный смыслъ которыхъ заключался въ поднятіи гражданскаго уровня крестьянина, до того раба, парія. Вотъ противъ этого-то и ополчился тогда еще совсѣмъ молодой кн. Мещерскій. Съ первыхъ же шаговъ своей литературной дѣятельности онъ сталъ нападать на земство, на земскія учрежденія, на судъ, особенно судъ присяжныхъ, на ослабленіе въ какой бы то ни было степени сословнаго начала. Больше же всего князь боялся крестьянскаго,—хотя бы и призрачнаго, хотя бы микроскопическаго—равноправія:—волостной сходъ, волостной судъ, крестьянинъ—судья, крестьянинъ—предсѣдатель суда, крестьянинъ—земскій гласный... Пуше огня опасался князь-реакціонеръ народнаго—крестьянскаго—образованія. Земская школа—вотъ гдѣ самая большая опасность россійской государственности... Счастье государства Россійскаго онъ видѣлъ въ «твердой власти» да въ... розгѣ, которую онъ всегда воспѣвалъ.

«Князь сразу—въ концѣ 60-хъ годовъ—обратилъ на себя вниманіе М. Н. Каткова, гостепріимно предложившаго ему страницы «Русскаго Вѣстника», гдѣ онъ и сталъ выдвигаться. Талантливый реакціонеръ, онъ былъ также замѣченъ и отмѣченъ и въ другомъ лагерѣ, гдѣ, напримѣръ, Н. К. Михайловскій посвятилъ ему (въ 70-хъ годахъ) большую статью, частенько возвращаясь къ бесѣдѣ съ «... нимъ, съ его сіятельствомъ самимъ».

«Нужно сказать, что на первыхъ порахъ консерватизмъ князя Мещерскаго былъ умѣренный, сдержанный. Но постепенно онъ въ своемъ «Гражданинѣ» превращается въ самаго яраго реакціонера, стремящагося уже не къ тому, чтобъ «поставить точку къ реформамъ» (какъ то было въ началѣ), а къ тому, чтобъ повернуть вспять все теченіе жизни, чтобъ вычеркнуть совершенно 60-е года изъ русской исторіи и вернуться къ блаженнымъ временамъ 40-хъ и 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

«Князь Мещерскій не принадлежалъ къ тѣмъ журналистамъ (коихъ на Руси подавляющее большинство), голосъ которыхъ остается «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Нѣтъ, на его долю

выпало рѣдкое для журналиста счастье видѣть свои общественные идеалы реализованными, проведенными въ жизнь, если не всецѣло, то хоть частью.

«Личный другъ императора Александра III, кн. Мещерскій имѣлъ огромное вліяніе на ходъ его царствованія. Многія мѣропріятія этого періода въ значительной степени обязаны ему (земское и городское положенія 1890 и 1892 гг., а главное—земскіе начальники). И иронія судьбы! Пѣвецъ института земскихъ начальниковъ, кн. Мещерскій умеръ за два дня до четвертьвѣкового юбилея этого института, также на $\frac{3}{4}$ мертваго...

«Нужно сказать, что русское общество рѣдко, но рѣзко реагировало на литературную дѣятельность князя-ретрограда, по заслугамъ платя ему. Какъ-то, въ началѣ прошлаго десятилѣтія, князь, собираясь праздновать 35-лѣтіе своей литературной дѣятельности, обратился къ предводителямъ дворянства съ просьбой поддержать его морально въ этотъ радостный для него часъ, но получилъ въ отвѣтъ жестокое письмо отъ цѣлаго ряда губернскихъ и уѣздныхъ предводителей того сословія, служенію которому онъ—не за страхъ, а за совѣсть—служилъ всю свою жизнь. Тогда безпартийные (это были въ 1901—1902 г.) предводители дворянства: Стаховичъ, Гейденъ, Долгоруковъ и многіе другіе, демонстративно отказались чествовать челоуѣка, проповѣдывавшаго розгу, мечтавшаго о возвращеніи къ крѣпостному времени... Больно и горько было старику...

«Послѣ манифеста 17-го октября 1905 года князь, вначалѣ растерявшійся, оправился и не надолго взялъ курсъ налѣво: «Конституція, такъ конституція!»—отчаянно воскликнулъ онъ въ своемъ «Гражданинѣ». Было время, когда князя совсѣмъ забыли. Но въ послѣдніе годы это вліяніе опять стало такимъ, какъ во времена Побѣдоносцева и Плеве. И если когда-то (въ 80 гг.) его политическій салонъ выдвинулъ знаменитаго гр. Д. А. Толстого, то въ самыя послѣдніе годы его же салонъ выдвинулъ Н. А. Маклакова, П. Л. Барка, свергнулъ гр. Коковцова. Государственную Думу старикъ-реакціонеръ ненавидѣлъ всѣми фибрами своей души. Въ худшемъ случаѣ онъ хотѣлъ бы ее видѣть законсовѣщательной, въ лучшемъ ... совсѣмъ ея не видѣть. Дума для него болѣзненный наростъ на тѣлѣ русской государственности. Всѣ событія послѣдняго времени—привлеченіе Чхеидзе, «годневскій» инцидентъ и т. п. факты, указывающіе на стремленіе ограничить права государственной думы,—все это находило въ его лицѣ явнаго защитника. Онъ радъ былъ всякому умаленію думскихъ правъ, не выносилъ Родзянко за его порою отстаиваніе достоинства (чисто внѣшняго) думы. И послѣдній его «дневникъ» (отъ 30 іюня), его лебединая пѣсня, заключалъ въ себѣ глубокую, непримиримую ненависть къ русскому народному представительству, этому «дѣтищу смуты».

«Одно большое достоинство было у князя Мещерскаго,—это его ненависть къ лидерамъ черносотенныхъ, равно и націоналистическихъ организацій, raison d'être которыхъ заключается въ преслѣдованіи народовъ, населяющихъ Россію: евреевъ, поляковъ, финляндцевъ и другихъ. Какъ это ни странно, но этотъ глубокій консерваторъ былъ сторонникомъ равноправія всѣхъ російскихъ національностей. Чуть ли не каждый его «дневникъ» былъ посвященъ борьбѣ съ персонами такого типа, какъ Пуришкевичъ и Глинка-Янчевскій. А «ритуальныя» вакханаліи, особенно кievская «бейлисиада», вызывали въ немъ настоящее отвращеніе. Впрочемъ, нельзя обойти молчаніемъ другое достоинство покойнаго князя: его отстаиваніе вѣротерпимости, его борьба съ гонителями евангелистовъ, трезвенниковъ и др.

«Вообще говоря, при всемъ нашемъ опредѣленномъ отношеніи къ литературной и общественной дѣятельности покойнаго, мы считали бы несправедливымъ валить его на одну кучу съ такими изувѣрами, наймитами и бездарностями, какъ Глинка-Янчевскій, Дубровинъ и др. подобные, погромные идеологи. У каждого человѣка есть свое хорошее, человѣческое. У князя Мещерскаго это хорошее, человѣческое прорывалось въ религіозныхъ и національныхъ вопросахъ. На этой почвѣ у него,—допускаемъ,—могла быть и душевная трагедія: выдвинутые имъ высшіе представители власти въ этихъ вопросахъ съ нимъ «не соглашались»...

Въ приведенныхъ поминальныхъ словахъ изъ разныхъ статей мы вполне опредѣленно почерпаемъ свѣдѣнія о литературно-публицистической жизненной позиціи князя Мещерскаго. Всѣ въ одинъ голосъ и вполне согласно признаютъ, что въ его лицѣ Россія имѣла самобытнаго, талантливаго представителя, кипучаго, съ безпокойною мыслью и вѣчно встревоженнымъ, бурлящимъ чувствомъ, страстно отзывавшагося на всѣ явленія окружающей жизни. Этотъ интересъ къ жизни, несмотря на глубокій возрастъ, не покидалъ его до послѣдняго его издыханія, и еще въ его «Дневникѣ» отъ 29-го іюня («Гражданинъ», № 27) онъ писалъ:

«Сегодня меня посѣтилъ гость, съ цѣлью задать мнѣ оригинальный вопросъ.

«— Я читаю васъ внимательно,—сказалъ онъ мнѣ,—и давненько читаю, и вотъ рѣшился наконецъ сдѣлать то, что давно мнѣ хочется сдѣлать: прійти къ вамъ и спросить, неужели вы не устали жить? Я говорю собственно о той жизни духовной, которая у васъ бьетъ доселѣ ключомъ, судя по вашимъ статьямъ. Мало того, бываютъ у васъ «дневники», которые я читаю прямо съ удоельствіемъ, потому что въ нихъ столько молодости, точно написаны они молодымъ человѣкомъ. Даже когда вы сердитесь, не слышно въ вашихъ писаніяхъ сердитости старика. А главное, что меня удивляетъ—

ни въ одной строкѣ вашей не слышно разочарованія. И вотъ, повторяю, я пришелъ васъ спросить: неужели вы не устали жить?

«— Жить, съ благодарностью къ Богу могу сказать, я не усталъ,—отвѣтилъ я моему собесѣднику:—а не усталъ, вѣроятно, потому, что интересуюсь жизнью больше, чѣмъ самимъ собою. Только теперь я понимаю, что это великій даръ Божій—интересоваться жизнью и людьми больше, чѣмъ собою. Вѣдь, какъ-никакъ, а человѣкъ разочаровывается, устаетъ, хилѣетъ всего болѣе отъ своихъ неудачъ, отъ своихъ разочарованій, отъ маленькихъ и большихъ уколовъ судьбы. А я больше интересовался жизнью и людьми и, благодаря этому, хотя я много и очень много получилъ не только уколовъ, но и ударовъ отъ судьбы,—на вашъ вопросъ я совсѣмъ искренно могу отвѣтить: я не усталъ жить, потому что нѣтъ дня, чтобы меня не захватывалъ за живое какой-нибудь жизненный интересъ, и этимъ я объясняю, что между моими «дневниками» могутъ попадаться именно «молодые», потому что у меня органъ, воспринимающій впечатлѣнія отъ жизни, иногда,—я самъ это съ удивленіемъ замѣчаю,—совсѣмъ одинаково реагируетъ, какъ бывало въ молодые годы, по отношенію и къ вопросамъ жизни, и къ событіямъ жизни, и къ безконечному разнообразію людскихъ нуждъ.

«— Это интересно,—говоритъ мнѣ мой неожиданный собесѣдникъ.

«— Но дѣло вотъ въ чемъ. Жить, какъ я вамъ сказала, благодаря Бога, я не усталъ, но зато, откровенно скажу, уши устали слушать и глаза устали глядѣть.

«Вы спросите, что я сейчасъ хочу сказать. А хочу я сказать вотъ что. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ для меня однимъ изъ большихъ удовольствій было слушать рѣчь людей, всегда живую, всегда вдохновенную правдивыми чувствами или идеалами, приходившимися по душѣ, рѣчь, гдѣ слышалось образованіе, гдѣ слышалось убѣжденіе, гдѣ слышалось сердце, гдѣ такъ часто слышался оригинальный умъ. Для глаза тоже какое было удовольствіе глядѣть на умные глаза, на добрые глаза, на ярко горѣвшіе жизнью глаза. Какимъ наслажденіемъ было читать прекрасныя творенія талантливыхъ литературы! И хотя всѣ эти впечатлѣнія слуха и глазъ чуть ли не ежедневно мѣнялись, но ни слухъ, ни зрѣніе не уставали, получая отъ людей все больше и больше ободренія любить жизнь въ людяхъ и людей въ жизни.

«Потомъ пришла другая пора, не сразу, а постепенно. У людей стали исчезать взгляды тихіе, свѣтлые и спокойные, стало слабѣть отраженіе вдохновенія, и взамѣнъ все чаще стали встрѣчаться бѣгающіе глаза, лгущіе глаза, мертвые взгляды; ежедневное чтеніе заставляло глаза утомляться отъ превращенія культа таланта и красоты въ ежедневное служеніе пошлости, въ калѣченіе всего, что изъ-подъ пера выливалось ободряющаго, облагораживающаго,

возвышающаго; все болѣе и болѣе люди въ печати и люди жизни напоминали блохъ, прыгающихъ только, чтобы кусать и кусать, и какъ слухъ утомлялся отъ слушанія почти исключительно отзвуковъ разрушаемой семьи, повергаемыхъ идеаловъ, вражды, замѣняющей прежнюю любовь, такъ глаза утомлялись отъ отраженія тѣхъ же печальныхъ духовныхъ явленій въ печати, отъ глядѣнья на глаза, говорившіе, что прежній братъ и прежній ближній стали чужими... И, повѣрите ли, приходили и приходятъ минуты, когда отъ всего, что читаютъ мои глаза въ печати и въ людскихъ взглядахъ бываетъ мыслима гипотеза, что, не будь строгихъ наказаній, люди стали бы ненавидѣть и уничтожать другъ друга, какъ препятствіе къ достиженію всякаго вида карьеры.

«Собесѣдникъ мой меня прервалъ:

«— Такъ неужели же всего этого недостаточно, чтобы устать отъ жизни? Вѣдь если глаза устали видѣть, а уши устали слышать—значить, вы устали жить.

«— Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Съ каждымъ годомъ цѣннѣе становится, во-первыхъ, чудный міръ пережитаго среди людей, вдохновлявшихъ любить жизнь; во-вторыхъ, чѣмъ усерднѣе ищешь въ толпѣ уцѣлѣвшія души хорошихъ людей, тѣмъ интереснѣе борьба идеаловъ съ пошлостью, тѣмъ болѣе энергии для этой борьбы, и какъ ни малы плоды этой борьбы, она все же ободряетъ жить,—и я не устаю жить».

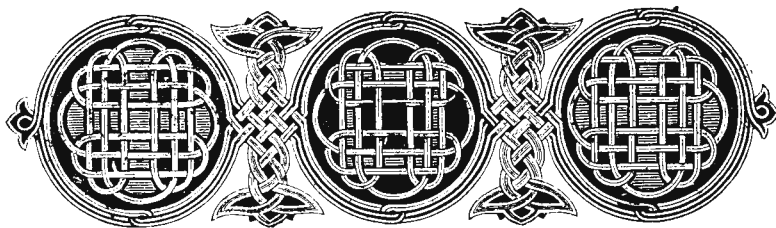
Эта исповѣдь чрезвычайно характерна, какъ свидѣтельство наличія въ немъ того сильно вибрирующаго общественнаго нерва, который неизмѣнно присущъ всякому публицисту съ большимъ темпераментомъ. Интересомъ къ жизни дѣйствительно отмѣчены всѣ его писанія на протяжении нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ и, если собрать во-едино, конечно, съ разборомъ, всѣ его «Дневники», то, несомнѣнно, будущій историкъ Россіи найдетъ здѣсь богатѣйшую хронику русской жизни, хронику—въ лицахъ, явленіяхъ и переживанияхъ общественныхъ настроеній. Только хронику, такъ какъ положительнаго идейнаго богатства, созидательной творческой мысли здѣсь не найти. Творческаго зиждательства въ его политическихъ писаніяхъ было мало, какъ мало было и творчества въ его беллетристическихъ твореніяхъ. Всѣ перечисленные выше романы князя Мещерскаго—суть не болѣе, не менѣе, какъ хроника русской жизни и при томъ жизни почти исключительно столичной. Всѣ эти «лорды-апостолы», «графы Обезьяниновы», «одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ» и пр. суть не болѣе, не менѣе, какъ портреты живыхъ людей по преимуществу въ эпоху 70—80 гг., портреты, писанные безъ того огня вдохновенія, который отличаетъ всякаго настоящаго художника изъ однородной ему по профессіи толпы. Вотъ почему исторія русской изящной литературы свободно обходится безъ имени князя В. П. Мещерскаго, какъ романиста, оста-

вившаго послѣ себя мало-мальски значительный свѣтъ. Даже покойный К. Головинъ въ своемъ трудѣ «Русскій романъ и русское общество» не нашелся чѣмъ обмолвиться о кн. В. П. Мещерскомъ, а вѣдь Головинъ происходилъ изъ того же высшаго общества, какъ и почившій издатель «Гражданина».

Но если о беллетристѣ кн. В. П. Мещерскомъ нечего сказать положительнаго и безъ всякаго ущерба забываешь имя его въ рядѣ подобныхъ ему, то далеко не то же приходится сказать о немъ въ роли историка-мемуариста. Три компактныхъ тома (часть первая—1850—1865 гг., часть вторая—1865—1881 гг., часть третья—1881—1894 гг.) обнимаютъ собою три царствованія, съ богатыми характеристиками и съ исключительными по занимательности событіями, составлявшими главную суть этихъ царствованій. Какъ писатель опредѣленнаго политическаго и соціальнаго міросозерцанія, о чемъ сказано выше достаточно, авторъ оперируетъ своимъ матеріаломъ тенденціозно, но отъ этого самая занимательность повѣствованія не теряется и читатели почерпаютъ отсюда такія богатыя и интимныя свѣдѣнія, которыхъ они въ другихъ источникахъ не найдутъ. Поэтому писать новѣйшую исторію Россіи, минуя воспоминанія князя Мещерскаго, совершенно невозможно. Его близость ко двору создала ему, какъ литератору, исключительное положеніе и, надо отдать ему справедливость, онъ использовалъ эту свою близость широко и съ большою пользою для нашего историческаго знанія. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ свое время давались отзывы объ этихъ воспоминаніяхъ, и возвращаться къ сказанному мы не будемъ. Не будемъ мы также касаться и личной жизни почившаго князя, храня завѣтъ, что надъ свѣжей могилой твердо слѣдуетъ помнить слова: мертвые срама не имуть.

Б. Г.

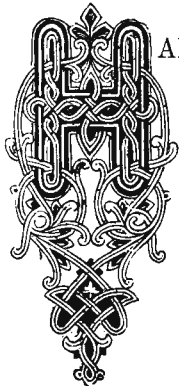

ПРОЛОГЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ ¹⁾.

(Архивные матеріалы).

ХБ.

ВАРУШИТЕЛИ концессіи были только въ глазахъ Балашева, — повѣствуетъ далѣе г. Немо въ своей любопытной статьѣ, — но въ сущности это несправедливо, такъ какъ про существованіе, къ слову сказать, выморочной концессіи знали не всѣ лѣсопромышленники; поэтому мѣры, предпріятыя компаніей, конфисковать сплавляемый лѣсъ порождали серьезныя недоразумѣнія между компаніей и сплавщиками, и все это, само собой разумѣется, отзывалось въ корейскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и обоихъ посольствахъ—русскомъ и японскомъ, которыя вели между собой политическую войну.

«Надо отдать справедливость нашему посланнику въ Сеулѣ г. Павлову за его тяжелые труды, рѣшительными и настойчивыми шагами проводившему политику Балашева, враждебную для японцевъ, тяжелую для корейцевъ и безумную для насъ. Г. Павловъ на своихъ плечахъ вынесъ всю тяжесть того тревожнаго времени, и, надо полагать, дѣйствовалъ не только противъ своихъ убѣжденій, но и совѣсти. Что же было дѣлать, если и здѣсь проявлялся бюро-

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXVII, стр. 238.

кратизмъ, когда Безобразовъ, ворочая дѣлами въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, имѣлъ огромное вліяніе на г. Павлова, направляя его по своему политическому опасному и невѣрному пути. Если идею Безобразова признать гениальною, то былъ единственный путь вести тонкую англійскую политику медленно, но вѣрно, хотя бы на это потребовалось много времени и денегъ, а не такъ скоропалительно, какъ повелъ ее воинственный уполномоченный Краснаго Креста въ Портъ-Артурѣ егермейстеръ Балашевъ, увлекая за собою пылкаго, гонящагося за извѣстностью и славою статсъ-секретаря Безобразова, вѣря въ принципъ Балашева, что ему здѣсь ближе къ дѣлу, а потому и виднѣе, нежели въ кабинетѣ въ Петербургѣ за десять тысячъ верстъ!

«Конфискація сплаваемого лѣса производилась возмутительнѣйшимъ образомъ, если не сказать болѣе—разбойническимъ... Къ плотамъ съ гонщиками подѣзжали катера, ссаживали охранную стражу и плоты прибывались къ берегамъ. Нерѣдко сплавщики пробовали сопротивляться, протестовать, но сплошь и рядомъ здѣсь же на глазахъ всѣхъ тонули... Мало этого, плоты отбирались всѣми, кто только сумѣетъ захватить гонщиковъ. Такъ, охранная стража забиралась шайками вверхъ по рѣкѣ на лодкахъ и подкарауливала «добычу». Но здѣсь уже не церемонились ни со сплавщиками, ни сплавщики съ охраной и тонули въ рукопашной схваткѣ. Понятное дѣло—чѣмъ платить по двадцати пяти копеекъ за кубическій футъ лѣса, сплавщикамъ выгоднѣе было получить лѣсъ совершенно даромъ.

«Отчего же происходилъ такой произволъ, несмотря на то, что въ отчетахъ уплата по двадцати пяти копеекъ значилась по расходу въ удовлетвореніе претензій сплавщикамъ,—не трудно догадаться. Дѣло въ томъ, что охранная стража состояла изъ запасныхъ солдатъ, людей безъ опредѣленныхъ занятій, прямо «съ вѣтра», и китайцевъ. Всѣ эти господа пили горькую, и любого изъ нихъ за бутылку водки, которая, кстати, была тамъ рѣдкостью, можно было купить съ успѣхомъ на любое «дѣло». И понятно, что тѣ, отъ кого зависѣла уплата двадцати пяти копеекъ, были всегда въ барышахъ.

«Все это естественно заставило враждебно относиться къ предпріятію всѣхъ лѣсопромышленниковъ на Ялу, а особенно самолюбивыхъ японцевъ. Китайцы были страшно возмущены тѣмъ, что охранники-китайцы, находящіеся на службѣ у компаніи, производили насилія надъ своими же. И вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ на горизонтѣ появился всадникъ, потомъ другой, третій, и цѣлая кавалькада ихъ подѣхала къ поселку, требуя у охранниковъ-китайцевъ выдачи оружія; русская охрана была въ разгонѣ, а потому «козлами» явились китайцы, охранявшіе склады матеріальные, провіантскіе и оружейные. Надо замѣтить, что охрана не но-

сила безъ надобности оружія, которое было сложено въ особомъ складѣ. Послѣ отказа выдать оружіе всадники-хунхузы пустили въ дѣло свое оружіе, и въ результатѣ—пятнадцать человѣкъ убитыхъ охранниковъ-китайцевъ. Встревожился Николаевскій поселокъ, и «поселенцы» нѣсколько ночей не спали, находясь въ паническомъ ужасѣ. Тѣмъ не менѣе были приняты къ охранѣ всѣ мѣры и о случившемся дали знать въ Артуръ. Намѣстникъ, узнавъ о случившемся, потребовалъ для объясненій къ себѣ Балашева и Мадритова, послѣ чего Балашевъ заскрипѣлъ перомъ и шифрованной телеграммой извѣстилъ обо всемъ Безобразова, какъ о печальныхъ плодахъ своей неумѣлой политики, а Мадритовъ поѣхалъ на мѣстѣ разслѣдовать дѣло и «улаживать», какъ всегда.

«Оказалось, что нападеніе на поселокъ было произведено по приказанію фынхуанченскаго даотая, чтобы воспретить китайцамъ находиться на службѣ у компаніи. Что было у Мадритова съ даотаемъ—неизвѣстно, но, вѣроятно, даотая не поздоровилось, такъ какъ Мадритовъ вернулся сильно возбужденнымъ и долго не могъ помириться съ происшедшимъ, тѣмъ болѣе, что Линчи бездѣйствовалъ, вслѣдствіе чего досталось и ему.

«Самое тревожное время на Ялу совпало съ поѣздкой нашего бывшаго военнаго министра ген.-адъют. Куропаткина въ Японію и вторичнымъ пріѣздомъ въ Артуръ ст.-секр. Безобразова».

Такъ обрисовалъ пребываніе А. М. Безобразова и дѣятельность его на Дальнемъ Востокѣ въ первую его поѣздку въ Южную Манчжурію корреспондентъ газеты «Владивостокъ». А вотъ что по настоящему предмету въ обширномъ докладѣ ¹⁾ повѣдалъ самъ Безобразовъ по возвращеніи отсюда въ Петербургъ:

«Въ ноябрѣ 1902 года мною было получено приказаніе ѣхать въ Южную Манчжурію для устройства лѣснаго дѣла на рѣкѣ Ялу. Оному предпріятію придано было значеніе: 1) какъ естественному оборонительному охраненію всего нашего положенія въ Манчжуріи со стороны Корейскаго полуострова; 2) какъ средству для успѣшнаго перехода въ наступленіе на полуостровѣ, когда обстоятельства этого потребуютъ или позволятъ, и 3) какъ созданію реального крупнаго торгово-промышленнаго интереса на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ вообще пока отсутствуетъ русская предпріимчивость. Приказано также было собрать, по возможности, вѣрныя свѣдѣнія, освѣщающія наше положеніе на этой далекой окраинѣ, гдѣ силой обстоятельствъ намъ приходится считаться *не съ фикціями, а съ дѣйствительностями, и поборотъ реального противника, при очень неблагоприятныхъ для насъ условіяхъ.*

¹⁾ Цитируется по имѣющемуся въ нашихъ архивныхъ матеріалахъ «Конспекту доклада».

«Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и мѣропріятіяхъ я обязанъ былъ имѣть въ виду мнѣніе главнаго начальника края и не мѣшать существующимъ порядкамъ.

«Командировка носила частный характеръ, но прятаться мнѣ приказано не было, равно какъ вторить необоснованной угодливости иностранныхъ соискательствъ. Начальникъ края особымъ письмомъ былъ увѣдомленъ о цѣляхъ предпріятія и имѣлъ оказывать содѣйствіе.

«3-го марта 1903 года я для дачи объясненій былъ вызванъ изъ Портъ-Артура въ Петербургъ и могъ егермейстеру Балашеву передать дѣла почти законченными въ намѣченномъ мнѣ духѣ. Дѣла эти суть:

«1) *Лѣсное дѣло на Ялу*, которое фактически и на законномъ основаніи я началъ и которое можетъ итти совершенно независимо. Китайское правительство, если по недоразумѣнію мы сами не измѣнимъ данной постановки, противодѣйствовать намъ на правомѣрномъ основаніи не можетъ.

«Обращаю особое вниманіе на эти обстоятельства, что только отъ недоразумѣнія вѣдомствъ и противодѣйствія, исходящаго изъ нашихъ правительственныхъ сферъ, устроенное мною лѣсное дѣло можетъ быть обездолено.

«Въ этомъ году у насъ заготовлено четыре милліона кубическихъ футовъ лѣсного матеріала и должны быть сданы намъ на лѣсномъ складѣ, устроенномъ при нашемъ лѣсопильномъ заводѣ на корейскомъ берегу и устьѣ рѣки Ялу. Заготовка этого лѣсного матеріала и его сплавъ производятся артелями китайскихъ вольныхъ обществъ, живущихъ въ лѣсахъ бассейна рѣки Ялу; они, какъ дѣйствительные собственники этихъ лѣсовъ, работаютъ на насъ сдѣльно и отвѣтственно и къ намъ, вѣрнымъ и надежнымъ ихъ работодателямъ, относятся очень дружелюбно. *Если въ правильной психологической постановкѣ дѣла ошибки сдѣлано не будетъ*, то эти общества будутъ защищать наше дѣло, какъ свое собственное, такъ какъ личный ихъ интересъ вполне обезпеченъ. У насъ въ лѣсу есть свои приказчики и при нихъ наша охрана. Эта охрана нужна не для лѣса, а для нашего престижа, какъ дѣйствительной крупной силы, передъ которой азіаты преклоняются и служатъ ей тѣмъ охотнѣе, чѣмъ эта сила для ихъ личныхъ интересовъ выгоднѣе и въ обстановкѣ своей обаятельнѣе.

«Лѣсное дѣло намъ обошлось пока въ 320 тысячъ рублей и еще будетъ стоить 180 тысячъ рублей, всего, слѣдовательно, 500 тысячъ рублей. Получимъ же мы съ 4 милл. куб. фут. лѣсного товара, заготовленнаго въ этомъ году, за вычетомъ всѣхъ экстраординарныхъ расходовъ, не менѣе одного милліона рублей чистой пользы.

«2) *Фушунскія каменноугольныя копи*, могущія обезпечить нашъ боевой флотъ хорошимъ топливомъ и, кромѣ того, дать хорошій

доходъ. Уголь имѣется на пространствѣ 250 кв. верстъ, въ 45 верстахъ отъ желѣзной дороги. Пока извѣстны три пласта, средней толщиной не менѣе двухъ сажень. Уголь извѣстно уже испытаннаго качества. Въ настоящее время 250 тоннъ этого угля будетъ специально испытываться въ Портъ-Артурѣ; стоимость его въ Портъ-Артурѣ будетъ не болѣе пяти рублей за тонну. Теперь платятъ 11—12 рублей за худшій японскій уголь.

«3) *Фушунско-Телинская мѣстность* для русскихъ поселеній— пространство около 500 кв. верстъ отличной пахотной земли, съ водой и лѣсками.

«4) Пароходство между устьемъ Ялу и Портъ-Артуромъ.

«5) Пароходство по рѣкѣ Ляохэ.

«6) Концессія на электрическое освѣщеніе и подъѣздные пути въ провинціяхъ Мукденской и Гиринской, т.-е. право въ разныхъ городахъ строить зданія удобной для нашихъ цѣлей архитектуры и имѣть охрану для своей собственности.

«7) Минеральныя воды Танхезе для нуждъ нашей арміи и флота и православная приходская церковь въ гор. Мукденѣ съ возможностью устроить около нея подворье для пріѣзжаго русскаго купечества и амбулаторія для мѣстнаго населенія, какъ противовѣсъ англійской миссіонерской больницѣ въ Мукденѣ.

«Изъ разрѣшенныхъ мнѣ кредитовъ и полномочій я не вышелъ и имѣю матеріаль для достаточно полнаго освѣщенія нашего положенія на Дальнемъ Востокѣ.

«Кромѣ того, на основаніи данныхъ, собранныхъ на мѣстахъ, я могъ составить связный планъ дѣйствій для нашего вполне законнаго выхода изъ настоящаго крайне тяжелаго положенія на берегахъ Тихаго океана. Въ заключеніе могу сказать, что созданныя мною организациі настолько еще молоды, что сами по себѣ не могутъ вынести напора во власть облеченной враждебности. Господинъ военный министръ, по очень печальному недоразумѣнію, уѣхалъ на Дальній Востокъ именно съ цѣлью по возможности проликвидировать все, что мною было сдѣлано. Этого онъ передъ отъѣздомъ не скрывалъ и уже здѣсь постарался начать свою разрушительную работу. Эти произвольныя дѣйствія облечены въ форму исполненія утвержденного журнальнаго постановленія особаго совѣщанія.

«Такъ какъ я своевременно позволилъ себѣ выступить обличителемъ серьезныхъ пробѣловъ военной организациі въ дѣлѣ охраны нашей государственной границы и интересовъ на Дальнемъ Востокѣ и свое мнѣніе измѣнить не могу, то военный министръ меня считаетъ своимъ личнымъ врагомъ и со свойственной его характеру своеобразностью увлекается этимъ личнымъ чувствомъ. Слѣдовательно, дѣлу моихъ рукъ, если серьезное внушеніе не воспослѣдуетъ, грозитъ неминуемое истребленіе».

XII.

Къ настоящему докладу, сопровождаемому выпадами личного характера, А. М. Безобразовъ прибавилъ нѣчто и спеціально политическое, рельефно рисующее настроеніе умовъ какъ его самого, такъ и его единомышленниковъ, а также раскрывающее передъ нами широко задуманный планъ политическаго международнаго порядка.

Согласно его мнѣнію ¹⁾, «ближайшее и непосредственное ознакомленіе съ дѣлами Дальняго Востока приводитъ къ неизбѣжному заключенію, что наше настоящее положеніе на этой далекой окраинѣ должно быть признано *весьма неблагоприятнымъ*. Эта неблагоприятная сторона нашего положенія выражается въ томъ, что мы по израсходованіи двухъ милліардовъ рублей и послѣ побѣдоносныхъ дѣйствій нашихъ войскъ *утратили на мѣсть свой престижъ и самоувѣренность*, считаемся слабыми, дѣлаемъ уступки и *находимся накануне пораженія экономическаго, а, можетъ быть, и военнаго*.

«Положеніе это создалось подѣ влияніемъ затрудненій *естественныхъ* и причинъ, имѣющихъ *искусственный*, приносный характеръ.

«Къ затрудненіямъ перваго рода относятся: 1) огромность разстояній, значеніе которыхъ усугубляется недостаточно оборудованными сообщеніями и средствами для сношеній; 2) слабонаселенность Сибири, промышленная жизнь которой находится въ зачаточномъ состояніи; 3) чрезмѣрная централизація нашихъ порядковъ, значительно умаляющая инициативу, творчество и энергію въ помѣстныхъ дѣловыхъ организаціяхъ. Всѣ эти затрудненія, названныя по своему происхожденію естественными, *устраняемы, но требуютъ для этого времени и постепенности въ мѣропріятія*».

«Къ причинамъ втораго рода относятся: 1) *недостаточность вѣрныхъ свѣдѣній и неправильная оцѣнка положенія*; 2) *необоснованность плановъ и программъ и увлеченіе фикціями*; 3) *борьба разныхъ вѣдомствъ; безхозяйственность дѣла отъ многоначалія и безответственность фактическая отъ коллегиальныхъ порядковъ, гдѣ установилась практика взаимныхъ уступокъ не для пользы дѣла, а для политики вѣдомствъ*; 4) *преслѣдованіе личныхъ интересовъ и несвоевременное обузданіе произвола*; 5) *солидарность вѣдомствъ въ борьбѣ противъ всякаго рода обличеній ихъ практическихъ ошибокъ и дѣловой несостоятельности*.

¹⁾ Цитируется по «Конспекту доклада»

«Эти причины второго рода могутъ считаться устранимыми быстро, почти съ момента ихъ устранения и обличенія; порядокъ ихъ энергичнаго пресѣченія надо считать самымъ желательнымъ и необходимымъ для дѣла и единственнымъ средствомъ выйти изъ искусственно созданныхъ бюрократическихъ препонъ, направленныхъ противъ государственнаго престижа и дѣла, въ цѣляхъ сохраненія полномасштабна министерствъ и ихъ фактически безответственной дѣятельности.

«Въ настоящее время національности въ Европѣ настолько опредѣлились въ государственномъ и географическомъ отношеніяхъ, что нѣтъ причинъ опасаться общеевропейской войны изъ-за какой-нибудь новой непредвидѣнной группировки естественныхъ интересовъ. Главные помыслы каждаго европейскаго государства теперь обращаются больше вглубь, стремясь интенсивнѣе проявить внутренніе ресурсы націи, для удовлетворенія экономической и соціальной жизни.

«Россія есть единственная европейская держава, которая не ведетъ колониальной политики и не нуждается въ исканіи заокеанскихъ рынковъ. Ея интересы, по сплошному протяженію ея территории, интенсифицируются прогрессивно отъ запада къ востоку.

«Западно-европейскія континентальныя государства, и во главѣ ихъ Германія, ищутъ въ колониальной политикѣ выхода изъ внутренняго кризиса. Стремленіе это очень сильно. Для свободнаго развитія колониальной политики требуется пропорція между военнымъ и коммерческимъ флотами. Усиленію военнаго флота мѣшаютъ расходы на сухопутныя вооруженія, увеличивающіяся отъ взаимнаго недоувѣрія континентальныхъ державъ.

«Англія, для удержанія своего положенія владычицы морей, сѣетъ раздоры между европейскими континентальными державами. Россія, учитывая это положеніе въ свою пользу, должна стремиться образовать на европейскомъ континентѣ по возможности искреннія и добрыя отношенія, чтобы имѣть свободныя руки на Востокѣ.

«Единственная серьезная опасность столкновенія между Россією и остальными континентальными державами сосредоточена на Ближнемъ Востокѣ. Эта опасность будетъ въ корнѣ устранена, если, благодаря мудрости народныхъ правителей, континентальные интересы будутъ своевременно выяснены и направлены по своему естественному руслу.

«Слѣдовательно, ключъ къ желанному континентальному соглашенію лежитъ въ вопросѣ Ближняго Востока, а согласованная дѣятельность континентальныхъ державъ должна проявиться прежде всего на Средиземномъ морѣ, какъ базѣ главной европейской колониальной политики.

«Между Азіей и Европой лежатъ два міровыхъ пути, какъ бы двѣ плоскости качанія маятника исторіи. По одному (черезъ знаменитыя ворота въ Киликійскомъ Таврѣ, и далѣе на западъ) шли арійцы; по другому (черезъ Урало-Каспійскую низменность) шли монголы. И вообще, Балканскій полуостровъ, западная и южная часть Малой Азія, а также Аравія, по своему географическому положенію и орографическому строенію, гораздо доступнѣе Западной Европѣ, нежели Россіи.

«Проникая въ послѣднее время въ Малую Азію, Германія не можетъ благоразумно стремиться къ фактическому обладанію Турціей. Этому мѣшаютъ *славянскіе* народы, опорой которымъ всегда останется Россія, и *мусульмане*, составляющіе по ту сторону Босфора огромное большинство населенія, съ прочною самостоятельною организаціею богатаго, образованнаго и вліятельнаго духовенства. Къ тому же Германія, распространяясь территоріально на юго-востокъ, естественно ослабила бы себя подставленіемъ своихъ коммуникаціонныхъ линій боковому удару Россіи. Этому положенію не помогла бы даже удачная война съ Россіей.

«Дѣйствуя благоразумно, Средняя Европа и Германія могутъ слѣдовать только своему стихійному, экономическому стремленію къ использованию турецкаго рынка. При томъ тутъ работаютъ международные капиталы, связь которыхъ съ національными интересами далеко еще не выяснена.

«Такая экономическая политика Западной Европы и Германіи не сталкивается съ нашими реальными интересами на Востокѣ.

«Россія стоитъ на другомъ міровомъ историческомъ пути, обозначаемомъ Урало-Каспійскою низменностью. Въ этомъ направленіи насъ неизмѣнно, даже сверхъ нашихъ ожиданій, сопровождали успѣхи политическаго распространенія, ассимиляціи населенія, роста нашего обаянія, и только въ этомъ направленіи будущность нашихъ экономическихъ успѣховъ несомнѣнна.

«На Ближнемъ Востокѣ наше положеніе затемнено мечтательностью славянофиловъ. Для насъ *вопросъ о турецкихъ христіанахъ составлялъ лишь средство къ достиженію нашей реальной цѣли исканія границы и свободнаго выхода изъ Чернаго моря*. При этомъ каждый разъ наше активное вмѣшательство въ пользу турецкихъ христіанъ давало намъ убытокъ, потому что освобожденнымъ христіанамъ мы становились все менѣе нужны, и наше положеніе въ Турціи ослаблялось. На этомъ пути намъ слѣдуетъ во время остановиться, иначе мы неминуемо придемъ къ результатамъ, несогласнымъ съ нашими реальными интересами.

«Въ этомъ направленіи на дальнѣйшемъ пути возможны три комбинаціи:

«1) Константинополь во власти славянъ или грековъ сдѣлалъ бы восточный вопросъ еще болѣе сложнымъ и труднымъ, такъ

какъ передъ нами оказались бы одни враги, и не было бы ни одного нуждающагося въ насъ друга и наша политика, оставаясь вѣчно воинствующей, никогда не дала бы намъ полнаго удовлетворенія.

«2) Если бы мы рѣшили добиваться захватить Константинополь въ свою власть, то мы стали бы поперекъ дороги экономическимъ интересамъ всей промышленной Европы и соединили бы континентальныя державы съ Англiей противъ насъ и тѣмъ содѣйствовали бы продолженію ея интригъ. Защита нашей южной границы въ одномъ пунктѣ, въ виду его островнаго положенія, была бы всегда недостаточна. Въ финансовомъ отношеніи комбинація дала бы намъ только убытокъ. При этомъ мы стали бы въ отношеніи славянъ и грековъ въ положеніе совершенно невыгодное, такъ какъ органически связались бы съ ихъ внутренними мелкими счетами и лишили бы себя своего нормальнаго положенія авторитетнаго арбитра.

«3) Нейтрализація проливовъ намъ опасна, такъ какъ Черное море перестало бы быть нашимъ внутреннимъ моремъ.

«Въ другомъ порядкѣ идей, наоборотъ, представляется желательнымъ:

«4) Сохраненіе Константинополя и проливовъ въ рукахъ турокъ.

«Это есть единственная комбинація, подающая намъ всѣ надежды, при условіи, если мы сумѣемъ вызвать у турокъ довѣріе къ намъ и ихъ подчиненіе нашему естественному надъ ними авторитету.

«Реальные интересы Турціи состоятъ: 1) въ сохраненіи своей независимости, какъ мусульманскаго государства и 2) въ огражденіи себя отъ постояннаго вмѣшательства великихъ державъ изъ-за турецкихъ христіанъ (Берлинскій трактатъ).

«Эти жизненные интересы Турціи не противорѣчатъ нашимъ. Слабая Турція намъ не страшна; она нуждается въ поддержкѣ, а самая надежная поддержка можетъ быть наша. Проливы фактически для насъ уже открыты, такъ какъ мы сильнѣе Турціи. Намъ остается только урегулировать положеніе на почвѣ солидарности интересовъ. Продолжать далѣе политику покровительства турецкимъ христіанамъ въ ущербъ Турціи намъ нѣтъ никакого расчета, такъ какъ въ остающихся еще двухъ крупныхъ вопросахъ, армянскомъ и македонскомъ, у насъ по существу дѣла нѣтъ съ Турціей антагонизма.

«Революціонный образъ дѣйствій армянъ и ихъ сепаратистическія стремленія одинаково невыгодны какъ намъ, такъ и Турціи, а достигнуть умиротворенія армянъ легче всего при совмѣстномъ нашемъ дѣйствіи съ Турціей. Рѣшеніе македонскаго вопроса въ смыслѣ, благопріятномъ для турокъ, соотвѣтствуетъ и нашимъ интересамъ, потому что:

«1) Фактическимъ отторженіемъ Македоніи (напр., автономіей) мы ослабили бы власть Турціи въ Константинополѣ и въ проливахъ до степени, намъ нежелательной; при этомъ

«2) мы не умиротворили бы Балканскаго полуострова, такъ какъ албанско-мусульманскій вопросъ (главная причина волненій въ Македоніи) былъ бы поставленъ въ еще худшія условія: власть Константинополя была бы настолько ослаблена, что въ Албаніи царила бы анархія, которую Турція имѣла бы полный расчетъ поддерживать, а христіанскія державы не были бы въ состояніи прекратить.

«3) Удовлетворить соперничающіе въ Македоніи интересы болгаръ, сербовъ, македонцевъ, грековъ и албанцевъ невозможно и автономная Македонія только обострила бы ихъ взаимную борьбу вслѣдствіе болѣе тѣснаго ихъ взаимнаго столкновенія.

«Намъ очень опасно вводить въ это дѣло коррективы черезъ Австрію, такъ какъ австро-мадьярской политикѣ вообще, и въ особенности на Балканскомъ полуостровѣ, присущи (политика не національная, а оппортунизма) принципиальные и неустранимые элементы раздора; католическій прозелитизмъ, борьба противъ славянства и скрытая ненависть къ Россіи. Въ этомъ ея отличіе отъ германской, которая основана на исключительно государственномъ соперничествѣ и можетъ быть вполне согласна съ политикой Россіи, при условіи выясненія реальныхъ интересовъ.

«Слѣдовательно, оставленіе Македоніи въ фактической власти турокъ, какъ необходимой прослойки между Константинополемъ и албанцами и между сосѣдними балканскими государствами, есть единственное рѣшеніе вопроса, соответствующее и нашимъ, и турецкимъ интересамъ.

«1) Россія и Германія, признавая очевидную непригодность системы угрозъ мусульманскому теократическому государству, становятся къ Турціи въ искреннія дружескія отношенія и совѣтуютъ ей рѣшить вопросы армянскій и македонскій (съ этихъ двухъ сторонъ Турція должна видѣть единственную реальную для себя опасность) на началахъ, обеспечивающихъ турецкихъ христіанъ отъ насилій, а Турцію—въ ея государственныхъ интересахъ, а именно на началахъ: 1) раздѣленія мусульманскаго и христіанскаго населенія съ тѣмъ, чтобы Турція назначала въ мѣстности со сплошнымъ христіанскимъ населеніемъ турецкихъ чиновниковъ-христіанъ, и 2) земельно-банковской политики, направленной къ пѣлесообразному порядку такого расселенія.

«2) Россія не мѣшаетъ расширенію въ Турціи торгово-промышленныхъ предпріятій западно-европейскихъ державъ.

«3) Такъ какъ интересы всѣхъ континентальныхъ державъ сходятся въ томъ, чтобы усилить ихъ значеніе въ Средиземномъ морѣ на счетъ Англій, то свободный доступъ Россіи въ это море не встрѣчаетъ

со стороны континентальных державъ препятствій. Франція, какъ союзница Россіи и по преимуществу держава средиземно-морская, должна быть больше другихъ заинтересована въ такомъ результатѣ.

«4) Для фактическаго и самостоятельнаго открытія себѣ проливовъ Россія сама избираетъ удобные для себя способъ и время.

«Путемъ континентальнаго соглашенія Россія создаетъ себѣ могучій рычагъ, который она можетъ прилагать на Западъ, чтобы облегчить себѣ исключительно трудную работу на Дальнемъ Востоцѣ, при рѣшеніи назрѣвающаго вопроса о судьбахъ Китайской имперіи».

XLII.

Въ то время, какъ Безобразовымъ и другими сторонниками активной политики въ Корей дѣлались описанные выше «подготовительные шаги къ рѣшенію корейскаго вопроса»,—манчжурскій вопросъ, рѣшенный сепаратнымъ соглашеніемъ между Россіей и Китаемъ отъ 26-го марта 1902 года въ смыслѣ постепеннаго вывода нашихъ войскъ изъ Манчжуріи, началъ серьезно осложняться.

По условіямъ сепаратнаго соглашенія, русскія войска должны были 26-го сентября 1902 года эвакуировать юго-западную часть Мукденской провинціи. Обязательство это было нами въ точности выполнено, причемъ китайцамъ были возвращены и желѣзнодорожныя линіи Шанхай-гуань, Инкоу и Синь-минь-тинъ, временно занятыя русскими войсками. На китайцевъ такая аккуратность съ нашей стороны произвела-весьма благопріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что они были заблаговременно подготовлены нашими недоброжелателями въ Пекинѣ къ вѣроятной проволочкѣ съ нашей стороны. Англичане положительно не хотѣли вѣрить извѣстію, что мы дѣйствительно передаемъ китайцамъ названныя желѣзнодорожныя линіи, и когда сановникъ Юань-ши-кай заявилъ объ этомъ англійскому генералу, командовавшему отрядомъ въ Тянь-цзинѣ, послѣдній не могъ скрыть своего удивленія и досады, такъ какъ для англичанъ было выгодно, чтобы мы не исполнили своего обязательства, что дало бы имъ возможность поддержать еще нѣкоторое время въ своихъ рукахъ желѣзную дорогу Пекинъ—Тянь-цзинъ и Шанхай-гуань, а затѣмъ составить противъ насъ коалицію въ защиту обиженнаго нами Китая.

Вторымъ срокомъ для эвакуаціи, по условіямъ сепаратнаго соглашенія, было назначено 26-го марта 1903 года. Къ этому сроку русское правительство обязалось вывести свои войска изъ остальныхъ частей Мукденской и всей Гиринской провинціи. Наконецъ, срокомъ окончательной эвакуаціи, когда русское правительство должно было вывести свои войска и изъ Цицикарской провинціи, было назначено 26-го сентября 1903 года.

Между тѣмъ еще въ 1902 году у насъ начали высказывать мнѣніе, что точное исполненіе взятаго на себя Россіей обязательства очистить Манчжурію будетъ имѣть результатомъ утрату вліянія, пріобрѣтеннаго ею благодаря оккупациі этой области, причѣмъ на смѣну русскому вліянію въ Манчжуріи упрочится вліяніе нашихъ соперниковъ на Дальнемъ Востокѣ. Крайніе сторонники этого мнѣнія признавали необходимость, чтобы Россія не только не очищала Манчжуріи, а, напротивъ, укрѣпилась въ ней и въ особенности въ ея южной части. Болѣе же умѣренные находили, что предварительно выполненія эвакуаціи необходимо получить отъ китайскаго правительства нѣкоторыя обязательства, которыя гарантировали бы намъ, что послѣ ухода нашихъ войскъ интересы Россіи въ пограничныхъ съ нею областяхъ Китая не будутъ нарушены ни Китаемъ, ни другими государствами. Такъ, для обезпеченія безопасности плаванія по Амуру военное министерство признавало необходимымъ оставить за нами на правомъ берегу этой рѣки нѣсколько пунктовъ съ окрестной трехверстной полосой, и осуществленіе этого предположенія было рѣшено лѣтомъ 1902 года. Военное же министерство настаивало на необходимости добиться остановки предпринятаго китайскимъ правительствомъ заселенія китайцами Сѣверной Манчжуріи и въ особенности смежныхъ съ Китайской Восточной желѣзной дорогой мѣстностей, а также и сохраненія существующаго земельного строя Монголіи, который китайское правительство, по полученнымъ свѣдѣніямъ, предполагало измѣнить, главнымъ образомъ, съ фискальной цѣлью. Кромѣ того, указывалось на необходимость добиться отъ китайскаго правительства обязательства ни подъ какимъ видомъ не передавать какой-либо другой державѣ эвакуированныхъ Россіей мѣстностей Манчжуріи, не открывать въ Манчжуріи городовъ для иностранной торговли и вообще не допускать въ пограничныхъ съ Россіею областяхъ иностранныхъ подданныхъ къ какому-либо участію въ дѣлахъ администраціи.

Точно также и на мѣстѣ, въ Манчжуріи, въ глазахъ нѣкоторыхъ высшихъ представителей русской власти вопросъ объ эвакуаціи Манчжуріи считался все еще не окончательно рѣшеннымъ. Въ этомъ имѣлъ возможность убѣдиться министръ финансовъ во время поѣздки своей въ названную странѣ въ концѣ 1902 года, на что онъ и указывалъ подробно въ выше изложенной запискѣ,

составленной по возвращеніи въ Петербургъ. Въ запискѣ этой С. Ю. Витте высказался за точное выполненіе русскимъ правительствомъ принятыхъ имъ на себя, по соглашенію съ Китаемъ, обязательствъ относительно эвакуаціи Манчжуріи, точно также министръ финансовъ категорично настаивалъ на этомъ и въ отзывѣ своемъ отъ 28-го декабря 1902 года министру иностранныхъ дѣлъ, по поводу противоположнаго мнѣнія, высказаннаго нашими представителями въ Токио и въ Сеулѣ въ представленныхъ ими запискахъ. Авторы записокъ находили желательнымъ оставить въ Манчжуріи русскія войска, вопреки формальному обязательству Россіи, вслѣдствіе натянутыхъ отношеній между Россіей и Японіей и неизбежности для насъ вторично занять Манчжурію послѣ ея эвакуаціи, въ виду несомнѣннаго возникновенія здѣсь безпорядковъ, лишь только будутъ выведены наши войска. При этомъ повѣренный въ Сеулѣ (Павловъ) обращалъ, однако, вниманіе на необходимость выбора подходящаго повода, который оправдывалъ бы подобный шагъ въ глазахъ иностранныхъ державъ и побудилъ бы ихъ примириться съ нимъ. Возможность вполне удовлетворительной съ этой стороны постановки дѣла онъ усматривалъ во второй статьѣ самаго соглашения объ эвакуаціи Манчжуріи, по которой русское правительство обязалось вывести свои войска изъ предѣловъ названной страны только въ томъ случаѣ, если тамъ не возникнетъ смутъ, и если тому не воспрепятствуетъ образъ дѣйствій другихъ державъ. Особенно растяжимый смыслъ второго изъ этихъ условій давалъ намъ возможность толковать съ нѣкоторою натяжкою едва ли не всякій имѣющій отношеніе къ Манчжуріи или сѣверному Китаю шагъ любой изъ иностранныхъ державъ, какъ наносящій ущербъ нашимъ законнымъ интересамъ, и выставить его какъ формальный предлогъ для того, чтобы взять обратно свое обращеніе эвакуировать Манчжурію.

Министръ финансовъ, съ своей стороны, вновь подробно изложилъ уже заранѣе высказывавшіяся имъ соображенія, въ силу которыхъ онъ не можетъ считать выводъ нашихъ регулярныхъ войскъ изъ Манчжуріи мѣрою сколько-нибудь опасною какъ для Китайской Восточной желѣзной дороги, такъ и вообще для стратегическаго положенія Россіи на Дальнемъ Востока. вмѣстѣ съ тѣмъ С. Ю. Витте замѣтилъ, что онъ не беретя судить о томъ, насколько образъ дѣйствій, рекомендуемый нашимъ повѣреннымъ въ Сеулѣ для избѣжанія недоразумѣній съ иностранными державами, будетъ соответствовать достоинству и величію Россіи, но что во всякомъ случаѣ, по его мнѣнію, весьма сомнительно, чтобы намъ удалось ссылкой на подобный искусственно созданный поводъ оправдать нарушеніе договора въ глазахъ иностранныхъ державъ. Въ частности, въ случаѣ нашей ссылки на продолжающіеся въ Манчжуріи безпорядки, иностранныя правительства могутъ заявить, что доля отвѣтственности за прекращеніе безпорядковъ падаетъ на насъ

же самихъ, такъ какъ мы не дали китайскимъ властямъ необходимой силы для поддержанія порядка въ странѣ и своимъ вмѣшательствомъ въ распоряженія этихъ властей подорвали ихъ авторитетъ въ глазахъ населенія.

Въ январѣ 1903 года, пользуясь присутствіемъ въ Петербургѣ представителей Россіи въ Китаѣ—Лессара, Японіи—Розена и Кореѣ—Павлова, министръ иностранныхъ дѣлъ собралъ совѣщаніе изъ названныхъ лицъ и нѣкоторыхъ чиновъ министерства иностранныхъ дѣлъ для обсужденія вопроса объ эвакуаціи Манчжуріи въ связи съ политическими задачами Россіи въ Японіи и Кореѣ. Совѣщаніе это, состоявшееся 11-го января, единогласно пришло къ заключенію, что вопросъ этотъ безусловно долженъ быть разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, и что окончательное удаленіе нашихъ войскъ изъ названной страны могло бы быть лишь временно задержано до полученія отъ китайскаго правительства необходимыхъ гарантій въ томъ, что послѣ ухода русскихъ отрядовъ законные интересы Россіи въ Манчжуріи не будутъ нарушены ни правительствомъ богдыхана, ни другими государствами.

Постановленіе это было сдѣлано совѣщаніемъ согласно соображеніямъ, высказаннымъ посланникомъ въ Пекинѣ Лессаромъ. Послѣдній находилъ, что дальнѣйшая окупація Манчжуріи не вызывается обстоятельствами: она не оправдывается ни образомъ дѣйствій Китая и другихъ державъ, ни непосредственными интересами Россіи. Лессаръ высказывалъ увѣренность, что съ уходомъ нашихъ войскъ изъ Манчжуріи китайцы сумѣютъ поддержать порядокъ такъ же, какъ они поддерживали его до событій 1900 года. При существующемъ же положеніи китайскія власти фактически лишены этой возможности. Продолженіе занятія нашими войсками, несомнѣнно, должно будетъ вызвать волненія въ населеніи и крайне обостренныя отношенія къ китайскимъ властямъ, что заставитъ насъ совершенно отстранить послѣднія отъ управленія краемъ, въ полномъ объемѣ замѣнивъ китайскую администрацію русскою. Лессаръ указывалъ при этомъ, что если устройство небольшой Квантунской области потребовало многихъ десятковъ милліоновъ, то каковы же окажутся матеріальныя жертвы, если вопросъ коснется трехъ обширныхъ провинцій Манчжуріи. Признавая совершенно необходимымъ обезпечить безопасность проведенной нами черезъ Манчжурію желѣзной дороги, Лессаръ находилъ, что цѣль эта можетъ быть достигнута сохраненіемъ на полосѣ отчужденія дороги охранной стражи, численность которой можетъ быть увеличена по нашему желанію, безъ особаго по этому предмету соглашенія съ китайскимъ правительствомъ. Если бы охрана, обезпечиваемая заамурскимъ округомъ пограничной стражи, оказалась недостаточной, то войска пограничной стражи могли бы быть усилены или замѣнены обыкновенными войсковыми частями, также

безъ какого-либо соглашенія по этому предмету съ китайскимъ правительствомъ. Принимая, однако, во вниманіе образъ дѣйствій Англіи, а также признаки недовѣрія, выказываемаго намъ со стороны Китая и выразившагося въ нѣкоторыхъ мѣропріятіяхъ китайскаго правительства по отношенію къ Манчжуріи, Лессаръ признавалъ необходимымъ заручиться со стороны Китая, предварительно очищенія Манчжуріи, нѣкоторыми формальными гарантіями, которыя обезпечивали бы наши интересы въ странѣ.

Совѣщаніе присоединилось къ мнѣнію Лессара о необходимости предъявить Китаю требованіе объ этихъ гарантіяхъ (т. е. окончательныхъ условіяхъ эвакуаціи Манчжуріи). Но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣщаніе признало полезнымъ раздѣлить желательныя намъ условія, проектъ перечня которыхъ былъ представленъ совѣщанію Лессаромъ, на двѣ очереди, съ тѣмъ, чтобы требованія, отнесенныя къ первой очереди, были предъявлены Китаю немедленно, а прочія—впослѣдствіи, предъ наступленіемъ срока эвакуаціи наиболѣе сѣверной изъ манчжурскихъ провинцій (26-го сентября 1903 г.). При этомъ въ первую очередь были включены требованія относительно сохраненія китайскимъ правительствомъ существующаго административнаго строя Монголіи, неотчуждаемости мѣстностей, имѣющихъ быть очищенными нашими войсками, и устраненія въ пограничныхъ съ Россіею областяхъ Китая вліянія иностранцевъ; во вторую очередь—вымогались требованія объ обезпеченіи безопасности плаванія по Амуру и воспрещеніи заселять китайцами мѣстности вдоль линіи Китайской Восточной желѣзной дороги. Относительно прочихъ намѣченныхъ Лессаромъ мелкихъ вопросовъ совѣщаніе признало необходимымъ, предварительно принятія какого-либо рѣшенія, войти въ соглашеніе съ подлежащими вѣдомствами и мѣстными начальствами.

По выработкѣ, затѣмъ, Лессаромъ проекта инструкцій, въ которыхъ предположено было дать нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Пекинѣ всѣ необходимыя указанія для предстоявшихъ ему съ китайскимъ правительствомъ переговоровъ по вопросу объ окончательныхъ условіяхъ эвакуаціи Манчжуріи, проектъ этотъ 25-го января былъ рассмотрѣнъ особымъ совѣщаніемъ изъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и военнаго и управляющаго морскимъ министерствомъ. Кромѣ этихъ лицъ, къ участію въ трудахъ совѣщанія были привлечены также и представители Россіи въ Китаѣ, Корей и Японіи и нѣкоторые изъ высшихъ чиновъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

По предложенію министра иностранныхъ дѣлъ совѣщаніе обсудило внесенный на его рассмотрѣніе проектъ инструкцій по соображенію съ общимъ политическимъ положеніемъ на Дальнемъ Востокѣ.

Министръ финансовъ заявилъ, что онъ, съ своей стороны, не

встрѣчаетъ особыхъ возраженій по существу предположенныхъ инструкцій, но считаетъ необходимымъ указать на желательность исключить изъ нихъ требованіе объ ограниченіи Китаемъ колонизаціи Манчжуріи и Монголіи. С. Ю. Витте указалъ на крайнюю затруднительность для насъ слѣдить за исполненіемъ Китаемъ обязательствъ, которыя онъ могъ бы взять на себя въ этомъ отношеніи, а также на стихійный характеръ переселенческаго передвиженія китайцевъ съ юга на сѣверъ и затруднительность вслѣдствіе этого положить такому движенію какія-либо искусственныя преграды. Въ виду этого министръ финансовъ полагалъ болѣе осторожнымъ при переговорахъ съ китайскимъ правительствомъ пока вовсе не касаться вопроса о воспрещеніи заселять Манчжурію и монгольскія земли природными китайцами.

По этому же вопросу посланникъ въ Пекинѣ Лессаръ высказалъ, что ограниченіе правъ Китая заселять Манчжурію можетъ дѣйствительно вызвать непреодолимые затрудненія, и самое большее, чего можно было бы добиться,—это ограниченія заселенія полосы, прилегающей къ желѣзной дорогѣ. Если же задаваться цѣлью совершенно прекратить переселеніе китайцевъ въ сѣверную Манчжурію, то этого можно было бы достигнуть лишь путемъ присоединенія этого края къ Россіи, при чемъ, въ виду невозможности появленія здѣсь въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ русской колонизаціи, земли эти пустовали бы, чѣмъ мы сильно возбудили бы противъ себя мѣстное населеніе.

Со взглядами, высказанными министромъ финансовъ и Лессаромъ, не согласился военный министръ. Признавая за китайскимъ переселеніемъ въ Манчжурію стихійный характеръ, генераль Куропаткинъ находилъ, что именно это обстоятельство и должно побуждать насъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, дабы предотвратить неблагопріятныя для насъ въ будущемъ послѣдствія этого переселенческаго движенія. Онъ полагалъ, что, при отсутствіи препятствій съ нашей стороны, весьма легко можетъ случиться, что въ самомъ непродолжительномъ времени наиболѣе важные пункты въ Сѣверной Манчжуріи окажутся въ китайскихъ рукахъ, и мы потеряемъ, такимъ образомъ, всѣ выгоды, которыя представляетъ для насъ проведеніе манчжурской магистрали. Поэтому намъ надлежитъ добиться пріостановки заселенія Манчжуріи китайцами и вмѣстѣ съ тѣмъ приступить къ устройству русскихъ поселеній въ прилегающихъ къ желѣзной дорогѣ мѣстностяхъ, по крайней мѣрѣ на разстояніи пятнадцати верстъ въ обѣ отъ нея стороны.

Переходя къ изложенію своихъ соображеній относительно общихъ цѣлей, которыя Россія должна преслѣдовать въ вопросѣ о Манчжуріи, военный министръ высказалъ, что онъ не можетъ смотрѣть на Манчжурію иначе, какъ на край, который въ извѣстной своей части долженъ со временемъ стать достояніемъ Россіи. Эта

основная точка зрѣнія вынуждаетъ считать безусловно необходимымъ добиться того, чтобы магистральная линія Китайской Восточной желѣзной дороги, соединяющая Забайкалье съ Приморской областью, находилась всецѣло въ нашихъ рукахъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, въ цѣляхъ стратегическихъ военное министерство вынуждено было бы предъявить требованіе о проведеніи въ самомъ скорѣйшемъ времени желѣзнодорожной линіи по Амуру. Равнымъ образомъ, весьма важное стратегическое значеніе имѣютъ сообщенія по рѣкѣ Сунгари и по сухому пути между Цицикаромъ и Благовѣщенскомъ. Но полная обезпеченность въ военномъ отношеніи этихъ путей сообщенія можетъ быть достигнута лишь въ томъ случаѣ, если мѣстности, прилегающія къ нимъ, будутъ вполнѣ въ рукахъ Россіи. Поэтому военный министръ признавалъ безусловно необходимымъ подчинить Россіи всю Хэй-лунь-цзянскую и часть Гиринской провинціи до условной линіи, проведенной отъ слиянія рѣкъ Сунгари и Нонни до устья рѣки Тумэнь—или въ видѣ составной части имперіи, или же какъ полунезависимое владѣніе, наподобіе Бухары. Съ той же точки зрѣнія военный министръ находилъ, что русскому правительству также не слѣдовало бы соглашаться на возвращеніе Китаю города Хунь-чунь, расположеннаго въ узлѣ границъ Россіи, Китая и Кореи и могущаго служить въ рукахъ китайцевъ постоянною угрозою для Южно-Уссурийскаго края.

Если бы, однако, не взирая на изложенныя соображенія, все-таки рѣшено было очистить Манчжурію, то во всякомъ случаѣ, по мнѣнію военнаго министра, намъ надлежало бы не спѣшить съ эвакуаціей, ограничившись очищеніемъ къ ближайшему установленному сепаратнымъ соглашеніемъ сроку (26-го марта 1903 г.) лишь Мукденской провинціи, приступивъ затѣмъ къ очищенію южной части Гиринской провинціи съ такимъ расчетомъ, чтобы выводимыя войска могли прибыть въ Пріамурскій край лѣтомъ 1903 года. Что касается сѣверной части Гиринской провинціи и всей Хэй-лунь-цзянской провинціи, то въ нихъ слѣдовало бы сохранить наши войска до выясненія результатовъ очищенія юга, не предрѣшая времени ихъ эвакуаціи; для охраны же здѣсь путей сообщенія—оставить и послѣ окончательной эвакуаціи Манчжуріи наши военныя части не только вдоль магистрали Китайской Восточной желѣзной дороги, но и по берегамъ Амура и Сунгари. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, военный министръ полагалъ необходимымъ ввести въ проектъ инструкцій, которыми предполагалось снабдить повѣреннаго въ дѣлахъ въ Пекинѣ, слѣдующія двѣ поправки: 1) исключить изъ проекта упоминаніе о сохраненіи въ силѣ второго срока эвакуаціи—26-го марта 1903 г. и 2) включить въ число прочихъ намѣченныхъ въ проектѣ условій эвакуаціи требованіе о томъ, чтобы и послѣ окончательной эвакуаціи Сѣверной Манчжуріи русское правительство могло имѣть на линіи Китайской Восточной желѣзной дороги и по

Амуру и Сунгари нѣкоторое количество своихъ регулярныхъ войскъ.

По поводу соображеній, высказанныхъ военнымъ министромъ, министръ финансовъ замѣтилъ, что, по его глубокому убѣжденію, на занятіе Россіей Сѣверной Манчжуріи другія иностранныя державы добровольно не согласятся, и что всякою мѣрою, принятою нами въ этомъ направленіи, мы создадимъ себѣ на долгіе годы врага въ нашемъ сосѣдѣ Китаѣ, не обезпечивъ въ то же время и своего положенія въ Манчжуріи—въ виду неизбежныхъ смуть, къ которымъ приведетъ такая политика. Упроченіе могущества Россіи на Дальнемъ Востокѣ находится въ ближайшей зависимости отъ спокойнаго и послѣдовательнаго теченія событій, возможнаго только при правильномъ отношеніи нашемъ къ своимъ собственнымъ обязательствамъ. Въ частности учрежденіе надъ Сѣверной Манчжуріей протектората, наподобіе дѣйствующаго въ Бухарѣ, едва ли осуществимо и по другому соображенію. Бухарское ханство было всегда самостоятельнымъ и, какъ таковое, могло, не встрѣчая ниоткуда поддержки, всецѣло отдаться подъ покровительство могущественной сосѣдней державы. Манчжурія же, являясь провинціей Китая, находится въ полной зависимости отъ центрального китайскаго правительства, придающаго ей къ тому же весьма большую цѣну, и не можетъ быть выдѣлена въ отдѣльную единицу безъ самаго упорнаго противодѣйствія со стороны китайскаго правительства. Затрудняясь, при такомъ положеніи, согласиться съ основнымъ взглядомъ военнаго министра о желательности присоединенія Сѣверной Манчжуріи, С. Ю. Витте находилъ, однако, необходимымъ, во вниманіе къ соображеніямъ военнаго характера, согласиться съ мнѣніемъ генерала Куропаткина объ учрежденіи военныхъ постовъ на линіи Китайской Восточной желѣзной дороги и по рѣкамъ Амуру и Сунгари.

Министръ иностранныхъ дѣлъ высказалъ, что предположеніе генерала Куропаткина о сохраненіи за нами Сѣверной Манчжуріи представляется въ данное время трудно осуществимымъ, ибо, возбуждая противъ насъ китайцевъ, такая политика вызвала бы въ то же время и сильное противодѣйствіе со стороны Японіи, съ которой при такихъ условіяхъ Россіи было бы весьма трудно установить столь желательныя намъ правильныя и спокойныя отношенія.

Посланникъ въ Пекинѣ, съ своей стороны, заявилъ, что переговоры наши съ Китаемъ были бы крайне затруднены въ случаѣ включенія въ программу нашихъ требованій условія о присоединеніи къ Россіи, въ той или другой формѣ, Сѣверной Манчжуріи. Рѣшивъ эвакуировать Манчжурію и заявивъ объ этомъ китайцамъ, мы могли бы многого добиться отъ нихъ, въ смыслѣ обезпеченія нашихъ интересовъ въ сѣверномъ Китаѣ вообще и въ Манчжуріи въ частности. При отсутствіи же опредѣленнаго плана дѣйствій и

неизбѣжныхъ вслѣдствіе этого недомолвокъ, рассчитывать на уступки Китая нельзя, и правительство богдыхана едва ли добровольно согласится на что бы то ни было. Въ виду этого Лессаръ настаивалъ на необходимости исполнить принятыя нами на себя обязательства и заявить Китаю о рѣшеніи нашемъ эвакуировать Манчжурію, при условіи исполненія китайцами нашихъ требованій о гарантіяхъ.

Совѣщаніе утвердило проектъ инструкцій нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Пекинѣ съ упомянутыми выше поправками, предложенными военнымъ министромъ. Какъ и на совѣщаніи 11-го января, гарантіи, которыя предполагалось потребовать отъ китайскаго правительства, были раздѣлены на двѣ категоріи, причемъ къ первой очереди были отнесены слѣдующія требованія:

1. Эвакуированныя нами мѣстности, особенно Инкоу и земли по Ляохэ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть, подъ какимъ бы то ни было видомъ—уступки, аренды и пр., переданы какой бы то ни было державѣ.

2. Китайское правительство не принимаетъ рѣшеній объ открытіи для иностранной торговли новыхъ пунктовъ и о допущеніи въ нихъ консуловъ, безъ предварительныхъ сношеній съ императорскимъ правительствомъ.

3. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Китай прибѣгнетъ къ приглашенію иностранцевъ для завѣдыванія какими-либо отдѣлами въ своей администраціи, онъ обязуется изъ такихъ отдѣловъ выдѣлить дѣла сѣвернаго Китая, гдѣ наши интересы безспорно преобладаютъ, въ совершенно особый съ опредѣленною дѣятельностью департаментъ, и завѣдываніе имъ поручить русскимъ.

4. Всѣ права, пріобрѣтенныя въ Манчжуріи русскими подданными или учрежденіями во время оккупации, остаются въ полной силѣ послѣ ухода войскъ. Сверхъ того, на обязанности Россіи лежитъ забота о сохраненіи здоровья и жизни многочисленныхъ обитателей тѣхъ мѣстъ, по которымъ проходитъ желѣзная дорога.

5. Россія сохраняетъ въ своемъ завѣдываніи для военныхъ надобностей существующую нынѣ телеграфную линію Артуръ—Мукденъ—Инкоу на все то время, пока существуетъ Пекинѣ—Инкоуская линія.

6. Въ Инкоу долженъ быть сохраненъ заведенный русскою администраціею образцовый порядокъ и учреждена санитарная комиссія изъ всѣхъ консуловъ, таможеннаго комиссара, врача и представителя общества Китайской Восточной желѣзной дороги, подъ предсѣдательствомъ даотая. На должности таможеннаго комиссара и врача въ этомъ портѣ должны назначаться русскіе подданные.

7. Послѣ передачи Инкоу Русско-Китайскій банкъ будетъ продолжать, какъ нынѣ, исполнять обязанности таможеннаго банка сего порта.

8. Нынѣ существующій въ Монголіи строй не будетъ нарушенъ.

Во вторую очередь предположено было предъявить китайскому правительству слѣдующія условія:

1. О сохраненіи на линіи Китайской Восточной желѣзной дороги и по рѣкѣ Амуру и Сунгари извѣстнаго количества войскъ.

2. Объ ограниченіи заселенія китайцами мѣстностей вдоль линіи Китайской Восточной желѣзной дороги.

Необходимо замѣтить, что ни въ этомъ совѣщаніи, ни совѣщаніи 11-го января ни слова не было упомянуто о тѣхъ манчжурскихъ и корейскихъ предпріятіяхъ, представителемъ которыхъ являлся Безобразовъ, и о томъ, какъ возможно было бы примирить развитіе этихъ предпріятій съ постановленіями, на которыхъ остановились члены совѣщанія по вопросамъ русской политики на Дальнемъ Востокѣ. Объясняется это тѣмъ, что хотя во то время означенныя предпріятія уже занимали видное мѣсто въ ряду активныхъ факторовъ русской политики на Дальнемъ Востокѣ, однако министрамъ о нихъ было извѣстно лишь частнымъ образомъ по слухамъ и отрывочнымъ свѣдѣніямъ. При такихъ условіяхъ, очевидно, значеніе этихъ предпріятій не могло быть принимаемо во вниманіе въ соображеніяхъ министровъ.

Передъ закрытіемъ совѣщанія было заявлено, что пребывающій въ Петербургѣ китайскій посланникъ уже обращался съ запросомъ касательно предполагаемаго срока очищенія нами города Инкоу. Согласно условіямъ сепаратнаго соглашенія, выводъ русскихъ войскъ изъ города Инкоу, какъ расположеннаго на восточномъ берегу рѣки Ляохэ, долженъ былъ состояться 26-го марта 1903 года. Гражданскую же администрацію этого города, согласно переданной китайскому правительству нотѣ, Россія обязалась передать китайцамъ не ранѣе удаленія изъ него иностранныхъ отрядовъ и десанта и возвращенія китайцамъ иностранцами города Тянь-цзиня. Возвращеніе китайской администраціи Тянь-цзиня состоялось еще 2-го августа 1902 года.

На запросъ китайскаго посланника рѣшено было отвѣтить, что портъ этотъ будетъ очищенъ нами немедленно по принятіи Китаемъ трехъ первыхъ требованій, изложенныхъ въ инструкціяхъ нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Пекинѣ.

Такимъ образомъ, вопросъ объ эвакуаціи Манчжуріи и о предъявленіи Китаю по этому предмету требованій о дополнительныхъ гарантіяхъ совѣщаніемъ 25-го января былъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. И дѣйствительно, повѣренному въ дѣлахъ въ Пекинѣ поручено было представить китайскому правительству выработанныя окончательныя условія эвакуаціи Манчжуріи и одновременно заявить этому правительству, что, какъ только отъ имени богдыхана будетъ выражено согласіе на исполненіе предъявляемыхъ условій, русскія войска будутъ выведены изъ Мукденской провин-

ціи и изъ города Гириня, и гражданское управленіе въ Инкоу будетъ передано китайскимъ властямъ. Первоначально предполагалось обѣщать китайскому правительству вывести, по исполненіи Китаемъ нашихъ требованій, войска изъ Мукденской и всей Гиринской провинцій, но вслѣдствіе настояній военнаго министра пришлось отказаться отъ этого предположенія.

Съ приближеніемъ установленнаго сепаратнымъ соглашеніемъ срока очищенія нами Мукденской и Гиринской провинцій (26-го марта) нашъ повѣренный по дѣламъ въ Пекинѣ сдѣлалъ китайскому правительству заявленіе согласно вышеизложеннымъ заявленіямъ, сдѣланнымъ на совѣщаніи.

На это китайцы, сначала частнымъ образомъ, заявили повѣренному, что, по ихъ мнѣнію, со стороны Россіи незаконно предъявлять новыя требованія по эвакуаціи Манчжуріи, когда по этому вопросу уже состоялось соглашеніе. Затѣмъ (14-го апрѣля) они отвѣтили офиціально пространнымъ сообщеніемъ, весьма неопредѣленнымъ, уклончивымъ и переполненнымъ увѣреніями дружбы, но не содержащимъ въ себѣ прямыхъ отвѣтовъ на поставленныя требованія. Въ то же время они, очевидно, передали о нашихъ требованіяхъ представителямъ прочихъ державъ въ Пекинѣ, стараясь заручиться ихъ поддержкой. И дѣйствительно, вскорѣ же послѣ того правительства Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и Англіи обратились къ русскому правительству съ запросомъ по этому предмету.

Чтобы успокоить эти опасенія, правительствамъ названныхъ странъ было заявлено, что русское правительство вовсе не ставитъ Китаю какихъ-либо новыхъ условій эвакуаціи, которая идетъ своимъ порядкомъ, а озабочено лишь тѣмъ, чтобы интересы Россіи въ Манчжуріи не пострадали по уходѣ изъ этой области русскихъ войскъ, и что въ этихъ видахъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ вступилъ въ переговоры съ китайскимъ правительствомъ о томъ, чтобы оно дало намъ нѣкоторыя гарантіи въ исполненіи уже принятыхъ имъ на себя предъ Россіей обязательствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было признано необходимымъ нѣсколько измѣнить предъявленныя нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ требованія, причемъ продолженіе переговоровъ о послѣднихъ было возложено на посланника, возвратившагося тогда изъ Петербурга въ Пекинѣ. А именно, было рѣшено не связывать дѣла эвакуаціи Манчжуріи съ вопросомъ о сохраненіи существующаго административнаго и поземельнаго строя Монголіи и отказаться отъ требованій, чтобы иностранные консулы были допускаемы китайскимъ правительствомъ въ Манчжуріи лишь по предварительномъ сношеніи съ русскимъ правительствомъ, и чтобы Русско-Китайскому банку были предоставлены права китайскаго таможеннаго банка. Кромѣ того, было признано цѣлесообразнымъ при предъявленіи требованій совершенно обойти молчаніемъ установленіе новыхъ сроковъ эвакуаціи.

Однако китайское правительство отказалось согласиться на предложенія Россіи и въ этомъ, измѣненномъ видѣ, и такимъ образомъ казалось, что манчжурскому вопросу вновь суждено оставаться въ неопредѣленномъ положеніи.

XLIII.

Въ виду направленія, которое получилъ въ началѣ 1903 года вопросъ объ эвакуаціи Манчжуріи, было признано, что вопросъ объ устройствѣ заслона въ бассейнѣ Ялуцзяна приобретаетъ особую важность—въ смыслѣ установленія преграды, предотвращающей столкновение съ Японіей, а въ случаѣ столкновения—затрудняющей соединенное нападеніе японцевъ и китайцевъ на Китайскую Восточную желѣзную дорогу. Поэтому признано было необходимымъ немедленно приступить къ организаціи общества, которое проектировали инициаторы не состоявшейся Восточно-Азиатской промышленной компании, для использования его въ цѣляхъ устройства заслона манчжурскихъ и корейскихъ концессій. Въ этихъ видахъ, еще до возвращенія Безобразова изъ Портъ-Артура, состоялось обсужденіе связанныхъ съ этимъ проектомъ вопросовъ въ особомъ совѣщаніи, въ которомъ приняли участіе генераль-адмиралъ, министры внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, военный и иностранныхъ дѣлъ и адмиралъ Абаза.

Основаніемъ для сужденій совѣщанія, состоявшагося 26-го марта 1903 года, то есть за 8 мѣсяцевъ до войны, послужила внесенная въ него записка адмирала Абазы. Въ запискѣ этой адмиралъ Абаза сначала представилъ краткій историческій обзоръ дѣятельности инициаторовъ Восточно-Азиатской компании на Дальнемъ Востокѣ, при чемъ главнымъ образомъ указывалось на отношеніе къ этому дѣлу со стороны центральныхъ правительственныхъ сферъ въ Петербургѣ. По словамъ Абазы, связанныя съ предпріятіемъ предположенія не встрѣтили поддержки въ центральныхъ правительственныхъ органахъ, и, благодаря этому, были пропущены удобные моменты для полученія манчжурской лѣсной концессіи, права же на рудныя богатства въ Корей остаются не оформленными.

Далѣе записка останавливалась на важности существованія вдоль рѣки Ялуцзянъ «заслона», устройство котораго сдѣлалось особенно серьезнымъ дѣломъ послѣ пріобрѣтенія нами Портъ-Артура, такъ какъ позиція на Ялуцзянѣ могла бы угрожать флангу нашихъ сообщеній съ Портъ-Артуромъ. Слѣдствіемъ признанія такой важности дѣла явилось, по словамъ автора записки, командированіе въ концѣ 1902 года на Дальній Востокъ Безобразова. Далѣе записка указывала на весьма успѣшные результаты эксплуатаціи лѣсныхъ богатствъ на манчжурскомъ берегу Ялу, гдѣ, по словамъ адмирала Абазы, къ марту 1903 года было уже заготовлено болѣе

3.000.000 куб. футовъ лѣсного товара. Такое цѣнное имущество, по словамъ записки, естественно требовало охраны, для чего въ Фан-хуанченѣ и оставленъ казачій полкъ, который имѣетъ выступить изъ Манчжуріи въ случаѣ ея эвакуаціи въ послѣднюю очередь. Для эксплуатаціи манчжурскихъ и корейскихъ концессій авторомъ записки проектировалось учрежденіе особой русской компаніи, съ привлеченіемъ американскихъ и французскихъ капиталовъ, при чемъ высказывалось предположеніе, что при этомъ послѣднемъ условіи представители Америки и Франціи будутъ дѣйствовать совмѣстно съ нашими въ защиту своихъ единоплеменниковъ. Указывалось при этомъ, что баронъ Гинцбургъ уже вошелъ въ Корей въ сношеніе съ американскимъ капиталистомъ Хэнтомъ, эксплуатирующимъ рудныя богатства въ сѣверной Корей.

Новой компаніи предполагалось дать организацію наподобіе англійскихъ Chartered Companies, и, такъ какъ эта компанія должна была дѣйствовать преимущественно въ государственныхъ интересахъ, то во главѣ концессіи предполагалось поставить особаго статсъ-секретаря, облеченнаго довѣріемъ правительства.

Далѣе указывалось, что въ виду того значенія, которое приобрѣлъ вопросъ о реальномъ осуществленіи проекта объ устройствѣ «заслона» на границѣ Кореи и Манчжуріи, необходимо подвергнуть обсужденію въ данномъ совѣщаніи тѣ мѣры, которыя должны быть приняты въ этомъ направленіи, а именно:

1. По министерству иностранныхъ дѣлъ—мѣры къ скорѣйшему закрѣпленію и утвержденію въ Пекинѣ нашихъ концессіонныхъ правъ въ Манчжуріи и къ поддержанію въ Сеулѣ искательствъ барона Гинцбурга объ утвержденіи обѣщанныхъ императоромъ правъ на рудныя богатства.

2. По министерству финансовъ—мѣры къ выработкѣ устава общества и къ изысканію способовъ поставить его въ исключительно благопріятныя экономическія и финансовыя условія.

3. По министерству военному—мѣры для охраны этого новаго русскаго предпріятія въ Манчжуріи и въ Корей.

4. Кромѣ того, необходимо обсудить мѣры къ объединенію всѣхъ функций государственной власти на Востокѣ, дабы прекратить существующій печальный разладъ между представителями вѣдомствъ. Китайцы и японцы умѣютъ, по словамъ записки, пользоваться этимъ разладомъ, который и послужитъ причиною пропуска благопріятныхъ моментовъ для использованія нашихъ концессій въ Манчжуріи и Корей.

Заканчивалась записка указаніемъ на появленіе будто бы на берегахъ Ялуцзяна нѣсколькихъ тысячъ япоцевъ въ мѣстностяхъ, входящихъ въ составъ русской концессіи. Упоминалось также объ образованіи китайской компаніи для эксплуатаціи лѣсовъ на манчжурскомъ берегу Ялуцзяна. Въ этихъ мѣропріятіяхъ со стороны

японцевъ и китайцевъ авторъ записки усматривалъ прямое нарушеніе пріобрѣтенныхъ нами концессионныхъ правъ, высказывая при этомъ предположеніе, что всякая уступка съ нашей стороны будетъ разсматриваться, какъ отступленіе передъ силою, и тогда дерзкія выходки Японіи неминуемо усугубятся. Въ этихъ неправильныхъ, по словамъ автора записки, дѣйствіяхъ со стороны Японіи и Китая мы можемъ даже усматривать предлогъ въ необходимости пріостановить эвакуацію Манчжуріи. Такое заявленіе съ нашей стороны будетъ, по мнѣнію автора записки, вѣроятно, достаточнымъ, чтобы пекинское правительство стало сговорчивѣе въ дѣлѣ утвержденія нашихъ манчжурскихъ концессій, и чтобы Японія отозвала людей, посланныхъ ею, по словамъ записки, на берега Ялуцзяна.

По открытіи засѣданія, генераль-адмиралъ выразилъ сочувствіе дѣлу организаціи предпріятія, но съ условіемъ, чтобы ему былъ приданъ характеръ совершенно частнаго общества, чѣмъ, впрочемъ, не исключалась бы возможность для этого предпріятія производить операціи при содѣйствіи русскаго правительства.

Министръ финансовъ вкратцѣ изложилъ весь ходъ наступательнаго движенія Россіи въ Манчжурію, указавъ при этомъ, что благодаря занятію въ 1898 году Портъ-Артура, мы перенеслись сразу къ берегамъ Желтаго моря, къ самому центру жизни желтой расы. Съ тѣхъ поръ намъ пришлось пережить волненія 1900 года, хотя и благополучно закончившіяся, но оставившія по себѣ много не разрѣшенныхъ, жгучихъ вопросовъ. Урегулированіе этихъ вопросовъ и должно быть задачею русской политики на Дальнемъ Востокѣ въ теченіе ближайшихъ пяти-десяти лѣтъ. Россіи предстоитъ теперь крупныя задачи въ смыслѣ окончательнаго оборудованія Китайской Восточной желѣзной дороги, укрѣпленія Портъ-Артура и устроенія быта русскаго населенія въ предѣлахъ полосы отчужденія Китайской Восточной желѣзной дороги. Въ такое время намъ слѣдуетъ прежде всего заручиться добрыми отношеніями къ Китаю и Японіи и обезпечить себѣ довѣріе Америки и западно-европейскихъ державъ, изъ которыхъ многія съ безпокойствомъ смотрятъ на нашу дѣятельность на берегахъ Тихаго океана. Въ виду этого, по глубокому убѣжденію министра финансовъ, всякія предпріятія на Дальнемъ Востокѣ, преслѣдующія агрессивныя цѣли, хотя бы и скрытыя, въ особенности же предпріятія, проводимыя съ пренебреженіемъ къ чужимъ правамъ и не основанныя на почвѣ мирныхъ соглашеній, а на правѣ сильнаго, могутъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія для Россіи.

Если бы, тѣмъ не менѣе, было рѣшено образовать общество для эксплуатаціи лѣсныхъ богатствъ на берегахъ Ялуцзяна, то такому обществу необходимо было бы придать исключительно коммерческій характеръ, операціи его должны были бы производиться совер-

шенно закономѣрно и вестись людьми, свѣдущими въ торговыхъ дѣлахъ. Привлеченіе къ дѣлу иностранныхъ капиталовъ представлялось бы, конечно, желательнымъ, какъ по отношенію къ этому, такъ и всякимъ другимъ предпріятіямъ въ Манчжуріи, такъ какъ заинтересованность различныхъ національностей въ русскихъ предпріятіяхъ въ Манчжуріи служила бы залогомъ единодушныхъ дѣйствій заинтересованныхъ государствъ для водворенія порядка въ случаѣ возникновенія волненій въ этой странѣ. Министръ финансовъ оговорился при этомъ, что привлеченіемъ къ дѣлу капиталистовъ какихъ-либо опредѣленныхъ національностей вовсе не обезпечивается оставленіе дѣла въ рукахъ именно избранныхъ національностей, такъ какъ акціи легко могутъ быть переуступаемы другимъ лицамъ. Для обезпеченія же въ дѣлѣ преобладающаго голоса за русскимъ правительствомъ окажется необходимымъ привлеченіе казенныхъ средствъ. Между тѣмъ, за послѣдніе годы русскимъ народомъ принесены для достиженія нашихъ государственныхъ задачъ на Дальнемъ Востокѣ слишкомъ громадныя жертвы, и потому необходимо съ особою осторожностью расходовать казенныя средства для какихъ-либо новыхъ предпріятій на Дальнемъ Востокѣ. Въ виду этого слѣдуетъ, по возможности, ограничить дѣятельность вновь учреждаемаго общества эксплоатаціей одной лишь лѣсной концессіи на Ялуцзянѣ и не связывать съ нимъ другихъ коммерческихъ предпріятій въ Манчжуріи, которыя должны вестись безъ всякихъ затратъ со стороны казны.

Министръ иностранныхъ дѣлъ, со своей стороны, счелъ долгомъ указать на малую юридическую обоснованность правъ на концессіи въ Манчжуріи и Корей, которыми обладаютъ инициаторы дѣла. Манчжурскіе агенты предпріятія дѣйствуютъ на основаніи краткосрочныхъ порубочныхъ свидѣтельствъ. Въ Корей же они основываютъ свои претензіи на малопонятномъ письмѣ корейскаго императора на имя російскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Сеулѣ, съ обѣщаніемъ впослѣдствіи пригласить повѣреннаго въ дѣлахъ для обсужденія контракта относительно золотыхъ пріисковъ. Во всякомъ случаѣ, предъявляемыя концессіонерами требованія встрѣчаютъ самые категорическіе протесты со стороны корейскаго и китайскаго правительствъ. Протесты эти вызваны, главнымъ образомъ несвоевременнымъ разглашеніемъ на мѣстѣ свѣдѣній о цѣляхъ, которыя преслѣдуются предпринимателями, и о чрезвычайныхъ средствахъ, которыми они располагаютъ. Эти свѣдѣнія утвердили японцевъ въ убѣжденіи, что наше предпріятіе на Ялу носитъ далеко не частный характеръ, а что за концессіонерами стоитъ русское правительство.

Министръ иностранныхъ дѣлъ оспаривалъ затѣмъ взглядъ, высказанный въ запискѣ адмирала Абазы, что угроза наша пріостановитъ эвакуацію Манчжуріи въ случаѣ отказа Китая утвердить

концессию на Ялуцзянѣ, сдѣлаетъ Китай и Японію болѣе уступчивыми. По мнѣнію графа Ламздорфа, отъ такого шага слѣдуетъ ожидать совершенно обратныхъ результатовъ, а именно противодѣйствія со стороны другихъ державъ и болѣе рѣшительныхъ мѣръ со стороны японцевъ.

По поводу замѣчаній министра иностранныхъ дѣлъ, адмиралъ Абаза разъяснилъ, что письмо корейскаго императора, на которое ссылается министръ иностранныхъ дѣлъ, касается рудныхъ богатствъ, лѣсная же концессія на лѣвомъ корейскомъ берегу Ялуцзяна обезпечена вполне достаточнымъ документомъ (концессию Бринера, продолженною до 31-го октября 1903 г.), и необходимо лишь немедленно же образовать общество для эксплуатаціи этой концессіи, дабы не истекъ ея срокъ.

Военный министръ въ самыхъ категорическихъ выраженіяхъ высказался за необходимость приданія предпріятію на Ялуцзянѣ совершенно частнаго характера и за неудобство привлеченія къ участію въ немъ военнаго элемента. Предлагаемое инициаторами дѣла привлеченіе къ участію въ артеляхъ рабочихъ для рубки лѣса военныхъ чиновъ, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ солдатъ, и размѣщеніе на границѣ Кореи, или даже на самой корейской территоріи, подъ тѣмъ или другимъ видомъ, русскихъ военныхъ отрядовъ—военный министръ признавалъ совершенно безцѣльнымъ въ смыслѣ военномъ и крайне опаснымъ въ смыслѣ возможности, вслѣдствіе этихъ мѣропріятій, разрыва съ Японіею. По этимъ соображеніямъ военный министръ признавалъ необходимымъ немедленно прикончить нашу активную дѣятельность на Ялуцзянѣ и хлопотать лишь объ юридическомъ оформленіи дѣла, и, во всякомъ случаѣ, безусловно устранить изъ этого предпріятія какое бы то ни было участіе военнаго элемента. Въ заключеніе генералъ Куропаткинъ заявилъ, что по приблизительному расчету стоимость войны съ Японіею, при продолжительности въ полтора года, составила бы 700—800 милліоновъ рублей и обойдется въ 35.000—50.000 жизней.

Къ мнѣнію военнаго министра присоединился генералъ-адмиралъ, заявившій, что предпріятію на Ялу слѣдуетъ придать исключительно коммерческой характеръ, не прибѣгая, при его осуществленіи, къ содѣйствію ни военнаго, ни морского вѣдомствъ, такъ какъ всякое участіе военнаго элемента не можетъ не привести къ весьма серьезнымъ политическимъ осложненіямъ.

По поводу всего высказаннаго министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве, со своей стороны, заявилъ, что, вполне присоединяясь къ соображеніямъ о необходимости бережливости въ государственныхъ расходахъ и выясненія юридическаго значенія концессій, выданнымъ китайскимъ и корейскимъ провительствами, а равно тяжести жертвъ, съ которыми будетъ сопряжена война на Дальнемъ

Востокѣ, онъ находитъ, однако, что не можетъ быть препятствій къ образованію общества для эксплуатаціи уже дѣйствительно полученныхъ или имѣющихъ быть полученными въ будущемъ концессій, а равно для принятія мѣръ къ объединенію дѣятельности учреждений, работающихъ на Дальнемъ Востокѣ, въ видахъ обезпеченія послѣдовательности въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей.

По вопросу о руководствѣ на мѣстѣ въ дѣлахъ, касающихся Дальняго Востока, и въ частности, въ будущей дѣятельности проектируемаго общества для эксплуатаціи лѣсовъ на берегахъ Ялуцзяна, военный министръ высказалъ, что руководство это, по его мнѣнію, должно было бы принадлежать высшему представителю власти на мѣстѣ въ лицѣ главнаго начальника Квантунской области.

Совѣщаніе признало, что война съ Японіей весьма нежелательна, и что намъ необходимо стараться водворить спокойствіе въ Манчжуріи. Поэтому общество, которое надлежитъ образовать на Ялуцзянѣ для эксплуатаціи лѣсовъ, должно быть основано на чисто коммерческихъ началахъ, и къ участію въ немъ, какъ преслѣдующемъ коммерческія цѣли, могутъ быть допущены иностранцы, въ особенности американцы, французы и бельгійцы. По тѣмъ же соображеніямъ отъ участія въ обществѣ должны быть устранены военные чины. Участіе казны въ затратахъ общества необходимо возможно ограничить и поэтому избѣгать присоединенія къ лѣсной концессіи на Ялуцзянѣ какихъ-либо другихъ предпріятій въ Манчжуріи и Корей; во всякомъ случаѣ на эти предпріятія казна не должна тратить деньги. Образуемому обществу, какъ всякому русскому дѣлу, всѣ правительственныя учрежденія и лица должны оказывать свое содѣйствіе, а общество должно подчиняться на мѣстѣ власти главнаго начальника Квантунской области, находясь подъ ближайшемъ его надзоромъ.

Согласно съ этимъ совѣщаніе постановило:

1. Поручить министерству иностранныхъ дѣлъ провѣрить силу и значеніе выданной корейскимъ правительствомъ концессіи, и если послѣдняя окажется недостаточно оформленною, то приложить возможныя старанія къ обезпеченію за этой концессіей вполне законной формальной силы.

2. Принять, при содѣйствіи министерствъ иностранныхъ дѣлъ и финансовъ, возможныя мѣры къ полученію отъ центральнаго китайскаго правительства въ Пекинѣ концессіи на разработку лѣсныхъ богатствъ на правомъ манчжурскомъ берегу рѣки Ялуцзянъ.

3. По вступленіи одной изъ этихъ концессій въ окончательную силу, образовать на основаніи ея, по русскимъ законамъ, акціонерное общество для разработки лѣсныхъ богатствъ по рѣкѣ Ялуцзянъ, и обществу этому передать и другую концессію, когда она будетъ окончательно оформлена. Вмѣнить обществу въ обязанность

строго руководствоваться существующими трактатами и другими соглашениями, заключенными Россіей съ Китаемъ и Кореею.

4. Допустить въ упомянутомъ акціонерномъ обществѣ участіе иностранныхъ капиталовъ, предпочтительно американскихъ, французскихъ и бельгійскихъ.

5. Въ акціонерномъ капиталѣ общества допустить участіе казны, но съ тѣмъ, чтобы послѣдняя не вовлекалась въ значительные расходы.

6. Ограничить дѣятельность общества разработкою лѣсныхъ богатствъ по рѣкѣ Ялуцзянъ.

7. Включить дѣятельность общества въ сферу служебнаго вліянія главнаго начальника Квантунской области.

Постановленіями этими опредѣленно устанавливался взглядъ официальныхъ руководителей нашей политики на ялуцзянское предпріятіе. Вопросъ о характерѣ дѣятельности новой компаніи разрѣшался вполнѣ опредѣленно, въ смыслѣ веденія дѣла на строго легальной почвѣ и съ сохраненіемъ за всеѣмъ предпріятіемъ исключительно коммерческаго характера.

Само собою разумѣется, что такая постановка вопроса никоимъ образомъ не могла удовлетворить инициаторовъ ялуцзянскаго предпріятія, такъ какъ при строгомъ соблюденіи постановленій совѣщанія 26-го марта 1903 года имъ пришлось бы на долгое время пріостановить свою дѣятельность или даже вполнѣ ликвидировать ее. Въ самомъ дѣлѣ, рассчитывать на вполнѣ легальное оформленіе лѣсной концессіи на берегу Ялуцзяна представлялось весьма затруднительнымъ—уже въ виду отрицательнаго отношенія, проявленнаго китайскими властями къ выдачѣ такой концессіи. Съ другой стороны, какъ ни блестяще обрисовывались инициаторами дѣла результаты лѣсныхъ операцій на Ялуцзянѣ, дѣловые люди относились къ этому начинанію, съ коммерческой точки зрѣнія, весьма скептически, и на привлеченіе къ дѣлу иностранныхъ капиталовъ рассчитывать было невозможно. Между тѣмъ отпущенные Безобразову 2.000.000 рублей таяли съ необыкновенною быстротою, и безъ дальнѣйшихъ пособій со стороны государственнаго казначейства продолжать дѣло въ теченіе сколько-нибудь продолжительнаго времени представлялось невозможнымъ. Такимъ образомъ, для сторонниковъ агрессивной политики на Ялу и вообще въ Манчжуріи представлялось настоятельно необходимымъ добиться пересмотра постановленій совѣщанія 26-го марта и дать этому дѣлу другое, болѣе благопріятное для ихъ видовъ направленіе.

Въ этомъ смыслѣ и направилъ свои старанія Безобразовъ въ началѣ апрѣля 1903 года, немедленно по возвращеніи своемъ изъ поѣздки на Дальній Востокъ. Онъ представилъ приведенныя выше свѣдѣнія о современномъ положеніи ялуцзянскаго предпріятія и о широкомъ развитіи, которое-де получило за послѣдніе мѣсяцы

это дѣло, сулившее, по увѣренію Безобразова, громадныя доходы. Вступленіе предпріятія въ такой новый фазисъ требовало, по мнѣнію инициатора дѣла, полного пересмотра тѣхъ принциповъ, которыми руководилось до сего времени правительство въ своихъ отношеніяхъ къ предпріятію.

Для обсужденія такого положенія дѣла было образовано новое совѣщаніе, состоявшееся 7-го мая 1903 г. Въ совѣщаніи этомъ участвовали тѣ же лица, что и въ совѣщаніи 26-го марта, кромѣ генералъ-адмирала и генерала Куропаткина, уѣхавшаго на Дальній Востокъ. вмѣсто Куропаткина на совѣщаніи присутствовалъ начальникъ главнаго штаба генералъ Сахаровъ. Кромѣ того, въ совѣщаніи присутствовалъ Безобразовъ, наканунѣ (6-го мая) пожалованный званіемъ статсъ-секретаря.

Въ виду представленныхъ министромъ иностранныхъ дѣлъ свѣдѣній о томъ, что выданная корейскимъ правительствомъ концессія на эксплуатацію лѣсовъ по лѣвому берегу Ялуцзяна уже надлежащимъ образомъ оформлена, совѣщаніемъ, прежде всего, рѣшено было, что въ порученіи, возложенномъ на министра иностранныхъ дѣлъ первымъ постановленіемъ совѣщанія 26-го марта (относительно провѣрки силы и значенія этой концессіи), никакой надобности не встрѣчается.

Второе постановленіе совѣщанія 26-го марта (о принятіи, при содѣйствіи министровъ иностранныхъ дѣлъ и финансовъ, возможныхъ мѣръ къ полученію отъ центрального китайскаго правительства концессіи на разработку лѣсовъ на правомъ манчжурскомъ берегу Ялуцзяна) вызвало продолжительныя пренія.

Безобразовъ указалъ на состоявшееся удачное, по его убѣжденію, соглашеніе интересовъ русскаго предпріятія съ интересами китайскихъ лѣсопромышленныхъ рабочихъ артелей на мѣстѣ, благодаря чему явилась, будто бы, возможность дать дѣлу фактическое развитіе до полученія какихъ-либо концессій отъ центрального китайскаго правительства. Вслѣдствіе наличности этихъ обстоятельствъ пекинское правительство вынуждено будетъ, по мнѣнію Безобразова, впослѣдствіи даровать русскимъ предпринимателямъ формальную концессію хотя бы для того, чтобы приличнымъ образомъ примириться съ совершившимся фактомъ. Въ виду этого, по мнѣнію Безобразова, представляется излишнимъ выказывать съ русской стороны преждевременную инициативу въ этомъ дѣлѣ. Россіи, по его мнѣнію, принадлежитъ право старшинства заявки, и пока вполне возможно довольствоваться этимъ правомъ, не возбуждая сложныхъ переговоровъ въ Пекинѣ, подающихъ къ тому же весьма малыя надежды на успѣхъ. Такимъ образомъ, и второе постановленіе совѣщанія 26-го марта (1903 г.), по мнѣнію Безобразова, въ данное время представлялось излишнимъ приводить въ исполненіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Безобразовъ доложилъ, что еще въ текущемъ 1903 г. ялуцзянское предпріятіе дастъ чистаго дохода одинъ милліонъ рублей, а въ будущемъ 1904 году— пятнадцать милліоновъ рублей (!), и что затѣмъ доходъ этотъ будетъ увеличиваться. На это С. Ю. Витте замѣтилъ, что, по его мнѣнію, казна въ этихъ деньгахъ не нуждается, и что если ему, какъ министру финансовъ, будетъ разрѣшено высказать свое желаніе, то онъ просилъ бы въ данномъ случаѣ только объ одномъ—чтобы изъ казны на подобныя предпріятія перестали требовать денегъ.

По поводу взгляда Безобразова о правѣ старшинства на концессію министры иностранныхъ дѣлъ и финансовъ высказали, что они признаютъ весьма сомнительной возможность для Россіи установленія права старшинства, что имѣются свѣдѣнія о стремленіяхъ китайцевъ и иностранцевъ заручиться у китайскаго правительства, помимо русскихъ предпринимателей, правомъ эксплуатаціи лѣсныхъ богатствъ на манчжурскомъ берегу Ялу. При такомъ положеніи русскимъ дипломатическимъ представителямъ будетъ весьма затруднительно препятствовать выдачѣ китайскимъ правительствомъ концессій на Ялуцзянѣ, тѣмъ болѣе, что со стороны русскихъ предпринимателей не было пока предъявлено въ Пекинѣ ходатайствъ о выдачѣ такой концессіи.

Въ связи съ вопросомъ о полученіи формальной концессіи на ялуцзянское предпріятіе совѣщаніемъ былъ возбужденъ вопросъ о значеніи этого предпріятія съ общегосударственной точки зрѣнія. При этомъ министръ финансовъ высказалъ, что политическій и стратегическій характеръ этого предпріятія уже разгаданъ въ Китаѣ, Японіи и другихъ странахъ, гдѣ смотрятъ на это дѣло, какъ на характерное проявленіе агрессивной политики со стороны Россіи. Именно вслѣдствіе такого взгляда на предпріятіе со стороны иностранцевъ дѣло это связано съ большимъ рискомъ, и потому прежде, чѣмъ рѣшиться на его продолженіе, необходимо обсудить весьма важный вопросъ о рискѣ. Къ этому министръ финансовъ добавилъ, что можно, конечно, вести политику, не вызывающую осложненій, или же продолжать итти по пути агрессивной политики,—но его, министра финансовъ, долгъ высказать, что такая политика имѣетъ всѣ шансы привести къ войнѣ, и что поэтому онъ находитъ всѣ предпринимаемыя въ послѣднее время дѣйствія къ захвату бассейна Ялуцзяна чрезвычайно рискованными.

Съ своей стороны, Безобразовъ указалъ на опасность итти на какія-либо уступки, такъ какъ выяснилось, что на Дальнемъ Востокѣ уступки всегда влекутъ за собою новыя уступки.

Вслѣдствіе этого министръ финансовъ заявилъ, что когда послѣ японско-китайской войны Японія хотѣла захватить Ляодунскій полуостровъ, онъ первый высказался за энергичное вмѣшательство и предъявленіе, если нужно, Японіи ультиматума. Этотъ шагъ, не-

сомнѣнно, былъ очень смѣлъ, но онъ, министр финансовъ, тѣмъ не менѣе полагалъ, что русское правительство можетъ на него рѣшиться. Въ этомъ его убѣждало то соображеніе, что предположенный имъ въ отношеніи Японіи образъ дѣйствій основывался на правильномъ принципѣ сохраненія цѣлости Китая, и что такъ какъ въ данномъ случаѣ вся правота на сторонѣ Россіи, то Японія, только что воевавшая съ Китаемъ, не посмѣла бы начать войну съ Россіей, и къ тому же поддержанной нѣкоторыми другими европейскими странами. Такимъ образомъ онъ, Витте, не можетъ считать себя сторонникомъ уступокъ во что бы то ни стало. Но въ данномъ случаѣ положеніе совершенно иное, чѣмъ послѣ японско-китайской войны. Согласившись при удаленіи японцовъ съ Ляодунскаго полуострова на принципъ неприкосновенности Китая, мы, однако, затѣмъ сами захватили этотъ полуостровъ. Далѣе, занявъ Манчжурію съ цѣлью подавленія боксерскаго волненія, мы торжественно и многократно заявляли, что Россія не желаетъ никакихъ территориальныхъ пріобрѣтеній, и тѣмъ не менѣе до сихъ поръ не только не вывели нашихъ войскъ изъ Манчжуріи, но, подъ видомъ коммерческаго предпріятія, хотимъ теперь окончательно упрочиться на Ялудзянѣ. Подобныя дѣйствія, по мнѣнію министра финансовъ, крайне рискованы и должны вызвать войну. Война же съ Японіей представитъ для насъ во всѣхъ отношеніяхъ огромное бѣдствіе и въ частности будетъ имѣть самыя губительныя послѣдствія во внутренней жизни Россіи.

Затѣмъ присутствовавшій на совѣщаніи нашъ военный агентъ въ Китаѣ генераль Вогакъ прочелъ составленную имъ записку о значеніи въ вопросѣ о Манчжуріи сепаратнаго соглашенія съ Китаемъ, заключеннаго 26-го марта 1902 года. По мнѣнію автора записки, въ данное время, послѣ заключенія этого соглашенія, несмотря на огромныя жертвы, принесенныя Россіей деньгами и кровью, положеніе ея въ манчжурскомъ вопросѣ оказывалось хуже, чѣмъ оно было до 1900 года.

Съ своей стороны, министр иностранныхъ дѣлъ предложилъ, въ виду неизвѣстности автору записки нѣкоторыхъ документовъ, представить на нее письменное возраженіе. Записка эта была впослѣдствіи представлена министромъ иностранныхъ дѣлъ и сообщена министрамъ, присутствовавшимъ на совѣщаніи. Въ этой запискѣ графъ Ламздорфъ высказалъ, что въ политикѣ своей на Дальнемъ Востокѣ Россія искони придерживалась двухъ принциповъ: поддержанія дружественныхъ сосѣдскихъ отношеній съ Китаемъ и сохраненія за нами всѣхъ правъ на Корею, которая должна была входить въ сферу политическаго вліянія Россіи. Въ запискѣ приводится, далѣе, краткій историческій обзоръ главнѣйшихъ дѣйствій нашихъ въ связи съ событіями на Дальнемъ Востокѣ, начиная со времени окончанія японско-китайской войны. Вмѣща-

тельство наше въ мирные переговоры между Японіею и Китаемъ, лишившее Японію части плодовъ ея побѣдъ, должно было, конечно, обострить наши отношенія къ Островной имперіи, но зато заступничество наше за Китай дало намъ возможность войти въ 1896 году въ соглашеніе съ Китаемъ, по которому Россія выговорила себѣ обширныя права на случай войны Китая съ Японіей и право на спрямленіе Сибирской магистралі, а вмѣстѣ съ тѣмъ взяла на себя обязательство защищать Китай отъ агрессивныхъ противъ него замысловъ. Этотъ принципъ дружественныхъ и даже союзныхъ отношеній къ Китаю проводился, по словамъ автора записки, во всѣхъ послѣдующихъ затѣмъ дѣйствіяхъ нашихъ по отношенію къ сосѣдней имперіи. Нарушенія этихъ дружественныхъ отношеній занятіемъ въ 1898 г. Портъ-Артура записка не усматривала.

Переходя затѣмъ къ событіямъ 1900 года, записка подробно останавливается на рѣшеніи русскаго правительства воздержаться отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Китая, при чемъ, несмотря на нападеніе, сдѣланное послѣднимъ на русскую границу, Россія открыто заявила, что она не ведетъ войны съ Китаемъ, а, направляя свои войска на китайскую территорію, желаетъ лишь оказать помощь пекинскому правительству въ борьбѣ съ мятежомъ. Такимъ отношеніемъ къ правительству богдыхана имѣлось въ виду, во-первыхъ, предотвратить всякія попытки другихъ державъ къ захвату тѣхъ или иныхъ провинцій Китая, а, можетъ быть, и самого Пекина и, во-вторыхъ, обезпечить себѣ возможность скорѣйшаго возстановленія, по прекращеніи смуты, добрыхъ сосѣдскихъ отношеній съ Китаемъ. Авторъ записки указываетъ, затѣмъ, на неоднократное проявленіе дружественныхъ отношеній къ намъ со стороны Китая, изъ чего видно, что занятіе нашими войсками Манчжуріи, имѣвшее цѣлью водвореніе спокойствія въ этой обширной странѣ, не было разсматриваемо правительствомъ богдыхана, какъ враждебное дѣйствіе со стороны Россіи, которая съ момента возникновенія волненій въ Китаѣ и до самаго послѣдняго времени во всѣхъ своихъ сообщеніяхъ непрестанно заявляла о своемъ твердомъ намѣреніи возвратить правительству богдыхана занятую ея войсками область, если только тому не воспрепятствуетъ образъ дѣйствій другихъ державъ и самого Китая.

Въ виду необходимости для насъ урегулировать положеніе дѣлъ въ умиротворенномъ краѣ вслѣдъ за подавленіемъ волненій въ Манчжуріи наступило время мирныхъ переговоровъ съ Китаемъ. Предполагалось заключить съ Китаемъ сепаратное соглашеніе, въ которомъ Россіи предоставлялись бы извѣстныя гарантіи, обезпечивающія ея интересы въ краѣ послѣ вывода нашихъ войскъ. Однако вслѣдствіе враждебныхъ намъ происковъ переговоры эти успѣха не имѣли, и мы отказались отъ дальнѣйшаго обмѣна взглядовъ съ китайцами по этому дѣлу, заявивъ о намѣреніи нашемъ спокойно выжидать дальнѣйшаго хода событій.

Во время наступившаго затѣмъ затишья въ ходѣ переговоровъ возникъ вопросъ о возвращеніи китайской администраціи китайскихъ желѣзнодорожныхъ линій въ юго-западной Манчжуріи. Министерство иностранныхъ дѣлъ воспользовалось этимъ обстоятельствомъ, чтобы окончательно принципиально выяснитъ вопросъ о возвратѣ нами Манчжуріи Китаю. Въ сношеніяхъ своихъ по этому предмету съ военнымъ и финансовымъ вѣдомствами министерство иностранныхъ дѣлъ указывало, что, съ политической точки зрѣнія, присоединеніе къ имперіи Манчжуріи могло бы лишь служить къ вѣщшему, въ международномъ смыслѣ, подъему обаянія Россіи и обезпечивало бы осуществленіе исторической задачи нашей на Дальнемъ Востокѣ. Съ формальной точки зрѣнія осуществленіе такого присоединенія представлялось бы вполне возможнымъ, такъ какъ во всѣхъ исходившихъ отъ правительства официальныхъ документахъ постоянно подтверждалось, что Россія выполнить свою программу относительно очищенія Манчжуріи только въ томъ случаѣ, если къ тому не встрѣтятся препятствій въ образѣ дѣйствій другихъ державъ и самого Китая. Но при разрѣшеніи этой задачи представлялось необходимымъ принять во вниманіе не только вопросъ о желательности и формальной возможности осуществить присоединеніе Манчжуріи къ имперіи, но также и то, насколько вообще фактически возможно такое присоединеніе. На вопросы, поставленные въ этомъ смыслѣ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ финансовому и военному вѣдомствамъ, получены были отрицательные отвѣты: оба вѣдомства признавали, что ни въ военномъ, ни въ финансовомъ отношеніяхъ мы не подготовлены къ разрѣшенію столь громадной задачи.

Вслѣдствіе такого отзыва компетентныхъ вѣдомствъ министерство иностранныхъ дѣлъ поручило посланнику въ Пекинѣ вступить въ окончательныя объясненія съ китайскимъ правительствомъ о манчжурскомъ соглашеніи. Въ виду принципиальнаго признанія фактической невозможности для насъ сохраненія за собою Манчжуріи, скорѣйшее окончательное разрѣшеніе манчжурскаго вопроса представлялось настоятельно необходимымъ, какъ по соображеніямъ политическаго, такъ равно военнаго и финансоваго характера. Съ точки зрѣнія политической, дальнѣйшее замедленіе разрѣшенія манчжурскаго вопроса могло повести въ опаснымъ внѣшнимъ осложненіямъ, въ виду возможности вмѣшательства со стороны постороннихъ державъ, къ каковому вмѣшательству, несомнѣнно, присоединился бы Китай. Съ военной и финансовой точки зрѣнія, также представлялось необходимымъ поскорѣе покончить съ оккупаціей Манчжуріи, которая требовала большихъ расходовъ, и временный характеръ которой представлялъ значительныя неудобства въ военно-техническомъ отношеніи.

Возобновленные, въ силу полученныхъ изъ Петербурга инструк-

цій, переговоры привели къ заключенію конвенціи 26-го марта 1902 года. Конвенція эта, по мнѣнію, высказанному въ запискѣ генерала Вогака, ставитъ Россію въ положеніе хуже того, которое она занимала до 1900 года. Съ такимъ мнѣніемъ министръ иностранныхъ дѣлъ, съ своей стороны, не находитъ возможнымъ согласиться, такъ какъ конвенція 26-го марта 1902 года, прежде всего, подтверждаетъ всѣ прежніе договоры съ Россіей, имѣющіе для насъ первостепенное значеніе, а, кромѣ того, устанавливаетъ извѣстный контроль съ нашей стороны надъ имѣющимся въ Манчжуріи количествомъ китайскихъ войскъ и болѣе точно формулируетъ обязательства Китая относительно желѣзныхъ дорогъ въ юго-западной Манчжуріи. Наконецъ, тою же конвенціею еще разъ оговаривается право Россіи не очищать Манчжуріи, въ случаѣ, если бы образъ дѣйствій иностранныхъ державъ или самого Китая послужилъ тому препятствіемъ.

Такимъ образомъ, графъ Ламздорфъ категорически опровергаетъ справедливость мнѣнія, высказаннаго въ запискѣ генерала Вогака, о томъ, что положеніе наше въ Манчжуріи сдѣлалось къ 1903 году хуже, нежели оно было при первоначальномъ занятіи нашими войсками этой области въ 1900 году.

Генераль Вогакъ высказалъ также упрекъ дипломатическому вѣдомству о томъ, что имъ ничего не сдѣлано для обезпеченія Россіи со стороны Японіи, въ частности въ отношеніи корейскаго вопроса. По этому поводу записка графа Ламздорфа утверждаетъ, что въ нашемъ образѣ дѣйствій по отношенію къ Японіи мы придерживались всегда строгой послѣдовательности и логичности, при чемъ во всѣхъ соглашеніяхъ, заключавшихся нами съ Японіею о Корей, начиная съ 1896 года, проводилась мысль о равноправности Россіи и Японіи въ корейскихъ дѣлахъ и о строгомъ соблюденіи обѣими державами независимости Кореи. Единственною уступкою, которая, по словамъ записки графа Ламздорфа, была сдѣлана Японіи, въ видѣ компенсаціи за занятіе нами Портъ-Артура, является выраженіе въ подписанномъ 13—25 апрѣля 1898 года токійскомъ соглашеніи готовности со стороны Россіи не препятствовать развитію торгово-промышленныхъ сношеній между Японіею и Кореєю. По мнѣнію графа Ламздорфа, выраженіе такой готовности съ нашей стороны никоимъ образомъ не можетъ быть разсматриваемо, какъ уступка, въ виду наличности факта безусловнаго коммерческаго преобладанія Японіи въ Корей.

Въ своей запискѣ графъ Ламздорфъ остановился также на фактѣ удаленія въ 1898 году изъ Кореи нашихъ финансоваго и военнаго совѣтниковъ. Графъ Ламздорфъ смотритъ на эту мѣру, какъ на вполне добровольный шагъ съ нашей стороны, а никакъ не на уступку Японіи. Отсутствие характера уступки въ этомъ отозваніи нашихъ совѣтниковъ графъ Ламздорфъ усматриваетъ, между про-

чимъ, въ томъ, что отказываясь, въ силу сложившихся обстоятельствъ, отъ участія въ завѣдываніи финансовымъ и военнымъ дѣломъ въ Корей, Россія не преминула, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ предотвратить и непосредственное вмѣшательство Японіи въ эти отрасли; вторая статья токійскаго соглашения отъ 13-го—25-го апрѣля 1898 года возложила на договаривающіяся стороны взаимное обязательство, въ случаѣ обращенія Кореи къ одной изъ нихъ за помощью и совѣтами, не принимать никакихъ мѣръ безъ предварительнаго между собою соглашения. Такимъ образомъ, и въ политикѣ нашей по отношенію къ Японіи въ корейскомъ вопросѣ графъ Ламздорфъ не усматриваетъ никакого признака непредусмотрительности по отношенію къ Японіи и непослѣдовательности въ смыслѣ установленія отношеній въ сосѣдней Корей.

Въ заключеніе графъ Ламздорфъ обращаетъ вниманіе на выводъ, получающійся изъ записки генерала Вогака, а именно что Россія въ данное время не готова къ вызывающему образу дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ и что вынужденная необходимостью для Россіи предпринять войну ранѣе, чѣмъ ея вооруженныя силы, развиваемыя нормально, позволятъ ей сдѣлать это безъ сильнаго напряженія и безъ ущерба для положенія на Западѣ,—можетъ оказаться для насъ бѣдствіемъ. По мнѣнію графа Ламздорфа, именно вслѣдствіе такого положенія вещей намъ не слѣдуетъ уклоняться подъ разными предлогами отъ ранѣе данныхъ обѣщаній, или добиваться своихъ цѣлей побочными путями, которые, несомнѣнно, будутъ обнаружены и подорвутъ всякое довѣріе къ официальнымъ обѣщаніямъ русскаго правительства. Время, по выраженію министра иностранныхъ дѣлъ, единственный союзникъ и вѣрный помощникъ Россіи, лишь бы въ дѣятельномъ, но спокойномъ и послѣдовательномъ разрѣшеніи ея громаднхъ историческихъ задачъ Россія не проявляла нетерпѣнія и оставалась вѣрною своимъ принципамъ и своему слову. Всякія неосторожныя и несвоевременныя попытки ускорить осуществленіе какой-либо задачи неминуемо будутъ ставить русское правительство въ недопустимое для достоинства Россіи положеніе—отступающаго передъ угрозою, или вызовутъ, на радость ея соперниковъ, то столкновение, въ которое послѣдніе стараются насъ вовлечь,—чтобы надолго задержать осуществленіе исторической задачи, предначертанной могущественной и великой Россіи на берегахъ Тихаго океана.

Принявъ во вниманіе соображенія, высказанныя въ запискѣ генерала Вогака, и замѣчанія со стороны графа Ламздорфа, а также министра финансовъ и генерала Сахарова, совѣщаніе 7-го мая 1903 года признало желательнымъ включеніе Манчжуріи въ сферу нашего политико-экономическаго вліянія, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагало необходимымъ приступить къ дѣлу съ большою осторожностью, чтобы не вызывать излишняго шума, который бы могъ при-

вести къ нежелательнымъ осложненіямъ на Дальнемъ Востокѣ. Что же касается въ частности второго постановленія журнала совѣщанія отъ 26-го марта, то въ силу малой надежды на успѣхъ домогательства о полученіи отъ китайскаго правительства формальной концессіи на ялуцзянское предпріятіе рѣшено было не настаивать на исполненіи этого постановленія.

По тѣмъ же соображеніямъ совѣщаніемъ признано было необходимымъ измѣнить и третье постановленіе журнала 26-го марта въ томъ смыслѣ, чтобы повременить образованіемъ въ полномъ объемѣ акціонернаго общества для эксплуатаціи лѣсныхъ богатствъ на Ялуцзянѣ впредь до окончательнаго выясненія нашихъ юридическихъ правъ на эксплуатацію лѣсовъ по этой рѣкѣ.

Четвертое постановленіе журнала 26-го марта предположено было согласно мнѣнію, высказанному министромъ внутреннихъ дѣлъ, о необходимости для насъ заботиться о недопущеніи въ Манчжуріи возникновенія крупныхъ экономическихъ интересовъ иностранныхъ государствъ, измѣнить въ томъ смыслѣ, что допущеніе иностранныхъ капиталовъ не должно быть разрѣшаемо по крайней мѣрѣ до времени достаточнаго оборудованія нашего политико-экономическаго положенія на Дальнемъ Востокѣ.

Измѣненіямъ предположено было подвергнуть также 5-е и 6-е постановленія 26-го марта. А именно, во-первыхъ, участіе казны въ лѣсопромышленномъ предпріятіи на Ялуцзянѣ не предполагалось какъ-либо ограничивать, а проектировалось лишь установить, что участіе это должно быть соразмѣрено съ дѣйствительными нашими интересами и потребностями на Дальнемъ Востокѣ. Во-вторыхъ, признавалось излишнимъ стѣснять дѣятельность ялуцзянскаго общества эксплуатаціею однихъ лѣсныхъ богатствъ на Ялуцзянѣ; усматривалась возможность возникновенія и другихъ дѣлъ, участіе которыхъ со стороны общества могло бы, въ виду испытанной благонадежности лицъ, управляющихъ его дѣятельностью, оказаться выгоднымъ.

Наконецъ 7-е и послѣднее постановленіе 26-го марта предположено было подтвердить и развить въ смыслѣ предоставленія главному начальнику Квантунской области не только права надзора за дѣятельностью лѣсопромышленнаго предпріятія, но и порученія ему придать всему ходу дѣла правильную и отвѣчающую мѣстнымъ условіямъ постановку.

Такимъ образомъ, всѣ постановленія совѣщанія 26-го марта 1903 года, за исключеніемъ лишь пункта 7-го, не вызывавшаго возраженій, подверглись по предложеніямъ совѣщанія 7-го мая коренному измѣненію.

Въ заключеніе засѣданія Безобразовъ ознакомилъ совѣщаніе съ содержаніемъ телеграммъ, отправленныхъ Куропаткину и Алексѣеву. Въ телеграммахъ этихъ предлагалось главному начальнику

Квантунской области принять безотлагательно мѣры къ недопущенію проникновенія въ Манчжурію иностраннаго вліянія и выяснить совмѣстно съ военнымъ министромъ необходимыя мѣропріятія для постановки нашей боевой готовности на Дальнемъ Востокѣ въ соотвѣтствіи съ нашими политико-экономическими задачами, а совмѣстно съ Безобразовымъ—установить сущность нашихъ политико-экономическихъ задачъ въ Манчжуріи и на берегахъ Тихаго океана, составивъ планъ цѣлесообразной ихъ постановки.

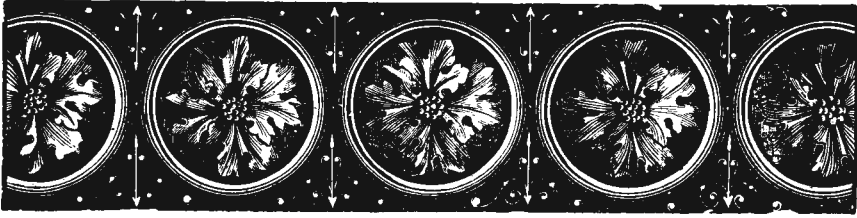
Журналъ совѣщанія 7-го мая былъ составленъ Безобразовымъ и адмираломъ Абазою крайне сбивчиво, съ приведеніемъ въ самомъ текстѣ журнала лишь мнѣній, сторонниками которыхъ являлись Безобразовъ и Абаза. Мнѣнія же С. Ю. Витте и графа Ламздорфа, не раздѣлявшихъ соображеній, высказанныхъ въ журналѣ, приводились въ немъ въ видѣ выносокъ. Не соглашаясь ни съ мотивировкой, приведенной въ текстѣ журнала, ни съ заключительными постановленіями его, С. Ю. Витте и графъ Ламздорфъ отказались подписать этотъ журналъ и представили свои особыя мнѣнія, въ которыхъ подтверждали взгляды, высказанные ими на совѣщаніяхъ 26-го марта и 7-го мая. Изъ всѣхъ министровъ одинъ только Плеве, будучи совершенно незнакомъ съ дѣлами Дальняго Востока, находилъ возможнымъ итти въ ногу съ Безобразовымъ и Абазою, пользовавшимся въ то время особымъ вліяніемъ, поддерживавалъ взгляды этихъ дѣятелей и вообще счелъ полезнымъ стать въ самыя интимныя отношенія къ Безобразову.

Вскорѣ состоялось подчиненіе дипломатическихъ представителей нашихъ въ Пекинѣ, Токио и Сеулѣ въ отношеніи всѣхъ дѣлъ, касающихся интересовъ Россіи въ Манчжуріи и на Дальнемъ Востокѣ, генералъ-адъютанту Алексѣеву, которому предоставлялись чрезвычайныя полномочія въ смыслѣ преподанія непосредственныхъ инструкцій названнымъ дипломатическимъ представителямъ нашимъ безъ сношеній съ центральнымъ дипломатическимъ вѣдомствомъ. Это заставило графа Ламздорфа ходатайствовать объ увольненіи его отъ должности министра иностранныхъ дѣлъ.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

У МОГИЛЬ ДВУХЪ ПОЭТОВЪ.

УДЪБЪ угодно было, чтобы одинъ изъ младшихъ нашихъ городовъ—Воронежъ—сталъ родиною и мѣстомъ вѣчнаго упокоенія двухъ замѣчательныхъ поэтовъ-народниковъ: «поэта-прасола», «стихотворца-мѣщанина» А. В. Кольцова и «поэта-мѣщанина» И. С. Никитина. 29-го октября 1842 года въ отцовскомъ домѣ на Большой Дворянской улицѣ послѣ страшной и мучительной агоніи, продолжавшейся болѣе года, скончался Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ. 1-го ноября тѣло его было погребено на Митрофановскомъ кладбищѣ. Черезъ девятнадцать лѣтъ послѣ этого, 16-го октября 1861 года, сраженный злымъ недугомъ, чахоткою, скончался и другой поэтъ—Иванъ Саввичъ Никитинъ. Онъ былъ похороненъ также на Митрофановскомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилою Кольцова.

Митрофановское кладбище, иначе называемое «Всесвятскимъ» и «Новостроящимся», расположено на окраинѣ города въ концѣ первой и второй Острогужскихъ улицъ. Оно дѣлится на три части, изъ которыхъ каждая обнесена оградой. Могилы поэтовъ находятся въ южной части, вблизи храма.

Столбъ съ дощечкой и съ соотвѣтствующей надписью указываетъ путь къ могиламъ поэтовъ.

Памятникъ надъ прахомъ Кольцова ординарной формы и состоитъ изъ черной мраморной призмы, увѣнчанной четырехконечнымъ крестомъ изъ бѣлаго мрамора. На лицевой сторонѣ надпись

гласить: «Здѣсь покоится прахъ Алексѣя Васильевича Кольцова, скончавшагося 19-го октября 1842 года, на 34-мъ году отъ рожденія». На трехъ остальныхъ сторонахъ памятника вырѣзаны строфы изъ стихотворенія «Расчетъ съ жизнью», краснорѣчиво обрисовывающаго неустанную жизненную борьбу поэта. Именно вырѣзано на правой сторонѣ:

Въ душѣ страсти огонь
Разгорался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ
Онъ сгорѣлъ и погасъ.

На задней сторонѣ:

Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ,
И что ждало меня,
Я не видѣлъ за нимъ.

На лѣвой сторонѣ:

Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма-судьба,
Только силу мою
Сокрушила борьба.

Этотъ памятникъ былъ поставленъ въ 1880 году сестрою поэта А. В. Андроновой, другомъ его дѣтства. Ранѣе же на могилѣ былъ воздвигнутъ отцомъ покойнаго, отнесшагося къ смерти его крайне холодно, очень скромный памятникъ съ поразительно безграмотной надписью: «Просвещенной безнаукъ природою награжденъ Монаршемъ милостию скончался 33 годовъ и 26 дней въ 12 часу брака немель».

Рядомъ съ поэтомъ похоронены и его родные: отецъ, мать, сестра, племянникъ и др. Могила отца покрыта чугунной плитою съ надписью: «Подъ симъ камнемъ покоится тѣло воронежскаго потомственнаго почетнаго гражданина Василія Петровича Кольцова, жившаго на свѣтѣ 77 лѣтъ. Скончался 1852 году юля 20 дня 12 часовъ пополудни». Чугунная плита надъ могилой матери Кольцова ушла уже на половину въ землю и надпись на ней можно разобрать лишь съ трудомъ. Мраморный памятникъ стоитъ надъ могилой любимой сестры поэта, Анисьи Васильевны, вышедшей замужъ за Семенова въ послѣдніе дни страданій поэта и позволявшей себѣ, ради шутки, вмѣстѣ съ подружками устраивать пародію въ лицахъ на его похороны въ комнатѣ, сосѣдней съ той, въ которой лежалъ

¹⁾ А. В. Кольцовъ скончался 29 октября; почему же на памятникѣ обозначено «19-го октября», какъ день смерти поэта?

Памятникъ поэту И. С. Никитину.

страдалецъ. Съ Анисьей Васильевной похороненъ и сынъ ея младенецъ Владимиръ. На задней сторонѣ памятника помѣщено:

Дитя! Ты счастливъ и покоенъ,
Не трогаетъ тебя людская злоба.
Покойся же до страшнаго здѣсь дня,
Пока не вострубитъ архангела труба,
Тебя не воззоветъ къ Небесному Отцу
Блаженной жизни и радости Творцу.

На лѣвой сторонѣ памятника вырѣзаны слова нашего поэта изъ «Послѣдней борьбы»:

Подъ крестомъ—моя могила,
На крестѣ—моя любовь!

Vis-à-vis могилы «поэта-прасола» находится могила И. С. Никитина. Памятникъ надъ послѣднею простъ и чрезвычайно изященъ; онъ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора, а основаніе его изъ сѣраго мрамора. На лицевой его сторонѣ въ медальонѣ высѣченъ портретъ поэта, голова котораго увѣнчана лавровымъ вѣнкомъ; медальонъ обвитъ змѣей. Подъ медальономъ помѣщена надпись:

«Никитину»

MDCCCLXIII

Почитатели таланта и друзья.

Иванъ Савичъ

Никитинъ

родился 21 сентября 1824 г.,

скончался 16 октября 1861 г.

въ Воронежѣ.

На правой и лѣвой сторонахъ памятника помѣщены строфы знаменитаго стихотворенія. На правой помѣщено:

Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая.
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая,
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла,

а на лѣвой:

Вотъ она—слышится пѣснь беззаботная,—
Гостя погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ рассыпается...
Тише!.. О жизни поконченъ вопросъ.
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!

Наконецъ, на задней сторонѣ памятника вырѣзаны заключительныя слова поэмы «Кулакъ»:

Какъ узникъ, я рвался на волю...
 Упрямо цѣпи разбивалъ!
 Я свѣта, воздуха желалъ!
 Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!
 Ни силъ, ни жизни молодой
 Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой!
 Во благо ль? Небесамъ извѣстно...
 Но блага я просилъ у нихъ!
 Не ради шутки, не отъ скуки,
 Я, какъ умѣлъ, слагалъ мой стихъ—
 Я воплощалъ боль сердца въ звуки!

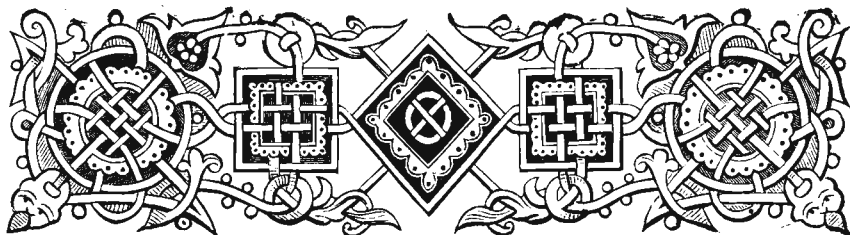
Памятникъ обнесенъ чугунной рѣшеткой, къ которой прикрѣплена дощечка съ надписью: «Администрація кладбища проситъ гг. посѣтителей на памятникѣ поэта надписей не дѣлать». Къ главному бокому сожалѣнію, тщетное avis для русскихъ... На памятникѣ— слѣды массы стертыхъ надписей! Въ дни посѣщенія кладбища (29 и 30 августа 1903 года) мое хорошее настроеніе отравляла надпись: «Миша Анохинъ—1903 г. 15 августа», сдѣланная на лѣвой сторонѣ памятника. Постыдные росчерки имѣются и на памятникѣ Кольцова.

Видъ памятника Никитину значительно безобразится сосѣдней огромной металлической рѣшеткой, поставленной въ видѣ часовни надъ могилами Борисовыхъ.

Могилы поэтовъ осѣняются вѣтвями прекраснаго золотистаго тополя.

Андрей Фирсовъ.

ДВА МОНАСТЫРЯ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ.

(Впечатлѣнія зимней поѣздки).

ПСКОВЪ впервые довелось мнѣ навѣстить проѣздомъ съ Волги.

Передъ мысленнымъ взоромъ еще голубѣла Волга, еще поражала, восхищая, роспись Николы Мокраго въ зеленовато-синихъ своихъ тонахъ, и звучалъ ярославскій говоръ, въ которомъ слово «Николай» все еще произносятся по-былинному «Микулай» (значить, и «Микула»). И впечатлѣнія Вологодскаго края, куда пришлось потомъ попасть изъ Ярославля, не могли изгладить даже осенью суровостью своей—на сѣверѣ уже начиналась осень—мягкой ласковости Волги, голубой шири ея.

И вотъ, неожиданно-негаданно, Псковъ.

Поѣздъ пришелъ рано. Было по утреннему прохладно, но солнечно. Пѣли птицы, кругомъ во всѣ стороны разбѣгались поля... Когда приѣзжаешь въ незнакомый городъ, то если есть свободное время, самое лучшее, самое бѣльшее удовольствіе одному итти, никого ни о чемъ не спрашивая; что помнишь, что можешь, соображая самъ. Такъ лучше всего, такъ впечатлѣнія, иной разъ, неизгладимѣ!

Послѣ большихъ и пестрыхъ ярославскихъ церквей, послѣ синекупольныхъ, въ серебряныхъ звѣздахъ вологодскихъ, псковскія, миниатюрно-бѣлыя, съ зелеными кровлями и оригинальными звонницами, производятъ наиболѣе изящное и спокойное впечатлѣніе. Насколько волжскихъ городовъ храмы размахомъ поража-

ютъ и роскошью, а церкви сѣвера сосредоточеннымъ суровымъ мистическимъ своимъ, бѣлыя, съ синими куполами, отраженныя въ холодныхъ водахъ глубокихъ темносинихъ сѣверныхъ рѣкъ или уходящія въ блѣдное, женственное какое-то, осеннее сѣверное небо,—настолько псковскія церкви просты и человѣчны.

Но скорѣй, скорѣе хотѣлось въ кремль псковскій, въ кромъ, въ дѣтинець, чтобы, не разбивая вниманія мелочами, сосредоточиться на главномъ. Вотъ поворотъ на Великолудскую улицу, и торопливость награждается. Дѣтинець — каменный, темносѣрый, съ угловою выдавшеюся башней Довмонта, а надъ нимъ—серебристо-сѣрый, пятиглавый, высокій Троицкій соборъ. Онъ именно серебристо-сѣрый, подъ стать потускнѣвшему слегка, слегка затуманившемуся августовскому небу, немного грустный, какъ ветеранъ, не мало перевидавшій на своемъ вѣку боевъ, но и мощный: надъ всѣмъ городомъ, надъ всѣми окрестъ лежащими мѣстами далеко царить онъ.

На площади начинался базаръ. Мимо гостинаго двора, не заходя въ кремль, я взялъ направо, спускаясь по узенькой улочкѣ, полной лавокъ и оживленной толпы, инныя лица въ которой были поразительны: словно съ нихъ писались старинныя иконы! Пестрая, гудящая толпа горожанъ и крестьянъ и рыбаковъ, монаховъ и монахинь, продавцевъ и покупателей становилась все гуще, все говорливѣе, чѣмъ ближе подходилъ я къ мосту черезъ рѣку Пскову, ведущему въ Запсковье. Картина, которая открылась съ этого моста, была поразительна!

Пскова очень узкая, а высокая кремлевская стѣна, да еще въ это посѣрѣвшее утро, совсѣмъ темнить рѣку. Но зато столь ярко, такъ четко бѣлѣютъ приспущенные паруса небольшихъ лодокъ, пришедшихъ, быть можетъ, изъ Псковскаго озера, и такъ четко серебрятся эти лодки, доверху, до полноты своей изобильно нагруженныя рыбой! А по берегу, прилѣпившись къ самой кремлевской стѣнѣ, лавки перекупщиковъ и толпа: сѣрые армяки, красныя рубахи, бѣлые платки, черныя платья, клобуки монахинь... И рыба, рыба всюду. А съ Великой плыли новыя и новыя лодки съ рыбой... Кто-то изъ нашихъ художниковъ на одной изъ послѣднихъ академическихъ выставокъ пробовалъ изобразить эту картину рыбнаго торга, рыбнаго изобилія на рѣкѣ Псковѣ, но, на нашъ взглядъ, далеко, далеко не передана имъ вся прелесть, вся живописность утренняго оживленія. Такъ переносила эта картина къ старинѣ, за триста лѣтъ назадъ, несмотря на то, что справа дымились уже заводскія трубы.

И самый Троицкій соборъ—внутри весь свѣтлый отъ массы оконъ, весь серебряный, такъ похожъ на серебристыя груды этой мелкой рыбешки, «снятка», которую въ базарные дни подвозятъ на лодкахъ къ стѣнамъ его. Въ нижнемъ ярусѣ шла ранняя обѣда—это мѣсто прежней усыпальницы псковскихъ князей... Со стѣнъ видѣть

на весь Псковъ, всюду бѣлыя съ зелеными кровлями, между деревянными домами въ садахъ, звонницы и церкви... Но прежде ихъ было еще, еще больше. По крайней мѣрѣ, на одной старинной иконѣ, хранившейся прежде въ часовнѣ Владычнаго Креста, а теперь находящейся въ Троицкомъ соборѣ, на этой иконѣ, содержащей между прочимъ видъ Пскова ко времени осады его полководцемъ Стефаномъ Баторіемъ, церковей и монастырей, вокругъ Пскова и въ немъ расположенныхъ, насчитывается семьдесятъ восемь.

Днемъ потянуло въ Спасо-Мирожскій монастырь, и, послѣ осмотра его, хорошо было выйти въ сверкающее солнцемъ и шумящее вѣтромъ поле и отдохнуть на бѣлыхъ неизвѣстныхъ развалинахъ. Пригрѣвало солнцемъ. На Великой шумѣлъ и ухалъ паровой молотъ, по желѣзнодорожному мосту пробѣжалъ поѣздъ... Зазвонили къ вечернѣ, а гдѣ то вдали заиграла музыка... И такъ мѣшалось все: древнія фрески XII вѣка Спасо-Преображенскаго собора въ Мирожскомъ монастырѣ, и гробница князя Всеволода Гавріила въ Троицкомъ соборѣ, и рыбный торгъ, и современность въ видѣ строящагося каменнаго моста черезъ Великую, и музыка... Но душевно было легко, и, оглядывая весь свой длинный лѣтній путь—съ Волги и до Пскова, чувствовалъ, что побывалъ наконецъ на полузабытой, давнымъ-давно покинутой родинѣ...

Первое посѣщеніе Пскова оставило такія хорошія впечатлѣнія, что, когда черезъ годъ, зимою, одинъ изъ добрыхъ знакомыхъ предложилъ отправиться вмѣстѣ на недѣлю въ этотъ городъ, побродить и поѣздить по окрестностямъ, съ радостью я согласился.

Выѣхавъ изъ Питера морозною и лунною мартовскою ночью, мы застали въ Псковѣ на другое утро ростепель. Ростепель зловѣща. Снѣгъ мѣстами почти сошелъ, съ темныхъ скелетовъ деревьевъ каркаютъ вороны, а жалкая псковская конка въ одну лошадь везетъ медленно мимо казармъ, тюрьмы, дома, въ которомъ жилъ Пушкинъ, мимо новыхъ построекъ въ стилѣ модернъ, булочныхъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, зуболечебнаго кабинета съ вывѣской «Зубныя болѣзни» и прочаго къ гостинодворскимъ рядамъ. Унылая и пустынная провинція, блѣдная и грязная, передъ нами въ всей красѣ своей.

Мы идемъ сначала въ трактиръ. Еще очень рано. Мальчикъ Василій въ туфляхъ, половой, подаетъ чай. Трактиръ торговый: собираются коммерсанты, русскіе купцы и евреи, разговоры исключительно торгово-дѣловые. На стѣнахъ: «Княжна Тараканова» въ темницѣ, спасающаяся отъ наводненія, поѣздъ, дымящій въ снѣгахъ, разные рыцари, соблазняющіе своихъ дамъ, «Поцѣлуйный обрядъ» Маковского, и прочій любимый жанръ. Это—чистая половина. На черной интереснѣе: народу больше, составъ его разнообразнѣе и шуму

больше. У входа—нищенка, олицетворение немощной Россіи, гнусаво и слезливо причитающая вдогонку...

Но мы далеко, уже перешли Великую по льду возлѣ строящагося моста, полюбовались на массивную, пятипролетную звонницу Пароменья и почему-то идемъ по рижской дорогѣ за городъ. Рыхлый снѣгъ съ дождемъ бьетъ въ лицо. Повернувъ направо, мы подходимъ черезъ нѣкоторое время къ Мироносицкой кладбищенской церкви, мѣсту старинныхъ скудельницъ, т. е. погребенія умиравшихъ во время страшныхъ повѣтрій, когда черная смерть косила на-

Церковь Успенія въ Псково-Печерскомъ монастырѣ.

право и налѣво безъ передышки. И теперь здѣсь тоже нѣчто подобное—воинское кладбище: массу солдатскихъ могилъ, новыхъ, свѣжихъ, все жертвы японской несчастной войны...

Настала, наконецъ, часъ, когда создалась возможность, не нанося беспокойства очень раннимъ визитомъ, отправиться въ домъ того знакомаго семейства, гдѣ предполагали мы остановиться. Намъ уже ждали, предупрежденные письмомъ изъ Петербурга. Отдохнувъ и разспросивъ дорогу, мы рѣшили немедленно, благо что подморозило (а то ни рисовать, ни фотографировать было бы прямо невозможно), отправиться въ реконструкция къ Снятогорскому монастырю съ тѣмъ, чтобы на другой день уйти туда съ утра и пробыть тамъ до темноты, зимою безжалостно быстро побѣждающей свѣтъ.

— И что бы вамъ пріѣхать недѣлей пораньше,—сѣтовала хозяйка:—подъ избѣрки, гонку бы лошадей увидѣли.

Она справедливо рассуждала, конечно, что если пріѣхали смотрѣть и изучать, такъ надо все видѣть. Мы прицѣпились къ слову «избѣрки»; оказалось, что въ «изборъ», подъ избѣрки происходитъ конская ярмарка. А въ Крещенье и на первой недѣлѣ Великаго поста бываетъ въ Псковѣ гонка лошадей—изборъ. Не отсюда ли Изборскъ?

Въ этотъ день мы не добрались до монастыря, но на слѣдующее утро, разбуженные чуть свѣтъ, съ альбомами, складнымъ стуломъ и съ фотографическимъ аппаратомъ двинулись сначала по набережной по Завеличью, а потомъ, за лѣснымъ дворомъ, спустились на средину рѣки.

Утро какое-то было сине-сѣрое. Подморозило сильно. Прямо противъ насъ высился Троицкій соборъ, но онъ дальше все и дальше остается за нами. Городъ шевелится: идутъ за водой къ прорубямъ, ѣдутъ крестьяне въ городъ, а изъ города возчики за пескомъ, который здѣсь добываютъ для надобностей города на Великой и на Псковѣ особыми шестиками съ сѣткой на концѣ. На строящемся мосту началась работа—пріятный, звонко разносящійся стукъ по желѣзу. Кругомъ бѣлые снѣга, а по самой срединѣ рѣки черная уѣзженная дорога...

Насъ нагналъ одинъ изъ ѣхавшихъ за пескомъ и, по нашей просьбѣ, довезъ за пятиалтынный до церкви Петра и Павла; отъ нея оставалось уже немного, не больше полдороги до «Снятной горы» или «Снятни», какъ называютъ въ просторѣчьи монастырь,—отъ снятка, въ изобиліи здѣсь попадающагося. Троицкій соборъ совсѣмъ уменьшился, но все виденъ. Зато колокольня монастыря, похожая, особенно издали, на высокіе шпили ревельскаго Олая или петербургскаго Петропавловскаго собора, уже близко. За колокольней показывается продолговатый архіерейскій домъ—лѣтняя резиденція мѣстныхъ архіереевъ, и только послѣ него—объемистый куполь на высококомъ барабанѣ, куполь церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, главный историческій памятникъ монастыря.

Бывшій Снятогорскій монастырь очень красиво открывается на поворотѣ Великой. Высоко, на крутомъ выступѣ въ рѣку, размываемомъ весеннимъ ежегоднымъ разливомъ, стоитъ онъ, окруженный съ лѣвой стороны порядочнымъ монастырскимъ садомъ. По крутому спуску добираемся до св. вратъ.

Въ монастырѣ чудесно. Снѣгъ—крѣпкій настъ. Вѣтеръ все крѣпчаетъ. Небо немного пасмурное, изрѣдка снѣгъ сыплется, но здѣсь эта пасмурность незамѣтна. Оживленія никакого—красиво-пустынно. На насъ заливается-лаетъ собака. Березы качаютъ подъ вѣтромъ верхушками. Да позваниваетъ проволока, проведенная къ колоколамъ на колокольню. Такой торжественный, полный удовле-

творенности покой. А выйдешь на минуту, среди работы, через маленькую калитку въ восточной части монастырской стѣны—въ поляхъ кружить, взметаеть снѣга метелица, подь бѣшеные вопли вѣтра...

Братіи въ монастырѣ всего одинъ человѣкъ—іеромонахъ Георгій, невысокаго роста, плотный, въ кудряхъ, моложавый, хотя ему уже подь пятьдесятъ. Онъ вѣдаетъ хозяйственную частью (надь нимъ есть экономя еще, родственникъ архіерея) и переведень сюда, по его словамъ, въ то время, когда Снятогорье принадлежало Псково-Печерскому монастырю. Отець Георгій изъ крестьянъ. Отличный

Псково-Печерскій монастырь съ главною церковью Успенія.

человѣкъ и талантливый, на все руки, мастеръ. Послѣ, когда мы познакомились и разговорились, онъ разсказаль свою біографію. Былъ онъ сыномъ состоятельнаго крестьянина-подрядчика. Отець сильно пилъ. Тогда сынъ обратился къ сходу, и сходъ перевелъ большое хозяйство на него. Однако отецъ добился, что власть надь домомъ и дѣломъ снова перешла въ его руки, причемъ сынъ былъ обязанъ жить при отцѣ, который часто дрался. Но однажды, когда такое избіеніе произошло при свидѣтеляхъ, сынъ получилъ возможность оставить отцовскій домъ. Уйдя изъ дому, онъ былъ принятъ въ Псково-Печерскій монастырь, много работаль тамъ и тамъ же постригся. Разсказываль все отецъ Георгій хорощимъ, оригиналь-

нымъ, русскимъ народнымъ языкомъ. До сихъ поръ живой и всѣмъ интересующійся человѣкъ.

— Все, что кругомъ меня,—показывалъ онъ въ своей горницѣ,—все это моими руками сдѣланное.

Онъ и столяръ, и рѣзчикъ по дереву, и экипажъ дѣлалъ своему начальнику, и на колокольню подымался измѣрять, когда старый куполь былъ разбитъ молніей и нужно было ставить новый. Очень любить строительство, слышалъ и восхищается желѣзо-бетонными вооруженіями. У него хорошее отношеніе къ художникамъ:

— Ихъ дѣло святое.

И мы, благодаря нему, могли спокойно и не торопясь осмотрѣть монастырь.

Время его основанія въ точности неизвѣстно. Въ лѣтописи онъ поминается подъ 1299 годомъ, когда ливонскіе рыцари, меченосцы, напали на монастырь и убили игумена Іоасафа и семнадцать человѣкъ братіи¹⁾. Іоасафъ причисленъ къ лику святыхъ. Въ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы мы видѣли небольшую икону, поновленную въ 1858 году, на которой изображено это событіе. «Возможно,—говоритъ Н. Ѳ. Окуличъ-Казаринъ, въ своемъ прекрасномъ «Спутникѣ по древнему Пскову»:—что Іоасафъ и былъ основателемъ монастыря, такъ какъ во псковскихъ синодикахъ онъ называется первымъ Снятогорскимъ игуменомъ» (стр. 280). Запущенный и забытый нынѣ, монастырь въ пору расцвѣта отличался благоустройствомъ и обезпеченностью. Въ экономическомъ отношеніи это была промышленная община, гдѣ процвѣталъ обычай вкладничества: каждый монахъ дѣлалъ въ монастырскую казну имущественный вкладъ, доходы съ котораго поступали въ его пользу... Отсюда вышли псковскіе подвижники Евфросимъ и Савва. Здѣсь останавливались знатные гости и въ 1473 году—Софья Палеологъ, на пути изъ Царьграда въ Москву. Здѣсь постригались князья, а въ 1615 году Густавъ-Адольфъ шведскій устроилъ въ Снятогорьѣ свою штабъ-квартиру. Монастырь былъ упраздненъ въ 1804 году. Такова вкратцѣ внѣшняя его исторія.

Вступая черезъ святыя врата, попадаете вы на монастырскій дворъ. Прямо будетъ основаніе колокольни, за нею видна церковь Рождества Богородицы, а нѣсколько вправо—березовая аллея, ведущая къ архіерейскимъ покоямъ. Дворъ полонъ архитектурныхъ намѣреній. Все—миніатюры.

Прежде потянуло, конечно, къ церкви Рождества Богородицы. Эта церковь, кажется, до сихъ поръ почти не отмѣчена ни въ специальныхъ, ни въ общихъ журналахъ, а между тѣмъ такихъ, какъ она, всего три. Она, Спасо-Мирожскій соборъ и церковь Климента

¹⁾ По устному же преданію, не просто убили, а сожгли въ первоначальной деревянной церкви; и не семнадцать человѣкъ, а около шестидесяти!

въ Старой Ладогѣ (такъ, по крайней мѣрѣ, утверждало одно лицо, принимавшее непосредственное участіе въ раскопкахъ и обмѣрахъ на старолadoжскомъ городищѣ лѣтомъ 1912 года)—во всѣхъ трехъ очень много общаго. Невѣдомы творцы церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, какъ вообще невѣдомы творцы всего эпического! Лѣтопись относитъ сооруженіе ея къ 1310 году, но не раньше ли была она возведена, не въ одну ли пору съ Мирожей?

Архитектурное ея описаніе таково: однокупольная, трех-абсидная, съ сѣверной, южной и западной стороны окруженная поздними пристройками. Характерная же особенность та, что западные паруса барабана непосредственно опираются на западную стѣнку куба, такъ что жертвенникъ, дьяконникъ и алтарь вынесены цѣликомъ въ абсиды. Архитектурныя массы несимметричны: церковка совсѣмъ небольшая, а куполь громадный, крайнія полукруглыя абсиды крайне малы въ сравненіи съ громадной средней, упирающейся почти въ самый барабанъ купола. Передъ творцами храма стояла трудная архитектурная задача: соблюсти равновѣсіе этихъ не симметричныхъ массъ. Планъ церкви заставилъ зодчихъ опереть барабанъ и куполь на заднюю стѣнку; но чтобы тяжелый и большой куполь не показался громоздкимъ, былъ онъ поставленъ на высокомъ барабанѣ; а чтобы еще болѣе уравновѣсить скульптурное это тѣло, чтобы не создать безпокойства динамики архитектурныхъ массъ, главная, средняя абсида была тоже поднята неимоვნю высоко по сравненію съ двумя другими, впила въ крышей въ барабанъ и этой силой своей создала то равновѣсіе, которое успокаиваетъ зрителя, не оставляя впечатлѣнія незавершенности. Удивительна эта смѣлость, съ какою посаженъ куполь на кубъ храма! Чувствомъ мѣры проникнуто бѣдное украшеніе пояса на барабанѣ, легко и увѣренно вырѣзаны въ немъ узкія оконца, не разбившія основной скульптурности барабана, а только ярче оттѣнившія ее. Великолѣпно скомпанованы вогнутыя арки боковыхъ стѣнъ, нѣтъ суетныхъ наличниковъ на окнахъ, которые унесены вверхъ. Въ результатѣ уютъ и въ то же время размахъ царственный. Простое мышленіе во всей архитектурной идеѣ, и вмѣстѣ—громаднѣйшая сила выраженія. Ничего случайнаго и внѣшняго, ничего лишняго. Болѣе того. Когда новымъ зодчимъ пришлось уширить и развить планъ этой церкви, новые зодчіе прониклись строгостью стараго памятника и, внося во внѣшнюю обработку пристроекъ понятія красоты своего времени, внутри церкви не создали дисгармоніи.

Внутри ведетъ позднѣйшая паперть, съ арочнымъ входомъ въ простомъ орнаментѣ; орнаментъ—должно быть цвѣтныя поливы, заблѣенныя позднѣйшими передѣлками. Окна на фасадѣ уничтожены, осталась лишь орнаментация контуровъ. Отличная зеленая дверь съ громадною цѣпью, оканчивающеюся стариннымъ замкомъ, растворяется, и входимъ въ притворъ съ массивными сомкнутыми сводами.

Здѣсь три двери: прямо—въ церковь, слѣва въ ризницу, а справа—въ бывшую монастырскую трапезную (теперь консисторскій архивъ). Внутренность храма подѣлена на три продольныя части, отъ запада къ востоку, которыя соединяются между собою пролетами. Эти мощные проемы внутреннихъ арокъ содали новую прелесть простоты и величавости—базиликой вѣтъ отъ этихъ арокъ. Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до иконостаса, очень бѣднаго и по иконамъ своимъ ни въ коемъ случаѣ не раньше ужъ конца XVIII вѣка, продольныя стѣны и отдѣленія, покрытыя коробовыми сводами, останавливаются, такъ что между ними и иконостасомъ образуется узкое и продолговатое пространство. Надъ нимъ полный барабанъ съ восемью щелеобразными окнами; противъ иконостаса и алтаря каменные хоры, устроенные наверху, пройти на которые можно лишь изъ архива. За правымъ клиросомъ—моги убиенныхъ игумена съ братіей.

Въ алтарной части за престоломъ—патріаршее мѣсто, подобно тому, какое въ новгородской Софіи, а въ лѣвой абсидѣ, въ жертвенникѣ недавно обнаружена была фресковая роспись византійскаго типа. И мы разсматривали эту древнюю, при скудномъ свѣтѣ сѣроватаго дня, строгую (ликъ какого-то святителя) сине-желто-сѣрую фреску. Повидимому, вся церковь была расписана. Вотъ и новое доказательство богатства и благоустройства монастыря! Теперь все забыто...

Есть погребенія. Въ стѣнахъ не мало вдѣлано надгробныхъ плитъ; древнѣйшія; по удостовѣренію Н. Θ. Окуличъ-Казарина, 1647 и 1648 годовъ. Служба бываетъ всего разъ въ годъ.

Было холодно. Покуда спутникъ мой рисовалъ, вышелъ я на монастырскій дворъ. Залюбовавшись на древнее било, въ родѣ коромысла, какъ не перенестись мыслью къ колокольнѣ! А отецъ Георгій тутъ какъ тутъ: снова рассказываетъ, какъ онъ обмѣривалъ ее послѣ пожара. Тридцать сажень высоты!

— Былъ такой величественный куполокъ, а теперь нѣмецкая штука.

Самая колокольня восьмерикомъ, съ открытыми полукружіями на каждой сторонѣ во второмъ ярусѣ. На восьмерикѣ—кубъ, на кубѣ снова восьмерикъ, въ амбразурахъ колокола видѣются, этотъ послѣдній восьмерикъ покрытъ зеленымъ шлемомъ, на немъ небольшой осьмигранникъ и шатеръ, оканчивающійся крестомъ—все изъ желѣза сѣровато-синяго цвѣта.

— Деревя ни верхка нѣтъ,—говоритъ Георгій.

Внутри очень хороши лѣстницы подъ сводами, широкія, ведущія въ церковь Вознесенія (теперь не существующую больше, съ 1814 года) подъ колокольной. За площадкой обычная каменная узенькая лѣстница къ колоколамъ. Порывисто, рѣзко вѣтеръ свиститъ; по рѣкѣ, по полямъ пылить метелица... Смотримъ въ одну сторону—

далекій Псковъ съ Троицей, въ другую — смутная, бѣлая, какъ во снѣ рисующаяся, поляна: тамъ Псковское озеро. Холодно!

И внизу холодно. Немножко бы солнца! Какимъ бы стало все тогда радостнымъ! Высоко стоитъ монастырь. Вѣтеръ гудитъ надъ лѣсными прогалинами и въ поляхъ. Звенитъ проволока, проведенная на колокольню. Лаеетъ попрежнему собака. На кого?—Нищѣ идутъ, убогая Россія. Вотъ подошли, попросили... Старикъ заглянулъ въ душу голубыми глазами и пропалъ уже въ перелѣскѣ; окружающемъ монастырь, пропалъ, спускаясь внизъ.

Бывшій Снятогорскій монастырь, нынѣ архіерейское домоуправленіе. На правой сторонѣ церковь Рождества Пресвятой Богородицы XIII—XIV стол.

А тутъ бѣло, свѣтло. Зеленя кровли — радостны; пахнетъ сѣномъ, которое только что привезли работники; и свѣжеиспеченнымъ хлѣбомъ пахнетъ изъ поварни, спокойнымъ житьемъ.

Березы, ели. Около одной изъ стѣнъ церкви Рождества Богородицы на дняхъ, должно быть, начиналась капель. Да вотъ подморозило, и снова застыла...

Пусто все-таки. И церковь побѣлена. А какъ въ ней, надо полагать, хорошо было, когда она вся, и внутри и снаружи, была въ росписи, въ краскахъ! Косой лучъ солнца струился въ узкое окошко, озарялъ мрачныхъ византійскихъ угодниковъ. Чудесно, чудесно было!

Вернулись мы поздно, усталые, но счастливые. И вечеромъ, не торопясь, хорошо было побродить по луннымъ псковскимъ улицамъ, посмотрѣть старинную гражданскую архитектуру города, въ которой не мало общаго съ церковной.

Но въ десять часовъ вечера улицы уже пусты, девять десятыхъ населенія спитъ, приходится и намъ возвращаться. Ярко горятъ звѣзды. Бѣлѣтъ Паромеъ, и мы дома.

Не стану описывать остальныхъ дней пребыванія въ Псковѣ, которые всѣ прошли на вольномъ воздухѣ, въ хожденьяхъ по городу, по церквамъ, по кладбищамъ, у псковскихъ стѣнъ, въ странствіи къ монастырю святого Пантелеймона и т. п. занятіяхъ. Въ концѣ недѣли мы собрались въ Печоры.

Псково-Печерскій Успенскій монастырь перваго класса (съ 1813 года) находится, какъ извѣстно, въ 40 верстахъ отъ города Пскова по Псково-Рижской желѣзной дорогѣ, на границѣ Литвы и Лифляндіи. Или, какъ сказано въ лѣтописи: «подъ Нѣмецкимъ рубежемъ. 40 верстъ отъ Пскова, а десять за Изборскомъ, въ Тайловѣ погостѣ, семь верстъ отъ Новаго городка отъ Нѣмецкаго...» Основанъ онъ былъ во второй половинѣ XV вѣка бѣжавшимъ изъ Дерпта отъ «латинскихъ» гоненій священникомъ Іоанномъ (въ монашествѣ Іона), поселившимся близъ пещеръ самобытнаго, повидимому, происхожденія и заложившимъ малую Успеньевскую церковь, освященную 15-го августа 1473 года. Преемникъ его, Мисайль, построилъ кельи и церковь во имя Антонія и Θεодосія Печерскихъ. Но очень скоро монастырь былъ разоренъ литовцами и такъ стоялъ до 1519 года. Въ 1521 году сюда была принесена икона Успенія, а въ 1524 году начали строить обитель въ долину, гдѣ она стоитъ теперь; до того же времени была она на горѣ. Мисюръ Мунехинъ, «дьякъ псковской», и Ортюша Псковитинъ, «его подъячей», особенно много потрудились надъ устроениемъ обители. Но самый расцвѣтъ ея начался при игуменѣ Корниліи (1529—1570). Онъ устроилъ каменную Благовѣщенскую церковь (1541 г.), боевую стѣну съ башнями, прокопалъ далѣе пещеры—мѣстный некрополь, построилъ церковь святого Николая Чудотворца надъ сторожевыми воротами (1565 г.); число братіи при немъ возросло до 100 человекъ. Игуменъ Корнилій былъ убитъ Іоанномъ Грознымъ. Находясь на прежней русской границѣ и являясь, такимъ образомъ, важнымъ стратегическимъ пунктомъ, монастырь не разъ терпѣлъ нападенія и осады. Въ 1581—82 годахъ его брали приступомъ и томили осадкою войска Стефана Баторія; въ 1611—13 Лисовскаго и Густава-Адольфа; въ 1701 году Петръ I лично руководилъ здѣсь устройствомъ новыхъ укрѣпленій, что помогло отсидѣться при натискѣ шведовъ.

Обитель цвѣтетъ и до сего времени, чему, какъ кажется, служить между прочимъ доказательствомъ обширнѣйшій посадъ, обложившій монастырь съ сѣверо-запада.

Такъ вотъ въ эти «Печоры» и направились мы.

Утро попрежнему унылое, сѣрое. Поѣздъ не торопится. Сначала поля ровныя, гладкія, кой-гдѣ лѣсъ. Потомъ ложбины и возвышенности, а за ними и солнце... Снѣгъ блеститъ. Черезъ полчаса Изборскъ-станція, а вдали—городъ будто. Дорога, чѣмъ ближе къ границѣ, къ Печорамъ, все лѣсистѣе и пересѣченнѣе: то возвышенности, то лѣса, то замерзшія болота. Въ Печорахъ мы вышли. Поѣздъ дальше идетъ; дальше совсѣмъ «не русская» земля: не видно равнины, поѣздъ уходитъ въ какое-то ущелье...

Со станціи везетъ обдерганный, измученный мужиченка. Довольно бойко ѣдемъ лѣсною дорогою, но чѣмъ выше, тѣмъ труднѣе лошади тащить сани по обнажившейся, безснѣжной тропѣ. Извозчикъ нашъ давно уже слѣзъ, выскакиваемъ и мы и шагаемъ рядомъ. Ъзды до монастыря версты 4—5. Въѣзжаемъ въ предмѣстье, посадъ. Это—цѣлый городокъ провинціальный съ улицами, съ разными лавками и т. п. Монастырскія главы то показываются, то скрываются. Издали монастырь не кажется красивымъ: его портитъ это обиліе дерева, присутствіе этой грошевой цивилизаціи посадской, да и новую, постройки александровскаго времени, ампирную церковь во имя святой Софіи, неуклюжую и ненужную здѣсь, видно больше всего.

Вещи тяжелыя оставляемъ въ номерѣ монастырской гостиницы съ видомъ изъ окна на родную равнину, нумерѣ, однако, не особенно опрятномъ, и торопимся въ монастырь.

Надъ въѣздной башней, сторожевой, красуется двуглавый орелъ. Это со временъ Петра Великаго такъ. За нею высокія бѣлыя стѣны, оживляемые только рядомъ оконъ-бойницъ и крытою галереей вверху, звонница и приземистый входъ, надъ которымъ громадная икона Божіей Матери.

Въ воздухѣ тепло. Солнце сіяетъ. Началась капель. Одиннадцатый часъ утра. Мелодичный бой часовъ. На дворѣ, внизу, разрыхляютъ и монахи и рабочіе снѣгъ вмѣстѣ съ самимъ игуменомъ, невысокимъ сѣдымъ старичкомъ.

Мы спускаемся въ долину, туда, гдѣ сверкающія золотыми главами и синими-синими въ звѣздахъ куполами, бѣлыя стѣны, красныя оконныя наличники, бѣлыя наличники на розовомъ, сѣровато-палевыя, розовыя краски подъ голубѣющимъ нѣжнымъ небомъ, среди деревьевъ, дубовъ и березъ, всѣ стили, всѣ перемѣшавшіяся причудливо стили, отъ XV по XVIII вѣкъ, отъ псковскаго, черезъ Москву, и до русскаго барокко временъ Анны и Елизаветы, образовали гармоничное цѣлое, туда, гдѣ бѣлый, какъ свѣже-расколотый сахаръ, искрящійся, разрыхленный, подставленный солнцу снѣгъ и работающія черныя фигуры монаховъ...

Отецъ настоятель, совершенно бѣлый, но съ юношескими глазами старикъ, въ желтовато-коричневыхъ перчаткахъ и съ лопа-той въ рукахъ, насъ очень ласково встрѣтилъ и поздоровался такъ просто и радушно, что какъ-то даже неловко стало просить разрѣшенія на осмотръ: само собой вытекало. Онъ рассказывалъ намъ про монастырское благоустройство, показывалъ устроенный имъ тутъ же, на дворѣ, артезианскій колодезь, дающій много отличной, чистой воды, которую разрѣшается брать и посадку. Онъ шутилъ, и молодые послушники улыбались застѣнчиво...

Графъ С. Шереметевъ, посѣтившій Псково-Печерскій монастырь весной 1890 года¹⁾ говорить о сходствѣ Печоръ съ кievской Печерскою лаврою. Вступивъ на монастырскій дворъ, онъ почувствовалъ, что «сразу повѣяло югомъ. Кто былъ въ лаврѣ кievской, тотъ будетъ пораженъ сходствомъ зданій и мѣстности. Сильное кievское влiя-нiе здѣсь очевидно» Мы не знали Кiева, и намъ трудно было судить. Псковское здѣсь, на нашъ взглядъ, все же сильнѣе. Можетъ быть, потому, что была зима и предыдущiе нѣсколько дней, проведенные въ Псковѣ, переполнившiе насъ Псковомъ.

Мы прошли въ Успенскую церковь, гдѣ шла обѣдня. Въ церкви все—XVIII вѣкъ. Но осмотрѣть подробно ее не удалось. Не удалось изъ-за рисованья и фотографированья попасть и въ пещеры. Въ нихъ, если углубиться дальше, сплошной рядъ надгробiй XVI и XVII вѣковъ, съ ясно сохранившимися надписями и указанiями годовъ: надгробiя политы древнею зеленою эмалью съ любопытнѣйшими рисунками и начертанiями. Въ трехъ мѣстахъ запутанные переходы заканчиваются иконою, заслоняющею дальнѣйшiй путь. Всѣ могилы вдѣланы въ стѣну, наподобiе римскихъ катакомбъ²⁾.

При выходѣ изъ церкви наше вниманiе было привлечено какимъ-то высокаго роста крестьяниномъ: онъ кружился на одномъ мѣстѣ и что-то жалобно приговаривалъ; очевидно, результатъ страннаго паралича мозга.

Въ первомъ часу дня мы вернулись въ монастырскую гостиницу обѣдать. Старуха Ирина долго конфузилась, не соглашаясь нести постный обѣдъ. Но другаго ничего, кромѣ чаю, достать было нельзя. Обѣдъ состоялъ изъ щей капустныхъ съ грибами, картофеля съ капустой и бѣлой каши, въ самую середину которой влито было зеленое конопляное масло. Съ непривычки было трудно одолѣть этотъ обѣдъ, и большому самовару пришлось спасать положенiе. Послѣ обѣда старуха выпросила у насъ сниматься, и когда мы согласились, страшно разволновалась, засутилась, накинула на себя платокъ,

¹⁾ Графъ С. Шереметевъ. «Псково-Печерскій монастырь». Спб. 1895 г., стр. 7.

²⁾ Тамъ же, стр. 11.

ни за что не желая выйти простоволосой, и въ такомъ видѣ была изображена.

Теперь рѣшили мы обойти монастырь снаружи. Обзоръ начали съ сѣвера на югъ и западъ. Солнце играло въ поляхъ. Чернѣя перелѣсками, далеко уходятъ они. Петровскія стѣны начинаютъ поддаваться давленію времени: башни разрушаются. Но мощно, мощно держатся эти безконечные камни, хоть рвы уже не глубоки и бойницы не дѣйствуютъ. Изъ монастыря трое воротъ: Святыя, Изборскія и Нижнія. У монастырскихъ Нижнихъ воротъ протекаетъ рѣчка Каменка. Восточная стѣна и Благовѣщенская башня въ 1581 году болѣе всего испытали на себѣ, будучи наиболѣе слабой стороной въ смыслѣ защиты, силу осады и приступовъ.

Тутъ поля ливонскія. Глядя на толщю стѣнъ, на высокія башни, спускающіяся въ оврагъ, такъ ясно мы представляли монастырь, какъ оплотъ въ тяжелой почти трехсотлѣтней борьбѣ съ иноземными набѣгами. Здѣсь была русская граница. Есть какое-то чувство, что и посейчасъ она здѣсь. И такъ хочется воскликнуть, отошедши въ поля и разглядывая монастырскія стѣны издали, какъ восклицаетъ князь Курбскій въ «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина:

Вотъ, вотъ она, вотъ русская граница!..

Мечтая, незамѣтно подходимъ къ собору во имя святой Софіи, построенному графомъ Витгенштейномъ. Эхъ, какъ не къ мѣсту вышло это усердіе русскаго полководца-лютеранина! Въ Петербургѣ этому собору быть, въ Вильнѣ, въ Дрезденѣ, но не здѣсь! Графъ Шереметевъ справедливо называетъ его «тяжелымъ уродливымъ зданіемъ». Съ этимъ можно только согласиться. Въ соборѣ хранятся знамена ополченій 1812 года и иконы, принадлежавшія нѣкоторымъ изъ участниковъ похода.

Послѣ обхода снова мы на дворѣ. Солнце теперь (около двухъ часовъ дня) освѣщаетъ Успенскую церковь сади. Тишина полная— всѣ въ этотъ часъ отдыхаютъ. На дворѣ бѣло, свѣтло, нѣжно, какъ самъ настоятель старый, и въ то же время уютно, домашне необычайно. Курится дымъ, просвѣчиваемый солнцемъ, и отъ этого золотистый. Чирикаютъ воробьи, воркуютъ голуби. Золото на старомодныхъ анно-елизаветинскихъ главахъ свѣтится, лучится...

Мы начинаемъ опредѣлять. Ризница — московская, а крыльцо ея—Псковъ, звонница большая—псковская, а церковь Успенія—барокко. Вѣдь здѣсь даже карета хранится Анны Иоанновны! Значить, навѣщалась обитель, пользовалась вниманіемъ, какъ и въ прежнія, болѣе раннія, времена.

По лѣстницѣ, что рядомъ съ большой звонницей, мы взбираемся на гору, на крышу Успенской церкви. Тамъ, наверху, садъ. Есть

бесѣдка, испещренная надписями посѣтителей. И такъ близки сіяющія золотомъ и синевою главы Успенія и зеленыя крыши. Мой спутникъ рисуетъ, а я хожу по саду, въ бесѣдкѣ читаю надписи. Одну изъ нихъ приведу. Она характерна въ своемъ искреннемъ сентиментализмѣ и такъ подходитъ къ стилю здѣшнихъ мѣстъ. Неизвѣстный авторъ (къмъ бы онъ могъ быть?) написалъ: «Да будетъ благословенно мѣсто сіе и эта тихая обитель, нанесшая мнѣ много слезъ и радостей». Близость ли вечера, усталость ли и мелодичный звонъ къ вечернѣ навѣвають задумчивость, и съ нѣкоторою тайною грустью смотрю я вдаль, на «солнечныя печерскія поля», какъ назвалъ ихъ проѣзжавшій въ 1661 году нѣмецкій путешественникъ Мейербергъ.

Осмотрѣвъ еще одну звонницу, что неподалеку отъ Святыхъ воротъ, мы въ третій разъ, прощаясь, заходимъ на монастырскій дворъ, но не спускаемся внизъ, а смотримъ сверху, какъ на порозовѣвшемъ снѣгу (близокъ закатъ, и до нашего отъѣзда осталось уже немного), среди черныхъ сучьевъ деревъ выступаютъ въ новомъ освѣщеніи, въ третій разъ по новому, зданія обители.

Черною вереницей тянутся монахи къ службѣ, чернѣющими группами идутъ за ними прихожане изъ посада. Большой мужикъ снова кружится на одномъ мѣстѣ, все кружится и бормочетъ... А сквозь деревья попрежнему — розовое, сине-золотое, зеленое, бѣлое.

Когда началась служба, настала предпасхальная словно тишина, тишина Страстной субботы: все тогда свѣтится тайной радостью ближайшаго часа, въ каждой былинкѣ ощущается скрытая радостная жизнь—вотъ вырвется наружу, и надо всѣмъ тишина, особенная тишина. Черезъ весь дворъ къ намъ доносилось пѣніе... Солнце сѣло.

Снова башня съ золотымъ двуглавымъ орломъ. Какое удивительное смѣшеніе государственности и церковности, своего — псковскаго, Москвы, и западнаго—барокко. И какъ все миниатюрно, уютно! Упрощены, по сравненію съ Западомъ, формы барокко, но изящны. Вотъ настоящіе эпитеты для нея, для обители: она *сусальная*, своя, милая, пряничная, игрушечная!

Ирина звала насъ пріѣхать лѣтомъ, пожить здѣсь, погулять, когда много народу съѣзжается. Конечно, одного дня мало. Но удастся ли еще когда-нибудь попасть въ эти края? Кто знаетъ...

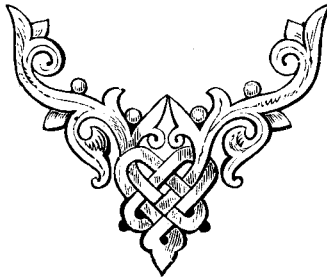
Тотъ же самый извозчикъ повезъ насъ къ поѣзду.

На станціи видѣли мы знаменитыхъ «полувѣрокъ», въ ихъ своеобразныхъ костюмахъ, несомнѣнно, финскаго происхожденія (напримѣръ, родъ небольшого панцыря на груди). По-русски говорятъ плохо, но считаются православными. Типъ лица не русскій, бѣлокуры, но красивы, высоки, стройны. На станціи были почти исключительно женщины, кого-то онѣ провожали—многія горько плакали...

Опять потянулись поля вечернія, а потомъ только ночь да звѣзды, глядѣвшія въ окно вагона, и потянулся нашъ длинный споръ: считать ли искусство барокко столь же гениальнымъ, какъ готическое, или нѣтъ?

Въ Псковѣ, на вокзалѣ, были устроены неожиданные проводы, закончившіеся тѣмъ, что насъ нагрузили продуктами мѣстной кухни. Снова приглашенія—пріѣхать лѣтомъ, да подольше но варшавскій поѣздъ уже понесся въ Петербургъ.

Влад. Княжнинъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА.

Восточная война 1853—1856 гг. и книга А. М. Заюнчковскаго.—
Борьба славянства съ германизмомъ: война Австріи съ Сербіей.

II.

ИЗЪ ПРЕДЫДУЩЕЙ статьи мы уже видѣли, до какой степени политическая обстановка, созданная императоромъ Николаемъ I, не отвѣчала задуманному имъ рѣшенію восточнаго вопроса; мало того, убѣдившись уже въ ошибочности политической своей системы при самомъ началѣ предпринятой имъ борьбы съ Европой, императоръ не имѣлъ силы порвать со старыми своими симпатіями, не могъ произнести слово осужденія предыдущей своей дѣятельности въ международныхъ отношеніяхъ и колебался въ своихъ рѣшеніяхъ итти по новому пути. Эти колебанія, эта нерѣшимость государя были тѣмъ прискорбнѣе, что отразились, къ невыгодѣ Россіи, и на военной сторонѣ предпринятой имъ борьбы.

Еще въ первомъ томѣ замѣчательнаго труда своего генералъ Заюнчковскій путемъ тщательнаго и безпристрастнаго изслѣдованія установилъ печальный фактъ отсталости Россіи отъ западныхъ государствъ въ военной сферѣ въ царствованіе императора Николая. Со временъ наполеоновскихъ войнъ Россія занимала, конечно, первенствующее мѣсто въ Европѣ, какъ военная держава, по численности своей арміи и доблести своихъ солдатъ; колоссальность воен-

ныхъ средствъ Россіи и особенное значеніе ея географическихъ условій хорошо стали извѣстны Европѣ со временъ 1812 года. Эта военная мощь государства, переданная Александромъ I своему преемнику, однако постепенно слабѣла при Николаѣ I вслѣдствіе того, что она застыла въ своемъ развитіи на одной точкѣ. Воспитанникъ плацпарадовъ, Николай I придавалъ ибключительно важное значеніе внѣшней выправкѣ солдатъ, фронтному обученію ихъ и мало обращалъ вниманія на развитіе военнаго дѣла въ широкомъ смыслѣ этого слова, на техническія усовершенствованія въ военномъ дѣлѣ. А между тѣмъ именно въ его время техника военнаго дѣла въ Западной Европѣ развивалась съ каждымъ годомъ и во всѣхъ отношеніяхъ: явились изобрѣтенія, имѣвшія, повидимому, лишь отдаленное отношеніе къ военному дѣлу, а между тѣмъ существенно измѣнившія самый характеръ военной обстановки и военнаго искусства: приложенія силы пара, магнетизма и электричества. Но консервативный духъ императора Николая не признавалъ новшествъ вообще, а въ военномъ дѣлѣ въ особенности. Равеніе, вытягиваніе носковъ, умѣнье «не дышать» было идеаломъ одиночнаго обученія солдата, плацпарадные упражненія—мѣриломъ достоинства офицеровъ и генераловъ. На стрѣлковое дѣло не обращали вниманія, полагая лучшимъ оружіемъ для православнаго воина одинъ штыкъ, а искусство стрѣльбы вредно вліяющимъ на мужество и храбрость солдата. Насколько смотровыя, плацпарадные требованія отвѣчали дѣлу въ дѣйствительной войнѣ, объ этомъ думали лишь въ той точки зрѣнія, что «война портитъ солдата», именно потому, что плацпарадные требованія въ военной обстановкѣ оказывались не только непригодными, но даже вредными. Разумѣется, что ближайшими сотрудниками императора въ военной сферѣ были люди, раздѣлявшіе его воззрѣнія, какъ князь Паскевичъ, кн. Чернышевъ, гр. Клейнмихель и др., а другіе, болѣе проницательные и лучше знавшіе военное дѣло, какъ Ермоловъ, графъ Толь, Граббе, Н. Н. Муравьевъ, Киселевъ, должны были или вовсе оставить военное поприще, или перейти на гражданскую службу. Противорѣчій императоръ не терпѣлъ, и хотя постоянно требовалъ, чтобы ему говорили «только правду, одну только правду», но, по выраженію одного современника, не всякая правда ему нравилась. А. М. Заіончковскій замѣчаетъ по этому поводу, что въ концѣ царствованія императоръ Николай вовсе не терпѣлъ противорѣчій. Д. Е. Остенъ-Сакенъ тогда же отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что это заставляетъ смотрѣть на будущее со страхомъ. Люди, умѣвшіе примѣняться къ взглядамъ государя, конечно, только выигрывали въ его игнѣнии. Въ недавно изданныхъ запискахъ знаменитаго Дуббельта, руководившаго при Николаѣ Третьимъ отдѣленіемъ и вполне преданнаго ему человѣка, приведено также немало фактовъ нетерпимости государя, заставлявшаго умолкать самыхъ вѣрныхъ

своихъ слугъ. Дуббельтъ рассказываетъ нѣкоторые случаи изъ собственной своей практики. Уже въ концѣ сороковыхъ годовъ Дуббельтъ докладывалъ чрезъ начальника своего, гр. Орлова, о необходимости введенія штуцеровъ въ армію и затѣмъ о крайней важности созданія въ Россіи парового флота взамѣнъ паруснаго; на оба доклада, чрезъ того же Орлова, Дуббельтъ получилъ двукратный отзывъ: «дуракъ». Пристрастіе императора къ плацпараднымъ требованіямъ Дуббельтъ приписывалъ вліянію на него брата, великаго князя Михаила Павловича, но и самъ императоръ воспитался подѣями же вліяніями прусскихъ, фридриховскихъ традицій, какія со временъ императора Павла старались насаждать въ русской арміи разнаго рода экзерцицмейстеры.

Многочисленность и несравненное мужество русскихъ войскъ, конечно, до извѣстной степени должны были возмѣстить техническую ихъ неподготовленность, какъ они и возмѣщали ее съ огромнымъ успѣхомъ, но и съ огромными потерями въ Кавказской войнѣ, гдѣ горцы били ихъ англійскими штуцерами. Но для этого необходимо было пользоваться временемъ и неподготовленностью Турціи и ея союзниковъ: необходимо было создать *faits accomplis* прежде, чѣмъ Франція и Англія могли двинуться на помощь султану, прежде, чѣмъ Австрія и Пруссія объявили свой сомнительный, почти враждебный нейтралитетъ. Но Австрія и Пруссія не допустили Россію до этого, увлекая ее на путь переговоровъ, заранѣе обреченныхъ на неудачу, и давая время западнымъ державамъ собраться съ силами. Уже 14-го іюня 1853 года высочайшимъ манифестомъ возвѣщено было о вступленіи русскихъ войскъ въ Молдавію и Валахію. Но Россія съ удивленіемъ узнала изъ манифеста, что это вступленіе еще не означало начала войны. «Истощивъ всѣ способы и съ ними всѣ мѣры миролюбиваго удовлетворенія справедливыхъ нашихъ требованій», читалось въ манифестѣ, «мы признали необходимымъ двинуть наши войска въ придунайскія княжества, дабы доказать Портѣ, къ чему можетъ вести ея упорство. Но и теперь мы не намѣрены начинать войны; занятіемъ княжествъ мы хотимъ имѣть въ рукахъ нашихъ такой залогъ, который бы во всякомъ случаѣ ручался намъ въ возстановленіи нашихъ правъ». Командующимъ войсками назначенъ былъ нерѣшительный, разсѣянный князь М. Д. Горчаковъ, болѣе подходившій къ этой миссіи, чѣмъ энергическіе, талантливые генералы Ридигеръ и Лидерсъ... «Со смѣшаннымъ чувствомъ надеждъ и опасеній, воинственнаго пыла и какого-то тяжелаго предчувствія, — говоритъ А. М. Заіончковскій, — встрѣтила Россія вѣсть о новыхъ и мало для кого понятныхъ военно-дипломатическихъ мѣрахъ противъ Турціи... Чувствовалась какая-то неестественность положенія, какая-то неопредѣленность дѣлей, недосказанность официальныхъ извѣстій. Полумѣры, къ которымъ вынужденъ былъ прибѣгнуть въ дѣляхъ

поддержанія чести Россіи государь, наводили на него тяжкое раздумье и приводили къ внутренней борьбѣ между тѣмъ, что онъ полагалъ необходимымъ сдѣлать для поддержанія достоинства страны, и тѣмъ, что онъ, окутанный паутиной двадцатилѣтней односторонней политической системы, принужденъ былъ дѣлать. Настроеніе императора Николая было самое грустное и тревожное: онъ неоднократно приказывалъ избѣгать всего, что можетъ привести къ необходимости «драки, чего искренно желаю избѣжать по неисчислимымъ того послѣдствіямъ»,—писалъ онъ князю Горчакову. До какой степени императоръ довѣрялъ еще въ то время «другу своему», императору австрійскому Францу-Иосифу, видно изъ того, что онъ писалъ ему: «Я желалъ бы, чтобы въ то время, когда я займу княжества, ты сдѣлалъ бы то же въ отношеніи Герцеговины и Сербіи, и это до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены наши справедливыя требованія». Но Австрія уклонилась отъ этого, мечтая втайнѣ о будущемъ униженіи Россіи, а пока императоръ Францъ-Иосифъ уполномочилъ русскаго посланника барона Мейендорфа передать императору Николаю его формальное увѣреніе, что онъ «никогда не вступитъ въ союзъ съ Франціей и Англіей противъ Россіи». Этому ручательству, къ сожалѣнію, захотѣли повѣрить, и этой вѣрою оправдывался дальнѣйшій нерѣшительный образъ Россіи. Войска наши стояли безплодно на Дунаѣ, а Австрія, принявъ на себя дружеское посредничество въ переговорахъ, вынуждала императора къ уступкамъ, которымъ не предвидѣлось конца. Дѣло дошло до того, что Турція отказалась принять проектъ соглашения между ней и Россіей, выработанный Австріей и западными державами и уже принятый императоромъ Николаемъ. Эта горькая дѣйствительность должна была, наконецъ, открыть глаза государю, потому что, по вѣрному замѣчанію А. М. Заіончковскаго, «дипломатическіе документы нашего министерства иностранныхъ дѣлъ не даютъ яснаго освѣщенія дѣйствительности. Это освѣщеніе является въ нихъ, если можно такъ выразиться, салонно-поверхностнымъ».

Между тѣмъ, войска наши, численностью до семидесяти тысячъ человекъ, разбросаны были на огромномъ пространствѣ по Дунаю, неся сторожевую службу и имѣя строгія инструкціи держать оборонительной системы дѣйствій по отношенію къ туркамъ. Вслѣдствіе стремленія кн. Горчакова сторожить всѣ пункты переправы черезъ Дунай войска были вездѣ въ недостаточномъ количествѣ, но несли чрезвычайныя тяготы. Цѣлью Горчакова было «всюду показать» свои войска, чтобы «всюду напугать» турокъ. Въ такомъ положеніи войска продолжали оставаться и послѣ объявленія войны Россіи Турціей 10-го октября 1853 года, когда она, увѣрившись въ содѣйствіи себѣ Европы и собравъ силы, задумала сама перейти въ наступленіе. Разница была лишь въ томъ, что, лишившись всякой

инициативы въ военных дѣйствіяхъ, прикованныя къ берегамъ Дуная, войска по торопливымъ и противорѣчивымъ приказаніямъ кн. Горчакова, принуждены были совершать безцѣльные, трудные переходы отъ одного пункта къ другому, по первымъ пустымъ слухамъ о движеніяхъ турокъ, которые вполне безопасно для себя могли на другомъ берегу Дуная сосредоточивать свои силы, гдѣ хотѣли. Императоръ Николай никакъ еще не могъ выяснитъ себѣ намѣреній Австріи, а она все рѣзче и рѣзче требовала, чтобы русскіе не переходили Дуная.

Князь Паскевичъ, какъ и самъ государь, понималъ невозможность такой военной обстановки и предлагалъ императору Николаю до тѣхъ поръ, пока представится возможность перейти за Дунай, поднять къ возстанію противъ турокъ христіанскія народности, подвластныя султану, возбудить въ нихъ надежду на освобожденіе подъ покровительствомъ русскаго государя. Но, говоритъ г. Заіончковскій, «способъ вооруженной борьбы противъ законной власти былъ такъ противенъ всѣмъ убѣжденіямъ императора Николая, что онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ нему лишь въ томъ случаѣ, когда признаетъ необходимость полного уничтоженія Оттоманской имперіи. «Мѣру сію,—возражалъ государю Паскевичъ,—нельзя, мнѣ кажется, смѣшивать со средствами революціонными. Мы не возмущаемъ подданныхъ противъ своего государя, но если христіане, подданные султана, захотятъ свергнуть съ себя иго мусульманъ, когда мы съ ними въ войнѣ, то нельзя безъ несправедливости отказать имъ въ помощи». Государь началъ склоняться къ этой мысли лишь тогда, когда Австрія стала открывать свои карты и русскіе послѣ безплоднаго пребыванія на Дунаѣ должны были отойти назадъ въ предѣлы имперіи. Въ отвѣтъ на извѣщеніе князя Горчакова о желаніи греческой этеріи и сербовъ поднять знамя возстанія противъ турокъ государь писалъ: «Признаюсь, не охотникъ я до нихъ, ибо явно пахнетъ революціонной *вонью* (курсивъ подлинника), тѣмъ болѣе, что хотятъ начать помимо воли короля греческаго, который на дняхъ просилъ моего совѣта и которому отвѣчалъ, что прошу его сидѣть спокойно у моря, ждать погоды! Рано ему еще начинать, позднѣе увидимъ! Признаюсь, что и сербамъ еще большой вѣры не даю, ибо много и у нихъ моральной порчи. Итакъ, намъ полезно быть осторожными и всѣ эти затѣи держать въ запасѣ». Лишь въ концѣ 1853 года онъ пришелъ къ мысли содѣйствовать независимости балканскихъ христіанъ, изъ боязни, что «во главѣ освобожденія европейскихъ христіанъ станетъ Англія, съ цѣлью дать имъ въ будущемъ такое устройство, которое шло бы въ разрѣзъ съ нашими существеннѣйшими интересами». Но противъ этой мысли императора Николая возсталъ извѣстный оберегатель Священнаго союза, канцлеръ Русской имперіи графъ Нессельроде, выставляя на видъ «противорѣчіе между планомъ государя и

политическимъ направлениемъ, котораго Россія неуклонно придерживалась почти полстолѣтїя, и невозможность для консервативной Европы слѣдовать за Россіей по этому новому пути». Императоръ сдался на увѣренія своего канцлера, и графиня Блудова въ концѣ 1853 года съ горестью писала Погодину, что измѣненіе во взглядахъ императора Николая на вопросъ объ освобожденіи христіанъ, «къ несчастію, никакъ еще не проникаетъ до дипломатіи нашей, и она же находитъ средство сдѣлать вялыми и безцвѣтными самыя хорошія предположенія». Лишь въ 1854 году, воплѣтивъ роль Австріи, по мѣрѣ развертыванія событій, императоръ Николай отмѣтилъ на докладѣ Нессельроде, что необходимо стремиться къ освобожденію всѣхъ христіанскихъ народностей на Балканскомъ полуостровѣ и къ образованію изъ нихъ независимыхъ государствъ.

Между тѣмъ игра Австріи съ Россіей продолжалась. Ни личное свиданіе императора Николая съ Францемъ-Иосифомъ въ Ольмюцѣ, ни дружеская переписка съ нимъ не привели Австрію на путь дружественнаго Россіи нейтралитета. «Возможно ли,—писалъ императоръ Николай Францу-Иосифу:—чтобы у Россіи не оказалось союзниковъ въ святомъ дѣлѣ, которое оно защищаетъ?» Къ удивленію его, это оказалось болѣе чѣмъ возможнымъ. 5-го декабря по новому стилю на совѣщаніи въ Вѣнѣ представителями Австріи, Пруссіи, Франціи и Великобританіи былъ подписанъ протоколъ, по которому «нижеподписавшіеся подтверждали, что настоящая война ни въ какомъ случаѣ не можетъ повести за собою территоріальныхъ измѣненій обѣихъ имперій, способныхъ измѣнить освященные временемъ владѣнія на Востокѣ, необходимыя для спокойствія всѣхъ прочихъ державъ». «Протоколъ этотъ,—говоритъ А. М. Заіончковскій,—остался неизвѣстенъ петербургскому кабинету, и этимъ моментомъ можно опредѣлить отклоненіе Вѣны отъ чистосердечныхъ сношеній съ Петербургомъ».

Не зная о совершившемся моральномъ и дипломатическомъ единеніи своихъ «союзниковъ» съ западными державами, государь уже въ январѣ 1854 года отправилъ въ Вѣну графа А. Ѳ. Орлова съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ онъ напоминалъ Францу-Иосифу о его обѣщаніи сохранить нейтралитетъ. Въ письмѣ этомъ были, однако, слова, которыя обнаруживали всю эфемерность надеждъ императора на содѣйствіе его союзниковъ въ дѣлѣ примиренія Россіи съ Турціей. «Лучшее средство для достиженія этой цѣли,—писалъ государь,—не обнаруживать слабости предъ западными державами и не допускать даже возможности подозрѣвать разрыва союза трехъ монархій, который такъ долго былъ охраной спокойствія Европы». Отвѣтомъ Австріи былъ отказъ въ обязательствѣ сохранять безусловный нейтралитетъ. «Нашъ государь,—заявилъ австрійскій министръ графъ Буоль графу Орлову,—безспорно довѣряетъ безграпично слову своего августѣйшаго друга, но ничто не

можетъ гарантировать, что давле ніе событій будетъ выше императорской воли. Несмотря на ея опредѣленныя стремленія, успѣхъ оружія, въ связи съ настроеніемъ подвластныхъ Турціи народностей, можетъ привести къ положенію вещей, противному интересамъ Австрійской имперіи». На указаніе соціальной важности сохраненія Священнаго союза графъ Буоль не безъ ядовитой насмѣшки отвѣчалъ: «Сущность русскихъ предложеній состоитъ въ сохраненіи среди настоящаго кризиса тѣснаго единенія трехъ державъ какъ оплота соціального порядка. Но вѣдь теперь дѣло идетъ не объ охраненіи порядка, а, напротивъ, чтобы пойти въ новыя комбинаціи, сущности и послѣдствій которыхъ нельзя предугадать». Австрія, вступая въ соглашеніе съ врагами Россіи, уже открывала свои карты, и въ ея «новыя комбинаціи» вошла измѣна государю, который за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ спасъ самое ея существованіе. Отвѣтъ Австріи и извѣстіе о вѣнскомъ протоколѣ поразили императора Николая до глубины души, вполне уяснивъ ему фатальность предыдущей его политики. «Союзники,—писалъ государь Францу-Иосифу 17-го февраля 1854 года,—на которыхъ имѣлъ я право разсчитывать, меня оставляютъ и даже нейтралитетъ свой подчиняютъ условіямъ, нынѣ отъ меня не зависящимъ. Требованіе гарантіи въ сохраненіи Турціи въ настоящемъ видѣ мнѣ кажется страннымъ, такъ какъ это не въ моей и ни въ чьей власти, если христіанскія народности возстанутъ... Я никогда не соглашусь вернуть освобожденныхъ христіанъ подъ иго завязтыхъ враговъ... Самая мысль несогласія между нами мнѣ въ высшей степени прискорбна, но *возможность войны между нами мнѣ кажется безсмысленной*».

Говорятъ, именно въ это время кн. Паскевичъ указывалъ государю, что нельзя итти на Константинополь, не сокрушивъ предварительно Австріи. Но былъ ли смыслъ въ этомъ указаніи для государя, основавшаго свою политику на Священномъ союзѣ и только что сохранившаго бытіе самой Австріи, вопреки голосу всего славянскаго міра и самой Россіи?

Измѣна Австріи фатально повліяла и на развитіе всей восточной эпопеи. Западныя державы, убѣдившись въ одиночествѣ Россіи, 12 марта 1854 года объявили ей войну, надѣясь на сочувствіе германскихъ державъ и даже на ихъ активную поддержку. Эта надежда и не обманула ихъ. Австрія въ особенности сыграла въ этомъ конфликтѣ рѣшающую роль: не объявляя Россіи войны, не рискуя ни однимъ солдатомъ, она приковала большую часть русскихъ силъ на западной границѣ почти на все время войны и тѣмъ облегчила дѣйствія союзниковъ на крымскомъ театрѣ войны. Отъ активнаго выступленія ее удержала лишь боязнь внутреннихъ осложненій съ венграми и славянами и грозное положеніе русскихъ войскъ на галиційской границѣ и въ царствѣ Польскомъ. Лично для императора Николая австрійская измѣна была тяжелымъ

ударомъ его рыцарской душѣ, его міросозерцанію, его вынесеннымъ съ дѣтства убѣжденіямъ. Въ Россіи это хорошо поняли. «Мнѣ его жаль,—писалъ Хомяковъ въ это время,—но съ нимъ виноваты и мы всѣ, все наше общество»... Въ начинавшейся борьбѣ за честь и достоинство Россіи императоръ Николай испыталъ наконецъ отрадное чувство—сознавать себя въ полномъ единеніи съ преданнымъ ему великимъ народомъ.

Почти годъ провела русская армія на берегахъ Дуная въ безпрерывной борьбѣ не съ внѣшнимъ врагомъ, а съ плодами коварной австрійской политики и гипноза, овладѣвшаго русскимъ правительствомъ. Блескъ Синопской побѣды и разгромъ турецкихъ армій подѣ Кюрюкь-Дара и Башь-Кадыкь-Ларомъ на азіатскомъ театрѣ войны пробудили наше правительство отъ летаргическаго сна въ Европѣ. Горчакову приказано было перейти Дунай и осадить Силистрію. Но когда это было совершено, и турки въ паникѣ бѣжали къ Варнѣ и Шумлѣ, Австрія окончательно сняла съ себя личину и, угрожая ударить въ тылъ нашихъ войскъ изъ Трансильваніи, потребовала очищенія княжествъ въ тотъ моментъ, когда Силистрія готова была пасть предъ русскимъ оружіемъ. Императоръ Николай согласился исполнить это требованіе австрійцевъ. Въ этомъ согласіи императора заключается оправданіе кн. Паскевича и кн. Горчакова, медлившихъ переходомъ черезъ Дунай и осадой Силистріи: имъ лучше, чѣмъ кому-либо, было извѣстно, что императоръ никогда не рѣшился бы на войну съ Австріей, ибо она казалась ему «безсмысленной». При этомъ условіи, конечно, дальнѣйшія дѣйствія русскихъ войскъ на Дунаѣ представлялись имъ бесполезнымъ пролитіемъ крови. Объ этомъ эпизодѣ восточной войны въ царствованіе императора Николая I г. Заіончковскимъ написаны краснорѣчивыя страницы, отъ чтенія которыхъ должно сжиматься каждое русское сердце. Ими заканчивается вышедшій теперь въ свѣтъ второй томъ монументальнаго добросовѣстнаго труда А. М. Заіончковскаго.

Когда мною написаны были эти строки, произошли событія, которыя напомнили намъ положеніе Россіи въ началѣ восточной войны 1853—1856 гг. и тогдашнюю борьбу ея съ Европой. Обозначень на этотъ разъ историческими судьбами истинный врагъ славянства и Россіи—нѣмцы, которые въ неудержимомъ стремленіи своемъ *Drang nach Osten* добиваются поглощенія славянства германизмомъ и униженія великой славянской державы, Россіи. Тевтонское самомнѣніе и кичливость дошли до крайнихъ предѣловъ, въ надеждѣ, что миролюбіе русскаго правительства заставитъ его итти отъ уступки къ уступкѣ безъ конца германскимъ вождедѣніямъ.

Но горькій опытъ восточной войны 1853—1856 гг. и 1877—1878 гг., завершившихся Парижскимъ миромъ и Берлинскимъ конгрессомъ печальной памяти, научилъ кое-чему и Россію. Раны, понесенныя русскимъ народомъ въ эти годы, не зажили еще, уроки, данныя намъ въ это время нѣмцами, не пропали ни для русскаго правительства, ни для народа. Въ Россіи не было и не будетъ войны популяріѣ за все время ея существованія, чѣмъ война съ нѣмцами. Въ этой войнѣ сольются всѣ отдѣльныя партіи, уничтожатся всѣ разногласія, и русскій народъ, во главѣ славянскаго міра, отстоить его существованіе на исторической аренѣ, какихъ бы потоковъ крови это ни стоило. Всѣ славяне въ этотъ историческій часъ, оставивъ всѣ свои домашніе ссоры и счеты, должны всѣ грудью стать противъ «Нибелунговъ въ блестящемъ вооруженіи», помня, что историческая Немезида стираетъ съ исторической сцены народы, не умѣющіе блюсти своей національной чести и достоинства. «Врагъ нашъ—нѣмецъ», сказалъ Скобелевъ сербскимъ студентамъ еще въ 1883 г. въ Парижѣ. Какія вѣщія слова!

Да, «врагъ нашъ—нѣмецъ», повторимъ мы за Скобелевымъ при свѣтѣ новѣйшихъ трудовъ по исторіи восточныхъ войнъ. И велика иронія исторіи! Спустя шестьдесятъ лѣтъ послѣ севастопольской страды во главѣ воинствующаго германизма является то же его орудіе, какъ бы нарочно дожившій до этого момента «другъ» императора Николая I, австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ! И Австрія—все та же: та же политика, тѣ же приемы борьбы, то же двоедушіе, опирающееся на осторожную поддержку Германіи, играющей роль тайнаго агента-подстрекателя. Австрія дѣйствуетъ нагло, снявъ личину, а «другъ» Россіи, Германія, говоритъ ей: «уступите Австріи, дозвоьте ей дѣйствовать, иначе будетъ страшная война, за которую вы отвѣтите предъ цѣлымъ міромъ, потому что и я, по союзному договору, должна помогать ей». Въ Берлинѣ до сихъ поръ не вѣрятъ твердости русской политики, до сихъ поръ думаютъ играть роль примирителей, сдерживая русскаго колосса. «Но есть и Божій судъ», скажемъ мы словами Лермонтова... Для насъ уже нѣтъ фантома, называвшагося въ насмѣшку надъ Россіей Священнымъ союзомъ, а «салонно-поверхностныя», по выраженію г. Заюнчковскаго, дипломатическія упражненія русскихъ дипломатовъ перенесены въ сферу борьбы за существованіе народовъ, которые не занесутъ надъ собою ножа ни ради Германіи, ни ради Австріи, и дорого, рѣками крови будутъ отстаивать свою національность, не взирая на дипломатическія формулы: не въ нихъ вѣдь дѣло.

Въ самомъ дѣлѣ, теперь не до формулъ. Рѣчь идетъ уже о подчиненіи славянскаго міра германскому. Австрія, по соглашенію съ Германіей, не заботясь о правѣ и о сладкихъ фразахъ дипло-

матовъ, занесла пожъ надъ Сербіей, форпостомъ славянства на юго-востокъ Европы. Сломить форпостъ этотъ, взять его въ свои руки значитъ быть хозяиномъ Балканскаго полуострова, открыть его волнамъ германизма, задушить южное славянство и явиться обладателемъ проливовъ — моста въ Малую Азію. Сербія для германскаго міра это первый листокъ съ огромнаго славянскаго артишока, оставшагося еще не съѣденнымъ нѣмцами послѣ Познани и Босніи съ Герцеговиной. Затѣмъ должна наступить очередь и Россіи, если бы она осталась равнодушною къ участи одного изъ младшихъ своихъ братьевъ. Уклоняясь отъ борьбы за Сербію, мы готовимъ себѣ участь горшую, чѣмъ уготовали себѣ поляки, дружка съ нѣмцами и предавая имъ померанскихъ и приодерскихъ своихъ братьевъ. Предать Сербію въ руки австрійцевъ, составляющихъ германскій авангардъ, для Россіи значило бы отказаться отъ своего историческаго призванія, превратиться въ вассала Германской имперіи... Способенъ ли къ этому великій историческій народъ? Вотъ почему нѣтъ и не можетъ быть русскаго человѣка, отъ Царя до послѣдняго крестьянина, который не видѣлъ бы въ предстоящей рано или поздно войнѣ съ Германіей и Австріей суда Божія надъ собою и кичливыми тевтонами... Война дѣйствительно будетъ безпощадная: еще Маколей, говоря о кровопролитныхъ битвахъ русскихъ съ пруссаками во время Семилѣтней войны, объяснялъ озлобленіе сражавшихся русскихъ и нѣмцевъ расовой ненавистью славянъ и германцевъ, накопившейся вѣками...

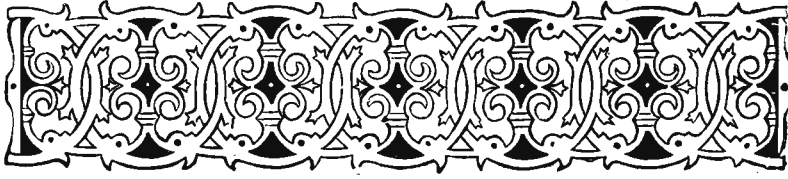
Мы не думаемъ, чтобы соперничество славянъ и нѣмцевъ могло кончиться посредствомъ хотя бы самыхъ тонкихъ дипломатическихъ формулъ и ухищреній. Не ими управляется народная мощь, и силы, дѣйствующія по направленію къ одному и тому центру, должны встрѣтиться и столкнуться, какъ бы ни были эластичны положенные между ними буфера. Исторія срываетъ всѣ дипломатическія ухищренія, какъ вѣтеръ шелуху отъ зерна. Современные событія ясно показываютъ намъ истинную подкладку и восточной войны 1853—1856 гг., всю извращенность нашей внѣшней политики того времени, приведшей къ войнѣ, проигранной ранѣе открытія кампаніи. Мы вели тогда войну съ западными державами Англійей и Франціей, а между тѣмъ, въ случаѣ новой восточной войны, обѣ онѣ будутъ въ одномъ съ нами лагерѣ; мы имѣли «союзниковъ»: Австрію и Пруссію, которыя и тогда въ сущности вели съ нами войну, притворяясь друзьями, а теперь обѣ эти державы явились предъ всѣмъ свѣтомъ въ настоящей своей роли. Мы отказывались отъ своей роли покровителей славянства, усиливали германизмъ, а теперь въ славянствѣ, въ единеніи съ нимъ видимъ свою культурно-историческую миссію, свое историческое назначеніе. Политика державныхъ покровителей славянства Алексан-

дра II, Александра III и Николая II вывела русскій народъ на великую историческую стезю, съ которой уже нѣтъ возврата. Авангардъ славянства, маленькая Сербія, уже принялъ на себя первые удары швабовъ, уже льется славянская кровь, и неужели великая Россія всею своею мощью не положитъ предѣла наглымъ германо-австрійскимъ выступленіямъ? Дѣло идетъ о будущности славянства, о существованіи самой Россіи...

«Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое!..»

Е. Шумигорскій.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Кончина императора Николая Павловича. Изъ донесенія барона ванъ-деръ-Хоопа его превосходительству г. посланнику великаго герцогства Гессенскаго, барону фонъ-Дальвигу цу-Лихтенфельсъ.

В настоящихъ строкахъ нижеподписавшійся позволяеть себѣ описать вашему превосходительству факты и наблюденія, которые онъ имѣлъ возможность сдѣлать во время предпринятой имъ, по повелѣнію его высочества, великаго герцога, поѣздки въ Петербургъ. Приступая къ повѣствованію, онъ проситъ ваше превосходительство отнестись съ благожелательной снисходительностью, если его свѣдѣнія окажутся недостаточными, и всѣ неправильныя сообщенія отнести на счетъ его неопытности и недостаточной освѣдомленности.

Сопровождая генераль-адъютанта великаго герцога, барона Тротта, я 5-го мая со скорымъ поѣздомъ выѣхалъ изъ Дармштадта въ Берлинъ. Печальная вѣсть о кончинѣ его величества русскаго императора Николая (Павловича) поразила Европу ужасомъ и большей частью печалью. Во время пути въ Берлинъ это событіе было единственной темой разговоровъ и рѣчей, въ которыхъ выражались большею частью искреннее участіе и уваженіе къ почившему государю. Это, видимо, съ особенной силой сказывалось у населенія прусскихъ провинцій. Прибывъ въ Берлинъ, я, въ сопровожденіи генераль-адъютанта барона Тротта, имѣлъ честь представиться русскому послу, барону Будбергу. Зданіе посольства, помѣщающееся на улицѣ Unter den

Linden, уже однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ свидѣтельствовало о той скорби, въ которую погружены его обитатели. Приѣмная, обитая чернымъ сукномъ, была полна посѣтителями, слѣшившими выразить представителю русскаго государства свое соболѣзнованіе по поводу тяжкой утраты, понесенной его народомъ. Несмотря на свое крайне подавленное настроеніе, баронъ Будбергъ принялъ насъ съ видимой радостью и былъ такъ добръ, что далъ намъ нѣкоторыя указанія относительно подробностей нашего путешествія. Видимо, съ особеннымъ удареніемъ говорилъ онъ о приѣздѣ его императорскаго высочества, эрцгерцога Вильгельма австрійскаго.

Было десять часовъ утра, когда 12-го марта мы подъѣхали къ дому генеральнаго консула великаго герцогства Гессенскаго въ Петербургѣ, барона фонъ-Гауффа. Мы хотѣли поговорить съ нимъ относительно нашей будущей квартиры, но не застали барона дома, и придворный чиновникъ повезъ насъ во дворецъ князя Волконскаго, въ которомъ по высочайшему повелѣнію намъ было отведено помѣщеніе. Уже въ одиннадцать часовъ прибылъ къ намъ фельдъегерь, передавшій намъ приказъ—явиться къ двѣнадцати часамъ къ его императорскому величеству. Въ слѣдствіе столь высокаго знака отличія, генераль-адъютантъ баронъ Тротта имѣлъ честь быть немедленно представленнымъ его императорскому величеству въ Зимнемъ дворцѣ для передачи того, что ему было приказано его высочествомъ нашимъ всемилостивѣйшимъ монархомъ. И мнѣ выпала на долю честь быть представленнымъ его императорскому величеству. Его величество, бывший въ мундирѣ Преображенскаго полка, имѣлъ весьма осунувшійся видъ. Огорченіе и заботы послѣднихъ дней, отсутствіе столь необходимаго для него покоя оказали, какъ говорятъ, замѣтное вліяніе на здоровье его величества тѣмъ болѣе, что государь въ теченіе этого года былъ нѣсколько разъ не совсѣмъ здоровъ. Тѣмъ не менѣе внѣшность его величества достойна удивленія. Ея величество, государыня императрица, повидимому, находится въ добромъ здоровьѣ, несмотря на огорченіе, котораго она не можетъ скрыть, и изволила оказать мнѣ особенное благоволеніе, милостиво освѣдомившись о моихъ (родныхъ). Траурный черный цвѣтъ весьма къ лицу ея величеству. «Я еще увижу тебя, Тротта», таковы были милостивыя слова, съ которыми ея величество изволила отпустить генерала, поѣхавшаго послѣ этого въ домъ графа Нессельроде, чтобы передать ему нѣкоторыя депеши. Самого графа мы не удостоились видѣть, ибо онъ не выходилъ изъ своей комнаты, пораженный скорбью о потерѣ государя, который относился къ нему съ такимъ благоволеніемъ. Только черезъ нѣсколько дней намъ удалось, черезъ посредство барона Бруннова, представиться этому высокопоставленному государственному человѣку.

Баронъ Брунновъ, котораго я имѣлъ честь видѣть дважды, по-

видимому, принимаетъ значительное участіе въ государственныхъ дѣлахъ и находится въ особенно хорошихъ отношеніяхъ съ графомъ Нессельроде.

Онъ выразилъ большія и основательныя надежды на миръ и въ особенности подчеркнул, что теперь есть основанія быть довольнымъ Англіей. На сдѣланное ему легкое возраженіе: «не слишкомъ ли рано предаваться призрачнымъ надеждамъ на миръ», онъ отвѣчалъ: «Если хочешь мира, какъ мы его хотимъ, то нужно въ него вѣрить. Я съ самаго начала былъ за миръ. Если же, кромѣ того, намъ не отказываютъ въ искренности (*bonne foi*), то всѣ скоро увидятъ, что мы жаждемъ его серьезно».

Баронъ Брунновъ живетъ въ прелестномъ, роскошно меблированномъ домѣ. На его рабочемъ столѣ лежали бельгійскія, французскія, нѣмецкія и англійскія газеты. Тутъ же лежалъ развернутый журналъ «*Revue de deux Mondes*», который его превосходительство, повидимому, только что читалъ. Во время нашего пребыванія въ Петербургѣ баронъ Брунновъ обращался съ нами скорѣе сердечно, чѣмъ дружелюбно. Съ благодарностью вспоминалъ онъ о хорошемъ приѣмѣ, который онъ и его супруга встрѣтили въ Дармштадтѣ.

Слова графа Нессельроде также способны были подкрѣпить вѣру въ серьезность мирныхъ надеждъ императорскаго правительства.

На другой день послѣ нашего прибытія въ Петербургъ, а также и во все время нашего пребыванія здѣсь, баронъ Тротта ежедневно посѣщалъ панихиды въ Петропавловской крѣпости. Сама церковь, украшенная внутри, можетъ быть, не такъ богато, какъ прочія петербургскія церкви, теперь блестяла во всемъ своемъ богатствѣ и красотѣ, которую могли дать вѣрная любовь и уваженіе къ скончавшемуся государю. Подъ самымъ куполомъ на возвышеніи былъ устроенъ балдахинъ феерической красоты, подъ которымъ покоился гробъ почившаго императора Николая. Надъ балдахиномъ, подбитымъ горностаемъ, возносилась императорская корона, прикрѣпленная какъ разъ посрединѣ подъ куполомъ. Двѣнадцать ступеней, ведшія на возвышеніе, гдѣ стоялъ гробъ, были богато обиты краснымъ бархатомъ и золотой парчей. Кругомъ нихъ, въ полукругѣ лежали на маленькихъ табуреткахъ, щедро украшенныхъ краснымъ бархатомъ и золотыми кистями, ордена и знаки отличія, которые имѣлъ покойный государь.

Первымъ на правой сторонѣ лежалъ великогерцогскій орденъ Людвигъ. Всѣ короны и государственныя инсигніи обширнаго государства находились на нѣсколько возвышенныхъ мѣстахъ, въ центрѣ были корона московская и корона Петра Великаго. Во всѣхъ концахъ и углахъ церкви горѣли паникадила съ сотнями свѣчей, распространяя свѣтъ, какъ днемъ. Гробъ, въ которомъ покоились смертныя останки его величества, былъ покрытъ богатой парчой.

На всѣхъ произвело сильное впечатлѣніе, когда ихъ императорскія величества государь императоръ и государыня императрица со всей императорской фамиліей и другими уже пріѣхавшими владѣтельными особами поднялись по двѣнадцати ступенямъ ко гробу и заняли мѣсто по правую сторону отъ него. Хотя отъ печальнаго наблюдателя и не могла скрыться глубокая скорбь высокыхъ особъ, однако нужно было удивляться величію души, съ которымъ его величество умѣетъ наружно спокойно переносить свое величайшее изъ всѣхъ горе. По окончаніи торжественнаго пѣнія, которымъ такъ богата греческая церковь, ихъ величества, сопровождаемыя всей царской фамиліей и прочими находившимися здѣсь высокими особами, твердымъ шагомъ и сохраняя наружное спокойствіе, подошли ко гробу и, преклонивъ по греческому обряду колѣна, поцѣловали покровъ на своемъ почившемъ отцѣ. Покровъ былъ снятъ съ лица его величества императора Николая, сохранившаго даже послѣ смерти свое благородное выраженіе, и на немъ оставленъ былъ лишь легкій крепъ. Послѣ генерала Тротты и я, а равно и всѣ присутствовавшіе удостоились увидѣть это печальное и возвышенное зрѣлище, которое останется незабвеннымъ для всѣхъ, кому выпала на долю эта честь. Не было ни одного изъ высокыхъ сановниковъ русскаго двора, не было никого изъ присутствовавшихъ, у кого въ глазахъ не стояло бы слезъ. Никогда большее почтеніе и болѣе глубокая печаль не выражались такъ сильно и такъ всеобще, какъ при кончинѣ этого великаго государя. Ветеранамъ прежнихъ и недавнихъ войнъ, покрытымъ ранами, часто безрукимъ и безногимъ, было предоставлено послѣднее утѣшеніе еще разъ увидѣть лицо ихъ государя, которое они любили при жизни и боготворили по смерти, и вознести за него къ небу самыя чистыя и громкія молитвы. Было сдѣлано распоряженіе, чтобы церковь была закрыта только отъ двухъ до четырехъ часовъ ночи, въ остальное же время дня и ночи служились панихиды. Его величество и весь императорскій дворъ бывали на панихидахъ ежедневно отъ часу до двухъ и отъ восьми часовъ до девяти. Почившій государь при похоронахъ ея императорскаго высочества великой княгини Александры Николаевны изволилъ приказать, чтобы въ такихъ случаяхъ церковь украшалась не черной матеріей, что было слишкомъ мрачно и печально, а свѣтлой. Это приказаніе было теперь исполнено, и церковь, а въ особенности балдахинъ были обиты золотой и серебряной парчой. Точно также, согласно желанію покойнаго государя, опредѣленно выраженному имъ при жизни, тѣло его не было набальзамировано, но сохранялось при помощи легкихъ надрѣзовъ и впрыскиванія квасцовъ. Утверждали, что на продолжительное время это можетъ дѣйствовать лишь съ большимъ трудомъ.

Мое слабое перо лишь съ трудомъ можетъ изобразить послѣднія

минуты усопшаго государя. Онъ были, однако, такъ велики, что я позволяю себѣ сообщить вашему превосходительству о самомъ замѣчательномъ, насколько я узналъ отчасти изъ устъ его высочества принца Петра Ольденбургскаго, частью изъ устъ генерала, коменданта Петропавловской крѣпости. Покойный государь за нѣсколько дней до своей смерти получилъ депеши. Быстро расхаживая по комнатѣ, онъ крикнулъ своему камердинеру Гримму: «Гриммъ, Гриммъ! Моему слову уже не хотятъ вѣрить! Съ какого времени я заслужилъ это? Насколько я помню, я всегда былъ вѣренъ своему слову».

Такъ какъ можно было опасаться катаральной лихорадки, то лейбъ-медикъ запретилъ его величеству выѣзжать въ манежъ. «Съ какихъ это поръ со мною можно говорить такимъ образомъ, Карелль?».—«Это моя обязанность».—«Хорошо, ты славный малый, Карелль. Ты исполнилъ свою обязанность, а я исполню свою». Съ этими словами его величество велѣлъ подать себѣ пальто, чтобы ѣхать на смотръ войскъ. Вашему превосходительству, безъ сомнѣнія, извѣстно, что эта поѣздка повлекла за собой смертельную болѣзнь. Когда болѣзнь стала принимать опасный оборотъ, государыня императрица попросила его величество приобщиться св. тайнъ. «Развѣ я такъ боленъ, что это необходимо?»—«Нѣтъ,—отвѣчала ей величество:—но это тебя укрѣпитъ». Лейбъ-медикъ, стоявшій около, молчалъ, пока говорила ей величество. «Я долженъ прежде приготовиться, времени у насъ еще хватитъ». Когда же докторъ Карелль сталъ настаивать, его величество сказалъ: «Я требую отъ васъ, чтобы вы исполнили теперь свою присягу, которую дали мнѣ когда-то, и сказали мнѣ, когда я умру, для того, чтобы мнѣ не умереть, не приготовившись къ этому. Помните о вашей присягѣ».—«Ваше величество,—сказалъ Карелль, вынимая часы:—черезъ два съ половиною часа васъ уже не будетъ въ живыхъ». Его величество на минуту закрылъ свое лицо и, когда отнялъ опять руки, оно сохраняло прежнее выраженіе. «Позовите мое семейство». Явились всѣ члены царской семьи, и его величество приобщился въ кругу своихъ. Его императорское высочество наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ опустился на колѣни около государыни императрицы, руку которой его величество крѣпко держалъ. Всѣ прочіе члены семьи также опустились на колѣни возлѣ ложа умирающаго, его императорское высочество великій князь Константинъ Николаевичъ у ногъ государя. Говорятъ, что его величество сказалъ наслѣднику цесаревичу слѣдующія послѣднія слова: «*Jamais empereur de Russie n'est mort sans que les troupes n'ayant été rassemblées après sa mort*»¹⁾. Не забывай объ этомъ». И дѣйстви-

¹⁾ Ни одинъ русскій императоръ не умиралъ безъ того, чтобы послѣ его смерти войска не были собраны (въ своихъ казармахъ).

тельно, послѣ его смерти всѣ войска въ Петербургѣ получили приказъ не отлучаться изъ своихъ казармъ. «*Jamais empereur de Russie n'est mort sans de grands évenements*» ¹⁾). Его величество благословилъ сына, взявъ къ себѣ на ложе его императорское высочество, теперешнаго наслѣдника, и сказалъ ему: «Поклянись мнѣ здѣсь, у моего смертнаго одра, что ты будешь такимъ же, какимъ твой отецъ былъ по отношенію ко мнѣ,—всегда послушнымъ и вѣрнымъ». Юный наслѣдникъ, глубоко растроганный, громко отвѣчалъ: «Клянусь быть такимъ же, какимъ былъ мой отецъ». — «Запомни хорошенько, что я тебѣ сказалъ». Великаго князя Константина онъ благодарилъ, равно какъ и всѣхъ членовъ своей августѣйшей семьи. Въ это время принесли денеши и письмо отъ ея императорскаго высочества изъ Крыма, которыя, какъ говорятъ, содержали благопріятныя извѣстія. Однако его величество отклонилъ чтеніе ихъ со словами: «Передайте ихъ вашему государю, я уже покончилъ съ міромъ, и онѣ ко мнѣ уже не относятся. А чтобы великая княгиня Ольга знала, что я и въ послѣдній часъ относился къ ней съ любовью, поставьте мое тѣло въ ея комнатѣ». И дѣйствительно, это приказаніе было исполнено. Вспоминалъ онъ и о его величествѣ королѣ прусскомъ, которому была послана, по его желанію, слѣдующая телеграмма: «*L'empereur Nicolas ne sera plus*» ²⁾). На что его величество соизволилъ отвѣтить: «*Si l'empereur ne sera plus, le roi de Prusse ne sera plus le même roi de Prusse*» ³⁾). Объ этихъ словахъ мнѣ не разъ говорили совершенно одинаково. Поэтому, не принимая на себя отвѣтственности за ихъ точность, я позволяю себѣ ихъ, по крайней мѣрѣ, привести. Бросивъ еще разъ взглядъ на теперешнюю государыню императрицу, какъ будто отдавая подъ ея высокое покровительство августѣйшую вдову, усопшій государь выпустилъ руки государыни императрицы, и это указало, что душа его отлетѣла.

Даже въ борьбѣ со смертью эта жизнь осталась великой!

Эти подробности рассказывалъ мнѣ, ручаясь за ихъ достовѣрность, камердинеръ ея императорскаго высочества принца Петра Александровича Ольденбургскаго. Его императорское высочество, примчавшійся сюда, какъ фельдъегерь, былъ пораженъ глубокой скорбью. Онъ встрѣчалъ всегда со стороны почившаго доказательства его высокаго уваженія и любви и былъ такъ милостивъ, что довольно долго бесѣдовалъ объ этомъ со мною. Его высочество вспоминалъ объ усопшемъ государѣ съ любовью и благодарностью и выражалъ надежду, что и въ Германіи желаютъ мира, достичь

¹⁾ Ни одинъ русскій императоръ не умиралъ безъ того, чтобы не произошли большія событія.

²⁾ Императора Николая (скоро) не будетъ.

³⁾ Если императора (Николая) (скоро) не будетъ, то король прусскій будетъ уже не тѣмъ.

котораго будетъ теперь стараться императорское правительство. «Si on pensa avec bonne foi de nous, on aura la paix, si non, nous saurons nous défendre»¹⁾.

Что касается величественной церемоніи перенесенія тѣла покойнаго государя, то я позволяю себѣ приложить для вашего превосходительства ея программу, въ которой она приведена во всѣхъ подробностяхъ. Позволяю себѣ прибавить слѣдующія подробности. Вся императорская фамилія явилась ко гробу, между тѣмъ какъ вдовствующая императрица оставалась въ церкви до того момента, пока тѣло его величества не было опущено въ могилу. Эта церемонія, совершавшаяся подъ громъ пушекъ Петропавловской крѣпости и ружейный огонь всей гвардіи, выстроенной на крѣпостныхъ стѣнахъ, была самой величественной и трогательной, какую только можно видѣть. Послѣ того, какъ его величество собственно ручно снялъ надгробную пелену, гробъ былъ опущенъ въ могилу, которая была вырыта въ уровень съ поломъ собора. Пустое пространство, остававшееся около гроба, было тотчасъ же заложено кирпичомъ и надъ гробомъ положена массивная плита изъ серебра. Всѣ сановники присутствовали до конца этого послѣдняго акта печальной церемоніи. На плитѣ былъ поставленъ саркофагъ, украшенный парчою и императорскими гербами для того, чтобы обозначить мѣсто, гдѣ почиваютъ смертныя останки великаго государя. Его могила, находящаяся влѣво отъ входа въ соборъ, расположена симметрично съ могилой Петра Великаго. Среди лицъ, которыя были глубже другихъ растроганы и дольше стояли на колѣняхъ у этой могилы, былъ и герой войны за освобожденіе, князь Чернышевъ. Поддерживаемый двумя офицерами, онъ опустился на колѣни. Самый Петербургъ въ этотъ день былъ больше, чѣмъ когда-либо, погруженъ въ печаль и тишину. Черезъ два дня послѣ этой церемоніи я имѣлъ честь присутствовать на парадѣ, который его величество далъ гвардейскимъ резервамъ. Количество войскъ доходило до тридцати тысячъ человѣкъ. Они встрѣтили его величество, объѣзжавшаго фронтъ быстрымъ галопомъ, восторженнымъ «ура», которое повторялось потомъ всякій разъ, какъ они проходили мимо. Составъ и снаряженіе этихъ отборныхъ войскъ не оставляли желать ничего лучшаго и превзошли, вѣроятно, всѣ ожиданія иностранныхъ гостей. Его королевское высочество принцъ Карлъ Прусскій, удостоившій меня довольно продолжительнаго пріема, отозвался объ этомъ парадѣ въ высшей степени благосклонно и, повидимому, не безъ удовольствія придавалъ большое значеніе тому, что эти войска всегда можно еще на столько же увеличить. Его королевское высочество замѣтилъ, что Кронштадтъ

¹⁾ Если вѣрять въ нашу добросовѣстность, то миръ у насъ будетъ. Если нѣтъ, то мы сумѣемъ защитить себя.

теперь неприступенъ и что это слѣдуетъ поставить въ заслугу планамъ недавно умершаго генераль-инспектора королевской прусской арміи барона Астера, который, по приказанію императора Николая, прислалъ сюда эти планы.

Что касается Севастополя, этой второй Трои, то въ Петербургѣ, повидимому, на этотъ счетъ совершенно спокойны. Здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта крѣпость не будетъ взята. Боятся же вспышки чумы. Послѣ того, какъ баронъ Тротта нашель нужнымъ заявить о томъ, что онъ желалъ бы уѣхать, ему было приказано явиться во дворецъ графа Нессельроде, который вручилъ ему, по порученію его величества государя императора, орденъ св. Анны 1-й степени, а мнѣ тотъ же орденъ 3-й степени. Мнѣ выпало на долю еще одно отличіе, когда ихъ величества милостиво одарили меня прекрасно сдѣланнымъ черкесскимъ кинжаломъ.

На другой день, когда ихъ величества изволили прислать свои письма, мы имѣли честь еще разъ имъ представиться. Его величество, удостоившій подать мнѣ руку, имѣлъ, замѣтно, болѣе здоровый видъ и, повидимому, успѣлъ отдохнуть отъ хлопотъ и заботъ послѣднихъ дней. Государыня императрица, изволившая повелѣть мнѣ благодарить за привезенные подарки, также имѣла болѣе здоровый видъ, чѣмъ въ началѣ, и оказала мнѣ особую милость, соизволивъ вспомнить о моихъ родныхъ.

Преисполненный благодарности за милость его королевскаго высочества великаго герцога, моего всемилостивѣйшаго государя, давашаго мнѣ возможность увидѣть столько высокаго, благороднаго и прекраснаго, я черезъ Кенигсбергъ—Берлинъ и Дрезденъ вернулся обратно въ Дармштадтъ вмѣстѣ съ барономъ Тротта, который заботился обо мнѣ, какъ родной отецъ.

Позволяя себѣ еще разъ просить благосклонной вашего превосходительства снисходительности къ этимъ строкамъ, имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою, барономъ Конрадомъ ванъ-деръ-Хоопъ, лейтенантомъ конной гвардіи.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Атласъ Азіатской Россіи. 60 картъ + 12 діаграммъ. «Азіатская Россія». Т. I. «Люди и природа за Ураломъ». Стр. 576 + VIII. — Т. II. «Земля и хозяйство». Стр. 618 + II. Спб. 1914. Ц. 25 р.

АКЪ это ни странно и какъ ни стыдно, но интересоваться отечествовѣдѣніемъ начали мы весьма недавно. Правда, нѣкоторые ученые учрежденія наши и отдѣльныя лица, часто преодолевая величайшія затрудненія, не мало потрудились на поприщѣ изученія Россіи, и, собранные во едино, «труды» ихъ могли бы составить прекрасную бібліотеку. Однако въ большинствѣ случаевъ «Труды» эти какъ по своему содержанію, такъ и по изложенію доступны лишь ограниченному кругу читателей. Результаты столь неразумнаго отношенія къ дѣлу «познанія Россіи» получились, конечно, очень прискорбныя. Мы гораздо лучше знали Германію, Италію, Америку, даже Африку и Австралію, чѣмъ свое отечество, о которомъ намъ изстари настойчиво твердили только одно, что «страна наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ». Особенно плохо знали мы русскія азіатскія владѣнія. Какая-то далекая, мерзлая, пустынная и чуждая намъ окраина, годная лишь для «остроговъ» и каторги, — вотъ какъ въ теченіе многихъ десятилѣтій смотрѣло большинство русскаго общества на Зауралье. Когда же заходила рѣчь о средне-азіатскихъ владѣніяхъ, то многіе, махнувъ рукой, замѣчали: «голые пески, пустыня». И это не сто, не пятьдесятъ лѣтъ назадъ, а и сейчасъ можно услышать такого рода сужденія.

Между тѣмъ, люди, знакомые съ Азіатской Россіей не по однимъ учебникамъ географіи, давно убѣдились, что эта «окраина», къ слову сказать, втрое превосходящая Европейскую Россію, — неисчерпаемое золотое дно, полное всяче-

скихъ богатствъ и заслуживающее самага пристального вниманія. Именно сюда должны быть направлены взоры и политическихъ и общественныхъ дѣятелей. Именно здѣсь лежитъ ключъ къ тѣмъ золотымъ вратамъ, сквозь которыя сможетъ войти крестьянская Русь въ царство довольства и благосостоянія. Здѣсь кроется залогъ будущаго благополучія Россіи, и именно отсюда прежде всего нужно начинать ту великую работу, къ которой призывалъ русское общество покойный Д. И. Менделѣевъ въ своей книгѣ «Къ познанію Россіи».

Благой починъ въ этомъ направленіи положило переселенческое управленіе главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, издавъ капитальнѣйшій трудъ, посвященный Азіатской Россіи. Представляя собою огромный (in folio) атласъ, состоящій изъ шестидесяти картъ и двѣнадцати диаграммъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько красокъ, а также роскошно изданныхъ два тома описательнаго текста, трудъ этотъ даетъ полную картину и прошлаго, и современнаго положенія нашихъ зауральскихъ владѣній. Въ исторической части атласа читатель увидитъ карту Московскаго государства и сибирскихъ земель, составленную еще до покоренія Сибири Ермакомъ, тутъ же найдетъ онъ и «Чертежъ земли Московской» XVII вѣка; дальше помѣщены карты: распространенія русскаго владычества въ Азіатской Россіи, административнаго дѣленія, естественно-географическихъ областей, устройства поверхности, климатическая, почвенная, этнографическая, флористическая, путей сообщенія, полезныхъ богатствъ, главнѣйшихъ промысловъ и т. д. Кромѣ того, въ атласѣ помѣщенъ рядъ диаграммъ и картограммъ, наглядно изображающихъ относительную величину русско-азіатскихъ областей, губерній и западно-европейскихъ государствъ, а также ростъ городовъ, развитіе сельскаго хозяйства, торговли, землеустроительнаго и переселенческаго дѣла, обеспеченность населенія крупнымъ и мелкимъ скотомъ, обслуженность Азіатской Россіи судебными и финансовыми учрежденіями, расходъ и приходъ государственнаго казначейства по нашимъ зауральскимъ владѣніямъ и мн. др. Словомъ, уже бѣглый просмотръ атласа позволяетъ широко ознакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано нами въ азіатскихъ владѣніяхъ, что предстоитъ здѣсь дѣлать и что вообще можно отъ нихъ ожидать.

Переходя къ объяснительной части разбираемаго изданія, необходимо отмѣтить ту же полноту содержанія и тщательность выполненія, какую блестятъ и самый атласъ. Въ двухъ объемистыхъ томахъ «Азіатской Россіи» дана, такъ сказать, энциклопедія Сибири и закаспійскихъ владѣній. Но свѣдѣнія, помѣщенные здѣсь, изложены не съ присущею большинству энциклопедій сухостью и сжатостью, а весьма пространно, обстоятельно и при томъ вполне популярно, а порой даже и увлекательно, что отнюдь не послужило въ ущербъ научному достоинству настоящаго труда.

Въ краткой замѣткѣ нѣтъ возможности подробно остановиться на содержаніи объяснительнаго текста къ атласу, однако простой перечень главнѣйшихъ статей достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что читатели «Азіатской Россіи» найдутъ здѣсь всѣ необходимыя свѣдѣнія для полнаго знакомства съ русскими владѣніями въ Азіи. Исторія нашихъ завоеваній, пространство и границы Азіатской Россіи, административное и судебное устройство, народы, ихъ бытъ, нравы и религія, растительность и животный міръ, геологическое строеніе.

горныя и лѣсныя богатства, занятія и промыслы жителей, торговля, промышленность и кредитъ, устройство поверхности, почвы и климатъ, крестьянское переселеніе и русская колонизація за Ураломъ, Дальній Востокъ, земли кабинета Его Величества, пути сообщенія, города, казаки и казачьи земли, искусственное орошеніе и исторія изученія Азіатской Россіи—таковы крупнѣйшіе очерки, въ составленіи которыхъ приняли участіе: профессоръ С. М. Середонинъ, А. И. Воейковъ, К. Д. Глинка, В. В. Сапожниковъ, Л. С. Бергъ, И. П. Толмачевъ, В. А. Федченко, П. Е. Васильковскій, А. А. Калантаръ, М. А. Цвѣтковъ, А. А. Силантьевъ, И. П. Поддубный, П. П. Румянцевъ и др.

При полной общедоступности изложенія, «Сибирская энциклопедія», однако, можетъ представить выдающійся интересъ не только для обычнаго круга читателей популярныя книги. Обиліе цифровыхъ данныхъ и разносторонняго матеріала справочнаго характера дѣлаютъ «Азіатскую Россію» необходимой книгой для каждаго дѣловаго человѣка, интересующагося современнымъ состояніемъ нашихъ азіатскихъ владѣній. Въ отдѣлахъ городскаго и сельскаго хозяйства, финансоваго положенія края, промысловаго, школьнаго, врачебнаго и переселенческаго дѣла даны и исторія вопроса, и новѣйшія данныя, а въ особомъ приложеніи приведенъ и подробный указатель (до 4.000 названій) научныхъ и литературныхъ источниковъ по «сибиревѣдѣнію», благодаря чему интересующіеся какимъ-либо вопросомъ легко могутъ навести желаемую справку или подобрать соответствующую литературу.

Прекраснымъ дополненіемъ къ тексту служатъ многочисленныя (до тысячи) иллюстраціи, исполненныя съ фотографическихъ снимковъ фирмами Голике и Вильборга и Прокудина-Горскаго. Портреты завоевателей азіатскихъ владѣній, виднѣйшихъ путешественниковъ, изслѣдователей и государственныхъ дѣятелей, панорамы городовъ и селеній, живописнѣйшіе уголки зауральскихъ и закаспійскихъ областей, народы, флора и фауна Азіатской Россіи—любопытнѣйшія фотографія изъ быта переселенцевъ, высоко интересные снимки съ растущихъ, какъ грибы, городовъ въ заселяемыхъ участкахъ, замѣчательные архитектурные и историческіе памятники... Да развѣ все перечтешь? Достаточно сказать, что такого богатаго по количеству рисунковъ изданія изъ области отечествовѣдѣнія мы еще никогда не имѣли.

Цѣна всего изданія 25 руб., но это слѣдуетъ считать прямо-таки ничтожнымъ, принимая во вниманіе великолѣпную бумагу, обиліе рисунковъ и художественность исполненія.

П. Кривица.

Биографическій очеркъ генераль-фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича Волконскаго (1776—1852 г.) Спб. 1914. Стр. 136. Съ портретомъ и двумя снимками. Цѣна 2 р.

Появленіе въ печати настоящаго краткаго биографическаго очерка генераль-фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича Волконскаго объясняется желаніемъ его потомковъ «собрать воедино довольно многочисленныя свѣдѣнія объ этомъ дѣятелѣ, нынѣ разбросанныя по разнымъ печатнымъ произведеніямъ, а также напомнить русскому обществу въ столѣтнюю годовщину

торжественнаго вступленія русских войскъ въ Парижъ о почившемъ фельд-маршалѣ, первомъ признавшимъ (sic) необходимость движенія союзныхъ войскъ на этотъ городъ». Такими словами анонимный авторъ опредѣляетъ цѣль и содержаніе своей книжки, вышедшей ко дню 19-го марта текушаго года, когда исполнилось сто лѣтъ со времени взятія Парижа. Нельзя не пожалѣть объ отсутствіи серьезной монографіи о свѣтлѣйшемъ князѣ Волконскомъ, генераль-адъютантѣ императора Александра I, долготѣнемъ министрѣ двора и удѣловъ и фельдмаршалѣ, вполне заслуживающемъ такой монографіи по многимъ отношеніямъ: и по своимъ государственнымъ заслугамъ, и по служебному, и придворному положенію въ продолженіе двухъ долгихъ царствованій, наконецъ, по своимъ личнымъ качествамъ и по тѣмъ дружескимъ отношеніямъ, которыя связывали его съ императоромъ Александромъ I. «Онъ и онъ одинъ, кромѣ «безъ лести преданнаго» графа (Аракчеева), оставался безсмѣннымъ другомъ и спутникомъ Александра. Князь былъ дѣйствительно и въ полной мѣрѣ довѣреннымъ лицомъ монарха до самой кончины его въ Таганрогѣ»; свойства характера его «пріятно дополняли сложныя черты души его державнаго друга» и «сдѣлали изъ князя Петра Михайловича образцоваго царедворца и незамѣнимаго министра двора»—такими словами характеризуетъ князя Волконскаго великій князь Николай Михайловичъ въ своемъ изслѣдованіи «Генераль-адъютантъ императора Александра I» (Спб. 1913, стр. 4). Разсматриваемая компиляція, къ сожалѣнію, не восполняетъ указаннаго пробѣла и даетъ не жизнеописаніе князя Волконскаго, а представляетъ, собственно говоря, распространенный формулярный его списокъ, лишь кое-гдѣ дополненный извлеченіями изъ немногихъ печатныхъ источниковъ. Изложеніе автора чрезвычайно сухо, отрывочно, скупо: напримѣръ, глава о дѣятельности князя Волконскаго въ Отечественную войну занимаетъ всего четыре странички разгонистой печати,—немного менѣе, чѣмъ заняло у автора описаніе похоронъ фельд-маршала. Нечего, поэтому, и говорить, что новаго въ книжкѣ нѣтъ ни слова, а старое, уже извѣстное, изложено такъ, что не даетъ сколько-нибудь яркой характеристики Волконскаго; плохо восполняютъ этотъ недостатокъ и приведенные въ послѣдней (IX) главѣ «отзывы современниковъ», которыми составитель хотѣлъ обрисовать черты характера князя. Очень хорошо исполнена гелиографюра съ портрета князя Волконскаго, но не сказано, гдѣ находится оригиналъ, съ котораго она сдѣлана; нѣтъ въ книгѣ ни оглавленія, ни перечня иллюстрацій, такъ что неизвѣстно, съ чего именно сдѣланъ снимокъ съ герба князя Волконскаго, приложенный въ самомъ концѣ книги.

Цѣну книги нельзя не признать непомѣрно высокою.

Г. Гарокій.

В. Л. Снегиревъ. Архивное законодательство при Петрѣ Великомъ. Очеркъ по исторіи архивнаго дѣла въ Россіи. М. 1913.

Еще въ 1902 году покойнымъ профессоромъ Д. Я. Самоквасовымъ былъ напечатанъ капитальный двухтомный трудъ, посвященный обслѣдованію архивнаго дѣла въ Россіи, и тѣмъ положено начало изученію этого вопроса

въ отечественной литературѣ. Второй томъ этой работы познакомилъ читателей съ современнымъ, крайне печальнымъ, состояніемъ нашихъ безчисленныхъ актохранилищъ, утратившихъ невѣроятное множество своихъ письменныхъ памятниковъ. Профессоръ Самоквасовъ въ своемъ трудѣ на первомъ планѣ имѣлъ цѣлью дать указанія къ охранѣ документовъ отъ гибели, путемъ правильной постановки архивнаго дѣла въ Россіи; историческому же прошлому нашего архивовѣдѣнія профессоръ Самоквасовъ удѣлилъ лишь нѣсколько страницъ, такъ какъ его болѣе интересовала «настоящая и будущая постановка архивнаго дѣла въ Россіи».

Настоящій очеркъ В. Л. Снегирева до извѣстной степени пополняетъ этотъ пробѣлъ и даетъ интересную главу о прошломъ архивнаго дѣла въ старой Руси. Взявъ эпоху Петра Великаго, богатую самыми разнообразными реформами, авторъ сдѣлалъ пространный обзоръ законодательства, касавшихся упорядоченія и улучшенія архивнаго дѣла за этотъ періодъ. Въ книгѣ весьма симпатичнымъ является то, что онъ не ограничился однимъ сухимъ систематическимъ изложеніемъ собраннаго по мелочамъ матеріала, но постарался дать сильное объясненіе и освѣщеніе цѣли и значенію каждаго изъ приведенныхъ указовъ, направленныхъ къ улучшенію той или другой стороны архивовѣдѣнія въ эпоху приказовъ.

Отмѣчая главнѣйшіе недостатки системы архивовѣдѣнія въ допетровскую эпоху, В. Л. Снегиревъ на первомъ мѣстѣ ставитъ «храненіе собственно архивныхъ документовъ съ документами текущаго дѣлопроизводства..., благодаря такому смѣшенію документовъ царила большая запутанность и медлительность при разнаго рода справкахъ» (стр. 14); затѣмъ много вредило дѣлу отсутствіе специальныхъ лицъ для надзора и храненія архивныхъ документовъ.

Въ эпоху Петра Великаго, на ряду съ другими, эти коренные недостатки были исправлены цѣлымъ рядомъ указовъ, большинство которыхъ падаетъ на періодъ отъ 1697 до 1701 года. Особенно важное значеніе имѣлъ указъ 1697 года «О храненіи подъячимъ приказныхъ дѣлъ въ надлежащей исправности», впервые точно формулировавшій обязанности лицъ, коимъ ввѣрены документы.

Подводя итоги, В. Л. Снегиревъ указываетъ, что въ эпоху Петра Великаго была выработана опредѣленная инструкція архивистамъ, которая устраняла недостатки прежняго законодательства, разбросаннаго и недостаточно опредѣленнаго; была узаконена новая, болѣе рациональная форма документовъ, подлежащихъ храненію; точно опредѣленъ порядокъ храненія документальной письменности; указаны специальные мѣста для храненія наиболѣе цѣнныхъ; подтверждена обязанность архивистовъ составлять описи; и, наконецъ, подтверждены суровыя наказанія за порчу, похищеніе и опубликованіе документовъ, признанныхъ по закону государственной собственностью.

Работу В. Л. Снегирева было бы крайне интересно дополнить примѣрами, изъ которыхъ можно было бы видѣть наглядно процессъ реформированія старой системы архивовѣдѣнія непосредственно по документамъ. Напримѣръ, рассмотреть какой-либо изъ сохранившихся отдѣловъ нашихъ архивовъ за

два періода: дореформенный—приказный и послѣреформенный—коллегіальный. Такого рода иллюстрація чрезвычайно обогатила бы затронутый авторомъ и такъ удачно разсмотрѣнный вопросъ о методахъ архивовѣдѣнія въ старину.

В. Ар—тъ.

Опись дѣлъ архива государственнаго совѣта. 1) Томъ восьмой. Дѣла государственнаго совѣта съ 1871 по 1876 годъ. Спб. 1913. 2) Томъ десятый. Дѣла государственнаго совѣта съ 1883 по 1888 годъ. Спб. 1913. 3) Томъ пятнадцатый. Дѣла секретнаго комитета и главныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу и объ устройствѣ сельскаго состоянія съ 1857 по 1882 годъ. Спб. 1911. 4) Томъ шестнадцатый. Дѣла государственнаго совѣта и государственной канцеляріи съ 1807 по 1910 годъ. Спб. 1912. 5) Томъ двадцатый. Дѣла собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по дѣламъ царства Польскаго съ 1826 по 1835 годъ. Спб. 1911.

Наши высшія государственныя учрежденія мало-по-малу обнаруживаютъ описи своихъ архивныхъ дѣлъ, знакомство съ которыми, несомнѣнно, представляетъ большой интересъ для всѣхъ занимающихся исторіей въ широкомъ смыслѣ этого слова. Описи дѣлъ архива государственнаго совѣта въ этомъ отношеніи имѣютъ особый интересъ, въ виду обилія и разнообразія дѣлъ, нерѣдко высшей государственной важности, производящихся въ этомъ высокомъ учрежденіи. Изъ лежащихъ предъ нами пяти обширныхъ томовъ въ особенности любопытенъ шестнадцатый¹⁾: дѣла государственнаго совѣта и государственной канцеляріи съ 1807 по 1910 годъ. За періодъ 1807—1814 годъ здѣсь, между прочимъ, мы находимъ цѣлый рядъ интересныхъ дѣлъ, связанныхъ съ исторіей отечественной войны и съ личностями Наполеона и Александра I. Войны Россіи съ Наполеономъ не мало способствовали распространенію у насъ свободолюбивыхъ идей, особенно по крестьянскому вопросу. Отсюда—не рѣдкость дѣла по поводу разглашенія слуховъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ; слухи эти беспокоятъ уже высочайше учрежденный 13-го января 1807 года «комитетъ охраненія общей безопасности». Нерѣдки были также случаи, когда тому же комитету приходилось заводить дѣла о «разныхъ лицахъ», преимущественно иностранцахъ, по подозрѣнію «въ веденіи тайной переписки съ непріятелемъ», т. е. съ Наполеономъ, имя котораго являлось тогда настоящимъ пугаломъ для всей монархической Европы. Одно изъ дѣлъ «комитета безопасности» за 1807 годъ любопытно еще въ политическо-цензурномъ, такъ сказать, отношеніи. Вотъ характерное полное заглавіе этого курьезнаго дѣла: «О дерзкихъ стихахъ, привезенныхъ изъ Москвы отставнымъ коллежскимъ ассесоромъ Иваномъ Петровичемъ Апаринимъ, и о прикосновенныхъ къ сему дѣлу: Аграфенѣ Ивановнѣ Чичериной (невѣстка покойнаго генераль-полиціймейстера Чичерина), племянницѣ его капитаншѣ Любви Суровцевой, отставномъ полковникѣ князѣ Михаилѣ Петровичѣ Хилковѣ

¹⁾ Составленъ по указаніямъ и подъ руководствомъ государственнаго секретаря С. Е. Крыжановскаго управляющимъ архивомъ С. А. Панчулидзевымъ.

и московскомъ купцѣ Александрѣ Филиповѣ». Что же это, однако, были за преступные стихи, привезенные «коллегскимъ ассесоромъ» изъ первопрестольной на берега Невы и такъ встревожившіе «комитетъ безопасности» Вотъ они во всей ихъ неприкосновенности эти «возмутительные вирши»: «Грѣхъ скончался—правда сгорѣла—благость выгнана изъ свѣта—искренность спряталась—правосудіе въ бѣгахъ—добродѣтель ходитъ по міру—благодѣяніе подъ арестомъ—помощь въ домъ сумасшедшихъ—истина погребена подъ развалинами правды—кредитъ сдѣлался банкротомъ—совѣсть сошла съ ума, сидя на безменѣ правосудія,—вѣра осталась въ Іерусалимѣ—надежда съ якоремъ на днѣ—любовь больна простудою—честность вышла въ отставку—вѣрность осталась на вѣсахъ у аптекаря—кротость взята въ дракѣ на съѣзжую—законъ на пуговицахъ сената—терпѣніе скоро лопнетъ».

Собственно, все это даже и не стихи совсѣмъ, а скорѣе просто поговорки полународныя, полукнижныя, которыя повелись у насъ чуть ли еще не со временъ Даниіла Заточника; подобныя поговорки въ большомъ ходу были также во дни Стеньки Разина, когда говаривали, напримѣръ: въ лѣсахъ сучки, въ судахъ крючки, во полѣ—татаре, на Москвѣ—боляре, и т. д. Очень любили такую словесность также наши «раскольники»... Но почему приведенные выше московскіе вирши подобнаго рода и склада привлекли къ себѣ особенное вниманіе при Александрѣ I «комитета безопасности», теперь трудно понять.

Изъ дѣлъ, производившихся въ комитетѣ безопасности въ 1807 году по поводу взаимныхъ отношеній между крѣпостными крестьянами и помѣщиками, укажемъ два «окраинныхъ». Одно изъ нихъ—подольское; возникло оно по доносу «на притѣсненіе» крестьянъ въ Ольгопольскомъ повѣтѣ Подольской губерніи «помѣщиками, и въ особенности поссессорами и жидами-арендаторами, а православныхъ крестьянъ—и ксендзами»; «русскимъ крѣпостнымъ» тогда, стало быть, жилось въ собственномъ же русскомъ Подольскомъ краѣ хуже всѣхъ, потому что, кромѣ «жидовъ и пановъ», отъ которыхъ терпѣло тамъ все крѣпостное населеніе, имъ приходилось еще выносить гоненіе со стороны ксендзовъ-фанатиковъ. Другое дѣло—лифляндское. Въ Лифляндіи тогда среди мѣстнаго кореннаго населенія, поработеннаго нѣмцами, шла, и, кажется, небезуспѣшно, проповѣдь открытыхъ симпатій къ французамъ. Здѣсь раздавались, напримѣръ, «опасныя рѣчи» о томъ, что «французы отнюдь не суть наши непріатели и придутъ сюда только, чтобы освободить здѣшнихъ крестьянъ отъ рабства, и что при подобномъ случаѣ должно будетъ истребить въ деревняхъ всѣхъ нѣмцевъ». Наканунѣ отечественной войны такого рода дѣла вообще, какъ мы уже отмѣтили это, были довольно многочисленны. Агенты Наполеона, по видимому, усердно старались использовать, гдѣ только можно, существовавшее тогда у насъ недовольство крѣпостнаго населенія.

О содержаніи остальныхъ томовъ можно судить по приведеннымъ выше оглавленіямъ ихъ.

Каждый томъ снабженъ обстоятельными указателями: именъ личныхъ, географическимъ и предметнымъ.

Rustic.

Воронежская старина. Выпускъ двѣнадцатый. Изданіе воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1913. Стр. 532. Цѣна 2 рубля.

Въ настоящемъ двѣнадцатомъ выпускѣ «Воронежской Старины» закончена большая работа священника Т. Д. Попова «Св. Тихонъ Задонскій, какъ нравоучитель», въ которой авторъ обстоятельно разсматриваетъ проповѣдническія произведенія святителя, обрисовывая попутно и тогдашнее состояніе русскаго духовенства, общества и народа. Оканчивается работа священника Петрова описаніемъ открытія мощей св. Тихона и характеристикой научнаго и историческаго значенія его дѣятельности и сочиненій.

Загѣмъ три статьи посвящены памяти Анастасія, архіепископа воронежскаго и задонскаго, скончавшагося 1-го мая 1913 года. Покойный принималъ самое дѣятельное участіе въ работахъ комитета, поддерживалъ его матеріально и ограждалъ это учрежденіе отъ многихъ невзгодъ и неурядиць со стороны администраціи. Много поработалъ покойный также и для возстановленія церковно-приходскихъ школъ.

Самою крупною работою разсматриваемаго нами выпуска «Воронежской Старины» является обширное изслѣдованіе Т. М. Олейникова «Воронежскій архіерейскій домъ въ XVII и XVIII вѣкахъ». Далекая донская окраина Россіи находилась еще со временъ кочевниковъ подъ постояннымъ страхомъ разныхъ нашествій, грабежей и набѣговъ. Коренное населеніе ея и московскіе колонисты не соединились въ одно цѣлое, церковно-административной связи съ Россіей не было, или, если и была, то очень слабая и незначительная. Разныя секты, толки и противогосударственныя движенія свили себѣ въ разншерстномъ буиномъ и темномъ населеніи Дона прочное гнѣздо. Строя города и крѣпости, ограждая край отъ набѣговъ разныхъ кочевниковъ и колонизируя его, московское правительство, открывъ новую воронежскую епархію, на плечи епископа ея возложило трудную задачу—объединить населеніе окраины и привить ему понятіе мира и культурной государственной жизни. Эту задачу выполняли епископы новой епархіи и управители вотчинъ архіерейскаго дома; послѣдній представлялъ собою обширное церковно-административное учрежденіе въ родѣ нынѣшней духовной консисторіи, имѣлъ свои штаты, денежные суммы и являлся центромъ хозяйственныхъ операцій и вмѣстѣ съ тѣмъ присутственнымъ мѣстомъ суда и управления. Ясно, какое громадное историческое значеніе имѣлъ такой архіерейскій домъ въ жизни окраины и какъ интересно прослѣдить его основаніе, укладъ жизни, состояніе, положеніе, его руководителей и дѣятелей и пр. Послѣднему и отвѣчаетъ изслѣдованіе г. Олейникова, разработанное большею частью на архивныхъ матеріалахъ, доселѣ неизвѣстныхъ.

Далѣе въ сборникѣ помѣщено нѣсколько воспоминаній объ ученіи въ духовной школѣ, письмо Тихона, епископа воронежскаго, къ Аванасію (Иванову), вполнѣдствіи архіепископу новороссійскому, и окончаніе работы В. В.

Литвинова «Питомцы воронежской духовной семинаріи, вышедшіе изъ духовнаго званія». Завершается сборникъ протоколами комитета за вторую половину 1912 г. Къ книгѣ приложено нѣсколько портретовъ и иллюстрацій.

М. М. М.

W. Neumann. Aus alter Zeit. Kunst und kulturgeschichtliche Miscellen aus Liv., Est- und Kurland.

Небольшая книжка (138 стр.) содержитъ нѣсколько снабженныхъ многочисленными иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ монографій: о лифляндскомъ художникѣ принцѣ Францѣ Бурхардѣ Дорбекѣ (р. 1799, ум. 1835) (6 рис.), объ отцѣ и сынѣ Растрелли (9 рис.), объ искусствѣ при дворѣ Бироновъ (8 рис.), изъ жизни ревельскихъ цеховъ, о курляндскомъ рѣзчикѣ Н. Soeffrens младшемъ (2 рис.), о художникѣ Р.-Л. ф.-Майделѣ (род. 1795 въ Эстляндіи, ум. 1846) (8 рис.) и др. Наибольшій интересъ для русскаго читателя имѣетъ статья о Растрелли, подробно описывающая жизнь и дѣятельность ихъ.

А. Мальмгрѣнь.

Эдуардъ Фуксъ. Иллюстрированная исторія нравовъ. Томъ III. Буржуазный вѣкъ. Переводъ В. М. Фриче. М. 1913. Стр. VII, 348. Цѣна 6 руб.

Подъ «буржуазнымъ вѣкомъ» авторъ понимаетъ вѣкъ современнаго капитализма, опирающагося на возникшую въ XVIII ст. экономическую систему товарнаго производства. Современный же капитализмъ является, въ свою очередь, наиболѣе грандіознымъ развитіемъ института частной собственности, обуславливающаго всю нашу общественную и политическую культуру. Этотъ капитализмъ рисуется авторомъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ: «Всѣ ужасы французской революціи, вмѣстѣ взятые, оказались дѣтской игрой по сравненію съ неслышными убійствами, совершенно безпрепятственно совершенными въ продолженіе десятилѣтій развивавшимся капитализмомъ». Послѣ общей характеристики буржуазнаго вѣка авторъ дѣлитъ, по примѣру предшествующихъ томовъ, свой матеріалъ на слѣдующія главы: идеаль физической красоты въ вѣкъ господства буржуазіи, буржуазный костюмъ, любовь и бракъ, проституція, развлеченія и удовольствія, пресса и реклама. Какъ искусно ни планируетъ г. Фуксъ свое изложеніе, а все же ему приходится часто повторяться въ виду однороднаго почти содержанія нѣсколькихъ главъ. Авторъ отзывается о современной нравственности весьма отрицательно, такъ, онъ говоритъ, что наша эпоха съ большей утонченностью, чѣмъ предыдущія, разрѣшила проблему пассивнаго ухаживанія обоихъ половъ другъ за другомъ посредствомъ дамскихъ и мужскихъ модъ. Еще болѣе рѣзко высказывается онъ въ другомъ мѣстѣ: «Болѣе низкаго уровня нравовъ, чѣмъ только что освѣщенный, никогда не существовало въ исторіи именно потому, что все здѣсь приведенное является въ эпоху господства буржуазіи не индивидуальнымъ, а массовымъ явленіемъ». Въ нѣкоторомъ несоотвѣтствіи съ этимъ безотраднымъ вы-

водомъ стоитъ заключительная глава, гдѣ г. Фуксъ говоритъ что «человѣчество тѣмъ не менѣ идетъ гигантскими шагами все выше и выше». Этотъ прогрессъ онъ усматриваетъ прежде всего въ эмансипаціи женщины, а затѣмъ въ эмансипаціи четвертаго сословія, доминирующей въ рабочемъ движеніи. Въ своемъ изложеніи авторъ имѣетъ въ виду только Западную Европу, про нашу родину онъ почти и не упоминаетъ. Но и изъ того, что онъ говоритъ про нашихъ западныхъ сосѣдей, врядь ли со всѣмъ можно согласиться. Таковы, на примѣръ, слѣдующія его положенія: «Въ вѣкъ господства буржуазіи бракъ сталъ ярко выраженнымъ бракомъ по расчету. Исключеніе составляетъ только бракъ въ средѣ рабочихъ», или: «для огромной массы населенія трактиръ составляетъ отдыхъ и развлеченіе и притомъ развлеченіе до извѣстной степени въ хорошемъ, возвышающемъ смыслѣ слова, такъ какъ въ трактирѣ протекаетъ значительная часть освободительной борьбы массы, борьбы, которая выведетъ ее въ одинъ прекрасный день изъ ада вынужденной кабацкой жизни наверхъ къ свѣту солнца»; или, говоря о разнузданности карнавальныхъ увеселеній, г. Фуксъ замѣчаетъ, что такой характеръ ихъ будетъ продолжаться, пока масса будетъ жить въ политической и социальной несвободѣ, почему подобныя празднества являются единственной предоставленной народу уступкой къ «безпрепятственному проявленію своей жажды удовольствія». Неприятно поражаетъ также, особенно въ устахъ нѣмецкаго писателя, замѣчаніе объ «отвратительномъ культѣ Гете, въ которомъ нынѣ упражняется нѣмецкая буржуазія и который находитъ между прочимъ свое наиболѣе характерное выраженіе во все новыхъ и все болѣе роскошныхъ изданіяхъ его произведеній». Г. Фуксъ усматриваетъ въ этомъ не болѣе, не менѣ, какъ доказательство все сильнѣе и сильнѣе возрастающаго сибаритства буржуазіи. Къ недостаткамъ книги, наконецъ, слѣдуетъ отнести и то, что въ перечнѣ общественныхъ увеселеній авторъ удѣляетъ слишкомъ мало вниманія кинематографу, о которомъ говоритъ всего на протяженіи полустраницы.

По примѣру предшествующихъ томовъ книга богато иллюстрирована, причемъ, въ значительномъ несоотвѣтствіи съ моральной тенденціей текста, рисунки носятъ почти исключительно порнографическій характеръ. Размѣщены картинки попрежнему совершенно произвольно по отношенію къ содержанію текста; нѣкоторые рисунки даже оставлены безъ подписи. Переводъ для такой дорогой книги могъ бы быть исполненъ гораздо тщательнѣе. Немногочисленныя французскія цитаты приведены съ ужасающими опечатками. М.

Джордано Бруно. Изгнаніе торжествующаго звѣря. Переводъ и примѣчанія Алексѣя Золотарева. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

Въ предисловіи, написанномъ довольно возвышенно, переводчикъ опредѣляетъ значеніе Джордано Бруно (котораго почему-то называетъ Джордано, что отступаетъ отъ нашей орфографической традиціи, не передавая лучше, чѣмъ она, итальянское звукоочетаніе) въ томъ, что онъ «открылъ путь къ звѣздамъ, безтрепетно воззвавъ людей изъ-подъ власти звѣря на межзвѣзд-

ную дорогу». Видимо, изъ этой оцѣнки и вытекаетъ, что г. Золотаревъ перевелъ вышеназванное сочиненіе, желая «своей работой» посылить «почтить память гениальнаго мыслителя, поэта и борца» и сдѣлать его «доступнымъ русскому читателю, хотя бы въ одномъ только произведеніи». Къ сожалѣнію, «*Spaccio della bestia trionfante*» выражаетъ наименѣе цѣнныя стороны философіи Бруно: лучше было бы перевести «*De la causa*» или «*De l'infinito universo e mondi*». Современному читателю, а на него разсчитываетъ переводчикъ, будетъ скучновать переведенный діалогъ, ему трудно за нимъ угадать «горячую проповѣдническую нагуру Нолацца» и увидѣть въ утомительныхъ разсужденіяхъ «проповѣдь новой религіи человѣчества». Чтобы дать понять характеръ Бруно, нужно передать его стихи, а этого переводчикъ не достигъ. Едва ли онъ придаетъ колоритъ своему переводу такими предложеніями, какъ «сей отче (!) рѣшилъ окончательнo привести въ исполненіе то, что онъ... рѣшилъ: такъ человѣка перемѣнить строй жизни и привычки... призываетъ нѣкій свѣтъ» (17). Ср. стр. 46: «Да наслаждается же своими двадцатью шестью алмазами и еще шестью околo!» Неудачны также выраженія въ родѣ: «не патошакъ утромъ, сирѣчь, безъ пылкости духа, хорошо пригрѣтаго вышнимъ жаромъ» (стр. 18) или «опрастываетъ для себя мѣсто своей палицей» (19 стр.). Думаю, что не совсѣмъ вѣренъ переводъ пресвитера Іоанна «попомъ Ивановъ» и нѣсколько смѣшонъ «назойливый меморіаль слабѣющей силы и уходящей доблести» (31 стр.), или отвѣтъ Юноны: «Съ моимъ удовольствіемъ» (стр. 59). При такомъ характерѣ перевода нечего и говорить о передачѣ энергіи стиля подлинника; иногда у переводчика нѣтъ даже желанія попытаться осуществить намѣреніе автора, и фразу: «*I protestanti sono una poltronasca setta di pedanti*» онъ превращаетъ въ «эту лѣнивую клику педантовъ». Такимъ образомъ, цѣль переводчика, по нашему разумѣнію, не достигнута, и его работа только отпугнетъ отъ Бруно широкій кругъ читателей. Для специалистовъ же переводъ недостаточно точенъ.—«*Secondo la legge divina e naturale*» нельзя переводить только словами: «согласно божественному закону». «*Religiosi grati a'dei*» не то же самое, что «люди религиозные и угодные богамъ» (стр. 60). Сомнѣваюсь, чтобы «божественное солнце разума» точно передавало *il divino sole intellettuale*» (стр. 11). Нельзя довѣряться и примѣчаніямъ г. Золотарева, хотя они и заимствованы имъ у Джентиле и Куленбека.—Европа не считалась дочерью египетскаго царя Іо (стр. 201); она была дѣйствительно царской дочерью, но только отецъ ея былъ Агеноръ, а родина Финикія. Непріятно дѣйствуетъ смѣшеніе Людовика XII съ Людовикомъ IX (стр. 201). Нѣсколько смѣло отождествленіе «суровыхъ Рифеевъ» со «Скандинавскими» горами (стр. 211). Подводя итоги, слѣдуетъ признать переводъ г. Золотарева для широкой публики недоступнымъ, для «проповѣди новой религіи человѣчества, религіи разума и борьбы за свободу мысли и совѣсти» бесполезнымъ, а для специалистовъ ненужнымъ или опаснымъ. Разумѣется, нѣкоторая цѣнность за нимъ остается: онъ можетъ служить подстрочникомъ для философа, не знающаго итальянскаго языка и желающаго прочесть «*Spaccio della bestia trionfante*». Съ этими оговорками мы вполнѣ присоединяемся къ заключительнымъ словамъ предисловія: «служить безсмертному слову—великое счастье!».

Л. Карсавинъ.

Ю. Н. Щербачевъ. Пріятели Пушкина—Михаилъ Андреевичъ Щербининъ и Петръ Павловичъ Каверинъ. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. Москва. 1913. Стр. 215. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ очень богатой, особенно за послѣднія два десятилѣтія, Пушкинской литературѣ—до сихъ поръ ощущался серьезный пробѣлъ въ томъ отношеніи, что не были въ достаточной степени освѣщены отношенія поэта къ двумъ пріятелямъ его юныхъ лѣтъ М. А. Щербинину (1793—1841 гг.) и П. П. Каверину (1794—1855 гг.). Между тѣмъ пріязнь Пушкина къ этимъ лицамъ была не мимолетной и нашла свое выраженіе не только въ написаніи одного посланія Щербинину и двухъ стихотвореній Каверину, но и отразилась болѣе глубоко на многихъ сторонахъ творчества Пушкина.

Нынѣ указанный пробѣлъ въ значительной мѣрѣ восполненъ интереснымъ изслѣдованіемъ г. Щербачева. Первоначально трудъ этотъ былъ предпринятъ авторомъ подъ покровительствомъ и при содѣйствіи такого выдающагося пушкиниста, какимъ былъ покойный академикъ Л. Н. Майковъ. Но только теперь г. Щербачевъ нашелъ время и возможность закончить свою работу, начатую много лѣтъ тому назадъ.

Будучи со стороны матери роднымъ внукомъ Щербинина и внучатымъ племянникомъ Каверина, къ тому жъ бывши женатъ на родной племянницѣ послѣдняго, г. Щербачевъ, какъ онъ и самъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, имѣлъ возможность успѣшнѣе, чѣмъ кто другой, собрать объ этихъ двухъ лицахъ біографическія данныя, черпая ихъ частью изъ фамиліныхъ бумагъ, частью изъ семейныхъ преданій.

Уже изъ этихъ предпосылокъ вытекаетъ, что работа г. Щербачева во многихъ своихъ частяхъ имѣетъ значеніе первоисточника для жизнеописанія двухъ пріятелей Пушкина. Правда, она не свободна отъ субъективныхъ преувеличеній и даже промаховъ, но о нихъ мы будемъ говорить дальше.

Часть книги г. Щербачева, посвященная М. А. Щербинину, если сопоставить ее съ краткимъ очеркомъ Б. Л. Модзалевскаго объ этомъ лицѣ, помѣщенномъ въ собраніи сочиненій Пушкина подъ редакціей Венгерова (томъ первый, стр. 528—532), даетъ намъ, съ точки зрѣнія фактическихъ данныхъ, сравнительно немного матеріала. Зато авторъ сообщаетъ немало любопытныхъ свѣдѣній о родѣ Щербинина, его ближайшихъ родственникахъ и о той обстановкѣ, въ которой протекала его жизнь уже послѣ періода встрѣчи и близости съ Пушкинымъ.

Въ своемъ изслѣдованіи г. Щербачевъ дѣлаетъ довольно рискованную попытку доказать, что прототипомъ Евгенія Онѣгина является не кто иной, какъ Щербининъ. Нѣкоторыя сближенія сдѣланы авторомъ не безъ остроумія, но въ цѣломъ эта часть книги мало убѣдительна. Съ одной стороны, необходимо помнить, что Евгеній Онѣгинъ отнюдь не портретъ, а собирательный типъ, съ другой же стороны слѣдуетъ имѣть въ виду, что Щербининъ, несмотря на нѣкоторое своеобразие натуры, вовсе не былъ настолько яркою и колорит-

ной индивидуальностью, чтобы могъ возбудить въ Пушкинѣ желаніе точно сфотографировать въ стихахъ его портретъ.

Въ послѣднемъ отношеніи много интереснѣе былъ другой пріятель Пушкина П. П. Каверинъ, дружба съ которымъ связывала поэта всю жизнь. Блестящій гусарь, безшабашный кутила, онъ, однако, былъ далеко не чуждъ глубокихъ запросовъ челоѳического духа. Эту черту проникновенно оцѣнили въ Каверинѣ, еще будучи юношей, Пушкинъ, который видѣлъ въ своемъ беззаботномъ собутыльникѣ, а порою серьезномъ собесѣдникѣ, вкусившемъ отъ геттингенской университетской премудрости,—живое доказательство того,—«что дружно можно жить

Съ Клеерой, съ портикомъ и съ книгой, и съ бокаломъ,
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

Большою заслугою Каверина передъ потомствомъ являются составленныя имъ тетради замѣтокъ, содержащихъ въ себѣ на половину, если не больше, записи различныхъ произведеній Пушкина, которыя изобилуютъ при этомъ разночтеніями и новыми вариантами. Знаюкамъ Пушкинскаго текста предстоитъ работа тщательно разобрать въ этихъ вариантахъ,—мы же отмѣтимъ пока, что при первоначальномъ съ ними ознакомленіи получается такое впечатлѣніе, что Каверинимъ записывались очень многія изъ стихотвореній Пушкина—въ ихъ первоначальной редакціи, причемъ часто позднѣйшія исправленія оставались ему неизвѣстными.

Не можемъ не отмѣтить здѣсь же присущую г. Щербачеву черту чрезмѣрнаго довѣрія къ записямъ Каверина. Было бы наивнымъ не допускать мысли, что у Каверина, въ его интимныхъ тетрадяхъ, не можетъ встрѣтиться ошибки или описки. Именно этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и объясняется, на нашъ взглядъ, то обстоятельство, что Каверинъ стихотвореніе Пушкина «Люби, надежды, гордой славы...», обращенное къ П. Я. Чаадаеву, отнесъ къ Дельвигу.

Это недостаточно объективное отношеніе къ предметамъ своего изслѣдованія оказалось причиной еще и другого промаха г. Щербачева. Отмѣчая принадлежность М. А. Щербинина къ тому высшему кругу, къ которому Пушкинъ, по свидѣтельству современниковъ, чувствовалъ извѣстное влеченіе, г. Щербачевъ утверждаетъ, что въ стихотвореніи «Въ альбомъ М. А. Щербинину»—чувствуется угодливая нотка (стр. 15). Но стоитъ внимательно перечестъ это стихотвореніе, вошедшее во всѣ изданія сочиненій Пушкина, чтобы убѣдиться, насколько неосновательно обвиненіе, возведенное г. Щербачевымъ на поэта.

Любвеобильная душа П. П. Каверина подавала поводъ къ многочисленнымъ насмѣшкамъ по его адресу. Такъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ знаменитаго «Дома сумасшедшихъ» А. Ѳ. Воейкова Каверинъ значится въ числѣ потерявшихъ разсудокъ отъ любви. На это имѣются указанія въ новѣйшемъ изданіи остроумнаго памфлета Воейкова («А. Ѳ. Воейковъ. Домъ сумасшедшихъ. Парнасскій адресъ-календарь. Вступительная статья и историко-литературный комментарий И. Розанова и Н. Сидорова». Москва. 1911. Стр. 28, 42—43), но у г. Щербачева обстоятельство это почему-то обойдено молчаніемъ.

Нельзя не отмѣтить здѣсь же еще одной ошибки, допущенной г. Щербачевымъ въ его почтенномъ трудѣ. Правда, ошибка эта не касается собственно предмета изслѣдованія г. Щербачева, но въ интересахъ самого же автора она должна быть исправлена въ послѣдующихъ изданіяхъ его книги.

Описывая дуэль В. Шереметева съ графомъ А. Завадовскимъ изъ-за танцовщицы Истоминой, г. Щербачевъ пишетъ на стр. 204 слѣдующее: «Шубинскій говоритъ: «Секундантами были докторъ Ионъ и гусаръ Каверинъ». Откуда у него свѣдѣніе относительно доктора Иона? Не присутствовалъ ли послѣдній лишь въ качествѣ врача?»

Желая уличить покойнаго С. Н. Шубинскаго въ ошибокъ, г. Щербачевъ не только попалъ впросакъ, но попутно обнаружилъ еще и свое незнаніе элементарныхъ фактовъ біографіи Грибоѣдова, который послѣ дуэли Шереметева съ Завадовскимъ долженъ былъ стрѣляться съ А. И. Якубовичемъ. Подать дуэлянтамъ медицинскую помощь, вопреки предположенію г. Щербачева, В. И. Ионъ никакъ не могъ, такъ какъ онъ былъ не докторомъ медицины, но первымъ въ Россіи докторомъ правъ, получившимъ дипломъ на это званіе въ казанскомъ университетѣ. (Объ этомъ см. «Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова» въ изданіи академіи наукъ. Томъ первый. Спб. 1911. Стр. VII—VIII, XXVII, а также у А. М. Скабичевскаго: «А. С. Грибоѣдовъ, его жизнь и литературная дѣятельность». Спб. 1893. Стр. 8—9 и 25).

Встрѣчаются у г. Щербачева недосмотры и болѣе мелкаго характера. Такъ, на стр. 36 приводится въ связи съ именемъ Плещеева (?) мнѣніе о томъ, что Огѣгинъ первой главы могъ служить зеркаломъ петербургской молодежи. Между тѣмъ, мнѣніе это принадлежитъ П. А. Плетневу. Затѣмъ недосмотромъ же хочется объяснить совершенно голословныя ссылки, въ родѣ примѣчаній: 81-го—«Русскій Архивъ», года не упомяну» (стр. 181), или 302-го. «Такъ напечатано въ одномъ изъ изданій—въ какомъ не упомяну». Смѣемъ увѣрить почтеннаго автора, что лучше совсѣмъ пропустить ссылку, чѣмъ дѣлать ее въ редакціи, подобной вышеприведеннымъ.

Также представляется для насъ не вполне понятнымъ, отчего г. Щербачевъ предпочитаетъ во многихъ мѣстахъ своего труда дѣлать ссылки на устарѣвшее собраніе сочиненій Пушкина въ изданіи Ѳ. И. Анскаго 1882 года, когда теперь имѣется значительно болѣе полное и тщательное изданіе А. С. Суворина 1905 года, подъ редакцію того же П. А. Ефремова, редактировавшаго въ свое время и изданіе Анскаго.

Нельзя въ заключеніе не пожалѣть, что авторъ не снабдилъ своей книги алфавитнымъ указателемъ. Трудъ г. Щербачева составленъ по первоисточникамъ, а потому всякій историкъ литературы, даже не занимающійся специально Пушкинымъ и его литературными отношеніями съ Каверинимъ и Щербининимъ, можетъ рассчитывать найти цѣнныя для себя указанія въ работѣ г. Щербачева. Отсутствие же алфавитнаго указателя крайне усложняетъ пользование этою книгою.

Своимъ изслѣдованіемъ г. Щербачевъ, несомнѣнно, сдѣлалъ цѣнный вкладъ въ нашу Пушкинскую литературу. Обширныя примѣчанія, сопровождающія текстъ, обнаруживаютъ въ авторѣ большую эрудицію и доказываютъ, что

онъ добросовѣстно использовалъ весьма значительное количество историко-литературныхъ источниковъ, въ качествѣ подспорнаго матеріала къ своей работѣ. Что же касается ошибокъ и промаховъ, то они, во-первыхъ, легко поправимы, а, во-вторыхъ, касаются, главнымъ образомъ, второстепенныхъ вопросовъ изслѣдованія и потому не вліяютъ на существо предпринятой г. Щербачевымъ работы, за которую изслѣдователи Пушкинской эпохи не могутъ не принести автору своей благодарности.

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

«Русскій Библиофилъ», журналъ историко-литературный и библиографическій. Выходитъ восемь разъ въ годъ. Выпуски I—VIII. 1913. Подписная цѣна съ доставкой въ Россіи 8 руб. 50 коп.

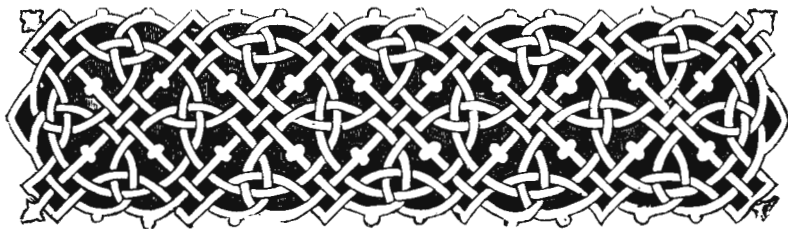
Въ 1913 году «Русскій Библиофилъ» помѣстилъ на своихъ страницахъ такой же богатый, разносторонній и интересный матеріалъ, какъ и за два предшествовающихъ года своего существованія. По важности содержанія первое мѣсто среди статей безспорно занимаютъ «Записки» князя И. М. Долгорукова, небезызвѣстнаго писателя конца XVIII и начала XIX вѣка, внука несчастнаго любимца Петра II, князя И. А. Долгорукова. Знатокъ XVIII вѣка, М. Н. Лонгиновъ, подготовлявшій въ 1865 году эти «Записки» для несостоявшагося тогда ихъ опубликованія, прекрасно охарактеризировалъ значеніе этого памятника въ слѣдующихъ словахъ: «Записки князя особенно важны, какъ живая картина современной ему жизни, какъ исповѣдь прекрасной его личности и какъ изложеніе длинной цѣпи происшествій весьма необыкновенныхъ, стоящихъ любого романа. Все это писано просто, безъ затѣй, безъ намѣренія рисоваться, съ душою и благороднымъ жаромъ. Чтеніе ихъ чрезвычайно увлекательно, и, предавшись ему, нельзя не полюбить автора, даже со всѣми его недостатками и увлеченіями, сквозь которыя всегда видна его честная и симпатичная натура...» Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что редакціи «Русскаго Библиофила» пришлось, по желанію подписчиковъ, отказаться отъ своего первоначальнаго намѣренія помѣстить лишь «Записокъ» и дать текстъ ихъ полностью, за исключеніемъ напечатанной еще въ изданіи Смирдина первой части. Въ силу этого окончаніе «Записокъ», помѣщавшихся въ каждомъ номерѣ журнала, перенесено на слѣдующій годъ. О двухъ другихъ крупныхъ изслѣдованій, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Библиофилѣ» за истекшій годъ,—описаніе А. В. Петрова принадлежащаго ему собранія книгъ, изданныхъ въ царствованіе Петра Великаго¹⁾ и генеалогическая исторія библіотеки рода Лихачевыхъ, живо и интересно составленная извѣстнымъ ученымъ Н. П. Лихачевымъ,—въ «Историческомъ Вѣстникѣ» были и будутъ даны отдѣльные отзывы. Изъ другихъ статей журнала отмѣтимъ прежде всего многочисленные историко-литературные матеріалы о нашихъ писателяхъ конца XVIII и начала XIX вѣка. Таковы, на примѣръ, тщательное изслѣ-

¹⁾ Отзывъ о книгѣ г. Петрова былъ данъ въ ноябрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ.

дованіе г. Семенникова «Собраніе старающагося о переводѣ иностранныхъ книгъ, учрежденное Екатериной II. 1768—1783 гг.»; снабженное цѣннымъ введеніемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго изданіе писемъ Н. И. Новикова къ Лабзину, Чеботареву и др., проливающее новыи свѣтъ на послѣдніе годы жизни этого страстотерца екатерининской эпохи, опубликованіе неизвѣстныхъ доселѣ рукописей Пушкина, съ примѣчаніями извѣстнаго знатока этого поэта Н. О. Лернера, и изслѣдованіе объ автографахъ того же поэта, принадлежавшихъ Н. И. Тарасенко-Отрѣшкову—В. Н. Андерсона; изданіе автографа стихотворенія Лермонтова «Морякъ»—г. А. Д. (жаль, что, воспроизводя текстъ поэта, авторъ не придерживается орѳографіи подлинника); два неизданныхъ доселѣ стихотворенія того же поэта напечатаны Н. О. Лернеромъ; Б. Л. Модзалевскій помѣстилъ текстъ автобіографіи А. Е. Раича, присоединивъ къ своему изданію цѣнныя примѣчанія; П. И. Зайцевъ сообщилъ любопытныя матеріалы къ біографіи Е. П. Гребенки (съ воспроизведеніемъ курьезныхъ карикатуръ, рисованныхъ этимъ писателемъ); наконецъ, профессоръ И. А. Шляпкинъ далъ бѣглыя, но интересныя замѣтки объ А. И. Полежаевѣ и В. М. Гаршинѣ (это единственный изъ болѣе новыхъ писателей, затронутый въ журналѣ). Есть также въ «Русскомъ Библиофилѣ» и матеріалы по исторіи нашей журналистики, какъ, напримѣръ, довольно поверхностныя замѣчанія г. Сергѣя Эрнста о «Журналѣ Изыщныхъ Искусствъ» 1807 г. и болѣе цѣнная статья (г. Вл.) «Модное ежемѣсячное изданіе», журналъ 1779 года, причѣмъ воспроизведены и крайне любопытныя рисунки этого періодическаго изданія. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ упомянуть про многія другія любопытныя статьи «Русскаго Библиофила». Отмѣтимъ лишь весьма важную для русской иконографіи работу г. П. Эттингера: «Русскіе портреты въ королевской національной галлерѣ въ Берлинѣ», въ прибавленіи къ которой данъ рядъ рисунковъ С. Ф. Дица и автопортретъ А. Орловскаго. Вообще, каждая книжка журнала богато иллюстрирована тщательно отдѣланными репродукціями; точно такъ же не заставляютъ желать лучшаго шрифтъ и бумага изданія, цѣну котораго слѣдуетъ признать весьма умѣренной. Надѣмся и желаемъ, чтобы «Русскій Библиофилъ» еще многіе и многіе годы давалъ «Историческому Вѣстнику» матеріалъ для своего обзора.

А. М—въ.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Гатчинскіе литературные вечера у императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Монаршая ласка Крылову и Гнѣдичу.—Московскій митрополитъ Филаретъ на семинарскихъ экзаменахъ.—Мемуары князя И. Долгорукова.—Воспоминаніе о фаворитѣ Зубовѣ.—Чинновныя младенцы въ екатерининскій вѣкъ.—Въ старомъ Саровѣ.—Екатерининскій метроманъ.—Виленскіе антики и гоненіе на «Птичку Божію».

ВОТЧИ въ область фантазіи, къ далекому и невозвратному прошлому, которое трудно и представить въ нынѣшнихъ условіяхъ, переносить современнаго читателя матеріалы оленинскаго архива, изданныя Г. П. Георгіевскимъ въ «Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ» (томъ ХСІ). Въ бумагахъ бывшаго директора Публичной бібліотеки и президента академіи художествъ оказалось много рукописей извѣстнаго переводчика «Иліады» Н. И. Гнѣдича. Устами его г. Георгіевскій возстановляетъ характерный моментъ исторіи нашей общественности, когда русскій литераторъ монаршею волей былъ приближенъ ко двору и нѣкоторое время находился въ положеніи французскихъ писателей счастливыхъ дней Людовика XIV.

Обстоятельство это объяснялось всецѣло любовью императрицы Маріи Ѳеодоровны, вдовы Павла Петровича, къ изящной литературѣ. Въ Павловскѣ и Гатчинѣ на ея литературныя собранія съѣзжались Карамзинъ, Крыловъ, Дмитріевъ, Нелединскій-Мелецкій, Гнѣдичъ, Жуковскій, Оленинъ. По нынѣшнимъ временамъ, когда литераторъ отдалился не только отъ высокихъ сферъ, но даже и просто отъ великосвѣтскаго общества, вниманіе вдовствующей императрицы, на примѣръ, къ Карамзину кажется фактомъ, которому было бы трудно повѣрить, если бы онъ былъ переданъ преданіемъ, а не точнымъ документомъ.

Въ 1813 году Марія Теодоровна черезъ И. И. Дмитриева предложила Карамзину поселиться въ Павловскѣ и беззаботно отдаться излюбленному занятію исторіей. Между прочимъ, она писала Карамзину: «Я всегда желала и теперь искренно радуюсь надеждѣ лично съ вами познакомиться и подтверждаю симъ данное вамъ увѣреніе, что на все время пребыванія моего въ Павловскѣ комнаты здѣсь въ замкѣ Бисепъ для пріема вашего готовы, и, состоя въ вашемъ распоряженіи, ожидаютъ только пріѣзда своего знаменитаго жильца».

Когда императрица узнала, что Карамзинъ готовъ переселиться въ Петербургъ, она писала ему:

«Поздравляя нашъ Петербургъ съ симъ пріобрѣтеніемъ, я душевно утѣшаюсь мыслию о пріятномъ препровожденіи времени, котораго теперь навѣрное ожидать могу для наступающей зимы. Для знакомства вашего съ Розовымъ Павильономъ время на сей разъ, конечно, пройдетъ; но взаимнѣ я надѣюсь, что будущимъ лѣтомъ вы тѣмъ болѣе пользоваться будете, и я смѣю предполагать, что не только Павильонъ, а и вообще Павловскъ вамъ понравится. Я, по крайней мѣрѣ, усердно того желаю, и не хвастаю безкорыстіемъ сего желанія, а признаюсь чистосердечно, желаю для того, чтобы вамъ и отлучаться отсюда не хотѣлось. Я весьма любопытствую слышать нашу отечественную исторію изъ устъ самого сочинителя, но не одобряю намѣренія вашего заключить вашъ трудъ исторіею Іоанна Васильевича Грознаго, послѣ котораго останется еще столько предметовъ, достойныхъ вашего пера. Я вамъ напередъ сказываю, что по пріѣздѣ сюда и по окончаніи исторіи нынѣшняго времени, въ которой вамъ не только никакъ мѣшать не хочу, но паче содѣйствовать готова, я непременно просить буду васъ приняться за продолженіе прежняго труда».

Невысокій чинъ, въ которомъ были нѣкоторые изъ литераторовъ, не ронялъ ихъ въ глазахъ императрицы и не являлся препятствіемъ къ ихъ пріѣзду ко двору. Когда высокой меценаткѣ доложили, что въ праздничный день по чинамъ своимъ они не могутъ быть за обѣденнымъ столомъ, что обрядъ двора этого не позволяеть, императрица отвѣчала:

— Для людей съ дарованіями нѣтъ обрядовъ.

Гнѣдичу мы обязаны рассказомъ о томъ, что происходило на этихъ вечерахъ. Вотъ его описаніе одной поѣздки въ Гатчину въ 1815 году.

«Пріѣхавши въ Гатчину съ А. Н. Оленинымъ, нашли мы тамъ и любезнаго В. А. Жуковскаго, днемъ прежде насъ пріѣхавшаго съ Ю. А. Нелединскимъ. Приглашенные къ обѣденному столу, въ три часа вошли мы въ залу и, какъ я ни былъ стѣсненъ въ этомъ знаменитомъ обществѣ двора, гдѣ еще болѣе, нежели въ частномъ, беспокоили меня заботы о приличіяхъ, гдѣ еще болѣе думалъ я видѣть себя смущеннымъ, но—вышла императрица, и я ничего этого не чувствовалъ.

«И за столомъ, когда она обратила нѣкоторые вопросы къ г. Крылову, мнѣ уже казалось, что я скорѣе былъ бы готовъ на отвѣтъ, нежели нашъ Лафонтенъ, котораго первый вопросъ государыни нашель погруженнымъ въ безмолвныя занятія священной трапезы. Ласковость и веселость императрицы, непритворная свобода и небольшой на этотъ разъ кругъ общества давали ему видъ какой-то благородной семейственности и иногда вводили меня въ мечту, что я съ

моими знакомыми гощу у какой-либо знаменитой обладательницы помѣстья но, взглянувъ на высокую угостительницу, я узнавалъ царицу: неизмѣнныя черты величія, напечатлѣнныя въ образѣ ея, во взорахъ, въ самой улыбкѣ,—однимъ словомъ, тутъ я увидѣлъ, какъ вѣнчанная добродѣтель можетъ благостью души своей снизить до той степени, гдѣ исчезаютъ, такъ сказать, всѣ чувствованія неравенства человѣческаго, кромѣ того, ничѣмъ не изгладимаго въ сердцахъ нашихъ, которое Богъ къ своимъ избранникамъ поселяетъ въ чловѣкѣ.

«По окончаніи стола, когда все общество составило свои маленькіе круги и занялось разговорами, я чрезвычайно радовался, что видѣлъ тутъ людей, мнѣ знакомыхъ. Отъ нихъ я не отстану,—думалъ я,—но ласковость особъ, тутъ находившихся, всѣхъ насъ на нѣсколько времени раздѣляла и заставляла меня забывать о моемъ кругѣ.

«Между тѣмъ императрица изволила заняться разговорами съ Крыловымъ. Я началъ думать, что мнѣ говорить, если государыня обратитъ разговоръ ко мнѣ, и признаюсь, гораздо бы лучше я сдѣлалъ, если бы не думалъ объ этомъ: всѣ мои приготовленія, какъ и всегда это случается, были не у мѣста. И могъ ли я ожидать, чтобы ея величество столько была внимательна къ слабому дарованію моему и начала бы разговоръ о моихъ занятіяхъ!

«Въ восемь часовъ мы вошли въ залу вечерняго собранія, и государыня, по выходѣ своемъ, опять обратясь привѣтственно къ каждому изъ насъ порознь, изъявила желаніе, чтобы начали чтеніе. Крыловъ началъ его чтеніемъ своихъ басенъ. Многія изъ нихъ были новыя, а многія, по волѣ и назначенію государыни, читаны старыя или въ другой разъ повторяемы новыя. Не нужно вамъ описывать несомнительнаго ихъ дѣйствія, но не можно было не удивляться той вѣрности вкуса, съ какимъ государыня замѣчала красоты въ читанныхъ басняхъ, и тому вниманію, какое она преклоняла къ прекраснымъ стихотвореніямъ Жуковскаго, которыя читалъ Ю. А. Нелединскій. Я имѣлъ счастье читать начало изъ первой пѣсни «Иліады». Но всего, я думаю, лестнѣе было слышать нашему баснописцу, какъ великая княжна вспомнила наизусть нѣкоторыя стихи изъ басенъ его. Ея высочество удостоила также лестными замѣчаніями нѣкоторые стихи въ читанномъ переводѣ Омера. Такимъ образомъ чтеніе, прерываемое сужденіями, продолжалось почти до одиннадцати часовъ.

«Во время ужина сужденія сдѣлались болѣе общими. Императрица говорила вообще о русской словесности, о превосходствѣ языка нашего предъ многими европейскими, о поѣмахъ Омера, о пріятности русскаго экзаметра и между прочимъ вспоминала нѣкоторыхъ нашихъ литераторовъ и художниковъ, дарованіями отличныхъ и привлекавшихъ вниманіе ея величества..

«Во время чтенія другихъ, когда я могъ быть, такъ сказать, постороннимъ свидѣтелемъ, и во время ужина, къ которому не было у меня расположенія, питалъ я душу мою мечтами и думами.—Какъ?—спрашивалъ я самъ себя и вокругъ осматриваясь:—неужели это дворъ... и т. д.

«Такъ я самъ съ собою пророчествовалъ, мечтаая за ужиномъ, и едва было не пропустилъ мимо слуха рѣчей государыни, ко мнѣ обращенныхъ, насчетъ моего нерасположенія къ ужину.

— Скажите вашему сосѣду (Крылову),—говорилъ мнѣ между тѣмъ Нелединскій: —чтобы онъ пропустилъ хоть одно блюдо, что государыня желаетъ его попотчевать и не находить времени».

Въ послѣдней книжкѣ «Русскаго Архива» небезынтересны страницы статьи Н. Кедрова, рассказывающія объ отношеніяхъ знаменитаго московскаго митрополита Филарета къ московской духовной семинаріи.

Филаретъ смотрѣлъ на нее, какъ на свое родное дѣтище. Ежедневно семинарское начальство рапортовало ему о малѣйшихъ событіяхъ учебной жизни. На экзамены являлся самъ митрополитъ, кажется, столько же для того, чтобы испытать успѣхи учениковъ, сколько и для того, чтобы распознать учащихъ и оживить свои личныя исключительныя познанія. Вотъ какъ описываетъ эти визиты владыки одинъ изъ очевидцевъ.

«Зала богословская тѣсна, она не можетъ вмѣстить всей семинаріи, тѣмъ болѣе, что цѣлая треть отведена для экзаменующихъ. Скамьи вынесены. Ученики стоятъ,—тѣ классы, которымъ испытаніе предстоитъ, впереди другихъ. Впередъ протиснуться нельзя, духота неимоверная. Въ одинъ изъ такихъ дней случилось происшествіе, повергшее всѣхъ въ ужасъ. При тѣсотѣ вызываемые къ отвѣту придвигались, но почти не отдѣлялись отъ прочихъ, стоящихъ позади. Вызываютъ ученика. Онъ отвѣчаетъ, частью по собственной памяти, частью по подсказу сзади стоящаго суфлера. Встаетъ митрополитъ внезапно изъ-за стола, беретъ собственноручно суфлера и выводитъ вонъ съ гнѣвнымъ напоминаніемъ, что «шепотникъ» по-гречески называется діаволомъ. Шепотникомъ оказался ученикъ перваго разряда, будущій студентъ. Пропалъ онъ! Нѣтъ, не напрасно говорилъ ректоръ, дрожа всѣмъ тѣломъ и чуть не стуча зубами: «Вѣдь онъ нашъ отецъ, чего бояться!» Шепотникъ тѣмъ и отдѣлался, что его вывела высокопреосвященная рука».

Надо не забывать, что рассказъ относится къ давно минувшимъ временамъ, и не удивляться тѣмъ рѣзкимъ на нынѣшній вкусъ ремаркамъ начальника, которыя сейчасъ кажутся диссонирующими съ общимъ обликомъ Филарета, можно сказать, являвшася воплощеніемъ осторожности, такта и сановой вѣжливости.

«Экзамень публичный,—пишетъ тотъ же очевидецъ,—происходилъ въ семинарской церкви, для чего алтарь завѣшивался во всю ширину. Въ сторонѣ противоположной ставился очень большой столъ, окруженный креслами, достаточными для всего профессорскаго состава съ ректоромъ и инспекторомъ. На предсѣдательскомъ мѣстѣ ставилось кресло,—которое, кстати сказать, хранится въ семинаріи и до настоящихъ дней,—съ особенно высокою спинкою. Полъ усыпался цвѣтами.

«Лучшимъ ученикамъ всѣхъ отдѣленій назначалось, что отвѣчать. Билетовъ, какъ на экзаменахъ частныхъ, тутъ не было. Вы чувствуете, что билеты не соотвѣтствовали бы этому серьезному, почти религиозно-торжественному представленію: Это было бы не идейно, а мелкогражданско-вещественно. Группѣ лучшихъ учениковъ въ пять-шесть назначался цѣлый отдѣлъ изъ учебнаго

предмета. А там—кому что достанется из этого отдѣла,—долженъ каждый отлично приготовить все.

«Ученики всѣ въ сборѣ, профессора и начальство тоже, являлась и публика, большею частью въ священнослужительскихъ рясахъ. Московскіе іереи, иные весьма извѣстные и авторитетные, затерты въ толпѣ учениковъ, составляющихъ два крыла, простирающихся отъ экзаменаціоннаго стола почти до самаго алтаря.

«Долго ждуть въ томительномъ тоскливомъ молчаніи. Наконецъ съ параднаго хода даютъ знать: «Пріѣхалъ». Все замерло, оцѣпенѣло; жизнь обнаруживается только въ учащенномъ біеніи пульса и колыханіи непослушнаго сердца. «Идетъ!»—пронеслось пошотомъ по всей залѣ, и, какъ сухой, осенній листъ при легкомъ дуновеніи вѣтерка навстрѣчу восходящему дневному свѣтилѣ, зашелестѣли шелковыя рясы ожидающихъ.

«Раздалось торжественное стройное пѣніе семинарскаго хора, и точно вѣтеръ пробѣгалъ по спѣлымъ колосьямъ ржи: склонились головы всѣхъ присутствующихъ. Низенькая, крайне худая фигура въ бѣломъ клобукѣ съ блестящими алмазами видна изъ заднихъ рядовъ плотной толпы: Садится митрополитъ, садятся по его приглашенію и всѣ педагоги. Но ученики и публика остаются на ногахъ. Не садится и ректоръ,—экзаменъ начнется изъ догматическаго богословія, преподаваемаго ректоромъ. Что это? Важный, величественный, недоступный для насъ, простыхъ смертныхъ, ректоръ склоняетъ колѣни и кладетъ передъ митрополитомъ земной поклонъ, прикоснувшись клобукомъ къ самому полу, вплотную. Подымается ректоръ и остается на ногахъ во все время экзамена.

«Твердо, четко, безъ поправки, безъ запинки льется рѣчь отвѣчающаго. Но вотъ вѣтеръ пробѣгаетъ по всей человѣческой нивѣ. Стоящіе одесную и ошуйю стола скашиваютъ головы и тѣла свои по направленію къ столу. Что это значить? Митрополитъ едва слышнымъ голосомъ дѣлаетъ «возраженіе» отвѣчающему. Но не слышитъ этого возраженія затерявшійся въ толпѣ учениковъ попъ-магистръ, ради того возраженія и явившійся среди публики.

«Жаль его, потому что такіа возраженія Филарета считаютъ перлами. Не записанныя, они устно разносились по всей учено-богословской средѣ московскаго духовенства. Экзаменующійся богословъ отвѣчаетъ по своему разумѣнію на возраженіе. Снова вѣтеръ пробѣгаетъ по зрѣлой нивѣ. Но большинству удается при гробовомъ молчаніи разслышать только слова:

«— А какъ же апостолъ Павелъ говорить...

«Ученикъ пытается отвѣтить—иногда удачно, иногда нѣтъ. Тутъ наступаетъ страшная минута для ректора.

«— Ты что скажешь?—доносится слабый голосъ.

«Ректоръ отвѣчаетъ, конечно, большей частью удовлетворительно, ибо и самъ онъ, думаю, еще больше, чѣмъ назначенные къ экзамену ученики, готовился къ страшной минутѣ. Но иногда въ отвѣтъ на неудачное объясненіе ректора до волнующейся нивы доносится слабый, но методически-холодный голосъ владыки.

«— Дуракъ!

«Въ отвѣтъ на такую краткую, но сильную характеристику, ректоръ колѣнопреклоняется, какъ бы прося прощенья. Митрополитъ на экзаменахъ говорилъ ученикамъ «вы», равно и преподавателямъ духовнаго вѣдомства, которые были въ вицъ-мундирахъ. «Ты» относилось только къ бѣлому и черному духовенству.

«Ректоръ не былъ застрахованъ при отвѣтахъ учениковъ и по другимъ духовнымъ предметамъ, хотя бы и не его преподаванія. Ученикъ не отвѣтилъ на возраженіе.

«— Ты что скажешь?—обращается митрополитъ къ его профессору. Если тотъ удовлетворительно разрѣшитъ возраженіе, тѣмъ дѣло и кончается, но если нѣтъ, митрополитъ скажетъ:

«— Не такъ! Ты что скажешь?—обращается тогда и къ высшей инстанціи, къ ректору. И здѣсь при неудовлетворительномъ рѣшеніи раздается «дуракъ».

Крѣпко и прочно творился старинный экзамень, но въ тѣ старые годы онъ менѣе носилъ характеръ лоттереи, а значеніе его въ смыслѣ контроля семинарскаго чиновначалія было, несомнѣнно, выше современнаго.

Записки князя И. М. Долгорукова, печатаніе которыхъ продолжается въ «Русскомъ Библіофилѣ», мѣтко обрисовываютъ взгляды и нравы конца Екатеринина царствованія. Не одну деталь возьметъ отсюда и историкъ, и очень не побрезгуетъ ими бытописатель.

Писатель съ развитой наблюдательностью, человекъ недурно поставленный въ жизни и имѣвшій связи почти со всѣми видными людьми эпохи, Долгоруковъ, сидя въ своей Пензѣ, могъ слѣдить за всѣми колебаніями придворной и общественной жизни. Писалъ же онъ настолько откровенно, что только теперь возможно появленіе его мемуаровъ. Многихъ изъ фаворитовъ императрицы князь лично знавалъ, и тѣмъ интереснѣе его характеристики.

«Я всегда,—пишетъ онъ, между прочимъ,—видя князя Зубова, вспоминалъ, какъ его возили къ Молчанову въ Семеновскій полкъ въ двѣнадцатую роту... играть квартеты на скрипкѣ. Бѣдность не есть порокъ, не есть преграда къ достоинствамъ. Можетъ и незнатной породы человекъ обширныя пріобрѣсть познанія, но Зубовъ былъ сынъ скареднаго отца, воспитался въ конногвардейскихъ казармахъ, и могъ тогда только при Екатеринѣ вмѣшиваться въ дѣла, когда старость ея мѣшала ей распознавать придворныхъ своихъ и назначать имъ пристойное ихъ мѣсто. При Зубовѣ начиналъ поднимать носъ Державинъ. Онъ былъ тамбовскимъ губернаторомъ, поссорился съ Гудовичемъ, отданъ былъ подъ судъ, но, будучи остръ и краснорѣчивъ, написалъ оду къ Фелицѣ и закурилъ Екатерину. Она его пощадила и возвела на степень своихъ секретарей, опредѣляя быть при Зубовѣ, котораго лучи на него отражались; онъ началъ уже значить».

Характерно, какъ Долгоруковъ, человекъ очень образованный, во многомъ «вольтерьянецъ»,—въ томъ смыслѣ, какъ это слово понимали у насъ тогда,—спокойно принималъ нѣкоторыя явныя несообразности своего вѣка, подкупленный ихъ выгодностью для себя, какъ помѣщика и дворянина. Очень любопытно его разсужденіе о практиковавшихся тогда записяхъ дворянскихъ дѣтей на воен-

ную службу чуть ли не грудными дѣтьми. Одинъ изъ вліятельныхъ современниковъ князя, Таракановъ, въ вѣщшее доказательство пріязни Долгорукову записалъ новорожденнаго сына его въ карабинеры въ свой полкъ. «Потомъ, производя его чинами, довелъ до кадета въ томъ же году, и на каждой изъ сихъ чиновъ паспорта долго хранились у меня, какъ монументъ того счастливаго вѣка, въ которой при Екатеринѣ можно было изъ шутки записывать въ службу ребятъ въ люлькѣ, и она, на всѣ сіи безпорядки глядя, смѣялась и могла смѣяться, видя, что они не мѣшали войскамъ ея быть повсюду побѣдоносными. Младенцы росли, воспитывались дома, съ готовыми паспортами являлись въ полкъ и, достигая въ лучшей порѣ возраста своего офицерскаго чина, охотно жертвовали собой изъ подвига чести. Чинъ и почести суть химеры,—слѣдовательно, воспламенить надобно воображеніе, и воспламенить сильно, чтобы ради креста либо патента человекъ далъ себѣ ноги и руки рвать ядрами, а человекъ, которой съ сѣдыми волосами получаетъ чинъ офицерской, скорѣе ли полѣзеть на крѣпость? Симъ утверждаю я мнѣніе мое, что записывать дѣтей въ нижніе чины въ ребячество ихъ, дабы въ юности еще доставалось имъ въ офицеры, не такъ-то худо,—и это я отнюдь не въ пользу дѣтей моихъ говорю, но въ пользу общую, которую тогда гвардейскіе полки паче всѣхъ ощущали, хотя въ нихъ записывали грудныхъ младенцевъ и производили въ офицеры еще до усовъ».

Но уже проблески вольтерьянскихъ мыслей, которыя, впрочемъ, тогда не очень рознили и со взглядами самой императрицы, мелькають у Долгорукова въ его разсужденіи о русскихъ монастыряхъ. Вотъ его мнѣніе и запись о знаменитой Саровской пустыни, которую князь посѣтилъ еще до того, какъ она прославилась своимъ пустыножителемъ, старцемъ Серафимомъ.

«Саровская пустыня окружена прекрасною лѣсною дачею, которая ей укрѣплена грамотою Екатерины II. Монастырь, прекрасно обстроенный камнемъ, стоитъ на горѣ и въ самой густой внутренности лѣса, такъ что не прежде его можно увидѣть, какъ подѣхавши почти подъ звукъ его колоколовъ. Братіи тутъ человекъ до двухсотъ тогда было, и настоятель ихъ, Пахомій, старецъ весьма учтивый и доброхотный. Онъ былъ монахъ безъ реторики и угрожалъ Богу безъ богословскихъ аргументовъ. Богатство пустынное повсюду показывалось у нихъ между разныхъ заведеній, доказывающихъ трудолюбіе ихъ и трезвую жизнь. (Но я не говорю о всѣхъ; въ семьѣ не безъ уroda). Была и аптека, которой управлялъ лекарскій ученикъ, прилѣпившійся къ ихъ смиренной жизни и промѣнявшій на чотки тупой свой ланцетъ. О вкусахъ спорить нельзя; по мнѣ я бы и то, и другое бросилъ на дорогѣ. Я былъ въ ихъ пустышѣ въ самой чистой понедѣльникъ. Рѣдкой и унылой звонъ колокола, ихъ всендневное пѣніе въ церкви, въ которую и женщины не пускають, а одни монахи по очереди денно и ночно воспѣвають псалмы, сіи неподобныя стихотворенія краснорѣчиваго Давида, отголосокъ столповыхъ пѣсней, которой кажется самая стѣна въ уши мои ужасно отражали, мрачное одѣяніе унылыхъ анахоретовъ,—все мнѣ представляло живую картину поста, и воображеніе мое погружало всѣ мои чувства въ благоговѣйное нѣкое иступленіе, которое соотвѣтствовало видимымъ предметамъ. Саровская пустыня одна изъ знатнѣйшихъ въ на-

шемъ государствѣ. Но какое противорѣчіе! Пустыня и двѣсти человѣкъ, живущихъ въ одномъ обществѣ! Пустыня и пушки, ибо и у нихъ были свои маленькія орудія, кои по праздникамъ бывали не безъ употребленія! Пустыня и пребогатые алтари, утвари, кельи, изобильныя поварни, роскошныя трапезы! Согласите все сіе въ умѣ вашемъ».

Мелькають въ интересныхъ мемуарахъ Долгорукова живописные портреты современниковъ, не принадлежащихъ къ историческимъ людямъ, но по своему колориту прямо напрашивающихся на возсозданіе въ качествѣ персонажей стилизованной повѣсти или бытовой комедіи екатерининской эпохи. Въ чело-вѣческой кунсткамерѣ не послѣднее мѣсто могъ бы занять провинціальный стихоплетъ Струйскій, черезъ нѣсколько десятилѣтій чуть не цѣликомъ повторенный историческою фигурою пресловутаго графа Хвостова, вѣчной мишенью пушкинскихъ сарказмовъ.

«Струйскій, — рассказываетъ Долгоруковъ, — влюбясь въ стихотворенія свои, издавалъ ихъ денно и ночью. Закупалъ французской бумаги пропасть, выписывалъ буквы разнаго калибра, учредилъ типографію собственную свою и убивалъ на содержаніе ея лучшую часть своихъ доходовъ. Онъ имѣлъ кабинетъ въ самомъ верху дома, называемый Парнассъ. Въ сіе свѣтилище никто не хаживалъ, ибо, говорилъ онъ, не должно метать бисера свиньямъ. Меня онъ удостоилъ ласковаго тамъ пріема, за который дорого заплатилъ, однако, одинъ изъ моихъ товарищей, ибо онъ, читая мнѣ одно свое произведеніе, и натурально изъ хвастовства, по мнѣнію его, лучшее, сильно будучи имъ восхищаемъ, щипалъ его въ восторгъ до синихъ пятенъ (!). Изступленія подобнаго, когда о стихахъ говорили, я не видывалъ. Все обращеніе его, впрочемъ, было дико, одѣваніе странно. Онъ носилъ съ фраккомъ парчевой камзолъ, подпоясывался розовымъ кушакомъ шелковымъ, обувался въ бѣлыя чулки, на башмакахъ носилъ бантики и длинную повязывалъ русскую косу...»

Парчевыя рубашки современныхъ футуристовъ, значить, тоже имѣютъ свой прецедентъ. Чѣмъ больше міръ мѣняется, тѣмъ больше онъ остается самимъ собою!..

Въ своихъ «Виленскихъ воспоминаніяхъ» А. Гене зарисовываетъ въ «Русской Старинѣ» типы служилыхъ людей середины прошлаго вѣка. Среди виленскихъ антиковъ на минуту останавливаешься на нѣкоемъ Владиміровѣ, дѣятелѣ по министерству народнаго просвѣщенія, оставившемъ, между прочимъ, много разныхъ брошюръ по современнымъ вопросамъ. Имѣя дѣтей и интересуюсь системою воспитанія, Владиміровъ знакомился съ издаваемыми тогда хрестоматіями. Любопытно, за что онъ не одобрилъ одну изъ нихъ, — за то, что нашель въ ней слѣдующіе стихи (кажется, знаменитаго Анакреона):

Пьютъ и воздухъ, и поля,
 Пьеть и горная земля.
 Море, солнце, — всѣ вы пьете,
 Всѣхъ поить одна струя...

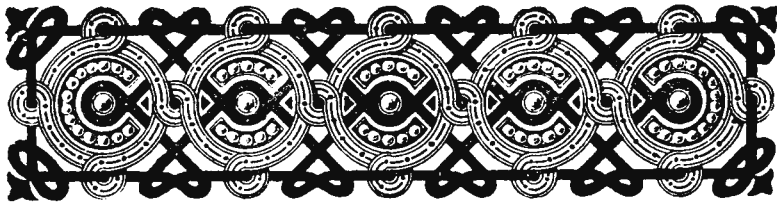
Въ этихъ словахъ виленскій антикъ усматривалъ прямой призывъ къ пьянству. Равнымъ образомъ, записываетъ авторъ, — Владимировъ порицалъ извѣстныя стихотворенія «Бѣсы» и «Птичка Божія не знаетъ». По его мнѣнію, первое вкореняетъ дѣтямъ вѣру въ бѣсовъ и располагаетъ ихъ къ суевѣрію, второе развиваетъ въ нихъ стремленіе къ лѣни, тунеядству, бродяжничеству и возбуждаетъ недовольство своей судьбой.

Что, если бы Владимировъ зналъ, что пройдетъ нѣсколько десятилѣтій, и русскій юмористъ, смѣясь, изобразитъ его подъ видомъ цензора, находящаго такъ точно сформулированныя имъ преступныя идеи въ этомъ невиннѣйшемъ изъ пушкинскихъ стихотвореній! Кто не знаетъ остроумнаго юмористическаго фельетона Амфитеатрова «Птичка Божія», гдѣ въ угоду цензору редакторъ совершенно заново передѣлываетъ это «развращающее» стихотвореніе — «птичка, умная, ты знаешь и заботы и труды, хлопотливо ты свиваешь», и т. д.

Положительно въ разныя времена міру отпущена одна и та же мѣра ума и безумія!..

А. Измайловъ.

Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили съ 15 іюня
по 15 іюля для отзыва слѣдующія книги.

Софокль. Антигона. Трагедія. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Изданіе 3-е, исправленное, т-ва А. С. Суворина—«Новое Время», «Дешевая бібліотека». Спб. 1914. Стр. XII+55. Ц. 12 к.

И. Харламовъ. Язва. Романъ. Спб. 1914. Стр. 174. Ц. 1 р. 25 к.

А. М. Бутлеровъ. Какъ водить пчель. 4-е изданіе Импер. Вольн. экономическаго общества. Спб. 1914. Стр. 48. Ц. 10 к.

Л. Семеновъ. О «Хаджи Муратъ» Л. Толстого. Харьковъ. 1914. Стр. 10. Цѣна не обозначена.

Брошюра Л. Семенова представляетъ собою оттискъ изъ V выпуска «Вѣстника Харьковскаго Историко-Филологическаго общества». Авторъ дѣлаетъ параллельное сравненіе между произведеніемъ Л. Н. Толстого и тѣми историческими источниками, которыя остались о дѣйствительномъ Хаджи-Муратъ. Любопытно также произведенное г. Семеновымъ сравненіе между повѣстью Толстого «Хаджи-Муратъ» и повѣстью на ту же тему Д. Л. Мордовцева.

Сергій Бертенсонъ. Къ бібліографіи матеріаловъ о Гоголѣ. 1911—1913. Спб. 1914. Стр. 9. Цѣна не обозначена.

Влад. Юшко. Отецъ Анатолий. Очеркъ. Одесса. 1914. Стр. 14. Цѣна не обозначена.

Небольшой очеркъ г. Юшко изображаетъ одного изъ незамѣтныхъ,

дѣйствительныхъ свѣточей русской жизни—саровскаго подвижника отца Анатолия, пользующагося громадною популярностью въ народѣ, который толпами сходится къ нему, ища совѣта, утѣшенія, помощи, благословенія.

Влад. Пуришкевичъ. Предъ грозою. Правительство и русская народная школа. Спб. 1914. Стр. 140+IV. Ц. 50 к.

Г. С. Габаевъ. О старшинствѣ войсковыхъ частей и хроникахъ гренадерскихъ и пѣхотныхъ полковыхъ. Изданіе Импер. рус. военно-истор. общества. Спб. 1914. Стр. 70. Цѣна не обозначена.

Международное общество спальныхъ вагоновъ и европейскихъ скорыхъ поѣздовъ. Путеводитель подъ редакціей Н. Н. Лендера (Путника). Спб. 1914. Стр. 312. Цѣна не обозначена.

Календарь скакового спорта. Вып. I. Спб. 1914. Стр. 236. Ц. 80 к.

Л. Ждановъ. Два милліона въ годъ. (Нищій-милліонеръ). Фантастическій романъ. Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова. Спб. 1914. Стр. 342. Ц. 2 р. 50 к.

М. В. Батуринъ. Проблема маріавитизма. Вильна. 1914. Стр. 38. Ц. 30 к.

С. М. Никоновъ. По Сибири и Японіи. Экскурсія учениковъ средн. учебн. зав. Варшавскаго учебн. округа съ 8-го іюня по 8-е августа 1913 г. Изданіе управленія варш. учебн. округа. Варшава. 1914. Стр. 234. Ц. 3 р.

Н. В. Васильевъ. Трезвая жизнь. Иллюстрированная противоалкогольная хрестоматія для школъ и народа. Спб. 1914. Стр. 184. Ц. 60 к.

Задача настоящей хрестоматіи—подчеркнуть вред отъ неумѣреннаго потребленія алкоголя и опровергнуть мнѣнія положительныя качества его; составитель воспользовался для этой цѣли отрывками изъ произведеній Мопассана, Коринфскаго, Чехова, Сурикова, Гл. Успенскаго, Никитина, А. Свирскаго и др. Въ концѣ книги помѣщены статистическія таблицы, доказывающія, что алкоголь сокращаетъ жизнь, создаетъ преступниковъ и т. д. И для народа, и для школъ широкое распространеніе подобныхъ изданій весьма желательна.

Антовыя книги полтавскаго городского уряда XVII вѣка. Вып. III. Справы вѣчистыя 1672—1680 гг. Редакція и примѣчанія В. Л. Модзалевскаго. Изданіе полтавской губ. уч. арх. комиссіи. Черниговъ. 1914. Стр. 124. Цѣна не обозначена.

Отчетъ императорскаго русскаго историческаго музея имени императора Александра III въ Москвѣ за 1911 годъ. Приложение. Москва. 1913. Стр. 38. Цѣна не обозначена.

— **Тоже.** За 1913 г. Стр. 92. Ц. не обозначена.

Е. В. Молоствовъ. Иеговисты. Жизнь и сочиненія Н. С. Ильина. Возникновеніе секты и ея развитіе. (Записки имп. русск. географ. об-ва по отдѣленію этнографіи. Т. XXXVIII, подъ ред. А. С. Пругавина). Спб. 1914. Стр. XII+298. Цѣна не обозначена.

А. И. Боргманъ. Отечественная исторія для младшихъ классовъ среднихъ учебныя заведеній. (Примѣнительно къ программѣ 13-го іюля 1913 г.). Спб. 1914. Стр. IV+168. Ц. 75 к.

И. И. Замотинъ. М. Ю. Лермонтовъ. Мотивы идеальнаго строительства жизни. Варшава. 1914. Стр. 154. Ц. 1 р.

Ф. Орловъ. Легенда о митрополитѣ Филаретѣ въ Варшавѣ. (1614—1914). Спб. 1914. Стр. 48. Ц. 30 к.

Діаконъ А. Соловьевъ. Къ 500-лѣтнему юбилею мученической кончины магистра Яна Гуса. Прага. 1914. Стр. 28. Ц. 30 к.

В. М. Базилевичъ. Изъ исторіи московско-крымскихъ отношеній въ первой по-

ловинѣ XVII вѣка. Кіевъ. 1914. Стр. 23. Цѣна не обозначена.

Историческая хрестоматія. 1812—1815 г. въ стихахъ, басняхъ и пѣсняхъ. Изд. 2-е. Составилъ Е. Ж. Изяславль. 1914. Стр. 50. Ц. 25 к.

Enquête dans les Balkans. Rapport présenté aux directeurs de dotation par les membres de la commission d'enquête Paris. 1914. P. 496.

Левъ Бертенсонъ. Радиоактивность въ лечебныхъ водахъ и грязяхъ. Изданіе К. Л. Риккера. Спб. 1914. Стр. 203. Ц. 2 р. 80 к.

Извѣстія калужской ученой архивной комиссіи. Вып. XXII. Калуга. 1914. Стр. 285. Ц. 1 р. 50 к.

Б. Нубаловъ. Последніе годы самостоятельнаго существованія Галицко-Волынскаго княжества. Иркутскъ. 1914. Стр. 55. Цѣна не обозначена.

«Смоленская Старина». Вып. 3, ч. I. Подъ ред. Н. Рѣдкова. Изданіе смоленской учен. арх. комиссіи. Смоленскъ. 1914. Стр. 164. Цѣна не обозначена.

В. И. Грачевъ. Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая II, Государыни Императрицы Александры Феодоровны и Ихъ Августѣйшаго семейства въ г. Смоленскѣ 31-го августа 1912 года. Смоленскъ. 1914. Стр. 33. Цѣна не обозначена.

Книга польской коронной метрики XV столѣтія. Т. I. 1447—1454 гг. Юридическіе памятники, издаваемые варш. гл. архивомъ древн. актовъ. Варшава. 1914. Стр. XXXIII+282. Ц. 3 р.

В. А. Ральевичъ и Б. Н. Васильевъ. Краткая новѣйшая исторія. (1814—1914). Спб. 1914. Ки-во т-ва «Просвѣщеніе». Стр. VIII+261. Ц. 1 р.

Настоящая книга можетъ служить хорошимъ справочникомъ по новѣйшей исторіи не только крупныхъ европейскихъ государствъ, но и второстепенныхъ. Событія политическія, культурныя и социальныя за послѣднее столѣтіе изложены сжато, толково и въ строго объективной формѣ. Къ книгѣ приложены библиографическій указатель и нѣсколько географическихъ картъ.

Записки гр. Е. В. Комаровскаго. Подъ ред. П. Е. Щеголева, со вступит. статьей Е. А. Лядскаго. Изд-во «Огни». Спб. 1914. Стр. XI+278. Ц. 2 р. 25 к.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

О Е-ЧТО о Вѣнскомъ конгрессѣ.—«Конгрессъ танцуетъ!»—мѣтко охарактеризовалъ Вѣнскій конгрессъ князь Меттернихъ. И дѣйствительно, пробѣгая въ «Oesterreichische Rundschau» извлеченія изъ донесеній тайной полиціи и воспоминаній, получается картина, какъ будто на этомъ конгрессѣ только и дѣлали, что веселились и танцевали.

Объ этомъ конгрессѣ уже много писали, но мемуары о немъ являются неистощимымъ источникомъ для историковъ, и за последнее время литература о немъ обогатилась еще новинками: «Картиной вѣнскаго конгресса» графа Лагарди, «Воспоминаніями графини Тюрхеймъ» и «Тайными донесеніями о вѣнскомъ конгрессѣ» Августа Фурньера.

Последній авторъ черпалъ свои свѣдѣнія изъ тайныхъ донесеній полиціи, во главѣ которой въ то время былъ Ф. фонъ-Гагеръ. Эти донесенія дѣлались не только тайной полиціей, но и лицами, занимавшими видныя должности. Темы донесеній были самыя разнообразныя, начиная съ политическихъ, общественныхъ и свѣтскихъ и кончая интимными изъ области любовныхъ приключеній.

Среди громкихъ именъ въ этихъ донесеніяхъ фигурировали лица, которыя играли видную роль на Вѣнскомъ конгрессѣ и въ вѣнскихъ салонахъ, въ родѣ князя де-Линя, датскаго посланника графа Христіана Верндорфа, русскаго посла Штакельберга, банкира Арнштейна, Эскелеса, Геникштейна и графа Фрица.

¹⁾ Aus der Wiener Gesellschaft 1814. Auszüge aus Geheimerberichten mitgeteilt von Bindobonensies. «Oesterreichische Rundschau» 18 juni 1914 г.

Авторъ статьи въ «Osterreichische Rundschau», кромѣ этихъ донесеній, воспользовался еще воспоминаніями графини Эстергази Руазень, а также графини Софіи Зичи, гдѣ описанъ императоръ Александръ Павловичъ и вѣнскія красавицы. Здѣсь разсказано немало пикантныхъ подробностей о легкомысленной красавицѣ русской княгинѣ Багратионъ, которой Александръ Павловичъ отдавалъ много ночныхъ визитовъ. Не забыта тамъ и герцогиня Саганъ, съ которой одно время у князя Меттерниха была любовная интрига.

Домашніе вечера, балы, концерты, рауты, музыкальные утра и вечера, дѣтскія празднества, пикники и маскарады—вотъ чѣмъ жила Вѣна во время конгресса 1814 г. Особенно любили вѣнское общество и дипломаты пикники и маскарады. Пикникъ нѣмецкій, пикникъ венгерскій и другіе пестрятъ въ этихъ извлеченіяхъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ князь де-Линь возобновилъ свои вечера, которые устраивалъ каждый день. Его вечера усердно посѣщали англійскій посолъ Макензи и большинство англичанъ. Королевами вечеровъ были княгиня Юганна Лихтенштейнъ, Розалія Ржевусская, молодая княгиня Эстергази, г-жа Сальданъ и хозяйки дома.

На балу у русскаго посланника Штакельберга была среди другихъ гостей графиня Пальси. Это послужило темой для сплетенъ. У этой дамы была интрига въ 1805 году съ графомъ Андраши, и она должна была отказаться отъ посѣщенія великосвѣтскаго общества. На балу у Штакельберга она появилась впервые послѣ скандала. Этотъ балъ окончился въ полночь. Было много гостей. Дѣтскій балъ начался въ шесть часовъ. Послѣдній «нѣмецкій» танецъ Штакельбергъ танцевалъ съ княгиней Леопольдиной Лихтенштейнъ.

Впрочемъ, на этихъ вечерахъ также играли въ карты, въ вистъ и въ другія игры.

Наша соотечественница княгиня Багратионъ служила героиней многихъ анекдотовъ. У г-жи Гумбольдтъ говорили, что княгиня эту зиму будетъ жить очень тихо, спокойно. Графъ Фрицъ ухаживалъ за нею до самаго своего отъѣзда въ Швецію.

«Посмотримъ, что будетъ послѣ его отъѣзда», замѣчаетъ авторъ воспоминаній.

На спектакль у г-жи Кюмаръ былъ поставленъ и балетъ, въ которомъ участвовали великосвѣтскія дамы. На этомъ вечерѣ передавали анекдотъ о королевѣ Силезіи. Она сказала, что «этотъ годъ для графа Геца и Ламберга (его родственникъ) несчастливъ: сначала у васъ была война и чума, а теперь у васъ я».

Въ послѣднюю среду у графа Штакельберга былъ красивый балъ. Къ этому авторъ прибавляетъ, что слышалъ во многихъ кружкахъ разговоры о подаркѣ, который русскій императоръ поднесъ князю Меттерниху. Это былъ очень цѣнный и роскошный подарокъ: ящикъ съ различными туалетными принадлежностями, осыпанными брильянтами. Тамъ были различные предметы: запонки, пряжки и т. д.—все, что требуется для свѣтскаго щеголя. И все это въ красивой оправѣ, въ выдержанномъ стилѣ. Такой роскошный подарокъ, конечно, возбуждалъ толки, и семья Меттерниха успѣшила объявить, что слухи о подаркѣ императора Александра «ложны и неосновательны».

Маленькій скандалъ произвела отмѣна назначеннаго бала у княгини Багратионъ. «Говорятъ,—замѣчаетъ авторъ въ извлеченіяхъ,—что княгиня нуждается въ деньгахъ, и ея кошелекъ снова пустъ. Княгиня ищетъ добраго друга, который наполнилъ бы этотъ кошелекъ».

Нѣсколько дней высмѣивали эту отмѣну, которую приписывали настойчивости кредиторовъ и отсутствію денегъ. «Г-жѣ Багратионъ нездоровилось,—острикли надъ княгиней:—у нея судороги въ рукахъ,—вотъ почему она отмѣнила балъ».

Графъ Штапельбергъ былъ влюбленъ въ танцовщицу Биготтини. Она плѣнила также князя де-Линя и князя Клари. Когда она танцевала, то въ партерѣ неизмѣнно сидѣли всѣ три рядомъ и не спускали съ ней глазъ.

— Изъ воспоминаній о сентябрьскихъ убійствахъ.—Въ майской книжкѣ «La Revue» напечатаны отрывки изъ дневника нѣкоего шевалье д'Эбрейля, видѣвшаго воочию ужасы сентябрьскихъ убійствъ 1792 года и едва не сдѣлавшагося ихъ жертвою. Жакъ Антуанъ д'Эбрейль родился въ 1765 году и былъ адвокатомъ въ своемъ родномъ городкѣ Монтобанѣ, когда въ странѣ разразилась революція. Д'Эбрейль немедленно промѣнялъ адвокатскую тогу на шпагу и сталъ на защиту короля. Когда корелевскую семью привезли изъ Версаля въ Парижъ, онъ вступилъ въ ряды тайнаго общества такъ называемыхъ «кинжалщиковъ» (*chevaliers du poignard*) и задался цѣлью вырвать короля изъ рукъ парижанъ. Во время заключенія короля въ Тамплъ онъ поселился неподалеку и, выжидая событій, былъ готовъ на все.

Послѣ 9-го термидора онъ принимаетъ участіе въ возстаніи противъ республиканскаго правительства. Жить для него становится опаснымъ. Лишенный покровительства законовъ, онъ, словно дикій звѣрь, скрывается въ лѣсахъ. При имперіи онъ нѣсколько успокаивается и предается литературнымъ занятіямъ. Реставрація приводитъ его въ палату депутатовъ. Въ 1830 году онъ удаляется съ политической арены и кончаетъ свою долгую жизнь въ 1850 году, оставивъ по себѣ память, какъ о хорошемъ человѣкѣ.

«Въ воскресенье 14-го августа,—разсказываетъ д'Эбрейль—чтобы разсѣяться отъ мрачныхъ опасеній, я вышелъ изъ дому и направился къ бульварамъ. Всюду по пути мнѣ попадались толпы народу, которыя все болѣе и болѣе увеличивались. Повернувъ въ одну изъ улицъ, я попалъ въ густую толпу, которая увлекла меня съ собой до бульваровъ. Тутъ, по обѣимъ сторонамъ мостовой стояли густые ряды народа, сдерживаемаго двумя рядами солдатъ. Скоро я узналъ и причину такого стеченія. Показались экипажи, въ которыхъ везли королевскую семью. Вскорѣ они проѣхали мимо того мѣста, на которомъ я стоялъ. Первымъ моимъ движеніемъ было бѣжать, чтобы не видѣть этого горестнаго зрѣлища. Но какое-то странное чувство удержало меня на мѣстѣ: мнѣ хотѣлось еще разъ видѣть лицо короля.

«Экипажи были открыты, и можно было явственно видѣть тѣхъ, кто сидѣлъ въ нихъ. Пробравшись въ первый рядъ, я безпрепятственно смотрѣлъ на экипажи. Противъ короля и королевы сидѣли на передней скамейкѣ два комисара парижской коммуны Жанюэль и Петіонъ, ихъ дерзкія позы представляли странный контрастъ съ спокойнымъ достоинствомъ ихъ плѣнниковъ.

«Всѣ глаза были устремлены на экипажи. Я не замѣтилъ, однако, никакой жестокости на лицахъ тѣхъ, кто меня окружали и произвели революцію: на нихъ видѣлось лишь любопытство. Изрѣдка вокругъ насъ раздавались оскорбительные возгласы, но они не встрѣчали сочувствія въ толпѣ. Никто, однако, не смѣлъ выказать любовь къ королю: терроръ былъ слишкомъ силенъ.

«28-го августа въ назначенный часъ вдругъ закрылись всѣ лавки. Уличное движеніе прекратилось. вмѣсто шума и движенія въ городѣ воцарилась угрюмая тишина. Улицы, обыкновенно переполненные народомъ, были безлюдны. Каждый спѣшилъ добраться поскорѣе до своего жилища и тамъ съ ужасомъ ожидалъ, что вотъ-вотъ къ нему нагрянутъ съ обыскомъ. Не желая оставаться дома, я отправился въ Пале-Рояль, находившійся недалеко отъ меня. Забывшись тамъ въ уголокъ кафе, я сталъ размышлять о томъ, что происходитъ. Вдругъ вышли двое полицейскихъ, сопровождаемые толпой національной гвардіи, вооруженной пиками. Ставъ въ дверяхъ, они повелительнымъ тономъ потребовали, чтобы всѣ, кто находился въ кафе, немедленно выходили изъ него и при выходѣ называли свои имена. Они, очевидно, хотѣли захватить заранѣе тѣхъ, кого предполагалось подвергнуть потомъ обыску. По какому-то инстинкту я скрылъ свое имя и назвалъ вымышленнымъ. Меня пропустили. Очутившись на большомъ дворѣ Пале-Рояля, мы увидѣли, что онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ солдатами, а внутри наполненъ такими же арестованными, какъ и мы. Какіе-то люди раздѣляли всю эту толпу на отряды, по мѣсту жительства арестованныхъ, и когда эта сортировка кончилась, агенты помѣстились во главѣ и въ хвостѣ каждаго отряда, который былъ окруженъ національной гвардіей съ пиками. Ихъ повели черезъ главные ворота—сначала тѣхъ, которые жили въ дальнихъ кварталахъ. Меня отвели и сдали въ отель де-Ферме, гдѣ засѣдали комиссары нашей секціи. Машинально я повторилъ передъ ними имя, которымъ назвалъ себя въ Пале-Роялѣ, и указалъ имъ ложный адресъ. Меня тотчасъ же отпустили, и я поспѣшилъ къ себѣ.

«Вернувшись, я рассказалъ свои приключенія нашему привратнику, и это спасло мнѣ жизнь. Поздно ночью къ намъ въ домъ явились съ обыскомъ комиссары. Имъ нужно было произвести множество обысковъ, и они торопились. Подведя ихъ къ занимаемому мною помѣщенію, привратникъ сообщилъ имъ, что тутъ спитъ человѣкъ, который уже былъ арестованъ въ Пале-Роялѣ, подвергся допросу въ секціи, но былъ отпущенъ на свободу. Получивъ эти свѣдѣнія, они прошли мимо.

«Объ этомъ я узналъ только утромъ изъ устъ самого привратника».

3-го сентября по Парижу разнеслась вѣсть о страшныхъ убійствахъ, совершенныхъ ночью.

«Я не могъ себѣ представить,—пишетъ авторъ воспоминаній,—чтобы населеніе въ 800 тысячъ человѣкъ могло позволить, чтобы шайка злодѣевъ совершала среди него всѣ эти ужасы. Я вышелъ изъ дому съ намѣреніемъ присоединиться къ первой попавшейся партіи, которая попытается остановить эти убійства. Едва выйдя за дверь и взглянувъ на пустынную улицу, я увидѣлъ человѣка, котораго вели двое другихъ, съ засученными рукавами и окровавленными саблями. Въ человѣкѣ, шедшемъ посрединѣ, я узналъ одного изъ моихъ знако-

мышь, нѣкоего Фуло, который жилъ въ томъ же домѣ, какъ и я. Войдя къ привратнику, онъ просить у него вина и предлагаетъ его своимъ спутникамъ. Тѣ выпиваютъ его однимъ глоткомъ и холодно, но вѣжливо прощаются съ Фуло.

«Фуло бросился въ кресло, какъ человѣкъ, на смерть утомленный, разсказалъ слѣдующее: «Часть тому назадъ я былъ въ тюрьмѣ Консьержери, передъ революціоннымъ судомъ. На мое счастье, въ числѣ судей нашелся человѣкъ, который служилъ лакеемъ у моего отца. Желая меня спасти, онъ поручился, что я не противникъ революціи. «Если ты за это ручаешься,—сказалъ предсѣдатель суда:—то намъ этого довольно. Мы его оправдаемъ, и онъ можетъ вернуться къ себѣ». «Пусть кто-нибудь другой займетъ мое мѣсто,—промолвилъ мой спаситель:—я хочу самъ проводить его». Онъ взялъ меня подъ руку, и мы вышли вмѣстѣ. У воротъ стояла толпа какихъ-то ужасныхъ людей, окровавленныхъ и вооруженныхъ всякими орудіями убійства. «Этотъ оправданъ,—заявилъ имъ мой спутникъ.—Судъ освободилъ его, и я веду его домой». При этихъ словахъ толпа принялась поздравлять меня, и мнѣ пришлось переносить лобзанія этихъ ужасныхъ людей.

«— Какъ!—вскричалъ я.—И всѣ эти ужасы совершаются безпрепятственно и не встрѣчаютъ ни вооруженной силы, ни сопротивленія общества!

«— Эти ужасы совершаются совершенно открыто. Народъ отворачивается отъ нихъ съ отвращеніемъ, но онъ слишкомъ запуганъ. Национальная гвардія не вмѣшивается подъ тѣмъ предлогомъ, что она не можетъ дѣйствовать безъ приказанія коммуны. А коммуна-то и организовала всѣ эти убійства.

«Вмѣсто того, чтобы возвращаться къ себѣ, я отправился къ тюрьмамъ, чтобы посмотреть, нельзя ли чѣмъ-нибудь помочь несчастнымъ арестованнымъ. По дорогѣ мнѣ встрѣтились лишь озабоченные прохожіе, совершенно равнодушные къ тому, что такъ волновало меня. Вдругъ я увидѣлъ ужасное зрѣлище: показался цѣлый рядъ повозокъ съ наваленными въ нихъ трупами, сопровождаемые пятью или шестью плохо одѣтыми субъектами, покрытыми грязью и кровью.

«Недалеко оказался какой-то жалкій трактиръ. Чтобы избѣгнуть встрѣчи съ этой ужасной процессіей, я зашелъ въ него и спросилъ себѣ чашку кофе. Повозки остановились противъ трактира. Сопровождавшіе ихъ люди съ шумомъ вошли въ общую залу, усѣлись за столъ и потребовали водки. Достаточно упившись, они стали спрашивать прислугу, не знаютъ ли они кого-нибудь изъ «кинжалщиковъ».

«— Мы достаточно поработали надъ противниками революціи, но «кинжалщиковъ» намъ удалось уловить не много. Канальи попрятались по своимъ щелямъ. Вотъ я прочту вамъ ихъ списокъ. Если вы добрые патріоты, то вы должны намъ указать заговорщиковъ, которыхъ ихъ знаете. Расправа съ ними будетъ короткая.

«Съ этимъ словами онъ запустилъ руку за пазуху и вытащилъ грязный, запачканный кровью листъ бумаги. Прочитавъ именъ пятьдесятъ, онъ назвалъ и мое, добавивъ, чтобы не было ошибки, что дѣло идетъ о бывшемъ адвокатѣ изъ Монтобана. Опасность положенія заставила меня напрячь всѣ силы и скрыть охватившее меня волненіе. Чтобы не дать имъ возможности видѣть мое измѣнившееся лицо, я наклонился надъ своей чашкой и сталъ мѣшать кофе.

«Окончивъ чтеніе списка, оборванецъ спросилъ опять:

«— Не знаете ли вы кого-нибудь изъ нихъ? Можетъ быть, случайно кто-нибудь изъ нихъ здѣсь?»

«Всѣ молчали.

«Видя, что ихъ разспросы не ведутъ ни къ чему, разбойники съ грубой бранью вышли изъ трактира и направились дальше».

Чтобы вырваться изъ Парижа, автору воспоминаній пришлось воспользоваться покровительствомъ своей прачки.

«Я рѣшился не выходить изъ своего помѣщенія, — рассказываетъ онъ. — Въ это время явился ко мнѣ привратникъ и сообщилъ, что прѣѣхала за моимъ бѣльемъ прачка. Я сказалъ, что я самъ передамъ ей узелъ. Умная женщина поняла, въ чемъ дѣло, и незамѣтно сдѣлала мнѣ знакъ. Положивъ узелъ на свою телѣжку, она тихонько поѣхала дальше такъ, чтобы я не терялъ ее изъ виду. Когда мы очутились въ какой-то пустынной улицѣ, она дала мнѣ кое-какія лохмотья, которыя она привезла съ собой. Я передѣлся за стѣной, усѣлся на козлы рядомъ съ прачкой и сталъ править лошадей, разыгрывая изъ себя хозяина повозки.

«Когда мы подѣхали къ заставѣ, около нея оказались солдаты, которые должны были не выпускать изъ столицы подозрительныхъ. Овладевъ собою, я пустилъ лошадь шагомъ, чтобы караульные могли оглядѣть насъ какъ слѣдуетъ. Опасный порогъ былъ пройденъ безпрепятственно».

Пробывъ нѣсколько дней въ семьѣ своей прачки, жившей въ маленькомъ, уединенно стоявшемъ домикѣ, д'Эбрейль подъ именемъ Робена укрылся у нѣкоего Дювала, бывшего монаха, превратившагося теперь въ демагога. На этомъ пребываніи, не представляющемъ особо драматическихъ эпизодовъ, и заканчиваются отрывки дневника д'Эбрейля.

— Возвращеніе m-me де-Сталь во Францію¹⁾. — Исторія столкновеній m-me де-Сталь съ Наполеономъ начинается вскорѣ послѣ переворота 18 брюмера. Когда Наполеонъ сталъ неограниченнымъ повелителемъ Франціи, знаменитая писательница нѣсколько наивно вздумала открыть въ Парижѣ оппозиціонный салонъ. Она не понимала, что послѣ столькихъ лѣтъ кровавой борьбы и парламентской анархіи страна настоятельно нуждается въ спокойствіи и безмолвіи. Съ другой стороны, и Наполеонъ показалъ себя по отношенію къ ней настоящимъ деспотомъ. Онъ требовалъ, чтобы ему не только поклонялись, но чтобы его даже любили. Когда въ 1808 году сынъ m-me де-Сталь съ юношеской смѣлостью явился къ императору и потребовалъ, чтобы тотъ снялъ опалу съ его матери, Наполеонъ отвѣчалъ: «Я хочу, чтобы въ Парижѣ были лишь тѣ, кто любятъ меня!»

Сначала Наполеонъ, при помощи сыщиковъ и тайной полиціи, выжилъ свою политическую противницу изъ столицы и заставилъ ее переселиться въ Швейцарію, въ ея помѣсть Коппе. Но и здѣсь онъ не оставилъ ее въ покоѣ. Сыщики попрежнему слѣдили за ней, арестовывая потомъ всѣхъ, кто прѣзжалъ къ ней. Оторванная ото всѣхъ, m-me де-Сталь почувствовала себя въ опасности и въ маѣ 1812 года тайкомъ покинула кантонъ Во, съ цѣлью переселиться въ Ан-

¹⁾ «Revue Hebdomadaire». «Avril, 1914.

глію, гдѣ она однажды уже жила девятнадцать лѣтъ тому назадъ. Дорогу въ Лондонъ она выбрала самую длинную—черезъ Вѣну, Москву, Петербургъ и Стокгольмъ. Но, несмотря на этотъ обходный путь, и на немъ она, едва не встрѣтилась со своимъ врагомъ: она вступила въ предѣлы Россіи съ юга въ то самое время, когда Наполеонъ переправлялся черезъ Нѣманъ. Всего на нѣсколько недѣль предупредила она его прибытіемъ въ Москву, а въ Петербургѣ была въ то время, когда Наполеонъ уже подходилъ къ Бородину.

Положеніе м-ше де-Сталь было въ высшей степени трудное: она ненавидѣла Наполеона, но страстно любила Францію, и иностранцы не всегда могли разобратъся въ ея чувствахъ. Однажды въ Петербургѣ въ ея честь былъ устроенъ большой обѣдъ, и хозяинъ, думая сдѣлать ей пріятное, предложилъ тостъ за побѣду русской и англійской арміи. Гости едва не разрыдалась. Тостъ пришлось измѣнить и выпить «за пораженіе тирана, который ведетъ Францію противъ Европы». На другой день—другое огорченіе, пожалуй, еще болѣе сильное. Ея сынъ взволнованный возвратился раньше времени изъ французскаго театра, гдѣ давали «Федру» Расина и разсказалъ матери, что пьеса освистана и что представленіе пришлось прервать.

— Варвары, они освистали «Федру»!—горестно могла только воскликнуть м-ше де-Сталь.

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга она имѣла интересное свиданіе съ императоромъ Александромъ Павловичемъ. Царь хотѣлъ показать себя либеральнымъ и жаловался, что долженъ управлять мало культурнымъ народомъ, у котораго даже нѣтъ конституціи.

— Ваше величество, вашъ характеръ—вотъ конституція, гарантируемая вашей совѣстью,—отвѣчала ему м-ше де-Сталь.

— Въ такомъ случаѣ, я не болѣе, какъ счастливое исключеніе,—замѣтилъ государь.

Изъ Петербурга французская гостыя направилась въ отечество своего мужа, бывшаго шведскаго посланника при дворѣ Людовика XVI барона де-Сталья. Она надѣялась устроить здѣсь карьеру своимъ сыновьямъ, которые и родились въ Стокгольмѣ, но надежды эти не оправдались и, пробывъ въ Швеціи восемь мѣсяцевъ, м-ше де Сталь въ іюнѣ 1813 года высадилась въ Англіи.

Англія была ея духовной родиной. Во время ея пребыванія тамъ въ 1793 году она чуть было не вышла замужъ за знаменитаго англійскаго государственнаго дѣятеля Вильяма Питта. По прибытіи въ Лондонъ м-ше де-Сталь начала, разумѣется, съ того, что открыла политическій салонъ, который посѣщали всѣ тогдашнія знаменитости: лордъ Кастльри, лордъ Ливерпуль, Байронъ, пустившій про хозяйку злую фразу: «Она пишетъ *in octavo*, а говоритъ *in folio*». Здѣсь же въ Лондонѣ она выпустила свою знаменитую книгу «О Германіи», явившуюся цѣлымъ откровеніемъ для французовъ, имѣвшихъ самую смутную представленія о духовной и умственной жизни этой страны. Книга имѣла огромный успѣхъ, и первое ея изданіе разошлось въ три дня.

Между тѣмъ на континентѣ произошла Лейпцигская битва—первое несомнѣнное пораженіе Наполеона. Враги императора, разбѣянные по всей Европѣ, подняли голову и прежде всѣхъ основатель либеральной доктрины Бенжаменъ

Констанъ. Констанъ, когда-то очень близкій къ м-ше де-Сталь, ѣзжалъ отъ Наполеона въ Германію, тамъ женился на нѣмкѣ и пристроился даже въ качествѣ каляргера къ какому-то мелкому нѣмецкому двору. Теперь онъ вступился, снова бросился въ политическую борьбу и написалъ ѣдкій памфлетъ на Наполеона и Францію. Этотъ памфлетъ онъ послалъ въ Англію своей старой пріятельницѣ, съ которой не видался столько лѣтъ. Но м-ше де-Сталь пришла въ ужасъ отъ этого памфлета. «Теперь не время раздражать общественное мнѣніе противъ французовъ. И безъ того ихъ всѣ ненавидятъ. Нельзя говорить худо о французахъ, когда русскіе уже стоятъ у Лангра».

Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ. 30-го марта сдался Парижъ. 6-го апрѣля состоялось отреченіе Наполеона, и возвращеніе изгнанныхъ во Францію стало возможнымъ. Декларация Людовика XVIII, въ которой онъ обѣщалъ Франціи сохранить конституціонную монархію, примирила ее съ реставрированнымъ правительствомъ, и 8-го мая она высадилась въ Кале.

«Первые, кого я встрѣтила на родной почвѣ,—писала она впоследствии,—были пруссаки. Чѣмъ болѣе я приближалась къ Парижу, тѣмъ чаще попадались нѣмцы, казаки и башкиры. Они стояли лагеремъ въ Санъ-Дени, гдѣ покоится прахъ французскихъ королей. Благодаря строгой дисциплинѣ, они не смѣли дѣлать обидъ жителямъ. Наконецъ я въѣхала въ городъ, гдѣ протекли счастливыя годы моей юности. Во Франціи я была или въ Пруссіи? Тюльери и Лувръ охранялись выходцами изъ Азіи, которые знали гораздо лучше своего самаго послѣдняго хана, чѣмъ нашихъ великихъ людей и нашу исторію».

Вернувшись въ столицу, м-ше де-Сталь поспѣшила, разумѣется, открыть салонъ. Въ ея гостиной встрѣчалось самое разнообразное общество—отъ представителей правительства до ярыхъ бонапартистовъ, которые сдѣлали, какъ это ни странно, изъ этого салона центръ, откуда велась агитація о возвращеніи Наполеона. Когда пришло извѣстіе, что Наполеонъ высадился у береговъ Франціи, м-ше де-Сталь опять уѣхала изъ Парижа, несмотря на противодѣйствіе своихъ бонапартистскихъ друзей, обѣщавшихъ ей милостивое отношеніе императора. Наканунъ своего отъѣзда она сдѣлала визитъ Людовику XVIII, который соже спѣшно собирался въ путь.

Занявъ опять на сто дней тронъ Франціи, Наполеонъ на первыхъ же порахъ пытался завязать сношенія съ м-ше де-Сталь, жившей въ своемъ имѣніи Коппе. Посредникомъ служилъ старшій братъ Наполеона Іосифъ, съ которымъ она всегда была въ хорошихъ отношеніяхъ и даже поддерживала переписку. Подъ вліяніемъ Іосифа, а также тѣхъ либеральныхъ обѣщаній, на которыя Наполеонъ оказался теперь столь щедрымъ, м-ше де-Сталь стала признавать, что на этотъ разъ интересы Франціи совпадаютъ съ интересами императора. Чтобы помѣшать образованію противъ него коалиціи, она обращается съ письмомъ къ англійскимъ министрамъ и къ самому герцогу Веллингтону, съ которымъ она была лично знакома и про котораго она когда-то пустила въ ходъ злую остроту. «Никогда природа не создавала великаго человѣка съ меньшими издержками», замѣтила она какъ-то при этого государственнаго человѣка, отличавшагося маленькимъ ростомъ. Коалицію ей разстроить, какъ извѣстно,

не удалось, но на Веллингтона она, по всей вѣроятности, повліяла, и англійскіе отряды держали себя на французской территоріи осторожно.

Зиму 1815 года м-ме де-Сталь провела въ Италіи. Вернувшись въ Парижъ, она видѣла, что осуществилась ея давнишняя мечта—Франція стала конституціонной монархіей, а во главѣ правительства стояли ея друзья: герцогъ Ришелье, герцогъ Деказь, де-Зезъ и другіе. Счастье улыбнулось ей и въ семейной жизни: ея дочь вышла замужъ за герцога де-Брольи, который начиналъ уже завоевывать себѣ положеніе въ палатѣ пэровъ. Казалось, что ея мятежная жизнь потечетъ отнынѣ по мирному руслу, но судьба опредѣлила другое. Въ февралѣ 1817 года, выходя отъ герцога Деказа, м-ме Сталь была разбита параличомъ, который обрекъ ее на полную неподвижность. Жить оставалось недолго. Оглядываясь назадъ, на свое прошлое, м-ме де-Сталь сумѣла раскаяться въ многочисленныхъ грѣхахъ и увлеченіяхъ своей молодости. Та чувственная распущенность, которая была навѣяна на нее нѣкогда разлагавшимся предреволюціоннымъ обществомъ и казалась ей неотъемлемымъ правомъ каждой свободной женщины, теперь предстала передъ ней во всемъ своемъ моральномъ безобразіи.

Вечеромъ 13-го іюля она забылась тяжелымъ сномъ. Часовъ въ пять утра ходившая за ней сидѣлка, обезпокоенная ея неподвижностью, взяла ее за руку, но эта рука была уже холодна, какъ ледь. Похоронена она въ Коппе, въ томъ самомъ склепѣ, который ея отецъ Неккеръ приготовилъ еще при жизни для себя и для своей жены.

— Изъ біографіи Бальзака ¹⁾.—Въ «Fortnightly Review» помѣщена статья В. Кортнея, сообщающая нѣсколько небезынтересныхъ данныхъ для характеристики Бальзака.

Одной изъ преобладающихъ особенностей характера великаго писателя была необыкновенная способность увлекаться своими фантазіями. Сживаясь съ героями своихъ романовъ, Бальзакъ какъ бы перевоплощался въ нихъ, жилъ ихъ жизнью, горевалъ ихъ горестями, радовался ихъ счастью. Словомъ, для него не было рѣзкой границы между воображаемымъ и дѣйствительнымъ, а это свойство его психики рѣзко проявлялось и въ практической жизни. Бальзакъ постоянно носился съ мыслью какъ-нибудь раздобыть денегъ и съ этой цѣлью нерѣдко вдавался въ предпріятія, которыя показались бы наивными для всякаго здравомыслящаго человѣка. Такъ, однажды онъ рѣшилъ скупить всѣ поля, прилегавшія къ его маленькой дачѣ въ Ле-Жарди и выстроить тамъ огромныя теплицы. Въ этихъ теплицахъ должны были произрастать ананасы—сто тысячъ ананасовъ. Такъ какъ средняя цѣна ананасу въ Парижѣ было около двадцати франковъ, то эта операція, по расчетамъ Бальзака, должна была принести ему до 500 тысячъ франковъ, безъ всякихъ особыхъ затратъ съ его стороны. Бальзакъ говорилъ объ этомъ съ такой увѣренностью, что убѣдилъ и увлекъ даже наиболѣе осторожныхъ изъ своихъ друзей, которые стали было уже присматривать мѣсто для будущаго магазина на одномъ изъ бульваровъ. Однако изъ этой затѣи, конечно, ничего не вышло.

¹⁾ «Fortnightly Review», March 1914 г.

Въ другой разъ Бальзакъ, мучимый безденежьемъ, вообразилъ, что онъ нашель въ окрестностяхъ Парижа мѣсто, гдѣ когда-то знаменитый своими похождениями на Санъ-Доминго генераль Туссенъ Лувертюръ зарылъ кладъ. Его друзья, извѣстные писатели Сандо и Готье, не могли не повѣрить ему. И вотъ въ одинъ прекрасный день, раннимъ утромъ, всѣ трое, вооружившись кирками и лопатами, вышли изъ Парижа и направились къ указанному Бальзакомъ мѣсту. Несмотря на усердную и продолжительную работу, никакихъ сокровищъ найдено, конечно, не было.

Обремененный долгами, Бальзакъ, всячески напрягая свою изобрѣтательность, чтобы привести въ равновѣсіе свои дѣла, завелъ было свою типографію, но это дѣло только увеличило его задолженность на 100 тысячъ франковъ. Далѣе за три года съ 1828 по 1830 годъ долгъ его возросъ еще на 24 тысячи. Черезъ семь лѣтъ задолженность писателя доходила уже до 160 тысячъ франковъ. Чтобы выпутываться изъ лапъ кредиторовъ, Бальзакъ долженъ былъ работать неутомимо, что его и утомляло, и раздражало. Отъ природы добродушный и незлобивый, какъ дитя, онъ перѣдко становился раздражительнымъ и угрюмымъ. Чтобы держать себя въ состояніи работоспособности, онъ пилъ огромное количество крѣпкаго кофе, и одинъ изъ его друзей послѣ его смерти совершенно вѣрно замѣтилъ, что Бальзакъ умеръ отъ 50 тысячъ чашекъ кофе.

Другой бросающейся въ глаза чертой Бальзака была его необыкновенная привязчивость. Онъ былъ почтительнымъ и любящимъ сыномъ, хотя между нимъ и его матерью не было мало общаго. Къ сестрѣ своей Лаурѣ онъ относился также съ самой трогательной привязанностью. Наконецъ объ этой же привязчивости свидѣтельствуютъ и любовныя увлеченія Бальзака. Первымъ изъ нихъ была его связь съ нѣкою госпожей де-Берни, которая была гораздо старше его по возрасту и имѣла девять человѣкъ дѣтей. Знакомство ихъ началось около 1821 года и въ перепискѣ этого періода госпожа де-Берни называется у Бальзака «Dilecta». Связь эта длилась довольно долго, почти до половины тридцатыхъ годовъ. Слѣдующими увлеченіямъ Бальзака была нѣкая маркиза де-Кастри, холодная и мелкая сердцемъ свѣтская дама, бросившая Бальзака какъ надобвшую игрушку, и причинившая писателю не мало огорченій и заботъ. Она послужила прототипомъ для тѣхъ свѣтскихъ героинь бальзаковскихъ романовъ, которыя рождены съ холоднымъ сердцемъ и тупой совѣстью. Настоящей нимфой Эгеріей Бальзака была польская графиня Эвелина Ганская, вышедшая впоследствии за него замужъ и на всю жизнь остававшаяся для него кумиромъ. Она была для него настоящей путеводной звѣздой. Онъ чувствовалъ непреодолимую потребность дѣлиться съ ней своими чувствами, впечатлѣніями, замыслами. Но едва ли она дѣйствительно любила его. Знакомство ихъ началось еще въ 1832 году, когда пани Ганская была еще замужемъ. Она обѣщала Бальзаку выйти за него замужъ, какъ только умретъ ея постоянно болѣвшій мужъ. Однако она не спѣшила исполнить своего обѣщанія; графъ Ганскій умеръ въ 1841 году, а бракъ его вдовы съ Бальзакомъ состоялся лишь черезъ девять лѣтъ. Черезъ три мѣсяца умеръ и Бальзакъ. Вотъ что рассказываетъ

Викторъ Гюго, посѣтившій умирающаго Бальзака почти наканунѣ смерти. Когда онъ вошелъ къ нему въ квартиру, служанка сказала ему:

— Баринъ умираетъ. Доктора еще вчера отказались отъ него. А барыня на своей половинѣ.

Въ комнатѣ больного онъ засталъ сидѣлку и лакея. Около кровати стояла какая-то старушка, въ которой Гюго узналъ мать Бальзака. Но его жена, которую онъ обожалъ, такъ и не показалась.

Этотъ фактъ ярко свидѣтельствуетъ о ея равнодушіи къ умиравшему мужу. Привязчивая душа Бальзака такъ и не нашла себѣ отклика въ жизни.

— Гдѣ находилась древняя Атлантида¹⁾. Къ числу преданій, упорно сохраняющихся въ челоуѣчествѣ и время отъ времени привлекающихъ къ себѣ вниманіе людей науки, принадлежитъ и преданіе о существованіи въ древности большого острова Атлантиды, который въ одну ночь погрузился со всей своей культурой въ море. Въ литературѣ самыя раннія свѣдѣнія объ Атлантидѣ мы находимъ у Платона, которыя, въ свою очередь, были будто бы получены великимъ философомъ при посредствѣ Солона отъ египетскихъ жрецовъ. Платонъ упоминаетъ объ Атлантидѣ въ своихъ діалогахъ «Тимей» и «Критій», причѣмъ рисуетъ этотъ островъ, какъ образецъ справедливаго и правильнаго государственнаго устройства на социалистическихъ основаніяхъ.

Это упоминаніе о скрывшемся подъ водой государствѣ со временъ Платона не даетъ покоя ученымъ геологамъ и географамъ. Въ XVII столѣтіи Атлантиду искали гдѣ-нибудь около береговъ Скандинавіи. Но ученый Рудбекъ въ своемъ сочиненіи «Атлантида», вышедшемъ въ 1688 г., обстоятельно доказалъ, что описаніе таинственнаго острова, даваемое Платономъ, совершенно не подходитъ къ скандинавскимъ широтамъ. Съ тѣхъ поръ Атлантиду стали искать во разныхъ мѣстахъ, прилегающихъ къ Средиземному морю. Основаніемъ для этого послужило замѣчаніе Платона о томъ, что жители Атлантиды вели войны съ греками и египтянами. Ученый Кнетель искалъ эту страну по близости Атласскихъ горъ въ Алжирѣ, опираясь на указаніе Платона, будто Атлантида находилась недалеко отъ Геркулесовыхъ Столбовъ (Гибралтарскаго пролива).

Въ средніе вѣка держалось также твердое убѣжденіе, что Атлантида—это Америка или, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь изъ американскихъ острововъ въ соотвѣтствіи съ указаніемъ того же Платона, что Атлантида лежитъ недалеко отъ большого материка. Уже недоброжелатели и завистники Колумба пользовались этими догадками, увѣряя, что никакой новой земли онъ не открывалъ и что его Америка была давнымъ-давно извѣстна античному міру. Нѣсколько позднѣе появилась увѣренность, что Атлантида не что иное, какъ Азорскіе острова. Эти острова были извѣстны древнему міру, что можно доказать между прочимъ находками здѣсь кароагенскихъ монетъ.

За поиски скрывшагося подъ водой острова брались не только историки и археологи, но и ученые геологи. Одинъ изъ нихъ, англичанинъ Игнатій Донелли, доказывалъ, что когда-то между Африкой и Америкой дѣйствительно находился не существующій уже континентъ, который древніе и называли Атлантидой.

¹⁾ «Vossische Zeit», № 248.

Онъ дѣйствительно опустился ниже уровня моря и отъ него теперь остались верхушки самыхъ высокихъ его горъ—Канарскіе и Азорскіе острова. Что та-кой континентъ, сближавшій, а ранѣе, очевидно, и сливавшійся съ Америкой, дѣйствительно существовалъ, это доказывается тѣмъ, что и въ Америкѣ и въ Африкѣ ученые находятъ однѣ и тѣ же породы растений и животныхъ, которыя никакъ не могли бы попасть въ Новый Свѣтъ, если бы онъ былъ всегда отдѣленъ, какъ теперь, отъ Старого огромнымъ океаномъ. Нѣкоторые новѣйшіе геологи думаютъ даже, что этотъ-то исчезнувшій теперь въ водахъ континентъ загородилъ собою дорогу къ Европѣ теплomu океанскому теченію Гольфштрему, а это обстоятельство вызвало усиленіе въ нашемъ полушаріи холода и образованіе ледниковой эпохи. Противъ этого предположенія говорить, однако, то, что ледниковая эпоха захватывала собою не только Европу, но и Азію. Къ тому же представляется мало вѣроятнымъ, чтобы геологическія явленія, происходившія въ столь отдаленныя времена, какъ ледниковая эпоха, могли сохраниться въ памяти людей вплоть до современниковъ Платона.

Въ XIX вѣкѣ поиски Атлантиды пошли по другому пути. Англійскіе ученые стали утверждать, что подъ таинственной страной надо подразумѣвать восточный берегъ африканскаго побережья. Это мнѣніе было повторено еще недавно англійскимъ путешественникомъ, капитаномъ Эльджи, который въ 1908 году прочелъ въ лондонскомъ африканскомъ обществѣ очень интересный докладъ на эту тему. Въ настоящее время съ такой же гипотезой выступилъ другой ученый, нѣмецкій путешественникъ Лео Фробеніусъ, который вполне отождествляетъ платоновскую Атлантиду съ Тыго и Британской Нигеріей. Гипотеза Фробеніуса встрѣчена, однако, въ печати весьма скептически, причемъ противники ея склонны признавать эту Платоновскую страну такой же вымышленной и никогда не существовавшей, какой является, на примѣръ, у Бэкона его Новая Атлантида.

— Изъ воспоминаній жены дипломата ¹⁾.—Въ Лондонѣ вышли любопытныя воспоминанія госпожи Ваддингтонъ, американки, вышедшей въ 1874 году замужъ за извѣстнаго англо-французскаго политическаго дѣятеля Ваддингтона. Воспоминанія эти относятся къ самому любопытному періоду образованія во Франціи Третьей республики. Всегда бываетъ чрезвычайно интересно наблюдать новое общество, еще формирующееся послѣ революціоннаго развала: тутъ можно встрѣтить множество любопытныхъ контрастовъ и противорѣчій. Авторъ воспоминаній съ этой именно точки зрѣнія и освѣщаетъ зарождающееся общество Третьей республики. Сравните, на примѣръ, маршала Макъ-Магона и его супругу, которые любили окружать себя пышностью и вести широкій образъ жизни, и слѣдующаго президента-гражданина, Греви, съ его женой, существомъ совершенно буржуазнымъ, ненавидѣвшимъ всякіе балы и церемоніи и всецѣло поглощеннымъ своими домашними дѣлами. Самъ Греви рисуется въ воспоминаніяхъ г-жи Ваддингтонъ, какъ человекъ въ высшей степени воспитанный, съ отличными манерами и пріятный, занимательный собесѣдникъ. Относительно m-me Макъ-

¹⁾ «Marg. Waddington. My first years as a trenchwomen». Lond. 1914.

Магонь авторъ сообщаетъ слѣдующій забавный фактъ. Однажды въ германскомъ посольствѣ былъ какой-то парадный обѣдъ. Въ концѣ обѣда кому-то пришло въ голову впустить въ залъ живого медвѣженка. Медвѣженокъ былъ разсерженъ и рычалъ. «Я спросила потомъ г-жу Макъ-Магонь,—читаемъ въ воспоминаніяхъ:—не испугалась ли она этого появленія». «Ужасно испугалась,—созналась моя собесѣдница:—но не хотѣла показать этого передъ нѣмцами». Это было черезъ восемь лѣтъ послѣ франко-прусской фойны.

На страницахъ этихъ воспоминаній мелькаетъ не мало извѣстныхъ именъ. Вотъ Моммсенъ, выглядывающій гораздо болѣе старымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, и безпрестанно потряхивающій своей головой съ пышной сѣдой шевелюрой. «Не думаю, чтобы что-нибудь современное занимало его», замѣчаетъ авторъ воспоминаній. Вотъ Листъ, любившій говорить о политикѣ и слывшій въ ней яримъ противникомъ французовъ. Вотъ Гладстонъ, превосходно говорившій по-французски и обладавшій огромнымъ знаніями. Гдѣ бы и о чемъ ни заговорили, Гладстонъ всегда оказывался освѣдомленнѣе своихъ собесѣдниковъ.

Особенно подробно характеризуетъ авторъ воспоминаній принца Уэльскаго, будущаго короля Эдуарда VII. «Онъ, казалось, вѣчно наслаждается жизнью, никогда не бываетъ опечаленъ и раздраженъ, всегда вѣжливъ и интересенъ для тѣхъ, съ кѣмъ ему приходится говорить. Французы радовались, видя его въ какомъ-нибудь маленькомъ театрѣ, гдѣ вся пьеса была пересыпана разными парижскими словечками, которыя онъ, впрочемъ, понималъ такъ же хорошо, какъ и сами парижане». Забавный случай передаетъ м-те Ваддингтонъ про покойнаго персидскаго шаха Насръ-эдъ-дина, посѣтившаго Парижъ. Когда его представили принцу Эдуарду и его супругѣ, онъ, взглянувъ на него, замѣтилъ: «Стара, нехороша. Зачѣмъ ее держишь?»

Вторая часть воспоминаній переноситъ насъ на Берлинскій конгрессъ съ Бисмаркомъ, который хорошо говорилъ по-французски, но съ трудомъ приискивалъ подходящія слова, и Биконсфильдомъ, который говорилъ только по-англійски, хотя было очевидно, что онъ также знаетъ по-французски. Отъ кронпринцессы, супруги отца теперешняго германскаго императора, несчастнаго императора Фридриха III, авторъ воспоминаній въ восторгѣ. По ея словамъ, кронпринцесса въ высшей степени привѣтлива и образована и вовсе не страдаетъ, какъ многія коронованныя особы, надменностью и вмѣстѣ съ тѣмъ застѣнчивостью». Княгиня Бисмаркъ не отличалась свѣтскостью, и всѣ ея интересы ограничивались обѣдомъ и заботами о мужѣ, какъ бы онъ не съѣлъ слишкомъ много или не простудился, выйдя вечеромъ изъ тепло натопленной комнаты на воздухъ.

Неоднократно навѣщавшій Парижъ старшій сынъ короля Эдуарда VII, герцогъ Кларенскій, сдѣлалъ предложеніе дочери герцога Орлеанскаго Еленѣ. Дѣло готовилось уже закончиться бракомъ, какъ вдругъ поднялись вопросы вѣроисновѣдныя. Чтобы склонить Орлеановъ къ нѣкоторымъ уступкамъ, были пущены въ ходъ сильныя и разнообразныя вліянія. Дѣло доходило до самого папы, но римская церковь упорно отстаивала свои притязанія, и брачныя предложенія должны были потерпѣть крушеніе.

— Скачки въ царствованіе Людовика XIII.—Развлеченія и забавы, какъ и все другое, имѣютъ свою исторію и вліяютъ на характеръ, нравы и даже костюмъ народа. То же можно сказать и о скачкахъ, которыя привились во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Исторію этого рода развлеченія, колыбелью котораго можно считать Англію, передаетъ на страницахъ «Correspondant» Амедей Бритчъ.

Страсть къ англійскимъ развлеченіямъ и забавамъ завезла во Францію вдова Карла I, Генриетта-Марія, дочь Генриха IV. Ея сынъ, Іаковъ II, лишившійся трона въ 1688 г., поселился, какъ извѣстно, въ Сень-Жерменъ, гдѣ устроилъ свой дворъ на англійскій ладъ.

Въ то время Стюарты питали страсть къ собакамъ и лошадямъ. Благодаря этому увлеченію, появились скачки. Животнымъ въ то время жилось лучше, чѣмъ иногда людямъ, исключая жокеевъ, которымъ доставлялись всѣ удобства.

Любопытно, что англійскій жокей получилъ свое названіе отъ французскаго слова *Jacquet*, означающаго лакея. Но этимъ «лакеямъ» жилось прекрасно. Въ домахъ англичанъ было менѣе роскоши и комфорта, чѣмъ въ ихъ конюшняхъ, которыя были особенно роскошны въ Ньюмаркетъ, гдѣ скакуновъ кормили свѣжими яйцами и поили тонкими винами.

Во Франціи Король-Солнце снисходительно смотрѣлъ на англomanію своихъ придворныхъ. Дофинъ и нѣкоторые аристократы подражали ему. Многіе изъ нихъ, вопреки французскому обычаю, завели моду коротко подстригать хвосты и гривы у своихъ лошадей, какъ это дѣлали англичане.

Самъ король былъ прекраснымъ наѣзникомъ и ловкимъ спортсменомъ. Онъ великолѣпно правилъ лошадью, поощрялъ въ своихъ придворныхъ страсть къ скачкамъ, которыя охотно посѣщалъ со своимъ дворомъ. На скачкахъ 23 февраля 1683 года онъ даже подарилъ побѣдителю серебряное блюдо въ тысячу пистолей.

Когда лошадь сэра Томаса Юртона, на которой скакалъ герцогъ Монмутъ, одержала побѣду послѣ трехъ испытаній, король захотѣлъ пріобрѣсти ее и предложилъ за него большую сумму денегъ. Но владѣлецъ не хотѣлъ взять за нее деньги съ короля и уступилъ ее безвозмездно. Король, въ свою очередь, нашель, что его достоинство не позволяетъ ему воспользоваться этимъ подаркомъ и вознаградилъ владѣльца привилегіей вѣзжать въ экипажѣ во дворъ Лувра и Версаля, что разрѣшалось только принцамъ королевской крови и посланникамъ.

Съ этихъ поръ во Франціи было рѣшено, что время отъ времени будутъ происходить состязанія на скачкахъ. Англійскіе барышники воспользовались случаемъ и дорого продавали своихъ лошадей.

Владѣльцы лошадей старались щеголять достоинствами своихъ коней. Это соревнованіе вызывало споры, и такимъ образомъ образовались пари. Теперь уже стали взвѣшивать лошадей, упряжь и жокеевъ въ цвѣтныхъ курт-

¹⁾ Les courses de chevaux sous Louis XVI. Par A. Britch. «Correspondant». 25 juin 1914 г.

кахъ. Послѣ каждаго состязанія скакунамъ давали бисквиты съ испанскимъ виномъ.

Англійскій король, принцъ Уэльскій, принцъ Конти и прочая избранная публика внимательно слѣдили за состязаніемъ: они держали пари за ту или другую лошадь. Вскорѣ количество игроковъ увеличилось.

Англоманія развилась еще сильнѣе во Франціи послѣ войны за испанское наслѣдство. Королевскій этикетъ надобѣлъ и утомилъ всѣхъ, начиная съ самого короля. Людовикъ XV уѣхалъ изъ Версаля. Всѣмъ хотѣлось жить по своему вкусу и свободно располагать своимъ временемъ безъ всякаго этикета. Въ этомъ отношеніи всего болѣе подходила англійская жизнь, наиболѣе приспособленная къ деревенской.

Англичане, увлекаясь скачками и конюшнями, естественно съ утра одѣвались въ подходящий для этого костюмъ и не покидали его до вечера. Придворные, вышитые золотомъ кафтаны и шпаги стѣсняли ихъ; они надѣвали ихъ только тогда ѣздили въ городъ.

При Сень-Джемскомъ дворѣ, гдѣ жизнь вели болѣе открытую, чѣмъ въ Версалѣ, царил провинціальная скромность. Свобода печати вела къ откровеннымъ сужденіямъ и располагала англичанъ къ независимымъ бесѣдамъ. Странности однихъ, чудачества другихъ никого не поражали. При англійскомъ дворѣ никто не обращалъ вниманія на то, что о немъ будутъ говорить. Поэтому французы, поссорившіеся съ родственниками или преслѣдуемые кредиторами, стремились туда массами.

Въ свою очередь, блестящій Парижъ притягивалъ англичанъ. Здѣсь они могли блеснуть своими туалетами и своими полученными изъ Индіи богатствами. Жюиры обѣихъ странъ мѣстомъ встрѣчи выбирали обыкновенно Спа. Такимъ образомъ зарождалось европейское космополитическое общество.

Скачки обыкновенно происходили въ Компьенѣ и Фонтенбло, гдѣ шла игра на пари. Однако ни одинъ аристократъ не держалъ банка; эту обязанность исполняли англичане изъ низшаго класса. Весною и осенью парижская аристократія ѣздила на скачки въ Англію, въ Ньюмаркетъ, Аскотъ и Эпсомъ.

Хладнокровные англичане не выдерживали во время скачекъ своего характера. Побѣдителя-скакуна встрѣчали торжественно: его обнимали и цѣловали. Портреты этого побѣдителя выставлялись повсюду. Напротивъ, побѣжденнаго встрѣчали свистками. Въ то время скачки еще не были окончательно приведены въ порядокъ. Лишь въ 1750 году только что основанный ньюмаркетскій «жокей-клубъ» издалъ правила для владѣльцевъ, жокеевъ и лицъ, державшихъ пари. Но окончательно официальнымъ учрежденіемъ скачки сдѣлались въ концѣ царствованія Людовика XV. Имена лучшихъ лошадей были занесены въ Stud-book, которая существовала съ XVII вѣка.

Наплывъ французовъ на ньюмаркетскія скачки былъ такъ великъ, что англичане были не прочь отъ нихъ избавиться. Короткая, но побѣдоносная карьера Eclips'a, который доставилъ своему владѣльцу въ качествѣ скакуна и производителя 15 милліоновъ, еще болѣе подстрекала французовъ держать пари. Мужчины и женщины увлекались этимъ спортомъ до самозабвенія. Страсть къ пари шекотала имъ нервы и сулила богатство.

Среди французовъ нашелся нѣкто графъ Лорагэ, человекъ, носившійся постоянно съ разными проектами. Онъ рѣшилъ развести во Франціи своихъ собственныхъ скакуновъ. Присмотрѣвшись къ приемамъ разведенія лошадей и ихъ тренировкѣ, графъ, къ негодованію англичанъ, устроилъ въ Ньюмаркетѣ свои конюшни для разведенія французскихъ скакуновъ. Затѣмъ онъ перебрался въ Парижъ и объявилъ, что побѣдитъ всѣхъ англійскихъ скакуновъ. 25 февраля 1766 г. состоялись скачки въ Саблонѣ. Онъ самъ скакалъ на своей лошади, имѣя соперникомъ лорда Форбси. Несмѣтная толпа составила живую изгородь.

Но графъ не могъ довести до конца задуманнаго дѣла. Для этого требовался большой капиталъ и покровительство высокопоставленныхъ лицъ.

Среди завсегдатаевъ ньюмаркетскихъ скачекъ особенно выдѣлялись Фицъ Джемсъ Конфалонъ и герцогъ Лозенъ. Его скакуны въ томъ же году одержали побѣду. Эти успѣхи возбудили зависть въ герцогѣ Шартрскомъ, великолѣпною наѣздникъ и крупномъ игрокъ. Совмѣстно съ графомъ д'Артуа онъ въ 1775 г. завелъ въ Саблонѣ первыя во Франціи скачки.

На эти скачки собрался весь дворъ съ королевой во главѣ и весь Парижъ. Королева съ придворными дамами поднялась по лѣстницѣ на возвышеніе и простояла тамъ все время, несмотря на дождь и вѣтеръ. Лошадь Лозена взяла призъ, но тутъ же околѣла.

Французскія скачки привели всѣхъ въ восторгъ. Графъ д'Артуа оповѣстилъ, что 1-го октября состоятся скачки, въ которыхъ будутъ участвовать только французскія лошади. Ставки были назначены въ 25 лиръ за лошадь, и деньги лежали на храненіи у нотариуса.

Нѣсколько дней спустя между графомъ д'Артуа и герцогомъ Шартрскимъ состоялось соглашеніе привлечь въ это дѣло и другихъ лицъ. 30-го октября въ Фонтенбло былъ заключенъ секретный договоръ, по которому каждый изъ нихъ долженъ былъ внести на это дѣло 600 ливровъ. Скачки были назначены съ 15-го апрѣля до ноября съ участіемъ исключительно французскихъ лошадей, которыхъ предварительно осматривали три эксперта. Все это устраивалось съ опредѣленной цѣлью улучшенія расы лошадей. Но изнанка этого намѣренія оказалась менѣ благородной: корыстная лихорадка овладѣла всѣмъ.

Постоянное посѣщеніе конюшенъ и общество жокеевъ—все это отразилось на манерахъ и обращеніи французскихъ аристократовъ. Когда разгорались страсти, аристократы превращались сами въ жокеевъ. Однажды жокей графа д'Артуа проигралъ скачку на его чудесномъ скакунѣ Кингъ-Петинѣ. Возбѣшенный владѣлецъ, забывая, что онъ принцъ королевской крови, хотѣлъ собственноручно избить жокея. Поведеніе графа д'Артуа на этотъ разъ оскорбило короля, и онъ приказалъ прекратить скачки. Было очевидно, что французскіе аристократы слишкомъ огрубѣли отъ этого рода забавы.

Не стѣснясь присутствія дамъ, они выразительно описывали формы своихъ лошадей и появлялись въ бесѣдкѣ Маріи-Антуанетты на скачкахъ въ скаковомъ костюмѣ, съ хлыстомъ въ рукѣ. Въ ея присутствіи они не стѣснялись, жестикулировали, толкались, какъ на базарѣ или на ярмаркѣ.

Графъ Шартрскій, по обыкновенію всегда проигрывавшій, не умѣлъ скрывать своей досады. Это вызывало насмѣшки присутствующихъ, вслѣдствіе чего

не раз происходили постоянные скандалы. Одна Марія-Антуанетта, по словам автора, сохраняла сдержанность и по обыкновению была любезна.

Но, несмотря на желаніе короля прекратить это развлечение, скачки возобновились слѣдующею весною, но не надолго. Маріи-Антуанеттѣ эта забава наскучила. Кромѣ того, австрійскій посланникъ Мерси, по соглашенію съ ея матерью Маріей-Терезіей и королемъ, рѣшился охладить ея увлеченіе скачками. Онъ представилъ ей доводы, что королевѣ Франціи неприлично подражать странѣ, которая позволила Фридриху II отнять у Австріи Силезію. Онъ посовѣтовалъ ей лучше возобновить забытое развлечение—французскую карусель.

Однако потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ и въ наживѣ одержала верхъ. Нервы французскихъ аристократовъ огрубѣли и, несмотря на суровое запрещеніе короля, скачки продолжались, какъ и въ предыдущемъ году и только война съ Англійей прервала это развлечение. Скачки вышли изъ моды. Въ 1780 г. короля убѣдили, что онѣ необходимы для улучшенія расы лошадей. Министру Бергѣну удалось доказать ему, что страсть къ скачкамъ служить на пользу королевству.

Призы разыгрывались каждую весну въ Венсенскомъ паркѣ въ теченіе четырехъ дней. Особенно блестяще прошли состязанія въ 1783 г., когда разыгрывался призъ короля. Какъ разъ въ это время былъ подписанъ предварительный миръ съ англичанами, и они могли привести во Францію своихъ лучшихъ скакуновъ. Всѣ англійскіе аристократы были налицо.

Главный призъ выигралъ герцогъ Шартрскій. Онъ попрежнему соперничалъ съ графомъ д'Артуа своими конюшнями. Прежняя страсть къ наживѣ заговорила въ нихъ и, пользуясь присутствіемъ англійскихъ гостей, они сверхъ королевской программы держали еще частныя пари. Вся играющая на пари Англія устремилась на эти скачки. Высшіе и низшіе классы Парижа очертя голову бросились въ азартную игру. Въ день скачекъ всѣ мастерскія опустѣли. Людовикъ XVI и его министры встревожились, и король издалъ указъ отмѣнить скачки.

Въ видѣ исключенія правительство разрѣшило 18-го марта 1788 года устроить скачки, подъ условіемъ не допускать на нихъ крупныхъ пари. Народу собралось на эти скачки очень много, но не для того, чтобы взглянуть на лошадь князя Монако. Всѣ хотѣли выразить свои симпатіи герцогу Орлеанскому, находившемуся въ изгнаніи въ Рѣжи за выраженный въ присутствіи короля протестъ въ парламентѣ 19-го ноября 1787 года. Но герцога не было на скачкахъ.

Одинъ тотъ фактъ, что скачки могли организоваться противъ желанія короля, доказываетъ, какъ упалъ въ то время королевскій престижъ. На другой день послѣ воцаренія Людовикъ XVI поѣхалъ въ Шуази. Возлѣ его экипажа находился верхомъ графъ Недоншель. Шелъ дождь, дорога была грязная, Недоншель болѣе заботился о своей лошади, чѣмъ о королѣ, и не обращалъ вниманія на то, что брызги грязи летятъ на короля. Тогда Людовикъ XVI выглянулъ изъ экипажа и сказалъ ему: «Г. Недоншель вы брызгаете въ меня грязью (*crottez*)». — «Да, государь», по-англійски отвѣтилъ самодовольно Недоншель, — не разслышавъ хорошо слово «*crottez*» и принявъ его за «*trottez*».

— Секретный дневникъ Луизы Мартэнъ¹⁾.—Счастливымъ случаемъ, порою даже въ видѣ голодной крысы, способствуетъ открытію интересныхъ историческихъ документовъ. Такая судьба выпала на долю секретнаго дневника и писемъ воспитательницы принцессы Маріи Саксенъ-Веймарской, дочери русской великой княгини Маріи Павловны. Одна швейцарка, жительница кантона Во, которой было извѣстно о существованіи желѣзнаго ящика со старыми бумагами, тщетно его искала повсюду. Она уже потеряла надежду найти его, какъ вдругъ голодная крыса навела ее на правильный путь. Она прогрызла мѣшокъ съ отрубями, и когда ихъ подбирали, то натолкнулись на старый сундукъ, куда складывали картофель. Въ сундукъ оказался баулъ съ документами, гдѣ, между прочимъ, лежали дневникъ и письма Луизы Мартэнъ къ ея подругѣ, Софьѣ Моно. Эти документы дама отослала Местралю Камбремону, который привелъ ихъ въ порядокъ, дополнилъ поясненіями и помѣстилъ въ «Bibliothèque Universelle et Revue Suisse».

Личность Луизы Мартэнъ сама по себѣ представляетъ интересъ. Молодая дѣвушка высказываетъ въ письмахъ весьма оригинальные взгляды на религію, на литературныя произведенія и вообще на жизнь. Но приводить ихъ потребовалось бы много мѣста; поэтому мы воспользовались лишь извлечениями, относящимися до великой княгини Маріи Павловны.

Прежде, чѣмъ занять мѣсто воспитательницы принцессы Маріи, Луиза Мартэнъ жила при родителяхъ въ очень тяжелыхъ семейныхъ условіяхъ. Матеріальныя невзгоды ожесточали ея отца и мать, поэтому родительскій домъ далеко не походилъ на рай. Недостатокъ денегъ порождалъ въ родителяхъ озлобленіе, постоянныя раздоры и раздраженіе, доходившее до упрековъ, что дочь ничего не зарабатываетъ. Мать любила развлечения, хандрила безъ общества, что доводило молодую дѣвушку до отчаянія. Отецъ не скрывалъ отъ нея, въ какомъ печальномъ положеніи его денежныя дѣла. Все это не разъ заставляло Луизу задумываться о поступленіи на какую-нибудь службу. Но она боялась сказать объ этомъ родителямъ. Изъ одного письма видно, что въ 1807 г. ей предстояло жить въ деревнѣ безъ дровъ, безъ денегъ и самаго необходимаго, въ обществѣ скучающей матери и съ перспективой видѣться съ отцомъ только разъ въ двѣ недѣли.

1811 годъ внесъ въ ея домъ надежду на лучшія времена. Бывшая воспитательница Маріи Павловны (имя которой авторъ не называетъ, замѣнивъ его тремя звѣздочками) предложила Луизѣ мѣсто воспитательницы трехлѣтней принцессы Маріи. Дѣвушка сначала колебалась, но затѣмъ согласилась. Марія Павловна пользовалась симпатіей веймарскаго общества, и ея дворъ считался наиболѣе благовоспитаннымъ. Его посѣщали ученые и литераторы: Гете, Вилландъ и др.—и это соблазнило Луизу.

Первое знакомство съ великой герцогиней Маріей Павловной оставило въ Луизѣ пріятное впечатлѣніе. Она нашла ее красивой женщиной, но не такой красавицей, какой представляла ее себѣ. Луизѣ особенно понравилось ея

¹⁾ Une vaudoise du bon vieux temps, par de Mestral Cambremont. «Bibliothèque universelle et Revue Suisse». Juni—Juillet. 1914.

простое обращеніе. Она встрѣтила молодую дѣвушку въ дверяхъ и, когда та хотѣла поцѣловать ея руку, то она не допустила ее до этого, а дружески обняла ее и стала обо всемъ разспрашивать.

Это было ея первое впечатлѣніе, которое въ послѣдствіи измѣнялось, въ зависимости отъ первнаго настроенія обѣихъ женщинъ.

Мужъ Маріи Павловны слылъ за человѣка вульгарнаго, тяжеловѣснаго во всѣхъ отношеніяхъ. Но Луизѣ онъ показался скорѣе красивымъ, хотя ему недоставало достоинства въ обращеніи и хорошихъ манеръ. Но на его лицѣ отражалась такая необыкновенная доброта, какой она никогда не встрѣчала. Это былъ настоящій «большой ребенокъ».

Дворецъ былъ обширный, но въ немъ не хватало мѣстъ для всѣхъ придворныхъ и нѣкоторыя изъ нихъ должны были жить на частныхъ квартирахъ. Луизѣ отвели маленькую комнатку съ двумя бесполезными прихожими. Она обѣдала въ смежной съ принцессой комнатѣ въ одно время, но на отдѣльныхъ столахъ, чтобы не соблазнять ее вредными для нея блюдами. Обѣдъ подавался съ большими промежутками, и Луиза въ ожиданіи новаго блюда занималась чтеніемъ. Вообще нѣмецкая кухня была мало привлекательна и очень тяжела.

Великій герцогъ и его жена были очень съ нею любезны, но не произвели на нее симпатичнаго впечатлѣнія. Свекровь Маріи Павловны была любезна, но холодна, высокомерна и очень наблюдательна. Свекоръ, другъ Гете, казался ей человѣкомъ съ холоднымъ, насмѣшливымъ умомъ. На его лицѣ отражались оригинальность и умъ, но ему не хватало достоинства и благородства. Онъ считался умнымъ, но холоднымъ философомъ.

Марія Павловна была такъ внимательна къ будущей воспитательницѣ, что позаботилась приготовить ей различныя туалетныя принадлежности. Луиза нашла въ своемъ шкапу легкое бѣлое платье, вышитое золотомъ для дня крестинъ и прочія мелочи. Марія Павловна предоставила ей пользоваться книгами изъ ея библіотеки, также какъ и ея мужъ. Но Луизѣ было скучно: ни маленькая принцесса, ни прислуга ни слова не говорили по-французски.

Однако въ послѣдствіи она была вознаграждена за свою скуку бесѣдою съ Гете. Она находила, что жена Шиллера не подходитъ къ своему гениальному мужу. Она все время смѣялась неизвѣстно чему. Но всѣ эти недостатки искупала ея доброта. Вилландъ при встрѣчѣ съ Луизой подошелъ къ ней безъ всякаго представленія и выразилъ сожалѣніе, что плохо говоритъ по-французски. Гете часто бывалъ на половинѣ маленькой принцессы, которая его очень любила. Зная, что Гете любитъ спаржу, она просила готовить ее къ обѣду и приглашала его на свою дѣтскую половину.

Какъ ни благовоспитанъ былъ дворецъ Маріи Павловны, но съ теченіемъ времени она измѣнила свое обращеніе съ воспитательницею своей дочери. Жизнь при маленькомъ скучномъ нѣмецкомъ дворѣ послѣ русской придворной жизни сильно отзывалась на ея нервахъ и на характерѣ. Она часто раздражалась изъ-за всякаго пустяка и становилась подозрительна. Луиза, со своей стороны, не поддавалась и также находилась въ непріятномъ расположеніи духа. Поэтому между ними очень часто возникали горячіе споры изъ-за пустяковъ.

Потомъ все это проходило: обѣ онѣ принимались плакать; обниматься, и все шло по прежнему, т. е. скучно и однообразно.

Луиза въ одиночествѣ научилась сдержанности; но все-таки перемѣна дружескаго обращенія Маріи Павловны на болѣе холодное огорчала наивную дѣвушку. Она думала найти въ великой герцогинѣ «друга—вторую мать», но Марія Павловна не имѣла ни къ кому довѣрія при веймарскомъ дворѣ.

Столкновенія между ними бывали главнымъ образомъ по поводу религіозныхъ вопросовъ и воспитанія принцессы. Луиза держалась совершенно въ этомъ отношеніи иныхъ взглядовъ, чѣмъ Марія Павловна. Ее раздражали придворная фальшь, интриги, вмѣшательство въ дѣло воспитанія принцессы прежней воспитательницы Маріи Павловны и многое другое. Къ этимъ непріятностямъ примѣшивались домашнія невзгоды и новое горе—смерть матери. Узнавъ объ этомъ, Марія Павловна и всѣ окружающіе выразили ей горячія сожалѣнія. Луиза все болѣе тяготилась зависимымъ положеніемъ и стремилась сбросить эти оковы. Но ея отецъ ссылался на матеріальные недостатки, и это заставляло ее еще нѣкоторое время терпѣливо переносить свое положеніе.

Вскорѣ у Луизы появились новые источники непріятностей. Начался походъ Наполеона въ Россію, и удачи и неудачи русскихъ сильно отражались на состояніи духа Маріи Павловны. Приближеніе французовъ къ Москвѣ очень поразило и огорчило ее. Несчастіе примирило Луизу съ маленькими капризами герцогини. Извѣстіе о пораженіи русскихъ такъ подѣйствовало угнетающе на Марію Павловну, что она не могла сама навѣщать дочь и просила Луизу приносить ее къ ней.

Нетактичность мужа Маріи Павловны и его ребяческій характеръ особенно обнаружили, когда надо было сообщить ей извѣстіе о взятіи Москвы французами. Было рѣшено передать ей это извѣстіе дома, чтобы не дать никому замѣтить ужаснаго впечатлѣнія, которое произведетъ это извѣстіе. Поэтому уговорились, чтобы герцогу сообщила объ этомъ его мать на своей половинѣ, а онъ потомъ сказалъ бы объ этомъ женѣ. Но вышло иначе. Марія Павловна съ мужемъ были въ публичной библіотекѣ, когда герцога внезапно отозвали. Въ его отсутствіе бывшая воспитательница Маріи Павловны въ разговорѣ съ нею нечаянно проговорила. Марія Павловна встревожилась; въ ней закралась подозрѣніе; не случилось ли чего недобраго и не вызвали ли герцога для сообщенія какого-нибудь печальнаго извѣстія. Она сейчасъ же стала собираться къ себѣ. Разсчитывая, что принцъ уже уѣхалъ, воспитательница не стала задерживать ее. Вскорѣ принцъ, разыскивая шляпу и перчатки, встрѣтился съ Маріей Павловной. Герцогиня стала допытываться, зачѣмъ его вызывали. Герцогъ не утерпѣлъ и сказалъ всю правду.

Марія Павловна была поражена и только спросила: «А мой братъ? Моя семья? Поддержите меня, я упаду!» обратилась она къ своей статсъ-дамѣ. Та ее поддержала и сказала подошедшему герцогу: «Ваше высочество, развѣ можно было сообщать ей эту ужасную новость въ библіотекѣ». Принцъ пришелъ въ ярость и сказалъ, что самъ знаетъ, какъ себя вести, и никто не можетъ давать ему уроковъ. Между ними произошла крупная ссора, и Марія Павловна еще болѣе пришла въ отчаяніе.

Несмотря на неудачи русскихъ, при веймарскомъ дворѣ часто бывали празднества. Однако Марія Павловна была въ тревожномъ состояніи. Русскіе уже были въ Берлинѣ, и она боялась за свою безопасность со стороны французовъ. Поэтому она заблаговременно поручила Луизѣ своихъ дѣтей, на случай несчастья передала ей ключъ отъ «бумагъ очень важныхъ для ея дѣтей». Она завѣщала имъ все свои брильянты и сдѣлала распоряженіе относительно денегъ.

Положеніе Маріи Павловны становилось все тревожнѣе. Царствующій герцогъ и герцогиня забыли тревогу и предложили ей уѣхать. Великая княгиня замѣтила имъ, что въ данный моментъ она не можетъ уѣхать отсюда съ почетомъ, а должна бѣжать. Ей неприлично уѣзжать изъ Веймара въ тотъ моментъ—когда сюда ждуть русскихъ. Герцогъ ходилъ мрачный и пугалъ ее предстоящими домашними волненіями, утверждая, что въ его апартаменты непременно будутъ стрѣлять. Бѣдная великая герцогиня выказывала много стойкости и даже подѣмбывалась надъ мужемъ, но она была далеко не спокойна.

Луиза удивлялась, что Александръ Павловичъ не имѣлъ возможности извѣстить сестру и провѣдать ее. А между тѣмъ онъ находился такъ близко въ Пруссіи. Она опасалась, чтобы русскіе не попались въ ловушку, освобождая нѣмцевъ. Все при веймарскомъ дворѣ жили въ тревожномъ ожиданіи. Ходили слухи, что на улицахъ Берлина идетъ сраженіе и русскіе убиваютъ всѣхъ безъ разбору.

Наконецъ пришла вѣсть отъ Александра Павловича. Онъ просилъ сестру выѣхать въ Богемію для свиданія съ нимъ. Въ Теплицѣ произошла трогательная встрѣча. Марія Павловна едва держалась на ногахъ отъ сильнаго волненія и радости. Но слезы ее немного успокоили:

— Братъ, братъ!—кричала она:—какъ я рада тебя видѣть!

Они нѣжно обнялись и только когда первыя впечатлѣнія и волненія улеглись Марія Павловна представила ему свою дочь и ея наставницу.

Городъ былъ иллюминированъ, и Александра встрѣтили очень торжественно. Онъ всѣхъ очаровалъ своимъ обращеніемъ. Но Луиза представляла его себѣ гораздо красивѣе. Она нашла, что онъ немного толстъ. Его глаза ничего не говорили особеннаго, но ротъ былъ необыкновенно красивъ. Ему очень вредила его глухота: приходилось кричать и повторять по три-четыре раза одно и то же. Самъ онъ говорилъ очень громко, какъ всѣ глухіе, отрывисто, по-военному.

Марія Павловна оставалась съ нимъ съ двѣнадцати часовъ до двухъ. Затѣмъ прибыли дамы, и всѣ сѣли за столъ. Съ государемъ былъ только графъ Толстой. Послѣ завтрака Александръ Павловичъ отдыхалъ, а затѣмъ въ пять часовъ Луиза съ принцессой пошли въ паркъ, куда должны были прійти Александръ Павловичъ съ сестрою. Государь все время былъ очень любезенъ съ воспитательницей и просилъ ее идти съ ними рядомъ.

Слабость къ красивымъ женщинамъ не покидала его даже въ трудныя минуты жизни. Здѣсь онъ ухаживалъ за графиней фонъ-Вестъ, которой онъ очень покровительствовалъ.

Послѣ его отъѣзда Марія Павловна сдѣлалась сумрачной. Наканунѣ она сіяла отъ радости, поминутно обнимала Луизу и повторяла: «Ахъ, какъ я счаст-

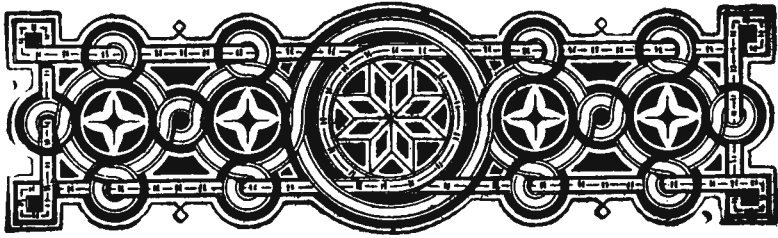
лива!» Теперь она снова сдѣлалась угрюмой, хотя увѣряла, что она успокоилась и ей стало все ясно.

Черезъ нѣсколько времени пріѣхала Екатерина Павловна, которую Луиза считала менѣе красивой, чѣмъ ея сестра. Въ ней было что-то неувовимо-оригинальное, открытое и умное, но слишкомъ рѣшительное, что лишало ее женственности. При веймарскомъ дворѣ говорили, что она хотѣла держать Марію Павловну въ своихъ рукахъ.

Императоръ Александръ обращался съ обѣими сестрами различно и любезнѣе былъ съ Екатериной Павловной.

На отъѣздѣ обѣихъ сестеръ въ Вѣну заканчивается дневникъ Луизы Мартенъ.

С М Ъ С Ъ.

ЖИВЛЕНІЕ историко-археологическаго интереса въ **Курскомъ краѣ** ¹⁾. Въ послѣднее время обращаетъ на себя вниманіе незаурядное оживленіе въ курскомъ обществѣ историко-археологическихъ интересовъ, долгое время остававшихся безъ всякаго вниманія. Такъ какъ это оживленіе касается не однихъ только мѣстныхъ предметовъ, но и имѣющихъ общій интересъ, то я позволю сказать о немъ въ настоящей краткой замѣткѣ. Начаты работы по реставраціи рѣдкаго архитектурнаго памятника XVII вѣка—дома князей Ромодановскихъ въ Курскѣ. Онъ до сего времени принадлежалъ частному лицу, разрушался съ теченіемъ времени и, казалось, былъ осужденъ на полное уничтоженіе. Большую усадьбу, на которой находится этотъ домъ, хотѣли приобрести у владѣльца полковника Ветчинкина какіе-то предприниматели съ цѣлью устроить въ ней личный заводъ. Въ самую критическую минуту на памятникъ отдаленнѣйшей старины обратило вниманіе общество охраненія памятниковъ старины, въ особенности членъ его льговскій уѣздный предводитель дворянства А. В. Муравьевъ, который положилъ немало труда на то, чтобы осуществить приобретение курскимъ дворянствомъ дома Ромодановскихъ. Въ одномъ изъ чрезвычайныхъ своихъ собраній дворянство единогласно постановило купить этотъ домъ въ ознаменованіе трехсотлѣтняго юбилея царствованія дома Романовыхъ. На эту покупку было израсходовано около 22,000 рублей. Домъ Ромодановскихъ осматривали извѣстные специалисты: Горностаевъ, Покрышкинъ, Фоминъ изъ Петербурга, и всѣ признали, что

¹⁾ Сообщилъ А. Танковъ.

сооруженіе его относится къ XVII вѣку и самый памятникъ заслуживаетъ самой внимательной художественной реставраціи. По рекомендаціи петербургской археологической комиссіи эта реставрація будетъ произведена художникомъ-архитекторомъ К. Г. Петровскимъ. Существуетъ интересное предположеніе о томъ, чтобы послѣ реставраціи въ домъ Ромодановскихъ помѣстить историческій музей курскаго дворянства, такъ какъ помѣстительность коего въ верхнемъ и нижнемъ этажахъ и свѣтлицы третьяго этажа даютъ полную къ тому возможность. Между тѣмъ, благодаря инициативѣ курскаго губернскаго предводителя дворянства князя Л. И. Дондукова-Изьѣдинова, при дворянскомъ собраніи положено прочное основаніе историко-археологическому музею. Въ настоящее время въ одной изъ залъ дворянскаго дома уже находится девять витринъ, наполненныхъ собранными и пожертвованными предметами старины и новаго времени. Одна изъ витринъ всецѣло посвящена событіямъ царствованія Государя Императора Николая Александровича. Остальныя витрины заключаютъ въ себѣ предметы, относящіеся къ исторіи дворянства Курскаго края, начиная съ XVII вѣка, причемъ въ особой витринѣ собраны рукописи, рисунки, снимки и другіе предметы, относящіеся къ похѣ Отечественной войны. Несмотря на то, что новый курскій музей существуетъ столь короткое время, въ немъ есть предметы высокой археологической и художественной цѣнности. Интересно здѣсь отмѣтить тотъ фактъ, что коллекціи описываемаго нами музея очень часто обозрѣваются цѣлыми сотнями посѣтителей. Дѣло въ томъ, что въ главной залѣ дома дворянскаго собранія обыкновенно въ теченіе сезона даются концерты, литературно-музыкальные вечера, читаются лекціи и т. п. Въ антрактахъ публика обозрѣваетъ витрины и интересуется размѣщенными въ нихъ реликвіями старины. Съ другой стороны, до ста человекъ воспитанниковъ Александровско-Николаевскаго дворянскаго пансіона время отъ времени обозрѣваютъ музей съ объясненіями завѣдующаго имъ, съ величайшимъ вниманіемъ и интересомъ выслушивая его сообщенія. Кромѣ музея, въ настоящее время въ дворянскомъ собраніи образуется портретная галерея предводителей дворянства губернскихъ и уѣздныхъ, начиная съ самаго отдаленнаго времени, за которое можно было достать ихъ портреты или фотографическія карточки. Портретная галерея обѣщаетъ быть значительной и очень интересной, такъ какъ въ нее войдутъ портреты выдающихся дѣятелей на государственномъ, общественномъ, литературномъ и другихъ поприщахъ. Вообще предполагается реставрированный домъ князей Ромодановскихъ сдѣлать пантеономъ исторической старины. Въ текущемъ же году вышелъ въ свѣтъ первый томъ «Исторической лѣтописи курскаго дворянства», обнимающій періодъ древней его исторіи до Петра Великаго. Этотъ трудъ является первымъ историческимъ изслѣдованіемъ, излагающимъ жизнь и дѣятельность дворянскаго сословія Курскаго края, такъ какъ еще не напечатано ни одного историческаго очерка древней исторіи дворянства какой-либо губерніи. Въ вышедшемъ томѣ находимъ соответственные рисунки и снимки, причемъ заглавные рисунки, виньетки и заставки были исполнены для «Исторической лѣтописи» въ стилѣ древней эпохи супругой курскаго губернскаго предводителя дворянства кн. Н. В. Дондуковой-Изьѣдиновой. Въ

этомъ же томѣ впервые увидѣли свѣтъ курскія писцовыя книги и десяти. Оживилась въ послѣднее время дѣятельность мѣстной ученой архивной комиссіи. Въ концѣ прошлаго года ею было обращено особенное вниманіе на устройство памятника въ Путивлѣ княгинѣ Евфросиніи Ярославнѣ, супругѣ князя Игоря, воспѣтой въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Дѣйствія комиссіи по этому, важному не для одного только Курскаго края, но и для всего русскаго общества предмету привели уже къ тому, что собираются средства для увѣковѣченія памяти знаменитой по своему неувядаемому поэтическому образу героини древне-русской исторіи—города Курской губерніи дѣлають свои пожертванія. Недавно ученая архивная комиссія получила очень важное въ данномъ отношеніи сообщеніе о томъ, что главное тюремное управленіе выразило согласіе перенести зданіе путивльскаго тюремнаго съ того мѣста, гдѣ предполагено соорудить монументъ Ярославнѣ, на другое, если городъ Путивль отвѣдетъ для этого соотвѣтственное мѣсто. Такимъ образомъ, ходатайство ученой архивной комиссіи передъ главнымъ тюремнымъ управленіемъ увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ. Нечего и говорить о томъ, что на основаніи «Слова о полку Игоревѣ» художникъ можетъ создать прекрасный, интересный памятникъ Ярославнѣ. Затѣмъ курская ученая архивная комиссія въ числѣ шести другихъ комиссій Россійской имперіи удостоилась получить 2,000 рублей пособія отъ императорскаго русскаго историческаго общества, при рескриптѣ его императорскаго высочества великаго князя Николая Михайловича. Столь цѣнный даръ для комиссіи былъ вызванъ докладомъ объ исполненіи ею особаго труда по порученію историческаго общества—именно обследованія состоянія архивовъ различныхъ учреждений Курской губерніи. Исполненіе это обратило на себя вниманіе общества, и результатомъ его былъ докладъ Государю Императору, который соизволилъ на выдачу пособія комиссіи въ указанномъ нами размѣрѣ. Полученіе пособія даетъ возможность ученой архивной комиссіи осуществить тѣ ея намѣренія, исполненіе которыхъ откладывалось до болѣе благопріятнаго времени.

Двадцатипятилѣтній юбилей проф. Н. Н. Глубоквскаго. 24-го іюня исполнилось двадцать пять лѣтъ ученой и педагогической дѣятельности ординарнаго профессора петербургской духовной академіи, доктора богословскихъ наукъ, члена многихъ ученыхъ обществъ въ Россіи и за границей д. с. с. Николая Никаноровича Глубоквскаго. Уроженецъ Вологодской губерніи, онъ воспитывался въ родной семинаріи, откуда поступилъ въ московскую духовную академію, въ которой окончилъ курсъ ученія въ 1899 году со степенью кандидата-магистранта. Поданное имъ на степень кандидата сочиненіе о блаженномъ Ѳеодоритѣ положило начало его ученой извѣстности не только въ Россіи, но и за границей, гдѣ берлинскій проф. А. Гарнакъ сдѣлалъ о немъ самый лестный отзывъ. Извѣстный русскій профессоръ А. Лебедевъ въ своемъ официальномъ отзывѣ о томъ же сочиненіи писалъ: «Это въ своемъ родѣ энциклопедія знанія. Для послѣдующихъ поколѣній г. Глубоквскій получить значеніе Тильмана». За необыкновенныя научныя достоинства перваго труда Н. Н. говорило также и то, что черезъ годъ по окончаніи курса академіи онъ былъ удостоенъ степени магистра богословскихъ наукъ. Въ томъ же 1890 году Н. Н.,

пробывъ годъ профессоромъ-стипендіатомъ при московской академіи, былъ назначенъ преподавателемъ священнаго писанія въ воронежскую академію, но пробылъ тамъ не болѣе года: въ 1891 году мы видимъ его уже на кафедрѣ въ петербургской духовной академіи, которой онъ остался вѣренъ, несмотря на лестныя и неоднократныя предложенія занять кафедру при университетѣ. Академическая служба Н. Н. шла очень успѣшно: въ 1894 году онъ уже былъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ январѣ 1894 года вмѣстѣ съ утвержденіемъ его въ степени доктора богословскихъ наукъ—ординарнымъ профессоромъ. Эту степень онъ получилъ за сочиненіе: «Благовѣстіе св. апостола Павла по его происхожденію и существу». Это сочиненіе вызвало также единогласныя похвальныя отзывы русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, хотя въ свѣтъ вышла только одна первая часть. Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ своей ученой профессорской дѣятельности Н. Н. написалъ такъ много журнальныхъ ученыхъ статей и монографій, что перечислить ихъ въ нашей замѣткѣ невозможно. Достаточно того, что, судя по краткой статьѣ о немъ въ «Православной Богословской Энциклопедіи», онъ сотрудничалъ въ двадцати пяти русскихъ изданіяхъ и въ пяти иностранныхъ. Отличительными чертами Н. Н., какъ ученаго, являются его глубокій аналитическій умъ, ясность мысли, необыкновенная способность охватывать предметъ и проникать въ его сущность, богатѣйшая эрудиція, обширное знаніе древнихъ и новыхъ языковъ и необычайная трудоспособность. Въ своихъ ученыхъ трудахъ Н. Н. не специализировался въ однихъ богословскихъ сочиненіяхъ, имъ немало написано и по церковной исторіи, есть сочиненія, касающіяся и западной Россіи. Многое имъ также написано и по реформѣ духовныхъ школъ. 24-го іюня, въ день исполнившагося двадцатипятилѣтія учено-педагогической дѣятельности профессора Н. Н. Глубоковского, по инициативѣ оставшейся на каникулы небольшой группы студентовъ и кандидатовъ богословія выпуска текущаго года, въ академической церкви отслужено было благодарственное молебствіе. Служилъ студентъ-іеромонахъ о. Онуфрій. За молебномъ присутствовали исполняющій обязанности ректора академіи инспекторъ, профессоръ С. М. Заринъ и нѣкоторые изъ профессоровъ. Самъ юбиляръ день юбилея провелъ на дачѣ, куда послана была ему вчера отъ академіи поздравительная телеграмма. Торжественное чествованіе юбиляра перенесено, по случаю вакаціоннаго времени, на осень.

Пятидесятилѣтіе новороссійскаго университета. Ректоръ новороссійскаго университета проситъ насъ напечатать слѣдующее «Открытое письмо бывшимъ воспитанникамъ императорскаго новороссійскаго университета. 1-го мая 1915 года исполняется пятьдесятъ лѣтъ со дня основанія императорскаго новороссійскаго университета. Къ означенному времени будетъ издана исторія университета и отдѣльныхъ факультетовъ. Комиссія, на которую возложено порученіе составить означенный трудъ, признаетъ въ высшей степени желательнымъ внести въ него свѣдѣнія о служебномъ и общественномъ положеніи и о печатныхъ трудахъ, если таковыя имѣются, лицъ, состоявшихъ въ числѣ студентовъ Императорскаго новороссійскаго университета за время его существованія. Въ виду этого комиссія покорнѣйше проситъ бывшихъ питом-

цевъ поворосійскаго университета сообщить ей не позже 1-го ноября 1914 года указанныя выше свѣдѣнія. Корреспонденцію по этому вопросу слѣдуетъ адресовать мнѣ, какъ предѣдателью комиссіи (Одесса, университетъ). Профессоръ А. П. Доброклонскій».

Отъ Высочайше учрежденнаго комитета по сбору пожертвованій на сооруженіе памятника въ Бозѣ почившему великому князю Константину Николаевичу. 28-го ноября 1913 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на открытіе всеросійскаго сбора пожертвованій на постановку памятника великому князю Константину Николаевичу, за все время царствованія императора Александра II стоявшаго во главѣ флота и въ теченіе шестнадцати лѣтъ предѣдательствовавшаго въ государственномъ совѣтѣ. Управляя флотомъ и морскимъ министерствомъ, великій князь рядомъ свѣтлыхъ примѣровъ въ вѣдомствѣ— уничтоженіемъ сословія кантонистовъ, освобожденіемъ адмиралтейскихъ поселенъ, мѣрами къ реформѣ суда, уничтоженіемъ тѣлесныхъ наказаній—показалъ путь къ обновленію и просвѣщенію всей Россіи послѣ тяжелой крымской кампаніи и лично вдохновлялъ дѣятелей великихъ реформъ къ скорѣйшему проведенію ихъ въ жизнь. Ближайшее энергичное участіе его въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, какъ предѣдателя главнаго комитета, удостоилось высокой оцѣнки Царя-Освободителя, назвавшаго великаго князя своимъ «первымъ помощникомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ». Многолѣтняя дѣятельность великаго князя въ должности предѣдателя государственнаго совѣта, въ теченіе которой многое въ законодательствѣ получило дальнѣйшее развитіе въ духѣ великихъ реформъ, стяжала великому князю славу просвѣщеннаго государственнаго дѣятеля, и имя его стало дорого всѣмъ, кто дорожилъ благомъ великой нашей родины. Принявъ управленіе флотомъ и морскимъ министерствомъ въ печальную годовщину паденія Севастополя и уничтоженія черноморскаго флота, онъ всѣ силы свои обратилъ на возсозданіе морской мощи Россіи, положивъ начало нашей независимости отъ заграничныхъ заводовъ и создавъ первую нашу паровую, а затѣмъ и броненосную эскадру. Лично испытавъ на себѣ въ венгерскомъ походѣ всѣ тяготы военнаго времени, заслуживъ за эту кампанію въ рядахъ арміи Георгіевскій крестъ, великій князь ясно сознавалъ, что въ личномъ составѣ лежитъ залогъ успѣха всякаго дѣла: въ основу дальнѣйшей дѣятельности своей незабвенный глава флота положилъ созданіе поколѣнія опытныхъ и страстно преданныхъ своему дѣлу моряковъ, всѣми мѣрами способствуя духовному и нравственному подъему и улучшенію офицерскаго и матросскаго составовъ. Дальнія океанскія плаванія, морскія библіотеки, лекціи, рядъ изданій по морскимъ вопросамъ, «Морской Сборникъ» шестидесятихъ годовъ, которымъ зачитывались вся мыслящая Россія, суммы на воспитаніе дѣтей, пособія личному составу въ трудныхъ случаяхъ жизни, эмеритальная касса, первая въ Россіи, вотъ памятники отеческаго попеченія великаго князя о духовныхъ и матеріальныхъ нуждахъ своихъ подчиненныхъ, снискавшіе ему глубокое уваженіе и любовь всего личнаго состава. Комитетъ ставитъ себѣ задачей организовать сборъ пожертвованій, чтобы воздвигнуть на нихъ памятникъ руководителю флота и государственному дѣятелю къ 13-му января 1917 года,—дню двадцатипятилѣтней годов-

щины смерти великаго князя,—и обращается ко всѣмъ почитателямъ его съ просьбой внести, не стѣсняясь никакими размѣрами, и свою лепту, помня; что всякое, даже ничтожное, даяніе цѣнно въ этомъ дѣлѣ, какъ дань признательности свѣтлой памяти незабвеннаго сотрудника Царя-Освободителя. Пожертвованія комитетъ проситъ направлять по адресу: Петербургъ, зданіе Главнаго Адмиралтейства, или же сдавать въ государственныя губернскія и уѣздныя казначейства или мѣстныя конторы и отдѣленія государственнаго банка. Предсѣдатель комитета генераль-адъютантъ Григоровичъ; вице-предсѣдатель адмиралъ Рейценштейнъ; члены: адмиралъ Эбергардъ, адмиралъ фонъ-Эссенъ, вице-адмиралъ Русинъ, вице-адмиралъ Виренъ, свиты Его Величества контръ-адмиралъ графъ Толстой, контръ-адмиралъ Плансонъ, контръ-адмиралъ Керберъ, капитанъ перваго ранга Карцовъ, капитанъ перваго ранга Поповъ, капитанъ втораго ранга Славинскій, капитанъ втораго ранга Квашнинъ-Самаринъ, надворный совѣтникъ Поль; представители: флота генераль Рыкачевъ, А. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, графъ И. Толстой, генераль-майоръ Тепловъ; секретарь лейтенантъ Житковъ.

НЕКРОЛОГИ.

АРХІЕПИСКОПЪ НИКОЛАЙ. 12-го іюля въ Александрo-Невской лаврѣ скончался членъ святѣйшаго синода высокопресвященный Николай, архіепископъ владимирскій и суздальскій. Почившій іерархъ, въ мѣрѣ Николай Александровичъ Налимовъ, сынъ священника петербургской епархіи, родился въ городѣ Новой Ладогѣ въ 1852 году и былъ питомцемъ петербургской семинаріи, а затѣмъ петербургской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса кандидатомъ (1877 г.) онъ состоялъ преподавателемъ греческаго языка въ Александрo-Невскомъ духовномъ училищѣ, откуда черезъ годъ переведенъ въ петербургскую семинарію учителемъ того же языка и помощникомъ инспектора. Состоя на педагогической службѣ въ семинаріи, молодой преподаватель принялъ монашество (8-го іюня 1885 г.) съ сохраненіемъ прежняго своего имени и черезъ годъ, возведенный въ санъ архимандрита, занялъ мѣсто ректора въ смоленской семинаріи (1886—1889 гг.), изъ которой потомъ перешелъ въ ректоры родной петербургской семинаріи (1889—1890 гг.). Хиротонисанный въ архіереи (5-го августа 1890 г.), онъ состоялъ викаріемъ петербургской митрополіи въ званіи епископа ладожскаго (1890—1892 гг.) и въ санѣ епископа гдовскаго (1892—1893 гг.); затѣмъ послѣдовательно былъ епископомъ саратовскимъ (1893—1899 гг.), архіепископомъ финляндскимъ (1899—1905 гг.) и тверскимъ (1905 г.), экзархомъ Грузіи съ званіемъ члена святѣйшаго синода (1905—1906 гг.) и, наконецъ, архіепископомъ во Владимирѣ (1906—1914 гг.). Къ печатнымъ трудамъ почившаго іерарха относились «Слова» и «Рѣчи», напечатанныя преимущественно въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1914, № 163).

† **Архіепископъ Стефанъ.** 18-го іюня на своей архіерейской дочѣ, близъ Курска, скончался отъ слабости сердца послѣ бывшей операци пресвященный Стефанъ, епископъ курскій и обоянскій. Почившій, въ мѣрѣ Николай

Павлович Архангельскій, происходилъ изъ духовнаго званія и родился въ Пензенской губерніи (1861 г.). Онъ воспитывался въ мѣстной семинаріи и въ казанской духовной академіи, гдѣ получилъ въ 1885 году степень кандидата за изслѣдованіе «Опытъ систематизаціи христіанскаго нравственнаго ученія по сочиненіямъ Иннокентія, архіепископа херсонскаго». Скоро по выпускѣ изъ академіи молодой ученый былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка въ симбирское духовное училище (1885—1896 гг.) и вмѣстѣ съ тѣмъ учителемъ русской словесности въ симбирскую Маріинскую гимназію. Перемененный съ 1896 года въ наставники кутаисской духовной семинаріи, онъ получилъ степень магистра богословія (1897 г.), принялъ священство и занялъ мѣсто инспектора въ той же семинаріи (1898 г.), но черезъ годъ ему пришлось скоронить жену, принять монашество и переселиться въ Тифлисъ, гдѣ онъ состоялъ сначала инспекторомъ, а затѣмъ ректоромъ семинаріи въ санѣ архимандрита (1899—1902 гг.). Послѣ семнадцатилѣтней духовно-учебной службы покойный, рукоположенный въ архіерейскій санъ (27-го января 1902 года), былъ епископомъ сумскимъ и викаріемъ харьковской епархіи (1902—1904 гг.), епископомъ могилевскимъ и мстиславскимъ (1904—1911 г.), наконецъ, — архіепископомъ въ Курскѣ (съ 4-го октября 1911 г.). Глубоко религіозный по своимъ чувствамъ, строгій къ себѣ и особенно къ сектантамъ, стойкій и пылкій патріотъ по своимъ убѣжденіямъ, почившій святитель оставилъ слѣдующіе труды: «Задачи, содержаніе и планъ системы православно-христіанскаго правоученія», магистерская диссертация (Симбирскъ, 1894 г.), «Мысли Иннокентія, архіепископа херсонскаго, о величій и благоденствіи Россіи» (Казань, 1897 г.), «Иннокентій, архіепископъ херсонскій, какъ учитель христіанской нравственности» (Казань, 1899 г.), «Провиденціальныя задачи и конечныя цѣли Россіи» (Харьковъ, 1904 г.), «Тайнства и обряды православной церкви» (Харьковъ, 1904 г.), «Памяти Василія Львовича Величко» (Харьковъ, 1904 г.), «Слова и рѣчи» (Харьковъ, 1904 г.), «Посланіе къ паствѣ о театрахъ и маскарадахъ» («Московскія Вѣдомости» 1909 г., № 75) и «Къ вопросу о системѣ православнаго христіанскаго правоученія» (Могилевъ на Днѣпрѣ, 1910 г.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1914, № 142).

† **Илляшевичъ, Л. В.** 7-го іюля, послѣ продолжительной болѣзни, длившейся болѣе двухъ лѣтъ, сошелъ въ могилу одинъ изъ старѣйшихъ и многолѣтнихъ сотрудниковъ газеты «Южный Край» Левъ Васильевичъ Илляшевичъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ Харьковской губерніи, Зміевскаго уѣзда. По окончаніи морского кадетскаго корпуса въ 1855 году онъ произведенъ былъ въ гардемарины и назначенъ въ первый флотскій его императорскаго высочества генераль-адмирала экипажъ, а въ 1865 году произведенъ въ мичманы со старшинствомъ; затѣмъ уволенъ на коммерческія суда, произведенъ въ лейтенанты и зачисленъ на дѣйствительную службу во флотскій экипажъ. Служа во флотѣ, Л. В. былъ въ кругосвѣтномъ плаваніи, много видѣлъ, много зналъ и, обладая литературнымъ талантомъ, писалъ статьи и рассказы. Свои произведенія онъ помѣщалъ въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ», въ журналѣ «Семейные Вечера», издававшемся М. Ф. Ростовской, въ морскомъ сборникѣ «Маякъ», редакторомъ котораго состоялъ, въ «Новороссійскихъ

Вѣдомостяхъ», «Новороссійскомъ Телеграфѣ», и, наконецъ, въ еженедѣльномъ и, по тогдашнему времени, либеральномъ журналѣ Краевского «Голосъ». Но въ 1878 году Л. В. получилъ въ наслѣдство сравнительно крупное имѣніе въ Зміевскомъ уѣздѣ, вышелъ въ отставку въ чинѣ капитана-лейтенанта и занялся хозяйствомъ. Энергичный, образованный, умный, джентльменъ въ лучшемъ значеніи этого слова, Л. В. вскорѣ обратилъ на себя вниманіе мѣстныхъ общественныхъ круговъ, завоевалъ ихъ симпатіи и въ 1880 году избранъ былъ почетнымъ мировымъ судьей, а въ 1883 году предводителемъ дворянства Зміевского уѣзда, причѣмъ какъ въ той, такъ и въ другой должности пробылъ до 1888 года. Кромѣ того, въ 1885 году онъ назначенъ былъ управляющимъ харьковскимъ отдѣленіемъ государственнаго дворянскаго земельного банка и мѣсто это занималъ около трехъ лѣтъ. Въ газетѣ «Южный Край» покойный сотрудничалъ около шестнадцати лѣтъ. Онъ помѣщалъ свои «Очерки сибирской ссылки», писалъ статьи по земскимъ вопросамъ и статьи по вопросамъ о флотѣ, давалъ разъясненія краткихъ телеграфныхъ извѣстій во время русско-японской войны и завѣдывалъ провинціальнымъ отдѣломъ. Изъ изданныхъ работъ перу Л. В. принадлежатъ: «Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства», изданный въ 1885 году, очеркъ «Зміевскій уѣздъ», изданный въ 1887 г., и брошюра «Харьковская акціонерная компанія по торговлѣ шерстью». Скончался Л. В. Илляшевичъ на шестьдесятъ девятомъ году жизни отъ общаго склероза сосудовъ, благодаря которому въ послѣдніе два года не выходилъ изъ дому, не посѣщалъ редакціи «Двинскаго Края» и ничего не писалъ. (Некрологъ его: «Южный Край», 1914, № 12147).

† **Калужняцкій, Э., профессоръ.** Въ субботу 21-го іюня въ гор. черновцахъ, въ Буковинѣ, скончался извѣстный ученый славистъ, профессоръ Черновицкаго университета Э. Калужняцкій. Покойный уроженецъ Галичины, русскій по происхожденію и убѣжденіямъ. Образование онъ получилъ на родинѣ, а потомъ въ Вѣнѣ, гдѣ былъ ученикомъ Миглошича. По окончаніи университета и послѣ защиты диссертациі на степень доктора философіи покойный поступилъ учителемъ въ одну изъ галиційскихъ гимназій. Готовясь къ ученой карьерѣ, покойный побывалъ и въ Россіи, гдѣ познакомился съ тогдашними представителями русской науки. Съ основаніемъ въ Черновцахъ въ 1875 году нѣмецкаго университета, Калужняцкій занялъ кафедру славянскихъ языковъ, которую и не покидалъ до конца жизни въ теченіе тридцати девяти лѣтъ. Въ Черновцахъ покойный былъ однимъ изъ основателей обществъ «Русской Весѣды» и «Народнаго дома», которыя въ свое время являлись главнымъ оплотомъ русской народности въ Буковинѣ. Для противодѣйствія появившемуся въ восьмидесятыхъ годахъ въ Буковинѣ «украинству» Калужняцкій поддерживалъ существовавшія въ Черновцахъ русскія студенческія общества (сперва «Союзъ», а потомъ «Буковина» и «Карпаты»). «Украинство» было насаждено въ Буковинѣ австрійскимъ правительствомъ, которое для этой цѣли назначило въ Черновцы особаго профессора «украинскаго» языка и «украинской» словесности Смаля Стоцкаго. Вслѣдъ за тѣмъ въ 1893 году правительствомъ былъ выдвинутъ вопросъ о замѣнѣ во всѣхъ школахъ Галичины и Буковины русскаго правописанія «украинскимъ», долженствовав-

шимъ обособить въ культурномъ отношеніи русскихъ въ Австріи отъ остального русскаго міра. Калужняцкій высказался рѣшительно противъ этого проекта. Въ области славяновѣдѣнія покойный Калужняцкій сдѣлалъ очень много. Его перу принадлежитъ много цѣнныхъ изслѣдованій на русскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, появившихся отчасти на страницахъ «Архива» Ягича и въ «Чтеніяхъ общества любителей исторіи и древностей російскихъ». Вотъ нѣкоторые труды Калужняцкаго, посвященные тѣмъ или инымъ вопросамъ славяновѣдѣнія: «Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письменности, находящихся въ бібліотекахъ и архивахъ львовскихъ» (Кіевъ, 1877 г.); «Молдавскія грамоты въ архивѣ города Львова» (на польскомъ языкѣ, Львовъ, 1878 г.); «Историческій обзоръ графики и правописанія у поляковъ» (на нѣмецкомъ языкѣ, Вѣна, 1882 г.); «Къ вопросу о тайнописи славянъ» (тоже, Вѣна, 1883 г.); «Поликарпа архимандрита печерскаго житіе Моисея Утрина» (на польскомъ языкѣ, Львовъ, 1884 г.); «Къ бібліографіи церковно-славянскихъ печатныхъ изданій въ Россіи» (Спб., 1886 г.); и т. д. Особенно цѣнно его изданіе такъ называемаго путенскаго Евангелія (*Monumenta linguae palaeoslovenicae T. I. Evangelium Putnauum*, Вѣна, 1888 г.), церковно-славянскаго памятника XIII—XIV вѣка съ особенностями малорусскаго нарѣчія, хранящагося въ православномъ монастырѣ въ Путнѣ, на Буковинѣ. Такихъ памятниковъ сравнительно мало, и потому онъ особенно важенъ для исторіи русскаго языка въ XIII—XIV вѣкѣ. За свой трудъ «*Wanderungen der Rumänen*» («Странствованія румынъ»), написанный на основаніи лексикальныхъ данныхъ, покойный получилъ званіе члена-корреспондента бухарестской академіи наукъ. Перу его принадлежитъ также обширный трудъ о болгарскомъ экзархѣ Евфиміи, а въ сравнительно недавнее время, по порученію русской академіи наукъ, имъ написано для издаваемой ею подъ редакціей академика Ягича энциклопедіи славянской филологіи изслѣдованіе объ измѣненіи церковно-славянскаго языка на румынской почвѣ, которая ждетъ еще своего появленія. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914, № 13761).

† **Россовъ, Н. Д.** Въ ночь на 11-е іюля въ Саратовѣ отъ язвы въ желудкѣ послѣ неудачной операціи скончался видный земскій работникъ и общественный дѣятель Н. Д. Россовъ. Покойный былъ типичнымъ съ наилучшими традиціями представителемъ «третьяго элемента» въ земствѣ, отдававшимъ всѣ свои силы общественному служенію. Еще въ студенческіе годы, проникнувшись народническимъ міросозерцаніемъ, Россовъ принималъ дѣятельное участіе въ различныхъ студенческихъ организаціяхъ, за что, когда разразились волненія, его изъ Петербурга административнымъ порядкомъ выслали на три года въ Сибирь. Изъ Барнаула, гдѣ онъ проводилъ ссылку, Россовъ по окончаніи ея переѣхалъ въ Саратовъ, вошелъ въ близкія отношенія съ народниками и въ частности съ писателемъ Каронинымъ и дѣятельно принялся за работу въ кружкахъ молодежи. Многіе саратовцы обязаны ему своимъ общественнымъ воспитаніемъ. Кромѣ того, Н. Д. Россовъ принималъ близкое участіе въ обществѣ «изящныхъ искусствъ», которое при немъ, лѣтъ за десять до земскихъ сѣздовъ, публично заявило о необходимости введенія въ

Россіи представительнаго строя. Общество это было закрыто администраціей, какъ равно и смѣнившее его общество народнаго университета, въ которомъ Россовъ также принималъ самое дѣятельное участіе. Во времена политическихъ банкетовъ и затѣмъ въ разгаръ освободительнаго движенія Россовъ выступалъ съ рѣчами и докладами. Въ качествѣ земскаго работника Н. Д. Россовъ былъ незамѣнимой культурной силой. Завѣдуя отдѣленіемъ народнаго образованія саратовскаго губернскаго земства, онъ поставилъ школьное земское дѣло на значительную высоту, и ему земство обязано тѣмъ, что въ отношеніи народнаго образованія оно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Покойный не былъ чуждъ и журналистикѣ. Какъ въ мѣстной, такъ и въ столичной печати, въ толстыхъ журналахъ и въ земскихъ изданіяхъ появлялись его публицистическія работы. Онъ былъ, кромѣ того, художникомъ съ большимъ дарованіемъ, и его картина «Старикъ» будетъ приобретена саратовскимъ музеемъ. Другое его талантливое произведеніе—портретъ А. П. Чехова—красуется въ народной аудиторіи. Скончался Россовъ сорока восьми лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: «День», 1914 г., № 189).

† **Синцовъ, И. Ѳ., проф.** Въ Петербургѣ скончался на семидесятѣмъ году жизни извѣстный геологъ, проф. И. Ѳ. Синцовъ. Покойный родился въ 1845 г., по окончаніи въ 1864 году курса въ саратовской гимназіи поступилъ въ казанскій университетъ, при которомъ впоследствии состоялъ сперва приват-доцентомъ, а затѣмъ—профессоромъ геологіи и минералогіи. Въ 1871 году, по защитѣ диссертациі «Мезозойскія образованія общаго сорта и нѣкоторыхъ прилежащихъ мѣстностей» И. Ѳ. Синцовъ былъ утвержденъ въ степени магистра минералогіи и геогнезиса. Въ 1872 году, получивъ, по защитѣ диссертациі «Объ юрскихъ и мѣловыхъ окаменѣлостяхъ Саратовской губерніи» отъ новороссійскаго университета степень доктора, покойный И. Ѳ. Синцовъ избранъ былъ профессоромъ новороссійскаго университета по кафедрѣ геологіи и палеонтологіи, которую и занималъ въ теченіе ряда лѣтъ. Проф. И. Ѳ. Синцовъ считался однимъ изъ наиболѣе глубокихъ знатоковъ мезозойскихъ образованій Поволжья и новѣйшихъ третичныхъ и потретичныхъ отложеній юга Россіи, геологическому и палеонтологическому описанію которыхъ имъ посвящено около пятидесяти ученыхъ трудовъ. Изъ работъ И. Ѳ. Синцова, посвященныхъ югу, назовемъ слѣдующія: «Геологическій очеркъ Бессарабской области», «Отчетъ о геологическомъ изслѣдованіи Бессарабіи», «Описаніе новыхъ и малоизвѣстныхъ формъ раковинъ изъ третичныхъ образованій Новороссіи», «О водоносныхъ слояхъ Кишинева», «Замѣтки о новыхъ плітеневыхъ отложеніяхъ южной Россіи», «Результаты геологической экскурсіи въ Николаевъ», «Объ одесскихъ буровыхъ скважинахъ и гидрогеологическое описаніе одесскаго градоначальства», «Геологическое изслѣдованіе Одесскаго уѣзда», «Объ одесскихъ оползняхъ» и т. д. Многіе труды И. Ѳ. Синцова печатались въ «Запискахъ новороссійскаго университета» и въ «Запискахъ новороссійскаго общества естествоиспытателей». Въ юбилейномъ изданіи, выпущенномъ ко дню столѣтія основанія Одессы, матеріалы по геологіи Одессы представлены были И. Ѳ. Синцовымъ (Некрологъ его: «Одесскій Листокъ», 1914, № 181).

† **Череванскій, В. П.** 22-го іюня, въ семь часовъ вечера, на семьдесятъ, девятомъ году жизни отъ склероза скончался видный государственный дѣятель, сенаторъ, членъ государственнаго совѣта и писатель, д. т. с. Владимиръ Павловичъ Череванскій. Покойный происходилъ изъ дворянъ Херсонской губерніи. Государственная служба В. П. началась въ одесскомъ военномъ госпиталѣ. По окончаніи войны 1853—1856 гг. онъ былъ назначенъ въ комиссію для ликвидаціи счетовъ военнаго времени. Въ это время происходила одна изъ наиболѣе крупныхъ государственныхъ реформъ: вводилось единство кассъ во всей Имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ совершалась реорганизація государственнаго контроля. Для проведенія реформы понадобились свѣжія силы. По инициативѣ государственнаго контролера В. А. Татаринова, В. П. Череванскому было предложено занять должность старшаго ревизора. Съ этого времени вся служебная дѣятельность В. П. протекла въ вѣдомствѣ государственнаго контроля вплоть до 1898 г.. Онъ занималъ должности старшаго ревизора, управляющаго туркестанскою и московскою контрольными палатами, директора канцеляріи и наконецъ товарища государственнаго контролера. Въ 1898 году В. П. былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта съ сохраненіемъ званія сенатора. За особые труды во время осады и штурма Геокъ-Тепе онъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава первой степени съ мечами. Послѣ взятія крѣпости Геокъ-Тепе туркмены, разбитые на голову, бросили свои семейства на произволь судьбы, и В. П. принялъ на себя трудъ прокормить покинутыхъ женщинъ и дѣтей до устройства ихъ участи по окончаніи войны. Эта миссія была выполнена В. П. безъ малѣйшаго расхода казны. В. П. Череванскій хорошо извѣстенъ своей литературной дѣятельностью, которая началась въ журналахъ «Семейный Кругъ», «Искра», «Русскій Міръ». Затѣмъ онъ послѣдовательно помѣщалъ свои произведенія въ «Петербургскомъ Вѣстникѣ» и «Сынѣ Отечества». Въ послѣднемъ изданіи помѣщенъ былъ рядъ его романовъ и повѣстей, изъ которыхъ въ свое время обратили на себя вниманіе «Мозгъ и сердце», «Тайна», «Бриллиантовое ожерелье», «Актриса», «Голодные люди», «Наши немощи», «Тихое побережье», «Позднее пробужденіе», «Марина». Кромѣ того, В. П. помѣщалъ въ газетахъ много передовыхъ статей по экономическимъ и другимъ вопросамъ, подъ которыми подписывался псевдонимомъ «Эчь». Въ девяностыхъ годахъ появилось нѣсколько его драматическихъ произведеній. Не оставляя пера и въ положеніи сановника, В. П. перешелъ къ историческимъ монографіямъ и изслѣдованіямъ. Будучи членомъ государственнаго совѣта, онъ издалъ «Подъ боевымъ огнемъ»—описаніе туркменской экспедиціи, затѣмъ «Двѣ волны», и «Миръ ислама и его пробужденіе». Въ этихъ произведеніяхъ авторъ отмѣтилъ сильный подъемъ мусульманства. Въ монографіи «Исчезнувшее царство» В. П. популяризировалъ исторію Ассиро-Вавилоніи. Ко дню пятидесятилѣтія своей литературной дѣятельности, которое В. П. отпраздновалъ въ апрѣлѣ нынѣшняго года, онъ приготовилъ къ выпуску монографію—«Послѣдній вздохъ Византіи». Въ этой монографіи описываются событія, сопутствовавшія переходу Константинополя во владѣніе оттомановъ. До своей болѣзни, которая продолжалась почти годъ, В. П. принималъ жи-

вѣйшее участіе въ законодательной дѣятельности государственнаго совѣта: онъ былъ первымъ предсѣдателемъ финансовой комиссіи совѣта и, сверхъ занятій по второму департаменту совѣта, предсѣдательствовалъ въ особомъ совѣщаніи по разрѣшенію вызванныхъ русско-японской войной претензій къ казѣ. Покойный В. П. Череванскій былъ извѣстенъ какъ очень гуманный и добрый человекъ. Въ самое послѣднее время изъ своихъ небольшихъ средствъ онъ пожертвовалъ десять тысячъ рублей на стипендіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914, № 13749).

А секретарь шель дальше. Дверь въ кухню была открыта. На порогѣ ея собрались толпой дѣвицы. Онѣ пристально глядѣли на него, но ни одна изъ нихъ не рѣшилась фамиллярничать съ нимъ. Дѣвушки ихъ класса въ Констанцѣ въ это время далеко не отличались застѣнчивостью. Имъ нравились его черные глаза, черная борода и высокоомѣрныя манеры. Но онъ никогда не удостоивалъ даже взглянуть на нихъ. За это онѣ не любили его, не переставая въ то же время уважать его. Поэтому разговоръ о немъ велся вполголоса.

— Нашъ секретарь сошелъ съ ума, ей-Богу,—сказала юнгфрау Гертруда, цвѣтушая дѣвушка, покачивая головой.—Онъ никогда не могъ отличить хорошенькаго личика отъ рожи, а теперь не знаетъ, что день, что ночь. Я очень рада, что мнѣ никогда не приходилось имѣть съ нимъ дѣло.

— Ну, ты отъ этого не отказалась бы, если бѣ только онъ пожелалъ,—замѣтила другая.

— Ты сама за нимъ постоянно бѣгаешь,—огрызнулась Гертруда.

— За этимъ надутымъ малымъ, который въ концѣ концовъ только и беретъ своей гордостью! У него въ домѣ постятся пять разъ въ недѣлю не изъ благочестія—о, нѣтъ!—а изъ-за недостатка денегъ. Не на что говядины купить! И я буду за нимъ бѣгать! Нѣтъ, бѣгай лучше ты да Гимлошъ.

— И буду! — промолвила Гимлошъ, самая красивая изъ всѣхъ трехъ.—Мы всѣ готовы на то же, и ему нужно только пригласиться,—нѣжно сказала она.

Пока онѣ болтали, секретарь медленно поднимался по извѣденной отъ времени лѣстницѣ, которая вела къ входной двери. Онъ, казалось, не замѣчалъ ни сенсаци, которую произвелъ, ни чувствъ, которыя внушалъ. Не мѣняя суроваго и презрительнаго выраженія лица, онъ подошелъ къ двери и вышелъ на улицу.

Утромъ напалъ свѣжій свѣгъ. Хотя было уже 22-го марта—вторникъ Страстной недѣли, но зима, повидимому, не хотѣла покидать мрачный городъ, гдѣ она царила въ этомъ году такъ долго. Крыши опять стояли бѣлыя на сѣромъ фонѣ неба, цвѣты, которые робко начали было пускать почки на оконницахъ, были убраны въ комнаты, опять короны на фигурахъ святыхъ, украшавшія фронтоны богатыхъ домовъ, сдѣлались серебряными. Опять земля въ послѣдній разъ покрылась пушистымъ бѣлымъ ковромъ. На нѣкоторыхъ наиболѣе многолюдныхъ улицахъ пѣшеходы уже успѣли загрязнить его, превративъ его въ какую-то лишенную цвѣта грязь. Но въ извилистомъ переулкѣ, на которую выходила дверь таверны «Чернаго Орла», прохожихъ было мало, и отпечатки ихъ ногъ были стерты новыми хлопьями снѣга.

Фонарь, который секретарь несъ въ рукѣ, бросалъ блѣдный свѣтъ на дорогу, попеременно дѣлавшійся то краснымъ, то золо-

тымъ, смотря по тому, шелъ ли онъ по срединѣ переулка, гдѣ снѣгъ падалъ гуще и ровнѣе, или же пробирался вдоль стѣны, гдѣ сквозь тонкій слой снѣга просвѣчивала бурая земля.

Полоска теплаго свѣта, двигавшаяся передъ нимъ, представляла странный контрастъ съ темными фронтонами домовъ и однообразной холодной бѣлизной снѣга. Ему казалось, что это волшебная тропинка, которая ведетъ въ болѣе яркія и теплыя страны, гдѣ нѣтъ ни холода, ни грѣховъ.

Тѣ, кто попался ему навстрѣчу, когда онъ дошелъ до конца переулка, были, повидимому, далеки отъ такихъ мыслей. Увидя его, они широко раскрывали глаза и проходили мимо, покачивая головой. Какой-то мальчуганъ, опрометью выскочившій изъ воротъ, увидя его, остановился въ изумленіи, какъ вкопанный. Онъ открылъ было ротъ, намѣреваясь покатиться со смѣху, но встрѣтился съ суровымъ взглядомъ секретаря и вмѣсто того, чтобы разсмѣяться, бросился во дворъ дома, крича отъ страха.

Блѣдная полоска свѣта, двигавшаяся по снѣгу впереди секретаря, казалось, не разбѣивала его мрачнаго настроенія. Онъ хмуρο продолжалъ свой путь, не замѣчая окружающаго.

«Истиннѣ Господь создалъ это племя въ гнѣвѣ своемъ,— бормоталъ онъ про себя.— Слѣпыми люди идутъ всю жизнь, а когда встрѣтятся со свѣтомъ, то не познаютъ его. Солнце, луна и звѣзды показываютъ для нихъ путь только къ жратвѣ. Они думаютъ избѣжать ада, продавая свою честь за свои бренныя тѣлеса. Не для нихъ писаны слова писанія: «Кто хочетъ душу свою спасти, тотъ погубитъ ее». Если бѣ Христось умеръ еще десять разъ, для нихъ и этого было бы мало. Всѣ они сгнили до сердцевины».

Вдругъ выраженіе его лица перемѣнилось, какъ будто, несмотря на продолжавшуюся зиму, его коснулось дыханіе весны.

«Нѣтъ! Среди нихъ есть и такіе, которые заслуживаютъ жизни. Они могутъ удержать отъ грѣха и отчаянія. Пусть это слабыя женщины, но ихъ слабость посрамитъ крѣпость мужчинъ. Пусть ихъ немного, но что же изъ этого».

Сдѣлавъ еще поворотъ, онъ наконецъ, выбрался изъ лабиринта узкихъ улицъ, которыя лежатъ къ западу отъ церкви св. Павла. Послѣ темныхъ закоулковъ, гдѣ крыши противоположныхъ домовъ иногда соприкасались, площадь передъ церковью казалась очень большой и свѣтлой. Струя воды, бившая изъ большого фонтана, казалось, поглощала весь свѣтъ сѣренькаго дня и падала внизъ тысячами брильянтовъ, которые какъ будто освѣщали всю площадь. Вода подымалась и опускалась съ какой-то гармонической мелодіей, заглушая шумъ шаговъ и голосовъ. По ступенямъ фонтана спускались къ водѣ женщины, дѣвушки и ребятишки, дѣлая запасы воды на день и весело пересмѣваясь и переговариваясь съ прохожими. Нѣкоторые останавливались на минуту-другую, задумчиво глядя на серебристую струю воды.

Безсознательно привлекаемый шумомъ воды и людскихъ голосовъ, секретарь продолжалъ идти впередъ. Вдругъ, поднимаясь надъ безформеннымъ гуломъ, въ его ухахъ раздался веселый, звонкій голосъ:

— Какъ, мастеръ секретарь, по-вашему, еще ночь? Или вы забыли, что первая недѣля поста у насъ давно прошла? Ничего другого нельзя предположить о такомъ человѣкѣ, какъ вы.

Какой-то огонекъ пробѣжалъ въ глазахъ секретаря, когда онъ услышалъ этотъ голосъ.

— Мѣтко сказано, юнгфрау Фастрада,—отвѣчалъ онъ, снимая шапку.

— Господи! Онъ еще не спохватился! — со смѣхомъ продолжала дѣвушка.—Если бы ваше самообладаніе, г. секретаріусъ, не было извѣстно всему городу...

— То что бы вы подумали?

— Нѣчто такое, о чемъ я не могу говорить въ вашемъ присутствіи, зная, какъ вы презираете подобныя вещи...

— Но развѣ непременно нужно выпить вина для того, чтобы сдѣлать вещь, которая всѣмъ кажется странной?

— Конечно, нѣтъ. Я полагаю, что у васъ хватитъ мужества даже на самый безумный поступокъ, даже если вы и не прибѣгнете къ вину. Но объясните же мнѣ, что значить эта причуда, смыслъ которой ускользаетъ отъ моего грубаго пониманія?

— Я ищу человѣка, Фастрада. Люди стали такъ рѣдки въ наше время, что даже днемъ нуженъ фонарь, чтобы ихъ отыскать. Но я нашель больше—я нашель настоящаго человѣка.

— Поздравляю васъ,—съ насмѣшливой вѣжливостью отвѣчала дѣвушка.—Гдѣ же это вамъ посчастливилось?

— Здѣсь, юнгфрау, на этой самой площади.

— Еще разъ поздравляю васъ, хотя, какъ мнѣ подсказываетъ мой скудный умъ, ихъ довольно трудно отыскать здѣсь въ это время дня.

И опять ея веселый смѣхъ покрылъ мягкое журчаніе фонтана.

— А между тѣмъ я нашель.

— Кто же это?

— Вы, юнгфрау Фастрада.

— Вотъ такъ комплиментъ. Смотрите, къ фонтану шествуетъ фрау Ринглинъ. Она только что поссорилась съ фрау Мейнгардтъ. Но и она настоящій человѣкъ.

— Не въ томъ значеніи, въ какомъ я понимаю это слово.

— А я?

— Вы дѣйствительно настоящій человѣкъ. Человѣкъ стоитъ на землѣ, гдѣ мы родимся, но руки протягиваетъ къ небесамъ. Онъ подверженъ всѣмъ человѣческимъ слабостямъ, но можетъ стать и выше ихъ. Онъ можетъ любить всѣ радости этой жизни, но, если

понадобится, можетъ отказаться отъ нихъ во имя идеи не отъ міра сего. Онъ можетъ бояться страданій, но можетъ безтрепетно пойти на нихъ, когда его позоветъ его внутренній голосъ. Мужчина можетъ быть мягче женщины, а женщина крѣпче мужчины. Вотъ что значить быть воплощеніемъ духа. Вотъ что значить быть настоящимъ человѣкомъ. Быть чѣмъ-то меньше значить срамить священное названіе «человѣкъ».

Онъ говорилъ тихо и сдерживая себя. Но подъ конецъ въ его голосѣ зазвучала страсть, а въ глазахъ загорѣлся огонекъ.

Дѣвушка опустила глаза. Щеки ея вспыхнули.

— И это все?—прошептала она.

— Вы именно таковы, Фастрада. Если не теперь, то въ будущемъ. Ибо въ испытаніяхъ жизни растемъ мы.

— Но я вовсе не хочу испытаній,—сказала дѣвушка, надувая губки.—Я хотѣла бы, чтобы вы устранили ихъ съ моего пути, г. секретаріусъ.

Онъ бросилъ на нее нѣжный взглядъ.

— Я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ. Но отъ нихъ не застрахованъ никто. Да они и нужны намъ, какъ деревьямъ нужна буря, чтобы сокъ поднимался до самыхъ верхнихъ вѣтвей. Когда наступитъ часъ, я не премину прійти къ вамъ на помощь, какъ не преминете сдѣлать это и вы. Теперь же я могу потушить свой фонарь. Я нашелъ то, чего искалъ.

Онъ уже поднялъ фонарь, чтобы погасить его, какъ вдругъ неожиданное восклицаніе дѣвушки отвлекло его отъ этого намѣренія.

— Смотрите. Что это движется сюда?

Она указала на другой конецъ площади, гдѣ на нее выходила улица отъ Шнедторскихъ воротъ. Быстрымъ нервнымъ движеніемъ она подняла руку. Ея капюшонъ откинулся ей на спину. Прорвавшійся сквозь легкій туманъ золотистый лучъ задрожалъ на ея профилѣ и бѣлокурыхъ волосахъ, а струя фонтана явилась какъ бы серебристымъ фономъ для ея лица. Сзади нея поднимался рядъ высокихъ домовъ съ крутой крышей, съ рѣзьбой, почернѣвшей отъ времени и непогоды. Это былъ фонъ для всей ея фигуры.

Секретарь опустилъ руку, и свѣча въ фонарѣ продолжала горѣть незамѣтно. Глаза ихъ были устремлены въ конецъ площади, куда она указывала.

— Смотрите!—воскликнула опять дѣвушка.—Всѣ бѣгутъ по этому направленію. Вѣроятно, случилось что-нибудь необыкновенное. Можетъ быть, ѣдетъ король или папа. Впрочемъ, нѣтъ,—прибавила она, презрительно тряхнувъ головой:—ихъ появленіе не произвело бы этого оживленія.

Она была права. Жители Констанца уже не проявляли любопытства ни къ папѣ, ни къ королю, хотя послѣднему предстояло

вскорѣ короноваться императорскою короною. Они находили, что папа и король—такіе же люди, какъ всѣ другіе, и не въ состояніи измѣнить міра.

Прошли тѣ времена, когда Сигизмундъ, созвавъ великій соборъ и осуществивъ мечту своего вѣка, былъ привѣтствуемъ, какъ настоящій спаситель міра, который прекратилъ расколъ церкви и низложилъ соперничавшихъ папъ. Но дѣйствительность оказалась далекой отъ ихъ мечты. Соборъ былъ созванъ, расколъ прекратился, но міръ остался такимъ же. Со всѣхъ концовъ Европы собрались святые отцы, но жители Констанца видѣли, что это не святые, а самые заурядные люди, жадные до женщинъ, вина и денегъ.

Народъ сталъ относиться къ собору скептически.

Кое-что, впрочемъ, было сдѣлано. 6-го іюля 1415 года сожгли Яна Гусса изъ Чехіи, а велѣдъ за нимъ и его ученика Іеронима Пражскаго. Папа Іоаннъ XXIII былъ низложенъ еще раньше. Но ни одно изъ этихъ событій, какъ ни страшно, какъ ни удивительно оно было, ничего не измѣнило въ создавшемся положеніи вещей.

Добрымъ гражданамъ Констанца пришлось отложить свои чаянія до болѣе благопріятнаго времени. Что касается папы Мартина V, то сначала его избраніе люди привѣтствовали шумной радостью, «не могли говорить отъ радости», какъ выражается одинъ современный писатель. Правда, онъ былъ итальянецъ, но пусть такъ. Большинство папъ было изъ итальянцевъ. Онъ первый сталъ принимать мѣры, чтобы доходы св. престола не потерпѣли ущерба,—пусть такъ и это, объ этомъ же хлопотали и другіе папы. Но когда онъ показалъ, что онъ такъ же не желаетъ слушать о какихъ-либо реформахъ, какъ и его предшественники, то народный интересъ къ нему разомъ исчезъ.

— Очевидно, тамъ кто-то ѣдетъ,—повторила юнгфрау Фастрарда.—Выкрикиваютъ чье-то имя, но я не могу его разобрать отсюда. Подойдемъ поближе.

Она двинулась впередъ. Секретарь послѣдовалъ за нею.

— Понимаю теперь,—черезъ минуту промолвила дѣвушка.— Кричатъ: «лэди Изольда Монторгейль». Это красавица-англичанка. Говорятъ, что она самая красивая женщина во всемъ христіанскомъ мірѣ. Остановимся здѣсь. Миѣ хочется посмотрѣть, дѣйствительно ли она такъ красива, какъ о ней кричатъ. Говорятъ, что она пріѣхала сюда, чтобы посмотрѣть на папу и на короля прежде, чѣмъ они разъѣдутся. Она немного опоздала, но, быть можетъ, теперь для нея самое время,—добавила она съ высокомерной усмѣшкой.

Насколько лэди Монторгейль была прекрасна лицомъ, настолько же была легкомысленна ея репутація. Она не принадлежала къ

классу странствующихъ авантюристокъ, хотя современные писатели и свидѣтельствуютъ, что при большинствѣ европейскихъ дворовъ того времени куртизанками были англичанки. Многія изъ нихъ не могли удержаться отъ искушенія и предпринимали паломничество въ Римъ, гдѣ ихъ необычная красота находила большихъ цѣнителей въ лицѣ папъ. Лэди Изольда не принадлежала къ ихъ числу. Она была знатнаго рода и одной ея красоты было достаточно, чтобы вознести ее надъ бѣдностью и дать ей въ супруги, кого она захочетъ. Не имѣя опредѣленнаго мѣста жительства, она странствовала изъ города въ городъ, отъ одного двора къ другому. Предполагали, что она—любовница герцога Орлеанскаго. Говорили, что она продаетъ свои ласки всякому, кто дастъ больше, и она не удостаивала опровергать всѣ эти слухи. Много разсказовъ ходило о ней. Сколько въ нихъ было правды, знала только она.

Какъ бы то ни было, это была знаменитость, на которую стоило взглянуть даже въ Констанцѣ, который за послѣдніе годы перевидалъ ихъ великое множество. Народъ, которому наскучило смотрѣть на соборъ, папу и короля, жадно бросился смотрѣть на женщину легкомысленной репутаціи, которая, по крайней мѣрѣ, не страдала лицемѣріемъ.

— Смотрите, вотъ она,—сказала Фастрада.

На улицѣ показались два вооруженныхъ всадника. За ними виднѣлась женская фигура, ѣхавшая на высокой бѣлой лошади. Лица ея было еще невозможно разобрать. За нею ѣхало нѣсколько слугъ съ вьючными лошадьми, а въ аррьергардѣ шло съ дюжину вооруженныхъ людей.

— Она путешествуетъ съ большой пышностью,—продолжала Фастрада.—У графини фонъ-Эрленбургъ не было такой свиты. Народу у нея, пожалуй, было больше, но не было такихъ одѣяній и такихъ лошадей.

Стоявшій рядомъ съ нею секретарь слушалъ ее молча. Въ ея словахъ было что-то такое, что дѣйствовало на него неприятно, хотя онъ едва ли сознавалъ это. Онъ не отвѣчалъ ни слова, но дѣвушка была слишкомъ поглощена всѣмъ происходившимъ и не обращала на это обстоятельство вниманія.

Кавалькада приближалась. Всадники, ѣхавшіе впереди, посмотрѣли на секретаря и его спутницу, которые, стоя на каменной скамейкѣ, нѣсколько возвышались надъ другими, но, не обративъ на нихъ особаго вниманія, проѣхали мимо. Видно было, что эти солдаты были хорошо обучены. Потомъ ѣхала сама лэди Изольда. Гибкая и ловкая, она свободно и красиво правила своимъ конемъ. Одѣта она была въ темносѣрую амазонку, опушенную темнымъ мѣхомъ. На головѣ у нея красовалась такого же цвѣта шапочка—нѣчто среднее между шапкой и капюшономъ, какъ обыкновенно носили въ Венеціи. Шапочка едва прикрывала густую массу рыже-

ватыхъ волосъ. Лицо ея было прекрасно—молва въ этомъ отношеніи нисколько не преувеличивала. Отъ блага, какъ мраморъ, лба до маленькаго рта и красиво очерченнаго подбородка—все въ немъ было совершенствомъ. Лицо это озарялось удивительными сѣрыми глазами. Но всего удивительнѣе было отпечатокъ необыкновенной чистоты, лежавшей на этихъ прекрасныхъ чертахъ, какъ будто ея душа понятія не имѣла о тѣхъ дѣяніяхъ, которыя ей приписывала молва.

Солнце вторично пробилось сквозь облака, и на одну минуту его теплые лучи ярко заиграли на лицѣ чужестранки, на собравшейся толпѣ и на Фастрадѣ. Фастрада была красива, но до красоты этой женщины ей было такъ же далеко, какъ звѣздамъ до солнца.

Лэди Изольда ѣхала совершенно спокойно, какъ будто не замѣчая того вниманія, которое она вызывала. Когда она случайно оглянулась назадъ, человѣкъ въ черномъ съ зажженнымъ фонаремъ выдѣлился изъ толпы. Ея глаза съ выраженіемъ какого-то дѣтскаго удивленія скользнули по немъ.

Трудно было сказать, сколько ей лѣтъ. Въ этотъ моментъ она казалась дѣвушкой, которой нѣтъ еще и двадцати лѣтъ. Но твердая посадка головы и умѣлое управленіе лошадыю говорили противъ такого предположенія.

Одну минуту она смотрѣла на секретаря и стоявшую возлѣ него дѣвушку. Потомъ ея взглядъ высокомерно и пренебрежительно скользнулъ по толпѣ. Какъ бы считая толпу недостойной ея взглядовъ, она опустила глаза и тихо продолжала ѣхать впередъ.

— Боже мой, какъ она хороша!—воскликнулъ какой-то молодой человѣкъ, стоявшій впереди секретаря.

— Нравится она тебѣ?—заговорила старуха, стоявшая около него.—Но она не для такихъ, какъ ты, а для тѣхъ, кто получше,—прибавила она съ усмѣшкой.

— Она, должно быть, прибыла изъ Венеціи или изъ Флоренціи,—промолвила Фастрада.—Ея платье итальянскаго покроя и сдѣлано изъ лучшаго фландрскаго сукна—этотъ зеленовато-синій цвѣтъ выдѣлывать довольно трудно. Ярдъ, должно быть, стоитъ не меньше двухъ флориновъ. А такой мѣхъ цѣнится на вѣсь золота. Просто грѣшно быть въ дорогѣ въ такомъ костюмѣ. Но ей, разумѣется, это можно.

Секретарь продолжалъ молчать.

— Что же вы не отвѣчаете?—спросила его дѣвушка.—Позвольте васъ спросить, о чемъ вы думаете?

— Какая жалость, что такая красивая женщина и погибла и, наоборотъ, что эта погибшая женщина такъ красива,—вотъ о чемъ я думаю.

— Для своего ремесла она должна быть красивой.

Опять ея слова и тонъ голоса произвели на него какое-то странное, раздражающее дѣйствіе. Онъ самъ ненавидѣлъ женщинъ этого сорта, которыя продавали самую высокую вещь на землѣ—любовь, и старался не осквернять себя даже прикосновеніемъ къ нимъ. Но слова Фастреды казались неумѣстными по отношенію къ этому прекрасному лицу.

Секретарь опять пропустилъ ея замѣчаніе молча.

— Да вы, кажется, совсѣмъ лишились способности рѣчи, господинъ секретаріусъ. Эта дама даже однимъ своимъ появленіемъ, кажется, околдовала васъ!—промолвила Фастрада, смѣясь тихимъ, видимо дѣланнымъ смѣхомъ.

— Ваше присутствіе избавляетъ меня отъ всякихъ чаръ. А теперь идемъ. Какъ вы мало меня знаете!

— Но вы держали себя такъ странно,—торопливо сказала Фастрада.

— Мнѣ было грустно, что одно изъ прекраснѣйшихъ твореній Божьихъ зашло такъ далеко отъ той стези, которая ему была опредѣлена. Не чувствовали ли и вы нѣчто подобное?

— Не знаю. Можетъ быть. Но это ея дѣло. Мы всѣ что поѣдемъ, то и поженемъ.

— Перестанемъ говорить о лэди Изольдѣ. Что она для насъ? Лучше будемъ говорить о себѣ. Встрѣчу ли я васъ завтра опять на этомъ мѣстѣ? Мнѣ, кажется, нельзя будетъ сегодня зайти къ вамъ, какъ я хотѣлъ.

— Почему же?

— Прежде всего потому, что мнѣ придется поднести лэди Изольдѣ чашу въ знакъ привѣтствія города.

— Ей?

— Это знатная дама, путешествующая съ большою пышностью. Ее принимаютъ съ почестями при всѣхъ дворахъ. Если бъ городъ привѣтствовалъ только лицъ незапятнанной репутаціи, то прежде всего пришлось бы въ этомъ отказать королевѣ Варварѣ. Въ сравненіи съ ней репутація лэди Изольды почти безупречна.

— Стало быть, вы скоро опять увидите съ нею!—воскликнула дѣвушка съ оттѣнкомъ досады въ голосѣ.

— Этого требуютъ мои служебныя обязанности.

— Я знаю. Но берегитесь ея чаръ. Не знаю, достаточно ли оградятъ васъ въ этомъ случаѣ ваши служебныя обязанности.

— Въ этомъ случаѣ мнѣ будетъ помогать воспоминаніе о васъ и моя честь,—серьезно сказалъ онъ.—И что такое я для лэди Монторгейль?—почти съ горечью закончилъ онъ.

— Вы больше, чѣмъ она,—живо воскликнула дѣвушка.—Вы... Но здѣсь я не рѣшаюсь сказать, кто вы. А она только то, что она есть.

— Однако короли вымаливали у нея улыбку и нерѣдко тщетно, какъ я слышала. Итакъ, не бойтесь. Если ея чары дѣйствительно такъ могучи, какъ это вы предполагаете, то она не удостоитъ обработить ихъ противъ меня.

— Ну, тамъ увидимъ,—ревниво промолвила Фастрада.—Но вы сказали: прежде всего изъ-за нея, ну, а во-вторыхъ?

— А, во-вторыхъ, я боюсь, что я сегодня оскорбилъ вашего отца и другихъ членовъ совѣта и не пойду къ нему въ домъ, пока не раскаюсь и не понесу наказанія,—сказалъ онъ, смѣясь.

— Что такое случилось?

— Я читалъ имъ въ тавернѣ «Чернаго Орла» палскіе пункты реформы—у вашего отца есть копія этого,—реформы, которая цѣликомъ сводится къ измѣненію покроя поповскихъ рукавовъ. Я сказалъ, что это оскорбленіе для всего христіанства, но они всѣ стали кричать на меня. Вашъ отецъ напомнилъ о кардиналѣ Бранкаччо и объ инквизиціи, и въ одну минуту они всѣ стали такими набожными, что лучше и желать нельзя. Тутъ я и не выдержалъ и заявилъ, что пойду искать человѣка.

— Не потому ли вы взяли съ собой и фонарь?

— Да.

Дѣвушка засмѣялась.

— Это, конечно, произвело впечатлѣніе. Но вѣдь не требуете же вы, чтобы они одни пошли противъ короля, папы и собора? Одинъ городъ—противъ всѣхъ, это невозможно!—прибавила она, становясь серьезной.

Теплый огонекъ мелькнулъ въ глазахъ секретаря.

— Когда я пришелъ сюда,—это было не такъ давно,—никто не зналъ меня, я былъ безъ средствъ и безъ друзей. Помните вы тотъ праздникъ, на которомъ ни одна женщина, ни одна дѣвушка не захотѣли танцевать со мной, съ чужестранцемъ, одѣтымъ въ бѣдныя одежды. Я приглашалъ многихъ—я былъ упрямъ и хотѣлъ убѣдиться, что ни одна изъ нихъ не желаетъ имѣть меня своимъ кавалеромъ. Потомъ вы сами подошли ко мнѣ и предложили танцевать съ вами—вы, дочь бургомистра, пригласить которую я не нашелъ къ себѣ смѣлости. Тогда вы не думали о томъ, что вы одна идете противъ всѣхъ.

Дѣвушка перемѣнилась въ лицѣ.

— То было другое дѣло. Дѣло касалось только меня одной. Но тутъ цѣлый городъ... семьи, дѣти.

— Ихъ дѣти не будутъ имъ благодарны, — промолвилъ онъ съ горечью. Позоръ и рабство—не богатое наслѣдство.

— Ихъ дѣти вырастутъ такими же, какъ они, и будутъ предпочитать идеалу теплый домъ и хорошій столъ, — возразила она съ отгнкомъ легкаго нетерпѣнія въ голосѣ.—Не знаю, слѣдуетъ ли ихъ за это порицать. Мы должны жить въ этомъ мірѣ и должны брать его

такимъ, каковъ онъ есть. Приходится дѣлать уступки. Я знаю, что вы на это скажете,—сказала она послѣшно, видя, какъ тѣнь прошла по лицу секретаря.—Это, конечно, не очень возвышенный взглядъ на жизнь. Но возвышенный или нѣтъ, а измѣнить положеніе вещей мы не можемъ. Вы напрасно идете на рискъ. А что касается гнѣва моего отца, то это пустяки, — прибавила она съ легкимъ отгѣнкомъ презрѣнія.—Это пройдетъ у него. Но то, что онъ говорилъ о болѣе суровыхъ мѣрахъ, вѣрно. Я слышала его разговоръ съ кардиналомъ. Я была въ сосѣдней комнатѣ, а они этого не знали.

— Не рѣшатся. По крайней мѣрѣ, теперь. А если...

— Знаю,—прервала она его.—Знаю, что вы скорѣе дадите сжечь себя, чѣмъ отречетесь отъ своихъ убѣжденій. Но вспомните, что вы кое-чѣмъ обязаны мнѣ.

— Да, я люблю васъ, люблю навсегда. Но я обязанъ и передъ своею честью.

— Но вѣдь никто пока о вашей чести и не говорить. Въ данный моментъ вы ничего не можете сдѣлать, абсолютно ничего. Вы можете только ухудшить положеніе дѣла. Повѣрьте, женщины лучше понимаютъ, что можно сдѣлать, чего нельзя. Поэтому общайтесь со мною, что вы не сдѣлаете чего-нибудь неблагоразумнаго. Если вы будете вести себя, какъ слѣдуетъ, я умилю отца и встрѣчу васъ здѣсь завтра. Когда вы придете къ намъ, то получите стаканъ хорошаго рейнвейна съ мускатнымъ орѣшкомъ, какой вамъ тогда понравился. Если только вы будете вести себя, какъ слѣдуетъ,—прибавила она съ вызывающей улыбкой, которая такъ шла къ ея личику.

— Хорошо, радость моя.

— Общайтесь.

— Общаю все, только не отреченіе отъ моихъ убѣжденій.

Она поняла, что не добьется отъ него большаго.

— Я очень рада, что вы взялись за умъ. Знаете, я опять осматривала домъ, который строится въ Петерсгаузенѣ. Это какъ разъ то, что мнѣ нужно,—впереди садъ, а изъ верхнихъ оконъ видъ на городъ. Вы должны радоваться, что скоро будетъ наше обрученіе и что мы поженимся во-время. Вы вѣдь знаете, что по завѣщанію моей матери я до замужества не могу располагать своими деньгами.

— Радуюсь, что вы нашли какъ разъ то, что вамъ нужно, дорогая моя. Но когда я смотрю на васъ, этотъ домъ представляется мнѣ пустяками.

— Домъ—вещь существенная, господинъ секретаріусъ, ибо безъ него—холодно.

— Любовь должна согрѣвать даже въ открытомъ полѣ.

— Можетъ быть, и такъ, но я предпочитаю жить въ домѣ. Къ этому я больше привыкла.

Улыбнувшись и кивнув ему головой, она разсталась с нимъ.

Онъ смотрѣлъ ей вслѣдъ, наблюдая, какъ она старалась выбирать сухія мѣстечки по улицѣ и придерживала платье, чтобы не замочить его.

— Руда переплавляется въ горнилѣ,—бормоталъ онъ:—чтобы золото могло выйти оттуда чистымъ, могучимъ потокомъ. Такъ будетъ и съ тобой, Фастрада, когда придетъ часъ твой. Ты ужаснешься силѣ страсти своей и пожалѣешь, что она все еще мала.

Его глаза слѣдили за ея удаляющейся фигурой, пока она не затерялась въ толнѣ. Онъ постоялъ еще немного, потомъ медленно повернулся и пошелъ въ противоположномъ направленіи. Вдругъ онъ вспомнилъ о своемъ фонарѣ, потушилъ его и спряталъ подъ плащъ. Теперь онъ былъ уже не нуженъ ему.

Солнце опять скрылось за облака. Небо опять сдѣлалось сѣрымъ, скучнымъ. Но въ воздухѣ стало мягче. Вѣтеръ перемѣнился. По крышамъ домовъ пронеслось теплое дыханіе южнаго вѣтерка. На свинцовомъ небѣ снова появилось солнце—блѣдный, безцвѣтный дискъ безъ свѣта и тепла. Дома высились угрюмые и темные, безъ малѣйшаго отблеска на стеклахъ плотно закрытыхъ оконъ. Тѣмъ не менѣе снѣгъ сталъ быстро таять. Мало-по-малу на всей улицѣ онъ превратился въ массу бурой грязи. Съ крышъ капало все чаще и чаще. Время отъ времени съ нихъ срывался комъ подтаявшаго снѣга, поражая неосторожныхъ прохожихъ. Мужчины при этомъ ругались, дѣвушки взвизгивали и дѣлали гримасы, портившія ихъ лица, старухи бранились хрипыми голосами до тѣхъ поръ, пока на нихъ не падала другая глыба.

Рядомъ съ секретаремъ, съ лѣвой руки, шла какая-то хорошо одѣтая, красивая, черноглазая дѣвушка, время отъ времени бросающая на него быстрый кокетливый взглядъ. Вдругъ снѣгъ упалъ ей на плечи. Веселое выраженіе ея лица исчезло мгновенно, уступивъ мѣсто самому злomu и обнаруживъ въ одну минуту ея настоящій характеръ.

Секретарь улыбнулся своей обычной саркастической улыбкой. Если люди такъ раздражаются при малѣйшей невзгодѣ судьбы, то что же будетъ, если она подвергнетъ ихъ болѣе суровымъ огорченіямъ?

Мальчишки были рады снѣгу. Они старались захватить его какъ можно больше и бросали другъ въ друга снѣжками, пока дѣло не дошло до драки... Скоро половина ихъ уже валялась, замазанная и перепачканная, на землѣ. Подъ конецъ самые маленькіе изъ нихъ, мокрые, какъ мыши, съ плачемъ и съ разбитыми лицами бросились домой. Единственнымъ существомъ, которое относилось спокойно ко всему этому, былъ старый нищій, медленно ковылявшій подъ тяжестью своихъ лѣтъ и нищеты. Вдругъ тяжелая масса снѣга упала ему прямо на голову, заставивъ его опуститься на колѣни.

Онъ поднялся съ трудомъ, но молча и покорно, и отряхнулъ съ себя снѣгъ, какъ будто эта добавочная невзгода не составляла для него особаго расчета. Дойдутъ ли люди когда-нибудь до такого спокойствія, чтобы съ достоинствомъ нести свою жизнь?

Секретарю представился прекрасный случай подумать на эту тему съ тѣхъ поръ, какъ улицы города Констанца переполнились толпой чужеземцевъ, въ которой толкали другъ друга кардиналь и простой монахъ, бюргеръ и баронъ, солдатъ и придворный. Въ эти дни въ Констанцѣ царило оживленіе. Несмотря на суровое время года, не было недостатка во всякаго рода развлеченіяхъ. Чтобы развлекать принцевъ и прелатовъ и людей меньшаго чина въ часы досуга, въ городъ наѣхало болѣе четырехсотъ, а по нѣкоторымъ лѣтописямъ—болѣе семисотъ женщинъ легкаго поведенія. Развлеченія были на всякій вкусъ и на всякій кошелекъ. На одномъ и томъ же перекресткѣ въ одно и то же время можно было смотрѣть на фокусы жонглера и слушать проповѣдь. Святые отцы нерѣдко не обращали вниманія на суровую погоду—ради славы Божіей, а большею частью ради обогащенія своего кошелька. Такъ какъ конкуренція была сильна, то жонглеры и монахи старались изо всѣхъ силъ, и съ этихъ импровизированныхъ каеэдръ нерѣдко раздавались такія слова, за которыя до собора и послѣ него слушатели и самъ проповѣдникъ рисковали попасть на костеръ.

Сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ проповѣдниковъ. Звонкими голосами они, казалось, возвѣщали наступленіе новаго вѣка, и толпа всегда тѣснилась около нихъ. Но мало-по-малу слушатели стали понимать, что все это только слова и что они не въ силахъ измѣнить положеніе вещей. Всѣ наслушались о реформѣ до тошноты, до болѣзни, подобно тѣмъ людямъ, которые, не получая пищи цѣлую недѣлю, питались бы однимъ пирожнымъ. Поэтому въ концѣ концовъ жонглеры взяли верхъ.

Самыя проповѣди измѣнились. Идеи были уже не въ модѣ и, чтобы выдержать конкуренцію съ жонглерами, приходилось прибѣгать къ болѣе грубымъ приманкамъ. Болѣе совѣстливые ораторы, умѣвшіе удерживать около себя толпу умѣстными шутками, были вытѣснены болѣе честолюбивыми, которые со смѣхомъ стали въ первый рядъ борьбы.

— Дорогіе братья и сестры о Господѣ, радуйтесь!—кричалъ какой-то толстый монахъ съ высоты бочки, на которую онъ забрался, чтобы стать повыше, да кстати не промочить и ногъ въ грязи. Радуйтесь!—кричалъ онъ человѣкамъ двадцати, собравшимся около него, благодаря его громкому голосу.—По безконечному милосердію Божію, у насъ теперь есть папа, настоящій папа. Одинъ, а не полдюжины, которые сами не знали, кто же изъ нихъ папа, и люди рисковали попасть въ адъ за то, что поклонялись лож-

ному папѣ. Если бы кто-либо сдѣлалъ это не съ дурными намѣреніями, а по незнанію, то все равно онъ попалъ бы въ адъ, прямо въ адъ. И я уже слышу, какъ трещить тамъ огонь и воютъ грѣшныя души.

Монахъ выразительно затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Но теперь все это измѣнилось,—продолжалъ онъ.—Теперь есть папа, настоящій папа! Можете ли вы понять, что это значить. Крылышко цыпленка, паровая рейнская форель, самъ медъ не такъ сладокъ для меня, какъ это слово «папа».

Онъ облизалъ себѣ губы и повернулъ глаза, какъ будто увидѣлъ нѣчто, несравненно болѣе вкусное.

— Настоящій папа! Теперь человѣкъ можетъ совершить величайшія злодѣянія и не впасть въ отчаяніе. Ибо папа избавить его отъ грѣховъ. И за недорогую плату, ибо онъ человѣкъ милосердный и знаетъ потребности дѣтей своихъ: кражи—столько-то, убійство—столько-то. И все очень дешево. Только оскорбленіе священнослужителей—подороже, ибо ужь очень гадко это преступленіе. Если такая вещь лежитъ у кого-либо изъ васъ на совѣсти, то не беспокойтесь. Если вы не знаете, какъ устроить это дѣло, то я помогу вамъ за небольшое вознагражденіе.

Съ минуту онъ помолчалъ, выжидая, чтобы его слова произвели надлежащее дѣйствіе. Потомъ онъ началъ опять:

— Всякій можетъ получить отъ папы прощеніе, ибо папа сообщаетъ всякое такое желаніе святымъ, святые—Дѣвѣ Маріи, а Дѣва Марія—Господу. Разъ, два, три—и готово. Скорѣе, чѣмъ проглотить горячую сосиску у мастера Броммеля.

Толпа захохотала.

— А главное дешево, очень дешево. Вотъ у меня есть нѣсколько четокъ, которыя благословилъ его святѣйшество папа. Настоящій папа, конечно. Мнѣ удалось первому получить свѣжій запасъ.

Онъ вытаскилъ четки и вертѣлъ ими передъ глазами слушателей.

— Я недостойнъ и прикасаться къ нимъ. Ибо надъ каждымъ его святѣйшество прочелъ особую молитву, такъ что каждый, кто надлежащимъ образомъ будетъ употреблять ихъ, получитъ исполненіе своихъ желаній. Подумайте, благословлены самимъ папой! Это не то, что продаетъ безсовѣстный обманщикъ, братъ Оддо, у котораго имѣется запасъ еще отъ Іоанна XXIII, т.-е. Балтазара Коссы, и другихъ ложныхъ папъ. Всѣ они вели людей на гибель. Я зналъ одного человѣка, который купилъ такія четки—Петръ Раннель,—помните?. И въ тотъ же вечеръ его убили въ дракѣ. И теперь онъ горитъ на адскомъ огнѣ. А тутъ благодать на каждомъ шарикѣ четокъ, и вы можете даже разорвать веревку, на которой они нанизаны, и сила ихъ отъ этого нисколько не уменьшится. Можно даже потерять нѣсколько штукъ, но не больше половины, иначе остальные потеряютъ свою силу.

Тутъ монахъ снова сдѣлалъ паузу. Видя, что спроса на четки попрежнему нѣтъ, онъ началъ опять:

— А вотъ еще нѣчто, что будетъ поважнѣе.

Онъ вытащилъ другой свертокъ.

— Вотъ наплечники, кармелитскіе наплечники, на которые указала Святая Дѣва Марія святому отцу Іоанну Стоку, генералу кармелитскаго ордена. Случилось это въ Англии, въ городѣ Кембриджѣ въ 1251 году. Св. Дѣва обѣщала, что тѣ, кто будетъ носить эти наплечники, будутъ избавлены отъ вѣчнаго огня. Все это было подтверждено папою Іоанномъ XXII—настоящимъ папою въ 1322 году. Эти наплечники изъ шерсти, изъ настоящей шерсти, не то, что у этого брата Герберга. Тѣ совѣмъ никуда не годятся.

Монахъ въ третій разъ остановился.

— Никто не желаетъ пріобрѣсти наплечники? Вы всѣ такъ увѣрены въ себѣ? Эй, мастеръ Броммель, я увѣренъ, что тебѣ хотѣлось бы, чтобы у тебя снова выросли волосы? Виски у тебя порядочно уже пооблѣзли. А смотришь ты такъ, какъ будто выглядываешь себѣ хорошенькую невѣсту. Боюсь, что придется тебѣ продать эту вещь подороже. Ты уже не первой молодости, и о тебѣ нужно молиться хорошенько. Но я знаю, ты скупиться не будешь.

Слушатели опять захохотали. Мастеръ Броммель былъ извѣстный всѣмъ скряга.

— Наплечники могутъ сослужить тебѣ хорошую службу и въ случаѣ внезапной смерти. У тебя лицо ужъ очень красно, а относительно такихъ людей нельзя быть увѣреннымъ, что они упадутъ прямо въ рай.

— Покупай самъ грязное тряпье, отецъ Іоаннъ, ибо тебѣ оно можетъ понадобится самому,—возразилъ Броммель, къ великой потѣхѣ толпы.—Вонъ отъ твоей гнусной жизни идетъ по всему городу. Повѣситъ бы тебя слѣдовало!

— Господи, онъ богохульствуетъ!—завопилъ монахъ.—Эту манну небесную онъ именуетъ грязнымъ тряпьемъ! Онъ надругался надъ святыми четками. Господи, прости его!

И онъ какъ бы въ отчаяніи закрылъ лицо руками.

— Не надъ четками, а надъ тобой!—заоралъ Броммель.

— Еще хуже! Развѣ ты не знаешь, что случилось за непочтительность съ сыновьями Ноя? Стадо должно уважать своего пастыря, не взирая на его недостатки. Оскорбить св. церковь и четки! Воистину народъ этотъ созрѣлъ для страшнаго суда!

— Четки сами по себѣ хороши, но твои руки оскверняютъ ихъ.

— А!—закричалъ монахъ во всю глотку.—Виклефская ересь! Ученикъ Гусса!

— Неправда,—страстно закричалъ его противникъ.— Кто это сказалъ тебѣ?

— Ты самъ, несчастный! О, Господи, помилуй! Еретикъ въ нашей средѣ! Еретикъ въ городѣ, котораго Господь удостоилъ избрать настоящаго папу! Что дѣлать съ нимъ?—спросилъ монахъ, обращаясь къ своимъ слушателямъ.

Всѣ молчали. Мастеръ Броммель сдѣлался красенъ, какъ ракъ, увидя, что всѣ сторонятся его. Онъ искалъ словъ, но слова не шли ему на языкъ, и онъ бормоталъ съ гнѣвою у рта.

— Смотрите, какъ терзаетъ его дьяволъ!—закричалъ монахъ.— Но у меня есть нѣчто, что будетъ посылнѣе и тысячи дьяволовъ.

Онъ вытащилъ изъ-за пазухи крестъ и высоко поднялъ его.

— Слушай меня, нечистый духъ, мучающій этого человѣка. Заклинаю тебя! Оставь его!

Задыхавшійся объ ярости мастеръ Броммель пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ.

— Дьяволъ спрашиваетъ, куда ему дѣваться,—разъяснилъ монахъ толпѣ.—Повелѣваю тебѣ покинуть твое теперешнее обиталище и вселиться въ свинью.

Наступила короткая пауза.

— Дьяволъ говоритъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, ибо онъ уже и такъ въ свиньѣ!

Толпа разразилась хохотомъ. Въ самомъ дѣлѣ Броммель съ его маленькими глазами и выступающимъ впередъ подбородкомъ былъ очень похожъ на это животное.

Въ ярости онъ топнулъ ногой объ землю.

— Пропади пропадомъ всѣ твои товары, лживый монахъ.

— Бѣдный человѣкъ!—промолвилъ тотъ тономъ сожалѣнія.— Я наложу на тебя наплечникъ. Прикосновеніе святой ткани исцѣлитъ тебя.

И, спрыгнувъ съ своей импровизованной каеэдры, онъ хотѣлъ обмотать шею Броммеля, но тотъ сопротивлялся отчаянно.

— Боже, какъ мучить его дьяволъ! Боюсь, что въ немъ сидитъ особенно могущественный дьяволъ, съ которымъ не справиться бѣдному монаху, въ родѣ меня. Это, вѣроятно, тотъ самый злой духъ, который сидѣлъ въ Арин и другихъ еретикахъ. Надо будетъ доложить объ этомъ случаѣ епископу.

Никому не хотѣлось имѣть дѣла съ епископскимъ судомъ. Онъ по меньшей мѣрѣ несъ за собой большіе убытки. Эта перспектива быстро привела въ себя Броммеля. Онъ позволилъ монаху наложить на себя наплечники и тихо шепнулъ ему:

— Держи языкъ за зубами, и будешь получать сосиски даромъ, какъ прежде.

Монахъ незамѣтно кивнулъ головой.

— Боже, какъ прикосновеніе святой ткани успокоило его! Чудо! Настоящее чудо! Злой духъ, не покорившійся кресту, уступилъ наплечникамъ, получившимъ папское благословеніе. Не-

сомнѣнно, Господу Богу угодно было проявить такимъ образомъ ихъ могущественную силу.

Монахъ съ триумфомъ посмотрѣлъ кругомъ.

— Вы всѣ были свидѣтелями. Если среди васъ есть такіе, у кого на душѣ лежитъ грѣхъ, или кто одержимъ какимъ-нибудь желаніемъ, то пусть выходитъ сюда смѣло и покупаетъ что-нибудь изъ моихъ вещей. Ему не придется жалѣть о своихъ деньгахъ. Наплечники предохраняютъ того, кто ихъ носитъ, отъ всякихъ золь, это я знаю по собственному опыту. Сказать вамъ по секрету—помогаютъ они хорошо и въ любовныхъ дѣлахъ.

— Сколько они стоятъ?—робко спросила какая-то молодая дѣвушка.

— Каждая вещь по зильбергрошу. Страшно дешево, хотя должны бы продаваться на вѣсь золота. Впрочемъ, что это я говорю! Прости меня, Господи! Развѣ можно за какія бы то ни было деньги на землѣ пріобрѣсти такое сокровище? Кто возьметъ четки и наплечники вмѣстѣ, тому десять процентовъ уступки!

— Я, пожалуй, куплю,—сказала дѣвушка.—На то и другое у меня нѣтъ денегъ. Но вѣдь и каждое порознь хорошо дѣйствуетъ, не правда ли?

— Конечно! Еще бы! Разумѣется, то и другое вмѣстѣ дѣйствуетъ сильнѣе такъ же, какъ двое сильнѣе одного. Но и каждая вещь въ отдѣльности тоже дѣйствуетъ сильно.

Дѣвушка стала рыться въ карманѣ. Монахъ воспользовался паузой, обернулся къ Броммелю и сказалъ:

— Можетъ быть, теперь и ты заплатишь свой зильбергрошъ, мастеръ Броммель, чтобы не нарушать счета.

— Но вѣдь я никогда не говорилъ, что собираюсь покупать у тебя,—возразилъ опѣшившій Броммель, дѣлая жестъ, чтобы сорвать съ себя наплечникъ.

Монахъ остановилъ его съ выраженіемъ ужаса.

— Остановись, безумецъ! Ты хочешь отдать назадъ наплечники, которые такъ чудодѣйственно излечили тебя? Еще разъ отдать себя во власть дьявола? Развѣ ты не понимаешь этого?

— Но у меня нѣтъ достаточно денегъ съ собой,—попробовалъ оправдаться мастеръ Броммель.—Вотъ смотри!

И онъ вынулъ изъ кармана какую-то мелочь.

— Ничего,—сказалъ монахъ.—Давай сюда деньги.

Броммель подаль ему деньги, радуясь, что отдѣлался такъ дешево.

— Остальное я дополучу съ тебя виномъ, когда буду заходить иногда къ тебѣ за сосисками, мастеръ Броммель.—Мученія плоти тоже вѣдь нужно утолять.

У Броммеля вытянулось лицо. Всѣ кругомъ захохотали.

Между тѣмъ дѣвушка отсчитала, сколько было нужно, и, подавъ деньги монаху, протянула руку за наплечникомъ. Монахъ оттянулъ.

— Нѣтъ, нужно, чтобы его надѣла священная рука. Нужно еще благословить его на томъ, кто будетъ носить. Тогда онъ будетъ дѣйствовать вдвое сильнѣе

Дѣвушка вспыхнула.

— Хорошо. Надѣвайте тогда,—сказала она послѣ минутнаго колебанія.

— Нужно обнажить шею. Наплечникъ слѣдуетъ надѣвать на голое тѣло.

Дѣвушка сначала было заколебалась, но потомъ сдѣлала, какъ ей было сказано.

— Это еще не все. Нужно, чтобы наплечнику было просторно.

И монахъ сталъ было запускать поглубже свои пальцы.

— Что вы дѣлаете?—вспыхнувъ, закричала дѣвушка, пытаясь вырваться.—Довольно. Не смѣйте!..

— Еще, еще немножко. Прекрасная грудь—настоящее мѣсто для ношенія такого наплечника.

Монахъ наклонился къ дѣдушкѣ, но вдругъ полетѣлъ назадъ отъ сильнаго удара. Ударъ былъ такъ неожиданъ и силенъ, что онъ едва устоялъ на ногахъ и выронилъ изъ рукъ наплечникъ.

— Кто осмѣлился?—закричалъ онъ, съ трудомъ возстановляя потерянное равновѣсiе и едва сдерживая ругательство.—Господь...

— Молчи, монахъ,—строго сказалъ секретарь.—Ты оскверняешь имя Господа своими устами. Иди, постись и очисти душу свою отъ нечистыхъ желаній, противъ которыхъ ты будешь потомъ проповѣдывать.

— Какъ, еще еретики! О, Господи, сжался надъ этимъ грѣховнымъ городомъ, который недостойнъ твоего благословенія. Здѣсь пренебрегаютъ твоими дарами и оскорбляютъ твоихъ служителей! О, горе, горе!

Онъ взялъ грязи съ улицы и опустилъ ее себѣ на голову. Было довольно холодно, и она не запачкала его одѣянiя, новаго и крѣпкаго.

— А теперь я пойду увѣдомить епископа.

— Ступай, монахъ, ступай. Не думай, что ты запугаешь меня, ибо я принадлежу къ совѣту. Если я захочу, то отъ вашей мерзкой торговли завтра же не будетъ и слѣда.

— Боже! Онъ называетъ четки мерзкими!

— Въ твоихъ рукахъ,—да! Не кричи на меня, монахъ. Не думай, что ты въ безопасности потому, что ты хвалилъ папу. Ты преступилъ и тѣ широкія права, которыя даются тѣмъ, кто продаетъ товары церкви. Полагаю, что у кардинала Камбрійскаго достанетъ силы отобрать ихъ отъ тебя.

Это имя, казалось, произвело свое дѣйствіе на монаха, ибо Пьеръ д'Айльи, архіепископъ Камбрэ, принадлежалъ къ числу самыхъ вліятельныхъ членовъ собора. Несмотря на свое низкое происхожденіе, онъ сумѣлъ, благодаря своимъ талантамъ, вѣжливымъ манерамъ и большому уму, достигнуть высшихъ ступеней. Если бы на послѣднемъ конклавѣ не вспыхнула между кардиналами національная вражда, онъ, по всему вѣроятію, былъ бы избранъ папою. Онъ былъ общепризнаннымъ свѣтильникомъ церкви и открыто стремился къ ея реформѣ. У него не было той пламенной ревности, которою отличался его сподвижникъ, знаменитый канцлеръ парижскаго университета Герсонъ. Онъ слишкомъ долго жилъ между королями и потому сталъ слишкомъ придворнымъ человѣкомъ. Онъ былъ не изъ того тѣста, изъ котораго дѣлаются мученики, но онъ имѣлъ здравыя понятія и довольно часто возвышалъ свой гласъ вопіющаго въ пустынь. Люди убили реформы и собирались уже хоронить, и кардиналъ Камбрійскій рѣшилъ примириться съ фактомъ. Но его имя еще много значило въ Констанцѣ.

Монахъ измѣнился въ лицѣ.

— Я уступаю силѣ,—сказалъ онъ.—Я ухожу, предоставляя тебя мшенію Божію.

И, сдѣлавъ широкій жестъ, который можно было толковать какъ угодно, смотря по фантазіи, онъ пошелъ прочь: минута была неблагоприятна для его торговли.

Дѣвушка подняла наплечникъ съ земли.

— Онъ теперь остался безъ благословенія,—съ сожалѣніемъ сказала она.

Секретарь посмотрѣлъ на нее.

— Его благословлялъ дьяволь,—рѣзко промолвилъ онъ.—Онъ годится только на дьявольское дѣло.

Дѣвушка взглянула на него съ испугомъ, думая, что она ослышалась.

— Однако я отдала за него зильбергрошъ,—сказала она тономъ упрека.

Секретарь опять посмотрѣлъ на нее. Потомъ онъ вынулъ изъ кармана руку и протянулъ дѣвущкѣ два зильбергроша.

— Вотъ!—напряженно сказалъ онъ.—Бѣги съ этими деньгами за отцомъ Іоанномъ или другимъ какимъ-нибудь изъ той же породы и вели благословить наплечникъ и все прочее. Много это принесетъ тебѣ пользы!

Не сказавъ болѣе ни слова, онъ круто повернулся и пошелъ, не глядя по сторонамъ. Онъ не замѣтилъ, какъ въ окнѣ лучшей гостиницы въ городѣ на противоположной сторонѣ показалось прекрасное лицо и глубокіе сѣрые глаза смотрѣли на него сверху, слѣдя за нимъ, пока онъ не скрылся за поворотомъ улицы.

Онъ шелъ быстро и нетерпѣливо, опустивъ голову, какъ будто не желая никого ни видѣть, ни слышать. Но въ эти дни трудно было не наткнуться въ добромъ городѣ Констанцѣ на какое-нибудь любопытное зрѣлище.

На ближайшей площади, на грубо сколоченныхъ подмосткахъ давалось представленіе. Въ воздухѣ было уже тепло. Зрители запаслись толстыми сапогами, а актерамъ нужно было ѣсть и пить, какъ въ хорошую, такъ и въ плохую погоду одинаково. Играли обычныя въ то время «миракли». Эти миракли возникли въ средніе вѣка изъ такъ называемыхъ «страстей Господнихъ», грубыхъ, но проникнутыхъ благоговѣйнымъ чувствомъ пьесъ, воспроизводившихъ евангельскія событія. Сначала миракли всячески поощрялись церковью. Даже въ тотъ періодъ, когда онѣ выродились, онѣ никогда не подвергались серьезному запрещенію. Полуцерковныя, полусвѣтскія, очень часто профанирующія все святое, онѣ еще продолжали изображать страсти Христовы, внося въ нихъ множество постороннихъ вещей. Играли ихъ и при дворахъ и на улицахъ, и смотрѣть ихъ стекалась публика самая разнообразная. Актерами выступали большею частью французы, ибо въ Германіи эти пьесы были еще новостью. Въ Констанцѣ было много такихъ, которые понимали французскій языкъ.

Секретарь не заинтересовался представлениемъ. Онъ бывалъ во Франціи и былъ знакомъ съ этими пьесами. Когда онъ проходилъ мимо сцены, его взглядъ упалъ на объявленіе о завтрашнемъ представленіи. На афишѣ было изображено, какъ одинъ аббатъ, надѣясь на свои силы, жилъ весело во грѣхѣ и какъ въ критическую минуту онъ былъ застигнутъ оскорбленнымъ мужемъ, отъ ярости котораго его спасаетъ вмѣшательство самой Богоматери.

«И это въ городѣ, гдѣ засѣдаетъ святѣйшій соборъ!» промолвилъ секретарь сквозь зубы и расхохотался. Онъ шелъ дальше, и съ крышъ съ меланхолическимъ звукомъ падали капли таявшаго снѣга, и южный вѣтеръ нагонялъ темныя облака на тусклое небо.

ГЛАВА III.

Мрачный домъ.

Горькая усмѣшка не успѣла сойти съ его лица, когда онъ дошелъ до своего дома и сталъ подниматься по узкимъ скрипучимъ лѣстницамъ. Магнусъ Штейнъ, несмотря на то, что былъ секретаремъ городского совѣта, не могъ напимать дорогую квартиру и принужденъ былъ жить въ маленькомъ ветхомъ домишкѣ въ дешевомъ кварталѣ города. Но онъ, казалось, не обращалъ на это вниманіе. Онъ не смотрѣлъ ни на гнилыя половицы, гнувшіяся подъ его но-

гамн, ни на выбитыя стекла въ окнѣ, изъ котораго видѣлся темный, сырой, вонючій дворъ. Ко многому можно привыкнуть, и секретарь, несмотря на педантическую чистоту своего наряда, очевидно, свыкъся съ этой неметенной лѣстницей, грязными и выбитыми стеклами и кучей сора на дворѣ.

Онъ повернулъ ручку двери и, пройдя черезъ грязный коридоръ, вошелъ прямо въ жилую комнату.

Въ центрѣ ея за столомъ, уставленнымъ остатками пищи, сидѣло три человѣка: женщина лѣтъ пятидесяти, казавшаяся, впрочемъ, моложе своихъ лѣтъ, дѣвушка, которой не было еще и двадцати лѣтъ, и мужчина, повидимому, того же возраста, что и женщина. Волосы этой женщины не были еще посеребрены сѣдиной и, очевидно, когда-то отличались своей пышностью. Въ молодости она была очень красива и сохранила бы эту красоту и до сего времени, если бъ не ея наглый взглядъ, отъ котораго ея лицо теряло всякую красоту и привлекательность. Дѣвушка также была красива—вылитая мать, какой она была лѣтъ двадцать тому назадъ. Разница только въ томъ, что у матери, очевидно, никогда не было такого невиннаго и кроткаго вида, какъ у дочери. Но и красота дочери имѣла свой недостатокъ. Въ ея темныхъ, большихъ глазахъ совсѣмъ не было выраженія, какъ будто ихъ обладательница была лишена души. Она безучастно сидѣла на стулѣ, глядя прямо передъ собой и, очевидно, не обращая ни на что вниманія. Одѣта она была просто, но чисто, въ платьѣ голубого сукна, тогда какъ женщина, сидѣвшая съ нею рядомъ, была наряжена въ шелкъ и бархатъ и одѣта по послѣдней модѣ. Концы ея рукавовъ волочились по полу, а на груди, которая была открыта, насколько позволяли тогдашнія свободныя моды, красовалось ожерелье изъ рубиновъ и жемчуговъ—великолѣпная вещь, представлявшая странный контрастъ съ бѣдной обстановкой комнаты.

Не менѣе замѣчательнъ былъ и мужчина, сидѣвшій у стола. Его лицо, какъ и лицо женщины, было, очевидно, когда-то очень привлекательно, но съ теченіемъ времени приобрѣло наглое и животное выраженіе, которое еще болѣе подчеркивалось большимъ, тяжелымъ подбородкомъ. На первый взглядъ онъ придавалъ лицу выраженіе энергіи и силы, которое соотвѣтствовало его репутаци. Но если вглядѣться въ его впалыя щеки и морщины кругомъ рта, то становилось понятно, что этотъ человѣкъ никогда и ни въ чемъ себѣ не отказывалъ, и что этотъ видъ силы и энергіи получался у него благодаря слабости тѣхъ, которые его окружали. Глаза его видѣли плохо, и вообще онъ имѣлъ сильно поношенный видъ. Но въ немъ было что-то такое, что привлекаетъ женщинъ извѣстнаго сорта, изъ тѣхъ, которыя или совсѣмъ не знаютъ жизни, или знаютъ ее слишкомъ хорошо. Для привлеченія женщинъ другого типа онъ употреблялъ и другія средства, которыя, говорятъ, никогда не избѣжали ему.

Таковъ былъ отецъ Марквардъ, о которомъ мы уже имѣли случай упоминать. Его тонзура была выбрита по всеѣмъ правиламъ, и покрой его рукавовъ могъ бы вполне удовлетворить самого папу. Отецъ Марквардъ дорожилъ реальностью и не придавалъ никакого значенія бесполезному тщеславію, въ родѣ роскошныхъ одѣяній. Поэтому, когда кто-нибудь жаловался на него епископу, его братъ, епископскій секретарь, могъ съ негодованіемъ сослаться на безукоризненность его одѣянія, что въ вѣкъ общей распущенности было явленіемъ не зауряднымъ.

Все трое взглянули на секретаря, когда онъ вошелъ въ комнату. Черезъ секунду на лицѣ дѣвушки появилась улыбка, какъ будто къ ней внезапно вернулась душа. Но, увидѣвъ его строгій лобъ, улыбка быстро исчезла съ ея лица, и ея глаза попрежнему приняли выраженіе пустоты.

— Поздно возвращаешься, Магнусъ. Мы думали, что ты уже пообѣдалъ, и потому не дожидались тебя, особенно въ виду того, что отецъ Марквардъ дѣлаетъ намъ честь и обѣдаетъ сегодня съ нами,—сказала старшая изъ женщинъ, обращаясь къ секретарю.

Было половина перваго—обычный обѣденный часъ. Но секретарь не обратилъ на это вниманія.

— Миѣ было бы крайне неприятно если бъ я заставилъ васъ голодать изъ-за меня,—промолвилъ онъ холодно.

— Это моя вина,—вскричалъ отецъ Марквардъ.—Фрау Штейнгъ такъ любезно упрашивала меня остаться, что я не имѣлъ мужества отказать. Можетъ быть, миѣ не слѣдовало бы соглашаться на ея просьбы.

— Я увѣренъ, что моя мать была бы очень огорчена вашимъ отказомъ,—отвѣчала секретарь вѣжливымъ тономъ, въ которомъ сквозила насмѣшка.

Потомъ онъ снялъ верхнее платье и сѣлъ къ столу.

— Боюсь, что осталось не много,—сказала его мать.—Мы были такъ увѣрены, что ты не придешь, что съѣли все. Остался только кусокъ пирога.

— Благодарю васъ, я не голоденъ. Съ меня достаточно и столь почтеннаго общества,—отвѣчалъ сынъ съ угрюмой почительностью.

— Стало быть, ты позавтракалъ. Если Магнусъ уже закусилъ, то не хотите ли взять этотъ кусокъ пирога, отецъ Марквардъ.

— Хорошо. Было бы жаль дать ему засохнуть. Это превосходный пирогъ и дѣлаетъ честь вашему искусству, фрау Штейнгъ. Если вы, господинъ секретаріусъ, отказываетесь...

— Отказываюсь..

— Тогда я позволю себѣ взять его.

У монаха былъ хорошій аппетитъ, и онъ понималъ толкъ въ ѣдѣ.

— Пожалуйста, достопочтенный отецъ. Я очень радъ, видя вашъ аппетитъ. Приятно видѣть, когда человѣкъ такихъ строгихъ

правиль, какъ вы, позволяеть себѣ нѣсколько смягчать суровую дисциплину.

— Увы! Всѣмъ иной разъ приходится уступать настояніямъ плоти,—не смущаясь, произнесъ отецъ Марквардъ и принялся за ѣду.

Онъ привыкъ, чтобы мужчины въ тѣхъ семьяхъ, которыя онъ посѣщалъ, встрѣчали его болѣе или менѣе привѣтливо.

— Я сохранила для тебя свой кусокъ пирога, братецъ,—сказала дѣвушка такимъ же страннымъ и безжизненнымъ голосомъ, какъ и ея глаза.

Выраженіе нѣжности быстро мелькнуло на лицѣ секретаря.

— Спасибо, дорогая моя,—мягко отвѣтилъ онъ.—Кушай сама, я не голоденъ.

— Я сохранила для тебя свой кусокъ пирога,—повторила дѣвушка, какъ будто она не слышала или не поняла его. И она подала ему тарелку съ пирогомъ.

Глаза брата, не теряя своей нѣжности, приняли скорбный оттѣнокъ.

— Спасибо, дорогая. Если ты сохранила это для меня, то, конечно, я съѣмъ это.

Онъ взялъ у нея тарелку, а дѣвушка, видя, что ея желаніе исполнено, снова бессмысленно уставилась глазами на стѣну. Нѣсколько минутъ всѣ молчали. Наконецъ фрау Штейнъ заговорила:

— Ты не очень разговорчивъ, Магнусъ. Нашъ гость можетъ подумать, что ты не радъ его посѣщенію.

Сынъ поднялъ на нее глаза, въ которыхъ мелькалъ огонекъ.

— Я не радъ его посѣщенію! Слишкомъ даже много чести для меня принимать у себя человѣка такой чистоты и добродѣтели, который несетъ за собой благословеніе Господне въ каждую семью, которую онъ удостаиваетъ своимъ посѣщеніемъ! Вѣдь за его благоденствіе возносятся горячія молитвы по всему городу Констанцу.

Иронія была ужасна, ибо отецъ Марквардъ пользовался самой дурной репутаціей въ городѣ.

Фрау Штейнъ поблѣднѣла, да и самъ монахъ былъ смущенъ. Онъ чувствовалъ себя въ полной безопасности, пока эта безопасность зависѣла отъ страха народнаго. Но въ манерахъ сидѣвшаго передъ нимъ человѣка было что-то такое, что заставляло его нервничать, хотя онъ и не чувствовалъ себя въ опасности. Поэтому онъ отвѣчалъ ему съ большей сдержанностью и осторожностью, чѣмъ сдѣлалъ бы это со всякимъ другимъ.

— Вамъ угодно преувеличивать мои достоинства, высокоблагородный господинъ секретаріусъ,—мягко отвѣчалъ онъ, стараясь не глядѣть въ горячіе глаза собесѣдника.—Я только бѣдный монахъ и по мѣрѣ силъ служу Господу.

Опять наступила пауза.

Наконецъ отецъ Марквардъ всталъ изъ-за стола.

— Нужно проститься съ вами, ффрау Штейнъ. Я знаю, что это неучтиво бѣжать сейчасъ же послѣ обѣда, но за мной присылалъ епископъ и мнѣ нужно побывать у него до двухъ часовъ. Поэтому прошу извинить меня. Сердечно вамъ благодаренъ.

— Я знаю, что обязанность хозяйки—удерживать гостей,—возразила ффрау Штейнъ.—Боюсь, однако, что нашъ домъ не можетъ служить приманкой для такого человѣка, какъ вы. Не понимаю, что сдѣлалось съ Магнусомъ. Я почти увѣрена, что онъ влюбленъ. Онъ обыкновенно не бываетъ такимъ угрюмымъ.

— Я не вижу, чтобы онъ былъ угрюмъ,—возразилъ монахъ.

Сказавъ еще двѣ-три любезныхъ фразы, онъ простился и вышелъ.

— Для чего вы пригласили этого человѣка къ столу?—строго спросилъ мать Магнусъ, лишь только дверь затворилась за монахомъ.

— О, Господи! Неужели ты хочешь, чтобы мы цѣлый день сидѣли однѣ. Неужели ты хочешь, чтобы дверь моего жилища была закрыта для всѣхъ посѣтителей, пока я еще не стара и не безобразна и люди не отказываются навѣщать насъ? Что жъ, неужели я должна жить монахиней? И ихъ жизнь веселѣе, чѣмъ моя, я увѣрена.

— Это вѣрно,—угрюмо согласился съ него сынъ. Женскіе монастыри пользовались самою дурной славой.

— Слава Богу, что ты хоть это понимаешь. Скверно уже одно то, что я и Эльза должны дѣлать половину всей работы дома, т. е. собственно я одна должна дѣлать, ибо Эльза ни на что не пригодна. Скверно, что ты не можешь натягъ мнѣ еще одну прислугу, какъ у меня было прежде. Если нельзя пригласить къ себѣ маленькую компанію, то тебѣ лучше было бы запереть меня на замокъ и приставить къ дверямъ стражу. Держалъ бы ужъ меня, какъ въ тюрьмѣ.

— Слыхали вы, что говорятъ объ отцѣ Марквардѣ?—строго спросилъ сынъ, не обращая вниманія на ея тираду.

— Никто въ мірѣ не застрахованъ отъ клеветы. Я нахожу, что онъ очень милъ и любезенъ. Онъ понимаетъ, что должна чувствовать одинокая женщина.

— О, еще бы! Но я вовсе не нахожу его милымъ. Это позоръ для человѣчества.

— О, Господи! Какія преувеличенія. Люди не святые, это всѣ знаютъ. Монахи вѣдь тоже люди. Съ этимъ ничего не подѣлаешь.

— Конечно. Но если человѣкъ требуетъ для себя власти, какъ проповѣдникъ слова Божія, и употребляетъ эту власть, какъ средство для развращенія другихъ—что вы тогда скажите?

— Не моего ума дѣло рѣшать такіе вопросы.

— Да? Въ такомъ случаѣ это мое дѣло. И я объявляю вамъ, что не желаю, чтобы этотъ Марквардъ переступалъ порогъ нашего дома.

— Кажется, ты хочешь, чтобы я умерла отъ одиночества и отчаянія!—плаксиво заговорила женщина.—Мало того, что мнѣ нечего надѣть, что я исполняю тяжелую работу, плохо ѣмъ...

— Вотъ на столѣ остатки утки, а на васъ платье новое.

— Ты хочешь, чтобы я принимала гостей въ лохмотьяхъ и угощала ихъ черствымъ хлѣбомъ? Развѣ часто я могу предложить такое угощеніе моимъ друзьямъ? Я счастлива, если это бываетъ въ недѣлю разъ.

— Если вы изводите весь запасъ провизіи въ первый же день, то нечего жаловаться, если ничего не остается на остальные шесть.

— Жаловаться? Ты виновата, что мы въ такомъ положеніи. Ты не дѣлаешь ничего, чтобы достичь хорошаго положенія. Вотъ другой секретарь загребаешь кучу денегъ разными маленькими одолженіями, справками и т. п. А ты съ своими нелѣпыми, горделивыми идеями... Когда открывали новый «Домъ друзей»,—часть совѣта была противъ этого,—онъ заработалъ хорошія деньги, процанивъ это дѣло. Ибо...

— Молчи! Не оскорбляй ушей твоей невинной дочери!

— Э, дуракъ! Да развѣ она что-нибудь понимаетъ.

— Молчи!—тихо и страшно повторилъ секретарь голосомъ, въ которомъ слышался едва сдерживаемый гнѣвъ.

— Господи Боже! Недостаетъ, чтобы ты сталъ бить меня!

— Не беспокойся. Слушай. Я мирился съ твоей пустотой и тщеславіемъ, которое поглощало на твои пестрыя платья и пиры все, что я зарабатывалъ, и шесть дней въ недѣлю мы чуть не умирали съ голоду. Я мирился съ этимъ только потому, что ты моя мать. Я мирился и съ недостаткомъ въ тебѣ порядочности, отчего я могъ давнымъ-давно развратиться,—опять-таки потому, что ты моя мать. Но я не помирюсь, если ты погубишь это бѣдное, беспомощное дитя. Не льсти себя надеждой, что Марквардъ является сюда ради тебя. Можетъ быть, онъ и не отвергнетъ тебя, какъ одинъ изъ этаповъ своей жизни, но конечная цѣль его другая. Онъ ищетъ новыхъ ощущеній, онъ, которому приходилось испытывать столько всевозможныхъ ощущеній. Нечего качать головой. Я знаю, что я говорю. Мнѣ стыдно сказать это своей матери, но если я еще разъ встрѣчу его у насъ, я изобью тебя, да проститъ меня Богъ.

Съ этими словами онъ сдѣлалъ къ ней шагъ. Дрожая отъ страха, она отскочила къ стѣнѣ. Секретарь еще разъ бросилъ на нее взглядъ, повернулся и вышелъ изъ комнаты.

Дѣвушка продолжала спокойно сидѣть на стулѣ, попрежнему играя своимъ ножомъ, какъ будто ничего не случилось.

Комнатой секретаря служила бѣдная каморка на самомъ верху дома, подъ крышей. Видъ ея былъ мрачный и угрюмый. Если въ мансардѣ нельзя ожидать простора и комфорта, то можно было рассчитывать, по крайней мѣрѣ, на массу свѣта и широкій горизонтъ. Но

это была особенная мансарда. Домъ былъ невеликъ и невысокъ, и казался настоящимъ карликомъ между двумя гигантами-сосѣдями. Изъ маленькаго оконца въ боковой стѣнѣ,—впереди былъ чердакъ для сушки бѣлья, видны были только крыши и высокія трубы. Только вытянувъ шею и перевѣсившись, можно было увидѣть небо. Внизу былъ вонючій дворъ, а вверху тучами носился дымъ. Въ туманные дни, которые здѣсь перѣдки, тяжелый воздухъ прижималъ его къ самому окну мансарды, а въ солнечные—лучи никогда не попадали въ нее... Видно было только, какъ они золотили темныя черепичныя крыши и черныя трубы противоположныхъ домовъ. Лучшимъ временемъ для жилья этой мансарды была зима. Тогда снѣгъ таялъ на свѣту и вѣтеръ дулъ съ озера съ такой силой, что продувалъ и очищалъ всѣ углы и закоулки. Въ комнаткѣ, не имѣвшей камина, тогда было очень холодно, но ея обитатель, казалось, не замѣчалъ этого.

Нѣсколько цвѣтковъ росли за оконной рамой, не нуждаясь, по видимому, ни въ свѣтѣ, ни въ свѣжемъ воздухѣ. Они служили единственной чертой, примиряющей съ комнатой, они и педантичная чистота, составлявшая такой странный контрастъ съ остальнымъ домомъ.

Секретарь сѣлъ на низкій стулъ около окна, такъ что цвѣты совсѣмъ загородили отъ него всякій видъ. Несмотря на холодную погоду, распустилась почка анемоны. Ярко-красныя прозрачныя лепестки рѣзко выдѣлялись на темномъ фонѣ крыши. Взглядъ секретаря упалъ на цвѣтокъ, и морщины разошлись на его лбу.

— Фастрада,—нѣжно прошептала онъ.—Если бъ не ты, я отчаялся бы въ мірѣ и въ самомъ себѣ. Но какъ этотъ одинъ цвѣтокъ искупаетъ угрюмость этого мѣста, какъ горятъ его лепестки! Тѣмъ, чѣмъ этотъ цвѣтокъ является для комнаты, тѣмъ являешься ты для моей души.

Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ на цвѣтокъ. Лицо его пылало. Вдругъ кто-то постучалъ въ дверь. Онъ нахмурилъ брови, но всталъ, подошелъ къ двери и открылъ ее. Когда онъ увидѣлъ, кто пришелъ, его лицо моментально измѣнило свое выраженіе.

— Ты, Эльза!—воскрикнулъ онъ.

— Да,—отвѣчала сестра.—Я принесла тебѣ яблоковъ. Если они останутся внизу, ихъ съѣдятъ другіе, а ты, я знаю, любишь ихъ.

— Спасибо, дорогая!—нѣжно воскликнулъ онъ.

Было что-то невыразимо-трогательное въ этой заботливости этой несчастной, лишенной разума дѣвушки о своемъ сильномъ братѣ.

— Если мать увидитъ, что ты взяла яблоки, она, пожалуй, будетъ тебя...

Онъ хотѣлъ сказать «бить», но не кончилъ фразы. Нѣтъ, она не станетъ этого дѣлать.

Но дѣвушка уже не замѣчала его. Ея мысли приняли другое направленіе.

— Эта комната очень темна,—сказала она.

— Но не тогда, когда ты здѣсь.

Она не поняла смысла этихъ словъ.

— Я здѣсь, а все-таки темно.

Она подошла къ окну и взглянула на цвѣты.

— Зато цвѣты ярки, Эльза. Я чисто удивлялся, какъ они могутъ расти здѣсь безъ солнца.

— Когда тебя нѣтъ, я всегда ношу ихъ на другую сторону дома, гдѣ сіяетъ солнце,—промолвила она, лукаво кивая ему головой.

— Ты мнѣ никогда не говорила объ этомъ!—воскликнулъ онъ, растроганный до глубины души.—Но ты не должна носить тяжелыхъ горшковъ по ветхой лѣстницѣ...

— Смотри, новая почка!—воскликнула она.

Опять она не обратила никакого вниманія на то, что онъ сказалъ.

Странная была эта дѣвушка. По временамъ она какъ будто понимала все, что ей говорили, и давала отвѣты, какъ вполне нормальный человѣкъ, но вдругъ умъ ея ослабѣвалъ, покидалъ ее, и отъ нея невозможно было ничего добиться. Если къ ней приставали съ вопросами, она начинала плакать. Братъ зналъ это.

— Да, отличная почка. А все благодаря твоимъ заботамъ.

— На будущей недѣлѣ будутъ двѣ почки,—сказала она и посмотрѣла на него съ улыбкой.

Отойдя отъ окна, она оправила постель брата и стала обтирать со стола пыль. Въ этомъ, впрочемъ, не было надобности въ виду безукоризненной чистоты комнаты. Странно было видѣть ее за этими занятіями: внизу она не шевельнула пальцемъ.

Потомъ она пошла къ двери.

— Тебѣ нужно читать,—промолвила она.

Секретарь въ это время обыкновенно предавался чтенію. Писалъ онъ благоразумно тогда, когда уже приходилось запирать комнату. На этотъ разъ онъ, однако, сказалъ:

— Сегодня я не буду читать, дорогая моя. Останься со мной лучше.

Но если ей приходила въ голову какая-нибудь мысль, она уже не могла освободиться отъ нея.

— Тебѣ нужно читать,—повторила она, отворяя дверь.

— Ну, тогда прощай. Благодарю тебя за твои заботы.

— Прощай.

И, кивнувъ головой, она стала спускаться по лѣстницѣ.

Онъ съ печальной улыбкой посмотрѣлъ ей вслѣдъ, провожая ее глазами, пока она не скрылась за первымъ поворотомъ лѣстницы. Постоявъ съ минуту въ открытой двери, онъ со вздохомъ закрылъ

ее. Потомъ онъ подошелъ къ окну и сталъ цѣловать цвѣты, къ которымъ она прикасалась. Стоя передъ ними, онъ размышлялъ о великой загадкѣ жизни, которая въ своей страшной торжественности хоть разъ въ жизни заставляла каждого человѣка замереть въ страшномъ молчаніи.

Вдругъ кто-то опять постучалъ въ дверь.

Секретарь подошелъ къ двери и открылъ ее. Передъ нимъ стояла его мать.

— Это только я,—сказала она, какъ бы читая на его лицѣ и покачивая головой.

— Что вамъ нужно?—холодно спросилъ сынъ.

— Пришелъ посыльный изъ совѣта...

— Хорошо. Пусть онъ войдетъ сюда.

— Къ несчастью, онъ уже ушелъ.

— Зачѣмъ онъ приходилъ?

— Онъ передалъ мнѣ порученіе. Это все по этому дѣлу?

— Нѣтъ.

— О, въ слѣдующій разъ, когда у тебя будутъ секреты, устраивай дѣло иначе.

— Позвольте же узнать, въ чемъ заключается порученіе?

— Ты долженъ поднести отъ имени города чашу этой лэди, которая пріѣхала недавно. Лэди Изольда, или какъ ее? Я забыла ея имя.

— Лэди Изольда Монторгейль. Я знаю.

— А, ты уже знаешь? Ты ведешь самъ свѣтскій образъ жизни, а другимъ проповѣдуешь уединеніе и самоотверженіе. Утромъ ты былъ съ юнгфрау Фасградой, а днемъ идешь забавлять другихъ дамъ. Повидимому, вечеромъ тебя нечего ждать. Говорятъ, лэди Изольда очень милостива къ мужчинамъ, которые ей понравятся.

Секретарь нахмурился, и его губы задвигались, готовясь дать рѣзкій отпоръ, но онъ сдержалъ себя.

— Ты моя мать,—повторилъ онъ.

— Это значить, что ты сердить на меня. Хорошаго сына я вырастила.

Онъ промолчалъ.

— Такъ какъ ты не достаиваешь говорить съ твоей матерью, то мнѣ остается уйти. Но и я хочу участвовать въ жизни. Если у тебя есть удовольствія, то они должны быть и у меня.

Магнусъ наконецъ не выдержалъ.

— Я не надѣюсь исправить васъ, да, можетъ быть, и не имѣю на это права. Поступайте, какъ вамъ подсказываетъ ваша совѣсть. Но помните, что я вамъ сказалъ часъ тому назадъ. Если не будете этого помнить, жестоко раскаетесь.

Она взглянула на него, хотѣла было что-то сказать, но раздумала и молча пошла по лѣстницѣ.

ГЛАВА IV.

Женщина легкой репутаціи.

Лэди Изольда сидѣла въ лучшей комнатѣ гостиницы, лѣниво откинувшись на спинку кресла и глядя полуоткрытыми глазами въ окно.

Быль полдень. Становилось все свѣтлѣе, и отблескъ свѣта лежалъ на ней, отбѣгая серебряныя линія, вышитыя на ея сѣромъ бархатномъ костюмѣ. Ея тонкая рука, казавшаяся высѣченной изъ слоновой кости, покоилась на темной ручкѣ кресла. Только кончикъ одного пальца, освѣщенный свѣтомъ, отливалъ въ красноту. Она мечтательно смотрѣла на залитое свѣтомъ окно, стекла котораго то горѣли на солнцѣ, какъ брильянты, то опять становились сѣрозелеными, когда на нихъ падали тѣни. Она какъ будто улыбалась, очевидно, переживая какія-нибудь яркія мечты. Перемѣны на небѣ эффектно отражались и на ней, и отъ лучей солнца, появлявшихся и исчезающихъ, ея профиль то вырисовывался четко и ясно, то опять сливался съ зеленоватой, таинственной тѣнью. Съ каждой перемѣной она казалась еще прекраснѣе. Она была вся изумительно красива отъ ея роскошныхъ волосъ и стройной руки въ раздрѣзномъ откидномъ рукавѣ до маленькой ножки, граціозно покоившейся на бархатной подушкѣ. То была царственная красота, несмотря на то, что одѣта она была очень просто и скромно. На ней было высокое до ворота платье—въ противоположность модѣ и всякимъ ожиданіямъ отъ такой особы. Ея нарядъ отличался отъ прочихъ и въ другихъ отношеніяхъ. Ея платье было сдѣлано изъ очень дорогого матеріала, но покроемъ его былъ простъ, безъ всякихъ модныхъ искусственныхъ украшеній: не было никакихъ золотыхъ вышивокъ и позументовъ, никакихъ причудливыхъ кружевъ, какія выдумывали для себя женщины. Не было на ней и драгоценностей, кромѣ одного браслета на лѣвой рукѣ, изображавшаго змѣю и заправшагося большимъ рубиномъ. Не было ни цѣпочекъ вокругъ шеи, ни брильянтовъ въ волосахъ. Она какъ будто презирала всякія украшенія, которыми обыкновенныя женщины стараются усилить свою красоту.

Итакъ, она сидѣла безмолвно въ комнатѣ. Даже ея служанкѣ, сидѣвшей недалеко отъ нея на низкомъ стулѣ, довольно долго не хотѣлось говорить, пока наконецъ ея живой, южный темпераментъ не выдержалъ этой тишины.

— Это комната совсѣмъ другая, чѣмъ та, которую намъ предложили было сначала,—промолвила эта черноглазая, черноволосая красивая дѣвушка изъ Пуату. Лэди Монторгейль старалась, чтобы у нея служили красивыя дѣвушки.

— Боже мой! Какъ мнѣ хочется смѣяться, когда я вспомню фizioномію этого графа, когда онъ выглянулъ въ дверь и увидѣлъ васъ и въ то же время услышалъ, что вы сказали про его манеры.

И она залилась веселымъ смѣхомъ.

Ея госпожа не отвѣчала ей. На ея губахъ лежала еще какая-то мягкая полоса, заставлявшая предполагать, что она улыбается, хотя этого на самомъ дѣлѣ и не было.

Служанка опять засмѣялась, когда вся сцена пронеслась въ ея памяти. Когда лэди Изольда пріѣхала утромъ въ городъ, хозяинъ гостиницы принялъ ее со всевозможными привѣтствіями, но показанная имъ комната ей не понравилась.

— Эта комната для меня не годится,—сказала она ему.

Разсыпавшись въ извиненіяхъ, хозяинъ поспѣшилъ согласиться съ нею. Дѣйствительно, въ такой комнатѣ женщинѣ непріятно было жить: напротивъ нея была общая зала, куда постоянно приходили и откуда уходили во всякое время дня и ночи. Но всѣ другія комнаты были уже заняты: дѣло было передъ Пасхой, и теперь едва ли можно было найти свободную комнату въ цѣломъ городѣ. Этажомъ выше было нѣсколько прекрасныхъ комнатъ, которыя очень бы подходили для ея чести, заявилъ хозяинъ, но часть тому назадъ, онѣ были уже взяты графомъ Галингеномъ, однимъ изъ самыхъ богатыхъ владѣтелей мѣстной округи.

— Онъ, впрочемъ, обѣщалъ уступить свое помѣщеніе, если оно понадобится какому-нибудь особенно знатному лицу или знатной дамѣ,—замѣтила жена хозяина.

Это было не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ графъ обѣщалъ уступить комнаты только герцогу Свейскому, прибытіе котораго ожидалось. Но хозяйкѣ хотѣлось удержать у себя такую красивую гостью, присутствіе которой, по ея расчетамъ, должно было привлечь къ нимъ массы посѣтителей.

— Онъ уступить, если ты пойдешь и попросишь его,—сказала она мужу.

Тотъ посмотрѣлъ на нее съ сожалѣніемъ. Порученіе было ему не по душѣ, но послѣ нѣкотораго колебанія онъ рѣшилъ послѣдовать совѣту жены. Его опасенія, однако, были основательны. Графъ, самъ по себѣ добрый, но грубый, какъ всякій житель деревни, сталъ ругаться и закричалъ, что пусть его возьмутъ черти, если онъ уступить свои комнаты этой...

Напрасно хозяинъ пытался вразумить его.

— Убирайся, если тебѣ дорога твоя шкура!—заоралъ графъ.

Тѣмъ не менѣе, любопытство его было возбуждено и, когда хозяинъ вышелъ отъ него и обезкураженный предсталъ передъ своей прекрасной гостьей, стоявшей въ коридорѣ и раздававшей приказанія своимъ слугамъ, графъ отворилъ дверь, вышелъ на площадку лѣстницы и сталъ смотрѣть внизъ. Онъ замеръ отъ того,

что увидѣлъ. Ему никогда не приходилось путешествовать дальше Базеля на одной сторонѣ Рейна и Ульма на другой. Ему никогда и не снилась во снѣ такая красавица. Но то, что онъ услышалъ, поразило его еще болѣе.

— Ничего,—сказаль пріѣзжая незнакомка хозяину. Она, очевидно, слышала гнѣвныя слова графа.—У него отецъ или дѣдъ былъ еще, очевидно, мужикомъ. Для того, чтобы получился настоящій дворянинъ, нужно, по крайней мѣрѣ, четыре поколѣнія.

Графъ хвастался, что онъ человѣкъ практическій, не склонный къ глупостямъ, которыя продѣлывали старинные рыцари. Прошли тѣ времена, когда за улыбку дамъ отдавались цѣлыя состоянія. Въ немъ, какъ и въ каждомъ членѣ его рода, глубоко сидѣла фамиллярная гордость, но теперь она наткнулась на какую-то новую силу. Съ минуту онъ смотрѣлъ внизъ съ самымъ глупымъ выраженіемъ лица, потомъ быстро спустился внизъ и произнесъ:

— Боюсь, что произошло нѣкоторое недоразумѣніе. Мнѣ не сказали, для кого нужны эти комнаты. Другой разъ разѣвай ротъ, какъ слѣдуетъ, осель,—сердито обратился онъ къ хозяину.—Я, разумѣется, съ удовольствіемъ уступлю свои комнаты. Бѣги скорѣй и прибери комнаты, болванъ.

Хозяинъ, посмѣивался про себя, бросился исполнять приказаніе, а графъ приблизился къ лэди Изольдѣ и сказалъ:

— Если бъ я зналъ, что столь знатная и прекрасная дама...

— Дама всегда дама, независимо отъ того, прекрасна она, или дурна,—отрѣзала лэди Изольда.

Отъ комнатъ она отказалась и заняла ихъ только послѣ усиленныхъ просьбъ хозяина и самого графа, который казался безутѣшнымъ.

— Хотѣла бы я знать, какъ теперь чувствуетъ себя нашъ графъ,—начала опять служанка.—Объ немъ ни слуху, ни духу.

Ея госпожа опять не отвѣтила ничего.

Дѣвушка молчала нѣсколько минутъ, потомъ, предполагая, что ея госпожа устала, спросила:

— Не прикажете ли приготовить покушать?

Дамы того времени очень любили выпить передъ обѣдомъ чашку горячаго молока съ медомъ.

Но лэди Изольда, повидимому, не была голодна.

— Нѣтъ, спасибо, Жуазель,—сказала она и снова погрузилась въ молчаніе.

Видя, что госпожа не расположена къ разговорамъ, Жуазель поспѣшила приладиться къ ея настроенію.

Лэди Изольда продолжала сидѣть въ креслѣ и дремать. Вдругъ она вздрогнула. Было не холодно, но она слишкомъ долго сидѣла безъ всякаго движенія.

Служанка быстро встала и хотѣла подать ей накидку, но, сдѣлавъ шага два, вдругъ остановилась. Дверь изъ сосѣдней комнаты тихо отворилась, и вторая служанка спросила, можетъ ли она войти.

— Пришли отъ здѣшняго магистрата привѣтствовать васъ, лэди, — сказала она, остановившись передъ своей госпожой.— Три человѣка явились съ кубкомъ отъ городского совѣта и просить разрѣшенія войти.

— Кто они?—спросила красавица тономъ, въ которомъ не слышно было особаго любопытства.

— Два младшихъ городскихъ чиновника и городской секретарь, высокій, смуглый человѣкъ благородной наружности.

Лэди Изольда медленно поднялась.

— Просите ихъ.

Черезъ секунду городской секретарь Магнусъ Штейнъ стоялъ передъ лэди Изольдой Монторгейль. На немъ былъ парадный костюмъ, черный камзолъ до колѣнъ, опушенный мѣхомъ, съ вырѣзкомъ на груди, позволявшимъ видѣть складки бѣлой сорочки и красный жилетъ. На шеѣ у него лежала золотая цѣпь, ибо онъ являлся представителемъ города. Онъ съ достоинствомъ несъ этотъ знакъ отличія и вообще имѣлъ благородную внѣшность, какъ вѣрно замѣтила служанка.

Поклонившись лэди, онъ передалъ то, что ему было поручено, и произнесъ все, что требуется въ такихъ случаяхъ. Ни слова больше, ни слова меньше. Все было сказано очень учтиво, но съ достоинствомъ. Оба чиновника, пока онъ говорилъ, молча стояли за нимъ, держа въ рукахъ подношенія города. Онъ обратился къ ней на норманско-французскомъ языкѣ, который въ это время вездѣ въ Европѣ служилъ языкомъ большей части англійской знати. Онъ отлично говорилъ на немъ. Для секретаря города, гдѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ пребывали прелаты всевозможныхъ національностей, въ этомъ не было ничего удивительнаго.

Лэди Изольда милостиво поблагодарила его. Но, подражая ему, держала себя также очень важно. Была ли она поражена, что человѣкъ его общественнаго положенія держится передъ ней такъ свободно и съ такимъ достоинствомъ, которое въ это время приобрѣталось обыкновенно мечомъ, этого по ея обращенію нельзя было замѣтить. Пока она отвѣчала на привѣтствіе отъ имени города, она съ ногъ до головы была знатной лэди, говорящей съ простымъ бюргеромъ. Потомъ она перемѣнила тонъ и спросила:

— Позвольте васъ просить раздѣлить со мной ужинъ для того, чтобы вы могли видѣть, какъ я цѣню даръ города.

Тогда было въ обычаѣ приглашать къ столу тѣхъ, кто подносилъ подарки. Отъ такихъ приглашеній не полагалось отказываться.

Тѣмъ не менѣ секретарь невозмутимо промолвилъ:

— Прошу извинить меня. Вслѣдствіе множества дѣлъ, вызванныхъ приближающимся закрытіемъ засѣданій собора, въ ратушѣ накопилось много работы, такъ что я не имѣю возможности располагать, какъ бы хотѣлъ, своимъ свободнымъ временемъ. Кромѣ того, я и не заслуживаю такой чести: наше подношеніе такъ незначительно.

Все это было сказано очень вѣжливо, но твердо. Лэди Изольда взглянула на него съ легкимъ изумленіемъ. Для нея было въ диковинку, что отъ ея приглашенія отказывались.

— Но вы не откажетесь присѣсть и выпить со мной вина во славу города? Это-то ваше время, навѣрно, вамъ позволить?

Было бы невѣжливо, а официальному лицу и невозможно отказываться отъ этого.

— Вы очень любезны, милэди. Не будучи самъ по себѣ достоинъ вашего приглашенія, я принимаю его отъ имени города.

Она бросила на него быстрый взглядъ, но въ его лицѣ не было ничего такого, что заставляло бы предполагать, что онъ придаетъ своимъ словамъ какое-нибудь другое значеніе. Приказавъ слуганкѣ принести стаканы и сладости, она сѣла и знакомъ пригласила его сѣсть противъ нея.

— Я уже васъ видѣла сегодня два раза, г. секретарь,—сказала она.

— Этимъ я польщенъ выше своихъ заслугъ,—отвѣчалъ онъ съ поклономъ.

— Можетъ быть,—весело промолвила прелестная англичанка.— Сегодня утромъ, когда я вѣзжала въ городъ, вы стояли на скамейкѣ съ красивой молодой дѣвушкой.

— Совершенно вѣрно, милэди.

— Вы еще держали въ рукѣ зажженный фонарь, что мнѣ показалось очень страннымъ.

— У васъ хорошее зрѣніе, милэди.

— Да. Но не объясните ли вы мнѣ смысла этого страннаго факта? Я убѣждена, что это было сдѣлано не безъ причины, конечно, основательной, какую только и можно предполагать у человѣка вашего положенія и наружности.

— Этотъ случай недостоинъ вашего вниманія.

— Но женщины часто интересуются такими вещами, которыя, какъ вы сказали, не заслуживаютъ никакого вниманія. Надо относиться снисходительно къ этому недостатку нашего пола, ибо мало надежды, чтобы женщины когда-либо отъ него избавились. Итакъ, вы удовлетворите мое любопытство?

Говоря это, она смотрѣла на него и улыбалась нѣсколько насмѣшливой, но подкупающей улыбкой. Такую улыбку нельзя было видѣть безнаказанно, и до сего времени всякій, кому ее приходилось видѣть, привязывался къ лэди Изольдѣ тѣломъ и душой.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЮЛѢ 1914 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 7-й.

Богословіе.

АНДРЕЙ, инокъ. Житіе святителя Пигиріа, епископа тамбовскаго. Спб. 1914. Ц. 5 к.	ЗОМЪ, Р., проф. Очеркъ исторіи церкви. Варшава. 1914. Ц. 1 р. 75 к.
ВЫСОЦКІЙ, Н. Матеріалъ изъ исторіи духоборческой секты. Сергіевскій посадъ. 1914. Ц. 75 к.	ПАПКОВЪ, А. Правда о перковномъ преобразованіи Петра Великаго. Спб. 1914. Ц. 30 к.

Философія, психологія, логика.

БЕРГСОНЪ, А. Собраніе сочиненій. Т. 5. Введеніе въ метафизику. Спб. 1914. Ц. 2 р.	РАМАЧАРАКА, І. Религіи и тайныя ученія Востока. Ц. 1 р. 20 ф.
ЗЕТЪ, Маленькая экскурсія въ область этики. Спб. 1914. Ц. 15 к.	ФИХТЕ, І.-Г. І. Факты сознанія. II. Наукословіе. Спб. 1914. Ц. 1 р.
ИНАПЯТЬ-ХАНЪ, проф. Суфійское посланіе о свободѣ духа. М. 1914. Ц. 1 р.	

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

АЙХЕНВАЛЬДЪ, Ю. Споръ о Бѣлинскомъ М. 1914. Ц. 75 к.	ТОЛСТОВСКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ ЗА 1912 г. Обзоръ русскихъ книгъ и повременныхъ изданій. Подъ ред. А. Л. Бема. Спб. 1914. Цѣна 30 к.
БѢЛИНСКІЙ, В. Избранныя сочиненія. Ч. I и II. подъ ред. проф. А. К. Бороздина. Спб. 1914. Ц. за обѣ части 1 р. 25 к.	ЧУКОВСКІЙ, К. Поэзія грядущей демократіи. М. 1914. Ц. 1 р.
ВЕЙНБЕРГЪ, Л. Критическое пособіе. Сборникъ выдающихся статей русской критики за 100 л. Т. IV. в. I. М. 1914. Ц. 1 р.	

«Истор. вѣсти.», августъ 1914 г., т. сxxxvii.

1/226

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- АЛКЕЙ и САФО. Собраніе пѣсенъ и лическихъ отрывковъ. М. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- АМФИТЕАТРОВЪ, В. А. Властители душъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- БРУСЯНИНЪ, В. Трагедія. Михайловскаго замка. Романъ изъ эпохи царствованія Павла I. Т. I, ч. I. Спб. 1914. Ц. 2 р.
- ГЕЙМАНЪ, В. По градамъ и весямъ родной земли (10.000 верстъ на автомобилъ). Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- ГУСЕВЪ-ОРЕНБУРГСКІЙ, С. Курычанскіе прихожане. Рассказы. Ц. 1 р.
- ГЮГО, В. Несчастные. Ч. II. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- КОНАНЪ-ДОЙЛЬ. Въ царствѣ тайны. Сборникъ новѣйшихъ рассказовъ. Спб. Ц. 1 р.
- КУЗЬМИНЪ, М. Глиняныя голубки. Третья книга стиховъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Л. С. Стихотворенія. Вып. I Спб. 1914. Ц. 1 р.
- ЛЕЙКИНЪ, Н. По сѣверу дикому. Спб. Ц. 75 к.
- МИХАЙЛОВЪ, М. Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- МОЛОДОЙ, В. Война и «я». (Изъ записной книжки не корреспондента). Ч. I. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- РУКАВИШНИКОВЪ, И. Близкое и далекое. Рассказы. М. Ц. 1 р. 25 к.
- СОФОКЛЪ, Драмы. Т. III. М. 1914. Ц. 3 р.
- ФАНТОМЪ (Г. Т. СЪВЕРЦЕВЪ). По старинному «заморскому» пути и сѣвернымъ гѣздамъ. Путевыя замѣтки. Спб. Ц. 1 р.
- ФИШЕРЪ, М. (М. МАРОВСКІЙ). Замѣститель. Повѣсть изъ дѣйствительной жизни. Спб. 1914. Ц. 90 к.

Исторія, біографія и археологія.

- БАГАЛЪИ, Д., проф. Русская исторія. Т. I. Княжеская Русь. М. 1914. Ц. 2 р.
- БРЕЧКЕВИЧЪ, М. О. нѣкоторыхъ современныхъ трудностяхъ въ области историческаго изученія. Казань. 1914. Ц. 15 к.
- ГОТЪЕ, Ю. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. М. 1913. Ц. 50 к.
- ГРИГОРЬЕВА, И. Судъ во Франціи при старомъ порядкѣ по наказамъ третьяго сословія Санскаго бальяжа. Кіевъ. 1914. Ц. 70 к.
- ДЕЗ-ВШЕРОЛЬ, А. Судьба одной дворянской семьи во время террора. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- КАТАЕВЪ, И. Дореформенная бюрократія по запискамъ, мемуарамъ и литературѣ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 10 к.
- КІЯНОВСКІЙ, М. Гробница боярина Артамона Матвѣева. М. 1914. Ц. 50 к.
- ЛАМЕРЪ, Г. Греческій міръ. Культурно-историческій альбомъ. М. 1914. Ц. 1 руб.
- ЛИТЕРАТУРНЫЕ и вещественные источники русской исторіи. Кіевъ. 1914. Ц. 2 р. 40 к.
- ЛОМАКИНЪ, Н. Письма къ Ѳ. А. Бакулину. (О средне-азиатскихъ дѣлахъ). 1874—1878 г. Спб. 1914. Ц. 40 к.
- ЛУКОМСКІЙ, В. и МОДЗАЛЕВСКІЙ, В. Малороссійскій гербовникъ. Спб. 1914. Ц. 6 р.
- МОДЗАЛЕВСКІЙ, В. Малороссійскій родословникъ. Т. IV. Кіевъ. 1914. Ц. 5 р.
- ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ РОССІИ ВЪ НАЧАЛѢ ХХ ВѢКА. Т. III. кн. 5. Подъ ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Спб. 1914. Ц. 5 р.
- ЧЕРЕПНИНЪ, Н. Императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ. Историческій очеркъ 1764—1914 гг. Т. I. Спб. 1914. Ц. по подпискѣ за 2 тома 12 р.
- ЩЕПКИНА, Е. Изъ исторіи женской личности въ Россіи. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 35 к.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

- АРБИТРАЖЪ ЗОЛОТА И СЕРЕБРА ВЪ МОНЕТАХЪ И СЛИТКАХЪ, ВЕКСЕЛЕЙ, ПРОЦЕНТНЫХЪ БУМАГЪ И ПРЕМИИ. Подъ ред. А. Бернштейна. Спб. 1913. Ц. 3 р. 50 к.
- БАРАЦЪ, Л. О введеніи свободныхъ гаваней въ Россіи. Кіевъ. 1914. Ц. 25 к.
- ВЫДРИНЪ, В. Отчужденіе недвижимыхъ имуществъ для государственной или общественной пользы. Законы и разъясненія. Спб. 1914. Ц. 3 р.
- ГРОМОВЪ, Н. Законы о мѣстномъ судѣ. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- ДАНИЛОВЪ, Е. Юридическая природа операции «спеціального текущаго счета». М. 1914. Ц. 50 к.
- ЕЖЕГОДНИКЪ Комитета по охранѣ и возобновленію государственной границы. В. I. 1914. Ц. 1 р.
- ЗАГОРСКІЙ, С. Сндикаты и тресты. Спб. 1914. Ц. 1 р. 85 к.
- ЗАЙЦЕВЪ, Л. Взаимное исполненіе иностранныхъ судебныхъ рѣшеній и русско-германскій торговый договоръ. Кіевъ. 1914. Ц. 20 к.
- ЗДАНЕВИЧЪ, М. Учебникъ уголовного права и процесса. Екатеринбургъ. 1914. Ц. 1 р.
- ЭМИРЛОВЪ, К. Уставъ гражданскаго судопроизводства. Изд. 2-е. Спб. 1914. Ц. 5 р.
- ИВАНОВЪ, Н. Законъ о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ. Одесса. 1914. Ц. 35 к.
- ЛЕВИНЪ, И. Политическая экономія. Программы. Спб. 1914. Ц. 75 к.
- ЛЕВИТСКІЙ, В., проф. Исторія политической экономіи въ связи съ исторіей ховяйственного быта. Харьковъ. 1914. Ц. 2 р. 80 к.
- ЛИПРАНДИ, А. (А. ВОЛЫНЕЦЪ). Польскій вопросъ въ Западной Руси. Харьковъ, 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- НОВАЯ РОССІЯ. Основы и задачи Имперской народной партіи. Сборникъ. Спб. 1914. Ц. 75 к.
- НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ЭКОНОМИКѢ. Сборникъ подъ ред. проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. № 6. Спб. 1914. Ц. 80 к.

- НОЛЬДЕ, А., бар. проф. Очерки по истории кодификаціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ при гр. Сперанскомъ. Вып. 2-й. Спб. 1914. Ц. 6 р.
- НЮРЕНБЕРГЪ, А. Уставъ гражданского судопроизводства. М. 1914. Ц. 1 р. 20 к.
- РУММЕЛЬ, Ю. Итальянская делегация въ Россіи. Май—июль. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- Тоже на итальянскомъ языкѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- СВОДЪ ИЗМѢНЕНІИ И ДОПОЛНЕНІИ ПАРАГРАФОВЪ УРОЧНАГО ПОЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬНЫХЪ РАБОТЪ. Спб. 1914. Ц. 50 к.
- СВЯТЛОВСКІЙ, В., проф. Прimitивно-торговое государство, какъ форма быта. Спб. 1914. Ц. 2 р.
- СЛУЦКІЙ, Е. Сэръ Вилльямъ Петти. Краткій очеркъ его экономическихъ возрѣній съ приложеніемъ нѣсколькихъ важнѣйшихъ отрывковъ изъ его произведеній. Кіевъ. 1914. Ц. 40 к.
- СУРГУНОВЪ, М. Залогъ надѣльной (крестьянской) земли. М. 1914. Ц. 20 к.
- ТВЕРДОХЛѢБОВЪ, В. Теорія переложения налоговъ. Спб. 1914. Ц. 30 к.
- ТРУДЫ ВОСЬМОГО СЪѢЗДА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКИХЪ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ ЗАВѢДЕНІИ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛѢТНИХЪ ПЕТЕРБУРГА, октябрь 1911 г. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- ШУБИНСКОЙ, Н. Рѣчь, произнесенная имъ въ Государственной Думѣ 13-го мая 1914 г. по смѣтѣ министерства юстиціи. Спб. 1914. Ц. 25 к.
- ЯСНОПОЛЬСКІЙ, Л., проф. Позиціи Россіи по отношенію къ новому русско-германскому торговому договору. Кіевъ. 1914. Ц. 15 к.

Искусство.

- ГУРТКЪ, Л. Франція. М. 1914. Ц. 4 р. 50 к.
- ЛЕМАНЪ, А. Книга о скрипкѣ. № 8. Спб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
- ЛУКОМСКІЙ, Г. О. памятникахъ архитектуры Переяславля Залѣскаго. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- МОСКОВСКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ. Историческій очеркъ его жизни и дѣятельности. Т. I (1898—1905 гг.). М. 1914. Ц. въ перепл. 5 р.
- РОСТОВЦЕВЪ, М. Античная декоративная живопись на югѣ Россіи. Текстъ съ атласомъ. Спб. 1914. Ц. 45 р.
- СОКРОВИЩА ЛЮКСЕМБУРГСКАГО МУЗЕЯ. Альбомъ картинъ. Парижъ. Ц. въ перепл. 25 р.

Естествознаніе и математика.

- АРШОНЪ, Х. Неопредѣленный анализъ 1-й ст. (новые приемы). 1. Простѣйшій общій методъ. 2. Сокращенные и искусственные приемы. Двинскъ. 1914. Ц. 40 к.
- БОГДАНОВЪ, Д. Матеріалы для геологии Алтая. М. 1914. Ц. 1 р.
- ВОРОНОЙ, Г., проф. Дифференціальное и интегральное исчисленія. Кіевъ. 1914. Ц. 2 р. 75 к.
- НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ БИОЛОГІИ. Сборникъ, подъ ред. проф. В. А. Вагнера. № 7. Спб. 1914. Ц. 80 к.
- НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ХИМИИ. Сборникъ, подъ ред. проф. Л. А. Чугаева. № 7. Спб. 1914. Ц. 80 к.
- РЕМСЕНЪ, И., проф. Неорганическая химія. Вып. I. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- СИЛАНТЬЕВЪ, А. Определитель европейскихъ птицъ. Спб. Ц. 1 р. 75 к.
- СЫРЕЙШИКОВЪ, Д. Иллюстрированная флора Московской губерніи. Ч. IV. М. 1914. Ц. 2 р.
- ТУМАСОВЪ, В. Краткія свѣдѣнія изъ метеорологіи. Кіевъ. 1914. Ц. 30 к.
- ЦИММЕРЪ, К. Наставленіе къ наблюденію міра пернатыхъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 20 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- РОССІЯ. Географическое описаніе Россійской имперіи по губерніямъ и областямъ, съ географическими картами. Спб. Ц. въ перепл. 8 р. 50 к.

Языковѣдѣніе.

- КНАУЭРЪ, Ф. Лекціи по введенію въ языковѣдѣніе. Кіевъ. 1914. Ц. 2 р. 30 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- АГБЕВЪ, Н. Варна голландскаго сыра. Спб. 1914. Ц. 40 к.
- БЕНЗИНЪ, В. Культура кукурузы. Спб. Ц. 60 к.
- ДОВОХОТОВЪ, А. Овцеводство въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб. 1914. Ц. 25 к.
- МАМОНТОВЪ, И. Библиографическій указатель сочиненій и статей о болѣзняхъ и поврежденіяхъ культурныхъ растений за 1911 г. Спб. 1914. Ц. 25 к.
- ОРЛОВА, О. Естественный и искусственный выводъ птенцовъ. Спб. Ц. 30 к.
- ПОНСЕТЪ ДЕ-САНДОНЪ, В., ад.-проф. Роль свѣта въ лѣсу и его значеніе въ лѣсоводствѣ. Рига. 1914. Ц. 2 р.
- ФОНЪ-ВИНКЛЕРЪ, П., бар. Выращиваніе цѣнныхъ и декоративныхъ породъ птицъ. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- ХОЛМОГОРСКІЙ, Ф. Товарищескій сбытъ. скота. М. 1914. Ц. 15 к.
- Какъ выгодно вести пчеловодство. М. 1914. Ц. 12 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

АДАДУРОВЪ, И. Основы кредитоспособности, способы ея опредѣленія и проверки. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ГРИНВАЛЬДЪ, К. Международная лѣсная торговля и участие въ ней Россіи. Ч. I. и II. Спб. 1914. Ц. за обѣ части 1 р. 25 к.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЯИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ И УЧАСТІЕ ВЪ НЕЙ РОССИИ. Спб. 1914. Ц. 40 к.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ОБЛАСТНОГО СЪѢЗДА ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ по вопросамъ экспорта въ связи съ пересмотромъ русско-германскаго тор-

гового договора 17—21 февраля 1914 г. въ гор. Кіевѣ. Кіевъ. 1914. Ц. 20 к.

РОЗАНОВЪ, Н. Справочная книга по рыбопромышленности Дальняго Востока. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

СПРАВОЧНАЯ КНИГА ПО ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ЧАСТИ ДЛЯ ИМПЕРАТОРСКИХЪ РОССИЙСКИХЪ КОНСУЛЛОВЪ. Дополненіе. Спб. 1914. Ц. 2 р.

ЧЕРДЫНЦЕВЪ, В. Дороговизна русскаго пряденія и причины, ее вызывающія. М. 1914. Ц. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

АВЕРИНЦЕВЪ, И. Ткачество. Руководство для учебно-ткацкихъ мастерскихъ и для самообразованія. Съ 262 рис. Спб. 1914. Ц. 1 р. 75 к.

БУРБО, О. Электричество у себя дома. Спб. Ц. 80 к.

БЪЛЯЕВСКІЙ, В., инж. Опытъ анализа поврежденій, произведенныхъ пожаромъ въ нѣкоторыхъ желѣзобетонныхъ сооруженияхъ. Спб. 1914. Ц. 90 к.

ВИНОГРАДОВЪ, М. и др. Практика нижней геологіи. М. 1914. Ц. 3 р.

ГАЛИЦКІЙ, В. Курсъ землемѣрія (нижней геологіи). Екатеринбургъ, 1914. Ц. 3 р. 50 к.

ГДАНСКІЙ, Л. Электротехникъ-любитель. Спб. 1914. Ц. 30 к.

ЕВДОКИМОВЪ, Б. Какъ получить безъ ретуши художественные портреты. Спб. 1914. Ц. 60 к.

ЕПАНЧИНЪ, Н., инж. Матеріалы къ элеваторному дѣлу въ Канадѣ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 75 к.

— Орошеніе и колонизація Канады. Т. I. Спб. 1913. Ц. 3 р. 50 к.

КАШКАРОВЪ, Н. Пневматическое водоснабженіе и примѣненіе его въ городахъ и на жел. дор. станціяхъ. Томскъ. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

КОРВИНЪ, Т. Успѣхи современной техники. Одесса. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

КУЗНЕЦОВЪ, Н. Какой мивъ купить автомобиль? Справочная книга для автомобилистовъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

МЕРЦАЛОВЪ, Н. И., проф. Динамика механизмовъ. Курсъ лекцій. М. 1914. Ц. 4 р. 85 к.

МЕЩЕРСКІЙ, Г. Сравнительная данная отчетныя и расцѣпочныхъ вѣдомствъ: среднихъ единичныхъ цѣнъ, поперстнаго количества и поперстной стоимости работъ и поставокъ по постройки ж. д. Россіи за время 1881—1914 г.г. Спб. 1914. Ц. 3 р.

МИЛИЦЫНЪ, Н. Огнестойкое строительство. М. 1914. Ц. 40 к.

МОРОШКИНЪ, А. Желѣзобетонная ферма изъ двухъ жесткихъ рамъ въ Николаевскомъ запл Спб. Городской Думы. Расчетъ и описаніе выполненія работы. Спб. 1914. Ц. 30 к.

ПАТОНЪ, Е. проф. Проектъ моста черезъ р. Горный-Тикичъ, въ м. Тальномъ. Кіевъ. 1914. Ц. 5 р.

— Ичисленіе вѣса и 2 листа чертежей желѣзнаго пролетнаго строенія къ проекту типового шоссеянаго съ вѣздомъ по низу моста, отверстіемъ 10 саж. Кіевъ. 1914. Кіевъ. 1914. Ц. 3 р.

— Ичисленіе вѣса и 3 листа чертежей желѣзнаго пролетнаго строенія къ проекту типового шоссеянаго съ вѣздомъ по низу моста, отверстіемъ 15 саж. Кіевъ. 1914. Ц. 3 р.

— Ичисленіе вѣса и 8 лист. черт. желѣзнаго пролетнаго строенія и каменныхъ опоръ къ проекту шоссеянаго съ вѣздомъ по низу моста чер. Гнилой-Тикичъ въ Екатеринбургѣ. Кіевъ. 1914 г. Ц. 5 р. 50 к.

— Ичисленіе вѣса и 6 лист. черт. желѣзнаго пролетнаго строенія и каменныхъ опоръ къ проекту шоссеянаго съ вѣздомъ по низу моста чер. Гнилой-Тикичъ въ Звенигородѣ. Кіевъ. 1914. Ц. 5 р.

— Ичисленіе вѣса и 7 листовъ чертежей желѣзнаго пролетнаго строенія и каменныхъ опоръ къ проекту шоссеянаго съ вѣздомъ по низу моста чер. Росъ въ Корсуни. Кіевъ. 1914. Ц. 5 р.

ЦЕРМЯКЪ, Л. Какъ устроить небольшой кирпичный заводъ. Спб. 1914. Ц. 15 к.

ПЕТРОВЪ, Н. Нужда въ изысканіи угольныхъ дорогъ. Спб. Ц. 20 к.

ПОЛЪЕТАЕВЪ, А. Подсчетъ земляныхъ работъ для грунтовыхъ и шоссеяныхъ дорогъ, сооружаемыхъ М. П. С., Воен. Вѣдом., Переселенч. упр. и земствами. Благовѣщенскъ. 1914. Ц. 1 р. 75 к.

РЫШКОВЪ, П. проф. Общія указанія и данныя для составленія расцѣпочныхъ вѣдомостей стоимости работъ и поставокъ по сооруженію жел. дор. Кіевъ. 1914. Ц. 85 к.

СПАРРО, Р. Атласъ черт. сельскихъ гидротехническихъ сооружений. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ФЕДОРОВЪ, П. Водяные двигатели. Спб. 1914. Ц. 40 к.

ФЕДОРОВЪ, С. Руководство къ окончательной приемкѣ на жел. дор. отъ заводовъ металлическихъ частей верхняго строенія пути: рельсовъ, скрѣпленій и стрѣлочныхъ переводовъ. Ростовъ-Д. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ЭВАЛЬДЪ, В., проф. Строительные матеріалы, ихъ приготовленіе, свойства и испытанія. Изданіе 8. Спб. 1914. Ц. 3 р.

ЭММЕРИХЪ, Р., проф. Объ устройствѣ водяныхъ клапановъ. Спб. Ц. 40 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

БРУСИЛОВСКІЙ, Е., д-ръ. Одесскіе лиманы и ихъ лечебные средства. Одесса. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

ФРЕЙФЕЛЬДЪ, Е. д-ръ. Новые пути въ серологіи. Оборонительные ферменты. Абдергальдена. Екатеринбургъ. 1914. Ц. 1 р. 75 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- БАЖЕНОВЪ, Н. Школьные экскурсіи. Харьковъ. 1914. Ц. 20 к.
- БОГОСЛОВСКІЙ, М., проф. Учебникъ русской исторіи. Курсъ IV класса гимназій. М. 1914. Ц. 50 к.
- БУДАНОВЪ, В. Атласъ репетиціонныхъ картъ для классныхъ и домашнихъ работъ по географіи. Ч. I. Начальн. курсъ географіи. М. Ц. 40 к.
- ВЕЙХЕЛЬТЪ, К., КОВАЛЕНСКІЙ, М. и др. Книга по русской исторіи для начальныхъ школъ и первыхъ классовъ средн. уч. зав. съ карт. и рис. Спб. 1914. Ц. 70 к.
- ГЕРДЪ, А. Я., и ГЕРДЪ, В. А. Учебникъ минералогіи. Спб. 1914. Ц. 60 к.
- ДУЧИНСКІЙ, Н. Русская исторія. Курсъ элементарный. М. 1914. Ц. 60 к.
- ИВАНОВСКІЙ, А. Географическія имена. Пособіе для учащихся. Ц. 50 к.
- КАЗАНСКІЙ, И. и ИВАКИНА, А. Три ступени. Сборникъ статей для изложеній. М. 1914. Ц. 50 к.
- КРАЕВИЧЪ, К. Учебникъ физики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. 25-е изданіе. Спб. 1914. Ц. 2 р. 75 к.
- ЛЕВИТСКІЙ, А. Священная исторія Новаго Завета, изложенная по евангельскому тексту. М. 1914. Ц. 60 к.
- МОРОЗОВЪ, А. и БРЛЕКСОВЪ, С. Грамматическія прописи. В. 2-й. М. 1914. Ц. 30 к.
- МУСИНЪ-ПУШКИНЪ, А., графъ. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ семьи и школы въ педагогической литературѣ и школьной практикѣ у насъ и на Западѣ. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- ПЕТРОВА, Е. Бидальская школа въ Англии. Ц. 50 к.
- ПЕТЦЕЛЬ, Л. Дѣтскіе сады за границей. Спб. 1914. Ц. 30 к.
- ПОПОВЪ, В. «Отблески». Хрестоматія для изученія теоріи словесности. Ч. III. Спб. 1914. Ц. 1 р. 60 к.
- САВОДНИКЪ, В. Хрестоматія для изученія исторіи русской словесности. В. I. М. 1914. Ц. 65 к.
- СКВОРЦОВЪ, Н. Моя любимая азбука. М. 1914. Ц. 75 к.
- СПЕНСЕРЪ, Г. Статьи о воспитаніи. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- СОКОЛОВЪ, Б. Грамматика русскаго языка. Этимологія. Ц. 40 к.
- ТУМИМЪ, Г. Уроки развитія рѣчи. Методическая хрестоматія. (Примѣрные уроки, планы и конспекты). В. I. Спб. 1914 г. Ц. 50 к.
- ШТЕКЛИНЪ, Л. Методика ариометикн. Ч. III. М. 1914. Ц. 1 р. 60 к.
- ЭРТЛИ, Э. Народная школа и трудовое начало. Спб. 1914. Ц. 50 к.

Спортъ, охота и игры.

- ГРОССЪ, П. Игра лаунъ-теннисъ. Спб. 1914. Ц. 20 к.
- ДОВБРЯНСКІЙ, А. Практическіе советы охотнику. Херсонъ. 1914. Ц. 40 к.
- ЛЕЙТНЕРЪ, Футболъ. Англійская игра въ мячъ. Спб. 1914. Ц. 20 к.
- МУРАВЬЕВЪ, С. Бонди или хоккей зимой и лѣтомъ. Спб. 1914. Ц. 20 к.
- НИКОЛЬСКІЙ, Р. (Ю. ПЕТРОВЪ). Крокетъ. Садовая дачная игра. Спб. Ц. 20 к.
- РУКОВОДСТВО ДРЕСИРОВКИ ПОЛИЦЕЙСКИХЪ И СЛУЖЕБНЫХЪ СОБАКЪ. Изд. 6-е. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- ШВАРЦЪ, Ф. Гольфъ. Новая игра въ мячъ. Спб. 1914. Ц. 20 к.

Справочныя книги.

- ВЕЙГЕЛИНЪ, К. Воздушный справочникъ на 1914 г. Ежегодникъ императорскаго всероссійскаго аэро-клуба. Спб. 1914 г. Ц. 1 р.
- ВИНОГРАДОВЪ, А. Руководство станціоннымъ агентамъ по коммерческой части. М. 1914. Ц. 2 р.
- СБОРНИКЪ ИНСТРУКЦІЙ И ПРОГРАММЪ ДЛЯ УЧАСТНИКОВЪ ЭКСКУРСІЙ ВЪ СИБИРЬ. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ЛУКОМОРЬЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ 16-го апрѣля до конца года 6 р. съ перес. и дост.,
на 3 мѣсяца 2 р. 75 к., на 1 мѣсяць 1 р.

Всюду въ продажѣ цѣна номера 20 к.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій, 40)
и въ книжныхъ магазинахъ Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время»
въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Ростовѣ-на-Дону.

Издатель М. А. Суворинъ.

Редакторъ А. М. Селитренниковъ (А. Ренниковъ).

Завѣд. худож. отд. Г. Магула.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ва А. С. Суворина—, „Новое Время“

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

**РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ
РУССКОЙ ИСТОРІИ (1861-1881 гг.)**

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

Въ этой книгѣ изложены историческія событія въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и вплоть до мученической кончины Императора Александра II. Въ первой части авторъ слѣдитъ за рожденіемъ оппозиціи внутренней политикѣ правительства и по преимуществу сосредоточиваетъ свое вниманіе на борьбѣ либеральныхъ общественныхъ элементовъ съ консервативными тенденціями правящихъ сферъ. Событія революціоннаго порядка отмѣчаются, какъ явленія единичныя, безъ поддержки ихъ значительнымъ количествомъ соучастниковъ. Во второй части передъ читателями развертывается дѣятельность «землевольтескихъ» и «народовольческихъ» группъ, и на сцену выступаютъ фанатизированные террористы, жертвою преслѣдованія со стороны которыхъ является Царь-Освободитель. Обѣ части книги обильно иллюстрированы портретами русскихъ государственныхъ, общественныхъ и революціонныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка.

ТОГО ЖЕ АВТОРА продается книга:

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ

(1612-1861 гг.).

Историческіе очерки

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Цѣна 3 р. 50 коп.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“
(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПРОДАЕТСЯ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ
Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯБРЬ 1914 г.

СТРАН.

Славянскій гимнъ. (Посвящается братьямъ-славянамъ). Алек. Бахирева.	I
Къ читателямъ.	III
Истинные виновни ки раздѣла Польши. (Историческая справка). А. Б. Михайлова.	V—VIII
Историческая лѣтопись. (Продолженіе).	IX—XLIV

Иллюстраціи: 1) Президентъ Французской республики Раймондъ Пуанкаре.—2) Его величество Георгъ V, король Великобританіи.—3) Его величество король бельгійскій Альбертъ.—4) Военный министр генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи Владимиръ Александровичъ Сухомлиновъ.—5) Генералъ-отъ-кавалеріи П. Е. фонъ-Ренненкампфъ, командующій войсками виленскаго округа.—6) Генералъ-лейтенантъ Я. Г. Жилинскій, командующій войсками варшавскаго военнаго округа.—7) Генералъ-отъ-артиллеріи Н. В. Никитинъ, командующій войсками одесскаго военнаго округа.—8) Генералъ-отъ-артиллеріи Н. І. Ивановъ, командующій войсками кіевскаго военнаго округа.

I. На родной почвѣ. (Романъ). Часть вторая. XIII—XVII. (Продолженіе). М. Г. Веселковой-Гильштетъ.	737
II. Изъ воспоминаній стараго зриванца. II. (Продолженіе). А. Ф. Рукевича.	789
III. Послушница. (Изъ современной дѣйствительности). Ю. Чаева.	811
IV. Ужасы города. (Изъ повседневныхъ исторій). III. (Продолженіе). В. В. Уманова-Каплуновскаго.	822
V. «Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ». (Михаилъ Григорьевичъ Кучеровъ). А. Н. Витмера.	837
Иллюстрація: Михаилъ Григорьевичъ Кучеровъ.	
VI. О М. Ю. Лермонтовѣ. В. Д. А—вой.	955
VII. По поводу легенды объ императорѣ Александрѣ I. В. Г.	958
VIII. По тому же вопросу. (Отвѣтъ г. В. Г.). Великаго князя Николая Михайловича.	871
IX. А. С. Суворинъ и основаніе театра литературно-артистическаго кружка. (Страничка изъ воспоминаній «Минувшее»). (Окончаніе). Е. П. Карпова.	873
Иллюстраціи: 1) М. А. Михайловъ въ роли Акима изъ пьесы «Власть тьмы».—2) Судьбининъ въ роли Никиты изъ пьесы «Власть тьмы».—3) Первая афиша Малаго театра.—4) Группа участниковъ Малаго театра. Въ центрѣ знаменитый итальянскій трагикъ Сальвини, сбоку А. С. Суворинъ.	
X. Анна Васильевна Гоголь. (Мое знакомство и переписка съ нею). I—VIII. А. М. Чернецкая.	903
XI. Памяти М. Г. Черныева. М. Л. Юдина.	941
Иллюстраціи: 1) Памятникъ въ гор. Аулиеатѣ въ память взятія его 4-го июня 1864 г. отрядомъ полковника Черныева. Находится на старомъ кладбищѣ въ туземной части города. Надписи не имѣеть.—2) Памятникъ въ гор. Чимкентѣ въ честь воиновъ, павшихъ при взятіи крѣпости 22-го сентября 1864 г., сооруженъ въ 1889 г.—3) Памятникъ въ одной верстѣ отъ Чимкента на мѣстѣ русской батареи, стрѣлявшей по крѣпости въ 1864 г.; внутри похоронены 9 русскихъ солдатъ.	
XII. Къ характеристикѣ М. Д. Скобелева. Е. Смирнова.	957
XIII. Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы). XLIV—XLVII. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго.	959

(См. слѣд. стран.).

- XIV. Прогулка въ Ньюстэдъ Аббей. **П. М. Устимовича**. 987
 Иллюстраціи: 1) Аббатство. Главный фасадъ.—2) Приемная.—3) Гостиная.—4) Большая столовая.—5) Спальня Вайрона.—6) Доска въ память Вайрона, вѣдланная въ стѣнку церкви Наскnull его сестры Августой Лей.—7) Могила Вайрона.—8) Памятникъ на могилѣ вьюфаундлендской собаки «Boatswain» въ паркѣ.
- XV. Изъ записной книжки историка. (Россія и нѣмцы.—Россія и славянство). **Е. С. Шумигорскаго**. 1000
- XVI. Критика и библиографія. 1007
 1) Сборникъ дипломатическихъ документовъ. Переговоры отъ 10 до 24-го юля 1914 г., предшествовавшіе войнѣ. Петроградъ. 1914. П. М. Майнова.—2) Русскій Биографическій Словарь. Томъ: Гаагъ — Гербель и Нааке-Навенскій—Николай Николаевичъ Старшій. 1914. в. Семеновича.—3) Ф. Титовъ. Русскій царствующій домъ Романовыхъ въ его отношеніяхъ къ Кіево-Печерской лаврѣ. 1611—1911 гг. Съ приложеніями. Кіевъ. 1914. А. С. Б.—4) Патриотическій институтъ. Историческій очеркъ за сто лѣтъ. 1813—1913 гг. Составилъ по порученію совѣта института инспекторъ классовъ А. Ф. Вардовскій. Петроградъ. 1914. н. г. Р.—5) Г. Прозрителевъ. Военное прошлое нашихъ калмыковъ. 1812—1912 гг. Ставропольскій кадыцкій полкъ и астраханскіе полки въ Отечественную войну 1812 г.—Труды ставропольской ученой архивной комиссіи. Выпускъ третій. Ставрополь-Кавказскій. 1913. Бор. Гродецкаго.—6) Державный орденъ сятаго Іоанна Іерусалимскаго, именуемый Мальтійскимъ въ Россіи. Составилъ на основаніи официальныхъ и архивныхъ актовъ и документовъ И. Б. Антошевскій. Петроградъ. 1914. м. с.—7) Библиотека мемуаровъ. Мое время. Записки Г. С. Винскаго. Редакція и вступительная статья П. Е. Щеголева. Петроградъ. 1914. А. М.—на.—8) Военная энциклопедія. Полутомы XXVII и XXVIII. Петроградъ. 1914. л. н.—9) И. И. Замотицъ. М. Ю. Лермонтовъ. Мотивы идеальнаго строительства жизни. Варшава. 1914. в. Данилова.—10) Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Вып. III. Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811 — 1816 года. Томъ II. Подъ редакціей и съ примѣчаніями приватъ-доцента петроградскаго университета Е. И. Тарасова. Петроградъ. 1913. п. майнова.—11) А. Е. Заринъ. Сѣверный богатырь. Историческая повѣсть. Москва. Д. М.
- XVII. Новости исторіи. Обзорѣніе журналовъ. **А. А. Измаилова**. . . 1025
- XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи. 1031
 1) Воспоминанія о заключеніи франко-русскаго союза.—2) Приключеніе провинціала въ Парижѣ.—3) Крестница Екатерины Великой.—4) Г-жа Сталь въ Веймарѣ.—5) Гдѣ находится подлинный прахъ Колумба.—6) Вдова Наполеона.—7) Одинъ изъ героевъ жаверіа.
- XIX. Смѣсь. 1053
 1) Отдѣлныя войны.—2) Въ союзѣ 17-го октября.—3) Воззваніе партіи народной свободы.—4) Постановленіе трудовой группы.—5) Резолюція группы ученыхъ и общественныхъ дѣателей.—6) Резолюція группы ученыхъ, профессоровъ и общественныхъ дѣателей.—7) Резолюція 130-го славянскаго общда.—8) Постановленіе 131-ой славянской талесы.—9) Воззваніе къ болгарскому народу.—10) Воззваніе къ славянамъ.—11) На воздушный флотъ.—12) Отъ Скобелевскаго комитета.—13) Отъ петроградскаго городского общественнаго управленія.—14) Отъ комитета по сбору и распредѣленію пожертвованій на нужды, вызываемыя военнымъ временемъ.
- XX. Некрологи. 1065
 1) Акимовъ, М. Г.—2) Вабичевъ, Ф. А.—3) Вель, Е. М.—4) Есипова, А. Н.—5) Кастальскій, И. Е.—6) Бурдюмовъ, Е. Д.—7) Немировскій, А. О.—8) Ольденбургъ, Ф. Ф.—9) Половинкинъ, И. Н.—10) Распоповъ, В. Е.—11) Святловскій, Е. В.—12) Середонинъ, С. М.—13) Гуганъ-Варановская, Н. А.
- XXI. Замѣтки и поправки. 1072

Приложенія: 1) Портретъ верховнаго главнокомандующаго его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича.—2) Пятая труба. Историческій романъ Поля Бертрама. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. V—VI. (Продолженіе).

СОДЕРЖАНІЕ СТО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОГО ТОМА.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ 1914 года.

	СТРАП.
Россія и славянство. Д. Н. Вергуна. (Августъ)	I—VII
Историческая лѣтопись. (Съ 13 портретами). (Августъ и сентябрь)	VIII—XXVI, IX—XLIV
Славянскій гимнь. (Посвящается братьямъ-славянамъ). А. Бахирева. (Сент.)	I
Къ читателямъ. (Сентябрь)	III
Истинные виновники раздѣла Польши. (Историческая справка). А. Б. Михайлова. (Сентябрь)	V—VIII
На родной почвѣ. (Романъ). Часть вторая. I — XVII. (Продолженіе). М. Г. Веселковой-Кильштеть.	5, 369, 737
Записки графа Н. П. Игнатьева. (Окончаніе)	54
На кумысѣ. (Очеркъ). П. И. Соколова.	94
Русскій народный гимнь. Барона К. К. Штакельберга.	115
Ужасы города. (Изъ повседневныхъ исторій). (Продолженіе). В. В. Уманова-Каплуновскаго.	132, 518, 822
Отживающіе идеалы и типы. (Памяти В. Г. Авсѣенка). А. И. Фаресова.	145
иллюстрація: Василій Григорьевичъ Авсѣенко.	
200-лѣтіе Гангутской побѣды. А. И. Лебедева.	170
иллюстраціи: 1) Планъ сраженія при Ганге-Уддѣ.—2) Ээкспликація плана сраженія.—3) Типы современныхъ судовъ.	
«Король риѣмы». (Д. Д. Минаевъ и его литературная дѣятельность). Н. А. Державина.	182, 477
иллюстраціи: 1) Дмитрій Дмитриевичъ Минаевъ.—2) Минаевская улица въ Симбирскѣ.—3) Д. Д. Минаевъ въ гробу.—4) Могила Д. Д. Минаева въ Симбирскѣ.	
«Истор. вѣстн.» сентябрь 1914 г., т. сxxxvii. 1/2	

- Домъ науки имени П. И. Макушина въ Томскѣ. **Н. С.** 217
 Иллюстраціи: 1) «Домъ науки» имени П. И. Макушина въ Томскѣ.—
 2) Петръ Ивановичъ Макушинъ.
- Ек. Ив. Зарина-Новикова. **Ф. Н.** 225
 Иллюстрація: Е. И. Зарина-Новикова.
- Ревнитель просвѣщенія. (Памяти П. Г. Шеллапутина). **Князя Б. А. Щети-
 нина.** 230
 Иллюстрація: П. Г. Шеллапутинъ.
- Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы). XXXVI—XLVII.
 (Продолженіе). **Б. Б. Глинскаго.** 238, 598, 959
 Иллюстрація: Группа участниковъ корейской экспедиціи.
- По Швеціи и Норвегіи. (Примѣрный маршрут). **С. Арсеньева.** 272
 Иллюстраціи: 1) Шхеры.— 2) Стокгольмская пристань.— 3) Видъ Сток-
 гольма.— 4) Водопадъ Тролльгетта.— 5) Водопадъ Тролльгетта.— 6) Корабль
 викинговъ.— 7) Озеро между Dalen и Odda.— 8) Въ окрестностяхъ Сток-
 гольма.
- Изъ записной книжки историка. (Восточная война 1853—1856 гг. и книга
 о ней А. М. Заіончковскаго). **Е. С. Шумигорскаго.** 296
- Новости археологіи. **А. А. Миронова.** 304
- Изъ воспоминаній стараго эриванца. (Продолженіе). **А. Ф. Рукевича.** 414, 789
- Завѣтное словечко. (Московская быль). **В. П. Авенариуса.** 429
- А. С. Суворинъ** и основаніе театра литературно-артистическаго кружка.
 (Страничка изъ воспоминаній «Минувшее»). **Е. П. Карпова.** 449, 873
 Иллюстрація: 1) Н. Д. Красовъ въ пьесѣ «Ганнеле».— 2) М. А. Михай-
 ловъ въ роли Акима изъ пьесы «Власть тьмы».— 3) Судьбининъ въ роли
 Никиты изъ пьесы «Власть тьмы».— 4) Первая афиша Малаго театра.—
 5) Группа участниковъ Малаго театра. Въ центрѣ знаменитый итальян-
 скій трагикъ Сальвини, сбоку А. С. Суворинъ.
- «Соціалистъ». (Изъ дѣйствительной жизни). **Н. А. Котляревскаго.** 471
- Мусульманскій Лютеръ. **Н. Д. Федотова.** 527
 Иллюстрація: Муса Вигіевъ.
- Воспоминанія и дневники русскихъ женщинъ. **Е. Щепкиной.** 536
- Послѣдній петрашевецъ. **А. С. Панкратова.** 556
 Иллюстрація: Н. С. Кашвинъ.
- Пулковская обсерваторія. (Очеркъ). **Н. С. Павловскаго.** 567
 Иллюстраціи: 1) В. Я. Струве, первый директоръ Пулковской обсерва-
 торіи.— 2) Общій видъ главнаго зданія Пулковской обсерваторіи съ юга.—
 3) Академикъ О. А. Вавлундъ, нынѣшній директоръ Пулковской обсер-
 ваторіи.— 4) Башня 30-дюймоваго большаго рефрактора Пулковской обсер-
 ваторіи и зданіе астрономической лабораторіи.

Князь В. П. Мещерскій. (Некрологъ). Б. Г.	583
Иллюстрація: Князь В. П. Мещерскій.	
У могилъ двухъ поэтовъ. А. И. Фирсова.	635
Иллюстрація: Памятникъ поэту Никитину.	
Два монастыря Псковской земли. (Впечатлѣнія зимней поѣздки). В. Н. Княжнина.	640
Иллюстраціи: 1) Церковь Успенія въ Псково-Печерскомъ монастырѣ.— 2) Псково-Печерскій монастырь съ главною церковью Успенія.— 3) Бывшій Святогорскій монастырь, нынѣ архіерейское домоуправленіе. На правой сторонѣ церковь Рождества Пресвятой Богородицы XIII—XIV стол.	
Изъ записной книжки историка. (Восточная война 1853—1856 гг. и книга А. М. Заіончковскаго.—Борьба славянства съ германизмомъ: война Австріи съ Сербіей). Е. С. Шумигорскаго.	656
Иностранцы о Россіи.	675
Послушница. (Изъ современной дѣйствительности). Ю. Чаева.	811
«Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ» (Михаилъ Григорьевичъ Кучеровъ). А. Н. Витмера.	837
Иллюстрація: Михаилъ Григорьевичъ Кучеровъ.	
О М. Ю. Лермонтовѣ. В. Д. А—вой.	955
По поводу легенды объ императорѣ Александрѣ I. В. Г.	958
По тому же вопросу (Отвѣтъ г. В. Г.). Великаго князя Николая Михайловича.	871
Анна Васильевна Гоголь. (Мое знакомство и переписка съ нею). I—VIII. А. М. Чернецкая.	903
Памяти М. Г. Черныева. М. Л. Юдина.	941
Иллюстраціи: 1) Памятникъ въ гор. Аулиеатѣ въ память взятія его 4-го іюня 1864 г. отрядомъ полковника Черныева. Находится на старомъ кладбищѣ въ туземной части города. Надписи не имѣеть.— 2) Памятникъ въ гор. Чимкентѣ въ честь воиновъ, павшихъ при взятіи крѣпости 22-го сентября 1864 г., сооруженъ въ 1889 г.— 3) Памятникъ въ одной верстѣ отъ Чимкента на мѣстѣ русской батареи, стрѣлявшей по крѣпости въ 1864 году; внутри похоронены 9 русскихъ солдатъ.	
Къ характеристикѣ М. Д. Скобелева. Е. Смирнова.	957
Прогулка въ Ньюстэдъ Аббей. П. М. Устимовича.	987
Иллюстраціи: 1) Аббатство. Главный фасадъ.— 2) Приемная.— 3) Гостиная.— 4) Большая столовая.— 5) Спальня Вайрона.— 6) Доска въ память Вайрона, вѣданная въ стѣнку церкви Наскnull его сестрой Августой Лей.— 7) Могила Вайрона.— 8) Памятникъ на могилѣ ньюфаундлендской собаки «Boatswain» въ паркѣ.	
Изъ записной книжки историка. (Россія и нѣмцы.—Россія и славянство). Е. С. Шумигорскаго.	1000
	1/2*

Критика и библиографія. 314, 675, 1007

- 1) Mémoires du roi Stanislas Auguste Poniatowsky. (Воспоминания короля Станислава-Августа Понятовскаго). Т. I. Спб. 1914. П. Майнова.—
- 2) Графъ Павелъ Шереметевъ. Владимиръ Петровичъ Шереметевъ. 1668—1737. Съ 18 фототипіями, 5 цанкографіями и двумя родословными таблицами. Москва. Б. Модзалевскаго.—
- 3) Академикъ Е. Е. Голубинскій. О реформѣ въ бытѣ русской церкви. Сборникъ статей. М. 1913. с.—
- 4) Г. А. Свворцовъ. Патріархъ Адріанъ. Его жизнь и труды въ связи съ состояніемъ русской церкви въ послѣднее десятилѣтіе XVII вѣка. Казань. 1913. н. г. Высоцкаго.—
- 5) В. Н. Вочкаревъ. Московское государство XV—XVII вѣковъ. По сказаніямъ современниковъ-инострanceвъ. Спб. 1914. м.—
- 6) Адольфъ Михаэлисъ. Художественно-археологическія открытія за сто лѣтъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей профессора Вл. К. Мальмберга. Москва. 1913. л. л.—
- 7) В. Герье. Западное монашество и папство. Москва. 1913. п. б.—
- 8) Леонидъ Семеновъ. Лермонтовъ и Левъ Толстой. Къ столѣтію со дня рожденія Лермонтова. Москва. 1914. в. мн.—
- 9) В. Ропшинъ. То, чего не было. Романъ. Москва. 1914. А. Фаресова.—
- 10) Генрѣтта Карграмъ. Кокташдзуйская республика. Спб. 1914. в. Грибовскаго.—
- 11) В. В. Брусанинъ. Доктора и пациенты. Типы врачей въ художественной литературѣ. Литературно-общественныя параллели. Спб. в. б.—она.—
- 12) «Первая экскурсія въ Италію съ маршрутомъ на 28 дней, записью практическихъ свѣдѣній и дорожнымъ словаремъ». В. М. С—ва. Спб. 1914. н. лнд.—
- 13) В. А. Верещагинъ. Памяти прошлаго. Статьи и замѣтки. Спб. 1914. Николая Энгельгардта.—
- 14) Культурныя сокровища Россіи. Вып. V. Ю. и З. Шаурины. Москва въ ея старинѣ.—Вып. VIII. Ф. Ф. Горностаевъ. Дворцы и церкви юга. Москва. 1914. Р—с.—
- 15) Борисъ Горовскій (В. К. Подгурскій). Забытыя русскія земли. Чукотскій полуостровъ и Камчатка. Путевые очерки. Изданіе В. А. Суворина. Библиотека «Вечерняго Времени». Спб. 1914.—
- В. М. Зензиновъ. Старинныя русскіе люди у Холоднаго океана. Русское Устье Якутской области, Верхоянскаго уѣзда. Съ предисловіемъ В. В. Богданова. Москва. 1914. м—о.—
- 16) П. Н. Симанскій. Суворовскій отдѣлъ библиотеки П. Н. Симанскаго. Спб. 1913. В. А. Аленьева.—
- 17) «Свѣтильникъ». Религіозное искусство въ прошломъ и настоящемъ. Ежемѣсячный журналъ. Москва. 1913. Д. Бочнова.—
- 18) «Атласъ Азіатской Россіи». «Азіатская Россія». Томъ первый. «Люди и природа за Ураломъ». Томъ второй. «Земля и хозяйство». Спб. 1914. П. Кривица.—
- 19) Биографическій очеркъ генерал-фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича Волконскаго (1776—1852 гг.). Съ портретомъ и двумя снимками. Спб. 1914. Г. Гарснаго.—
- 20) В. Л. Снегиревъ. Архивное законодательство при Петрѣ Великомъ. Очеркъ по исторіи архивнаго дѣла въ Россіи. М. 1913. в. Ар—та.—
- 21) Опись дѣлъ архива государственнаго совѣта.—Томъ восьмой. Дѣла государственнаго совѣта съ 1871 по 1876 г. Спб. 1913.—Томъ десятый. Дѣла государственнаго совѣта съ 1883 по 1888 г. Спб. 1913.—Томъ пятнадцатый. Дѣла секретнаго комитета и главныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу и объ устройствѣ сельскаго состоянія съ 1857 по 1882 г. Спб. 1911.—Томъ шестнадцатый. Дѣла государственнаго совѣта и государственной канцеляріи съ 1807 по 1910 г. Спб. 1912.—Томъ двадцатый. Дѣла собственнаго Его Императорскаго Величества канцеляріи по дѣламъ царства Польскаго съ 1826 по 1835 г. Спб. 1911. Rustio.—
- 22) Воронежская старина. Вып. двѣнадцатый. Воронежъ. 1913. м. м. м.—
- 23) W. Neumann. Aus alter Zeit. Kunst und kulturgeschichtliche Miscellen aus Liv-Est-und Kurland. А. Мальгрена.—
- 24) Эдуардъ Фуксъ. Иллюстрированная исторія нравовъ. Т. III. Вуржуазный вѣкъ. Переводъ В. М. Фриче. М. 1913. м.—
- 25) Джордано Вруно. Изгнаніе торжествующаго звѣря. Переводъ и примѣчанія Алексѣя Золотарева. 1914. л. нарсамина.—
- 26) Ю. Н. Щербачевъ. Пріятели Пушкина — Михаилъ Андреевичъ Щербининъ и Петръ Павловичъ Каверинъ. Москва. 1913. Сергѣя фонъ-Штейна.—
- 27) «Русскій Виблюфильдъ», журналъ историко-литературный и библиографическій. Вып. I—VIII. 1913.

А. М.—на.—28) Сборникъ дипломатическихъ документовъ. Переговоры отъ 10 до 24-го іюля 1914 г., предшествовавшіе войнѣ. Петроградъ. 1914. П. М. Майнова.—29) Русскій Біографическій Словарь. Томы: Гаагъ—Гербель и Нааке Накенскій—Николай Николаевичъ Старшій. 1914. В. Семеновна.—30) Э. Титовъ. Русскій царствующій домъ Романовыхъ въ его отношеніяхъ къ Кіево-Печерской лаврѣ. 1611—1911 гг. Съ приложеніями. Кіевъ. 1914. А. С. Б.—31) Патріотическій институтъ. Историческій очеркъ въ сто лѣтъ. 1813—1913 гг. Составилъ по порученію совѣта института инспекторъ классовъ А. Э. Бардовскій. Петроградъ. 1914. М. Г. Р.—32) Г. Прозрителевъ. Военное прошлое нашихъ калмыковъ. 1812—1912 гг. Ставропольскій калмыцкій полкъ и астраханскіе полки въ Отечественную войну 1812 г.—Труды ставропольской ученой архивной комиссіи. Выпускъ третій. Ставрополь-Кавказскій. 1913. Бор. Городецкаго.—33) Державный орденъ святого Іоанна Іерусалимскаго, именуемый Мальтійскимъ въ Россіи. Составилъ на основаніи официальныхъ и архивныхъ актовъ и документовъ И. К. Антошевскій. Петроградъ. 1914. М. С.—34) Библиотека мемуаровъ. Мое время. Записки Г. С. Винскаго. Редакція и вступительная статья П. Е. Щеголева. Петроградъ. 1914. А. М.—на.—8) Военная энциклопедія. Полутомы XXVII и XXVIII. Петроградъ. 1914. Л. Н.—36) И. И. Замотинъ. М. Ю. Лермонтовъ. Мотивы идеальнаго строительства жизни. Варшава. 1914. В. Данилова.—37) Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Вып. III. Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811—1816 года. Томъ II. Подъ редакціей и съ примѣчаніями приватъ-доцента петроградскаго университета Е. И. Тарасова. Петроградъ 1913. П. Майнова.—38) А. Е. Заринъ. Обрѣй богатырь. Историческая повѣсть. Москва. Д. М.

Новости исторіи. Обзорѣніе журналовъ. **А. А. Измайлова.** 691, 1025

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго
Вѣстника». 337, 700

Заграничныя историческія новости и мелочи. 340, 702, 1031

1) Смерть герцогини Орлеанской.—2) Огюсть Контъ вблизи.—3) Предтечя Рихарда Вагнера.—4) Эмигрантъ-оригиналь.—5) Выдержки изъ дневника графа Аппоньи.—6) Біографія Парнелли.—7) Французская біографія И. А. Гончарова.—8) Кое-что о Вѣнскомъ конгрессѣ.—9) Изъ воспоминаній о сентябрьскихъ убійствахъ.—10) Возвращеніе m-me де-Сталь во Францію.—11) Изъ біографіи Вальзака.—12) Гдѣ находилась древняя Атлантида.—13) Изъ воспоминаній жены дипломата.—14) Скачки въ царствованіе Людовика XVI.—15) Секретный дневникъ Луизы Мартэнъ.—16) Воспоминанія о заключеніи франко-русскаго союза.—17) Приключеніе провинціала въ Парижѣ.—18) Крестница Екатерины Великой.—19) Г-жа Сталь въ Веймарѣ.—20) Гдѣ находится подлинный прахъ Колумба.—21) Вдова Наполеона.—22) Одинъ изъ героевъ жакеріи.

Смѣсь. 357, 724, 1053

1) Открытіе памятника великому князю Михаилу Николаевичу.—2) Открытіе памятника А. Т. Вологову.—3) Празднованіе 500-лѣтія Павло-Обнорскаго монастыря.—4) 50-лѣтній юбилей Н. Г. Мартынова.—5) Пятидесятилѣтіе литературной и научной дѣятельности А. Н. Витмера.—6) Гдѣ жили въ Москвѣ знаменитые люди.—7) Столѣтіе духовной семинаріи.—8) Конкурсъ на составленіе историческаго очерка.—9) Отъ правленія драматическихъ и музыкальныхъ писателей.—10) Оживленіе историко-археологическаго интереса въ Курскомъ краѣ.—11) Двадцатипятилѣтній юбилей проф. Н. Н. Глубоковскаго.—12) Пятидесятилѣтіе новороссійскаго университета.—13) Отъ Высочайшаго учрежденнаго комитета по сбору пожертвованій на сооруженіе памятника въ Возѣ почившему великому князю Константину Николаевичу.—14) Отълики войны.—15) Въ союзѣ 17-го октября.—16) Воззваніе партіи народной свободы.—17) Постановленіе трудо-

вой группы.— 18) Резолюція группы ученыхъ и общественныхъ дѣятелей.— 19) Резолюція группы ученыхъ, профессоровъ и общественныхъ дѣятелей.— 20) Резолюція 130-го славянскаго объѣда.— 21) Постановленіе 131-ой славянской трапезы.— 22) Воззваніе къ болгарскому народу.— 23) Воззваніе къ славянамъ.— 24) На воздушный флотъ.— 25) Отъ Скобелевскаго комитета.— 26) Отъ петроградскаго городского общественнаго управления.— 27) Отъ комитета по сбору и распредѣленію пожертвованій на нужды, вызываемыя военнымъ временемъ.

Некрологи. 362, 730, 1065

1) Алексій, экзархъ Грузіи.— 2) Артѣмъ, А. Р.— 3) Вильсонъ, И. И.— 4) Гордѣевъ, П. А.— 5) Колодѣевъ, И. X.— 6) Микулина, Е. А.— 7) Навроцкій, А. А.— 8) Нордманъ-Сѣверова, Н. В.— 9) Овараджевъ, А. И.— 10) Святополькъ-Мирскій, П. Д., князь.— 11) Архіепископъ Николай.— 12) Архіепископъ Стефанъ.— 13) Иллѣшевичъ, Л. В.— 14) Калужняцкій, Э., профессоръ.— 15) Россовъ Н. Д., — 16) Синцовъ, И. Ѳ., проф. — 17) Череванскій, В. П.— 18) Акимовъ, М. Г.— 19) Бабичевъ, Ф. А.— 20) Вемъ, Е. М.— 21) Есицовъ, А. Н.— 22) Кастальскій, И. Е.— 23) Курдюмовъ, Е. Д.— 24) Немировскій, А. О.— 25) Ольденбургъ, Ѳ. Ѳ.— 26) Половинкинъ, И. Н.— 27) Распоповъ, В. Е.— 28) Святловскій, Е. В.— 29) Середонинъ, С. М.— 30) Туганъ-Варановская, Н. А.

Замѣтки и поправки. 1072

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портреты: 1) Генераль-адмирала графа Апраксина.— 2) Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича.— 3) Верховнаго главнокомандующаго его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича.— 4) Вождь (Кровавая комедія недавнихъ дней). Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ Вик-Ториневича. (Окончаніе).— 5) Пятая труба. Историческій романъ Поля Буртрама. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. I—VI.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

**ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ**

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе 100 печатныхъ листовъ, съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять рублей. Въ переплетѣ 30 рублей. Пересылка поравстоянію.

БИБЛИОТЕКА „ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ“

изд. Б. А. СУВОРИНА.

„Сто лѣтъ назадъ“.

Дневникъ Отечественной войны.
М. Чуприковъ.
Цѣна 2 рубля.

Карикатуры Пэма.

Цѣна 1 рубль.

**Около Болгарской
войны.**

Ал. Пилленко.
Обложка Н. Кравченко.
Цѣна 1 руб. 50 к.

Барышни Шнейдеръ.

Юр. Бѣляевъ. (Впечатанія). 8 изд.
Цѣна 1 рубль.

„Пиши“.

Пьеса Юр. Бѣляева.
Обложка худ. П. Д. Шмаровъ.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Городокъ

въ табакеркѣ.

Юр. Бѣляевъ.
Цѣна 1 рубль.

**Забутыя русскія
земли.**

Вор. Горовскій.
Съ 55 рисунками и 1 картой.
Цѣна 2 рубля.

ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ.

Контора оклада изданій Б. А. Суворина, Невскій, 52 („Веч. Вр.“).

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ
ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ (1861-1881 гг.)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

Въ этой книгѣ изложены историческія событія въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и вплоть до мученической кончины Императора Александра II. Въ первой части авторъ слѣдитъ за народженіемъ оппозиціи внутренней политикѣ правительства и по преимуществу сосредоточиваетъ свое вниманіе на борьбѣ либеральныхъ общественныхъ элементовъ съ консервативными тенденціями правящихъ сферъ. Событія революціоннаго порядка отмѣчаются, какъ явленія единичныя, безъ поддержки ихъ значительнымъ количествомъ соучастниковъ. Во второй части передъ читателями развертывается дѣятельность «землевольтескихъ» и «народовольческихъ» группъ, и на сцену выступаютъ фанатизированные террористы, жертвою преслѣдованія со стороны которыхъ является Царь-Освободитель. Обѣ части книги обильно иллюстрированы портретами русскихъ государственныхъ, общественныхъ и революціонныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка.

ТОГО ЖЕ АВТОРА продается книга:

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ

(1612-1861 гг.).

Историческіе очерки

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Цѣна 3 р. 50 коп.

СЛАВЯНСКІЙ ГИМНЪ.

(Посвящается братьямъ-славянамъ).

*Ликуй народъ душою ясной:
По волю русскаго Царя
Зажглась надъ родиной прекрасной
Давно желанная заря.*

*Ликуй народъ: промчались годы,
И «старый русскій великанъ»
Подъ свѣтлымъ знаменемъ свободы
Идетъ къ семьѣ родныхъ славянъ.*

*Онъ скажетъ имъ: «вы долго ждали,
Я долго мракомъ скованъ былъ,
Но свѣтъ пришелъ, завѣсы пали,
И я васъ, братья, не забылъ.*

*Пришелъ я сбросить рабства бремя,
Пришелъ какъ братъ, а не какъ врагъ,
Я васъ зову, родное племя,
Подъ свѣтлымъ мой свободный стягъ.*

*Мы вмѣстѣ, дружною семьей,
Посѣемъ правду на землѣ
И будемъ жить одной душою
Въ Варшавѣ, въ Прагѣ и въ Кремлѣ.*

Александръ Бахировъ.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Сотрудники «Историческаго Вѣстника» рѣшили отъ имени редакціи журнала прійти на помощь раненымъ воинамъ организаціей небольшого лазарета, въ коемъ больные могли бы найти себѣ отдыхъ, медицинскую помощь и тотъ покой, который необходимъ для восстановления здоровья. Устроенныя въ сихъ видахъ кровати приняты подъ Высокое покровительство Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ, удостоивающимъ журналъ «Историческій Вѣстникъ» своимъ неизмѣннымъ сотрудничествомъ.

Фондомъ на содержаніе кроватей намѣчены пожертвованія (единовременныя и ежемѣсячныя) сотрудниковъ. Но если бы кто изъ постоянныхъ читателей «Историческаго Вѣстника» пожелалъ и своей посильной лептой отозваться на начинаніе сотрудниковъ журнала, то такая можетъ быть направлена на имя редактора журнала Бориса Борисовича Глинскаго по адресу: Петроградъ, 2-я Рождественская ул., д. 19, кв. 17. (Телефонъ 129—32).

О ходѣ помощи раненымъ и объ организаціи сотрудниками всего дѣла въ свое время на страницахъ журнала будутъ даваемы отчеты, какъ равно здѣсь же будутъ печатаемы и списки жертвователей.

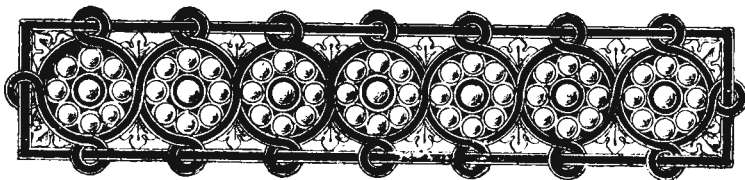
Уполномоченные сотрудниковъ:

*В. Б. Бертенсонъ,
М. Г. Веселкова-Кильшетъ,
Б. Б. Глинскій.*

1*

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

ИСТИННЫЕ ВИНОВНИКИ РАЗДѢЛА ПОЛЬШИ.

(Историческая справка).

В БОЛЬШОЙ публикѣ—русской и польской,—не слѣдящей за развитіемъ историческихъ знаній, принято считать, что виновницей раздѣла Польши является Россія. Особенно усердствовали въ укрѣпленіи такого взгляда нѣмецкіе историки. Но какъ ни тяжелы были ихъ ученые фоліанты, которыми они старались придавить истину, истина все-таки поднимается во весь свой ростъ, и теперь уже ни одинъ исторически начитанный и добросовѣстный человѣкъ не рѣшится повторить то, что намъ натвержено по нѣмецкой подсказкѣ. Новѣйшія историческія изслѣдованія ярко освѣтили закулисную сторону послѣднихъ лѣтъ существованія Польши и вывели на свѣтъ Божій главнаго виновника гибели этого славянскаго государства. Виновникъ этотъ—не кто иной, какъ прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ, своимъ предательствомъ заставившій Екатерину II отступить отъ завѣтовъ Петра Великаго, который не хотѣлъ присоединять Польшу насильственно, въ правильномъ расчетѣ, что подъ напоромъ германизма она рано или поздно сама придетъ къ намъ. Вѣроломная, но закулисная политика этого пруссака привела къ тому, что Россія должна была принять участіе въ раздѣлѣ Польши, причемъ всѣмъ казалось, что инициатива этого акта исходитъ именно отъ нея. На самомъ дѣлѣ, все произошло по указкѣ изъ Берлина. Чтобы не быть голословнымъ, я обращаюсь къ вышедшему четыре года тому назадъ историческому изслѣдованію—не русскаго, не польскаго и не нѣмецкаго, а нейтральнаго ученаго, англичанина Низбета Бэна, бібліотекаря Британскаго музея и извѣстнаго спеціалиста по исторіи славянъ, выпустившаго немало солидныхъ работъ въ облюбованной имъ области. Я имѣю въ виду сочиненіе Бэна «Послѣдній король Польши и его современники» (Nisbet Bain, «The last King of Poland and his contemporaries». Lond. 1909). Книга эта, къ сожалѣнію, осталась, какъ и многія другія хорошія книги, безъ перевода на русскій языкъ, но мною изъ нея сдѣлано обширное извлеченіе, помѣщенное въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (августъ 1910 г.). Всѣхъ, желаю-

щихъ поближе познакомиться съ чрезвычайно яркими событіями того времени и ролью, которую сыграли въ нихъ пруссаки, мы отсылаемъ къ этой статьѣ.

Едва Станиславъ Понятовскій былъ избранъ въ 1764 году на польскій престолъ, какъ опять вскрылся роковой для Польши вопросъ объ уничтоженіи такъ называемаго *liberum veto*, т. е. права каждаго отдѣльнаго члена многоголового собранія накладывать на любое рѣшеніе сейма свое *veto*, или «срывать сеймъ», по техническому выраженію. Императрица Екатерина согласилась помогать Понятовскому и не имѣла ничего противъ упорядоченія политическаго строя Польши путемъ превращенія ея въ наследственную конституціонную монархію и отмены *liberum veto*. Но, какъ видно, уничтоженіе государственной анархіи въ Польшѣ не входило въ расчеты Фридриха-Вильгельма, и онъ поспѣшилъ запугать Екатерину. «Ваше величество, — писалъ онъ ей въ октябрѣ 1764 г., — расклетесь, если произойдутъ какія-нибудь измѣненія въ *liberum veto*. Такія перемѣны сдѣлаютъ Польшу опасной для ея сосѣдей, а гарантируя прежніе законы, вы имѣете возможность вмѣшиваться въ ея дѣла, когда вамъ будетъ угодно».

Екатерина, къ сожалѣнію, поддавалась на эту удочку и, желая сохранить за собой возможность вмѣшательства въ польскія дѣла, дала такую же возможность и пруссакамъ. Напрасно Панинъ старался парализовать вредное вліяніе Фридриха на Екатерину: іезуитскій совѣтъ его былъ принятъ и со временемъ неизбежно привелъ Польшу къ раздѣлу.

Убѣдившись, что Панинъ устраненъ отъ дѣлъ, Фридрихъ сталъ дѣйствовать смѣлѣе. Черезъ нѣсколько дней послѣ восшествія Понятовскаго на престолъ онъ выстроилъ на прусскомъ берегу Вислы прусскую таможенную и сталъ принуждать польскія суда, идущія къ Данцигу, уплачивать ему десять процентовъ со стоимости груза. Когда суда стали держаться праваго польскаго берега, пруссаки силою тащили ихъ къ противоположному берегу. Такимъ образомъ съ польскихъ купцовъ было взято до 900 тысячъ рублей, и торговля Данцига стала приходить въ упадокъ. Станиславъ обратился за помощью къ Екатеринѣ. Россія настойчиво посовѣтовала Фридриху уступить въ этомъ вопросѣ, и пруссакамъ пришлось на время спрятать свои когти.

Между тѣмъ не зѣвали и австрійцы. По своему обычаю, они аннексировали Ципское графство, когда-то заложенное Польшѣ и числившееся ея собственностью. Послѣ этой аннексіи въ Петербургъ изъ Берлина былъ посланъ принцъ Генрихъ съ настойчивымъ предложеніемъ раздѣла Польши, проектъ котораго у него уже былъ самымъ тщательнымъ образомъ заготовленъ. Этотъ проектъ по приказанію Екатерины былъ предъявленъ въ Варшавѣ королю и министрамъ, но Станиславъ вмѣсто того, чтобы искать помощи у Россіи, тайно отправилъ посольство въ Версаль просить помощи и заступничества, но его магнаты привезли оттуда лишь выраженія соболѣзнованія.

Польша сама не могла остановить неотвратимо надвигавшіяся событія и въ сентябрѣ 1773 года потеряла нѣсколько окраинъ.

Фридрихъ былъ въ восторгѣ оттого, что его планы начинали осуществляться, и сыпалъ тяжеловѣсными остротами.

— Когда я умру, вы непременно должны протащить меня въ рай подъ полами вашей сутаны, — сказалъ онъ какъ-то своему новому подданному, епископу Красицкому.

— Увы, ваше величество, — отвѣчалъ тотъ ожирѣвшему королю: — вы такъ окарнали насъ, что невозможно скрыть такую контрабанду.

Проученный горькимъ опытомъ, король Станиславъ сталъ стремиться къ формальному союзу съ Россіей. Съ этой цѣлью онъ видѣлся съ императрицей Екатериной, находившейся въ путешествіи по югу Россіи. Свиданіе состоялось на баркѣ по срединѣ Днѣпра. Вернувшись въ Варшаву, Станиславъ немедленно писалъ графу Феликсу Потоцкому: «Нашъ тѣсный союзъ съ Россіей совершенно необходимъ для славы и сохраненія нашего народа».

Но сближеніе обоихъ славянскихъ государствъ разстраивало всѣ затаенные планы Пруссіи, и Фридрихъ принялъ противъ этого свои мѣры. Въмѣсто представителя Пруссіи Бенуа, которому жадный король платилъ всего триста рублей въ годъ, такъ что тотъ жилъ на окраинѣ города, плохо одѣвался и лишь въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ позволялъ себѣ нанять карету, изъ Берлина былъ присланъ съ большими деньгами нѣкій итальянскій проходимецъ маркизъ Луккезини.

Еще молодымъ человѣкомъ Луккезини пристроился ко двору Фридриха Великаго, который встрѣтилъ его грубымъ вопросомъ: «Съ какихъ это поръ итальянскіе маркизы опустились настолько, что стали продавать свои услуги прусскимъ королямъ?»—«Съ тѣхъ самыхъ,—отвѣчалъ хитрый итальянецъ:—какъ прусскіе короли такъ поглупѣли, что принуждены ихъ покупать». Королю понравился такой отвѣтъ, и, похлопавъ пальцами по крышкѣ своей табакерки, которую польскій канцлеръ Гаровскій называлъ «ящикомъ Пандоры», онъ приказалъ назначить Луккезини своимъ лекторомъ. Этотъ лекторъ совершенно забралъ въ руки его преемника и сдѣлался душою прусской политики въ Польшѣ.

Прибывъ въ Варшаву, кривой маркизъ,—онъ потерялъ глазъ во время производства какихъ-то химическихъ опытовъ,—началъ съ того, что вкрался въ доверіе княгини Изабеллы Чарторыйской, которая пользовалась большимъ вліяніемъ въ польскомъ обществѣ, и мало-по-малу подчинилъ ее своей волѣ. Затѣмъ онъ быстро организовалъ антирусскую партію въ сеймѣ и повелъ задулисную борьбу противъ русскаго посланника. Дѣло дошло до того, что посланнику перестали оказывать должное вниманіе, забывая, что въ его лицѣ оскорбляли самое Екатерину, чрезвычайно чувствительную къ подобнаго рода уколамъ.

«У меня здѣсь заготовлено нѣсколько агитаторовъ, которые ждутъ только приказанія, чтобы броситься на русскую границу и, напавъ на русскія войска, вызвать волненіе. Они желаютъ только получить ручательство въ томъ, что Пруссія имъ поможетъ», писалъ кривой маркизъ Герцбергу, руководившему изъ Берлина прусской политикой.

Екатерина рѣшила терпѣливо выжидать дальнѣйшаго хода событій, но изъ этого положенія ее вывелъ австрійскій министръ князь Кауницъ. Онъ прислалъ въ Петербургъ перехваченное письмо Герцберга, въ которомъ прусскій министръ совѣтовалъ туркамъ напасть на Россію. Екатерина испугалась и немедленно передвинула наши войска изъ Польши на наши южныя границы.

Пруссаки сдѣлались хозяевами положенія въ Варшавѣ. Они обѣщали полякамъ формальный союзъ съ Пруссіей, но съ условіемъ, чтобы Польша была превращена въ наследственную монархію и было бы уничтожено *liberum veto*.

Въ декабрь 1789 года графъ Игнатій Потоцкій представилъ Луккезини на одобреніе проектъ новой конституціи, а въ апрѣль 1790 года былъ подписанъ договоръ о союзѣ Польши съ Пруссіей. Фридрихъ-Вильгельмъ потребовалъ было немедленно уступки ему польскихъ городовъ Данцига и Торна,

но, встрѣтивъ сопротивленіе поляковъ, до поры до времени отказался отъ своей добычи.

Новая конституція совершенно отстраняла Россію отъ вліянія на польскія дѣла и наносила русской партіи жестокой ударъ.

«Польша,—писалъ кривой соотечественникъ Маккиавелли своему прусскому хозяину,—теперь безусловно въ полномъ распоряженіи вашего величества. Ею можно пользоваться, какъ театромъ войны съ Россіей или Австріей, или же какъ оплотомъ для Силезіи. Ею же можно компенсировать себя на случай какихъ-либо осложненій съ Россіей».

Россія не могла оставить Польшу въ когтяхъ прусскаго орла и, управившись съ турками, стала поддерживать такъ называемую тарговицкую конфедерацію во главѣ съ графомъ Феликсомъ Потоцкимъ, не признававшую введенной пруссаками майской конституціи. Станиславъ отправилъ посольство въ Берлинъ за помощью, но оттуда давали двусмысленные отвѣты. Чтобы лично объясниться съ Фридрихомъ, отправился графъ Игнатій Потоцкій. Но въ Берлинѣ ему угрюмо заявили, что относительно майской конституціи прусскій король ни при чемъ и что вообще обстоятельства теперь перемѣнились и полякамъ на прусскую помощь разсчитывать нечего.

Прошло пять мѣсяцевъ, и 16-го января прусскія войска вступили на польскую территорію подъ предлогомъ подавленія ученій французскихъ якобинцевъ, якобы распространяемыхъ изъ Варшавы. Спустя четыре дня, пруссаки заняли Торнъ, а черезъ мѣсяць и Данцигъ.

Въ іюнь 1793 года собрался послѣдній польскій сеймъ въ Гроднѣ. Напуганные депутаты предложили Россіи союзъ на такихъ условіяхъ, которыя превращали этотъ союзъ въ полную унію, но было уже поздно. Изъ переписки канцлера Безбородка видно, что у ослабленной турецкими войнами Россіи не было ни средствъ, ни войска для войны съ Пруссіей, которая неминуемо должна была въспыхнуть въ случаѣ отказа Россіи отъ дѣлежя польской территоріи. Россіи представилась безпощадная дилемма: или брать самимъ часть Польши, или отдать ее всю пруссакамъ.

Современники-поляки отлично понимали, кому они обязаны уничтоженіемъ Польши.

— Я хотѣлъ бы поступить на русскую службу простымъ солдатомъ,—говорилъ король Станиславъ послѣ второго раздѣла:—лишь бы только спасти Польшу отъ захвата Пруссіей.

А вотъ безпристрастный приговоръ современнаго историка, чуждаго нашихъ домашнихъ распрей:

«Какая бы отвѣтственность ни падала на поведеніе Екатерины,—пишетъ Бэнъ:—все-таки оно вполнѣ извинительно въ сравненіи съ образомъ дѣйствій Фридриха-Вильгельма. Екатерина, по крайней мѣрѣ, принимала на себя весь рискъ за раздѣлъ, шла открыто на враговъ, противъ которыхъ имѣла зубъ. Фридрихъ-Вильгельмъ дѣйствовалъ сзади, являлся тогда, когда битва была уже кончена, и грабилъ союзника, котораго торжественно обѣщаль защищать».

А. Б. Михайловъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ¹⁾.

ГЕРМАНСКІЯ войска 20-го іюля перешли французскую границу и начали фактически военныя дѣйствія, несмотря на то, что официальнаго объявленія войны Германія Франціи еще не сдѣлала и германскій посоль оставался въ Парижѣ, равно какъ и французскій посоль въ Берлинѣ не покидалъ еще своего поста. Объявленная французами мобилизація проходила въ большомъ порядкѣ, при громадномъ восторженномъ подъемѣ населенія. Германскія войска вторглись въ нейтральный Люксембургъ и, не взирая на категорическій протестъ люксембургскаго правительства противъ нарушенія Германіей международнаго права, заняли эту территорию. 20-го же числа подошедшій къ Либавѣ германскій крейсеръ бомбардировалъ городъ. Одинъ изъ выпущенныхъ снарядовъ попалъ въ морской госпиталь, два въ частные дома. Убитыхъ не было. Послѣ бомбардировки крейсеръ ушелъ. Передовыя германскіе отряды заняли Ченстоховъ, на западномъ же фронтѣ перешли французскую границу и обстрѣляли Штиркуа.

21-го іюля Германія предъявила Бельгіи ультиматумъ, требуя безпрепятственнаго пропуску на территорию этого нейтральнаго государства своихъ войскъ. Не дождавшись отвѣта, германцы подошли къ Визу, находящемуся въ двадцати километрахъ отъ крѣпости Льежа. Другая часть нѣмцевъ перешла французскую границу у гор. Силея. Бельгія объявила войну Германіи. Швеція и Италія заявили о своемъ нейтралитетѣ. Турція стала мобилизовать свои войска; за день же до Турціи общая мобилизація была объявлена и Голландіей.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣст.», т. СХХХVII, августъ.

22-го іюля Германія объявила войну Франціи. Въ ночь, которую германскій посоль фонъ-Шенъ вручилъ французскому правительству, германское правительство ссылается на факты, по существу неточные, а именно: будто бы французскіе авіаторы проникли въ Бельгію, будто они совершили полетъ надъ Нюренбергомъ и бросили тамъ бомбы и будто бы французскія войска перешли въ нѣсколькихъ мѣстахъ на германскую территорию. Французы потопили германскій крейсеръ «Panther». Германцы продолжали свое вторженіе въ Бельгію и заняли Лимбургъ. Англія предложила Германіи соблюдать права нейтральныхъ государствъ; въ противномъ же случаѣ Англія приготовилась съ оружіемъ въ рукахъ присоединиться къ Россіи и Франціи. Въ то же время англійскій король подписалъ приказъ о мобилизации. Между тѣмъ Бѣлградъ въ теченіе всего этого времени непрерывно обстрѣливался австрійцами, которые пытались въ разныхъ мѣстахъ переправиться черезъ Дунай и Саву, но храбрость и стойкость сербскихъ войскъ не давали осуществиться этимъ замысламъ.

Дошедшіе до Петербурга слухи о варварски-грубомъ поведеніи нѣмцевъ съ русскими въ Германіи и объ оскорбленіи нашихъ членовъ посольствъ и даже вдовствующей государыни и великихъ князей страшно возбудили толпу, которая вечеромъ 22-го іюля, какъ бы въ отвѣтъ на поведеніе нѣмцевъ, разгромила зданіе германскаго посольства. Но подобной эксцессъ былъ единодушно осужденъ русскимъ обществомъ и печатью.

23-го іюля, въ 7 час. вечера англійскій посоль въ Берлинѣ Гошенъ, явившись въ министерство иностранныхъ дѣлъ, передалъ объявленіе войны и потребовалъ паспорта. Германскому послу въ Лондонѣ было объявлено, что 24-го іюля въ его распоряженіи будетъ крейсеръ, на которомъ онъ уѣдетъ на родину. Германія послала Бельгіи ноту очень угрожающаго характера, заключающуюся въ нотификаціи, сдѣланной германскимъ посланникомъ въ Брюсселѣ вечеромъ бельгійскому правительству относительно послѣдствій бельгійскаго отвѣта на германскій ультиматумъ. Германія заявила, что она готова, если нужно, силой произвести нужныя ей дѣйствія. Между тѣмъ военныя дѣйствія между нѣмцами и бельгійцами окончились не въ пользу нѣмцевъ: у Флерона бельгійцы отбили германскія войска, которыя не въ состояніи были возобновить атаку на Льежъ. Англичане затопили германскій заградитель. Положеніе на нашей западной границѣ оставалось безъ замѣтныхъ перемѣнъ. 23-го іюля произошелъ первый воздушный бой: извѣстный французскій авіаторъ Роландъ Гарро, замѣтивъ нѣмецкій «Цеппелинъ», врѣзался въ него и уничтожилъ. Сербы перешли въ наступленіе, а австрійцы безъ всякаго предупрежденія стали бомбардировать Градиште и уничтожили много зданій. По Дунаю ими были пущены плавающія мины, вслѣдствіе чего плаваніе по этой рѣкѣ было весьма затруднено. Бомбардировка Бѣлграда продолжалась, причемъ были повреждены многія зданія города. Стали появляться извѣстія о возстаніяхъ въ австрійской арміи славянъ, не желавшихъ поднимать оружіе на своихъ единоплеменниковъ. 23-го іюля, въ 6 час. вечера, черногорское правительство прекратило дипломатическія сношенія съ Австріей, сообщивъ объ этомъ нотой австрійскому посланнику въ Цетиньѣ. Мотивировалось это

рѣшеніе, во-первыхъ, нападеніемъ Австріи на союзницу Черногоріи Сербію, во-вторыхъ, чрезвычайными военными мѣрами, принятыми Австріей на черногорской границѣ, и, въ-третьихъ, объявленіемъ Германіей, союзницей Австріи, войны Россіи, въковой покровительницѣ Черногоріи.

24-го іюля, въ 6 час. 12 мин. вечера австро-венгерскій посоль въ Петербургѣ графъ Сапари предъявилъ нашему министру иностранныхъ дѣлъ вербальную ноту, содержащую объявленіе Россіи войны. Русскому послу въ Вѣнѣ Н. Н. Шебеко вручены паспорта. По сообщенію главнаго управленія генеральнаго штаба, 23-го іюля, около 6 час. утра, т. е. за двѣнадцать часовъ до объявленія намъ войны, австрійцы у Волочиска открыли ружейный огонь по нашимъ часовымъ и взорвали свой устой желѣзнодорожнаго моста черезъ пограничную рѣку Збручъ. Австрійцы границы не перешли. Въ Тарнорудѣ и Сатановѣ началась ружейная перестрѣлка. 23-го іюля наши разъѣзды, подходившіе къ Сольдау¹⁾, были обстрѣляны артиллерійскимъ огнемъ. Станція Илово и Наржимъ²⁾ были сожжены. Стычки русскихъ передовыхъ отрядовъ съ германскими продолжались. Нѣмцы, занявъ города Калишъ, Бендинъ и Ченстоховъ, вторглись въ юго-западную часть Привислинскаго края, а русскіе отряды вошли въ предѣлы Пруссіи съ сѣверо-востока Привислинскаго края, достигли нѣмецкой желѣзнодорожной линіи, проходящей почти параллельно нашей границѣ, въ разстояніи 15—40 верстъ отъ нея. Предавъ огню желѣзнодорожныя станціи Бяла и Боржимень, наши кавалеристы разрушили въ этихъ пунктахъ рельсовый путь и такимъ образомъ прервали желѣзнодорожное сообщеніе на линіи Бяла—Юганибургъ. Германскія войска, отступая подъ нашимъ натискомъ, зажигали свои селенія и совершенно опустошали мѣстность. Наши передовые отряды, не встрѣтивъ серьезнаго сопротивленія, заняли Эйдкуненъ.

Болѣе серьезный характеръ имѣли военныя дѣйствія, разыгравшіяся на территоріи нейтральной Бельгіи. Борьба за хорошо укрѣпленный Льежъ продолжалась: къ вечеру 24-го іюля бельгійцамъ удалось вернуть нѣсколько фортовъ и до ночи сохраняли городъ. Ночью они отступили, и нѣмцы, пройдя между фортами, заняли городъ.

Англійская флотилія миноносцевъ захватила германское судно «Принцесса Луиза», на которомъ, по слухамъ, оказалось два милл. ф. стерлинговъ, принадлежащихъ германскому правительству. Пароходъ и деньги были конфискованы. Данія призвала для охраны нейтралитета запасныхъ. Турція минировала Дарданеллы.

24-го іюля въ Россіи совѣтъ министровъ, на основаніи 87 ст. осн. гос. зак., приостановилъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото; Высочайшимъ указомъ всѣ мѣстности Россіи, не состоящія на осадномъ или военномъ положеніи или положеніи чрезвычайной охраны, объявлены въ состояніи чрезвычайной охраны.

¹⁾ Ст. Сольдау (Дзялдовъ) находится въ Восточной Пруссіи, въ 25 верстахъ по желѣзной дорогѣ на сѣверо-западъ отъ Млавы (въ 15 верстахъ отъ границы).

²⁾ Ст. Илово и Наржимъ—пограничныя прусскія станціи между Сольдау и границей.

24-го іюля французское военное министерство подтвердило нарушеніе германцами нейтралитета Голландіи.

25-го іюля австро-венгерскій посоль съ чинами посольства выѣхалъ изъ Петербурга черезъ Финляндію на родину. Борьба фортвъ у Льежа продолжалась, причемъ бельгійцы стойко защищались отъ нѣмецкихъ полчищъ, и нѣмцы несли большія потери. Большое сочувствіе во всѣхъ слояхъ русскаго общества вызвало извѣстіе, что болгарскій посланникъ въ Петербургѣ генераль Радко Дмитріевъ подалъ въ отставку и попустилъ въ ряды русской арміи.

26-го іюля, въ субботу, въ 11 час. утра состоялся высочайшій приемъ членовъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы. Государь Императоръ, войдя въ залъ и поклонившись собравшимся, обратился къ народнымъ представителямъ со слѣдующими словами:

«Привѣтствую васъ въ нынѣшніе знаменательные и тревожные дни, переживаемые всей Россіей. Германія, а затѣмъ Австрія объявили войну Россіи. Тотъ огромный подъемъ патриотическихъ чувствъ любви къ Родинѣ и преданности Престолу, который, какъ ураганъ, пронесся по всей землѣ нашей, служить въ Моихъ глазахъ и, думаю, въ вашихъ, ручательствомъ въ томъ, что наша великая матушка-Россія доведетъ ниспосланную Господомъ Богомъ войну до желаннаго конца.

Въ этомъ же единодушномъ порывѣ любви и готовности на всякія жертвы, вплоть до жизни своей, Я черпаю возможность поддерживать свои силы и спокойно и бодро взирать на будущее.

Мы не только защищаемъ свою честь и достоинство въ предѣлахъ земли своей, но боремся за единокровныхъ и единовѣрныхъ братьевъ славянъ. И въ нынѣшнюю минуту Я съ радостью вижу, что объединеніе славянъ происходитъ также крѣпко и неразрывно со всей Россіей.

Увѣренъ, что вы всѣ, каждый на своемъ мѣстѣ, поможете Мнѣ перенести ниспосланное Мнѣ испытаніе и что всѣ, начиная съ Меня, исполняютъ свой долгъ до конца.

Великъ Богъ земли Русской».

Весь залъ встрепенулся, и могучее изъ сердца вырвавшееся «ура» потрясло величественныя стѣны зала. Мощный хоръ присутствовавшихъ запѣлъ: «Боже, Царя храни».

Исполняющій обязанности предсѣдателя Государственнаго Совѣта статсъ-секретарь д. т. с. Голубевъ въ отвѣтъ на слова Государя Императора произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Ваше Императорское Величество, Государственный Совѣтъ повергаетъ передъ Вами, Великій Государь, проникнутыя безпредѣльною любовью вѣрноподданническаго чувства и всеподданнѣйшее благодареніе за предоставленіе законодательнымъ установленіямъ нынѣ же принять участіе въ разработкѣ мѣропріятій, вызываемыхъ тяжкимъ испытаніемъ, которое, вопреки миролюбивымъ усиліямъ Вашего Величества, наступило вслѣдствіе объявленія Россіи войны двумя сосѣдними монархіями.

Единеніе возлюбленнаго Государя и населенія имперіи Его усугубляетъ ея мощь.

Президентъ Французской республики Раймондъ Пуанкарэ.

Мы готовы на всѣ жертвы для охраненія чести и достоинства единого, нераздѣльнаго государства Россійскаго.

Съ усердною молитвою къ Царю Царствующихъ и Господу Господствующихъ о сохраненіи нашей родины подъ святымъ покровомъ Всевышняго мы мужественно и спокойно взираемъ на грядущее.

Доблестное русское воинство побѣдоноснымъ отраженіемъ враговъ да увѣнчаетъ славою Державнаго Вождя всея Россіи.

На благо и счастье дорогого Отечества да здравствуетъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ!»

Загѣмъ предсѣдатель Государственной Думы камергеръ М. В. Родзянко обратился къ Государю Императору:

«Ваше Императорское Величество! Съ глубокимъ чувствомъ восторга и гордости вся Россія внимала словамъ Русскаго Царя, призывающаго свой народъ къ полному съ нимъ единенію въ трудный часъ ниспосланныхъ отечеству тяжелыхъ испытаній.

Государь! Россія знаетъ, что воля и мысли Ваши всегда были направлены къ дарованію странѣ условій спокойнаго существованія и мирнаго труда и что любвеобильное сердце Ваше стремилось къ устойчивому миру во имя охраны дорогой Вамъ жизни Вашихъ подданныхъ.

Но пробилъ грозный часъ. Отъ мала до велика все поняли значеніе и глубину развернувшихся историческихъ событій. Объявлена угроза благополучію и цѣлости государства, оскорблена народная честь, а честь народная намъ дороже жизни. Пришла пора явить всему міру, какъ грозенъ своимъ врагамъ русскій народъ, окружившій несокрушимой стѣной своего Вѣщеноснаго Вождя съ твердой вѣрой въ небесный Промыселъ.

Государь! Настала пора упорной борьбы во имя охраны государственнаго достоинства, борьбы за цѣлость и неприкосновенность Русской земли, и нѣтъ ни въ комъ изъ насъ ни сомнѣній, ни колебаній. Призванное къ государственной жизни по волѣ Вашего Величества, народное представительство нынѣ предстало предъ Вами. Государственная дума, отражающая въ себѣ единодушный порывъ всехъ областей Россіи и сплоченная одною объединяющею всехъ мыслью, поручила мнѣ сказать Вамъ, Государь, что народъ Вашъ готовъ къ борьбѣ за честь и славу отечества.

Безъ различія мнѣній, взглядовъ и убѣжденій, Государственная Дума отъ лица Русской земли спокойно и твердо говоритъ своему Царю: дерзайте, Государь, русскій народъ съ Вами и, твердо уповая на милость Божію, не остановится ни передъ какими жертвами, пока врагъ не будетъ сломленъ и достоинство родины не будетъ ограждено».

Послѣ рѣчи предсѣдателя Государственной Думы Государю благоугодно было еще сказать:

«Сердечно благодарю васъ, господа, за проявленныя вами искреннія патриотическія чувства, въ которыхъ Я никогда не сомнѣвался, и проявленныя въ такую минуту на дѣлѣ. Отъ всей души желаю вамъ всякаго успѣха.

Съ нами Богъ!»

И Государь перекрестился.

«Электрической искрой пробѣжали слова Государя по залу, — рассказываетъ одинъ очевидецъ этого Высочайшаго приѣма, — и снова «ура» всехъ, и съдыхъ старцевъ Государственнаго Совѣта, и молодыхъ членовъ Государственной Думы, казалось, потрясаетъ стѣны этого грандіознаго зала. Государь, привѣтствуя собраніе наклоненіемъ головы, оставилъ залъ. Громадный хоръ народныхъ представителей запѣлъ: «Спаси, Господи, люди Твоя». Хотѣлось плакать... И на многихъ лицахъ были видны слезы».

Затѣмъ въ 3 часа дня въ Бѣломъ залѣ Таврическаго дворца въ присутствіи министровъ съ И. Л. Горемыкинымъ во главѣ, членовъ дипломатическаго корпуса, членовъ Государственнаго Совѣта и членовъ Государственной Думы былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго началось торжественное. «историческое» засѣданіе Государственной Думы.

По выслушаніи, стоя, Высочайшаго указа о возобновленіи занятій законодательныхъ учреждений, председатель Государственной Думы провозгласилъ: «Государю Императору—ура!»

Дружное и долгое ура всего зала было отвѣтомъ на слова М. В. Родзянка.

Послѣ рѣчи г. Родзянка былъ исполненъ гимнъ, и председатель огласилъ привѣтственные телеграммы къ Думѣ отъ сербской и черногорской скупщинъ. Представителю славянства, сербскому посланнику Спалайковичу, была устроена овація. Восторженные привѣтствія выпали также на долю посламъ: французскому, англійскому и бельгійскому, послѣ чего дума поручила председателю отвѣтить на привѣтствія сербской и черногорской скупщинъ и послать привѣтствія французскому, англійскому и бельгійскому парламентамъ.

Затѣмъ на трибуну поднялся И. Л. Горемыкинъ и обратился къ Государственной Думѣ съ пространной рѣчью, закончившеюся слѣдующими словами:

«На вашу долю, господа, выпала великая и отвѣтственная задача: быть выразителями народныхъ думъ и народнаго чувства. Правительство исполняло и исполнитъ свой долгъ до конца. Теперь ваша очередь, господа члены Государственной Думы.

Въ эту торжественную историческую минуту и я, отъ имени правительства, призываю васъ всѣхъ безъ различія партій и направленій проникнуться завѣтами Царскаго манифеста, да будутъ забыты внутреннія распри (*аплодисменты*), и сплотиться вмѣстѣ съ нами вокругъ единаго знамени, на которомъ начертаны изъ Высочайшаго манифеста слова: «Государь и Россія».

Послѣ И. Л. Горемыкина слово было предоставлено министру иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонову, появленіе котораго на трибунѣ привѣтствовалось шумными продолжительными оваціями, не смолкавшими въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. С. Д. Сазоновъ сказалъ слѣдующее:

«Господа члены Государственной Думы! Въ трудныя минуты, минуты отвѣтственныхъ рѣшеній, правительство почерпало силы въ сознаніи полного единомыслія своего съ народной совѣстью. (*Возгласы: «браво» на всѣхъ скамьяхъ*).

Когда наступить время для исторіи произнести свой безпристрастный судъ, ея рѣшеніе, я твердо въ это вѣрю, не будетъ инымъ, какъ то, которымъ мы руководились: Россія не могла уклониться отъ дерзкаго вызова своихъ враговъ. Она не могла отказаться отъ лучшихъ завѣтовъ своей исторіи, она не могла перестать быть великой Россіей (*Возгласы: «браво, браво!» Бурные аплодисменты на всѣхъ скамьяхъ*).

Наши враги стремятся на насъ перенести отвѣтственность за бѣдствія, которая они навлекли на Европу. Но ихъ лживые навѣты не могутъ ввести въ заблужденіе никого, кто добросовѣстно слѣдилъ за политикой Россіи за послѣдніе годы и за послѣдніе дни.

Въ сознаніи необъятныхъ задачъ, связанныхъ съ ея внутреннимъ развитіемъ и преусиженіемъ, Россія не со вчерашняго дня дала многочисленныя доказательства своего искренняго миролюбія. Только благодаря этому миролюбію, въ Европѣ была предотвращенъ пожаръ, готовый разгорѣться, когда въ 1912—1913 годахъ возникла борьба на Балканахъ.

Не въ ней, не въ русской политикѣ заключалась угроза европейскому миру. Свое достоинство великая Россія никогда не полагала въ тщеславномъ бряцаніи оружіемъ, въ поправіи чужого самолюбія, въ пренебреженіи къ правамъ слабыхъ. (*Возгласы: «браво», аплодисменты*). Спокойная, мирная мощь Россіи не давала покоя ея врагамъ.

Нужно ли напомнить вамъ о всѣхъ попыткахъ Австро-Венгрии подорвать историческое положеніе Россіи на Балканахъ. Пришелъ часъ, когда я могу здѣсь не обп-

нуясь сказать, что ея стараніями удалось посѣять братоубійственную рознь между Болгаріей и ея союзниками (*Движеніе въ галъ*). Но подвергшееся тяжелымъ испытаніямъ дѣло единенія православныхъ народовъ Балканскаго полуострова, Богъ дастъ, не погибнетъ.

Вы знаете поводъ войны. Раздираемая внутренними неурядицами, Австро-Венгрія рѣшила выйти изъ нихъ какимъ-нибудь ударомъ, который создалъ бы впечатлѣніе ея силы, нанеся въ то же время Россіи униженіе. Для этой цѣли была выбрана Сербія, съ которой связываютъ насъ узы исторіи, происхожденія и вѣры.

Вамъ извѣстны условія, при которыхъ Сербіи были предъявлены ультиматумъ. Согласившись на него, Сербія стала бы вассаломъ Австріи. Было явно, что для насъ не вступиться въ дѣло—значило бы не только отказаться отъ вѣковой роли Россіи, какъ защитницы балканскихъ народовъ, но и признать, что воля Австріи и стоящей за ея спиной Германіи для Европы есть законъ (*Возгласы: «браво, браво». Общіе аплодисменты*).

На это не могли согласиться ни мы, ни Франція, ни Англія.

Не менѣе насъ наши доблестные союзники прилагали свои усилія къ укрѣпленію мира въ Европѣ. Наши враги ошиблись, принявъ эти усилія за проявленіе слабости.

И послѣ вызова, брошеннаго Австріей, Россія не отвергла ни одной попытки, которая могла бы привести къ мирному разрѣшенію конфликта. Въ этомъ направленіи были честно до конца исчерпаны всѣ усилія наши и нашихъ союзниковъ. Вы убѣдитесь въ этомъ изъ документовъ, которые будутъ обнародованы и которые излагаютъ послѣдовательный ходъ переговоровъ. Мы твердо стояли на одномъ условіи. Готовые принять всякій компромиссъ, способный безъ умаленія ея достоинства быть принятымъ Австріей, мы исключили все, что могло задѣть самостоятельность и независимость Сербіи.

Съ самаго начала мы не скрывали нашей точки зрѣнія отъ Германіи. Несомнѣнно, что если бы берлинскій кабинетъ захотѣлъ, онъ могъ бы во-время однимъ властнымъ словомъ остановить свою союзницу такъ же, какъ онъ сдѣлалъ это во время балканскаго кризиса. (*Возгласы: «вѣрно, вѣрно!»*). Между тѣмъ, Германія, которая за самые послѣдніе дни не переставала выказывать на словахъ свою готовность воздѣйствовать на Вѣну, отвергла одно за другимъ дѣлавшіяся ей предложенія и съ своей стороны выступала съ пустыми завѣреніями. Время шло, переговоры не подвигались. Австрія подвергла Бѣлградъ ожесточенной бомбардировкѣ. Это былъ организованный правительствомъ погромъ, естественное продолженіе огромной беззащитнаго сербскаго населенія Сараева послѣ извѣстнаго злодѣянія 15-го іюня. Явная цѣль всего этого было выиграть переговорами время, поставить насъ и Европу передъ совершившимся фактомъ униженія и уничтоженія Сербіи.

При такихъ условіяхъ мы не могли не принять естественныхъ мѣръ предосторожности, тѣмъ болѣе, что Австрія уже мобилизовала половину своей арміи.

Когда въ Россіи была объявлена мобилизація арміи и флота, Государю Императору благоудно было Своимъ Царственнымъ словомъ поручиться передъ германскимъ императоромъ, что Россія не приступитъ къ примѣненію силы, пока есть надежда на мирный исходъ переговоровъ на тѣхъ полныхъ умѣренности началахъ, о которыхъ я упомянулъ. Этотъ голосъ не былъ услышанъ. Германія объявила войну сначала намъ, потомъ нашей союзницѣ. Потерявъ всякое самообладаніе, она стала попираеть общепризнанныя права государствъ, нейтралитетъ коихъ обезпеченъ торжественной подписью ея самой, наравнѣ съ другими государствами. (*Возгласъ на всѣхъ скамьяхъ: «Позоръ, позоръ!»*). Нельзя не преклониться передъ героизмомъ бельгійскаго народа, борющагося противъ огромной германской арміи. (*Бурные аплодисменты на всѣхъ скамьяхъ. Депутаты встаютъ и съ энтузіазмомъ приветствуютъ находящагося въ дипломатической ложѣ представителя Бельгіи*).

Образъ дѣяній Германіи не могъ не вызвать глубокаго негодованія всего цивилизованнаго міра и прежде всего благородной Франціи, которая вмѣстѣ съ нами стала на защиту поправнаго права и справедливости. (*Взрывъ аплодисментовъ на*

Его величество Георгъ V, король Великобританіи.

всѣхъ скамьяхъ. Возгласы: «Да здравствуетъ Франція!» Депутаты встаютъ съ мѣсть и устраиваютъ овацію французскому послу).

Нужно ли говорить, что тѣ же чувства одухотворили Англію, которая, какъ одинъ человѣкъ, воплотилась въ общемъ чувствѣ—необходимости дать отпоръ Германіи въ ея стремленіи наложить на Европу тяжелую руку своей гегемоніи. *(Аплодисменты на всѣхъ скамьяхъ. Депутаты, стоя, приветствуютъ англійскаго посла).*

«ИГОР. ВЪСТН.», ОКТЯБРЬ 1914 г., т. СХХХVII.

II

Теперь тотъ поводъ, изъ-за котораго возникла война, отступаетъ передъ значеніемъ, которое она пріобрѣтаетъ для каждаго изъ насъ и нашихъ союзниковъ.

Германія намъ объявила войну 19-го іюля, а черезъ пять дней послѣ нея и Австрія, мотивировавшая свое рѣшеніе нашимъ вмѣшательствомъ въ свой споръ съ Сербіей, а также тѣмъ, что мы открыли враждебныя дѣйствія противъ Германіи. Этимъ будто бы и вызвана война послѣдней противъ насъ. Непрiятельскія войска вступили на русскую землю. Мы боремся на нашу родину, мы боремся за свое достоинство и положеніе великой державы. (*Возгласы: «браво, браво!»*). Владычества Германіи и ея союзницы въ Европѣ мы допустить не можемъ. (*Громкіе возгласы: «Браво, браво!»*). Тѣ же побужденія руководятъ нашими союзниками.

«Мы не предавались пустому тщеславію. Мы знаемъ, что на нашемъ пути могутъ быть тяжелыя испытанія.

«Они уже учитываются нашими врагами. Не зная Россіи и презрѣвъ ея исторію, они разсчитываютъ на возможность малодушія съ нашей стороны. Но Богъ, не оставившій Россію въ самыя тяжелыя години ея исторіи, не покинетъ и теперь нашей родины, которая вся сплотилась вокругъ своего Царя въ общемъ чувствѣ любви и самопожертвованія. (*Бурные аплодисменты на всѣхъ скамьяхъ и возгласы: «Вѣрно, вѣрно!»*).

Со смиреннымъ упованіемъ на помощь Божію, съ непоколебимой вѣрой въ Россію, правительство съ горячимъ довѣріемъ обращается къ вамъ, народнымъ избранникамъ, убѣжденное, что въ вашемъ лицѣ отражается образъ нашей великой родины, надъ которой да не посмѣются наши враги».

Министръ покинулъ трибуну въ большомъ волненіи. И Дума устроила ему новыя оваціи.

Послѣднимъ отъ имени правительства выступилъ министръ финансовъ Баркъ, освѣтившій въ своей рѣчи наше финансовое положеніе. Послѣ этой рѣчи былъ объявленъ перерывъ и по возобновленіи засѣданія въ 5 ч. 35 м. предѣдатель огласилъ Думѣ слѣдующій манифестъ о войнѣ съ Австро-Венгеріей:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

**Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь
Польскій, Великій Князь Финляндскій,**

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрнымъ подданнымъ:

Немного дней тому назадъ Манифестомъ НАШИМЪ оповѣстили Мы русскій народъ о войнѣ, объявленной НАМЪ Германіей.

Нынѣ Австро-Венгерія, первая зачинщица міровой смуты, обнажившая посреди глубокаго мира мечъ противъ слабѣйшей Сербіи, сбросила съ себя личину и объявила войну не разъ спасавшей ее Россіи.

Силы непріятеля умножаются: противъ Россіи и всего славянства ополчились обѣ могущественныя державы нѣмецкія. Но съ удвоенной силой растеть навстрѣчу имъ справедливый гнѣвъ мирныхъ народовъ и съ несокрушимой

твердостью встаетъ предъ врагомъ вызванная на брань Россія, вѣрная славнымъ преданіямъ своего прошлаго.

Видитъ Господь, что не ради воинственныхъ замысловъ или суетной мірской славы подняли МЫ оружіе, но, ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой НАШЕЙ Имперіи, боремся за правое дѣло. Въ предстоящей войнѣ народовъ МЫ не одни—вмѣстѣ съ НАМИ встали доблестные союзники НАШИ, также вынужденные прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы устранить, наконецъ, вѣчную угрозу германскихъ державъ общему миру и спокойствію.

Да благословитъ Господь Вседержитель НАШЕ и союзное НАМЪ оружіе и да поднимется вся Россія на ратный подвигъ съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ 26-й день іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Чтеніе манифеста было покрыто криками «ура», и депутаты спѣли гимнъ.

Затѣмъ съ рѣчами выступили представители всѣхъ думскихъ группъ и партій, единодушно заявившіе, что забыты всѣ внутреннія распри, всѣ сословныя, классовыя и національныя несогласія и что всѣ слои русскаго народа готовы пойти со своимъ Царемъ на защиту родины.

Съ такимъ же подъемомъ и воодушевленіемъ и при столь же торжественной обстановкѣ протекло и засѣданіе Государственнаго Совѣта. Послѣ этихъ засѣданій объ наши законодательныя палаты были распущены до 1-го февраля 1915 года.

На театрѣ военныхъ дѣйствій продолжались стычки между русскими и нѣмецкими отрядами на границѣ. Форты Льежа продолжали отбивать натиски германцевъ. Французы вошли въ Эльзасъ. Англичане высаживали въ эти дни свои десанты въ Калэ, Остенде и Дюнкирхенѣ. Швеція, Норвегія и Швейцарія заявили о своемъ твердомъ намѣреніи поддерживать нейтралитетъ. Русскій посольскій выѣхалъ изъ Вѣны. Отъ главнаго управленія генеральнаго штаба опубликовано слѣдующее извѣщеніе о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ: «Бригада германской конницы противъ Эйдкунена уклонилась отъ столкновенія съ нашей конницей и, сопровождаемая огнемъ нашей артиллеріи, скрылась въ Сталупененѣ».

26-го же іюля, въ шесть часовъ вечера черногорскій министръ иностранныхъ дѣлъ лично заявилъ австрійскому посланнику въ Цетинѣ объ объявленіи войны Австріи.

27-го іюля получено извѣстіе отъ нашего главнаго штаба, что русскія войска вступили на австрійскую территорію въ долину рѣки Стыри ¹⁾, потѣсивъ при

¹⁾ Стырь втекаетъ въ предѣлы Россіи недалеко отъ Берестечка Волынской губерніи.

этомъ передовыя непріятельскія части. Выбитые изъ Лежніюва австрійскіе ландштурмисты послѣдно отступили. На границѣ кіевскаго военного округа заняли радзивилловскую таможену. Австрійскіе отряды заняли гор. Андреевъ.

На западномъ театрѣ войны успѣшно дѣйствовала французская армія.

Въ Парижѣ официально сообщили, что французскія войска вошли въ Мюльгаузенъ, восторженно встрѣченныя населеніемъ. По пути къ Мюльгаузену французамъ пришлось одолѣть очень сильныя полевыя укрѣпленія у Альткирхена, которыя защищала бригада германскихъ войскъ. Въ пятницу вечеромъ Альткирхенъ былъ взятъ французской бригадой.

Бомбардировка Бѣлграда продолжалась; попытки австрійцевъ перейти Дунай и Саву были отражены сербами. Черногорцы перешли въ наступленіе. Австрійцы бомбардировали Антивари.

Въ чрезвычайномъ засѣданіи португальскій парламентъ принялъ резолюцію, въ которой заявляется, что Португалія, согласно прежнимъ договорамъ, становится на сторону Англій. Военнымъ судамъ приказано приготовиться къ крейсерству. Военное министерство издало приказъ о мобилизаціи трехъ дивизій.

Англійское адмиралтейство сообщило въ Лондонѣ 27-го іюля слѣдующее: «Германскія подводныя лодки атаковали англійскую эскадру крейсеровъ. Англійскія суда не понесли никакихъ поврежденій. Одна германская подводная лодка потоплена».

27-го іюля кончился двухдневный бой русскихъ съ австрійскими войсками между Берестечкомъ и Почаевымъ; австрійцы отступили въ Радзивилловъ.

28-го іюля были получены извѣстія, что небольшіе германскіе отряды заняли гор. Влодавскъ Плоцкой губерніи. Въ Калишѣ имѣли мѣсто ужасныя жестокости нѣмцевъ въ отношеніи мирнаго населенія. Въ продолженіе многихъ дней всѣ газеты были полны описаніями ужасныхъ, варварскихъ мученій, которыя испытали отъ нѣмцевъ наши мирные путешественники и больные, возвращавшіеся домой изъ германскихъ городовъ и курортовъ.

29-го іюля Франція объявила войну Австро-Венгріи; австрійскій посоль выѣхалъ изъ Парижа въ Италію со специальнымъ поѣздомъ въ 7 ч. 15 м. Французское военное министерство даетъ слѣдующія свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій:

«Ночью весьма значительныя германскія силы, наступавшія изъ Мюльгейма и Ней-Брейзаха, атаковали французскій авангардъ, продвинувшійся на линіи Серно—Мюльгаузенъ. Французы покинули Мюльгаузенъ и, сосредоточив свои силы нѣсколько позади города, задержали наступательное движеніе превосходящаго силою противника. Они удерживали за собою Верхній Эльзасъ. Въ окрестностяхъ Бламонъ попытки германскихъ войскъ занять Рожервилль и Габленвилль (Hablainville) потерпѣли неудачу, вслѣдствіе поддержки, оказанной французамъ артиллеріей. Въ районѣ Спенкуръ (Spincourt) непріятельская кавалерія, хотя и поддержанная артиллеріей, была вынуждена отступить».

По сообщенію главнаго управленія генеральнаго штаба, 33-й ландверный пѣхотный и 13-й уланскій австрійскіе полки выбиты изъ селенія Золожце.

Его величество король бельгійскій Альбертъ.

У Збоража изрублена полностью застава—взводъ 15-го пѣхотнаго полка; остатокъ австрійской роты бѣжалъ въ безпорядкѣ. Серьезныхъ столкновений не было. Радзивилловъ очищался австрійцами. Въ расположенныхъ въ Галиціи австрійскихъ войскахъ имѣли мѣсто крупныя безпорядки.

Объявлено осадное положеніе въ Болгаріи на срокъ, какой будетъ найденъ необходимымъ правительствомъ. Австро-венгерскія военныя суда бомбардировали Антивари; возобновилась бомбардировка Вѣлграда; многочисленныя

попытки австрійцевъ перейти сербскую границу закончились неудачно; австрійцы, понеся крупныя потери, прекратили наступленіе.

30-го іюля получено слѣдующее сообщеніе нашего генер. штаба:

28-го и 29-го іюля непріятель производилъ на границахъ Ковенской и Сувалкской губерній усиленныя рекогносцировки. Отрядъ силой свыше четырехъ батальоновъ, 18 орудій и трехъ эскадроновъ, атаковалъ Эйдкуненъ, но былъ отбитъ. Бригада пѣхоты пыталась овладѣть пос. Филиппово. Батальонъ ландверистовъ наступалъ на Юрбургъ. Небольшая часть была отбита у селенія Рачки. На австрійской границѣ небольшія части 11-го австрійскаго корпуса продолжали занимать переправы на рѣкѣ Збручъ. Наступавшая къ городу Томашову австрійская конница была отбита.

30-го іюля нашими войсками разрушены въ одиннадцати мѣстахъ желѣзная дорога и телеграфныя линіи Тильзитъ—Шмаленикенъ. Западнѣе Вишвыла шоссе Тильзитъ—Шмаленикенъ испорчено германскими войсками. При приближеніи къ нимъ нашихъ частей германскія войска, уклонившись отъ боя, отступили на сѣверо-западъ. Два батальона и шесть орудій противника, сопровождаемые конницей, наступали на Филиппово; непріятель отброшенъ нашими войсками на юго-западъ.

По сообщенію французскаго военнаго министерства,

29-го іюля, въ 11 ч. 30 м. вечера французскія войска почти на всемъ фронтѣ вошли въ соприкосновеніе съ непріателемъ. Въ Манжениѣ въ области Спенкуръ нѣмцы атаковали 28-го іюля вечеромъ французскіе аванпосты. Французы подались сначала подъ натискомъ непріятеля, но перешли затѣмъ въ наступленіе при поддержкѣ резервовъ. Французская артиллерія уничтожила одну германскую батарею. Французы захватили три пушки, три митральезы, два ящика съ боевыми припасами. Въ области Шато-Салена, у Монсея, одинъ нѣмецкій батальонъ при одной батарее, шедшій со стороны Вика, пытался атаковать французскіе аванпосты, но былъ отбитъ съ большими потерями. Въ той же области была взята штурмомъ деревня Лягардъ съ прилегающей мѣстностью.

Черногорцы начали бомбардировку Каттаро, заняли Джебичъ и вошли въ соприкосновеніе съ сербскими войсками.

Оттоманское правительство купило бѣжавшіе отъ непріятеля послѣ боя германскіе крейсера «Goeben» и «Breslau»; оба судна вошли въ Дарданеллы подъ турецкимъ флагомъ.

31-го іюля, перейдя границу Галиціи, наши войска съ боемъ подошли къ Сокалю, занятому австрійскимъ отрядомъ изъ двухъ батальоновъ пѣхоты, уланскаго, гусарскаго и части драгунскаго полковъ. Выбивъ непріятеля изъ Сокаля съ серьезными для него потерями, наша кавалерія отбросила противника за рѣку Бугъ и взорвала два моста черезъ эту рѣку и вѣдуку.

31-го іюля австрійскія части 4-го гусарскаго и 95-го пѣхотнаго полковъ, имѣя пѣхоту посаженною на повозки, перешли рѣку Збручъ между Сатановымъ и Гусятинымъ и двинулись на востокъ. Въ долину рѣки Смотрича эти части противника были разсѣяны огнемъ нашихъ войскъ и отступили, оставивъ плѣнныхъ.

31-го іюля въ окрестностяхъ Кѣлецъ наша конница разсѣяла до 800 соколовъ, поддержанныхъ частями 10-го драгунскаго австрійскаго полка. Послѣ кавалерійскаго дѣла Кѣльцы и Хелцилы очищены противникомъ. Въ тотъ же день части первой пѣхотной германской дивизіи повели наступленіе на фронтъ

Гутовъ—Бояры—Эйкуненъ—Кибекы. Послѣ артиллерійской перестрѣлки противники отступилъ.

Въ окрестностяхъ Варшавы разбрасывались непріателемъ прокламаціи, составленныя на польскомъ языкѣ и напечатанныя, повидимому, въ австрійскомъ главномъ штабѣ; содержаніе ихъ слѣдующее:

«Призывъ къ полякамъ.

Приближается минута освобожденія изъ-подъ ярма московскаго. Соединенныя войска нѣмецкія и австро-венгерскія вскорѣ перейдутъ границу королевства Польскаго. Уже москалы почесываются! Падаеть ихъ кровавое владычество, тяготящее надъ вами уже болѣе ста лѣтъ! Мы приходимъ къ вамъ, какъ друзья. Отнеситесь и къ намъ по-дружески. Мы несемъ вамъ свободу и независимость, за которыя столько терпѣли ваши отцы. Пусть восточное варварство отступитъ передъ западной цивилизаціей, общей у насъ съ вами.

Повстанцы! Помните о нашемъ прошломъ, столь великомъ и славномъ. Соединяйтесь съ союзными войсками! Общими силами мы выгонимъ изъ границъ Польши азіатскія орды. Мы приносимъ также свободу исповѣданіямъ и почтеніе къ религіи, такъ жестоко попираемой Россіей.

Пусть изъ прошлаго и изъ настоящаго заговорятъ къ вамъ льды Сибири и кровавое дѣло Праги и мученія униатовъ. Съ нашими знаменами приходитъ къ вамъ свобода и независимость!

Вышее начальство нѣмецкой и австро-венгерской восточныхъ армій».

31-го іюля былъ полученъ отрицательный отвѣтъ Бельгіи германскому правительству, которое послѣ занятія Льежа передало въ Брюссель черезъ нейтральную державу слѣдующее заявленіе: «Крѣпость Льежъ послѣ храброй обороны взята штурмомъ. Германское правительство сожалееть, что, вслѣдствіе занятаго бельгійскимъ правительствомъ положенія противъ Германіи, дѣло дошло до кровавыхъ столкновеній. Такъ какъ теперь бельгійская армія въ храброе сопротивленіи превосходнымъ силамъ блестяще охранила честь своего оружія, то германское правительство готово вступить въ любое соглашеніе съ Бельгіей, которое сколько-нибудь совмѣстимо съ его конфликтомъ съ Франціей, и все еще готово немедленно эвакуировать Бельгію, какъ только положеніе на театрѣ войны это позволить».

Ночью 31-го іюля Англія объявила войну Австро-Венгріи; въ официальной лондонской газетѣ ночью же было опубликовано слѣдующее мотивированное заявленіе:

«Такъ какъ дипломатическія сношенія между Франціей и Австріей порваны, французское правительство просило великобританское сообщить австрійскому послу въ Лондонѣ слѣдующее заявленіе:

«Объявивъ войну Сербіи и давъ такимъ образомъ первый починъ военнымъ дѣйствіямъ въ Европѣ, австро-венгерское правительство, безъ всякаго вызова со стороны правительства республики, поставило себя на положеніе войны съ Франціей. Во-первыхъ, по объявленіи Германіей войны Россіи и Франціи оно вмѣшалось въ борьбу, объявивъ войну Россіи, которая уже сражалась въ одномъ ряду съ Франціей.

«Во-вторыхъ, Австрія послала войска на германскую границу въ такой обстановкѣ, что это являлось прямой угрозой по адресу Франціи. Въ виду этихъ фактовъ французское правительство принуждено заявить австро-венгерскому правительству что оно приметъ всѣ мѣры, какія въ его силахъ, чтобы отвѣтить на эти угрожающіе акты».

Передавая это заявленіе, британское правительство объявило австро-венгерскому послу, что такъ какъ такимъ образомъ произошелъ разрывъ съ Франціей, то великобританское правительство считаетъ долгомъ заявить, что съ полуночи и Великобританія также находится съ Австро-Венгріей на положеніи войны».

Австро-венгерское посольство покинуло Лондонъ; изъ Вѣны выѣхалъ черезъ Швейцарію французскій посоль.

1-го августа въ Брюсселѣ официально подтверждено о побѣдоносномъ боѣ при Халенѣ. Бой длился въ теченіе всего 30-го іюля.

1-го августа два германскихъ контръ-миноносца безрезультатно обстрѣливали полангенскую таможду. Германская конница сосредоточивалась въ районѣ Пилкалена и Хоментова, пѣхота у Сталупенена. Части ландвера ушли изъ района Шмаленинкена на югъ. Западнѣ Симно подбитъ былъ нѣмецкій аэропланъ; четыре летчика найдены въ немъ убитыми. Въ Сувалкской и Ковенской губерніяхъ нашими войсками успѣшно велась борьба съ воздушной развѣдкой противника.

1-го августа непріятельская кавалерійская дивизія съ артиллеріей начала наступленіе на Ширвинти, встрѣченное нашей конницей, заставившей противника спѣшно отступить.

Англійскій военный пароходъ «Gwendolen» захватилъ германскій военный пароходъ на озерѣ Ніасса въ Африкѣ. Египетское правительство въ виду войны между Англійей и Германіей поручило защиту Египта Англій.

2-го августа верховнымъ главнокомандующимъ русскими военными силами великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ опубликовано слѣдующее воззваніе:

Поляки!

Пробилъ часъ, когда завѣтная мечта вашихъ отцовъ и дѣдовъ можетъ осуществиться.

Полтора вѣка тому назадъ живое тѣло Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея. Она жила надеждой, что наступитъ часъ воскресенія польскаго народа, братскаго примиренія его съ великой Россіей.

Русскія войска несутъ вамъ благу вѣсть этого примиренія.

Пусть сотрутся границы, разрѣзавшія на части польскій народъ. Да воссоединится онъ воедино подъ скипетромъ русскаго Царя.

Подъ скипетромъ этимъ возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи.

Одного ждете отъ васъ Россія — такого же уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми связала васъ исторія.

Съ открытымъ сердцемъ, съ братски протянутой рукой идетъ вамъ навстрѣчу великая Россія. Она вѣритъ, что не заржавѣлъ мечъ, разившій врага при Грюнвальдѣ.

Отъ береговъ Тихаго океана до сѣверныхъ морей движутся русскія рати. Заря новой жизни занимается для васъ.

Да возсіяетъ въ этой зарѣ знаменіе Креста — символъ страданія и воскресенія народовъ.

Верховный главнокомандующій, генераль-адъютантъ НИКОЛАЙ.

Главное управление генеральнаго штаба дало слѣдующій отчетъ о ходѣ нашихъ военныхъ дѣйствій:

Изъ укрѣпленной позиціи подъ Сокалемъ нашей конницей были выбиты 5-й уланскій и 3-й гусарскій полки, части 15-го драгунскаго и два батальона

Военный министръ генераль-адъютантъ генераль-отъ-кавалеріи
Владимиръ Александровичъ Сухомлиновъ.

55-го пѣхотнаго австрійскихъ полковъ. Лѣсъ у Сокаля занимали ландштур-мисты, разбѣжавшіеся до исхода боя. Наши войска продолжали преслѣдованіе. Въ тотъ же день, поддерживая по всему фронту соприкосновеніе съ противникомъ, наши части уничтожили заставу 11-го австрійскаго уланскаго полка между Зборажемъ и Синятовкой и, обнаруживъ у Заложце наступленіе шести

ротъ и двухъ эскадроновъ непріятели, внезапно атаковали ихъ конницей, изрубившей роту 35-го ландвернаго полка.

2-го августа нѣмцы возобновили наступленіе противъ Эйдкунена, сдержанное нашими войсками. Въ теченіе того же дня происходили небольшія стычки у Крейттингена и Александровскаго. Наши войска выбили противника изъ Мирунескена, Дроздовень и Лаккельна. Оставляя эти пункты, непріятель ихъ поджегъ. Оттѣснивъ части 44-го и 147-го пѣхотныхъ германскихъ полковъ и непріятельскую конницу, наша кавалерія заняла Маркграбово.

3-го августа германскому послу въ Токио врученъ ультиматумъ японскаго правительства, требующаго разоруженія Германіей военныхъ судовъ и укрѣпленій въ Кіао-чао и передачи Кіао-чао въ мѣсячный срокъ безвозмездно Японіи. Срокъ ультиматума семидневный по 10-е августа.

3-го августа въ 9 ч. 40 м. утра французская эскадра, шедшая съ юго-запада, атаковала австрійскій флотъ въ открытомъ морѣ на высотѣ Будвы. Австрійскій флотъ, послѣ часового боя, отступилъ съ большими потерями.

3-го августа Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Феодоровна съ наслѣдникомъ цесаревичемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Николаевичемъ и августѣйшими дочерьми отбыли изъ Петергофа въ Москву.

4-го августа Государь Императоръ съ августѣйшей семьей прибылъ въ Москву. На вокзалѣ была устроена торжественная встрѣча. Въ ротондѣ царскихъ комнатъ вокзала Государь принялъ хлѣбъ-соль отъ исправляющаго должность городского головы Брянскаго, привѣтствовавшаго Его Величество слѣдующею рѣчью:

«Ваше Императорское Величество! По промыслу Всевышняго Россіи неисполнены великія испытанія, но никакія испытанія для русскаго народа не страшны. Исторія русскаго народа свидѣтельствуетъ, что народъ въ единеніи со своимъ Царемъ выходитъ изъ испытаній только съ обновленными силами и нынѣ въ минуту новыхъ испытаній Россія спокойно встрѣчаетъ грозную бурю. Замолкли ссоры и вражды, и весь народъ слился со своимъ Царемъ и никто не разъединитъ ихъ. Онъ знаетъ, что съ Державнымъ Вождемъ, призвавшимъ его къ государственному строительству, оно придетъ въ царство славы и мира. Москва—сердце Россіи—призываетъ на Васъ, Государь, благословеніе Божіе».

Городской же голова поднесъ Государынѣ Императрицѣ букетъ цвѣтовъ, а члены управы поднесли букеты великимъ князьямъ. Затѣмъ высокіе гости прослѣдовали въ Кремлевскій дворецъ. На другой день состоялся высочайшій выходъ. Первымъ привѣтствовалъ Государя отъ лица дворянства губернской предводитель дворянства Самаринъ слѣдующею рѣчью:

«Возлюбленный Государь! Съ горячимъ воодушевленіемъ привѣтствуетъ Тебя московское дворянство. Въ этотъ грозный часъ народнаго испытанія въ живомъ общеніи съ Тобой крѣпнетъ духъ нашъ для великаго подвига. Мы все съ Тобой и за Тебя. Не усомнись же безтрепетно опереться на несокрушимую силу народнаго духа. Да поможетъ Тебѣ Богъ въ борьбѣ за дѣлность и честь русской державы и царственнымъ велѣніемъ Твоимъ да возродится къ новой жизни весь славянскій міръ. Мужайся, русскій Царь. Съ Тобой вся русская земля».

Рѣчь была покрыта кликами «ура» присутствовавшихъ.

Загѣмъ городскій голова Брянской, обратясь къ Государю Императору, сказалъ:

«Великій Государь! Грозная туча надвинулась надъ Россіей. Россія вовлечена въ войну двумя сосѣдними могущественными государствами, которыя, презрѣвъ всю прежнюю исторію, забывъ благодѣянія Россіи, начали угрожать цѣлости и могуществу Россіи. Россія не хотѣла войны. Русскій Царь и русскій народъ всегда предпочитали разрѣшеніе всѣхъ спорныхъ вопросовъ мирнымъ путемъ. Но когда была затронута ея честь, когда возбудилось опасеніе въ неприкосновенности ея границъ, вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, встала на защиту чести и славы Россіи. Врагъ силенъ, но не страшенъ, ибо русскій народъ знаетъ, что Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ. Война эта есть защита славянства отъ германизма. Вновь поднялся великій славянскій вопросъ— святыня каждаго русскаго человѣка. Много крови русской уже за него пролилось. Эта жертва должна, наконецъ, достигнуть цѣли. Славянскій вопросъ долженъ быть рѣшенъ объединеніемъ всего славянства подъ защитой матери славянства—Россіи.

Война эта является войной за осуществленіе идеи всеобщаго мира. Когда Вамъ, Государь, угодно было высказать великія мысли о всеобщемъ разоруженіи и мирномъ разрѣшеніи международныхъ вопросовъ, нашъ теперешній врагъ не только воспротивился этому, но подъ угрозой Германіи всѣ остальные государства Европы вынуждены были расширять свое вооруженіе.

Эта война есть война противъ главенства Германіи и противъ ея вооруженій. Русскій народъ въ единеніи со Своимъ Царемъ и въ содружествѣ съ благородными своими союзниками исполнить свое историческое предназначеніе. Послѣ этой войны наступитъ постоянный миръ на процвѣтаніе торговли, науки и искусства.

Въ такую великую минуту древняя первопрестольная столица, это сердце Россіи, привѣтствуетъ Васъ, Государь, отъ имени всего русскаго народа. При томъ чувствѣ, которымъ охваченъ весь русскій народъ, когда воля Царская и духъ народа слились воедино, нѣтъ того подвига, котораго не смогъ бы совершить русскій народъ. Дерзай, Государь, народъ съ Тобой, а Богъ Тебя хранить».

Слѣдующую рѣчь отъ московскаго земства произнесъ предсѣдатель губернской земской управы Шлиппе:

«Великій Государь! Счастливо московское земство поклонится Царю Своему въ эти тяжелые дни испытаній, ниспосланныхъ родинѣ. Счастливы высказать Вамъ, Государь, свои чувства. Надъ дорогой нашей родиной, надъ всѣмъ міромъ нависли темныя тучи военной грозы. Мы накануне всемірной непримѣрной борьбы. Въ это мгновеніе только народъ, тѣсно спаянный любовью своихъ сыновъ въ одно цѣлое, сумѣетъ отстоять свое мѣсто въ исторіи человѣчества. На царственный призывъ Вашего Величества откликнулись всѣ народы Россіи могучимъ порывомъ всеобщаго единенія. Сила духовнаго единенія Царя и народа сказалась во всемъ священномъ величіи. Въ этомъ—залогъ и основа успѣха. Вѣрьте, Государь, что русское земство отдастъ всѣ силы на предстоящее великое дѣло. Родная земля, на коей выросло земство, неисчерпаема въ силахъ своихъ. Дружно сплотились всѣ земства Россіи для выполненія своего долга передъ родиной. Мы твердо вѣримъ, Государь, что русскій народъ подъ верховнымъ водительствою Своего Державнаго Вождя одолѣетъ враговъ и выйдетъ съ честью на широкій путь мира, благоденствія и славы».

Отъ московскаго купечества привѣтствіе Государю сказалъ старшина купеческаго сословія С. А. Булочкинъ:

«Ваше Императорское Величество! Твердо вѣруетъ московское купечество, что Всевышній Господь пошлетъ Свое благословеніе и всеильную помощь Вамъ и Вашему храброму войску на защиту праваго дѣла. Повергая къ стопамъ Ва-

лимъ, Великій Государь, наши вѣроподданническія чувства, просимъ принять увѣреніе, что напряжемъ всѣ силы для облегченія участи раненыхъ и больныхъ защитниковъ нашей дорогой родины».

Въ отвѣтъ на всѣ эти привѣтствія Государь обратился къ присутствовавшимъ со слѣдующими словами:

«Въ часъ военной грозы, такъ внезапно и вопреки Моимъ намѣреніямъ надвинувшейся на миролюбивый народъ Мой, Я, по обычаю державныхъ предковъ, ищу укрѣпленія душевныхъ силъ въ молитвѣ у святыхъ московскихъ. Въ стѣнахъ древняго московскаго Кремля, въ лицѣ вашемъ, жители дорогой Мнѣ Первопрестольной Москвы, Я привѣтствую весь вѣрный Мнѣ русскій народъ, повсюду и на мѣстахъ, въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ единодушно откликнувшійся на Мой призывъ стать дружно всей Россіей, откинувъ распри, на защиту родной земли и славянства. Въ могучемъ всеобщемъ порывѣ слились воедино всѣ безъ различія племени и народности великой Имперіи Нашей, и вмѣстѣ со Мною никогда не забудетъ этихъ историческихъ дней Россія. Такое единеніе Моихъ чувствъ и мыслей со всѣмъ Моимъ народомъ даетъ Мнѣ глубокое утѣшеніе и спокойную увѣренность въ будущемъ. Отсюда, изъ сердца русской земли, Я шлю доблестнымъ войскамъ Моимъ и мужественнымъ иноземнымъ союзникамъ, заодно съ нами поднявшимся за поправку начала мира и правды, горячій привѣтъ».

Слова Его Величества были покрыты долго не смолкавшимъ восторженнымъ «ура».

Далѣе послѣдовало шествіе черезъ Красное крыльцо въ Успенскій соборъ, гдѣ при входѣ управляющій московской митрополіей преосвященный Трифонъ привѣтствовалъ Ихъ Величества, затѣмъ было отслужено молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и была прочитана преосвященнымъ Трифономъ молитва о дарованіи русскому и союзнымъ войскамъ побѣды.

По официальнымъ сообщеніямъ, военныя дѣйствія на русскомъ театрѣ войны рисуются въ слѣдующемъ видѣ:

2 августа 7-я австрійская кавалерійская дивизія, занявшая въ полномъ составѣ городъ Кѣльцы, въ удачномъ для нашей конницы дѣлѣ была вынуждена къ отступленію и очищенію города. Послѣ упорнаго боя нами взяты Вѣлжець. Близъ Нароля изрубленъ эскадронъ 11-го драгунскаго полка. Австрійскій отрядъ съ пѣхотой и артиллеріей, пытавшійся наступать къ Томашову, отбѣсненъ къ Наролю. 3-го августа вторая австрійская кавалерійская дивизія, поддержанная двумя батальонами пѣхоты и двумя батареями, пыталась захватить Владимиръ-Волынкій. Несмотря на то, что гарнизонъ города былъ немногочисленъ и не имѣлъ артиллеріи, онъ отбивалъ въ теченіе всего дня атаки австрійцевъ, веденныя съ разныхъ сторонъ и поддержанныя сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Къ вечеру австрійцы съ большимъ урономъ отошли къ селенію Сямно.

Начавшійся утромъ 2-го августа бой подъ Эйдкуненомъ продолжался до вечера. Нашими войсками удержаны были всѣ позиціи. Въ бою подъ Кѣльцами

Генераль-отъ-кавалеріи П. К. фонъ-Ренненкампфъ, командующій войсками виленскаго военнаго округа.

наши войска вынудили къ отступленію австрійскую кавалерійскую дивизію въ полномъ составѣ. Въ тотъ же день наступавшій восточнѣе Сандомира австрійскій отрядъ остановился. Наша конница отбросила австрійскій отрядъ, двинутый по направленію къ Томашеву, и заставила его съ серьезными потерями для противника отойти къ Наролю, гдѣ былъ изрубленъ эскадронъ 11-го драгунскаго австрійскаго полка. Новая попытка противника продвинуться къ

Томашову была безрезультатна; наступавшіе въ этомъ направленіи 11-й австрійскій гусарскій полкъ и батальонъ 4-го пѣхотнаго полка при двухъ орудіяхъ подъ натискомъ нашихъ войскъ отступили къ Наролю. Послѣ упорной обороны противникомъ, Бѣлжець и Любуша (Любучъ) были взяты съ бою нашей конницей.

3-го августа французская эскадра подъ начальствомъ адмирала Буэ-де-Лапейрера потопила передъ Антивари австрійскій крейсеръ, поддерживавшій блокаду этого порта. Серьезное сраженіе завязалось въ окрестностяхъ Бламонъ, Сирей и Аврикуръ, гдѣ французы столкнулись съ баварскимъ армейскимъ корпусомъ; французы овладѣли деревнями Бламонъ и Сирей, а также высотами, расположенными за этими деревнями; германскія колонны отступали въ полномъ безпорядкѣ, бросая на своемъ пути убитыхъ и раненыхъ. Французы захватили много плѣнныхъ. Французскія войска продолжали наступать въ области Верхнихъ Вогезъ, гдѣ германцы передъ нимъ отступали.

4-го августа, въ двѣнадцать часовъ дня, австрійская кавалерійская дивизія подошла къ линіи Городокъ—Кузминъ. Наша конница завязала съ противникомъ бой у Городка, длившійся въ теченіе пяти часовъ. Около семи часовъ вечера того же числа разстроенная австрійская дивизія отошла, преслѣдуемая нашей конницей.

4-го же августа, въ семь часовъ утра, 5-я австрійская пѣхотная дивизія, отгнѣсивъ наши разѣзды, атаковала Красникъ. Всего австрійцы развернули до трехъ полковъ пѣхоты и четырехъ батарей. Послѣ подхода подкрѣпленій наши войска отбили непріятельскій охватъ, перешли въ наступленіе и взяли въ плѣнъ шесть офицеровъ и около двухсотъ пятидесяти солдатъ. Бой закончился въ семь часовъ тридцать минутъ вечера. Ночью австрійцы поспѣшно отступили. У Городка, сѣверо-восточнѣ Гусятина, австрійская кавалерійская дивизія, послѣ пятичасового боя, отступила въ разстройствѣ, преслѣдуемая казаками.

4-го августа закончилось соединеніе бельгійской, французской и англійской арміи; несмотря на занятіе нѣмцами города, форты Льежа все еще упорно оборонялись; бельгійское правительство, въ видахъ предосторожности, перѣѣхало въ Антверпенъ; полевая бельгійская армія, прикрывая Брюссель, отбила нѣсколько атакъ германской кавалеріи.

Сербской миссіей въ Петербургѣ получено слѣдующее сообщеніе: «Австрійцы безъ перерыва бомбардируютъ Вѣлградъ. Королевскій дворець горитъ. Дѣтскій пріютъ подъ названіемъ «Материнскій домъ», надъ которымъ былъ поднятъ флагъ Краснаго Креста, разрушенъ, и снарядами убито болѣе ста дѣтей».

Въ четыре часа пополудни 4-го августа опубликовано слѣдующее официальное сербское сообщеніе: «Непріятель близъ Шабаца потерпѣлъ полное пораженіе и бѣжалъ въ безпорядкѣ. Три непріятельскихъ полка совершенно уничтожены. Мы захватили четырнадцать орудій и большое количество припасовъ. Наши войска преслѣдуютъ непріятеля».

5-го августа опубликовано слѣдующее воззваніе верховнаго главнокомандующаго къ «подъяремной» Руси:

РУССКОМУ НАРОДУ!

Братья.

Творится судь Божій.

Терпѣливо, съ христіанскимъ смиреніемъ, въ теченіе вѣковъ томился русскій народъ подъ чужеземнымъ игомъ, но ни лестью, ни гоненіемъ нельзя было сломить въ немъ чаяній свободы.

Какъ бурный потокъ рветъ камни, чтобы слиться съ моремъ, такъ нѣтъ силы, которая остановила бы русскій народъ въ его порывѣ къ объединенію.

Да не будетъ больше подъяремной Руси. Достояніе Владимира Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Данила и Романа, сбросивъ иго, да водрузитъ стягъ единой, великой, нераздѣльной Россіи.

Да свершится промыселъ Божій, благословившій дѣло великихъ собирателей земли Русской.

Да поможетъ Господь Царственному своему Помазаннику Императору Николаю Александровичу всяя Россіи завершить дѣло великаго князя Ивана Калиты.

А ты, многострадальная братская Русь, встань на срѣтеніе русской рати.

Освобождаемые русскіе братья!

Всѣмъ вамъ найдетсѣ мѣсто на лонѣ матери Россіи. Не обижая мирныхъ людей, какой бы они ни были народности, не полагая своего счастья въ притѣсненіи иноземцевъ, какъ это дѣлали швабы, обратите мечъ свой на врага, а сердца свои къ Богу съ молитвой за Россію, за Русскаго Царя.

Верховный главнокомандующій генераль-адъютантъ НИКОЛАЙ.

Маякъ на Дагерротѣ подвергся бомбардировкѣ со стороны трехъ нѣмецкихъ миноносцевъ.

5-го августа начались военныя дѣйствія въ германскихъ колоніяхъ въ Африкѣ. Британскія войска разбили германскій отрядъ на Золотомъ берегу въ Тоголандѣ и захватили много плѣнныхъ. 5-го августа австрійцы атаковали большими силами фронтъ черногорскихъ войскъ у Грахова. Сраженіе продолжалось весь день. Австрійцы были отбиты по всему фронту и, оставивъ много убитыхъ и раненыхъ, отступили.

О ходѣ военныхъ дѣйствій на французской границѣ генераль Жоффръ сообщилъ слѣдующее: «Въ теченіе послѣднихъ дней мы достигли въ Эльзасѣ и Лотарингіи важныхъ успѣховъ. Германскія войска понесли вездѣ значительныя потери. Дѣйствіе нашей артиллеріи было сокрушительное и деморализовало врага. Въ продолженіе всего вчерашняго дня въ Верхнемъ Эльзасѣ непріятель отступалъ въ безпорядкѣ, оставляя повсюду раненыхъ и военные припасы. Мы завладѣли большей частью вогезскихъ долинъ на эльзасскихъ склонахъ, откуда вскорѣ достигли равнины. Къ югу отъ Саарбурга германскія войска, сильно укрѣпившія свои позиціи и снабдившія ихъ тяжелой артиллеріей, вчера днемъ стремительно отступили и преслѣдуются нашей кавалеріей. Въ настоящее время мы занимаемъ также всю область озеръ въ западномъ направленіи отъ Фенетранжа и выступаемъ изъ долины рѣки Селль, шесть проходовъ которой

очищены германскими войсками. Наша кавалерія находится въ Шато-Саленъ.

6-го августа были опубликованы свѣдѣнія о боѣ между австрійцами и сербами, закончившемся вполне благопріятно для послѣднихъ. 4-го и 5-го августа, послѣ успѣшной бомбардировки сербами острова Ада-Кале и послѣ того, какъ сербская артиллерія заставила замолчать австрійскія батареи противъ Текии, завязался бой на всемъ фронтѣ расположенія войскъ въ Текии. Сербскія орудія весьма энергичнымъ огнемъ разрушили желѣзнодорожную станцію въ Оршовѣ, а также и восточную часть города и нефтехранилища. Затѣмъ огонь, направленный противъ острова Ада-Кале, нанесъ сильныя поврежденія непріятельскимъ пароходамъ и шаландамъ, въ которыхъ непріятель пытался укрыться. Бомбардировкѣ подвергся также городъ Оградина. Австрійцы отвѣчали артиллерійскимъ огнемъ, причемъ артиллерійская дуэль окончилась въ пользу сербовъ, такъ какъ непріятель прекратилъ бомбардировку сербскаго берега въ районѣ Текии. Большія сраженія происходили близъ города Вышеграда. Одинъ изъ сербскихъ отрядовъ занялъ желѣзную дорогу на протяженіи Вышеградъ—Гараде. Вокзалъ станціи Медвѣдье значительно былъ поврежденъ. Нѣкоторые изъ сербскихъ отрядовъ перешли границу у Дрины.

6-го августа обнаружено было отступление германцевъ на широкомъ фронтѣ. По сообщенію главнокомандующаго, 4-го августа на восточно-прусскомъ фронтѣ у Бильдервейлена, близъ Сталупенена, послѣ серьезнаго боя наши войска захватили семь орудій, двѣнадцать заднихъ ходовъ зарядныхъ ящиковъ, два пулемета и много плѣнныхъ; со стороны германцевъ здѣсь участвовали первая пѣхотная дивизія и двѣнадцать батарей. Съ боемъ нами взяты были Мелькемень и Коваленъ. Сталупененъ и Лыкъ также были заняты нами.

6-го же августа русскія войска заняли Гумбиненъ и взяли у нѣмцевъ двѣнадцать орудій и много плѣнныхъ.

Началось общее наступленіе германской арміи по линіи Жадуаръ—Намюръ; бельгійцы отступали къ Антверпену. Французы продолжали продвигаться впередъ въ Верхнемъ Эльзасѣ. Значительныя германскія силы начали переходъ черезъ Маасъ между Льежемъ и Намюромъ.

7-го августа великобританское правительство опубликовало слѣдующій обзоръ военныхъ дѣйствій на морѣ и на сушѣ:

«Съ момента объявленія войны англійскій флотъ оберегалъ безопасность экспедиціоннаго отряда, высадка котораго во Франціи закончена 5-го августа. Высадка была произведена въ образцовомъ порядкѣ и безъ всякихъ потерь. Задачею флота въ Атлантическомъ океанѣ и всѣхъ другихъ моряхъ была защита рейсовъ коммерческихъ судовъ. Германскій флотъ внѣ предѣловъ Балтійскаго моря принужденъ оставаться въ портахъ. Англійская морская торговля производится почти нормально. Германская морская торговля парализована. Единственной потерей англійскаго морского флота является гибель легкаго крейсера «Amphion», взорваннаго миною послѣ уничтоженія имъ германскаго заградителя «Koenigin Luise». Въ Сѣверномъ морѣ потоплена одна германская подводная лодка. Что касается положенія сухопутныхъ войскъ, то»

Генераль-лейтенантъ Я. Г. Жилинскій, командующій войсками
варшавскаго военнаго округа.

въ настоящій моментъ германскія военныя силы тянутся отъ района къ сѣверу отъ Базеля черезъ Льежъ до пункта въ Бельгїи, расположеннаго къ востоку отъ Антверпена и по близости голландской границы. Наиболѣе важнымъ фактомъ всѣхъ дѣйствій до настоящаго момента является отсрочка предполагавшагося нѣмцами наступленія черезъ рѣку Маасъ, вызванная обороною Льежа, форты котораго все еще цѣлы. Это обстоятельство дало возможность Франціи и Англїи произвести планомѣрно мобилизацію и сосредоточеніе

ИСТОРИЯ ВЪСТѢИ., СЕНТЯБРЬ 1914 Г., Т. СХХХVII.

III

французской армии и британского экспедиционного отряда. Германские войска перешли в настоящее время рѣку Маасъ выше и ниже Льежа и подвигаются медленно къ западу, но наступленіе ихъ кавалеріи постоянно задерживается бельгійскими войсками. На югѣ германскія войска ограничивались обороною. Французскія войска наступали широкимъ фронтомъ въ Эльзасъ и Лотарингіи, значительная часть которыхъ ими теперь занята послѣ нѣсколькихъ сраженій, въ коихъ они отгѣснили войска противника».

7-го августа наши войска на южномъ фронтѣ, перейдя черезъ рѣку Збручъ, вторглись на австрійскую территорію. Большую побѣду одержали надъ австрійцами сербы въ горной равнинѣ Церъ и на рѣкѣ Ядаръ ¹⁾. Австрійцы обратились въ бѣгство, бросивъ оружіе и обозъ съ военными припасами и оставивъ много плѣнныхъ. Сербскія войска преслѣдовали непріятеля. Главная квартира сербовъ сообщила о крупномъ сраженіи, произошедшемъ въ направленіи Лозницы и Лешницы утромъ 7-го августа и что это сраженіе закончилось побѣдой сербовъ. Непріятель былъ разбитъ и отступилъ во всѣхъ направленіяхъ, торопясь достигнуть мостовъ на Дринѣ, къ которымъ уже подошли почти вплотную сербы. Непріятель при отступленіи оставилъ сербамъ богатую военную добычу. Сербы взяли въ плѣнъ множество солдатъ и офицеровъ и завладѣли сорока австрійскими пушками, а также большимъ количествомъ военныхъ припасовъ и лошадей. При отступленіи непріятель оставилъ свои полевые лазареты со всѣмъ ихъ матеріаломъ и личнымъ составомъ. Австрійскія потери огромны. Сербами были совершенно уничтожены цѣлыя полки.

Французское военное министерство опубликовало слѣдующее официальное сообщеніе отъ 7-го августа:

«Французскія войска одержали побѣду между Мюльгаузеномъ и Альткирхеномъ. Германцы отступили къ Рейну, оставивъ французамъ многочисленныхъ плѣнныхъ. Французскія войска захватили въ этомъ сраженіи двадцать четыре пушки, изъ которыхъ шесть были взяты французской пѣхотой во время самаго боя. Въ Лотарингіи французскіе авангарды натолкнулись на очень сильныя непріятельскія позиціи и контръ-атакой были принуждены отступить къ своимъ главнымъ силамъ, прочно укрѣпившимся на рѣкѣ Селль и на Марнско-Рейнскомъ каналѣ».

Французское правительство обратилось къ державамъ, подписавшимъ гаагскія конвенціи, съ меморандумомъ, въ которомъ протестуетъ противъ нарушенія германскими войсками конвенціи 5-го октября 1907 г.

По сообщенію штаба верховнаго главнокомандующаго: «Бои въ Восточной Пруссіи 4-го, 5-го, 6-го и 7-го августа велись съ большимъ упорствомъ. Духъ войскъ превосходный. Фронтъ сраженія растягивается на сорокъ верстъ. Города Гольдапъ и Арисъ заняты нами. Отступленіе двадцатаго германскаго корпуса изъ окрестностей Лыка имѣло весьма спѣшный характеръ. Въ Лыкѣ захвачены паровозъ и подвижной составъ и запасы фуража, спирта и бензина; въ

¹⁾ Рѣка Ядаръ является притокомъ рѣки Дрины. Гора Церъ находится на лѣвомъ берегу рѣки Дрины.

казначействѣ конфисковано пятьдесятъ тысячъ марокъ. Въ районѣ Вилленберга непріятельскія войска очищаютъ границу; нѣмецкое населеніе оставляетъ селенія и бѣжитъ на сѣверъ. На австрійскомъ фронтѣ по 7-е августа включительно серьезныхъ столкновеній не было. Близъ Берестечка, у Новостава, наши войска загнали въ болото эскадронъ 9-го гусарскаго полка. Сдались два офицера и сто пять гусаръ. Австрійскій батальонъ выбить изъ Равы-Русской.

«7-го августа германская армія въ районѣ Гумбинена ввела въ бой не мѣнѣе трехъ корпусовъ и пыталась охватить нашъ правый флангъ, гдѣ бой достигъ крайняго напряженія. Въ центрѣ мы перешли въ наступленіе и захватили много орудій.

«8-го августа нашъ лѣвый флангъ съ боемъ продвигался впередъ и до начала темноты сбилъ непріятеля. Непріятель просилъ здѣсь о перемиріи для уборки убитыхъ и раненыхъ, но въ этомъ ему было отказано.

«9-го августа геройскія усилія нашихъ войскъ увѣнчались успѣхомъ, Понесшіе огромный уронъ германцы отступаютъ, преслѣдуемые нашими войсками».

На бельгійскомъ театрѣ началось большое сраженіе вдоль линіи Баль-Діестъ. Послѣ штыковой атаки французы заняли Мюльгаузенъ и захватили шесть непріятельскихъ орудій. Линія наступленія французовъ въ Лотарингіи простиралась съ сѣвера отъ Саарбурга до Дельма, проходя черезъ Моранжъ.

8-го августа германская кавалерія заняла Брюссель. Бельгійская армія отступила на Антверпенъ, не подпустивъ къ себѣ непріятеля. Германскія силы продолжали переходить черезъ Маасъ и сосредоточиваться въ окрестностяхъ Гюи. Сербскія войска преслѣдовали лѣвое крыло непріятеля по направленію къ рѣкѣ Дрину, причемъ сербами взята была еще одна батарея съ шестью пушками. Правое крыло непріятеля отступило, гонимое сильнымъ огнемъ сербской артиллеріи. Съ сѣвернаго фронта на Бѣлградъ, Обреновацъ и устье рѣки Кулуборы непріятель нападалъ слабо. Сербская артиллерія уничтожила склады австрійскаго пароходства у Старой Молдавы.

Нѣмцы обложили Брюссель военной контрибуціей въ 200 милліоновъ франковъ, а Льежъ въ 50 милліоновъ франковъ. Послѣ боя русскими войсками взяты Инстербургъ, крупный желѣзнодорожный узелъ, занятіе котораго предрѣшило судьбу Тильзита. Германскія войска отступили съ большими потерями отъ Тирлемона; французскіе передовые отряды отошли отъ Лотарингіи къ главнымъ силамъ; лѣвое крыло французской арміи покрыло укрѣпленія Нанси, а правое укрѣпилось на массивѣ Донона. Султанъ мароккскій прервалъ сношенія съ Германіей и Австріей.

10-го августа начался большой бой между Намюромъ и Шарлеруа; нѣмцы заняли Люневиль. На русскомъ театрѣ войны положеніе дѣлъ по сообщенію штаба верховнаго главнокомандующаго рисуется слѣдующимъ образомъ:

«На восточно-прускомъ фронтѣ германскія войска въ полномъ отступленіи за рѣку Ангерапъ. Переправа черезъ эту рѣку у Даркемена въ нашихъ рукахъ. Къ западу отъ Мазурскихъ озеръ 9-го августа наши войска заняли города Юганисбургъ, Ортельсбургъ и Вилленбергъ. По свѣдѣніямъ 10-го ав-

густа наши войска заняли городъ Сольдау, жители котораго бѣжали. Нейденбургъ очищенъ германскими войсками и подожженъ ими. Значительныя силы непріятели, занимавшія этотъ районъ, отходятъ къ сѣверномъ направленію. Отступленіе противника продолжается на всемъ фронтѣ. 9-го августа девять русскихъ эскадроновъ атаквали въ конномъ строю около станціи Плуховъ, между Злочовомъ и Зборовомъ, двойное число австрійскихъ. Австрійцы приняли атаку, но были опрокинуты. Нами захвачены двѣ конныя батареи и 160 плѣнныхъ. Австрійскія войска, нападавшія на Владимирь-Вольнскій, спѣшно отступили къ Сокалю. Часть переправъ черезъ рѣку Сереть въ нашихъ рукахъ. Наступленіе въ Восточную Галицію изъ предѣловъ кіевского военнаго округа продолжается успѣшно».

Японія объявила войну Германіи, и въ Токио обнародовано слѣдующее воззваніе императора Японіи:

«Мы, милостью неба императоръ Японіи, возсѣдающій на престолѣ, занимаемомъ одною и тою же династіей съ незапамятныхъ временъ, симъ объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ и храбрымъ подданнымъ:

Симъ мы объявляемъ войну Германіи и повелѣваемъ нашимъ арміи и флоту открыть военныя дѣйствія противъ сей имперіи со всей ихъ мощью; мы повелѣваемъ также всѣмъ подлежащимъ властямъ при исполненіи ихъ обязанностей для достиженія національной цѣли въ предѣлахъ международныхъ законовъ.

Съ возникновеніемъ настоящей войны въ Европѣ, на бѣдственныя послѣдствія которой мы взираемъ съ великимъ прискорбіемъ, мы съ своей стороны питали надежду сохранить миръ на Дальнемъ Востокѣ, соблюдая строгій нейтралитетъ. Но дѣйствія Германіи въ концѣ концовъ побудили союзную намъ Великобританію начать противъ этого государства военныя дѣйствія. Германія же, съ своей стороны, принимаетъ въ Кіао-Чао, арендуемомъ у Китая, спѣшныя военныя приготовленія, а ея вооруженные корабли, крейсирующие въ водахъ Восточной Азіи, угрожаютъ нашей торговлѣ и торговлѣ нашей союзницы. Миръ на Дальнемъ Востокѣ подвергся такому образомъ опасности. Въ силу сего наше правительство и правительство Великобританіи послѣ всесторонняго и искренняго обмѣна мыслей другъ съ другомъ, согласились принять мѣры, необходимыя для обезпеченія нашихъ общихъ интересовъ, предусмотрѣнныхъ союзными договорами. Мы же, стремясь достигнуть этой цѣли мирными средствами, повелѣли нашему правительству преподать императорскому германскому правительству искренній совѣтъ. Но въ послѣдній назначенный для сего день наше правительство не получило отвѣта, принимающаго нашъ совѣтъ. И вотъ съ глубокою скорбью мы, не взирая на всю нашу горячую преданность дѣлу мира, были вынуждены объявить войну, особо прискорбную для насъ при началѣ нашего царствованія и когда мы находимся въ траурѣ по нашей возлюбленной матери. Мы глубоко желаемъ, чтобы благодаря преданности долгу и отвѣгъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ миръ былъ въ скоромъ времени возстановленъ и возсіяла слава имперіи».

10-го августа продолжалось на широкомъ фронтѣ вторженіе въ Восточную Пруссію и Галицію.

11-го августа англійскія войска вступили близъ Монса въ сраженіе съ нѣмцами; большой бой продолжался между Намюромъ и Шарлеруа. Сербы во время сраженія на Дринѣ захватили 4.500 плѣнныхъ австрійскихъ солдатъ, 53 полевыхъ орудія, 8 гаубиць, 114 двуколокъ, 3 полевыхъ лазарета, 14 походныхъ кухонь, 6 вагоновъ съ провіантомъ, много ружей, лошадей, разныхъ

Генераль-отъ-артиллеріи Н. В. Никитинъ, командующій войсками одесскаго военнаго округа.

повозокъ съ телеграфными принадлежностями и амуницией, а также кассу съ деньгами.

Австрійское правительство приказало разоружиться австрійскому крейсеру въ Кіао-чао; получены извѣстія, что 3-го августа погибъ въ бою съ французскимъ флотомъ австрійскій крейсеръ «Зента».

По сообщенію верховнаго главнокомандующаго, наши войска одержали рядъ побѣдъ и настойчиво продвигаются впередъ:

«10-го августа арьергарды австрійцевъ съ артиллеріей пытались задержать насъ на рѣкѣ Сереть въ районѣ Тарнополя и Чорткова, но послѣ ряда боевъ были сбиты. Наше наступленіе продолжается; захваченъ подвижной составъ, два пулемета и много амуниціи. Южнѣе Грубешова нами подстрѣленъ австрійскій аэропланъ: два летчика офицера убиты, одинъ раненъ. Движеніе поѣздовъ черезъ желѣзнодорожный мостъ у Каменки прервано нашей конницей. На восточно-прусскомъ фронтѣ германская армія отступила отъ Гумбинена форсированными переходами, причемъ часть ея собирается къ крѣпости Кенигсбергу. Заблаговременно подготовленная укрѣпленная позиціи на рѣкѣ Ангерапъ брошена противникомъ безъ боя. Дороги за рѣкой Ангерапъ усыяны патронами, бризантными гранатами и мѣшками, брошенными германскими войсками для ускоренія отступления. Города Инстербургъ и Ангенбургъ заняты нами. Въ районѣ къ сѣверу отъ Нейденбурга 10-го и 11-го августа произошли упорные и успѣшные для насъ бои съ значительными германскими силами. Къ сѣверу отъ Нейденбурга укрѣпленную позицію Орлау—Франкенау занималъ XX германскій корпусъ, усиленный до трехъ дивизій. 10-го и 11-го августа наши войска, преодолевая волчьи ямы и проволочныя сѣти, атаковали непріятеля. Въ бою примѣнялись ручныя гранаты; наша пѣхота работала штыками. Около 11 часовъ утра 11-го августа, охваченный съ лѣваго фланга, XX германскій корпусъ поспѣшно отступилъ на Остероде, оставивъ нѣсколько орудій, пулеметовъ, много зарядныхъ ящиковъ и пѣвннхъ».

11-го августа ночью австрійцы бомбардировали Бѣлградъ. Сербы вновь заняли Шабаць; вся територія Сербіи очищена отъ австрійцевъ.

12-го августа прерваны были дипломатическія сношенія между Японіей и Австріей.

Большой бой продолжался у Шарлеруа и Намюра; французы, понеся крупныя потери, принуждены были остановиться на оборонительныхъ позиціяхъ. Началась блокада Циндао. Сербы отбили у австрійцевъ Шабаць.

13-го августа весь день продолжался жаркій бой на бельгійскомъ фронтѣ; на сѣверѣ нѣмцы возобновили наступленіе, которое удерживаютъ французы и англичане вмѣстѣ; двухтысячный отрядъ германскихъ войскъ бомбардировалъ городъ Малинь (Мехельнь). Бельгійскія войска произвели энергичную контръ-атаку и прогнали непріятеля до Вильверде. Потери съ обѣихъ сторонъ были значительны.

Русскія войска заняли въ Восточной Пруссіи города Норденбургъ, Бишофбургъ, Зенсбургъ и станцію Ротфлисъ. Въ Восточной Галиціи австрійскіе арьергарды отгѣснены за рѣку Золотая Липа; наступленіе нашихъ войскъ продолжалось.

14-го августа верховный главнокомандующій сообщилъ объ успѣшномъ ходѣ военныхъ дѣйствій и въ Пруссіи, и въ Галиціи:

«Наступательныя операціи нашихъ войскъ въ теченіе 12-го августа въ Восточной Пруссіи и Галиціи продолжали развиваться съ полнымъ успѣхомъ. Въ Восточной Пруссіи германцы поспѣшно отступали къ Кенигсбергу и Алленштейну. Въ Галиціи происходило энергичное движеніе къ Львову, отъ котораго войска наши находятся уже не въ далекомъ разстояніи. Кавалерія дѣятель-

но очищала отъ непріятеля фронтъ нашего наступленія. Ея дѣйствія сопровождались рядомъ удачныхъ для насъ столкновений. Наши войска приблизились къ кенигсбергской крѣпости, оттѣсня передовыя части гарнизона. Между Вислой и Днѣстромъ установлено было тѣсное соприкосновеніе съ австрійскими арміями. 13-го августа успѣшно начались бои у Томашова и Монастыржиска».

Бельгійская армія въ районѣ Антверпена отбросила германскія войска; французскія войска отбили атаки нѣмцевъ и начали наступленіе между Вогезами и Нанси. Въ Балтійскомъ морѣ уничтоженъ русскими нѣмецкій крейсеръ «Магдебургъ».

Съ 12-го по 14-е августа происходили удачныя для насъ бои на восточно-прусскомъ фронтѣ въ районѣ Сольдау—Алленштейнъ—Бишофсбургъ. Нѣмцы понесли серьезныя потери у Мюлена, между Остероде и Нейденбургомъ. Удачно прошель для насъ бой у Петрокова. На галиційскомъ фронтѣ къ 13-му августа отдѣльные бои получили характеръ генеральнаго сраженія, развивающагося въ южныхъ уѣздахъ Люблинской и Холмской губерній и въ Восточной Галиціи, на путяхъ къ Львову, на общемъ фронтѣ 300 верстъ.

Первоначально бои носили преимущественно встрѣчный характеръ, но усиліями нашихъ войскъ на многихъ участкахъ австрійцы вынуждены были перейти къ оборонѣ. Одинъ изъ нашихъ пѣхотныхъ полковъ въ рукопашномъ бою взялъ знамя и почти совершенно уничтожилъ 11-й гонведный полкъ.

Французы на фронтѣ Нанси снова овладѣли Люневилемъ. 14-го августа французское военное министерство дало слѣдующее сообщеніе:

«Въ Вогезахъ французы вновь перешли въ наступленіе и отбросили тѣ германскія войска, которыя вчера заставили ихъ отступить въ сторону Сень-Діе. Нѣмцы бомбардировали и разграбили Сень-Діе, являющийся не защищеннымъ городомъ. Въ районѣ Вогезъ, у Нанси, наступленіе французовъ не прерывалось уже пятый день. Потери нѣмцевъ были весьма значительны. Такъ, на примѣръ, къ юго-востоку отъ Нанси, на фронтѣ въ трехъ километра, найдено 2.500 убитыхъ нѣмцевъ; въ области Витрименъ, на фронтѣ въ четыре километра, обнаружено 4.500 убитыхъ.

«Лонгви, очень старая крѣпость, гарнизонъ которой состоялъ всего лишь изъ одного батальона и которая подверглась бомбардировкѣ съ 21-го іюля, сдалась 14-го августа послѣ 24 дней сопротивленія. Половина гарнизона была перебита и ранена.

«На Маасѣ французы оказали самый рѣшительный отпоръ нѣсколькимъ германскимъ атакамъ, причемъ было захвачено одно нѣмецкое знамя. Бельгійскія войска намюрскаго гарнизона, при поддержкѣ французовъ, достигли расположенія французскихъ войскъ. На сѣверѣ англійская армія была атакована значительно превосходившими ее силами непріятеля и послѣ блестящаго сопротивленія вынуждена была отойти нѣсколько назадъ. На правомъ флангѣ французская армія удержала свои позиціи. Антверпенская бельгійская армія своимъ наступленіемъ привлекла къ себѣ и задержала на своемъ фронтѣ нѣсколько германскихъ дивизій».

15-го августа нѣмцы заняли Остенде. Подъ Намюромъ шель ожесточенный

бой; нѣмцы съ большими для себя потерями взяли нѣсколько фортовъ. Германская армія, обложившая Антверпенъ, подверглась фланговому удару со стороны англо-французскихъ войскъ. Нѣмцы совершили нападеніе на восточную часть бельгійскаго Конго. Продолжалась бомбардировка Вѣлграда. У острова Гельгоlanda произошелъ морской бой между англійскимъ и германскими флотами; два германскихъ контръ-миноносца и три крейсера были потоплены и многія потерпѣли поврежденія.

16-го августа Австрія объявила войну Бельгіи. По сообщенію штаба верховнаго главнокомандующаго, въ бояхъ въ Восточной Пруссіи, происходившихъ въ послѣдніе дни, принимали участіе гарнизоны крѣпостей Торна и Грауденца съ многочисленной тяжелой артиллеріей. Наше наступленіе на этомъ фронтѣ продолжалось. Сраженіе на австрійскомъ фронтѣ продолжалось съ крайнимъ упорствомъ. Австрійскія войска, находившіяся въ Кѣлецкой губерніи, перешли на правый берегъ Вислы для принятія участія въ битвѣ. Къ востоку отъ Львова нами было взято три тысячи плѣнныхъ. У Подгайцова ¹⁾ уронъ противника достигалъ до 3,000 человекъ. Нами были взяты съ бою четыре пушки и много зарядныхъ ящиковъ и подобраны на переправѣ черезъ Золотую Липу брошенные непріателемъ девять пушекъ и шестьдесятъ зарядныхъ ящиковъ. Въ районѣ сѣвернѣ Томашова нами взята была тысяча плѣнныхъ, а къ востоку отъ Томашова 15-ая венгерская дивизія была разбита и окружена; сдавались цѣлыя полки. На другихъ участкахъ ожесточенные бои продолжались. Главныя усилія непріятеля концентрировались на направленіяхъ, ведущихъ къ Люблину, гдѣ происходили весьма упорные бои.

Нѣмецкія войска, отступивъ къ Лувену, сожгли городъ, церкви, старинный лувенскій соборъ св. Петра, университетскую бібліотечку, разныя научныя учрежденія и отъ стариннаго города въ 45,000 жителей оставили одно дымящееся пепелище.

Верховный главнокомандующій сдѣлалъ слѣдующее объявленіе:

«Въ районѣ нашихъ боевыхъ дѣйствій съ австрійцами установлено участіе галицко-польскихъ сокольскихъ организацій, причемъ выяснилось употребленіе ими разрывныхъ пуль.»

«Если я обращаюсь къ польскому зарубежному населенію со словами братской любви русской арміи, то былъ увѣренъ въ лояльности взаимныхъ отношеній. Я ни минуты не допускаю, чтобы польское населеніе могло рассчитывать на великодушіе великой Россіи, фактически участвуя во враждебныхъ къ намъ дѣйствіяхъ и при томъ въ столь недостойной формѣ, какъ употребленіе разрывныхъ пуль съ отрѣзанными концами.»

«Глубоко увѣренъ, что замѣченное явленіе есть печальная случайность. Въ интересахъ всего зарубежнаго польскаго населенія предваряю, что мною повелѣно Высочайше ввѣреннымъ мнѣ войскамъ не считать сокольскія и тому

¹⁾ Подгайцовъ—небольшое мѣстечко въ Восточной Галиціи

Генераль-отъ-артиллеріи Н. І. Ивановъ, командующій войсками кіевскаго военнаго округа.

подобныя организаціи воюющей стороной и со всѣми участниками ихъ, захваченными въ плѣнъ, поступать со всей строгостью законовъ военнаго времени.

«Подписаль: генераль-адъютантъ Николай. 11-го августа 1914 года».

Русскія войска отрѣзали Кенигсбергъ отъ германскихъ силъ.

17-го августа на прусскомъ фронтѣ, въ районѣ Остероде, появились новыя непріятельскія силы, кои на нѣкоторыхъ участкахъ стали переходить въ на-

III

ступленіе. Сраженіе на всемъ австрійскомъ фронтѣ продолжалось. Южнѣе Люблина наши войска перешли въ общемъ отъ обороны къ наступленію и начали двигаться въ районѣ, заваленномъ горами убитыхъ австрійцевъ, убрать которыхъ противникъ не успѣлъ. Несмотря на то, что нѣкоторые полки сражались уже седьмой день, бои продолжали носить упорный характеръ; было много штыковыхъ ударовъ. У Томашова горячій бой продолжался. На всемъ упомянутомъ фронтѣ нами взято было много плѣнныхъ, орудія, пулеметы и зарядные ящики. Въ числѣ трофеевъ вновь взяли австрійское знамя. На львовскомъ направленіи, послѣ упорнаго боя, мы овладѣли фронтомъ Каменка—Глянины—Перемышляны—Бржуховице.

Въ Лотарингіи французы овладѣли райономъ Линье—Мормаль. Германскія войска стали перевозиться на востокъ и очистили районы къ сѣверу отъ линіи Малинь—Вильверде—Эршотъ—Гейстантенбергъ, очищены также провинціи Антверпенъ и часть Лимбурга. На фронтѣ Мезьеръ—Седанъ продолжались бои. Нѣмцы всюду отброшены за рѣку Маасъ. Японцы блокировали Кіао-чао и подбили въ портѣ нѣмецкій крейсеръ «Энденъ», который вскорѣ сторѣлъ отъ произошедшаго пожара.

18-го августа пришло печальное извѣстіе о большихъ нашихъ потеряхъ. Штабъ главнокомандующаго сообщилъ, что вслѣдствіе накопившихся подкрѣпленій, стянутыхъ со всего фронта, благодаря широко развитой сѣти желѣзныхъ дорогъ, превосходныя силы германцевъ обрушились на наши силы около двухъ корпусовъ, подвергнувшихъ самому сильному обстрѣлу тяжелой артиллеріи, отъ которой мы понесли большія потери. Войска дрались геройски; генералы: Самсоновъ, Мартосъ, Пестичъ и нѣкоторые чины штабовъ погибли.

На австрійскомъ фронтѣ продолжались упорные бои. Возобновились сраженія въ Вогезахъ и Лотарингіи. Французскія войска генерала По уничтожили въ окрестностяхъ Перона германскій гвардейскій корпусъ. Германскій аэропланъ сбрасывалъ бомбы въ Парижъ.

18-го августа Государь императоръ повелѣтъ соизволилъ именовать впредь городъ С.-Петербургъ *Петроградомъ*.

Въ теченіе 18-го августа на южномъ фронтѣ варшавскаго военнаго округа продолжались упорные бои. На всемъ фронтѣ всѣ атаки австрійцевъ были успѣшно отбиты. Нашъ переходъ въ наступленіе на нашемъ правомъ флангѣ заставилъ австрійцевъ отойти, причѣмъ нами было взято три орудія, десять пулеметовъ и болѣе тысячи плѣнныхъ. Потери австрійцевъ, по показаніямъ плѣнныхъ, велики. Арміи, вторгнувшіяся въ предѣлы Галиціи, продолжали успѣшное движеніе ко Львову. Противникъ подъ напоромъ нашихъ войскъ постепенно отходилъ. Захвачено было нѣсколько орудій, пулеметы и зарядные ящики. Преслѣдованіе продолжалось. Особенно упорный характеръ носилъ бой за обладаніе рѣкой Гнилой Липой. Несмотря на то, что противникъ занималъ чрезвычайно сильную по природѣ позицію, къ тому же сильно укрѣпленную, которую, по показаніямъ плѣнныхъ офицеровъ, сами австрійцы считали неприступной, позиція эта была взята нашими войсками. Попытка противника удерживать насъ атакою во флангъ со стороны Галича не удалась. Австрійцы и здѣсь были отброшены съ большими потерями; на полѣ сраженія погребено 4.800 тру-

новъ австрійцевъ. Въ этомъ бою нами взяты въ плѣнъ одинъ генераль и много плѣнныхъ, отбито 32 орудія, одно знамя и захвачено много обозовъ и парковъ.

19-го августа происходилъ общій бой между Маасомъ и Ретелемъ; французы отступили къ югу. Японцы заняли всѣ острова у Кіо-чао и стали очищать воды отъ минъ, извлекли ихъ до 1.000. Въ Восточной Пруссіи русскія войска, оправившись отъ потерь, снова начали тѣснить нѣмцевъ. Въ Бельгії установлено германское управленіе.

20-го августа штабъ главнокомандующаго сообщилъ: «Послѣ семидневнаго боя наша армія овладѣла передовыми, сильно укрѣпленными позиціями Львова, вынесенными на 15—20 верстъ къ востоку отъ города, и приблизилась къ главнымъ львовскимъ фортамъ. Послѣ крайне упорнаго боя австрійцы 19-го августа бѣжали въ безпорядкѣ, бросая легкія и тяжелыя орудія, артиллерійскіе парки, походныя кухни. Наши авангарды и конница преслѣдовали непріятеля, понесшаго огромныя потери убитыми и ранеными. Дѣйствовавшая на львовскомъ направленіи австрійская армія состояла изъ третьяго, одиннадцатаго, двѣнадцатаго корпусовъ и частей седьмого и четырнадцатаго корпусовъ; она, повидимому, совершенно разбита. При преслѣдованіи отступавшихъ съ Гнилой Липы австрійскихъ корпусовъ непріятель былъ вынужденъ бросить еще 31 орудіе, наши войска находили всѣ дороги загромаженными брошенными артиллерійскими парками и обозами съ разными грузами. Общее количество взятыхъ нами орудій на львовскомъ направленіи около 150. 15-го августа у Лацова была совершенно разбита вся 15-я австрійская дивизія. Начальникъ дивизіи, командиръ бригады и начальникъ штаба убиты, взяты въ плѣнъ 100 офицеровъ, 4.000 солдатъ и 600 раненыхъ; захвачено знамя 65-го полка и 20 орудій. Все поле покрыто убитыми».

Верховный главнокомандующій 20-го августа послалъ слѣдующую телеграмму Его Величеству Государю Императору:

«Счастливъ порадовать Ваше Величество побѣдой, одержанной арміей генерала Рузскаго подъ Львовомъ. Послѣ семидневнаго непрерывнаго боя австрійцы отступаютъ въ полномъ безпорядкѣ, мѣстами бѣгутъ, бросая легкія и тяжелыя орудія, артиллерійскіе парки и обозы. Непріятель понесъ громадныя потери. Взято много плѣнныхъ. До этого рѣшительнаго боя арміей генерала Рузскаго взято за семь дней 44 орудія, множество ручнаго оружія и большое число пулеметовъ».

Германскія войска передвигались изъ Брюсселя къ Льерру и по линіи Скелдаль—Аштъ. Германскія войска бомбардировали Малинь, цѣлясь въ колокольни кафедральнаго собора. Лѣвое крыло французскихъ войскъ, съ цѣлью избѣжать рѣшительнаго сраженія въ невыгодныхъ условіяхъ, отступило къ югу, и къ юго-западу. Бельгійская королева съ дѣтьми уѣхала изъ Антверпена въ Лондонъ. Снова австрійцы бомбардировали Вѣлградъ. Черногорцы разбили австрійцевъ при Вучидолѣ и перешли въ наступленіе противъ австрійскихъ войскъ, отступившихъ изъ Плевля къ Чайницѣ. 18-го японскихъ транспортовъ пришли въ Лунь-коу для осады Циндао съ суши.

21-го августа верховный главнокомандующій извѣстилъ Государя Императора о новыхъ побѣдахъ русской арміи:

«Съ восторженной радостью и принеся благодареніе Богу, доношу Вашему Величеству,—писаль великій князь,—что побѣдоносная армія генерала Рузскаго сегодня въ одиннадцатъ утра взяла Львовъ, а армія Брусилова городъ Галичъ. Ходатайствую о награжденіи за всѣ предыдущіе бои генерала Рузскаго Георгіемъ 4-й степени, а за взятіе Львова 3-й степени, генерала Брусилова за всѣ бои Георгіемъ 4-й степени. Подробностей еще нѣтъ.

Генераль-адъютантъ Николай».

По донесеніямъ штаба главнокомандующаго положеніе дѣлъ за эти дни рисовалось въ такомъ видѣ:

19-го августа непріятельскія колонны пытались прорвать нашъ центръ на направленіяхъ между Люблиномъ и Холмомъ. Успѣхъ, однако, перешель на нашу сторону. Преслѣдуемые нами остатки непріятельскихъ колоннъ поспѣшно отступали на югъ, оставивъ намъ знамя, 8 пулеметовъ и болѣе 1.000 плѣнныхъ. 20-го августа упорные бои на всемъ фронтѣ возобновились съ новой силой. Плѣнные показывали, что вторая австрійская армія, составлявшая заслонъ къ востоку отъ Львова, была совершенно охвачена паникой. Въ ближайшихъ окрестностяхъ Львова 20-го августа нами было захвачено еще 20 орудій. Наши войска на этомъ фронтѣ безостановочно подвигались впередъ. Бои 20-го августа были для насъ успѣшны. Для противодѣйствія намѣреніямъ австрійцевъ прорвать наше расположеніе былъ произведенъ стремительный ударъ, быстро закончившійся побѣдой. Противникъ поспѣшно отступилъ. Наши трофеи—знамя, пулеметы, много плѣнныхъ.

Французскія правительственныя учрежденія выѣхали изъ Парижа въ Бордо. Французскій президентъ и правительство обратились съ манифестомъ къ населенію Парижа, призывая стойко перетерпѣть тяжелыя историческія испытанія, сохранить хладнокровіе и не падать духомъ. Германскій губернаторъ острововъ Самоа сдался англійскимъ войскамъ. Французскій флотъ бомбардировалъ портъ и рейдъ Каттаро.

НА РОДНОЙ ПОЧВѢ ¹⁾,

(Романъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ХІІІ.

Когда умру я, надо мной
Изъ праха брешнаго и тлѣна
Пусть васильки взойдутъ весной
И бѣлая вербена.

Шепнетъ вербена василькамъ:
«Какъ много грезъ взяла могила!..»
Они отвѣтятъ: «Сердце тамъ
Все помнить, что любило!»

(«Листы пожелтѣлы» М. К.)

ИГНАТИЙ Львовичъ давно замѣчалъ перемѣну во внучкѣ, но у него самого все лѣто была такая тяжесть на сердцѣ, что не хотѣлось поднимать лишнихъ волнующихъ разговоровъ.

«Выросла дѣвочка... шутка ли, двадцать одинъ годъ! Ей бы потанцовать, повеселиться, а тутъ дѣла проклятыя! И думать нечего опять хоть мѣсяць-другой покутить зимою въ Москвѣ. Денегъ на проценты въ банкъ дай Богъ наскрести... Того и гляди, всѣ льготные сроки пропустишь. Не подь вторую же закладную лѣзть? Что еще новую петлю на шею затягивать!»

И мысль обрывалась, и сердце падало, а чей-то голосъ нашептывалъ: «А если все же попытаться?»

Не всю оцѣнку, а хоть тысячи три-четыре взять?... Двѣ сейчасъ же въ банкъ за проценты внести, а остальное переслать туда, въ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХVII, стр. 369.

«Истор. вѣстн.», сентябрь 1914 г., т. СХХХVIII.

тотъ новый русскій городъ на краю чужой земли, о которомъ столько говорятъ и пишутъ въ послѣднее время».

За эти недѣли Софроновъ передалъ ему многое, узнанное отъ Нерадова или, вѣрнѣе, черезъ гостившаго у нихъ въ концѣ іюня его сына.

Данила Даниловичъ съ большой похвалою отзывался о молодомъ человѣкѣ.

«Прекрасный юпоша, такой воспитанный, выдержанный. Какъ къ отцу относится!.. Конечно, душа его, видимо, къ матери больше лежитъ, и немудрено,—она его всегда навѣшала, а года за два до краха и смерти дѣда выписала изъ-за границы и устроила, благодаря связямъ, въ морской корпусъ, въ гардемаринскіе классы. Дѣдъ разсердился и объявилъ, что лишаетъ его наслѣдства, но тѣмъ не менѣе выдѣлили ему шестьдесятъ тысячъ. Когда лопнуло дѣло съ лѣсными концессіями, сынъ тотчасъ же перевелъ пятьдесятъ изъ нихъ матери, а самъ теперь отправляется на Дальній Востокъ, гдѣ комплектуются команды тихоокеанской эскадры. Славный, славный мальчикъ! Удивительно симпатичный,—ни тѣни лукавства и карьеризма!..»

Пятьдесятъ тысячъ? Неужели и онѣ ухнули? Почему же иначе Ольга Львовна прибѣгала къ его помощи, умоляя выслать хоть нѣсколько сотенъ, чтобы повезти Алексѣя куда-нибудь въ курортъ, такъ какъ ему грозитъ параличъ? Послѣ долгихъ колебаній и многихъ бессонныхъ ночей онѣ рѣшили переслать двѣ радужныя, полученныя отъ крестьянъ задаткомъ за луга.

Сконфуженно и запинаясь, объяснилъ онѣ снохѣ, что беретъ эти деньги подѣ пенсію, потому что «тутъ... хе-хе!.. одному старому знакомому на леченіе треба... а я... хе-хе! сейчасъ голъ, какъ соколь!..»

Невѣстка словомъ не поперечила, напротивъ, горячо убѣждала, что это его священное право брать изъ доходовъ сколько ему нужно, и двѣсти рублей сущіе гроши по сравненію съ отдаваемымъ имъ имѣнію трудомъ и знаніемъ.

Старика ея ласка тронула до слезъ, и онѣ, всхлипывая, цѣловаль ее и въ голову и въ ладони и твердилъ: «Голубушка... святая наша.. страдалица неповинная!»

Съ тѣхъ поръ прошло около трехъ мѣсяцевъ,—оттуда не было ни отвѣта, ни привѣта на присылку денегъ, и тѣмъ тяжелѣе мучился старикъ. Онѣ понималъ,—эти деньги были каплей въ морѣ, и ему съ каждымъ днемъ все сильнѣе хотѣлось послать что-нибудь посущественнѣе, что бы вышло дѣйствительной поддержкой. Гнѣва на сына уже давно въ сердцѣ не было, и если онѣ не возобновлялъ съ нимъ отношеній, то только изъ деликатности къ Елизаветѣ Ивановнѣ. Онѣ горѣлъ желаніемъ узнать подробности ихъ жизни въ Дальнемъ. Оставаясь наединѣ съ Софроновымъ, онѣ неукоснительно

наводилъ его на разговоры, но, оказывалось, Мика никакихъ ближайшихъ свѣдѣній о матери не сообщалъ и даже имени Яшнева съ отцомъ не поминалъ. Визитъ молодого моряка произвелъ во всякомъ случаѣ громадное впечатлѣніе на родителя, потому что тотъ сразу бросилъ пить и, несмотря на хандру, до сихъ поръ ведетъ себя твердо.

На другое утро послѣ возвращенія съ Марусей изъ лабиринта, Игнатій Львовичъ опять сидѣлъ на крылечкѣ и думалъ, дымя сигарой и глотая клубы дыма самоварнаго чада, о томъ, какъ бы удѣлить хоть малую толику любимому сыну?

Маруся сидѣла тутъ же, кутаясь въ поношенную осеннюю тальму, и не знала, какъ приступить къ дѣду съ просьбой, убѣдить мать, чтобы та не противилась ея поступленію на медицинскіе курсы. Завтра Лампуша уѣзжала въ Петербургъ, и Маруся искренно завидовала пріятельницѣ и кляла свою судьбу, противницу всѣмъ ея завѣтнымъ грезамъ. Дѣдъ глядѣлъ на ея осунувшееся и точно уменьшившееся личико и думалъ:

«Внести двѣ тысячи въ банкъ, а деньги съ умолота взять Лизанькѣ и сѣздить съ Муськой провѣтриться. Вонъ она опять какъ со скуки за лѣто похудѣла... Мы бы съ Кирилловной тутъ прозимовали, а онѣ всласть потѣшились да по концертамъ и театрамъ пошатались»—и вслухъ онѣ спросилъ:

— А что, Мусенокъ, какого ты мнѣнія насчетъ путешествія, ну, хотя бы, скажемъ, въ Петербургъ?

Этотъ вопросъ до того совпалъ съ ея собственными мыслями, что дѣвушка сперва ушамъ своимъ не повѣрила.

— Въ Петербургъ?—переспросила она:—почему же именно въ Петербургъ?

— Потому что въ Москвѣ ты жила, а въ Петербургъ пока, какъ говорятъ французы, еще ноги не клала, а и его посмотрѣть слѣдуетъ.

— Ты не шутишь?

— А съ чего шутить? Никакой охоты не ощущаю!

— Дѣдуся, такъ это правда?

Внучка вскочила и начала порывисто цѣловать старика.

— Пусти, матушка, пусти! Я не Бунтикъ твой, чтобы меня нѣжностями душить, да и со щенкомъ, кстати, нянчись поменьше, а то еще глистами заразишься... А въ Питеръ поѣзжай съ мамой и покути во всю, ужъ слишкомъ ты тутъ засидѣлась нынче, даже въ нору забиваться стала.

— Ахъ, какое счастье! А вѣдь ты знаешь, о чемъ я мечтала когда ты со мною заговорилъ?

— Объ Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ!

— Не совсѣмъ! о медицинскихъ курсахъ... Что бы ты сказалъ, если бы я попросила тебя замолвить за меня слово у мамы?

— Сказаль бы: не за свое, сударыня, дѣло берешься! Потому совсѣмъ тебѣ стриженые волосы и синія очки не къ лицу.

— Какіе пустяки! Да они уже давно и не въ модѣ.

— А для остального у тебя ни силъ, ни здоровья не хватить.

— У меня? Я, кажется, ни на что жаловаться не смѣю.

— Ты не смѣешь, а я дерзаю, и не только жаловаться, но и указать тебѣ: для того, чтобы пройти и успѣшно окончить эти курсы, надо прежде всего имѣть крѣпкіе нервы и здоровое сердце,—а у тебя ни то, ни другое не въ порядкѣ... Это я тебѣ говорю, какъ врачъ, а какъ дѣдъ,—не пуцу потому, что пять лѣтъ въ Петербургѣ жить намъ не по карману. Мы, матушка, сперва опериться должны.

— Поэтому нынче ты насъ кутить посылаешь? Дѣдуся, гдѣ твоя логика?

— Одинъ годъ и пять лѣтъ? Маруся, гдѣ твоя ариметика?

Этотъ разговоръ привелъ обоихъ въ отличное настроеніе. Дѣдъ окончательно пришелъ къ выводу о необходимости второй закладной, а Маруся не могла дожидаться свиданія съ женихомъ, чтобы сообщить ему о поѣздкѣ въ Петербургъ, и дважды ходила въ гротъ, но никого не дождалась.

Данила провелъ весь день у матери. Къ вечеру ей стало совсѣмъ плохо, а подъ утро она начала «обирать себя», т. е. рвать съ себя кофту и рубашку, ища воздуха... Изъ больницы принесли подушку съ кислородомъ. Больная жадно вбирала живительную струю. Сына она не отпускала ни на шагъ. Вызванная телеграммой накануне Татьяна Михайловна сидѣла тоже рядомъ, но ея она словно не замѣчала. Дверь тихонько отворилась.

Грузно ступая на носки, вошелъ Михайла Демьяновичъ. Больная оживилась.

— Пошлите за отцомъ Силой,—прохрипѣла она,—и за Иваномъ Матвѣ...

— Иваномъ Матвѣичемъ? — переспросилъ супругъ. — За какимъ это?

— Кон-тор-щи-комъ!..

Евграфовъ пожалъ плечами, но сынъ всталъ и распорядился.

Снова поднесли подушку. Авдотья Тарасовна усиленно вбирала въ легкія кислородъ, словно готовясь къ длинному разговору, потомъ притянула мужа за руку и дрожащимъ, но громкимъ голосомъ сказала:

— Помиритеcь съ Даней сейчасъ... при мнѣ!..

Кровь ударила въ лицо Данилы. Отецъ, скрививъ губы, бросилъ на него злобный взглядъ, но больная настойчиво пыталась вложить его руку въ руку сына.

— Поцѣлуйтеcь!—просипѣла она.

Покорно склонился Данила и поцѣловалъ отца въ щеку. Его обдало знакомымъ съ дѣтства запахомъ бергамотовой помады, кото-

рую Михаила Демьяновича неизменно употреблялъ. Тотъ чмокнулъ воздухъ.

Черезъ нѣсколько времени вошелъ отецъ Сила въ эпитрахили, а за нимъ выглянуло блѣдное моложавое лицо Ивана Матвѣевича.

Авдотья Тарасовна сдѣлала усиліе, чтобы приподняться. Та-ничка подсунула ей новую подушку. Надышавшись кислорода, больная поманила вошедшихъ и твердымъ голосомъ произнесла:

— Завѣщанія я не писала, но... будьте свидѣтелями... то послѣдняя воля моя... приданыя деньги мои двѣнадцать тысячъ пополамъ... сыну Данилу и дочери Татьянѣ...

Она опять притянула Данилу и, слабѣя, прошептала:

— Женись... благословляю... Таля... иконку дай... вонъ ту... верхнюю...

Татьяна Михайловна передала ей образъ изъ кіота. Авдотья Тарасовна приложилась къ нему и хотѣла благословить имъ сына, но рука, обезсиливъ, скользнула, и икона упала на коверъ. Данила спѣшно поднялъ ее... Всѣ переглянулись, и у всѣхъ промелькнуло: «не къ добру».

Отецъ Сила подошелъ и началъ читать отходную. Когда онъ поднесъ крестъ къ губамъ умирающей, она уже не дышала, и только въ горлѣ клокотало все слабѣе и слабѣе... Ноги пытались вытянуться, но ихъ свело судорогой, и колѣни такъ и остались согнутыми.

Въ домѣ начались всхлипыванья и рыданья. Причитала, суетясь, Фетина. На кухнѣ голосила подвыпившая кухарка. Замелькали бабы со снопами свѣжей соломы и кувшинами воды. Татьяна Михайловна, сѣдова находившаяся въ тягости, распорядилась и доставала бѣлье. Нащупывая разныя таинственныя коробочки и кожаные футляры, она всѣ ихъ отбирала въ отдѣльный ящикъ, считая себя полноправной уже владѣлицей вещей покойной.

Данила ушелъ къ себѣ и заперся. Помимо горя утраты, онъ совершенно былъ сбитъ съ толку. Онъ недоумѣвалъ, что ему дѣлать, какъ держать себя съ отцомъ послѣ совершившагося, по волѣ матери, примиренія? До сихъ поръ ни секунды колебаній у него не было, чтобы сразу послѣ похоронъ ѣхать въ Петербургъ готовиться въ академію, но теперь данный имъ отцу поцѣлуй связывалъ его волю и точно ставилъ его въ зависимость отъ отца.

Въ двери постучались. Это была сестра.

— Слушай, Даня! какъ быть съ колѣнками маменьки,—ихъ не разогнуть. Савва Григорьевичъ говорить, надо жилки подрѣзать, а я боюсь. Сходи къ папенькѣ, спроси у него...

— Сходи сама,—тебѣ удобнѣе.

— Ну, конечно! все и да я... Миѣ не до того, и такъ хлопотъ полно въ ротъ, а папаша къ себѣ въ контору ушелъ. Еще продуетъ меня тамъ... домъ недостроенъ, а миѣ беречься надо.

Данила всталъ и собрался итти. Татьяна Михайловна вдругъ всхлипнула:

— Вотъ мы и осиротѣли съ тобою, Даня! Ужаси какъ мнѣ маменьку жаль! Того и гляди, папенька женится... Что съ нами станется. Дѣти новыя пойдуть... Не до насъ ему будетъ!

Данила поморщился. Его ничуть не тревожила недавняя угроза отца, потому что вовсе не интересовала матеріальная сторона. Опъ съ юности приучилъ себя къ мысли, что отцовскія деньги его не касаются. Но онъ все-таки погладилъ сестру по щекѣ и отвѣтилъ:

— Чего впередъ загадывать и растравлять себя! Ты лучше побереги себя. Я думаю, твои дѣти и умирали всѣ съ того, что ты вѣчно по пустякамъ волнуешься. Тебѣ бы полежать да поостеречься, а ты все нервничаешь понапрасну. Отдохни лучше, пока я въ контору схожу.

Отца онъ засталъ въ кабинетѣ, еще не отдѣланномъ и не оклеенномъ. Показалось ему, когда онъ постучался, будто скрипнула дверь въ смежную комнату, но, войдя, онъ увидалъ, что она плотно заперта, а отецъ лежитъ, положивъ голову на столъ. и утираетъ слезы платкомъ съ красной фуляровой каймой.

— Я къ вамъ, папаша,—началъ Данила.

— Чего еще, мучитель, тебѣ надо? Мать уморилъ, меня травить собираешься!

Тонъ отца былъ настолько неожиданъ, что Данила опѣшилъ, но онъ быстро справился съ собою и изложилъ вопросъ о колѣняхъ.

— Что жъ, при жизни сыночекъ любезный жилы изъ живой выматывалъ, такъ почему же мертвой матери ихъ не подрѣзать? Рѣжь, рѣжь, злодѣй! Тебѣ и пожа не надо, безъ него людей рѣзать умѣешь...

Снова пришлось взять себя въ руки:

«Онъ такъ привыкъ вѣчно злиться и орать,—подумалъ онъ:— что и горе у него иначе, какъ злобой, выражаться не умѣетъ»...

— Такъ какъ же прикажете Саввѣ Григорьевичу сказать?

— Ахъ, да отвяжись ты, Христа ради. Дѣлай, какъ хочешь. Онъ махнулъ рукою и снова положилъ голову на столъ.

Видъ плачущаго отца задѣвалъ невольно. Одну минуту Данилѣ хотѣлось было подойти, искренно обнять и приласкать грузнаго человѣка съ толстой красной шеей и растрепавшимися сѣдыми прядями вокругъ лоснящейся лысины, но робость удержала: показатось неловкимъ и страшнымъ... А вдругъ оттолкнетъ или оборветъ грубымъ словомъ?..

Онъ вышелъ.

Въ комнатѣ у матери стоялъ у окна Савва Григорьевичъ и столъ ляръ Аверьянъ, пришедшій снять мѣрку для гроба.

— Ну что?—спросилъ докторъ.

- Сказаль,—дѣлать, какъ знаемъ.
- Такъ въ чемъ же разговоръ?
- Вѣстимо,—подхватилъ Аверьянычъ:—нельзя же гробъ съ полуторааршинной крышей дѣлать.
- Такъ помогите!

Савва Петровичъ подошелъ къ кровати и откинулъ простыню. Данилѣ бросились въ глаза худыя, острия, какъ у скелета, колѣни и голени безъ икръ, съ узкими синими ступнями. Его глазъ художника схватилъ разомъ необычайное положеніе трупа и запечатлѣлъ въ мозгу.

— Держите!—раздалось приказаніе врача.

Сынъ послушно взялъ коченѣющую ногу матери. [Что-то блеснуло... изъ-подъ колѣни показалась густая капля крови, нога упала и вытянулась.

Когда онъ остался одинъ, мать лежала, вытянувшись, и словно улыбалась, счастливая, что можетъ наконецъ отдохнуть отъ тяжелой болѣзни, отъ полной страданій жизни, отъ вѣчной муки за нелады между отцомъ и сыномъ... Данила прильнулъ къ ея лицу.

«Благословляю!..»—послышалось ему.

Онъ положилъ земной поклонъ и, взявъ съ собою данную ею икону, кликнулъ сестру и Фетишчу:

— Одѣвайте... все кончено!..

.....

Извѣстіе о смерти Авдотьи Тарасовны въ Колычево принесла Лампуша. Она была у брата какъ разъ въ ту минуту, когда пришли за нимъ, и собиралась вмѣстѣ съ нимъ къ Яшневымъ, чтобы тронуться оттуда въ Горскъ.

Втайнѣ она надѣялась хоть мелькомъ повидать Данилу, но онъ, конечно, не показался; сестра конторщика, глубоко вздохнувъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ попросила передать ему свой низкій поклонъ и пожеланіе «всего самаго лучезарнаго въ жизни, успѣха и возвеличенія послѣ незаслуженнаго поправія его свѣтлой и высокоодаренной личности»...

Ѣхать приходилось одной, потому что брату нельзя было отлучиться. Дѣвица, пробормотавъ еще что-то объ унижительномъ порабощеніи рабочаго работодателемъ, собрала пожитки и вернулась въ Колычево.

— Хоть ты бы меня проводила!—обратилась она къ Марусѣ, но Елизавета Ивановна удивленно подняла брови.

— А съ кѣмъ же Маруся назадъ вернется?

— Одна, конечно! Вѣдь она не маленькая. Буду же я одна въ Петербургъ, а вѣдь это подальше Горска.

— Я свою дочь никуда одну не пускаю!—категорически вымолвила Яшнева.

— Но, мамочка, вѣдь мнѣ же двадцать одинъ годъ!—попробовала возразить та.

— И если тебѣ будетъ сто двадцать одинъ годъ и ты будешь на моихъ рукахъ, я все же никуда тебя одну не пущу: я считаю это неподходящимъ.

Лампуша вспыхнула и хотѣла хорошенько отчитать ретроградку, но вспомнила ея хлѣбъ-соль, взглянула на свой дорожный костюмъ, перешитый изъ ея платья, и прикусила во-время языкъ.

— Слава Богу, что въ нашемъ кругу понятія инныя, а то и мнѣ пришлось бы отказаться отъ курсовъ!—шепнула она Марусѣ.

Извѣстiе о смерти матери ея тайнаго жениха задѣло Марусю за живое. Она не смѣла показать вида, какъ ей жаль Авдотьи Тарасовны, и только перекрестилась, какъ и всѣ остальные, но когда отѣхала тележка съ Лампушей, ушла въ садъ.

— Куда? опять въ нору?—спросилъ дѣдъ.

— Нѣтъ, просто пройдуся!

«Скоро меня и гулять одну пускать не будутъ», подумала она, направляясь въ олешникъ.

Она подошла къ валу у забора и оттуда посмотрѣла на домъ, по онъ былъ запертъ, и никого на террасѣ и въ саду не было.

«А на похороны, какъ они тамъ хотятъ, ужъ непремѣнно проберусь,—рѣшила она.—Этого мнѣ никто запретить не смѣетъ!»

Когда Маруся скрылась въ аллеѣ, Игнатій Львовичъ сказалъ снохѣ:

— Напрасно ты ее съ Люстрой-то не отпустила,—все бы прокатилась дѣвочка, а то посмотри, какъ она осунулась. Скука здѣсь ей... Шутка ли, двадцать одинъ годъ... Тоже и подурачиться охота...

— Я въ двадцать одинъ годъ о дурачествѣ не думала. А веселить ее у насъ средствъ нѣтъ. По одежкѣ протягивай ножки... И я, фатенька, все время о вашемъ предложенiи думала. Право, ѣхать нынче зимою въ Петербургъ неудобно... Вы вонъ говорите, что Маруся осунулась, а вы бы хорошенько на Кирилловну вниманiе обратили. Я очень боюсь, какъ бы она вслѣдъ за Авдотьей Тарасовной не отправилась. Поглядите, какой у нея зобъ, съ каждымъ днемъ все больше!

— Что ты? Богъ съ тобой!

Никогда никому въ домѣ не приходило въ голову, что Кирилловна можетъ умереть. Она казалась безсмертной. Засохнувъ къ сорока годамъ, она мало измѣнялась, даже сѣдины у нея почти не было. Она была легка на ногу и все также въ зной и холодъ ходила съ открытой душкой, только сторбилась и стала еще меньше ростомъ, словно выросла въ землю. Но за это лѣто изъ бѣлой косынки, драпировавшейся вокругъ ея шеи, началъ выглядывать зобъ. Старуха стала задыхаться иногда, и это замѣтила барыня.

Игнатій Львовичъ немедленно отправился въ кухню.

— Вамъ чего?—удивилась Кирилловна неожиданному визитеру.

— На васъ взглянуть захотѣлъ, боярышня!—отвѣтилъ старикъ.—Что это у васъ никакъ шея опухла?

— А пусть себѣ пухнетъ!.. Вамъ что, кушать порापьше? на токъ торопитесь? Такъ я сейчасъ!—и она засуетилась.

Яшневъ постоялъ-постоялъ да и махнулъ рукою:

«У страха глаза велики! При чемъ тутъ зобъ? Она всѣхъ насъ переживетъ. Только предлогъ, чтобы не ѣхать въ Петербургъ и не идти на вторую закладную... Ну, а какъ же мнѣ съ тѣми быть?..»

И онъ сильно закручинился.

XIV.

Будетъ день,—и отцвѣтутъ сирени,
Скинетъ макъ свой огненный парядъ
Лягутъ снова горестныя тѣни
И на сердце, и на тихій садъ...

(«Листы пожелтѣлые» М. К.)

Поминальный столъ былъ растянута на всю залу. Въ окна террасы заглядывали косые лучи сентябрьскаго солнца и освѣщали сидѣвшихъ за блинами гостей, съ толстымъ хозяиномъ во главѣ и не менѣе толстымъ дьякономъ по его лѣвую руку. Отецъ Сила сидѣлъ по правую и послѣ каждой перемѣны вставалъ и вмѣстѣ съ дьячкомъ начиналъ «вѣчную память», которую хриплой октавой подхватывалъ дьяконъ. Гости клали земной поклонъ и принимались за слѣдующее яство.

Сперва за столомъ съ кутьею разговоры велись шопотомъ, потомъ стали возвышаться отдѣльные голоса, на которые пугливо было оборачивались сосѣди, и наконецъ за миндальнымъ киселемъ, обильно поливаемымъ портвейнами и мадерою, все слилось въ общій гулъ и гудѣніе.

На другомъ концѣ, рядомъ съ предсѣдательствовавшей Татьяной Михайловной, нѣсколько дамъ вели, несмотря на галдежъ, серьезные хозяйственные разговоры.

— Слышали, матушка, какъ нонѣ птица на базарѣ дешева?—говорила толстая жена бакалейщика Пастухова одѣтой по модѣ супругѣ городского головы, Еленѣ Максимовнѣ Шемаевой, прибывшей на похороны Авдотьи Тарасовны, несмотря на былую вражду и соперничество мужей,—по пятнадцати да по двадцати копеекъ куру покупали. А гуся по полтинѣ!..

— Вотъ такъ благодать! Откуда такія цѣны? Или цыплятъ столько уродилось? У насъ такъ птичница, наоборотъ, страхъ на болтуновъ по сырому лѣту обижалась. Когда же это вы покупать изволили?

— Не я, къ сожалѣнію, а сосѣдка наша, Микулина... вчера съ изъ Алексѣевки подвозъ былъ... За недоимки по распоряженію земскаго продавалъ податной. Говорять, его же поваръ чуть не половину и скупили.

— Вотъ такъ дѣла!

— Да! а еще говорятъ, коли недоимокъ не доберуть, веретья да холсты въ субботу привезуть, все съ Алексѣевки. Я и то собираюсь. Мнѣ на мѣшки въ лавку кстати. Говорять, такого земскаго еще и не выдвали... Штрафы да кутузка... Страсть его мужики боятся... Чуть что, шапку кто не сразу сниметъ, наотмашь бьетъ. Тутъ у насъ слухъ пошелъ, что онъ розги въ ходъ пустить обѣщаль.

— Совсе не розги,—перебила жена почтмейстера,—а настоящую машинку, которой драть будутъ, чтобы, значить, не уставая, удары всѣмъ одинаковые были... Надо же мужиковъ отъ пьянства отучать.

— Отъ пьянства? Ну, матушка, коли отъ пьянства, такъ не одну, а сотню такихъ машинъ заводить придется, потому врядъ ли десять непьющихъ у насъ въ уѣздѣ сыщется. А ужъ первому, пожалуй, самому земскому подъ нее ложиться придется, потому и гораздъ онъ пить! Вина ему мой старикъ прямо безъ счета отпускаетъ и все въ долгъ... Посмотримъ, заплатитъ ли... А поглядишь—фу-ты, ну-ты, что за баринъ.

— Да, очень недурень собою!—мечтательно закатила глазки почтмейстерша.—Я завсегда изъ окна имъ люблюсь. Очень хорошъ. Въ голкъ не возьму, какъ это жена его на Яшнева промѣняла. Говорять, онъ на зиму въ Горскъ переѣдетъ... квартиру ищеть.

— Ну, вотъ вы бы ему свой флигель и сдали!

— Ахъ, что вы, неудобно! Развѣ самимъ туда перейти, а ему домъ отдать?

— Все равно, не заплатитъ. Онъ еще никому въ городѣ ни гроша не заплатилъ. Все заказываетъ и всѣмъ недоволенъ, а беретъ и поситъ. Никто отъ него еще гроша не видалъ.

— Ахъ, что вы, неужели?... Фи, вы клеветете... А какой у него сынъ душонокъ... Вотъ, Елена Максимовна, какъ разъ вашей Глашенькѣ женишокъ. Морякъ, шантретъ, пуговки съ орлами,—а она блондиночка.

— Полноте, Настасья Петровна, куда намъ гвардейцы! и среди нашей молодежи суженый, авось, Глашгъ сыщется... Да мы ее не пудимъ, пускай себѣ веселится да танцуетъ, а замужество не уйдетъ.

Шемаева улыбнулась, оглянула столъ и какъ бы невзначай скользнула глазами по Данилѣ. Все, что она видѣла въ Евграфовкѣ, ея зоркій глазъ сразу оцѣнилъ. Да и слухи уже дошли, что Михайла Демьяновичъ бросилъ мечты о Колычевѣ и переноситъ ихъ въ Новое, а оно считалось лучшимъ теперь имѣніемъ въ уѣздѣ, хотя и было заложено и перезаложено.

Данила ей очень нравился и раньше, а теперь, увидавъ, какъ онъ плакалъ на могилѣ матери, она рѣшила: «Достойный сынъ былъ, и мужемъ добрымъ будетъ!»

Но Данила и не подозрѣвалъ, что за нимъ наблюдаютъ. На сердцѣ у него было прямо тошнехонько. Его эти обряды поминокъ съ кутьею страшно раздражали. Все казалось ненужнымъ, нелѣпымъ и даже оскорбительнымъ. Словно люди просто рады лишнему случаю пображничать...

За всѣ эти три дня онъ ни разу не видалъ Маруси, а ея ласка была ему нужнѣ всего на свѣтѣ. Казалось, что только ея головка одна можетъ рѣшить: ѣхать ли ему въ академію, или остаться здѣсь и стать, по желанію отца и вопреки собственному убѣжденію, техникомъ на заводѣ, гдѣ вырабатывается вотъ это самое зелье, которое сейчасъ льется здѣсь въ память той, что лежитъ теперь съ подѣченными жилками въ глазетовомъ гробу, чей кашель уже не ворвется въ хоръ подвыпившихъ голосовъ.

Когда отѣхалъ послѣдній экипажъ, онъ прошелъ въ лабиринтъ, но никого не дождался... Дождь накрапывалъ. Листья облетали, и акаціи стояли оголенные и ошетилившіяся и навѣвали на сердце тоску...

«Надо бы портреть убрать, а то краски зажухнуть на сырости», подумалъ онъ, но нести его по дождю не рѣшился, и побрелъ домой, чувствуя себя ужасно одинокимъ и упрекая Марусю, зачѣмъ она побоялась дождя и не пришла въ гротъ.

«Она меня забыла!... Она не думаетъ обо мнѣ...»

Но если бы онъ былъ менѣ опечаленъ во время отпѣванія, онъ убѣдился бы, что Маруся о немъ думала и помнила. На хорахъ за выступомъ колонны она стояла и молилась искренно и горячо. Она пришла въ церковь той самой тропинкой, по которой шла когда-то ея бабушка. Такъ же стоялъ тогда на томъ же катафалкѣ гробъ, такъ же пѣли: «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть», и такъ же тянуло ее приложиться къ восковой мертвой рукѣ. Но сойти и дать послѣднее цѣлованіе она не рѣшилась. И когда подняли и понесли гробъ, она перешла къ боковому окну и оттуда слѣдила за опусканіемъ его въ могилу... Она видѣла, какъ Данилу отгѣснили, и ему пришлось одному изъ послѣднихъ бросить савокъ земли въ яму... Онъ какъ-то безнадежно махнулъ, уходя, рукою и, на минуту прислонясь къ оградѣ, зарыдалъ.

Марусѣ самой до слезъ стало жаль его, захотѣлось подойти, обнять, утѣшить. Что же удержало? Что не дало ей исполнить это ея намѣреніе, желаніе, это ея право? Почему не смѣла она быть возлѣ него въ такую тяжелую минуту? Почему нельзя было заявить во всеуслышаніе: «Онъ мой женихъ, и вотъ мое мѣсто...»

Она дала уйти всѣмъ, пока служилась литія, и затѣмъ прошла на свѣжую могилу. Низкимъ поклономъ простилась она съ Авдо-

твѣй Тарасовной и мысленно сказала: «Не бойтесь за сына,—я буду всегда около него душою, пока не удастся намъ стать гласно помолвленными!» и живо-живо ей снова послышался голосъ:

«Идите, милушка, еще обидятъ!»

— Гдѣ это ты была?—встрѣтила ее мать.

— На похоронахъ!—отвѣтила Маруся.

— Вотъ какъ! А кто же тебѣ это позволилъ?

— Я не знала, что мнѣ надо даже и въ церковь спрашиваться!—отвѣтила дочь, вспыхнувъ до ушей и раздувая ноздри, совершенно по-отцовски...

— Скажи мнѣ, пожалуйста, что съ тобою? За послѣднее время ты рѣшительно отбилась отъ рукъ. Это вліяніе Лампуши съ ея курсами и передовыми идеями...

— Вотъ ужъ нѣтъ! Я нисколько ея вліянію и не думала поддаваться...

— Молчи!.. Ты даже говорить мнѣ больше не даешь!—дерзко отвѣчаешь, никогда тебя дома нѣтъ... Вообще ты, видимо, хочешь доказать мнѣ, что ты совершеннолѣтняя? Но совершеннолѣтнія такъ не ведутъ себя, именно потому, что онѣ совершеннолѣтнія и знаютъ свои обязанности и правила вѣжливости. Теперь потрудиись отвѣтить, что заставило тебя итти на похороны совершенно чужого намъ человѣка, жены нашего самаго злѣйшаго врага, въ конецъ насъ разоряющаго своей безсмысленной страстью къ тяжбамъ? Не правда ли, очень мило вышло, если тебя тамъ видѣли? Скажутъ,—Боже мой, какъ она любопытна и назойлива! Потому что назойливо лѣзтъ на чужія сборища, куда тебя не приглашали... Вообще, я очень и очень, повторяю, недовольна тобою, а также отказываюсь понять, гдѣ ты пропадаешь съ утра до ночи! Если въ твоемъ грязномъ гротѣ, то что ты тамъ дѣлать можешь? Въ одинъ прекрасный день я непременно побываю тамъ сама и посмотрю, чѣмъ это онъ такъ привлекаетъ тебя?

Угроза матери сильно озаботила Марусю. Она знала, что Елизавета Ивановна никогда на вѣтеръ не говорила, а портретъ все еще стоялъ въ гротѣ. Надо было, во что бы то ни стало, убрать его. Но куда дѣвать? Гдѣ спрятать?

Долго въ тотъ вечеръ не спалось Марусѣ. Она перебирала въ умѣ всѣ закоулки въ Кольчевѣ, но нигдѣ не было достаточно безопасно. И вдругъ вспомнился подвалъ. Она разъ всего побывала тамъ, когда еще жили тутъ Митя съ Аксиньей. Тогда онѣ съ Дунькой и Анюткой открыли замокъ на двери, просто хорошенько потянувъ кольцо. Пружина была испорчена, и онъ висѣлъ только для видимости, какъ, навѣрно, виситъ и теперь, потому что никто съ тѣхъ поръ не ходилъ туда, и открыть его будетъ тоже нетрудно... Надо только захватить какого-нибудь масла, чтобы смазать его... Не забыть огарокъ и спички... Темно тамъ и жутко... Но все-таки

еще болѣе жутко во всемъ сознаться матери... Что бы это было, узнай она о Данилѣ, если уже изъ-за того, что дочь осмѣлилась быть на похоронахъ его матери, такіе разговоры! Чѣмъ дальше, тѣмъ страшнѣе, тѣмъ невозможнѣе рассказать все... Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Лучше пережить неприятный часъ-другой и пробраться въ сырой ужасъ таинственнаго помѣщенія, гдѣ была лабораторія отца, но зато послѣ можно спать спокойно: именно туда мать никогда не заглянетъ,—она ни за что не пойдетъ въ ту сторону... она бонгтя этого бугра...

Маруся поднялась на другое утро раньше дѣда. Было холодно и темно отъ стоявшаго сѣбною тумана. Изъ коровника тянуло теплымъ паромъ и слышались звуки доенья. Съ птичника доносилось кудахтање куръ и голосъ Кирилловны: «Цыпъ! цыпъ! цыпъ!.. пыря! пыря!..» сзывавшій птицу. Маруся проскользнула задомъ и мимо разваливъ оранжерей и грунтовыхъ сараевъ побѣжала кратчайшимъ путемъ къ бывшей виллѣ. Въ карманѣ у нея были спички, огарокъ и пузырекъ съ масломъ.

Ступеньки, по которымъ спускались ко входной двери въ подвалъ, были разрушены проросшей черезъ трещины сѣдою травой и запесены цѣлыми слоями стараго листа. Кругомъ высились огромные, уже черные отъ первыхъ заморозковъ лопухи и густой чернобыльникъ. Дѣвушка перекрестилась и спустилась въ яму. Ея ноги тотчасъ же ушли въ многолѣтній мусоръ, и, съ трудомъ вытаскивая ихъ, она добралась до полусгнившей двери. Замокъ и задвижка, красные отъ ржавчины, были на мѣстѣ, но, чтобы открыть ихъ, пришлось обильно полить масломъ ушко и петли. Маруся толкнула дверь. Изъ чернаго отверстія пахнуло холодомъ склена. Пустяки!.. Пускай!..

Хватаясь за остатки сыпавшихся изъ-подъ погъ ступенекъ, она снова выкарабкалась изъ ямы и быстро направилась къ гроту. Тишина стояла полная. Деревья и кусты, смоченные холодной росой, цѣплялись за ея старенькую пелерину и обдавали ее дождемъ колючихъ, какъ иголки, ледяныхъ брызговъ. Ноги скользили по намокшей, бѣлесой отъ влаги муравѣ, но ей было жарко отъ волненія и отъ усиленныхъ движеній.

Въ гротѣ Маруся перевела духъ, потомъ сняла портретъ, сложила мольбертъ и взяла ихъ подъ одну и другую руку. Ничто тутъ оставаться не смѣло, и надо непременно дать знать Данилѣ, чтобы онъ больше не приходилъ. Вообще вопросъ объ ихъ свиданіяхъ надо хорошенько обдумать... Но прежде всего убрать портретъ. И она шла и тащила его и мольбертъ, останавливаясь и спотыкаясь. Иногда ей казалось, что кто-то идетъ сзади, и она прибавляла отъ страха шагу, но никого не было, да и быть не могло, и она благополучно дошла до подвала и спустила вещи въ яму и, прыгнувъ, вошла въ коридоръ.

Спичка чиркнула. Пламя на мигъ озарило облѣзлыя стѣны и погасло. Маруся зажгла вторую спичку и засвѣтила огарокъ. Налѣво и направо были двери. Она толкнула лѣвую и очутилась въ небольшой каморкѣ. Липкая грязь на полу, паутина въ углахъ и на потолкѣ, на нарахъ тоже что-то въ родѣ земли, точно истлѣвшіе остатки чего? Не все ли равно?

Она поставила и укрѣпила мольбертъ и устроила на немъ портретъ... Такъ!.. теперь ладно, онъ въ полной безопасности. Надо только извѣстить Данилу.

Но, Боже мой, какъ тутъ страшно! Неужели тутъ работалъ ея отецъ? Въ этомъ склепѣ? И ему не было жутко? Правда, онъ былъ не одинъ... Тетя Оля рассказывала, что ихъ было трое—отецъ, Фроловъ и еще какой-то Кондрать, который вовсе не былъ Кондратомъ, и священникъ велѣлъ даже стереть это имя съ креста на могилѣ, гдѣ онъ похороненъ... Надо будетъ разспросить Данилу, онъ, вѣрно, все знаетъ и покажетъ эту могилу.

Дѣвушка вздрогнула и перекрестилась... Кругомъ было такъ странно тихо... настоящій гробъ,—ни шума, ни шороха. Слава Богу, что ни шороха,—если бы зашуршало что, она умерла бы сама со страха.

Маруся пошла къ выходу, но, замыкая дверь въ каморку, невольно оглянулась на портретъ. Озаренный огаркомъ, онъ бѣлѣлъ на черномъ фонѣ, и фигура дѣвушки у окна показалась ей чужой. Это не она, не Маруся Яшнева, а другая... Что-то кольнуло въ сердце, и стало жаль картины, произведенія вдохновеннаго художника, точно это была живая, незнакомая, трогательная и чистая дѣвушка, мечтающая о свѣтлой зарѣ счастья и обреченная на заточеніе. Закроется дверь, нахлынетъ могильный мракъ, а эта дѣвушка въ бѣломъ все будетъ ждать наступленія дня, яркаго, солнечнаго, и вмѣсто него—холодъ, одиночество, вѣчная ночь!.. Ахъ, глупости! она фантазируетъ: Данила придетъ и унесетъ портретъ, а потому заточеніе не вѣчное, а лишь временное и даже весьма кратковременное, необходимое во имя спасенія...

Дрожа всѣмъ тѣломъ, безъ оглядки бросилась къ выходу Маруся и вздохнула облегченно и радостно, когда захлопнулась дверь и на ржавой петлѣ задвижки опять повисъ замокъ.

Однако выбраться изъ ямы удалось не сразу. Она срывалась дважды и приходилось начинать сызнова... Ноги дрожали и не сгибались. Руки тщетно искали за что бы ухватиться. Кирпичи стѣнокъ вываливались, и она едва-едва перелѣзла черезъ груды скользкихъ, заваленныхъ мусоромъ, плитъ былой лѣстницы. Юбка и башмаки были въ грязи. Мокрый подолъ билъ по щиколкамъ. Дыханіе спирало, и сердце стучало нервно и учащенно.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Маруся вдругъ почувствовала, что идти дальше не въ силахъ, и опустилась на траву. Прошло

съ полчаса. Блѣдная, патающаяся, добрела она домой, поддерживаемая мыслью, что мать уже не опасна, что въ гротѣ уликъ не осталось, и мимо скотнаго и птичника хотѣла пройти на крыльцо, какъ ее изъ кухни окликнула Кирилловна:

— Откуда это ты такую рань?

— Тихе... молчи, Бога ради! Я часы потеряла и искала ихъ,—солгала Маруся, заранѣе приготовясь ко лжи.—Вотъ они!

— Скажи, пожалуйста! Ты скоро голову потеряешь никакъ. Ишь, какъ подоль отдѣлала! Спимай здѣсь юбку, я посушу... Грушка!..—кликнула она дѣвчонку:—принеси барышнѣ другое платье и башмаки... А ноги я сама имъ спиртомъ разотру... Тихе, косолапая! Не разбуди барыни.

Старуха стала растирать Марусины ноги и вдругъ ей живо вспомнилось, какъ давно, давно она такъ же растирала ихъ Лизѣ, и она сказала, усмѣхаясь:

— Охъ, ужъ вы мнѣ молодыя! всѣ—какъ одна... Такъ же и маменька твоя тогда, какъ въ подвалѣ проклятомъ съ отцомъ твоимъ невзначай взаперти осталась, тоже вонъ мокрешенька явилась!..

— Въ подвалѣ?—Маруся покачнулася даже.

— Ну, да, въ подвалѣ!

И старуха стала подробно рассказывать о томъ, какъ захлопнулась дверь за Елизаветой Ивановной съ будущимъ женихомъ и она прождала ихъ полдня къ обѣду.

Марусѣ сдѣлалось жутко: а если бы дверь захлопнулась и сегодня, что бы это было?..

Дѣдъ появился на крыльцѣ. Грушка потащила самоваръ и трубу. Въ ворота, ежась отъ холода, вошли два мужика и баба съ ребенкомъ. Маруся, переодѣтая, но все еще блѣдная, припшла коробки съ бинтами и домашнюю аптечку.

— Здравствуйте!—поздоровался закутанный въ старую уральскую доху Игнатій Львовичъ:—сперва баба, а потомъ вы по очереди... Ну, что у тебя такое?..

День начался.

Къ полудню не только разсѣялся туманъ, но стало и припекать. Маруся нарочно осталась дома и занялась шитьемъ. Мать, все еще надутая, подозрительно косилась на стучавшую машинкою дочь. Почему вдругъ такое прилежаніе въ такую заманчивую погоду? А у дочери въ ладъ иголкѣ работала все та же мысль: какъ извѣстить Данилу о судьбѣ портрета? Оставить записку въ гротѣ она боялась,—мать могла найти ее... Какъ глупо, что они не условились насчетъ какого-нибудь дупла,—ихъ столько кругомъ!.. Надо будетъ все-таки пойти еще разъ сегодня въ олешникъ и дожждаться Данилы. Ахъ, если бы пріѣхалъ Софроновъ,—мать поневолѣ задержалась бы дома!

Но день прошелъ, Софроновъ не пріѣхалъ, и къ вечеру пошелъ дождь.. Нечего и думать было итти въ садъ, да ее не на шутку стала бить лихорадка, и дѣдъ, выстукавъ ей грудь, уложилъ въ постель.

— Смотри, ты опять у меня инфлюируешь? Полежи, матушка!

Поднялся обычный переполохъ. Мать сразу сбавила строгости, и ея тяжелая рука со стертымъ обручальнымъ кольцомъ черезъ каждыя полчаса надавливала болѣвшій лобъ дочери. Кирилловна, еще больше поджимая проваленныя губы, словно подтверждая обѣщаніе промолчать объ утренней прогулкѣ и промоченныхъ ногахъ, приносила сама чай и грѣлки. Грушка старалась не стучать ногами и не сворачивать по дорогѣ мебели. Даже Бунтикъ при-смрѣлъ и лежалъ калачикомъ въ корзинѣ, изрѣдка погрызывая ея края и блестя на барышню умными, черными глазами.

А разгоряченный мозгъ терзался вопросамъ: «Что подумаетъ Данила о портретѣ? Какъ извѣстить его?..» и не находилъ ни отвѣта, ни исхода...

XV.

Мы оба жили ужъ когда-то.
Когда и гдѣ?.. Давно, давно
Я помню всплескъ волны косматой,
Съ разбѣга обнажавшей дно.
Я помню гребень бѣлой дюны
И тѣни сосенъ на пескѣ...

Изъ жилъ звѣриныхъ свиль ты струпы
И пятауль ихъ на сучкѣ.
Въ порывѣ дѣтскаго веселья
Ты пѣлъ подъ звучный рокотъ ихъ,
А я низала ожерелья
Изъ пестрыхъ раковинъ морскихъ...

Прошло и Рождество Богородицы, и Воздвиженье. На зарѣ 15-го загудѣлъ издали гудокъ. Заводъ заработалъ!..

Маруся проснулась. Ее все еще не выпускали на воздухъ, а ея беспокойство поэтому только ухудшало дѣло, и лихорадка не поддавалась лекарствамъ.

Если заводъ работаетъ, то гдѣ теперь Данила? Неужели онъ долженъ былъ уѣхать, не простясь съ нею!.. Хоть бы Иванъ Матвѣевичъ зашелъ, или кто изъ Большаковыхъ!.. Отъ Лампуши было письмо о зачисленіи въ курсистки. Счастливая! Курсы открываются какъ разъ сегодня... Сперва, конечно, молебствіе, потомъ лекціи... Боже, Боже мой! отчего же она лишена возможности слѣдовать своему призванію? Вѣдь ее самъ Господь одарилъ и способностями, и изумительной памятью, и жаждой примѣнить ихъ къ дѣлу, къ святому дѣлу врачеванія... Неужели никогда не придется исполнить этой мечты? Неужели не удастся вырваться на волю, не порывая семейныхъ узъ, не причинивъ своєю свободою надрыва близкимъ?.. И снова ей представился портретъ дѣвухи въ бѣломъ, запертый въ мрачномъ погребѣ...

Это символическое совпаденіе... Это ея судьба—грезить о просторѣ, о солнцѣ и бытъ замкнутой въ узкихъ условіяхъ безъ выхода, безъ надежды на лучшее.

Вѣдь вотъ придетъ зима. Дѣдъ обѣщаль повезти ее въ Петербургъ, но мать наотрѣвъ отказалась перезаложить имѣніе. Маруся обостреннымъ болѣзненно слухомъ ясно схватила весь разговоръ за стѣною вчера. Дѣдъ вновь настаиваль, что здоровье ея требуетъ непремѣнно хорошей встряски, именно развлеченія, разсѣянія, что замкнутое существованіе въ Колычевѣ, безъ сверстниковъ и подходящаго общества, ядъ для столь первнаго и хрупкаго организма, но мать на это отвѣчала,—и Маруся рисовала себѣ ея сухое и даже презрительное при отвѣтѣ лицо:

— Во всякомъ случаѣ, до Новаго года я никуда не тронусь!.. Теперь предстоятъ платежи, надо къ Покрову разсчитаться съ рабочими и съ долгами въ лавкѣ, а тамъ вносить проценты въ банкъ. Посмотримъ, что скажетъ умолотъ. Если и очистится что-нибудь, то это будетъ такая малость, которой и на двѣ недѣли въ Москвѣ дай Богъ, чтобы хватило, Маруся можетъ тамъ и въ театрахъ разъ-другой побывать, и подругъ по гимназіи навѣстить, и этого съ нея пока хватитъ. А братъ изъ-за Петербурга себѣ на шею новую закладную—я считаю безуміемъ.

— Ну... не закладную, такъ брошкой какой-нибудь или сережками пожертвуй, и окупится поѣздка. Вѣдь ты и сама понятія даже не имѣешь, что у тебя тамъ въ сохранной казнѣ лежитъ, кстати бы и поглядѣла!

— И пусть лежитъ! Будутъ еще почернѣе дни, и та же Маруся мнѣ спасибо скажетъ, что я, удовольствія ради, не растратила, послѣднихъ крохъ. Да, наконецъ, нынѣшняя зима обѣщаетъ и въ Горскѣ быть веселѣе. Софроновъ говорилъ, что Нерадовъ хочеть встряхнуть уѣздное общество и что онъ, если въ духѣ, то мертваго расшевелить. Проектировано воскресить бывшее общественное собраніе, клубъ устроить съ танцами и спектаклями... Можно и намъ туда разъ-другой съѣздить и Марусю вывезти... Вѣдь веселилась же и я тамъ въ юности.

Игнатій Львовичъ свистнулъ:

— Ну, матушка, коли Нерадовъ клубъ затѣетъ, то ужъ, повѣрь, ни тебѣ, ни Марусѣ тамъ бывать не придется. Кромѣ картежа да пьянства, ничего изъ него не выйдетъ.

Маруся была вполне согласна съ дѣдомъ и только удивлялась наивности матери... А все-таки надо рѣшить вопросъ о женихѣ. Дальше терпѣть неопредѣленности она не въ силахъ. Надо открыться дѣду. Онъ не выдастъ, онъ посоветуетъ, какъ быть, какъ подготовить мать къ принятому рѣшенію ея стать женою...

Маруся обмерла. «Женою?»...

Ей живо нарисовался Данила въ сюртукѣ и—по сердцу рѣзнула его грубая фигура. Сукно, скроенное по модѣ, не шло къ нему. Въ блузѣ онъ былъ гораздо интереснѣе, изящнѣе, она подходила. И къ его узкимъ рукамъ и къ длиннымъ, зачесаннымъ за уши куд-

рямъ, но обыкновенное мужское платье выдавало неуклюжесть и неотесанность и оскорбляло глазъ. Да и манеры его... а если манеры, то, конечно, и привычки тоже, вѣроятно, оскорбительны для утонченнаго вкуса. Вѣдь, въ сущности, она почти его не знаетъ, каковъ онъ, какъ держитъ себя?.. Она его ни разу даже въ комнатѣ не видала... а въ обществѣ? Какъ будетъ онъ держаться въ обществѣ?

Она усмѣхнулась: «Въ обществѣ?.. Общества и не будетъ! баловъ, визитовъ, туалетовъ не будетъ... Будетъ школа, товарищи и вечеринки съ колбасой и пряниками за двугривенный».

Прежде, когда Маруся мечтала о будущемъ, ей именно рисовалась жизнь, утонченная и до мелочей изящная, можетъ быть, по мнѣнію Лампуши и передовыхъ товарокъ, и пустая, но вѣдь отъ себя зависить, стать ли человѣку и самому пустымъ, или сумѣть внести въ свѣтскую обстановку интересъ, не только удовлетворяющій глазъ, но и сердце, и душу, и умъ. И эта жизнь казалась ей такой полной и радостной, люди, которые войдутъ въ нее, такими одаренными и хорошими. Конечно, и у нихъ будутъ недостатки, безъ нихъ людей нѣтъ, но эти недостатки потеряются въ лучезарности благородства мыслей и поступковъ.

Такъ мечтала она раньше.

Теперь отъ этихъ мечтаній ничего не оставалось. Напрасно въ сумеркахъ ненастнаго осенняго утра пыталась Маруся возстановить былыя картины, онѣ не вставали... И Богъ съ ними! Она связана словомъ, поэтому незначѣмъ и отвлекаться дѣтскими фантазіями... Онѣ прошли, прошли, какъ ея мечта, столь еще недавняя, стать извѣстностью... Данила, пославъ ея стихи въ одну изъ редакцій, получилъ, вѣроятно, отказъ, потому что до сихъ поръ они не появились... Тѣмъ лучше... Поменьше иллюзій. Жизнь гораздо проще и суровѣе и надо ее брать, какою она складывается. А мечтать—только дразнить себя, и чѣмъ скорѣе переговорить на чистоту съ дѣдомъ, тѣмъ лучше. Если же онъ воспротивится и воспротивится, понятно, и мать, тогда...

Ну, что же! Ей двадцать одинъ годъ, она имѣетъ право располагать собою, она уйдетъ изъ дома и возьметъ мѣсто. Софроновъ рассказывалъ, что Нерадовъ весьма покровительствуетъ народнымъ школамъ и въ концѣ октября хочетъ непременно открыть еще одну, которую все тормозилъ его предшественникъ. Она непременно предложитъ свои услуги... Пора, давно пора ступить на самостоятельную дорогу. Трудны будутъ двѣ-три первыя минуты, но она сумѣетъ отстоять свою личность. По крайней мѣрѣ и Лампуша, и Данила убѣдятся, что она не кисейная барышня, что слово у нея не расходится съ дѣломъ. И она будетъ, какъ Лампуша,—зимою учительницей въ школѣ, а на лѣто возьметъ мѣсто гувернантки, чтобы подкопить денегъ и поѣхать въ концѣ концовъ на медицинскіе курсы...

По побесѣдовать съ дѣдомъ такъ и не пришлось. Какъ на грѣхъ, его все отзывали по хозяйству, а въ концѣ недѣли онъ уѣхалъ въ Горскъ, откуда вернулся слегка возбужденный и привезъ ей толстаго синяго шевиота на платьѣ, сказавъ:

— Спей-ка это себѣ... У тебя все финги-фанты изъ старыхъ лоскутьевъ, а настоящей солидной вещи ни одной. Это потеплѣе будетъ.

Маруся, восхищенная и растроганная, чуть не задушила его. Это была ея мечта—имѣть добротное шерстяное платьѣ на зиму! Она выбрала въ «Нивѣ» картинку, и вскорѣ изъ угольной понеслись по дому стук швейной машины. Работа закипѣла, и каждая новая стежка уносила крупицу горечи изъ дѣвичьяго сердца...

Черезъ четыре дня передъ тусклымъ пеннѣе съ амурами изъ слоновой кости, врѣзанными въ раму чернаго дерева, стояла стройная дѣвичья фигурка и любовалась собою. Синяя ткань мягко обхватывала бедра и плечи и ложилась легкимъ напускомъ на черный кушакъ изъ стариннаго фая. Бѣлое кружево окаймляло вышитый воротничекъ и отогнутыя манжеты. Маруся улыбнулась себѣ. Да!.. Это идетъ къ ней... Это и просто, и изящно... Это именно то, что она бы всегда носила... Недавней меланхолии не было уже и въ поминѣ. О самоотреченіи было забыто...

Изъ гостиной доносились звуки рояля... Мать играла Баха. Маруся знала, что теперь дѣдъ одинъ у себя и можно пойти въ кабинетъ подъ предлогомъ показать ему платьѣ и поговорить, но за эти дни все измѣнилось. Отъ забѣжавшей въ отсутствіе Игнатія Львовича Большаковой она узнала, что Данила примирился съ отцомъ и бываетъ даже на заводѣ. Значить, о немедленномъ отъѣздѣ его въ Петербургъ и рѣчи больше нѣтъ? Она была поражена и недоумѣвала,—худо ли это, или хорошо? Да и говорить съ дѣдомъ послѣ его подарка не хотѣлось. Онъ еще вчера за чаемъ потиралъ себѣ руки отъ удовольствія, рассказывая, какъ до сихъ поръ, несмотря на всѣ ухаживанья Михалки за страховыми агентами, преміи ему еще не выдали, потому что кто-то донесъ о срѣзанныхъ проволокахъ громоотвода и производится новое разслѣдованіе. И въ словахъ старика звучало столько злобы и ненависти, что у Маруси при одномъ воспоминаніи падало сердце и казалось опять невозможнымъ сообщить: «а я невѣста его сына!..»

«Подожду лучше и посоветуюсь съ Данилой Михайловичемъ!» рѣшила она и, облегченно вздохнувъ, улыбнулась себѣ въ зеркало.

Какъ въ дѣтствѣ, ноги ея сами сдѣлали нѣсколько па, и, любуясь новымъ платьемъ, она закружилась по комнатѣ, рискуя оскорбить тѣнь знаменитаго композитора выраженіемъ совершенно земнаго восторга подъ его небесную музыку.

Услужливая фантазія нарисовала вдругъ тѣ самыя картины, которыя ни за что не хотѣли складываться всего нѣсколько дней

назадъ при мрачныхъ мысляхъ о неизбѣжности немедленнаго объясненія... Опять горятъ огни, мелькаютъ и смѣняются лица... Улыбки чередуются съ граціозными поклонами... слышатся кругомъ остроумныя замѣчанія... поэтическія сравненія... комплименты, и въ отвѣтъ льется смѣхъ, веселый, задорный, вызывающій ямки на щекахъ и зажигающій огоньки въ глазахъ собесѣдника... Ея рука поднялась невольно, словно ложась на плечо съ золотымъ эполетомъ и вдругъ такъ и замерла въ воздухѣ...

Баховская фуга оборвалась. Въ плескъ воды, стекающей съ крыши, въ стукъ дождевыхъ осеннихъ капель объ оконныя стекла врываются со двора звуки колокольчика, и голосъ матери весело произноситъ:

— Гости!.. Данила Даниловичъ!.. съ кѣмъ это?

Въ передней брякнулъ оспипшій звонокъ. Черезъ залу зашлепали босыя ноги Грушки и, покрывая голосъ хозяйки, раздался баритонъ Софронова:

— Позвольте представить вамъ сего юношу. Онъ было стѣснялся ѣхать, да я его убѣдилъ. Отца его съ гончими не разыщешь, Богъ его вѣдаетъ, гдѣ онъ околачивается. Ну, а я какъ разъ въ Колычево къ вамъ собрался на перенутьѣ въ Горскъ и его прихватилъ. Прошу любить и жаловать—Михаилъ Петровичъ Нерадовъ.

У Маруси духъ окончательно захватило—Мика!?

— Очень приятно!—долетѣлъ сдержанно-любезный отвѣтъ съ матери.

Въ залѣ зазвучали шаги.

— Маруся!—позвала Елизавета Ивановна.

Совершенно машинально руки поднялись и оправили прическу, а потомъ и кружево воротничка.

Грушка закигала на столѣ лампу. Отъ порхающаго пада въ фитилемъ пламени разливался неровный свѣтъ, падал на стоявшихъ по серединѣ комнаты мужчинъ. Рядомъ съ грузною фигурою Софронова особенно стройнымъ и тонкимъ казался молодой человекъ въ перетянутомъ кортикомъ морскомъ сюртукѣ, съ бѣлѣющей въ вырѣзѣ манишкой. Маруся робко вскинула на него глаза и протянула руку сперва Данилѣ Даниловичу, потому ему и съ волненіемъ почувствовала на ней поцѣлуй мягкихъ и осторожныхъ губъ.

— Я васъ сразу бы узналъ!—заговорилъ морякъ:—вы очень мало измѣнились, только выросли.

Маруся порозовѣла и шаловливо улыбнулась.

— А я—пѣтъ! я не узнала бы васъ,—вы совсѣмъ, ну совсѣмъ другой, чѣмъ десять лѣтъ назадъ.

— Еще бы!—засмѣялся Софроновъ,—у него, вѣроятно, усомъ тогда еще не было? Хотя, впрочемъ и теперь не Богъ вѣсть какіе, а все же и эти довольно мѣняютъ лицо,—и онъ самодовольно разгладилъ собственные пышные и бѣлоснѣжные подусники.

Елизавета Ивановна тоже невольно улыбалась и слегка исподлобья оглядывала молодого гостя.

— Я очень и очень извиняюсь еще разъ,—обратился къ ней Мика:—но это Данила Даниловичъ виноватъ,—онъ не пустилъ меня остаться дома.

— Еще бы! чтобы съ тоски помереть въ такую погоду въ Новомъ! Я какъ никакъ за твою жизнь передъ твоимъ, хотя и безпутнымъ, *entre nous*, отцомъ отвѣтствую... Это въ былые года, когда я охоту держалъ, Новое осенью раемъ было, а теперь сидѣть одному тамъ—слуга покорный. Одинъ вой вѣтра въ трубѣ чего стоитъ... Я и выбрался въ Горскъ, хочу на зиму туда переселиться и квартиру приглядѣть, все уютнѣе въ городѣ... А тутъ сей женомъ подѣзжаетъ, я его и цапъ-парапъ: поѣдемъ въ Колычево, кстати съ *m-Me Marie* возобновить знакомство. Опъ—туды-сюды. «Да какъ такъ?.. да неловко... да неудобно!» А я ему: Это, *mon cher*, въ Петербургѣ, можетъ быть, неудобно, а въ провинціи никакихъ фасоновъ не полагается, тутъ деревня да осень, да дождь... Тутъ священнѣйшая обязанность ближнихъ отъ скуки спасать и развлекать, такъ сказать, долгъ христіанскій. *Et nous voilà...* А! да вотъ и самъ хозяинъ!

И Данила Даниловичъ съ обѣими протянутыми руками пошелъ навстрѣчу Игнатію Львовичу, спѣшно передѣвшемуся ради гостей. Яшневъ такъ и впился взглядомъ въ юношу... «Допытаю... о многомъ его допытаю!» думалъ онъ, любуясь невольно открытымъ и привлекательнымъ лицомъ сына своей непризнанной второй снохи...

.....
— Никуда я васъ не пущу!—говорилъ онъ Софропову послѣ сытнаго, наскоро дополненаго Кирилловною обѣда.—Какъ можно по такой темени въ городѣ ѣхать теперь? Оставайтесь почевать и все тутъ. Слава Богу, въ кой-то вѣки къ намъ заѣхали и сразу дальше... Не пущу!..

Софроновъ помялся. Молодой Нерадовъ вспыхнулъ и вопросительно глядѣлъ на него. Ему очень хотѣлось остаться. Онъ поѣхалъ въ Колычево не безъ колебаній, но съ большой долею интереса, хотя боязнь быть нескромнымъ отравляла удовольствіе повидать Марусю. Онъ зналъ, что его мать не пользовалась больше расположеніемъ въ старомъ домѣ, что ея связь съ Алексѣемъ Игнатьевичемъ была непріятна и отцу его, и невѣсткѣ, но вѣдь онъ-то, Мика Нерадовъ, развѣ виноватъ въ чемъ? И онъ сумѣетъ держать себя и ни словомъ, ни намекомъ не дастъ повода быть непріятнымъ напоминаніемъ. Ему Колычево рисовалось, по рассказамъ и прежнимъ письмамъ матери, стародворянскимъ Тургеневскимъ гнѣздомъ, гдѣ росла пересаженная на родную почву странная дѣвочка съ темнокарыми глазами и бѣлокурыми косами, откровенно

улыбавшаяся на его дѣтскія ухаживанья, и хотѣлось посмотрѣть, что вышло изъ нея шаловливо-задорнаго облика.

И теперь, сидя на старинномъ стулѣ съ высокой спинкою въ древней столовой, съ гравюрами на библейскіе сюжеты, подѣ тиканье англійскихъ часовъ въ длинномъ футлярѣ, онъ чувствовалъ, что хотя и прошло почти цѣлыхъ десять лѣтъ, но эта дѣвочка все та же, что если бы перенести сюда и Катю, и пиликающихъ музыкантовъ, и балерину Тидле,—она бы такъ же весело и беззаботно стала выдѣлывать прежнія па и смѣяться безотчетнымъ, дѣтски-радостнымъ смѣхомъ.

Ничего, ничего не было забыто. За обѣдомъ они перебрали всѣхъ знакомыхъ дѣтскихъ лѣтъ,—и Лямкина, и Юнева, и Курта, и Аманду, и Сѣвскихъ, и фрау Брикъ съ дочерьми и только о ближайшихъ, о матери и дѣдѣ, не было проронено ни звука. Оба понимали другъ друга съ полуслова. Фразы не договаривались, потому что и безъ того было все ясно.

Никогда ни къ кому въ жизни, кромѣ Ольги Львовны въ прежнее время, не чувствовала себя Маруся такъ близко, никогда ни съ кѣмъ не говорила такъ искренно и просто.

Когда вопросъ о ночевкѣ былъ разрѣшенъ и Кирилловна съ Грушей занялись въ угольной постелями для гостей, Маруся съ Микой перешли въ залу и усѣлись въ уголокъ. Мика оглядывалъ стѣны со старыми портретами и спрашивалъ:

— Кто это? А это кто?..

— Не знаю!—отвѣчала большею частью Маруся.

— Какъ не знаю?

— Да такъ,—потому что и никто не знаетъ. Эти портреты развѣсили, чтобы скрыть трещины на стѣнахъ, когда мы вернулись изъ-за границы, и съ тѣхъ поръ они тутъ и остались висѣть. Они принесены съ чердака. Дѣдуся говорить, что это вовсе не предки наши, тѣхъ давно уже перенесли въ виллу, вмѣстѣ съ которой они и сгорѣли, вы, вѣрно, о ней слышали? А это все чужіе. Можетъ быть, просто картины.

— Жаль, я думалъ, это ваши родственники. И какія все интересныя лица! Смотрите, какъ они пристально смотрятъ на васъ и словно поворачиваютъ голову, неотступно слѣдя за вами... Неужели вы ихъ не боитесь?

Маруся покачала головою.

— Ничуть! я даже не замѣчаю ихъ теперь, а прежде была рада, когда ихъ повѣсили, потому что безъ нихъ обои были черезчуръ безобразны и они хоть нѣсколько прикрасили комнаты. Вѣдь и такъ нашъ домъ красотою похвалиться не можетъ.

— А по-моему, онъ очень уютный, и это главное. При чемъ красота? Ужъ на что дѣдушкина вилла была роскошна, а я въ ней

до послѣдней минуты чувствовалъ себя точно въ отелѣ. А какъ вошелъ сюда,—и тепло, и покойно стало на душѣ. Будто уже раньше когда-то давно-давно бывалъ здѣсь. И что мебель у васъ въ чехлахъ, тоже такъ опрятно, такъ хорошо!..

«Поневолѣ въ чехлахъ, когда шелковая обивка подъ ними въ ключьяхъ!» подумала Маруся, а вслухъ сказала:

— Я очень рада, что нашъ домъ пришелся вамъ по вкусу. Но для меня въ немъ много погрѣшностей, и я вижу только ихъ, и мнѣ всегда хочется стать такой богатой, чтобы все, все передѣлать здѣсь. И прежде всего какимъ-нибудь колдовствомъ перенести сюда именно вашу виллу.

— Для чего?

— Какъ для чего? Чтобы все кругомъ было красиво и нарядно, чтобы къ намъ съѣзжались люди интересные и изящные. Чтобы устраивать балы, спектакли, катанья и иллюминаціи...

— У васъ такъ много сосѣдей?

— Почти никого,—старичокъ предводитель дворянства съ сестрою да Софроновъ теперь, а то все купцы, и мы съ ними не знакомимся, чтобы не встрѣчаться съ Евграфовыми, вы слышали, вѣрно, о нихъ?

Маруся произнесла это имя и покраснѣла. За весь вечеръ она только сейчасъ вспомнила впервые о Данилѣ. Что же это такое?

Мика улыбнулся.

— Оттого-то васъ такъ и манятъ свѣтскія удовольствія. Но если бы вы знали, сколько въ нихъ пустоты и какъ неистово скоро надоѣдаютъ всѣ эти выѣзды! Я испыталъ это на себѣ. Послѣ плаванія съ жадностью накидываешься на каждое приглашеніе,—танцуешь, дирижируешь, флиртуешь, но въ результатѣ одна оскомина. Все пусто, глупо, не то, чего ждешь. И даже спектакли и театры и всякія другія зрѣлища ужасно прѣдаются.

— Это потому, что вы можете получить ихъ всегда, когда захочется. А я?.. Вы помните, вѣрно, какъ я любила танцовать? И знаете, я еще ни разу не была на балу, на настоящемъ балу въ залѣ съ колоннами, съ оркестромъ и съ элегантнымъ обществомъ. Вѣдь это такое блаженство,—паркетъ какъ зеркало, и зеркала на стѣнахъ, гдѣ повторяются всѣ группы танцоровъ и отражаются огни въ люстрахъ, и пальмы надъ отдыхающими парами, и вихрь вальсирующихъ колышетъ листья, и они вѣютъ ласково въ ладъ тихимъ разговорамъ наединѣ, хотя и на виду у всѣхъ. А музыка то замираетъ, то снова гремитъ, и сердце тоже—то замереть, то забьется, точно и ему хочется танцовать, а потомъ замереть и слушать, слушать безъ конца... Вы смѣетесь?—спохватилась она.

— Нисколько! я слушаю васъ и удивляюсь,—отчего у меня никогда не бывало подобнаго чувства?

— Вамъ никогда не бывало весело?

— О нѣтъ, напротивъ! Бывало и очень весело, но независимо ни отъ музыки, ни отъ бальной обстановки.

— А отчего же?

— Оттого,—онъ загнулся, вспыхнулъ, но смѣло докончилъ:— присутствовала ли та, ради которой я ѣхалъ танцовать.

— Которую вы любили?

— Въ то время,—да!..

Маруся опустила глаза, а Мика продолжалъ:

— Видите ли,—любить... Я не знаю, любилъ ли я когда-нибудь, но увлеченъ и влюбленъ бывалъ не разъ.

— А потомъ?

— Что потомъ?

— Чѣмъ кончалось это... ваша влюбленность?

— Чѣмъ кончаются всегда всякія увлеченія—разочарованіемъ, охлажденіемъ. Особенно, если къ этому примѣшивается сознание, что васъ ловить, какъ жениха. Вотъ почему мои товарищи, да и я замъ, предпочитали ухаживать за дамами...

— За замужними дамами?..—Маруся удивленно уставилась на Мика.—Для чего же, разъ онъ уже замужемъ?

Онъ почувствовалъ, что этого говорить не слѣдовало бы, но все-таки докончилъ:

— Съ ними проще, вѣдь онъ женить на себѣ не такъ легко могутъ...

Елизавета Ивановна, сидя на другомъ концѣ комнаты и бесѣдуя съ Софроновымъ, искоса наблюдала молодыхъ людей: «О чемъ это они такъ горячо спорять?»—подумала она, и вдругъ Нерадовъ вскочилъ и подбѣжалъ къ ней:

— Pardon! я помѣшалъ, но у меня къ вамъ большая просьба. Вы, навѣрно, играете какую-нибудь польку? Мнѣ хочется показать Маріи Васильевнѣ, что теперь танцуютъ подъ эту музыку.

Елизавета Ивановна опѣшила:

— Какъ польку? Вы хотите танцовать? Здѣсь?

— Ну да! или это не разрѣшается?

Яшневъ вспыхнула. Ее это «не разрѣшается» кольнуло.

— Нѣтъ, отчего же! только это такъ странно.. Я не помню чтобы кто-нибудь танцовалъ тутъ, и, я думаю, нашъ полъ вовсе къ танцамъ не приспособленъ.

— Ничего, мнѣ и не на такихъ танцовать доводилось! Пожалуйста, сыграйте!

Онъ смотрѣлъ такъ ласково сѣрыми, казавшимися почти черными глазами отъ густой бахромы рѣсницъ и улыбался доброй, какой-то дѣтски-милой улыбкой, игравшей ямочками на его кругломъ, опушенномъ мягкими усиками лицѣ. Елизавета Ивановна сама невольно ему улыбнулась и встала. Предложивъ ей руку, онъ торжественно подвелъ ее къ роялю и откинулъ крышку.

— Ей-ей, я, кажется, ничего не знаю для танцевъ,—попробовала еще отговориться Яшнева.

— Навѣрно, помните... напимѣрь: тра-ля-ля-ля!—пропѣлъ онъ

Елизавета Ивановна улыбнулась. Это былъ хоръ изъ «La petite Fadette», аранжированный ихъ институтскимъ учителемъ когда-то. Она вспомнила мелодію и подобрала аккомпанементъ.

— Разъ-два-три! Давайте обѣ руки крестъ-на-крестъ... вотъ такъ!—училъ Мика свою даму.

Старые невѣдомые портреты, точно двигая глазами, неотступно слѣдили за парой, танцовавшей новый несложный и граціозный танецъ. Щеки Маруси разгорѣлись, завитки выбились изъ прически и обрамили лицо, и оно улыбалось задорно и безопасно другому юному лицу съ пробивающимися бачками и пушистыми усиками, изъ-подъ которыхъ тоже не сходила красивая радостная улыбка.

Голова игравшей женщины тоже, неотступно слѣдя за танцорами, поворачивалась имъ велѣды и губы тоже весело улыбались, какъ вдругъ мелькнула мысль: этотъ молодой человѣкъ въ морскомъ сюртукѣ сынъ Ольги... той Ольги, которая сама въ костюмѣ французской крестьянки танцевала буррэ подъ эту мелодію... Оттуда и онъ знаетъ ее...

Крышка хлопнула. Елизавета Ивановна встала:

— Довольно!

— Ахъ, нѣтъ! еще! молю васъ!.. Пожалуйста! Ну, голубушка! Ну, родная!

Въ увлеченіи онъ опустился передъ нею на колѣни и сталъ по очереди цѣловать обѣ ея руки, глядя на нее все тѣми же дѣтскими, ласково-шаловливыми глазами.

Елизавета Ивановна опять растаяла и, слегка потрепавъ его стриженную ежикомъ бархатистую голову, заиграла вальсъ изъ «Евгенія Онѣгина».

Кирилловна въ дверяхъ столовой умиленно качала головою. Зеркала отражали два юныя существа, уносившіяся подъ вдохновенные звуки въ царство мечтаній и сладкихъ грезъ. Счастье было тутъ налицо, и все кругомъ сознавали это.

Дѣды первно выпускалъ дымъ кольцами и думалъ:

«А вѣдь ихъ славная пара!»...

XVI.

Вы дали счастье мнѣ... Да, счастье побѣды.	Но какъ другъ другу будемъ рады!
Его неизгладимъ и вѣченъ слѣдъ.	Какъ поспѣшимъ мы счеты свести,
Пройдутъ года... пройдутъ десятки лѣтъ,—	И какъ у насъ сойдется взгляды
Мы съ вами встрѣтимся, безстрастны оба.	На женскій долгъ и на мужскую честь
сѣды,	«Листы пожелтѣлые» М. К.)

На другое утро послѣ долгаго времени погода разгулялась. За ночь подморозило, и хрупкій ледокъ сковалъ лужи и сбитыя колеи.

Одѣтый инеемъ садъ казался черезъ окна заколоченной на зиму террасы волшебной декорацией. Черная колоннада стволовъ аллеи уходила, все суживаясь, въ глубь и манила подь серебряный навѣсъ вѣтвей, запорошенныхъ снѣгомъ.

Оба старика съ Елизаветой Ивановной и забѣжавшимъ отцомъ Силою усѣлись въ винтъ.

— А мы пойдемъ, погуляемъ!—предложилъ Мика.

— И чудесно!—весело отозвалась Маруся. Она убѣжала въ спальню и вернулась въ заячьей шубкѣ и въ старинномъ вышитомъ золотомъ красномъ башлыкѣ съ потемнѣвшими отъ времени кистями, который удивительно шелъ къ ея порозовѣвшему отъ возбужденія лицу.

— Не простудись ты!—забезпокоилась мать, но дѣдъ пощупалъ пульсъ у внучки и только рукою махнулъ:

— Вонъ оно гдѣ лекарство для молодежи, —польки да мазурки и ничего вся наша латынь рядомъ съ ними не стоитъ.

Данила Даниловичъ надулъ щеки и хитро подмигнулъ Микѣ...

Они шли вдвоемъ по разубранной инеемъ аллеѣ. Бѣлыя вѣтки точно слушали ихъ безпечную болтовню и безпричинно-радостный смѣхъ и сбрасывали то на шитье башлыка, то на золотой погонъ пушистыя комочки, разсыпавшіяся на тысячи мелкихъ алмазныхъ снѣжинокъ. Розовое небо глядѣло въ кружевные просвѣты филиграннаго навѣса, и ярко-синія тѣни отъ стволовъ ложились на серебряную парчу залитыхъ солнцемъ лужаекъ.

— Побѣжимъ! Кто кого перегонить!—предложилъ Мика.

Они пустились взапуски. Маруся была легче и летѣла, какъ птица, но вдругъ у нея подвернулась нога, и она непремѣнно упала бы, если бы онъ не поддержалъ ея.

— Такъ нельзя! такъ можно свихнуть себѣ колѣно!

Онъ продѣлъ ея руку подь свою, и они чинно дошли до перекрестка.

— Какая прелесть!—остановился Мика.—Знаете, мнѣ кажется, насъ кто-то слушаетъ. Слишкомъ тихо... Боже мой! какъ хорошо бы жить тутъ,—такъ мирно, такъ далеко отъ всего дурного.

— И отъ всего веселаго и радостнаго,—перебила Маруся.— Я увѣрена, вы бы тутъ живо соскучились.

— Вотъ и ошибаетесь! Никогда не соскучился бы. Я нашель бы себѣ дѣло...

— И оно живо надоѣло бы вамъ!

— Опять ошибаетесь,—оно не могло бы надоѣсть мнѣ, потому что оно было бы настоящее. Я и въ дѣтствѣ мечталъ быть помѣщикомъ, еще у дѣда. Вы не знаете, какъ меня тянуло въ деревню, какъ я жалѣлъ, что не могъ тогда ѣхать съ вами и какъ досадовалъ потомъ на дѣда, зачѣмъ онъ продалъ свои помѣстья въ Россіи и вмѣсто нихъ обзавелся своей знаменитой виллою, и я безумно тосковалъ

по дому и Россіи, особенно узнавъ, что мама обзавелась хозяйствомъ на Амурѣ, но дѣдъ ни за что не отпускалъ меня.

— Какъ же вы стали морякомъ?—спросила Маруся, храбро подавляя смущеніе при упоминаніи имъ имени матери.

— Я въ сущности бѣжалъ отъ него тайкомъ. Я пріѣхалъ погостить къ матери, а она черезъ близкихъ людей выхлопотала мнѣ разрѣшеніе поступить въ морской корпусъ, въ гардемаринскіе классы, и когда это совершилось, и я, пріѣхавъ въ Петербургъ, успѣшно одолѣлъ всѣ экзаменаціонныя препоны и надѣлъ голландку, только тогда я написалъ объ этомъ дѣду, какъ о фактѣ совершившемся и не подлежащемъ измѣненію.

— Но помните, вы прежде хотѣли быть офицеромъ?

— Да! но, побывавъ дважды въ Америкѣ и переплывъ и Великій океанъ изъ Калифорніи въ Японію, я влюбился въ море.

— А какъ же имѣнье?

— Какое имѣнье?

— Да вы же сами говорили, что мечтали стать помѣщикомъ?

— Мало ли о чемъ мечтаешь! Помѣщикомъ я сдѣлаться не могъ, на это нужны очень большія деньги. А вотъ когда дослужусь до адмирала, тогда выйду въ отставку и куплю маленькій, маленькій хуторочекъ по сосѣдству съ Кольчевымъ... Хорошо?

— Отлично! мы вамъ отрѣжемъ земли отъ себѣ. Хотите?

— Конечно! А только доживу ли я до адмирала?

— Что же, вы умирать собираетесь?

— Если война будетъ, ко всему готовому быть надо!

— Война?! съ кѣмъ это?

— Да съ Японіей. Развѣ вы не слыхали?

Маруся такъ тряхнула головою, что у нея даже башлыкъ скатился на плечи.

— Не слыхали? а это фактъ. Весною непременно будетъ война. Японцы усиленно къ ней готовятся. Но мы ихъ не боимся... Мы имъ перцу сами подсыплемъ, чтобы не совались въ воду, не спросяся броду.

— Да зачѣмъ же имъ воевать съ нами? Что намъ съ ними дѣлать?

— А Портъ-Артуръ! Вѣдь мы его у нихъ изъ-подъ носа вырвали, вѣдь и намъ для своихъ судовъ незамерзающій портъ на Востокѣ нуженъ. Ну, а въ Портъ-Артурѣ гавань первоклассная, недаромъ макаки сами на него свои крашенные зубы точили. Ну, да пусть сунутся! Мы имъ покажемъ, гдѣ раки зимуютъ! И у насъ есть молодцы адмиралы!

— Кто же?—спросила искренно заинтересованная дѣвушка, зараженная неволью молодымъ задоромъ товарища дѣтства.

— Кто?.. Макаровъ первый, Рождественскій второй, Дубасовъ третій.. Наконецъ Чухнинъ, Авеланъ, Гильтебрандъ... мало ли. Вы бы посмотрѣли, какъ мы у Рождественскаго лихо подѣ Ревелемъ

на маневрахъ по подвижнымъ мишенямъ жарили... А Макаровъ! «Борода» или «Дѣдушка», какъ его зовутъ матросы... Это геній.

Болтая, они дошли до пруда и свернули къ кулигѣ. При видѣ крестовъ, Мика снялъ фуражку и перекрестился. Маруся радостно вспыхнула,—ее это тронуло.

— Здѣсь и бабушка ваша похоронена?—спросилъ онъ, услышавъ, что это родовыя могилы Колычевыхъ.

— Нѣтъ, бабушка лежитъ въ склепѣ на кладбищѣ, рядомъ со своимъ мужемъ, дѣдушкой Simon.. Хотите, пройдемъ туда?

— Отлично! но сперва покажите мнѣ паркъ. Онъ удивительно поэтичный... воображаю, какъ онъ хорошъ лѣтомъ, весь въ листьяхъ. Проведите меня въ самый вашъ любимый уголокъ... Навѣрно, у васъ есть такой!

— Конечно, есть... Но,—Маруся замаялась,—туда теперь не пройти... грязно и надо пробираться черезъ кусты... Вы все пальто разорвете съ непривычки.

— Ну, а если я его сниму?

— Право, не стоитъ! Ничего, въ сущности, интереснаго тамъ и нѣтъ.

— Напротивъ,—видно, очень много интереснаго, а вы только не хотите вести меня туда. Ну, да ужъ Богъ съ вами... Коли такъ, пойдемте на кладбище.

Маруся облегченно вздохнула. Въ лабиринтѣ вѣдь могъ случайно оказаться Данила, она опять только сейчасъ вспомнила о немъ...

Они пошли обратно и, свернувъ по аллеѣ, вышли въ калитку и пересѣкли лужокъ у церкви. У ограды склепа Мика снова снялъ фуражку и обогрѣлъ памятникъ.

— Знаете, я вѣдь не часто видалъ вашу бабушку, но почему-то глубоко былъ огорченъ ея смертью, не только за васъ. Она была какая-то удивительно теплая, такъ и дышала вся добротой. И ваша мать также очень добрая, но она очень сдержанная, а бабушка была, ну, какъ будто совсѣмъ мнѣ родная. Съ ней всякій и себя чувствовалъ добрѣе и лучше. Правда?

— Да!—отвѣтила Маруся:—я никого добрѣе ея не встрѣчала.

— Вотъ видите! и я ужасно радъ, что мы съ вами стоимъ вмѣстѣ на ея могилѣ. Слушайте... я хочу просить васъ объ одной вещи. Вотъ вы приняли меня совершенно по старому, а вѣдь я боялся ѣхать къ вамъ. Я думалъ, вы сердитесь, не столько вы, какъ мама ваша и Игнатій Львовичъ, на меня за мою маму, за то, что она уѣхала съ вашимъ дядей. Но я... я не виню ихъ. Поймите меня, я никого, никого не виню,—ни ее, ни его, ни моего отца. Они всѣ каждый правы по-своему, и всѣ, по-моему, несчастны, а несчастныхъ людей не судятъ. У нихъ разбита жизнь, и никто изъ нихъ поправить ее не можетъ. Отецъ ни за что не даетъ развода, а они живутъ невѣнчанные, и у нихъ—двое дѣтей. Вотъ видите ли... я помогалъ и по-

могаю, какъ могу, но у нихъ ничего нѣтъ. Вашъ дядя разорился и очень боленъ,—у него прогрессивный параличъ. Но я долженъ буду идти на войну. Меня могутъ убить... И тогда... милая Марія Васильевна, вы попросите за маму прощенія у вашего дѣдушки и не покиньте ее дѣтей, вѣдь это ваши двоюродные братъ и сестра... Вѣрочка и Леня... Знаете, можетъ быть, мнѣ вамъ, какъ барышнѣ, не слѣдовало бы говорить объ этомъ, но это меня такъ заботитъ! Они такіе славные... и я думаю, будь жива ваша бабушка, она бы отъ души пожалѣла ихъ... Дайте же мнѣ слово, Марья Васильевна, что вы ихъ не покинете?

У Маруси духъ занялся. Ни съ кѣмъ никогда не говорила она о дядѣ Лешѣ и Ольгѣ Львовнѣ, никто ничего о нихъ не зналъ, и вдругъ—двое дѣтей... Леня и Вѣрочка... тѣ, которыхъ онъ такъ желалъ имѣть... ея двоюродные братъ и сестра... Ей показалось, что она уже любитъ ихъ... вѣдь родныхъ у нея не бывало, и она прерывающимся голосомъ спросила:

— Какіе они? очень маленькіе?

— Они погодки,—Вѣрѣ только что минуло восемь, а Лешѣ седьмой.. Они очаровательны... не знаю, кто изъ нихъ лучше... Я ихъ просто боготворю... Общаете? да?..

— Да!—тихонько и сердечно вырвалось у Маруси, и она безо всякаго колебанія протянула ему руку.

Мика, не надѣвая фуражки, наклонился и благоговѣнно поцѣловалъ эту нѣжную руку и на минуту задержалъ ее крѣпкимъ пожатіемъ.

— И общайте тоже молиться за меня, когда я пойду на войну. Я буду окрыленъ мыслью, что здѣсь въ далекой Россіи русская дѣвушка съ добрымъ сердцемъ молится обо мнѣ. Это придастъ мнѣ много, много силъ... Общаете? да?

У Маруси вдругъ такъ и подступили къ глазамъ слезы. Она закусила губу и, не въ силахъ говорить, только кивнула головою а онъ снова прильнулъ къ ея рукѣ.

Они повернулись къ выходу. Маруся сдѣлала два шага и обмерла.

У церкви стоялъ Данила. Когда онъ пришелъ? Видѣлъ ли онъ, что Мика цѣловалъ ей руку? Зачѣмъ онъ здѣсь? Заговорить ли?.. Подойти ли самой, или сдѣлать видъ, что они вовсе незнакомы? Онъ, очевидно, шелъ на могилу матери. Ахъ, Богъ мой! что же теперь дѣлать?

Данила не двигался. Онъ въ упоръ оглядѣлъ ее и Милу, но не поклонился, не произнесъ ни слова, и Маруся, едва сознавая себя, прошла мимо. Мика окинулъ его разсѣяннымъ взглядомъ и прошелъ вслѣдъ за нею.

— Куда же теперь?—спросилъ морякъ и хотѣлъ взять свою даму подъ руку, но она уклонилась и тихонько отвѣтила:

— Домой! пора обѣдать.

Не обернувшись, оба вышли за ограду и скрылись за калиткой въ паркѣ. Данила все такъ же не шевелился и глядѣлъ имъ вслѣдъ.

— Вотъ оно что... Значить...

Онъ прошелъ на могилу матери, упалъ на колѣни и прижался головою къ запорошенной снѣгомъ насыпи.

— Матушка!.. матушка!.. Неужели? Пожалѣй хоть ты меня, родная!.. За что?.. за что?..

Онъ такъ обрадовался сперва, увидавъ знакомый яркій башлыкъ, какъ осенній макъ, расцвѣтшій на бѣлой пеленѣ кладбища, и только что хотѣлъ окликнуть невѣсту, какъ изъ-за обелиска Сотовыхъ показалось пальто съ золотыми погонами. Слово было не разобрать, но что разговоръ былъ не пустой, доказывали и взволнованныя лица собесѣдниковъ и поцѣлуи руки.

«Ну, что же, и естественно... Дворянчикъ... мундиръ съ пуговицами... статный, недурень собою... А она—легкомысленна, какъ всѣ барышни. Поухаживаль—и растаяла... Все на смарку... Я былъ хорошъ, пока не было другого. Явится третій,—по боку другого. Исторія извѣстная, стара, какъ мѣръ. И всѣ онѣ таковы. Но неужели такъ скоро? Когда же онъ появился? Вѣдь это тотъ—сынъ земскаго. Родственничекъ новоявленный... сынъ тетеньки невѣнчанной»...

Онъ машинально стряхнулъ снѣгъ съ креста, положилъ еще земной поклонъ и побрелъ къ выходу, но вдругъ въ калиткѣ ограды столкнулся съ тѣмъ же морякомъ.

— Извините!—произнесъ тотъ:—меня Марья Васильевна послала предупредить васъ, что она будетъ ждать васъ въ три часа завтра, и вы знаете гдѣ...

— Марья Васильевна?.. меня... васъ...—Данила растерялся.

— Да! имѣю честь кланяться!

Мика приложилъ руку къ козырьку и повернулся на каблучкахъ. Молодой Евграфовъ стоялъ, недоумѣвая: Что же это такое? Насмѣшка?.. комедія?.. Ничего непонятно!..

Да было и мудроно понять, хотя выходило и очень просто, и естественно.

Встрѣча съ Данилой была слишкомъ неожиданна. Маруся никакъ не могла прійти въ себя. Выраженіе ея лица было почти отчаянное, и Мика невольно насторожился.

— Что съ вами? Я разстроилъ васъ своими разговорами? Да?

Дѣвушка попыталась говорить и не могла, и только мотнула головой.

— Нѣтъ? Такъ въ чемъ же дѣло? Послушайте, я не на шутку встревоженъ, у васъ такіе страдающіе глаза!.. Что-то есть, и вы напрасно не хотите сказать. А я имѣю полное право на вашу откровенность, потому что самъ былъ только что, какъ на духу, откровененъ съ вами. Я очень и очень прошу, скажите мнѣ, въ чемъ дѣло?

— Я не могу!—тихо отвѣтила она.

— Нѣтъ! не не могу, а не хочу... это вѣрнѣе... Марья Васильевна, вѣдь мы же друзья съ вами, давніе и добрые друзья! Вѣдь когда я вспоминаю свое дѣтство, я всегда непремѣнно и невольно вспоминаю и васъ. И за эти два дня я убѣдился, что дружба моя не только не остыла, не уменьшилась, но воскресла съ новой силою, и что если есть какая-нибудь возможность отстранить отъ васъ горе или заботу, я готовъ сдѣлать все, все, лишь бы вы были спокойны и веселы... Я раскаиваюсь, что говорилъ съ вами о матери моей и ея несудьбѣ. Навѣрно, это васъ и разстраиваетъ. Господи! какой я остолепъ! Зачѣмъ я разболталъ вамъ!

— Ахъ, нѣтъ! Я очень тронута была... да и теперь очень, очень благодарна вамъ за ваше довѣріе. И поймите,—откровенность ваша ни при чемъ. Это совсѣмъ другое. Это мое личное горе!

— Личное горе? Нѣтъ, оно не только ваше личное горе, но и мое, и я умоляю, подѣлитесь имъ со мною. Я имѣю на это право, потому что навязалъ вамъ и свое. И потомъ—умъ хорошо, а два лучше. Можетъ быть, я и найду выходъ? Ну, умоляю! Ну, голубушка...

Онъ притянулъ ея руку и хотѣлъ снова поцѣловать, но Маруся вырвала ее и, задыхаясь, отвѣтила:

— Не цѣлуйте!.. Этого больше нельзя...

— Почему нельзя? Что случилось?

— Потому что... рука моя уже отдана другому... Я невѣста.. втайнѣ...

Мика точно выросъ. Онъ выпрямился. Только что улыбавшееся нѣжной дѣтскою улыбкою лицо стало серьезнымъ. Черты заострились, и глаза разомъ поблекли.

— Невѣста?.. чья же?

— Того человѣка, который стоялъ у церкви на кладбищѣ Развѣ вы не замѣтили, какъ онъ смотрѣлъ на насъ?

— Но кто же онъ?

— Онъ... сынъ нашего сосѣда и злѣйшаго врага... вы, навѣрно слышали отъ Данилы Даниловича... онъ сынъ бывшего колычевскаго крѣпостного Евграфова... правнукъ стараго камердинера моей бабушки... Но о томъ, что онъ мой женихъ, никто не знаетъ. И если я говорю вамъ, то я знаю, вы также никому объ этомъ не скажете... Да?

— Да,—отвѣтилъ онъ твердымъ, но какимъ-то жуткимъ тономъ.—И вы... вы очень любите его?

Маруся колебалась съ минуту: любить ли она Данилу?

— Ну, конечно! Иначе какъ же?..—отвѣтила она.

Нѣсколько времени они шли молча рядомъ по аллеѣ. Маруся, вдругъ остановилась, не дойдя до перекрестка.

— Вотъ что, Михаилъ Петровичъ! у меня есть очень большая къ вамъ просьба... Вернемтесь... если онъ еще не ушелъ, мнѣ надо,

сказать ему два слова. Мы уже больше мѣсяца не видались съ нимъ. У него умерла мать, и ему было не до меня, а потомъ я хворала. Переписываться мы не смѣемъ, видѣться не можемъ, и нельзя никого посвятить въ наши дѣла... а мнѣ надо кое-что сказать ему... я знаю, онъ очень обезпокоенъ однимъ обстоятельствомъ... Или чѣмъ мнѣ итти туда, пойдите вы къ нему и скажите... что завтра въ три часа я буду ждать его, онъ знаетъ гдѣ...

И Мика пошелъ и сказалъ. А она ждала его въ аллеѣ, и сердце у нея то билось подъ горломъ, то совершенно замирало.

— Сдѣлано!—доложилъ онъ, вернувшись.

Они возвращались по той же аллеѣ, подъ тѣмъ же серебрянымъ филиграновымъ навѣсомъ изъ распущенныхъ инеемъ вѣтвей, но это были уже не друзья дѣтства, безопасно возбужденные новою встрѣчей. Ихъ связала общая забота, двойная тайна. Они твердо были готовы хранить чужую и свою, готовы были на взаимныя услуги и жертвы, и вмѣстѣ съ тѣмъ оба чувствовали, что вдругъ стали другъ другу далекими, почти чужими, что жизнь погасла, сдѣлалась невыносимо буднично-сѣрою, и что лучше было бы имъ вовсе не встрѣчаться.

За обѣдомъ оба старались вести себя, какъ ни въ чемъ не бывало, но отъ зоркихъ дѣдовскихъ взоровъ не ускользнуло, что внучка улыбается неестественно, что глаза у нея стеклянные и напоминаютъ материнскіе, какъ въ самыя скверныя минуты той. Да и Мика былъ уже не прежній. Въ чемъ разгадка?

«Поссорились, вѣрно!—рѣшилъ старикъ.—Ну что же, дѣло молодое, и милые бранятся только тѣшатся!..»

Переговорить съ «морячкомъ» ему такъ и не удалось, потому что сразу послѣ обѣда Данила Даниловичъ заторопился въ Горскъ.

При прощаніи и Мика, и Маруся не выдержали, и оба перемѣнились въ лицѣ. У него передернуло старавшіяся быть каменными черты, у нея и задушевное пожатіе, и легкое дрожаніе губъ какъ бы сказали, что надо разстаться, но...

— Дай вамъ Богъ всего хорошаго,—вымолвила она:—а главное, вѣрьте, что ваше безпокойство напрасно, и никакой войны не будетъ!

— Какой это войны? мышей и лягушекъ?—пошутилъ дѣдъ.

— Нѣтъ, съ Японіей, развѣ вы не читали? Вѣдь уже и въ газетахъ есть.

— Мало ли что есть въ газетахъ... На то онѣ и газеты, чтобы врать да дураковъ враками пугать!

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Мика:—война будетъ и начнется гораздо скорѣе, чѣмъ мы думаемъ. Я это чувствую, и для меня она кончится плохо!..

Тройка тронулась. Пристяжныя прижались къ кореннику, выѣзжая въ ворота, но за облупленными столбами взяли съ мѣста

въ прискачку и помчались по облетѣвшей просѣкѣ въ сизую къ морознаго тумана даль. Въ послѣдній разъ мелькнула въ воздухѣ бѣлая перчатка, махавшая фуражкой. Марусѣ хотѣлось тоже въ послѣдній разъ крикнуть: «до свиданья», но горло перехватила судорога, и пришлось накрѣпко стиснуть зубы, чтобы не разрыдаться.

Дѣдъ окинулъ ее соболѣзвующе-пытливымъ взглядомъ поверхъ очковъ и, не проронивъ ни звука, отправился въ конюшню, гдѣ батракъ, довольный двойнымъ начаемъ, особенно щедрымъ отъ молодого барина, весело насвистывая, убиралъ стойла послѣ ночевавшихъ въ нихъ софроновскихъ лошадей, а она прошла въ угольную. Въ воздухѣ пахло еще табакомъ и духами, которыми пахло отъ Мики, когда онъ наклонялся вчера надъ нею въ *pas des patineurs*, и въ ушахъ звучало буррѣ изъ французской пѣски давнихъ, давнихъ лѣтъ...

Неужели это было только вчера?

XVII.

Много было радости, много и тревоги.	Ты одна осталася. Пусто, сиротливо.
Голосами дѣтскими былъ наполненъ домъ.	А душѣ такъ хочется ласки и любви!
На четыре стороны разошлись дороги,	Вьются гнѣзда новыя, вьются хлопотливо.
Улетѣли птенчики, распростаясь съ гнѣздомъ.	Ты рукою доброю ихъ благослови!..

(«Листы пожелтѣлы» М. К.)

Когда на другой день послѣ обѣда Маруся собралась въ лаби-ринтъ, мать ее спросила:

— Куда это?

— Въ садъ!—отвѣтила дочь и вспыхнула отъ испуга, что ее задержать.

Игнатій Львовичъ сообразилъ сразу, какъ непріятенъ ей этотъ вопросъ.

«Влюбилась, побыть одной да погулять тамъ, гдѣ вмѣстѣ гуляла съ нимъ, хочется...»—и вслухъ прибавилъ:

— Вотъ и отлично, гуляй себѣ во здравіе, а мнѣ съ тобою, Лизанька, кое о чемъ по хозяйству переговорить надо.

Маруся мысленно перекрестилась и благодарно улыбнулась дѣду. Черезъ нѣсколько минутъ легко и даже какъ будто весело она шла уже по аллеѣ съ разыгравшимся и теребившимъ ее за подолъ Бунтикомъ, но чѣмъ ближе подходила она къ лабиринту, тѣмъ тяжелѣе передвигались ея ноги, тѣмъ больше сжималось сердце, тѣмъ непріятнѣе было думать, что Данила непремѣнно начнетъ разспрашивать о Микѣ и нельзя будетъ не отвѣчать на его вопросы.

Онъ ждалъ ее у грота и тоже какъ-то нерѣшительно пошелъ навстрѣчу. Иней за ночь растаялъ. Снѣгъ разошелся въ лужи.

«истор. вѣстн.», сентябрь 1914 г., т. XXXVII.

Площадка, окруженная прозрачной щетиной облетѣвшихъ акацій, была истоптана и занесена листьями, изъ-подъ арки звенѣла непрерывною трелью струя надъ раковиной и, вторя ей, стайка разноцвѣтныхъ синичекъ съ веселымъ «пинкъ-пинкъ» перепархивала по вѣткамъ.

— Здравствуйте!—съ дѣланной улыбкой выговорила Маруся:—мы очень давно не видались.

— Да, цѣлыхъ пять недѣль,—отвѣтилъ Данила, пожимая ей руку.

— И намъ объ очень и очень многомъ надо переговорить,—добавила она.—Я очень мучилась все это время, что не вижу васъ.

Евграфовъ взглянулъ на нее исподлобья, словно не довѣряя этому, но она, не смущаясь, продолжала:

— Меня мучило, что вы беспокоитесь о портретѣ и не знаете, куда онъ дѣлся. Но я сама убрала его. Я боялась, что мама... она, видите ли, послѣднее время начала ни съ того, ни съ сего (ей хотѣлось сказать: «придираться до мнѣ», но она сразу поправилась)—относиться подозрительно къ моимъ исчезновениямъ изъ дома, и я боялась, что она сама зайдетъ въ гротъ, а потому и спрятала портретъ съ мольбертомъ въ подвалѣ... Вы его знаете... тамъ подъ бугромъ... Тамъ онъ въ совершенной безопасности.

— Вотъ что!.. Отлично... Это было вполне разумно... Я такъ и думалъ на васъ... только воображалъ, что вы его спрятали у себя... Ну, а какъ ваше здоровье? Отъ Большаковыхъ я слышалъ, что вы хворали?

— Спасибо! я теперь здорова... А вы?

— Я?—Данила усмѣхнулся.—Я всегда, какъ быкъ, здоровъ.

Они оба замолчали. Разговоръ не клеился, а между тѣмъ Маруся сама только что находила, что есть о чемъ поговорить, но, рассказавъ о портретѣ, не находила больше темъ.

Онъ молчалъ, не зная, какъ начать разговоръ о Микѣ. Это одно интересовало его въ данную минуту, и онъ мучился, ища и не находя подходящихъ выраженій.

Наконецъ Маруся спросила:

— Вы еще долго пробудете тутъ?

— Это вполне зависитъ... не отъ меня... а отъ васъ!..—отвѣтилъ онъ, и снова робко оглядѣлъ ее.

— Какъ такъ?—Она насторожилась: сейчасъ... сейчасъ онъ заговоритъ о вчерашнемъ! но онъ сказалъ:

— Чего же мы стоимъ?.. Присядемъ. Или вы торопитесь?

— Нѣтъ! у меня есть время.

Они вошли подъ туфовый сводъ и сѣли на знакомую и тѣсную скамью, близко другъ отъ друга. Ей вдругъ вспомнилось, какъ на этомъ самомъ чугунномъ диванчикѣ, въ послѣднее ихъ свиданіе передъ смертью Авдотьи Тарасовны онъ поцѣловалъ ее.

«Неужели я допустила?.. Не можетъ быть!...»

Бунтикъ улегся калачикомъ на ея подолѣ и грѣлъ ей ноги. Она видѣла сильно похудѣвшій профиль Данилы и повторяла себѣ:

«Эти черты... Эти веснушки я должна любить, потому что я всю жизнь буду видѣть ихъ такъ же близко, какъ сейчасъ. Это лицо—лицо моего будущаго мужа. Я сама выбрала его. Онъ не виноватъ... я одна виновата. Я дала ему слово и ни за что, ни за что назадъ не возьму»... А онъ между тѣмъ говорилъ:

— Не могъ же я итти противъ выраженнаго матерью желанія? Подѣловавшись съ отцомъ, я тѣмъ поцѣлуемъ какъ бы примирился съ нимъ. Я искренно желалъ, чтобы кончились наши недоразумѣнія навсегда, но теперь мнѣ опять очень тяжело. Онъ требуетъ, чтобы я исполнялъ на заводѣ обязанности техника, а я даже воздухомъ тѣмъ дышать не могу... Мнѣ до тошноты противенъ запахъ спирта и сивушнаго масла. И наконецъ академія... Неужели я долженъ отказаться отъ нея? Я рѣшилъ отдать на вашъ судъ, что мнѣ дѣлать. Какъ вы рѣшите, такъ я и поступлю...

Маруся очнулась. «Онъ уѣдетъ!..»

— Да, конечно,—сказала она вслухъ:—вы не смѣете жертвовать своимъ призваніемъ, своей будущностью, и разъ у васъ душа не лежитъ къ заводу, все также до сихъ поръ... попрежнему...

— Попрежнему?—перебилъ Данила:—да какъ же я могъ измѣниться такъ скоро? Развѣ въ одинъ какой-нибудь мѣсяцъ можно въ корень передѣлать себя... Или вы судите по себѣ, потому что... для васъ прежнее теперь уже стало прошлымъ?

— Что стало прошлымъ?—выпрямилась Маруся.

— Да все прежнее... наши прежніе разговоры и отношенія? Онъ робко, забравъ въ себя дыханіе, взглянулъ на нее.

— Почему это?—Маруся смѣло и даже вызывающе смотрѣла ему прямо въ глаза.—Вы намекаете на то, что видѣли вчера, какъ Михайль Петровичъ Нерадовъ два раза поцѣловалъ мнѣ руку на кладбищѣ! Да? Такъ вѣдь онъ же мой товарищъ дѣтства, и мы говорили про бабушку, а потомъ... онъ ѣдетъ на Востокъ и прощался со мною, потому что будетъ война. И потомъ, вы именно относительно него можете быть покойны, совершенно покойны... я ему сказала, что я ваша невѣста.

Данила поблѣднѣлъ... Она вся разругнулась, защищая себя. Она сидѣла такъ близко. У него потемнѣло въ глазахъ и, не отдавая себѣ отчета, онъ бурно обнялъ ее и сталъ цѣловать и ея лицо и руки крѣпкими, отрывистыми поцѣлуями.

— Простите... простите! Но я безумно ревнивъ... Я думалъ, вы промѣняли меня на него!..

Маруся не оттолкнула его, но и не отвѣчала на его поцѣлуи.

«Онъ имѣетъ на это право!» твердила она про себя, а на сердцѣ опять было больно до отчаянія...

Бунтикъ, потревоженный въ своемъ покоѣ, сошелъ съ ея платья, зѣвнулъ и вдругъ приподнялъ, насторожившись, одно ухо. Они его не замѣчали. Голова дѣвушки съ закрытыми вѣками, подъ которыми медленно накапливались горькія слезы, лежала на плечѣ Данилы, когда вдругъ щенокъ съ лаемъ бросился на площадку и, весело взвизгнувъ, разомъ смолкъ: передъ гротомъ стоялъ Игнатій Львовичъ...

... Прошла минута. Молодые люди встрепенулись. Данила съежился и забралъ голову въ плечи, но Маруся разомъ вскочила на ноги.

— Дѣдуся!..

У нея вспыхнули и потемнѣли глаза, но она не опустила ихъ. Она даже обрадовалась: наконецъ-то настало разрѣшеніе, пришло избавленіе отъ тяжести, давившей ее такимъ гнетомъ...

Дѣдъ ничего не говорилъ. Онъ въ упоръ, пристальнымъ взглядомъ глядѣлъ на нее, и ему казалось, это не она, не внучка его, а кто-то другой, но тоже видѣнный когда-то, и не только видѣнный, но и знакомый, и очень близкій.

— Да!.. мы женихъ и невѣста!—говорилъ не Марусинъ, а тотъ другой голосъ,—и мы не виноваты, что любимъ другъ друга... Даяя (она сама удивилась, назвавъ его такъ) пришелъ проститься со мною. Онъ уѣзжаетъ въ академію и ничего не хочетъ имѣть общаго съ отцомъ. Онъ совсѣмъ другой, другихъ взглядовъ и направленія, онъ вовсе не раздѣляетъ воззрѣній Михайлы Демьяновича, и если я все скрывала, то я тоже не виновата... Я боялась... да! да!.. боялась... потому что знаю, что вы оба и Кирилловна, вы никогда бы не поняли меня... Вы... вы всегда... и это меня мучило!..

Она чуть не расплакалась, но сморгнула слезы и опять темными и сверкающими, до жуткости знакомыми глазами глядѣла на старика.

— Кто это мучилъ и не понималъ тебя?—спросилъ хриплый голосъ, очень мало напоминавшій голосъ дѣда.—Тебя мучили. За тебя всѣ были въ гробъ лечь готовы! Тебя любили... лелѣяли... И если ты не хотѣла огорчать матери... если находила, что и такъ ей довольно выпало въ жизни скорбей и ударовъ,—онъ хрустнулъ пальцами:—то отчего же ты не пришла и не созналась мнѣ?.. Впрочемъ... яблочко отъ яблони...—онъ безнадежно махнулъ рукою и обернулся къ Данилѣ, угрюмо глядѣвшему подъ ноги. —Въ дворянскихъ семьяхъ, милостивый государь, такія дѣла за спиною родителей не дѣлаются!.. И если вы на внучку мою и дочь Елизаветы Ивановны, Колычевой урожденной, виды имѣли, то должны были у нея и руки дѣвицы этой и просить, а если не хотѣли тревожить мою невѣстку, то позвольте узнать, почему не изволили обратиться къ моему посредничеству?—Онъ окинулъ молодого Евгра-

фова погасшими глазами и еще суше спросилъ:—Съ которыхъ поръ знакомы вы оба?

— Съ іюля мѣсяца!—надменно отвѣтила за Данилу Маруся.

— Три слишкомъ мѣсяца!? Безподобно... Ну, и вашъ отецъ объ этомъ знакомствѣ изволить знать?

— Нѣтъ! отецъ ничего не знаетъ, потому что это его нисколько не касается,—отвѣтили наконецъ и самъ Данила.

— Конечно! Судьба дѣтей—родителей не касается... Такъ-съ!.. Ну-съ, а какіе у васъ виды на будущее? Какіе планы и перспективы? Какія средства къ жизни? Вы вѣдь по профессіи и образованію технологъ?

— Да... но я поступаю въ академію художествъ...

— Вотъ какъ? Художникъ?..

— Да!—опять вмѣшалась было Маруся,—и прекрасный. У него чудныя картины!—но дѣдъ на нее не глядѣлъ и продолжалъ допрашивать ея жениха.

— А ваши средства? потому что всякій честный человѣкъ, беря себѣ жену, долженъ первымъ долгомъ позаботиться, чѣмъ будетъ содержать ее и будущихъ дѣтей...

— Дѣдуся!—вспыхнула внучка.

Данила выпрямился, и Игнатій Львовичъ съ удивленіемъ оцѣнили его могучій ростъ.

— Я и не собирался жениться тотчасъ же, я именно хотѣлъ пріобрѣсти возможность содержать жену и семью... и не только содержать, но и дать ей имя, а для того я и собираюсь въ академію. У меня средствъ нѣтъ... На деньги отца я ни секунды не рассчитывалъ и не рассчитываю,—да онъ и не дастъ ихъ. Но, конечно, если бы у Марьи Васильевны хватило храбрости, мы бы могли жениться и сразу. Отъ матери у меня есть маленькій капиталъ. Уроками и картинами я бы могъ зарабатывать... но, понятно, жить пришлось бы очень скромно. Меня это не страшитъ... я не избалованъ... Напротивъ, я былъ бы очень... безумно счастливъ.

Игнатій перевелъ глаза на внучку.

— Ну, а ты?

У нея упало сердце.

Сейчасъ жениться? Бѣхать въ Петербургъ? жить съ Данилой?.. какъ и гдѣ?.. Нѣтъ! вѣдь, давая слово, она именно рассчитывала, что исполнить его придется не сейчасъ, а когда-нибудь, когда у него будетъ имя. Но какая-то удивительная сила, идущая въ разрѣзъ ей душѣ и желанію, производя разладъ въ сердцѣ, заставила сказать:

— Я готова...

И, сказавъ это, она почувствовала, что оборвалась тайная надежда на нѣчто иное и радужное, наглухо закрылась пріотворенная третьяго дня дверь въ изящную и красивую жизнь, о которой она

мечтала еще въ дѣтствѣ, любуясь въ витринѣ королевской галереи эмальированнымъ tête à tête Штейна...

— Хорошо!—еще болѣе хрипло отвѣтилъ дѣдъ.—Значить, я обязанъ переговорить съ твоею матерью?.. Ты, надѣюсь, понимаешь, что ее къ этому надо подготовить?

— Да... но чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!—вырвалось у Маруси.—Довольно неизвѣстности... Это хуже всего...

— Да... я съ тобою согласенъ... Вамъ,—обратился старикъ къ Данилѣ,—я дамъ отвѣтъ завтра. А пока пожалуйста по домамъ.

.....
Елизавета Ивановна у окна спальни вязала прошивку къ одѣялу, начатому нѣсколько лѣтъ назадъ. Она занималась рукодѣльемъ не часто, проводя большую часть времени за музыкой и чтеніемъ философскихъ книгъ. Но сегодня ей хотѣлось думать, а вязанье всегда именно налаживало эти думы.

Мика совершенно особенно пришелся ей по сердцу. Изящный и благовоспитанный, онъ показался ей и удивительно сердечнымъ и естественнымъ. Одно только,—онъ былъ сыномъ Ольги... Но если онъ женится на Марусѣ,—а дочери онъ, видимо, очень понравился,—«ахъ, какъ у молодежи всѣ тайны шиты бѣлыми нитками!»—она улыбнулась,—если онъ женится, то ничто не обязываетъ ее возобновлять отношенія съ его матерью... Она даже поставитъ это условіемъ своего согласія. И молодые люди поймутъ сами, что это будетъ ничтожная жертва съ ихъ стороны по сравненію съ той, какую принесетъ она... Еще бы!..

Ея пальцы быстро вертѣли крючокъ. Одна за другой складывались картины семейнаго счастья, котораго она лично такъ мало испытала. Рисовалась обстановка молодыхъ, ихъ будущія дѣти, ея внуки, она опять улыбнулась,—и то, какъ они будутъ пріѣзжать сюда въ Колычево, какъ оживятъ дѣтскіе игры и голоса опустѣвшее было гнѣздо... Ея лицо все болѣе расцвѣтало. Какое-то новое и хорошее чувство согрѣвало ее, и никогда, кажется, не любила она Маруси такъ тепло, никогда не сознавала себя къ ней ближе, никогда не испытывала такого нравственнаго удовлетворенія, какъ отъ сознанія, что счастье дочери будетъ создано, благодаря ея готовности къ самоотреченію и жертвѣ.

Она подняла глаза. Изъ аллеи выходилъ свекоръ съ дочерью. Оба были серьезны... Ну, конечно, фатенька допросилъ Марусю... И, глядя на нихъ, на весело понесшагося впередъ Бунтика, она вспомнила, какъ тетя Сапа сидѣла на этомъ же креслѣ, когда она съ покойнымъ мужемъ шла объявить ей о его предложеніи, и какъ небо было такимъ же розовымъ, какъ сейчасъ надъ вершинами старыхъ липъ.

Той же доброй и ласково-мечтательной улыбкой встрѣтила она и вошедшаго минутъ черезъ пять Игнатія Львовича, но едва

поняла изъ его произносимыхъ не своимъ голосомъ и путанныхъ объясненій, о чемъ онъ ведетъ рѣчь, какъ эта улыбка перешла въ обычную судорогу.

— Моя... моя дочь... и... этотъ?.. Никогда и ни за что!.. Если она такъ стремится стать belle fille этого негодяя... этого подлеца... нашего исконнаго врага,—я ей не мать... Такъ и передайте ей отъ меня... А, впрочемъ, я лучше сама ей объявлю.

И не успѣлъ свекоръ удержать ее, она встала и, заглянувъ въ залу, рѣзко крикнула:

— Маруся!..

Сердце оборвалось. Но дѣвушка твердой походкой вошла въ комнату съ фіалками на обояхъ.

— Что угодно?

— Угодно объявить тебѣ, что дѣдъ твой только что передалъ мнѣ о лестномъ сдѣланномъ тебѣ предложеніи... Я... я... предоставляю тебѣ выборъ: или soit disant этотъ твой женихъ,—она какъ-то особенно фыркнула носомъ,—или я..., т. е. мы, вѣрнѣе... Никакихъ соглашеній и компромиссовъ быть не можетъ. Пока я жива, согласія отъ меня на столь пріятную для меня партію не жди... Ну, а послѣ моей смерти это будетъ дѣломъ твой совѣсти... Поняла?.. Насколько меня радуетъ твое деликатное отношеніе къ дѣду и ко мнѣ, доказываетъ тебѣ и то, что я даже не разспрашиваю, когда и гдѣ ты завела знакомство... или, говоря по-русски,—шашни съ этимъ мужицкимъ отпрыскомъ... Меня вопросъ этотъ вовсе не интересуетъ, но онъ объясняетъ мнѣ все твое поведеніе, недостойное порядочной дѣвушки, въ послѣднее время... Даю тебѣ на размышленіе три дня, а затѣмъ, или ты пошлешь отказъ, или можешь очистить мой домъ. Въ немъ никому изъ носящихъ имя Евграфовыхъ мѣста быть не можетъ. Уходи!..

Въ эту ночь никто не спалъ. Елизавета Ивановна сидѣла въ образной. Игнатій Львовичъ курилъ, лежа на своемъ жесткомъ матрацѣ. Кирилловна кряхтѣла и охала подъ мозаичнымъ одѣяломъ изъ шелковыхъ треугольниковъ, а Маруся лежала лицомъ къ стѣнѣ и при свѣтѣ лампадки у образа своего ангела разглядывала фіалки съ розовыми развѣваемыми невидимымъ вѣтромъ перевязями, и ей казалось, будто старый домъ полонъ странныхъ пороховъ и шептаній. Стонутъ балки... Трещатъ половицы. Въ воздухѣ проносятся тихіе вздохи... Не той ли жившей до нея бѣлокурой дѣвушки?..

«И я мечтала и выходила замужъ! И я шла противъ воли и желанія родителей!.. И мнѣ грозили проклятіемъ и ставили препоны!..»

Это была, конечно, фантазія?.. А, можетъ быть, и астральное воплощеніе мыслей человѣка, курившаго за стѣною такъ же упорно, какъ курилъ, негодюя на упрямство дочери, другой жившій за-

долго до него въ этомъ же кабинетѣ старикъ. Но каждый разъ, какъ вспыхиваль раскаленный кончикъ папирасы, въ темнотѣ загорались черные молодые глаза и жутко-знакомый голосъ говорилъ: «ну, да!.. мы женихъ и невѣста!..» и казалось, что эти слова говорить не дѣвушка въ гротѣ, а, склоняся надъ другой, лежащей въ полубморокѣ на коврѣ дѣвушкой, голосъ похороненнаго въ далекомъ краю сына, и бредить рядомъ о бомбахъ ампутированный изуродованный товарищъ его...

И не было выхода. Молодая воля одолѣвала старую. Ни совѣты, ни призывы къ благоразумію, ни просьбы, ни угрозы, ни проклятія не имѣли силы. Юныя стремленія, безудержная жажда новаго, какъ бурная волна, прорывали плотину запретовъ и преданій и, отшвырнувъ предрасудокъ покорности старшимъ, едва оснащенный челнокъ уносился въ широкій водоворотъ кипучей, страшной жизни...

Игнатій Львовичъ понялъ, что Маруся не сдастся. Въ первомъ же ея возгласѣ: «Дѣдуся!» въ томъ, какъ она смѣло вскочила на ноги при его появленіи у грота, онъ узналъ въ ней покойнаго сына и учель, что отнынѣ прошлое для нея не только миновало, но отринуто ею. Ей трудно было заявить о своемъ рѣшеніи, но разъ это сдѣлано, дѣло она доведетъ до конца и послѣ трехъ дней, данныхъ матерью на размышленіе, отвѣтъ ея ни на іоту не измѣнится: «Я готова...» На что?..

Что же это будетъ! Сноху тоже не переупрямишь. Неужели еще разрывъ? Самый ужасный и непоправимый, послѣ котораго все—Колычево, семья, хозяйство, самая жизнь, навѣки потеряють цѣль и смыслъ...

Маруся встала раньше всѣхъ и ушла одѣваться въ угольную.

— Къ чему тянуть три дня? Напрасное промедленіе! Все равно, я остаюсь при своемъ... Кирилловна вчера уговаривала:—«Пойди и повинись передъ маменькой! ручку поцѣлуй... Она смилостивится...» Въ чемъ?.. Если даже Данила Михайловичъ вдругъ и откажется отъ меня, я не повинюсь и тутъ не останусь... Мнѣ двадцать одинъ годъ. Мнѣ вчера указали на дверь, и я уйду черезъ нее и захлопну ее за собою навѣки. Лучше голодь и холодь, чѣмъ роль дѣвушки, глядящей изъ рукъ матери и не имѣющей личности. Ну, будетъ тяжело, но во всякомъ случаѣ легче, чѣмъ жить, все скрывая и вѣчно выворачиваясь и труся...»

И знакомое, близкое къ ненависти отчужденіе отъ матери, какъ въ дѣтствѣ, снова заполонило душу. Бунтикъ вырвался изъ спальни и бросился къ ней. Она нѣсколько разъ со слезами на глазахъ поцѣловала его въ мохнатую голову.

«Вотъ собаку жаль... а ее... Что я возьму съ собою?—продолжала она думать.—Только самое необходимое...»

Она перебрала въ умѣ свой гардеробъ и рѣшила взять лишь то, что было сдѣлано на деньги дѣда, и ничего изъ того, что дарила мать. Денегъ у нея самой не было никогда ни гроша. Она усмѣхнулась.

«Нищая! Ничего, и нищѣ выбиваются въ люди! У меня есть Катины часики съ жемчужной брошкой. Заложу ихъ или продамъ!..» И ни разу не пришло въ голову, что у нея есть хотя и небольшая обеспеченность въ видѣ принадлежащаго ей по дарственной записи дома въ Успенскомъ переулкѣ.

Она подошла къ письменному столу и отомкнула его. Что взять съ собой? Школьные тетради и записки по гимназическимъ предметамъ? Свои стихи? Книги, полученные отъ дѣда? Больше ничего и не надо... У дѣда она еще только попросить ту выцвѣтшую фотографію, гдѣ ея отецъ сидитъ, обнявшись съ дядей Лешей... Она вдругъ вспомнила, какъ дядя ея бѣжалъ самъ отъ ея матери... И она бѣжитъ... Надо будетъ только пойти къ Кирилловнѣ и спросить у нея какую-нибудь корзину или чемоданъ покойной бабушки... Но отъ матери она не возьметъ ни гроша, ни лоскутка...

Черезъ залу послышалось покашливанье Елизаветы Ивановны. Маруся вздрогнула и бросилась въ переднюю. Накинувъ первое попавшееся на вѣшалкѣ пальто, она сбѣжала съ крыльца. Ей ни за что не хотѣлось встрѣчаться съ матерью.

Она быстро шла по дорогѣ вдоль боярышника, какъ вдругъ ее догналъ Данила и пошелъ съ ней рядомъ.

— Откуда вы?—удивилась она.

— Я направлялся въ подвалъ извлечь портретъ, какъ случайно по ту сторону черезъ изгородь замѣтилъ васъ. Куда это вы идете?

— Къ вамъ.

— Ко мнѣ? Въ Евграфовку? Въ нашъ домъ?

— Въ домъ или во дворъ,—не все ли равно теперь? Мнѣ надо было разыскать васъ. Вотъ въ чемъ дѣло: съ матерью у меня порвано. Отъ меня требуютъ, чтобы я отказалась отъ васъ, и даютъ три дня на размышленіе, но я этого не желаю.

Онъ вспыхнулъ и поднесъ къ губамъ ея холодную руку.

— Я не знаю, чѣмъ рѣшили вы,—продолжала она:—но я предупреждаю, что въ Кольчевѣ не останусь. Какъ обстоятъ ваши дѣла? Переговорили ли вы съ отцомъ?

— Нѣтъ! Его вѣдь здѣсь нѣтъ... Онъ уѣхалъ на недѣлю въ городъ, а безъ него я ничего предпринять не могу. Деньги, завѣщанныя мнѣ матерью, еще у него. Сестра взяла свою долю, а моихъ я пока не требовалъ. Но теперь спрошу... И все-таки изъ-за этого приходится ждать. Безъ денегъ я въ Петербургъ тронуться не могу.

— Ждать?.. Нѣтъ, я ждать не могу, да и не хочу! Я именно шла объявить вамъ о моемъ рѣшеніи уѣхать немедленно... Я... я возьму

мѣсто сельской учительницы пока... Я хочу обратиться къ Нерадову или Брякину, отъ кого это тамъ зависить...

— А Петербургъ!.. Развѣ мы не ѣдемъ туда?.. Вѣдь это вопросъ какой-нибудь недѣли. Дайте вернуться отцу. Я потребую свои деньги, и мы вмѣстѣ уѣдемъ... Вѣдь вы же говорили...

Маруся потупилась, но потомъ смѣло взглянула въ глаза Данилѣ.

— Вотъ что, Данила Михайловичъ, поймите меня! Я только что вышла изъ одной зависимости и итти въ другую мнѣ тяжело. Когда вы сватались ко мнѣ, я не считала себя нищей. Хотя Колычево и разорено, но все-таки оно имѣетъ еще кое-какую цѣнность, и я глядѣла на себя, какъ на прямую собственницу его въ будущемъ. Потому-то мнѣ и хотѣлось, чтобы и у васъ было имя, оправдывающее мой выборъ. Но теперь, уходя отъ матери, я порываю со всѣмъ прошлымъ и тѣмъ самымъ лишаю себя всякаго права на какое бы то ни было совладѣніе или наслѣдованіе ей... Я буквально нищая, и итти замужь при этихъ условіяхъ нахожу для себя слишкомъ унижительнымъ... Это значитъ садиться на чужую шею. Ни мое самолюбіе, ни совѣсть этого не допускаютъ. А потому о нашемъ совмѣстномъ жителствѣ пока и рѣчи быть не смѣетъ. Дайте мнѣ опериться, оглядѣться, провѣрить свои способности къ труду. Вѣдь жить, сложа руки, мнѣ уже нельзя. У меня буквально гроша нѣтъ въ карманѣ, и я хотѣла спросить васъ, какъ бы мнѣ заложить или продать вотъ эти часы?

— Погодите, Бога ради!..—вдругъ остановился Данила:—вѣдь у меня лежатъ на ваше имя деньги изъ редакціи «Болида», куда я послалъ ваши стихи. Они напечатаны въ послѣднемъ сентябрьскомъ номерѣ.

У Маруси сердце сперва точно остановилось, а потомъ застучало такъ быстро и громко, что ей показалось, оно заглушить ея голосъ, если она заговорить, и она молчала и только улыбалась какой-то радостной и робкой улыбкою, а ея женихъ продолжалъ:

— Простите, что за всѣми нынѣшними тревоженіями я забылъ объ этихъ деньгахъ. Я сейчасъ схожу за ними. Подождите минутку.

Онъ быстро зашагалъ къ дому. Маруся точно во снѣ услышала, какъ со знакомымъ скрипомъ открылась и вновь захлопнулась калитка... Ея стихи напечатаны! въ «Болидѣ»?.. Что это за журналъ? Она никогда о немъ и не слыхала...

Черезъ четверть часа почти у того самаго мѣста на дорогѣ, гдѣ были найдены щенки и гдѣ она тогда потеряла свою «Повилику», Маруся Яшнева держала въ рукахъ тоненькую тетрадку еженедѣльнаго журнала и прочла крупными буквами напечатанное заглавіе «Сонъ» и подпись «М. К.» подъ цѣлымъ столбикомъ четверостишій. Не вѣрилось, что это тѣ самые стихи, которые

прошлой зимою она сочинила въ одинъ изъ томительно длинныхъ вечеровъ, сидя въ темной угольной, такъ какъ стекло на лампѣ разбилось и не было другою въ запасѣ:

О, что ты вѣщаешь такое
Мнѣ, страшный, мучительный сонъ?
Что значить видѣніе злое,—
Въ гробу я, и гробъ схороненъ?..

читала она, и казалось, что это писалъ кто-то другой, что теперь эти знакомыя строки стали гораздо значительнѣе и осмысленнѣе, и было и пріятно, и жутко думать, что ихъ уже успѣли прочесть и обсудить и другіе, совершенно посторонніе и невѣдомые люди, которыхъ она, вѣроятно, и въ жизни не увидитъ.

— Что же вы думаете дѣлать?—спросилъ Данила, невольно залюбовавшись ея озареннымъ трогательной радостью лицомъ.— Вѣдь трехдневный срокъ не Богъ вѣсть какъ дологъ?

— Что?.. Я сегодня же уѣду... Ни одной лишней минуты я въ Колычевѣ не останусь... Надо сразу какъ ножомъ отрѣзать, такъ всѣмъ будто легче... Пока я думала поселиться у нашей бывшей горничной Симы, она живетъ въ Пнѣвкѣ, это верстъ четырнадцать отсюда.

— А паспортъ?

— У меня нѣтъ паспорта, я прописана на одномъ съ матерью.

— Но свидѣтельство или аттестатъ изъ гимназіи имѣется?

— Да! И, представьте себѣ, даже у меня на рукахъ! Неужели его довольно?

— Само собою! По немъ вамъ выдадутъ и видъ на жительство.

— Однако мнѣ начинать не на шутку везти въ новой жизни!.. Ахъ, если бы вы знали, какъ я рада этимъ двѣнадцати рублямъ... При другихъ обстоятельствахъ я бы ихъ отослала въ память отца на помощь арестантамъ... ну, а теперь беру какъ бы въ долгъ... Вѣдь я богачиха, подумайте, за какія-нибудь двадцать строфъ такія деньги... Вѣдь это выходитъ по пятнадцати копѣекъ за строчку... Да еще жалованье рублей двадцать въ мѣсяцъ... Заживу прямо-таки припѣваючи...—строила вслухъ планы Маруся.

— Такъ, значитъ, рѣшено,—вы уѣзжаете сегодня?—переспросилъ молодой человѣкъ, крѣпко пожимая ей руку.—Когда же мы увидимся?

— Когда захотите! Вѣдь Пнѣвка не за горами!

— А на чемъ же вы поѣдете?

— Я уже сама думала объ этомъ и хотѣла просить васъ,—наймите мнѣ лошадь въ селѣ.

— Позвольте мнѣ лучше довести васъ самому. Это много проще. Особенно, если вы не желаете давать свой адресъ... Приходите

сюда къ пяти часамъ. Сумерки нынче раннія, но я возьму фонарь, и мы живо дойдемъ. Дорогу я приблизительно знаю.

Въ концѣ пятого часа по липовой древней аллеѣ шла закутанная женская фигура. Подъ мышкой у нея былъ небольшой узелокъ, только самое необходимое бѣлье да блузка на перемяну и нѣсколько тетрадокъ. Каждый шагъ уводилъ ее все дальше отъ темнаго дома, но ни на минуту не вставало желаніе не только вернуться, но и обернуться. Ее радовало, что никто ея ухода не замѣтилъ, и даже Бунтикъ, грѣвшійся передъ печкой въ залѣ, только лѣниво постуцалъ хвостомъ. Въ угольной на письменномъ столѣ бѣлымъ пятномъ бросался въ глаза конвертъ съ письмомъ на имя дѣда.

«Прости, дѣдуся, и прощай!.. Долгіе проводы—лишнія слезы, а что мнѣ и такъ тяжело,—ты поймешь. Какъ и гдѣ я устроюсь,—сообщу со временемъ, но жить въ домѣ, гдѣ мнѣ указали на дверь,—я не могу и ухажу до срока. Не тужи и не горюй: я дочь твоего сына, но и твоя внучка, а потому не бойся за меня,—все, чему ты училъ меня, я помню и свято берегу. Когда я устроюсь, пришли мнѣ мой любимый папинъ портретъ. Пока же не волнуйся, береги себя и помни: не мнѣ одной ты дорогъ и нуженъ... Цѣлую тебя крѣпко, крѣпко, какъ люблю, и не осуждай, что я ушла безъ предупрежденія... мнѣ ужасно больно. Спасибо за всю любовь тебѣ и Кирилловнѣ. Матери я прощаю ея жестокою выходку, но вмѣстѣ съ нею мы больше жить не можемъ... Твоя Маруся...»

XVIII.

Мы вянемъ... мы гибнемъ!.. Дожди насъ побили,
Морозы края лепестковъ обожгли.
Нашъ стебель бесплодный, какъ крестъ на могилѣ,
Чернѣеть упрекомъ земли!..

«Листы пожелтѣлые» М. К.)

Данила вернулся около десяти часовъ вечера и самъ распрягъ и проводилъ гнѣдаго Булата. Поднимаясь по ступенькамъ задняго крыльца, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что въ залѣ свѣтъ и на опущенныхъ шторахъ мелькають тѣни.

«Неужели отецъ?»

Оказалось, Михайла Демьянычъ дѣйствительно вернулся и сидѣлъ съ привезеннымъ изъ Горска Зюкинымъ за ужиномъ, обсуждая, какъ бы ему еще разъ повѣрнѣе попытаться обойти страховое общество, наотрѣзъ отказавшееся выплатить премію вслѣдствіе нарушенія договорныхъ пунктовъ о громоотвождѣ.

По убѣжденію Зюкина, дѣло было дрянъ и не стоило даже обращаться въ судъ, все равно откажутъ, но Михайла Демьянычъ,

какъ быкъ, уперся лбомъ въ стѣну и доказывалъ, что проволоки были не надрѣзаны при ремонтѣ, а повреждены обрушенной верхушкою трубы, и если ихъ поправили, то опять-таки безъ его разрѣшенія и вѣдома... И громъ и не думалъ ударять въ трубу, она обрушилась отъ урагана, молнія же ударила въ вязъ и опалила его, а потомъ загорѣлся и заборъ подъ нимъ.

Исторію эту онъ сочинилъ самъ на первыхъ же порахъ и столько разъ ее рассказывалъ и повторялъ, что въ данную минуту искренно вѣрилъ, что все это такъ въ дѣйствительности и было.

Отказъ страхового общества билъ его не только по карману, но и по самолюбію. Ему казалось верхомъ несправедливости, что тѣ самые агенты Владимиръ Петровичъ Сурковъ и Тимоѳеѣй Семеновичъ Флягинъ, которые еще такъ недавно и такъ любезно пожимали его красную мясистую десницу, теперь дѣлали каменные глаза и на всѣ его убѣжденія отвѣчали сухо и официально:

— Безъ ревизора дѣло рѣшено быть не можетъ. Потрудитесь обратиться къ нему лично. Мы ждемъ его на дняхъ...

И ревизоръ прибылъ, и Михайла Демьянычъ сразу же побывалъ у него и приглашалъ въ гостиницу «Версаль», гдѣ имъ былъ заказанъ на сегодня великолѣпный завтракъ съ выписаннымъ по телеграфу отъ Тѣстова изъ Москвы поросенкомъ и волжскими стерлядками, но прибывшій довѣренный общества «Огнегаситель» не только не принялъ приглашенія, но даже руки клиенту не протянулъ.

Подобный симптомъ не предвѣщалъ ничего добраго, и Евграфовъ былъ разстроень. Онъ тотчасъ же вернулся на заводъ, изругавъ по дорогѣ кучера такъ, что тотъ, какъ только спрыгнулъ съ козель, немедленно потребовалъ расчетъ.

Дома ожидала новая непріятность: сына не было налицо, и никто не зналъ, куда онъ отправился.

— Уѣхали въ пятомъ часу въ одноколѣ на Булатъ, — доложилъ конюхъ Ерема: — а куда — не сказывали.

Докладъ этотъ чуть не стоилъ Еремкѣ переднихъ зубовъ.

— На Булатъ? Да какъ ты, анаѳема, смѣлъ давать Булата? — оралъ, расходившись, хозяинъ. — Да кто тебѣ позволилъ?

— Помилуйте, молодой хозяинъ приказываетъ, наше дѣло слушаться, — оправдывался малый.

— Я хозяинъ одинъ, и молодой тебѣ, и старый! Другого здѣсь нѣтъ и не бывало! — почти визжалъ взбѣленившійся кулакъ, топая ногами въ надѣтыхъ нарочно ради ревизора тѣсныхъ лакированныхъ ботинкахъ.

На порогъ залы онъ сорвалъ галстукъ и давившій набухшіе мускулы туго накрахмаленный воротникъ и отшвырнулъ ихъ въ уголъ. Слѣдомъ полетѣлъ и парадный англійскаго сукна скюртукъ. Бархатная жилетка, растянутая на всѣ пуговицы, только дер-

жалась толстой часовой цѣпью. Хозяинъ сѣлъ къ столу и, хлопнувъ по немъ кулакомъ такъ, что задрезжали подвѣски на люстрѣ гаркнулъ:

— Ужинъ, водки и пива!.. Позвать сюда Терехова и нѣмца.

Ни отъ того, ни отъ другого ни одного путнаго слова, однако, онъ, по своему мнѣнію, не добился. Карлъ Антоновичъ наотрѣзъ отказался подписать, какъ свидѣтель, то, чего не было, а Иванъ Матвѣевичъ, блѣднѣя еще больше обыкновеннаго, упорно повторялъ:

— Мое дѣло сторона. Я ничего не знаю и ничего сказать не могу. Я былъ такъ растерявшись, что ничего не помню.

— А коли былъ растерявшись, такъ вѣрь тѣмъ, кто мозговъ самъ не растеривалъ!—стучалъ кулакомъ хозяинъ.

Но конторщикъ этимъ убѣжденіямъ не поддавался. Одна надежда оставалась на сына, а потому его отсутствіе еще больше раздражало отца.

Когда появился, наконецъ, Данила и оглянулъ уставленный допитыми и недопитыми бутылками столъ, у него до дурноты сжалось сердце. Онъ зналъ, что въ такія минуты ни въ какіе разговоры съ родителемъ вступать нельзя и, значить, вопросъ о материнскихъ деньгахъ придется отложить, пока не сойдетъ отцовскій хмель.

— Гдѣ это ты шлялся?—встрѣтилъ его нѣжный папаша.

— Просто прокатиться захотѣлось,—отвѣтилъ сынъ.

— Прокатиться! Я изъ дома, такъ и всѣ, хвосты трубою загнувъ, разбѣгаются.. Какой же другимъ примѣръ, коли сынъ родной только и ждетъ, чтобы я отвернулся?..

У Данилы всѣ струны въ душѣ были до боли натянуты. Сердце ныло и не хотѣло мириться съ уходомъ Маруси отъ матери и съ тѣмъ, что этотъ разрывъ вызванъ его сватовствомъ. Тяжело было сознавать, что два часа назадъ онъ покинулъ въ тѣсной и грязноватой избѣ, безъ всякихъ удобствъ, оставшуюся на попеченіе бывшей горничной и на неопредѣленный пока срокъ избалованную сравнительно комфортабельной дворянской жизнью дѣвушку.

Онъ самъ вызвался съѣздить къ предводителю Брякину и къ Нерадову, а также и къ членамъ земской управы, отъ которыхъ зависѣло предоставить Марусѣ мѣсто во вновь открываемой школѣ; дорогой эти планы показались ему настолько дѣтски-нелѣпыми, что онъ рѣшилъ переубѣдить невѣсту и ѣхать вмѣстѣ въ Петербургъ. Но чѣмъ ближе подѣзжалъ къ дому, тѣмъ болѣе убѣждался, что хотя это рѣшеніе единственно разумное и легко выполнимое, но согласія на него онъ все-таки у нея не добьется.

«Не поѣдетъ!..»—шептали одинокіе стебли, чернѣя на межахъ.

«Не поѣдетъ!» отвѣчалъ старый колычевскій паркъ, перевѣсиваясь черезъ изгородь узловатыми сучками и колебля голые прутья вѣтокъ.

«Не поѣдетъ!» подтверждалъ угрюмой и враждебной стѣною ошетилившей, словно звѣрь, колючій боярышникъ.

Тамъ за его чащею стоялъ древній домъ. Что дѣлалось за сѣрыми ставнями? Знали ли уже старые люди о бѣгствѣ выпорхнувшей изъ тенетъ ихъ отжилыхъ завѣтовъ и преданій молодой плѣнницы?

И, думая о ея освобожденіи, Данила все-таки не ощущалъ ни радости, ни восторга, ни ликованія. Онъ взялъ на себя отвѣтственность передъ этими закоснѣлыми въ своихъ убѣжденіяхъ стариками и передъ старой вотчиной. Онъ отнялъ отъ нихъ лучшее сокровище, и отнынѣ его долгъ создать ей жизнь такъ, чтобы никогда ни на одно мгновенье не смѣло появиться въ юномъ сердцѣ раскаянье въ содѣланномъ, сожалѣніе о прошломъ. Онъ одинъ долженъ замѣнить ей все, чѣмъ до сихъ поръ она жила, исполнить то, о чемъ мечтала ея чуткая душа... Отъ него зависитъ, разовьется ли, расцвѣтетъ ли роскошнымъ цвѣтомъ полученный ею отъ Бога даръ, или же завянетъ подъ натискомъ неблагопріятныхъ, житейскихъ условій.

И эта отвѣтственность давила и отравляла сознаніе, что великая жертва самоотреченія принесена ею изъ любви къ нему, на рекордъ сословнымъ и семейнымъ препонамъ.

Вотъ почему еще больнѣе обычнаго ударилъ по нервамъ окрикъ отца.

Рѣзалъ и оскорблялъ именно контрастъ будничнаго, грубаго, роднаго ему человѣка съ нѣжнымъ и изящнымъ существомъ, которое должно получить его имя.

Изъ разговоровъ за столомъ молодой человѣкъ понялъ, что на завтра предстоитъ хлопотливый дѣловой и непріятный день, гдѣ снова нечего будетъ и подступаться къ Михайлѣ Демьянычу, но досада на него перешла въ недоумѣніе, когда ему былъ вдругъ поставленъ ребромъ вопросъ:

— Сынъ ты мнѣ, и я тебѣ отецъ, или нѣтъ?

Данила удивленно уставился на багровое лицо съ изжелта-зелеными глазами и сѣдьющей жидкою бородкою, остриженной по модѣ.

— Конечно!—вырвалось у него.

— А коли такъ, то изволь сейчасъ же убѣдить вотъ этихъ двухъ голубчиковъ, что ты имъ топить меня не дашь и не позволишь!

— Въ чемъ дѣло?

Началась сказка про бѣлаго бычка, та оскомину набившая сказка, которую Данила съ первой же минуты считалъ таковою, и, слушая которую, брезгливо отходилъ въ сторону, едва отецъ пытался рассказывать ее и настаивать на подробностяхъ. Онъ самъ видѣлъ, какъ наканунѣ пожара маляры срѣзали проволоку, но едва лишь открылъ ротъ, чтобы громогласно опровергнуть отца,

какъ изъ сѣней донесся странный шумъ. Кто-то кого-то не пу- скалъ, но дверь все-таки растворилась, и слышанный вчера го- лось старика, допрашивавшаго его въ гротѣ, громко произнесъ:

— Мнѣ все едино!.. Онъ тутъ, и я долженъ его видѣть.

Въ залѣ съ залитою пивомъ скатертью къ столу съ полураздѣ- тымъ хозяиномъ и взволнованными собесѣдниками подошелъ еще человекъ, не менѣе взволнованный, задыхающійся отъ гнѣва и тревоги, съ растрепанными сѣдыми косицами вокругъ огромной, словно отполированной плѣши.

— Гдѣ моя внучка?—обратился онъ къ Данилѣ.

Михайла Демьянычъ и его собесѣдники недоумѣло глядѣли на старика.

— Куда вы дѣли ее? Гдѣ она?—продолжалъ тотъ, не обращая на нихъ никакого вниманія.

— Она въ безопасности!—отвѣтилъ молодой Евграфовъ.

— Я васъ прошу назвать и указать мѣсто, куда она отвезена вами!—настаивалъ Яшневъ.

— Я не имѣю отъ нея на это разрѣшенія. Послушайте. Пой- демте, здѣсь неудобно!..—пробормоталъ Данила, замѣтивъ вдругъ общее недоумѣніе и любопытство.

— Ничего неудобнѣе того, что вы сдѣлали, больше сдѣлать нельзя. Вы похитили и увезли дочь у матери, и если съ моей сно- хой случится несчастіе, если она захвораетъ или лишится раз- судка,—вы, вы одинъ отвѣтите за нее. Безъ вашего вліянія, безъ вашего наущенія моя внучка не была бы въ состояніи совершить такой проступокъ, нанести такое оскорбленіе и нашему дому, и своему честному имени... Знайте, я этого такъ не оставлю... Я...

— Честному имени!.. Го-го-го!—захохоталъ вдругъ Михаила Демьянычъ и по привычкѣ со всего размаха хватилъ Данилу по плечу.—Ай-да Данька! Молодчина, ейже Богу! Неужто дѣв- чонку ихнюю сманилъ?.. Вотъ такъ фунтъ!.. Ай-да тихоня!.. Я вѣдь, ей-ей, думалъ, ты съ той разумницей, сестрицей конторщи- ковой (Ивана Матвѣевича такъ передернуло, что онъ буквально привскочилъ на стулѣ), въ подвалѣ хороводишься, а ты ихнюю мамзель соблазнилъ? Исполать тебѣ! Го-го-го!..

— Молчите! Бога ради, молчите!—сжалъ кулаки Данила.

— Чего тамъ молчите? Шалишь, братъ! На всѣхъ перекрест- кахъ прокричу, со всѣхъ колоколенъ разблаговѣщу... Маменька ейная мнѣ ручкой на дверь указала, а ты, вишь, какъ за меня отмстилъ! Конецъ и крышка: опозорена... ославлена... хвостъ въ грязи замаранъ—ходъ къ аналою заказанъ... Эй, пусть при- стаютъ,—не сказывай, куда ее уволокъ... Туда ей, каторжной дочкѣ, и...

Онъ не dokonчилъ. Въ воздухѣ раздался короткій и хлесткій ударъ, и онъ, хватаясь за щеку, свалился подъ столъ...

— Подлецъ!.. Мерзавецъ!.. — прозвучаль сдавленнымъ шипѣньемъ голосъ старика Яшнева.

— Держи!.. Держи его!.. Бей!.. слышишь, Данька!.. бей разбойника! — ораль, тщетно пытаясь встать на ноги, Евграфовъ.— Зюкинъ, пиши... въ судъ подамъ... Въ тюрьму его... Погоди, голубчикъ... — лопоталь Михайла Демьянычъ и вдругъ, поднявшись въ послѣднемъ усиліи, сжалъ кулаки и хотѣлъ броситься на старика, но того заслонила могучая грудь Данилы.

— Прочь! — онъ удержалъ рукою отца за бортъ его бархатной жилетки. — Вы сами знаете... да и я клянусь именемъ покойной матери, что Марія Васильевна Яшнева чиста и непорочна, и я тому, кто осмѣлится еще хоть одно слово противъ сказать, шею сверну... Отъ воли дѣда и матушки ея зависить благословить насъ, и пока я благословенія этого не заслужу, Марія Васильевна вольна располагать собою по желанію ея. А вы, папенька, завтра же выдадите мнѣ долю изъ приданого, завѣщанную мнѣ покойной маменькой... Я ни часа дольше у васъ не останусь. Не ихъ только вы оскорбили, не меня, а ту, что дороже мнѣ жизни, и я... я больше отцомъ васъ не считаю.

Онъ выпустилъ отцовскую жилетку, повернулся и, взявъ стараго врача подъ руку, вышелъ вмѣстѣ съ нимъ.

У Михайлы Демьяновича сразу прояснилась голова...

— Эй, Зюкинъ! Маршъ за перо, приказная строка, и строчи жалобу... Въ судъ за личности оскорбленіе... Карла Антонычъ да Тереховъ подпишутъ пускай... Посмотримъ, какъ старая клистирка отвертится... При свидѣтеляхъ дѣло-то было...

— Ну ужъ, мне прошу исбафять, — я въ судъ не шелаю... Покойной ночи! — отретировался винокуръ.

— И на меня тоже прошу не ссыматься, — вдругъ вырвалось у конторщика: — я братъ своей сестры и, ради произнесенной на нее клеветы, тоже собою располагать, какъ пѣшкой, не позволю... По дѣломъ было, коли что было, а я ничего не видалъ...

Зюкинъ радостно потеръ руки... «Во что мое свидѣтельство тебѣ, голубчику, вскочить теперь, поглядимъ... И за «приказную крысу» тоже надбавлю...»

Они прошли въ кабинетъ. Зажженная свѣча бросила огненные квадраты на оборванные и засоренныя клумбы цвѣтника и на двухъ людей, пробиравшихся между ними.

— Простите, — бормоталь Данила: — это не моя воля была. Марья Васильевна, какъ ни убѣждалъ я ее, оставаться не хотѣла. Больно обидѣлась на матушку свою, видно... Не бойтесь за нее она у хорошихъ людей... И если она позволитъ, я скажу вамъ, гдѣ... Но домой она, я знаю, не воротится. Дайте ей лучше отойти сердцемъ... дайте переработать обиду. Она вамъ сама напишетъ. Она очень о васъ беспокоилась. Я и отвезъ ее самъ, чтобы вы были за

нее спокойны и знали, что ничего недоброго съ нею не случилось. Простите ее! Вѣдь и ей тяжело и больно!.. а пожить по-своему каждому хочется.

Яшневъ слухалъ Данилу и шелъ по разоренному цвѣтнику къ калиткѣ. Онъ весь дрожалъ. Ноги его заплетались, и если бы не поддержка Данилы, онъ бы и шагу ступить не могъ. Костыль свой онъ уронилъ, едва выйдя на дорогу, и теперь впотмахъ шарилъ рукою по влажной землѣ.

Данила зажегъ спичку и отыскалъ палку.

— Спасибо! — всхлинулъ старикъ и вдругъ самъ одустился на придорожную траву и зарыдалъ.

— Господи, что съ вами? Успокойтесь... Бога ради, успокойтесь! — забормоталъ самъ черезъ слезы Данила, наклоняясь надъ нимъ. Я все, все сдѣлаю... Только успокойтесь!..

— Все было можно... но не такъ!.. За что? За что? Опять такъ безпощадно... такъ холодно... жестоко!.. Что же это у нея вмѣсто сердца? — шепталъ Игнатій Львовичъ. — Одного оттолкнула... другой самъ сбѣжалъ, испугался... теперь дочь... Всѣхъ, всѣхъ... Неужто всѣ виноваты?.. Она одна права?..

— Богъ съ вами!.. — отвѣчалъ ничего не появившій Данила: — Марья Васильевна никого не винить... Она только дѣйствительно измучилась, потому что скрываться приходилось. Она боялась сознаться... и васъ боялась, а еще больше матушки своей...

Старикъ поднялся и стоялъ, опираясь на палку.

— Меня боялась? А кинуть теперь не побоялась? Уйти, не протяся, не побоялась? Что же я дѣлать безъ нея смогу? Какъ жить безъ нея стану?.. Вотъ что: если у васъ есть хоть что-нибудь святое на свѣтѣ, хоть искра доброты въ сердцѣ, вы... вы скалитесь! Свезите меня къ ней! Дайте убѣдиться самому, что она въ сохранности, что ничего худого ей ниоткуда не грозитъ. Точно я-то не понималъ, не видѣлъ, что ей немоготу такая жизнь была! Вѣдь не чужая же мнѣ она! сына дочь... и больше, въ миллионы разъ больше дочь моего сына, чѣмъ матери своей... Дайте мнѣ слово, что завтра же мы вмѣстѣ поѣдемъ къ ней... и я тоже даю вамъ слово, — я все сдѣлаю, чтобы уломать сноху... я вымолю у нея согласіе на бракъ вашъ!

Данила подумалъ немного и отвѣтилъ:

— Извольте, — я свезу васъ къ ней. Но тоже прошу, — не убѣждайте ее вернуться. Она взяла съ меня клятву, что я предоставлю ей полную свободу и возможность испытать себя и попробовать свои силы. Пусть попробуетъ. Ей во что бы то ни стало хочется стать сельской учительницей... Это примѣръ Евлампіи Матвѣевны ее подзадорилъ. Пускай!.. Разъ мы будемъ знать, гдѣ она, будемъ знать и каково ей живется. Такой одаренной Богомъ натурѣ нельзя насильно надѣвать путы... Она рано ли, поздно ли, все равно сорвала бы ихъ.

Оба понемногу, разговаривая, успокоивались, и рѣчи ихъ становились все связнѣе и дружелюбнѣе. У воротъ Колычева они разстались. Игнатій Львовичъ самъ протянулъ руку Данилѣ и сказалъ:

— Значить, до завтра! Въ семь часовъ я буду ждать васъ на поворотѣ...

Онъ застучалъ костью по двору. Открылась дверь кухни. Кирилловна съ лампой вышла посвѣтить ему.

— Ну, что, гдѣ?.. видали?—допрашивала она шопотомъ.

— Завтра увижу!—отвѣтилъ старикъ и заперся въ кабинетѣ.

За стѣною, глядя въ упоръ на коричневый ликъ вѣнчальнаго образа, сидѣла сгорбленная, постарѣвшая на десять лѣтъ женщина. Сжатая губы... Безмолвная тишина... Рядомъ въ комнатѣ несмятая постель дочери... а въ мозгу и гдѣ-то еще идетъ неустанная работа.

Часъ за часомъ проходитъ вся жизнь. Взвѣшивается каждое слово, каждое замѣчаніе дочери, каждое усиліе воли, положенное на искорененіе наслѣдственныхъ задатковъ протеста въ юной душѣ. Краснымъ узоромъ вырисовываются въ этомъ сѣромъ, однообразномъ, многолѣтнемъ синодикѣ ежедневныхъ жертвъ минуты, проведенныя въ смертельной тоскѣ, тѣ минуты, когда въ рукѣ дрожали строки, призывавшія на вѣнчаніе съ любимымъ до сихъ поръ человѣкомъ, любимымъ, не забытымъ, несмотря ни на годы, ни на измѣну, ни на отдѣляющую ихъ даль... И это счастье было принесено въ жертву ради насмѣявшейся надъ нею теперь дочери, опозорившей и себя, и мать, и дѣда, и старую вотчину... Чья вина?

...Нѣтъ, за ту жертву, за свое ей во спасеніе загубленное блаженство она имѣла право требовать и отъ Маруси жертвы въ свою очередь. Въ двадцать одинъ годъ жизнь еще только складывается. Увлеченіе въ эти годы—не любовь... не страсть, всецѣло поглощающая и физическія и нравственные силы. Съ молодымъ чувствомъ можно справиться, можно забыть... разлюбить... Но отдать того, кто въ зрѣлости становится вторымъ «я», принести въ жертву послѣднюю возможность быть любимой и счастливой,—это значить сгубить душу, жизнь, надежды... «Больше сія любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя...» И она доказала эту любовь дочери...

А она?.. Маруся?..

Дочь своего отца, она и его не пожалѣла! Ради его памяти тоже она не смѣла поднимать глаза на сына человѣка, его сгубившаго. Только на него одного, котораго не могло даже существовать для нея, не смѣла смотрѣть, и какъ разъ его-то и выбрала... Какое преступное легкомысліе! Какая черная неблагодарность! Какой безграничный, непростительный эгоизм!..

.....

Вернувшись домой, Данила едва успел вступить в спальню матери, куда перешел жить из-за холода со своей вышки, как навстречу ему с кресла, на котором умерла Авдотья Тарасовна, поднялось грузное тело отца. От неожиданности у молодого человека даже волосы дыбом встали.

— Вот что,—заговорил из темноты хриплый с перепоя голос, только что гремевший в зал:—завтра мне не до разговоров с тобою будет, так мы уж лучше сею минутою дѣла наши прикончим, на то я и сижу здѣсь. За то, что ты осмѣлился такія слова мне при всѣхъ сказать и сторону моего же обидчика взять, я тебя тут вотъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мать твоя лежала, да не даромъ у нея образъ изъ рукъ выпалъ,—я тебя проклинаю... Слышишь,—про-кли-на-ю!.. И мало того,—ни гроша изъ ея денегъ тебѣ не отдамъ. Можешь ихъ съ меня хоть судомъ искать,—ни шиша не получишь, потому и права на нихъ уже не имѣешь, впередъ все получилъ... Да-съ!.. Все до копеечки... Пять лѣтъ отъ меня по семьдесятъ пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ получалъ, да тысячу мне твоей переѣздъ да обмундировка стоили... Такъ-то! значить, мы съ тобою въ полномъ расчетѣ и квиты. А теперь складывай свои пожитки и убирайся! Чтобъ къ утру твоего духу тутъ не было. Я не отецъ тебѣ, и ты мне не сынъ! Слышишь! Къ чорту ступай, Каинъ проклятый!.. Анаѡема тебѣ!..—крикнулъ онъ еще разъ и, закинувъ крючокъ, ушелъ въ сосѣдную комнату.

Опаленный молніей вязъ шумѣлъ голыми сучьями. Все громче вторили ему деревья парка за прудомъ. Тучи вились. Ущербленный мѣсяцъ смотрѣлъ изъ нихъ на бесплодные черные стебли въ цвѣтникѣ съ шарами. Странныя, жуткія тѣни протягивались къ нимъ поверхъ макушекъ древнихъ дуплистыхъ липъ отъ стараго барскаго дома и отъ крестовъ на кулигѣ...

И по ту и по эту сторону досчатого забора были произнесены холодныя, непоправимыя рѣчи... Молодыя, плодъ обѣщавшія вѣтви были отсѣчены, и бѣлая маска горько смѣялась въ глубинѣ грота... Безнадёжно звенѣла и струилась по каплямъ, какъ слезы, вода, и въ этихъ звукахъ пѣла чья-то обреченность.

А въ темномъ подвалѣ бѣлая дѣвушка тщетно стремилась разглядѣть въ безпросвѣтномъ мракѣ блескъ утреннихъ лучей. Кругомъ висѣла непроглядная холодная ночь, и старые каменные своды хранили глубокое молчаніе обо всемъ, что они видѣли и слышали за долгіе, невозвратные годы...

М. Г. Веселкова-Кильштеть.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО ЭРИВАНЦА ¹⁾.

II.

Быть солдатъ 30-хъ годовъ.—Штабъ-квартиры.—Приходъ на Манглись.—Первая охота.—Возвращеніе полка изъ гимринскаго похода.—Начало строевыхъ занятій.—Дядька Турчаниновъ.—Отношеніе мое къ солдатамъ.—Отдѣленный Клинишенко.—Фельдфебель Соколовъ.—Никита Сулуяновъ.—Походъ на Кубань. Полковникъ Катенинъ.—Его поэзія.—Аргельная повозка.—Возвращеніе въ штабъ.—Угольная командировка.—Канцелярія.

ОТЪЛОСЬ бы мнѣ описать быть кавказскаго солдата тридцатыхъ годовъ, быть, неизмѣримо отличающійся отъ теперешняго, но приступаю къ этому описанію не безъ страха, боясь, что оно выйдетъ блѣдно и неполно. Преже всего, это была эпоха суровыхъ требованій николаевскихъ временъ, эпоха цѣлаго ряда войнъ, то съ персами, то турками, то съ горцами, съ которыми, впрочемъ, борьба никогда не прекращалась. И эта постоянная готовность къ боевымъ дѣйствіямъ отражалась на всемъ укладѣ жизни кавказскихъ войскъ, вырабатывая въ нихъ выносливость въ походахъ, закаленность въ бояхъ и выдающуюся отвагу, стяжавшую громкую славу кавказскимъ войскамъ. Главная причина этого успѣха, мнѣ кажется, лежала въ томъ обшеніи солдата и офицера, которое вырабатывалось въ теченіе непрерывнаго ряда годовъ совмѣстной походной и бое

¹⁾ Продолженіе. «Ист. Вѣстн.», т. СXXXVII, стр. 414.

вой жизни, когда переносились одинаково всѣми и голодъ, и холодъ, и всѣ прочія лишенія. Офицеръ и солдатъ представляли два лагеря, но не враждебныхъ, а дружественныхъ, связанныхъ невидимыми узами довѣрія, любви и покровительства другъ другу... Пройдя школу солдата, я положительно не помню глухой ненависти солдатъ къ офицерамъ, не помню также пренебрежительнаго отношенія этихъ послѣднихъ къ своимъ подчиненнымъ. Инымъ, правда, жилось тяжелѣе, другимъ легче, но въ общемъ все это была одна семья хотя и не съ равноправными членами, но одинаково посвятившими свою жизнь военному дѣлу.

Каждога прїѣзжаго, особенно изъ столицъ, гдѣ царили муштра и шагистика, поражали на Кавказѣ отсутствіе выправки въ офицерахъ и въ солдатахъ. Достаточно вспомнить извѣстный отзывъ графа Паскевича о первомъ крайне невыгодномъ впечатлѣніи, произведенномъ на этого героя столичныхъ парадовъ кавказскими войсками. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отрядъ этихъ «никуда негодныхъ» войскъ, въ количествѣ не болѣе 5—6 тысячъ, разбилъ на голову подъ Шамхорамі сорокатысячный персидскій отрядъ Аббаса-Мирзы. Эти же самыя войска заслужили самому Паскевичу титулъ «Эриванскаго» и потомъ одержали на его глазахъ цѣлый рядъ другихъ побѣдъ. Этотъ фронтвикъ павловской школы долженъ былъ подъ конецъ признать, что отсутствіе внѣшней военной выправки нисколько не мѣшаетъ выдающимся боевымъ достоинствамъ кавказской арміи.

И это составляло особенность ея. Солдаты были мѣшковаты, ходили съ перевальцемъ въ заломленныхъ на затылокъ или надвинутыхъ на глаза панахахъ, зачастую не въ формѣ, въ рубахахъ, въ полупубкахъ, въ чустахъ вмѣсто сапогъ; строевой шагъ ихъ не имѣлъ той чеканки, которая тогда требовалась, ружейные пріемы не были такъ чисты; солдаты не такъ быстро и подобострастно ломали шапки передъ начальствомъ, какъ это дѣлалось въ центрахъ, но зато офицеры были всегда впереди и солдаты за ними шли хоть въ огонь и воду. На Кавказѣ офицеръ къ солдату стоялъ несравненно ближе, чѣмъ въ Россіи.

Припоминаю я, напримѣръ, такую сценку. Послѣ крайне утомительнаго древнаго перехода войска стали на бивуакъ; ночь выдалась холодная, моросило, и люди, несмотря на утомленіе, не ложились, а варили себѣ у разведенныхъ костровъ кто картошку, кто крошенку, кто тюрю изъ сухарей... Подходить какой-то офицеръ другой части и спрашиваетъ, гдѣ расположенъ его полкъ?.. Никто на вопросъ не могъ отвѣтить. По издавна заведенному обычаю, люди на отдыхѣ не вставали при проходѣ офицера... Такъ и въ этотъ разъ, нѣкоторые изъ ближайшихъ посторонились немногимъ и радушно предложили: «Должно, далеко до вашихъ-то, ваше благородіе, а вы погрѣйтесь у насъ-то... Скоро картошка по-

спѣтъ, отвѣдайте»... И офицеръ присѣлъ у огня, отвѣдалъ, чтобы не обидѣть, и картошки, и изъ другой протянутой манерки крошенку, поговорилъ немного и затѣмъ тутъ же свернулся въ свою бурку и крѣпко заснулъ подъ сдержанный говоръ солдатъ. И никому весь этотъ эпизодъ не показался необычнымъ, а, напротивъ, самымъ естественнымъ. Еще лучшимъ доказательствомъ этой близости можетъ служить та забота, съ какой солдаты выносили убитыхъ и раненыхъ офицеровъ, не только ради награды, но по христіанскому чувству долга. Никогда не забуду, съ какимъ трудомъ я отыскалъ того солдата, который въ 1854 году вынесъ меня раненаго подъ Кюрюкъ-Дара изъ числа обреченныхъ уже къ погребенію въ общей братской погилѣ. Я его потомъ спросилъ: «Отчего же ты не сказывался, когда я опрашивалъ?..» Онъ на это промолчалъ и денегъ отъ меня взять не хотѣлъ, потому что, по его мнѣнію, за такое дѣло грѣхъ брать деньги и всякій сдѣлалъ бы то же.

Солдаты того времени, не видавшіе и у себя на родинѣ роскоши, легко переносили всякія невзгоды, мирились со всеѣми неудобствами, если только видѣли мало-мальскую заботу о себѣ со стороны начальства, за что были безконечно благодарны, называя заботливыхъ командировъ «отцами родными», «батьками» и т. п.

При мизерныхъ казенныхъ отпускахъ заботливость ближайшихъ начальниковъ являлась крайне необходимой, иначе солдаты голодали бы и мерзли.

Главнымъ питательнымъ продуктомъ считался, конечно, хлѣбъ, котораго, какъ и теперь, отпускалось по три фунта, а въ походѣ по два фунта (потомъ послѣдняя доза была нѣсколько увеличена). Каша, по третью фунта, давалась черезъ два дня въ третій; обѣдъ же состоялъ изъ борща или шей, въ которые густо наваливали картофель, капусту, иногда молодую крапиву или полевой шавель. Мясо выдавалось черезъ день по четверть фунта, а въ прочіе дни борщъ приправлялся подбойкой изъ муки съ топленнымъ саломъ. Въ походахъ обычно питались одними сухарями, но когда отбивался у непріятеля скотъ, то на человѣка отпускали по фунту и болѣе мяса и тогда у костровъ начиналось оригинальное приготовленіе: кто жарилъ шашлыкъ, а кто варилъ въ манеркахъ крошенку, — винегретъ изъ мелко наръзаннаго мяса и всего съѣдобнаго, что только могло попасть подъ руку: крупы, луку, чеснока, перца, картофеля, туземныхъ овощей, сала, постнаго масла, соли, воды и т. п. Получалось нѣчто такое густое, клейкое, что лишь голодный солдатскій желудокъ могъ усвоить. Въ походахъ ежедневно, а въ штабахъ по торжественнымъ днямъ, кромѣ того, люди получали по полчарки спирту въ 65 градусовъ нормальной крѣпости.

Постелей, одѣяль, подушекъ, тюфяковъ, разумѣется, не было. Такую роскошь могли себѣ позволить только немногіе старослужилые фельдфебеля да нѣкоторые юнкера. Спали на голыхъ на-

рахъ и считалось за великое счастье, если удавалось добыть снопы соломы. Подушкой служилъ ранецъ, укрывались шинелью, зимою большею частью спали не раздвываясь, даже въ сапогахъ. При частыхъ походахъ, впрочемъ, и не заводились постелями и разнаго рода громоздкими вещами. Все богатство солдата должно было помѣщаться въ одномъ кожаномъ ранцѣ, буквально по слову: *omnia mea pesum porto*.

Почти во всѣхъ штабъ-квартирахъ уже въ то время имѣлись казармы, выстроенныя самими частями, гдѣ изъ турлука, гдѣ изъ сырцоваго кирпича и очень рѣдко изъ камня. Въ казармахъ, хотя и тѣсноватыхъ, по крайней мѣрѣ было сухо и тепло. На походѣ же или во временныхъ стоянкахъ предпочитали располагаться на открытомъ воздухѣ. Палатки хотя и имѣлись, но дабы сократить число обозовъ и изъ экономическихъ расчетовъ, ихъ рѣдко брали съ собой. По счастью, мягкій климатъ допускалъ возможность бивуачнаго расположенія. Въ суровомъ же армянскомъ нагорьѣ, или въ дождливый періодъ въ Гуріи, въ Кахетіи, на Лезгинской линіи, въ ущельяхъ Дагестана войска обыкновенно строили себѣ шалаши или землянки, рѣдко прибѣгая къ постою по туземнымъ деревнямъ и ауламъ.

Теперь, конечно, жители пообстроились, пообзавелись многимъ, но тогда еще на всемъ ихъ обиходѣ лежала печать разоренія отъ многолѣтняго рабства то туркамъ, то персамъ поочередно, и туземцы привыкли ничего цѣннаго не заводить, все же болѣе или менѣе дорогое прятать. Бѣлорусская курная изба можетъ считаться роскошью по сравненію съ туземными саклями или полу-крытыми землянками, въ которыхъ нельзя отличить, гдѣ начинается человѣческое, жилье, гдѣ буйволятникъ.

Пищей большинства служили молочные продукты, пшенины или кукурузныя лепешки, изрѣдка баранина. Пшеничный хлѣбъ употреблялся только армянами, умѣвшими пахать; остальные вскапывали землю ручными тянками подъ кукурузу. Въ Кахетіи, Карталиніи Мингреліи и Имеретіи, кромѣ того, обильно употреблялось мѣстное вино, которымъ грузины вначалѣ охотно дѣлились съ русскими считая грѣхомъ продавать его.

Жизнь въ то время была очень дешева. Мясо, мнѣ помнится, покупалось не дороже 1—2 копейекъ ассигнаціями за фунтъ, вино 5—10 копейекъ тунга (винная мѣра въ пять бутылокъ); мѣстные овощи стоили гроши; молоко, сыры—тоже; табакъ, притомъ очень хорошій, — абазъ или ори-абазъ (20—40 копейекъ) око, то есть три фунта и т. п. Но при подобной дешевизнѣ жители неохотно, съ какимъ-то страхомъ продавали свое добро, до того въ нихъ вкоренилась боязнь военныхъ реквизицій, которыми ихъ застращали мусульманскія полчища. Русскія войска, къ чести ихъ сказать, съ первыхъ же дней своего прихода на Кавказъ за все забираемое у

мѣстныхъ жителей платили деньгами; развѣ только наши казаки иногда немного баловались. Но населеніе трудно отвыкало отъ исторически сложившагося страха передъ всякаго рода войсками. Мнѣ вспоминается, какъ еще въ сороковыхъ годахъ, при вступленіи нашего авангарда въ одну армянскую деревню, обитатели ея въ паническомъ ужасѣ разбѣгались, мужчины угоняли скотъ, женщины тащили узлы и маленькихъ ребятишекъ, и все это кричало, мычало, визжало... Только черезъ нѣсколько часовъ жители возвратились назадъ съ низкими поклонами, виноватымъ видомъ и вѣшными, конечно, лицемѣрными изъясненіями почтенія и преданности... Потому-то къ расквартированію прибѣгали лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, напримѣръ, въ суровыя зимы, хотя на Кавказѣ всегда старались избѣгать зимнихъ кампаній.

Такимъ образомъ, большинство частей имѣли свои болѣе или менѣе благоустроенныя штабъ-квартиры, съ неизбѣжными слободками, населенными ремесленниками, отставными или женатыми солдатами, которымъ разрѣшали выписывать на казенный счетъ женъ изъ Россіи. Были даже особыя «женатыя роты». На женъ и дѣтей отпускался казенный паекъ, а впослѣдствіи солдатскимъ семьямъ нарѣзали землю, если не ошибаюсь, даже по 35 десятинъ, и изъ этихъ слободокъ образовались со временемъ цѣлыя селенія, называвшіяся урочищами, таковы Манглисъ, Бѣлый Ключъ, Царскіе Колодцы, Гомборы, Лагодехи, и др.

Эти слободки были единственными пунктами, гдѣ солдаты могли видѣть женщинъ, и, навѣрно, тамъ уже ни одна невѣста не засиживалась. Спросъ на нихъ былъ столь великъ, что въ счетъ шли даже старухи, которыя, по пословицѣ, «на чужой сторонкѣ и старушка Божій даръ», были въ большой цѣнѣ, а ужъ о безобразныхъ, но еще и молодыхъ и говорить нечего. Если же выдавалась между какою-нибудь красивая, то ее облюбовывали офицеры, и она въ концѣ концовъ выходила замужъ за офицера. Особенно этимъ отличались артиллеристы, которые въ своихъ выборахъ были значительно демократичнѣ остальныхъ родовъ оружія.

Командиры частей одинъ передъ другимъ соревновали въ благоустройствѣ своихъ штабовъ. Насколько мнѣ помнится, никакихъ казенныхъ отпусковъ на этотъ счетъ не полагалось, а предоставлялось лишь право употреблять людей на постройки, заводить полковые кирпичные заводы, каменоломни, лѣсопильни и т. п. Между солдатами всегда отыскивались подходящіе мастеровые, техники и даже прекрасные инженеры. Такъ, напримѣръ, въ Лагодехахъ, драгунской штабъ-квартирѣ, громадное зданіе съ двусвѣтнымъ заломъ, первое по времени военное собраніе на Кавказѣ, выстроено, какъ я слышалъ, подъ руководствомъ простаго солдата.

Недавно я узналъ, что это зданіе теперь стоитъ въ полуразрушенномъ видѣ, съ провалившейся крышей и поросшими на стѣнахъ

большими деревьями. Жаль, что не умѣли сохранить эту капитальную постройку.

Тамъ, гдѣ угрожала возможность непріятельскаго нападенія, штабъ-квартира обносилась валомъ, и возникала, такимъ образомъ крѣпость, постройки здѣсь поневолѣ ютились въ предѣлахъ ограды. Въ другихъ же случаяхъ зданія разбрасывались на нѣсколькихъ десяткахъ десятинъ и соединялись прекрасными шоссе, какъ, на примѣръ, Манглись, Бѣлый-Ключъ...

Кромѣ зданій, штабъ-квартиры могли похвалиться своими огородами, этими главными подспорьями въ дѣлѣ кормленія солдатъ. Если бы не существовало этихъ огородовъ, не знаю, право, чѣмъ насыщались бы солдаты да съ ними, пожалуй, и офицеры, ибо мѣстное населеніе совсѣмъ не знало употребленія картофеля, капусты, брюквы, рѣдьки, бураковъ и разводило свои особые овощи—цицмать, тархунъ, лобію, кинзу, черемшу, цвинтри и др. Это было все очень вкусно, но не пригодно для солдатскаго желудка, требующаго не столько вкусового качества, сколько количества.

Войсковыя части обживались въ своихъ штабъ-квартирахъ; офицеры обзаводились собственными домами, семьями, солдаты—кумушками на слободкѣ и такъ обрастали на мѣстѣ, что оно для нихъ, навсегда оторванныхъ отъ родныхъ деревень, становилось второю родиною. Солдаты, ради разнообразія, шли съ удовольствіемъ въ походъ, но съ еще большимъ возвращались къ себѣ домой на отдыхъ. Монотонная жизнь въ штабахъ не блистала разнообразіемъ. Ученію посвящали немного времени. То, что теперь называется «словесностью», само собою постепенно усваивалось рекрутами отъ дядекъ. Рекрутомъ же солдатъ назывался неопредѣленное время, годъ-два, а то и семилѣтній считался еще молодымъ, если онъ еще не успѣлъ побывать въ походахъ. Вообще опытъ уважался, обращеніе молодыхъ къ старослуживымъ было почтительное, сѣдина не служила предметомъ насмѣшки, а напротивъ—уваженія. Люди, выходя въ строй, обыкновенно «фабрили» усы и пробритыя на подбородкѣ бакенбарды особой фабрикой, вродѣ фиксагуара, который очень искусно дѣлали сами изъ сажи, сала и воска... Странно было видѣть иной разъ сѣдого солдата съ черными, какъ смоль, усами, торчащими въ стороны и вверхъ.

Такова въ общихъ чертахъ обстановка, въ которой приходилось жить солдату на Кавказѣ въ тѣ далекія времена ¹⁾.

¹⁾ Это описаніе быта кавказскаго солдата въ запискахъ отца изложено значительно полнѣе, но въ виду того, что нѣкоторыя мѣста потомъ повторяются въ дальнѣйшемъ текстѣ, они здѣсь исключены. М. Р.—чь.

Вечеромъ того дня, когда состоялось наше распределѣніе по полкамъ, насъ сдали въ комендантское управленіе; меня же вмѣстѣ съ нѣсколькими рекрутами принялъ унтеръ-офицеръ и отвелъ въ казармы на Саперной слободкѣ (теперешняя Саперная улица), гдѣ мы переночевали.

Съ своимъ земляками я, признаться, разставался легко, поглощенный эгоистической мыслью о предстоящихъ мнѣ перспективахъ. Съ иными потомъ мнѣ приходилось неоднократно встрѣчаться, а другихъ я видѣлъ въ послѣдній разъ.

Мнѣ казалось, что я не буду грустить, но ночью, проснувшись, я сталъ думать о своей судьбѣ, и вдругъ мнѣ ярко представился весь трагизмъ моего положенія—юноши, заброшеннаго на край свѣта, безъ близкаго лица, могущаго подбодрить, поддержать въ трудную минуту, вдали отъ сородичей, хоть до нѣкоторой степени замѣнявшихъ мнѣ родныхъ людей... А впереди?.. Что могло быть хорошаго впереди?.. И жизнь мнѣ сразу показалась такою безраздужной, безпросвѣтной, что только одна глубокая религіозность спасла меня въ ту тяжелую, памятную мнѣ ночь отъ рокового шага...

Подняли насъ до разсвѣта. Солнце только что показалось надъ горами, когда мы уже шагали за городомъ, подымаясь по Коджорской дорогѣ.

Унтеръ-офицеръ Клинишенко, ведшій нашу партію, увидѣвъ мою блѣдность, спросилъ меня участливо, хотя и начальническимъ, утрированно суровымъ голосомъ:

— А ты, полячекъ, боленъ что ли?..

— Нѣтъ, я здоровъ, господинъ унтеръ-офицеръ.

— Какой здоровъ? Краше въ гробъ кладуть... Но только мой совѣтъ—не ложись въ госпиталь... Оттуда не возвращаются. Потерпи малость. Подымешься на нашъ Манглисъ, разомъ твою лихоманку какъ рукой сниметь, потому у насъ воздухъ здоровый, вода чистая ключевая, не то, что здѣшняя бурда...

— Спасибо, господинъ старшой, только я здоровъ...

— Ну, коли здоровъ, такъ тѣмъ лучше... Одноче, ежели умаешься такъ можешь на подводу присѣсть...

Это маленькое участіе меня подбодрило, уже я не чувствовалъ себя такимъ отчужденнымъ. Стараясь перемочь свою слабость послѣ бессонной ночи, я ни разу не присѣлъ на подводу. Такой, по-видимому, пустякъ, однако, создалъ мнѣ выгодную репутацію среди солдатъ, любящихъ оказывать покровительство, но еще болѣе уважающихъ проявленіе мужества и выносливости. Объ этомъ Клинишенко не разъ потомъ вспоминалъ мнѣ: «Я тогда же замѣтилъ, что будешь нашъ гренадеръ—словомъ, настоящій эриванецъ»... Вышей похвалы онъ не могъ мнѣ дать.

Пришли мы на Манглисъ уже поздно ночью, легко сдѣлавъ шестидесятиверстный переходъ. Штабъ-квартира оказалась пустой,

такъ какъ весь полкъ былъ въ главныхъ силахъ, подъ начальствомъ самого командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса барона Розена, дѣйствовавшаго противъ знаменитаго Кази-Муллы.

Завѣдующій штабъ-квартирой, мрачный командиръ нестроевой роты, принявшій рекрутовъ, при видѣ моего полугусарскаго костюма, пренебрежительно мнѣ буркнулъ: «повстанецъ?» но потомъ, просмотрѣвъ мой пріемный формулярный списокъ, сказалъ мягче: «Въ сборную команду!.. Подождать прихода полка... Не отлучаться!.. Не шалить и все такое прочее!..» Онъ, очевидно, не зналъ, отнести ли ко мнѣ на ты, или на вы, а потому сохранилъ неопредѣленную форму.

Скучно тянулись первые дни. Чтобы чѣмъ-нибудь ихъ заполнить я попросилъ солдатъ показать мнѣ ружейные пріемы, маршировку и очень быстро усвоилъ себѣ эту немудрую науку.

Къ этому же времени относится моя первая въ жизни охота, очень живо запечатлѣвшаяся въ моей памяти. Если бы иначе сложились обстоятельства, вѣроятно, во мнѣ проснулась бы эта страсть, но первый опытъ мой оказался и послѣднимъ. Кстати, читатель будетъ въ состояніи себѣ представить, какое богатство дичи было тогда на Кавказѣ.

Однажды, бродя по штабъ-квартирѣ, я увидѣлъ компанію собирающихся охотниковъ. Они согласились захватить и меня. Сбѣгавъ въ казармы и отпросившись у фельдфебеля, я забралъ кيسъ съ табакомъ, кусокъ хлѣба съ солью, суковатую палку и потомъ бѣгомъ догналъ охотниковъ. «А ружье?» спросили меня. Къ общему смѣху я показалъ на свою палку: «Вотъ оно! Да, вѣдь, я такъ, только посмотрѣть и прогуляться...»—отвѣтилъ я сконфуженно. Мы пришли довольно рано на мѣсто ночевки. Опытные слѣдопыты опредѣлили, что внизу должны быть сейчасъ олени, а время еще позволяло сдѣлать одинъ загонъ, поэтому двое захватили на своркахъ собакъ и повели ихъ кружнымъ путемъ налѣво внизъ, а остальные размѣстились по гребню горы, лицомъ къ котловинѣ. Такъ какъ у меня не было ружья, то я прошелъ впередъ за послѣдній номеръ и тутъ облюбовалъ себѣ мѣстечко возлѣ густого граба; но одному въ лѣсу очень тоскливо, и я, забывъ, или, лучше сказать, не зная основнаго охотничьяго правила—стоять смирно въ гаю, сталъ увеселять себя, чѣмъ только могъ: курилъ, насмивывалъ, наконецъ выпрѣзалъ дудку и заигралъ разныя мелодіи. Не знаю, что бы я еще изобрѣлъ для своего развлечения, если бы вдругъ съ сѣдняго номера не раздалось: «Чортъ васъ возьми совѣмъ!... Когда же вы успокоитесь?.. Звѣря пугаете...» Сознавая свою вину, я не обидѣлся. А тѣмъ временемъ поднялся внизу гонъ собакъ. Черезъ нѣсколько минутъ раздался топотъ скачущихъ нѣсколькихъ лошадей и вдругъ мимо меня пронеслись одинъ за другимъ штукъ пять оленей-рогалий. Затѣмъ снова послышался топотъ, и на поляну вы-

несли красавицы козы. Первыя мгновенія я остолбенѣлъ, но потомъ меня охватила самая какая-то страсть: я выбѣжалъ впередъ изъ-за дерева, загикалъ, замахалъ руками, козы прыгнули въ сторону и помчались на номера. Тамъ раздалась настоящая канонада. Этимъ поступкомъ, мнѣ казалось, я искупилъ свое недостойное поведеніе въ началѣ гая. Затѣмъ на ту же поляну выбѣжало цѣлое стадо кабановъ. Но передъ этимъ звѣремъ я уже не рѣшился изображать загонщика, а, напротивъ, попробовалъ, нельзя ли забраться на дерево; кабаны, постоявъ немного, повернули и пошли куда-то вправо отъ цѣпи. Въ то время, какъ я мечталъ о томъ, сколько бы я настрѣлялъ всякаго звѣря, будь у меня ружье, вдругъ передо мной показалась коза, которая бѣжала мелкою рысцей и подталкивала мордочкой своей маленькаго козленочка, недавно родившагося, — случай, по словамъ охотниковъ, очень рѣдкій для октября мѣсяца. Во всякое другое время я бы только любовался на эту трогательную картину, но тутъ мною вдругъ овладѣлъ какой-то охотничій бѣсъ. Я выскочилъ впередъ и съ особенной силой кинулъ палкой къ козу. Ударъ тяжелой и суковатой палки пришелся по головѣ матери, и она упала тутъ же. Я подскочилъ и навалился на нее, зовя на помощь. Съ сосѣдняго номера прибѣжалъ охотникъ и прирѣзалъ козу, несмотря на мои протесты. Маленькая же козочка, глупая еще, отбѣжала нѣсколько шаговъ и легла въ кустъ, выставивъ свое, какъ охотники называютъ, зеркальце.. Тихо подкравшись, мнѣ удалось и эту козочку схватить. Ее потомъ у насъ въ ротѣ отпоили молокомъ домашней козы и приручили такъ, что она бѣгала за солдатами; куда она дѣвалась потомъ, не помню. Удивительно то, что всѣ остальные охотники, бывшіе съ ружьями и стрѣлявшіе нѣсколько разъ по козамъ, ничего не убили, а я съ одной лишь палкой какъ-никакъ взялъ двухъ козъ.

Чтобы дополнить картину всѣхъ моихъ охотничьихъ приключеній, расскажу о томъ, что было со мной на слѣдующій день. Мы на ночлегъ расположились тутъ же въ лѣсу на краю обрыва и развели большіе костры. Моя же коза пошла на прокормленіе всей компаніи и собакъ. Много при этомъ шутили, острили на мой счетъ, особенно одинъ почтовый чиновникъ, увѣрявшій, что онъ видѣлъ на своемъ вѣку много всякихъ охотниковъ, и псовыхъ, и ружейныхъ, но еще ни разу не встрѣчалъ «палочныхъ»... Я отшучивался, какъ могъ, но мнѣ было немного обидно стать предметомъ насмѣшекъ. Проспавъ нѣсколько часовъ, мы всѣ, однако, проснулись далеко предъ разсвѣтомъ отъ сильнаго холода и принуждены были развести огонь. Для увеличенія горючаго матерьяла въ дѣло пошла и моя суковатая палка. Весельчакъ почтовый чиновникъ, увидя это, воскликнулъ съ ужасомъ:

— Что же вы дѣлаете, господа?... Чѣмъ теперь господинъ Рукевичъ будетъ бить козъ?.. Вы сожгли его оружіе...

Бѣдняга. За эту и за цѣлый рядъ другихъ насмѣшекъ сама судьба ему отплатила. Для чего-то онъ отошелъ отъ бивака, и вдругъ мы услышали крикъ, а затѣмъ стоны, доносившіеся снизу. Выхвативъ изъ костра горящія вѣтки, мы бросились туда и съ трудомъ спустились внизъ къ бѣдному почтовому чиновнику, упавшему въ темнотѣ въ оврагъ. Онъ довольно сильно расшибся, а главное расцарапалъ себѣ лицо о ежевичные кусты и шиповникъ... Кое-какъ мы его подняли наверхъ и при свѣтѣ костра обмыли царапины, повибрировали занозы. Охотиться онъ уже не могъ, а потому на имѣвшейся у насъ подводѣ уѣхалъ домой. Подвода же должна была затѣмъ вернуться обратно къ извѣстному какому-то пункту. Уѣзжая, чиновникъ великодушно мнѣ предложилъ свое ружье, одностволку съ кремневымъ куркомъ, передѣланную въ полковой мастерской изъ стараго казеннаго ружья. По словамъ владѣльца, оно било замѣчательно вѣрно «жеребьемъ», то есть рѣзанными кусочками свинца. Теперь-то я могъ себя чувствовать настоящимъ охотникомъ, хотя и съ чужимъ ружьемъ.

Начало свѣтать, когда мы уже были на мѣстахъ. Опять я сталъ самымъ дальнимъ номеромъ. Въ гаю опытные охотники ожидали кабановъ и, можетъ быть, медвѣдя. Признаюсь, этихъ звѣрей я нѣсколько трусилъ, а потому предусмотрительно сталъ ближе къ такому дереву, на которое могъ бы легче забраться. Около дерева, кромѣ того, лежало еще большое срубленное, но не увезенное бревно. Скоро гдѣ-то далеко внизу поднялся жаркій гонъ. Въ ту же секунду въ просвѣтѣ между деревьями я замѣтилъ не то собаку, не то волка. Какъ будто бы такихъ большихъ собакъ не бываетъ, казалось мнѣ, а волка живого я еще никогда не видѣлъ. «Эхъ, была не была!»—рѣшилъ я, взвелъ курокъ, нацѣлилъ и выстрѣлилъ... Послышался болѣзненный визгъ, очень похожій на собачій, но вѣдь волки тоже собачьей породы, утѣшалъ я себя, потому визгъ неувидителенъ. Видѣлъ я затѣмъ, какъ раненый звѣрь, сдѣлавъ нѣсколько скачковъ, упалъ, опять вскочилъ отчаянно взвизгивая, опять упалъ и успокоился. Очень мнѣ хотѣлось побѣждать и посмотреть на первый мой трофей, но теперь вспомнилъ правило:—ни въ коемъ случаѣ съ мѣсть не сходить, и остался, занявшись тщательнымъ заряджаніемъ ружья. Жеребья въ сумкѣ я не нашелъ, пришлось зарядить пулей. Желая покурить, я набилъ трубку и уже готовился высѣкать огонь, какъ вдругъ передо мной въ той же прогалинѣ между деревьями, гдѣ недавно появился волкъ, теперь стоялъ олень ко мнѣ грудью, но обернувшись назадъ головой. Очевидно, онъ прислушивался къ гону собакъ. Я тихонько приподнял ружье съ поваленнаго дерева, нацѣлилъ въ грудь и спустил курокъ. Когда дымъ, нанесенный на меня вѣтромъ, разсѣялся, то олень исчезъ. Очевидно, я промазалъ.

Хотя трудно было рассчитывать, чтобы послѣ двухъ моихъ выстрѣ-

ловъ на меня еще что-нибудь вышло, но я все же снова зарядилъ ружье. Между тѣмъ слѣва началась тоже пальба и крики «береги... береги!...» За этимъ крикомъ тотчасъ же мимо меня замелькали желто-сѣрыя фигуры козъ, которыя мчались съ такою быстротою, что выпѣлить не было никакой возможности... «Ну, и чортъ съ ними!..»—сказалъ я и вперился снова въ прогалину, гдѣ видѣлъ оленя... И дѣйствительно тамъ скоро показался козель и остановился въ той же позѣ, какъ и олень, оглядываясь назадъ. Снова я выстрѣлилъ, и козель куда-то исчезъ, когда разсѣялся дымъ. Просто какое-то колдовство!

А дальше произошло для меня нѣчто очень позорное съ охотничьей точки зрѣнія, но извинительное съ житейской, особенно принявъ въ расчетъ, что это была моя первая охота, если не считать той пары домашнихъ утокъ, которыхъ я по неопытности когда-то застрѣлилъ въ Полѣсѣ.

Собачій гонъ тѣмъ временемъ все приближался къ нашей линіи, и гонъ былъ какой-то странный: собаки то гнали, то просто злобно рычали, то заливались воемъ и нѣтъ-нѣтъ раздавался ихъ визгъ. «Вѣроятно, олень бодается...»—подумалъ я, вспомнивъ одну картинку. Но каковъ былъ мой ужасъ, когда вдругъ послѣ выстрѣла съ сосѣдняго номера раздался предупреждающій крикъ: «Берегись, — медвѣдь!..» Съ лихостью, достойной лучшаго гимнаста, я мигомъ взобрался на дерево... Но не это я ставлю себѣ въ укоръ, а то, что внизу я оставилъ ружье, да еще незаряженное... А спускаться было уже поздно, потому что ужъ показались собаки, возившіяся вокругъ медвѣдя, который то садился на задъ и отбивался отъ насѣдавшихъ собакъ, стараясь поймать ихъ лапами, то дѣлалъ нѣсколько скачковъ галопомъ, и собаки тогда впивались ему въ ляжки... Такъ эта группа приблизилась къ моему дереву. Признаюсь, я пережилъ нѣсколько непріятныхъ моментовъ, когда медвѣдь въ нѣсколько прыжковъ подскочилъ къ поваленному возлѣ моего мѣста бревну и взобрался на него. Тутъ звѣрь былъ совсѣмъ безопасенъ отъ собакъ, онѣ окружили его и продолжали озлобленно лаять; я же сидѣлъ на деревѣ тутъ же, въ шагахъ въ пяти и дрожалъ отъ волненія... Чѣмъ бы кончилась вся эта исторія, не могу себѣ представить, если бы не раздался совсѣмъ близко выстрѣлъ и медвѣдь, рывнувъ, не свалился бы на землю... Это съ сосѣдняго номера прибѣжалъ охотникъ и дострѣлилъ звѣря, уже раньше имъ раненаго.

Кончился гай, и всѣ приплелись на мой номеръ, таща кто козу, кто двухъ, а кто приволокъ кабана за ногу. Спустившись по возможности незамѣтно съ дерева, я побѣжалъ къ волку и тоже притащилъ его, но при бѣгломъ взглядѣ охотники сразу опредѣлили, что это была пастушья собака, на которой даже оказался обрывокъ веревки.

— Ай да охотникъ!.. Нечего сказать!..—раздались восклица-

нія.—Вчера козу палкой убилъ, другую за хвостъ поймалъ, а сегодня собаку подвалилъ... Ну, а еще по чемъ стрѣляли?..

По оленю и по козлу... Кажется, обоихъ ранилъ... Вонъ тамъ,—отвѣтилъ я, показывая на просвѣтъ

Кто-то пошелъ къ прогалинѣ посмотрѣть на кровавые слѣды. Вдругъ онъ замахалъ руками и побѣжалъ внизъ. Мы тоже бросились туда. Тамъ, внизу крутого спуска, саженьяхъ въ пятнадцати лежалъ убитый олень, а нѣсколько выше козель... Это было мое торжество, но не надолго, потому что скоро опять начались насмѣшки, въ родѣ возведенія меня въ охотничьи короли, который одинаково хорошо владѣеть и ружьемъ, и палкой, и т. п.

Слѣдующіе гаи были для меня не такъ удачны; однако, помнится, я еще убилъ что-то. Въ общемъ, совсѣмъ неопытный, бывший первый разъ на звѣровой охотѣ, я обстрѣлялъ всѣхъ, что не мало содѣйствовало общей зависти, проглядывавшей сквозь зубоскальство. Въ результатѣ я былъ очень обиженъ, убѣжденный, что всѣ эти насмѣшки они позволяютъ себѣ только потому, что я «плѣбный», а они принадлежатъ къ побѣдителямъ... «*Vae victis*», говорилъ я себѣ съ горечью.

Теперь-то мнѣ смѣшно, но тогда было очень больно. Этотъ день первой моей охоты былъ настолько отравленъ, что, сколько меня потомъ ни звали эти и другіе охотники, я не пошелъ, и этимъ закончились всѣ мои охотничьи походы.

Въ ротѣ я довольно хорошо сошелся съ отдѣленнымъ (по теперешнему—взводнымъ) унтеръ-офицеромъ Клинишенкомъ, который, видимо, принялъ во мнѣ участіе и часто бесѣдовалъ со мной, угощая чайкомъ ¹⁾. Много разъ потомъ я дивился его мѣткимъ характеристикамъ начальствующихъ лицъ и тому, сколько ума и наблюдательности таилось въ этомъ почти безграмотномъ солдатѣ, хотя и произведенномъ въ унтеры... Послѣднему, впрочемъ, нечего было удивляться, когда въ то время встрѣчались даже офицера, еле подписывавшіе свои фамиліи.

Этотъ Клинишенко, между прочимъ, далъ мнѣ очень благой совѣтъ: во-первыхъ, попроситься въ шестую роту, а, во-вторыхъ, всѣми силами стараться избѣгать канцелярѣи, чтобы остаться въ строю.

— Будутъ это они тебя пытаться,—говорилъ онъ:—хорошо ли ты грамотенъ, а ты, голубецъ мой, прикинься дурачкомъ, не понижающимъ; нарочно, значить, чтобы тебя не взяли въ канцелярѣю... Будь она неладна, эта канцелярѣя... Терпѣть не люблю

¹⁾ Настоящій чай, по его дороговизнѣ, приходилось пить рѣдко, но солдаты хитрились собирать какіе-то травы и листья, настой которыхъ очень напоминалъ вкусомъ настоящій чай. Потомъ изъ Турціи намъ удавалось получать дешевый кигайскій чай, но по вкусу онъ былъ хуже солдатскаго настоя. А. Р.—ъ.

этихъ господчиковъ, которые нашего брата, строевика, всегда притѣсняють. Сидятъ сами въ теплѣ и сытости, а надъ нашимъ братомъ измываются... Вы, говорятъ, черная кость, неученая темнота... Подумаешь, тоже благородные. Да и на что тебѣ эта канцелярія?.. Тутъ у насъ весело: идутъ разныя занятія, работы, походы; тутъ тебѣ и отличиться можно: произведутъ, можетъ, въ унтеры, какъ меня. А не то тебя, какъ образованнаго, могутъ и въ офицеры катнуть... Ей-Богу!.. А въ канцелярії что?.. Канцелярія, какъ грибокъ, приросла къ штабу,—въ походы не ходитъ. И вѣкъ придется тебѣ, согнувъ спину, корить надъ бумагами...

Этотъ совѣтъ былъ дѣйствительно хорошъ. Такъ какъ въ силу конфирмаціи мнѣ предстояло служить солдатомъ «впредь до отличной выслуги, но не иначе, какъ въ дѣлахъ противу непріятеля», то мнѣ оставалось только искать случая къ боевымъ отличіямъ, а при канцелярской службѣ, конечно, этого не могло случиться.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ полкъ вернулся изъ похода. Первые дни были полны шумной радости, естественной при возвращеніи людей къ себѣ домой на отдыхъ. Всѣ только и говорили о пережитыхъ впечатлѣніяхъ, о возможныхъ наградахъ за знаменитый въ лѣтописяхъ кавказскихъ войнъ штурмъ Гимръ. Все ущелье горцами было преграждено громаднымъ заваломъ, въ центрѣ котораго была возведена башня, оборонявшаяся самимъ Кази-Муллой со своими избранными приверженцами. Послѣ упорнаго сопротивленія башня была взята нашими войсками и всѣ защитники вмѣстѣ съ самимъ Кази-Муллой переколоты, но одинъ, совсѣмъ почти юноша, прижатый къ стѣнѣ штыкомъ сапера, кинжаломъ зарѣзалъ солдата, потомъ выдернулъ штыкъ изъ своей раны, перемахнулъ черезъ трупы и прыгнулъ въ пропасть, зияющую возлѣ башни. Произошло это на глазахъ всего отряда. Баронъ Розенъ, когда ему донесли объ этомъ, сказалъ:

— Ну, этотъ мальчишка надѣлаетъ намъ со временемъ хлопотъ...

Слова эти припомнились потомъ, нѣсколько лѣтъ спустя, какъ пророческія, когда со словъ самого Шамяля узнали, что онъ былъ тѣмъ самымъ юношей, который такъ поразительно находчиво и счастливо ускользнулъ въ Гимрахъ.

Съ приходомъ полка началась моя строевая служба. Мнѣ не пришлось прикидываться дурачкомъ, чтобы избѣжать канцеляріи. Дѣло обстояло проще: повстанцамъ не довѣряли и старались не брать въ канцелярію, гдѣ имѣлись секретныя бумаги. Но, кромѣ того, рекрутамъ было необходимо пройти ротную строевую муштровку, какъ это и теперь дѣлается.

Такимъ образомъ, я безъ особыхъ затрудненій попалъ въ шестую роту, гдѣ мнѣ сейчасъ же назначили дядькой, т.-е. инструкторомъ,

долженствовавшимъ посвятить меня во всё таинства военной службы, отдѣленнаго унтеръ-офицера Турчанинова, уроженца Рязанской губерніи. Это былъ добрый человѣкъ, знающій строевикъ, но въ пьяномъ видѣ невыносимо болтливый. Впрочемъ, я скоро приноровился къ нему и умѣлъ отдѣлываться отъ его болтливости, подставляя вмѣсто себя другого какого-нибудь слушателя.

Обученіе наше пошло чрезвычайно быстро. Конечно, я не говорилъ Турчанинову, что зналъ уже кое-что, и всё мои успѣхи онъ могъ поэтому отнести всецѣло на счетъ своихъ педагогическихъ способностей. Я даже легко усвоилъ ту белиберду, которую солдаты того времени, за неимѣніемъ письменныхъ уставовъ, передавали устно изъ поколѣнія въ поколѣніе и, конечно, при этомъ коверкали каждый по своей фантазіи. Въ концѣ концовъ смыслъ такъ искажался, что становился непонятнымъ здравому человѣку. Когда я пробовалъ исправлять кое-что или доискиваться истиннаго значенія, Турчаниновъ меня рѣзко останавливалъ и требовалъ точной передачи.

— Не твоего ума дѣло. Умнѣ тебя люди составляли «правила» (такъ называлась тогда словесная премудрость). Солдатъ не долженъ разсуждать... Такъ что же такое есть ружо?..

И мнѣ до сихъ поръ помнится отвѣтъ, который долженствовало произносить единымъ духомъ, лучше всего закрывъ глаза:

— Ружье есть оружье, намъ данное не токмо для нападенія, но и для обороны противъ врага и дабы защищать онымъ престоль, вѣру и отечество. Онымъ же я совершаю артикулы, приѣмами именуемые.

— Какъ ты долженъ совершать сіи приѣмы?..

— Сіи приѣмы я долженъ совершать по командѣ начальниковъ.

— Какія, примѣрно, бываютъ команды?..

— «Отъ стоячей ноги до могучаго плеча шарааах...ни!»

Такая команда если и существовала въ стародавнія времена, то теперь была отмѣнена и сохранилась въ устномъ преданіи. Турчанинову же она нравилась красивыми терминами и ему казались грубыми простыя команды: «на пле-чо, къ но-гѣ» и т. п.

По счастью, начальство никогда не спрашивало насъ эти правила, а довольствовалась прямыми результатами,—зналъ солдатъ ружейные приѣмы, повороты, заряданіе на шестнадцать темповъ, маршировку, кое-какія перестроенія, и довольно. Вспоминаю я еще, какъ при поворотахъ мы должны были съ приставленіемъ ноги ударять себя для отбиванія темпа правой рукой по ляжкѣ.

Всѣ одиночныя строевыя занятія велись унтеръ-офицерами, фельдфебелями, и только ротныя и батальонныя ученія—офицерами. Вообще строю удѣлялось не болѣе часа въ день, все же остальное

время было посвящено хозяйственнымъ работамъ то на полковыхъ постройкахъ, то на огородахъ, покосахъ, рубкахъ лѣса, выжиганіяхъ угля и т. п. Ротныя работы были тѣ же, что и полковыя, но только въ меньшемъ масштабѣ, и весь день солдата былъ, такимъ образомъ, наполненъ.

Послѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ занятій съ дядькой я былъ поставленъ въ строй, какъ заправскій солдатъ, и даже помню, участвовалъ въ крещенскомъ парадѣ.

Входя въ солдатскую среду, я опасался быть одинокимъ и отчужденнымъ, но этого не случилось. Съ перваго же дня никто изъ солдатъ не далъ мнѣ почувствовать тяжкаго одиночества, а всѣ будто согласились не только не корить меня въ чемъ-нибудь или злорадствовать, а, напротивъ, признали меня своимъ сослуживцемъ, равноправнымъ членомъ своей среды. Я понялъ эту деликатность и оцѣнилъ ее съ благодарнымъ чувствомъ. Были, напри- мѣръ, у насъ солдаты, побывавшіе въ Польшѣ на усмиреніи и даже въ наполеоновскій періодъ и никто изъ нихъ при мнѣ не злорадствовалъ по поводу окончательнаго крушенія польскихъ надеждъ.

То же встрѣтилъ я и въ офицерской средѣ. Между ними было довольно много поляковъ, но послѣ 31-го года они сдѣлались бѣльшими роялистами, чѣмъ самъ король, и даже между собой не говорили по-польски. Помню, какъ-то на одномъ ученіи я стоялъ въ сторонкѣ. Вдругъ ко мнѣ быстрыми шагами подошелъ офицеръ и вполголоса сказалъ по-польски: «Забудь, что ты полякъ. Ты здѣсь—москаль», и такъ какъ въ то время къ намъ кто-то подошелъ, громко сталъ мнѣ дѣлать замѣчаніе относительно выправки.

Сначала, помню, меня тянуло къ офицерской средѣ, съ которой у меня могло быть больше общаго, чѣмъ съ солдатами, но изъ опасенія встрѣтить тамъ снисходительный тонъ или покровительственный, я старался избѣгать частыхъ общеній и даже отпѣкивался на всѣ приглашенія, а потомъ я такъ тѣсно сошелся съ солдатами, открылъ тамъ такой богатый душевный міръ, что ничего не желалъ лучшаго. Не безъ наслажденія я опростился, не отказываясь ни отъ какихъ нарядовъ. Приходилось ли людямъ копать огороды,—копалъ и я; дрова рубить—рубилъ и я, также угли выжигалъ, подметалъ казармы, бѣлилъ стѣны наравнѣ съ другими. Но солдаты съ почти неуловимою деликатностью умѣли меня отстранить отъ работъ слишкомъ тяжелыхъ или грязныхъ и, такъ сказать, берегли меня. А что я имъ могъ дать взаменъ?.. Я имъ только писалъ письма на родину да читалъ получаемыя изъ деревень и въ длинные зимніе вечера въ казармахъ или лѣтомъ при бивуачномъ огнѣ рассказывалъ, что зналъ, о разныхъ странахъ, народахъ, о природѣ. При этомъ я никогда

не прикидывался всезнайкой, иногда сознавался въ незнаніи, а потому люди мнѣ вѣрили. Не всякому лектору удавалось имѣть такую чуткую, жадно прислушивавшуюся къ каждому слову аудиторію...

Особенно я подружился съ однимъ старымъ солдатомъ, Никифоромъ Максимовичемъ Сулуяновымъ, или попросту—Максими-чемъ. Знакомство наше произошло очень просто. Это было въ первое же время моего прибытія въ полкъ. Мнѣ все приходилось дѣлать самому, потому что нанимать кого-нибудь не имѣлъ средствъ. Изъ дому мнѣ дали всего пять полуимперіаловъ, изъ которыхъ у меня тогда осталось только два, и я рѣшилъ ихъ не мѣнять, а хранить до послѣдней крайности... Нужно мнѣ было постирать какъ-то бѣлье, а мыла не нашлось. Слышалъ я про щелокъ и вотъ досталъ золы, развелъ ее водой и въ этомъ отстоѣ началъ стирать бѣлье. Постепенно оно начало краснѣть: оказалось, это щелокъ разбѣлъ мои руки, и кровь сочилась изъ подъ ногтей... Солдаты подняли меня на смѣхъ. Бывшій возлѣ Максимичь, одного со мною взвода, покачалъ укоризненно головой и сказалъ:

— Нѣшто такъ можно?.. Въ щелокѣ бучать бѣлье, а не стирають... Дай сюда!..

Сердито вырвалъ онъ у меня рубаху, досталъ своего мыла и достиралъ бѣлье. Съ тѣхъ поръ я почему-то полюбился ему. Бывало-проснешься, а сапоги уже вычищены, амуниція навощена, ремни побѣлены... А тамъ, когда мы разжились чаемъ, то и жестяной чайникъ вскипяченъ. На походѣ, бывало, затекутъ мои плечи отъ непривычнаго ранца, а Максимичь идетъ сзади, да поддержи, вааетъ или заставить снять и самъ несетъ мою ношу... Я пробую отнять, а онъ не даетъ и говорить:

— Да куда тебѣ ледащему... Отдохни малость, а мнѣ это ни-почемъ...

Мое нищенское добро берегъ больше своего. И все это не было чертою привычнаго подчиненія, а лишь проявленіемъ «отцовства», громадный запасъ котораго солдаты, навѣкъ оторванные отъ семьи, хранили въ своихъ сердцахъ. Имъ необходимо было покровительствовать кому-нибудь, пестовать, и чувство это выражалось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, проявляясь любовью къ сиротамъ, подкинутымъ или плѣннымъ дѣтишкамъ, а иногда къ домашнимъ или дикимъ животнымъ. Поэтому-то на Кавказѣ, гдѣ отчужденность отъ родины чувствовалась гораздо острѣе, были такъ распространены «усыновленія» разныхъ сиротъ, на воспитаніе которыхъ солдаты съ неизъяснимымъ наслажденіемъ несли свои дорогіе гроши и офицеры не имѣли духу отказать имъ въ этомъ сборѣ, а въ каждой ротѣ, гдѣ, конечно, масштабъ былъ меньше, всегда имѣлись свои баловни въ видѣ собакъ, козловъ, оленей, даже медвѣдей. Максимичь, всегда нянчившійся

съ кѣмъ-нибудь, перенесъ свою нѣжность съ кудлатаго пса на меня.

Какъ сейчасъ вижу его спокойную фигуру степеннаго солдата, всегда занятаго какимъ-нибудь дѣломъ, кромѣ праздниковъ, когда онъ, если не былъ въ нарядѣ, утро отстаивалъ обѣдню и полдня гулялъ, а къ вечеру уже снова возился у себя, приводя въ порядокъ оружіе и амуницію. Краснорѣчіемъ онъ не отличался, да и не любилъ распространяться о чемъ-либо, особенно при чужихъ, но къ его сужденіямъ въ ротѣ прислушивались, считая его справедливымъ человѣкомъ. Былъ онъ между прочимъ уже много лѣтъ образнымъ старостою, т.-е. слѣдилъ за ротнымъ образомъ и хранилъ лампаднаыя деньги. Какъ онъ относился къ своимъ обязанностямъ, можно судить по тому, что, какъ ни круто намъ иной разъ приходилось, онъ ни разу не покусился взять на наши нужды заимообразно изъ имѣвшихся у него образныхъ суммъ, считая это такимъ же кощунствомъ, какъ, примѣрно, закурить трубку у лампы.

Взамѣнъ своихъ услугъ и постоянной заботливости обо мнѣ онъ ничего не требовалъ. Случалось, у меня иногда шевелилась совѣсть, и я желалъ проявить въ чемъ-нибудь свое усердіе, но онъ говаривалъ:

— Да не мѣшай мнѣ, Бога ради. Иди себѣ, поиграй вонъ въ лапту съ ребятежью, а я и безъ тебя справлюсь... Ишь, тоже нашелся помощникъ!..

Въ 1839 году я пошелъ въ походъ солдатомъ, а вернулся офицеромъ, еще дорогою мечтаю о томъ, какъ я отблагодарю своего друга за всю его отеческую ласку ко мнѣ, да, видимо, я плохо изучилъ Максимиича и не понялъ самой простой вещи: такія отношенія не могутъ быть вознаграждены матеріально. На всѣ мои зовы онъ приходилъ неохотно, держался стѣсненно и принялъ послѣ моихъ усиленныхъ настояній только ватную, простеганную курточку подъ мундиръ да старые серебряные часы, такъ какъ то и другое составляло предметъ его давнихъ мечтаній... Въ концѣ концовъ онъ мнѣ объявилъ, перейдя на официальное «вы»:

— Очень мнѣ за васъ радостно, ваше благородіе, что начальство васъ отличило... Такъ оно и должно быть, а только теперь мнѣ не слѣдуетъ вамъ надоѣдать...

И, несмотря на эти рѣзкія слова, я убѣжденъ, что онъ искренно радовался моему успѣху, даже гордился имъ, но въ душѣ скорбѣлъ объ утратѣ друга, которому ужъ не могъ покровительствовать. Но я все-таки мечталъ такъ или иначе приблизить его къ себѣ, пригласивъ его шаферомъ въ предстоящей моей женитьбѣ, или крестнымъ отцомъ будущихъ дѣтей... Къ несчастью, ни одного изъ этихъ желаній мнѣ не удалось осуществить. Возвратясь изъ одной командировки, я узналъ, что мой дорогой Максимиичъ забо-

лѣлъ «нутромъ» и, будучи отвезенъ въ тифлисскій госпиталь, тамъ умеръ.

Не могу себя представить, какое горе для меня могло быть сильнѣе. И какой мнѣ казалась ужасной подобная кончина Максима́ча, всегда инстинктивно боявшагося госпиталей, словно онъ предчувствовалъ тамъ свой конецъ.

Я тотчасъ же поскакалъ въ Тифлисъ и тамъ не безъ труда отыскалъ на Навтлужскомъ казенномъ кладбищѣ близкую мнѣ могилку... Я поставилъ изъ сѣраго камня крестъ и плиту—все, что только могъ сдѣлать при моихъ болѣе чѣмъ скудныхъ средствахъ.

Бывая потомъ въ Тифлисъ, мы каждый разъ служили панихиды на могилѣ Максимыча, который при жизни въ минуты грусти, а у насъ съ нимъ бывало ихъ не мало, говаривалъ:

— Вотъ помрешь въ этой проклятой азіятской сторонѣ, похоронятъ тебя, какъ собаку, креста не поставятъ, и никто-то не придетъ на твою могилу лба перекрестить и молитву сотворить...

И теперь я нравственнымъ долгомъ своимъ считалъ выполнить желаніе покойнаго... Скажу откровенно,—были у меня потомъ друзья, пріятели, но болѣе преданнаго, безкорыстнаго я не имѣлъ...

Спи же, мой дорогой Никифоръ Максимовичъ!.. Ты протянулъ мнѣ руку дружбы на далекой чужбинѣ, ты былъ мнѣ другомъ, братомъ... О тебѣ я храню самыя лучшія, самыя чистыя воспоминанія...

Но при всемъ моемъ искреннемъ желаніи опроститься, мнѣ, признаться, иной разъ приходилось не легко, не взирая на участливое отношеніе солдатъ. Много мнѣ мѣшала извѣженность, отъ которой я никакъ не могъ отдѣлаться: то пища плоха, то ранецъ оттягивалъ плечи, то тяготили караулы...

Лучше всего мы себя чувствовали въ командировкахъ за лѣсомъ, дровами и углѣмъ, когда роты уходили на мѣсяць, на два въ горы и вели тамъ образъ жизни не солдатъ, а «вольныхъ», и этотъ суррогатъ свободы больше всего привлекалъ людей.

Въ 1834 году наши первые два батальона, въ томъ числѣ и шестая рота совершили походъ на Кубань, не принеши́й никому изъ насъ реальной пользы, по пословицѣ: коли паны дерутся, у хлопцевъ чубы болятъ. Такъ на нашемъ отрядѣ сказалась вражда между командиромъ Эриванскаго полка, княземъ Дадіани (о немъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ) и генераломъ Вельяминовымъ. Нашъ первый батальонъ по приходѣ на Кубань простоялъ все время въ Баксанскомъ ущельѣ, сторожа прорывъ горцевъ, а второй батальонъ былъ распределенъ по укрѣпленіямъ верхняго теченія Кубани. За полугодовое пребываніе на Кавказской линіи я помню всего лишь одно боевое выступленіе—экспедицію подъ началь-

ствомъ генерала Засса, командовавшаго Кубанской линіей, для разоренія абадзехскаго аула въ декабрѣ мѣсяцѣ. Весною 1835 года мы вернулись на Манглись.

Выдающимся событіемъ въ этомъ походѣ былъ нѣкотораго рода «бунтъ» нижнихъ чиновъ противъ командовавшаго нашими двумя батальонами полковника Катенина. Употребляя слово «бунтъ», я, можетъ быть, выразился нѣсколько сильно, однако иначе трудно назвать то глубокое чувство возмущенія, которое овладѣло тогда солдатами, но на почвѣ чисто-нравственной, рисующей моральную сторону нижнихъ чиновъ съ самой лучшей стороны и доказывавшей крѣпость отношеній ихъ съ офицерами, явившимся заступниками за своихъ подчиненныхъ.

Этотъ полковникъ Катенинъ, только недавно переведенный въ нашъ полкъ изъ гвардіи, другъ и сослуживецъ нашего полкового командира князя Дадіани, принадлежалъ къ петербургской золотой молодежи. Мнѣ потомъ рассказывали, что это былъ воспитанный, очень образованный молодой человекъ, довольно богатый, хлѣбосольный, остроумный, но страшно развращенный и писавшій звучные стихи во вкусѣ Баркова, воспѣвавшіе любовь къ красивымъ юношамъ и ненависть къ женщинамъ. У многихъ въ полку долго хранились рукописныя тетрадки его стиховъ. Я не любитель подобной литературы, но со словъ одного изъ сослуживцевъ помню начало какого-то стихотворенія:

Заброшенный въ далекій, чуждый край,
Я разлученъ съ тобой, о юноша прекрасный!..
Нарушенъ нашъ блаженный рай
Судьбой слѣпою, властной!..
Гдѣ же ты теперь, Нарцисъ прекраснѣйшій?
Все такъ же ль нѣженъ пухъ твоихъ ланитъ?.. и т. д.

Въ началѣ, по пріѣздѣ на Кавказъ, Катенинъ сдерживался, но, назначенный въ описываемый походъ, проявилъ свои порочныя склонности, вызвавъ естественный ропотъ солдатъ. Они заявили своимъ ротнымъ командирамъ претензію, и тѣ подали рапорты. Князь Дадіани не могъ затупить дѣла, но все же ему удалось склонить барона Розена ограничиться лишь переводомъ полковника Катенина комендантомъ въ Кизляръ, что, впрочемъ, было равносильно ссылкѣ. Тамъ, говорятъ, онъ совсѣмъ спился и скоро умеръ. Наши батальоны принялъ полковникъ Дальскій, лечившійся въ то время на кавказскихъ минеральныхъ водахъ.

Со мною въ этомъ походѣ произошелъ эпизодъ, закрѣпившій еще болѣе мою любовь къ моимъ одноротцамъ. Я простудился и заболѣлъ сильнѣйшей формой гастрической лихорадки. Первые дни я кое-какъ еще перемогался, но наконецъ головокруженія, рвоты и пароксизмы, доходившіе до бреда, такъ меня ослабили,

что я не могъ идти. Ротный командиръ хотѣлъ меня отправить въ госпиталь, но Максимычъ, а главнымъ образомъ фельдфебель Соколовъ, отдѣленный Клинишенко, глубоко убѣжденные въ томъ, что въ госпиталяхъ не лечатъ, а отправляютъ на тотъ свѣтъ, упростили ротнаго никуда не посылать меня, а принялись сами лечить разными потогонными, слабительными, укладывая меня въ походѣ на артельную повозку.

Максимычъ неотступно находился возлѣ меня, укрывая попонами, дабы я, потный, не простудился еще болѣе. Въ этомъ случаѣ меня трогаетъ не Максимычъ, который не могъ поступить иначе, а участіе всей роты, спасшей меня отъ госпиталя и предложившей свою единственную, строго оберегаемую собственность,—артельную повозку. А это большая жертва.

Чтобы судить объ этомъ, нужно знать хозяйственную организацію того времени. Одинъ изъ предыдущихъ полковыхъ командировъ, Н. Н. Муравьевъ, начальствованіе котораго составляетъ блестящую эпоху въ исторіи полка, установилъ извѣстнаго рода автономію въ ротномъ хозяйствѣ. Всѣми распоряжками вѣдалъ комитетъ изъ фельдфебеля и четырехъ выборныхъ, по преимуществу отдѣленныхъ, но бывали и простые рядовые, чѣмъ-нибудь проявившіе свою хозяйственность. Максимычъ былъ нѣсколько времени въ этомъ комитетѣ, но самъ отказался, оставивъ себѣ только ротный образъ. Ротные командиры наблюдали за правильнымъ показаніемъ наличнаго числа людей въ требованіяхъ на отпускъ натурой муки, мяса и приварочныхъ. Вся получавшаяся отъ довольствія экономія поступала въ собственность роты и достигала иногда весьма почтенной цифры въ нѣсколько сотъ рублей, хранившихся въ полковомъ ящикѣ. На эти деньги заводились бара, музыкальный инструментъ для пѣсенниковъ—бубны, кларнеты, лиры, бунчуки, ложки—и артельные повозки съ лошадей, предметъ особо нѣжной заботливости солдатъ. Эти Васьки, Ерешки, Буланки могли кого угодно удивить своею выхоленностью, гладкостью и лоснящейся шерстью. Въ нашей ротѣ имѣлась пара очень хорошихъ лошадей, мать съ сыномъ стригуномъ,—хорошая помѣсь съ чистокровнымъ карахомъ. Черезъ годъ жеребчика продали одному драгунскому юнкеру по небывало дорогой цѣнѣ—сто рублей. Фуражъ себѣ и ротному командиру роты заготовляли сами на полковыхъ покосахъ, въ походѣ же покупали, а не то люди по пути руками срывали траву и цѣлыми охапками несли до ночлега. Не уклоняясь отъ истины, можно было смѣло сказать, что этимъ Васькамъ и Буланкамъ жилось лучше, чѣмъ солдатамъ.

По сложившейся традиціи офицеры не позволяли себѣ пользоваться ротной повозкой и лошадей, въ походѣ не клали вещей своихъ, а каждый имѣлъ свою вьючную лошадь. И вотъ на эту-то

неприкосновенную повозку сами солдаты уложили меня больного. Какъ же было не одѣнить подобнаго трогательнаго вниманія?.. Благодаря уходу, а скорѣе всего чистому горному воздуху Дарьяльскаго ущелья, я быстро поправился.

Весною 1835 года мы вернулись на Манглись, и тамъ вскорѣ въ моей службѣ произошла перемѣна. Какъ я ни оберегалъ себя, по совѣту Клинишенка, отъ канцеляріи, все же мнѣ не удалось ея избѣгнуть. Всею виною угольная командировка.

Однажды фельдфебель Соколовъ, вернувшись съ вечерняго рапорта ротному командиру, отдалъ приказаніе готовиться людямъ на завтра къ выступленію въ лѣсъ на р. Храмъ «по уголь». Мы съ Максимычемъ размечтались, какъ онъ сплететъ мнѣ лапти, какъ мы будемъ охотиться на красную дичь и ловить рыбу, извѣстную въ Закавказьи подъ названіемъ «храмуля». Въ штабѣ оставались только огородники и наказанные, въ числѣ которыхъ оказался ротный писарь, большой пьянчужка и deboширъ. Обязанности его были возложены на меня.

И вотъ тутъ-то лукавый попуталь меня слишкомъ добросовѣстно отнестись къ моимъ новымъ обязанностямъ,—рапортички мои, вѣроятно, грамотно написанныя и толково составленныя, обратили на себя вниманіе въ штабѣ полка. Черезъ нѣсколько дней полученъ былъ конвертъ, мною же самимъ распечатанный, съ приказомъ: «командировать рядового Рукевича въ полковую канцелярію для письменныхъ занятій»...

Помню я грустно проведенный послѣдній вечеръ въ кругу моихъ пріятелей, старавшихся меня наставить должнымъ образомъ. Клинишенко говорилъ своимъ ровнымъ наставительнымъ голосомъ:

— Ну, что жъ, коли такъ вышло, значить, тебѣ судьба... Только ты, парнишка, не поддавайся имъ, не входи въ эту писарскую компанію. Доброму они тебя не научатъ, а испортить могутъ. Да насъ, смотри, не забывай, навѣдывайся почаще къ намъ... Мы всегда тебѣ будемъ рады...

Максимычъ дѣлалъ безразличный видъ, но, судя по той сосредоточенности, съ какой онъ копошился въ нашихъ вещахъ, перекладывая ихъ изъ одного ранца въ другой, можно было заключить, что не легко давалось ему это спокойствіе.

— Тутъ, Ѳомичъ, всѣ твои вещи... Бѣлье, того, справное, чистое,—сказалъ она наконецъ, завязывая ремни моего туго набитаго ранца.

Объемъ, однако, заставилъ меня усомниться, мои ли однѣ тамъ вещи. И дѣйствительно, тамъ оказались наши общія, принадлежавшія мнѣ лишь на половину, и, кромѣ того, сулуяновскія.

— Эй, Максимычъ, зачѣмъ же ты наложилъ все это?—невольно воскликнулъ я, выкладывая чай, сахаръ, сапожный товаръ, гребенку, мыло, запасъ нитокъ, куски воску для лощенія ремней и не помню еще что-то.

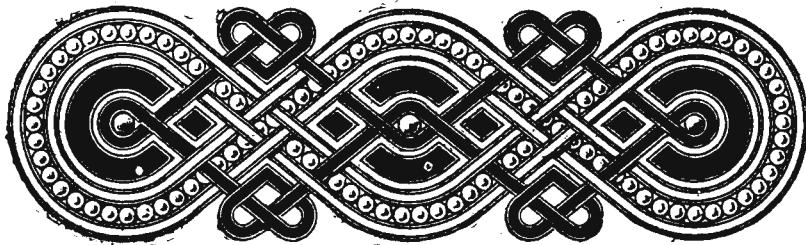
Уличенный Максимычъ разсердился и, бурча себѣ подъ носъ, вышелъ изъ землянки. На слѣдующій день съ подводой, шедшей за хлѣбомъ, я грустно поплелся въ штабъ. Съ Максимычемъ, еще до свѣта ушедшимъ на распилку, я такъ и не простился.

Что-то теперь мнѣ готовила судьба?..

А. Ф. Рукевичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОСЛУШНИЦА.

Изъ современной дѣйствительности,

1.

АЛЕНЬКІЙ женскій монастырекъ укрылся въ глубокомъ логу у самой рѣчки. Выше, по косогору протянулась плотная щетка сосноваго бора. На много версть шель лѣсъ, смѣнялся мѣстами рѣдкимъ перелѣскомъ, цвѣтущими лужайками и только далеко, далеко, спускаясь ужъ въ низину, переходилъ въ луга, заливавшіеся по веснамъ, а по спадѣ воды красовавшіеся густой муравой.

Женская обитель не велика, человекъ шесть манатейныхъ, послушницъ десятка полтора наберется, да и то какія послушницы, все это рабочій людъ, и на косьбу сами ходять, хлѣбъ сѣютъ, убираютъ. А хлѣба много высѣвается на монастырскихъ поляхъ, почитай до новаго зерна хватаетъ, и на сѣмена еще остается.

Рабочій монастырекъ никакого «вспоможенія» себѣ никогда не спрашиваетъ въ епархіи, отошелъ отъ нея, только когда и бываетъ мать казначея въ городкѣ, за припасами разными да за ладаномъ, маслицемъ деревяннымъ, а воскъ свой, пчела наровита водится. Божью свѣчу монашки сами и катаютъ.

Городокъ отъ монастыря не близокъ, двадцать пять версть отошелъ отъ обительской луговинки, да и все отсюда не близко: въ медвѣжьемъ углу уѣзда сидитъ обитель.

По веснѣ и осени ни проходу, ни проѣзду нѣтъ; тамъ дальше, все по косоюру, среди сосноваго лѣса пробѣгаетъ поселокъ, да и по немъ рѣдко кто ѣздитъ. Только за послѣднее время что-то участилась ѣзда, заводъ лѣсопильный еще дальше поставили, къ нему ѣздятъ.

Такъ и жили въ «отчужденіи» монашки, ото всѣхъ въ укромѣ находились.

— Мать Папила,—почтительно спрашивала грузную, еще не старую настоятельницу сухонькая казначея, старуха Анфія:—ишь, оно время-то какое настало, до Петрова дня еще сколько дней, а травы сохнуть зачали, не благоволишь ли нашимъ трудницамъ за косьбу приняться?

Задумалась настоятельница, взялась пухлою желтоватой рукой за жирный подбородокъ, это она всегда дѣлала въ минуту раздумья.

— Ой, перегодить бы надо, мать Анфія, другого дѣла-то въ обители не мало имѣется, и огородную слеть прополоть по грядамъ надо, ишь, сколь сорной травы-то повыросло, за садомъ тоже походить слѣдовало бы, яблोकъ наливаться началъ, марель тоже покраснѣлъ ужъ, все руки да руки, гдѣ ихъ набраться-то?

— Какъ бы метелкой трава не пошла? вянуть зачнетъ, изъ пѣвчихъ которыхъ бы, что ль, не послать на косовицу?—осторожно намекнула казначея, поправляя высохшими, тонкими пальцами куколь, слѣзшій на лобъ.

— Погодимъ, милая, день-другой. А ты того, Вареньку, Симку рыжую, Парасковеею, Анну да Агашу пошли въ огородъ, пусть полютъ.

И игуменья медленно стала спускаться съ каменныхъ приступковъ своей укомной кельи.

Анфія поклонилась ей и бойко затрусилась обратно въ трапезную, гдѣ еще убирались молодыя послушницы.

Въ уголку монастырскаго сада, опершись на каменный столъ, сдѣланный изъ стараго жернова, стояла невысокая, плотная дѣвушка въ монашеской ряскѣ. Темные глаза ея были устремлены на плетеную изгородь, густо заросшую кустами жимолости и шиповника. Молодое загорѣлое лицо послушницы было сосредоточено, на лбу собирались складки, къ закушеннымъ губамъ она поднесла согнутые пальцы лѣвой руки и ждала.

Нетерпѣніе сказывалось въ легкомъ подергиваніи плечъ и головы. Глаза перекинулись на солнце.

«Третій часъ,—прошептала послушница:—чего онъ тамъ копается? Сказала же я ему, чтобы приходилъ раньше!»

Неожиданный шумъ осторожно раздвигаемыхъ вѣтвей сгладилъ складки на лбу чернички, она продвинулась ближе.

Среди зеленой волны листьевъ показался молодой парень. Онъ осторожно выбрался изъ отверстiя въ изгороди въ садъ и поклонился послушницѣ.

— Что ты такъ, Аксентiй, поздно?—строго спросила она его.

— Никакъ не было возможно раньше къ тебѣ побывать, Елена Митрофановна.

— Сегодня ночью куда ходили?—сухимъ, короткимъ звукомъ спросила его дѣвушка.

— Были, туда подѣ мельницей, пустое дѣло, даромъ только ночь извели, большого рыжаго коня Алпатка-мельникъ вывелъ въ городъ, а ту старую кобылку бѣлую, что завсе на ней хлѣбъ возять, брать не стоило, на переднiя ноги совсѣмъ порушена.

— А сегодня куда ладите?

— Да хотѣли въ Ивановское переметнуть, больно хороши соловыхъ пара у Ивана Кондратьева, трактирщика, да слѣдить, чортъ одноглазый, за ними, по ночамъ просыпается, въ конюшню ходить. А ты какъ посудишь, Елена Митрофановна, куда бы намъ вольнуть?

— Ивановское сегодня бросьте, спуститесь подѣ рѣку, туда ниже въ Крапивну ударьтесь, у Лазаря Евстратова гнѣдая кобылка хороша, тутъ онъ къ намъ въ обитель на ней наѣзжалъ, хвастался,—дѣловито приказала монашка.

— Что жъ, гнѣдку такъ гнѣдку брать, намъ все равно.

— А потомъ пусть Ванька Сизый перекрасить ее въ рыжака и стонить въ другой уѣздъ, онъ вѣдь мастеръ.

— И это возможно, мы тебѣ всегда покорны, Елена Митрофановна, глава ты у насъ, ой, такую поискать еще!

— Завтра ночью я сама съ вами пойду, дѣло хорошее имѣется, безъ меня только куда вамъ справиться однимъ, а теперь ступай!

Парень поклонился и ловкiй, какъ угорь, проскользнулъ обратно въ дыру плетня, исчезъ въ зеленой волнѣ.

II.

Малиновый звонъ лился съ колокольни монастырька и прятался тутъ же, въ логу; только съ одной стороны, къ рѣчкѣ мѣдныя вѣстники, вылетая на просторъ, неслись по низинѣ и таяли гдѣ-то далеко, далеко...

Монастырь переполненъ богомольцами. Много всякаго народу: и крестьяне изъ соседнихъ селъ и деревень понаѣхали, понашли изъ хуторковъ однодворцы-хозяйщики, были и помѣщики кое-которые. Въ обители праздникъ престольный, и время-то самое нечало косовицы. Понабрался народъ молиться Господу Богу передъ косью, а тамъ сейчасъ вслѣдъ за ней и за «ржаные» приниматься надо, звенѣть колось-то началъ, поналился, пожелтѣлъ. Жаркое

Господь Богъ далъ лѣто и урожайное когда нужно, дождинки перепадали, не засохли хлѣба.

Все въ монастырѣ блеститъ, все радуется гостямъ: въ храмѣ Божіемъ чистота, благолѣпіе, свѣчи всѣ возжены, хоръ хорошо поетъ. Старый священникъ благоговѣнно возгласы дѣлаетъ, ему подъ стать древній діаконъ старается, эктении звучно и четко произносить, да натруженный годами голосъ плохо его слушается, трясется, на верхнихъ нотахъ дрожить.

Но отецъ Евментій не унываетъ и бодрится.

— Ты бы, Елена, послѣ молебствія обнесла почетныхъ-то гостей просфорками,—дѣловито сказала молодой послушницѣ казначея:—нужно честь благодѣтелямъ нашимъ сдѣлать.

— Слушаю, матушка,—покорно отвѣчаетъ черничка, исполняя возложенное на нее послушаніе прислуживать въ алтарѣ и ходить за просфорами.—Кому первому прикажете, матушка Анфія, подать?

— Да кому, Левону Сергѣичу поднеси, онъ у насъ первымъ по благотворенію, ишь какую лошадку обители препожертвовалъ, а потомъ Власу Михайлычу съ супругой, дѣтямъ можешь и не раздавать, Василій Силычъ на очереди за нимъ, земскій вѣдь онъ у насъ по округу, а другимъ тамъ сама разсудишь.

Почетные гости столпились у праваго клироса, имъ были положены особые коврики, для дамъ поставлены стулья, на которыхъ помѣщичьи супруги и разсаживались, отдыхая отъ долгой церковной службы.

День выдался погожій, на небѣ ни тучки, ни облачка, одинъ голубой куполь, точно слитый надъ землей, держится.

Весело отрезвонили подголосники по окончаніи молебна, почетные гости перешли въ низенькіе покои матери Папилы, гдѣ сегодня ради праздника трапезовали мірскіе, монашки же, какъ всегда, остались въ прежней трапезной около кухарни, куда къ нимъ набрались богомольцы изъ простыхъ, хотя всѣхъ размѣстить здѣсь все же не удалось.

Были разставлены столы прямо на монастырскомъ дворикѣ, тутъ и трапезовали.

— Захаръ Ивановичъ, что я тебѣ скажу; слыхаль, сегодня ночью, какъ въ Ивановскомъ у трактирщика увели со двора пару соловыхъ-то лошадокъ и точно сквозь землю провалились, не отыщеть.

— И не говори,—махнувъ рукой, съ досадой отозвался его сосѣдъ, лохматый мужикъ:—завелась эта у насъ погань, конокрады, и не избавишься отъ нихъ!

— У сосѣда Лазаря Евстратова гнѣдую кобылку тоже ладилась увести, да не на такого нарвались, пришибъ онъ одного изъ парнишекъ, утащили съ собой другіе.

За столомъ слышались жалобы и другихъ крестьянъ. Конокрады уводили лошадей отовсюду и до сихъ поръ нигдѣ не попадались. Тщетно урядникъ и стражники рыскали по всему уѣзду, — слѣдъ пропадалъ.

Въ помѣщеніи игуменьи шли тѣ же разговоры. Среди ея гостей были тоже пострадавшіе, между прочимъ у Власа Михайловича Недорогина, средняго помѣщика, увели вороного коня.

— Но ужъ у меня имъ хвостъ обрѣжутъ, не сунутся ко мнѣ, — увѣренно проговорилъ Орхаланскій, богатый помѣщикъ, имѣвшій небольшой конскій заводъ.

— Не спросятся и уведутъ, батюшка, — возразила ему жена Недорогина. — Мы не гадали и не думали, какъ нашего «Михрючка» изъ конюшни увели, да и конюхамъ невдомекъ, глянь вся задняя стѣнка развалена, а коня нѣтъ.

— Хоть бы ты, Василій Силычъ, построже своимъ заказалъ, чтобы смотрѣли, переловили конокрадовъ этихъ... Спасибо, сестрица, — поблагодарилъ опъ предлагавшую ему какого-то кушанья послушницу Елену и, когда дѣвушка вышла изъ комнаты, обратился къ настоятельницамъ:

— Какъ мнѣ правится ваша монашка! Красивая такая, вѣжливая, видимо, воспитанная!

— А какъ же, батюшка, Василій Силычъ, она дочка чиновника одного, гимназію окончила, на курсы было собиралась итти, да тутъ какой-то грѣшокъ съ ней случился, влюбилась ли она, что ли, въ кого, къ намъ въ обитель пришла, просила принять. Вотъ уже четвертый годъ у насъ проживаетъ, благочестивая, прилежная такая, мы ею очень довольны, полезная для обители послушница.

— Ну, зато остальные-то у васъ прямо отъ сохи — замѣтилъ Левонъ Сергѣичъ.

— Такихъ-то намъ больше всего и надобно, всякую работу справляютъ, ничѣмъ не гнушаются.

Почетный обѣдъ не затянулся: спустя короткое время гости стали разѣзжаться, и монастырекъ опустѣлъ.

III.

Тамъ же, въ зеленомъ углу у стараго жернова подъ самый заходъ солнца выбиралась изъ обители послушница. Теперь ее было не узнать: на ней были надѣты: легкая казинетовая мужская поддевка, косоворотка, мужскія шаровары и длинные сапоги. Темные волосы тщательно подобраны подъ высокій картузь. Съ перваго взгляда послушницу можно было принять за крестьянскаго подростка.

Осторожно оглядываясь, она вылѣзла наружу сада и прошла узкой лѣсной тропкой къ монастырскимъ сараямъ, еще не заваленнымъ свѣжимъ сѣномъ.

— Не выгоняли еще соловыхъ?—дѣловито спросила она выбѣжавшаго къ ней навстрѣчу парня.

— Безъ вашего приказа, Елена Митрофановна, ни одной лошади не угоняли, и вороной здѣсь, у Недорогина взяли.

— Хорошо. Аксентій уѣхалъ съ другими?

— Должно, что такъ, къ Орхаланскому въ экономію перекинулись, вороныхъ сюда приведутъ.

— Давно ужъ они ушли?

— Да съ полудня, какъ вы приказывали.

Въ углу сарая лежалъ остатокъ прошлогодняго сѣна. Послушница опустила на него, закусила одну соломинку и задумалась.

Все ей удавалось, дѣло шло въ ширь, конокрады, помощники ея, подобрались дѣльные, бывалые, не разъ битые разоренными крестьянами, а головой всего дѣла была она сама.

Присматривалась дѣвушка къ лошадямъ пріѣзжавшихъ въ обитель помѣщиковъ и крестьянъ, всѣхъ знала на перечетъ, поразспрашивала о всякой мелочи, соболѣзновала зачастую потерпѣвшимъ и отлично вызнавала, гдѣ и когда можно воспользоваться временемъ и итти навѣрняка.

Никому и въ догадку не приходило, что пріютъ для краденыхъ лошадей находился здѣсь же, въ монастырскихъ сараяхъ, тутъ ихъ ловкачи перекрашивали, подрѣзали хвосты и угоняли не только въ другой уѣздъ, но даже губернію.

Частенько выбиралась на промыселъ и сама послушница, ускользавшая тихонько по ночамъ изъ монастыря.

Задумавшись, послушница вышла изъ сарая и пошла лѣсной дорогою въ сторону отъ монастыря. Шла она довольно долго. До рога обѣгала внизъ по рѣкѣ, къ броду. Ночь была довольно темная, сгрудились облачки, вѣтеръ упалъ, ни звѣздъ на небѣ, ни луны...

Тихо. Напряженно, какъ передъ грозой. Елена опустила на колѣни и приникла ухомъ къ землѣ—топоту не было слышно.

— Эхъ, копаются,—неволью вырвалось у дѣвушки:—пойдетъ дождь, слѣды останутся!

Рѣка очень обмельѣла въ это лѣто, чуть слышно журчали струйки по камнямъ. Еще больше нахмурился лѣсъ.

Тишина прервалась звонко шлепнувшейся каплей, за ней зазвенѣла другая, третья; начинался лѣтній теплый дождь.

Жадная, высохшая земля впитывала его, какъ губка. Поднялся вѣтеръ, сперва только зашелестѣлъ верхушками деревьевъ, но сейчасъ же перешелъ въ шкваль.

Надъ самой головой послушницы разразился ударъ грома, молнія прорѣзала темноту, все затянулось водяной завѣсой.

Недовольная ожиданіемъ черничка повернулась и пошла обратно въ сарай. Темная фигура остановила ее у входа.

— Да никакъ это вы, Елена Митрофановна?—услышала она обрадованный голосъ Аксентія:—а мы тѣтъ, почитай, побольше получаса, какъ вернулись, другой дорогой лошадей погнали, чтобы слѣды замести. Ишь, дождице-то какой.

— Это ты умно выдумалъ. Калошки одѣвали?

Лица конокрада не было видно въ темнотѣ, но по тону голоса замѣтно было, что онъ усмѣхнулся.

— Да что вы насъ за младенцевъ почитаете? Два мѣшка съ собой всегда носимъ, когда промышлять идемъ, всѣ ноги обернули. Здѣсь лошадки-то, въ сараѣ стоятъ, ожидаютъ приказа вашей милости.

— Жаль, масть на нихъ другую навести нельзя, изъ «ворона» ничего не сдѣлаешь, придется перегнать въ другую губернію и тамъ сбыть.

— Сейчасъ опасно, ишь сколь земля-то разошлась, слѣдъ будетъ,—опасливо возразилъ конокрадъ.

— Перегодишь тамъ, сколько нужно, потомъ осторожно по ночи и сплывишь. Аркадія Косого возьми къ себѣ въ подручные, онъ всѣ ходы лучше кого другого знаетъ.

Послушница вошла въ сарай, достала изъ кармана маленькій фонарикъ, нажала кнопку, и бѣлая полоса электрическаго свѣта освѣтила густое пространство.

Въ углу, гдѣ она еще недавно лежала, были туго привязаны двѣ воронья лошади, пугливо прядавшія ушами и испуганно смотрѣвшія на свѣтъ фонарика.

— Меньше какъ за пять катеринъ и не думай продавать, кони стоятъ дороже,—коротко кинула своимъ товарищамъ черничка, кивнула имъ головой и, потушивъ фонарикъ, пошла обратно къ монастырю.

IV.

Кража дорогихъ коней у самого земскаго начальника подняла весь мирно дремавшій уголь. Земская полиція кидалась во всѣ мѣста, гдѣ рассчитывала найти украденныхъ животныхъ, но они нигдѣ не находились и даже слѣдовъ не было видно; сильный дождь смылъ ихъ.

— Ну, ужъ попадутся мнѣ эти ловкачи,—грозилъ кому-то кулакомъ коротышка-приставъ Недыхляевъ:—задамъ я имъ перцу, насыплю соли на хвостъ!

Но ни «соль», ни «перець» не помогли. Орхаланскій рвалъ и металлъ.

— Во что бы то ни стало, отыскать мнѣ лошадей, это что-то такое неслыханное, да что мы въ пустынь какой, что ли, живемъ?

«Истор. вѣсто.», сентябрь 1914 г., т. сxxxvii.

кони мои точно сквозь землю провалились,—кричалъ онъ, не по-дозрѣвая, что его вороныя стоятъ въ монастырскомъ сараѣ, мимо котораго онъ не разъ проѣзжалъ.

Угнать ихъ было еще нельзя, приходилось ожидать, пока все немного уляжется и тогда, выбравъ потемнѣе ночку, осторожно перевести ихъ полями въ другой уѣздъ, а тамъ и въ другую губернію, благо она не такъ далеко отстояла отсюда.

— Нужно будетъ, всѣ сюда сбѣгутся, только свистни!—увѣренно говорилъ Аксентій черничкѣ, частенько навѣщавшей по ночамъ вороныхъ плѣнниковъ.

Гнѣдка и раньше выхваченный вороной ужъ нашла себѣ мѣсто, ихъ успѣли сбыть кому-то далеко отсюда.

Заскучала Елена. Давно не ходила она сама на «дѣло».

— Что это ты, сестра Елена, съ лица похудала что-то?—участливо сказала ей казначея.—Занедужилось, что ль? Аль такъ, думу какую думаешь?

— Что вы, матушка Анфія, ничѣмъ я не больна, и думы никакой у меня не имѣется,—сдержанно отвѣтила послушница.

Ее тревожило, что лицо выдало сокрытыя думы.

— Ужъ больно ты хлопотлива, до всего доходишь, ишь, цѣлый день, какъ бѣлка, крутишься, поменьше свои дѣла-то, матушка не нудить тебя, вѣдомо ей, сколько ты до дѣла всякаго охоча, трудолюбіе твое ей вѣдомо,—ласково прибавила казначея.

Въ эту ночь послушница собиралась сдѣлать небольшой набѣгъ въ богатое село Ивановское, погостить со своими сотоварищами у мѣстнаго трактирщика.

Снова стоитъ удушливая погода, дождей какъ не бывало. На косовицу весь людъ крестьянскій выбрался, давно было пора, только дожди на пару дней задержали.

Въ обители готовились косить. Конокрадамъ нужно было торопиться и сбыть коней, скоро всѣ монастырскіе сараи завалятъ душистымъ, свѣжимъ сѣномъ, негдѣ будетъ хранить выкраденныхъ животныхъ.

— Брать другихъ никого съ собой не станемъ,—рѣшила дѣвушка, пробравшись подъ ночь въ сарай.—Ты да я и поѣдемъ на вороныхъ, а Павлушка пусть здѣсь останется... А то лучше возьми его съ собой, онъ тебѣ потомъ поможетъ перегнать коней дальше.

Ароматомъ не скошенной еще травы дышали луга, тянувшіеся за лѣсомъ. Елена и ея спутники осторожно пробирались верхомъ по пыльной тропѣ. Ноги лошадей были плотно обернуты мѣшечными полотнищами, вслѣдствіе чего звука копытъ не было слышно.

Вотъ и Ивановское на косогорѣ раскинулось, хитро завернулся рядъ избъ, самый справный изъ домиковъ—трактирщика, онъ мѣстный богатѣй, скупку ведетъ. Лошадей оставили въ котло-

винъ съ Павломъ, а сами пробрались къ мирно спавшему жилищу Андрона Семенова.

Тихо, собака не твякнетъ. Прильнувъ глазомъ между обрѣшетинъ сарая Аксентій, прислушался.

— Кони здѣсь,—тихо прошепталъ онъ своей спутницѣ:—должно, Андронъ ихъ изъ-за духоты изъ конюшни вывелъ, не побоялся, на косовицу рано народъ пойдетъ, углядитъ.

И онъ началъ осторожно проламывать отверстие въ сараѣ.

Осенніе дожди да непогоды пораспатали сѣнникъ, шестины выбирались легко.

— Полѣземъ, что ль, Елена Митрофановна?—обратился онъ къ черничкѣ, когда образовалось отверстие.

Влѣзли, осмотрѣлись: у временныхъ кормушекъ тихо жевала овесъ одна соловая, другая валялась на соломенной подстилкѣ.

Опытный конокрадъ не задумался.

— Опрядайте первую, а я возьму вторую.

Времени нельзя было терять. Пофыркивавшіе кони были выведены наружу, конокрады вскочили на неосѣдланныхъ лошадей и поѣхали въ противоположную сторону, откуда прибыли. Тутъ, загнавъ лошадей въ траву, Аксентій обвязалъ ихъ ноги тоже мѣшкомъ, и обходнымъ путемъ, по песчанику погнали коней къ тому мѣсту, гдѣ ихъ ожидалъ съ остальной парой Павлушка.

— Ну, теперь, айда!—крикнулъ Аксентій черничкѣ:—пойдемъ вобратъ, а тамъ, какъ до лѣсу доберемся, мы съ Павломъ свернемъ полѣвѣе, къ гати и пойдемъ во всю къ Бардадыму. Раньше третьихъ пѣтуховъ до него не доберемся, тамъ до ночи укроемся, а ночью всю четверку въ сосѣдную губернію перегонимъ, ищи свищи насъ, какъ вѣтра въ полѣ! Такъ ли, Елена Митрофановна?

Дѣвушка ничего не возразила ему, только наставительно прибавила:

— За вороныхъ меньше пяти, какъ я сказывала, не бери. Ну, а эти, соловья, больше четырехсотъ не стоятъ!

— Да ужъ не безпокойся, постараюсь побольше выручить.

Крутясь по обходу, они недалеко еще отѣхали отъ деревни. Занималась заря. Пошли полями. Умѣрили ходъ лошадей. Все больше и больше разжигался румянецъ зари на востокъ; сейчасъ и солнце должно показаться, зашевелилась высокая трава, заколыхалась, какъ море.

Тревожно посмотрѣла на луговину черничка и поблѣднѣла отъ неожиданности...

Косцы заночевали въ полѣ, чтобы пораньше приняться за работу; избѣжать ихъ пытливаго взгляда конокрады не могли. Вздрогнула послушница и что есть духу погнала лошадь.

V.

Все разузналъ коротышка-приставъ, до всего допытался, свидѣтели были, какъ лошадей сгоняли.

— Аксентія кто же не знаетъ, воръ лошадиный извѣстный, а вотъ съ нимъ два паренька какіе были, это намъ не вѣдомо,—говорили косцы.

Не ускакалъ Аксентій, хоть сильно заморилъ коней, поймали стражники его и Павлушку, допытываться стали, кто третій. Матерой волкъ былъ Аксентій, побои, зуботычины принялъ, а словомъ не обмолвился, Елену Митрофановну не выдалъ, честь свою тоже воровскую имѣлъ.

Сколько ни сторожилъ онъ Павлушку, слабъ былъ паренекъ; какъ закричалъ на него приставъ, да по лицу раза два ударилъ, въ слезы пошелъ парень. А тутъ еще пригрозили ему, что драгъ до полусмерти будутъ,—ну, и выдалъ все, какъ было, все повѣдалъ, и мѣста, гдѣ укрывались, всѣ указалъ.

Широко глаза открылъ и приставъ, и понятые, какъ услышали о послушницѣ.

— Ну, ужъ на кого хочешь ты мнѣ укажи, скорѣе повѣрилъ бы! Такая нечисть въ святой обители завелась, и еще кто, подумайте, любимица игуменьи и казначеи... Врешь ты что-то, мальчонка!

Тяжело вздыхая, потупившись, стоялъ молодой конокрадъ; изъ разбитаго носа капала кровь. Онъ ужъ самъ теперь испугался, ладно ли сдѣлалъ, что объ Еленѣ Митрофановнѣ все объяснилъ, да отречься было поздно, юли не юли, слово вылетѣло.

Не хотѣлъ наводить непріятности на монастырскихъ приставъ, не разгласилъ понятымъ, строго приказалъ молчать.

— Рожу разобью вамъ обоимъ, коли хоть слово услышу!

Самъ въ обитель поѣхалъ, не сразу къ настоятельницѣ заявился, вечерню въ храмѣ отстоялъ, самъ для прилику молится, а глаза, словно мыши, такъ и перебѣгаютъ отъ Анфіи на матушку Папилу, нѣтъ, нѣтъ, глазокъ и на степенную послушницу Елену уставится.

Чай пошелъ пить къ настоятельницѣ, хотѣлось «коротышкѣ» узнать доподлинно, не вѣдомо ли ей что-нибудь самой о работѣ конокрадовъ, но съ первыхъ словъ убѣдился, что и объ обительскихъ нуждахъ мало что ей извѣстно. Казначею пришилилъ, у ней повывѣдалъ.

Чуетъ, тоже несмышлена въ лошадиномъ дѣлѣ ничѣмъ, а когда Елена Митрофановна къ чаю принесла вазу съ вареньемъ и подошла къ нему, маленькій человѣкъ вскинулся на нее глазами и увѣренно спросилъ:

— Когда, сестрица, въ ночной походъ за лошадами итти надумали?

Не выдержала спокойная дѣвушка на этотъ разъ, какъ бумага поблѣднѣла, вазу съ вареньемъ уронила, а матушка Папила съ Анфіей съ недоумѣніемъ на нее посмотрѣли.

— Ахъ, шутникъ, шутникъ, Василій Прокофѣичъ, сколь ты нашу скромницу напугалъ-то, и посуду разбила и варенье потратила!—укоризненно качая головой, замѣтила игуменья.

Поникла головой послушница: все ей было ясно.

— Ну, матушки почтенныя, на гостепрѣимствѣ спасибо, за угощеніе низкій поклонъ, а теперь я и къ дому, разрѣшите съ сестрицей вмѣстѣ уѣхать, у меня экипажъ удобный, доведу въ благополучіи.

— Куда жъ ты ее везти-то хочешь?—недоумѣвающе спросила мать Папила.

— Да туда, куда слѣдуетъ, въ тюрьму, матушка, въ тюрьму, а за что—потомъ узнаете.

Въ просторномъ тарантасѣ пристава, спустя нѣкоторое время, тряслася вмѣстѣ съ коротышкой со связанными руками скромная послушница.

Ю. Чаевъ.

УЖАСЫ ГОРОДА¹⁾.

(Изъ повседневныхъ исторій).

(Очерки.)

III

Грустная душа.

1.

ВСѢ порѣшили въ одинъ голосъ: Дуня сошла съ ума. Это уже такъ издавна велось, что ей говорили на каждомъ шагу еще въ гимназiи, которой она не окончила за участiе въ сходкахъ: — Дунька—мужичка... Въ кого бы она? Ей прямая дорога—въ горничныя или судомойки. Сознанiе ли, что ее какъ бы не считаютъ «своей», и, поэтому, затаенная обида, очевидно, назрѣвавшая по каплѣ изъ года въ годъ, желанiе ли отмстить за себя, настоящее ли чувство, заставившее забыть вѣковыя предрассудки, или простой капризъ взыбаломшной натуры, только Дуня Орлова, наперекоръ всему, незамѣтно оставила отцовскiй домъ (мать у нея давно умерла) и тайно повѣнчалась съ Николаемъ Доскинымъ—здоровымъ, рослымъ парнемъ, работавшимъ у отца по столярной части при ремонтѣ дворовыхъ построекъ.

¹⁾ Продолженiе, «Историч. Вѣсти», т. СXXXVII, стр. 518.

Затѣмъ, послѣ взрыва родительскаго негодованія (статскій совѣтникъ Орловъ кичился дворянствомъ и служебными заслугами), молодые, несолоно хлебавши, уѣхали въ деревню, гдѣ у Николая имѣлся про запасъ ничтожный клочокъ земли. Неуклюжій, широкій подбородокъ мужа,—печать порочности и грубости, повидимому, не пугали ея, или она просто не замѣчала ихъ.

Дунѣ было тогда около двадцати пяти лѣтъ и ему столько же. Николай Доскинъ довольно скоро послѣ свадьбы показалъ себя во весь ростъ.

Не жена перевоспитала его, какъ думала, а онъ заставилъ ее плясать по своей дудкѣ.

Ея покорность и выносливость, приспособляемость ко всему словно разжигали въ немъ какое-то глухое, дикое недовольство женой, постепенно переходящее въ лютую ненависть.

Есть женщины-царицы и есть женщины-рабыни.

Однѣмъ суждено повелѣвать, другимъ—ползать въ униженіи у ногъ тирановъ.

И Дуня безропотно несла крестъ, выпавшій на ея долю.

Нѣкоторое время о ней никто ничего не слышалъ.

Потомъ стали доходить не совсѣмъ благопріятные, смутные слухи относительно ея супружества.

— Сближеніе съ народомъ на словахъ куда легче, чѣмъ на дѣлѣ,— посмѣивались знакомые не безъ злорадства.

Дуня имѣла достаточно гордости, чтобы не жаловаться и не пенять на судьбу, и совершенно не подавала о себѣ никакихъ вѣстей.

Какъ-то случайно, лѣтъ черезъ пять, кто-то встрѣтилъ пьянаго Доскина, съ опухшимъ лицомъ, шатавшагося по городу, и спросилъ о женѣ.

Тотъ оглядѣлъ его водянистыми глазами, сердито махнулъ рукой, сплюнулъ и выбранился.

— Слякоть! Дворянка—тоже невидаль... Навязалась фрѣ безхвостая... Ни гроша за душой. Вотъ я уже ей тумака, какъ вернусь въ Александровку!..

Больше ничего нельзя было отъ него добиться, кромѣ площадной ругани.

Донесли Дуниной теткѣ, и ея дочь Галина рѣшила «забыть прошлое» и отправиться провѣдать «бѣдную мужичку».

Она теперь отъ души жалѣла ее.

Отцу, конечно, и не намекали даже: онъ разъ и навсегда запретилъ рассказывать о Дунѣ и объявилъ, что лишаетъ ее наслѣдства безповоротно, что бы ни произошло.

Всякій разговоръ о ней заставлялъ Орлова воспламеняться наподобіе пороховой заточки, и затѣмъ цѣлый день онъ бывалъ самъ не свой, точно у него ныли растревоженные раны.

Все, что могло хоть косвенно напомнить о ней,—фотографическія карточки, книги, любимыя вещи,—все было или уничтожено, или выброшено на чердакъ.

Пыль и паутина покрывали толстымъ слоємъ эти жалкія реликвіи безмолвныхъ воспоминаній.

Черствѣло и сердце старика, словно и его опутывала незримая паутина...

2.

Галина всплеснула руками и расплакалась, когда увидѣла двоюродную сестру въ деревенской обстановкѣ.

Дуня никогда не отличалась красотой, но была достаточно милостивой и пышущей здоровьемъ, что, можетъ быть, вначалѣ и привлекло къ ней Николая.

Правда, въ большей степени его подвинуло на запретную женьищу не сердечное увлеченіе, а намѣреніе разбогатѣть на приданомъ, въ которомъ онъ такъ неожиданно ошибся, но все же нельзя отрицать и того, что Дуня нравилась молодому, крѣпкому парню и сама по себѣ.

Галина смотрѣла и глазамъ не вѣрила,—какъ будто подмѣнили отъ прежней бодрой жизнерадостности и непосредственности и слѣда не осталось; ввалились щеки, и на нихъ пылалъ подозрительный румянецъ; громадные глаза блестѣли лихорадочнымъ огнемъ, какъ у запуганной собаки; руки носили отпечатокъ грубой работы, и грудь не была такой пышной, какъ раньше; испортились зубы даже волосы замѣтно порѣдѣли и уже слегка серебрились.

Передъ Галиной стояла молодая старуха съ морщинами на лбу и около висковъ, неряшливо одѣтая, повязанная ситцевымъ платкомъ. И въ избѣ не было особенной чистоты; тѣснота, неуютность почти бѣдность такъ и выдавали себя.

Только, когда заговорила Дуня и быстро усмѣхнулась, воскресло что-то давно минувшее и всталъ, какъ въ туманѣ, изъ прошлаго образъ своенравной, разбитной дѣвушки, прозванной въ кругу близкихъ «мужичкой» за свои странные взгляды и чужачества, въ которыхъ, въ сущности, просвѣчивали нѣкоторое мальчишество и нелюбовь къ установившимся шаблонамъ, не больше.

Сперва недовѣрчиво отнеслась Дуня къ посѣщенію Галины, глядѣла чуть-чуть враждебно, неохотно отвѣчала на разспросы, а затѣмъ со свойственной ей порывистостью вдругъ повѣрила въ искренность ея, бросилась къ сестрѣ на шею и разрыдалась.

Впрочемъ, эта слабость продолжалась недолго: Дуня опять встряхнулась и сдѣлала замѣтное усиліе, чтобы согнать съ лица всякій намекъ на минутный упадокъ духа.

Исключительно увѣренность въ собственной стойкости поддерживала ее.

Тутъ же въ дымной комнатѣ кричали и возились четверо дѣтисекъ и лаялъ пушистый щенокъ, играя съ котенкомъ.

— Нынче у нихъ всю недѣлю праздникъ: отца нѣтъ... Я ужъ имъ не мѣшаю... пускай!

Еще ровно ничего не сказала, а сразу стала ясна вся семейная драма жены и матери.

Разговоръ какъ-то не клеился.

Сконфуженно угощала деревенскими припасами, краснѣла, часто убѣгала и возвращалась съ заплаканными глазами. Наконецъ не выдержала и шепнула, чтобы дѣти не разобрали:

— Ты знаешь, Галюся, по старой памяти первое время я такъ кое-что записывала... Не съ кѣмъ, вѣдь, душу отвести!.. Возьми и прочти на досугѣ, а тамъ ужъ порви... Немного... урывками писалось... Говорить-то о житьѣ-бытьѣ не могу да и не стоить—сама, чай, видишь...—и сунула въ руку сестрѣ синюю помятую тетрадку, которую, видимо, прятала по угламъ, чтобы не попала къ мужу, помолчала и снова прибавила:—вотъ когда въ деревнѣ жилъ—все ладно сходило, а какъ въ городъ началъ захаживать—ну, и отбился отъ рукъ, вкусилъ городской сладости, запьянствовалъ, къ дому отвращеніе получилъ. Благо близко—и шляется на заработки, а какіе тамъ заработки! Все равно въ кабакъ несетъ.

— Да ты бы его бросила!—вырвалось у Галины:—что за охота съ такимъ возиться... себя пожалѣла бы...

— Гм... бросила! А куда я годна?.. Знаешь поговорку: «пока молода—пота и весела»... Кровь онъ мою выпилъ, одна мочалка отъ меня осталась... Да ты не забѣгай впередъ—прочти... Ужъ прости меня, дуру, объ одномъ тебя попрошу: больше не ѣзжай сюда, тяжело мнѣ... не выдержу, ежели... А коль помочь захочется, такъ съ теткой, съ матерью своей, посоветуйся, уговорись да и забери къ себѣ дѣвчонку мою, старшую-то, Христю... Не любить онъ ее... на меня зачѣмъ похожа! И ей, и мнѣ легче станеть... Черкни словечко—я привезу.

Сказала и улыбнулась странной, больной улыбкой, въ которой было гораздо больше отчаянья, чѣмъ веселости.

Объ отцѣ своемъ не вспоминала, и Галина тоже ничего не говорила о немъ.

Она скоро собралась и распрощалась, пообѣщавъ непременно позаботиться о судьбѣ Христины.

Деревня Александровка показалась Галинѣ какой-то безлюдной пустыней, и она радовалась, когда мелькали мимо деревенскія избы, непривѣтливия, темныя, и терялись гдѣ-то далеко, позади.

Городъ—спрутъ, отстоящій отъ деревни въ шести верстахъ, очевидно, высасывалъ изъ нея всѣ живительные соки и, главное, отбиралъ людей, чтобы переплавлять ихъ въ своемъ кипящемъ

горнилѣ, такъ какъ они уже не возвращались обратно тѣми, какими уходили.

Люди, подати и продукты,—все уплывало туда..

Галина была довольна, когда уѣзжала изъ деревни, но, когда приближалась къ городу,—ей дѣлалось жутко: чудилось ей, будто кто-то могучій втягиваетъ ее въ бездонную пучину, такъ что не вырваться... Она объясняла этотъ кошмаръ разстроенными нервами.

Дымили безконечныя трубы фабрикъ и заводовъ, отравляя воздухъ.

Вечерѣло.

Сверкали безконечныя огни кинематографовъ и разныхъ увеселительныхъ заведеній.

Стукъ колесъ, крикъ, пронзительныя гудки, удары копытъ о мостовую сливались въ тысячахъ другихъ звуковъ, волнующихъ, говорящихъ о борьбѣ за существованіе, о тщеславіи, о порокахъ и преступленіяхъ, о стремленіи къ подвигамъ, о роскоши, нищетѣ и славѣ...

Святость и развратъ шли рука объ руку, сталкивались пигмеи и силачи, и надъ всѣмъ этимъ рѣяло неслышное дыханье смерти...

Галина вернулась домой совсѣмъ разбитой, но это нисколько не помѣшало ей сейчасъ же приняться за чтеніе синей тетрадки.

Мать уже спала, и рассказъ о впечатлѣніяхъ поѣздки въ Александровку можно было отложить до утра.

3.

(Отрывки изъ синей тетради).

«Готовлюсь въ матери, но какъ-то стыдно признаться мужу.

Все-таки сказала, онъ нахмурился почему-то. Удивляюсь этому. Стараюсь держаться прямо, особенно на людяхъ.

Больно видѣть брезгливыя взгляды мужчинъ и насмѣшливыя улыбки женщинъ и дѣвушекъ.

Лучше стану выходить по вечерамъ, чтобы не попадаться имъ на глаза.

Ложная стыдливость, а ничего по подѣлаешь съ собой»...

«Николай знай себѣ курить папиросы и не думаетъ, кажется, проникнуться мыслью, что у насъ будетъ ребенокъ... будетъ дѣвочка (я такъ увѣрена).

Часто плачу, а онъ злится.

Иногда пристаётъ съ грубыми ласками, и тогда у насъ оканчивается ссорой, если я не сдаюсь. Въ немъ перевѣсъ животнаго.

Иногда приноситъ мнѣ яблоки и шоколадъ, угощаетъ.

Его заботы и смѣшаютъ меня, и радуютъ, и тогда я успокаиваюсь. Плачу я не отъ безпечности его, а отъ непониманія. Онъ такой грубый, неотесанный. И зачѣмъ я вышла за него!»

«Дѣлаюсь все безобразнѣй. Хочу, чтобы скорѣй были роды. Николай смотритъ на меня съ такимъ видомъ, что душа въ пятки уходитъ... Въ глазахъ у него какое-то злое изумленіе, точно я виновата во всемъ... Временами чувствую прямо ненависть къ будущему ребенку. И въ эти минуты, если мужъ, забывъ злобу, начинаетъ ухаживать за мной, я дѣлаюсь покорной и слабой, тѣло охватываетъ сладкая истома и о дѣвочкѣ я уже не думаю. Но, часъ спустя, я вновь готова разрыдаться.

Смотрю на Николая и дивлюсь. Я—безобразна, но и онъ не лучше. Его руки—настоящіе обрубки, годные развѣ только на то, чтобы душить и тискать, а вовсе не ласкать ребенка...

Еще вчера я слышала, какъ жалобно мычала корова, когда телилась, точно просила о помощи.

Неужели... Нѣтъ, не буду и вспоминать раньше времени»...

«Все прошло, слава тебѣ, Господи!

Разметавшись, лежала я въ городской родильной палатѣ. Голова погружалась въ какой-то горячій мракъ. Если бъ около меня находилась покойная мать, я бы захватилась за нее и заплакала, но мнѣ было стыдно этихъ чужихъ нянекъ и повитухъ, и я опустила рѣсницы.

Заныла спина, въ глазахъ помутнѣло... потомъ заструился мелькающій свѣтъ, словно это были вечерніе голубые свѣтляки, что искрятся въ чащѣ лѣса въ іюльскія ночи.

Тѣло мое разрывалось на части, и я постоянно теряла сознанье...

Что за безумныя муки! За нихъ можно и безгранично любить и до гроба ненавидѣть. Средины нѣтъ»...

«Николай говоритъ, что нѣтъ заработковъ...

У насъ въ деревнѣ, дѣйствительно, страшная бѣдность. Всѣ работники уходятъ въ городъ; у насъ безлюдье. И мой за ними отправляется. Боюсь, уже нѣсколько разъ онъ оттуда возвращался нетрезвымъ.

Конечно, однообразіе деревенской жизни отталкиваетъ, но странно, что Христя—ничто для него, словно и не дочь... Неужели городской разгулъ такъ измѣнилъ мужа?»

«Еще никогда раньше не билъ меня, ругать-ругалъ, а то вдругъ ни съ того, ни съ сего взялъ и ударилъ наотмашь, крикнувъ: «Выбью изъ тебя дворянскую спесь, мерзавка».

Я упала съ воплемъ отчаянья и обиды, а онъ лишь посмѣивался, всякія гадости говорилъ, что и надоѣла-то я, и что въ городѣ нашей сестрой хоть прудъ пруди, и что рожа я...

Прежде я не знала, что сдѣлала бы, убила бы, можетъ, а теперь смирилась и за это я окончательно возненавидѣла себя.

Хотѣла вѣшаться на крюкъ и веревку уже запутала вокругъ шеи, да жалко стало Христину и Витюшу... а подъ сердцемъ еще новая жизнь бьется... навѣрно, мальчикъ... второй ужъ!

Вотъ и разсудите насъ, добрые люди, послѣ этого: живемъ какъ кошка съ собакой, а каждый годъ приношу мужу по ребенку, «не хожу порожней», какъ выражается онъ на своемъ великолѣпномъ жаргонѣ.

Христина... Викторъ... а этотъ будетъ Харитонъ.

Дѣлать меня матерью у Николая особый видъ издѣвательства. Самый настоящій трутень—мой муженекъ прекрасный.

Если бъ не умѣнье мое шить да учить грамотѣ (въ деревнѣ у насъ всѣ хотятъ читать, сознаютъ пользу ученья),—мы давно бы съ голоду перемерли. Теперь, хоть гроши, да есть».

«Думала никогда не заглядывать въ эту тетрадь (она только мутитъ меня, напоминаетъ о прошлой жизни), но слишкомъ ужъ накинѣло въ груди... Авось кому-нибудь и попадется тетрадка, пускай тотъ и узнаетъ всю правду безъ прикрасъ. Это иногда бываетъ весьма полезно.

Удалось выслѣдить, когда ухожу,—бьетъ извергъ Христину, заставляетъ ѣсть изъ одной чашки съ собакой, а Витюшу чуть не голаго на морозъ выгоняетъ, чтобъ молоко его выпить.

Иной не повѣритъ просто, скажетъ—бредни, а я клянусь, правда святая. Застала какъ-то троихъ дѣтишекъ подъ кроватью (хотѣлъ сапогами ихъ лупить—они и спрятались), а Ксюшу на горячую плиту собирался посадить.

Сущій извергъ... отъ пьянства, видно, ума лишился.

Тутъ я не выдержала, заступилась за дѣтвора, треснула его рогакомъ по спинѣ за Христину, за Виктора, за Харитона, за Ксенію, да и за себя наложила ему здорово. Пускай помнитъ!

Пошла у насъ потасовка. Хорошенькая жизнь! Въ пору удавиться».

«Виктора бастрыкомъ называетъ, точно и не нашъ онъ сынъ, учить подбирать окурки и курить, водку ему давалъ. Разъ увозилъ его въ городъ, приказалъ зажмурить глаза и притвориться слѣпенькимъ, чтобы милостыню просить, а деньги пропилъ.

И это все съ цѣлью—лишь бы мнѣ насолить...

Очень я ему не по праву. Не сегодня—завтра не выдержу. Безъ ножа зарѣжетъ».

«Витя—забавный мальчишка, наблюдательный.

Николай изрядно облысѣлъ. Онъ его и спрашиваетъ:—«Зачѣмъ у тебя на головкѣ выпали волосики, а на грудкѣ выросли?» Отвѣтъ, разумѣется, одинъ: «Молчи, бастрыкъ, убью!»

А то еще: видитъ дымъ изъ трубы валить. Сейчасъ же высказываетъ соображеніе: «Въ небѣ, у Боженки, тепло—дымокъ согрѣваетъ».

Каждое явленіе объясняетъ по-своему.

«— Вѣтерокъ оттого, что листочки на деревьяхъ качаются»,—глубокомысленно замѣчаетъ, глядя въ окошко.

Жалко, если такой мальчикъ пропадетъ... А, конечно, пропадетъ,—мы всѣ пропадемъ при такой жизни».

«Двѣ недѣли исчезалъ и привелъ съ собой какую-то потаскуху изъ города, въ присутствіи дѣтей сталъ мерзости продѣлывать.

Я была больна, не могла встать, только стонала за занавѣской, притворилась потомъ, что сплю. Такъ лучше!

Ну, и задумала съ той минуты покончить съ этой пыткой, но не сразу... Нужно обдумать, какъ и что, не наглушить бы.

Одна мысль: Христину пристроить. Ей уже пятый годъ, выходитъ у добрыхъ людей, а съ малышами да со мной сказка не долга. Баста!

Вотъ и поставила на своемъ, вышла замужъ, какъ хотѣла, по собственному выбору, наперекоръ всему свѣту. Золото нашла! Теперь вспоминаю отца и понимаю, почему онъ такъ возмущался и проклиналъ меня,—заслужила.

Меня называли «мужичкой». Такъ и есть, настоящая мужичка, созданная для черной работы, ни на что не способная.

Что же... мы уйдемъ, а онъ, людоедъ, пировать будетъ, праздновать освобожденъе?..

Нѣтъ, такъ не годится. Хоть напоследяхъ-то не выкинуть глупости. Дура я, а все же не круглая, есть еще смекалка»...

4.

Что-то недоговоренное въ концѣ тетради, какіе-то смутные намеки на что-то были главной причиной, заставившей Галину дѣйствовать энергично.

Она убѣдила-таки мать взять Христину отъ Дуни, хотя и не вполнѣ это ей удалось: Олимпиада Осиповна рѣшила сначала от-

дать дѣвочку въ дѣтскій пріютъ до поры—до времени, «пока все образуется».

Написали письмо въ деревню, и дня черезъ два Христя была уже въ городѣ. Какъ ее доставили—осталось тайной.

Когда раздался рѣзкій звонокъ въ кухнѣ и прислуга отворила дверь, Христя одна стояла на площадкѣ лѣстницы, держала узелъ съ вещами и старалась не плакать, но слезы большими каплями беззвучно стекали по щекамъ, и вздрагивали закусанные губы.

Ее окружили, повели въ комнаты, раздѣли, стали расспрашивать, потомъ накормили.

Олимпиада Осиповна отошла въ сторону и вытерла глаза, вѣчно слезящіеся подь черепаховыми очками.

— Знаешь, Галина, я женщина чувствительная... Лучше поскорѣй ее отправить въ пріютъ, пока я не успѣла привыкнуть. Бѣдная дѣвочка... Жаль, что такая неуклюжая... И какъ отъ нея сыростью пахнетъ и голодомъ!.. Это сейчасъ бросается въ глаза и въ носъ.

— А почему бы ее теперь же и не оставить здѣсь?—возразила дочь.

— Нѣтъ, нѣтъ... Какъ же такъ сразу! Наконецъ, братъ можетъ зайти и выйдеть исторія... Догадается, вѣдь! Она—вылитая мать. Ай-ай-ай, что выдѣлываетъ жизнь, какъ ломаетъ людей... Ай-ай-ай... Переходъ изъ нищеты къ довольству можетъ на ней крайне вредно отразиться. Пускай сначала—пріютъ, послѣ—мы, а далѣе, кто знаетъ, и братъ, пожалуй, приметъ... Не виновата же Христина за скверный поступокъ матери! Какой вздоръ! Ай-ай-ай...

Дѣвочку, совершенно непонимающую, что произошло въ ея судьбѣ, отвезли въ тотъ же вечеръ въ благотворительный пріютъ при убѣжищѣ для беременныхъ, посвященный безпризорнымъ дѣтямъ.

Около полугода провела она тамъ, совершенно отчужденная отъ прежняго міра и, въ концѣ концовъ, сама уже не понимала, гдѣ оканчивался сонъ и начиналась дѣйствительность,—снилось ли ей житье въ деревнѣ, а теперь настоящая жизнь, или теперь она спитъ... и что это за старушка въ очкахъ, у которой она провела день, пока не попала въ пріютъ, откуда она взялась и куда опять дѣвалась...

Очень много думала и становилась все серьезнѣй и серьезнѣй. Въ пріютѣ было около тридцати дѣвочекъ и десяти мальчиковъ. Всѣ двигались, какъ сонныя мухи, и не было ничего дѣтскаго въ ихъ изможденныхъ, тусклыхъ лицахъ.

У большинства таилась въ душѣ какая-нибудь незамѣтная драма.

Круглыя сироты, нежеланныя дѣти, отбросы трущобъ, извлеченные оттуда какимъ-либо чудомъ, и надъ всѣмъ этимъ уголкомъ запуганныхъ звѣреншей—тяжелая рука благотворительности.

Въ окрестностяхъ города у «Вороньей» горы помѣщался этотъ пріютъ въ большой двухъэтажной дачѣ (для дѣвочекъ),—невзрачной, обращенной главнымъ фасадомъ на грязную улицу съ плохимъ садикомъ, гдѣ росли тощіе кустарники и деревца, занесенные пылью.

Мальчики помѣщались рядомъ въ крохотномъ флигель-избушкѣ, выходящемъ на лужайку, откуда виднѣлась далеко черезъ поле дорога въ деревню Александровку.

Какъ маятникъ, ходитъ надзирательница, взадъ и впередъ, и ежеминутно раздается ея хриповатый, сердитый окрикъ.

Дѣти боятся ея и не любятъ, называютъ «волчихой», и она это знаетъ.

Днемъ и ночью, въ праздники и въ будни, во всякое время слѣдятъ ея зоркіе зрачки, съ особенной любовью выискивая виновныхъ, и длинный, горбатый носъ съ бородавкой такъ и мелькаетъ изъ стороны въ сторону.

— Волчиха, волчиха!..—шепчутъ дѣтскіе голоса, и слышится въ нихъ не только страхъ, но и явная насмѣшка, смѣшанная съ презрѣньемъ.

Больше всѣхъ достается Кузьмѣ, простоватому мальчугану съ легкой придурью, который совсѣмъ не подходитъ къ мертвой обстановкѣ пріюта. Онъ не знаетъ ни въ чемъ удержу, часто безпричинно хохочетъ и вообще не понимаетъ, что такое дисциплина.

Вбѣжить съ крикомъ, начнетъ кувыряться, и дѣти заливаются робкимъ, сдержаннымъ смѣхомъ.

— Опять, головорѣзъ, безпорядокъ учиняешь! Безъ обѣда оставлю и на колѣняхъ постоишь до самой ночи,—ворчитъ надзирательница:—посмотри на себя въ зеркало, на кого ты похожъ,—грязный, ротъ до ушей, глаза выпучены, животъ громадный... смотри—лопнешь...

Видимо, издѣвается, и Кузьма чувствуетъ это, примолкаетъ на минуту.

— А меня, тетенька, дома по животику били за то, что животикъ у меня большой, вотъ онъ и еще выросъ... ей-Богу, тетенька!

Дѣти пересмѣиваются между собой, а у него грустное, сморщенное, какъ грибокъ, лицо, и онъ готовъ заплакать, забывая про шалости.

— Ступай, ступай, надоѣлъ съ глупыми розказнями. Какая я тебѣ тетенька! Родственникъ выискался, прости Господи. Зовутъ меня Маріанна Алексѣвна, такъ и запомни, головорѣзъ!

Надзирательница идетъ дальше и бормочетъ что-то, а Кузьма показываетъ ей за спиной кулакъ и сердито про себя огрызается:

— Убью волчиху, попадись мнѣ!

И много злобы, ненависти и обиды въ его некрасивыхъ, выпуклыхъ глазахъ.

— Мейнксейнъ... Мейнксейнъ,—тутъ же коверкаетъ ея имя.

День обыкновенно проходитъ уныло: дѣвочки рукодѣльничаютъ, вяжутъ чулки, мальчики столярничаютъ; бываютъ и уроки, но всегда какъ-то путанно, неопредѣленно, точно изъ милости. Когда «ариметичка» зайдетъ, когда «законобожка», когда «грамматичка»,—все женщины...

Одежда, игры, гимнастика, физическій уходъ—въ загоны, считаются излишней роскошью.

Для дѣтей улицы у благотворителей особая мѣрка.

Передъ всякой ѣдой, какая бы она ни была скудная, чуть ли не цѣлое богослуженіе, при этомъ строгое соблюденіе всѣхъ постовъ, установленныхъ церковью, не исключая средь и пятницъ.

Въ часы моленій пріютъ производитъ впечатлѣніе маленькаго монастыря.

Дѣти поютъ псалмы и молитвы и тутъ же завистливо глядятъ въ окна нижняго этажа, откуда видна часть улицы и гдѣ жизнь бьетъ несмолкаемымъ ключомъ.

Вотъ тащится разносчикъ съ тяжелой ношей, проѣхалъ экипажъ, дама гуляетъ съ собачкой, офицеръ... моторъ промчался, обдавая встрѣчныхъ пылью и дымомъ.

Надзирательница замѣчаетъ любопытные взгляды.

— Орлова, на часъ въ уголь за невниманіе къ молитвѣ. Только что поступила къ намъ и туда же! Безъ роду, безъ племени, а тоже съ вывертами... Господа, небось, выбросили и глазъ не кажутъ...

Христина не слушаетъ, хмурится и кусаетъ губы, но ревѣть не собирается: она унаслѣдовала отъ матери извѣстную стойкость характера и крѣпится, пока въ силахъ.

«Гдѣ же мама?»—все чаще возникаетъ неотвязчивый вопросъ въ ея головѣ.

По ночамъ, когда въ душномъ, спертomъ воздухѣ еще не спятъ подруги, а перешептываются и, ловко ускользая отъ острыхъ зрачковъ «волчихи», перелазятъ изъ одной кровати въ другую, она предается одинокимъ мечтаніямъ о жизни, такъ странно оборвавшейся, объ отцѣ, который на каждомъ шагѣ оскорблялъ и билъ ее, о братьяхъ, о котенкѣ «Муркѣ» и пушистомъ щенкѣ, привязанныхъ къ ней крѣпкой дружбой.

Но все куда-то ушло безслѣдно...

И бьется маленькое сердце, а долго сдерживаемыя горячія слезы поливаютъ жесткую подушку.

Когда въ пріютъ неожиданно пріѣзжаетъ сѣдой, высокій, плотный господинъ, важный на видъ, въ скобку подстриженный, съ подкрашенными усами и окладистой бородой (рѣзкій контрастъ съ волосами) и безконечно крестится на всѣмъ образа,—надзирательница дѣлается тише воды, ниже травы, ходитъ на цыпочкахъ и говоритъ сладкимъ голосомъ, безъ обычной хрипоты.

— Есть новенькія?—обыкновенно отрывисто спрашивает почтенный попечитель пріюта, когда отдасть долгъ религіозному чувству, и улыбка растягиваетъ влажныя губы въ какую-то кривую линію, такъ что лицо пріобрѣтаетъ выраженіе и лукавое, и вмѣстѣ суровое.

— Точно такъ-съ, ваше сіятельство. Орлова опредѣлилась,—угодливо заявляетъ «волчиха».

— Позвать,—цѣдить онъ сквозь зубы, будто занятый другими мыслями.

Когда привели Христину, попечитель сейчасъ же съ любопытствомъ сталъ ее разглядывать и посадилъ около себя на стулъ почти вплотную. Слащавый взглядъ его большихъ впалыхъ глазъ, вооруженныхъ золотыми очками, какъ-то сразу охватывалъ, прилипалъ и словно облизывалъ свою жертву.

Отъ этого разглядыванья Христинѣ сдѣлалось неловко, и она отвернулася, смущаясь и розовѣя, а онъ гладилъ ее по щекѣ и по-смѣивался, предлагая незначашіе вопросы.

— А почему у тебя, дѣвочка, ноги такія толстыя? Надо массажъ примѣнять... вотъ такимъ образомъ.

И сталъ на ней показывать надзирательницѣ, что онъ называлъ массажемъ.

«Волчиха» превратилась въ овечку и покорно стояла въ отдаленіи, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій, пока попечитель занимался бесѣдой съ Орловой.

— Ну, приведите еще кого-нибудь изъ прежнихъ. Прощай, милая дѣвочка, поцѣлуй же дядю. Возьми, конфетку,—и вытащилъ изъ кармана заранѣе приготовленную пару леденцовъ.

Христя нерѣшительно взяла, но не знала, какъ себя вести.

— Цѣлуй же ихъ сіятельство, благодари за лакомство... Честь-то какая, неблагодарная! Скольکو ни учи, одинъ толкъ,—подобострастно журчала надзирательница, поблескивая зрачками и выражая полную готовность на всякую услугу.

Дѣвочка повиновалась приказанію и очень была смущена, когда тонкія губы старика жадно прильнули къ ея рту.

Но черезъ секунду онъ уже отстранилъ ее и равнодушно закуривалъ папиросу подъ маской отеческаго попеченія о бѣдныхъ.

— Когда немножко поправишься тутъ, кататься тебя повезу, а то дичкомъ растешь... да и маловата еще для прогулокъ, хе-хе... Молоко не обсохло...

Въ пріютѣ всѣ бывали довольны, когда пріѣзжалъ «старый дядя», какъ называли его за глаза: можно было хоть на короткое время избавиться отъ надзора «волчихи».

Но его самого все же не особенно долюбивали, неохотно исполняли просьбы насчетъ прощальныхъ поцѣлуевъ и провожали его удивленными взорами, когда онъ не шелъ, а проплывалъ къ

выходу, у котораго обыкновенно ожидала карета съ ливрейнымъ лакеемъ.

Этимъ исчерпывалась внутренняя и внѣшняя жизнь дѣтскаго пріюта.

Впереди не предвидѣлось никакого просвѣта, кромѣ слѣпой неожиданности.

Правда, бывали примѣры бѣгства, когда какая-нибудь изъ пріютскихъ вдругъ проявляла самостоятельность и, хитро усыпляя бдительность надзирательницы и швейцара, главнѣйшихъ церберовъ пріюта, внезапно исчезала изъ стѣнъ двухъэтажнаго дома, поглощенная мракомъ спящаго города, но это случалось настолько рѣдко, что и говорить не приходится.

Пріютъ жилъ по выработанному шаблону, не проявляя вовсе ни малѣйшей охоты къ совершенствованію, и напоминалъ тихое, стоячее болото.

5.

Дуня ни на минуту не забывала о задуманномъ; но чѣмъ ближе подходила къ тому, чтобъ исполнить принятое рѣшеніе, тѣмъ все мягче и мягче относилась къ Николаю и пришла, наконецъ, къ выводу, что его слѣдуетъ пощадить: «пускай самъ казнится, когда придетъ чередъ»...

Бунтъ, поднявшійся въ душѣ, точно и не касался теперь мужа. За работой и на досугѣ, днемъ и ночью, всегда помнила только, что надо рѣшиться и поскорѣе, не откладывая въ долгій ящикъ.

Иного выхода не было.

«Пусть у каждаго изъ насъ будутъ разныя дороги, какія кому суждены. Я выбираю ту, что считаю лучшей для себя, а онъ пусть идетъ по той, какая ему нужна. Не буду насильно тянуть его по своей. Богъ съ нимъ! Все ему прощаю,—не знаетъ, вѣдь, что творить».

Такія мысли нерѣдко мелькали въ ея головѣ, отуманенной заботами о себѣ и о дѣтяхъ.

О Христинѣ какъ-то уже не печалилась, считая, вѣроятно, что она попала въ надежныя руки. Если не въ Олимпиаду Осиповну, то въ Галину безусловно вѣрила, зная ея искренность и доброту.

О пріютѣ, разумѣется, не подозрѣвала даже. Если бы узнала, пожалуй, тогда перемѣнила бы всѣ свои планы и о многомъ подумала бы иначе.

Воспользовавшись отсутствіемъ Николая (его отлучки въ послѣднее время все учащались и учащались), Дуня особенно сильно растопила на ночь печку и, когда уснула дѣтвора, плотно закрыла трубу.

Окна и дверь также были тщательно забиты, чтобы не было ни одной щели для доступа свѣжаго воздуха, и ставни захлопнула.

Знала, что сосѣди не потревожатъ: всѣхъ предупредила, что отправляется въ городъ съ дѣтьми на нѣсколько дней.

Не раздѣваясь, легла на полъ и, лежа, стала молиться съ закрытыми глазами, накрывшись платкомъ, точно прячась отъ какого-то ужаса.

Уголь тѣмъ временемъ разгорался и незамѣтно выпускалъ ядовитыя струйки неувидимаго угара.

Становилось нестерпимо душно.

Клонило ко сну. Кружилась голова.

Сквозь дремоту чувствовала Дуня невозможную тяжесть, точно осѣбла изба и придавила ее крышей, которая все ниже и ниже вдавливалась въ землю, втягивая съ собой и ее. Болѣла грудь и дышать нечѣмъ было. Пошевелинуться мѣшала цѣпящая лѣнь. Затѣмъ показалось, будто проваливается куда-то въ мрачную глубину подвала, гдѣ копошились лягушки и разные гады.

Изъ дѣтей уже двое лежали безъ движенія, какъ убитыя, а Харитонъ сползъ съ кровати, охваченный приступомъ тошноты, но не въ силахъ былъ итти и тутъ же въ судорогахъ свалился полуголый на полъ, неясно бормоча: «мамочка... ма...»

Лишь дня черезъ два вернулся Николай, по обыкновенію, сильно нетрезвый и сердитый.

Долго мрачно стучался, но такъ какъ никто не открывалъ двери, въ сердцахъ вынулъ изъ мѣшка топоръ и началъ разламывать ее, яростно нанося удары направо и налево, пока не затрещала доска и не вывалилась, на половину изрубленная, со слѣдами глубокихъ порѣзовъ.

Въ дикомъ изступленіи пьянаго, не разбирающаго, кто виновать, и не признающаго никакихъ преградъ собственнымъ желаньямъ, взломалъ-таки запертую дверь и ринулся въ избу, взъерошенный и красный, съ поднятымъ топоромъ, ни въ чемъ не отдавая себѣ отчета.

— Эй, ты, дворянка чортова, гдѣ твое приданое? вылѣзай и бастрыка тащи за вихры!.. Конецъ вамъ, капуть!..—крикнулъ и не докончилъ фразы, такъ какъ впотѣмахъ споткнулся обо что-то и упалъ, роняя топоръ.

Хотя вмѣстѣ съ нимъ въ дверь ворвалась холодная струя вѣтра, но угаръ, наполнившій избу, сразу ошеломилъ его, и онъ окончательно потерялъ способность размышлять, выкрикивалъ заплетаящимся языкомъ непонятныя слова и безпомощно разводилъ руками, пока не заснулъ.

Уже сосѣдніе крестьяне замѣтили взломанную дверь и, заподозрѣвъ недоброе, вошли въ избу, пооткрывали окна и трубу въ

печкѣ, создали потомъ понятыхъ, обмѣнивались сужденіями и поглаживали бороды.

Приѣхавшій земскій фельдшеръ лишь одного Николая привелъ въ чувство, а въ отношеніи Дуни и ребятишекъ всѣ медицинскія средства, которыми онъ располагалъ, были бесполезны.

Столяръ Доскинъ долго не могъ сообразить, какъ онъ попалъ къ себѣ домой, а смерть жены и троихъ дѣтей встрѣтилъ съ довольно равнодушнымъ видомъ, хотя и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы опять запить «съ горя».

О Христинѣ не вспоминалъ, словно ея и не существовало никогда. Водка постепенно убивала въ немъ всѣ добрыя начала, превращая въ получеловѣка-полуживотное, и очень скоро ни одна живая мысль не освѣщала его мрачнаго прозябанія. Отовсюду, гдѣ онъ прежде работалъ, то въ столярахъ, то въ плотникахъ, повыгоняли его за грубость и пьянство.

Изда въ Александровкѣ стояла сырая, заколоченная, безъ призора, покосившаяся на бокъ, съ дырявой крышей. Отъ нея вѣяло холодомъ мертваго заустѣнія, и суевѣрные крестьяне ночью избѣгали проходить мимо.

Среди городскихъ отбросовъ влачили Николай свое жалкое существованіе.

Тамъ, гдѣ цѣпи свалочныхъ сугробовъ, грязныхъ озеръ, лужъ и трясинъ образуютъ «Горячее поле», нашель онъ себѣ постоянное пристанище.

Въ навозныхъ горахъ прорыты пещеры, а входъ въ нихъ спрятанъ рогожами.

Шесть аршинъ въ длину, два—въ высоту, пять—въ ширину,— вотъ лучшее помѣщеніе, и здѣсь на соломѣ, давно прогнившей, въ одуряющей волнѣ страшнаго зловонія лежатъ вповалку и движутся, какъ черви, кошмарныя фигуры, потерявшія человѣчскій образъ.

Это все—бездомные горожане, бывшіе люди, бродяги.

Они ютятся въ сосѣдствѣ со скотобойнями; тутъ же невдалекѣ и камера для истребленія павшихъ животныхъ.

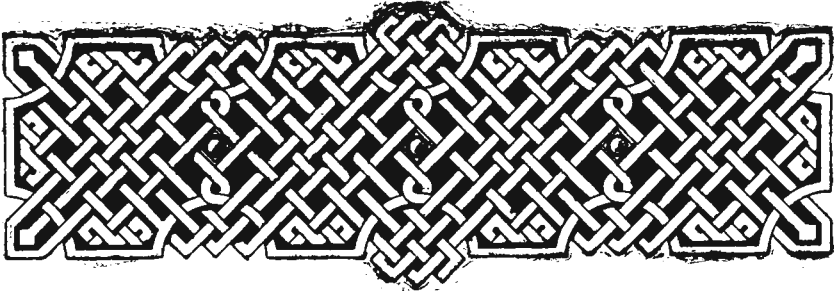
Растутъ горы падали, и полчища мухъ съ жадностью вьются надъ ними и жужжатъ одной и той же назойливой нотой.

Зловѣщимъ ужасомъ несетъ отъ этого мѣста, и нѣтъ возврата тому къ свѣтлой жизни, кто окунулся въ омутъ грязи, отброшенной сюда жестокимъ городомъ.

В. Умановъ-Каплуновскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ)

„ЧТО ВИДѢЛЪ, СЛЫШАЛЪ, КОГО ЗНАЛЪ“.

Михаиль Григорьевичъ Кучеровъ.

ЧЕНЬ мнѣ хочется познакомить васъ съ Кучеровымъ,— чуть не въ двадцатый разъ говорилъ мнѣ пріятель и землякъ Гаринъ.

Я очень люблю Гарина, но какъ-то все не могъ собраться исполнить его желаніе, хотя слышалъ о Кучеровѣ много, и все въ его пользу.

Они были товарищами по сельско-хозяйственному институту, преобразованному потомъ въ лѣсную академію, при которой Кучеровъ остался лаборантомъ, работая сначала подъ руководствомъ талантливаго химика Соколова, а потомъ—трудолюбиваго, настойчиваго и основательнаго труженика Павла Николаевича Лачинова, каѳедру котораго занялъ вслѣдъ за его смертью.

— Знаю,—твердилъ Гаринъ:—что вы сами останетесь довольны этимъ знакомствомъ. Вы увидите, что это за милый, простой и даровитый человекъ: серьезный химикъ, увлекающій своихъ слушателей широтою взглядовъ и находчивыхъ обобщеній, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени отзывчиво реагируетъ на все на свѣтѣ. И музыкальныя способности въ немъ огромныя: прослушаетъ въ первый разъ оперу и можетъ повторить всю ее чуть не съ начала до конца. Вотъ три года тому назадъ вздумалъ, несмотря на профессуру, заниматься живописью, и посмотрите, какой художественный въ немъ талантъ объявился. Пріѣзжайте-ка ко мнѣ, я покажу вамъ

портреты его работы—мой и Варвары Николаевны. (Жену свою Гаринъ иначе не называетъ). А человѣкъ какой! Доброты, отзывчивости и искренности необычайной.

— Полноте, батюшка,—дразню я Гарина.—Коли профессоръ да еще химіи—скучнѣйшій, должно быть, человѣкъ, а скучныхъ людей я пуще огня боюсь.

— Да нѣтъ же, нѣтъ, говорю вамъ,—настаиваетъ Гаринъ.

Признаться, Гаринъ заражаетъ меня уже давно и, слыша восторженные его отзывы, мнѣ самому хочется познакомиться съ Кучеровымъ, да какъ-то неловко, ни съ того, ни съ сего, пріѣхать къ человѣку—«хочу, молъ, съ вами познакомиться».

Я-то хочу, а ему доставить ли это удовольствіе? Ну, а какъ одну неприятность? Тѣмъ болѣе, что и Гаринъ человѣкъ превосходный, но наивный до послѣдней степени, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ съ значительнымъ хвостикомъ. Вѣдь Гаринъ, я хорошо это знаю, совсѣмъ нигилистъ, въ самомъ лучшемъ, конечно, значеніи этого слова. Никакія условности для него не существуютъ, кромѣ безупречной честности, правдивости и прямоты. Это ужъ лежитъ въ его натурѣ, и натурѣ своей измѣнить онъ не въ состояніи.

— А ну, поѣдемъ, посмотримъ ваши портреты, работы пятидесятивосьмилѣтняго начинающаго художника—вундеркинда въ своемъ родѣ,—говорю я, и мы поѣхали къ Гарину.

Я очень люблю картины и едва ли не больше всего хорошіе портреты.

Ѣхалъ, предполагая, разумѣется, увидѣть что-нибудь вполне дилетантское, удовлетворяющее Гарина лишь вслѣдствіе его необычайнаго добродушія. Но, увидѣвъ, просто ротъ разинулъ.

Это были портреты положительно большого мастера, не зализанные, смѣло набросанные и, главное, схватившіе душу оригиналовъ.

Я рѣшилъ не откладывать долѣе, и на слѣдующій же день мы поѣхали къ Кучерову. Что же, думаю себѣ, я вѣдь человѣкъ достаточно чуткій, чтобы не сообразить сразу же, что знакомство мое не доставитъ этому профессору особаго удовольствія. Выгнать онъ меня не выгонитъ. Все же посмотрю, что это за человѣкъ, и, если знакомство ограничится однимъ первымъ визитомъ, ни онъ, ни я, мы оба ничего не потеряемъ.

Насъ встрѣтилъ темнокожій брюнетъ средняго роста, не худой и не толстый, правильно, хорошо сложенный и замѣчательно простой, естественный въ каждомъ жестѣ, въ каждомъ движеніи.

Я извинился за вторженіе и свалилъ вину въ этомъ на пріятеля.

— Да я, напротивъ, очень радъ,—говорилъ Михаилъ Григорьевичъ, улыбаясь.—Онъ вѣдь и мнѣ много говорилъ о васъ, — закончилъ профессоръ, указывая на Гарина.

— Плохую, однако, обстановку для знакомства создалъ намъ общій пріятель,—подхватилъ я.—По добродушію своему онъ, навѣрное, наговорилъ обо мнѣ столько хорошаго, что дѣйствительность, конечно, не отвѣтитъ ожиданіямъ.

— Да вѣдь и обо мнѣ, конечно, Петръ Тимоѣевичъ (Гаринъ) наговорилъ вамъ Богъ знаетъ чего. Поэтому и вы неизбежно должны разочароваться,—и онъ засмѣялся такъ добродушно, что мы съ Гаринимъ поневолѣ подхватили этотъ смѣхъ.

Сразу какъ-то миновали мы всякое средостѣніе перваго знакомства, стали на пріятельскую ногу, и сразу же я попросилъ познакомиться меня съ его работами.

— Ну, да, вѣдь, это Петръ Тимоѣевичъ наговорилъ вамъ, а какой же я художникъ. Дилетантъ, да еще начинающій на склонѣ лѣтъ.

Тѣмъ не менѣе онъ показалъ намъ свои этюды и двѣ картины изъ оконъ своей квартиры, поразившія меня правдою, искренностью, сочностью и тѣмъ «неуловимымъ», которое даетъ вамъ картина настоящаго таланта, не ремесленника, а вкладывающаго въ работу свою душу и схватывающаго поэтому душу того, что онъ пишетъ, отчего даже незначительный этюдъ дышитъ поэзіей, носитъ на себѣ ея отпечатокъ.

Любуясь работами художника, я въ то же время внимательно вглядывался въ лицо его самого, тѣмъ болѣе, что оно невольно заставляло смотрѣть на себя, смотрѣть и вглядываться.

Очень большой, открытый лобъ съ сѣдыми, рѣдкими на темени волосами. Прекрасный вообще черепъ съ нескошеннымъ затылкомъ. Низко, правильно поставленныя, красиво очерченныя уши, сухой носъ, но носъ не римскій и не греческій, чуть-чуть выдающіяся скулы, прямыя, черныя, рельефныя брови, чуть захваченныя, какъ и черныя усы, сѣдиной, маленькій клочокъ сѣдыхъ волосъ на подбородкѣ, темный цвѣтъ лица и прекрасные каріе, совсѣмъ молодые глаза. Все взятое вмѣстѣ не являло представителя русскаго типа и выдавало вліяніе восточной, вѣрнѣе всего, татарской крови. Въ спокойномъ состояніи лицо было серьезное, вдумчивое, но имѣло способность быстро поддаваться самой симпатичной улыбкѣ, которая легко переходила въ веселый, почти дѣтскій смѣхъ. Особенностью лица была очень мало развитая нижняя челюсть. Нижняя губа съ подбородкомъ были даже непропорціонально малы, особенно по отношенію къ высокому, крупному лбу и вообще той части черепа, которая возвышается надъ линіей, соединяющей глазъ съ ухомъ, той части, однимъ словомъ, въ которой помѣщается то капризнаго качества вещество, благодаря которому люди дѣлятся на умныхъ и глупыхъ, гениевъ и идіотовъ.

Нижняя челюсть. Я всегда обращалъ на нее вниманіе и рѣдко ошибался въ ея значеніи. Слишкомъ развитая, она, несомнѣнно, слу-

жить признакомъ животныхъ, грубыхъ, низменныхъ наклонностей. Это, конечно, было замѣчено, вѣроятно, сотнями людей до меня. По крайней мѣрѣ, Золя, въ «Ассомуарѣ», рисуя своего героя Купо, подчеркнул сильно развитую нижнюю часть его лица.

Изъ моихъ же личныхъ наблюденій два случая рисуются особенно въ моей памяти.

Высокій, стройный и красивый, двадцатилѣтній юноша, сынъ добрѣйшаго, прелестнѣйшаго отца, игравшаго очень крупную роль, поразилъ меня при первомъ знакомствѣ сильно развитой нижней челюстью. Помня отца, я думалъ, что замѣченный мною признакъ въ данномъ случаѣ окажется ошибочнымъ. И вдругъ узнаю, что этого самого молодого человѣка, когда ему было всего четырнадцать лѣтъ, сосѣди на дачѣ наблюдали и возмущались его любимымъ занятіемъ—травлею барсуковъ и кошекъ своими злобными псами.

Позднѣе, когда онъ получилъ видное назначеніе, когда ему ввѣренъ былъ постъ, занимаемый нѣкогда его отцомъ, вмѣсто обожанія, которое должно было бы перейти къ нему по наслѣдству, онъ заслужилъ всеобщую ненависть.

У постели его отца, умиравшаго вдали отъ Петербурга, была незаконная дочь больного, молодая симпатичная дѣвушка, своими заботами скрашивавшая послѣднія минуты своего отца. И что же? Когда по телеграммѣ къ умершему пріѣхалъ сынъ, онъ приказалъ не допускать къ почившему молодой дѣвушки, дочери его отца и, слѣдовательно, сестры его, хотя и отъ другой матери. Я видѣлъ похороны. Сынъ шелъ за гробомъ, высокій, статный, красивый, но нижняя челюсть развилась еще болѣе. Вотъ онъ, признакъ-то необлужный!—думалось мнѣ.

Другой случай.

Человѣкъ съ очень крупнымъ состояніемъ, значительно, по слухамъ, перевалившимъ за десятокъ милліоновъ, красивый, элегантно одѣтый, хотя, въ сущности, некультурный московскій купецъ-самодуръ, проявлялъ очень странныя свойства своей нижней челюсти.

Жизни довольно скромной, большой любитель винта, онъ охотно садился по самой маленькой и поражалъ меня дѣятельностью своей нижней челюсти въ грошовой игрѣ; при всякомъ раздумьи по поводу какого-нибудь малаго или большого шлема она, эта челюсть, какъ-то начинала двигаться въ сторону, что производило впечатлѣніе чего-то животнаго, чего-то противнаго.

Но жилъ онъ, повторяю, очень скромно, особенно для своего состоянія, и многочисленныя служащія конторы его, какъ слышно, жаловались на его постоянное торчанье въ конторѣ.

— Хоть бы любовницу завелъ,—говорили они.—У всякаго порядочнаго богатаго купца непременно есть любовница, а у этого только и свѣта въ глазахъ, что контора да контора.

И вдругъ низменные животныя наклонности, яркимъ выразителемъ которыхъ служила подвижная нижняя челюсть, сразу проявили себя въ полномъ свѣтѣ: увидѣлъ онъ какъ-то у Омона красивую актрису и сразу пошелъ пылить во всю. Въ одинъ годъ бросилъ на нее болѣе милліона, началъ ѣздить въ Монте-Карло, завелъ тамъ самую крупную игру, сначала выигралъ тысячь двѣсти, а потомъ постепенно сталъ разстраивать свое состояніе, проигрывая

Михаилъ Григорьевичъ Кучеровъ.

огромные купши и вмѣсто милліона, лежавшаго постоянно на текущемъ счету, появились закладныя на московскіе дома и даже векселя. Воображаю, что дѣлала при всемъ этомъ нижняя челюсть, такъ меня поражавшая даже въ копеечной игрѣ.

Но и помимо нижней челюсти, рѣдкое лицо въ извѣстномъ возрастѣ сохраняетъ чистоту линій, строгость очертаній, остается красивымъ.

Сколько встрѣчалъ я двадцати-двадцатипятилѣтнихъ красавцевъ. Къ тридцати годамъ, если эти красавцы не были людьми ин-

теллигентными, на лица ихъ ложилась печать чего-то животнаго, непріятнаго, а къ сорока-пятидесятилѣтнему возрасту красавцы превращались въ ожирѣвшія существа, напоминающія извѣстное всеядное животное, служащее продуктомъ лакомства пасхальной недѣли.

И только интеллектуальная жизнь и работа даютъ красивую старость.

Но у Михаила Григорьевича, несмотря на его пятьдесятъ восемь лѣтъ и сильно посѣдѣвшіе волосы, на лицѣ не было даже ни малѣйшаго отпечатка старости, такимъ блескомъ горѣли его глаза, такъ свѣжа была, безъ малѣйшихъ почти морщинъ, смуглая кожа, такъ чисты были всѣ строгія очертанія одухотвореннаго лица, такъ ярко освѣщалось оно заразительнымъ смѣхомъ.

Я рассчитывалъ, что первый визитъ продолжится полчаса-часъ, не болѣе, но когда спохватился, оказалось, что мы проболтали почти четыре часа. И ни о чемъ серьезномъ, кромѣ развѣ живописи, не говорили, а время пробѣжало совсѣмъ незамѣтно.

Я собрался уходить, но Михаилъ Григорьевичъ задержалъ на пять минутъ, чтобы сдѣлать какія-то домашнія распоряженія и затѣмъ проводить меня съ Петербургской стороны на Морскую, куда мнѣ нужно было поспѣть къ назначенному часу.

Втроемъ дошли до парохода. На пароходѣ переправились черезъ Неву и опять всѣ втроемъ—до подъѣзда дома, куда я направлялся.

Было очевидно, что если Михаилъ Григорьевичъ произвелъ на меня самое лучшее, даже обаятельное впечатлѣніе, то и я не оказался ему очень противнымъ.

Мы условились, что, вмѣсто отвѣтнаго визита, онъ придетъ ко мнѣ запросто пообѣдать, и знакомство, такимъ образомъ, сразу же приняло пріятельскій характеръ, чему, конечно, способствовало общее наше расположеніе къ общему пріятелю—Гарину.

Къ сожалѣнію, я вскорѣ долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга и возвратился только въ январѣ слѣдующаго одиннадцатаго года, возвратился больной и, лишь провалявшись съ мѣсяцъ, получилъ возможность повидаться съ Михаиломъ Григорьевичемъ, пришедшимъ, по моей просьбѣ, навѣстить больного.

Но зато отношенія сразу перешли уже совсѣмъ въ пріятельскія.

Поводомъ къ сближенію послужила общая любовь къ живописи.

Предо мною былъ, несомнѣнно, большой талантъ, и я рѣшилъ на всѣ художественныя выставки ходить не иначе, какъ въ его обществѣ, чтобы провѣрять свои впечатлѣнія и взгляды на искусство.

И мы стали ходить втроемъ: Михаилъ Григорьевичъ, Гаринъ и я.

Гаринъ долженъ былъ быть также выдающимся художникомъ. По крайней мѣрѣ, въ юности его считали подававшимъ больше на-

деждѣ, чѣмъ его товарищъ, такой крупный и интересный художникъ, какъ Ерошенко. Но Ерошенко талантъ свой разработалъ, а Гаринъ забросилъ.

Михаилъ Григорьевичъ, какъ человѣкъ очень занятой работами въ созданной и управляемой имъ лабораторіи министерства финансовъ, былъ свободенъ днемъ почти исключительно по праздникамъ, но зато каждымъ праздникомъ я старался воспользоваться, чтобы прислушиваться къ той оцѣнкѣ, которую даетъ картинамъ настоящей талантъ.

Не желая, впрочемъ, ничего рисовать однѣми радужными красками, если эти краски не отвѣчаютъ дѣйствительности, я долженъ сказать, что въ мнѣніяхъ о картинахъ съ Михаиломъ Григорьевичемъ я послѣ первыхъ же двухъ-трехъ совмѣстныхъ осмотровъ картинъ сталъ расходиться.

Съ Гаринимъ, напротивъ того, относительно картинъ мы были почти постоянно одного мнѣнія. А между тѣмъ Гаринъ, подававшій, какъ сказано, нѣкогда большія надежды, но пошедшій по другой дорогѣ, если и пишетъ теперь разные пустячки акварелью, то, конечно, не можетъ претендовать даже на слабое подобіе художественнаго таланта.

Мнѣ припомнилось по этому случаю мнѣніе одного, едва ли не самаго крупнаго въ Россіи знатока и цѣнителя художественныхъ произведеній, недавно умершаго Павла Викторовича Делярова.

— Имѣйте въ виду, — говорилъ, къ моему большому удивленію, этотъ очень умный человѣкъ: — что художники самые плохіе цѣнители художественныхъ произведеній.

— Какъ такъ? — невольно возразилъ я.

— Да очень просто. Всякій художникъ, или почти всякій пишетъ въ своемъ родѣ, въ своей манерѣ, и все, что подходитъ къ этой манерѣ, его удовлетворяетъ, и, наоборотъ, все несогласное съ нею, съ его манерой, кажется ему невѣрнымъ, не художественнымъ, иначе онъ перешелъ бы самъ на эту манеру. И лишь у очень крупныхъ художниковъ вы не видите однообразія въ манерѣ письма. Для меня нѣтъ ничего смѣшнѣе, когда говорятъ о произведеніи, напри- мѣръ, Рембрандта, что оно не принадлежитъ его кисти, потому что написано не въ его манерѣ. Большой художникъ не удовлетворяется шаблонностью. Онъ ищетъ новыхъ путей. Это вы видите, напри- мѣръ, изъ нашихъ художниковъ у такого крупнаго таланта, какъ Рѣпинъ.

— Но какъ же, въ такомъ случаѣ, отличаете вы подлинность работы крупнаго мастера?

— Подлинность узнается потому, что какъ бы ни мѣнялъ художникъ манеру, его индивидуальность, свойственная ему особенность остается неизмѣнной, непремѣнно проглядываетъ въ томъ или другомъ мазкѣ.

Итакъ, несмотря на высокое мое мнѣніе о талантѣ Михаила Григорьевича, я не всегда сходился съ нимъ въ оцѣнкѣ той или другой картины.

Это совсѣмъ не мѣшало, однако, особенному и очень большому удовольствію ходить съ нимъ по выставкамъ и художественнымъ галлереймъ.

Такъ шло время. Отношенія укрѣплялись, и я познакомился съ семьею Михаила Григорьевича, на всѣхъ лицахъ которой былъ явный и какой-то розовый отпечатокъ, не нахожу другого выраженія, душевной чистоты, добродушія, простоты и необычайной симпатичности главы семьи.

— Тоже химикъ,—говорилъ Михаилъ Григорьевичъ, знакомя меня со старшимъ сыномъ, необычайно красивымъ человѣкомъ съ удивительными глазами, несмотря на почти черный цвѣтъ, ласкающими и доброжелательными.

— Тоже химикъ?—подхватилъ я.—А знаете, что недавно я слышалъ отъ работавшаго у меня подрядчика-штукатура.—«тоже химикъ хорошій»,—говорилъ онъ, характеризуя обманувшаго его индивидуума.

И Михаилъ Григорьевичъ и сынъ его добродушно смѣются.

Добродушный, заразительный смѣхъ заражаетъ меня, и я продолжаю:

— «Химика»-то, сталкиваясь постоянно съ простыми рабочими людьми, я слышалъ часто, почти такъ же часто, какъ художника отъ слова «худо». Но вотъ недавно былъ пораженъ, когда тотъ же штукатуръ, жалуясь на обманувшаго его товарища, говоритъ мнѣ: «да, считалъ его человѣкомъ хорошимъ, а онъ пассажиромъ оказался».

— Кѣмъ оказался?—спрашиваю въ полномъ недоумѣніи.

— Пассажиромъ, говорю.

— То-есть, какъ пассажиромъ?

— Да развѣ не знаете. Извѣстно, что значить пассажиръ.

— Да что же значить, однако?

— Извѣстно что—мошенникъ.

И Михаилъ Григорьевичъ снова заразительно хохочетъ.

Но добродушіе его и терпимость не были, однако, безграничными.

Мы никогда не говорили о политикѣ, но какъ я, такъ и онъ чувствовали, что политическія убѣжденія наши не совсѣмъ тождественны.

Я, всю жизнь оставаясь либераломъ и сторонникомъ конституціи, былъ, однако, повидимому, правѣе Михаила Григорьевича, такъ же какъ онъ лѣвѣе меня. Моей, однимъ словомъ, постоянной газетой было «Новое Время», хотя я далеко не раздѣлялъ всѣхъ ея взглядовъ. На столѣ у Михаила Григорьевича лежала «Рѣчь», направленіе которой я раздѣлялъ еще менѣе.

Я сознавалъ разницу нашихъ съ Михаиломъ Григорьевичемъ взглядовъ на внутреннюю политику и потому избѣгалъ говорить о ней. Такъ же, вѣроятно, по врожденной деликатности и чуткости, поступалъ и Михаилъ Григорьевичъ. Но, повидимому, онъ не отличался той необычайной терпимостью, которую я успѣлъ выработать въ себѣ опытомъ долгой жизни.

Помню, въ молодости, если человѣкъ не раздѣлялъ моихъ политическихъ убѣждений, которыя я, именно по молодости, считалъ, конечно, непреложно вѣрными, мнѣ казалось, что онъ либо человѣкъ недалекій, либо неискренній, ищущій въ своемъ *credo* какой-нибудь личной выгоды, и только жизненный опытъ и самое разнообразное общеніе съ людьми самыми разнохарактерными и разносортными выработали терпимость самую широкую, которой, повторяю, повидимому, Михаилъ Григорьевичъ выработать въ себѣ еще не успѣлъ.

По крайней мѣрѣ, разъ приглашаю его запросто пообѣдать и, чтобы не было ему скучно, зову также своего хорошаго знакомаго Д. съ красавицей-женой. Помимо красоты, г-жа Д. очаровывала всѣхъ, въ томъ числѣ и мою жену, своей необычайной простотой, естественностью, искренностью и полнымъ отсутствіемъ снобства.

Самъ Д. былъ также человѣкомъ въ высшей степени интереснымъ. Лѣтъ нѣсколько за сорокъ, онъ имѣлъ видъ человѣка тридцатилѣтняго. Очень умный, широко и разносторонне образованный, докторъ права, превосходный профессоръ и лекторъ, выдающийся публицистъ, работоспособности почти сверхъестественной, онъ въ то же время не былъ скучнымъ педантомъ, могъ вести самую интересную, оживленную бесѣду и по всѣмъ этимъ даннымъ представлялъ собою собесѣдника самаго содержательнаго, самаго желательнаго.

Я имѣлъ поэтому всѣ основанія предполагать, что общество Д. и красавицы его жены будетъ только пріятно моему милому Михаилу Григорьевичу—и какъ человѣку очень умному, разностороннему, и какъ художнику, естественно реагирующему на все красивое.

— Смотрите, не упадите въ обморокъ,—шучу я, встрѣчая Михаила Григорьевича.—Сейчасъ покажу вамъ барыню, да такую красивую, что «даже глядѣть невозможно».

— Но?—отвѣчаетъ онъ.

— И мужъ у барыни,—продолжаю я,—интереснѣйшій и разносторонній человѣкъ.

Михаилъ Григорьевичъ очень весело здороваается съ нами, и видно по всему, что онъ въ прекрасномъ настроеніи духа, какъ вдругъ раздается звонокъ. Я знакомлю гостей своихъ и сначала ничего не замѣчаю, но потомъ, за обѣдомъ, меня поражаетъ серъез-

ность Михаила Григорьевича: нѣтъ оживленія, не реагируетъ на шутки, не смѣется заразительно. Но, занятый обѣдомъ, чтобы гости не остались голодными, и слушая интересные разговоры Д., я сначала не обращаю вниманія на сумрачность Михаила Григорьевича, и только, когда вслѣдъ за обѣдомъ вижу, что онъ беретъ за шапку, понимаю, что не все обстоит благополучно.

Меня и раньше удвляло, что многіе, очень многіе относились къ Д. неблагоклонно. У него были искренніе пріятели, которымъ онъ не только нравился, какъ мнѣ и моимъ домашнимъ, но которые, повидимому, были расположены къ нему всѣмъ сердцемъ, любили его. Но я не слышалъ ни отъ одного изъ людей, знавшихъ его поверхностно, хорошаго отзыва о немъ, о его нравственныхъ качествахъ, хотя самъ я слышалъ отъ него только самыя строгіе, полныя нетерпимости отзывы о людяхъ мало-мальски шаткихъ не только въ смыслѣ этики, но и въ политическихъ своихъ убѣжденіяхъ. И послѣдніе отзывы казались вполне искренними, хотя и отвѣчали взглядамъ на русскую конституцію его непосредственнаго начальства.

Когда я спрашивалъ кого-нибудь:

— Отчего это вы не любите Д.?

— Не я одинъ, никто его не любитъ,—отвѣчали мнѣ.

— Да отчего?—допытывался я.

— Потому, во-первыхъ, что онъ перебѣзчикъ: былъ крайнимъ лѣвымъ, а теперь сталъ убѣжденнымъ монархистомъ.

— Да неужели же можно бичевать человѣка за то, что онъ, созрѣвая умственно, мѣняетъ свои политическія убѣжденія? Вѣдь онъ монархистъ при условіи народнаго представительства.

— Да,—отвѣчали мнѣ.—Потому, что таковъ образъ мыслей его начальства. И вообще не увлекайтесь имъ. Онъ человѣкъ безспорно умный, образованный, содержательный, но не искренній, не заслуживающій ни малѣйшаго довѣрія.

И вотъ это-то ходячее и, по-моему, несправедливое мнѣніе о Д., дошедшее, конечно, до Михаила Григорьевича, превратило добродушіе и веселость его въ самое мрачное настроеніе.

Д. личность настолько интересная, что заслуживаетъ еще нѣсколькихъ строкъ.

Меня крайне занимало это общее къ нему нерасположеніе.

Первая причина заключалась, конечно, въ томъ, что люди слишкомъ нетерпимые, или близорукіе не прощали ему переменъ политическихъ убѣжденій, считали его отступникомъ.

Вторую причину я видѣлъ въ неприглядныхъ свойствахъ души человѣческой, не прощающей никому превосходства надъ собственной посредственностью. Результатъ этого свойства—зависть или мелкое, дрянное самолюбіе—испытываетъ на себѣ отъ зараженныхъ **ими** всякій человѣкъ, чѣмъ-либо выдающійся изъ общаго уровня

посредственности и ничтожества. Будь это умъ, талантъ, даръ слова, богатство и даже просто достаточность—зависти ему не миновать, а неизбежной подругой зависти является не только хула, но въ большинствѣ случаевъ и сама клевета. Несомнѣнно, что и въ отношеніи ходячаго мнѣнія о Д. зависть людей ничтожныхъ сыграла свою роль.

Но, помимо этихъ двухъ причинъ, была еще третья, въ высшей степени непріятная манера спорить, которою отличался Д. Человѣкъ очень высокаго о себѣ мнѣнія, онъ былъ настолько безтактенъ, что не умѣлъ скрывать отъ другихъ убѣжденія въ своемъ превосходствѣ и особенно проявлялъ это въ спорахъ. Тонъ его въ этихъ случаяхъ являлся не только безапелляціоннымъ, но обидно высокомернымъ, такъ что приводилъ даже спокойныхъ людей, даже не самихъ спорящихъ, а только слушающихъ споръ,—просто въ негодованіе. И я лично не понималъ, какъ человѣкъ его ума, образованія и вполнѣ приличныхъ по внѣшности манеръ не могъ понимать, что во всякомъ спорѣ человѣкъ долженъ выказывать хотя бы даже чисто внѣшнимъ образомъ полную терпимость и уваженіе къ мнѣнію собесѣдника, а отнюдь не высокомеріе, принимавшее подчасъ у него форму нескрываемаго презрѣнія къ рѣчамъ и даже къ личности собесѣдника.

Но при Михаилѣ Григорьевичѣ Д. еще не успѣлъ выказать указанныхъ непріятныхъ сторонъ своего характера, и тѣмъ не мене Кучеровъ покинулъ насъ, очевидно, знакомый съ Д. по наслышкѣ и не прощавшій ему его отступничества.

Этотъ маленькій инцидентъ нисколько не нарушилъ, однако, нашихъ добрыхъ отношеній. При первомъ же свиданіи я только мелькомъ замѣтилъ, что, кажется, онъ не долюбливаетъ Д., на что онъ также вскользь отвѣчалъ, что да. О причинахъ я не допрашивалъ и только положилъ впредь не устраивать встрѣчи двухъ интересныхъ людей, а, напротивъ, избѣгать этого.

Пріѣзжаетъ какъ-то ко мнѣ Михаилъ Григорьевичъ весной 1911 года вмѣстѣ съ Гаринымъ и говоритъ:

— Поѣдемъ къ художнику Харитонову. Онъ пишетъ мой портретъ. Человѣкъ онъ талантливый и, какъ художникъ, интересный.

И мы отправились въ мастерскую художника.

Михаилъ Григорьевичъ началъ позировать, а художникъ доканчивать портретъ, я же съ большимъ интересомъ слѣдилъ за работою послѣдняго, и такъ какъ, благодаря свѣтлому, яркому, весеннему сѣверному дню, всѣ мы были весело настроены, то шутки и смѣхъ сопровождали работу художника.

Уже передъ этимъ Михаилъ Григорьевичъ самъ предложилъ написать мой портретъ, чему я ужасно обрадовался. И вотъ тутъ, кончивъ позировать, обращается онъ къ художнику, указывая на меня, со словами:

— А ну-ка, попробуйте набросать его портретъ.

И художникъ добродушно беретъ какой-то старый холстъ и начинаетъ свой этюдъ. Я все время смѣюсь, продолжая рассказывать разные глупые анекдоты, и художникъ нисколько не въ претензіи, что я не сижу неподвижно. Оба находятъ даже, что портретъ, писанный съ лица не неподвижнаго, выходитъ несравненно жизненнѣе, передаетъ сущность оригинала, его внутреннее содержаніе—то, однимъ словомъ, что отличаетъ работу художника отъ фотографа.

Всѣ мы смѣемся, исключая самого художника. Онъ серьезенъ, повидимому, ничего не слышитъ, и глаза его совершенно измѣняются, когда онъ взглядываетъ на оригиналь. Этотъ взглядъ становится какимъ-то необычайно точнымъ, фиксирующимъ, пронизывающимъ, словно два кинжала направляются на васъ. То же самое замѣтилъ я и во взглядахъ М. Г. Кучерова, когда вскорѣ онъ началъ писать мой портретъ.

Не прошло и часу, какъ этюдъ былъ оконченъ широкими, смѣлыми мазками, и Кучеровъ остался имъ очень доволенъ, хотя я, признавая мастерство работы, увѣрялъ Михаила Григорьевича въ отсутствіе, конечно, художника, что портретъ являетъ необычайное сходство не только со мною, но особенно съ смѣющимся орангутангомъ, если бы послѣднему пришло въ голову смѣяться.

— Въ этомъ, конечно, виноватъ я самъ,—добавлялъ я:— именно потому, что тѣ три часа, которые провели мы у художника, сопровождались непрерывнымъ смѣхомъ; но когда вы вздумаете писать мой портретъ, то тутъ ужъ я буду вести себя, какъ прилично моему возрасту, ибо очень хочу, чтобы портретъ мой вышелъ такимъ же удачнымъ, какъ портретъ Гарина.

Это утро въ мастерской художника никогда не изгладится изъ моей памяти. Всѣ мы, три старика и молодой художникъ, были какъ-то особенно радостно и свѣтло настроены. Шутки, остроты, анекдоты и юмористическіе рассказы такъ и сыпались. И если бы кто-нибудь слушалъ насъ за перегородкой, или съ закрытыми глазами, то, конечно, не подумалъ бы, что дурачатся три старика, изъ которыхъ самымъ старымъ и едва ли не самымъ оживленнымъ былъ я.

Ушли отъ художника такими же веселыми и никому въ голову не могло прийти, что это послѣдняя сходка симпатизирующихъ другъ къ другу содержательныхъ людей.

Михаилъ Григорьевичъ тутъ же рѣшилъ, по моей просьбѣ, начать мой портретъ, не откладывая въ долгій ящикъ, и черезъ нѣсколько дней я пришелъ къ нему.

Сеансъ продолжался не болѣе двухъ часовъ. Сдѣланъ былъ набросокъ углемъ, и онъ вышелъ такъ хорошъ, такой вышелъ жизненный, что я пришелъ просто въ восторгъ, но Михаилъ Гри-

горьевичъ работой своей, какъ настоящій талантъ, остался недоволенъ и хотѣлъ стереть. Я умолялъ не дѣлать этого, то же говорила дочь его, симпатичнѣйшая Ольга Михайловна. И, казалось, мы убѣдили художника. Видя его недовольство работой и опасаясь за нее, я молилъ отдать мнѣ портретъ, какъ онъ есть, но Михаилъ Григорьевичъ нашель, что нельзя же оставить недоконченнымъ набросокъ и передать его мнѣ не согласился.

Условились, что слѣдующій сеансъ будетъ въ первый же свободный день, черезъ недѣлю.

Но когда черезъ недѣлю я явился позировать, то увидѣль, къ ужасу моему, что вмѣсто портрета оказался только картонъ.

Я обрушился градомъ упрековъ; сожалѣла также и Ольга Михайловна, но Михаилъ Григорьевичъ, мило и какъ-то виновато улыбаясь, на наши упреки объявилъ, что не могъ не уничтожить своей работы, потому что она совсѣмъ его не удовлетворяла.

Я сѣлъ снова и сѣлъ просто разстроенный, съ кислымъ лицомъ.

По прошествіи двухъ часовъ портретъ былъ уже набросанъ, но, по моему мнѣнію, далеко не такъ удачно, какъ первый.

Михаилъ Григорьевичъ, однако, находилъ, что тотъ былъ все же лучше перваго, заштриховалъ его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ синимъ и краснымъ карандашомъ и назначилъ сеансъ черезъ три дня, въ субботу.

Зная, что Михаилъ Григорьевичъ усердно работаетъ въ созданной имъ лабораторіи министерства финансовъ, я справился по телефону утромъ въ субботу, будетъ ли онъ свободенъ, могу ли прійти къ нему? И вдругъ получаю неожиданный отвѣтъ отъ старшаго его сына, что отецъ вчера, возвратясь изъ лабораторіи, серьезно заболѣлъ сердечнымъ припадкомъ.

Спрашиваю, могу ли прійти навѣстить его, и получаю въ отвѣтъ, что докторъ запретилъ ему малѣйшіе разговоры, даже съ домашними.

Спросилъ на слѣдующій день также по телефону и получилъ тотъ же отвѣтъ, а къ вечеру долженъ былъ выѣхать въ Осташковъ, гдѣ пробылъ пять дней.

Немедленно по возвращеніи опять прибѣгнулъ къ телефону и съ радостью узналъ, что дѣло идетъ хорошо, всякая опасность миновала, но что съ постели больной еще не встаетъ, что ему запрещены всякія волненія и рекомендовано избѣгать разговоровъ даже съ домашними.

Телефонъ дѣло все-таки мертвое. Захотѣлось болѣе продолжительной бесѣды съ близкими больного, и я поѣхалъ къ нему, гдѣ засталъ обоихъ сыновей, жившихъ на отдѣльныхъ квартирахъ, но все же дежурившихъ при отцѣ. Всѣ были настроены бодро, выздоровленіе шло, казалось, медленнымъ, но прочнымъ темпомъ.

Естественно, сталъ разспрашивать о причинѣ болѣзни. Оказалось, что Михаилъ Григорьевичъ, благодаря своей необычайной добросовѣстности и горячему отношенію къ дѣлу, работая въ лабораторіи министерства финансовъ надъ различными способами очистки спирта отъ сивушныхъ маселъ и алдегидовъ, не затруднялся передъ тѣмъ, чтобы провѣрять присутствіе ихъ въ спиртѣ посредствомъ обонянія, что, говорятъ, въ высшей степени вредно отражается на сердечной дѣятельности.

Въ томъ, до какой степени горячо и съ любовью относился Михаилъ Григорьевичъ къ созданной и оборудованной имъ лабораторіи, я имѣлъ случай убѣдиться, осматривая ее по его приглашенію.

Описывать это учрежденіе не стану, такъ какъ оно слишкомъ хорошо извѣстно дѣловитому Петербургу, а праздное любопытство не можетъ найти въ немъ ничего интереснаго. Скажу только, что меня поразила необычайная простота учрежденія. Никакихъ швейцаровъ, ни сторожей, ничего слоняющагося безъ толку. Но зато огромная библіотека и, на взглядъ профана, прекрасное оборудованіе и какая-то серьезность, отпечатокъ чего-то не бьющаго въ глаза, не рассчитаннаго на эффектъ, не показной, а продуктивной работы. Куда ни зайдешь—молодые помощники химика-профессора заняты серьезно своимъ дѣломъ, даютъ спокойные, неторопливые отвѣты на вопросы профессора, относящагося къ молодымъ людямъ, какъ старшій товарищъ-руководитель и самый неутомимый работникъ. Неутомимый и самоотверженный.

И вотъ эта-то самоотверженная работа и сыграла злую шутку, какъ надъ самимъ работникомъ, такъ и надъ его близкими, друзьями и многочисленными почитателями.

По крайней мѣрѣ, ни мнѣ, ни Гарину даже въ голову не приходило, что сердце у Михаила Григорьевича было не въ порядкѣ.

Изъ насъ троихъ онъ былъ наиболѣе молодымъ, несомнѣнно болѣе сильнымъ, болѣе крѣпкимъ, болѣе здоровымъ, и я просто не могу забыть той нѣжности, именно нѣжности, съ какою онъ оберегалъ меня во время нашихъ совмѣстныхъ экскурсій по выставкамъ и картиннымъ галереямъ. Благодаря скверному, крайне утомленному сердцу, я могу подниматься по лѣстницамъ только съ довольно значительными передышками, что, разумѣется, должно было бы быть крайне неприятнымъ для спутника, сердце котораго совершенно свободно позволяло безостановочные подъемы въ четвертый этажъ. И вотъ Михаилъ Григорьевичъ не только выжидалъ меня съ величайшимъ нетерпѣніемъ, но именно съ нѣжностью настаивалъ не торопиться.

Такъ же заботливо относился онъ и къ Гарину, тоже сердечно-больному. Предложишь ему, бывало, немного вина, какъ сейчасъ же слышишь заботливый голосъ Михаила Григорьевича:

— Нѣтъ, нѣтъ. Вѣдь ему этого совсѣмъ нельзя. Не только вредно, а просто нельзя, совсѣмъ нельзя. У него вѣдь сердце очень плохое.

И думали ли мы оба, что этотъ, сравнительно съ нами совсѣмъ здоровый, съ хорошимъ, повидимому, сердцемъ человѣкъ предупредить насъ въ переходѣ за тотъ предѣлъ, гдѣ нѣтъ—утѣшаютъ себя люди—«ни плача, ни воздыханій», гдѣ нѣтъ зато и радостей жизни. А этихъ послѣднихъ далеко не чуждъ былъ покойный, горячо реагировавшій какъ на горе людское, такъ и на радости—на живопись, поэзію, музыку—на все прекрасное, на остроумную или содержательную бесѣду, на все, однимъ словомъ, на все, на все.

Реагируя на все, онъ и талантомъ былъ разностороннимъ.

Я уже говорилъ о живописи. Но еще раньше увлеченія ею онъ проявлялъ постоянно огромныя музыкальныя способности и музыкальную память. Ему, какъ сказано, достаточно было разъ прослушать оперу, чтобы воспроизвести ее чуть не цѣликомъ.

Убѣжденъ, что, если бы онъ занялся литературой, то проявилъ бы себя и на этомъ поприщѣ такъ же ярко, какъ его бывший профессоръ Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ. По крайней мѣрѣ, когда онъ далъ мнѣ оттискъ статьи своей о П. А. Лачиновѣ, у котораго былъ лаборантомъ и каедрю котораго занялъ впоследствии въ Лѣсномъ институтѣ, то я, думая просмотрѣть ее на сонъ грядущій, не заснулъ до тѣхъ поръ, пока не кончилъ всѣ 40—50 страницъ. И между тѣмъ три четверти статьи было строго-научнаго содержанія. Но все это было изложено такъ просто, понятно, такимъ хорошимъ русскимъ языкомъ, безъ многоэтажнаго нагроможденія другъ на друга хитрыхъ словъ, что чтеніе положительно увлекало.

Когда я сказалъ Михаилу Григорьевичу о томъ, что сержусь на него за то, что благодаря ему не доспалъ, онъ мило, застѣнчиво, конфузясь, замѣтилъ:

— А знаете, мнѣ вѣдь почти то же сказалъ Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ: началъ было, говорить, просматривать, да такъ и не могъ заснуть, пока не кончилъ всей статьи.

Какъ о талантливомъ профессорѣ, мнѣ много говорилъ Гаринъ. Но, какъ другъ его, онъ могъ увлекаться. Случай доставилъ мнѣ, однако, возможность слышать мнѣніе вполне безпристрастное отъ молодого человѣка, ни съ какой стороны не заинтересованнаго.

Понадобилась мнѣ книга, которую не могъ найти даже въ публичной библиотекѣ, и я началъ шататься по букинистамъ. Сижу за скучнымъ занятіемъ разыскиванія у одного изъ нихъ въ Александровскомъ рынкѣ. Входитъ молодой человѣкъ, въ какой-то формѣ. Лицо свѣжее, юношеское, свѣтлое, симпатичное, даже красивое, сразу располагающее.

— Какая это у васъ форма?—спрашиваю.—Столько этихъ формъ теперь наплодилось, что трудно въ нихъ разобраться.

— Лѣснаго,—отвѣчаю,—института.

— А на какомъ вы курсѣ?

— На послѣднемъ.

Я обрадовался.

— Значитъ, Михаила Григорьевича Кучерова лекціи слушали, у него работали?

— Какъ же, какъ же.

— Что же жалѣютъ слушатели объ его уходѣ?

— Еще бы не жалѣть; вѣдь онъ былъ профессоръ исключительный.

— А теперешній вашъ профессоръ уступаетъ ему, или нѣтъ?

— Ну, еще бы. Этотъ—очень знающій, хорошій, дѣльный профессоръ, но у него нѣтъ той даровитости, которою отличался Кучеровъ. Кучеровъ самъ увлекался и насъ увлекалъ своимъ яснымъ изложеніемъ, своими смѣлыми выводами, широкими обобщеніями, широкимъ кругозоромъ. Лекціи его были какими-то одухотворенными и не только доставляли удовольствіе, а подчасъ просто наслажденіе.

Наслажденіе и мнѣ доставилъ этотъ отзывъ. И я понялъ горячность адреса, поднесеннаго молодежью по случаю ухода съ профессуры Михаила Григорьевича, ухода вынужденнаго, послѣ истекшаго двадцатипятилѣтія. Михаилъ Григорьевичъ, конечно, былъ избранъ на новое пятилѣтіе, но по какимъ-то непонятнымъ причинамъ утвержденія этихъ выборовъ не послѣдовало.

Въ высшей степени сочувственнымъ адресомъ проводили выходящаго профессора и его товарищи.

Безъ дѣла, разумѣется, Михаилъ Григорьевичъ не остался: не такая была натура, да и обширныя знанія доставляли ему широкій путь къ продуктивной дѣятельности. Но постоянныя работы въ лабораторіи надъ выдѣленіемъ изъ спирта сивушныхъ маселъ и алдегидовъ сдѣлали свое дѣло, подтачивая незамѣтно, но неудержимо дѣятельность сердца, о чемъ мнѣ и сообщили его близкіе.

Тѣмъ не менѣе я ушелъ изъ квартиры Михаила Григорьевича совершенно успокоенный обѣщаніемъ, что дня черезъ два онъ встанетъ на ноги и бесѣды съ нимъ не представляютъ уже для него ни малѣйшей опасности.

На слѣдующій день справился по телефону. Отвѣтили, что все хорошо, выздоровленіе идетъ быстро, а еще черезъ день (13-го іюня 1911 г.) возвращаюсь домой къ обѣду и послѣ обѣда слышу отъ жены, весь обѣдъ грустно настроенной, что Михаилу Григорьевичу очень нехорошо и что она не сказала этого до обѣда, чтобы не очень меня разстроить.

— То-есть, какъ нехорошо?—спрашиваю я.

— Да такъ, что сильный припадокъ, и что даже нѣтъ никакой надежды.

Я схватилъ пальто, чтобы ѣхать, и вдругъ слышу, чтобы я не торопился, что все кончено, что Михаилъ Григорьевичъ скончался, что объ этомъ въ мое отсутствіе семья сообщила по телефону.

Разсказывать о томъ, какъ я кинулся въ квартиру покойника, въ какомъ отчаяніи засталъ всю семью, что испыталъ самъ, интереса не представляетъ. Чужое горе ни для кого не интересно. Скажу только, что нелегко, очень нелегко было видѣть отчаяніе, именно отчаяніе не только дочери, прелестной двадцатилѣтней дѣвушки, но и сыновей.

Натура вообще дѣятельная и твердая въ перенесеніи всякихъ невзгодъ, я, возвратясь домой, немедленно написалъ некрологъ и свезъ его ночью въ «Новое Время». И на слѣдующій день некрологъ появился, но въ сокращенномъ видѣ.

Говорить о томъ впечатлѣніи, какое произвела на меня кончина дорогого человѣка, не буду. Нѣтъ, вѣдь, ничего скучнѣе, какъ навязывать другимъ свое горе, говорить о постигшихъ васъ невзгодахъ, но, какъ иллюстрацію того, что потеряли въ покойномъ люди, близко его знающіе, приведу выдержку изъ письма Гарина, полученнаго изъ глухого провинціального уголка, куда онъ удалился на лѣто.

«Давно уже,—пишетъ онъ,—получилъ вашу открытку, да все не могъ собраться съ духомъ вамъ отвѣтить. Воспоминанія о Михаилѣ Григорьевичѣ производятъ во мнѣ болѣзненное состояніе, и я всѣми силами стараюсь заглушить эти воспоминанія: вѣдь я еще нуженъ семьѣ... Но, несмотря на всѣ мои усилія, онъ часто не только всплываетъ въ моемъ воображеніи, но я даже будто чувствую его прикосновеніе и его восторженное восхищеніе красотами природы и мелодическими звуками, которые мнѣ приходится слушать. Иной разъ я убѣгаю отъ этихъ звуковъ или отворачиваюсь отъ живописныхъ освѣщеній красивыхъ окрестностей, чтобы не слышать восторженнаго голоса, близко раздающагося надъ ухомъ, и не убить этимъ въ конецъ своего надорваннаго сердца. При видѣ обездоленныхъ и обиженныхъ людей онъ опять является во всей красѣ своей незлобивости и доброты. Такъ и представляется, что онъ шаритъ въ своихъ карманахъ или бѣжитъ куда-нибудь хлопотать съ удрученнымъ страдальческимъ лицомъ, впередъ предвидя неудачу. Словомъ, отъ дорогого человѣка я не могу отдѣлаться. Онъ преслѣдуетъ меня на каждомъ шагу и, если бы мнѣ можно было пить, то я, несомнѣнно, запилъ бы, такъ бываетъ не только тяжело, но физически больно въ сердцѣ отъ воспоминаній о немъ, т.-е. не то что воспоминаній о немъ, а дѣлаются страшно до головокруженій, до замиранія сердца, когда мельк-

нетъ въ головѣ: да вѣдь онъ умеръ, его нѣтъ... Не можетъ быть, протестующе говорить все нутро. Да нѣтъ же, нѣтъ, онъ умеръ. И сожмется горло, точно въ астмѣ. Такъ вотъ я и маюсь. Понятно, время возьметъ свое, и осенью я въ состоянїи буду изобразить вамъ Михаила Григорьевича, какъ я его зналъ и какимъ помню. Теперь же я ничего не могу писать про него. Хорошо еще, что все это время мнѣ приходилось усиленно заниматься механической работой—черченіемъ плановъ и т. д.».

Письмо это было отвѣтомъ на открытку съ извѣщеніемъ о смерти и съ просьбой написать очеркъ жизни покойнаго Кучерова, котораго Гаринъ зналъ съ университетской скамьи. Не знаю, сдѣлаетъ ли онъ это впоследствии, но полагаю, что и выше приведенныя строки могутъ служить достаточной характеристикой покойнаго.

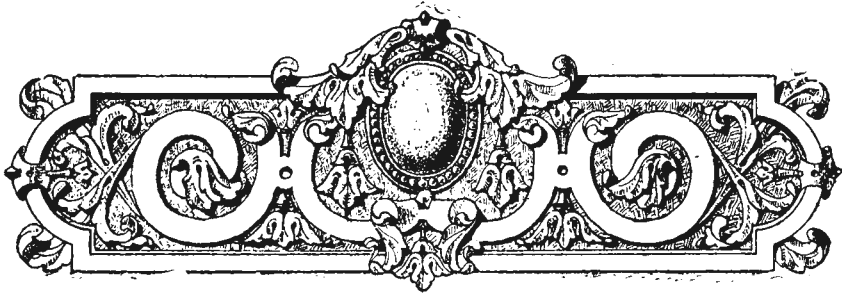
Прибавлять къ нимъ что-нибудь съ своей стороны не рѣшаюсь, такъ же, какъ говорить о заслугахъ покойнаго въ области научной—это сдѣлаютъ другіе. Скажу только въ заключеніе, что по натурѣ своей, несмотря на горькія подчасъ разочарованія, относясь къ людямъ въ высшей степени добродушно, я не могу, при всемъ желанїи, закрывать глаза предъ недостатками людей. Вижу ихъ ясно, даже въ тѣхъ, къ которымъ привязанъ всей душой, не оставался слѣпымъ даже при сердечныхъ увлеченіяхъ былого времени, когда не задумываясь готовъ былъ поставить, и ставилъ, на карту всего себя за любимое существо.

И вотъ ни одной, положительно ни одной слабой, расхолаживающей черточки не удалось мнѣ подмѣтить въ покойномъ Михаилѣ Григорьевичѣ Кучеровѣ за все время, хотя непродолжительнаго, но близкаго съ нимъ знакомства.

Ночь, непроглядная, загадочная ночь для меня еще не наступила, великодушно уступая пока мѣсто сѣрымъ сумеркамъ. Нежданно-негаданно изъ-за тучъ выглянула звѣзда, освѣтила сумерки своимъ мягкимъ свѣтомъ, освѣтила на мигъ и закатилась... закати-лась навсегда.

А. Витмеръ.

О М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

Въ июльскомъ номерѣ «Русской Мысли» за истекшій годъ была помѣщена интересная статья Б. Садовскаго «Трагедія Лермонтова», очень талантливо и ярко рисующая характеръ поэзіи Лермонтова и личность поэта. Эта статья воскресила въ моей памяти слышанный много лѣтъ назадъ отъ О. Д. А—вой, матери моего мужа, современницы Лермонтова, рассказъ о ея встрѣчѣ въ Пятигорскѣ (кажется, въ 1839 г.) съ великимъ нашимъ писателемъ.

Безхитростный и правдивый рассказъ О. Д., по моему мнѣнію, отлично иллюстрируетъ указанныя въ статьѣ Садовскаго характерныя особенности Лермонтова при общеніи съ людьми, его манеру держать себя съ ними и то впечатлѣніе, какое производилъ на окружающихъ его обыкновенныхъ, среднихъ людей, заурядныхъ обывателей, гениальный творецъ «Героя нашего времени».

Въ 1839 (или 1840? не помню хорошенько) О. Д., тогда еще совсѣмъ молоденькая дѣвушка, проводила лѣто въ Пятигорскѣ вмѣстѣ съ своими родственниками. Была она, какъ и всѣ, или, по меньшей мѣрѣ, большинство дѣвицъ дворянскаго происхожденія, немного мечтательна, немного сентиментальна, любила читать и проливать слезы надъ чувствительными романами, «обожала» музыку и сама недурно распѣвала модныя итальянскія аріи и «жестокіе» русскіе романсы вродѣ «По полю, полю чистому», или

«Какъ отъ вѣтки родной» и т. п.; обожала стихи и съ усердіемъ переписывала ихъ въ альбомы и тетрадки, согласно обычаю того времени, и прилежно заучивала ихъ наизусть. Можно себѣ представить, въ какой восторгъ пришла она, когда узнала, что можетъ встрѣтиться и познакомиться съ тѣмъ, чѣими стихами она упивалась, и чьи даже длиннѣйшія поэмы знала «на зубокъ»!

И вотъ на одномъ танцевальномъ вечерѣ въ курзалѣ она увидѣла «его»! Сложенъ онъ былъ некрасиво, черты лица тоже не отличались красотой; только глаза поразили ее: большіе, мрачные глаза, по временамъ загоравшіеся недобрымъ, насмѣшливымъ огнемъ. И взглядъ этихъ глазъ былъ какой-то тяжелый, и отъ этого взгляда становилось не по себѣ, неловко, непріятно. Таково было первое впечатлѣніе, не разсѣявшееся и при послѣдующихъ встрѣчахъ. А то, что приходилось слышать о Лермонтовѣ, еще болѣе усиливало и поддерживало это впечатлѣніе. Говорили о томъ, что у Лермонтова неуживчивый, невозможный характеръ и склонность къ ссорамъ; говорили о его страсти все осмѣивать и надо всѣмъ насмѣхаться и издѣваться; рассказывали о его рѣзкихъ, подчасъ дерзкихъ выходкахъ. Въ общемъ, казалось, его не любили, хотя какъ будто побаивались и очень-очень считались съ нимъ. Нельзя было не считаться съ такимъ выдающимся по таланту, острого и насмѣшливаго ума, бойкимъ на языкъ человѣкомъ. Очень скоро самой О. Д. привелось столкнуться съ непріятными особенностями характера поэта и на самой себѣ почувствовать ядовитое жало его насмѣшки.

Надо сказать, что, не будучи красивой въ настоящемъ смыслѣ слова, О. Д. отличалась миловидностью и женственностью, и за свой прелестный цвѣтъ лица получила прозвище «la rose» въ кружкѣ своихъ знакомыхъ и многочисленныхъ поклонниковъ, среди которыхъ выдавался *Θ. Н. А*—въ, въ послѣдствіи сдѣлавшійся ея мужемъ. Это былъ гусарь-павлоградецъ, красивый, статный, очень неглупый человѣкъ, пріятный и остроумный собесѣдникъ и лихой танцоръ. Однажды О. Д. сидѣла вмѣстѣ съ *А*—вымъ и еще кѣмъ-то изъ знакомыхъ офицеровъ на одной изъ скамеекъ пятигорскаго бульвара. Молодые люди весело болтали. Вдругъ на аллеѣ показался Лермонтовъ, въ сопровожденіи нѣкоего офицера, принадлежавшаго къ числу знакомыхъ, хотя не близкихъ, О. Д. и ея собесѣдниковъ. Офицеръ поклонился издали компаніи и усѣлся вмѣстѣ съ Лермонтовымъ на скамейкѣ, какъ разъ *vis-a-vis* О. Д. и ея кавалеровъ. Не глядя, молодая дѣвушка почувствовала на себѣ тяжелый взглядъ Лермонтова, и ей стало не по себѣ. Вдругъ Лермонтовъ и его спутникъ встали и быстро направились къ скамьѣ, гдѣ сидѣла О. Д.

— Позвольте представить вамъ, *m-lle* Б. Михаила Юрьевича Лермонтова.

Вся залившись румянцемъ, чуть-чуть поднявъ опущенные глаза, смущенная дѣвушка едва нашла въ себѣ силу пробормотать какую-то приличествующую случаю, незначительную фразу, въ отвѣтъ на привѣтствіе Лермонтова, который въ упоръ, внимательно, какъ бы изучая, вперилъ свой тяжелый взглядъ въ ея лицо. Затѣмъ оба офицера откланялись и пошли прочь отъ скамейки. Лермонтовъ обернулся еще разъ и опять внимательно окинулъ взоромъ переконфуженную дѣвушку и совершенно громко, какъ бы съ намѣреніемъ, чтобы его услышали, проговорилъ, обращаясь къ своему спутнику:

— Mais que veux tu, mon ami, j'ai vu le bouton, mais je n'ai pas vu la rose.

Намекъ былъ ясенъ до грубости. У молодой дѣвушки былъ въ то время маленькій прыщикъ (le bouton) на лицѣ, и своимъ ядовитымъ каламбуромъ Лермонтовъ зло высказалъ свое несогласіе съ тѣми, кто называлъ О. Д. «la rose». Въ себя отъ дерзкой выходки, которую позволилъ себѣ поэтъ по отношенію къ любимой дѣвушкѣ, А—въ вскопился, намѣреваясь броситься за обидчикомъ, но товарищъ А—ва, сразу сообразившій, что дѣло можетъ очень плохо кончиться, особенно принимая во вниманіе вспыльчивый и горячій нравъ А—ва, быстро схватилъ его за руку и силой удержалъ его на мѣстѣ. А главнымъ образомъ удержалъ А—ва кроткій, молящій взглядъ милой дѣвушки, въ которомъ, помимо ея воли, слишкомъ ясно, безъ словъ, высказалось то, что творилось въ то время въ ея душѣ, и что она не могла и не хотѣла скрыть въ такую минуту.

Съ той поры О. Д. тщательно избѣгала встрѣчъ съ Лермонтовымъ и, насколько было въ ея силахъ, старалась удержать и А—ва отъ столкновенія и ссоры съ нимъ.

Много разъ рассказывала О. Д. этотъ эпизодъ ея жизни и, уже будучи глубокой старушкой, не могла безъ волненія вспоминать этотъ случай, характеризующій поэта въ сношеніяхъ съ простыми смертными.

Преждевременную и трагическую кончину Лермонтова она считала прямымъ послѣдствіемъ его невыносимаго характера.

В. Д. А—за.

ПО ПОВОДУ ЛЕГЕНДЫ ОБЪ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

В ПОСЛѢДНЕЕ время легенда объ императорѣ Александрѣ I и его «второй жизни», какъ удачно выразился одинъ французскій публицистъ, разбиравшій посмертный отрывокъ Л. Н. Толстого, привлекла къ себѣ удвоенное вниманіе общественнаго мнѣнія. Нѣсколько изслѣдованій ея происхожденія и правдоподобія, появившихся за эти годы, вызвали въ публикѣ постепенно возрастающій интересъ къ загадкѣ, о которой давно уже ходили слухи, темные, смутные, но многимъ казавшіеся соответствующими дѣйствительности. Правда, въ этомъ интересѣ крупную роль играетъ воображеніе, но не столько въ созданіи самой легенды и ея подробностей, сколько въ познаніи и ощущеніи ея красоты и величія. Дѣйствительно, если легенда передаетъ намъ правду, если Александръ на самомъ дѣлѣ удалился изъ міра и прожилъ чуть не сорокъ лѣтъ въ полномъ уединеніи и неизвѣстности, то этотъ подвигъ его по красотѣ своей и по смыслу далеко оставляетъ за собою всѣ самыя трагическія страницы исторіи и всѣ близкія ему по содержанию или по фабулѣ творенія Софокла, Шекспира и Байрона. Но какъ ни старались одни историки-изслѣдователи найти точныя и безспорныя доказательства того, что легенда есть правда, имъ это не удалось, какъ не удалось другимъ историкамъ-изслѣдователямъ столь же точно и безспорно ее опровергнуть.

По данному вопросу мы имѣемъ два противоположныхъ, рѣзко другъ отъ друга разграниченныхъ лагеря—сторонниковъ легенды,

повидимому, вполне убѣжденныхъ въ ея достовѣрности, и противниковъ ея, столь же убѣжденныхъ въ ея невѣроятности. Казалось бы, въ силу извѣстнаго правила, что изъ столкновенія мнѣній истекаетъ истина, можно ожидать выясненія и удостовѣренія дѣйствительно происшедшаго, смерти или преображенія жизни; а между тѣмъ мы видимъ, что съ каждымъ шагомъ впередъ въ томъ или другомъ направленіи эта дѣйствительность затемняется все болѣе, пути къ познанію ея дѣлаются все менѣе проходимыми, и загадка остается загадкою, все болѣе угнетающею умъ и воображеніе читателя. Причину этого отчасти видимъ мы въ томъ, что г.г. изслѣдователи того и другого лагеря чрезмѣрно увлекаются полемикой другъ съ другомъ, обращаютъ свое вниманіе почти исключительно на слабыя стороны доводовъ своихъ противниковъ и не вносятъ достаточной объективности въ оцѣнку имѣющагося въ ихъ распоряженіи фактическаго матеріала. Далѣе, при наличности двухъ противоположныхъ мнѣній или направленій, намъ, зауряднымъ читателямъ, кажется, что если далеко не всегда можетъ быть безспорно установленъ и удостовѣренъ историческій фактъ, вполне реальный и совершившійся, но болѣе или менѣе умышленно окутанный тайною современниками его, то, наоборотъ, такой фактъ, который ложно повѣствуется лѣтописцами или народною молвою и который имѣетъ своимъ источникомъ праздную фантазію, поддается опроверженію, и притомъ сравнительно легкому. Въ исторіи любой эпохи примѣровъ того и другого найти можно много. Между тѣмъ, если у сторонниковъ легенды пока еще нѣтъ ни одного безспорнаго факта, подтверждающаго, а еще менѣе—доказывающаго реальность легенды, то и у противниковъ нѣтъ ни одного аргумента, сколько-нибудь доказательно ее опровергающаго.

Мы не намѣрены заняться критической оцѣнкой всего того матеріала, который въ настоящее время напечатанъ по вопросу объ этой легендѣ, а ограничимся изложеніемъ нѣкоторыхъ нашихъ соображеній по поводу изданныхъ въ послѣднее время изслѣдованій князя Барятинскаго и г. Михайлова, а равно статей великаго князя Николая Михайловича и г. Шумигорскаго, помѣщенныхъ въ майской книгѣ «Историческаго Вѣстника».

Сторонники легенды весьма обстоятельно и подробно говорятъ намъ, что добровольное исчезновеніе императора Александра могло практически совершиться, что оно психологически объяснимо, что многочисленныя документальныя данныя, если и не доказываютъ его категорически, то настолько прозрачно на него намекаютъ и притомъ въ такой формѣ и въ такихъ выраженіяхъ, что иначе, какъ признаніемъ достовѣрности легенды, эти намеки, эти слова объяснены быть не могутъ. Но въ этомъ-то и заключается слабая сто-

рона ихъ аргументаціи: приходится признать фактъ реально совершившимся, а затѣмъ уже подводитъ подъ него доказательства. Но такихъ доказательствъ, ясныхъ, точныхъ и неоспоримыхъ, у сторонниковъ легенды нѣтъ, а есть только намеки, указанія, правда, весьма загадочные и съ перваго взгляда напрашивающіеся на то толкованіе, которое имъ даютъ кн. Бярятинскій и г. Михайловъ, но не утрачивающіе своего гипотетическаго характера. Къ числу наиболѣе серьезныхъ и наиболѣе таинственныхъ данныхъ, приводимыхъ княземъ Бярятинскимъ, безспорно, принадлежитъ письмо княгини С. Г. Волконской отъ 31-го декабря 1825 года къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ ¹⁾. Дѣйствительно, это письмо болѣе чѣмъ загадочно; оно, очевидно, содержитъ въ себя какую-то тайну, которая была всецѣло тайной въ ту минуту, когда княгиня его писала, но нельзя изъ этого выводить, что это была именно тайна удаленія императора Александра. Тотъ же характеръ таинственности и необъяснимости носятъ нѣкоторыя другія данныя, уже опубликованныя, какъ, напр., тѣ неясныя выраженія или намеки, которые встрѣчаются въ воспоминаніяхъ барона Вилліе, фактическія противорѣчія, попадающіяся въ отзывахъ и повѣствованіяхъ другихъ свидѣтелей и очевидцевъ, находившихся въ Таганрогѣ въ ноябрѣ 1825 г. Равнымъ образомъ, нельзя себѣ объяснить внезапное прекращеніе дневника императрицы Елизаветы за нѣсколько дней до 19-го ноября, упоминаніе ея подъ однимъ днемъ того, что случилось или что она испытала нѣсколько дней позднѣе,—но объ этомъ мы поговоримъ впослѣдствіи.

Да, все это очень таинственно и загадочно, если мы вчитаемся въ это, стоя на точкѣ зрѣнія официальной версіи о кончинѣ императора Александра въ Таганрогѣ; но если мы а priori допустимъ достоверность легенды, все это можетъ быть освѣщено, можетъ получить объясненіе. Объясненіе—да, но еще не доказательство, безспорное, реальное, неопровержимое. И вотъ самый существенный пробѣлъ въ аргументаціи сторонниковъ легенды.

Въ противоположномъ лагерѣ—противниковъ легенды—дѣло обстоитъ, по нашему мнѣнію, гораздо хуже. Если сторонникамъ легенды пока еще не удалось выдвинуть ни одного факта, сколько-

¹⁾ Безусловно нельзя согласиться съ толкованіемъ этого письма великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ («Истор. Вѣстн.», май, 1914 г.). Писать обиняками, намеками, иносказаніями о событіи и о томъ, что ему предшествовало и его сопровождало, двѣ недѣли спустя послѣ того, что оно совершилось и когда оно было извѣстно всей Россіи, и писать въ довѣрительномъ письмѣ отъ одной, близко заинтересованной въ этомъ событіи, особы къ другой таковой же, недопустимо ни съ какой точки зрѣнія. Письмо, очевидно, говоритъ не о событіи 14-го декабря, ни о чемъ-либо до него касающемся, ибо всѣ данныя объ этомъ событіи, всѣ нити заговора, всѣ лица, къ нему такъ или иначе прикосновенныя, находились въ Петербургѣ, а не въ Таганрогѣ; слѣдствіе было уже въ полномъ ходу, и, конечно, всѣ раскрывавшіяся въ немъ обстоятельства могли быть хорошо извѣстны вдовствующей государынѣ. А в г.

нибудь устанавливающаго вѣроятность ея, то противники ея пользуются для опроверженія ея такими аргументами, которые не только ничего не опровергають, но еще служатъ къ опроверженію ихъ аргументаціи, обращаются противъ нихъ самихъ. Вся сила этой аргументаціи опирается на свидѣтельствѣ лицъ, которыя находились при императорской четѣ въ Таганрогѣ въ ноябрѣ 1825 года и были, стало быть, свидѣтелями-очевидцами всего тамъ происшедшаго. Показанія ихъ, главнымъ образомъ, содержатся въ ихъ перепискѣ съ ихъ близкими и родными, жившими въ другихъ городахъ имперіи. Письма эти писаны разными лицами и адресованы разнымъ же лицамъ, начиная съ императрицы Елизаветы, которая писала, между прочимъ, своей родной матери, и кончая гофъ-фурьеромъ Бабкинымъ, писавшимъ своему сыну. Во всѣхъ донинѣ напечатанныхъ письмахъ подробно излагаются всѣ обстоятельства послѣднихъ дней и кончины императора; если оставить въ сторонѣ встрѣчающіяся въ нихъ противорѣчія и несогласія, они могутъ дѣйствительно казаться несомнѣнными свидѣтельствами о реальномъ фактѣ. Но защищающіе эту точку зрѣнія упустили изъ виду одно обстоятельство, которое, по нашему мнѣнію, имѣетъ капитальное значеніе и о которомъ мы считаемъ нужнымъ нѣсколько распространиться.

Прежде всего мы должны оговориться. Мы вынуждены прибѣгнуть къ тому приему, который мы выше поставили въ упрекъ противникамъ легенды, т. е. на минуту а priori предположить ея достоверность или дѣйствительность. Просимъ насъ извинить.

Обстоятельство это заключается въ томъ, что противники легенды не дали себѣ труда выяснитъ себя вопросъ: могли ли авторы этихъ писемъ быть посвящены въ тайну или нѣтъ? А съ другой стороны, могли ли быть въ нее посвящены тѣ, кому письма были писаны? Если мы допустимъ на минуту, что Александръ не умеръ, что онъ безвѣстно удалился и что это было вѣдомо нѣкоторымъ находившимся при немъ въ Таганрогѣ лицамъ, какъ, на примѣръ, императрицѣ Елизаветѣ или гофъ-фурьеру Бабкину, то изъ этого не слѣдуетъ, что эта тайна могла быть извѣстна герцогинѣ Баденской или г. Бабкину-junior. А разъ это такъ, то само собой разумѣется, что письма первыхъ, адресованныя вторымъ, могли содержать только официальную версію о кончинѣ императора, и въ нихъ тщетно было бы искать не только сообщенія о тайнѣ, но даже и намекъ на такую тайну, разглашеніе коей носило бы въ то ближайшее къ событію время преступный характеръ. Вотъ, если бы противники легенды показали намъ письмо, писанное лицомъ, могущимъ знать эту тайну, и адресованное имъ лицу, предположительно тоже посвященному въ нее, тогда картина получилась бы совсѣмъ иная. Еще важнѣе было бы предъявленіе документа, который исходилъ бы отъ кого-либо изъ лицъ, находившихся въ Таганрогѣ,

и который имѣлъ бы цѣлью разсѣять и опровергнуть слухи, почти мгновенно облетѣвшіе всю Россію, о томъ, что Александръ не умеръ, слухи, происхождение и смыслъ которыхъ почему-то изслѣдователи этого лагеря оставляютъ безъ вниманія.

По тѣмъ же самымъ соображеніямъ, нельзя искать разрѣшенія загадки въ письмахъ императрицы Елизаветы, писанныхъ къ ея свекрови Маріи Ѳеодоровнѣ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которыя писаны были въ ближайшіе къ 19 ноября дни. Изъ упомянутаго выше, столь загадочнаго письма княгинѣ Волконской видно, что императрица-мать уже послѣ 19-го ноября была посвящена въ какую-то тайну, и притомъ — княгинею, которая называетъ эту тайну «тягостнымъ обстоятельствомъ» (*une chose pénible*).

Повторяемъ, намъ кажется, что эти письма разрушаютъ не легенду, а ту аргументацію, которая извлечена изъ нихъ ради ея разрушенія.

Много было писано, еще болѣе вѣсказываемо, что исчезновеніе человѣка, его удаленіе въ неизвѣстность практически неосуществимо, а потому такая гипотеза принадлежитъ къ области фантазіи, и тѣмъ болѣе неосуществимо, что рѣчь идетъ о русскомъ императорѣ. Съ этимъ нельзя согласиться.

Въ своей статьѣ «Изъ записной книжки историка» («Историческій Вѣстникъ», май 1914 г.) г. Шумигорскій говоритъ, что безвѣстное удаленіе отъ міра было довольно обыкновеннымъ явленіемъ въ первой половинѣ XIX столѣтія, и указываетъ, между прочимъ, на двухъ офицеровъ Кавалергардскаго полка, исчезнувшихъ безслѣдно для семьи и общества. Это доказываетъ осуществимость такого исчезновенія, которое, однако, могло совершиться не иначе, какъ съ вѣдома и, быть можетъ, при содѣйствіи двухъ-трехъ близкихъ людей, сохранившихъ эту тайну отъ другихъ, современниковъ своихъ, или не нашедшихъ нужнымъ сообщить о ней потомству по незначительности ея. Но если такая тайна могла имѣть мѣсто въ жизни мелкаго офицера и, умышленно или случайно, осталась тайной для послѣдующихъ поколѣній, болѣе или менѣе заинтересованныхъ въ судьбѣ своего родственника, то не усиливается ли практическая осуществимость такого исчезновенія, когда лицо, задумавшее удалиться отъ міра, — русский императоръ? когда это лицо въ правѣ располагать помыслами, волею, сердцемъ своихъ приближенныхъ-подданныхъ? Императоръ могъ потребовать отъ небольшого числа людей, избранныхъ имъ хранителями этой тайны и пособниками въ осуществленіи его замысла, клятвенное обѣщаніе хранить ее до конца ихъ жизни, и потребовать, чтобы это обѣщаніе было сдѣлано въ такой формѣ, властной и сильной, что оно навѣки заградилло имъ уста. И само собой разумѣется, что никто изъ этихъ очень немногочисленныхъ лицъ не дерзнулъ такъ или иначе

проговориться объ этой тайнѣ, даже намекнуть на нее, и это именно потому, что тайну ввѣрилъ имъ не кто другой, какъ самъ императоръ, т. е. не чета какому-то ничтожному и мало кого интересующему офицеру.

Противники легенды, по нашему мнѣнію, недостаточно учитываютъ эти соображенія, относящіяся къ практической выполнимости такого удаленія, и, повидимому, не считаются съ тѣмъ, что эти соображенія могутъ подорвать авторитетность тѣхъ документальныхъ данныхъ, на которыхъ они строятъ свою аргументацію, т. е. писемъ и отзывовъ лицъ, которыя предположительно могли быть посвящены въ эту тайну. Но есть еще одинъ факторъ, вносящій нѣкоторое освѣщеніе въ загадку, на который тѣ же противники легенды не обратили никакого вниманія. Факторъ этотъ заключается въ томъ, по какимъ соображеніямъ выборъ палъ на Таганрогъ для зимняго пребыванія больной государыни. Видимыми причинами этого выбора могли быть или хорошій климатъ, или удобство помѣщенія. Относительно климата мы можемъ съ увѣренностью сказать, что въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія климатъ Таганрога и вообще всего Азовскаго побережья едва ли былъ лучше, чѣмъ въ настоящее время, когда никому въ голову не придетъ послать туда больныхъ, что это былъ климатъ лагунный, какъ и нынѣ, характеризующійся сильными вѣтрами, быстрыми скачками температуры и большою влажностью воздуха отъ стоячихъ въ лагунахъ водъ. Что касается до удобства помѣщенія, то еще менѣе объяснимо то, что отдано было предпочтеніе тѣсному, мизерному и во всѣхъ отношеніяхъ некомфортабельному дому въ Таганрогѣ передъ существовавшими уже въ то время благоустроенными домами—если даже не дворцами—на южномъ берегу Крыма (гдѣ и климатъ былъ другой, не чета азовскому) или въ благоустроеннейшей уже Одессѣ. Такой по меньшей мѣрѣ странный выборъ зимняго мѣстопробыванія внушаетъ нѣкоторыя мысли, о которыхъ мы также поговоримъ впоследствии.

Остается сказать нѣсколько словъ о внутренней, душевной сторонѣ вопроса. Безспорно, очень трудно найти психологическое объясненіе тому, что человѣкъ, стоящій во главѣ цѣлага народа, его полный властелинъ и вѣнценосецъ, достигнувъ сорокавосемилѣтняго возраста, вдругъ почувствовала потребность бросить все, сложить съ себя бремя власти и царскаго величія и удалиться, чтобы не въ уединеніи и отреченіи, подобно Карлу V, доживать свой вѣкъ, а жить жизнью безвѣстнаго бродяги. Объясненіе этого можетъ быть достигнуто лишь съ помощью глубокаго психологическаго анализа всей предшествовавшей жизни этого человѣка, его настроеній и міросозерпанія, и, конечно, такой анализъ является совершенно

недоступнымъ историкамъ, какою бы проникательностью и какимъ бы сердцевѣдѣніемъ они ни обладали, ибо для такого анализа нѣтъ и быть не можетъ какихъ-либо осязательныхъ или документальныхъ данныхъ. Можно въ этомъ направленіи итти только путемъ предположеній, гипотезъ, притомъ имѣющихъ характеръ субъективный, всецѣло зависящихъ отъ личныхъ воззрѣній идущаго по этому пути. Это дѣлаетъ г. Шумигорскій въ упомянутой своей статьѣ, высказывая предположеніе, что императоръ Александръ I не могъ ощущать угрызений совѣсти по поводу событія 11-го марта 1801 г., ибо ему нельзя было предугадывать трагическаго исхода этого событія, и если онъ что-либо и зналъ, то развѣ только то, что заговоръ противъ его отца имѣлъ цѣлью добиться отъ Павла его отреченія и возвести на престолъ его самого. Быть можетъ, это и такъ, но дѣло повернулось иначе и получило неожиданную для Александра развязку.

Великій князь Николай Михайловичъ въ своемъ капитальномъ трудѣ объ Александрѣ I повѣствуетъ, что наслѣдникъ престола, зная о заговорѣ ради отреченія своего отца, предоставилъ Палену, стоявшему во главѣ заговорщиковъ, *carte blanche*, т. е. полную свободу дѣйствій въ достиженіи этой цѣли и безответственность за послѣдствія, какія бы то ни было. Весьма возможно, что ему вовсе не представлялось, что замыселъ могъ имѣть трагическую развязку; но такая развязка оказалась совершившимся фактомъ. Спрашивается—могъ ли такой человѣкъ, какъ Александръ, нѣжно воспримчивый, чуткій, склонный отъ природы къ мистицизму и шегизму и съ годами развившій въ себѣ эту склонность до болѣзненности, могъ ли онъ утѣшать и успокаивать себя мыслью, что онъ не былъ причастенъ къ смерти своего отца, разъ онъ зналъ о томъ, что замышлялось противъ него? Не долженъ ли онъ былъ упрекать себя въ томъ, что онъ далъ эту *carte blanche*, которая въ извѣстной степени оправдывала или очищала дѣяніе заговорщиковъ? Намъ кажется, неправъ г. Шумигорскій, отвергая такое сокровенное движеніе въ душѣ Александра. Мы, напротивъ того, думаемъ, что, зная о заговорѣ и предоставляя свободу дѣйствій его участникамъ и увидавъ, чѣмъ разрѣшились эти дѣйствія, онъ не могъ не ощутить сознанія въ своемъ участіи въ этомъ исходѣ, если даже онъ и не предугадывалъ и не могъ допускать возможности именно такового, т. е. насильственной смерти, хотя бы неожиданно или случайно воспослѣдовавшей. А если такіе упреки себѣ могли шевелиться въ глубокихъ тайникахъ его души, если они вызывали въ немъ угрызения совѣсти, терзавшей его мыслью объ его участіи въ страшномъ преступленіи—отцеубійствѣ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ взлелѣялъ въ себѣ мысль объ искупленіи этого грѣха тяжелыми страданіями въ этой жизни, лишеніями и самоистязаніями. Такъ же неудивительно, что идея

О такомъ искупленіи постепенно въ немъ созрѣвала по мѣрѣ движенія его лѣтъ, выказываясь въ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ разговорахъ его или намекахъ, хотя въ нихъ подразумѣвалось простое отреченіе, а не безвѣстное удаленіе; идея эта подошла, такъ сказать, къ своему осуществленію въ то время, когда ужъ онъ былъ не молодъ и когда чувствовалъ, какъ приближается минута его разлуки съ земной жизнью и его предстательства передъ Высшимъ Судією.

Къ этой главной причинѣ болѣзненнаго настроенія души его, вызывавшей въ ней тяжелые упреки совѣсти, нельзя не присоединить многія разочарованія, которыя суждено было Александру испытать въ послѣдніе годы его двадцатичетырехлѣтняго царствованія. Онъ видѣлъ крушеніе Священнаго союза или, по крайней мѣрѣ, его несостоятельность, видѣлъ усиленіе либеральныхъ теченій въ народѣ и въ войскахъ, тѣхъ теченій, которыя первоначально онъ поощрялъ, но которыя теперь, какъ онъ думалъ, угрожали его престолу, видѣлъ народныя движенія въ Италіи, въ Испаніи, съ которыми правительства могли бороться только съ помощью иностранныхъ войскъ, и въ особенности въ Греціи, гдѣ ему, православному царю, дабы быть послѣдовательнымъ, приходилось взять подъ свою защиту исламъ и бороться съ православіемъ. Далѣе, онъ предугадывалъ, какъ это мы знаемъ изъ документальныхъ данныхъ, новую революцію во Франціи, которая свергнетъ имъ же возстановленныхъ Бурбоновъ и неминуемо отразится на всей Европѣ. Наконецъ, не могъ же онъ зажмуривать глаза передъ такъ называемой аракеевщиной, какія бы любезности ни расточалъ онъ въ письмахъ къ ея виновнику, или передъ ужасами процвѣтавшаго въ Россіи крѣпостного права...

Такимъ образомъ, мы видимъ, что изслѣдователи того и другого лагеря основываютъ свою аргументацію за или противъ легенды преимущественно на письмахъ современниковъ, болѣе или менѣе близко стоявшихъ къ личности императора Александра; видимъ мы, что обоснованная такимъ путемъ аргументація тѣхъ и другихъ пока еще не нашла себѣ твердой опоры, не вышла изъ области гипотезъ, правдоподобныхъ, допустимыхъ, но тѣмъ не менѣе носящихъ характеръ апріорности, подтвердительной или отрицательной, смотря по тому, къ какому лагерю принадлежитъ авторъ. Намъ остается высказаться относительно тѣхъ воспоминаній и записокъ, которыя оставлены были подобными же современниками описываемыхъ событій и были обнародованы. Такихъ воспоминаній мы имѣемъ три: дневникъ императрицы Елизаветы, записки Вилліе и воспоминанія Тарасова.

О первомъ изъ этихъ документовъ можно сказать лишь то, что онъ, очевидно, былъ писанъ *post factum*, и внезапное прекращеніе его въ самую важную психологическую минуту или уничтоженіе его

слѣдующихъ, позднѣйшихъ частей заставляетъ думать, что въ нихъ должно было содержаться или содержалось на самомъ дѣлѣ нѣчто такое, что не могло сдѣлаться достояніемъ публики ¹⁾. Обстоятельства эти въ нѣкоторой степени подрываютъ значеніе и авторитетность этого дневника.

Что касается воспоминаній Вилліе, то мы думаемъ, что самый непредубѣжденный читатель можетъ замѣтить въ нихъ нѣсколько недомолвокъ, загадочныхъ фразъ или намековъ, внушающихъ, напротивъ того, читателю предубѣжденному желаніе читать сквозь строки. Но опять-таки на этихъ недомолвкахъ что-либо основывать въ томъ или другомъ смыслѣ нельзя.

Относительно воспоминаній Тарасова приходится поставить предварительный вопросъ, безъ разрѣшенія котораго едва ли можно входить въ оцѣнку ихъ по существу. Вопросъ этотъ состоитъ въ томъ: можно ли съ увѣренностью утверждать, что напечатаны были эти воспоминанія въ подлинникѣ? Мы имѣемъ данныя, — которыми мы не считаемъ себя въ правѣ подѣлиться съ читателями, — заподозрѣть эту подлинность и предположить, что эти воспоминанія подверглись исправленіямъ, — когда и въ какомъ духѣ — намъ это неизвѣстно.

Доселѣ мы ограничивались критической оцѣнкой выдвинутыхъ новѣйшими изслѣдователями данныхъ pro и contra достовѣрности легенды и нѣкоторыми личными нашими соображеніями о реальной и психологической возможности того факта, который послужилъ канвой или поводомъ созданія этой легенды. Если мы считали возможнымъ высказать нѣсколько своихъ предположеній о томъ, какъ этотъ фактъ могъ совершиться, то мы вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣли цѣлью воспроизвести происшедшее, что потребовало бы отъ насъ совершенно произвольнаго, хотя, быть можетъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ и заманчиваго усилія фантазіи. Нѣтъ, мы не послѣдуемъ за г. Михайловымъ, фантастически повѣствующимъ о томъ, какъ Александръ сѣлъ на лошадь и скрылся въ ночной темнотѣ. Наша цѣль — выяснить тѣ пути, слѣдуя которымъ, по нашему мнѣнію, можно бы надѣяться добиться истины, а для этого, конечно, надлежитъ не упускать изъ виду всего сказаннаго выше. Повторяемъ —

¹⁾ Указывается между прочимъ, что императоръ Николай I систематически уничтожалъ старыя документы, попадавшіе ему въ руки. Но при этомъ не выяснено, всякіе ли документы, или такіе, которые относились къ извѣстному событію или эпохѣ. А казалось бы, въ этомъ таится корень вопроса. Мы склонны думать, что онъ уничтожалъ именно все касавшееся «кончины» Александра, ибо знаемъ, что въ архивахъ государственномъ, министерскихъ, собственномъ, сохранилось много памятникъ, весьма конфиденціальныхъ, которые императоръ Николай могъ бы уничтожить, если бы уничтоженіе это было для него системой; укажемъ, напримѣръ, на записки императрицы Екатерины.

А в т.

мы не думаемъ разсказывать о томъ, какъ событіе это—исчезновеніе Александра—совершилось, а лишь отмѣтить нѣкоторыя обстоятельства, дающія возможность предполагать, какъ могло оно совершиться.

Прежде всего, какъ было уже сказано выше, обращаетъ на себя вниманіе выборъ Таганрога, выборъ, ничѣмъ не объяснимый. Какъ мы знаемъ, Александръ однажды былъ уже тамъ. Если на минуту мы допустимъ, что онъ рѣшилъ тайно удалиться отъ жизни и что до приведенія этого рѣшенія въ исполненіе онъ искалъ способъ, какой наиболѣе благопріятствовалъ бы этому исполненію, то спрашивается, не нашель ли онъ именно въ Таганрогѣ нѣчто такое, что показалось ему могущимъ облегчить осуществленіе его намѣренія, содѣйствовать ему и обставить его надлежащимъ образомъ. Быть можетъ, тамъ нашлись люди, конечно, въ очень небольшомъ числѣ, которые внушили ему довѣріе, со стороны которыхъ онъ не могъ опасаться нескромной огласки и которые имѣли полную возможность оказать ему это тайное содѣйствіе, располагали для этого нужными средствами и способами. Снова предположивъ, что такое исчезновеніе совершилось, мы считаемъ возможнымъ допустить осуществленіе его именно изъ Таганрога, откуда исчезающій человекъ, съ помощью немногихъ пособниковъ, могъ тайно отъ кого-либо другого переправиться черезъ Азовское море и скрыться въ предѣлахъ нынѣшней Кубанской области, которая въ первой половинѣ прошлаго столѣтія была страной дикою, неустроенною, почти безъ городовъ и безъ дорогъ, и куда, какъ намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, всего охотнѣе направлялись бѣглецы изъ Россіи—арестанты, бѣглые солдаты изъ военныхъ поселеній, крѣпостные крестьяне—благо въ равнинахъ Кавказскаго предгорья и въ самыхъ горахъ Кавказа никто не былъ бы въ состояніи ихъ отыскать. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что наиболѣе вѣроятнымъ пособникомъ императора въ осуществленіи имъ задуманнаго былъ кто-либо изъ мѣстныхъ обывателей, располагавшій нужными для того средствами и имѣвшій возможность облегчить его отъѣздъ изъ города, что, конечно, представляло наиболѣе затрудненій. Само собою разумѣется, что эта роль мѣстнаго жителя, одного или нѣсколькихъ, не исключаетъ возможности соучастія и кого-либо изъ лицъ ближайшей свиты или дворцовой прислуги, пользовавшихся наибольшимъ довѣріемъ со стороны императора. Не должно забывать, что эти лица, сколько бы ихъ ни было посвящено въ тайну царскаго замысла, связаны были клятвеннымъ обѣщаніемъ молчать до конца жизни своей и что это обѣщаніе взято было съ нихъ не кѣмъ инымъ, какъ самимъ императоромъ, отчего оно получало въ ихъ глазахъ и въ ихъ совѣсти сугубую силу.

Намъ кажется, что эти гипотезы могли бы служить указаніемъ того пути, по которому надлежало бы направить поиски истины. Во всякомъ случаѣ онѣ указываютъ, что поиски, доселѣ произво-

дившіеся, слѣдовали путемъ неправильнымъ. Не тамъ откроется истина, гдѣ ее искали и гдѣ, казалось, нашли аргументы, якобы доказывающіе правдивость легенды или якобы ее опровергающіе; ни въ воспоминаніяхъ свидѣтелей, которыя авторами ихъ предназначались къ опубликованію, ни въ официальной, такъ сказать, перепискѣ членовъ царской семьи, лицъ ближайшей свиты или прислуги, если ихъ адресаты, предположительно, не могли быть посвящены въ интимную тайну дворцовой жизни, эта истина не будетъ открыта. Сотни такихъ документовъ, подобныхъ письму гофъ-фурьера Бакина своему сыну, могутъ быть открыты и обнародованы, въ нихъ изслѣдователи будутъ черпать обильныя и съ своихъ субъективныхъ точекъ зрѣнія неоспоримыя данныя для подтвержденія или разрушенія легенды, а легенда эта все-таки останется загадкой, которая ни на волосъ не подвинется къ своему разрѣшенію. Намъ кажется, что это разрѣшеніе когда-нибудь найдется въ семьяхъ, среди потомковъ тѣхъ людей, которые могли быть участниками или пособниками при самомъ первомъ шагѣ къ осуществленію сокровеннаго замысла, и притомъ не въ семейныхъ архивахъ, въ видѣ какого-либо документа, на бумагѣ повѣствующаго о совершившемся, а скорѣе въ семейныхъ преданіяхъ, устно передаваемыхъ отъ одного поколѣнія другому и тщательно оберегаемыхъ каждымъ изъ нихъ ¹⁾. Впрочемъ, могутъ встрѣтиться и письменные документы, нынѣ лежащіе подъ спудомъ, ибо извѣстно, что люди, обремененные какой-либо страшною тайною, имъ и ихъ совѣсти ввѣренною, нерѣдко излагаютъ на бумагѣ то, что ихъ такимъ образомъ угнетаетъ, и притомъ много времени послѣ того, что эта тайна сдѣлалась имъ извѣстна, когда ужъ эти люди приблизились къ концу своей жизни и когда они почувствовали потребность передъ смертью прибѣгнуть къ такой самоисповѣди ради облегченія своей совѣсти.

Вотъ куда должны бы направить свои поиски господа изслѣдователи, и прежде всего въ Таганрогъ или вообще въ среду потомковъ таганрогскихъ обывателей, жившихъ тамъ въ 1825 году и, быть можетъ, имѣвшихъ возможность знать или даже случайно узнать истину.

Мы ничего еще не говорили по вопросу объ отождествленіи сибирскаго старца Федора Кузьмича съ императоромъ Александромъ. Вопросъ этотъ такъ тѣсно связанъ съ гипотезой объ удаленіи монарха, такъ подчиненъ ей, что не представляется возможности, да

¹⁾ Пишущему эти строки однажды было сообщено одно подобное преданіе или, выражаясь точнѣе, одинъ фактъ, самъ по себѣ весьма незначительный, но указывающій на существованіе такого преданія въ одной семьѣ, предокъ коей близко стоялъ къ той средѣ, въ которой совершилось событіе 1825 года, но онъ не считаетъ себя въ правѣ оглашать это въ настоящее время. А в т.

и надобности подвергать его критическому анализу прежде, чѣмъ добыты будутъ безспорныя подтвержденія самой гипотезы. Но мы не можемъ умолчать о тѣхъ способахъ и приемахъ, къ которымъ прибѣгаютъ изслѣдователи, старающіеся выяснитъ происхождение Федора Кузьмича. Приемы эти не могутъ не удивлять своей несостоятельностью, скажемъ даже—наивностью. Господа историки-изслѣдователи ищутъ удостовѣренія личности таинственнаго старца въ Томскѣ, то есть тамъ, гдѣ онъ самъ и, быть можетъ, всѣ тѣ, кто мало-мальски могъ съ достовѣрностью знать истинное его происхождение, всѣми силами и всѣми доступными имъ средствами старались скрыть отъ всякаго, кто онъ на самомъ дѣлѣ былъ. Мало того: извѣстно, что въ томъ же самомъ Томскѣ систематически уничтожалось или увозилось все, что могло бы казаться намекомъ, хотя бы и самымъ отдаленнымъ, на предшествующую судьбу Федора Кузьмича, вплоть до уничтоженія слова Благословенный на надгробной плитѣ его. Что же тамъ искать? Если тамъ что-либо и найдется, то развѣ какіе-нибудь показанія и отзывы, однородные съ хромовскими, которые изслѣдователи такъ пренебрежительно квалифицируютъ измышленіями досужей фантази или проявленіями желанія порисоваться.

Между тѣмъ господа изслѣдователи едва ли могутъ отрицать, что отождествленіе Федора Кузьмича съ императоромъ Александромъ издавна уже получило характеръ убѣжденія въ душахъ сибирскихъ и въ частности томскихъ гражданъ. Лично намъ случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ этомъ убѣдиться въ бесѣдѣ съ однимъ томскимъ обывателемъ, нынѣ уже умершимъ и занимавшимъ въ то время довольно видное общественное положеніе въ своемъ родномъ городѣ, который высказалъ намъ такую въ томъ увѣренность, что совершенно тщетны были бы старанія разубѣдить его, хотя бы съ помощью всѣхъ тѣхъ документовъ, на которыхъ противники легенды строятъ свою аргументацію. Наличность этой увѣренности въ Сибири, конечно, хорошо извѣстна изслѣдователямъ этого лагеря; и такъ какъ ее оспорить нельзя, то придумано было такое объясненіе: русскій народъ всегда былъ очень склоненъ къ таинственному, чудесному и, въ частности, къ самозванству. Помилосердствуйте! Да тутъ мы имѣемъ нѣчто какъ разъ обратное самозванству. Самозванецъ тотъ, кто выдаетъ себя за другого съ цѣлью либо выставить себя напоказъ, либо извлечь изъ этого извѣстныя для себя выгоды или разыграть неподобающую ему роль. Тутъ, напротивъ того, мы имѣемъ человѣка, всѣми силами старающагося скрыть свое происхождение, свою предшествующую судьбу и ужъ, конечно, не претендующаго на что-либо чудесное въ своемъ жребіи.

Нѣтъ, не въ Томскѣ, не въ Сибири найдется что-либо, что можетъ разрѣшить эту спеціальную о Федорѣ Кузьмичѣ загадку. А казалось бы, можно было бы пойти въ этомъ въ обратную сторону, напри-

мѣрь, доискаться того, откуда же появился этотъ старецъ у кузницы въ городѣ Красноуфимскѣ. Это появленіе его тамъ является исходной точкою всѣхъ дальнѣйшихъ изысканій объ его судьбѣ, которая съ этого момента протекаетъ болѣе или менѣе на виду у насъ. Но что же предшествовало этому моменту? Откуда старецъ подѣхалъ къ кузницѣ, да еще на хорошей лошади? О бродягахъ, развѣзжающихъ по Россіи верхомъ и на хорошихъ лошадяхъ, мы что-то не слышали.

Въ заключеніе нашей замѣтки мы не можемъ не высказать искренняго пожеланія, чтобы тайна была наконецъ разоблачена, чтобы правда вышла на свѣтъ, и правда—въ чемъ бы она ни заключалась. Мы не можемъ допустить, чтобы въ XIX столѣтіи, въ Россіи, какъ бы ни была она еще отставшею въ смыслѣ внутренняго благоустройства, человѣкъ какого бы то ни было рода и происхожденія могъ безслѣдно пропасть, исчезнуть, оставаясь, однако, въ числѣ живыхъ, но въ другомъ, неузнаваемомъ нпкѣмъ и ничего общаго съ прежнимъ не имѣющемъ образѣ, а еще менѣе,—чтобы въ той же Россіи могли жить и долго жить на глазахъ у многихъ такіе люди, происхожденіе и гражданское состояніе—*état civil*—коихъ не были бы никому извѣстны и никѣмъ такъ или иначе не удостовѣрены. Утопленники и тѣ всплываютъ на поверхность воды, а многочисленные Иваны непомнящіе родства въ концѣ концовъ оказываются самыми заурядными обывателями, скрывшими подъ своимъ инкогнито не всегда чистыя намѣренія или поступки. Неужели жъ въ данномъ случаѣ, въ стократъ превышающемъ по своему значенію всѣ подобныя исчезновенія людей и появленія ихъ въ другихъ видахъ, правда недостижима? Неужели есть какія-либо причины или поводы скрывать ее, держать подъ спудомъ? Если легенда—ложь, докажите это намъ, но не посредствомъ гипотетическихъ, произвольно истолковываемыхъ или прямо сомнительныхъ данныхъ и болѣе или менѣе остроумныхъ выводовъ изъ нихъ. Если же она—правда, сбросьте съ нея искусственную завѣсу, и сами вы увидите, какъ вырастетъ въ глазахъ всего человѣчества образъ царственнаго страдальца.

В. Г.

ПО ТОМУ ЖЕ ВОПРОСУ.

(Отвѣтъ г. В. Г.)

Е ЖЕЛАЯ вступать въ новую полемику, на сей разъ съ г. В. Г., авторомъ статьи подъ заглавіемъ: «По поводу легенды объ императорѣ Александрѣ I», просимъ читателя обратить вниманіе на слѣдующее:

1) В. Г. въ своей статьѣ подраздѣляетъ изслѣдователей легенды на два лагеря: приверженцевъ и противниковъ легенды. Къ числу послѣднихъ онъ относитъ и меня. Это недоразумѣніе, потому что я себя не причисляю ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, а такъ же, какъ и самъ В. Г., стараюсь раскрыть истину.

При жизни покойнаго Н. К. Шильдера, котораго я часто видалъ и почиталъ, я увлекался этой легендой настолько, что старался себя убѣдить, что сибирскій старецъ былъ дѣйствительно императоромъ Александромъ I. Тогда я былъ моложе, теперь мнѣ 55 лѣтъ, и пора увлеченій давно миновала. Безпристрастная историческая критика привела меня въ убѣжденію, что это превращеніе Александра Павловича въ сибирскаго старца немислимо, а главное потому, что я всячески старался себѣ выяснитъ дѣйствительный характеръ государя, который не соотвѣтствовалъ такого рода превращеніямъ.

2) Если обратиться къ документальной сторонѣ, то для меня письма императрицы Елизаветы Алексѣевны къ матери маркграфинѣ Баденской—самый вѣскій аргументъ для такъ называемыхъ противниковъ легенды. Эти письма написаны такъ просто, такъ

задушевно и такъ откровенно, что въ чистосердечности ихъ нельзя усомниться. Но мнѣ возразятъ на это, что императрица могла не знать объ исчезновеніи супруга и что больной, за которымъ она ухаживала, не былъ ея мужемъ, а также и тѣло, передъ которымъ она часами молилась и въ домѣ и въ церкви, не Александра. Признаюсь, что такого рода фантазія меня не можетъ переубѣдить.

3) Что касается уничтоженія документовъ императоромъ Николаемъ I, то онъ систематически уничтожалъ все то, что могло очернить въ чемъ-либо ореолъ 24-лѣтняго правленія его брата, а вовсе не документы, касавшіеся только его кончины.

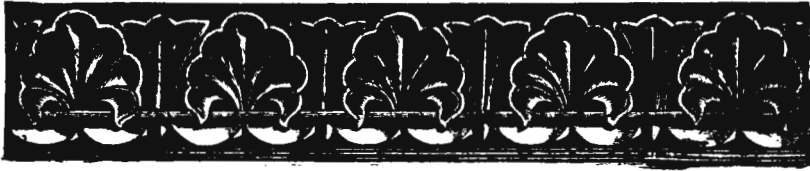
Какъ примѣръ такого уничтоженія, приведу слѣдующій фактъ. Изъ бумагъ, хранившихся въ государственномъ архивѣ, была вскрыта въ началѣ нынѣшняго XX столѣтія, по повелѣнію благополучно царствующаго Государя, переписка Александра Павловича съ Лагарпомъ. Въ двухъ мѣстахъ этой переписки были найдены помѣтки, сдѣланныя рукой Николая I, со слѣдующей надписью: «Brulé comme inutile à la postérité». Случайно копія той же переписки сохранилась въ Женевѣ изъ бумагъ Лагарпа, хранящихся тамъ. Намъ удалось возстановить пропуски. Они относились частью къ выраженіямъ весьма либеральнаго свойства, частью къ критикѣ дѣйствій Павла I, написаннымъ очень откровенно Александромъ Павловичемъ Лагарпу.

4) Что касается новаго метода изслѣдованія, предлагаемаго В. Г., то врядъ ли онъ дастъ что-либо новое. Самъ авторъ статьи говоритъ: «Однажды было сообщено ему одно подобное преданіе или, выражаясь точнѣе, одинъ фактъ, самъ по себѣ весьма значительный, но указывающій на существованіе такого преданія въ одной семьѣ, предокъ коей близко стоялъ къ той средѣ, въ которой свершилось событіе 1825 года, но онъ не считаетъ себя въ правѣ оглашать это въ настоящее время».

Замѣчу только, что такого рода сомнѣнія въ оглашеніи могутъ встрѣтиться и въ другихъ семьяхъ. Одно странно, что спустя 89 лѣтъ послѣ того событія, то есть кончины императора въ Таганрогѣ или его исчезновенія, кто-то не считаетъ себя въ правѣ оглашать даже какого-то незначительнаго факта, а касательно поисковъ въ Красноуфимскѣ, то—да простить меня уважаемый В. Г.—это были бы поиски впустую, то есть «chercher midi à quatorze heures».

Великій князь Николай Михайловичь.

А. С. СУВОРИНЪ И ОСНОВАНІЕ ТЕАТРА ЛИТЕРАТУРНО- АРТИСТИЧЕСКАГО КРУЖКА.

(Странички изъ воспоминаній «Минувшее»).

IV.

Постановка пьесъ:—«Нора», «Трудовой хлѣбъ», «Ганнеле».—Слухи о разрѣшеніи «Власти тьмы» и приглашеніе И. И. Судьбинина.—Приѣздъ Суворина изъ-за границы.—Суворинъ на репетиціи, его грозное внушеніе Холмской и Никитиной.—На представленіи «Ганнеле».—Ссора Суворина со мной и примиреніе.—Разрѣшеніе нашему театру постановки «Власти тьмы».—Желаніе дирекціи пригласить для постановки Алексѣя Антиповича Потѣхина.—Приглашеніе П. А. Стрепетовой.—А. С. Суворинъ желаетъ поставить пьесу непременно раньше Александринскаго театра.—Постановка «Власти тьмы».—А. А. Потѣхинъ и Д. В. Григоровичъ на генеральной репетиціи.—Успѣхъ «Власти тьмы».

ВТОРОЙ постановкой театра была «Нора» Ибсена, съ Л. Б. Яворской въ заглавной роли. Гельмера игралъ Анчаровъ-Эльстонъ, Ранка—Красовъ, Линденъ—Ланская, Гюнтеръ—Быховецъ-Самаринъ.

«Нора» прошла пять разъ, давая сравнительно недурные сборы.

Затѣмъ были поставлены сцены А. Н. Островскаго—«Трудовой хлѣбъ».

Несмотря на то, что пьеса шла при слабомъ сборѣ, она имѣла хорошій успѣхъ, благодаря неподобному исполненію П. К. Красовскимъ роли Карпѣлова и дружному ансамблю.

«Самоуправцы», трагедія А. Θ. Писемскаго, представленная въ первый разъ 25-го сентября, гдѣ роль князя Имшина исполнялъ Бастуновъ, не давала сборовъ и скоро сошла съ репертуара.

¹⁾ Окончаніе «Истор. Вѣстн.», т. СXXXVII, стр. 449.

Вообще до возобновленія «Ганнеле» дѣла театра кружка въ матеріальномъ отношеніи были неважныя.

«Ганнеле» я поставилъ заново, измѣнивъ mise en scène, насколько это позволяла декорация, сдѣланная для постановки пьесы въ Панаевскомъ театрѣ.

Исполнители ролей почти всѣ были новые, за исключеніемъ Тихомирова (каменщикъ Маттернъ), Корсаковой (мать Ганнеле), Мосоловой (ангелъ) и Поляковой (ангелъ смерти). Остальныя роли играли: Готтвальда—Красовъ, Марту—Зиновьева, Тульпе—Чижевская, Гедвигу—Никитина, Плешке—Михайловъ, Ганке—Черновъ 2, Зейдель—Аристовъ, Бергеръ—Быховець-Самаринъ, Портного—Орленевъ, Шмидтъ—Тихомировъ, Вахлеръ—Богатилловъ Свѣтлые призраки—Борги, Мосолова и Стальская.

«Ганнеле», чудная, глубокая драма дѣтской души забитой, несчастной дѣвочки, требовала необычайно тонкаго, проникновеннаго исполненія, заражающаго зрителя грустно поэтическимъ настроеніемъ.

Особенно трудно было достигнуть едва замѣтнаго перехода отъ реальности къ бредовымъ фантазіямъ Ганнеле. Малѣйшая невѣрность тона нарушала иллюзію. И мнѣ долго и напряженно пришлось работать, пока, наконецъ, былъ достигнутъ правильный общій тонъ пьесы. Но, кромѣ того, въ «Ганнеле» очень важную роль играютъ музыка (прекрасно написанная М. М. Ивановымъ) и свѣтовые эффекты. Все это должно было сливаться въ одну общую гармонію.

Домашева хорошо справилась съ ролью Ганнеле. Если въ ея исполненіи было менѣе истерическаго драматизма, чѣмъ у Озеровой, то мягкой, дѣтской поэтичности, искренности и трогательности несравненно больше. Михайловъ былъ превосходнымъ Плешке, Орленевъ тонко игралъ портного, Чижевская и Никитина, какъ нельзя болѣе, подходили къ своимъ ролямъ. Красовъ мягко и красиво обрисовалъ Готтвальда.

Пьеса прошла съ настроеніемъ. Публика горячо принимала актеровъ. Пресса отмѣтила успѣхъ артистовъ и одобрила постановку.

Въ одномъ спектаклѣ съ «Ганнеле» шла комедія И. С. Тургенева «Нахлѣбникъ», гдѣ неподражаемы были П. К. Красовскій въ роли Кузовкина и М. А. Михайловъ въ роли Иванова.

Послѣ совѣщаній относительно декораций съ П. П. Гибдичемъ и художникомъ Суворовымъ, въ концѣ сентября, я приступилъ къ репетиціямъ «Орлеанской дѣвы».

Алексѣй Сергѣевичъ все еще былъ за границей и не давалъ о себя знать.

А. П. Коломинъ, ходатайствовавшій въ цензурѣ о дозволеніи представленія на сценѣ «Власти тьмы», въ послѣднихъ числахъ сен-

тября сообщилъ мнѣ подь большимъ секретомъ, что есть нѣкоторая надежда на разрѣшеніе цензурой пьесы для представленія исключительно нашему театру.

Я спросилъ Алексѣя Петровича, не приступитъ ли намъ загодя къ монтировкѣ «Власти тьмы». Осторожный А. П. Коломнинъ совѣтовалъ мнѣ подождать съ этимъ, говоря, что шансы на разрѣшеніе пьесы весьма слабы и мы можемъ непроизводительно затратить и деньги и время.

На всякій случай, я намѣтилъ распредѣленіе ролей во «Власти тьмы». Пьеса довольно хорошо расходилась по труппѣ. Не было только подходящаго исполнителя на роль Никиты. Единственный актеръ, который, съ грѣхомъ пополамъ, могъ бы играть роль Никиты въ нашей труппѣ—Н. Д. Красовъ, но я боялся поручить ему эту роль, требующую отъ артиста сильнаго драматическаго темперамента и вѣрнаго бытового тона. Безъ хорошаго исполнителя роли Никиты, центральной въ драмѣ, пьеса, несомнѣнно, много потеряла бы на сценѣ и не произвела бы должнаго впечатлѣнія на публику. Я предложилъ дирекціи теперь же пригласить въ труппу И. И. Судьбинина, извѣстнаго въ провинціи артиста на роли «рубашечныхъ любовниковъ».

Дирекція дала свое согласіе. На наше счастье Судьбининъ былъ свободенъ отъ ангажемента. Мы покончили съ нимъ телеграммами. Съ 1-го октября Судьбининъ вступилъ въ труппу нашего театра.

Какъ-то, въ началѣ октября, послѣ репетиціи, когда я уже собрался уѣзжать изъ театра, ко мнѣ въ режиссерскую прибѣжалъ разсыльный Филиппъ.

— Приѣхалъ въ театръ Алексѣй Сергѣевичъ, послали за Холмской и Никитиной и просить васъ... Они-съ на сценѣ, съ Алексѣй Николаевичемъ.

Я вышелъ на сцену.

Суворинъ весьма сухо поздоровался со мной.

— Я, собственно говоря, приѣхалъ поговорить съ вами серьезно, Евтихій Павловичъ...—началъ Алексѣй Сергѣевичъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— Такъ невозможно вести театръ!.. Мы провалимся!.. Сборы слабые... Публика плохо посѣщаетъ театръ... Ничего интереснаго... Такъ, позвольте, нельзя...

— Вѣдь, мы только что начали, Алексѣй Сергѣевичъ... Новое дѣло для Петербурга... Труппа не успѣла себя зарекомендовать... Сезонъ начинается позже...

— Когда есть интересные артистки и артисты, публика всегда ходитъ,—уже повышая голосъ, перебилъ меня Суворинъ.

Въ это время пришла З. В. Холмская, жившая рядомъ съ театромъ. Еле протянувъ ей руку, Алексѣй Сергѣевичъ началъ горячо упрекать ее въ томъ, что она ничего не дѣлаетъ... Что актеры вообще

ничего не дѣлають... Что театръ нисколько не интересенъ... актрисы бездарны!..

Холмская и подошедшая А. П. Никитина, блѣдныя, перепуганныя, большими глазами недоумѣвающе смотрѣли на Суворина.

Алексѣй Сергѣевичъ, очевидно, кѣмъ-то настроенный, съ жаромъ напалъ на ни въ чемъ неповинныхъ актрисъ.

Меня, наконецъ, это возмутило.

— Позвольте, Алексѣй Сергѣевичъ... почему вы обращаетесь съ упреками къ Холмской и Никитиной?.. Онѣ добросовѣстно и честно дѣлають свое дѣло, какъ и вся труппа... Если кто виноватъ, такъ это я... Вы говорите, что труппа мало работаетъ, а я удивляюсь, какъ у нихъ не распухнуть мозги и не лопнетъ сердце отъ той работы, какую они несутъ отъ начала репетицій до сего дня...

Я горячо сталъ доказывать Суворину, приводя факты, что труппа не можетъ работать больше того, чѣмъ она работаетъ теперь. Поставить и сыграть сколько-нибудь сносно семь большихъ пьесъ въ теченіе полутора мѣсяца—трудъ громадный и требовать большаго несправедливо.

— Я нахожу,—сказалъ я въ заключеніе моей горячей реплики Суворину:—что дирекція должна въ ножки поклониться труппѣ за ея отношеніе къ дѣлу и ея работу, Алексѣй Сергѣевичъ.

— Ну, я, собственно говоря, не думаю...—отвѣтилъ Суворинъ и, увидавъ, что Холмская и Никитина утирають слезы, воскликнулъ:

— Слезы... Ну, я ухожу!..

Ни съ кѣмъ не простившись, Суворинъ, стуча палкой, быстро ушелъ со сцены, сопровождаемый А. Н. Масловымъ.

Декоративныя и костюмерныя работы для «Орлеанской дѣвы», несмотря на всѣ старанія и заботы П. П. Гнѣдича, не могли быть окончены ранѣе конца октября. А. А. Пасхалова весьма тяготилась положеніемъ безработной артистки и просила А. С. Суворина дать ей сыграть, до выступленія въ «Орлеанской дѣвѣ», пьесу Рихарда Фосса—«Ева». Я долго убѣждалъ А. А. Пасхалову отказаться отъ этой мысли, говоря, что ей выгоднѣе выйти въ первый разъ передъ публикой нашего театра въ роли «Орлеанской дѣвы», но она осталась непреклонна. Дирекція, большинствомъ голосовъ, рѣшила исполнить просьбу А. А. Пасхаловой.

«Ева» была представлена 10-го октября. Поставленная наспѣхъ, съ четырехъ или пяти репетицій, несмотря на то, что роль Евы играла Пасхалова, Иоганна Гартвига—Судьбининъ, Элимара—Анчаровъ-Эльстонъ, «Ева» не имѣла успѣха.

На представленіи «Ганнеле» 8-го октября произошла ссора Суворина со мной, едва не окончившаяся моимъ уходомъ изъ театра кружка навсегда.

Шла «Ганнеле», съ Надеждиной въ заглавной роли. Дублерка Домашевой, способная, начинающая артистка какъ нельзя болѣе

по своей внѣшности подходила къ роли Ганнеле. И хотя Надеждина была менѣе опытна и талантлива, чѣмъ Домашева, но обладала большимъ драматизмомъ и мягкимъ, прекраснаго тембра голосомъ.

М. А. Михайловъ въ роли Анима изъ пьесы «Власть тьмы».

Во время антракта между первымъ и вторымъ актомъ «Ганнеле» на сцену стремительно вошелъ Суворинъ.

— Это чортъ знаетъ что такое! Такъ, въ концѣ концовъ, невозможно ставить!..—громко кричалъ онъ, направляясь ко мнѣ.

— Прежде всего не кричите, Алексѣй Сергѣевичъ... На сценѣ, да еще во время спектакля, кричать нельзя...

— Но, позвольте, собственно говоря, это безобразіе!

— Повторяю, здѣсь кричать нельзя... А если вы хотите мнѣ что-нибудь сказать, пожалуйста ко мнѣ въ режиссерскую...

Я направился въ свою маленькую конуру, гдѣ въ это время находились: А. П. Коломнинъ, П. П. Гнѣдичъ, Н. О. Холева и А. Н. Масловъ.

Суворинъ послѣдовалъ за мной.

— Что вы мнѣ хотѣли сказать?—обратился я къ Суворину.

— Это Богъ знаетъ что!.. Зачѣмъ у васъ бургомистръ, входя, раздѣвается!.. Я былъ въ Германіи, тамъ никто не снимаетъ пальто, входя... Что это вы придумали?.. Откуда вы взяли, собственно говоря?..

— Я въ Германіи не былъ и готовъ вѣрить вамъ, что тамъ пальто не снимаютъ... Но я не знаю, кому больше вѣрить, вамъ или Гауптману...

— Какъ?.. Что такое!.. Что такое, позвольте, вы говорите...

— А то, что у автора есть ремарка, которую актеръ буквально исполняетъ...

— Гдѣ же эта ремарка, собственно говоря?..

Я потребовалъ у суфлера экземпляръ пьесы и показалъ Суворину напечатанную ремарку.

Алексѣй Сергѣевичъ, видимо, нѣсколько смутился.

— Да, дѣйствительно, у Гауптмана это есть... Но Никитина у васъ въ валеныхъ калошахъ,— снова возвышая голосъ, началъ Суворинъ.—И вообще я, собственно говоря, не желаю, чтобы роль Ганнеле играла эта Надеждина...

— А я вамъ долженъ сказать, Алексѣй Сергѣевичъ,—остановилъ я его:—что я не метранпажъ «Новаго Времени» и на себя кричать никому не позволю. А потому не надо мнѣ вашего меду, не трогайте моего хлѣба... Я проведу сегодняшій спектакль, а завтра буду считать себя свободнымъ отъ режиссерства въ вашемъ театрѣ...

— Пожалуйста!—кинулъ Суворинъ и убѣжалъ изъ комнаты.

А. П. Коломнинъ и Н. О. Холева стали меня успокаивать, уговаривали не покидать театра и не придавать значенія словамъ Суворина, сказаннымъ сгоряча.

Я остался при рѣшеніи уйти изъ дѣла и условился съ П. П. Гнѣдичемъ завтра въ часъ дня встрѣтиться съ нимъ въ театрѣ, чтобы сдать ему пьесы, монтажки и все прочее.

Вѣсть о моей ссорѣ съ Суворинимъ и объ отказѣ отъ режиссерства быстро разнеслась по театру.

Когда я убѣжалъ послѣ спектакля домой, въ коридорѣ меня встрѣтили всѣ участвовавшіе въ пьесѣ артисты, во главѣ съ Орленевымъ и Михайловымъ.

Услыхавъ лично отъ меня, что я, дѣйствительно, оставляю режиссерство, они заявили мнѣ, что они также уйдутъ, такъ какъ контракты ими заключены со мной, а безъ меня они не хотятъ служить въ этомъ театрѣ.

Я былъ, конечно, тронуть ихъ сочувствіемъ, но просилъ ихъ не бросать дѣла, имѣющаго будущность... И вообще не затѣвать никакихъ демонстрацій по поводу моего ухода.

Когда на другой день я пріѣхалъ въ театръ, чтобы сдать Петру Петровичу книги, на сценѣ уже собралась поголовно вся труппа. Актеры волновались. Они упрашивали меня остаться режиссеромъ, хотѣли идти къ Алексѣю Сергѣевичу объясняться по поводу вчерашняго инцидента.

На сцену неожиданно для всѣхъ быстро вошелъ Суворинъ, въ шубѣ и шапкѣ, и, подойдя ко мнѣ, громко сказалъ при всей труппѣ:

— Я вчера накричалъ на васъ, Евтихій Павловичъ... Я былъ неправъ, прошу васъ простить меня... Я старикъ, нервный, вспылчивый человѣкъ... Прошу васъ забыть вчерашнюю нашу ссору, простить меня и остаться режиссеромъ.

Актеры хоромъ закричали:

— Оставайтесь, Евтихій Павловичъ, оставайтесь!..

Я, признаюсь, не ожидалъ такого сердечнаго, искренняго порыва отъ Суворина. Меня поразило его извиненіе, сказанное такъ открыто и добродушно.

Растроганный, я, ничего не говоря, пожалъ ему руку.

— Я на васъ накричалъ, да, вѣдь, и вы тоже кричали... Мы квиты!—добродушно улыбаясь, сказалъ Алексѣй Сергѣевичъ, беря меня подъ руку и уводя въ режиссерскую.

— Я, собственно говоря, очень радъ, что мы примирились... Вы не можете себѣ представить, что мнѣ писали за границу про васъ... и что мнѣ говорили здѣсь, когда я пріѣхалъ... Какія гадости!.. Какія сплетни!.. У меня голова сдѣлалась какъ котелъ отъ всѣхъ этихъ интригъ и сплетенъ... Все время меня настраивали противъ васъ.

— Не стоитъ объ этомъ говорить, Алексѣй Сергѣевичъ... Вы теперь будете здѣсь и сами все увидите,—отвѣтилъ я.

— Ахъ, да,—вспомнилъ Суворинъ.—Я вамъ забылъ сказать—намъ разрѣшили постановку «Власти тьмы».

И онъ вытащилъ изъ кармана экземпляръ дешеваго изданія пьесы, скрѣпленный цензурой.

Я чуть не вскрикнулъ отъ радости.

— Тутъ кое-что зачеркнуто... Жаль, конечно... но, я думаю, мы, немного погодя, выхлопочемъ, чтобы намъ это возстановили... Это не важно...

Вычеркнуть цензурой былъ весь монологъ Митрича въ третьемъ актѣ о банкѣ. Одно изъ лучшихъ мѣстъ драмы ¹⁾).

— Кто у насъ играть будетъ?—спросилъ Алексѣй Сергѣевичъ.

Мы совмѣстно начали распредѣлять роли.

— Матрену вы намѣтили кому?—спросилъ Алексѣй Сергѣевичъ.

— Чижевской.

— Она подойдетъ,—сказалъ, раздумывая, Суворинъ.—А не пригласить ли намъ для этой роли Стрепетову?

— Это было бы превосходно... Но станеть ли она играть старуху?—усомнился я.

— Попробуемъ... я самъ съ ней поговорю,—торопливо вставая, сказалъ Суворинъ.—А вы, Евтихій Павловичъ, сейчасъ же принимайтесь за монтировку пьесы. Надо спѣшить...

На афишахъ императорскихъ театровъ уже появились анонсы, что въ бенефисъ Н. В. Васильевой, въ среду 18-го октября, идетъ въ первый разъ драма «Власть тьмы» Льва Толстого. Въ газетахъ запестрѣли замѣтки о постановкѣ пьесы. Публика ждала, волновалась. Билеты, какъ сообщали газеты, всѣ были разобраны.

Когда я сообщилъ А. С. Суворину, что «Власть тьмы» 18-го идетъ въ Александринскомъ театрѣ, Алексѣй Сергѣевичъ сказалъ:

— А нельзя ли намъ, Евтихій Павловичъ, предупредить постановку Александринскаго театра?.. Хорошо бы..

Мысль о томъ, что на мою долю выпадеть честь поставить «Власть тьмы» впервые въ театрѣ, такъ меня окрылила, что я, не задумываясь, отвѣтилъ:

— Поставимъ.

Сказалъ я это сгоряча.

Когда я перечелъ пьесу, меня охватило сомнѣнiе и страхъ. Мнѣ страшно стало отвѣтственности и передъ гениальнымъ авторомъ, и передъ публикой, и передъ самимъ собой.

Въ Александринскомъ театрѣ для пьесы «Власть тьмы» были уже давно написаны декорации художниками, ѣздившими для этюдовъ въ Тульскую губернію. Оттуда же были привезены костюмы и бутафорія. Пьеса уже давнымъ-давно разучена артистами и стрепетована. А у насъ ровнехонько ничего, и всего семь-восемь дней срока до перваго представленія. Ни декораций, ни костюмовъ, ни бутафоріи, ни даже расписанныхъ ролей... Какъ необдуманно, взвалилъ я на себя такую задачу, рѣшившись въ недѣлю поставить такую пьесу, какъ «Власть тьмы»... Мнѣ самому надо изучить пьесу, распланировать декорации, намѣтить *mise en scène*, разобраться въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, поставить рядъ народныхъ сценъ, подобрать величальные, свадебныя пѣсни и проч. А актеры?..

¹⁾ Послѣ пятаго представленія пьесы цензура восстановила это мѣсто. А в т.

Судьбининъ въ роли Никиты изъ пьесы «Власть тьмы».

Смогутъ ли они въ такой короткій срокъ приготовить роли, передать всё характерныя и бытовыя особенности народныхъ типовъ, ихъ языка, всей повадки крестьянъ?..

Но долго раздумывать было некогда... Всякая минута дорога... И я съ какой-то невѣроятной, бѣшеной энергіей принялся за дѣло.

Въ тотъ же день я роздалъ всемъ участвующимъ въ пьесѣ артистамъ книжки «Власти тьмы». Роли были распределены такъ: Петр.—Марковский, Анисья—Холмская, Акулина—Никитина,

«истор. вѣстн.», сентябрь 1914 г., т. сxxxvii.

10

Анютка — Домашева, Никита — Судьбининъ, Акимъ — Михайловъ, Матрена — Стрепетова, Марина — Пасхалова, Митричъ — Красовскій, кума Анисья — Чижевская, Сватъ — Макаровъ-Юневъ. Тутъ же я пригласилъ извѣстнаго знатока русскихъ народныхъ пѣсенъ А. А. Архангельскаго и попросилъ его подобрать для хора нѣсколько величальныхъ, свадебныхъ пѣсенъ Тульской губерніи, приготовить ихъ ко второй репетиціи съ хоромъ съ тѣмъ, чтобы я могъ выбрать подходящія пѣсни для пьесы. Покончивъ это дѣло съ г. Архангельскимъ, я занялся съ декораторами, бутафорами и костюмерами.

Кромѣ И. А. Суворова, постоянного нашего декоратора, былъ приглашенъ талантливый художникъ-декораторъ Аллегри.

Имъ въ пять дней, или, вѣрнѣе, сутокъ, предстояло написать четыре сложныхъ декораціи: избу, улицу деревни, внутренность двора и гумно. Несмотря на всѣ мои увѣщанія и просьбы, они наотрѣзъ отказались. Тогда мнѣ пришла въ голову мысль соединить двѣ декораціи въ одну. Написать внутренность двора вмѣстѣ съ задворками и гумномъ. Такъ часто строятся у насъ въ деревняхъ Орловской и Тульской губерній. Въ четвертомъ дѣйствіи поставить внутренность двора съ погребомъ, а въ первой картинѣ пятаго дѣйствія отнести внутренность двора въ глубь сцены, а на первомъ планѣ поставить задворки, съ гумномъ. Аллегри согласился написать эту декорацію, а И. А. Суворовъ, по моему плану, взялся написать избу и улицу деревни.

Аллегри никогда не бывалъ въ деревнѣ средней Россіи, и мнѣ пришлось при помощи рисунковъ подробно объяснить ему, чего я отъ него хочу. Дѣлать макеты было некогда, пришлось довольствоваться легкими карандашными набросками. Дѣло съ декораціями, слава Богу, уладилось. Но дальше, какъ быть съ костюмами и бутафоріей? Мнѣ непремѣнно хотѣлось достать подлинныя, деревенскіе костюмы Тульской губерніи. Телеграфирую знакомой помѣщицѣ въ Тульской губернію, прося ее закупить и немедля выслать рубахи, сапоги, свитки, паневы, кички, повойники, лапти.. Отвѣчаетъ отказомъ. Тогда вспоминаю, что у Прибыткова играли въ любительскомъ спектаклѣ «Власть тьмы» и посылаю съ письмомъ туда. Съ величайшею любезностью г. Прибытковъ присылаетъ нѣсколько подлинныхъ рубахъ, паневъ и зипуновъ. Остальные костюмы подбираемъ по образцамъ. И это дѣло удалилось... За ткацкимъ станкомъ, сохой, бороной, телѣгой и другими деревенскими хозяйственными вещами посылаю бутафора въ село Рождествено, къ знакому крестьянину.

Дѣло постановки кипитъ.

Никогда, ни прежде, ни послѣ, мнѣ не случалось видѣть въ театрѣ такой дружной, согласной, живой, по-истинѣ художественной работы... Но... Да, и тутъ было свое «но»...

Ночью передъ первой репетиціей я еще разъ проштудироваль внимательно пьесу, намѣтилъ mise en scène, согласно выработанному мною плану декорацій, и утромъ принялся за постановку на сценѣ. Труппа была хорошая, дружная, работающая, жила со мною душа въ душу. Первая репетиція шла стройно, нервно, энергично. Вдругъ, среди репетиціи, меня просить къ себѣ въ директорскую А. П. Коломинъ и сообщаетъ, что дирекція предполагаетъ пригласить для постановки «Власти тьмы» А. А. Потѣхина. Извѣстіе это какъ обухомъ ударило меня по головѣ. Помню, что, услышавъ это, я сидѣлъ нѣсколько секундъ, какъ потерянный. Добрый, прекрасно относившійся ко мнѣ Алексѣй Петровичъ сталъ меня утѣшать. Я отвѣтилъ, что высоко цѣню А. А. Потѣхина, какъ знатока народной жизни, какъ талантливаго писателя и руководителя театра, понимаю желаніе дирекціи поручить ему постановку «Власти тьмы», но оставаться режиссеромъ не могу. До вечера я жду отвѣта.

Не знаю до сихъ поръ, кому пришла мысль пригласить А. А. Потѣхина, не знаю, велись ли съ нимъ объ этомъ переговоры, не знаю, почему мысль эта была оставлена. Во всякомъ случаѣ, постановка драмы «Власть тьмы» осталась за мной.

На второй репетиціи А. С. Суворинъ сообщилъ мнѣ, что П. А., Стрепетова изъявила согласіе играть въ пьесѣ «Власть тьмы» роль Матрены: Г-жа Чижевская съ неохотой уступила роль Матрены и взяла небольшую роль кумы.

Имя П. А. Стрепетовой было для меня еще съ дѣтства окружено ореоломъ. Я видѣлъ П. А. юношей въ лучшихъ ея роляхъ: Катерины въ «Грозѣ», Лизаветы въ «Горькой Судьбинѣ». Легко представить, какъ я былъ обрадованъ согласіемъ П. А. Стрепетовой. Я предчувствовалъ, что Стрепетова внесетъ въ изображеніе Матрены не только правдивыя бытовья черты, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, захватить публику силой своего трагизма.

Появленіе П. А. Стрепетовой на репетиціи было встрѣчено всѣми участвующими съ искренней радостью. Отношеніе къ дѣлу П. А., ея сценическая дисциплина, ея готовность входить въ самыя мельчайшія детали работы, ея аккуратность придавали артистамъ еще болѣе старанія и тщательности.

Медлить было некогда. Со второй репетиціи, разобравшись въ мѣстахъ, я требоваль, чтобы артисты давали интонаціи, заботясь объ общемъ тонѣ пьесы. Образный и необыкновенно типичный крестьянскій, разговорный языкъ, какимъ написана драма, требоваль отъ актеровъ простыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко жизненныхъ интонацій, большого знанія народной рѣчи и ея своеобразныхъ особенностей.

Помимо моей основной задачи—показать во всѣхъ деталяхъ психологическое развитіе драмы,—необходимо было дать въ возможно яркихъ подробностяхъ картину жизни деревни средней Россіи.

Мнѣ хотѣлось, чтобы въ декораціяхъ, въ буафоріи, въ одеждѣ, въ говорѣ, въ пѣсняхъ, въ движеніяхъ, во всемъ чувствовалась деревня. Сколько труда и вниманія надо было положить на то, чтобы актеры перевоплотились въ крестьянъ средней Россіи, которые такъ безплодно правдиво выведены на сцену Л. Н. Толстымъ; чтобы ихъ походка, говоръ, умѣнье братья за крестьянскую работу, умѣнье носить мужицкую одежду производили со сцены жизненное, подлинное впечатлѣніе. Чтобы это были не ряженые, а «заправскіе» бабы и мужики.

Особенно трудно было добиться правильныхъ, однородныхъ крестьянскихъ интонацій съ артистами, уроженцами разныхъ губерній Россіи, изъ которыхъ одни окали по-волжски, другіе «акали» по-московски, третьи «гакали» по-малороссійски. Работа была трудная, напряженная, полная строжайшаго вниманія и одухотворенная страстнымъ желаніемъ не уронить въ глазахъ публики одно изъ величайшихъ созданій русской литературы.

Надо отдать справедливость артистамъ: всѣ, начиная съ П. А. Стрепеговой и кончая послѣднимъ выходнымъ, съ охотой принимали мои указанія, интонаціи, толкованія народныхъ выраженій, обычаевъ, зная, что я уроженецъ средней Россіи, жилъ среди народа, и вѣря въ меня, какъ режиссера.

Съ каждой репетиціей я воочію видѣлъ, какъ разворачивается пьеса. Передо мною проходила живая, трогательная, ужасная по своей бессмысленной жестокости картина деревни, живущей во власти тьмы, полная удивительныхъ, бытовыхъ подробностей. И чѣмъ дальше шли репетиціи, тѣмъ меня все болѣе и болѣе увлекала драма.

Уже мнѣ ясно представлялся слабохарактерный, испорченный «чугункой», добрый и чистый по натурѣ Никита въ изображеніи Судьбинина. Разумный, хотя и темный Митричъ—Красовскій, изумительно передававшій увѣренный тонъ обученнаго въ полку солдата, изъ котораго никакая муштра не могла выбить здраваго смысла и чуткой совѣсти. Шустрая дѣвчонка Анютка—Домашева, жалостливая и пугливая; красавица, «крѣпкая, какъ бобочекъ», придурковатая, глухая Акулина—Никитина; по-своему добрая и любящая, мягкая сердцемъ, влюбленная Анисья—Холмская, подъ вліяніемъ животной страсти отравляющая мужа... И благодушный Акимъ, русскій мужицкій праведникъ, не то дуракъ, не то святой, въ изображеніи Михайлова. И нудный, носатый Петръ... Шумятъ уже въ третьемъ актѣ бабы, видна ихъ злобная ревность... И голоса звучатъ бранчливо, и руки ходятъ правильно... Вотъ уже въ четвертомъ актѣ и свадьба чувствуется. На фонѣ заунывныхъ, чудныхъ, деревенскихъ, свадебныхъ величаній слышится пьяная, разгульная пѣсня сватовъ, гармоника и топотъ залихватской пляски...

Труднѣе всего налаживалась послѣдняя картина пятого акта. Всѣ на своихъ мѣстахъ, всѣ знаютъ свои реплики, переходы... Въ избѣ душно отъ народа, такъ она вся набита людьми, и въ окнахъ рожи любопытныхъ, и на полатяхъ—дѣти съ Анюткой ѣдятъ пироги. Но я еще не чувствую жизни во всей этой сложной картинѣ. Мало одушевленія, подъема, мало «веселой свадьбы», на которой «пьяные всѣ, ужъ такъ-то почетно, хорошо такъ...».

На пятой репетиціи случился инцидентъ, едва не погубившій все дѣло.

Въ четвертомъ актѣ, когда Никита пьяный прїѣзжаетъ изъ города и ломается надъ женой, А. С. Суворину, сидѣвшему въ ложѣ, показалось, что И. И. Судьбининъ ведетъ эту сцену утрированно, съ большимъ опьянѣніемъ, чѣмъ нужно.

А. С. Суворинъ, будучи, какъ и всѣ, нервно настроенъ, закричалъ изъ ложи:

— Послушайте, что вы такъ ломаетесь... Этого совсѣмъ не нужно.

И. И. Судьбининъ, не ожидавшій такого окрика, остановился среди дѣйствія, посмотрѣлъ пристально въ залъ и ушелъ со сцены. Репетицію пришлось прервать... Я бросился къ Судьбинину. Онъ уже надѣвалъ шубу, чтобы итти домой и никогда больше не переступать порога Малаго театра. Много усилій стоило мнѣ уладить дѣло. Уставшій отъ напряженной работы, нервно разбитый, оскорбленный тономъ замѣчанія, Судьбининъ и слушать ничего не хотѣлъ. Иду къ Алексѣю Сергѣевичу, уговариваю его поговорить съ Судьбининымъ... А. С. Суворинъ самъ пошелъ объясняться къ Судьбинину. Дѣло уладилось. Мы начали четвертый актъ съ начала. Онъ прошелъ на рѣдкость хорошо. Стройно и съ большимъ настроеніемъ. Всѣ были какъ-то особенно въ ударѣ: Холмская, Никитина, Домашева, Чижевская, Судьбининъ, Михайловъ, Красовскій. Всѣ безъ исключенія...

Наканунѣ спектакля состоялась генеральная репетиція «Власти тьмы». Партеръ былъ наполненъ литераторами, артистами, журналистами, рецензентами. Среди публики были—А. А. Потѣхинъ, Д. В. Григоровичъ, В. П. Буренинъ, С. А. Толстая съ дочерью и сыномъ, Львомъ Львовичемъ, и мн. др.

Пьеса шла нѣ удивленіе стройно. Кое-какія погрѣшности постановки и игры актеровъ покрывались общимъ подъемомъ исполненія. Сцена ссоры Анисьи и Акулины и уходъ Акима вызвали шумные аплодисменты. Успѣхъ пьесы росъ въ каждомъ актѣ. Особенно захватывающее впечатлѣніе произвели третій, четвертый и пятый актъ. Я очень боялся, что закулисные звуки: пѣсни дѣвушекъ, пляски, говоръ толпы, гармоника, звонъ бубенцовъ, пьяные выкрики—помѣшаютъ тому, что происходитъ на сценѣ. Но и это удалось ввести въ должную мѣру.

Игра П. А. Стрепетовой на генеральной репетиціи была прямо поразительна. Стрепетова создала, по моему мнѣнію, удивительный образъ. Не злодѣйку-отравительницу и убійцу изобразила она. Нѣтъ, она создала типъ старухи-крестьянки, которая натерпѣлась съ жизни уйму горя, нужды, бѣдности, колотилась весь вѣкъ, изворачивалась, унижалась, чтобы не умереть съ голоду, и вынесла изъ такой горемычной, каторжной жизни убѣжденіе, что только деньги даютъ обезпеченное, желанное, спокойное существованіе. Совѣсть, грѣхъ, душа—все это пустяки. Были бы деньги—все хорошо будетъ... «И не попахнетъ»... Вся ея жестокость при отравленіи Петра, изворотливость со сватомъ при отдачѣ замужъ Акулины, ея безчеловѣчность и видимое хладнокровіе при удушеніи ребенка, все это для того, чтобы ея «красикъ» Никита, ея «сынъ роженный», честно, благородно, на зависть людямъ, ни въ чемъ не нуждаясь, прожилъ свой вѣкъ.

Притворно-ласковая, мягкая до приторности въ сценахъ съ умирающимъ Петромъ, безпощадно-настойчивая, когда внушаетъ безхарактерной Анисѣ убійство мужа, грубая съ мужемъ, она искренно трогательна и нѣжна, какъ съ ребенкомъ, съ Никитой. Она прекрасно отгѣнила передъ Анисѣй безполезность, какъ хозяйина и мужа, «исчадѣвшаго» Петра, раздрадила ея воображеніе жизнью съ здоровымъ Никитой, заранѣ позаботилась о томъ, кому достанется дворъ и хозяйство, когда умретъ Петръ, она выдаетъ замужъ Акулину, она душитъ ребенка. Вездѣ она хлопочетъ для блага Никиты.

Въ сценѣ закапыванія въ погребѣ ребенка, П. А. Стрепетова возвысилась до трагизма. Когда Анисья, въ бѣшенствѣ, начинаетъ кричать: «Народъ!.. Э-э...» Стрепетова, какъ тигрица, бросилась на нее, зажала ей ротъ и страшнымъ трагическимъ шопотомъ произнесла

— Что ты... Очумѣла!.. Онъ пойдетъ...

Затѣмъ тяжело перевела духъ, выдержала паузу, подошла къ Никитѣ и, глядя его по головѣ, произнесла необычайно ласковымъ голосомъ:

— Иди, сынокъ, иди, роженный...

Вся эта сцена шла хорошо, но этотъ моментъ производилъ потрясающее впечатлѣніе.

По мѣрѣ того, какъ я пишу воспоминанія, въ моей головѣ встаютъ все новыя и новыя подробности постановки и исполненія. Мнѣ очень хотѣлось бы все это запечатлѣть на бумагѣ... Но ни время, ни размѣры статьи не позволяютъ этого.

Генеральная репетиція окончилась.

Несмотря на то, что двѣ декорации:—улица и часть гумна, были не окончены, что значительно ослабляло впечатлѣніе, несмотря на кое-какіе грѣхи актеровъ, исполненіе пьесы произвело сильное

ТЕАТРЪ
ЛИТЕРАТУРНО-АРТИСТИЧЕСКАГО
КРУЖКА
(МАЛЫЙ ТЕАТРЪ)

А. Н. Островскій.

К. ВОТКЕЙ

ОПТИКО-МЕХАНИЧЕСКАЯ ФАБРИКА
Единственное производство трубъ, би-
ноклей въ Россіи. Очки, дюралю-
велеса и прочее.
Фабрика: Офицерская улица.
Магазины: Мясной, у Полицейскаго поста
Пассажи, 1 этаж, 18. С. Петербургъ.

„ЭКОНОМІЯ“

Офицерская, 18, кв. 13.
ЗОЛОЧЕНИЕ и СЕРЕБРЕНИЕ
СТАРАГО МУНДИРНАГО ШИТЬЯ
и другихъ золотосодержащихъ
вещей.

БАЛТИЙСКАЯ ТОРГОВАЯ
СЫРАМИ, МАСЛАМИ
и ДЕЛИКАТЕСАМИ
собственныхъ заводовъ.
Большая Садовая, № 38.

МОНРАДЪ ЯРНИШЕВИЧЪ и Н.

Испанскій
пр. Дож.
№ 46,
рядомъ
съ Пасса-
жемъ.

ГЛАВН. МЯБЕЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ

Н. К. ОСИПОВА.

Уголь Мяснаго и Литайской,
№ 78—59 (прот. Палкина)

Предлагаетъ громадный выборъ все-
возможныхъ художественныхъ, роскош-
ныхъ, изящныхъ и заграничныхъ
предм. обстановки квартиръ, мебели,
буф., маркетри, ясовъ и furniture
всѣхъ современн. и старинн. фар-
фора, зеркалъ, драпир., картинъ и
проч.

Заказы на полныя меблировки
квартиръ.

Складъ американской мебели, ма-
нтяной и необходимой для ка-
ждой квартиры 3—8 р. день.
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Воскресенье 17-го
ПРЕДСТАВЛЕНО БУДЕТЬ:

ГРОЗА

Драма въ пяти дѣйств., соч. А. Н. Островскаго.

Дѣйствующія лица:

Савель Прокофьевичъ Дикой, купецъ,
значительное лицо въ городѣ . . Г-нъ Марковскій.
Борись Григорьевичъ, племянникъ
его. Г-нъ Красовъ.
Марѳа Игнатьевна Кабанова (Кабанова), богатая купчиха, вдова . . Г-жа Чижевская
Тихонъ Ивановичъ Кабановъ, ея сынъ Г-нъ Орленевъ.
Катерина, жена его. Г-жа Холмская.
Варвара, сестра Тихона. Г-жа Никитина.
Кулигинъ, мѣщанинъ, часовщикъ
самоучка Г-нъ Михайловъ.
Ваня Кудряшъ, конторщикъ Дикова Г-нъ Черновъ 2.
Шапкинъ, мѣщанинъ. Г-нъ Богатиловъ.
Оеклуша, странница Г-жа Каратыгина.
Глаша, дѣвка въ домѣ Кабановой . Г-жа Ланская.
Барыня, полусумасшедшая Г-жа Зиновьева.
1 } лакеи { Г-нъ Зиминъ.
2 } { Г-нъ Борисовъ.
1 } { Г-нъ Тихоміровъ.
2 } изъ народа. { Г-нъ Богатиловъ.
3 } { Г-нъ Степановъ.
4 } { Г-нъ Молчановъ.
Женщина. Г-жа Константинова

Городскіе жители обоого пола.

Дѣйствіе происходитъ въ городѣ Калиновѣ, на берегу Волги, лѣтомъ. Между 3-мъ и 4-мъ дѣйствіями проходитъ 10 лѣтъ.

Сентября 1895 года,

В Е С Н О Ю

Фантазія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. Н. Куликова.

Дѣйствующія лица:

Модестъ Ивановичъ Прилуцкій . . . Г-нъ Черновъ 1.
Петръ Ивановичъ Пенскій, его племянникъ Г-нъ Олигинъ.
Графиня Елена Дмитріевна Замойская Г-жа Корсанова.
Юлія, ея дочь Г-жа Домашева.

Дѣйствіе въ 1770 годахъ, въ роцѣ, принадлежащей къ загороднымъ дачамъ графини и Прилуцкаго.

Начало въ 8 часовъ вечера.

Режиссеръ **Евт. Карповъ.**

Музыкальная программа:

1. Увертюра изъ оп. «Вильгельмъ Тель» *Россини.*
2. Танецъ баядерокъ изъ оп. «Фераморсъ» *Рубинштейна.*
3. Фантазія-вальсъ *Глинки.*
4. Менуэтъ изъ «L'Arlesienne» *Бизэ.*
5. Интермеццо изъ оп. «Сельская честь» *Масканьи.*
6. «Прялка» *Мендельсона.*

Балетмейстеръ **А. Э. КОРЪ-ДЕ-ЛАСЬ.**

Печ. разр. 16 Сент. 1895 г., СПб. Градоп., Генер.-Лейт. Фонъ-Валь.
Типографія Императорскихъ СПб. театровъ, Моховая, 40.

впечатлѣніе. Со всѣхъ сторонъ меня поздравляли, пожимали руки. Особенно памятно и дорого мнѣ отношеніе А. А. Потѣхина и Д. В. Григоровича, хвалившихъ вѣрность и тщательность бытовой обстановки, правильность тона, въ которомъ выполнена вся пьеса.

Въ день спектакля я не назначилъ утромъ репетиціи, далъ артистамъ отдохнуть, а самъ весь день, не выходя, пробылъ въ декоративной мастерской, вмѣстѣ съ маляромъ (декораторъ И. А. Суворовъ заболѣлъ отъ переутомленія), доканчивая декорацию сарая и покрывая соломой крышу. Только въ семь часовъ вечера въ день спектакля были спущены изъ декоративнаго зала на сцену полусырья декорации.

Наконецъ, 16-го октября, въ понедѣльникъ, за день до представленія «Власти тьмы» въ Александринскомъ театрѣ, состоялось первое въ Россіи публичное представленіе знаменитой драмы.

Залъ былъ переполненъ. Пьеса прошла съ возрастающимъ громаднымъ успѣхомъ. Исполнителей вызывали безъ конца. Послѣ каждаго акта вызовы автора становились все настойчивѣе и шумнѣе. Публика потребовала, чтобы Л. Н. Толстому была отправлена телеграмма.

Смущенный, взволнованный до слезъ, я вышелъ на сцену, сказалъ довольно несвязно нѣсколько словъ къ публикѣ и прочелъ текстъ телеграммы.

И опять бурныя, долго не смолкавшія оваціи.

«Власть тьмы» была сыграна.

Пресса единогласно констатировала большой успѣхъ драмы, одобрила исполненіе артистовъ и постановку.

«Власть тьмы» прошла въ сезонъ двадцать девять разъ, при переполненныхъ сборахъ, по возвышеннымъ цѣнамъ, принеся въ кассу дирекціи театра болѣе пятидесяти тысячъ. Пьеса шла три-четыре раза въ недѣлю, но могла бы итти ежедневно весь сезонъ, давая полные сборы, если бы не желаніе Алексѣя Сергѣевича ставить въ репертуарѣ театра другія, намѣченныя заранѣе пьесы.

Я помню, когда «Власть тьмы» прошла разъ двѣнадцать, Суворинъ, просматривая представленный мною репертуаръ на слѣдующую недѣлю и увидавъ, что «Власть тьмы» поставлена четыре раза, недовольный, проворчалъ:

— Опять «Власть тьмы», да еще четыре раза... Надоѣла она мнѣ... Хоть бы что-нибудь новенькое...

На мое возраженіе, что «Власть тьмы» дѣлаетъ сборы и нравится публикѣ, Алексѣй Сергѣевичъ, добродушно улыбаясь, отвѣтилъ:

— Конечно, вы правы; публика ходитъ—надо ставить... но только мнѣ-то скучно въ театрѣ ѣздить... Все одно и то же...

Постановки пьесы Л. Толстого театр Литературно-Артистическаго кружка упрочилъ за собой въ печати и въ публикѣ репутацію серьезнаго художественнаго предпріятія.

V.

Приглашеніе меня главнымъ режиссеромъ императорскихъ театровъ.—Мой отвѣтъ К. Р. Гершельману.—Переговоры съ А. П. Коломнинымъ и А. С. Суворинымъ.—Визитъ къ Ив. А. Всеволожскому.—Отношенія мои съ А. С. Суворинымъ.—Дальнѣйшая работа въ театрѣ кружка.—Изобиліе постановокъ.—«Чужіе» И. Н. Потапенка.—«Родина» Зудермана.—«Мѣсяцъ въ деревнѣ» Тургенева.—«Орлеанская дѣва» Шиллера.—«Въ тискахъ» Поля Эрвье и «Тайны души» Метерлинка.—«Около денегъ» Потѣхина.—«Выдержанный стиль» Потапенка.—«Гость» Брандеса.—«Венеціанская актриса» В. Гюго.—«Равенскій боецъ» Гальма. «Принцесса Греза» Ростана.—«Муравейникъ» Смирновой.—«Марсель» В. Сарду.—«Бѣдность не порокъ» Островскаго.

Вскорѣ послѣ перваго представленія въ нашемъ театрѣ «Власти тьмы» меня какъ-то, во время репетиціи, попросилъ къ телефону управляющій конторой императорскихъ театровъ К. Р. Гершельманъ.

Отъ имени директора онъ предложилъ мнѣ занять должность главнаго режиссера драматической труппы императорскихъ театровъ, сообщивъ, что у В. А. Крылова вышелъ инцидентъ съ артистами и онъ покидаетъ свой постъ.

— Хорошо бы, если бы вы могли теперь же занять его мѣсто...—казалъ мнѣ Гершельманъ.

Я отвѣтилъ что въ настоящій моментъ ничего не могу окончательно сказать, не переговоривъ съ Суворинымъ, но, во всякомъ случаѣ, не считаю себя въ правѣ покинуть театръ кружка среди сезона.

Попросивъ Константина Романовича передать глубокую благодарность директору, я сказалъ, что, переговоривъ съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ, лично повидаясь съ И. А. Всеволожскимъ.

Неожиданное приглашеніе на императорскую сцену, конечно, радостно взволновало меня. Я поспѣшилъ подѣлиться новостью съ бывшимъ въ театрѣ А. П. Коломнинымъ.

Добрый Алексѣй Петровичъ горячо посочувствовалъ мнѣ. Онъ одобрилъ мое намѣреніе докончить сезонъ въ театрѣ кружка, а затѣмъ перейти на императорскую сцену.

Вечеромъ того же дня я сообщилъ А. С. Суворину о сдѣланномъ предложеніи и мой отвѣтъ. Видимо, предупрежденный уже Коломнинымъ, Алексѣй Сергѣевичъ сказалъ:

— Мнѣ, конечно, жаль, что васъ берутъ отъ насъ... Вы знаете, я, собственно говоря, полюбилъ васъ послѣ нашей ссоры... Какъ режиссера, я васъ особенно оцѣнилъ при постановкѣ «Власти тьмы». Не хотѣлъ бы я, чтобы вы уходили, но я, голубчикъ, понимаю, что императорская сцена дастъ вамъ больше простора... Да и главное режиссерство тамъ всякому лестно... Дай вамъ Богъ всего хорошаго...—онъ дружески, крѣпко пожалъ мою руку.

Въ первое же свободное отъ репетиціи утро я поѣхалъ къ директору.

У И. А. Всеволожскаго мнѣ приходилось и раньше бывать не разъ. Визиты мои къ нему были кратковременны, ограничиваясь переговорами о постановкѣ моихъ пьесъ на сценѣ Александринскаго театра. Впервые мнѣ довелось бесѣдовать съ Иваномъ Александровичемъ болѣе или менѣе продолжительно, подробно обмѣняться мнѣніями о положеніи дѣла въ драматической труппѣ императорскихъ театровъ.

Я не намѣренъ передавать здѣсь нашу бесѣду, скажу только, что Иванъ Александровичъ произвелъ на меня впечатлѣніе тонкаго знатока искусства, человѣка европейски образованнаго, утонченно-деликатнаго и тактичнаго.

Сказавъ, что обо мнѣ, какъ режиссерѣ, онъ слышалъ отъ А. А. Потѣхина, Д. В. Григоровича и А. Е. Молчанова, директоръ предложилъ мнѣ заключить условіе на три года, назначивъ, какъ главному режиссеру, содержаніе—пять тысячъ рублей въ годъ.

Покончивъ принципиально вопросъ о моемъ поступленіи на службу императорскихъ театровъ, съ 1-го мая 1896 года, я счелъ необходимымъ сообщить Ивану Александровичу, что въ юности былъ замѣшанъ въ политическое дѣло и провелъ нѣсколько лѣтъ въ административной ссылкѣ.

Вслушавъ мою исторію, Иванъ Александровичъ сказалъ, что мое прошлое едва ли помѣшаетъ мнѣ занять мѣсто главнаго режиссера, но что онъ, на всякій случай, снесется по этому поводу съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Вскорѣ я узналъ, что департаментъ полиціи не встрѣтилъ препятствій къ поступленію моему на императорскую сцену¹⁾.

Съ А. С. Суворинимъ у насъ установились хорошія отношенія, не нарушаемыя никакими инцидентами до конца сезона, несмотря на закулисные интриги и подкопы.

«Власть тьмы» продолжала собирать полный театръ. Дирекціи не было надобности спѣшить съ постановкой новыхъ пьесъ, но Алексѣй Сергѣевичъ настаивалъ, чтобы каждую недѣлю шла новинка. Онъ основывалъ свое требованіе на томъ, что дирекція должна выполнить обѣщанія, данныя авторамъ,—поставить ихъ пьесы въ текущемъ сезонѣ и, кромѣ того, дать возможность играть выдающимся артистамъ труппы, не занятымъ во «Власти тьмы».

Пьесы посыпались, какъ изъ рога изобилія. Ставились онѣ съ пяти-шести репетицій, а то и меньше, наспѣхъ, съ нетвердымъ знаніемъ ролей, что, конечно, отражалось на исполненіи отдѣльныхъ артистовъ и на ансамблѣ.

24-го октября была поставлена драма «Чужіе» И. Н. Потапенка, на вѣчно новую тему отношеній между отцами и дѣтьми. Пьеса имѣла

¹⁾ Думаю, что этимъ я весьма обязанъ А. П. Коломину и А. Е. Молчанову, по собственному почину хлопотавшимъ за меня передъ директоромъ полиціи Зволянскимъ.

Группа участников Малаго театра.
Въ центрѣ знаменитый итальянскій трагикъ Сальвини, сбоку А. С. Суворинъ.

успѣхъ у публики, но пресса нашла ее тенденціозной и мало разработанной.

31-го октября—«Родина» Зудермана для Л. Б. Яворской; 12-го ноября—«Свои собаки грызутся» Островскаго, 14-го—«Мѣсяць въ деревнѣ» Тургенева. Роль Натальи Петровны должна была играть Глама-Мещерская, прекрасно репетировавшая ее, но въ день спектакля по болѣзни она отказалась играть и вышла изъ состава труппы. На спектакль ее экспромтомъ замѣнила Холмская, не разъ исполнявшая эту роль на провинціальныхъ сценахъ. 16-го шла «Женитьба» Гоголя, гдѣ роль Подколесина чудесно игралъ М. А. Михайловъ.

«Орлеанская дѣва» была исполнена 21-го ноября. Обставленная прекрасно написанными, художниками Аллегри и Суворовымъ, декораціями, тщательно сдѣланными по рисункамъ П. П. Гнѣдича, костюмами и бутафоріей, хорошо срепетованная, трагедія Шиллера имѣла успѣхъ. А. А. Пасхалова, талантливая драматическая артистка, въ вѣрныхъ тонахъ сыграла роль Орлеанской дѣвы, прекрасно читая стихи, но не захватила зрителей своимъ исполненіемъ, требующимъ отъ артистки трагическаго подъема и большой силы голоса.

Для Л. Б. Яворской, 28-го ноября, была поставлена драма Поля Эрвье—«Въ тискахъ». Въ этомъ же спектаклѣ шла пьеса Метерлинка—«Тайны души», въ переводѣ В. П. Буренина. Скандалъ, разыгравшійся на этомъ спектаклѣ, надолго останется у меня въ памяти.

Гладко прошла пьеса П. Эрвье. Игра Л. Б. Яворской, въ роли страдающей Ирэнъ Ферганъ, произвела на публику сильное впечатлѣніе. Пьеса окончилась подъ аплодисменты всего зала.

Началось представленіе «Тайны души», весьма тонкой психологической драмы Метерлинка.

Пьеса эта была особенно тщательно обставлена и срепетована, при участіи переводчика В. П. Буренина. На генеральной репетиціи «Тайны души» производили таинственно-жуткое впечатлѣніе.

Содержаніе пьесы таково: вечеромъ въ уютно обставленной комнатѣ мирно коротаетъ время дружная семья.

Отецъ у горящаго камина, въ покойномъ креслѣ, читаетъ книгу. Мать и двѣ дочери заняты рукодѣльемъ, при свѣтѣ стоящей на столѣ лампы.

Тишина и спокойствіе царятъ въ семейномъ уголкѣ.

Въ освѣщенные окна дома ясно видна эта картина ничѣмъ не нарушаемаго, спокойнаго счастья.

Вотъ одна изъ дочерей подняла голову и, чѣмъ-то встревоженная, встала. Задумчиво подойдя къ окну, она смотритъ въ непроглядную темноту ночи... Мало-по-малу семью охватываетъ непонятное, инстинктивное предчувствіе чего-то страшнаго, невѣдомаго, роковаго... Настроеніе тревоги все разрастается, заражая всю семью...

Хотя публика не слышитъ, что говорится внутри дома, но ясно видитъ, по выраженію лицъ и движеніямъ находящихся тамъ, какъ ужасъ передъ какимъ-то неожиданнымъ ударомъ судьбы нарушаетъ ихъ спокойную жизнь.

И, на самомъ дѣлѣ, ужасное свершилось. Одна изъ дочерей этой семьи бросилась въ озеро и утонула. Старикъ и Чужой, видѣвшіе утопленницу, приходятъ сообщить объ несчастьи семьѣ, но не рѣшаются сразу войти въ домъ съ такой вѣстью.

Старикъ смотритъ въ окно и передаетъ Чужому, что тамъ дѣлается, какъ подкрадывается тревога и безотчетный страхъ въ эту счастливую семью.

Когда толпа поселянъ выноситъ трупъ дѣвушки, одна изъ сестеръ, увидя входящаго въ комнату старика, съ ужасомъ бросается изъ дома, понявъ, что съ сестрой случилось непоправимое несчастье...

Изъ моего краткаго, набросаннаго по памяти, пересказа пьесы Метерлинка, думаю, можно заключить, какая трудность предстоитъ артистамъ, желающимъ вызвать въ зрительномъ залѣ должное впечатлѣніе.

Кончился антрактъ. Открывается занавѣсъ. Начинается представленіе «Тайнъ души».

Въ синемъ сумракѣ ночи горятъ огнями окна уютнаго домика. Мирная картина счастливой семьи. Уходящая въ глубь густая, темная аллея упирается въ берегъ озера, спокойнаго, отливающего свинцовымъ, матовымъ, зловѣщимъ блескомъ.

Публика притихаетъ.

Вотъ изъ мрака аллеи выходятъ Михайловъ и Марковскій (Старикъ и Чужой).

Я замѣчаю, что у Михайлова-Старика—нетвердая походка.

«Зачѣмъ это онъ придумалъ... На репетиціяхъ никогда такъ не ходилъ!... Охъ, ужъ эти мнѣ сюрпризы!..» думаю я съ досадой. Слушаю,—языкъ у Михайлова заплетается.

Догадался, и съ замираніемъ сердца жду, что-то будетъ?..

Пронеси, Господи!

Артисты, исполняющіе роли членовъ семьи, дѣлаютъ хорошо свое дѣло... Но Старикъ-Михайловъ коснѣющимъ языкомъ мелетъ нестерпимую чушь... и все невпопадъ.

Публика переглядывается, улыбается, кое-гдѣ слышны смѣшки... Актеръ, играющій отца, встаетъ съ кресла.

А Михайловъ, стоя задомъ къ окнамъ, говоритъ: «Вотъ удрученный отецъ опустился въ кресло»...

Смѣхъ въ публикѣ.

Одна изъ дочерей поправляетъ лампу.

Михайловъ говоритъ: «Вотъ одна изъ дѣвушекъ подошла къ окну и смотритъ... Хоть сто лѣтъ будетъ смотрѣть,—все равно ничего не увидитъ»...

Въ публикѣ взрывъ хохота.

Дальше—больше. Что ни фраза Михайлова, то хохотъ пуще.

Когда мать, стоя, обнимаетъ дочку, Михайловъ вѣщаетъ: «Они заперлись на задвижку и сидятъ на диванѣ»...

Въ это время въ партерѣ слышится, среди неистоваго хохота, голосъ отчаянія: «Батюшки, не могу... Голубчики, довольно!...»

И снова взрывъ гомерическаго смѣха.

Блѣдный, взволнованный, прибѣжалъ за кулисы Алексѣй Сергѣевичъ...

— Что же это такое, собственно говоря?.. Михайловъ все перепуталъ... Что за безобразіе!.. Онъ роли не знаетъ...

— Да развѣ вы не видите, Алексѣй Сергѣевичъ, что онъ не въ своей тарелкѣ... Оттого и путаетъ...

— Да неужели?! Я, признаться, не могъ понять, что съ нимъ!.. Какъ же вы его выпустили... Вѣдь, это чортъ знаетъ что!..

— Передъ открытіемъ занавѣса говорилъ съ нимъ и, винюся, ничего не замѣтилъ...

— Что же дѣлать?.. Надо опустить занавѣсъ... Вы слышите, что происходитъ въ публикѣ...

Въ зрительномъ залѣ стоялъ непрерывный хохотъ, шумъ, слышались протестующіе голоса, шипѣніе и свистъ.

Я выпустилъ раньше времени на сцену процессію поселянъ, несущихъ утопленницу... И опустил занавѣсъ. Пьеса кое-какъ закончилась.

М. А. Михайловъ, оказалось, страдалъ запоемъ. Послѣ этого случая онъ въ продолженіе двухъ недѣль не появлялся въ театрѣ.

Роль старика въ «Тайнахъ души» была передана Марковскому, такъ какъ Алексѣй Сергѣевичъ настаивалъ, чтобы эта пьеса была въ репертуарѣ. «Тайны души» прошли нѣсколько разъ при среднемъ успѣхѣ.

Спустя дней десять послѣ знаменательнаго представленія пьесы Метерлинка, узнавъ отъ кого-то изъ актеровъ, что Михайловъ пришелъ въ себя и совѣстится показаться въ театрѣ, я передъ ретепиціей утромъ заѣхалъ къ нему.

Онъ жилъ въ дешевенькихъ, грязныхъ меблированныхъ комнатахъ на Вознесенскомъ проспектѣ.

Постучавъ и услышавъ за дверью хриплое «войдите», я переступилъ порогъ тѣсной, полутемной комнаты и остановился.

На койкѣ, на грязномъ тюфякѣ, ничѣмъ не покрытомъ, сидѣлъ Михайловъ, одѣтый въ затасканное, рыжее, лѣтнее пальто и рваныя брюки, въ опоркахъ на босу ногу.

Упершись руками въ тюфякъ, онъ дико смотрѣлъ на меня полубезумнымъ взглядомъ воспаленныхъ, стеклянныхъ глазъ.

На столѣ, около кровати, стояла недопитая бутылка водки, на оберточной бумагѣ—два соленыхъ огурца. Вдоль стѣны, на полу, цѣлая батарея пустыхъ бутылокъ.

Кто такой?.. Что нужно?..—прохрипѣлъ Михайловъ, не спуская съ меня удивленныхъ глазъ.

— Здравствуйте, Михайль Адольфовичъ!..—сказалъ я, протягивая руку.

Онъ подавленно ахнулъ, закрылъ руками багровое, опухшее лицо и заплакалъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Я сталъ утѣшать его.

— Не говорите... не говорите... Я несчастный, погибшій человекъ. Я никогда не прощу себѣ... На сценѣ... въ спектаклѣ!.. Никогда!.. Я уѣду... не приду больше въ театръ...—выкрикивалъ онъ, истерично рыдая.

Растерянно пожавъ его руку и взявъ съ него слово, что онъ, какъ только поправится, придетъ въ театръ, я ушелъ отъ Михайлова въ крайне подавленномъ настроеніи.

Вскорѣ я получилъ отъ него письмо, полное раскаянія, извиненій и обѣщаній навсегда бросить пить.

Алексѣй Сергѣевичъ, интересовавшій Михайловымъ, какъ актеромъ, прочтя это письмо, никому ничего не сказавъ, поѣхалъ къ нему и самъ привезъ его въ театръ.

П. А. Стрепетова, участвовавшая только во «Власти тьмы», нѣсколько разъ обращалась ко мнѣ съ просьбою поставить для нея пьесу, гдѣ бы у ней была центральная трагическая роль.

— Для всѣхъ вашихъ актрисъ ставятся пьесы въ этомъ театрѣ, а для меня и пьесы нѣтъ...—говорила она желчно, съ раздраженіемъ.—Что я, обсъвокъ въ полѣ, что ли?.. Не хуже я вашихъ актрисъ... Я съ тѣмъ и согласилась играть Матрену, чтобы для меня непременно поставили «Грозу» и еще какую-нибудь пьесу... Алексѣй Сергѣевичъ самъ мнѣ общалъ...

— Разъ общалъ Алексѣй Сергѣевичъ, приглашая васъ играть Матрену,—я, конечно, ничего противъ не могу сказать, Полина Антиповна!..

— Вотъ и поставьте «Равенскаго борца»... Я тамъ играю мать... А сына сыграетъ Судьбининъ... Онъ тоже, кромѣ Никиты, ничего не играетъ...

Я находилъ, что ни Стрепетова, ни Судьбининъ не подходятъ къ ролямъ псевдо-классическаго репертуара, и предложилъ П. А. Стрепетовой сыграть «Около денегъ» Потѣхина, гдѣ она когда-то на Александринской сценѣ неподобно играла Степаниду.

— Я «Около денегъ» сыграю съ удовольствіемъ,—отвѣтила Полина Антиповна:—а вы все-таки и «Равенскаго борца» и «Грозу» непременно поставьте... Мнѣ Алексѣй Сергѣевичъ общалъ.

5-го декабря была сыграна пьеса «Около денегъ».

«Истор. вѣстн.», сентябрь 1914 г., т. сxxxvii.

Стрепетова съ сильнымъ драматическимъ подъемомъ провела роль Степаниды, вложивъ въ нее бездну искренняго чувства и художественныхъ, характерныхъ деталей. Прекраснымъ партнеромъ ей былъ Ив. Ив. Судьбининъ, въ роли Капитона.

Несмотря на малое количество репетицій, пьеса прошла стройно, съ хорошимъ ансамблемъ.

12-го декабря съ успѣхомъ прошла веселая комедія И. Н. Потапенка—«Выдержанный стиль» и «Гость»—Эд. Брандеса. 19-го декабря «Венеціанская актриса» Викт. Гюго, съ Яворской въ роли Тизбы, Пасхаловой въ роли Катарини и Анчаровымъ-Эльстономъ въ роли Родольфа.

Передъ Рождествомъ П. А. Стрепетова рѣшительно заявила мнѣ, что не станетъ дальше играть Матрену, если на праздникахъ не поставятъ для нея «Грозу» и «Равенскаго бойца».

Когда я сообщилъ ей ультиматумъ Алексѣю Сергѣевичу, онъ начала горячо запротестоваль:

— Какая она, собственно говоря, Туснельда... Матрена она будетъ, а не Туснельда... Да и для Катерины она уже устарѣла... И ничего я ей не обѣщаль... Это она во снѣ видѣла... Я положительно протестую противъ постановки этихъ пьесъ... и все!..

Однако на другой день Алексѣй Сергѣевичъ показалъ мнѣ письмо Стрепетовой съ категорическимъ требованіемъ постановки заявленныхъ ею пьесъ и сказалъ:

— Она не уступитъ... Придется поставить... Хотя она и стара для Катерины, а все же сыграетъ ее хорошо!.. Поставьте, Евтихій Павловичъ...

На представленіи «Равенскаго бойца» случился траги-комическій казусъ, подстроенный кѣмъ-то изъ недоброжелателей П. А. Стрепетовой.

Едва Полина Антиповна вышла на сцену и начала монологъ, откуда-то сверху послышался жалобный вой собачонки.

Стрепетова опѣшила, смѣшалась, потеряла тонъ.

Я разослалъ сторожей на галерею отыскивать собаку.

Дѣйствіе продолжалось. Артисты вели свои сцены, а собачонка заливалась все жалобнѣй и громче.

Въ публикѣ слышался смѣхъ.

Ясно было, что собака спрятана гдѣ-то наверху.

Я бросился по лѣстницѣ на колосники. Смотрю, слѣдомъ за мной лѣзетъ Алексѣй Сергѣевичъ.

Я убѣждаю его спуститься, говоря, что ему трудно будетъ ходить по колосникамъ. Суворинъ и слушать ничего не хочетъ.

Обыскали мы съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ всѣ галереи, всѣ закоулки,—нѣтъ собаки!.. А визгъ и лай все сильнѣй и сильнѣй..

По слуху, мы дошли до чердака.

Ощупью, согнувшись, въ полутьмѣ, бѣгаемъ по чердаку и, наконецъ, обрѣтаемъ собаку.

Ее кто-то бросилъ въ сѣтку люстры, висящей надъ зрительнымъ заломъ. Для того, чтобы вынуть собаку, пришлось въ антрактѣ разбирать доски надъ люстрой и спускать на веревкѣ человека.

Перепаханные въ сажѣ и пыли, мы съ Суворинымъ спустились съ чердака прямо въ уборную Полины Антиповны, которая, съ пѣной у рта, каталась въ истерикѣ.

Послали за докторомъ. Привели ее въ чувство и кое-какъ докончили спектакль.

Алексѣй Сергѣевичъ страшно негодовалъ, требовалъ открыть виновника, возмущаясь подлостью театральныхъ интригановъ.

Но виновники хорошо спрятали концы въ воду,—ихъ такъ и не нашли...

28-го декабря П. А. Стрепетова выступила въ «Грозѣ».

Роль Катерины была коронной въ ея обширномъ репертуарѣ. Еще юнцомъ я видѣлъ Полину Антиповну въ орловскомъ театрѣ въ этой роли. Это было удивительное созданіе великой артистки. Впечатлѣніе, которое она производила на зрителя, было поистинѣ потрясающее!

Въ этомъ спектаклѣ Стрепетову нельзя было узнать. Ни силы чувства, ни тонкости, ни искренности переживаній, ни льющагося въ душу зрителя чарующаго когда-то голоса.

Осталась одна заученная, внѣшняя техника хорошей, опытной актрисы. До слезъ жалко было смотрѣть на Стрепетову въ Катеринѣ. Старое, злое лицо, тусклый, негибкій голосъ, неуклюжая согбенная фигура съ угловатыми движеніями не въ мѣру длинныхъ рукъ.

Полина Антиповна, очевидно, сама чувствовала это. Она нервничала, ворчала на актрисъ и актеровъ, подчеркивала фразы, стараясь ихъ ярче преподнести въ публику, пронзительно громко кричала въ четвертомъ актѣ въ сценѣ покаянія. И устало, однообразнымъ тихимъ голосомъ провела послѣдній актъ.

Алексѣй Сергѣевичъ, большой поклонникъ Стрепетовой, пришелъ въ полное отчаяніе, смотря ее въ этомъ спектаклѣ.

— Куда же это все дѣлось?—говорилъ онъ, чуть не со слезами на глазахъ.—Тѣни не осталось отъ прежней Катерины Стрепетовой... Смотришь,—и жалко не Катерину, а актрису Стрепетову.

При обсужденіи вопроса о заключеніи контрактовъ съ артистами дирекціей, еще до начала сезона, было постановлено, что никому бенефисовъ не будетъ дано. Подписывая условія съ актерами, я объявлялъ имъ это постановленіе дирекціи.

Въ началѣ декабря Алексѣй Сергѣевичъ заявилъ дирекціи, что при переговорахъ его съ Л. Б. Яворской, еще задолго до откры-

тія театра, онъ обѣщаль дать ей бенефисъ. Дирекціи оставалось только, что называется, принять это къ свѣдѣнію.

Вопросъ о пьесѣ, которую Яворская ставила для своего бенефиса, долго былъ облеченъ тайной. Наконецъ, я какъ-то спросилъ А. С. Суворина, что за пьесу выбрала Яворская въ бенефисъ?..

— Пьесу Ростана «Princesse Lointaine»...—отвѣтилъ онъ.

— Обстановочная?..

— Да, придется, собственно говоря, дѣлать декорации...

— А содержаніе пьесы?

— Да содержанія, собственно говоря, никакого нѣтъ... Просто, какая-то дура сидитъ на дурацкомъ островѣ. Какіе-то дураки на дурацкомъ кораблѣ ѣдутъ, чортъ ихъ знаетъ зачѣмъ, на этотъ островъ. Ну, а потомъ—дураки уѣзжаютъ, а дура, собственно говоря, остается... Вотъ и все содержаніе...

Бенефисъ Л. Б. Яворской былъ назначенъ на 4-е января, а только въ серединѣ декабря я имѣлъ возможность прочесть «Принцессу Грезу» въ чудномъ, поэтичномъ переводѣ Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.

Наскоро стали готовиться къ постановкѣ, требующей сложныхъ декораций, костюмовъ и тщательной репетиции массовыхъ сценъ. И это все надо было сдѣлать во время праздниковъ Рождества, когда каждый день ставились утренніе и вечерніе спектакли.

Пришлось назначать репетиции съ девяти часовъ утра до двѣнадцати часовъ дня и, по окончаніи спектаклей, съ двѣнадцати часовъ ночи. И артисты, и рабочіе трудились до изнеможенія. Л. Б. Яворская, сравнительно мало занятая въ праздничномъ репертуарѣ, проходила свои сцены съ Анчаровымъ-Эльстономъ и Красовымъ еще у себя на квартирѣ. Репетиции общихъ сценъ послѣ спектакля часто затягивались до трехъ-четыреухъ часовъ ночи.

Уставшіе, разбитые нервами актеры волновались, капризничали... Споры и пререканія возбуждались по самымъ пустячнымъ поводамъ, и мнѣ Сольшого труда и напряженія нервовъ стоило вести репетиціи.

На генеральной репетиціи не были поставлены декорации, лежавшія сырыми въ мастерскихъ. Костюмы тоже не были готовы. Нельзя было испробовать освѣщенія, а оно имѣло въ пьесѣ важное значеніе. Пришлось всю ночь наканунѣ спектакля провозиться съ установкой декораций и освѣщенія. Во всей этой работѣ дѣятельное участіе принимали П. П. Гнѣдичъ, декораторы Аллегри и Суворовъ.

Бенефисъ Л. Б. Яворской все-таки состоялся въ назначенный день.

«Принцесса Греза» шла при слѣдующемъ распредѣленіи глав-

ныхъ ролей: Мелиссанда—Яворская, Бертранъ—Анчаровъ—Эльстонъ, Жоффрау—Красовъ, Трофимій—Михайловъ, Эразмъ—Высоцкій, Скарчіафико—Самаринъ—Быховець.

Пьеса имѣла выдающійся успѣхъ.

Л. Б. Яворская и Анчаровъ—Эльстонъ красиво и стильно, съ большимъ поэтическимъ воодушевленіемъ провели свои роли. Красовъ трогательно игралъ умирающаго Жоффрау.

«Принцесса Греза» до конца сезона шла по исключительно высокимъ цѣнамъ, давая театру полные сборы.

Сезонъ подходилъ къ концу, но, тѣмъ не менѣе, сейчасъ же послѣ «Принцессы Грезы» приступили къ постановкѣ комедіи С. И. Смирновой «Муравейникъ», прошедшей 12-го января. 30-го, наканунѣ масленицы, была сыграна новая, нигдѣ не игранная комедія В. Сарду «Марсель», приобрѣтенная Алексѣемъ Сергѣевичемъ у автора, съ платой за рукопись, въ исключительное пользованіе театра кружка.

3-го февраля, по назначенію дирекціи, состоялся мой бенефисъ, въ которомъ была занята вся труппа. Шла комедія А. Н. Островскаго—«Бѣдность—не порокъ».

4-го февраля драмой «Власть тьмы» былъ законченъ первый зимній сезонъ театра Литературно-Артистическаго кружка.

Съ 17-го сентября 1895 г. по 5-е февраля 1896 года, т.-е. за четыре съ половиной мѣсяца, было сыграно двадцать пять большихъ пьесъ и девятнадцать—одноактныхъ.

Когда я теперь вспоминаю этотъ сезонъ, мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы труппа могла вынести такой каторжный трудъ!

И какая это была дружная, веселая работа. Сколько любви къ театру, сколько силъ было проявлено всеми участниками дѣла!

А. С. Суворинъ принималъ самое дѣятельное участіе въ жизни театра, читая пьесы, бесѣдуя съ авторами и артистами, почти всегда присутствуя на репетиціяхъ и спектакляхъ.

Горя пламенной любовью къ театру (что не мѣшало ему иногда проклинать и театръ и актеровъ), А. С. Суворинъ сумѣлъ вдохнуть энергію и любовь къ дѣлу во всѣхъ съ нимъ работающихъ и заложить прочный фундаментъ для дальнѣйшаго существованія театра.

Скоро уже стукнетъ двадцать лѣтъ со дня открытія театра кружка. Много, очень много работниковъ перваго сезона сошло въ могилу, другіе разбрелись по городамъ и весямъ Россіи. Не болѣе двухъ-трехъ второстепенныхъ актрисъ только удержались въ труппѣ съ начала до сего дня.

Не мало мнѣ привелось потрудиться за это время для русскаго театра и на императорской сценѣ и на частныхъ столичныхъ сценахъ. Много пришлось пережить и хорошаго, свѣтлаго и дурного

но ни одинъ сезонъ не оставилъ во мнѣ такого глубоко-пріятнаго воспоминанія, какъ первый сезонъ основанія театра Литературно-Артистическаго кружка.

Съ теплымъ чувствомъ я вспоминаю всѣхъ, съ кѣмъ мнѣ привелось работать: и директоровъ, и артистовъ, и рабочихъ.

Все недоброе, непріятное, всѣ мелкія закулисныя интриги, уколы самолюбія и подвохи,—все это стерлось временемъ. Одни свѣтлыя впечатлѣнія живутъ во мнѣ. Любовью ко всѣмъ сотрудникамъ по общему дѣлу, живымъ и умершимъ, бьется мое сердце!

Евтихій Карповъ.

АННА ВАСИЛЬЕВНА ГОГОЛЬ.

Мое знакомство и переписка съ нею.

I.

АННА Васильевна Гоголь была любимой сестрой Николая Васильевича. Она была на двѣнадцать лѣтъ ¹⁾ моложе своего гениальнаго брата и обращалась къ нему на «вы».

Въ Малороссіи и до сихъ поръ сохранился обычай называть на «вы» не только своихъ родителей, но и старшихъ братьевъ своихъ и сестеръ, выражая этимъ особенное къ нимъ уваженіе. Еще будучи воспитанникомъ, Николай Васильевичъ пишетъ матери 3-го мая 1828 года изъ Нѣжина:

«Пріятно мнѣ, что Аничка умѣетъ читать, я даже удивляюсь, какъ она могла такъ скоро выучиться» ²⁾.

Въ письмѣ къ матери отъ 30-го апрѣля 1829 года онъ прибавляетъ!

«Поцѣлуйте отъ меня Аничку. Сдѣлайте милость, приложите всевозможное стараніе о воспитаніи этого умнаго дитяти» ³⁾.

Это письмо писалъ онъ изъ Петербурга въ то время, когда самъ испытывалъ всевозможныя неудачи и полное разочарованіе Петер-

¹⁾ Анна Васильевна Гоголь родилась въ 1821 г. 27-го апрѣля.

²⁾ Письма Гоголя, изд. В. И. Шенрока, т. I, стр. 101.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 120.

бургомъ. Удивительно, что Николай Васильевичъ не переставалъ думать и заботиться о своей Аничкѣ даже тогда, когда, влюбившись въ знатную даму ¹⁾, онъ вышелъ изъ равновѣсія и, чтобы избавиться отъ мучительнаго чувства, уѣхалъ за границу. Сообщая объ этомъ матери отъ 24-го іюля 1829 года, онъ заканчиваетъ свое письмо:

«Цѣлую тысячу разъ милыхъ сестрицъ Аненьку и Лизу. Ради Бога, прилагайте возможное попеченіе о воспитаніи Анички, старайтесь дать ей уразумѣть языки и все полезное. Я предрекаю вамъ, что это удивительное дитя будетъ геній, какого не видывали» ²⁾.

Когда же Николай Васильевичъ замѣтилъ, что Марья Ивановна подсказываетъ Аничкѣ нѣкоторыя выраженія въ письмѣ къ брату, онъ остался этимъ недоволенъ:

«Очень жаль,—пишетъ онъ матери 26-го февраля 1832 года,— что сестра Аничка пишетъ не своими словами. Этихъ оборотовъ и этихъ обыкновенныхъ выраженій, приличныхъ взрослому, она никогда не можетъ сдѣлать отъ себя. Въ прежнемъ маленькомъ ея письмѣ, которое она сама писала, одно только слово уже увѣрило меня въ томъ, что она имѣетъ талантъ большой и богатство будущее души. Этого слова ни вы, ни сестра ³⁾ не замѣтили, вѣрно. Пусть онѣ (Анна Васильевна и Елизавета Васильевна) пишутъ пустяки, весь вздоръ, который говорятъ своей нянѣ.

«Чѣмъ, повидимому, будетъ глупѣе письмо, тѣмъ лучше: тутъ будутъ видны онѣ совершенно» ⁴⁾.

Въ 1831 году Николай Васильевичъ получаетъ мѣсто учителя въ Патріотическомъ институтѣ. Онъ сейчасъ же начинаетъ хлопотать о помѣщеніи туда своихъ маленькихъ сестеръ. Съ трудомъ удалось помѣстить ихъ въ зачетъ своего жалованія. Только черезъ годъ приняты ихъ на казенный счетъ по особой просьбѣ начальницы института. Но и послѣ этого приходилось Николаю Васильевичу платить за уроки музыки, а также давать сестрамъ деньги на ихъ расходы.

Въ октябрѣ 1832 года самъ Николай Васильевичъ отвезъ ихъ въ институтъ:

«Я пишу вамъ, маменька, изъ станціи подъ Курскомъ, нарочно для того, чтобы вы не соскучились, не получая долго отъ насъ извѣстій.

«Лиза, Аня и я, слава Богу, здоровы, какъ нельзя лучше, и даже можно прибавить веселы, несмотря на то, что экипажъ нашъ безпрестанно ломается. Я теперь его перечинилъ, какъ слѣдуетъ, и мы, надѣюсь, успѣшиѣе подвигаться будемъ къ мѣсту.

¹⁾ См. «Сѣв. Вѣстн.» 1890 г. № 1. «Къ біографіи Гоголя. Дружба его съ А. О. Смирновой».

²⁾ Письма Гоголя, т. I, стр. 129.

³⁾ Марья Васильевна Трушковская.

⁴⁾ Письма Гоголя, т. I, стр. 201.

«Дѣти и не думаютъ о домѣ. Я удивляюсь, какъ онѣ такъ скоро могли забыть. Одна Анна иногда вспоминаетъ, особенно, когда иной разъ долго приходится ожидать лошадей. Время прекрасное! Осень чудная! Ѣхать лучше, нежели лѣтомъ. Прощайте до Москвы» ¹⁾).

Елизавета Васильевна въ своемъ дневникѣ ²⁾ рассказываетъ, что по прїѣздѣ въ Петербургъ братъ старался доставить имъ всевозможныя удовольствія, возилъ ихъ по нѣскольку разъ въ театръ, звѣринецъ и другія мѣста:

«Мы прожили съ братомъ съ мѣсяць, въ это время онъ самъ насъ подготовлялъ къ поступленію въ институтъ, не забывая въ то же время покупать намъ разныя сласти и игрушки» ³⁾).

Николай Васильевичъ не долго былъ преподавателемъ въ институтѣ. Въ своемъ дневникѣ Елизавета Васильевна Быкова вспоминаетъ, что по окончаніи урока братъ всегда оставался съ ними на полчаса и всегда приносилъ лакомства.

Въ 1836 году Николай Васильевичъ уѣзжаетъ за границу. Изъ Ахена пишетъ онъ своимъ сестрамъ длиннѣйшее письмо, стараясь какъ можно лучше объяснить имъ то, о чемъ онѣ, живя сначала въ деревнѣ, а потомъ въ институтѣ, не могли имѣть никакого представленія:

«Выѣхалъ я на пароходѣ,—пишетъ онъ изъ Ахена 17-го іюля 1836 г.—Знаете ли вы, что такое пароходъ? Но нѣтъ, вы не знаете, что такое пароходъ, потому что онъ, кажется, никогда не прогуливался передъ вашими окнами». (Слѣдуетъ подробное описаніе парохода).

«Мы плыли, плыли и наконецъ, черезъ недѣлю, пристали къ берегу, гдѣ увидѣли все новое: городъ выстроенъ не такъ, какъ у насъ, люди не говорятъ совсѣмъ по-русски, словомъ—мы были въ чужой землѣ. Улицы узенькія, есть даже такія, что можно изъ окошка протянуть руку и пожать руку того, который живетъ противъ васъ. Домики маленькіе, но зато чрезвычайно высокіе: есть въ шесть и семь этажей.

«Пообѣдавши въ городѣ Любекѣ, я отправился въ Гамбургъ.

«Гамбургъ прекрасный городъ и жить въ немъ очень весело. Тамъ есть одна набережная, которая называется Jungfernteig, на которой такая гибель гуляющихъ, что упасть некуда. По ней вездѣ павильоны, въ которыхъ безпрестанно играетъ музыка; за городомъ тоже очень много мѣстъ, гдѣ собираются гуляющіе слушать музыку и обѣдать. Лавокъ и магазиновъ страшное множество, и въ нихъ такъ много прекрасныхъ вещей, и все очень дешево.

¹⁾ Письма Гоголя, т. I, стр. 224.

²⁾ Русь. 1886 г. № 12.

³⁾ Русь. 1886 г. № 12.

«Я вамъ купилъ одну вещицу... не скажу что. Какъ привезу, тогда увидите. Вотъ какіе дома въ Гамбургѣ. (Слѣдуетъ рисунокъ перомъ).

«Не правда ли странные? окошекъ чрезвычайно много. Я былъ въ театрѣ, который дается въ саду на открытомъ воздухѣ. Вы бы, вѣрно, смѣялись, если бы посидѣли тамъ. Нѣмцевъ чрезвычайно множество приходитъ смотрѣть, а нѣмки приходятъ сюда со всѣмъ хозяйствомъ, ставятъ передъ собою рабочій столикъ тутъ же въ креслахъ и лежахъ, и всѣ, сколько ни есть, вяжутъ чулокъ во все продолженіе представленія. Я былъ и на балѣ. Дамъ немного, но мужчинъ чрезвычайно множество, и съ усами, и безъ усомъ. Больше все англичане. Англичанинъ есть человѣкъ довольно высокаго роста, который садится всегда довольно свободно, поворотившись спиною къ дамѣ и положивши одну ногу на другую. Ахъ, я расскажу вамъ одинъ пресмѣшной балъ, на который попалъ я случайно! Гуляя за городомъ, я увидѣлъ одинъ домъ, довольно большой и великолѣпно освѣщенный. Музыка и толпа народа заставила и меня войти. Залъ огромный, люстры и освѣщенія много; но меня удивило, что танцующіе одѣты, какъ сапожники, въ чемъ ни попало. Вы бы умерли со смѣху. Танцовали вальсъ. Такого вальса вы еще въ жизни не видывали: одинъ ворочаетъ даму свою въ одну сторону, другой въ другую; иные, просто, взявшись за руки, даже не кружатся, но, уставивъ одинъ другому глаза, какъ козлы, прыгаютъ по комнатѣ, не разбирая, въ тактъ ли это, или нѣтъ. Послѣ я узналъ, что это былъ знаменитый матросскій балъ.

«Изъ Гамбурга я поѣхалъ въ Бременъ. Это городъ очень старинный. Если бы вы увидѣли здѣшнюю церкву! Такой старины вы еще никогда не видѣли.

«Слушайте еще, что я видѣлъ въ Бременѣ: я видѣлъ погребъ, который имѣетъ такое странное свойство, что всѣ тѣла, которыя похоронены тамъ, не тлѣютъ. Мнѣ показывали и раскрывали всѣ гробы. На мертвецахъ кожа только немного высохла, но я знаю, что вамъ бы страшно было взглянуть на нихъ. Вы обѣ трусихи. Что еще сказать вамъ? Тутъ такой странный обычай, что, когда вы ѣдете, маленькія дѣвчонки бѣгутъ за вашею каретою и бросаютъ къ вамъ на всемъ лету въ окна цвѣты; за это вы должны имъ выбросить какую-нибудь мелкую монету; если же выбросите имъ назадъ букетъ, то онѣ опять будутъ бросать къ вамъ въ карету до тѣхъ поръ, покамѣстъ вы не бросите имъ маленькую монету.

«Много городовъ я поѣхалъ и наконецъ пріѣхалъ въ Ахенъ, откуда теперъ и пишу вамъ. Это одинъ изъ самыхъ старинныхъ городовъ. Если вы будете учить среднюю исторію, то вы узнаете, что здѣсь похороненъ Карлъ Великій и что это была столица его имперіи. Вы, кажется, обѣ не любите восхищаться хорошими видами, и потому вамъ нечего говорить о томъ, что видъ Ахена съ горы чудо

какъ хорошъ! Весь городъ у васъ подъ ногами, такъ что вы можете перечестъ всѣ дома. Вообразите, что въ Ахенѣ есть воды, т. е. ручьи, которые текутъ и кипятъ вмѣстѣ, и такіе горячіе, что въ нихъ съ трудомъ можно купаться.

«Однакоже, кто купается въ нихъ, тотъ выздоравливаетъ, въ какой бы ни былъ болѣзни. Такъ какъ я не боленъ, то и не намѣренъ оставаться долго въ Ахенѣ и взявъ уже билетъ въ дилижансъ, который довезетъ меня до другого города, тоже стариннаго. Вы знаете, что такое дилижансъ: это карета, въ которую всякій, заплативши за свое мѣсто, имѣетъ право сѣсть. Въ серединѣ кареты сидятъ по шести человекъ. Если со мною рядомъ будутъ сидѣть два тоненькихъ нѣмца, то это хорошо: мнѣ будетъ просторно. Если же усядутся толстые нѣмцы, то плохо: они меня прижмутъ. Впрочемъ, я одного изъ нихъ сдѣлаю себѣ подушкою и буду спать на немъ. Если же мнѣ придется сидѣть между дамъ, то это хуже всего: тогда нельзя будетъ мнѣ ни облокотиться, ни спать. Здѣшній кафедраль (такъ называется здѣсь соборная церковь) очень хорошо выстроенъ, хотя тоже большая старина. Вы такихъ строеній никогда не видавали. Вотъ онъ. (Слѣдуетъ рисунокъ).

«Некогда кончить. Остальное можете дополнить въ вашихъ головахъ. Церковь очень высока и внутри такъ свѣтло, какъ въ оранжереѣ или бельведерѣ. Вотъ вамъ, въ придачу, портретъ того содержателя или хозяина гостиницы, у котораго я стою. (Слѣдуетъ рисунокъ). Смотри, Лиза, не влюбись!»¹⁾

Въ то же время Николай Васильевичъ очень беспокоился, что съ отъездомъ его за границу сестры будутъ скучать и некому ихъ будетъ навѣстить. Въ письмѣ къ другу своему Прокоповичу онъ проситъ:

«Пожалуйста, побывай въ институтѣ. Навѣдайся къ моимъ сестрамъ и узнай, не нуждаются ли онѣ въ чемъ. Если ты можешь побывать у нихъ въ каждыя двѣ недѣли по разу, то этимъ обяжешь меня. Онѣ, бѣдненькія, я думаю, скучаютъ»²⁾.

II.

Съ такою же просьбою обращался Николай Васильевичъ и къ другимъ своимъ хорошимъ знакомымъ, какъ видно изъ письма къ матери отъ 16-го мая 1838 года.

«Недавно я получилъ письмо отъ сестеръ изъ Петербурга. Онѣ здоровы, и мнѣ пріятно было видѣть изъ письма ихъ, что онѣ поумнѣли и поняли свой долгъ и обязанность. Онѣ уже не надоѣдаютъ,

¹⁾ Письма Гоголя, т. I, стр. 388.

²⁾ Письма Гоголя, т. I, стр. 447.

какъ дѣти, просьбами о прїѣздѣ къ ихъ именинамъ и проч. Онѣ просятъ поступать, какъ требуетъ мое здоровье.

«Я писалъ нарочно къ нѣкоторымъ моимъ знакомымъ, образованнымъ и милымъ дамамъ, посѣщать ихъ въ институтѣ. Онѣ были такъ добры, что взялись съ охотою исполнить мою просьбу. Это доставить прїятное развлеченіе сестрамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нечувствительно ихъ образуешь и познакомить съ тѣмъ, какъ вести себя».

Одновременно пишетъ Николай Васильевичъ и сестрамъ своимъ въ Петербургъ, прося ихъ не быть застѣнчивыми съ его знакомыми дамами, которыя придутъ въ институтъ навѣстить ихъ.

Въ этомъ же письмѣ описываетъ имъ Римъ, но совѣмъ въ другомъ тонѣ, чѣмъ описывалъ имъ Гамбургъ. Онъ дѣлится съ ними своими впечатлѣніями:

«Наконецъ я получилъ отъ васъ письмо, мои милыя сестрицы. Мнѣ было прїятно замѣтить изъ этого письма вашего, что вы уже не дѣти, что вы уже чувствуете глубже, понимаете и мыслите. Теперь мы съ вами равны совершенно. Мы можемъ говорить между собою обо всемъ и разсуждать обо всемъ. Конечно, лучше говорить, чѣмъ писать: сказать можно гораздо больше, нежели написать, я бы далъ много, много за то, чтобы васъ и увидѣть и наговориться съ вами. Итакъ, будемъ писать обо всемъ, что ни случается съ нами: что мы дѣлали, съ кѣмъ говорили и объ чемъ говорили; все это мы будемъ теперь класть на бумагу и повѣрять другъ другу всѣ малѣйшія тайны сердца. Я теперь устроилъ такимъ образомъ, что вамъ переписка не будетъ стоить ничего.

«Теперь у васъ будетъ много знакомыхъ, меня знающихъ, съ которыми вы должны будете познакомиться и подружиться, какъ можно покороче, потому что онѣ всѣ мои друзья. Если бы вы знали, какія онѣ всѣ добрыя, милыя дамы! Первая, которая къ вамъ прїѣдетъ, будетъ графиня К***. Она такая добрая и такая хорошенькая собой! Съ ней вы можете говорить все, что вамъ ни вздумается, все равно, какъ со мною. Потомъ будетъ у васъ А***, тоже очень ¹⁾ добрая. Еще будетъ у васъ К*** ²⁾, такая премоленъкая! Она васъ очень полюбитъ. Она воспитывалась въ Екатерининскомъ институтѣ. Только вы будьте съ ними какъ можно проще и старайтесь говорить обо всемъ, обо всемъ. Избѣгайте быть застѣнчивыми ³⁾. Но вы уже большія, вы знаете все это сами. Вы должны помнить, что всѣ эти дамы мои друзья, и, стало быть, вы должны съ ними быть какъ съ вашими сестрами. Но съ дамами вы должны не только говорить, но разспрашивать, шутить, смѣяться и дѣлать все, что

¹⁾ Можетъ быть Балабина.

²⁾ Думаю, что это Смирнова, такъ какъ она воспитывалась въ Ек. инст.

³⁾ Сестры Николая Васильевича были особенно застѣнчивы и производили поэтому невыгодное впечатлѣніе.

вамъ ни приходится на умъ, — быть болѣе даже развязными, чѣмъ со мной. Но я знаю, что вамъ онѣ очень поправятся, вы ихъ очень полюбите.

«Теперь вамъ скажу о себѣ. Мое здоровье немного лучше. Мнѣ помогло хорошее время, которое стояло всю зиму. Вообразите, что здѣсь зима гораздо и теплѣе, и лучше весны. Здѣсь никто не топить комнатъ. Дни были такіе солнечные, такіе свѣтлые! Ни одного облачка; а сводъ неба весь синій, какъ не бываетъ у насъ. Но вы, вѣрно, еще не знаете, что такое Римъ, и вы очень ошибетесь, если подумаете, что онъ похожъ сколько-нибудь на Петербургъ. Это городъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Петербургъ самый новый изъ всѣхъ городовъ, а Римъ самый старій. Въ Петербургѣ все убрано, все чистенько, стѣны выбѣлены; а здѣсь все напротивъ: стѣны домовъ совсѣмъ темныя, похожія на Зимній или на нашъ Мраморный дворецъ, и иногда возлѣ новаго дому стоитъ такой, которому тысяча лѣтъ. Иногда въ стѣнѣ дома вдѣлана какая-нибудь колонна, которая еще была сдѣлана при римскомъ императорѣ Августѣ, — вся почернѣвшая отъ времени. Иногда цѣлая площадь вся покрыта развалинами, и всѣ развалины эти покрыты плющемъ, и на нихъ растутъ дикіе цвѣты, и все это дѣлаетъ прекраснѣйшій видъ, какой только можете себѣ вообразить. По всему городу бьютъ фонтаны, и всѣ они такъ хороши!

«Одни изъ нихъ представляютъ Нептуна, выѣзжающаго на колесницѣ, и всѣ лошади его мечутъ на воздухъ фонтаны. Въ другомъ мѣстѣ Тритоны, поднявши вверхъ раковину, бьютъ высоко вверхъ воду. Можетъ, вы не знаете, что ни въ какомъ городѣ въ мірѣ нѣтъ столько церквей, какъ въ Римѣ, и внутри онѣ такъ украшены, какъ не бываетъ ни въ одномъ дворцѣ. Колонны изъ мрамора, изъ порфира, изъ рѣдкаго голубого камня, который называютъ лаписомъ; слоновою костью, статуи, словомъ — все великолѣпно. А что еще больше украшаетъ ихъ, такъ это картины. Вы, я думаю, слышали имена знаменитыхъ живописцевъ Рафаэля, Микель-Анджело, Корреджіа, Тиціана и проч., которыхъ картины теперь стоятъ милліоны и которыхъ даже нельзя купить. Вообразите, что здѣсь — всѣ эти картины. Кромѣ церквей, въ здѣшнихъ дворцахъ, которыхъ тутъ много и которые принадлежатъ лучшимъ римскимъ фамиліямъ, есть цѣлыя картинныя галлерей, наполненныя произведеніями лучшихъ мастеровъ; такъ что, хотя нѣсколько лѣтъ оставайся въ Римѣ, всегда останется что-нибудь смотрѣть. Ватиканъ (гдѣ живутъ папы) есть очень большой дворецъ, и въ немъ бездна комнатъ и галлерей, и всѣ эти галлерей наполнены статуями, тѣми статуями, которыя сдѣланы еще во времена древнихъ грековъ и римлянъ знаменитыми скульпторами, которыхъ имена вы, я думаю, читали въ исторіи. Словомъ, все то, что вы читаете въ книгахъ, вы видите здѣсь передъ собой.

«Я не знаю, писалъ ли я вамъ что-нибудь о карнавалѣ,—то, что называется у насъ масленицею. Это очень замѣчательное явленіе. Вообразите, что въ продолженіе всей недѣли всѣ ходятъ и ѣздятъ замаскированные по улицамъ во всѣхъ костюмахъ и маскахъ. Иной одѣтъ адвокатомъ—съ носомъ величиною черезъ всю улицу, другой туркомъ, третій лягушкой, паяцемъ и чѣмъ ни попало. Кучера даже на козлахъ одѣты женщинами въ чепчикахъ. Всякій старается одѣться во что можетъ; кому не во что, тотъ, просто, выпачкаетъ себѣ рожу, а мальчишки выворотятъ свои куртки и изодранные плащи. У каждаго въ рукахъ по цѣлому мѣшку шариковъ, сдѣланныхъ изъ муки. Этими шариками они бросаютъ другъ въ друга и засыпаютъ совершенно всего мукою. Всѣ смѣются и хохочутъ. Иногда, вмѣсто муки, бросаютъ конфекты. Въ послѣдній вечеръ, который называется *mossoletti*, гасятъ масленицу, т. е. вездѣ, во всѣхъ окнахъ, показываются огни. Всѣ, которые ни ѣдутъ въ коляскахъ (а въ коляскахъ сидитъ человекъ по двѣнадцать), всѣ держатъ на длинныхъ шестахъ огни, а другіе бѣгутъ за ними тоже съ шестами, на которыхъ навязаны платки, и этими платками они стараются погасить свѣчи. Если имъ удастся это сдѣлать, тогда они смѣются отъ всей души. Во все продолженіе этого все сливается въ одинъ гулъ; всѣ до одного кричатъ: «*O che oscurita!*» т. е. «какая темнота!» Дамы между тѣмъ изъ балконовъ домовъ протягиваютъ тоже длинные шесты съ огнями и зажигаютъ тѣ, у которыхъ погасли. Это продолжается до 11 часовъ ночи, и такимъ образомъ оканчивается карнавалъ. Но для этого, чтобы знать, нужно видѣть. Можетъ быть, когда-нибудь вамъ удастся побывать въ Италіи, въ этой землѣ, такъ не похожей на всѣ другія.

«Хотя въ Италіи обыкновенно всѣ иностранцы проводятъ зиму, но мнѣ лучше нравится въ Италіи лѣто. Это правда, что очень жарко, но зато природа въ Италіи въ это время во всемъ блескѣ. Два-три мѣсяца иногда продолжается, что небо ясное во весь день, и вы проснетесь и видите передъ собою небесный сводъ, чистый, чистый—хоть бы лоскуточекъ облачка, такъ что вы позабудете, есть ли на свѣтѣ облака. Въ это время города и деревни около Рима чудо какъ хороши! А если бѣ вы увидѣли, какъ здѣсь одѣваются крестьянки, обитательницы большихъ деревень и городовъ! Чудо, чудо! Иныя изъ нихъ есть совершенныя красавицы. Но я вамъ расскажу въ слѣдующемъ письмѣ. Можетъ быть, я найду случай прислать вамъ что-нибудь изъ Италіи италіянское. Цѣлую васъ много, много, много» ¹⁾.

Но особенно нѣжное письмо написалъ онъ Аннѣ Васильевнѣ въ отвѣтъ на просьбу ея пріѣхать къ выпуску:

¹⁾ Письма Гоголя, т. I, стр. 487.

«Я получил твое письмо, душенька моя Аннетъ, через князя Волконскаго. При немъ была маленькая приписочка отъ Лизы, которая полѣнилась написать ко мнѣ подлиннѣе.

«Не грусти, моя милая, я приѣду, я постараюсь приѣхать къ вашему выпуску. Вы знаете, что я васъ очень люблю. Я васъ люблю столько, сколько вы себѣ не можете представить. Здоровье мое будетъ лучше—я въ этомъ увѣренъ; но я васъ прошу только не писать маменькѣ ничего о томъ, что я бывалъ иногда немного боленъ. Это ее слишкомъ огорчить. Душеньки мои, я о васъ очень часто вспоминаю и хотѣлъ бы васъ перецѣловать много разъ. Помните ли, какъ мы видѣлись съ вами въ этой узенькой, маленькой комнатѣ въ институтѣ, гдѣ стоитъ обыкновенно фортепяно. Я помню, какъ теперь, какъ Лиза проситъ меня не позабыть о томъ, что скоро ея именины и что нужно купить орѣховъ 4 фунта, конфектъ 2 фунта, варенья 2 банки, желе банку, пряниковъ, яблокъ изюму и проч., и проч. И все это не только на словахъ, но даже было написано съ чрезвычайной акуратностью на запискѣ; и все это сопровождается словами: «Да смотрите, не позабудьте; за день прежде купите и пришлите». И вслѣдъ за симъ ты, Лиза, бывало, расскажешь, какой у тебя новый другъ, и о томъ, какъ у тебя хорошо въ люльницѣ, въ какомъ порядкѣ лежатъ книги, тетрадки и бомбоньерки, и какъ ты на дняхъ помѣнялась съ той-то, или другой. И при этомъ у тебя, Лиза, пальцы были въ чернилѣ, и на передникѣ было чернильное пятно, величиною въ мѣсяць. Все это я помню, и помню даже, какъ Аннетъ была больна и лежала въ лазаретѣ, и я у васъ былъ, и потомъ помню, помню еще объ одномъ, но не хочу говорить... О, я все помню!

«Да скажите же мнѣ, т.-е. напишите, получили ли вы мое письмо и навѣщали ли васъ нѣкоторые мои знакомыя, которыхъ я просилъ навѣщать васъ, и кто именно. Напишите мнѣ объ этомъ, всемъ. Я теперь представляю вамъ случай познакомиться и знаю, что вы очень рады будете знакомству съ Балабиной, М. П., молоденькой, почти однихъ лѣтъ съ вами, такой милой, такой доброй! Вамъ она очень, очень понравится. Я это знаю напередъ. Мнѣ сказывала княжна Волконская, что она васъ рекомендовала одной пріятельницѣ своей. Была ли она у васъ, или нѣтъ? Напишите.

«Мнѣ вамъ уже, вѣрно, нечего рассказывать о Римѣ. Вы все, я думаю, о немъ уже узнали отъ Посникова (учитель исторіи). Вѣдь вы, я думаю, прошли давно уже Италію. Вы, я думаю, уже знаете, что Римъ—самый старинный городъ въ Европѣ, что построенъ онъ на семи холмахъ, что дома самые неровные между собою. Великолѣнные дворцы и рядомъ съ ними почернѣвшіе, запачканные дома. О, Петербургъ покажется намъ щеголемъ послѣ Рима, покажется гладенькимъ, чистымъ, опрятнымъ, вымытымъ, вытертымъ! Зато въ Петербургѣ нѣтъ такихъ развалинъ, покры-

тыхъ плющемъ и цвѣтами, самыхъ живописныхъ, какія только случалось видѣть вамъ на картинкахъ; зато въ Петербургѣ нѣтъ кипарисовъ, зато въ Петербургѣ небо сѣрое и туманное, а здѣсь оно ясное и синее, а солнце обливаетъ все своимъ сіяніемъ такъ пріятно! Зато въ Петербургѣ вы уже мерзнете и топите печи, а здѣсь не закрываются никогда окна.

«Случалось ли вамъ когда-нибудь глядѣть на улицу? Кого вы встрѣчали больше всего на улицѣ? Не правда ли—военныхъ и чиновниковъ? Сколько въ Петербургѣ попадаетъ на улицѣ офицеровъ военныхъ, столько въ Римѣ аббатовъ, поповъ и монаховъ».

Далѣе въ этомъ же письмѣ Николай Васильевичъ опять описываетъ Римъ и даетъ объясненія живописи Рафаэля, Тиціана, Корреджіо, заканчивая его такими словами:

«О, какъ много есть того, чего вы не видѣли! Впрочемъ, нельзя никакъ все видѣть и знать: для этого неостанетъ нашей жизни. Мнѣ бы теперь болѣе всего, знаете ли, что желалось бы увидѣть? Вы, вѣрно, никакъ не догадаетесь, что было бы это такое? Мнѣ бы хотѣлось теперь увидѣть васъ, поцѣловать васъ и поговорить съ вами. Пишите ко мнѣ чаще. Когда вамъ сдѣлается очень грустно на душѣ, сейчасъ берите въ руки перо и пишите ко мнѣ. Если вы на кого разсердитесь, или будетъ вамъ досадно,—въ ту же минуту за перо и въ ту же минуту расскажите мнѣ. Пожалуйста, не думайте объ томъ, чтобы написать мнѣ хорошо письмо; пишите, какъ попало. Я терпѣть не могу хорошихъ писемъ. Чѣмъ хуже письмо, чѣмъ больше чернильныхъ пятенъ и ошибокъ, тѣмъ для меня лучше. Я лучше люблю такія письма» ¹⁾.

III.

Въ дальнѣйшихъ своихъ письмахъ къ сестрамъ Николай Васильевичъ старается подготовить ихъ къ тому, что имѣніе ихъ разстроенное, что имъ придется претерпѣвать непріятности, необходимыя въ жизни, и проситъ ихъ обратить особенное вниманіе на занятія и на языки, которые могутъ имъ пригодиться, если придется имъ взяться за трудъ.

«Вотъ для чего почелъ я долгомъ не скрывать отъ васъ ничего насчетъ нашего разстроеннаго состоянія, какъ сильно любящій васъ братъ и любящій васъ любовью глубже той, которою обыкновенно любитъ братъ сестру. Я васъ люблю любовью брата, отца и матери вмѣстѣ. Не наружными признаками нѣжности вы измѣряйте мою любовь. Нѣтъ, она погружена вся во глубинѣ моей души. Она блюдетъ и думаетъ надъ вашею будущею судьбою, и много бы хотѣла пожертвовать и отдать вамъ, и, вѣрно бы, сдѣлалъ для

¹⁾ Письма Гоголя, т. I, стр. 529.

васъ болѣе, если бы не мое несчастное здоровье. Итакъ, какъ любящій васъ такимъ образомъ братъ, я почелъ долгомъ написать вамъ такое письмо, которое заставило васъ задуматься и плакать.

«Я писалъ еще вамъ о совершенной невозможности жить у насъ въ деревнѣ. Человѣкъ долженъ жить въ обществѣ; общество только можетъ образовать его,—не многочисленное, но небольшой кругъ истинныхъ, добрыхъ друзей, одаренныхъ прекраснымъ характеромъ и просвѣщеннымъ умомъ. Но когда я вообразилъ себѣ общество, которое окружаетъ нашу деревню—невѣжей-сосѣдей, которыхъ всего на всего два-три человѣка, да старыхъ дѣвицъ и сплетницъ-сосѣдокъ,—сердце мое содрогнулось невольно. Вы еще молоды, еще не знаете свѣта. Какъ много значить для васъ первый шагъ, первое знакомство и первое обращеніе по выходѣ изъ института! Маменька наша имѣетъ рѣдкое сердце, но она слаба характеромъ; она можетъ быть обманута. Долговременныя заботы, неудачи и хлопоты много отняли у нея времени и притупили ея проницательность. Она не имѣетъ той проницательности и предусмотрительности, которыя для васъ теперь такъ необходимы и нужны.

«Она готова за васъ отдать послѣднюю каплю жизни, пожертвовать всѣмъ для вашего счастья, но она не спасетъ васъ отъ могущихъ случиться бѣдъ. Вотъ почему я все пишу къ вамъ, чтобы возлагали надежду, во-первыхъ, на Бога, а, во-вторыхъ, на себя; чтобы вы воспитывали заранѣе свой характеръ, сообщили ему твердость, мужество, чтобы вы были со всѣми ласковы, умѣренны, услужливы, никогда бы не ссорились съ вашими пріятельницами, но старались всѣми силами поддержать разъ сдѣланное знакомство, а главное,—чтобы имѣли власть надъ самими собою, и, если замѣтите, что у васъ кипитъ на душѣ что-то, похожее на злость или неудовольствіе, старайтесь тотчасъ дать ему остыть, займитесь чѣмъ-нибудь другимъ, чтобы въ это время не думать и не помышлять о немъ, и потомъ вы будете довольны сами собою. Еще любите другъ друга. Вы—сестры, вы еще болѣе, чѣмъ сестры: вы—товарищи отъ раннихъ лѣтъ вашей жизни. Ваше воспитаніе шло вмѣстѣ. Мнѣ очень было грустно видѣть, что вы часто между собою ссоритесь. Мое сердце страдало, видя это. Ради Бога, я васъ прошу объ этомъ, чтобы этого не было. Когда вамъ захочется или придется на умъ поссориться, вообразите тотчасъ меня печальнаго, больнаго, смотрящаго на васъ съ невыразимымъ чувствомъ грусти. Если вы вообразите только меня въ такомъ видѣ и живо, я васъ увѣряю, что у васъ вдругъ пройдетъ всякое желаніе ссориться, иначе будетъ значить, что вы не имѣете ко мнѣ любви ни на крошку.

«Пишите ко мнѣ какъ возможно чаще. Теперь мы имѣемъ болѣе нужды сообщать наши мысли и чувства другъ другу.

«истор. вѣстн.», сентябрь 1914 г., т. сxxxvii.

12

«Прощайте, мои миленькія, мои много, много любимыя мною сестры.

«Да, чуть было не позабылъ. Пришлите мнѣ въ письмѣ вашемъ двѣ тоненькія ниточки, чтобы одна изъ этихъ ниточекъ была длиною въ ростъ Лизинъ, а другая въ Аннетъ. Смотрите, только не ошибитесь и положите ихъ въ письмо. Для чего мнѣ это нужно, я вамъ скажу послѣ» ¹⁾).

Эти письма особенно глубокое впечатлѣніе произвели на Анну Васильевну. Она разстраивалась, плакала и даже захворала. Узнавши это, Николай Васильевичъ такъ испугался, что собрался было взять сестеръ изъ института безъ экзаменовъ.

«Я думаю,—пишетъ онъ матери 24-го октября 1839 года,—взять сестеръ прежде экзаменовъ. Я не хочу, чтобы онѣ дожидались этой кукольной комедіи. Въ нихъ же притомъ немного есть, чѣмъ бы щегольнуть при публикѣ. Оно и лучше. То, что хорошо для мальчиковъ, то нейдетъ дѣвушкамъ. Притомъ мнѣ жаль ихъ, особенно бѣдной Аннетъ (ее мучать несносно). Она то и дѣло пишетъ, что у ней кружится и болитъ голова. Я боюсь за ея здоровье. При томъ она теперь такъ разстроилась, что врядъ ли будетъ въ состояніи помнить, что нужно» ²⁾).

Время приближалось къ выпуску, и Николай Васильевичъ очень тревожился, не зная, какъ устроить сестеръ своихъ послѣ выпуска. Еще въ 1838 году за годъ до выпуска онъ писалъ матери:

«Вы спрашиваете о сестрахъ. Выпускъ ихъ еще не такъ близко: еще годъ; къ этому времени, во всякомъ случаѣ, я надѣюсь быть, и мы объ этомъ потолкуемъ.

«Насчетъ вашего мнѣнія, что онѣ могутъ найти себѣ хорошую партію, живя въ Васильевкѣ,—я не согласенъ. По крайней мѣрѣ, я никого не вижу въ сосѣдствѣ, а выѣзжать—вопросъ: куда? или въ Полтаву, или въ Миргородъ. Съ этого немного толку, и чтобы выѣзжать, для этого нужны деньги, а ихъ-то у насъ съ вами нѣтъ. Что же касается до того, что вы говорите, чтобы онѣ положились во всемъ на вашъ выборъ и слушались васъ, то это очень тоже трудно: прошу уладить съ молодыми дѣвицами—ихъ не такъ легко заставить слушаться. Доказательство—ваша старшая дочь (Марья Васильевна Трушковская, которая не была счастлива въ своемъ замужествѣ), подъ вашимъ же руководствомъ и при всемъ томъ... Словомъ, видите, какъ трудно ладить съ молодыми дѣвицами. Вы должны помнить, что вы мать, что вы добры и даже слишкомъ добры, и что ваше доброе сердце вамъ препятствуетъ видѣть всѣ недостатки, проникнуть насквозь и обдумать все; но нечего теперь объ этомъ заботиться. Послѣ я вамъ напишу, что придумаю со своей стороны

¹⁾ Письма Гоголя, т. I, стр. 583.

²⁾ Письма Гоголя, т. II, стр. 14.

лучшимъ, и мы посовѣтуемся... Насчетъ же того, что вы пишете объ Васильевкѣ ¹⁾, то это была только мысль, вовсе не намѣреніе. При томъ, этому было лѣтъ восемь, а, можетъ быть, болѣе, когда я вамъ сказалъ это, и то вовсе не жить, а погостить... Будьте увѣрены, что во всякомъ случаѣ, мнѣ болѣе бы желательно, чтобы онѣ были съ вами. Но нужно такъ распорядиться, чтобы онѣ не были заброшены въ глушь, чтобы вмѣстѣ съ этимъ онѣ были въ состояніи составить партію, нужную для ихъ счастья. Но до этого, какъ я сказалъ, еще далеко. Я писалъ кое-какимъ добрымъ знакомымъ своимъ,—людямъ умнымъ, не ослѣпленнымъ и не отуманеннымъ воображеніемъ и мечтаніями, но знающимъ хорошо свѣтъ и положеніе вещей въ свѣтѣ, чтобы они иногда навѣщали ихъ и мало-по-малу приучали ихъ къ наукѣ жизни» ²⁾.

Николаю Васильевичу очень не хотѣлось, чтобы сестры его ѣхали послѣ выпуска въ деревню. У него созрѣлъ планъ помѣстить сестеръ въ Москвѣ у кого-нибудь изъ друзей своихъ.

«Ваше письмо отъ 9-го февраля получено мною четыре дня тому назадъ,—пишетъ Николай Васильевичъ матери отъ 12-го марта 1839 г.—Благодарю васъ много за него и за ту любовь, которая дышитъ въ немъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ меня нѣсколько опечалило ваше замѣчаніе, что будто я сдѣлалъ вамъ укоръ насчетъ замужества моей старшей сестры. Никогда я не имѣлъ никакого права, ни причины упрекать васъ. Вы дѣлали, вы по крайней мѣрѣ желали дѣлать все для нашего счастья. Вы невинны! Виноваты несчастія, которыя подавили васъ, которыя навалили на васъ кучи заботъ, требовавшихъ силъ твердаго мужа, а не доброй, чувствительной женщины. Виноваты эти заботы, которыя лишили насъ прежняго милаго, веселаго характера нѣжно любимой нами маменьки и навели на него мрачное облако задумчивости, разсѣянности, вѣчно тревожныхъ мыслей, отлучавшихъ и отвлекавшихъ ее невольно отъ дѣйствительности и происходившаго передъ глазами теченія дѣлъ и обстоятельствъ, которыя, чтобы вести хорошо, нужно было имѣть слишкомъ твердый характеръ, какой имѣетъ мужчина, нужно быть слишкомъ спокойну и не поражену несчастіемъ. Итакъ, вы видите, что вы не виноваты. Вы не могли быть болѣе, чѣмъ вы были. Мы должны дѣлать упреки несчастіямъ. Когда я былъ послѣдній разъ у васъ, я былъ пораженъ (теперь я этого не скрою—и все расскажу), я былъ пораженъ перемѣной, которую я нашелъ въ васъ, перемѣной, происшедшей въ эти даже

¹⁾ Марья Ивановна приглашала Николая Васильевича поселиться въ Васильевкѣ, ссылаясь на его обѣщаніе въ письмѣ отъ 22-го мая 1829 г.: «Можетъ быть, мы будемъ жить когда-нибудь вмѣстѣ, что всегда было моимъ пламеннѣйшимъ желаніемъ, и тогда я постараюсь всѣми силами выполнить священную обязанность къ матери» (Письма Гоголя, т. I, стр. 129).

А в т.

²⁾ Письма Гоголя, т. I, стр. 540.

три небольшие года, послѣ моего перваго приѣзда изъ Петербурга. Я не могу вамъ разсказать той грусти, которую я чувствовалъ, глядя на васъ. Эта совершенная ваша разсѣянность въ словахъ и задумчивость; это ваше вѣчно устремленное куда-то вниманіе, но не къ предметамъ, васъ окружавшимъ, не къ тѣмъ, о которыхъ шла рѣчь, такъ что вы казались совершенно среди насъ живущею въ какомъ-то другомъ мірѣ, чуждою всего того, что около васъ происходило. Я съ содроганіемъ видѣлъ слѣды и читалъ ихъ на лицѣ вашемъ, слѣды, проведенные побѣдившими совершенно васъ заботами. Нѣтъ, я не обвинялъ васъ, я не обвинялъ васъ, видя и то, и другое не такъ въ хозяйствѣ, я не обвинялъ васъ за неосмотрительности и за то, что васъ легко было обмануть, и чѣмъ далѣе, еще легче; я не обвинялъ ни въ чемъ этомъ. Но я обвинялъ въ этомъ себя, я слышалъ изъ глубины души своей ѣдкій упрекъ самому себѣ. Я былъ причиною всему этому; я не облегчилъ трудовъ, я не устроилъ спокойствія моей матери, я не доставилъ ей беззаботной, счастливой жизни и радостной старости; напротивъ, я обременилъ ее, я взвалилъ на нее всю возможную тяжесть. Я былъ причиною измѣненія ея прежняго свѣтлаго характера. Словомъ, я не исполнилъ первой обязанности сына. Мнѣ только въ утѣшеніе осталось одно оправданіе, что я тоже не рожденъ былъ хозяиномъ. Но я хотѣлъ вознаграждать потомъ все. Увы! мое глупое здоровье отняло у меня эту возможность, заставило меня выѣхать изъ Россіи, и, можно сказать, бросить не оконченнымъ начатое. Итакъ, вотъ гдѣ вина и причина всему. Я видѣлъ въ послѣдній разъ, когда былъ, что дѣла наши идутъ плохо, но вмѣстѣ съ этимъ я видѣлъ безсиліе мое помочь этому. Но дѣла хозяйственныя—Богъ съ ними, я не о нихъ горевалъ, я горевалъ о васъ, видя ваши терзанія, ваши печали при вѣчныхъ неудачахъ. И вотъ между прочимъ одна изъ причинъ, по которой я бы не хотѣлъ, чтобы сестры мои дорогія оставались въ деревнѣ. Теперь, увы! вы можете быть несравненно скорѣе обмануты, чѣмъ прежде. Въ вашихъ предположеніяхъ насчетъ будущей участи сестеръ моихъ дышитъ столько материнской нѣжной любви къ нимъ, какой отыскать рѣдко, а доказательство этой любви уже то, что вы даже соглашаетесь на временное отдаленіе ихъ и разлуку съ ними. Да, моя добрая, почтенная маменька, это истина: онѣ въ Васильевкѣ не только не сыщутъ себѣ партіи, но даже могутъ потерять все то, что приобрѣли онѣ воспитаніемъ, могутъ испортиться, измѣниться характеромъ, могутъ... Я трепещу за ихъ участь. Обратите только на то вниманіе и рассмотрите, гдѣ у насъ и какое будетъ общество? что у нихъ и какая будетъ компанія? При томъ уже само по себѣ разумѣется, что гдѣ четыре сестры и притомъ еще такихъ разныхъ характеровъ, изъ которыхъ двѣ ссорятся между собою и теперь, будучи еще въ институтѣ... вообразите, когда онѣ соберутся

и будутъ жить вмѣстѣ. Помните, между прочимъ, что старшая сестра хочетъ тоже замужъ (въ это время Марья Васильевна Трушковская овдовѣла и собиралась второй разъ выходить замужъ) и сколько уже по одному этому поводу между ними могутъ явиться разныхъ непріятныхъ отношеній! Словомъ, онѣ могутъ создать у васъ въ дому такой сумбуръ, что вамъ покоя и мѣста не будетъ. А о партіи для нихъ я вовсе не составилъ такихъ идей и большихъ мечтаній, какія даже, какъ видно изъ письма вашего, иногда принимаютъ васъ. Нѣтъ, моя добрая маменька, довольно, если выйдутъ онѣ за истинно достойныхъ людей съ состояніемъ такимъ, которое было бы достаточно для спокойной, безбѣдной жизни. Вы говорите, что знаете недалеко отъ васъ проживающаго обыкновенно въ Одессѣ какого-то молодого человѣка съ 260,000 годового дохода, который могъ бы быть женихомъ для Аннеты. Это мечта. Объ этомъ нечего и думать. Я тоже знаю многихъ молодыхъ людей, у которыхъ есть и побольше годового дохода, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы они были женихи для Аннеты. Будьте увѣрены, что если бы вы и имѣли экипажъ и, какъ говорите, удобность прилично одѣться и прилично выѣхать, то это бы ничуть не помогло. Партіи составляются между равными, и нужно быть для этого порядочнымъ дуракомъ, или слишкомъ оригинальнымъ, чтобы вдругъ итти наперекоръ своимъ роднымъ, своимъ выгодамъ и отношеніямъ въ свѣтѣ и избрать небогатую, неизвѣстную дѣвушку, или нужно, чтобы для этого дѣвушка была рѣшительно собраніе всѣхъ совершенствъ, прелестей и ума, чего, натурально, не можетъ представить наша Аничка, впрочемъ, добрая дѣвушка, могущая быть хорошею женою. Итакъ, намъ нужно, отбросивши все мечтательное, обратить вниманіе на дѣйствительное. Я не рѣшилъ еще, гдѣ имъ жить. Лучше, я покамѣстъ полагаю, въ Москвѣ,—тамъ у меня есть многіе пріатели и друзья, которые доказали мнѣ на дѣлѣ истинную пріязнь и дружбу; люди съ большимъ умомъ и образованіемъ, которые могутъ быть имъ полезны и совѣтами, и помощью, и обществомъ, то-есть: докончить ихъ образованіе не въ школѣ, не въ пансіонѣ, но въ свѣтѣ. И вотъ почему я не хотѣлъ, чтобы онѣ провели первый годъ послѣ своего выпуска въ деревнѣ.

«Пусть онѣ прежде укрѣплятся совершенно въ характерѣ, дадутъ ему твердость и тактъ, безъ котораго онѣ не будутъ счастливы въ свѣтѣ и будутъ похожи на тѣ былинки, которыя колеблются въ ту сторону, куда повѣетъ вѣтеръ» ¹⁾).

¹⁾ Письма Гоголя, т. I, стр. 575.

IV.

По отзывамъ современниковъ, Марья Ивановна Гоголь, несмотря на свой мягкій, нѣжный, полный эстетическаго чутья характеръ, была женщиной психопатическаго нрава.

Близко знавшіе ее Данилевскій и Трофимовскій считали ее ненормальной ¹⁾.

Къ такому заключенію она подавала поводъ своею мнительностью, принимавшей иногда характеръ бредовыхъ навязчивыхъ идей, своимъ удивительнымъ легкомысліемъ въ практическихъ дѣлахъ, особенно же своею болѣзненною мечтательностью, выражавшеюся въ томъ, что она иногда по нѣскольکو часовъ находилась въ состояніи странной задумчивости и выраженіе лица ея рѣзко мѣнялось.

Николай Васильевичъ замѣчалъ это, очень тревожился и, какъ видно, это была главная причина, почему онъ не хотѣлъ, чтобы сестры его тотчасъ послѣ выпуска ѣхали въ Васильевку.

О такомъ душевно-болѣзненномъ состояніи матери онъ съ большою осторожностью писалъ Аннѣ Васильевнѣ, желая подготовить ее, но послѣдняя поняла, что мать больна физически, и очень этимъ огорчилась, на что Николай Васильевичъ объяснялъ ей:

«Ты вся исполнена грусти, моя бѣдная Аннетъ. Но я не знаю, откуда ты это взяла. Слава Богу, наша маменька физически совершенно здорова. Я разумѣлъ душевную, умственную болѣзнь, о ней была рѣчь.

«Я разумѣлъ слѣды заботъ, вѣчныхъ неудачъ и неисполненій, проведенные на ея челѣ, которые нечувствительно и незамѣтно отнимали живость и любезность ея характера и, на мѣсто спокойнаго и осмотрительнаго взгляда въ хозяйствѣ и въ распоряженіяхъ по имѣнію, набросили на нее разсѣянность, задумчивость, которыя ей много мѣшали въ дѣлахъ и были причиною, что имѣніе наше разстроено совершенно и что она, думая поправлять, разстраивала его еще болѣе, сама не зная этого. Конечно, имѣніе не стоитъ для меня гроша въ сравненіи съ здоровьемъ нашей доброй маменьки, но я почелъ долгомъ объ этомъ написать вамъ, чтобы приготовить заранѣе васъ къ неприяностямъ, необходимымъ въ жизни» ²⁾.

Письмо это къ Аннѣ Васильевнѣ было написано 12-го апрѣля 1839 года, а черезъ нѣскольکو дней, т.-е. 18-го апрѣля того же года, Николай Васильевичъ посылаетъ сестрамъ сувениры изъ Рима.

«Пишу къ вамъ, мои голубушки, мои многолюбимыя мною сестрицы, черезъ моихъ добрыхъ знакомыхъ Крюковскихъ, которыя

¹⁾ «Русская Старина» 1882 г., № 6, «Русская Старина» 1888 г., № 7.

²⁾ Письма Гоголя, т. I, стр. 583.

мнѣ обѣщались побывать у васъ. Они вамъ разскажутъ что-нибудь обо мнѣ. Мы съ ними часто видѣлись въ Римѣ.

«Посылаю вамъ бездѣлушки: по кольцу и по булавкѣ. Глядите на нихъ больше, чѣмъ просто на кольца и булавки. Къ нимъ прижалась, прицѣпилась и прилетѣла вмѣстѣ съ ними часть моихъ чувствъ и любви моей къ вамъ. Какъ эти кольца сожмутъ и обхватятъ пальцы ваши, такъ сжимаетъ и обхватываетъ васъ любовь моя. Какъ эта булавка застегиваетъ на груди вашей косынку, такъ хотѣлъ бы я васъ хранительно застегнуть и оградить и укрыть отъ всего, что только есть горькаго и непріятнаго на свѣтѣ, молодые цвѣтки мои! Отрада мыслей моихъ!

«Будьте здоровы и веселы, сколько возможно долго и постоянно, а я молю вашего добраго Ангела Хранителя, да не удалится ни на часъ отъ васъ» ¹⁾.

Проектъ Николая Васильевича устроить послѣ выпуска сестеръ у своихъ знакомыхъ не очень понравился Марьѣ Ивановнѣ, какъ видно изъ слѣдующаго письма его къ матери:

«Вы очень заботитесь о томъ, какъ будетъ имъ въ чужомъ домѣ. Объ этомъ не безпокойтесь; домъ, въ которомъ я хотѣлъ бы помѣстить ихъ, вовсе не чужой и онѣ будутъ приняты тамъ съ такимъ радушіемъ, какъ собственныя дочери, иначе я бы не старался помѣстить ихъ туда. Притомъ онѣ пробудутъ, по крайней мѣрѣ, я такъ думаю, одинъ годъ, или много два, чтобъ осмотрѣться хорошенько, видѣть, узнать сколько-нибудь людей, чтобы потомъ не броситься первому встрѣчному и не выйти замужъ за кого попало. Почемъ знать, можетъ быть, онѣ найдутъ себѣ въ Москвѣ выгодную партію. Тамъ же много людей достойныхъ» ²⁾.

Николай Васильевичъ въ увѣренности, что ему нетрудно будетъ устроить сестеръ въ Москвѣ, писалъ своему другу и сосѣду по имѣнію А. С. Данилевскому:

«Я былъ въ Петербургѣ и взялъ оттуда сестеръ. Онѣ будутъ жить въ Москвѣ; гдѣ-нибудь я ихъ пристрою, хоть у кого-нибудь изъ знакомыхъ; но лишь бы онѣ не знали и не видѣли своего дома, гдѣ онѣ пропадутъ совершенно. Ты понимаешь все. Ты знаешь, что маменька моя глядитъ и не видитъ, что она дѣлаетъ то, что никакъ не воображаетъ дѣлать, и, думая объ ихъ счастіи, сдѣлаетъ ихъ несчастными и потомъ всю вину сложитъ на Бога, говоря, что такъ Богу угодно было поступить.

«Объ партіи и думать нечего въ нашихъ мѣстахъ, и съ нашимъ несчастнымъ состояніемъ имѣть подобныя надежды было бы странно, тогда какъ здѣсь онѣ могутъ скорѣе на это надѣяться: по крайней мѣрѣ скорѣе здѣсь, чѣмъ гдѣ-либо, можетъ попасться поря-

¹⁾ Письма Гоголя, т. I, стр. 592.

²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 14.

дочный человек и притом менѣе руководимый расчетами. По крайней мѣрѣ здѣсь глаза моихъ знакомыхъ и любящихъ будутъ на нихъ устремлены. Это уже много. Притомъ во всякомъ случаѣ и въ отношеніи воспитанія онѣ могутъ здѣсь болѣе приобрести, чѣмъ потерять» ¹⁾).

Годъ выпуска сестеръ изъ института былъ самымъ тяжелымъ годомъ для Николая Васильевича и въ смыслѣ матеріальныхъ средствъ ²⁾, и въ смыслѣ настроенія, и въ смыслѣ здоровья, потрясеннаго смертью Пушкина ³⁾.

Насколько онъ находился еще подъ впечатлѣніемъ смерти Пушкина, видно изъ письма къ Плетневу 28-го сентября 1839 г., гдѣ, говоря о вѣрности своего предчувствія, онъ прибавляетъ:

«Но одного я никакъ не могъ предчувствовать—смерти Пушкина, и я разстался съ нимъ, какъ будто бы разлучаясь на два дня. Какъ странно! Боже, какъ странно! Россія безъ Пушкина! Я приѣду въ Петербургъ—и Пушкина нѣтъ! Я увижу васъ—и Пушкина нѣтъ! Зачѣмъ вамъ теперь Петербургъ? къ чему вамъ теперь ваши милыя прежнія привычки, ваша прежняя жизнь? Бросьте все, и ѣдемъ въ Римъ! О, если бъ вы знали, какой тамъ пріютъ для того, чье сердце испытало утраты. Какъ наполняются тамъ незамѣстимыя пространства пустоты въ нашей жизни! Какъ близко тамъ къ небу! Боже, Боже, Боже! о мой Римъ! Прекрасный мой, чудесный Римъ! Несчастливъ тотъ, кто на два мѣсяца разстался съ тобою, и счастливъ тотъ, для котораго эти два мѣсяца прошли и онъ на возвратномъ пути къ тебѣ. Клянусь, какъ ни чудесно ѣхать въ Римъ, но возвращаться въ него тысячу разъ прекраснѣе.

«Я въ Москвѣ. Грустно и не хотѣлось сильно! Но долгъ и обязанность послѣдняя: мои сестры. Я долженъ устроить ихъ судьбу. Безъ меня (какъ ни ворочалъ я это дѣло) я не находилъ никакого средства. Я на самое малое время и какъ только устрою сестеръ, не посмотрю ни на какія препятствія, ни на время, и черезъ полтора или два мѣсяца я на дорогѣ въ Римъ» ⁴⁾.

Одновременно пишетъ Николай Васильевичъ письмо къ Жуковскому, изъ котораго видно, до какой степени ему было тяжело оставить Римъ:

¹⁾ Письма Гоголя, т. II, стр. 21.

²⁾ Надѣлавши въ это время долговъ, онъ такъ запутался, что до самой смерти не могъ совершенно отъ нихъ освободиться.

³⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ С. Т. Аксаковъ пишетъ, какимъ громовымъ ударомъ была для Гоголя смерть Пушкина: «Гоголь сдѣлался боленъ и духомъ и тѣломъ. Я прибавлю, что, по моему мнѣнію, онъ уже никогда не выздоравливалъ совершенно, и что смерть Пушкина была единственной причиною всѣхъ болѣзненныхъ явленій его духа, вслѣдствіе которыхъ онъ задавалъ себѣ неразрѣшимые вопросы, на которыя великій талантъ его, изнеможенный борьбою, съ направлениемъ отшельника, не могъ дать сколь-нибудь удовлетворительныхъ отвѣтовъ» («Русскій Архивъ» 1890 г., № 8).

⁴⁾ Письма Гоголя, т. II, стр. 11.

«Если бы знали, что мнѣ стоило бросить Римъ, хотя я знаю, что это не больше, какъ на два мѣсяца. Но, клянусь, если бѣ мнѣ предлагали милліоны и эти милліоны помножили еще на милліоны и потомъ удесятирили эти милліоны, я бы не взялъ ихъ, если бѣ это было съ условіемъ оставить Римъ, хотя на полгода. Но вы меня понимаете; вы знаете его, этотъ прекрасный рай, вознесшійся на семи холмахъ, со всѣми его чудесами, исполинами развалинами и тѣми соснами куполообразными, тѣми кипарисами, которые мы рисовали на этомъ божественномъ воздухѣ. Мои прожекты и старанія уладить мой неотъѣздъ въ Петербургъ не удались ¹⁾. Выпускъ моихъ сестеръ требуетъ непремѣннаго и личнаго моего присутствія» ²⁾).

Сергѣй Тимоѣевичъ Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Гоголѣ рассказываетъ, сколько хлопотъ принесъ Николаю Васильевичу этотъ выпускъ сестеръ изъ института. Много тяжелыхъ минутъ пришлось пережить ему, много нравственныхъ мученій и униженій пришлось перестрадать бѣдному Николаю Васильевичу прежде, чѣмъ онъ рѣшился взять въ долгъ деньги у С. Т. Аксакова.

«Когда я позвалъ, обнялъ его одной рукой и повелъ, такимъ образомъ, наверхъ, то на лицѣ его изобразилось сильное волненіе, смущеніе... Я почувствовалъ, что Гоголь, предвидя, о чемъ я буду говорить съ нимъ, терзался внутренно, что ему это было больно, непріятно, унижительно. Мнѣ вдругъ самому сдѣлалось такъ совѣстно, такъ стыдно, что я привожу въ непріятное смущеніе, даже въ какую-то робость этого геніальнаго художника, и я на минуту поколебался, начинать ли разговоръ объ его положеніи. Я сказалъ ему, что могу безъ малѣйшаго стѣсненія, совершенно свободно, располагать двумя тысячами рублей, что я имѣю право по моей дружбѣ къ нему на то, чтобы онъ взялъ эту помощь безъ малѣйшаго смущенія, не только безъ непріятнаго чувства, но съ удовольствіемъ, которое чувствуетъ человѣкъ, доставляя удовольствіе другому человѣку, и проч. ³⁾. Видно, въ словахъ моихъ и на лицѣ моемъ выражалось столько искренности, что лицо Гоголя не только прояснилось, но сдѣлалось лучезарнымъ. Вмѣсто отвѣта онъ протянулъ мнѣ обѣ свои руки, крѣпко сжалъ мои и посмотрѣлъ на меня такими глазами, какими смотрѣлъ послѣдній разъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, уѣзжая изъ нашего Абраменцова въ Москву» ⁴⁾).

¹⁾ Гоголь, какъ извѣстно изъ письма Жуковскаго, обращался къ племянницѣ Жуковскаго Зонтагъ съ просьбою устроить у нея своихъ сестеръ, на что Жуковскій отвѣчалъ своей племянницѣ: «... то, что вы пишете мнѣ о предложеніи, сдѣланномъ вамъ отъ Гоголя, меня сердитъ». См. «Неизданныя письма Жуковскаго». И. А. Бычкова. Спб. 1862 г.

²⁾ Письма Гоголя, т. II, стр. 6.

³⁾ Эта сцена заставляетъ меня предположить, что Гоголь списалъ Манилова съ С. Т. Аксакова при всей любви къ нему и благодарности.

⁴⁾ «Русь» 1880 г., №№ 4, 5 и 6.

Узнавши случайно о затруднительныхъ обстоятельствахъ Аксакова, Николай Васильевичъ собрался было за безцѣнокъ продать изданіе своихъ сочиненій Смирдину:

«Я очень хорошо понялъ,—говоритъ Аксаковъ,—благородную причину, которая заставила Гоголя поторопиться съ изданіемъ своихъ сочиненій. Я немедленно поѣхалъ къ Гоголю, и, разумѣется, ни той, ни другой продажи не состоялось»¹⁾.

V.

Взявши сестеръ изъ института, Николай Васильевичъ отправился съ ними въ Москву и остановился вмѣстѣ съ сестрами у Подогина. Изъ Москвы написалъ онъ матери:

«Если бы вы знали, какъ бы мнѣ теперь хотѣлось повидаться съ вами. Если бъ вы могли достать себѣ денегъ, хотя бы только на проѣздъ въ Москву.

«Мнѣ, признаюсь, хотѣлось бы, чтобы вы увидѣли Москву. Это бы васъ развлекло, притомъ движеніе и переѣздъ васъ бы оживили. Сестры, славу Богу, здоровы, несмотря на то, что не весьма крѣпкаго сложенія. Я имъ доставилъ общество не шумное и разсѣянное, но тихое и пріятное, которое бы дѣйствовало на ихъ нравственность. Къ счастью моему, сюда пріѣхалъ архимандритъ Макарій, мужъ извѣстный своею святою жизнью. Я просилъ его, и онъ такъ добръ, что, несмотря на неимѣніе времени и кучу дѣлъ, пріѣзжаетъ къ намъ и научаетъ сестеръ моихъ великимъ истинамъ христіанства.

«Если есть возможность, то сготовляйтесь скорѣе въ дорогу, чтобы не утратить времени, такъ чтобы и назадъ возвратиться по зимнему пути. Бѣдненькія сестры хотѣли бы очень васъ видѣть»²⁾.

Марья Ивановна не замедлила пріѣхать въ Москву. По воспоминаніямъ Сергѣя Тимофеевича Аксакова, она произвела на всѣхъ очень пріятное впечатлѣніе и казалось гораздо моложе и красивѣе своихъ дочерей. Последнія много теряли отъ своей чрезмѣрной застѣнчивости. Это было обыкновенное явленіе среди институтокъ того времени, проводившихъ семь лѣтъ безвыѣздно въ стѣнахъ института.

Въ Москвѣ Николаю Васильевичу удалось пристроить одну лишь свою младшую сестру у Раевской³⁾, а старшая сестра Анна Василь-

¹⁾ «Русь» 1880 г., № 4, 5, 6.

²⁾ Письма Гоголя, т. II, стр. 35.

³⁾ Въ тѣ времена, когда при крѣпостномъ правѣ жизнь стоила такъ дешево, было вовсе не предосудительнымъ оставлять подолгу гостить у кого-нибудь своихъ только что вышедшихъ изъ института дочерей. Помѣщики средней руки отдаленныхъ отъ центра губерній при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ иногда не имѣли никакой возможности пріѣзжать за своими дочерьми, и оставляли ихъ гостить у знакомыхъ, если не было дальнихъ родственниковъ. Такъ было съ моими старшими сестрами, окончив-

евна уѣхала съ матерью въ деревню. Воспоминанія С. Т. Аксакова о поѣздкѣ своей въ Петербургъ вмѣстѣ съ Гоголемъ и о возвращеніи его съ нимъ въ Москву чрезвычайно интересны. Въ Петербургѣ С. Т. Аксаковъ остановился съ сопровождавшей его дочерью Вѣрой Сергѣевной у сестры своей Надежды Тимоѣевны, а Николай Васильевичъ сначала у Плетнева, а потомъ переѣхалъ къ Жуковскому.

«Послѣдующіе дни Гоголь не такъ часто видѣлся съ нами, потому что очень занимался своими сестрами: онъ самъ покупалъ все нужное для ихъ костюма, нерѣдко терялъ записки нужныхъ покупокъ, которыя онѣ ему давали, и покупалъ совсѣмъ не то, что было нужно, а между тѣмъ у него была маленькая претензія, что онъ во всемъ знаетъ толкъ и умѣетъ купить хорошо и дешево. Очень жаловался на юродство институтскаго воспитанія.

«Наконецъ, ѣздили мы съ Вѣрой въ институтъ къ его сестрамъ. Гоголь былъ нѣжный братъ; онъ боялся, что сестры его произведутъ на насъ невыгодное впечатлѣніе; во всю дорогу приготовлялъ насъ, рассказывая объ ихъ неловкости, неумѣни говорить. Мы нашли ихъ точно такими, какъ ожидали, совершенными монастырками.

«Возвратный путь совсѣмъ не былъ такъ веселъ, какъ путь изъ Москвы въ Петербургъ, потому что Гоголя сильно озабочивали и смущали сестры. Уродливость институтскаго воспитанія выказывалась тутъ выпукло и ярко. Ничего, конечно, не зная и не понимая, онѣ всего боялись, отъ всего кричали и плакали, особенно по ночамъ. Принужденность положенія въ дорогѣ, шубы, платки и теплая обувь наводили на нихъ тоску, такъ что имъ дѣлалось и тошно, и дурно. Къ тому же, какъ совершенныя дѣти, онѣ безпрестанно ссорились между собою. Все это приводило Гоголя въ отчаяніе и за настоящее и за будущее ихъ положеніе. Надобно сказать правду, что бѣдной Вѣрочкѣ (Вѣрѣ Сергѣевнѣ Аксаковой) много было хлопотъ и заботъ, и я удивляюсь ея терпѣнію. Я не знаю, что сталъ бы съ ними дѣлать Гоголь безъ нея, онѣ бы свели его съ ума. Жалко и смѣшно было смотрѣть на Гоголя, онъ ничего не разумѣлъ въ этомъ дѣлѣ, и всѣ его приемы и наставленія были нехстати, не у мѣста, не во время и совершенно бесполезны, и гениальный поэтъ былъ въ этомъ случаѣ нелѣпѣ всякаго пошлаго человѣка, Онъ и Вѣра постоянно были заняты около капризныхъ *патриотокъ*, на которыхъ угодить не было никакой возможности, которымъ все не нравилось, потому что не было похоже на ихъ институтъ, и которыя буквально почти ничего не ѣли. Каково было смотрѣть на

ними Смольный институтъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Онѣ гостили болѣе двухъ лѣтъ у нашей дальней родственницы въ Петербургѣ, пока она сама не отвезла ихъ въ деревню къ матери.

¹⁾ С. Т. Аксаковъ ѣздилъ, чтобы похлопотать объ опредѣленіи сына и навѣстить овдовѣвшую сестру свою.

все это бѣдному Гоголю? Онъ просто былъ мученикъ. Наконецъ на 5 сутки притащились мы въ Москву. Натурально, сначала всѣ пріѣхали къ намъ. Гоголь познакомилъ сестеръ съ моей женой и моимъ семействомъ и перевезъ ихъ къ Погодину, у котораго и самъ помѣстился. Они занимали мезонинъ: на одной сторонѣ жилъ Гоголь, а на другой его сестры. Передъ святой недѣлей пріѣхала матъ Гоголя съ его меньшей сестрой Ольгой.

«Взглянувъ на Марью Ивановну и поговоря съ нею нѣсколько минутъ отъ души, можно было понять, что у такой женщины могъ родиться такой сынъ. Это было доброе, нѣжное, любящее существо, полное эстетическаго чувства, съ легкимъ оттѣнкомъ самаго кроткаго юмора. Она была такъ моложава, такъ хороша собой, что ее рѣшительно можно было назвать только старшею сестрой Гоголя. Натурально, Марья Ивановна жила вмѣстѣ со своими дочерьми также у Погодина. По возвращеніи изъ Петербурга, проживъ нѣкоторое время съ матерью и сестрами, Гоголь увѣрилъ себя, что его сестры, которыя по-ребячьи были очень несогласны между собою, не могутъ ѣхать вмѣстѣ съ матерью въ деревню, потому что онѣ постоянно будутъ огорчать матъ своими ссорами. Итакъ, онъ рѣшился какъ-нибудь пристроить младшую сестру Лизу, которая была умнѣе и живѣе и болѣе расположена къ жизни въ обществѣ. Приведеніе въ исполненіе этой мысли стоило много хлопотъ и огорченій Гоголю. Черткова, съ которой былъ друженъ Гоголь, не взяла его сестры къ себѣ, хотя очень могла это сдѣлать; у другихъ знакомыхъ помѣстить было невозможно. Наконецъ, черезъ Шереметеву, почтенную благотворительную [старушку, которая впослѣдствіи полюбила Гоголя, какъ сына, помѣстилъ онъ сестру Лизу у Раевской, женщины благочестивой, богатой, не имѣвшей своихъ дѣтей, и у которой жили и воспитывались какія-то родственницы¹⁾».

Чтобы дать понятіе о томъ, насколько сестры Николая Васильевича послѣ выпуска изъ института была еще дѣтьми, несмотря на свои 16 и 17 лѣтъ, привожу выписку изъ дневника Елизаветы Васильевны Быковой:

«Въ Москву мы пріѣхали вечеромъ прямо къ Аксаковымъ, и это семейство приняло насъ очень радушно. У нихъ было большое семейство; въ ихъ кругу мы очень пріятно проводили время и чувствовали себя легко и хорошо. Я была совершеннымъ ребенкомъ, играла съ маленькими въ куклы, которыя очень меня занимали, хотя я старалась это скрывать. Въ Москвѣ мы остановились у профессора Погодина, пріятеля брата. Его семейство состояло изъ жены, молодой женщины, двухъ маленькихъ дѣтей и матери его, большой охотницы до картъ; она сейчасъ же выучила насъ играть въ бостонъ, и мы играли съ нею почти каждый день. Братъ часто дѣлалъ намъ

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1890 г., № 8.

подарки, и мы находили у себя сюрпризомъ то хорошенькій флаконъ, то корзинку, рабочій ящикъ и др. Братъ не любилъ видѣть насъ безъ дѣла и заставлялъ въ будень переводить, а по праздникамъ вышивать. Вдругъ разъ въ праздникъ онъ посылаетъ меня вмѣсто обычнаго вышиванія за переводы, я очень огорчилась и почти со слезами отправилась переводить. И что же? Вмѣсто тетради для переводовъ я вижу на своемъ столѣ ящикъ моихъ любимыхъ конфетъ. Братъ такъ же, какъ и я, былъ большой лакомка, и у него въ бюро всегда имѣлся большой запасъ орѣховъ и сливъ въ сахарѣ (его любимое лакомство). Зная это, я сейчасъ же отправляла въ ящики бюро свои руки; если братъ не успѣвалъ во время его закрытъ, то у насъ начиналась борьба, изъ которой братъ выходилъ побѣдителемъ» ¹⁾.

Очень скверно чувствовалъ себя Николай Васильевичъ въ этотъ прїѣздъ свой въ Россію; непривычныя хлопоты по обмундированію двухъ сестеръ своихъ сразу, денежныя затрудненія, нравственныя мученія и униженія при заемѣ денегъ, не исполнѣнное желаніе его пристроить обѣихъ своихъ сестеръ въ Москвѣ—все это сильно утомило его и заставляло всею душою стремиться обратно въ Римъ. Онъ писалъ Погодину ²⁾ изъ Москвы:

«О, если бъ ты былъ счастливъ и все везло тебѣ! Ты счастливъ внутри себя, собою, но нужно, чтобъ и снаружи—чтобы не смутило тебя низкое, пошлое, внѣшнее, котораго мертвящій гнетъ лежитъ теперь на раменахъ моихъ.

«О, выгони меня, ради Бога и всего святого, вонъ, въ Римъ, да отдохнетъ душа моя! Скорѣе, скорѣе! Я погибну. Еще, можетъ быть, возможно для меня освѣженіе. Не можетъ быть, чтобы я совсѣмъ умеръ, чтобы все возвышенное застыло въ груди моей безъ вызова. Спаси меня и выгони вонъ скорѣе!» ³⁾

Въ такомъ же духѣ писалъ Николай Васильевичъ и къ Жуковскому изъ Москвы:

«Даже не помню, благодарилъ ли васъ за петербургскій пріютъ и любовь вашу. (Гоголь останавливался у Жуковского, когда ѣздилъ въ Петербургъ за сестрами). Боже! какъ я глушь, какъ я ничтожно, несчастно глушь! и какое странное мое существованіе въ Россіи! Какой тяжелый сонъ! О, когда бъ скорѣе проснуться! ⁴⁾ Ничто, ни люди, встрѣча съ которыми принесла бы радость, ничто не въ со-

¹⁾ «Русь» 1866 г., № 12.

Почтенный психіатръ Чижъ можетъ сдѣлать еще заключеніе, что Гоголь былъ очень жаденъ, скупъ, какъ это часто бываетъ съ душевнобольными, поэтому считаю нужнымъ объяснить, что это своего рода была шутка, желаніе поиграть, побороться съ сестрой, попроказничать вмѣстѣ съ ней.

²⁾ Погодинъ уѣзжалъ въ это время изъ Москвы.

³⁾ Письма Гоголя, т. II, стр. 32.

⁴⁾ То есть опять очутиться въ Римѣ.

стояннїи возбудить меня. Нѣсколько разъ брался за перо писать къ вамъ и какъ деревянный стоялъ передъ столомъ: казалось, какъ будто застыли всѣ нервы, находящіеся въ соприкосновеніи съ моимъ мозгомъ, и голова моя окаменѣла» ¹⁾).

VI.

Благодаря Жуковскому, Николай Васильевичъ вырвался наконецъ изъ гнетущей его духъ Россіи въ свой возлюбленный Римъ и передъ отъѣздомъ писалъ Жуковскому:

«Пишу къ вамъ впопыхахъ, передъ выѣздомъ. Сдѣлалъ кое-какую сдѣлку съ третьею частью моихъ сочиненій. Деньги получу не вдругъ и не теперь, но вѣрныя. Отъ Погодина вы получите половину въ этомъ году того долга, который вы для меня сдѣлали, благодаря великодушной любви вашей. Теперь у меня на душѣ покойнѣе, и я чувствую даже—чего давно не чувствовалъ—какое-то тайное расположеніе къ труду. О, если бъ отошли и унеслись отъ меня послѣднія тревоги! Духу моему теперь нужно спокойствіе, совершенное спокойствіе!» ²⁾

Изъ письма Николая Васильевича къ матери видно, что съ перѣѣздомъ за границу онъ сдѣлался нѣсколько спокойнѣе, тяжесть, которая жала его сердце во все время пребыванія въ Россіи, «наконецъ какъ будто свалилась», но заботы о сестрахъ и матери не оставляли его и за границей. До самой смерти не переставалъ онъ думать и заботиться о нихъ. Изъ Вѣны писалъ онъ И. П. Раевской:

«Какъ вообразу себѣ вашъ тихій, свѣтлый, весь проникнутый душевною добротою взглядъ, мнѣ становится легче. Ни слова не скажу вамъ о своей благодарности. Здѣсь мы совершенно понимаемъ другъ друга, и вы можете знать, какъ она велика. Положеніе сестры моей было для меня невыносимою тяжестью, и сколько ни прибиралъ я въ умѣ своемъ, гдѣ бы найти ей уголь такой, гдѣ бы характеръ ея нашелъ хорошую дорогу и укрѣпился на ней, я не могъ, однакожь, и потерялся было совершенно. И вдругъ Богъ мнѣ ниспослалъ больше, чѣмъ я ожидалъ. Въ вашемъ домѣ я нашелъ все. Я поздравилъ себя внутренно, и душа моя нашла успокоеніе. Вотъ почему, когда вы меня спросили, какъ я хочу, чтобы была ведена моя сестра, я не сказалъ вамъ ничего, потому что главное было найдено. Если она утвердится въ одномъ хорошемъ, и душа ея пріобрѣтетъ хотя часть того, что находится въ окружающемъ ее обществѣ, то вездѣ, гдѣ бы она потомъ ни была, куда бы ни бросила судьба ея, она будетъ вездѣ счастлива. Къ тому же что бы я могъ сказать вамъ? Вы женщина, вы лучше моего знаете, что нужно

¹⁾ Письма Гоголя, т. II, стр. 32.

²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 40.

женщинѣ. Съ моей стороны, я бы пожелалъ, чтобы сестра моя выучилась вотъ чему:

«1) Умѣть быть довольну совершенно всѣмъ.

«2) Быть знакому болѣе съ нуждою, чѣмъ съ изобиліемъ.

«3) Узнать, что такое терпѣніе, и находить наслажденіе въ трудѣ.

«Собственно же, къ какому званію ее готовить, я объ этомъ не заботился—это временное, а я думалъ больше о вѣчномъ. Притомъ гувернанткой ли, или чѣмъ другимъ быть—все это одностороннее и можетъ только научить одному чему-нибудь. Назначеніе женщины—семейная жизнь, а въ ней много обязанностей разнородныхъ. Здѣсь женщина является и гувернанткой, и нянькой, и домоводкой, и казначейшей, и распорядительницей, и рабой, и повелительницей. Словомъ, обязанности, которыхъ съ перваго разу покажется невозможно всѣхъ узнать, но которыя узнаются нечувствительно, сами собою, безъ всякой системы. Вы же имѣете къ тому всѣ средства. Напримѣръ, вы можете поручить ей иногда какія-нибудь отдѣльныя части домашняго хозяйства, особенно что-нибудь такое, что бы доставляло ей въ одно время и моціонъ, потому что по своей волѣ и прогуливаться, для того, чтобы прогуливаться, молодыя дѣвушки не любятъ, да оно, впрочемъ, и лучше. Вы, вѣрно, проживете лѣто въ деревнѣ, а въ деревнѣ столько разныхъ хозяйственныхъ занятій, требующихъ и бѣготни и хлопотъ! Мое всегдашнее желаніе было, чтобы у нея былъ одинъ какой-нибудь трудъ постоянный, который бы занималъ у нея часа полтора, но рѣшительно всякій день и въ одно и то же время. Это—переводить, занятіе, которое въ будущемъ ей можетъ очень прислужиться и даже дать средства жить, если другихъ не найдется. Я же, по своему отношенію литературному, могу нѣкоторымъ образомъ доставить ей выгодный сбытъ и личную цѣну. Нѣтъ нужды, что она теперь переводитъ еще плохо; нужно, чтобы переводила и переводила рѣшительно всякій день. Переводъ не требуетъ большого таланта: это дѣло привычки и навыка. Еще необходимо нужно разнообразить занятія. Это оживляетъ трудъ, не даетъ мѣста скукѣ; а между тѣмъ очень полезно для здоровья. Окончивши переводъ, ей нужно дать послѣ этого такое занятіе, чтобы она непрерывно находилась на ногахъ. Не мѣшало бы ей давать разныя порученія: купить что-нибудь, расплатиться, свести приходъ и расходъ. Она дѣвушка бѣдная, у ней нѣтъ ничего. Если она выйдетъ замужъ, то это ей будетъ вмѣсто приданаго, и, вѣрно, мужъ ея, если только онъ будетъ человѣкъ неглупый, будетъ за него больше благодарить, чѣмъ за денежный капиталъ.

«Вы упоминаете въ вашемъ письмѣ, какъ будто даже съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, что вы живете въ уединеніи и что Лизѣ это, можетъ быть, не такъ весело, а я, напротивъ, вижу изъ ея письма, что ей слишкомъ весело, и, признаюсь, это даже страшитъ меня, Мнѣ бы хотѣлось, чтобы сначала нѣсколько горечей примѣшалось

въ ея жизни, чтобы потомъ не слишкомъ уже тяжелою и трудною показалось жизнь ея и не представилось бы потомъ это время, какъ что-то, имѣющее видъ вѣчно утраченнаго блаженства. Въ будущемъ есть много грозящаго для ней, но Богъ милостивъ. По крайней мѣрѣ тѣ качества, то воспитаніе души, которое приобрѣтетъ она въ вашемъ прекрасномъ обществѣ, будетъ твердымъ сопутникомъ впередъ»¹⁾).

По поводу сестеръ своихъ Николай Васильевичъ писалъ одновременно и Погодину, котораго благодарилъ за свѣдѣнія о младшей сестрѣ Елизаветѣ Васильевнѣ, жившей въ Москвѣ у Раевской:

«Благодарю за свѣдѣнія о Лизѣ,—пишетъ онъ Погодину изъ Рима въ 1840 году:—я не имѣлъ въ томъ сомнѣнія, чтобы она не становилась лучше; но все нельзя, чтобы я былъ совершенно спокоенъ на ея счетъ. Есть еще въ характерѣ ея нѣкоторая легкость. Въ ней недостатокъ именно того, что есть у сестры ея (Анны Васильевны).

«Если бы и это у нея было, тогда бы я просто закрылъ глаза спокойно.

«Аннетой я доволенъ совершенно, и каждое письмо ея дѣлаетъ меня еще довольнѣе. Какъ поняла она свое положеніе! Уже въ послѣдній день, который она провела со мною, я прочиталъ въ лицѣ ея рѣшительность и силу и видѣлъ въ жадности, съ какой она меня слушала, что уже съ моей стороны сдѣлано все. Начать съ того, что она прежде всего выздоровѣла совершенно, сдѣлалась рѣзва, жива и бѣгаетъ такъ, что ее трудно удержать. Увидѣла вдругъ, въ чемъ на нужна матери. Наконецъ, самое главное—умѣла выйти изъ круга того, который окружаетъ ихъ, и составить себѣ кругъ знакомыхъ мимо этой коры, сквозь которую рѣдка я изъ женщинъ продирается.

«Письма ея наполнены были благодарностью ко мнѣ и дышатъ нѣжностью. Словомъ, я спокоенъ какъ нельзя болѣе за нее.

«А Лиза... Лиза можетъ сдѣлаться еще лучше, чѣмъ теперь, благодаря обществу, которое ее теперь окружаетъ, Вы, Аксаковы, Раевскіе—тутъ, кромѣ хоршаго, натурально, ничего нельзя занять. Лиза золото, если попадется въ хорошія руки; если же въ дурныя или такія, которыхъ превосходство надъ собою она не почувствуетъ, то Лизы въ нѣсколько дней нельзя будетъ узнать. Вотъ почему я подумать не могу безъ страха, если бѣ ей, не дай Богъ, случилось жить съ матерью и сестрами да еще въ такой деревнѣ и кругѣ»²⁾).

По рассказамъ Анны Васильевны, младшая сестра ея Елизавета Васильевна заключала въ своемъ характерѣ много ребяческаго, и Николай Васильевичъ обращался съ ней, какъ съ ребенкомъ. Его отечески-нѣжное отношеніе къ ней видно изъ письма, написаннаго ей тогда, когда она была еще у Раевской:

¹⁾ Письма Гоголя, т. II, стр. 52 и 70.

²⁾ Письма Гоголя, т. II, стр. 78 и 79.

«Я получилъ два письма твоихъ. Наконецъ, ты умница: письма довольно длинны и обстоятельно въ нихъ описано все, что слѣдуетъ и что мнѣ пріятно знать. Вотъ тебѣ за это поцѣлуй! Лови его на воздухъ! или, пожалуй, приставь щеку къ этой строчкѣ: это будетъ значить, что тебя поцѣловалъ. Жду теперь съ нетерпѣніемъ твоего описанія деревни ¹⁾ и какъ ты разливаешь чай и варишь варенья. Объ этомъ всемъ подробно—сколько именно разъ позабыла вернуть кранъ у самовара и напустила на скатерть горячей воды и сколько разъ послѣ варенья приходила за обѣдъ съ сахарными усами на губахъ,—все безъ исключенія! А я тебѣ за это хоть, пожалуй, теперь же прочту два-три правоученія:

«1) У тебя есть страшная причуда бояться всего новаго, всего, что еще незнакомо. Ты уже впередъ говоришь, что это, вѣрно, будетъ непріятно, вѣрно, скучно,—не испытавши и не узнавши. Тебя непремѣнно нужно на все подталкивать сзади. Ты уже о деревнѣ даже стала говорить, что тамъ будетъ скучно, тогда какъ и кончикъ носа твоего еще не былъ въ деревнѣ. А между тѣмъ отъ тебя я знаю, что тебѣ въ деревнѣ весело, какъ нельзя болѣе. Занятій много, и ты, вѣрно, будешь слишкомъ жалѣть о томъ, что нужно наконецъ возвратиться въ городъ. И такъ ты во всемъ. Помнишь, какъ ты боялась въ первый разъ ѣхать въ Парасковѣ Ивановнѣ ²⁾. Чѣмъ же кончилось? Ты теперь влюблена въ Парасковью Ивановну (Раевскую). Ты грустишь, что не знаешь, какъ выразить свои чувства. Ты говоришь съ восторгомъ о Софьѣ Николаевнѣ (двоюродная сестра Раевской) и Надеждѣ Карловнѣ (дочь пастора, гувернантка у Раевской), и все письмо твое наполнено упреками себѣ самой и жалобами на свою застѣнчивость, которая препятствуетъ тебѣ показывать имъ всю себя. И такъ, вотъ тебѣ заключеніе: какъ только Парасковья Ивановна будетъ тебѣ что-нибудь предлагать новое—занятіе или поѣздку, то ты впередъ хохочи, и покрѣпче. Это, вѣрно, будетъ весело, полезно и хорошо для тебя. Смотри же, будь умна. Вотъ тебѣ поцѣлуй еще; хотя чубы твои замазаны вареньемъ, но въ письмѣ это неопасно: не прилипнетъ ³⁾).

«Теперь второе наставленіе, за которое ты должна меня расцѣловать—такъ оно пріятно будетъ тебѣ и полезно. Знаешь ли, какимъ образомъ побѣдить свою застѣнчивость и выразить чувства любви.

¹⁾ Раевская уѣзжала на лѣто въ деревню и брала съ собою Елизавету Васильевну.

²⁾ Николай Васильевичъ писалъ по этому поводу сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ: «Лиза день было погрустила послѣ вашего отъѣзда, особливо, когда вошла въ пустую комнату. Но на другой и на третій день развеселилась снова. Теперь она уже обожаетъ Раевскую, куда она переѣзжаетъ 10-го мая». (Тамъ же, II т., стр. 36).

³⁾ Въ своемъ дневникѣ Елизавета Васильевна по поводу варенья вспоминаетъ, что братъ былъ большой лакомка и рассказываетъ, какъ онъ ее иногда поддразнивалъ: «Если я прошу у него слишкомъ много, то онъ всегда говоритъ: «Погоди, я лучше покажу тебѣ, какъ ѣсть одинъ мой знакомый, смотри, вотъ такъ,—а другой этакъ». И пока я занималась представленіемъ и смѣялась, онъ съѣдалъ все варенье». («Русь» 1886 г., № 12).

Знаешь ли какимъ образомъ доказать это? Надежда Карловна права, когда думаетъ, что все, что ты говоришь,—на словахъ только. Словами, точно, не доказывается любовь. Ты должна это доказать на дѣлѣ. Ты теперь въ деревнѣ и, стало быть, почти хозяйка. Онѣ всѣ заняты своимъ дѣломъ и имъ иногда некогда думать о себѣ. Ты должна всячески замѣчать, что кому изъ нихъ нравится, и постараться въ ту же минуту имъ это приготовить; встать пораньше и сдѣлать все, покамѣстъ онѣ еще спятъ. Напримѣръ, если кто изъ нихъ любитъ цвѣты, ты должна набрать свѣжихъ цвѣтовъ, другой ягодъ и тому подобное... и ты увидишь, какъ это пріятно будетъ, потому что нѣтъ на свѣтѣ ничего болѣе пріятнаго, какъ исполненіе желанія тѣхъ, которыхъ любишь или даже просто доставить наслажденіе кому бы то ни было. Ну, видишь какое пріятное наставленіе! Поцѣлуй же меня, оботри свои губы!

«За этимъ сейчасъ будетъ слѣдовать тебѣ сильный выговоръ. Я только что получилъ письмо отъ маменьки. Что ты надѣлала! Маменька чуть не плачетъ; письмо ея исполнено самаго безконечнаго вниманія. Зачѣмъ ты написала, что ты упала съ дрожекъ, что у тебя болитъ съ тѣхъ поръ грудь; что ты скучаешь ужасно. Не стыдно ли тебѣ надѣлать столько глупостей!

«Ты должна всячески успокаивать маменьку, а ты ей пишешь такія письма. Ты обо всемъ этомъ должна бы написать мнѣ, а не маменькѣ; у маменьки и такъ много горя; и такъ слишкомъ печально ея существованіе, а ты растравляешь его еще! Она утѣшала себя тѣмъ, что хотя одно дитя счастливо, а ты ей подобными глупостями разрываешь ея душу. Она при своей мнительности можетъ подумать, что у тебя чахотка. Ну, что, если она сдѣлается больною отъ этого? Сестра Аннетъ тоже не могла читать равнодушно письма твоего и письмо ея ко мнѣ исполнено непритворной горести и участія къ тебѣ. Все ея письмо доказываетъ, что она тебя истинно любить. Я до сихъ поръ изумляюсь твоему поступку. Сейчасъ же поправь свою ошибку и напиши письма къ маменькѣ и сестрѣ самыя утѣшительныя. Но довольно! Поцѣлуй меня, мой ангелъ! Оботри сахаръ на губахъ своихъ. Благодарю тебя за то, что молилась за мое здоровье. Оно, точно, было плохо, и я захворалъ было не на шутку. (Гоголь сильно заболѣлъ къ Вѣнѣ и даже близокъ былъ къ смерти), но теперь, благодаря Бога, началъ поправляться. Прощай, Христосъ съ тобой!»¹⁾

Въ концѣ 1841 года Николай Васильевичъ, окончивъ свою работу надъ первой частью «Мертвыхъ душъ», пріѣхалъ въ Россію, чтобы издать ее. Объ этомъ есть очень интересное воспоминаніе сына Погодина, которому тогда было двѣнадцать лѣтъ.

¹⁾ Письма Гоголя, т. II, стр. 64.

«Большое удовольствіе доставилъ Николаю Васильевичу прїѣздъ его двухъ сестръ Марьи Васильевны и Анны Васильевны, помѣстившихся у насъ же¹⁾. Гоголь былъ очень нѣжный и заботливый братъ и сейчасъ же задумалъ имъ что-нибудь подарить, но не зналъ что и прибѣгъ къ совѣту моей матери. Съ общаго совѣта они рѣшили купить два черныхъ шелковыхъ платья, въ которыхъ его «сестренки» какъ онъ выражался, вскорѣ защеголяли. Продажа изданій Николая Васильевича шла тупо, и онъ постоянно нуждался въ деньгахъ, но прибѣгалъ къ помощи своихъ друзей только въ крайнихъ случаяхъ»²⁾.

С. Т. Аксаковъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ этотъ прїѣздъ послѣдовала сильная перемена въ Гоголѣ: «Онъ сталъ худъ, блѣденъ, и тихая покорность воли Божіей слышна была въ каждомъ его словѣ. Гастрономическаго направленія и прежней проказливости какъ будто не бывало. Иногда, очевидно, безъ намѣренія слышался юморъ и природный его комизмъ. Въ первыхъ числахъ мая прїѣхала мать Гоголя съ его сестрой Анной, чтобы взять съ собою Лизу, которая цѣлый годъ жила у Раевской, и чтобы проститься съ сыномъ, который, вѣроятно, увѣдомилъ ее, что уѣзжаетъ надолго. Она остановилась также у Погодина. Марья Ивановна женщина необыкновенная. Она такъ моложава и хороша собой, что дочери кажутся при ней дурными. Лицо ея постоянно грустно, особенно послѣ отъѣзда Николая Васильевича³⁾, она плачетъ мало, но видно, какъ глубоко огорчена и между тѣмъ говорить, что не надобно грустить, ибо у нихъ (т. е. у малороссовъ) есть по-вѣрье, что тотъ человѣкъ, о которомъ грустятъ, будетъ оттого грустить больше. Вѣра очень справедливо пишетъ въ письмѣ къ М. К. (подруга ея), что какъ-то странно видѣть мать Гоголя и слышать, какъ она говоритъ о немъ: «Когда Николенька писалъ «Мертвыя души», онъ желалъ только добра людямъ». Она увидѣла одинъ разъ только что вышедшій томъ «Мертвыхъ душъ», лежавшій на столѣ у насъ въ гостиной, она развернула и прочла: «О, моя юность, о, моя свѣжесть...» и залилась слезами.

«Поразительно было видѣть, какъ по наружности молодая, прекрасная и свѣжая женщина оплакивала увядшую юность и свѣжесть своего сына!»⁴⁾

Марья Ивановна въ семьдесятъ шесть лѣтъ не имѣла ни одного сѣдого волоса и была добра и здорова, рассказывала мнѣ Анна

¹⁾ «Истор. Вѣст.», 1892 г., № 4, стр. 44.

²⁾ Сынъ Погодина ошибается: Марья Ивановна прїѣхала съ одной Анной Васильевной, а другая сестра была не Марья Васильевна, а Елизавета Васильевна.
А в т.

³⁾ Въ этотъ прїѣздъ свой Николай Васильевичъ оставался очень недолго въ Россіи.
А в т.

⁴⁾ «Русскій Архивъ», 1890 г., № 8.

Васильевна. Умерла она скоропостижно, на первый день Пасхи. Вѣроятно, рѣзкій переходъ отъ постной пищи къ скоромной былъ тому причиною. Умерла она въ 1868 году, семидесяти шести лѣтъ отъ роду, переживъ своего геніальнаго сына и дочь свою Елизавету Васильевну Быкову.

Въ этотъ прїѣздъ свой Николай Васильевичъ не долго оставался въ Москвѣ. Неудовольствія, возникнувшія между нимъ и Погодинымъ, были тому причиною; но объ этой ссорѣ, происходившей на почвѣ взаимнаго разочарованія, не знали не только мать Гоголя и жена Погодина, но даже и Аксаковы, какъ видно изъ воспоминаній Сергѣя Тимофеевича:

«У меня всегда было правило не навязываться своимъ участіемъ, не домогаться ничьей откровенности. Такое правило рѣшительно бываетъ ложно, а съ Гоголемъ болѣе ложно, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь. Будучи плохимъ христіаниномъ, я съ неудовольствіемъ и недовѣрчивостію смотрѣлъ на религіозное направленіе Гоголя. Вѣрно, это было главною причиною, почему онъ не открывался мнѣ въ своихъ намѣреніяхъ. Если бъ я съ любовью и горячностью приставалъ къ Гоголю съ разспросами, если бъ я заставлялъ его быть съ собою откровеннымъ съ самаго прїѣзда въ Москву, то, вѣроятно, я могъ бы не допустить до огромнаго размѣра его неудовольствія съ Погодинымъ и тогда, можетъ быть, Гоголь не уѣхалъ бы изъ Россіи, по крайней мѣрѣ такъ скоро. Я тогда еще не вполнѣ понималъ Погодина и потому не догадывался, что главнѣйшею причиною было то, что Гоголь ничего не давалъ ему въ журналъ, чего онъ постоянно и грубо требовалъ. Послѣ объяснилось, что Погодинъ писалъ, мучилъ Гоголя не только словами, но даже записками, требуя статей себѣ въ журналъ и укоряя его въ неблагодарности, которыя посылалъ ежедневно къ нему снизу вверхъ. Такая жизнь сдѣлалась мученіемъ для Гоголя и была единственною причиною скораго его отъѣзда за границу» ¹⁾.

Уѣхалъ Гоголь сначала въ Петербургъ, а потомъ надолго за границу. Распродажѣ только что вышедшей первой части «Мертвыхъ душъ» завѣдывалъ Шевыревъ и по мѣрѣ выручки денегъ расплачивался съ долгами. Провожали Гоголя до станціи Химокъ С. Т. Аксаковъ съ двумя сыновьями и М. С. Щепкинъ съ сыномъ.

VII.

Въ 1846 году умерла Раевская, и Елизавета Васильевна очень огорчилась. Сообщая объ этомъ брату, она въ то же время просила его дать совѣтъ относительно сиротки Эмилии, ея крестницы, о которой она заботилась до своего замужества, а послѣ ея свадьбы въ

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1890 г., № 8.

1851 году заботы объ Эмилиі перешли къ Ольгѣ Васильевнѣ. Отвѣтъ Николая Васильевича на это письмо замѣчательнѣе тѣмъ, что въ немъ видны проблески педагогическаго таланта, совсѣмъ не признаваемого современниками. Только благодаря статьямъ: «Гоголь, какъ историкъ» ¹⁾ О. А. Витберга, «Писатель-гражданинъ» Венгерова ²⁾, «Противорѣчія и сомнѣнія въ біографіи Гоголя» профессора Киршичникова ³⁾ выяснилось, что Гоголь былъ не только не ниже, но значительно выше профессоровъ своего времени.

Письмо Гоголя къ Елизаветѣ Васильевнѣ было написано на Пасху, такъ какъ оно начинается словами:

«Христось Воскресе, добрая моя Лиза. Отвѣчаю тебѣ на твои два письма. Ими я гораздо болѣе доволенъ, чѣмъ всѣми твоими прежними письмами, хотя въ нихъ заключается грустное извѣстіе о смерти Парасковьи Ивановны Раевской, которой безмятежная и чистая душа уже ликуеть теперь на небесахъ. Не грусти о ней, но молись.

«Извѣстіе твое о бѣдственной судьбѣ твоей крестницы также трогательно. Но зачѣмъ же ты не возьмешь ее къ себѣ? или мѣста нѣтъ въ домѣ, что ли? И зачѣмъ тебѣ уступать свою комнату? Можно особенно опредѣлить для этого комнату и назвать ее, просто, дѣтскою, потому что, Богъ вѣсть, можетъ быть, опять отыщется какая-нибудь сиротка, которой негдѣ пріютиться на свѣтѣ. Теперь, когда ты глядишь на это, какъ на христіанскую обязанность, — другое дѣло. А о невозможности содержать не стоитъ говорить: эти слова пустяки: дѣвочка немного съѣсть и немного сносить платья. Одѣвать ее можно очень просто; чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Воспитывать тоже можно очень просто. Нужно только, чтобы она была добра душой и сердцемъ, хозяйка, услужлива, привѣтлива, ласкова, какъ ласточка, и готова на всякую работу и трудъ, какъ для себя, такъ и для другихъ. По-моему, я бы не отдавалъ ее въ институтъ, потому что дома можно лучше выучиться всему тому, что нужно для дѣвушки, для того, чтобы сдѣлаться хорошей хозяйкой, хорошей женой и хорошей матерью. Дѣвушкѣ бѣдной вовсе не нужны тѣ таланты, которые пріобрѣтаются для того, чтобы блистать въ обществѣ. Старайся возлагать маленькія порученія по домоводству, они найдутся и для ребенка. Въ домашнемъ быту есть каждому кое-что по силамъ (лучше такія занятія избирать по этой части, которыя бы заставили дѣвочку поболѣе двигаться на воздухѣ. Это будетъ полезнѣе для здоровья и для ней самой пріятнѣе).

«Что же касается до ученія, то не дѣлай изъ этого ничего педантскаго и не заставляй долго сидѣть за книгой, напротивъ, рѣже

¹⁾ «Истор. Вѣстн.», 1892, № 8.

²⁾ «Русское Богатство», 1902 г., № 3.

³⁾ «Изв. отд. русск. яз. и слов. ак. наукъ». 1900 г., кн. 2.

сколько можно. Старайся лучше все полезное внушать посредствомъ разсказовъ; это будетъ гораздо дѣйствительнѣе. Прочитай прежде сама, что найдешь нужнымъ для ребенка, и потомъ подумай о томъ, какъ бы разсказать ему такимъ образомъ, какъ самую занимательную сказку, такъ чтобы твой урокъ былъ ему какъ бы въ награду. Повѣрь, что это будетъ такъ нравиться дѣтямъ, что они будутъ приступать къ тебѣ ежеминутно съ просьбой разсказать что-нибудь, и посредствомъ этого ты можешь внушить въ немного времени много того, чего въ цѣлые годы не внушать учителя. Умъ твоей воспитанницы будетъ черезъ это гораздо больше развитъ, чѣмъ у той, которая выходитъ изъ института. Поэтому я тебѣ совѣтую читать особенно такія книги, изъ которыхъ можно извлечь что-нибудь хорошее для дѣтей: по части исторіи, путешествій по разнымъ землямъ, по части естественной исторіи и вообще всего того, что знакомитъ съ мудростью твореній Божьихъ. Изъ повѣсти избирай въ свои разсказы такіе, гдѣ изображено, какъ сдѣлалась какая-нибудь дѣвочка отличной хозяйкой и заслужила отъ всѣхъ похвалу, какъ привела себя въ возможность дѣлать всѣмъ добро и всюду благотворить. Все это будетъ и для тебя гораздо пріятнѣе и для твоихъ воспитанницъ, которыхъ ты сможешь безъ труда учить разомъ всѣхъ ¹⁾; потому что, какъ только онѣ почувствуютъ пріятность твоихъ разсказовъ, то обсядутъ тебя кучей и не сведутъ съ тебя глазъ. Не говори имъ только, что это урокъ.

«Воспитаніе производится очень легко, если только хоть сколько-нибудь прежде воспитаешь себя тотъ, который воспитываетъ другихъ. Уже достаточно присутствовать только въ обществѣ воспитанныхъ и добросердечныхъ людей, чтобы отъ нихъ нечувствительно набраться и себѣ самому того же. Я помѣстилъ тебя къ Парасковѣ Ивановѣ совсѣмъ не затѣмъ, чтобы чему-нибудь выучиться, но чтобы нечувствительно сдѣлаться и самой доброю, находясь ежеминутно окруженной кроткими и незлобивыми людьми. Живя тамъ и видя передъ собой безпрестанно свѣтлое и исполненное доброты лицо Парасковьи Ивановны, ты и сама стала нечувствительно выражать на лицѣ своемъ больше свѣтлости и спокойствія. Такъ достаточно даже и немного времени пробыть въ той комнатѣ, гдѣ подготавливаются ароматы, чтобы пахнуть потомъ и самой. Итакъ, будь свѣтла и добра, какъ Парасковья Ивановна; умѣй только привязать къ себѣ воспитанницъ своихъ, такъ чтобы онѣ любили тебя, и онѣ воспитаются сами собою. Тебя Богъ не обидѣлъ умомъ, а потому ты еще болѣе можешь сдѣлать, если только наполнишь свой умъ такимъ запасомъ, который будетъ пригоденъ въ разсказы дѣтямъ. Чего нельзя передать тому, кто

¹⁾ Елизавета Васильевна по желанію брата обучала крестьянскихъ дѣтей въ то время. Авт.

насъ любить? Чего не приметъ отъ насъ тотъ, кто насъ любить? Путемъ любви можно все передать человѣку» ¹⁾).

Въ своихъ письмахъ къ Аннѣ Васильевнѣ Николай Васильевичъ даетъ ей тѣ же совѣты, что и Елизаветѣ Васильевнѣ. Онъ всячески старается расположить ее къ домашнему хозяйству. Онъ посылаетъ ей огородныя сѣмена и книгу съ наставленіями, проситъ ее ухаживать за садомъ и огородомъ, объясняя ей, что физическій трудъ очень полезенъ для здоровья.

«Помни,—пишетъ онъ ей:—что для твоего здоровья нужно быть безпрестанно на воздухѣ. Прогулка еще не такъ полезна, какъ занятіе на воздухѣ. Приучайся копать заступомъ на рыхлой землѣ, чтобъ не очень уставать. Земля, которая идетъ у насъ подъ огородъ, въ мѣстахъ, гдѣ были прежде скотный дворъ и конюшни, слишкомъ жирна отъ множества навозу. Понемногу можно подмѣшивать песку, но очень немного. Не забывай сама съ лейкою до восхода солнца и по захожденіи его ходить къ пруду за водою и поливать» ²⁾).

Удивительна эта проповѣдь физическаго труда во время крѣпостного права, при множествѣ праздныхъ дворовыхъ людей, когда считалось даже неприличнымъ дѣлать то, что должна дѣлать прислуга.

Анна Васильевна свято исполняла всѣ завѣты своего брата, какъ видно изъ приписки къ письму матери:

«Благодарю отъ души сестру Анну за то, что она старается исполненіемъ просьбы моей насчетъ работъ въ саду. Скажите Колѣ ³⁾, чтобы пересчиталъ, сколько деревъ принялось изъ тѣхъ, которыя посадила его тетка» (т. е. Анна Васильевна).

Особенно радовался Николай Васильевичъ тому, что Анна Васильевна совѣмъ не скучала въ деревнѣ.

«Я очень радъ,—пишетъ онъ ей:—что тебѣ не скучно. Впрочемъ, человѣку, который сколько-нибудь уменъ, никогда не можетъ быть скучно. Нужно только имѣть побольше занятій и будетъ все хорошо. Только совершенно глупые скучаютъ».

Радовался Николай Васильевичъ и тому, что Анна Васильевна была совершенно здорова, тогда какъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ она часто хворала.

«Я вчера получилъ твое письмо,—пишетъ онъ ей изъ Рима 13-го октября 1840 году.—Что я ему былъ радъ, объ этомъ нечего и говорить. Ты этому, безъ сомнѣнія, повѣришь, потому что знаешь, какъ я тебя люблю. Я былъ радъ, что ты совершенно здорова. Я совершенно радъ, что у тебя завелась охота бѣгать. Даже

¹⁾ Письма Гоголя, т. III, стр. 169.

²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 107.

³⁾ Трушковскій, сынъ Марьи Васильевны,

радъ тому, что ты теперь ничего не дѣлаешь и ничѣмъ не занимаешься, потому что придетъ зима, и ты, вѣрно, присядешь и вознаградишь за все. Но... теперь, наконецъ, приходится сказать, чему я не былъ радъ. Ты, приводя причины, отвлекающія тебя отъ занятій, сказала, что у васъ было много праздниковъ и что приняты за иглу въ праздникъ здѣсь (т. е. въ Васильевкѣ) считается за ужасный грѣхъ. А для чего дается человѣку характеръ? Чтобы онъ могъ презрѣть толки и пересуды, слѣдовалъ тому, что велитъ ему благоразуміе, и, какъ сказалъ самъ Спаситель, не глядѣть на людей. Люди суетны. Нужно въ примѣръ себѣ брать прекрасный, святой образецъ, высшую натуру человѣка, а не обыкновенныхъ людей. Итакъ, я тебѣ приказываю работать и заниматься именно въ праздникъ, и если кто-нибудь станетъ тебѣ замѣчать, что это нехорошо, ты не входи ни въ какія разсужденія, а скажи прямо, коротко и твердо: «Это желаніе моего брата». И послѣ этого, вѣрно, тебѣ не стануть докучать. И такимъ образомъ поступай и въ другомъ случаѣ, гдѣ только собственное твое благоразуміе не одобритъ.

«Наконецъ поговоримъ еще объ одномъ довольно важномъ предметѣ... Слушай, моя душа. Тебя должно непременно тронуть положеніе маменьки, на которой лежитъ столько заботъ и такая сильная обуза, что весьма немудрено, если и у человѣка сильнаго закружится голова и кончится тѣмъ, что онъ, наконецъ, ничего не будетъ дѣлать. Слушай. Нужно, чтобы и ты, и Оля взяли на долю какія-нибудь маленькія части хозяйства и чтобы уже аккуратно вели дѣла свои. Оленькѣ тоже выбери на долю какую-нибудь часть по силамъ. Ты увидишь потомъ, какую окажешь этимъ пользу хозяйству и какъ облегчишь труды маменьки»¹⁾.

Въ дальнѣйшихъ своихъ письмахъ къ Аннѣ Васильевнѣ Николай Васильевичъ проситъ ее сблизиться съ крестьянами, заняться обученіемъ дѣтей ихъ, подѣйствовать на ихъ нравственность.

«Мы часто и обыкновенно отговариваемся тѣмъ, что не знаемъ даже, какимъ языкомъ говорить такъ, чтобы подѣйствовать на другого и убѣдить его; а отчего? Отчего, что не хотѣли даже раззнать, что такое въ самомъ дѣлѣ есть тотъ человѣкъ, которому хотимъ говорить. Не узнавши прежде быта и состоянія человѣка, нельзя узнать, чѣмъ и въ чемъ именно и какимъ образомъ ему помочь. Вотъ почему намъ и необходимо познаніе его быта²⁾, его нуждъ, его трудовъ и занятій, вотъ почему необходимо узнавать и разспрашивать, какъ и чѣмъ кто занимается на деревнѣ»³⁾.

¹⁾ Письма Гоголя, т. II, стр. 76.

²⁾ Не отсюда ли вышла вся наша народническая литература семидесятыхъ годовъ?

³⁾ Письма Гоголя, т. II, стр. 451.

VIII.

Къ этому времени Елизавета Васильевна, какъ было сказано, вернулась уже отъ Раевской, и Николай Васильевичъ пишетъ ей въ 1846 году:

«Итакъ, вотъ тебѣ, Лиза. Ты должна помогать своей старшей сестрѣ въ обученіи и наставленіи крестьянскихъ дѣтей. Донынѣ ты всѣхъ лѣнивѣй въ исполненіи моихъ просьбъ, совѣтовъ и моленій и тѣмъ доказала мнѣ, что меньше всѣхъ другихъ сестеръ меня любишь; поправься же хоть теперь»¹⁾.

Мы видимъ, слѣдовательно, что первая проповѣдь о физическомъ трудѣ шла изъ Васильевки и въ тѣ времена уже тамъ была народная школа. Въ заключеніе приведу еще одно весьма интересное письмо Николая Васильевича къ Аннѣ Васильевнѣ отъ 1841 года:

«Твои чувства, временами тобою ощущаемыя, довольно вѣрны, милая сестра Анна. Мы всѣ здѣсь мимоѣздомъ, и всѣ недолго пробудемъ. Но дѣло въ томъ, что мы мимоѣздомъ не по своенравному случаю, не для какого-либо пустяка. У Бога нѣтъ пустяковъ. Мы присланы сюда затѣмъ, чтобы исполнить порученіе, возложенное на насъ Пославшимъ» (т. II, стр. 106).

Нельзя не замѣтить, что геній Льва Николаевича Толстого совершенно независимо отъ генія Николая Васильевича Гоголя соприкасается съ нимъ и въ своемъ вѣрованіи, и въ своей проповѣди спустя сорокъ лѣтъ.

Но не буду я пока на этомъ останавливаться, такъ какъ предметъ моей статьи составляетъ Анна Васильевна Гоголь и мое знакомство съ ней, къ которому и перехожу.

Въ заключеніе этой главы я должна прибавить, что сестры Николая Васильевича старались свято исполнять всѣ его желанія, и воля его была для нихъ закономъ. Проживши, однако, съ ними лѣто въ годъ поѣздки своей въ Іерусалимъ, Николай Васильевичъ нашель, что сестры его недостаточно опростились въ образѣ своей жизни, и онъ писалъ матери въ 1850 г.:

«Каждому хочется жить, какъ живетъ сосѣдь его. Жить по-просту, какъ долженъ жить человѣкъ, никто не хочетъ. Удерживать, умѣрять себя никто не умѣетъ, потому что никто не занятъ истиннымъ дѣломъ, а въ праздности много приходитъ человѣку тѣхъ прихотей, о которыхъ бы онъ и не подумалъ, если бы былъ, точно, занятъ.

«Сестру Анну благодарю за приписку и прошу ее позаботиться о насажденіи свѣжихъ деревъ на мѣсто усохнувшихъ и не принявшихся—вмѣстѣ съ племянникомъ. Можетъ быть, пришлю ей сѣмянъ огородныхъ овощей; а на приглашеніе пріѣхать самому скажу,

¹⁾ Письма Гоголя, т. II, стр. 106.

что отъ моего прїѣзда немного было бы толку, если бы и можно было прїѣхать. Притомъ надобно сказать и то, что издали какъ-то любится лучше, а вблизи, какъ увидишь то да другое, то и это не такъ, еще и поссорисься. Издали, на примѣръ, сестры мнѣ кажутся умными, занятыми, трудящимися, полезными и въ собственномъ домоводствѣ, и въ отношеніи къ другимъ, а вблизи кажутся проводящими время въ праздности, ѣздящими по гостямъ, читающими пустыя книжки, или занятыми рукодѣльями для пустыхъ украшеній.

«Очень можетъ быть, что я не правъ, но тѣмъ не менѣе какая-то грусть проникаетъ мнѣ въ душу и мнѣ становится тяжело. Вдали же я совершенно мирюсь со всѣми и вижу, что я меньше всѣхъ исполняю долгъ свой, принимая въ соображеніе то, что мнѣ больше другихъ Богъ далъ способностей и силъ къ произведенію дѣлъ полезныхъ. Сестра Елизавета ничего мнѣ не написала—доказательство, что она меня мало любитъ, а я хоть съ ней и ссорюсь, но люблю ¹⁾ ее много. Обнимая мысленно васъ всѣхъ и желая вамъ отъ души всего, что нужно для души, остаюсь всегда признательный сынъ. Н. Г.» ²⁾.

Въ другомъ письмѣ къ матери Николай Васильевичъ въ болѣе рѣзкой формѣ выражаетъ тѣ же мысли:

«Теперь обращаюсь къ сестрамъ: одна (Анна Васильевна) вообразила, что она бесполезна и ни на что не способна (какъ будто что-нибудь бесполезно, что создано Богомъ) и что весь долгъ ея состоитъ только въ томъ, чтобы не дѣлать ничего злого. Другая (Елизавета Васильевна) предалась мечтаніямъ и презрительно смотритъ на дѣйствительность и на то, что вокругъ нея, безразсудно думая, что только въ другомъ мѣстѣ она можетъ быть счастлива. Третья (Ольга Васильевна) вообразила, что она глупа и способна только на маловажныя дѣла.

«Нѣтъ бесполезнаго человѣка въ мірѣ и горе тому, кто не откроетъ, на что онъ полезенъ. Человѣкъ призванъ въ мірѣ, стало быть, онъ нуженъ міру. Глянула ли хоть одна изъ нихъ на то, какъ вообще ведется жизнь на свѣтѣ?»

«Крестьянинъ вырабатываетъ трудомъ и потомъ средства своей жизни, а мы кушаемъ да поджидаемъ гостей да выдумываемъ, куда бы поѣхать, гдѣ бы лучше поразвлечь себя и чѣмъ бы именно поразвлечь себя, да почитаемъ пріятную книгу, да зѣваемъ и жалуемся на скуку, тогда какъ нужно дивиться, какъ не задушить и не

¹⁾ Въ опредѣленіи любви Николай Васильевичъ употребляетъ тѣ же выраженія, что и Толстой. «Мнѣ кажется подчасъ,—пишетъ онъ Шевыреву,—что все то, о чемъ такъ хлопочемъ и строимъ, есть, просто, суета, какъ и все на свѣтѣ, и что объ одной только любви слѣдуетъ намъ заботиться. Она одна только есть истинно вѣрная и доказанная истина» (IV т., стр. 186).

²⁾ Письма Гоголя, т. IV, стр. 255.

заѣсть насъ на смерть эта скука. Или, думаютъ онѣ, одна только половина человѣчества создана для серьезнаго труда, а другая такъ, только для шутки, для пріятнаго препровожденія времени?

«Есть ли хоть тѣнь какого-нибудь исполненія долга во всемъ томъ, что мы дѣлаемъ? Горе не умѣющему ничѣмъ пожертвовать для долга, для котораго онъ призванъ!»¹⁾

Въ томъ же году Елизавета Васильевна собралась выходить замужъ, она была уже помолвлена съ В. И. Быковымъ. Вѣроятно, обратилась за помощью къ брату, судя по отвѣту къ ней послѣдняго:

«Другъ мой сестра, неужели ты думаешь, что я пожалѣлъ бы помочь тебѣ? Но войди въ мое положеніе: говорю тебѣ, что если я умру, то не на что будетъ похоронить меня, вотъ какого рода мои обстоятельства!

«Я думалъ было, пріѣхавши въ Москву, поправить житейскія дѣла свои, но встрѣтилъ препятствія на всякомъ шагу. Денежныя обстоятельства мои плохи! Милая сестра моя, люби бѣдность. Тайна великая скрыта въ этомъ словѣ: кто полюбитъ бѣдность, тотъ уже не бѣденъ, тотъ богатъ»²⁾.

Одновременно пишетъ онъ и В. И. Быкову 14-го іюля 1851 г.:

«Душевно радъ васъ имѣть какъ родного и близкаго человѣка. Сестра моя Елизавета не безъ качествъ, могущихъ составить счастье мужа. Въ письмѣ своемъ къ моей матушкѣ пишете вы, что узнали нужду и уже привыкли къ непрехотливой жизни. Ради Бога, не оставляйте такой жизни никогда, но, напротивъ, полюбите болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, бѣдность и поведите жену свою такимъ же образомъ»³⁾.

Николай Васильевичъ собрался было уже совсѣмъ ѣхать на свадьбу сестры, но, остановившись по дорогѣ въ Оптиной пустыни, раздумалъ и писалъ Быкову въ концѣ сентября 1851 года:

«Не знаю, буду ли я къ вамъ на свадьбу, какъ искренно и душевно того ни желаю. Во всякомъ случаѣ поступите, по-моему, благоразумно, если, не дожидаясь меня, поспѣшите со свадьбой. Матушка и сестры мечутся теперь всюду, какъ угорѣлыя кошки, чтобы накопить поболь для невѣсты всякаго тряпья. На это онѣ усадятъ много денегъ, если ихъ только гдѣ-нибудь достанутъ, а вамъ съ этимъ тряпьемъ будетъ только возня. Пожалуйста увѣрьте, что ваша жизнь бивуачная (В. И. былъ военный) и что вамъ некуда дѣвать этотъ соръ»⁴⁾.

Оптина пустынь произвела на Николая Васильевича такое же сильное впечатлѣніе, какое производила она и на Льва Николаевича, посѣтившаго ее передъ смертью, и Николаю Васильевичу

¹⁾ Письма Гоголя, т. IV, стр. 389.

²⁾ Тамъ же, т. IV, стр. 120—222.

³⁾ Тамъ же, т. IV, стр. 388.

⁴⁾ Тамъ же, т. IV, стр. 401.

не захотѣлось изъ тихой обители, «подъѣзжая къ которой, за нѣсколько верстъ уже слышишь ея благоуханіе, гдѣ самые работники въ монастырѣ, самые крестьяне и жители окрестностей поражаютъ свѣтлой ласковостью ангеловъ», ѣхать въ суетную Васильевку, гдѣ во время свадьбы особенно стануть «метаться, какъ угорѣлая кошки».

При томъ же и средства его были настолько плохи, что онъ не имѣлъ даже возможности провести, какъ собирался, зиму въ Крыму, который такъ необходимъ былъ для его сильно пошатнувшагося здоровья, который, можетъ быть, спасъ бы намъ его. Южанинъ, проводившій зиму обыкновенно въ Римѣ, онъ не вынесъ въ томъ году особенно суровой московской зимы и 21-го февраля, пять мѣсяцевъ спустя послѣ послѣдняго письма его къ Быкову, не стало великаго страдальца земли русской.

«Я признаю Гоголя святымъ, не опредѣляя значенія этого слова, — заканчиваетъ свои воспоминанія о немъ С. Т. Аксаковъ. — Это истинный мученикъ высокой мысли, мученикъ нашего времени и въ то же время христіанства» ¹⁾.

А. Чернецкая.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1890 г., № 8.

ПАМЯТИ М. Г. ЧЕРНЯЕВА.

В НАСТОЯЩЕМЪ 1914 году исполняется пятидесятилѣтіе тому знаменательному событію, непосредственнымъ результатомъ котораго было выдѣленіе пограничныхъ областей на нашемъ крайнемъ юго-востокѣ, въ глубинѣ киргизскихъ степей, въ особое административно-политическое цѣлое подъ наименованіемъ передовой Кокандской линіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ политической географіи появился новый многозначительный терминъ—«Среднеазиатскія владѣнія Россіи».

Событіе это—исполненіе предудказаннаго еще императоромъ Николаемъ I сомкнутія нашей степной юго-восточной границы, соединенія линій нашихъ передовыхъ укрѣпленій, выдвинувшихся вглубь степей со стороны рѣкъ Урала и Иртыша, отъ Оренбурга и отъ Сибири.

Приготовленія къ выполненію этого предначертанія начались съ весны 1864 года, а затѣмъ изъ конечныхъ пунктовъ были двинуты отряды навстрѣчу одинъ другому: изъ форта Перовскаго подъ начальствомъ полковника Веревкина, а изъ укрѣпленія Вѣрнаго подъ начальствомъ полковника генеральнаго штаба Черняева.

Ближайшимъ слѣдствіемъ движенія этихъ отрядовъ было занятіе попутныхъ кокандскихъ городовъ—со стороны Оренбурга города Туркестана 12-го іюня, со стороны Сибири—города Ауліеаты 4-го іюня.

Послѣ этого между этими крайними городами незанятаго пространства осталось еще болѣе двухсотъ пятидесяти верстъ.

Отрядъ въ Туркестанѣ началъ уже приводить занятый городъ въ оборонительное состояніе, сталъ устраиваться здѣсь на зиму, не предполагая, повидимому, продвигаться далѣе, и новой пограничной линіей намѣчалась рѣчка Арысь, впадающая въ Сыръ-Дарью.

Въ замкѣ этой пограничной линіи, внѣ ея, въ углѣ сходящихся главныхъ путей изъ Сибири и съ низовьевъ Сыръ-Дарьи, со стороны Оренбурга, и ведущихъ далѣе вглубь страны, въ центрѣ цвѣтушаго оазиса, находилась сильная кокандская крѣпость Чимкентъ, считавшаяся неприступной.

Правитель ханства, мулла Алимъ-куль уже стягивалъ сюда значительныя силы, чтобы оказать противодѣйствіе наступленію русскихъ отрядовъ. Въ горахъ Каратау, въ вершинѣ рѣчки Аристанды, стоялъ съ шайкой киргизскій предводитель султанъ Саддыкъ и наблюдалъ за дорогами отъ Чимкента къ Туркестану, препятствуя начальнику русскаго отряда въ послѣднемъ городѣ получать вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ подъ Чимкентомъ, и полковникъ Веревкинъ почти ничего не зналъ о сосредоточеніи у этой крѣпости значительныхъ кокандскихъ силъ; онъ даже почему-то былъ увѣренъ, что городъ Чимкентъ занятъ весьма слабо и не можетъ оказать серьезнаго сопротивленія.

У Черняева дѣло развѣдки было налажено значительно лучше. Онъ былъ вполне освѣдомленъ о намѣреніяхъ противника и о сосредоточеніи у Чимкента громаднхъ скопищъ, готовыхъ обрушиться или на Аулиеату, или на Туркестанъ и уничтожить по одинокѣ малочисленные русскіе отряды. Но Алимъ-куль медлилъ, выжидая чего-то. Это промедленіе и измѣнило положеніе дѣлъ.

Свои свѣдѣнія о сосредоточеніи у Чимкента большихъ силъ непріятеля Черняевъ своевременно сообщалъ въ Туркестанъ Веревкину, но тамъ съ недоувѣріемъ относились къ этимъ сообщеніямъ и, считая ихъ преувеличенными, не придавали имъ особеннаго значенія.

Черняевъ же вполне правильно оцѣнивалъ значеніе Чимкента, какъ узла дорогъ. Пока этотъ пунктъ будетъ находиться въ рукахъ кокандцевъ, спокойствія на новой линіи быть не можетъ; граница по рѣкѣ Арыси будетъ непрочно, чисто призрачная; кокандцы не захотятъ и не будутъ ее признавать. Поэтому, чтобы обезпечить спокойствіе своего зачуйскаго отряда, онъ не сталъ дожидаться наступленія и нападенія кокандцевъ, а рѣшилъ самъ двинуться противъ нихъ и нанести имъ ударъ въ самомъ пунктѣ ихъ сосредоточенія. О своемъ движеніи изъ Аулиеаты Черняевъ сообщилъ въ Туркестанъ полковнику Веревкину и просилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ выслать къ нему навстрѣчу для поддержки отрядъ изъ Туркестана силою около двухъ ротъ съ артиллеріей и кавалеріей.

Такой отрядъ и былъ высланъ подъ начальствомъ капитана генеральнаго штаба Мейера, силою въ общемъ въ четыреста пять человѣкъ съ тремя орудіями и однимъ ракетнымъ станкомъ.

Не придавая особеннаго значенія полученнымъ отъ Черняева свѣдѣніямъ о скопленіи подъ Чимкентомъ большихъ силъ кокандцевъ, а, напротивъ, видя лишь здѣсь легкую добычу, Мейеръ самоувѣренно двинулся впередъ. Онъ рѣшилъ воспользоваться представлявшимся ему удобнымъ случаемъ, словить моментъ своей близости къ Чимкенту и вмѣсто того, чтобы идти навстрѣчу сибирцамъ, онъ, пославъ Черняеву письмо, что будетъ ждать его на переправѣ черезъ Арысь, самъ направился прямо къ Чимкенту, рассчитывая поспѣть туда раньше сибирцевъ и самолично, безъ посторонней помощи и не подъ чужимъ начальствованіемъ, захватить «слабую» кокандскую крѣпость, написать объ этомъ хлесткую реляцію, выставивъ себя героемъ, и пожать лавры побѣдителя въ пику сибирцамъ. Но предположенія не оправдались. Вмѣсто легкой побѣды капитанъ Мейеръ попался впросакъ, напоролся на рожонъ. Утянувшись за отступавшими слабыми кокандскими развѣздами, онъ неожиданно угодилъ въ ловушку. Утромъ 13-го іюля малочисленный русскій отрядъ, не доходя двѣнадцати верстъ до Чимкента, на урочищѣ Акъ-Булакъ, близъ горы Алтынъ-Тюбе, былъ внезапно окруженъ двѣнадцатитысячнымъ скопищемъ кокандцевъ, въ продолженіе трехъ дней держался въ осадѣ и понесъ при этомъ значительныя потери.

Черняеву со своимъ, тоже весьма не сильнымъ отрядомъ, пришлось въ это время употреблять чрезвычайныя усилія отъ насѣдавшихъ многочисленныхъ шаекъ непріятеля, чтобы подать руку помощи зарвавшемуся собрату, причемъ онъ, введенный въ заблужденіе письмомъ Мейера объ ожиданіи на переправѣ, напрасно сдѣлалъ большой кругъ по правому берегу рѣки Арыси къ мѣсту переправы. А потому высланный имъ на поддержку Мейера отрядъ подъ командою подполковника Лерхе, принужденный съ великимъ трудомъ пробиваться черезъ преграждавшія ему дорогу кокандскія скопища, немного опоздалъ и уже не засталъ капитана Мейера на мѣстѣ печальной трехдневной осады. Послѣдній, воспользовавшись непонятной благоклонностью кокандскаго предводителя, утромъ 16-го іюля, часа за два до прихода сибирцевъ, успѣлъ безпрепятственно обратиться изъ своей западни и, никѣмъ не преслѣдуемый, спокойно отходилъ по дорогѣ къ Туркестану; но по настоятельному распоряженію полковника М. Г. Черняева долженъ былъ вернуться и въ тотъ же день вечеромъ соединился съ отрядомъ подполковника Лерхе; а на другой день, 17-го іюля, вмѣстѣ съ нимъ присоединился къ главному сибирскому отряду на урочищѣ Кошъ-Тюрмень

М. Г. Черняевъ устроилъ здѣсь оренбуржцамъ торжественную встрѣчу и въ краткой рѣчи, обращенной къ войскамъ обоихъ корпусовъ, указалъ на важность происшедшаго соединенія отрядовъ.

По словамъ участника этого событія, Черняевъ, стоя посрединѣ между выстроившимися другъ противъ друга отрядами, пришедшими съ противоположныхъ концовъ, сказалъ слѣдующее:

«Настоящій день есть историческое событіе, предначертанное въ Бозѣ почивающимъ государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, коимъ было выражено желаніе о соединеніи отрядовъ корпусовъ Сибирскаго и Оренбургскаго. Только теперь это достигнуто. Помолимся же объ упокоеніи его души!»

Войска взяли на молитву и обнажили головы; а М. Г. Черняевъ провозгласилъ:

«Перекрестимся же, ребята, за вѣчную память Николая Павловича!»

И войска трижды осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ, а затѣмъ, накрывшись, взяли «на караулъ», и Черняевъ провозгласилъ «ура» за здоровье государя императора Александра Николаевича. Громовое ура прокатилось по рядамъ войскъ, загремѣлъ пушечный салютъ, возвѣстившій киргизскимъ степямъ, что съ этого дня здѣсь окончательно водворилось и утверждено русское господство.

Послѣ этой простой встрѣчи Черняевъ обошелъ и осмотрѣлъ отрядъ капитана Мейера, перецѣловался съ офицерами, большинство которыхъ зналъ по службѣ въ Оренбургѣ и по прошлогодней рекогносцировкѣ Каратаускихъ горъ. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ больныхъ и раненыхъ этого отряда, которыхъ немедленно приказалъ поудобнѣе устроить въ нарочно приготовленныхъ для нихъ баракахъ и приступить къ перевязкѣ и къ оказанію имъ врачебной помощи, которой они были лишены въ своемъ отрядѣ въ продолженіе четырехъ сутокъ. Всего раненыхъ, больныхъ и слабыхъ въ отрядѣ было около ста человекъ. Здоровымъ же проголодавшимся оренбуржцамъ былъ приготовленъ обѣдъ и выдана водка.

Въ этомъ историческомъ событіи, соединеніи пограничныхъ линий, участвовали: со стороны Сибири въ отрядѣ полковника Черняева: 1-ая, 3-ья, 4-ая и стрѣлковая роты 8-го западно-сибирскаго батальона, стрѣлковая рота 3-го и 5-го западно-сибирскихъ же батальоновъ ¹⁾, одна сотня сибирскихъ казаковъ, дивизионъ полевой батареейной батареей, дивизионъ конно-артиллерійской № 21-ой батареи сибирскаго казачьяго войска, пѣшій горный артиллерійскій взводъ, два ракетныхъ станка и до двухсотъ киргизовъ милиціонеровъ; со стороны Оренбурга отъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса въ отрядѣ капитана Мейера находились: сводная рота

¹⁾ Изъ этихъ стрѣлковыхъ ротъ затѣмъ сформированъ 1-й туркестанскій стрѣлковый батальонъ, вошедшій въ 1-й туркест. стрѣлк. полкъ.

№ 5-го и взводъ (полурота) 4-й роты № 4-го оренбургскаго линейныхъ батальоновъ, три легкихъ орудія съ прислугой Перовской крѣпостной артиллеріи, оренбургская казачья есаула Савина сотня съ однимъ ракетнымъ станкомъ, прислугой у котораго были казаки той же сотни, да, кромѣ того, сорокъ киргизовъ-волонтеровъ.

Такъ произошло сомкнутіе пограничной линіи.

Между тѣмъ, Михаилъ Григорьевичъ вошелъ въ переговоры съ регентомъ Кокандскаго ханства муллою Алимъ-куломъ, которые продолжались около недѣли; были начаты по почину Алимъ-кула, но ни къ чему не привели.

Наши войска, пользуясь при этомъ перерывомъ военныхъ дѣйствій, нѣсколько отдохнули отъ перенесенныхъ трудовъ. Время это, главнымъ образомъ, было употреблено на перевязку раненыхъ и леченіе больныхъ туркестанскаго отряда и, кромѣ того, весь лагерь окопался ровомъ.

22-го іюля, оставивъ на мѣстѣ весь обозъ и въ прикрытіе къ нему туркестанскій отрядъ подъ начальствомъ капитана Мейера и взявъ изъ него съ собой лишь полусотню оренбургскихъ казаковъ да одно орудіе, Черняевъ со своими сибирцами направился къ Чимкенту, произвелъ рекогносцировку его укрѣпленій, причѣмъ нанесъ выставленной противъ него кокандской конницѣ значительный уронъ. А 24-го іюля отрядъ капитана Мейера былъ отправленъ въ Туркестанъ въ сопровожденіи одной роты съ однимъ орудіемъ отъ сибирскаго отряда. Самъ же Черняевъ съ остальной частью своего отряда двинулся въ городъ Аулиеату; а черезъ два мѣсяца онъ возобновилъ свои дѣйствія противъ Чимкента.

Взявъ значительныя части изъ сибирскаго и оренбургскаго отрядовъ, Черняевъ направилъ изъ городовъ Аулиеаты и Туркестана къ Чимкенту, гдѣ они и соединились 19-го сентября, съ котораго и началась осада города, завершившаяся штурмомъ цитадели на неприступной возвышенности, взятіемъ ея и города, защищаемыхъ десятитысячнымъ гарнизономъ изъ лучшихъ войскъ ханства.

Въ городѣ Чимкентѣ Михаилъ Григорьевичъ и обосновалъ послѣ того свою главную квартиру и управленіе передовой линіей.

Такимъ образомъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ къ концу 1864 г. русское знамя развѣвалось уже надъ тремя пограничными кокандскими твердынями.

Попытка овладѣть въ томъ же году и Ташкентомъ успѣха не имѣла; но зато она удалась въ слѣдующемъ 1865 году. Черезъ восемь съ половиной мѣсяцевъ послѣ взятія Чимкента генералъ Черняевъ съ горстью русскихъ войскъ отчаяннымъ штурмомъ 15-го іюня овладѣлъ этимъ громаднымъ городомъ съ стотысячнымъ населеніемъ, тридцатитысячнымъ гарнизономъ и многочисленной артиллеріей, и побѣдное русское знамя развернулось и зарѣяло

на крѣпостной башнѣ и этого города. Въ будущемъ 1915 году этому событію также исполняется пятьдесятъ лѣтъ.

Итакъ, въ текущемъ году справляютъ свои пятидесятилѣтніе юбилей существованія подъ русскимъ владычествомъ города Аулиеата—4-го іюня, Туркестанъ—12-го іюня и Чимкентъ—22-го сентября, а въ будущемъ году очередь за Ташкентомъ.

Чѣмъ-то ознаменуютъ поименованные города свои пятидесятилѣтнія годовщины?

Въ Туркестанѣ, ставшемъ теперь безуѣзднымъ городкомъ, до сихъ поръ еще ничѣмъ не отмѣчено его присоединеніе къ Россійской державѣ, да врядъ ли это онъ сможетъ сдѣлать и теперь.

Въ городѣ Аулиеатѣ уже имѣется памятникъ въ память взятія города русскими войсками, поставленный въ 1889 году по случаю двадцатипятилѣтія событія. Сложенъ онъ изъ жженого кирпича и почему-то поставленъ въ туземной части города, на старомъ кладбищѣ, хотя, какъ извѣстно, при занятіи города убитыхъ русскихъ воиновъ не было; странно также, что на немъ нѣтъ никакой надписи, словно въ русскомъ языкѣ не нашлось подходящихъ для того словъ, чтобы изобразить хоть самое краткое обозначеніе причины постановки памятника. Хоть бы ужъ къ пятидесятилѣтнему юбилею догадались и удосужились это сдѣлать, а то вѣдь можно предвидѣть, что новые люди, новые обыватели города и молодое поколѣніе такъ и не будутъ знать, по какому случаю сооруженъ этотъ памятникъ. Неужели придется имъ обращаться за разъясненіемъ къ археологамъ и къ архивовѣдамъ. Пожалуй, что и помѣшаетъ еще кому-нибудь сіе сооруженіе или кирпичи кому-нибудь понадобятся, глядишь—и исчезнетъ историческій памятникъ.

Въ городѣ Чимкентѣ два памятника напоминаютъ о черняевскихъ временахъ и побѣдахъ. Одинъ находится въ старой крѣпости надъ обрывомъ и господствуетъ надъ раскинувшимся внизу городомъ. Построенъ онъ въ 1889 году, по случаю двадцатипятилѣтней годовщины взятія города русскими, на средства военно-инженернаго вѣдомства. На передней сторонѣ памятника имѣется доска съ надписью: «Памяти воиновъ, павшихъ при взятіи крѣпости Чимкента 22-го сентября 1864 года».

Другой памятникъ находится внѣ города на мѣстѣ бывшей русской осадной батареи и гдѣ были похоронены первоначально нѣкоторые изъ убитыхъ чиновъ русскаго отряда. Онъ сооруженъ въ 1912 году по почину уѣзднаго начальника В. П. Колосовскаго и также никакой надписи еще не имѣетъ.

Чимкентъ, однако, не довольствуется этими памятниками, а думаетъ соорудить особый, болѣе величественный монументъ генералу М. Г. Черняеву и непременно окончить и открыть его въ текущемъ году въ знаменательный день пятидесятилѣтія 22-го

Памятникъ въ гор. Аулиеатѣ въ память взятія его 4-го іюня 1864 г.
отрядомъ полковника Черняева.

сентября. Къ этому же дню приурочивается и освященіе вновь
выстроеннаго соборнаго храма. Проектъ памятника разработывается
мѣстнымъ художникомъ, составителемъ проекта памятника
Кауфману въ Ташкентѣ; стоимость сооруженія опредѣляется въ
шестнадцать тысячъ рублей.

Затрудняясь выполнить такой крупный расходъ своими собственными средствами, чикментское городское хозяйственное управление обращалось черезъ военнаго губернатора Сырь-Дарьинской области въ ташкентскую городскую думу съ ходатайствомъ оказать пособіе изъ ташкентскихъ городскихъ суммъ на сооруженіе памятника Черняеву въ Чикментѣ. Но ташкентская дума отклонила это ходатайство какъ потому, что не имѣетъ на это свободныхъ средствъ, такъ и потому, что она ассигновала крупную сумму на сооруженіе въ Ташкентѣ памятника императору Александру II и, кромѣ того, ташкентская дума сама предполагаетъ строить памятникъ тому же генералу Черняеву.

Къ сожалѣнію только, надо сказать, ташкентская дума поздно хватилась за это дѣло. Давно бы слѣдовало ташкентскому городскому общественному управленію подумать о томъ, чтобы достойнымъ образомъ почтить память покорителя Ташкента; но оно совсѣмъ забыло объ этомъ, увлекшись постановкой другихъ памятниковъ. Да и не только забыло, а, пожалуй, даже и совсѣмъ думало отдѣлаться отъ этого вопроса, и вовсе не предполагало чтить своего создателя соответственнымъ монументомъ. Думали просто отдѣлаться отъ этой докучной мысли тѣмъ, что въ Ташкентѣ, молъ, есть уже памятникъ-бюстъ Черняеву, есть памятникъ павшимъ воинамъ и особо русскому солдату, да, кромѣ того, сооружается памятникъ генераль-губернатору фонъ-Кауфману и войскамъ, покорившимъ Среднюю Азію, слѣдовательно, въ томъ числѣ и генералу Черняеву, какъ покорителю края. Постановкой послѣдняго памятника думали убить не только двухъ, а даже нѣсколькихъ зайцевъ сразу. Поэтому въ первоначальное заданіе на составленіе проекта памятника по конкурсу и было включено условіе, чтобы у подножія главной фигуры генерала Кауфмана размѣстить медальоны съ барельефами или небольшія статуэтки или бюсты другихъ туркестанскихъ дѣятелей, покорителей и устроителей края: Колпаковскаго, Абрамова, Скобелева и, какъ бы изъ милости, Черняева. Проектъ по такому заданію и былъ выработанъ однимъ изъ скульпторовъ, представленъ на конкурсъ и даже, за неимѣніемъ ничего болѣе лучшаго, удостоенъ первой преміи. Но къ общему удовольствію онъ не былъ принятъ къ исполненію. Державный вождь земли русской не допустилъ видимаго и непомѣрнаго возвеличенія генерала Кауфмана путемъ униженія другихъ славныхъ именъ народныхъ героевъ. Сооруженіе памятника по этому проекту не было разрѣшено, и премированный проектъ такъ и остался проектомъ и теперь хранится въ ташкентскомъ музеѣ.

Послѣ того былъ одобренъ новый проектъ, составленный мѣстнымъ художникомъ, по нему и сооруженъ открытый весной 1913 г. памятникъ въ центрѣ Ташкента, въ Константиновскомъ скверѣ

первому туркестанскому генераль-губернатору генераль-адъютанту фонъ-Кауфману, устройтелю края.

Открытие этого памятника было приурочено и состоялось въ тридцать первую годовщину смерти Константина Петровича и совпало съ сорокалѣтней годовщиной тѣхъ тяжкихъ испытаній, тѣхъ невыносимо мучительныхъ терзаній, которыя пришлось перенести и пережить 3-го и 4-го мая 1873 года туркестанскому отряду войскъ, шедшихъ усмирять Хиву, при переходѣ черезъ Кизиль-Кумскую пустыню, во время остановки на урочищѣ Алты-Кудукъ и которыя чуть не привели къ конечной гибели отряда и къ краху самаго

Памятникъ въ гор. Чимкентѣ въ честь воиновъ, павшихъ при взятіи крѣпости 22-го сентября 1864 г., сооруженъ въ 1889 г.

предпріятія, когда даже самъ главный вождь растерялся и отчаялся въ счастливомъ исходѣ.

Новый памятникъ какъ будто посвящается всѣмъ покорителямъ Средней Азіи, на что указываютъ надписи на таблицахъ (перечисленія войсковыхъ частей). И, повидимому, постановкой его хотѣли, съ одной стороны, удовлетворить родственниковъ покойнаго генерала-губернатора, давно хлопотавшихъ о сооруженіи на народныя средства монумента ихъ родичу; а съ другой—думали осуществить мысль генерала Черняева почтить заслуги русскаго воинства передъ родиной. Поэтому на его сооруженіе и были употреблены деньги свыше шестнадцати тысячъ рублей, собранныя на памятникъ покорителямъ и устройтелямъ Туркестана.

Но вторая цѣль вполнѣ не достигается. Все-таки монументомъ возвеличивается главнымъ образомъ только одинъ Кауфманъ, о прочихъ герояхъ Туркестана ничто въ немъ не напоминаетъ. Не даромъ же онъ называется кауфманскимъ. На это указываютъ и надписи, а болѣе всего вѣнчающая памятникъ бронзовая группа, въ которой первенствующее мѣсто занимаетъ фигура генерала фонъ-Кауфмана.

Памятникъ представляетъ башню средне-азиатскаго города. На верху ея стоитъ во весь ростъ бронзовая фигура покойнаго генерала съ опущенной книзу обнаженной саблей, какъ будто еще не время вложить ее въ ножны, а еще надо продолжать съ кѣмъ-то войну. Сзади генерала бронзовый знаменщикъ-пѣхотинецъ водружаетъ распущенное русское знамя, а влѣво, отвернувшись въ поле, бронзовый трубачъ казакъ трубить «отбой».

Отбой-то всѣмъ завоевательнымъ походамъ и дальнѣйшему наступательному движенію былъ данъ дѣйствительно при Кауфманѣ; при немъ завершился въ Средней Азій нашъ героическій періодъ. Но вотъ русское-то знамя надъ среднеазиатскими твердынями водружено впервые не имъ и не при немъ. Оно развернулось надъ кокандскими пограничными городами еще въ 1864 г., а надъ Ташкентомъ, надъ столицей русскаго Туркестана, водружено 15-го іюня 1865 года генераломъ Черняевымъ послѣ отчаяннаго штурма. А между тѣмъ вотъ объ этомъ-то самомъ героѣ все какъ-то забываютъ, не брегутъ его памятью. А не дерзни онъ ослушаться приказаній изъ Петербурга, не дерзни взять съ боя огромный укрѣпленный среднеазиатскій городъ и не подари его Россіи, еще неизвѣстно, что бы было съ русскимъ Туркестаномъ, какъ бы сложились его судьбы, тѣмъ болѣе, что наше правительство, опасаясь раздражать Англію, упорно не хотѣло присоединять Ташкента къ русскимъ владѣніямъ, а предпочитало лучше образовать изъ него на своей границѣ какое-то особое фантастическое ханство подъ своимъ покровительствомъ. Вотъ тогда ужъ не было бы ни Туркестанскаго генералъ-губернаторства, ни туркестанскаго генерала-губернатора, и фонъ-Кауфману не пришлось бы устраивать Туркестанъ.

Въ будущемъ году исполняется пятьдесятъ лѣтъ тому героическому событію, которое подарило Россіи богатый край и которое круто измѣнило судьбы Средней Азій. Ташкентъ разросся, расцвѣлъ, сталъ столицей русскаго Туркестана. А въ немъ все еще нѣтъ достойнаго памятника счастливому событію и герою, виновнику эго. А давно бы пора подумать объ этомъ и почтить заслуги незабвеннаго Михаила Григорьевича. Но, повидимому, Ташкентъ еще не скоро украсится черняевскимъ монументомъ. По крайней мѣрѣ къ знаменательному дню пятидесятилѣтія его еще не будетъ. Дай Богъ, если городъ удосужится произвести хоть закладку

будущаго памятника. Еще не приступалось даже къ составленію проекта его.

Правда, у дома инвалидовъ, недалеко отъ Черняевского домика, имѣется небольшой памятникъ покорителю азіатскаго и основателю русскаго Ташкента, но городу должно быть за него стыдно. Неказистый памятникъ этотъ представляетъ четырехгранную колонку, построенную на остатки отъ инженерныхъ смѣтъ и служащую постаментомъ для небольшого бронзоваго бюста Михаила Григорьевича. Бюстъ этотъ—частный даръ великаго князя Николая Константиновича.

Осенью прошлаго года одинъ изъ городскихъ гласныхъ пакоонецъ возбудилъ вопросъ о необходимости соорудить Черняеву памятникъ ко дню пятидесятилѣтія взятія Ташкента. Городская управа внесла этотъ вопросъ на обсужденіе городской думы, причемъ указала и приличное мѣсто для памятника на углу улицъ Кауфманской, Романовской и Соборной площади. Городская дума постановила (2-го октября 1913 г.) возбудить ходатайство о разрѣшеніи сбора пожертвованій на этотъ памятникъ по всей Россіи. При обсужденіи вопроса гласные изъ туземцевъ-сартовъ настаивали на томъ, чтобы памятникъ покорителю Ташкента поставить въ туземной части города. Нѣкоторые же изъ гласныхъ, въ виду сбора пожертвованій на памятникъ императору Александру II, находили неудобнымъ теперь ходатайствовать еще и о сборѣ на памятникъ Черняеву и предлагали вопросъ этотъ отложить до болѣе благопріятнаго времени, причемъ указывали на то, что въ Ташкентѣ какой ни на есть, а памятникъ Черняеву все-таки имѣется.

Ходатайство города о разрѣшеніи сбора пожертвованій представлено по инстанціямъ только въ январѣ текущаго года. Не торопятся.

Въ 1883 году покойный Михаилъ Григорьевичъ, будучи туркестанскимъ генераль-губернаторомъ, вознамѣрился увѣковѣчить подвигъ своихъ соратниковъ по завоеванію Ташкента и память павшихъ при штурмѣ города сооруженіемъ величественнаго памятника. Онъ поручилъ академику Микѣшину составить проектъ такого монумента, что тотъ и исполнилъ. Составленный имъ проектъ былъ доложенъ государю императору и 2-го іюня 1883 г. удостоился высочайшаго утвержденія, причемъ послѣдовало высочайшее повелѣніе памятникъ по этому проекту поставить въ центрѣ русской части города, передъ зданіями гимназій, на томъ именно мѣстѣ, гдѣ теперь воздвигнуть кауфманскій.

Въ то время эта площадь, несмотря на свое центральное положеніе, представляла настоящій пустырь, заросшій бурьяномъ, съ буграми и ямами, изъ которыхъ добывалась глина для выдѣлки сырцовыхъ кирпичей. Ямы въ то же время служили ночнымъ при-

ютомъ бездомнымъ «чаулинцамъ», какъ здѣсь назывались тогда босяки-пропойцы и разный бродячій сбродъ. Въ одной части этого пустыря, передъ зданіемъ мужской гимназіи, находилась могила генерала Кауфмана, обнесенная рѣшеткой и съ посаженными вокругъ нея четырьмя карагачами. Площадь пересѣкалась дорогами изъ города на выѣздъ въ Россію, на ярмарку къ лагерямъ и на почтовый трактъ въ Фергану.

Черняевъ горячо было взялся за осуществленіе своей мысли. Онъ заключилъ договоръ съ Микѣшинымъ на выполненіе сооруженія по его проекту, по которому стоимость памятника опредѣлялась свыше сорока пяти тысячъ рублей. Кромѣ того, Михайль Григорьевичъ исхлопоталъ бесплатный отпускъ двухсотъ пудовъ мѣди изъ петербургскаго артиллерійскаго склада на отливку фигуръ и металлическихъ частей. Въ Ташкентѣ онъ образовалъ особый строительный комитетъ подъ предсѣдательствомъ участника штурма протоіерея о. Андрея Малова. Рисунокъ памятника былъ помѣщенъ въ иллюстрированныхъ журналахъ и отпечатанъ отдѣльно въ тысячѣ экземпляровъ для разсылки по Россіи вмѣстѣ съ подписными листами для сбора пожертвованій. Послѣдній предполагалось производить повсемѣстно, но на первыхъ порахъ онъ былъ открытъ только въ предѣлахъ округа.

Черняевъ прежде всего озаботился подготовкой мѣста для памятника. Онъ приказалъ очистить и привести указанную площадь въ порядокъ, срыть на ней бугры, заровнять ямы. Работы эти выполнялись даровымъ трудомъ войскъ ташкентскаго гарнизона. Для этого ежедневно наряжалось по двѣсти человѣкъ съ необходимыми инструментами и принадлежностями. Всѣмъ дѣломъ руководилъ командиръ третьяго западно-сибирскаго линейнаго батальона полковникъ Церпицкій, бывшій саперный офицеръ ¹⁾.

Такимъ образомъ площадь скоро была приведена въ порядокъ: выровнена, вычищена и разбита на аллеи подъ городской скверъ и засажена деревьями. Съ этой цѣлью былъ устроенъ праздникъ древонасажденія. Михайль Григорьевичъ принялъ личное участіе въ посадкѣ деревьевъ: первое дерево въ новомъ скверѣ—липа—было посажено имъ самолично противъ зданія мужской гимназіи. Второе дерево, по близости отъ перваго, посадилъ бывшій въ то время въ Ташкентѣ епископъ Неофитъ. Запущенный до этого времени пустырь разомъ преобразился и сталъ неузнаваемъ. Черняеву, однако, не удалось довести дѣло сооруженія памятника до конца. Въ началѣ 1884 года онъ покинулъ Туркестанскій край.

И дѣло затянулось.

Да и о Черняевѣ стали позабывать.

¹⁾ Впослѣдствіи командиръ 1-го Туркестанскаго армейскаго корпуса; во время русско-японской войны командовалъ 10-мъ армейскимъ корпусомъ.

Памятникъ въ одной верстѣ отъ горъ Чимкента на мѣстѣ русской батареи, стрѣлявшей по крѣпости въ 1864 году; внутри похоронены 9 русскихъ солдатъ.

Разведенный же его заботами скверъ скоро разросся и сталъ украшеніемъ города.

Первоначально предполагалось назвать его въ честь насадителя Михайловскимъ, а первое посаженное Черняевымъ дерево ого-

родить особой рѣшеткой, къ самому дереву прибить металлическую дощечку, на которой вырѣзать годъ устройства сквера, кѣмъ и когда дерево посажено; а также и то, что самый скверъ устроенъ и насажденъ трудами войскъ ташкентскаго гарнизона, что это составляетъ ихъ жертву, ихъ лепту, ихъ общій даръ для предполагаемаго памятника въ честь павшихъ при завоеваніи города товарищей. Но объ этомъ скоро забыли, и до сихъ поръ ничто изъ этихъ похвальныхъ предположеній не выполнено. Скверъ вмѣсто Михайловскаго сталъ называться Константиновскимъ въ честь Кауфмана, потому что генераль былъ похороненъ на этой площади, а потомъ здѣсь, на мѣстѣ погребенія, сооруженъ въ честь его красивый памятникъ, обнесенный желѣзной рѣшеткой. Здѣсь поставленъ также и новый кауфманскій памятникъ.

Нѣтъ ограды вокругъ перваго черныявскаго дерева, и его указать могутъ только старожилы. Нѣтъ и доски на деревѣ съ соотвѣтствующими надписями о времени насажденія сквера и о томъ, кому городъ обязанъ этою прелестью.

Такъ мѣняются времена и настроенія.

Такъ неблагоприятное ташкентское общество (скорѣе городское управленіе) чтитъ память покорителя и основателя города и насадителя лучшаго въ городѣ сквера, вѣрнѣе, парка.

Обидная забывчивость!

Оградка вокругъ дерева и доска съ надписями не потребовала бы большихъ расходовъ, не обременила бы городской казны. Ужъ хоть бы за пятьдесятъ лѣтъ почтили память родного героя этой бездѣлицей.

Еще примѣръ параллели, подчеркивающей ташкентскую забывчивость и невнимательность къ дѣйствительнымъ заслугамъ.

Осенью прошлаго 1913 года въ Самаркандѣ торжественно праздновалось открытіе памятника строителю Закаспійской желѣзной дороги генералу М. Н. Анненкову, чествовалась память этого достойнаго дѣятеля въ среднеазіатскихъ пустыняхъ, работавшаго здѣсь двадцать пять лѣтъ тому назадъ.

Безспорно, заслуги этого знаменитаго русскаго инженера-строителя передъ родиной громадны; но вѣдь и взятіе съ горсточкой удалцовъ большого укрѣпленнаго Ташкента, повлекшее за собою присоединеніе обширныхъ бухарскихъ, кокандскихъ и хивинскихъ земель, тоже вещь не пустая, не шуточная.

Не овладѣй мы въ свое время Ташкентомъ, намъ бы не видать ни закаспійскихъ пустынь, ни туркменскихъ ауловъ, ни бухарскихъ оазисовъ, ни предгорій Гиндукуша; не покорились бы намъ ни Самаркандъ, ни Фергана, не подчинились бы ни Бухара, ни Хива, и ужъ, конечно, не пришлось бы тогда проклады-

вать рельсы чрезъ эти замкнутыя до того времени для европейцевъ средне-азиатскія страны съ фанатичнымъ мусульманскимъ населеніемъ.

Въ данномъ случаѣ при приведеніи этого сравненія не только уже обидно за пренебреженіе памятью Черняева, но прямо стыдно и больно становится и за ташкентцевъ да и за Россію, что въ ней не чтутся равно и достойно заслуги доблестныхъ ея сыновъ.

Вѣдь доблестный герой, благородный человекъ Черняевъ своимъ подвигомъ открылъ намъ, русскимъ, широкія ворота въ Среднюю Азію. До него мы болѣе столѣтія беспомощно толклись на берегахъ Урала и Иртыша, а затѣмъ, занявъ низовья Сыръ-Дарьи и боясь раздражать Англію, черепашимъ шагомъ двигались вверхъ по рѣкѣ и къ предгорьямъ Тянь-Шаня. Но вотъ прилетѣлъ орелъ, широко размахнулъ могучими крыльями, разомъ разрушилъ созданную нами же воображаемую преграду и своей беззавѣтной отвагой поразилъ, покорилъ умы и воображеніе среднеазиатцевъ, внушилъ имъ уваженіе къ русской власти, вибрировалъ обаяніе русскаго имени, поселилъ въ сердцахъ ихъ страхъ предъ непобѣдимостью русскаго оружія, предъ русской стойкостью и силой; тогда ужъ стало легко подвигаться впередъ, и завоеванія новыхъ областей слѣдовали одно за другимъ быстрымъ темпомъ.

Такъ почему же такая разниа въ оцѣнкѣ?

Почему память однихъ позднѣйшихъ дѣятелей на подготовленной уже почвѣ скорехонько торопятся увѣковѣчивать грандіозными памятниками, а болѣе ранняго дѣятеля, безъ усилій и трудовъ котораго не было бы и позднѣйшихъ успѣховъ, забываютъ или медлятъ съ воздаяніемъ ему должнаго почитанія, словно чего-то еще выжидая.

Чѣмъ объяснить такое равнодушіе, такое обидное забвеніе личности русскаго народнаго героя М. Г. Черняева, презрительное невниманіе къ его неопѣнимымъ заслугамъ?

Неужели пятидесятилѣтняя давность затмила умы соотечественниковъ, застлала туманомъ забвенія славу героя, которымъ должна гордиться русская земля?

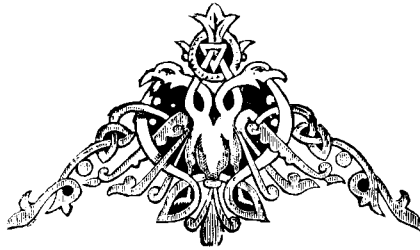
Неужели только потому, что при жизни онъ былъ слишкомъ прямолинеенъ, не умѣлъ подлаживаться подъ чужіе вкусы и мнѣнія?

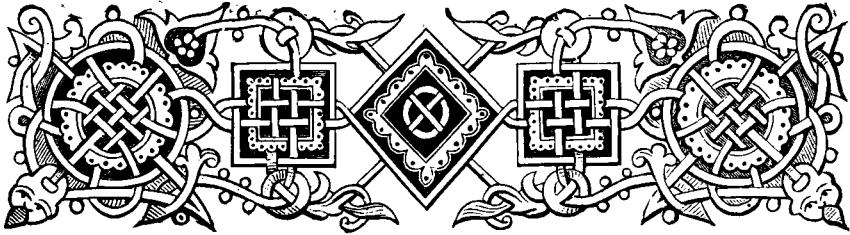
Какъ при жизни онъ былъ одиночекъ, не имѣлъ ни связей, ни протекціи и только силою своего таланта, настойчивости и мужества выдвинулся изъ толпы, такъ и по смерти остался одинокимъ. И воскресеніе памяти Михаила Григорьевича было бы особенно умѣстно теперь, когда снова, какъ и при немъ, на Балканскомъ полуостровѣ льется славянская кровь во имя свободы и братства всѣхъ славянскихъ народовъ. Пусть кропяемая этою кровью волны славянскихъ рѣкъ ударяясь о берега, громко

напомнятъ нынѣ о *томъ герое*, имя котораго есть символъ славянскаго торжества и свободы.

Отмѣтимъ въ заключеніе, что, кромѣ сооруженія памятниковъ генералу Черняеву въ ознаменованіе пятидесятилѣтняго существованія города Чимкента подъ русскимъ владычествомъ, начальникъ уѣзда полковникъ В. П. Колосовскій, какъ представитель городскаго хозяйственнаго управленія, возбудилъ ходатайство о переименованіи города ко дню юбилея въ городъ «Черняевъ».

М. Л. Юдинъ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ М. Д. СКОБЕЛЕВА.

ВЪ КОНЦѢ семидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія я былъ знакомъ съ полковникомъ Владимиромъ Ивановичемъ Корольковымъ, жившимъ въ то время въ гор. Маргеланѣ (теперь гор. Скобелевъ). Онъ былъ, кажется, въ распоряженіи военнаго губернатора Ферганской области, тогда же уѣхалъ изъ края въ Варшаву, гдѣ, какъ я слышалъ, и умеръ. Въ бытность М. Д. Скобелева военнымъ губернаторомъ вновь образованной изъ Кокандскаго ханства Ферганской области, Корольковъ былъ съ нимъ въ хорошихъ, дружескихъ отношеніяхъ и вмѣстѣ съ боевыми товарищами проводилъ его на турецкую войну. Отъ Королькова, какъ очевидца и участника, я слышалъ слѣдующій рассказъ о Скобелевѣ.

«Получивъ должность военнаго губернатора Ферганской области, Скобелевъ началъ очень строго, по-военному обращаться съ сартами и обрушился на мелкихъ интендантскихъ чиновниковъ, грозясь ихъ перевѣшать... Какъ чисто военный человѣкъ, по части гражданскаго управленія въ первое время онъ былъ слабовать по совершенной неопытности и, казалось, былъ вовсе неспособенъ для роли «устроителя» вновь завоеваннаго края.

«Какъ и раньше бывало, Скобелевъ часто приглашалъ къ себѣ на ужины и пирушки своихъ боевыхъ товарищей и хорошихъ знакомыхъ, гдѣ, въ простомъ, товарищескомъ кружкѣ, велись свободные разговоры на разныя темы злобы дня. Онъ былъ прость

въ обращеніи съ друзьями и не сердился на горячіе споры съ нимъ и даже на шутки. На одномъ изъ обѣдовъ, когда развязались языки отъ выпивки, надъ нимъ начали подсмѣиваться, какой-де онъ губернаторъ, правитель и устроитель области, когда не имѣетъ никакого понятія о гражданскихъ законахъ, а ихъ шестнадцать томовъ... Скобелевъ не возражалъ, промолчалъ и задумался. Этимъ, повидимому, дѣло и кончилось, и всѣ забыли о разговорѣ.

«Кажется, мѣсяць спустя, я зашелъ къ Михаилу Дмитріевичу вечеромъ, запросто, навѣстить. Онъ былъ въ кабинетѣ. Смотрю, у него на письменномъ столѣ какія-то новыя книги, томы свода гражданскихъ законовъ, одинъ изъ коихъ раскрытъ и, видимо, онъ только что читалъ его.

«— Что это у васъ за книги, Михаилъ Дмитріевичъ? Что-то новое...—сказалъ я, усаживаясь къ столу по его приглашенію.

«— Помните, какъ-то за обѣдомъ надо мною подсмѣивались и говорили, что я не могу быть хорошимъ губернаторомъ, потому что незнакомъ съ гражданскими законами? Такъ я же вамъ докажу, что могу быть и гражданскимъ правителемъ не хуже другихъ!..—горячо заговорилъ онъ.—Я вамъ докажу!..

«Передъ нимъ лежалъ одиннадцатый томъ свода законовъ, открытый на отдѣлѣ губернскаго управленія, а новыя книги были сочиненія по администраціи. Указывая на нихъ, онъ началъ говорить о томъ, что недостаточно только вы зубрить статьи законовъ, на что способенъ и мелкій чиновникъ изъ военныхъ писарей или фельдшеро́въ, нужно знать основныя положенія управленія, духъ законовъ да не однихъ только русскихъ. Онъ говорилъ долго и горячо, очевидно, сильно задѣтый товарищеской насмѣшкой надъ нимъ, которую онъ не забылъ. Изъ его словъ было видно, что онъ составилъ себѣ довольно-таки обширный планъ и горячо принялся за его исполненіе.

«Все это меня крайне заинтересовало, и я подумалъ, что все кончится временнымъ увлеченіемъ, но скоро убѣдился, что Скобелевъ принялся за дѣло не въ шутку. Потомъ я нѣсколько разъ бывалъ у него въ его свободное время и часто заставлялъ его за усерднымъ изученіемъ искусства быть хорошимъ правителемъ. Онъ былъ не лишенъ настойчивости и упорства во всякомъ дѣлѣ, за которое брался, и я увѣренъ въ томъ, что, продержись онъ въ Ферганѣ долго, онъ добился бы своего. Но зимою 1876—77 годовъ пошли усиленные разговоры о войнѣ съ Турціею, Скобелевъ бросилъ все, бросилъ свои гражданскія книги, взялъ отпускъ, усакалъ сначала въ Петербургъ, а оттуда на Дунай. Судьба готовила ему совсѣмъ другой, болѣе присущій его характеру и стремленіямъ родъ дѣятельности».

Ев. Смирновъ.

ПРОЛОГЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ ¹⁾.

(Архивные матеріалы).

XLIV.

В ТО ВРЕМЯ, какъ въ Петербургѣ происходило теоретическое обсужденіе положенія дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ, въ видахъ наиболѣе цѣлесообразнаго направленія здѣсь нашей политики, на мѣстѣ жизнь шла своимъ чередомъ, причемъ представители ялуцзянскаго лѣсопромышленнаго предпріятія осуществляли на практикѣ взгляды, высказывавшіеся на петербургскихъ совѣщаніяхъ Безобразовымъ. Последний, дѣйствительно, имѣлъ полное основаніе признавать излишнимъ добиваться утвержденія пекинскимъ правительствомъ интересовавшей его лѣсопромышленной концессіи, такъ какъ образъ дѣйствій агенто́въ предпріятія на мѣстѣ совершенно исключалъ возможность подобнаго законнаго урегулированія дѣла. Отправившійся на Ялуцзянъ въ мартѣ 1903 года подполковникъ генеральнаго штаба Мадритовъ весьма круто повернулъ все дѣло. Не рассчитывая на поддержку китайскихъ властей, Мадритовъ прибѣгъ къ содѣйствію хунхузовъ, которыхъ онъ и его сотоварищи окрестили именемъ «оппозиціоннаго китайскимъ властямъ элемента». Мадритовъ наwerbо́валъ нѣсколько шаекъ этихъ бродячихъ разбойниковъ и образовалъ изъ нихъ особый отрядъ, который долженъ былъ охранять лѣсное предпріятіе на Ялуцзянѣ. Но ор-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXXVII, стр. 5^с8.

ганизованные такимъ образомъ Мадритовымъ отряды продолжали въ глазахъ китайскихъ властей оставаться скопищемъ разбойниковъ, и неоднократно происходили столкновения между этими отрядами и китайскими властями. По поводу этихъ столкновений возникали объясненія между нашимъ военнымъ комиссаромъ въ Мукденѣ полковникомъ Квѣдцинскимъ, состоявшимъ также въ числѣ агентовъ лѣсопромышленнаго предпріятія, и мукденскимъ цзянь-цзюнемъ, причемъ послѣдній упорно указывалъ на незаконность образа дѣйствій Мадритова и на необходимость немедленнаго распушенія его охраннаго отряда, набраннаго изъ хунхузозъ. Не довольствуясь объясненіями съ полковникомъ Квѣдцинскимъ, цзянь-цзюнь сообщилъ о такомъ образѣ дѣйствій представителей лѣсопромышленнаго предпріятія въ Пекинъ, прося китайское министерство иностранныхъ дѣлъ войти въ объясненія по этому предмету съ русскимъ правительствомъ. Послѣдствіемъ этого явился рядъ представленій русскому правительству со стороны китайскаго посланника въ Петербургѣ, передавшаго министерству иностранныхъ дѣлъ настойчивое ходатайство правительства богдыхана о немедленномъ распушеніи образованныхъ на Ялущанѣ отрядовъ изъ разбойничьихъ шаекъ. По словамъ китайскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, образованіе подобныхъ отрядовъ въ связи съ неисполненіемъ принятыхъ нами на себя обязательствъ по эвакуаціи Манчжуріи грозило возникновеніемъ въ этой области серьезныхъ безпорядковъ, отвѣтственность за которые должна пасть на русскихъ. По поводу этихъ представленій китайскаго посланника происходили сношенія министерства иностранныхъ дѣлъ съ адмираломъ Алексѣевымъ, который указывалъ на неосновательность нареканій, взводимыхъ на насъ китайцами, и не находилъ возможнымъ запретить представителямъ лѣсопромышленнаго предпріятія вербовать охотниковъ для образованія необходимой предпріятію охраны, признавая лишь возможнымъ нѣсколько ограничить численность вербуемыхъ такимъ путемъ охранныхъ отрядовъ.

Между тѣмъ столкновенія между мадритовскими хунхузами и китайскими войсками продолжались своимъ чередомъ, и въ одномъ изъ этихъ столкновений на вербованные Мадритовымъ хунхузы потерпѣли сильное пораженіе. По этому поводу Мадритовъ отправился объясняться съ китайскимъ начальникомъ въ городѣ Фынъ-хуанъ-чэнѣ, даоатаемъ Юань-да-хуа. Объясненіемъ это имѣло весьма рѣзкій характеръ, и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Мадритовъ даже ударилъ даоатаю по лицу, хотя вслѣдъ за тѣмъ немедленно опомнился, извинился и принялъ мѣры къ заглаженію своей вины посылкою даоатаю подарковъ. Само собою разумѣется, что при установленіи такихъ рѣзкихъ отношеній между представителями лѣсопромышленнаго предпріятія и мѣстными властями трудно

было разсчитывать на возможность легальнаго урегулированія домогательствъ нашихъ предпринимателей у китайскаго правительства.

Правда, благодаря настояніямъ въ Мукденѣ, военному комиссару полковнику Квѣдинскому удалось провести разрѣшеніе на эксплуатацію въ Мукденѣ электрическаго освѣщенія, но ходатайство о распространеніи этой концессіи на устройство электрическихъ подъѣздныхъ путей было отклонено китайскими властями. Послѣднія, несомнѣнно, хорошо понимали истинную подкладку домогательствъ объ этой концессіи, имѣвшихъ главною цѣлью получить возможность организаціи вооруженной охраны подъѣздныхъ путей и воспользоваться этимъ для постепеннаго введенія, подъ тѣмъ или другимъ видомъ, русскихъ охранныхъ отрядовъ. Этими же соображеніями, очевидно, объяснялся и отказъ центрального китайскаго правительства въ удовлетвореніи домогательствъ подставной китайской компаніи, которая, какъ было сказано выше, взяла на себя, во время пребыванія въ Манчжуріи Безобразова, исходатайствованіе въ Пекинѣ лѣсопромышленной концессіи на Ялуцзянѣ. Чтобы предотвратить всякую возможность предъявленія претензій въ этомъ направленіи со стороны русскихъ, китайцы, по инициативѣ энергичнаго фынъ-хуанъ-чэнскаго даотая Юань-да-хуа, рѣшили учредить китайскую компанію для эксплуатаціи лѣсныхъ богатствъ на Ялуцзянѣ. Компанія эта, дѣйствительно, была учреждена, и акціи ея были выпущены на рынокъ въ Тянь-цзинѣ и Шанхаѣ.

Воинственныя начинанія мѣстныхъ представителей ялуцзянскаго предпріятія не остались не замѣченными также и въ Сеулѣ и особенно въ Токио. По словамъ нашего повѣреннаго въ Токио, нашъ образъ дѣйствій на Ялуцзянѣ началъ уже въ первой трети 1903 года обращать на себя самое серьезное вниманіе японскаго правительства. Послѣднее, черезъ своего представителя въ Петербургѣ, осторожно наводило справки о нашихъ намѣреніяхъ касательно Ялуцзяна и, не удовлетворившись успокоительными заявленіями, данными Курино министромъ иностранныхъ дѣлъ, приняло мѣры къ собранію на мѣстѣ непосредственныхъ справокъ о положеніи дѣлъ. Въ апрѣлѣ 1903 года вновь прибывшій въ Токио посланникъ нашъ баронъ Розенъ сообщалъ, что по впечатлѣнію, вынесенному имъ изъ бесѣды съ японскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, послѣдній, хотя и не затрагиваетъ въ бесѣдахъ съ нимъ особенно настойчиво ялуцзянскаго вопроса, но, несомнѣнно, прекрасно освѣдомленъ о положеніи дѣлъ на корейской границѣ. Баронъ Розенъ высказывалъ свое убѣжденіе въ безусловномъ вредѣ для нашихъ отношеній къ Японіи предпріятій, подобныхъ лѣсопромышленному на Ялуцзянѣ, въ которомъ японское правительство, несомнѣнно, видитъ проявленіе нашихъ затаенныхъ замысловъ на Корейскій полуостровъ.

Въ то же время въ печати Дальняго Востока стали появляться предостереженія о возможности войны между Россіей и Японіей изъ-за лѣсного дѣла на Ялуцзянѣ. Въ вѣроятности такого исхода многихъ убѣждало категорическое заявленіе, сдѣланное въ Мукденѣ представителями ялуцзянскаго лѣсопромышленнаго предприятия, что въ случаѣ отказа китайскихъ властей утвердить ихъ домогательства относительно выдачи концессіи они намѣрены прибѣгнуть къ насильственному захвату интересующихъ предприятий мѣстностей.

Наконецъ, какъ видно изъ англійской «Синей Книги» касательно занятія русскими Манчжуріи и порта Нью-чжуана, вопросъ о нашихъ дѣйствіяхъ на Ялуцзянѣ началъ интересовать иностранную дипломатію и послужилъ основаніемъ для нѣсколькихъ запросовъ, сдѣланныхъ иностранными представителями въ Петербургѣ нашему министру иностранныхъ дѣлъ. Японское правительство старалось обратить вниманіе другихъ державъ на образъ дѣйствій Россіи въ Корей и Манчжуріи. Получавшіяся японцами свѣдѣнія относительно Ялуцзяна неизмѣнно сообщались ими англичанамъ. Особенно же энергичныя представленія дѣлала Японія правительству Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, указывая на политику Россіи въ отношеніи Манчжуріи. Такъ, въ апрѣлѣ японскій посланникъ въ Вашингтонѣ настоятельно указывалъ статсъ-секретарю Гею, что, такъ какъ присоединеніе Манчжуріи къ Россіи приведетъ къ закрытію манчжурскихъ рынковъ для американскихъ произведеній, то Соединенные Штаты обязаны стать во главѣ движенія противъ дѣйствій Россіи въ этой области.

Такимъ образомъ, предположеніе, высказывавшееся на совѣщаніи 7-го мая, о необходимости при развитіи ялуцзянскаго предприятия, по возможности, избѣгать всякаго шума, оказалось на практикѣ неосуществимымъ. Уже въ первой половинѣ 1903 года всѣ заинтересованныя державы зорко слѣдили за нашими дѣйствіями на Ялуцзянѣ, и наблюденія эти, несомнѣнно, сильно способствовали усиленію тѣхъ протестовъ, которые предъявлялись русскому правительству по поводу нашего образа дѣйствій въ Манчжуріи.

Однако всѣ эти тревожные симптомы ничуть не ослабляли энергіи инициаторовъ лѣсопромышленнаго предприятия. Такъ какъ на совѣщаніи 7-го мая рѣшено было повременить съ учрежденіемъ общества для эксплуатаціи лѣсныхъ богатствъ на Ялуцзянѣ, то они рѣшили прибѣгнуть къ другой организаціи дѣла, образовавъ товарищество на вѣрѣ. Въ товарищество это вошли, кромѣ нѣсколькихъ представителей знати, имена которыхъ обозначены ниже, въ примѣчаніи, адмиралъ А. М. Абаза, полковникъ В. М. Вонлярлярскій и Н. Г. Матювинъ. Согласно предварительному

товарищескому договору, подписанному 31-го мая 1903 г. у с.-петербургскаго нотаріуса Арцыбушева, «Русское лѣсопромышленное товарищество на Дальнемъ Востокѣ» учреждалось для эксплуатаціи лѣсныхъ концессій, рудныхъ богатствъ, рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ, судоходства и вообще всякаго рода промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Размѣръ основного капитала предполагалось опредѣлить въ теченіе шести мѣсяцевъ, причѣмъ одинъ изъ участниковъ являлся полнымъ товарищемъ, остальные же вкладчиками. Порядокъ дѣйствій товарищества и прочія подробности должны были быть выработаны по соглашенію всѣхъ участниковъ, и соглашеніе это должно было быть облечено въ установленную форму не далѣе шести мѣсяцевъ со дня подписанія предварительнаго договора. Уполномоченнымъ товарищества на мѣстѣ назначался егермейстеръ И. П. Балашовъ, которому предоставлялось управленіе всѣмъ дѣломъ на Дальнемъ Востокѣ, съ правомъ расходованія суммъ товарищества, пріобрѣтенія движимаго и недвижимаго имущества, всякаго рода концессій и арендныхъ статей. Распорядителями же дѣлъ товарищества въ Петербургѣ назначались адмиралъ Абаза и полковникъ Вонлярляскій ¹⁾.

¹⁾ Вотъ въ какую форму вылился договоръ: «С.-Петербургъ. Тысяча девятьсотъ третьяго года, мая тридцать перваго дня. Мы, нижеподписавшіеся: генераль-отъ-кавалеріи графъ Алексій Павловичъ Игнатьевъ, генераль-адъютантъ Петръ Павловичъ Гессе, оберъ-церемоніймейстеръ графъ Василій Александровичъ Гендриковъ, свиты его величества контръ-адмиралъ Алексій Михайловичъ Абаза, князь Феликсъ Феликсовичъ Юсуповъ графъ Сумароковъ-Эльстонъ, полковникъ гвардіи въ отставкѣ Владимиръ Михайловичъ Вонлярляскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Гаврилловичъ Матюнинъ полковникъ Кавалерга рдскаго Ея Величества Императрицы Маріи Феодоровны полка Михаилъ Аполлоновичъ Серебряковъ, составили настоящій предварительный договоръ товарищества на вѣрѣ, подъ фирмою «Русское лѣсопромышленное товарищество на Дальнемъ Востокѣ» для эксплуатаціи въ предѣлахъ Манчжуріи, Корей и Приморской области всякаго рода лѣсныхъ концессій, рудныхъ богатствъ, рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ, судоходства, торговли и другихъ всякаго рода промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Основной капиталъ товарищества имѣетъ быть опредѣленъ въ теченіе шести мѣсяцевъ и вносится участниками товарищества по мѣрѣ надобности. Одинъ изъ участниковъ, по взаимному соглашенію, будетъ полнымъ товарищемъ, остальные—вкладчиками, причѣмъ вкладчики отвѣчаютъ только своими вкладами и никакой дальнѣйшей ни личной, ни имущественной отвѣтственности за долги товарищества не несутъ. Порядокъ дѣйствія товарищества, права и обязанности товарищей, организація управленія, отчетность и весь внутренній распорядокъ имѣетъ быть выработанъ по соглашенію всѣхъ участниковъ и облеченъ въ установленную форму не далѣе шести мѣсяцевъ со дня подписанія сего договора. До истеченія сего срока вышеназванные участники на всѣ дѣйствія, со всѣми правами и обязанностями, какъ представителя товарищества, уполномочиваютъ егермейстера Двора Ея Величества Ивана Петровича Балашова, которому предоставляется расходованіе суммъ товарищества, пріобрѣтеніе движимаго и недвижимаго имущества, всякаго рода концессій и арендныхъ статей, а также полное распоряженіе и управленіе всѣми имуществами и дѣлами товарищества, съ обязанностью въ сѣхъ дѣйствіяхъ представлять подлежащіе отчеты. Распорядителемъ предпріятія избраны

Образцомъ организаціи и историческимъ прецедентомъ для образованія новаго общества была принята организація и исторія американской компаніи. Учредителями посему и была роздана нижеслѣдующая справка объ этой компаніи.

«3-го августа 1798 года была учреждена соединенная американская компанія для развитія русской торговли и промышленности на сѣверо-восточной окраинѣ Сибири.

«Въ слѣдующемъ году государю императору, обратившему вниманіе на важное политическое значеніе компаніи, было угодно принять ее подъ свое высочайшее покровительство, повелѣвъ именоваться «подъ высочайшимъ его императорскаго величества покровительствомъ російско-американской компаніей». Одновременно съ этимъ компанія была пожалована рядомъ всемиловѣйшихъ привилегій. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I не прекратились державныя заботы о російско-американской компаніи. 25-го марта 1802 года она была осчастливлена высочайшимъ рескриптомъ, въ которомъ государь императоръ изволилъ высказать, что, признавая дѣятельность компаніи полезной, повелѣлъ записать на свое имя нѣсколько акцій. Примѣру государя императора послѣдовали ихъ величества государыни императрицы и цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Въ 1803 году его величество соизволилъ на выдачу компаніи изъ государственнаго заемнаго банка двухсотъ пятидесяти тысячъ рублей ассигнаціями, срокомъ на восемь лѣтъ, для организаціи кругосвѣтной экспедиціи и повелѣлъ сопутствовать ей нѣсколькимъ флотскимъ офицерамъ, нижнимъ чинамъ, а также двумъ студентамъ академіи наукъ и горнаго вѣдомства. Вслѣдъ за тѣмъ главный правитель компаніи купецъ Барановъ былъ удостоенъ производства въ чинъ коллежскаго совѣтника. Высочайшая милость эта имѣетъ особое значеніе, такъ какъ въ ту эпоху лица не дворянскаго происхожденія чинами не награждались. Въ 1804 году для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ политическаго свойства русскихъ колоній въ Америкѣ былъ учрежденъ при главномъ правленіи временный комитетъ въ составѣ акціонеровъ: графа Строганова, адмирала Мордвинова и тайнаго совѣтника Вейдемейера. 15-го декабря 1811 года компанія, подчиненная дотолѣ министерству коммерціи, была передана въ вѣдомство министерства внутреннихъ

свиты Его Величества контръ-адмиралъ Алексѣй Михайловичъ Абаза и гвардіи полковникъ въ отставкѣ Владимиръ Михайловичъ Вонлярлярскій, которымъ предоставляется выдавать надлежащія довѣренности, направлять дѣло, приглашать служащихъ, получать отчеты, имущество и деньги, и, вообще, выполнять всѣ необходимыя по ходу дѣла дѣйствія и формальности». Слѣдуютъ подписи всѣхъ переименованныхъ лицъ, удостовѣренныя исправляющимъ должность нотаріуса М. Суслениковымъ. Договоръ зарегистрированъ подъ № 2680 въ конторѣ нотаріуса П. М. Арцыбушева, по Невскомъ просп., д. № 61.

дѣль. Въ 1812 году, по опредѣленію общаго собранія акціонеровъ, главное правленіе вошло со всеподданнѣйшимъ представленіемъ объ учрежденіи, по примѣру временнаго комитета, совѣта изъ трехъ акціонеровъ для рѣшенія дѣль, превышающихъ компетенцію правленія; представленіе это 16-го декабря 1814 года удостоилось высочайшаго утвержденія.

«Всѣ лица, служившія въ російско-американской компании, числились состоящими на дѣйствительной службѣ, пользуясь правами на награды и пенсіи. Компаніи было предоставлено приглашать къ себѣ на службу чиновъ военно-сухопутнаго и морского вѣдомствъ. Всѣ монаршія милости, оказанныя російско-американской компаніи, вполне оправдали возложенныя на нее надежды государя императора Александра I, что и было отмѣчено его величествомъ въ указѣ правительствующему сенату отъ 13-го сентября 1821 года; компаніи было предоставлено тогда же входить съ представленіями къ государю императору о важнѣйшихъ дѣлахъ черезъ министра финансовъ; если же министръ финансовъ не соглашался съ представленнымъ ему мнѣніемъ компаніи, онъ долженъ былъ доложить это мнѣніе его величеству. Государь императоръ Николай I не только подтвердилъ всѣ преимущества, данныя російско-американской компаніи его предшественниками, но расширилъ ея права, предоставивъ ей непосредственно доносить ему о дѣлахъ и распоряженіяхъ компаніи, равно и о проистекающихъ изъ оныхъ успѣхахъ.

«Россійско-американская компанія имѣла своимъ прототипомъ Chartered Companies, дѣйствующія въ Англіи со временъ тринадцатаго столѣтія и оказавшія неопѣнимыя услуги всемірному распространенію колоніальнаго могущества Англіи».

XLV.

Получивъ порученіе разработать, совмѣстно съ адмираломъ Алексѣевымъ и генераломъ Куропаткинымъ, вопросы, касающіеся утвержденія нашего политико-экономическаго вліянія въ Манчжуріи, статсъ-секретарь Безобразовъ отправился въ началѣ іюня 1903 года во вторичную поѣздку на Дальній Востокъ. Обстановка этой поѣздки рѣзко отличалась отъ той, которую Безобразовъ предпринялъ въ декабрѣ 1902 года. Въ то время путешествіе его носило совершенно частный характеръ, и о поѣздкѣ его на Дальній Востокъ узнали лишь послѣ фактическаго прибытія его въ Манчжурію, куда Безобразовъ явился тогда въ качествѣ представителя частнаго предпріятія. На этотъ же разъ статсъ-секретарь Безобразовъ выѣхалъ на Дальній Востокъ со спеціальнымъ поѣздомъ въ сопровожденіи многочисленной свиты.

Моментъ прибытія въ Портъ-Артуръ Безобразова сдѣлался центральнымъ событіемъ, къ которому приурочена была вся программа дальнѣйшей дѣятельности высшихъ административныхъ лицъ нашихъ на Дальнемъ Востоку. Такъ какъ Безобразовъ долженъ былъ принять участіе въ совѣщаніяхъ, которыя имѣли состояться въ Портъ-Артурѣ при участіи военнаго министра, то прибытіе въ Портъ-Артуръ генерала Куропаткина было отложено до времени приѣзда туда Безобразова. Для этого генералу Куропаткину пришлось нѣсколько продлить свое пребываніе въ Японіи, гдѣ, покончивъ съ официальной частью своей программы, онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней въ качествѣ частнаго лица предавался любимому своему занятію—рыбной ловлѣ, чѣмъ сильно заинтриговалъ пылкое воображеніе любопытныхъ японцевъ. Приказаніе генералу Куропаткину приѣхать въ Портъ-Артуръ не ранѣе приѣзда туда Безобразова было вызвано опасеніемъ послѣдняго, какъ бы генералъ Куропаткинъ, въ отсутствіе его, не повліялъ на адмирала Алексѣева въ смыслѣ отказа отъ политики, которую вель послѣдній, поддерживая всѣ мысли и проекты Безобразова.

Безобразовъ прибылъ въ Портъ-Артуръ 16-го іюня, а генералъ Куропаткинъ—17-го іюня 1903 года, и тотчасъ же было приступлено къ обсужденію вопросовъ, связанныхъ съ исполненіемъ принятыхъ нами на себя договоромъ 26-го марта 1902 года обязательствъ относительно очищенія Манчжуріи отъ нашихъ войскъ. Въ совѣщаніяхъ этихъ, продолжавшихся съ 18-го по 28-е іюня, принимали участіе Куропаткинъ, Алексѣевъ, Безобразовъ, посланники наши въ Пекинѣ Лессаръ и въ Сеулѣ Павловъ и генералъ-майоръ Вогакъ. Для представленія необходимыхъ справокъ и объясненій къ этому же времени прибыли въ Портъ-Артуръ чиновники министерства иностранныхъ дѣлъ изъ Мукдена и Нью-чжуана, военный комиссаръ въ Мукденѣ и военный агентъ въ Шанхаѣ. Въ распоряженіи военнаго министра и адмирала Алексѣева находились также финансовый комиссаръ Квантунской области Протасевъ и представитель Русско-Китайскаго банка и Китайской Восточной желѣзной дороги въ Пекинѣ Покотилловъ. Во время хода совѣщаній въ Портъ-Артуръ прибыли главный инженеръ Китайской Восточной желѣзной дороги Юговичъ и его помощникъ Игнаціусъ, управляющій дорогою полковникъ Хорватъ, завѣдующій коммерческою частью Лазаревъ и начальникъ Заамурскаго округа отдѣльнаго корпуса пограничной стражи генералъ Чичаговъ. Всѣ эти лица были привлекаемы, въ той или въ другой формѣ, къ участію въ трудахъ совѣщанія.

На обсужденіе совѣщанія, прежде всего, поставленъ былъ вопросъ о современномъ положеніи Россіи въ Манчжуріи въ связи съ исполненіемъ договора 26-го марта 1902 года. Совѣщаніе при-

знало, что какъ образъ дѣйствій Китая, такъ равно и нѣкоторыхъ другихъ державъ дѣлаеть для насъ невозможнымъ точное исполненіе договора 26-го марта 1902 года и даетъ намъ полное право допустить нѣкоторыя отступленія отъ него.

Для сохраненія достоинства Россіи и удержанія за нею въ Манчжуріи преобладающаго положенія признано было необходимымъ усилить наше военное положеніе на Квантунскомъ полуостровѣ и на линіи Китайской Восточной желѣзной дороги. Для осуществленія этого признавалось необходимымъ произвести единовременный расходъ въ размѣрѣ тридцати милліоновъ рублей и ежегодно, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, отпускать по шести милліоновъ рублей. Кромѣ того, для усиленія боевой готовности Квантуна и порть-артурской крѣпости признано было необходимымъ безотлагательно отпустить въ распоряженіе адмирала Алексѣева два съ половиной милліона рублей.

Затѣмъ было приступлено къ обсужденію вопроса о способахъ мирнаго разрѣшенія манчжурскаго вопроса, безъ ущерба для достоинства Россіи. Въ связи съ этимъ обращено было, прежде всего, вниманіе на желательность отдѣленія манчжурскаго вопроса отъ корейскаго, при чемъ, въ соотвѣтствіи съ высказанными Куропаткинымъ и Алексѣевымъ соображеніями, предположено было повременить нашу дѣятельность въ Корей, чтобы предварительно достигнуть необходимыхъ намъ результатовъ въ Манчжуріи.

Въ отношеніи Кореи признавалось нежелательнымъ занятіе какой-либо части ея территоріи какъ нашими, такъ равно и японскими войсками; въ виду возможности, что образъ дѣйствій нашъ въ Манчжуріи поведетъ къ занятію японцами южной Кореи, рѣшено было встрѣтить этотъ шагъ со стороны Японіи протестомъ, который, однако, не долженъ сопровождаться отвѣтными мѣрами въ видѣ занятія нами сѣверной Кореи. вмѣстѣ съ тѣмъ признавалось желательнымъ заявить Японіи «съ цѣлью выигрыша времени», что дѣятельность Россіи въ Манчжуріи не имѣетъ никакого касательства къ Корей, и что въ отношеніи послѣдней Россія искренно желаетъ сохранить въ силѣ всѣ существующіе договоры и соглашенія, и что, не имѣя никакихъ агрессивныхъ намѣреній, Россія попрежнему будетъ стремиться къ поддержанію независимости Кореи. Дабы отнять у Японіи поводъ усматривать въ дѣятельности лѣснаго товарищества на корейскомъ берегу рѣки Ялу военно-политическій, агрессивный характеръ, признавалось необходимымъ, согласно мнѣнію адмирала Алексѣева, которому постановленіями совѣщаній 26-го марта и 7-го мая 1903 года поручалось высшее руководство этимъ дѣломъ,—немедленно принять мѣры къ приданію нашей дѣятельности на Ялу исключительно коммерческаго характера, устранивъ отъ участія въ предпріятіи офицеровъ дѣйствительной службы. Однако Безобразовъ не счелъ возможнымъ присоеди-

ниться къ мнѣнію о желательности такого заявленія и приданія предпочтенія на Ялу исключительно коммерческаго характера.

При дальнѣйшемъ обсужденіи путей для мирнаго разрѣшенія манчжурскаго вопроса совѣщаніе остановилось на заявленіи посланника нашего въ Пекинѣ Лессара, что у него имѣется достаточно данныхъ къ тому, чтобы, если представится нужнымъ, обвинить китайцевъ въ неисполненіи ими принятыхъ на себя по договору 26-го марта 1902 года обязательствъ и на этомъ основаніи сдѣлать заявленіе о невозможности для Россіи выполнить означенный договоръ. Хотя, приступая къ обсужденію манчжурскаго вопроса, совѣщаніе уже а priori рѣшило, что образъ дѣйствій Китая лишаетъ насъ возможности точно исполнить договоръ 26-го марта 1902 года, тѣмъ не менѣе, очевидно, у членовъ совѣщанія не было полной увѣренности въ справедливости этого мнѣнія, и они воспользовались первымъ же появленіемъ нашего посланника въ Пекинѣ на засѣданіяхъ совѣщанія ¹⁾, чтобы удостовѣриться въ дѣйствительной возможности предъявить Китаю подобное обвиненіе.

Лессаръ сообщилъ также совѣщанію, что при первомъ извѣстіи о передвиженіи нашихъ войскъ къ Забайкалью ²⁾ китайскіе министры, по совѣту представителей нѣкоторыхъ державъ въ Пекинѣ, стали совершенно уклоняться отъ веденія съ нашимъ посланникомъ какихъ-либо переговоровъ по вопросу объ очищеніи Манчжуріи отъ нашихъ войскъ. Лессаръ счелъ также своимъ долгомъ высказать членамъ совѣщанія свое убѣжденіе, что, если бы мы заявили о нашемъ намѣреніи не исполнить договора 28-го марта 1902 года, то намъ пришлось бы надолго, если не навсегда, стать во враждебныя къ Китаю отношенія. По поводу этого заявленія Безобразовъ высказалъ мнѣніе, что дружба наша будетъ нарушена лишь съ «правлящими сферами» Китая, народъ же будетъ къ намъ относиться дружелюбно и можно надѣяться, что само китайское правительство, убѣдившись въ невозможности прогнать русскихъ изъ Манчжуріи, постарается приспособиться въ существующему положенію вещей.

Разсматривая вопросъ объ очищеніи Манчжуріи отъ нашихъ войскъ по существу, военный министръ повторилъ неоднократно высказывавшійся имъ еще на петербургскихъ совѣщаніяхъ взглядъ о неодинаковомъ значеніи для Россіи сѣверной и южной Манчжуріи и предлагалъ подвести сѣверную Манчжурію, такъ или иначе, но безъ присоединенія, подъ полный контроль Россіи; въ отношеніи же южной Манчжуріи военный министръ полагалъ ограничиться только ея эксплуатаціей, допустивъ туда и иностранцевъ. Такой взглядъ

¹⁾ Лессаръ прибылъ въ Портъ-Артуръ 19-го іюня и въ первыхъ двухъ засѣданіяхъ 18-го и 19-го іюня участія не принималъ.

²⁾ По совѣту Безобразова, приказано было, для острастки Японіи, перевести изъ Россіи въ Забайкалье двѣ бригады.

генерала Куропаткина былъ встрѣченъ возраженіями со стороны адмирала Алексѣева и посланниковъ нашихъ въ Пекинѣ и Сеулѣ, заявившихъ, что и присоединеніе одной сѣверной Манчжуріи точно также поставитъ насъ въ весьма обостренныя отношенія къ Китаю, и что такое присоединеніе побудитъ китайцевъ предоставить разныя льготы иностранцамъ на югѣ Манчжуріи, благодаря чему создастся масса затрудненій для Россіи.

По обсужденіи этого вопроса всѣми членами совѣщанія было признано, что, въ виду чрезвычайныхъ трудностей и расходовъ по управленію, неизбѣжныхъ въ случаѣ присоединенія Манчжуріи къ Россіи, такое присоединеніе является принципиально нежелательнымъ—и не только въ отношеніи всей Манчжуріи, но хотя бы и одной лишь сѣверной ея части.

Въ виду такого принципиальнаго взгляда, совѣщаніе рѣшило еще разъ обсудить вопросъ о томъ, нельзя ли, въ видахъ мирнаго разрѣшенія манчжурскаго вопроса, выполнить договоръ 26-го марта 1902 года—при условіи, что китайское правительство согласится дать совершенно достаточныя гарантіи въ томъ, что исполненіе этого договора не поведетъ къ умаленію достоинства Россіи и не лишитъ ея того преобладающаго значенія, на которое она имѣетъ неоспоримое право послѣ всѣхъ жертвъ, понесенныхъ ею въ Манчжуріи. Это требованіе гарантій предположено было соединить со строгимъ ультиматумомъ въ томъ смыслѣ, что непріятіе Китаемъ сказанныхъ требованій неизбѣжно и безповоротно повлечетъ за собою уничтоженіе, въ той или другой формѣ, договора 26-го марта 1902 года. Облеченіе нашихъ требованій въ форму строгаго ультиматума мотивировалось тѣмъ, что всѣ требованія, ранѣе предъявленныя нами китайскому правительству, встрѣчали въ Пекинѣ неизмѣнный отпоръ. Сами китайскіе министры иногда склонялись въ пользу принятія нашихъ требованій, но въ концѣ концовъ уступали вліянію представителей въ Пекинѣ Японіи, Англіи и Америки, усердно совѣтовавшихъ китайцамъ ни въ чемъ не уступать намъ.

Послѣдующія засѣданія были посвящены обсужденію тѣхъ требованій о гарантіяхъ, которыя предполагалось предъявить Китаю ранѣе исполненія договора 26-го марта 1902 года. На засѣданіи 21-го іюня генералъ Куропаткинъ предложилъ совѣщанію свой проектъ требованій, заключавшій въ себѣ 17 пунктовъ. Признавая необходимымъ безусловное принятіе Китаемъ уже ранѣе предъявленныхъ ему требованій, генералъ Куропаткинъ формулировалъ въ этихъ 17 пунктахъ еще цѣлый рядъ новыхъ пожеланій. Въ этихъ дополнительныхъ пунктахъ обращалось преимущественное вниманіе на закрѣпленіе нашего военнаго положенія въ сѣверной Манчжуріи, которая, по проекту военнаго министра, должна была покрываться цѣлою сѣтью русскихъ военныхъ постовъ. Генералъ

Куропаткинъ озабочивался также усиленіемъ нашего военнаго положенія вдоль линіи Китайской Восточной желѣзной дороги, причеъ онъ предлагалъ истребовать для русскихъ войскъ право занимать небольшими отрядами и пункты, лежащіе внѣ полосы отчужденія дороги, въ случаѣ необходимости принятія мѣръ для подавленія мѣстныхъ волненій, когда китайскія военныя власти окажутся въ этомъ отношеніи безсильными.

Переселеніе китайцевъ въ сѣверную Манчжурію, какъ вдоль магистрали Китайской Восточной желѣзной дороги, такъ равно между этой магистралью и русскою границею, предполагалось разрѣшить не иначе, какъ съ согласія русскихъ властей. Генералъ-адъютантомъ Куропаткинымъ проектированы были также мѣры къ ограниченію численнаго состава китайскихъ войскъ въ Манчжуріи. Выговаривалось право Россіи и послѣ очищенія Манчжуріи содержать военныхъ комиссаровъ въ Мукденѣ, Гиринѣ и Цицикарѣ. Китайскому правительству предоставлялось право допускать въ Манчжурію иностранныхъ консуловъ не иначе, какъ съ согласія Россіи. Устанавливалось, что Китай не имѣетъ права открывать новые порты для иностранной торговли, кромѣ Инкоу, наконецъ, оговаривалось, что, во избѣжаніе возможныхъ осложненій, постоянное пребываніе иностранныхъ подданныхъ въ полосѣ отчужденія и въ пунктахъ, занятыхъ русскими войсками, будетъ разрѣшаться не иначе, какъ съ согласія Россіи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

По поводу этого проекта генерала Куропаткина посланникъ нашъ въ Пекинѣ заявилъ, что предложенія эти представляютъ собою въ сущности новый договоръ, который едва ли будетъ принятъ китайцами. Выслушавъ замѣчанія Лессара по пунктамъ, совѣщаніе согласилось съ правильностью большей части этихъ замѣчаній и рѣшило предъявить китайскому правительству требованія лишь о сохраненіи, послѣ эвакуаціи Манчжуріи, нашихъ военныхъ постовъ по рѣкѣ Сунгари и по тракту Цицикаръ—Мэргэнь—Благовѣщенскъ, причеъ мѣру эту предполагалось выставить передъ китайскими министрами въ видѣ чисто-временной, въ видахъ предупрежденія беспорядковъ отъ хунхузовъ. Что же касается всѣхъ остальныхъ предположеній военнаго министра, то совѣщаніе признало болѣе осторожнымъ не возбуждать по этому поводу никакихъ переговоровъ съ китайскимъ правительствомъ, а принимать каждый разъ соотвѣтственныя мѣры, принуждая китайцевъ мириться съ совершившимися фактами.

Если бы китайское правительство отказалось принять предъявленныя нами въ окончательной формѣ требованія, то, по мнѣнію совѣщанія, основанному на предложеніи генерала Куропаткина, надлежало заявить Китаю, что договоръ 26-го марта не можетъ подлежать исполненію, и что мы предоставляемъ себѣ право распо-

рядиться дальнѣйшею судьбою Манчжуріи по нашему усмотрѣнію. По вопросу же о томъ, какъ именно предполагалось бы распорядиться судьбою Манчжуріи, совѣщаніе единогласно пришло къ заключенію, что присоединеніе къ Россіи не только всей Манчжуріи, но хотя бы лишь сѣверной ея части грозитъ намъ затрудненіями, граничащими съ бѣдствіемъ. Поэтому, принимая во вниманіе, что вторичное занятіе Манчжуріи, по приведеніи на должную высоту нашей боевой готовности, не представитъ большихъ затрудненій, признано было необходимымъ, не отказываясь отъ договора 26-го марта и не угрожая присоединеніемъ Манчжуріи, продолжить военную окупацію края еще на три года, то есть на срокъ, потребный для довершенія необходимымъ военныхъ мѣропріятій.

Ранѣе, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію экономическихъ вопросовъ, связанныхъ съ положеніемъ нашимъ въ Манчжуріи, совѣщаніе рѣшило поручить подготовку необходимыхъ матеріаловъ особой подкомиссіи, подъ предсѣдательствомъ Безобразова, изъ свѣдущихъ лицъ, имъ приглашенныхъ.

Обсужденію этой подкомиссіи подлежали слѣдующіе вопросы:

1. Какія мѣры слѣдуетъ принять и какой экономической политики слѣдуетъ придерживаться въ Манчжуріи, чтобы содѣйствовать сокращенію дефицита по Китайской Восточной желѣзной дорогѣ? Вопросъ этотъ долженъ былъ быть разсмотрѣнъ съ двухъ сторонъ:

а) по отношенію къ мѣстному движенію и внутренней торговлѣ и

б) по отношенію къ международной торговлѣ Манчжуріи съ Россією и другими государствами.

2. Насколько мѣропріятія по увеличенію доходности дороги и по экономической политикѣ нашей въ Манчжуріи, которыя будутъ предложены свѣдущими лицами, отразятся на экономическомъ положеніи Пріамурскаго края?

XLVI.

Для обсужденія этихъ вопросовъ Безобразовымъ были приглашены находившіеся налицо въ Портъ-Артурѣ военные, дипломатическіе и финансовыя представители наши въ Манчжуріи, представители Китайской Восточной желѣзной дороги и Русско-Китайскаго банка и, наконецъ, нѣкоторые мѣстные практическіе дѣятели. Совѣщанія эти происходили 25-го 26-го, 27-го и 28-го іюня, продолжаясь, въ среднемъ, каждый разъ около четырехъ часовъ. Безобразовъ, повидимому, предполагалъ обсудить экономическое положеніе Манчжуріи въ самомъ широкомъ смыслѣ. Однако, при отсутствіи у него какой-либо опредѣленной программы, а также необходимыхъ матеріаловъ, ходъ преній, несомнѣнно, долженъ былъ принять

нѣсколько неопредѣленный, расплывчатый характеръ. Предсѣдатель ожидалъ отъ членовъ подкомиссіи тѣхъ или иныхъ заявленій по вопросамъ, специально его интересовавшимъ,—члены же совѣщанія затруднялись высказываться, не имѣя передъ глазами какой-либо опредѣленной программы. Такимъ образомъ, въ теченіе четырехъ дней шли бесѣды о всевозможныхъ предметахъ, касающихся нашего экономическаго положенія въ Манчжуріи. Особенно продолжителенъ былъ обмѣнъ мнѣній по вопросу о русской колонизаціи вдоль Китайской Восточной желѣзной дороги. Не мало преній возбудилъ также вопросъ о Ляохэ и о конкуренціи этого воднаго пути съ нашей желѣзной дорогой, а равно о соперничествѣ портовъ Инкоу и Дальняго.

Что же касается собственно вопросовъ, поставленныхъ на разрѣшеніе совѣщанія, по этому поводу были выслушаны заключенія представителей Китайской Восточной желѣзной дороги, которымъ и было поручено составленіе по этому предмету журнала. По первому вопросу—о томъ, какія мѣры слѣдуетъ принять и какой экономической политики въ Манчжуріи слѣдуетъ придерживаться, чтобы содѣйствовать сокращенію дефицита по Китайской Восточной желѣзной дорогѣ,—въ журналѣ было высказано, что Китайская Восточная желѣзная дорога преслѣдуетъ, прежде всего, задачу извлеченія большей денежной выгоды отъ эксплуатаціи. Въ этихъ видахъ, дорога намѣрена примѣнять возможно высокіе тарифы и придерживаться системы провозной конкуренціи съ гужевою доставкою. Кромѣ того, дорога предполагаетъ въ широкихъ размѣрахъ примѣнять такъ называемые рефакціонные тарифы, въ зависимости отъ выгоднаго для дороги направленія грузовъ или количества привлекаемыхъ къ перевозкѣ грузовъ. Представители Китайской Восточной желѣзной дороги высказывали увѣренность, что при условіи примѣненія этой системы дорога, по прошествіи 3—4 лѣтъ, будетъ давать доходъ, достаточный какъ для покрытія эксплуатаціонныхъ расходовъ, такъ равно и для уплаты процентовъ на капиталъ, полагая, конечно, что на счетъ дороги будутъ относиться не всѣ расходы Заамурскаго округа пограничной стражи, а лишь излишекъ противъ нормальныхъ издержекъ по содержанію военной силы равной численности въ Россіи. Въ подтвержденіе этого своего мнѣнія представители дороги приводили тотъ фактъ, что уже въ первой половинѣ 1903 года, когда дорога была еще занята многочисленными матеріальными и хозяйственными перевозками и администрація дороги вынуждена была, въ видахъ сокращенія товарнаго движенія, держать запретительные высокіе тарифы,—валовой доходъ дороги равнялся одному милліону рублей въ мѣсяцъ, что составляетъ уже половину суммы (приблизительно 25 мил. въ годъ), необходимой для покрытія всѣхъ расходовъ по эксплуатаціи дороги и по оплатѣ процентовъ на затраченный капиталъ.

Придерживаясь чисто-коммерческой точки зрѣнія въ мѣстной тарифной политикѣ, администрація Китайской Восточной желѣзной дороги вполне сознаетъ, однако, важность развитія сбыта произведеній русской промышленности на Дальнемъ Востокѣ вообще, и въ Манчжуріи въ частности, причемъ въ этомъ отношеніи тарифная политика для прямого сообщенія должна быть усиленно покровительственною. Оказывая всякое содѣйствіе ввозу русскихъ произведеній въ Манчжурію путемъ установленія низкихъ тарифныхъ ставокъ и учрежденія, въ видахъ распространенія русскихъ произведеній, особыхъ агентствъ, а равно установленіемъ ссудъ подъ русскіе товары, направляемые на Дальній Востокъ, Китайская Восточная желѣзная дорога придерживается противоположной политики по отношенію къ иностраннымъ товарамъ, проникающимъ въ Манчжурію черезъ порты Желтаго моря, примѣняя къ нимъ возможно высокія тарифныя ставки, такъ какъ этимъ путемъ дорога не только увеличиваетъ свою доходность, но и облегчаетъ доступъ въ Манчжурію русскихъ произведеній.

Немало должно способствовать увеличенію доходности Китайской Восточной желѣзной дороги связанное съ нею предпріятіе морского пароходства, которое, составляя съ желѣзною дорогою одно органическое цѣлое, много содѣйствуетъ расширенію района вліянія дороги въ отношеніи пассажирскихъ, почтовыхъ и грузовыхъ перевозокъ. Указывая, что взаимный успѣхъ обоихъ перевозочныхъ предпріятій, при полной общности преслѣдуемыхъ цѣлей и единствѣ направленія дѣйствій, не требуетъ болѣе подробныхъ доказательствъ, представители дороги указывали, что морское пароходство Китайской Восточной желѣзной дороги, для развитія грузовыхъ операцій, должно быть надлежаще оборудовано путемъ увеличенія пловучаго его состава.

По второму вопросу, поставленному на обсужденіе подкомиссіи—о томъ, насколько мѣропріятія къ увеличенію доходности дороги и экономическая политика въ Манчжуріи отразятся на экономическомъ положеніи Пріамурскаго края—представители Китайской Восточной желѣзной дороги указывали, что тарифная политика дороги находится подъ непосредственнымъ руководствомъ правительства, а потому всегда представляется возможнымъ направить эту политику такимъ образомъ, чтобы нужды Пріамурскаго края, заслуживающія уваженія, были надлежащимъ образомъ обслуживаемы. Въ этомъ отношеніи пока еще невозможно представить какой-либо общій тарифный планъ, такъ какъ нельзя еще признать достаточно освѣщенными тѣ нужды Пріамурскаго края, которыя дѣйствительно находятся въ зависимости отъ Китайской Восточной желѣзной дороги.

Подкомиссія, принявъ къ свѣдѣнію это заявленіе представителей Китайской Восточной желѣзной дороги, признала необхо-

димымъ обратить вниманіе на возможность, для усиленія доходности главной линіи, скорѣйшаго сооруженія подъѣздныхъ путей, причеиъ признано было, что участіе въ постройкѣ такихъ путей со стороны китайцевъ представляется особенно желательнымъ, дабы ближайшимъ образомъ связать интересы дороги съ интересами мѣстнаго населенія. По этому поводу представители Китайской Восточной желѣзной дороги объяснили, что администрація дороги всегда придавала особенное значеніе сооруженію не только подъѣздныхъ путей, но также и прилегающихъ къ линіи вѣтвей, результатомъ чего и слѣдуетъ считать близкую къ осуществленію постройку вѣтки къ городу Гириу.

Этимъ и ограничивается содержаніе журнала образованной, подъ предсѣдательствомъ Безобразова, подкомиссіи по экономическимъ вопросамъ,—хотя, какъ выше сказано, въ ней обсуждались и многіе другіе, самые разнородные вопросы, имѣющіе отношеніе къ нашему экономическому положенію въ странѣ; но обсужденіе это происходило безъ всякой программы, крайне безпорядочно, такъ что высказанныя мнѣнія не признано было возможнымъ облечь въ какую-либо опредѣленную форму.

Журналъ подкомиссіи Безобразова былъ прочитанъ на заключительномъ собраніи общаго совѣщанія. Этому чтенію Безобразовъ предпослалъ нѣкоторыя личныя свои разъясненія, въ которыхъ высказалъ, что начинанія министерства финансовъ въ Манчжуріи выражаются во всеобъемлющей программѣ, имѣющей цѣлью покрыть всю Манчжурію сѣтью нашихъ интересовъ. Однако, по его мнѣнію, министерство финансовъ увлеклось исключительно торгово-промышленными соображеніями, мало заботясь о государственной цѣли, которая могла бы быть достигнута лишь взаимодействіемъ военныхъ и морскихъ силъ. По мнѣнію Безобразова, намъ не удалось убѣдить китайцевъ въ томъ, что наше проникновеніе въ Манчжурію является для нихъ желательнымъ и цѣлесообразнымъ. Приходъ нашъ оказался нежеланнымъ—и результатомъ явилось столкновеніе съ Китаемъ, которое привело насъ къ крупной розни въ международныхъ отношеніяхъ на Дальнемъ Востокѣ.

Послѣ этого заявленія, которое не подверглось обсужденію, были прочитаны заключенія подкомиссіи по экономическимъ вопросамъ. Совѣщаніе признало ихъ весьма цѣнными и приняло ихъ къ свѣдѣнію безъ обсуждения. Заключенія эти адмиралъ Алексѣевъ предложилъ лишь дополнить выраженіемъ пожеланія, чтобы при разсмотрѣніи вопросовъ о нашемъ дальнѣйшемъ экономическомъ развитіи въ Манчжуріи мы стремились къ тому, чтобы болѣе не вкладывать сюда средствъ государственнаго казначейства. Къ этому предложенію адмирала Алексѣева присоединились и другіе члены совѣщанія, кромѣ Безобразова, который не счелъ еще возможнымъ высказаться по этому вопросу.

Заключенія совѣщанія по экономическимъ вопросамъ были сообщены министру финансовъ, который представилъ по поводу ихъ свои объясненія. Сущность этихъ объясненій сводилась къ тому, что совѣщаніе не дало никакихъ новыхъ выводовъ или соображеній, которые бы не имѣлись уже въ виду у министерства финансовъ.

Одновременно съ работами подкомиссии, образованной для обсужденія экономическихъ вопросовъ, продолжались и общія совѣщанія по политическимъ и военнымъ вопросамъ. Здѣсь шло обсужденіе проекта гарантій, которыя предполагалось потребовать отъ китайскаго правительства ранѣе очищенія Манчжуріи отъ нашихъ войскъ.

По вопросу о предъявленіи Китаю требованія гарантій Покотиловымъ, по распоряженію министра финансовъ, была представлена адмиралу Алексѣеву особая записка, въ которой имъ высказанъ былъ взглядъ его на это дѣло. По его мнѣнію, ни Китай, ни иностранныя державы не подали намъ ни малѣйшаго повода къ неисполненію добровольно взятыхъ нами на себя договоромъ 26-го марта 1902 г. обязательствъ. Обвиненія, взводимыя на центральное китайское правительство, будто оно стремится усиленно колонизировать китайцами земли, прилегающія къ желѣзнодорожной полосѣ въ Манчжуріи, и вообще принимаетъ какія-либо особыя мѣры въ цѣляхъ противодѣйствія нашему политическому вліянію въ Манчжуріи, представляются сильно преувеличенными, поскольку онъ, Покотиловъ, имѣлъ возможность слѣдить за этимъ дѣломъ въ Пекинѣ и провѣрять распространившіеся въ этомъ смыслѣ слухи. По свѣдѣніямъ Покотилова, дѣйствительно, кое-какія мѣры относительно Манчжуріи принимались центральнымъ китайскимъ правительствомъ, но вызывались онѣ соображеніями исключительно фискальнаго характера и являлись вполне естественными, въ виду того новаго положенія, которое создавалось въ странѣ, благодаря окончанію сооруженія желѣзнодорожной линіи черезъ всю Манчжурію. Усматривать въ заботахъ китайскаго правительства о томъ, чтобы экономическія выгоды отъ проведенія линіи не миновали населенія края, какіе-то происки по нашему адресу со стороны китайскаго правительства—представляется, по мнѣнію Покотилова, едва ли основательнымъ и справедливымъ. Едва ли также справедливо обвинять китайское правительство въ томъ, что среди китайской администраціи находятся патріоты, настаивающіе на необходимости сохранить за Китайскою имперіей громадную территорію, которая къ тому же считается колыбелью нынѣ царствующей династіи.

Равнымъ образомъ неосновательно признаеть въ своей запискѣ Покотиловъ мотивировку предъявленія Китаю требованій о гарантіяхъ—образомъ дѣйствій нѣкоторыхъ иностранныхъ дер-

жавъ. По мнѣнію Покотилова, всѣ иностранныя державы, не исключая и Японіи, прекрасно сознаютъ преобладающее политическое и экономическое положеніе, которое создала себѣ Россія проведеніемъ черезъ Манчжурію рельсоваго пути. Но заинтересованныя и въ торговлѣ Манчжуріи иностранныя державы не могутъ, конечно, равнодушно смотрѣть на угрожающее имъ въ случаѣ присоединенія Манчжуріи къ Россіи нарушеніе ихъ торговыхъ интересовъ, и въ заботливости ихъ въ этомъ направленіи едва ли можно усматривать признакъ какого-либо недружелюбія или недовѣрія по отношенію къ Россіи.

Японія стоитъ, конечно, въ этомъ дѣлѣ нѣсколько особнякомъ хотя и она, несомнѣнно, должна признавать политическое и экономическое преобладаніе Россіи въ Манчжуріи. Но, естественно, она принуждена всѣми мѣрами противиться тому, чтобы это преобладаніе распространилось на сосѣдную Корею.

Угрозу съ нашей стороны въ этомъ смыслѣ она должна разсматривать, какъ самый жизненный для себя вопросъ, и не можетъ, конечно, равнодушно относиться къ проявленной за послѣднее время активной дѣятельности на Ялущанѣ.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Покотилова, ни поведеніе Китая, ни образъ дѣйствій иностранныхъ державъ не могутъ оправдать нарушенія нами вполне сознательно и добровольно принятыхъ на себя договоромъ 26-го марта 1902 года обязательствъ и предъявленія нами китайскому правительству по поводу исполненія этихъ обязательствъ новыхъ требованій о гарантіи нашихъ интересовъ. Подобное требованіе уже было предъявлено нами въ началѣ апрѣля 1903 года на основаніи заключенія петербургскихъ совѣщаній и встрѣтило со стороны Китая вполне заслуженный отказъ, причѣмъ самый фактъ предъявленія подобнаго требованія вызвалъ много шума среди заинтересованныхъ державъ, вполне основательно усмотрѣвшихъ въ этомъ шагѣ съ нашей стороны явное нарушеніе данныхъ нами обѣщаній. Вызванное этимъ шагомъ волненіе нынѣ начинаетъ постепенно утихать, и, казалось бы, намъ слѣдовало искренно радоваться этому, отнюдь не погорячаясь разъ сдѣланной ошибки. Новыя домогательства наши въ этомъ направленіи, несомнѣнно, потерпятъ такое же фіаско и лишь снова возбудятъ повсемѣстное негодованіе, которое едва еще успѣло улечься.

Вполнѣ признавая необходимость обезпеченія интересовъ Россіи въ Манчжуріи, Покотиловъ указывалъ, однако, на отсутствіе необходимости предъявлять, въ этихъ видахъ, Китаю требованія о какихъ-либо гарантіяхъ въ общихъ фразахъ. Возбуждая много лишняго шума, предъявленіе такихъ требованій не достигаютъ, по мнѣнію Покотилова, никакихъ практическихъ результатовъ, добиться которыхъ можно будетъ гораздо скорѣе и лучше

путем частных соглашений съ китайскимъ правительствомъ по интересующимъ васъ вопросамъ. Какъ у мѣстныхъ китайскихъ властей, такъ и у центрального правительства можно добиться утвержденія всѣхъ интересующихъ Россію предпріятій въ Манчжуріи, если бы только въ нихъ дѣйствительно оказались затраченными русскіе капиталы и предпріятія эти носили бы чисто-коммерческій, а не политическо-агрессивный характеръ. Точно также, по мнѣнію Покотилова, вполне можно добиться отъ китайскаго правительства тѣхъ или другихъ правъ и льготъ уже существующимъ русскимъ предпріятіямъ въ Манчжуріи, во главѣ которыхъ стоятъ Китайская Восточная желѣзная дорога и Русско-Китайскій банкъ. Удовлетвореніе всѣхъ подобныхъ требованій не могло бы, по мнѣнію Покотилова, встрѣтить особыхъ затрудненій, если бы только они не облекались въ общую форму, а носили вполне опредѣленный характеръ въ отношеніи каждаго предпріятія и каждой льготы въ отдѣльности.

Помимо интересовъ чисто-экономическаго характера, намъ придется, конечно, обезпечить также военное положеніе наше въ Манчжуріи—оставленіемъ нѣсколькихъ отрядовъ и вѣтъ полосы отчужденія, въ нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ въ стратегическомъ отношеніи пунктахъ. Вполнѣ признавая всю щекотливость этой мѣры, Покотиловъ находилъ, однако, вполне возможнымъ ея осуществленіе, лишь бы приведеніе ея въ исполненіе было обставлено достаточною осторожностью, что представляется вполне исполнимымъ, если только мѣстомъ расположенія нашихъ отрядовъ будетъ избрана преимущественно сѣверная, а не южная Манчжурія. Мѣры наши въ этомъ направленіи всегда можно будетъ объяснить безпокойнымъ состояніемъ страны, необходимостью оградить себя отъ хунхузозъ и т. п. Предъявлять въ этомъ смыслѣ какія-либо требованія центральному китайскому правительству безусловно не слѣдуетъ, а должно ограничиваться лишь объясненіями *post factum*, когда эвакуація будетъ уже окончена.

Съ не меньшею осторожностью слѣдовало бы, по мнѣнію Покотилова, относиться къ требованію объ ограниченіи численности китайскихъ войскъ въ трехъ манчжурскихъ провинціяхъ, причемъ предъявлять какія-либо претензіи китайскому правительству возможно было бы лишь послѣ того, какъ мы замѣтили бы поползновеніе со стороны китайцевъ увеличивать, въ непозволительныхъ размѣрахъ, численность расположенныхъ въ Манчжуріи войскъ.

Весьма большую щепетильность намъ представлялось бы необходимымъ выказать во всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ, касающихся урегулированія дѣла порта Инкоу, въ судьбѣ котораго иностранцы весьма существенно заинтересованы, такъ какъ малѣйшія нарушенія интересовъ иностранцевъ въ этомъ портѣ,—что является неизбѣжнымъ при продолженіи оккупации этого порта нашими вой-

сками и при наличности тамъ русской администраціи, несомнѣнно, породятъ гораздо больше шума и вызовутъ больше недоброжелательства по отношенію къ намъ, нежели всякія другія мѣропріятія, на которыя мы могли бы рѣшиться въ Манчжуріи.

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ соображенія Покотиловъ высказывалъ глубокое убѣжденіе въ необходимости выполнить принятыя нами на себя договоромъ 26-го марта 1902 года обязательства по отношенію къ Китаю, причемъ, по мнѣнію Покотилова, исполненіе этихъ обязательствъ вполнѣ совмѣстимо съ фактическимъ обезпеченіемъ дѣйствительныхъ интересовъ Россіи въ Манчжуріи.

Переходя, въ заключеніе, къ вопросу о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыми будетъ сопровождаться нарушеніе принятыхъ нами на себя касательно Манчжуріи обязательствъ, и не входя въ разсмотрѣніе весьма серьезной опасности отъ возможныхъ внѣшнихъ осложненій, Покотиловъ предусматриваетъ роковыя послѣдствія тѣхъ затрудненій, съ которыми намъ придется стать лицомъ къ лицу, когда возникнетъ вопросъ объ устройствѣ администраціи въ Манчжуріи. Возникновеніе этого вопроса совершенно неизбѣжно, такъ какъ продолженіе военной оккупациі на неопредѣленное время должно будетъ вызвать явное противодѣйствіе, какъ со стороны населенія, такъ и китайскихъ властей въ Манчжуріи. Послѣднихъ придется устранить и замѣнить властями русскими. Что мы не подготовлены къ разрѣшенію этой задачи, объ этомъ, казалось бы, не можетъ быть двухъ мнѣній. Съ другой стороны, присоединеніе Манчжуріи явится сигналомъ къ раздѣлу Китая, а послѣдствія такой катастрофы должны будутъ первымъ долгомъ отразиться на сосѣдней съ Китаемъ Россіи.

Содержаніе записки Покотилова было принято во вниманіе при дальнѣйшемъ обсужденіи въ Портъ-Артурѣ вопроса о гарантіяхъ—въ той части ея, гдѣ авторъ останавливается на требованіяхъ, которыя надлежало бы предъявить Китаю, въ видахъ обезпеченія интересовъ Китайской Восточной желѣзной дороги и Русско-Китайскаго банка.

Затѣмъ совѣщаніе подробно останавливалось на обсужденіи вопроса о формѣ, въ которой должны были быть предъявлены Китаю проектируемыя требованія, а равно вопроса объ устраненіи опасности вмѣшательства въ манчжурскій вопросъ иностранныхъ державъ. По этому поводу Лессаръ высказалъ мнѣніе о желательности заблаговременно, и во всякомъ случаѣ ранѣе предъявленія требованій Китаю о гарантіяхъ, разъяснить заинтересованнымъ державамъ, что Россія не препятствуетъ Китаю, по мѣрѣ развитія торговли, открывать нѣкоторые города Манчжуріи для иностранной торговли, но безъ устройства селтльментовъ. Въ случаѣ одобренія подобной постановки вопроса и по обмѣнѣ мнѣній съ каби-

нетами, посланникъ нашъ въ Пекинѣ могъ бы сдѣлать въ этомъ смыслѣ заявленіе китайскому правительству и тѣмъ лишить его возможности далѣе выдвигать противъ насъ сопротивление Англій, Америки и Японіи. Совѣщаніе вполне одобрило эти соображенія посланника въ Пекинѣ и рѣшило отправить телеграмму въ этомъ смыслѣ министру иностранныхъ дѣлъ.

Далѣе Лессаръ поставилъ вопросъ о томъ, когда именно слѣдуетъ ему предъявить Китаю требованія о гарантіяхъ, а также, какъ мы намѣреваемся поступить въ случаѣ, если бы Китай согласился предоставить намъ требуемыя гарантіи. На первый вопросъ совѣщаніе высказалось въ томъ смыслѣ, что это надлежитъ сдѣлать по прибытіи въ Забайкалье головы бригады, переводимыхъ нынѣ изъ Европейской Россіи. Относительно второго вопроса совѣщаніе отвѣтило, что необходимо выполнить договоръ 26-го марта съ тѣми измѣненіями, которыя будутъ выговорены гарантіями. При этомъ генераль Куропаткинъ вновь обратилъ вниманіе совѣщанія на необходимость особаго упроченія русскаго вліянія въ сѣверной Манчжуріи, ограничившись на югѣ лишь прочнымъ занятіемъ полосы отчужденія желѣзной дороги.

Съ такимъ взглядомъ не счелъ возможнымъ согласиться Безобразовъ, который заявилъ, что впечатлѣніе на Китай отъ оккупации сѣверной и южной Манчжуріи будетъ вполне тождественнымъ, между тѣмъ для цѣлей, преслѣдуемыхъ русскимъ лѣсопромышленнымъ товариществомъ на Ялуцзянѣ, представляется необходимымъ оставленіе русскаго отряда въ Фынъ-хаунъ-чэнѣ. Со своей стороны, Безобразовъ настаивалъ на оставленіи такого отряда, признавая за рѣкою Ялуцзянъ важное стратегическое значеніе—заслона отъ движенія японцевъ изъ сѣверной Кореи.

Въ виду значительнаго разногласія во взглядахъ на значеніе предпріятія русскаго лѣсопромышленнаго товарищества, совѣщаніе рѣшило ознакомиться съ сущностью дѣятельности этого товарищества, посвятивъ этому вопросу отдѣльное засѣданіе, въ которое и пригласило представителей товарищества, въ лицѣ егермейстера Балашова и подполковника Мадритова для необходимыхъ разъясненій. Представители товарищества, поддержанные Безобразовымъ, объяснили, что лѣсопромышленное товарищество на Ялуцзянѣ должно быть отнесено къ категоріи такихъ предпріятій, которыя представляютъ важность въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ и должны поэтому пользоваться поддержкой центрального правительства и мѣстныхъ властей. Права предпріятія, съ юридической точки зрѣнія, можно считать совершенно оформленными по отношенію къ лѣснымъ промысламъ, какъ на китайскомъ, такъ и корейскомъ побережьяхъ Ялуцзяна. Препятствія, которыя чинились до сего времени развитію дѣлъ товарищества на Ялуцзянѣ со стороны корейскихъ и китайскихъ властей, понемногу устра-

няются. Представители предприятия на мѣстѣ сумѣли, по словамъ Балашова и Мадритова, привлечь къ себѣ симпатіи населенія, и дѣло эксплуатаціи лѣсныхъ богатствъ на Ялуцзянѣ идетъ въ настоящее время гладко, причемъ къ осени 1903 года ожидается къ устью Ялуцзяна громадный сплавъ лѣса, на который коммерческимъ агентамъ товарищества удалось уже получить значительные заказы по выгоднымъ цѣнамъ.

Однако присутствовавшій въ совѣщаніи посланникъ нашъ въ Сеулѣ сдѣлалъ, съ своей стороны, заявленіе въ томъ смыслѣ, что дѣла товарищества обстоятъ далеко не благополучно, причемъ не подлежитъ сомнѣнію, что корейское правительство смотритъ на предприятие лѣсного товарищества на Ялуцзянѣ, какъ на предприятие военно-политическое.

Совѣщаніе пришло къ заключенію, что предприятие на Ялуцзянѣ является дѣломъ коммерческимъ, участіе же въ немъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ запаса и производство ими работъ, имѣющихъ военное значеніе, придаетъ предприятию несомнѣнный военно-политическій характеръ. Съ такимъ заключеніемъ не согласился Безобразовъ, высказавшій, что характеръ предприятия можетъ обуславливаться только существомъ его, признаннымъ коммерческимъ, а не званіемъ исполнительныхъ агентовъ, какъ это и доказываютъ многочисленныя предприятия въ разныхъ государствахъ, ведомыя офицерами, состоящими на службѣ, но носящими партикулярное платѣе. Послѣ оживленнаго обмѣна мнѣній, совѣщаніе признало необходимымъ немедленно принять мѣры къ приданію нашей дѣятельности на Ялуцзянѣ исключительно коммерческаго характера, устранивъ отъ участія въ предприятии офицеровъ дѣйствительной службы и поручивъ веденіе лѣсного дѣла офицерамъ запаса или лицамъ, не состоящимъ на государственной службѣ. При этомъ Балашовъ, отъ имени товарищества, обратился къ совѣщанію съ просьбою не убирать отрядовъ, такъ какъ безъ поддержки этихъ отрядовъ продолженіе дѣятельности предприятия на Ялуцзянѣ сдѣлалось бы невозможнымъ. На это Балашову было разъяснено, что убирать изъ этихъ пунктовъ отряды пока не предполагается.

XLVII.

Далѣе совѣщаніе выработало окончательную редакцію текста гарантій, которыя предполагено было потребовать отъ китайскаго правительства, съ цѣлью обезпеченія интересовъ Россіи при исполненіи договора 26 марта 1902 года. Проектъ этотъ былъ утвержденъ совѣщаніемъ въ слѣдующей редакціи:

1. Никакая часть Манчжуріи не можетъ быть передана другой державѣ подъ видомъ уступки, аренды, концессіи для устройства селтльмента или въ какой-либо иной формѣ.

2. Для обезпеченія плаванія по р. Сунгари и телеграфнаго сообщенія, Россіи предоставляется имѣть по этой рѣкѣ нужное число пристаней съ необходимою охраною складовъ и матеріаловъ при нихъ.

3. Россіи временно предоставляется имѣть нѣсколько станцій для обезпеченія движенія между существующею линіею желѣзной дороги и Благовѣщенскомъ, по тракту Цицикаръ—Мергень—Благовѣщенскъ.

4. Телеграфныя линіи Портъ-Артуръ—Мукденъ—Инкоу и Ляоянь—Шахэцзы остаются въ завѣдываніи русскихъ властей на время пребыванія тамъ русскихъ войскъ.

5. Китайское правительство возмѣститъ расходы по сооруженію и ремонту русскими военными властями телеграфныхъ линій въ Манчжуріи.

6. Если Китай пригласитъ иностранцевъ для завѣдыванія какой-либо отраслю своей администраціи, то компетенція такихъ иностранцевъ не будетъ распространяться на дѣла Сѣвернаго Китая, гдѣ русскіе интересы преобладаютъ. Эти дѣла будутъ, въ такомъ случаѣ, выдѣлены въ совершенно особыя департаменты и завѣдываніе ими будетъ поручено русскимъ.

7. Санитарный надзоръ, установленный русскимъ управленіемъ въ Инкоу, долженъ продолжаться послѣ его передачи безъ измѣненій и китайскими властями, обязанными для сего пригласить русскихъ врачей.

8. Всѣ русскія предпріятія въ Манчжуріи оберегаются китайскими властями, но не возбраняется имѣть вольнонаемную стражу изъ русскихъ и китайскихъ подданныхъ.

При выводѣ русскихъ войскъ мѣстныя китайскія власти примутъ на себя, за счетъ Русско-Китайскаго банка, охрану его помѣщеній.

9. Въ огражденіе интересовъ Китайской Восточной желѣзной дороги китайское правительство: а) не будетъ устанавливать исключительныхъ сборовъ съ товаровъ, провозимыхъ по желѣзной дорогѣ, и б) не будетъ устанавливать для товаровъ, перевозимыхъ внутри Манчжуріи отъ одной станціи на другую, болѣе высокихъ сборовъ, нежели взимаемые съ товаровъ, перевозимыхъ гужомъ или водою.

10. Въ виду трехлѣтней оккупаци и связанныхъ съ нею громадныхъ расходовъ, понесенныхъ Россіею на содержаніе войскъ въ Манчжуріи въ цѣляхъ поддержанія въ странѣ порядка и спокойствія, Китай обязуется:

а) въ виду недоразумѣній, возникавшихъ неоднократно по поводу ст. 5 дополнительнаго протокола 25 апрѣля 1898 года касательно нейтральной зоны ¹⁾, Китай обязуется, въ дополненіе къ по-

¹⁾ По этой статьѣ Китай обязался: 1) не уступать ни одного участка земли въ нейтральной зонѣ въ пользованіе иностранцевъ безъ согласія Россіи, 2) не

становленіямъ упомянутой статьи, предоставитъ русскимъ подданнымъ въ означенной зонѣ право свободной эксплуатаціи минеральныхъ богатствъ и всякихъ промышленныхъ предпріятій, но съ уплатою въ китайскую казну установленныхъ налоговъ съ доходовъ.

б) Всѣ права, приобретенныя русско-подданными и учрежденіями во время оккупации, остаются въ полной силѣ, и китайское правительство утвердитъ всѣ тѣ предпріятія, которыя уже работаютъ въ Манчжуріи фактически или на основаніи еще не утвержденныхъ въ Пекинѣ разрѣшеній. Главныя изъ этихъ предпріятій слѣдующія (перечня не приложено).

в) Сверхъ этихъ предпріятій, китайское правительство обязуется предоставлять и впредь русско-подданнымъ всѣ преимущества на разработку всякаго рода ископаемыхъ богатствъ и устройство различныхъ промышленныхъ предпріятій.

Въ виду заявленія нашего посланника въ Пекинѣ, что требованіе, изложенное въ пунктѣ 10, вслѣдствіе противодѣйствія иностранныхъ державъ, вѣроятно, не будетъ принято китайцами, совѣщаніе постановило, что, если бы принятіе этого требованія китайскимъ правительствомъ встрѣтило слишкомъ большія затрудненія, то можно было бы не настаивать на немъ, впредь до болѣе благоприятнаго времени. Затѣмъ Лессаръ возбудилъ вопросъ, какія именно обѣщанія предполагалось бы дать Китаю въ обмѣнъ на требуемыя отъ него гарантіи. Совѣщаніе постановило, что Россія должна, съ своей стороны, обязаться передъ Китаемъ, въ случаѣ принятія имъ нашихъ требованій, очистить отъ нашихъ войскъ въ опредѣленные сроки, въ теченіе 1903 и 1904 года, всѣ три манчжурскія провинціи, причемъ выводъ войскъ изъ Фынъ-хуанъ-чэна и Шахэцзы долженъ быть поставленъ въ связь съ утвержденіемъ китайскимъ правительствомъ ялуцзянской концессіи, срокъ же очищенія нѣкоторыхъ частей провинціи Гиринь и Хэйлунцзянь будетъ зависѣть отъ времени изготовленія помѣщеній въ предѣлахъ полосы отчужденія дороги, куда предполагено вывести часть эвакуированныхъ войскъ.

На вопросъ Лессара о томъ, что слѣдуетъ ему отвѣтить въ Пекинѣ китайскимъ властямъ, которыя ожидаютъ результатовъ его поѣздки въ Портъ-Артуръ, совѣщаніе предложило ему заявить, что никакого рѣшенія не можетъ быть принято впредь до возвращенія въ Петербургъ военнаго министра.

Заключительныя засѣданія были посвящены главнымъ образомъ вопросамъ нашей политики въ Корей, а именно, какъ слѣдуетъ

открывать для иностранной торговли ни одного изъ портовъ, находящихся въ нейтральной зонѣ, и 3) не предоставлять въ этой зонѣ безъ согласія русскихъ властей концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ, разработку минеральныхъ богатствъ или какія бы то ни было промышленныя предпріятія.

намъ относиться къ домогательствамъ Японіи передъ корейскимъ правительствомъ объ открытіи для иностранной торговли порта на Ялуцзянѣ. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что намъ надлежитъ въ Сеулѣ всѣми мѣрами противиться удовлетворенію домогательства японцевъ, причемъ, однако, дѣйствія наши въ этомъ направленіи никоимъ образомъ не должны быть связаны съ рискомъ войны. По этому поводу посланникъ нашъ въ Пекинѣ счелъ долгомъ высказать, что уступчивость въ этомъ дѣлѣ должна самымъ неблагоприятнымъ образомъ отразиться на ходѣ переговоровъ въ Пекинѣ, такъ какъ она будетъ истолкована тамъ, какъ сознаніе нами своей слабости. Военный министръ, съ своей стороны, заявилъ, что, въ виду нашей сравнительно съ Японіею боевой неготовности, намъ необходимо тщательно избѣгать по отношенію къ Японіи и Корей агрессивнаго образа дѣйствій. Къ этому заявленію генерала Куропаткина присоединились и всѣ прочіе члены совѣщанія, причемъ, однако, Безобразовъ счелъ необходимымъ подробно остановиться на вредѣ политики уступокъ, которая, по его мнѣнію, можетъ привести, въ виду несомнѣнныхъ агрессивныхъ замысловъ Японіи, къ самымъ серьезнымъ послѣдствіямъ для насъ, угрожая даже потерей Артура. Въ виду этого, Безобразовъ, съ своей стороны, признавалъ всякія уступки Японіи нежелательными, и по вопросу объ открытіи для иностранной торговли порта на Ялуцзянѣ находилъ, что мы не должны оставлять этого дѣла безъ заявленія протеста, дабы обезпечить намъ полную свободу дѣйствій и имѣть возможность во всякое время прибѣгнуть къ репрессаліямъ и требованію компенсацій. По поводу этихъ замѣчаній адмиралъ Алексѣевъ заявилъ, что онъ, съ своей стороны, не можетъ согласиться съ тѣмъ, что рѣшеніе, принимаемое совѣщаніемъ по вопросу объ открытіи порта на Ялуцзянѣ, является новою уступкою съ нашей стороны.

Далѣе, адмиралъ Алексѣевъ обратилъ вниманіе совѣщанія, что въ сентябрѣ 1903 года наступаетъ окончательный, по соглашенію 26-го марта 1902 года, срокъ эвакуаціи нашихъ войскъ изъ Манчжуріи, и что, слѣдовательно, въ самомъ скоромъ времени мы должны будемъ опять стать лицомъ къ лицу съ заявленіями, которыя могутъ быть предъявлены намъ по этому поводу заинтересованными державами—непосредственно, или косвенно черезъ Пекинъ. На это генералъ Куропаткинъ заявилъ, что на всѣ подобныя требованія мы должны отвѣчать отказомъ и обратить вниманіе на усиленіе нашихъ вооруженныхъ силъ въ Манчжуріи, въ частности въ Харбинѣ. Адмиралъ Алексѣевъ счелъ долномъ обратить самое серьезное вниманіе совѣщанія на то, что по всѣмъ свѣдѣніямъ, получаемымъ изъ Японіи, мы стоимъ близко къ возможности войны, а потому должны относиться съ крайнею осторожностью ко всѣмъ дѣйствіямъ, которыя могутъ ускорить взрывъ, и тщательно избѣгать поводовъ къ этому.

Заключительное засѣданіе состоялось 28-го іюня 1903 года. На этомъ засѣданіи былъ утвержденъ текстъ донесенія объ окончаніи работъ совѣщанія, съ краткимъ изложеніемъ главнѣйшихъ заключеній, послѣ чего совѣщаніе было объявлено закрытымъ.

Результаты портъ-артурскихъ совѣщаній оказались въ сущности тождественными выводамъ, къ которымъ пришли состоявшіяся весною 1903 года совѣщанія въ Петербургѣ по вопросамъ Дальняго Востока. Единогласно было признано, что присоединять Манчжуріи намъ нельзя, такъ какъ присоединеніе ея грозитъ Россіи затрудненіями, граничащими съ бѣдствіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ было признано необходимымъ истребовать отъ Китая дополнителныя гарантіи, которыя обезпечивали бы интересы Россіи въ Манчжуріи, причемъ, въ случаѣ несогласія правительства богдыхана предоставить намъ такія гарантіи, рѣшено было заявить китайцамъ, что мы не считаемъ себя болѣе связанными договоромъ 26-го марта 1902 года. Тѣмъ не менѣе, постановлено было очистить Манчжурію отъ нашихъ войскъ, обезпечивъ въ этомъ краѣ наши интересы въ военномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Заинтересованныя въ судьбѣ Манчжуріи иностранныя державы предполагалось успокоить заявленіемъ, что мы не имѣемъ намѣренія препятствовать развитію ихъ торговыхъ интересовъ и не будемъ препятствовать Китаю допускать, въ связи съ развитіемъ этихъ интересовъ, иностранныхъ консульскихъ представителей въ торговые центры Манчжуріи.

Въ отношеніи Кореи рѣшено было придерживаться выжидательнаго образа дѣйствій, въ случаѣ же какихъ-либо демонстрацій Японіи въ Южной Корей ограничиваться протестами, никоимъ образомъ не доводя дѣла до риска возникновенія войны.

Всѣ члены портъ-артурскаго совѣщанія ясно сознавали опасность, въ виду сравнительной боевой неготовности нашей къ войнѣ съ Японіею, но по вопросу объ образѣ дѣйствій нашихъ замѣчались среди членовъ совѣщанія различныя отгѣнки, причемъ большинство членовъ склонялось къ уступчивости и возможно меньшему проявленію агрессивныхъ замысловъ въ отношеніи Кореи. Безобразовъ продолжалъ, однако, настаивать на мнѣніи, высказанномъ имъ еще на совѣщаніи 7-го мая въ Петербургѣ, о вредѣ политики уступокъ, которыя повлекутъ за собою необходимость новыхъ уступокъ.

По окончаніи портъ-артурскихъ совѣщаній члены ихъ стали немедленно же разъѣзжаться. Посланники наши въ Пекинѣ и Сеулѣ отправились къ своимъ постамамъ, Безобразовъ выгѣхалъ въ Петербургъ 1-го іюля въ экстренномъ поѣздѣ, а генераль Куропаткинъ—2-го іюля также въ особомъ экстренномъ поѣздѣ. Тотъ и другой повезли съ собой доклады, спѣша представить свои соображенія по вопросамъ, обсуждавшимся въ Портъ-Артурѣ.

Безобразовъ пригласилъ въ свой поѣздъ одного изъ членовъ министерства финансовъ, который сопровождалъ его во всей поѣздкѣ до Петербурга. Во время этого переѣзда Безобразовъ въ частыхъ бесѣдахъ съ нимъ подробно излагалъ свои взгляды на ту роль, которую онъ призванъ играть въ направленіи дѣлъ нашихъ на Дальнемъ Востокѣ, а равно на разные вопросы, требующіе немедленнаго разрѣшенія. Въ бесѣдахъ этихъ Безобразовъ заявлялъ, что онъ считаетъ себя занимающимъ совершенно исключительное положеніе статсъ-секретаря внѣ вѣдомствъ, тогда какъ всѣ другіе статсъ-секретари состоятъ въ томъ или другомъ министерствѣ. По поводу его назначенія статсъ-секретаремъ министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве будто бы сказалъ ему, что, очевидно, онъ будетъ состоять статсъ-секретаремъ по дѣламъ Дальняго Востока, на что Безобразовъ отвѣтилъ, что это не такъ, и что это было бы суженіемъ его назначенія. По его словамъ, ему предоставлено сносятся со всѣми учрежденіями, требовать отъ нихъ справокъ, въ томъ числѣ самыхъ секретныхъ, напримѣръ, касательно обороны государства. Онъ можетъ прикомандировывать къ себѣ лицъ изъ разныхъ вѣдомствъ, содержаніе которыхъ будетъ оплачиваться вѣдомствами, съ нѣкоторою приплатою отъ него, Безобразова, на счетъ суммъ, которыя ежегодно будутъ отпускаться ему на этотъ предметъ.

Въ отношеніи современнаго положенія дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ Безобразовъ останавливался больше всего на своихъ несогласіяхъ съ военнымъ министромъ, взглядовъ котораго онъ совершенно не раздѣляетъ. Между прочимъ онъ не соглашается съ генераломъ Куропаткинымъ по вопросу о необходимости подчинить военному министру охрану Китайской Восточной желѣзной дороги. По его мнѣнію, охрана эта должна оставаться въ рукахъ пограничной стражи, т. е. отряда войскъ, органически связаннаго съ самою дорогою и исключительно предназначеннаго для охраны дороги. Діаметрально расходится также онъ съ мнѣніемъ военнаго министра по вопросу о расположеніи войскъ въ Манчжуріи, причемъ, съ своей стороны, находитъ необходимымъ сосредоточеніе въ Южной Манчжуріи, на Квантунѣ, сильнаго отряда въ размѣрѣ одного, а впоследствии и двухъ армейскихъ корпусовъ, дабы имѣть возможность противостоять первымъ эшелонамъ японцевъ, тогда какъ генераль Куропаткинъ озабочивается главнымъ образомъ вопросомъ объ увеличеніи пропускной способности дороги, дабы имѣть во всякое время возможность перебросить въ любой пунктъ необходимое количество войска.

Помимо вопросовъ чисто-военныхъ, въ головѣ Безобразова роились самые разнообразныя планы объ организаціи управленія всею нашею дальневосточною окраиною. Особенно интересовало Безобразова урегулированіе экономическихъ вопросовъ, главнымъ

образомъ связанныхъ съ Китайскою Восточною желѣзною дорогою. Для завѣдыванія этимъ отдѣломъ, по мысли Безобразова, должна быть учреждена должность генеральнаго комиссара по дѣламъ Манчжуріи, причемъ въ кандидаты на этотъ постъ Безобразовъ прочилъ главнаго инженера Китайской Восточной желѣзной дороги Юговича. Безобразовъ приписывалъ себѣ инициативу мысли объ учрежденіи вѣдѣдомственнаго органа для управленія всей нашей окраиной на Дальнемъ Востокѣ, въ лицѣ намѣстника. Послѣ вторичной своей поѣздки на Дальній Востокъ онъ, по его словамъ, будто бы измѣнилъ свой взглядъ на это дѣло и находилъ теперь болѣе желательнымъ оставленіе въ силѣ прежняго порядка, т. е. главнаго начальника Квантунской области и пріамурскаго генералъ-губернатора, съ учрежденіемъ упомянутой должности комиссара по дѣламъ Манчжуріи. Для избѣжанія тренія, которое неминуемо, по его мнѣнію, должно явиться послѣдствіемъ проведенія въ жизнь новыхъ мѣропріятій по Дальнему Востоку, Безобразовъ признавалъ необходимымъ свое личное присутствіе на окраинѣ и выражалъ намѣреніе вернуться въ Портъ-Артуръ поздно осенью 1903 года и затѣмъ совершать частые наѣзды на Дальній Востокъ въ теченіе ближайшихъ трехъ лѣтъ, пока дѣло не будетъ налажено. Общее направленіе всѣмъ дѣломъ онъ, такимъ образомъ, предполагалъ уже сосредоточить у себя, а не въ рукахъ особаго намѣстника на Дальнемъ Востокѣ (хотя по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ высказался въ другомъ смыслѣ).

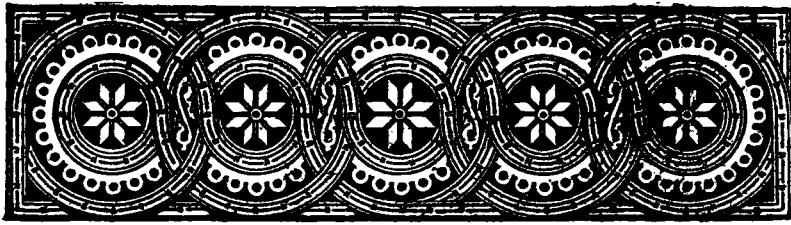
Озабочивалъ Безобразова и вопросъ о реализаціи денежныхъ средствъ, необходимыхъ для осуществленія его обширныхъ, хотя и нѣсколько туманныхъ плановъ организаціи дальневосточной окраины. Онъ вполнѣ рассчитывалъ, однако, на возможность реализаціи съ этою цѣлью вѣшняго займа, высказывая увѣренность, что найти деньги за границею будетъ легко, если мы вполнѣ опредѣленно и ясно выскажемся касательно намѣреній нашихъ въ отношеніи Манчжуріи и для защиты нашихъ интересовъ въ этомъ краѣ примемъ такія мѣры, которыя вполнѣ исключали бы возможность войны.

Таковы были проекты Безобразова, о которыхъ онъ неоднократно высказывался въ бесѣдахъ своихъ во время переѣзда изъ Дальняго въ Петербургъ. Болѣе опредѣленно и положительно онъ говорилъ по вопросамъ чисто-военнаго характера; по этой части имъ были приготовлены особыя записки, долженствовавшія опровергнуть взгляды и проекты военнаго министра.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРОГУЛКА ВЪ НЬЮСТЭДЪ АББЕЙ.

...предокъ выстроить умѣлъ
Домъ этотъ прочно и солидно.
Былъ монастырь когда-то тутъ—
И оскорбленъ теперь обидно
Благочестивый тотъ пріютъ.
Гдѣ жизнь текла, чужда веселій,
Гремѣлъ теперь паооскихъ дѣвъ
Шальной вакхической напѣвъ.
Могли бѣ подумать старцы келій
(На нихъ привыкли клеветать),
Что время ихъ пришло опять.

«Чайльдъ Гарольдъ» I, стр. VII, пер. Д. Минаева.

АКОЕ очарованіе перелистывать пожелтѣвшія страницы прошлаго, отъ которыхъ вѣетъ тонкимъ ароматомъ за-сохшаго, забытаго въ давно нечитанной книгѣ прѣвка. Такое наслажденіе пережили мы лѣтомъ истекшаго года, посѣтивъ, благодаря любезности нынѣшней владѣлицы, принадлежавшее нѣкогда лорду Байрону Ньюстэдское аббатство, до сихъ поръ сохранившее величавыя о поэтѣ воспоминанія, и побродивъ по вѣковому парку этого обширнаго помѣстья среди тѣней невозвратнаго минувшаго.

Здѣсь съ отзвуками мечтательности былого слилась и чрезвычайно интересная современность—жизнь богатаго англійскаго castle. Ньюстэдъ Аббей расположено въ Ноттингэмшейрѣ, въ разстояніи получаса ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ города Ноттингэма и примыкаетъ къ знаменитому

Sherwood Forest (Муромскіе лѣса Англіи), гдѣ въ XII вѣкѣ гулялъ со своими веселыми товарищами идейный разбойникъ Робинъ Хуудъ, до того богатый мѣстный помѣщикъ Earl Huntingdon.

Въ два часа экспрессъ перебросилъ насъ изъ Лондона по однообразному и мало интересному пути въ отстоящій въ ста двадцати пяти миляхъ Ноттингэмъ—царство тюлеваго, трикотажнаго и кружевного производства, тѣсно застроенный, весь утопающій въ копоти и дымѣ городъ съ тремястами тысячами жителей. Городъ мало привѣтливый, хмурый, весь погрязшій въ свой businessе, видѣвшій много крови и ужасовъ во время рабочихъ бунтовъ при замѣнѣ ручного труда машинами въ началѣ прошлаго столѣтія. Едва ли не самая большая достопримѣчательность Ноттингэма это приютившая насъ гостиница «Flying Horse Hotel», основанная въ 1483 году и помѣщающаяся въ крохотномъ деревянномъ домикѣ елизаветинскаго времени. Съ трогательнымъ вниманіемъ поддерживается этотъ выросшій въ землю, какъ грибокъ, ветеранъ, представляющій, несомнѣнно, археологическій интересъ.

Если бы не Arboretum, прекрасный городской паркъ, въ Ноттингэмѣ можно было задохнуться. Тамъ мы попали на выставку цвѣтовъ и среди пышныхъ розъ, причудливыхъ орхидей и душистаго горошка забылись на время отъ сѣрой дѣйствительности.

На обратномъ пути къ дому съ нами случилось маленькое происшествіе, характеризующее дисциплинированность и культурность англійскаго рабочаго. При переходѣ черезъ улицу жену задѣлъ слегка велосипедомъ молодой фабричный мастеровой. Полисмѣна здѣсь не было, народа было много и уѣхать незамѣтно было очень легко. Тѣмъ не менѣе велосипедистъ тотчасъ же остановился, извинился и спросилъ, все ли въ порядкѣ, и уѣхалъ лишь послѣ того, какъ получилъ въ отвѣтъ all right.

На другой день утромъ мы отправились по желѣзной дорогѣ въ Newstead, маленькую станцію, лежащую между Ноттингэмомъ и городомъ Мэнсфильдомъ.

День былъ нежаркій, сѣренькій. Казалось бы, вырвались наконецъ на лоно природы. Но тутъ едва ли не было горше. У самой станціи расположены каменноугольныя шахты: все плаваешь въ густомъ дыму и все черно отъ угольной пыли. Къ счастью, мы безъ труда нашли дорогу въ аббатство и съ наслажденіемъ вдыхали чистый воздухъ полей, идя по липовой аллеѣ. Узкое шоссе повело насъ вдоль разгороженныхъ невысокими чугунными рѣшетками нивъ. У вѣзда въ имѣніе насъ встрѣтилъ привратникъ, провѣрившій нашъ билетъ. Прошли мимо скотнаго двора, мимо ярко-зеленыхъ волнистыхъ лужаекъ съ пасущимися подъ присмотромъ умныхъ колли барашками. Минутъ двадцать шли мы, вдыхая ароматъ цвѣтущихъ липъ, и незамѣтно очутились въ паркѣ. Повѣяло сыростью, послышалось журчаніе воды, и вдругъ за поворотомъ,

какъ волшебная декорація, выросъ передъ нами уголокъ феодальной Англiи—замокъ съ ажурной, какъ кружево, готической стѣной стараго монастыря на фонѣ уходящей вдаль зелени. Вотъ

Аббатство. Главный фасадъ.

Приемная.

оно, это аббатство, приковывавшее въ прошломъ вниманіе всего культурнаго мира, гдѣ «ничѣмъ неукротимой гордости поэтъ», бросивъ вызовъ чопорному англійскому обществу, пилъ полными

глотками изъ чаши своего бытія, гдѣ черепъ монаха ходилъ по рукамъ вмѣсто ковша съ виномъ, гдѣ увѣковѣченъ мавзолеемъ «единственный другъ» поэта ньюфаундлэндъ Boatswain, гдѣ поэтомъ начатъ «Чайльдъ Гарольдъ» и откуда онъ, «кустальный, одинокій боець», покинулъ навсегда родной край для того, чтобы положить жизнь свою за освобожденіе Эллады.

Открывшіи двери человѣкъ попросилъ насъ обождать въ громадной сводчатой передней, повидимому, сохранившейся отъ стараго монастырскаго зданія. Затѣмъ мы поднялись въ бібліотеку, гдѣ были встрѣчены привѣтливой хозяйкой Miss Ethel Mary Webb, представившей намъ своихъ родственниковъ lady Wright, вдову судьи лондонскаго суда королевской скамьи и сэра Herbert Cherm-side, генерала англійскихъ войскъ, бывшаго военнаго агента въ Константинополь во время нашей послѣдней войны съ Турціей. Вниманіе и радушіе хозяевъ распространилось до того, что генераль привѣтствовалъ насъ по-русски словами «добро пожаловать». Въ то же время на лэди Wright мы замѣтили большой серебряный наперсный православный священническій крестъ старинной работы съ хорошей нѣжно-голубой эмалью. Оказалось, что крестъ этотъ подаренъ лэди Wright одною русскою пріятельницей. Мы объяснили значеніе вычеканенной на крестѣ славянской вязью надписи, которую наша собесѣдница не замѣчала раньше. Кто могъ ожидать, что здѣсь, въ самомъ сердцѣ Англїи, насъ встрѣтитъ далекая отчизна символомъ своей вѣры и родною рѣчью!

Генераль разсказалъ намъ, что часто прїѣзжалъ изъ Турціи на Кавказъ на охоту стрѣлять туровъ и кабановъ и, что онъ сохранилъ самое лучшее воспоминаніе о русскомъ гостепрїимствѣ и радушіи. Затѣмъ разговоръ коснулся прошлаго аббатства. Заговорили о Байронѣ и вспомнили нашего Пушкина. Очень тронулъ нашихъ собесѣдниковъ мой разсказъ о томъ, какъ Пушкинъ, живя изгнанникомъ въ Михайловскомъ въ 1825 году, въ годовщину смерти Байрона почтилъ память своего учителя молитвой объ упокоеніи души «болярина Георгія». Упомянули объ общей характерной чертѣ музы обоихъ поэтовъ—благородствѣ, выразившемся между прочимъ въ отношеніи ихъ къ истерзанному и павшему Наполеону. Сейчасъ же въ сопровожденіи любезныхъ хозяевъ мы стали осматривать замокъ. Аббатство имѣетъ свою далекую исторію. Оно было основано въ 1170 году королемъ Генрихомъ II въ искупленіе убійства Томаса Беккета, было посвящено Дѣвѣ Маріи и приписано къ ордену августинцевъ. Въ 1539 году при общей конфискаціи монастырскихъ угодій оно было взято въ казну и въ слѣдующемъ году подарено сэру Джону Байрону, управляющему шервудскимъ королевскимъ имѣніемъ и констэблю ноттингэмскаго замка. Аббатство посѣщали короли Джонъ въ 1201 году, Эдуардъ I въ 1290 г., Эдуардъ III и IV (XIV в.) и Ген-

рихъ VII. Впослѣдствіи въ XVIII в. Newstead Abbey перешло по наслѣдству къ пятому лорду рода Байроновъ Вилліаму Байрону, а послѣ его смерти къ шестому лорду—поэту. Послѣдній,

Гостиная.

Большая столовая.

въ 1817 году, разведясь съ женой и разойдѣсь совершенно съ англійскимъ обществомъ, продалъ полуразоренное, однако дававшее 4.000 фунт. стерл. (около 40.000 рублей) ежегоднаго дохода

помѣстье своему школьному товарищу по лицу въ Harrow полковнику Уайльмэну (Wildman), дѣду нынѣшней владѣлицы, и самъ скитался на чужбинѣ, пока смерть 19-го апрѣля 1824 г. въ Миссолонги не прекратила его бурной, жаждавшей подвига жизни.

Shades of heroes farewell; your descendant departing
From the seat of his ancestors bids you adieu!
Abroad or at home, your remembrance imparting
New courage, he'el think upon glory and you.
Though a tear dim his eye at this sad separation
'Tis nature, not fear, that excites his regret ¹⁾,

Этими словами простился поэтъ съ вотчиной предковъ, покидая ее навсегда.

Новому владѣльцу пришлось произвести капитальный ремонтъ замка и хозяйственныхъ построекъ, оконченный въ 1839 году. Замокъ построенъ изъ сѣраго песчаника въ древне-англійскомъ стилѣ и слился въ одно цѣлое съ остатками монастыря. Очень хорошъ прекрасно сохранившійся лицевой фасадъ древней обители. Эта кружевная готика съ налетомъ благородной сѣдины на потемнѣвшемъ отъ времени камнѣ навѣваетъ мистическія думы и уноситъ воображеніе въ глубину вѣковъ.

Все, что связано съ воспоминаніемъ о Байронѣ, съ рѣдкимъ вниманіемъ охраняется и заботливо оберегается отъ всеразрушающаго времени. Спальня поэта, сравнительно небольшая комната, осталась въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ее покинулъ: та же обивка на стѣнахъ, та же драпировка на окнахъ и дверяхъ и тотъ же балдахинъ надъ кроватью поэта краснаго дерева, столъ краснаго дерева, на которомъ написано начало «Чайльда Гарольда», комодъ, нѣсколько креселъ краснаго дерева, немного фарфоровыхъ бездѣлушекъ, принадлежавшихъ Байрону, виды Кембриджа и Харроу на стѣнѣ... На шифоньеркѣ интересный акварельный портретъ поэта въ торжественномъ корпоративномъ одѣяніи Trinity college кэмбриджскаго университета. Этотъ портретъ подаренъ miss Webb герцогомъ С-тъ-Албансъ. Поэтъ находилъ его наиболѣе на себя похожимъ. Новое въ этой комнатѣ только электричество, паровое отопленіе и звонки. Переходимъ въ малую столовую. Здѣсь интересна дубовая рама камина съ замѣчательной рѣзьбой, изображающей одного изъ предковъ Байрона, участника крестовыхъ походовъ, отбивающаго у сарацина христіанку. Въ большой столовой, служившей поэту стрѣльбищемъ, обращаютъ на себя вниманіе два дубовыхъ шкапа временъ Эдуарда III (XIV в.). Въ го-

¹⁾ Тѣни героевъ, прощайте; вашъ потомокъ, покидая вотчину предковъ, говоритъ вамъ прости. На родинѣ или на чужбинѣ воспоминаніе о васъ будетъ бодрить его, и онъ будетъ думать о славѣ и о васъ. Слеза туманитъ его глаза при разставаніи,—эта при-рода, не страхъ, возбуждаетъ сожалѣніе...

стиной интересны гоббелены, два стула, принадлежавшіе Карлу II, и портретъ Байрона кисти Филиппса, на которомъ поэтъ изображенъ двадцати двухъ лѣтъ. Этотъ портретъ былъ подаренъ Байрономъ Уайльману. Тутъ же небольшая стеклянная горка съ реликвіями поэта: здѣсь локонъ его почти бѣлокурыхъ волосъ, шпага,

Спальня Байрона.

которая была съ нимъ на подвигѣ въ Греціи, перчатки для бокса, ошейникъ его четвероногого друга Boatswain (Ботсманъ) и др.; рядомъ стоятъ два стула, сдѣланные для поэта его добрымъ гениемъ сестрой Августой Лей. Нѣсколько далѣе такая же горка, гдѣ хранятся вещи, принадлежавшія извѣстному путешественнику

истор. вѣстн., сентябрь 1914 г., т. сxxxvii.

17

Ливингстону, приходящемуся дядей хозяйкѣ. Въ вестибюль на стѣнѣ виситъ большая масляная картина, на которой красуется Boatswain—большой черно-бѣлый пушистый ньюфаундлендъ съ выразительными и умными глазами. Такъ переходили мы изъ комнаты въ комнату и въ каждой, числомъ около пятидесяти, находили что-либо замѣчательное, гдѣ старинные гоббелены и ковры, гдѣ художественную мебель, гдѣ дивнаго голубого цвѣта старый Уэджвудъ... Потомъ посѣтили домашнюю церковь и совершили рядъ переходовъ по безконечнымъ сводчатымъ монастырскимъ галлереемъ съ потайными дверями, подземными ходами и секретными выходами. Въ монастырскомъ дворѣ мы увидѣли небольшой каменный фонтанъ съ интересными фигурами святыхъ и чудовищъ, описанный Байрономъ въ «Донъ-Жуанѣ» подъ именемъ фонтана Norman Abbey. Со двора прошли мы на террасу сада, всю покрытую цвѣтами. Среди нихъ выдѣляются замѣчательныя гортензіи удивительныхъ оттѣнковъ. Въ этомъ морѣ цвѣтовъ въ концѣ террасы возвышается памятникъ Boatswain, хорошо знакомый по виньеткамъ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Памятникъ сохранился прекрасно и на немъ, какъ и на всемъ здѣсь, видна заботливая рука внимательнаго хозяина. На мраморныхъ доскахъ этого мавзолея высѣчены стихи, посвященные поэтомъ любимому псу и другу.

О слабый человѣкъ! Минутный гость земли,
 Отъ рабства и властей затоптанный въ пыли!
 Кто знаетъ, тотъ тебя съ презрѣньемъ покидаетъ;
 Ты масса, гдѣ одна ничтожность обитаетъ!
 Твоя любовь—порокъ, а дружба—лжи туманъ;
 Твоя улыбка—лесть; твои слова обманъ,
 И низкій по себѣ, высокій по названію,
 Предъ каждымъ звѣремъ ты поймешь стыда сознанье.
 Идите жъ, люди, прочь отъ урны гробовой:
 Тутъ нѣтъ кого бы вы могли почтить слезой;
 Остатки друга миѣ могила сохраняетъ;
 И зналъ лишь одного—и здѣсь онъ почиваетъ.

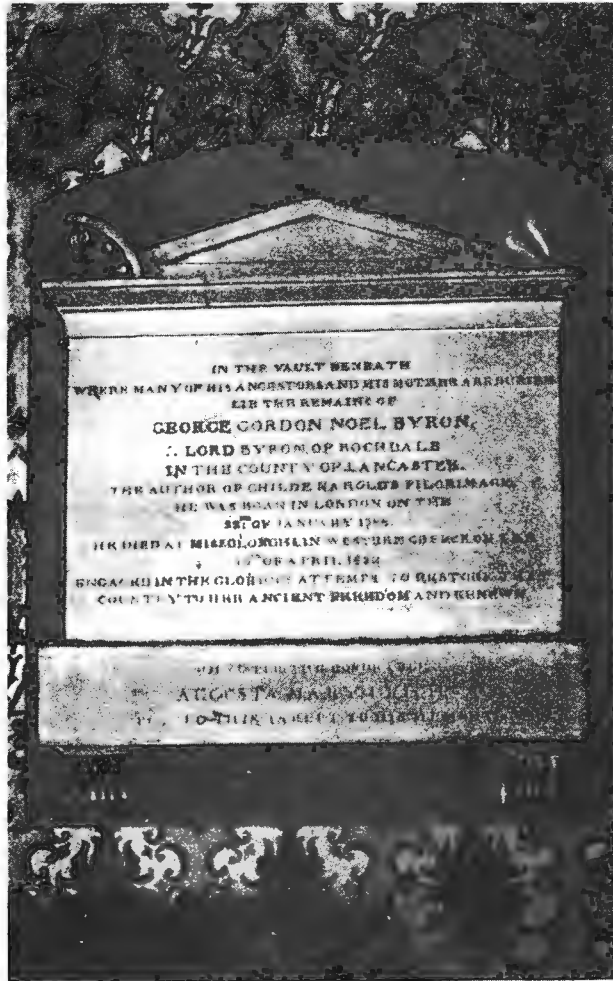
(Пер. Ф. Миллера).

Въ этой эпитафійи весь Байронъ съ его беспощаднымъ разочарованіемъ въ людяхъ и стремленіемъ къ свободѣ, правдѣ и искренности.

Спустившись съ террасы въ садъ, мы очутились въ царствѣ розъ: дивныя желтыя *Maréchal Niel* чередовались съ серебристо-розовыми *France*, оранжевыми *Gloire de Dijon*, бѣлыми *Queen Alexandra*... Кажется, розы всѣхъ сортовъ въ самыхъ отборныхъ образцахъ свѣшивались со всѣхъ сторонъ, насыщая воздухъ нѣжнымъ ароматомъ.

Далѣе переходимъ въ японскій садикъ съ карликовыми деревьями, съ развѣсистыми кедрами, мечтательными ирисами и

махровыми хризантемами; извилистыя среди искусственныхъ скалъ дорожки пересѣкаются мостиками съ оригинальными фонарями; всѣ тропинки ведутъ къ бесѣдкѣ,—вывезенному изъ страны Восходящаго Солнца небольшому храму, въ которомъ видѣется брон-

Доска въ память Байрона, вѣланная въ стѣну церкви въ Hasknull-его сестрой Августой Лей.

зовый Будда... Говорятъ, японскій посланникъ, побывавъ въ этомъ уголкѣ, сказалъ, что чувствуетъ себя здѣсь какъ на родинѣ.

Въ паркѣ сопровождавшая насъ lady Wright привела насъ къ ключу подъ шатромъ развѣсистыхъ вѣковыхъ липъ, который со

времени Байрона пользуется особой славой: стоит выпить воды изъ него, загадавъ при этомъ что-либо, и ваше пожеланіе должно исполниться. По настоянію нашего чичероне и мы отвѣдали холодной, какъ ледъ, влаги источника...

Съ непритворною грустью показала намъ затѣмъ хозяйка одиноко стоящій возлѣ замка дубъ, посаженный Байрономъ, съ засы-

Могила Байрона.

хающей верхушкой. Кругомъ много дубовъ, достигшихъ огромныхъ размѣровъ и весьма возможно помнящихъ короля Ричарда Львиное Сердце и Робина Хууда, и всѣ они совершенно здоровы, а этотъ чахнетъ и умираетъ медленною смертью. По словамъ miss Webb, много усилій было предпринято для спасенія дерева, между прочимъ, былъ проложенъ дренажъ для осушенія почвы, но бѣд-

пый дубъ все же, видимо, обреченъ смерти. Подъ этимъ дубомъ поэтъ когда-то мечталъ быть похороненнымъ:

For centuries still may thy boughs lightly wave
O'er the corse of thy lord in thy canopy laid... ¹⁾.

Памятникъ на могилѣ ньюфаундлендской собаки «Boatswain» въ паркѣ.

Вечеромъ мы вышли въ паркъ. Небо прояснилось, и мѣсяцъ щедро залилъ землю своимъ свѣтомъ. Озаренная луной гигант-

¹⁾ Вѣками будутъ склоняться твои вѣтви надъ тѣломъ твоего хозяина, погребеннаго подъ ихъ сѣнью... (To an oak at Newstead).

скія деревья казались еще больше. Отъ монастырской стѣны прихотливымъ узоромъ тянулись причудливыя фантастическія тѣни. Пахнуло романтическими грезами. Передъ нами возникаютъ видѣнія старой рыцарской Англїи, рисуется благородный обликъ бездомнаго, всѣми покинутаго и умершаго на чужбинѣ поэта-скитальца, и скользятъ въ воображеніи призраки его загадочныхъ и таинственныхъ героевъ.

На слѣдующее утро мы поѣхали поклониться праху «владельца и нашихъ думъ» «въ дни Александровы». Надъ могилой поэта не шумитъ раскидистая зелень дуба, не на лонѣ любимой «матери природы» покоятся его останки, въ душномъ склепѣ тѣсной приходской церкви въ селеніи Nasknull Torkard обрѣлъ онъ вѣчный покой. Здѣсь Байронъ былъ похороненъ сестрой Августой Лей послѣ того, какъ Вестминстерское аббатство отказало въ этомъ послѣднемъ пріютѣ ея великому брату. Вчужѣ обидно становится за свободолюбивыхъ и независимыхъ британцевъ, застывшихъ въ своемъ странномъ отношеніи къ памяти гениальнаго поэта. До сихъ поръ въ Англїи нѣтъ ему памятника, кромѣ сооруженныхъ на частныя средства въ частныхъ владѣніяхъ статуй въ Trinity College въ Кембриджѣ, въ музеѣ лица въ Nagrow on the Hill и въ садикѣ одного изъ домовъ у Хайдъ-парка, въ то время какъ благодарная Греція прекраснымъ памятникомъ, воздвигнутымъ по народной подпискѣ среди пальмъ въ аѣинскомъ паркѣ, увѣковѣчила свою признательность борцу за ея независимость. На этой бѣлоснѣжнаго мрамора группѣ, изображающей эллинку, поддерживающую умирающаго поэта, лаконическая надпись «Βορον Πλάτα». Неужели поэту, украсившему произведеніями своего гения англійскую культуру, пѣвцу столь возлюбленной британцами свободы, жизнь свою за нее положившему, до сихъ поръ нельзя простить прегрѣшеній его личной жизни, въ сущности ничтожныхъ и притомъ уже давно покрытыхъ давностью забвенія? Почему нація, стоящая впереди всѣхъ по идеямъ гуманности, терпимости и свободы совѣсти, въ судѣ надъ однимъ изъ величайшихъ своихъ сыновъ не хочетъ подняться выше будничныхъ мелочей жизни?

Невольно вспоминаются проникнутыя достоинствомъ и гордостью страданія строки изъ «Чайльдъ Гарольда»:

...Но если я лишился права
Участья ждать отъ земляковъ...
...И если счастье, измѣня,
Не дастъ мнѣ мѣста въ славномъ храмѣ,
Гдѣ чтитъ народъ своихъ пѣвцовъ,
То пусть вѣнчаетъ онъ вѣнками
Чело достойныхъ мертвецовъ,
Ко мнѣ жъ слова примѣнить эти,
Что «въ славной Спартѣ были дѣти

Его достойнѣй...»¹⁾ Никакой
 Не надо мнѣ любви людской!
 Всѣ тѣ шипы, что я собираю,
 Я самъ взлелѣялъ и взрастилъ—
 И тихо кровью истекаю.

(Пер. Д. Минаева).

Холодны и равнодушны къ памяти Байрона остались его потомки. Никто изъ нихъ не заступился за честь великаго предка, когда клевета и людская злоба не щадила даже безгласнаго поэта въ могилѣ. Въ настоящее время изъ потомковъ Байрона живы внучатный племянникъ поэта нынѣшній девятый лордъ Байронъ Джоржъ Уильямъ и его внуки lady Anne Blunt и Ralph Gordon лордъ Wentworth—последніе двое дѣти его «малютки Ады», умершей въ 1852 году и бывшей въ замужествѣ за графомъ Lovelace. Характерно провести параллель отношенія англичанъ къ Шекспиру и Байрону. Въ то время, какъ весь утопающій въ реликвіяхъ Шекспира и сплошныхъ садахъ выхолонный и нарядный Стратфордъ на Эвонѣ привлекаетъ къ себѣ въ годъ болѣе тридцати тысячъ паломниковъ, въ неопрятный и населенный углекопами Наскнелль попадаютъ лишь рѣдкіе туристы, преимущественно иностранцы. Такъ, напримѣръ, за послѣдніе полгода на могилѣ Байрона побывало всего шесть лицъ; изъ нихъ два японца, два нѣмца и два русскихъ.

Наскнелль Торкардъ расположенъ у одноименной станціи на желѣзной дорогѣ между Newstead и Ноттингэмомъ. Отъ станціи до церкви С.-Мэри, гдѣ покоится Байронъ, минутъ десять ходьбы по узкимъ, грязнымъ отъ угольной пыли улицамъ. У церкви пришлось ожидать около получаса, пока разыскали привратника. Могила поэта у самага алтаря. На ней плита съ датами рожденія и смерти, а въ стѣнѣ надъ нею помѣщена мраморная доска съ болѣе подробными свѣдѣніями, сооруженная любящей рукой его вѣрнаго друга и сестры Августы, похороненной здѣсь же рядомъ. Это соудство съ могилой той, которая, по словамъ поэта, всю жизнь ему «во тьмѣ звѣздой блистала», примиряетъ нѣсколько съ несправедливостью къ поэту соотечественниковъ и судьбы.

П. М. Устимовичъ.

¹⁾ Такъ отвѣчала мать Бразидаса, лакедемонскаго полководца, тѣмъ, которые восхваляли ея сына.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА.

Россія и нѣмцы.—Россія и славянство.

ТАКЪ, свершилось то, о чемъ писали мы еще въ маргѣ настоящаго года въ статьѣ о взятіи Парижа въ 1814 году. Германскія державы пошли войной на славянство и его великую покровительницу, Россію, которая сто лѣтъ тому назадъ, принося въ жертву собственные свои интересы, спасла отъ Наполеонскаго ярма Пруссію и Австрію и вслѣдъ за тѣмъ, въ теченіе шестидесяти лѣтъ, вплоть до 1875 года, созидала и укрѣпляла Германскую имперію. Теперь, послѣ долголѣтняго тайнаго и явнаго недоброжелательства къ своей спасительницѣ, Германія и Австрія объявили намъ войну, чтобы, раздавивъ славянство, расширить за его счетъ предѣлы германскаго міра въ Европѣ и Азіи.

Въ лицѣ державнаго своего вождя, Россія приняла этотъ надменный вызовъ съ полнымъ сознаніемъ всей огромной важности переживаемаго ею историческаго момента, но спокойно и съ непоколебимою увѣренностію въ своей силѣ и правдѣ. Вся Россія съ трепетомъ восторга внимала словамъ своего Государя, что, какова бы ни была война, Онъ доведетъ ее до конца. Для русскаго народа «нѣмецъ» былъ историческимъ врагомъ еще со временъ побѣдъ надъ ними св. князя Александра Невскаго на Невѣ и на льду Чудского озера, когда они, пользуясь нашествіемъ на Россію татаръ, думали добыть русскій народъ, истерзанннй, истощенный... Ливонскіе нѣмцы долго еще покушались на русскія земли, пока

наконецъ самое существованіе Ливоніи не было уничтожено Іоанномъ Грознымъ. И въ позднѣйшее время, со временъ Петра Великаго, нѣмцы не оставили доброй памяти о себѣ въ русскомъ народѣ, въ который они умѣли проникнуть въ качествѣ культуртрегеровъ: «бироновщина» до сихъ поръ является самой мрачной эпохой въ русской исторіи. Алчность, жестокость, тупая прямолинейность и самодовольство нѣмецкой природы проявлялись, при благопріятныхъ условіяхъ, даже въ мирныхъ, якобы просвѣтительныхъ отношеніяхъ нѣмцевъ къ русскимъ «варварамъ», которые, въ свою очередь, называли ихъ «окаянными». Проникая въ народную русскую толщу въ качествѣ военныхъ инструкторовъ, управляющихъ населенными имѣніями, торговцевъ и промышленниковъ, нѣмцы повсюду оставляли по себѣ тяжкія воспоминанія, соединенныя съ представленіемъ физическаго насилія и моральнаго гнета; въ тѣхъ же случаяхъ, когда нѣмцы переселялись въ Россію массами, получая отъ русскихъ царей земли для колонизаціи съ неслыханными для кореннаго населенія льготами по платежу податей и отбыванію повинностей, всегда держали себя особнякомъ, оставаясь нѣмцами съ девизомъ «Deutschland über alles». Въ половинѣ XVIII столѣтія идолъ германскаго народа, король прусскій Фридрихъ II, вынудилъ императрицу Елизавету Петровну принять мѣры «сократить захватчиваго и скоропостижнаго короля». Уже завоевана была русскими войсками Прусская провинція и Померанія, когда внезапная смерть Елизаветы передала судьбу Фридриха въ руки императора Петра III, «имѣвшаго, по выраженію самого Фридриха, чисто-нѣмецкое сердце». Петръ возвратилъ Пруссіи русскія завоеванія и помогъ ей выйти безъ потерь изъ борьбы съ Австріей и Франціей. Фридрихъ думалъ сохранить свое вліяніе надъ Россіей и при преемницѣ Петра, но ошибся въ расчетѣ. Нѣмка по рожденію, но русская по чувствамъ, императрица Екатерина II въ интимной своей перепискѣ называла Фридриха «Иродомъ» и считала его злѣйшимъ врагомъ Россіи. Она писала Потемкину: «Каковы бы цесарцы ни были и какова ни есть отъ нихъ тягость, но оная будетъ несравненно менѣе всегда, нежели *Прусская*, которая совокупленно сопряжена со всѣмъ съ тѣмъ, что въ свѣтѣ можетъ только быть придумано пакостнаго и несноснаго. Дорогой другъ мой, я говорю это по опыту; я, къ несчастію, весьма близко видѣла это ярмо, и вы были свидѣтель, что я была внѣ себя отъ радости, лишь только увидѣла маленькую надежду на исходъ изъ этого положенія». Подъ конецъ царствованія Екатерина собиралась даже «проучить» Пруссію.

Мы знаемъ, что эти завѣты великой монархини не были усвоены ближайшими ея преемниками которые, напротивъ, поставили свою задачею не только усиливать германскія державы, какъ барьеръ между Россіей и «мятежной» Франціей, но и содѣйствовать влія-

тельному положенію «благонадежнаго» нѣмецкаго элемента въ самой Россіи. Особенно проявилось это въ царствованіе императора Николая I, при которомъ нѣмцы получили выдающееся значеніе въ военной и гражданской администраціи; извѣстна его резолюція на плохомъ кондуитномъ спискѣ одного изъ гвардейскихъ офицеровъ нѣмецкаго происхожденія: «вздоръ, онъ эстляндець, и этимъ все сказано». Родственныя отношенія императора къ прусскому королевскому дому также способствовали господству нѣмецкаго вліянія въ Россіи. Даже при Александрѣ II отношенія къ Пруссіи продолжали быть крайне доброжелательными: только благодаря поддержкѣ своего царственнаго племянника, прусскій король Вильгельмъ счастливо закончилъ войны свои съ Австріей и Франціей и создалъ Германскую имперію. «Послѣ Бога Германія всёмъ обязана вашему императорскому величеству», телеграфировалъ Вильгельмъ государю по взятіи Парижа. Но благодарность Пруссіи оказалась такою же, какъ и австрійская, и выразилась поведеніемъ ея на Берлинскомъ конгрессѣ. Когда же Россія выразила свое неудовольствіе, то, по инициативѣ Бисмарка, благодарный дядя заключилъ союзъ съ Австріей, направленный остріемъ противъ Россіи, не переставая, впрочемъ, увѣрять императора Александра въ своей любви и благодарности.

Вообще династическія связи и добрососѣдство съ Россіей учитывались Пруссіей только тогда, когда онѣ были выгодны собственно для нея. Ими отлично пользовался Бисмаркъ, на нихъ только и основавшій успѣхъ своей политики для установленія германской гегемоніи въ Европѣ. Онъ всячески культивировалъ нѣмецкія связи въ Россіи для этой цѣли, удивляясь въ то же время близорукости русскихъ политическихъ дѣятелей и называя ихъ «die dumme Kerle». Слова служили у него прикрытіемъ не только мыслей, но и дѣйствій. Заключая союзъ съ Австріей, чтобы совмѣстно съ нею вести дальнѣйшій *Drang nach Osten*, заводя связи съ Турціей и балканскими государствами, онъ увѣрять, однакоже, что Германія не заинтересована Ближнимъ Востокомъ и не пожертвуетъ для него костями и одного померанскаго гренадера. Увѣреніе это, впрочемъ, до такой степени было бессмысленно, что если и произвело эффектъ, то только потому, что ему *хотѣли* вѣрять, не желая разрывать дружбы съ Германіей. Бисмаркъ выдвинулъ на первый планъ Австрію, а самъ дѣйствовалъ за ея спиною, въ расчетъ на добродушіе и покладливость русскаго медвѣдя. И самъ онъ, и государь его, новый германскій императоръ Вильгельмъ, добившись неожиданнаго успѣха—объединенія Германіи съ помощію Россіи, все-таки знали мощь Россіи и цѣну русской дружбы и тщательно избѣгали столкновенія съ великой славянскою державой, чтобы не ставить на карту пріобрѣтенныхъ съ такимъ трудомъ выгодъ. Тевтонская кичливость не выходила

еще изъ предѣловъ международнаго приличія, и русское общественное мнѣніе, глубоко оскорбленное результатами Берлинскаго конгресса, склонно было видѣть въ нихъ плоды скорѣ коварной политики Англии, чѣмъ недоброжелательства Германіи. Самъ германскій канцлеръ, оправдываясь въ обвиненіяхъ его русской печатью, цѣнично заявлялъ, что онъ во всемъ поддерживалъ русскихъ уполномоченныхъ и что онъ не могъ быть «болѣ русскимъ, чѣмъ сами русскіе»...

Въ объясненіе этихъ фактовъ нельзя не замѣтить, что русское общественное мнѣніе легко можно было вводить въ заблужденіе уже потому, что наша печать во всемъ, что касалось русско-германскихъ отношеній, всегда подвергалась цензурнымъ стѣсненіямъ не только вслѣдствіе династическихъ связей нашего двора съ прусскимъ, но и вслѣдствіе постоянныхъ жалобъ прусскаго правительства. Бисмаркъ пользовался возможностью обуздывать русскую печать до начала царствованія императора Александра III, когда Катковъ избавленъ былъ отъ кары за статью о двуличіи германской политики по личному вмѣшательству государя. Традиціи прусской дружбы были такъ сильны въ русскомъ правительствѣ, что даже историческія изслѣдованія о русско-германскихъ отношеніяхъ *volens-nolens* обречены были на умолчанія, если такъ или иначе должны были касаться невыгодныхъ для прусской политики фактовъ. Образцомъ такихъ изслѣдованій за время Александра II является, къ сожалѣнію, извѣстное сочиненіе нашего знаменитаго историка С. М. Соловьева: «Александръ I. Политика и дипломатія», которое является образцомъ «дипломатической» исторіи. Свободу въ области русско-германскихъ отношеній русская историческая наука получила лишь въ царствованіе Александра III, да и тогда нѣкоторые историки «страха ради іудейска» болѣ щекотливые факты предпочитали излагать не въ текстѣ, а въ примѣчаніяхъ, самымъ мелкимъ шрифтомъ, въ концѣ книги.

Съ восшествіемъ на престолъ Германской имперіи Вильгельма II отношенія Германіи къ Россіи приняли болѣ развязный, если можно такъ выразиться, характеръ. Новый императоръ забылъ просьбу своего дѣда, выраженную имъ на смертномъ одрѣ, поддерживать дружескія отношенія съ Россіей и, удаливъ Бисмарка отъ руководства внѣшними дѣлами, сталъ заботиться объ утверженіи германской гегемоніи въ Европѣ. Выросши подъ громъ прусскихъ побѣдъ, Вильгельмъ не хотѣлъ знать, какими трудами, какою осторожностью и какимъ смиреніемъ его предковъ создались Пруссія и Германія; зато онъ вполне усвоилъ себѣ программу Бисмарка о роли Германіи на Ближнемъ Востокѣ и борьбѣ ея со славянствомъ. Союзъ съ Австріей сталъ еще тѣснѣе, появились Багдадская желѣзная дорога, концессіи въ Малой Азіи, широкая колоніальная политика и...стремленіе указать Россіи задачи на

Дальнемъ Востокѣ, чтобы ослабить ея вниманіе на Ближнемъ. Эта наступательная политика могла имѣть успѣхъ лишь благодаря миролюбію и уступчивости Россіи, которая, обезпечивъ себя на случай нападенія Германіи союзомъ съ Франціей, занялась, по окончаніи Японской войны, исключительно внутренними своими дѣлами. Подъ давленіемъ Германіи, чтобы избѣжать европейской войны, Россія согласилась даже въ 1909 году на анексію Австріей Босніи и Герцеговины, отданныхъ ей въ управленіе еще на Берлинскомъ конгрессѣ; Франція на почвѣ мароккскихъ осложненій компенсировала Германію уступкой нѣкоторыхъ своихъ колоній. Уступчивость союзныхъ державъ увеличила самомнѣніе нѣмцевъ. *Jupiter quos vult perdere dementat*. Затративъ колоссальныя суммы на флотъ, Германія вступила въ морское соперничество съ Англіей, добываясь такого же перевѣса на морѣ, какой, повидимому, пріобрѣла на сушѣ, и въ послѣднее время недвусмысленно грозила Англіи высадкой на ея берега и тѣмъ заставила ее вступить въ союзъ съ Франціей и въ соглашеніе съ Россіей по дѣламъ европейскимъ. Увеличеніе германскихъ вооруженій вынудило и державы тройственнаго согласія соответственно увеличить и свои вооруженныя силы. Въ послѣдніе годы Европа жила подъ постоянной угрозой войны. Она едва было не вспыхнула еще въ 1912 году, когда союзъ балканскихъ государствъ Сербіи, Болгаріи, Черногоріи и Греціи блестяще закончилъ борьбу свою съ Турціей. Австро-германской дипломатіи удалось, однако, разрушить этотъ союзъ, причемъ пострадала Болгарія, и отстоять «независимость» Албаніи, сдѣлавшейся яблокомъ раздора между союзными Австріей и Италіей.

Безъ сомнѣнія, у Германіи были вѣскія причины признать настоящій моментъ удобнымъ для начала войны. Въ будущемъ, она ожидала, соотношеніе силъ могло измѣниться не въ ея пользу, такъ какъ Россія принесла только что новыя жертвы на усиленіе своей боевой готовности, а Франція приняла законъ о трехлѣтнемъ срокѣ военной службы. Забастовочныя движенія въ Россіи и волненія въ Ульстерѣ въ Англіи создавали, по мнѣнію нѣмцевъ, для этихъ державъ внутреннія осложненія. Постоянная уступчивость и миролюбіе Россіи и Франціи внушали, наконецъ, надежду, что онѣ и къ новому захвату германизма отнесутся спокойно. Предметомъ этого захвата должна была послужить Сербія, на которую Австрія возложила отвѣтственность за убійство въ Сараевѣ австрійскаго престолонаслѣдника Франца. Должно сознаться, что расчеты Германіи и Австріи на миролюбіе Россіи были не безъ основанія. Хотя Сербіи былъ предъявленъ Австріей ультиматумъ, низводившій ее на степень вассальнаго государства, но Сербія, по совѣту Россіи, дала отвѣтъ, по существу удовлетворявшій притязаніямъ Австріи, ограждая только свой суверенитетъ. Россія, со своей стороны, соглашалась на «всякій способъ» рѣшенія спора, если только

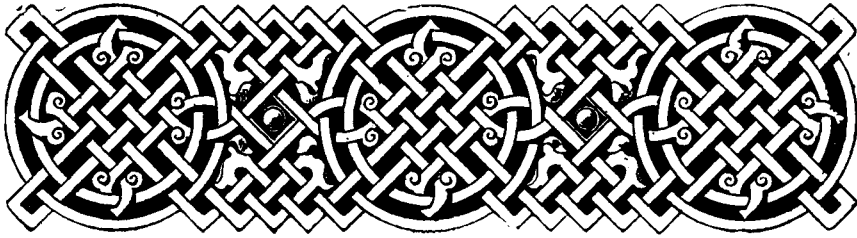
признаны будутъ суверенныя права Сербіи и ограждена ея территорияльная цѣлость, хотя въ это время Австрія уже напала на Сербію и бомбардировала Бѣлградъ, т. е. совершила ту «карательную экспедицію», о которой она возвѣстила Европѣ. Германія требовала, со своей стороны, «локализациі» войны, т. е. чтобы Россія предоставила Австріи расправиться съ Сербіей безъ помѣхи. Такое требованіе, ясно обнаружившее замыслы союзниковъ, вызвало отвѣтъ Россіи, единственно достойный великой державы—мобилизацію. Между тѣмъ Германія ради своей же пользы должна была принять мирный исходъ, предложенный Россіей, ибо онъ давалъ ей и Австріи средство къ почетному отступленію послѣ того, какъ сербы уже понесли кару бомбардированіемъ ихъ столицы. Къ счастью славянства, Германія, рѣшившись уже на крайнія мѣры, потребовала отъ Россіи демобилизаціи и, не получивъ отвѣта на это требованіе, объявила ей войну 19-го іюля, пятью днями ранѣе, чѣмъ сдѣлала это сама Австрія. Эту войну съ историческимъ врагомъ своимъ русскій народъ принялъ съ глубокой несокрушимой вѣрой въ свои силы и правоту своего дѣла. Война съ нѣмцами въ сознаніи русскихъ людей является священной, религіозною обязанностью, для каждаго ясною, непреерекаемою. Взрывъ народнаго восторга, народнаго воодушевленія, послѣдовавшій за царскимъ манифестомъ объ этой войнѣ и объединившій всѣ общественные слои въ одномъ чувствѣ, ручается намъ за исходъ великой борьбы славянства съ германизмомъ. Расчеты германцевъ на нашу внутреннюю рознь, старую славянскую язву, не оправдались и не могли оправдаться. «Это не война, а какой-то великій праздникъ, словно Христово Воскресеніе!» услышали мы возгласъ одной дамы на Дворцовой площади 20-го іюля, послѣ появленія Государя передъ восторженнымъ народомъ на балконѣ Зимняго дворца, въ день объявленія манифеста. ««Матушка,—возразила стоявшая тутъ чуйка,—вѣдь не съ японцами мы воевать будемъ, а съ нѣмцами. Сами вѣдь полѣзли, окаянные!» Нѣмцы поспѣшили оправдать чувства къ себѣ русскаго народа наглымъ, жестокимъ, издѣвательскимъ отношеніемъ къ несчастнымъ русскимъ подданнымъ, застигнутымъ войною въ Германіи, и къ мирнымъ жителямъ занятыхъ ими мѣстностей въ Россіи и Бельгіи. Вождь новыхъ вандаловъ и гунновъ ознаменовалъ личную свою дикость даже въ отношеніи Царственной Матери русскаго Государя, слѣдовавшей въ Россію черезъ Германію. Европѣ и Россіи предстоить разъ навсегда положить предѣлъ дикимъ инстинктамъ кровожаднаго тевтонства.

Цѣль войны, разумѣется, не будетъ состоять въ томъ только, чтобы дать отпоръ воинствующему германизму, а въ томъ, чтобы и на будущее время сдѣлать невозможными его выступленія путемъ

освобожденія завоеванныхъ имъ народовъ. Россія указала уже на свои желанія въ этомъ смыслѣ. Въ воззваніяхъ верховнаго главнокомандующаго призваны къ воссоединенію съ великой своей матерью, Россіей, галицкіе и угорскіе русскіе до сихъ поръ еще находившіеся подъ австрійскимъ владычествомъ, и поляки германскаго и австрійскаго захватовъ на началахъ свободы вѣры, языка и самоуправленія. Въ чувствахъ къ Россіи нашихъ прикарпатскихъ братьевъ, численностью свыше пяти милліоновъ, не можетъ быть сомнѣній, и присоединеніемъ ихъ къ Россіи завершено будетъ дѣло собиранія русскихъ земель въ одно цѣлое. «Да не будетъ Руси подъяремной!» какъ сказано въ воззваніи верховнаго главнокомандующаго. Но полякамъ, по крайней мѣрѣ ихъ небольшой политиканствующей части, жительствоющей въ Австріи, слѣдуетъ отнестись съ полной вдумчивостью къ сдѣланному имъ призыву. Еще разъ Россія кровью своихъ сыновъ возстановитъ самобытное существованіе Польши въ ея этнографическихъ предѣлахъ, какихъ она не имѣла со временъ Казимира Великаго, дастъ Польшѣ всѣ условія мирнаго процвѣтанія подъ эгидою русскаго Царя. Польшѣ предстоитъ великая служба славянству—быть западнымъ форпостомъ славянства, ограждать свою національность и противодѣйствовать германизму, разнѣмчивая своихъ же соплеменниковъ въ Пруссіи, Познани, Силезіи. Понять важность этого историческаго момента, употребить для возможно большаго осуществленія вызываемыхъ имъ надеждъ всѣ національныя польскія средства, въ единеніи съ братскимъ русскимъ народомъ, вотъ чего ожидаетъ отъ поляковъ русскій Царь и его народъ. Насколько извѣстно, поляки проявили на этотъ разъ политическій смыслъ, славянско-польское чувство, за исключеніемъ части галицкихъ поляковъ, привыкшихъ жить подачками Австріи и готовыхъ измѣнить самой идеѣ единаго польскаго отечества, осужденнаго нѣмцами на сѣденіе не въ одной только Познани и Силезіи. Этихъ несчастныхъ поляковъ, пытающихся вселить рознь между своими единомышленниками, слѣдуетъ образумить, прежде всего, самимъ полякамъ, всему польскому обществу, ибо эти измѣнники отвратительнѣе самихъ нѣмцевъ, какъ бы они ни были убоги умомъ и сердцемъ. Въ этомъ смыслѣ нельзя не привѣтствовать объявленія верховнаго главнокомандующаго о томъ, что члены польскихъ сокольскихъ организацій не будутъ считаться воюющей стороною и что съ ними будутъ поступать по законамъ военнаго времени. Ужасно думать, что нашлись поляки, которые для защиты своихъ палачей-нѣмцевъ посылаютъ на убой цвѣтъ своей молодежи.

Е. Шумигорскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сборникъ дипломатическихъ документовъ. Переговоры отъ 10-го до 24-го іюля 1914 г., предшествовавшіе войнѣ. Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Спб. 1914. Стр. 59. Цѣна 25 коп.

В МОЖЕМЪ не привѣтствовать сдѣланный министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ первый разъ благой починокъ къ своему временному ознакомленію публики съ дипломатическими переговорами, нерѣдко возникающими у насъ съ различными державами, и обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на изданный министерствомъ сборникъ переговоровъ, предшествовавшихъ наступившей неожиданно совѣмъ для насъ тяжелой войнѣ съ Германіей и Австро-Венгрією. Этотъ сборникъ начинается ультимативною нотою, врученной Австро-Венгрією сербскому правительству 10-го іюля, извѣстною читателямъ изъ статьи «Историческая Лѣтопись», помѣщенной въ № 8 «Историческаго Вѣстника», на стр. IX—XII, и отвѣтомъ на эту ноту сербскаго правительства (тамъ же, стр. XVI—XIX), который, по мнѣнію лорда Грея, превосходить по умѣренности и примирительному духу все, что можно было ожидать (ст. 33).

Телеграммою 11-го іюля къ Его Императорскому Величеству королевичъ-регентъ Александръ изъ Бѣлграда выражалъ готовность принять тѣ требованія Австро-Венгрии, которыя совмѣстимы съ положеніемъ независимаго государства, а также и тѣ, кои Его Величество посовѣтуетъ сербамъ принять. Регентъ добавлялъ при этомъ, что срокъ для отвѣта назначенъ Австрією слиш-

комъ короткій, что австрійская армія сосредоточивается около сербской границы и можетъ атаковать сербовъ по истеченіи срока. «Мы не можемъ защищаться. Посему молимъ Ваше Величество оказать намъ помощь возможно скорѣе» (ст. 10).

Получивъ 11 іюля, въ 10 час. утра (т.-е. по истеченіи уже 17 часовъ со времени врученія ноты въ Бѣлградѣ) вышеупомянутую ультимативную ноту, наше министерство не замедлило отвѣтить повѣренному въ дѣлахъ Австро-Венгріи, что для предотвращенія неисчислимыхъ послѣдствій, къ которымъ можетъ повести образъ дѣйствій Австріи, необходимо, чтобы послѣдняя прежде всего продлила поставленный ею Сербіи для отвѣта срокъ (ст. 8) и тѣмъ дала бы державамъ возможность ознакомиться съ данными слѣдствія, на которыхъ она основываетъ свои обвиненія противъ Сербіи (ст. 8). Австрія на это не согласилась; ея посланникъ, признавъ отвѣтъ Сербіи неудовлетворительнымъ, покинулъ Бѣлградъ со всѣмъ составомъ миссіи (стр. 22). Австрія приступила 13-го іюля къ мобилизаціи, объявила Сербіи войну и стала бомбардировать Бѣлградъ.

Эта мобилизація Австріи, по мнѣнію англійскаго министра лорда Грея, должна была вызвать мобилизацію Россіи и возбудить острую опасность всеобщей войны. Единственнымъ выходомъ для мирнаго разрѣшенія этого конфликта являлось то, чтобы въ виду мобилизаціи австрійской и русской Германія, Франція, Италія и Англія воздержались бы отъ немедленной мобилизаціи и предложили бы свои добрыя услуги. Планъ Грея прежде всего нуждался въ согласіи Германіи и обязательствѣ ея не мобилизоваться. Поэтому онъ обратился по этому поводу съ запросомъ въ Берлинъ (стр. 22) и въ то же время представитель Англіи въ Петербургѣ спросилъ г. Сазонова, согласна ли Россія, чтобы Англія взяла на себя инициативу созванія въ Лондонѣ конференціи изъ представителей Франціи, Германіи и Италіи, чтобы вчетверомъ обсудить возможные выходы изъ положенія. На это нашъ министръ ему отвѣтилъ что непосредственные переговоры съ австрійскимъ посломъ хотя и начались, но что еще не получено отвѣта на сдѣланное имъ предложеніе совместнаго пересмотра ноты. Русское правительство готово принять англійское предложеніе это или всякое другое, способное мирно разрѣшить конфликтъ, если бы непосредственныя наши объясненія съ вѣнскимъ кабинетомъ не наладились (стр. 28). Германское правительство въ принципѣ высказалось сочувственно къ этой медиации, но встрѣчало затрудненія въ формѣ (стр. 41) и уклонилось отъ участія въ предложенной конференціи. Австро-венгерское же правительство уклонилось отъ всякаго примирительнаго вмѣшательства державъ въ его ссору съ Сербіею и отъ дальнѣйшаго обмѣна мнѣній по сербскому вопросу съ нами; оно, какъ сказано уже, объявило войну Сербіи. Наше правительство не могло остаться равнодушнымъ къ участи Сербіи и сочло необходимымъ объявить мобилизацію четырехъ военныхъ округовъ: казанскаго, кіевскаго, московскаго и одесскаго, что нисколько не угрожало еще чѣмъ-либо Германіи. Между тѣмъ 16-го іюля 1914 года германскій посолъ въ Петербургѣ заявилъ о рѣшеніи своего правительства мобилизовать свои силы, если Россія не прекратитъ дѣлаемыхъ ею военныхъ приготовленій. Сообщая объ этомъ

г. Извольскому въ Парижѣ, г. Сазоновъ 16-го іюля добавлялъ, что «такковыя приготовления стали приниматься нами только вслѣдствіе состоявшейся уже мобилизаціи Австріи и очевиднаго нежеланія послѣдней согласиться на какой бы то ни было способъ мирнаго улаженія своего спора съ Сербією. Такъ какъ мы не можемъ исполнить желаніе Германіи, намъ остается только ускорить наши вооруженія и считаться съ вѣроятной неизбежной войной. Благоволите предупредить объ этомъ французское правительство и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать ему нашу искреннюю благодарность за сдѣланное мнѣ отъ его имени французскимъ посломъ заявленіе, что мы можемъ въ полной мѣрѣ разсчитывать на союзническую поддержку Франціи. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ это заявленіе для насъ особенно цѣнно» (стр. 43—44). На другой день, 17 іюля, германскій посолъ посѣтилъ снова г. Сазонова и спросилъ, не можемъ ли мы удовлетвориться обѣщаніемъ, которое могла бы дать Австрія,—не нарушать цѣлости Сербскаго королевства, и указать, на какихъ условіяхъ мы еще согласились бы приостановить наши вооруженія. Г. Сазоновъ продиктовалъ ему для срочной передачи въ Берлигъ нижеслѣдующее заявленіе: «Если Австрія, признавая, что австро-сербскій вопросъ принялъ характеръ общеевропейскаго вопроса, заявить о готовности исключить изъ своего ультиматума пункты, которые нарушаютъ суверенныя права Сербіи, Россія обязуется прекратить свои военныя приготовления» (стр. 45).

Сообщая вышеизложенное нашему послу въ Берлинѣ, нашъ министръ добавлялъ: «Благоволите срочно телеграфировать, какъ отнесется германское правительство къ этому новому доказательству нашей готовности сдѣлать возможное для миролюбиваго разрѣшенія вопроса, такъ какъ мы не можемъ допустить, чтобы подобныя переговоры могли бы служить лишь для выигрыша времени Германіей и Австріей для военныхъ приготовленій (стр. 45).

Того же 17-го числа получены были изъ Берлина отъ Свербеева три телеграммы: первая лаконическая: «Узнаю, что сейчасъ отданъ приказъ о мобилизаціи германскихъ армій и флота». Вторая, что министръ иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ сообщилъ ему, что «пущенное только что извѣстіе о мобилизаціи германской арміи и флота невѣрно, что листки газетъ были напечатаны заранѣе въ предвидѣніи всякихъ возможностей и пущены въ продажу въ часъ дня, теперь же конфискованы». Третья телеграмма, въ отвѣтъ на вышеприведенное сообщеніе г. Сазонова отъ 17-го числа, что министръ иностранныхъ дѣлъ, у котораго онъ, Свербеевъ, былъ, сказалъ ему, что получилъ тождественную телеграмму отъ германскаго посла въ Петербургъ и затѣмъ заявилъ ему, что находить наше предложеніе неприемлемымъ для Австріи (стр. 46).

Полученная въ тотъ же день, 17-го іюля, депеша отъ Бенкендорфа изъ Лондона сообщала, что на вопросъ германскаго посла, почему Англія принимаетъ военныя мѣры, какъ сухопутныя, такъ и морскія, лордъ Грей отвѣтилъ ему, что эти мѣры не имѣютъ агрессивнаго характера, но что положеніе таково, что каждая держава должна приготовляться (стр. 47).

Во время этихъ переговоровъ въ Австро-Венгрію, по сообщеніямъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ: управляющаго консульствомъ въ Прагѣ, отъ 13-го іюля, была объявлена мобилизація (стр. 23); генеральнаго консула въ

Фіуме, отъ 15-го іюля, осадное положеніе объявлено въ Славоніи, Хорватіи и Фіуме и одновременно съ этимъ мобилизованы резервисты всѣхъ классовъ (стр. 34); нашего посла въ Вѣнѣ, того же 15-го числа, — приказъ о всеобщей мобилизаціи подписанъ (стр. 36). Несмотря на всеобщую мобилизацію, нашъ посоль Шебеко продолжалъ обмѣнъ мыслей съ гр. Берхтольдъ и его сотрудниками. Всѣ они, — сообщалъ г. Шебеко 18-го іюля изъ Вѣны, — настаиваютъ на отсутствіи у Австріи какихъ-либо агрессивныхъ намѣреній противъ Россіи какихъ-либо завоевательныхъ стремленій относительно Сербіи, но всѣ настаиваютъ также на необходимости для Австріи довести начатое дѣло до конца и дать Сербіи серьезный урокъ, который представлялъ бы нѣкоторую гарантію для будущаго (стр. 48).

Нашъ посоль въ Германіи (г. Свербеевъ) того же числа сообщалъ, что переговоры наши, по мнѣнію министра иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ, становятся еще болѣе затруднительными, въ виду принимаемыхъ у насъ серьезныхъ военныхъ мѣръ противъ самой Германіи (стр. 49).

Къ этимъ мѣрамъ Россія была вынуждена, дабы предохранить себя отъ всякихъ случайностей, но при этомъ Россія соглашалась на всякій способъ разрѣшенія спора, при коемъ были бы соблюдены постановленныя ею условія. Несмотря на это, германское правительство, въ лицѣ Пурталеса, 18-го іюля обратилось къ намъ съ требованіемъ приостановить къ 12 часамъ 19-го іюля мобилизацію, угрожая въ противномъ случаѣ приступить къ всеобщей мобилизаціи, а затѣмъ 19-го числа въ 7 часовъ 10 минутъ вечера германскій посоль передалъ нашему министру отъ имени своего правительства, что «въ виду того, что Россія отказалась удовлетворить желаніе германскаго правительства и выказала этимъ, что ея выступленіе направлено противъ Германіи, его августѣйшій повелитель, отъ имени Германской имперіи, принимая вызовъ, считаетъ себя въ состояніи войны съ Россією». Послѣ этого, какъ извѣстно, состоялся у насъ 20-го іюля манифестъ о войнѣ съ Германіей (см. № 8, стр. XXII).

Черезъ нѣсколько дней, 24-го (6-го августа) іюля, въ 6 час. вечера, Сапари, по приказанію своего правительства, довелъ до свѣдѣнія г. Сазонова, что, принимая во вниманіе угрожающее положеніе, занятое Россією въ конфликтѣ между Австро-Венгерскою монархією и Сербією, и что вслѣдствіе этого конфликта Россія сочла нужнымъ открыть военныя дѣйствія противъ Германіи, Австро-Венгерія считаетъ себя также въ состояніи войны съ Россіей, считая съ настоящаго момента (стр. 59). Отвѣтомъ на это явился высочайшій манифестъ 26-го іюля о войнѣ съ Австрією. Этимъ заканчивается изданный сборникъ дипломатическихъ документовъ. Въ заключеніе нашей о немъ замѣтки выскажемъ пожеланіе, чтобы министерство иностранныхъ дѣлъ не остановилось на этомъ первомъ своемъ опытѣ опубликованія важныхъ дипломатическихъ документовъ и знакомило бы и впредь съ ними публику. Такого рода изданія, кромѣ пользы существенной, ничего не приносятъ. Они лучше всего опровергаютъ всякіе неосновательные слухи и толки, возникающіе въ тѣмъ неизвѣстности и напрасно волнуящіе публику, и укрѣпляютъ въ послѣдней разумное довѣріе къ правительству, доставляющее ему необходимую силу.

П. М. Майковъ.

Русскій Біографическій Словарь. Изданіе императорскаго русскаго историческаго общества. Томы: Гаагъ—Гербель и Нзане-Накенскій—Николай Николаевичъ Старшій. 1914.

Изданіе «Русскаго Біографическаго Словаря» въ послѣднее время довольно быстро подвигается впередъ, и можно надѣяться, что въ скоромъ времени это капитальное предпріятіе русскаго историческаго общества будетъ совсѣмъ закончено. Значеніе этого словаря уже признано всѣми занимающимися историческими работами. Особенно большую цѣнность придаетъ словарю присутствіе въ нѣкоторыхъ біографіяхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ разныхъ архивныхъ матеріаловъ.

Но при всѣхъ неоспоримыхъ достоинствахъ разсматриваемаго изданія есть въ немъ нѣкоторыя стороны, не въ достаточной степени удовлетворяющія задачамъ біографическаго словаря русскихъ дѣятелей. Въ этомъ отношеніи мы прежде всего укажемъ на то, что не во всѣхъ томахъ обращено достаточное вниманіе на разработку біографій разныхъ мелкихъ, хотя и не лишенныхъ своего значенія, русскихъ дѣятелей. Между тѣмъ именно въ специально-біографическомъ словарѣ было бы желательно видѣть біографіи тѣхъ лицъ, свѣдѣній о которыхъ нельзя найти въ общихъ справочныхъ изданіяхъ.

Затѣмъ отмѣтимъ, что, повидимому, не вполне опредѣленно установлено, долженъ ли включать «Словарь» на свои страницы біографіи только собственно русскихъ дѣятелей, или же и дѣятелей всѣхъ тѣхъ народовъ, которые, хотя и входятъ въ составъ Россіи, но имѣютъ свою особую культуру, какъ-то: поляковъ, армянъ, литовцевъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ томахъ встрѣчаются біографіи такихъ дѣятелей. Такъ, въ вышедшемъ томѣ на Н даны, на примѣръ, біографіи—польскаго писателя Набѣляка, ряда литовскихъ дѣятелей, іезуита Нарвойша, польскаго драматурга Наржимскаго, эстонскаго дѣятеля Нейса и т. д. Въ нѣкоторыхъ же другихъ томахъ на біографіи не-русскихъ дѣятелей не обращено достаточнаго вниманія. Изъ множества имѣющихся примѣровъ укажемъ хотя бы на то, что въ томѣ на К нѣтъ біографіи даже такого извѣстнаго польскаго писателя, какъ Крашевскій.

По нашему мнѣнію, «Русскій Біографическій Словарь» могъ бы включать на свои страницы біографіи только собственно-русскихъ дѣятелей, руководствуясь въ этомъ отношеніи, конечно, не національностью даннаго лица, а прикосновенностью его къ собственно-русской культурѣ. Такимъ образомъ, на примѣръ, въ «Словарь» слѣдуетъ вносить біографіи нѣмцевъ-академиковъ, вызывавшихся въ XVIII вѣкѣ въ Россію. Но, съ другой стороны, едва ли подлежатъ включенію въ «Словарь», скажемъ, польскіе или литовскіе писатели, писавшіе на своемъ родномъ языкѣ и къ собственно-русской литературѣ отношенія не имѣющіе.

Мы, впрочемъ, не противъ расширенія задачъ «Словаря» въ смыслѣ включенія на его страницы и біографіи не-русскихъ дѣятелей. Но мы думаемъ, что если дѣлать такое расширеніе, то слѣдуетъ давать біографіи не только польскихъ или литовскихъ дѣятелей, но также біографіи выдающихся армянъ, финновъ, татаръ и вообще дѣятелей всѣхъ тѣхъ народовъ, которые входятъ въ

составъ Россіи. Затѣмъ, если включить въ «Словарь» не-русскихъ дѣятелей, то слѣдовало бы на разработку біографій ихъ обращать соотвѣтствующее и равномѣрное вниманіе во всѣхъ томахъ, а не только въ нѣкоторыхъ, что именно наблюдается въ «Словарѣ».

Отмѣтимъ также еще одинъ недостатокъ «Словаря»—именно непропорціональность біографій въ соотвѣтствіи со значеніемъ того или другого дѣятеля, Впрочемъ, здѣсь, очевидно, многое зависитъ отъ количества матеріаловъ, имѣвшихся для составленія данной біографіи. Вѣроятно, именно по этой причинѣ мало встрѣчается въ «Словарѣ» свѣдѣній о жизни древне-русскихъ дѣятелей, а центръ тяжести біографическаго матеріала переносится къ XIX и XVIII вѣкамъ.

Во всякомъ случаѣ, во всемъ сказанномъ мы видимъ проявленіе нѣкоторой невыработанности общаго плана изданія, вслѣдствіе чего редакторы отдѣльныхъ томовъ могутъ вносить въ нихъ свои индивидуальныя взгляды.

Изъ двухъ только что вышедшихъ томовъ большее число крупныхъ біографій находится въ томѣ Наака—Николай Николаевичъ. Въ числѣ болѣе значительныхъ по объему статей отмѣтимъ, означая въ скобкахъ имя автора, біографіи слѣдующихъ лицъ: Н. Н. Надеждина(—нъ), Наливайка (В. Модзалевскаго), литературнаго полемиста съ протестантами XVIII вѣка Насѣдки (А. Шилова), царицы Наталіи Кирилловны (В. Корсаковой), адмирала Нахимова (Г. Тимченко-Рубанъ), адмирала Невельскаго (Е. Ястребцева), Некрасова (В. Коралева), графа К. В. Нессельроде (М. Поліевктова), архіепископа херсонскаго Никанора (Б. Т—ва), Никиты Пустосвята (Б. Т—ва), А. В. Никитенка (А. П.), И. С. Никитина (А. Г. Фомина), барона А. Л. Николаи (А. П.), великихъ князей Николая Александровича и Николая Николаевича (обѣ біографіи А. Петрова). Всѣ эти біографіи очень обстоятельны; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ—Нахимова, Никитенка, Николаи—есть и архивныя данныя. Отмѣтимъ, кстати, что въ біографіи Н. Н. Навроцкаго не указанъ годъ его рожденія, хотя онъ и извѣстенъ—1803.

Въ томѣ Гаагъ—Гербель болѣе обширныя біографіи посвящены: князю М. П. Гагарину (В. Корсаковой), А. Д. Галахову (А. Ельницкаго), князьямъ Галицкимъ (В. Корсаковой), А. И. Галичу (А. Ельницкаго), В. М. Гаршину (О. Давыдовой), А. С. Гацисскому (Ч. Вѣтринскаго), архіепископу Геннадію Гонзову (анонимная), Н. В. Гербелю (А. Ельницкаго).

Въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ отмѣтимъ пользованіе свѣжими матеріалами и архивными данными. Таковы біографіи: іезуита Гагарина (Пирлинга), К. И. Габльда (анонимная), писателя Геракова (Б. Л. Модзалевскаго) и др.

Къ сожалѣнію, встрѣчаются кое-какіе мелкіе недочеты. Такъ, 1) Ф. Гакманъ былъ не только адъюнктомъ, какъ указано въ «Словарѣ», но и почетнымъ членомъ академіи наукъ; Х. Геллертъ родился не въ 1713, а въ 1711 году. Въ замѣткѣ о штабъ-лекарѣ М. Я. Гамалѣя не указано, что онъ былъ и писателемъ: ему принадлежитъ печатный трудъ «О сибирской язвѣ и ея народномъ леченіи, съ прибавленіемъ о скотскомъ падежѣ» (напечатано въ Перми, въ 1792 г.). Въ біографіи академика Гебеншрейта не точно указано, что онъ служилъ въ Россіи съ 1749 по 1762 годъ. Гебеншрейтъ не все это время пробылъ въ ака-

демія наукъ: въ 1753 году онъ выбыль въ Лейпцигъ, гдѣ жилъ три года, а затѣмъ въ 1756 году—былъ вызванъ въ Россію вторично. Въ біографіи адмирала графа Л. Л. Гейдена слишкомъ уже бѣгло очерчено его командованіе русской эскадрой въ Наваринскомъ сраженіи; для этой біографіи слѣдовало бы воспользоваться неизвѣстной ея автору книгой А. Рыкачева «Годъ Наваринской кампаніи. Изъ записокъ, веденныхъ на эскадрѣ адмирала графа Гейдена».

В. Семеновиковъ.

В. Титовъ. Русскій царствующій домъ Романовыхъ въ его отношеніяхъ къ Кіево-Печерской лаврѣ. 1611—1911 гг. Съ приложеніями. Кіевъ. 1914 г. Стр. 172+CXIV. Ц. не обозначена.

Составленная профессоромъ кіевской духовной академіи протоіереемъ Титовымъ книга представляетъ собою исторію отношеній государей дома Романовыхъ къ кіевской святынѣ. Исторію этихъ отношеній авторъ дѣлитъ на три періода: первый—до 1683 года, когда Кіево-Печерская лавра находилась въ предѣлахъ польско-литовскаго государства и когда цари изъ дома Романовыхъ являлись лишь благотворителями по отношенію къ лаврѣ; второй—до 1786 г., когда лавры пользовалась правомъ ставропиіи царской и патріаршей, а государи были защитниками и покровителями ея правъ, и, наконецъ, третій періодъ, когда лавра перестаетъ нуждаться въ защитѣ своихъ правъ верховной власти и государи являются туда, какъ паломники и богомольцы. Каждая изъ этихъ частей раздѣлена по царствованіямъ на главы, содержащія описанія пріемовъ государями лаврскихъ депутацій, пріѣзжавшихъ «за милостынями» и съ просьбами объ удовлетвореніи тѣхъ или иныхъ своихъ нуждъ, посѣщеній лаврѣ государями и ихъ даровъ лаврѣ, а также ея подношеній въ благодарность за оказанныя милости.

Большое количество (около 80-ти) иллюстрацій, помѣщенныхъ въ текстѣ и отдѣльно, являются снимками съ пожалованныхъ лаврѣ церковныхъ облаченій и утвари, иконъ и портретовъ особъ царствующаго дома Романовыхъ, а также заглавныхъ листовъ евангелій и церковныхъ книгъ, поднесенныхъ лаврою.

Книга снабжена большимъ числомъ примѣчаній, личнымъ, географическимъ и предметнымъ указателемъ; въ приложеніяхъ помѣщены царскія жалованныя грамоты, рескрипты и письма особъ царствующаго дома къ архимандритамъ Кіево-Печерской лавры.

Книга представляетъ обширный историческій матеріалъ и издана роскошно.

А. С. В.

Патріотическій институтъ. Историческій очеркъ за сто лѣтъ. 1813—1913. Составилъ по порученію совѣта института инспекторъ классовъ А. В. Бардовскій. Спб. 1914. Стр. 285.

Эта книга выпущена ко дню исполнявшагося столѣтія со дня основанія Патріотическаго института, которое праздновалось 24-го января сего года.

Написанная съ необычайною тщательностью, съ любовію къ заведенію, она не только производитъ пріятное впечатлѣніе на читателя, но и даетъ интересную, сжатую исторію института.

Начало жизни института связано съ исторіей возникновенія въ 1812 году императорскаго женскаго патріотическаго общества, поставившаго своею задачею ослабить тяжелыя послѣдствія Отечественной войны 1812 года и облегчить участь несчастныхъ осиротѣлыхъ семействъ. Онъ возникъ подъ именемъ «училища женскихъ сиротъ 1812 года» и былъ открытъ въ концѣ февраля или началѣ марта 1813 года при основанномъ обществомъ домѣ для бѣдныхъ.

Но самое названіе института Патріотическимъ приурочивается къ 1827 году, когда оно было официально присвоено ему по повелѣнію императора Николая I.

Въ собственномъ смыслѣ слова устройтельницей института можно считать Луизу Теодоровну Вистингаузенъ, третью по порядку начальницу, остававшуюся на своемъ посту въ теченіе 28 лѣтъ съ 1819 по 1847 годъ. При ея вступленіи было 36 воспитанницъ, а въ годъ ея смерти свыше 250. Это была замѣчательная женщина. Институтъ занималъ при ней высокое мѣсто не только по своимъ порядкамъ, но и по нравственному строю жизни, такъ какъ это была живая носительница добра и справедливости. Одновременно съ нею въ дѣлѣ устройства учебной части работалъ Петръ Александровичъ Плетневъ—близкій другъ Пушкина, Гоголя, Жуковскаго, профессоръ и ректоръ петербургскаго университета,—сначала какъ преподаватель и инспекторъ классовъ, а затѣмъ какъ членъ совѣта. Онъ былъ въ институтѣ почти съ самаго его основанія до 1857 года.

Особенно счастливымъ для заведенія было лѣто 1828 года, когда воспитанницы во время перестройки зданій были временно перевезены въ Царское Село. Императрица Александра Теодоровна очень часто посѣщала дѣтей и въ классахъ, и за обѣдомъ, и во время игръ. Она знала поименно всѣхъ учителей, классныхъ дамъ и многихъ дѣтей. Институтки, гуляя въ саду до усталы, играли съ наслѣдникомъ цесаревичемъ въ мячикъ и въ лошадки, а великая княжна Марія Николаевна была безпрестанно съ воспитанницами и даже носила институтскій костюмъ маленькаго класса.

Въ исторіи первой половины тридцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія должна быть отмѣчена служба Н. В. Гоголя въ должности преподавателя исторіи. Онъ началъ свои занятія въ 1831 году въ двухъ отдѣленіяхъ младшаго класса института съ жалованьемъ 400 рублей въ годъ.

«Вмѣсто глупой, безтолковой работы, которой ничтожность я всегда ненавидѣлъ (первоначально Гоголь служилъ чиновникомъ въ департаментѣ удѣловъ), занятія мои теперь составляютъ неизъяснимыя для души удовольствія. Я теперь болѣе, нежели когда-нибудь, тружусь и болѣе веселъ. Спокойствіе въ моей груди величайшее», писалъ Гоголь своей матери. Но это увлеченіе дѣломъ было непродолжительное. Въ первый же годъ онъ попросилъ себѣ отпускъ съ 1-го іюля на 28 дней и, не сообщая ничего институту, возвратился только въ началѣ ноября, вслѣдствіе чего возникъ даже вопросъ объ удержаніи съ него жалованья за три просроченныхъ мѣсяца.

Въ слѣдующемъ году онъ получилъ также уроки и въ старшемъ классѣ. Въ апрѣлѣ 1833 года Гоголь ходатайствовалъ объ отпускѣ, въ виду болѣзненнаго состоянія, на Кавказъ, что и было ему разрѣшено, но уже черезъ два мѣсяца онъ былъ совершенно освобожденъ отъ своихъ занятій. Чрезвычайно огорченный, онъ ходатайствовалъ о возстановленіи своихъ правъ, но эта просьба его не имѣла успѣха. Въ воспоминаніяхъ одной изъ ученицъ Гоголя, приведенныхъ А. Θ. Бардовскимъ, мы находимъ весьма интересную характеристику какъ самого Гоголя, такъ равно и пріемовъ его преподаванія. Послѣднее не было строго систематическимъ, но глубоко оригинальнымъ: «онъ оставилъ по себѣ память какого-то блестящаго метеора, освѣтившаго небывалымъ, причудливымъ свѣтомъ тихо, спокойно трудящееся заведеніе».

26-го декабря 1853 года Патріотическій институтъ былъ подчиненъ главному совѣту женскихъ учебныхъ заведеній и вошелъ въ составъ заведеній вѣдомства императрицы Маріи. Въ первую половину своего существованія институтъ былъ совершенно закрытымъ учебнымъ заведеніемъ. 17-го мая 1864 года состоялось высочайшее соизволеніе, по которому воспитаницъ, за исключеніемъ перешедшихъ въ первый выпускной классъ, разрѣшалось увольнять въ отпускъ къ роднымъ на лѣтнія каникулы, а съ 4-го апрѣля 1870 года отпуска были разрѣшены на Пасху и на Рождество.

За минувшія сто лѣтъ институтъ выпустилъ въ жизнь 2.525 окончившихъ полный курсъ, всего за сто лѣтъ было 65 выпусковъ. Сверхъ того, полный курсъ педагогическихъ классовъ, введенныхъ въ 1891 году, окончило 150 воспитаницъ.

Измѣнились за минувшія сто лѣтъ условія общественной жизни, измѣнился значительно и характеръ институтскаго образованія и воспитанія въ смыслѣ сближенія съ семьей и съ потребностями, выдвигаемыми самою жизнью, но хорошее прежнее сохранилось въ институтѣ неприкосновеннымъ: его воспитаницы попрежнему дорожатъ своимъ наименованіемъ «патріотокъ» и, противившись съ институтомъ, попрежнему съ любовью вспоминаютъ о годахъ, проведенныхъ въ его стѣнахъ.

Бывшія питомицы скажутъ глубокое спасибо автору книги, которая не можетъ быть не замѣченной.

Н. Г. Р.

Г. Прозрителевъ. Военное прошлое нашихъ калмыковъ. 1812—1912 гг. Ставропольскій калмыцкій полкъ и астраханскіе полки въ Отечественную войну 1812 года.—Труды ставропольской ученой архивной комиссіи. Выпускъ третій. Ставрополь-Кавказскій. 1913. 8° Стр. II+144+28+60+44+30+XXXXIII. Ц. 2 руб.

Нынѣшнее положеніе нашихъ калмыковъ и ихъ образъ жизни не даютъ ни малѣйшаго основанія представить себѣ калмыка на боевомъ конѣ и на ратномъ полѣ. А между тѣмъ военныя доблести этого народа засвидѣтельствованы, какъ это видно изъ настоящей книги, многими историческими актами.

Предки нынѣшняго калмыцкаго народа, перейдя въ предѣлы Сѣвернаго Кавказа и нынѣшней Ставропольской губерніи, имѣли собственное войско и крѣпкую военную организацію, которая во многихъ случаяхъ столкновений съ неприятелемъ оказывалась безусловно стойкою и превосходящею устройство противника.

Въ крайне интересной книжкѣ г. Прозрителева изложена исторія прихода калмыковъ въ Россію, войны ихъ на южныхъ и юго-восточныхъ границахъ Россіи, уничтоженія званія ханскаго намѣстника и дальнѣйшихъ измѣненій въ управленіи народомъ; кромѣ того, авторъ удѣляетъ особое вниманіе исторіи образованія ставропольскаго калмыцкаго войска, ополченію 1806 года, службѣ калмыковъ на Кавказѣ и участію ихъ въ Отечественной войнѣ. Въ приложеніяхъ къ книгѣ собраны архивные матеріалы по тѣмъ же вопросамъ; среди нихъ особый интересъ представляютъ матеріалы, относящіеся къ исторіи Ставропольскаго и перваго и втораго астраханскихъ калмыцкихъ полковъ съ именными списками ихъ участниковъ.

Просматривая весь этотъ интересный и цѣнный матеріалъ, приходишь къ заключенію, что калмыки съ самаго начала своей жизни въ Россіи явились фактически пограничнымъ войскомъ. Русское правительство, учитывая всѣ выгоды такого положенія ихъ, весьма искусно пользовалось ихъ военными услугами, прощая имъ ихъ мелкія провинности, грабежи и разоренія и въ то же время лаская и награждая подарками, направляло главнымъ образомъ на борьбу съ пограничными азіатскими народами. Въ дѣло борьбы Россіи изъ-за обладанія Кавказомъ калмыки вложили всѣ свои силы, всю душу.

Во время ополченія 1806 года они также проявили полное сочувствіе и готовность стать на защиту отечества и, несмотря на свои постоянные раздоры между собой изъ-за захватовъ земли, энергично принялись за дѣло снаряженія и быстро оборудовали свое ополченіе.

Въ Отечественную войну калмыцкіе полки принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ передовыхъ выступленіяхъ и въ цѣломъ рядѣ серьезныхъ сраженій съ удивительной стойкостью и мужествомъ, имѣя при этомъ, даже и по тому времени, самое примитивное оружіе и вступая въ бой съ перво-классными войсками того времени, руководившимися великимъ завоевателемъ.

Въ настоящее время всѣ воспоминанія о войнѣ 1812 года у калмыковъ изгладились, и отъ этой эпохи осталась только пѣсня «Маштакъ-Боро», сочиненная по случаю этой войны. Эта пѣсня настолько любопытна, что мы приводимъ ее въ одномъ изъ вариантовъ, напечатанныхъ г. Прозрителевымъ:

Французъ въ четверть носа,
 Не трудно ихъ побить.
 Наши лошади крѣпки.
 Нашъ владѣлецъ джюджа храбрый.
 Летимъ съ нимъ въ Москву.
 Тамъ побьемъ пятьдесятъ тысячъ французовъ.
 Они Москву столицу разорили,
 Любезный нашъ владѣлецъ,

Мы умремъ за Государя и отечество.
Полетимъ скорѣе птиць, и они все погибнутъ
И не дадимъ французамъ ни махань, ни трубки съ табакомъ.

Быть можетъ, эти-то именно войны, уничтоживъ среди калмыковъ массу лучшихъ людей, и сдѣлали тотъ надломъ въ народѣ, который привелъ его на степень жалкаго существованія въ данное время. У нихъ кровавой рѣжкой смыта вся интеллигенція, и безъ нея народъ остался какъ безъ духовныхъ вождей. Отважный, героически-храбрый воинъ постепенно сошелъ на степень простого степного хищника, скотокрада и грабителя у безоружнаго русскаго поселенца.

Съ самаго перваго своего появленія на Сѣверномъ Кавказѣ русскій пахарь столкнулся съ калмыкомъ, уже какъ съ кочевникомъ, который уступалъ пахарю въ томъ, что у послѣдняго былъ свой хлѣбъ. При всемъ земельномъ просторѣ и значительномъ обиліи скота кочевникъ почувствовалъ свою зависимость отъ новаго пришельца въ отношеніи муки и хлѣба; культурно-хозяйственный перевѣсъ сказался, и калмыкъ долженъ былъ пойти на уступки въ совмѣстной жизни въ степи, которую занимали пришельцы по сосѣдству съ его владѣніями, а съ теченіемъ времени и пошелъ къ нему въ услуженіе. Тогда же калмыкъ почувалъ въ немъ своего будущаго хозяина-поработителя и при всякомъ удобномъ случаѣ разорялъ его хозяйство. Въ свою очередь, русскій пахарь безжалостно расправлялся съ своимъ новымъ сосѣдомъ-хищникомъ и отказывался даже видѣть въ немъ человѣка: «калмыкъ-собака», это обычное выраженіе русскаго человѣка, пришедшаго на привольныя степи Сѣвернаго Кавказа, и этимъ выраженіемъ достаточно опредѣлялось самое міросозерцаніе новаго поселенца и его тактика по отношенію къ своему новому товарищу-земляку. Но, несмотря на такое отношеніе къ себѣ, калмыкъ постепенно сталъ чувствовать все большее и большее расположеніе къ русскому поселенцу, онъ привязывался къ нему, и ему всегда очень льстила дружба съ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ хозяиномъ-крестьяниномъ.

Прошлое калмыцкаго народа и горячая преданность его русскому дѣлу, — говоритъ авторъ, — обязываютъ къ работѣ на пользу его для приобщенія его къ культурнымъ успѣхамъ настоящаго, и надежды на возрожденіе этого способнаго и сердечнаго народа основываются на томъ сильномъ движеніи къ образованію, какое замѣчается среди нашихъ калмыковъ въ послѣднее время, подъ вліяніемъ широко и разумно поставленнаго нашимъ инородческимъ управленіемъ дѣла народнаго образованія.

Съ этимъ заключеніемъ, конечно, нельзя не согласиться, и въ каждомъ русскомъ интеллигентномъ сердцѣ культурные успѣхи калмыковъ, надо полагать, найдутъ всегда искреннее чувство. Искренностью же проникнута и вся книга г. Прозрителева, стремившагося путемъ безпристрастнаго изложенія историческихъ фактовъ пролить свѣтъ на все славное прошлое забытаго народа и правдиво изобразить тусклое современное его положеніе.

Вор. Городецкій.

Державный орденъ святого Іоанна Іерусалимскаго, именуемый Мальтійскимъ въ Россіи. Составилъ на основаніи официальныхъ и архивныхъ актовъ и документовъ И. К. Антошевскій, сотрудникъ императорскаго петербургскаго археологическаго института. Спб. 1914. Стр. 61.

Книга отпечатана въ количествѣ 450 экземпляровъ: 10 именныхъ, пронумерованныхъ № I—IX по 30 рублей за экземпляръ и 40 пронумерованныхъ № 1—40 по 5 рублей за экземпляръ; всѣ пронумерованные экземпляры отпечатаны на тряпичной бумагѣ и имѣютъ закладку изъ орденской ленты съ девизомъ. Остальные 400 экземпляровъ не пронумерованы, безъ закладки, на обыкновенной бумагѣ по 3 рубля. Иллюстраціи составляютъ портреты императора Павла I въ одѣяніи гротмейстера Мальтійскаго ордена, Іоанна де-ла-Валлетъ, великаго магистра ордена (1557—1569 г.), и князя Галеаццо Тунъ и Гогенштейнъ, великаго магистра ордена съ 1905 г.

Г. Антошевскій не ставитъ себѣ сложной задачи дать полное и многостороннее изслѣдованіе исторіи ордена, славившагося на протяжении многихъ вѣковъ; очеркъ очень сжатъ и, по словамъ самого автора, имѣетъ въ виду пробудить интересъ къ славному прошлому этого ордена. Въ концѣ XVIII вѣка орденъ снискалъ себѣ горячаго сторонника и покровителя въ особѣ русскаго монарха, императора Павла I. Описанію краткаго, но блестящаго періода расцвѣта ордена въ Россіи посвящена особая глава, а въ приложеніи имѣется списокъ членовъ совѣта и командоровъ ордена въ Россіи.

М. С.

Библіотена мемуаровъ. Мое время. Записки Г. С. Винскаго. Редакція и вступительная статья П. Е. Щеголева. Издательство «Огни». Спб. 1914. Стр. XII+158. Ц. 1 р. 25 к.

Записки Г. С. Винскаго напечатаны были впервые въ «Русскомъ Архивѣ» за 1877 г. и вызвали тогда же обстоятельную статью А. Н. Пыпина («Разказы изъ Екатерининскаго вѣка» въ «Вѣстникъ Европы» 1877, кн. 7). Еще ранѣе эти мемуары были высоко оцѣнены прочитавшимъ ихъ въ рукописи извѣстнымъ собирателемъ документовъ по русской исторіи А. И. Тургеневымъ («Москвитянинъ», 1845, кн. 3). Авторъ записокъ мѣтко указываетъ многія отрицательныя стороны пережитой имъ Екатерининской эпохи и даетъ прекрасную бытовую картину провинціальной жизни тогдашняго общества. Въмѣстѣ съ тѣмъ различныя превратности жизни Винскаго напоминаютъ, по справедливому замѣчанію г. Щеголева, старинный романъ съ приключеніями, что, конечно, сообщаетъ книгѣ большой интересъ. Къ сожалѣнію, этотъ любопытный памятникъ изданъ довольно спѣшно. Такъ, взявъ текстъ записокъ изъ «Русскаго Архива», редакторъ не потрудился сличить этотъ текстъ съ упоминаемой имъ рукописью мемуаровъ, хранящейся въ библіотекѣ университета св. Владимира. Затѣмъ примѣчанія, которыми поясняется текстъ записокъ, слишкомъ кратки (всего полторы страницы) и недостаточны для распространенія книги въ широкой публикѣ. Такъ, чтобы отмѣтить одинъ примѣръ изъ многихъ, от

чего было бы не указать, что упоминаемый в записках уфимскій житель П. И. Чичаговъ встрѣчается также и въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова, гдѣ про него рассказано много любопытныхъ подробностей? Мало того, въ незаконченной повѣсти изъ жизни своей семьи «Наташа» Аксаковъ даетъ любопытную характеристику самого Винскаго, воспитанникъ котораго Шишковъ былъ женихомъ сестры Сергѣя Тимоѣевича.

А. М.—нъ.

Военная энциклопедія. Изданіе т-ва Сытина. Полутомы XXVII и XXVIII. Спб. 1914.

Вышли изъ печати очередные два полутома «Военной энциклопедіи», составленные подъ руководствомъ прежней редакціи, согласно предположенному при началѣ изданія плану. Полутомы эти заключаютъ въ себѣ буквы К и Л «Круковскій—Ланглуа—Линта» и, по странной случайности, въ нихъ, на ряду съ другими свѣдѣніями, сосредоточены біографическія данныя объ обоихъ нашихъ главнокомандующихъ въ послѣднюю японскую войну—Куропаткинъ и Линевицъ и японскомъ генералѣ Куроки. О Куроки въ «Энциклопедіи» находимъ слѣдующія интересныя данныя. О происхожденіи Куроки (род. въ 1842 году) существуютъ три версіи: по одной онъ чистокровный японецъ, по другой—сынъ французскаго офицера Жозефа Кюри, умершаго въ 1903 году въ Тулузѣ, командированнаго въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія на Дальній Востокъ и сошедшагося съ японкой, отъ которой и родился Куроки, получившій это имя, какъ искаженное имя своего отца, и наконецъ, по третьей версіи, опубликованной на страницахъ «Berliner Tageblatt» племянникомъ генерала Куроки, студентомъ технического берлинскаго института Юсако Осима, отецъ Куроки—полякъ Куровскій, бѣжавшій въ 1831 году изъ Россіи въ Парижъ, оттуда въ Турцію, затѣмъ на островъ Борнео и въ Японію, гдѣ онъ женился на японкѣ и принялъ фамилію Куроки. Характеристика его, какъ боевого генерала, дана участникомъ войны, Гамильтономъ, слѣдующая: «У Куроки нѣтъ тенденціи бояться расходованія резервовъ; его истинное достоинство заключается въ томъ, что онъ не переступаетъ границы отвѣтственности, пока все идетъ своимъ порядкомъ; въ крайнемъ же случаѣ онъ способенъ принимать рискованнѣйшія рѣшенія, которыя могутъ повлечь за собою самую тяжелую отвѣтственность. Въ работу своего штаба онъ вмѣшиваться не любитъ и, всегда спокойный и какъ бы безучастный на полѣ сраженія, бережетъ свои распоряженія и приказанія для важныхъ случаевъ, опредѣляемыхъ ходомъ боя. Рядомъ съ этою характеристикой японскаго генерала небезынтересно привести оцѣнку Куропаткина, какъ полководца. «При оцѣнкѣ его дѣятельности,—говорится въ статьѣ,—необходимо имѣть въ виду, что полная мощь главнокомандующаго принадлежала ему всего лишь четыре съ половиною мѣсяца изъ шестнадцати; кромѣ того, ему приходилось считаться съ указаніями изъ Петербурга, хотя эти указанія были скорѣе попытками вывести Куропаткина изъ его пассивности и нисколько не напоминали печальной памяти вѣнскаго «гофкригсрата». Если Тюренченъ и Вафангоу можно еще считать до нѣкоторой сте-

пени навязанными Куропаткину, то въ остальныхъ онъ обладалъ полною свободою дѣйствій. Трагедія Куропаткина заключается не въ томъ, что ему дали задачу, непосильную для полководца, а въ томъ, что его духовныя силы оказались слабыми для выполненія данной задачи. Рядомъ съ его крупными недостатками, какъ полководца, должно отмѣтить высокія административныя дарованія Куропаткина, которыя выразились въ отличномъ обезпеченіи арміи продовольственными и санитарными средствами: благодаря заботамъ Куропаткина, наша армія во все время кампаніи была сыта и одѣта. Не забытъ былъ и офицерскій составъ широкимъ привлеченіемъ на театръ войны экономическихъ обществъ. Несмотря на затруднительность эвакуаціи больныхъ и раненыхъ, санитарная часть была такъ хорошо поставлена, что впервые за всѣ войны, веденныя Россіей, процентъ умершихъ отъ болѣзней былъ меньше процента убитыхъ и умершихъ отъ ранъ». О другомъ нашемъ главнокомандующемъ, Линевицѣ, въ биографическомъ очеркѣ даны обстоятельныя свѣдѣнія о боевой его дѣятельности на Кавказѣ, въ Закаспійской области и на Дальнемъ Востокѣ, закалчивающіяся слѣдующей характеристикой «папаши», какъ его называли за глаза офицеры и солдаты. Какъ человекъ, Линевицъ былъ типичный малоросецъ по уму, характеру и привычкамъ. Его природный юморъ и живой практической умъ, способность проникать въ сущность военныхъ явленій, наконецъ, глубокое знаніе военнаго быта, умѣнье привлекать къ себѣ солдатское сердце—все это должно было оставить значительный слѣдъ въ воспитаніи и устройствѣ находившихся подъ его командою войскъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ разсказовъ и анекдотовъ, ходившихъ въ арміи: въ нихъ Линевицъ—несомнѣнно оригинальный, нравный человекъ, ворчливый и причудливый, съ хитрецей, но съ большимъ здравымъ смысломъ и непреклонною волей. Линевицъ оставилъ послѣ себя обширныя записки (19 тетрадей) о своей боевой дѣятельности. Рядомъ съ этимъ обращаютъ на себя вниманіе обстоятельныя биографическія свѣдѣнія о профессорѣ Г. А. Леерѣ. Подъ рубрикой «Либава» сообщены интересныя свѣдѣнія о возникновеніи и упраздненіи этого порта-крѣпости.

Въ обоихъ вышедшихъ полутомахъ заключается 320 страницъ убористой печати въ два столбца, 20 плановъ, чертежей и рисунковъ и большое количество портретовъ. Техническая сторона изданія попрежнему вполне удовлетворительна.

Л. Н.

И. И. Замотинъ. М. Ю. Лермонтовъ. Мотивы идеальнаго строительства жизни. Варшава. 1914. Стр. 154. Ц. 1 р.

Исслѣдованіе о творчествѣ Лермонтова И. И. Замотина является одною изъ первыхъ ласточекъ юбилейной лермонтовской литературы. Задачи автора труда опредѣляются подзаголовкомъ книги: «Мотивы идеальнаго строительства жизни». Указывая во введеніи, что «мы слишкомъ внимательны къ отрицательной стихіи въ нашемъ художественномъ творчествѣ и мало исслѣдуемъ его положительный, созидательный процессъ», исслѣдователь ставитъ себѣ противоположную задачу—выяснить именно послѣдній созидательный процессъ въ поэзіи Лермонтова.

Приступая къ выполнению своей задачи, авторъ опредѣляетъ ту литературную сферу, которая наложила печать на направленіе творчества Лермонтова: это было «увлеченіе западно-европейской романтической поэзіей и борьба старыхъ литературныхъ идеаловъ съ новыми». — «Наиболѣе выдающимся мотивомъ, выдѣлвшимся изъ этой литературной атмосферы, былъ индивидуализмъ, который захватилъ и Лермонтова... Изъ порывовъ индивидуальнаго духа особенно замѣтно выдѣляются два опредѣленныхъ стремленія: одно изъ нихъ—культъ личнаго творчества, личной духовной силы, другое—культъ личной свободы для себя и для другихъ». Раннія стихотворенія поэта проникнуты «исключительнымъ романтическимъ безочарованіемъ»: «поэтъ страдаетъ отъ жизни настолько, что желаетъ лучше умереть, чѣмъ жить», но, «съ другой стороны, онъ испытываетъ какое-то непреодолимое влеченіе къ жизни и чувствуетъ приливъ страстей, которыя ключомъ кипятъ въ немъ. Эта двойственность постоянно живетъ въ душѣ Лермонтова и причиняетъ ему невыносимыя страданія». Эта двойственность, какъ выясняетъ изслѣдователь, вытекаетъ непосредственно изъ психики поэта, въ которой заключены двѣ основныя стихіи: «съ одной стороны—высокіе помыслы, возвышенныя чувства, съ другой—страсти, чувственные порывы».

На этой романтически-субъективной основѣ И. И. Замотинъ выясняетъ литературный смыслъ знаменитаго «Ангела»: «По небу полуночи ангелъ летѣлъ...» «Лермонтовъ съ свойственной ему художественной силой и задушевностью выражаетъ въ этомъ стихотвореніи обычное для его романтической эпохи стремленіе въ сверхчувственную область... Въ эту эпоху подъема идеализма—въ романтическомъ его истолкованіи... человѣческой духъ порывается вернуться въ свою далекую и свѣтлую отчизну, откуда онъ когда-то ушелъ на маленькую темную планету, теряющуюся въ мировомъ пространствѣ... Лермонтовъ былъ въ эту пору идеалистическихъ исканій однимъ изъ тѣхъ, кто, внутренне борясь между землей и небомъ, демономъ и ангеломъ, чувственными влеченіями и возвышенными порывами всѣмъ своимъ существомъ стремился къ надзвѣздному небу. Стремился настойчиво и непрестанно, и «скучныя пѣсни земли» для его интимной духовной жизни дѣйствительно не могли замѣнить «звуковъ небесъ», которые онъ бережно хранилъ въ своей душѣ». Мы намѣренно выпишемъ этотъ комментарий къ «Ангелу», имѣя въ виду тѣхъ, кому приходится разьяснять «малымъ симъ» художественное значеніе этого стихотворенія, такъ какъ знаемъ, сколько нелѣпаго произвола допускается въ его объясненіяхъ.

Точно также авторъ указываетъ на внутреннее биографическое значеніе «Вѣтки Палестины», которую наши преподаватели-схоластики трактуютъ, какъ какую-то аллегорію: «Стихотвореніе проникнуто глубокимъ религиознымъ чувствомъ, и въ этомъ чувствѣ поэтъ начинаетъ находить точку опоры для своихъ исканій; достойно вниманія, что это религиозное чувство по своему характеру вполне гармонируетъ съ мотивами другихъ стихотвореній за эти годы (тридцатые), отмѣченные сближеніемъ поэта съ національной жизнью и исторіей». Къ ряду проявленій созидательныхъ мотивовъ И. И. Замотинъ относитъ также такія популярныя пьесы, какъ «Три пальмы» и «Споръ», въ которыхъ поэтъ «хочетъ направить человѣчество отъ разрушенія и оскверненія

природи къ культу ея красоты, которая можетъ быть для насъ источникомъ высокихъ наслажденій, граничащихъ съ надземнымъ счастьемъ».

Отмѣтимъ еще въ книгѣ И. И. Замотина оригинальное и, насколько намъ извѣстно, единственное трактованіе «Пѣсни про царя Ивана Васильевича», какъ произведенія, разрѣшающаго субъективныя задачи личности поэта: «На первомъ планѣ въ поэмѣ стоитъ самъ Лермонтовъ съ его земной скукой и съ его идеальными цѣнностями».

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ разбираетъ со своей основной точки зрѣнія поэмы «Мцыри», «Демонъ» и романъ «Герой нашего времени». Заканчиваетъ онъ свое изслѣдованіе такими многозначащими словами: «Будемъ ли мы учиться у Лермонтова его благоговѣйному вниманію къ простотѣ и искренности человѣческихъ отношеній, или его культу цѣльной и сильной духомъ личности; усвоимъ ли его земное постиженіе неба, или неземное проникновеніе въ красоту земной жизни; послѣдуемъ ли его оцѣнкѣ любви, какъ святости, или его глубокому истолкованію чувства родины—все равно мы будемъ на пути къ созиданію своего и чужого блага, потому что реализація одного изъ этихъ мотивовъ обезпечиваетъ для человѣка уже не только quantum поэзіи жизни, но и ея общую идею или общій смыслъ. Въ этомъ отношеніи поэзія Лермонтова есть не просто историко-литературный фактъ, но и средство школьнаго и общественнаго воспитанія». Поэтому книга И. И. Замотина, какъ выясняющая эту сторону въ творчествѣ Лермонтова, приобретаетъ особенное значеніе. Приближается юбилей великаго поэта. Преподаватели среднихъ школъ должны будутъ выступить съ рѣчами о немъ передъ своими питомцами, передъ которыми надо будетъ отмѣтить положительное значеніе Лермонтова въ русской литературѣ. Книга И. И. Замотина послужитъ имъ въ этомъ отношеніи необходимымъ руководствомъ и подспорьемъ, и поэтому мы усиленно рекомендуемъ имъ познакомиться съ нею. Имя автора, профессора варшавскаго университета, являющагося у насъ однимъ изъ немногихъ знатоковъ русской литературы XIX вѣка, ручается за серьезность изслѣдованія. **В. Даниловъ.**

Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Выпускъ 3-й. Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811—1816 года. Томъ II. Подъ редакціей и съ примѣчаніями приватъ-доцента петербургскаго университета Е. И. Тарасова. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1913. Стр. 500. Цѣна 3 руб.

Имя Николая Ивановича Тургенева, автора «Опыта теоріи налоговъ», сочиненія «La Russie et les russes» и другихъ статей, до того извѣстно, что едва ли необходимо говорить, насколько могутъ быть занимательны всѣ свѣдѣнія, относящіяся до этого замѣчательнаго русскаго дѣятеля, который большую часть жизни своей провелъ за границею вопреки своему желанію.

Н. И. Тургеневъ послѣдніе годы пребывалъ около Парижа въ своей виллѣ, гдѣ и скончался 29-го октября 1811 года, оставивъ послѣ себя обширное собраніе писемъ и бумагъ всякаго рода, тщательно хранившихся послѣднее время

у его сына Петра Николаевича Тургенева, послѣдняго изъ этого рода Тургеньевыхъ. Этотъ архивъ, пострадавшій отчасти при разгромѣ пруссаками въ войну 1871 года упомянутой виллы Тургенева, былъ просмотрѣнъ, съ разрѣшенія его владѣльца, г. А. А. Ѳоминымъ, сообщавшимъ въ своей статьѣ (въ «Русской Мысли» 1906 года «Новый литературный кладъ») подробныя свѣдѣнія объ архивѣ Тургенева, послѣ чего императорская академія наукъ вступила въ сношенія съ П. Н. Тургеньевымъ, завершившіяся тѣмъ, что послѣдній передалъ въ рукописное отдѣленіе бібліотеки отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ всѣ бумаги архива его отца, выразивъ пожеланіе, чтобы онѣ увидѣли свѣтъ Божій и сдѣлались бы доступными тѣмъ, для коихъ они могутъ представить интересъ. Получивъ архивъ, упомянутое отдѣленіе образовало особую комиссію для приведенія архива въ полную извѣстность и для его изданія. При разборѣ оказалось, что бумаги относятся главнѣйшимъ образомъ къ двумъ видамъ: именно 1) письма и дневники самого Н. И. Тургенева и 2) бумаги служебнаго характера, а также историческіе матеріалы, собранныя Александромъ Ивановичемъ Тургеньевымъ. Положено было приступить сперва къ печатанію бумагъ перваго рода и въ первомъ томѣ, послѣ весьма интереснаго предисловія, составленнаго г. Е. Тарасовымъ, были уже напечатаны дневники Н. И. Тургенева за ранніе годы его жизни, именно за время пребыванія его въ Москвѣ въ 1806—1808 годы, а затѣмъ дневники, веденные имъ во время его путешествія за границу и во все время пребыванія въ гор. Геттингенѣ, гдѣ онъ слушалъ лекціи въ университетѣ этого города.

Въ недавно появившемся второмъ томѣ содержатся дневники Н. И. Тургенева, веденные имъ во время путешествія по Германіи, Франціи, Швейцаріи и Италіи въ 1811 году и частью 1812 г., а также при возвращеніи на родину при началѣ отечественной войны. Тургеньевъ сперва прибылъ въ Москву, а потомъ уже въ Петербургъ, гдѣ переживалъ со всѣми прочими достопамятныя событія отечественной войны. Очень любопытны занесенныя имъ въ дневникъ замѣтки, какъ, напримѣръ (стр. 205), послѣ занятія Москвы французами: «Москва! Кого ты видишь въ стѣнахъ своихъ? Неужели это останется безъ отмщенія? Если будетъ воля свыше хорошая, то все будетъ вознаграждено справедливымъ и ужасно сладостнымъ мщеніемъ».

Въ 1813 году Тургеньевъ началъ службу въ пятомъ отдѣленіи канцеляріи министра финансовъ, въ должности ученаго секретаря, а затѣмъ былъ назначенъ къ извѣстному Штейну, который, по желанію императора Александра, сталъ во главѣ центрального департамента, предназначавшагося для временнаго управленія тѣми областями Германіи, которыя будутъ отняты у французовъ, а также для изысканія и распредѣленія между союзниками средствъ для дальнѣйшаго веденія войны. Тургеньевъ въ концѣ октября 1813 года отправился чрезъ Варшаву, Дрезденъ, Карлсруэ въ Фрейбургъ, гдѣ сперва пребывалъ Штейнъ, находившейся при главной квартирѣ, а затѣмъ слѣдовалъ съ нимъ вмѣстѣ до самаго Парижа и былъ, по его словамъ, свидѣтель «славнѣйшаго праздника, которому когда-либо бывало что подобное: парадъ русскои гвардіи на площади Людовика XV или площади революціи (256). За 25 лѣтъ народъ, пренебрегшій религію, святость нравовъ и законовъ, казнилъ тутъ невин-

наго короля своего. Теперь сильнѣйшій государь въ свѣтѣ, болѣе всѣхъ прочихъ почитающій религію, на той же самой площади, окруженный своимъ воинствомъ, благодаритъ Творца вселенной за ниспосланіе силы и крѣпости оружію его; на мѣстѣ казни курится оиміамъ благодарности, и дымъ, возлетающій къ небесамъ, примиряя наконецъ небо съ землею, показываетъ знакъ совершеннаго избавленія и свободы свѣта. Религія и свобода восторжествовали!..» Пробывъ нѣкоторое время въ Парижѣ, Тургеневъ отправился во Франкфуртъ и сталъ приводить въ порядокъ и заканчивать дѣла по ликвидаціонной комиссіи, о которой приводится немало любопытныхъ свѣдѣній. Краткость замѣтки не позволяеть привести ихъ здѣсь даже въ извлеченіи. Весь томъ очень интересенъ.

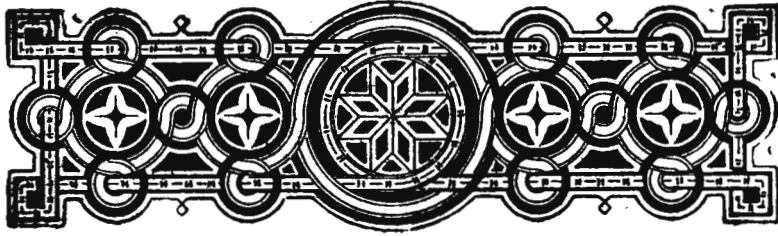
П. Майковъ.

А. Е. Заринъ. Сѣверный богатырь. Историческая повѣсть. Изданіе Д. П. Ефимова. Москва. 1914. Стр. 248. Ц. 1 р.

Авторъ очерпаетъ содержаніе своей повѣсти изъ самой любопытной и наиболѣе драматической эпохи, пережитой Россіей, царствованія императора Петра Великаго. Личность Петра и его время привлекали вниманіе очень многихъ беллетристовъ и получили весьма обстоятельное освѣщеніе въ трудахъ многочисленныхъ историческихъ изслѣдователей, а потому у г. А. Зарина мы не найдемъ какихъ-либо новыхъ характеристикъ, толкованій и т. п. Его повѣсть, предназначенная, повидимому, для юношества, представляетъ собою занимательное, изящное и полезное чтеніе. Центральнымъ событіемъ разсказа является взятіе русскими Нотенбурга, переименованнаго Петромъ въ Шлиссельбургъ, и попутно дается рядъ любопытныхъ, яркихъ историко-бытовыхъ картинъ изъ жизни какъ новыхъ «петровскихъ» учреждений, такъ и умирающихъ московскихъ, въ родѣ судебного слѣдствія у новгородскаго воеводы, приготовленія къ самосожженію въ расколничьемъ скиту, пирушки у Петра послѣ взятія Нотенбурга и пр. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ повѣсти фигурируютъ, кромѣ Петра, Меншиковъ, Шереметевъ, Голицынъ, плѣнница Марта, впоследствии императрица Екатерина I, и др. Характерны типы солдатъ-дезертировъ, расколниковъ, проклинающихъ царственнаго антихриста и бѣгущихъ отъ него въ недоступныя лѣсныя дебри, представителей молодой Россіи, «птенцовъ гнѣзда Петрова». Въ общемъ повѣсть г. Зарина, написанная со знаніемъ эпохи, даетъ широкую панораму бурныхъ историческихъ событій того времени и читается съ большимъ не ослабѣвающимъ интересомъ. Книга иллюстрирована рисунками художника А. Кузнецова.

Д. М.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Въ Ливадіи во дни царя-Освободителя.—Государыня императрица въ домашнемъ быту.—Камеръ-фурьеръ стараго закала.—Новыя письма Тургенева къ Анненкову.—Тургеневскія исканія новой формы.—Заживо отпѣтый архіепископъ.—Судьбы угличскаго ссыльнаго колокола.

ВЪ МОЛОДОМЪ журналѣ «Наша Старина» (августъ) очень занимательны записки Ю. А. Горбуновой, супруги управляющаго Ливадіей въ семидесятыхъ годахъ, пріоткрывающія для обыкновенныхъ смертныхъ завѣсу съ полной своеобразія придворной жизни царской резиденціи.

Записки относятся къ 1874—1878 годамъ и рисуютъ бытъ, державшійся въ Ливадіи при императорѣ Александрѣ II и его августѣйшей супругѣ. Передъ читателемъ проходитъ трудовой день государя и государыни, ихъ прогулки, жизнь цесаревича и великихъ князей, оживляется придворный анекдотъ, дѣйствующими лицами котораго являются высокіе царедворцы, фрейлины, придворные живописцы, иногда простые служащіе. Вблизи стоявшая къ жизни высокыхъ хозяевъ Ливадіи, Горбунова передаетъ детали ихъ повседневнаго быта, которыхъ не найти у историка.

«Описывать наружность государыни,—пишетъ авторъ,—мнѣ не приходится,—она такъ всѣмъ извѣстна по портретамъ, поэтому я скажу только о томъ, чего фотографія не могла передать: о нѣжномъ цвѣтѣ ея лица и о глазахъ. Императрица никогда не употребляла никакихъ косметикъ, а умывалась только миндальными отрубями, разводимыми въ водѣ, и потомъ процѣженными сквозь кисею—стало бытъ, правильнѣе сказать, водой отъ отрубей. Вѣлый цвѣтъ лица ея величества переходилъ въ немного розовый оттѣнокъ на

щекахъ. На лѣвой щекѣ была родинка. Когда императрица была сильно взволнована, лицо покрывалось красными пятнами.

«Глаза были прекрасные, голубые, съ мягкимъ и очень серьезнымъ, какъ бы вдумчивымъ, выраженіемъ.

«Роста она была выше средняго, имѣла очень стройную фигуру и величественную, мнѣ казалось—выработанную, походку. Очертаніе плечъ и всей фигуры носило неувимый отпечатокъ изящества. Одѣвалась съ тою не всегда для многихъ понятной простотой самаго изящнаго оттѣнка и утонченнаго вкуса.

«Въ то время, какъ я имѣла счастье видѣть ея величество, она носила туалеты неопредѣленныхъ цвѣтовъ: сѣрые всевозможныхъ оттѣнковъ, песочнаго, *chamois* и тѣхъ вообще неопредѣленныхъ цвѣтовъ, сочетаніе красокъ которыхъ прекрасно, но не передаваемо.

«На прогулку ея величество надѣвала круглую шляпу съ вуалью.

«Ножка у государыни была по росту маленькая и изящная, и она постоянно носила ботинки со шнуровкой. Въ ея уборной на диванѣ, покрывающемъ ванну, всегда стояло рядомъ по крайней мѣрѣ двѣнадцать паръ ботинокъ, всѣ такъ приготовленныя, чтобы всунуть только ногу, если понадобится почему-либо переобуть. Фасона онѣ были всѣ одного, качества различнаго: золотистой кожи, прюнелевыя и проч.

«На столикѣ, рядомъ съ туалетнымъ столомъ, лежали также перчатки, разложенныя въ рядъ, самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, но преимущественно *couleur naturelle* изъ шведской кожи. Ея величество надѣвала перчатки, переходя изъ своихъ комнатъ черезъ сѣни въ столовую; не мудрено, что рука ея была бѣлая, небольшая и худенькая.

«Говорила по-русски государыня совершенно правильно, иногда только проскальзывали нѣкоторыя выраженія, какъ бы переводныя съ иностраннаго языка.

«При видѣ ея величества чувствовалось, что это была очень умная женщина и въ полномъ смыслѣ очень хорошій человекъ.

«Окружающіе жаловались, что она была капризна и долго помнила неудовольствіе, не говоря съ провинившейся въ чемъ-либо недѣли по три. Говорили, что вообще трудно добиться отъ нея довольства чѣмъ-либо; что постоянно она была какъ бы не въ духѣ. Но надо замѣтить, что въ то время, когда мы попали въ Ливадію, она была уже больная женщина.

«Придворные тоже жаловались, что государыня была непривѣтлива, нелюбезна, но Е. Д. Милютина и А. К. Пилларъ всегда говорили о государынѣ очень тепло и съ какимъ-то благоговѣйнымъ уваженіемъ. Макушина была очень прегязана къ ней, но на многое смотрѣла съ своей собственной камеръ-юнгферской точки зрѣнія, хотя по уму своему могла бы заглядывать поглубже.

«Всѣмъ можно сказать, что императрица не пользовалась такой всеобщей любовью и симпатіей, какъ государь. Въ Россіи ее мало знали. Она жила своей, какъ бы внутренней, замкнутой жизнью для большинства людей, и потому не мудрено, что ея жизнь, какъ государыни, охарактеризовали такъ:

Она въ смиреннѣ величаво
 Прошла, чуждаясь громкой славы,
 Прошла, какъ вѣянье добра.

«А добра она много дѣлала—эдинъ созданный ею Красный Крестъ останется навсегда незаблѣмымъ ей памятникомъ на Руси».

Почти странно читать въ разсказѣ Горбуновой описаніе типа вѣрнаго дворскаго служака, удивительно цѣльно сохранившагося отъ временъ матушки Елизаветы или Екатерины. Изображаемый въ мемуарахъ типъ рядомъ съ беззавѣтною преданностью удержалъ отъ старины и грубоватыя повадки и добродушную стропотность, не встрѣчающую въ высочайшихъ особахъ отпора только изъ уваженія къ преданности ветерана.

Въ такихъ тонахъ обрисовывается въ мемуарахъ Иванъ Ивановичъ Кадыковъ—камеръ-фурьеръ ея величества, сѣдой плотный старикъ, безотлучно находившійся при комнатахъ ея величества.

«О немъ говорили, что онъ, пріѣзжая столько лѣтъ въ Ливадію, нигдѣ не былъ и зналъ только дорожку отъ дворца до своего помѣщенія, въ домѣ за школой. Съ юныхъ лѣтъ онъ находился при дворѣ и состоялъ прежде при Государѣ; ставъ женихомъ, его величество отдалъ его въ услуженіе своей августѣйшей невѣстѣ, какъ самаго преданнаго и исполнительнаго человѣка.

«Онъ находился при дворѣ около пятидесяти лѣтъ, кромѣ русскаго языка, не зналъ иного и, сопровождая императрицу за границу, объяснялся съ прислугой по-своему, или пантомимой, или же Елизавета Петровна Макушина писала ему самыя необходимыя въ обиходѣ слова русскими буквами: «вассеръ», «бродъ», «мильхъ» и проч.

«Случалось, что, пріѣзжая во Францію или Италію, онъ обращался къ служителямъ съ требованіемъ дать ему «лихтъ», «вассеръ», и проч., и проч. и очень сердился, когда тѣ не понимали его, увѣряя, что онъ по-ихнему же говоритъ, «по-бусурмански». Макушина увѣряла, что за границей онъ также неизмѣнно читалъ «Вѣдомости Петербургской Полиціи».

«Кажется, ему было семьдесятъ лѣтъ, когда я въ первый разъ его увидѣла; онъ былъ очень привѣтливъ со мной, всегда цѣловалъ мою руку и впослѣдствіи каждый день присылалъ конфеты. Пользуясь давностью своего пребыванія при дворѣ, онъ иногда позволялъ отвѣчать ея величеству, напримѣръ, такъ:

«— Кадыковъ, я рекомандую вамъ открыть окно въ моемъ кабинетѣ,—говоритъ императрица.

«— Нечего мнѣ и рекомандовать это, ваше величество, я и самъ знаю, что нужно.

«Въ день отъѣзда изъ Ливадіи онъ всегда бывалъ въ волненіи и позволялъ себѣ ворчать подъ носъ.

«Государыня по обыкновенію работала до самаго отъѣзда, Кадыковъ укладывалъ книги и кое-какія вещи, увозимыя съ собой, и, не стѣняясь присутствіемъ императрицы, говорилъ вслухъ.

«— Ну, вотъ, нужно въ дальнюю дорогу собираться, а на насъ тутъ охота къ работѣ напала; какъ же тутъ успѣть все сдѣлать, того и гляди, что забудешь что-нибудь.

«Государыня молча улыбалась и вслѣдъ за тѣмъ, къ великому его негодованію, посылала его же спросить у Макушиной какую-нибудь пужную для нея шерсть. Много разъ я была свидѣтельницей, какъ онъ являлся съ этимъ порученіемъ къ Макушиной и изливалъ намъ свои сѣтованія».

Изъ литературныхъ матеріаловъ въ той же книжкѣ заслуживаютъ вниманія новыя письма молодого Тургенева къ П. Анненкову, почему-то не оглашенные этимъ забытымъ нынѣ критикомъ въ его знаменитыхъ «Литературнымъ воспоминаніяхъ».

Тургеневъ сидитъ въ 1852 году въ своемъ Спасскомъ или въ имѣніи дяди, селѣ Юшковѣ, той же Орловской губерніи, смертельно скучаетъ и заываетъ къ себѣ друга раздѣлить его скуку. Въ одиночествѣ онъ внимательно пересматриваетъ себя и свой трудъ, и пересмотръ этотъ проводитъ его не къ восторженному мнѣнію о себѣ.

«Постараюсь чѣмъ-нибудь заняться,—пишетъ онъ:—но боюсь нѣсколько судьбы Григоровича, который теперь съ неутомимой дѣятельностью разливаетъ подонки своего таланта на такія сороковыя бочки прѣсной воды, каковы его «Проселочныя дороги». Вы, вѣроятно, уже слышали о выходѣ въ свѣтъ «Записокъ охотника»,—берегу назначенный для васъ экземпляръ къ вашему пріѣзду. Я радъ, что эта книга вышла; мнѣ кажется, что она останется моей *летной, внесенной въ сокровищницу* русской литературы, говоря слогомъ школьныхъ книгъ.

«Я самъ перечелъ «Записки» на дняхъ: многое вышло блѣдно, отрывчато, многое только что намекнуто, иное невѣрно, пересолено или недоварено—зато иные звуки точно вѣрны и не фальшивы—и эти-то звуки спасутъ всю книгу. Но до полноты созданья все это еще далеко и стоитъ прочесть какого-нибудь мастера, у котораго кисть свободно и быстро ходила въ рукѣ, чтобы понять, какой нашъ братъ маленькій, маленькій человѣчекъ.

«Я эти дни все читалъ Молиера—одна кака-нибудь (слово не разобрано), какъ, напримѣръ: Пурсоньякъ—своей силой, веселостью, свѣжестью и граціей—просто положила меня ничкомъ. Оно бы ничего—откуда взять Молиеровъ—да перо потомъ какъ-то изъ рукъ валится и совѣстно продолжать свой стрекозиный пискъ—вотъ что не совѣтъ пріятно, тѣмъ болѣе, что ужъ коли ты сдѣлался литераторомъ, такъ ужъ и перестань быть готовымъ на что-нибудь другое».

Необычайно близко подходя къ настроеніямъ Чехова, какъ они ясны послѣ напечатанія его переписки, Тургеневъ совершенно такъ же ищетъ новыхъ путей, мучается исканіями, сомнѣвается въ своихъ силахъ, но не хочетъ сдаваться.

«Надобно пойти другой дорогой, надобно найти ее—и раскланяться навсегда со старой манерой. Довольно я старался извлекать изъ людскихъ характеровъ разводныя эссенціи—*triples extraits*—чтобы влить ихъ потомъ въ маленькія стляночки, нюхайте, молъ, почтенные читатели, откупорьте и нюхайте, не правда ли, пахнетъ русскимъ типомъ? Довольно, довольно! Но вотъ

вопросъ: способенъ ли я къ чему-нибудь большому, спокойному! Дадутся ли мнѣ простыя, ясныя линіи... Этого я не знаю и не узнаю до тѣхъ поръ, пока не попробую,—но повѣрьте мнѣ, вы отъ меня услышите что-нибудь новое, или ничего не услышите. Для этого я почти радъ моему зимнему заключенію,—я буду имѣть время собраться съ духомъ, а главное, въ уединеніи стоить человекъ отъ всего далеко, но особенно отъ литературы—журнальной и всякой; а изъ меня можетъ выйти что-нибудь только по уничтоженіи литератора во мнѣ,—но мнѣ тридцать четыре года, а переродиться въ эти годы трудно. Ну, увидимъ».

Можетъ быть, яснѣе всѣхъ своихъ собратій по перу Тургеневъ чувствовалъ оскудѣніе старыхъ пріемовъ и наступленіе эпохи новыхъ формъ въ литературѣ. Воистину онъ былъ ихъ первымъ предтечей. Но искусству нужно было переболѣть декадентствомъ, чтобы къ началу новаго вѣка восторжествовала надъ старою новая чудесная манера чеховской новеллы, вышедшей, несомнѣнно, изъ толстовской и тургеневской, но еще болѣе утончившейся и облегченной.

Анненковъ, работавшій тогда надъ окончаніемъ своей «Біографіи Пушкина» и наткнувшійся на крайнія стѣсненія цензуры при описаніи послѣднихъ дней жизни поэта, великосвѣтскихъ интригъ и дуэли, очевидно, жаловался на это Тургеневу. Тургеневъ ободряетъ его и рекомендуетъ подлинно наиболѣе художнической выходъ изъ трудности:

«Я понимаю, какъ вамъ должно быть тяжело такъ дописывать біографію Пушкина, но что же дѣлать? Истинная біографія историческаго человека у насъ еще не скоро возможна, не говоря уже съ точки зрѣнія цензуры, но даже съ точки зрѣнія такъ называемыхъ приличій. Я бы на вашемъ мѣстѣ кончилъ ее ex abrupto—помѣстилъ бы, пожалуй, разсказъ Жуковскаго о смерти П.—и только. Лучше отбить статуѣ ноги, чѣмъ сдѣлать крошечныя не по росту. А сколько я могъ судить, торсъ у васъ выйдетъ отличный. Желалъ бы я, говорю это откровенно, такъ же счастливо перемѣнить свою манеру, какъ вы свою въ этой біографіи. Вѣроятно, подъ вліяніемъ великаго истинно-древняго по своей строгой и юной красотѣ Пушкинскаго духа, вы написали славную, умную, теплую и простую вещь. Мнѣ очень хочется дослушать ее до конца».

Трагическій церковно-бытовой анекдотъ передаетъ В. Г. Смородиновъ въ «Русской Старинѣ» (августъ) изъ жизни варшавскаго архіепископа, впоследствии митрополита московскаго Леонтія.

Во время пребыванія архіепископа въ Петербургѣ на чредѣ въ святѣйшемъ синодѣ, на первой недѣлѣ Великаго поста въ Варшавѣ была получена телеграмма о внезапной его кончинѣ. Телеграмма была за подписью, не вызывавшею сомнѣнія въ ея подлинности.

По полученіи телеграммы духовенство распорядилось, по окончаніи часовъ и вечерни въ соборѣ, отслужить панихиду по скончавшемуся архіепископѣ. Въ храмѣ уже начали собираться нѣкоторые представители мѣстной администраціи, и духовенство уже стояло въ алтарѣ въ облаченіяхъ. Но почти передъ самымъ выходомъ на панихиду ключаремъ варшавскаго собора получена была, въ отвѣтъ на его запросъ объ обстоятельствахъ смерти владыки, телеграмма, что онъ живъ и здоровъ.

Въ варшавскомъ соборѣ панихида, конечно, была отмѣнена, но телеграмма епископу холмскому не успѣла во-время, и преосвященнымъ была отслужена торжественная панихида объ упокоеніи души архіепископа Леонтія.

Когда была получена телеграмма, что владыка благополучно здравствуетъ, вышелъ небольшой конфузъ, хотя всѣ утѣшали себя тѣмъ, что если, по народной примѣтѣ, кого-либо преждевременно хоронятъ, то мнимый покойникъ долго будетъ живъ.

Кто былъ виновникомъ неумѣстной мистификаціи, такъ и осталось не выясненнымъ. Вѣроятно, онъ прятался среди инородцевъ, обрусенію которыхъ Леонтіи отдавался съ пыломъ и рвеніемъ, не даромъ заслуживъ среди нихъ репутацію человѣка честолюбиваго, прямолинейнаго и настойчиваго.

Д. Лавровъ въ томъ же журналѣ останавливаетъ вниманіе на красочной страницѣ русской исторіи, рассказывая о судьбѣ угличскаго ссыльнаго колокола, заброшеннаго по приказу Годунова въ Сибирь послѣ того, какъ онъ огласилъ набатнымъ звономъ многострадальный Угличъ въ печально-памятный день убіенія царевича Дмитрія.

Годуновская Русь жила еще красивымъ художественнымъ міровоззрѣніемъ, секретъ котораго сохранился сейчасъ развѣ у восточныхъ народовъ. Неодушевленные предметы были тогда живыми даже передъ судебно-канцелярскою мыслью, и когда наѣхавшіе изъ Москвы судьи навели въ Угличѣ порядокъ, иныхъ изъ «смутьяновъ» казнили, инымъ вырѣзали языки, иными заселили въ Сибири городъ Пелымъ, пріялъ свою кару и провинившійся колоколь.

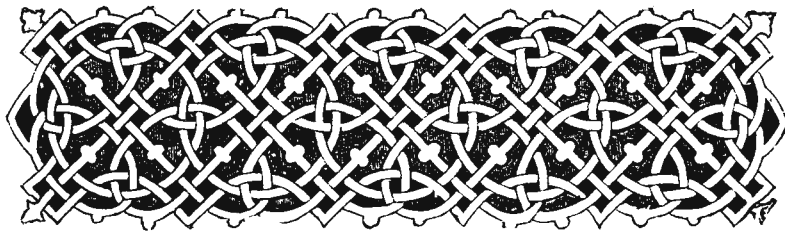
Въ соотвѣтствіе вырыванію ноздрей или отрѣзанію ушей, опальному колоколу опредѣлили тотъ же варварскій позоръ: на ухо его былъ крестъ, его отбили, ухо отрубили, языкъ вырвали и самому колоколу на площади при соотвѣтствующей обстановкѣ дали двѣнадцать ударовъ плетей.

Съ первой партией ссыльныхъ, направленныхъ изъ Углича, отбылъ ссыльный колоколь въ Тобольскъ и тамъ былъ зачисленъ «первоссыльнымъ неодушевленнымъ съ Углича»..

Лавровъ слѣдитъ подробно интересную исторію попытокъ угличанъ возвратить себѣ историческую реликвию, изслѣдуетъ самый вопросъ о подлинности того колокола, который наконецъ въ 1892 году возвратился изъ Тобольска и снова огласилъ Угличъ тѣмъ звономъ, какимъ смутилъ его триста лѣтъ назадъ. Довольно убѣдительно ему удается разрушить мнѣніе, будто подлинный угличскій колоколь въ свое время былъ перелить и будто нынѣшній только вылить по типу стараго. Легенда эта не имѣетъ прочныхъ основанія и поколеблена уже тѣмъ, кто первый пустилъ ее въ оборотъ.

Нынѣшній колоколь дѣйствительно «корноухій», т. е. съ отрѣзаннымъ ухомъ. По краямъ его не вылита, а вырѣзана подпись, кратко извѣщающая, за какую провинность онъ былъ сосланъ въ градъ Тобольскъ къ церкви всемирнолюбиваго Спаса.

• А. Измайловъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВОСПОМИНАНІЯ о заключеніи франко-рускаго союза.¹⁾—Два года тому назадъ въ Парижѣ вышелъ первый томъ воспоминаній военнаго министра Фрейсина. Теперь появился второй и послѣдній томъ, въ которомъ видное мѣсто отведено заключенію франко-рускаго союза.

Выдержки изъ этихъ воспоминаній помѣщены въ «Revue des deux Mondes», откуда мы и заимствуемъ наиболѣе интересные мѣста.

Русскіе цари вообще симпатизировали, начиная съ Петра Великаго, сближенію съ Франціей. Елизавета предлагала союзъ Людовику XV; директорія вела переговоры съ Павломъ I. Наполеонъ I, по мнѣнію автора, извлекъ бы болѣе пользы благодаря браку съ великой княжной Анной, создавъ такимъ образомъ болѣе крѣпкій союзъ съ Россіей, чѣмъ союзъ съ Австріей. То же можно сказать и о не состоявшемся бракѣ принца Беррійскаго съ русской великой княжной. Но серьезная подготовка почвы для франко-рускаго союза произошла главнымъ образомъ въ царствованіе Карла X при посредничествѣ Ришелье и Шатобриана. Наполеонъ III дѣйствовалъ въ этомъ направленіи неловко и потому не добился удачи. Его посредниками были Бестъ и графъ Валуевскій. Кромѣ того, переговорамъ помѣшала крымская кампанія. Но послѣ паденія Севастополя и заключенія Парижскаго трактата эта попытка была опять возобновлена при посредничествѣ князя Орлова. Императоръ Николай довѣрялъ ему всѣ свои сокровенныя мысли, и графъ зналъ о желаніи императора заключить союзъ съ Франціей. Моментъ казался ему удоб-

¹⁾ Les souvenirs de M. de Freycinet. «Revue des deux Mondes». 15 Juillet 1914.

нымъ. Графъ думалъ, что Наполеонъ будетъ нѣсколько умѣрять притязанія англичанъ и ограничитъ требованія австрійцевъ.

Со своей стороны, Морни велъ тайную переписку съ Горчаковымъ по поводу союза Россіи съ Франціей. Горячій сторонникъ союза съ Россіей, а не съ Англійей, Морни расходился во взглядахъ съ Наполеономъ. Французскій императоръ склонялся къ союзу съ Англійей, и если этотъ союзъ не состоялся, то лишь потому, что королева Викторія не раздѣляла его плановъ. Но, несмотря на желаніе Наполеона сблизиться съ Англійей, Морни и Горчаковъ работали надъ осуществленіемъ союза Франціи съ Россіей. Когда въ 1856 году произошло свиданіе Александра съ Наполеономъ, оба государя взаимно обѣщались не составлять коалиціи другъ противъ друга, итти рука объ руку въ восточныхъ дѣлахъ и, насколько возможно, произвести поправки въ трактатахъ 1815 года. Наконецъ, въ 1857 году, къ досадѣ Валевскаго, который едва не подалъ въ отставку, Наполеонъ самъ пошелъ навстрѣчу Горчакову и предложилъ измѣнить нѣкоторыя статьи Парижскаго трактата.

Однако, сближенію Россіи и Франціи мѣшали различныя побочныя обстоятельства. Однимъ изъ этихъ обстоятельствъ былъ польскій мятежь въ 1863 году. Французская пресса усердно его поддерживала, а имперія разсматривала его какъ европейскій вопросъ и даже предложила созвать конгрессъ для его урегулированія. Все это вмѣстѣ взятое раздражало Россію и отдаляло ее отъ Франціи. Между тѣмъ нѣмецкіе дипломаты не дремали и рѣшились использовать охлажденіе Россіи къ Франціи. Они стали соблазнять ее авенслебендской конвенціей, обстоятельства благопріятствовали имъ: въ 1866 году политика Россіи согласовалась съ политикой Бисмарка. Поэтому, къ удивленію Наполеона, послѣ итальянскаго его похода между обѣими державами установилось полное соглашеніе.

Князь Горчаковъ былъ недоволенъ такимъ оборотомъ дѣла. Онъ ловилъ каждый удобный случай для сближенія Россіи и Франціи. Въ это время возникъ конфликтъ между критянами и турками, который онъ рассчитывалъ использовать въ цѣляхъ этого сближенія. Но Наполеонъ и маркизъ Мустье не воспользовались этимъ случаемъ. Послѣдующія затѣмы непріязненныя выходки со стороны нѣкоторыхъ французовъ во время посѣщенія Парижа императоромъ Александромъ, а также покушеніе Березовскаго на жизнь императора еще болѣе отдалили русское правительство отъ французскаго. Горчаковъ даже сожалѣлъ, что императоръ не остался дома вмѣсто того, чтобы ѣхать во Францію. Къ довершенію всего свиданіе въ Зальцбургъ окончательно испортило дѣло сближенія: Россія думала, что между Франціей и Австріей уже произошло соглашеніе.

Тщетно князь Горчаковъ попытался уладить дѣло,—его старанія были приняты холодно. Французскій посланникъ Флери не могъ поправить дѣла: ему поручено было ограничиться лишь дружескими разговорами, но не развитіемъ плана соглашенія.

Нѣмцы не дремали и воспользовались охлажденіемъ Александра къ Франціи. Въ Эмсѣ произошло свиданіе Александра II съ Вильгельмомъ, Бисмаркъ видѣлся съ Горчаковымъ. Втихомолку, безъ всякаго шума оба государя обмѣ-

нялись взглядами и составили свои планы. Флери успокаивалъ Грамона тѣмъ, что сближеніе Россіи и Германіи не можетъ повредить Франціи и не носить политическаго характера. Александръ обязался, если состоится пересмотръ парижскаго трактата,—оставаться нейтральнымъ при возникновеніи конфликта между Франціей и Пруссіей. Горчаковъ говорилъ объ этомъ посланнику Флери еще до свиданія Александра II и Вильгельма. Но Флери не получилъ отъ своего правительства никакихъ инструкцій и потому ничего не могъ обѣщать Горчакову.

Однако двуличная политика коварнаго, хитраго Бисмарка, который не брезгалъ никакими средствами для достиженія своей цѣли, не захватила Горчакова врасплохъ. «Какъ знать,—говорилъ онъ:—будетъ ли Пруссія о насъ думать, достигнувъ своей честолюбивой цѣли». Люксембургское дѣло было у всѣхъ въ памяти и заставило вспомнить о двуличности Бисмарка. Поэтому Россія спѣшила добиться обѣщаннаго залога за свой нейтралитетъ.

Тщетно Флери писалъ Наполеону: «Надо же мнѣ что-нибудь предложить имъ взамѣнъ того, что вы хотите у нихъ просить». Наполеонъ отдѣлывался безсодержательными отвѣтами. Онъ все еще колебался между союзомъ съ Россіей и союзомъ съ Англійей. Вообще вся его политика была сбивчивая, колеблющаяся, нерѣшительная и даже противорѣчивая. Разсчитывая сблизиться съ Россіей, онъ вмѣшивался въ пользу поляковъ, не думая о томъ, что своимъ поведеніемъ вызываетъ недовольство Россіи. Онъ былъ увѣжденъ, что увлечь за собой Европу возстановить Польшу. И, увлекаясь ненужной для него политикой, онъ упускалъ изъ вида, что союзъ съ Россіей предотвратилъ бы его собственное ужасное пораженіе. Но онъ не видѣлъ этой необходимости или просто не хотѣлъ заключать союза.

Послѣ пораженія Франціи въ 1870 г. союзъ съ Россіей становился для нея необходимымъ. Но теперь обстоятельства неблагоприятно складывались для осуществленія этого намѣренія. Союзъ былъ уже почти невозможенъ. Россія добилась принципа нейтралитета въ Черномъ морѣ и думала о заключеніи союза трехъ императоровъ. Она согласилась поддерживать территориальную неприкосновенность Пруссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ взяла на себя задачу раздавить революцію и ея сторонниковъ во всѣхъ странахъ. Однако восточный вопросъ попрежнему все еще оставался спорнымъ между Россіей и Австріей. Къ тому же тяжелая нѣмецкая гегемонія давила и Россію, какъ и остальные державы. Становилось очевиднымъ, что германскія притязанія еще не удовлетворены и Германія готовится къ новымъ авантюрамъ.

Наступилъ 1875 годъ. Германія приготовилась наброситься на Францію—и Александръ протянулъ руку Викторіи, чтобы помѣшать Пруссіи сдѣлать этотъ шагъ. Между Россіей и Пруссіей пробѣжала кошка, которая превратилась въ черную на Берлинскомъ конгрессѣ. Бисмаркъ жестоко оскорбилъ Россію; онъ лишилъ ее большей части ея завоеваній въ войнѣ съ Турціей. Этотъ поступокъ заставилъ Россію забыть инциденты въ Парижѣ—и союзъ съ Франціей становился дѣломъ рѣшеннымъ. Теперь все зависѣло отъ ловкости дипломатовъ, и весь вопросъ былъ во времени.

Россія и Франція оставались одинокими. Двойственный союзъ австро-нѣмецкій въ 1881 году становится уже тройственнымъ вслѣдствіе присоединенія

Италии. Это обстоятельство послужило на пользу для будущности франко-русского союза. У князя Горчакова были тысячи причин бояться нѣмецких интригъ, и онъ постоянно повторялъ французамъ: «Будьте сильны! Будьте сильны! Только такую цѣною можно достигъ соглашенія». Но русская императорская семья все еще не довѣряла республикѣ, хотя великій князь Николай Николаевичъ прїѣзжалъ въ Парижъ и французскаго посла дружески приняли во время коронаціи Александра III. Къ тому же князя Горчакова въ это время замѣстилъ Гирсъ, сторонникъ Германіи. Поэтому заключенію союза Россіи съ Франціей грозила неудача. Но глава тогдашняго французскаго министерства Жюль Ферри поддерживалъ усилія дипломатовъ создать союзъ съ Россіей.

Оближеніе Россіи и Франціи было кошмаромъ для Бисмарка. Онъ всячески интриговалъ противъ осуществленія этого плана. Онъ ухитрился связать Россію (21-го марта 1882 года) трактатомъ на шесть лѣтъ, который мѣшалъ всякому соглашенію между Россіей и Франціей. Но какъ ни выдавали себя Вильгельмъ и Бисмаркъ за друзей Россіи, это торжественное заявленіе было не искренне. Къ тому же обстоятельства складывались благопріятно для франко-русского союза. Россія въ то время была озабочена своимъ экономическимъ развитіемъ. Во Франціи нашлись для нея необходимыя капиталы, а это послужило первымъ толчкомъ для болѣе тѣснаго сближенія въ 1888—1889 гг. Главные сподвижники по устройству этого союза—Фрейсинэ, Рибо, Констанъ и Лабулэ—поняли, какую пользу извлечетъ Франція отъ сближенія съ Россіей. Фрейсинэ сумѣлъ завоевать довѣріе Россіи. Во время болгарскаго и румелийскаго кризиса нашъ уполномоченный Моренгеймъ сообразовался съ его совѣтами, и это еще тѣснѣе сблизило обѣ страны. Русская пресса поняла пользу этого союза и всѣми силами поддерживала соглашеніе Россіи и Франціи. Флурансъ, преемникъ Фрейсинэ, дѣйствовалъ искусно въ интересахъ мира и поддержки европейскаго равновѣсія.

Между русскимъ императоромъ и Бисмаркомъ установились холодныя отношенія. Коварный дипломатъ зорко слѣдилъ за Россіей. Она стѣсняла осуществить задуманные планы, и это его раздражало и тревожило. Онъ хотѣлъ доказать, что въ силахъ господствовать надъ своими противниками, и съ этою цѣлью обнародовалъ 3-го іюня 1888 г. заключенный съ Австро-Венгріей оборонительный трактатъ, по которому обѣ страны обязаны были обоюдно помогать другъ другу и заключать миръ только съ общаго согласія. Второю пунктъ касался того, что если одна изъ этихъ двухъ странъ подвергнется нападенію какой-нибудь другой третьей страны, то ея союзница обязана не поддерживать этого врага и въ крайнемъ случаѣ оставаться нейтральной. Но если ея врага будетъ поддерживать Россія, то каждая союзная страна обязуется помогать другой оружіемъ до заключенія мира. Эти двѣ статьи сопровождалась замѣткой, гдѣ говорилось, что если приготовленія Россіи покажутся ими угрожающими, то обѣ страны увѣдомятъ императора Александра, что всякое нападеніе, направленное противъ одной изъ нихъ, будетъ разсматриваться, какъ направленное противъ ихъ обѣихъ.

Обнародованіе этихъ условій взволновало Европу, но не помѣшало сближе-

нію Россіи съ Франціей. Напротивъ, это ускорило дѣло. Онѣ продолжали вести переговоры въ виду необходимаго соглашенія, ради взаимныхъ интересовъ. Франція старалась завоевать симпатію Россіи и ежедневно давала доказательства своего расположенія. Она предложила Россіи кредитъ и освободила ея финансы отъ нѣмецкой опеки. Фрейсинэ указалъ почву, на которой могло состояться это сближеніе, и осторожно выжидалъ. Наконецъ наступилъ моментъ, и восточный вопросъ заставилъ рухнуть зданіе, послѣдній камень котораго Бисмаркъ положилъ въ маѣ 1884 г. и въ февралѣ 1885 г.

— Какой интересъ толкаетъ васъ сблизиться съ Россіей?—говорилъ Фрейсинэ графъ Мюнстеръ, нѣмецкій посоль въ Франціи.—Вѣрьте мнѣ, ничего хорошаго не приходитъ съ востока.

Этотъ Мюнстеръ жилъ раньше въ Петербургѣ и зналъ русское общество. Онъ жестоко критиковалъ русскихъ, порицалъ ихъ безпечность, нерадѣніе и обнаруживалъ всѣ ихъ недостатки и, наоборотъ, симпатично отзывался объ англичанахъ и французахъ. Фрейсинэ возражалъ ему, что между французами и русскими давно существуетъ симпатія. Она проявлялась еще при первой имперіи, а впоследствии подъ стѣнами Севастополя. «Впрочемъ,—прибавилъ Фрейсинэ,—совершенно естественно, что мы ищемъ равновѣсія вашему тройственному союзу».—«Для чего же? Этотъ тройственный союзъ не угрожаетъ вамъ, но если вы соединитесь съ Россіей, то вы нападете на насъ».

Бисмаркъ тоже увѣрялъ французскаго посланника въ Вѣнѣ въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ, когда заключалъ двойственный союзъ. Послѣдній передалъ во французское министерство иностранныхъ дѣлъ свѣдѣнія о мирныхъ намѣреніяхъ Германіи, но Фрейсинэ не вѣрилъ Бисмарку и отвѣчалъ, что Франція только предохраняетъ себя противъ всевозможныхъ авантюръ.

Мюнстеръ продолжалъ отрицать пользу франко-русскаго союза, и Фрейсинэ тогда прибавилъ: «Вѣрю вамъ, что вы не хотите нападать на насъ, но Богъ знаетъ, что можетъ случиться, когда у васъ будетъ новый императоръ!»

Это былъ моментъ, когда Вильгельмъ II предложилъ Бисмарку подать отставку.

— Я знаю Вильгельма,—говорила дочь графа Мюнстера.—Я часто съ нимъ играла ребенкомъ. Онъ высоко-религіозный человѣкъ и никогда не начнетъ войны!

Эти слова не убѣдили, однако, Фрейсинэ, и, вѣрный своему девизу: «Управлять значитъ предусматривать», онъ продолжалъ работать въ пользу сближенія съ Россіей.

Но императоръ Александръ III былъ человѣкъ очень осмотрительный и никогда не принималъ рѣшенія прежде, чѣмъ зрѣло его не обсудить. Хотя близость съ Франціей становилась тѣснѣе, и великій князь Николай Николаевичъ при посѣщеніи Парижа 11 марта 1896 г. сказалъ: «Никто не рѣшится напасть на Францію и Россію, когда онѣ вмѣстѣ! Франція имѣетъ во мнѣ друга!»—однако союзъ все еще не былъ заключенъ.

Императоръ былъ доволенъ Франціей и ея стараніями завоевать симпатію Россіи. Онъ одобрилъ французское правительство, когда во Франціи обнаружили нигилистическій заговоръ, направленный противъ него. Вскорѣ послѣ

этого въ Кронштадтъ прибыла французская эскадра съ адмираломъ Жерве во главѣ.

Долго еще шли переговоры, и только 27-го августа была подписана желаемая французами конвенція. Многіе сожалѣли, что она только оборонительная. Но Александръ Миротворецъ никогда не согласился бы подписать акта иного характера.

Какое важное значеніе имѣло франко-русское соглашеніе, видно уже изъ того, что Бисмаркъ страшно волновался. Онъ дѣлалъ все, чтобы помѣшать заключенію конвенціи. Если бы не благоразуміе и хладнокровіе Вильгельма I, миръ давно бы былъ нарушенъ. «Бисмаркъ ненавидѣлъ Россію,—говорить Фрейсинэ,—быть можетъ, болѣе, чѣмъ Францію. Онъ скрывалъ эту ненависть и внѣшне поддерживалъ съ Россіей хорошія отношенія. Это онъ дѣлалъ потому, что не довѣрялъ даже союзной Австріи. Онъ предвидѣлъ, что въ случаѣ дипломатическаго разрыва Берлина съ Петроградомъ Австрія за свое союзничество предъявитъ Германіи такія требованія, какъ защита ея интересовъ на Востокъ и Балканахъ. Бисмаркъ самъ признавался, что въ этомъ отношеніи онъ находится въ затруднительномъ положеніи». «Миссія нѣмецкой имперіи,—говорилъ онъ,—не въ томъ, чтобы одолжать своихъ подданныхъ другимъ и жертвовать имуществомъ и кровью нѣмцевъ для осуществленія желаній своихъ сосѣдей. Поддержаніе Австро-Венгерской монархіи для Германіи вопросъ равновѣсія Европы. Это вопросъ, за который можно со спокойной совѣстью поручиться миромъ своей страны. Но пусть воздержатся въ Вѣнѣ усмотрѣть въ этомъ союзѣ другія права, кромѣ тѣхъ, ради которыхъ онъ былъ заключенъ».

Разрывъ съ Россіей поэтому былъ для него большимъ мѣстомъ. Онъ до грубости откровенно говорилъ: «Надо, чтобы общественное мнѣніе и пресса въ Россіи имѣли необыкновенную дозу глупости и недобросовѣстности, чтобы поддерживать мнѣніе, будто нѣмецкая политика повиновалась агрессивнымъ намѣреніямъ, когда Германія заключала съ Австріей и Италіей оборонительный союзъ». Недобросовѣстность, по мнѣнію Бисмарка, была франко-польскаго происхожденія, а глупость—русскаго. Франко-польская ловкость одержала побѣду надъ неловкостью, суевѣріемъ и невѣжествомъ русскихъ.

Вотъ какъ Бисмаркъ принижалъ русскихъ внѣшне, поддерживая съ ними добрыя отношенія.

Его циничность обнаружилась, когда онъ принялся разрушать мостъ, который допускалъ Германію сблизиться съ Россіей. Вообще Бисмаркъ часто противорѣчилъ самъ себѣ и мало уважалъ истину и логику. Онъ не терялъ изъ виду возможности въ одинъ прекрасный день быть покинутымъ своею союзницей и тройственный союзъ считалъ просто стратегическимъ положеніемъ.

Въ то время, какъ Бисмаркъ слѣдилъ за Франціей, она сама была настроенъ. Какъ ни важень былъ франко-русскій союзъ, онъ еще не вполне достигъ своей цѣли. Онъ признавалъ общность военныхъ дѣйствій обѣихъ странъ, но не объяснялъ, какъ и при какихъ условіяхъ.

Этимъ вопросомъ Фрейсинэ поручилъ заняться датскому публицисту Ганзену, который игралъ видную роль во многихъ дипломатическихъ дѣлахъ. Въ то время императоръ Александръ III гостилъ въ Даніи въ Фреденсборгскомъ

замкъ. Ганзенъ направился туда и захватилъ съ собою свою записную книжку, въ которой записывалъ разговоры съ Фрейсинэ о предупрежденіи внезапнаго враждебнаго вторженія нѣмцевъ. Здѣсь было все предусмотрѣно, начиная съ момента, когда глава тройственнаго союза отдастъ приказъ мобилизоваться,— тотчасъ же мобилизуется армія и въ Вѣнѣ и Римѣ. Одинъ этотъ фактъ, говорилось тамъ, дастъ нашимъ противникамъ двадцать четыре часа выигрыша противъ Россіи и Франціи. И они могутъ нанести рѣшительный ударъ Россіи и Франціи прежде, чѣмъ тѣ опомнятся.

Поэтому Россіи и Франціи надлежитъ, какъ можно скорѣе, заключить военную конвенцію, чтобы при первомъ же извѣстіи о мобилизаціи тройственнаго союза обѣ стороны немедленно мобилизовали и свои силы. Конечно, для этого требовалось полное соглашеніе между главными штабами союзницъ.

На другой день Ганзенъ добился въ замкъ свиданія съ княземъ Оболенскимъ, которому и вручилъ замѣтки Фрейсинэ. Князь Оболенскій передалъ ихъ государю. На другой день онъ сказалъ Ганзену, что тотъ можетъ сообщить Фрейсинэ отвѣтъ императора. Александръ III общалъ серьезно обдумать все, какъ только возвратится въ Петроградъ.

Русскій посланникъ въ Парижѣ Моренгеймъ вполне соглашался съ Рибо и Фрейсинэ, что необходимо заблаговременно выяснитъ обязанности каждой соперницы и образъ ихъ дѣйствій. Фрейсинэ такъ же, какъ и императоръ Александръ III, признавалъ, что сближеніе должно носить мирный характеръ— съ цѣлью восстановленія европейскаго равновѣсія.

Фрейсинэ въ своихъ воспоминаніяхъ далъ лестную характеристику русскаго министра Гирса. Послѣдній совѣтовалъ не торопить императора отвѣтомъ: Александръ III не любилъ порывовъ, а все обдумывалъ не торопясь, серьезно и основательно.

Черезъ нѣсколько дней французскій кабинетъ перемѣнился. Но президентъ Карно просилъ Фрейсинэ сохранить портфель военнаго министра: Александръ III не любилъ новыѣхъ лицъ. «Если вы уйдете,—говорилъ Карно:— онъ долго не рѣшитъ вопроса о военной конвенціи».

Дѣйствительно, переговоры пріостановились по случаю болѣзни Гирса. Эта задержка волновала Фрейсинэ. Онъ боялся, что, пока будутъ заключать военную конвенцію, произойдутъ какія-нибудь важныя неожиданности.

16-го февраля 1892 года новый посланникъ графъ Монтебелло, преемникъ Лабулэ, получилъ для врученія императору Александру главныя условія этой конвенціи. Государь передалъ ее для просмотра военному министру генералу Ванновскому. Вскорѣ генералъ Буадефрѣ, французскій начальникъ главнаго штаба, получилъ приглашеніе на маневры русскихъ войскъ. Онъ пріѣхалъ 1-го августа и привезъ съ собою въ Петроградъ проектъ военной конвенціи. Тотчасъ же начались переговоры между французскимъ начальникомъ главнаго штаба и нашимъ военнымъ министромъ и начальникомъ главнаго штаба генераломъ Обручевымъ.

Наконецъ, 17-го августа оба начальника главнаго штаба подписали окончательную редакцію военной конвенціи и вручили ее государю. Затѣмъ Ван-

новскій извѣстилъ генерала Буадефра, что Александръ III одобрилъ въ общемъ проектъ и приказалъ передать его въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Но окончательное утвержденіе послѣдовало еще не скоро. Этому мѣшало главнымъ образомъ то, что Александръ III рѣшилъ строго обдумывать всѣ подробности прежде, чѣмъ сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ. Онъ давалъ понять французамъ различными способами, что сочувствуетъ полному союзу, но все еще окончательно не рѣшалъ вопроса. Посѣщеніе Тулона русской эскадрой было однимъ изъ доказательствъ его желанія заключить этотъ союзъ.

Все это время графъ Мюнстеръ съ тревожнымъ любопытствомъ слѣдилъ за успѣхомъ переговоровъ Франціи и Россіи. «Теперь, когда васъ двое,—сказалъ онъ однажды лукаво Фрейсинэ,—вамъ трудно оставаться спокойными, у васъ любятъ воевать и вы увлечете за собою Россію». На это Франсинэ отвѣтилъ, что французская политика вполнѣ миролюбива. «Политика-то мирная—возразилъ Мюнстеръ:—да нація ваша воинственна. Съ той минуты, какъ она почувствуетъ себя достаточно сильной, она дастъ ходъ своимъ воинственнымъ инстинктамъ. Вы чересчуръ чувствительны. Во Франціи и малѣйшая искра воспламеняетъ порохъ».—«Вы ошибаетесь,—возразилъ Фрейсинэ.—Мы становимся чувствительными только при мысли, что насъ считаютъ слабыми и съ нами недостаточно считаются. Чѣмъ сильнѣе, тѣмъ менѣе мы будемъ мрачны. Будьте увѣрены, что наши отношенія съ вами сдѣлаются лучше, когда мы почувствуемъ себя на равной ногѣ съ вами. Когда мы были одни лицомъ къ лицу съ тройственнымъ союзомъ, наша гордость постоянно страдала. Теперь мы будемъ не такъ впечатлительны. Вы увидите, что наше соглашеніе съ Россіей будетъ залогомъ мира».

Наконецъ, 3-го декабря 1893 года Казимиръ Перье и Гирсъ подписали давно ожидаемый французами союзный договоръ между Франціей и Россіей. Императоръ Александръ III хотѣлъ сохранить въ тайнѣ содержаніе трактата, и державамъ дано было знать только одно, что его цѣлью было поддержаніе мира въ Европѣ.

— Приключеніе провинціала въ Парижѣ.—Разбирая старинныя бумаги полицейской префектуры Парижа, извѣстный историкъ революціонной и наполеоновской эпохи Ленотръ нашелъ нѣсколько интересныхъ дѣлъ. Одно изъ нихъ, живо напоминающее романъ Сю «Тайны Парижа», онъ разсказалъ на страницахъ газеты «Temps».

Въ 1809 году нѣкій лонскій коммерсантъ отправился въ Парижъ разыскивать по просьбѣ своихъ согражданъ нѣкоего Жераръ-Кюлотта, который, обанкротившись на милліонъ франковъ, бѣжалъ изъ Ліона и, по нѣкоторымъ признакамъ, скрывался въ столицѣ. Уступая просьбамъ согражданъ, Жаль взялъ себѣ мѣсто въ дилижансѣ и черезъ трое сутокъ былъ уже въ Парижѣ, гдѣ остановился въ одной изъ второстепенныхъ гостиницъ на улицѣ Жюльенъ. Ему отвели комнату въ первомъ этажѣ, окнами на улицу. Рядомъ съ комнатой былъ небольшой чуланчикъ.

Утомленный трехдневнымъ переѣздомъ, нашъ путешественникъ рано поужиналъ, легъ спать и тотчасъ заснулъ.

Вдругъ кто-то повелительно постучалъ въ дверь. Вскочивъ съ постели,

Жаль открылъ дверь и съ удивленіемъ увидѣлъ на порогѣ какую-то закутанную во все черное фигуру. Быстро затворивъ за собою дверь, незнакомецъ поставилъ на столъ свѣчу, которую ему далъ трактирный слуга, и сказалъ:

— Одѣвайтесь сейчасъ же. Мнѣ приказано доставить васъ къ монсиньору. Насъ ждетъ экипажъ.

— Ничего не понимаю. Къ какому монсиньору?—спросилъ Жаль, недоумѣвая, зачѣмъ онъ понадобился монсиньору, т. е. епископу.

— Къ монсиньору герцогу Отрантскому, министру полиціи. Онъ сказалъ мнѣ, что дѣло спѣшное.

Собираясь предстать передъ Фуше, Жаль мысленно пробѣжалъ свою жизнь: никакихъ государственныхъ преступленій за нимъ не значилось, подозрительныхъ знакомствъ у него не было. Наконецъ, онъ всегда проявлялъ глубочайшее благоговѣніе передъ его величествомъ императоромъ. Тѣмъ не менѣе имя герцога Отрантскаго внушало ему безпокойство.

Дѣлать, однако, было нечего. Жаль молча слѣдовалъ за молчаливымъ чиновникомъ. Усаживая его въ экипажъ, метръ д'отель, знакомый съ полицейскими приемами, успѣлъ ему шепнуть:

— Дайте мнѣ знать, гдѣ вы будете завтра?

Это значило: «въ какой вы будете тюрьмѣ». У бѣднаго Жалю душа ушла въ пятки.

Переѣздъ изъ улицы Жюсьенъ въ домъ министра полиціи на набережной Малакэ показался несчастному ліонцу безконечнымъ. Наконецъ его ввели въ кабинетъ министра.

Фуше предложилъ ему кресло.

— Вы пріѣхали изъ Ліона, г. Жаль, чтобы отыскать въ Парижѣ вашего несостоятельнаго должника. Я знаю объ этомъ. Но я знаю еще вотъ что: въ эту ночь васъ должны убить, и я хотѣлъ предупредить васъ объ этомъ.

Жаль поблѣднѣлъ и въ ужасѣ откинулся на спинку кресла.

— Успокойтесь. Я уже принялъ соотвѣтствующія мѣры.

— Я сейчасъ же переѣду въ другую гостиницу...

— Нѣтъ, нѣтъ. Вы должны вернуться въ улицу Жюсьенъ. Ложитесь въ постель, но не спите.

— Такой совѣтъ излишенъ, ваша свѣтлость. Я теперь и безъ того не засну.

— Когда на часахъ колокольни святого Евстафія пробьетъ безъ четверти двѣнадцать, откройте потихоньку дверь въ чуланъ, который находится рядомъ съ вашей комнатою, и опять ложитесь въ постель. Въ полночь вы услышите шумъ за стѣной, около которой стоитъ ваша кровать. Будутъ пробивать стѣну. Вы не двигайтесь и не кричите. А затѣмъ пока до свиданья. Завтра къ одиннадцати часамъ пріѣзжайте ко мнѣ завтракать.

Доставленный въ гостиницу все тѣмъ же человѣкомъ въ черномъ, бѣдный негоціантъ въ точности исполнилъ то, что ему приказывалъ министръ полиціи. Войдя въ комнату, онъ легъ на свою постель и притаился. Какъ, однако, ни увѣрялъ его Фуше, на душѣ у него было неспокойно. Что, если его агенты въ эту ночь, какъ на грѣхъ, опоздаютъ? Что, если злоумышленники придутъ

раньше. Что, если, наконец, останются часы на колокольнѣ святого Евстафія?

Но вот наконец часы бьютъ безъ четверти двѣнадцать. Чтобы не испортить дѣла, Жаль сползаетъ со своей кровати, открываетъ двери чуланчика, и полумертвый отъ страха ложится опять на постель ожидать, чѣмъ кончится все это приключеніе.

Среди гробовой тишины вдругъ за стѣной послышался легкій шорохъ: убійцы работали съ большой осторожностью. Шумъ, сначала глухой, становится все явственнѣе и явственнѣе. Слышно было, какъ они уже отбили штукатурку и принялись вынимать кирпичи изъ стѣнки. Лежа съ расширенными отъ ужаса глазами, Жаль чувствовалъ, какъ въ стѣнѣ образовалось отверстіе. Вотъ кто-то осторожно влѣзъ черезъ него въ комнату. За нимъ другой, третій. Осторожно ползутъ къ его кровати... Очевидно, хотятъ покончить съ нимъ ударомъ кинжала... А что, если закричать? Но, можетъ быть, уже поздно?

Вдругъ комната ярко освѣтилась. Изъ полуотвореннаго чуланчика быстро выпрыгнули два агента съ потайными фонарями. Другіе вломилась изъ коридора. Не давая разбойникамъ опомниться, они схватили и связали ихъ. Опять появился знакомый человѣкъ въ черномъ. На этотъ разъ онъ пожелалъ Жалю спокойной ночи, быстро удалился и заперъ за собой дверь.

Оставшись одинъ, бѣдный мѣнецъ напрасно старался успокоиться и уснуть. Въ дыра-то въ стѣнѣ осталась открытой... Что, если другіе разбойники?..

На разсвѣтѣ усталость взяла, однако, свое, и Жаль заснулъ крѣпкимъ сномъ. Въ десять часовъ онъ былъ уже на ногахъ и собирался на завтракъ къ Фуше. Министръ полиціи былъ на этотъ разъ въ хорошемъ расположеніи духа и благоволилъ ему рассказать, какъ произошло все это ночное приключеніе. Оказалось, что слуги гостиницы, гдѣ остановился Жаль, замѣтили, что съ нимъ былъ большой мѣшокъ денегъ, и рѣшили убить богатаго постояльца. Но на предварительномъ дѣлежѣ добычи одинъ изъ нихъ счелъ себя обиженнымъ и донесъ о готовившемся преступленіи полиціи. Фуше, конечно, не преминулъ воспользоваться случаемъ показать свое всевѣдѣніе и продѣлалъ всю эту сцену, отъ которой бѣдняга Жаль едва не умеръ отъ страха.

— Крестница Екатерины Великой ¹⁾.—Созданное Наполеономъ Вестфальское королевство, которое на самомъ дѣлѣ имѣло мало общаго съ Вестфаліей, просуществовало всего около шести лѣтъ. Королемъ его былъ избранъ младшій братъ Наполеона Жеромъ, который держалъ себя въ этомъ крошечномъ королевствѣ въ семьсотъ квадратныхъ миль съ двумя милліонами жителей, какъ будто его владѣнія представляли огромную страну, дававшую ему не пять милліоновъ франковъ, а, по крайней мѣрѣ, втрое больше. Несмотря на то, что при вступленіи на вновь устроенный престолъ этому Веніамину семьи Бонапартовъ не было еще и двадцати трехъ лѣтъ, у него уже имѣлось богатое прошлое. Онъ уже давно былъ женатъ, но жена его Элиза Патерсонъ вернулась съ сыномъ въ Америку, и по настоянію старшаго Наполеона этотъ бракъ поспѣшили признать недѣйствительнымъ. Въ супружьи

¹⁾ Königsb. «Hartung. Zeit.» № 217.

брату Наполеонъ выбралъ единственную дочь вюртембергскаго короля Фридриха I Екатерину, которая была на два года старше своего будущаго супруга. Она родилась въ 1783 году въ Петербургѣ въ бытность ея отца на русской службѣ. Фридрихъ жилъ съ ея матерью, которая скоро умерла, какъ кошка съ собакой. Когда вюртембергскій престолъ перешелъ къ Фридриху, для бѣдной маленькой принцессы замѣнила мать другая принцесса—Софія-Доротея Гогенцоллернская. Вскорѣ эта крестница Екатерины Великой получила махеху-англичанку, съ которой она сумѣла поладить и жить въ полномъ согласіи. Тихая и скромная, съ явнымъ предрасположеніемъ къ излишней полнотѣ, принцесса Екатерина не мечтала о замужествѣ и наотрѣзъ отказала одному изъ гессенскихъ принцевъ, вздумавшихъ было посвататься за нее. Ей хотѣлось сдѣлаться настоятельницей какого-нибудь монастыря для благородныхъ дѣвицъ, но судьба судила иначе, и дочери принца Рейнскаго союза пришлось сдѣлаться золовкой великаго корсиканца.

«Ты избранъ королемъ вестфальскимъ», писалъ 7-го апрѣля 1807 года Наполеонъ своему брату, впослѣдствіи надолго его пережившему. А 12-го августа Екатерина была уже заочно повѣнчана съ новымъ королемъ и, полная тревожныхъ чувствъ, ѣхала въ Парижъ. Со смущеніемъ и недовѣріемъ встрѣтились здѣсь другъ съ другомъ будущіе супруги.

Чтобы хотя нѣсколько ободрить свою золовку, Наполеонъ принудилъ ее выпить вина.

23-го августа состоялось торжественное вѣнчаніе, Екатерина расцвѣла отъ любви и счастья. Король Иеронимъ сталъ для нея постояннымъ божкомъ. Новая королева скорбѣла только объ одномъ,—что ея тихое семейное счастье такъ часто прерывается шумными празднествами въ Парижѣ, Санъ-Клу, Рамбулье. Наполеонъ относился къ ней вполне благосклонно, хотя вестфальская королева, по своей строгой нравственности, мало подходила къ его распущенному двору. Самъ Иеронимъ не могъ избавиться отъ этой распущенности, увлекался разными похождениями и, какъ говорятъ, завелъ себѣ въ Касселѣ цѣлый гаремъ. Между супругами время отъ времени вспыхивали бурныя сцены, но юный король умѣлъ всегда представить свои похождения въ такомъ невинномъ свѣтѣ, что дѣло скоро кончалось примиреніемъ. Жеромъ Бонапартъ былъ, впрочемъ, неисправимъ. Впослѣдствіи, отправляясь съ братомъ въ походъ въ Россію, онъ захватилъ съ собой какую-то польку, утѣшавшую его въ трудностяхъ военнаго житья-бытья, и въ то же время чуть не каждый день писалъ самыя нѣжныя письма своей женѣ.

Въ ноябрѣ королевской четѣ пришлось наконецъ разстаться съ празднествами и пиршествами и ѣхать на «родину» управлять своимъ «народомъ». Слабому и неопытному Жерому пришлось не по плечу это правленіе. Онъ вѣчно колебался и пугался въ своихъ планахъ, а тутъ еще старшій братъ вмѣшивался въ его дѣла самымъ грубымъ образомъ. Единственной его опорой могла бы быть жена, женщина неглупая и съ характеромъ. Къ сожалѣнію, она была слишкомъ влюблена въ своего мужа и не видѣла всѣхъ его недостатковъ.

Въ апрѣлѣ 1812 года Жеромъ отправился въ Россію, и его жена, по настоянію Наполеона, приняла на себя регентство. Въ августѣ послѣ Бородин-

ской битвы вестфальскій король вернулся къ своему «народу». Опять начались празднества и всякія удовольствія, пока въ декабрѣ не была получена отъ Наполеона лаконическая записка страшнаго содержанія: «Вестфальской арміи больше не существуетъ». Тронъ короля Жерома сталъ колебаться, и супруги бѣжали во Францію, гдѣ поселились въ Компьенѣ. Послѣ паденія Наполеона были сдѣланы попытки заставить Екатерину разстаться съ ея мужемъ, съ которымъ она прожила семь лѣтъ, но всѣ эти попытки были тщетны. Ея отецъ Фридрихъ I, несмотря на всю свою любовь къ ней, отказался принять ее къ себѣ вмѣстѣ съ мужемъ. Помощь пришла съ той стороны, откуда всего меньше можно было ее ожидать: императоръ Александръ предложилъ ей поселиться въ Россіи. Но состояніе ея здоровья не позволило ей принять это предложеніе. Она укрылась въ Швейцаріи. По дорогѣ туда она встрѣтилась съ Наполеономъ, котораго везли на Эльбу, и между ними произошло трогательное прощаніе. По приказанію возстановленныхъ Бурбоновъ, у Жерома и его жены были отняты всѣ драгоценности и деньги, такъ что съ этого времени для нихъ, какъ и для всѣхъ другихъ членовъ семьи Наполеона, началось самое бѣдственное скитальческое существованіе. Изъ Швейцаріи супруги переселились въ Грацъ, потомъ въ Триестъ, откуда Жеромъ бѣжалъ къ вернувшемуся во Францію брату и храбро сражался при Ватерлоо. Екатерину въ это время насильственно привезли въ Вюртембергъ и поселили подъ охраной въ замкѣ Эльвангенѣ. Послѣ семимѣсячной разлуки супруги снова встрѣтились. Король, сдѣлавшій своего зятя графомъ Монфорскимъ, былъ въ сущности очень радъ, когда безпокойные для него супруги выселились въ Австрію, а потомъ переѣхали на жительство въ Церковную область. Послѣ разразившагося здѣсь въ 1831 году возстанія, въ которомъ были сильно запутаны родственники Жерома Бонапарта, четѣ пришлось бѣжать во Флоренцію. Въ 1835 году эта нѣмецкая принцесса, совершенно превратившаяся во французенку, умерла отъ грудной болѣзни на берегахъ Женевского озера, оставивъ послѣ себя двоихъ дѣтей: сына Жерома, извѣстнаго впослѣдствіи въ Парижѣ подъ кличкою Рюп-Рюп, и дочь, вышедшую потомъ замужъ за Демидова, князя Санъ-Донато.

— Г-жа Сталь въ Веймарѣ.—Нѣмецкое варварство въ XX вѣкѣ, которое нынѣ проявилось по отношеніи русскихъ, французовъ и бельгійцевъ, еще рельефнѣе отгѣняетъ эпоху Гете, Шиллера, Виланда. Трудно было представить, что придетъ время, когда каждый съ негодованіемъ будетъ слушать нѣмецкую рѣчь, несмотря на то, что на этомъ языкѣ говорили Шиллеръ и Гете.

Въ «*Revue des deux Mondes*» печатается переписка г-жи Сталь изъ Веймара съ ея отцомъ. Пребываніе французской писательницы въ Веймарѣ было счастливой эпохой жизни послѣ перипетій, пережитыхъ ею на родинѣ. Веймаръ въ началѣ XIX вѣка былъ своего рода маленькимъ оазисомъ, гдѣ царила поэзія. Этимъ маленькимъ оазисомъ сначала правила герцогиня Амалия. Овдовѣвъ девятнадцати лѣтъ, она семнадцать лѣтъ управляла герцогствомъ, до совершеннолѣтія своего сына. Поклонница литературы, живописи и вообще искусствъ,

¹⁾ Madame de Stael et monsieur Necker. «*Revue des deux Mondes*». 15 Mai 1914.

герцогиня поручила воспитаніе ея сына Виланду. Когда герцогу Карлу-Августу исполнилось совершеннолѣтіе, Виландъ остался при веймарскомъ дворѣ въ качествѣ совѣтника юнаго правителя.

Во время своего путешествія герцогъ Карль-Августъ встрѣтился во Франкфуртѣ съ Гете. Поэтъ очаровалъ юнаго герцога, который уговорилъ его переселиться въ Веймаръ. Гете согласился и не только переселился, но остался амь на постоянное жительство и впоследствии изъ поэта превратился въ веймарскаго министра.

Гете былъ, въ свою очередь, очарованъ герцогомъ и въ своемъ увлеченіи сравнивалъ его съ Наполеономъ. По его мнѣнію, они оба обладали какой-то таинственной, «демонической», по выраженію Гете, силой, которая дѣйствовала на чловѣка противъ его воли.

Молодой герцогъ мѣсяцъ спустя послѣ своего совершеннолѣтія вступилъ въ бракъ съ принцессой Луизой Гессенъ-Дармштадтской. Это была женщина съ благородными душою и умомъ и страстною натурой, которую она скрывала подъ искусственною холодностью. Религіозная до мистицизма, она сохраняла чистоту помысленій и вкусовъ въ противоположность герцогу. Карль-Августъ предпочиталъ заниматься чтеніемъ «Piscene» Вольтера и «Bibliotheca erotica» да заводить себѣ любовницъ. Поэтому ихъ супружеская жизнь была не изъ счастливыхъ, и герцогиня чувствовала себя одиноко. Мать герцога, герцогиня Амалия, жила въ замкѣ Тьефуръ недалеко отъ Веймара и находилась въ холодныхъ отношеніяхъ съ невѣсткой.

Такимъ образомъ, въ Веймарѣ, по словамъ г-жи Сталь, господствовали двѣ «троицы»: герцогъ съ двумя герцогинями и Гете съ Виландомъ и Шиллеромъ.

Во время пребыванія въ Веймарѣ г-жи Сталь Гете былъ могущественнымъ министромъ и царилъ въ административныхъ кругахъ, въ обществѣ и въ театрѣ. Герцогъ зналъ отца г-жи Сталь и оказалъ ей самый радушный пріемъ. Онъ лично посѣтилъ ее въ гостиницѣ, гдѣ она остановилась, и писательница часто обѣдала и ужинала при дворѣ. Общество и литературная «троица» обращались съ нею необыкновенно любезно. Но что было самымъ важнымъ—въ Веймарѣ ее не тревожили огорченія, и веймарское общество читало ея «Дельфину».

Г-жѣ де-Сталь, однако, не удалось вполнѣ насладиться бесѣдою съ литературной «троицей», особенно съ Шиллеромъ. Ему стоило большихъ усилій объясняться съ нею по-французски. Голова Гете и Шиллера, по словамъ г-жи Сталь, была полна самыхъ странныхъ метафизическихъ идей, какія только можно себѣ вообразить.

Г-жа Сталь имѣла успѣхъ у обоихъ «троицъ», хотя многіе говорили, что она утомила своими разговорами Гете и особенно Шиллера, которые послѣ ея отъѣзда чувствовали себя такъ, какъ будто только что оправились отъ серьезной болѣзни. Но эти жалобы не находятъ себѣ подтвержденій. Напротивъ, Гете и Шиллеръ утверждали, что г-жа Сталь—феноменъ своего пола и что немного найдется мужчинъ, которые равнялись бы съ нею по уму и краснорѣчію.

Герцогиня Луиза сблизилась съ нею. Г-жа де-Сталь находила ее «настоящимъ образцомъ воспитанной женщины, которую сама природа предназначила въ

ряды самых высоких лицъ. Она внушала ей довѣріе и уваженіе. Со своей стороны, герцогиня питала къ ней симпатію. Въ одномъ письмѣ къ своей подругѣ она называла ее «интересной, единственной въ своемъ родѣ». «Нѣтъ такой другой женщины въ свѣтѣ, какъ она, — говорила герцогиня Луиза. — Въ ней нѣтъ и тѣни педантизма. Она говоритъ съ каждымъ о чемъ угодно, и говоритъ интересно. Это дѣлаетъ ея разговоръ непринужденнымъ, любезнымъ и естественно привлекательнымъ. При этомъ она умѣетъ легко переходить отъ самой серьезной къ самой легкой темѣ. Я никогда не слышала, чтобы она говорила о комъ-нибудь дурно».

Герцогиня Луиза находила, что м-ше Сталь не отличается красотой, но въ ея глазахъ замѣтны огонь и живость. Ея манеры отличались своеобразностью. Вообще ея присутствіе было герцогинѣ пріятно: очевидно, она скучала при веймарскомъ дворѣ и была рада, что г-жа де-Сталь останется еще мѣсяць.

Герцогиня Амалия хотя и не была съ нею близка, но относилась къ ней также симпатично. Герцогъ Карль-Августъ очень интересовался ею, даже послѣ ея отъѣзда велъ съ нею переписку, и, повидимому, нравился ей болѣе другихъ. Вообще державная «троица» оказывала ей большое вниманіе.

Г-жа де-Сталь оживляла придворныя празднества, которыми руководилъ Гете и которыя прежде отличались ледяной чепорностью. Она появлялась на нихъ въ роскошныхъ туалетахъ. Французская гостя привела въ восторгъ всѣхъ.

Но сама она главнымъ образомъ интересовалась литературной «троицей». Въ письмѣ къ отцу она рисовала Виланда семидесятилѣтнимъ старикомъ. Онъ принадлежалъ къ школѣ вольтерьянцевъ и ненавидѣлъ все нѣмецкое, но въ литературѣ объ этомъ не говорилъ изъ боязни нажить себѣ враговъ.

Шиллеръ отличался своеобразными взглядами на литературу, и, кромѣ нея, его ничто не интересовало. Высокій, худой, блѣдный, съ рыжими волосами, онъ выдѣлялся особой выразительностью своего лица, чего вообще не хватаетъ нѣмцамъ. Шиллеръ съ большимъ трудомъ говорилъ по-французски. Его всецѣло поглощали книги и думы.

Гете она воображала совершенно инымъ; въ дѣйствительности онъ «испортилъ ей идеалъ Вертера». Это былъ не Гете-Вертеръ, а толстякъ, у котораго не было на лицѣ никакой выразительности. Онъ старался быть свѣтскимъ человѣкомъ, но ни взоромъ, ни направленіемъ ума, ни привычками, ни въ чемъ не обнаруживалъ особой чуткости души. Зато его литературныя и метафизическія идеи отличались большой силой и глубиной.

Къ сожалѣнію, въ Копенъ не оказалось писемъ ни Гете, ни Виланда, ни Шиллера. Нашелся только черновикъ письма Гете г-жѣ Сталь въ отвѣтъ на ея предложеніе пріѣхать въ Іену на нѣсколько дней. Письмо это оканчивается словами: «Вы пріѣдете къ отшельнику, который отстранитъ все, что можетъ помѣшать ему вполне отдаться желанной гостѣ. Вы озарите эти печальные дни, и безконечные вечера пролетятъ, какъ одна минута».

Г-жа Сталь отвѣчала ему, чтобы онъ готовился встрѣтить ее не какъ парижскую Богоматерь, а какъ свѣтскую женщину, которая больше всѣхъ плакала о Вертерѣ.

Гете вскорѣ возвратился въ Веймаръ. Съ того момента г-жа Сталь писала ему только коротенькія приглашенія. Одно изъ нихъ оканчивалось кокетливой фразой: «Скажите «да»—это очень милое словечко». Въ другомъ письмѣ она пишетъ: «Передайте ли вамъ Шиллеръ, что я на васъ сержусь. Приходите ко мнѣ завтра утромъ, я буду одна, чтобы ссориться съ вами безъ свидѣтелей».

Въ другомъ письмѣ она называла его «My dear Sir». Только у англичанъ есть этотъ первый отгѣнокъ застѣнчивой дружбы.

Вѣроятно, это англійское выраженіе зарождавшейся дружбы понравилось Гете, потому что г-жа Сталь повторила это обращеніе черезъ нѣсколько дней. «Благодарю my dear sir»,—писала она.—И въ эмпиреяхъ или въ безпредѣльномъ любите меня немного, но я люблю васъ отъ всего моего сердца, какъ можно любить съ моимъ характеромъ и съ моимъ талантомъ, если у меня имѣется хоть немного таланта».

Шиллеръ не былъ съ г-жой Сталь въ перепискѣ: онъ плохо говорилъ по-французски и совсѣмъ не могъ писать на ея родномъ языкѣ. Но въ Коппѣ нашлись шесть писемъ его жены, а въ веймарскомъ архивѣ Гете и Шиллера отыскались отвѣтныя письма г-жи Сталь къ ней. Жена Шиллера хорошо говорила по-французски и служила переводчицей въ бесѣдахъ мужа съ французской писательницей.

Какъ странно въ настоящія минуты нѣмецкаго озвѣрвнія читать слѣдующія строки г-жи Сталь: «Удивительный народъ—эти нѣмцы: у нихъ совершенно романическое воображеніе. Они не такъ чутки, какъ французы, совсѣмъ не отличаются чувственностью, подобно итальянцамъ, но они создали себѣ идеальный міръ, въ которомъ вывели совершенно новыя заключенія. Но какимъ путемъ они дошли до этого—мнѣ неизвѣстно. Самый возвышенный человѣкъ здѣсь, безъ сомнѣнія, Вертеръ-Гете, но у него такое же странное самолюбіе, какъ и его воображеніе».

— Гдѣ находится подлинный прахъ Колумба? ¹⁾.— Правительство Соединенныхъ Штатовъ обратилось недавно къ правительству республики Санъ-Доминго съ довольно странной просьбой—одолжить ему на время прахъ Христофора Колумба. Урну съ этимъ прахомъ предполагалось помѣстить на одномъ изъ крейсеровъ, который въ пышной процессіи пройдетъ черезъ Панамскій каналъ и отвезетъ останки великаго генуэзца въ Санъ-Франциско, гдѣ урна будетъ оставаться во время выставки. Просьба эта едва ли, конечно, будетъ уважена республикой. Но для историковъ весь этотъ эпизодъ имѣетъ огромное значеніе. Соединенные Штаты рѣшили возбудить свое ходатайство лишь послѣ того, какъ путемъ самыхъ тщательныхъ изслѣдованій американскіе ученые убѣдились, что прахъ Колумба продолжаетъ покоиться въ мѣстѣ своего погребенія, а не увезенъ въ 1794 году въ Испанію, въ Севилью, какъ это обыкновенно принято думать.

Христофору Колумбу, подобно многимъ другимъ великимъ людямъ, современники отплатили за его великое открытіе черной неблагодарностью. Послѣ

¹⁾ «Illustration», № 3712.

взрыва энтузіазма, при испанскомъ дворѣ поднялись интриги и нападки на Колумба. Придворные никакъ не могли простить, что во главѣ цѣлаго міра, присоединяемаго теперь къ Испаніи, станеть бѣдный «чужеземецъ», а не они, гранды испанскіе. Несмотря на расположеніе королевы Изабеллы, Христофоръ Колумбъ не находилъ себѣ поддержки у короля Фердинанда Католика. Во время второй экспедиціи его даже заковали въ цѣпи и въ такомъ видѣ доставили въ Испанію, гдѣ, конечно, ему безъ особаго труда удалось оправдаться. Но враги его не сложили оружіе. Въ 1502 году, когда онъ въ четвертый разъ отправился въ открытую имъ землю, ему даже было запрещено высаживаться въ Санъ-Доминго.

«Первый адмиралъ Индіи», какъ именовался тогда Колумбъ, умеръ въ 1506 г. въ гор. Вальядолидѣ въ бѣдности и забвеніи. Всѣ его титулы и преимущества согласно условію, заключенному Колумбомъ съ испанскимъ правительствомъ, должны были послѣ его смерти перейти къ его сыну Діэго, который въ 1509 г. вступилъ въ управленіе Индіей. Но вскорѣ его обвинили въ томъ, что онъ превысилъ свою власть, и онъ долженъ былъ отправиться въ Испанію. Десять утомительныхъ лѣтъ тянулось слѣдствие надъ Діэго. Въ 1526 году онъ умеръ. Вскорѣ умеръ и его сынъ, тоже Діэго, и съ нимъ родъ Колумба прекратился.

Всѣ историки согласны съ тѣмъ, что тѣло великаго путешественника, похороненное сначала въ Вальядолидѣ, въ монастырѣ св. Франциска, въ 1513 г. было перенесено въ Севилью.

Колумбъ не разъ выражалъ желаніе, чтобы его похоронили въ Санъ-Доминго. Объ этомъ есть даже запись въ его духовномъ завѣщаніи. Санъ-Доминго было колыбелью его славы. Послѣ семидесятидневнаго плаванія онъ открылъ сначала островъ Санъ-Сальвадоръ, потомъ Гаити, или Санъ-Доминго.

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти Колумба, общественное мнѣніе перемѣнилось къ нему. Испанія прославила Колумба, какъ своего національнаго героя. Рѣшено было исполнить его послѣднюю волю, и останки Христофора и его сына Діэго были перевезены изъ Севильи въ Санъ-Доминго, гдѣ и положены въ мѣстный кафедральный соборъ. Когда это случилось—точныхъ данныхъ не сохранилось. Одни утверждаютъ, что перенесеніе праха Колумба произошло въ 1536 г., другіе относятъ это событіе къ нѣсколько болѣе позднему времени, принимая во вниманіе, что соборъ въ Санъ-Доминго законченъ постройкой лишь въ 1540 году.

Въ 1655 году архіепископъ санъ-домингскій, опасаясь хищническаго нападенія на островъ англичанъ, приказалъ уничтожить всѣ слѣды, которые указывали бы на мѣсто могилы Колумба. Съ тѣхъ поръ мѣсто послѣдняго упокоенія великаго генуэзца было затеряно, и только устное преданіе говорило, въ какой части собора находилась его могила.

Въ 1795 году Испанія уступила Франціи часть острова Гаити. Чтобы не оставлять французамъ праха Колумба, въ декабрѣ того же года разрыли мѣсто, на которое указывало преданіе. Въ могилѣ нашли человѣческія кости, но никакихъ предметовъ или надписей, которые бы свидѣтельствовали, что эти кости когда-то принадлежали Колумбу, въ ней не оказалось. Въ январѣ слѣду-

юшаго года эти смертные останки были перевезены на остров Кубу и торжественно похоронены въ Гаваннѣ.

Послѣ присоединенія острова Кубы къ владѣніямъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ погребальная урна была опять перевезена въ Севилью.

Обстоятельства, при которыхъ былъ вынутъ въ 1795 году прахъ Колумба, возбудили сильное сомнѣніе, какъ въ ученыхъ, такъ и въ мѣстныхъ жителяхъ: всѣ были убѣждены, что испанцы ошиблись могилой.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время ремонта въ кафедральномъ соборѣ въ Санъ-Доминго былъ открытъ свинцовый гробъ, въ которомъ оказались кости. Одинъ изъ мѣстныхъ археологовъ рѣшилъ отчистить стѣнки гроба, и на одной изъ нихъ оказалась надпись: *L'amiral D. Louis Colomb, duc de Veragua*. То былъ внукъ Колумба. Послѣ этого открытія были предприняты раскопки въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Прежде всего натолкнулись на пустую могилу, изъ которой испанцы увезли мнимый прахъ великаго генуэзца. Потомъ обнаружили свинцовый прямоугольный ящикъ, стоявшій на двухъ кирпичахъ. На крышкѣ видна была надпись *D. de la A. P—er A—1, t. e. Decouvreur de l'Amérique, premier amiral*. На внутренней сторонѣ буквы *C. C. A., t. e. Cristophor Colomb, amiral*. Тутъ же найдена была серебряная дощечка, на которой съ одной стороны было выгравировано по-испански: «Останки Христофора Колумба, открывшаго Америку», а съ другой: «Христофоръ Колумбъ, адмиралъ». Въ свинцовомъ ящикѣ найдена, кромѣ того, пуля вѣсомъ около 30 граммовъ. Извѣстно, что Христофоръ Колумбъ, часто совершавшій переѣзды по Левантскому морю, кишѣвшему въ то время пиратами, много разъ вступалъ съ ними въ сраженіе. Въ одномъ изъ нихъ онъ былъ раненъ, причемъ пуля не могла быть извлечена и осталась въ тѣлѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что на этотъ разъ былъ найденъ подлинный прахъ Христофора Колумба. Жители Санъ-Доминго воздвигли теперь въ соборѣ прекрасный мавзолей, подъ которымъ и покоится все, что осталось на землѣ отъ великаго человѣка: горсточка праха.

— В д о в а Н а п о л е о н а ¹⁾.—Принцессѣ Маріи-Луизѣ было всего восемнадцать лѣтъ, когда, по приказанію ея отца, императора Франца, ей пришлось выйти замужъ за Наполеона. Бракъ этотъ былъ почти насильственный: съ одной стороны, нельзя было отказать Наполеону въ его домогательствахъ изъ опасенія новаго разгрома Австріи, а съ другой—сама Марія-Луиза, несмотря на привычку къ полному послушанію своему отцу, рѣшительно воспротивилась переселенію въ Парижъ. Чтобы сломить это сопротивление, потребовалось даже вмѣшательство папскаго нунція.

Скоро, впрочемъ, опасенія и недовѣріе принцессы къ своему будущему супругу разсѣялись. Наполеонъ держалъ себя въ высшей степени любезно, осыпалъ свою невѣсту знаками своего вниманія и даже прислалъ ей свой миниатюрный портретъ, усыпанный брильянтами, стоявшими не менѣе полмилліона франковъ. Желая ослѣпить свою будущую супругу роскошью, Наполеонъ приказалъ скупать для нея самое изящное и дорогое.

¹⁾ «Neue Freie Presse» № 19625.

Въ мартѣ 1810 года эрцгерцогиня простилась съ Вѣной и съ своей свитой двинулась въ Парижъ. Ее везли въ семи великолѣпныхъ каретахъ, запряженныхъ каждая шестеркой лошадей. Стрѣляли изъ пушекъ, звонили въ колокола.

Талейранъ какъ-то замѣтилъ, что всякой королевѣ нужно очень немного, чтобы пріобрѣсти расположеніе народное: надо только умѣть привѣтливо улыбаться и кланяться. Это искусство далось Маріи-Луизѣ не сразу, и въ сравненіи съ ея предшественницей, императрицей Жозефиной, гордая австрійская принцесса далеко не пользовалась во Франціи популярностью. Пріобрѣсти любовь народную мѣшала ей и та недобрая память, которую оставила въ странѣ другая австрійская принцесса—королева Марія-Антуанетта. Тѣмъ не менѣ новая императрица дѣлала, что могла въ этомъ направленіи. Особенно помогло ей здѣсь письмо покойнаго австрійскаго императора Іосифа II, въ которомъ онъ давалъ цѣлый рядъ совѣтовъ своей легкомысленной сестрѣ Маріи-Антуанеттѣ. Марія-Антуанетта пренебрегла указаніями этого умнаго человѣка и очутилась на плахѣ, Марія-Луиза приняла ихъ къ руководству и много выиграла въ общественномъ мнѣніи Франціи.

Наполеонъ былъ, повидимому, искренно влюбленъ въ свою жену. Онъ сталъ усиленно заниматься своимъ туалетомъ и даже пригласилъ къ себѣ учителя танцевъ, чтобы тотъ выучилъ его модному вѣнскому вальсу. Сдѣлавшись полнымъ и единственнымъ господиномъ Франціи, пресыщенный славой, Наполеонъ переживалъ возлѣ своей юной супруги вторую молодость. «Передайте вашему государю,—сказалъ онъ какъ-то Меттерниху:—что его дочь—это лучший подарокъ, который онъ могъ мнѣ сдѣлать. Чѣмъ больше я узнаю ее, тѣмъ болѣе нахожу, что она можетъ дать счастье».

Рожденіе сына еще болѣе осчастливило Наполеона: династія была упрочена, и огромная имперія получила законнаго наслѣдника престола.

Но мозгъ Наполеона не могъ успокоиться на семейномъ счастьѣ и снова разрабатывалъ гигантскіе завоевательные планы. Наступилъ 1812 годъ. При дворѣ не безъ ужаса слѣдили за приготовленіями Наполеона къ походу на далекую Россію. Римскому королю внушено было молиться, чтобы планъ этотъ не осуществился. Впослѣдствіи, будучи уже плѣнникомъ на островѣ св. Елены, Наполеонъ разсказывалъ, какъ однажды вечеромъ онъ незамѣтно вошелъ въ спальню своего сына. Мальчикъ стоялъ на колыбеляхъ передъ Распятіемъ и шепталъ, очевидно, натверженные ему слова: «Господи! Пусть папа заключить скорѣе миръ ко благу Франціи и всего человѣчества».

Но молитвы эти не возымѣли дѣйствія. Снова загремѣли пушки, и Наполеонъ двинулся въ Россію на свою погибель. Онъ разсчитывалъ на помощь Австріи, слишкомъ полагаясь на силу своихъ новыхъ родственныхъ связей. Но онъ ошибся, какъ ошибаются всѣ, кто слишкомъ полагается на Австрію. Его тесть пошелъ противъ него и примкнулъ къ союзникамъ. Неудачный исходъ похода противъ Россіи, а затѣмъ несомнѣнное пораженіе французовъ подъ Лейпцигомъ показали, что съ Наполеономъ больше церемониться нечего. Готовилось послѣднее рѣшительное столкновеніе. Приказы Наполеона летѣли во всѣ стороны. 25 января 1814 года императоръ простился съ семьей

и Парижемъ. Всѣ офицеры національной гвардіи были собраны въ Тюльерійскомъ дворцѣ, въ тронной залѣ. Наполеонъ вышелъ, окруженный своими генералами и придворными. «Vive l'empereur!» раздался громкій крикъ. Вслѣдъ за Наполеономъ появилась императрица съ римскимъ королемъ. Ставъ передъ трономъ, Наполеонъ произнесъ большую рѣчь, которую закончилъ такими словами: «Господа! Я оставляю вамъ мою жену и сына. Твердо вѣрю въ вашу вѣрность и преданность». «Vive l'empereur! Vive l'impératrice! Vive le roi de Rome!» раздались опять крики.

За годъ до этого Марія-Луиза вслѣдствіе постоянныхъ отлучекъ Наполеона была назначена регентшей. Рядомъ съ ней стоялъ особый совѣтъ, который и держалъ бразды правленія. Въ концѣ марта 1813 года Наполеонъ, бывшій въ то время въ Парижѣ, впервые созвалъ для пробы этотъ совѣтъ и остался имъ доволенъ. Желая скрыть свои военныя неудачи, Наполеонъ довольно наивно пытался обмануть свою жену, посылая ей извѣстія о своихъ мнимыхъ побѣдахъ. Въ мартѣ 1814 года онъ, между прочимъ, послалъ ей нешифрованную депешу, въ которой писалъ, что онъ намѣренъ перейти въ наступленіе и отгнать пруссаковъ. Депеша эта попала въ руки Блюхера, который, конечно, не преминулъ ею воспользоваться. Союзники, вмѣсто отступленія, приближались къ Парижу, и 28 марта регентша въ чрезвычайномъ засѣданіи совѣта предложила обсудить вопросъ, слѣдуетъ ли отстаивать столицу, или надо покинуть ее. Король Иосифъ предъявилъ совѣту два письма своего брата, въ которыхъ онъ проситъ совѣтъ не подвергать опасности плѣна его жену и ребенка. Рѣшено было, что регентша немедленно покинетъ Парижъ. 2-го апрѣля она была уже въ Блуа. Народъ встрѣтилъ ее молча. Семья Наполеона остановилась въ зданіи префектуры, свита разсѣялась по частнымъ квартирамъ. Въ Блуа нѣсколько разъ засѣдалъ совѣтъ, министры работали усердно, проектировался новый наборъ. Словомъ, правительственная машина, скрипя и пыхтя, работала, но работала впустую.

Между тѣмъ союзники вступили въ Парижъ. 2-го апрѣля сенатъ объявилъ Наполеона низложеннымъ. Тщетно регентша и совѣтъ расклеивали по заборамамъ городка объявленія, гласившія, что императоръ ведетъ свои побѣдоносныя войска къ Парижу и что Франція должна повиноваться только регентшѣ: вѣсть о концѣ имперіи скоро дошла и до Блуа. Черезъ нѣсколько дней въ этотъ временный правительственный центръ явились и комиссары новаго правительства. Регентша удалилась было въ Орлеанъ, жители котораго еще не знали о крушеніи имперіи. Но скоро вѣсть о паденіи Наполеона дошла и сюда. Марія-Луиза изъ регентши превратилась въ жену сверженнаго императора.

Изъ Орлеана она двинулась въ Рамбулье, гдѣ состоялось свиданіе съ отцомъ. Особенное участіе въ ея судьбѣ принялъ императоръ Александръ Павловичъ. По рѣшенію союзниковъ, ей было предоставлено во владѣніе герцогство Пармское. Въ то время съ народомъ не церемонились, и выкраивали и создавали всякія герцогства по картѣ, вовсе не сообразуясь съ желаніями самого народа. Такимъ образомъ, австрійская принцесса превратилась въ государыню чисто-итальянскаго герцогства. Когда выяснилось, что карьера Наполеона кончилась безвозвратно, тогда для Маріи-Луизы не было больше на-

добности скрывать свое полное равнодушіе, которое она давно питала къ нему. Въ то время какъ Наполеонъ, засаженный на островъ Эльбу, писалъ къ ней нѣжныя письма, страстно ждалъ ея прибытія и даже велѣлъ украсить свою супружескую спальню изображеніями двухъ нѣжно воркующихъ голубковъ,— это Наполеонъ-то, съ его холодной жесткостью и цинизмомъ!—въ это самое время его законная жена вступила въ открытую связь съ однимъ изъ австрійскихъ генераловъ графомъ Нейпергомъ, и въ 1821 году, едва умеръ Наполеонъ, вышла за него замужъ.

— Одинъ изъ героевъ жакеріи ¹⁾.—Эпоха великой французской революціи обильна сильно-драматическими эпизодами, какъ ни одна другая въ исторіи человѣчества. Одинъ изъ такихъ эпизодовъ рассказанъ въ небольшой рукописи, хранившейся въ парижской національной библіотекѣ и оставшейся до сихъ поръ неизвѣстной историкамъ этой кровавой эпохи. Рукопись эта принадлежитъ перу нѣкоего де-Белё, который рассказываетъ въ ней о подвигахъ и трагической смерти своего брата Антуана-Жозефа де-Белё, бывшего при Людовикѣ XVI капитаномъ такъ называемыхъ королевскихъ жандармовъ.

Первыя вспышки революціи во французской провинціи застали де-Белё въ его замкѣ де-Батэнъ, недалеко отъ Кастельно. Озлобленные противъ дворянъ крестьяне, предводительствуемые якобинскими агитаторами, стали нападать на помѣщичьи усадьбы, грабили и жгли ихъ, не встрѣчая никакого сопротивленія. Де-Белё былъ человѣкомъ рѣшительнаго характера и незауряднаго мужества. Онъ рѣшилъ защищаться во что бы то ни стало и вскорѣ нагналъ такого страха на окрестное населеніе, что его замокъ стоялъ невредимъ въ то время, когда другіе разграблялись и предавались сожженію. Де-Белё, однако, понималъ, что этотъ спасительный страхъ дѣйствуетъ лишь на время и что въ одинъ прекрасный день громилы доберутся и до него. Поэтому онъ рѣшилъ организовать противъ нихъ настоящій крестовый походъ. Онъ объѣхалъ, пока не было еще поздно, мѣстныхъ дворянъ-сосѣдей и уговорилъ ихъ составить небольшой отрядъ для охраны ихъ усадебъ. Набралось человѣкъ тридцать-сорокъ, къ которымъ потомъ примкнуло еще нѣсколько консервативно настроенныхъ крестьянъ. Съ этими небольшими силами отважный де-Белё объявилъ войну мѣстнымъ революціонерамъ. «Этотъ отрядъ,— рассказываетъ рукопись,—быстро появлялся вездѣ, гдѣ образовывались скопища съ дѣлюю грабежей и поджоговъ. Онъ не только быстро разсѣивалъ эти скопища, но и заставлялъ ихъ вожаковъ вырывать на поляхъ майскъ, который сѣялся, какъ символъ революціи. Многие дворяне были освобождены отъ обязательствъ, которыя имъ были навязаны бунтовщиками силою. Словомъ, въ этой части провинціи Дю-Керси водворилось полное спокойствіе, и Людовикъ XVI и національное собраніе, узнавъ объ этомъ, выразили де-Белё официально благодарность. Очевидно, если бы въ каждой мѣстности нашлись люди, похожіе на де-Белё, то революціонный потокъ былъ бы обузданъ. Къ сожалѣнію, такіе люди въ то время были на рѣдкость, а разбойниковъ и грабителей было сколько угодно.

¹⁾ «La Temps», № 19309.

Въ ноябрѣ 1790 года грабежи и поджоги достигли невѣроятныхъ размѣровъ. Де-Белѣ созвалъ всѣхъ своихъ соратниковъ и образовалъ изъ нихъ своего рода дружину взаимной помощи. По первому требованію кого-либо изъ ея членовъ, всѣ остальные должны были спѣшить къ нему на помощь.

«Стало извѣстно,—читаемъ мы въ рукописи,—что двумъ находившимся недалеко отъ небольшого городка Монкюка замкамъ Пешвигэраль и Марсильякъ стали угрожать значительныя банды крестьянъ, которыя должны были собраться въ одно изъ воскресеній въ деревнѣ Санъ-Сипріанъ. Тотчасъ же двѣнадцать союзныхъ дворянъ отправились въ Монкюкъ, гдѣ на другой день къ нимъ должны были присоединиться другіе союзники.

«Первый отрядъ былъ немедленно атакованъ огромной толпой, которую поднялъ мэръ города Монкюка. Но съ пистолетами въ одной рукѣ и шпагами въ другой дворяне разогнали толпу и на другой день соединились со своими товарищами, чтобы итти вмѣстѣ въ Санъ-Сипріанъ, очистивъ предварительно окрестности замка Пешвигэраль отъ присутствія грабителей.

«Въ свою очередь грабители, собравшись въ названной деревнѣ, стали звонить въ набатъ. Въ деревушку начали сбѣгаться со всѣхъ сторонъ крестьяне. Ихъ было великое множество. Тѣмъ не менѣе, отрядъ дворянъ, не превышавшій численностью сорока человекъ, храбро бросился впередъ, разсчитывая, что ихъ появленіе разсѣетъ крестьянъ. Но послѣдніе не уступали. Завязалось настоящее сраженіе. Нѣсколько человекъ было убито. Де-Белѣ былъ опасно раненъ. Лошадь подъ нимъ была убита. Другой командиръ дворянскаго отряда маркизъ д'Эскаркъ также былъ раненъ. Думая, что они оба убиты, дворяне пали духомъ. Между тѣмъ бунтовщики собрались въ нѣкоторомъ отдаленіи и съ наступленіемъ темноты двинулись на сожженіе замка Марсильяка. Пешвигэраль также былъ преданъ пламени».

Де-Белѣ вскорѣ, однако, поправился отъ своей раны. Узнавъ объ этомъ, бунтовщики рѣшились въ что бы то ни стало освободиться отъ этого опаснаго врага и стали поджидать удобнаго для этого момента, который и не замедлил представиться.

Въ серединѣ мая 1791 года въ Капельно былъ присланъ изъ Кагора отрядъ національной гвардіи, для того, чтобы съ пѣніемъ «*Ça ira*» водворить тамъ новаго священника, принявшаго присягу на вѣрность республикѣ. На свое несчастье, де-Белѣ, сопровождаемый младшимъ братомъ, случайно попался навстрѣчу этому отряду; какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ хотѣлъ войти въ городъ, отрядъ уже выходилъ изъ него. Послышались брань и ругательства. Де-Белѣ потребовалъ, чтобы командиръ отряда приказалъ своимъ людямъ замолчать. Тотъ отказалъ. Де-Белѣ вынулъ шпагу. Человѣкъ тридцать бросилось на него. Де-Белѣ одинъ отбилъ нападеніе и вмѣстѣ съ братомъ и слугой укрылся въ камомъ-то зданіи. Началась осада. Страхъ, который онъ внушалъ къ себѣ, былъ такъ великъ, что во всѣ стороны поскакали гонцы собирать народъ на помощь. По приходамъ слышался набатный звонъ, словно дѣло шло о томъ, чтобы отразить цѣлую армію. Вскорѣ болѣе тысячи человекъ окружали домъ, гдѣ засѣли трое смѣльчаковъ.

«Осажденные надѣялись получить помощь,—разсказываетъ рукопись,—

и защищались, стрѣля изъ ружей. Видя, что на домъ готовится приступъ, они бросились въ сосѣдній домъ, пробивъ смежную стѣну. Здѣсь они втроемъ укрылись въ погребѣ, тѣша себя надеждой, что ночью они разберутъ одну за другой стѣнки слѣдующихъ смежныхъ домовъ и, добравшись до послѣдняго, выходявшаго въ поле, скроются незамѣтно отъ осаждающихъ.

«Но потому ли, что ихъ выдали, или, можетъ быть, потому, что изъ перваго дома прекратились выстрѣлы, убѣжище ихъ было открыто. Пять національныхъ гвардейцевъ, хорошо вооруженныхъ, вздумали было туда проникнуть, но осажденные встрѣтили ихъ залпомъ. Двое изъ нихъ были убиты, остальные бросились бѣжать.

«Тогда осаждающіе рѣшили сжечь домъ, не зная, что сводъ погреба не обрушится и не погребетъ подъ собою смѣльчаковъ.

«Во время пожара слуга де-Белё хотѣлъ, пользуясь суматохой, выскочить изъ дома, но его изрѣшетили пулями. Вслѣдъ за нимъ выскочилъ и де-Белё младшій. Выстрѣливъ изъ двухъ пистолетовъ, онъ съ саблей въ рукѣ бросился впередъ и, воспользовавшись минутнымъ замѣшательствомъ врага, убѣжалъ въ поле. Пробираясь ночью, онъ упалъ въ яму и вывихнулъ себѣ ногу. Нѣкоторое время онъ укрывался во ржи, но какой-то злодѣй выстрѣлилъ въ него изъ ружья и ранилъ его. О его поимкѣ дали сейчасъ же знать: его повлекли въ Кастельно, гдѣ въ продолженіе тридцати шести часовъ подвергали его всякимъ оскорбленіямъ и мученіямъ.

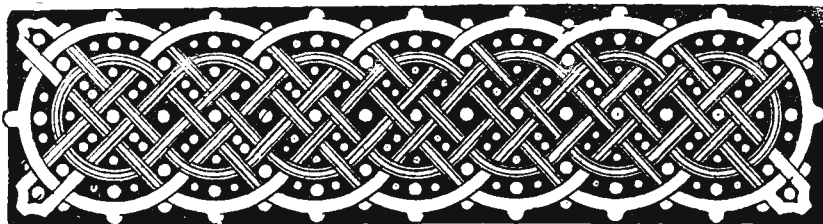
«Теперь осада направлена была противъ одного старшаго брата. Чтобы выжить его изъ погреба, пробиты сводъ, положили въ отверстіе сѣры и стали его выкуривать. На свое счастье, де-Белё нашелъ въ погребѣ боченокъ вина, которымъ время отъ времени и поливалъ сѣру.

Но всему бываетъ конецъ, и когда осаждающимъ удалось наконецъ проникнуть въ погребъ, они нашли тамъ только трупъ. Тѣло де-Белё подверглось всяческимъ поношеніямъ. Затѣмъ ему и его слугѣ отрубили голову. Посадивъ на телѣжку полумертваго де-Белё младшаго, банда направилась въ Кагоръ, держа передъ лицомъ раненаго отрубленныя головы, кровь которыхъ капала ему въ ротъ. Черезъ шесть часовъ шествіе вступило въ городъ.

Вотъ какъ описываетъ дальнѣйшія событія въ газетѣ «Mercure de France» одинъ изъ очевидцевъ:

«Послѣ барабаннаго боя я увидѣлъ, какъ несли на штыкахъ головы де-Белё и его слуги. За ними шли муниципальныя власти въ шарфахъ, два члена департамента и двое судей даннаго округа. Затѣмъ везли пушку, на которой былъ растянута несчастный де-Белё. Шествіе замыкала національная гвардія и толпа. Черезъ нѣсколько минутъ, когда это шествіе прошло подъ моими окнами, я услышалъ нѣсколько выстрѣловъ. Мнѣ потомъ сообщили, что де-Белё былъ сначала повѣшенъ на площади, а затѣмъ въ его тѣло былъ сдѣланъ еще залпъ».

Совершивъ это злое дѣло, толпа направилась къ дому нѣкоей m-me Понъ, гдѣ собралось общество литераторовъ, выбросила мебель изъ окна, все переломала и разрушила домъ.

С М Ъ С Ъ.

Отклики войны.

В НАШЕМЪ обычномъ отдѣлѣ «Смѣсь» мы во все время нынѣшней борьбы народовъ будемъ запечатлѣвать, по преимуществу, проявленія общественныхъ чувствъ и мысли, связанная съ событіями, имѣющими непосредственное отношеніе къ военнымъ дѣйствіямъ. Такимъ образомъ, давая въ «Исторической Лѣтописи» обзорѣніе хода военныхъ дѣйствій на всѣхъ театрахъ войны, мы вмѣстѣ съ тѣмъ дадимъ въ «откликахъ» и послѣдовательное изображеніе подъема русскаго общественнаго настроенія. Будущій лѣтописецъ общественной жизни почерпнетъ отсюда обильный матеріалъ для занесенія на свои скрижали того, что пережила, передумала и перечувствовала наша родина въ приснопамятный 1914 годъ.

Въ союзѣ 17-го октября. Центральный комитетъ союза 17-го октября постановилъ опубликовать слѣдующее воззваніе: «Великій историческій моментъ переживаетъ нынѣ Россія: какъ одинъ человѣкъ, безъ различія состояній и положеній, національностей и партій, вся она встала на защиту своей государственной чести, своего достоянія, на защиту лучшихъ традицій своей исторіи. Въ этомъ единеніи всѣхъ народныхъ силъ, изгнавъ раздоры и распри изъ нашей жизни, въ сліяніи воли Государя съ народной волей—драгоценнѣйшій залогъ успѣха въ той тяжелой борьбѣ, которая предстоитъ нашему отечеству. Эта борьба потребуетъ величайшаго напряженія силъ; много жертвъ унесетъ она съ собой; и на пути къ конечному торжеству насъ ждетъ, быть можетъ, не мало испытаній. Армія выполнить свой долгъ и совершить благородный и тяж-

кій подвигъ ратной борьбы за отечество. И пусть она знаетъ, что вся страна живетъ единою съ нею мыслью, единымъ бѣніемъ сердца, и пусть это сознание дастъ ей несокрушимую твердость и неотразимую силу. Тяжесть военнаго подвига опредѣляется не только страданіями, лишеніями и ежеминутной готовностью къ смерти, но и болью сердечною о семьяхъ, оставленныхъ дома безъ кормильцевъ и защитниковъ. «Союзъ 17-го октября», памятуя, что воину необходимо спокойствіе духа для своего тяжкаго дѣла, призываетъ всѣхъ своихъ сторонниковъ быть въ рядахъ работниковъ по обеспеченію семействъ воиновъ и прилагать всѣ свои силы къ наилучшему устроенію этого дѣла въ общественныхъ учрежденіяхъ и частныхъ организаціяхъ. Небывалая по своимъ размѣрамъ война вызоветъ многочисленныя жертвы. Безъ особаго напряженія общественныхъ силъ не можетъ быть обеспечена надлежащая помощь больнымъ и раненымъ воинамъ. «Союзъ 17-го октября» вѣритъ, что всѣ его сторонники отдадутъ свои силы и средства этому святому дѣлу. Когда мечъ будетъ въ ножахъ, и всякій вернется къ своему мирному труду, настанетъ очередь огромной внутренней работы. Необходимо будетъ возстановить всѣ потери, дать полный и правильный ходъ дѣятельности всего государственнаго организма. Единеніе всѣхъ общественныхъ и народныхъ силъ, закаленное испытаніями въ тяжкую годину борьбы за честь и достояніе Россіи, явится лучшимъ залогомъ и твердою опорой усовершенствованія внутренняго государственнаго порядка. Центральный комитетъ «союза 17-го октября», памятуя великое прошлое Россіи, проникнутый сознаніемъ исторической важности настоящаго момента, пламенно желая лучезарнаго будущаго нашей родинѣ, призываетъ всѣхъ своихъ единомышленниковъ трудиться надъ неотложными дѣлами данной минуты, прилагая всѣ силы къ сохраненію великаго духовнаго единства, властвующаго нынѣ надъ Россіей, ибо оно залогъ побѣды на полѣ битвы и мощнаго развитія подъ сѣнью мира».

Воззваніе партіи народной свободы. Центральный комитетъ партіи народной свободы выпустилъ воззваніе слѣдующаго содержанія: «Въ тяжкую минуту, когда внѣшній врагъ стоитъ у воротъ, когда наши братья вышли ему навстрѣчу и готовы пролить родную кровь за спасеніе родины, когда тѣ, кто остались, силою вещей призваны къ великимъ жертвамъ, духовнымъ и матеріальнымъ, руководители партіи народной свободы высказываютъ твердую увѣренность, что ихъ политическіе друзья и единомышленники, гдѣ бы они ни были и въ какомъ бы положеніи ни застала ихъ война, до конца исполнять свой долгъ російскихъ гражданъ въ предстоящей борьбѣ. Каково бы ни было наше отношеніе къ внутренней политикѣ правительства, нашъ прямой долгъ—сохранить нашу страну единой и нераздѣльной и удержать за нею то положеніе въ ряду міровыхъ державъ, которое оспаривается у насъ врагами. Отложимъ же внутренніе споры, не дадимъ ни малѣйшаго повода надѣяться на раздѣляющія насъ разногласія и будемъ твердо помнить, что теперь первая и единственная задача наша—поддержать борцовъ, вѣра въ правоту нашего дѣла, спокойной бодростью и надеждой на успѣхъ нашего оружія. Пусть моральная поддержка всей страны дастъ нашей арміи всю ту дѣйственную силу, на которую она способна, и пусть защитники наши не обращаются съ тревогой назадъ, а смѣло

идуть впередъ навстрѣчу побѣдѣ и будущему. Подпись: *Центральный комитетъ партіи народной свободы*.

Постановленіе трудовой группы. «Обсудивъ возможные послѣдствія начавшейся войны для экономической жизни страны, трудовая группа находитъ, что, помимо оказанія первоначальной помощи непосредственнымъ жертвамъ войны, особенно важно сосредоточить вниманіе общественныхъ круговъ на неотложной обязанности русскаго общества поддержать разрушающееся крестьянское хозяйство и гибнущіе кооперативы, прійти на помощь безработнымъ массамъ и, кромѣ того, въ предвидѣніи голода, надвигающагося на нѣкоторыя мѣстности Россіи, сейчасъ же готовиться къ широкой продовольственной кампаніи. Желая оказать всевозможное содѣйствіе общественнымъ организаціямъ въ осуществленіи этихъ очередныхъ задачъ настоящаго времени, трудовая группа постановила: 1) участвовать въ осуществленіи упомянутыхъ задачъ какъ личнымъ трудомъ, такъ и матеріальной помощью, дѣлая для этого ежемѣсячныя отчисления; 2) открыть на означенныя цѣли пріемъ пожертвованій при бюро фракціи по адресу Таврической дворецъ, члену Государственной Думы А. Керенскому или Загородный пр., 23; 3) довести до свѣдѣнія совѣта вольно-экономическаго общества о вышеуказанныхъ постановленіяхъ фракціи».

Резолюціи группы ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. Группа ученыхъ и общественныхъ дѣятелей прогрессивнаго направленія, интересующихся иностранной политикой и сочувствующихъ славянамъ, собирающаяся въ домѣ А. Н. Брянчанинова, въ очередномъ засѣданіи 22-го іюля 1914 года, подъ предсѣдательствомъ академика В. М. Бехтерева, выработала и приняла слѣдующія резолюціи: I. Преднамѣренное нападеніе Германіи сначала на Россію, затѣмъ на Люксембургъ, Бельгію, Францію и Голландію, безъ достаточныхъ основаній и лишь въ цѣляхъ поддержать международный разбой Австро-Венгріи, ставить Германію внѣ закона международного общежитія. Война, имѣющая нанести по винѣ Германіи неисчислимый вредъ цивилизаціи и культурѣ, не должна окончиться прежде, чѣмъ нравственному чувству міра не будутъ даны гарантіи невозможности повторенія международныхъ разбоевъ въ будущемъ. Для сего воюющія за международное право и независимость европейскихъ государствъ страны (Сербія, Россія, Бельгія, Франція и Англія) должны установить новый международный укладъ въ Европѣ не иначе, какъ по взаимному уговору и при условіи одновременнаго подписанія мирнаго договора. Вильгельмъ Гогенцоллернъ, которому едва не была поднесена, по проискамъ австрійца Фрида, Нобелевская премія мира и который унизилъ свое высокое званіе монарха наглою ложью, заявивъ, что война вызвана нападеніемъ на Германію, лично отвѣтственъ за кровь, которая прольется. Возмутительное отношеніе германцевъ къ русскимъ въ Германіи послѣ объявленія войны обясняетъ, хотя и не оправдываетъ некультурное поведеніе толпы, разгромившей зданіе германскаго посольства въ Петербургѣ. Съ другой стороны, разстрѣль въ Эльзасѣ предсѣдателя общества «Памяти Франціи» заставляетъ опасаться, что нѣмецкіе варвары не остановятся ни передъ чѣмъ, а это, въ свою очередь, отразится крайне прискорбными отвѣтными дѣйствіями. II. Возмущаясь ци-

ничнымъ нарушеніемъ гарантированнаго самой же Германіей нейтралитета Бельгіи и восторгаясь геройскимъ поведеніемъ этой страны, нельзя не выразить пожеланія скорѣйшаго прибытія на помощь бельгійцамъ англійскаго десанта. III. Въ возгорѣвшейся войнѣ, представляющей борьбу противъ милитаризма и насилія германцевъ надъ культурой остальныхъ европейскихъ народовъ, дѣло идетъ въ то же время о правѣ на самостоятельное существованіе на материкѣ Европы создавшихъ самобытную культуру славянскихъ и другихъ народовъ. Въ этой борьбѣ среди славянскихъ народовъ Польшѣ, по условіямъ театра военныхъ дѣйствій, суждено испытать особенно тяжелыя послѣдствія. Необходимо, чтобы удары, принятые на себя Польшей, были оцѣнены по достоинству русскимъ обществомъ и правительствомъ и въ результатѣ войны польскій вопросъ долженъ быть, наконецъ, разрѣшенъ на началахъ славянскаго братства и справедливости. IV. Считая, что общественныя учрежденія безъ того обременены расходами и затрудненіями въ связи съ войной, необходимо всецѣло возложить обезпеченіе семействъ воиновъ, оторванныхъ отъ семейныхъ очаговъ, на государственное казначество. Дѣеспособность войскъ будетъ зависѣть отъ ихъ духа, а духъ запасныхъ въ значительной мѣрѣ будетъ зависѣть отъ увѣренности въ поддержкѣ государствомъ ихъ семей. Поэтому слѣдуетъ каждому семейству, лишившемуся кормильца, на все время мобилизаціи назначить и выплачивать немедленно и всѣмъ безъ исключенія ежемѣсячное пособіе отъ правительства въ размѣрѣ примѣрно по пяти рублей въ мѣсяцъ, что вызоветъ сравнительно съ общими расходами войны совершенно незначительныя затраты примѣрно около тридцати милліоновъ рублей въ мѣсяцъ». 30-го іюля состоявшееся, подъ предсѣдательствомъ А. Н. Брянчанинова, собраніе группы ученыхъ, профессоровъ и общественныхъ дѣятелей прогрессивнаго направленія, послѣ выслушанія ряда рѣчей съ участіемъ профессора Бехтерева, профессора Плетнева, члена Государственной Думы Велихова и друг., приняло слѣдующую резолюцію объ отношеніи къ текущему моменту: «1) Звѣрства, учиненныя и чинимыя надъ русскими гражданами въ Германіи и Австріи и въ занятыхъ русскихъ городахъ Калишѣ и Андреевѣ, настолько возмущаютъ не только правовое сознаніе, но и чувства чловѣческаго достоинства всѣхъ культурныхъ людей міра, что представляется неотложнымъ и важнымъ, точно установивъ всѣ случаи, сдѣлать перечень ихъ предметомъ официальной ноты русскаго правительства союзнымъ и нейтральнымъ правительствамъ, сообщивъ его и печати тѣхъ же странъ. Кромѣ сего, надо просить «русское общество міра», усиленное время делегатами группы, выработать воззваніе съ протестомъ ко всѣмъ «обществамъ міра», дабы сообщенный матеріалъ положилъ основаніе для выработки мѣръ предотвращенія въ будущемъ столь гнуснаго проявленія варварства. Делегатами избраны: А. Н. Брянчаниновъ, В. Г. Плетневъ и Л. А. Велиховъ. 2) Мобилизація Турціи, проводимая подъ руководствомъ цѣлаго корпуса германскихъ офицеровъ, съ генераломъ Сандерсомъ во главѣ, и перечисленіе въ турецкій флотъ двухъ кораблей съ экипажемъ воюющихъ державъ, недопустимыя для нейтральныхъ государствъ, являются открытымъ вызовомъ по адресу Россіи. Отвѣтомъ на такое дѣйствіе Турціи со стороны русскаго правительства

должно быть немедленное требованіе о разоруженіи германскихъ судовъ и демобилизации. 3) Двусмысленное поведеніе болгарскаго правительства и части болгарской печати настолько рѣзко противорѣчитъ общеславянскимъ направленіямъ, что вынуждаетъ насъ въ этотъ послѣдній часъ напомнить Болгаріи, что русское общество не сможетъ забыть и просить Болгаріи въ ея совокупности отступничества идеѣ славянства въ моментъ разрѣшенія славяно-германской борьбы. О семъ довести телеграфомъ до свѣдѣнія газетъ черезъ Бобчева. 4) Мы надѣемся, что румынскій народъ будетъ достаточно проникателенъ, чтобы понять, что ни пяди русской земли никому и ни при какихъ обстоятельствахъ уступлено быть не можетъ. Цѣль румынской національной политики лежитъ въ присоединеніи Трансильваніи, немедленное освобожденіе которой будетъ тѣмъ легче, чѣмъ скорѣе Румынія активно примкнетъ къ коалиціи державъ, ставшей на защиту права національнаго самоопредѣленія народовъ. 5) Въ соотвѣтствіи съ патріотическимъ единеніемъ, обнаруженнымъ государственной думой и правительствомъ въ общемъ стремленіи побѣдить внѣшняго врага, нельзя не указать на неотложную необходимость немедленнаго проведенія въ жизнь на мѣстахъ ряда мѣръ къ облегченію работы общественныхъ организацій, свободная патріотическая дѣятельность которыхъ необходима какъ для народнаго воодушевленія, такъ и для предотвращенія возможныхъ тяжелыхъ послѣдствій войны. 6) Во избѣжаніе превратныхъ толкованій и нервнаго настроенія массъ въ городахъ и деревняхъ, вызываемыхъ невѣдѣніемъ и вздорными толками, желательно болѣе широкое освѣдомленіе русскаго общества компетентными учрежденіями о ходѣ военныхъ дѣйствій русской арміи и нашихъ союзниковъ и о тѣхъ доблестныхъ поступкахъ частей русскихъ войскъ и отдѣльныхъ лицъ, коихъ сообщеніе, не клонясь къ ущербу военныхъ интересовъ, можетъ служить къ вящему подъему народнаго воодушевленія».

Резолюція группы ученыхъ, профессоровъ и общественныхъ дѣятелей.

Группа ученыхъ, профессоровъ и общественныхъ дѣятелей прогрессивнаго направленія, интересующихся иностранной политикой и сочувствующихъ славянамъ, въ очередномъ своемъ засѣданіи 6-го августа, подъ предѣлательствомъ профессора А. И. Введенскаго, по выслушаніи ряда рѣчей и продолжительныхъ дебатовъ, приняла слѣдующую резолюцію: 1) воззваніе верховнаго главнокомандующаго къ полякамъ и галицкимъ русскимъ открываетъ новую эпоху въ жизни славянства и Россіи. Разрѣшеніе русско-польскаго вопроса путемъ возрожденія и объединенія Польши, неразрывно связанной съ державной Россіей, составляло всегда въ глазахъ всѣхъ просвѣщенныхъ славянофиловъ краеугольный камень будущаго славянскаго объединенія и возрожденія. Право политическаго самоуправленія должно быть признано за поляками подъ условіемъ, конечно, гарантіи правъ русскаго меньшинства. Галицко-польское меньшинство должно во-время понять, что лояльность къ славянству выше лояльности къ Францу-Иосифу, какъ ни велики его корыстныя благодѣянія къ этому меньшинству. 2) Сосредоточеніе болгарскихъ войскъ на границѣ Сербіи составляетъ въ данной обстановкѣ преступный вызовъ не только Сербіи, но и Россіи. Болгарскій народъ, имѣя достаточно полную конституцію, долженъ считаться отвѣственнымъ за свою внѣшнюю политику.

«истор. вѣстн.», сентябрь 1914 г., т. сxxxvii.

А посему, если болгарскій народъ желаетъ избѣжать послѣдствій разрыва съ Россіей и даже вооруженнаго столкновенія съ нею, онъ долженъ принудить свое правительство, не торгуясь, примкнуть къ Россіи и Сербіи во имя общихъ славянскихъ задачъ. 3) Гнусности, чинимыя надъ русскими и славянами въ Австріи и Германіи, вынуждаютъ насъ выразить несвойственное намъ пожеланіе, которое, однако, въ данной обстановкѣ раздѣлить съ нами весь цивилизованный міръ, а именно: официально предупредить правительства Германіи и Австро-Венгріи, что за каждое убійство, насиліе и экзекуцію, учиненныя надъ русскими или славянами, будутъ отвѣчать жизнью и имуществомъ какъ сами насильники, такъ и начальствующие надъ ними попустители и подстрекатели, до самыхъ высшихъ включительно. 4) Всѣ протори и прямые и косвенные убытки, причиненные русскимъ и славянамъ германцами и венграми, должны будутъ быть возмѣщены пострадавшимъ помимо военной контрибуціи за счетъ государственныхъ средствъ и имущества Германіи и Австро-Венгріи.

Резолюція 130-го славянскаго обѣда. Россія и все славянство съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія и восторга выслушала знаменательныя слова Государя Императора, обращенныя къ членамъ Государственнаго Совѣта и Думы: «Мы не только защищаемъ свою честь и достоинство въ предѣлахъ земли своей, но боремся также за единокровныхъ и единовѣрныхъ братьевъ-славянъ. И въ нынѣшнюю минуту Я съ радостью вижу, что объединеніе славянъ происходитъ также крѣпко и неразрывно съ Россіей». Этими словами открывается новая эпоха въ исторіи всего славянскаго міра. Старыя славянофильскія идеи, вошедшія нынѣ въ плоть и кровь русскаго общества, уже нашли свое выраженіе въ голосѣ народныхъ представителей, правительствующаго сената, московскаго—древнѣйшаго русскаго университета и другихъ учреждений и обществъ. Настоящая война должна быть послѣдней освободительной войной для всего славянства и послѣ нея должны быть окончательно разрѣшены и удовлетворены національныя чаянія и стремленія всѣхъ славянскихъ народовъ, находящихся до сихъ поръ подъ нѣмецкимъ и мадьярскимъ игомъ. Будущее политическое устройство славянскихъ народовъ должно зиждиться на началахъ національнаго самоопредѣленія. Должны быть устранены печальныя недоразумѣнія, которыя мѣшали установиться братскимъ отношеніямъ между русскими и поляками, и, отобранныя отъ Германіи и Австріи, коренныя польскія провинціи вмѣстѣ съ Привислинскимъ краемъ и устьемъ Вислы должны составить единый политическій организмъ, неразрывно связанный съ Россіей. Доблестный чешско-словацкій народъ, выдержавшій главный натискъ желѣзнаго германизма и сберегшій славянскую культуру, долженъ получить всѣ права свободнаго государства. Сербы, хорваты и словенцы должны быть объединены въ одинъ государственный организмъ при сохраненіи особенностей отдѣльныхъ вѣтвей этого геройскаго племени. Нейтралитетъ Болгаріи теперь, когда Россія напряженно борется съ германскимъ міромъ, является измѣною славянству и болгарскій народъ обязанъ немедленно стать въ ряды борцовъ за славянскую идею, чтобы получить право на удовлетвореніе своихъ национальныхъ требованій. Что же касается Россіи, то этой войной должно завершиться собраніе Земли Русской соединеніемъ съ нею Прикарпатской Руси—Галицкой,

Буковинской и Угорской, этой «дѣдины и отчины» святого князя Владимира. При заключеніи мира и при политическомъ устроении славянства должны быть обезпечены права на самостоятельное культурное развитие за тѣми славянскими народностями, которыя могутъ остаться въ предѣлахъ германскаго міра, равно какъ и за тѣми частями славянскихъ народовъ, которыя окажутся въ составѣ не своего собственного, а иного братскаго славянскаго политическаго организма. Освобожденные и независимыя славянскія земли должны объединиться въ единый экономическій и политическій славянскій союзъ, для разрѣшенія экономическихъ задачъ котораго должна быть обезпечена свобода выходовъ изъ Чернаго и Балтійскаго морей, при чемъ ключи отъ Чернаго моря должны быть въ рукахъ Россіи. Наступившая великая политическая катастрофа должна быть послѣдней не только въ Европѣ, но и среди всѣхъ цивилизованныхъ народовъ земного шара. Послѣ уничтоженія Австро-Венгріи и сокрушенія Германіи, какъ очага всемірнаго милитаризма, международнаго безправія и національнаго угнетенія, долженъ въ Европѣ воцариться прочный миръ, основанный на великомъ принципѣ разрѣшенія всѣхъ междугосударственныхъ недоразумѣній международнымъ высшимъ судомъ. Въ полномъ восхищеніи геройскими подвигами бельгійскаго народа и доблестныхъ нашихъ союзниковъ: Франціи, Англіи, Сербіи и Черногоріи, всѣ собравшіеся на обѣдѣ шлютъ имъ свой горячій и сердечный привѣтъ и пожеланія полного и окончательнаго успѣха въ этой борьбѣ права противъ насилія, непоколебимо вѣруя, что наши русскія войска въ самые ближайшіе дни одинаково доблестно раздѣлятъ съ ними всѣ тяготы и ужасы этой небывалой еще въ мірѣ войны. Глубоко и безконечно возмущенные тѣми нечеловѣческими издѣвательствами и насиліемъ надъ мирнымъ населеніемъ и путешественниками, которыя допускаютъ Австрія и Германія, участники обѣда считаютъ необходимымъ предупредить германскій міръ, что каждый единичный фактъ насилія будетъ учтенъ при выработкѣ условій мира и возмѣщенъ сторицею за счетъ Австро-Германіи. Какъ выраженіе горячаго протеста, собравшіеся ставятъ себѣ задачею искоренить изъ русской жизни все напоминающее германизмъ и для достиженія этой цѣли признаютъ, что пришла, наконецъ, пора очистить русскій языкъ отъ нѣмецкихъ оборотовъ рѣчи и нѣмецкихъ словъ, для чего обращаются къ правительству съ настойчивою просьбой замѣнить въ официальной и казенной терминологіи нѣмецкія наименованія русскими словами. Писателей, журналистовъ и ученыхъ и всѣхъ русскихъ образованныхъ людей горячо просятъ по возможности избѣгать употребленія въ русскомъ языкѣ германизмовъ и тѣмъ способствовать здоровому развитію русскаго языка и общей славянской культуры. Предсѣдатель *А. П. Скугаревскій*. Секретарь *П. В. Лавровъ*.

Постановленіе 131-ой славянской трапезы. 1) Обратиться къ верховному главнокомандующему всѣми военными русскими силами великому князю Николаю Николаевичу съ нижеслѣдующей вѣрнопреданнѣйшей телеграммой: «Великимъ благовѣстомъ по всему славянскому міру пронеслись призывы верховнаго главнокомандующаго всѣми русскими вооруженными силами къ славянскимъ народамъ, возвѣстившіе грядущую свободу всему славянству. Лучшіе завѣты русской исторіи, высшія чаянія всей Россіи звучали въ этихъ

призывахъ, воспламеня сердца восторгомъ и счастьемъ. Участники 131-ой славянской трапезы просятъ ваше императорское высочество повергнуть къ стопамъ Его Величества Государя Императора, верховнаго покровителя всѣхъ славянъ, чувства безпредѣльной любви и преданности и просятъ васъ принять выраженія ихъ всепреданнѣйшаго восторга и пламенной увѣренности къ побѣдѣ и славѣ русскаго оружія». 2) Освѣдомившись изъ письма, прочитаннаго генераломъ Поповичемъ-Липовацемъ, о чрезвычайной и безысходной нуждѣ геройской черногорской арміи въ медицинскомъ персоналѣ и перевязочныхъ средствахъ, которыя теперь выражаются всего лишь въ двухъ полевыхъ госпиталяхъ по пятидесяти коекъ, при отсутствіи даже полевыхъ аптекъ, фельдшеровъ и перевязочнаго матеріала, такъ что наблюдаются уже случаи гніенія ранъ, собравшіеся обращаются ко всему русскому народу съ горячимъ призывомъ о пожертвованіяхъ на отрядъ Краснаго Креста для Черногоріи, организацию же отряда просятъ принять на себя петроградское славянское благотворительное общество. 3) Обратиться къ бельгійскому посланнику въ Петербургъ съ телеграммой: «Въ глубокомъ восхищеніи небывалымъ сопротивленіемъ Бельгіи могущественнѣйшему врагу, участники трапезы выражаютъ всему бельгійскому народу, доблестной арміи и ея верховному руководителю чувства своего безпредѣльнаго восторга и полной увѣренности, что соединенная франко-англо-бельгійская армія дастъ надлежащій отпоръ воинствующему германизму». 4) Послать привѣтствіе петербургскому чешскому вспомогательному обществу: «Чешско-словацкому народу, ставшему за непоколебимую преданность славянству очередной жертвой кровавой расправы австрійцевъ, разгромившихъ Золотую Прагу, собравшіеся шлють свое сердечное и полное сочувствіе и выражаютъ твердую увѣренность, что настала часъ окончательнаго освобожденія всего славнаго чешскаго народа». 5) Обратиться съ телеграммой къ сербскому королевичу Александру: «Безпримѣрная, сопровождаемая постояннымъ успѣхомъ борьба сербской арміи съ превышающимъ числомъ противникомъ окрыляетъ собравшихся за трапезой надеждой, что сербскій народъ до конца доведетъ свою историческую задачу полнаго объединенія всего сербскаго племени. Да здравствуетъ сербскій народъ и армія и доблестный ея вождь!» 6) Обратиться съ телеграммою къ болгарскому царю Фердинанду: «Участники славянскихъ трапезъ, среди которыхъ много дѣятелей войны, освободившей Болгарію отъ турецкаго ига и возродившей ее, какъ самостоятельное славянское государство, находятъ безусловно необходимымъ засвидѣтельствовать передъ вашимъ величествомъ о томъ въ высшей степени тягостномъ настроеніи во всемъ русскомъ народѣ и обществѣ, которое создано въ слѣдствіе не выяснивагося до сихъ поръ отношенія Болгаріи къ настоящей войнѣ, когда весь славянскій міръ во главѣ съ Россіей вмѣстѣ съ Франціей и Англійей объединился въ напряженной борьбѣ съ нескрываемымъ стремленіемъ германскаго міра къ всевропейской гегемоніи и разгрому славянства. Собравшіеся не считаютъ возможнымъ, чтобы въ этотъ рѣшительный для всего славянства часъ всѣ славянскіе народы не объединились въ этой послѣдней войнѣ для полнаго освобожденія всѣхъ славянъ, согласно Высочайшей волѣ, выраженной Государемъ Императоромъ въ обра-

щеніи къ русскому народу. Россія ждетъ отъ Болгаріи рѣшительнаго и скорого отвѣта». 7) Обратиться къ вождямъ всѣхъ болгарскихъ политическихъ партій съ нижеслѣдующей телеграммой: «Участники славянскихъ трапезъ, среди которыхъ много дѣятелей войны за освобожденіе Болгаріи, считаютъ долгомъ русской и славянской совѣсти засвидѣтельствовать, что въ случаѣ дальнѣйшаго колебанія Болгаріи—примкнуть ли къ стану враговъ славянства или къ борцамъ за освобожденіе всѣхъ славянскихъ народовъ—Болгарія можетъ оказаться внѣ славянской семьи и рискуетъ не только не достигнуть объединенія своихъ раздробленныхъ земель, но и остаться безъ поддержки въ моментъ, когда Болгаріи будетъ грозить потеря ея самостоятельности. Помните, народные представители, что на васъ больше, чѣмъ на комъ-нибудь, лежитъ ответственность за будущность страны и народа». Предсѣдатель *Б. Б. Глинскій*, редакторъ журнала «Историческій Вѣстникъ». Секретарь *П. В. Лавровъ*.

Воззваніе къ болгарскому народу. Петроградское славянское благотворительное общество, всегда чутко стоявшее на стражѣ интересовъ славянства, въ грозныя для него минуты не можетъ остаться безмолвнымъ и обращается къ вамъ, братья болгары, въ этотъ послѣдній, рѣшительный часъ, когда окончательно и навсегда рѣшается судьба всѣхъ славянскихъ народовъ. Теперь, подъ натискомъ нашего общаго врага, мы подошли къ концу того историческаго часа, первыя минуты котораго пробили для васъ еще въ 1877 году. Оглянитесь на прошлое, вдумайтесь въ настоящее и станьте въ дружные ряды общей славянской рати, объединитесь въ общемъ великомъ дѣлѣ борьбы за свободу всѣхъ славянскихъ народовъ, забудьте свои внутренніе партійные счеты и, протянувъ руку примиренія своимъ братьямъ-сербамъ, явите доблестный примѣръ самоотверженія и великодушія, который по достоинству будетъ оцененъ исторіей. Подумайте, что станетъ съ Болгаріей, если она въ этотъ грозный часъ откажется отъ единенія со славянствомъ и пойдетъ, толкаемая кучкой слѣпцовъ и честолюбцевъ, по ложному пути. Ея ближайшимъ удѣломъ будетъ тогда полное одиночество въ славянскомъ мірѣ и окончательное поглощеніе ея, какъ самостоятельнаго государства, германскимъ міромъ. Сбросьте духовныя иноземныя оковы. Прислушайтесь къ голосу братской крови,—его нельзя не услышать, а голосъ этотъ повелительно указываетъ: «Съ Россіей и славянствомъ». Вотъ вашъ путь. Иного нѣтъ. Теперь или никогда. По уполномочию петроградскаго славянскаго благотворительнаго общества предсѣдатель его *Петръ Паренцовъ*.

Воззваніе къ славянамъ. Общество научнаго славянскаго единенія рѣшило обратиться ко всѣмъ славянскимъ народамъ со слѣдующимъ воззваніемъ: «Братья славяне! Война, начатая недостойнымъ и варварскимъ нападеніемъ на Сербію со стороны Австро-Венгрии по предварительному соглашенію съ Германіей, нынѣ превратилась въ борьбу за независимость и право на индивидуальное развитіе народовъ европейскаго материка противъ воинствующаго германизма, угнетавшаго ихъ своимъ тяжелымъ милитаризмомъ въ теченіе немногимъ менѣе полувѣка. Но эта борьба является въ то же время и борьбою славянскихъ народовъ противъ Германіи и Австро-Венгрии, этихъ всегдашнихъ враговъ свободнаго развитія славянъ. Россія, содѣйствовавшая

освобожденію и возстановленію славянства на Балканахъ и всегда защищавшая южныхъ и западныхъ славянъ отъ порабощенія, еще на памяти всѣхъ въ 1877—1878 гг. доказала, что въ ней бьется славянское сердце. Всѣ помнятъ то воодушевленіе, съ которымъ шли русскія войска на освобожденіе балканскихъ народовъ, испытывая тяжелыя потери въ своихъ рядахъ. Всѣ помнятъ то уныніе, которое овладѣло умами въ Россіи, когда Санъ-Стефанскій договоръ былъ разорванъ въ Берлинѣ. Всѣ помнятъ, какъ угнетено было русское общество послѣ аннексіи Босніи и Герцеговины, и какъ воскресли его надежды въ періодъ первой балканской войны, къ сожалѣнію, омрачившейся послѣдними событіями на Балканахъ. Нынѣ Россія, въ союзѣ съ другими народами, выступила на борьбу противъ поработителей славянства, которая обѣщаетъ закончиться устраненіемъ гнета и насилія со стороны германизма надъ славянствомъ, и Россія въ правѣ рассчитывать, что славянскіе народы, ею освобожденные и ею защищаемые, окажутся въ союзѣ съ нею. Во всѣхъ ли славянскихъ народахъ въ настоящій грозный и отвѣтственный моментъ такъ бьется славянское сердце, какъ бьется оно въ Россіи? Никому не навязывая войны, мы хотѣли бы обратиться къ разуму всѣхъ славянскихъ странъ съ напоминовеніемъ, что есть моменты въ исторіи, когда молчаніе, бездѣятельность, а тѣмъ болѣе счеты за прошлое и взаимныя распри равносильны измѣнѣ общему дѣлу, которая клеймится моралью всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ. Предсѣдатель общества академикъ *Бектеревъ*, секретарь профессоръ *В. Д. Плетневъ*.

На воздушный флотъ. Грозный часъ испытанія насталъ. Германія, вѣковой врагъ славянства, объявила Россіи войну и, въ союзѣ съ Австріей, желаетъ посягнуть на могущество нашей дорогой родины. По слову своего Державнаго Вождя, русскій народъ, какъ одинъ человекъ, сталъ на защиту своего отечества. Высочайше учрежденный особый комитетъ по усилению военнаго флота на добровольныя пожертвованія, давшій флоту и арміи, за десятилѣтнее свое существованіе, двадцать три боевыхъ судна и подготовившій значительное количество военныхъ летчиковъ, несущихъ въ настоящее время боевую службу, направилъ нынѣ всѣ свои средства на постройку самолетовъ и на непрерывную подготовку летчиковъ и авіаціонныхъ мотористовъ, какъ изъ чиновъ арміи и флота, такъ и изъ частныхъ лицъ, желающихъ служить, на правахъ охотниковъ, въ военно-авіаціонныхъ отрядахъ. Ко всѣмъ, кому дорого благо великой Россіи, обращаюсь съ горячимъ призывомъ оказать состоящему подъ моимъ предсѣдательствомъ особому комитету посильную помощь на воздушный флотъ — могучее оружіе». *Великій князь Александръ Михайловичъ*. 1) Прошенія принимаются въ канцеляріи Высочайше учрежденнаго особаго комитета (Петербургъ, Офицерская улица, д. № 35). 2) Къ прошенію должны быть приложены документы, указанные въ перечнѣ требованій, представляемыхъ къ желающимъ обучаться искусству летать на аэропланахъ или подготавливаться къ обязанностямъ авіаціонныхъ мотористовъ. 3) Пожертвованія принимаются: въ конторѣ двора его императорскаго высочества великаго князя Александра Михайловича (Спб., Офицерская, 35), въ мѣстныхъ комитетахъ, казначействахъ, конторахъ и отдѣленіяхъ государственнаго банка, въ государственныхъ сберегательныхъ кассахъ, въ Волжско-Камскомъ ком-

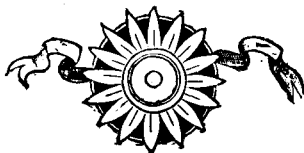
мерческомъ банкѣ и отдѣленіяхъ его, въ Московскомъ купеческомъ банкѣ и его отдѣленіяхъ и въ конторѣ газеты «Новое Время» (Спб., Невскій, 40).

Отъ Скобелевскаго комитета. Ровно десять лѣтъ тому назадъ съ Высочайшаго соизволенія былъ организованъ комитетъ имени генералъ-адъютанта Михаила Дмитриевича Скобелева для выдачи пенсій и пособій воинамъ, нижнимъ чинамъ, потерявшимъ на войнѣ трудоспособность. За десять лѣтъ существованія Скобелевскій комитетъ по мѣрѣ силъ развилъ свою дѣятельность, одной изъ важнѣйшихъ отраслей которой является устройство инвалидныхъ домовъ для призрѣнія увѣчныхъ воиновъ. Нынѣ Господу Богу угодно было ниспослать на нашу отчизну новое испытаніе: въ ослѣпленіи гордыни и ненависти ко всѣму славянству Германія, забывъ всѣ услуги, оказанныя ей нѣкогда русскими царями, объявила Россіи войну. На начинающаго Бога. Въ эту тяжелую годину весь русскій народъ, въ тѣсномъ единеніи со своимъ обожаемымъ Монархомъ, готовъ стать на защиту своего отечества. Скобелевскій комитетъ, помня завѣты незабвеннаго «Вѣлаго генерала», горячаго поборника славянства, открываетъ во всѣхъ своихъ инвалидныхъ домахъ госпитали-санаторіи для леченія воиновъ, призванныхъ подъ знамена на защиту родины. Дѣло это большое и требуетъ большихъ затратъ. Но комитетъ надѣется, что все русское общество, всегда чуткое къ страданіямъ ближнихъ, пожелаетъ пойти навстрѣчу комитету и поможетъ ему осуществить его высокую задачу. Помогите воинамъ, беззавѣтно отдавшимъ всѣ свои силы дорогой родинѣ. Исполните долгъ сыновъ Великой Россіи. Предстоитъ грандіозная борьба двухъ міровъ—славянскаго и нѣмецкаго. И каждый воинъ, идущій на эту борьбу, долженъ знать, что о немъ позаботятся. Это долгъ русскаго общества. Скобелевскій комитетъ проситъ во имя великой славянской идеи откликнуться на его призывъ и дать средства на устройство госпиталей въ инвалидныхъ домахъ комитета. Пожертвованія принимаются въ Императорской Николаевской военной академіи у казначея академіи, въ канцеляріи Скобелевскаго комитета: Спб., Мытнинская ул., уголъ 10-й Рождественской ул., д. 27—15, и редакціяхъ всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ.

Отъ петроградскаго городского общественнаго управленія. Граждане. Великіе, страдные дни переживаетъ нынѣ Россія. Родина наша, такъ искренно желавшая мирнаго и спокойнаго развитія, неожиданно подверглась вооруженному нападенію врага. Какъ одинъ человекъ, родная страна, безъ различія состояній, народностей и партій, воспрянула на защиту своей державной чести и своего государственнаго достоинства. Твердо вѣримъ, что такой подъемъ народныхъ силъ и полное ихъ единеніе дадутъ успѣхъ въ справедливомъ нашемъ дѣлѣ. Вся Россія слилась со своей арміей въ одномя неодолимомъ желаніи побѣды надъ врагомъ, и пусть защитники родины знаютъ, съ какою вѣрою и любовью страна на нихъ взираетъ. Но одного сочувствія мало. Помощь странѣ въ переживаемое трудное время должны оказывать не только вооруженная сила, но и всѣ граждане. Мы прежде всего обязаны всемѣрно позаботиться о томъ, чтобы семьи ушедшихъ на военную службу не остались въ нуждѣ и нищетѣ, а раненые и больные воины нашли въ столицѣ леченіе и помощь. Городская дума главное руководство въ дѣлѣ сбора и распредѣленія

пожертвованій на военныя нужды поручила особо избранному комитету изъ двадцати одного гласнаго подъ предсѣдательствомъ городского головы. Комитетъ можетъ выполнить свои обязанности, только опираясь на все населеніе Петербурга, которое и призываетъ къ содѣйствію. Комитетъ находится въ зданіи городской думы и имѣетъ дежурство для всякаго рода объясненій и пріема пожертвованій ежедневно отъ 11 до 2 часовъ дня. Кромѣ комитета, забота о семействахъ запасныхъ нижнихъ чиновъ возложена городомъ на городскія попечительства о бѣдныхъ. Пусть каждый изъ васъ пожертвуетъ хоть что-либо. Жертвуйте не только деньгами, но и вещами, припасами и топливомъ. Не стѣсняйтесь количествомъ. Жертвуйте личнымъ бесплатнымъ трудомъ,—всегда найдется работа. Если кто изъ васъ можетъ пріютить у себя осиротѣлую семью или предоставить городу для военныхъ надобностей бесплатное помѣщеніе—заявляйте объ этомъ либо въ комитетъ, либо въ мѣстное попечительство. Помните, что, кромѣ заботы о семьяхъ нижнихъ чиновъ, на городѣ, а, слѣдовательно, и на васъ, граждане, лежитъ обязанность приготовить все необходимое для помѣщенія, быть можетъ, весьма значительнаго числа раненыхъ и больныхъ воиновъ. Помогите городу вашими силами и средствами въ исполненіи этой священной обязанности. Грозные настали дни. Духъ Божій пронесется надъ нивою жизни и будитъ совѣсть каждаго. Да успокоится же совѣсть ваша сознаниемъ исполненнаго долга. Помогите братьямъ, сражающимся за васъ. Пожертванія принимаются: 1) въ городской думѣ, въ помѣщеніи комитета, 2) въ мѣстныхъ городскихъ попечительствахъ, и 3) въ банкахъ и учрежденіяхъ, списокъ которыхъ будетъ указанъ дополнительно.

Отъ комитета по сбору и распредѣленію пожертвованій на нужды, вызываемыя военнымъ временемъ. Городской комитетъ по сбору и распредѣленію пожертвованій на нужды, вызываемыя военнымъ временемъ, обращается къ населенію столицы съ просьбой предоставлять бесплатно для раненыхъ, больныхъ и выздоравливающихъ воиновъ и для семей запасныхъ квартиры и отдѣльныя комнаты. Особенно желательно предоставленіе большихъ помѣщеній для устройства лазаретовъ и хотя бы небольшихъ квартиръ для семей запасныхъ. Заявленія просятъ направлять по адресу: Петроградская городская дума, комитетъ по сбору и распредѣленію пожертвованій на нужды, вызываемыя военнымъ временемъ.

НЕКРОЛОГИ.

АКИМОВЪ, М. Г. 9-го августа, въ 9 часовъ 35 минутъ вечера, послѣ тяжкихъ страданій, скончался предсѣдатель Государственнаго Совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь Михаилъ Григорьевичъ Акимовъ. М. Г. происходилъ изъ дворянъ Саратовской губерніи. Окончивъ курсъ московскаго университета по юридическому факультету со степенью кандидата правъ, онъ началъ свою государственную службу 18-го февраля 1870 года кандидатомъ на судебныя должности при прокурорѣ московской судебной палаты. Вскорѣ онъ былъ назначенъ товарищемъ прокурора сначала владимирскаго, а затѣмъ московскаго окружныхъ судовъ. Съ 1883 года по 1888 годъ онъ состоялъ предсѣдателемъ одесскаго окружнаго суда, потомъ пензенскаго. Въ 1889 году онъ назначается прокуроромъ одесской судебной палаты, въ 1891 году московской, а въ 1894 году старшимъ предсѣдателемъ одесской судебной палаты. Въ 1899 году М. Г. Акимовъ былъ призванъ къ присутствію въ правительствующемъ сенатѣ по уголовному кассационному департаменту. Въ 1905 году М. Г. Акимову былъ предложенъ постъ министра юстиціи въ кабинетѣ графа С. Ю. Витте. Министерскій постъ онъ занималъ весьма непродолжительное время и вскорѣ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Послѣ смерти Э. В. Фриша М. Г. Акимовъ по высочайшему повелѣнію былъ назначенъ предсѣдателемъ обновленнаго государственнаго совѣта. Этотъ постъ онъ занималъ до самой смерти. Несмотря на слабѣющія силы и большое семейное горе—продолжительную и тяжкую болѣзнь дочери М. Г. Акимовъ продолжалъ исполнять свои предсѣдательскія обязанности.

Лишь передь самымъ закрытіемъ сессіи онъ передалъ ихъ съ высочайшаго соизволенія вице-предсѣдателю государственнаго совѣта И. Я. Голубеву. Послѣдній мѣсяцъ М. Г. Акимовъ почти не вставалъ съ постели. Несмотря на тяжкій недугъ, онъ живо продолжалъ интересоваться происходящими событіями, какъ во внутренней, такъ и внѣшней жизни нашей родины. Умеръ М. Г. Акимовъ 68 лѣтъ. (Некрологъ его: «Голосъ Руси», 1914, № 215).

† **Бабичевъ, Ф. А.** 30-го іюля скончался въ одесской Евангелической больницѣ отъ гнойнаго плеврита (послѣ операціи) бывшій наблюдатель-астрономъ одесской астрономической обсерваторіи новороссійскаго университета Ф. А. Бабичевъ. Послѣ покойнаго остался обширный матеріалъ по изученію солнечныхъ пятенъ. Ф. А. Бабичевъ завѣдывалъ обсерваторіей р. о. п. и т., гдѣ онъ организовалъ беспроволочную передачу точнаго времени, получая сигналы съ Эйфелевой башни изъ Парижа. Покойный посвящалъ много времени и энергіи педагогической дѣятельности, состоя преподавателемъ математическихъ наукъ въ средней школѣ и затѣмъ на высшихъ женскихъ курсахъ и курсахъ для подготовки учителей. Ф. А. Бабичевъ состоялъ предсѣдателемъ педагогическаго совѣта женской гимназіи, учрежденной А. В. Горѣевой, членомъ правленія и казначеемъ одесскаго педагогическаго общества взаимопомощи, принималъ близкое участіе къ книгоиздательствѣ «Матезисъ». Ф. А. Бабичевъ оставилъ по себѣ свѣтлую память. Онъ умеръ на 45 году. (Некрологъ его: «Одесскій Листокъ», 1914, № 200).

† **Бемъ, Е. М.** 25-го іюля скончалась очень популярная художница Елизавета Меркурьевна Бемъ. Родилась она въ Петроградѣ въ 1843 году и очень рано проявила свое влеченіе къ рисованію. Замѣтивъ выдающіяся способности покойной, родители постарались дать ей возможность поступить въ школу общества поощренія художествъ—единственное учрежденіе того времени, въ которомъ начинающіе могли познакомиться съ первоначальной техникой. Въ 1865 году Е. М. удостоилась награжденія серебряной медалью, а затѣмъ за представленные рисунки животныхъ, сдѣланные карандашомъ и акварелью, въ 1870 году академія художествъ присудила ей большую поощрительную медаль. И. Н. Крамской обратилъ вниманіе на талантливую молодую художницу, былъ съ ней въ дружескихъ отношеніяхъ и до своей смерти руководилъ ея работой. Е. Бемъ избрала своей спеціальностью міръ дѣтей и животныхъ, проявивъ въ своихъ произведеніяхъ большую наблюдательность, юморъ и любовь. Очень тонко вырисовывая контуръ своихъ граціозныхъ фигурокъ, она дѣлала ихъ силуэтами и только несложную обстановку незамысловатыхъ сценъ дѣлала перомъ. Начиная съ 1875 года, она издала очень много альбомовъ, въ которыхъ иллюстрировала русскія басни, сказки и народныя поговорки. Между другими работами она очень часто дѣлала весьма тонко исполненные силуэтные портреты и акварели. Ея силуэты появлялись на многихъ выставкахъ и въ журналахъ («Нива»). Въ послѣдніе годы она обратила свое вниманіе на русскія поговорки, пословицы, которыя довольно оригинально иллюстрировала типами дѣтей, одѣтыхъ въ старинные русскіе костюмы. Въ лицѣ Елизаветы Бемъ Россія потеряла оригинальнаго художника, всю свою жизнь шедшаго по своей дорогѣ и не уклонившагося въ сторону тѣхъ теченій, которыя сбили многихъ съ пути. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1914, № 13783).

† **Есипова, А. Н.** 5-го августа скончалась Анна Николаевна Есипова, профессор петроградской консерватории. Она давно уже страдала неизлечимой болезнью (раком), так что смерть ее не была неожиданною. Есипова вполне принадлежала Петрограду и почти двадцатилетний период ее отсутствия, когда в семидесятых годах она концертировала в Европу и Америку, а затем в восьмидесятых годах жила в Вѣнѣ, не нарушил ее связи с родным городом. Она здесь родилась (21-го января 1851 г.) и здесь поселилась после своего разрыва с мужем, знаменитым пианистом **Θ. Лешетицким**. С 1893 года она была постоянно в Петроградѣ, гдѣ заняла место профессора в консерватории. С этого времени ее виртуозная деятельность, стяжавшая ей нѣкогда громкую известность, прекратилась, и в концертах она выступала уже крайне рѣдко. Ее виртуозная известность цѣликомъ принадлежит тому периоду ее жизни, когда она была вмѣстѣ с **Лешетицким**. Онъ былъ ее профессоромъ в консерватории (до него она училась у **фанъ-Арка**, тоже одного изъ учениковъ **Лешетицкаго**) прежде, чѣмъ стать руководителемъ и поддержкой ее виртуозной карьеры. Игра ее в свое время отличалась, кромѣ блестящей техники, свойственной всѣмъ хорошимъ ученикамъ **Лешетицкаго**, большимъ чувствомъ мѣры и изящества. Эти качества вмѣстѣ с талантомъ и поддержкою **Лешетицкаго** дали ей исключительный успѣхъ в Европѣ и в Соединенныхъ Штатахъ, всюду, гдѣ она только выступала. Вступивши уже профессоромъ в петроградскую консерваторію, оконченную ею в 1871 году с золотой медалью, она, какъ сказано, отказалась отъ виртуозной карьеры, отдавшись педагогикѣ. Изъ ее класса вышли нѣсколько даровитыхъ, очень хорошихъ пианистовъ, продолжавшихъ традиціи школы **Лешетицкаго**, значительно отличавшейся какъ отъ школы **А. Рубинштейна**, такъ в особенности отъ школы теперешнихъ нѣмецкихъ пианистовъ. (Некрологъ ее: «Новое Время», 1914 г., № 19794).

† **Кастальскій, И. Е.** ¹⁾ 17-го іюня в нѣмецкой Александровской больницѣ в Петербургѣ скончался **Иванъ Егоровичъ Кастальскій**—сотрудникъ провинціальной и столичной печати. Покойный происходилъ изъ духовнаго званія (сынъ діакона в Елецкомъ уѣздѣ), родился 16-го января 1858 года, воспитывался в орловской духовной семинаріи. Оставивъ школу, онъ сдѣлался провинціальнымъ журналистомъ—сотрудникомъ «Орловскаго Вѣстника», издававшегося тогда известнымъ **А. Н. Чудиновымъ** в Орлѣ. По условіямъ орловской газетной работы того времени, покойному вскорѣ пришлось исполнять разнообразныя обязанности: корректорскія, секретарскія и репортерскія; когда же **Чудиновъ**, тоже теперь уже покойный, незадолго до продажи (въ концѣ 1885 г.) газеты **Н. А. Семеновъ**, почти совершенно охладѣлъ къ своему «Вѣстнику», которымъ раньше горячо интересовался,—на **Кастальскаго** почти всецѣло возложены были и редакторскія обязанности. Въ концѣ 1886 года покойный переехалъ в столицу, гдѣ около 8 лѣтъ занимался репортерствомъ—сначала в газетѣ «Новости» **Нотовича**, а потомъ в «Русской Жизни» **А. А. Пороховщикова**. По прекращеніи этой послѣдней газеты, **И. С.** поступилъ в штатъ

¹⁾ Сообщилъ **Т. А. Мартемьяновъ**.

канцеляріи столичной городской управы, гдѣ и служилъ до самой своей смерти. Какъ слышно, почти весь свой, довольно значительный, капиталъ покойный завѣщалъ нѣкоторымъ земствамъ родной ему Орловской губерніи на дѣло начальнаго народнаго образованія—подъ условіемъ преподаванія въ школахъ, содержимыхъ на завѣщанныя суммы, земледѣлія.

† **Курдюмовъ, Е. Д.** 26-го іюля опустили въ могилу Е. Д. Курдюмова. Внезапная кончина его, вызванная неожиданно надвинувшимися событіями настоящей минуты, поразила всѣхъ его друзей и товарищей. Впечатлительная и отзывчивая натура слишкомъ глубоко приняла къ сердцу грядущее испытаніе нашей родины и надломилась тогда, когда бодрый еще его духъ намѣчалъ широкія перспективы своей дѣятельности. Много лѣтъ состоя ординаторомъ въ московскомъ военномъ госпиталѣ, Е. Д. изучилъ жизнь нашего русскаго солдата и зналъ всѣ его нужды, какъ физическія, такъ и духовныя. Онъ обратилъ вниманіе на новые пути помощи—на развитіе физическихъ методовъ леченія. Съ этого времени онъ посвящаетъ себя всецѣло этой отрасли медицинскаго знанія и широко развертываетъ свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Сначала въ московскомъ военномъ госпиталѣ, а затѣмъ въ основанномъ имъ специальномъ учрежденіи Е. Д. всѣ свои силы посвящаетъ изученію механо-гидро-электро-терапии и становится руководителемъ многихъ молодыхъ товарищей, не занимая никакого офиціальнаго положенія. Образовавшійся вокругъ него кружокъ физиотерапевтовъ учредилъ въ 1907 году специальное физико-терапевтическое общество, которое, организовавшись, выбираетъ его своимъ первымъ предсѣдателемъ. Общество выпустило нѣсколько томовъ своихъ трудовъ, гдѣ научно разработаны многіе отдѣлы по физиотерапіи; организовало нѣсколько экскурсій для ознакомленія врачей съ нашими лечебными курортами и устроило цѣлый рядъ лекцій по физиотерапіи. Во всей этой работѣ общества инициаторомъ и руководителемъ являлся Е. Д. Но не одно физико-терапевтическое общество привлекало его силы. Переноса за послѣдніе годы свою врачебную дѣятельность въ лѣтнее время на кавказскія минеральныя воды, онъ и тамъ занялъ видное положеніе, будучи предсѣдателемъ эссентукскаго медицинскаго общества. Здѣсь онъ съ особеннымъ жаромъ выдвинулъ множество курортныхъ вопросовъ, внеся совершенно новыя начала для ихъ разрѣшенія. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1914, № 171).

† **Немировскій, А. О.** Скончался выдающійся администраторъ и общественный дѣятель, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Осиповичъ Немировскій. Въ лицѣ его сошелъ въ могилу извѣстный дѣятель Поволжья. Покойный родился въ 1841 году въ городѣ Полтавѣ. Окончивъ курсъ московскаго университета, онъ съ введеніемъ судебной реформы поступилъ въ министерство юстиціи и вскорѣ занялъ мѣсто прокурора саратовскаго окружнаго суда. Послѣ этого А. О. перешелъ въ адвокатуру, гдѣ пользовался большою популярностью. Городъ Саратовъ избралъ его своимъ городскимъ головой, на каковомъ посту онъ пробылъ восемь лѣтъ. Время это совпало съ пребываніемъ покойнаго премьеръ-министра П. А. Столыпина на посту саратовскаго губернатора. А. О. Немировскій много сдѣлалъ для города Саратова: улучшилъ городское хозяйство, поставилъ на должную высоту дѣло народнаго образова-

ніа, способствоваль открытію саратовскаго университета. П. А. Столыпинъ уже на посту премьеръ-министра вызвалъ А. О. въ Петроградъ и предложилъ покойному управленіе городскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Принимая дѣятельное участіе въ реформѣ городского управленія въ Россіи, покойный издалъ трудъ «Реформа городского самоуправленія». Въ основахъ своихъ его трудъ принять въ законопроектъ о новомъ городскомъ управленіи. Незадолго до своей смерти покойный былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій 4-го класса при министрѣ внутреннихъ дѣлъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914, № 13790).

† **Ольденбургъ, Ѳ. Ѳ.** 23-го іюля скончался отъ закупорки мозга Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ольденбургъ, выдающійся педагогъ и благородный человѣкъ. Математикъ по своимъ способностямъ и наклонностямъ, онъ въ 1881 году поступилъ въ петроградскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Ольденбургу было предложено остаться при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію, но, вѣрный своимъ первоначальнымъ стремленіямъ къ педагогической дѣятельности, онъ отказался и черезъ два года по окончаніи университета, осенью 1887 года, принялъ предложенное ему мѣсто педагога тверской земской учительской школы (имени) П. П. Максимова, задачей которой является подготовка учительницъ для сельскихъ школъ, преимущественно Тверской губерніи. Званіе педагога возлагало на него преподаваніе педагогики и психологіи и руководство выпускнымъ классомъ, слѣдовательно, наблюденіе и руководство пробными уроками, даваемыми ученицами въ начальной школѣ. На этомъ скромномъ мѣстѣ Ѳ. Ольденбургъ оставался 27 лѣтъ, до самой своей смерти, отклоняя всѣ по временамъ дѣлавшіяся ему предложенія болѣе блестящихъ мѣстъ; и педагогомъ онъ былъ не только по своему званію. Чуждый всякаго формализма, онъ душою сживался и съ классомъ въ дѣломъ и съ каждою ученицею въ отдѣльности. Къ нему, какъ къ человѣку энциклопедическихъ знаній, шли и ученицы, и учителя,—за всякимъ свѣдѣніемъ, какъ за справками въ энциклопедическій словарь, и за всякою нуждою, какъ къ человѣку рѣдкой отзывчивости. Будучи духовнымъ центромъ для ученицъ-учительницъ, Ольденбургъ былъ такимъ же центромъ и для всего тверского общества. При образованіи политическихъ партій въ 1905 году, онъ примкнулъ къ партіи конституціонно-демократической и непремѣнно былъ бы выбранъ въ первую, потомъ во вторую думы, если бы самъ категорически не отказался отъ этого. Но партійнаго духа въ немъ было мало; и онъ всегда стоялъ, въ сущности, внѣ партій, объединяя всѣ прогрессивные элементы тверского общества отъ крайнихъ лѣвыхъ до умѣренныхъ на почвѣ общаго дѣла служенія народному просвѣщенію и развитію общественной самодѣятельности. (Некрологъ его: «День», 1914, № 198).

† **Половинкинъ, И. Н.** Магистрантъ славянской филологіи и бывший преподаватель третьей петроградской гимназіи статскій совѣтникъ Иринархъ Николаевичъ Половинкинъ скончался послѣ тяжкихъ страданій на пятьдесятъ первомъ году жизни. По окончаніи гимназіи императорскаго чело-вѣколюбиваго общества съ серебряною медалью И. Н. поступилъ студентомъ

въ петроградскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Въ 1889 году былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорской дѣятельности. Еще будучи студентомъ, покойный много работалъ въ «Извѣстіяхъ славянскаго благотворительнаго общества». При участіи покойнаго славянскимъ обществомъ изданы «Янъ Жижка», «Петръ II Раде Петровичъ Нѣгошъ» и многія другія. Состоя членомъ-сотрудникомъ императорскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи, онъ помѣщалъ статьи въ журналѣ «Живая Старина». Въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона И. Н. написалъ многія статьи по славянскому отдѣлу. Будучи по призванію педагогомъ, покойный состоялъ преподавателемъ латинскаго и русскаго языковъ въ третьей гимназіи и въ гимназіи доктора Видемана. Въ 1901 году началъ читать лекціи въ петроградскомъ университетѣ по сербскому языку и поэзіи и затѣмъ перешелъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ учительскомъ институтѣ. Въ послѣдніе годы своей педагогической дѣятельности состоялъ воспитателемъ и секретаремъ педагогическаго совѣта третьей гимназіи, а въ Покровской женской гимназіи читалъ лекціи по славянскому языку. Вслѣдствіе тяжелой болѣзни И. Н. принужденъ былъ прекратить свою дѣятельность въ 1911 году. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914 г., № 13802).

† **Распоповъ, В. Е.** Скончался популярный одесскій книгоиздатель В. Е. Распоповъ. Покойный родился въ Одессѣ въ 1871 году и получилъ среднее образованіе во второй одесской гимназіи, которую окончилъ съ отличіемъ. Высшее образованіе покойный получилъ въ петроградскомъ университетѣ по юридическому факультету, который блестяще окончилъ со степенью кандидата правъ. По окончаніи курса онъ былъ зачисленъ въ составъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ петроградскаго округа. Но во второй половинѣ 90-хъ годовъ онъ уже оказывается въ ссылкѣ, причемъ въ мѣстахъ ссылки принималъ участіе въ повременныхъ изданіяхъ. Возвратившись изъ ссылки, покойный сталъ заниматься исключительно издательствомъ, перенесъ свою дѣятельность въ Петроградъ. Покойный недавно еще организовалъ издательство по естествознанію. Несмотря на злой недугъ (ракъ кишечника), онъ продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ. Мѣсяцевъ девять тому назадъ ему была произведена операція, но злокачественная опухоль не была уничтожена и послужила причиною смерти В. Е. Распопова. По убѣжденіямъ своимъ, В. Е. примыкалъ къ народникамъ. Въ разгарѣ книгоиздательской дѣятельности, В. Е. былъ выпущенъ въ свѣтъ рядъ переводныхъ и оригинальныхъ трудовъ по социальнымъ и экономическимъ вопросамъ. Книгоиздательство Вл. Распопова функционировало подъ девизомъ: «Въ знаніи и борьбѣ—сила и право». (Некрологъ его: «Одесскій Листокъ», 1914 № 185).

† **Святловскій, Е. В.** 6-го августа скончался Евгений Владимировичъ Святловскій. Медикъ по образованію, покойный Е. В. былъ извѣстенъ, какъ общественный дѣятель и литераторъ. Родился онъ въ 1853 году окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ въ 1875 году и съ того времени свои знанія и замѣчательную трудоспособность всецѣло отдавалъ общественной дѣятельности. Даже самая его докторская диссертація посвящена важному общественному вопросу—

санитарному положенію русскаго крестьянства. Въ 1882—1844 гг. Е. В. редактировалъ издаваемое въ Петроградѣ «Военно-Санитарное Дѣло»; затѣмъ, переселившись въ провинцію, жилъ преимущественно въ Украинѣ; былъ фабричнымъ инспекторомъ въ Черниговѣ, директоромъ губернской земской больницы и фельдшерской при ней школы въ Полтавѣ; за этотъ періодъ времени ему принадлежить капитальный трудъ по изслѣдованію смертности, рождаемости и прироста населенія Черниговской губерніи за 6 лѣтъ. Въ 1888—97 гг. состоялъ редакторомъ основаннаго имъ журнала «Земскій Врачъ». Живя въ Полтавѣ, Е. В. принималъ участіе въ редактированіи «Хуторянина» и затѣмъ—«Приднѣпровскаго Края» въ Екатеринославѣ. Прекрасно владѣя иностранными языками, Е. В., начиная со школьной скамьи и почти до самой смерти, занимался переводомъ сочиненій по всевозможнымъ отраслямъ науки и литературы, переводилъ же онъ всегда однѣ «хорошія книги»; ему русскіе, между прочимъ, обязаны чуть ли не лучшимъ переводомъ «Жизни Иисуса» Ренана. Послѣднія десять лѣтъ Е. В. жилъ въ Петроградѣ, гдѣ первое время служилъ въ обществѣ «Надежда», а по ликвидациі послѣдняго занималъ выборное мѣсто секретаря императорскаго вольнаго экономическаго общества. Послѣднюю должность Е. В. оставилъ всего съ полгода тому назадъ, вслѣдствіе тяжелой болѣзни, приковавшей его къ дому. Живя въ Петроградѣ, Е. В. не замкнулся въ работѣ, доставлявшей средства къ существованію, а былъ въ полномъ смыслѣ общественнымъ работникомъ: принималъ участіе въ организаціи различныхъ кооперативныхъ начинаній, преимущественно среди рабочаго населенія Петрограда, въ 1905 году состоялъ членомъ союза союзовъ; принадлежа къ народно-социалистической партіи, немало потрудился и по выборамъ въ государственную думу. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1914, № 213).

† **Середонинъ, С. М.** Въ ночь на 26-е іюля въ селѣ Красномъ на Волгѣ, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался Сергій Михайловичъ Середонинъ, профессоръ русской исторіи и инспекторъ петроградскаго историко-филологическаго института. С. М. Середонинъ родился въ 1860 году, учился въ петроградской VI гимназіи и на историко-филологическомъ факультетѣ петроградскаго университета. По окончаніи курса былъ оставленъ профессоромъ Замысловскимъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ русской исторіи и въ 1892 году получилъ степень магистра послѣ защиты диссертациі «Сочиненіе Джильса Флетчера» «Of the Russe Common Wealth», какъ историческій источникъ». Этотъ трудъ С. М. Середонина—главный его вкладъ въ русскую исторіографію, сохраняющей научное значеніе и по сіе время. Въ этомъ изслѣдованіи, написанномъ по методамъ формальнаго изученія исторіи, исповѣдывавшимся профессоромъ Замысловскимъ, уже сказалось вліяніе московской исторической школы. Другой огромный трудъ С. М. Середонина—«Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ»—написанъ по заказу этого учрежденія по случаю его столѣтняго юбилея и, несмотря на специфическія юбилейныя особенности, имѣетъ немалое значеніе для историковъ XIX вѣка. Въ основу его положенъ огромный архивный матеріалъ комитета министровъ. С. М. Середонинъ не могъ отдавать много времени ученой дѣятельности, такъ какъ онъ посвятилъ свое время занятіямъ педагоги-

ческимъ и административнымъ со времени назначенія инспекторомъ историко-филологическаго института. Не малое число студентовъ-филологовъ штудировало подъ его руководствомъ русскую исторію. (Некрологъ его: «День», 1914, № 202).

† **Туганъ-Барановская, Н. А.** 31-го іюля, въ девять часовъ утра, скончалась Наталія Александровна Туганъ-Барановская. Умерла еще очень молодой, 29 лѣтъ. Покойная, дочь профессора Клоссовскаго, была замужемъ за директоромъ канцеляріи министра путей сообщенія, гофмейстеромъ Н. И. Туганъ-Барановскимъ. Въ прошломъ году лѣтомъ, когда она жила около Ялты, съ ней случилось тяжелое несчастье—ожогъ почти всего тѣла вслѣдствіе лопнувшей лампы. Послѣ этого, при непрерывныхъ страданіяхъ, ей пришлось все время лечиться и перенести много тяжелыхъ операцій. Послѣднія операціи были въ Іенѣ, послѣ которыхъ, возвращаясь въ Россію, она была застигнута войной въ Бреславлѣ. Здѣсь ее арестовали и заключили въ одиночную тюрьму. Послѣ этого толпа на вокзалѣ напала на нее, избива и издѣвалась надъ нею, надъ еще не зажившими ея ранами. Это потрясеніе ее доканало. Умерла она черезъ два дня послѣ пріѣзда въ Петербургъ. Ея перу принадлежитъ помѣщенный въ іюльской книжкѣ «Русской Мысли» рассказъ, подъ заглавіемъ «Кома», просто и ярко выражающій душевныя переживанія при смертельной болѣзни (Некрологъ ея: «Новое Время», 1914» № 13788).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ», май 1914 г.; на стр. 449 въ подстрочной выноскѣ напечатано: «19-го октября—день выпуска изъ лицея». Это ошибка: 19-го октября день основанія лицея, неоднократно воспѣтая Пушкинымъ лицейская годовщина.

Секретарь явился къ ней вооруженнымъ съ головы до ногъ и тѣмъ не менѣе безсознательно подчинился ея очарованію. Рѣшившись ничего не рассказывать ей, онъ, однако, черезъ минуту разсказалъ ей обо всемъ. Впрочемъ, съ его стороны было бы и неучтиво оставить ея любопытство неудовлетвореннымъ. Сердито предоставивъ ей дѣлать изъ его разсказа выводы, какіе она знаетъ, онъ сказалъ:

— Я искалъ человѣка, ибо въ томъ обществѣ, въ которомъ я передъ тѣмъ находился, не оказалось ни одного.

— И нашли?

— Нѣтъ. Но я нашелъ нѣчто большее—настоящее человѣческое существо, хотя и не въ образѣ мужчины.

Въ его голосѣ зазвучали радостныя ноты, торжествующія и въ то же время вызывающія. Онъ какъ бы нарочно хотѣлъ подчеркнуть передъ этой, сидящей передъ нимъ красавицей, что онъ имѣетъ въ виду не ее.

— Поздравляю васъ,—спокойно отвѣтила она.—Я, по крайней мѣрѣ, еще не нашла, т. е. если понимать подъ словомъ «человѣкъ» нѣчто высокое, какъ это дѣлаете, повидимому, вы.

Въ ея голосѣ звучала печаль, и выраженіе ея лица перемѣнилось. Насмѣшливая улыбка исчезла, и лицо ея приняло мягкое, дѣтское выраженіе, какое бываетъ у дѣтей, которыхъ впервые постигаетъ какое-нибудь горе. Солнце давно уже перешло за окно, ярко освѣщенные вечернія облака бросали въ комнату розоватый отблескъ, мягко освѣщая сидѣвшую посрединѣ ея женщину. Она сидѣла совершенно спокойно. Ея глаза смотрѣли не на гостя, а куда-то вдаль, а рука покоилась на львиной головѣ, которой заканчивалась ручка кресла. Эта рука такъ совершенна и бѣла и имѣла на себѣ отпечатокъ такой невинности, что секретарь, взглянувъ на нее, почувствовалъ странное волненіе.

Ему хотѣлось плакать, что эта рука не такъ чиста, какъ красива. Розовыя тѣни, скользнувъ по фигурѣ женщины, спустились теперь на ея руку, и кончикъ ея четвертаго пальца загорѣлся, какъ рубинъ.

Едва сознавая, что онъ хочетъ стряхнуть странныя чувства, внушенныя ему этой рукой, секретарь сказалъ, отвѣчая на ея послѣднія слова:

— Почему же? Человѣкъ постигъ Бога. А постигнувъ такъ много, должны ли мы быть чѣмъ-то меньшимъ? Быть меньшимъ и горѣть отъ стыда всякій часъ нашей жизни? Сохрани Боже! Образъ Его въ сердцахъ нашихъ, и горе тѣмъ, кто осмѣливается осквернять Его!

Ея глаза попрежнему были устремлены на стѣну, гдѣ висѣло небольшое распятіе.

— Человѣкъ—не Богъ,—сказала она спокойно.

«истор. вѣстн.», сентябрь 1914 г., т. сxxxvii.

5

— Нѣтъ, не Богъ, но часть Его, и въ предѣлахъ плоти своей долженъ быть совершеннымъ.

— Кто же установитъ эти предѣлы?—спросила она, глядя ему прямо въ лицо.—Если вы предоставите каждому человѣку опредѣлять ихъ самому для себя, то они будутъ довольно узки.

— Этого не должно быть. Даже для человѣка самаго низкаго положенія они будутъ шире, чѣмъ онъ думаетъ. И съ каждымъ усиленіемъ они будутъ становиться все шире и шире.

Наступила пауза. Секретарь поднялся.

— Не смѣю утруждать васъ своимъ присутствіемъ, милэди. Мнѣ остается только благодарить васъ за милостивый пріемъ.

Лэди Изольда продолжала сидѣть.

— Я сказала, что видѣла васъ дважды. Вы еще не спросили, гдѣ я видѣла васъ второй разъ. Въ человѣкѣ, который стремится къ совершенству, это просто недостатокъ вѣжливости.

Магнувъ густо покраснѣлъ.

— Я боялся показаться назойливымъ,—возразилъ онъ.

— Хорошо сказано. Но я вамъ скажу, хотя вы меня и не спрашиваете. Это было незадолго до полудня, подъ этимъ самымъ окномъ, когда вы отдѣлали монаха. Я уже не говорю объ опасности, которой вы подвергались, ибо человѣкъ, даже въ обычномъ, а не только въ вашемъ смыслѣ слова, долженъ встрѣчать опасность безтрепетно. Но мнѣ понравился этотъ рыцарскій порывъ, который заставилъ васъ заштитить дѣвушку отъ прикосновенія этого монаха, хотя ваше дѣло было тутъ сторона. Вотъ что мнѣ хотѣлось сказать вамъ и вотъ почему я задержала васъ такъ долго. А теперь я не хочу задерживать васъ болѣе.

Она поднялась и стояла передъ нимъ, стройная и властная. Дѣтское выраженіе пропало на ея лицѣ. Осталась только важная дама, привыкшая ходить по заламъ королей и знающая о своей красотѣ и богатствѣ.

Секретарь почувствовалъ, что онъ дважды потерпѣлъ униженіе: первый разъ, когда онъ поднялся, чтобы уйти, не спросивъ на то позволеніе хозяйки, и теперь, когда его отпускали такимъ образомъ, какъ будто передъ нимъ была какая-нибудь королева, а не то, чѣмъ она въ дѣйствительности была.

Ея лицо было такъ повелительно, что ему не оставалось ничего другого, какъ прикоснуться губами къ рукѣ, протянутой ею. Тогда это было въ модѣ, хотя раньше онъ съ негодованіемъ отрицалъ самую возможность этого для себя.

Черезъ минуту онъ стоялъ уже на темной улицѣ.

Возвращаясь домой, онъ невольно раздумывалъ о той, которую только что покинулъ. Что касается ея красоты, то никто не можетъ отрицать, что она велика и необычайна. Но не на ней оставались его мысли. Онъ ожидалъ, что она броситъ на него

два-три снисходительныхъ взгляда, какъ избалованный ребенокъ на новую дешевую игрушку. Съ своей стороны, и онъ рѣшился не говорить съ ней ни слова больше того, что безусловно требовало вѣжливое исполненіе его порученія.

Но она выказала къ нему больше интереса, чѣмъ къ имперскому графу, а онъ... онъ говорилъ съ ней, какъ никогда не говорилъ ни съ одной женщиной, кромѣ своей невѣсты, хотя Фастрада и не понимала его такъ хорошо, какъ эта женщина, которую онъ презиралъ. Все его существо возставало при этой мысли. Но вина лежала на немъ самомъ. Говоря съ не искушенной дѣвушкой,— не то, что эта лэди Изольда,—онъ, очевидно, не умѣлъ найти надлежащихъ словъ.

Трудно было сказать, что онъ думалъ относительно этой послѣдней. Трудно было также и сказать, почему она думала о немъ послѣ его ухода.

Лэди Изольда потребовала свѣчей и приказала Жуазелѣ прочитать ей главу изъ «Романа о Розѣ». Но только что она начала читать, какъ явился другой посѣтитель.

— Высокопоставленный графъ Альбертъ фонъ-Галингенъ проситъ позволенія видѣть милэди.

Едва служанка успѣла произнести это имя, какъ Жуазель прыснула со смѣху.

— О, Господи!—воскликнула она.—Опять онъ! Не предсказывала ли я вамъ, милэди?

Ея госпожа продолжала оставаться серьезной.

— Если высокопоставленный графъ фонъ-Галингенъ проситъ объ этомъ, то надо, конечно, согласиться на его просьбу. Просите,— сказала лэди Изольда.

Графъ вошелъ увѣренно и съ улыбающимся лицомъ, какъ человекъ, который чувствуетъ свое право на любезный пріемъ.

— Надѣюсь, эти комнаты вамъ понравились?—спросилъ онъ на плохомъ французскомъ языкѣ, поздоровавшись съ нею.

— Мнѣ кажется, это лучшія комнаты въ гостиницѣ,—съ оттѣнкомъ пренебреженія отвѣчала лэди Изольда.

— Ну, конечно, вамъ случалось видѣть и лучшія.

— Да! Въ Луврскомъ дворцѣ лучше. Но вѣдь Констанць—не Парижъ.

— О, конечно. Но мы постараемся развлекать васъ и заставить васъ забыть о его недостаткахъ, насколько можемъ. Не сдѣлаете ли мнѣ чести раздѣлить со мной мой ужинъ сегодня вечеромъ?

Графъ былъ практичнымъ человекѣмъ, любившимъ итти прямо къ цѣли безъ долгихъ разговоровъ.

Лэди Изольда взглянула на него съ холоднымъ изумленіемъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я устала.

— Конечно, конечно. Я и забылъ. Вы имѣете такой свѣжій видъ. Ну, въ такомъ случаѣ, завтра.

На ея лицѣ еще явственнѣе приступило негодование.

— Ни сегодня, ни завтра.

Настала очередь графа удивляться.

— Но, стало-быть, какъ-нибудь потомъ?

— Тоже нѣтъ.

Графъ почувствовалъ себя обиженнымъ.

— Могу я спросить о причинахъ такого отказа?—надменно промолвилъ онъ.

— Конечно, хотя ваше собственное чувство приличія могло бы вамъ подсказать отвѣтъ. Но если ужъ вы меня спрашиваете, я вамъ отвѣчу. Потому, г. графъ, что я не имѣю чести быть съ вами знакома, а затѣмъ и потому еще, что подобныя приглашенія я принимаю только отъ моихъ друзей.

— А вы не хотите включить меня въ ихъ число?

— Вы ничего еще не сдѣлали, чтобы заслужить этого.

Графъ начиналъ уже сердиться. Неужели эта женщина воображаетъ, что ради нея онъ пойдетъ въ Святую Землю.

— Полагаю, что я для этого кое-что уже сдѣлалъ,—возразилъ онъ.

— Что же, напримѣръ?

— Развѣ я не терплю теперь крайнія неудобства только ради того, чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе?

— Уступкой вашихъ апартаментовъ?

Лэди Изольда разсмѣялась громкимъ, серебристымъ смѣхомъ.

— Вы, дѣйствительно, начинаете уже забавлять меня, не тратясь на ужинъ. Клянусь Богородицей Парижской! Вотъ человѣкъ, который воображаетъ, что можно приобрести мою дружбу, уступивъ мнѣ комнату въ гостиницѣ! Рискаю показаться дерзкой, я должна вамъ сообщить, что моя дружба приобретается не такъ-то легко. Что касается этихъ комнатъ, то, если вы ихъ такъ цѣните, вы можете получить ихъ обратно сегодня же вечеромъ.

Графъ сталъ протестовать всѣми силами.

— Я упомянулъ объ этомъ только въ доказательство моихъ намѣреній,—продолжалъ онъ, думая, что она хочетъ повысить себя цѣну.—Я, конечно, сдѣлаю все, что вы пожелаете.

Для него, не располагавшаго свободными деньгами, это было ужасной уступкой.

— Въ такомъ случаѣ отправляйтесь на освобожденіе Святой Земли,—серьезно промолвила лэди Изольда.—Я всегда считала вѣчнымъ позоромъ для христіанскихъ рыцарей, что они примирились съ своимъ пораженіемъ и не попытались загладить его. Когда вы справитесь удачно съ этимъ дѣломъ, тогда, быть можетъ, мы поговоримъ и объ остальномъ.

Теперь и графъ въ своемъ негодованіи нашель въ себѣ даръ слова.

— Да вы съ ума сопли!—вскричалъ онъ.—Вы смѣтаете надо мной.

— Я смѣюсь надъ вами! Кто вы такой и что вамъ угодно, господинъ графъ?

Она поднялась съ своего мѣста, и въ ея голосѣ, который до сего времени звучалъ такъ мягко и мелодично, послышались какіе-то металлическіе звуки, какъ будто сталь ударялась о сталь.

— По какому праву? Когда въ Амьенѣ при моемъ пріѣздѣ не оказалось свободныхъ комнатъ, мнѣ уступилъ свои апартаменты герцогъ Глостерскій, довольствуясь въ награду одной моею улыбкой. А вы... вы должны были бы благодарить меня за то, что я дала вамъ случай сдѣлать что-нибудь для моего комфорта, благодарить меня за то, что я удостоила принять отъ васъ эту услугу. А вы приходите сюда и говорите со мной, какъ будто вы имѣете какія-то права, ужъ не знаю, на что. Правда, я не похожа на вашихъ такъ называемыхъ порядочныхъ женщинъ, которыя готовы продавать себя каждый день, если вы будете оплачивать ихъ и позовете священника для заключенія контракта. Я же отдаюсь тогда, когда хочу сама, и тому, кто меня достоинъ. Еще недавно мнѣ предлагалъ свою любовь король Сизимундъ. Онъ показался слишкомъ незначительнымъ и недостаточно могущественнымъ для моей любви. Неужели вы больше его? Неужели ваше вліяніе на міровыя событія больше, чѣмъ его, и потому вы осмѣливаетесь являться сюда съ такими рѣчами?

Она стала опять спокойной. Ея грудь едва волновалась, пока она говорила. Но гнѣвъ, свѣтившійся въ ея глазахъ, еще продолжалъ сказываться въ голосѣ и въ каждомъ ея жестѣ.

Никогда въ жизни не чувствовалъ графъ такого униженія. Его жена отличалась энергичными манерами и рѣзкимъ языкомъ, но никогда онъ не чувствовалъ себя въ ея присутствіи такъ, какъ чувствовалъ себя теперь. Онъ былъ подавленъ. Онъ понялъ, что есть вещи, которыя были не въ его власти, что въ жизни есть величіе, которое сводитъ къ нулю всѣ общеустановленныя правила, и что едва ли слѣдуетъ пренебрегать старыми отмиравшими законами рыцарства.

Онъ возбудилъ въ ней только гнѣвъ и негодованіе, но какова должна быть эта женщина, если кому-нибудь удастся затронуть ея сердце! Правда, она не принадлежала къ числу тѣхъ, которыхъ мужчины именуютъ порядочными. Но кто изъ нихъ порядоченъ? Увы! Міръ былъ такъ несовершенъ, что графъ, не отличавшійся особой чувствительностью, вдругъ ощутилъ въ себѣ тоску. Дѣлать было нечего, приходилось исправлять свой промахъ!

Его прощаніе показало его съ болѣе выгодной стороны, чѣмъ появленіе.

— Вы правы,—просто сказалъ онъ.—Прошу почтительнѣйше извиненія за мою дерзость. Прошу также разрѣшенія поблагодарить васъ за то, что вы позволили мнѣ оказать вамъ услугу.

— Охотно,—сказала она.

Она протянула ему руку, и графъ, нагнувшись, слегка прикоснулся губами къ ея пальцамъ, низко поклонился и вышелъ.

Лэди Изольда довольно долго стояла неподвижно на своемъ мѣстѣ. Ея глаза были устремлены на дверь, какъ будто она видѣла тамъ что-то необычайное.

Изъ амбразуры окна вышла ея служанка. Она сидѣла тамъ, скрытая за занавѣской.

— Это было великолѣпно,—сказала она.—Я ждала смѣшной сцены, но вышло еще лучше. Милэди, вы само совершенство..

Ея госпожа взглянула на нее какъ-то растерянно.

— Само совершенство! О, Боже мой!

И она залилась слезами.

ГЛАВА V.

Гроза и буря.

На улицахъ добраго города Констанца бушевала буря. Зародилась она далеко, на низменныхъ равнинахъ Венгріи и, постепенно захватывая пространство, получила большую силу. Всю ночь неслась она надъ Австріей и возвышенностями Баваріи и къ вечеру достигла Констанца. Проснувшіеся утромъ обыватели, окна которыхъ выходили на озеро, съ удивленіемъ смотрѣли на сердитую красную полосу, разрывающую облака, которыя нависли на восточномъ горизонтѣ между Линдау и Брегенцомъ. Видно было, какъ ихъ тяжелая гряда колеблется, мало-по-малу разрывается и наконецъ летитъ по блѣдному предразсвѣтному небу, словно въ какомъ-то безумномъ бѣгствѣ.

Видно было, какъ затлѣлъ было занимавшійся огонекъ зари, но пертурбація въ воздухѣ задула его, и онъ быстро замеръ. Озеро, закованное въ темныхъ, мрачныхъ берегахъ, приобрѣло какой-то стальной, зловѣщій цвѣтъ. Застигнутые на немъ люди крестились и торопливо направлялись къ берегу. Время у нихъ еще было: озеро пока какъ бы замерло въ трепетномъ безмолвіи. Потомъ вдругъ по мелкой ряби его поверхности пронесся странный, глухой вой, могучее дыханіе бури стало вздывать его волны. Черезъ минуту эти волны превратились въ бѣлую, клубящуюся массу, съ бѣшенствомъ несущуюся на городъ, пока набережная не преградила ей путь. Завывая и бѣснуясь, пронеслась буря черезъ гребни ледо-

рѣзовъ, яростно обдавая ихъ пѣной. Брызги долетали до самыхъ оконъ городскихъ домовъ, и волны, перепрыгивая черезъ парапетъ набережной, заливали улицы.

Волны обмывали ихъ съ такой яростью, какъ будто хотѣли очистить ихъ отъ вѣками накопившейся на нихъ грязи. Буря ворвалась въ комнату, гдѣ хранились акты собора, сорвавъ съ петель ветхую, извѣденную червями раму, стекла которой со звономъ разлетѣлись во всѣ стороны. Кто-то изъ коридора хотѣлъ войти въ комнату, чтобы не дать разлетѣться драгоценнымъ документамъ, но буря съ такой силой ударила его въ лицо дверью, что онъ почти безъ чувствъ упалъ на землю. Она сорвала всѣ обложки отъ соборныхъ актовъ и могучимъ свѣжимъ дыханіемъ носилась надъ этими столь ревниво охраняемыми документами, носилась грозно и триумфально, какъ будто она имѣла власть смести эти свидѣтельства заблужденій, эгоизма и темноты. Увы! этого она не могла сдѣлать: слишкомъ много было всего этого. Чернила давно высохли, а пергаментъ былъ проченъ. Но она сдѣлала все, что могла: она подняла пыль въ самыхъ сокровенныхъ углахъ, гдѣ она такъ давно лежала толстымъ слоемъ, и сбросила на полъ не мало книгъ, недостойныхъ лежать на столахъ. Не имѣя силъ сдѣлать еще что-нибудь, она съ воемъ носилась вокругъ зданія, срывая съ крыши и въ безсильномъ гнѣвѣ бросая на улицу черепицу, отъ которой случайные прохожіе должны были искать убѣжища.

И среди этого рева бури въ вышинѣ слышны были громкіе и ясные, словно боевой рожокъ, крики ласточекъ. Несмотря на ужасы, творившіеся въ воздухѣ, онѣ не улетали. Сильна была буря, но еще сильнѣе было влеченіе, приведшее ихъ сюда издалека. Не боясь яростной пертурбаціи въ небесахъ, онѣ смѣло носились между борющимися облаками и кучами садились на башни.

Несмотря на то, что окно присутственной комнаты городского секретаря было заперто крѣпко, воздухъ и здѣсь предвѣщалъ бурю. Въ комнатѣ было еще тепло отъ вчерашняго камина. Но два человекъ, стоявшіе около него, рѣшительно не обращали вниманіе на то, холодно въ комнатѣ или тепло. Приближеніе весны касалось ихъ очень мало.

Передъ секретаремъ стоялъ разсылный совѣта—тотъ самый, который, желая избавить себя отъ лишнихъ хлопотъ, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, передалъ порученіе совѣта не секретарю, а его матери.

— Другой разъ не буду, ваша милость.—Ваша матушка думала, что вы не желаете, чтобы васъ беспокоили...

— Нехорошо, мастеръ Гейнрихъ,—строго прервалъ его секретарь.—Это уже въ третій разъ. Когда-нибудь дѣло кончится плохо. Бумаги совѣта должны передаваться тому, кому онѣ адресованы, а не другимъ. Это я вамъ уже не разъ говорилъ.

— Я знаю, ваша милость. Но на этотъ разъ...

— Если вы не можете помнить, что вы должны дѣлать, то вы не годитесь для вашей службы.

— Это правда, ваша милость. Но я этого и не забываю. Позвольте вамъ сказать все по правдѣ, ваша милость.

Разсыльный замолчалъ.

— Ну,—холодно промолвилъ секретарь.

Разсыльный уже раскаивался въ своихъ словахъ, но было уже поздно и приходилось продолжать.

— Ваша матушка дала мнѣ зильбергрошъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Деньги мнѣ были очень нужны, кромѣ того, я думалъ, что это все равно...

Секретарь давно уже подозрѣвалъ это.

— Стало быть, вы позволяли себѣ брать взятки, когда васъ посылали по служебному порученію. И вы считаете, что тутъ есть какое-нибудь извиненіе!?

— Я не то, чтобы забылъ обо всемъ этомъ. Но ужъ слишкомъ сильно было искушеніе. Да и дѣло было вовсе не важное...

— Хорошія могутъ произойти вещи, если вы будете исполнять приказанія, какъ вамъ заблагоразсудится! Довольно! Этого совершенно достаточно для того, чтобы уволить васъ. Мнѣ очень жаль, что вамъ придется пострадать, но иногда временныя лишенія исправляютъ людей.

Секретарь былъ въ отвратительномъ настроеніи духа. Вчера онъ поздно вернулся домой,—онъ говорилъ лэди Монторгейль правду, утверждая, что его ждетъ куча дѣлъ въ городской ратушѣ. Но они не задержали бы его такъ долго, если бъ въ послѣднюю минуту онъ не обнаружилъ, что въ одномъ изъ отчетовъ, сдѣланныхъ его подчиненными, вкрались ошибки. Пришлось исправлять ихъ до поздняго времени. Было, по всей вѣроятности, около двухъ часовъ ночи, когда онъ вернулся домой. Мать дожидалась его. Ея лицо съ каждымъ часомъ становилось все болѣе и болѣе торжествующимъ и порочнымъ. Она, конечно, не вѣрила, чтобы онъ провелъ ночь за работой на службѣ, и воображала, что ей представляется удобный случай укрѣпить свою позицію и выклянчить у него денегъ на свои надобности. Если у него сейчасъ ихъ нѣтъ, то онъ долженъ достать ихъ, какъ это дѣлаютъ другіе служащіе, не столь щекотливые. Между матерью и сыномъ произошла бурная сцена. Секретарь горячо желалъ въ душѣ, чтобы его мать прошла хорошую школу нужды и познала на самомъ дѣлѣ, что такое бѣдность. Можетъ быть, это образумитъ ее, когда другія средства не дѣйствуютъ.

Остальную часть ночи онъ ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ. А утромъ жестоко досталось несчастному разсылному, который явился невольной причиной всего этого. Бѣдняга, попавшій

въ самое стѣсненное положеніе, вздумалъ оправдаться и сказалъ то, чего совсѣмъ не слѣдовало говорить.

— Потерпите еще, господинъ секретарь. Я не могу сейчасъ обойтись безъ этого мѣста: у меня ребенокъ боленъ, и хозяинъ требуетъ плату за квартиру. Я знаю, вы не долюбливаете другого секретаря, да онъ и въ самомъ дѣлѣ ведетъ себя не такъ, какъ бы долженъ былъ. Но если вы простите меня, то я вамъ скажу одну вещь, отъ которой онъ будетъ всецѣло въ вашей власти. Время отъ времени онъ посылаетъ черезъ меня письма къ...

Черезъ минуту онъ уже сообразилъ, что не долженъ былъ говорить этого, но было уже поздно. Несмотря на свою страстную натуру, Магнусъ Штейнъ отличался большимъ самообладаніемъ. Но когда гнѣвъ его прорывался наружу, онъ становился страшнымъ. Онъ сдѣлалъ шагъ къ несчастному разсылному, который забился въ уголъ. Слова замерли у него на губахъ.

— Что!—закричалъ секретарь.—Ты надѣнешся этимъ путемъ сохранить за собою мѣсто! Ты—подлецъ и меня хочешь сдѣлать подлецомъ? Воображаешь, что я буду мстить своимъ врагамъ за ихъ спиной, какъ ночной разбойникъ? Какъ жаль, что я не прогналъ тебя раньше! Убирайся, и чтобы духа твоего здѣсь не было!

Разсылный бросился ему въ ноги.

— Простите! Мой ребенокъ...

— Вотъ твое жалованье за мѣсяць. Это все, что у меня есть. Убирайся! Знать тебя не желаю.

Когда разсылный ушелъ, секретарь подошелъ къ окну и запахнулъ его. Въ свѣжемъ воздухѣ бури, грудь его дышала жадно.

— Пытаться подкупить меня!—воскликнулъ онъ.—Меня, который не щадилъ никакихъ трудовъ для того, чтобы вдолбить этому народу, что, кромѣ пищи и сна, существуетъ еще нѣчто, что есть еще въ жизни честь. И вотъ результатъ! Я просто задыхаюсь!—страстно продолжалъ онъ.—Какъ мало воздуха! И это они называютъ бурей и бѣгутъ скорѣе подъ крышу! А между тѣмъ эта буря безсильна истребить смрадъ отъ пребыванія этого человѣка въ моей комнатѣ.

Но буря не желала, чтобы надъ ней издѣвались безнаказанно. Она завывала, какъ легіонъ демоновъ, и съ такой свирѣпостью вдругъ ворвалась въ комнату, что секретарь былъ отброшенъ отъ окна къ противоположной стѣнѣ. Бросившись на столъ, буря переверотила на немъ все и сбила въ одну беспорядочную кучу бумаги, перья, чернильницу и все, что на немъ находилось. Чернила разлились по столу и черной струей потекли на полъ, а вихрь заходилъ кругомъ по комнатѣ. Онъ сорвалъ висѣвшую на стѣнѣ шапку секретаря и бросилъ ее прямо въ чернильный потокъ. Завывая, какъ сумасшедшее существо, онъ переверотилъ всю пыль, накопившуюся въ углахъ, и развѣялъ ее по воздуху. Одну за другой

онъ сбросилъ все бумаги со стола и, окунувъ ихъ въ чернила, завертѣлъ въ дикомъ танцѣ по всему полу. Трахъ! Съ шкапа слетѣлъ кувшинъ съ водой и нѣсколько стакановъ, а со дна камина поднялось цѣлое облако сажки. Какъ будто самъ дьяволъ ворвался въ этотъ уголокъ спокойствія и порядка, обреченный теперь въ жертву богамъ разрушенія.

— Урра!—ревѣла буря.—Теперь я покажу вамъ, что я такое.

Но секретарь только смѣялся.

— Мало!—кричалъ онъ ей въ отвѣтъ.—Чернила не достаточно черны, чтобы скрыть черноту того, что здѣсь написано. Тутъ грабежъ и несправедливость! Деньги вдовъ и сиротъ отдаются людямъ недостойнымъ. Еще сегодня утромъ написалъ я ассигновку на банкетъ, а вѣдь она взята изъ налога на самыхъ бѣдныхъ! Бушуй, буря, бушуй,—не стереть тебѣ слѣдовъ несправедливости ни тутъ, ни на улицѣ!

Отъ этихъ упрековъ буря затихла и бросилась обратно наружу, гдѣ некому было смѣяться надъ ней. Секретарь опять подошелъ къ окну и смотрѣлъ, какъ она разрушала черепичныя крыши и свалила трубу—другую. Съ страшнымъ грохотомъ падали онѣ на каменную мостовую, распространяя вокругъ себя облако черной пыли, которая разносилась по воздуху, какъ дымъ.

Секретарь продолжалъ смѣяться. Его смѣшилъ и видъ его комнаты, и зрѣлище прохожихъ, которые, схватившись руками за голову, стремглавъ бѣжали по улицѣ.

А въ вышинѣ опять раздавались пронзительные крики ласточекъ, ясные и безстрашные. Но ихъ голоса не радовали ни прохожихъ на улицѣ, ни одинокаго человѣка, стоявшаго у окна городской ратуши.

— Ломай, превращай ихъ въ прахъ, разрушай дома. Пусть люди, въ знакъ раскаянія, унесутъ пыль отъ нихъ на своихъ головахъ. Можетъ быть, при всеобщемъ разрушеніи вспомнятъ они о неизбѣжномъ концѣ, для котораго они созданы.

— Аминь!—завыла буря.

Новый яростный порывъ ея ударилъ прямо въ лицо секретарю. Въ то же время струя воздуха коснулась его спины. Обернувшись, онъ увидѣлъ, что дверь въ комнату открылась и что кто-то хочетъ войти въ нее. Онъ съ усиленіемъ захлопнулъ окно. Вошелъ Мангольтъ.

— Господи, Боже мой!—вскричалъ онъ.—Что это вамъ пришло въ голову отворять окно. Развѣ въ такую погоду можно отворять окна? Съ ума вы сошли, что ли, мастеръ?

— Можетъ быть,—не двигаясь, отвѣчалъ тотъ.

Бургомистръ посмотрѣлъ на него въ изумленіи и сказалъ:

— Ну, ужъ въ этомъ виновать не я.

— О, конечно. Въ этомъ отношеніи ваша милость можете быть совершенно спокойны. Это случилось раньше, чѣмъ вы пришли.

Бургомистру стало страшно отъ этого спокойствія.

— Вы, кажется, относитесь къ этому довольно равнодушно!— вскричалъ онъ.

Еще разъ онъ осмотрѣлъ разрушенія, которая надѣлала въ комнатѣ буря, подошелъ къ столу и поднялъ какую-то бумагу.

— Реестры! Совершенно испорчены. Придется все передѣлывать.

— До завтра они не повадоятся. Вчера я добрую часть ночи переписывалъ то, что въ нихъ было невѣрно. А сегодня я всю ночь буду переписывать то, что въ нихъ испорчено.

— Работали двѣ ночи подъ рядъ!

Мангольту никогда не приходилось дѣлать этого.

— Впрочемъ, вы молоды, а работу сдѣлать надо. Но бумага, господинъ секретарь, бумага! Вѣдь она тоже стоитъ чего-нибудь. Вы забыли объ этомъ?

— Пусть вычтутъ изъ моего жалованья.

— Легко сказать. Вы не такъ богаты, и ваша мать будетъ не совсѣмъ-то довольна.

Въ глазахъ секретаря блеснулъ огонекъ.

— Это послужить ей на пользу. У нея всего довольно.

— Очень непочтительный отвѣтъ, господинъ секретарь. Мы должны уважать нашихъ родителей, несмотря на ихъ недостатки. Кстати, мнѣ нужно сказать вамъ два слова. Почему вчера утромъ вы вели себя такъ странно? Нѣкоторые утверждаютъ, что вы хотѣли показать свое неуваженіе къ городскому совѣту.

— Это очень жаль,—спокойно отвѣчалъ секретарь.—Это недоразумѣніе произошло отъ того, очевидно, что я буквально перевелъ греческое слово «anthropos», которое относится къ виду, теперь уже вымершему, къ полубогамъ, полутитанамъ,—сердито прибавилъ онъ.

— Мастеръ Шварцъ тоже говорилъ что-то подобное. Онъ называлъ и греческаго мудреца, который, по его словамъ, навелъ васъ на эту мысль. Но его объясненіе показалось недостаточнымъ.

— Чрезвычайно сожалѣю, что члены совѣта почувствовали себя оскорбленными. Я вполне понимаю, что нельзя и требовать отъ людей въ ихъ положеніи, чтобы они дѣйствовали иначе, чѣмъ они дѣйствуютъ на самомъ дѣлѣ.

— Очень радъ, что слышу это,—подхватилъ бургомистръ, который не надѣялся на то, что секретарь будетъ такъ уступчивъ. Фастрада успѣла уже приготовить почву, и бургомистръ теперь удовольствовался бы и меньшими извиненіями.—Я такъ и скажу имъ. Я былъ увѣренъ, что вы дадите такія объясненія, которыя ихъ удовлетворяютъ. Стало быть, дальше это дѣло не пойдетъ. Но на будущее время я совѣтую вамъ быть осторожнѣе. Когда-нибудь и вамъ придется стоять во главѣ семьи, а можетъ быть, и города,

вотъ какъ я теперь. Явится потребность комфорта и обезпеченности, ибо въ концѣ концовъ всѣмъ людямъ надо ѣсть и пить. Съ этимъ ничего не подѣлаешь.

— Писано есть: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ. Впрочемъ, это едва ли слѣдуетъ понимать буквально.

— Конечно. Какъ можетъ человѣкъ жить словомъ? Да и не намъ, свѣтскимъ людямъ, толковать писаніе. Наше дѣло—жениться, плодить дѣтей; заботиться о нихъ и воспитывать ихъ и, насколько возможно, то же дѣлать и относительно нашихъ согражданъ.

— То есть прежде всего заставить ихъ думать объ обезпеченности и комфортѣ?

— Именно,—отвѣчалъ бургомистръ, радуясь, что его собесѣдникъ понимаетъ его такъ хорошо.—Объ остальномъ позаботится духовенство. Это ихъ дѣло, и за него отвѣчаютъ они, а не мы.

— А если они заблуждаются сами?

— Ну, тогда вина падаетъ на нихъ. Если же мы начнемъ задаваться такими вопросами, то это приведетъ насъ къ тому же, къ чему пришли Янъ Гуссъ и Иеронимъ Пражскій,—возбужденно закричалъ Мангольтъ.

Объ этомъ съ нимъ нельзя было говорить.

— Да, это, конечно, рискованно,—спокойно согласился секретарь.

— Вотъ видите! Ихъ сожгли на этомъ свѣтѣ, а, можетъ быть, будутъ жечь и на томъ,—промолвилъ бургомистръ, понижая голосъ. Поэтому не будемъ думать о такихъ вопросахъ и станемъ заниматься своимъ дѣломъ. А теперь я дамъ вамъ еще одинъ совѣтъ: не спорьте никогда съ тѣми, кто сильнѣе васъ.

— Но какъ же я могу знать напередъ, кто меня сильнѣе?

— Ахъ, ты, Господи, Боже мой! Каждый человѣкъ, который въ своемъ умѣ, можетъ сообразить это. Могу же я понять, что, напримѣръ, папа, король и даже кардиналъ Бранкаччо сильнѣе меня.

— Это вѣрно,—согласился секретарь.—Онъ, повидимому, находился въ особенно сговорчивомъ настроеніи.

— Ну, вотъ видите,—наивно воскликнулъ бургомистръ.—Я только бургомистръ одного и притомъ не самаго большого города въ имперіи. А вы еще меньше меня, мастеръ секретарь. Никогда не нужно забывать о своемъ положеніи. Я очень радъ, что теперь вы, очевидно, понимаете это. Иначе едва ли я отдалъ бы за васъ когда-нибудь Фастраду, хотя она и очень умная дѣвушка. Не придете ли вы сегодня къ намъ обѣдать? У насъ сегодня лаксъ-форель—чудная рыба, которую мнѣ вчера поднесла корпорація рыбаковъ. По-бургундски, съ мускатомъ.

Мускатный орѣшекъ былъ большой рѣдкостью въ тѣ времена, и бургомистръ хотѣлъ подмѣтить на лицѣ секретаря, какой эффектъ

произведутъ эти слова. Но на этомъ лицѣ не отразилось никакой радости.

Разочаровавшись въ своихъ ожиданіяхъ, бургомистръ продолжалъ:

— Кардиналь Бранкаччо былъ очень доволенъ, когда я сказалъ ему объ этомъ сегодня утромъ. Ему уже давно хотѣлось попробовать рыбу, приготовленную такимъ способомъ. Кстати, и для васъ представится удобный случай встрѣтиться съ нимъ не въ такой официальной обстановкѣ, какъ прежде. Это знатный князь церкви, любезный и привѣтливый. По крайней мѣрѣ, онъ всегда былъ такимъ по отношенію ко мнѣ, хотя другіе называютъ его высококомѣрнымъ. Но за моимъ столомъ онъ не будетъ высококомѣрнымъ. Итакъ, жду васъ къ двѣнадцати часамъ. Но вы должны быть аккуратны: кардиналь не любитъ дожидаться обѣда.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ секретарь.—Боюсь, что у меня не будетъ свободнаго времени. Какъ вы сами сказали, эти бумаги нужно переписать къ завтрашнему дню. Нельзя терять ни минуты. Кромѣ того, сегодня вечеромъ я долженъ засвидѣтельствовать свое почтеніе кардиналу камбрійскому.

— Если вы хотите работать, то я, конечно, не буду васъ отвлекать. У васъ есть враги въ совѣтѣ, ибо вы на половину иностранецъ, какъ вамъ извѣстно. Поэтому будетъ не худо показать себя ревностнымъ работникомъ. Кромѣ того, кардиналь камбрійскій пользуется большимъ вліяніемъ. Жаль, что вы не можете устроиться иначе. Подумайте,—важная рыба въ бургундскомъ винѣ! Въ настоящемъ старомъ бургундскомъ, а не въ томъ, которое обычно употребляютъ при стряпнѣ.

Круглое лицо бургомистра приняло нѣжное выраженіе при воспоминаніи о винѣ. Прежде, чѣмъ отпустить его, Фастрада дала ему попробовать хорошій стаканъ.

— Бургундское и мускатъ! Какъ жаль, что вы не можете! Впрочемъ, Фастрада оставитъ для васъ кусочекъ и, надо думать, не худой. О, хитрецъ! Самъ это знаетъ!

Онъ ласково хлопнулъ его по плечу и вышелъ.

Секретарь посмотрѣлъ ему вслѣдъ съ какимъ-то неопредѣленнымъ выраженіемъ лица. Потомъ онъ привелъ комнату въ порядокъ и сѣлъ за работу.

Когда пробило одиннадцать часовъ, онъ всталъ и подошелъ къ окну.

— Фастрада обѣщала встрѣтиться со мною въ одиннадцать часовъ на площади,—прошенталь онъ.—Но въ такую погоду она, очевидно, не придетъ.

Тѣмъ не менѣе онъ сошелъ на площадь и съ полчаса ходилъ туда и сюда. Но она не пришла.

Секретарь опять сѣлъ за работу. Закусить ему было нечѣмъ.

Домой итти не хотѣлось, а деньги онъ всѣ отдалъ, и теперь ему было не на что взять обѣдъ изъ таверны.

Онъ усердно писалъ до наступленія вечера. Онъ зажегъ свѣчи и еще съ часъ продолжалъ писать, пока не окончилъ работы. Захлопнувъ книги, онъ надѣлъ плащъ и отправился къ кардиналу камбрійскому. Онъ остался и безъ ужина, но не обращалъ вниманіе на это.

Въ это время кардиналъ обыкновенно принималъ своихъ друзей, т. е. всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ былъ болѣе или менѣе близокъ. Какимъ образомъ въ число этихъ друзей попалъ и секретарь, общественное положеніе котораго не давало ему право на это и который, въ своей гордости, самъ старался держаться подалеже отъ сильныхъ міра сего—этого не зналъ никто.

Буря бушевала еще довольно сильно, когда онъ затворилъ за собой ворота ратуши. Она едва не сорвала съ него плаща. Стоялъ мартъ, и западный вѣтеръ въ это время давалъ чувствовать себя въ Констанцѣ особенно сильно. Но Магнусъ только покрѣпче застегнулъ свой плащъ и быстрымъ шагомъ шелъ впередъ, дѣлая время отъ времени глубокіе вздохи. Свѣжій воздухъ и неожиданные порывы вѣтра, встрѣчавшаго его на перекресткахъ, какъ будто доставляли ему особое удовольствіе.

Была темная ночь, и крыши и гребни домовъ рѣзко выдѣлялись черными пятнами на фонѣ неба, по которому вѣтеръ гналъ кучи разорванныхъ облаковъ. Иногда кое-гдѣ блестѣла звѣзда, переливаясь какимъ-то необычайно яркимъ свѣтомъ, иногда на стѣнѣ вспыхивало желтое пятно, когда на противоположной сторонѣ за спущенными шторами зажигали лампу. Но такихъ свѣтовыхъ пятенъ было мало: окна большею частью были съ закрытыми ставнями, если только вѣтеръ не сорвалъ ихъ съ петель.

Улицы были безлюдны. Не встрѣчая никакихъ препятствій, буря свободно носилась по нимъ. Разъ или два секретарю встрѣтилось нѣсколько закутанныхъ прохожихъ. Они шли, держась поближе къ домамъ, и исчезали гдѣ-нибудь въ ближайшемъ переулкѣ. Женщина повстрѣчалась ему всего одинъ разъ. Это было на перекресткѣ, откуда широкой проѣздъ опускался прямо къ озеру. Дома здѣсь стояли далеко другъ отъ друга, и мостовая была освѣщена слабыми, колеблющимися отблесками. По срединѣ перекрестка она остановилась, тщетно борясь съ вѣтромъ, который несся отъ пристани сплошнымъ сильнымъ потокомъ, пока не наталкивался на рядъ домовъ, стоявшихъ на площади. Для вѣтра не было другого выхода, какъ завернуть въ сосѣдніе узкіе извилистые переулки, гдѣ онъ бушевалъ, какъ разъяренный звѣрь. Дикими порывами бросался онъ отъ одной стѣны своей клѣтки къ другой, крутясь около женщины, стоявшей на перекресткѣ и едва державшейся на ногахъ. Подъ ногами было грязно и скользко—вѣтеръ цѣлый день обдавалъ

каменную мостовую брызгами фонтана, и буря смѣло могла свалить ее съ ногъ. Она и упала, но съ большимъ усиліемъ быстро поднялась. Ея одежды развѣвались вокругъ нея, словно въ какомъ-то безумномъ танцѣ, и секретарь не могъ разсмотрѣть, была ли она красива или нѣтъ, молода или стара. Если бы онъ былъ увѣренъ въ послѣднемъ, онъ, безъ сомнѣнія, подошелъ бы къ ней и предложилъ ей свою помощь. Вѣдь принесъ же онъ однажды съ одного конца города на другой поклажу какой-то старушки. Пока онъ раздумывалъ, какъ ему поступить, вѣтеръ откинулъ словно парусъ, ея плащъ, подъ которымъ оказалась стройная, красивая фигура.

Секретарь пошелъ дальше своей дорогой. Въ городѣ было цѣлое полчище женщинъ легкаго поведенія. Можетъ быть, буря послужить на пользу одной изъ нихъ. Что дѣлать молодой честной дѣвушкѣ на улицѣ, одной, въ этотъ часъ и въ такую погоду?

Немного спустя онъ уже входилъ къ кардиналу камбрійскому. Здѣсь, какъ онъ и опасался, уже собралось цѣлое общество: кардиналъ Бранкаччо, знаменитый гуманистъ мессеръ Франческо Поджіо и великій проповѣдникъ Джиминьяно Инграмини. Секретарю, впрочемъ, было не до общества, хотя бы и столь блестящаго. Онъ пришелъ для того, чтобы рассказать кардиналу о своемъ столкновеніи съ монахомъ, а этого-то теперь и нельзя было сдѣлать.

— Извиняюсь, что потревожилъ ваше преосвященство въ то время, когда вы заняты съ своими друзьями,—сказалъ онъ, отвѣщая церемонный поклонъ.—Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее почтеніе и прийти какъ-нибудь въ другой разъ.

— Нѣтъ, не позволю. Оставайтесь съ нами до вечера,—отвѣчалъ знаменитый отецъ церкви.—Вы тоже принадлежите къ числу моихъ друзей. Я, по крайней мѣрѣ, увѣренъ въ этомъ. А высокая компанія, блестящая по своимъ талантамъ, безъ сомнѣнія, будетъ рада, что она увеличивается новымъ достойнымъ ея членомъ.

— Мы всѣ гордимся дружбой нашего достопочтеннаго хозяина и рады видѣть еще одного изъ его друзей. Особенно такого, который показалъ себя мастеромъ въ языкѣ боговъ,—промолвилъ Поджіо съ легкимъ итальянскимъ акцентомъ.

Секретарь дѣйствительно хорошо говорилъ на латинскомъ языкѣ—языкъ всѣхъ тѣхъ, кто претендовалъ на образованность, изящество и эрудицію. Говорить настоящими классическими оборотами считалось, въ Италіи по крайней мѣрѣ, верхомъ благородства. Многіе зажиточные люди говорили и понимали по-латыни, но, въ противоположность прежнимъ временамъ, люди стали теперь строже, и варварская латынь среднихъ вѣковъ сдѣлалась предметомъ ужаса и насмѣшекъ. На нее сыпались жестокіе удары со стороны ученыхъ, неутомимо изучавшихъ писанія древнихъ.

Остальные гости кардинала Камбрійскаго, въ свою очередь, ска-

зали нѣсколько любезныхъ словъ, на которыя секретарь отвѣтилъ, какъ подобало.

Когда всѣ снова заняли свои мѣста, хозяинъ сказалъ:

— Я очень счастливъ, что вижу сегодня столько друзей вокругъ себя. Не явился только одинъ, хотя и обѣщаль прійти. Впрочемъ, едва ли можно ожидать, чтобы дама пришла въ такую погоду.

— Будемъ надѣяться, что она придетъ,—съ жаромъ сказалъ знаменитый гуманистъ. Ибо однихъ мужчинъ, безъ дамъ, недостаточно. Будемъ надѣяться, что сегодня она будетъ не только Венерой, но и Минервой, которая находитъ удовольствіе въ грозѣ и бурѣ, хотя я и вѣрю, что придетъ часъ—и она опять станетъ Венерой...

— Никто не сомнѣвается въ вашемъ желаніи, мессеръ Франческо,—отвѣчалъ съ улыбкой хозяинъ. Служителямъ музъ слѣдовало бы, впрочемъ, отдавать пальму первенства Минервѣ.

— Онѣ обѣ великія богини. Каждая въ свое время. Надѣюсь, что дама, которую мы ждемъ, соединяетъ въ себѣ ихъ обѣихъ.

— Это правда. Она—прекрасный, милый ребенокъ, но по временамъ проявляетъ мудрость, дающуюся долгой жизнью. Ее не оцѣнили, какъ слѣдуетъ, при французскомъ дворѣ. Я же говорилъ съ нею нѣсколько разъ, какъ отецъ съ дочерью. Хотя, правду сказать, такая красота, какъ у нея,—опасный даръ.

— Я догадываюсь, о комъ идетъ рѣчь,—вмѣшался въ разговоръ кардиналъ Бранкаччо. — Здѣсь къ этому описанію подходит только одна—лэди Изольда Монторгейль.

— Прекрасная грѣшница, клянусь Юпитеромъ!—воскликнулъ Поджіо.—Я видѣлъ ее лицо только мелькомъ, это было на улицѣ, когда она пріѣхала. Но у меня духъ захватило. Вы сдѣлаете мнѣ величайшее одолженіе, ваше преосвященство, если представите меня ей.

— Ну, не очень-то рассчитывайте на это,—отвѣчалъ кардиналъ съ своей кроткой улыбкой. — Хотя нѣтъ челоуѣка безъ грѣха, однако я не знаю, въ правѣ ли вы называть ее грѣшницей. Пожалуй, вы разочаруетесь.

— Философъ никогда не разочаровывается,—торжественно заявилъ флорентинецъ.

— Новое орудіе дьявола для того, чтобы сбивать людей съ истиннаго пути,—мрачно прошепталъ проповѣдникъ.

— Если бъ я думалъ, что она можетъ сбить кого-нибудь изъ насъ съ пути истиннаго, то я не пригласилъ бы ее сегодня къ себѣ,—серьезно сказалъ хозяинъ.—Не для того я возвышалъ всегда голосъ,— правда, безъ особаго успѣха,—противъ всеобщей испорченности, чтобы подавать самому дурной примѣръ. Но я не принадлежу къ числу ханжей и помню, что на небесахъ будетъ больше радости объ одномъ грѣшникѣ, который раскается, чѣмъ о девяти праведникахъ. Попытайтесь обратить ее на путь истины, Ингирамини,

если она такая грѣшница, какъ предполагаетъ Поджіо. Если бы всѣ были совершенны, то на что было бы ваше божественное краснорѣчіе, которое, какъ увѣряютъ, двигаетъ даже камнями?

Все это было сказано съ подкупающей любезностью, которая составляла особенность великаго французскаго кардинала. Благодаря ей, тонкая иронія, лежавшая въ глубинѣ его словъ, казалась только пикантною приправой къ похвалѣ, которыми они заключались.

Проповѣдникъ не успѣлъ отвѣтить, такъ какъ въ эту минуту слуга доложилъ о прибытіи той, о которой они говорили.

— Вы оказали мнѣ большую честь вашимъ посѣщеніемъ, и я долженъ искренно поблагодарить васъ за это, — сказалъ кардиналъ, поздоровавшись съ ней и познакомивъ съ ней присутствовавшихъ. — Мы уже не смѣли надѣяться, что вы пожалуете въ такую бурю.

— Но я обѣщала прійти, — отвѣчала лэди Изольда.

Ея лицо пылало, а тяжелыя косы, которыхъ не могъ бы растрепать и вѣтеръ, были свободно уложены на головѣ. Она казалась красивѣе и болѣе похожей на подростка, чѣмъ раньше. Одѣта она была въ то же самое темное платье, что и вчера, но на ней не было вовсе брильянтовъ, отсутствіе которыхъ нисколько, впрочемъ, не уменьшало ея красоты.

Гуманистъ сталъ упорно смотрѣть на нее, будучи не въ состояніи, а, можетъ быть, и просто не желая скрывать своего восторга. Въ темныхъ глазахъ кардинала Бранкаччо вспыхнулъ огонекъ, и даже самъ проповѣдникъ не могъ отвести отъ нея глазъ. На его лицѣ было такое выраженіе, какъ будто онъ хотѣлъ угадать, какъ могъ Господь Богъ дать такую красоту демону. Только секретарь, скользя по ней взглядомъ, холодно отвелъ глаза и сталъ смотрѣть на полъ.

— Она обѣщала! Слышали! — закричалъ Поджіо. — Минерва заговорила устами стойковъ. Хотя еще ни одинъ стойкъ не говорилъ столь прелестными устами...

— Неужели нужно быть стойкомъ, чтобы сдержать свое обѣщаніе? Вы такъ думаете, мессеръ Поджіо? — сказала лэди Изольда мелодичнымъ голосомъ, въ которомъ слышался сарказмъ.

— Иногда, — не смущаясь, отвѣчалъ итальянецъ. — Особенно, когда приходится исполнять обѣщаніе ради тѣхъ, которые далеко не такъ прелестны, какъ вы?

— Но какой же это стоицизмъ, если вы не держите своихъ обѣщаній?

Всѣ засмѣялись.

— Почему вы это знаете? — спросилъ озадаченный Поджіо.

— Если мужчина разсуждаетъ объ обѣщаніи такимъ образомъ, то, значитъ, онъ ихъ никогда не держитъ.

— Докажите это, мадонна. Позвольте мнѣ дать вамъ какое-нибудь обѣщаніе, и вы увидите, сдержу ли я его.

— Хорошо. Обѣщайте мнѣ хвалить вездѣ послѣднее произведеніе Паоло Вергеріо и всѣми силами содѣйствовать его успѣху.

Поджіо ненавидѣлъ этого Паоло Вергеріо, а гуманисты, вопреки своимъ претензіямъ на изящество и утонченность, осыпали другъ друга въ пылу полемики самыми грубыми ругательствами, въ которыхъ подчасъ не было ничего остроумнаго.

Всѣ опять разсмѣялись.

— Мадонна, видимо, знаетъ васъ, Поджіо,—замѣтилъ Бранкаччо.

Гуманистъ старался какъ-нибудь выпутаться.

— Я, конечно, далъ бы вамъ такое обѣщаніе, если бы вы не сдѣлали послѣдняго добавленія. Если бы я сталъ расхваливать эту книгу, всѣ были бы убѣждены, что она никуда не годится, — возразилъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало.—Но я долженъ признаться, что я, Франческо Поджіо, побить и побить собственнымъ своимъ оружіемъ. Вотъ самая большая похвала, которую я могу сказать вамъ,—горделиво прибавилъ онъ.

— Боюсь, что я ея недостойна,—съ легкой насмѣшкой отвѣтила собесѣдница.

— О, достойны, и даже болѣе, чѣмъ достойны,—продолжалъ гуманистъ, не замѣчая, а, можетъ быть, и не желая замѣчать ея насмѣшливаго тона.—Вы правы, не требуется никакого стоицизма, чтобы посѣтить нашего досточтимаго друга, — сказалъ онъ, кланяясь хозяину.—Но нужна большая доза стоицизма, чтобы выходить въ такую погоду.

— Правда, погода не особенно пріятна,—согласилась гостя.— Одинъ разъ вѣтеръ схватилъ меня за одежду и повалилъ на землю.

— Но вы, конечно, были неодиѣ?—участливо спросилъ хозяинъ.

— Одна-одинешенька. Я терпѣть не могу, когда кто-нибудь идетъ за мной сзади. Итти мнѣ было недалеко, къ тому же я и сама сумѣю постоять за себя. Но на этотъ разъ буря одолѣла меня.

— Конечно, кто-нибудь изъ прохожихъ не замедлилъ прійти вамъ на помощь?—вѣжливо спросилъ флорентинецъ.

— Сказать по правдѣ, я замѣтила только одного, но онъ, повидимому, не очень-то хотѣлъ помочь мнѣ, хотя я была бы очень благодарна ему въ этотъ моментъ. Вѣроятно, борясь съ вѣтромъ, я имѣла не особенно привлекательный видъ.

— Неужели это могло быть? Какой, должно быть, это былъ невѣжа. По истинѣ, это страна варваровъ!—съ негодованіемъ воскликнулъ Поджіо.

— Сказать по правдѣ, онъ былъ очень похожъ на господина секретаря, хотя вслѣдствіе бури и темноты я не могу, конечно, поклясться, что это былъ онъ,—небрежно промолвила лэди Изольда.

Всѣ глаза устремились на секретаря, который слегка покраснѣлъ.

— Это былъ я,—просто отвѣчалъ онъ.—И я не помогъ вамъ не потому, что вы имѣли не особенно привлекательный видъ, а потому, что вы были слишкомъ красивы, молоды и сильны. Я полагаю, что я заслужилъ бы названіе варвара скорѣе въ томъ случаѣ, если бы сталъ навязывать свою помощь тамъ, гдѣ въ ней не нуждаются и гдѣ ее могли бы истолковать неправильно.

— Что вы на это скажете, господа?—спросила гостя.

— Очень многое. Но мы предоставляемъ слово вамъ.

Итальянецъ сталъ говорить осторожно.

— Хорошо. Я считаю этотъ отвѣтъ очень умнымъ. Вы, несомнѣнно, правы, г. секретарь. Хотя я, въ случаѣ надобности, предложила бы свою помощь даже съ рискомъ быть понятой неправильно.

Секретарь опять вспыхнулъ, и на этотъ разъ сильнѣе. Онъ такъ же, какъ и Поджіо, былъ побитъ собственнымъ оружіемъ. Онъ тѣмъ острѣе чувствовалъ ея упрекъ, что эта мысль входила въ систему его собственныхъ убѣжденій. Не бояться риска—развѣ онъ не говорилъ этого самъ вчера? О другой же причинѣ, которая заставила его уклониться отъ помощи, онъ не могъ ей сказать.

— Позвольте напомнить вамъ, что я былъ убѣжденъ, что моя помощь не требуется. Иначе для меня не было бы извиненій.

— О, я не имѣла въ виду упрекать васъ,—весело отвѣтила лэди Изольда.—Я имѣю въ виду не себя и говорю принципиально.

На минуту водворилось молчаніе.

— Скажите теперь ваше мнѣніе, Поджіо,—произнесъ кардиналъ Бранкаччо.

— Минерва уже высказалась!—воскликнулъ гуманистъ.—Это облегчаетъ мнѣ мою задачу. Что я еще могу добавить? Но я надѣюсь, что эта строгая богиня не станетъ удерживать васъ отъ вашего настоящаго призванія.

— Въ чемъ же, по вашему мнѣнію, должно заключаться мое призваніе?—нѣсколько высокомерно спросила гостя.

— Быть жрицей любви!—пылко воскликнулъ гуманистъ.—Всякая красивая женщина должна быть ею!

— Я тоже такъ полагаю. Но какимъ образомъ она можетъ быть жрицей, мессеръ?

— Если вы дѣйствительно этого не знаете, то позвольте мнѣ просвѣтить васъ, мадонна.

— Позволить вамъ, который не обладаетъ достаточнымъ самообладаніемъ даже для того, чтобы похвалить своего врага? И вы будете учить меня любви! Полноте, мессеръ!

Всѣ опять разсмѣялись.

— Ну, не говорилъ ли я вамъ, Поджіо?—сказалъ хозяинъ. Онъ позвонилъ. Вошелъ слуга, неся подносъ съ фруктами,

пирожнымъ и виномъ. Кардиналь наполниль стаканы и, поднявъ свой такъ, что свѣтъ лампы заигралъ въ его глубинѣ, продолжалъ:

— Надѣюсь, что никто изъ васъ не откажется отъ вина. Это то самое, отвѣдавъ котораго, его святѣйшество сказалъ, что отнынѣ онъ никакого другого пить не будетъ. Это, конечно, слабое вознагражденіе за несовершенство здѣшней жизни, но тѣмъ не менѣе единственное, которымъ мы всегда можемъ располагать. Увы! По временамъ мы всѣ нуждаемся въ утѣшеніи. Особенно я, состарѣвшійся, не осуществивъ того дѣла, которое я считалъ цѣлью моей жизни. Хотя и кое-кто изъ моихъ гостей тоже можетъ сказать, что судьба отнеслась немилостиво къ ихъ желаніямъ и стремленіямъ. Вотъ, напримѣръ, кардиналь Бранкаччо, несмотря на всѣ усилія обезпечить избраніе себя въ папы, долженъ видѣть, какъ тиара возлагается на голову другого. Или вотъ проповѣдникъ, который, несмотря на свое божественное краснорѣчіе, принужденъ смотрѣть, какъ міръ упорствуетъ въ своей развращенности и порочности. Наконецъ, мой другъ, городской секретарь, котораго приводитъ въ гнѣвъ людское ничтожество, и Поджіо, который, несмотря на все свое искусство краснорѣчія, встрѣчаетъ отпоръ со стороны нашей гостыи. Наконецъ, и сама наша прекрасная гостыя тоже, вѣроятно, имѣла не мало красивыхъ иллюзій, разсѣявшихся потомъ, какъ дымъ.

— Что касается меня, то я доволенъ,—сказалъ кардиналь Бранкаччо, опорожнивъ свой стаканъ.—Въ настоящее время я предпочитаю видѣть на папскомъ престолѣ палу Мартина.

Онъ говорилъ это вполнѣ искренно, ибо папская власть еще только что начала оправляться послѣ страшныхъ ударовъ, нанесенныхъ ей расколомъ и соборомъ.

— Они не послушали Его и распяли Его,—прошепталь Ингирамини.—Почему же они будутъ слушаться меня? Я терплю во имя Его и также не ропшу.

— И я доволенъ!—воскликнулъ гуманистъ.—Такой женщины,—онъ поклонился лэди Изольдѣ,—я еще не видалъ даже въ Италіи, гдѣ сосредоточивается все лучшее. Она была бы достойна Поджіо.

— Очень можетъ быть. Весь вопросъ въ томъ, достоинъ ли ея Поджіо.

На упитанномъ лицѣ гуманиста появилось на секунду выраженіе полнаго изумленія, отчего оно сдѣлалось простоватымъ.

— Итакъ, вы довольны, Поджіо?—ехидно спросилъ кардиналь Бранкаччо.

Но, благодаря своему колоссальному самомнѣнію, этотъ человѣкъ, что называется, и глазомъ не моргнулъ.

— Конечно, — смѣло заявилъ онъ.—Каждое ваше слово только подтверждаетъ высказанное мною мнѣніе, — сказалъ онъ, снова кланяясь лэди Изольдѣ.

Та пожала плечами.

— Тщеславіе, имя тебѣ—мужчина. Я также должна считать себя довольной, пока Господь Богъ не отнялъ еще этого отъ меня.

— Если даже Поджіо, воспитанный богами, не могъ выиграть пальму первенства, то можно ли надѣяться на это другимъ?—съ легкой ироніей сказалъ хозяинъ.—Конечно, человѣческая природа останется всегда несовершенной, и я не долженъ жалѣть, если мои усилія не увѣнчаются успѣхомъ,—прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Вы сдѣлали все, что могли. Если бъ вы старались выиграть больше, вы получили бы меньше. Никто не могъ бы сдѣлать больше,—вѣжливо и мягко замѣтилъ кардиналъ Бранккаччо.

Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые взяли верхъ надъ епископомъ камбрійскимъ, добившись того, чтобы сначала избрали палу, а потомъ уже проводили реформы, чѣмъ задушили ихъ въ корнѣ. Епископъ камбрійскій поддался на ихъ уговоры,—быть можетъ, у него были свои минуты слабости, а, быть можетъ, и потому, что онъ отчаялся въ успѣхѣ своего плана.

— Вы не могли сдѣлать больше,—согласился Поджіо.

— Можетъ быть, можетъ быть,—вздыхнулъ епископъ.

— Не слѣдуетъ требовать невозможнаго,—продолжалъ флорентинецъ.—И духовные люди, а мы все платимъ дань своей плоти.

Слова эти не вязались съ сочиненіями Поджіо, въ которыхъ онъ жестоко бичевалъ пороки духовенства. Но гуманисты не отличались устойчивостью мнѣній, приспособлявая ихъ ко времени и мѣсту и всегда имѣя наготовѣ какую-нибудь отговорку, если ихъ упрекали въ перемѣнчивости.

— Увы! Это правда.—произнесъ со вздохомъ епископъ камбрійскій, задумчиво отхлебывая изъ стакана.—А вы какъ думаете, другъ мой,—обратился онъ къ секретарю.—Вы еще ничего не сказали, и стаканъ вашъ стоитъ не тронутымъ. Неужели вы одинъ не хотите утѣшенія?

Въ глазахъ секретаря быстро вспыхнулъ огонекъ. Самъ того не замѣчая, онъ выпрямился въ своемъ креслѣ.

— Не хочу,—произнесъ онъ.

— Почему же? А какъ же мы не можемъ обойтись безъ него?

— Искорените въ себѣ эту привычку,—пылко сказалъ секретарь.—Невозможное существуетъ только для слабыхъ и испорченныхъ душъ, а не для людей сильныхъ, одаренныхъ возвышенными мыслями.

Все глаза обратились на этого человѣка, который нѣсколькими рѣшительными словами заставилъ собесѣдниковъ слушать себя. Онъ сидѣлъ между лэди Изольдой и кардиналомъ Бранккаччо, которые нѣсколько выдвинулись впередъ и были ярко освѣщены лампой. Сзади его кресла тянулась, утопая въ полумракѣ, довольно длинная и узкая комната.

Цвѣтная лампа, свѣшивавшаяся съ потолка, разливала на сидѣвшихъ подъ ней колеблющейся теплый свѣтъ, но не имѣла силы освѣтить всѣ темные уголки комнаты. Свѣтъ едва трогалъ высокій лобъ секретаря, скользилъ по его рѣзкому профилю, вырисовывая его орлиный носъ и гнѣвную складку губъ, и терялся въ его черной бородѣ. Онъ не ѣлъ цѣлый день, и его щеки и руки, державшіяся за ручку кресла, были блѣдны. Онъ сидѣлъ строгій и грозный, какъ будто собирався упрекать міръ за его недостатки.

Съ мѣста, на которомъ сидѣла лэди Изольда, видно было это блѣдное и гнѣвное лицо. Но оно, очевидно, не пугало ее. Заинтересовавшись разговоромъ, она круто повернулась къ секретарю.

Кардиналь камбрійскій посмотрѣлъ на него съ такимъ выраженіемъ, въ которомъ удивленіе смѣшивалось съ состраданіемъ.

— Но какъ это сдѣлать?—тихо промолвилъ онъ.

— Вырвите все это изъ вашего сердца разъ навсегда, безъ сожалѣнія и колебаній. Не забудьте, что въ глубинѣ сердца нельзя оставить даже маленькій корешокъ, отъ котораго снова разовьются побѣги.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— То, что тѣло царствуетъ надъ духомъ, слуга надъ господиномъ. Это заставляетъ насъ быть довольными, тогда какъ мы никогда не должны быть такими. Величайшій недостатокъ человѣка—это отсутствіе честолюбія. Нашъ хозяинъ сказалъ, что мы принадлежимъ къ королевской расѣ духовныхъ лицъ. Попробуемъ добиться зачисленія и въ царскій родъ.

Водворилась напряженная тишина. Кардиналь Бранкаччо холодно смотрѣлъ на него. Его умное лицо было спокойно и безстрастно, и на его губахъ играла легкая улыбка. На лицѣ лэди Изольды выражалось одно вниманіе. Глаза проповѣдника съ удивленіемъ были устремлены на оратора. Съ удивленіемъ смотрѣлъ на него и гуманистъ. Хозяинъ опустилъ голову на грудь и, казалось, погрузился въ раздумье.

Поджіо заговорилъ первымъ.

— Вы оскорбляете природу!—съ негодованіемъ воскликнулъ онъ.—Природа всегда чиста, и ея побужденія всегда хороши.

Это мнѣніе, рѣзко формулированное нѣсколько лѣтъ спустя Валлой, быстро распространялось среди гуманистовъ. Его можно было высказывать смѣло, не опасаясь впасть въ противорѣчіе съ идеями, до сихъ поръ господствовавшими въ церкви. Въ крайнемъ случаѣ все можно было свалить на дьявола.

— Если побужденія всегда хороши, то почему же Христосъ запретилъ намъ слѣдовать имъ? Почему онъ заповѣдывалъ намъ самоотреченіе?

Говорить такъ значило переносить споръ на опасную почву, и Поджіо зналъ это.

— Я вѣдь нахожусь среди просвѣщенныхъ іерарховъ, а не среди монаховъ-фанатиковъ, не правда ли?—спросилъ онъ, осматриваясь кругомъ.—Можно ли говорить безъ всякихъ опасностей?

— Я здѣсь не хозяинъ,—промолвилъ кардиналъ Бранкаччо, видя, что епископъ камбрійскій медлитъ отвѣтомъ.—Что касается меня, вы можете говорить совершенно спокойно. Я знаю, что вы сами остерегаетесь впасть въ какую-нибудь ошибку, которая можетъ оказаться роковой,—прибавилъ онъ съ легкимъ отѣнкомъ презрѣнія.

Всѣ знали, что гуманисты не чувствовали особаго призванія къ мученичеству.

— А вы что скажете, ваше преосвященство?—обратился Поджіо къ хозяину.

Ингирамини былъ еще слишкомъ молодъ и не имѣлъ большаго вліянія. Его можно было не опасаться.

— Вы мой гость,—отвѣчалъ епископъ, дѣлая широкій жестъ рукой.

Поджіо поклонился.

— Благодарю васъ. Я такъ и зналъ. Поэтому я позволю себѣ сказать, что Христосъ показалъ намъ идеаль, но не примѣръ, которому мы должны слѣдовать. Природа предъявляетъ къ намъ такія требованія, которыми мы не можемъ пренебрегать. Развѣ то, что существуетъ, не имѣетъ права на существованіе? Развѣ нельзя добиваться любви и дарить ее? Развѣ все не создано Богомъ? Или мы должны предполагать, что Онъ далъ намъ все въ насмѣшку, а не на пользу? Если мы въ чемъ-либо согрѣшимъ, то есть церковь, которая насъ выкупитъ. Несомнѣнно, заслуги святыхъ неизмѣримо больше нашихъ прегрѣшеній. Правильно ли я говорю?—спросилъ онъ, оглядывая всѣхъ собесѣдниковъ.

— Совершенно правильно,—сказалъ кардиналъ Бранкаччо, на губахъ котораго продолжала играть тонкая улыбка.—Словно по книгѣ. Вы совершили чудо и, подобно Соломону, удовлетворили обѣ стороны.

— Почему вы это знаете?—спросила лэди Изольда.

— Вы правы. Мы еще не выслушали центральное лицо въ нашемъ спорѣ,—промолвилъ онъ, поворачиваясь къ секретарю.

Тотъ не смущаясь принялъ вызовъ.

— Вы говорите, что я оскорбляю природу. Но скажите, пожалуйста, какую нашу природу—низшую или высшую—мы должны считать за господина и какую за слугу?

— Природа одно и недѣлима.

— Такъ ли это? Она едина, какъ былъ когда-то единъ Богъ и человѣкъ. Но потомъ вѣдь они раздѣлились. Я согласенъ съ вами, что добро и зло одинаково происходятъ отъ одной силы, которая есть причина всего. Хотя, слѣдовательно, и то и другое имѣетъ пра-

во на существованіе, столкновеніе между ними должно быть разрѣшено, и разрѣшено въ сторону добра. Скажите мнѣ, неужели вы, прислушиваясь къ вашимъ желаніямъ,—положимъ, соблазнить какую-нибудь женщину, или оклеветать своего врага, или отречься изъ страха передъ костромъ отъ своихъ убѣжденій,—неужели вы никогда не слышали внутренняго голоса, который говоритъ вамъ, что было бы возвышеннѣе претерпѣть и даже умереть, чѣмъ пережить такой недостойный моментъ жизни?

Лицо Поджіо давно уже пылало.

— Желанія мудреца всегда въ согласіи съ его убѣжденіями,—отвѣчалъ онъ, не двигаясь.

— Вы удивлялись твердости Иеронима на кострѣ, которому одно его слово могло спасти жизнь. А вотъ вы сейчасъ, прежде чѣмъ говорить, пожелали убѣдиться, что вы въ безопасности. Что же было вашимъ желаніемъ и что убѣжденіемъ?

— Моимъ желаніемъ было избѣгнуть мученій.

— А убѣжденіемъ?

— А убѣжденіемъ—что нужно избѣгать страданій, — цинично разсмѣялся итальянецъ.

— Однако вы восторгались Иеронимомъ именно за то, что онъ не поступилъ такъ. Для мудреца ваши убѣжденія что-то не очень стойки.

— Поступокъ Иеронима великъ, но не уменъ. А я поступаю умно.

— Если считать умнымъ то, что человѣкъ поступаетъ какъ разъ вразрѣзъ съ тѣмъ, что онъ признаетъ великимъ. Въ противномъ случаѣ не присваивайте себѣ титула мудреца, ибо истинный мудрецъ не знаетъ страха.

Итальянецъ бросилъ на него яростный взглядъ, но съ минуту не могъ ничего возразить. Онъ умѣлъ очень ловко осыпать своихъ враговъ насмѣшками и укорами изъ-за спины, но чувствовалъ себя безсильнымъ передъ этой холодной и безжалостной логикой, не щадившей людского тщеславія и рѣзавшей ему правду въ глаза. Прежде, чѣмъ онъ снова обрѣлъ даръ слова, секретарь спокойно сталъ продолжать свою рѣчь:

— Зачѣмъ намъ обманывать самихъ себя? Одинъ за другимъ мы заключаемъ компромиссы съ порочностью. Соборъ, конечно, хотѣлъ бы провести реформы, но не хотѣлъ бы платить за нихъ. А вѣдь всѣ мы исповѣдуемъ вѣру въ Того, Кто училъ величію жертвы, Кто не вступалъ въ компромиссъ съ людской слабостью и традиціями. Подавляя въ себѣ низшіе инстинкты, мы выигрываемъ въ высшей своей природѣ, и въ пламени горнила въ насъ отливается болѣе совершенное существо. Итакъ, надо ободриться, порвать съ нашей традиціей, не обращать вниманія на сопротивленіе внутри и бурю снаружи, попробовать стать великими, поскольку это для насъ возможно. Если это намъ и не удастся, то мы падемъ благородно, и въ

самомъ паденіи своемъ достигнемъ того, чего другимъ не удастся достигнуть и при успѣхѣ. Только этимъ путемъ двинемся мы къ совершенству, которое предначерталь для насъ Господь.

Онъ смолкъ. Полунасмѣшливое, полускучающее выраженіе исчезло съ лица кардинала Бранкаччо и замѣнилось высокоомѣрнымъ изумленіемъ. Онъ видѣлъ, какъ лэди Изольда внимательно вслушивалась въ каждое слово секретаря, видѣлъ, какъ въ ея глазахъ засвѣтился какой-то огонекъ, и въ его взглядѣ мелькнуло что-то угрожающее. Онъ видѣлъ, какъ по лицу проповѣдника скользнуло выраженіе восторга, и плотно сжалъ свои губы.

Хозяинъ сидѣлъ въ задумчивости и печали и смотрѣлъ куда-то вдаль, какъ будто не замѣчая розоваго свѣта отъ лампы, освѣщавшаго страстное лицо секретаря и прелестную головку женщины, сидѣвшей съ нимъ рядомъ. Кардиналъ какъ будто не видѣлъ всѣхъ этихъ людей, созерцая какой-то невидимый образъ и прислушиваясь къ голосу, котораго никто не слышалъ, который и ласкалъ и упрекалъ въ одно и то же время. Наконецъ онъ печально покачалъ головой и прошепталъ: «Увы! Это было бы бесполезно!..» онъ сказалъ это такъ тихо, что эти слова слышала только одна лэди Изольда, сидѣвшая къ нему ближе всѣхъ.

Только на гуманиста рѣчь Магнуса не произвела никакого впечатлѣнія. Для него все это было шатаніемъ варварскаго ума и его уваженіе къ логикѣ противника было подорвано. Онъ спокойно взялъ свой стаканъ, вдохнулъ въ себя аромать вина и не торопясь осушилъ его.

— Что же, по вашему мнѣнію, долженъ былъ бы сдѣлать соборъ?—съ снисходительной улыбкой спросилъ онъ.

— Мнѣ кажется, я достаточно выяснилъ свои идеи. Но если этого мало, я готовъ удовлетворить ваше любопытство. Надо воздвигнуть церковь бѣдную золотомъ, но богатую почитаніемъ народнымъ, бѣдную властью, но сильную превыше мѣры собственнымъ примѣромъ, бѣдную роскошью, но богатую любовью. Надо напомнить ей, что ей ввѣрена величайшая изъ всѣхъ истинъ и что если она прегрѣшаетъ въ ней, то она будетъ наказана, какъ за измѣну.

— Бѣдность не ручательство за чистоту. Нѣкоторые изъ нищенствующихъ монаховъ—хуже всѣхъ другихъ.

Большинство кардиналовъ недолюбливало нищенствующіе ордена, и Поджіо могъ говорить о нихъ смѣло.

— Пусть имъ разрѣшено будетъ вступать въ бракъ, — спокойно промолвилъ секретарь.—Воздадите духу духовное, а плоти плотское. Поджіо торжествовалъ.

— А какъ же чистота?

Нужно замѣтить, что по ученію церкви чистота была несомѣстима съ бракомъ. Трактатъ, носящій имя Сикста III, почти не допускалъ мысли, что люди женатые могутъ достигъ вѣчной жизни.

— Но вѣдь мужчину и женщину создалъ Господь Богъ!

— Позвольте, а какъ же быть съ церковными канонами?

— Заповѣди Господни выше церковныхъ канонѡвъ. Запрещать нужно то, что грѣшно, а не то, что свято. Чистая любовь есть символъ самаго высокаго и святаго...

— А папа?—вскричалъ гуманистъ, увѣренный, что теперь онъ уже держитъ противника въ рукахъ.—Что вы скажете о немъ?

— Если бѣ церковь была преобразована такъ, какъ я говорилъ, папой пожелалъ бы быть только святой, —спокойно отвѣтилъ секретарь.

Теперь заговорилъ и кардиналъ Бранкаччо.

— Вы говорили очень много о церкви, но почти не сказали ничего о мірянахъ, — рѣзко замѣтилъ онъ.—Какимъ же образомъ церковь можетъ руководить ими и исправлять ихъ, если у нея не будетъ власти?

— Развѣ у Христа и апостоловъ была власть въ томъ смыслѣ, какъ вы ее понимаете? Вѣдь этой властью вы обладали больше тысячи лѣтъ и что же вы сдѣлали? Что вы сдѣлали съ людьми?! Оглянитесь кругомъ.

Терпѣніе кардинала истошилось.

— Довольно я наслушался васъ!—вскричалъ онъ.—Соборъ принесъ такіе плоды, которыхъ онъ не ожидалъ. Повѣрьте, если бѣ это говорилось не въ вашемъ домѣ, дорогой братъ...

Секретарь перевелъ свои сверкающіе глаза на кардинала Бранкаччо.

— Я не прошу покровительства. Что я сказалъ, то сказалъ. Сожгите меня, если хотите. Я готовъ.

Даже кардиналъ на минуту заколебался, взглянувъ на эти горящіе глаза.

— Намъ нужно только нѣсколько сотенъ мучениковъ,—продолжалъ секретарь звенящимъ голосомъ.

Онъ, казалось, дѣлался выше по мѣрѣ того, какъ говорилъ, и его слова падали на слѣшателей, какъ молотъ на наковальню.

— Всего сотню мужчинъ и пять десятковъ женщинъ. Каждая женщина повлечетъ за собой десятки мужчинъ. Намъ нужны не умирающіе съ голоду крестьяне и схоластическіе мечтатели, которые борются изъ-за словъ каждаго догмата. Ни рабовъ, ни фанатиковъ. Намъ нужны люди съ положеніемъ и вліяніемъ, особенно образованныя и прекрасныя дамы, которымъ есть что терять и которыя такимъ путемъ засвидѣтельствовали бы о силѣ своихъ убѣжденій.

По лицу проповѣдника снова скользнуло выраженіе восторга и удивленія.

— Если міру нуженъ мученикъ, то я готовъ, — прошепталъ онъ.

— Если міру нужно, то я тоже готова,—тихо, какъ эхо, повторила лэди Изольда.

Хозяинъ-кардиналь какъ будто только теперь вышелъ изъ своей дремоты.

— Оставьте въ покоѣ присутствующихъ — воскликнулъ онъ, обращаясь къ Бранкаччо.

Въ его голосѣ послышалось что-то такое, чего раньше не было.

— Не нужно больше мучениковъ, ибо это бесполезно. Оставьте присутствующихъ въ покоѣ, или, клянусь Господомъ, ихъ слова будутъ моими, и я буду кричать ихъ изъ окна.

Онъ вдругъ какъ будто выросъ и вновь сталъ ораторомъ, передъ которымъ чувствовалъ страхъ и соборъ, и папскій дворъ. Но скоро огонь погасъ въ его глазахъ, голова опустилась на грудь, и онъ прошепталъ тихонько, какъ будто желая убѣдить самого себя:

— Ибо это бесполезно, бесполезно...

— Развѣ я не говорилъ, что ваша дружба и гостепріимство лучшая охрана?—мягко сказалъ кардиналь Бранкаччо.

Папа Мартинъ V только что вступилъ на престолъ. Соборъ, еще не распущенный, грозилъ скорѣ собраться опять, и папскому двору не хотѣлось возбуждать къ себѣ вражду одного изъ наиболѣе вліятельныхъ его членовъ. Кромѣ того, Томазіо Бранкаччо легко было воздержаться отъ всякаго шага, который могъ бы вызвать сенсацию: въ его распоряженіи было достаточно всякихъ средствъ, чтобы добиться своихъ цѣлей..

— Не я говорилъ о сожженіи, и мнѣ никогда не пришло бы въ голову разрушать такую красоту,—промолвилъ онъ, кланяясь лэди Изольдѣ. — Не думаю я также, чтобы вамъ удалось пріобрѣсти такъ много приверженцевъ, господинъ секретарь, чтобы мѣры строгости находили себѣ оправданіе. А вы, Ингирамини, конечно, не забыли еще вашего обѣта о послушаніи церкви,—закончилъ онъ, бросивъ значительный взглядъ.

Его слова, казалось, сильно задѣли Ингирамини. Лицо его выражало уныніе, и взоръ опустился на землю.

Съ минуту всѣ молчали. Хозяинъ откинулся на спинку кресла и, казалось, опять погрузился въ свою задумчивость, не обращая вниманія на гостей. Гуманистъ смотрѣлъ на всѣхъ съ сожалѣніемъ, ибо для него всѣ они, кромѣ кардинала Бранкаччо, представлялись мечтателями, сражавшимися за нѣчто совершенно нереальное.

— Какая польза разсуждать о разныхъ химерахъ,—замѣтилъ онъ.—Надо брать человѣка такимъ, каковъ онъ есть.

Никто не отвѣчалъ ему.

Было уже поздно. Лампа горѣла не такъ ярко. Въ комнатѣ царилла полная тишина. Все получило какой-то болѣе торжественный и болѣе значительный видъ, чѣмъ прежде, какъ будто по комнатѣ пронесся новый духъ, принесшій съ собой общую переоцѣнку. Серебряные кубки чудной работы, стоявшіе на полкахъ, не имѣющія себѣ цѣны картины на стѣнахъ, архіепископская митра, красовав-

шаяся на самомъ почетномъ мѣстѣ, и висѣвшая надъ нею кардинальская шапка, все казалось теперь драгоценнѣе, чѣмъ прежде.

Секретарь взялъ стоявшій передъ нимъ стаканъ вина, до котораго онъ еще не дотрогивался и тихо осушилъ его. Въ этомъ было что-то торжественное, какъ будто онъ причащался.

Лэди Изольда пристально слѣдила за нимъ изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ. Затѣмъ, какъ будто желая показать, что она одна изъ всѣхъ присутствовавшихъ понимаетъ истинный смыслъ его дѣйствій и сама хочетъ принять участіе въ нихъ, она также подняла свой бокалъ въ уровень съ головой и, посмотрѣвъ на него пристально, какъ будто взвѣшивая свое рѣшеніе, медленно стала пить красное вино, устремивъ глаза на картину, на которой была изображена Марія Магдалина у ногъ Господа.

Въ надушенной благовопіями комнатѣ опять настало тяжелое молчаніе. Оно дѣйствовало столь угнетающимъ образомъ, что даже хозяинъ вышелъ, наконецъ, изъ своего оцѣпенѣнія. Онъ провелъ рукою по лбу, обвелъ глазами важныя торжественныя лица присутствовавшихъ, и сказалъ какимъ-то страннымъ, измѣнившимся голосомъ:

— Извините меня. Я плохой хозяинъ. Но я старъ, и мои мысли иной разъ разсѣиваются. Простите меня. Ваши стаканы пусты. Позвольте наполнить ихъ. И, кромѣ того, вы ничего не кушаете.

И онъ принялся потчевать ихъ разными изысканными лакомствами, стоявшими на столѣ, но, кромѣ Поджіо, всѣ отказались. Аппетитъ гуманиста, повидимому, не былъ еще удовлетворенъ. Онъ какъ будто хотѣлъ вознаградить себя за скучный для него вечеръ.

— Уже поздно,—сказала лэди Изольда.—Я должна проститься съ вами.

— Вы пойдете на этотъ разъ не одна,—сказалъ хозяинъ.—Одинъ изъ насъ долженъ проводить васъ до дому.

— Но мнѣ недалеко итти,—возразила она.

— Все равно. Поздно, а въ такой часъ небезопасно для женщины ходить одной по улицамъ. Говорятъ, до собора этого не было,—прибавилъ онъ съ горечью.—Кромѣ того, опять поднимается вѣтеръ. Прислушайтесь.

Дѣйствительно, несмотря на закрытые ставни, можно было явственно слышать завываніе бури.

— Итакъ, выбирайте кого-нибудь изъ насъ.

— Въ такомъ случаѣ, я выбираю васъ, господинъ секретарь. Вы знаете городъ и лучше всѣхъ можете меня проводить. Конечно, если вы примете мое предложеніе и если это не заставитъ васъ сдѣлать крикъ.

По лицу Штейна пробѣжала тѣнь, но онъ стоялъ такъ, что она не могла этого замѣтить.

— Нисколько,—отвѣчалъ онъ, кланяясь.

— Да? Въ такомъ случаѣ позвольте поблагодарить васъ заранѣе.

— Благодарить надо мнѣ,—сказаль онъ, снова кланяясь.

Минуту спустя онъ уже ждалъ ее въ передней, пока кардиналь камбрійскій прощался съ нею въ другой комнатѣ. Кардиналь Бранкаччо съ Поджіо были уже на лѣстницѣ. Ингирамини собирался слѣдовать за ними. Но прежде, чѣмъ выйти изъ передней, онъ обратился къ секретарю и сказалъ:

— Богъ свидѣтель, что я готовъ положить душу свою за Его дѣло. Но я не рѣшаюсь еще итти по тому пути, по которому вы идете. Вѣдь это открытый бунтъ противъ церкви. А я далъ обѣтъ послушанія. Кардиналь Бранкаччо напомнилъ мнѣ объ этомъ весьма кстати. Впрочемъ, я хочу вѣдь спасти свою душу, а не тѣло.

Секретарь бросилъ на него острый взглядъ.

— Развѣ ваши убѣжденія такъ слабы, что вы не рѣшаетесь поставить за нихъ на ставку даже вашу душу? Самопожертвованіе должно быть полнымъ.

Проповѣдникъ отскочилъ отъ него въ сторону, за нимъ показалась высокая фигура лэди Изольды, которая стояла на порогѣ, уже закутанная въ плащъ.

Вскорѣ она и избранный ею кавалеръ вышли на улицу. Холодный вѣтеръ дулъ имъ прямо въ лицо. Секретарь повелъ свою спутницу какимъ-то узкимъ, извилистымъ переулкомъ, въ которомъ было сравнительно тихо. До сего времени онъ не раскрывалъ рта и могъ легко оправдаться, сославшись на холодный вѣтеръ. Здѣсь онъ стихъ, и лэди Изольда заговорила первая, какъ бы отвѣчая на недосказанную имъ мысль:

— И сегодня, среди лучшихъ людей, вы не нашли, повидимому, человѣка по вашей мѣркѣ?

Онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Увы? Не нашель,—отвѣчалъ онъ послѣ легкой паузы.—Но, можетъ быть, я не имѣю права судить о людяхъ. Быть можетъ, я самъ ничтожество. А чего не удалось найти сегодня, то, можетъ быть, найдется завтра.

Она покачала головой.

— Не найдется ни сегодня, ни завтра. Такіе люди, какихъ вы ищете, рѣдки, если только они вообще существуютъ. Былъ только одинъ, но и Того распяли...

— И теперь найдутся люди, готовые на тѣ же страданія.

— Да, но есть кресты, которые тяжелѣе, и гвозди, которые острѣе, чѣмъ простой деревянный крестъ и обыкновенные желѣзные гвозди. На это Ингирамини готовъ хоть сейчасъ. Но подражать жизни Того, о Комъ я сейчасъ помянула, гораздо труднѣе, чѣмъ подражать Его смерти.

— Это правда. Да и не смерть, а жизнь нужна намъ. Здѣшній городокъ не великъ. Соборъ, въ немъ засѣдающій, можетъ быть, очень великъ, но не самый великій. А бѣлый свѣтъ обширенъ.

Она опять покачала головой.

— Увы! Міръ вовсе не такъ великъ. Я знаю, что такое дворъ, городъ и лагерь. Я знаю королей, солдатъ и мудрецовъ, знаю дворцы и монастыри, кардиналовъ и святыхъ. Но человѣка, въ томъ смыслѣ, какъ вы это понимаете, я не знаю.

— Но если не мужчину, то женщину—воскликнулъ онъ, мысленно обращаясь къ той, которую любилъ.—Не все ли равно, черезъ какой полъ идетъ спасеніе.

Лэди Изольда молчала.

— Вы одиноки?—спросила она тихо.

— У меня мать и сестра.

— Позвольте мнѣ повидаться какъ-нибудь съ ними?

— Онѣ недостойны вниманія такой важной дамы.

Иронія, съ которой были сказаны эти слова, затерялась въ шумѣ вѣтра.

— Я вовсе не важная дама и буду очень рада съ ними познакомиться.

Секретарь не далъ ей никакого отвѣта. Налетѣвшій порывъ вѣтра избавилъ его отъ этой обязанности. Они, наконецъ, выбрались изъ лабиринта извилистыхъ переулковъ и вышли на широкую улицу, гдѣ буря бушевала, не встрѣчая препятствій. Едва они вышли изъ-за угла, какъ она яростно бросилась на нихъ, ударила ихъ въ лицо, словно кулакомъ, сорвала плащъ съ лэди Изольды и на этотъ разъ съ такой ловкостью, что онъ слетѣлъ съ нея прежде, чѣмъ она успѣла сообразить, что произошло.

Это было опять на той же площади, гдѣ земля была мокра отъ брызгъ фонтана. Они съ трудомъ подвигались впередъ. Вѣтеръ немного повернулъ и теперь несъ съ собой ледяное дыханіе австрійскихъ Альпъ. Дорога была покрыта только что образовавшимся тонкимъ слоемъ льда. Лэди Изольда вытянула руки, чтобы удержать сорванный плащъ; но поскользнулась, потеряла равновѣсіе и непремѣнно упала бы, если бъ Магнусъ во время не схватилъ ее за руки. Тяжело дыша отъ борьбы съ бурей, она упала ему на грудь. Чтобы устоять противъ порывовъ вѣтра, онъ долженъ былъ крѣпко прижать ее къ себѣ. Буря, яростно трепавшая ея плащъ, одинъ конецъ котораго она успѣла схватить рукой, вдругъ вернула ихъ обоихъ въ этотъ мягкій шелковый плащъ. Имъ стало тепло и какъ-то уютно въ этомъ убѣжищѣ. Ея лицо прикасалось къ его, а ея благоухающіе волосы щекотали ему лобъ. Она слышала, какъ билось его сердце.

Это продолжалось всего нѣсколько секундъ. Она была сильна и, оправившись, быстро освободилась отъ его рукъ. Да и онъ не

дѣлалъ никакой попытки ее удержать. Этотъ эпизодъ не былъ ей непріятенъ. Въ секретарѣ было что-то особенное, а обыкновенные люди пріѣлись ей до тошноты.

— Извините,—заговорила она, какъ только представилась возможность.—Я надѣлала вамъ столько хлопотъ.

— Вы чуть было не упали,—коротко отвѣчалъ онъ.

Среди бушующихъ порывовъ вѣтра было не до разговоровъ. Они опять пошли дальше. Секретарь иногда поддерживалъ свою спутницу, но только тогда, когда это было необходимо. Ея домъ былъ недалеко, и у воротъ онъ простился съ нею, серьезно и молчаливо.

ГЛАВА VI.

Празднество.

Пасха прошла. Ее отпраздновали съ подобающей торжественностью, какъ и слѣдовало городу, гдѣ находился самъ папа и засѣдалъ великій соборъ. Въ великій четвергъ, по освященному времени обычая, читали буллу «De соена Domini» и папа Мартинъ V, окруженный кардиналами, торжественно проклиналъ съ балкона епископскаго дворца всѣхъ еретиковъ и враговъ церкви. Въ концѣ церемоніи онъ бросалъ потушенные свѣчи внизъ прямо въ собравшуюся толпу, чтобы люди трепещущими перстами могли коснуться вещественнаго символа грознаго отлученія. Черезъ два дня въ соборѣ пѣли торжественный гимнь, и радостная вѣсть о воскресеніи Христа была возвѣщена челоуѣчеству. Днемъ папа, выйдя во всей пышности на балконъ, раздавалъ раскаявшимся индულгенціи, отпуская имъ грѣхи и прегрѣшенія.

Было нѣсколько процессій, сильно звонили колокола, но когда радостные дни прошли, народъ съ спокойнымъ сердцемъ сталъ возвращаться къ обычнымъ занятіямъ.

Теперь леди Изольдѣ стоило только что-нибудь пожелать, какъ все дѣлалось по ея желанію. Не потому, чтобы она покупала кому-нибудь, нѣтъ, этого она никогда не дѣлала. Она только мимоходомъ упоминала о своихъ желаніяхъ, какъ-нибудь мимоходомъ, и тѣ, кто слышалъ ея слова, не находили себѣ покоя, пока не исполняли того, что она желала. Такъ, какъ ей, не служили ни папѣ, ни королю. И хотя за это никто не получалъ никакихъ наградъ, все, однако, считали себя награжденными свыше мѣры, обстоятельство, совершенно необычное, которое казалось, однако, всѣмъ совершенно естественнымъ, если не тотчасъ, то впоследствии.

Однажды утромъ кардиналъ Бранкаччо сидѣлъ въ лучшей комнатѣ дома бургомистра Мангольта. Напротивъ него за столомъ сидѣла жена почтеннаго бургомистра, фрау Марія.

— Какой у васъ свѣжій видъ сегодня, фрау Марія,—сказалъ кардиналь.

— Правда?

— Вы такъ же свѣжи, какъ цвѣты, которые стоятъ передъ вами.

— И такъ же красива?

— Даже красивѣе, фрау Марія.

Она сидѣла вполуборотъ къ раскрытому окну, черезъ которое вливался теплый воздухъ и яркій свѣтъ солнечнаго апрѣльскаго дня. Она была вся на свѣту, но выступавшіе впередъ края ея чепца скрывали ея черты, которыя отъ игры свѣта казались изящнѣе, чѣмъ онѣ въ дѣйствительности были. Вообще, едва ли можно было назвать ее красавицей. Если бы взглянуть на ея лицо при полномъ освѣщеніи, то линіи его показались бы слишкомъ рѣзкими и даже непропорціональными. Этотъ недостатокъ не выкупался, однако, и выраженіемъ этого лица. По временамъ оно было очень моложаво, и, пожалуй, кто-нибудь могъ бы дать ей года двадцать два-три. Ко всему этому, фигура у нея была высокая и статная, и она знала, чѣмъ можетъ нравиться мужчинамъ. Плечи ея были обнажены и рѣзко выдѣлялись на черномъ бархатѣ кресла. Какъ-то странно не подходила къ ея фигурѣ ея рука, лежавшая на дамасской скатерти стола. Она была слишкомъ велика, а ея цвѣтъ выдавалъ плебейское происхожденіе ея обладательницы. Ей надо было по возможности скрывать свои руки, чтобы не дать замѣтить, что ея пальцы слишкомъ толсты и снабжены слишкомъ короткими и плоскими ногтями. Впрочемъ, фрау Марія и не догадывалась о томъ, что ея руки не красивы, не догадывался объ этомъ и ея мужъ. А такъ какъ на нихъ она носила множество драгоценныхъ колець, то ей казалось, что необходимо выставлять ихъ напоказъ.

Взглядъ кардинала, оторвавшись отъ ея шеи, скользнулъ по ея рукѣ и на минуту задержался на ея украшенныхъ кольцами пальцахъ. Отъ нихъ перешелъ къ своимъ собственнымъ блѣднымъ, аристократическимъ пальцамъ. Бранкаччо обладалъ утонченнымъ вкусомъ и былъ знатокомъ женскихъ прелестей. Но зима въ Констанцѣ была слишкомъ длинна, ночи слишкомъ темны и суровы; такъ что все это не благопріятствовало любовнымъ похождениямъ. Кромѣ того, нѣсколько лѣтъ тому назадъ эти похождения довели его до большой непріятности: люди его соперника напали на него ночью на улицѣ, и онъ едва успѣлъ спасти свою жизнь. Съ тѣхъ поръ у него на лицѣ остался шрамъ. Онъ не обезобразилъ его, но придалъ его мягкимъ и безукоризненнымъ чертамъ какой-то суровой отгѣнокъ. Такія приключенія не могли, конечно, удержатъ его отъ поисковъ удовольствій. Онъ не былъ трусомъ и умѣлъ хорошо владѣть шпагой. Но когда начинаешь старѣть, комфортъ начинаетъ все болѣе и болѣе одолѣвать человѣка.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ АВГУСТЪ 1914 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 8-й.

Богословіе.

ВВЕДЕНСКІИ, Д. Патриархъ Іосифъ и Египетъ. Опытъ соглашенія данныхъ Библии и египтологіи. Сергіевъ-Посадъ. 1914. Ц. 3 р. 50 к.

ИМЯСЛАВІЕ. Богословскіе матеріалы къ догматическому спору объ имени Божіемъ по документамъ имяславцевъ. Петр. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

МОЛОСТВОВА, Е. Иеговисты. Жизнь и сочиненія. Кан. Н. С. Ильина. Возникновеніе секты и ея развитіе. Петр. Съ 10 рис. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

ЮНГЕРОВЪ, П. Книга Іова въ русскомъ переводѣ съ греческаго текста, съ введ. и прим. Казань, 1914. Ц. 1 р.

Философія, психологія, логика.

ВВЕДЕНСКІИ, А. Психологія безъ всякой метафизики. Петр. 1914 г. Ц. 2 р. 50 к.

ВЛАДИМИРСКІИ, Ф. Антропологія и космологія Немеца, еп. емесскаго, въ ихъ отношеніи къ древней философіи и патристической литературѣ. Житомиръ. 1913. Ц. 3 р.

ЕРШОВЪ, М. Проблема Богопознанія въ философіи Мальбранша. Казань. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ІАКОВЪ, архим. Нравственная свобода

человѣка въ христіанствѣ и другія статьи: Духовенство и общество. Значеніе монашества, какъ фактора общественной жизни. М. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

ЛИПМАНЪ, Ф. Очеркъ психологіи для педагоговъ. Ц. 45 к.

МИРТОВЪ, Д. Ученіе Лотце о духѣ человѣческомъ и духѣ абсолютномъ. Петр. 1914. Ц. 3 р. 50 к.

РАМАЧАРАКА, І. Религіи и тайныя ученія Востока. Ц. 1 р. 20 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

ЗАМОТИНЪ, И. М. Ю. Лермонтовъ. Мотивы идеальнаго строительства жизни. Варшава. 1914. Ц. 1 р.

«Истор. вѣстн.», сентябрь 1914 г., т. СXXXVII.

1/422

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АВЕРЧЕНКО, А. О хорошихъ, въ сущности, людяхъ. Петр. 1914. Ц. 1 р. 25 к. АМФИТЕАТРОВЪ, А. Русскія были. Ц. 1 р. 50 к. ВОЛСУНОВСКИЙ, К. Памятники славянской мифологіи. В. 2. Перуновъ дубъ. Кіевъ. 1914. Ц. 1 р. 25 к. ГРИГОРЬЕВЪ-ИСТОМИНЪ, Н. Сестры Кедровы. Пьеса въ 4 дѣйств. Петр. 1914. Ц. 1 р. 50 к.	ИВАНОВЪ, Г. Горница. Книга стиховъ. Петр. 1914. Ц. 1 р. ШАФРАНОВА, А. За высокой стѣной. Лирическія стихотворенія. М. 1914. Ц. 1 р. ШНИЦЛЕРЪ, А. Путь къ свободѣ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к. ХАРЛАМОВЪ, И. Изва. Романъ. Петр. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

ГЕРНЕСЪ, М. Первобытная культура. Ч. 1. Каменный вѣкъ. Ц. 65 к. ДУНАЕВЪ, Б. Соловецкая обитель. Культурно-историческій очеркъ. М. 1914. Ц. 2 р. ЛЮКОННИКОВА, А. Царицы и царевны изъ дома Романовыхъ. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1914. Ц. 1 р. КЛИМЕНКО, Ф. Западно-русскіе пехи XVI—XVIII в. Кіевъ. 1914. Ц. 1 р. 50 к.	КОМАРОВСКИЙ, Е., графъ. Записки. Петр. 1914. Ц. 2 р. 25 к. КУЛАКОВСКИЙ, Ю. Прошлое Тавриды. Краткій историческій очеркъ. Кіевъ. 1914. Ц. 1 р. ЛЕВИНЪ, К. Русская исторія въ простыхъ разсказахъ. М. 1914. Ц. 1 р. НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ КАРЬЕВУ ученики и товарищи по научной работѣ. Петр. 1914. Ц. 3 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

БАРАЦЪ, Л. О введеніи свободныхъ гаваней въ Россіи. Кіевъ. 1914. Ц. 25 к. ВОРОНОВЪ, Б. Судно-сберегательный товарищества и посредническая дѣятельность. М. 1914. Ц. 15 к. ЕВАНГУЛОВЪ, Г. Мѣстная реформа на Кавказѣ. Петр. 1914. Ц. 50 к. КОРКУНОВЪ, Н. Исторія философіи права. Пособіе къ лекціямъ. Изд. 6. Петр. 1915. Ц. 2 р. 50 к.	НЮРЕНБЕРГЪ, А. Уставъ уголовного судопроизводства. М. 1914. Ц. 1 р. ПУРИШКЕВИЧЪ, В. Предъ грозой. Правительство и русская народная школа. Петр. Ц. 50 к. РИССЪ, А. Основы муниципальнаго хозяйства. Ц. 65 к. РЮЛЬМАНЪ, П. Идея гражданскаго воспитанія въ Швейцаріи. М. 1914. Ц. 50 к.

Искусство.

БАЙБ, К. Исторія искусствъ. Изд. 3. Кіевъ. 1914. Ц. 3 р. 50 к.	МУРАТОВЪ, П. Древне-русская иконопись въ собраніи И. С. Остроухова. М. 1914. Ц. 16 р.

Естествознаніе и математика.

АРШОНЪ, Х. Неопредѣленный анализъ 1-й ст. Новые приемы: 1) Простѣйшій общій методъ. 2) Сокращенные и искусственные приемы. Ц. 40 к. ВОРОНКОВЪ, Н. Среди природы. Попрѣснымъ водамъ. Рук. къ экскурсіямъ. М. 1914. Ц. 50 к. ГАНЗЕНЪ, А. Физиологія растений. Съ 43 фиг. Ц. 65 к. ДЕННЕРТЪ, Э. Растеніе, его строеніе и жизнь. Ц. 65 к. КОРОТНЕВЪ, Н. Жуки. Практич. рук. къ научному собранію и воспит. жуковъ и составленію коллекцій. М. 1914. Ц. 85 к. ЛИДОВЪ, А. «Объ оксанахъ, аналогахъ угленислоты». Харьковъ. 1914. Ц. 2 р.	ЛУНКЕВИЧЪ, В. Одна изъ міровыхъ загадокъ. Жизнь и клѣтка. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к. ПАЧОСКИЙ, І. Херсонская флора. I. Высшія тайнобрачныя, голосѣмянныя, одноподольныя. Херсонъ. 1914. Ц. 3 р. 50 к. СКВОРЦОВЪ, И. Происхожденіе и строеніе разнообразныхъ видовъ вещества, въ связи съ ихъ физическими и химическими свойствами. Кіевъ. 1914. Ц. 75 к. ТУМАСОВЪ, В. Краткія свѣдѣнія изъ метеорологіи. Кіевъ. 1914. Ц. 30 к. ФРААСЪ, Э. Геологія. Ц. 65 к. ЮНКЕРЪ, Ф. Высшій анализъ. Ч. 2-я интегральное исчисленіе. Ц. 65 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- ГРУМЪ-ГРЖИМАЙЛО, Г. Западная Монголія и Урянхайскій край. Т. I. Описание природы этихъ странъ. Петр. 1914. Ц. 4 р. 50 к.
- КЛИМЕНКО, М. Черезъ Мамисонъ въ пламенную Колхиду. Путевыя впечатлѣнія по Военно-Осетинской дорогѣ на Кавказѣ. Петр. 1914. Ц. 40 к.
- ЯГОДСКІЙ, К. Въ странѣ полуночнаго солнца. Воспоминанія о мурманской экспедиціи. Петр. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

Языковѣдѣніе.

- МАСЛОВЪ, С. Ленки по исторіи русскаго языка. Кіевъ. 1914. Ц. 2 р. 25 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- ВНѢШНЯЯ торговля Персіи участіе въ ней Россіи за 1912—1913 г. Петр. 1914. Ц. 40 к.
- КАШТАНОВЪ, А. О счетоводствѣ на желѣзныхъ дорогахъ Парижъ—Лионъ—Средиземное море. Ч. I. Счетоводство по учету доходовъ. Кіевъ. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- БЕЛЬГОВСКІЙ, И. Къ обследованію овцеводства на Кавказѣ. Кіевъ. 1914. Ц. 2 р.
- ГОРТУНСКІЙ, В. I. Экономическое значеніе охоты въ Лужскомъ уѣздѣ Спб. губ. 2) Саблинскій, А. Опытъ учета состоянія и состава лосиныхъ стадъ въ Царскосельск. уѣз. Спб. губ. 1914. Ц. 45 к.
- ДОШЕЛЬМАЙРЪ, Г. Промысловый ловъ зайцевъ для разведенія въ Валдайскомъ и Демянскомъ уѣздахъ Новгородской губ. Петр. 1913. Ц. 20 к.
- ЖИТКОВЪ, Б. О промыслѣ и охранѣ птицъ въ дельтѣ Волги. Петр. 1914. Ц. 30 к.
- КЪ ВОПРОСУ о мѣрахъ развитія культуры кормовыхъ растений на сѣмена. Матеріалы по организаціи кормовой площади. Петр. 1914 г. Ц. 40 к.
- ПОРЧИНСКІЙ, I. Важнѣйшіе клеши, встрѣчаемые въ зернѣ и муку, и нѣкоторыя данныя для обнаруженія вредныхъ насѣкомыхъ въ хлѣбныхъ запасахъ. Петр. 1914. Ц. 15 к.
- РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ, М. Изомы, вредящія хлѣбнымъ злакамъ въ Россіи. Петр. 1914. Ц. 25 к.
- ТОМКЕВИЧЪ, Н. Опытъ изслѣдованія охотничьихъ хозяйствъ въ Кѣлецкой и Радомской губерніяхъ. Петр. 1913. Ц. 45 к.
- ХМЪЛЕВСКАЯ, М. Экономная кухарка. Ц. 1 р. 20 к.
- ШАТАЕВЪ, А. Молочное дѣло въ Голландіи. Ц. 40 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- БОДРИ-ДЕ-СОНЬЕ, Л. Искусство пользоваться автомобилемъ. Изд. 2. Петр. 1914. Ц. 2 р.
- БЪЛИЦКІЙ, М. Военно-научный змѣй-аэропланъ, поднимающійся до 600 метровъ и выше. Чертежи и описание. Ц. 30 к.
- ГЕЙНЪ, Е., и БАУЭРЪ, О. Металлографія. I. Общая часть. Ц. 65 к.
- ГЕРМАННЪ, Э. Введеніе въ электротехнику. III. Техника переменнаго тока. Ц. 65 к.
- ГОЛДЪ, П. Водяная турбина. Н. Реактивные турбины. Ц. 65 к.
- ГРОДСКІЙ, А. Двигатель Дизеля. Практич. руков. для его изученія. Петр. 1914. Ц. 75 к.
- ИВАНОВЪ, В. Санитарная техника. Очистка городскихъ сточныхъ водъ. Съ 333 черт. и 67 табл. Кіевъ. 1914. II. 6 р.
- КЭРТИНГЪ, И. Отопленіе и вентиляція. Сущность и расчетъ. Ц. 65 к.
- НЪНТКА, Э. Крушеніе подвижнаго состава и его подъемка. М. 1914. Ц. 60 к.
- РИЧАРДСЪ, Г. Расчеты по металлургіи. Ч. 3. Петр. 1914. Ц. 2 р.
- РЫШКОВЪ, П. Общая указанія и данныя для составленія расцѣпочныхъ вѣдомостей стоимости работъ и поставокъ по сооруж. жел. дор. Кіевъ. 1914. Ц. 35 к.
- РЫШКОВЪ, П. и РАБЦЕВИЧЪ, П. Купольное покрытие надъ большой аудиторіей коммерческаго института въ гор. Кіевѣ. Кіевъ. 1914. Ц. 90 к.
- САВВИНЪ, Н. Испытаніе станковъ. Примѣры изъ практики. Петр. 1914. Ц. 1 р. 40 к.
- ФЕДОРОВЪ, П. Жестыяныя, цинковыя и мѣдныя работы. Ц. 40 к.
- ЭРЛЕМАНЪ, В. Электрическое оборудованіе физическаго кабинета при центральномъ переменномъ току. Петр. 1914. Ц. 50 к.

Медицина, гігіена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- МАЛИНОВСКІЙ, О. Венерическія болѣзни. Т. I. Сифилисъ. Петр. 1914. Ц. 5 р.
- МУРАШЕВЪ, Н. Патогенезъ болѣзней обмена веществъ. Саратовъ. 1914. Ц. 75 к.
- ШТЕССЕЛЬ, А. Изслѣдованіе спинномозговой жидкости при разныхъ заболѣваніяхъ. Саратовъ. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- АКИНФІЕВЪ, И. Какъ устраивать экзакурси съ учащимися. Бендеры. 1914. Ц. 40 к.
- БАЛТАЛОНЪ, Ц. Хрестоматическая система и новые методы. Ц. 35 к.
- ВОЙНОВЪ, А. Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе. М. 1914. Ц. 80 к.
- ГРУНСКІЙ, Н. Лекціи о педагогикѣ. Юрьевъ. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- Лекціи по древне-церковно-славянскому языку. Юрьевъ. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- ДБЯКОНОВЪ, В. Теорія права и государственства. Учебникъ законовѣдѣнія для старш. класс. ср. уч. зав. Петр. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- ИТАЛИНСКІЙ, А. Выразительное чтеніе въ его элементарныхъ формахъ и на первыхъ ступеняхъ обученія въ школахъ. М. 1914. Ц. 25 к.
- ЗАЧИНЯЕВЪ, А. Ортографическая пропись, в. 6-й. Ц. 31 к.
- ЗАПОРОЖЦЕВЪ, С. Руководство по естествовѣдѣнію. Петр. 1914. Ц. 1 р. 70 к.
- ЗЛАТОВЕРХОВНИКОВЪ, И. Первые уроки мировѣдѣнія. Курсъ общей географіи. Уфа. 1914. Ц. 45 к.
- ИВАНОВЪ, А., КУЧЕВСКІЙ, О. и др. Постановка класныхъ опытовъ по физикѣ. Ч. 2. Свѣтъ. Электричество. Рига. 1914. Ц. 73 к.
- МИРЛЕСЪ, А. Техникъ-хрестоматія «Важнѣйшія темы». Темъ 3. Кіевъ. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- НОВОСЕЛОВЪ, Ю. Учебникъ географіи Россіи. Рига. 1914. Ц. 80 к.
- СЕНТЪ-ИЛЕРЪ, К. Планъ устройства школьнаго музея біологическаго характера. Ц. 10 к.
- SERMOUD, F. Cours préparatoire de langue française Ч. 1. Ц. 60 к.
- Vocabulaire.
- ШИЛЕ, Х. Краткая грамматика нѣмецкаго языка для средн. уч. зав. Рига. 1914. Ц. 50 к.
- ШМУЛЕВИЧЪ, П. Сборникъ задачъ. Ч. 2-я. Алгебра. Ц. 1 р. 75 к.
- ШОТЪ, Г. Физическое моревѣдѣніе. Ц. 65 к.
- ШТРАУХЪ, Р. Дидактика и методика преподаванія въ сельскохозяйственныхъ школахъ. Петр. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- ШУЖИНЪ, М. Нахожденіе періода сложныхъ тригонометрическихъ функций. Дополнительная статья, требуемая на конкурс. экзам. въ инст. пут. сообщ. Ц. 25 к.

Спортъ, охота и игры.

- ВСЕРОССИЙСКІЙ календарь спортсмена на 1914 г. подъ ред. д-ра А. Анохина. Кіевъ. Ц. 80 к.
- ЕЖЕГОДНИКЪ Всеросійскаго союза лаунъ-тенисъ клубовъ за 1913—1914 г. Ц. 1 р.
- КАЛЕНДАРЬ сканового спортсмена. 1914 г. в. 1. Ц. 80 к.

Справочныя книги.

- ЛЕМЧИНСКІЙ, Н. Погода зѣта 1914 г. Июнь. Июль. Августъ. Ц. 25 к.
- КАКЪ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ по Финляндіи? Жел. дор. и пароход. распис. маршруты, совѣты и пр. Ц. 75 к.
- ПУТЕВОДИТЕЛЬ по Туркестану и желѣзн. дорогамъ Средне-Азіатской и Ташкентской 1914. Ц. 2 р.
- СОБОЛЕВЪ, П. Спутникъ по Пскову и окрестностямъ съ фотогр. снимками и планомъ. Ц. 1 р.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

